

Über dieses Buch

Dies ist ein digitales Exemplar eines Buches, das seit Generationen in den Regalen der Bibliotheken aufbewahrt wurde, bevor es von Google im Rahmen eines Projekts, mit dem die Bücher dieser Welt online verfügbar gemacht werden sollen, sorgfältig gescannt wurde.

Das Buch hat das Urheberrecht überdauert und kann nun öffentlich zugänglich gemacht werden. Ein öffentlich zugängliches Buch ist ein Buch, das niemals Urheberrechten unterlag oder bei dem die Schutzfrist des Urheberrechts abgelaufen ist. Ob ein Buch öffentlich zugänglich ist, kann von Land zu Land unterschiedlich sein. Öffentlich zugängliche Bücher sind unser Tor zur Vergangenheit und stellen ein geschichtliches, kulturelles und wissenschaftliches Vermögen dar, das häufig nur schwierig zu entdecken ist.

Gebrauchsspuren, Anmerkungen und andere Randbemerkungen, die im Originalband enthalten sind, finden sich auch in dieser Datei – eine Erinnerung an die lange Reise, die das Buch vom Verleger zu einer Bibliothek und weiter zu Ihnen hinter sich gebracht hat.

Nutzungsrichtlinien

Google ist stolz, mit Bibliotheken in partnerschaftlicher Zusammenarbeit öffentlich zugängliches Material zu digitalisieren und einer breiten Masse zugänglich zu machen. Öffentlich zugängliche Bücher gehören der Öffentlichkeit, und wir sind nur ihre Hüter. Nichtsdestotrotz ist diese Arbeit kostspielig. Um diese Ressource weiterhin zur Verfügung stellen zu können, haben wir Schritte unternommen, um den Missbrauch durch kommerzielle Parteien zu verhindern. Dazu gehören technische Einschränkungen für automatisierte Abfragen.

Wir bitten Sie um Einhaltung folgender Richtlinien:

- + *Nutzung der Dateien zu nichtkommerziellen Zwecken* Wir haben Google Buchsuche für Endanwender konzipiert und möchten, dass Sie diese Dateien nur für persönliche, nichtkommerzielle Zwecke verwenden.
- + *Keine automatisierten Abfragen* Senden Sie keine automatisierten Abfragen irgendwelcher Art an das Google-System. Wenn Sie Recherchen über maschinelle Übersetzung, optische Zeichenerkennung oder andere Bereiche durchführen, in denen der Zugang zu Text in großen Mengen nützlich ist, wenden Sie sich bitte an uns. Wir fördern die Nutzung des öffentlich zugänglichen Materials für diese Zwecke und können Ihnen unter Umständen helfen.
- + *Beibehaltung von Google-Markenelementen* Das "Wasserzeichen" von Google, das Sie in jeder Datei finden, ist wichtig zur Information über dieses Projekt und hilft den Anwendern weiteres Material über Google Buchsuche zu finden. Bitte entfernen Sie das Wasserzeichen nicht.
- + *Bewegen Sie sich innerhalb der Legalität* Unabhängig von Ihrem Verwendungszweck müssen Sie sich Ihrer Verantwortung bewusst sein, sicherzustellen, dass Ihre Nutzung legal ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass ein Buch, das nach unserem Dafürhalten für Nutzer in den USA öffentlich zugänglich ist, auch für Nutzer in anderen Ländern öffentlich zugänglich ist. Ob ein Buch noch dem Urheberrecht unterliegt, ist von Land zu Land verschieden. Wir können keine Beratung leisten, ob eine bestimmte Nutzung eines bestimmten Buches gesetzlich zulässig ist. Gehen Sie nicht davon aus, dass das Erscheinen eines Buchs in Google Buchsuche bedeutet, dass es in jeder Form und überall auf der Welt verwendet werden kann. Eine Urheberrechtsverletzung kann schwerwiegende Folgen haben.

Über Google Buchsuche

Das Ziel von Google besteht darin, die weltweiten Informationen zu organisieren und allgemein nutzbar und zugänglich zu machen. Google Buchsuche hilft Lesern dabei, die Bücher dieser Welt zu entdecken, und unterstützt Autoren und Verleger dabei, neue Zielgruppen zu erreichen. Den gesamten Buchtext können Sie im Internet unter <http://books.google.com> durchsuchen.

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Pe. 278975 d. 80

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

ЗАПИСКИ.

ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ.

1868.

ОТЪЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

АНДРЕЕМЪ КРАЕВСКИМЪ.

Beatae plane aures, quae no
vocem foris sonantem, sed intus
auscultant veritatem docentem.

Gersonius.

ТОМЪ III.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ И. ГЛАВУНОВА И КОМП.

1868.

2134
—
27

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ, 30-го апрѣля 1847 года.

Цензоры: А. Крыловъ и А. Мехелинъ.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ЗАПИСКИ.

I.

СЛОВЕСНОСТЬ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ЖИЗНИ ДЕРЕВЕНСКОЙ ДАМЫ.

ПОВѢСТЬ.

I.

Хорошенькая петербургская коляска, въ четыре лошади, стояла у подъезда большаго каменнаго дома; это было въ деревнѣ, въ послѣднихъ числахъ августа. Легкія облачка застилали, какъ флеромъ, свѣтлую лазурь, и умѣряли жаръ солнечныхъ лучей; но воздухъ былъ тепелъ, пріятенъ, и поля, одѣтыя со всею пышностью лѣтнихъ уборовъ, манили къ прогулкѣ.

Съ крыльца сбѣжалъ лакей въ щегольской ливреѣ, отворилъ дверцы коляски, откинулъ подножку и сталъ какъ вкопанный, ожидая господъ.

На верхней площадкѣ лѣстницы показались двѣ дамы. Обѣ были одѣты съ тою деревенскою простотою, которая, не допуская излишняго, позволяетъ изящное. Простыя легкія мантильи, соломенные сквозныя шляпки, украшенныя букетами полевыхъ цвѣтовъ... вы подумали бы, что это двѣ обитательницы Каменнаго-Острова,—и ошиблись бы. Это были двѣ степныя помѣщицы. Одна, высокая, стройная, съ темнокаштановыми волосами, которые гладко спускались по обѣимъ сторонамъ высокаго лба, съ темно голу-быми задумчивыми глазами; другая—свѣжая брюнетка, довольно

полная, съ тѣми блестящими черными глазами, которыхъ выраженія терпѣть не могутъ женщины, и которые приводятъ въ восторгъ мужчинъ. Дама съ голубыми глазами остановилась на послѣдней ступенькѣ и обернулась назадъ. Это движеніе было просто и вмѣстѣ съ тѣмъ исполнено граціозности, которая вездѣ отличаетъ женщину хорошаго тона. Она звала: «Анюта! Анюта! не слушай Мавры Даниловны; возьми ее непременно съ собою». — Непременно, непременно! кричала другая дама, и обѣ сѣли въ коляску, смѣясь и посылая людей одного за другимъ за Маврою Даниловною. Наконецъ, съ крыльца сбѣжала бѣлокурая дѣвушка, въ полной красотѣ семнадцатой весны; за нею спускалась по ступенямъ пожилая женщина небольшого роста, въ бѣломъ кисейномъ чепцѣ, въ большой шерстяной вязаной косынкѣ, заколотой подъ самую душкою, и въ ситцевомъ темномъ капотѣ.

— Скорѣе, скорѣе, Мавра Даниловна! повторили дамы. — Какія вы упрямые! Знаете, что безъ васъ нельзя.

— Господи! ну, на что я вамъ! сказала Мавра Даниловна, оставаясь на ступенькѣ и ударивъ руками по бокамъ, и тотчасъ же побѣжала къ подножкѣ, ухватилась руками за край кузова и вскарабкалась довольно-проворно, не требуя помощи лакея, который, впрочемъ, о томъ и не заботился. Она сѣла возлѣ молодой дѣвушки, напротивъ дамъ; дверцу захлопнули, и коляска со стукомъ покатила со двора.

Деревня была прекрасна въ это время; коляска ѣхала почти возлѣ самаго сада, котораго кудрявыя деревья свѣшивали за заборъ свои широкія вѣтви, свидѣтельствуя, что они, какъ и самый барскій домъ, пережили не одного владѣльца. По другую сторону дороги тянулись поля, покрытыя скирдами еще несвоженаго хлѣба; по мѣстамъ пустыя фуры, запряженныя парами круторогихъ воловъ; тамъ крестьяне, разбѣянные по нивѣ въ живописномъ безпорядкѣ полевой работы, а здѣсь, по бороздамъ, въ мягкой травѣ, и блѣдно-розовая скабіоза съ наклоненною головкою, и душистый шалфей съ своими яхонтовыми цвѣтами, полузакрытыми малиновыми подцвѣтными листочками. Но дамы, ѣхавшія въ коляскѣ, и не думали любоваться цвѣтами или деревьями. Казалось, природа не имѣла ни красокъ, ни формъ, достойныхъ ихъ вниманія. Сильныя лошади неслись; поля мелькали; молодыя дамы шутили съ Маврою Даниловною, спрашивали ее о сосѣдяхъ, объ ея мужѣ, даже объ ея горничной, Палашкѣ, которая, по словамъ Мавры Даниловны, была и дура, и лѣнивица, и соня, такая соня, что она, одинъ разъ, Ивану Ивановичу, покойному супругу Мавры Даниловны, набила трубку кашею вмѣсто табаку. Дамы очень смѣялись. Потомъ говорили о городѣ, откуда одна изъ нихъ только-что пріѣхала, о знакомыхъ...

— Должно признаться, говорила чернѣглазая дама:— что всѣ наши дамы необыкновенно-скучны. Каждая воображаетъ, что она одна только и знаетъ и пріинимаетъ, и моды, а ни одна ничего не

Помѣшаны на знатности и изъ всѣхъ силъ корчатъ аристократку. Хороши аристократки! на дивреяхъ басоны съ чужими, съ толкучаго; въ гостиной—воскъ, а въ спальнѣ—свѣча.

— Да и деревенскія—то наши помѣщицы! съѣзжать въ Петербургъ два дня, да и воображаютъ, что и знакомства нѣтъ по

— Быть, какъ наша Кортошнина. Она думаетъ теперь, что кромѣ того—что ты петербургская, ей и ѣздить нѣ къ кому.

— Нѣтъ, всего смѣшнѣе, что она познакомилась тамъ съ какими-то Фасоркиными, Фуфаркиными что ли то, и выписываетъ всякихъ наряды. Тѣ засылаютъ ее шляпками съ Гороховой-Улицы и радуется, и увѣрена, что весь Петербургъ въ такихъ шляпахъ, складка въ складку. Пускай бы себѣ ридилась какъ угодно, лишь бы избавила отъ концертовъ. А то заставить играть Елену; такая скука, хоть умереть!

— Ну, что же? нѣтъ; Елена недурно играетъ.

— Что это!.. а знаешь ли; что я слышала? говорить, что Елена вѣрно влюблена въ... Ладошину, прибавила она, наклонивъ ухо приятельницы.

— Какой вздоръ! это такое же сочиненіе, какъ твоя свадьба съ Ладомъ.

— Какое тутъ сравненіе! Для Елены это былъ бы прекрасный женихъ.

— А для тебя, Илашевъ?

— Полно, Софі; ты знаешь мое мнѣніе о замужствѣ. Это хотѣла въ первой молодости, когда мы совершенно незнакомы съ женихомъ. Да и вообще, надо же выйти замужъ. Старая дѣвка—какъ-то смѣшно. Но, разъ узнавъ, что такое замужство, кто еще опять этихъ цѣпей! Еленѣ надобно выйти: вѣдь ей ужъ тридцать.

— Э, нѣтъ еще.

— Повѣрь, что такъ; впрочемъ, это, кажется, напрасная мечта: не допустить. — И она указала на Анюту. Надобно замѣтить, что въ некоторомъ времени дамы говорили на языкѣ, котораго, какъ видно было, не понимала ни Анюта, ни сосѣдка ея.

— О! этого нѣчего бояться, отвѣчала дама съ голубыми глазами. — Завѣсь совершенно все кончено.

— Что же? отказано?

— Рѣшительно.

— И какъ же это приняла невѣста?

— Мнѣ кажется, очень—хладнокровно. Это престранное созданіе: прежде я думала, что она любитъ его. Но равнодушіе, съ которымъ она приняла отказъ отца, убѣдило меня въ противномъ.

— Да точно ли ты увѣрена, что между ними все кончено? не остается ли она на бабушку?

— Не знаю. Впрочемъ, чего же надѣяться? Петръ Алексѣичъ и слышать о томъ не хочетъ.

— Но мнѣ кажется, что прежде онъ совсѣмъ не былъ такъ противъ этого жениха.

— Это правда. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ мы возвратились изъ Украйны, это совершенно перемѣнилось. Ты знаешь, мы пріѣхали послѣ него, и признаюсь, я очень была удивлена перемѣною, которую нашла въ немъ.

— А знаешь ли ты, что въ городѣ многіе говорятъ, будто ты не хотѣла отдавать падчерицы.

— Я? да для чего же мнѣ это?

— Будто бы тебѣ не хотѣлось разстаться съ богатымъ приданымъ ея матери...

— Которое я вижу только когда просушиваютъ сундуки. Но вѣдь я знаю, кто это говорить: любезнѣйшая тѣтушка, Татьяна Васильевна. И это мало, что говорить другимъ: она то же самое напѣваетъ и Петру Алексѣичу.

— Какъ-будто онъ повѣрить ей!

— Ахъ! ты не можешь себѣ представить, какое вліяніе имѣеть на него эта женщина. Конечно, онъ очень-хорошо знаетъ, что я рѣшительно не вмѣшиваюсь въ распоряженія его во всемъ, что относится до дѣтей его; а между-тѣмъ, эти навѣты невольно запади ему въ душу. Онъ питаетъ предубѣжденіе противъ меня и во всякомъ случаѣ подозрѣваетъ въ недоброжелательствѣ къ Аниутѣ. Злой навѣтъ, Вѣра, рѣдко остается безъ плода.

— Кто лучше меня знаетъ это! Кажется, я довольно терпѣла отъ злыхъ языковъ.

— Ты можешь пренебрегать ими. Что тебѣ въ мнѣніи свѣта? У тебя есть счастье, которое можетъ замѣнить и свѣтъ и все — дѣти. Ахъ, еслибъ у меня были дѣти!

— У тебя есть также дѣти... чужія, правда, но тѣмъ важнѣе обязанность, возложенная на тебя. Знаешь, Софі, ничто столько не возвышаетъ душу, какъ исполненіе своей обязанности!

— Да... но объ этомъ долго говорить. Мнѣ кажется, я исполняю свои обязанности, какъ этого отъ насъ требуютъ. Мнѣ не чѣмъ упрекнуть себя противъ мужа; я стараюсь быть полезною его дѣтямъ; но знаешь... это не мѣшаетъ мнѣ скучать, ужасно скучать. Душа пуста...

— Пуста?

— Да, конечно. Читаю, работаю... Мужъ вѣчно за картами, или съ собаками... Говорятъ, что онъ любитъ меня; да, помилуй! эта любовь все равно, что для нищаго богатства великаго могола.

— Ты несправедлива, Софі. Отказываетъ ли онъ тебѣ въ чемъ-нибудь? Посмотри, какъ онъ старается предупредить всякое твое желаніе.

— Да, обнови, балы... И ты это говоришь, Вѣра? Уже-ли въ этомъ счастье?

Черноглазая дама отвернулась, можетъ-быть, для того, чтобъ скрыть вздохъ, вырвавшійся изъ груди ея.

— Миѣ кажется, сказала она, помолчавъ нѣсколько:—что намъ, женщинамъ, позволено одно счастье: отсутствіе страданія.

— Можетъ-быть; но и оно возможно только тѣмъ, которыя свободны, какъ ты. А я — когда я не могу получить письма даже отъ тебя, чтобъ его не прочитали иногда прежде меня!

— Какъ-скоро есть страданіе, то душа уже не пуста; тогда религія...

— Ахъ! это слишкомъ-высоко для меня... Конечно, я молюсь... Но полно объ этомъ. Скажи лучше, нѣтъ ли еще чего новаго въ городѣ?

— Новаго? Гдѣ же тамъ быть новому! Вѣчный застой во всемъ. Развѣ чиновника какого переведутъ въ другое мѣсто, или какая сплетня... Да! вотъ, на-примѣръ: хочешь ли, я скажу тебѣ, для чего мужъ твой не хотѣлъ отдать дочери за Ладошина?

— Да вѣдь говорятъ, что я не хотѣла.

— Да, одни; а другіе говорятъ, что у мужа твоего есть другой женихъ на примѣтѣ.

— Кто же это?

— Да тотъ самый, котораго ты такъ великодушно жалуешь миѣ въ женихи, — Илашевъ.

Молодая женщина пожала плечами.

— Для меня это странно, сказала она: — въ городѣ всегда знаютъ, что думаетъ мужъ мой, прежде его-самого. Только, кажется, намъ не перебить у тебя, продолжала она смѣясь.

— Опять! да перестань, Софій.

— Чего перестань! Вѣдь и у насъ тоже говорятъ кое-что; на-примѣръ, что Илашевъ у тебя съ утра до вечера.

— Нѣтъ, даже и не уѣзжаетъ никогда. Право, Софій, будто ты меня не знаешь! — И легкая грусть, какъ облако, затуманила на мгновеніе выразительное личико прекрасной вдовы. Пріятельница съ нѣжностію пожала ей руку; потомъ, указывая глазами на Аниоту, сказала: — Мы, кажется, даже и не говорили съ нимъ. Впрочемъ, это такое скрытное существо, что я ни за что не ручаюсь.

Между-тѣмъ, Аниота, бывшая постоянно предметомъ разговора, совершенно не замѣчала этого и смотрѣла по сторонамъ, или отъ времени до времени обмѣнивалась односложными словами съ Маврою Даниловною. Обѣихъ, кажется, мало забавляла прогулка; но объ этомъ никто и не заботился.

II.

Двѣ пріятельницы, разговаривавшія такъ дружески во время прогулки, были, какъ мы сказали уже, помѣщицы и сосѣдки, то-есть, жили на разстояніи двадцати верстъ одна отъ другой. По-

степному, это сосѣдки. Одна изъ нихъ — молодая вдова Вѣра Дмитриевна Кибеева, другая — Софья Павловна, вторая жена богатаго и очень-уважаемаго въ губерніи помѣщика, Петра Алексѣевича Сарапаева, кандидата въ губернскіе предводители по послѣднимъ выборамъ. Первая жена Петра Алексѣевича была богатая женщина и очень была любима какъ родными его, такъ и всѣми сосѣдями. Она оставила по себѣ двоихъ сыновей и дочь, Анюту, о которой мы только-что говорили; сыновья же учились въ Юнкерской Школѣ, въ Петербургѣ.

Петръ Алексѣевичъ вполнѣ заслуживалъ то уваженіе, которымъ пользовался въ губерніи. Онъ обладалъ многими достоинствами; но мы скажемъ здѣсь только объ одномъ, которое избавитъ насъ отъ труда говорить о всѣхъ другихъ: у Петра Алексѣевича было около ста тысячъ годоваго дохода. Правда, на имѣніи его были долги; но что же значать долги въ наше время?

Сто тысячъ годоваго дохода! Знаете ли, что это очень-пріятная жизнь въ губерніи? Одинъ изъ первыхъ голосовъ на балотировкѣ, а въ обществѣ одно изъ первыхъ лицъ. Петръ Алексѣевичъ только поручикъ въ отставкѣ, а пріѣхалъ куда — встрѣчаютъ, будь хоть нѣсколько генераловъ тутъ же, и въ эполетахъ, и съ генеральшами, какъ равнаго имъ. Въ праздникъ, мелкое дворянство, да многіе и изъ чиновниковъ, пріѣдутъ поздравить до обѣдни; визитовъ требовать съ Петра Алексѣевича — Боже сохрани! Лишь бы удостоилъ позвать къ себѣ, когда дасть вечеръ для всего города; а если случится, что позоветъ кого на небольшой пріятельскій обѣдъ, посмотрѣли бы вы, съ какимъ видомъ говорятъ на другой день: «Мы вѣра обѣдали у Сарапаева, губернаторъ, генераль С., я, и еще кое-кто изъ мелочи». Дѣ, хорошо тому, о чьихъ обѣдахъ говорятъ съ такимъ видомъ! А у себя дома, въ деревнѣ — что онъ! Владѣтельный князь, да и только. Чего у него нѣтъ! Лошади, экипажъ, богатая псарня, сотни три дворовыхъ, не считая женщинъ, дѣтей, да съ полсотни мастеровыхъ, распущенныхъ по округу по экономическимъ разсчетамъ. Мѣдники, кузнецы, портные, башмачники, — все у него есть; все, какъ у римскаго патриція, работаетъ дома, разумѣется, кромѣ того, что нужно собственно для Петра Алексѣевича и его супруги, потому-что для нихъ все выпивается изъ столицы. У него оранжерея, теплицы; онъ первый знаетъ политическія новости; переѣзжа въ министерствѣ или въ губернскихъ властяхъ, новое положеніе, — все это вѣрно только тогда, когда выплыве отъ него; дѣло ли есть у кого изъ сосѣдей — не залежится, если только Петръ Алексѣевичъ взялся замолвить словечко. За то, есть казенное взъисканіе на имѣніи Петра Алексѣевича, недоимка — исправникъ десять разъ пробѣдетъ мимо прежде, нежели рѣшится напомнить управителю, что есть-де недоимка; подводы ли нужны — съ сосѣдняго казеннаго села пять разъ сряду возьмутъ за его крестьянъ. А передъ балотировкою! Каша въ эти роды и личные дворяне уживаются около Петра Алексѣевича!

Какъ суетится исправникъ, чтобъ достать Софьѣ Павловнѣ фрукты, которые она жалуешь! какъ прямо сидитъ онъ на стулѣ у дверей въ гостиной, какъ подобострастно вскакиваетъ, когда Петръ Алексѣевичъ изъ-за картъ удостоиваетъ его вопросомъ! А становые... но о нихъ кто же говоритъ, когда сами предводители съ особеннымъ уваженіемъ къ Петру Алексѣевичу? За то и онъ — горой за своихъ!

Ему самому давно было бы быть губернскимъ предводителемъ, но интриги... И то на послѣднихъ выборахъ противная партія только тремя шарами перевернула; однакожь онъ остался кандидатомъ.

Никто не могъ понять, какъ вздумалось Петру Алексѣевичу жениться на Софьѣ Павловнѣ. Между нами сказать, за нею рѣшительно ничего не было. Конечно, она была недурна, даже хороша, воспитана въ Петербургѣ, образована, — но и только. Петру Алексѣевичу было 50... ну, много 52 года, когда онъ овдовѣлъ; его дѣтъ нельзя было утаить, потому-что ихъ знала вся губернія; да въ это время за него пошла бы любая невѣста. Изъ себя онъ былъ молодецъ, высокаго роста, — толстоватъ немного, волосы на лбу очень становились рѣденьки, — но что же это! За то какое уваженіе, какой почетъ женѣ Петра Алексѣевича! Что ни говори, а вѣдь послѣ губернаторши почти первая дама, — да и точно первая по уваженію, которымъ пользовался Петръ Алексѣевичъ. Впрочемъ, никто даже и не думалъ, чтобъ онъ могъ жениться; спустя года два по смерти покойной, онъ поѣхалъ въ Петербургъ, да и возвратился оттуда съ молодою женою. Вотъ ужъ можно сказать, что сразило Татьяну Васильевну, родную тѣтку Петра Алексѣевича, которая была чрезвычайно къ нему привязана; да и посудите, могла ли быть для нея пріятна эта женитьба: у Петра Алексѣевича было трое дѣтей, которыхъ она любила безъ памяти, особенно меньшую, Анюту; всѣ уже на возрастѣ; могла ли же быть имъ пріятна маичка, да еще и бѣдная, у которой, разумѣется, будутъ свои дѣти и возьмутъ изъ отцовскаго имѣнія такую же часть, какъ и они? Къ-тому же, Петръ Алексѣевичъ женился, не спрося ни чьего совѣта, не поговоря ни съ кѣмъ, ни даже съ Татьяной Васильевной... какъ хотите, а это больно!

Говорили, что у Софьи Павловны хорошее родство, что она близкая родственница князя Баксанова, у котораго и воспитывалась — но вѣдь Богъ-знаетъ какъ тамъ это бываетъ. Татьяна Васильевна сильно подозрѣвала, что это родство было съ лѣвой стороны. Впрочемъ, она этого никому и чувствовать не давала, ни даже самому Петру Алексѣевичу. Что ужъ говорить! Дѣло было сдѣлано. Какъ ни была оскорблена Татьяна Васильевна, но она была такъ добра, что отъ души простила и даже рѣшилась принять Софью Павловну какъ-нельзя-лучше, по...

Но есть люди, которыхъ поступки кажутся намъ какъ-будто безмолвнымъ укоромъ, нѣмою цензурою нашихъ дѣйствій. Они

молчать, даже иногда хвалить насъ, а намъ все кажется, что въ душѣ своей они насъ осуждаютъ. Такіе люди никакъ не могутъ правиться, и между-тѣмъ такое именно дѣйствіе производила Софья Павловна на Татьяну Васильевну. Садилась ли Татьяна Васильевна обѣдать, по обыкновенію своему, въ два часа, она говорила Софьѣ Павловнѣ: «ну, не прогнѣвайся, матушка; мы деревеньщина, не привыкли обѣдать по модѣ, когда куры спать ложатся». Она въ душѣ была убѣждена, что ни у кого нѣтъ такого обѣда, какъ у нея: но при всякомъ блюдѣ ей казалось, что петербургской дамѣ странны и кулебяки, и ботвинья, и поросенокъ съ кашею. Татьяна Васильевна любила поговорить съ Агафьею Ивановною, ключницей и домоправительницею своею; любила, чтобъ безъ гостей она сидѣла съ нею въ гостиной съ своимъ чулкомъ и очками на носу; любила и сама посидѣть въ дѣвичьей, или позвать Агапку-кучера поразспросить, что слышно новаго на базарѣ; любила и разношниковъ и торговковъ; разбирала у нихъ товары, торговалась, а между-тѣмъ слушала и вѣсти; Софья Павловна, случайно заставъ тѣтушку въ подобныхъ занятіяхъ, приводила ее въ замѣшательство. Агафья Ивановна значительно взглядывала на барыню и начинала убирать и чулокъ, и табакерку, и платокъ, и уходила изъ гостиной, а торговки и разношники отсылались до удобнѣйшаго времени. Да и мало ли что было! Софья Павловна называла горничныхъ Машею, Дашею, водила ихъ въ шляпкахъ и кисеяхъ, хвалила наемныхъ людей, и всякому лавочнику въ гостинномъ дворѣ говорила «вы».

Трудно представить себѣ впечатлѣніе, которое произвела Софья Павловна на другихъ городскихъ жителей по прїѣздѣ своемъ въ губернію. Жена помѣщика, столько уважаемаго всѣми, по этому одному должна уже была занимать воображеніе каждаго. Прежде нежели появилась она, молва превознесла ее красавицею и чудомъ образованности. Она говорила на всѣхъ европейскихъ языкахъ, знала, я думаю, всѣ науки въ мірѣ, и къ тому же—не играла въ карты. Всѣ эти подробности, привезенныя однимъ помѣщикомъ, которому случилось быть въ Сергіевскомъ у Петра Алексѣевича и видѣть Софью Павловну, волновали все женское населеніе города. Наконецъ, Софья Павловна, столько ожидаемая, прїѣхала и сдѣлала визиты—и тутъ-то начались всеобщіе толки. Надобно правду сказать, Софья Павловна была хороша; но лицо ея не всегда нравилось съ перваго взгляда. Это была картина Перуджино, передъ которой останавливался только знатокъ. Нарядъ ея не поражалъ ни пышностью, ни излишествомъ украшеній, столько драгоценнымъ провинціалкамъ-львицамъ: обращеніе было нѣсколько холодно, а задумчивый взоръ придавалъ ей въ глазахъ многихъ видъ женщины скучающей. И вотъ люди щекотливые, то-есть тѣ, которые, по положенію своему въ свѣтѣ, несоответствующему ихъ желанію, вѣчно боятся незаслуженнаго униженія, или люди, которымъ по какимъ-нибудь причинамъ молодая Сарапасава не

сдѣлала визита, приписали холодность ея — неумѣстной гордости, и рѣшительно нашли, что она далеко не красавица, далеко не чудо, и что Петръ Алексѣевичъ, женись на ней, съ ума сошелъ, или обойденъ бабами. Напротивъ, тѣ, которымъ было не въ диковину посѣщеніе, не только Сарапаевыхъ, но даже и губернатора, перевозили Софью Павловну до небесъ, находя, что холодность ея была признакомъ достоинства, которое знаетъ себѣ цѣну, что въ короткости, и съ равными себѣ, она необыкновенно мила, и только потихоньку, на-ухо друзьямъ, сообщали сожалѣніе, что въ городѣ не умѣли ни понять, ни оцѣнить такой милой женщины; что та и та не находятъ ея даже и хорошенькой, и не вѣрятъ ея знанію всѣхъ европейскихъ языковъ, а тотъ и тотъ говорятъ, что она вовсе не такого знатнаго происхожденія, и проч.

Между-тѣмъ, Софья Павловна нашла, что въ городѣ ужасно скучно, что дамы жеманны и чванны до невѣроятности, а мужчины... лучше, кажется, чтобъ ихъ и не было. Ей даже болѣе нравилось въ деревнѣ, гдѣ скоро она познакомилась съ Вѣрою Дмитриевною Кибеевою, о которой мы уже говорили. Веселость, вкрадчивость и оживленный разговоръ молодой вдовы совершенно плѣнили Софью Павловну. Вѣра Дмитриевна, подобно ей, скучала провинціальнымъ обществомъ, и находила, что мужчины въ губерліи не должны бы даже носить и европейскаго фрака, чтобъ не вводить въ обманъ добрыхъ людей, которые съ перваго взгляда готовы ихъ принять за что-то порядочное; что всѣ они — одинъ и тотъ же чиновникъ въ разныхъ экземплярахъ и рѣдко даже годны въ управляющіе. Женщинамъ доставалось неменьше. Сама Вѣра Дмитриевна не носила другихъ шляпокъ, кромѣ петербургскихъ; выписывала, кромѣ французскихъ и англійскихъ книгъ, даже и русскіе журналы, и все это, — и книги, и журналы, и время, и цвѣты, которыхъ много было у Вѣры Дмитриевны, — было къ услугамъ Софьи Павловны. И Софья Павловна съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе привязывалась къ своей пріятельницѣ. Конечно, она начала свыкаться съ провинціальною жизнію, даже садилась уже и за пресерансъ; но только въ обществѣ Вѣры Дмитриевны находила истинное удовольствіе. Ей говорила она о своемъ прошедшемъ, которое, не смотря на ея молодость, уже было такъ богато и несбывшимися надеждами, и разочарованіями! Съ ней одной позволяла себѣ скромныя жалобы на одиночество, на которое осуждала ее жизнь мужа, бывшаго вѣчно на охотѣ, съ управителемъ въ кабинетѣ, или за картами, — на характеръ Анюты, которая была и вѣжлива, и ласкова даже, но не показывала ни малѣйшей искренности, ни малѣйшаго дружескаго сочувствія мачихѣ, и охотнѣе оставалась съ Парашею, ея горничною, чѣмъ съ нею, — на Татьяну Васильевну, и наконецъ на мужа, часто грубаго, неделкатнаго, наконецъ... сколько причинъ къ жалобамъ можетъ подать мужъ молодой, прекрасной и слишкомъ-чувствительной женщины!

Да, слишком... Петръ Алексѣвичъ былъ добрый помѣщикъ, который думалъ, что все уже сдѣлалъ, если жена его не знаетъ ни въ чемъ отказа, если у нея шляпка, браслеты и мантилья лучше всѣхъ, если выѣздъ ея ставится въ образецъ, если, наконецъ, кабинетъ ея и гостиная убраны такъ очаровательно, что были причиною не одной ссоры между губерискими супругами по возвращеніи ихъ отъ Сарапаевыхъ. Все это, конечно, было совсѣмъ не противно Софьѣ Павловнѣ; но бѣдный помѣщикъ не зналъ, что сердце женщины имѣетъ еще другія потребности; что оно, бѣдное, жертва празднаго ея воображенія, какъ причудливая царевна въ русской сказкѣ, требуетъ «того, сама не знаетъ чего», и посылаетъ «туда, сама не знаетъ куда». Къ-тому же, добрый помѣщикъ держался старины: когда не въ духѣ, то на жену и закричить, и велить ей замолчать, и, пожалуй, скажетъ что она и — глупа... Рѣшительно, Петръ Алексѣвичъ былъ мужъ, глава, повелитель, а не товарищъ, не другъ; ни вкусы его, ни привычки, ни даже понятія не соответствовали понятіямъ и привычкамъ молодой женщины. Но все это находила она въ Вѣрѣ Дмитріевнѣ, въ этомъ другѣ, посланномъ ей Провидѣніемъ, этой женщинѣ, которая даже безъ зависти, казалось, видѣла и богатые наряды, и рѣшительное пресвосходство, которое имѣла надъ нею въ обществѣ Софьи Павловны, какъ жена помѣщика, столько уважаемаго въ губерніи. Можетъ-быть, одно только не правилось Софьѣ Павловнѣ въ ея пріятельницѣ: это чрезвычайная строгость ея правилъ. Были вещи, о которыхъ она не смѣла говорить съ нею; были книги, которыя очень забавляли Софью Павловну, и которыя оскорбляли нравственное чувство молодой вдовы; наконецъ, Вѣра Дмитріевна была набожна, возвышенна въ понятіяхъ своихъ о религіи и обязанностяхъ человѣка;—Софья Павловна во всемъ этомъ была дитя, которое лепечетъ за другими, что выучило только по наслышкѣ.

III.

Вѣра Дмитріевна, послѣ утренней прогулки своей, осталась ночевать у Сарапаевыхъ; она далеко за полночь проговорила съ Софьею Павловною; за то на другое утро, вся деревня была уже на работѣ, а двѣ молодыя женщины спали еще крѣпкимъ сномъ. Однакожь, Вѣра Дмитріевна встала первая, и, не желая тревожить хозяйки, прошла въ кабинетъ ея, примыкавшій къ спальнѣ; тамъ была библіотека Софьи Павловны; къ-тому жъ, стекольчатая дверь вела оттуда прямо на большую террасу, сходящую ступенями къ цѣвнику. Вѣра Дмитріевна была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ; легкая кисейная мантилья, вышитая искусными руками горничныхъ, какъ утренній туманъ, облекала ея полныя плечи и талію; маленькій чепчикъ чуть держался на густой, черной косѣ, свитой

въ два ряда кольцомъ. Она подошла къ зеркалу и, казалось, была довольна образомъ, который отражался въ чистомъ стеклѣ. Въ это самое время, изъ глубины боковой аллеи, которая вела изъ цвѣтника въ густую рошу, выходили двѣ молодыя дѣвушки, одна въ шляпкѣ и въ простыхъ шведскихъ перчаткахъ, другая съ открытою головою и голыми руками, но очень-щеголевато одѣтая. Это была Анюта и любимица ея, Параша, горничная Софьи Павловны. Вышедъ изъ роши, Анюта пошла къ цвѣтнику, а Параша побѣжала боковою дорожкой къ садовой калиткѣ.

Славная дѣвочка была эта Параша! Бѣла, румяна, что-называется кровь съ молокомъ; глаза такіе быстрые, что, кажется, и мертвого разбудятъ. Софья Павловна, въ первый же годъ своего замужства, отдала ее учиться въ Москву, на Кузнецкій-Мостъ, въ магазинъ, разумѣется. Дѣвочка очень удалась, и теперь Софья Павловна, взявъ ее оттуда, приставила къ себѣ и очень ее полюбила, рядила какъ барышню, и даже постель ей сдѣлала, что, между нами сказать, очень не нравилось Татьянѣ Васильевнѣ, которая вообще не любила баловства, особенно подобнаго.

Вѣра Дмитриевна замѣтила Анюту, когда та входила въ цвѣтникъ. Молодая дѣвушка шла распѣвая какую-то пѣсенку съ тѣмъ безпечнымъ весельемъ, которое такъ идетъ къ молодости. Лучи солнца играли на свѣжемъ личикѣ дѣвушки. Она была хороша въ эту минуту, какъ можно быть хорошей только въ шестнадцать лѣтъ. Вѣра Дмитриевна нахмурилась и опять взглянула въ зеркало. Однакожъ, когда молодая дѣвушка приблизилась къ террасѣ, лицо прекрасной вдовы выражало уже одно удовольствіе.

— Какъ! ужъ и нагулялась, Анюта? сказала она, ласково улыбаясь:—ты встаешь такъ рано?

— Я ходила къ своей кормилицѣ; только не сказывайте маменькѣ, а то она меня побранитъ.

— За что же?

— Я ходила ѣсть сливки съ творогомъ. Прелесть, что за сливки! прегустыя! Маменька воображаетъ, что все это вредно и не любить, чтобъ я ходила къ кормилицѣ.

— Будто маменька такъ строга?

— О, совсѣмъ нѣтъ! но, знаете, маменька не привыкла къ нашей деревенской жизни.

— А ты и бѣгаешь такъ, тихонько отъ маменьки?

— Вѣдь тутъ ничего нѣтъ дурнаго, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна. Дурно будетъ, если маменька узнаетъ, потому-что это ее огорчитъ. Но кто же скажетъ ей? Вѣрно не вы же, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна.

— Ты такъ надѣешься на меня? а если ошибешься?

— О, нѣтъ! вѣдь я знаю васъ. Вотъ, посмотрите: я еще задобрю васъ. Хотите я вамъ нарву цвѣтовъ?

— У васъ, этотъ годъ, чудесные цвѣты.

— Маменька выписываетъ сѣмена изъ Петербурга.

— У васъ теперь есть сосѣдь, у котораго прекрасные цвѣты; это не отъ него ли?

— Отъ кого это?

— Ты не знаешь?

Анюта слегка покрасилъа.

— Право, нѣтъ.

Вѣра Дмитриевна наклонилась къ цвѣтку.

— Вотъ это, на-примѣръ, вѣрно отъ него.

— Почему же это?.. и отъ кого же?

— Ахъ, Боже мой! развѣ я не сказала? отъ Илашева.

— Почему же *вѣрно* отъ него?

— Потому-что очень-хорошъ..

— Вотъ какъ много чести для Илашева!

— Ты находишь?

— Вы такъ странно на меня смотрите. Что мнѣ до Илашева? Я его почти не знаю.

— А до Ладѣшина?

— Совершенно столько же, сказала молодая дѣвушка, скорчивъ презрительную рожицу, которая къ ней очень шла въ эту минуту, и наклонилась къ цвѣтку, чтобъ скрыть слишкомъ-алую краску, выступившую на щекахъ ея.

— Послушай, душечка Анюта, сказала Вѣра Дмитриевна, пропуская руку свою подъ руку молодой дѣвушки. Но въ эту минуту движеніе, которое сдѣлала Анюта приподнимаясь, разстроило складки ея платья и изъ кармана ея выпало маленькое и очень-укромно сложенное писемцо. Анюта всныхнула и поспѣшно бросилась на бумагу, которую Вѣра Дмитриевна также хотѣла схватить.

— Что это? спросила Вѣра Дмитриевна.— А! это вѣрно пригла- сительный билетъ кормилицы на творогъ.

Лицо Вѣры Дмитриевны выражало убійственную насмѣшку.

— Билетъ! это... это стихи, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна.

— Стихи? покажи-ка. Я очень люблю поэзію.

— О, это не стѣнать труда.

— Однакожъ, если ты переписывала?

— Э! какъ вы любовитны. Такъ не покажу же.

— Послушай, Анюта; притворство тутъ совсѣмъ не годится. Я знаю, что это не стихи, и хочу видѣть.

— Хотите видѣть? А если я не хочу показывать?

— Ты ганишься отъ меня, Анюта, и худо дѣлаешь. Подумай: я знала тебя малюткою и всегда тебя любила; я была дружна съ покойною твоею матерью, хотя она была и очень-много старше меня. Можетъ-быть, и съ мачихою твоею я сдружилась только для того, чтобъ быть тебѣ хоть нѣсколько полезною. Будь увѣрена, что я знаю о тебѣ гораздо-болѣе, чѣмъ ты думаешь. Ты молода, неопытна; тебя могутъ вовлечь въ большія неприятности: вѣрь мнѣ, ты не можешь найдти друга искреннѣе меня, ни лучше къ тебѣ расположеннаго.

Въ голосѣ, въ выраженіи лица Вѣры Дмитриевны было столько искренности, чистосердечія и, можно сказать, любви, что молодая дѣвушка поколебалась. Грудь ея волновалась, щеки пылали; она смотрѣла въ землю.

— Ты сомнѣваешься, Анюта, продолжала Вѣра Дмитриевна: — ты расквѣешься въ томъ, особливо когда увидишь, что я, вмѣсто того, чтобъ предупредить твою мачиху или отца, какъ, можетъ-быть, я должна была бы поступить... но, нѣтъ, Анюта, мнѣ жаль тебя... ахъ! очень-жаль.

Анюта была совершенно растрогана; она залилась слезами и бросилась на грудь Вѣры Дмитриевны; крупныя слезы также текли по щекамъ прекрасной вдовы; она съ нѣжностью матери поцаловала молодую дѣвушку, и обѣ пошли къ широкой скамьѣ, полузакрытой деревьями и кустарниками.

— Это неосторожно, милый другъ, сказала Вѣра Дмитриевна голосомъ самаго нѣжнаго материнскаго упрека.—Если ты любишь его...

— Ахъ, да нѣтъ! кто вамъ сказалъ, что я люблю его?

— А это что?

И она указала на письмо.

— Какъ-будто вы не знаете! Бабушка очень желаетъ, чтобъ я вышла за него, вотъ онъ и пристаётъ. Вы знаете, что папенька отказалъ ему, и даже запретилъ мнѣ говорить съ нимъ; а онъ воображаетъ, что я сама этого не хочу, потому-что перемѣнилась къ нему,—и вотъ, посмотрите сами, пишетъ, чтобъ я въ доказательство несправедливости его подозрѣній сказала ему, гдѣ онъ можетъ меня видѣть.

Она подала письмо.

Вѣра Дмитриевна быстро пробѣжала письмо; лицо ея было серьёзно и даже показывало безпокойство. «Скажите одно слово» читала она вполголоса: «и я полечу за вами хоть на край свѣта, чтобъ только увидѣть васъ на одну минуту». То-есть, поѣдетъ даже и къ Кортонинымъ, сказала Вѣра Дмитриевна съ горькою усмѣшкою.—Владиміръ Григорьевичъ очень-нѣженъ. Ахъ, Анюта! какъ ты неопытна! Ты ужасаешь меня своею неосторожностью.

— Да тѣмъ же, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна? пускай-себѣ пишетъ что хочетъ. Вѣдь ужъ конечно я не стану отвѣчать.

— И никогда не отвѣчала? спросила Вѣра Дмитриевна, пристально смотря на молодую дѣвушку. Та выдержала этотъ испытующій взглядъ съ спокойствіемъ невинности.

— О! могу васъ увѣрить, что никогда.

— Но... это не первое письмо?

— Нѣтъ; видите, какъ я откровенна. Онъ писалъ ко мнѣ еще до поѣздки нашей въ Украину; и тогда я отдала бабушкѣ письмо его...

Въ эту минуту послышался шорохъ. Это была Софья Павловна, которая уже искала свою пріятельницу, Вѣра Дмитриевна

успѣла только сказать: «мы скоро увидимся на праздникѣ у Кортоминыхъ; до-тѣхъ-поръ, общай мнѣ не ходитъ къ кормилицѣ и не имѣть никакихъ сношеній съ *ними*».

— О! это для меня легче всего на свѣтѣ! отвѣчала дѣвушка.

— Но, Аня, честное слово?

— Вотъ вамъ рука моя, и съ этимъ словомъ обѣ пошли на встрѣчу Софѣ Павловнѣ.

IV.

На другое утро всѣ собрались въ гостиную; Вѣра Дмитриевна уѣхала еще наканунѣ, и хозяева были совершенно одни. Петръ Алексѣевичъ, по обыкновенію своему, сидѣлъ раскинувшись въ большихъ; покойныхъ креслахъ, сложа ногу на ногу, и держалъ надъ самымъ носомъ листокъ русской газеты; передъ нимъ, на маленькомъ столикѣ, стояла большая чайная чашка; онъ курилъ прихлебывая по-временамъ чай и затягиваясь душистымъ дымомъ. Софья Павловна, за чайнымъ столикомъ, пила кофе, и въ то же время читала какой-то романъ. Въ дверяхъ стоялъ, вытянувшись въ струнку, лакей съ подносомъ, и нѣсколько — далѣе мальчикъ, одѣтый казачкомъ, приспособленный нарочно къ раскуриванію трубокъ для Петра Алексѣевича и гостей его. Аня, возвратясь съ обыкновенной утренней прогулки, вошла, поцаловала руку у отца и поздоровалась съ матерью, которая, ласково улыбнувшись ей, спросила о погодѣ и опять принялась читать. Аня сѣла за пяльцы.

Въ деревнѣ скучно безъ чужихъ. Мы, кажется, и веселость, и любезность бережемъ, какъ бѣднякъ праздничное платье — для гостей. Въ своей семьѣ молчимъ... О чемъ говорить? Кажется, все переговорили уже; развѣ ссориться? но этого уже избѣгаютъ цоря-дочные люди.

Въ гостиной Сарапаевыхъ молчаніе прерывалось только голосомъ Петра Алексѣевича, который по-временамъ подзывалъ мальчика и отдавалъ ему трубку, да шелестомъ листовъ въ книгѣ Софьи Павловны. Аня оставалась только зѣвать за пяльцами или мечтать. Она избрала последнее.

Мы охотно сказали бы, какого рода были эти мечты; но для тѣхъ, кто не былъ предварительно знакомъ съ прошедшею жизнью молодой дѣвушки, эти мечты, можетъ-быть, показались бы не совсѣмъ понятными, почему и считаемъ необходимымъ обратиться нѣсколько назадъ.

Мы знаемъ уже, что у Ани не было матери; но судьба, всегда благосклонная къ сиротамъ, вознаградила потерю, давъ ей другую мать въ Татьянѣ Васильевнѣ, тѣткѣ Петра Алексѣевича, о которой мы уже упоминали. Татьяна Васильевна любила Аню безъ памяти, даже назначала своею наслѣдницею въ духовной,

которую сдѣлала тотчасъ послѣ женитьбы Петра Алексѣевича. Она, кажется, жила только для счастья своей любимой внучки, старалась доставлять ей всѣ возможныя удовольствія, радилась ея, дарила, называла своею милою, бѣдною сироткою, и при всякомъ случаѣ извиняла иѣжность свою къ ней, говоря: «кому же ее и побаловать, какъ не мнѣ?» и при этихъ словахъ глядѣла на внучку съ такою любовію, что Анюта, сильно-тропнутая, бросалась на шею любезной бабушкѣ. Анюта была добрая дѣвушка и сама много любила старушку. Не проходило ни однихъ именищъ, ни одного праздника, чтобъ она не готовила ей какого-нибудь сюрприза. Да чего ей! Анюта никогда не забывала даже Агафьи Ивановны, ключницы бабушкиной, старушки, которая пользовалась ея особенною довѣренностью. Были, однакожь, злые люди, которые говорили, будто Татьяна Васильевна потому только любила Анюту, что ненавидѣла другихъ родныхъ, и что отдавала ей имѣніе для того, чтобъ оно не досталось другимъ, особенно же Петру Алексѣевичу, на котораго сердилась за женитьбу... но всѣхъ злыхъ людей переслушаемъ ли!

Главнымъ желаніемъ Татьяны Васильевны было пристроить Анюту, то-есть, выдать замужъ, и выдать при себѣ; она, по слабости своего здоровья, безпрестанно опасалась оставить ее совершенною сиротою, и, что всего хуже, на рукахъ мачихи, «какъ бы ни была она хороша», прибавляла Татьяна Васильевна, при чемъ глаза ея всегда наполнялись слезами, особенно въ присутствіи Анюты, которое, конечно, должно было еще сильнѣе возбуждать ея чувствительность. Но ей хотѣлось отдать Анюту по своему выбору, а не такъ, какъ вздумается Петру Алексѣевичу. Въ-самомъ-дѣлѣ, съ нѣкотораго времени, всѣ дѣйствія Петра Алексѣевича были очень-страшны: съ молодою женою у него было все какъ-то по модѣ, онъ даже поговаривалъ и за границу ѣхать, на воды,—видите, лечиться здѣсь нельзя. Такъ не отдать же такому человѣку выборъ жениха, особенно для такой дѣвушки, какъ Анюта.

Въ соудствѣ съ Петромъ Алексѣевичемъ жилъ помѣщикъ Ладошинъ, человѣкъ не бѣдный, и, какъ говорили, хорошій хозяинъ. Татьяна Васильевна еще въ дѣтствѣ была знакома съ его матерью, даже послѣ, вышедъ замужъ, обѣ онѣ, да и мужа ихъ, знали, что-называется, душа-въ-душу. Молодой Ладошинъ воспитывался въ Царскосельскомъ-Лицеѣ, учился, какъ всѣ говорили, блистательнѣйшимъ образомъ, но почему-то не кончилъ курса и пріѣхалъ къ матери. Она тогда жила въ ярославской деревнѣ; Ладошинъ опредѣлялся въ канцелярію губернатора, былъ принятъ въ лучшихъ домахъ, танцевалъ на всѣхъ балахъ и подавалъ отличнѣйшія надежды къ повышенію,—какъ вдругъ мать его умерла: онъ долженъ былъ по дѣламъ наслѣдства ѣхать въ степную деревню, пріѣхалъ, началъ сѣять пшеницу, и видно такъ свыкся къ степною жизнию, что вышелъ въ отставку губернскимъ секретаремъ, и съ-тѣхъ-поръ уже не оставялъ деревни.

Въ губернскихъ обществахъ безпрестанно встрѣчаются люди, которые ничему не учатся и очень-мало знаютъ; потомъ люди, которые кое-чему учились и все знаютъ, обо всемъ говорятъ, какъ съ кафедръ, и наконецъ люди, которые многому и порядочно учились, но, послужа, поживъ въ деревнѣ, такъ отстали, что все равно, какъ-будто они и вѣкъ ничему не учились. Владиміръ Григорьевичъ Ладошинъ, повидимому, принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Онъ бывалъ во всѣхъ обществахъ, но никто не слыхалъ, чтобъ онъ говорилъ о чемъ-нибудь, кромѣ охоты и картъ; да еще любилъ онъ рассказывать анекдоты о сосѣднихъ помѣщикахъ и чиновникахъ, и рассказывалъ такъ хорошо, что мы, конечно, не осмѣлимся повторить ни одного изъ его рассказовъ. Сосѣди говорили, что хозяйство у него шло хорошо; но онъ и о хозяйствѣ не любилъ говорить. Въ обществахъ игралъ онъ въ карты, получалъ журналы, — это рассказывали и почтмейстеръ, и пріятеля Ладошина, которые пользовались ими безъ отказа; но читалъ ли онъ ихъ, и читалъ ли вообще что-нибудь, это оставалось на благонамѣренныя догадки публики. Впрочемъ, его очень любили; онъ былъ хорошей знакомый, принималъ радушно, и если давалъ пирушку, такъ ужъ на славу. На попойкѣ, онъ не отставалъ ни отъ кого; напротивъ! А начнуть хвалиться силою — любаго силача схватить въ охапку, пронесетъ всѣмъ домою и броситъ въ сугробъ какъ мячикъ, къ великому удовольствію общества. Лихой наѣздникъ, славный охотникъ, онъ билъ бекаса и вальшнепа безъ промаха, держалъ псовую охоту и не жалѣлъ денегъ ни на рысака, ни на гончую.

Ладошинъ былъ не хорошъ собою, но и не безобразенъ. Онъ былъ средняго роста, съ широкими плечами, и вообще могъ скорѣе обратить на себя вниманіе силою мускуловъ, чѣмъ красотою формъ. Одѣвался онъ нѣсколько на свой фасонъ, что, однакожь, въ немъ не было смѣшнымъ. Можетъ-быть, особенно не понравилась бы въ немъ живописцу или скульптору его маленькіе глаза, очень-поднятые на углахъ къ вискамъ, что, вмѣстѣ съ выдавшимися широкими скулами и вѣчнымъ загаромъ на охотѣ и по *брыгамъ* и по порошѣ, сильно напоминало калмыцкій типъ; однакожь, все это вмѣстѣ было не совсѣмъ-дурно, тѣмъ болѣе, что смягчалось быстрымъ и умнымъ взглядомъ, и веселою улыбкою прямодушнаго человѣка, которая каждый разъ открывала два ряда прекраснѣйшихъ зубовъ.

На этого-то человѣка Татьяна Васильевна и обратила свое вниманіе, и вотъ какъ это случилось.

Владиміръ Григорьевичъ былъ уже лѣтъ около тридцати, но до-сихъ-поръ никто не замѣчалъ въ немъ ни малѣйшей склонности къ женитбѣ, и всѣ ласки матушекъ и бабушекъ, всѣ стрѣлы губернскихъ и уѣздныхъ красавицъ оставались тщетными. Вообще женщины, если не въ цѣпи творенія, то по-крайней-мѣрѣ въ обществѣ, были для него до-сихъ-поръ существами совершен-

но-лишними. Приѣхавъ въ городъ, Владиміръ Григорьевичъ сдѣлалъ всѣмъ визиты, да этимъ и ограничился,—ни въ одномъ домѣ не сдѣлался короткимъ, нигдѣ не бывалъ дальше кабинета хозяйна, разумѣется, кромѣ званыхъ праздниковъ и карточныхъ вечеровъ. У Татьяны Васильевны былъ онъ наряду со всѣми, не смотря на то, что она была другомъ его матери. Но молодые люди помнятъ ли дружбу стариковъ! Татьянѣ Васильевнѣ это было очень-непріятно, даже горько; да дѣлать было нечего. Какъ вдругъ, по прошествіи пяти или шести лѣтъ, Владиміру Григорьевичу вздумалось вспомнить старинныя материнскія связи и приѣхать къ Татьянѣ Васильевнѣ. Его приняли довольно-сухо; но видно на этотъ разъ нѣжность къ памяти матери была такъ сильна, что онъ не обратилъ вниманія на пріемъ, приѣхалъ въ другой и въ третій разъ; его пригласили на преферансъ; онъ не замедлилъ явиться, сѣлъ играть, наставилъ ремизовъ, проигрался, насмѣшилъ старушку и ея гостей, и получилъ приглашеніе постоянно уже, на всѣ вечера, когда только ему вздумается.

Это было въ то самое время, когда Сарапаевы уѣзжали въ Москву по дѣламъ, а Анята оставалась у бабушки. Татьяна Васильевна жила не совсѣмъ-весело для молодой дѣвушки. Домъ у нея былъ прекрасный, но принимала она мало,—разумѣется, по визитамъ принимала весь городъ; но обыкновенно у нея было свое общество: старшій совѣтникъ губернскаго правленія съ женою и тѣщею; секретарь дворянскаго собранія, за которымъ обыкновенно посылали, когда не доставало четвертаго; предсѣдатель гражданской палаты, искренній другъ Татьяны Васильевны, и еще нѣсколько столько же почтенныхъ особъ, да докторъ два раза въ день. Все это очень-полезныя знакомства, но не совсѣмъ же достаточно-пріятныя для молодой дѣвушки, и потому появленіе Ладошина было принято съ большимъ удовольствіемъ. Все-таки это было новое, хотя и калмыцкое лицо. Къ-тому же, онъ такъ смѣшно разсказывалъ бабушкѣ объ исправникѣ, о секретарѣ уѣзднаго суда, объ Аннѣ Степановнѣ и Степанѣ Сидоровичѣ! Конечно, когда входилъ новыи и особенно-значительный гость, Владиміръ Григорьевичъ переставалъ говорить; но тогда для Аняты бывало едва-ли не веселѣе еще. Бабушка занималась значительнымъ гостемъ, а Ладошинъ подсаживался къ пальцамъ впучки и въ-полголоса опять умѣлъ занять ее, но теперь уже не анекдотами.

- Не правда ли, что ваша гостыя прехорошенькая?
- Что жъ? совсѣмъ не дурна (гостыя была безобразна).
- Нѣтъ, безъ шутки. Впрочемъ, вѣдь у насъ въ городѣ много такихъ хорошенькихъ дамъ.
- Кто же, на-примѣръ?
- Чумина, Акурина, Язева...
- Какіе вы злые! Язева совсѣмъ недурна и премилая.
- Особливо у нея талія хороша; вамъ она должна нравиться, потому-что напоминаетъ вамъ вашу гувернантку, Клару Ивановну.

— Прошу не говорить о ней; вы ее не знаете и не могли знать.

— Помилуйте! очень-хорошо знаю. Вѣдь она живетъ въ Москвѣ, у моей кузины.

— Ну, такъ что же? очень-великодушно смѣяться надъ природными недостатками! Она никогда не скрывала, что кривобока, не такъ, какъ нѣкоторыя изъ вашихъ дѣвицъ.

— Кто же бы это? Представьте, я не замѣтилъ!

— Станемте лучше говорить о Степанѣ Сидорычѣ. Вы такъ хорошо о немъ рассказываете.

— А вамъ это скучно? простите великодушно. Что дѣлать! это нравится вашей бабушкѣ, а мнѣ надобно загладить передъ нею большую вину. Подумайте, я не былъ у нея цѣлыя шесть лѣтъ.

— И вы думаете, что на васъ сердятся?

— Представьте, что я столько самолюбивъ. Впрочемъ, какъ же мнѣ было не подумать, когда я узналъ изъ вѣрныхъ источниковъ, что меня чуть-было не предали анаемѣ на всѣхъ соборахъ.

— И вы можете мнѣ это говорить о бабушкѣ?

— Помилуйте! почему же? анаема—дѣло очень важное.

— И вы испугались?

— Видите: вотъ уже цѣлый мѣсяцъ ѣзжу изо-дня-въ-день.

Анюта покраснѣла—неизвѣстно, отъ досады ли за бабушку, или отъ страха, потому-что маленькіе, калмыцкіе глазки Владиміра Григорьевича смотрѣли на нее въ эту минуту такъ, какъ-будто общались огромный томъ комментарий на послѣднія слова его. Огромный томъ! тогда-какъ Анюта имѣла рѣшительное отвращеніе отъ огромныхъ томовъ.

Дѣла, казалось, шли совершенно по желанію Татьяны Васильевны; она какъ-будто ничего не замѣчала; но втайнѣ съ удовольствіемъ видѣла, что молодые люди съ каждымъ днемъ встрѣчаются все съ большимъ удовольствіемъ. Анюта краснѣла уже, когда мимо оконъ пронесутся легкія санки Ладошина; онъ, что вошелъ въ комнату, первую ее привѣтствуетъ взоромъ, и будто вопьется своими маленькими глазами въ ее хорошенькое личико. Съ каждымъ днемъ онъ все чаще и чаще у Татьяны Васильевны и точно добрый сынъ. Скажутъ ли, что въ лавкѣ у такого-то появилась чудесная икра—на другой же день Ладошинъ привозитъ цѣлую банку; захватить ли полиція мужика Татьяны Васильевны, прихваченнаго на базарѣ въ плутовствѣ; Ладошинъ ѣдетъ самъ къ полиціймейстеру; словомъ, все показывало, что желаніе Татьяны Васильевны должно было скоро увѣнчаться успѣхомъ. Между-тѣмъ, Анюта уѣхала къ отцу; но вѣдь въ деревнѣ не все же сидѣтъ затворницами. Ъздили къ Кортоминымъ, Юрзуфовымъ, и тамъ встрѣчались съ старымъ знакомымъ, этимъ несноснымъ спорщикомъ, Ладошинымъ. Одинъ разъ, на вечерней зарѣ, мимо сада проѣхалъ охотникъ съ ружьемъ и собакою; маленькіе глазки его быстро смотрѣли въ садъ. Анюта сама видѣла его съ боковой дорожки.

Въ другой разъ, Петра Алексѣевича и Софьи Павловны не было дома; Анюта оставалась одна, и отъ скуки—шалунья! вздумала уйти въ поле, одна съ Парашею, этою балованною горничною Софьи Павловны, воспитанницею Кузнецкаго-Моста, которой дали постель какъ барышня. На дорогѣ онѣ встрѣтили того же охотника, но уже верхомъ; онъ сошелъ съ лошади и проводилъ двухъ дѣвушекъ до самыхъ гумень. Наконецъ, охотникъ пріѣхалъ къ Петру Алексѣвичу, и все это Анюта подробно рассказывала бабушкѣ.

Но, ахъ! здѣсь, неодолимая какъ судьба, возсталъ желѣзная воля отца и разрушила, можетъ-быть, навсегда надежды любовниковъ и Татьяны Васильевны. Ладошину было отказано; Петръ Алексѣевичъ, особенно со времени возвращенія своего изъ Украйны, и слышать о немъ не хотѣлъ. Онъ говорилъ, что Ладошинъ дрянн, дѣнивецъ, который только и дѣлаетъ, что ѣздитъ съ собаками; что изъ него никогда не выйдетъ ничего порядочнаго; что въ немъ нѣтъ никакого благороднаго самолюбія. «Что! мальчишка такъ, пустой; нигдѣ не служилъ и служить не хочетъ. Впрочемъ» прибавилъ Петръ Алексѣевичъ: «Анюта еще молода и всегда будетъ имѣть жениха не хуже Ладошина.»

Между-тѣмъ, Дарья Лукинична, старушка, которая ходила въ ключахъ еще при покойной матери аютиной, да и теперь исправляла ту же должность, однажды, когда Анюта забѣжала къ ней въ кладовую за яблоками, сказала ей:

— А что, матушка барышня? каковъ тебѣ показался нашъ гость?

— Какой гость, Дарья Лукинична?

— Ну, вотъ, какой? что обѣдалъ сегодня?

— Да сегодня много гостей обѣдало, Дарья Лукинична.

— Охъ ты, воструха! будто и не знаетъ. Извѣстно, я говорю о петербургскомъ сосѣдѣ.

— Объ Илашевѣ-то?

— А что? Не хорошъ, скажешь?

— Не знаю, я не посмотрѣла на него хорошенько.

— Напрасно; надобно бы посмотрѣть.

— А для чего же это?

— Да такъ.

— Полно же секретничать, Дарья Лукинична; ты такъ говоришь, какъ-будто бы у тебя было что-то на умѣ?

— Сказала бы я тебѣ, да боюсь, проговорюсь.

— Ну, вотъ! какъ это можно!

— Хорошо, дакъ и быть; только ты смотри у меня, не проговоришься, особенно маменькѣ-то. Вѣдь папенька прочитъ тебѣ этого сосѣда въ женихи.

— Какой вздоръ! почему это ты знаешь?

— Почему бы то ни было, а это не вздоръ. Онъ очень на это метитъ, я это навѣрно знаю.

— Ну, такъ мнѣ что жъ за дѣло?

— Какъ, что за дѣло? Вѣдь у него, матушка, 800 душъ, да вѣдь имѣнье-то какое—золотое дно! Однимъ медомъ мужики на праздникъ закидаютъ. Все вѣдь богатые...

Вскорѣ послѣ того Анята подслушала разговоръ матихи своей съ Вѣрой Дмитріевной, которая говорила точно то же. Все это заставило задумываться Аняту. Илашевъ давно уже возбудилъ ея любопытство. Она знала о немъ еще въ Украинѣ изъ писемъ своихъ пріятельницъ, которыя всѣ единодушно писали о пріѣзжемъ, какъ о чудѣ, явившемся въ ихъ пустынь. Она возвратилась уже съ желаніемъ видѣть это чудо, конечно безъ всякой неблагоприятной для Ладошина мысли, а такъ, изъ ребячьяго любопытства: какъ же не посмотреть чуда?

Чудо не замедлило явиться въ Сергіевское, но сначала не произвело особеннаго впечатлѣнія на Аняту. Она пошла даже, что пріятельницы слишкомъ преувеличили достоинства, по обыкновенному пристрастію ко всему новому и особенно петербургскому. Между-тѣмъ, вся дворня толковала уже потихоньку о женихѣ, а Агаша, горничная Аняты, даже и чваниться начала: мы-де за генерала идемъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, Илашевъ былъ славный женихъ для Аняты; 800 душъ,—заложенныхъ, правда, ну, да у кого же теперь не заложено имѣніе? Коллежскій совѣтникъ и давно уже камер-юнкеръ. Это ужъ не Ладошину чета; никому не стыдно будетъ сказать за кого отдалъ дочку Петръ Алексѣевичъ... Но обратимся къ Анятѣ.

Анята, какъ мы сказали, сидѣла за пальцами и мечтала. Теперь уже намъ не трудно будетъ угадать, о чемъ мечтала дѣвушка. Ладошинъ, иногда Илашевъ... А вѣдь онъ пріѣдетъ къ Кортоминымъ, говорила она мысленно, вдѣвая шерсть въ иголку. Я, кажется, довольно ясно вчера сказала кормилицѣ, да и сегодня еще пошлю къ ней Парашу. Какая смѣшная эта Вѣра Дмитріевна: «не имѣй никакихъ сношеній съ нимъ». Какъ-будто бы это было возможно! человекъ нарочно познакомился съ кормилицею, съ крестьянкою, чтобъ только знать обо мнѣ! Ну, да что до нея! вѣдь она не узнаетъ... И для чего она говоритъ мнѣ безпрестанно объ Илашевѣ? Что мнѣ до того? Право, мнѣ кажется, что они всѣ съ ума сошли. Папечка прельщается его камер-юнкерствомъ, какъ-будто бы мнѣ было это чрезвычайно дорого! У этого Илашева такая цѣпрятная улыбка, пренасмѣшливая... Онъ долженъ быть очень золъ. Ни за что не пойду за него... Какъ, право, досадно, что Владиміръ такой чудакъ! Что бы ему не носить волосы, какъ носитъ Илашевъ? Но у Владиміра они не станутъ такъ лосниться. У Илашева необыкновенно-глянцовиты волосы. Это отъ-того, что они очень-черны, да и отъ помады. Надобно сказать Владиміру, чтобъ непременно покупалъ французскую помаду. Мой милый Владиміръ! какъ я люблю его! Конечно, онъ не богатъ, не придворный, не живетъ въ Петербургѣ, а все я ни за кѣмъ не буду, кромѣ его... Какъ бы я желала знать, какой у кам-

мер-юнкера мундиръ; не-уже-ли лучше гусарскаго? Право, здѣсь въ глуши живешь и не видишь ничего... Говорять, что у Илашева мундиръ весь шитый золотомъ; какъ, я думаю, хорошо, когда у двора соберутся всѣ придворные! Вѣдь есть же счастливицы, которыя съ самаго рожденія при дворѣ!.. И въ воображеніи Анюты раскинулся длинный рядъ картинъ: богатая зала, мраморы, золото, и вездѣ эпюлеты, аксельбанты, кресты и звѣзды; а дамы?.. длинный шлейфъ изъ темнаго бархата, шитый золотомъ, газовое, усыпаемое блестками покрывало, кокошникъ блеститъ брильянтами, какъ зимняя ночь звѣздами... «А что, еслибъ въ этомъ кокошникѣ показаться здѣшнимъ дамамъ, хоть бы Вѣрѣ Дмитріевнѣ, па-примѣръ?» говоритъ Анюта, пріятно улыбаясь мечтѣ своей: «ужь она не такъ нѣмѣнилась бы въ лицѣ, какъ въ послѣдній разъ, когда маменька показывала ей свой новый уборъ. Какъ она завистлива! А маменька ничего не замѣчаетъ. Проста, ужасно проста!.. Ну, а, па-примѣръ, написать бы Кортоминной,—вѣдь и эта хороша!—«Ma chère, я падаю отъ усталости. Сегодня все утро была при дворѣ. На кокошникъ мой столько нашили брильянтовъ, что и теперь отъ тяжести ломить голову; а вечеромъ еще балъ при дворѣ... я танцевала до упаду...»

Еще недавно мечты Анюты были гораздо-скромнѣе; въ нихъ не было ни бархатныхъ шлейфовъ, ни дворцовъ. Конечно, не было въ нихъ также и зеленыхъ лужковъ, ни свѣтлыхъ ручейковъ, нѣтъ: Анюта была дѣвушка положительная, и эклоги не очень любила; однакожь...

Да и въ-самомъ-дѣлѣ, можетъ-быть, Анюта дурно дѣлала, что еще думала о Ладошинѣ; а Петръ Алексѣевичъ былъ правъ въ своей упрямой волѣ не отдавать за него дочери. Что ей за женихъ былъ Ладошинъ? Она не бѣдная невѣста, дочь одного изъ первыхъ дворянъ въ губерніи, чуть-чуть не губернскаго предводителя; а онъ что? губернской секретарь, у котораго много-много что 200 душъ, и то половина въ Костромской ли, въ Ярославской ли губерніи, малоземельныя. Къ тому же, Богъ-знаетъ еще, что такое былъ этотъ Ладошинъ. Вотъ Вѣра Дмитріевна, женщина очень-умная и основательная, а она никогда не отзывалась о немъ хорошо, и даже, по-видимому, не любила его. А такая женщина, какъ Вѣра Дмитріевна, не могла не любить человѣка безъ причины. Тутъ была кака-то престранная исторія, о которой Вѣра Дмитріевна никогда не говорила охотно. Это было еще при покойномъ мужѣ ея, въ первый годъ по пріѣздѣ Ладошина. У Вѣры Дмитріевны жила въ то время бѣдная дѣвушка, изъ мелкопомѣстныхъ дворяночекъ, которыхъ въ уѣздѣ обыкновенно звали «иваньковскими». Вѣра Дмитріевна очень любила эту дѣвушку, старалась образовать ее, всюду возила съ собою, рядила и даже дала ей особенную комнату, возлѣ дѣтской, — словомъ, содержала ее, какъ родственницу. Вдругъ узнаютъ, что эта дѣвушка завела связи, и даже принимаетъ тайкомъ кого-то, въ комнатѣ, смежной съ своею, и изъ которой

длинный корридоръ велъ прямо въ спальную Вѣры Дмитріевны. Посудите, какая опасность для репутаціи молодой женщины! Вѣдь чего не могли сказать, особливо въ провинціи, гдѣ столько злыхъ и праздныхъ языковъ! Къ-счастью, однакожь, все открылось. Покойный мужъ Вѣры Дмитріевны, возвратясь одинъ разъ изъ города довольно-поздно и неожиданно, самъ увидѣлъ человѣка, который вылѣзъ изъ окна помянутой комнаты и потомъ убѣжалъ черезъ садъ. Исторія надѣлала шума; дѣвушку отослали къ ея матери; мать чуть не прокляла ее и валялась въ ногахъ у Вѣры Дмитріевны, чтобъ испросить прощеніе виновной дочери. Конечно, та добра, простила, а между-тѣмъ было много злыхъ людей, которые рассказывали дѣло совсѣмъ-иначе.

Никто не узналъ человѣка, убѣжавшаго черезъ садъ; но нѣкоторые называли потихоньку Ладошина, особливо, когда вскорѣ послѣ того дѣвушка вышла замужъ съ порядочнымъ приданымъ, тогда-какъ матери нѣ гдѣ было взять его... Да чего же таятъ? Вѣдь это была дочка Мавры Даниловны. Справедливо ли обвиняли Ладошина, или нѣтъ, этого нельзя знать; вѣрно только то, что Вѣра Дмитріевна съ-тѣхъ-поръ не могла его терпѣть и не скрывала своей ненависти, а это бросало сильное подозрѣніе на молодого помѣщика, особливо въ глазахъ тѣхъ, которые хорошо знали прекрасную вдову.

VI.

Кажется, будетъ невзлншнимъ, если мы скажемъ теперь нѣсколь-ко словъ о Вѣрѣ Дмитріевнѣ, тѣмъ болѣе, что это дастъ намъ случай поговорить также и объ Илшевѣ.

Вѣра Дмитріевна осталась вдовою двадцати-трехъ лѣтъ, съ хо-рошенькимъ имѣніемъ, но запутаннымъ тяжбами и долгами, съ двумя маленькими сыновьями и съ совершеннымъ незнаціемъ ни хозяйства, ни дѣлъ. Всѣ сосѣди говорили, что ей непремѣнно долж-но было выйти замужъ; нашлись и женихи, и сострадательные люди, которые, входя въ ея положеніе, сватали ее то за того, то за другаго. Но Вѣра Дмитріевна и слышать не хотѣла о замуж-ствѣ—надѣла траурную шляпку съ длиннымъ вуалемъ и поѣхала въ городъ хлопотать по тяжбамъ. Молодая женщина, вдова и къ-тому же прекрасная, не могла не интересоваться собою и своимъ безпомощнымъ состояніемъ. Вѣра Дмитріевна говорила всякому, что рѣшительно ничего не смыслить въ дѣлахъ, ѣздила къ своимъ знакомымъ, къ Татьянѣ Васильевнѣ и другимъ старушкамъ, равно достойнымъ всякаго уваженія, сидѣла у нихъ по цѣлымъ вечерамъ, обѣдала у нихъ, особливо по середамъ и по пятницамъ (она была очень-набожна и всегда соблюдала посты), бывала часто у губер-наторши, вице-губернаторши. У Татьяны Васильевны познакомила-сь съ другомъ ея, предсѣдателемъ гражданской палаты, играла съ

нимъ въ карты, которыя онъ любилъ до страсти, и вѣчно проигрывала, между-тѣмъ, разумѣется, не забывала и секретарей, и хлопотала по дѣламъ, какъ умѣла, бѣдная женщина! Но судьба не всегда же, однако, гонить вдовъ и сиротъ; въ-теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, дѣла бѣдной Вѣры Дмитріевны какъ-то пораспутались; одинъ изъ помѣщиковъ-сосѣдей нашель ей очень-хорошаго управляющаго; Вѣра Дмитріевна съ весною переѣхала въ деревню и совершенно посвятила себя дѣтямъ и домашнимъ занятіямъ, оставя по себѣ въ городѣ, особенно между старушками, единоклубныя похвалы. Молодые поговаривали, что она вовсе и не такъ набожна, и не такъ простодушна, какъ кажется, припоминали кой-какія исторіи еще изъ замужней жизни ея, намекали о кокетствѣ; но Вѣра Дмитріевна была хороша, очень-хороша, и потому источникъ всѣхъ подобныхъ разказовъ легко угадать: разумѣется, зависть. Женщины такъ завистливы!

Прошло пять лѣтъ со времени кончины покойнаго мужа Вѣры Дмитріевны: его и прежде никогда иначе не называли. Имѣнье ея было устроено, долги почти уплачены, выстроенъ домъ-игрушка, съ оранжереєю, со всѣми причудами милой, образованной женщины. Женихи то-и-дѣло навертывались; но Вѣра Дмитріевна и слышать о нихъ не хотѣла. Вся совершенно въ дѣтяхъ, она думала только о нихъ, занималась только ими, хозяйствомъ и своими цвѣтами. Вотъ можно сказать, трудно было, безъ особеннаго недоброжелательства, найти хоть малѣйшее пятно въ поведеніи этой женщины. Она принимала у себя часто, и даже мужчинъ, но никто еще не замѣчалъ ни малѣйшей неосторожности въ ея поступкахъ; никто не заставлялъ ее одну, никто не видалъ одну ни даже за три шага отъ дома. У нея всегда были чужіе: казалось, эта женщина хотѣла, чтобъ вся жизнь ея, какъ свѣтлый и прозрачный ручей, протекала въ глазахъ у всѣхъ. Двѣ, иногда даже и три дамы, серьезныхъ лѣтъ, изъ «иваньковскихъ», постоянно бывали у нея, и въ этомъ, можетъ-быть, столько же участвовала осторожность, необходимая для молодой вдовы, сколько и благотворительность. Надобно вамъ сказать, что такое были «иваньковскіе». Въ уѣздѣ, гдѣ было имѣніе Вѣры Дмитріевны, было очень-много мелкопомѣстныхъ дворянъ, и всего болѣе въ Иваньковѣ, большомъ казенномъ селеніи, съ каменною церковью и базаромъ, верстахъ въ восьми отъ Вѣры Дмитріевны. Тамъ, кромѣ казенныхъ крестьянъ, были также и господскіе, и при нихъ сорокъ помѣщиковъ, которые всѣ жили въ Иваньковѣ и съ семействами. Между этими помѣщиками были и такіе, что имѣли по 20 и даже по 25 душъ; но большею частію считали на трехъ братьевъ по 2 ревизскія души, изъ которыхъ одна оказывалась еще иногда умершею. Всѣ эти помѣщики назывались обыкновенно общимъ именемъ *иваньковскихъ*, и такъ были извѣстны цѣлому уѣзду. Были и въ другихъ селеніяхъ мелкопомѣстные дворяне; но о нихъ какъ-то никто не зналъ, потому ли, что «иваньковскіе» происходили большею

частью изъ хорошихъ, какъ русскихъ, такъ и татарскихъ фамилій, объединившихъ въ-слѣдствіе великаго ихъ размноженія, и всѣ вла-дѣли документами, въ которыхъ и сама Герольдія ничего не могла бы открыть сомнительнаго, или потому, быть-можетъ, что они были образованнѣе и выше понятіями другихъ мелкопомѣстныхъ дворянъ. Какъ бы то ни было, но «иваньковскіе» съ-поконъ-вѣку были въ постоянномъ сношеніи со всѣмъ лучшимъ, то-есть, богатымъ дворянствомъ уѣзда. Скучала ли помѣщица, она посылала въ Иваньково, и къ ней являлась немедленно компаньонка на три, на четыре дна и болѣе, если ей это было угодно; запемогла ли она,—нигдѣ лучше нельзя было найдти сосѣдки, какъ въ Иваньковѣ; уѣзжала ли въ городъ на нѣсколько дней безъ дѣтей, или къ сосѣдямъ,—опять посоль въ Иваньково; иваньковской барыни можно было повѣрить безъ страха и дѣтей, и мужа, и домъ: такъ чиста была нравственность «иваньковскихъ». Нужно ли послать въ городъ на-скоро, или продать нитки, шитый воротничокъ, или старую шляпу,—все въ Иваньково; «иваньковскія» на все пригодны. За то дѣтомъ, и сѣно ихъ уберутъ, и въ жатвѣ помогутъ, а въ нуждѣ такъ и пришлютъ возокъ—другой съ зерпышкою; а случится дѣло въ судѣ, такъ и похлопочутъ.

Вѣра Дмитріевна была одною изъ самыхъ ревностныхъ благотворительницъ «иваньковскихъ» и постоянно принимала у себя нѣкоторыхъ, что было также своего рода благодѣяніемъ. Изъ этихъ нѣкоторыхъ, ниня ѣзжали только къ ея дворечихѣ, другія къ экономкѣ, смотря по ихъ достоинству, а двѣ или три, въ числѣ которыхъ была и Мавра Даниловна, къ самой Вѣрѣ Дмитріевнѣ. Впрочемъ, она это и заслуживала. Нельзя было найдти женщины болѣе-преданной, болѣе-признательной. Доказательствомъ могло бы служить приключеніе съ ея дочерью. Подобная исторія навѣрное охладила бы преданность всякой другой женщины; но Мавра Даниловна была выше всего подобнаго; ничто, ни самые побои, я думаю, не могли бы уменьшить приверженности ея къ благодѣтелямъ: это называлось въ уѣздѣ благодарностію...

Вотъ здѣсь можно бы поговорить о злобѣ и несправедливости людской; но это тѣма столько всѣмъ извѣстная и столько уже избитая! Посудите, что, не смотря на строгость правилъ Вѣры Дмитріевны, на благочестіе ея и осторожность въ поступкахъ, нашлись люди, которые и о ней говорили дурно и давали ей на счетъ и Ладощина и другихъ, и даже самого Илашева. Впрочемъ, надобно сознаться, сами мужчины такъ недобросовѣстны, что всегда готовы хвалиться благосклонностію женщины, если эта женщина сколько-нибудь выше другихъ. Илашевъ недавно еще появился въ губерніи. Онъ служилъ въ Петербургѣ, не знаю въ какомъ-то министерствѣ, и былъ присланъ въ губернію, вѣроятно, для какой-нибудь ревизіи. У него было имѣніе верстахъ въ восьми отъ Вѣры Дмитріевны, довольно-значительное, но чрезвычайно-запущенное и разстроенное. Какъ человекъ дѣятельный, онъ, не прене-

брегая возложеннаго на него порученія, занимался и советвенными дѣлами: поправилъ какъ могъ старинный каменный домъ, выстроилъ ригу, смѣнилъ управляющаго и самъ занялся пашнею. Но нельзя же все заниматься дѣлами и хозяйствомъ. Онъ познакомился съ сосѣдами и между прочими съ Вѣрой Дмитриевной. Онъ встрѣтился съ нею въ первый разъ на вечерѣ у вице-губернатора. Такая женщина, какъ Вѣра Дмитриевна, не могла не обратить на себя вниманія прїѣзжаго, будь онъ изъ Петербурга и придворнымъ, какъ Илашевъ. Она играла въ карты въ то время, какъ вошелъ Илашевъ. Согласитесь, что нѣтъ ничего въ мирѣ болѣе прозаическаго, какъ женщина за картами, особливо, если эта женщина, какъ говорится, вся въ игрѣ. Прости тогда, прекрасный идеаль, который мы любимъ въ женщинѣ! Чистосердечіе, безкорыстіе, преданность, любовь, — все исчезаетъ. Женщина за картами — это банкиръ въ чепцѣ, рассчитывающій копейки въ своей контролѣ; это вся черная сторона человѣческаго рода олицетворенная, вся на виду, хоть и подъ прекрасною наружностью. Но не такъ играетъ Вѣра Дмитриевна; на прекрасномъ лицѣ ея не видно ни безпокойства, ни особеннаго удовольствія. Она говоритъ: «восемь въ червяхъ» или «безъ трехъ», ставитъ ремизы, или записываетъ выигрышъ съ одинаковымъ равнодушіемъ. Она не раскрасилась; глаза ея не мечутъ искръ, губа не трясется, — словомъ, она играетъ только потому, что это кажется ей лучшимъ занятіемъ въ обществѣ, въ которомъ она находится.

Илашевъ, который, какъ водится, прїѣхалъ съ мыслию посмѣяться надъ провинціальными глупостями, или скучать, — тотчасъ замѣтилъ Вѣру Дмитриевну. Она была одѣта не такъ, какъ другія дамы; говорила иначе; у нея были такіе чудные глаза и взоръ — какихъ мало! Въ концѣ вечера, онъ зналъ уже, что дама, обратившая на себя его вниманіе, была его сосѣдкою, и, какъ сосѣдъ, представился и былъ приглашенъ.

Разумѣется, онъ не заставилъ себя просить, прїѣхалъ, и съ-тѣхъ-поръ все чаще и чаще бывалъ у сосѣдки. Онъ находилъ въ домѣ ея все, что сдѣлалось необходимою для человѣка, привыкшаго къ гостившимъ порядочнаго общества: и кабинетъ съ мягкими диванами, и матовый свѣтъ алебастровой лампы, и зелень, и рѣдкій экзотическій цвѣтокъ; хорошій, очень-хорошій обѣдъ и даже недурное вино; журналы, новый романъ съ рисунками Гаварнї, петербургскія сигары и — хозяйку, которая, послѣ хорошаго обѣда, раскинувшись на шелковомъ диванѣ, съ пахитоскою въ бѣлой, пухленькой ручкѣ, бросала иногда взоры, отъ которыхъ поворачивалось все сердце бѣднаго камер-юнкера, какъ-будто бы въ дни первой весны его, когда еще тысяча успѣховъ, дѣла и петербургскій климатъ не поохолодили его кипучей крови. Но этотъ взоръ, вы понимаете, бросался безъ намѣренія: нельзя же винить Вѣру Дмитриевну, что Богъ наградилъ ее взоромъ, отъ котораго поворачивается сердце петербургскихъ прїѣзжихъ!

Въ деревнѣ, добрый сосѣдь — сокровище. Конечно, къ Вѣрѣ Дмитріевнѣ ѣзжало много сосѣдей, и она принимала всѣхъ и хорошо и ласково; но нельзя же ей было не отличить такого чело-вѣка, какъ Илашевъ, съ которымъ она могла говорить не объ одномъ урожаѣ. Это же случилось именно въ то время, когда Вѣра Дмитріевна была лишена общества Софьи Павловны, которая уѣзжала съ мужемъ и дочерью въ Украину; оставивъ пріятельницу свою одну съ сосѣдями и «иваньковскими», — а это было, право, незавидное общество, не смотря на всѣ ихъ неотрицаемыя достоинства.

Вотъ и пошли толки по всему уѣзду. Не только у кого другихъ, даже у Кортоминыхъ, искреннихъ друзей Вѣры Дмитріевны, говорили очень-двусмысленно о частыхъ посѣщеніяхъ Илашева. Кортомина, женщина очень-строгой нравственности и извѣстная прочностію своего знакомства, вступилась за Вѣру Дмитріевну. Завязался споръ; долго толковали, и наконецъ рѣшили, что такъ-какъ Вѣра Дмитріевна была уже не въ той порѣ, когда влюбляются безъ ума и жертвуютъ добрымъ именемъ первой прихоти, то справедливѣе будетъ предположить, что, конечно, она принимаетъ у себя Илашева на такой погѣ, какъ говорятъ, только для того, чтобъ выйти за него замужь.

— Чтò же? говорила Кортомина: — тутъ ничего нѣтъ предосудительнаго. Илашевъ коллежскій совѣтникъ и, можетъ-быть, скоро будетъ камергеромъ, а это не бездѣлица. Онъ можетъ быть полезенъ дѣтямъ Вѣры Дмитріевны, и она, жертвуя ему своею свободою, поступаетъ какъ попечительная и благоразумная мать.

— Совершенно-справедливо, замѣтилъ одинъ изъ гостей:—однакожь, согласитесь, что черные глаза будущаго камергера и его петербургскій фракъ могли также сдѣлать впечатлѣніе на вдовствующее сердце.

— Я думаю, что оно такъ и есть; только изъ этого ничего не будетъ, отвѣчалъ самъ Кортоминъ, который, замѣтивъ мимоходомъ, вообще говорилъ очень-мало.—Можетъ ли быть, чтобъ такой чело-вѣкъ, какъ Леонтій Андреевичъ, у котораго почти тысяча душъ, женился на вдовѣ съ двумя дѣтьми, безъ связей и, сравнительно, почти безъ состоянія? Все это вздоръ, бредни.

— Почему же бредни? У тебя сейчасъ и бредни, возражала Кортомина.—Главное дѣло только, чтобъ Илашевъ влюбился, а, право, Вѣры Дмитріевны станеть, чтобъ свести съ ума и получше его, лишь бы она захотѣла.

— А я такъ думаю, что за послѣднимъ-то дѣло никогда не стало бы, замѣтилъ Кортоминъ, къ большому неудовольствію своей супруги, и, улыбнувшись, началъ насвистывать пѣсенку, чтобъ кончить споръ.

Но вотъ чтò рассказывалъ одинъ разъ самъ Илашевъ, въ часъ дружеской откровенности, Ладошину, съ которымъ былъ знакомъ

еще по Лицею, гдѣ оба они воспитывались, хотя и не совсѣмъ въ одно время...

Вѣра Дмитриевна, какъ всѣ поэтическія души, чрезвычайно любила садоводство и цвѣты. Она была безпрестанно въ саду, работала тамъ, читала; послѣ же обѣда обыкновенно ходила гулять по всему саду съ гостями, какіе у нея случались, и непременно съ дѣтьми, которыя неотлучно всегда были при ней. Впрочемъ, дѣти Вѣры Дмитриевны не могли никого беспокоить—не такъ, какъ дѣти другихъ помѣщиковъ, которыя завертываются въ юбку къ маменькѣ и того-и-гляди заревутъ. У Вѣры Дмитриевны были милыя, благовоспитанныя дѣти, которыя капризничаютъ и дерутся только въ своей дѣтской.

Въ саду Вѣры Дмитриевны была бесѣдка, довольно-удаленная отъ дома и до того закрытая разными цвѣтущими кустарниками, что самое существованіе ея казалось тайною. Это мѣсто особенно любила Вѣра Дмитриевна: тамъ она собрала любимые цвѣты свои, не пренебрегая и туземною флорою; тамъ любила читать, между тѣмъ, какъ дѣти рѣзвятся на ближнемъ лугу. Вотъ, случилось, что Вѣрѣ Дмитриевнѣ, въ одинъ вечеръ, вздумалось показать Илашеву новую, только-что распѣтшую магнолію, принесенную, по ея приказанію, въ бесѣдку. Они вошли. Дѣти остались на лугу; Мавра Даниловна, по известной своей къ нимъ привязанности, а можетъ-быть и плѣняясь красотою вечера, осталась съ ними и, сѣвъ на траву, хлопала въ ладоши, грозя поймать то того, то другаго, плела вѣнки изъ цвѣтовъ и прочее, что обыкновенно наблюдается при играхъ съ умными и благовоспитанными дѣтьми.

Есть минуты, въ которыя окружающіе насъ предметы необыкновенно дѣйствуютъ на нашу душу. Илашевъ самъ разсказывалъ, что онъ нѣсколько разъ бывалъ въ этой бесѣдкѣ, но никогда она не производила на него такого впечатлѣнія, какъ въ этотъ разъ. Впрочемъ, можетъ-быть, и въ-самомъ-дѣлѣ было что-нибудь обязательное въ полусвѣтѣ, царствовавшемъ во внутренности бесѣдки, въ ея уединеніи и самомъ воздухѣ, наполненномъ душистыми испареніями цвѣтовъ. Иногда кажется, что вся природа говоритъ съ нашею душою. Такъ было и теперь. Надъ самымъ входомъ свѣшивались густыми плетеницами гибкія асклепій и шелестомъ листьевъ, казалось, нашептывали какую-то тайну; въ дверяхъ тихо качалась на стеблѣ пышная роза, убаюкивая въ благовонной чашечкѣ своей изумрудную цетонію; по стѣнамъ разноцвѣтные колокольчики японей, этого цвѣтка-эмблемы скоротечности, отъ которой самое растеніе въ народѣ зовется «человѣческою жизнію»,—кажется, ловили послѣдніе лучи свѣта, съ которыми должно было окончиться ихъ эфемерное существованіе; и все, казалось, говорило наслажденію: спѣши! спѣши!.. Вѣра Дмитриевна ходила отъ цвѣтка къ цвѣтку, приподнимала фіолетовый колокольчикъ кобен, или пестрыя кисти азалей; Илашевъ молчалъ.

— Посмотрите на эти кларкин, сказала она, наклонясь къ ма-

ленькому растенію, скромно притаившемуся между другими. — Это совсѣмъ не пышный цвѣтокъ; по какъ онъ милъ! Я особенно люблю его. — Она подняла голову и взглянула на Илашева: онъ стоялъ прислонясь къ колоннѣ и смотрѣлъ на нее — не на цвѣты. Яркая краска выступила на лицѣ ея. Она опять опустила глаза на цвѣтокъ. — Нѣтъ, право, вы не отдасте справедливости моимъ цвѣтамъ.

— Я? напротивъ. Никогда я не находилъ ихъ столько прекрасными.

— Вы смѣтаетесь. Вамъ кажется, что этотъ блѣднорозовый цвѣтокъ съ четырьмя лепесточками не заслуживаетъ вниманія; вамъ непременно надобны великолѣпныя магноліи... И она подошла къ только-что распустившейся магноліи, которая красовалась возлѣ дивана на горкѣ, уставленной зеленью и цвѣтами, и, смотря съ любовію на прекрасный цвѣтокъ, сѣла на диванъ.

— Какъ же вы хотите, чтобъ можно было не любоваться прекраснымъ? сказалъ онъ, садясь возлѣ Вѣры Дмитріевны.

Они говорили о цвѣткѣ, любовались яркими лепестками его, красивою формою... и Богъ-знаетъ какъ это случилось, только черезъ нѣсколько минутъ рука Илашева, какъ гибкая ипомея, обвила станъ молодой женщины, и губы, какъ изумрудная цетонія въ чашечку розы, впились въ ея розовыя уста.

Но это было на одно мгновение.

Какъ-будто внезапно пробудившись отъ страшнаго сна, Вѣра Дмитріевна вырвалась изъ рукъ молодаго человѣка. Глаза ея сверкали, грудь волновалась, — она была истинно-хороша въ эту минуту.

— Это уже слишкомъ, Леонтіи Андреечъ! Я вамъ этого никогда не прощу, говорила она, ухватясь руками за столъ, какъ-бы ища опоры.

Но увлеченіе Илашева уже прошло, или такъ казалось по-крайней-мѣрѣ. Я не знаю, какъ бы онъ долженъ былъ поступить въ этомъ случаѣ по мнѣнію Вѣры Дмитріевны, только онъ... онъ сидѣлъ покойно, какъ-будто-бы сейчасъ только прослушалъ ботаническій урокъ, и хотя легкая краска, непривычное явленіе на смугломъ лицѣ его, и измѣняла внутреннему волненію, — улыбка его, взоръ, свободное положеніе говорили противное.

— Прежде растолкуйте мнѣ великость вины моей, сказалъ онъ голосомъ совершенно-спокойнымъ.

Вѣра Дмитріевна посмотрѣла на него пристально. Ее поразило скептическое выраженіе, съ которымъ онъ смотрѣлъ на гнѣвъ ея. Внезапная мысль озарила ея душу.

— Послушайте, сказала она съ живостію: — увлекаются, когда любятъ, или... Она закрыла лицо руками, и голосомъ, въ которомъ слышалась жалоба растерзанной души, сказала: — о! я знаю, что это значитъ.

— Накопецъ?

— Да, знаю. Клевета дошла и до васъ, и вы повѣрили ей. Она бросилась въ кресла и заплакала.

— Послушайте, Вѣра Дмитревна, мы съ вами не дѣти. Вы такъ же хорошо знаете жизнь, какъ и я...

— Не хотите ли вы мнѣ читать уроки вашей свѣтской философіи? Мы здѣсь, въ деревнѣ, не знаемъ ея.

— Я думаю, что вы не имѣете пужды ни въ какихъ урокахъ, Вѣра Дмитревна, сказалъ Илашевъ топомъ самой тонкой свѣтской вѣжливости. — Я просилъ, напротивъ, чтобъ вы взяли на себя трудъ научить меня и объяснить важность моего преступленія. Положимъ, оно велико; но...

— Оставьте этотъ тонъ, сказала Вѣра Дмитриевна, вставъ и подойдя къ дивану, на которомъ сидѣлъ Илашевъ. Казалось, гнѣвъ ея исчезъ совершенно. Лицо ея выражало только горестъ, и свѣтлая слеза, какъ капля росы, трепетала на рѣсницѣ. Она сѣла подлѣ Илашева. — Послушайте, сказала она, сжимая въ рукахъ сорванный листокъ:—я уважала васъ... нѣтъ, болѣе: я вообразила себѣ, что могла осуществить всегдашнюю мечту мою и найдти въ васъ друга... Видите, я такъ простодушна, что думала, будто вы можете быть другомъ женщицѣ! Я была также увѣрена, прибавила она скоро, видя, что онъ хотѣлъ говорить:—что вы не легко поѣрите первому, кто вздумалъ бы клеветать на эту женщину.

— И вы не ошиблись.

— Нѣтъ, ошиблась, и всего болѣе то, что я не умѣю перенести этого равнодушно. Я должна бы принять васъ такъ, какъ вы есть, съ вашимъ благоразуміемъ и съ тѣмъ мнѣніемъ, какое вамъ угодно имѣть обо мнѣ; но посудите же, какъ я глупа! Я и теперь желала бы еще вашего добраго мнѣнія.

— Но съ чего вы думаете противное? не-уже-ли отъ-того, что я, какъ ребенокъ, поддался очарованію,—потому-что вы очаровательны, Вѣра Дмитревна, это истина, — и на минуту забылъ, что не имѣю никакого права надѣяться счастья, которое въ эту минуту показалось мнѣ возможнымъ? О, я готовъ на колѣняхъ просить вашего прощенья...

И онъ въ-самомъ-дѣлѣ готовъ былъ стать на колѣни. Она улыбнулась, но это не была еще улыбка торжества. Подъ нею только скрывалась увѣренность, что въ ней видятъ актрису.

— Не нужно, сказала она. — Я знаю, что въ вашихъ глазахъ все, что приписываютъ мнѣ добрые ваши и мои пріатели, не кажется большою виною въ женщинѣ, вамъ посторонней; быть-можетъ, напротивъ, эта женщина кажется вамъ тѣмъ привлекательнѣе: такъ принято въ свѣтѣ. Но, Леонтій Андреечъ, прибавила она съ горькой усмѣшкою:—я не хочу присвоивать себѣ прелести, которой не имѣю. Нѣтъ, я просто деревенская барыня, помѣщица, которая такъ проста, что свидѣтельство совѣсти своей предпочитаетъ всѣмъ успѣхамъ въ свѣтѣ,—такъ проста, что желала бы,

чтобъ люди, которыхъ она угажаетъ, любили ее, не смотря на ея простоту.

— Вы меня совершенно уничтожаете... Но не-уже-ли же прекрасная помѣщица, въ высокой простотѣ своей, не найдетъ ни одного слова въ извиненіе...

— Не станемъ говорить объ этомъ. Вы видите, что помѣщица угадала, что было причиною проступка. Ахъ, еслибъ вы захотѣли сказать мнѣ все, что черная клевета шепнула вамъ въ уши! еслибъ вы захотѣли выслушать...

— Вамъ оправдываться! О, нѣтъ! не усиливайте вины моей. Я вѣрю всему, что вамъ угодно, хотя бы, признаюсь, не хотѣлъ вѣрить.

— Не хотѣли бы?

— Конечно. На этомъ высокомъ пьедесталѣ добродѣтели, вы для меня недоступны. Я нѣсколько эпикуреецъ, Вѣра Дмитріевна. Жизнь имѣетъ для меня цѣну тогда только, когда она усѣяна цвѣтами, а они такъ рѣдки и такъ недолго цвѣтутъ, что нельзя не жалѣть объ утратѣ и самаго ничтожнаго. Какъ же вы хотите, чтобъ я былъ равнодушенъ къ потерѣ лучшихъ, какими только когда-нибудь польстила мнѣ надежда!

— Вы ужасный, безнравственный человѣкъ, сказала Вѣра Дмитріевна съ такимъ взоромъ, который могъ бы вскружить голову самому хладнокровному.

— За что жъ вы хотѣли уважать меня, какъ сами сказали сейчасъ же?

— О нѣтъ, нѣтъ! Я отказываюсь. Но я хотѣла бы любить васъ какъ человѣка, съ которымъ время проходитъ невидимкою, — никакъ не болѣе.

— Принимаю приговоръ. Будемте пріятелями. Я буду сокращать для васъ дни мою, какъ вы говорите, любезностью; а вы... нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу вашей дружбы съ условіями, которыя вы предписываете. Вы... скоро опять разсердились бы на меня — говорю искренно. Даже и теперь — я благословляю Мавру Даниловну, которая идетъ къ намъ, благословляю! прибавилъ онъ, вставая, и, бросивъ очень-вразумительный взглядъ на прекрасную хозяйку, пошелъ на встрѣчу дѣтямъ, которыя тотчасъ, какъ къ короткому знакомому, бросились ему на шею.

Говорять, будто-бы Вѣра Дмитріевна всегда обвиняла Ладощина въ развязкѣ этой сцены, которая, безъ его наговоровъ Илашеву, должна была, по ея мнѣнію, кончиться совсѣмъ-иначе. Какъ бы то ни было, но отношенія сосѣдей съ-тѣхъ-поръ очень перемѣнились. Илашевъ всегда воображалъ, что Вѣра Дмитріевна прочитъ его въ женихи себѣ, а онъ, съ своей стороны, все настойчивѣе и настойчивѣе искалъ случая — опять полюбоваться магноліями въ бесѣдкѣ. Наконецъ, Вѣра Дмитріевна разсердилась не въ шутку; Илашевъ сказалъ: какъ хотите, — и пересталъ ѣздить.

Это было въ то самое время, когда Сарапаевы возвратились изъ Украйны, то-есть, за нѣсколько дней до кортоминскаго праздника.

VII.

Праздникъ въ деревнѣ! это не то, что городской балъ. Въ городѣ приготавливаютъ наряды для одного вечера, и все тутъ; а здѣсь—надобно прѣхать по-крайней-мѣрѣ наканунѣ. Навѣрное можно полагать, что, кромѣ хозяевъ, въ домѣ будутъ уже и чужіе, что дѣлаетъ необходимымъ порядочный дорожный костюмъ. Потому вечернее платье не слишкомъ-нарядное, но и не простое: въ это время съѣзжаются гости. Необходимы также вечернее деза-билье, ночная кофточка, чепчикъ; потомъ, на другой день—утренній нарядъ для церкви, другой для завтрака, третій для обѣда и наконецъ—бальный. Какое обширное поле для воображенія! сколько вкуса, изящества, сколько знанія можетъ показать женщина въ этой серіи нарядовъ! Право, городскія красавицы могутъ нѣсколько позавидовать деревенскимъ. Представьте себѣ, на-при-мѣръ, послѣ ужина нѣсколько молодыхъ женщинъ, восемь, десять, собрались въ довольно-большой комнатѣ, гдѣ, однакожь, три, чепыре кровати, не болѣе, изъ чего можно заключить, что многія изъ дамъ пришли изъ сосѣднихъ комнатъ. Посмотрите на эту картину: одна молодая женщина уже въ постели; ночной чепчикъ съ узенькою оборкою обнимаетъ хорошенькое личико, оживленное удовольствіемъ пастоящей минуты и надеждою завтрашняго веселья; легкіе кисейные воланы окружаютъ грудь и плечи; прогивъ нея, на ея же кровати, двѣ или три молодыя женщины, также въ ночныхъ костюмахъ, блестящихъ только бѣлизною. Тамъ у туалета, хорошенькая блондинка, сидитъ въ большихъ креслахъ, закутанная, какъ въ облако, въ кисею и кружева и распустя длинную косу, которая передливается золотистыми волнами въ рукахъ горничной; у ногъ ея, на табуретѣ, черноглазая пріятельница ея, обвивъ голову пунцовымъ фуляромъ, изъ-подъ котораго выбѣгають пряди черныхъ какъ смоль волосъ, сидитъ положе руки на ея колѣни и уставя на нее большіе черные глаза свои; далѣе, въ углу, другая группа не мевѣ-граціозная. И вотъ, входитъ пожилая женщина, въ короткой бумазейной юбкѣ, въ тафтяномъ салопчикѣ, повязанная бѣлымъ платкомъ. Она смѣется надъ кисеєю и кружевами дамъ, хвалитъ удобство своего полотнянаго платка... Слышите ли смѣхъ, рассказы, эти звонкіе голоса, сливающиміся въ громкомъ говорѣ? Это одно время, когда всѣ эти женщины кажутся друзьями, всѣ искренны и нецеремонны... Не напоминаютъ ли подобныя картины другія, болѣе роскошныя, расцвѣченныя солнцемъ востока, украшенныя его живыми, яркими красками?..

Но обратимся къ нашей исторіи. Еще утро; густой звукъ колокола разносится по полямъ и собираетъ прихожанъ; пестрыя тол-

мы валять въ церковь; на площади разбросаны разнообразныя группы крестьянъ и крестьянокъ; по бревнамъ, сложеннымъ по близости церкви, прыгаютъ ребятишки, карабкаются, бѣгаютъ... вотъ одинъ упалъ...

Разнохарактерныя экипажи подѣзжаютъ къ церкви. Вотъ новенькая петербургская карета съ гербами... Вы знаете всѣ русскіе дворянскіе гербы; вы по какой-то странной прихоти изучили ихъ и не узнаете этого? Вы не слѣдите за временемъ. Это гербъ новаго помѣщика, недавно купившаго съ аукціона пятьсотъ душъ въ уѣздѣ. Родоваго у него ни души; все благопріобрѣтенное, и отъ-того, что жена хозяйка. За нею было не болѣе пятнадцати душъ, но между-тѣмъ, какъ онъ сѣдѣлъ на службѣ, она хозяйничала, и вотъ, въ короткое время—они помѣщики. Эта коляска тоже новаго владѣльца: отецъ былъ сперва поднощикомъ, потомъ откупщикомъ. Все это аристократы, губернская знать. А вотъ этотъ тарантасъ, запряженный тройкою лихихъ—это здѣшняго исправника. Этотъ изъ старинныхъ дворянъ, да промотался. У отца было душъ сотни три, у сына—хуже, чѣмъ ничего, и еслибъ на послѣднихъ выборахъ не помогъ Сарапаевъ и не вынесъ его на плечахъ, то пришлось бы хоть въ петлю... Но вотъ коляска за коляскою, кареты, дроги, весь колымажный дворъ—ухъ, какой съѣздъ!

Между-тѣмъ, и въ барскомъ домѣ довольно уже гостей. Многие изъ мужчинъ не пошли въ церковь и ходятъ по залѣ; другіе разбрелись по саду. На дворѣ суетятся слуги, повара, ключницы; въ гостиной накрываютъ столъ для закуски.

— Что это? не-уже-ли и ты былъ у обѣдни? говорилъ мужчнина, по-видимому, лѣтъ тридцати, высокаго роста, съ черными бабенбардами, подавая руку другому, только-что вошедшему въ залу.

— Э, нѣтъ. Мы пробовали ружья. У Кортомина есть одна винтовка славная.

— Ты здѣсь давно?

— Со вчерашняго дня.

— И меня звали также, но я терпѣть не могу почевать въ чужомъ домѣ, особенно на праздникъ. Вѣчно набьется множество народа въ одну комнату: ни одѣться, ни заснуть. Да что это такое? Я проѣзжалъ мимо церкви, тамъ много экипажей. Ужъ не свадьба ли здѣсь?

— Нѣтъ, батюшка Леонтіи Андрейчъ, къ-несчастью нѣтъ. Хотя и есть здѣсь невѣста, но вотъ уже мы нѣсколько лѣтъ ждемъ, а свадьбы нѣтъ—какъ-нѣтъ.

— Да что жъ? разборчивы что ли очень?

— Кажется, выбирать-то нѣ изъ кого.

— Такъ, видно, молятся, чтобъ Богъ послалъ?

— Здѣсь храмовой праздникъ.

— Такъ насъ-то зачѣмъ созвали?

— А вотъ—послушать хозяйскихъ ѣвчихъ, поѣсть пирога, побѣдять. Здѣсь много хорошенькихъ дамъ, что, я думаю, вамъ не противно будетъ.

— Право? а вашей милости?

— Что наша милость! Мы степняки. Намъ была бы добрая гончая.

— Однакожь, степняки вѣдь не прочь отъ хорошенькой невесты?

— Куда намъ, батюшка, Леонтіи Андренчъ! Это хорошо людямъ понятливымъ, кому идти въ прокъ уроки ботаники, хоть о магноліяхъ, напримѣръ. А о насъ кто подумаетъ?

Оба засмѣялись. Въ это время, около церкви показалось движеніе; на крыльцахъ зачерѣлись густыя толпы народа; экипажи зашевелились, тронулись и понеслись къ дому. У подвѣзда зашумѣли; мужчины, ходившіе по залѣ, выстроились въ двѣ шеренги.

Сколько дамъ! одна за другою! Вотъ Софья Павловна; она идетъ впереди съ старушкою, матерью хозяйки; шляпка, платье, все просто на ней, а между-тѣмъ кажется, что никто не одѣтъ щеголеватѣе ея. За нею Вѣра Дмитриевна — ослѣпительно-хороша и свѣжимъ румянцемъ, и блескомъ глазъ, и изысканнымъ нарядомъ; за нею — цѣлая толпа дамъ и дѣвицъ всѣхъ возрастовъ. Далѣе, впереди также густой толпы мужчинъ, Петръ Алексѣевичъ. Какъ хорошо быть значущимъ человѣкомъ! Какъ всѣ наперерывъ бѣгутъ къ Петру Алексѣвичу, кланяются, спѣшатъ съ рукою; а онъ — какъ важенъ! Онъ, кажется, очень-веселъ. Но вотъ онъ мимо всѣхъ идетъ къ молодымъ людямъ, которыхъ разговоръ былъ прерванъ приходомъ дамъ. Не знаю, угадали ли вы, что это были Илашевы, и пріятель его, Ладошинъ. Бѣдный Ладошинъ! Ему суждено было довольствоваться холоднымъ поклономъ, между-тѣмъ, какъ Илашеву подали руку, да еще съ какою любезною улыбкою, съ какими привѣтствіями!

— Вотъ, можетъ-быть, и Леонтіи Андренчъ изволили слышать, сказалъ въ эту минуту тоненькій голосокъ, и между Илашевымъ и Сарапаевымъ очутился маленькій, кругленькій помѣщикъ, только-что возвратившійся изъ губернскаго города.

— Что такое? спросилъ Илашевъ.

— Должно быть пустое, отвѣчалъ Петръ Алексѣевичъ.—Представьте, здѣсь разнесся слухъ, будто нашъ губернаторъ выходитъ въ отставку, и на мѣсто его опредѣляется—знаете ли кто?

— Я ничего не слыхалъ.

— Князь Петръ Михайловичъ Баксановъ. Это потому не можетъ быть, что князь написалъ бы мнѣ объ этомъ тотчасъ самъ, а въ послѣднихъ письмахъ онъ ничего не говоритъ объ этомъ.

— Позвольте, Петръ Алексѣевичъ, сказалъ помѣщикъ:—можетъ-быть, письмо ихъ сіятельства къ вамъ было писано прежде, чѣмъ состоялось опредѣленіе.

— Но министр не определялъ бы князя, не поговоря съ нимъ о томъ предварительно.

— Впрочемъ, тутъ ничего нѣтъ невозможнаго, сказалъ Илашевъ:—министръ могъ говорить съ княземъ послѣ уже послѣдняго письма его къ вамъ. Для меня только странно, что князь принялъ это мѣсто.

— Да не можетъ быть! У него въ виду гораздо-болѣе, чѣмъ мѣсто губернатора въ стениной губерніи.

— Онъ могъ принять по желанію министра, замѣтилъ Илашевъ.

— Впрочемъ, я буду очень-радъ. Мы съ нимъ недалняя родня и давно знакомы; можно сказать друзья. Князь Петръ прекраснѣйшій человекъ; прямой, и, знаете, Русскій въ душѣ. Жена моя воспитывалась у него въ домѣ. Вы знаете княгиню?

— Я бывалъ у нихъ въ домѣ, отвѣчалъ Илашевъ, наклонивъ голову въ знакъ согласія. — Она, кажется, за границею теперь?

— Да; но она къ зимѣ будетъ. Ее ожидаютъ, прибавилъ Петръ Алексѣевичъ съ неподражаемою важностью. — Вы вѣрно получили письма изъ Петербурга? Тамъ много перемѣнъ. Ко мнѣ пишутъ... и онъ пошелъ съ Илашевымъ и уѣзднымъ предводителемъ, который подошелъ къ нимъ же, на другой конецъ залы. Между-тѣмъ, комнаты наполнялись; дамы прошли въ гостиную, дѣвицы за ними и скрылись въ диванной; мужчины образовали различныя группы. Извѣстіе о новомъ губернаторѣ занимало всѣ умы. Не смѣли еще вѣрить, однако посматривали на Петра Алексѣевича и говорили между собою: князь родня Петру Алексѣвичу; это тотъ родственникъ, у котораго воспитывалась Софья Павловна. Смотри на этихъ господъ, можно было подумать, что Петръ Алексѣевичъ самъ вдругъ сдѣланъ губернаторомъ. Впрочемъ, уваженіе, которымъ онъ всегда пользовался, было столь велико, что, казалось, и губернаторство не могло бы ничего къ тому прибавить. Не знаю, до чего дошли бы эти толки; но, къ-счастью, въ это самое время двери въ прихожую отворились настежь, и два лакея, въ синихъ фракахъ и бѣлыхъ вязаныхъ перчаткахъ, явились, держа въ рукахъ два блюда съ огромными кулебяками, которые и понесли поспѣшнымъ шагомъ и стуча каблуками, прямо въ гостиную. Благородный паръ кулебякъ, пріятно коснувшись обонанія гостей, перемѣнилъ направленіе умовъ и повлекъ всѣхъ вслѣдъ за собою въ гостиную.

Тамъ все было въ большомъ движеніи. Хозяйка сама начала раздавать пироги и, разумѣется, первые куски были поданы Софьѣ Павловнѣ и потомъ Петру Алексѣвичу. Съ большимъ удовольствіемъ можно было замѣтить тонкое знаніе приличій и общественной іерархіи, которое показала при этомъ случаѣ Катерина Ивановна (хозяйка), подавая каждому, кажется, безъ разбора, и однако ни разу не обойдя старшаго по чину или по состоянію

для младшаго. Случилось, наконецъ, что она почувствовала себя утомленною и съѣла возлѣ Софьи Павловны, прося молодёжь и уѣздныхъ чиновниковъ, еще неполучившихъ своей доли, самихъ распорядиться около пирога, о чемъ они и не заставили себя просить.

— Ахъ, Боже мой! Я и забыла, сказала Катерина Ивановна, замѣтивъ, что пироги почти уже исчезли подъ усиліями осаждающихъ.—Елена! подай пирога Маврѣ Даниловнѣ.—Дѣвушка, невысокаго роста, худая и блѣдная, но съ большими выразительными глазами, подошла къ столу и, сложивъ въ тарелку остатки пирога, оборотилась, чтобъ идти съ тарелкою; но Мавра Даниловна, услышавъ свое имя, выскочила уже изъ своего угла и, подбѣжавъ съ поклонами къ столу, стояла позади дѣвушки.

Между-тѣмъ, Илашевъ, какъ-то ускользнувъ изъ кружка, составившагося около Петра Алексѣевича, стоялъ въ дверяхъ и внимательно смотрѣлъ на оживленную картину, которую представляла гостиная. Недалеко отъ него, въ простѣнкѣ между дверьми и огромною израсцовою печкой, передъ небольшимъ диваномъ, стоялъ столъ, уставленный бутылками и графинами съ жидкостями разнаго цвѣта; далѣе, то-есть, отъ самаго дивана, начинался пестрый рядъ дамъ, которыя въ эту минуту сидѣли всѣ вооруженныя ножами и тарелками съ пирогомъ, и пестрою каймою окружали всю переднюю часть гостиной, вплоть до другаго дивана, у противоположной двери, противъ котораго также стоялъ столъ съ бутылками и графинами. Здѣсь начинались толпы мужчинъ, которые также всѣ, кто съ пирогомъ, кто съ ломтями хлѣба, намазаннаго икрою, занимали всю средину комнаты, сидѣли по угламъ, подъ окнами и болѣе всего тѣснились около столовъ, уставленныхъ графинами. Въ дверяхъ, отворенныхъ въ диванную, мелькали бѣлыя платья дѣвицъ и по-временамъ молоденькія, дурныя и хорошенькія личики. Противъ самаго балкона составился кружокъ, надъ которымъ возвышалась голова Петра Алексѣевича. Онъ держалъ за пуговицу предводителя и говорилъ очень-громко и съ жаромъ; другіе, обступивъ кругомъ, слушали съ тѣмъ выраженіемъ глубокаго вниманія, съ какимъ обыкновенно слушаютъ человѣка замѣчательнаго.

— Я сказалъ ему, говорилъ Петръ Алексѣевичъ, не выпуская изъ рукъ пуговицы предводителя:—что онъ понятія не имѣетъ объ игрѣ; ну, какъ, вмѣсто того, чтобъ провести масть, какъ слѣдуетъ, вы понимаете?..

— Совершенно! помилуйте!..

Возлѣ стола съ графинами, недалеко отъ Илашева, Ладошинъ, наливъ рюмку настойки, показывалъ ее издали Илашеву и говорилъ сосѣдямъ, что никогда не пьетъ вина, потому-что вино — отравя, а настойка — одно достойное человѣка питье, избрѣтенное для исцѣленія всѣхъ недуговъ, при чемъ одинъ острякъ называлъ настойку жизнеподдержательною эссенціею. Противъ боль-

шаго дивана, на которомъ сидѣло нѣсколько дамъ, опираясь руками на столъ, еще уставленный остатками завтрака, стоялъ какой-то господинъ, пріѣхавшій изъ губернскаго города, и разговаривалъ съ дамами о Петербургѣ и итальянской оперѣ. Одна изъ дамъ этою весною только-что возвратилась изъ Петербурга; другая слышала Рубини въ Москвѣ, слѣдственно, обѣ страстно любили музыку и были въ состояніи судить о ней. Господинъ, пріѣхавшій изъ губерніи, зналъ и понималъ все, толковалъ о Гриси и Лаблашѣ и скучалъ только тѣмъ, что въ провинціи такъ мало людей, умѣющихъ цѣнить искусство, при чемъ первая дама сказала: «Вотъ ужъ въ Петербургѣ — представьте, что я сама видѣла въ оперѣ дамъ лучшаго круга въ 5-мъ ярусѣ! А въ райкѣ, мнѣ навѣрное говорили, генералы и генеральши — сплошь.» — «Что въ райкѣ! сказала другая: — я такъ обожаю музыку, что, право, пошла бы выше райка, если можно, ужъ если бы нигдѣ не было болѣе мѣста. — Господинъ, пріѣхавшій изъ губернскаго города, былъ очень доволенъ.

Вдругъ Катерина Ивановна замѣтила, что первый гость ихъ, Леонтій Андреевичъ, стоитъ въ дверяхъ и въ рукахъ у него — нѣтъ пирога! Она ужаснулась, окинула глазами комнату, видитъ, что мужъ тихонько сидитъ-себѣ въ уголкѣ и слушаетъ помѣщика-сосѣда, который рассказываетъ ему что-то съ большимъ жаромъ. Катерина Ивановна подбѣжала къ нему. — Василій Сергѣичъ, помилуй! Извините, сказала она, обращаясь къ гостю, который долженъ былъ замолчать: — Помилуй, Василій Сергѣичъ! Леонтій Андреевичъ — ты ничѣмъ не хочешь заняться, другъ мой, Леонтыю Андранчу не подали пирога.

— Матушка, ты вѣдь раздавала пирогъ.

— Это странно, всегда я! Надобно смотрѣть, вы хозяинъ, Василій Сергѣичъ. Подите, сударь.

Лицо Катерины Ивановны, не смотря на мягкій тонъ голоса, имѣло такое повелительное выраженіе, что Василій Сергѣевичъ тотчасъ отправился, не возражая далѣе, и черезъ минуту Катерина Ивановна съ самою пріятною улыбкою уже разрѣзывала горячій, какъ-будто чародѣйствомъ явившійся пирогъ, и подавала гостю огромную часть, говоря: — Вы, можетъ-быть, смѣтаетесь надъ нашими деревенскими кулебяками; но попробуйте, отвѣдайте эту, прошу васъ.

— Смѣюсь? прошу извинить; у меня совсѣмъ не такой дурной вкусъ. Я нахожу, что такой пирогъ имѣетъ свою пріятность, и вы увидите доказательство...

Онъ осмотрѣлся и, замѣтивъ пустое кресло въ ряду между дамами, усѣлся и, какъ-будто нарочно это случилось — воалѣ Вѣры Дмитриевны.

Катерина Ивановна долго не могла успокоиться. Мысль о подобной оплошности приводила ее въ отчаяніе. Забыть такого гостя, какъ Илашевъ! камер-юнкера! Она простить этого не могла Ва-

силу Сергѣевичу и даже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, вспоминая этотъ несчастный случай, чувствовала, что кровь бросалась ей въ голову.

Между-тѣмъ, пришли священники съ крестомъ; потомъ крестьяне съ поздравленіями; многіе изъ гостей послѣдовали за хозяевами на крыльцо, гдѣ ожидалъ ихъ староста со всѣмъ міромъ; другіе усаживались за карты. Дамы начинали уже думать объ обѣденномъ туалетѣ, а Вѣра Дмитріевна еще бесѣдовала съ сосѣдомъ. Наконецъ, и она замѣтила, что ей пора также подумать о своемъ нарядѣ.

— Счастливо ли охотились, Владиміръ Григорьичъ? сказала она, остановясь мимоходомъ противъ Лadoшина, который стоялъ въ дверяхъ съ картою въ рукахъ и разговаривалъ съ какимъ-то пріателемъ.

— Не могу похвалиться.

— Что же это? такой необыкновенный охотникъ! Развѣ дичи мало?

— Нельзя сказать, какъ и прежде; но счастье не равно. Сегодня удача мнѣ, а завтра другому. Все переменчиво и переходчиво, Вѣра Дмитріевна.

— Очень жалѣю о васъ, сказала Вѣра Дмитріевна, и черные глаза ея блеснули такой молніей, что, казалось, бѣдный Лadoшинъ долженъ бы былъ обратиться въ прахъ.

— Какой нестерпимый этотъ Лadoшинъ! сказала Вѣра Дмитріевна дамѣ, съ которой встрѣтилась въ дверяхъ.

— А вотъ нравится же! отвѣчала та: — говорятъ, что Ашюта Сарапаева безъ ума въ него влюблена.

— Право? Я такъ слышала совсѣмъ другое — и съ этими словами глаза ея, конечно случайно, остановились на Илашевѣ. Дамы схватили ее подъ руку, и онѣ обѣ ушли.

VIII.

Когда же въ городѣ можно провести такъ весело цѣлый день? Всѣ вмѣстѣ съ утра до глубокой ночи, часто съ увѣренностью на другое утро встрѣтятся въ той же самой гостиной, или лучше — въ саду на утренней прогулкѣ. Однако, въ-продолженіе дня все еще не такъ весело, особливо для дѣвицъ. Церемонный и длинный обѣдъ, потомъ карты; еще же мужчины вздумаютъ, въ свободное время, стрѣлять въ цѣль; всѣ какъ-то скованы приличіемъ, или въ разбродѣ; если же и вмѣстѣ, то, какъ растенія въ травникѣ, раздѣлены по классамъ и по родамъ. Вотъ вечеромъ весело, и особливо если есть музыка. Что до того, какъ освѣщена зала, лампами или воскомъ? что до того, выглядываетъ ли изъ дверей прихожей и корридоровъ безчисленное множество горничныхъ и дворовыхъ ребятшекъ? что до того даже, что и какъ терзаютъ

музыканты? Зала оживлена какъ-бы на лучшемъ столичномъ балѣ. Вотъ посреди нестраго круга мужчинъ и дамъ—не на паркеть, на крашеномъ полу—но что до этого?—летитъ въ галопѣ, склоня голову къ полнымъ плечамъ, гибкая, какъ тростникъ, Анюта Сарапаева. Глаза потуплены, щеки пышутъ удовольствіемъ, согнулась, какъ цвѣтокъ подъ дыханіемъ полуденнаго вѣтра, и бѣлая, округленная молодостью рука какъ-будто ищетъ опоры на плечъ кавалера; и вотъ рѣзва, жива, какъ дитя игрива, перепорхнула она на другую сторону и летитъ шаяля, шутя... Но галопъ не любятъ дамы, особливо солидные, какъ, напримѣръ, Вѣра Дмитріевна. Онъ не приличенъ, онъ бѣшенъ, онъ будитъ воображеніе, какъ кисть Тиціана въ картинахъ его нимфъ, какъ Корреджіо въ картинахъ его Данай. Вѣра Дмитріевна любитъ танцы болѣе-степенные, особливо гдѣ можно посидѣть, поговорить,—французскую кадрили, мазурку, и то изрѣдка.

Но кадрили также оживляетъ залу; люблю смотрѣть на ея пеструю, подвижную картину, люблю замѣчать случайно-брошенный взглядъ, бѣглую улыбку при мгновенной встрѣчѣ; любила бы подслушать — но, Боже мой! за одно нѣсколько-интересное слово, сколько пошлостей, сколько толковъ о залѣ и духотѣ пришлось бы выслушать! Не всѣ же кавалеры такъ милы, какъ кавалеръ Анюты, на-примѣръ. Это, кажется, засѣдатель уѣзднаго суда. Вытянулся безъ малѣйшаго упрека въ наклонности двухъ прямыхъ линий, которыми обрисована его талія, и сидитъ въ блаженномъ спокойствіи, предоставляя и даму и мѣсто возлѣ нея Ладошину, который великодушно взялъ на себя обязанность занимать ее. Вѣра Дмитріевна танцуетъ напротивъ. Хороша какъ день, но день, угрожающій бурей. Въ-самомъ-дѣлѣ, она что-то встревожена: она не спускаетъ глазъ съ Анюты; иногда взглядываетъ на Софью Павловну, которая танцуетъ въ той же кадрили. Вѣра Дмитріевна улыбается, но улыбка ея такая зловѣщая! она оживлена, но трудно сказать, удовольствіе или тайная тревога оживляетъ ее. Она необыкновенно-любезна съ своимъ кавалеромъ, тѣмъ губернскимъ чиновникомъ, который говорилъ съ дамами объ итальянской оперѣ; шутитъ также и съ Софьей Павловною, встрѣчаясь съ нею. Софья Павловна танцуетъ съ Илашевымъ. «Какъ оба несносны!» говоритъ шутя Вѣра Дмитріевна: «забываютъ фигуры и тогда только опомнятся, когда къ нимъ подойдутъ, — ну, точно будто-бы учрежденіемъ новаго министерства заняты. Софья Павловна съ своими задумчивыми голубыми глазами точно райской птички заслушалась.»

— Что за чудесный бюстъ у Софьи Павловны! сказала Катерина Ивановна, по долгу хозяйки остановясь мимоходомъ возлѣ Вѣры Дмитріевны.—Знаете, я все люблюсь ея плечами.

— И какъ хорошо, что есть знатоки! замѣтила Вѣра Дмитріевна:—посмотрите на ея кавалера; съ какимъ вниманіемъ онъ изучаетъ-ихъ античныя формы.

— Вѣдь, въ-самомъ-дѣлѣ, глазъ не спускаеть.

— О! да вѣдь это его ни къ чему не поведеть: Моя Софѣ — прелесть, что за женщина! она ничего не замѣчаетъ. Это совершенное дитя: Не повѣрите, какъ я люблю ее.

Хозяйка пошла къ другой дамѣ разсказывать объ античныхъ формахъ Софѣ Павловны.

Но что же это? какое облако затуманило свѣтлый горизонтъ нашей вдовы? что тревожитъ ее?

Она сама нѣсколько виновата.

Въ то время, когда Илашевъ, утромъ, такъ неумышленно очутился возлѣ Вѣры Дмитриевны съ пирогомъ, которымъ надѣлила его Катерина Ивановна, ей вздумалось, Богъ-знаетъ изъ какихъ видовъ, намекнуть ему о городскихъ слухахъ на-счетъ его и Са-рапаевыхъ. Илашевъ, котораго голова рѣшительно, кажется, не виѣщала на этотъ разъ ни одной благочестивой идеи, ошибся и подумалъ, что ему говорятъ о Софѣ Павловнѣ. Онъ, по собственному его признанію, прѣхалъ на праздникъ единственно для того, чтобъ помириться съ прекрасною вдовою и возобновить прежнія дружескія отношенія на прежнихъ правилахъ и надеждахъ. Будучи занятъ единственно мыслью, что сосѣдка, не смотря на свою строгость, не совсѣмъ-равнодушна къ нему, онъ вообразилъ, что устами ея говорить ревность; а какъ ревность давно извѣстна за всѣми-одобряемое средство для приведенія въ исполненіе такихъ плановъ, какіе занимали Леонтья Андреевича, то онъ и ухватился за эту лучезарную мысль.

Онъ рѣшился позаняться Софѣй Павловной, чтобъ помучить сосѣдку, и началъ тѣмъ, что сдѣлался очень-любезенъ съ Вѣрою Дмитриевною, но любезенъ какъ добрый сосѣдъ, у котораго и въ головѣ никогда не было ничего такого, за что могла бы сердиться самая строгая вдова, а между-тѣмъ, при первомъ случаѣ, онъ обратилъ вниманіе на Софью Павловну, которая въ этотъ день, какъ нарочно, была необыкновенно-хороша.

Послѣ обѣда, въ самые сумерки, большая часть дамъ ушли въ свои комнаты, чтобъ приготовиться къ балу; нѣкоторыя еще до-игрывали партіи, другія отдыхали. Въ это время, старшая дочь хозяйки, Елена, Софѣя Павловна и еще нѣсколько дѣвицъ вошли въ боковую столовую, гдѣ стояло фортепяно. Елена Васильевна открыла доску и взяла нѣсколько аккордовъ.

— Вы это знаете? спросила она, взглянувъ на Софью Павловну, и начала играть.

— Нѣтъ. Ахъ, какъ это хорошо! что это? Я такъ отстала отъ музыки, что ничего уже не знаю.

Дѣвушка перестала играть.

— Это «Фонтанъ» Гензельта, сказала она.

— Пожалуйста, сыгравте. Это прелестно.

— Я боюсь, что услышать въ гостиной.

— Мы затворимъ двери, сказала одна изъ молодыхъ дѣвицъ и побѣжала къ дверямъ.

— Хорошо; я буду играть, только съ условіемъ.

— Что?

— Послѣ скажу. Теперь играю по вашему желанію, Софья Павловна.

— Какъ я люблю Гензельта! сказала Софья Павловна, когда послѣдняя нота замерла подъ пальцами дѣвушки. — Сколько въ немъ чувства! какая милая душа!

— А я такъ люблю вотъ это, и Елена быстро пробѣжала по клавишамъ, которые разсыпались живыми, итальянскими звуками.

— Ахъ, это изъ «Анна Боленъ!» сказала Софья Павловна.

— И вы мнѣ это споете?

— Я! Какъ это можно! Да я уже съ годъ не пѣла.

— А въ послѣдній разъ, когда я была у васъ?

— Да; но тогда мы были одни. Вы всегда умѣете меня заставить.

— Потому-что умѣю васъ цѣнить.

— Ну, такъ я приѣду къ вамъ нарочно и стану пѣть, если хотите.

— Почему же не теперь?

— Нѣтъ, теперь такъ много... У меня же, право, сегодня совершенно голоса нѣтъ... Въ эту минуту двери въ столовую отворились, и хозяйка, объ руку съ губернскимъ чиновникомъ, вошла и прямо къ фортепьяно. За ними все общество, бывшее въ гостиной, разумѣется, за исключеніемъ тѣхъ, которые играли въ карты.

— Упрашивай, упрашивай, Елена, сказала она дочери, и потомъ, обратясь къ Софьѣ Павловнѣ, продолжала:—я не смѣю, Софья Павловна, просить васъ собственно отъ себя; но еслибъ просьбы цѣлаго общества могли значить что-нибудь...

— Цѣлаго общества, подхватилъ губернской чиновникъ:—точно, отъ лица цѣлаго общества я осмѣливаюсь просить васъ, Софья Павловна, осчастливить насъ... да, точно осчастливить...

Не знаю, убѣдилась ли бы Софья Павловна краснорѣчіемъ хозяйки и господина губернскаго чиновника; но въ эту минуту явилось имъ пособіе, противъ котораго Софья Павловнѣ рѣшительно нельзя было устоять. «Софьюшка, я надѣюсь, что ты станешь пѣть» сказалъ Петръ Алексѣевичъ, который, окончивъ партію въ самое это время, вошелъ въ залу съ Илашевымъ. «Леонтіи Андреевичъ очень-хорошо постъ, и ты доставишь намъ удовольствіе слушать его. Онъ согласился на наши просьбы и будетъ пѣть съ тобою». Что было тутъ дѣлать? Супружеская воля—должно было повиноваться. Елена Васильевна сидѣла уже за фортепьяно и перебирала ноты.

— Что же мы станемъ пѣть? спросила Софья Павловна, смотря въ ноты, а не на Илашева.

— Вотъ этотъ дуэтъ, Леонтій Андреечъ, сказала Елена, обращаясь къ Илашеву, который стоялъ у фортепьяно:—вы не откажетесь? Аккомпаньёманъ мнѣ знакомъ, и я, кажется, могла бы сладить съ нимъ.

Илашевъ никогда не слыхалъ, чтобъ Софья Павловна пѣла; со времени ея пріѣзда онъ былъ не болѣе двухъ разъ въ домъ Петра Алексѣевича, видѣлъ хозяйку и, можетъ-быть, нашелъ ее очень-недурною, но и только. Вообще она не имѣла чести обратиться на себя его особенное вниманіе. И теперь предлагаютъ ему пѣть съ этой женщиной! Разумѣется, онъ не могъ ожидать чего-нибудь порядочнаго отъ пѣвицы-помѣщицы, но это пѣніе согласовалось съ планами его на-счетъ Вѣры Дмитриевны, и къ-тому же онъ начиналъ находить пѣвицу-помѣщицу очень-недурною.

Не станемъ говорить, какъ былъ исполненъ дуэтъ. Софья Павловна, можетъ-быть, пѣла и не безъ грѣха, но что до этого? Общество было въ восторгѣ, особенно губернской чиновникъ, а Илашевъ, стоя близко пѣвицы-помѣщицы, замѣтилъ, что у нея такія плечи, какихъ нѣтъ и у самой Вѣры Дмитриевны, — а это, какъ извѣстно, чрезвычайно возвышаетъ музыкальный талантъ въ женщинѣ. Что же до Софьи Павловны, то вы позволите рассказать въ короткихъ словахъ исторію первой ея молодости, и тогда сами будете судить, какое дѣйствіе должна была произвести на нее музыка.

ix.

Молоденькая сиротка, съ небольшимъ, очень — незначительнымъ состояніемъ, оставшимся послѣ отца, росла въ домѣ богатаго родственника, князя Баксанова. Она училась съ дѣтьми князя, вышивала подушки и ковры для княгини; при гостяхъ сидѣла смиренно за пѣльцами въ углу, и когда была послушна и вела себя хорошо, то ѣздила съ княгинею гулять и въ русскій театръ, что случалось, впрочемъ, довольно-часто. Со-стороны, конечно, жизнь сиротки показалась бы очень-счастливою; не знаю, такъ ли было бы это въ глазахъ внимательнаго наблюдателя. Существованіе дѣвочки, кажется, принадлежало всѣмъ, кромѣ ея-самой. Исключительно-привязанная къ княгинѣ, она угождала Англичанкѣ и выслушивала жалобы горничной; ее кормили, одѣвали, учили, доставляли ей даже нѣкоторыя удовольствія; но никто и никогда не думалъ заглянуть въ душу ея; узнать, что чувствуетъ, что думаетъ она, каксе впечатлѣніе производятъ на нее окружающіе ее предметы, и какія сѣмена западаютъ въ ея душу. Она выросла не зная дружескаго участія, не подозрѣвая даже, что и она имѣетъ на него право. Цѣлый день занимался исполненіемъ чужой воли, она засыпала съ мыслию, не забыла ли чего изъ того, что было ей приказано, — просыпалась, думая о томъ, что надобно было сдѣлать.

Въ одно утро, князь куда-то собирався; но лошади были неготовы еще, и онъ, въ ожиданіи ихъ, вошелъ въ гостиную, изъ которой двери вели въ кабинетъ, гдѣ обыкновенно работала княгиня. Онъ остановился у окна, и, глядя на экипажи, мелькавшіе на улицѣ, припоминалъ въ умѣ музыкальную фразу, которую никакъ не могъ затвердить въ-продолженіе утренняго урока; князь былъ страстный музыкантъ. Вдругъ свѣжій дѣтскій голосъ, какъ далекая флейта, вѣрно и чисто повторилъ изъ ноты въ ноту докучливую фразу, и такъ пріятно, что князь былъ удивленъ. Онъ приподнялъ занавѣсъ, еще закрывавшій дверь въ кабинетъ, и вошелъ, чтобъ видѣть пѣвицу, но тамъ никого не было, кромѣ сиротки.

— Кто здѣсь пѣлъ? спросилъ князь.

Дѣвочка, съ которою князь почти никогда не говорилъ, покраснѣла, какъ шалунья, пойманная на мѣстѣ преступленія, и едва осмѣлилась выговорить робкое: «я-съ».

Князь былъ страстный меломанъ. Соничка, блѣдная и худая дѣвочка, на которую онъ до-сихъ-поръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія, вдругъ показала его сіятельству драгоценнымъ алмазомъ, скрытымъ въ корѣ. Ограничь, очистишь, покажь во всемъ блескѣ этотъ алмазъ было дѣломъ, достойнымъ князя, и онъ предался ему всею душою. Были наняты учителя; всѣмъ роднымъ и знакомымъ возвѣстили открытіе необыкновенныхъ способностей дѣвочки, обѣщающихъ чуть-ли не гениальный талантъ,—и вотъ Соничка любимица князя.

Прошли два года, и кто узнаетъ сиротку, бывшую на посылакахъ у всѣхъ, отъ княгини до горничной! Молодость украсила ее своими дарами; худоба, блѣдность, безжизненный взоръ, все исчезло. Она развилась какъ роза, какъ пышная лилія. И самая жизнь ея перемѣнилась. Теперь, у князя гости, музыкальное утро, или вечерній концертъ,—Соничка тутъ, и одѣта какъ-нельзя-лучше. Ее просятъ пѣть; съ нею говорятъ о музыкѣ, ее находятъ хорошенькою и даже любезною; даетъ ли вечеръ, или концертъ кто изъ знакомыхъ князя,—она приглашена, ее окружаютъ, хвалятъ. Князь съ гордостью говоритъ: «это моя ученица; ужъ точно я могу сказать, что этотъ талантъ мое произведеніе». И дѣйствительно, онъ занимается Соничкою, учитъ ее; къ каждому концерту она твердитъ, подъ надзоромъ князя, разумѣется, съ учителемъ, выбранныя пьесы...

Счастлирое время, когда жизнь кажется и гладка и ровна, а свѣтскій салонъ храмомъ, украшеннымъ цвѣтами, гдѣ люди чтутъ въ благоговѣніи красоту, достоинство и талантъ, когда неравенство состояній и отношеній скрываетъ свои острые иглы въ радужномъ блескѣ праздника, когда мы вѣримъ и похваляемъ, и дружескимъ увѣреніямъ, когда еще не сомнѣваемся въ себѣ! Блаженъ, кто, наученный опытомъ, умѣетъ ясно видѣть истину и съ покорностью принимаетъ ее!.. Соничкѣ было далеко до того. Окруженная похвалами, лестію и роемъ молодыхъ и старыхъ поклонниковъ та-

ланта, столько привлекательнаго въ лицѣ молодой и хорошенькой дѣвушки, она переходила отъ одного успѣха къ другому, доврчиво мѣрила свой талантъ по восторгамъ пріятелей, и въ мечтахъ своихъ видѣла себя едва-ли не равною первѣйшимъ пѣвицамъ въ мірѣ и, слѣдственно, равною всему, что было лучшаго и знатнѣйшаго въ столичныхъ обществахъ.

И это *слѣдственно* казалось чрезвычайно-логическимъ въ глазахъ ея. Бѣдная дѣвушка! Какую прекрасную будущность обнимала смѣлая мечта ея! Что могло казаться ей невозможнымъ? Самая лучшая мечта дѣвушки—любовь, имѣла ли для нея что-нибудь обманчивое? Въ домѣ князя ее окружало лучшее столичное юношество, и каждый находилъ для нея и слово привѣтствія, и взоръ любви; можетъ-быть, сама Соничка не разъ чувствовала въ сильно-бьющемся сердцѣ своемъ первый трепеть ея... Не разъ? Что же? Видѣть только въ романахъ мы любимъ одинъ разъ и навсегда. Сердце дѣвушки ищетъ любви, какъ рѣзвая бабочка въ лѣтнее утро пиши на пестромъ лугу. Не вдругъ же, счастливая, находитъ цвѣтокъ, который долженъ остановить ее...

Соничка, однако, искала недолго. На одномъ вечерѣ она встрѣтила молодаго человѣка, котораго видъ произвелъ на нее впечатлѣніе, какого она еще не испытывала. Ему было только двадцать лѣтъ; онъ былъ Нѣмецъ и музыкантъ. Они вмѣстѣ пѣли, находили особенное удовольствіе вмѣстѣ пѣть, и, не думая о слѣдствіяхъ увлекавшаго ихъ чувства, предалися ему со всѣмъ ослѣпленіемъ первой молодости. Теперь не мѣсто говорить объ этой любви—юношеской, вѣржею, чистой, объ этой лучшей, можетъ-быть, страницѣ въ жизни Софьи Павловны. Въ ней душа ея, уже восторженная жизнью искусства, можетъ-быть, готова была достигнуть высшей точки своего развитія...

Но эту любовь почли за нужное смять, загнать въ самые сокровенные изгибы сердца дѣвушки, и нельзя осуждать этого. Посуните сами. Съ нѣкотораго времени, князь очень-усердно занимался музикою; давалъ и балы, но это не мѣшало ему быть въ наилучшихъ отношеніяхъ съ господиномъ начальникомъ... не все ли равно, префекторъ ли, министръ ли, или что другое былъ этотъ начальникъ. Дѣло въ томъ, что этотъ начальникъ умѣлъ цѣнить заслуги, можетъ-быть и балы князя, и предоставилъ ему много выгодъ по службѣ, обѣщалъ еще болѣе. Представьте же, что молодой человѣкъ, въ котораго вздумала влюбиться Соничка, былъ старшій сынъ этого начальника, любимецъ его, надежда, въ которой сосредоточивались всѣ честолюбивыя планы отца, и къ-тому же бабона! Молодой человѣкъ тогда только-что еще вышелъ изъ университета, носилъ гвардейскій мундиръ, но былъ истинный артистъ въ душѣ и совершенный новичокъ въ обществѣ. Свое баронство, всѣ честолюбивыя надежды отца онъ готовъ былъ бросить къ ногамъ прекрасной дѣвушки, не спрашивая, что принесетъ она въ

приданое, кромѣ своего свѣжаго, чистаго mezzo soprano, только для него восхитительнаго? Послѣ онъ очень исправился.

Княгиня, какъ предусмотрительная женщина, тотчасъ поняла опасность, грозившую дружбѣ ихъ съ г-мъ барономъ. Давно уже ей не нравились блистательные успѣхи молодой дѣвушки; она находила, что они портятъ ея сердце; но здѣсь опасность была гораздо-страшнѣе. Старый баронъ могъ подумать, что они сами, какъ близкіе родственники дѣвушки, помогли ей завести молодого чело-вѣка, и рѣшительно разорвалъ бы всѣ связи свои съ ними, что было бы очень-непріятно князю. Почему она рѣшилась тотчасъ принять дѣйствительныя мѣры, то-есть, отправила Соничку въ Украину, къ дальшей своей родственницѣ, очень-почтенной и преблагочестивой старушкѣ.

Соничка уже болѣе не возвращалась въ Петербургъ.

Теперь, въ деревнѣ, ей оставалось только любоваться украинскою природою и вспоминать прошедшее, да на досугъ протверживать знакомыя аріи. Но мы видѣли уже, что Софья Павловна была небольшая охотница до природы; а знакомыя аріи... къ-несчастью, тѣтушка терпѣть не могла итальянской музыки, да и Соничкѣ наконецъ прискучило бы повторять одно и то же, потому-что новое Софья Павловна неохотно разбирала безъ учителя. Для этого нужно было бы ученье поосновательнѣе и не столько скороспѣлыя успѣхи на паркетѣ музыкальныхъ залъ, каковы были ея успѣхи. Конечно, теперь, въ уединеніи, она могла бы заняться, изучать; но ученье скучно, да и тѣтушка не любитъ. И потому бѣднѣй Софьѣ Павловнѣ скоро пришлось распѣвать съ утра до вечера, на новомъ для нея нарѣчій, одно —

Така доля моя!..

Посудите же, какое впечатлѣніе должно было произвести на нее это пѣніе на короткомъ вечерѣ, особливо, когда голосъ Илашева, его манера, его восторженные похвалы и громкія рукоплесканія, которыми вслѣдъ за нимъ покрыло ее общество, вдругъ, по прошествіи столькихъ лѣтъ, напомнили ей тѣ упойтельные вечера, гдѣ подъ громомъ рукоплесканій такъ радостно билось самолюбивое сердце дѣвушки, и все улыбалось ей, и будущность, любовь! Какъ ни живо счастье, впервые открывшееся душѣ, и опять пайдти его, потерявъ... это знаютъ только тѣ, чье сердце испытаю подобную минуточку. Мы любимъ прошедшее счастье, какъ любовницу: кто не знаетъ, съ какою радостью сердце встрѣчаетъ ее послѣ долгой, быть-можетъ, грозившей сдѣлаться вѣчною, разлуки!

Но было еще особенное обстоятельство, о которомъ нельзя умолчать. Софьѣ Павловнѣ, еще при первомъ свиданіи съ Илашевымъ показалось, что въ голосѣ его было что-то, напоминавшее другое голосъ, нѣкогда милый ей. Въ пѣніи это сходство еще болѣе поразило ее. Конечно, это былъ случай, ничего незначашій случай, но онъ

имѣлъ большое вліяніе на расположеніе Софьи Павловны. Кому неизвѣстно, какое впечатлѣніе дѣлаетъ на насъ запахъ цвѣтка, или далекій напѣвъ пѣсни, которыхъ воспоминаніе случайно слилось въ памяти нашей съ воспоминаніемъ одной изъ счастливейшихъ минутъ нашей молодости, давно утомившихъ для насъ въ безднѣ прошедшаго? Кажется, этотъ цвѣтокъ, или эти звуки, удержали въ себѣ часть того прошедшаго счастья, наилучшую, чистѣйшую часть, и возвращаютъ намъ ее при первой встрѣчѣ. Судите же, что значать звуки, напоминающіе намъ голосъ милаго, этотъ голосъ, который съ такимъ наслажденіемъ слушало сердце!

И вотъ отъ-чего Софья Павловна тапцуетъ съ Илашевымъ, вотъ отъ-чего ихъ разсѣянность, и этотъ вѣчный, нескончаемый разговоръ, вотъ отъ-чего и послѣ они сидятъ вдвоемъ и говорятъ, конечно, то, что могли бы слышать всѣ, но есть случаи въ жизни, когда слова, такъ-сказать, машинально слетаютъ съ языка, какъ-будто повинувшись инстинктивному чувству приличія, между-тѣмъ, какъ душа ведетъ другой разговоръ и вся въ краснорѣчивомъ взорѣ.

Вотъ отъ-чего безопкойна и Вѣра Дмитриевна; вотъ что тревожитъ ее цѣлый вечеръ...

X.

Была, однакожь, и другая причина безпокойству Вѣры Дмитриевны. Мы сказали уже, что г-нъ засѣдатель, танцовавшій кадрили съ Анютою, предоставилъ Ладошину обязанность свою занимать ее. Вѣра Дмитриевна это замѣтила и тотчасъ по окончаніи кадрили увела Анюту въ гостиную, гдѣ было гораздо-прохладнѣе, потому-что тамъ никого не было, кромѣ играющихъ, и то только на два стола; къ-тому же, одно изъ оконъ, отворившихся на балконъ, было поднято.

Вѣра Дмитриевна и Анюта ходили по комнатѣ.

— Что это за жаркій разговоръ, Анюта? спросила Вѣра Дмитриевна.

— Какой разговоръ?

— Кажется, объ этомъ нечего спрашивать.

— Ахъ! въ кадрили-то?

— Да, въ кадрили. Или ты думала, что я могла не замѣтить, съ какимъ вниманіемъ ты слушала и говорила?

— Еслибъ вы слышали этотъ разговоръ, то нисколько не удивились бы, что я говорила не совсѣмъ-равнодушно; но, право, тутъ и тѣни не было того, о чемъ вы думаете.

— Однако, что же это было?

— Это было... что мы, кажется, навсегда разстанемся.

— Право?

— Посудите сами, мой ангелъ Вѣра Дмитриевна. Представить себѣ нельзя, что это за человѣкъ! Увѣрять, что онъ стра-

стно любить меня, что жить безъ меня не можетъ; а прїѣзжаемъ сюда, онъ былъ уже здѣсь, я сама его видѣла, выходя изъ кареты: онъ стоялъ съ какими-то мужчинами на дворѣ, у флигеля; просили въ гостиную, не ѣдетъ; поѣхали въ церковь: скажите, какъ бы не прїѣхали, узнавъ, что я тамъ? и не подумалъ! Изволили стрѣлять въ цѣль съ какими-то господами! И бабушка хочетъ, чтобъ я вышла за такого человѣка! Да онъ гораздо-болѣе любить свое ружье, чѣмъ меня.

— Ты мнѣ смѣрна, Анята! Какой же ты хочешь отъ него любви! Между нами сказать, это человѣкъ безъ всякаго образованія, или до того закрученный, что въ немъ рѣшительно ничего не осталось изъ достоинствъ образованнаго человѣка. Онъ просто степной помѣщикъ, въ полномъ смыслѣ слова. Его дѣло скакать за зайцами, пить до упаду, да хвастаться богатствомъ... Любовь... такимъ людямъ, милый другъ, нужна не любовь, а жена, то-есть, хозяйка, которая солила бы имъ ветчину и провесную рыбу. Я всегда удивлялась, какъ ты могла полюбить такого человѣка.

— Я его любить? повѣрьте, я никогда не любила его. Это было такъ... въ угодность бабушкѣ.

— Ты такъ послушна? А теперь, въ угодность папеньки — что ты сдѣлаешь?

Въ это время онѣ подошли къ окну, которое было поднято; Вѣра Дмитріевна сѣла; Анята вошла къ ней.

— Ахъ, вы опять объ этомъ! сказала она.

— Вѣдь ты не дитя, Анята, продолжала Вѣра Дмитріевна. — Ты, конечно, очень-хорошо замѣтила, что Илашевъ только тобою и занятъ?

— Маленькой гораздо-больше.

— Маленькой! такъ это для тебя же. Извѣстно, если ищутъ въ дочери, то стараются нравиться матери. А у васъ это гораздо-нужнѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь.

— Право, мой ангелъ Вѣра Дмитревна, все это кажется мнѣ пустою мечтою. Повѣрьте мнѣ, ни папенька, ни Илашевъ не думаютъ обо мнѣ.

— Тебѣ не вѣрится? Бѣдный Ладонинъ! А какъ онъ писалъ: «скажите только одно слово, и я готовъ летѣть хотъ на край свѣта, чтобъ увидѣть васъ на одну минуту». Такъ, кажется?

— Охъ! что это! кажется, кто-то есть на балконѣ. Что-то зашумѣло подъ окномъ, сказала испуганная Анята.

— Никого нѣтъ; съ чего ты это взяла? и кому же быть? Неужели твоему нѣжному Ладонину?

— О! онъ не будетъ! въ этомъ я могу быть увѣрена. Онъ опять пробуетъ ружья.

— А! ты на него серднишься? сказала Вѣра Дмитріевна, погрозивъ пальцемъ.—Это не добрый знакъ для бѣднаго камер-юнкера.

— Я не знаю, нужно или нѣтъ вашему камер-юнкеру знать, что я думаю о Ладошинѣ; могу только увѣрить васъ, что самъ Ладошинъ былъ бы тѣмъ не очень-доволенъ.

— Въ такомъ случаѣ, былъ бы доволенъ камер-юнкеръ?

— Не говорите мнѣ о немъ, мой ангелъ Вѣра Дмитревна, если только любите меня. Подумаетъ ли вашъ камер-юнкеръ обо мнѣ, бѣдной провинціалкѣ!

— *Мой!* почему же мой? Я ручаюсь, что онъ будетъ твой, если ты только сама этому не станешь противиться. Но я этого не думаю, потому-что ты благоразумна и поймешь свою пользу. Что же до Илашева — я знаю, онъ очень занятъ тобою.

— Ну, хорошо; а пока надобно идти плясать, сказала Анюта, и, бросивъ грустный взглядъ на прекрасную вдову, подала руку губернскому чиновнику, но въ ту же минуту вздрогнула: ей показалось, что на балконѣ, подъ самымъ окномъ, мелькнула человѣческая фигура и — помечталось ей или нѣтъ, только эту человѣческую фигуру приняла она за Ладошина.

Возвратясь въ залу, Вѣра Дмитриевна опять нашла Софью Павловну, и возлѣ нея — Илашева. Нѣкоторыя дамы начинали уже переглядываться, и шутя говорили, что петербургскій гость рѣшился, кажется, завладѣть на этотъ вечеръ всеми уѣздными красавицами, такъ-что и сама степенная Софья Павловна...

— Не ошибитесь, милая! замѣчала другая:—у камергера есть свои планы. Онъ, говорятъ, попрожился въ Петербургъ; имѣнье все въ долгу какъ въ шелку: такъ, полно, не нравится ли приданое аниутинно?

— А, видно, слышала ладошинскую исторію и знаетъ, что надобно прежде подбитыя къ матушкѣ, чтобъ добраться до дочки...

— Кажется. Бѣдная дѣвушка! Такая кроткая и добрая...

А Софья Павловна и не подозрѣвала, что была предметомъ разговоровъ. Она была такъ счастлива! счастье же имѣть свою повязку, какъ и любовь; да и было ли бы оно счастьемъ, еслибъ въ самыя первыя минуты очарованія душа, наполненная имъ, могла обращать тревожный взоръ вокругъ себя!

Послѣ ужина, между-тѣмъ, какъ собирали со стола и гости поемногу выбирались изъ гостиной, Софья Павловна стояла въ амбразурѣ балконной двери и играла вѣткою геліотропа, единственнаго остатка изъ букета живыхъ цвѣтовъ, подаренныхъ ей въ тотъ вечеръ Еленою Кортомниною. По залѣ ходили взадъ и впередъ разныя группы; нѣсколько дѣвицъ недалеко уговаривались вмѣстѣ направиться въ спальныя. Илашевъ, не спуская глазъ съ хорошенькаго личика Софьи Павловны, наклоненнаго къ цвѣтку, слѣдилъ за малѣйшимъ измѣненіемъ слабаго румянца, покрывавшаго щеки. Нѣсколько-поодаль, Вѣра Дмитриевна, окруженная толпою молодыхъ женщинъ, смѣялась съ ними отъ души, между-тѣмъ, какъ глаза ея постоянно искали небольшой группы въ амбразурѣ балконной двери. Казалось, душа ея была болѣе тамъ,

чѣмъ въ разговорѣ, какъ-будто бы ей хотѣлось вслушаться въ каждое слово, уловить каждое измѣненіе голоса; но въ залѣ было шумно, и къ-тому же, въ-самомъ-дѣлѣ, было тутъ что слушать,

— Вы не любите гелиотроповъ?

— Почему вы это думаете?

— Вы такъ терзаете этотъ бѣдный цвѣтокъ.

— Развѣ это называется терзать? Миѣ кажется, гелиотропы очень-рѣдки въ теперешнее время, и я смотрю на этотъ съ сожалѣніемъ: онъ такъ скоро завяль, а другихъ скоро ли дождешься?

— Вамъ жаль его?

— Конечно; какъ все хорошее.

— Я жалѣю только о томъ, чего возвратить нельзя; на-примѣръ, нынѣшній вечеръ...

— Вы нашли его хорошимъ?

— Хорошимъ? этого мало для меня.

— Вы повторите то же, говоря въ Петербургѣ объ этомъ вечерѣ?

— Не-уже-ли провинціальныя привычки такъ заразительны, что и вы не избѣгли ихъ? Замѣйте, провинціалы ничего такъ не боятся, какъ показать, что они идутъ въ уровень съ жизнію ихъ окружающею, и потому, говоря съ пріѣзжимъ изъ столицы, предупреждаютъ ожидаемыя насмѣшки предположеніемъ насмѣшекъ — только для того, чтобъ показать, что они не хуже другихъ умѣютъ замѣтить смѣшное въ провинціальной ихъ жизни.

— И изъ этого общаго приговора надъ нами, бѣдными провинціалами, ничего не удѣлите столичнымъ?

— О, все, что вамъ угодно! только позвольте миѣ хвалить сколько душѣ хочется этотъ вечеръ.

— Послушайте, сказала Софья Павловна, вдругъ принявъ скучающій и разсѣянный видъ: — миѣ кажется, что всѣ балы въ мірѣ, столичные какъ и деревенскіе, равно пусты, скучны...

— О, не всѣ!

— И это простое слово заставило молодую женщину опять обратиться къ своему цвѣтку. Она хотѣла казаться спокойною, но сердце ея билось и грудь волновалась... можетъ-быть, потому-что это простое слово сопровождалось такимъ взоромъ, было сказано такимъ голосомъ, что проникало душу. Но шумъ и шарканье въ залѣ напомнили молодымъ людямъ, что вечеръ дѣйствительно оконченъ. Илашевъ вышелъ за другими.

Софья Павловна осталась на томъ же мѣстѣ. Она смотрѣла на удаляющуюся толпу не видя ея; вдругъ круглая женская ручка обняла станъ ея. Она оборотила голову: это была Вѣра Дмитріевна. Прекрасная вдова казалась растроганною; на глазахъ ея, какъ алмазы, свѣтились двѣ крупныя слезы. Она съ жаромъ поцаловала Софью Павловну.

— Что это значитъ, Вѣра? что съ тобою?

Вѣра Дмитріевна крѣпко сжала ея руку.

— Но ты меня пугаешь. Бога ради, скажи; что съ тобой?

— Со мною, Софій? ничего пока; но, милый другъ, прійдетъ время—и тогда вспомни, что твое горе всегда будетъ моимъ собственнымъ.

— Я не принимаю тебя; говори яснѣе, прошу тебя, продолжала Софья Павловна, удерживая приятельницу, которая хотѣла уйти.

— Не понимаешь? Я вѣрю тебѣ, Софй. Но, милый другъ, остерегись; замѣтять и другіе, но я одна скажу тебѣ: ты не равнодушна къ нему.

И съ этимъ словомъ она скрылась изъ комнаты.

XI.

Деревня Кортomiныхъ была только въ пяти верстахъ отъ имѣнія Сарапаевыхъ, и потому Петръ Алексѣевичъ, тотчасъ послѣ ужина, со всѣмъ семействомъ отправился домой. На другой день, мужчины должны были опять съѣхаться у Кортomiныхъ, чтобъ вмѣстѣ ѣхать на охоту и потомъ обѣдать у Петра Алексѣевича. Сами Кортomiны и дамы, которыя оставались у нихъ ночевать, общались пріѣхать къ обѣду.

Заря ярко уже горѣла на востокѣ, когда Софья Павловна отпустила горничную и легла въ постель; но на этотъ разъ напрасно она призывала желанный сонъ. Голова ея горѣла; сердце билось; въ душѣ отзывались послѣднія слова Вѣры Дмитріевны: «ты не равнодушна къ нему». Не равнодушна? почему же не равнодушна? говорила Софья Павловна: съ чего могла это взять Вѣра? Почему сказала она, что другіе также могли замѣтить? И она упрекала себя, что не удержала Вѣры Дмитріевны и не заставила ея объясниться. Иногда она думала, что все это было только шуткою со стороны Вѣры Дмитріевны; она клала руку на сердце, но оно билось сильно, и тайный голосъ изъ глубины души возставалъ противъ этой утѣшительной мысли. Тогда она съ ужасомъ спрашивала сама себя, не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, была она неравнодушна? припоминала каждое движеніе сердца своего въ-продолженіе этого вечера, каждое малѣйшее ощущеніе, каждое слово, каждый взглядъ; но, увы! своевольное воображеніе припомидало ей вмѣстѣ съ ея словами другія слова, другіе взгляды, и противъ воли видѣла Илашева, его улыбку, его взоръ, слышала его голосъ, и все это такъ живо, такъ ясно, что сердце ея начинало биться еще сильнѣе, и вчерашнія ощущенія, живыя, какъ были наканунѣ, опять наполняли трепетомъ душу. Она быстро приподнималась съ изголовья и закрывала лицо руками, какъ-бы желая не видать того, что за минуту сама вызывала изъ глубины памяти. Напрасное усиліе! Каждая мысль становилась живымъ образомъ, и въ свою очередь осаждала ея воображеніе. Прижавъ руки къ груди, со взоромъ, воспламененнымъ тревогою и волненіемъ, она повторяла: «но я этого не хочу! я не люблю, я не могу любить!..» и въ то же самое мгно-

веніе видѣла Вѣру Дмитріевну съ ея неумолимымъ: «ты не равнодушна къ нему!» и за нею цѣлую перспективу женскихъ лицъ, которыя всѣ съ злобно-радостною улыбкою смотрѣли на нее, какъ на свою добычу, и какъ чудовища во снѣ Татьяны повторяли: «мое! мое!»

Бѣдная Софья Павловна! она вышла за Петра Алексѣевича со всѣмъ не по любви. Когда, вмѣсто блеска гостинныхъ большаго свѣта, и общества, избраннаго изъ цвѣта столицы, она увидѣла себя въ деревянномъ домикѣ украинской помѣщицы, которая кормитъ ее варениками и совѣтуетъ отъ скуки заняться рукодѣльемъ; когда, вмѣсто разсѣянья и блеска утонченной роскоши, вѣчная тишина деревенской жизни обняла ее своими безконечными веревницами однообразныхъ дней, и довольная посредственностью, съ полнымъ желудкомъ, покойно усѣлась возлѣ нея, не понимая, что сердце и умъ имѣютъ также свои нужды, тогда она поняла, что съ княжескимъ домомъ потеряла не одну любовь: она поняла, что безъ любви она могла бы еще прожить, но что ей были необходимы какъ воздухъ, хорошій домъ, театръ, модный магазинъ, учитель музыки и общество, въ которомъ все такъ свѣтло, такъ ярко, все такъ радужно. Тысячу разъ упрекала она себя въ минутномъ заблужденіи своемъ; тысячу разъ раскаявалась въ заносчивыхъ мечтахъ своихъ, и готова была пожертвовать самою лучшею изъ нихъ, чтобъ только опять дышать воздухомъ, въ которомъ развилась, чтобъ опять вздохнуть хоть разъ посреди блеска огней, алмазовъ и цвѣтовъ, въ искусственной атмосферѣ гостиной, гдѣ звуки музыки сливаются съ шумнымъ разговоромъ и улыбка цвѣтетъ на всѣхъ лицахъ. Но время проходило; два раза богатая украинскія поля оживились весною, а для Софьи Павловны все та же скука, тѣ же однообразно-длинные дни. Наконецъ, письмо изъ Петербурга. Книгиня не забывала своей воспитанницы, и между-тѣмъ, какъ чистый воздухъ Украины лечилъ ее отъ любви и отъ заносчивыхъ мечтаній, она пеклась о ея счастьи и приготовила ей жениха. Этотъ женихъ былъ Петръ Алексѣевичъ. Книгиня надѣялась, что Соничка не обманетъ ожиданія ея и съ радостію приметъ это новое доказательство любви ея благодѣтелей; съ этимъ условіемъ она приглашала ее въ Петербургъ. Женихъ! идти замужъ за человѣка неизвѣстнаго! Но этотъ человѣкъ богатъ, а Соничка уже узнала цѣну богатства; къ-тому же, это было единственнымъ средствомъ избавиться Украины... Соничка полетѣла въ Петербургъ.

Нѣсколько мѣсяцевъ замужней жизни съ Петромъ Алексѣевичемъ, и въ деревнѣ, нѣсколько измѣнили надежды, съ которыми молодая дѣвушка оставила ненавистную ей Украину. Она была свободна, богата; но ни театра, ни учителя музыки, ни магазиновъ, ни даже общества, о которомъ она мечтала, — ничего этого не было. Впрочемъ, все это было, однакожъ, лучше, чѣмъ деревянный домикъ украинской помѣщицы. Теперь у нея было не только довольство, но и роскошь; глаза ея останавливались на мѣбе-

ляхъ, къ кашимъ она привыкла съ дѣтства; рука находила тысячу бездѣлицъ, необходимыхъ въ жизни свѣтской женщины; она дышала воздухомъ, въ которомъ выросла, и, главное, имѣла значеніе въ свѣтѣ, уваженіе; скажемъ болѣе—подобострастіе, какимъ окружало ее общество, возвращало ей часть тѣхъ живыхъ ощущеній, съ которыми самолюбіе ея когда-то познакомилось въ пышныхъ залахъ князя.

Но теперь, когда первыя потребности избалованной жизни были удовлетворены, Софья Павловна вспомнила, что сердце ея имѣло также свои нужды. Прошедшее живо возстало въ душѣ; она вспомнила прежнюю жизнь, мгновенный сонъ любви, когда душа была такъ полна и такъ счастлива; припомнила свои надежды и мечты, изъ которыхъ ни одной не должно было осуществиться.

Тогда жизнь показалась ей опять пустынею; она хотѣла бы имѣть дѣтей, ребенка, на которомъ она могла бы сосредоточить всю важность души своей, всю полноту чувства,—въ дѣтяхъ ей было отказано.

Любовь... но любовь была теперь эдемомъ, который не могъ уже явиться для бѣдной пѣри. Любовь была бы для нея преступленіемъ, а самая мысль о преступленіи не могла коснуться чистой души Софьи Павловны. Кокетство... но эта жалкая игра въ любовь, здѣсь, въ провинціи, была несомнѣнна съ ея аристократическими воспоминаніями, да и вообще, кокетства не было въ ея характерѣ. Софья Павловна оставалась одно: уваженіе свѣта, и она заключила въ немъ все свое счастье. Имя чистое отъ всякаго пятна; слава женщины непорочной, превосходной,—вогъ все, чѣмъ еще дорожила она. И что же? эту славу, столь дорого цѣнимую, ей теперь хотятъ похитить! «И другіе могли замѣтить», сказала Марья Дмитриевна:—«замѣтили?..» Это значитъ, что имя ея, чистое до сего времени, столько всѣми уважаемое имя, въ эту самую минуту, можетъ—быть, уже сдѣлалось добычею злыхъ языковъ, ихъ шуткою, и завтра же, какъ бѣдное перекачи-поле, понесется изъ одного общества въ другое, собирая весь соръ и дрягъ, которые встрѣтятся на пути!..

Солнце приближалось уже къ полудню, когда Софья Павловна проснулась. Небо было ясно, чисто; поля будто нѣжились подъ легкими волнами голубаго пара; деревья, въ полномъ блескѣ осенней одежды, тихо качали широкія вѣтви надъ свѣжимъ лугомъ; безпереннымъ золотыми головками того полеваго цвѣтка, которому природа дала чудный даръ любить и цвѣсть осенью, какъ любуясь и цвѣтъ онъ весною, — даръ, которому завидуютъ пышныя розы, и, конечно, не однѣ розы.

Софья Павловна открыва окно. Есть таинственная связь между нами и міромъ, насъ окружающимъ. Конечно, часто во внѣшнемъ мірѣ мы видимъ только отраженіе внутренняго состоянія души нашей; нерѣдко, однакожъ, и внѣшній міръ подчиняетъ себя внутреннее существо наше, и душа, какъ свѣтлое зеркало, отражаетъ

его картины. Софья Павловна была небольшая почитательница искусств природы, хотя и нерѣдко увѣряла, что никто почти ее не чувствует ихъ вліянія. Особенно любила она, по словамъ ея, тихія ночи и тихое утро. Но послѣднимъ она очень-рѣдко наслаждалась, за тѣмъ, что вставала поздно, а первая... между нами сказать, ей случалось очень-часто, занявшись работою, просидѣть пальцами цѣлый вечеръ, ни разу не спохватясь, темная ли это какъ бархатомъ застилаетъ окна, или ставни мѣшаютъ видѣть ликолѣпную картину восхода мѣсяца. На этотъ разъ, однако безмятежное величіе полей, тишина природы и чудесная гармония, какъ согласные звуки тихой музыки, овладѣли ея душою; залось, ясность небесной лазури отразилась въ ней чиста и безмятежна. Ни малѣйшаго слѣда вечернихъ тревогъ; все разсѣялось, исчезло, какъ исчезаютъ отъ утренняго луча тучи, клубившіяся вечера на горизонтѣ. Ни одна безпокойная мысль, никакое приятное чувство, не помрачили яснаго взора Софьи Павловны; грудь ея подымалась свободно и легко.

Она вспомнила вчерашній вечеръ и улыбнулась. Но въ этой улыбкѣ было что-то грустное и необыкновенно-преlestное. Еслибъ Илашевъ видѣлъ ее въ эту минуту! Она была несравненно-лучше, чѣмъ на балѣ.

«Мечта, мечта!» сказала она. «Не-уже-ли я буду всегда рекомъ? Чѣмъ я встревожилась? И эта Вѣра! Боже мой! какъ я шипины, со всѣмъ ихъ благоразуміемъ, увлекаются воображеніемъ. Я не равнодушна къ Илашеву! Ну, да; онъ былъ очень любезенъ вчера. Онъ мнѣ напомнилъ прошедшее. Я точно увлеклась; я была даже счастлива. Но какъ же она, моя всезнающая Вѣра, видѣла, что это былъ только отблескъ навсегда потеряннаго счастья, о которомъ я не умѣю забыть, заря когда-то свѣтлаго, прекраснаго дня... Ахъ, этотъ голосъ! Когда я слушала Илашевъ мнѣ казалось, что слышу его. Да, я вчера въ Илашевѣ любилъ того, кого и называть теперь не смѣю.

«Какое ребячество! право, я въ этомъ не смѣла бы сознаться самой Вѣрѣ... Вѣрѣ? Ей меньше, чѣмъ кому-нибудь. У нея все вездѣ расудокъ.

«Впрочемъ, это точно было очень-безразсудно. Илашевъ и такъ же ошибется, какъ и Вѣра, и принять на свой счетъ то, что было дѣломъ этого разительнаго сходства. Боже мой! что мнѣ дѣлать, когда я не могу забыть... это такое счастье—любить, это одно только, что можетъ назваться жизнію...» И она задумалась.

— Нѣтъ, Леонтій Андреевичъ, сказала она: — какъ вы ни кутаетесь неотразимы всѣмъ нашимъ красавицамъ, для меня вы можете быть опасны только по воспоминанію...

Но точно ли это было по одному воспоминанію? Еслибъ Софья Павловна не хотѣла обманывать себя, въ-слѣдствіе обыкновенной привычки нашей лицемѣрить даже и съ собою, то, конечно, сказала бы совсѣмъ другое. Она позвонила.

Въ эту минуту дверь комнаты ея тихо отворилась, и свѣжее личико Анюты, блестящее удовольствіемъ, выглянуло и опять спряталось. Затѣмъ, дверь отворилась настежь, и дѣвушка вошла, съ торжествомъ неся обѣими руками большой горшокъ съ прекраснымъ елиотропомъ, совершенно усѣяннымъ маленькими скорпіонообразными вѣточками душистыхъ цвѣтовъ.

— Посмотрите, мамаша, какая прелесть!

— Ахъ, какой елиотропъ! откуда это, Анюта?

— Илашевъ прислалъ, мамаша, сейчасъ, и проситъ, чтобъ поставить въ вашъ кабинетъ; папаша велѣлъ...

— Ахъ, вѣтъ, Анюта... въ столовую.

— Для чего же, мамаша? Онъ такъ душистъ и хорошъ; въ вашей комнатѣ ему будетъ лучше.

— Да; но этотъ запахъ слишкомъ силенъ; я не могу выносить его.

Въ эту минуту вошелъ Петръ Алексѣевичъ въ полномъ охотничьемъ нарядѣ. Онъ слышалъ послѣднія слова жены, и, казалось, былъ ими очень недоволенъ. «По-крайней-мѣрѣ на этотъ день поставь къ себѣ, матушка», сказалъ онъ: «Леонтій Андреевъ будетъ сюда вечеромъ; надобно же показать вниманіе къ его подарку.»

Софья Павловна съ трудомъ могла скрыть душевное волненіе. Положеніе это показалось ей очень страннымъ. Она рѣшилась выдержать характеръ и прикинулась капризною.

— Но я не могу сносить этого запаха, Петръ Алексѣичъ. Эти цвѣты такъ сильно пахнутъ. Пожалуйста, вели поставить въ столовой.

— Вѣдь это капризъ, Соничка. Ты всегда особенно любила душистые цвѣты, а теперь вдругъ не можешь выносить запаха елиотропа. Вѣдь это странно, мой другъ.

— Да скажи, пожалуйста, не все ли равно для тебя, будутъ ли они въ столовой или у меня въ комнатѣ?

— Но вѣдь ты слышала, что они присланы тебѣ, для твоего кабинета. Надобно ли показать, что тебѣ подарокъ нравится?

— Онъ можетъ мнѣ нравиться и въ столовой.

— И это только потому-что я хочу, чтобъ онъ былъ въ кабинетѣ.

— Господи! всегда обвиненія! Когда же я что дѣлала противъ твоей воли, Петръ Алексѣичъ?

— Ну, матушка, оставимъ это. Я вѣдь очень понимаю, что это значить. Анюта, отнеси горшокъ въ гостиную, и сдѣлай милость, уйди въ свою комнату.

Анюта между-тѣмъ стояла съ бѣднымъ елиотропомъ, поглядывая то на отца, то на мать. Услыша приказаніе маменьки, она вышла, печально смотря на цвѣтокъ. Софья Павловна, встревоженная, уже готовая плакать, продолжала: — Но что же ты понимаешь, Петръ Алексѣичъ? Ты всегда говоришь загадками.

— Сдѣлай милость, перестанемъ. Съ тобой вѣкъ не стоворимъ. Илашевъ пріѣдетъ вечеромъ; я прошу тебя, по-крайней-мѣрѣ, не дѣлать ему невѣжливостей и быть сколько умѣешь любезною.

— Невѣжливостей? я?.. Но Петръ Алексѣевичъ хлопнулъ дверь и поспѣшные шаги его по корридору показывали, что онъ принялъ твердое намѣреніе удалиться для избѣжанія бурн. Софья Павловна залилась слезами. Въ эту минуту Параша бережно отворила дверь и проскользнула въ комнату, оглядываясь и прислушиваясь къ шагамъ барина. Она подала Софьѣ Павловнѣ записку, которую вынула изъ-подъ платья. Софья Павловна отерла слезы. — А! это отъ Вѣры? а баринъ не видалъ?

— Помилуйте, сударыня!

— Да посланный не встрѣтился ли ему?

— Вѣра Дмитріевна приказала сказать, что не будетъ къ обѣду; я такъ и доложила-сь.

— Вотъ видишь; стало быть, онъ замѣтилъ посланнаго. Лучше, еслибъ онъ его не видалъ, Параша. Конечно, теперь ничего. Но въ другой разъ... она развернула записку.

«Я не могу быть у тебя, Софья», писала Вѣра Дмитріевна. «Ты, можеть-быть, вспомнишь, что завтра память покойнаго моего мужа, и что я эти дни обыкновенно провожу дома, въ совершенномъ уединеніи. Итакъ я ѣду, хотя бы теперь болѣе, чѣмъ скогда-нибудь желала бы быть съ тобою. Скажу тебѣ одно: онъ будетъ у васъ сегодня. Будь осторожна. Теперь я навѣрное знаю, что мужъ твой имѣетъ на него виды для Аниюты».

Итакъ, вотъ объясненіе этого страннаго приказанія, этого вниманія къ подарку Илашева, этой боязни, что его-самого примутъ не довольно-ласково! Это слѣдствіе наговоровъ почтенной тѣтушки Татьяны Васильевны. Это она напѣла Петру Алексѣвичу, что Софья Павловна не терпитъ Аниюты, что не хочетъ выдавать ее замужъ и проч. Господи Боже мой! отъ-чего человѣкъ всегда такъ охотно вѣрить дурному, и въ самыхъ близкихъ людяхъ такъ охотно предполагать зло тамъ, гдѣ, можеть-быть, нѣтъ и тѣни его? Для него мало дѣйствительныхъ недостатковъ, отъ которыхъ ему приходится страдать: онъ ищетъ еще воображаемыхъ...

Итакъ, ловятъ жениха. Петръ Алексѣевичъ, въ отеческой нѣжности, беретъ на себя эту обязанность за недостаткомъ матери. Что жъ? Илашевъ завидный женихъ для Аниюты. Но какую же роль играетъ здѣсь самъ Илашевъ? Не-уже-ли эти долгіе разговоры, это вниманіе, угожденія — не-уже-ли все это относилось къ ней, какъ къ маменькѣ, которую хотятъ задобрить? или не-уже-ли и до него дошли обвиненія Татьяны Васильевны, и онъ... Она содрогнулась при этой мысли: не-уже-ли этотъ вкрадчивый взоръ, этотъ задушевный голосъ, этотъ нѣмой языкъ... любви, да, любви, все это было, чтобъ только отвлечь ея вниманіе? Она закрыла лицо руками. Боже мой! Каково должно быть общество, когда подобное подозрѣніе могло войти въ душу молодой женщины? Стало-быть, это подозрѣніе не ново для нея; стало-быть, она видѣла что-нибудь подобное? Но не-уже-ли же онъ могъ быть способенъ къ тому? онъ, который такъ напоминалъ ей то... что должно было забыть!

Но кто же сказалъ, что онъ зналъ что-нибудь о планахъ Петра Алексѣевича? Быть-можетъ, онъ совсѣмъ и не думалъ объ Анягѣ.

Бѣдная Софья Павловна! не будь этихъ тревожныхъ сомнѣній, не будь приказанія Петра Алексѣевича,—быть-можетъ, впечатлѣніе, произведенное Илашевымъ, прошло бы, какъ проходитъ въ молодости столько другихъ впечатлѣній.

ХИ.

Когда-то, много времени спустя послѣ описываемыхъ нами происшествій, Софья Павловнѣ вздумалось писать свои воспоминанія. Говорятъ, что перечитывать въ памяти прошедшее—все равно, какъ-будто бы переживать его. Въ праздной жизни, это должно быть очень-пріятно.

Вотъ, что писала Софья Павловна въ этихъ запискахъ о вечерѣ, послѣдовавшемъ за утреннюю сцену за еліотропъ, о которой мы говорили.

«Когда я думаю, какъ мало мы можемъ понимать собственныя чувства, мнѣ становится смѣшными притязанія наши разгадывать чувства и поступки другихъ. Конечно, никогда еще я не бывала подъ вліяніемъ сильнѣйшаго впечатлѣнія, какъ въ то время, о которомъ говорю, и между-тѣмъ, какъ была я далека отъ истины, когда думала, что читаю ясно въ душѣ моей! Я была встревожена, раздосадована, разсержена, и, разумѣется, весь мой гнѣвъ изливался на мужа. Я не могла простить ему его вспыльчивости, его несправедливыхъ подозрѣній, и болѣе всего—коварства, съ которымъ онъ тайлъ отъ меня замыслы свои на Илашева. Я увѣрила себя, что въ этихъ замыслахъ всего болѣе огорчало меня обидное намѣреніе обмануть меня, и особенно причина, для которой хотѣли обмануть. Какъ человѣкъ столько близкій, какъ мужъ, могъ такъ дурно понимать меня! Въ этомъ одномъ поступкѣ я видѣла цѣлую цѣпь несправедливостей, которыя мнѣ суждено было переносить во всю жизнь, отъ которыхъ не было средства избавиться. А Илашевъ! О, онъ казался мнѣ человѣкомъ, достойнымъ одного презрѣнія! Я была увѣрена, что онъ участвуетъ въ планахъ моего мужа, что знаетъ его замыслы и вмѣстѣ съ нимъ обманываетъ меня, конечно, не сговорясь, этого не могло быть; но его заставили понять необходимость обманывать меня, и онъ дѣйствуетъ въ-слѣдствіе этой необходимости. Кто заставилъ? Петръ Алексѣевичъ? Сосѣди? Тѣтушка? какъ могла я узнать, кто именно, и не довольно ли было съ меня того, что онъ искалъ обмануть меня?

«Я не хотѣла сознаться, что была другая причина моему страданію. Романическая восторженность, заставляющая насъ думать, что сердце любитъ одинъ разъ только въ жизни, не позволяла мнѣ

сознаться, что впечатлѣніе, произведенное на меня Илашевымъ, было не однимъ только слѣдствіемъ сходства его голоса съ другимъ нѣкогда мнѣ милымъ! И какъ было сознаться въ томъ? Какъ рѣшиться добровольно сойти съ того пышнаго пьедестала, на который мы громоздимся въ высококомъ мнѣніи о нашей добродѣтели? Какъ сознаться, что и наше сердце имѣло слабость — забиться въ другой разъ? Какъ безъ спора сбросить великолѣпныя драпировки романической героини? Мы любимъ вѣру въ эту единственную любовь, какъ вѣру въ наше совершенство, и обманываемъ себя этой мечтою до-тѣхъ-поръ, пока возможно, а когда уже нѣтъ средства, — тогда... тогда мы выдумываемъ извиненія и говоримъ, что первая любовь наша была не любовь, а дѣтская шалость...

«Я не знаю, что была первая моя любовь, знаю только, что ни одинъ человекъ не производилъ на меня такого впечатлѣнія, какъ Илашевъ. Никогда я не забуду первого нашего свиданія. Я сидѣла за работою, когда Петръ Алексѣевичъ представилъ мнѣ его. Я уже ожидала его и приготовилась встрѣтить, какъ встрѣчаютъ прїѣзжаго съ родной намъ стороны. Илашевъ прїѣхалъ изъ Петербурга, изъ того общества, которое было мнѣ такъ знакомо. Онъ вошелъ, и я забыла все, что хотѣла сказать. Леонтій обладалъ тѣмъ быстрымъ взглядомъ, который при первой встрѣчѣ, кажется, хочетъ проникнуть въ глубину души нашей и вызнать ея слабыя стороны, между-тѣмъ, какъ мы напрасно стали бы искать во всей физиономіи человека, изучающаго насъ такимъ образомъ малѣйшей черты, которая могла бы открыть хотя частицу души его. Всегда одна и та же холодность, равнодушіе и легкая насмѣшка въ улыбкѣ, какъ-будто бы этотъ человекъ былъ столько выше другихъ, что могъ только производить впечатлѣніе, не принимая никакого. Это выраженіе было непріятно; оно смутило меня при первой стрѣчѣ и смутило до того, что я потерялась, какъ настоящая провинціалка, — хотѣла говорить, и сказала какую-то глупость. Мнѣ стало досадно на самое-себя. Не-уже-ли же пятнадцать деревенской, затворнической жизни отняли у меня всю свѣтскость? Казалось, Леонтій ничего не замѣчалъ, и это такъ должно быть: чего же лучшаго могъ онъ ожидать отъ деревенской помѣщицы? Я ушла въ ужасной тоскѣ; но неодолимая сила влекла меня опять въ гостиную. Неодолимая?.. Я не знаю. Можетъ-быть, мнѣ хотѣлось показать Леонтію, что я была лучше того, какъ показалась ему, или, быть-можетъ, онъ производилъ на меня то же дѣйствіе, какое гремучія змѣи, говорятъ, производятъ на жертвы свои. Мнѣ тяжело было въ присутствіи Леонтія, но я не могла оторваться отъ него.

«И такъ было всякій разъ, какъ я его видѣла. Я вообразила себѣ, что ненавижу его; хотѣла увѣрить себя, что чувствую къ нему то, что называютъ антипатіею; но онъ прїѣзжалъ, и я, какъ очарованная, оставалась въ той комнатѣ, гдѣ онъ былъ, слушала его, и все ждала слушать. Правда, разговоръ Илашева былъ

разнообразенъ, живъ, и хотя онъ видимо старался удерживать его въ границахъ, наиболѣе-доступныхъ людямъ, съ которыми говорилъ, привычка увлекала его, и, можетъ-быть, самъ того не замѣчая, онъ выходилъ изъ тѣснаго круга нашей обыкновенной бесѣды. Выборъ выражений, оригинальность идей, ихъ смѣлость,—все въ немъ было для меня увлекательно, но я не хотѣла этого видѣть, я обманывала себя даже и тогда, когда Вѣра ясно открыла мнѣ состояніе души моей своимъ: «ты не равнодушна къ нему!»

И теперь еще я думаю иногда, что такое было чувство мое къ Леонтію. Было ли это родство душъ, то тайное влеченіе двухъ существъ, созданныхъ одно для другаго, которому не хотятъ болѣе вѣрять, а это тревожное чувство, которое я испытывала въ его присутствіи—тайнымъ голосомъ сердца, которое узнаетъ судьбу свою? Кто знаетъ? быть-можетъ, вдвоемъ мы должны были найти то счастье, которое становится уже баснею между людьми, и можетъ-быть эта такъ ярко вспыхнувшая любовь сдѣлалась бы тѣмъ истиннымъ чувствомъ, которое сводитъ небо въ жилище двухъ любящихся и гаснетъ только съ ихъ жизнью, потому-что вѣчная привязанность возможна, я этому вѣрю, возможна между двумя существами, понимающими свою обязанность и святость чувства, ихъ соединяющаго... или все это, и моя любовь, и мои надежды, были только плодомъ празднаго воображенія, скуки? Можетъ-быть, при другіхъ обстоятельствахъ, въ другое время, въ другомъ мѣстѣ, Леонтій не сдѣлалъ бы на меня никакого впечатлѣнія и незамѣтно прошелъ бы въ моей жизни? Я тогда еще не совсѣмъ свыклась съ участію, которую послала мнѣ судьба; въ душѣ еще были живы воспоминанія прошедшаго, еще не умерли желанія лучшаго; меня томилла однообразная жизнь, спокойствіе, этотъ застой души, которую не волнуетъ ни одно чувство, ни одно живое впечатлѣніе, эта жизнь безъ наслажденія и безъ поэзіи. Леонтій представился мнѣ, какъ вѣстникъ лучшаго. Онъ говорилъ знакомымъ мнѣ языкомъ, говорилъ о предметахъ, близкихъ душѣ; сердце привѣтствовало въ немъ чувство, волненіе, жизнь души, счастье...

«Ахъ, это счастье!..»

«Я провела самый несносный день,—должна была казаться веселою, занимать, усаживать въ карты, слушать пустые пересуды и пасмышки, самой смѣяться и выдумывать эпитеты допотопнымъ чепцамъ моихъ сосѣдокъ, и все это въ то время, когда душа занята одною мыслию, однимъ образомъ. Я ждала Леонтія. Мнѣ хотѣлось видѣть его, не для того, чтобъ по-вчерашнему слушать его голосъ и читать любовь и счастье въ глазахъ его, вѣтъ; я хотѣла видѣть его, чтобъ наказать моимъ презрѣніемъ; я рассчитывала съ какою холодною встрѣчу его, что скажу, какъ невнимательно взгляну, или лучше... да, конечно. Я буду поступать, какъ матушка, которая ловитъ женишка. Я надовѣю ему похваламъ моей дочкѣ и дочкою. Это будетъ прекрасно... Но вечеръ днѣ-

ся цѣлую вѣчность, и съ каждою минутою сердце замирало все болѣе и болѣе; руки холодѣли.

«Въ залѣ играли на нѣсколько столовъ, въ гостиной также. У стола сидѣли двѣ или три неиграющія дамы и разсматривали картинки въ журналахъ. Дѣвицы ходили въ большой залѣ. На дворѣ совсѣмъ стемнѣло. Мнѣ казалось, что вечеръ не кончится.

«Наконецъ, зашумѣло на дворѣ... пріѣхали. Боже мой, что сдѣлалось со мною? Лихорадочная дрожь пробѣгала по жиламъ; я не понимала, что дѣлала, что говорила. Въ глазахъ темнѣло... Охотники вошли, но его не было съ ними. Новое безпокойство! Уже ли онъ не заѣхалъ къ намъ? Не захотѣлъ даже видѣть меня? Я отдала бы въ эту минуту весь остатокъ бѣдной жизни моей, чтобъ онъ пришелъ только на полчаса, на одну минуту. Мнѣ надобно было видѣть его, надобно было показать, что я разгадала его.

«И онъ пришелъ. Я стояла у карточного стола и говорила съ однимъ изъ игравшихъ. Я услышала имя Илашева, произнесенное въ столовой. Сердце у меня замерло; но я выдержала и продолжала говорить—о чемъ? этого я и тогда не знала.

«Я слышала шаги его. Онъ вошелъ въ гостиную; но я обернулась тогда только, когда мужъ мой назвалъ меня. Леонтіи стоялъ передо мною.

«Это былъ тотъ же быстрый, пронизательный взоръ, который смутилъ меня при первомъ свиданіи, то же выраженіе лица и то же дѣйствіе. Взоръ Леонтія, казалось, проникъ въ глубину души моей. Урокъ мой пропалъ совершенно; я забыла, что хотѣла сказать, смѣшалась какъ дитя, чувствовала свою неловкость и тѣмъ болѣе еще смутилась. Мнѣ кажется, я опять сказала какую-то глупость. Онъ отошелъ, и я готова была плакать съ досады на самое-себя.

«Я видѣла, что онъ подошелъ къ дѣвицамъ, которыя стояли въ дверяхъ балкона, тамъ, гдѣ былъ поставленъ мой еліотропъ. Леонтіи началъ говорить съ Анютою; вся душа моя обратилась во вниманіе. Я не могла слышать словъ, но понимала, о чемъ говорили. Оба смотрѣли на еліотропъ; Илашевъ, конечно, спрашивалъ, почему не исполнили его просьбы? Мнѣ показалось, что при отвѣтѣ Анюты, лицо его, столько непроницаемое, измѣнилось, какъ-будто-бы легкая тѣнь закрыла его на одно мгновеніе. Онъ отошелъ къ карточному столу; я не спускала съ него глазъ: онъ не взглянулъ на меня ни одного раза; онъ, казалось, совершенно забылъ о моемъ существованіи; говорилъ съ моимъ мужемъ, съ охотниками; даже шутилъ, а меня какъ-будто-бы не было для него на свѣтѣ! Гдѣ вчерашнее вниманіе? гдѣ этотъ взоръ, холодный для всѣхъ, говорливый для одной меня, который искалъ меня вездѣ, слѣдилъ за мною, казалось, хотѣлъ угадать каждую мысль мою? Ничего нѣтъ! Но что жъ это? Онъ сердится на меня? за еліотропъ? за такую малость? Но развѣ это было бы возмож-

но съ тѣми планами, которые ему приписывало... мое воображеніе? Ища во мнѣ для Аниоты, онъ долженъ былъ поступать иначе... но не ошиблась ли я? эта досада не была ли также дѣломъ моего воображенія? Въ этомъ надобно было увѣриться. Если бездѣлица могла дѣйствительно разсердить Леонтія, бездѣлица также должна его успокоить. Но что дѣлать теперь? Леонтія посадили за карты, то-есть, онъ погибъ для меня на весь вечеръ. Я рѣшилась искать пособія въ самомъ виновникѣ всей моей тревоги — въ бѣдномъ моемъ еліотропѣ. Я подошла къ дѣвицамъ какъ-будто бы для того, чтобъ поговорить съ ними. Леонтій игралъ въ карты, но я чувствовала, что въ эту минуту взоръ его слѣдовалъ за всѣми моими движеніями. Я заговорила съ младшею Кортоминою. Она стояла возлѣ самаго еліотропа; душистые цвѣтки его блестяли на темной зелени; я наклонилась, чтобъ подышать ихъ упительнымъ запахомъ: это была моя примирительная жертва, мое извиненіе Леонтію. О! я знала, что на меня смотрять. Но... Боже мой! что сдѣлалось съ бѣднымъ растеніемъ? нижнія вѣточки его опустились, листочки завали, душистыя вѣточки цвѣтовъ свернулись. Въ испугѣ я наклонилась посмотрѣть не суха ли земля, не нужна ли поливка—земля была сыра; но нѣжный стволъ прекраснаго растенія былъ срѣзанъ, совсѣмъ срѣзанъ, отдѣленъ отъ корня, а сверху зеленѣлъ и цвѣлъ еще остаткомъ жизни. Я не могла удержать восклицанія. Дѣвицы окружили меня. По всей гостиной въ одно мгновеніе разнеслась вѣсть объ ужасномъ злодѣяніи, совершенномъ надъ моимъ еліотропомъ. Всѣ разспрашивали, доискивались виноватаго. Общее подозрѣніе называло двоихъ маленькихъ сыновей Кортомины, которые все вертѣлись въ гостиной и особливо около Илашева, потому-что онъ игралъ съ ними во весь вечеръ. Глаза мои искали Леонтія. Онъ одинъ сидѣлъ покоенъ, равнодушенъ, не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что происходило вокругъ него. Сердце говорило мнѣ, что онъ одинъ могъ быть преступникомъ, котораго искали, и признаться ли? эта мысль приводила меня въ восхищеніе. Такое женское, дѣтское мнѣніе въ человѣкѣ столько серьезномъ, какъ Илашевъ, могло только показать, до какой степени душа его была увлечена тѣмъ чувствомъ, которое одно дѣлаетъ насъ полубогами или дѣтми.

«Я виѣшлась въ общій разговоръ, толковала вмѣстѣ съ другими о случившемся; но, видно, лицо мое измѣняло тайнымъ чувствованіямъ души моей и отражало то удовольствіе, которое наполняло ее, потому-что мужъ мой, проходя мимо меня, остановился и, крѣпко сжавъ мою руку, сказалъ: «полно, Софья, не притворяйся. Я знаю виноватаго. Это ужъ такое ребячество, что я не могу и сердиться на тебя». Въ первую минуту, эти слова встревожили меня. Я подумала, что онъ угадалъ настоящаго виновника. Но я ошиблась. Мужъ мой, въ-слѣдствіе господствующей своей мысли, подумалъ, что еліотропъ срѣзала я, потому-что все еще каприз-

ничаю, сѣзала для того, чтобъ досадить и мужу и Илашеву за давнее приказаніе принять повѣжливѣе гостя. И на меня не сердились, потому-что нашли это уже слишкомъ-дѣтскимъ!

«О еліотропѣ поговорили и забыли. Но общество сдѣлалось оживленнѣе... мнѣ такъ казалось, или, можетъ-быть, дѣйствительно счастье, которое наполняло душу мою, сообщалось другимъ.

«Игра продолжалась до самаго ужина. Я ни разу не подходила къ игравшимъ, ни разу даже не взглянула на Илашева; но мнѣ казалось, что я хожу, говорю, дѣйствую подѣ влияніемъ его взора, что тайная, невидимая сила соединяется въ одно наше мыслящее бытіе, такъ-что теперь мы не могли ни мыслить, ни чувствовать отдѣльно.

«Наконецъ сказали, что столъ готовъ. Леонтій всталъ и подаль мнѣ руку.

«Можно ли быть безразуднѣе? идучи въ столовую, я сказала ему тихо, такъ-что другіе не могли насъ слышать: «я сердита на васъ; это вы погубили мой еліотропъ». Онъ не измѣнился въ лицѣ, не смутился, не покраснѣлъ, и съ тою же убійственною холодностію, которую лицо его выражало цѣлый вечеръ, отвѣчалъ: «кто бы это ни сдѣлалъ, мнѣ кажется, что онъ угодилъ вамъ». Съ языка моего сорвалось: «о, нѣтъ!» и видно голосъ мой или взоръ придали необыкновенное значеніе этому слову, только лицо Илашева вдругъ оживилось. Въ глазахъ его блеснула радость, онъ сжалъ мнѣ руку... Въ эту минуту мы подошли къ столу.

«Онъ сѣлъ подлѣ меня. Никогда еще я не видала его столько любезнымъ, столько очаровательнымъ. Лицо его, всегда безстрастное, непроницаемое, дышало счастіемъ; насмѣшливая улыбка уступила мѣсто выраженію кроткой веселости. Онъ говорилъ со мною не болѣе какъ съ другими, не сказалъ ни одного слова, котораго не могли бы слышать всѣ; но все, что ни говорилъ онъ, было для меня,—для меня онъ былъ веселъ, оживленъ; онъ казался счастливымъ, и каждый взоръ его благодарилъ меня за это счастье.

«Послѣ ужина мы пошли въ залу. Онъ сѣлъ за фортепяно и пѣлъ. Никто лучше его не поетъ романса. Этотъ человѣкъ, всегда холодный, всегда готовый встрѣтить насмѣшкою всякое душевное движеніе, кажется, перерождается съ первою музыкальною нотою, какъ-будто-бы душа его всю чувствительность свою сохранила для одной музыки, или лучше, какъ-будто-бы одна музыка имѣла силу пробуждать эту душу, добровольно осудившую себя на вѣчный сонъ. Леонтій за фортепяно—артистъ. Онъ пересоздастъ музыку самую обыкновенную, придавая каждому слову, каждому звуку выраженіе, котораго другіе не умѣли бы открыть. Въ этотъ разъ онъ пѣлъ выразительнѣе обыкновеннаго. Каждое слово его, казалось, было сказано сердцемъ; каждая нота—живымъ голосомъ души. И я чувствовала, и я знала, что все это было для меня, что мнѣ, не другому кому, говорила душа его, что для меня, не для другихъ, былъ такъ краснорѣчивъ взоръ его...

«О, какой вечеръ, какой вечеръ! одна любовь можетъ дарить подобными минутами. Для чего же ты, небесная, какъ изгнанница, таишься отъ людей? Для чего твое явленіе, какъ губительная тайна, должно скрываться во мракъ? Для чего взоръ, измѣняющій тайнѣ твоего божественнаго присутствія, какъ клеймо осужденія между людьми? Для чего изъ нихъ никто понять не хочетъ, что есть возвышающаго въ твоемъ прикосновеніи?»

«Для того, что немногіе знаютъ тебя; для того, что человѣкъ не умѣетъ приготовить храма, достойнаго для твоего принятія, и потому ты, какъ-бы испугавшись жилища, которое онъ предлагаетъ тебѣ, такъ скоро и покидаешь его, не открывъ красоты своей, не оставя ни малѣйшаго слѣда твоего святаго присутствія...»

XIV.

Конечно, вамъ случалось проѣздомъ изъ губернскаго города въ столицу, или изъ столицы въ вашу степную, отдаленную вотчину, видѣть, по деревнямъ, въ концѣ длиннаго порядка, иногда даже въ двухъ, трехъ мѣстахъ, маленькіе господскіе домики, деревянные, съ тесовою, островерхою кровлею, съ маленькими окнами, съ почернѣвшими наличниками, съ широкими воротами и большимъ дворомъ, огороженнымъ тесовымъ заборомъ, потемнѣвшимъ отъ сырости и дождя? По другую сторону дома обыкновенно большой огородъ, обнесенный частоколомъ и обсаженный ивами или березами; нѣсколько поодаль — гумно; кругомъ ни души. Все тихо, пусто. Невольная грусть овладѣваетъ душою, особливо осенью. Тогда обнаженные деревья, грязь, слякоть на дворѣ, почернѣлыя отъ сырости стѣны, — все смотритъ какъ-то еще печальнѣе. Невольно спрашиваешь, какъ тутъ живутъ, и въ воображеніи раскидывается длинный рядъ дней, посвященныхъ одиному заботамъ о насущномъ и скучному труду непрерывнаго надзора, объ-руку съ тяжелымъ недоверіемъ, — и все это безъ отдохновенія, безъ малѣйшаго луча поэзіи, безъ изящества, безъ малѣйшей притихоти... Можетъ-быть, эту мрачную картину рисуетъ дорожная скука и въ дѣйствительности краски ярче; дѣло въ томъ, что намъ трудно вообразить осенній вечеръ въ этихъ домикахъ, когда вѣтеръ востъ въ полѣ и мелкій дождь со снѣгомъ бьетъ въ худопритворенный ставень. Что дѣлать тамъ въ эту пору? Сосѣди не пойдутъ въ такое время; въ семьѣ напились чаю, поговорили со старостою, записали умолотъ и выдачу, въ десятый разъ пересчитали на сколько въ этотъ годъ продадутъ овса; дѣти спать и старшая дочь разъ пять уже зѣвнула за чулкомъ... Долгимъ воспоминаніемъ живетъ въ такихъ вечерахъ съѣздъ, какъ былъ, на примѣръ, у Кортониныхъ, или охота, какъ была у Сарапаевыхъ. Сколько разсказовъ, догадокъ, заключеній и предвѣщаній! Мать съ дочерью, сестры не наговорятся, и пока глава семейства тол-

куеть съ десятскимъ, или докуриваетъ десятую трубку въ углу, покачивая ногою, дѣвушки припоминають и ленточки, и оборки, и взгляды, и слова. Послѣ кортоминскаго бала, на-примѣръ, и особенно вѣчера, послѣдовавшаго за тѣмъ у Сарапаева, весь уѣздъ совершенно былъ занятъ Анютою, Ладошинымъ и Илашевымъ. Необыкновенное вниманіе Петра Алексѣевича къ прїѣзжему сосѣду и любезничанье самого Илашева съ Софьею Павловною и съ Анютою подавали поводъ ко многимъ толкамъ. Иныя пророчили въ немъ жениха, другіе — что-то недоброе для самого Петра Алексѣевича. Не было ни одного самаго бѣднѣйшаго помѣщика, изъ небывавшихъ никогда у Петра Алексѣевича, въ домѣ котораго не обсуживали бы на тысячу ладовъ дѣлъ Петра Алексѣевича и его семейства. Бѣднякъ не любитъ богача; завидуешь ему; послушаешь, такъ и поклониться бы ему не хотѣлъ, а только и разговоровъ, и сухоты, что о дѣлахъ богача! Но нигдѣ и никого сарапаевскія дѣла, и вообще оба вѣчера, кортомиинскій и сарапаевскій, не занимали такъ много, какъ хозяйку одного господскаго дома, въ довольно-значительномъ селеніи, на самой большой дорогѣ. Это, однакожъ, былъ не одинъ изъ тѣхъ маленькихъ домиковъ, па которые такъ грустно бываетъ смотрѣть осенью. Это былъ довольно-большой сельскій домъ, въ какомъ-то причудливомъ вкусѣ, въ родѣ небольшой итальянской виллы, съ широкими окнами, съ террасою, цвѣтниками и англійскимъ затѣйливымъ садомъ. Въ самыхъ комнатахъ — ковры, легкіе занавѣсы у оконъ, цвѣты въ вазахъ, цвѣты на окнахъ, тамъ-и-сямъ зеленыя группы померанцовыхъ деревьевъ; на столахъ журналы, новый романъ, иллюстраціи Гаварни; здѣсь богатый рояль, а тамъ щегольскія пальцы съ начатою работою, и возлѣ, на креслахъ, брошенъ послѣдній романъ Эжена Сю. Словомъ, это домъ Вѣры Дмитріевны.

Ужъ поздно. Гостиная освѣщена одною лампою; Вѣра Дмитріевна, въ траурномъ платьѣ, лежитъ на диванѣ, по-временамъ нюхая спиртъ. Передъ нею на столѣ корзинка съ работою, серебряный колокольчикъ и лампа съ матовымъ стекломъ. По другую сторону стола извѣстная намъ Мавра Даниловна, въ своемъ кисейномъ чепцѣ и шерстяной косынкѣ, съ чулкомъ въ рукахъ.

Вѣра Дмитріевна нездорова. Утромъ она была въ церкви (это былъ день кончины ея мужа), что ее всегда очень разстроиваетъ. Мавру Дмитріевну привезли прямо отъ Сарапаевыхъ. Чтобъ разсѣять хозяйку, она рассказываетъ ей, кто уѣхалъ послѣ нея отъ Кортомиинскихъ, кто поѣхалъ къ Сарапаевымъ; какъ были одѣты Софья Павловна и Анюта; веселы ли были гости, кто съ кѣмъ игралъ, кто съ кѣмъ говорилъ, о чемъ. Тутъ ничто не было забыто — ни обѣдъ, ни ужинъ, ни приключеніе съ бѣднымъ еліотропомъ, приключеніе, которое, къ несчастію, должно было остаться необъяснимымъ для Мавры Даниловны, не смотря на всю ея проникательность.

— Странное происшествіе! замѣтила Вѣра Дмитріевна: — и цѣтокъ былъ подаренъ Илашевымъ?

— Онъ, матушка, онъ; ранехонько еще прислалъ.

— На кого же пало подозрѣніе?

— Богъ—знаетъ, матушка. Никто не видалъ. Говорили, будто кортоминскія дѣти; въ-самомъ-дѣлѣ, они такіе шалуны. Не то, что ваши, матушка, Вѣра Дмитріевна; ваши ужь подлинно сказать...

— Я думаю, что Софью это очень огорчило?

— Нѣтъ, какъ-будто не очень. Она была такая веселая весь вечеръ, и послѣ ужина такъ распѣлась, что я налюбовалась на нее.

— Распѣлась? Вотъ какъ.

— Какъ же! Съ придворнымъ-то, матушка; она-то, правда, мало пѣла, только очень развеселилась. Такъ разгорѣлась и была такая хорошенькая! Глазки такъ и свѣтятся.

— А Леонтій Андреичъ... былъ также веселъ?

— Веселѣхонекъ, точно, будто-бы былъ такъ, простой. И съ Софьей Павловной, и съ Анной Петровной такъ и перебиваетъ, и смѣется, и не узнаешь, чтобъ былъ придворный.

— А Анята?

— Что-то она мнѣ показалась не очень-весела, Богъ ее знаетъ отъ-чего. — Мавра Даниловна посмотрѣла испытующимъ взоромъ на хозяйку; та поднесла къ носу сткляночку съ одеколономъ, потомъ потеряла виски.

— Ваша головка все не унимается, видно, матушка? спросила Мавра Даниловна.

— Это ничего, пройдетъ. У меня нервы очень-разстроены, и когда я думаю объ этой бѣдной Анятѣ...

Она замолчала.

— Сиротство, матушка, великое несчастіе! замѣтила Мавра Даниловна.

— Точно, великое. Конечно, Софья Павловна прекраснѣйшая женщина, добра какъ ангелъ; я истинно люблю ее; но развѣ можетъ она замѣнить мать?

— Матери, матушка, никто не замѣнить... Вотъ хоть бы ладошинская исторія: будь жива покойница, не то бы было. Конечно, можетъ-быть, оно и къ лучшему...

— Почему же къ лучшему?

— Вѣра Дмитріевна! да вѣдь всѣ говорятъ, что Леонтій-то Андреичъ сватаетъ ее.

— Ну, за этимъ, кажется, ей не бывать.

— Ахъ, матушка! да ужь лучше жениха, я думаю, ей во снѣ не видать. Вѣдь подумайте: придворный! Ужь это вѣдь грѣхъ будетъ...

— Тамъ какъ хотите; но если Татьяна Васильевна не вступится за дѣло, то этому не бывать.

— Я понимаю, матушка, какъ съ Ладошинимъ же, а можетъ-быть и хуже. Я вѣдь все знаю. Только не мое дѣло говорить. Съ вами—ну, это другое дѣло; съ вами я какъ съ духовникомъ; отъ васъ ничего не могу утаить, а съ другими — Боже меня сохрани! Мы, бѣдные люди, видимъ, да не видимъ, слышимъ, да не слышимъ... А ужъ вамъ скажу, матушка, — не хорошее дѣло.

— Да что же такое?

— Ужъ хоть она вамъ и другъ, а скажу вамъ, нехорошо. Вчера, послѣ ужина—то, всѣ пошли въ залу, и я также; вижу, садятся за фортепьяно, и я сѣла къ стѣнкѣ, такъ, въ бокъ отъ нихъ; а передо мною стала Анна Петровна, такъ—что мнѣ изъ-за нея все видно, а меня не видать. Вотъ смотрю, что-то неладно. Онъ поетъ, а самъ смотритъ на Софью Павловну, да такъ смотритъ, что вотъ, кажется, такъ бы и сѣлъ! А она-то и краснѣетъ, и потупитъ глазки, а грудь такъ и колышется. А станутъ разбирать ноты, такъ наклонятся другъ къ другу, что вотъ того и смотри...

— Э, Мавра Даниловна! вамъ это показалось. Ну, посудите сами: вы говорите, что онъ сватаетъ Анюту...

— Не распустили ли нарочно слухъ—отъ, матушка?

— Нѣтъ, я навѣрное знаю, что Петръ Алексѣвичъ очень этого желаетъ.

— Да ужъ онъ такъ желаетъ, что и сказать нельзя! Посмотрѣли бы, какъ онъ за нимъ ухаживаетъ. И «Леонтій Андрейчъ, пожалуйста сюда», и «Леонтій Андрейчъ, покушайте», и Анюту позоветь. Вы знаете, какъ онъ тяжелъ на подъемъ, а къ нему безпрестанно ѣздитъ. Недавно ему собаку подарилъ, знаете, что въ Петербургъ—то триста рублей заплатилъ. За собаку триста рублей! легко ли!

— И я знаю навѣрное, что со стороны Илашева дѣло очень шло на ладъ.

— Шло, да вотъ вышло другое.

— Такъ вотъ видите ли, Мавра Даниловна: еслибъ Татьяна Васильевна пріѣхала сюда, то дѣло могло бы еще устроиться. Знаете ли что?

— Что такое, матушка?

— Завтра мой прикащикъ ѣдетъ въ городъ дня на два, не больше. Съѣдите съ нимъ къ Татьянѣ Васильевнѣ; вѣдь она, кажется, очень—хороша къ вамъ?

— Какъ же, матушка! И она, да еще и матушка ея покойная, царство ей небесное, никогда не оставляла насъ. Я почти отъ нихъ и замужъ шла; да не онѣ ли полно и холсты, и полотна, и все что нужно для приданого, какое спрашивали по бѣдности, дали покойной матушкѣ. И теперь Татьяна Васильевна много не оставляетъ насъ.

— Она точно васъ очень любитъ, и поэтому—то мнѣ кажется, что вамъ и надобно было бы предупредить ее объ Анютѣ. Вѣдь

здѣсь не шутка: дѣло идетъ о счасти дѣвушки; а вы знаете, какъ она любитъ Аnięту.

— Ахъ, матушка! да мнѣ кажется, что мать родная не можетъ такъ любить.

— Вотъ видите. Такъ поговорите же ей; я увѣрена, что она не захочетъ упустить такого жениха, какъ Илашевъ...

— Да какъ это можно, матушка! Вѣдь ужъ и знатенъ и богатъ. Конечно, не красавецъ, смугленекъ немного; но вѣдь и недурень, мужчина видный.

Вѣра Дмитриевна вспыхнула.

— Поѣзжайте, Мавра Даниловна, сказала она съ необыкновенною живостью. — Надобно сдѣлать, чтобъ Татьяна Васильевна сама пріѣхала сюда. Это ужасно... лишать Аnięту такого жениха!

— Господь сохрани и помилуй!

— Только... продолжала Вѣра Дмитриевна успокоиваясь: — пожалуйста, Мавра Даниловна, ни слова о Софѣ; не давайте чувствовать, что вы что-нибудь замѣтили. Я совершенно увѣрена, что вы ошиблись.

— Ничего не скажу, матушка, будьте покойны. Ну, можно ли, чтобъ я сказала! Развѣ я не знаю...

— Всего нужнѣе, чтобъ Татьяна Васильевна пріѣхала сюда и узнала о сватовствѣ Илашева. Только смотрите же: ни слова о Софѣ. Повторяю вамъ, что вы ошиблись. Тутъ ничего и похожего нѣтъ.

— Ахъ, Вѣра Дмитриевна! сказала улыбаясь Мавра Даниловна: — вы, по своей святой душѣ, никогда злу не хотите вѣрить. Вы настоящій ангелъ! О васъ всѣ это говорятъ...

Прощаясь, Вѣра Дмитриевна, — между-тѣмъ, какъ Мавра Даниловна цаловала ее въ плечи и грудь, — сказала: «Итакъ, любезная моя Мавра Даниловна, завтра вы пораньше напьетесь чаю и поѣдете. Прикащикъ будетъ васъ ждать, и вы съ нимъ же и возвратитесь. Онъ не пробудетъ въ городѣ болѣе двухъ дней. А я пошлю къ вамъ маслица, да велю сказать, чтобъ везли рожь на мою мельницу. Теперь свободно, такъ смелютъ.»

— Благодарница моя! повторяла Мавра Даниловна, осыпая жаркими поцалунми бархатную мантилью Вѣры Дмитриевны.

По уходѣ Мавры Даниловны, прекрасная вдова осталась одна. Лицо ея вдругъ измѣнилось, какъ-будто тяжелое бремя упало на ея душу. Богъ-знаетъ, о чемъ она думала. Зная Илашева, она не могла, кажется, предполагать, чтобъ онъ могъ когда-нибудь жениться на Аніотѣ; не могла также надѣяться, чтобъ и Татьяна Васильевна отказалась отъ любимой мечты своей — отдать за Ладошину любимую внучку... Для чего же желала она пріѣзда Татьяны Васильевны? Чтò вызывала она? помощь ли для Аніоты, или грозу на бѣдную Софью Павловну, въ которой видѣла соперницу, женщину, перешедшую дорогу и разстроившую ея любимые планы?..

XIV.

Въ самое это время, Леонтій Андреевичъ Илашевъ въ своемъ вновь-отдѣланномъ деревенскомъ домѣ дружески бесѣдовалъ съ Ладошнымъ, и вотъ по какому случаю.

Можетъ-быть, вы вспомните разговоръ, который имѣла Вѣра Дмитриевна съ Анютою въ гостиной, на кортоминскомъ балѣ, и какъ Анютѣ, во время этого разговора, показалось, что она видѣла Ладошина на балконѣ близъ окна, подѣ которыми она сидѣла съ Вѣрою Дмитриевою. Анюта не ошиблась: Ладошинъ дѣйствительно былъ на балконѣ и слышалъ весь разговоръ ея съ прекрасною вдовою. Онъ вышелъ на балконъ въ то самое время, когда онѣ входили въ комнату, и замѣтивъ, что молодыя женщины расположились поговорить, сталъ подѣ окно, въ надеждѣ поймать какое-нибудь слово изъ ихъ разговора. Случай, а скорѣе сама Вѣра Дмитриевна, видѣвшая его на балконѣ прежде Анюты, благопріятствовала ему, потому-что она не замедлила съѣсть подѣ то самое окно, подѣ которымъ онъ находился. Онъ слышалъ снисходительные отзывы на его счетъ Вѣры Дмитриевны и легко понялъ, что она старается отдалить отъ него Анюту, увѣривъ дѣвушку, что ее ожидаетъ такой женихъ, какъ Илашевъ. Ладошинъ былъ увѣренъ, что Вѣра Дмитриевна дѣйствуетъ такимъ-образомъ изъ ненависти къ нему, для того, чтобъ отнять у него счастье, которое онъ почиталъ такъ близкимъ. Онъ не скрывалъ отъ себя, что такая женщина, какъ Вѣра Дмитриевна, вравшись, какъ можно было видѣть изъ слышаннаго имъ разговора, въ довѣренность Анюты, легко могла вскружить голову молодой дѣвушкѣ и заставить ее дѣлать, что она хотѣла. Это опасеніе подтверждалось самыми поступками Анюты, которая во весь день была очень-холодна съ Ладошинымъ, и самыми словами ея, когда она говорила съ Вѣрою Дмитриевою объ Илашевѣ. Ладошину показалось, что въ этихъ словахъ была какая-то грусть, какъ-будто Анюта желала, но боялась еще вѣрить обѣщаніямъ своего коварнаго друга. Но Ладошинъ былъ не такой человекъ, котораго можно было заставить отказаться отъ однажды-принятаго намѣренія единственно потому-что какой-нибудь вздушии вздумалось бы разстроить его свадьбу, а невѣстѣ закружиться отъ камер-юнкера. Первое могло только подстрелить его дѣйствовать настоящимъ, а послѣднее... любовь его была не такъ разборчива, чтобъ оскорбиться какою-нибудь минутной переменой въ дѣвушкѣ, за которую было по крайней-мѣрѣ триста душъ въ степной губерніи. Къ-тому же, эта дѣвушка ему нравилась. Такъ что тутъ было думать? Женщина непостоянна и легкомысленна по своей природѣ, — это онъ давно уже гдѣ-то вычиталъ и затвердилъ; такъ какъ же бы онъ сталъ требовать совершенства отъ Анюты? Вотъ ишло дѣло, когда она будетъ его женою: ну, тогда онъ возьметъ

Вамъ не нравится подобный образъ мыслей въ молодомъ человѣкѣ, въ женихѣ и влюбленномъ, какъ мы его видали? Что дѣлать! Мы рассказываемъ исторію молодого человѣка, а не романческаго героя, и здѣсь особенно рассказываемъ не то, что говорилъ онъ, а что думалъ.

Одно безпокою Владимира Григорьевича — Илашевъ. Какъ ни ясно казалось ему, что Вѣра Дмитриевна подставила здѣсь Илашева единственно для того, чтобъ отвлечь отъ него вниманіе Анюты, однако онъ не могъ быть покоенъ. Вѣдь онъ былъ же влюбленъ въ Анюту, а какой влюбленный не страшится и самой тѣни, на минуту скрывающей отъ глазъ его любезную? Да и вообще, кто же, стремясь къ чему-нибудь всей душою, не готовъ былъ принять за дѣйствительность самый легкій призракъ, угрожающій достиженію его желанія? «Кто же знаетъ» говорилъ Ладошинъ: «можетъ-быть, въ-самомъ-дѣлѣ тутъ есть что-нибудь похожее на правду. Анюта очень-недурна: развѣ не могла она поправиться? Ну, а если Илашевъ вздумаетъ за нею ухаживать — чортъ возьми! это будетъ нехорошо.»

Владимиръ Григорьевичъ былъ человѣкъ не очень-терпѣливый; онъ не любилъ неизвѣстности, а какъ мы сказали уже, что онъ былъ давно и дружески знакомъ съ Илашевымъ, то онъ и рѣшился ѣхать къ нему.

Теперь заглянемъ въ комнату, прихотливо-убранную и довольно-большую, гдѣ передъ пылающимъ каминомъ сидѣли Леонтій Андреевичъ Илашевъ и гость его. Между ними, на маленькомъ столикѣ, стояла на серебряномъ подносѣ бутылка съ пробкою, оправленной въ серебро и привѣшенною на такой же цѣпочкѣ, и два стакана, наполненные краснымъ виномъ, котораго колеръ чистыми рубиновыми просвѣтами показывалъ, что вино привезено не изъ губернскаго города. У ногъ ихъ дремала, пригрѣтая камелькомъ, прекрасная лягавая собака.

Все въ этой комнатѣ показывало, что она отдѣлана недавно и не для старобытнаго хозяина. Ни счетовъ, ни бутылей съ настойкою, ни старой конторки, на которой собраны въ кучку и веревочки, и дребни, и подпалокъ, и клещи; ни печальной наготы стѣнъ, ни даже течи съ окошекъ, безъ которой рѣдко стоитъ деревенскій домъ. Напротивъ, хорошенькіе обои съ золотыми багетками, на полу коверъ во всю комнату; красивый письменный столъ, подъ которымъ брошена барсовая кожа; покойные диваны, кресла, а на этажеркахъ, на столѣ, книгъ, журналовъ, чертежей хозяйственныхъ машинъ столько, что у инаго сосѣда сердце порачивалось при входѣ въ этотъ кабинетъ и «не скопить денежки, какъ отцы» такъ и вертѣлось на языкѣ.

Огонь весело перебирался по березовымъ деревьямъ, свивая въ рубку бѣлую кору, которая трещала и дымилась; яркіе отсвѣты играли по мѣбелямъ и по-временамъ зажигали блестящія искры въ стаканѣхъ молодыхъ людей. Хозяинъ опорожнилъ свой.

— Хотя это и не *жизнеподдержательное*, сказалъ онъ улыбаясь и дополняя изъ бутылки стаканъ гостя:—однако не совѣтую отъ него отказываться.

— Ну, это не кортоминское, отвѣчалъ тотъ, отвѣдывая изъ стакана съ видимымъ удовольствіемъ. — Что дѣлать! Здѣсь нельзя пить вина. Это совершенная отравка, и поневолѣ пріймешься за *жизнеподдержательное*. Миѣ привезли нынѣшнюю весною изъ Москвы, заплатили дорого—и никуда не годится. Чортъ знаетъ! поручить никому нельзя.

— Если хочешь хорошаго вина, то надобно брать по знакомству. Я всегда беру въ англійскомъ магазинѣ и до-сихъ-поръ очень доволенъ. Вотъ я велю подать бутылочку лафита, и ты посмотришь каково. — Онъ позвонилъ.

А хорошо, я думаю, въ осеннія сумерки, послѣ сочнаго ростбифа, передъ каминомъ, за стаканомъ добраго лафита, забывать съ пріятелемъ житейскія бури и невзгоды. Все равно, въ степной ли деревнѣ, или въ Большой-Милльонной пригрѣлъ васъ такъ радушный огонекъ. Хорошо... но не всѣмъ же такъ хорошо и на Милльонной и въ степи.

Молодые люди все становились разговорчивѣе и довѣрчивѣе. Дымъ сигарокъ вился голубою струйкою, вино алѣло въ стаканахъ.

— Послушай, Илашевъ, сказалъ наконецъ Ладошинъ:— ты не догадываешься, а вѣдь я пріѣхалъ къ тебѣ за дѣломъ.

— Очень-радъ, если могу чѣмъ быть полезенъ. Что же это?

— И много и мало, какъ посудишь. Миѣ нужно, чтобъ ты былъ со мною искрененъ, знаешь, какъ товарищъ.

— Только-то? за этимъ, батюшка, дѣло не станеть.

— Право?

— Ты сомнѣваешься? миѣ кажется, что при нашихъ отношеніяхъ это неизвинительно.

— Есть обстоятельства, когда позволено быть скрытымъ, даже и съ другомъ.

— Иногда это бываютъ очень-пріятныя обстоятельства, Владиміръ Григорычъ; только миѣ кажется, что мы съ вами не можемъ похвалиться ничѣмъ добрымъ, по-крайней-мѣрѣ я.

— Нѣтъ, не шутя.

— Такъ говори же:

Ладошинъ началъ зажигать сигарку, которая и безъ того курилась еще, и смотря пытливо на хозяина, сказалъ:—Здѣсь всѣ увѣряютъ, будто ты думаешь жениться.

При этихъ словахъ, едва-примѣтное беспокойство на минуту показалось на лицѣ Илашева. Однако онъ отвѣчалъ не измѣня мало ни голоса, ни положенія:—Да кому же до этого какое дѣло?

— Такъ это правда?

— Я желалъ бы знать, почему это тебя такъ тревожить?

— Какъ почему? Тебѣ, кажется, извѣстны отношенія мои къ этому дому.

— Твой?.. да, наконецъ, на комъ же я женюсь?

— Всѣ говорятъ, что ты сватаешься къ Сарапаевой.

— Къ Сарапаевой! такъ вотъ что!

— Ты знаешь, что я самъ искалъ въ этой дѣвушкѣ; знаешь также, что и до-сихъ-поръ между нами ничто еще не кончено. Теперь говорятъ, что она тебѣ нравится. Я подумалъ: Леонтій Андреечъ благородный человекъ; онъ со мною хитрить не станетъ, и рѣшился спросить тебя, потому что если Сарапаева тебѣ нравится, то мнѣ остается только—убираться по-добру, по-здорову.

— Прошу покорно! да мнѣ кажется, что ты и въ-самомъ-дѣлѣ влюбленъ, сказалъ Илашевъ, и, не переставая курить, смотрѣлъ на пріятеля съ своимъ обыкновеннымъ, нѣсколько-насмѣшливымъ выраженіемъ, въ которомъ не оставалось уже ни малѣйшей тѣни безпокойства.

— Наконецъ, Илашевъ, да или нѣтъ? Ты видишь, что я поступилъ съ тобою, какъ человекъ прямодушный. Надѣюсь, ты мнѣ заплатишь тѣмъ же.

Илашевъ перемѣнилъ тонъ, и съ видомъ совершенной искренности сказалъ, подавая руку Ладошину: — Если такъ, то я говорю тебѣ, какъ честный человекъ, нѣтъ, и не можетъ быть.

— Не можетъ быть?

— Нѣтъ; я имѣю на это много основательныхъ причинъ, о которыхъ поговоримъ послѣ. Довольно, если теперь я объясню тебѣ мое мнѣніе на счетъ женитьбы, и ты убѣдишься, что я не могу имѣть никакихъ притязаній на Сарапаеву.—Онъ закурилъ сигару и, принявъ прежнее, полулежащее положеніе, продолжалъ: — По моему мнѣнію, женитьба должна быть для каждаго благоразумнаго человека чистою спекуляціею...

— Которая должна же имѣть въ виду счастье?

— Да, но конечно не то, о которомъ, можетъ-быть, ты напѣваешь своей невѣстѣ. Женитьба, Владиміръ Григоричъ, должна быть рѣшительнымъ шагомъ въ нашей жизни, къ какой бы цѣли мы ни стремились. Она должна непременно улучшить положеніе наше въ свѣтѣ. Теперь я спрашиваю тебя, что мнѣ доставитъ Сарапаева? Да мнѣ съ нею невозможно будетъ даже поддержать въ обществѣ, въ которомъ я живу, потому что для холостаго мое состояніе еще идетъ, но съ женою...

— За нею, однакоже, отецъ дастъ около двухъ-сотъ, да послѣ бабушки...

— Да, послѣ. Ну, да хорошо, еслибъ и теперь: что это значить для Петербурга въ томъ кругу, къ которому я уже привыкъ? Это прекрасно здѣсь; но, признаюсь, корчить грансеньера въ провинціи совсѣмъ для меня незавидная доля.

— Однакожъ, дѣвушка можетъ же поправиться?

— А ты влюбился бы въ Сарапаеву, еслибъ за нею ничего не было, или еслибъ она была дочерью какого-нибудь секретаря?..

— Ну, вотъ еще, съ которой стороны ты берешь! Разумѣется, вѣдь мы не дѣти же, чтобъ влюбляться безъ ума; однакоже, если правила дѣвушки..

— А ты вѣришь въ правила дѣвушекъ?

— Однакожь, если попадется Вѣра Дмитріевна.

— Что же? мы также будемъ умѣть принимать за гостей компаньонки тѣхъ, которые будутъ посѣщать ее черезъ садъ въ наше отсутствіе; тутъ нѣтъ ничего ни новаго, ни особеннаго. А гости послѣ, изъ великодушія, станутъ давать приданое компаньонкамъ.

— Смѣйся, но мнѣ кажется, что это единственное доброе дѣло, которое мнѣ случилось сдѣлать въ жизнь мою.

— А, на-примѣръ, съ Сарапаевымъ, какъ ты съ нимъ сладилъ?

— Если станеть упрямитъ, я увезу Анюту.

— Нѣтъ? и ты увѣренъ, что она поѣдетъ?

— Дá, если тебѣ не вздумается мѣшать мнѣ — онъ пристально посмотрѣлъ на Илашева; но тотъ, казалось, не замѣтилъ этого испытующаго взгляда. Онъ продолжалъ:—У меня есть ея письма.

— Твоя любовь разсчитываетъ и эти средства?

— До этого не допускать, повѣрь мнѣ...

хv.

Нѣсколько дней непрерывнаго ненастья прекратили всѣ сообщенія между помѣщиками. Сарапаевы никуда не выѣзжали; конечно, у нихъ никогда не бывало безъ людей, но это были кое-кто изъ самыхъ близкихъ, и то мужчины, въ числѣ которыхъ былъ и Илашевъ. Между-тѣмъ, Вѣра Дмитріевна писала къ Софѣ Павловнѣ, что она нездорова; и, странное дѣло, ни въ одномъ изъ писемъ ея не было ни слова о томъ, что всего болѣе занимало Софью Павловну. Казалось, прекрасная вдова приняла рѣшительное намѣреніе молчать — быть-можетъ, выжидая довѣренности своей пріятельницы. Наконецъ, осеннее солнце въ полномъ блескѣ взошло на горизонтъ, тучи разсѣлились, и Софья Павловна рѣшилась навѣстить друга. Но станеть ли она говорить съ нею откровенно? скажетъ ли о томъ, что происходило въ душѣ ея?.. Нѣтъ! Софья Павловна никогда не рѣшится на это. Вѣра Дмитріевна такъ строга въ непреклонной добродѣтели своей: какъ говорить ей о слабостяхъ сердца!

Въ этотъ же самый день, только-что начало смеркаться, въ Сергіевскомъ, на вершинѣ горы, по которой вилась проѣзжая дорога, показались два экипажа, приблизились, вотъ слышенъ стукъ колесъ; на дворѣ зашумѣло, и отъ передней до дѣвничьей разнеслось:

«Татьяна Васильевна прѣхала». Анюта бросилась стремглавъ на крыльцо; Петръ Алексѣевичъ, который въ это время доигрывалъ партію въ преферансъ, послѣдно бросилъ карты, записалъ выигрышъ, стеръ ремизъ, спросилъ, кто сдаетъ, и пошелъ скорыми шагами къ передней.

Между-тѣмъ, къ крыльцу подѣхала огромная четырехмѣстная карета въ шесть лошадей. Двое дюжихъ слугъ отворили дверцу и стали у подножки. Въ каретѣ показалось движеніе; какая-то масса, составленная изъ атласовъ разныхъ цвѣтовъ, придвинулась къ дверцѣ, потомъ на подножку опустилась нога, довольно-значительнаго размѣра, въ широкомъ башмакѣ со спущенною пяткою; за тѣмъ атласная масса заколебалась, и появилась широкая голова пожилой женщины въ темномъ капорѣ; двѣ толстыя руки ухватились за стѣнки кареты, потомъ опустились на плеча двухъ слугъ, и Татьяна Васильевна вышла вся на первую ступень, остановилась, сказала нѣсколько словъ кучеру и спустилась прямо въ объятія Анюты, которая въ то же время бросилась къ бабушкѣ и утонула своимъ хорошенькимъ личикомъ въ кашпонахъ и мантильяхъ, закрывавшихъ весь бюстъ почтенной дамы. Петръ Алексѣевичъ съ другой стороны цаловалъ ручки тѣтушки. За тѣмъ изъ кареты выпрыгнули, одна за другою, дѣвочка, дѣвушка и извѣстная намъ Мавра Даниловна, — всѣ три съ дорожными мѣшками; дѣвочка, сверхъ того, несла еще подушку, которую барыня обыкновенно подкладывала подъ себя, и маленькую собачонку; послѣднюю, однакожь, Анюта тотчасъ приняла въ свое завѣдываніе, при радостныхъ восклицаніяхъ: «ахъ, мимка, мимочка!» Татьяну Васильевну повели на лѣстницу.

Черезъ нѣсколько минутъ, тѣтушка сидѣла въ гостиной на своей подушкѣ и въ большихъ креслахъ, положила ноги въ спущенныхъ башмакахъ на шитую скамейку; Анюта съ собачкою усѣлась возле нея на табуретѣ, Петръ Алексѣевичъ на диванѣ, положила руки на столъ, и, какъ свѣтскій человѣкъ, внимательно слушалъ тѣтушку, не обращая ни одного взгляда на карточный столъ, за которымъ партнеры его сидѣли съ чувствомъ просителя въ передней министра, и для разсѣянья били по столу зарю пальцами. Татьяна Васильевна снимала съ шеи одинъ за другимъ платочки, шарфики и все это складывала передъ собою на столъ.

— Какая дорога! Господи твоя воля! говорила Татьяна Васильевна. — Отроду не видывала такой. Ну, ужъ исправникъ! поблагодарю, какъ увижу. Вотъ извольте хлопотать за такихъ людей. Въ Бакаевѣ вздумали мостъ загородить: новый-де; не приказано ѣздить. Поѣхали въ объѣздъ да и завязали карету выше ступицы. Всей деревней насили вытащили.

— Чтò съ ними станешь дѣлать! сказалъ Петръ Алексѣевичъ: — вездѣ мошенничество.

— Ну, увижу правящаго губерніей, скажу: хороша, батюшка,

дорожка у васъ въ губерніи. Новому губернатору будетъ на что порадоваться.

— А мимка-то, бабушка, сказала Анюта, лаская хорошенькую мышеловку, которая покоилась на ея колѣняхъ: — и ее растрясло, бабушка? Какъ она была дорогой?

— Всю дорогу все смотрѣла въ окно, уставивъ глаза и наостривъ уши, точно знаетъ, мерзкая.

— Мимка точно преумная собачка, тѣтушка, замѣтилъ Петръ Алексѣевичъ. — Человѣкъ! что же чаю? да спросить, послали ли къ барынѣ.

— Куда? зачѣмъ? развѣ Софьюшки нѣтъ дома?

— Она поѣхала сегодня утромъ навѣстить Вѣру Дмитревну. Та нездорова.

— Нездорова! Ахъ, Боже мой! слышишь, Мавра Даниловна? видно хуже стало? Я, батюшка, привезла къ вамъ съ собою полный мой штатъ, и Агаею Ивановну мою, тамъ въ бричкѣ ѣдетъ, и дѣвчонокъ, и вотъ Мавру Даниловну тоже. Она врѣхала въ городъ, а я и удержала ее. Да что же это съ Вѣрой Дмитревной? Спаси ее Богъ!

— Должно быть простуда; я не знаю, право.

— Сохрани ее Господи! Отъ простуды не мудрено и горячку схватить. А у нея дѣти. Да зачѣмъ же ты, батюшка, послалъ за Софьюшкою? вѣдь она вѣрно поѣхала ночевать?

— Это все равно, тѣтушка. Она никогда не простила бы, еслибъ мы къ ней не послали.

— Да теперь ужь поздно; дорога же такая дурная.

— Нѣтъ, тутъ только въ одномъ мѣстѣ дурно. А то все степь.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я не хочу. Анюта! бѣги, скажи, чтобъ не смѣла сегодня пріѣзжать. Я не приказываю. Такъ вели сказать: тѣтушка-де не приказала.

Анюта побѣжала.

Татьяна Васильевна опять начала:

— Да есть ли докторъ у Вѣры Дмитревны? Я такъ люблю эту женщину. Вотъ ужь, можно сказать, примѣрная! Какая мать, какая хозяйка! Осталась вдовою въ ея лѣта, устроила дѣла и живетъ единственно для дѣтей. Вѣдь покойный оставилъ ей семьдесятъ тысячъ одного партикулярнаго долга.

— Я не думаю, тѣтушка, чтобъ на немъ былъ партикулярный долгъ. Одинъ казенный...

— Чтò ты, батюшка! Я навѣрное знаю, болѣе семидесяти тысячъ. Она все уплатила, да еще и дѣтямъ даетъ такое воспитаніе, что, право, на рѣдкость. Нѣтъ, признаюсь, я очень рада, что Софьюшка съ нею дружна. У ней есть чему понаучиться. Эта ужь не промотаетъ попустому. Да что ты, батюшка, не играешь? Сядись, доигрывай. У васъ, кажется, партія начата. А мы съ Анютою пойдѣмъ. Я думаю, моя горенка не занята?

— Всегда готова для васъ, тѣтушка.

— Ну, такъ я пойду, отдохну. Переломало всю отъ этой дороги. А ты вели намъ чаю туда подать, Мавра Даниловна.

Петръ Алексѣевичъ подалъ руку тѣтушкѣ, и оба вышли. Мавра Даниловна проворно побѣжала въ дѣвичью.

Представьте же себѣ, какое дѣйствіе долженъ былъ произвести верховой, который прискакалъ въ деревню Вѣры Дмитріевны въ то самое время, когда пріятельницы, въ дружескомъ разговорѣ, сидѣли на диванѣ, въ той самой гостиной, гдѣ незадолго передъ тѣмъ мы видѣли Вѣру Дмитріевну съ Маврою Даниловною, и гдѣ недавно еще такъ часто сиживалъ общій знакомецъ нашъ, Илашевъ. Первые минуты свиданія, даже и между друзьями, бываютъ часто принужденныя; разговоръ не вяжется, какъ-будто душа не имѣла силы вдругъ разорвать привычки дремать подъ свѣтскій говоръ, которую приняла въ бесѣдѣ съ посторонними. Но подъ вечеръ, когда нѣсколько часовъ нѣкѣмъ-непрерываемаго разговора разбудятъ прошедшее, и сердце отворится для довѣренности, бесѣда становится живѣе, откровеннѣе. Это называется у Французовъ переломить льдинку; здѣсь эта льдинка, по нѣкоторымъ причинамъ, была крѣпче обыкновенной. Но Вѣра Дмитріевна была такъ любезна, весела, мила, что льдинка наконецъ изломилась. Софья Павловна предалась очарованію, которое всегда умѣла на нее наводить прекрасная вдова; она слушала ее и втайнѣ упрекала себя, для чего не въ ея силахъ было платить полною довѣренностью за нѣжную дружбу этой очаровательной женщины. И въ это-то самое время вдругъ говорятъ: «тѣтушка пріѣхала и не приказала вамъ пріѣзжать».

— Не приказала пріѣзжать! вскричала Софья Павловна. — На языкѣ тѣтушки это значитъ: вѣкъ тебѣ не прощу, если не пріѣдешь.

— Но это невозможно, Софѣ! На Шумѣйкино ѣхать нельзя: тамъ прорвало плотину, а на Иваново—ты и днемъ насилу пріѣхала на Варгинской-Горѣ. Тутъ очень-дурно.

— Да что же дѣлать? Ты знаешь тѣтушку, да и Петръ Алексѣичъ станетъ сердиться. Ты знаешь, какъ онъ уважаетъ ее.

— Скажи лучше, какъ боятся, чтобъ она не лишила Аниоту наслѣдства.

— Да тамъ что бы ни было, а онъ разсердится, если я не покажу вниманія тѣтушкѣ.

— Какъ хочешь, а я тебя не пущу. Напишешь тѣтушкѣ, что я просто заперла твоихъ лошадей.

— Но, еще рано, Вѣра, в мѣсяцъ. Нѣтъ, лучше ѣхать. Спросимъ кучеровъ, можно ли будетъ проѣхать.

— Я знаю, и они скажутъ, что невозможно.

Послали; но кучера сказали: «какъ не проѣхать! по такой ли дорогѣ ѣзжали». Должно было рѣшиться. Въ-самомъ-дѣлѣ, вечеръ былъ чудесный; заря ярко догорала на западѣ, между-тѣмъ, какъ на чистой синевѣ востока ясиѣе и ясиѣе рисовался еще непол-

ный кругъ мѣсяца, обѣщая свѣтлую, прекрасную ночь. Но... судьба не захотѣла наградить ни родственной привязанности, ни сузружеской покорности Софьи Павловны. Уже она проѣхала Иваньково, уже видны были на горѣ варгинскія медьницы. Вотъ длинный носогорь иъ оврагу, на днѣ котораго мостъ—какіе только встрѣчаются на проселочной дорогѣ и то въ этомъ только уѣздѣ, по словамъ Татьяны Васильевны. Лакеи соскочили, идутъ по обѣ стороны коляски. Колеса скользятъ по сырой дорогѣ; кузовъ перегнулся на сторону. «Не выйдти ли?» спрашиваетъ въ испугѣ Софья Павловна. — Ничего-съ! кричатъ и кучеръ и лакей, подпирая плечомъ коляску, и въ эту минуту колесо въ рывтвину и коляска на бокъ. Горничная летитъ черезъ барыню, за нею дорожный мѣшокъ, шкатулка, подушка. Кучеръ Богъ-знаетъ гдѣ... Къ счастью, лошади стали какъ вкопанныя, и только переднія перепутались въ постромкахъ.

Къ-счастью... да, точно, потому-что Софья Павловна отдѣлалась однимъ испугомъ; ушиблись горничная и кучеръ, но послѣднему было не до ушиба: онъ думалъ о будущемъ наборѣ... Но вотъ бѣда: коляска, представьте! колесо разсыпалось такъ, что и думать нельзя ѣхать. Будь это блаженный тарантасъ, еще бы, можетъ-быть, какъ-нибудь уладили, и то какъ? Кругомъ ни прута дѣся, а у кучера въ запасѣ ни веревки, ни ножа. Что прикажете дѣлать? Софья Павловна совершенно пришла въ отчаяніе. Мѣсяцъ покойно катился по небу, разливая кругомъ серебряныя волны свѣта, какъ-будто-бы и не случилось несчастія съ коляскою Софьи Павловны; куда ни посмотришь, безконечная степь тянется однообразна и пуста, только бѣдное перекаати-поле, свернувшись, катится невѣдомо куда. Кучеръ стоялъ повѣся голову; одинъ лакей потрогивалъ то свернувшійся на бокъ кузовъ, то изломанное колесо, другой вѣжливо помогалъ Парашѣ отряхаться. «Что же станемъ дѣлать?» сказала наконецъ Софья Павловна.

Кучеръ вдругъ какъ-бы проснулся и бросился въ ноги къ Софьѣ Павловнѣ, говоря умоляющимъ голосомъ:

— Не погубите, матушка, Софья Павловна! Я ей-Богу, я...

— Да встань, Бога-ради, что мнѣ до тебя? Надобно что-нибудь придумать.

— Да развѣ ужь прикажете съѣздить въ Варгину, сказалъ одинъ лакей, который занимался коляскою.

— Къ кому же тамъ?

— Къ Чижовымъ-съ; у нихъ можно взять для васъ дрожки-съ или что другое.

— Да чему же быть у Чижовыхъ? Это бѣдные люди, и потому онъ больной; какъ ихъ беспокоитъ! Спросите лучше у крестьянъ, хоть телегу; мнѣ все равно.

— Помилуйте, матушка, какъ телегу! сказалъ кучеръ.—Спросимъ у Чижовыхъ дроги; у нихъ есть новенькія.

— Ну, что-нибудь, да только скорѣе. Далеко ли это?

— Недалеко-съ. Такъ, съ версту, вотъ за горкой.

— Такъ поскорѣ же, и форейторъ поскакалъ.

Долго еще въ степи виднѣлась черная тѣнь, долго слышался конскій топотъ. Наконецъ, все пропало.

Преприятное время для размышлений, еще лучше для мечты, особенно мечты влюбленныхъ. Блѣдный свѣтъ мѣсяца и звѣзды надъ пустынной степью... но... но мечтала ли въ это время или нѣтъ Софья Павловна, мы этого не знаемъ, только ей казалось, что форейторъ ужасно долго не возвращается, что въ степи невообразимо-холодно, что ужасно будетъ, если придется такъ ночевать; она начинала уже сердиться, какъ вдругъ раздался далекий гулъ, топотъ лошадей... стукъ колесъ. Вотъ видна въ дали черная масса... приближается. Это экипажъ. Вотъ отдѣлился верховой, ближе, ближе, подѣхалъ и скокъ съ лошади...

— Простите, Софья Павловна; я былъ въ деревнѣ въ то время, когда человѣкъ вашъ пріѣхалъ къ Чижову. Меня ужаснула мысль, что вы одни, въ это время, въ степи... можетъ-быть, ушиблись? Я не могъ оставаться тамъ...

— Вы, Леонтій Андрѣичъ, у Чижова? Какъ это могло случиться?

— Очень-просто. У меня здѣсь есть крестьяне; одинъ изъ нихъ порубилъ ногу, и я пріѣхалъ съ лекаремъ, узналъ, что блѣдный старикъ Чижовъ болѣнъ и вошелъ къ нему... Я привезъ къ вамъ дроги Чижова. Не прогнѣвайтесь, какія случились. Но вы не ушиблись?

— Нисколько.

— И вы не тантесь?

— Боже мой! Для чего же?

— Такъ вы доѣдете на этихъ дрогахъ до Чижова? Тамъ все семейство уже ожидаетъ васъ. Между-тѣмъ, я послалъ за своею коляскою. Это недалеко. Если вамъ только будетъ угодно взять ее?

— Вы очень-добры, Леонтій Андрѣичъ. Особенно теперь, смотря на эти дроги, трудно отказаться отъ вашей коляски. Однакожъ, поѣдемте. Это прелесть, что за дроги. Въ нахъ, мнѣ кажется, усядутся десять человѣкъ. Это что-то совершенно-новое...

Софья Павловна, Параша, горничная ея, и Илашевъ услыхъ въ длинныя, старинныя дроги. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ этомъ экипажѣ и въ самой поѣздкѣ было что-то совершенно-новое для Софьи Павловны. Она смѣялась какъ ребенокъ; Илашевъ не отставалъ. Длинные дроги, между-тѣмъ, катились по гладкой степи, и вотъ, наконецъ, деревня.

Чижовъ былъ одинъ изъ тѣхъ помѣщиковъ съ пятью или десятью душами, о которыхъ мы говорили, упоминая объ Иваньковѣ. Такихъ помѣщиковъ, какъ мы сказали уже, было много и не въ одномъ Иваньковѣ. Это былъ человѣкъ лѣтъ подлѣ шестьдесятъ, съ семьею, состоящею изъ пяти дочерей и двоихъ сыновей,

изъ которыхъ одинъ учился въ гимназическомъ пансіонѣ на казенный счетъ, а другой еще у приходскаго дьякона. Теперь представьте себѣ небольшую комнату, съ двумя огромными печами, отъ которыхъ пышетъ жаромъ. Въ простѣнкѣ между ними соломенный диванъ, выкрашенный черною краскою; такія же кресла по обѣимъ сторонамъ и круглый столъ почти въ половину комнаты, на которомъ поставлено нѣсколько блюдечекъ съ вареньемъ, постилою, мочеными яблоками, и двѣ сальныя свѣчи въ мѣдныхъ подсвѣчникахъ. Въ отворенныя двери въ столовую видѣтъ огромный кипящій самоваръ на столѣ, накрытомъ синею скатертью; старшая дочь хозяина разливаетъ чай. Передъ нею съ большимъ подносомъ одинъ изъ лакеевъ Софьи Павловны. Хозяйка въ безпрерывномъ движеніи, то выбѣжить изъ комнаты, то присядеть на кончикъ стула, то потчуетъ вареньемъ, то извиняется, что заставила Софью Павловну человѣка послужить и подать чай; двѣ старшія дочери хозяйки, закутанныя въ большіе платки, не уступаютъ маменькѣ въ суетливости, и то—и—дѣло выбѣгаютъ то къ сестрѣ, то въ комнату больнаго; трое дѣтей, довольно-запачканныхъ, выглядываютъ изъ дверей. Посреди всей атой тревоги, Софья Павловна за столомъ, на соломенномъ диванѣ, одна покойна, тиха, нѣсколько блѣдна, но хороша живымъ чувствомъ, которое блеститъ въ глазахъ ея, хороша своей неподдѣльной веселостью, и, можетъ-быть, счастьемъ, которое какъ-бы своевольно напросилось въ ея душу. Подлѣ нея — Илашевъ, любезенъ и веселъ, какъ только бывалъ когда-нибудь въ самыхъ блестящихъ гостинныхъ.

Но Софья Павловна заботится о больномъ. Докторъ выходитъ изъ его комнаты. Еслибы хозяйка и не успѣла еще рассказать, по какому случаю и врачъ, и Илашевъ были въ ея домѣ, то Софья Павловна угадала бы это по словамъ доктора, который относился къ одному Илашеву, отдавая ему отчетъ о состояніи больнаго. Нѣтъ, ни докторъ, ни Илашевъ здѣсь не случайно. Леонтій Андреевичъ нарочно для больнаго привезъ его изъ города. Хозяйка говоритъ со слезами о благодѣтельномъ поступкѣ петербургскаго сосѣда, прибавляя: «ужь подлинно видно, что знатный; наши куда! и знать бы не захотѣли...»

Какой вечеръ, Софья Павловна! какъ онъ не похожъ на тѣ скучно-этикетные вечера, которые вы проводите въ вашихъ богатыхъ залахъ. Этотъ бѣдный домикъ, это угощенье, это подобострастіе къ ней, знатной гостьѣ, для которой забываютъ даже самого больнаго, и наконецъ, самая новость положенія, одной въ этомъ незнакомомъ домѣ, гдѣ все смотритъ какимъ-то другимъ вѣкомъ, гдѣ равнаго себѣ она видитъ одного Илашева... Все это такъ странно, такъ увлекательно для нея.

Однако, коляска Илашева готова; но уже десять часовъ; мѣсяцъ скоро сядетъ, а еще восемь верстъ ѣзды, и дорога подъ деревню очень-дурна, говорятъ. Илашевъ боится отпустить Софью

Павловну одну; она позволить ему проводить ее верхомъ, хотя только за деревню?

Давно проѣхали дурное мѣсто; дорога, гладкая какъ лента, вьется по степи; Илашевъ ѣдетъ возлѣ коляски, повторяя безпрестанно кучеру: тише! Одною рукою удерживаетъ опъ лошадь, которая рвется впередъ, другою по временамъ опирается на край коляски и, наклонясь къ спутницѣ, то слушаетъ, то говоритъ. Лучъ мѣсяца скользитъ по смуглому лицу его; черныя кудри, вырываясь изъ-подъ фуражки, блестятъ синеватыми отсвѣтами; глаза какъ-то чудно-хорошо говорятъ; никогда еще Софья Павловна не находила Илашева столько прекраснымъ, никогда, можетъ-быть, и онъ не испытывалъ еще чувства, подобнаго тому, которое теперь наполняло его душу; для Илашева была не новость положеніе, въ которомъ онъ теперь находился: молодъ, хорошъ, любезенъ, онъ былъ нѣсколько избалованъ женщинами и никогда, однакожь, не встрѣчалъ ничего подобнаго Софьѣ Павловнѣ. Такъ чисто, такъ истинно сіяло чувство въ голубыхъ глазахъ ея; такъ просто-душно слышалось оно въ каждомъ звукѣ ея голоса, такъ измѣняло себя въ каждомъ взорѣ, въ каждой улыбкѣ. Это была женщина, которой было чуждо кокетство, или рассчитанное преступленіе — женщина, которая могла бы забыть себя для любимаго души своей и измѣнить для него завѣтнымъ убѣжденіямъ и вѣрованіямъ, но женщина, которая пришла бы въ ужасъ отъ одной мысли о подобномъ паденіи...

О чемъ говорили они? я думаю, что этого не пересказала бы и сама Софья Павловна, хотя этотъ разговоръ врѣзался неизгладимыми чертами въ ея душу. Можетъ-быть, этотъ разговоръ очень-мало значилъ бы для другихъ, но Софья Павловна напоминаетъ его еще и теперь, когда внѣшняя жизнь оставляетъ ее на минуту самой-себѣ, или когда внутренній голосъ, заговоря посреди свѣтской суетливости, поглощающей жизнь, напоминаетъ ей, что душа проситъ другой жизни, другой пищи. Когда случается, что она долго и тихо плачетъ въ саду, въ любимой бесѣдкѣ своей, или на балѣ, смотря на пестрыя толпы, вдругъ задумается, какъ-бы унесясь въ другой міръ, тогда она припоминаетъ этотъ разговоръ... Должно, однакожь, отдать ей справедливость и сказать, что это случалось съ ней все рѣже и рѣже...

Но что жъ было въ этомъ разговорѣ? что? Спросите, какія слова выговариваютъ цвѣты, когда теплый полуденный вѣтерокъ ласкаетъ ихъ блестящія чашечки и эти стоголовые тычинки съ такою нѣгою склоняются къ открытымъ пестикамъ; что шепчеть рѣзвая стрекоза, кружась на берегу рѣчки около розоваго кипрейника, къ которому прильнула ея подруга? Вы слышали ль ихъ рѣчи, поймали ли хотя одинъ звукъ? Между-тѣмъ, смотрите: вотъ оба насѣкомыя уже надъ лугомъ, кружатся, вьются, блещутъ въ зенитѣ изумрудными крыльями, и вотъ пропали изъ вида... Такъ, есть минуты, когда душа не имѣетъ нужды въ словахъ, ко-

гда слова становятся только тѣнью, убавливающимъ осторожности. Тогда, вмѣсто ихъ, говоритъ взоръ, мертвый для всего окружающаго, сосредоточенный только въ другомъ взорѣ; тогда говоритъ голосъ, эта музыка души, понятная только для другой, одинаково настроенной; тогда говоритъ самый воздухъ, разделяющій два существа, соединенныя одною мыслию...

Но вотъ уже коляска у крыльца; тогда только, когда изъ-за садовой роши засверкали огоньки въ барскомъ домѣ, молодые люди вспомнили, что дорога хороша и что Софья Павловна можетъ доѣхать безопасно и одна...

— Это все ты виновата, Петръ Алексѣвичъ, говорила Татьяна Васильевна, сидя за ужиномъ въ большихъ креслахъ, на обыкновенномъ мѣстѣ хозяйки. Софья Павловна, только-что прѣхавшая, сидѣла между ею и Аниотою, нѣсколько поодаль отъ стола; легкій румянецъ игралъ на щекахъ молодой женщины. Хотя она и казалась разсѣянною или утомленною, но, можетъ-быть, болѣе-внимательный наблюдатель прочелъ бы въ ея разсѣянности не усталость, не слѣды испуга, а ту тихую задумчивость, которую оставляетъ счастье. — Посмотри на Софьюшку, продолжала Татьяна Васильевна. Какъ она устала, бѣдная! Зачѣмъ было посылать за нею? и тебѣ, Софьюшка, какъ вздумалось ѣхать ночью по здѣшнимъ дорогамъ?

— Какъ же было не ѣхать, тѣтушка, когда я узнала, что вы здѣсь? Могла ли я лишиться себя удовольствія видѣть васъ?

— Велико удовольствіе! Будто бы не увидѣлись завтра. Спасибо еще этому, какъ его, все забываю, камер-юнкеру-то: что бы ты сдѣлала безъ его коляски, одна-одинѣхонька, въ степи!

— Что жъ, тѣтушка, доѣхала бы на дрогахъ.

— Ахъ, матушка! спаси Боже! на дрогахъ восемь верстъ! да есть отъ чего Богу душу отдать. Я воображаю себѣ, что это такое дроги чижовскія: я думаю, что твоя телега. Мнѣ разъ случилось проѣхать на телегѣ,—у насъ тоже изломалась карета—и то только версты три, не больше, да я была больна цѣлую недѣлю.

— Матушка, да вѣдь какое здоровье-то ваше, замѣтила Мавра Даниловна.—Ужъ объ васъ что и говорить!

— Бабушка, а я такъ очень люблю ѣздить въ дрогахъ, сказала Аниота.—Особенно, когда едутъ много...

— Да, въ паненькиныхъ или моихъ дрогахъ. Посадила бы я тебя въ чижовскія. Вѣдь еще хорошо, Софьюшка, что ты собралась къ Вѣрѣ Дмитревнѣ ночевать; а то бы, я думаю, и дѣвушки съ собою не вала. Вѣдь вы, модныя, нынче все такъ. Говорятъ, изъ Москвы въ Петербургъ ѣздитъ теперь безъ дѣвки. Вотъ мы такъ встарину, бывало, на версту одинъ не поѣдемъ. Да я и теперь даже и въ городъ—все съ собой дѣвку. Да вотъ, на этакой случай все лучше, какъ не одна.

— Когда изъ насъ ѣдешь одинъ, тѣтушка?..

— Ахъ, матушка! всегда одиѣ. Вамъ дѣвка точно будто лишняя. Да, я думаю, и впрямь бываетъ иногда лишняя. Это, конечно, не о тебѣ, Софьюшка.

— Помилюйте, тѣтушка! да вѣдь всегда же лакеи тутъ.

— Э, матушка! дѣвка все какъ-то лучше. Вотъ я люблю Вѣру Дмитревну. Ни на шагъ одна. Или Мавра Даниловна, или кто другой, а ужъ все кто-нибудь съ нею да есть.

— Матушка, ужъ ей нельзя безъ того. Вдовье дѣло, ни отца, ни брата, а извольте-ка посмотрѣть: вѣдь на нее всѣ точно змѣи шипятъ.

— Зависть, мой другъ, Мавра Даниловна: это Господь въ испытаніе ей посылаетъ.

— Полноте, тѣтушка, что за испытаніе! сказалъ Петръ Алексѣвичъ: — я очень люблю Вѣру Дмитревну; она хорошая намъ знакомая, но надобно правду сказать, иногда она и сама виновата.

— Что, чай кокетка, скажешь? Я за Вѣру Дмитревну головой, батюшка, поручусь. Да хоть бы и такъ, такъ что за бѣда?..

— Никакой, тѣтушка, я совершенно этого мнѣнія.

— Да, точно никакой. Она вдова, свободна. Вотъ нехорошо, какъ замушнія-то глазки продаютъ первому встрѣчному. А ей что? Я первая сказала бы: поди, матушка, замужь.

— Вѣра не пойдетъ замужь, сказала Софья Павловна, какъ-будто величиваясь только въ послѣднія слова.

— Гдѣ ей! она деревенщина, моднаго свѣта не знаетъ. Дѣти, видите. А кто же нынче думаетъ о дѣтяхъ?

— Тѣтушка, покушайте осетринки, вчера мнѣ свѣжаго осетра привезли. Кажется, хороши. И ботвинья тоже не дурна, съ хрѣномъ...

— Охъ, батюшка, на ночь боюсь. Развѣ только отвѣдать. Я нынче такъ стала слаба, что швъ-рукъ-вонъ.

— И вѣдь ничего не кушаете, матушка, это еще хуже, прибавила Мавра Даниловна съ видомъ сердечнаго сокрушенія. Между тѣмъ, старушка наполнила тарелку осетриной съ ботвиньей.

— Ахъ, вотъ память! сказала она:—хотѣла спросить, да и забыла. Правда ли это—вотъ, Софьюшка, ты должна это знать, говорить, что будто... какъ его? сосѣдъ-то вашъ? да, Илашевъ... женится?

— На комъ это? спросилъ Петръ Алексѣвичъ.

Софья Павловна пристально смотрѣла на старуху, которая, казалось, хотѣла проникнуть до глубины души ея своими будто безъ намѣренія бросаемыми взглядами.

— Ты не слыхала, Софьюшка?

— Вы видите, тѣтушка, что о такихъ вещахъ, если что и есть, то не говорится. Я ничего не слыхала.

— Я думала, что онъ отъ тебя не потаится... потому-что женится, говорятъ, на твоей родственницѣ, на дочери будущаго нашего губернатора.

— На Лидію!.. но она такъ молода.

— Этого быть не можетъ, сказалъ Петръ Алексѣевичъ.—Князь написалъ бы къ намъ.

— Можетъ-быть, онъ и писалъ Софьюшкѣ; но такъ-какъ у нихъ положено молчать, то она и не говорила тебѣ.

— Отъ меня она не потаила бы.

— Э, батюшка! это по старинѣ. Нынче говорятъ, что и благородно даже открывать мужу тайны своихъ друзей.

— Мы, тѣтушка, съ женою живемъ по-старинному, сказалъ Петръ Алексѣевичъ.—У нея отъ меня тайны не можетъ быть.

На лицѣ Петра Алексѣевича изображалось неудовольствіе.

— Развѣ ты не видишь, что тѣтушка шутить? сказала Софья Павловна, и потомъ, наклонясь къ старухѣ, вкрадчиво продолжала: — не правда ли, другъ мой?

Старушка мигнула однимъ глазомъ въ знакъ того, что поняла намѣреніе Софьи Павловны, и развеселясь продолжала: — а ужъ ты сейчасъ и вспылить радъ. Эхъ, вы, мужья! Извольте не имѣть отъ нихъ секретовъ!

— Это, тѣтушка, въ-слѣдствіе моды же?

— Нѣтъ, батюшка, по нашему, по старинному: чужой тайны у насъ нѣтъ отъ мужа, а своихъ—не прогнѣвайтесь. Кому охота на себя бѣду накликасть! Ты что, Анюта, уткнула голову въ тарелку да слушаешь? У дѣвушекъ, знаешь, уши золотомъ завѣшены.

— Я, бабушка, не слушаю.

— Или тебѣ завидно, что люди женятся? Погоди, и до тебя очередь дойдетъ.

— Ахъ, бабушка, другъ мой. А дѣ-было совсѣмъ съ горя погибла...

— Да, скажите, тѣтушка, откуда вышло это извѣстіе? сказалъ Петръ Алексѣевичъ.—Князь еще не пріѣхалъ, да и будетъ ли губернаторомъ, не извѣстно.

— Навѣрное, батюшка. А объ этой свадьбѣ весь городъ знаетъ. Максимъ Степановичъ, и вы, я думаю, слышали, продолжала она, обращаясь къ одному изъ гостей.

— Я слышалъ точно-съ. Изъ Петербурга пишутъ-съ, и, кажется, очень-вѣрные люди. Впрочемъ, если Петру Алексѣичу объ этомъ не писали, то можно сомнѣваться...

Не смотря на то, что Анюта казалась совершенно-покойною за ужиномъ, извѣстіе Татьяны Васильевны очень ее встревожило. Возвратясь въ свою комнату, она позвала Парашу, горничную Софьи Павловны, Агашу, и другихъ еще кое-кого, пользовавшихся ея особеннымъ расположеніемъ, и спрашивала, не слыжали ли че-

го отъ людей Илашева о петербургской невѣстѣ. По справкамъ оказалось, что слышали отъ Якова, илашевскаго кучера, будто точно есть невѣста; но что Иванъ Федоровичъ, камердинеръ Илашева,—очень-хорошій человекъ и такой модный,—не говоритъ ни того, ни сего, а видно, что и онъ что-то знаетъ. Анюта говорила и съ Агаѣею Ивановною; та подтвердила извѣстіе бабушки изъ слова въ слово, и притомъ искусно давала чувствовать барышнѣ, чтобъ она выкинула изъ головы лишнюю дрянъ и не противилась тѣтушкѣ, которая и спитъ и видитъ отдать ее за Ладошина.

— Господи Боже мой! сказала при этомъ Анюта: — да я и ни за кого не хочу. Что мнѣ въ замужствѣ? Еслибъ покойная маменька была жива, она подумала бы обо мнѣ; а теперь кому нужно мое счастье? хоть бы уже оставили меня въ покоѣ, а то мучать своими попеченіями и каждый думаетъ только о себѣ. Анюта горько заплакала, а Агаѣя Ивановна начала представлять, что грѣхъ ей сомнѣваться въ «бабенкѣ», которая только для нея и живетъ.

Мы знаемъ уже, что сердце бабенки очень лежало къ Ладошину. Конечно, мысль отдать внучку за придворнаго, въ первую минуту, можетъ-быть, и польстила самолюбію Татьяны Васильевны; но, какъ женщина съ здравымъ смысломъ, она скоро разочла, что это дѣло едва-ли сбыточное, потому-что ея триста душъ, хотя и незаложенныхъ, не могли быть значительною приманкою для человека, какъ Илашевъ, а сердечнымъ склонностямъ бабенка не очень вѣрила. Да еслибъ и предположить, что дѣло точно возможно, но какая въ немъ дѣйствительная-то польза? Илашевъ, будучи на такой хорошей дорогѣ и привыкнувъ къ петербургской жизни, конечно, не захочетъ остаться въ деревнѣ; а что же за выгода Татьянѣ Васильевнѣ въ томъ, что внучка будетъ важною дамою въ Петербургѣ, за полторы тысячи верстъ отъ нея, или еще улетѣть съ мужемъ за границу? Вотъ иное дѣло, еслибъ Илашевъ остался въ деревнѣ, тогда Татьяна Васильевна могла бы рассказывать пріятельницамъ: «Смотрю, ѣдетъ чудесная англійская карета; думаю: кто бы это? кажется, у здѣшнихъ такой ни у кого нѣтъ. Вдругъ, поворачиваютъ на дворъ: ахъ, матушка, говорю, своихъ не признала. Вѣдь это моя камер-юнкерша!» или въ соборѣ, на примѣрѣ, въ царскій день: Татьяна Васильевна идетъ, а передъ нею внучекъ въ шитомъ мундирѣ: «посторонитесь, посторонитесь!» или въ собраньи... Но можно ли этого ожидать? станеть ли онъ угождать старухѣ изъ-за трехъ-сотъ душъ, и то въ перспективѣ? Ладошинъ — другое дѣло. Хотя у него есть состояніе, но не такое же, чтобъ онъ могъ пренебрегать тремя-стами душами. Этотъ станеть и по церквямъ, и по собраніямъ ѣздить съ бабушкою, и ручки целовать, и свѣжей икры достанеть, и по дѣламъ ноѣдетъ; на этого, при случаѣ, можно и кричать. Нѣтъ, что ни говори, а всякій благоразумный человекъ согласится, что съ Ладошинымъ больше существенной пользы. За него Анюту, за него!—Анюта была дѣвушка не глупая; нерѣдко приходило ей въ голову, что ее

любить потому только, что надобно же кого-нибудь любить, и отдаютъ имѣнье потому, что надобно же кому-нибудь его отдать; и что было ей до того? Любили ли, нѣтъ ли, но вѣдь дарили, старались доставлять удовольствіе, какъ умѣли, а въ-слѣдствіе и правила, что всегда дарятъ и забавляютъ тѣхъ, кого любятъ, и не въ правду по любви, что до этого? Теперь хотѣли отдать ее за мужъ и дать приданое, положимъ, изъ какихъ-то видовъ; что же за бѣда? Анютѣ очень хотѣлось замужъ; жить въ деревнѣ, с мачихою, съ которою у ней ничего не было общаго, въ вѣчно зависимости отъ всего, что окружаетъ ее, — несносно. То дѣло замужемъ! свой домъ, свой выѣздъ; надѣла что хочешь, купила что вздумала; принимаешь кто нравится. Потомъ... есть же человѣкъ, который насъ любитъ, который обязанъ пешишь нашемъ счастіи, который дорожитъ нашимъ взглядомъ, нашею ласкою, страшится огорчить насъ... и наконецъ, самостоятельности дѣти... Давно уже все это сообразила Анна Петровна; конечно другая прибавила бы еще къ этой картинѣ—одиночество, жизнь безъ цѣли, жизнь ни для кого ненужную... Но Анна Петровна рѣдко вдавалась въ эти отвлеченности. Она была очень-рада, когда бабушка указала ей на человѣка, котораго она и безъ того готова была выбрать. Потомъ, вдругъ вмѣшался въ дѣло папенька съ другимъ женихомъ. Вѣрная первой любви, Аня сперва должна была поплакать, но потомъ, какъ покорная дочь, рѣшила повиноваться долгу, не прерывая, на всякій случай, сношеній съ Лалошинымъ. Была, однакожь, минута, когда она рѣшилась-было сказать ему, что все кончено между ними; но въ это самое время нѣкоторыя обстоятельства, обратившія вниманіе проникательной дѣвушки, заставили ее подумать, что, полно, не въ одномъ ли родительскомъ сердцѣ Петра Алексѣевича, безъ магѣйшаго соучастія Илашева, созрѣла мысль объ этой свадьбѣ? Въ-слѣдствіе такого заключенія, Аня отложила объясненіе съ Лалошинымъ и стала замѣчать.

Открытіе бабушкою петербургской невѣсты зашекетало самолюбіе Аняты, которое все еще по-временамъ нашептывало воображенію дѣвушки о петербургскихъ дворцахъ и придворныхъ балахъ, но не нашло ея врасплохъ. «Что же?» сказала она: «я всегда и душѣ своей любила одного Владиміра; я готова была повиноваться; но мнѣ дорого стоило бы забыть его. Можетъ-быть, даже не перенесла бы этого. Теперь я свободна и могу надѣяться, что папенька, наконецъ, умилоостивится и соединитъ насъ.» Картина Бѣлой Залы Зимняго-Дворца, великолѣпно-освѣщенной, и бархатный кокошникъ, вышитый брилліантами, блеснули-было въ воображеніи молодой дѣвушки; но это было на одно мгновеніе — какъ молнія, какъ минутный возвратъ болѣзни, уже уступающей быстрому возвращающемуся здоровью. Дѣвушка съ стонческою твердостью умѣла скрыть этотъ возвратъ отъ самой-себя, заключила гартбо въ сердцѣ вздохъ, который вырвался-было изъ груди, и на дру

гое утро рѣшилась идти къ бабушкѣ, чтобъ робкимъ признаніемъ любви къ милому Владиміру склонить ее дѣйствовать рѣшительнѣе въ ихъ пользу. Кто знаетъ! можетъ-быть, самолюбіе дѣвушки болѣе, чѣмъ всѣ другія причины, побуждало ее къ этому поступку. Какъ бы то ни было, а она была оскорблена поведеніемъ Илашева. Онъ не могъ не замѣтить заискиваній Петра Алексѣевича и отвергъ ихъ. Если же не онъ, то свѣтъ замѣтилъ ихъ, и ей нужно было теперь показать и Илашеву, и свѣту, что если эти заискиванія и существовали, то это было безъ ея согласія, въ-слѣдствіе тиранской воли отца, и въ самое то время, когда она умирала отъ любви къ Ладошину.

Анюта подошла уже къ дверямъ бабушкиной комнаты, когда она слышала голосъ Татьяны Васильевны, которая говорила очень громко.—Вѣдь я тебя знаю не съ сегодня, Петръ Алексѣичъ. Ты спишь, и видишь влѣзть въ знатное родство. Будь голъ, какъ окологъ, да придворный, такъ ты радъ и самъ идти въ приданое за очерью.

— Анюта сдѣлала знакъ горничной, чтобъ молчала, и приложила ухо къ дверямъ, потому-что Петръ Алексѣевичъ отвѣчалъ такъ тихо, что почти нельзя было слышать.—Что вы говорите, тѣтушка, сказалъ онъ:—могло бы относиться къ какому-нибудь выскочкѣ, а мы съ вами и сами довольно-старинные дворяне, и, кажется, всегда пользовались уваженіемъ, такъ я не знаю, право, изъ чего вамъ такъ гоняться за придворными.

— Батюшка! знаемъ мы, что такое старинное дворянство, отвѣтила Татьяна Васильевна: — вотъ у насъ и князь старинный русский князь, да служить засѣдателемъ. Знатенъ тотъ, на кого солдатою свѣтитъ, да денегъ много. Да не въ томъ дѣло, а въ томъ, что ты взялся не за свое. Гдѣ вамъ, мужчинамъ, дочерей выдавать? За это дѣло не берутся не спросясь, да не посовѣтовавшись. Ты похитрилъ, а вѣдь вышло же наружу. Сказали добрые люди и мнѣ старухѣ; думаю, что дѣлать? жаль Анюту... да что же жаль? жаль и тебя самого. Всегда любила васъ: такое ужь глупое дѣло. Ну, писать въ Петербургъ, развѣдывать, вотъ и узнала.

— Я, право, не понимаю, тѣтушка, съ чего все это взялось. Какъ-нибудь сметливыцы выдумали, вотъ и пошла тревога. Я принимаю Илашева, какъ сосѣда, и почему же не принимать? Развѣ сосѣдки и принимаютъ, что жениховъ? Какъ-будто молодые люди только за тѣмъ и ѣздятъ, чтобъ высматривать невѣсты!

— Нѣтъ, молодые люди не только за этимъ ѣздятъ къ старымъ бабшникамъ, нѣтъ.

— Я не знаю, что вы хотите этимъ сказать; Илашевъ денегъ у меня не просилъ; жена моя...

— Сдѣлай милость, батюшка, не примѣшивай тутъ Софьюшки. Люблю ее какъ дочь родную и вѣрно ужь не я скажу что-нибудь объ ней дурное. Дай Богъ, чтобъ ты жалѣлъ ее, какъ я. Если бы была недовольна женитьбою своею, то это потому, что мнѣ

было жаль ея: она слишком-молода для тебя... Да полно сидеться-то; я вижу, что ты кусаешь губы...

— Тётушка!

— Не горячись, батюшка, а подумаемъ лучше, какъ пособитъ горю. Вѣдь не заставишь всѣхъ молчать. Всѣ говорятъ, что ты ловилъ Илашева и что онъ насмѣялся надъ тобой.

— Ну, тётушка, признаюсь вамъ, что если кто и осмѣялся это сказать, то это меня мало трогаетъ. Кто говоритъ? Ваша городская сволочь, которая каждый праздникъ обиваетъ у меня пороги? или ваши уѣздныя дворянки? Не безпокойтесь; завтра клики ихъ на обѣдъ, и всѣ слетятся съ поклонами.

— Тамъ какъ хочешь, а для дѣвушки нехорошо.

— Для моей дочери? — Ничего.

— Однако...

— Такъ что же вамъ угодно, тётушка?

— Да мнѣ кажется, что лучше было бы, еслибъ ты меня послышала и отдала ее за Лодошина.

— Ну ужъ, тётушка, этого не будетъ! Посудите сами: какъ отдать за мальчишку, негодая, который даже и не служитъ нигдѣ.

— Все это вздоръ; будутъ деньги, будутъ и чины.

— Это могло быть прежде, тётушка.

— Полно, батюшка, недалеко мы ушли отъ старины. Что? вѣдь токъ что ли не берутъ, или чиновъ лежатъ на боку? Посмотри, если вашъ Илашевъ не схватитъ чина за то, что здѣсь собакъ гонялъ.

— Оставимте Илашева, прошу васъ. Я вамъ скажу одно и последнее слово: сколько бы я ни желалъ вамъ угодить, но за Лодошина Анюты никогда не отдамъ.

— Ну, такъ и я тебѣ скажу мое последнее слово: Анюта будетъ за Лодошинымъ, или я продаю завтра же свое имѣние.

— Какъ вамъ угодно, тётушка. — И Петръ Алексѣевичъ, который во все продолженіе разговора былъ истинно-великъ въ своей кротости, вышелъ въ сильномъ волненіи. Анюта, которая при послѣднихъ словахъ успѣла спрятаться за ширмы, тотчасъ по ухоту отца бросилась къ бабушкѣ вся въ слезахъ.

Можете себѣ представить, каковъ былъ обѣдъ въ домѣ Сарашевыхъ. Татьяна Васильевна на свѣтъ Божій не глядѣла и дѣйствительно ничего не ѣла; Петръ Алексѣевичъ сначала показывалъ, что рѣшительно не сохранилъ никакого неприятнаго впечатлѣнія отъ утренняго разговора; но потомъ, видя расположеніе тётушки и покраснѣвшіе отъ слезъ глаза Анюты, которая сидѣла потупивъ голову и также ничего не ѣла, съ каждою минутою сердился болѣе и болѣе. Софья Павловна, какъ нерѣдко случается съ женщинами, когда сердце ихъ истинно страдаетъ, одна сохранила свой обыкновенный характеръ и казалась даже веселѣе обыкновеннаго. Къ-счастью, нѣкоторые сосѣди, пріѣхавшіе къ обѣду, чего не заключая, ѣли каждый за двоихъ, и помогали ей своимъ равнодушіемъ прикрыть странное расположеніе хозяйки.

За то, послѣ обѣда, Петръ Алексѣевичъ, взбѣшенный до крайности, разбилъ Анюту, разбилъ чашку съ кофеемъ и велѣлъ собираться въ отъѣзжее поле, въ—слѣдствіе чего Софья Павловна замѣтила, что тѣтушка можетъ оскорбиться его отъѣздомъ. Петръ Алексѣевичъ вышелъ изъ себя, сказалъ женѣ, что она только и знаетъ, что ему прекословить, что она создана для его мученія, и попросилъ ее замолчать и убираться къ тѣтушкѣ, если она такъ дорожитъ ею.

XVII.

Впрочемъ, горячность Петра Алексѣевича была нѣсколько—извинительна. Софья Павловна точно была не права. Охота, на которую собирался Петръ Алексѣевичъ, была не внезапною какою—нибудь мыслию: онъ давно уже условился съ нѣкоторыми сосѣдними помѣщиками выѣхать поохотиться за русаками, какъ это обыкновенно случалось каждую осень; только на этотъ разъ они ѣхали не болѣе, какъ дня на три, на четыре. А какъ Татьяна Васильевна пріѣхала не на короткое время, то отъѣздъ Петра Алексѣевича и не могъ показаться страшнымъ. Но Софья Павловна не хотѣлось оставаться одной съ тѣтушкою; вотъ почему ей и вздумалось удерживать мужа.

На этой охотѣ долженъ былъ находиться Илашевъ и большая часть сосѣднихъ помѣщиковъ, за исключеніемъ Ладошина, который дня за три до того уѣхалъ въ городъ по дѣламъ и не возвращался еще. Съѣздъ былъ назначенъ къ шести часамъ у Кортомина, откуда все вмѣстѣ должны были отправиться въ Юнгоровку, деревню Петра Алексѣевича, гдѣ назначалась временная резиденція охотниковъ. Отданы были приказанія, чтобъ приготовить помѣщеніе для собакъ и отвести избы для охотниковъ и псарей; отправили поваровъ, вина и другую провизію; повѣстили десятскихъ, чтобъ сбили народъ для облавы; охотники располагались почевать въ деревнѣ, чтобъ съ зарею выѣхать въ поле. Между тѣмъ, Петръ Алексѣевичъ, которому, можетъ—быть, хотѣлось показать тѣтушкѣ и другимъ, что вниманіе его къ Илашеву основано не на какихъ—нибудь личныхъ видахъ для дочери, и потому не могло замѣниться отъ извѣстій, привезенныхъ тѣтушкою, при всѣхъ отдалъ приказаніе послать нарочнаго къ Илашеву, чтобъ напомнить ему обѣщаніе его заѣхать къ нему и потомъ вмѣстѣ отправиться къ Кортомину. Посланный, однакоже, скоро воротился вмѣстѣ съ парочнымъ Илашева, который ѣхалъ въ Сергіевское съ письмомъ отъ барина. Леонтій Андреевичъ писалъ, что онъ, къ большому своему сожалѣнію, долженъ отказаться отъ охоты по причинамъ, которыя предполагаетъ объяснить при свиданіи.

Итакъ, темный осенній вечеръ, спустясь надъ Сергіевскимъ, засталъ въ гостиной Сарапаевыхъ одно семейное общество, и то

только женщинъ. Татьяна Васильевна сидѣла на своей подушкѣ, въ большихъ креслахъ, у стола, и раскладывала гранпасьянсъ; Анюта возлѣ нея съ какою-то работою; по другую сторону Мавра Даниловна, въ очахъ и съ вѣчнымъ чулкомъ; напротивъ Софья Павловна, за пальцами. Всякій, кто хотя мимоходомъ взглянулъ бы на этихъ четырехъ особъ, сказалъ бы, что ишь, вѣроятно, было бы лучше, еслибъ онѣ могли разойтись по разнымъ угламъ: такъ казались принужденными и разговоръ ихъ, и положеніе. Софья Павловна говорила почти одна; она относилась то къ тѣтушкѣ, то къ Маврѣ Даниловнѣ, то къ Анютѣ. Но тѣтушка отвѣчала односложно и по-временамъ бросала бѣглый, но пронизательный взглядъ на молодую женщину. Мавра Даниловна, при всякомъ покушеніи Софьи Павловны ввести ее въ разговоръ, вопросительно взглядывала на Татьяну Васильевну; но, не находя никакого отвѣта въ ея глазахъ, устремленныхъ въ разложенныя карты, въ совершенномъ невѣдѣніи, что дѣлать, рѣшалась отдѣлываться однимъ молчаніемъ или самыми незначительными отвѣтами. Анюта довольствовалась тѣмъ, что обращала на мачиху большіе голубые глаза свои, какъ-будто спрашивая съ удивленіемъ, почему именно сегодня относятся къ ней съ разговоромъ. Софья Павловна рѣшительно не знала что дѣлать. Въ душѣ ея тѣснилось столько чувствъ, въ головѣ столько мыслей, что одно постоянное усиліе казаться веселою и могло поддержать ее. Одна минута слабости, одно мгновенное возвращеніе на самое-себя, одинъ взглядъ въ глубину души — и твердость ея исчезла бы, и съ трудомъ удерживаемыя чувства овладѣли бы душою, и тѣмъ сильнѣе, тѣмъ неукротимѣе, чѣмъ болѣе были стѣснены. Въ обществѣ постороннихъ и совершенно-чуждыхъ происшествіямъ, занимавшимъ семейство, положеніе ея было бы сношѣе: тамъ она нашла бы силы въ той условной веселости, въ той выученой безпечности, которую люди приносятъ съ собою въ свѣтскую гостиную; но здѣсь, гдѣ каждый видимо былъ занятъ однимъ и тѣмъ же предметомъ, гдѣ самое молчаніе вызывало обращеніе къ самому-себѣ, Софья Павловна рѣшительно потерялась бы, еслибъ улыбка Татьяны Васильевны и ея косвенные взгляды, которые, казалось, искали проникнуть въ глубину души молодой женщины, не напоминали ей необходимости наблюдать за каждымъ своимъ движеніемъ.

Измученная, растерзанная, уничтоженная, она возвратилась въ свою комнату послѣ ужина, который былъ только продолженіемъ вечерней пытки. Она расчесала на-скоро свои густые волосы и отпустила Парашу, которая стояла, ожидая приказаній барыни. Параша повиновалась, вышла, но тотчасъ воротилась, подошла къ столу, перебрала какіе-то лоскутки, разбросанные на туалетѣ, робко посмотрѣла на барыню, и опять принялась перебирать. Она казалась смущенною, такъ-что Софья Павловна невольно обратила на нее вниманіе.

— Что тебѣ надобно?

— Мнѣ показалось, что вы изволили спрашивать.

— Нѣтъ, оставь меня. Я стану писать.

Параша поспѣшно поставила на столъ чернилницу, положила перья, бумагу и вышла, бросивъ еще бѣглый взглядъ на туалетъ. Софья Павловна безотчетно слѣдовала глазами за взоромъ любимой горничной и по уходѣ ея подошла къ туалету. Сердце ея разрывалось. Въ первый разъ еще со времени прїѣзда Татьяны Васильевны, Софья Павловна оставалась совершенно одна и могла свободно предаться чувствамъ. Боже мой, какая переменна въ душѣ ея! Еще недавно покойная, если не счастливая, она равнодушно смогрѣла въ будущее, и, оканчивая долгій, однообразный день, засыпала, если безъ надежды на завтра, то и безъ страданія, иногда съ одной усталостью... Было время, когда она желала и искала любви, когда стала надѣяться счастья, позволеннаго каждой женщиной — счастья исполнить свое назначеніе, быть супругою и матерью, любить и быть любимою. Тогда дни проходили между надеждою и томительнымъ ожиданіемъ; но это время прошло; давно отказалась она отъ всякой надежды, стараясь въ гордости безупречной жизни найти возмездіе за лишенія сердца, и какъ-будто нашла его. И вдругъ онъ явился. Опять забилось сердце, опять улыбнулось знакомое счастье. Не смѣло встрѣтила она его; боязливо: она не была облечена прекрасными покровами невинности. Но очарованіе его было неодолимо, и она предалась ему, предалась со всею полнотою чувства, со всею доверчивостію любящей женщины, со всемъ отчужденіемъ отъ всего, что не было этою любовію,—отъ свѣта, отъ общества,—со всею готовностію вступить за нее въ неравную борьбу съ этимъ самымъ обществомъ, сильная только свидѣтельствомъ совѣсти своей и чистотою ея. И что же?.. Обманута? обманута имъ-самимъ, тѣмъ, котораго сдѣлала она своимъ провидѣніемъ, для кого принесла въ жертву и вѣрованія, и убѣжденія, въ комъ заключила все бытіе свое... Понимаете ли вы это? Дурную склонность, порокъ, самое преступленіе,—все это женщина думаетъ простить, прикрыть блестящею призмою любви своей; но оскорбленіе ея сердца, но обманъ... пусть эта свадьба, о которой говорятъ, будетъ одинъ только расчетъ, сдѣлка изъ корысти или честолюбія... Сдѣлка? И... эта дѣвочка, которую она любила, какъ сестру, эта Лидія... онъ обманетъ ее? принесетъ ей сердце, занятое другою?.. А если это сердце никогда не было занято этою другою? Если онъ только шутилъ, игралъ съ ея доверчивою душою?.. Ужасная, невыносимая мысль!.. А видѣть его въ эту минуту, вывѣдать тайну сердца его, осыпать упреками, уничтожить презрѣніемъ, или... или услышать, что все это клевета, гнусная клевета! За это Софья Павловна отдала бы жизнь свою.

Въ эту минуту глаза ея остановились на корзинкѣ съ работою, которая стояла на туалетѣ. На днѣ ея лежало еще нераспечатанное письмо, котораго она до-сихъ-поръ не замѣтила. Можетъ-быть,

сама она бросила его въ корзинку и потомъ забыла? Она взяла письмо; но рука ея дрожитъ и сердце бьется. Она прочла первую строчку и поспѣшно сжала въ рукѣ бумагу, въ сильномъ волненіи окинула глазами комнату, подошла на-цыпочкахъ къ дверямъ: онѣ плотно затворены и все тихо извнѣ. Она горотилась къ столу, прижала руку къ груди, какъ-бы думая остановить трепеть сердца, и опять открыла письмо.

«Я знаю все; до васъ дошло извѣстіе о связяхъ моихъ съ княземъ Баксановымъ; вы слышали о невѣстѣ и, быть-можетъ, осудили меня, осудили не выслушавъ. Еслибъ я менѣе зналъ васъ, я «подумалъ бы, что вы даже не удостоили меня и осужденіемъ, и «теперь, въ эту минуту, смѣтаетесь надъ притязаніемъ моимъ занять «васъ собою хотя на одно мгновеніе. Но я знаю васъ: вы не могли бы указать мнѣ небо, еслибъ я былъ совершенно чуждъ душѣ «вашей. Нѣтъ, я вѣрю въ васъ, и эта вѣра мое благо, мое достоиніе: она одна имѣетъ цѣну въ глазахъ моихъ.

«Выслушайте меня. Я долженъ ѣхать, долженъ оставить мѣста, «гдѣ встрѣтилъ васъ, гдѣ узналъ, что идеалъ, который воображеніе мое не переставало преслѣдовать посреди свѣтскихъ разочарованій, существуетъ, и существуетъ для моего счастья... О! «не сердитесь! Никакія силы человѣческія не отнимутъ у меня увѣренности, что не во снѣ, не въ мечтахъ однѣхъ были тѣ «немногія минуты, которыми вы подарили меня. Не-уже-ли «же я долженъ уѣхать унеся съ собою ваше осужденіе? Еслибъ «вы захотѣли располагать моею жизнію, я сказалъ бы вамъ: возьмите ее и отдайте мнѣ ваше доброе мнѣніе. Безъ него я не «нимаю жизни. Дайте мнѣ возможность оправдаться... скажите да «и я благословлю имя ваше, какъ небесную благодать. Чего я «прошу у васъ? завтра вечеромъ, когда все уснетъ, позвольте явиться «ся у окна вашего... Я не войду, я не смѣю думать объ этомъ. «Нѣтъ, только видѣть васъ сквозь стекло, только услышать голосъ «вашъ и унести съ собою воспоминаніе этой минуты, какъ голосъ «моего оправданія.»

За минуту передъ тѣмъ, Софья Павловна отдавала цѣлую жизнь, чтобъ видѣть Илашева, чтобъ слышать его оправданіе, или наказаніе своимъ презрѣніемъ. Теперь... вотъ средство... и между-тѣмъ, она съ ужасомъ отступаетъ передъ нимъ. Это роковое «да»... и онъ прійдетъ... видѣть его, одного... условленное свиданіе... Никогда, никогда Софья Павловна не рѣшится на это!

Но онъ уѣдетъ, и она никогда не увидитъ его! Боже мой! сколько различныхъ чувствъ волнуютъ душу ея, и всего явственнѣе сердце слышитъ одно: никогда, никогда не видать его! никогда болѣе не встрѣтить этого взора, проникающаго душу живымъ огнемъ, никогда не слушать звука этого голоса!

Но что же ужаснаго, если она позволила бы ему прійти подъ окно, только подъ окно? Не ребячество ли бояться?.. Вѣдь если онъ въ-самомъ-дѣлѣ любить, отказъ убьетъ его. И какую мысль

оубъ унесеть съ собою о ней-самой? Не покажется ли она ему, въ-самомъ-дѣлѣ, ничтожною кокеткой, которая играетъ любовію и холодно смѣется, когда успѣла увѣрить въ небываломъ чувствѣ?.. Но эта невѣста... онъ ни слова не говоритъ въ опроверженіе; онъ хочеть оправдаться: стало-быть, можетъ?.. Человѣкъ равнодушный многое нашедъ бы въ письмѣ Илашева, что и въ голову не могло прійдти Софѣ Павловнѣ: для нея онъ былъ оправданъ уже. Она быстро пробѣжала мыслью всю жизнь свою отъ самой колыбели: гдѣ было счастье? какими дарами небо искупило право сказать ей: «довольно, теперь все долгу. Въ дѣтствѣ—одно сиротство; въ домѣ князя—обманъ и эгоизмъ; въ замужствѣ...» Она припомнила всѣ вины Петра Алексѣевича: всѣ онъ возсталъ передъ нею въ-какихъ-то гигантскихъ образахъ. Его вспыльчивость, грубость, отсутствіе всякаго живаго чувства... онъ такъ часто оскорблялъ ея самолюбіе своею неделикатностью, такъ мало понималъ ея сердце, ея душу... И кто здѣсь понимаетъ ее! Не осуждена ли она на вѣчное одиночество? Только одинъ, одинъ понялъ ее, подалъ ей руку съ привѣтомъ любви, и этого одного она должна отвергнуть, оскорбить!

Осуждайте ее какъ хотите, только далеко послѣ полуночи дверь ея тихонько отворилась, и Параша, робко, на-цыпочкахъ, безъ башмаковъ, вошла, остановилась и бросила быстрый взглядъ на постель. Софья Павловна спала отвернувшись къ стѣнѣ. Параша подошла къ столу, осторожно взяла корзинку: тамъ, на мѣстѣ письма, лежала маленькая записочка. Параша взяла ее и проворно спрятала; потомъ тихонько подошла къ лампадѣ, поправила свѣтильню и вышла такъ же осторожно, какъ вошла. Софья Павловна, казалось, ничего не слыхала.

Черезъ нѣсколько минутъ послѣ того, въ боковой аллеѣ, ведущей къ рошѣ, при слабомъ свѣтѣ мѣсяца, только-что встающаго изъ-за роши, можно было видѣть черную тѣнь, мелькавшую между деревьями. Тѣнь быстро удалялась отъ дома и вдругъ остановилась. Тогда изъ-за куста показалась другая, и въ тишинѣ ночи раздался шопотъ.

— Ваня, ты?

— Кому же быть, кромѣ меня, Парашинька; ну, что добренькаго скажешь?

— Что? записка, вотъ на.

— Ахъ, ты моя душечка! не дѣвушка, а золото.

— Ну, полно же; поскорѣе. Чтобъ кто не увидалъ. Слышишь? сторожа проснулись, бьютъ въ доску.

— Пускай себѣ надсажаются, а ты меня поцалуй.

— Ну, до того ли? страхъ какой! И то души нѣтъ. Иди скорѣе.

— Что сегодня больно труслива? А что въ запискѣ? Ты посмотри.

— Запечатана; да я посмотрѣла насквозь; бумага тонка. Только и есть два слова: въ двѣнадцать.

— Будеть съ насъ и этого. Ну, а теперь полно же жеманиться.

Черезъ минуту, обѣ тѣни разошлись въ разныя стороны. Вскорѣ послѣ того, на той же самой боковой дорожкѣ, ведущей къ садовой калиткѣ, показалась третья тѣнь, которая вышла изъ-за куста, недалеко отъ мѣста, гдѣ происходилъ разговоръ, и торопливо пошла къ калиткѣ.

XVIII.

Вы, конечно, угадали, что эта третья тѣнь, бывшая свидѣтельницею разговора между Парашею и камердинеромъ Илашева, была—Мавра Даниловна. Тайна, которую узнала она изъ этого разговора, не дала во всю ночь сомкнуть глазъ услужливой иваньковской барынь. За то, зря чуть-чуть занялась, а она успѣла уже сбѣгать къ старостѣ, къ десятскому, и еще кое къ кому изъ знакомыхъ мужичковъ; Мавра Даниловна искала, не пойдетъ ли кто на базаръ въ Иваньково: ей нужно было вѣрнаго человѣка, который взялся бы завезти по дорогѣ письмецо въ Кленовку, на барскій дворъ. По счастью, Петруха Лысый, мужикъ трезвый и обстоятельный, какъ-то въ этотъ день дома провозился съ лошадыю ли, на гумнѣ ли, и позапоздалъ, такъ-что Мавра Даниловна успѣла захватить его тогда, какъ другіе всѣ давно уже уѣхали. И то, когда, вся запыхавшись, она прибѣжала ко двору его, старшая сноха вынимала подворотню, а самъ Петруха, забравъ возжи, уже потрогивалъ своего сѣркъ.

Мы желали бы представить здѣсь въ вѣрной копіи письмо, вѣренное Петрухѣ Лысому, чтобъ показать образецъ письменнаго слога иваньковскихъ барынь; но, къ сожалѣнію, это письмо должно было остаться тайною для всѣхъ, кромѣ особы, которой было назначено. Мы можемъ только сказать, что оно было написано на поллистѣ сѣрой бумаги, изъ той, которую Дарья Лукинична держала для кухни, для бисквитъ и котлетъ въ папильюткахъ, и запечатано сургучомъ, полученнымъ также отъ почтенной экономки, и который употреблялся у нея для запечатыванія кадочекъ съ мочеными яблоками при отдачѣ ихъ ключницѣ. Адресъ, сдѣланный нѣсколько-криво, съ перваго взгляда напоминалъ формою буквъ написан на китайскихъ ящичкахъ. Онъ былъ написанъ такимъ образомъ «Милостивѣйшей государыни ея высококородія, почтеннѣйшей «Вѣри Дмитривни госпоже Кибеевой, собственоручно».

Мавра Даниловна, по отправленіи письма, зашла на минуту въ избу, поговорила съ хозяйшкою и снохами Петрухи Лысаго, обѣ ихъ житьѣ-бытьѣ, скушала ржаную лепешку на маслѣ, только-что вынутую изъ печи, и отправилась на барскій дворъ ожидать про-

бужденія Татьяны Васильевны такъ покойно, какъ-будто-бы и не трудилась такимъ образомъ цѣлое утро на пользу ближняго.

Между-тѣмъ, Петруха Лысый добрался по-легоньку до Кленовки, остановился противъ избы свата и постучалъ въ окно кончи-комъ кнутовища. Окно раздвинулось, и въ отверстіе его выглянула сватья—сватья давно уже была на базарѣ. Послѣ короткаго разговора, письмо было передано въ окно и тотчасъ же отослано съ парнишкой на барскій дворъ; а Петруха, пожелавъ счастливо оставаться, поѣхалъ далѣе. Вѣра Дмитриевна въ это время только-что просыпалась. Она имѣла привычку читать съ вечера, и потому вставала поздно, да и проснувшись, еще довольно-долго лежала въ постели. Она только-что открыла глаза, когда Даша, горничная ея, вошла въ комнату. Вѣра Дмитриевна, нѣсколько-недовольная этимъ безвременнымъ приходомъ, съ неудовольствіемъ обратила на нее глаза, еще отягощенные сномъ; но одинъ взглядъ на позапачканное письмо, которое горничная держала въ рукахъ, разсѣялъ въ одно мгновеніе и неудовольствіе и дремоту прекрасной вдовы. Она поспѣшно взяла письмо, пробѣжала его и положила на столъ съ примѣтнымъ волненіемъ. «Какая ты неповоротливая!», говорила она съ досадою: «поскорѣе, обуваться мнѣ, и капотъ». Даша, видя, что барыня не въ-духъ, торопливо бросилась за чулками, но дѣло не спорилось. Вѣра Дмитриевна сердилась, ворчала и тѣмъ еще болѣе мѣшала горничной. Наконецъ, утренній туалетъ былъ кое-какъ оконченъ. Даша побѣжала исполнить какія-то приказанія барыни, а Вѣра Дмитриевна, оставшись одна, съ безпокойствомъ начала ходить по комнатѣ. На лицѣ прекрасной вдовы изображалась сердечная тревога; казалось, всѣ страсти боролись въ душѣ ея: иногда она задумывалась, но задумывалась такъ, какъ человѣкъ, который въ одну минуту долженъ рѣшиться на что-нибудь, чтобъ избѣжать угрожающей гибели. Потомъ, вдругъ глаза ея опять оживлялись, губы сжимались судорожно; наконецъ, она остановилась; въ глазахъ мелькнула мгновенная радость, и лицо прояснилось, какъ-будто-бы она вдругъ нашла то, чего давно искала. И въ-самомъ-дѣлѣ, она нашла; одна счастливая мысль—и цѣлый планъ родился въ дѣятельномъ умѣ молодой жепщины.

Чего гаятъ? Взаимная любовь Илашева и Софьи Павловны, эта любовь, въ которой теперь не было уже возможности сомнѣваться, какъ образъ совершеннаго преступленія, какъ страшный укоръ совѣсти, отравляла все существованіе Вѣры Дмитриевны. Эта любовь такъ внезапно, такъ неожиданно разрушила всѣ желанія, всѣ надежды ея сердца,—надежды, которыя, по мнѣнію ея, такъ близки были къ исполненію. Давно уже доброе имя Софьи Павловны, уваженіе, которымъ она пользовалась въ обществѣ и даже богатые наряды, въ которыхъ никогда не отказывалъ жень Петръ Алексѣевичъ, тревожили сердце ея пріятельницы; но она скрывала это чувство, прятала его въ самые глубокіе тайники души своей. Когда же Софья Павловна, съ своею скромною наружностью

смиреницы, стала на дорогѣ, по которой съ такою увѣренностью шла прекрасная вдова, когда своею неопытною рукою коснулась цѣли, къ которой такъ давно, съ такимъ стараніемъ шла она, и при ней, въ ея глазахъ, разрушила, уничтожила самую надежду когда-нибудь достигнуть этой цѣли,—тогда негодование ея вышло изъ границъ, и желаніе отмстить, сдѣлалось единственнымъ, преобладающимъ ея чувствомъ. Но отмстить — какъ? О, не бойтесь! Къ-счастію, кипжалъ и ядъ не въ нравахъ нашего общества. Вѣра Дмитріевна прибѣгла къ средствамъ менѣе-энергическимъ и не столько опаснымъ для нея самой. Она вызвала Татьяну Васильевну, надѣясь, что хитрая старуха, уже предупрежденная Маврою Даниловною, легко угадаетъ, что происходитъ въ домѣ и нанесетъ первый ударъ Софьѣ Павловнѣ, разлуча любовниковъ, а потомъ поможетъ ей сорвать съ головы пріятельницы блестящій вѣнецъ доброй славы, которымъ украсило ее спусходительное мнѣніе. Для лучшаго достиженія этой цѣли, она послала къ Сарапаевымъ Мавру Даниловну, какъ домашняго шпиона; но дѣла шли гораздо-скорѣе, чѣмъ думала Вѣра Дмитріевна, и письмо повѣренной ея, присланное, какъ мы сказали, уже съ Петрухою, показывало ясно, что должно было искать рѣшительнѣйшихъ мѣръ. И вотъ, что теперь такъ много занимало Вѣру Дмитріевну. Впрочемъ, тѣ средства, которыя пашла она въ изобрѣтательномъ умѣ своемъ, были очень-просты; но мы лучше сдѣлаемъ, если пойдемъ въ кабинетъ ея.

Вѣра Дмитріевна сидѣла передъ открытымъ бюро, на которомъ было набросано множество писемъ и бумагъ. Десятый томъ Свода Законовъ, заложанный распечатаннымъ письмомъ, лежалъ на толстой тетради во весь листъ, кругомъ исписанной. Хозяйка казалась озабоченною; она дописывала письма, дѣлала конверты, надписывала. Недалеко отъ нея, на стулѣ, сидѣла пожилая женщина, изъ иваньковскихъ, нѣчто въ родѣ Мавры Даниловны. Въ дѣряхъ стояли два человѣка, одинъ въ синемъ суконномъ сюртукѣ, съ умнымъ и сметливымъ взглядомъ, другой, нѣсколько позади, обстриженный въ кружальцо и въ армякѣ.

— Я думаю, что съ ума сойду съ этими дѣлами, говорила Вѣра Дмитріевна, откладывая конвертъ и принимаясь за другой. — Огня мнѣ!

Человѣкъ въ синемъ сюртукѣ и иваньковская барыня бросились къ туалету, на которомъ стояла восковая свѣча. Иваньковская барыня была однако счастливѣе: ей удалось услужить.

— Что это вы тревожитесь, Варвара Савишна? Благодарствуйте. — Вотъ и еще одно письмо. Теперь осталось только запечатать. Это несносное межеванье! особенно для насъ, женщинъ: гдѣ намъ съ этимъ ладить!

Еслибъ кто-нибудь посмотрѣлъ въ это время на Вѣру Дмитріевну, онъ подумалъ бы, что ее рѣшительно ничто не занимало, кро-

мѣ межеванья. Такъ мало оставалось на лицѣ ея слѣдовъ утренней тревоги.

— Ужь помогай вамъ Богъ, матушка, Вѣра Дмитріевна! отвѣчала иваньковская, повернувъ проворно шерстяной башмакъ, который взяла на продажу.—Другая точно бы, такъ-сказать; а вы, матушка, Вѣра Дмитревна, вы ужь подлинно, такъ-сказать, Вѣра Дмитревна...

— Какъ бы не ошибиться, сказала улыбаясь Вѣра Дмитріевна, и вынула изъ конверта письмо, пробѣжала его и начала запечатывать, продолжая говорить:—мнѣ разъ случилось отправить къ мужу моему письмо, писанное къ Щегловой, знаете? съ которою мы были такъ дружны. Ошиблась надписью. Хорошо еще, что у меня секретовъ никогда не бывало. Дмитрій Васильевъ!

Человѣкъ въ синемъ сюртукѣ выдвинулся впередъ.

— А это еще тамъ кто?

Человѣкъ въ армякѣ встряхнулъ кудрями и пошатнулся, какъ-бы намѣреваясь выступить. Первый отвѣчалъ за него: Степашка-съ, садовникъ.

— Это за чѣмъ?

— Приказывали позвать. Куда-то изволите посылать.

— Господи! да не-уже-ли же никого нѣтъ поумнѣ его?—Наблюдатель замѣтилъ бы, что Вѣра Дмитріевна, говоря о Степашкѣ, смотрѣла въ сторону и вообще казалась удивленною и недовольною, какъ бываютъ удивлены и недовольны актѣры-аматѣры на благородномъ театрѣ. Человѣкъ въ синемъ сюртукѣ отвѣчалъ:—Дарья Ивановна позвала Степашку-съ.

— Даша всегда глупости дѣлаетъ. Даша!—Она позвонила. Вошла горничная, которая утромъ принесла письмо. Не-уже-ли ты никого не нашла, кромѣ Степашки?

— Да вы, сударыня, сами... да вѣдь нѣкого-съ. Изволите знать. Василій кучеръ въ кузницѣ, Яшка съ управляющимъ поѣхалъ; Семень...

— Ну ужь ты всегда права! пожалуйста, перестань. Мнѣ потому это очень-непріятно, продолжала она, обращаясь къ иваньковской барынѣ:—что Степашку никогда и никуда не посылаютъ, а теперь мнѣ надобно послать письмо къ Сарпаевымъ. Туда у меня всегда ѣздитъ Яшка, и знаетъ ужь, какъ и кому что отдать. А этотъ все перепутаетъ... И Богъ-знаетъ, съ чего взялъ этотъ управляющій увести Яшку...

— Матушка, Вѣра Дмитревна, вѣдь я слышала, что вы сами приказали ему взять Яшк... Иваньковская барыня имѣла привычку всегда, что бы она ни говорила, смотрѣть на горничную, или лакея, которые были въ комнатѣ, какъ-бы ища ихъ одобренія. Въ эту минуту, взглянувъ на Дашу, которая стояла у дверей, ведущихъ въ спальную, она замѣтила, что Даша знакомъ останавливается ее, и очень смѣшалась. Вѣра Дмитріевна, какъ-бы не вслушавшись въ

слова ея, продолжала:—Какъ ты думаешь, Дмитрій, съумѣетъ ли онъ сладить съ этимъ? онъ такой глупый.

— Помилуйте, сударыня, какъ не съумѣть. Сказать ему только

— Да, я скажу. Но ты, Дмитрій... мнѣ нужно, чтобъ ты съѣздилъ въ городъ. Возьми эти письма. Вотъ это надобно отдать Ивану Данилычу.

— Слушаю-сь.

— А эти на почту. Отъ Ивана Данилыча мнѣ нуженъ отвѣтъ. Я пишу ему о нашемъ дѣлѣ; попроси его хорошенько отъ моего имени, и спроси, не готова ли та просьба, которую онъ мнѣ обѣщаль. Да, пожалуйста, воротись скорѣе. Нѣтъ, постой; растолкуй хорошенько Стѣпкѣ, какъ ему ѣхать. Знаетъ ли онъ Юнгоровку?

— Помилуйте-сь, какъ не знать. Знаешь, на Зимовки, а тамъ мимо роши...

— Знаемъ-сь. Не разъ тамъ бывали.

— Ну, да я думаю, тебя посылавалъ Гаврилычъ, къ Ивану Гурьичу, садовнику-то юнгоровскому. Вѣдь онъ пріятель съ нашимъ-то, да никакъ и кумъ еще, сказала иваньковская, которая очень любила вставить словечко въ разговоръ.

— Да знаемъ-сь, нетерпѣливо отвѣчалъ Степанъ.

— То-то же; на Зимовки, а тамъ мимо роши. Ну, да, если бываеъ, такъ знаешь, мимо роши...

— Ну, такъ слушай же, перебила Вѣра Дмитріевна, къ большому неудовольствію иваньковской, которая очень любила поучить.

— Вотъ два письма, одно Петру Алексѣичу, а другое Софѣ Павловнѣ. Поѣзжай какъ-можно-скорѣе и отдай въ собственные руки. Петръ Алексѣевичъ теперь въ Юнгоровкѣ: постарайся его застать и отдай какъ-можно-вѣрнѣе. Ну, ступай же скорѣй! прибавила она строго, видя, что Степанъ тряхнулъ опять головой, приготовляясь говорить.—А ты, Дмитрій, расскажи Ивану Данилычу, я въ письмѣ всего не могла описать... И Вѣра Дмитріевна начала объяснять очень-подробно своему повѣренному дѣлу, до котораго намъ нѣтъ никакой нужды, и потому мы умолчимъ о немъ,—потомъ вышла къ старостѣ, долго толковала съ нимъ, и наконецъ, отпусти его, возвратилась въ свой кабинетъ и начала убирать бумаги, говоря съ Варварою Савишною о своемъ межванѣ, о благодарности своей къ Ивану Данилычу, секретарю уѣзднаго суда, и Петру Алексѣичу, безъ котораго она никакъ не сладила бы съ сосѣдями.

— Вотъ и теперь я писала къ нему о томъ же, сказала она, и вдругъ остановилась въ большомъ безпокойствѣ, какъ-будто-бы вспоминая что-то ужасное.—Господи! сказала она:—что это мнѣ кажется, будто-бы я не сказала Степанкѣ... Даша, Даша!

— Чего изволите?

— Вели скорѣе скакать верхомъ воротить Степанку. Даша бросилась изъ комнаты.

Вѣра Дмитріевна, казалось, была въ большомъ безпокойствѣ.

— Представьте, что я забыла сказать Степашкѣ, чтобъ онъ ѣхалъ съ письмомъ Софьи Павловны въ Сергіевское, сказала она, ходя по комнатѣ. — Это такое несчастіе! проклятыя дѣла! голова у меня такъ смѣшана... Обыкновенно у меня ѣздить Яшка и знаетъ, что писемъ никому не надобно отдавать, кромѣ самой Софьи Павловны, или Парашки. Этотъ самъ не догадается; а я, кажется, не сказала ему о Сергіевскомъ. Даша, Даша! что же?

— Уѣхали, сударыня. Серёжка верхомъ поскакалъ.

— Я боюсь, что не догонить. Давно уѣхалъ Степашка?

— Недавно, сударыня.

— Давно ли, матушка, только вышелъ, повторила иваньковская со словъ горничной.

— Вотъ забывчивость! И это все ты, Даша; послала дурака: другой самъ проѣхалъ бы въ Сергіевское.

— Да какъ не проѣхать, сударыня; вѣдь вы изволили сказать, чтобъ отдалъ въ собственныя руки.

— Да вѣдь не о Софьѣ Павловнѣ сказ.... замѣтила-было иваньковская, обращаясь къ горничной, но по знаку ея перемѣнила рѣчь: — а мнѣ показалось, что вы изволили сказать, точно, въ собственныя руки...

Вѣра Дмитриевна тревожилась; она ходила отъ окна къ окну; но время летѣло, а Серёжка не возвращался. Наконецъ, вотъ верховой, на дворъ; лошадь вся въ мылѣ... это онъ.

— Бѣги, Даша, узнай, что?

Даша возвратилась, но съ горькою вѣстію: не догналъ. Вѣра Дмитриевна была въ отчаяніи, бранила Дашу и Серёжку: по ея мнѣнію, онъ долженъ былъ ѣхать до самой Юнгоровки. Варвара Савишна не знала, что и дѣлать и чѣмъ успокоить бѣдную Вѣру Дмитриевну.

— Матушка, Вѣра Дмитриевна, говорила она:—да вы все безпокоитесь. Ужь подлинно я не знаю, что это такое. Повѣрьте, Степашка малой не глупый: онъ самъ догадается. Вѣдь его всегда посылаютъ и къ Гурьичу, вотъ и къ намъ...

— Я все стараюсь вспомнить, сказала ли я ему о Сергіевскомъ или нѣтъ, говорила Вѣра Дмитриевна, смотря въ землю.

— Какъ не сказать, сударыня! ужь вѣрно изволили сказать, замѣтила горничная.

— И мнѣ кажется, что вы точно изволили сказать, повторила иваньковская, смотря на горничную.

— Вамъ кажется?

— Вотъ мнѣ помнится: вы изволили стоять на этомъ мѣстѣ, а такъ Дмитрій Васильичъ, а вотъ такъ Степашка. И вы обернулись къ Степашкѣ, да и говорите: «Да смотри же, непременно въ Сергіевское проѣжай и отдай въ собственныя руки, самой Софьѣ Павловнѣ».

— Нѣтъ, Варвара Савишна, это вы такъ только меня успокоить хотите.

— Стану ли я вамъ лгать, матушка! Господи твоя воля! да изъ чего же это бы мнѣ, да и зачѣмъ же?..

Между-тѣмъ, день почти прошелъ, и Степашка не возвращался, что, казалось, подтверждало слова Варвары Савишны. Въ-самомъ-дѣлѣ, развѣ Степашка не могъ самъ догадаться, наконецъ, и проѣхать въ Сергіевское? Ему давно надобно было бы возвратиться, еслибъ онъ не поѣхалъ туда. Вѣра Дмитриевна въ-самомъ-дѣлѣ начала беспокоиться.

хх.

Скажемъ ли нѣсколько словъ объ Илашевѣ? Что значило письмо его, и какъ вздумалось писать любовное письмо ему, свѣтскому человѣку, да еще и пропитать его риторикой? Не-уже-ли онъ въ-самомъ-дѣлѣ былъ влюбленъ, слѣдственно, въ состояніи, чрезвычайно-расположенномъ къ иперболамъ, или писалъ такъ потому, что писалъ къ провинціалкѣ, и зналъ чѣмъ поправиться? Наконецъ, что значилъ этотъ отъѣздъ и эти толки о невѣстѣ? Не-уже-ли, въ-самомъ-дѣлѣ, тутъ была какая-нибудь невѣста?

Говорятъ, будто-бы прежде отцы, по корыстолюбивымъ видамъ, или чтобъ поддержать фамильные гербы, тамъ, гдѣ гербы могли имѣть какую-нибудь цѣпу, соглашались между собою женить дѣтей своихъ, предоставляя имъ право повиноваться безропотно, или плакать сколько душъ угодно, если выборъ не по сердцу. Это положеніе породило не одинъ презанимательный романъ. Съ Илашевымъ было что-то подобное, хотя, къ-несчастью, романъ его, можетъ-быть, и не покажется занимательнымъ. Только здѣсь тираномъ былъ не отецъ, а собственная воля героя. Илашевъ былъ изъ стариннаго дворянства, но такъ-какъ и отецъ его, и дѣдъ вѣчно жили въ деревнѣ, или служили въ губерніи, то семейство его не имѣло ни связей, ни знакомства въ большомъ свѣтѣ. Состояніе у нихъ было прекрасное, но отецъ Илашева, по странной безпечности, почти проигралъ довольно-значительную тяжбу и оставилъ сыну не болѣе восьми-сотъ душъ, однакожъ безъ долга. Молодой человѣкъ былъ честолюбивъ и дѣятеленъ; онъ скоро понялъ, что, слѣдуя примѣру отца, онъ можетъ прожить въ деревнѣ и покойно, и счастливо, но не выйдетъ въ люди. Онъ поѣхалъ въ Петербургъ, нашелъ тамъ какихъ-то родныхъ, вступилъ въ службу и началъ сорить отцовскими деньгами. Говорятъ, что надобно только умѣть желать, а счастье за умѣющаго. Видно, Илашевъ дѣйствительно зналъ эту науку. Служба ему посчастливилась; онъ не считалъ себѣ еще и тридцати лѣтъ, а занималъ уже хорошую должность и былъ камер-юнкеромъ, а это много значило для человѣка, у котораго не ворожила ни одна бабушка. Зато Илашевъ попалъ въ большой свѣтъ и былъ принятъ довольно-хорошо. У него была карета, хорошенькая квартира на Морской; онъ игралъ

въ большую игру, не боялся ни лотерейныхъ, ни концертныхъ билетовъ, самъ пѣлъ, и очень-пріятно, бывалъ на музыкальныхъ вечерахъ у княгини Е., у графини В., и одѣвался съ неоспоримымъ совершенствомъ. Правда, имѣніе было заложено въ казнѣ и въ частныхъ рукахъ; но что до этого? Кто хочетъ многое имѣть, тотъ многимъ и рискуетъ. Между-тѣмъ, Илашевъ не пренебрегалъ и своею тяжбою, которая приняла, по его старанію, всѣмъ-другое направленіе.

Между многими знатными домами, гдѣ былъ представленъ Илашевъ, онъ былъ принятъ въ домѣ князя Баксанова—того самого, у котораго воспитывалась Софья Павловна. Князь, какъ мы знаемъ, былъ богатъ, въ связяхъ и на хорошей дорогѣ по службѣ. У него были двѣ уже взрослые дочери. Илашевъ, который отъ времени до времени присматривался и къ богатымъ невѣстамъ и къ батюшкамъ, на которыхъ можно было бы опереться на скользкомъ паркѣ придворныхъ залъ, замѣтилъ не безъ удовольствія, что его принимаютъ у князя съ особенною любезностью. Въ высокой своей житейской мудрости онъ безъ труда сообразилъ, что для него будетъ не безвыгодно войти въ родство съ такимъ домомъ, и началъ прилежно посѣщать князя. Исканія его были приняты благосклонно, такъ-что въ цѣломъ городѣ заговорили о помолвкѣ Илашева. Въ-самомъ-дѣлѣ, онъ былъ представленъ какъ женихъ молодой княжнѣ и получилъ ея слово; только по нѣкоторымъ домашнимъ обстоятельствамъ князь не хотѣлъ объявлять о помолвкѣ и отложилъ свадьбу на годъ. Княгиня на этотъ годъ уѣхала съ невѣстою за границу, а Илашевъ отправился съ порученіемъ въ губернію.

Въ это-то время Леонтій Андреевичъ явился въ сосѣдствѣ Вѣры Дмитріевны. Вы находите, можетъ-быть, что отношенія его къ прекрасной вдовѣ были нѣсколько-безнравственны въ его положеніи? Я думаю, что онъ и самъ не сталъ бы спорить. Это былъ одинъ изъ тѣхъ грѣховъ, въ которыхъ любятъ каяться и раскаиваться. Не то, чтобъ Илашевъ былъ какимъ-нибудь Ловеласомъ; нѣтъ, Ловеласы невозможны въ наше время и при нашихъ нравахъ. Намъ недосугъ, да и лѣнь терять столько времени и трудовъ для того только, чтобъ приобрѣсти благосклонность женщины, какъ бы ни была прекрасна эта женщина. Однакожъ, Илашевъ былъ и не изъ такихъ, которые готовы отворотиться отъ счастья, когда оно само идетъ къ нимъ на встрѣчу. Прекрасная женщина, въ какомъ бы состояніи ни была она, всегда имѣла цѣну въ глазахъ его и право на его вниманіе, особенно, если эта женщина такъ снисходительна и любезна, какъ Вѣра Дмитріевна. Впрочемъ, любовь къ прекрасной сосѣдкѣ, если можно назвать этимъ именемъ чувство Илашева, не могла быть опасною для его невѣсты, потому-что совершенно подчинялась разсудку и, смотря по обстоятельствамъ, была страстна, възыскательна, холодна и стремительна. Другое дѣло — Софья Пав-

ловна. Конечно, Вѣра Дмитриевна была... какъ-бы сказать! увлекательнѣе своей пріятельницы; но, благодаря рассказамъ услужливыхъ друзей, красота ея очень-недолго сохраняла настоящую цѣну въ глазахъ Илашева, такъ-что эта побѣда, въ послѣдствіи времени, очень уже посредственно льстила самолюбію господина камер-юнкера, а это много значить въ подобныхъ дѣлахъ. Къ тому же, Вѣра Дмитриевна занималась какими-то матримоніальными притязаніями, что показалось даже смѣшнымъ Илашеву. Принять эту женщину, еслибъ она пошла къ нему на встрѣчу, съ сердцемъ, очищеннымъ отъ прежнихъ заблужденій безграничною къ нему любовію; подать ей руку, когда она обратила бы къ нему страстный, умоляющій взоръ; наконецъ, осчастливить ее искрою любви, бѣдною платою за бездну самоотверженія — это ужъ такъ и быть; можетъ-быть, къ этому-то и шелъ господинъ камер-юнкеръ путемъ, имъ избраннымъ; но на бѣду или на счастье прекрасной вдовы, онъ встрѣтилъ на распутіи Софью Павловну. Мы видѣли, что онъ обратилъ на нее вниманіе потому только, что ему на нее указали; но она должна была возбудить его любопытство. Илашевъ хвалился, что зналъ хорошо женщинъ; онъ, какъ самъ говорилъ, изучилъ ихъ во всѣхъ возможныхъ отгѣнкахъ кокетства; даже, думаю, могъ бы классифицировать ихъ, какъ классифицируютъ раковины или букашекъ, и конечно пріобрѣлъ бы славу не хуже какого-нибудь Ламарка или Бланвиля, еслибъ только захотѣлъ привести въ систему свои глубокія свѣдѣнія по этой части; но Софья Павловна, какъ показалось ему, отличалась отъ всѣхъ извѣстныхъ ему типовъ. Въ ней нашелъ онъ то, что начиналъ уже почитать баснею прежнихъ вѣковъ, какимъ-то философскимъ камнемъ нашего времени: истинное чувство и неподдѣльную чистоту нравовъ. Онъ не спрашивалъ, что такое была эта чистота нравовъ, — слѣдствіе ли твердыхъ правилъ, посѣянныхъ воспитаніемъ и добрыми примѣрами, или случайность, можетъ-быть, плоть уединенной жизни, можетъ-быть, гордости или даже отсутствія соблазна; дѣло было въ томъ, что Софья Павловна дѣйствительно была чужда порока, что имя ея до-сихъ-поръ проносилось въ обществѣ съ уваженіемъ, подобающимъ женщиной безувречной; что въ чистомъ взорѣ ея отражалось все ея прошедшее, свѣтлое, юное, какъ повѣсть младенческой жизни. И эта женщина любила его, его перваго вводила въ святилище души своей, въ немъ одномъ искала счастья, которое такъ щедро общаетъ намъ жизнь въ дни нашей молодости!.. Прибавимъ къ этому, что Софья Павловна была дѣйствительно хороша, и, что еще болѣе, соединяла въ себѣ условное изящество формъ, котораго съ такою разборчивостью ищетъ избалованный вкусъ. Ея плечи, маленькая ножка, руки какъ на рафаэлевой картинѣ, — все это удивительно говорило воображенію и придавало ей, посреди ея провинціальной гостиницы, видъ знаменитости, низведенной рокомъ. Мудрено ли, послѣ этого, что Илашевъ нашелъ ее образцомъ совершенства? Мы вообще любимъ

преувеличивать опасность, которую одолѣли, и достоинства женщины, которой нравились: это возвышаетъ собственное наше достоинство. Илашевъ, послѣ вечера, проведеннаго съ Софьею Павловною въ степи, былъ увѣренъ, что открылъ сокровище, рѣдкій цѣтокъ, какой еще никогда не поражалъ взоры знатока: подлинно, было отъ чего закружиться головѣ! Но Илашевъ былъ человѣкъ опытный, привычный; ему смѣшно было бы позволить себѣ закружиться отъ женщины, какъ какому-нибудь новичку. Илашевъ нашелъ только достойнымъ себя оцѣнить, понять эту женщину и заняться ею; иначе это было бы неблагоугодною за любовь такого милаго созданія. Теперь, сидя передъ каминомъ и вдыхая запахъ благовонной сигары, онъ любилъ развивать въ воображеніи своемъ маленькій романъ, который судьба приготовила ему въ глухой степи, гдѣ ждалъ онъ одной скуки. Онъ улыбался, слушая мысленно милый лепетъ любви, принимая робкія ласки прекрасной провинціалки, посвященной имъ въ тайну счастья. Иногда обращался онъ мысленно на прошедшее, гдѣ представлялась ему Вѣра Дмитріевна раздраженная, въ слезахъ... Въ одно утро, когда, занимаясь такимъ образомъ, онъ съ особенною любовію ласкалъ своей степной романъ, вошедшій камердинеръ подалъ ему связку писемъ, привезенныхъ съ почты.

Илашевъ положилъ письма на столъ и началъ распечатывать одно за другимъ, продолжая курить. Камердинеръ стоялъ въ дверяхъ.

— Ты... ухалъ на Сергіевское? спросилъ Илашевъ, развертывая письмо.

— На Сергіевское-съ.

— Петръ Алексѣвичъ ухалъ вчера же?

— Ухалъ-съ, только очень не въ духѣ-съ.

— Не въ духѣ? Что же это? Илашевъ дѣлалъ всѣ эти вопросы не переставая читать и съ такимъ видомъ, который показывалъ, что отвѣты очень-мало его интересуютъ.

— Извольте знать, что у нихъ тѣтушка, Татьяна Васильевна-съ, прѣехала изъ города, отвѣчалъ камердинеръ. — Говорятъ, что Петръ Алексѣвичъ повздорилъ съ нею за барышню, Анну Петровну.

— А!

— Да еще-съ... Татьяна Васильевна изволила привезти вѣсти, которыя не очень понравились Петру Алексѣвичу.

Илашевъ перевернулъ страницу, поправилъ сигару, и спросилъ безъ всякаго вниманія: — Что же это?

— Да она сказывала, что будто у васъ въ Петербургѣ есть невеста-съ.

— А! такъ вотъ что, сказалъ Илашевъ улыбнувшись и поправить сигару. — Что же Петръ Алексѣвичъ?

— Богъ-знаетъ-съ. Прасковья Васильевна... извольте знать горничную-съ...

— Знаю, знаю. Я думаю, что и вѣсти отъ нея?
 — Помилуйте-съ; я, кажется...
 — Ну, что же, Прасковья, какъ?..
 — Васильевна-съ... говорить, что баринъ очень гнѣвается, избилъ Гришку, разбилъ барышню, а барыня всю ночь проплакала.

— И есть отъ-чего, когда мужъ бѣсится...

Илашевъ вдругъ остано­вился; письмо, которое онъ распечаталъ въ это время, привлекло все его вниманіе. Оно было отъ князя Баксанова, будущаго его тестя.

Князь увѣдомлялъ, что жена его возвращается изъ-за границы и просилъ его пріѣхать къ нимъ въ полтавскую деревню, гдѣ все семейство пробудеть нѣсколько недѣль. Князь прибавлялъ, что очень желаетъ пріѣзда Илашева, который почитаетъ тѣмъ болѣе «возможнымъ», что дѣла по порученію его должны скоро кончиться, какъ сказывали ему въ министерствѣ.

Женясь хотя и не по любви, мы принимаемъ на себя обязанность дѣйствовать какъ влюбленные; а какой влюбленный не бросилъ бы и дѣла и деревню, чтобъ летѣть къ невѣстѣ! Но дѣла, деревня, все это остается довольно-легко; Софья Павловна же... вотъ съ этимъ какъ быть? Илашевъ отпустилъ знакомъ камердинера и началъ ходить скорыми шагами.

Странное дѣло! только теперь онъ понялъ, что Софья Павловна была ему гораздо-дороже, чѣмъ онъ думалъ. Чѣмъ болѣе разсѣвдалось первое впечатлѣніе, произведенное на него письмомъ князя, чѣмъ ровнѣе и тише началъ биться пульсъ его, тѣмъ яснѣе видѣлъ онъ, какъ глубоко врѣзалось въ сердце его чувство, которымъ онъ думалъ, можетъ-быть, шутить. Онъ видѣлъ, что ему тяжело будетъ разстаться съ милою провинціалкою, тяжело будетъ отыскать каждую свободную минуту находить образъ ея въ своемъ воображеніи, тяжело отказаться отъ надежды... зачѣмъ же отъ надежды? скажемъ лучше, отъ тихаго счастья, съ которымъ онъ свыкъся въ послѣднее время, счастья видѣть ее, ловить взоръ ея, который въ одно и то же время и ищетъ и убѣгаетъ его, однимъ словомъ, брошеннымъ въ незначущій, общій разговоръ, поселятъ тревогу или радость въ этой послушной душѣ, знать, что его ждутъ, что считаютъ минуты его отсутствія, что издали еще завидятъ его, пахъ его, ее первую привѣтствовать взоромъ и чувствовать трепетъ сердца при ея приближеніи, — словомъ, счастья пожить и нѣсколько минутъ молодостью и для ея легкихъ бредней...

Болѣе всего тревожила Леонтя Андреевича мысль, что Софья Павловна узнала о его помолвкѣ. Подобное извѣстіе должно было привести въ ужасъ ея чистую, любящую душу. Онъ глубоко задумался; въ головѣ его тѣснилось много мыслей; вдругъ одна счастливая, какъ свѣтлая искра, мелькнула, и длинная цѣпь происшествій, легко, игриво развилась въ его воображеніи.—Что же? сказалъ онъ:—еще все можетъ уладиться, и даже къ лучшему. То

ко нужно уговорить Софью Павловну увидѣться со мною безъ свидѣтелей; обстоятельства вынуждаютъ подобную просьбу съ моей стороны: развѣ не должно искать возможности оправдаться?—это будетъ не трудно, если только я увижу ее. Вѣдь я не зналъ ея, когда обязался словомъ съ княжною... а тамъ... письмо князя ничего не значить; развѣ не могутъ задержать меня дѣла службы, собственныя, наконецъ болѣзни?..

Всего труднѣе будетъ уговорить Софью Павловну на это свиданіе, и какъ уговорить? гдѣ видѣть ее? Разумѣется, всего удобнѣе было бы ѣхать къ ней; но прошу покорно пріѣхать при тѣтушкѣ, и еще къ оскорбленной, въ душѣ оскорбленной провинціалкѣ, которая непременно облечется солидностью и, въ чувствѣ своего достоинства, поставитъ себѣ за долгъ удалить всякую возможность не только объясненія, но и разговора! Да не будь и этого, есть ли средство сказать хотя два слова при тѣтушкѣ, которой присутствіе неотвратимо, какъ судьба, при Анютѣ,—при какой-нибудь Маврѣ Даниловнѣ, которая высматриваетъ каждый шагъ хозяйки? Всего лучше — писать. Оно опасно, но неизбѣжимо въ провинціи.

И онъ сѣлъ писать.

xx.

Ладошинъ возвратился изъ города въ тотъ самый день, когда Петръ Алексѣевичъ поѣхалъ на охоту, но возвратился уже очень поздно вечеромъ. Его встрѣтили извѣстіемъ о пріѣздѣ Татьяны Васильевны, которая прислала къ нему нарочнаго просить повидаться съ нимъ. Подобное предложеніе совсѣмъ было непротивно Владиміру Григорьевичу, и онъ вѣрно отправился бы съ зарею въ Сергіевское, но съ нимъ пріѣхалъ изъ города исправникъ; а какъ господинъ-исправникъ особенно любилъ сливянку, которую превосходно дѣлала экономка Владиміра Григорьевича, то отпустить его безъ обѣда было невозможно. За то тотчасъ послѣ стола, къ крыльцу подали дроги исправника и за ними тарантасъ хозяина.

Татьяна Васильевна, по обыкновенію своему, сидѣла въ гостиной у круглаго стола, на которомъ лежали двѣ разсыпанныя колоды картъ. Татьяна Васильевна только-что окончила какой-то гранпасьянсъ, который, вѣроятно, выиграла, потому-что она была весела и улыбалась пріятно. Ладошинъ въ креслахъ возлѣ нея. Анюта и Софья Павловна, по-прежнему,—одна на диванѣ съ работою, другая за пальцами. Мавра Даниловна съ чулкомъ у печки; у самыхъ дверей управляющій Татьяны Васильевны, едва держась на кончикѣ стула и вытянутый въ струнку.

— Слышите, Савелій Яковлевичъ, говорила Татьяна Васильевна, обращаясь къ своему управляющему.—Вотъ какъ хозяйева-то! Греча вся обмолочена и ужъ въ сусѣкахъ.

Управляющій всталъ.

— Я ничего не скажу противъ Савелія Яковлевича, продолжала Татьяна Васильевна: — но онъ слишкомъ-слабъ, а мужики тако народъ, что строгость съ ними необходима. Это дѣтяи; дай имъ потачку, такъ они и своего не запашутъ... Сядь, Савелій Яковлевичъ.

— Вашему Савелію Яковлевичу хорошо, сказалъ Ладонинъ. — Ему остается только исполнять ваши приказанія; вы сами все видите, все знаете.

— Нѣтъ, батюшка; куда ужъ мнѣ теперь! Прежде, точно, я лю была хозяйство, и знала-таки кое-что; а теперь гдѣ ужъ мнѣ! Я стара и слаба стала. Не повѣрите, какъ слаба! Знаете, иногда проснусь поутру, такъ съ постели встать силы нѣтъ.

— Это не старость, Татьяна Васильевна. Какія же ваши дѣтя а вы всегда были сложенія слабаго...

— Нѣтъ, съ-молоду я была здорова. У меня такой заботливый характеръ, Владиміръ Григорьевичъ, а вѣдь это хуже старости. Конечно, за себя мнѣ нечего Бога гнѣвить. Да вотъ эти сокрушили (она указала на Анюту). Что дѣлать! своихъ дѣтей Богъ не далъ, такъ объ этихъ сокрушаюсь.

— Хорошо, Татьяна Васильевна, когда есть о комъ сокрушаться, да хорошо, когда есть кому по насъ потужить. А вотъ извольте-ка на меня посмотреть: вѣдь круглый сирота!

— Какъ жалко! сказала Татьяна Васильевна, засмѣявшись. — Уводлинну сирота!

— Ни отца, ни матери, ни роду, ни племени.

— Ахъ, батюшка! женитесь, такъ и будетъ и родъ и племя, осмѣлилась вымолвить Мавра Даниловна, выдержнувъ снипу и поправивъ очки.

— Ахъ, еслибъ вашими устами да медъ пить, Мавра Даниловна! Душою бы радъ, да гдѣ невѣсты взять? Вотъ вы не пойдете хоть бы постарались за меня,—такъ и того не дѣлаете.

— Слышишь, Мавра Даниловна! А что бы не пойдти? Подумай-ка, сказала Татьяна Васильевна. — Женихъ хорошій, и съ состояніемъ; противиться же тутъ некому.

— Какъ некому, матушка? сказала Мавра Даниловна, которая всегда умѣла кстати поддержать шутку. — Дѣти не отдадутъ.

— Не отдадутъ? Ну такъ что жъ? Владиміръ Григорьевичъ и увезетъ, а добрые люди помогутъ. Представь, Софьюшка, что недалеко отъ насъ—вотъ Савелій Яковлевичъ сказывалъ,—въ Выпозовѣ, крестьянская дѣвка убѣжала отъ отца съ какимъ-то парнемъ и обвѣнчалась; вѣдь это рѣдкость. Вотъ все говорить, что въ ихъ быту любви не бываетъ.

— Какъ можно, чтобъ не было! сказала Софья Павловна, которая, какъ казалось, слышала только послѣднія слова тѣтушки.

— А у насъ, бабушка, сказала Анюта: — такъ безъ позволенія никто не идетъ замужъ. Папенька самъ всегда долженъ назначить кого за кого отдать.

— Это отъ-того, что папенька твой любить вмѣшиваться не въ свои дѣла. Вотъ вы знаете, Савелій Яковлевичъ, какъ у насъ свадьбы дѣлаются. Да мы и не знаемъ ничего, какъ они тамъ сходятся. Вотъ у меня недавно вдовецъ сосватался съ невѣстою черезъ недѣлю послѣ смерти первой жены, пришелъ просить: дѣловая, говорить, пора приходить. Ахъ, батюшка! говорю я: вѣнчайся, если совѣсть не зарыть.

— А что же дѣлать, сказалъ Ладошинъ.—Онъ зналъ, что ему нужна помощница. Вотъ, посмотрите! нашъ предсѣдатель гражданской палаты, какую Богъ далъ ему помощницу.

Татьяна Васильевна захохотала. — Этакой ты злой!

— Помыслите, гдѣ тутъ злость? онъ человѣкъ очень-занятой; бѣдный проситель прійдетъ съ посильною благодарностью — его и не пускають къ нему. А помощница какъ-тутъ; она женщина чувствительная и прійметъ.

Татьяна Васильевна находила, что Ладошинъ чрезвычайно-любезенъ, и смѣялась отъ всего сердца. Между-гѣмъ, пріѣхали еще кое-кто изъ сосѣдей; подали самоваръ. Разговоръ сдѣлался оживленнѣе.

Самоваръ былъ поставленъ на ломберномъ столѣ, разложенномъ противъ боковаго дивана. Анюта разливала чай. Человѣкъ разносилъ чашки и стаканы на большомъ подносѣ. Многіе изъ присутствующихъ подходили сами къ столу, брали булки, крендели, лимоны, или смородиновый морсъ, поставленные на столѣ, и говорили нѣсколько словъ прекрасной хозяйшкѣ, или Маврѣ Даниловнѣ, которая подѣла къ столику съ своею чашкою, вѣроятно для того, чтобъ Аннѣ Петровнѣ было не такъ скучно. Ладошинъ, выпивъ первый стаканъ, также подошелъ къ столу.

— Вы такъ щедры, Анна Петровна, что я долженъ просить васъ класть поменьше сахара.

— Вы вѣрно пьете со сливками?

— Никогда! развѣ только лѣтомъ, когда сливки особенно хороши.

— Ахъ! не говорите этого.

— Что же тутъ для васъ неприятнаго?

— Это мнѣ напоминаетъ, что лѣто ужъ прошло.

— Какъ-будто вы не любите зимы! А балы?

— Да, если еще поѣдутъ въ городъ. Да вѣдь до того какъ еще долго, а теперь — эта несносная осень.

— Осень, какъ нынѣшняя! Грѣхъ вамъ, Анна Петровна. Тепло, какъ въ маѣ. Вы не гуляете?

— Какъ можно! бабушка боится простуды.

— Какъ-будто все надобно съ нею?

— Я цѣлый день съ нею.

— А вечеромъ? Нынче чудесные, теплые, свѣтлые вечера...

Ладошинъ смотрѣлъ пристально на молодую дѣвушку и съ какимъ-то совершенно особеннымъ выраженіемъ. Онъ стоялъ такъ, что никто изъ общества, кромѣ Анны Петровны и, можетъ-быть, Мавры Даниловны, не могъ видѣть лица его.

— Не-уже-ли вы никогда не выходите въ садъ полюбоваться лунной ночью? продолжалъ онъ.

— Да... Анята поставила чашку на поднось, который держалъ передъ ною человекъ, и хотѣла наливать сливки.

— Барышня... вѣдь это... гостю-сь, прошепталъ человекъ.

Анята поставила молочникъ на столъ.

— Барышня! сливки-сь...

— Господи Боже мой, да что ты?

— Сливки изволили забыть-сь.

Мавра Дашиловна вступилась въ дѣло и поставила молочникъ на поднось.

— Да, продолжала Анята, накладывая сахаръ въ другія чашки:—теперь съ-гѣхъ-поръ, какъ бабушка здѣсь, я выхожу иногда походить... съ Агаѳею Ивановной... когда бабушка заснетъ...

Лицо Ладшина выразило необыкновенное удовольствіе.

— И прекрасно дѣлаете, сказалъ онъ:—воздухъ такъ хорошъ... это очень-здорово...

Въ это время Татьяна Васильевна громко позвала еѳо.

— Не правда ли, Владиміръ Григорычъ, что Софьюшка сегодня необыкновенно-блѣдна! сказала она.—Право, мнѣ кажется, что она нездорова.

— Я всегда блѣдна, тѣтушка.

— Да не такъ же. Это правда, что ты часто пугаешь меня своею блѣдностью; но сегодня это ужъ изъ-рукъ-вонъ, не правда ли; Владиміръ Григорычъ?

— Софья Павловловна, можетъ-быть, въ-самомъ-дѣлѣ нездорова?

— Головная боль, но совершенно-незначущая. Я не знаю, что это такъ тревожитъ тѣтушку.

— Признаюсь, не люблю блѣдныхъ лицъ. Она обратилась къ Анятѣ, которая, не замѣчая того, заботливо наливала въ чашки, наклоня личико, въ-самомъ-дѣлѣ въ эту минуту румяное, какъ заря. Татьяна Васильевна съ торжествующимъ видомъ взглянула на дѣвушку, потомъ на Софью Павловну и, обращаясь къ Ладшину; продолжала:—люблю свѣжія личики. Чтѣ дѣлать! выросла и состарѣлась въ деревнѣ.

Ладшинъ былъ въ довольно-затруднительномъ положеніи.

— Свѣжесть уже тѣмъ мила, что она признакъ здоровья, сказалъ онъ...

— И веселаго, открытаго права, примолвила Татьяна Васильевна.

— Я не знаю, были ли вы на экспозиціи 18.. года, продолжалъ Ладшинъ, обращаясь къ Софѣ Павловнѣ и какъ-будто не вслушавшись въ послѣднія слова Татьяны Васильевны: — тамъ былъ портретъ дамы необыкновенно-блѣдной, но столько выразительной, что передъ нимъ всегда была толпа...

— Можетъ-быть, знатная какая, замѣтила Татьяна Васильевна.

Софья Павловна улыбнулась. — Или портретъ работы хорошаго художника? Вы не помните...

— Вотъ ужъ вздоръ-то, сказала Татьяна Васильевна. — Ваши хорошіе художники иногда такъ пишутъ, что просто ни на что не похоже. Кисть хороша! да мнѣ-то что до этого? По мнѣ было бы похоже. Вотъ я отдала мальчика къ живописцу, — я терпѣть не могу держать дворовыхъ ребятишекъ дома; были двое сиротокъ; я и отдала одного къ сапожнику въ годы, другаго къ живописцу: вѣдь все дома нужно. Этотъ живописецъ написалъ портретъ нашего священника приходскаго: ну, просто живой. Мнѣ говорятъ, что это гадко написано. Ахъ, мои батюшки! да мнѣ-то что за дѣло, если всякій, кто ни взглянетъ, въ мигъ узнаетъ?

— Я не знаю, что вамъ вздумалось отдавать живописному учиться, Татьяна Васильевна, замѣтилъ одинъ изъ гостей. — Это совсѣмъ не выгодное ремесло.

— Э, батюшка! въ домѣ все нужно; я люблю, чтобъ все дѣлалось дома. Это вѣдь нынче все у Нѣмцевъ, да у Нѣмцевъ. Мы старинные къ этому не привыкли.

— Да вотъ у Кортоминыхъ недавно сдѣлали дрожки-продѣтку дома, а право, не хуже нѣмецкой работы. Превосходныя!

— Немножко-тяжеленьки, замѣтивъ Ладошинъ.

— Да что же-съ? Лошади есть. А по нашимъ дорогамъ, легонькія-то, смотришь, и не годятся. Вотъ петербургскія-то, какъ у Леонтыя Андревича намеднясь: поѣхалъ черезъ гать, а они и кракъ!

Софья Павловна вздрогнула и еще ниже опустила къ пальцамъ голову.

XXI.

Ни одно облако не закрывало темнаго осенняго неба, усѣяннаго мириадами звѣздъ, когда неполный уже мѣсяць, поднимаясь изъ-за окраины степи, косвеннымъ, невѣрнымъ лучомъ проникъ въ чашу сада, еще сохранявшаго пышныя осеннія одежды. Въ это время, стуча по каменному помосту, подѣхалъ къ крыльцу тарантасъ Ладошина и остановился, потомъ опять застучалъ, покатылся, и скоро все замолкло. Люди пачали тушить огни; Татьяна Васильевна, проводя любезнаго гостя, пошла въ свою комнату, опираясь на руку Мавры Давиловны, и на порогѣ остановилась, чтобъ проститься съ Софьею Павловною и Анютою, которыя казались очень-утомленными.

Въ это самое время, молодой человекъ, закутанный въ плащъ, пробирался темною боковою аллеєю къ садовой калиткѣ, служившей входомъ для тѣхъ, которые не хотѣли бы идти въ садъ черезъ комнаты и террасу, сходящую въ цвѣтникъ.

Изъ калитки показались двѣ тѣни и осторожно пошли по той же аллеѣ, тихо пробирался между кустарниками.

Молодой человек остановился. Это был Ладонинъ. Онъ узналъ по бѣшенію сердца своего Анюту, которая шла съ своею спутницею, Агаею Ивановною.

Ладонинъ молча подаль руку молодой дѣвушкѣ. Онъ чувствовалъ, какъ она, опираясь на него, дрожала, подобно былинкѣ отъ прикосновенія вѣтерка. Оба молча пошли по дорожкѣ; Агаея Ивановна за ними; но скоро, находя, что по лѣтамъ ея ей можно отдохнуть, она сѣла на первой скамьѣ. Молодые люди пошли далѣе.

Нужно ли пересказывать, что говорили они? Это были несвязныя рѣчи, между которыми слышались и благодарность, и боязнь, и увѣреніе. Сердце билось у обоихъ, и языкъ не находилъ нужнаго слова. Давно говорили они о чувствахъ своихъ въ письмахъ, подъ шумомъ бала; но въ первый разъ еще находились такимъ образомъ совершенно наединѣ. Это положеніе казалось обимъ необыкновенно-неловко, такъ-что Ладонинъ, смѣлый за минуту передъ тѣмъ, совершенно растерялся, чувствовалъ самъ, что становится смѣшнымъ своею неловкостью и терялся тѣмъ еще болѣе. У обоихъ въ головѣ вертѣлись слова Татьяны Васильевны о побѣгѣ; они не знали, съ намѣреніемъ или просто они были сказаны, но оба ихъ замѣтили. Это была готовая тема для обоихъ; но Ладонинъ рѣшительно не зналъ, какъ за нее взяться.

Наконецъ, Анютѣ сдѣлались необыкновенно-смѣшны и ихъ несвязныя фразы, и смущеніе Ладонина.—Не находите ли вы, что мы очень-довольно уже налюбовались мѣсячной ночью? сказала она голосомъ, въ которомъ отзывалась насмѣшка.

— Признаюсь вамъ. Я еще и не начиналъ. Я слушалъ вашъ голосъ и былъ счастливъ. Я было-думалъ даже, что и вы не вздумаете любоваться мѣсяцемъ.

— Чѣмъ же прикажете?

— Я надѣялся, Анна Петровна, что это свиданіе будетъ имѣть вліяніе на судьбу нашу. Не-уже-ли же вы не захотите рѣшить ее?

— Какъ мнѣ рѣшить ее? Вы знаете, что бабушка совершенно расположена въ вашу пользу, но папенька... Слова замерли на губахъ ея, и рука крѣпко сжала руку Ладонина... Они стояли уже нѣсколько минутъ въ большой аллеѣ, прямо противъ главнаго фасада дома, но такъ, что боковая терраса подъ окнами маленькаго кабинета Софьи Павловны была видна одному Ладонину. Слабый свѣтъ изъ оконъ этого кабинета падалъ прямо на террасу и невольно привлекалъ вниманіе Ладонина. Этотъ свѣтъ беспокоилъ его до того, что, слушая Анюту, онъ не спускалъ глазъ съ террасы. Вдругъ, при послѣднихъ словахъ молодой дѣвушки, на этой террасѣ показались двѣ тѣни, быстро мелькнули въ блѣдной полосѣ свѣта, падавшаго изъ окна, и скрылись, одна въ дверяхъ, въ то же мгновеніе отворившихся на балконъ, другая въ темнотѣ, покрывавшей противоположный конецъ террасы. Не смотря, одна-

кожь, на то, что это движеніе продолжалось не болѣе секунды, Ладошинъ узналъ въ тѣни, исчезнувшей въ дверяхъ кабинета, Илашева. Въ то же самое мгновеніе Анюта крѣпко ежала руку молодого человѣка, и, указывая ему на чашу деревьевъ, недалеко отъ нихъ, глухо сказала: «папенька»...

Въ-самомъ-дѣлѣ, Ладошинъ увидѣлъ человѣка, который, вышедъ изъ чаши, скорыми шагами пошелъ къ террасѣ. Ладошинъ умѣлъ только показать испуганной дѣвушкѣ тропинку, по которой она могла скрыться, не будучи примѣченною.

XXII.

Посланный Вѣры Дмитриевны не засталъ уже Петра Алексѣевича и, вѣрный данному приказанію отдать письма къ собственныя руки, побѣжалъ за нимъ въ поле, какъ указали ему люди, остававшіеся въ деревнѣ. Онъ нашелъ его уже послѣ полудня, въ то время, когда охотники, на привалѣ, подкрѣпляли силы свои походными закусками. Онъ подалъ Петру Алексѣевичу письмо, адресованное на его имя, и, не видя между охотниками Софьи Павловны, спросилъ, что прикажутъ дѣлать съ другимъ письмомъ. Петръ Алексѣевичъ, у котораго безпрестанно посылались люди въ Сергіевское, велѣлъ подать письмо къ себѣ и, сказавъ посланному, что вечеромъ дастъ отвѣтъ, велѣлъ ему ѣхать въ деревню.

Въ-самомъ-дѣлѣ, вечеромъ, возвратясь на временную квартиру, онъ вспомнилъ свое обѣщаніе и, спросивъ цѣль бумаги, принялся писать. Но для этого надобно было перечитать письмо Вѣры Дмитриевны; вмѣстѣ съ нимъ, онъ вынулъ и другое, адресованное на имя Софьи Павловны. Очень-натуральная мысль посмотреть, нѣтъ ли какихъ-нибудь поясненій по дѣлу, о которомъ писала Вѣра Дмитриевна, въ письмѣ ея къ женѣ, заставила его сорвать печать и пробѣжать первыя строки, нища глазами того, что могло относиться къ дѣлу; пробѣжавъ до конца, онъ прочиталъ въ другой разъ. Вотъ, что было въ этомъ письмѣ:

«Прости мнѣ, Софья, если дружба дѣлаетъ меня нескромною. Съ нѣкотораго времени душа твоя для меня закрыта; отъ чего? «этого я не сумѣю понять» (слѣдуетъ объясненіе въ самой нѣжной и постоянной привязанности съ незапамятныхъ временъ). «Я не могла не замѣтить, что происходило въ душѣ твоей: и могло ли это укрыться отъ меня? Одинъ разъ я даже намекнула тебѣ о томъ, у Кортоминыхъ, но ты приняла слова мои такъ странно, что я рѣшилась не говорить тебѣ болѣе. Я видѣла ясно, что ты не желаешь откровенности. Быть-можетъ, боишься? чего? нескромности? Богъ тебѣ судья, Софья! Осужденія?—такъ, правда, я не могу оправдывать подобнаго чувства. Но можетъ ли быть страшенъ судъ дружбы? Кто скорѣе ея найдетъ оправданіе и, если еще можно, кто скорѣе предостережетъ? сколькихъ слезъ стоила

«миѣ твоя скрытность! Я видѣла твои страданія и не смѣла говорить; я ждала одного твоего слова...

«Вдругъ, узнаю, что онъ ѣдетъ, говорятъ, что онъ помолвленъ. «Не сердись на меня, Софья: это объясненіе было для меня живѣе шимъ лучомъ радости. Это отъѣздъ раздиралъ сердце моей Софьи, но онъ спасалъ ее. Это присутствіе, не смотря на всю твердость твою, погубило бы тебя, потому—что любящее сердце твое могло влечь тебя въ проступокъ, а ты не перенесла бы того, я знала тебя. Душа твоя изнемогла бы подъ бременемъ и малѣйшаго угра. Но теперь, молчаніе было бы для меня преступленіемъ; «должна говорить... Софья! я знаю, онъ дерзокъ, онъ предпринимаетъ, онъ не уѣдетъ, не увидѣвшись съ тобою, можетъ-быть, такъ. Я даже слышала, что сегодня въ двѣнадцать часовъ онъ «долженъ быть въ саду твоёмъ... Милый другъ! если это правда умоляю тебя небомъ, на колѣняхъ прошу тебя, откажись отъ этого свиданія. Пускай уѣдетъ онъ! Знаю, ужасна разлука; но, Софья, «цѣлая жизнь будетъ тебѣ наградою за минуту твердости. Я хотѣла сама ѣхать къ тебѣ; но присутствіе мое будетъ ли тебѣ прятно? твоя скрытность со мною заставляетъ меня всего бояться... Призови меня, Софья! позволь миѣ дѣлать съ тобою то, что горестъ, плакать съ тобою; не хочешь ты этого—все равно, позволь только пріѣхать къ тебѣ, видѣть тебя... я буду молчать, если ты этого пожелаешь; имя И^{***} никогда не сорвется съ языка моего, я не скажу ни слова о немъ, развѣ ты только сама того пожелаешь... Милая Софья, вся жизнь моя принадлежитъ тебѣ
«Жду твоего отвѣта.»

Не беремся описывать, что чувствовалъ Петръ Алексѣвичъ при чтеніи этого письма, которое сначала показалось ему довольно-понятнымъ. Какъ ни мало тревожился онъ мелочными дѣлами сердца, занятый положительно и серьезною стороною жизни, однако содержаніе письма было таково, что кровь бросилась ему въ голову. Нерѣдко случалось, что онъ бывалъ медоволенъ женою, ея упрямствомъ, вѣчнымъ противорѣчіемъ и капризами; случалось даже, особенно въ первые годы, что онъ безпокойно смотрѣлъ, когда молодые люди ухаживали за нею. Но въ такомъ случаѣ онъ сердился болѣе на ихъ дерзость, не на нее, и хотя онъ не требовалъ особенной нѣжности отъ своей супруги, однако мысль, что она не любитъ его, или еще менѣе, что можетъ любить другаго, рѣшительно не входила ему въ голову. Всѣ помѣщики, окружавшіе его, равно какъ и городскіе чиновники и даже офицеры, пріѣзжавшіе въ отпускъ, казались ему только ничтожными, и самъ онъ столько былъ доволенъ собою, что эта мысль дѣйствительно не могла ему представиться. И вдругъ, Илашевъ... камер-юнкеръ, придворный. всего ужаснѣе было то, что Петръ Алексѣвичъ никакъ не могъ втоптать его въ то же ничтожество, въ которое облакалъ и городскихъ чиновниковъ, и сосѣднихъ помѣщиковъ. Какъ онъ ни думалъ, а Илашевъ съ своимъ свѣтскимъ обычаемъ, Илашевъ прі-

дворный, котораго онъ даже прочилъ въ зятя себѣ, какъ грозный призракъ возставалъ въ его воображеніи.

— Но это чудовищность, это преступленіе, говорилъ онъ:— тогда-какъ я ласкалъ его, принималъ какъ роднаго, онъ... но что же скажете объ этомъ цѣлая губернія, что скажетъ князь Баксаповъ?.. И говорятъ, что онъ еще женится на дочери князя!.. и какую же роль заставляли играть меня-самого во всей этой исторіи!..

Въ-самомъ-дѣлѣ, какая роль для Петра Алексѣевича, помѣщика. доселѣ уважаемаго цѣлою губерніею, кандидата въ губернскіе предводители!

Послѣ глубоко-оскорбленнаго самолюбія, сказалось и сердце Петра Алексѣевича. Вѣдь онъ въ-самомъ-дѣлѣ любилъ Софью Павловну. Онъ иногда любовался ею, какъ любитъ отецъ своимъ дѣтищемъ, рядилъ ее, утѣшалъ. Онъ думалъ: «На старости, когда отдамъ замужъ Анюту, дѣтей отправлю въ службу и останусь одинъ, она успокоитъ меня, не оставитъ меня, если буду боленъ; умру—она закроетъ глаза». Жалѣлъ ли онъ когда-нибудь чего для нея? оскорбилъ ли чѣмъ? «Висовать я противъ нея» продолжалъ Петръ Алексѣевичъ, совершенно растроганный: «правда: тамъ кое-какія шалости... но мужчине извинительно, да она и не знаетъ. За что же, Боже мой, послано мнѣ такое наказаніе, чтобъ жена отдала меня на носибѣннице цѣлой губерніи?..» И Петръ Алексѣевичъ плакалъ, такъ-что жалко было смотрѣть на старика.

— А Татьяна Васильевна? что будетъ говорить она? сказалъ онъ наконецъ. — Но нѣтъ, вскричалъ онъ громко, вскочивъ съ мѣста:—этого не будетъ. Хоть и придворный, но у меня не прогибавайся: посмотримъ еще, чья возьметъ...

И Петръ Алексѣевичъ носибѣнно велитъ закладывать коляску, объявляетъ гостямъ, что нетерпящее отлагательства дѣло требуетъ его присутствія въ Сергіевскомъ, обѣщаетъ возвратиться на другой день какъ-можно-ранѣе и проесть гостей между-тѣмъ хозяйничать у него какъ дома.

Онъ сѣлъ въ коляску и отдалъ приказаніе ѣхать какъ-можно-скорѣе. Понеслись. Богъ-знаетъ какія мысли тѣснились въ головѣ Петра Алексѣевича; слова Вѣры Дмитриевны: «дѣвѣнадцать часовъ, въ саду...» какъ фантазмагорическая точка росли въ его воображеніи, увеличивались и принимали страшныя формы. Петръ Алексѣевичъ не замѣчалъ дороги; по-временамъ кричалъ кучеру: «пошелъ скорѣе!» и опять углублялся въ свои тяжелыя думы. Иногда ему казалось, будто кучеръ оглядывается на него, что люди шепчутся между собою и, вѣроятно, о причинахъ этой странной поѣздки. «Они знаютъ» думалъ несчастный помѣщикъ, и кровь горячею струею била ему въ голову. Но вотъ они у сада. Петръ Алексѣевичъ не замѣтилъ, что нѣсколько-далѣе, за рощею, стоялъ тарантасъ; не слышалъ, какъ люди, толкнувъ другъ друга локтемъ, шепнули: «ладошвинскій!» Онъ приказалъ остановиться у калитки, которая вела изъ сада на дорогу, вышелъ и, не скававъ

ни слова, пошелъ въ садъ. Кучеръ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ, раскочнулся на козлахъ, дѣшнво осмотрѣлся кругомъ и наклонясь къ человѣку, запиравшему дверцу, сказалъ: «Не знаешь здѣсь что ли стоять, или домой?»

— А чортъ его знаетъ, отвѣчалъ тотъ. — Инъ стой, коли ничего не сказалъ. Знать, здѣсь надобно.

Другой же, соскочивъ съ запятокъ, тоже посмотрѣлъ кругомъ и покачалъ головой.

— Никакъ что-то нездорово, сказалъ онъ, подойдя ближе къ коляскѣ. — Пойдемъ-ка, Иванъ, тихонько за нимъ. Неравно спрешить. — И оба пошли.

Но обратимся къ Софѣ Павловнѣ. Возвратясь въ свою комнату, она была необыкновенно разстроена. Параша тотчасъ принялась за вечерній туалетъ барыни. Легкая блуза одѣла ея стройную талию; волосы расчесаны и заплетены въ косу, которую закрывъ маленькій батистовый чепчикъ. Софя Павловна хороша въ этомъ простомъ нарядѣ; но лицо ея блѣдно, и живѣйшее безпокойство изображено въ каждомъ взглядѣ, въ каждомъ движеніи.

Никогда ловкая воспитанница Кузнецкаго-Моста не была ни такъ проворна, ни такъ осторожна. Она, казалось, видѣла, что госпожа ея была не въ духѣ или нездорова, и потому не позволила себѣ ни одного слова, ни одного лишняго взгляда. Едва походка ея была слышна на мягкомъ коврѣ, едва руки касаются дописен и тюлей, которые она снимаетъ съ плечъ молодой женщины. Можно было бы подумать, что невидимые духи прислуживаютъ при ночномъ туалетѣ помѣщицы, и между-тѣмъ никогда присутствіе Парашы не было еще такъ тяжело для Софьи Павловны. Она не смѣла взглянуть на нее; ей казалось, что маленькіе черные глаза горничной слѣдуютъ за каждымъ ея движеніемъ, что они пылко заглядываютъ въ душу ея, что сама Параша смѣлѣе съ нею обыкновеннаго. Софя Павловна готова была разсердиться, вспылить; но мысль: «она знаетъ», сжала ей сердце. Ужасная тоска овладѣла ея душою. Какъ! она должна стыдиться своей Парашки, — она, которая до-сихъ-поръ могла смѣло глядѣть въ глаза всякому и не боялась самаго пронипательнаго взора?.. Нѣтъ, этого не будетъ; она положитъ этому конецъ. Съ этой мыслию она обернулась назадъ, но горничной уже не было. Ночная лампа горѣла на обыкновенномъ своемъ мѣстѣ; вотъ книга, которую Параша всегда клала возлѣ постели; Параша уже ушла, какъ обыкновенно уходила всякій вечеръ, и не возвратится болѣе... Часы на колокольнѣ медленно бьютъ двѣнадцать; вслѣдъ за тѣмъ раздались двѣнадцать ударовъ сторожа въ чугунную доску, и все затихло. Въ саду темно; только по лугу въ немногихъ мѣстахъ свѣтлою полоскою пробирается лучъ восходящаго мѣсяца, прорѣзываясь сквозь чашу сада.

Софя Павловна бросилась въ кресла. Она закрыла лицо руками; но щекамъ ея текли обильныя слезы. Грудь сильно возмущалась.

До сихъ поръ чистая, непорочная, она знавала горе, имѣла враговъ; быть-можетъ, въ свою очередь несла клевету и нареканіе; но она была покойна, она съ гордостью поднимала голову, чувствуя себя выше самаго мнѣнія свѣта, котораго столько страшилась... да, страшилась. Это мнѣніе было съ самаго дѣтства ея единственнымъ путеводителемъ; съ нимъ однимъ совѣтовалась она, когда сердце и разумокъ были въ разладѣ; давно ли она трепетала малѣйшей неосторожности, лишняго слова, — и теперь... теперь она рѣшилась... ужасно подумать!.. Но кто же узнаетъ это? Плашевъ не само ли благородство? въ немъ ли сомнѣваться? Другіе всѣ спятъ... все тихо. Вотъ часъ... быть-можетъ, онъ тамъ, въ саду... въ саду! такъ близко отъ нея!.. Боже, Боже мой! но гдѣ же силы выдержать подобную минуту!... Все тихо; ни малѣйшаго шороха... А если онъ не прійдетъ? обманетъ? Если это письмо было только... чтобъ испытать, какъ далеко можетъ завестись ее сердце?.. Но нѣтъ, нѣтъ; это было бы слишкомъ-ужасно; онъ неспособенъ къ подобному поступку. Можетъ-быть, ему помѣшали? дошла ли записка? Но что же писала она въ этой запискѣ? въ смущеніи не ошиблась ли?.. Боже мой! не сонъ ли это все, наконецъ? Онъ, быть-можетъ, уже уѣхалъ, его нѣтъ? Нѣтъ силы выносить этой неизвѣстности... И Софья Павловна упала на колѣни передъ иконою... Въ это время послышался легкій шумъ въ кабинетѣ. Она вздрогнула; быстро смотритъ впередъ; встаетъ... нѣтъ, это не мечта; тамъ, въ дверяхъ... это онъ, Плашевъ, точно онъ... онъ не сдержалъ слова, вошелъ... но онъ блѣденъ, взоръ умоляетъ о прощеніи... Не смѣя дышать, удерживая восклицаніе, она стоитъ неподвижно; онъ приближается... Но въ это самое мгновеніе на террасѣ, подъ самымъ окномъ, раздались голоса... съ другой стороны дверь въ спальню скоро открылась, и Параша, блѣдная какъ полотно, вбѣжала, произнеся одно только слово: «баринъ!»

XIII.

Ладошинъ узналъ Петра Алексѣевича и въ одно мгновеніе понялъ все. Ему живо представилась опасность неосторожной молодой женщины и сцена, которая должна произойти между раздраженнымъ супругомъ и Илашевымъ, и которая на утро же сдѣлается добычею праздныхъ языковъ цѣлаго уѣзда. Не отдавая себѣ отчета въ томъ, что дѣлаетъ, и слѣдуя единственно первому влеченію, онъ просаается за Петромъ Алексѣевичемъ, и въ ту самую минуту, когда тотъ уже готовъ ступить на послѣднюю ступеньку террасы, хватаетъ его за обѣ руки.

Мы сказали уже, что Ладошинъ былъ очень-силенъ. Петръ Алексѣевичъ, остановленный такъ неожиданно, быстро обернулся, но не узналъ Ладошина. Раздраженный въ высшей степени, онъ рванулся изъ всѣхъ силъ, но его держали мощныя руки.

— Не противтесь! сказалъ Ладошинъ такъ, чтобъ его могли слышать въ комнатѣ.—Я не пушу васъ.

Петръ Алексѣевичъ узналъ голосъ.

— А! вы здѣсь на стражѣ? сказалъ онъ.—Этого только не доставало.

— Завтра я буду вамъ отвѣчать на это.

Въ эту минуту въ окнѣ спальной быстро мелькнула тѣнь и скрылась въ глубинѣ комнаты.

— Теперь я васъ пушу, сказалъ Ладошинъ:—но подумайте: завтра весь уѣздъ узнаетъ объ этомъ: вотъ ваши люди, они шли за вами.

И онъ пустилъ его.

Петръ Алексѣевичъ, почувствовавъ себя свободнымъ, обернулся, чтобъ расплатиться какъ слѣдовало съ дерзкимъ мальчишкою; но его уже не было. Онъ бросился къ дверямъ — заперты. Онъ поглядѣлъ на окна: тамъ, какъ обыкновенно, теплилась лампада въ спальной Софьи Павловны, и все было тихо и покойно. Онъ опустилъ голову на грудь... Илашева уже не было, это вѣрно; онъ скрылся. А это безвременное возвращеніе, ночью, черезъ садъ, эта встрѣча съ Ладошинымъ, и при свидѣтеляхъ, которые, можетъ-быть, также видѣли и то, что Петръ Алексѣевичъ желалъ бы скрыть отъ всего свѣта—все это разкажется, разнесется; пойдутъ толки; доберутся до истины, или выдумаютъ ложь хуже самой истины, и Сарапаевъ, этотъ колоссъ, уважаемый цѣлою губерніею, сдѣлается посмѣшищемъ всякаго ребенка!.. Все это какъ страшный призракъ представилось воображенію старика. Онъ нѣсколько мгновеній молчалъ; потомъ, какъ-будто вдругъ опомнясь, поднялъ голову, и въ эту минуту замѣтилъ своихъ людей, которые, вышедъ за нимъ изъ чащи, стояли въ нерѣшимости, не зная, назалъ ли идти, или подойти къ барину.

— Чортъ возьми! сказалъ Петръ Алексѣевичъ: — что вамъ надобно?

— Спросить о лошадяхъ-съ.

— Дураки! Откладывать.

И Петръ Алексѣевичъ, проворчавъ что-то про-себя, пошелъ скорыми шагами къ садовой калиткѣ.

XXIV.

На другое утро по всей дворнѣ шли толки и перешептыванья. Видимо всѣ тревожились, хотя, по наружности, все шло обыкновеннымъ порядкомъ. Каммердинеръ чистилъ въ снѣгахъ платье Петра Алексѣевича; поваръ пришелъ забирать запасы и стоялъ съ чашками у кладовой, гдѣ Дарья Лукинишна рылась въ кадушкахъ съ мукою; въ залѣ натирали полъ, въ гостиной сметали пыль. Только по-временамъ то тамъ, то сямъ, сходились двое, трое, останавливались и шептали съ видимымъ безпокойствомъ.

Всѣхъ занимали странныя вечернія происшествія и еще болѣе утреннія. Рано на зарѣ— можно ли это было когда-нибудь подумать? рано на зарѣ, Параша,—эта любимая горничная Софьи Павловны, эта воспитанница Кузнецкаго-Моста и французскихъ магазиновъ,—вышла на крыльцо, повязанная платкомъ, въ ваточномъ сапотѣ и кацавѣйкѣ, накинутой на плеча, съ узелкомъ въ рукѣ и съ заплаканными глазами. У крыльца стояла подвода, то-есть, тележка, запряженная крестьянскою лошадью. Въ телегѣ изъ-подъ сѣна выглядывалъ небольшой сундучокъ, выкрашенный голубою краскою, лежалъ большой узелъ и двѣ подушки. Крестьянинъ въ сѣромъ чапанѣ, довольно-изорванномъ, управлялъ что-то около лошади. На дворѣ все было тихо; только по флигелямъ изъ нѣсколькихъ оконъ робко выглядывали головы, да дворовая собака, держа хвостомъ, стояла у крыльца и смотрѣла вверхъ своими умными глазами, какъ-бы желая угадать, для чего такъ рано появилась на крыльцѣ обыкновенно нѣсколько-лѣтняя дѣвушка. Параша медленно сошла съ лѣстницы, вскарабкалась одна-одинѣхонька на телегу; крупныя слезы катились по щекамъ ея; она взглянула на окна барскаго дома, гдѣ все спало еще, заплакала еще больше и подвода тронулась. Никто изъ подругъ не провожалъ Парашу; только на околицѣ ее ждала Агаша, горничная Анюты, да старуха-стряпка, которая почему-то любила особенно дѣвушку. Куда везли Парашу? Этого не знала ни Агаша, ни стряпка, ни сама Параша. Въ дворѣ только догадывались, потому-что знали обыкновеніе Петра Алексѣевича ссылатъ провинившихся въ одно изъ отдаленныхъ своихъ помѣстій, екатеринославское ли, нижегородское ли, какое бы то ни было, лишь бы далеко отъ лица своего.

Разспрашивали, догадывались, какая была вина Парашы, но никто не зналъ ничего вѣрнаго. Потомъ, однакожь, кто-то разсказалъ, что одинъ изъ сторожей видѣлъ, какъ Параша, поздно вечеромъ, говорила съ какимъ-то мужчиною и потомъ пошла съ нимъ радучись въ садъ; вспомнили о тарантасѣ, который люди, ѣхавшіе съ Петромъ Алексѣевичемъ, видѣли за рощею, сообразили дѣло, и вышло, что Параша провела въ садъ Ладошина для свиданія съ барышнею, что Петру Алексѣевичу дали о томъ знать, что онъ засталъ и дочь и Ладошина въ саду и, должно-быть, порядочно побилъ послѣдняго. Это заключеніе еще болѣе подтвердилось, когда Агаша разсказала потихоньку, что ночью, по возвращеніи уже барина, ей передали записку отъ Ладошина къ барышнямъ, и что онъ въ этой запискѣ писалъ, что-де нѣчего ужъ таить, надобно идти къ папенькѣ и разсказать все, какъ были вмѣстѣ въ саду и прочее, и попросить, чтобъ покончилъ все своимъ согласіемъ. Потомъ разсказали, что барышня чѣмъ-свѣтъ пошла къ барину въ кабинетъ и долго съ нимъ говорила и все плакала, что потомъ пріѣхалъ Ладошинъ, и что и теперь еще всѣ вмѣстѣ, запершись, толкуютъ въ комнатѣ Татьяны Васильевны. А Софья Павловна одна въ своей спальнѣ и все, слышно, плачетъ.

Только въ комнатѣ Дарья Лукиничны, ключницы Софьи Павловны, шли другіе толки. Тамъ сидѣла Мавра Даниловна. На маленькомъ столѣ, накрытомъ салфеткою, кипѣлъ самоваръ, очень-давно нечищенный. На камфоркѣ стоялъ чайникъ, на подносѣ двѣ чашки, молочникъ и жестяная сахарница. Дарья Лукинична бережно раскладывала ложечки и сахаръ, боясь застучать, и обѣ говорили шопотомъ, какъ въ комнатѣ больного. Лица обѣихъ показывали великую заботу.

— Выкушай, матушка, чашечку, говорила Дарья Лукинична, подставляя чашку Маврѣ Даниловнѣ.—Вотъ сливочки; или не угодно ли съ лимонцемъ? Вѣдь теперь и не знай когда дождешься ихнего-то.

— Ужъ до чаю ли теперь, Дарья Лукинична; что-то и въ душу-то не идетъ, говорила Мавра Даниловна, принимая чашку.

— Пойдетъ ли въ душу, матушка? продолжала Дарья Лукинична, откусивъ сахару и наливая на блюдичко чай: — этакая печаль! Сродясь такой бѣды не видывала.

— Ты была, что ли, у самой-то?

— Гдѣ, матушка! только въ дверь послушала, все плачетъ. Баринъ всю ночь не входилъ, а ужъ утромъ вошелъ, бросилъ передъ ней какое-то письмо распечатанное; «на, читай», говорить, «отъ пріятельницы» и очень послѣ шумѣлъ; не приведи Богъ слышать!

— А дворня-то, Дарья Лукинична, толкуетъ, что Парашку за Ладощина сослали.

— Говори себѣ! Какой тутъ Ладощинъ! Она, бестія, все это надѣлала. Вѣдь между нами сказать, Мавра Даниловна, продолжала она осматриваясь:—соколъ-то былъ спрятанъ у нея въ чуланѣ; какъ все позатихло, она его сама и за деревню выпроводила.

— Какой соколъ? петербургскій-то?

— То-то оно и есть.

— Ахъ, батюшки свѣты! вотъ оно, магазины-то, Дарья Лукинична. Не даромъ говорила Татьяна Васильевна, что добра не будетъ. Погубили дѣвчонку, да и барыню-то.

— Конечно, Парашка кругомъ виновата, что говорить. Какъ-бы старая барыня-покойница, она бы знала, что съ нею дѣлать. А нынче вѣдь у насъ все по модѣ. Да и то сказать, Мавра Даниловна, сама-то не больше ли виновата? Вѣдь у нихъ не съ сегодня завелось...

— Ужъ и не говори! Я давно все вижу, да не хотѣлось говорить. И вотъ обѣ этомъ-то я и хотѣла посоветоваться съ тобою, Дарья Лукинична. Вѣдь Татьяна Васильевна ничего этого не знаетъ; она догадывается, отъ нея трудно утаить; но все же навѣрное ничего до нея не дошло. А она вѣдь моя благодѣтельница; истинно, какъ Богъ святъ, что ее больше отца роднаго. Какъ же мнѣ? сказать ли ей о томъ, что дѣлается, или молчать? Какъ-будто совѣстно оставлять ее, мою благодѣтельница, въ такомъ обманѣ.

Дарья Лукинична поставила блюдичко на столъ, вынула изъ бокового кармана круглую табакерку съ дамскимъ портретомъ, открыла, медленно взяла табаку и, держа его между двумя пальцами надъ открытою табакеркою, устремила глаза въ землю и качала головою съ видомъ глубокаго размышленія.

— Мавра Даниловна, сказала она наконецъ, не перемѣня положенія:—вы сами умные люди, дворянскаго происхожденія и лучше насъ знаете, какъ и что ведется; ужь не намъ учить васъ. А я такъ, по моему глупому разсужденію, думаю вотъ какъ: если вы доведете это дѣло до Татьяны Васильевны — она, вы знаете, человекъ крутой, несостчивый, и между нами сказать, Софью Павловну не долбилываетъ, — она непременно станетъ говорить объ этомъ барину, а ужь тотъ, виновата ли жена, нѣтъ ли, а она не выдастъ. Начнется ссора; что же изъ этого выйдетъ?

— Конечно, ужь добра немного, Дарья Лукинична.

— Станетъ доискиваться, отъ кого-де вышло?..

— Ну, ужь Татьяна Васильевна не выдастъ.

— Богъ то знаетъ, можетъ, съ горяча и проговорится. А тогда намъ и всѣмъ достанется, и Петръ Алексѣевичъ вѣкъ этого не проститъ, хоть бы и вамъ. А посудите: вѣдь и онъ, да и Софья Павловна, какова она ни есть, а вамъ еще пригодятся.

— Правда твоя, Дарья Лукинична; да вотъ чего боюсь. Агаея Ивановна вѣдь у! какъ хитра; она спровѣдаетъ какъ-нибудь и ужь раскажетъ Татьянѣ Васильевнѣ, — ужь я знаю, непременно доведетъ до нея, а та и скажетъ: ты-де знала да потащила.

— Теперь не узнаешь еще, не посмѣетъ говорить. А тамъ, пройдетъ время, хотя и выйдетъ что, скажете не знала и не слышала. Да и сама Татьяна Васильевна, спустя время, не вступится такъ горячо. Ну что! мало ли что болтають. Не то повѣрять, не то нѣтъ, а хотя и повѣрять, то съ нашихъ словъ говорить не стануть, особливо въ глаза, а тамъ за глаза — и Богъ не судить.

XXV.

Къ обѣду всѣ слуги были въ парадѣ. Комнаты убраны какъ для праздника, мѣбель безъ чехловъ. Татьяна Васильевна разодѣта, въ новомъ капотѣ, новомъ чепцѣ и бархатной мантильѣ, весела и любезна, такъ-что Мавра Даниловна, сидя въ своемъ уголку, не спускала съ нея глазъ и, нѣсколько разъ подходя къ ней, падала въ плечо, говоря шопотомъ: «Не нагляжусь-то я на васъ. Красавица да и только. Право, не хуже внучки». — Петръ Алексѣевичъ, Анюта, Ладешинъ и еще нѣсколько сосѣдей... Вдругъ въ залѣ зашумѣло, и въ комнату вошла Вѣра Дмитриевна.

— А! Вѣра Дмитриевна! закричалъ Петръ Алексѣевичъ, съ большою любезностью идя на встрѣчу гостьѣ. — Это совершенно кстати, потому-что мы сейчасъ хотѣли къ вамъ посылать.

— Ужъ точно кстатѣ, прибавила Татьяна Васильевна. — Одною тебя и не доставало мнѣ, моя милая, любезная. Поди, раздѣли нашу общую радость.

— Позвольте представить вамъ жениха и невесту, сказалъ Петръ Алексѣвичъ, подводя Ладошнина и Анюту къ Вѣрѣ Дмитриевнѣ. — Мы увѣрены, что вы примете участіе въ нашемъ счастьи...

Въ эту минуту вошла Софья Павловна, одѣтая со всею изысканностію; ни малѣйшаго слѣда слезъ и съ улыбкою, совершенно-приличною случаю.

Начались поздравленія, желанія и проч. Вѣра Дмитриевна казалась въ совершенномъ восхищеніи, ласкова съ невестою, привѣтлива даже и съ Ладошнымъ; объ извѣстномъ письмѣ — будто его и не бывало. Всѣ были чрезвычайно-счастливы.

— Къ этой радости, сказалъ съ большою любезностію одинъ изъ гостей: — не достаетъ только одного Леонтья Андреевича. Онъ такъ преданъ вамъ, Петръ Алексѣвичъ, и всему семейству вашему.

— Леонтій Андреевичъ уѣхалъ въ Петербургъ, сказалъ Петръ Алексѣвичъ громко и совершенно-покойнымъ голосомъ. Мнѣ чрезвычайно-жаль, что его нѣтъ съ нами на этотъ случай. Но что дѣлать! его вызываетъ министръ: вотъ письмо, которое я сейчасъ получилъ отъ самого Илешева.

И. ЖУКОВА.

ВСТРѢЧА.

(Сопетъ изъ Гѣте.)

=

Лѣсами, вдоль рѣки, и нашимо, безъ цѣли,
Одинъ, въ плащѣ, я шелъ куда глаза глядѣли;
Мѣста знакомыя: я часто тамъ бываю.
Вдругъ вижу—дѣвушка; откуда, какъ,—не знаю.

Она, какъ смертная, природою любовалась,
Но баснословное въ ней что-то отражалось;
Минувшее она, какъ-будто воспреснула
И въ тихое мена раздутье погрузила.

Вотъ завернувшись въ плащъ, окрестность я окинулъ
И шлану на глаза разсѣянно надвинулъ.
Я думалъ разойтись—лучайка раздѣлала—
Но сдѣлалъ шагъ впередъ. Она остановилась.
Вдругъ стало жарко мнѣ. Я сбросилъ плащъ. Свершилось!
Моя она, въ нон объятія ушла...

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

Мартъ 1847.

—————

С Н О В И Д Ы Н І Е.

=

Сонъ, какія ты видѣнья
Смутно мнѣ изобразилъ?
Что-то цѣлое въ отрывкахъ;
Жизнь и смерть была въ тебѣ.

Будто цѣлый міръ, несвязанной,
Будто мнѣ была душа;
Лабиринтомъ несклонныхъ
Самъ я, грудь моя была.

То видѣнья появлялись,
То слывались; новы; гдѣ жъ;
Въ даль тянулись... я какъ-будто
Былъ и жертвыи и живой.

То ль, о чемъ гадалъ я только,
Нилъ чего не зналъ никто,
То ли, это ль, — свидѣнье,
Исповѣдало мнѣ?

А. СТРУГОВЩИКОВЪ.

Мартъ 1847.

Д В Ъ Д І А Н Ы.

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

=

I.

КАТЕРИНА МЕДИЧИ.

Габріэль былъ твердъ душою и рѣшителенъ. Возвратясь отъ Дианы де-Пуатье, послѣ первой минуты унынія, онъ ободрился и отправился къ королевѣ.

Катерина Медичи, дѣйствительно, могла знать объ этой трагической расправѣ своего супруга съ графомъ Монгомери, а можетъ-быть и была въ ней дѣйствующимъ лицомъ. Въ то время ей было не болѣе двадцати лѣтъ. Какъ молодая жена-красавица, она должна была слѣдить за всѣми дѣйствіями и промахами своей соперницы. Габріэль рассчитывалъ, что ея воспоминанія освѣтятъ ему тотъ мрачный путь, по которому онъ шелъ ощупью и на которомъ ему, какъ любовнику и сыну, такъ сильно хотѣлось видѣть ясно.

Катерина приняла виконта д'Эксме съ тою особенною благосклонностью, которую постоянно показывала ему при каждой встрѣчѣ.

— Это вы, прекрасный побѣдитель, сказала она. — Какому счастливому случаю обязана я вашимъ визитомъ? Вы рѣдко посѣщаете насъ, виконтъ, и, кажется, въ первый разъ просите аудіенцію на моей половинѣ. А между-тѣмъ, вашъ приходъ всегда былъ и всегда будетъ кстати, въ этомъ вы не можете сомнѣваться.

— Не знаю, какъ благодарить ваше величество за вашу доброту, но будьте увѣрены, что моя преданность...

— Оставимъ ее, вашу преданность, прервала королева:—и пойдемъ къ цѣли, которая васъ привела сюда. Могу я быть полезна вамъ въ чемъ-нибудь?

— Я думаю, что можете.

— Тѣмъ лучше! продолжала Катерина съ самою ободрительною улыбкой:—и если то, чего вы хотите, въ моей власти, даю вамъ напередъ обѣщаніе исполнить вашу просьбу,—обѣщаніе, можетъ-быть, не совсѣмъ благовидное; но вы не употребите его во зло, мой прекрасный кавалеръ.

— Сохрани Богъ! не таково мое намѣреніе.

— Говорите же, увидимъ, сказала, вздохнувъ, королева.

— Я осмѣлился просить у васъ нѣкоторыхъ свѣдѣній, ничего больше. Но это ничего для меня—все. И потому, простите, если я разбужу воспоминанія, которыя должны быть тягостны для вашего величества. Воспоминанія эти относятся къ 1539 году.

— Ахъ, я была тогда еще очень-молода, почти ребенокъ! сказала королева.

— Но, безъ сомнѣнія, были уже очень-хороши и вполне достойны любви, отвѣчалъ Габріэль.

— Иные говорили, сказала королева, довольная оборотомъ, какой принялъ разговоръ.

— А между-тѣмъ, продолжалъ Габріэль:—другая женщина уже осмѣливалась посягнуть на права, которыя вы получили отъ Бога, которыя давало вамъ и рожденіе ваше, и красота; и эта женщина, недовольная тѣмъ, что отвратила отъ васъ, безъ сомнѣнія, волшебствомъ и чарами, глаза и сердце супруга, слишкомъ-молодого, и потому немогшаго быть дальновиднымъ, — эта женщина измѣнила тому, кто измѣнилъ вамъ, и любила графа Монгомері. Но вы, можетъ-быть, забыли все это, ваше величество?

— Нѣтъ, сказала королева:—это приключеніе и всѣ первыя интриги той, о которой вы говорите, еще памятны мнѣ. Дѣ, она любила графа Монгомері; потомъ, увидѣвъ, что ея связи обнаружены, безсовѣстно объявила, что притворялась нарочно для испытанія дофина, и когда Монгомері исчезъ, можетъ-быть, единственно по ея повелѣнію, она не плакала о немъ, и на другой день явилась на балѣ съ улыбающимся лицомъ. О, я долго буду помнить первыя интриги, которыми эта женщина подкапывала счастье моей молодости! Тогда это огорчало меня; дни и ночи проводила я въ слезахъ. Но, потомъ, мое самолюбіе пробудилось: я всегда исполняла свои обязанности, даже болѣе, и постоянно шушала собою уваженіе къ званіямъ супруга, матери и королевы; я принесла семь дѣтей королю и Франціи. Но теперь, любовь моя къ мужу спокойна, какъ къ другу и къ отцу моихъ сыновей, и безъ не имѣетъ права требовать отъ меня чувства болѣе-нѣжнаго; я довольно жила для общаго блага, чтобъ жить нѣсколько и для себя-самой. Не дешевой цѣной купила я свое счастье! И еслибъ чу-

тво преданности, молодое и страстное, предстояло мнѣ, Габріэль, — развѣ не могла бы я не отвергнуть его безъ преступленія?

Слова Катерины пояснялись ея взглядами. Но мысли Габріэля были далеко. Съ-тѣхъ-поръ, какъ королева перестала говорить объ его отцѣ, онъ пересталъ слушать ее,—онъ мечталъ. И эта мечтательность, которую Катерина объяснила по-свѣдому, нравилась ей. Но Габріэль скоро прервалъ молчаніе.

— Еще одинъ, послѣдній и самый важный для меня вопросъ, сказалъ онъ.—Вы такъ благосклонны ко мнѣ! На пути сюда я не думалъ, что мои ожиданія такъ удовлетворятся. Вы говорили о преданности, положитесь на меня. Но, ради Бога, довершите свое благодѣяніе! Такъ—какъ вы знали подробности этихъ темныхъ приключеній графа Монгомері, то не помните ли, не было ли сомнѣній въ дѣйствительности отеческихъ правъ короля на г-жу де-Кастро, когда она родилась чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ исчезновенія графа? Злословіе, или даже клевета, не выражали ли подозрѣній на этотъ счетъ, не называли ли Монгомері отцомъ Діаны?

Катерина Медичи нѣсколько времени смотрѣла на Габріэля молча, какъ—бы для того, чтобъ разгадать побужденія, вызвавшія у него этотъ вопросъ. Думая, что нашла эти побужденія, она начала улыбаться.

— Я въ-самомъ-дѣлѣ замѣтила, сказала она:—что вы неравнодушны къ г-жѣ де-Кастро и усердно за нею ухаживаете. Теперь я понимаю ваши намѣренія. Только, не заходя далеко, вы хотите, кажется, прежде увѣриться, дѣйствительно ли предъ дочерью короля преклоняете колѣно. Вы боитесь, чтобъ, женившись на признанной дочери Генриха II, не открыли вы какимъ-нибудь неожиданнымъ случаемъ, что жена ваша незаконная дочь графа Монгомері. Однимъ-словомъ, вы честолюбивы, виконтъ д'Эксмѣ. Не оправдывайтесь! это только возвышаетъ васъ въ моихъ глазахъ, и не только не мѣшаетъ моимъ видамъ на васъ, но скорѣе помогаетъ. Вы честолюбивы, не правда ли?

— Но, ваше величество... говорилъ Габріэль смутившись: — можетъ-быть, дѣйствительно...

— Довольно; вижу, что я разгадала васъ, мой любезный кавалеръ, сказала королева.—Ну! хотите вѣрить дружбѣ? для собственныхъ вашихъ цѣлей, оставьте свои виды на эту Діану. Откажитесь отъ этой куклы. Я не знаю навѣрное, дочь ли она короля или графа, хотя послѣднее предположеніе весьма-правдоподобно; но, еслибъ она и родилась отъ короля,—это не такая женщина, какая нужна вамъ. Это существо слабое, нѣжное, чувствительное, милое, если хотите,—но безъ силы, безъ энергій, безъ характера. Она умѣла пріобрѣсть милость короля, правда; но воспользоваться ею не сумѣетъ. Вамъ, Габріэль, для исполненія вашихъ огромныхъ замысловъ, нужно сердце мужественное, сильное, которое бы столько же помогало вамъ, сколько и любило васъ, которое бы служило

Вамъ и, въ то же время, наполняло вашу душу, жизнь вашу. Кое сердце вы нашли, виконтъ, сами не зная того.

Онъ съ удивленіемъ смотрѣлъ на королеву, которая продолжала съ увлеченіемъ:

— Послушайте: наше положеніе въ обществѣ должно освободить насъ, королевъ, отъ обыкновенныхъ условныхъ приличій, стоя такъ высоко, мы, не выжидая признанія въ любви, должны сами дѣлать первый шагъ и протягивать руку къ любимому предмету. Габріэль, вы прекрасны, храбры, пламенны и горды! первой минуты, когда увидѣла васъ, я ощутила тутъ, въ груди, незнакомое мнѣ чувство, и—не-уже-ли я обманулась? Ваши слова, ваши взгляды и даже теперешнее ваше обращеніе ко мнѣ, — наконецъ, заставляло меня предполагать, что я встрѣтила въ васъ не неблагогодарнаго.

— Ваше величество!.. въ испугѣ произнесъ Габріэль.

— Да, вы изумлены, поражены, я вижу это, продолжала Катерина съ самой нѣжной улыбкой.—Но вы не осуждаете меня, правда ли, за мою невольную откровенность? Повторяю: званіе королевы должно извинять женщину. Вы робки, хотя и честолюбивы, виконтъ, а мелочныя приличія могли лишить меня драгоценнаго чувства; я лучше хотѣла сама начать. Ну! прійдите же въ себя! не-уже-ли я такъ страшна?

— О! да! пробормоталъ Габріэль, блѣднѣя.

Королева поняла это восклицаніе по-своему.

— Что жъ! сказала она съ шутливымъ сомнѣніемъ:—я, кажется, еще не успѣла искружить вамъ голову до того, чтобъ заставить васъ забыть ваши планы, и розъиски ваши объ ангулемской принцессѣ—доказываютъ это. Но успокойтесь; повторю вамъ, что не униженія, а величія я желаю для васъ. Габріэль! до-сихъ-поръ, я термлась на второмъ планѣ; но знайте, скоро увидятъ меня на первомъ. Діана де-Пуатье уже не въ тѣхъ лѣткахъ, чтобъ могла еще долго сохранить свою красоту и могущество. Съ той минуты, когда исчезнетъ обаяніе этой женщины, начнется мое царство, и я съумѣю царствовать, Габріэль! духъ владычества, который я въ себѣ чувствую, тому порукой; притомъ, это уже въ крови Медичи. Король узнаетъ, что у него нѣтъ совѣтника: испыте, опытите и надежите меня, и тогда — на что не будетъ имѣть права человѣкъ, который соединилъ свою судьбу съ моею, когда моя была еще во мракѣ, который любилъ во мнѣ женщину, а не королеву? Владычица королевства не вознаградитъ ли достойнымъ образомъ того, кто былъ преданъ Катеринѣ? Этотъ человѣкъ будетъ первымъ по ней, ея правая рука, истинный король, покорный призраку короля? Въ его рукахъ будутъ всѣ титулы и силы Франціи? Прекрасный сонъ, не правда ли, Габріэль! Ну! хотите вы быть этимъ человѣкомъ?

Она смѣло протянула ему руку.

Габріэль преклонилъ колено и поцаловалъ эту бѣлую, чудную руку... Но онъ былъ такъ твердъ и благороденъ, что не могъ предаться хитростямъ и обманамъ притворной любви. Онъ былъ такъ откровененъ и рѣшителенъ, что не могъ колебаться между облакомъ и опасностью.

— Ваше величество, сказалъ онъ: — предъ вами самый почтительный изъ вашихъ слугъ и самый преданный изъ вашихъ подданныхъ. Но...

— Но, прервала Катерина съ улыбкой:—я не требую отъ васъ того почтительнаго языка, мой благородный кавалеръ.

— Но, продолжалъ Габріэль:—я не могу, говоря съ вами, употреблять словъ болѣе нѣжныхъ и страстныхъ, потому-что, простите!.. прежде, нежели я узналъ васъ, я любилъ Диану де-Кастро, никакая другая любовь, даже любовь королевы, не найдетъ мѣста этому сердцу, которое наполнилъ уже другой образъ.

— А! произнесла Катерина блѣднѣя, и губы ея судорожно жалась.

Но Габріэль, опустивъ голову, спокойно ждалъ, какъ разразится надъ нимъ гроза негодованія и презрѣнія. Презрѣніе и негодование не заставили долго ждать себя.

— Знаете ли вы, г. д'Эксмэ, сказала Катерина послѣ минутнаго молчанія, едва удерживаясь отъ гнѣва:—знаете ли вы, что я чинаю васъ дерзкимъ, чтобъ не сказать наглымъ? Кто говорилъ вамъ о любви? Съ чего вы взяли, что посягаютъ на вашу суровую добродѣтель? Надо быть слишкомъ-тщеславну и наглу, чтобъ мѣлится такъ думать и такъ отважно объяснять благосклонность, ошибочно направленную къ недостойному ея! Вы серьезно дербли женщину и королеву, г. Эксмэ!

— О! повѣрьте, ваше величество, отвѣчалъ Габріэль:—что мое ниговое почтеніе...

— Довольно! прервала Катерина: — говорю вамъ, вы оскорбили меня, вы пришли съ тѣмъ, чтобъ оскорбить меня? Зачѣмъ вы здѣсь? Что привело васъ сюда? Что мнѣ за дѣло до вашей любви, до г-жи де-Кастро, до всего, что васъ занимаетъ! Вы пришли ко мнѣ за справками? Смѣшной предлогъ! Вы хотѣли взять изъ королевы Франціи любовную полицію для себя. Это вымышленно, говорю вамъ, и прибавляю: это оскорбленіе!

— Нѣтъ, ваше величество, гордо отвѣчалъ Габріэль:—не могъ оскорбить васъ благородный человѣкъ, который рѣшился лучше урочить васъ, нежели обмануть.

— Молчите, сударь! перебила Катерина: — я вамъ приказываю молчать и уйти отсюда. Считайте за счастье, что я не хочу отвѣчать королю вашей дерзкой ошибки; но не являйтесь никогда предо мною, и знайте, что Катерина Медичи—вашъ неумолимый вѣдь. Да, я найду васъ, будьте увѣрены, г. д'Эксмэ! А теперь, уходите.

Габріэль поклонился королевѣ и вышелъ, не сказавъ ни слова.

— Ну, думалъ онъ: — еще однимъ врагомъ больше! Но что бы выигралъ я, еслибъ и узналъ что-нибудь о моемъ отцѣ и о Діанѣ Любимица короля и жена короля— враги мои! Не хочеть ли еще судьба сдѣлать меня врагомъ короля. Пойдемъ теперь къ Діанѣ уже время. Дай-Богъ не потерять этого послѣдняго свѣта, и не выйдти еще съ бо́льшей тоской на душѣ отъ той, которая любитъ меня, нежели отъ тѣхъ, которыя ненавидять.

и.

Любовникъ, или братъ?

Когда Жасента провела Габріэля въ комнату, которую Діана де Кастро, какъ признанная дочь короля, занимала въ Луврѣ, она гнаивно, цѣломудренно смущенія побѣждала на встрѣчу любимому человѣку, нисколько не скрывая своей радости. Она не отклонила бы лица и отъ поцалуя; но Габріэль удовольствовался однимъ пожатіемъ руки.

— Наконецъ это вы, Габріэль! сказала Діана.— Съ какимъ терпѣніемъ я ждала васъ, другъ мой! Съ нѣкотораго времени не знаю, куда дѣвать полноту своего счастья. Я разговариваю со всѣми одна, смѣюсь одна, — я просто сумасшедшая! Но вотъ вы, Габріэль, — теперь мы можемъ по-крайней-мѣрѣ блаженствовать вмѣстѣ! Ну, что же съ вами? что это у васъ какой видъ — холодный, важный, почти грустный? Такимъ-то непривѣтливимъ лицомъ, такой-то неразвязной лаской доказываете вы мнѣ любовь а Богу да моему отцу — благодарность?

— Вашему отцу?.. Да, поговоримте о вашемъ отцѣ, Діана. Что касается до важности, которая васъ удивляетъ, это моя привычка встрѣчать счастье съ нахмуреннымъ лицомъ, потому-что плохо вѣрю въ дары его, къ которымъ до-сихъ-поръ не имѣю случая привыкнуть; притомъ же, я испыталъ, что слишкомъ-часто подъ радостью кроется горе.

— Я не считала васъ, Габріэль, ни такимъ философомъ, ни такимъ несчастнымъ, возразила полу-веселая, полу-огорченная Діана. — Но посмотримъ! вы сказали, что хотите говорить о королѣ; это лучше: какъ онъ былъ добръ и благороденъ, Габріэль!

— Да, Діана, онъ васъ очень любитъ, не правда ли?

— Невообразимо-нѣжно, Габріэль.

— Конечно, пробормоталъ виконтъ д'Эксмэ: — онъ можетъ думать, что она его дочь... Одно только удивляетъ меня, продолжалъ онъ вслухъ: — какимъ образомъ король, у котораго сердце ужь, разумѣется, было предчувствіе его настоящей любви къ вамъ, какимъ образомъ могъ онъ двѣнадцать лѣтъ не видѣть васъ, не знать и оставлять въ этой ссылкѣ въ Вимутьѣ, затерянную, забытую? Вы, Діана, никогда не спрашивали его о причинѣ этого страннаго равнодушія? Знаете ли? подобную забывчивость

трудно согласить съ ласками, которыми онъ теперь окружаетъ васъ.

— О! возразила Діана, вѣдь это не онъ забывалъ меня!

— А кто же?

— Кто, если не Діана де-Пуатъё, не знаю, должна ли я сказать: — моя мать?

— Почему же она рѣшилась такъ бросить васъ, Діана? Ей надо было наслаждаться, гордиться въ глазахъ короля вашимъ рожденіемъ, которое давало ей больше правъ на любовь его. Чего могла она бояться? Мужа ея не было на свѣтѣ, отца — тоже...

— Конечно, Габріэль, сказала Діана: — мнѣ было бы трудно, если не невозможно, оправдать передъ вами эту странную гордость, съ которой г-жа де-Валентинуа постоянно отказывалась открыто признать меня своею дочерью. Вы, стало-быть, еще не знаете, мой другъ, что она упростила короля скрыть мое рожденіе, что призвала меня ко двору только по его настойчивости, почти по его приказанію, что, наконецъ — она не согласилась помѣстить свое имя въ актѣ о моемъ происхожденіи. Я не жалю объ этомъ, Габріэль, потому-что безъ ея смѣшной гордости я бы не знала васъ и вы бы не любили меня. Конечно, мнѣ иногда грустно думать объ отвращеніи моей матери отъ всего, что до меня касается.

— Отвращеніи... можетъ-быть, это—угрызеніе совѣсти, съ ужасомъ подумалъ Габріэль: — она съумѣла обмануть короля, но съ тревогой и страхомъ...

— О чемъ же вы думаете, другъ мой? спросила Діана: — и къ чему вы меня спрашивали?

— Такъ, сомнѣніе моего безпокойнаго духа. — Не безпокойтесь объ этомъ, Діана; но, по-крайней-мѣрѣ, если ваша матушка чувствуетъ къ вамъ нерасположеніе и почти ненависть, за то отецъ вознаграждаетъ васъ за эту холодность своей нѣжностью; и вы съ своей стороны — если чувствуете робость и отчужденіе въ отношеніи г-жи де-Валентинуа, за то въ присутствіи короля сердце ваше расширяется, не правда ли? оно узнаетъ въ немъ истиннаго отца.

— О, конечно! отвѣчала Діана: — съ перваго дня, какъ я его увидѣла, какъ только онъ заговорилъ мнѣ съ такой добротой, я тутъ же почувствовала къ нему влеченіе. Не изъ политики я такъ предупредительна съ нимъ, такъ привязана къ нему — это инстинктъ. Не будь онъ король, не будь онъ мой благодѣтель и покровитель, — я бы все также любила его: онъ — мой отецъ.

— Въ такихъ вещахъ не обманываются! вскричалъ восхищенный Габріэль. — Милая Діана! Хорошо, что вы такъ любите отца, чувствуете къ нему столько благодарности и любви. Такое нѣжное чувство дѣлаетъ вамъ честь.

— Хорошо также и то, что вы понимаете и одобряете это чувство, мой другъ, сказала Діана. — Но, поговоривъ о моемъ отцѣ

о его привязанности ко мнѣ, о моей къ нему, и о томъ, какъ мы ему обязаны,—не поговорить ли намъ немножко о насъ-самихъ, о нашей любви, Габріэль, а? Что дѣлать! люди — эгоисты, примолвила она съ свойственнымъ ей отъ природы простодушіемъ. Впрочемъ, еслибъ король былъ тутъ, онъ упрекнулъ бы меня, зачѣмъ я не думаю все о себѣ, о насъ съ вами. Знаете ли, Габріэль, — вотъ еще сейчасъ онъ повторялъ мнѣ: «Дитя мое, будь счастлива! будешь счастлива—слышишь ли? — и меня сдѣлаешь счастливымъ.» Итакъ, сударь, мы заплатили долгъ благодарности, — не будемъ же слишкомъ-забывчивы къ самимъ-себѣ.

— Правда, проговорилъ Габріэль въ раздумьи: — правда. Обратимся теперь къ привязанности, которая связываетъ на всю жизнь другъ съ другомъ. Заглянемъ къ себѣ въ сердце, посмотримъ, что тамъ дѣлается. Выскажемъ взаимно наши души.

— Хорошо! сказала Діана:—это будетъ чудесно.

— Да, чудесно! печально возразилъ Габріэль. — Начнемъ съ васъ, Діана; что вы чувствуете ко мнѣ? Не меньше ли вы меня любите, нежели отца?

— Злой ревнивецъ! сказала Діана. — Знайте только, что я васъ люблю совсѣмъ иначе. Не легко, впрочемъ, мнѣ вамъ объяснить это. Когда король со мной, я спокойна и мое сердце бьется какъ всегда; а когда вы со мной, о! тогда какая-то странная тревога, и мучительная и сладкая, разливается по всему моему существу. Королю я при всѣхъ говорю ласковыя слова, какія только прійдутъ мнѣ на умъ; но вамъ, при комъ бы то ни было, не рѣшусь, кажется, выговорить и одного слова: «Габріэль!» даже и тогда, какъ буду вашей женой. Сколько радость моя въ присутствіи короля покойна, столько блаженство мое съ вами тревожно, скажу больше—болѣзненно; но эта болѣзненность для меня дороже спокойствія.

— Молчи! о, молчи! вскричалъ въ себя Габріэль.—Да, ты любишь меня, и это меня ужасаетъ!.. Это разувѣряетъ меня, хотѣлъ я сказать, потому-что вѣдь не допустилъ бы Богъ такой любви, еслибъ ты не имѣла права любить меня.

— Что вы хотите сказать, Габріэль? спросила изумленная Діана.—Отъ-чего мое признаніе, которое я имѣю право сдѣлать, потому-что вы скоро будете моимъ мужемъ,—отъ-чего это признаніе выводитъ васъ изъ себя? Какая опасность можетъ скрываться въ любви моей?

— Никакой, милая Діана, никакой. Не обращайтесь на это вниманія; это радость, которая и меня волнуетъ... это радость! Такое необъятное блаженство можетъ вскружить голову. Однако, вы не всегда любили меня съ такими тревогами и страданіями. Когда мы съ вами, бывало, гуляли въ Вимутье, вы чувствовали ко мнѣ одну дружбу... братскую.

— Тогда я была еще ребенокъ, сказала Діана: — тогда я еще не передумала о васъ шесть лѣтъ въ уединеніи; тогда любовь моя

еще не выросла вмѣстѣ со мной; тогда я не прожила еще двухъ мѣсяцевъ при дворѣ, гдѣ испорченность языка и нравовъ уже не могла заставить меня больше полюбить нашу чистую страсть.

— Это правда, это правда, Діана! сказалъ Габріэль.

— А вы, мой другъ, продолжала Діана въ свою очередь:— скажите-ка, сколько у васъ для меня преданности и страсти. Откройте мнѣ свое сердце, какъ я вамъ открыла свое. Если мои слова были вамъ пріятны, позвольте же и мнѣ услышать вашъ голосъ, скажите, сколько вы меня любите, какъ вы меня любите.

— О! я, я не знаю, сказалъ Габріэль:— я не могу вамъ сказать этого! Не спрашивайте меня, не требуйте, чтобъ я спрашивалъ самого себя: это слишкомъ—страшно.

— Но, Габріэль! вскричала испуганная Діана:— слова ваши всего страшнѣе... вы этого не чувствуете? Какъ! вы не хотите даже сказать мнѣ, что меня любите!

— Люблю ли я тебя, Діана! Она спрашиваетъ, люблю ли я ее! Да! люблю какъ безумный, какъ преступникъ, можетъ—быть.

— Какъ преступникъ! проговорила изумленная Діана. — Какое преступленіе можетъ быть въ нашей любви? Развѣ не свободны мы оба? Развѣ мой отецъ не согласился на союзъ нашъ? И Богъ и ангелы радуются подобной любви!

— Господи! не дай ей богохульствовать, мысленно проговорилъ Габріэль:— какъ, можетъ—быть, я иногда богохульствовалъ въ разговорахъ съ Алонзой.

— Но что жъ это съ вами? сказала Діана. — Другъ мой, вы не больны, по-крайней-мѣрѣ? Вы всегда были такъ тверды: откуда же взялись эти фантастическіе страхи? А я! я съ вами ничего не боюсь; знаю, что съ вами я въ такой же безопасности, какъ съ отцомъ. Послушайте! вспомните хорошенько о себѣ-самомъ, о жизни, о счастья; я прижимаюсь къ груди вашей безъ страха, мой милый супругъ! Позволяю вамъ цаловать себя, безъ всякихъ мелочныхъ сомнѣній.

Она подошла къ нему улыбающаяся, прелестная; ея веселенькое личико потянулось къ его лицу, и чистый, ясный взглядъ направивался на невинную ласку.

Габріэль съ ужасомъ оттолкнулъ ее.

— Нѣтъ, прочь! закричалъ онъ:— оставь меня, уйди!

— Боже мой! сказала Діана, опустивъ руки:— Боже мой! онъ меня отталкиваетъ, онъ не любитъ меня!

— Я тебя слишкомъ люблю! прервалъ Габріэль.

— Еслибъ вы любили меня, развѣ мои ласки пугали бы васъ?

— Пугали ли бы онъ меня въ-самомъ-дѣлѣ? подумалъ Габріэль, проникнутый другаго рода ужасомъ. — Можетъ—быть, мой инстинктъ, а не разумъ отталкиваетъ эти ласки? О, подойди ко мнѣ, Діана! подойди, чтобъ я увидѣлъ, узналъ, почувствовалъ. Позволь мнѣ въ-самомъ-дѣлѣ коснуться чела твоего братскимъ поцалуемъ; на него женихъ имѣетъ право.

Онъ привлекъ къ себѣ Діану и прижалъ свои уста къ волосамъ ея въ долгомъ поцалувѣ.

— Я ошибался! проговорилъ онъ въ восторгѣ: — не голосъ крови говорить во мнѣ, это голосъ любви. Я узналъ его, — какое счастье!

— Да что ты говоришь, другъ мой? возразила Діана. — Но ты говоришь, что любишь меня. Вотъ все, что хочу я слышать и знать.

— О, да! я люблю тебя, мой обожаемый ангелъ: — люблю горячо, страстно, безумно. Я люблю тебя... Чувствовать, какъ твое сердце бьется на груди моей?.. это — рай... или, скорѣй, ад! вскрикнулъ вдругъ Габріэль, откинувшись отъ Діаны. — Прочь, прочь! дай мнѣ убѣжать; я проклять!

И въ изступленіи онъ бросился изъ комнаты, оставивъ Діану безмолвную отъ ужаса, окаменѣвшую отъ отчаянія.

Онъ не помнилъ, гдѣ идетъ, что дѣлаетъ. Безсознательно сошелъ онъ съ лѣстницъ, шатаясь какъ пьяный. Трудно было его разсудку выдержать эти три страшныя испытанія. Когда вошелъ онъ въ большую луврскую галерею, глаза его невольно закрылись, ноги подкосились, и онъ опустил колѣни возлѣ стѣны, пробормотавъ:

— Я предвидѣлъ, что ангелъ будетъ мучить меня еще больше, нежели два демона.

Онъ упалъ безъ чувствъ. Была ночь; никто не проходилъ по галереѣ.

Габріэль не прежде сталъ приходить въ себя, какъ ощутивъ у себя на лбу движеніе маленькой ручки и заслышавъ сладкій голосъ, говорившій душѣ его. Онъ открылъ глаза. Надъ нимъ, съ свѣчой въ рукѣ, наклонилась дофина Марія Стюартъ.

— На мое счастье, вотъ другой ангелъ, проговорилъ Габріэль.

— Это вы, мосьё д'Эксме? сказала Марія. — О! какъ вы меня напугали! Я думала, что вы умерли. Что съ вами? Какъ вы блѣдны! Лучше ли вамъ? Я позову кого-нибудь, если хотите.

— Не нужно, сказалъ Габріэль, стараясь приподняться. — Вашъ голосъ возвратилъ меня къ жизни.

— Пойдите, я вамъ помогу, примолвила Марія Стюартъ. — Бѣдный молодой человекъ! вы слабы! Такъ съ вами былъ обморокъ? Я проходила мимо, увидѣла васъ и не имѣла силъ закричать. А потомъ — одумалась, подошла къ вамъ; конечно, тутъ надо было много смѣлости. Я тронула рукой вашъ лобъ — онъ былъ совсѣмъ холодный; я стала звать васъ, вы и пришли въ чувство. Что! вамъ лучше?

— Да, сударыня! и — васъ Богъ благословитъ за вашу доброту. Теперь я припоминаю. Страшная боль сжала мнѣ виски какъ будто желѣзными тисками; колѣни мои подогнулись и я упалъ у стѣны. Но откуда взялась эта боль?.. А! да, теперь вспомнилъ, вспомнилъ все. О, Боже мой! Боже мой! теперь я все помню!

— Вѣрно, сильное горе поразило васъ, не правда ли? продолжала Марія. — О, да, потому—что при одномъ воспоминаніи вы такъ ужасно поблѣднѣли. Обонритесь мнѣ на руку, я сильна. Я позову людей, чтобъ васъ отвели домой.

— Благодарю васъ, сказалъ Габріэль, стараясь собрать всѣ свои силы и энергію. — Я чувствую еще столько твердости, что дойду одинъ. Посмотрите, я иду одинъ и довольно твердо. Но это не уменьшаетъ моей благодарности къ вамъ, и пока живъ, я буду помнить вашу трогательную доброту. Вы явились ангеломъ—утѣшителемъ въ самую тяжелую для меня минуту. Только смерть можетъ изгладить это изъ моей памяти.

— О, Боже мой! то, что я сдѣлала, такъ естественно, господинъ д'Эксмѣ. Я тоже бы сдѣлала для всякаго страдальца, тѣмъ болѣе для васъ, какъ преданнаго друга моего дяди Гиза. Не благодарите меня за такую малость.

— Эта малость была все для моей отчаянной скорби. Вы не хотите, чтобъ васъ благодарили, но я хочу помнить. Прощайте, сударыня, я буду помнить.

— Прощайте, господинъ д'Эксмѣ! берегите себя; по—крайней—мѣрѣ, старайтесь утѣшиться.

Она протянула ему руку, которую Габріэль почтительно поцаловалъ. Потомъ она пошла въ одну сторону, а онъ въ другую.

Алонза тоскливо ждала его.

— Ну, что? сказала она ему.

Габріэль старался преодолѣть затмѣніе, начинавшее снова покрывать его глаза. Ему хотѣлось плакать, но онъ не могъ.

— Я ничего не знаю, Алонза! отвѣчалъ онъ измѣнившимся голосомъ.—Все было нѣмо, и эти женщины, и мое сердце. Я ничего не знаю, кромѣ того, что лобъ мой холоденъ какъ ледъ, а между—тѣмъ я весь горю. Боже мой! Боже мой!

— Не унывайте, сударь! сказала Алонза.

— Я не унываю, сказалъ Габріэль.—Слава Богу, я умираю.

И онъ снова упалъ на полъ, но на этотъ разъ уже не очнулся.

III.

Гороскопъ.

— Больной останется живъ, моя милая. Велика была опасность, и выздоровленіе будетъ медленно. Всѣ эти кровопусканія ослабили бѣднаго молодого человѣка; но — онъ будетъ жить, въ этомъ не сомнѣвайся и благодари Бога, что тѣлесное страданіе ослабило ударъ, нанесенный душѣ его, потому—что подобныхъ ранъ мы не исцѣляемъ, а его рана могла бы быть смертельна и можетъ еще сдѣлаться смертельной.

Такъ говорилъ Алоизъ врачъ, человекъ высокаго роста, съ огромнымъ выпуклымъ лбомъ, съ впалыми, проникающими глазами. Народъ звалъ этого человека *maitre Nostredame*, между учеными назывался онъ *Нострадамусъ*. По-видимому, ему было не болѣе пятидесяти лѣтъ.

— Но, Господи!.. посмотрите-ка на него, сударь, возразила Алоиза: — съ 7 іюня съ вечера лежитъ онъ у меня, а сегодня 2 іюля, и во все это время — ни слова не вымолвилъ, не увидѣлъ меня ни разу, не узналъ меня; онъ ужъ будто мертвый, спаси его Господи! Вы берете его за руку, а онъ и не чувствуетъ.

— Тѣмъ лучше, повторяю я вамъ, Алоиза: — тѣмъ позже возвратится онъ къ сознанию своихъ страданій, тѣмъ лучше: если онъ еще мѣсяцъ пробудетъ въ этомъ разслабленіи, безъ пониманія, безъ мысли, тогда онъ рѣшительно спасенъ.

— Спасенъ! проговорила Алоиза, поднявъ глаза къ небу, какъ-бы благодаря Бога.

— Онъ и теперь уже спасенъ, если только болѣзнь не возобновится; это вы можете сказать и той хорошенькой дѣвушкѣ, что ходитъ по два раза въ день узнавать о его подожаніи: тутъ, конечно, скрывается любовь какой-нибудь важной дамы, не правда ли? Это иногда вещь прекрасная, а иногда — гибельная.

— О! у насъ она гибельная, ваша правда, сударь, сказала вздохнувъ Алоиза.

— Ну, видно, Богу угодно, чтобъ онъ избавился отъ страсти точно такъ же, какъ отъ болѣзни, если только у страсти и у болѣзни не одни и тѣ же дѣйствія и причины. Но за одну я отвѣчаю, а за другую — нѣтъ.

Нострадамусъ открылъ влажную, безчувственную руку, которую держалъ, и съ задумчивымъ вниманіемъ сталъ всматриваться въ ладонь этой руки. Онъ даже натянулъ кожу ладони на указательный и средній пальцы и, казалось, съ трудомъ старался что-то припомнить.

— Это странно, сказалъ онъ въ-полголоса, какъ-бы самъ себѣ: — вотъ ужъ сколько разъ принимаюсь я изучать эту руку, и всякій разъ мнѣ кажется, что когда-то въ былое время я уже изслѣдовалъ ее. Но какіе же знаки поражали меня тогда? Умственная линія благопріятна; средняя — сомнительна; но линія жизни — совершенна. Впрочемъ, ничего необыкновеннаго. Господствующее свойство этого молодаго человека должно быть — воля твердая, неуклонная, неумолимая какъ стрѣла, пушенная вѣрною рукою. Это все не то, что когда-то изумляло меня... Да притомъ, воспоминаніе это слишкомъ темно у меня: оно должно быть очень старинное; а вѣдь вашему господину, Алоиза, не больше двадцати пяти лѣтъ, не такъ ли?

— Только двадцать-четыре, сударь.

— Стало-быть, онъ родился въ 1533... Не знаете ли вы, въ какой день онъ родился?

— 6-го марта.

— Но... не помните, утромъ, или вечеромъ?

— Ахъ, какъ же! Я была при его матери, ухаживала за ней во время родовъ. Господинъ Габріэль родился въ половинѣ седьмаго часа утра.

Нострадамусъ принялъ къ свѣдѣнію слова Алоизы.

— Я увижу, сказалъ онъ:—въ какомъ положеніи въ тотъ день и часть было небо. Но еслибъ виконтъ д'Эксмэ былъ старше двадцатью годами, я бы поклялся, что нѣкогда держалъ его за руку. Впрочемъ, что нужды! Не колдунъ, какъ иногда называетъ меня народъ, здѣсь дѣйствуетъ, а врачъ, и я повторяю вамъ, Алоиза, врачъ теперь отвѣчаетъ за больнаго.

— Извините, сударь! печально возразила Алоиза:—вы сказали, что будете отвѣчать за болѣзнь, но не будете отвѣчать за страсть.

— Страсть! А! сказалъ улыбнувшись Нострадамусъ:—но, мнѣ кажется, появленіе служаночки дважды въ день доказываетъ, что эта страсть не безнадежна.

— Напротивъ, сударь, напротивъ! вскричала съ ужасомъ Алоиза.

— Помилуйте! такому богатому, храброму, молодому и прекрасному человѣку, какъ вашъ виконтъ д'Эксмэ, — не долго будетъ противиться женщина въ такой вѣкъ, какъ нашъ... Можетъ быть иногда отсрочка, вотъ и все, никакъ не больше.

— Однако, предположите, сударь, что вышло не то. Предположите, что когда мой господинъ оправится и прійдетъ въ себя, первая, единственная мысль, которая поразитъ умъ его, будетъ: «Женщина, которую я люблю, погибла для меня невозвратно?»

— О! будемъ надѣяться, что ваше предположеніе неосновательно; это было бы ужасно. Такая нестерпимая скорбь для такой слабой головы страшна! Сколько можно судить о человѣкѣ по лицу и по глазамъ, вашъ господинъ, Алоиза, человѣкъ не поверхностный, а въ этомъ случаѣ его энергическая, могучая воля была бы всего опаснѣе: разбившись о невозможность, она разбила бы съ собой и жизнь.

— Боже мой! умеръ бы онъ! вскричала Алоиза.

— По-крайней-мѣрѣ, можно было бы опасаться воспаления въ мозгу, сказалъ Нострадамусъ. — Впрочемъ, что же? всегда есть средства зажечь въ его глазахъ свѣтъ надежды. Какую-нибудь перемѣну отдаленную, невѣрную... онъ схватится за нее и — будетъ спасенъ.

— Тогда онъ будетъ спасенъ, проговорила Алоиза мрачнымъ голосомъ.—Я хоть клятву нарушу, но онъ будетъ спасенъ. Благодарю васъ, господинъ Нострадамусъ!

Прошла недѣля; Габріэль, казалось, если еще не находилъ, то, по-крайней-мѣрѣ, старался отыскать свою мысль. Глаза его, еще блуждающіе и безвыразительные, уже останавливались съ вопро-сательнымъ взглядомъ на лицахъ и предметахъ. Потомъ началъ онъ помогать движенію, которое сообщали ему постороннія руки,

сталъ самъ приподыматься, брать питье, которое предлагалъ ему Нострадамусъ.

Алонза, неутомимо стоя у изголовья, ждала.

Въ концѣ слѣдующей недѣли, Габріэль сталъ говорить. Хаосъ, бродившій въ головѣ его, еще не озарился полнымъ свѣтомъ; онъ произносилъ только отрывочныя, несвязныя слова, въ которыхъ однако, уже проглядывали черты прошлой жизни. Въ присутствіи врача, Алонза дрожала отъ страха, чтобъ Габріэль не высказалъ чего-нибудь изъ своихъ тайнъ.

Оказалось, что страхи ея были вполне основательны: одинъ разъ Габріэль, въ лихорадочномъ снѣ, закричалъ при Нострадамусѣ:

— Они думаютъ, что меня зовутъ виконтомъ д'Эксмэ! Нѣтъ, нѣтъ, берегитесь! Я—графъ Монгомері.

— Графъ Монгомері! проговорилъ Нострадамусъ, пораженный мелькнувшимъ передъ нимъ воспоминаніемъ.

— Молчите! прошептала Алонза, положивъ палецъ на губы.

Но Нострадамусъ ушелъ, не услыхавъ отъ Габріэля больше ни одного слова, и такъ-какъ ни на другой, ни на слѣдующіе за тѣмъ дни врачъ не заговаривалъ объ этихъ вырвавшихся у больного словахъ, то Алонза и сама боялась заговорить, чтобъ не привлечь его вниманія къ тому, что Габріэлю, вѣроятно, нужно было скрывать. Казалось, они оба забыли этотъ случай.

Но Габріэлю становилось все лучше и лучше. Онъ началъ узнавать Алонзу и Мартэна-Герра, спрашивалъ чего ему было нужно, говорилъ кротко и печально, что доказывало, что онъ уже въ совершенной памяти.

Въ одно утро, въ первый разъ вставъ съ постели, онъ сказалъ Алонзѣ:

— Корнилица, а что война?

— Какая война, сударь?

— А война съ Испаніей и Англіей?..

— Ахъ, сударь! Про нее рассказываютъ столько грустнаго. Испанцамъ пришли на подмогу двѣнадцать тысячъ Англичанъ и всѣ, говорятъ, вступили въ Пикардію. Дерутся по всей границѣ.

— Тѣмъ лучше! сказалъ Габріэль.

Алонза приписала этотъ отвѣтъ остатку бреда. Но на другой день, въ полномъ разсудкѣ, Габріэль сказалъ ей:

— Вчера я тебя не спросилъ: герцогъ Гизъ воротился изъ Италіи?

— Онъ ѣдетъ, сударь, отвѣчала удивленная Алонза.

— Это хорошо! которое нынѣе число?

— Вторникъ, четвертое августа, сударь.

— Назадъ тому два мѣсяца было седьмое число, когда я слегъ на эту мучительную постель.

— А! вскричала трепещущая Алонза:—какъ вы помните!

— Да, помню, Алонза! помню... Но, примолвилъ онъ печально:

— если я ничего не забылъ, за то, кажется, меня забыли; никто не приходилъ узнавать обо мнѣ!

— Какъ же, сударь, произнесла измѣнившимся голосомъ Алоиза, стараясь съ замираніемъ сердца высмотрѣть на лицѣ Габріэля дѣйствіе своихъ словъ:—какъ же, служанка, которую зовутъ Жасента, всякій день по два раза приходила узнавать о вашемъ здоровьѣ. Но послѣднія двѣ недѣли, съ-тѣхъ-поръ, какъ вамъ стало замѣтно лучше, она ужъ не приходила.

— Не приходила!.. А ты не знаешь, почему?

— Знаю, сударь. Ея госпожу, какъ говорила въ послѣдній разъ Жасента, заставилъ король удалиться въ монастырь, по-крайшей-мѣрѣ на то время, пока не кончится война.

— Въ-самомъ-дѣлѣ! проговорилъ Габріэль съ кроткой, задумчивой улыбкой.

Первая послѣ двухъ мѣсяцевъ слеза медленно покатилаcь по щекамъ его.

— Милая Діана! промолвилъ онъ.

— О, сударь! вскричала Алоиза внѣ себя отъ радости:—вы проносите это имя!.. и безъ всякихъ потрясеній, безъ страданія. Господи! Нострадамусъ ошибся... Господи! Габріэль спасенъ! онъ будетъ жить, мнѣ не нужно будетъ измѣнять клятвѣ!

Конечно, бѣдная кормилица рхнулаcь съ радости; но, къ-счастью, Габріэль не понялъ ея послѣднихъ словъ. Онъ только при-молвилъ съ горькой улыбкой:

— Да, я спасенъ; а между-тѣмъ, моя добрая Алоиза, мнѣ не жить.

— Какъ, сударь? спросила Алоиза, дрожа всѣми членами.

— Тѣло устоитъ, возразилъ Габріэль:—но душа, Алоиза, душа—ты думаешь, она не смертельно поражена? Я оправился отъ долгой болѣзни, это правда; я позволилъ себя вылечить, какъ ты видишь. Но на границѣ бьются; а я—капитанъ гвардіи, и мое мѣсто тамъ, гдѣ бьются. Какъ только буду въ состояніи сидѣть на лошади, отправлюсь къ своему посту... И въ первой битвѣ, въ которой мнѣ удастся быть, я устрою такъ, чтобъ мнѣ ужъ не вернуться.

— Вы дадите себя убить! Матерь Божія!.. Зачѣмъ же, сударь, зачѣмъ это?

— Зачѣмъ? Затѣмъ, что г-жа де-Пуатъ убила себя, Алоиза; затѣмъ, что Діана, можетъ-быть, мнѣ сестра; затѣмъ, что я люблю Діану; затѣмъ, что, можетъ-быть, король приказалъ убить моего отца; затѣмъ, что я не могу мстить королю безъ полной увѣренности. Не имѣя возможности ни мстить за отца, ни жениться на сестрѣ, я не знаю хорошенько, что мнѣ остается дѣлать на этомъ свѣтѣ. Вотъ почему я и хочу его оставить.

— Нѣтъ, сударь, вы не оставите его, проговорила глухимъ голосомъ мрачная, помертвѣвшая Алоиза.—Вы его не оставите, потому-что въ немъ еще много вамъ дѣла, — дѣла страшнаго, ругаюсь вамъ... Но не скажу вамъ объ этомъ дѣлѣ до-тѣхъ-поръ, пока вы совсѣмъ не оправитесь, пока не увѣрите меня господи!

Пострадамусь, что вы можете меня выслушать, что у вась достанетъ на то силъ.

Наступилъ вторникъ слѣдующей недѣли. Габріэль уже три дня сталъ выходить, хлопоталъ объ экипажѣ и отъѣздѣ. Пострадамусь сказалъ, что онъ еще зайдетъ въ тотъ день взглянуть на него, но что это будетъ уже послѣдній визитъ.

Оставшись наединѣ съ Габріэлемъ, Алоиза сказала ему:

— Подумали ли вы, сударь, о томъ, на что рѣшились? Все ли вы еще остаетесь при своемъ намѣреніи?

— Остаюсь, отвѣчалъ Габріэль.

— Стало-быть, вы хотите убить себя?

— Хочу, чтобъ меня убили.

— И потому только хотите умереть, что нѣтъ у васъ средствъ узнать, сестра ли вамъ г-жа де-Кастро, или нѣтъ?

— Потому только.

— А что я вамъ говорила, сударь, чтобъ навести васъ на слѣдъ этой страшной тайны? Помните ли, что я говорила?

— Конечно! Что только Богъ на небѣ, да два человѣка на землѣ владѣютъ этой тайной. Эти два человѣческія существа были Діана де-Пуатье и графъ Монгомері, мой отецъ. Я просилъ, заклиналъ г-жу де-Валентинуа, грозилъ ей и — ушелъ отъ нея еще въ бѣднѣйшей неизвѣстности, въ бѣднѣйшей печали, нежели былъ прежде.

— Но вы говорили, что еслибъ нужно было сойти въ могилу вашего отца и добиться отъ него этой тайны, вы бы сошли и въ могилу не блѣднѣя.

— О! только не знаю я, гдѣ эта могила.

— И я не знаю; но ее ищутъ, сударь.

— Ну, да еслибъ я и нашелъ ее, вскричалъ Габріэль: — совершитъ ли Богъ для меня чудо? Мертвые не говорятъ, Алоиза.

— Мертвые точно не говорятъ; но живые говорятъ.

— Боже мой! что ты хочешь сказать? проговорилъ Габріэль блѣднѣя.

— Что вы — не графъ Монгомері, какъ называли себя въ бреду, а только виконтъ Монгомері, потому-что вашъ отецъ, графъ Монгомері, долженъ быть живъ.

— Творецъ небесный! ты знаешь, что онъ живъ, онъ, мой отецъ!

— Не знаю, но предполагаю и надѣюсь, потому-что у него была такая же сильная, мужественная натура, какъ ваша, такая же несокрушимая въ страданіи и бѣдствіяхъ. А если только онъ живъ, то не скроетъ отъ васъ, какъ Діана де-Пуатье, эту тайну, отъ которой зависитъ ваше счастье.

— Но гдѣ найти его? у кого спросить? Алоиза! ради Бога, говори!

— Это страшная исторія, сударь! Я поклялась моему мужу даже по приказанію вашего отца никогда не открывать вамъ этой

исторіи, потому-что, узнавъ ее, вы тутъ же броситесь въ страшныя опасности, объявите войну врагамъ, которые во сто разъ сильнѣе васъ. Но самая крайняя опасность все-таки лучше вѣрной смерти. Вы рѣшились умереть и — я знаю — устояли бы въ своей рѣшимости. Ужъ лучше же я предамъ васъ страшнымъ прихотямъ отчаянной борьбы, которой вашъ отецъ боялся за васъ. Тутъ, по-крайней-мѣрѣ, ваша смерть не такъ неизбѣжна и гибель не такъ близка. Я все вамъ расскажу, сударь; можетъ-быть, Богъ мнѣ проститъ клятвенное преступничество.

— Конечно, проститъ, моя добрая Алоиза... Отецъ! мой отецъ живъ!.. Говори скорѣе.

Но въ эту минуту кто-то скромно постучался въ дверь; вошелъ Нострадамусъ.

— А, а! г. д'Эсмэ, сказалъ онъ Габріэлю:—что я вижу! какъ вы веселы, одушевлены! Въ добрый часъ молвить, вы ужъ мѣсяцъ не были такимъ. Кажется, вы совсѣмъ готовы выступить въ походъ на войну?

— На войну, да, дѣйствительно на войну, отвѣчалъ Габріэль, глядя на Алоизу сверкающими глазами.

— Итакъ, я вижу, что врачу здѣсь больше нѣчего дѣлать, при-
молвилъ Нострадамусъ.

— Нѣчего, кромѣ принятія моей благодарности... не смѣю сказать: вознагражденія за ваши труды, потому-что, въ извѣстныхъ случаяхъ, за жизнь не платятъ.

И Габріэль, пожимая врачу руку, оставилъ въ ней свертокъ золота.

— Благодарю, виконтъ, сказалъ Нострадамусъ.—Но позвольте и мнѣ сдѣлать вамъ подарокъ, который тоже чего-нибудь стоитъ.

— Что же это еще такое?

— Вы знаете, возразилъ Нострадамусъ:—что я занимался не однимъ распознаваніемъ человѣческихъ болѣзней. Я пытался проникать дальше и выше; пытался проникать въ судьбы людей,—попытка полная сомнѣній и мрака; но, за неимѣніемъ свѣта, мнѣ иногда, кажется, удавалось завидѣть мерцаніе. Богъ,—я убѣжденъ въ этомъ, — дважды написалъ впередъ широкое, могучее начертаніе судьбы каждаго человѣка: въ звѣздахъ неба, его родины, на которую онъ такъ часто возводитъ взоры, и—въ чертахъ руки, таинственно-волшебной книги, которую человѣкъ вѣчно носитъ съ собою, но въ которой, не смотря на безчисленные уроки, не можетъ разобрать ни слова. Много дней и ночей рылся я, виконтъ, въ этихъ наукахъ, бездонныхъ, какъ бочка Данаидъ, — въ хиромантіи и астрологіи. Я вызвалъ предъ очи все грядущее и — черезъ тысячу лѣтъ послѣ меня, люди, которые тогда будутъ жить, можетъ-быть, иногда взумятся моимъ пророчествамъ. Но между-тѣмъ, я знаю, что въ этихъ пророчествахъ истина только мелькаетъ, какъ молнія; потому-что если я иногда вижу, за то часто — увы! — сомнѣваюсь. При всемъ этомъ, знаю, что по-временамъ бываютъ у

меня минуты такого просвѣтлѣнія, что я даже прихожу въ ужасъ. Въ одну изъ такихъ крайне-рѣдкихъ минутъ, назадъ тому двадцать-пять лѣтъ, видѣлъ я судьбу одного изъ придворныхъ короля Франциска, — судьбу, ясно-начертанную въ звѣздахъ при его рожденіи и въ чрезвычайно-запутанныхъ линіяхъ его руки. Эта странная, дикая, опасная судьба поразила меня. Теперь, представьте мое изумленіе, когда въ вашей рукѣ и въ звѣздахъ, бывшихъ при вашемъ рожденіи, я открылъ гороскопъ, подобный тому, которымъ нѣкогда былъ такъ пораженъ. Но я не могъ различить его такъ чисто, какъ тогда: двадцать-пять лѣтъ затемнили мои воспоминанія. Но въ прошломъ мѣсяцѣ вы въ бреду произнесли одно имя; я только и слышалъ, что одно имя, но оно подѣйствовало на меня. Это имя — графъ Монгомері.

— Графъ Монгомері? вскрикнулъ испуганный Габріэль.

— Повторяю вамъ, виконтъ, я только и слышалъ, что одно имя; до остальнаго мнѣ нѣтъ дѣла. Это имя того человѣка, судьба котораго явилась мнѣ такъ свѣтло, какъ среди дня. Я побѣжалъ домой, перерылъ свои старыя бумаги и — отыскалъ гороскопъ графа Монгомері. Но, вотъ что странно, виконтъ, вотъ чего не разъясню я, не смотря на тридцати-лѣтнія изслѣдованія: между вами и графомъ Монгомері должна быть какая-нибудь таинственная связь, какая-нибудь странная родственность. Богъ, никогда не дававшій двумъ человѣкамъ двухъ совершенно-подобныхъ назначеній, безъ-сомнѣнія, предназначилъ васъ обоихъ для однихъ и тѣхъ же событій, потому-что я не ошибался, — линіи руки и свѣтъ неба — были для васъ обоихъ одни и тѣ же. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ не было никакого различія въ подробностяхъ его и вашей жизни; но преобладающій фактъ, который характеризуетъ ту и другую жизнь — сходенъ. Тогда, давно, я потерялъ изъ вида графа Монгомері; но знаю, что одно изъ моихъ предсказаній для него сбылось: онъ ранилъ въ голову короля Франциска I горячей головней. Сбылось ли и остальное въ его судьбѣ — не знаю. Могу только утверждать, что несчастье и смерть, грозившія ему, грозятъ и вамъ.

— Возможно ли? проговорилъ Габріэль.

— Вотъ, виконтъ, сказалъ Нострадамусъ, подавая ему свернутый пергаментъ: — вотъ гороскопъ, который я, во время оно, написалъ для графа Монгомері. То же написалъ бы я теперь и для васъ.

— Дайте, дайте, вскричалъ Габріэль. — Этотъ подарокъ въ-самомъ-дѣлѣ неоцѣнимъ; вы не можете представить, какъ мнѣ онъ дорогъ.

— Еще одно слово, г. д'Эксмэ, возразилъ Нострадамусъ: — послѣднее слово для вашего предостереженія, хотя во всемъ воля Бога и никто не можетъ уклониться отъ нея. Созвѣдія при рожденіи Генриха II предсказываютъ, что онъ умретъ на дуэли или въ какой-нибудь необыкновенной битвѣ.

— Но, прервалъ Габріэль:—что за отношеніе?..

— Читая этотъ пергаментъ, вы поймете меня, виконтъ. Теперь мнѣ остается разстаться съ вами и пожелать, чтобъ катастрофа, которую Богъ предназначилъ въ вашей жизни, была по-крайней-мѣрѣ невольная.

Простившись съ Габріелемъ, который еще разъ пожалъ ему руку и проводилъ его до порога, Нострадамусъ ушелъ.

Воротившись къ Алоизѣ, Габріэль развернулъ пергаментъ, и, увѣрившись, что нѣ кому ни помѣшать, ни подслушать, прочелъ вслухъ слѣдующее:

En joute, en amour, cettuy touchera
 Le front du roy,
 Et cornes ou bien trou sanglant mettra
 Au front du roy;
 Mais, le veuille ou non, toujours blessera
 Le front du roy;
 Enfin, l'aimera, puis, las! tuera
 Dame du roy.

(Въ поединкѣ, въ любви ли, но онъ достигнетъ
 До чела короля,
 И рога, или кровавый знакъ нанесетъ
 На чело короля,
 Но—неволью или волью—всегда уязвитъ
 Онъ чело короля;
 И полюбитъ его, а потомъ — умертвитъ
 Госпожа короля.)

— Хорошо! вскричалъ Габріэль съ просіявшимъ лицомъ и торжествующимъ взглядомъ.—Теперь, милая Алоиза, ты можешь рассказывать, какъ король Генрихъ II за живо скоропилъ графа Монгомері, отца моего.

— Король Генрихъ II! вскрикнула Алоиза: — какъ вы узнали, сударь?..

— Я догадываюсь! Но, ты можешь открыть мнѣ преступленіе, потому—что Богъ уже призвалъ меня къ мщенію.

IV.

К о к е т к а .

Рассказъ Алоизы, почерпнутый изъ современныхъ лѣтописей и записокъ, которыя мужъ ея, Перрѣ Навриньи, конюшій и повѣренный графа Монгомері, велъ, въ-продолженіе жизни своего господина, составляетъ мрачную исторію Жака Монгомері, отца Габріэля. Сынъ зналъ изъ этой исторіи общія, официальныя подробности; но страшная развязка ея оставалась тайною для него, какъ и для всѣхъ.

Жакъ Монгомері, обладатель Лдржи, подобно всѣмъ своимъ предкамъ, былъ храбръ и мужественъ; во время воинственнаго царствованія Франциска I-го, его всегда видали въ первыхъ рядахъ сражающихся. Рано достигъ онъ степени полковника французской инфантеріи.

Между сотнею его блестящихъ подвиговъ, было, впрочемъ, одно несчастное происшествіе, о которомъ намекалъ Нострадамусъ.

Это случилось въ 1521 году. Графу Монгомері было тогда не больше двадцати лѣтъ; онъ имѣлъ чинъ капитана. Зима стояла холодная, и молодые люди, во главѣ которыхъ былъ юный король Францискъ I, затѣяли игру въ *сильски*: эта очень-небезопасная игра была тогда въ модѣ. Раздѣлились на двѣ противныя партіи; одна защищала домъ, другая съ комками снѣга осаждала его. Графъ д'Ангьенъ былъ убитъ въ подобной игрѣ; а графъ Монгомері чуть-чуть не убилъ короля. Окончивъ схватку, вздумали грѣться; огни между-тѣмъ погасли, и молодые храбрецы бросились толпой разводить ихъ. Жакъ первый бѣжалъ во всю прыть, схвативъ щипцами пылающую головню и на бѣгу наткнулся на Франциска; тотъ не успѣлъ отсторониться и получилъ плотный ударъ въ лицо горящимъ полѣномъ. Къ-счастью, дѣло кончилось одной, впрочемъ, довольно значительной раной, и неблагоприятный, оставшійся отъ нея шрамъ, былъ причиною установленной Францискомъ моды на длинныя бороды и короткіе волосы.

Такъ-какъ графъ Монгомері тысячью прекрасныхъ военныхъ подвиговъ заставилъ забыть это неловкое приключеніе, то король не чувствовалъ къ нему неприязни и далъ возвыситься до первыхъ степеней при дворѣ и въ войскѣ. Въ 1530, Жакъ женился на Клодинѣ де-ла-Буассьеръ. То былъ простой, основанный на приличіи бракъ; но не смотря на это, графъ Монгомері долго оплакивалъ жену, умершую въ 1533, вслѣдъ за рожденіемъ Габріэля: Основною чертою его характера, какъ у всѣхъ, предназначенныхъ къ чему-нибудь роковому, была грусть. Когда онъ остался одинокимъ вдовцомъ, шпага стала его единственнымъ развлеченіемъ: онъ бросался въ опасности отъ скуки. Въ 1538, послѣ нисскаго перемирія, когда этотъ воинственный, дѣятельный человекъ долженъ былъ покориться условіямъ придворной жизни, гулять по галереямъ Турнелли или Лувра съ парадной шпагою на боку, ему пришлось хоть умирать съ тоски.

Одна страсть и спасла и погубила его.

Королевская цирцея осѣнила своими чарами этого взрослого ребенка, могучаго и престодушнаго. Онъ влюбился въ Діану де-Пуэглѣ.

Три мѣсяца бродилъ онъ вокругъ нея, безмолвный и мрачный, ни разу не заговоривъ съ нею, но смотрѣлъ на нее такимъ взглядомъ, который высказывалъ все. Діанѣ и безъ того не трудно было угадать, что душа этого человека принадлежитъ ей. Она написала его страсть на уголкѣ своей памяти, на всякій случай. "

Случай насталъ. Францискъ I охладѣлъ къ своей прекрасной любимицѣ и обратился къ г-жѣ д'Этампъ, которая была не такъ прекрасна, но имѣла на своей сторонѣ огромное преимущество красоты другаго рода.

Когда признаки охлажденія стали явны, Діана, въ первый разъ въ жизни, заговорила съ Жакомъ Монгомері.

Это было въ Турнелли, во время праздника, даннаго королемъ новой фавориткѣ.

— Г. Монгомері! сказала Діана.

Жакъ, съ волненіемъ въ груди, подошелъ и неловко поклонился.

— Какъ вы грустны, г. Монгомері!

— Смертельно, сударыня.

— Боже мой, отъ-чего это?

— Мнѣ хотѣлось, чтобъ меня убили.

— Безъ-сомнѣнія... за кого-нибудь?

— За кого-нибудь было бы очень-пріятно; но за ничто, право, еще пріятнѣе.

— Какая страшная меланхолія! возразила Діана: — откуда эта черная немочь?

— Не знаю, сударыня.

— А я знаю, г. Монгомері. Вы любите меня.

Жакъ поблѣднѣлъ; потомъ, вооружившись такой рѣшимостью, какой не понадобилось бы ему и для того, чтобъ броситься одному въ средину непріятельскаго батальйона, отвѣчалъ рѣзкимъ; дрожавшимъ голосомъ:

— Что жъ, сударыня! да, я люблю васъ,—гѣмъ хуже.

— Гѣмъ лучше! возразила смѣясь Діана.

— Что вы сказали? вскрикнулъ задрожавъ Монгомері.—О! бегитесь! Это не шутка, а любовь сильная, глубокая, хоть и несбыточная, или потому именно, что несбыточная.

— Почему жъ она несбыточная? спросила Діана.

— Простите моей откровенности, возразилъ Жакъ:—я не привыкъ дѣло подкрашивать словами. Развѣ король не любитъ васъ?

— Правда, возразила Діана вздохнувъ:—онъ меня любитъ.

— Итакъ, вы видите, что я не имѣю права, если не любить васъ, по-крайней-мѣрѣ, признаваться вамъ въ этой недостойной любви.

— Недостойной васъ, это правда, сказала Діана.

— О, нѣтъ, не меня! вскричалъ графъ:—и еслибъ могло случиться, что когда-нибудь...

Діана прервала его съ видомъ величавой грусти и ловко съиграннаго достоинства:

— Довольно, г. Монгомері, сказала она:—кончимте, пожалуйста, этотъ разговоръ.

Она холодно поклонилась и ушла, оставивъ бѣднаго графа среди тысячи разнородныхъ чувствъ — ревности, любви, ненависти,

тоски и радости. Стало-быть, Діана знала о его къ ней страсти! Но, можетъ-быть, онъ не оскорбилъ ли ее? Онъ, вѣрно, показался ей несправедливымъ, неблагодарнымъ, жестокимъ! Онъ повтoрялъ себѣ всѣ возвышенныя ничтожности любви.

На другой день, Діана де-Пуатьё сказала Франциску I:

— Знаете ли, государь? графъ Монгомері влюбленъ въ меня.

— Э! э! смѣясь возразилъ Францискъ:—родъ Монгомері древній и почти такой же знаменитый, какъ мой; притомъ, эти Монгомері, какъ видно, почти также отважны и любезны.

— И только? въ этомъ весь и отвѣтъ вашего величества? спросила Діана.

— Что же вы хотите, мой другъ, чтобъ я вамъ отвѣчалъ? возразилъ король. — Развѣ долженъ я еще пожелать графу Монгомері такого же изящнаго вкуса и такихъ же прекрасныхъ глазъ, какъ у меня.

— Еслибъ шла рѣчь о мадамъ д'Этампъ, проворчала уязвленная Діана:—вы бы не то сказали!

Она не повела дальше разговора; но рѣшилась повести дальше свое испытаніе. Черезъ нѣсколько дней, увидѣвъ Жака, она опять заговорила съ нимъ:

— Что это? Г. Монгомері сталъ еще печальнѣе!

— Безъ-сомнѣнія, сударыня, почтительно возразилъ графъ: — я боюсь, что оскорбилъ васъ.

— Не оскорбили, а только огорчили.

— О! вскричалъ Монгомері: — я отдалъ бы всю свою жизнь за одну вашу слезу; какъ же могъ я навести на васъ хоть малѣйшую грусть?

— Не вы ли дали мнѣ понять, что я, какъ любовница короля, не имѣю права желать любви благороднаго человѣка.

— У меня не было такой мысли... не могло быть у меня такой мысли, потому-что я, благородный человѣкъ, люблю васъ такой искренней, такой глубокой любовью... Я хотѣлъ только сказать, что вы не можете меня любить, потому-что король васъ любитъ и вы любите короля.

— Король меня не любитъ, и я не люблю короля, отвѣчала Діана.

— Великій Боже! стало-быть, вы можете любить меня? вскричалъ Монгомері.

— Я могу васъ любить, спокойно отвѣчала Діана:—но не могу никогда сказать вамъ, что люблю васъ.

— Почему же?

— Чтобъ спасти жизнь отца, возразила Діана: — я могла сдѣлаться любовницей короля; но, чтобъ поддержать свою честь, не должна дѣлаться любовницей графа Монгомері.

Этотъ полуотказъ сопровождался такимъ страстнымъ, такимъ томнымъ взглядомъ, противъ котораго графъ не могъ устоять.

— Ахъ, еслибъ вы любили меня, какъ я васъ люблю!..

— Что же бы тогда?

— Что же? Какое мнѣ дѣло до свѣта, до фамильных предразсудковъ и чести! Для меня весь свѣтъ — вы. Ужь три мѣсяца, какъ я только тѣмъ и живу, что вижу васъ. Я люблю васъ со всѣмъ ослѣпленіемъ, со всѣмъ жаромъ первой любви. Ваша дивная красота чаруетъ и волнуетъ меня. Если вы любите меня такъ же, какъ я васъ,—будьте графиней Монгомері, будьте моей женой.

— Благодарю, графъ, возразила торжествующая Діана.—Я буду помнить эти благородныя, великодушныя слова. А теперь пока, вы знаете, что зеленый и бѣлый—мой цвѣта.

Восхищенный Жакъ поцаловалъ бѣлую ручку Діаны съ такой гордостью, съ чувствомъ такого блаженства, какъ-будто на головь его очутилась всемірная корона.

А на другой день, когда Францискъ I замѣтилъ Діанѣ де-Пуатѣ, что ея новый обожатель начинаетъ открыто носить ея цвѣта,—она отвѣчала, устремивъ на короля проникательный, наблюдательный взглядъ:

— Развѣ онъ не имѣетъ на то права, государь? Развѣ я не могу позволить ему носить мои цвѣта, когда онъ предлагаетъ мнѣ носить его имя?

— Возможно ли? произнесъ король.

— Да, государь, отвѣчала съ увѣренностью Діана, которой на минуту показалось, что она достигла цѣли, что ревность пробудила въ невѣрномъ любовь.

Но, послѣ минутнаго молчанія, король, чтобъ прервать этотъ разговоръ, всталъ и весело сказалъ Діанѣ:

— Если это такъ — званіе великаго сенешаля, остающееся вакантнымъ со смерти г-на де-Бреэ, вашего перваго мужа, будетъ свадебнымъ подаркомъ графу Монгомері.

— И графъ Монгомері можетъ принять его, государь, возразила Діана съ гордостью: — потому-что я буду для него доброй, вѣрной женой и не измѣню ему ни для кого въ мірѣ.

Король поклонился съ улыбкой и удалился, не сказавъ ни слова.

Ясно, что г-жа д'Этампъ очаровала его.

Честолюбивая Діана, съ досадою въ сердцѣ, въ этотъ же день сказала восхищенному Жаку:

— Мой доблестный графъ, мой благородный Монгомері, я люблю тебя.

v.

Какъ Генрихъ II еще при жизни отца получилъ отъ него наследство.

Бракъ Діаны и графа Монгомері назначенъ былъ чрезъ три мѣсяца; между-тѣмъ, когда три мѣсяца прошли, графъ Монгомері

былъ влюбленъ болѣе, нежели когда-нибудь, а Діана откладывала исполненіе своего обѣщанія день за день, потому-что вскорѣ послѣ этого обѣщанія она замѣтила, какими глазами смотрѣлъ на нее исподтишка молодой дофинъ Генрихъ. Въ властолюбивомъ сердцѣ Діаны пробудилось новое честолюбіе. Титулъ графини де-Монгомері могъ только прикрыть пораженіе,—звание любовницы дофина было почти триумфомъ. Какъ! мадамъ д'Этампъ, всегда презрительно отзывавшаяся о дѣтахъ Діаны, была любима только отцомъ, а она, Діана, будетъ любима сыномъ! Ей молодость, ей надежда, ей будущее. Мадамъ д'Этампъ была ея преемница, но она будетъ преемницей мадамъ д'Этампъ. Она будетъ переть нею, выжидая терпѣливо и спокойно, какъ живая угроза... Генрихъ будетъ со-временемъ королемъ, и Діана, еще прекрасная, снова сдѣлается царицей. Въ-самомъ-дѣлѣ — настоящая побѣда.

Во всемъ этомъ лучшимъ ручательствомъ былъ характеръ самого Генриха. Ему было тогда девятнадцать лѣтъ, но онъ уже участвовалъ не въ одной кампаніи; четыре года уже былъ онъ женатъ на Катеринѣ Медичи, а между-тѣмъ оставался дикимъ, неразвитымъ ребенкомъ. Сколько совершененъ и отваженъ онъ былъ въ битвахъ, съ оружіемъ въ рукахъ, на играхъ и во всѣхъ упражненіяхъ, которыя требуютъ гибкости и ловкости, столько же непривыченъ и неловокъ на луврскихъ праздникахъ и съ дамами. Тяжелый умомъ, онъ предавался первому, кто хотѣлъ овладѣть имъ. Монморанси, съ которымъ король былъ холодеиъ, обратился къ дофину и безъ труда покорилъ юношу своимъ совѣтамъ и стремленіямъ человека совершеннолѣтняго. Онъ дѣлалъ изъ него что хотѣлъ, наконецъ пустилъ въ этой нѣжной и слабой душѣ глубокіе корни непоколебимой власти и овладѣлъ Генрихомъ такъ, что только перевѣсъ женщины могъ быть опасенъ для его вліянія.

Скоро съ испугомъ замѣтилъ Монморанси, что питомецъ его влюбленъ. Генрихъ началъ пренебрегать дружбою людей, которыми Монморанси умышленно окружилъ его. Генрихъ, изъ дикаго, сдѣлался печальнымъ и почти задумчивымъ. Монморанси осмотрѣлся вокругъ себя и догадался, что предметомъ его мыслей была Діана де-Пуатье... Лучше же Діана, нежели другая! думалъ онъ. Королевская любимица лучше рыцарски-благороднаго Монгомері. Онъ устроилъ свой планъ на низкихъ побужденіяхъ этой женщины и оставилъ дофина вздыхать по ней.

Дѣйствительно, только красота могла пробудить сердце Генриха! Діана была зла, возбуждательна, жива; умная головка ея повертывалась быстро и граціозно, взглядъ ея блестялъ обѣщаніями; все въ ней было магически — привлекательно и должно было обольстить Генриха. Ему казалось, что только эта женщина можетъ открыть ему науку новой жизни. Сирена была для него, любопытнаго и наивнаго, привлекательна и опасна какъ тайна, какъ причина.

Діана чувствовала все это; но еще колебалась, опасаясь Франциска I — въ прошедшемъ, и графа Монгомері — въ настоящемъ.

Но, однажды, король, всегда любезный и предупредительный, даже съ женщинами, которыхъ не любилъ и которыхъ пересталъ любить, разговаривая съ Діаной де-Пуатьё въ амбразурѣ окна, увидѣлъ, что дофинъ издала украдкой и ревниво слѣдилъ за этимъ разговоромъ.

Францискъ громко позвалъ Генриха.

— Гэ! любезный сынокъ, что ты тамъ дѣлаешь? подойди — ка сюда! сказалъ онъ ему.

Но Генрихъ, блѣдный, смущенный, послѣ минутной нерѣшимости между обязанностью и страхомъ, вмѣсто отвѣта на зовъ отца, убѣжалъ, какъ-будто не слыхалъ его.

— О-го! вотъ, какой дикарь! сказалъ король: — понимаете вы, Діана, подобную робость? Вы, богиня лѣсовъ, видѣли ли вы когда такого робкаго оленя? Гм! жалкій недостатокъ!

— Не угодно ли вашему величеству поручить мнѣ исправить дофина? спросила улыбаясь Діана.

— Трудно найти лучшаго наставника и болѣе-приятной науки! сказалъ король.

— Будьте же увѣрены, что онъ исправится, государь, — я отвѣчаю, сказала Діана.

Она дѣйствительно скоро нашла бѣглеца.

Графа Монгомері въ этотъ день не было въ Луврѣ.

— Я васъ пугаю, дофинъ?

Такъ начала Діана разговоръ и *обращеніе*. Какъ она кончила, какъ не замѣтила неловкости принца и приходила въ восторгъ отъ каждаго его слова, какъ оставила его съ полнымъ убѣжденіемъ въ его остроуміи и любезности, какъ, наконецъ, она сдѣлалась во всѣхъ отношеніяхъ его *сладычицей* и давала ему и приказанія, и наставленія, и любовь, — все это вѣчная и неисчерпаемая комедія, которая будетъ часто разыгрываться, но которую никогда нельзя написать.

А Монгомері? О! Монгомері такъ любилъ Діану, что не могъ судить ее, и такъ слѣпо предался ей, что не могъ что-нибудь видѣть. Всѣ толковали при дворѣ о новой интригѣ г-жи де-Пуатьё, а благородный графъ оставался при своихъ мечтахъ; и Діана заботливо поддерживала эти мечты, потому-что новое зданіе ея было еще не такъ прочно, чтобъ она могла не страшиться потрясенія и вспыхки. Итакъ, она держала дофина изъ честолюбія, а графа по благоразумію.

Пускай генеръ Алонза продолжить и докончить свой рассказъ.

«До мужа моего, добраго Перрѣ, говорила она Габріэлю, который внимательно ее слушалъ: — тоже доходила общая молва о сплоскѣ Діанѣ и всѣ насмѣшки на-счетъ графа Монгомері. Но онъ не зналъ, надо ли предупредить доврчиваго и счастливаго госпо-

дина, или скрыть отъ него гнусную интригу, въ какую залекла его эта честолюбивая женщина. Онъ повѣрялъ мнѣ свои сомнѣнія, потому-что я обыкновенно давала ему хорошіе совѣты; притомъ же онъ зналъ мою скромность и твердость; но въ этомъ случаѣ я, такъ же какъ и онъ, не знала, что дѣлать.

«Однажды вечеромъ, мы были въ этой самой комнатѣ,—графъ, Перро и я, потому-что графъ Монгомері обращался съ нами не какъ съ слугами, а какъ съ друзьями, и даже въ Парижѣ соблюдалъ патриархальный обычай нашихъ зимнихъ вечеровъ Нормандіи, гдѣ господа и слуги грѣлись у одного очага послѣ обыкновеннаго дневнаго труда. Графъ, задумчивый, положивъ голову на руку, сидѣлъ передъ каминомъ. По-вечерамъ онъ обыкновенно ходилъ къ госпожѣ де-Шуатье, но съ нѣкотораго времени она часто приказывала сказать ему, что она больна и не можетъ его принять. Онъ думалъ объ этомъ, конечно; Перро справлялъ ремни кирасы, а я прядла.

«Это было 7-го января 1539 года, — вечеръ былъ холодный, дождливый — наканунѣ Елифанія. Запомните, сударь, это роковое число.»

Габріэль сдѣлалъ знакъ, что не проронилъ ни слова, и Алоиза продолжала:

«Вдругъ доложили, что пріѣхали г. Ланже, г. Бутьеръ и графъ Сансерръ, трое придворныхъ, друзей графа и, еще больше — госпожи д'Этамъ. Всѣ трое въ широкихъ темныхъ плащахъ и хотя вошли со смѣхомъ, но мнѣ показалось, что они принесли несчастье, и — увы! предчувствіе не обмануло меня.

«Графъ Монгомері всталъ и пошелъ на встрѣчу гостямъ.

«— Добро пожаловать, друзья мои, сказалъ онъ, пожимая имъ руки.

«По знаку, я приняла ихъ плащи, и они сѣли.

«—Какой счастливый случай привелъ васъ ко мнѣ? продолжалъ графъ.

«—Тройное пари, отвѣчалъ Бутьеръ:—и, найдя васъ здѣсь, любезный графъ, я свое выигралъ.

«—Мое тоже уже выиграно, сказалъ Ланжé.

«—А я свое сейчасъ выиграю, увидите, прибавилъ графъ Сансерръ.

«—Въ чемъ же состояло ваше пари? спросилъ Монгомері.

«—Но, сказалъ Бутьеръ:—Ланжé держалъ пари съ д'Ангьеномъ о томъ, что сегодня вечеромъ дофина не будетъ въ Луврѣ. Мы сейчасъ оттуда и совершенно удостовѣрились, что д'Ангьенъ проигралъ.

«—Что же касается до Бутьера, продолжалъ графъ Сансерръ:—онъ спорилъ съ Монтежаномъ, что вы сегодня вечеромъ будете дома, любезный графъ, и, какъ видите,—правъ.

«—И ты, Сансерръ, ручаюсь, также выигралъ, продолжалъ Ланжé:—потому-что всѣ три пари въ сущности составляютъ одно, и

мы бы проиграли или выиграли — всё вместе. Сансерръ держалъ противъ д'Оссона, любезный графъ, что мадамъ де-Пуатье больна нынѣшній вечеръ.

«Вашъ отецъ, Габріэль, страшно поблѣднѣлъ.

«—Вы въ-самомъ-дѣлѣ выиграли, Сансерръ, сказалъ онъ измѣнившимся голосомъ:—потому-что мадамъ де-Пуатье извѣстила меня, что она сдѣлалась вдругъ больна и не можетъ никого принять.

«—А! что я говорилъ? вскричалъ графъ Сансерръ.—Прошу подтвердить д'Оссону, господа, что онъ долженъ мнѣ сто пистолей.

«И всё захохотали, какъ сумасшедшіе. Но графъ Монгомері оставался серьезень.

«—Теперь, добрые друзья мои, сказалъ онъ нѣсколько-ироническимъ тономъ:—согласны ли вы мнѣ объяснить эту загадку?

«—Отъ всего сердца, сказалъ Бутьеръ:—но прикажите удалить-ся этимъ людямъ.

«Мы съ Перро были ужъ у двери. Графъ сдѣлалъ намъ знакъ остаться.

«—Это мои вѣрные друзья, сказалъ онъ гостямъ:—и такъ-какъ мнѣ краснѣтъ не отъ-чего, то и скрывать нечего.

«—Согласенъ! сказалъ Ланжэ:—это пахнетъ немного провинціей, но дѣло касается больше васъ, графъ, нежели насъ. Притомъ, они вѣрно знаютъ тайну, потому-что тайна ходитъ по городу; вы, какъ водится, узнаете ее послѣдній.

«—Но говорите же! вскричалъ Монгомері.

«—Мы будемъ говорить, любезный графъ, отвѣчалъ Ланжэ:—потому-что намъ больно видѣть, какъ обманываютъ дворянина, такого же, какъ мы, и такого прекраснаго человѣка, какъ вы. Но мы будемъ говорить съ условіемъ, что вы пріймете неприятную новость по-философски, то-есть, со смѣхомъ, потому-что, увѣрю васъ, она не стоить гнѣва, и притомъ, въ этомъ случаѣ гнѣвъ вашъ будетъ безоруженъ.

«—Увидимъ, я жду, холодно отвѣчалъ графъ.

«—Любезный графъ, сказалъ Бутьеръ, самый молодой и самый вѣтренный изъ троихъ:—вы, конечно, знаете миеологию? Безъ-сомнѣнія, знаете исторію Эндиміона? Но какихъ лѣтъ, думаете вы, былъ Эндиміонъ, когда влюбился въ Діану-Фебе? Если вы воображаете, что ему было тогда подъ-сорокъ, то разувѣрьтесь, любезный: ему не было еще и двадцати лѣтъ, онъ былъ еще безъ бороды. Такъ говорилъ мой гувернёръ, знавшій это дѣло основательно. И вотъ почему сегодня вечеромъ Эндиміона нѣтъ въ Луврѣ; вотъ почему госпожа Луна лежитъ и никого не принимаетъ; вотъ почему, наконецъ, вы дома, графъ... А изъ этого слѣдуетъ, что гувернёръ великій человѣкъ, и что мы всё выиграли наши пари. Ура!

«—Доказательства? холодно спросилъ графъ.

«— Доказательства! продолжалъ Ланжé: — но вы сами можете найти ихъ. Вы живете въ двухъ шагахъ отъ Луны!

«— Дѣйствительно. Благодарю! сказалъ графъ.

«И онъ всталъ. Гости также должны были встать, довольно-охлажденные и почти испуганные суровымъ и мрачнымъ видомъ Монгомерí.

«— Графъ, сказалъ Сансерръ: — не дѣлайте глупости или безразсудства; помните, что между львенкомъ и львомъ небольшая разница.

«— Будьте покойны! отвѣчалъ графъ.

«— По-крайней-мѣрѣ, не ссорьтесь съ нимъ.

«— Ну, смотря по обстоятельствамъ, примолвилъ графъ.

«Онъ проводилъ, или скорѣе прогналъ гостей до двери, и возвратившись, сказалъ Перрô:

«— Плащъ и шпагу.

«Перрô принесъ шпагу и плащъ.

«— Вы дѣйствительно знали это? спросилъ графъ, надвѣвая шпагу.

«— Да, сударь, отвѣчалъ Перрô, опустивъ глаза.

«— Отъ-чего же ты не предупредилъ меня, Перрô?

«— Но!.. пробормоталъ мой мужъ.

«— Да, дѣйствительно; вы не друзья, а только добрые люди.

«Онъ дружески ударилъ по плечу Перрô. Онъ былъ очень-блѣденъ, но говорилъ съ какимъ-то торжественнымъ спокойствіемъ.

«— Давно идутъ эти слухи? прибавилъ онъ.

«— Пять мѣсяцевъ, какъ вы любите, сударь, госпожу де-Пуатьé, потому-что свадьба ваша назначена была въ ноябрѣ; а утверждаютъ, что дофинъ полюбилъ Діану чрезъ мѣсяць послѣ того, какъ она приняла ваше предложеніе. Впрочемъ, говорятъ объ этомъ не болѣе двухъ мѣсяцевъ, и я узналъ только недѣли двѣ назадъ. Молва разошлась съ-тѣхъ-поръ, какъ прошелъ назначенный срокъ свадьбы, и говорили шопотомъ, опасаясь дофина. Я вчера поколотилъ одного изъ людей барона де-ла-Горда, который осмѣлился при мнѣ смѣяться надъ этимъ, и баронъ не рѣшился мнѣ ничего сдѣлать.

«— Перестанутъ смѣяться, сказалъ графъ такимъ голосомъ, что я задрожала всѣмъ тѣломъ.

«Одѣвшись, онъ провелъ рукою по лбу, и сказалъ мнѣ:

«— Алонза, принеси Габріэля; я хочу поцаловать его.

«Вы почивали, сударь, спокойнымъ сномъ и начали плакать, когда я васъ разбудила. Я завернула васъ въ одѣяло и понесла къ вашему батюшкѣ. Онъ взялъ васъ на руки, нѣсколько времени молча смотрѣлъ на васъ, потомъ поцаловалъ въ полузакрытые глазки. Тутъ на ваше розовое личико скатилась его слеза, первая слеза, которую я видѣла у этого твердаго, отважнаго человѣка!

«— Поручаю тебѣ дитя мое, Алонза, сказалъ онъ, передавая мнѣ васъ.

«— Ахъ, это было его послѣднее мнѣ слово. Оно осталось тутъ, и я всегда слышу его.

«— Я пойду за вами, сударь, сказалъ Перрô.

«— Нѣтъ, Перрô, отвѣчалъ графъ: — мнѣ надо быть одному; останься.

«— Но, сударь...

«— Я хочу, сказалъ онъ.

«Тутъ нельзя было возражать, когда онъ такъ говорилъ, и Перрô замолчалъ. Графъ взялъ насъ за руки.

«— Прощайте, добрые друзья мои! сказалъ онъ:—нѣтъ! зачѣмъ прощаться! до свиданія.

«И потомъ онъ вышелъ, спокойный, твердыми шагами, какъ-будто уходилъ на четверть часа.

«Перрô не говорилъ ни слова; но лишь-только графъ вышелъ, онъ тоже взялъ свой плащъ и шпагу. Я не удерживала его: онъ исполнялъ свою обязанность, слѣдуя за своимъ господиномъ, хотя бы на смерть. Перрô протянулъ ко мнѣ руки, я съ слезами бросилась ему на шею; потомъ, крѣпко обнявъ меня, онъ побѣжалъ вслѣдъ за графомъ. Все это продолжалось не болѣе минуты, и мы не сказали другъ другу ни слова.

«Оставшись одна, я упала въ кресла, и, рыдая, мысленно молилась. На дворѣ дождь становился сильнѣе, вѣтеръ вылъ около дома. А вы, сударь, снова заснули прежнимъ спокойнымъ сномъ, отъ котораго вамъ суждено было пробудиться уже сиротою.»

«Какъ говорилъ г. Ланжé, отель де-Брезé, въ которомъ жила тогда Діана де-Пуатьé, былъ отъ нашего шагахъ въ двухъ, въ Улицѣ-Фиги-св.-Павла, гдѣ онъ еще и теперь существуетъ, этотъ несчастный домъ.

«Перрô слѣдовалъ издали за своимъ господиномъ, видѣлъ, какъ онъ остановился у дверей Діаны, постучался, потомъ вошелъ. Перрô приблизился, г. Монгомері громко и настойчиво говорилъ съ людьми, которые не хотѣли пропустить его подъ тѣмъ предлогомъ, что госпожа ихъ больна и не выходитъ изъ своей комнаты. Не смотря на то, графъ прошелъ, и Перрô, пользуясь суматохой, прескользнулъ въ дверь, которая оставалась непритворенною. Онъ хорошо зналъ этотъ домъ, потому-что не разъ былъ посыланъ къ г-жѣ Діанѣ, и теперь безъ всякой задержки шелъ въ темнотѣ по лѣстницѣ за г. Монгомері: его или не замѣчали, или не придавали никакой важности присутствію конюшаго, когда уже господинъ его переступилъ заставу.

«Взошедъ на лѣстницу, графъ встрѣтилъ двухъ женщинъ герцогини, встревоженныхъ и расплаканныхъ, которыя спросили его:—чего ему нужно въ такую пору? Въ-самомъ-дѣлѣ, десять часовъ пробило на всѣхъ окрестныхъ часахъ. Графъ Монгомері отвѣчалъ съ твердостью, что ему сейчасъ же нужно видѣть г-жу Діану и немедленно сообщить ей одно важное дѣло; что если она не можетъ принять его, онъ будетъ ждать.

«Онъ говорилъ очень-громко, такъ—что его должны были слышать въ спальнѣ герцогини, находившейся вблизи. Одна изъ женщинъ вошла въ эту спальню и, вскорѣ воротившись, сказала, что г-жа де-Пуатье лежитъ, но сейчасъ будетъ говорить съ графомъ, и просить подождать ее въ приемной.

«Стало-быть, дофина тутъ нѣтъ, или онъ ведетъ себя слишкомъ-осторожно для сына Франціи! Г. Монгомері тутъ же послѣдовалъ въ приемную за женщинами, которыя шли впередъ съ свѣчами.

«Перрô, остававшійся въ темнотѣ на ступеняхъ лѣстницы, теперь взошелъ на верхъ и скрылся за блестящимъ занавѣсомъ въ обширномъ корридорѣ, отдѣлявшемъ спальню Діаны отъ приемной, гдѣ ждалъ ее г. Монгомері. Въ концахъ этого широкаго перехода были тогда двѣ слѣпанные двери, одна въ спальню, другая въ приемную. За портьерой, повѣшенной для симметріи, спрятался Перрô и съ радостью замѣтилъ, что можетъ, приложивъ ухо, слышать почти все, что будетъ происходить въ той и другой комнатѣ. Уже конечно, сударь, мужъ мой поступилъ такъ не изъ простаго, грубаго любопытства: послѣднія слова графа, съ которыми онъ оставилъ насъ, и тайный инстинктъ заставили Перрô думать, что господинъ его идетъ на опасность, что, можетъ-быть, ему готовятъ западню,—онъ не хотѣлъ отстать отъ него, чтобъ помочь ему въ случаѣ нужды.

«Къ-несчастью, какъ вы сейчасъ увидите, ни одно слово изъ того, что онъ слышалъ и передалъ мнѣ, нисколько не проясняетъ темнаго, роковаго вопроса, который занимаетъ васъ теперь.

«Графъ Монгомері не прождалъ и двухъ минутъ, какъ Діана де-Пуатье съ какой-то торопливостію вошла въ приемную.

«— Что это значитъ, графъ? сказала она:—что за почное нашествіе послѣ моей просьбы—не приходитъ сегодня?

«— Я отвѣчу вамъ откровенно въ двухъ словахъ, только отогните прежде своихъ женщинъ... Теперь слушайте. Моя рѣчь будетъ коротка. Мнѣ сейчасъ сказали, что у меня есть соперникъ, что этотъ соперникъ — дофинъ, что сегодня вечеромъ онъ у васъ.

«— И вы повѣрили, потому-что прибѣжали увѣриться окончательно? сказала Діана съ гордостію.

«— Я страдалъ, Діана, я прибѣжалъ искать подлѣ васъ облегченія своему страданію.

«— Ну, что жъ? возразила Діана:—теперь вы меня видѣли; теперь знаете, что вамъ солгали,—оставьте же меня въ покоѣ. Ради Бога, уйдите, Жакъ.

«— Нѣтъ, отвѣчалъ графъ, котораго безъ-сомнѣнія встревожило то, что его такъ торопятъ удалить: — если солгали, что дофинъ здѣсь, можетъ-быть, не солгали, что онъ прійдетъ сюда нынѣшнимъ вечеромъ, и мнѣ будетъ очень-пріятно изобличать клевету вполне.

«— Стало-быть, сударь, вы останетесь?

«— Останусь, сударыня. Пойдите къ себѣ и успокойтесь, если вы больны; а я буду охранять, если угодно, сонъ вашъ.

«— Но, наконецъ, по какому праву вы будете такъ поступать? вскричала г-жа де-Пуатье. — Что даетъ вамъ это право? Развѣ я не свободна еще?»

«— Нѣтъ, съ твердостью возразилъ графъ: — вы не свободны, вы не вольны дѣлать посмѣшищемъ двора чѣстнаго дворянина, предложенія котораго приняли.

«— Я, по-крайней-мѣрѣ, не пріиму этого послѣдняго предложенія, продолжала Діана:—вы не имѣете права больше оставаться здѣсь, точно такъ же, какъ другіе не имѣютъ права надъ вами смѣяться. Вы не мужъ мой, не правда ли? Я, кажется, еще не ношу вашего имени?

«— Э! сударыня! вскричалъ съ какимъ-то отчаяніемъ г-нъ Монгомері: — какое мнѣ дѣло до того, что надо мной смѣются! Совсѣмъ не въ томъ вопросъ, вы это очень-хорошо знаете, в совсѣмъ не честь вопіеть во мнѣ, а любовь. Еслибъ мнѣ показались оскорбительными насмѣшки этихъ трехъ франтовъ, я обнажилъ бы шпагу, — вотъ и все. Но у меня сердце разорвалось, Діана, и я побѣжалъ. Достоинство! честь! не о нихъ рѣчь! совсѣмъ не о нихъ!—рѣчь о томъ, что я люблю васъ, что я безумецъ, что я ревнивъ; вы говорили и доказывали, что любите меня, — я убью того, кто осмѣлится коснуться этой любви — моего достоянія, хоть бы то былъ дофинъ, хоть бы кто другой, сударыня! Будьте увѣрены, я не позабочусь объ имени того, кому мстить; но, видитъ Богъ! буду мстить...

«— А за что, позвольте спросить? почему? произнесъ за спиной г. Монгомері повелительный голосъ.

«Перрѣ задрожалъ, потому-что чрезъ слабо-освѣщенный корридоръ онъ разглядѣлъ дофина, а за дофиномъ—насмѣшливую, суровую фигуру г. Монморанси.

«— А! вскрикнула Діана, бросившись въ кресла и ломая себѣ руки:—вотъ чего я боялась!

«Сначала у г. Монгомері вырвалось только громкое восклицаніе: «А!» потомъ Перрѣ слышалъ, что онъ заговорилъ довольно-спокойно:

«— Ваше высочество, одно слово... умоляю васъ! Скажите, что вы пришли сюда не потому, что любите Діану де-Пуатье и что Діана де-Пуатье васъ любитъ?

«— Г. Монгомері! возразилъ дофинъ, едва сдерживая гнѣвъ свой: —одно слово... приказываю вамъ! Скажите, что вы здѣсь не потому, что любите Діану и что Діана васъ любитъ.

«Сцена приняла такой оборотъ, что теперь уже стояли другъ предъ другомъ два раздраженные, ревнивые соперника, два страдающія сердца, двѣ растерзанныя души.

«— Я былъ нареченнымъ супругомъ Діаны—всѣ это знаютъ, и вы это знаете, проговорилъ г. Монгомері.

«— Пустое, забытое обѣщаніе! вскричалъ Генрихъ:—и права моей любви, если не такъ давнишни, какъ ваши, за то не менѣе очевидны,—я буду ихъ отстаивать.

«— А! безразсудный! онъ говоритъ о своихъ правахъ... хорошо! вскричалъ графъ въ порывѣ ревности и злобы. — Вы смѣете сказать, что эта женщина принадлежитъ вамъ?

«— Я говорю, что она, по-крайней-мѣрѣ, не принадлежитъ вамъ, возразилъ Генрихъ.—Я говорю, что я у Діаны съ согласія Діаны, а вы, кажется, не скажете о себѣ того же. Итакъ, я съ нетерпѣніемъ жду, чтобъ вы вышли.

«— Если вы такъ нетерпѣливы, что жь? выйдемте вмѣстѣ; это всего проще.

«— Вызовъ! вскричалъ подвинувшись впередъ Монморанси. — Вы, сударь, смѣете дѣлать вызовъ дофину Франціи?

«— Здѣсь нѣтъ дофина Франціи, возразилъ графъ:—здѣсь чело-вѣкъ, который ищетъ любви любимой мною женщины — вотъ и все.

«Онъ, безъ-сомнѣнія, сдѣлалъ шагъ къ Генриху, потому-что Перро слышалъ, какъ Діана вскрикнула:

«— Онъ хочетъ оскорбить принца! Онъ хочетъ убить принца! помогите!

«И, вѣроятно, чувствуя тяжесть странной роли, которую играла, она бросилась вонъ, не смотря на г. Монморанси, который просилъ ее успокоиться и говорилъ, что у нихъ двѣ шпаги противъ одной, а внизу охранный отрядъ. Перро видѣлъ, какъ Діана пробѣжала чрезъ корридоръ, вся расплаканная, бросилась въ спальню, сзывая своихъ женщинъ и людей дофина.

«Но ея бѣгство не утишило запальчивости противниковъ, — ни сколько! И г. Монгомері съ горечью подхватилъ только-что произнесенное слово: «отрядъ».

«— Безъ-сомнѣнія, шпагами своихъ людей, сказалъ онъ: — его высочество собираетъ мстить за оскорбленія?

«— Нѣтъ, сударь, гордо возразилъ Генрихъ; — одной моей до-станеть на то, чтобъ наказать дерскаго.

«У обоихъ уже были обнажены шпаги, но г. Монморанси всту-пился.

«— Извините, ваше высочество! сказалъ онъ: — кто, можетъ-быть, завтра будетъ королемъ, тотъ не имѣетъ права рисковать жизнью сегодня: вы не отдѣльное лицо, а цѣлая нація; дофинъ Франціи можетъ биться только за Францію.

«— Но въ такомъ случаѣ, закричалъ г. Монгомері: — дофинъ Франціи не отниметъ у меня, подобно всякому другому, той, въ которой заключена вся моя жизнь, той, которая для меня дороже отечества, дороже счастья, дороже собственнаго ребенка въ колыбели, — дороже всего: потому-что она заста-вила меня забыть все, эта женщина, которая, можетъ-быть, меня обманывала! Но нѣтъ, она не обманывала меня,—это невозможно:

я слишкомъ люблю ее! Ваше высочество, простите мнѣ мою горячность, мое сумасбродство и—будьте милостивы—скажите, что вы не любите Діаны. Вѣдь, никто не прійдетъ къ любимой женщинѣ въ сопровожденіи г. Монморанси и цѣлаго отряда! Какъ я не подумалъ объ этомъ!

«— Я хотѣлъ, сказалъ г. Монморанси:— сопровождать его высочество съ отрядомъ противъ его воли, потому—что меня тайно предувѣдомили о готовящейся ему опасности. Впрочемъ, я предполагалъ разстаться съ нимъ у дверей этого дома; но долетѣвшіе до насъ звуки вашего голоса заставили меня войти сюда и до конца повѣрить слова неизвѣстныхъ друзей, которые такъ кстати предостерегли меня.

«— Знаю я этихъ неизвѣстныхъ друзей! проговорилъ съ горькимъ смѣхомъ графъ.—Это, безъ-сомнѣнія, тѣ же, которые и меня предупредили, что дофинъ будетъ сегодня здѣсь, — и они успѣли въ своемъ намѣреніи и въ намѣреніи тѣхъ, кто заставилъ ихъ дѣйствовать... Мадамъ д'Этампъ, я думаю, очень желаетъ, чтобъ скандальная исторія окомпрометтировала Діану. Итакъ, вы, Генрихъ Валуа, вовсе не хотите падить добраго имени г-жи де-Брезе?.. Вы всенародно объявляете ее своей любовницей? Такъ она, эта женщина, на-самомъ-дѣлѣ и по всѣмъ правамъ принадлежитъ вамъ? Тутъ ужъ нѣтъ ни сомнѣнія, ни надежды? Вы рѣшительно у меня похитили ее, а съ ней — и счастье мое, и жизнь? Хорошо же! И мнѣ нѣчего и нѣкого падить. Вы, Генрихъ Валуа, дворянинъ, и вы дадите мнѣ удовлетвореніе за свой проступокъ!

«— Презрѣнный! закричалъ дофинъ, обнаживъ шпагу, и пошелъ къ г. Монгомері.

«Но Монморанси опять заступилъ ему дорогу.

«— Ваше высочество! еще разъ говорю вамъ: въ моемъ присутствіи наслѣдникъ престола не скреститъ шпаги изъ-за какой-нибудь женщины съ...

«— Съ дворяниномъ, котораго родъ древнѣе твоего, съ первымъ христіанскимъ барономъ! прервалъ внѣ себя графъ...—Карлъ неаполитанскій вызвалъ на поединокъ Альфонса аррагонскаго; Францискъ I еще недавно вызвалъ Карла V. Тутъ были равные: такъ! Но намурскій, племянникъ короля, вызвалъ простаго испанскаго капитана. Монгомері стоить Валуа, и такъ-какъ Монгомері много разъ вступали въ союзы съ дѣтьми королей Франціи и Англіи, то могутъ и биться съ ними. Древніе Монгомері были чистые Французы. Со временъ возвращенія ихъ изъ Англіи, куда сопровождали они Вильгельма-Завоевателя, въ гербѣ ихъ было голубое поле съ золотымъ львомъ, девизомъ: *береги*, и съ тремя цвѣтками лилій. Итакъ, ваше высочество, наши гербы такъ же подобны другъ другу какъ и шпаги! Побужденіе рыцарское! О! еслибъ вы любили эту женщину, какъ я люблю ее, и ненавидѣли бы меня, какъ я васъ ненавижу!.. Но нѣтъ! Вы больше ничего, какъ робкій ребенокъ.

«— Г. Монморанси, пустите меня! кричалъ дофинъ, вырываясь изъ рукъ Монморанси, который его удерживалъ.

«— Нѣтъ, чортъ возьми! возразилъ Монморанси: — не допущу васъ драться съ этимъ изступленнымъ. Стража! сюда! закричалъ онъ громко.

«И слышно было, какъ Диана, наклонясь съ лѣстницы, кричала изъ всѣхъ силъ:

«— Помогите! кто тамъ есть? идите сюда! Вы хотите позволить перерѣзать вашихъ господъ!

«Эта далилина измѣна, въ ту минуту, когда и безъ того были двое противъ одного, безъ-сомнѣнія, довела до послѣдней степени слѣпую ярость графа. Перрѳ, помертвѣвшій отъ страха, слышалъ, какъ онъ сказалъ:

«— Стало-быть, нужно послѣднее оскорбленіе для того, чтобъ убѣдить васъ въ необходимости дать мнѣ удовлетвореніе.

«Перрѳ предполагалъ, что онъ въ эту минуту подошелъ къ дофину и поднялъ на него руку. Генрихъ испустилъ глухой крикъ. Но г. Монморанси, вѣроятно, удержалъ руку графа, потому-что, пока онъ кричалъ громче прежняго: «сюда! ко мнѣ!» Перрѳ, не видя ничего, только слышалъ, какъ принцъ прокричалъ:

«— Его перчатка коснулась моего лица: онъ можетъ умереть не иначе, какъ отъ моей руки, Монморанси!

«Все это произошло съ быстротою молніи. Въ эту минуту вбѣжали солдаты отряда. Слышна была отчаянная борьба, стукъ ногамъ объ полъ и громъ желѣза. Г. Монморанси кричалъ:

«— Свяжите этого звѣря!

«А дофинъ:

«— Не убивайте его! Ради Бога, не убивайте!..

Слишкомъ-неравная борьба не продолжалась и минуты. Перрѳ даже не имѣлъ времени подоспѣть на помощь своему господину. Подбѣжавъ къ двери, онъ увидѣлъ одного солдата лежавшаго на полу и двоихъ или тронхъ раненныхъ. Но обезоруженный графъ уже былъ связанъ; его держали пять или шесть жандармовъ, которые напали на него разомъ. Перрѳ, котораго въ толпѣ не замѣтили, разсудилъ, что онъ полезіе будетъ для графа, если останется на свободѣ, извѣстять его друзей или поможетъ ему при удобномъ случаѣ. И потому онъ потихоньку воротился на свое мѣсто и, настороживъ слухъ и положивъ руку на шпагу, ждалъ удобной минуты, чтобъ выскочить и, если удастся, спасти графа, который не былъ еще ни убитъ, ни даже раненъ,—потому-что вы сейчасъ увидите, сударь, что у моего мужа не было недостатка ни въ рѣшимости, ни въ отвагѣ; но онъ былъ столько же благо-разуменъ, сколько храбръ, и ловко умѣлъ пользоваться случаемъ. Въ эту минуту нужно было только наблюдать: онъ и наблюдалъ, хладнокровно, внимательно.

«Однако, г. Монгомері, совсѣмъ связаный, еще кричалъ:

«— Не говорилъ ли я, что вы выставите десять шпагъ противъ одной моей и покорную храбрость своихъ солдатъ противъ моего оскорбленія?»

«— Видите, Монморанси! сказалъ дофинъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«— Ротъ ему зажать! отвѣчалъ Монморанси, обращаясь къ жан-дармамъ. — Я пришлю сказать, что нужно съ нимъ дѣлать; а догѣхъ-поръ караульте его. Вы отвѣчаете мнѣ за него собственными головами.

«И онъ вышелъ изъ пріемной, увлекая за собой дофина. Они прошли чрезъ корридоръ, гдѣ Перро скрывался за занавѣсомъ, и вошли въ комнату Діаны.

«Тогда Перро перешелъ на другую сторону стѣны и приложилъ ухо къ другой проклятой двери.

«Сцена, при которой онъ сейчасъ присутствовалъ, была, можетъ-быть, еще не такъ ужасна, какъ слѣдующая.

«— Монморанси! говорилъ входя дофинъ печально-раздраженнымъ тономъ:—слабъ вы не удержали меня почти силой,—я бы теперь былъ менѣе недоволенъ и собою, и вами.

«— Позвольте вамъ сказать, отвѣчалъ Монморанси: — что такъ можетъ говорить каждый молодой человѣкъ, но только не сынъ короля. Ваша жизнь принадлежитъ не вамъ, а вашему народу, государь, и на васъ лежатъ обязанности, которыхъ нѣтъ у другихъ людей.

«— Отъ-чего же я сердить на самого-себя и мнѣ какъ-будто стыдно? сказалъ принцъ. — А! это вы! продолжалъ Генрихъ, увидѣвъ Діану.

«И уязвленное самолюбіе пересилило ревнивую любовь.

«— У васъ и чрезъ васъ, прибавилъ онъ:—я былъ оскорбленъ въ первый разъ.

«— Увы! да, у меня, но не чрезъ меня. Не говорите такъ, государь, отвѣчала Діана. — Развѣ я не страдала такъ же, какъ вы, или еще болѣе? Развѣ виновна я во всемъ этомъ? Развѣ, наконецъ, люблю я этого человѣка? Развѣ любила его когда-нибудь?

«Измѣнивъ ему, она отказывалась отъ него — очень-просто.

«— Я никого не любила, кромѣ васъ, государь, продолжала она:—я душа, и жизнь моя вамъ однимъ принадлежать... жизнь, которая началась только съ того дня, когда вы приняли это сердце, полное вами. Правда, догѣхъ-поръ, не помню совершенно, но можетъ-быть я и дала Монгомери какой-нибудь поводъ надѣяться. Во всякомъ случаѣ не было ничего положительнаго, ничего обязательнаго. Но вы явились — и все было забыто. Съ того времени, клянусь вамъ, — повѣрьте скорѣе моимъ словамъ, нежели ревнивой клеветѣ г-жи д'Этампъ и ея приверженцевъ! — съ того благословеннаго времени, не было ни одной мысли въ умѣ моемъ, ни одного біенія въ жилахъ, которое не принадлежало бы вамъ, государь. Этотъ человѣкъ лжетъ, этотъ человѣкъ

дѣйствуетъ заодно съ моими врагами, этотъ человѣкъ не имѣетъ никакого права на ту, которая вся принадлежитъ вамъ, Генрихъ! Я едва знаю его, не только не люблю... Боже великій! но я его ненавижу, презираю. Посмотрите, я даже не спрашиваю у васъ живъ онъ, или умеръ. Я ненавижу его.

«— Точно ли это такъ? сказалъ дофинъ съ остаткомъ смутнаго недоумѣнія.

«— Испытать недолго и легко, сказалъ Монморанси. — Монгомері живъ, но въ оковахъ и не можетъ вредить. Онъ нанесъ тяжкое оскорбленіе принцу; но представить его на судъ невозможно: судъ за подобное преступленіе былъ бы опаснѣе самаго преступленія. Съ другой стороны, дофинъ желалъ имѣть съ нимъ поединокъ, но это еще невозможнѣе. Какъ вы думаете, сударыни! что должны мы дѣлать съ этимъ человѣкомъ?»

«Послѣдовала минута трепетнаго молчанія. Перръ притановилъ дыханіе, чтобъ лучше разлышать отвѣтъ. Но Діана, очевидно сама боялась своего отвѣта. Она не рѣшалась произнести его.

«Наконецъ, надо же было говорить, и она еще довольно-твердымъ голосомъ сказала:

«— Монгомері преступенъ въ оскорбленіи величества. Какое наказаніе опредѣляется за подобныя преступленія, господинъ Монморанси?»

«— Смерть, отвѣчалъ конетабль.

«— Слѣдовательно, по моему мнѣнію, этотъ человѣкъ долженъ умереть, хладнокровно отвѣчала Діана.

«Всѣ вздрогнули.

«— Дѣйствительно, сказалъ Монморанси послѣ нѣкотораго молчанія:—вы не любите и никогда не любили Монгомері.

«— Но я, продолжалъ дофинъ: — менѣе нежели когда-нибудь хочу, чтобъ Монгомері умеръ.

«— Я того же мнѣнія, сказалъ Монморанси:—но, безъ-сомнѣнія не по тѣмъ причинамъ, по которымъ вы принимаете его, государь! Для васъ это мнѣніе — великодушіе, а для меня — благоразуміе. У Монгомері есть сильныя друзья во Франціи и въ Англіи; прудворѣ знаютъ, что онъ долженъ былъ встрѣтиться здѣсь съ нами въ эту ночь. Если завтра громко потребуютъ его у насъ, нельзя будетъ представить трупъ. Намъ необходимо отвѣчать: «Монгомері бѣжалъ...» или «Монгомері раненъ и боленъ... но во всякомъ случаѣ: «Монгомері живъ!» И если насъ доведутъ до послѣдней крайности, если будутъ требовать его неотступно, ну надо будетъ вытаскать его изъ темницы или съ постели и показать клеветникамъ. Но надѣюсь, что предосторожность будетъ все-таки бесполезна. Потребуютъ Монгомері и завтра, и послѣ завтра; а черезъ недѣлю будутъ говорить меньше, черезъ мѣсяцъ совсѣмъ перестанутъ. Ничто такъ скоро не забывается, какъ друзья; притомъ, надо же перемѣнить разговоръ! И такъ я ду

маю, что преступникъ не долженъ ни умереть, ни жить: надо, чтобъ онъ исчезъ.

«— Согласенъ! сказалъ дофинъ. — Пускай онъ ѣдетъ, пусть оставитъ Францію! У него есть имѣніе и родня въ Англіи, пускай бѣжитъ туда!

«— Нѣтъ, государь! возразилъ Монморанси. — Смерти—много, а изгнанія — мало. Развѣ хотите вы, прибавилъ онъ, понизивъ голосъ:—чтобъ этотъ человекъ не только во Франціи, но и въ Англіи сказалъ, что онъ грозилъ вамъ оскорбительнымъ жестомъ.

«— О! не напоминайте мнѣ этого! вскричалъ дофинъ, стиснувъ зубы.

«— По-крайней-мѣрѣ, позвольте мнѣ помнить, чтобъ удержать васъ отъ неблагоприятнаго рѣшенія. Повторяю вамъ, надо, чтобъ графъ не могъ открыть ничего ни живой, ни мертвый. Наши люди надежны и не знали, съ кѣмъ имѣли дѣло. Управляющій замкомъ Шатлэ мнѣ другъ; притомъ, нѣмъ и глухъ какъ тюрьма, и преданъ службѣ. Мы переведемъ Монгомери сегодня же въ Шатлэ. Хорошая тюрьма сохранитъ и сбережетъ намъ его, какъ угодно. Завтра онъ исчезнетъ, и объ этомъ исчезновеніи мы распустимъ слухи самые разнородные, которые собьютъ всѣхъ съ толку. Если они не уничтожатся сами собою, если друзья графа будутъ настойчиво требовать его, что почти-невѣроятно, и поведутъ дѣло жарко, что рѣшительно удивило бы меня, — мы найдемъ оправданіе въ реестрѣ Шатлэ, который докажетъ, что Монгомери, обвиненный въ оскорбленіи величества, ждетъ въ темницѣ судебного приговора. Потомъ, послѣ этого доказательства, не наша вина будетъ, если—(темница вредна для здоровья)—если печаль и угрызения совѣсти одолѣютъ Монгомери, и онъ умретъ, не дождавшись призыва на судъ.

«— О! Монморанси! вскричалъ дофинъ, содрогаясь отъ ужаса.

«— Будьте спокойны, государь, продолжалъ конетабль:—намъ не придется прибѣгнуть къ этой крайности. Молва объ исчезновеніи графа затихнетъ сама-собою. Друзья утѣшатся и скоро забудутъ Монгомери, а онъ, исчезнувъ для свѣта, будетъ жить, если захочетъ, для тюрьмы.

«— Но у него, кажется, есть сынъ? спросила Діана.

«— Дѣ, ребенокъ, которому скажутъ, что отецъ его бѣжалъ безъ вѣсти и у котораго, если онъ вырастетъ сиротой, будутъ свои интересы, свои страсти; ему и въ голову не придетъ разбирать то, что было пятнадцать или двадцать лѣтъ назадъ.

«— Все это справедливо и прекрасно обдуманно, сказала г-жа де-Пуатье: — я преклоняюсь передъ вами, соглашаюсь вполне и удивляюсь.

«— Вы слишкомъ-добры, отвѣчалъ довольный собою Монморанси: — и съ удовольствіемъ вижу, что мы рождены понимать другъ друга.

«— Но я ни соглашаюсь, ни удивляюсь! вскричалъ дофинъ:—я, напротивъ, отвергаю и противлюсь...

«— Отвергаете, государь? и вы правы, отвѣчалъ Монморанси:—отвергайте, но не противьтесь; порицайте, но предоставьте дѣйствовать. Все это до васъ нисколько не касается, и я беру на себя всю отвѣтственность за свой поступокъ передъ людьми и передъ Богомъ.

«— Но тутъ все-таки будетъ преступленіе между нами? сказалъ дофинъ:—и вы будете болѣе нежели другомъ, — моимъ соумышленникомъ.

«— О, государь; я далеко отъ такихъ мыслей! вскричалъ коварный министръ. — Но вамъ равно неприлично какъ драться съ преступникомъ, такъ и наказывать его. Не угодно ли вамъ обратиться къ королю?

«— Нѣтъ, нѣтъ; отецъ мой не долженъ знать ничего этого, живо сказалъ дофинъ.

«— Впрочемъ, мнѣ, по обязанности, сказалъ Монморанси:—надо будетъ донести ему, государь, если вы не разувѣритесь, что времена рыцарства прошли уже. Но, не будемъ торопиться, если угодно; время укажетъ, какъ надо дѣйствовать; а теперь пока сдѣлаемъ только необходимое во всякомъ случаѣ, то-есть, задержимъ графа.

«— Положимъ! сказалъ дофинъ, довольный этимъ двусмысленнымъ рѣшеніемъ. — Монгомеріи будетъ имѣть время одуматься въ своемъ необдуманномъ поступкѣ, а я—тоже увижу, какъ надо поступить согласно съ совѣстью и моимъ званіемъ.

«— Возвратимтесь же въ Лувръ, государь, сказалъ Монморанси:—и удостовѣримъ всѣхъ, что мы не удалялись оттуда. Я его доставлю къ вамъ завтра, продолжалъ онъ, обращаясь къ г-жѣ де-Пуатье:—потому-что имѣлъ случай удостовѣриться, что вы дѣйствительно его любите.

«— Но увѣренъ ли въ этомъ дофинъ? сказала Діана:—простили ли онъ мнѣ несчастное происшествіе, которое я не могла предвидѣть?

«— Дѣ, вы меня любите... въ-самомъ-дѣлѣ, ужасно, Діана! задумчиво отвѣчалъ дофинъ. — Мнѣ нужно вѣрить, чтобъ не сомнѣваться, и еслибъ даже графъ говорилъ правду, то горечь мысли потерять васъ доказала мнѣ, что ваша любовь необходима для меня, и что, полюбивъ васъ однажды, нельзя не любить всю жизнь.

«— О, еслибъ это была правда! вскричала Діана страстнымъ голосомъ, цалуя руку, которую принцъ протянулъ ей въ знакъ примиренія.

«— Ну! поѣдте; медлить нельзя, сказалъ Монморанси.

«— До свиданія, Діана.

«— До свиданія, государь, сказала герцогиня, произнося эти слова съ разстановкой обольстительно-выразительной.

«Она проводила его до порога комнаты. Пока дофинъ спускался съ лѣстницы, Монморанси отворилъ дверь въ пріемную, гдѣ лежалъ связанный и окруженный стражей Монгомери, и сказалъ офицеру:

«— Я сейчасъ пришлю вѣрнаго человека, который скажетъ вамъ, что дѣлать съ арестантомъ. До-тѣхъ-поръ, слѣдите за каждымъ его движеніемъ и не оставляйте ни на минуту. Вы отвѣчаете за него своею жизнью.

«— Слушаю, отвѣчалъ офицеръ.

«— Я тоже буду наблюдать, сказала изъ своей двери г-жа де-Пуатье.

«Всѣ удалились, и Перро слышалъ только мѣрные шаги часового.»

VI.

БЕЗПОЛЕЗНОЕ САМОПОЖЕРТВОВАНІЕ.

Алонзъ было невыразимо-тяжело при воспоминаніи объ этихъ страшныхъ происшествіяхъ. Она, однакожь, нѣсколько успокоилась послѣ непродолжительнаго отдыха и докончила разсказъ свой въ слѣдующихъ словахъ:

«Быль часъ по-полночи, когда дофинъ и его достойный совѣтникъ ушли отъ г-жи де-Пуатье. Перро видѣлъ, что батюшка вашъ погибнетъ неминуемо, если не будетъ никакой задержки посланцу г. де-Монморанси. Значитъ, настала пора взяться самому Перро за дѣло. Онъ замѣтилъ, что г. де-Монморанси, уходя, не обозначилъ, почему бы можно было узнать его посланца, то-есть, не объяснилъ, что, де-сказать, тотъ, кого я пришлю, скажетъ такое-то слово, или принесетъ для показу такую-то вещь, и что по тому слову, или по той вещи вы узнаете его. Перро, подождавъ съ полчаса времени, — для того только, чтобъ могли подумать, что онъ точно присланъ отъ г. де-Монморанси, — выбрался осторожно изъ своего потаеннаго прибѣжища, сошелъ съ лѣстницы безъ малѣйшаго шума, потомъ тотчасъ же опять взобрался на нее, лѣвственнымъ, слышимымъ шагомъ, и постучался въ дверь.

«Намѣреніе у него было смѣлое, но оно могло привести къ хорошему концу, именно отъ-того, что было смѣлое.

«— Кто тамъ? спросилъ изъ-за двери часовой.

«— Отъ господина де-Монморанси, его посланный, отвѣчалъ Пьерро.

«— Впусти, сказалъ начальникъ часового.

«Дверь отворили, и Пьерро вошелъ въ комнату неробко, поглядывая на бывшихъ въ ней.

«— Я, сказалъ онъ потомъ:—конюшій г. Шарля де-Мансоля, пріятеля г. де-Монморанси. Вы, впрочемъ, знаете, что они пріатели между собою... Да и дѣло не въ томъ. Съ четверть часа

назадъ, мы шли съ барономъ съ караула, изъ Лувра, какъ вдругъ намъ попались на встрѣчу, на Гревской-Площади, г. Монморанси съ какимъ-то другимъ господиномъ, который былъ закутанъ въ плащъ до самыхъ глазъ. Г. Монморанси узналъ моего барина и подозвалъ его къ себѣ. Потомъ они переговаривали промежь-себя и приказали мнѣ идти сюда, къ г-жѣ де-Пуатье. Ты найдешь тамъ арестанта, прибавилъ г. де-Монморанси: его надобно... Тутъ отдалъ онъ мнѣ на счетъ этого арестанта приказъ, который я исполню теперь же. Я замѣтилъ-было, что мнѣ нужно нѣсколько человѣкъ для охраны, но онъ сказалъ, что найду здѣсь достаточное число людей; и я вижу теперь, что вась даже болѣе, чѣмъ требуется для пособія мнѣ въ исполненіи приказа г. де-Монморанси. Да гдѣ же арестантъ? А, вотъ онъ! Снимите ему повязку со рта: мнѣ надобно говорить съ нимъ, и онъ долженъ отвѣчать на мои вопросы.

«Начальникъ стражи, однакожъ, не рѣшился вдругъ послушаться Перро, хотя мужъ мой говорилъ безъ всякаго смущенія.

«— А письменнаго приказа у вась нѣтъ? спросилъ онъ у него.

«— Да развѣ можно писать приказанія на Гревской-Площади, во второмъ часу утра? отвѣчалъ Перро, пожимая плечами.—Мнѣ, впрочемъ, г. де-Монморанси говорилъ, что онъ объявилъ вамъ, уходя, о присылкѣ отъ себя посланнаго.

«— Правда.

«— Зачѣмъ же вы еще спорите, любезнѣйшій? Извольте-ка отойти съ своими подчиненными немного-поодаль: мнѣ надобно переговорить съ этимъ господиномъ о секретномъ дѣлѣ. Чтò жъ, не слышите, чтò ли? Отойдите.

«Они послушались, и Перро подошелъ къ вашему батюшкѣ, у котораго уже была снята повязка со рта.

«Онъ узналъ моего мужа съ перваго взгляда.

«— Перро, сказалъ онъ ему тихо: — какимъ-образомъ могъ ты прийти сюда?

«—Вы узнаете объ этомъ послѣ, государь-графъ, отвѣчалъ Перро: —а теперь намъ нужно время на другое. Извольте меня выслушать.

«И онъ рассказалъ графу какъ-можно-короче о томъ, чтò произошло въ комнатѣ г-жи де-Пуатье, и о томъ, что г. Монморанси, по-видимому, опредѣлилъ заключить вашего батюшку въ вѣчное заточеніе. А мнѣніе у Перро было такое, что надобно во что бы то ни стало избавиться отъ этой бѣды.

«— Но какъ же избавлюсь я отъ нея? сказалъ вашъ батюшка.—Ихъ восьмеро, а насъ только двое; и къ тому же, прибавилъ онъ съ горькою усмѣшкою:—мы здѣсь не въ пріятельскомъ домѣ.

«— Нужды нѣтъ, отвѣчалъ Перро:—дозвольте мнѣ только поступить какъ я придумалъ, и я спасу вась.

«— За чѣмъ?.. сказалъ графъ съ грустію.—На чтò мнѣ теперь жизнь и свобода? Діана не любитъ меня! Діана ненавидитъ меня и измѣнила мнѣ!

«— Забудьте о ней, государь-графъ; и стоить ли убивать себя тоскою по недостойной женщинѣ, когда у васъ есть сынъ, который безъ васъ будетъ круглымъ сиротою?»

«— Ты говоришь правду, Перрô: я виноватъ передъ нимъ; я вовсе не пекусь о моемъ бѣдномъ Габріэлѣ, и Господь наказалъ меня за это по справедливости. По-крайней-мѣрѣ, теперь я исполню долгъ свой въ-отношеніи къ нему. Для него я попытаюсь спастись отъ участи, которую мнѣ готовятъ. Но прежде выслушай меня: если планъ, придуманный тобою, не удастся; если меня убьютъ, или навсегда заживо схоронятъ въ какой-нибудь тюрьмѣ,—и то и другое должно остаться тайною для Габріэля. Иначе, войдя въ лѣта, онъ будетъ, стараться отмстить за меня или освободить меня изъ заточенія, и погубить себя. А мнѣ и безъ того надобно отдать тяжелый отчетъ передъ его матерью... Поклянись же мнѣ, Перрô, что, если ты переживешь меня, ни одно твое слово не откроетъ ему моего прошлаго, по-крайней-мѣрѣ до-тѣхъ-поръ, пока виновники моей гибели, дофинъ, который, конечно, въ-послѣдствіи будетъ королемъ, — Діана и Монморанси, не унесутъ съ собою въ могилу ненависти ко мнѣ и вражды къ моему сыну. Послѣ этого онъ можетъ, если пожелаетъ, отъискивать меня. Тогда уже не будетъ опасности. Но до-тѣхъ-поръ, повторяю еще разъ, онъ еще меньше, чѣмъ другіе, долженъ знать о моей участи. Объщаешь ли ты мнѣ это, Перрô? Клянешься ли въ томъ? Въ противномъ случаѣ, я не согласенъ принять твое великодушное предложеніе.

«— Вы непременно требуете клятвы, государь-графъ? Извольте, я клянусь вамъ.

«— Ты клянешься вотъ этимъ крестомъ, Перрô, что Габріэль не узнаетъ отъ тебя о моей участи, пока будутъ живы дофинъ, Діана и Монморанси?

«— Клянусь этимъ крестомъ, сказалъ Перрô, приподнявъ правую руку.

«— Благодарю, другъ. Теперь дѣлай, что хочешь. Поручаю себя Богу и ввѣряюсь тебѣ вполне.

«— Старайтесь только сохранить присутствіе духа, государь-графъ. Съ вашей стороны это главное, а тамъ ужъ я устрою все.

«Перрô замолчалъ на минуту, потомъ прибавилъ, обращаясь къ начальнику-стражи:

«— Отвѣты арестанта удовлетворительны; вы можете развязать ему руки и отпустить его.

«— Развязать ему руки? И... и отпустить его? возразилъ съ удивленіемъ тотъ, къ кому относились послѣднія слова Перрô.

«— Ну, да! сказалъ Перрô. — Такъ приказалъ г. де-Монморанси.

«— Г. де-Монморанси, продолжалъ начальникъ стражи, показавъ головою: — приказалъ намъ строго стеречь арестанта. Онъ даже объявилъ намъ, что мы отвѣтимъ жизнью, если арестанту

удастся уйти! Какъ же могъ онъ приказать теперь освободить этого господина?

«— Стало-быть, вы не хотите исполнить приказанія г. де-Монморанси?

«— Не то, что не хочу, а мнѣ какъ-то сомнительно. Вотъ видите ли, еслибъ вы приказали заколотъ этого господина, или утопить, или, пожалуй, отвести въ Бастилію, мы тотчасъ бы послушались васъ; а то отпустить... Мы къ такимъ приказамъ на-счетъ арестантовъ не привыкли...

«— Какъ-себѣ хотите, любезнѣйшій, отвѣчалъ Перрô безъ смущенія. — Я передалъ вамъ приказъ, который былъ данъ мнѣ; теперь я уываю руки. Вы будете отвѣчать за непослушаніе, а мнѣ здѣсь дѣлать нечего. Прощайте.

«И Перрô отворилъ дверь, какъ-будто для того, чтобъ уйти.

«— Позвольте на минуту, сказалъ начальникъ стражи:—что вы торопитесь? Такъ вы утвердительно говорите, что г. де-Монморанси приказалъ отпустить арестанта? Вы увѣрены, что васъ прислалъ г. де-Монморанси, а не кто другой?

«— Увѣренъ ли? отвѣчалъ Перрô. — Да какъ же иначе узналъ бы я, что вы здѣсь стережете арестанта? Кто бы могъ сказать мнѣ объ этомъ, кромѣ г. де-Монморанси?

«— Оно, конечно... Ну, мы исполнимъ вашъ приказъ, развяжемъ руки этому молодцу, сказалъ начальникъ стражи съ досадою. — Ахъ, Боже мой, что это за народъ эти знатные господа: на одной недѣлѣ семь пятницъ!

«— Такъ развяжите, отвѣчалъ Перрô.—Я подожду.

«Онъ, однакожъ, вышелъ за дверь, и остановился подлѣ нея, не отводя взгляда отъ лѣстницы. Онъ хотѣлъ не допустить настоящаго посланнаго г. де-Монморанси, еслибъ тотъ пришелъ.

«А между-тѣмъ, онъ не замѣтилъ, что позади его подошла къ комнатѣ сама г-жа де-Пуатьё. Она, вѣроятно, услышала, что зашелъ громкій разговоръ, и пожелала узнать, не случилось ли чего-нибудь. Увидавъ, что стража развязываетъ вашего батюшку, она закричала имъ съ гнѣвомъ:

«— Что вы дѣлаете, негодяи?

«— Мы исполняемъ приказаніе г. де-Монморанси, отвѣчалъ начальникъ стражи: — мы развязываемъ руки арестанту.

«— Приказаніе г. де-Монморанси? Быть не можетъ! продолжала г-жа де-Пуатьё.— Кто передалъ вамъ это приказаніе?

«Стража указала на моего покойника, который смотрѣлъ на г-жу де-Пуатьё словно окаменѣлый. На блѣдное лицо Перрô падалъ свѣтъ ближней лампы; г-жа де-Пуатьё узнала вѣрнаго слугу.

«— Онъ! вскричала она. — Да вѣдь это конюшій того, кто у васъ подъ стражею! Что вы дѣлаете!

«— Неправда! сказалъ Перрô.—Я нахожусь въ услуженіи у г. де-Манфоля, и присланъ сюда г. де-Монморанси.

«— Кто тутъ говорить, что присланъ отъ г. де-Монморанси? ска- залъ кто-то позади бѣднаго Перрѣ.

«То былъ настоящій посланный Монморанси.

«— Этотъ плутъ лжетъ, прибавилъ онъ потомъ. — Вотъ кольцо и печать г. де-Монморанси. Да вы же и должны знать меня... По-крайней-мѣрѣ, слышали: я графъ Монтансѣ... Но что вы тутъ дѣлаете? Вы сняли повязку со рта у арестанта и развязываете ему руки? Сейчасъ же опять завязать ему ротъ и связать его самого крѣпче прежняго.

— Вотъ что дѣло, то дѣло, сказалъ начальникъ стражи.—Вотъ и видно, что настоящій приказъ.

«— Бѣдный Перрѣ! проговорилъ вашъ батюшка.

«Ни одного слова не прибавилъ онъ въ упрекъ г-жѣ де-Пуатьѣ, хоть ему и не вдругъ завязали ротъ платкомъ. Онъ какъ-будто считалъ ее недостойною упрековъ. Статься-можетъ, что онъ также опасался ввести своими рѣчами еще въ большую бѣду моего бѣднаго Перрѣ. Но Перрѣ, на свою пагубу, не выдержалъ...

«Онъ смѣло взглянулъ на г-жу де-Пуатьѣ и сказалъ ей грозно, какъ-будто какой-нибудь простой женщиной:

«— За ваше предательство накажетъ васъ Господь Богъ! Вы хуже Иуды, предали неповиннаго: вы предали трижды!

«— Схватите его! вскричала г-жа де-Пуатьѣ, блѣдная, какъ по- лотно, отъ гнѣва.

«— Схватите его! повторилъ послѣ нея графъ Монтансѣ.

«— А вотъ, посмотримъ, какъ удастся! вскричалъ Перрѣ.

«И въ ту же минуту, подбѣжавъ, точно въ изступленіи, къ ва- шему батюшкѣ, онъ началъ разрѣзывать своимъ кинжаломъ верев- ку, которою были связаны руки графа...

«— Помогайте мнѣ, государь-графъ! кричалъ онъ ему тогда:— высвобождайте руки, и стоимъ за себя!

«Но на бѣднаго Перрѣ тутъ же кинулись солдаты; одинъ изъ нихъ прокололъ его шпагой насквозь, между плечъ, и онъ, вы- свободивъ только одну лѣвую руку вашего батюшки, упалъ подлѣ графа замертво, весь въ крови.»

«Что произошло послѣ того, Перрѣ не зналъ.

«Пришедъ въ себя, онъ прежде всего почувствовалъ, что ему холодно, потомъ собрался мало-по-малу съ мыслями, открылъ глаза и посмотрѣлъ вокругъ себя: въ ту пору, все еще была тем- ная ночь. Онъ лежалъ на мокрой землѣ, подлѣ тѣла мертваго че- ловѣка. Неподалеку отъ Перрѣ, въ углубленіи, гдѣ было рѣзано изображение Богоматери, горѣла лампадка. Свѣтъ отъ нея былъ большой. При этомъ свѣтѣ, Перрѣ разсмотрѣлъ, что находится на кладбищѣ, и что подлѣ него лежитъ тѣло одного изъ солдатъ, уби- таго графомъ. Перрѣ, видно, тоже сочли мертвымъ...

«Онъ сталъ-было привставать; но тутъ вдругъ началась у него въ рацѣ такая боль, что онъ упалъ опять. Однакомъ, онъ пере- могъ себя, спустя короткое время. Онъ съ великимъ напряженіемъ

всталъ и переступилъ нѣсколько шаговъ. Въ эту минуту, заблестѣлъ вдали свѣтъ фонаря, и вскорѣ показались два человѣка съ заступами въ рукахъ.

«То были могильщики.

«Перрô, замѣтивъ ихъ, припалъ къ землѣ, и потомъ кое-какъ отползъ какъ могъ подальше и спрятался за однимъ надгробнымъ камнемъ.

«— Намъ говорили вѣдь, сказалъ между-тѣмъ одинъ изъ могильщиковъ своему товарищу:— что они положены подлѣ того мѣста, гдѣ лампада... такъ, кажется?

«— Именно, отвѣчалъ спрошенный.— Э, да вотъ и они, прибавилъ онъ потомъ, замѣтивъ группъ солдатъ. Однако, чтó жъ это такое? тутъ только одинъ... А гдѣ же другой молодецъ?..

«— Надобно поискать его.

«И они принялись искать подлѣ того мѣста, на которомъ лежалъ убитый солдатъ.

«— Нѣтъ, да и только. Видно, его чортъ унесъ, сказалъ одинъ изъ могильщиковъ.

«Этотъ могильщикъ, кажется, былъ человѣкъ веселый...

«— Охъ, зачѣмъ ты говоришь все такія страсти, да еще въ такую пору, и на кладбищѣ! отвѣчалъ другой, перекрестясь, въ испугѣ.

«— Какъ ты хочешь, а тутъ все-таки одинъ пріятель. Чтó жъ намъ дѣлать?.. Э, есть о чемъ раздумывать! Похоронимъ хоть этого; а тамъ скажемъ, что другой мертвецъ сбѣжалъ... Можетъ, впрочемъ, они и обсчитались...

«И они принялись копать могилу, а Перрô началъ отпалывать дальше. Когда онъ былъ еще не очень-далеко отъ нихъ и могъ слышать ихъ слова, веселый могильщикъ сказалъ своему товарищу:

— А знаешь ли чтó: вѣдь если мы сознаемся, что нашли только одного мертвеца и вырыли только одну могилу, намъ, можетъ-быть, заплатятъ не десять пистолей, какъ обѣщано, а только нятъ. Такъ не лучше ли не говорить, что другой-то молодецъ сбѣжалъ?

«— Конечно! отвѣчалъ трусливый могильщикъ.— Мы скажемъ, что-могъ все сдѣлали по приказу, и будемъ правы.

«Послѣ того, мой Перрô вскорѣ выбрался изъ кладбища, и черезъ нѣсколько времени дошелъ, едва ступая отъ боли и ослабленія, до Улицы-Обрѣ-ле-Бушѣ. Тутъ встрѣтился ему огородникъ въ телегѣ, порожнемъ. Перрô спросилъ у него, куда онъ ѣдетъ.

«— Въ Монтрѣль, отвѣчалъ огородникъ.

«— Такъ не подвезешь ли ты меня до угла улицы Жофруа-Ланьѣ... я живу тутъ неподалеку... ты очень одолжишь меня...

— Пожалуй, подвезу, отвѣчалъ огородникъ.

«Перрô взобрался съ большимъ усиліемъ въ телегу, и они поѣхали. Каково было моему покойнику, когда его везли, этого и сказать нельзя: ему не разъ казалось, что онъ просто Богу душу

отдасть... Но какъ бы то ни было, онъ не жаловался, не стоялъ, и телега наконецъ остановилась въ Улицѣ-Жофруа-Ланье.

«— Ну, вотъ, пріятель, мы и доѣхали, сказалъ огородникъ.

«— Благодарю васъ, любезнѣйшій, отвѣчалъ Перрѣ.

«Сказавъ это, мужъ мой вылѣзъ изъ телеги, потомъ пошелъ-было, шатаясь, вдоль улицы; но у него вдругъ подогнулись ноги, и онъ, чтобъ не упасть, прислонился къ стѣнѣ.

«— Знать, вышилъ, сказалъ огородникъ.

«Тотчасъ за тѣмъ, онъ уѣхалъ, напѣвая превеселую пѣсню мѣдонскаго священника, Франциска Раблѣ.

«Цѣлый часъ времени потребовалось бѣдному Перрѣ для того, чтобъ дойти до Улицы-де-Жирарденъ. Да, слава Богу, январскія ночи длинны. Перрѣ прибѣлъ домой часовъ въ шесть по полуночи, не встрѣтивъ ни души.

«Я, не смотря на холодъ, всю ночь стояла передъ открытымъ окномъ. Таково было мое безпокойство въ ту пору. Лишь-только Перрѣ кликнулъ меня, я, ни мало не мѣшкая, сбѣжала въ сѣни и отперла дверь.

«— Молчи! сказалъ мнѣ Перрѣ.—Что бы ты ни увидѣла, Алоиза, молчи! Помогни мнѣ войти въ комнату... Да, смотри же, ни слова...

«Онъ оперся на меня, и я повела его. Почти тотчасъ же я замѣтила, что Перрѣ раненъ; но, помня приказъ его, не вскрикнула, не сказала ни слова. У меня только брызнули слезы ручьемъ... Когда мы пришли въ свою комнату и я, снявъ съ Перрѣ полукафтанье и оружіе, взглянула себѣ на руки, у меня чуть не вырвался крикъ: мои руки были всѣ въ крови...

«Перрѣ улегся на кровати какъ могъ покойнѣе. На его рану страшно было смотрѣть.

«— Перрѣ, сказала я ему, рыдая: — позволь, по-крайней-мѣрѣ, сходить за лекаремъ.

«— Не нужно, отвѣчалъ онъ.—Ты вѣдь знаешь, что я нѣсколько разумнѣе лекарскую часть, такъ я тебѣ скажу, что моя рана смертельна. Я и теперь ужъ не былъ бы въ живыхъ, когда бъ не поддержалъ мои силы самъ Господь-Богъ, наказующій убійцъ и предателей... Онъ продлилъ мою жизнь на нѣсколько часовъ для того, чтобъ было спасено дитя неповинное... Скоро начнется у меня горячка, и тогда всему конецъ. Тутъ ужъ не поможетъ ни одинъ лекаръ въ свѣтѣ.

«Онъ говорилъ съ большимъ усиленіемъ. Я стала упрашивать его, чтобъ онъ отдохнулъ хоть немного.

«— Правда, сказалъ онъ въ отвѣтъ:—мнѣ надобно отдохнуть... Я долженъ сберечь послѣднія силы... и, однакожъ, я могу писать... Дай сюда бумага, чернилъ и перо.

«Я подала ему все это. Онъ хотѣлъ-было взять перо, но вдругъ замѣтилъ, что у него глубоко прорѣзана шпагою рука. Писать было невозможно. Впрочемъ, онъ и не очень былъ привыченъ къ письму.

«— Ну, сказалъ онъ:—дѣлать нечего: надобно говорить. Господь, я надѣюсь, еще пошлетъ мнѣ жизни хоть на малое время... Онъ справедливъ, и не терпитъ, чтобъ графъ нашъ остался навсегда во власти своихъ недруговъ... Онъ устроилъ такъ, что графу найдеть освобожденіе нашъ молодой баринъ, когда будетъ къ тому пора...

«И Перрѣ рассказалъ мнѣ, что вы теперь изволите знать, сударь. Перрѣ говорилъ, однакожь, съ трудомъ и часто останавливаясь отъ слабости. Въ эти промежутки предсмертныхъ рѣчей бѣднаго Перрѣ, я выходила, по его приказу, къ нашимъ здоровымъ, для того, чтобъ не было никакого подозрѣнія. Они повѣрили, что мнѣ ничего неизвѣстно ни о вашемъ батюшкѣ, ни о моемъ покойникѣ... Я посылала ихъ освѣдомляться о графѣ сначала въ Лувръ, потомъ ко всѣмъ тѣмъ, кто былъ хоть въ маломъ съ нимъ знакомствѣ. Г-жа де-Пуатье приказала сказать, что не видала его во весь день; а г-нъ де-Монморанси еще закричалъ, что де-скать его только беспокоятъ понапрасну, и что де-скать какъ ему знать, куда дѣвался графъ.

«Такимъ-образомъ, все было устроено по желанію Перрѣ, и недоброхоты вашего батюшки могли подумать со всей справедливостью, что тайна ихъ неизвѣстна никому въ мірѣ, что ее на вѣки схоронили въ тюрьмѣ, съ графомъ, и въ могилѣ, съ его вѣрнымъ конюшимъ.

«Около полудня, мужу моему стало какъ-будто полегче. Онъ говорилъ почти безъ усилія. Я было-обрадовалась этому, но онъ сказалъ мнѣ съ горькой усмѣшкой:

«— Ты радуешься понапрасну, Алоиза: мое теперешнее облегченіе происходитъ отъ-того, что у меня ужъ начинается горячка... Но, слава Богу, я рассказалъ тебѣ все, что слѣдовало... Ты знаешь теперь тайну, которая, кромѣ меня, была извѣстна только Богу, да тремъ врагамъ нашего графа... И, я надѣюсь, ты не промолвишься о ней до того дня, когда можно будетъ открыть ее кому надобно. Ты слышала, какую клятву взялъ съ меня графъ: точно такой же клятвы требую я отъ тебя, Алоиза. Поклянись мнѣ, что страшной тайны, которую я ввѣрилъ тебѣ, не узнаетъ никто, покажеться будутъ въ живыхъ недруги, сгубившіе нашего господина.

«Я исполнила приказъ Перрѣ со слезами на глазахъ, и вотъ теперь, сударь, нарушила данную клятву, — нарушила потому, что недруги вашего батюшка еще не въ могилѣ и еще могутъ погубить васъ. Но я преступила клятву невольно: иначе вы не преодолѣли бы своего отчаянія... И если вы теперь станете поступать осторожно, васъ и батюшку вашего спасетъ именно то, отъ-чего, въ противномъ случаѣ, должна выйдти вамъ гибель, — значить, отъ моего разсказа вамъ не должно выйдти худа... А у меня все-таки тяжело на душѣ... Мнѣ все думается, что Господь и мой милый Перрѣ не простятъ меня за клятвopеступленіе...»

— Тутъ нѣтъ никакого клятвопреступленія, моя добрая Алоиза, отвѣчалъ Габріэль:—ты даже должна была, при теперешнихъ обстоятельствахъ, открыть мнѣ тайну. Но продолжай, ради самаго Бога, продолжай.

— Перрѣ, сказала Алоиза:—прибавилъ еще:

«— Послѣ смерти моей, Алоиза, ты отпусти всѣхъ здѣшнихъ нашихъ дворовыхъ, запри домъ и не медля уѣзжай съ молодымъ графомъ и съ нашимъ сыномъ въ Монгомери. И даже въ Монгомери ты живи не въ замкѣ, а въ нашемъ домикѣ. Тамъ ты воспитай молодаго графа не то, чтобъ совершенно въ тайнѣ, однакожь и безъ огласки, такъ, чтобъ приближенные и надежные люди знали, кто онъ; но чтобъ до недруговъ его не доходила о томъ молва. Наши монгомерійскіе, и особенно отецъ—капелланъ и управитель, помогутъ тебѣ совершить долгъ, который возлагаетъ на тебя самъ Господь. Я думаю даже, что и молодому графу не надобно говорить до восемнадцати лѣтъ, кто онъ. Пусть только будетъ ему извѣстно, что онъ хорошаго дворянскаго рода. Ты, впрочемъ, сама увидишь, какъ лучше. Посовѣтуйся на счетъ этого съ отцомъ—капелланомъ и съ вимутьскимъ барономъ: они ужъ разсудятъ... Но ни имъ и никому другому не открывай того, что я разсказалъ тебѣ... скажи только, что ты слышала здѣсь о недоброхотахъ нашего господина; что эти недоброхоты могутъ сгубить и молодаго графа, и что поэтому—то не должно быть о немъ оглашенія на сторону...

«Вскорѣ потомъ, мужу моему стало хуже. Боль въ ранѣ была у него нестерпимая; въ инныя минуты, онъ почти вовсе лишился чувства; но и тутъ, какъ только немного отпускало ему, онъ прибавлялъ къ прежнимъ разнымъ другія наставленія.

«Онъ даже могъ явственно дать мнѣ вотъ еще какой наказъ:

«— Г. де-Монморанси, сказалъ онъ мнѣ:—думаетъ, что я схороненъ на кладбищѣ вмѣстѣ съ убитымъ солдатомъ. Пусть же будетъ онъ увѣренъ въ этомъ всю свою жизнь. Если онъ узнаетъ, что я успѣлъ дотащиться сюда живой, ты погибнешь, Алоиза, а вмѣстѣ съ тобою, быть—можетъ, погибнетъ и нашъ молодой графъ!.. Но у тебя душа твердая, Алоиза. Когда я умру, ты превозмоги свое горе, и около полуночи, какъ скоро уснутъ всѣ наши дворовые, отнеси мое тѣло въ погребальный склепъ... въ тотъ, что сдѣлали здѣсь прежніе владѣльцы этого замка... ихъ прозваніе было Бриссакъ... Туда никто не ходитъ, и даже ключъ отъ тамошней двери заржавѣлъ... онъ лежитъ въ томъ большомъ сундукѣ, что въ комнатѣ государя—графа... Тамъ буду я схороненъ въ освященномъ мѣстѣ... Конечно, простому конюшему не слѣдовало бы лежать подлѣ знатныхъ господъ; но вѣдь мы всѣ христіане, и притомъ, послѣ смерти они такіе же, какъ и мы грѣшныя.

«Я обѣщала исполнить и это приказаніе. Да и какъ было отказать, какъ было огорчить бѣднаго Перрѣ въ такую минуту?.. Къ вечеру начался у него бредъ; послѣ бреда, который продолжался

не много времени, стало ему тяжеле. Я сама едва ходила отъ го-
ря; особенно меня мучило то, что я не могу помочь моему Перрô;
я предлагала ему и то, и другое, но онъ не принималъ ничего...

«Наконецъ онъ самъ сказалъ мнѣ:

«— Алонза, дай мнѣ пить... воды.

«Жажда у него была нестерпимая; онъ былъ весь словно въ
огнѣ, но, не смотря на то, не тотчасъ сталъ пить, а сказалъ мнѣ
прежде:

«— Алонза, прѣстимся на... вѣкъ... поцалуй меня... Да, смотри
помни, что я приказывалъ... Ради самого Бога, помни!..

«Я поцаловала его, заливаясь слезами.

«Послѣ того онъ приложился къ распятію, которое подала я
ему, по его требованію, и выговорилъ уже чуть слышно:

«— О, Боже мой! Боже мой!

«Онъ пожалъ мнѣ руку и взялъ стаканъ съ водою, который я
поставила передъ нимъ, но выпилъ только нѣсколько капель... Съ
нимъ сдѣлались судороги; онъ приподнялся съ постели и въ ту же
минуту опять упалъ на нее.

«Онъ скончался, графъ.

«Во весь остатокъ вечера, я плакала и молилась. У меня, одна-
кожь, достало силы уложить васъ почивать, какъ укладывала каж-
дую ночь. Горе мое я, конечно, не могла скрыть; но оно ни на ко-
го не навело удивленія. Всѣ наши дворовые тоже очень печались
о вашемъ батюшкѣ и о моемъ бѣдномъ Перрô, хотя и не знали
идъ настоящей участи.

«Около двухъ часовъ по полуночи все въ домѣ стихло. Не спа-
ла только я одна. Надо было исполнить послѣдній приказъ Пер-
рô. Я смыла кровь съ тѣла моего покойника, завернула его въ про-
стыню и, поручивъ себя Господу Богу, понесла тѣло въ склепъ.
Тяжело мнѣ было нести его!.. Не разъ доходило до того, что я,
въ тоскѣ и душевной слабости, клала свою голову на полъ и ста-
новилась подлѣ нея на колѣни...

«Навѣрное, болѣе получаса шла я съ нею до склена. Когда же
отперла я дверь этого подземелья, изъ него пахнулъ холодный вѣ-
теръ. Лампадка, которую взяла я съ собою, погасла, и я сама
чуть не задохлась. Однакожь, я оправилась вскорѣ, зажгла лам-
падку и внесла тѣло Перрô въ склепъ. Тутъ оказался одинъ пу-
стой гробъ, словно нарочно для него приготовленный. Я положила
похолодѣлое тѣло въ этотъ гробъ и надвинула крышку. Отъ не-
досмотра ли моего, или отъ чего другаго, но крышка, надвигаясь
на гробъ, хлопнула очень-громко, и въ пустомъ подземельи по-
слышался гулъ. Я такъ испугалась этого, что опрометью выбѣ-
жала изъ склена, кое-какъ заперла дверь и, добѣжавъ до своей
комнаты, почти бездыханная ушла на стужъ. Но и въ этомъ слу-
чаѣ надобно было превозмочь себя: мнѣ еще слѣдовало сжечь
бѣлье, на которомъ запеклась кровь моего мужа, и прибрать все въ

комнатъ, такъ, чтобъ къ утру ужъ не было никакого слѣда недавней бѣды...

«Я сдѣлала и то и другое.

«Какъ ты ходила я утромъ; во мнѣ самой зачиналась болѣзнь; но Господь спасъ меня, потому-что жизнь моя была нужна двумъ сиротамъ.»

— Бѣдная кормилица! Сколько горя перенесла ты тогда! сказалъ Габріэль, сжимая руку Алоизы въ своихъ рукахъ.

— Спусти мѣсяць, продолжала Алоиза, я уѣхала съ вами въ Монгомери.

«Между-тѣмъ, все сбылось точно такъ, какъ ожидалъ г. де-Монморанси. Нѣсколько дней при дворѣ только и было толковъ, что о вашемъ батюшкѣ; всѣ удивлялись, какимъ образомъ могъ онъ пропасть безъ вѣсти; всѣ старались довѣдаться, какая бы могла быть тому причина; потомъ стали говорить объ этомъ менѣе, а наконецъ и совсѣмъ забыли. Тогда случилось, что императоръ Карлъ V задумалъ проѣхать черезъ Францію для того, чтобъ наказать бунтовщиковъ въ своемъ городѣ Гентѣ. Всѣ и бросились на эту новость.

«Въ тотъ же самый годъ, въ май, спустя пять мѣсяцевъ послѣ несчастія съ вашимъ батюшкой, родилась Діана де-Кастро.»

— Да, отвѣчалъ Габріэль задумчиво:—но вотъ вопросъ неразрѣшимый: была ли у батюшки связь съ г-жею де-Пуатье? и если была, то одновременна ли она съ расположеніемъ г-жи де-Пуатье къ дошну?.. Но, Богъ мой, что я говорю: неразрѣшимый?.. Вѣдь батюшка еще живъ!.. Навѣрное, живъ, и я отыщу его, Алоиза, непременно отыщу. Мною будетъ руководить любовь къ нему и любовь къ Діанѣ: мнѣ удастся...

— Дай-то Господи! сказала Алоиза.

— А послѣ твоего отъѣзда, кормилица, сказалъ Габріэль:—до тебя не доходило вѣсти о томъ, въ какую тюрьму былъ заключенъ батюшка?

— Нѣтъ, сударь; но если догадываться по словамъ г. де-Монморанси, слышаннымъ моимъ мужемъ, что губернаторъ Шатлэ преданный ему другъ и надежный человѣкъ...

— Шатлэ! вскричалъ Габріэль:—Шатлэ!

И онъ съ ужасомъ вспомнилъ о несчастномъ старикѣ, котораго видѣлъ въ одной изъ подземельныхъ темницъ Шатлэ и который былъ осужденъ на вѣчное молчаніе...

Габріэль бросился на шею къ Алоизѣ, заливаясь слезами.

VII.

В ы к у п ь.

На другой день, 12 августа, Габріэль, безъ малѣйшаго признака смущенія въ лицѣ, отправился въ Лувръ просить у короля аудиенци.

Онъ долго обдумывалъ и долго совѣтовался съ Алонзой, какъ поступить ему въ этомъ случаѣ. Убѣдясь, наконецъ, что при столь сильномъ противникѣ насильственные мѣры не поведутъ къ хорошему, онъ рѣшился говорить прямо, но почтительно. Онъ будетъ просить, но не требовать. Время требованій вѣдь еще не ушло, да и не должно ли прежде узнать, не ослабла ли, въ-продолженіе восемнадцати лѣтъ, ненависть Генриха II?

Принявъ это намѣреніе, Габріэль, какъ видите, поступилъ благородно и осторожно.

Ему, впрочемъ, готовили неожиданную помощь—обстоятельства.

Пршедь на луврскій дворъ въ сопровожденіи Мартэна Герра, — на этотъ разъ, настоящаго Мартэна Герра, — Габріэль замѣтилъ тамъ какое-то необыкновенное движеніе. Весь преданный своей мысли, онъ не обратилъ на это большаго вниманія и не сталъ довѣдываться причины, которая заставила собраться передъ дворцомъ столь многихъ людей; но вдругъ онъ поравнялся съ носилками, изъ которыхъ выходилъ кардиналъ лотарингскій, видимо чѣмъ-то взволнованный.

— А, это вы, виконтъ д'Эксмэ? сказалъ ему кардиналъ. — Такъ вы теперь совершенно выздоровѣли? Тѣмъ лучше! тѣмъ лучше! Братъ мой освѣдомляясь о васъ въ послѣднемъ письмѣ своемъ съ большимъ участіемъ.

— О, ваше высокопреосвященство, какъ благодарить за такую олагосклонность... отвѣчалъ Габріэль.

— Вы вполне заслужили ее своею храбростью. Но куда это идете вы такъ скоро?

— Къ королю.

— Къ королю?.. Теперь?.. Ну, мой другъ, неудачное выбрали вы время: его величеству въ эту минуту не до васъ. Ахъ, да вотъ что: я самъ долженъ видѣть короля; его величество присылалъ за мною; войдемте же вмѣстѣ. Я введу васъ, а вы, статья—можетъ, будете мнѣ полезны въ кабинетѣ... Помощь за помощь, мой другъ... Кстати: вамъ извѣстна печальная новость?

— Новость? Нѣтъ, ваше высокопреосвященство, я не слыхалъ ничего. Я только-что изъ дома. Правда, я замѣтилъ, что здѣсь происходитъ что-то необыкновенное.

— Дѣ, думаю, что происходитъ. Вѣдь есть отъ-чего. Г. де-Монморанси изволил отличиться на славу. Онъ, нашъ достойный конетабль, задумалъ помочь Сен-Кентену, который Испанцы держатъ въ осадѣ... Не идите такъ скоро, виконтъ д'Эксмэ, мнѣ вѣдь ужъ не двадцать лѣтъ... Такъ вотъ видите, нашъ храбрый конетабль далъ сраженіе... Это было третьяго дня, 10 августа, въ день св. Лаврентія. Войско наше почти равнялось числомъ испанскому; кавалерія была удивительная; притомъ, все лучшее наше дворянство... Что жъ вы думаете? Онъ, опытный полководецъ, такъ устроилъ свои дѣла, что его разбили на голову на равнинахъ жиберкурскихъ и лезерольскихъ. Мало того; онъ самъ ра-

ненъ и взятъ въ плѣнъ, а съ нимъ взяты въ плѣнъ всѣ тѣ генералы, которые не убиты во время сраженія. Въ числѣ послѣднихъ находится г. д'Анганъ. Да что и говорить! изъ всей пѣхоты не уцѣлѣло и ста человекъ. Вотъ почему, г. д'Эксмэ, происходитъ здѣсь, какъ вы выразились, что-то необыкновенное; и вотъ, навѣрное, почему позволилъ потребовать меня къ себѣ его величество.

— Боже великій! вскричалъ Габріэль, забывъ, при вѣсти объ этомъ общемъ бѣдствіи, о своей собственной печали:—Боже великій! Не-уже-ли Франція опять суждено испытывать такіа же несчастія, какими поразили ее дни при Пуатьё и Азенкуръ. Но Сен-Кентенъ, ваше высокопреосвященство?

— Сен-Кентенъ, отвѣчалъ кардиналъ:—еще держался при отъѣздѣ курьера, и племянникъ конетабля, адмиралъ Гаспаръ де-Коллинь, которому поручена защита города, рѣшился отстаивать его до послѣдней крайности... Онъ желаетъ хоть сколько нибудь уменьшить вредъ послѣдствій страшной ошибки своего достопочтеннаго дядюшки... Но, не смотря на всю рѣшимость г. де-Коллинь, я крѣпко боюсь за Сен-Кентенъ... Я даже думаю, что онъ, можетъ-быть, уже взятъ Испанцами...

— Стало-быть, Франція погибла? сказалъ Габріэль.

— Францію не оставитъ своимъ покровительствомъ Господь Богъ, отвѣчалъ кардиналъ:—но вотъ мы уже у дверей кабинета короля; посмотримъ, что-то скажетъ его величество...

Стража, натурально, пропустила кардинала и его спутника безъ задержки. Въ кабинетѣ были только король, чрезвычайно печальный, да г-жа де-Пуатьё. Король, увидѣвъ кардинала, всталъ и поспѣшно подошелъ къ нему.

— А, наконецъ-то я васъ вижу! сказалъ онъ кардиналу. — Вы такъ необходимы мнѣ теперь, ваше высокопреосвященство!.. Скажите, какое ужасное несчастіе!.. Кто бы могъ предвидѣть...

— Я могъ бы предсказать это вашему величеству, отвѣчалъ кардиналъ:—еслибъ вы, государь, соизволили спросить меня о моемъ мнѣніи мѣсяцъ тому назадъ, передъ отъѣдомъ г. де-Монморанси.

— Пожалуйста, безъ упрековъ, mon cousin, сказалъ король: — дѣло теперь не о прошломъ, а о будущемъ, которое угрожаетъ столькими бѣдствіями, о настоящемъ, которое такъ опасно. Госнодинъ герцогъ Гизъ вѣдь ужъ на пути сюда?

— Да, государь, онъ теперь, по всему вѣроятію, уже въ Ліонѣ.

— Слава Бѣгу! вскричалъ король.—Какъ-только прибудетъ сюда вашъ знаменитый братъ, я препоручу ему спасеніе государства. Вы и онъ будете имѣть полную, неограниченную власть. Будьте такими же королями, какъ я самъ. Я уже заготовилъ къ герцогу письмо, въ которомъ прошу его поспѣшить своимъ пріѣдомъ: вотъ оно. Потрудитесь же, mon cousin, написать къ вашему брату. Изобразите ему ужасное положеніе, въ которомъ мы нахо-

димся, и необходимость не терять ни минуты... Скажите ему, что это нужно для спасенія Франціи, что я все предоставляю ему въ полную волю... Только, сдѣлайте милость, напишите поскорѣе. Да всего лучше потрудитесь написать теперь же. Вонъ тамъ, въ этой комнатѣ, вы найдете все, что надобно для письма, и вамъ никто не помѣшаетъ. Курьеръ уже дожидается. Прошу васъ, г. кардиналь, не медлите. Въ настоящее время, все могутъ спасти или погубить какіе-нибудь полчаса... Ступайте же, mon cousin.

— Приказаніе вашего величества будетъ исполнено, отвѣчалъ кардиналь: — братъ мой также исполнить вашу волю: его жизнь принадлежитъ вамъ и отечеству. Но что бы ни послѣдовало для него, удача или неудача, вы, государь, навѣрное, соизволите припомнить въ послѣдствіи, что вѣрили ему власть при безнадежныхъ обстоятельствахъ.

— Скажите: при опасныхъ, возразилъ король:—но не говорите: при безнадежныхъ. Вѣдь Сен-Кентенъ еще держится?

— Или, по-крайней-мѣрѣ, держался два дня тому назадъ, сказалъ кардиналь. — Но укрѣпленія и тогда уже были въ жалкомъ состояніи; жители, истомленные голодомъ, уже намѣревались сдаться; а если Сен-Кентенъ сдастся, положимъ, сегодня, черезъ недѣлю—Парижъ будетъ во власти Испанцевъ. Но нѣтъ нужды: я все-таки напишу къ брату, и онъ сдѣлаетъ все, что возможно человѣку.

Вслѣдъ за этими словами, кардиналь поклонился королю и г-жѣ де-Пуатье и вышелъ въ указанную комнату—писать письмо, котораго требовалъ Генрихъ.

Въ-продолженіе переданнаго нами разговора, Габріэль, незамѣченный ни королемъ, ни фавориткою, задумчиво стоялъ поодаль. Добраго молодого человѣка глубоко трогала крайность, до которой была доведена Франція. Онъ забывалъ, что побѣжденный, радечный и взятый въ плѣнъ генераль былъ — его непримиримый врагъ, Монморанси. Въ настоящую минуту, конетабль былъ для него не врагомъ, а французскимъ молководцемъ, и опасность отечества занимала его почти столько же, какъ и страданія отца, томимагося въ заключеніи. Благородный молодой человѣкъ умѣлъ сочувствовать всякому несчастію...

Когда кардиналь вышелъ изъ кабинета, король, въ сильной печали, усталъ на свое кресло и вскричалъ, наклонивъ голову на руки:

— О, Сен-Кентенъ! Теперь отъ тебя зависитъ судьба Франціи. Сен-Кентенъ, мой вѣрный, преданный городъ! Когда бы ты могъ противиться еще хоть одну недѣлю! Герцогъ Гизъ успѣлъ бы прійхать, и мы приготовились бы къ оборонѣ подъ защитою твоихъ стѣнъ! Если жъ ты падешь, моя послѣдняя твердыня, врагъ двинется на Парижъ, и тогда все погибнетъ. Сен-Кентенъ! о, я дамъ тебѣ по льготѣ за каждый часъ твоего сопротивленія; я дамъ тебѣ по алмазу за каждый камень, выпавшій изъ стѣнъ твоихъ, если ты не сдашься еще только недѣлю!

— Государь, онъ не сдастся, онъ задержитъ непріятеля даже болѣе, чѣмъ на недѣлю! вскричалъ Габріэль.

— Господинъ д'Эксмэ! вскричали въ одно и то же время Генрихъ и Діана,—первый съ изумленіемъ, вторая съ презрѣніемъ.

— Вы, сударь, зачѣмъ здѣсь? спросилъ потомъ король сурово.

— Государь, я вошелъ вмѣстѣ съ его высокопреосвященствомъ.

— Ну, это дѣло другое, отвѣчалъ король.—Но вы что-то сказали, господинъ д'Эксмэ. Вы сказали, кажется, что Сен-Кентенъ можетъ сопротивляться?

— Да, государь; а вы изволили говорить, что наградите его льготами и богатствами, если онъ будетъ сопротивляться.

— Говорю и теперь то же самое, продолжалъ король.

— Соизволите ли вы, государь, удостоить не менѣе важной награды человѣка, который заставитъ Сен-Кентенъ защищаться,—человѣка, котораго воля будетъ закономъ для жителей города, готовыхъ сдаться непріятелю, и который сумѣетъ защитить этотъ городъ до послѣдней крайности, до той минуты, когда падеть на вражескія пушки послѣдній обломокъ стѣны его?.. не откажете ли вы ему въ наградѣ, которую онъ самъ попроситъ у васъ, когда онъ доставитъ вамъ недѣлю желаемой отсрочки и спасетъ тѣмъ королевство?

— Конечно, нѣтъ! вскричалъ Генрихъ. — Будетъ дано все, что можетъ дать король.

— Въ такомъ случаѣ, дѣло рѣшено, государь, потому-что король не только можетъ, но даже долженъ прощать; а человѣкъ, о которомъ говорилъ я вашему величеству, желаетъ именно помилованія.

— Но гдѣ же онъ? Гдѣ этотъ спаситель? сказалъ король.

— Онъ передъ вами, государь. Я, конечно, не болѣе, какъ капитанъ вашей гвардіи; но я чувствую въ душѣ силу свыше человѣческой и докажу вамъ, что не беру на себя лишняго, вызываясь спасти мое отечество и моего отца...

— Вашего отца, господинъ д'Эксмэ? спросилъ король съ удивленіемъ.

— Моя фамилія не д'Эксмэ, сказалъ Габріэль.—Я Габріэль де-Монгомері, сынъ графа Жака Монгомері, котораго вы, навѣрное, изволите припомнить, государь.

— Сынъ графа Монгомері! вскричалъ король, вставая и блѣднѣя.

Г-жа де-Пуатье тоже невольно приподнялась съ своего кресла, съ видимымъ выраженіемъ ужаса на лицѣ.

— Да, государь, отвѣчалъ Габріэль спокойно:— я виконтъ де-Монгомері, и въ награду за услугу, о которой я говорилъ вашему величеству, прошу помилованія отцу моему.

— Вашъ отецъ, сударь, сказалъ король:—вашъ отецъ прощалъ безъ вѣсти, быть-можетъ, умеръ. По-крайней-мѣрѣ, я не знаю, гдѣ онъ теперь и живъ ли онъ.

— Но я, государь, знаю, продолжалъ Габріэль. — Мой отецъ уже всьмнадцать лѣтъ ожидаетъ въ Шатле своей смерти, или

помилованія. Отецъ мой живъ, я увѣренъ въ этомъ. Что же касается до преступленія его, — оно мнѣ неизвѣстно...

— Въ самомъ ли дѣлѣ оно неизвѣстно вамъ? спросилъ король, гнѣвно нахмуривъ брови.

— Рѣшительно нѣтъ, государь: — я только могу судить о степени его важности: оно, безъ сомнѣнія, велико, потому-что повлекло за собою столь продолжительное заточеніе; но оно не должно принадлежать къ роду тѣхъ преступленій, за которыя не бываетъ помилованія, потому-что виновный не былъ приговоренъ за него къ смерти. И сколько времени прошло съ-тѣхъ-поръ, когда оно было совершено! Цѣлыя восемнадцать лѣтъ. Сколько страданій вынесъ въ эти восемнадцать лѣтъ мой-несчастный отецъ! О, онъ уже купилъ вполне вину свою, какъ бы ни была важна она!.. Нельзя также опасаться, чтобъ онъ сталъ жаловаться на несправедливость, чтобъ сталъ упрекать кого-нибудь, если, сверхъ ожиданія, наказаніе его превышаетъ мѣру вины. До жалобъ ли ему теперь, едва живому, намученному заточеніемъ старику?.. Возвратите же ему свободу, ваше величество. Вы, государь, владѣтель христіанскій, — удостойте жь припомнить слова христіанскаго ученія: оно повелѣваетъ платить любовью и милосердіемъ не только за проступки, но даже за оскорбленія...

Послѣднія слова были произнесены значительнымъ тономъ; король и г-жа де-Валентинуа въ ужасѣ переглянулись между собою, какъ-бы вопрошая другъ друга взглядомъ.

Но Габріэль намѣревался только слегка коснуться болѣзненной стороны ихъ совѣсти, а потому поспѣшилъ прибавить:

— Удостойте замѣтить, государь, что я прошу васъ, какъ предписываетъ долгъ покорному и преданному подданному. Я не говорю вамъ: «мой отецъ не былъ судимъ; его приговорили къ наказанію тайно, не давъ средствъ оправдаться; а такая несправедливость очень походитъ на личную неприязнь, на мнѣніе... поэтому, я, сынъ того, кто былъ наказанъ безъ суда, протестую противъ тайнаго приговора предъ лицомъ всего французскаго деорянства: публично извѣщаю всѣхъ и каждаго, объ оскорбленіи, которое сдѣлано всѣмъ намъ въ лицѣ одного изъ насъ»...

Генрихъ былъ видимо смущенъ. Онъ даже повернулся какъ-то странно на своемъ креслѣ.

— Я не говорю вамъ этого, государь, продолжалъ Габріэль. — Я знаю, что иногда необходимость вынуждаетъ поступить противъ закона... Тайны прошлаго, далекаго отъ насъ, для мевя столь же святы, какъ, навѣрное, онѣ святы для отца моего. Я только прошу ваше величество дозволить искупить вину моего отца поступкомъ, полезнымъ вамъ и государству. Вызываюсь, за освобожденіе графа Жака Монгомери, отстаивать Сен-Кентенъ ровно семь дней; а если этого недостаточно, вызываюсь возвратить Франціи еще какой-нибудь другой городъ, отнятый Испанцами, или Англичанами. Это, я думаю, стоить помилованія дряхлаго

старика. Но я сдѣлаю это, и даже еще болѣе! Мною руководить святое побужденіе; воля моя непреклонна, мужество непоколебимо, и притомъ я чувствую, что Господь не оставитъ меня своею помощію.

Г-жа де-Пуатье улыбнулась недовѣрчиво. Ей казалась странною благородная увѣренность молодого человѣка въ успѣхъ...

— Повнимаю, сударыня, значеніе вашей улыбки, продолжалъ Габріэль задумчиво: — вы думаете, что я паду подъ бременемъ моего подвига... Это очень — возможно! Весьма быть можетъ, что меня обманываетъ мое предчувствіе. Но тогда я умру. Да, сударыня, да, государь, если непріятель ворвется въ Сен-Кентенъ до истеченія седьмого дня, я погибну въ проломъ, котораго не сумѣю отстоять. Болѣе этого не можетъ потребовать отъ меня ни Богъ, ни отецъ мой, — не можете потребовать и вы. Такимъ образомъ, жребій мой совершится по опредѣленію Господа; отецъ мой умретъ въ темницѣ, какъ я умру въ битвѣ, а вы избавитесь и отъ долга и отъ займодавца. Значитъ, вы можете быть совершенно спокойны.

— Это, впрочемъ, справедливо... сказала г-жа де-Пуатье королю на ухо.

Генрихъ не отвѣчалъ ни слова. Онъ былъ погруженъ въ глубокую задумчивость. Въ комнатѣ наступило молчаніе.

Его перервала фаворитка.

— Ну, а если въ-самомъ-дѣлѣ случится, сказала она, обращаясь къ Габріэлю: — что вы погибнете, не достигнувъ своей цѣли, то послѣ смерти вашей никто не явится съ правомъ на искъ вашъ? Вы никому не вѣрили тайны?

— Клянусь вамъ всѣмъ, что есть святаго, отвѣчалъ Габріэль: — все умреть вмѣстѣ со мною; послѣ моей смерти никто не потребуетъ отъ его величества исполненія даннаго мнѣ обѣщанія. Я покоряюсь заранѣе, — повторяю еще разъ, — опредѣленію Божію, и теперь же объявляю торжественно, что смерть моя освободитъ васъ, государь, отъ всякаго отчета, — по-крайней-мѣрѣ передъ людьми; а что касается до Бога, то Онъ самъ разсудитъ насъ.

Генрихъ вздрогнулъ; но, по свойственной ему нерѣшительности, не отвѣчалъ ничего и оборотился къ г-жѣ де-Пуатье, какъ-бы прося совѣта.

Фаворитка, очень-хорошо знакомая съ этою нерѣшительностью, посмотрѣла въ свою очередь на короля и сказала съ какою-то странною улыбкою:

— Мнѣ кажется, государь, мы можемъ положиться на слово господина д'Эксмэ. Онъ дворянинъ; онъ, сколько я вижу, человѣкъ честный и благородный. Не знаю, справедливаго ли онъ проситъ у васъ или нѣтъ; даже не смѣю дѣлать никакихъ догадокъ на этотъ счетъ, потому-что вы молчите. Но, по моему мнѣнію, не слѣдовало бы отвергать столь великодушнаго предложенія; и будь я на мѣстѣ вашего величества, я охотно обязалась

бы мнѣ королевскимъ словомъ не отказать господину д'Эксмѣ въ милости, котораго потребуетъ онъ послѣ своего возвращенія, если только онъ сдержитъ свое обѣщаніе.

— О, сударыня, я только этого и желаю! сказалъ Габріэль.

— Позвольте: еще два слова, отвѣчала Діана. — Скажите, прибавила она, устремивъ на молодого человѣка испытующій взглядъ: — по какой причинѣ рѣшились вы говорить о предметѣ, покрытомъ глубокою тайною, въ присутствіи третьяго лица, въ присутствіи женщины, которой чуждъ онъ совершенно и которая ничѣмъ не успѣла доказать вамъ, что вы можете довѣрять ея скромности?

— У меня, сударыня, были на то двѣ причины, отвѣчалъ Габріэль спокойно. — Во-первыхъ, я думалъ, что для васъ нѣтъ и не должно быть тайнъ въ сердцахъ его величества: значить, я рѣшился открыть вамъ то, что вы непременно узнали бы въ-послѣдствіи, или что вы, быть-можетъ, уже знали. Во-вторыхъ, я надѣялся, — какъ и случилось, — что вы удостоите быть посредницею между мною и его величествомъ, и что вы, какъ женщина, склонитесь на сторону милосердія, которымъ, сколько мнѣ извѣстно, вы всегда руководились въ жизни.

Ни въ звукахъ голоса молодого человѣка, ни на лицѣ его не было и слѣда ироніи. Это наружное отсутствіе ея обмануло фаворитку. Г-жа де-Пуатье приняла послѣднія слова Габріэля за complimentъ.

Однакожь, она сказала Габріэлю:

— Позвольте мнѣ, сударь, предложить вамъ еще одинъ вопросъ. Изъ одного любопытства, господинъ д'Эксмѣ... скажите мнѣ, сдѣлайте милость, какимъ образомъ могли вы узнать тайну, которая вызвала васъ на такое благородное предложеніе? Вы еще такъ молоды, а происшествіе случилось уже восемнадцать лѣтъ назадъ.

— Я охотно скажу вамъ это, сударыня, отвѣчалъ Габріэль мрачно: — изъ моего отвѣта вы увидите, что въ дѣлѣ, которое привело меня сюда, было посредство самого промысла Божія. Одинъ изъ конюшихъ отца моего, по имени Перрѣ Авриньй, убитый передъ заточеніемъ батюшки, возсталъ изъ гроба, по волѣ Господа, и открылъ мнѣ, что отецъ мой томится въ темницѣ...

При отвѣтѣ молодого человѣка, произнесенномъ торжественнымъ тономъ, король быстро всталъ съ своего кресла, блѣдный какъ трупъ. Даже сама Діана вздрогнула, не смотря на свои желѣзные нервы. Во время нашего разсказа, всѣ вѣрили сверхъестественнымъ явленіямъ, а потому слова Габріэля не могли не произвести сильнаго впечатлѣнія на людей, которыхъ совѣсть не была чиста.

— Довольно, сударь, довольно! сказалъ король съ виднымъ замѣшательствомъ, скороговоркою. — Ваша просьба будетъ исполнена.

— Стало-быть, отвѣчалъ Габріэль: — я могу положиться на слово вашего величества, и теперь же ѣхать въ Сен-Кентенъ?

— Дѣ, сударь, поѣзжайте, сказалъ король, все еще сильно смущенный: — поѣзжайте теперь же; сдѣлайте, что говорили, и я

исполню вашу просьбу. Даю вамъ въ томъ мое слово,—слово короля и дворянина.

Габріэль, съ радостію въ душѣ и во взглядѣ, поклонился королю и фавориткѣ, потомъ вышелъ, не сказавъ болѣе ни одного слова. Онъ, казалось, не желалъ теперь терять ни минуты.

— Наконецъ-то онъ ушелъ! сказалъ король, дыша свободнѣе. Съ Генриха какъ-будто спала огромная тяжесть.

— Государь, отвѣчала Діана: — прошу васъ, успокойтесь. Вы было-измѣнили себѣ передъ этимъ человѣкомъ.

— Да это былъ не человѣкъ, сказалъ король задумчиво: — это была моя совѣсть въ видимомъ образѣ... Ея-то голосъ смутилъ меня, сударыня.

— Вотъ чтò! продолжала Діана. — Ну, такъ вы очень-хорошо сдѣлали, государь, что согласились на просьбу виконта д'Эксмэ: онъ не будетъ болѣе смущать васъ; его навѣрное убьютъ въ Сен-Кентенѣ.

Вслѣдъ за послѣдними словами фаворитки, въ кабинетъ вошелъ кардиналъ лотарингскій съ письмомъ въ рукѣ. Приходъ его помѣшалъ королю отвѣчать г-жѣ де-Пуатье.

Между-тѣмъ, Габріэля, по выходѣ его отъ короля, занимала только одна мысль,—мысль о любимой женщинѣ. Онъ желалъ теперь увидѣть, въ упоеніи надежды, ту, съ которою разстался столь печально, и высказать своей Діанѣ, чтò сулитъ имъ будущее...

Ему было извѣстно, что она находится въ монастырѣ; но въ какомъ именно? Узнавать объ этомъ Габріэль отправился въ луврскій апартаментъ Діаны, въ увѣренности, что она не взяла съ собою своихъ горничныхъ.

Онъ, однакожъ, ошибся на половину: Жасента была въ монастырѣ вмѣстѣ съ г-жей де-Кастро, и нашего молодого человѣка встрѣтила только одна Дениза.

— А, это вы, господинъ д'Эксмэ! вскричала она, подходя къ Габріэлю.—Ахъ, какъ же хорошо, что вы пожаловали!.. Да ужь не съ извѣстіемъ ли вы какимъ о барынѣ?

— Напротивъ, Дениза, я пришелъ съ тѣмъ, чтобъ спросить о ней у тебя...

— О, пресвятая Богородица! Да мнѣ ничего не извѣстно о ней, и я теперь въ большомъ безпокойствѣ на ея счетъ!

— Отъ-чего въ безпокойствѣ? спросилъ Габріэль, и самъ уже весьма-встревоженный.

— Какъ отъ-чего! отвѣчала Дениза.—Вы вѣдь, я надѣюсь, изволите знать, гдѣ теперь барыня?

— Совсе не знаю; объ этомъ-то я и хотѣлъ спросить у тебя, Дениза.

— Ну, такъ я доложу вамъ, сударь, что она, недѣли четыре тому, просила у короля позволенія жить въ монастырѣ...

— Это мнѣ извѣстно; ну, а чтò было послѣ?

— Что было, сударь, послѣ? Да въ этомъ-то «послѣ» и вся бѣда! Знаете ли, въ какой монастырь уѣхала барыня? Къ бенедиктинкамъ, сударь, въ Сен-Кентенъ!.. Тамъ, видите, настоятельница ея давишняя знакома, сестра Моника... А Сен-Кентенъ-то держатъ теперь въ осадѣ проклятые Испанцы! Они подступили туда педѣли черезъ двѣ послѣ прїѣзда барыни. Вотъ, сударь, отъ-чего я беспокоюсь о ней.

— О, сказалъ Габріэль: — тутъ во всемъ перстѣ Божій!.. Онъ, онъ ведетъ меня!.. Дениза, прибавилъ онъ потомъ, подавая горничной кошелекъ, наполненный деньгами: — это тебѣ за извѣстіе. Молись, прошу тебя, за твою барыню и за меня.

Вслѣдъ за тѣмъ, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты Діаны и сошелъ съ подѣзда, у котораго ожидалъ его Мартэнъ-Герръ.

— Теперь, сударь, мы куда? спросилъ конюшій.

— Туда, гдѣ гремятъ пушки, мой добрый Герръ: въ Сен-Кентенъ!.. Намъ должно быть тамъ послѣ завтра... Слышишь ли, послѣ-завтра? И мы поѣдемъ черезъ часть.

— Тѣмъ лучше! вскричалъ Мартэнъ. — Тамъ, по-крайней-мѣрѣ, есть съ кѣмъ сражаться на-чистоту!

VIII.

Ткачъ Жанъ Пекул.

Въ сен-кентенской ратушѣ происходилъ совѣтъ, въ которомъ участвовали главные военачальники и почетнѣйшіе горожане. Было уже 15-е августа, и, по-видимому, не представлялось никакой возможности продолжать отстаивать городъ. Осаждающіе, казалось, могли ворваться въ него при первомъ рѣшительномъ приступѣ. Жители Сен-Кентена были убѣждены въ томъ, и, считая дальнѣйшее сопротивленіе совершенно-безполезнымъ, намѣревались сдать.

Мужественный Гаспаръ де-Коляньи,—адмиралъ, которому Мопморанси поручилъ защиту Сен-Кентена, — былъ противъ сдачи. Онъ зналъ, что для Франціи дорогъ даже одинъ лишній день сопротивленія Сен-Кентенцевъ. Но могъ ли онъ одинъ восторжествовать надъ безнадежностью и ропотомъ всего населенія города?

Онъ, однакожъ, рѣшился испытать еще одно послѣднее усиліе, и вотъ зачѣмъ созвалъ онъ совѣтъ въ городской ратушѣ, который покажетъ намъ, въ какомъ состояніи находились тогда сен-кентенскія укрѣпленія и какое было расположеніе умовъ въ Сен-Кентенѣ.

Адмиралъ открылъ засѣданіе рѣчью, въ которой напомнилъ присутствовавшимъ о долгѣ и патриотизмѣ. Отвѣтомъ на нее было мрачное молчаніе. Видя неуспѣхъ, онъ потребовалъ мнѣнія о трактуемомъ вопросѣ у одного изъ подчиненныхъ своихъ. Этотъ подчиненный былъ капитанъ Ожэ, человекъ храбрый и умный. Адмиралъ надѣялся, что офицеры его подадутъ примѣръ мужества, а

что примѣръ этотъ увлечетъ горожанъ. Но, къ-несчастью, капитанъ Ожѣ далъ вовсе не такой отвѣтъ, какого ожидалъ Колинъ.

— Миѣ тяжело высказать свое мнѣніе, сказалъ онъ:—но я выскажу его откровенно, адмиралъ. Вотъ оно: Сен-Кентенъ не можетъ болѣе сопротивляться. Еслибъ была надежда держаться хоть недѣлю, хоть даже два дня, я сказалъ бы: эти два дня дадутъ возможность сформировать позади насъ армію; эти два дня могутъ спасти Францію; не сдадимся же врагу; пусть лучше падетъ у насъ послѣдній обломокъ стѣны, пусть лучше погибнемъ всѣ мы до единого. Но я убѣжденъ, что при первомъ приступѣ, который поведутъ, статья—можетъ, теперь же, Сен-Кентенъ будетъ взятъ. Такъ не лучше ли спасти, сдавшись на капитуляцію, то, что еще можетъ быть спасено въ городѣ, и избѣжать грабежа?

— Да, да, именно на капитуляцію; хорошо сказано... Что разсудительно, то разсудительно! послышалось между присутствовавшими.

— Господа! вскричалъ Колинъ: — здѣсь главное не холодная разсудительность, а мужество... Да я и не думаю, чтобъ Сен-Кентенъ непременно былъ взятъ при первомъ штурмѣ... Вѣдь мы отбили же пять приступовъ... Ну, а вы, Локсфордъ, какъ полагаете: могутъ ли наши укрѣпленія держаться еще нѣсколько времени? Вамъ это извѣстнѣе, чѣмъ другимъ: вы завѣдываете работами и контр-минами. Говорите откровенно; не представляйте положенія дѣлъ ни въ лучшемъ, ни въ худшемъ видѣ... Мы вѣдь собрались здѣсь для того, чтобъ узнать истину; такъ я и требую ее отъ васъ.

— Скажу вамъ, отвѣчалъ инженеръ Локсфордъ: — сущую истину. Теперь, адмиралъ, неприятелю открыты четыре входа въ городъ, и я, признаюсь, удивляюсь, какъ осаждающіе не воспользовались до-сихъ-поръ ни однимъ изъ нихъ. Во-первыхъ, у Бастіона св. Мартина, въ стѣнѣ такой проломъ, что въ него могутъ пройти двадцать человѣкъ рядомъ. Мы лишились тутъ уже слишкомъ двухъ-сотъ человѣкъ... У Воротъ св. Іоанна уцѣлѣла только одна большая башня. Что же касается до куртины, то она разрушена болѣе, чѣмъ на-половину. Тутъ есть, правда, готовая контр-мина; но воспользоваться ею весьма-опасно: при взрывѣ ея можетъ обрушиться большая башня, которая одна только и удерживаетъ неприятеля на этомъ пунктѣ, и которая, обрушившись, еще поможетъ осаждающимъ ворваться въ городъ. Ея развалины замѣнять для нихъ дѣстницы... У Ремикура, испанскія траншеи дошли до самаго рва, и неприятель безнаказанно подкапывается тамъ подъ стѣну. Наконецъ, въ той сторонѣ, гдѣ Ильское-Предмѣстье, неприятель овладѣлъ, какъ вамъ извѣстно, не только рвомъ, но и аббатствомъ. Здѣсь онъ укрѣпился такъ, что мы рѣшительно не можемъ вредить ему; а между-тѣмъ, онъ самъ доканчиваетъ разрушеніе парашета и стрѣляетъ по нашимъ рабочимъ съ такимъ для нихъ урономъ, что они уже не рѣшаются работать тамъ. Въ прочихъ

мѣстахъ, стѣна еще можетъ держаться; но четыре раны, о которыхъ говорилъ я вамъ, смертельны: онѣ погубятъ городъ. Вѣ истинна, которой вы требовали отъ меня, адмирала. Ваше блг разуміе рѣшить теперь, что надобно дѣлать.

Между присутствовавшими снова послышался ропотъ. Никто ихъ не высказывалъ своего мнѣнія громко; но почти каждый ворилъ потихоньку, что надобно сдать.

Колиный, однакожъ, продолжалъ:

— Господа, еще два слова. Вы говорили, г. Доксфордъ, укрѣпленія наши, въ нѣкоторыхъ пунктахъ, не могутъ защитить города, — положимъ, такъ; но у насъ есть мужественнѣе мны: они будутъ нашею живою стѣною. Съ ними, при солдѣхъ адѣщихъ преданныхъ горожанъ, мы можемъ держаться еще н сколько дней. Не правда ли, г. Рамбуль? Вѣдъ наши войска е довольно-многочисленны?

— Адмиралъ, отвѣчалъ офицеръ, къ которому относились е слѣднія слова Колиный:—еслибъ мы были тамъ, на площади, е ради этой толпы, которая нетерпѣливо ожидаетъ результата е днихъ совѣщаній, я отвѣчалъ бы вамъ «да», потому-что тамъ е довало бы внушить надежду и довѣріе... Но здѣсь, въ совѣ е передъ людьми истинно мужественными, я не колеблюсь сказать е что у насъ недостаточно людей для защиты города. Мы воору е ли всѣхъ, кто только можетъ носить оружіе. Другіе заняты ра е тами въ укрѣпленіяхъ. Имъ помогаютъ въ трудѣ даже дѣти е ерики. Самыя женщины полезны намъ: онѣ ходятъ за ранеными е Значить, всѣ рабочія руки въ дѣлѣ; а между-тѣмъ, здѣсь ошут е теленъ недостатокъ въ рабочихъ рукахъ. Ни на одномъ пунк е укрѣпленій нѣтъ ни одного лишняго человѣка; а между-тѣмъ, е другихъ пунктахъ слишкомъ-мало солдатъ. При теперешнемъ е слѣ нашихъ вооруженныхъ, какъ ни наворачивайся, а все же е стааетъ пятьдесятъ человѣкъ у Ворота св. Іоанна, да столько же е пролома, что близъ Бастиона св. Мартина. И если не предвидит е подмоги изъ Парижа, то едва-ли слѣдуетъ еще рисковать оста е комъ нашихъ храбрыхъ воиновъ. Вѣдъ она, по моему мнѣнію, е гутъ быть полезны для защиты другихъ крѣпостей.

Въ залѣ послышался шопотъ одобренія, и въ ту же минуту е меслись туда, какъ-бы для того, чтобъ придать еще болѣе знач е нія этому шопоту, крики народа, толпившагося передъ ратушею.

Но почти вслѣдъ за тѣмъ кто-то закричалъ громовымъ гласомъ:

— Замолчите!

Между присутствовавшими немедленно наступило глубокое молчаніе.

Слово, столь магически подѣйствовавшее на горожанъ, было произнесено Жаномъ Пекуа, старшиною цеха ткачей, гражданиномъ котораго всѣ уважали, всѣ слушались и даже немного боялись въ городѣ.

Жанъ Пекуа былъ типомъ тѣхъ достойныхъ горожанъ, которые, бывале, любили свой родной городъ, какъ любятъ свою родную мать и свое родное дитя, которые боготворили и порою поборанивали этотъ городъ, которые жили для него и, въ случаѣ надобности, умирали за него. Для честнаго Жана во всемъ мирѣ не существовало ничего, кромѣ Франціи, и во всей Франціи — ничего, кромѣ Сен-Кентена. Никто не зналъ лучше его ни исторіи, ни старинныхъ обычаевъ, ни старинныхъ легендъ этого города. Но онъ зналъ не только прошлое Сен-Кентена: онъ зналъ и его настоящее; по-крайней-мѣрѣ, ему было извѣстно все, что происходило тамъ сколько-нибудь замѣчательнаго. Его мастерская была второю большою площадью, а деревянный домъ его, находившійся въ Улицѣ-св.-Мартина, былъ второю ратушею. Этотъ почтенный домъ вы непременно замѣтили бы по красовавшейся на немъ странной вывѣскѣ, на которой былъ изображенъ ткацкій челнокъ между двухъ оленьихъ роговъ. Поводомъ къ этому замысловатому изображенію послужило слѣдующее обстоятельство. Одинъ изъ предковъ Жана Пекуа (Жанъ Пекуа считалъ своихъ предковъ какъ дворянинъ), тоже ткачъ по ремеслу, и въ добавокъ, отличный стрѣлокъ изъ лука, выкололъ стрѣлою, на разстояніи ста шаговъ, въ два приѣма, оба глаза одному очень-красивому оленю. Его-то рога и были нарисованы потомъ на вывѣскѣ...

Теперь вамъ понятно, почему одно слово Жана заставило замолчать его согражданъ.

Возвратимтесь же въ совѣтъ, происходившій въ сен-кентенской ратушѣ.

Какъ-скоро все стихло въ залѣ, Жанъ Пекуа продолжалъ уже другимъ тономъ:

— Выслушайте, что я скажу вамъ, мои любезные соотечественники и друзья. Чтобъ рѣшить, что должны мы дѣлать теперь, намъ должно припомнить, что уже сдѣлано нами. Заключение выйдетъ само-собою: какъ поступили мы, когда Филиберъ Эманциль подступалъ сюда, когда его Испанцы, Англичане и Нѣмцы, словно стадо саранчи, окружили нашъ городъ? Мы не роптали, не обвиняли Провидѣнія за то, что оно именно насъ избрало первою жертвою. Напротивъ, — и въ этомъ отдастъ намъ справедливость самъ господинъ адмиралъ, — со дня приѣзда его къ намъ, мы помогали всѣмъ его начинаніямъ и лично, и имуществомъ. Мы отдали състные припасы, свои деньги, отдали все другое, что могли, и принялись сами, кто за оружіе, кто за заступъ. Тѣ изъ насъ, которые не ходили въ караулъ на укрѣпленія, работали тамъ. Мы помогли навести на разумъ окрестныхъ крестьянъ, когда они не соглашались работать въ отплату за убѣжище, которое мы дали имъ у себя. Словомъ, мы сдѣлали все, чего можно требовать отъ невоенныхъ людей. Мы надѣялись за то, что государь нашъ, король, не забудетъ своихъ вѣрныхъ Сен-Кентенцевъ, что онъ изволитъ прислать намъ помощь. Это не сбылось. Ему не достаточ-

вилось, но въ томъ невинноенъ его величество... Его величество изволялъ помочь намъ, чѣмъ могъ... Послѣ несчастія съ г. конетаблемъ прошло пять дней, и непріятель воспользовался этими пятью днями. Отъ него было три приступа, которые стоили намъ болѣе двухъ-сотъ человѣкъ. Послѣ того пушки не переставали гремѣть... Да вотъ, кстатѣ, и теперь выстрѣлы... Мы, однакожь, не заговорили о сдачѣ; мы только стали прислушиваться, нѣтъ ли какаго гула отъ новой намъ помощи, не ѣдетъ ли кто опять изъ Парржа. Оттуда не слышать ничего... Но винить въ томъ не кого. Король еще не успѣлъ собрать новой силы изъ остающихся у него войскъ: на это требуется не мало времени. Значитъ, надежды тутъ нѣтъ для насъ, дорогіе соотечественники и друзья! Съ другой стороны, вы слышали, что сказали г. Рамбулье и г. Доксфордъ. Я прибавлю еще къ этому, что они сказали совершенную правду. Въ солдатахъ у насъ, дѣйствительно, недостатокъ; городская стѣна пробита въ нѣсколькихъ мѣстахъ; словомъ, наша милая родина, нашъ старинный городъ гибнетъ...

— Да, да! закричали горожане: — надобно сдаться, надобно сдаться!

— Какъ бы не такъ! отвѣчалъ Жаанъ Пекуа: — надобно умереть.

Это неожиданное заключеніе до того изумило присутствовавшихъ, что они не нашли, чѣмъ возразить на него. Ткачъ воспользовался ихъ молчаніемъ и продолжалъ:

— Да, надобно умереть. То, что мы уже сдѣлали до сегодня, указываетъ намъ, какъ должны мы поступить теперь. Г. Доксфордъ и г. Рамбулье говорятъ, что мы не можемъ сопротивляться. Но г. Колинъ изволяетъ говорить, что мы должны сопротивляться. Станемъ же сопротивляться! Вы, конечно, не будете отрицать, любезные соотечественники и друзья, что я преданъ нашему дорогому Сен-Кентену. Я люблю его, какъ любилъ свою старушку-матушку. Каждое ядро, которое врѣзывается въ его почтенныя стѣны, точно будто ранитъ меня въ сердце. Но, не смотря на то, я нахожу, что мы должны исполнить волю господина-адмирала. Г. Колинъ знаетъ, что слѣдуетъ дѣлать. Онъ мудро взвѣсилъ теперешнее значеніе Сен-Кентена. Онъ находитъ, что Сен-Кентенъ долженъ погибнуть, какъ часовой на своемъ посту,—и это совершенно справедливо. Не послушаться въ этомъ господина-адмирала можетъ развѣ только одинъ измѣнникъ отечества. Укрѣпленія наши разрушаются—замѣнимъ ихъ нашими трупами; будемъ сопротивляться сколько станеть силъ, недѣлю, два дня, часъ, сколько бы то ни было, но будемъ сопротивляться до послѣдняго вздыханія. Этого требуетъ отъ насъ господинъ-адмиралъ, потому что находитъ это необходимымъ, и я повторяю: мы обязаны повиноваться ему. За правоту своего требованія, онъ ставитъ онъ передъ Богомъ и государемъ нашимъ, королемъ. Тутъ все на его совѣсти.

Горожане молчали, печально потупивъ глаза. Колиный былъ еще печальнѣе ихъ. Мрачныя мысли Жана Пекуа, высказанныя торжественнымъ тономъ, потрясли его до глубины души. Отвѣтственность, которую налагалъ на него старшина ткачей, была страшна; и Колиный съ ужасомъ думалъ объ отчетѣ за жизнь столькихъ людей.

— Ваше молчаніе, достойные соотечественники и друзья, показываетъ мнѣ, что вы поняли меня и соглашаетесь со мною, продолжалъ Жанъ Пекуа.—Но нельзя требовать, чтобъ вы вмѣстѣ съ собою обрели на жертву женъ и дѣтей вашихъ. Самы мы погибнемъ, а ихъ спасемъ; пусть будутъ первыя вдовами, а вторыя сиротами... не будемъ же предаваться напрасному отчаянію... Мы исполнимъ долгъ свой, а въ настоящую минуту воскликнемъ, друзья: «да здравствуетъ Франція!»

— Да здравствуетъ Франція! повторило нѣсколько человѣкъ, но голосомъ слабымъ, жалобнымъ.

Колиный, сильно взволнованный, поспѣшно всталъ съ своего мѣста.

— Послушайте! послушайте! закричалъ онъ потомъ:—я не принимаю на себя столь страшной отвѣтственности; я могу противиться вамъ, когда вы намѣревались покориться неприятелю; но теперь, когда вы передаете все на мою совѣсть, не могу настаивать... И такъ-какъ вы всѣ противъ одного меня, такъ-какъ вы признаете жертву бесполезною...

— Миѣ кажется, прости Господи, вдругъ закричалъ кто-то въ толпѣ, перебивая Колиный: — что и вы, адмиралъ, тоже собираетесь сдать городъ неприятелю?

— Кто осмѣливается прерывать меня? спросилъ Колиный, нахмуривъ брови.

— Я! отвѣчалъ, подходя къ Колиный, молодой человѣкъ, одѣтый по-крестьянски.

— Крестьянинъ! сказалъ адмиралъ.

— Нѣтъ, не крестьянинъ, продолжалъ незнакомецъ:—а виконтъ д'Эксмэ, капитацъ королевской гвардіи и посланный его величества.

— Посланный короля! слышалось между удивленными присутствующими.

— Да, короля, сказалъ Габріэль.—Вы теперь видите, что его величество помнитъ своихъ вѣрныхъ Сен-Кентенцевъ. Я прибылъ сюда, переодѣвшись въ крестьянское платье, три часа тому назадъ; и въ эти три часа я видѣлъ ваши укрѣпленія и слышалъ то, что вы здѣсь говорили. Но слышанное мною рѣшительно несогласно съ видѣннымъ. Зачѣмъ вы отчаяваетесь здѣсь, словно женщины? Зачѣмъ поддаетесь, какъ дѣти, пустому страху? Вамъ это стыднѣе, чѣмъ кому-нибудь: вы, до нынѣшняго дня, принадлежали къ числу самыхъ мужественныхъ гражданъ Франціи. Ободритесь, друзья мои! я видѣлъ ваши укрѣпленія, и увѣ-

ряю васъ, что вы можете держаться за ними еще двѣ недѣли; а король требуетъ, чтобъ вы, для спасенія королевства, не сдавались только одну недѣлю. На все, что вы слышали здѣсь, я отвѣчу въ короткихъ словахъ: я укажу средства противъ зла; я замѣню ваше уныніе надеждою.

Между-тѣмъ, около Габріэля уже столпились офицеры и почетнѣйшіе изъ горожанъ, покоряясь вліянію воли твердой и увлекающей.

— Говорите! говорите! закричали нѣкоторые изъ нихъ.

— Г. Локсфордъ, сказалъ Габріэль, обращаясь къ инженеру: — вы увѣрили, что неприятелю открыты теперь четыре входа въ городъ. Разсмотримте вмѣстѣ, справедливо ли это. По вашимъ словамъ, наиболѣе-опасный пунктъ находится у Ильскаго-Предмѣстья: тамъ Испанцы овладѣли аббатствомъ и стрѣляютъ по нашимъ рабочимъ съ такимъ для нихъ урономъ, что они уже не рѣшаются работать въ этой сторонѣ. Позвольте мнѣ, г. Локсфордъ, указать вамъ одно очень-простое средство, которое вполне предохранитъ ихъ отъ испанскихъ ядеръ. Средство это было употреблено въ дѣло, на моихъ глазахъ, во время осады Чивителлы, въ нынѣшнемъ году. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: надобно поставить между рабочими и неприятельскими баттареями нѣсколько старыхъ барокъ, наполненныхъ землею, поставить въ линію и одна на другую, такъ, чтобъ неприятельскія ядра приходились прямо въ нихъ: ядра будутъ вязнуть въ землѣ, и рабочіе будутъ за этою оградою въ такой безопасности, какъ-бы находились они въ пушечнаго выстрѣла. У Ремикура, говорили вы, неприятель безнаказанно подкапывается подъ стѣну. Но, г. инженеръ, тутъ-то и слѣдовало устроить контр-мину, а не у Ворота св. Іоанна, гдѣ, при содѣствіи большой башни, она не только бесполезна, но даже опасна. Переведите же вашихъ минѣровъ къ Ремикуру, и вы скажете мнѣ спасибо за послѣдствія. Но, замѣтите вы: а Ворота св. Іоанна, а проломъ у Бастіона св. Мартина? Тамъ вѣдь мало людей? Отвѣчаю вамъ: къ теперешнему числу людей на этихъ пунктахъ нужно прибавить только сто человѣкъ, — по пятидесяти на каждый пунктъ. Это сказалъ самъ г. Рамбульѣ. Онъ, правда, говорилъ притомъ, что этихъ ста человѣкъ взять не гдѣ: такъ я скажу вамъ, въ свою очередь, что я доставлю вамъ ихъ.

Въ залѣ послышался говоръ, выражавшій радость и удивленіе.

— Да, продолжалъ Габріэль тономъ еще болѣе твердымъ: — я доставлю вамъ ихъ. За три лѣтъ отсюда, я встрѣтился съ тремястами копейщиковъ, которыми командуетъ г. де-Вольпергъ. Я условился съ нимъ, обязавшись пробраться сюда, черезъ неприятельскій лагерь, и приискать пункты, гдѣ можетъ онъ удобнѣе вести своихъ копейщиковъ въ городъ. Мнѣ, какъ видите, удалось пробраться въ Сен-Кентенъ, и планъ мой готовъ. Я возвращусь къ Вольпергу. Мы раздѣлимъ его копейщиковъ на три отряда. Надъ однимъ изъ нихъ пріему начальство я самъ, а надъ

нею же ночью, если только будет она не очень-свѣтла, всѣ три отряда попытаются войти въ городъ, въ назначенныя для каждаго особыя ворота — значить, каждый отрядъ пойдетъ особо, и ужь, конечно, будетъ большое несчастье, если не болѣе какъ одному изъ нихъ удастся обмануть непріятели. Во всякомъ, впрочемъ, случаѣ, одинъ изъ нихъ проберется въ Кентень, и такимъ образомъ у насъ прибавится сто храбрыхъ воиновъ. Изъ этихъ ста человекъ мы присоединимъ *по-ровну* пятьдесятъ къ солдатамъ, оберегающимъ Ворота св. Іоанна, и столько же къ караулу, который охраняетъ проломъ у Бастіона св.-Мартина. Теперь скажите, г. Локсфордъ, и вы, г. Рамбулье, найдется ли, за всѣми этими распоряженіями, хоть одинъ такой пунктъ въ нашихъ укрѣпленіяхъ, который представилъ бы непріятели удобный входъ въ Сен-Кентень?

Отвѣтомъ на эти слова, пробудившія надежду во всѣхъ сердцахъ, было всеобщее радостное восклицаніе.

— О, теперь, вскричалъ Жанъ Пекуа:—мы можемъ сражаться, мы можемъ побѣдить.

— Сражаться, да; побѣдить, едва ли, отвѣчалъ Габріэль:—по крайней-мѣрѣ, я не вижу надежды на побѣду. Я говорю вамъ это потому, что не желаю, чтобъ вы считали свое положеніе болѣе-благоприятнымъ, чѣмъ оно есть на-самомъ-дѣлѣ; точно такъ же, какъ не хочу, чтобъ вамъ представляли его болѣе-опаснымъ, чѣмъ оно есть въ дѣйствительности. Я желаю только доказать вамъ, что сопротивленіе возможно, что король не забылъ васъ, и что даже самая побѣда надъ вами покроетъ васъ вѣчною славою. Но я, кажется, и достигаю своей цѣли. Вы говорили прежде: принесемъ себя на жертву. Теперь вы говорите: будемъ сражаться. Это уже важный шагъ впередъ. Будемъ же сражаться, повторю и я. Но прибавлю еще вотъ что: не думайте, чтобъ благородная борьба, которую станете вы продолжать, повела къ жестокому ищенію со стороны непріятели. Нѣтъ, мужественный Филибертъ Эммануиль умѣетъ цѣнить храбрость и самоотверженіе всюду, даже и во врагѣ. Онъ не накажетъ васъ за геройство... При томъ, какой великій подвигъ совершите вы, если удастся вамъ не покориться осаждающимъ еще десять, или двѣнадцать дней: конечно, статься-можетъ, вы лишитесь вашего города; но за то вы, навѣрное, спасете Францію. Ваши внуки, ваше потомство самое отдаленное будетъ гордиться вами. Можно, безъ-сомнѣнія, разрушить ваши стѣны; но кто можетъ уничтожить память о вашей геройской защитѣ?.. Мужайтесь же, достойные охранители судьбы королевства! Спасите короля, спасите отечество! И для начала, воскликните, друзья: да здравствуетъ Франція! да здравствуетъ Сен-Кентень!

— Да здравствуетъ Франція! Да здравствуетъ Сен-Кентень! Да здравствуетъ король! воскликнули съ энтузіазмомъ всѣ присутствовавшіе.

— А теперь, продолжалъ Габріэль:—на укрѣпленія, къ труду!... Да постарайтесь ободрить согражданъ своихъ, которые ждутъ васъ вопъ тамъ, на площади. Завтра у насъ будетъ —, клянусь вамъ — сто новыхъ сподвижниковъ.

— На укрѣпленія! закричали горожане.

И тогда же, въ упоеніи радости и надежды, они извѣстали и увлекли за собою тѣхъ, которые не слышали словъ избавителя, столь неожиданно посланнаго Богомъ погибавшему городу.

Благородный Колинъ слушалъ Габріэля молча, съ удивленіемъ и восторгомъ. Какъ-скоро всѣ военные и Сен-Кентенцы, бывшіе на совѣтѣ, вышли съ радостными кликами изъ залы, Колинъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ къ молодому человѣку и сказалъ, сжимая ему руку:

— Благодарю васъ. Вы спасли Сен - Кентенъ и меня отъ стыда; вы, быть-можетъ, спасли Францію и короля отъ гибели.

— О, я еще ничего не сдѣлалъ! отвѣчалъ Габріэль. — Теперь мнѣ надобно возвратиться къ Вольпергу; а пробраться къ нему и привести сюда сто копейщиковъ, обѣщанныхъ мною, можетъ помочь мнѣ только одинъ Богъ... Его-то должно будетъ благодарить, а не меня, если Сен - Кентенъ не сдастся неприятелю еще десять дней.

IX.

МАЛЕНЬКАЯ НЕУДАЧА МАРТЭНА-ГЕРРА.

Габріэль разговаривалъ съ адмираломъ еще довольно-долго. Твердость, мужество и познанія молодого человѣка, который рассуждалъ о стратегіи, какъ опытный полководецъ, о крѣпостныхъ работахъ, какъ инженеръ, и о нравственномъ вліяніи, какъ старикъ, изумили Колинъ. Съ другой стороны, Габріэля восхитили благородство характера Колинъ, его доброта и рѣдкая совѣстливость, или, лучше сказать, добросовѣстность. Да, племянникъ не походилъ на дядю! И за то, какой-нибудь часъ разговора сблизилъ адмирала и Габріэля, не смотря на все неравенство ихъ лѣтъ, такъ, какъ сблизаетъ въ другихъ случаяхъ только продолжительное знакомство.

Условясь окончательно о сигналахъ и вообще о мѣрахъ, которыя было необходимо принять при вступленіи копейщиковъ Вольперга въ Сен - Кентенъ, Габріэль разстался съ адмираломъ. Послѣднія слова Габріэля: «до свиданія», были произнесены гораздо съ большею надеждою на успѣхъ, чѣмъ тѣ, которыми начался разговоръ его съ Колинъ.

Между-тѣмъ, Мартэнъ-Герръ, одѣтый такъ же, какъ и господинъ его, по-крестьянски, все ожидалъ Габріэля у входа въ ратушу.

— Ну, сударь, наконецъ-то изволили вы воротиться! вскричалъ онъ, увидѣвъ Габріэля, когда тотъ вышелъ изъ ратуши.—А я ужъ ждалъ, ждалъ! Всѣ глаза проглядѣлъ. Да кабы вы знали, какъ

хвалили васъ здѣсь. Вы и такіе, и такіе, и просто сказать нельзя! Что вы это, сударь, чѣмъ изволили такъ обрадовать ихъ всѣхъ?

— Полезнымъ совѣтомъ, мой добрый Мартэнъ. Мы переговорили обо всемъ, что слѣдуетъ предпринять здѣсь; а теперь къ дѣлу.

— Къ дѣлу, сударь, такъ къ дѣлу; по — моему, дѣло завсегда лучше словъ. Мы, должно-быть, теперь же отправимся опять прогуливаться за городомъ, подъ выстрѣлами испанскихъ часовыхъ. Коли такъ, я готовъ.

— Отправиться, Мартэнъ, мы отправимся, ствѣчалъ Габріэль:— но не теперь, а въ сумерки. Я условился такъ съ г. Колипнѣй. Значитъ, мы пробудемъ здѣсь часовъ около трехъ. Въ это время я... мнѣ надобно, прибавилъ онъ съ нѣкоторымъ замѣшательствомъ: — мнѣ надобно собрать здѣсь кое-какія свѣдѣнія...

— Понимаю... сказала Мартэнъ: — вы хотите еще побольше развѣдать на-счетъ того, сколько здѣсь офицеровъ и солдатъ... и на-счетъ того, нѣтъ ли еще какихъ другихъ прорѣхъ въ сдѣланныхъ укрѣпленіяхъ?... Этакого старанія ко всему, какъ у васъ, сударь, я, просто, осмѣлюсь доложить, не видывалъ ни у кого другаго.

— Ты вовсе ничего не понимаешь, мой бѣдный Мартэнъ, ствѣчалъ Габріэль, улыбувшись. — На-счетъ войскъ и укрѣпленій я знаю все, что мнѣ нужно. Меня занимаетъ дѣло, которое касается собственно до меня.

— А я, сударь, не могу ли тутъ помочь чѣмъ-нибудь?

— Да, Мартэнъ, ты можешь быть мнѣ полезенъ... Ты даже можешь угадать, что интересуетъ меня въ Сен-Кентенѣ лично. Вѣдь я не таюсъ отъ тебя ни въ чемъ. Припомни-ка, кого хочу я отыскать здѣсь.

— Позвольте... Вспомнилъ, совершенно-вспомнилъ: вѣдь г-жу... то-есть, бенедиктичку?

— Ну, да. Богъ мой, что-то случилось здѣсь съ нею, среди этого общаго безпокойства и горя?.. У адмирала я не рѣшился спросить... Надобно спрашивать хладнокровно, словно о самомъ обыкновенномъ предметѣ; по могъ ли я надѣяться на себя?.. Да адмиралъ, быть-можетъ, и не знаетъ, здѣсь ли Діана... Она, я думаю, перемѣнила имя.

— И я, сударь, думаю то же самое. Съ такимъ именемъ нельзя жить въ монастырѣ. Вѣдь оно, говорятъ, языческое... Да и г-жу де-Пуатье тоже зовутъ Діаною: а она развѣ лучше язычницы?.. Такъ оно и неловко говорить: «сестра Діана»...

— Какъ же быть тутъ? сказала Габріэль. — Не освѣдомиться ли прежде всего, гдѣ монастырѣ бенедиктинокъ?

— Именно, сударь, ствѣчалъ Мартэнъ:— а тамъ ужъ мы того... тамъ ужъ мы разузнаемъ все въ подробности... Коли прикажете, я сію же минуту прийму отыскивать...

— Приймайся отыскивать оба; только не вмѣстѣ, а порознь. Это будетъ, я полагаю, лучше. Да прошу, будь поосмотрительнѣе, и главное, не напейся.

— О, ужь на-счетъ этого не безпокойтесь. Я, сударь, опять сталъ непьющимъ человѣкомъ, лишь-только выѣхалъ изъ Парижа. Прѣсто, осмѣлюсь доложить, ни разу не былъ даже въ полшана.

— Оно такъ и слѣдуетъ, Мартэнъ. Ступай же разузнавать, и черезъ два часа вернись опять сюда, на это самое мѣсто. Я тоже приѣду сюда.

— Будеть, сударь, исполнено.

И они разстались.

Спустя два часа, они снова сошлись у ратуши. Габріэль былъ веселъ, Мартэнъ-Герръ, напротивъ, очень не-въ-духѣ. Всѣ свѣдѣнія, собранныя достойнымъ Мартэномъ, заключались только въ томъ, что бенедиктинки, вмѣстѣ съ горожанками, ходятъ за ранеными; что онѣ только ночуютъ въ своемъ монастырѣ, а днемъ съ самаго ранняго утра до поздняго вечера биваютъ въ городскіе госпиталяхъ.

Габріэлю, къ-счастью, было извѣстно болѣе. Габріэль, узнавъ отъ перваго встрѣтившагося ему горожанина все, что успѣлъ узнать Мартэнъ-Герръ въ-продолженіе двухъ часовъ, спросилъ, гдѣ можетъ онъ найти настоятельницу бенедиктинокъ.

— А тамъ, гдѣ болѣе опасности, отвѣчалъ тотъ, къ кому обратился нашъ молодой человѣкъ съ своимъ вопросомъ.

Габріэль отправился въ Ильское-Предмѣстье, и дѣйствительно нашелъ тамъ настоятельницу. То была сестра Моника, о которой говорила Габріэлю Дениза. Сестрѣ Моникѣ уже было рассказано, кто такой виконтъ д'Эксмэ, что говорилъ онъ въ ратушѣ и зачѣмъ приѣхалъ въ Сен-Кентенъ; а потому она приняла его ласково и съ уваженіемъ.

Что же касается до Габріэля, онъ сказалъ ей, выслушавъ ея похвалы и привѣтствія:

— Такъ-какъ вамъ извѣстно, что я присланъ сюда королемъ, то я надѣюсь, вы позволите мнѣ осведомиться у васъ о здоровьѣ дочери его величества, госпожи де-Кастро. Мнѣ попадалось на встрѣчу много вашихъ бенедиктинокъ, но ея не было въ числѣ ихъ... Не больна ли она?..

— Нѣтъ, г. виконтъ, отвѣчала аббатисса:— я, однакожъ, упростила ее остаться сегодня въ монастырѣ, потому-что ей-былъ необходимъ хоть непродолжительный отдыхъ. Она, г. виконтъ, рѣшительно забываетъ саму-себя для попеченій о страждущихъ. Такого примѣрнаго человѣколюбія, такой готовности къ самопожертвованію я еще не видывала... О, она достойна, вполне достойна своихъ великихъ царственныхъ предковъ! Она даже не пожелала, по своему истинно-христіанскому смиренію, чтобы здѣсь было извѣстно ея высокое званіе. Она назвала себя просто *Бенедиктою*. Но это имя дорого нашимъ бѣднымъ страдальцамъ; они благословляютъ ту, которая носитъ его; они говорятъ, что одинъ видъ ангельскаго лица ея поселаетъ въ нихъ отраду и надежду... Но, ска-

жу вамъ, г. виконтъ, наши раненные, вовсе незнакомые съ латинью, немножко переименовали имя, принятое г-жею де-Кастро. Она называють ее сестра *Бени*...

— Такое названіе не ниже титула, который принадлежитъ ей! вскричалъ глубоко растроганный Габріэль. — Но скажите, прибавилъ онъ потомъ, помолчавъ съ минуту:—я могу видѣть ее завтра, если... если только я вѣрнусь?..

— Можете, г. виконтъ. Вы найдете сестру Бени тамъ, гдѣ самое большое число страждущихъ, нуждающихся въ помощи и участіи...

Этими словами заключился разговоръ Габріэля съ аббатиссою. Разставшись съ нею, нашъ молодой человекъ немедленно отправился опять къ ратушѣ. Тутъ, какъ мы уже замѣтили выше, онъ сошелся съ своимъ вѣрнымъ Мартэномъ.

Габріэль такъ много разспрашивалъ объ окрестностяхъ Сен-Кентена, что уже могъ надѣяться не сбиться съ пути въ предстоящемъ ему ночномъ переходѣ съ копейщиками Вольперга. Какъ скоро смерклося совершенно, онъ и Мартэнъ, закутавшись въ длинные плащи темнаго цвѣта, осторожно выбрались изъ города. Потомъ они сползли въ городской ровъ, вскарабкались на его противоположную окранныю и выбрались въ поле.

Но это было только удачное начало. Впереди еще предстояло много опасностей. По окрестностямъ сен-кентенскимъ разъѣзжали день и ночь непріятельскіе отряды; притомъ, непріятельскій лагерь не былъ сосредоточенъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а былъ разставленъ по частямъ вокругъ города; значить, наши переодѣтые легко могли встрѣтиться съ дозорнымъ непріятельскимъ отрядомъ, или быть замѣчены лагерными часовыми; а въ томъ и въ другомъ случаѣ слѣдовало ожидать, по меньшей мѣрѣ, продолжительной задержки для разспросовъ...

Спустя нѣсколько времени, Габріэль и Мартэнъ-Герръ добрались, покамѣстъ, безъ помѣхи до мѣста, гдѣ дорога, по которой шли они, вдругъ раздѣлилась на двѣ дороги, въ послѣдствіи далеко расходившіяся между собою. Тутъ Габріэль остановился въ размышленіи. Мартэнъ-Герръ тоже остановился, только вовсе безъ размышленія. Размышлять онъ обыкновенно предоставлялъ своему барину. Достойный Мартэнъ-Герръ считалъ очень-достаточнымъ для себя быть исключительно исполнителемъ чужой воли.

— Мартэнъ, сказалъ Габріэль послѣ непродолжительнаго молчанія: — вотъ передъ нами теперь двѣ дороги. Обѣ онѣ ведутъ къ Анжимонскому-Лѣсу, гдѣ дожидается баронъ Вольпергъ. Если мы пойдемъ вмѣстѣ, по одной изъ этихъ дорогъ, насъ могутъ и схватить вмѣстѣ. Такъ я думаю, что намъ лучше идти порознь, то-есть тебѣ по одной, а мнѣ по другой дорогѣ. Дѣло все-таки будетъ вѣрнѣе. Ты ступай вотъ по этой: она подлиннѣе, да понадежнѣе; такъ, по-крайней-мѣрѣ, говорилъ мнѣ Колинъ. Тутъ, правда, находится лагерь, въ которомъ не-

приятель, какъ кажется, помѣстилъ г. де-Могморанся; но ты обойди этотъ небольшой лагерь, какъ мы обошли его прошлую ночью. Да смотри, не опростоволосься! Если ты встрѣтишься съ непріятельскимъ разбѣдомъ, выдай себя за анжимоискаго крестьянина и говори, что только-что отнесъ съѣстные припасы Испанцамъ, которые стоятъ лагеремъ ближе другихъ къ Сен-Кентену, а что теперь идешь домой. Старайся также поддѣлаться хорошенько подь пикардское нарѣчіе. Тебѣ удастся это, если хоть мало постарасься: вѣдь иностранцевъ обмануть въ этомъ не трудно. Но, главное, не теряй присутствія духа. Тутъ, братъ, хоть сколько-нибудь зажпнуться значить просто надѣть себѣ петлю на шею.

— Э, да ужъ не извольте, сударь, безокопнтъся! отвѣчалъ Мартэнъ-Герръ съ самоувѣренностью.—Мы ужъ постоимъ за себя. Не учиться-стать: Увидите, что постоимъ.

— Пожалуйста, постоитъ, господинъ Мартэнъ-Герръ. Я, съ своей стороны, пойду вотъ по этой дорогѣ; она покороче, но за то поопаснѣе. Это самая прямая дорога въ Парижъ; а потому за ней я смотрять строже. Миѣ, конечно, придется встрѣтиться не съ однимъ непріятельскимъ разбѣдомъ, придется не разъ укрыться гдѣ-нибудь во рву или въ кустарникѣ. И очень можетъ быть, что, не смотря на все мое стараніе избѣгать встрѣчи съ Испанцами, миѣ не удастся достигнуть цѣли. Въ такомъ случаѣ, то-есть, если я замѣшкаю очень, вы не ждите меня долго. Г. де-Вольпергъ можетъ подождать съ полчаса послѣ твоего прихода къ нему; а потомъ, онъ ужъ долженъ будетъ ѣхать немедленно. Только попроси его, чтобъ онъ былъ какъ-можно-осторожнѣе. Ты вѣдь знаешь, что надобно дѣлать: надобно раздѣлить копейшиковъ на три отряда, и потомъ раздѣльно идти къ Сен-Кентену. Въ городъ должны они вступить въ трехъ противоположныхъ мѣстахъ. Нельзя, конечно, ожидать, чтобъ всѣмъ имъ удалось пробраться въ Сен-Кентенъ; но какъ быть! погибель одного отряда спасетъ два другіе... Да, мой добрый Мартэнъ, легко можетъ случиться, что мы уже болѣе не увидимся... Прощай, Мартэнъ! Да сохранить тебя Господь Богъ!

— О, сударь, пусть лучше сохранитъ Опъ васъ! отвѣчалъ Мартэнъ.—Я вѣдь что такое? я просто ничего; а вы вотъ всякую полезность оказать можете... Да!.. Однакомъ, осмѣлюсь доложить, если я наткнуся на Испанцевъ, я проведу ихъ... Ужъ такъ проведу, что послѣ позабудимся.

— Желаю, чтобъ тебѣ удалось провести ихъ; но еще болѣе желаю, чтобъ ты вовсе не встрѣтился съ нимъ. Прощай, Мартэнъ.

— Дай вамъ Господи всякаго благополучія и успѣха.

И они разошлись опять.

Мартэну сначала благопріятствовало счастье. Опъ удачно ускользнулъ, благодаря темнотѣ, отъ вниманія двухъ испанскихъ разбѣдовъ; но счастье вдругъ измѣнилось ему, когда онъ подошелъ къ лагерю, о которомъ говорилъ Габріэль, и около котораго надзоръ

былъ еще строже. Бѣдный Мартэнъ вдругъ очутился между двумя непріятельскими отрядами.—коннымъ и пѣшимъ.

— Кто идетъ? вдругъ доносилось, какъ громовой ударъ, до ушей достойнаго конюшаго и доказало ему неопровержимо, что его замѣтили осаждающіе.

— Ну, подумалъ онъ тогда: — вотъ теперь-то и надобно показать себя. Да ужъ мы не опростоволомся. Нѣтъ, не на того напали.

И въ ту же минуту онъ запѣлъ какъ-можно-громче слѣдующую пѣсенку:

Le vendredi de la Toussaint,
Est arrivé la Germanie
A la belle croix de Messain
Pour faire grande boucherie...

— Кто идетъ? раздалось снова по близости конюшаго.

— Анжимонскіе, отвѣчалъ Мартэнъ, стараясь подражать пикардскому нарѣчію:—тутошній житель.

И вслѣдъ за тѣмъ, онъ запѣлъ опять:

Se campant au haut de vignes,
Le duc d'Albe et sa compagnie
A saint Arnou près nos fossés.
C'était pour faire l'entreprise
De reconnaître nos fossés...

— Стой! Что ты тутъ орешь во все горло? сказалъ солдатъ лозанымъ франпузскимъ языкомъ. — Ни шагу далѣе!

Мартэнъ-Герръ, съ свойственною ему сметливостью, тотчасъ же сообразилъ, что одному ему не сладить съ цѣлымъ отрядомъ, что его непременно догонять, если онъ побѣжитъ, по той весьма-основательной причинѣ, что онъ пѣшкомъ, а у солдатъ добрыя лошади, и что, наконецъ, самое бѣгство его только усилитъ подозрѣніе. Онъ счелъ приличнымъ остановиться. И сказать правду, онъ былъ не недоволенъ своею встрѣчею: — Тутъ вѣдь, думалъ онъ:—и можно показать свое искусство. А то вотъ баринъ все говоритъ: «Ты, братъ, смотри, не запишись, не попадись въ просакъ...» Точно мы родились сегодня! Такъ вотъ мы покажемъ же себя теперь, и послѣ ужъ баринъ и намекнуть не мога! Да!..

Для большаго успѣха, Мартэнъ притворился сердитымъ.

— Ну, что вы пристали ко мнѣ? закричалъ онъ, подходя къ отряду. — Вѣдь я ужъ сказалъ вамъ, что я анжимонскій. У меня въ Анжимонѣ жена и дѣти... много дѣтей... и большія и маленькія... да!.. Что же вамъ надобно?

— Что намъ надобно? отвѣчалъ тотъ же солдатъ, который приказалъ Мартэну остановиться. — Намъ надобно допросить и обыскать тебя, бродягу... Ты вотъ говоришь, что анжимонскій обыватель, а можешь, ты и лжешь... можешь, ты шпионъ?

— О-го, сказалъ Мартэнъ, засмѣявшись совершенно-ненатурально:—вишь ты что выдумали! Шпионъ!.. Ну, обыскивайте же меня! Что же вы? Да и допрашивайте кстати.

— А вотъ, пріятель, мы отведемъ тебя въ лагерь: тамъ и будетъ тебѣ допросъ.

— Въ лагерь? продолжалъ Мартэнъ: — тѣмъ лучше. Я самъ требую, чтобъ вы вели меня въ лагерь. Посмотримъ-ка, что присутитъ начальство. А! вы думаете, что вотъ взяли, да схватили обыватою, такъ вамъ и съ рукъ сойдетъ? Какъ бы не такъ! Я носилъ вашимъ же, къ Сен-Кентену, всякую провизію; и опять хотѣлъ принести... и принесъ бы самаго лучшаго... Да теперь пусть чортъ меня возьметъ, коли принесу хоть круху какую!.. Да!.. Пусть вы всѣ тамъ хоть съ голода перемрете! Миѣ какое дѣло! А! вы еще не знаете меня! Такъ я жѣ вамъ покажу себя!.. Шпионъ! Экъ затѣяли! Да начальство разберетъ... Я пожалуюсь вашему командиру... Ведите меня въ лагерь!

— Вотъ языкъ, такъ языкъ! сказалъ начальникъ отряда. — Ты толковалъ, пріятель, о командирѣ; командиръ, любезнѣйшій, я; миѣ и изволь жаловаться. Въдѣ не генераловъ же будитъ для такихъ негодяевъ, какъ ты.

— А я къ генераламъ-то и хочу идти; ведите меня къ генераламъ! сказалъ Мартэнъ-Герръ скороговоркою. — Пусть-ка они узнаютъ, что иные-прочіе безъ всякой надобности задерживаютъ честныхъ прохожихъ, да еще такихъ прохожихъ, которые кормятъ васъ, да!.. Ведите меня! Миѣ худа не будетъ; меня еще награждать за вашу напрасную тревогу, а васъ такъ вотъ поѣдятъ! Увидите!

— Знаете что, сказалъ вполголоса одинъ изъ солдатъ начальнику развѣда: — онъ, кажется, не обманывается...

— Да, онъ по-видимому говоритъ правду, отвѣчалъ офицеръ: — я отпустилъ бы его охотно; но миѣ кажется, что какъ-будто миѣ знакомъ его голосъ. Да вотъ все объяснится въ лагерьѣ.

И вслѣдъ за тѣмъ, отрядъ двинулся по приказанію своего начальника. Мартэнъ-Герра помѣстили между двумя всадниками, и онъ во всю дорогу не переставалъ браниться и кричать.

Когда они пришли въ лагерь, тотчасъ принесли огня. Офицеръ, взглянувъ при его свѣтѣ на Мартэна-Герра, отступилъ въ изумленіи на три шага назадъ и вскричалъ:

— Чортъ возьми, я не ошибся! Это онъ, мощенникъ! Узнаете ли вы его теперь? прибавилъ онъ, обращаясь къ своимъ подчиненнымъ.

— Да! да! О, конечно, узнаемъ! Это онъ! слышалась между солдатами.

— А! такъ вы наконецъ узнали меня? сказалъ достойный копитій уже съ порядочнымъ замѣшательствомъ. — Вы знаете, что я Мартэнъ Корнульѣ... Корнульѣ изъ Анжимона... Такъ вы, видите, и отпустите меня!

— Тебя, разбойника! отпустить тебя! вскричалъ офицеръ съ сильнымъ гнѣвомъ.

— Да что это вы сердитесь такъ, любезнѣйшій? Сами же ска-

зали, что знаете, а тутъ вдругъ и разбойникъ! Я не разбойничалъ отъ-роду; я честный обыватель... Мартэнъ Корнульдъ нѣтъ...

— Нѣтъ, перебилъ офицеръ: — ты не Мартэнъ Корнульдъ, и я докажу тебѣ это. Ребята, продолжалъ онъ, обращаясь къ веданикамъ: — какъ зовутъ этого мошенника?

— Арно дю-Тилль! Арно дю-Тилль! закричали въ одинъ голосъ солдаты.

— Арно дю-Тилль? кто это такой? спросилъ Мартэнъ поблѣднѣвъ.

— А ты все еще запираешься, бездѣльникъ! вскричалъ офицеръ.

— И тебѣ не стыдно лгать, когда мы всѣ знаемъ, кто ты; когда весь мой отрядъ подтвердитъ, что я самъ лично взялъ тебя въ плѣнъ въ тотъ же самый день, въ который нанси захватили г. де-Монмеранси? Ты вѣдь находился при немъ...

— Нѣтъ, нѣтъ, я Мартэнъ Корнульдъ... проговорилъ заминаясь блѣдный Мартэнъ.

— Чтò ты все притворяешься, плутъ? Вѣдь ты видишь, что я не вѣрю тебѣ. Ты, обманщикъ, обѣщалъ мнѣ выкупъ за себя; я обращался съ тобой просто по-приятельски, а ты, въ отплату, укралъ у меня всѣ мои деньги и увелъ прошлую ночью мою Гудулу, мою хорошеенькую маритантку!.. Гдѣ она теперь? Куда ты дѣвалъ ее, предатель?

— Да, куда ты дѣвалъ Гудулу? куда? закричали солдаты.

— Куда я дѣвалъ Гудулу? сказалъ Мартэнъ-Герръ съ ужасомъ.

— А я почему знаю, куда я дѣвалъ ее?.. Охъ! видно, опять надѣлалъ бѣдъ... Такъ вы, то-есть, навѣрное говорите, что я — Арно дю-Тилль? Вы даже и не сомнѣваетесь въ томъ? а? Вы и не божитесь, что этотъ господинъ взялъ меня въ плѣнъ, и что я увелъ у него Гудулу? Побожитесь? да?

— Еще бы нѣтъ! Побожимся! побожимся! слышалось между солдатами.

— Ну, такъ это и не удивить меня, отвѣчалъ блѣдный конюшій канцль-то страннымъ тономъ; вы, конечно, припомните, съ какой точки зрѣнiя смотрѣлъ Мартэнъ на плутни и промахи своего двойника. — Просто ни на волосъ не удивляетъ. Мнѣ казалось, правда, что я Мартэнъ... но вы говорите, что я Арно дю-Тилль, что я былъ здѣсь вчера; ну, я и не спорю. Да и какъ спорить, когда вы знаете навѣрное? Но, Боже мой, Боже мой! отъ-чего же это... какъ же это я опять принялся за прежнее? А сомнѣнiя нѣтъ никакого; и Гудула, и увелъ, и деньги унесъ!.. Мое тутъ дѣло, чистое мое!.. Хорошо, по-крайней-мѣрѣ, что я знаю теперь мое настоящее имя... Арно дю-Тилль! Поди ты!

Мартэна связали по рукамъ и по ногамъ и оставили въ лагерѣ до дальнѣйшаго рѣшенiя его участи.

— Вотъ, думалъ онъ, лежа на влажной землѣ: — вотъ и случилъ показать себя! Вотъ и исполнилъ барскiй приказъ!.. А еще хвастался!.. Да вѣдь чортъ же знаетъ, что я увелъ вчера эту про-

клятую Гудулу! Кабы не она, кабы я не былъ здѣсь въ плѣну, я ужь, конечно, доказалъ бы барину, что мы не изъ какихъ-нибудь первоученокъ, что мы знаемъ, какъ повести дѣло, да!.. А постой—ка! можетъ, я ужь и доказалъ, можетъ, мнѣ только кажется, что я здѣсь, а я, можетъ, теперь съ баринкомъ, ѣду съ нимъ въ Сен-Кентенъ? Да и отъ-чего бы нѣтъ?.. Вѣдь случалось же прежде, что ты вотъ, кажется, былъ въ церкви и читалъ *Отче*, а выходитъ, что ходилъ съ записочкой къ г-жѣ Діанѣ...

X.

ВОЕННАЯ ХИТРОСТЬ.

На этотъ разъ, случай опять сыгралъ штуку надъ Мартеномъ Герромъ. Онъ далъ возможность двойнику Мартона, шпиону Арно дю-Тиллю, сдѣлать именно то, чего ожидалъ отъ себя несчастный конюшій въ послѣднихъ мечтахъ своихъ. Когда Габріэль, счастливо избѣжавъ опасностей, пришелъ въ лѣсъ и пробрался къ тому мѣсту, гдѣ находился Вольпергъ съ копейщиками, нашего холодаго человѣка встрѣтилъ первый—Арно дю-Тилль. Габріэль принялъ его за Мартона.

— А, и ты здѣсь, Мартенъ? сказалъ онъ шпиону.

— Здѣсь, сударь; отвѣчалъ Арно безъ малѣйшаго смущенія.

— Давно ужь ты пришелъ сюда?

— Да ужь побольше получаса.

— Но на тебѣ, кажется, другое платье?

— Точно такъ, сударь; я помѣнялся своимъ съ однимъ крестышникомъ, который попался мнѣ на встрѣчу... я расцелъ, что и его платье меня еще лучше не узнаютъ...

— Умно; а дурныхъ встрѣчь не было?

— Не было, сударь.

— За то была одна очень-пріятная, сказалъ баронъ де-Вольпергъ, подходя къ Габріэлю:—онъ, плутъ, гдѣ-то подхватилъ прехорошенькую дѣвушку... кажется, непріятельскую маркизатину. она очень плакала, но онъ прогналъ ее... Свяжетъ, говорятъ, что въ ней проку...

— Ахъ, Мартенъ, Мартенъ! сказалъ Габріэль: — ты опять старое!

— Такъ, сударь, мимоходомъ... отвѣчалъ Арно.

— А какъ вы думаете, г. д'Эксмэ, продолжалъ баронъ де-Вольпергъ:—не обождать ли намъ еще съ полчаса? Теперь еще не полночь; а мнѣ не хотѣлось бы прийти къ Сен-Кентену раньше трехъ часовъ. Около этой поры Испанцы гораздо-менше караютъ городъ...

— И тѣмъ болѣе согласенъ съ вами, отвѣчалъ Габріэль:—адмиралъ будетъ ждать насъ ровно въ три часа. Мы такъ съ нимъ условились. Удастся ли только намъ пребраться...

— О, мы проберемся, сказалъ Арно: — могу васъ увѣрить. Проходя подлѣ лагеря, я какъ-нельзя-лучше ознакомился съ его окрестностями, и проведу васъ теперь на славу.

— Мартанъ! вскричалъ Габріэль:—да ты ли это? Съ тобою просто чудеса творятся! Самъ пробрался, да еще окрестности осмотрѣлъ! Теперь, мой добрый Мартанъ, я ужъ не буду сомнѣваться въ твоей сметливости.

Послѣ этихъ словъ, Габріэль отвелъ Вольперга нѣсколько въ сторону, съ тѣмъ, чтобъ окончательно условиться съ нимъ о предстоящей попыткѣ. У нихъ начался довольно-продолжительный разговоръ; а шпионъ принялся, между-тѣмъ, обдумывать, какъ наилучше воспользоваться ему своимъ новымъ положеніемъ.

Покажѣтъ первые двое толкуютъ между собою, а послѣдній думаетъ, позвольте разсказать вамъ, какимъ образомъ удалось Арно заступитъ мѣсто Мартана-Герра. Бѣжавъ, при помощи Гудулы, изъ неприятельскаго лагеря, двойникъ несчастнаго конюшаго цѣлые восемнадцать часовъ укрывался въ анжимономскомъ лѣсу. Около вечера, онъ замѣтилъ случайно въ этомъ лѣсу лошадиные слѣды. Въ бойкомъ умѣ Арно тотъ же часъ мелькнула мысль, что замѣченные имъ слѣды были сдѣланы не крестьянскими лошадьми, а что тутъ навѣрное проѣзжали кавалеристы; что эти кавалеристы, по всему вѣроятію, тоже укрываются, потому-что, иначе, имъ бы не зачѣмъ было ѣздить по такимъ тропинкамъ, по которымъ и идти не легко, и что, слѣдовательно, эти кавалеристы должны быть Французы. Арно рѣшился отыскать ихъ, и отыскалъ. Долгая не обманула его: то были дѣйствительно Французы—копейщики Вольперга. Здѣсь-то случай въ особености услужилъ дю-Тиллю. Копейщики приняли его за Мартана-Герра. Онъ, естественно, не отперся отъ имени своего двойника. Потомъ, прислушиваясь къ разговорамъ копейщиковъ, онъ узналъ, что они ждутъ виконта д'Эксмэ, что виконтъ отправился въ Сен-Кентенъ для совѣщаній съ адмираломъ, и что, по возвращеніи Габріэля, копейщики пойдутъ тремя отдѣльными отрядами въ Сен-Кентенъ.

На минуту, Арно дю-Тилль былъ однакоже въ довольно-затруднительномъ положеніи; но и тутъ ему удалось вывернуться.

У него началъ-было разспрашивать о Габріэлѣ, но онъ отвѣчалъ преспокойно:

— Баринъ скоро будетъ сюда; мы шли разными дорогами.

Послѣ этого отвѣта, Арно оставилъ въ покоѣ.

Мысль заступить на время мѣсто Мартана-Герра очень понравилась шпиону. Арно сообразилъ немедленно, что для него вдвойнѣ выгодно исправлять должность конюшаго Габріэля; во-первыхъ: представлялась возможность жить даромъ, во-вторыхъ: возможность услужить конетаблю, слѣдя за поступками ненавистнаго ему и опаснаго для него человека. Съ другой стороны, Арно, правда, тревожила мысль, что Габріэль легко можетъ воротиться въ одно и то же время съ Мартаномъ-Герромъ; но и въ этомъ отношеніи

онъ придумалъ шѣру предосторожности: онъ отошелъ нѣсколько до-одалъ отъ копейщиковъ и началъ поджидать Габріэля, съ тѣмъ, чтобъ въ случаѣ надобности какъ-нибудь напугать и удалить легковѣрнаго конюшаго. Но счастіе, какъ мы видѣли, послужило дю-Тиллю: Габріэль пришелъ одинъ и принялъ его за Мартэна.

Спустя около получаса послѣ того, какъ Габріэль отвелъ Вольперга въ сторону, копейщики были раздѣлены на три отряда, и двинулись къ Сен-Кентену. Арно отправился вѣстѣ съ Габріэлемъ.

Между-тѣмъ, въ городѣ съ нетерпѣніемъ ждали обѣщанной помощи. Въ два часа утра, Колинь самъ обошелъ условленные пункты и отдалъ необходимыя приказанія часовымъ, которыми на этотъ разъ были самые надежные изъ солдатъ. Потомъ, онъ взошелъ на одну изъ городскихъ башенъ. Тутъ, стараясь затѣмъ дыханіе, онъ долго смотрѣлъ въ даль и прислушивался къ сама-малѣйшему шуму; но издали никто не показывался, издали не доносилось никакого звука...

Паконецъ, потерявъ терпѣніе, Колинь сошелъ съ башни и отправился верхомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ, къ одному изъ тѣхъ пунктовъ, которые были избраны для предстоящей попытки ввести копейщиковъ Вольперга въ Сен-Кентенъ. Прибывъ туда, адмиралъ остановился на валу.

Ровно въ три часа, изъ сомскихъ болотъ послышался крикъ филина.

— Ну, слава Богу! это они! вскричалъ Колинь.

Вслѣдъ за тѣмъ, по знаку адмирала, г. дю-Врель, находившійся въ числѣ офицеровъ, которыхъ взялъ съ собою Колинь, повторилъ слышанный крикъ.

За этимъ крикомъ наступило глубокое молчаніе. Колинь и свита его были неподвижны, какъ камень. Они ждали съ мучительнымъ нетерпѣніемъ.

Вдругъ, въ той самой сторонѣ, откуда послышался крикъ филина, раздался мушкетный выстрѣлъ, и почти немедленно потомъ началась сильная перестрѣлка. Непосредственнымъ результатомъ этой перестрѣлки были стоны, крики и шумъ.

Одинъ изъ отрядовъ копейщиковъ Вольперга былъ замѣченъ неприятелемъ.

— Боже! вскричалъ Колинь: — одного ужъ нѣтъ!..

Потомъ онъ поспѣшно сошелъ съ вала, сѣлъ на лошадь и по-скакалъ къ Бастіону св. Мартина, куда слѣдовало прибыть другому отряду копейщиковъ.

Здѣсь ожидала Колинь новая пытка: Изъ-за черты Сен-Кентена послышался крикъ филина; ему отвѣчали изъ города темъ условленнымъ крикомъ, и почти въ-слѣдъ за тѣмъ тоже началась перестрѣлка, которая возвѣстила Сен-Кентенцамъ, такъ же, какъ и первая, гибель ста храбрыхъ воиновъ.

— Двѣсти погибшихъ! сказалъ Колинь глухимъ голосомъ...

И съѣвъ снова на коня, адмиралъ быстро понесся къ Ильскому-Предмѣстью, гдѣ надлежало ожидать третьяго отряда копейщиковъ. Адмиралъ пріѣхалъ туда первый. Свита догнала его уже спустя нѣсколько минутъ. Тутъ докосились до нихъ только стоцы уми-рающихъ, да крики побѣдителей...

Колиный думалъ, что уже все погибло. Въ непріятельскомъ ла-герѣ были всѣ на ногахъ. Значить, можно было допустить, что командиръ послѣдняго изъ ожидаемыхъ отрядовъ не рѣшится на попытку пробраться въ городъ. Иногда, Колиный казалось даже, что этотъ послѣдній отрядъ былъ захваченъ и истребленъ въ одно и то же время съ которыми-нибудь изъ первыхъ...

По смуглымъ щекамъ Колиный покатались слезы. Ихъ вызвала мысль, что черезъ нѣсколько часовъ жители Сен-Кентена, пора-женные своею новою неудачею, потребуютъ сдачи города, и что даже, еслибъ они и не потребовали ея, Сен-Кентену уже не будетъ возможности сопротивляться.

Вдругъ г. де-Брѣль подошелъ къ Колиный и сказалъ ему шопотомъ:

— Адмиралъ..

Колиный обернулся къ нему.

— Адмиралъ, посмотрите вонъ туда, въ ровъ, прибавилъ г. де-Брѣль: — видите, тамъ пребирается отрядъ кавалеріи... Что это они, или ужь не Испанцы ли затѣяли въ-расплохъ ворваться въ городъ?

— Теперь рѣшить нельзя, отвѣчалъ Колиный тоже шопотомъ:— надобно подождать...

— Но отъ-чего же это ступаютъ ихъ лошади такъ тихо? Про-сто ни малѣйшаго шума!.. Точно тѣни.

А отрядъ все приближался къ тому мѣсту, гдѣ находились Ко-линый и его свита.

Когда онъ подошелъ къ этому мѣсту шаговъ на пятьдесятъ раз-стоянія, Колиный самъ подавъ условленный знакъ. Отвѣтомъ былъ крикъ филина.

Колиный, въ упоеніи радости, кинулся въ караульню, и прика-залъ отпереть ворота.

Нѣсколько минутъ спустя, въ городъ вступило, въ глубокомъ молчаніи, сто всадниковъ. Они были закутаны въ длинные тем-ные плащи. Тутъ только объяснилось, почему лошади ступали такъ тихо: копыта у нихъ были обвязаны лоскутьями холстины, въ которые была насыпанъ песокъ. Это средство вспало на мысль начальнику отряда тогда, когда онъ замѣтилъ, что топотъ лоша-дей погубилъ два другіе отряда. Этотъ начальникъ былъ — Га-бріэль.

Вѣсть о прибытіи копейщиковъ распространилась въ городъ чрезвычайно-скоро. Двери всюду были отперты, въ окнахъ пока-зался свѣтъ, и Габріэля встрѣтило множество горожанъ съ при-ѣтомъ и радостію.

— Теперь не время радоваться, друзья мои, сказала мнѣ Габріэль.— Подумайте о тѣхъ, которые погибли за насъ... Ихъ было двѣсти человѣкъ...

— Да, отвѣчалъ Колиннѣ: — мы ждали е нихъ и удивляемся имъ. Но вы, г. д'Эксмэ... Но какъ васъ благодарить намъ? Позвольте мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, обнять васъ: вы, мой другъ, 'спасли Сен-Кентенъ дважды.

— Г. де-Колиннѣ, отвѣчалъ Габріэль:— я желаю теперь только одного, чтобъ вы повторили мнѣ свои послѣднія слова спустя десять дней.

Н Я Н Я.

Спать нора. спать сперла,
 Де и ты, моя краса...
 Голова отяжелѣла,
 Кудри гъзуть на глаза.

Стань вотъ тутъ, передъ иконой,
 Я постельку стану слать;
 Не снѣши же власть поклоны,
 Богородицу читать.

Видимъ: глазки-то бѣдненьки
 Такъ а просится уснуть,
 Только воротъ у рубашки
 Надо прежде разстегнуть.

• Отъ-чего же, няня, надо? •
 — Надо, другъ мой, чтобъ доброй,
 Не свода святаго взгляда,
 Любовался ангелъ твой.

Твоей хранитель ангелъ Божій
 Предледець по ночамъ,
 Какъ и ты, дитя, пригожій,
 Только крылья по плечамъ.

Коль твою онъ видитъ душу,
 Воротъ вскрыть и тихъ твой сонъ,
 Тако справа на подушку,
 Улыбаясь сидеть онъ.

А закрыта душа, перечесть
 Душку воротъ, мутны самъ —
 Ангелъ взглянетъ и залячетъ,
 Сидеть съ лѣвой стороны.

Видь тебѣ Господня сна,
 Дай я воротъ распушу,
 Ужь подушку я хрестилъ,
 И тебя переверну.

Губка
В Ъ Р А

Романъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

=

ДВАДЦАТОЕ СЕНТЯБРЯ.

I.

ЗАМУЖСТВО.

Было воскресенье, 20-го сентября 1842 года. Розовый свѣтъ едва только взошедшаго солнца освѣщалъ маленькую комнату весьма-скромной наружности; онъ проходилъ въ нее черезъ два окошка, имѣвшія не болѣе аршина вышины и почти столько же ширины, съ черными ветхими растворчатыми рамами, которыя за-пирались желѣзными крючками и едва держались на старыхъ и ржавыхъ желѣзныхъ петляхъ. По тусклымъ стекламъ ихъ струились обильные потоки, — произведеніе сырой, осенней ночи. Два лоскута тонкаго полотна, прибитые гвоздиками къ деревяннымъ покрашеннымъ косякамъ, замѣняли гардины и были подняты къверху. Низенькія сѣсныя комнаты состояли изъ голыхъ, почернѣвшихъ отъ времени бревенъ; грубо отесанныхъ и проконопаченныхъ зеленоватымъ мхомъ. Въ простѣнкѣ оконъ помѣщался старый туалетъ краснаго дерева, совершенно потемнѣвшаго отъ времени; надъ однимъ окномъ стоялъ столъ изъ морской березы затѣливаго фасона съ бронзовыми украшеніями; подъ другимъ — простыя деревянныя пальцы, закрытыя бумагою. Въ переднемъ углу на трехугольномъ столикѣ, покрытомъ бѣлою салфеткою, возвышался небольшой черный крестъ съ изображеніемъ распятаго Спасителя изъ слоновой кости. По обѣимъ сторонамъ креста, въ двухъ маленькихъ фарфоровыхъ вазахъ прекрасной работы, позолоченныхъ и покрытыхъ живописью, благоухали два букета свѣжихъ

дѣтвѣ, на которыхъ сверкали еще крупныя капли утренней влаги. На главной стѣнѣ, противъ оконъ, висѣлъ портретъ молодой женщины, въ огромномъ чепцѣ, въ платьѣ съ высокою талією, съ розаномъ въ одной рукѣ и съ турецкою шалью на другой. Этотъ портретъ, нарисованный масляными красками, показывалъ усердное желаніе живописца изобразить привлекательную, одушевленную фizioномію; но результаты его похвальнаго усердія служили новымъ доказательствомъ справедливости старинной пословицы: «человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ»; упрямая кисть художника рѣшительно воспротивилась его благонамѣренному замыслу. Внизу портрета (неимѣвшаго никакой рамы), съ одной стороны, близъ огромной, неуклюжей голландской печи изъ изразцовъ, покрытыхъ синими изображеніями разныхъ фантастическихъ фигуръ, стоялъ массивный коммодъ о четырехъ ящикахъ, обклеенный желтымъ орѣховымъ деревомъ, съ мѣдными бляхами на замочныхъ отверстіяхъ и съ мѣдными же головками на двухъ переднихъ углахъ. На немъ лежали двѣ кипы книгъ и ноть, ситцевое платье, недавно вымытое и выглаженное, и ситцевый шафрокъ. Возлѣ коммода — кушетка краснаго дерева, обитая кашемиромъ. Нѣсколько стульевъ и креселъ стариннаго фасона дополняли мѣбель въ этой маленькой комнатѣ, низкой и мрачной. На кушеткѣ, ярко-освѣщенной лучами свѣтлага осенняго солнца, спала молодая дѣвушка, и передъ нею стояла стройная дѣвочка лѣтъ четырнадцати, глядѣвшая съ вѣжливымъ участіемъ на лицо спящей, одушевленное улыбкою: видно было, что надъ нею носились свѣтлыя грезы. Дѣвочка нѣсколько минутъ оставалась безмолвною зрительницею; потомъ тихо сказала:

— Вѣра Николавна! проснитесь, душенька: пора! и съ этими словами поцаловала спящую.

Легкая дрожь пробѣжала по бѣлымъ, роскошнымъ плечамъ Вѣры; она какъ-будто съ испугомъ открыла глаза, и, освободивъ изъ-подъ тонкаго одѣяла руку, медленно оправила пышныя пряди русыхъ волосъ и пристально поглядѣла кругомъ себя.

— Я испугала васъ? спросила дѣвочка.

— Не испугала, но прервала чудесный сонъ... Какая ты досадная...

— Виновата, душенька; меня послала тѣтенька. Сегодня воскресенье; вы знаете, какъ она бранитъ васъ за то, что вы будто-бы всегда просыпаете позднюю обѣдню.

— Она всегда и за все бранитъ меня, сказала Вѣра съ тихимъ вздохомъ.

— Вы сердитесь на меня?

— Я не умѣю сердиться, Липочка.

— Ну, простите меня, милая Вѣра Николавна, и расскажите, что вы такое видѣли во снѣ?

Въ это время въ комнату явилось третье лицо: женщина лѣтъ тридцати.

— Такъ и есть! воскликнула она сердито: — ВѢра Николавна, вы еще не изволили встать! Что это за нѣженка такая! что за глупица!.. Откуда, скажи, моя милая, ты получила такія привычки?.. Къ обѣднѣ ужь отблаговѣстили, а она еще изволишь только просыпаться... Тебѣ непременно хочется подражать Марѣ Никитишнѣ, пріѣзжать въ церковь къ «достойной», къ шапочному разбору. Позволь себѣ замѣтить, что это вовсе тебѣ не кстати. Марѣ Никитишнѣ можно прогазничать отъ двухъ тысячъ душъ, а тебѣ къ-чему? Послѣ батюшки на твою четырнадцатую часть достанется двадцать-три съ половиною души; такъ съ этимъ му-рено корчить роли.

Въ-продолженіе грозной проповѣди, ВѢра безмолвно и съ покорностію встала, надѣла на ноги поношенные бархатныя туфли и пакинула на плеча шлафрокъ. Она приготовилась уже выйти, чтобъ кликнуть горничную, какъ маленькая сцена, разыгранная Липочкою, остановила ее. Рѣзвая дѣвочка сдѣлала комически-важную физиономію, взяла въ одну руку большой рабочей мѣшокъ съ шерстями; съ забавными ужимками передразнивая манеры какого-то деревенскаго фешенебля, расшаркалась передъ сердитою тѣтушкою и подошла ей къ ручкѣ.

Мимика Липочки была такъ уморительна, она такъ удачно карикатурировала представляемую ею особу, что ВѢра, глядя на нее, расхохоталась до слезъ; но не таково было впечатлѣніе, которое этотъ фарсъ произвелъ на тѣтушку. Она покраснѣла отъ досады, и, отдернувъ руку, которою Липочка овладѣла-было съ комическою ловкостью деревенскаго франта, закричала на бѣдную актриссу:

— Кого ты это смѣешь передразнивать, негодная дѣвчонка?!.. ВѢра Николавна, полюбуйтеся на вашу воспитанницу... Безподобно!.. Это, конечно, ваши уроки... Пошла вонъ, негодная! съ глазъ моихъ долой... Ахъ, ты повѣса этакая!.. Каково?.. Понимаешь ты, ВѢрочка, кого она изволишь передразнивать?..

— Петра Иваныча, отвѣчала наивно ВѢра.

Этотъ простосердечный отвѣтъ, казалось, увеличилъ неудовольствіе тѣтушки тѣмъ болѣе, что новый фарсъ Липочки заставилъ ВѢру расхохотаться пуще прежняго...

— Я тебѣ сказала, пошла вонъ отсюда! закричала тѣтушка громче прежняго—и Липочка, видя, что ей приходится принять не въ шутку это приказаніе, отправилась къ двери, но, выходя, присѣла такъ забавно, что даже гнѣвная гонительница ея не могла удержаться отъ улыбки.

— Что это за бѣсенокъ! сказала она, когда Липочка вышла.— Нѣтъ возможности удержаться отъ смѣха, глядя на ея проказы; а между-тѣмъ, это такой *шкандаль*, что она передразниваетъ всѣхъ на свѣтѣ и даже такого почтеннаго и прекраснаго человѣка, какъ Петръ Иванычъ. Запрети ей, другъ мой, передразнивать Петра Иваныча. Какъ она смѣетъ смѣяться надъ Петромъ Иванычемъ? Слышишь, ВѢрочка?

— Слышу, тётенька.

— Ну, то-то: пожалуйста. Я давно собиралась поговорить съ тобою о Петръ Иванычъ, продолжала сердитая посетительница, усаживаясь въ кресла и стараясь успокоиться.—Сядь сюда, Вѣра, мой другъ. Я сегодня чувствую себя въ большой способности къ разговору. Къ-тому же, я придумала употребить тебя въ-отношеніи одного самаго деликатнаго обстоятельства... Скажи мнѣ, что ты скажешь о Петръ Иванычъ?..

— Что же, тётенька, я могу сказать о немъ, кромя того, что нахожу его хорошимъ человѣкомъ. .

— Не правда ли, онъ очень-прекрасный человѣкъ? Красивый мужчина, ловкій, добродѣтельный, почти ничего не пьетъ и услужливый!.. Правда ли, Вѣрочка?

— Совершенная правда, тётенька.

— А какой хозяинъ! живетъ отъ полутороста душъ такъ, что можно подумать отъ пятисотъ; оранжерея своя, лошади не хуже чѣмъ въ каретѣ у Марѣы Никитишны; суконную фабрику хотеть заводить... Молодецъ вѣдь... а? Не правда ли, Вѣрочка?

— Правда...

— Женихъ хоть куда?..

— Женихъ?!.. Что вы хотите сказать, тётенька?

— А то, моя милая, что по его отношенію въ разговорѣ и въ обращеніи... даетъ мнѣ поводъ... который ясно говорить, что онъ имѣетъ нѣкоторые виды...

— Виды?... Какіе же это виды?..

— Въ двадцать лѣтъ, кажется, пора догадываться какіе...

— Не-уже-ли? Вы думаете?..

— Ты слишкомъ-проста, Вѣра; такъ ты этого не замѣтила?

— Я?... нисколько... ни тѣни. Но вы вѣрно обманулись, тётенька.

— Ты ничего не замѣчаешь, возразила тѣтушка, по-видимому смущенная этимъ отвѣтомъ: — ты не видишь, что у тебя дѣлается подъ носомъ, ни на что не обращаешь вниманія. Между-тѣмъ, какъ это ясное днѣ, что Петръ Иванычъ не даромъ навѣщаетъ насъ такъ усердно каждый день.

— Мнѣ казалось, что онъ это дѣлаетъ просто отъ скуки.

— Не думаешь ли ты, что его очень забавляетъ твой угрюмый и капризный папаша, который безпрестанно отпускаетъ ему разныя глупости и грубости.

— Но вѣдь здѣсь не одинъ папаша.

— Если вы изволите принимать его посѣщенія на свой счетъ, то позвольте васъ поздравить, что вы очень ошибаетесь; относительно тебя, конечно, никто ничего не увидалъ бы особеннаго: Петръ Иванычъ любезничаетъ съ тобою точно столько же, сколько съ Липочкою.

— О, слава Богу! сказала Вѣра, облегчивъ грудь тяжелымъ вздохомъ и развеселившись. — Вы можете быть увѣрены, тётень-

ка, что я нисколько не принимаю на свой счет посѣщеній Петра Ивановича; я, напротивъ, испугалась, подумавъ сначала, что вы на это намекаете... Право, мнѣ такъ показалось съ вашихъ словъ; но теперь я понимаю... теперь я вижу, что... слава Богу, я ошиблась...

— Ты можешь ошибаться и славить Бога, сколько тебѣ угодно, возразила тѣтенька, вставая съ явною досадою. — Я вижу, что ты и въ двадцать лѣтъ слишкомъ такъ же слѣпа и безтолкова, какъ была десять лѣтъ тому назадъ...

ВѢра, въ-самомъ-дѣлѣ принявшая—было на свой счетъ намеки своей прозорливой тѣтушки, подтверждавшіе ея мутныя предчувствія, была такъ рада счастливому обороту разговора, что не хотѣла оставлять добрую вѣстницу въ дурномъ расположеніи духа, и притомъ желала совершенно удостовѣриться въ основательности ея догадокъ.

— Вы за дѣло меня браните, тѣтенька, сказала она:—какъ не замѣтить этого? Теперь, когда я хорошенько припомню...

— Не правда ли? спросила тѣтушка, усаживаясь вновь съ торжествующимъ видомъ:—припомни, обдумай хорошенько; ты увидишь, что изъ каждаго шага его, изъ каждаго его слова видно, что все не просто... Да, впрочемъ, что жъ такое!.. я могу тебѣ признаться, что съ годъ тому назадъ, онъ просто—на—просто *подвѣзжал* ко мнѣ... Но я, разумѣется... дала ему почувствовать, что онъ очень ошибается...

— Ошибается! вы ему отказали? воскликнула ВѢра съ новымъ опасеніемъ.

— Какая ты безтолковая! Я говорю тебѣ, что онъ *подвѣзжал* ко мнѣ съ *объясненіемъ*. Понимаешь?

— Не могу никакъ понять...

— Ты просто притворяешься. Какъ? до-сихъ—поръ не понимать, что значитъ *объясненіе мужчины*! Ты, кажется, живешь со мною болѣе пяти лѣтъ.

Это наивное истолкованіе заставило покраснѣть ВѢру. Видно было, что она вспомнила уроки тѣтушки, относительно разныхъ потребностей, входящихъ въ *объясненіе мужчины*, и что уроки эти были довольно-ясны.

— Не-уже-ли же онъ осмѣлился?.. воскликнула она съ негодованіемъ.

— Прошу, чтобъ это осталось между нами. Да, онъ изволилъ-было пуститься со мною въ нѣжности, но я знаешь, какъ приняла его! Здѣсь тѣтушка обнаружила—было нѣкоторое смущеніе; но скоро оправилась и продолжала:

— Теперь ты видишь, что мои догадки не воздушные замки. До-сихъ—поръ Петръ Ивановичъ не изволилъ предпринимать ничего положительнаго, и мнѣ надоѣла такая медленность. Надобно его подвинуть, и я надѣюсь, что ты не откажешься мнѣ въ этомъ поможь.

— Я?

— Да, ты!

— Какимъ же образомъ?

— Очень-простымъ, я научу тебя, что говорить и дѣлать.

Вѣра задумалась при этомъ предложеніи.

— Тѣтенька, душенька! сказала она черезъ нѣсколько минутъ:— вы не разсердитесь за то, о чемъ я васъ спрошу?

— Что еще такое?

— Вы съ своей стороны намѣрены выйти за Петра Ивановича... разумѣется, если онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе?

— Безъ сомнѣнія.

— Послѣ того, что вы сейчасъ разсказывали!...

— Что жъ тутъ удивительнаго!.. Ты забавна, милый другъ, съ своими уморительными вопросами. Я вижу въ Петрѣ Ивановичѣ совершенно выгодную партію. Пора тебѣ понимать эти вещи.

— Нѣтъ, я до-сихъ-поръ еще ясно не понимаю. Вы знаете, какъ я мало видѣла свѣтъ. Лучше сказать, совсѣмъ его не знаю и не видала. А между тѣмъ, что я читала и тѣмъ, что слышу и вижу здѣсь кругомъ себя, такая страшная разница, что не могу хорошенько объяснить себѣ всѣхъ этихъ соображеній и побужденій женитьбы и замужства. По моимъ понятіямъ, это должно такъ дѣлаться: мужчина и дѣвушка совершенно сходятся въ понятіяхъ, во вкусахъ, въ чувствахъ; это образуетъ между ними симпатическое сочувствіе, потомъ любовь, т. е. безпредѣльную дружбу и совершенно-естественное желаніе не разлучаться другъ съ другомъ. Для этого они женятся, взвѣсивъ, конечно, напередъ возможность такого соединенія и...

— Перестань, сдѣлай милость, ты уморишь меня со смѣху. Ты разсуждаешь точно Липочка... тебѣ пора знать эту грамоту...

Шумъ отворившихся дверей прервалъ философическое разсужденіе молодой вдовы. На сцену явились два новыя лица: горничная Вѣры и старуха, ея няня, а сзади ихъ Липочка. Шалунья разозлилась, что гнѣвъ тѣтушки долженъ уже былъ успокоиться и рѣшилась возвратиться изъ изгнанія. Она съ самымъ смиреннымъ видомъ подошла къ Вѣрѣ и помѣстилась воадѣ нея; горничная начала готовить разныя принадлежности туалета Вѣры, а няня, поцаловавъ ручку своей барышни, стала сзади стула. Тѣтушка была, по-видимому, въ самомъ лучшемъ расположеніи духа; она не обратила вниманія на самовольное возвращеніе Липочки и обернулась къ нянѣ съ благосклонною улыбкою.

— Подлюбайся на свою питомицу, Андревна, сказала она ей.— Послушай, какъ разсуждаетъ она о замужствѣ... Нѣтъ, мой милый другъ Вѣрочка, твои прекрасныя разсужденія ни къ чему не годятся. Ты точно такъ же толкуешь объ этомъ, какъ покойница княжна Варвара Александровна, моя пріятельница. Она, бывало, точнехонько также разсказываетъ мнѣ, что въ бракѣ нужны любовь, чувства и такъ далѣе. Все это очень-хорошо, безъ

сомнѣнія, тамъ, гдѣ это *можетъ быть*; но позвольте васъ спросить, какъ это здѣсь, у насъ, на-прим., въ Р—мъ-Уѣздѣ, вы сдѣлаете такую партію? Тебѣ извѣстны всѣ здѣшніе женихи. Въ которомъ изъ нихъ нашла бы ты это нѣжное сочувствіе? Котораго изъ нихъ можно полюбить на цѣлую жизнь? Кто изъ нихъ понимаетъ въ этомъ что-нибудь? Нутка, скажи.

— Никто, тѣтенька. По моему мнѣнію...

— Видишь ли, ты сама знаешь это. Что могутъ чувствовать и понимать эти люди, которыхъ жизнь проходитъ за картами, за бутылками, въ конюшнѣ, въ отъѣзжемъ полѣ и въ дѣвичьей, которымъ нѣтъ никакой надобности въ порядочныхъ женщинахъ. Мы, на-примѣръ, стѣсняемъ ихъ своею деликатностью, тогда-какъ они съ ребячества привыкли къ простору и свободѣ въ любви и ласкахъ женщинъ... Естественно, они только и видятъ, только и ищутъ въ женщѣбѣ одно — приданое; а насъ берутъ съ нимъ, какъ необходимое бремя.

— Послѣ этого, тѣтенька, зачѣмъ же выходить замужъ?

— Зачѣмъ? А зачѣмъ, мой милый другъ, что намъ, женщинамъ, такъ же необходимы мужчины, т. е. мужья, какъ имъ, мужчинамъ, необходимы женщины... Что дѣлать! таковъ законъ природы... Глупыя вѣтренницы не понимаютъ этого и гонятся за мундирами и усиками, кружатъ головы и сами закруживаются; а благоразумныя невѣсты прежде всего должны позаботиться, чтобъ женихъ былъ молодецъ собою, красивый мужчина... потомъ, чтобъ онъ имѣлъ состояніе... такъ ли, няня?

— Вѣстимо, сударыня, Ненила Григорьевна, отвѣчала старуха.— ВѢра Николавна сама, Богъ съ нею, кровь съ молокомъ. Ей надо мужа молодца. Плохое житье будетъ ей, бѣдняжкѣ, коли навяжется такой шедушный, прости Господи, какъ вонъ Симеонъ Миронычъ, который туда же за людьми тянется... прости Господи согрѣшеніе! Сохрани ее, милосердый Владыка!..

— Ужъ нашла кого, нянюшка, въ примѣръ представить, перебила горничная.— И съ какой это стати пойдетъ барышня за такого хуляка? Она и за Петра Иваныча такъ не подумаетъ.

— Ты не должна вѣшиваться въ разговоры, когда тебя не спрашиваютъ, крикнула сердито Ненила Григорьевна.

— Отчаде же это не пойдти за Петра Иваныча? возразила няня:— баринъ хорошій, смотри какой здоровый, крѣпкій. Не велика бѣда, что ему за тридцать. Нынѣшніе молокососы въ тысячу разъ хуже; состарѣлись всѣ прежде времени; а онъ такой степенный. Я ужъ досконально провѣдала, что у него была всего на все одна ключница, да и та померла, вотъ недѣли три, што ли, тому,—и баринъ съ достаткомъ. Я ономясь ходила въ его усадьбу, къ Кузминычѣ, а онъ увидалъ меня, да и зазвалъ къ себѣ: такъ посмотритко ты, въ домъ-то у него любо глядѣть, не то, что у насъ... И не узнаешь, матушка, Ненила Григорьевна, какъ онъ старый нашъ домъ-то обдѣлалъ. Снаружи тѣсомъ обилъ, выкрасилъ, стекла какія нѣ-

што вставилъ синія, да такія разноцвѣтныя; полы словно лакомъ покрыты; въ гостиной и въ кабинетѣ небель все краснаго дерева, штофная; стѣны бумагою такую знатною облѣплены. А ужъ въ кабинетѣ-то у него што за диковинки, такъ ужъ сказать, что диковины; я нигдѣ отродясь не видывала такихъ... труба, знаешь, какая-то мѣдная, большущая такая... да и всякихъ разныхъ-то разностей столько, что глаза разбѣгутся, а ужъ не то, что пересказать. И такой онъ, мать моя, ласковій, все мнѣ самъ показывалъ... Добро, сударыня моя, Вѣра Николавна; ништо, Петръ Ивановичъ женихъ хоть куда.

Ненила Григорьевна была на седьмомъ небѣ.

— Лѣгко ли женихъ какой, лысый этакій! ворчала сквозь зубы Таня, горничная.

— Нешто развѣ не больно чиновенъ онъ только... продолжала няня. — Какой же немъ чинъ-то, сударыня? мудреный какой-то, Господь его знаетъ.

— А ужасно нужна здѣсь у насъ чиновность, возразила поспѣшно Ненила Григорьевна.—Вонъ, Максимъ Нестерычъ генералъ; ну, что жъ изъ этого? Такой же дворянинъ какъ и мы; сосѣди уважаютъ его ни чуть не больше, чѣмъ Петра Ивановича. На выборахъ шаръ у него такой же. У губернатора приемъ одинакій. Только «ваше превосходительство», вмѣсто «Петръ Ивановичъ»—велика фигура! Исправникъ точно также къ Петру Ивановичу относится съ почтениемъ, потому-что предводитель и дворянство подерживаютъ... Лѣгко ли важность, чинъ!

— Нешто, мать моя; да вѣдь я золотой моей Вѣрѣ Николавиѣ не сваральшею желаю быть, а графинею, либо княгинею...

— Мало бы чего нѣтъ... Оно бы, конечно, другое дѣло, родовое—невывуженное... впрочемъ, есть вѣдь и княгини такія, что помилуй Господи! Вонъ сосѣдка наша Афимя Клементьевна стоить нѣчего.

— Истинная правда, сударыня моя, про Афимя Клементьевну, что ея за княжество, такъ, горемычное... Надобно ужъ точно сказать, что нонича деньги дороже всего на свѣтѣ...

Въ это время раздался отдаленный звукъ церковнаго колокола.

— А! такъ вотъ еще только благовѣстъ къ поздней обѣдѣ, сказала Ненила Григорьевна, вставая.—Я вѣрно обещалась, вѣрно тогда благовѣстили къ «достойной» ранней обѣдѣ. Одидайся, Вѣрочка...

Съ этими словами Ненила Григорьевна вышла изъ коимнаты, и Вѣра начала свой туалетъ.

— А что же вы, Вѣра Николавна, обѣщались рассказать сонъ свой, сказала Липочка.

— Да, да, теперъ кстати здѣсь няня... Послушай, няня, что я видѣла во снѣ сегодня. Стою будто бы я въ церкви, и Петръ Ивановичъ рядомъ со мною...

— Что это, барышня! перервала Таня:—помилуй Господи! неужь-то, въ-самомъ-дѣлѣ...

— Вы съ нимъ вѣнчались, душенька? спросила Липочка.—Фи! что вы это...

— Шалушня, ты-то за что это такъ не жалуешь любезнаго Петра Иваныча?

— Ну, ужь онъ такой!.. возразила Липочка съ уморительною гримасою.—Полноте, Вѣрочка; будто вы въ-самомъ-дѣлѣ съ нимъ вѣнчались?

— Вы шутите, барышня? спросила опять Таня.

— Нисколько не шучу. Слушайте и не перебивайте меня. Стоимъ будто мы въ церкви, и тамъ какъ-будто темно и душно, и на крылосѣ поютъ что-то унылое, грустное; я никакъ не могла разобрать что такое. Вдругъ является покойница-маменька блѣдная, худая и печальная.

Няня перекрестилась.

— Царство ей небесное! это къ морозу, матушка.

— «За что вы преслѣдуете мою бѣдную Вѣру?» сказала маменька, обращаясь къ Петру Иванычу.—Этотъ вопросъ удивилъ меня. Я обратилась тоже, и вообрази, на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ онъ, вижу какого-то высокаго, сѣдаго старика, въ длинномъ сѣромъ сюртукѣ.

— *Сѣраго* старика? воскликнула няня съ изумленіемъ и какъ-будто съ испугомъ.

— Кто же это такой, душенька? спросила Липочка.

— Я никогда не видала его.

— Ты, матушка, видѣла во снѣ *сѣраго* старика? опять спросила няня.

— Да, няня, и этотъ старикъ отвѣчалъ маменькѣ: «Она сама зоветъ меня».—Вѣра зоветъ васъ! воскликнула съ изумленіемъ маменька: — это неправда. Богъ и безъ того далъ ей грустную долю, и такъ она до-сихъ-поръ, бѣдное дитя мое, еще не знала тѣни счастья; ей ли звать васъ! «Послушай ея мечты», сказалъ старикъ. «Я ихъ слышалъ и исполню».—Ты можешь представить себѣ, Липочка, что я ничего не понимала изъ этого разговора и не могла никакъ догадаться, о какихъ это мечтахъ говорить старикъ, о мечтахъ, которыми я будто бы звала его; но, не смотря на то, отъ его словъ, въ которыхъ слышалась страшная иронія и какая-то темная угроза, грудь мою стѣснила безотчетная тоска, тяжелое чувство, какого я еще никогда не испытала. Знаешь, Липочка, какъ во снѣ бываютъ сильны всѣ ощущенія. Я взглянула на маменьку и въ глазахъ ея увидѣла также грусть невыразимую.—«Такъ это неизбежно?» спросила она старика. Онъ поднялъ руку. Въ эту минуту все кругомъ меня пришло въ движеніе, и странною, упонительною тревогою забилося мое сердце, и какъ-будто это неяснѣйшее волненіе разлилось во мнѣ сладкою влагою, быстро наводило глаза, и дивный свѣтъ поднялъ изъ нихъ струями; но

это: былъ не свѣтъ... а чудная стихія, слитая изъ свѣта, ароматовъ и гармоніи. Въ ея волненіи, тревожномъ, но сладостномъ выше всякаго описанія, былъ цѣлый міръ видѣній; на меня повѣло прохладою лѣтняго вечера, и мнѣ видѣлся серебристый, яркій, чистый блескъ души, какъ зѣрна золота на кристалльныхъ нитяхъ каскада, то въ борьбѣ, то въ гармоніи съ ихъ звонкимъ журчаньемъ, среди благоуханій, среди дивныхъ звуковъ музыки... и сквозь слезу, которую эта гармонія вызвала на мою рѣсницу, я какъ-будто увидѣла вѣ себя свою душу, какъ-будто мысли и чувства мои неслись передо мною... то вереницею прозрачныхъ облаковъ, то группами играющихъ звѣздъ, то пышными фестонами роскошныхъ цвѣтовъ. Подъ волшебною силою этой гармоніи все существо мое слилось съ радужною стихіею; на крыльяхъ вѣтра я неслась куда-то... туда, въ безпредѣльность, къ далекимъ звѣздочкамъ, и сердце было полно упоеніемъ, проникнутымъ тоскою, восторгомъ, отравленнымъ горькими слезами: ощущеніе невыразимое, которое уноситъ туда, въ высь недоступную, не отрывая отъ земли, гдѣ оно стелеть по цвѣтамъ, увлекаетъ по теченію струй. Оз еслибъ одинъ часъ... только одинъ часъ испытать наяву такое блаженство! Среди радужныхъ переливовъ, тусклый и блѣдный, едва видѣлся призракъ маменьки. Она указала мнѣ рукою на то мѣсто, гдѣ стоялъ старикъ и чуть слышала я невнятное «молись». Я взглянула туда, гдѣ былъ старикъ, и что же я увидѣла, Липочка?.. На мѣстѣ старика стоялъ... въ эту минуту еще раздавался въ ушахъ моихъ «молись»; но я бросилась къ маму и...

Щеки раскрасицы вспыхнули яркимъ румянцемъ. Нѣсколько секундъ она молчала. По выраженію глазъ ея видно было, что въ это мгновеніе ея роскошныя видѣнія снова пронеслись передъ нею.

— Тутъ мнѣ показалось опять, будто страшный старикъ наклонилъ свою безобразную голову къ нашимъ лицамъ; но это была ты, Липочка; это ты поцаловала меня?..

— Ну, какой сонъ, душенька! воскликнула Липочка, которая, вмѣстѣ съ няней и горничной, слушала разсказъ Вѣры, не переводя дыханія.—Что это онъ значить такое, няня? Не-уже-ли только къ морозу и ничего больше?

— Къ морозу!.. выдумала, старая, возразила Таня.—Посмотрите, барышня, что вамъ быть скоро замужемъ; вотъ помяните мое слово.

— Много ты смыслишь, болтунья, прости, Господи, согрѣшеніе! перебила няня.

— Да, ты вотъ разсказала безподобно! Вишь, къ морозу! Этакія странности, да къ морозу... велика важность морозъ, чтобъ къ нему видѣть такіе сны... Поди ты съ своими вздорами.

— Полно трещать-то, долготычная, прости, Господи; вѣстимо, покойница видѣть значить къ морозу... Не бойсь, ты спорить станешь... Ну-тка.

— Полноте, перебила ВѢра:—расскажи мнѣ, няня, что же такое значить мой сонъ.

— Не слушайте ея, барышня: она ничего не смыслитъ.

— Ты больше знаешь, возразила разсерженная старуха.

— Ахъ, какія вы скучныя! Оставьте ея, няня, и отвѣчай мнѣ.

— Не знаю, матушка... ужь больно что-то мудренъ... сонъ-то твой! Я вотъ ужотка схожу къ Еремевнѣ: она всѣ на свѣтѣ сны разгадываетъ.

— Вотъ еще съ вѣдьмою, съ колдуньей связываться! возразила опять Таня. — Она какъ ворона всегда только бѣду предсказываетъ.

— Что вы такъ задумались, душенька? спросила Липочка, глядя съ участіемъ на ВѢру, фizioномія которой вдругъ отуманилась.

— Я вспомнида, Липочка, что я проснулась съ испугомъ, похожимъ на предчувствіе. Въ этомъ снѣ должно быть что-нибудь не просто. Подумай, откуда взялись въ душѣ моей ощущенія, которыхъ я никогда не знавала... И если можно чувствовать здѣсь на землѣ то, что я чувствовала тамъ, въ мѣрѣ видѣній, то въ жизни есть минуты неизъяснимаго блаженства...

— И, однакожь, злой старикъ далъ вамъ это блаженство, какъ-будто въ наказаніе...

— Да, я объ этомъ-то и думаю. Съ какимъ выраженіемъ маменька сказала мнѣ «молись», какъ-будто мнѣ грозитъ бѣда... Но пускай придетъ эта бѣда, пускай она обрушится надо мною, только бы пожить такимъ чувствомъ... только бы узнать подобное счастье. Безчувственное, холодное существованіе, которое было суждено мнѣ доселѣ, нестерпимо...

— Вотъ вѣрно эти-то мечты подслушалъ старикъ, воскликнула Липочка:—да развѣ вы зовете ими его, гадкаго!

— Что же въ нихъ виновнаго, или грѣшнаго, въ этихъ мечтахъ? Какъ-будто отъ меня зависитъ мечтать такъ, или иначе! Зачѣмъ эти думы родятся въ душѣ моей? Я не зову ихъ... Помню: я была еще ребенкомъ, и глядя на цвѣты, которые растутъ тамъ на Короткомъ-Лугу возлѣ рѣчки, всегда думала съ грустью: зачѣмъ они брошены рукою природы въ этомъ глухомъ уединеніи, гдѣ никто никогда не наслаждается ими? И всегда я ходила срывать ихъ, въ убѣжденіи, что имъ лучше умереть здѣсь у меня и для меня, чѣмъ жить тамъ, не услаждая никого. Виновата ли я, что и послѣ, когда стала сознавать себя, я стала думать, что душѣ моей дано столько чувства, столько энергии не для того, конечно, чтобъ мнѣ, подобно этимъ цвѣтамъ, только глядѣть на солнце и пить росу небесную... Зачѣмъ же во мнѣ эта потребность любить и быть любимою, когда судьба отняла у меня мать почти при самомъ рожденіи; отецъ мой едва замѣчаетъ, что я существую на свѣтѣ... брата я видѣла не болѣе сорока дней во всю свою жизнь. Мы совершенно чужды другъ съ

другомъ... для тѣтушки я меньше значу, чѣмъ ея отвратительная Бибишка... И вотъ, все мнѣ близкое...

На глазахъ Вѣры навернулись слезы.

— Между-тѣмъ, какъ я хотѣла бы любить ихъ такъ горячо и много. Я готова бы отдать свою жизнь, чтобъ показать имъ это; но какъ? чѣмъ? они ничего не видятъ, не хотятъ ничего видѣть... Моя любовь ни на что не нужна имъ... Въ минуты печальныхъ, грустныхъ думъ моихъ, мнѣ кажется иногда, что въ этомъ мирѣ есть существо лучше, выше меня; оно знаетъ и слышитъ тоску мою и сострадаетъ мнѣ такъ, какъ я, видѣвъ бѣдныя пролевыя цвѣточки, сострадала ихъ жалкой участи. Зачѣмъ же не поступить оно такъ со мною, какъ дѣлала я съ этими бѣдными цвѣтами?...

— И, барышня, Богъ милостивъ! Вотъ посмотрите, какъ сонъ въ руку: явится вамъ женихъ умный, богатый и знатный. Полноте горевать, сказала Таня, окончивъ туалетъ своей барышни: — тогда всю вашу грусть какъ рукой сниметъ.

Ненила Григорьевна вошла опять, совершенно одѣтая, въ шляпкѣ съ вуалью и окруженная атмосферою ароматовъ *А. Б. Мусатовъ*. Она съ строгимъ вниманiемъ осмотрѣла Вѣру со всѣхъ сторонъ и осталась совершенно-довольна ея туалетомъ. Вѣра, впавъ тѣтку въ такомъ хорошемъ расположенiи духа, вздумала имъ воспользоваться.

— Тѣтенька, сказала она: — утро сегодня чудесное, пойдемте пѣшкомъ къ обѣднѣ.

— Фи, Вѣрочка, что за вздоръ, къ какой это стати? кто ходитъ пѣшкомъ въ церковь? Подумаютъ, что у насъ нѣтъ экипажа.

— Кто же подумаетъ, тѣтенька? Въ нашей церкви вѣдь никогда никого не бываетъ, кромѣ крестьянъ; а они всѣ знаютъ, что у насъ есть эта интересная машина неопредѣленнаго цвѣта, которую вы съ такою благосклонностью всегда называете экипажемъ. Притомъ, отсюда до села только два шага.

— Я, мой другъ, семь лѣтъ жила въ губернскомъ городѣ, сказала съ достоинствомъ Ненила Григорьевна. — Тамъ церкви еще ближе, и все-таки тамъ ни одна порядочная дама, у которой есть экипажъ, не ходитъ пѣшкомъ къ обѣднѣ.

Противъ такого всепобѣждающаго аргумента, Вѣра, привыкшая къ безусловному повиновенiю, не находила никакихъ приличныхъ возраженiй: она поспѣшила надѣть шляпку. Таня накинула на нее ватный салопъ, и обѣ дамы, перекрестившись три раза, отправились въ сопровожденiи няни и горничной по лѣстницѣ мезонина, въ которомъ помѣщались ихъ комнаты.

У чернаго крыльца ихъ ожидалъ, запряженный четверкою, экипажъ, который Вѣра называла машиною неопредѣленнаго цвѣта. Дѣйствительно, по вышинѣ и громадной сложности этого локомотива, его скорѣе можно было принять за какой-нибудь механический снарядъ, чѣмъ за коляску, которой онъ носилъ названiе.

Тому, кто не видалъ подобныхъ замѣчательныхъ произведеній нашихъ уѣздныхъ доморощенныхъ художниковъ прошлаго столѣтiя, трудно составить себѣ понятiе о его формѣ, соединившей въ себѣ всё удобства тарантаса и обыкновеннаго рессорнаго экипажа. Въ его конструкцiи замысловатое русское досужество такъ искусно соединило въковую прочность съ удобствомъ, привольемъ и просторомъ, что вы, разсматривая его непостижимыя подробности, въ изумленiи не знаете, чему отдать преимущество: гениальности ли смѣлыхъ соображенiй, соединившихъ въ такое дивное цѣлое эти массы дерева, желѣза и кожи, или волѣ того, кто вызвалъ гений художника къ созданiю этого неизмѣримаго двигателя!

Съ помощiю лакея и горничной, Ненила Григорьевна и ВѢра благополучно достигли вершины безконечной подножки, которую мощная рука лакея развернула передъ ними; дверцы хлопнули съ такимъ же шумомъ, съ какимъ были открыты; подножка поднята, и экипажъ двинулся.

Въ то время, когда мои путешественницы, напутствуемыя молитвами и благословенiями старой няни, проѣзжали рѣшетчатые ворота и поворачивали налево, въ полуверстѣ съ правой стороны по дорогѣ, лежавшей изъ сосѣднихъ селенiй, четверка вороныхъ быстро несла къ дому коляску обыкновенной формы. ВѢра первая увидѣла ее.

— Посмотрите, тѣтенка, вѣдь это Петръ Ивановичъ, сказала она:—что это значить, такъ рано? Папаша спитъ еще.

— Да, да, это онъ, это Петръ Ивановичъ! воскликнула Ненила Григорьевна, и лицо ея выразило страшную душевную тревогу.— Ахъ, мой Творецъ! что это значить? чѣмъ свѣтъ и несется, какъ сумасшедшiй. Вѣрно что-нибудь случилось... Постой, Филиппъ... ради самого Бога, остановись (кучеръ остановилъ лошадей). Скажите, пожалуйста, чѣмъ свѣтъ!.. Непремѣнно что-нибудь случилось. Не даромъ сегодня поутру у меня было такое волненiе въ нервахъ... Ахъ, мой другъ, Вѣрочка, вотъ тебѣ и обѣдня! Боже мой, какое положенiе!

— Сашка, ты ничего не слыхалъ?

Этотъ вопросъ обращался къ лакею, который въ своей ливреѣ изъ толстаго сняго сукна, съ краснымъ откиднымъ воротникомъ, обшитомъ позументами, въ круглой кожаной шляпѣ съ гребешкомъ, совершенно скрылся за безпредѣльнымъ откиднымъ верхомъ коляски.

— Ничего не слыхалъ, сударыня, закричалъ изъ своего убѣжища Сашка, который глядѣлъ выпуча глаза на приближающуюся коляску и вполне раздѣлялъ изумленiе Ненилы Григорьевны. — Посмотри-тка, какъ его нелегкая несетъ. Словно нечистая сила за нихъ гонится.

— И ты, Филиппъ, ничего не слыхалъ? спросила Ненила Григорьевна кучера.

— Ничего не слыхалъ, сударыня, отвѣчалъ Филиппъ.—Чему къ

черту случиться! Съ жару, чай, бѣсится, ворчалъ онъ подъ носъ: — видишь ты гонять; благо свои животы—то, сердечные.

— Каково, Вѣрочка! никто ничего не слыхалъ, воскликнула Ненила Григорьевна.—Непремѣнно что-нибудь случилось. Ахъ, Творецъ мой! да подѣдетъ ли онъ когда-нибудь?..

Черезъ нѣсколько секундъ, коляска, предметъ безпокойныхъ ожиданій, была въ пятидесяти шагахъ. Ненила Григорьевна не могла долѣе выдерживать.

— Петръ Ивановичъ! Бога ради! закричала она изо всей силы:— повторите скорѣе, что случилось?..

Кучеръ Петра Ивановича, видѣвшій издали, что дамы находились въ ожиданіи, остановилъ лошадей, а самъ Петръ Ивановичъ, снявъ фуражку и сбросивъ шинель, поднялся на ноги и вѣжливо раскланялся.

Это былъ мужчина лѣтъ сорока, невысокаго роста, сухощавый, немного—лысый, съ физиономіею монгольскаго типа: въ его быстрыхъ, черныхъ, узенькихъ глазахъ видѣнь былъ умъ, хитрость и упрямство.

— Мое вамъ почтеніе, Ненила Григорьевна, сказалъ онъ сладкимъ голосомъ: — съ добрымъ утромъ, Вѣра Николаевна; честь мнѣю васъ поздравить съ праздникомъ. Какъ ваше здоровье? Сегодня превосходная погода!

— Да скажите же скорѣе, что у васъ такое случилось... Творецъ мой! дождусь ли я отвѣта?.. Вы умертвите меня!

— Васъ умертвить! Убей меня Богъ!.. Что вы это говорите?

— Ахъ, какое мученье!.. что у васъ случилось? спрашиваю я... Умилосердитесь, скажите мнѣ скорѣе...

— Что у меня случилось?..

— Да, да, Бога ради поскорѣе... Не мучьте; что такое случилось?..

— Гм... что у меня случилось? Покуда еще ровно ничего... А, можетъ—быть, случится...

— Вы меня ужасаете... Какъ случится? Что такое случится?..

— Да—съ, я надѣюсь, что случится, и не далѣе, какъ сегодня...

— Стало—быть, что-нибудь пріятное?..

— Весьма и весьма—пріятное можетъ случиться.

— Уфъ... слава Богу... Вы меня до смерти перепугали.

— Скажите!!

— Я думала, Богъ—знаетъ какіе ужасы случились; мы съ Вѣрочкой такъ и ахнули...

— Совсѣмъ напротивъ, сударыня. — Вы къ обѣднѣ изволите ѣхать?

— Точно такъ—съ.

— Усердно прошу помолиться за меня.

— Съ величайшимъ удовольствіемъ. Фу! какъ вы меня испугали. Пошелъ, Филиппъ... До пріятнаго свиданія, Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ снова вѣжливо раскланялся, надѣвъ фуражку,

которую онъ держалъ въ рукахъ во все время разговора, и сѣлъ на свое мѣсто. Коляски развѣхались. Петръ Ивановичъ отправился къ крыльцу.

— Какъ ты думаешь, Вѣра? спросила Ненила Григорьевна племянницу, когда онъ отвѣхали на такое разстоянiе, что Петръ Ивановичъ не могъ слышать ихъ разговора.

— О чемъ, тѣтецька?

— Ну, объ этомъ происшествiи.

— Я не знаю, что думать.

— И я тоже. Что онъ такое толковалъ?.. Я ничего не поняла. И ты тоже?

— И я тоже, тѣтецька.

— Чудеса, да и только... Это не даромъ: воля твоя...

— Ай, ай, Филиппъ!.. тише, ради самого Бога... тише... Куда ты ѣдешь? Ай, ай, ай, ты насъ опрокинулъ...

— Сидите знайте, сударыня, отвѣчалъ Филиппъ лаконически и сурово.

Крикъ Ненилы Григорьевны произошелъ отъ - того, что лѣвое заднее колесо коляски въѣхало на маленькiй бугорокъ (на который оно въѣхало каждое воскресенье и каждый праздникъ) и коляска едва замѣтно наклонилась на правую сторону.

— Замѣтила ты, Вѣра, продолжала Ненила Григорьевна:—какъ онъ разодѣтъ сегодня. Я его такъ никогда, кажется, не видала... Бѣлый галстухъ и бѣлая жилетка, пике... ердоликовая булавка съ золотою цѣпочкою, синiй фракъ съ свѣтлыми пуговицами, который онъ о спажинкахъ привезъ съ ярмарки и даже какая-то новая фуражка,—и какъ раздушенъ, распомаженъ, даже изъ коляски было слышно... Я даю руку на отсѣченiе, что это не даромъ. Какъ ты думаешь, Вѣрочка?

— Вѣроятно, тѣтецька... Я васъ поздравляю...

Ненила Григорьевна показала глазами на кучера, давая знать эту пантомимую о нескромности поздравленiя; но въ то же время лицо ея просіяло счастьемъ. —

Между-тѣмъ, какъ дамы мои подъѣзжали къ церкви, у дверей которой стояла толпа мужиковъ въ синихъ кафтанахъ съ красными кушаками, и бабъ, съ маковки до подошвы одѣтыхъ въ красное съ желтымъ, Петръ Ивановичъ остановился у бѣлаго крыльца того же самого дома, откуда сейчасъ только уѣхали мои героини. Когда онъ выходилъ изъ коляски въ грязныя сѣни, наполненныя запахомъ, вовсе-непохожимъ на благоуханiе амбры, какъ говоритъ Донъ-Кихотъ, соткнулся съ нимъ носъ-съ-носомъ лакей, во всей наивной преселотѣ ночнаго костюма, босой и съ включенными волосами. Взглянувъ на гостя, онъ протеръ глаза, и, казалось, пришелъ въ недоумѣнiе, дѣйствительно ли онъ видитъ того, чья особа была передъ нимъ.

— Что ты, Сергѣй, вынулъ такъ глаза? спросилъ его Петръ Ивановичъ съ благосклонною улыбкою: — знать ты, братъ, вчера хватилъ неосторожно. Не выспался. А пора бы ужъ! — Петръ Ивановичъ вынулъ изъ кармана золотыя часы на золотой цѣпочкѣ. — Семь минутъ девятаго. Это, братецъ мой, не по-деревенски. Ты, кажется, все еще и теперь не узнаешь меня?

— Какъ не узнать, сударь. Да што это вы больно рано изволили пожаловать? Мы здѣсь вотъ уже пятнадцать лѣтъ имѣемъ прожителство, а никто еще не прѣзжалъ никогда въ эту пору... Все ли у васъ благополучно?

— Все, братецъ, слава Богу; хороша ли твоя встрѣча?

— Моя встрѣча, сударь, самая благожелательная. Съ праздникомъ честь имѣю васъ поздравить.

— Ты, кажется, скоро именинникъ?

— Въ пятницу, сударь.

— На, вотъ тебѣ, братецъ, четвертакъ, выпей за мое здоровье. Сергѣй бросился отворять двери въ прихожую.

— Баринъ еще не вставалъ?

— Никакъ нѣтъ, сударь, еще не изволили звонить.

Петръ Ивановичъ вышелъ въ прихожую и увидѣлъ тамъ другаго лакея, который, сидя на прилавкѣ, совершалъ свой утренній туалетъ. Появленіе гостя произвело въ немъ повидному еще сильнѣйшее недоумѣніе, нежели въ Сергѣѣ, такъ — что онъ съ разинутымъ ртомъ и съ сапогомъ въ рукахъ, сидя неподвижно, глядѣлъ на посѣтителя.

— Встань, разиня! грозно крикнулъ Сергѣй. — Ослѣнь, что ли ты

Петръ Ивановичъ прошелъ во внутренніе покои; черезъ маленькую залу и столовую онъ достигъ до дверей спальни хозяйки и тихонько постучался.

— Какая бестія тамъ возится? воскликнулъ голосъ изъ-за двери.

— Откройте; это я.

— Кто тамъ такой? Кого чортъ принесъ съ-позаранка? продохъ жалъ тотъ же голосъ.

— Я, я, Петръ Ивановичъ.

— Петръ Ивановичъ?

— Да, я, Петръ Ивановичъ.

— Войди, братецъ, — не заперто.

Петръ Ивановичъ отворилъ дверь и вошелъ въ спальню, совершенно соответствовавшую комнатѣ Вѣры.

Тѣ же, ничѣмъ-необитыя, почернѣвшія отъ времени, бросчатыя стѣны, только повыше. У задней стѣны въ углу прѣстала деревянная, некрашенная кровать, у которой мѣсто занавѣса замѣняетъ пологъ изъ серпянки; возлѣ ея съ одной стороны висѣла модь, совершенно-подобный тому, который находился въ комнатѣ Вѣры; а съ другой — маленькій столикъ, грубо-выкрашенный зеленою масляною краскою, и на столѣ погашенная свѣча, на стр

стоитъ идномъ подставчикъ, щипцы и колокольчикъ. Въ переднемъ углу передъ образомъ Николая-Чудотворца въ серебряной ризѣ старинной работы съ жемчужными украшениями и золотымъ вѣнкомъ, теплилась серебряная лампада, подъ которою въ бумажной сѣткѣ висѣло красное яйцо, а подъ нимъ маленькая фигурка изъ нисчей бумаги, затѣйливо сложенной и вырѣзанной въ образъ и подобіи птицы миньютюрнаго размѣра. Подъ образомъ помѣщался другой столъ, нѣсколько-побольше перваго, съ ящиками, выкрашенный красною краскою, съ черными разводами, необыкновенно-хорошо выражавшими красное дерево; на этомъ столѣ помѣщались: бритвенный ящикъ, кипа бумагъ, разныя подробности ежедневнаго костюма хозяина, окованный желѣзными полосами старый черный, засаленный сундучокъ и кортоновы сферообразныя часы.

На стѣнѣ, прямо противъ постели, въ рамкѣ, позолоченной безъ большихъ претензій, гордо красовался пергаментъ съ красною печатью, и... каждое утро, просыпаясь, каждый вечеръ, ложась спать, владѣтель этого пергамента, украшеннаго великолѣпнымъ бордюромъ, прочитывалъ, что дворянское депутатское собраніе опредѣлило: Николая Григорьевича Бормотышина и родъ его внести въ родословную дворянскую книгу. Ниже, въ такой же рамкѣ, только гораздо меньшаго размѣра, на другомъ пергаментѣ, также украшенномъ печатью и бордюромъ повѣшенъ былъ дипломъ Бормотышина на чинъ прапорщика.

Вы легко можете понять, сколько прошедшаго, сколько сладкихъ и утѣшительныхъ воспоминаній воскресало въ сердцѣ Николая Григорьевича, когда взоръ его, спускаясь съ перваго пергамента, падалъ на второй и потомъ тихо и медленно останавливался на висящей подъ нимъ картинкѣ, точно въ такой же рамкѣ, какъ оба пергамента, но еще меньшаго размѣра, и въ которой помѣщалось акварельное, миньютюрное, поясное изображение молодого офицера, въ мундирѣ, съ подписью: «уволенному изъ военной службы подпоручику Николаю Бормотышину. Другъ его Ерастъ Фалтинъ». Вы догадываетесь, что это былъ портретъ Николая Григорьевича, снятый съ него однимъ изъ его товарищей въ послѣдніе дни грустной его разлуки съ поприщемъ Беллоны. Въ этихъ трехъ безмолвныхъ свидѣтеляхъ прошедшаго изображались три важнѣйшіе фаза исторіи его жизни.

Продолженіе собранія памятниковъ находилось въ комнатѣ, которую я описалъ въ началѣ разсказа, а именно: тотъ масляный портретъ женщины съ розою въ рукахъ досказывалъ, что Николай Григорьевичъ былъ женатъ; особа Вѣры дополняла, что бракъ этотъ не былъ безплоденъ. Еще одинъ эпизодъ этой исторіи не имѣлъ представителей въ двухъ извѣстныхъ уже вамъ комнатахъ: первыиъ плодомъ счастливаго брака Николая Григорьевича былъ сынъ, Грища; его портретъ-дагерротипъ (присланный только за недѣлю до начала моего разсказа съ обозомъ изъ Москвы).

находился въ кабинетѣ. Изъ этого подробнаго описанія кабинета, въ которую вошелъ Петръ Ивановичъ, вы видите, что въ ней было много такого, что могло бы обратить вниманіе наблюдателя-философа и служить предметомъ глубокомысленныхъ размышлений.

Въ этомъ болѣе чѣмъ скромномъ убѣжищѣ, гдѣ все дышало наивною простотою прошлыхъ столѣтій, жила и уже прожила болѣе пятнадцати лѣтъ Николай Григорьевичъ Бормышикинъ, имѣющій болѣе шестисотъ душъ обоего пола и до шестнадцати тысячъ десятинъ земли и лѣсовъ — владѣніе, занимающее болѣе полугораста квадратныхъ верстъ пространства и, слѣдовательно (еслибы всѣ эти земли, разбросанныя по Россіи, соединить въ одно мѣсто), равняющееся значительнѣйшимъ баронствамъ Англіи, Франціи и Германіи...

Но Петръ Ивановичъ вовсе былъ не расположенъ къ философскимъ разсужденіямъ, во-первыхъ, потому-что онъ, при входѣ въ комнату Николая Григорьевича, вовсе не могъ видѣть всѣхъ ея подробностей, такъ-какъ единственное окно, черезъ которое проникалъ въ нее свѣтъ, было закрыто деревянною рамою съ натянутою на ней черною, плотною холстиною, отъ-чего въ комнатѣ царствовала совершенная темнота; во-вторыхъ, онъ видѣлъ эту комнату почти каждый день въ-теченіе пяти слишкомъ лѣтъ: стало-быть, она вовсе не могла уже произвести на него, на этотъ разъ, никакого особеннаго впечатлѣнія; въ-третьихъ, практическое направленіе ума не дозволяло ему заниматься открытіемъ тайныхъ причинъ состоянія вещей, которыми онъ любилъ пользоваться такъ, какъ онъ есть, и, въ-четвертыхъ, наконецъ, въ эту минуту онъ былъ слишкомъ занятъ предметомъ гораздо-важнѣйшимъ.

II.

ЖЕНИТЬБА.

Чтобъ объяснить причину тревожнаго, такъ-сказать, состоянія, въ которомъ находился Петръ Ивановичъ, я долженъ возвратиться нѣсколько назадъ.

Дѣло состояло въ томъ, что Ненила Григорьевна совершенно-угадала истинную причину ежедневныхъ посѣщеній, которыми Петръ Ивановичъ постоянно въ-теченіе пяти лѣтъ удостоивалъ домъ своего сосѣда, Николая Григорьевича. Несется слухи, будто-бы послѣдствія ея объясненія съ обольстительнымъ посетителемъ были вовсе не такъ холодны и суровы, какъ она рассказывала племянницѣ; но я не нахожу достаточнаго основанія признавать достоверными эти слухи послѣ ея личнаго отзыва объ этомъ предметѣ. Какъ бы то ни было, дѣла Ненилы Григорьевны

шли такъ хорошо, что въ то же самое утро, когда интересная вдова замышляла планъ серьезной атаки противъ безбрачнаго состоянія моего Ловласа-сосѣда, находя сомнительнымъ его къ себѣ расположеніе, Петръ Ивановичъ проснулся часовъ въ пять съ глубокою думою объ этомъ важномъ предметѣ...

На чистомъ, безоблачномъ небѣ едва только занялась розовая заря. Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на часы, надѣлъ туфли, прочелъ свои утреннія молитвы, и отправившись въ кабинетъ, принялся ходить по шемъ взадъ и впередъ въ глубокомъ раздумьѣ.

— Рѣшено, говорилъ онъ про себя: — Яду сегодня и покончу всю эту исторію формальнымъ образомъ.

Онъ подошелъ къ окну, отвернулъ его и взглянулъ въ телескопъ, помѣщенный на маленькомъ столикѣ противъ окна.

Домъ Петра Ивановича стоитъ на вершинѣ довольно-высокаго холма; кабинетъ находится въ мезонинѣ, и такъ-какъ домъ Николая Григорьевича построенъ тоже на довольно возвышенной мѣстности и не болѣе какъ въ двухъ верстахъ по прямому направленію (хотя по объѣздной дорогѣ считается до него пять слишкомъ верст), то изъ окна своего Петръ Ивановичъ въ телескопъ видѣлъ все, что дѣлалось на дворѣ его пріятеля. Не смотря на легкій туманъ и невѣрный свѣтъ утра, онъ удостовѣрился, что тамъ все еще было погружено въ мирномъ усыпленіи. Петръ Ивановичъ затворилъ окно и снова началъ прохаживаться.

— Да, надобно жениться на ней, продолжалъ онъ разговаривать самъ съ собою: — чортъ ли такъ! скука смертная одному въ домѣ безъ женщины! Послѣ Маши — царство ей небесное...

Петръ Ивановичъ подошелъ къ столу; медленно открылъ огромную, красивую бумажную табачницу, произведеніе Лукутина, съ тихимъ вздохомъ досталъ оттуда щепотку табаку и энергически втянулъ ее въ одну ноздрю, закрывъ пальцемъ другую, — какъ-будто этимъ процессомъ онъ хотѣлъ дать другой оборотъ мыслямъ и заглушить грустное воспоминаніе.

— Не могу себѣ выбрать ни одной по нраву; какія-то всѣ дубовыя; а я ужъ сдѣлалъ привычку ко всему этакому пріятному, избаловался... Что прикажешь дѣлать? Да (Петръ Ивановичъ шелкнулъ языкомъ), штука, пожалуй, можетъ выйти преглухая... Въ этихъ женщинѣхъ иногда словно бѣсъ вселяется... А какъ быть... какъ быть, желалъ бы я знать? поди тутъ, рассуждай. Безъ нихъ нельзя! — Петръ Ивановичъ снова почерпнулъ изъ произведенія Лукутина пріемъ свѣжихъ мыслей.

— Впрочемъ, кажется, Ненила Григорьевна добрая баба. Вотъ вѣдь ужъ почти пять лѣтъ мы съ нею... знакомы...

Онъ остановился на нѣсколько секундъ передъ зеркаломъ съ самодовольною улыбкою.

— Оно, конечно, до замужства, этихъ милостивыхъ государынь самъ чортъ не раскусить. Притомъ она всѣ мины подводитъ, чтобъ привести дѣло къ концу... Ну, да что жъ такое и въ-самомъ-дѣлѣ?

всѣ на свѣтѣ женятся, не одиеть я. Благодаря Бога, я ужь не ре-беночекъ... человекъ съ характеромъ... А вась съумно заставитъ влясать по своей дудочкѣ... Оно бы, на этотъ счетъ, много луч-ше, кабы Вѣрочку... ветъ душа-то, ужь за эту можно голову отвѣтить, что не переищитесь... Чудо, что за дѣвушка!.. Истин-ное сокровище!.. Да не пойдетъ, чай! Скажетъ: старъ... Оно-у-ки и жаль ее. Ей не таково мужа надобно.

Петръ Ивановичъ обнаружилъ нѣкоторое внутреннее возмущеніе и, какъ-бы желая побѣдить его, снова подирѣвлялъ себя призомъ табаку.

— Да что это у меня такая за манера думать о несбыточномъ!.. экая дурость! Во-первыхъ, за Вѣрою этотъ старшій упрямецъ и даетъ больше тридцати-пяти душъ; а за Ненилой Григорьевно слишкомъ пятьдесятъ: это разница. Потомъ... оно и совѣсти какъ-то. Пять лѣтъ водить, водить, такъ-сказать, за носъ; а вдругъ... Нѣтъ, вздоръ — такъ вздоръ... что тутъ такое въ-самомъ-дѣлѣ? А вдовушка хоть куда; еще, по-моему, красивѣе Вѣры: глаза черные такъ и жгутъ, женщина полная, разви-ная; а та нѣжешка такая, жимолостная. Притомъ эта хозяйка славная, пошлытъе, — статья важная. Надобно, чтобы умѣла по-держатъ то, что я съумѣлъ устроить.

Петръ Ивановичъ съ довольствомъ и гордостью обзиралъ окру-гомъ себя. Кабинетъ его представлялъ разительную противополож-ность съ описанными мною комнатами Вѣры и Николая Григори-евича. Это была просторная, хотя тоже не слишкомъ-высокая комната, соединявшая въ себѣ много условій порядка и даже кон-форта.—Стѣны ея, какъ рассказывала Андреевна, были обклеены довольно-изящными обоями, купленными съ Москвъ, съ мажорно-петолокъ выштукатуренъ и росписанъ съ нѣкоторыми вкусами; паркетъ настланъ премиленскій коврикъ. Тутъ былъ покойный о-томанъ, два волтеровскія кресла домашней работы, огромный письменный столъ краснаго дерева, покрытый туалетными и др-гими бездѣлушками, весьма-порядочнаго тона и украшенный, сверхъ того, большаю лампою съ матовымъ стекломъ, нѣсколько стульевъ и креселъ краснаго дерева, большое зеркало въ прекрасной рам-ѣ стѣнные часы подъ стекляннымъ колпакомъ, двѣ или три довол-но цѣныя гравюры, обдѣланныя со вкусомъ и наконецъ нѣтъ-на-на въ вамъ *белущая*. мѣдная труба, обратившая на себя особен-ное вниманіе Андреевны.

Окинувъ всѣ эти предметы медленнымъ и внимательнымъ вз-ромъ, Петръ Ивановичъ не могъ удержаться отъ небольшого п-рыва тщеславія, весьма-позволятельнаго въ его положеніи...

— Да-съ! сказалъ онъ, подоседевъ снова къ табачницѣ, помозла-м целкнувъ по ней пальцами:—желаю я знать, многіе ли изъ н-ихъ почтеннѣйшихъ сосѣдей, которые въ-пятеро меня побога-т живутъ такъ прилично... могу даже сказать... роскошно. У всѣхъ почти въ домѣ не лучше, чѣмъ у моего будущаго брата Никола

Григорьевича: ни кресты, ни чистоты, ни порядка... Поживають-себѣ, какъ Манчадалы; имъ и горя нѣтъ, что мы находимся, по милости Божіей, не на Алеутскихъ-Островахъ... А я не могу и не хочу такъ жить. Я хочу жить по-людски. Вѣра вѣкъ живетъ въ грязи; а Ненила Григорьевна семь лѣтъ пролегла въ губернскомъ городѣ... вотъ и эта разнища значительная... Стало-быть, рѣшено... Буду и сватаюсь сегодня: откава быть не можетъ.

Петръ Ивановичъ снова раскрылъ окно, посмотрѣлъ въ телескопъ и потомъ взглянулъ на часы: стрѣлка показывала 47 минутъ шестаго; онъ дернулъ бронзовую ручку стѣннаго колокольчика нововведеніе, которое Петръ Ивановичъ адикъ въ цѣломъ Р-мъ-Уѣздѣ рѣшился себѣ усвоить). Черезъ пять минутъ явился лакей съ заспанными глазами, но прилично и охотно одѣтый.

Петръ Ивановичъ велѣлъ заложить коляску, одѣлся, какъ вы знаете уже, самымъ шегельскимъ образомъ, перекрестился, сѣлъ въ коляску и велѣлъ везти себя въ село Ванегу, резиденцію Николая Григорьевича. Между резиденціями нашихъ горъ протекаетъ извилястая, крутоберегая и быстрая рѣчка, которую нельзя переѣзжать вбродъ по прямому направленію; отъ-чего изъ Архангельскаго, усадьбы Петра Ивановича, дорога въ Ванегу дѣлаетъ большой, какъ говорятъ у насъ, крюкъ, на деревянный мостъ, перекинутый черезъ рѣчку и на половинѣ пути да-отого моста (значить, верстахъ въ двухъ отъ Архангельскаго надобно подыматься на чрезвычайно крутую гору, на вершинѣ которой красуется деревянный, довольно-большой, украшенный, какъ водится, колоннами и выкрашенный зеленою краскою, помѣщенный домъ, въ которомъ живетъ отставной ротмистръ, графъ Павелъ Сергѣевичъ Верейскій.

Петръ Ивановичъ пробѣжалъ уже нѣсколько шаговъ мимо этого дома подъ горою, какъ вдругъ сзади его, сверху, раздался громкій, сильный голосъ:

— Петръ Иваныч!

Путешественникъ мой оборотился и увидѣлъ у раствореннаго окна графа, который махалъ ему рукою. Петръ Ивановичъ вовсе не рассчитывалъ на перепутья въ такое раннее время, и пантомима графа произвела-было на него сначала непріятное впечатлѣніе; но въ характерѣ его была совершенная готовность на всѣ препятствія и способность улаживаться съ ними скоро и съ полнымъ душевнымъ спокойствіемъ, съ твердымъ упованіемъ, что, можетъ-быть, все устроится потомъ какъ не надобно лучше, — нѣчто въ родѣ непобѣдимаго и неизмѣннаго вѣрованія въ предопредѣленіе, совершенно, однакожь, непохожее на восточный фатализмъ, но превосходно выражающагося знаменитымъ нашимъ «авось». Въ Петрѣ Ивановичѣ это вѣрованіе не было бессознательнымъ и слѣпымъ; оно имѣло въ немъ видъ философскаго убѣжденія, въ послѣдствіи которому, какъ онъ увѣрялъ, доказывая основательность его множествомъ фактовъ, онъ никогда не раскаявался.

— Фу, чортъ возьми! воскликнулъ онъ, услышавъ и увидѣвъ печальное приглашеніе. — Да что это за пропасть? Иькакъ сегодня всё задумали свататься! За комъ чортъ поднялся онъ сегодня такъ рано? Какъ-будто на смѣхъ!.. Вотъ, прошу позорно. Петръ Ивановичъ съ досадою вынулъ изъ кармана золотую табакерку, и, захвативъ щепоть табака, нѣсколько времени держалъ ее пальцами.

— Петръ Ивановичъ!.. эй, Петръ Ивановичъ! глухой! раздался снова голосъ графа.

— Что жъ ты, не слышишь, что ли, Сенька? крикнулъ Петръ Ивановичъ кучеру, поспѣшно понюхавъ: — пошелъ на лѣво, къ графу.

Сенька поворотилъ лошадей. Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на часы.

— Седьмаго двадцать, сказали онъ съ совершеннымъ спокойствіемъ. — Ну, что жъ? вѣдь еще рано... И солнце еще недавно взошло только. Оно и кстати, что такъ случилось: графъ меня задержитъ часъ, другой, а то и вѣ — самомъ — дѣлѣ, къ-чему это я бы пріѣхалъ чѣмъ свѣтъ въ Ванегу? какъ-будто къ смерти грѣхъ; не могъ подождать два, три часа... Оно, авось, такъ-то лучше уладится... Вслѣдъ за этимъ разсужденіемъ, Петръ Ивановичъ вышелъ изъ коляски, подѣхавшей къ крыльцу, и вошелъ въ кабинетъ графа, гдѣ онъ нашелъ съ нимъ молодаго человѣка, его племянника. Графъ былъ что-называется «лихой мальиъ»: онъ пилъ, какъ губка, дрался, какъ Гризвѣ, на всѣхъ возможныхъ оружіяхъ, ѣздилъ верхомъ какъ Лежаръ, и, словомъ сказать, имѣлъ всѣ достоинства молодца *былыхъ* поэтическихъ временъ, не нашего вѣка. Онъ сохранилъ привычки холостой жизни, не смотря на пятнадцатилѣтнее брачное состояніе; съ длинными черными волосами, съ огромными усами, вѣчно въ военномъ сюртукѣ и въ рейтузахъ, подтянутыхъ ремнемъ, съ лицомъ, пылающимъ отъ неизгладимаго румянца, графъ Павелъ Сергѣевичъ составлялъ самый рѣзкій контрастъ съ неукоризненно-фѣшенебельною фигурою своего племянника.

— Здравствуй, Петръ Иванычъ! воскликнулъ графъ, протягивая руку: — куда ты летишь ни свѣтъ, ни заря? Не-ужь-то въ Ванегу?..

Слова эти сопровождались, какъ показалось Петру Ивановичу, язвительно-насмѣшливою миною, въ-слѣдствіе чего онъ почувствовалъ маленькое замѣшательство и возмимѣлъ намѣреніе скрыть отъ своего сатирика-сосѣда истинную цѣль поѣздки. Замѣчаніе молодаго человѣка еще болѣе утвердило его въ этомъ намѣреніи.

— Да вы поглядите, дядюшка, какъ онъ расфрантился сегодня, сказалъ смѣясь племянникъ графа.

— Те, те, те, въ-самомъ-дѣлѣ, ты, братецъ, сегодня смотришь совершеннымъ Адонисомъ, сказалъ графъ, осматривая гостя: — что у тебя такое на умѣ? Садись-ка, расскажи намъ... Напьемся вмѣстѣ чаю... (графъ приказалъ вошедшему лакею подавать чай.)

— Позвольте прежде узнать о здоровьи вашего сіятельства, возразил вѣжливый Петръ Ивановичъ, себѣ-на-умѣ, желая сколько возможно далѣе отложить отвѣтъ на допросъ графа, чтобъ дать себѣ время придумать для отвѣта сколь возможно ловкій оборотъ.

— Что, братецъ, намъ дѣлается съ тобой! отвѣчалъ графъ.— Съ этой стороны ты можешь избавить себя отъ труда освѣдомляться... На десять лѣтъ впередъ я освобождаю тебя отъ твоей вѣжливой заботливости... Расскажи-ка лучше, куда это ты собрался съ раннего утра...

— Нѣтъ, позвольте, графъ, еще спросить васъ о здоровьи ея сіятельства, графини Зенаиды Александровны.

— Графиня Зенаида Александровна уѣхала третьяго-дня, и потому не могу тебѣ ничего сказать о состояннн ея здоровья въ настоящую минуту...

— Куда же это изволила отправиться ея сіятельство?

— За границу.

— За границу! воскликнулъ Петръ Ивановичъ, и въ изумленнн вынулъ свою золотую табакерку.

— Да, за границу.

— Одна, то-есть, я хочу сказать, безъ вашего сіятельства?

— Какъ ты видишь.

— Гм... скажите!!! Петръ Ивановичъ взялъ двумя пальцами прищипъ табака, подавъ табакерку графу, который сдѣлалъ то же, и оба понюхали—Петръ Ивановичъ съ знаменательною миною, графъ безпечно и разсѣянно.—Какое неприятное происшествіе! продолжалъ Петръ Ивановичъ:—весь уѣздъ теперь будетъ искреннѣйше опечаленъ отъѣздомъ ея сіятельства.

— Ты хочешь сказать, что весь уѣздъ пустится сплетничать насчетъ ея отъѣзда. Какъ водится, объявятъ, что мы поссорились, развѣхались и будутъ добиваться за что и какъ? Не понимаю, что за чудо, продолжалъ графъ, обращаясь къ племяннику:—Матрена Минаевна до-сихъ-поръ не ѣдетъ ко мнѣ для собранія свѣдѣній, которыми она должна не долѣе, какъ въ недѣлю, развезти по всему уѣзду... Воображаю, какихъ замысловатыхъ и благовидныхъ исторій скоро сдѣлаемся мы героями... Я жду ихъ съ нетерпѣніемъ.

— Да, дядюшка, я ужъ заранѣе наслаждаюсь предвкусіемъ этихъ сплетней, которыми не замедлятъ угостить насъ наши добрые сосѣда. Случай новый и довольно странный.

— И дѣйствительно, сказалъ Петръ Ивановичъ:— вы угадали, Владиміръ Сергѣичъ: теперь всѣ пустятся въ догадки. Какъ, скажутъ, что это значитъ? Скажутъ: графу тридцать-два года, графинѣ тридцать лѣтъ. Оба, что-называется, то-есть, въ цвѣтѣ красоты. Пятнадцать лѣтъ, скажутъ, жили вмѣстѣ, какъ голуби... нажили восемь человѣкъ дѣтей... и вдругъ... этакъ...

— Графиня, какъ ты знаешь, все хворала послѣ родовъ и, дѣлать нечего, я рѣшился отпустить ее за границу съ m-g Roué, нашимъ докторомъ.

— Съ г. Руз! съ этигъ молодыгъ человекъ?

На лицѣ графа мелькнула едва-замѣтная улыбка.

— И вотъ, братецъ, съ тѣхъ-поръ груду ушамъ. Никому не могу наладить жизнь свою на обычную колею... Тоска гладитъ и дѣтей. Спасибо еще мамзель Фабри: такая милая... такъ заимася съ ими и мною... А то бѣда бы... Вообрази, сегодня всю ночь а трехъ часовъ просидѣлъ за картами, и все-таки не спитъ. Тоска! То ли дѣло быть холостякомъ, вотъ какъ ты...

Петръ Ивановичъ былъ очень-далекъ отъ того, чтобы согласиться въ этомъ съ мнѣнiемъ графа; тѣмъ не менѣе причина развѣзда двухъ супруговъ произвела не совсѣмъ-благоприятное впечатлѣнiе на его свѣтлыя идеи о счасти бранныа состоянiя.

У Петръ Ивановича было столько досуга, что онъ могъ предпринять обсужденiю этого важнаго вопроса, котораго до-сихъ-поръ только слегка касался въ своихъ соображенiяхъ о предстоящей жизни;—потому-что графъ, обернувшись къ окну, увидѣлъ своего старесту изъ сосѣдней деревни и звалъ его. Крестьянинъ, съ шляпою, подошелъ подъ окно и низко поклонился.

— Здравствуй, Трофимъ; вѣрно новости, что ты такъ рано пришесть сюда? спросилъ графъ.

— Слава тебѣ Господи, отвѣчалъ Трофимъ:—у нашихъ мужиковъ все обстоитъ благополучно. Да въ селѣ у насъ, ваше графское сiятельство, *оказьва* приключилась такая, што на рѣдкость

— Что такое?

Племянникъ графа и Петръ Ивановичъ подвинулись къ окну, приготовились слушать рассказъ Трофима о *приключившейся оказьвѣ*. Онъ началъ:

— Овокиясъ, еще до Воздвиженья, дѣшъ такъ нешто за дѣлѣтокъ, старуха, matka Похома... изволите знать мужичка Семена Семичева, ваше графское сiятельство?

— Что съ краю изба новая?

— Нешто, сударь.

— Ну?

— Ну, вотъ, знашь ты, у Пахома есть мальчишка, прiемянникъ прохѣтный, годочковъ этакъ двухъ што ли... вотъ ово, знашь ты бабушка, matka то-ись Похомова-та, вынесла на улицу, да и ушла тамодѣ на земь, возлѣ избы; вдругъ, изволивъ ты видѣтъ откуда ни возмисъ чернѣй песь похомова сосѣда Макара... (Въ этомъ мѣстѣ какiя-то деликатныя соображенiя воспренiятствована. Трофиму продолжать рассказъ во всѣхъ подробностяхъ; на лицѣ Петра Ивановича изобразилось смущенiе, староста почесалъ затылокъ.)

«Какъ у нихъ тамъ дѣло было, кто ихъ знаетъ... только, слышь ты, чернѣй песь-то тяпъ, да и укусылъ мальчишечку похомова руку...

Громкiй смѣхъ молодаго человекъ прервалъ рассказчика.

— Вотъ истинно-занимательное и важное событiе! воскликнулъ

онъ.—И вы, дядюшка, нажется, находите въ немъ необыкновенный интересъ?

— Погоди, не смѣйся, возразилъ графъ, улыбаясь: — ты еще новичокъ въ этой политикѣ. У насъ всѣ драмы, всѣ трагедіи большею частію имѣютъ подобную завязку. Ты увидишь, что изъ этого событія, которое такъ тебя забавляетъ, произстали и произтекутъ диконинныя вещи, которыя я почти угадываю: Троемъ мой не прійдетъ рассказывать пустяковъ. Продолжай, братецъ, свою исторію, прибавилъ онъ, обращаясь къ старостѣ.

— Диконины-таки и сотворилися, ваше графское сіятельство.— Похомъ, знаешь ты, былъ дома, и на ту пору, шастъ изъ воротъ, какъ тутъ былъ; шесъ ему подвернулся подъ руку: онъ, ево, мятова, и окрестилъ запоромъ, да такъ ловко, что хотъ ноги протянулъ. Макарова баба тоже была на дворѣ. У нихъ, вся, и пошла клявасія. Макарова баба ревить на всю улицу: заплаги, вишь, ей за собаку; а похомова матка такъ взозартилась за мальчишку, маюнто ей глаза не выпала. Поднялся такой содомъ, что вся деревня сбѣжалась; послали за соцкимъ. Пришелъ, знаешь ты, соцкій; расудилъ ихъ, што оба правы. Такъ нѣтъ, куда ты! Макарова баба испозорила соцкаго хуже Богъ-знатьъ чаво, и протурма мужика къ барынь жалиться.

— А чей Макаръ-то? спросилъ графъ.

— Назначили, ваше графское сіятельство.

— А соцкій у насъ вѣдь Максимъ Максимочевъ мужикъ?

— Нешто, сударь, ихней.

— Ну, теперь понимаю... дальше, дальше...

— У Макара, изволишь ты видѣть, сестра родная въ горницѣ, при барынь... Вотъ она, знаешь ты, старушкѣ тамодѣ и доложила объ сѣтомъ дѣлѣ, да и насаказала съ три короба небывальщины; долго ли смутить простова человекъ! Анна Ивановна барыня добрая, всему вѣрить, что ей ни скажутъ ея-вона дворовые. Она же давно гнѣбается на Максима Максимыча. Ну, да ужъ лукавый помогъ, осерчала барынька. Послала къ барину Мирошкѣ съ приказаньемъ, чтобъ, дескать, велѣлъ онъ своему соцкому расудить дѣло, какъ елѣствуетъ, да што, до-скасть, Макару бы заплатить пять рублѣвъ за собаку...

— Такъ и есть, я этого ожидалъ! воскликнулъ графъ.

— Да помилуйте, дядюшка, это сумасшествіе!.. Съ какой стати вашъ Максимъ Максимычъ будетъ вмѣшиваться въ глушья мужицкія сдѣлани и управлять правосудіемъ соцкаго?

— Это обыкновенная ихъ логика. Соцкій мужикъ Максима Максимыча: стало-быть, Максимъ Максимычъ долженъ приказать ему исполнить желаніе Анны Ивановны...

— Но вѣдь соцкій долженъ разобратъ дѣло и рѣшить по совѣсти, кто правъ, кто виноватъ. Къ какой же стати тутъ вмѣшиваться Максиму Максимычу, который вовсе не можетъ знать справедливо ли желаніе его безразсудной тѣтушки?

Графъ засмѣялся.

— Эти понятія о совѣсти въ разбирательствѣ соцаго и о спра- ведливости требованій безразсудной тѣтушки дѣлають честь твоему юридическому образованію, мой философъ. Миѣ малъ разочаровывать тебя увѣрениємъ, что подобныя прекрасныя вещи существуютъ не вездѣ. Наша юриспруденція основана на несравненно-простѣйшихъ и болѣе естественныхъ началахъ. На-примѣръ, здѣсь дѣлаются вотъ какой видъ: Анна Ивановна больная, капризная старуха, которая дѣтъ десять ужъ сидитъ дома, почти никого не видитъ и находится совершенно во власти своихъ дворовыхъ. Эти камы, следовательно и Анна Ивановна, терпѣть не могутъ Максима Максимыча, который тиетно потощаетъ всѣ усилія противъ этой антипатіи. Ты вѣрно знаешь, что онъ племянникъ и единственный ближайшій наследникъ шестисотъ душъ и чертовой пропасти денегъ, которыя его сирѣга-тѣтушка изволяетъ копить съ незапамятныхъ временъ. Можемъ представить, что Максимъ Максимычъ очень неравнодушенъ къ такому дурному расположенію своей тѣтушки, тѣмъ болѣе, что имѣніе это *не родовое*. Но бѣднаку ничто не помогаетъ, какъ это обыкновенно бываетъ при такомъ положеніи дѣлъ и противъ такихъ сильныхъ враговъ...

— Сильныхъ враговъ!.. вы шутите, дядюшка... сильные враги... ланей?

— Ты словно вѣрхалъ изъ Африки. Я вижу, что миѣ придется пройти съ тобою цѣлый курсъ практической жизни, чтобъ не краснѣть за твои вопросы передъ Петромъ Ивановичемъ. Эти враги, сударь, о которыхъ вы говорите съ неблагоуразумнымъ презрѣніемъ, такъ сильны, что мой бѣдный Максимъ Максимычъ вотъ уже полтора года не смѣетъ показываться на глаза тѣтушкѣ, и миѣ безъ шутокъ жаль его, потому-что его дѣла, какъ я угадываю изъ разсказа Трофима, принимаютъ серъезно дурной оборотъ. Пахомъ, который убилъ собаку—крестьянинъ Лядина, пріятеля его. Понялъ ли ты теперъ, что Анна Ивановна *должна* неизбежно видѣть вопіющую несправедливость въ приговорѣ соцаго; что она *должна* отъ племянника требовать перемѣны этого приговора, и что племянникъ *долженъ* отказать ей, потому-что въ противномъ случаѣ онъ поссорится съ пріятелемъ.

— Что за нелѣпости!.. Я положительно не понимаю этой готтотской логики. Вы утрируете, дядюшка. Можетъ ли быть, чтобъ такія тарабарскія понятія существовали на свѣтѣ...

— Они существуютъ иногда. Но не перебивай больше Трофима: ты убѣдился въ этомъ окончательно... Ну, Трофимъ, досказывай, что еще было...

— Ну, вотъ, сударь ты мой, ваше графское сіятельство, Мирошка пошелъ къ баряну и вѣстимо перевралъ ему. Максимъ Максимычъ, изволите знать, барянь горячій, крутой... попалъ, *знать*, подъ сердатую руку... онъ Мирошку по зубамъ вишь и създалъ... Нешто, кто знаетъ? можетъ-статься, и совралъ мошенникъ Мирон-

ка, што бы барыню только пуше прогнѣвить... такъ и вышло: барыня обсерчала, што святыхъ вонъ понеси: Макару велѣла въ судъ ходатъ на Похома, да на сотскаго; а сторостѣ своему извоинѣ нигурѣнко приказатъ: што де-скать какъ зайдетъ скотина Максима Максимыча; или Семена Семельчева на-ихнюю землю, такъ чтобъ де-скать забирать ее.

«Вотъ, подумай, какое дѣло придумали поджиги-дворовые; на што ефто похоже?.. разсуди-тко ты... Дворъ съ дворомъ мужички вплоть живутъ, ну, какъ тутъ уберечься, што бы скотъ не зашелъ?.. вѣдь скотина глупа... словно у нея разумъ есть, бредеть-себѣ куда попало. Такъ оно и вышло. Вечеромъ Степанъ дворецкій взялъ десятка два мужиковъ изъ Азовина, да и пошелъ-было забирать коровѣнокъ да лошадей Максимъ Максимычевыхъ, которыхъ, знаешь ты, въ озимое забрели. Барину тотчасъ дали знать... онъ и прикатилъ самъ съ ружьемъ, да съ плетью, да три парня съ нимъ, тоже съ ружьями. Изъ своихъ рукъ Степана-то важно отвозилъ, и не далъ волоса тронуть. Я, бантъ, васъ на мѣстѣ вѣкъ воложу, коли только осмѣлитесь до моего скота перстомъ дотронуться... Чуть-было побойше не вышло... А тѣтушку-то, сказывають, «дуришкою старою» разругалъ... можетъ, и вругъ, кте ихъ знаетъ, только сумятица была такая, што на диво... Я и раздумалъ, надо, небось, объ ефтомъ ово графской свѣтлости барину по приказу доложить, да вотъ и изволилъ прійти къ твоему дворовю.

— Умно сдѣлалъ, братецъ. Поди, вели Ерасту дать себѣ стаканъ водки, да подожди на кухнѣ; я позову тебя.

— Слышали, Петръ Ивановичъ? продолжалъ графъ, обращаясь къ гостю съ лицомъ, на которомъ сіяло удовольствие: — какова исторія? Кажется, этому несчастному Рыльскому не видать наследства какъ ушей своихъ. Недѣля три тому назадъ, ужъ эта барыня разспрашивала брата, можно ли передать имѣніе Вѣрочкѣ и какъ это сдѣлать?..

— Вѣрочкѣ?

— Кому, дядюшка? воскликнули въ одно время Петръ Ивановичъ и племянникъ графа.

— Конечно, этого никогда быть не можетъ, сказалъ графъ съ некоторымъ смущеніемъ, проникательно взглянувъ на Петра Ивановича, который въ сильномъ волненіи сморкался съ убійственнымъ шумомъ. — Какая дурацкая опрометчивость! подумалъ онъ про себя. — Не понимаю, какъ подобная глупость сорвалась у меня съ языка...

Въ это время два лакея, одинъ съ тремя стаканами чая и графинчикомъ рома на серебряномъ подносѣ, а другой съ хлѣбомъ и сухарями въ серебряной корзинкѣ вошли въ комнату. Графъ воспользовался этою диверсією и очень-искусно отклонилъ разговоръ на другіе предметы, оставивъ совершенно въ покоѣ Петра Ивановича и цѣль его путешествія. Гость съ своей стороны былъ очень-

довоемъ этимъ навѣროмъ женщина, выпилъ три стакана чая, была презытѣйно-любезна, и, поевдѣвъ около часа, расплакалась и уѣхала.

— Ну, какую я едѣла глупость! воскликнула графъ, проводивъ его:— а это мале выскѣвъ розгами! И послѣ того утѣрайте меня, что нѣтъ дурныхъ дней. Что у насъ такое сегодня? Воскресенье... двадцатое сентября... непременно сегодня долл. онъ быть черный, тридцать черный и гадкїй день... Какъ! проиграть три тысячи и сказать такую глупость въ одно утро... Графъ ходилъ по комнатамъ, нахмурилъ брови.

— Но отъ-чего васъ это такъ сердить, дядюшка?

— Отъ-чего?... Отъ-того, что по милости этой проклятой нескромности могутъ въ пухъ и въ прахъ разлетѣться всѣ мои проекты. Это продувалъ каналья, котораго лукавый дернулъ меня эа звать къ себѣ сегодня... Рѣшительно нынче мерзкїй, сквернѣйшїй день изъ всѣхъ трехъ-сотъ-шестидесяти-пяти дней въ году... Человѣкъ! дай мнѣ водки... Волненіе и досада графа увеличивались примѣтно. Онъ, не переводя дыханія, выпилъ одну, а другую три чарки водки и продолжалъ ходить быстрыми и тяжелыми шагами...— У него не пролетитъ мимо ушей эта новость, его знаю... Но чортъ меня возьми, если я позволю ему перештрить себя... Еще есть время. Онъ не скоро соберется, надумаетъ съ... Надобно предупредить его и дѣйствовать рѣшительно.

— Слушай, Вольдемаръ. Я посвящу тебя въ тайны моей дипломатїи, я надѣюсь найти въ тебѣ вѣрнаго и искуснаго сорюзника. Дѣло вотъ въ чемъ: ты знаешь, что теперь на мѣстѣ дворянскаго предводителя мой двоюродный братецъ, славный и довольно удобный малый, но у котораго есть цѣлая коллекція своихъ ультрагуманныхъ понятїи; короче: онъ мнѣ не годится. Зимой у насъ выборы, и я хочу, чтобъ предводителемъ былъ Вася Авосинъ...

— Авосинъ!!

— Понимаю твое изумленіе, продолжалъ графъ улыбаясь:— тебя также порядочный запасъ идеальности; но ты малый сметливый... Въ тебѣ я увѣренъ... Слушай же. Я хочу, чтобъ Авосинъ выбранъ предводителемъ... Ты скажешь, что всего бы короче мнѣ самому взять это званіе; но по моимъ соображенїямъ еще не пришло время. Я не хочу себя компрометтировать... Авосинъ имѣетъ всѣ качества, для этого нужныя... Пожалуйста, не дѣлай какой забавной гримасы изумленія... ты разсмѣишишь меня и събьешь съ толку... Онъ имѣетъ всѣ нужныя качества — говорю я тебѣ; онъ хорошей фамиліи, довольно образованъ... и прочее... и достааетъ только состоянїя. Три четверти дворянъ раздѣляютъ на снеть этого предмета твое мнѣніе...

— Мое мнѣніе...

— Да. И въ этомъ-то вся штука. Надобно, чтобъ они выбрали Авосина, потому-что я этого хочу. Понимаешь? Но для исполненїя моего лачу необходимо, чтобъ у Авосина было состоянїе... У

него есть четыреста душъ, но всё знаютъ, что ихъ едва доставитъ для уплаты его долговъ... Чтобъ устроить эту статью, я вотъ что придумалъ: старая дура Анна Ивановна передаетъ свое имѣніе Вѣрѣ Вармостыниной, которая ей доводится какъ-то внучкою — седьмая вода на кисель — и которую она, кто-знаетъ за что, безъ памяти любитъ. Авосинъ женится на Вѣрѣ. Выступъ съ этимъ, Петра Ивановича я сделаю исправникомъ, и тогда... Понялъ ты меня?

— Совершенно, дядюшка.

— Понимашь теперь, какую я сделалъ глупость, проговорившись о передачѣ имѣнія. Не могу равнодушно вспомнить... Ерасть! подай водки. — Графъ выпилъ еще три чарки. — Ты не можешь представить, какая тонкая бестія этотъ господинъ, который сейчасъ былъ здѣсь... Теперь онъ мнѣ покорнѣйшій слуга; но еслибъ ему пришлось прибрать къ рукамъ наследство тѣтушки... мнѣ съ нимъ не сладить... Онъ въ состояніи образовать противъ меня партію, тѣмъ болѣе, что отецъ моеи наследницы самое упрямое и непокорное созданіе, какое только можно себя вообразить. Каналья-зятѣкъ поставитъ противъ меня особу батюшки, какъ стопушечную батарею, и уничтожитъ всё мои мины маскированными вылазками изъ-за этой твердыни. Надобно, во что бы ни стало и не теряя времени, взять штурмомъ арсеналъ, тѣсть, невѣсту... И я поручаю тебѣ эту трудную обязанность, гдѣ ты можешь во всемъ блескѣ показать свое дипломатическое искусство. Не дальше, какъ сегодня же, ты долженъ отправиться туда съ Авосинымъ и сосватать мнѣ его непременно...

— У васъ наполеоновскія соображенія! дядюшка; но скажите мнѣ, Бога ради: что же это за особа, которая можетъ выйти замужъ за такого урода, какъ вашъ Петръ Ивановичъ, и на которой я могу въ два часа сосватать такого гуся, какъ любезнѣйшій Авосинъ?

— Эта особа имѣетъ тридцать душъ *спрыгъ* приданого. Удовлетворяетъ тебя этотъ отвѣтъ?

— Гм... тридцать душъ!.. Да это немного, очень умирно, — тридцать душъ! Тѣфу ты пропасть! есть же такіе люди... Я никакими средствами не могу изворотиться съ тремя-статями-пятидесятью душами, — двадцать-семь тысячъ долгу; а тутъ тридцать душъ!.. Да, дядюшка, понимаю, что съ этимъ генеалогическимъ приданымъ мудрено затрудниться въ выборѣ жениха; но все-таки уродъ Петръ Ивановичъ, воля ваша... Ба, Вася! какими судьбами такъ рано?

Последнее восклицаніе относилось къ вошедшему молодому человѣку высокаго роста и довольно-красивой наружности. Это новое лицо явилось въ ночномъ нарядѣ, съ заспанными глазами. Густые блондуры волосы его, обстриженные въ кружокъ, были въ страшномъ безпорядкѣ; окладистая борода, закрывавшая поло-

вину лица, вслѣдствіе. Въ глазахъ, во всѣхъ чертахъ, въ манерахъ замѣтны были слѣды шедрыхъ ласкъ веселаго Вакха.

— Вы удивляетесь, графъ, сказала Вася, улыбаясь и усажившись въ покойныя кресла: — что я рано проснулся... Да у васъ домовые въ домѣ... не даютъ спать. Который часъ?.. Вы не вѣрите... Ей Богу, гадость ужасная! Эй, человѣкъ!.. сигару... Вы не пили чаю, графъ?.. велите давать чаю... Что, я забавенъ?.. а? чево? Вы что-то сказали, Владиміръ Сергѣичъ?

— Нѣтъ, я ничего не говорилъ...

— Глупая сигара!.. я не съ того конца закуриваю, Ерастъ?.. а?.. не съ того? Да что, братецъ? у васъ вѣрно домовые здѣсь... Какъ? ты говоришь — нѣтъ? Божусь тебѣ... Представьте, графъ, какой-то старикъ весь въ сѣромъ надобѣль мнѣ... ха, ха, ха... Я отъ-того такъ рано и проснулся. Вы не вѣрите, Владиміръ Сергѣичъ? не вѣрите? Клянусь вамъ... Правда ли, Ерастъ, вѣдь у васъ есть домовые?..

— Перестань толковать о пустякахъ... Отпусти Ераста, я хочу съ тобою говорить о серьезномъ дѣлѣ... сказалъ графъ.

— Что вы это, графъ? чѣмъ свѣтъ о серьезномъ дѣлѣ! Богъ съ вами! Я хочу чаю... Ерастъ, вели, братецъ, дать мнѣ чаю... готовъ чай? а?.. вели, братецъ, поскорѣе... Да подай мнѣ другую сигару; эта не курится...

Ерастъ удовлетворилъ всѣ требованія, подаль ему стаканъ чаю и другую сигару; а молодой человѣкъ, въ-продолженіе этихъ сборовъ, съ самою внимательною заботливостью привелъ въ порядокъ передъ зеркаломъ свою прическу, расправилъ усы и бороду, запахнулъ какъ-можно-живописнѣе свой бархатный, пурпуровый халатъ, снялъ съ него пальцами и одулъ всѣ до одной пылинки, и снова усѣлся небрежно и граціозно въ кресла противъ большаго зеркала, приказавъ поставить возлѣ себя маленькій столикъ со стаканомъ чаю, и съ педантскою важностью закуривъ сигару. По знаку графа, Ерастъ, устроивъ и усадивъ его, вышелъ вонъ.

— Слушай теперь внимательно, началъ графъ:

— Ради самого Бога, не начинайте ни о чемъ серьезномъ, ваше сіятельство. Вы меня испортите на цѣлый день, отнимете аннети.

— Перестань, я хочу говорить съ тобою о Вѣрочкѣ...

— О Вѣрочкѣ... какъ?.. о Вѣрочкѣ...

Вася, глядя въ зеркало, сдѣлалъ нечалушую мину.

— Увы, графъ! помните, какъ я сказалъ однажды экспромтомъ:

Зачѣмъ рукой безчеловѣчной
Ты растравляешь огонь сердечной.

Я увѣряю васъ, что это мой экспромтъ. Откуда вы выдумали, желалъ бы я знать, на какого-то семинариста?..

— Такъ ты до-сихъ-поръ влюбленъ въ нее?

— Кто, я?.. влюбленъ...? вы сомнѣваетесь, что я влюбленъ? Какъ?.. вы все еще сохраняете подозрѣнiе на этого проклятаго семинариста... вы шутите, графъ... а я страдаю отъ всепожирающей страсти.—Вася, глядя въ зеркало, привелъ свою прическу въ маленькiй безпорядокъ и выпустилъ огромный клубъ дыма.—Послушайте, что я сочинилъ третьяго дня:

Милый другъ! во тьмѣ ночной,
Съ мукой ожиданья,
Я ищу вотще съ тобой
Тайнаго свиданья.

Зму

— Я не сомнѣваюсь болѣе не въ стихахъ, не въ любви твоей... и, какъ ты знаешь, принимаю въ ней полное и искреннее участiе. Я долго думалъ о твоей настоянной и глубокой привязанности къ Вѣрѣ, и рѣшился помочь тебѣ. Сегодня Вольдемаръ отправится съ тобою къ предмету твоихъ страданiй и совѣтуетъ ее за тебя...

— Совѣтуетъ!... воскликнулъ Вася съ недоумѣнiемъ, остановивъ на графѣ полусонные глаза. — Какъ вы сказали, графъ? а?... совѣтуетъ?..

— Да, совѣтуетъ... Ты не можешь ономнѣться отъ радости...

— Отъ радости?!... повторилъ Вася съ ироническою улыбкою.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, у васъ, графъ, чудесныя мысли... Но, увы, развѣ вы не знаете, что я люблю безнадежно? Развѣ вы не помните, что я написалъ въ стихахъ:

Я стараю страстью нѣжной
Къ вѣроломной безнадежно.

— Да я отвѣчаю, что она пойдетъ за тебя...

— Что мнѣ въ этомъ?.. Мнѣ нуженъ пламень страсти... взаимность. О! вы не знаете, что мнѣ нужно? Какой вулканъ кипитъ въ груди моей... вы не знаете?..

— Какъ не знать, мой милый, какой взаимности не достаешь по-твоему у Вѣры; дѣлать нечего: надобно будетъ тебѣ сказать секретъ. Только Боже тебѣ сохрани, если ты разболтаешь...

— Кто, я?.. ваша тайна найдетъ въ груди моей свою могилу... рядомъ съ моею собственною тайною...

Вася, довольный блистательнымъ оборотомъ фразы, поглядѣлъ на обоихъ собесѣдниковъ своихъ съ торжествующею улыбкою...

— Ты, я вижу, начинаешь воспламеняться; это очень-кстати... Роль, которую ты сегодня долженъ играть, требуетъ всей твоей энергiи. Не сомнѣвайся же во взаимности Вѣры. Она скоро получитъ шесть-сотъ душъ и четыреста тысячъ наличными деньгами...

Вася въ это время подносилъ ко рту стаканъ, чтобъ запить свою великолѣпную фразу. Новость о неожиданной взаимности Вѣры такъ поразила молодого человѣка, что рука его затряслась, и въ-

сколько канюль горячаго чая ерсманн шегольской, бархатной-калатъ его...

— Ерасть! закричалъ онъ въ наступленіи. — Эй, Ерасть!.. прерориѣ, чистое полотенцо. Да ну, братецъ, ворочайся... Какое положеніе!.. а? чево?.. Останутся пятна непременно, какъ ты думаешь, Ерасть? чево?.. Непременно пятна будутъ отъ сивыхъ.. Какъ вы думаете, графъ?.. Владиміръ Сергѣичъ?.. Непременно останутся пятна? Нельзя ли, братецъ, Ерасть, потерять водою, чево?.. Испортилъ какой неподобный халатъ, еще новенькій совершенно: какова штука!... А все вы, графъ... откуда это вы взяли такую небылъпу въ лицахъ?..

— Я тебѣ говорю это, и говорю, какъ благородный человѣкъ. Ты вѣришь мнѣ...

— Ну, братецъ, Ерасть... теперь смой-ка вотъ такъ... вотъ здѣсь... что?.. этакъ смывается... а?.. смывается? Ну и превосходно... и неподобно... Вася подиалъ къ свѣту забрызганную вытертую водою полу и долго во всѣхъ направленіяхъ разсматривалъ ее, обнюхивалъ, обдувалъ и вытиралъ; наконецъ увидѣвъ рылецъ, что слѣвкамъ не оставили слѣдовъ; но еще долго и потомъ, опустивъ даже полу на свое мѣсто, онъ помынуто осмотрѣвалъ ее, оглаживалъ и обдувалъ во время разговора. — Что вы такъ спрашивали, графъ?

— Вѣришь ли ты мнѣ?..

— Какъ алкорану... то-есть, я хотѣлъ сказать, какъ Вѣра вѣрать алкорану... Тѣбу ты пропастъ! эта дурацкая пола обманеть совершенно мои мысли... Я хотѣлъ сказать, какъ Турки вѣрать алкорану... Такъ у Вѣрочки, говорите вы, скоро будетъ. Графъ показалъ ему глазами на Ераста.

— Тсс! молчаніе:

Тобою въ міръ
Не оскорбится слуха взоръ!

Божественная Вѣрочка!.. Кто знаетъ, можетъ-быть, она меня обманеть такъ же, какъ я ее... а?.. чево?.. Я ее никогда объ этомъ не спрашивалъ... Вольдемаръ, топ сгер, какъ ты скажешь? что Ерасть! ты можешь, братецъ, уйти теперь отсюда... Ты смой пятна превосходно... сегодня же получишь отъ меня сивыхъ! А теперь можешь отправиться...

— Какъ вы сказали, графъ... четыреста душъ и шестьсотъ чистагану. Я увѣренъ, что это милое созданіе раздѣляетъ мои пламенные чувства... Сегодня же ѣду и объяснюсь съ нею...

Между-тѣмъ, какъ графъ давалъ подробныя инструкціи относительно плана стратегическихъ операцій, которыхъ должна была направиться противъ необъятнаго сердца Вѣрочки и противъ за

кореннымъ предубѣжденій ея упрямаго паненьки; между-тѣмъ, какъ Вольдемаръ разучивалъ свою ролю, а Вася припоминалъ все свои лучшія поэтическія произведенія, на успѣхъ которыхъ онъ всего болѣе надѣялся въ этой поэтической экспедиціи и которые завоевали ему, какъ онъ былъ увѣренъ, уже не одно нѣжное сердце, Петръ Ивановичъ быстро подвигался къ цѣли своего путешествія.

Женнхъ мой былъ погруженъ въ глубокое раздумье...

— Вотъ, не правда ли моя, что все къ лучшему? говорилъ онъ въ-полголоса: — не заводи меня графъ... не забѣжай я къ нему, все было бы кончено... Вотъ она, судьба-то!.. Предѣлъ, его же не преидеши... Шестьсотъ душъ и нѣсколько сотъ тысячъ! Убей меня Богъ... Это вѣдь на полу не подымешь... Петръ Ивановичъ понюхалъ табуку съ невыразимымъ наслажденіемъ.—А барышня-то какая! то-есть, просто загляденье. Ай-да Петръ Иванычъ, молодецъ!.. вотъ какую статью обработалъ!..

«Впрочемъ, тутъ вѣдь находится еще камень преткновенія, да такой камень преткновенія, т. е. чертовскій... какъ бы не срѣзаться! Журавли еще въ небѣ; графъ ужъ, конечно, не будетъ глядѣть, сложа руки, на эту исторію. Меня онъ не очень жалуетъ и вѣрно не дастъ поживиться такимъ лакомымъ кусочкомъ, который, я чаю, онъ уже приготовилъ кому-нибудь изъ своихъ приятелей,—глядя Авосину, котораго онъ тянотъ за уши... Пожалуй, въ дуракажъ останешься. А тутъ Ненила Григорьевна взбѣлнится... оно, конечно, нанлевать... да все какъ-то... неловко... Гм, казусъ!.. прибавилъ онъ, послѣ нѣкотораго молчанія, и погрузился въ безмолвное раздумье...

— Барыни къ обѣднѣ изволятъ ѣхать, сказалъ ему кучеръ. — Петръ Ивановичъ взглянулъ впередъ: съ возвышенія, на которомъ онъ находился въ эту минуту и съ котораго село Ванега было видно какъ на блюдечкѣ, онъ увидалъ извѣстную намъ коляску, стоящую у чернаго крыльца. Спускался подъ гору, онъ могъ видѣть, какъ дамы сѣли въ акипажъ, проѣхали дворъ и, выѣхавъ за ворота, остановились... Этотъ видъ произвелъ на него электрическое дѣйствіе... Петръ Ивановичъ, какъ я сказалъ уже вамъ, глядѣлъ на всѣ затрудненія, на всѣ препятствія съ твердостью духа, и когда ему нужно было рѣшиться на какой-нибудь энергическій и важный поступокъ, то онъ съ полнымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ взвѣшивалъ въ умѣ своемъ всѣ «за» и всѣ «противъ» предполагаемаго поступка. Это отчетливое, совѣстливое и въ высочайшей степени благоразумное взвѣшивание кончалось обыкновенно тѣмъ, что онъ вовсе и положительно сбивался съ толку, терялъ совершенно ясное сознание предмета, о которомъ разсуждалъ и, углубившись въ бездну соображеній, умозрѣній и предусмотрѣній будущаго, исчезалъ въ этой немыслимой глубинѣ человѣческой мудрости и противорѣчій, какъ жече-

засть, недолетая до земной поверхности, звук маленькаго камешка, упавшаго на дно бездонной пропасти. Тогда, въ этомъ сомнительномъ положеніи, въ этой мучительной неизвѣстности, онъ поступалъ точно такъ, какъ поступилъ и въ настоящемъ случаѣ, — слѣдующимъ образомъ:

Во-первыхъ, онъ смирился, сознавъ тщету и ничтожность человѣческихъ умствованій, поднявъ глаза къ небу и съ глубокимъ вздохомъ повторилъ: «Предѣлъ, его же не преjdeши!» Потомъ досталъ табакерку, понюхалъ и высморкался съ умилительною преданностью судьбѣ, завязалъ на одномъ концѣ платка узелокъ, свилъ этотъ конецъ жгутомъ съ другимъ кончикомъ платка; задумалъ, что «узелочекъ значитъ Вѣра, а безъ узелка Неня Григорьевна» зажмурилъ глаза и зубами поймалъ одинъ изъ кончиковъ... Сердце его сильно забилося, когда, развивая съ осторожностью платокъ, онъ увидалъ, что у него въ зубахъ остался... Лицо его внезапно просвѣтлѣло спокойною рѣшимостью.

— Теперь остается рѣшить: *сегодня или послѣ?* сказалъ онъ, еще разъ понюхавъ. Послѣ этого онъ снова зажмурилъ глаза, особеннымъ образомъ замахалъ обѣими руками, и быстро сводилъ ихъ передъ носомъ, держа указательные пальцы направленными къ пункту соединенія. Указательные пальцы сооткнулись одинъ съ другимъ. Петръ Ивановичъ, раскрывъ глаза, удостовѣрился въ этомъ фактѣ, сказалъ съ твердостью: «сегодня непременно!» и смѣло поѣхалъ на встрѣчу ожидавшимъ его дамамъ, съ которыми онъ имѣлъ разговоръ, пересказанный уже мною.

III.

Сватовство.

Теперь вы понимаете, отъ-чего Петръ Ивановичъ былъ въ тревожномъ состояніи ума, когда онъ вошелъ въ комнату Николая Григорьевича, гдѣ царствовала совершенная темнота и гдѣ онъ на первомъ шагѣ наткнулся на что-то, стоявшее на полу.

— Ты, братецъ, у меня перебьешь здѣсь все, сказалъ сердито Николай Григорьевичъ.—Сними, догадайся, раму съ окна:

Петръ Ивановичъ съ величайшею осторожностью, опуская напередъ каждый шагъ ногами и руками, достигъ, наконецъ, до окна и съ небольшимъ усиліемъ вытащилъ раму съ черною холстиною. Быстро хлынулъ свѣтъ веселаго, осенняго утра, ярко напѣтанный лучами солнца и показалъ вворахъ Петра Ивановича длинную, худощавую особу старика, погруженнаго въ волнахъ огромной пуховой перины... Николай Григорьевичъ лежалъ, закутанный до подбородка шерстянымъ одѣяломъ и устремивъ глаза въ верхъ, какъ-будто погруженный въ самое глубокое и тихое созерцаніе складокъ, образовавшихся на поднятомъ пологѣ.

— Честъ мнѣю поздравитъ васъ съ добрымъ утромъ и съ воскресеньемъ, сказалъ гость съ маленькимъ замѣшательствомъ, протягивая почтительно руку угрюмому старику, какъ видно очень-недовольному раннимъ посѣщеніемъ. Николай Григорьевичъ также протянулъ свою руку и просунулъ ее въ руку Петра Ивановича, не сгибая пальцевъ (особый деликатный способъ пожатія, который, по мнѣнію моему, въ состояніи взбѣсить всякаго порядочнаго человѣка).—Какъ вы провели ночь? какъ ваше здорье? продолжалъ Петръ Ивановичъ.

— Прошу покорно садиться, отвѣчалъ Николай Григорьевичъ, съ непоколебимымъ вниманіемъ разсматривая складки полога. Петръ Ивановичъ, привыкшій къ капризамъ своего сосѣда и пріятеля, взялъ плетеное кресло, подвинулъ его къ постели, усялся самымъ покойнымъ образомъ, откашлялся, понюхалъ табаку, высморкался, словомъ сказать, принялъ всѣ мѣры для возбужденія своей твердости, и продолжалъ разговоръ.

— Вы вѣрно удивляетесь... этакъ... Николай Григорьевичъ, моему... этакому раннему... то-есть, посѣщенію...

— Нѣтъ, не удивляюсь...

— Не удивляетесь... гм... скажите... Однако, я бьюсь объ закладъ, что вы ни за что въ свѣтъ не угадаете... то-есть, причину...

— Я никогда не бьюсь объ закладъ...

— И прекрасно дѣлаете... Сегодня вы бы навѣрное проиграли... Ну, такъ безъ заклада угадайте, зачѣмъ я пріѣхалъ.

— Я никогда ничего не угадываю.

— Тьфу ты канальство! къ вамъ обиняками отложи попеченіе полѣхатъ... Видно, прямо надо сказать, что я пріѣхалъ... то-есть, по одному... этакому *серьезному* обстоятельству...

— Такъ вы хотите говорить о чемъ-нибудь *важномъ*? спросилъ Николай Григорьевичъ, быстро оторвавъ взоръ свой отъ привлекательныхъ складокъ полога и устремивъ его съ недоувѣрчивостью на своего сосѣда:—въ такомъ случаѣ позвольте мнѣ прежде встать, продолжалъ онъ, видя на лицѣ посѣтителя несомнѣныя признаки безпокойства.

Николай Григорьевичъ вообще не привыкъ и терпѣть не могъ упражнять въ разговорѣ свою мыслительность. Число предметовъ обыкновенныхъ бесѣдъ его было такъ ограничено, самые предметы эти были такъ немногосложны, такъ однообразны, что даже подробный и плодотворный анализъ требовалъ изъ всѣхъ умственныхъ способностей одной только памяти, и то въ маломъ количествѣ. Общество его обычныхъ посѣтителей какъ-нельзя-лучше соответствовало ему. Болѣе или менѣе, эти господа всѣ держались его системы. Николай Григорьевичъ, жившій уединенно, тихо и безъ претензій, болѣе нежели кто-нибудь былъ врагомъ важныхъ разсужденій, въ которыхъ онъ не имѣлъ ни малѣйшей надобности; но въ особенноти слово «важное» въ устахъ Петра Ивановича

обдавало его холодомъ. Для поясненія этого частнаго обстоятельства, которое проливаетъ яркій свѣтъ на евзвы и отношенія двухъ моихъ героевъ, надобно разсказать небольшой эпизодъ изъ жизни Николая Григорьевича.

До женитьбы своей на матери Вѣры, молодой Бормотышникъ, на 24-мъ году отроду вышедшій въ отставку, поселился въ домъ своихъ родителей (въ селѣ Архангельскомъ) именно въ томъ самомъ, гдѣ теперь помѣщается Петръ Ивановичъ. Но когда пришла пора храброму поклоннику Марса надѣть розовый вѣнокъ Гименея, онъ сообразилъ, что родительскій домъ его будетъ тѣсенъ для двухъ семействъ; а, такъ-какъ, принимая вышеупомянутый вѣнокъ Гименея изъ рукъ Амура, герой не бралъ за невѣстою, какъ у насъ говорятъ, ни кола, ни двора, то онъ считъ необходимымъ приобрести покушкою въ селѣцѣ Ванегѣ двадцать душъ, которыя тамъ продавались съ аукціоннаго торга, съ усадьбою и помѣщичьимъ домомъ, очень-удобнымъ и просторнымъ. Имѣніе это было замѣшано въ какую-то допотопную тяжбу, о которой Николай Григорьевичъ, какъ водится, не потрудился хорошенько справиться. Онъ жилъ-себѣ, да жилъ въ новоприобрѣтенномъ имѣніи, а тяжба шла-себѣ, да шла, своимъ безконечнымъ порядкомъ, и наконецъ, лѣтъ пять тому назадъ, въ одно прекрасное утро, къ Николаю Григорьевичу явился незнакомый, ему бѣринъ, который объявилъ себя законнымъ владѣльцемъ этого имѣнія и въ доказательство велѣлъ своему лакею принести изъ нововки связку бумагъ, для прочтенія которыхъ, — какъ оказалось Николаю Григорьевичу, — нужна была цѣлая вѣчность и цѣсколько лѣтъ сверхъ-того. Эта неожиданность, въ первыя минуты, такъ озадачила мирнаго владѣтеля селѣца Ванеги, что онъ готовъ былъ бѣжать въ самую глушь Африки, чтобъ только избавиться отъ чтенія отвратительныхъ бумагъ; но привычка къ пятнадцати-лѣтнему пребыванію и благородная гордость, скоро пришли на помощь къ потрясенному разуму. Бормотышникъ съ надменностію велѣлъ убрать съ *глазъ своихъ долой* документы своего соперника, наводившіе на него ужасъ и омерзѣніе, и отвѣчалъ ему уклончиво, но твердо. Онъ поспѣшилъ тотчасъ посоветоваться со свѣдущими людьми на-счетъ такого страннаго случая; а свѣдущіе люди сказали ему, что «конечно, есть положительный законъ, въ-свѣдствіе котораго никто не можетъ отнять имѣніе, приобретенное покушкою съ аукціоннаго торга, что онъ можетъ взять дѣло на апелляцію, и тѣмъ обезпечить себѣ, между-прочимъ, лѣтъ, этакъ, на сорокъ до окончательнаго рѣшенія — ненарулимое владѣніе спорнымъ имѣніемъ; но, прибавили свѣдущіе люди: «тяжба все-таки когда-нибудь да кончится, и если теперь она не смотря на ясный законъ, приняла такой неблагоприятный оборотъ, то кто знаетъ, какъ и въ чью пользу можетъ состояться послѣдній приговоръ правосудія, и тогда наследники его могутъ остаться вовсе безъ ничего, если (что, видите, также ино-

гда случается), заставить ихъ по закону заплатить истцу за неправильное, слишкомъ-пятидесяти-лѣтнее владѣніе его имѣніемъ». Николай Григорьевичъ подумалъ очень-основательно, что наследники его, вѣроятно, будутъ происходить отъ его шлага Гриши, который, вѣроятно, будетъ ихъ любить такъ же, какъ онъ, Николай Григорьевичъ, любить сына, и эта свѣтлая мысль повергла озадаченного оувѣтчика въ такую бездну умствованій, что разсудокъ его, никогда отъ самаго рожденія непретерпѣвавшій и тысячной доли подобнаго напряженія, помутился-было совершенно; но, къ-счастью моего благороднаго героя, незнакомый баринъ, явившійся такъ некстати, предложилъ необыкновенно-выгодную мировую сдѣлку. Николай Григорьевичъ не имѣлъ и тѣни подозрѣній, что онъ былъ обязанъ этому неожиданному спасенію очаровательнымъ взорамъ своей великодушной сестры, которая съ рѣшимостью и самопожертвованіемъ напала на врага всею силою своей обольстительной особы, можетъ-быть, рѣшившись на безсмертный подвигъ Курція. Николай Григорьевичъ, въ-слѣдствіе этой сдѣлки, отдалъ своему преслѣдователю родительскій домъ, сдѣлавшійся ему ненужнымъ послѣ смерти отца и матери.

Баринъ этотъ (о чемъ вы, вѣроятно, догадались) былъ не кто иной, какъ любезный нашъ Петръ Ивановичъ; онъ поселился въ родительскомъ домѣ Николая Григорьевича, отдѣлавъ его и началъ ежедневно посѣщать своего новаго пріятеля и сосѣда. Николай Григорьевичъ чувствовалъ, что онъ обязанъ Петру Ивановичу спокойствіемъ остальныхъ дней своей жизни, и потому не упускалъ ни одного случая поссориться съ нимъ и нагрубить ему, сколько было возможности.

Петръ Ивановичъ полюбилъ Николая Григорьевича, и они сдѣлались друзьями... Съ этой-то поры Николай Григорьевичъ трепеталъ всѣми членами, когда Петръ Ивановичъ объявлялъ, что онъ хочетъ говорить о чемъ-нибудь важномъ. Хотя онъ очень-хорошо зналъ, что ему нечего бояться новаго процесса со стороны его сосѣда, съ которымъ у него было все покончено, но онъ не могъ побѣдить въ себѣ какого-то смутнаго ужаса при одномъ воспоминаніи о бывшемъ своемъ страхѣ, и теперь, угрюмый и встревоженный словами гостя, старикъ торопливо позвонилъ. Прошло пять минутъ, никто не являлся; старикъ позвонилъ еще: то же послѣдствіе; наконецъ, уже черезъ четверть часа послѣ третьяго, вѣтерпѣливаго и усиленнаго звонка, явился Сергѣй, босякомъ и застегивая послѣднюю пуговицу сюртука.

— Что это, братецъ, значить? Я не могу тебя дозвониться, сказалъ баринъ, нахмуривъ брови.

Николай Григорьевичъ протянулъ ноги, на которыя Сергѣй, ни мало не медля, надѣлъ носки.

Далѣе, не говоря ни слова, даже, можно сказать, не шевелясь, баринъ только протягивалъ разные члены своего тѣла, которые каммердинеръ облекалъ одинъ за другимъ собственными

нимъ принадлежностями: засаленный кашемировый теплый халатъ сверхъ фланелевой фуфайки довершилъ нарядъ; потомъ Сергѣй заучилъ барину рукава и, свивъ халатъ жгутомъ, приподнял его сзади надъ спиною: — это былъ первый приступъ къ умыванью, продолжавшемуся болѣе четверти часа съ страшнымъ шумомъ, который Николай Григорьевичъ производилъ безпрестанно горломъ, набравъ полный ротъ воды. За умываньемъ, камердинеръ расчесалъ роговымъ гребнемъ мокрые волосы барина; взъерошилъ, далъ имъ извѣстную форму и, подвязавъ ему шею шелковою черною косынкою, поднесъ маленькое зеркальцо. Николай Григорьевичъ довольно-долго разсматривалъ въ него всѣ подробности своей физиономіи и костюма, открывалъ зубы, высовывалъ языкъ, всовывалъ его попеременно то за ту, то за другую щеку и, удостовѣрившись наконецъ, что все находится въ должномъ порядкѣ, пощупалъ два раза подбородокъ и обратился съ вопросительнымъ взоромъ къ камердинеру.

— Какъ ты думаешь, Сергѣй? спросилъ онъ.

— Какъ вамъ угодно, сударь. По-моему пора, отвѣчалъ Сергѣй.

Николай Григорьевичъ поглядѣлъ еще въ зеркало, еще нѣсколько разъ пощупалъ и потеръ свой подбородокъ, изъ котораго торчали волосы въ полпальца длиною, и наконецъ рѣшилъ, что дѣйствительно пора выбриться. Камердинеръ, исправлявшій также должность цирюльника, приступилъ къ этой новой операціи: бритье и за нимъ новое умыванье продолжалось еще около получаса. Наконецъ, когда всѣ эти необходимые сборы и процессы были кончены, и Сергѣй вышелъ, Николай Григорьевичъ сталъ передъ образомъ, помолился, завелъ свои серебряные нортоновскіе часы, отправился къ своему креслу и усѣлся въ него къ услугамъ своего гостя. Петръ Ивановичъ переѣхалъ съ своимъ сѣдалищемъ и помѣстился напротивъ.

Снисходительный сосѣдъ молча и неподвижно присутствовалъ при всѣхъ описанныхъ мною обрядахъ, и не только былъ далекъ отъ мысли обнаружить малѣйшее нетерпѣніе въ-теченіе двухъ почти часовъ, но еще казался совершенно-доволенъ тѣмъ, что рѣшительное объясненіе отсрочивалось такимъ образомъ само-собою, и онъ имѣлъ возможность приготовиться и обдуматься, будучи совершенно убѣжденъ, что все это къ *лучшему*.

Когда хозяинъ и гость помѣстились другъ противъ друга, Николай Григорьевичъ далъ знакъ глазами, что онъ готовъ и ожидаетъ объясненія *важнаго* предмета. Какъ ни хорошо Петръ Ивановичъ обдумалъ это объясненіе, какъ ни тверда была его рѣшительность, по въ роковую минуту онъ почувствовалъ, что матерія, о которой онъ собирался трактовать, требовала всѣхъ возможныхъ предосторожностей, всѣхъ усилій его дипломатическаго таланта и, надобно открыть истину, оборотливый умъ Петра Ивановича не зналъ съ чего начать.

Герой мой закашлялся, чтобъ скрыть свое замѣшательство, вы-

нулъ табакерку и, взявъ самъ призъ табаку, поднесъ ее Николаю Григорьевичу, какъ — бы желая этимъ процессомъ возстановить взаимное уразумѣніе и сочувствіе. Гость и хозяинъ поюхали съ приличною деликатностью.

— Я хотѣлъ бы прежде всего узнать, началъ Петръ Ивановичъ: — что вы, Николай Григоричъ... то-есть... эдакъ, обо мнѣ думаете?

— Объ тебѣ?

— Да-съ. То-есть, за кого вы... такъ-сказать, меня считаете?

— За своего сосѣда.

— Да, ну, да, это конечно. Это само собою разумѣется. Нѣтъ, мнѣ бы хотѣлось знать, что вы этакъ во мнѣ, то-есть, *внутренно* находите?..

— Я нахожу въ тебѣ много разныхъ качествъ.

— Разныхъ качествъ?!.. видите... то-есть, какъ же это понимать: разныхъ дурныхъ качествъ... что ли?

— Да, и дурныхъ...

Петръ Ивановичъ нахмурился.

— Видите!!!.. А какія это разные дурныя качества, то-есть... вы находите во мнѣ? позвольте васъ спросить.

— Я никогда не говорю о дурныхъ качествахъ моихъ сосѣдей...

— Не говорите?... Изволите видѣть! однакожь, мнѣ вы должны сказать.

— Нѣтъ, не скажу.

— А я вамъ говорю, что вы должны сказать.

Петръ Ивановичъ начиналъ горячиться. Такъ откровенно выраженное мнѣніе сосѣда о его дурныхъ качествахъ, въ эту торжественную минуту, совершенно поколебало его хладнокровіе.

— А я тебѣ говорю, что не скажу...

— А я вамъ говорю, что скажете!

— Нѣтъ, не скажу...

— Я васъ заставляю сказать.

— Посмотримъ.

— Да съ чего же это вы выдумали и въ-самомъ-дѣлѣ?.. Вы должны, сударь, объясниться со мною...

— Не хочу.

— Должны, говорю я вамъ.

— А я говорю, что не хочу.

— Ну, такъ послѣ этого не стоить и говорить съ вами!

Петръ Ивановичъ отвернулся, и нѣсколько минутъ продолжалось молчаніе. Николай Григорьевичъ сидѣлъ, качая правую ногу; а Петръ Ивановичъ разсматривалъ во всѣхъ подробностяхъ свою новую фуражку, которая дѣйствительно заслуживала внимательнѣйшаго анализа по своему необыкновенно-замысловатому фасону, придуманному самимъ Петромъ Ивановичемъ. Наконецъ Петръ Ивановичъ снова прервалъ молчаніе.

— Вы меня считаете или нѣтъ за хорошаго человѣка?

Николай Григорьевичъ продолжалъ безмолвствовать.

— Я васъ спрашиваю, Николай Григорьевичъ: за хорошаго, или за дурнаго человѣка вы меня считаете?..

— Я не могу отвѣчать на этотъ вопросъ.

— Почему это? желаю я знать.

— Не могу.

— Да почему? я васъ спрашиваю.

— Почему?

— Да, почему?

— Почему? почему?.. потому-что я никогда не отвѣчаю на такіе вопросы.

— Тьфу ты, дьявольщина!.. да на какіе же вопросы вы отвѣчаете?

— Я отвѣчаю на разные вопросы.

— На разные вопросы... да на какіе? желаю я знать... Убей же ня Богъ, съ вами такъ, то-есть, до завтра не попадешь на т разные вопросы, на которые вы отвѣчаете... Вотъ, какакая задача-то!

Петръ Ивановичъ опять принялся за свою фуражку, а Николай Григорьевичъ снова приступилъ къ качанію правой ноги... Прошло еще нѣсколько минутъ.

— По-крайней-мѣрѣ, скажите мнѣ, извѣстно ли вамъ, что я мною числится сто-сорокъ-семь ревизскихъ душъ?

— Извѣстно.

— И что я съ нихъ получаю до восьми тысячъ дохода?

— До восьми тысячъ!.. Экая нелѣпость!

— Не нелѣпость, сударь, а суная правда. Сколько разъ я вамъ это доказывалъ: разочтите сами: оброну я получаю *два тысячца*; за пашки у меня здѣсь по пятидесяти-пяти десятинъ въ полѣ, а за *двѣнадцать жѣ* (какъ говорится въ крѣпостяхъ); каждая десятина, кроме паровыхъ, худо-худо даетъ по пятидесяти рублей,—вы сами знаете какова у меня земля, сколько луговъ, сколько скота и какъ обрабатываются поля; значить, вычета содержаніе мое и дворовыхъ, вотъ еще будетъ *четыре тысячца*. Теперь считайте: *двадцать тысячъ* барки, мельшину, вы и увидите, что выходитъ *сорокъ тысячъ*... Что, не бось, все еще спорить станете?

Николай Григорьевичъ, не смотря на маленькую досаду, которую возбуждало въ немъ подробное исчисленіе доходовъ Петра Ивановича, не могъ никогда слышать безъ какого-то невольнаго уваженія слова: «слишкомъ восемь тысячъ годоваго дохода». Эта магическая фраза имѣла на него чрезвычайно-сильное вліяніе, она смягчала его душу и возвышала въ глазахъ его того, кто имѣлъ право примѣнить ее къ себѣ.

Сложивъ большой и указательный пальцы правой руки, Николай Григорьевичъ протянулъ ее впередъ; Петръ Ивановичъ тотъ часъ вынулъ свою табакерку, раскрылъ и поднесъ къ протянутому пальцамъ. Жестъ Николая Григорьевича служилъ несомнѣнно

нымъ доказательствомъ для Петра Ивановича, что краснорѣчіе его начинало торжествовать.

— Да, братецъ, сказала старикъ смягченнымъ голосомъ:—я не понимаю истинно, какъ ты это ухищряешься. Я съ трехсотъ слишкомъ душъ не получаю болѣе пяти тысячъ... Сушая премудрость для меня эти восемь тысячъ.

— Да-съ, восемь тысячъ чистаго дохода... Потому-что свой глазъ вездѣ, сударь мой. Съ этимъ можно жить... А?.. Годовъ вотъ ужъ съ десятокъ коплю деньжонку на черный день... Значить, эта статья кончена. Теперь обратимся къ личности... Отъ роду мнѣ около тридцати-пяти лѣтъ... да вѣдь я былъ воспитанъ не по-вышнему: силы и здоровья еще на-долго хватить... Вы сами, вотъ, живой примѣръ...

— Да тѣбу пропасть, братецъ ты мой... Къ-чему это ты несешь такую околесицу?.. Завелъ-было о хозяйствѣ и вдругъ переѣхалъ на лѣта; да на здоровье...

Николай Григорьевичъ протянулъ руку. Гость и хозяинъ снова похлопали, но ужъ, въ этотъ разъ, съ видимою симпатіею. Ловкій Петръ Ивановичъ умѣлъ возбудить любопытство въ своемъ слушателѣ.

— Къ-чему я говорю все это?.. Гм!.. а вотъ къ-чему: скажите-ка мнѣ, чѣмъ, какъ, по вашему мнѣнію, этакъ, госкусь ли я быть мужемъ?

— Мужемъ, часъ-отъ-часу не легче!

— Да-съ, мужемъ и отцомъ семейства; рѣшите, могу ли я быть мужемъ?

— Надобно прежде знать чѣмъ?

— Чѣмъ?... Нѣтъ, это послѣ прійдетъ; а вы мнѣ прежде такъ скажите, приблизительно: могу ли я быть мужемъ... ну, то-есть, разумеется, какой тамъ ни на есть барышни, либо вдовы, на-примѣръ?

— Барышни, или вдовы?

— Да-съ, барышни или вдовы: то-есть, я хочу этакъ сказать, какой-нибудь благородной дворянки?

— Есть барышни разныя, братецъ ты мой, и разныя вдовы, и разныя благородныя дворянки.

— Ну, нѣтъ... воскликнулъ Петръ Ивановичъ:—мне! почтеніе!.. съ вами эдакъ на тонкости во вѣщи вѣновъ не столкуешь. Приступать, видно, ужъ прямо. Извольте видѣть, въ чемъ вся сила. Я задумалъ жениться.

Николай Григорьевичъ опять протянулъ руку, и обрядъ общаго похлыванья опять повторился.

— Безъ хозяйки нельзя, согласитесь; безъ женщины въ домѣ; что за порядокъ, вамъ это извѣстно... Я же человѣкъ сельдичій, домосѣдичій... ну, и, къ-несчастью, имѣю слабое сердце... Чтѣ жъ тутъ таятся! вы вѣдь все знаете... кто Богу не грѣшнень, царю не виноватъ... Однако, пора о душѣ подумать... Къ-счастью, Вотъ

прибравъ у меня Машу... царство ей небесное... Теперь вотъ я и задумалъ вступить въ законный бракъ.

Доведя разговоръ до рѣшительнаго момента, Петръ Ивановичъ вдругъ почувствовалъ опять невыразимое безпокойство и сомнѣнiе. Онъ силится припомнить хорошецъко, не ошибся ли онъ въ узелкахъ... Дорого далъ бы онъ за возможность повторить теперь эту операцію, но увы... не было никакого средства. Въ одномъ ухъ его раздавался голосъ графа, произносящій обольстительную фразу «шестьсотъ душъ и чортова пропасть денегъ»; а въ другомъ слышался шопотъ Ненилы Григорьевны, то ласкающій, то грозный, то умоляющій. Ни кашель, ни цюханье, ни сморканье не помогали болѣе... Волценіе и тревога его увеличивались; наконецъ, сдѣлавъ неимоверное усиліе, онъ преодолѣлъ себя и продолжалъ дрожащимъ голосомъ:

— Вотъ такъ-то, Николай Григорьевичъ, я и рѣшился вступить въ законный бракъ, то-есть... я... придумалъ, такъ-сказать, жениться, этакъ формальнымъ образомъ... И какъ вамъ извѣстно, Николай Григорьевичъ... что я, то-есть, въ-теченіе пяти лѣтъ... каждодневно имѣю удовольствіе видѣть Ненилу Григорьевну... тьфу ты, дурестъ какая! Виноватъ! чортъ возьми, какая глупая опцбкка, то-есть, Вѣру Николаевну, хотѣлъ я сказать...

— Мою Вѣру?.. воскликнулъ Николай Григорьевичъ съ непроизвольнымъ изумленіемъ.

Великое слово было сказано. Послѣ этого рѣшительнаго подвига, Петръ Ивановичъ почувствовалъ грудь свою вновь свободною отъ тягости, ее давившей, и въ душѣ его снова водворилась обычная спокойная твердость и непоколебимость.

— Да-съ, точно такъ... вашу дочь Вѣру Николаевну... я убѣдился, что лучше, умѣе, добрѣе и любезнѣе ея нѣтъ ни одной барышни не только во всей нашей губерніи; но даже въ цѣлой Россіи. Не подумайте, что я это говорю такъ, съ-горяча. Я въ этомъ точно такъ же твердо увѣренъ, какъ въ томъ, что меня зовутъ Петромъ Ивановичемъ, а васъ Николаемъ Григорьевичемъ... почему и принимаю смѣлость испрашивать у васъ, Николай Григорьевичъ, вашей... т. е., ея руки.

Это предложеніе, вовсе неожиданное, озадачило Николая Григорьевича, которому были извѣстны отношенія Петра Ивановича съ Ненилой Григорьевной. Вы ожидаете, что, имѣя эти свѣдѣнія, онъ принялъ за дерзость поступокъ своего пріятеля? Нѣтъ, онъ вовсе не слѣдовалъ такимъ понятіямъ (хотя при обсужденіи чужихъ поступковъ, по сосѣдству не упускалъ случая пустить ихъ въ ходъ, разумѣется, ко благу ближняго). Николая Григорьевича поразила, во-первыхъ, непостижимость выбора Петра Ивановича и его внезапной переменчивости, тогда-какъ пятилѣтнее неизмѣнное постоянство его рудачось бы за противное; во-вторыхъ, поступокъ Петра Ивановича ставилъ старика между сестрою и дочерью; а женихъ съ восемью

тысячами чистаго дохода былъ вовсе не такая вещь, которую бы могла поднять на улицѣ невѣста съ тридцатью душами.

ВѢра рѣдко навѣщала свою бабушку Анну Ивановну, славившуюся баснословнымъ скряжничествомъ, и хотя ясно видѣла ея особенную любовь къ себѣ, но ни она и никто въ домѣ не имѣли тѣхъ подозрѣнй о ея благодѣтельныхъ намѣренйяхъ. До-сихъ-поръ этотъ секретъ былъ извѣстенъ только графу, который велъ интригу, да его двоюродному брату, съ котораго графъ взялъ слово сохранить тайну...

Николай Григорьевичъ увидѣлъ себя совершенно между Сциллой и Харибдой. Но его не легко было привести въ такое затрудненіе, изъ котораго онъ не сумѣлъ бы вывернуться. Выслушавъ Петра Ивановича съ наружнымъ равнодушіемъ, онъ приподнялся немного, въ видѣ поклона...

— Благодарю васъ покорно за честь, которую вы дѣлаете моей дочери, сказалъ онъ официальнымъ тономъ:—но такъ-какъ я въ этомъ ничего не знаю... это не мое дѣло... Я ей не мать. Нынѣе время такое, что вся эта молодежь сама выбираетъ... то я и далъ дочери полную власть... Какъ она себѣ, тамъ, хочетъ. ВѢрѣ, конечно, пора. Надобности большой ее удерживать я не имѣю... Хоть, правда, я привыкъ... Ну, да я знаю, что вѣдь надобно же ей когда-нибудь выйдти замужъ... Впрочемъ, большой надобности и въ этомъ я не вижу...

Въ это время дверь спальни немнѣжко отворилась, и серебристый, мелодическій голосъ спросилъ:

— Можно, папаша?

— Можно, отвѣчалъ папаша, и ВѢра, легкая, веселая, порхнула въ спальню и съ пылкою нѣжностью расцаловала угрюмаго, холоднаго старика.

— Какъ вы напугали тѣтеньку! сказала она, обращаясь къ своему жениху, о намѣренйяхъ котораго не имѣла теперь ни малѣйшаго подозрѣнй, обезпеченная словами тѣтки. — Она всю обѣду не дала мнѣ молиться. Вотъ вы какихъ грѣховъ надѣлали.

— Возьми стулъ и сядь къ намъ сюда, сказалъ Николай Григорьевичъ.

— Сѣсть къ вамъ? спросила изумленная ВѢра: — я думала, что навѣщала вашему важному совѣщанію... Скажи, папаша, зачѣмъ мнѣ быть здѣсь?

— Садись сюда, ВѢра, и слушай.

ВѢра повиновалась, быстро подвинула стулъ, сѣла и съ безпокойнымъ любопытствомъ глядѣла попеременно на обоихъ собесѣдниковъ; но даже тѣхъ догадки о настоящей причинѣ этого конгресса не входила въ ея голову. Нѣсколько секундъ царствовало молчаніе.

— Что же, панаша, я слушаю?

— Говори, Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ осматривалъ со всѣхъ сторонъ свою диковинную фуражку, откаплялся, сдѣлалъ ибѣжную мину и готовился уже начать, какъ дверь спальни отворилась, и Ненила Григорьевна спросила позволенія войти. Это неумѣстное явленіе, въ самую рѣшительную минуту, показалось дурнымъ предвѣщаніемъ Петру Ивановичу. Онъ впрочемъ надѣялся, что Николай Григорьевичъ отошлетъ ее; но ни чуть не бывало: старикъ велѣлъ ей войти и очень-ласково съ нею поздоровался. Трепещущая отъ сладостнаго ожиданія Ненила Григорьевна только-было обратилась къ коварному своему обольстителю съ какимъ-то восклицаніемъ, какъ Николай Григорьевичъ сказалъ ей:

— Сестра, запри дверь.

— Запереть?

— Дѣ, запри, потомъ сядь сюда и слушай.

Это приказаніе произвело впечатлѣніе на всѣхъ присутствующихъ; но эффектъ его на Петра Ивановича былъ выше всякаго описанія. Его какъ варомъ обдали эти слова. Онъ сначала никакъ не могъ понять старика, который такъ неожиданно придумалъ заставить изрожденнаго жениха объясниться съ невестою въ присутствіи особы, которую тотъ хотѣлъ бы всего меньше имѣть свидѣтельницаю этого объясненія. Изобрѣтательному уму Николая Григорьевича представился этотъ маневръ, во-первыхъ, какъ средство отомстить беспокойному сосѣду за его безвременное посѣщеніе, за страхъ, который онъ навелъ на него своимъ объявленіемъ о важномъ предметѣ и за все прошедшее; а, во-вторыхъ, какъ предохранительное лекарство противъ атакъ оскорбленной сестры, которая непременно взвалила бы на него часть отвѣтственности за измѣнительскій поступокъ Петра Ивановича. Теперь, когда вся эта драма разыграется передъ ея глазами, она уже не будетъ имѣть ни малѣйшаго повода подозрѣвать своего осторожнаго брата въ соумышленіи съ виновникомъ обмана... Петръ Ивановичъ смекнулъ скоро предательскій расчетъ старика и это еще болѣе запутало его положеніе; онъ сохранялъ сознаніе, что въ сердцѣ молодой дѣвушки не имѣлъ онъ союзника своимъ замысламъ. Его надежды основывались на вліяніи родительской власти, которую онъ положительно считалъ за собою, понизая слишкомъ-хорошо, что его предложенія ни одинъ благоразумный отецъ дочери съ тридцатью душами приданого, не только не могъ отвергнуть, но долженъ былъ считать за особенное благополучіе. Надежды эти основывались, сверхъ-того, на совершенномъ знаніи образа мыслей Николая Григорьевича, въ которомъ Петръ Ивановичъ никогда не подозрѣвалъ надменной братской любви, такъ внезапно имъ обнаруженной; но теперь онъ угадывалъ, что успѣхъ его предпріятія болѣе, чѣмъ сомнителенъ. Безъ всякой посторонней помощи, онъ долженъ былъ единственно силою убѣжденія и краснорѣчія одержать, въ одно и то же время, двой-

ную побѣду надъ антипатическою холодною Вѣрой и надъ глубоко-оскорбленнымъ женскимъ самолюбіемъ Ненилы Григорьевны,— подвигъ, предъ которымъ, конечно, можно задуматься.

Въ первую минуту, Петръ Ивановичъ считалъ себя погибшимъ. Его воображенію представились страшныя сцены: презрительно-равнодушный отказъ невесты, насмѣшливыя сожалѣнія старика, крикъ отчаянной и вѣдущей вдовы, постыдная и глупая развязка затѣи, въ которой отъ минутной рѣшимости, основанной на химерическихъ расчетахъ, принесли онъ въ жертву давно-обдуманной и такъ хорошо устроенной планъ своей будущности. Эти ужасающія думы хлынули толпою, и сердце его сжалось темнымъ предчувствіемъ. Минута была роковая. Когда Ненила Григорьевна усѣлась съ сладостнымъ волненіемъ, и всѣ взоры устрежились на него съ любопытнымъ ожиданіемъ, Петръ Ивановичъ, съ пылающимъ, разстроеннымъ лицомъ, съ помутившимися глазами, вскочилъ съ кресла и готовъ былъ бѣжать. Одинъ Николай Григорьевичъ понималъ причину энергическаго и отчаяннаго движенія своей жертвы. Онъ торжествовалъ. Мучительное положеніе, въ которое ему удалось поставить Петра Ивановича, заплатило ему за все, что онъ переложилъ въ неизгладимый изъ памяти день нападенія на законность правъ его владѣнія сельцомъ Ванегою, съ чудовищною грудю документовъ, которые имѣли такое гибельное вліяніе на спокойный дотолѣ мозгъ моего мирнаго и счастливаго помѣщика.

Но торжество его было непродолжительно. Петръ Ивановичъ былъ человекъ, неспособный такъ легко отказаться отъ своихъ намѣреній. Прежде, чѣмъ онъ успѣлъ сдѣлать шагъ къ двери, свѣтлая вѣра въ предназначеніе съ быстротою молніи слетѣла въ хаосъ его душевной тревоги и мгновенно разсѣяла всѣ его страхи.

— Что за вздоръ! сказалъ онъ самъ-себѣ:—чего это я струсилъ?.. Вѣдь не повѣсятъ же меня. Вѣрно такъ должно было случиться:—предѣлъ, его же не преѣдешь, сказано гдѣ-то... Авось еще все къ лучшему.

И это мудрое и благотворное разсужденіе возвратило ему всю твердость духа, спокойствіе и увѣренность: черты лица его приняли обычный видъ; краска исчезла, и онъ снова усѣлся на свое мѣсто, вынулъ неизмѣнную табакерку и съ полною непринужденностью подаль ее Николаю Григорьевичу.

Характеры твердые въ критическую минуту развиваютъ всю энергію воли и изобрѣтательности. Петръ Ивановичъ, которому для обдумыванія предложенія Николаю Григорьевичу нужно было такъ много времени и приготовленій, теперь мгновенно нашелъ въ головѣ своей достаточно умѣнья и ловкости, чтобъ не задумываясь приступить къ шекотливому объясненію съ Вѣрою.

— Вѣра Николаевна, сказалъ онъ твердо, обращаясь къ ней:— я объяснюсь съ вами коротко и ясно... Я говорилъ съ вашимъ батюшкой... онъ предоставилъ вамъ рѣшеніе моей участи... Хотите вы или нѣтъ имѣть меня мужемъ?

Ненила Григорьевна поблѣднѣла. Она не вѣрила ушамъ своимъ.

— Мужемъ?.. васъ!.. воскликнула Вѣра.

— Да-съ... меня... мужемъ... повторилъ Петръ Ивановичъ съ непоколебимою рѣшимостью...

Водворилось молчаніе.

Эти ясно-выговоренныя слова, неоставившія Ненилы Григорьевны никакого сомнѣнія въ измѣнническомъ поступкѣ Петра Ивановича, такъ поразили ея бѣдное сердце, приготовленное къ совершенно-противоположнымъ ощущеніямъ, полное свѣтлыхъ ожиданій и давно-привыкшее дѣлать оболъстительныя надежды, что оно пало подъ неожиданнымъ ударомъ. Ни гордость, ни чувство оскорбленнаго самолюбія не успѣли подкрѣпить слабость женской природы, и слезы явились первыя. Ненила Григорьевна быстро закрыла руками лицо и едва не лишилась чувствъ. Скоро, однакожь, порывъ чувствительности и слабости уступилъ мѣсто другимъ ощущеніямъ болѣе бурнымъ и ядовитымъ. Проснулись другія тревожныя чувства, другія глубокія страсти: стыдъ, досада и мимолетныя вспышки и иссушили въ одно мгновеніе источникъ слезъ. Оскорбленная женщина рѣшилась вооружиться всею силою воли, чтобъ не уредить торжества оскорбителя... Она поклялась ему отмстить местию женщины. У Ненилы Григорьевны было столько ума и присутствія духа, что она могла понять непримѣнне всякой трагической выходки противъ своего вѣроломнаго обожателя и выдержаться отъ упрековъ. Если она жила такъ мало въ свѣтѣ, что могла владѣть первымъ порывомъ и выдержать неожиданнѣйшій ударъ, то въ замѣнъ того она—какъ говорятъ у насъ русскіе Французы—была слишкомъ женщиною, чтобъ заглушить оскорбленныи самолюбіемъ всѣ прочія чувства. Въ нѣсколько мгновеній она пришла въ состояніе сразиться въ равномъ бою съ стоическою рѣшительностью Петра Ивановича...

Не таково было душевное состояніе Вѣры. Вы уже знаете, какія идеальныя, поэтическія понятія имѣла она о жизни. Вѣра была, можно сказать, дитя природы. Лишившись матери въ самый день рожденія, она до десятилѣтняго возраста была оставлена на произволъ судьбы угрюмымъ ея батюшкой, видѣвшимъ въ ней выцвѣтшую потерю жены, единственнаго существа, которое онъ искренне и много любилъ. Провидѣніе послало ей въ лицѣ старой няни замѣнъ родительскихъ заботъ и ласкъ и это отверженное положеніе слишкомъ рано развило въ ея сердцѣ, созданномъ для любви глубокой и дѣятельной, сознаніе потребности такого чувства. Когда ей минуло десять лѣтъ, известная уже вамъ бабушка ея, Анна Ивановна, почувствовала состраданіе къ ея безпріютному дѣтству и взяла ее къ себѣ, чтобъ дать какое-нибудь воспитаніе. Въ домѣ ея Вѣра жила около семи лѣтъ и умѣла приобрести такую любовь капризной и скучной старой дѣвы, что бабушка употребила для образованія ея всѣ средства, какія только могла имѣть подъ руками у насъ, здѣсь, въ Р—мъ-Уздѣ. Приходскій дьяконъ болѣе на-

ти лѣтъ давалъ ей уроки во всѣхъ предметахъ, входящихъ въ составъ семинарскаго философскаго курса (исключая, разумѣется, латини) и даже во французскомъ языкѣ и на фортепьяно. Сверхъ того, ВѢра изрѣдка находила случай доставать кое-какіе романы и въ нихъ-то почерпнула свои основныя свѣдѣнія о практической жизни, которыя были очень-похожи на золотыя, волшебныя сны. Однако, суровая сущность, ее окружающая, скоро возстала противъ этихъ неясныхъ понятій. Тихо ВѢра допытывалась и искала въ своей сферѣ чего-нибудь похожаго на свѣтлыя призраки иной, лучшей жизни, созданныя ея воображеніемъ, настропеннымъ обольстительными разказами и поэтическими вымыслами, которыя неопытная дѣвушка принимала за чистую и несомнѣнную истину. Образъ жизни ея былъ таковъ, что она не видѣла нигдѣ гѣни подобія любимымъ призракамъ своей фантази, по вмѣстѣ съ тѣмъ и не могла вполне убѣдиться, что очаровательныя мечты ея несбыточны. Анна Ивановна вела жизнь самую уединенную среди мосекъ, воспитанницъ и дворовыхъ людей своихъ. Когда ВѢрѣ минуло шестнадцать лѣтъ, ея угрюмый батюшка, отпустивъ въ полкъ своего единственнаго сына, Гришу, вдругъ вспомнилъ о существованіи дочери и взялъ ее къ себѣ. Образъ жизни ея въ родительскомъ домѣ былъ, если возможно, еще уединеннѣе, нежели у бабушки. Одинъ и тотъ же Петръ Ивановичъ, разсмотрѣнный ею съ разныхъ точекъ, оказался рѣшительно внѣ волшебной сферы, въ которой обитала мечта ея любящаго сердца. Отецъ и тѣтка, не смотря на всѣ усилія ея воли, не возбуждали въ душѣ ея никакого чувства, кромѣ страха и недовѣрчивости. Напрасно ждала она отъ нихъ, какъ милости, какого-нибудь желанія, которое дало бы ей случай всѣми возможными жертвоугодіями вымолить въ ихъ сердцахъ хоть сколько-нибудь сочувствія къ ея пылкой, глубокой потребности любить. Они были глухи и холодны къ ея побываніямъ. Напрасно она сторожила минуту, въ которую бы душа ея, полная тревожнаго волненія, могла излиться въ родную душу. Эта минута не приходила. Все шло своимъ обычнымъ, мертвымъ порядкомъ. Мало-по-малу, ВѢра свыклась съ своимъ положеніемъ, похоронила въ недосягаемую глубину души обольстительныя надежды, отреклась отъ своихъ завѣтныхъ вѣрованій; казалось, все забыла свои свѣтлыя и роскошныя мечты, все болѣе и болѣе клаясь разсудительною рюю барышнюю и положительною узнаною невѣстою. И вотъ слово *мужь*, произнесенное Петромъ Ивановичемъ, пробудило снова все прошедшее. Въ душѣ бѣдной дѣвушки вновь быстрымъ вихремъ пронесли роскошныя мечты, свѣтлыя, обольстительныя видѣнія, золотыя надежды, почти забытыя... Онѣ не умерли. ВѢра похоронила ихъ живыми. Извѣстна страшная участь погребенныхъ за-живо. Притомъ же, подумайте, юныя мечты любви и счастья такъ богаты жизнью.

И какую действительность, какую будущность предлагаютъ ей за эти мечты! Въ замѣну ея идеала, судьба даетъ ей Петра Ива-

новича—этого невинно-просвещеннаго подростка, предлагающаго вам дашнихъ насмѣшекъ. Бѣдная Вѣра!..

Она горько заплакала, вспоминая рассказъ тѣтки: это воспитаніе сверхъ всѣхъ противонаклонностей, которыя предостерегающая душность имѣла съ ея мечтою, открывало ей еще въ ея юности что-то оскорбительное и унизжающее...

Поведеніе Петра Ивановича было неостыжкимъ для Вѣры: она не могла разгадать, обманывалъ ли онъ въ теченіе пяти свиданій лѣтъ легковѣрную тѣтку, или теперь обманывалъ саму Вѣру, предлагая ей свою руку, тогда—какъ онъ любилъ другую. Во всякомъ случаѣ, душѣ Вѣры, чистой и чуждой всякаго протворства, была нестерпимо-отератительна такая двусмысленность въ человѣкѣ, съ которымъ она должна была соединиться на всю жизнь.

Но се въспомъ эмиль, рѣшеніе ея между «да» и «нѣтъ» было такъ легко, какъ это кажется по всему, что сказано. Я. о. Вѣра. Хотя душа Вѣры была тверда и возвышенна, хотя въ ней хранилась энергическая и мощная воля, хотя умъ ея былъ свѣтелъ и свободенъ, но все-таки она была прежде всего дѣтско-убѣдная барышня: ея воспитаніе и сфера, въ которой она жила, были чужды правилъ и примѣровъ основной и неизмѣнной нравственности. Намрасно она хотѣла бы создать себѣ убѣдительныя правила. Ихъ создать нельзя: они должны быть въ крови, въ воспитаніи, въ духѣ общества. Тотъ міръ понятій, о которомъ говорили ея любимыя книги, былъ такъ далекъ отъ окружающей дѣйствительности, что его можно было считать за утопическую и чту воображенія. Значить: вся философія, къ какой была склонна моя разсудительная героиня, склоняла вѣсы въ пользу всякаго дѣла руки ея. Какъ смѣтъ ей жертвовать выгодною партією (да, недавно такъ положительно-опредѣленною ей тѣткою) инстинктивному чувству, когда всѣ кругомъ ея поступаютъ иначе: когда противъ этого было все: внѣшнія обстоятельства, судьба, прѣдѣлъ,—какъ говоритъ Петръ Ивановичъ,—его же не преиждутъ? въ-самомъ-дѣлѣ, какія основательныя причины имѣла она «противъ» этой партіи? Надежды на что-нибудь лучшее (если надежды можно отнести къ основательнымъ причинамъ)? Но у нея было уже довольно времени увѣряться въ шаткости такихъ надеждъ. Дѣвочья жизнь ея въ домѣ родительскомъ соединяла въ себѣ, такъ мало прелестей, что легко было предпочесть ее замужеству съ чужовѣкомъ, въ которомъ она знала гораздо-болѣе доброты и чуждѣйшей истинности, нежели сколько находила въ родныхъ ей сердцахъ. Что же сказать ей въ опору своего отвращенія отъ предлагаемаго ей союза?

Однакожь, это отвращеніе было такъ сильно, что оно побѣдило всякое внѣшнее вліяніе, и Вѣра рѣшилась бороться; къ-тому же, она была увѣрена, что родительская власть не вмѣшается въ ея дѣла. Дикій и суровый Николай Григорьевичъ, историческій и малѣйшаго протворствія своей волею и даже приходило, къ-се-

стию, единкомъ мало занимался судьбою дочери и, сверхъ того, привыкнувъ въ-теченіе пяти лѣтъ къ ея присутствію, старый анахоретъ, вообще терпѣть немогшій перемѣнъ во всемъ, что его окружало, и неохотно оставлявшій свои привычки, думалъ съ неудовольствіемъ объ ея замужествѣ, которое должно было измѣнить образъ ея жизни.

Петръ Ивановичъ, во время своего объясненія, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за измѣненіемъ лица молодой дѣвушки, отъ которой онъ ждалъ чего-нибудь въ родѣ холодной насмѣшливости; но когда свѣтлые и всегда веселые глаза ея отуманились горькою влагою грусти, онъ съ какою-то особенною торопливостію началъ искать подъ креслами носоваго платка, который сей-часъ только положилъ въ карманъ. Ненила Григорьевна, съ своей стороны слѣдившая за всѣми его движеніями, замѣтила какъ этотъ симптомъ непритворной чувствительности, такъ и то, что Петръ Ивановичъ словно вовсе забылъ о ея присутствіи. Сердце ея рвало отъ злости и огорченія.

Николай Григорьевичъ хладнокровно поглядывалъ на своихъ собесѣдниковъ. Слезы Вѣры текли, текли непрерывно; она молчала. Петръ Ивановичъ нашелъ наконецъ свой платокъ, высморкался съ такимъ оглушающимъ шумомъ, до какого еще никогда не достигалъ диапазонъ его звучнаго органа обонянія, и первый прервалъ тяжелое молчаніе, царствовавшее въ комнатѣ.

— Даю вамъ клятву, Вѣра Николаевна, сказалъ онъ голосомъ слегка-дрожащимъ:—даю вамъ... этакое слово благороднаго дворянина, что обязуюсь... то-есть... сдѣлать все, что отъ меня зависитъ... чтобъ вы были счастливы...

Въ голосѣ, которымъ Петръ Ивановичъ сказалъ это, было столько чувства и искренности, что Вѣра, неизбалованная съ этой стороны, была глубоко тронута.

Физиономія Ненилы Григорьевны выразила неумолимое презрѣніе.

— Я не ожидала найти въ васъ столько расположенія дѣлать меня счастливыми, сказала она, обращаясь съ холодною насмѣшливостію къ Петру Ивановичу.

— У меня нѣтъ этого расположенія, сударыня, отвѣчалъ тѣмъ же тономъ Петръ Ивановичъ.— Я человекъ слабый, какъ и всѣ смертныя. Но мое искреннее намѣреніе, изволите видѣть, состоитъ въ томъ, чтобъ сдѣлать счастливою, то-есть, по мѣрѣ моей возможности, ту особу, которую я люблю, и которая этого заслуживаетъ столько, какъ Вѣра Николаевна.

— Благодарю васъ за это намѣреніе, отвѣчала Вѣра, отеревъ слезы:—вѣрю его искренности и могу вамъ сказать то же съ своей стороны. Но въ состояніи ли мы оба исполнить свои обѣщанія?

— Петръ Ивановичъ сдѣлаетъ все на свѣтѣ, чтобъ сдержать данное слово... перебила Ненила Григорьевна.—О, ты не знаешь, Т. III. — Ота. I.

Вѣрочка, какъ свято чтить онъ свое *благородное слово!* Это въ крови ея.

Глубокая иронія ея словъ звучала такимъ презрѣніемъ, такимъ кровавымъ упрекомъ, что Петру Ивановичу, недавно создавшему всю ихъ убійственную силу, на минуту стало очень-неудовольно: щеки его снова немножко зарумянились, и потомъ внезапно онъ поблѣднѣлъ, какъ полотно. Ударъ Ненилы Григорьевны былъ нанесенъ троуграннѣмъ кинжаломъ. Намекъ на благородство и на кровь нашего героя напоминалъ, что дѣдъ его былъ крѣпостнымъ челоувѣкомъ графа ***, который вывелъ его, что-называется, въ люди, выхлопотавъ офицерскій чинъ во время оно, и что отецъ его составилъ себѣ состояніе, обманувъ одного изъ богатыхъ друзей своихъ, который имѣлъ неосторожность вѣрить ему всѣ дѣла свои.

— Кровь и происхожденіе не надежная порука за благородство, возразилъ Петръ Ивановичъ измѣнившимся голосомъ. — Правила, сударыня, главное дѣло: правила, нравственность и религія. Вамъ, сударыня, это лучше, чѣмъ кому-нибудь, извѣстно... Петръ Ивановичъ закашлялся, какъ-будто для того, чтобъ, выговоривъ, протяжно и съ удареніемъ, эту послѣднюю фразу, дать время, вполне понять ее. Ненила Григорьевна вспыхнула въ свою очередь.

— И я могу сказать точно, то-есть, безъ самохвальства, продолжалъ онъ:—что у меня есть правила; что я, сударыня, не измѣняю и не измѣнялъ никогда, съ позволенія вашего доложить, моимъ правиламъ, и что я, сударыня, дѣйствительно всегда держалъ, держу и буду держать свое слово; если оно, этакъ... въ согласности съ моими правилами, съ нравственностью и религіею...

Вѣра не понимала всей язвительности этихъ взаимныхъ колкостей; но она инстинктивно чувствовала желчь, которою былъ отравленъ разговоръ двухъ разсорившихся любовниковъ, и эта словесная война, въ такую рѣшительную для нея и горькую минуту, взволновала ея чистую душу.

— Выслушайте меня, Петръ Ивановичъ, сказала она съ холодною твердостью:—отвѣтъ мой долженъ опредѣлить на всю жизнь мою участь и, можетъ-быть, ваше спокойствіе. Я не хочу рѣшиться на этотъ невозвратный шагъ легкомысленно... Я скажу все, что думаю, и предоставлю вамъ быть самому судьбою и самому произнести приговоръ... Мнѣ кажется, что для взаимнаго счастья въ томъ союзѣ, который вы мнѣ предлагаете, надобно каждому изъ насъ быть твердо увѣрену, что никакіе виды, никакіе расчеты, никакія побужденія, кромѣ чистой и искренней любви, не имѣютъ вліянія...

Вѣра робко взглянула на отца и въ глазахъ его прочла никакъ не поощреніе своей диссертаци; слезы снова потекли по блѣднымъ щекамъ ея; она продолжала съ твердостью:

— Мнѣ кажется; иначе... это будетъ поступокъ неблагородный и безразсудный, потому-что въ немъ слишкомъ-много будущности... и тотъ, кто, зная это, произнесетъ безсознательно приговоръ свой,

тотъ принимаетъ на себя всю вину и всю отвѣтственность за послѣдствія... за несчастія, которыя могутъ произойти отъ такого виновнаго легкомыслія... Я, можетъ-быть, ошибаюсь; я слишкомъ-неопытна, слишкомъ-мало имѣю понятія о жизни... но, по-крайней-мѣрѣ, считаю своимъ долгомъ сказать вамъ съ полною искренностью, какъ я все это понимаю... Отъ васъ буду ждать совѣта и рѣшенія... Надобно любить, Петръ Ивановичъ, всюю любовью, какою мы способны любить, чтобъ соединиться на всю жизнь... А я... я должна откровенно сказать вамъ, что я васъ... уважаю... что я васъ... но я не люблю васъ *столько*... и вы меня *столько* не любите.

Ненила Григорьевна торжествовала... Николай Григорьевичъ, сначала не очень-довольный такою рѣзкою откровенностью дочери, не могъ потомъ удержаться отъ насмѣшливой улыбки, видя на лицѣ жениха впечатлѣніе, которое произвелъ на него этотъ монологъ... Петръ Ивановичъ въ-самомъ-дѣлѣ чувствовалъ, что роль его часъ-отъ-часу становится труднѣе и несноснѣе. Его поддерживало уже одно самолюбивое упрямство, и онъ начиналъ проклинать несчастную идею, которая вовлекла его въ это предпріятіе, обѣщавшее ему весьма-небѣдную награду за такую неприятную роль.

— Какіе же расчеты, какіе виды могутъ быть тутъ, душенька, со стороны Петра Ивановича? подхватила Ненила Григорьевна, все съ тою же убійственною ироніею.— Можешь ли ты такъ думать о немъ? Какой поводъ могъ подать онъ?..

— Благодарю васъ, Ненила Григорьевна, за ваше горячее участіе, за ваше этакое благорасположительное заступничество, перебить Петръ Ивановичъ.— Я постараюсь со-временемъ, потѣмъ, показать вамъ мою признательность; но извините, что теперь я, съ дозволенія вашего, буду говорить самъ за себя... Вѣра Николаевна имѣютъ право сомнѣваться... я, сударыня, подавъ поводъ, то-есть, этакъ думать обо мнѣ; но клянусь вамъ, Вѣра Николаевна, вотъ такимъ образомъ святаго угодника Николая-Чудотворца, клянусь вамъ, что есть для меня святаго, что я... истинно люблю васъ *такъ*, какъ не любилъ еще никогда и никого на свѣтѣ... Что же касается до *вашего*, то-есть, душевнаго расположенія, прибавилъ онъ съ чувствомъ:— то вы мнѣ сказали не новость... Я это зналъ; я былъ въ этомъ увѣренъ и все-таки рѣшился; потому-что надѣюсь, съ помощію Божіею, сдѣлать все, чтобъ заслужить... если не любовь, то, наконецъ, что-нибудь такое, этакое, подобное тому. Я знаю вашу добрую душу...

Смѣлость Петра Ивановича уничтожила Ненилу Григорьевну и показала чѣмъ-то такимъ трогательнымъ, такимъ безкорыстнымъ и глубоко-чувствительнымъ бѣдной, неопытной Вѣрѣ, что она повествовала себя безоружною противъ этого беззавѣтнаго довѣрія ея сердцу.

— Но, Петръ Ивановичъ! воскликнула она, все еще желая затигъ себя:— эсть, говорятъ, любовь... и я этому вѣрю, я пони-

маю это... есть любовь, которою всякій долженъ любить разъ въ жизни, любовь, съ которою отдается вся жизнь, все существованіе. Я не умѣю опредѣлить ее; но она есть... въ этомъ нѣтъ сомнѣнія.

— Есть; положимте, что есть; что жъ изъ этого?

— Что изъ этого?.. Вы меня спрашиваете... А то, что послѣ... тогда я могу... подлюбить кого-нибудь эту любовью.

— Вѣра! воскликнулъ наконецъ Николай Григорьевичъ, доселѣ оставшійся безмолвнымъ зрителемъ всей этой сцены, которая потѣшала его, какъ драматическое представленіе. Услышавъ послѣднюю выходку своей дочери, строгій старикъ счелъ себя обязаннымъ употребить, наконецъ, свое родительское вліяніе, чтобъ окончить преніе, которое стало уже казаться ему слишкомъ-продолжительнымъ и скучнымъ, особенно, когда онъ замѣтилъ, что Ненила Григорьевна удалилась со сцены.

— Вѣра, ты начинаешь говорить глупости, ты заумничалась... Это, я вижу, романтика, сударыня... ваши дурацкія книги. Дѣло идетъ о серьезномъ, а не о фанаберин... Къ-чему такое пустословіе?.. Ты вѣдь слышала, что у тебя спрашивалъ Петръ Иванычъ? Ну, и должна сказать ему, «да» либо «нѣтъ». Я не люблю этихъ бредней. — Ты, сударыня, кажется, могла бы научить ее разсуждать поумнѣе объ этомъ предметѣ, прибавилъ онъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Я и сама точно также разсуждаю, возразила Ненила Григорьевна, взволнованная и ожесточенная. — Безъ любви нѣтъ счастья въ замужствѣ. Еслибъ мнѣ Петръ Иванычъ сдѣлалъ подобное предложеніе, я ему отвѣчала бы точно то же. Надобно, чтобъ сердце сдѣлало выборъ... Надобно было прежде позаботиться заслужить любовь...

Петръ Ивановичъ высморкался при этой новой атакѣ своей неумолимой противницы... Ясно было, что она не утратила, но уже забавляла его, потому-что онъ предвидѣлъ, какое впечатлѣніе произведетъ на старика сантиментальная выходка. И дѣйствительно, хладнокровный Николай Григорьевичъ пришелъ почти въ бѣшенство.

— Какъ! и ты тоже? воскликнулъ онъ громовымъ голосомъ. — Откуда вьздось это непостижимое сумасбродство? Развѣ съ такими понятіями выходила ты замужъ?..

— Я... я была тогда ребенкомъ, возразила Ненила Григорьевна раздражающимъ сердце голосомъ. — Пусть на вашей душѣ и на душѣ моихъ родителей ляжетъ все, что я вытерпѣла... Мой примѣръ лучше всего доказываетъ, какъ справедливо Вѣрочка опасается любви...

Такое наивное признаніе озадачало строгаго Николая Григорьевича и убило весь гнѣвъ его. Въ изумленіи онъ протянулъ впередъ руку, сложивъ большой палецъ съ указательнымъ, подъ которые Петръ Ивановичъ немедленно подставилъ табакерку и нѣсколько секундъ пальцы старика оставались неподвижными въ

массѣ наркотической пыли, между-тѣмъ, какъ онъ съ комическимъ недоумѣніемъ глядѣлъ на сосѣда...

— Какъ вамъ это кажется? спросилъ онъ его. — Хоть бы вспомнила, сударыня, что здѣсь дочь мой! прибавилъ Николай Григорьевичъ, обращаясь къ сестрѣ.

— Я это очень-хорошо помню, возразила Ненила Григорьевна, которой внутреннее волненіе достигло уже такой степени, что она не могла болѣе преодолѣть потребности излить свое горе и досаду... Вамъ, конечно, удивительно, что я жертвую собою для спасенія этой бѣдной дѣвушки, тогда какъ для васъ все равно, что съ нею ни будетъ... Какой чувствительности и рѣшности ожидать отъ человѣка, прожившаго за сорокъ лѣтъ! (Стрѣла летѣла въ Петра Ивановича)...

И, не найдя болѣе словъ въ растерзанной душѣ своей на подкрѣпленіе своего геройскаго подвига, Ненила Григорьевна рѣшилась блистательною нечаянностью замѣнить этотъ недостатокъ и произвести необходимый эффектъ, который она чувствовала себя не въ силахъ сдѣлать съ помощью краснорѣчія... Она громко зарыдала.

— Дура! сказалъ хладнокровно Николай Григорьевичъ.

Это откровенно-высказанное мнѣніе отца произвело рѣшительное впечатлѣніе на Вѣру.

Послѣдовало торжественное молчаніе. Слезы Вѣры потекли съ новою силою... Въ мучительной, беспомощной неизвѣстности, къ кому, кромѣ Бога, могла она прибѣгнуть?

Наконецъ, она отерла глаза, встала и подошла къ отцу.

— Богъ свидѣтель, сказала она: — что я не въ силахъ рѣшить этого вопроса, отъ котораго зависитъ судьба моя и... судьба... другаго. Во всю жизнь... я всегда хотѣла знать свои обязанности, чтобъ имъ жертвовать всѣмъ, и вкогда... никогда я не имѣла этого утѣшенія... Такъ я теперь... Сердце говоритъ мнѣ, что я не должна рѣдаться тому, кому не принадлежитъ вся любовь моя; но все, что я вижу кругомъ себя, все, что я слышу здѣсь... въ всѣ противъ этого. Кто мнѣ скажетъ, гдѣ истина?... И если потомъ, потомъ сбудутся мои предчувствія!... Я сказала ему все; я просила у него совѣта и рѣшенія... (Вѣра остановилась и кинула на Петра Ивановича вопрошающій взглядъ... Петръ Ивановичъ глядѣлъ на нее твердо и съ спокойною рѣшительностію). Я не знаю, что мнѣ дѣлать больше? Папаша, ты согласенъ?..

Николай Григорьевичъ тоже молча глядѣлъ на нее сурово и неподвижно...

— Творецъ милосердый! воскликнула она съ тоскою: — да будетъ воля Твоя!.. Я... согласна... Батюшка, благослови меня...

Она опустила на колѣни предъ безмолвнымъ и неподвижнымъ отцомъ своимъ и склонила къ нему голову. Николай Григорьевичъ поднялъ глаза къ небу, прочиталъ про себя молитву и три раза медленно перекрестилъ дочь...

Вѣра долго оставалась въ этомъ положеніи, блѣдная и неподвижная. Бѣдная дѣвушка все еще боролась, плакала и молилась... Наконецъ, она встала, обернулась къ Петру Ивановичу и безмолвно подала ему руку... Петръ Ивановичъ быстро вскочилъ и, схвативъ бѣленькую, маленькую ручку, восхитительную по своей изящной формѣ и нѣжности и которая отнынѣ поступала въ его полное владѣніе, запечатлѣлъ на ней горячій и долгій поцалуй. На главахъ его дрожали искреннія слезы.

Ненила Григорьевна незамѣтно ускользнула изъ спальни во время послѣдней сцены. Она убѣжала въ свою комнату и тамъ, оставшись одна, кинулась на постель и облегчила стѣсненную грудь свою рыданіями и проклятіями.

— Ну, теперь можете поцаловаться, женихъ съ невѣстою! сказалъ Николай Григорьевичъ, начинавшій приходить въ веселое расположеніе духа: — потомъ мы покончимъ дѣло по обычаю нашихъ отцовъ и по обряду нашей религіи; а потомъ поздравимъ васъ шампанскимъ.

Петръ Ивановичъ съ умильною миною протянулъ свои монгольскія губы и на свѣжихъ дѣвственныхъ устахъ невѣсты сорвалъ первый поцалуй.

Вѣра дрожала какъ въ лихорадкѣ.

IV.

СѢРЫЙ СТАРИКЪ.

Возвращаясь отъ обѣдни, Ненила Григорьевна и Вѣра имѣли обыкновеніе заходить къ отцу Ивану, своему приходскому священнику, который пользовался ихъ расположеніемъ. Особенно Вѣра любила его. Отецъ Иванъ дѣйствительно заслуживалъ много любви и уваженіе всѣхъ порядочныхъ людей. Это былъ рѣдкій человекъ: въ немъ соединялись почти всѣ христіанскія добродѣтели, кротость, смиреніе, полное, неограниченное безкорыстіе, готовность на все для блага своихъ духовныхъ дѣтей, готовность, доходившая до самоотверженія, глубокое чувство долга, искренняя любовь къ ближнему и духъ миролюбія. Большая часть его прихожанъ, не слишкомъ-способныхъ понимать его возвышенныя достоинства, признавала въ немъ, однакожъ, человека святаго и прекраснаго, въ-особенности за то, говорили они, что «отецъ Иванъ не держался самъ и другимъ не давалъ худаго примѣра», «былъ трезваго поведенія», «не участвовалъ въ крестьянскихъ пирушкахъ», «никому, никогда не дѣлалъ никакихъ духовныхъ притѣсненій, мзды рѣди», «не переносилъ изъ дома въ домъ сплетень» и «былъ истиннымъ отцомъ бѣдныхъ сиротъ». «Матушка», жена его, была, равнымъ образомъ, воплощенная доброта, кро-

тость и покорность, и Вѣра говорила, что она дышала «благодатью» подъ ихъ гостепріимною кровлею. Вѣ-слѣдствіе чего она, съ неизмѣннымъ постоянствомъ, посѣщала стариковъ каждый разъ, когда была въ церкви. Ненила Григорьевна, набожная и немножко ланжа, сопутствовала ей въ этихъ посѣщеніяхъ. Радужные и довольные хозяева обыкновенно угощали ихъ чаемъ, послѣ чего отецъ Иванъ отправлялся съ дамами въ село Ванегу, для принесенія Николаю Григорьевичу поздравленія и просвирки, вынутой за его здорověе.

Точно то же случилось и теперь. Отецъ Иванъ съ вынутою просвиркою находился въ гостиной и начиналъ уже нѣсколько удивляться необыкновенно-продолжительному отсутствію своихъ спутницъ. Вдругъ въ комнату вступилъ Петръ Ивановичъ, подошелъ подъ его благословеніе и пригласилъ его въ спальню. Тамъ отецъ Иванъ узналъ важную семейную новость, послалъ домой за трюникомъ и въ присутствіи всѣхъ наличныхъ дворовыхъ благоволилъ образомъ жениха и невѣсту и обручилъ ихъ кольцами. Этотъ обрядъ совершился самымъ печальнымъ образомъ. Одинъ Петръ Ивановичъ былъ, или старался быть веселымъ и счастливымъ. Вѣра говорила и дѣйствовала будто во снѣ.

Николай Григорьевичъ сохранялъ свою вѣчную, угрюмо-степенную важность. Ненила Григорьевна была темна и задумчива, какъ сонная ночь.

Отецъ Иванъ, какъ духовный отецъ Петра Ивановича и Ненилы Григорьевны, лучше нежели кто-нибудь понималъ весь трагическій интересъ этой драмы. Когда Вѣра подошла поцаловать образъ, глаза добраго старика отуманились слезами и онъ дрожащимъ, но громкимъ голосомъ сказалъ ей:

— Иже отвержется себе, и возметъ крестъ свой, и по мнѣ придетъ, той спасенъ будетъ.

Этотъ зовъ божественнаго страдальца, прощальный привѣтъ земнымъ радостямъ, звучалъ обвиненіемъ въ устахъ человѣка, знаваго тайны тѣхъ, чѣмъ холоднымъ расчетамъ и виновнымъ страстямъ приносилось въ жертву существованіе чистое и невинное. Но Николай Григорьевичъ крикнулъ «шампанскаго!» и тяжелое впечатлѣніе обличительныхъ словъ исчезло какъ дымъ. Бокалы были налиты и выпиты. Поздравленія были сказаны обычнымъ порядкомъ, и Николай Григорьевичъ отправился съ Петромъ Ивановичемъ въ кабинетъ, чтобъ обсудить и положить всѣ внѣшнія подробности предстоящаго бракосочетанія. День свадьбы, по разнымъ уваженіямъ, былъ назначенъ черезъ мѣсяць.

Вѣра пошла также въ свою комнату и тамъ, въ объятіяхъ Лидочки, облегчила свое сердце—слезами. Это универсальное лекарство всѣхъ душевныхъ женскихъ болѣзней произвело свое дѣйствіе. Съ дѣтства привыкшая терпѣть и переносить, душа несчастной дѣвушки, притупѣвшая для сильныхъ ощущеній подобнаго рода, скоро успокоилась. Притомъ, настоящая перемена судьбы

ея, какъ я говорилъ уже, не могла ей казаться слишкомъ тѣлою. Она перемѣнила только одинъ родъ адатид на другой. И если этотъ рѣшительный актъ ея жизни навсегда отнималъ у нея надежды на лучшую будущность, то она и безъ того давно уже перестала питать эти обманчивыя надежды.

Ненила Григорьевна также соединила всѣ свои тревоги въ одномъ холодномъ чувствѣ мести.

Такимъ образомъ, скоро все пришло въ прежній споконный безжизненный видъ въ этомъ царствѣ адатического, безчувственнаго гдѣ все совершалось подъ гнетомъ какого-то непостижимаго обаянія.

Иногда, на минуту, сердце бурно взволнуется. Ловите эту минуту. Ея никогда и ничто уже возвратитъ не можетъ... За все все омертвѣетъ по-прежнему; будутъ порывы, но никогда не будутъ движенія; вишнее снова задавитъ васъ.

По поводу этихъ тревогъ, утомившихъ старика, которому, сверхъ того, не дали поутру доспать обычной порціи, обѣдъ былъ назначенъ въ первомъ часу, цѣлымъ часомъ ранѣе обыкновеннаго. У стола опять явилось «донское» (являвшееся и прежде другъ другу къ «шампанскаго!», во время обрученія) и Петръ Ивановичъ, вообще очень-воздержный, нашелъ приличнымъ, для такого торжественнаго случая, измѣнить свои строгія правила. Къ концу ужина, онъ развеселился, какъ подобаетъ счастливому жениху. Чувствуя хавъ, что Вѣра собирается послѣ обѣда сѣсть въ карету въ окрестностямъ, предложилъ ей сопутствовать.

Изъ моего окна, за рѣчкою, верстахъ въ четырехъ, видно село Ванега.

Надъ темною массою крестьянскихъ избъ, раскиданныхъ на гребню и скату довольно-крутого холма, возвышается, бѣлая, каменная церковь, съ пятью маленькими главами и высокою колокольнею.

Въѣво, съ четверть версты отъ села, на гребнѣ же холма, стоитъ господскій домъ, одноэтажный, съ мезониномъ, почернившій отъ времени, низенькій, съ высокою деревянною крышею, которая была некогда краснаго цвѣта, огороженный съ передняго фасада деревянною рѣшеткою, а съ боковъ обставленный ветхими, почти развалившимися, кривобокими службами. Сзади дома темнѣютъ густыя купы елей, осинъ и березъ сада; внизу, у подошвы холма подъ селомъ и домомъ протекаетъ быстрая, свѣтлая и мелководная рѣчка, окаймленная широкими лугами; направо за селомъ безконечная равнина, на которой кое-гдѣ бѣлѣютъ церкви и темнѣютъ селенія; налѣво отъ господскаго дома, версты на двѣ тянутся поля; а за ними и за рѣчкою, густой, темный, сосновый боръ.

Пейзажъ, который я слегка очертилъ здѣсь, и который, какъ сказать, виденъ изъ окна моего кабинета, не имѣетъ въ себѣ ни

не 71

того ни особенно-привлекательнаго, ни особенно-живописнаго; но въ свѣтлую лунную ночь въ немъ есть грустная поэзія, которая наводитъ на душу тихое и сладкое уныніе. Темный лѣсъ, уступами выдымающійся на противоположный крутой берегъ рѣчки, окружаетъ амфитеатромъ гладкую скатерть луговъ и въ углубленіи амфитеатра образуется прелестная долина, ровная и зеленая, всегда осыпанная цвѣтами, вдоль которой, сверкая, змѣится рѣчка; а на берегу этой рѣчки шумитъ небольшая купа березъ. Ихъ листья, озолоченные мѣсяцемъ, чудесно рисуются на черной массѣ лѣса; лѣсъ спускаетъ свои длинныя тѣни на долину, и въ туманѣ отдаленія вся эта маленькая долина пестрѣетъ игрою свѣта и тѣни.

Подъ навѣсомъ березъ скрыта могила—чья? неизвѣстно. На ней лежить большой четверугольный камень, почти весь поросшій травою. На камнѣ была надпись; но она такъ стерлась, что я не могу ничего больше разобрать, кромѣ цифръ 742 и въ разныхъ мѣстахъ; нѣкоторыхъ буквъ, которыхъ связать невозможно; кажется, есть еще слово «семтеврѣа»; но не могу ручаться за достоверность и этого.

Я тщетно старался узнать чья это могила. Земля, на которой она находится, въ теченіе послѣднихъ пятидесяти лѣтъ перешла, я думаю, въ десятыя руки, какъ это бываесть съ мелкодомъ-стыми мѣстными владѣльцами: значить, отъ нынѣшняго владѣльца ея нечего и ожидать какихъ-нибудь хоть немного достоверныхъ свѣдѣній; все, что ему извѣстно объ этомъ памятникѣ чьего-то забытаго существованія, онъ слышалъ отъ своихъ крестьянъ. Крестьяне рассказываютъ двояко: одни говорятъ, какъ водится, что «этой могилѣ и памѣтуховъ нѣту, что она съ Литвы еще стоитъ туту-тк», то-есть, относить ее ко временамъ нашествія Поляковъ, что явно опровергается арабскими цифрами подписи. Другіе болѣе замысловатые и болѣе склонные къ романтизму, увѣряли меня, что на этомъ мѣстѣ было «татарское побоище» и что тутъ убили и похоронили какого-то «сильнаго, могучаго богатыря». Одинъ только старикъ рассказываетъ нѣчто похожее на правду, что «лѣтъ сотнягу-мѣста назадъ, жилъ дескать въ ефтихъ мѣстахъ имепатый баринъ, дюже-лихой, что дѣлалъ онъ много раззору по всей округѣ (отъ котораго, между-прочимъ, будто бы пострадала предки моего историка), и что однажды, осеннею порою, опосля Воздвиженія, въ полунощный часъ, рыбаки нашли его въ рѣчкѣ».

Я въ-особенности потому старался разузнать объ обитателѣ этой удивленной могилы, что носится слухъ, будто онъ, въ прежнее время, иногда предпринималъ изъ нея ночныя прогулки по окрестностямъ.

У насъ, въ Р-мъ-Уѣздѣ, понынѣ процвѣтаютъ въ изобиліи и различія преданія, и свѣжіе рассказы о явленіяхъ духовъ и приви-

дѣвнй—этихъ непостижимыхъ гостей какого-то другаго, непостижимаго міра; и хотя у насъ нѣтъ древнихъ замковъ съ ирраціональными башнями и кровавыми легендами, но есть дома и мѣстности, которые пользуются особою привилегіею—служить театромъ для сцены подобнаго рода.

Причины явленій у насъ, болѣею частію, скрываются совершенно во мракѣ прошедшаго, и мнѣ не случилось никогда слышать ни одной романической исторіи, подобной тѣмъ, которыя обыкновенно предшествуютъ этимъ явленіямъ въ Западной-Европѣ. Тамъ жертвы какихъ-нибудь страшныхъ убійствъ являются изъ замогильной страны мстителями злодѣевъ, или дѣши преступныя приходятъ скитаться на мѣстахъ, гдѣ совершены ихъ тайныя, черныя дѣянія.

Наши р-скія явленія вовсе не имѣютъ этихъ трагическихъ претензій; можетъ-быть, потому-что событія нашей исторіи времени давно-прошедшихъ совершились не въ такихъ неизгладимыхъ и грандіозныхъ мѣстностяхъ, какъ эти рыцарскіе замки, въ которыхъ, черезъ рядъ вѣковъ, сохранились не только стѣны, свидѣтели преступленій, но даже иногда кровавые слѣды убійствъ. Наши драмы разыгрывались въ простыхъ, бревенчатыхъ теремахъ, которыхъ самая память поросла травой забвенія; а души-мстителіи, или осужденные посѣщаютъ, какъ извѣстно, только древнія башни, или великолѣпныя залы, украшенныя портретами предковъ.

Вотъ, я думаю, почему у насъ посѣтители невѣдомаго міра принадлежатъ къ другому, болѣе-скромному разряду. Они являются вовсе не съ такою романическою обстановкою, какъ ихъ западныя собратія; иногда даже чрезвычайно-наивно и почти всегда съ побужденіями болѣе кроткими и благонамѣренными, а именно, какъ это усматривается изъ событій, слѣдующихъ за ихъ явленіемъ,— съ цѣлью предостеречь отъ какихъ-нибудь неожиданныхъ бѣдствій, или предупредить своихъ земныхъ пріятелей о скоромъ переселеніи ихъ отсюда.

—

Къ этой-то задумчивой могилѣ направлена была прогулка Вѣры и жениха ея; но едва отошли они съ четверть версты отъ дома, какъ встрѣтили Авосина съ племянникомъ графа. Молодые люди вышли изъ коляски и примкнули къ гулявшимъ, отъ которыхъ тотчасъ узнали, что почтенный владѣтель Ванеги находился въ эту минуту въ сладкомъ усыпленіи. вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Ивановичъ, бывъ въ необычайно-веселомъ и откровенномъ расположеніи духа, объявилъ имъ о своемъ счастіи. Еслибъ не погибельная пѣна донскаго, дипломатическаго сѣдъ мой никакъ бы не сдѣлалъ такого поспѣшнаго объявленія людямъ, которыхъ онъ всего болѣе долженъ былъ остерегаться. Но что прикажете дѣлать? дипломатія его иногда тоже разбивалась о подводные камни. Услышавъ объ новости, Владиміръ объявилъ, что они

дуть на обѣдъ къ сосѣду, раскланялся, и, сѣвъ въ коляску, оба они съ Авосинимъ поскакали, объѣдомъ, домой, сообщить графу неожиданную развязку своей экспедиціи.

Между-тѣмъ, прогулка продолжалась до самаго вечера. Петръ Ивановичъ былъ нѣженъ и любезенъ, какъ его еще никогда не видала Вѣра. Возвратившись домой, они нашли Николая Григорьевича вставшимъ и съ нимъ Ненилу Григорьевну, вѣрную своей роли, наружно-безпечную и даже веселую.

—

Между-тѣмъ, за свѣтлымъ днемъ наступилъ ненастный и холодный вечеръ.

Часовъ въ восемь, все семейство ванегскаго владѣтеля засѣдало, какъ и всегда, въ гостиной, около круглаго стола, гдѣ въ скромномъ величїи возвышался толстый, увѣчаный клубами пара самоваръ,—символь домашняго счастья нашей уѣздной жизни, уютное божество, которое поэтическая признательность древнихъ Грековъ вѣрнѣе причислила бы къ числу домашнихъ пенатовъ, еслибъ древніе Греки жили въ наше время въ Р—мъ-Уѣздѣ. Подъ тихіе звуки умолкнувшей внутренней жизни этого пената, четверо поклонниковъ его мирно наслаждались его дарами.

На дворѣ бушевала непогода: вѣтеръ свистѣлъ въ печныхъ трубахъ и стучалъ въ ставни каплями полузамерзшаго дождя.

Герои мои, спокойные, подъ крышею мирнаго, теплаго прїюта, вспомнили о бѣдныхъ странникахъ, которымъ по неволѣ нужно было куда-нибудь въ такую скверную погоду, на-примѣръ, черезъ какой боръ, какъ за упомянутую мною рѣчку, или по такимъ урючимъ мѣстамъ, какъ, на-примѣръ, въ долину окло березовой рощи, гдѣ могила. Эта мысль, естественнымъ образомъ, привела на память преданіе объ обитателѣ могилы и его ночныхъ прогулкахъ.

— Слышали ли вы, Вѣра Николаевна, спросилъ Петръ Ивановичъ:—какую онъ штуку изволилъ сыграть въ здѣшнемъ домѣ?

— Здѣсь?

— Да; въ этомъ самомъ домѣ и даже еще, могу вамъ доложить, вотъ въ этой самой комнатѣ.

— Въ этой комнатѣ?... я ничего не слыхала и не знаю...

— Э!... Такъ я вамъ расскажу эту исторію... Да это, знаете, такая исторія, то-есть, такая штука... съ позволенія сказать, что то-есть... признаюсь... Вы знаете, батюшка?.. спросилъ онъ, обращаясь къ Николаю Григорьевичу.

— Что такое?

— Ну, исторію сѣраго старичка?

— Сѣраго старичка?! вскрикнула изумленная Вѣра, вспоминая свой сонъ.

— Да-съ, сѣраго старика, слышали вы, «батюшка»?

— Слыхалъ.

— Ну, что вы объ этомъ скажете?

— Заблужденіе...

— Заблужденіе?

— Ну, да, заблужденія; а дураки вѣрять.

Рѣзкое замѣчаніе «батюшки», какъ видно, не отвѣчало понятіямъ Петра Ивановича объ этомъ предметѣ. Онъ торопливо вынулъ свою табакерку и съ нѣкоторою суетливостію подхохалъ и дышморкался.

— Гм... дураки вѣрять, говорите вы, Николай Григорьевичъ, возражалъ онъ патетически: оное, конечно, можно бы, противъ этого найти различныя опроверженія; но самая сущность доказываетъ неоспоримую ясность... что ваше мнѣніе, то-есть, осмѣлюсь вамъ доложить... не весьма доказательно... На чемъ вы, на-примѣръ, его основываете?

— А на томъ, что это заблужденіе, такъ заблужденіе и есть; вотъ тебѣ и все.

— Заблужденіе! заблужденіе!.. Да, позвольте. Какую вы можете представить такую основательность, то-есть, къ поясненію вашихъ мыслей... Я, изволите видѣть, приведу самыя обстоятельности... А вы чѣмъ можете, такъ, примѣрно сказать, опровергнуть?

— Я никогда не оспариваю.

— Такъ-съ... значитъ, мы и не будемъ спорить. Почтительный сыночекъ подаль табакерку уклончивому *башошкѣ*. — Слѣдовательно, съ вашего дозволенія, я расскажу моей милой невестѣ эту исторію сѣраго старика...

— Вѣрочка, какъ ты объ этомъ думаешь? спросила Невилла Григорьевна.

— О чемъ, тѣтенька?

— Да объ этомъ, мой другъ... можно ли теперь эту исторію?

— Почему же нѣтъ, тѣтенька?

— Какая ты *невостужидная*! Почему же нѣтъ?! На сонъ-то грѣдуній?

— Ахъ, милая тѣтенька... Что это вы!

— Какъ-будто ты не знаешь, какіе у меня слабые *нервы*...

— Но это должно быть такъ занимательно... Позвольте, мой милый другъ...

— Вѣрочка, что вы дѣлаете, сказала плутовка-Дидочка, тихо такъ, чтобъ Невилла Григорьевна могла слышать; — тѣтенька можетъ быть, сегодня разстроена!

— Съ чего ты это берешь, выдумщица? возразила Невилла Григорьевна сердито. — Нисколько... Я за Вѣрочку боюсь... она сегодня въ такой *дисжитаціи*.

— О, я съ нетерпѣніемъ желаю слышать рассказъ.

— А для меня все равно. Пожалуй...

— Мы слушаемъ, Петръ Ивановичъ.

Петръ Ивановичъ исполнилъ всѣ необходимыя приготовленія безъ которыхъ онъ не начиналъ говорить ничего такого, что

хотѣлъ возбудить вниманіе: понюхалъ, высморкался, откашлялся и потомъ началъ съ важнымъ и озабоченнымъ видомъ:

— Это, изволите видѣть!.. Было также въ одинъ осенній вечеръ... Да, ба!!.. позвольте! (Петръ Ивановичъ приложилъ палецъ ко лбу), да! Богъ память!.. Такъ и есть... Те, те, те... такъ и есть!!!... вотъ религія-то!.. Представьте себѣ видъ его, было ровнохонько сегодняшній день, то-есть, 20-го сентября, убей меня Богъ! 20-го сентября!.. Каково покажетел? И возвращае, позвольте еще!.. 7, 10... 20... Да такъ, именно... именно 20 лѣтъ тому назадъ... А!!!... Ну ужъ вто, то-есть, энциклопедия вамъ доложу, то-есть, это что-то такое... Тыфу! ты штука! 20-го сентября, 20 лѣтъ тому назадъ и сегодняшній день—20 и 20! Емляко адоха! Что вы объ этомъ скажете, батюшка?

— Заблужденіе.

Воображеніе Вѣры, отъ природы игривое и раздражительное, склонное къ вѣрованію въ необычайное и сверхъестественное, было настроено еще разными разсказами объ этихъ таинственныхъ и непостижимыхъ событіяхъ, которыя, какъ я говорилъ, въ такомъ ходу у насъ. Странная связь между сномъ ея, сегодняшними происшествіями и этою легендою о сбромъ старикъ со всѣми сочетаніями случайностей, не могла на нее не подѣйствовать. Вообще надобно имѣть много твердости, чтобъ не подчиниться суевѣрному впечатлѣнію, которое производятъ подобныя разсказы въ несчастный осенній вечеръ на самыхъ мѣстахъ событій, подъ свистъ вѣтра и подъ шумъ потухающаго самовара. Это сплетеніе обстоятельствъ, сближеніе чиселъ, сновидній и тому подобнаго, случайная и часто фантастическая игра судьбы, навѣваютъ на душу какое-то обаятельное чувство съ незримымъ міромъ, откуда воображеніе уноситъ эти видѣнія и мечтательная жизнь котораго какъ-будто отзывается вамъ въ то время, когда затѣмнѣвъ сказанія олицетворяютъ ея проявленія, какъ-будто близъ себя вы слышите присутствіе этихъ фантастическихъ созданій, вызываемыхъ къ видимой и бещественной жизни причудливою нитью по-вѣстї.

Моя героиня была такой поэтической природы и до такой степени уязвимая барышня, что не могла не испытать всолихъ всѣхъ подобныхъ впечатлѣній, тѣмъ болѣе, что въ этомъ сплетеніи событій, казалось, была замѣшана собственная судьба ея. Сердце ея ждало чуждымъ предчувствіемъ и безотчетнымъ страхомъ. Впечатлѣнія прочихъ слушателей (кромя Лидочки, которая вполне раздѣляла опасенія своего друга), были не такъ глубоки, но тѣмъ не менѣе проникнуты суевѣрнымъ, безсознательнымъ ожиданіемъ чего-то страшнаго.

— Ужъ если и это заблужденіе, продолжалъ Петръ Ивановичъ, покажъ плечами,—не знаю... 20 и 20 и сегодняшній день... Штука!... Да-съ, ну, такъ я началъ... Вотъ изволите видѣть: въ этотъ самый вечеръ, то-есть, сегодня этому ровно 20 лѣтъ и вотъ въ этой

самой комнатѣ, покойникъ Савва Кузьмичъ, то-есть, прежній здѣшній помѣщикъ, царство ему небесное! (Петръ Ивановичъ перекрестился) сидѣлъ, вотъ такъ, для примѣра сказать, какъ батюшка сидитъ, и Татьяна Миновна, супруга его, съ нимъ и Маша, ея сестра, всѣмъ имъ царство небесное, и разговариваютъ они, знаете, объ этакихъ разныхъ семейныхъ обстоятельствахъ... Дѣло-то, впрочемъ, вотъ о чемъ именно было... Исторія, признаться сказать, такая, то-есть, не красивая, не благовидная... Вы слышали, чай, Вѣра Николавна?

— Что? этотъ гадкій романъ? сказала Вѣра покраснѣвъ.

— Ну, да, именно... Теперь, при васъ, можно сказать... Татьяна Миновна выслѣдила всю эту исторію; сказала мужу; вотъ они выбрали день, да и напали на возлюбленную сестрицу... Сидятъ, знаете, и бранятъ ее, читаютъ ей рацею, мылятъ ей голову... Очень хорошо-съ; сидятъ они и слышатъ, знаете... бьетъ 12-ть часовъ, то-есть, такъ-сказать, полночь...

— Ахъ, Вѣрочка, подай мнѣ деколонъ, сдѣлай дружбу.

— Можетъ-быть, я васъ беспокою своимъ разговоромъ, Ненила Григорьевна? спросилъ Петръ Ивановичъ, глядя на барельефы голландской печи.

— Нѣтъ-съ, помилуйте... Совѣмъ напротивъ... Для меня весьма-приятно, отвѣчала Ненила Григорьевна, устремивъ взоръ на самоваръ.

Рассказчикъ продолжалъ:

— Ну, такъ вотъ изволите видѣть: бьетъ, какъ я вамъ докладываю, 12-ть часовъ, то-есть, полночный часъ... Тутъ, знаете, всегда есть что-то такое, этакое... страшное... кругомъ все тихо... эхо такое... И вдругъ, вообразите себѣ: только-только послѣдній часъ стукнулъ... Представьте же, сидятъ они всѣ трое и... слышатъ, вдругъ, вонъ въ той комнатѣ, въ залѣ, раздались глухіе шаги, тукъ, тукъ, тукъ... къ этой двери прямехонько... Глядятъ... Вообразите себѣ, что жъ они видятъ... вотъ въ этой самой двери видятъ они: стоитъ высокій, блѣдный старикъ, въ сѣрой бекешѣ.

Глухіе шаги, въ-самомъ-дѣлѣ раздавшіеся въ это время въ соседней комнатѣ — въ залѣ, о которой упоминалъ рассказчикъ, прервали нить повѣствованія...

Собесѣдники взглянули другъ на друга. Женщины поблѣднѣли.

Шаги приближались къ двери, и черезъ минуту, въ темной пустотѣ этой двери, всѣ увидѣли высокую фигуру въ сѣрой бекешѣ.

При этомъ явленіи, нервическая Ненила Григорьевна съ неистовымъ визгомъ кинула въ полоскательную чашку стклянку о-деколона и закрыла лицо руками. Лишочка спряталась за нее, а Вѣра, блѣдная, какъ полотно, кинулась къ привидѣнію и обхватила его руками.

V.

Отъ-чего являются превидѣнія.

По проселочной дорогѣ, въ нашемъ Р-мъ-Уѣздѣ, ѣхалъ молодой человѣкъ, имѣвшій наружность и всѣ формы и приемы «порядочнаго» молодого человѣка.

Если вамъ не случалось никогда проѣзжать по проселочной дорогѣ, въ темный, ненастный осенній вечеръ, то вы никакъ не можете себѣ представить душевнаго состоянія моего путешественника.

Конструкція экипажа, въ которомъ путешествовалъ молодой человѣкъ, не была основана на теоріи упругости металловъ; въ-слѣдствіе чего какъ экипажъ, такъ и сидѣвшій въ немъ путешественникъ получали каждую минуту не менѣе пяти самыхъ энергическихъ потрясеній во всѣхъ возможныхъ направленіяхъ; ртуть реомюрова термометра стояла въ это время пятью градусами ниже нуля; рѣзкій вѣтеръ отъ сѣверо-востока съ стремительными порывами несъ прямо въ лицо полузамерзлыя капли дождя; путешественникъ мой отъ всѣхъ этихъ атмосферическихъ непріятностей былъ защищенъ только теплымъ сюртукомъ, и онъ такъ положительно выражалъ отсутствіе сочувствія со всѣмъ его окружающимъ, что число выразительныхъ эпитетовъ, которыми награждалъ послѣднюю станцію, равнялось какъ разъ числу буквъ китайской азбуки.

Дорога уже нѣсколько верстъ шла лѣсомъ, однимъ изъ тѣхъ темныхъ и мрачныхъ лѣсовъ, въ которыхъ мохнатыя ели и бѣловатыя осины, махая своими густыми вѣтвями, съ помощію вѣтра, дождя и темноты, производять пріятный полумракъ и мелодическій гулъ, способные очаровать самаго въискательнаго любителя дикой, оссеіаповской поэзіи. Въѣхавъ въ унылое жилище дриадъ, герой мой замолчалъ: торжественность ли мрака и гармонія была тому причиною, или словарь его наконецъ истощился и за тумѣренными, слишкомъ-продолжительными порывами энергіи въ душѣ его водворилось апатическое безсиліе, — я не могу рѣшить. Больше часа онъ ѣхалъ молча; потомъ, съ наружнымъ спокойствіемъ, съ тѣмъ ужаснымъ спокойствіемъ, которое обличаетъ побѣду воли надъ душевными муками, обратился къ ямщику.

(Путешественникъ ѣхалъ на наемныхъ крестьянскихъ лошадяхъ).

— Приѣдемъ мы куда-нибудь сегодня?

Крестьянинъ, къ которому относился вопросъ, имѣлъ приемы стоическаго философа. Осенняя, проселочная дорога съ ея грязью, рытвинами, полузамерзшими колеями, стужею, вѣтромъ и дождемъ казались его стихіею; все существованіе его выражалось въ гармо-

ническомъ сочувствіи къ пріятностямъ страствія по этой дорогѣ. Почти съ удовольствіемъ, не думая ровно ни о чемъ, совершалъ онъ свое путешествіе подъ аккомпаньмантъ непрерывныхъ и безчисленныхъ толчковъ повозки, ругательствъ своего сѣдока и кусковъ грязи, которые ежеминутно летѣли въ него изъ-подъ копытъ измученныхъ лошадей; сердцу его не было доступно никакое возмутительное, горькое чувство, которому подверглась бы натура менѣе благодатная отъ такого неизмѣримаго ряда физическихъ и моральныхъ впечатлѣній; и точно, съ тѣмъ же меноколебнымъ душевнымъ спокойствіемъ, съ тѣмъ же неизмѣннымъ хладнокровіемъ онъ сложилъ бы себѣ шею, еслибъ судьба этимъ послѣднимъ ударомъ вздумала испытать его геройскую душу.

Услыхавъ вопросъ молодого человѣка, мой философъ, послѣ нѣсколькихъ секундъ безмолвія, хладнокровно ударилъ кнутомъ своихъ лошадей, почесалъ затылокъ, обернулся и произнесъ, съ спокойнымъ равнодушіемъ:

— Ась?

— Пріѣдемъ мы куда-нибудь сегодня?

— Вѣстимо пріѣдемъ, отвѣчалъ ямщикъ послѣ новаго молчанія и повернулся къ лошадямъ.

— А куда мы пріѣдемъ?

— Куда пріѣдемъ?

— Да.

— Куда пріѣдемъ?.. словно не знаетъ... Шутникъ же ты, баринъ!

Путешественникъ снова возвысилъ нѣсколько голосъ.

— Эта проклятая, адская, дьявольская станція кончится когда-нибудь?.. Я тебя спрашиваю.

— Чево такое?

— Чтобъ тебя всё черти...

— Полно, баринъ; ночью порою да въ вѣщнемъ мѣстѣ... людямъ прытко выкликивай... Разбудишь *сърви*, такъ держись да сля...

Молодой человѣкъ замолчалъ и принялся, для развлеченія, считать дощечки. Прошло около получаса. Послѣ ста-сорока-шести онъ сбился со счета.

— Лѣсомъ-то намъ много еще ѣхать?

— Лѣсомъ-то?

— Да.

— Ево-на, ужь поле видно.

— А!.. ну, а полемъ далеко ѣхать?

— Полемъ-то?

— Да.

— Вишь ты: вонъ и село.

— Ну, а за селомъ-то далеко ли ѣхать?

— Чево такое?

— Далеко ли за селомъ-то ѣхать?

— За селомъ-то далеко ли вхаты?

— Да.

— На, ты, поди! Словно не знаетъ; полно шутить-то, баришь.

Наступило новое молчаніе. Молодой человѣкъ перевернулся съ боку на бокъ, какъ-будто переменною положенія надѣялся услабить свою участь — и принялся опять считать толчки. Вѣтеръ, на открытомъ мѣстѣ, забушевалъ сильнѣе, стужа также сдѣлалась ощутительнѣе. Ноги путешественника, укрытыя только холодными калошами, въ особенности выразительно протестовали противъ этого порядка вещей. Прошло еще съ четверть часа.

— Такъ за селомъ-то ужъ не далеко вхаты?

— Да тебѣ куда жъ это такое вхаты-то, баришь?

— Да на станцію, безжалостное, варварское созданіе! Далекое ли до станціи? спрашиваю тебя.

— На станцію. Эка притча. Смотри-ка ты поди! Да эвоя, вѣдь, станція.

— Гдѣ?

— Въ она.

— Въ селѣ?

— Вѣстимо, въ селѣ.

Я же берусь изобразить лучъ счастія, озарившій душу моего путешественника при этомъ извѣстїи.

Лошади, почуввъ близость ночлега, тронули крупной рысью; число толчковъ начало возрастать прогрессивно съ каждымъ шагомъ. Дорога спустилась съ горы и пошла дугами; къ мѣсту черезъ рѣчку. Ночь была такъ темна, хоть глаза выколи; вдругъ лошади фыркнули, прижали уши и вся тройка, не смотря на усталость, подхватила какъ бѣшеная и пошла трепать по дугамъ мощъ странствователей. Молодой человѣкъ могъ только замѣтить, что около куты березъ, на берегу рѣки, мелькнула какъ-будто какая-то тѣнь, а ея-то, кажется, испугались лошади. Съ версту легла повозка этимъ форсированнымъ маршемъ.

Ямщикъ некуснѣ держался дороги, не смотря на ея извилины и глухую тѣнь; и вотъ уже тройка домчала до моста. Поворотъ къ нему былъ крутъ и узокъ. Берега рѣки въ этомъ мѣстѣ высоки и обрывисты. Бѣшеная тройка махомъ свернула направо, стрѣлою влетѣла на мостъ и на этомъ скоромъ поворотѣ — кракъ, — заднее, правое колесо соскочило и только перилы удержали повозку. Она зацѣпилась, лошади рванули и стали; но сила толчка была такъ велика, что ямщикъ потерялъ равновѣсіе, сорвался съ козелъ и исчезъ подъ мостомъ.

Все это совершилось, разумѣется, въ одно мгновеніе. Пржеде, нежели путешественникъ успѣлъ опомниться отъ быстрыхъ потрясеній и понять свое положеніе, изъ-подъ моста раздавался глухой, отчаянный вопль крестьянина:

— Помогите, отцы родные! тону!

Въ темнотѣ и суматохѣ, молодой человекъ не замѣтилъ паденія своего кучера и нисколько не предвидѣлъ опасности, которой тотъ подвергался. Привыкнувъ къ пріятностямъ и удобствамъ путешествія по проселочной дорогѣ, онъ полагалъ по неумѣренной качкѣ повозки, что она наѣхала на камни, на нихъ зацѣпилась, или увязла. Темнота мѣшала видѣть предметы, и онъ вовсе не подозривалъ такого близкаго соседства рѣки. Умоляющій крикъ ямщика вывелъ его изъ безмечнаго спокойствія; стремительно поднялся онъ изъ повозки, взглянулъ внизъ, откуда былъ слышенъ голосъ, и увидѣлъ всю опасность своего положенія. Ночь была темна и туманна; порывистый вѣтеръ дулъ все съ возрастающею силою; повозка держалась на краю бревенчатого, выбитаго моста только упоромъ лошадей и невѣрною помощію гнилыхъ погнувшихся перилъ; малѣйшая случайность могла нарушить сомнительное равновѣсіе, которое сохранялось еще въ опрокинутомъ экипажѣ; малѣйшее неосторожное движеніе—и онъ могъ скатиться и увлечь за собою испуганныхъ и дрожащихъ лошадей въ рѣку, которая шумѣла внизу, невидимая среди крутыхъ и высокихъ береговъ подъ покровомъ непроницаемой мглы, мѣшавшей видѣть глубину ея ложа, такъ—что казалось, будто подъ мостомъ была бездѣнная пропасть.

Первое впечатлѣніе молодого человека при этомъ было цѣлительный ужасъ. Онъ понялъ, что тутъ дѣло идетъ о жизни. Въ темнотѣ, каждое его неосторожное движеніе могло быть причиною паденія повозки, которая увлекла бы его за собою и придавила бы всюю своею тяжестью.

Но страхъ и нерѣшительность его были непродолжительны. Раздался новый отчаянный крикъ ямщика; молодой человекъ скоро и съ осторожностію спустился изъ повозки, со стороны рѣки. Не смотря на легкость и быстроту его движеній, повозка шатнулась и сдвинулась внизъ: еще вершокъ этого спуска—и все было бы кончено; но, къ счастью, лошади, потянутыя назадъ, снова снохлупнулись, снова рванули впередъ, сломали перила, внесли совершенно на мостъ повозку, помчались далѣе, зацѣпили другія колеса за другія перила, сломали оглобли, порвали гужи и постройки и, оставивъ исковерканный экипажъ на серединѣ моста, понеслись въ равныя стороны. Путешественникъ мой едва только освобождалъ свою ногу изъ повозки, опустивъ другую на перила, когда случилось это новое происшествіе; быстрее движущіе экипажа оттолкнуло его въ сторону, въ то же мгновеніе перила рухнули подъ его ноги, и онъ, вслѣдъ за своимъ кучеромъ, полетѣлъ въ темную пучину.

Мѣсть, на которомъ совершалось описываемое мною происшествіе, былъ не что иное, какъ осуществленіе изворотливаго желанія отдѣлаться какъ-нибудь отъ требованій непремѣнно «места» черезъ рѣку, на указанномъ мѣстѣ. Ни въ настоящемъ, ни въ тѣхъ, которые должны были исполнить требованія, не было сочувствія къ

необходимости «требуемого»: была бы мостъ, вотъ и все тутъ. И мостъ явился, по шучьему велѣнью. Натыкали жердочекъ, связали жердочками и покрыли жердочками. Прошелъ годъ, и все это сплетеніе жердочекъ расплодилось врознь. Жердочки вылезли вонъ и торчали въ разныхъ мѣстахъ... и за одну-то изъ нихъ зацѣпился мой несчастный, оборвавшійся путешественникъ. Сильный и ловкій молодой человекъ схватился крѣпко за неожиданную помощь, посланную ему Провидѣніемъ; уцѣпился ногами за подпорки, зачѣпавшія мѣсто быковъ и аркѣ этого эфирнаго моста и мало-помалу, съ невѣроятными усиліями, утвердился довольно-крѣпко въ своемъ полувислячемъ положеніи.

Въ это время, изъ-за небольшого мыса, образуемаго излучиной рѣчки, блеснулъ яркій свѣтъ, совершенно освѣтившій всю мѣстность, и показалась лодка. То были рыбаки, ѣхавшіе на ночную ловлю съ лучиною». Среди густой темноты, небольшой огонь, разложенный на коряги и отражавшійся въ тихой водѣ, производилъ фантастическій эффектъ въ тѣсной рамѣ крутыхъ и высокихъ береговъ рѣчки, имѣвшей до пяти саженъ ширины; его дрожавшій отблескъ освѣлялъ невѣрнымъ и подвижнымъ свѣтомъ окрестные предметы, длинные и густыя тѣни которыхъ двигались во всехъ направленіяхъ. При этомъ освѣщеніи, герой мой увидалъ своего несчастнаго ямщика у одной изъ свай моста, по горло въ водѣ.

Рыбаки, которыхъ было двое, слышали крикъ его и свѣшили на помощь: лодка быстро подвигалась къ утопавшему. Когда она подошла къ мосту, молодой человекъ проворно спустился изъ своей засады и легкимъ прыжкомъ перенесся въ челнокъ. Его неожиданное появленіе такъ озадачило избавителей, что они вытаращили глаза и остались неподвижными. Не обращая вниманія на эффектъ, имъ произведенный, герой мой, все съ тою же быстротою и ловкостью, подавъ руку своему кучеру, и тотъ мигомъ вскочилъ въ челнокъ.

— Ну, теперь къ берегу! закричалъ молодой человекъ, обращаясь къ рыбакамъ. — Что вы разинули рты, болваны! Чѣмъ бы помочь, а вы зѣваете только. Гребите къ берегу!

Рыбаки исполнили приказаніе, не сводя глазъ съ не досягаемаго для нихъ существа, которое они приняли, какъ вы можете догадаться, за «сѣраго старика въ новомъ видѣ». Едва только лодка подошла къ берегу, герой нашъ проворно прыгнулъ изъ челнока, направился къ своей повозкѣ, отыскавъ тамъ небольшой кортѣкъ и, взявъ его подъ мышку, пошелъ, или, лучше сказать, полѣзъ, какъ только можно было летѣть по полузамороженной грязи, въ село, гдѣ отрадно и привѣтливо сверкали огоньки. Ни опасность, ни счастливое спасеніе не произвели на него никакого впечатлѣнія, — какъ-будто все это было въ обычномъ порядкѣ вещей. Все его мысля теперь устремились къ огнямъ, мелькавшимъ въ деревнѣ,

У входа въ это эльдорадо, онъ увидѣлъ господскій дворъ на дворѣ, огороженномъ рѣшеткою. Фасадъ зданія краснорѣчиво облачалъ скромную посредственность. Изъ числа семи оконъ единственнаго этажа только два были освѣщены; да въ окнѣ мезонина, за перилами балкона на «куричьихъ ножкахъ», которыя, въ деревенской архитектурѣ, имѣютъ непритязательное названіе «колонтъ», — мерцалъ свѣтъ лампы.

Путешественникъ сверхъ-того замѣтилъ, что дворъ поросъ травою и что рука времени безпрепятственно оставляла свои разрушительныя слѣды на исковерканныхъ и полусгнившихъ палочкахъ дворовой рѣшетки. Молодой человѣкъ, какъ видно, имѣлъ большую опытность относительно физиономіи такихъ домовъ. После бѣглаго, мгновеннаго обзора всѣхъ подробностей усадьбы, бывшей у него передъ глазами, онъ сказалъ самъ себѣ:

— Опасаться, кажется, нечего. Владѣтель замка долженъ быть безъ большихъ претензій. Если онъ равнодушно смотритъ каждый день на свою уродливую, изгрызенную временемъ рѣшетку, то, конечно, мой дорожный, немного-запачканный грязью сюртукъ не произведетъ на него слишкомъ-непріятнаго впечатлѣнія; судя же по этому роскошному лугу, который закрываетъ у него мѣсто двора, надобно полагать, что онъ не слишкомъ обремененъ посылкѣми. Чортъ возьми! тутъ вовсе нѣтъ слѣда дороги къ крыльцу: видно съ начала весны ни одинъ экипажъ не проѣзжалъ въ эти ворота: значить, я буду изъ числа рѣдкихъ и нечаянныхъ гостей; а тамъ, гдѣ не видать людей круглый годъ, одинъ человѣкъ не будетъ вѣрно слишкомъ въ тягость.

На основаніи этого краткаго разсужденія, онъ съ рѣшимостью отправился къ крыльцу.

Въ передней, передъ потухающимъ, дымящимся ночникомъ, на испачканномъ прилавкѣ, покоился, въ сладкомъ усыпленіи, дворовый мальчишка. Прибытіе моего героя не могло нарушить этого мирнаго сна, и молодой человѣкъ отправился смѣло черезъ темную залу въ гостиную, гдѣ видѣлся огонь и слышались голоса, и онъ-то, въ своемъ *спромъ* тепломъ сюртукѣ явился, какъ я разсказалъ выше, перелъ изумленными взорами Николая Григорьевича и его собесѣдниковъ.

Ванегскій помѣщикъ, подобно нѣкоторымъ изъ моихъ сосѣдей, не любилъ излишняго и бесполезнаго освѣщенія. Въ гостиной горѣла одна сальная свѣчка, свѣтъ которой, самъ-по-себѣ неимѣвшій яркости газовой лампы, былъ еще ослабленъ паромъ самовара; и при этомъ невѣрномъ свѣтѣ, явившаяся въ дверяхъ фигура молодаго путешественника имѣла какъ-разъ фантастическій видъ привидѣнія, напоминавшій «сѣраго старика», о которомъ разсказывалъ Петръ Ивановичъ. Припомните, сверхъ-того, что къ Николаю Григорьевичу никто чужой не входилъ *безъ доклада, тѣмъ паче ночью*: и вы поймете впечатлѣніе, которое долженъ былъ произвести мой путешественникъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ, такъ кста-

ти, въ самый аналогическій моментъ разсказа о сверхъестественныхъ явленіяхъ.

Равнымъ образомъ, не трудно представить себѣ положеніе молодого человека при необыкновенномъ приѣмѣ, ему сдѣланномъ. Нарисуйте въ воображеніи своемъ эту сцену. Довольно-высокая и довольно-обширная комната, обклеенная выбѣленною, отъ времени почернѣвшею и растрескавшеюся бумагою и освѣщенная одною сальною свѣчкою. Изъ густой массы тѣней, образуемыхъ этимъ освѣщеніемъ, въ углахъ возвышаются изразцовыя печи, съ причудливыми барельефами, покрытыя самыми затѣйливыми узорами. На трехъ стѣнахъ, три малые большіе портрета въ простыхъ деревянныхъ рамахъ, двухъ мужчинъ и старой женщины, лица которыхъ одни отдѣлялись блѣдными очерками изъ мрака. Съ правой стороны, на громадномъ диванѣ, обитомъ полнмялою кожею, опрокинутая женская фигура Ненилы Григорьевны, покрывая тѣню самовара; сзади ея молоденькая дѣвочка, почти вся скрывшаяся за обширными складками платья; прямо передъ глазами, въ глубинѣ сцены, худощавая и длинная фигура Николая Григорьевича, въ черномъ сюртукѣ, въ темной ермолкѣ, изъ-подъ которой выдѣлились два пучка сѣдыхъ волосъ, пара большихъ черныхъ глазъ, отъянныхъ густыми, черными, съ просѣдью, бровями и носъ несообразной величины и толщины, среди блѣднаго, сухошаваго лица, покрытаго морщинами,—физиономія Миноса непреклонная, суровая, безчувственная; вся эта холодная и неподвижная фигура перпендикулярно рисовалась на спинкѣ исполинскаго, обитаго полнмялою, блѣдно-красною кожею волтеровскаго кресла баснословной формы. Напротивъ, на первомъ планѣ, тоже въ креслѣ не менѣе фантастическаго фасона, только гораздо-меньшаго размѣра, чернѣль силуэтъ худощавой же, низенькой особы Петра Ивановича, увѣчанной небольшою, старообразною головкою, съ узкими, маленькими черными глазками. Наконецъ, кидаящаяся въ объятія, со всею граціозною прелестью непритворнаго ужаса, высокая дѣвушка, стройная, какъ тополь, съ изящными формами, съ одною изъ тѣхъ физиономій, которыхъ недостатокъ правильности не позволяетъ называть прекрасными, но въ которой неуловимыя сочетанія очерковъ выражаютъ красоту душевную, съ глазами, полными ума и чувства, съ аттическою головкою, увѣчанною роскошнѣйшею косою, подобною той, которую Байронъ украсилъ портретъ своей Гаиде. А сзади грязная, растрепанная, заспанная физиономія мальчишки, который, проснувшись отъ визга Ненилы Григорьевны, явился съ разинутымъ ртомъ дополнить группу.

Разбитый ѣздою и паденіемъ съ моста, иззябшій, измокшій, ослѣпленный свѣтомъ при переходѣ изъ темноты, герой мой, обвитый живымъ кольцомъ двухъ рукъ изящной формы, остолбенѣль, при взглядѣ на эту картину, дышавшую непонятнымъ для него ужасомъ и напоминавшую собою эпизодъ сказки объ очарованномъ царствѣ.

Нѣсколько секундъ въ комнатѣ царствовало гробовое молчаніе.

Липочка первая прервала его громкимъ хохотомъ, рассмотрѣвъ, въ своего убѣжища, въ странномъ фантомѣ довольно-красиваго молодаго человѣка. Вѣра, сдѣлавшая то же открытіе, отскочила отъ привидѣнія и скрылась къ своей рѣзвой подругѣ, аккомпанируя ей отъ чистаго сердца.

Это шумное проявленіе жизни благотвительно подѣйствовало на страшнаго посѣтителя: онъ также одушевился; развязно подошелъ къ Николаю Григорьевичу, въ которомъ, по домашнему костюму, угадалъ хозяина, и вѣжливо раскланялся всѣмъ собесѣдникамъ.

— Вѣроятно я имѣю честь говорить съ хозяиномъ дома? сказалъ онъ, обращаясь къ старику.

Николай Григорьевичъ облегчалъ грудь свою глубокимъ вздохомъ. Видно было, что онъ удостовѣрился въ *вещественности* призрака, и страхъ его совершенно исчезъ.

— Къ вашимъ услугамъ, здѣшній помѣщикъ Николай Григорьевъ Бормотыпинъ, отвѣчалъ онъ, все еще продолжая разсматривать молодаго человѣка съ недоувѣрчивостью. — Что вамъ угодно?

— Простите, что я осмѣлился въ такое позднее время беспокоить васъ... Я, и—скій помѣщикъ... Шершавинъ; надѣюсь, что вамъ знакома эта фамилія?

— Шершавинъ?.. Ваше имя?

— Александръ Андреевичъ.

— Племянникъ Матвѣя Матвѣича Шершавина?

— Да.

— Прену покорно садиться, сказалъ Николай Григорьевичъ.

Услышавъ этотъ разговоръ, Ненила Григорьевна открыла лицо и увидѣла передъ собою, вмѣсто сѣдаго, стараго привидѣнія, бѣлокурога мужчину, лѣтъ тридцати, который, при свѣтѣ сальной свѣчи, скрывавшемъ густыми оттѣнками рѣзкія черты лица, показался ей красавцемъ. Горделивое выраженіе безпечности и смѣлости въ блестящихъ глазахъ его произвело особенно-благопріятное впечатлѣніе на сердце молодой вдовы, обожавшей въ мужчинѣ преимущественно силу и отвагу. А эти два качества ясно и рѣзко выразались во всей особѣ молодаго человѣка. Онъ былъ сложенъ крѣпко и стройно: широкоплечій, съ могучею грудью, свѣтлѣе атлетическимъ сложеніемъ онъ удовлетворялъ вполне идеалу Ненилы Григорьевны. Въ его походкѣ, твердой и тяжелой, слышались воля и характеръ; открытый лобъ, легкая, полунасмѣшливая, полувеселая улыбка, безпрестанно проявлявшаяся на устахъ, проницательный взглядъ карихъ глазъ его, слегка отуманенный задумчивостью и усталостью, обнаруживали умъ смѣлый и независимый, горделивую привычку къ своевольному господству надъ окружающимъ и вмѣстѣ съ тѣмъ душу нѣжную и чувствительную, отравленную грустью и короткимъ знакомствомъ съ жизнью.

Молодой человѣкъ разсказалъ, что проѣздомъ домой изъ П— Губерніи, гдѣ былъ по дѣламъ своимъ, онъ намѣревался воспол-

зоваться случаемъ и сдѣлать визитъ своему дядюшкѣ, котораго онъ не видалъ уже нѣсколько лѣтъ. «Но вы знаете здѣшнія проселочныя дороги» прибавилъ онъ: «эта бездна грязи, толчки, стужа и вѣтеръ до того меня одолѣли, что я потерялъ и терпѣніе и разумокъ. Къ довершенію безконечнаго ряда страданій, въ полверстѣ отсюда сломалась моя повозка, и я въ совершенномъ изступленіи кинулся на огни, сверкавшіе въ здѣшнемъ селѣ. Вашъ домъ былъ первое жилище, котораго достигъ я и въ которомъ надѣялся найти хоть на нѣсколько минутъ спасеніе отъ стужи, оледенившей меня. Вхожу въ прихожую — человѣкъ вашъ спитъ. Я слышу здѣсь голоса; иду, и...»

— И попадаете въ объятія молодой особы, перебилъ Петръ Ивановичъ, который, отдохнувъ отъ страха, почувствовалъ также расположеніе къ веселости.—Вы вѣрно родились въ сорочкѣ, Александръ Андреечъ. Я, доложу вамъ, сто разъ ѣзжалъ по этимъ сквернымъ дорогамъ, а ни разу меня за это не обнимали пестякомыя миѣ молодыя особы.

— Вы сами виноваты, Петръ Ивановичъ, сказала Вѣра, покраснѣвъ:—и вы же смѣтаете надо мною. Не стыдно ли вамъ...

— Я боюсь... началъ Александръ.

— И! помиуйте! чего бояться? перебилъ опять Петръ Ивановичъ:—мы люди простые, безъ церемоній. Мы доброму человѣку отъ-души рады.

— Очень-благодаренъ, сказалъ Николай Григорьевичъ, нагнувшись впередъ въ видѣ поклона.

— Дамы также очень-рады такому гостю, чему вы уже имѣете нѣкоторое доказательство. — Петръ Ивановичъ лукаво улыбнулся, взглянувъ на Вѣру.

— Такой прекрасный молодой человѣкъ не можетъ сомнѣваться въ благосклонности прекраснаго пола, сказала Ненила Григорьевна съ обольстительною миною.

— Ну, видите; значить, дѣло кончено. Давайте руку, и прошу полюбить насъ.

Петръ Ивановичъ, вслѣдъ за тѣмъ, отрекомендовалъ себя, назвавъ обѣихъ дамъ, просилъ ихъ сдѣлать поскорѣе пуншъ гостю, распорядился послать за его повозкою, которую велѣлъ привезти на барскій дворъ; однимъ словомъ, исполнилъ въ-отношеніи Александра весь обрядъ гостеприимства.

Нечаянный гость весьма-скоро водворился, такъ-сказать, въ своемъ новомъ кругу и принялъ тонъ радушной и пріятной короткости.

— Я васъ, кажется, очень испугалъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Вѣрѣ. — Для меня, однакожь, остается загадочнымъ этотъ испугъ, которому я былъ причиною.

Вѣра засмѣялась при этомъ вопросѣ.

— Вы такъ неожиданно явились въ дополненіе къ страшному

разказу Петра Ивановича о привидѣнiяхъ, такъ кстати, какъ-будто подслушивали у дверей.

— О привидѣнiяхъ?! Здѣсь являются привидѣнiя?

— О, да еще какiя! Петръ Ивановичъ, теперь вѣрно ничто и ничто не испугаетъ. Доскажите вашу исторiю.

Петръ Ивановичъ, веселый и довольный въ-самомъ-дѣлѣ, старался казаться еще веселѣе и довольнѣе. Онъ съ предупредительною готовностью повторилъ начало своего разказа, котораго Александръ не слыхалъ, и продолжалъ потомъ:

— Вотъ все они видятъ собственными своими глазами и слышатъ собственными своими ушами, что этотъ, примѣрно сказать, незнакомый посетитель отправился вотъ къ этой стѣнѣ, гдѣ теперь стоитъ фортецяно и гдѣ тогда висѣла гитара; подходитъ онъ, какъ я докладываю вамъ, къ этой стѣнѣ... и вдругъ, представляете себѣ... квинта... то-есть, трудно повѣрить этому... квинта, докладываю я вамъ, вдругъ то-есть какъ взвизнетъ неимоверно-громко, да бацъ и разлетѣлась на-двое.

— Ахъ! взвизнула громче квинты робкая Невила Григорьевна, кинувъ на Александра нѣжный, проникательный взглядъ.

— Послѣ этого, надобно вамъ доложить, никто не знаетъ, что было... Можете себѣ представить... Старикъ препаля, куда и какъ — никто не видалъ. Только извѣстно всемъ, что послѣ, въ тотъ же самый годъ, случилось въ семействѣ Саввы Кузмича...

— Я не знаю этого, сказалъ Александръ.

— О, сударь мой! это такая неприятная исторiя, что трудно повѣрить. Истинно, бывають и могутъ быть подобныя...

— Вы обяжете меня, Петръ Ивановичъ, если расскажете, что такое послѣдовало за явленiемъ сѣраго старика...

— Да-съ, говорите послѣ этого что хотите, что это все вадоръ, сказки, бредни; а только всему свѣту извѣстно, что Татьяна Минашна, добродѣтельная женщина, которая была сначала убита, такъ-сказать, поступкомъ сестры своей,—женщина умная и образованная, дочь почтенныхъ родителей, воспитанная въ прекраснѣйшемъ семействѣ, страстно любимая мужемъ, красавица собою, привыкшая къ довольству, избалованная... Татьяна Минашна—докладываю я вамъ, въ тотъ же годъ бросила мужа и скрылась. Она взяла съ собою все свои брильянты, и съ-тѣхъ-поръ объ ней ни слуху, ни духу. Бѣднякъ Савва Кузмичъ, съ горя, началъ пить мертвую и умеръ ровно черезъ годъ, то-есть 20-го сентября слѣдующаго года.

Окончивъ эту фразу съ приличною таинственностью, Петръ Ивановичъ посмотрѣлъ на всехъ съ торжественною миною, аппетитно понюхалъ табаку, какъ-будто желая вознаграждать себя за весь интересъ своего разказа, и поднесъ табакерку Александру. Молодой человекъ отрицательнымъ жестомъ поблагодарилъ его, и Петръ Ивановичъ обратился къ нареченному тестю.

— Вы, кажется, съ чувствительностью слушали эту странную исторію? спросила Александра Ненила Григорьевна, предпринявшая начать кокетствомъ съ Александромъ мишеніе въроломному Петру Ивановичу.

— Да; она производитъ на меня грустное и тяжелое впечатлѣніе, отвѣчалъ молодой человѣкъ. — Я бы хотѣлъ не вѣрить этому мнѣнію непостижимыхъ случайностей на судьбу и на поступки наши; а между-тѣмъ, безпрестанные примѣры доказываютъ, какъ много человѣкъ зависитъ отъ какой-то вишней, чуждой ему силы, которая безотчетно овладѣваетъ его умомъ, чувствами, душою и влечетъ безознательно по темнымъ, невѣдомымъ путямъ жизни.

— «Предѣлъ, его же не преjdeши», сказалъ Петръ Ивановичъ съ унылымъ и глубокомысленнымъ видомъ.

Александръ пустился въ разсужденіе о существованіи міра невидимаго, вмѣющаго близкое соотношеніе къ нашему видимому міру, о сродствѣ душъ, и о прочемъ, чѣмъ такъ плѣняется молодое, пылкое воображеніе.

Окончивъ свою полу-философскую, полу-поэтическую тираду, онъ замолчалъ и задумался. Тирада произвела на его слушателей глубокое впечатлѣніе. Николай Григорьевичъ и Петръ Ивановичъ переглянулись значительно, съ очевиднымъ опасеніемъ. Такое море мечтательныхъ и непонятныхъ фразъ возродило въ ихъ умахъ почти убѣжденіе, что разсудокъ нежданнаго гостя находится не въ нормальномъ состояніи. Ненила Григорьевна отчасти раздѣляла это мнѣніе; но обаяніе краснорѣчія подѣйствовало немного на ея нѣжную душу. Ей было жаль еще предать страшному осужденію такого пріятнаго молодого человѣка, съ такими могучими формами, съ такою свѣжею наружностью...

За то, впечатлѣніе Вѣры и Липочки вполне вознаградило Александра за невыгодный эффектъ, произведенный имъ на прочихъ слушателей. Молодые дѣвушки въ первый разъ еще отъ-роду слышали такое поэтически-философское оправданіе ихъ мечтательныхъ убѣжденій, высказанное языкомъ совершенно для нихъ неизвѣстнымъ.

— Изъ вашихъ словъ, сколько могъ я понять, сказалъ Петръ Ивановичъ, вглядываясь пристально въ молодого человѣка: — можно вывести умозаключеніе, что вы, какъ-будто, то-есть, косвеннымъ образомъ, оправдываете... такъ, отчасти, можетъ-быть, поступокъ Татьяны Минишны, и по нравственному разсужденію приписываете его, такъ-сказать, печистой силѣ.

— О, что касается до поступка героини вашего романа, развилъ съ жаромъ Александръ: — то я не смѣю его ни обвинять, ни оправдывать по тѣмъ фактамъ, которые вы мнѣ дали. Скажите, она совершенно пропала безъ вѣсти?

— Нѣтъ; есть слухи, можетъ-быть, невѣрные: то-есть, я не могу отвѣчать за ихъ основательность...

— И эти слухи?

— Говорятъ, что она, то-есть, эта несчастная, потерпевшая женщина не покидала своего избраннаго, не смотря ни на что, и измѣнила ему, и когда онъ умеръ, она скрылась и ушла въ монастырь.

— После всего этого, сказалъ Александръ воспламененный:— вамъ остается почтить память этой несчастной глубокимъ, истиннымъ сожалѣниемъ... Впрочемъ, она вѣрно была счастливае насъ

Возволнованный собственными мыслями, онъ всталъ, прошел несколько разъ по комнатѣ, преслѣдуемый взорами всѣхъ присутствующихъ, устремленными на него съ разными чувствами, сѣлъ за фортепьяно, машинально взявъ нѣсколько аккордовъ и, какъ будто совершенно забывъ обо всемъ его окружающемъ, заигралъ четкимъ, мелодическимъ голосомъ, аккомпанируя себя на фортепьяно:

Оставь меня мечтать и думать, что дождусь,
Что доживу, достигну въ жизни я
Того, о чемъ давно такъ пламенно молюся,
Въ чемъ для меня разгадка бытія, —
Что я дождусь любви свободной, безусловной

Передъ которой все грозное безмолвно
И миръ, и жизнь съ ихъ вѣчною борьбой...
Люви мнѣ одному, съ моею суровой долей,
Съ моею обманутой, измученной душой,
Люви покорной лишь моему любви и волѣ,
Люви мнѣ отданной за цѣлый миръ земной,

Люви не для людей, для одного меня,
Люви пылающей, какъ страсти Абадновы,
Ворьбой поэзіи, гармоніи, огня,
Люви, которой нѣтъ, фантазіи поэта.
И ей-то я отдаю все существо мое;
И рай создамъ для ней средь мрачныхъ дѣбрей свѣта;

И ей одной всѣ силы жизни страстной,
Энергію ума, души и вѣчныхъ чувствъ:
Все, все высокое, что свято и прекрасно,
Изъ дивныхъ дѣлъ природы и искусствъ,
И все, чего никакъ не выразить словами,
Все, что въ душѣ моей хранится для нея,
Блаженства дивный миръ, украшенный мечтами,
Могучій жизни плодъ, — созданіе мое.
И вѣрю я: не избыточное будетъ,
Уже такъ много я подобнаго узналъ,
И голосъ мой въ родной груди пробудитъ
Безумныхъ грезъ моихъ безумный идеалъ.

Еще послѣдніе звуки этой музыки, проникнутой глубокимъ, потрясающимъ чувствомъ, носились въ воздухѣ среди всеобщаго молчанія, и пѣвецъ и слушатели были погружены въ поэтическое волненіе...

— Кушанье поставлено, раздался громкій голосъ Сергѣя.

Послѣ ужина, Александра препроводили въ ту же самую гостиную, гдѣ онъ провелъ вечеръ и гдѣ ему на огромномъ диванѣ была постлана постель.

Простившись съ нимъ, Петръ Ивановичъ зашелъ въ спальню Николая Григорьевича.

— Что вы скажете о вашемъ гостѣ, Николай Григорьевичъ?

— Онъ мнѣ не нравится.

— И мнѣ не совсѣмъ. Странное дѣло! кажется, молодой человѣкъ воспитанный, но во всемъ прихватамъ, по хваткамъ, по разговору, а ѣздитъ одинъ, безъ человѣка и въ скверной кибиткѣ... Весьма что-то странно... Вы его оставите погостить?

— Нѣтъ.

— Впрочемъ, онъ малый ловкій, и, кажется, разговорчивый. Денѣкъ, другой, можно бы... На безрыбъ и ракъ рыба. Вѣдь мы здѣсь почти людей не видимъ.

— Онъ мнѣ не нравится.

— А! ну, такъ покойной ночи.

— Прощайте.

— Прощайте, Николай Григорьевичъ.

Петръ Ивановичъ отправился въ свою усадьбу.

— Не правда ли, Вѣрочка, этотъ прекрасный молодой человѣкъ имѣетъ преннтересную наружность? говорила Ненила Григорьевна, проводивъ Вѣру въ ея комнату.

— Онъ мнѣ не нравится, тѣтенька.

Вѣра покраснѣла.

— Не нравится, душенька? Какой у тебя дурной вкусъ. Почему же онъ тебѣ не нравится?

— Онъ ужъ слишкомъ развѣзанъ, слишкомъ увѣренъ въ себя.

— Ахъ, душа моя, какая же ты забавная. Это значитъ, что онъ свѣтскій человѣкъ. По всему видно, что долго жить въ луч-

шомъ обществѣ. Какія прекрасныя ухватки и какъ прекрасно воспитанъ!

— Какъ вы это замѣтили?

— А какіе у него пронзительные глаза, душенька, помяла ты?

— Нѣтъ, тѣтъенька.

— Дѣ, правда, онъ почти не смотрѣлъ на тебя. Онъ не сводилъ съ меня глазъ, такой чудакъ!

Въ комнату явилась низенькая, горбатая старушка, съ огромнымъ чернымъ платкомъ на сѣдой головѣ, въ затрещанной кофѣ и юбкѣ. Это была все та же нянька Андреевна, въ ночномъ дезабилье.

— Что ты, няня, такъ поздно? спросила Вѣра.

— Да что, мать моя, Вѣра Николаевна, не вытерпѣла, пришла вамъ диковинную новость рассказать.

— Что такое? воскликнули въ одинъ голосъ тѣтка и племянница.

— Чего, мои сударыни! Самка да Никифоръ болтаютъ, вишь, они сѣраго старичка видѣли.

— Сѣраго старичка?

— Изволили чай слышать, сюда, десятка три годовъ назадъ, сѣрый старичокъ хаживалъ оттуда, изъ-за рѣчки?

— Ну?

— Съ-тѣхъ-поръ ничего о немъ не слышать было; теперь Никифоръ вотъ рассказываетъ, что вишь онъ своими глазами, говоритъ, видѣлъ, будто, сударыни мои, сѣрый старичекъ прошелъ нѣтъ сада на крыльцо.

— Какой вздоръ, няня!

— Слышанное пересказываю, сударыни Вѣра Николаевна, и Самка тоже видѣлъ. А Мишка говоритъ, что послѣ ужина онъ мимо носа у него прошелъ съ крыльца въ садъ, туда, нѣ пруду. Я, говоритъ, какъ взвидѣлъ его, такъ, говоритъ, меня и прострѣляю. Вотъ какое диво!

— Что сегодня за ужасный день такой! сказала Ненила Григорьевна:— сколько происшествій!

— Истинно, мать моя. А еще-то какая диковина случилась, что Оекла птвищица-то рассказывала. Слышала ты, моя милая Вѣра Николаевна?

— Нѣтъ. Что еще такое?

— Нѣтъ еще? Будетъ же тебѣ горе! Уточка-то твоя любимая...

— Что въ саду на прудѣ плаваетъ?

— Ну, да, моя душенька, улетѣла вѣдь сегодня.

— Какъ улетѣла?

— Улетѣла, сударыня моя. Повадилса вишь къ ней дикій селезень летать... Драка такая пошла съ дворовымъ-то селезнемъ. Оекла ну говять этого нахальника! не тутъ-то было. Сегодня улетѣла за нимъ твоя уточка. Я сколько на свѣтѣ живу, не слышала, чтобъ дворовыя утки за дикими селезнями летали.

— Какая досада, няня!

— Да, моя матушка. Не передъ добромъ все это. А тутъ, какъ снѣгъ на голову, ночной гость, Богъ—знаеть откуда явился.

— И это тоже не передъ добромъ? (Вѣра засмѣялась.) Утѣшься, няня. Онъ завтра уйдетъ.

— Ну, и Богъ съ нимъ... Баринъ хорошій, да не во-время.

— Развѣ ты его видѣла, няня?

— Видѣла, матушка. На тебя такъ схожъ, словно братецъ родной.

— Слышите, тѣтенька?

— И дѣйствительно, душа моя, есть нѣкоторое сходство въ лицѣ и въ походкѣ...

— Полноте, душенька; нѣтъ ни малѣйшаго сходства.

Къ Александру для услугъ явился мальчишка, котораго онъ при входѣ нашелъ спящаго въ передней. Раздѣвая его, оборванный коммерсантъ не могъ утерпѣть, чтобъ не выразить ему своего удовольствія:

— Вы, сударь, какъ-будто знали: къ нашей радости пожаловали, сказалъ онъ ему съ глупою улыбкою.

— Къ какой радости?

— Да какъ же, сударь? развѣ вы не изволите знать?

— Ничего, братецъ, не знаю.

— Какъ же-съ... у насъ сегодня веселье такое было. Петръ Иванычъ изволилъ барышню сосватать; сегодня образованье (*) было... Честъ имѣю васъ поздравить.

— А! ну, я очень-радъ, сказалъ Александръ улыбаясь, и далъ полтинникъ черномазому юношѣ за такое усердное поздравленіе съ чужою радостью.

Такъ-какъ впечатлѣніе, произведенное явленіемъ Александра и его особою на прочихъ героевъ моей повѣсти, извѣстно уже изъ ихъ разговоровъ, то я считаю себя обязаннымъ передать и впечатлѣніе, произведенное ими на Александра. Вотъ что онъ думалъ:

— Какая дурацкая ночь! Кажется, она не пройдетъ мнѣ даромъ. До ужина я чувствовалъ жаръ, а теперь дрожу какъ въ лихорадкѣ... Это будетъ замѣчательно-глупо, если мнѣ прійдется просидѣть нѣсколько дней въ этомъ очарованномъ замкѣ... Впрочемъ, все же лучше, чѣмъ гдѣ-нибудь въ избѣ. Здѣсь есть по крайней-мѣрѣ привидѣнія и оригиналы, и молодая вдова съ нѣж-

(*) Благословеніе образовъ.

швыи ввзраин, и счаставая чета... Странно, что мнѣ не хочется спать послѣ такой чертовской дороги, двухъ стакановъ нунна и четырехъ рюмокъ отвратительной мадеры! Я рѣшительно нездоровъ: шумъ въ головѣ, слабость во всемъ тѣлѣ, и эта глупая исторія жагоны и явнты не выходитъ у меня изъ ума... Нѣтъ ли тутъ въ-самомъ-дѣлѣ какого-нибудь очарованія? (Александръ улыбулся.) У насъ, въ провинціи, водятся вѣдь чудеса всякаго рода. Это будетъ однако нисколько не лестно для моего самолюбія. Моя волшебная красавица имѣетъ вовсе не романическій вкусъ, и осердивать сердце ея у нѣжнаго Петра Ивановича мнѣ кажется нисколько незанимательнымъ... Нѣтъ, ужъ они всѣ чертъ-чуръ провинціалы! Надобно завтра ѣхать дальше, непременно.

Д В Ъ Д І А Н Ы .

Романъ Александра Дюма.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

=

I.

ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА АРНОЛЬДА ТИЛЯ.

Благодѣтельной помощи только-что въ пору удалось пробраться въ Сен-Кентенъ, потому-что ужь начинало свѣтать. Усталого, измученнаго Габріэля, не знавшаго отдыха въ-продолженіе четырехъ дней, адмиралъ Колиньи привелъ въ домъ ратуши, гдѣ хотѣлъ помѣстить его рядомъ съ комнатою, которую занималъ самъ. Тамъ обезсильнѣвшій Габріэль бросился на постель и заснулъ такъ, какъ-будто ему ужь и не слѣдовало больше просыпаться.

Онъ, въ-самомъ-дѣлѣ, проснулся не раньше четырехъ часовъ по полудни, и те Колиньи, войдя въ комнату, перервалъ этотъ сладкій, укрѣпительный сонъ, въ которомъ бѣдный молодой чело-вѣкъ, не смотря на свои заботы, имѣлъ такую потребность. Въ-продолженіи дня, непріятель порывался на приступъ—и былъ мужественно отраженъ. Но не было сомнѣнія, что на завтра попытка возобновится, и адмиралъ, уже испытавшій счастливые совѣты Габріэля, опять пришелъ къ нему за ними.

Габріэль скоро всталъ и былъ готовъ принять Колиньи.

— Одно слово моему конюшему, адмиралъ, сказалъ онъ ему:— в я въ вашей волѣ.

— Расперижайтесь, виконтъ, отвѣчалъ Колиньи: — потому-что безъ васъ испанское знамя теперь развѣвалосьъ бы на этомъ домѣ; я иногда могу сказать вамъ: вы у себя.

Габриэль подошелъ къ дверямъ и крикнулъ Мартэна-Герра. Мартэнь-Герръ явился. Габриэль отозвалъ его въ сторону.

— Мой добрый Мартэнь, сказалъ онъ ему:— я тебѣ еще вчера повторялъ, что доверю столько же твоей сметливости, сколько вѣрности. И вотъ доказательство! Ты теперь же отуравившись в лазаретъ Ильского Предмѣстья и тамъ спросишь—не мадамъ де-Кастро, а настоятельницу бенедиктинку; почтенную мать Моника, ее, не иначе, какъ только ее, попросишь извѣстить сестру Бенни понимаешь, сестру Бенни? извѣстить, что виконтъ д'Эксмэ, присланный отъ короля въ Сен-Кентенъ, будетъ къ ней черезъ часъ просить подождать его. Видишь, г. Колинъ на нѣкоторое время задержишь меня здѣсь; я ты знаешь, дѣло на жизнь и смерть и лагаетъ на меня обязанность всегда ставить долгъ выше удовольствія. Ступай же, и пусть она, по-крайней-мѣрѣ, знаетъ, что душа моя съ ней.

— Она узнаетъ это, сударь, отвѣчалъ расторопный Мартэнь, вышедъ, оставивъ своего господина съ меньшимъ истерикомъ съ большимъ спокойствіемъ.

Онъ приближалъ къ лазарету Ильского Предмѣстья и принялъ терпеливо спрашивать сестру Моника.

Ему показали настоятельницу.

— А, матушка! говорилъ, приступая къ ней, нашъ хитрецъ— какъ я радъ, что наконецъ нашелъ васъ! мой бѣдный господинъ былъ бы очень-огорченъ, еслибъ мнѣ не удалось исполнить ея порученія къ вамъ, а главное—къ г-жѣ Діанѣ де-Кастро.

— Кто же ты такой, другъ мой, и отъ кого пришелъ? спросила настоятельница, изумленная и оскорбленная тѣмъ, что такъ дурно сохранена тайна, которую она вѣрила Габриэлю.

— Я отъ виконта д'Эксмэ, возразилъ мнимый Мартэнь-Герръ прикинувшись простенькимъ добрякомъ.— Вы, вѣрно, знаете вианта д'Эксмэ! Весь городъ только его и знаетъ.

— Конечно! отвѣчала настоятельница:— я знаю нашего влюбленнаго. Мы молились за него. Я вчера имѣла честь видѣть его по его обѣщанію, надѣялась увидѣть и сегодня.

— Онъ сейчасъ придетъ, мой благородный господинъ, онъ сейчасъ придетъ. Г. Колинъ его задержалъ, и онъ въ истерикѣ послалъ меня впередъ къ вамъ и къ мадамъ де-Кастро. Не удивляйтесь, матушка, что я знаю и прозношу это имя. Старинная, двадцать разъ испытанная вѣрность позволяетъ моему господину назвать мнѣ, какъ самому-себѣ, и у него нѣтъ секретовъ отъ этого, преданнаго слуги. У меня умъ и понятливость, какъ говорятъ другіе, только и есть на то, чтобъ любить и защищать его, по-крайней-мѣрѣ, этотъ истинникъ у меня есть; въ немъ—клянусь мощами святаго Кентена, мнѣ никто не откажетъ. О! простите меня, матушка, что я такъ клянусь въ вашемъ присутствіи. Я и не подумалъ объ этомъ; привычка, видите ли, притомъ и рыль сердца...

— Хорошо! хорошо! примолвила, улыбаясь, мать Моника.—Такъ г. д'Эксмэ придетъ? Онъ кстати придетъ. Сестра Бені особенно желаетъ его видѣть; ей хочется слышать вѣсти о королѣ, который прислалъ его.

— Э, э! произнесъ Мартэнъ съ поддѣльнымъ смѣхомъ: — онъ прислалъ его въ Сен-Кентенъ; но, я думаю, не къ мадамъ Діанѣ.

— Что ты хочешь сказать? возразила настоятельница.

— Я говорю, сударыня, что я, любя виконта д'Эксмэ какъ господина и какъ брата, я по истинѣ радъ, что вы, такая почтенная, всѣми уважаемая женщина, немножко вмѣшались въ любовную интригу виконта и г-жи де-Кастро.

— Въ любовную интригу г-жи де-Кастро? вскрикнула испуганная настоятельница.

— Э! разумѣется! возразилъ мнимый дурачекъ.—Мадамъ Діана не могла не признаться вамъ во всемъ, вамъ, своей истинной матери, своему единственному другу!

— Она говорила мнѣ что-то о глубокой сердечной скорби, отвѣчала монахиня: — но объ этой недостойной любви, объ имени виконта — я ничего не знала, рѣшительно ничего!

— Да, да! вы запираетесь... изъ скромности, возразилъ Арно, покачивая головой съ значительнымъ видомъ.— Оно такъ, по моему мнѣнію, вы прекрасно себя держите, и я, съ своей стороны, благодаренъ вамъ за это какъ-нельзя-больше. Дѣйствуете, по крайней-мѣрѣ, отважно! «А!» думаете вы про себя—«король противится любви этихъ дѣтей? а! отецъ Діаны страшно разсердится, если только станетъ подозрѣвать, что они могутъ встрѣтиться? Хорошо! Я, святая, достойная женщина, пойду наперекоръ королевскому величеству и отцовской власти. Я прикрою бѣдныхъ любовниковъ святынею моего сана, моей личности; я устрою имъ свиданія; я вдохну имъ надежду, усыплю въ нихъ угрызения совѣсти.» Да! превосходно, великолѣпно вы дѣйствуете; понимаете?

— Господи! произнесла, сжавъ руки, изумленная, ужаснувшаяся настоятельница, робкая сердцемъ, пугливая совѣстью.—Господи! и это наперекоръ отцу, королю, и мое имя, моя жизнь замѣшаны въ любовную интригу! о!..

— Посмотрите-ка, сказалъ Арно:—я вижу, вонъ мой господинъ самъ бѣжитъ благодарить васъ за ваше добро и спросить — не герцогиня ли вы молодой человекъ! — спросить, когда и какъ можетъ онъ, по вашей милости, увидѣть свою ненаглядную.

Въ-самомъ-дѣлѣ прибѣжалъ запыхавшійся Габріэль. Но не успѣлъ онъ приблизиться, какъ настоятельница остановила его жестомъ и выпрямилась съ достоинствомъ.

— Ни шагу дальше и ни слова, г. виконтъ, сказала она.—Теперь я знаю, съ какимъ титуломъ, съ какою цѣлію ищете вы свиданія съ мадамъ де-Кастро. Не надѣйтесь же, чтобъ я стала помогать планамъ, едва-ли достойнымъ благороднаго человека. Я не только не должна и не хочу васъ больше слышать, но употре-

блю всю свою власть огня у Дианы всякую возможность, всякій предлогъ увидѣть или встрѣтить васъ въ пріемной монастыря или въ лазаретѣ. Она свободна, я это знаю; она не произнесла объѣта, который ей предлагаютъ; но пока ей угодно оставаться подъ избраннымъ ею кровомъ нашего святаго монастыря, она всегда найдетъ во мнѣ хранительную защиту для своей чести, но и для своей любви.

Настоятельница холодно поклонилась остолбенѣвшему отъ измѣненія Габріэлю и удалилась, не дожидаясь его отвѣта, ни разу не оглянувшись на него.

— Что это значитъ? спросилъ Габріэль у своего милаго конюшаго послѣ минутнаго столбняка.

— Я знаю столько же, сколько вы, сударь, отвѣчалъ Арно, скрывъ свою тайную радость подъ озадаченнымъ видомъ. — Матушка настоятельница, если правду сказать, приняла меня очень дурно, сказала мнѣ, что она вовсе не знаетъ вашихъ намѣреній, и должна имъ препятствовать и помогать видамъ короля; что мадамъ Диана васъ не любитъ и никогда не любила.

— Диана меня не любитъ! вскричалъ Габріэль блѣднѣя. — Уверенъ, можетъ-быть, это и къ лучшему!.. Но я хочу еще разъ ее видѣть, хочу доказать, что я не равнодушенъ къ ней, не виноватъ передъ нею. Это—свиданіе; оно мнѣ нужно, оно укрѣпитъ меня на подвигъ; ты, Мартэнъ-Герръ, непременно долженъ помогать мнѣ добиться этого свиданія.

— Вы, сударь, знаете, униженно отвѣчалъ Арно:—что я безоружное орудіе вашей воли, что я повинуюсь ей во всемъ, какъ рука головѣ. Я употреблю всѣ свои силы, какъ и теперь, доставить вамъ, сударь, желанное свиданіе съ мадамъ де-Кастро.

И, смѣясь себѣ подъ носъ, хитрецъ пошелъ вслѣдъ за пріютившимъ Габріэлемъ обратно въ домъ ратуши.

Потомъ, вечеромъ, послѣ ночнаго объѣзда вокругъ укрѣпленій, мнимый Мартэнъ-Герръ, оставшись одинъ въ своей комнатѣ, вынулъ изъ-за пазухи бумагу, и съ видомъ полнаго довольства принялся читать:

«Счетъ Арно Гиля г-ну коннетаблю Монморанси, съ того дня, какъ онъ, Арно, былъ насильственно разлученъ съ г. коннетаблемъ.» (Этотъ счетъ заключалъ въ себѣ столько же услугъ публичныхъ, сколько частныхъ.)

«За то, что, будучи въ плѣну у непріятели послѣ сен-лоранскаго дня, приведенный предъ лицо Флибера-Эммануэля, соизволилъ сему генералу отпустить коннетабля безъ выкупа, подъ тѣмъ предлогомъ, что г. коннетабль меньше сдѣлаетъ Испанцамъ вреда шпагой, нежели добра—своими внушеніями королю... пятьдесятъ экю.»

«За то, что хитрой уловкой вырвался изъ лагеря, гдѣ его, Арно, держали въ плѣну, и такимъ-образомъ сберегъ г-ну коннетаблю выкупную сумму, которую онъ не преминулъ бы выдать»

«шно заплатитъ, чтобъ воротить такого вѣрнаго, дорогаго слугу... сто эюю.»

«За то, что искусно, неизвѣстными тропинками, провелъ отрядъ, который подъ начальствомъ виконта д'Эксмэ шелъ на помощь Сен-Кентену и адмиралу Колинъ, любезнѣйшему племяннику г-на коннетабля... двадцать ливровъ.»

Было въ записи г. Арно еще нѣсколько такихъ же нагло-корыстныхъ статей. Шпюионъ вторично прочелъ эту записку, поглаживая бороду. Окончивъ чтеніе, онъ взялъ перо и приписалъ слѣдующее:

«За то, что, находясь въ услуженіи у виконта д'Эксмэ, подъ именемъ Мартена-Герра, выдалъ сказаннаго виконта передъ настоятельницами бенедиктинокъ за любовника г-жи де-Кастро и такимъ образомъ надолго разлучилъ этихъ двухъ молодыхъ людей, что относится къ пользамъ г. коннетабля... двѣсти эюю.»

— Это, на-примѣръ, не дорого, подумалъ Арно:— и вотъ статья, — одна стоить многихъ! Итогъ довольно круглый. Мы подходимъ къ тысячѣ ливровъ, а съ маленькимъ воображеніемъ дойдемъ и до двухъ. Но если я ихъ буду имѣть! Право, брошу продѣлки, женюсь, буду отцомъ семейства, какимъ-нибудь ктиторомъ въ провинціальномъ приходѣ и, такимъ образомъ, осуществится мечта всей моей жизни, честная цѣль всѣхъ моихъ грѣшныхъ дѣяній.

Арно легъ и заснулъ съ своей добродѣтельной рѣшимостью.

На другой день, Габріэль просилъ его опять идти отыскивать Ляну и не трудно угадать какъ было исполнено порученіе. Габріэль самъ оставилъ Колинъ съ тѣмъ, чтобъ пойдти развѣдать и разспросить. Но въ десять часовъ утра непріятель сдѣлалъ отчаянный приступъ: надо было бѣжать на укрѣпленія. Тамъ Габріэль, по обыкновенію, оказалъ чудеса храбрости, и дѣйствовалъ какъ-будто ему нужно было потерять двѣ жизни.

Дѣло въ томъ, что ему нужно было спастись двѣ жизни.

А главное, если онъ дастъ себя замѣтить, то, можетъ-быть, до Ляны дойдутъ о немъ слухи.

II.

РЕФОРМАТОРЪ.

Габріэль, изнемогая отъ усталости, возвращался съ крѣпости, вмѣстѣ съ Гаспаромъ Колинъ, когда проходившіе мимо два человека, разговаривая между собой, произнесли имя сестры Бені. Габріэль оставилъ адмирала и, догнавъ проходящихъ, торопливо спросилъ, не знаютъ ли они чего о сестрѣ Бені.

— О, Боже мой! нѣтъ, г. капитанъ, ничего не знаемъ, отвѣтилъ одинъ изъ разговаривавшихъ, который былъ не кто иной, какъ Жакъ Пекуа. — По правдѣ сказать, мы съ товарищемъ не

мало беспокоились, потому-что весь день не видать было доброй сестры Бени; а послѣ такого жаркаго дня, сколько несчастных раненныхъ, которые нуждаются въ ея заботливости, въ ея улыбка. Но мы скоро узнаемъ, не серьёзно ли она больна, потому что завтра въ ночь ея очередь служить въ лазаретѣ; до сих поръ, она ни разу не пропускала очереди, а монахини такъ много, смѣняются онѣ такъ аккуратно, что имъ дѣтъ возможности увольнять своихъ сестеръ: развѣ только по рѣшительной и обходимости. Стало-быть, завтра вечеромъ мы ее навѣрно увидимъ, и я поблагодарю Бога за нашихъ больныхъ: она удѣло такъ утѣшитъ, оживитъ человека!

— Благодарю, другъ, благодарю! сказалъ Габріэль, съ жаромъ пожимая руку Жану Пекуа, совѣмъ неожиданному такой чести.

Гаспаръ Колинъ слышалъ, что говорилъ Жанъ Пекуа, и замѣтилъ радость Габріэля. Когда Габріэль подошелъ къ нему, онъ промолчалъ, но дома, когда они остались одни въ комнатѣ, г. адмиралъ занимался дѣлами и отдавалъ приказанія, Гаспаръ съзвалъ Габріэлю съ своей вкрадчивой, кроткой улыбкой:

— Я вижу, вы, мой другъ, принимаете живое участіе въ дѣлѣ монашенкѣ, сестрѣ Бени?

— Такое же, какъ Жанъ Пекуа, отвѣчалъ Габріэль, краснѣя; такое же, какъ, вѣроятно, и вы, адмиралъ, потому-что вы, дочка, такъ же какъ я, не могли не замѣтить, до какой степени она заботится о нашихъ раненныхъ, какое вліяніе на нихъ и на весь гарнизонъ производятъ ея слова, ея присутствіе.

— Зачѣмъ вы хотите меня обманывать, другъ мой? возразилъ адмиралъ съ какой-то грустью. — Стало-быть, вы очень мало дѣлаете мнѣ, если рѣшились на такую ложь?

— Какъ! г. адмиралъ... проговорилъ Габріэль, въ концѣ сивившихъ:—кто могъ внушить вамъ подозрѣніе?

— Что сестра Бени не кто иная, какъ Діана де-Кастро? спросилъ Колинъ:—и что вы страстно любите Діану де-Кастро?

— Вы это знаете? вскричалъ пораженный удивленіемъ Габріэль.

— Какъ же мнѣ этого не знать? отвѣчалъ адмиралъ:—дринтабъ развѣ мнѣ не дядя? А отъ него развѣ что-нибудь укроетъ при дворѣ? Развѣ мадамъ де-Пуатье не ухо короля? А г. Монранси развѣ не сердце Діаны де-Пуатье? Но какъ вслѣдствіе, по видимому, касается значительныхъ выгодъ нашей фамиліи, очень-естественно, что мнѣ тотчасъ же велѣно было, стараясь быть наготовѣ помогать видамъ моей благородной родни, прошло дня со времени вступленія моего въ Сен-Кентенъ на защиту крѣпости или на смерть, какъ получилъ я отъ дяди приказъ. Въ этомъ наказѣ не было ни извѣстій о движеніи непріятельскихъ военныхъ соображеній коинетабля, какихъ я ожидалъ. Сестра не то! Черезъ тысячу опасностей провелъ онъ ко мнѣ въ Сен-Кентенскомъ монастырѣ бенедиктинскѣ скрывается, по чуждымъ именамъ, Діана де-Кастро, дочь короля, и что я до

женѣ неусыпно наблюдать за каждымъ ея шагомъ. Потому — втерѣ, бѣдникъ Фламандскій лазутчикъ, котораго г. Монморанси подкупалъ во время своего изгнана, потребовалъ свиданія со мной въ южномъ проходѣ крѣпости. Я думалъ, что онъ пришелъ отъ имени дяди уговаривать меня не терять духа и возстановить славу Монморанси; померкшую въ Сен-Лоранскомъ пораженіи, сказать мнѣ, что король не замедлитъ усилить поощрѣніе; приведенное вами, Габріэль, и что во всякомъ случаѣ я долженъ лучше умереть на прѣломѣ, нежели сдать Сен-Кентенъ. О, нѣтъ, нѣтъ! подкупленный лазутчикъ не принесъ такихъ доблестныхъ рѣчей, которыя могли бы одушевить и вдохнуть силу; нѣтъ, я грубо ошибся! Этому человѣку нужно было только передать мнѣ, что виконтъ д'Эксмѣ, прибывшій наканунѣ въ городъ, какъ будто съ желаніемъ битвы и смерти, любить Диану де-Кастрѣ, невѣсту моего кузена Франциска Монморанси, и что сближеніе любовниковъ можетъ помѣшать важнымъ планамъ моего дяди. Но, къ счастью, думаетъ мой дядя, я случился губернаторомъ Сен-Кентена и моя обязанность — употребить всѣ силы и средства разлучить Диану де-Кастрѣ и Габріэля д'Эксмѣ, ни подъ какимъ видомъ не давая имъ свидѣться, и такимъ образомъ содѣйствовать возвышенію и могуществу моей фамиліи.

Все это сказано было съ видимой горечью и грустью. Но Габріэль чувствовалъ только ударъ, нанесенный его сердечнымъ надеждѣмъ.

— Итакъ, г. адмиралъ, сказалъ онъ съ подавленными гнѣвомъ: — это вы изволили предупредить настоятельную бенедиктинку; вы, вѣрный внушеніямъ своего дяди, безъ сомнѣнія, намѣрены отнять у меня всѣ пути, черезъ которые могъ бы я отыскать и увидѣть Диану?

— Замолчите, молодой человѣкъ!.. вскричалъ адмиралъ съ выраженіемъ непреклонной гордости. — Но я васъ прощаю, примолвилъ онъ кротко: — васъ ослѣпляетъ страсть; вамъ еще не было времени узнать Гаспара Колиннѣ.

Въ звукахъ этихъ словъ было столько благородства и доброты, что подозрѣнія Габріэля исчезли; ему стало стыдно, что онъ допустилъ ихъ къ себѣ хотя на минуту.

— Простите, сказалъ онъ, протягивая руку Гаспару. — Какъ могло прійти мнѣ въ голову, что вы мѣшаетесь въ подобныя интриги?.. Простите, адмиралъ, тысячу разъ, простите!

— Хорошо, Габріэль, возразилъ Колиннѣ: — я опять узнаю васъ, съ вашей юной, чистой душою. Да! не внимаюся я въ подобныя проделки: я презираю ихъ, презираю тѣхъ, которые ихъ затѣвуютъ. Я вижу тутъ не славу, а стыдъ моей фамиліи, и не только не хочу пользоваться такими обстоятельствами, но краснѣю за нихъ. Если эти люди, которые устриваютъ свое благоденствіе всѣми средствами, и честными и нечестными, люди, которые для насыщенія своего честолюбія, своей жадности, не смѣютъ на горе и

гибель себя подобныхъ, для достиженія своей низкой цѣли готовы шагнуть даже черезъ трупъ отечества, если эти люди мнѣ родня, то я считаю это казнью, которою Богъ хочетъ поразить мою гордость, напомнить мнѣ мое ничтожество; быть строгимъ къ самому-себѣ и справедливымъ къ другимъ—для меня утѣшеніе, средство искупить проступки моихъ ближнихъ.

— Да! сказалъ Габріэль:—я знаю, что честность и добродѣтели первобытныхъ христіанъ ваши свойства, адмиралъ, и еще разъ прошу прощенія, что рѣшился заговорить съ вами, какъ съ однимъ изъ тѣхъ придворныхъ господъ, незнающихъ ни вѣры, ни закона, которыхъ я такъ научился презирать и ненавидѣть.

— Увы! произнесъ Колинъ:— скорѣй должно жалѣть ихъ, эти честолюбивыя ничтожества, этихъ бѣдныхъ, ослѣпленныхъ папистовъ... Но я забылъ, что передо мной не братъ по религій. Да нужды нѣтъ! вы достойны быть нашимъ, Габріэль, и, рано или поздно, вы будете нашимъ. Да! Богъ, для котораго всѣ пути святы, приведетъ васъ къ истинѣ, я это предвижу, приведетъ чрезъ самую страсть къ истинѣ, и эта неровная борьба, въ которой любовь ваша не устоитъ противъ развращеннаго двора, кончится тѣмъ, что вдвинетъ васъ когда-нибудь въ наши ряды. Я почти себя счастливымъ, если, съ своей стороны, заброшу въ ваше сердце, мой другъ, первыя сѣмена божественной жатвы.

— Я уже зналъ, отвѣчалъ Габріэль:— что вы, адмиралъ, принадлежите къ числу принявшихъ реформу, и въ васъ научился уважать преслѣдуемую партію. Не смотря на то... видите ли!.. я слабъ духомъ, слабъ душой... чувствую, что всегда останусь одной религій съ Діаной.

— Что жъ? возразилъ Гаспаръ Колинъ, проникнутый, какъ всѣ его единовѣрцы, жаромъ прозелитизма:—что жъ! если мадамъ де-Кастрѣ исповѣдуетъ религію добра и истины, она ясновѣдуетъ нашу религію, и вы будете исповѣдывать, Габріэль. Вы также будете ее исповѣдывать, повторю вамъ; потому-что этотъ безстыдный дворъ, съ которымъ вы, безразсудный! вступили въ борьбу, побѣдитъ васъ, и вы захотите метить. Вы думаете, что г. Монморанси, который рѣшился завладѣть дочерью короля для своего сына, согласится уступить вамъ такую богатую добычу?

— Увы! можетъ-быть, я и не стану оспаривать у него этой добычи, отвѣчалъ Габріэль.—Лишь бы только король сдержалъ данное мнѣ тайное обѣщаніе...

— Тайное обѣщаніе! Развѣ существуетъ оно?

— О! не говорите мнѣ этого, адмиралъ! вскричалъ Габріэль:— не говорите мнѣ, что король не сдержитъ своего торжественнаго обѣщанія, потому-что тогда не только возмутятся мои вѣрованія, но — чего я боюсь — возмутится и шпига; тогда я сдѣлаюсь... не гугенотомъ, а убійцей.

— Нѣтъ, вы бы сдѣлались гугенотомъ, возразилъ Колинъ. — Мы можемъ сдѣлаться мучениками, и никогда не будемъ убійцами... Но ваше мнѣніе, не сдѣлавшись кровавымъ, будетъ не меньше жестоко, другъ мой. Вы будете намъ помогать своей юношеской отвагой, своимъ пламеннымъ усердіемъ, которое, можетъ-быть, покажется королю страшнѣй удара кинжаломъ. Собразите, Габріэль, что мы захотимъ вырвать непринадлежащія права и привилегіи; подумайте, что не ограничится одною церковью наша грозная для развращенныхъ реформа. Вы могли видѣть, люблю ли я Францію, служу ли я ей. Что жъ? я исповѣдую реформу, потому-что вижу въ ней величіе и будущую судьбу отечества. Габріэль! Габріэль! еслибъ вы хоть разъ прочли творенія нашего Лютера, вы бы увидѣли, какъ этотъ духъ свободнаго изслѣдованія, которымъ они дышатъ, вложилъ бы въ васъ новую душу, открылъ бы вамъ новую жизнь.

— Моя жизнь—любовь къ Діанѣ, отвѣчалъ Габріэль:—моя душа — данное мнѣ Богомъ назначеніе, которое я надѣюсь исполнить.

— Любовь и назначеніе человѣка, возразилъ Гаспаръ:—они должны, конечно, согласоваться съ любовью и назначеніемъ христіанина. Вы молоды, вы ослѣплены, другъ мой; но — я слишкомъ предвижу и больно мнѣ предсказывать: несчастье раскроетъ вамъ очи. Ваше благородство и душевная чистота рано или поздно напечкутъ на васъ бѣды среди этого развратнаго и злаго двора, подобно тому, какъ большія деревья во время грозы притягиваютъ молнію. Тогда вы размыслите о томъ, что я теперь говорю вамъ. Вы узнаете наши книги, вотъ эту, на-примѣръ, продолжалъ адмиралъ, взявъ со стола открытій томъ. — Вы поймете эти смѣлыя, строгія, но справедливыя и прекрасныя слова, которые говорятъ намъ такой же молодой человѣкъ, какъ вы, сорѣтникъ бордоскаго парламента, Этьеннъ Бостійскій. Тогда, Габріэль, скажете вы вмѣстѣ съ этой могучей книгой добровольнаго служенія: «Что за несчастье, что за мука видѣть, какъ безчисленная толпа не повинуются, а служатъ — не Геркулесу, не Самсону, а слабымъ, женоподобію.»

— Въ-самомъ-дѣлѣ, сказалъ Габріэль: — это опасная, дерзкая рѣчь, которая поражаетъ умъ... Впрочемъ, вы правы, адмиралъ: можетъ случиться, что когда-нибудь гнѣвъ втолкнетъ меня въ ваши ряды, что гоненіе заставитъ меня пристать къ гонимымъ. Но теперь, пока, жизнь моя такъ полна, что въ ней нѣтъ мѣста новой плѣдѣ, которую вы мнѣ предлагаете; у меня столько дѣла, что нѣтъ времени подумать о книгахъ.

Не смотря на эту рѣчь, Гаспаръ Колинъ еще продолжалъ съ жаромъ раздвигать ученіе и идеи, которыя тогда, какъ молодое вино, бродили въ его головѣ. Долго тянулся разговоръ между

страстнымъ голодомъ челоѣкомъ и жалкимъ: убѣжденія реформи-
 торомъ, однимъ—рѣшительнымъ, пылкимъ, какъ дѣятельность, дру-
 гимъ — важнымъ, глубокимъ, какъ мѣрля! *А. С. Пушкинъ*

Впрочемъ, адмиралъ не ошибался въ своихъ нравныхъ предѣ-
 лѣхъ: въ самомъ дѣлѣ, несчастіе суждено было одолевти
 сѣмя, брошенное этой бесѣдой въ пламенную душу Габріэля.

Оссура Бені.

Былъ одинъ изъяденнымъ, свѣтлыхъ вечеромъ августа мѣсяцъ.
 Еще не выходила луна на чистое, голубое, усянное заведеніи
 бо; но безъ него почва казалась еще таинственнѣе, задумчивѣе, оч-
 ровательнѣе.

Эта мирная тишина составляла странную противоположность
 движенью и шуму мнувшаго дня. Испанцы сдѣлали движеніе
 ступа одинъ за другимъ. Два раза были они отражены, но сна-
 чина такой уронъ убитыми и ранеными, какой для терситаюам
 динныхъ былъ невыносимо-чувствителенъ. У осаждающихъ, рѣш-
 дренъ, были сильныя резервы, и сѣвкія войска легкосамыми
 изуродныхъ. И Габріэль, несомнѣнно бодрствовавшій въ заши-
 врѣности, боялся, что два дневные приступа не имѣли для
 ственной цѣли ослабить проявляя силы, чтобы цѣлемъ
 сдѣлать третій ночной и нечаянный приступъ. Однако проби-
 двольтъ часомъ, и ничто не оправдало его подозрѣній. Ни од-
 те горонька не свѣтлелась въ испанскихъ наметкахъ; ни въ лагерь-
 на въ городъ не слышно было ничего, кромѣ однообразнаго
 кликотъ часовыхъ; и лагерь и городъ, казалось, отдыхали своею
 тяжелой дневной усталости.

Итакъ, Габріэль, обойдя въ послѣдній разъ укрѣпленія, рѣшилъ
 что теперь ему можно прервать на минуту это безпрестанное бо-
 ственіе, которое онъ окружалъ городъ, какъ сына большу-
 мать. Со времени его прибытія, уже четыре дня Сен-Кежентъ въ
 державны ооаду. Еще четыре дня — и Габріэль одержитъ обѣща-
 ние, данное королю, и останется только король сдерживать свое об-
 щаніе.

Габріэль велѣлъ кеніонему слѣдовать за собой, но сказать не
 да они идти. Со времени неловкаго происшествія съ настоятел-
 ницей, онъ началъ сомнѣваться, если не въ вѣрности, то въ край-
 ней-мѣрѣ въ симпатичности Мартеза-Герра, и потому остерегся со-
 общить ему драгоценныя свѣдѣнія, полученныя отъ Жана Мюру-
 а миншій Мартенъ-Герръ, думая, что содустаетъ своему госпа-
 дину въ весеннемъ обходѣ, очень удивился, замѣтивъ, что онъ на-
 правляется къ Вальсару-Королевы, гдѣ построены были обшир-
 ный лазаретъ.

— Вы видите желете видѣть какого-нибудь раненнаго, сударь? спросилъ онъ.

— Тсъ! произнесъ Габріэль, положивъ палецъ на губы.

Главное калдѣрье лазарета, въ которую въ эту минуту приближились Габріэль и Арно, было волею устроенной, недалеко отъ Пльснаго Предмѣстья, самое опаснаго мѣста; следовательно, тутъ всего нужнѣе было пособіе. Лазаретъ помѣщался въ огромномъ строеніи, которое до пачала осады служило фуражнымъ магазиномъ, а потомъ, по необходимости, было отдано въ распоряженіе врачей. Теплота лѣтней ночи позволяла держать двери отворенными для освѣженія воздуха; и потому Габріэль съ первой ступеньки наружной галереи могъ уже, при свѣтѣ безпрестанно-горѣвшихъ лампъ, видѣть внутренность залпленнаго градаальцами: залы.

Несчастное было тамъ зрѣлище! Нѣсколько окровавленныхъ постелей стояли тѣло-къ-тѣлу; но этой роскошной пользовались только избранные. Большая часть несчастныхъ раненныхъ лежала на разставленныхъ по полу тюфякахъ, одѣялахъ, даже на соломѣ. То произше-лианнѣ, то жалобные вопли со всѣхъ сторонъ призывали врачей и дѣло-помощниковъ, которые, не смотря на все усердіе, не могли достигнуть всюду. Они торопились дѣлать самыя необходимыя перевязки, самыя нужныя отнятія членовъ, а прочіе должны были ждать. Дикорачная дрожь илѣ предсмертныя судороги корчили несчастныхъ мучениковъ; и если гдѣ-нибудь въ углу большой лежали motion и неподвижно, закрывавшая его съ головой престы-ня возвѣщала, что ему уже никогда не пошлѣвельнуться и не простоять.

Привидѣ этой болѣзненной, мрачной картины, самое неколебимое, самое разраженное сердце потеряло бы и мужество свое и безчувственность. Арно Тило не могъ не вдрогнуть, а Габріэль — не соблѣдѣть.

Но вдругъ на этой внезапной блѣдности молодого человека нарисовалась свѣтлая улыбка. Среди этого ада, въ которомъ было нуть неслѣдствіе, чѣмъ въ дантовомъ, появилась кроткая Бестрѣча. Дѣла; или лучше, сестра-Бенѣ, тихая, задумчивая; прощя между больными.

Никогда не казалась она очарованному Габріэлю прекраснѣе. Въ самомъ дѣлѣ, не враловыхъ правдицахъ золота, бриллыны и бархатъ не были ей такъ къ-лицу, какъ въ этомъ уныломъ лазаретѣ простое платье и бѣлый клобукъ монахини. Но этому правильному профилю, благородной поступи и утѣшительному взгляду, можно было принять ее за само Милосердіе, сошедшее въ мѣсто страданій. Мысль о христіанскомъ милосердіи не могла воплотиться въ лучшую форму, и трудно было представить себѣ что-нибудь трогательнѣе этой чудной красоты, наклеенной къ блѣдному, искаженному мученіемъ лицу; этой королевской дѣчери, протягивающей маленькую, робкую ручку къ безымянному умирающему солдату.

Габріэль невольно подумалъ о Діанѣ де-Пуатъе, безъ-смыслии предававшейся въ эту самую минуту беззаботному мотовству и безстыднымъ любовнымъ интригамъ, — подумалъ и, пораженный страшнымъ контрастомъ между двумя Діанами, тутъ же рѣшилъ, что Богъ создалъ добродѣтельную дочь для искушенія грѣшноты матери.

Пока Габріэль, за которымъ, впрочемъ, не было порока мечтательности, предавался своимъ созерцаніямъ и сравненіямъ, не замѣчая, что время идетъ, внутри лазарета мало-по-малу распространилась тишина. Часъ уже былъ довольно-поздній, врачи кончили свои обязанности, движеніе и шумъ прекратились. Раненымъ предписывалось молчаніе и спокойствіе, и усыпительное питье помогало этому предписанію. Слышались еще мѣстами жалобныя стоны, но не было уже недавнихъ, раздирающихъ душу криковъ. Черезъ полчаса все успокоилось, если только можетъ успокоиваться страданіе.

Діана обращалась къ больнымъ съ послѣдними утѣшительными словами, и удачнѣе врачей внушала имъ спокойствіе и терпѣніе. Всѣ повиновались ей кротко-повелительному голосу. Удостоверившись, что для каждаго больного выполнено докторское предписаніе и что въ эту минуту въ ней уже тутъ надобности нѣтъ, Діана глубоко вздохнула, какъ-бы желая облегчить стѣсненную грудь, подошла къ наружной галереѣ, вѣроятно, чтобъ вдохнуть свѣжаго вечерняго воздуха и успокоиться отъ скорбей и мукъ человеческихъ, глядя на Божіи звѣзды.

Она оперлась на каменную балюстраду и устремленный на небо взоръ ея не замѣтилъ, что внизу, шагахъ въ десять, стоялъ Габріэль, объятый восторгомъ, какъ передъ небеснымъ видѣніемъ.

Довольно-рѣзкое движеніе Мартана-Герра, который, казалось, не раздѣлялъ восторга Габріэля, воротило нашего влюбленнаго на землю.

— Мартанъ, шепнулъ онъ конюшему:— видишь, какой единственный случай мнѣ представляется. Я долженъ, я хочу воспользоваться имъ, хочу говорить, увы! можетъ-быть, въ послѣдній разъ, съ Діаной. Ты однако смотри, чтобъ не перервали насъ, и жди немного въ сторонѣ, но такъ, чтобъ могъ слышать мой голосъ. Ступай же, мой вѣрный слуга, ступай.

— Но, сударь, возразилъ Мартанъ: — развѣ вы не боитесь, что настоятельница...

— Она, вѣроятно, въ другихъ отдѣленіяхъ, отвѣчалъ Габріэль.

— Притомъ, не время колебаться, когда предстоить вѣчная разлука.

Мартанъ, казалось, покорился и отошелъ, ворча себѣ подъ носъ проклятія.

А Габріэль подошелъ ближе къ Діанѣ и, сдерживая голосъ, чтобъ не привлечь ни чьего вниманія, тихо произнесъ:

— Діана, Діана!

Діана вздрогнула; но глаза ея, еще не успѣвшіе приглядѣться къ темнотѣ, не видѣли Габріэля.

— Меня зовутъ? сказала она:—кто это тамъ назвалъ меня?

— Я! отвѣчалъ Габріэль, какъ-будто односложнаго звука Мединьольно было, чтобъ его узнали.

Этого звука дѣйствительно было довольно, потому-что Діана, безъ дальнихъ вопросовъ, сказала дрожащимъ отъ волненія и изумленія голосомъ:

— Вы, г. д'Эксмэ! это точно вы? чтѣ вы хотите сказать мнѣ здѣсь въ эту пору? Если, какъ говорили мнѣ, у васъ есть для меня вѣстія отъ моего отца-короля, то вы очень-долго медлили и, наконецъ, дурно выбрали и мѣсто и время. Въ противномъ случаѣ, вы знаете, мнѣ нѣчего отъ васъ слышать, и я не хочу васъ слышать. Что же, г. д'Эксмэ? Вы не отвѣчаете? Или вы не поняли меня? Вы молчите? Что значитъ это молчаніе, Габріэль!

— Габріэль! Наконецъ-то! вскричалъ виконтъ.—Я не отвѣчалъ, Діана, потому-что ваши холодныя слова оледенили меня, у меня не достало силъ заговорить съ вами тѣмъ же тономъ, какимъ вы говорили, называть васъ мадамъ де-Кастрб. Довольно ужъ и того, но я вамъ говорю: «вы!»

— Не зовите меня ни мадамъ де-Кастрб, ни Діаной. Мадамъ де-Кастрб не существуетъ больше. Передъ вами сестра Бені. Зовите меня сестрой, а я васъ буду звать братомъ!

— Какъ! Что это? вскричалъ Габріэль, отступая съ ужасомъ.— Чѣмъ называть васъ сестрой! зачѣмъ хотите вы, Боже мой! чтобъ называлъ васъ сестрой?

— Но меня теперь всѣ такъ зовутъ, возразила Діана. — Развѣ это имя такъ ужасно?

— О! да, да, ужасно! Или... нѣтъ! простите меня, я безумный. Это сладкое, очаровательное названіе; я привыкну къ нему, Діана, и привыкну къ нему... сестра моя.

— Видите, примолвила Діана съ горькой улыбкой. — Вѣдь это настоящее христіанское названіе, которое всего больше прилично мнѣ; потому-что хоть я еще не произнесла обѣта, но уже монахиня въ душѣ и скоро надѣюсь быть монахиней въ дѣйствительности, какъ-только получу позволеніе короля. Не привезли ли вы мнѣ этого позволенія, братъ мой?

— О! произнесъ Габріэль съ горестью и упрекомъ.

— Боже мой! возразила Діана: — увѣряю васъ, что въ этихъ словахъ нѣтъ ничего горькаго. Съ нѣкотораго времени я столько рада среди людей, что мнѣ очень-естественно искать убѣжища у Бога. Не досада заставляетъ меня такъ дѣйствовать и говорить, а скорбь.

Въ-самомъ-дѣлѣ, въ выраженіи, съ которымъ говорила Діана, не было ничего, кромѣ скорби и грусти. А въ душѣ ея съ этой грустью сливалась невольная радость, отъ которой она не могла удержаться при видѣ Габріэля, Габріэля, котораго она когда-то

считала погибшимъ для ея любви, для злѣпшаго міра, и котораго теперь снова видитъ энергическимъ, мужественнымъ, можетъ быть, нѣжкимъ.

И, вопреки собственной воли, сама не зная какъ, спустилась Діана на двѣ или на три ступеньки лестницы. И, увлеченная необходимостью любви, приблизилась къ Габріэлю.

— Послушайте, сказалъ Габріэль:— должно наконецъ прекратить жестокому недоразумѣнію, которое терзаетъ насъ обоихъ. Я не въ силахъ сносить больше мысли, что вы дурно меня понимаете, предполагаете во мнѣ равнодушіе, или, кто знаетъ? можетъ быть, ненависть. Эта страшная мысль тревожитъ меня; даже въ святомъ и трудномъ подвигѣ, который я долженъ совершить. Но отойдите немного въ сторону... Сестра моя, вы еще не потеряли ко мнѣ довѣренности, не правда ли? Удалитесь, пожалуйста, отъ этого мѣста; здѣсь, если не увидятъ насъ, то могутъ услышать, и я имѣю причины бояться, чтобъ не смутили нашу бесѣду, эту бесѣду, которая, повторяю вамъ, сестра моя, необходима для моего разсудка, для моего спокойствія.

Діана уже не размышляла больше. Такія слова, произнесенныя такими устами, были для нея всемогущи. Она только подошла на двѣ ступеньки, заглянуть въ залу, не нужна ли была чашка и записать, что все спокойно и въ порядкѣ, воротилась къ Габріэлю и оперлась доверчивой рукой на вѣрную руку своего кавалера.

— Благодарю, сказалъ Габріэль:— время дорого, чего я боюсь, знаете ли? я боюсь, чтобъ нянустельница, которая теперь знаетъ о моей любви, не помѣшала этому объясненію, объясненію взаимному, безукоризненному, какъ привязанность моя къ вамъ, сестра моя.

— Такъ вотъ отъ чего, возразила Діана:— сама рассказавъ мнѣ сначала о вашемъ приѣздѣ и желаніи говорить съ мной; добрая мать Моника, вѣроятно узнавшая отъ кого-нибудь о нашемъ прошломъ, которое я, признаюсь, скрывала отъ нея, три дня не позволяла мнѣ выйти изъ монастыря, хотѣла и сегодня удержать; но я не рѣшилась пропустить своей очереди въ газаретѣ, и желала непремѣнно выполнить мою печальную обязанность. О, Габріэль! не обманывайте, этого кроткаго, достойнаго друга; съ моей стороны очень дурно!

— Нужно ли повторять вамъ еще, возразилъ задумчиво Габріэль:— что вы со мной все-равно какъ съ братомъ, что я долженъ, я хочу унять сердечный трепетъ и говорить вамъ только, какъ другъ... вѣчно преданный, который съ радостью умретъ за васъ по которымъ скорби будетъ внимать голосу своей печали, нежель любви... успокойтесь!

— Говорите же, братъ мой, сказала Діана.

Боже мой! это ужасное и очаровательное названіе постоянно напоминало Габріэлю страшный, роковой выборъ, передъ которымъ судьба его поставила; оно, какъ волшебное слово, бутылка горя

чую мысль, пробуждаемую въ душѣ его дочнымъ уединеніемъ и восхитительною красотою Діаны.

— Сестра, сказалъ онъ довольно-твердымъ голосомъ:— мнѣ было рѣшительно необходимо видѣться и говорить съ вами; у меня были къ вамъ двѣ просьбы: одна относилась къ прошлому, другая—къ будущему. Вы добры и великодушны, Діана; вы не откажете въ этихъ просьбахъ другу, который, можетъ-быть, ужь никогда не встрѣтитъ васъ въ здѣшнемъ мѣстѣ, и котораго страшное, роковое, предназначеніе каждую минуту ставитъ въ смертную опасность.

— О! не говорите этого, не говорите этого, вскричала слабѣющая Діана, въ смущеніи измѣривъ невольнымъ испугомъ силу своей любви.

— Я сказалъ вамъ это, сестра моя, продолжалъ Габріэль.— не для того, чтобъ встревожить васъ, а для того, чтобъ вы простили меня, сказали надо мной; простили бы меня за тотъ страхъ, за ту печаль, которые я, вѣрно, навелъ на васъ въ послѣднее наше свиданіе въ Парижѣ. Я бросилъ въ ваше бѣдное сердце ужасъ и отчаяніе; увѣ, сестра моя, тогда не я, а лихорадочный бредъ говорилъ во мнѣ. Повѣрьте, я самъ не зналъ, что говорилъ! Страшное открытіе, которое сдѣлалъ я въ тотъ день, и котораго не могъ передать въ себѣ, привело меня въ отчаяніе, въ безуміе. Вы, сестра моя, можетъ-быть, помните, что вслѣдъ за этимъ свиданіемъ я впалъ въ ту продолжительную, мучительную болѣзнь, которая тогда стоить мнѣ жизни, или по-крайней-мѣрѣ разсудка!

— Еще ли мнѣ не помнить, Габріэль! вскричала Діана.

— Пожалуйста, не называйте меня Габріелемъ! зовите лучше всегда братомъ! зовите меня братомъ! Это названіе, которое сначала пугало меня, теперь мнѣ нужно его слышать.

— Какъ хотите, братъ мой, отвѣчала удивленная Діана.

Въ эту минуту, шагахъ въ пятидесяти отъ нихъ, послышался мѣрный звукъ шаговъ, и сестра Бени со страхомъ прижалась къ Габріэлю.

— Кто это идетъ? Боже мой! меня увидятъ! прошептала она.

— Это нашъ патруль, отвѣчалъ немцого испугавшійся Габріэль.

— Но они идутъ прямо къ намъ, чтобъ найти или позвать меня. О! пустите, я ворочусь, пока они не подошли; дайте мнѣ спастись, умоляю васъ.

— Нѣтъ, поздно, возразилъ Габріэль, удерживая ее.— Если вы побѣжите, васъ непременно увидятъ. Лучше вѣтъ сюда, идите сюда, сестра моя.

И, вмѣстѣ съ дрожавшей отъ страха Діаной, Габріэль торопливо взобрался по лѣстницѣ, скрывавшейся въ крѣпостной стѣнѣ и приведшей ихъ на самыя укрѣпленія. Тамъ номѣстались они между пустой будкой и крѣпостными зубцами.

Патруль прошелъ шагахъ въ двадцати, не замѣтивъ ихъ.

— Вотъ какой не защищенный пунктъ, подумалъ Габріэль, ко-

того все не оставляла господствующая мысль о защитѣ города.

Но онъ скоро опять обратился къ Діанѣ, еще не совсѣмъ успокоившейся.

— Теперь успокойтесь, сестра моя, сказалъ онъ: — опасность миновалась. Но слушайте меня, потому-что время идетъ, а у меня на сердцѣ еще двѣ тяжѣлыя ноши, которыхъ давятъ его. Вы не сказали; что прощаете мое сумасбродство, и это невыносимое бремя прошедшаго все еще лежитъ на мнѣ.

— Нужно ли прощать бредъ горячки и отчаянія? возразила Діана:—нѣтъ, братъ мой; къ нимъ сострадаютъ, ихъ утѣшаютъ. Я не желала вамъ этихъ золъ, братъ мой! Прощайте, Габріэль!

— А! не довольно покориться, сестра моя, вскричалъ Габріэль: — вамъ должно надѣяться. Для этого-то я и хотѣлъ васъ видѣть. Вы избавили меня отъ угрызений совѣсти въ прошедшемъ — благодарю васъ! Но вамъ надо еще облегчить грудь мою отъ тоскливаго страха за ваше будущее. Видите ли! вы—одна изъ свѣтлыхъ цѣлей моего существованія. Мнѣ надо успокоиться на-счетъ этой цѣли, чтобъ, идя по дорогѣ жизни, обращать все вниманіе на одну путевую опасность; мнѣ надо увѣриться, что я найду васъ въ концѣ моей дороги, встрѣчу вашу улыбку—грустную, если паду, радостную, если восторжествую, но во всякомъ случаѣ — улыбку дружескую. Поэтому, не должно быть между нами презрѣнія. Но, сестра моя, необходимо будетъ, чтобъ вы вѣрили мнѣ на-слово, чтобъ вы имѣли ко мнѣ немножко довѣрія; потому-что тайна, лежащая въ основаніи моихъ дѣйствій, не принадлежитъ мнѣ. Я клялся хранить ее, хочу, чтобъ другіе сдержали данное мнѣ обѣщаніе, и потому долженъ держать обѣщаніе, которое самъ другимъ далъ.

— Объяснитесь, сказала Діана.

— А! произнесъ Габріэль:—вы видите, что я колеблюсь и уклоняюсь отъ прямой рѣчи, потому-что все думаю о платѣ, которое теперь на васъ, о имени сестры, которымъ зову васъ, а главное, о глубокомъ уваженіи, которое къ вамъ чувствую; и не хочу и произнести ни одного слова, которое могло бы пробудить или слишкомъ-былкія воспоминанія, или слишкомъ-опасныя мечты. Не смотря на то, долженъ сказать, что вашъ чудный образъ никогда не изглаживался; даже не слабѣлъ въ душѣ моей, что ничто и никто никогда не изгладитъ его во мнѣ.

— Братъ мой!.. прервала Діана смущенная и очарованная.

— О! выслушайте меня до конца, сестра моя, возразилъ Габріэль.—Повторяю: ничто не потушило и ничто никогда не потушитъ во мнѣ этой пламенной... преданности вамъ, и я счастливъ тѣмъ, что думаю и говорю о ней; что бы ни случилось, мнѣ всегда будетъ не только позволено, даже почти велѣно любить васъ. Но... какого рода должна быть эта любовь—одинъ Богъ знаетъ! Впрочемъ, я надѣюсь, что и мы скоро будемъ знать. А теперь, пока, вотъ о чемъ я хочу просить васъ, сестра. Съ довѣрчивостію къ

Богу и вашему брату, вы предоставите дѣйствовать Провидѣнію и всей дружбѣ, не предаваясь ни надеждамъ, ни отчаянію. Поймите меня хорошенью. Вы когда-то мнѣ говорили, что любите меня и—простите! я чувствую въ глубинѣ души, что вы еще можете меня любить, если будетъ угодно судьбѣ. Сверхъ-того, я хочу изгладить горечь словъ, сказанныхъ мною въ бреду, когда я уходилъ отъ васъ изъ Лувра. Не должны мы ни обольщать себя пустыми надеждами, ни думать, что уже все для насъ кончено въ этомъ мірѣ. Ждите. Скоро я прииду къ вамъ сказать одно изъ двухъ. Или скажу: «Діана, я люблю тебя; вспомни наше дѣтство, вспомни свои обѣты; ты должна быть моею, Діана; употребимъ всѣ средства вымолить у короля согласіе на нашъ союзъ». Или скажу: «Сестра моя, неумолимая судьба противится нашей любви, не хочеть, чтобъ мы были счастливы; тутъ ничто не заскиситъ отъ насъ; тутъ нѣчто сверхъестественное — стало между нами, сестра моя. Возьмите назадъ ваши обѣты; вы свободны; посвятите вашу жизнь другому. У васъ въ ней не будетъ ни рогога, ни сожалѣній; нѣтъ, даже слезы будутъ лишнія. Склонимся молча и докоримся неизбежной судьбѣ. Мысль о васъ всегда будетъ мнѣ дорогою и священною; но наши существованія, которыя могутъ — слава Богу! — дѣлаться вблизи одно отъ другаго — не могутъ слиться вмѣстѣ».

— Чтò за странная, чтò за ужасная загадка! невольню проговорила Діана, погруженная въ мрачное, полное страха раздумье.

— Вѣроятно, я въ состояніи буду разгадать вамъ эту загадку, возразилъ Габріэль.—До-тѣхъ-поръ, не старайтесь напрасну прощипать въ бездну этой тайны, сестра моя; до-тѣхъ-поръ—ждите и молитесь. Скажите же, обѣщаетесь ли вы вѣрить въ мое сердце и потомъ— не питать безотрадной мысли объ отреченіи отъ свѣта, о заключеніи себя въ монастырской оградѣ? Обѣщаетесь ли служить вѣрѣ и надеждѣ, какъ служите вы челоуѣколюбію?

— Вѣрить вамъ, надѣяться на Бога, — да! я могу вамъ теперь обещать это, братъ мой. Но зачѣмъ хотите вы, чтобъ я рѣшилась воротиться въ свѣтъ, если тамъ мнѣ не суждено вамъ сопутствовать? Я отдаю вамъ мою душу—развѣ этого не довольно? зачѣмъ вы хотите, чтобъ я отдала и жизнь, когда, можетъ-быть, не вамъ придется мнѣ посвятить еѣ? Все — и во мнѣ, и вокругъ меня — такъ темно, Боже мой!

— Сестра! сказалъ Габріэль звучнымъ, торжественнымъ голосомъ:—я прошу у васъ этого обещанія для того, чтобъ могъ спокойно и твердо идти по страшному, можетъ-быть, смертному пути, съ увѣренностью, что найду васъ свободной и готовой къ назначенному свиданію.

— Хорошо, братъ мой, я повинуюсь вамъ, сказала Діана.

— О! благодарю, благодарю! вскричалъ Габріэль. — Теперь будущее — мое! Хотите ли дать мнѣ руку въ подтвержденіе вашего обѣта, сестра моя?

— Вотъ вамъ рука, братъ мой.

— А! теперь я увѣренъ въ побѣдѣ, продолжалъ восторженныи молодой человѣкъ.—Мнѣ кажется, что уже ничто не будетъ противиться моимъ желаніямъ и намѣреніямъ.

Но, какъ-будто двойное опроверженіе этой мечты—ее вѣтромъ города раздались голоса, которые звали сестру Бені, и въ то же время Габріэль слышалъ за собой легкій шумъ со стороны брѣвня постнаго рва. Но онъ прежде всего занялся испугомъ Діаны.

— Меня ищутъ, меня зовутъ! Господи! Если найдутъ насъ вѣстѣ! Прощайте, братъ мой, прощайте, Габріэль!

— До свиданья, сестра моя! до свиданья, Діана! Ступайте, остаюсь здѣсь. Вы скажете, что выжили подымать чистымъ духомъ. До близкаго свиданья! еще разъ—благодарю!

Діана поспѣшила сойти съ лѣстницы и пошла навстрѣчу людямъ, вооруженнымъ факелами, которые звали ее изъ вѣдъ едла а впереди ихъ—сама мать Моника.

Кто же это, коварными внушеніями, пробудилъ бдительность настоятельницы? Кто, если не Арно, вмѣшавшійся съ своей гордой фигурой въ толпу искавшихъ сестру Бені. Ни у кого не было такой невинной фізіономіи, какъ у этого пройдохи! И онъ былъ похожъ на добраго Мартэнъ-Герра!

Замѣтивъ издали, что Діана благополучно присоединилась къ матери Моникѣ и ея свитѣ, Габріэль успокоился и собрался сойти со стѣны, какъ вдругъ за нимъ возникла чья-то тѣнь.

Человѣкъ, непріятель, вооруженный съ головы до ногъ, вѣдлъ на стѣну.

Въ одну минуту Габріэль подбѣжалъ къ этому человѣку, послѣ зигъ его ударомъ шпаги и съ громкимъ крикомъ: «тревога! тревога!» бросился къ тому мѣсту, гдѣ была поставлена къ стѣнѣ лѣстница, вся покрытая Испанцами.

Ясно, что это было ночное нападеніе, и Габріэль не обманулся: непріятель сдѣлалъ днемъ два приступа, одинъ за другимъ, чтобы вѣрнѣе нанести рѣшительный ударъ ночью.

Но Провидѣніе привело Габріэля къ роковому мѣсту. Прежде нежели второй непріятель успѣлъ ступить, въ слѣдъ за первыми на платформу, Габріэль схватился за верхъ лѣстницы и упавшись, для сильнѣйшаго толчка, ногой въ каменную будку, опрокинулъ въ ровъ и лѣстницу и десятокъ взбиравшихся по ней Испанцевъ.

Крики сброшенныхъ въ ровъ людей смѣшались съ зовами Габріэля, который продолжалъ кричать: «къ оружію!» Между этими шагахъ въ двадцати виднѣлась другая лѣстница, и тамъ ужъ во что было упереться Габріэлю! Къ счастью, онъ замѣтилъ темнотѣ огромный камень; опасность удвоила его силы; онъ поднялъ этотъ камень почти до парапета и оттуда толкнулъ въ лѣстницу. Эта огромная тяжесть разбила ее пополамъ, и бы

ие на ней люди, сброшенные или убитые, попадали въ ровъ, къ казу оставшихся за ними товарищей.

Между тѣмъ крики Габріэля подняли тревогу; часовые распоранили ее; трубы затрубили сборъ; раздался набатъ. Не прошло ни минуты, какъ уже болѣе ста человекъ обѣжались вокругъ окопа д'Эскю, готовясь вмѣстѣ съ нимъ отражать нападающихъ, отбивая въ оставшихся во рву неприятелей, которые не могли отвѣчать на вистрѣлы.

Смѣланъ выходки Испанцевъ не удалась. Въ сущности, она могла удалась только въ томъ случаѣ, когдабы пунжъ нападенія не былъ запертъ, какъ это имъ казалось. Но случившійся тамъ Габріэль предупредилъ печальность. Осаждающимъ осталось только бить отступленію, что они скоро и сдѣлали, потерявъ немалое число убитыхъ и раненныхъ.

Еще разъ былъ спасенъ городъ, и еще разъ — по милости Габріэля.

Но шумно было пройти еще четыремъ долгимъ днямъ, чтобы данное королю обѣщаніе было исполнено.

IV.

ДОБЛЕСТНОЕ ПОРАЖЕНІЕ.

Неожиданный уронъ, понесенный осаждавшими, сначала привелъ ихъ въ уныніе; но они, казалось, догадывались, что не овладѣютъ городомъ до тѣхъ поръ, пока не лишатъ его всѣхъ средствъ къ защитѣ. Въ продолженіи трехъ дней, они не дѣлали новаго приступа, но батареи ихъ гремѣли, подкопы взрывались безпрестанно. Осажденные, дѣйствовавшіе съ нечеловѣческимъ мужествомъ, казались имъ необходимыми; они нападали на стѣны, и стѣны были не такъ крѣпки, какъ грудь противниковъ. Башни рушились, рвы наполнялись землею, отъ стѣнъ оставались одніе развалины.

Потомъ, чрезъ четыре дни послѣ ночнаго нападенія, Испанцы рѣшились на приступъ. Это былъ восьмой и послѣдній день изъ вышеописанныхъ Габріэлемъ у Генриха II. Если осада неприятелей будетъ также неудачна и въ этотъ разъ, отецъ его спасетъ вмѣстѣ съ городомъ; иначе — всѣ труды и усилія сдѣлаются безплодными; старикъ, Діана и самъ онъ, Габріэль, погибнутъ.

Потому, нельзя описать неистовой отваги, съ какою онъ дѣйствовалъ въ этотъ роковой день. Трудно представить себѣ, чтобы въ душѣ и тѣлѣ человека было столько силы и энергіи. Онъ не видѣлъ смертельной опасности; его занимала только мысль объ отцѣ и невѣстѣ, и онъ шелъ противъ копій, навстрѣчу пулямъ и ядрамъ, какъ будто они не могли вредить ему. Брошенный камень ударилъ его въ бокъ, остріе копья скользнуло по го-

лежѣ, но онъ не чувствовалъ ранъ! онъ, навалось, былъ истинно отвагою; онъ ходилъ, бѣгалъ, поразалъ, ободралъ голубова примѣромъ. Его видѣли вездѣ, гдѣ грозила опасность. Какъ-дуп оживляетъ тѣло, такъ онъ одушевлялъ весь городъ: онъ дѣлалъ валъ за десятерыхъ, за двѣдцать, за сто человѣкъ. И въ этомъ восторженномъ вдохновеніи ни хладнокровіе, ни благоразуміе оставляли его. Однимъ, быстрымъ какъ молнія, взглядомъ, онъ замѣчалъ, гдѣ была опасность, и тотчасъ являлся тамъ. Потомъ когда осаждавшіе уступали, а осажденные, воспаленными судорожною храбростію, брали очевидный перевѣсъ, Габріэль сплывалъ на другой постъ, гдѣ сильнѣе грозила опасность, и, уставая, не ослабѣвая, снова начиналъ свои историческіе подвиги.

Такъ прошла четверть сутокъ, съ часа до семи.

Въ семь часовъ, съ наступленіемъ ночи, Испанцы начали обстрѣлывать со всѣхъ сторонъ. За нѣсколькими уцѣлѣвшими бастіонами съ обрушившимися башнями и малочисленными израненными и изувѣченными солдатами, Сен-Кентенъ могъ продлить свою временную защиту еще день, а можетъ-быть и нѣсколько дней.

Когда послѣдній непріятель оставилъ послѣдній осаждаемый постъ, Габріэль, изнуренный усталостію и восторгомъ, упалъ въ руки окружающихъ его.

Его отнесли съ триумфомъ въ домъ ратуши.

Впрочемъ, раны его были незначительны и истощеніе не могло быть продолжительно. Когда онъ пришелъ въ себя, адмиралъ Кольби, съ сіяющимъ отъ радости лицомъ, стоялъ подле него.

— Адмиралъ, было первое слово Габріэля:—я не въ бреду, и правда ли? Сегодня въ-самомъ-дѣлѣ была страшная осада, которую мы опять отразили?

— Да, другъ мой, и частію по вашей милости, отвѣчалъ Гаспаръ.

— А восемь дней, данные мнѣ королемъ, прошли! вскричалъ Габріэль.—О! благодарю тебя, Господи, благодарю!

И для совершеннаго вашего выздоровленія я принесъ вамъ другъ мой, прекрасныя вѣсти, продолжалъ адмиралъ:—Испанцы оставили Сен-Кентенъ, составлялось, кажется, особенное распоряженіе; одинъ изъ моихъ шпионовъ, видѣвшій коннетабля и совѣтчиковъ, сообщилъ сегодня во время смятенія, донесъ мнѣ объ этомъ. Гаспаръ прибывъ въ Парижъ съ пьемонтскою арміею и, согласившись съ кардиналомъ лотарингскимъ, приготовляетъ возстаніе городовъ Сен-Кентенъ, опустошенный и разрушенный, уже не въ состояніи отразить первой осады, но его и наше дѣло одержано. Франція спасена, другъ мой. Да, все вооружается за нашей вѣрной защитой; дворянство и всѣ сословія востанутъ, разурятъ много, частыя приращенія сыплются, маневруютъ два вспомогательные корпуса Германцевъ. Когда непріятель поночитъ дѣло съ нами, а это, къ несчастью, не можетъ замедлиться, тогда, не-

крайней-мѣрѣ, ему будетъ съ кѣмъ развѣдаться послѣ насъ. Франція спасена, Габріэль.

— Ахъ, адмиралъ, вы еще не знаете, какъ важны для меня эти вѣсти, продолжалъ Габріэль.— Но позвольте сдѣлать одинъ вопросъ: не изъ тщеславнаго самолюбія хочу я его сдѣлать! вы хорошо меня знаете и не станете предполагать этого; но важныя, серьезныя причины побуждаютъ меня спросить васъ, адмиралъ: мое восьмидневное присутствіе здѣсь было ли сколько-нибудь полезно для защиты Сен-Кентена?

— Во всемъ, другъ, во всемъ! отвѣчалъ Гаспаръ съ великодушною откровенностью. — Въ день вашего пріѣзда, вы видѣли, безъ вашего неожиданнаго участія въ дѣлѣ, я уступалъ, я колебался предъ страшною отвѣтственностью, которую возложила на меня совѣсть; я готовъ былъ нести Испанцамъ ключи отъ города, въѣзреннаго мнѣ королемъ для защиты. На утро, вы довершили свое дѣло, введя въ городъ помощь, хотя слабую, но достаточную ободрить осажденных? Не говорю уже о тѣхъ спасительныхъ совѣтахъ, которые вы давали нашимъ инженерамъ и артиллеристамъ. Не говорю о томъ блистательномъ мужествѣ, съ которымъ вы являлись вездѣ на каждомъ приступѣ. Но, четыре дни тому назадъ, кто спасъ нашъ городъ отъ ночнаго нападенія? Но, сегодня, кто съ неслыханною храбростью и счастьемъ выдержалъ сопротивленіе, которое я считалъ невозможнымъ? Вы, постоянно вы, другъ мой, присутствовавшій всюду и всюду готовый на защиту, такъ-что солдаты называютъ васъ уже не иначе, какъ капитанъ *Пять-Сотъ*! Габріэль! съ чистою радостью и съ глубокою признательностью говорю вамъ, вы первый и единственный спаситель этого города, а, слѣдовательно, и Франціи.

— О! благодарю васъ, адмиралъ, за эти добрыя, снисходительныя слова, сказалъ Габріэль. — Но, простите! захотите ли вы повторить ихъ предъ его величествомъ?

— Не только захочу, другъ мой, продолжалъ адмиралъ:—но это моя обязанность, а вы знаете, что Гаспаръ Колинъ не уклоняется отъ своихъ обязанностей.

— Какое блаженство! вскричалъ Габріэль:—и какъ я буду обязанъ вамъ, адмиралъ! Но согласитесь увеличить эту обязательность: не говорите никому, прошу васъ, даже коннетаблю, особенно коннетаблю не говорите о томъ, чѣмъ я могъ быть полезенъ въ вашемъ славномъ подвигѣ. Пускай одинъ король знаетъ это. Его величество увидитъ, что я дѣйствовалъ не для славы и не для шума, но только для того, чтобъ выполнить условіе, и если ему угодно будетъ наградить меня, въ его рукахъ то, что для меня въ тысячу разъ дороже всѣхъ почестей и званій въ мірѣ. Да, адмиралъ, пусть онъ дастъ мнѣ это, и долгъ Генриха II, если только онъ существуетъ, будетъ уплаченъ сторицею.

— Награда дѣйствительно должна быть великолѣпная, сказалъ

адмиралъ. — Дай Богъ, чтобъ признательности короля не лишилась эта награда. Впрочемъ, я полагаю, что вы желаете Габріэль, и хотя мнѣ тяжело молчать о нашихъ заслугахъ, но, если вы того требуете, буду молчать.

— А! вскричалъ Габріэль: — давно не была я такъ сподобена какъ въ эту минуту. Какъ усладительно надѣяться и вѣрить не много въ будущее! Теперь и весело пойду на укрѣжденія, съ спокойной душой буду драться и, кажется, могу быть непобѣдимъ. Развѣ осмѣлятся желѣзо или свинець коснуться человека, который надѣется?

— Впрочемъ, другъ мой, вы не очень на это рассчитывайте, с улыбкой отвѣчалъ Коллинъ. — Я даже могу сказать вамъ напередъ, что эта увѣренность обманетъ васъ. Городъ почти открытъ: едва нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ разрушатъ послѣдніе остатки стѣны и башенъ. Къ тому же, у насъ скоро не будетъ ни ружей, ни солдатъ, которые до-сихъ-поръ замѣняли собою стѣны. Вслѣдующій приступъ непріятель овладѣетъ городомъ, и тогда — не будемъ обманывать себя пѣсбыточною надеждою.

— Но развѣ г. Гизъ не можетъ прислать намъ помощи? спросилъ виконтъ д'Эксмэ.

— Г. Гизъ, отвѣчалъ Гаспаръ: — не пожертвуетъ своими драгоценными резервами для города, три четверти котораго уже развѣны и, разумѣется, хорошо сдѣлаетъ. Пускай беретъ людей въ сердце Франціи: тамъ они необходимы; а Сен-Кентенъ принесетъ жертву. Очистительная жертва, благодаря Бога, долго сопротивлялась; ей остается только пасть съ славой, и объ этомъ мы победимся; не правда ли, Габріэль? Напасть, чтобъ побѣда Испанцевъ подъ Сен-Кентеномъ обошлась имъ дороже пораженія. Теперь мы будемъ драться не для того, чтобъ спастись, но для того, чтобъ драться.

— Да! изъ удовольствія, для забавы! весело подхватилъ Габріэль: — удовольствіе героев! Забава, достойная пасть! Ну! пусть будетъ такъ, будемъ держаться два, три, если можно, четыре дня. Заставимъ Филиппа II, Филибера-Эммануэля, Испанію, Англію, Фландрію стать въ тупикъ передъ грудой развалинъ. Все-таки, мы играемъ время для Гиза, а для себя — номинальную сцену. Какъ вы думаете?

— Я думаю, другъ мой, отвѣчалъ адмиралъ: — что у васъ даже шуткой и игрой выйдетъ слава.

Какъ желали Габріэль и Коллинъ, такъ и было. Фиданъ и его полководецъ Филиберъ-Эммануэль, раздраженные продолжительнымъ сопротивленіемъ города и безуспѣшностію своихъ приступовъ, не хотѣли отступить безъ побѣды въ одиннадцатый разъ. Они опять простояли три дня не дѣлая нападенія, и выжили своихъ солдатъ пушками, потому что въ осажденномъ городѣ были рѣшительно не такъ тверды, какъ сердца заманивавшихъ ихъ. Въ эти три дня, адмиралъ и виконтъ д'Эксмэ старались, да не

жестокости исправить стены и подкопы; но, къ несчастію, имъ не доставало рукъ. Въ полдень 26 августа не оставалось ни сажени неповрежденной стѣны. Домы стояли на виду, какъ въ простомъ, неукрѣпленномъ городѣ, и солдатъ было такъ мало, что нельзя было сбить въ одну шеренгу, даже на главныхъ пунктахъ.

Самъ Габріэль долженъ былъ въ этомъ совнаться; еще до сигнала на приступъ, городъ ужъ былъ взятъ.

По крайней мѣрѣ, его взяли не презъ тотъ проходъ, который защищалъ Габріэль. Тутъ онъ стоялъ съ дю-Брёмъ и Жаномъ Пекуа, и всѣ трое такъ искусно и отчаянно отражали неприятельскіе удары, что заставило нападавшихъ отступить три раза. Съ особеннымъ увлеченіемъ дрался Пекуа, такъ что Габріэль два раза едва успѣвалъ спасать его въ запальчивыхъ промахахъ. И Пекуа на мѣстѣ поклялся Габріэлю въ вѣрной преданности ему.

— Теперь я ужъ не такъ жалко о своемъ родномъ городѣ, вскричалъ онъ въ энтузіазмѣ: — потому что есть чѣмъ замѣнить любовь къ нему, и если Сен-Кентенъ далъ мнѣ жизнь, то виконтъ Эдмундъ сохранилъ ее!

Не смотря на эти геройскія усилія, городъ не могъ долге сопротивляться: укрѣпленія его превратились въ развалины, и пока Габріэль, дю-Брель и Пекуа дрались, за ними улицы Сен-Кентена уже были наполнены неприятелями.

Но храбрый городъ уступилъ только силѣ, и то чрезъ семьнадцать дней, послѣ одиннадцати приступовъ.

Габріэль былъ въ Сен-Кентенѣ уже двѣнадцать дней, четверо сутокъ сверхъ даннаго обещанія!

V.

Арно Филль продолжаетъ свои дѣлишки.

Въ первую минуту, городъ былъ жертвою грабежа и кровопролитія. Но Филльберъ далъ строгое приказаніе прекратить беспорядокъ, и когда къ нему привели адмирала Колинъ, онъ гордо присутствовалъ его.

— Я не умѣю наказывать за храбрость, сказалъ онъ ему: — и съ Сен-Кентеномъ будетъ поступлено такъ же, какъ если бы онъ сдался въ первый день приступа.

И побѣдитель, столько же великодушный, какъ и побѣжденный, позволялъ адмиралу возражать на свои требованія.

Сен-Кентенъ, разумѣется, объявленъ былъ испанскимъ городомъ, по тѣмъ жителямъ, которые не хотѣли принять чужеземнаго подданства, могли удалиться, отказавшись, впрочемъ, отъ правъ собственности на свои дома. Всѣ солдаты и горожане были объявлены свободными, и Филльберъ удержалъ за собою только пятьдесятъ пѣти-

никовъ безъ различія возраста, пола и состоянія, по своему усмотрѣнію или по выбору своихъ капитановъ, съ тѣмъ, чтобъ выкупомъ за нихъ уплатить жалованье войскамъ. Имущества и личность прочихъ объявили неприкосновенными и Филиберъ принялъ всѣ мѣры противу безпорядковъ. Онъ даже не требовалъ денегъ отъ Колиннѣй. Адмиралу позволяли на другой день возвратиться въ Парижъ, къ дядѣ его коннетаблю Монморанси, который въ свою очередь встрѣтился не съ такими безкорыстными побѣдителями: за него Франція должна была заплатить добрый выкупъ. Но Филиберъ-Эммануэль считалъ за честь сдѣлаться другомъ Гаспара и не хотѣлъ оцѣнить его свободы.

Эти условія, доказывавшія болѣе благосклонности, нежели сколько можно было ожидать, приняты были адмираломъ съ покорностью, а жителями съ боязливою радостью. На кого-то, дѣйствительно, падеть выборъ Филибера? Это должно было рѣшиться на другой день, и накануне его самые надменные сдѣлались уклончивыми, и самые богатые громко говорили о своей бѣдности.

Арно Тилль, дѣйствуя по-прежнему дѣятельно и ловко, провелъ ночь въ размышленіяхъ о своихъ дѣлахъ и придумалъ весьма-выгодный оборотъ. По утру онъ одѣлся въ самое лучшее свое платье и отправился по улицамъ, наполненнымъ побѣдителями всѣхъ націй, Германцами, Англичанами, Испанцами и проч.

— Что за вавилонское смѣшеніе языковъ! думалъ озабоченный Арно, прислушиваясь къ разнохарактернымъ звукамъ. — Съ тѣмъ, что я знаю по-англійски, не удастся мнѣ потолковать ни съ однимъ изъ этихъ франтовъ. Одни говорятъ: «Cagajo!», другіе «Goddam!», третьи «Tausend sarregment!», и ни одинъ...

— Стой! закричалъ позади Арно довольно-мощный голосъ.

Арно поспѣшно оборотился на этотъ зовъ, въ которомъ слышалось достаточное познаніе французскаго языка.

То былъ высокій, рыжій мужчина, съ лицомъ довольно-плутоватымъ для торгаша, и весьма-глухимъ для обыкновеннаго человѣка. Тилль съ перваго взгляда узналъ въ немъ Англичанина.

— Что вамъ угодно? спросилъ онъ.

— Ты плѣнникъ, вотъ что мнѣ угодно, отвѣчалъ военный человѣкъ съ замѣтно англійскимъ произношеніемъ, которому Тилль тоже началъ подражать для большей понятности.

— Отъ-чего же я, а не другой? отвѣчалъ онъ:— не ткать, напримѣръ, что тамъ идетъ?

— Потому — что ты одѣтъ лучше, нежели ткать, отвѣчалъ Англичанинъ.

— Ахъ, да! сказалъ Арно:— а какое вы имѣете право меня останавливать; кажется, вы не больше, какъ простой солдатъ?

— О! я дѣйствую не отъ себя, отвѣчалъ Англичанинъ: — а по приказанію моего начальника, лорда Грея, который командуетъ здѣсь Англичанами, и которому герцогъ Филиберъ-Эммануэль назначилъ на его долю, за труды, трехъ плѣнныхъ, двухъ благород-

ныхъ и одного горожанина, съ выкупомъ, какой они въ состояніи за себя дать. А мой начальникъ, зная, что у меня и руки и глаза исправны, поручилъ мнѣ идти на охоту и достать трехъ цѣнныхъ павлинковъ. Ты хорошая дичь изъ тѣхъ, которыхъ я до сихъ-поръ видѣлъ и потому я беру васъ за ворота, господинъ горожанинъ.

— Много чести для бѣднаго конюшаго, скромно отвѣчалъ Арно.—А кормить хорошо будетъ вашъ начальникъ?

— Дуралей! развѣ ты думаешь, что онъ долго будетъ тебя кормить? сказалъ солдатъ.

— Да пока не вздумаетъ отпустить меня! отвѣчалъ Арно.—Вѣдь не уморить же голодомъ.

— Гм! а если въ-самомъ-дѣлѣ я принялъ ободранную кошку за пушистую лисицу?

— Опасно, снѣнорь-служивый, сказалъ Арно:— и если лордъ Грей обѣщалъ вамъ что-нибудь за комиссію, то за меня достанется вамъ развѣ двадцать или тридцать палокъ. Если это вамъ пріятно, то совѣтую взять меня.

— Ты, можетъ-быть, и правду говоришь! отвѣчалъ Англичанинъ, всматриваясь въ плутоватыя глаза Арно:—пожалуй, я съ тобой потерю и то, что обѣщалъ мнѣ лордъ Грей, т. е., одинъ ливръ со ста ливровъ, которые онъ получить за мою дичь.

— А, вотъ кого мнѣ надо! подумалъ Арно.—Эй! товарищъ-непріятель, сказалъ онъ громко:—если я укажу вамъ на богатую добычу, на павлиника, который стоитъ десять тысячъ ливровъ, наприѣрѣ, будете ли вы мнѣ благодарны, а?

— Десять тысячъ! вскричалъ Англичанинъ:—сказать правду, такіе павлиники не часто попадаются! Значить, мнѣ достанется сто ливровъ, хорошій кушъ!

— Да, но пятьдесятъ изъ нихъ слѣдовало бы дать другу, который укажетъ дорогу. По правдѣ-то, а?

— Ну! пусть такъ, сказалъ солдатъ послѣ минутнаго раздумья:—но веди сейчасъ же къ этому человѣку и скажи мнѣ, какъ его зовутъ.

— За нимъ не далеко ходить, продолжалъ Арно.—Нѣсколько шаговъ въ эту сторону. Пойдите, я не хочу показываться съ вами на площади. Дайте мнѣ спрятаться за уголъ этого дома, а сами идите дальше. Видите на балконѣ господина, который разговариваетъ съ горожаниномъ?

— Вижу, сказалъ Англичанинъ:—этотъ-то и есть мой?

— Онъ-то и есть нашъ.

— А какъ его зовутъ?

— Виконтъ д'Эксмѣ.

— А! право, вскричалъ солдатъ:—такъ вотъ онъ, виконтъ-то д'Эксмѣ! о немъ много толковали въ лагерѣ. Развѣ онъ такъ же богатъ, какъ храбръ?

— Я за это ручаюсь.

— Такъ ты его хорошо знаешь?
 — Еще бы! я его конюший.
 — А, Иуда! невольно воскликнулъ солдатъ.
 — Нѣтъ, спокойно отвѣчалъ Арно:—потому-что Иуда повѣсилъ
 а я не повѣшусь.

— Можетъ-быть, тебя избавятъ отъ труда! сказалъ Англичанинъ.

— Увидимъ, отвѣчалъ Арно:—а наше условіе, да иная дѣль?

— Да! продолжалъ Англичанинъ:—я отведу твоего господина къ милорду, а послѣ ты мнѣ укажешь еще одного дворянина какаго-нибудь замѣчательнаго горожанина, если знаешь.

— Знаю въ Гугу и въ Шиву, за половину барышей.

— Дуснай такъ! чертовъ хозяинъ!

— Вотъ конюшій, сказалъ Арно. — Только безъ плутней! Между плутами плушвей не бываетъ. Впрочемъ, я васъ поймаю, да и чальникъ платитъ наличными?

— Наминьтѣ и впередъ; ты пойдешь съ нами къ милорду, по виду мнѣ виконта конюшаго; я получу свою долю, и тутъ же разделю ее. Но ты, въ благодарность, поможешь мнѣ отыскать второго и третьяго плѣнника.

— Увидимъ, сказалъ Арно:—сначала займемся первыми.

— Митомъ едѣлаемъ, отвѣчалъ солдатъ:—твой господинъ сиче какъ суровъ на войнѣ, такъ ему надо быть добрымъ во время мира, что ты это знаешь. Ступай впередъ и стань за нимъ; увидишь, я мнѣ своего дѣла мастеръ.

Арно оставилъ своего достойнаго спутника. Войдя въ комнагу гдѣ Габріэль разговаривалъ съ другомъ своимъ Жакомъ Пекуа, Арно спросилъ, чѣмъ нуженъ ли онъ ему. Онъ еще говорилъ, когда дошелъ солдатъ. Англичанинъ шелъ прямо къ виконту, который съ трудомъ на него съ изумленіемъ; низко поклонившись ему, солдатъ спросилъ:

— Я имѣю честь говорить съ виконтомъ д'Эксме?

— Я действительно виконтъ д'Эксме, отвѣчалъ еще болѣе удивленный Габріэль:—что вамъ надо отъ меня?

— Вашу шпагу, сударь, сказалъ солдатъ, поклонившись ему и держа шпагу.

Таббъ возразилъ Габріэль, отступая съ невыразимымъ изумленіемъ.

— Имашемъ морда Грея, моего начальника, сударь, отвѣчалъ несмѣливый солдатъ. Вы въ числѣ пятидесяти плѣнниковъ, которыхъ господинъ адмиралъ долженъ выдать побѣдителямъ. Не вольте сердиться на меня, слабачо, что я долженъ былъ вамъ объявить эту неприятную новость.

— На тебя сердиться! сказалъ Габріэль:—нѣтъ; но лордъ Грей могъ бы самъ спросить у меня шпагу. Я ему отдамъ ее, да и еще?

— Какъ вамъ угодно, сударь.

— И надюсь, что твой начальник освободитъ меня за выкупъ?

— О! будьте увѣрены, будьте увѣрены, сударь, торопливо отвѣчайте солдатамъ.

— Такъ я иду за тобой, сказалъ Габриэль.

— Но это подло! вскричалъ Жанъ Пекуа. — Вы напрасно соглашаетесь. Вы не житель Сен-Кентена! Вы не французъ!

— Господинъ Жанъ Пекуа говоритъ правду, продолжалъ Арно Тилль съ жаромъ, указывая солдату, исподтишка на самого горожанина. — Да, господинъ Жанъ Пекуа, показывая истинный путь; виконтъ не сен-кентенскій житель, и господинъ Жанъ Пекуа это знаетъ! господинъ Жанъ Пекуа знаетъ весь городъ! Онъ уже сорокъ лѣтъ здѣсь живетъ горожаниномъ и единажды общины! капитанъ стрѣлковой роты! Что вы на это скажете, господинъ Англичанинъ?

— Я скажу на это, отвѣчалъ сметливый Англичанинъ: — что если это господинъ Жанъ Пекуа, то я имью приказаніе взять такъ же и его! Онъ тоже есть въ моемъ спискѣ.

— И! вскричалъ горожанинъ.

— Вы сами, сударь, сказалъ солдатъ.

Пекуа съ вопросительнымъ лицомъ посмотрѣлъ на Габриэля.

— Увы! Другъ мой, съ невольнымъ захопомъ сказалъ виконтъ: — Я думаю, что, исполняя наши воинскія обязанности во время битвы, мы лучше всего сдѣлаемъ, если придемъ права побѣдителя. Рѣшимся, Пекуа!

— Идти за этимъ? спросилъ Пекуа, указывая на солдата.

— Безъ сомнѣнія, другъ мой. И, въ этомъ испытаніи, я утѣшаюсь тѣмъ, что мы будемъ вмѣстѣ.

— Ваша правда, виконтъ, сказалъ расстроганный Жанъ Пекуа: — вы слишкомъ добры, а если такой славный и храбрый капитанъ, какъ вы, не противится своей участи, то развѣ смѣю сътовать на нее простой горожанинъ? Ну! негодяй, продолжалъ онъ, обращаясь къ солдату: — такъ и быть, я твой начальникъ, или твоего командира, что ли?

— И вы пойдете за мною къ лорду Грею, сказалъ Англичанинъ: — и останетесь тамъ, если вамъ угодно, до сѣихъ поръ, пока не внесете (порядочнаго выкупа).

— И останусь тамъ навсегда, чортовъ сынъ! вскричалъ Жанъ Пекуа. — Или я умру или твоему командиру вымогана не видать моего золота; пусть кормитъ меня, если онъ христианинъ, до послѣдняго дня моей жизни, а я тѣмъ порядочно, предупреждаю тебя.

Солдатъ испуганными глазами посмотрѣлъ на Арно Тилля, но тотъ разувѣрилъ его знакомъ и указавъ на Габриэля, который сѣлъ на вѣдъ выходкой своего пріятели. Англичанинъ успѣлъ понять шутку и началъ добродушно смѣяться.

— Такъ вы, сударь, и вы, сказалъ онъ: — я васъ по...

— Ты пойдешь впередъ къ лорду Грею, съ негодованіемъ врвалъ его Габріэль: — а мы сговоримся уже съ твоимъ господиномъ.

— Какъ вамъ угодно, почтительно отвѣчалъ солдатъ, и, отпривившись впередъ, привелъ къ лорду Грею дворянина и горбжанна, за которыми продалъ шель Арно Тилль.

Лордъ Грей былъ скучный, тяжелый флегматикъ, и, считавъ войну торговлей, былъ въ дурномъ расположеніи духа, потому что получилъ, вмѣсто платы себѣ и своимъ солдатамъ, выкупъ за трехъ несчастныхъ плѣнниковъ. Онъ принялъ Габріэля и Жака Пекуа съ холоднымъ достоинствомъ.

— А! такъ на мою долю достался плѣнникомъ виконтъ д'Эксель сказалъ онъ, съ любопытствомъ осматривая Габріэля. — Вы намъ надѣлали много хлопотъ, и еслибъ я вздумалъ запросить съ васъ столько выкупа, сколько вы причинили убытковъ Филиппу II, то мнѣ, я думаю, пришлось бы получить и Францію и Генриха.

— Я дѣйствовалъ, какъ умѣлъ, сказалъ Габріэль.

— Ваше умѣнье хорошо! поздравляю васъ, продолжалъ лордъ Грей. — Но не въ томъ дѣло. Не смотря на чудеса, которыми вѣдѣли, участь войны передаетъ васъ въ мою власть, васъ и вашу доблестную шпагу... О! не безпокойтесь, не безпокойтесь, прибавилъ онъ, увидѣвъ, что Габріэль хотѣлъ отдать ему свою шпагу. — Но, чтобъ снова приобрести право дѣйствовать ею, чѣмъ вы можете жертвовать? Уладимъ это. Я знаю, что храбрость и богатство, къ-несчастію, не всегда живутъ вмѣстѣ. Впрочемъ, я не могу отказать отъ всего. Пять тысячъ эку... согласны ли вы такъ отбѣжигъ вашу свободу?

— Нѣтъ, милордъ, отвѣчалъ Габріэль.

— Нѣтъ? Вы думаете, что это дорого? продолжалъ лордъ Грей. — Дѣтъ! проклятая война! Бѣдная кампанія! Ну! четыре тысячи эку, не много, чертъ меня побери!

— Мало, милордъ, холодно отвѣчалъ Габріэль.

— Какъ, чѣмъ вы говорите? вскричалъ Англичанинъ.

— Я говорю, продолжалъ Габріэль: — что вы не такъ дежили мои слова, милордъ. Вы сиресили меня, прилично ли взять за мою свободу пять тысячъ эку, и я отвѣчалъ вамъ «нѣтъ»; потому-что моею оцѣнкѣ я стою вдвое болѣе, милордъ.

— Хорошо! отвѣчалъ Англичанинъ: — и въ-самомъ-дѣлѣ, вашъ король можетъ дать эту сумму, чтобъ сохранить такого храбраго воина.

— Я надѣюсь обойтись безъ помощи короля, сказалъ Габріэль: и мое состояніе, безъ сомнѣнія, позволитъ мнѣ самому сдѣлать этотъ непредвидѣнный расходъ.

— Итакъ—все къ лучшему, продолжалъ лордъ Грей, нѣсколько изумленный. — Вы уплатите мнѣ десять тысячъ эку; и, проставъ въ какой срокъ?

— Разумѣется, сказалъ Габріэль: — я не привезу съ собою и

ой суммы въ осажденный городъ; притомъ, средства адмирала Солнны и его друзей, я думаю, такъ же не велики, какъ мои, и я не хочу ихъ утруждать. Но если вы позволите отсрочить на нѣсколько времени, то мнѣ пришлютъ изъ Парижа...

— Очень-хорошо! сказалъ лордъ Грей: — и въ случаѣ нужды, положусь на ваше слово, которое стоить золота. Но, дѣло—все дѣло, и какъ неудовольствія между нашими и испанскими войсками, можетъ-быть, заставятъ меня возвратиться въ Англiю, то я не оскорбюсь, если до совершенной уплаты я задержу васъ, въ этомъ испанскомъ городѣ, изъ котораго я уѣзжаю, а въ то время, гдѣ мой родственникъ Уэнтвортъ губернаторомъ. Согласны вы?

— Охотно, сказалъ Габріэль, и горькая улыбка мелькнула на блѣдныхъ губахъ: — я только попрошу васъ позволить мнѣ ѣхать въ Парижъ за деньгами моего конюшаго, чтобъ не продать ни моего плѣна, ни вашей довѣренности.

— Совершенно справедливо, продолжалъ лордъ Грей: — а пока возвратится вашъ посланный, будьте увѣрены, что со стороны моего родственника вы не встрѣтите ни малѣйшей неприятели. Въ Калѣ вы будете пользоваться совершенною свободою... тѣмъ болѣе, что городъ укрѣпленъ и постоянно запертъ... и лордъ Уэнтвортъ доставитъ вамъ возможныя удовольствія: онъ любитъ поѣсть и тратить на это даже болѣе, нежели сколько бы слѣдовало. Это его дѣло, и жена его, моя сестра, уже умерла. Я только хочу сказать, что вы не слишкомъ будете скучать.

Габріэль молча поклонился.

— Теперь съ вами, продолжалъ лордъ Грей, обращаясь къ Пекуа, который въ-продолженіе предъидущей сцены не разъ подымавъ плечи отъ удивленія. — Вы, кажется, тотъ горожанинъ, который предоставленъ мнѣ вмѣстѣ съ двумя дворянами.

— Я Жанъ Пекуа, милордъ.

— Ну, Жанъ Пекуа, какой выкупъ можно спросить съ васъ?

— О! я намѣренъ торговаться, милордъ. Дѣка на дѣку, какъ говорятъ. Вы можете хмурить брови, какъ вамъ угодно, и не самодовольствуйтесь, и, по моему мнѣнію, не стою больше десяти ливровъ.

— Э! прервалъ лордъ Грей съ презрѣніемъ: — вы заплатите сто ливровъ, это составитъ почти то, что я обѣщалъ солдату, который привелъ васъ сюда.

— Сто ливровъ, такъ и быть! милордъ, если вы такъ дорого цѣните, насмѣшливо отвѣчалъ Пекуа. — Но не наличными деньгами, конечно.

— Какъ! не-уже-ли у васъ нѣтъ и этой ничтожной суммы? сказалъ лордъ Грей.

— Быдо, милордъ, отвѣчалъ Жанъ Пекуа: — но я все раздалъ своимъ и большимъ во время осады.

— У васъ есть, по-крайней-мѣрѣ, друзья? родственники, можетъ-быть? продолжалъ лордъ Грей.

— Друзья! не ждите на меня очень разгневать, милорд; я ственник! у меня шельство Жана, мой умерла, не оставив тея, а братство у меня не было, остался одинъ двоюродный братъ..

— Ну! этого двоюродный братъ? сказалъ съ нетерпѣн лордъ Грей.

— Онь, милордъ, конечно, не откажетъ мнѣ въ требуемой мѣ, по онь живетъ въ Кань.

— А! съ недовѣрчивостію произнесть лордъ Грей.

— Боже мой! да, милордъ, продолжалъ Жанъ Пекуа съ вид самой добродушной откровенности: моего двоюроднаго брата вуть Пьеръ Пекуа, онь болѣе тридцати лѣтъ, занимается оружнымъ мастерствомъ въ Улицѣ Мартруа, подъ выдѣской бога Ма

— Онь, близокъ къ ставамъ? спросилъ лордъ Грей.

— Я думаю, милордъ, не являющийся изъ рода Пекуа, то онь меня обожаютъ. Боже! дважды столько, тому, падалъ у о

Пекуа, нашего предка, было два сына; одинъ сдѣлался тка и поселился въ Сен-Кентонъ, а другой — оружейникомъ и от

жилъ въ Кань съ тѣмъ званіемъ Пекуа, сен-кентонские тка и куа въ Кань куютъ. Но, не смотря на разстояніе, которое ра

дѣлитъ ихъ, они любятъ другъ друга, и помогаютъ, какъ то могутъ, какъ свидусть добрымъ родственникамъ, и горожа

дреннаго рода. Пьеръ даетъ мнѣ сколько нужно для моего в на, я въ этомъ уверенъ, хотя не выдаю его почти десять

потому что вы, Англичанин, не легко позволаете намъ, Француз входить въ ваши укрѣпленные города.

— Да, да, привѣтливо сказалъ лордъ Грей: — слишкомъ д десять лѣтъ, какъ ваши Пекуа въ Кань сдѣлались Англичана

— О! вскричалъ Жанъ съ жаромъ: — Пекуа, потому, в заботахъ.

— Ну, прервалъ удивленный лордъ Грей: — что Пекуа...

— Пекуа, милордъ, сказалъ Жанъ съ замѣшательствомъ, свою шапку: — Пекуа не замѣшательство, въ политику, хотѣ

снывать Англичане или Французы, Пекуа довольны, если и заботы денгу можнма иди бѣдомъ.

— Ну! въ станомъ случаѣ, кто знаетъ? весело приподнять Грей: — вы, можетъ-быть, посылаете, ткаюмъ въ Кань и са

тесь также подданнымъ королевы Марин, и Пекуа, послѣ с кихъ лѣтъ, наконецъ соединятся.

— Можетъ-быть! добродушно отвѣчалъ Жанъ Пекуа.

Габріэль не могъ опомниться отъ изумленія, слушая хра горажанина, который такъ геройски защищалъ городъ, а т

такъ спокойно говорилъ о перемѣнѣ подданства, какъ-буто шло е перемѣнѣ стуркуа. Но сдѣланный Жаномъ украдкой

равувѣривъ Габріэля и давъ ему замѣтить, что Пекуа да какую-то хитрость.

Лордъ Грей скоро отпустилъ ихъ обоихъ.

— Завтра мы отправимся вмѣстѣ въ Калѣ, сказалъ онъ имъ: — до-тѣхъ-поръ вы можете закурить и приготовить всѣмъ къ пути и раститься съ вашими знакомыми. Я предлагаю на ваше слово и предоставляю вамъ полную свободу, прибавилъ онъ въ особенную привѣтливость: — что ваши имена запишутся на завахахъ и изъ города не выпустать никого безъ дозволенія губернагора.

Габріэль не отвѣчая поклонился лорду Грея и удалился вмѣстѣ съ Пекуа, не замѣтивъ, что конюшій его, Мартавъ-Герръ, остался въ домѣ Англичанина.

— Что ты задумалъ, другъ? сказалъ Жанъ Пекуа, когда они вышли. — Можетъ ли быть, чтобъ у тебя не было ни единой дироны для выкупа? Зачѣмъ тебѣ такъ хочется ѣхать въ Калѣ? Развѣ этотъ ружейный мастеръ въ самомъ дѣлѣ существуетъ?

— Тише! отвѣчалъ Жанъ Пекуа въ таинственнымъ видомъ: — въ этой испанской атмосферѣ едва осмѣливаешь развунуть ротъ. Но, конечно, можете пожить въ на вашего конюшаго Мартава-Герра?

— За него я отвѣчаю, сказалъ Габріэль: — кромѣ рабичности и некоторыхъ вѣшателствъ не въ свое дѣло, это видѣнный человекъ въ мирѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Пекуа. — Не надо отправлять его прямо сюда въ Парижъ; повеземъ его въ Калѣ и пошлемъ оттуда.

— Но къ чему всѣ эти предосторожности? спросилъ Габріэль.

— Я вижу, въ Калѣ у тебя нѣтъ никакой родни.

— Онъ такъ! отвѣчалъ Пекуа: — Пьеръ Пекуа существуетъ и привыкъ жалѣть объ оставленной родинѣ своей, Франціи; въ случаѣ нужды, если вы задумаете какой-нибудь геройскій подвигъ, онъ поможетъ охотно.

— Я догадываюсь, другъ мой, сказалъ Габріэль, сжимая руку своего спутника. — Но ты слишкомъ много рассчитываешь на меня; ты не знаешь, сколько было эгоизма въ этомъ минимумѣ геройствѣ; ты не знаешь, что въ будущемъ ждетъ меня другая обязанность, болѣе священная, если можно, нежели слава отечества.

— Ну, сказалъ Жанъ Пекуа: — эту обязанность мы исполните, какъ и другія. А между другими, прибавилъ онъ, поминишь только: — и ту, которая явится, можетъ быть, когда представится случай взять Калѣ вмѣсто выкупа за Сон-Кентель.

VI.

ПРОДОЛЖЕНІЕ ЧЕСТНЫХЪ ПРОДѢЛОКЪ АРНО ДЮ-ТИЛЛЯ.

Но оставимъ молодого капитана и стараго горожанина съ ихъ геройскими замыслами и возвратимся къ конюшиму и солдату, которые ведутъ расчетъ въ домѣ лорда Грея.

Солдаты въ-самомъ-дѣлѣ, послѣ ухода двухъ пѣвицекъ, и требовали обѣщанной платы, и командиръ, довольный его логикою, выдалъ ему слѣдовавшую сумму.

Арно дю-Тилль, въ свою очередь, ждалъ своей доли, которую Аглантинъ добросовѣстно принесъ ему. Онъ нашелъ Тилля, писавшаго въ углу своею безконечною ноту коннетаблю Монморанси бормотавшаго про себя:

«За то, что ловкимъ манеромъ подвелъ виконта д'Эксма въ чело военнопленныхъ и такимъ-образомъ на некоторое время избавилъ господина коннетабля отъ сказаннаго виконта...»

— Что ты тутъ дѣлаешь, пріятель? сказалъ солдатъ, ударивъ Арно по плечу.

— Что я дѣлаю? счетъ, отвѣчалъ мнимый Мартенъ-Герръ. — что дѣлаетъ нашъ счетъ?

— Вотъ онъ, сказалъ солдатъ, положивъ деньги въ руку Арно, который началъ ихъ внимательно пересчитывать. — Я держу слово и не жалѣю о деньгахъ. Ты мнѣ показалъ двухъ пѣвицекъ, особенно твоего господина, который не торговался, напротивъ! Сѣдая борода упрямилась; но, для горожанина, онъ же не слишкомъ-дурень, а безъ тебя я бы, пожалуй, еще хуже.

— Надѣюсь, отвѣчалъ Арно, опуская деньги въ карманъ.

— Ну, да еще не все кончено; ты видишь, что я хорошею дѣлу; теперь надо указать мнѣ третьяго пѣвнича, еще одного быгороднаго.

— Вотъ еще! сказалъ Арно: — мнѣ больше никому услуги выбирать какъ знаешь.

— Я это знаю, отвѣчалъ солдатъ: — и не требую, а просто выбери со мной изъ всѣхъ мужчинъ, женщинъ, стариковъ и дѣтей, кого бы изъ нихъ удобнѣе захватить.

— Какъ! спросилъ Арно: — женщинъ тоже?

— Женщинъ особенно, сказалъ солдатъ: — и если ты знаешь какую благородную, да богатую и еще хорошенькую, то намъ придется подѣлиться порядочнымъ кушемъ, потому-что милордъ Грей перепродалъ бы ее своему родственнику, лорду Уэнтворту, который гораздо-больше любитъ пѣвицъ, нежели пѣвниковъ.

— Къ-несчастію, ни одной не знаю, отвѣчалъ Тилль. — А впрочемъ... но нѣтъ, нѣтъ; это невозможно.

— Отъ-чего невозможно, товарищъ? Развѣ мы здѣсь не побѣдители? кромѣ адмирала, никто не исключенъ изъ капитуляціи.

— Оно правда, сказалъ Арно: — но не надо, чтобъ красота, которой я говорю, видѣла моего господина; а посадить ихъ въ тюрьму въ одномъ городѣ не значитъ разлучить.

— Гэ! а развѣ лордъ Уэнтвортъ не будетъ держать ее въ тайнѣ, хорошенькую-то?

— Да; въ Калѣ, въ раздумьи говорилъ Арно: — а на дорогѣ...
 ой господствъ увидитъ ее и заговорить.

— Не увидитъ, если я захочу, отвѣчалъ Англичанинъ. — У насъ
 пойдетъ два отряда, одинъ послѣ другаго, и если хочешь, отъ ка-
 млера до красавицы будетъ два часа ходьбы.

— Да! но что скажетъ старый коннетабль? говорилъ про себя
 Арно. — Если онъ узнаетъ, что я замѣшался въ это дѣло, то мнѣ
 не миновать висѣлицы.

— А развѣ онъ узнаетъ? развѣ кто-нибудь узнаетъ? продолжалъ
 искуситель. — Ты самъ не скажешь, а ипаче — деньги что ли ска-
 жутъ, откуда онѣ пришли?

— А деньги будутъ порядочныя? спросилъ Арно.

— Попаламъ.

— Досадно! продолжалъ Арно: — потому-что сумму дадутъ по-
 порядочную, нечего и говорить; отецъ не постоитъ.

— Отецъ принцъ или герцогъ? спросилъ солдатъ.

— Отецъ король, пріятель, и называется по имени Генрихъ II.

— Дочь короля здѣсь! вскричалъ Англичанинъ. — Чортъ побе-
 дил! Если ты теперь мнѣ не скажешь, гдѣ она, я, кажется, про-
 стоу тебя; товарищи! Дочь короля!

— И королева красоты, сказала Арно.

— От сердца Уэнтвортъ съ ума сойдетъ, продолжалъ солдатъ.

— Товарищи, прибавилъ онъ, торжественно выпинмая свой коше-
 лекъ и отырывая его: — все твоё, если скажешь, какъ зовутъ ее
 и гдѣ найти.

— Ну! сказала Арно, невольно хватаясь за кошелекъ.

— Имя? спросилъ солдатъ.

— Діана де-Кастро, по прозванію сестра Бені.

— А гдѣ?

— Въ монастырѣ бенедиктинокъ.

— Бѣгу! вскричалъ Англичанинъ, и исчезъ.

— Все равно, думалъ Арно, возвращаясь къ своему господи́ну:
 — этого я не оставлю въ счетъ коннетаблю.

VII.

Лордъ Уэнтвортъ.

Черезъ три дня, 1-го сентября, лордъ Уэнтвортъ, губернаторъ
 Калѣ, принявъ наставленія отъ своего родственника, лорда Грея,
 и проводивъ его на корабль, отправлявшійся въ Англію, съѣлъ на
 лошади и возвратился въ свой замокъ, гдѣ находились Габріель и
 Некуа, а въ другой комнатѣ Діана.

Но мадамъ де-Кастро не знала, что она такъ близко отъ своего
 возлюбленнаго, и не имѣла съ нимъ никакого сообщенія во время
 переезда изъ Сан-Конта.

Лордъ Уэнтвортъ былъ прямо противоположнаго характера с лордомъ Греемъ: какъ послѣдній былъ сухъ, холоденъ и скупъ такъ первый живъ, любезенъ и щедръ. Онъ былъ красивъ, степенъ и ловекъ. Ему было около сорока лѣтъ, и нѣсколько седыхъ волосъ уже серебрились въ его черныхъ, густыхъ кудряхъ. Но совершенно-юношеская осанка и горьшіе огнемъ сѣрые глаза доказывали, что онъ не старѣлъ душою; и дѣйствительно, онъ велъ такую веселую и бодрую жизнь, какъ человѣкъ лѣтъ двацати-пяти.

Сначала онъ вошелъ въ залу, гдѣ ожидали его виконтъ д'Эксъ и Жанъ Пекуа, и привѣтливо, съ улыбкой поклонился имъ, какъ своимъ гостямъ, а не какъ дѣлникамъ.

— Добро пожаловать, виконтъ, и вы, сударь, сказалъ онъ имъ. — Я очень радъ, что лордъ Грей привелъ васъ сюда, виконтъ, радуюсь вдвойнѣ взятію Сен-Кентена. Не стѣуйте на меня; здѣсь, въ этомъ укрѣпленномъ мѣстѣ, раздѣченія рѣдки и обмѣнъ такъ ограниченно, что я радъ встрѣтить кого-нибудь, къ кому можно поговорить, и я, признаюсь, отъ души желаю, чтобъ выкупъ пришелъ какъ-можно-позже.

— Онъ прійдетъ дѣйствительно поздно, нежели я думаю, и лордъ, отвѣчалъ Габріэль. — Лордъ Грей вѣрно предупредилъ васъ потому-что командиръ мой, котораго я намѣревался послать въ Парижъ, на пути завелъ споръ съ однимъ изъ солдатъ, прогнавъ ихъ насъ, и раненъ въ голову, не опасно, правда, но все же на задержать его въ Калѣ долѣе, нежели бы мнѣ хотѣлось.

— Тѣмъ хуже для него и тѣмъ лучше для васъ, виконтъ, сказалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Вы слишкомъ-любезны, милордъ, отвѣчалъ Габріэль съ легкой улыбкой.

— О, нѣтъ, нисколько; любезно было бы съ моей стороны пустить васъ на-слово въ Парижъ. Но, повторяю вамъ, я стою и мнѣ слишкомъ-сучно: надо исполнить порученіе моего довѣрчиваго родственника, лорда Грея. Что тутъ дѣлать? Мы и плѣнники и постараемся облегчить другъ другу неприятности и этого положенія.

Габріэль молча поклонился. Ему дѣйствительно хотѣлось, чтобъ лордъ Уэнтвортъ отпустилъ его въ Парижъ. Но могъ ли онъ требовать такой довѣренности отъ человѣка, совершенно незнакомаго ему?

— Довольно, виконтъ, продолжалъ Уэнтвортъ: — и если вы не поправитесь помѣщенію въ моемъ домѣ, вы можете идти въ Калѣ другое, лучшее.

— О, виконтъ! сказалъ Габріэлю Жанъ Пекуа умоляющимъ голосомъ: — если вы согласитесь занять прекрасную комнату въ домѣ моего двоюроднаго брата Пьера Пекуа, оружейнаго мастера, вы сдѣлаете честь и ему и мнѣ, сдѣлаете меня счастливымъ.

— Благодарю, другъ мой, сказалъ Габріэль: — до свиданія.

пользоваться такимъ предложеніемъ, можетъ-быть, значило бы потребить его во зло.

— Нѣтъ, увѣряю васъ, перебилъ лордъ Уэнтвортъ: — и вы совершенно-свободно можете принять квартиру у Пьера Пекуа: Это исключительный горожанинъ, дѣятельный, искусный оружейникъ и самый честный человекъ. Я знаю его, нѣсколько разъ покупалъ у него оружіе; у него даже есть очень-хорошенькая — дочь или жена, не знаю.

— Моя сестра, милордъ, сказала Жанъ Пекуа: — моя двоюродная сестра Бабетта. А! да, она очень-привѣтлива, и еслибъ я не былъ такъ старъ... но родъ Пекуа отъ этого не прекратится: Пьеръ потерялъ жену, но она оставила ему двухъ весьма-живыхъ сыновей, которые будутъ развлекать васъ, виконтъ, если вы согласитесь принять искреннее гостеприимство моего двоюроднаго брата.

— И я не только согласенъ на это, но даже предлагаю вамъ, прибавилъ лордъ Уэнтвортъ.

Габриэль началъ подозрѣвать (и не безъ причины), что губернатору хотѣлось избавиться отъ него. Такъ и думалъ лордъ Уэнтвортъ, который, какъ сказалъ повѣренный лорда Грея, предпочиталъ плѣнникамъ плѣнницъ.

— Итакъ, съ позволенія лорда Уэнтворта, сказалъ Габриэль, обращаясь къ Жану: — я поселюсь, другъ мой, у твоего родственника.

Жанъ Пекуа вспрыгнулъ отъ радости.

— Право, вы хорошо дѣлаете, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ: — не потому, конечно, чтобъ мнѣ пріятно было разстаться съ вами; но въ стѣнахъ, окруженныхъ днемъ и ночью солдатами, мнѣ держать меня моя скучная обязанность, вамъ бы не всегда было такъ свободно, какъ въ домѣ этого добраго оружейника. А для молодаго человека нужна свобода, мы это знаемъ.

— Вы въ-самомъ-дѣлѣ, кажется, это знаете, сказалъ смѣясь Габриэль: — и знаете всю цѣну независимости.

— О да, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ тѣмъ же веселымъ тономъ: — я еще не въ тѣхъ лѣтахъ, когда порицаютъ свободу... А вы, господинъ Пекуа, продолжалъ онъ, обращаясь къ Жану: — вы такъ же разсчитываете на кошелекъ вашего родственника? Лордъ Грей сказалъ мнѣ, что вы надѣетесь получить отъ него сто экю для вашего выкупа.

— Все, что имѣетъ Пьеръ, принадлежитъ Жану, отвѣчалъ горожанинъ: — такъ было всегда между Пекуа. Я былъ напередъ такъ увѣренъ въ пріемъ моего родственника, что уже послалъ къ нему раненнаго конюшаго виконта д'Эксмэ; увѣренъ и въ томъ, что у него кошелекъ такъ же открытъ для меня, какъ двери его дома, и потому прошу васъ послать за нами одного изъ вашихъ людей, который принесетъ вамъ условленную сумму.

— Зачѣмъ это, господинъ Пекуа, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: —

я васъ отпускаю на-слово. Завтра или послѣ завтра я буду у викаронта д'Эксмэ и вмѣсто денегъ выберу у Пьера Пекуа какое-нибудь оружіе.

— Какъ вамъ угодно, милордъ, сказалъ Жанъ.

— За тѣмъ, господинъ д'Эксмэ, сказалъ губернаторъ:— кажется, не нужно говорить, что каждый разъ, когда вы вздумаете посетить меня, будете приняты тѣмъ радушіемъ, что могли бы и не сдѣлать этого? Повторю, въ Калѣ жизнь однообразна; безъ сомнѣнія, скоро узнаете это сами, и, надѣюсь, соединитесь со мною противъ общаго врага—скуки. Вашъ прїездъ сюда для меня счастливый случай, и я воспользуюсь имъ сколько возможно; если вы будете удаляться, я надѣмъ вамъ, предупреждаю васъ; а впрочемъ, вспомните, что вы свободны только вполонину, и другъ долженъ часто водить ко мнѣ плѣнника.

— Благодарю, милордъ, сказалъ Габріэль:— но условія войны измѣнчивы и, въ замѣнъ вашей обязательности, прибавилъ онъ:— сегодняшний другъ завтра сдѣлается снова непріателемъ.

— О! сказалъ лордъ Уэнтвортъ:— я обезпеченъ, даже, увы! слишкомъ обезпеченъ за моими неприступными стѣнами. Еслибъ Французамъ суждено было овладѣть снова Калѣ, то они не ждали бы этого двѣсти лѣтъ. Я спокоенъ, и если вы встрѣтите меня въ Парижѣ, то, конечно, въ мирное время.

— Все будетъ, какъ Богу угодно, милордъ, продолжалъ Габріэль.—Адмиралъ Колинъ обыкновенно говорить, что лучшее средство въ рукахъ человѣка.— терпѣніе.

— Ну! а пока поживемъ какъ-можно-лучше. Кстати, я забылъ: вы, вѣроятно, теперь нуждаетесь въ деньгахъ; мой кошелекъ въ вашемъ распоряженіи.

— Еще разъ благодарю, милордъ: мой хотя не такъ полонъ, и я не могу сейчасъ уплатить выкупа, но для ежедневныхъ расходовъ достаточно. У меня, признаюсь, одна матеріальная забота, что появленіе трехъ неожиданныхъ гостей произведетъ безпокойство въ домѣ вашего родственника, господинъ Пекуа, и потому мнѣ бы хотѣлось прискать другую квартиру за нѣсколько эку...

— Вы шутите! прервалъ Жанъ Пекуа:—домъ Пьера довольно великъ, благодаря Бога! даже для трехъ семействъ. Въ провинціи строятся не такъ тѣсно, какъ въ Парижѣ.

— Это справедливо, сказалъ лордъ Уэнтвортъ:—я рекомендую вамъ, виконтъ—домъ оружейнаго мастера достоинъ быть жилищемъ капитана. Свита гораздо многочисленнѣйшая, нежели ваша, удобно помѣстится тамъ, нѣсколько не стѣсня двухъ мастерскихъ. А вы, господинъ Пекуа, не утвердитесь ли здѣсь съ вашимъ ремесломъ? Лордъ Грей говорилъ мнѣ мелькомъ; я бы очень-радъ былъ исполненію этого намѣренія.

— Можетъ-быть, сказалъ Жанъ Пекуа.— Калѣ и Сен-Жентю скоро будутъ принадлежать одной націи, и я бы весьма хотѣлъ сблизиться съ моими родственниками.

— Да, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ, не понявшій тонкаго намека Жанна: — да, легко можетъ статься, что Сен-Кентенъ скоро будетъ принадлежать Англичанамъ. Но я васъ задерживаю, прибавилъ онъ: — а послѣ дороги вамъ нуженъ покой. Виконтъ, и вы, сударь, еще разъ повторяю вамъ, вы свободны. До свиданія, не надолго, надѣюсь?

Онъ проводилъ капитана и горожанина до дверей, пожалъ руку одному, дружески поклонился другому, и наши плѣнники отправились въ улицу Мартруа, гдѣ жилъ Пьеръ Пекуа подъ вывѣской бога-Марса, и куда, Богъ-дастъ, мы скоро возвратимся къ Габріэлю и Жану.

— Ну! подумалъ лордъ Уэнтвортъ, оставшись одинъ:—я, кажется, хорошо сдѣлалъ, что выпроводилъ отъ себя этого виконта д'Эксмэ. Онъ дворянинъ, вѣрно жилъ при дворѣ, и если хотя разъ видѣлъ мою плѣнницу, то вѣрно не забылъ ея. Да, я едва мелькомъ видѣлъ ее, когда она, часа два тому назадъ, проходила мимо, а до сихъ-поръ точно ослѣпленъ. Какъ хороша! О! я люблю ее! люблю! Бѣдное сердце, такъ давно остывшее въ этомъ мрачномъ уединеніи, какъ сильно ты бьешься теперь! Но этотъ молодой человекъ, онъ, кажется, живой и отважный, могъ бы, узнавъ дочь своего короля, вмѣшаться неприятнымъ образомъ въ тѣ отношенія, которыя, конечно, скоро образуются между мной и Діаной. Присутствіе соотечественника, а можетъ-быть и друга, стѣснило бы ее или поощрило бы къ упорству. Третьяго между нами не должно быть. Если я не хочу прибѣгать къ мѣрамъ, недостойнымъ меня, то бесполезно же и затруднять дѣло.

Онъ сдѣлалъ условный звукъ. Черезъ минуту вошла горничная.

— Жанна, сказалъ по-англійски Уэнтвортъ:—ты, какъ я приказывалъ, ходишь за этой дамой?

— Да, милордъ.

— Какъ она теперь, Жанна?

— Печальна, милордъ, впрочемъ, унынія не замѣтно. Такъ бойко смотритъ и говоритъ; призываетъ кротко, но, кажется, привыкла, чтобъ ей повиновались.

— Хорошо, сказалъ губернаторъ.—Приняла она то, что ты подавала ей?

— Едва взяла одинъ фруктъ, милордъ; но какъ она ни старается казаться увѣренною, замѣтно безпокойство и грусть.

— Довольно, Жанна, сказалъ лордъ Уэнтвортъ. — Воротись къ этой дамѣ и спроси ее отъ меня, угодно ли ей меня принять. Ступай и приходи скорѣе.

Черезъ нѣсколько минутъ, которыя показались нетерпѣливому лорду цѣлымъ вѣкомъ, горничная возвратилась.

— Ну? спросилъ онъ.

— Ну! милордъ, отвѣчала Жанна:—эта дама не только согласна, но даже желаетъ сейчасъ же говорить съ вами.

— Все къ лучшему! подумалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Только, прибавила Жанна:— она оставила у себя старую Мери и приказала мнѣ вернуться.

— Хорошо, Жанна, ступай. Надо ей во всемъ повиноваться, слышишь? Ступай. Скажи, что я иду вслѣдъ за тобой.

Жанна вышла, и лордъ Уэнтвортъ, съ отъсѣненными седлцемъ, какъ двадцатилѣтній любовникъ, пошелъ по лестницѣ, которая вела въ комнату Діаны де-Кастро.

VIII.

Витовѣнный тюремщикъ.

Діана де-Кастро встрѣтила лорда Уэнтворта съ тѣмъ строгимъ, цѣломудреннымъ достоинствомъ, которое придавало ей особому взгляду, ея дѣвственному лицу неотразимую прелесть. Впрочемъ, подъ ея наружными спокойствіемъ скрывалась томительная тоска: она, бѣдное созданіе, дрожала всѣмъ тѣломъ, отъвѣчалъ наפקиона губернатора и указывая ему, вполнѣ царственнымъ движениемъ руки, на кресло въ нѣсколькихъ шагахъ отъ себя.

Потомъ, дада Мери и Жаннѣ, хотѣвшимъ удалиться, знавшимъ, что онѣ остались, и, видя, что лордъ, пораженный восторгомъ, молчалъ, рѣшилась сама начать разговоръ.

— Кажется, я имѣю честь видѣть лорда Уэнтворта, губернатора Калідо? сказала она.

— Лордъ Уэнтвортъ, ваша покорнѣйшій слуга, ожидаетъ вашихъ приказаній, сударыня.

— Моихъ приказаній! возразила Діана съ горечью:— о! милорды не говорите такъ: я могу подумать, что вы смѣтаетесь пагѣ мной. Еслибъ внимали моимъ—не приказаніямъ, а просьбамъ: королевичъ я не была бы здѣсь. Вы знаете, кто я, милорды? Знаете ли мое происхожденіе?

— Я знаю, что вы—Діана де-Кастро, сударыня, любимая дочь короля Генриха II.

— Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ меня сдѣлали плѣнницей? проговорила Діана, у которой голосъ, вышета того, чтобъ возмущаться, ослабѣлъ при этомъ вопросѣ.

— Именно за тѣмъ, что вы дочь короля, сударыня, отвѣчалъ Уэнтвортъ:— за тѣмъ, что, по условіямъ капитуляціи адмирала Нельсона, побѣдителямъ предоставлено взять пятьдесятъ плѣнниковъ по собственному ихъ выбору, безъ различія званій, возраста и пола, и что по-этому очень-естественно было имъ выбрать самыхъ знатныхъ, самыхъ опасныхъ и, позвольте вамъ сказать, такихъ, которые бы могли дать за себя самый большой выкупъ.

— Но какъ узнали, спросила Діана:— что я скрываюсь въ Скотлендѣ, подъ именемъ и одеждой бенедиктинской монахини? Кр

мъ настоятельница монастыря, еще одинъ человекъ во всемъ городѣ зналъ эту тайну.

— Чтѣ же? этого человекъ извѣстилъ вамъ, вотъ и все, рѣшилъ лордъ Уэнтвортъ.

— О, нѣтъ! и увѣрена, что нѣтъ! вскричала Діана съ такой живостью, съ такимъ убѣжденіемъ, что лордъ Уэнтвортъ почувствовалъ, какъ змѣя ревности ужалила его въ самое сердце, почувствовалъ и—не нашелся, что отвѣчать. — Это было на другой день послѣ взятія Сен-Кентена, продолжала одушевившись Діана. — Я сидѣла, встревоженная и испуганная, въ своей кельѣ. Въ приемной спросили сестру Бені—это мое послушническое имя, милордъ. Спрашивавшій былъ англійскій солдатъ. Я ужаснулась какого-то несчастія, какой-то страшной новости. Но, смотря на то, выхожу, проникнутая нестерпимымъ ожиданіемъ горя и слезъ. Незнакомый мнѣ вѣстникъ объявляетъ, что я плѣнница. Я вознегодовала, противилась, но что могла сдѣлать противъ силы? Тутъ было трое солдатъ, да, милордъ, трое, взяли одну женщину! Простите, если это уязвляетъ васъ; но я говорю, что было. Эти люди овладѣвши мной, потребовали отъ меня признанія, что я Діана де-Кастра, дочь короля Франціи. Сначала я отрекалась, но такъ-какъ, не смотря на мои отговорки, меня хотѣли взять, то я потребовала, чтобы меня отвели къ адмиралу Коливъ; а адмиралъ не зналъ сестры Бені, и потому я объявила свое настоящее имя. Вы, милордъ, можете-быть, думаете, что послѣ этого признанія согласились на мою просьбу провести меня къ адмиралу? Совсѣмъ нѣтъ! они только обрадовались своей добычѣ и скорѣй потащили меня, заставили сѣсть, или, лучше, бросили въ закрытыя носилки, и когда я, задушаемая рыданіями, почти уничтоженная, попыталась распознать, куда меня везутъ, оказалось, что я уже была на дорогѣ въ Калѣ. Потомъ, лордъ Грей, который, какъ сказали мнѣ, командовалъ отрядомъ, отказался меня выслушать, и ужъ солдатъ объявилъ мнѣ, что я плѣнница его командира, и что, въ ожиданіи моего выкупа, меня везутъ въ Калѣ. Вотъ какъ очутилась я здѣсь, милордъ, не зная ничего больше.

— И я не могу вамъ ничего больше сказать, сударыня, сказалъ въ раздумьи лордъ Уэнтвортъ.

— Ничего больше, милордъ? вскричала Діана. — Вы не можете сказать, отъ-чего мнѣ не позволили говорить ни съ настоятельницей бенедиктинскою, ни съ адмираломъ? Вы не можете сказать, чего же наконецъ хотятъ отъ меня, если не позволили мнѣ видѣть тѣхъ, которые могли бы повѣстать о моемъ плѣнѣ короля, могли бы послать въ Парижъ за выкупомъ? Къ-чему это тайное похищеніе? Почему я даже не видѣла лорда Грея, когда все это, говорятъ, сдѣлано по его приказанію?

— Вы видѣли лорда Грея, сударыня, когда проходили мимо васъ. Это тотъ самый дворянинъ, съ которымъ я разговаривалъ и который поклонился вамъ въ одно время со мною.

— Извините, милордъ, я не знала, въ чьемъ присутствіи нахожусь, возразила Діана. — Но такъ-какъ вы разговаривали съ лордомъ Греемъ, вашимъ родственникомъ, какъ сказала мнѣ вотъ эта дѣвушка, то онъ, конечно, открылъ вамъ свои намѣренія относительно меня?

— Точно такъ, сударыня; передъ отплытіемъ въ Англію, онъ объяснилъ мнѣ свои намѣренія въ то самое время, какъ васъ привезли въ этотъ домъ. Онъ сказалъ, что въ Сен-Кентенѣ ему выдали васъ за дочь короля, и онъ, имѣя право на трехъ плѣнниковъ по собственному выбору, поспѣшилъ овладѣть такой драгоценной добычей, не предупреждая о томъ никого, чтобъ избѣжать всякихъ распрей. Цѣль его очень-проста: приобрести за васъ какъ-можно-больше денегъ, и я, смѣясь, одобрялъ моего корыстолюбиваго роденьку, когда вы проходили мимо насъ по залѣ. Я увидѣлъ васъ, сударыня, и понялъ, что по рожденію вы дочь короля, а по красотѣ — королева. Съ той минуты, признаюсь къ стыду моему, я разошелся въ мнѣніяхъ съ лордомъ Греемъ, не на счетъ его прошедшихъ дѣйствій, а на счетъ плановъ въ будущемъ. Да! я пересталъ хвалить его намѣреніе — взять за васъ выкупъ; представилъ ему, что онъ могъ бы надѣяться на большее; что между Англіей и Франціей война, вы — важная военная добыча, вы стоите цѣлаго города. Однимъ словомъ, я совѣтовалъ ему не уступать такой богатой находки за какихъ-нибудь нѣсколько эку. Вы въ Калѣ; Калѣ — городъ нашъ, и городъ неприступный; должно беречь васъ и ждать.

— Какъ! вскричала Діана: — вы давали лорду Грею подобные совѣты, и рѣшились на нихъ при мнѣ! А! милордъ, зачѣмъ вамъ противиться моему освобожденію? Чтѣ я вамъ сдѣлала? Вы видѣли меня всего одну минуту. Стало-быть, вы ненавидите меня?

— Я видѣлъ васъ одну минуту и — полюбилъ васъ, сударыня, сказалъ растерявшійся лордъ Уэнтвортъ.

Діана поблѣднѣла.

— Жанна! Мери! закричала она женщинамъ, стоявшимъ вдали, въ амбразурѣ окна.

Но лордъ Уэнтвортъ сдѣлалъ имъ повелительный знакъ, и онѣ не трогались съ мѣста.

— Не бойтесь, сударыня, я дворянинъ, и не вы, а я долженъ дрожать отъ страха. Да! я люблю васъ, и не могъ удержаться, чтобъ не сказать вамъ этого; да! когда я увидѣлъ, какъ проходили вы, граціозная, прелестная, подобная богинѣ — сердце мое полетѣло къ вамъ; да! вы здѣсь въ моей власти; здѣсь все повинуется моему знаку... Все равно, не бойтесь ничего — не столько вы въ моей, сколько я въ вашей власти; не вы плѣнница, я настоящій плѣнникъ. Вы — царица, я — рабъ. Повелѣвайте — я повинуюсь.

— Въ такомъ случаѣ, милордъ, сказала трепещущая Діана, от-

правьте меня въ Парижъ, откуда я вышлю вамъ выкупъ, какой вы назначите.

Лордъ Уэнтвортъ замаялся, потомъ сказалъ:

— Все, кромѣ этого, сударыня! я чувствую, что эта жертва выше моихъ силъ. Я сказалъ, что одинъ взглядъ приковалъ навсегда мою жизнь къ вашей. Здѣсь, въ этомъ безвыходномъ заключеніи, мое пламенное сердце ужь давно не любило достойною его любовью. Какъ только я увидѣлъ васъ, прекрасную, величественную, порадоу, тутъ же почувствовалъ, что всѣ напряженныя силы души моей получили стремленіе и цѣль. Я люблю васъ только два часа; но если бъ вы знали меня, то были бы увѣрены, что это все равно, какъ-бы я любилъ уже цѣлыя десять лѣтъ.

— Но, Боже мой! чего же вы хотите, милордъ? возразила Діана.—Чего вы надѣетесь? Чего ожидаете? Какія ваши намѣренія?

— Я хочу васъ видѣть, сударыня, хочу наслаждаться вашимъ присутствіемъ, присутствіемъ вашего очаровательнаго образа — вотъ и все. Не предполагайте, повторяю вамъ, не предполагайте во мнѣ какихъ-нибудь недостойныхъ видовъ. Я только пользуюсь правомъ моимъ, которое благословляю, правомъ — хранить васъ при себѣ.

— И вы думаете, милордъ, сказала Діана: — что это насиліе заставить меня отвѣчать на вашу любовь?..

— Я не думаю этого, смиренно отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: — но, можетъ-быть, видя меня каждый день такого покорнаго, почтительнаго, являющагося только узнать о васъ, увидѣть васъ на минуту — вы, можетъ-быть, тронетесь покорностію того, кто могъ бы принуждать, а, между-тѣмъ, только умоляетъ.

— И тогда, проговорила Діана съ презрительной улыбкой: — дочь короля Франціи сдѣлается любовницей лорда Уэнтворта?

— И тогда, лордъ Уэнтвортъ, отвѣчалъ губернаторъ: — лордъ Уэнтвортъ, послѣдняя отрасль богатѣйшей, знатнѣйшей англійской фамиліи, преклонивъ колѣно, предложитъ г-жѣ де-Кастро свое имя, свою жизнь. Вы видите, что любовь моя такъ же благородна, какъ искренна.

— Не честолюбивъ ли онъ? подумала Діана.—Послушайте, милордъ, промвнесла она вслухъ, пытаясь улыбнуться: — я вамъ со-вѣтую освободить меня, возвратитъ моему отцу, королю — и мой долгъ вамъ не ограничится однимъ выкупомъ. Между Англіей и Франціей необходимо установится миръ, и я, если не могу наградить сама, то исходатайствую для васъ такія почести и достоинства, какихъ вы не могли бы желать, еслибъ даже были моимъ мужемъ. Будьте великодушны, милордъ, и я буду признательна.

— Я угадываю вашу мысль, сударыня, съ горестію проговорилъ Уэнтвортъ.—Но я и безкорыстнѣе и честолюбивѣе, нежели вы думаете. Изъ всѣхъ сокровищъ міра, я ничего не хочу, кромѣ васъ.

— Въ такомъ случаѣ, милордъ, послѣднее слово, которое вы, можетъ-быть, поймете, сказала Діана въ смущеніи и въ то же время съ гордостію.—Милордъ, меня любить другой.

— И вы воображаете, что я отпущу васъ на благо моему с пернику! вскричалъ въ себя Уэнтвортъ.—Нѣтъ! По-крайней-мѣрѣ онъ будетъ такъ же несчастенъ, какъ я! даже еще несчастнѣе потому-что онъ не будетъ видѣть васъ, сударыня. Съ этого дня только три событія могутъ освободить васъ: или моя смерть, или я еще молодъ и силенъ; или миръ между Франціей и Англіей, или между Франціей и Англіей продолжаются войны, какъ вамъ, вѣстно, сто дѣтъ; или—взятіе Калѣ, но Калѣ неприступенъ. Безъ этихъ трехъ почти безнадежныхъ случаевъ, вашъ плѣнь, даже если, будетъ делогъ, потому-что я купилъ у лорда Грея всѣ права на васъ, и не хочу за мою плѣнницу выкупа, хоть бы то было царство! Что касается до бѣгства, то вамъ можно не думать о немъ, потому-что я васъ караулю, и вы увидите, какъ неусыпный и вѣрный тюремщикъ тотъ человекъ, который любитъ.

За тѣмъ, лордъ Уэнтвортъ низко поклонился и вышелъ, оставивъ Діану въ ужасѣ и отчаяніи.

Она только тогда успокоилась немного, когда подумала, что смерть—вѣрное убѣжище, которое, въ крайнихъ опасностяхъ, всегда готово для несчастныхъ.

XX.

Домъ оружейника.

Домъ Петра Некуя находился на углу Улицы-Мартруа, там гдѣ выходила она на рыночную площадь. Домъ этотъ, состоявшій изъ двухъ этажей и свѣтелки, стоялъ на толстыхъ деревянныхъ столбахъ. На его фасадѣ дерево, кирпичъ и черепица смѣшались въ предельно затѣшливый, но совершенно правильныя арабески. Сверхъ-того, на подоконьяхъ были нарисованы, среди зелени, какія-то престранныя животныя. Все это, конечно, было грубо, однакожь, не неприятно для глазъ. Что жъ касается до кровли, то она была очень-высока и такъ широка, что, сверхъ своего прямого назначенія, служила еще весьма достаточнымъ прикрытіемъ для наружной галереи, которая тянулась вдоль втораго этажа, на манеръ галерей швейцарскихъ хижинъ.

Надъ стекляною дверью лавки висѣла большая вывѣска, на которой былъ нарисованъ какой-то господинъ, вооруженный съ головы до ногъ. Вооруженный господинъ, по мнѣнію многихъ былъ — богъ войны, Марсъ. Впрочемъ, для вѣщаго удостовѣренія въ этомъ, внизу вывѣски находились слова: «Au dieu Mars». Подъ этими словами красовалось имя оружейника.

У той же самой двери, на наружной площадкѣ лѣсенки, стояло полное вооруженіе, т. е. каска, кираса, нарукавники и сабля-ники. Это также была вывѣска — для дворянъ, не умѣющихъ читать.

Кромѣ того, сквозь оконныя стекла можно было различить, не смотря на недостатокъ свѣта въ лавкѣ, оружіе всякаго рода, между которыми первое мѣсто принадлежало шпагамъ, какъ по числу, такъ и по богатству отдѣлки.

Наконецъ, послѣднее и наиболѣе вѣрное средство пріобрѣтенія покупателей составляли два ученика, сидѣвшіе у входа въ лавку и зыывавшіе прохожихъ самымъ учтивымъ, самымъ ласковымъ образомъ.

Самъ оружейникъ входилъ въ лавку только тогда, когда требовалъ его туда какой-нибудь особенно-важный покупатель. Иначе, онъ былъ или въ мастерской, или въ комнатѣ, смежной съ лавкою.

Эта смежная комната, гораздо-болѣе свѣтлая, чѣмъ лавка, служила оружейнику и гостиною, и столовою. Стѣны ея были обиты дубовыми панелями, а мебель ея состояла изъ стола съ витыми ножками, стульевъ, и высокаго, изящно отдѣланнаго сундука съ выпуклою крышкою, на которой красовалась *пробная работа* Петра Пекуа, лучшее произведение его молодости, начатое и конченное передъ полученіемъ имъ званія мастера. Произведение это, которымъ оружейникъ гордился по справедливости, было премиленькое миниатюрное вооруженіе съ золотомъ насѣчкою, отличавшееся рѣдкимъ совершенствомъ отдѣлки.

Напротивъ сундука, нѣсколько выше его, стояло на нишѣ изображеніе Пресвятой Дѣвы, изъ гипса.

Подлѣ описанной нами комнаты, была еще другая, помѣще, въ которой находилась лѣстница во второй этажъ. Лѣстница эта была прямая, деревянная.

Оружейникъ, чрезвычайно обрадованный пріѣздомъ родственника своего, Жана Пекуа, и Габріэля, помѣстилъ ихъ во второмъ этажѣ. Самъ онъ, съ своими дѣтьми и молоденькою сестрою Бабетою, остался въ первомъ. Тутъ же поселился и равенный конюшій Арно дю-Тилль. Мастера и ученики спали въ свѣтелкѣ. Комнаты, предоставленныя Габріэлю, были лучшія въ домѣ; но и всѣ другія, вообще чистыя, показывали своимъ убранствомъ, что хозяинъ—человѣкъ зажиточный.

Былъ вечеръ. Габріэль, Жанъ Пекуа и достойный оружейникъ сидѣли за столомъ. Они ужинали. Нѣсколько поодаль отъ нихъ, тоже ужинали дѣти Петра Пекуа. Всѣмъ имъ прислуживала Бабета.

— Осмѣлюсь замѣтить, сказалъ оружейникъ, обращаясь къ Габріэлю: — вы вовсе не позволите кушать, господинъ виконтъ. Вы видите все задумавшись, да и Жанъ что-то очень не веселъ. Оно, конечно, угощеніе у меня не первой руки, но за то, могу васъ вѣрить, отъ добраго сердца... Попробуйте, по-крайней-мѣрѣ, вѣтъ отъ нашего винограда. Здѣсь это рѣдкость. Мнѣ сказывалъ мой дѣдъ, а ему говорилъ его дѣдъ, что будто въ старыя времена, въ тѣ времена, когда наша сторона была во французскомъ поддан-

ствѣ, виноградъ очень-хорошо родился въ Калѣ. Теперь дѣло другое... Теперь виноградъ разлюбилъ насъ. Онъ, должно быть, знаетъ, что здѣсь Англія; такъ, де-скать, какая же стать и созреть мнѣ здѣсь...

Габріэль не могъ не улыбнуться при этой шуткѣ оружейника.

Вскорѣ потомъ ужинавшіе встали изъ-за стола, и Петръ Пекучъ прочелъ вслухъ молитву. По окончаніи ея, дѣти ушли спать.

Какъ скоро они вышли изъ комнаты, оружейникъ сказалъ своимъ сестрѣ:

— Ты, Бабета, тоже можешь идти теперь спать. Только побось прежде, чтобъ наши мастера и ученики не очень шумѣли у себя въ свѣтлицѣ; да навѣдайся, не нужно ли чего-нибудь къ нюшему господина виконта. За больнымъ вѣдь надобно пригласить... Ты зайди къ нему съ Гертрудою.

Хорошенькая Бабета покраснѣла, потупила глазки и вышла изъ комнаты.

— Теперь, любезнѣйшій братецъ, сказалъ оружейникъ Жанъ Пекучъ:—лишнихъ здѣсь нѣтъ, и мы можемъ говорить откровенно. Ты, вѣдь, намѣтается, намѣревался сообщить мнѣ что-то по секрету.

Габріэль съ изумленіемъ посмотрѣлъ на Жана Пекуча; но Жанъ спокойно отвѣчалъ оружейнику:

— Да, братецъ, и дѣло, о которомъ желаю я поговорить съ тобою, весьма-важно...

— Въ такомъ случаѣ, я оставляю васъ однихъ, сказалъ Габріэль.

— Нѣтъ, господинъ виконтъ, отвѣчалъ ткачъ:—сдѣлайте милость, не уходите. Ваше присутствіе не только полезно, но даже необходимо для насъ; потому-что предположенія, которыя намъ ренъ я сообщить братцу, не поведутъ ни къ чему безъ вашего содѣйствія.

— Извольте же говорить, я слушаю васъ, сказалъ Габріэль снова вдаваясь въ задумчивость.

— Благодарю, господинъ виконтъ, продолжалъ ткачъ:—и если вы прибавите, что, выслушавъ насъ, вы взглянете на насъ иначе теперь... взглянете съ надеждою и, быть-можетъ, даже радостью въ душѣ.

Габріэль улыбнулся печально. Ему пришло на мысль, что для него не можетъ существовать никакой радости въ жизни, пока не удастся ему освободить отца изъ заточенія, пока не рухнетъ преграда, которая столь неожиданно стала между нимъ и отцомъ... Онъ, однакожь, сдѣлалъ знакъ, чтобъ ткачъ началъ.

Жанъ взглянулъ на оружейника и сказалъ ему съ важностію:

— Братецъ, ты долженъ говорить первый. Пустьъ господинъ виконтъ увидитъ, какой у тебя образъ мыслей. Ты скажи намъ, Петръ, что внушалъ тебѣ, въ-отношеніи къ Франціи, отецъ твою? что ему внушалъ—его отецъ; скажи намъ, Англичанинъ ли сердцемъ или Французъ, и чью взялъ бы ты сторону, Англичанъ или отчизны предковъ своихъ, Франціи, — еслибъ вдругъ, въ

кому-либо важному обстоятельству, пришлось тебѣ выбирать между ними...

— Жанъ, отвѣчалъ оружейникъ торжественнымъ тономъ:—предокъ мой, при которомъ Калѣ сдѣлался англійскимъ городомъ, горючилъ о Франціи своему сыну не иначе, какъ со слезами на глазахъ. Объ Англии онъ старался не говорить вовсе, потому-что уже самое слово это было ненавистно ему. Та же самая любовь къ Франціи и та же ненависть къ Англии перешли къ сыну этого предка моего. Потомъ, онѣ неизвѣнно хранились въ нашемъ родѣ, и дошли до меня во всей своей силѣ. Нынѣшній Петръ Пекуа чувствуетъ точно такъ же, какъ чувствовалъ тотъ Петръ Пекуа, который жилъ двѣсти лѣтъ тому назадъ. Теперь ты видишь, Жанъ, то я сердцемъ. Нужно ли прибавлять, чью сторону я сторону, сибѣ, какъ говорилъ ты, пришлось мнѣ выбирать?..

— Вы слышите, господинъ-виконтъ! вскричалъ ткачъ, обращаясь къ Габріэлю.

— О, да, отвѣчалъ Габріэль разсѣянно:—и не могу не одобрить... чувства благородныя...

— Еще два слова, братецъ, продолжалъ ткачъ:—а другіе наши дѣшніе соотечественники? они, конечно, думаютъ иначе?.. Они вѣрнѣе забыли Францію и преданы теперь Англии?.. Вѣдь двѣсти лѣтъ подданства не шутка...

— Ты ошибаешься, Жанъ, отвѣчалъ оружейникъ. — Здѣсь немало французскихъ семействъ, преданныхъ Франціи и жалюющихъ ней. Всѣ мои предки выбирали себѣ невѣсть именовъ въ этихъ семействахъ. И я могу увѣрить тебя, что не одинъ дѣшній горожанецъ, служащій въ городской стражѣ, въ которой служу и я, корѣ переломить свою алебарду, чѣмъ заманется ею на французскаго солдата.

— Лучше и желать нельзя, проговорилъ про себя ткачъ, потирая себѣ руки. — А ты, братецъ, чѣмъ служишь въ этой стражѣ? привилъ онъ потомъ громко.—Вѣдь ужъ, конечно, не простымъ рядовымъ? Вѣдь тебѣ, какъ замѣтно, здѣсь большой почетъ отъ всѣхъ: такъ, безъ сомнѣнія, тебѣ и должность дали большую?

— Давали, да я отказался, отвѣчалъ оружейникъ:—не хотѣлось рать на себя ответственности... Я считаюсь простымъ стражникомъ.

— Ну, это и худо и хорошо. А служба твоя тяжела, Петръ?.. Часто ходишь въ караулъ?

— Въ караулъ не слишкомъ-часто... разъ въ мѣсяць... натаго дела...

— Аккуратно пятого числа?.. Стало-быть, Англичане-то народъ очень осторожный?.. Иначе, какъ же можно распределять такъ страже...

— О, продолжалъ оружейникъ, покачавъ головою:—теперь уже нѣтъ никакой опасности... Вѣдь уже нѣблыя двѣсти лѣтъ владѣютъ этимъ городомъ... Они, однакожь, остерегаются и теперь. Городецкая

стража обыкновенно назначается въ караульни на неприступныя пункты. Мнѣ, на-примѣръ, выбрана постель на платформѣ восьмиугольной башни; а тутъ, пожалуй, и караульни не нужно: вышестрашная, а внизу море. Туда, братъ, развѣ чайки могутъ за-браться.

— Вотъ что... Да главное: такъ регулярно шатаю я сюда: хожу въ караульни и всегда на платформѣ восьмиугольной башни?

— Да. Я бываю тамъ постоянно отъ четырехъ до шести часовъ утра. Я самъ выбралъ эту пору, для того, чтобъ почаще видѣть восходъ солнца... Мнѣ, признаюсь, онъ очень нравится. Сначала знаешь, красивые розовыя облачка... потомъ вдругъ сіяетъ презелкое... отсвѣтъ пойдетъ по морю... Ну, просто, такая картина, что и описать нельзя.

— Картина, должно быть, действительно превосходная, сказалъ Жанъ Пекуа. — На все, мнѣ кажется, можно даже засмотрѣться.. засмотрѣться до того, прибавилъ онъ потомъ вполголоса, что и не заметишь, какъ мелуанцо-негадаю какой-нибудь шмель или муха подплыветъ съ этой стороны къ городу, да и начнетъ возвращаться на платформу твоей восьмиугольной башни, не любовничка, — что тутъ неприступныя пункты? Ты какъ думаешь: ты не заметишь бы

Петръ Пекуа взглянулъ на ткача съ удивленіемъ, и, по-видимому, задумался.

— Нѣтъ, сказалъ онъ потомъ: — заметишь бы, только я не помышлялъ бы смѣльчаку обратиться на платформу... Я, напротивъ того, еще можетъ бы смуть... потому что такой смѣльчакъ былъ бы навѣрное Французъ... Всякому другому не захотѣть рѣшиться и недобрую попытку.

— Хорошо сказано, Петръ! вскричалъ Жанъ Пекуа. — Вы видите, господниъ виконтъ: Петръ не менѣе меня преданъ Франціи.

— Вижу... да... безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Габріэль, весьма-мало занимавшійся ихъ разговоромъ, въ которомъ не видѣлъ онъ особой важности. — Но я не понимаю, къ чему можетъ повести его преданность?

— Къ чему, господниъ виконтъ? продолжалъ ткачъ. — Я скажу вамъ это: теперь за мной очередь говорить. Калло, г. д'Эскане, можетъ доставить намъ не совсѣмъ дурной *ресарисъ* за Сен-Кентень. Англичане стерегутъ его плохо, а мы, какъ видите, не безъ друзей здѣсь. Теперь, если вы употребите ваше посредство гдѣ слѣдуетъ, то мой расудокъ и, еще болѣе, мой инстинктъ говорятъ мнѣ, что одинъ ударъ смѣлой руки сдѣлаетъ насъ владѣтелями города. Понимаете меня, сударь?

— Да, да, разумѣется! отвѣчалъ Габріэль, который на-самомъ дѣлѣ не слушалъ предложеній Жана Пекуа и вышелъ изъ раздумья только при этомъ прямомъ обращеніи къ нему. — Да; вашъ благородный братъ намѣренъ возвратиться въ нашу прекрасную Францію. Не такъ ли? Онъ хочетъ поселиться въ какомъ-нибудь французскомъ городѣ, на-примѣръ, въ Амьенѣ... Хорошо; я пог

верю съ милердомъ Уэпвортомъ и также съ Гизомъ. Дѣло можетъ устроиться, и посредничество, котораго вы просите, будетъ не лишнимъ. Продолжайте, другъ мой; я весь вашъ и слушаю.

И Габріэль снова впадалъ въ разсѣянности, потому-что, сказать правду, въ эту минуту онъ слушалъ голосъ не Жана Пекуа, но голосъ короля, Генриха II, повѣдавашаго, послѣ замоты Сен-Кенгена адмираломъ, немедленно освободить графа Монгомери. Кроме того, Габріэль слушалъ голосъ своего отца, мрачнаго и ревниваго, говорившій, что Діана была дочерью его королевскаго соперника. Наконецъ, это былъ голосъ самой Діаны, которая, послѣ нѣсколькихъ неистій, могла сказать ему и онъ могъ слышать эти высокія и божественныя слова: «Я тебя люблю».

Понятно, что, погруженный въ этотъ сладостный сонъ, Габріэль только вполонину слушалъ отважныя предположенія Жана Пекуа.

Но суровый горожанинъ былъ оскорбленъ невниманіемъ Габріэля къ его плану, высокому и смѣлому, и сказалъ голосомъ, нѣсколько изволнованнымъ:

— Если бѣ, сударь, вы изволили выслушать мои слова не такъ вѣжливо, вы увидѣли бы, что мысли Петра и мои не такъ пусты, какъ вы предполагаете...

Габріэль не отвѣчалъ.

— Онъ не слушаетъ тебя, Жанъ, сказалъ Петръ Пекуа, показывая двоюродному брату на своего гостя, снова погруженнаго въ размышленіе:— можетъ-быть, у него также есть свои предположенія, свое желаніе...

— Его желаніе не такъ безкорыстно, какъ наше! сказалъ Жанъ въ некоторую досаду. — И если бѣ я не зналъ, что этотъ двоюродный не безъ мужества подвергалъ себя опасности и даже жертвовалъ своею жизнью, стараясь спасти мою, я сказалъ бы даже, что у него одна страсть—эгоизмъ. Но что за дѣло до этого! Онъ обязанъ былъ слушать меня, когда я говорилъ о благѣ и славѣ отечества. При всемъ нашемъ усердіи, Петръ, мы безъ господина Габріэля будемъ бесполезнымъ орудіемъ. У насъ есть только чувства; намъ не достаетъ мысли и силы.

— Все равно! доброе чувство, братъ; я тебя слышалъ и понимаю, казалъ оружейникъ.

Братья расетались, крикну показавъ одинъ другому руку:

— Покажишь, намъ надобно отказаться отъ своей кимеры, или, въ крайней жѣрѣ, отложить ее на нѣкоторое время, сказалъ Жанъ Пекуа.—Что могутъ сдѣлать руки безъ головы? что можетъ намъ быть безъ знанія?..

И горожанинъ прибавилъ съ страшною улыбкой:

— До-тѣхъ-поръ, пока народъ будетъ, въ одно время, и руками и головой.

VII.

Глава, въ которой съ вольющимъ искусствомъ соединяются многочисленныя происшествія.

Прошло три недѣли. Сентябрь кончался; въ положеніи различныхъ лицъ этой исторіи не случилось ни какой замѣтной перемѣны.

Жанъ Пекуа заплатилъ за себя маленькій выкупъ лорду Уэврту и, смертъ-тегю, получилъ позволеніе жить въ Калѣ, но свѣшилъ открыть новой фабрики и приниматься за работу. Честный горожанинъ, казалось, былъ очень-любопытенъ и отъ природы очень-небреженъ. Съ утра до вечера онъ ходилъ по заламъ города, разговаривалъ съ гарнизонными солдатами, и, до-видимому, заботился не больше аббата или монаха о ремеслѣ, чѣмъ Одиакожъ, онъ не хотѣлъ или не могъ отвлечь своего двоюроднаго брата, Петра Пекуа, отъ работы, и никогда еще искусный ошейникъ не приготовлялъ такого множества и такого хорошаго оружія, какъ въ это время.

Габріэль съ каждымъ днемъ дѣлался скучнѣе. До него дошли изъ Парижа новости самыя общія. Франція начинала дѣлать свободнѣе. Испанцы и Англичане, овладѣвъ ничтожнымъ мѣсткомъ, теряли невозвратимое время; страна, между-тѣмъ, могла омыться; Парижъ и король были спасены. Эти извѣстія, результатъ мужественной обороны Сен-Кентена, безъ-сомнѣнія, довали Габріэля. Но не было ни слова ни объ его отцѣ, ни о Рихѣ II, ни о Колинѣ, ни о Діанѣ. Мысль эта омрачала духъ Габріэля, и онъ не пользовался дружбою лорда Уэврта, котораго можетъ-быть, употребилъ бы въ дѣло при другомъ случаѣ.

Сговорчивый и добродушный губернаторъ, казалось, дѣйствительно питалъ искреннюю дружбу къ своему плѣннику. Служа съ нѣкотораго времени, какая-то печаль, безъ-сомнѣнія, не могла содѣйствовать симпатіи обоимъ. Дѣйствительно, въ мрачномъ Калѣ, общество молодого и остроумнаго дворянина, воспитаннаго при французскомъ дворѣ, было драгоценнымъ развлеченіемъ. Впрочемъ, почему не проходило двухъ дней безъ того, чтобъ лордъ Уэвртъ не навѣстилъ виконта д'Эксмѣ, и, кромѣ того, три раза недѣлю приглашалъ его къ себѣ обѣдать. Дружба, если хотѣть, очень-неловкая, потому-что губернаторъ, смѣясь, божился, что ни за что не отпуститъ своего плѣнника, не рѣшится поѣхать ему на слово, и развѣ только, когда огромный выкупъ будетъ уплаченъ до послѣдняго эку, онъ принужденъ будетъ разстаться съ Габріэлемъ, своимъ безцѣннымъ другомъ.

Но какъ подъ этою изящною и свѣтскою формою скрывалась недоувѣрчивость, то Габріэль не смѣлъ настаивать, и страдалъ б

жалобы, ожидая выздоровления своего конюшаго, который, если помните, долженъ былъ привезти изъ Парижа сумму, назначенную для выкупа виконта д'Эксмэ.

Но Мартэнъ-Герръ или, вѣрнѣе, замѣнившій его Арно дю-Тилль поправлялся медленно. Однакомъ, по прошествіи нѣсколькихъ дней, хирургъ, которому поручено было вылечить рану, полученную этимъ молодцомъ въ одной схваткѣ, объявилъ, что больной не нуждается болѣе въ помощи. Два дня отдыха и заботливость хорошенькой Бабеты, сестры Петра Неуа, совершенно окончили лечение.

Убѣдившись въ томъ, Габріэль велѣлъ своему конюшему послѣ-завтра отправиться въ Парижъ; но, въ назначенный день, Арно дю-Тилль началъ жаловаться на боль въ глазахъ, и говорилъ, что онъ можетъ опять подвергнуться прежнимъ припадкамъ, если будетъ лишенъ нѣжной заботливости Бабеты. Поѣздки отсрочили еще на два дня. Но, по прошествіи этого времени, какое-то разслабленіе распространилось въ рукахъ и ногахъ бѣднаго Арно, и, для излечения отъ этой слабости, происшедшей, безъ сомнѣнія, отъ болѣзни, онъ долженъ былъ брать ванны и держать строгую диету, которая, въ свою очередь, до такой степени изнурила его, что оказалось необходимымъ отложить поѣздки вѣрнаго конюшаго на годъ-поръ, пока онъ совершенно поправится, при помощи разныхъ укрѣпляющихъ средствъ и благодѣтельнаго вина. По-крайней-мѣрѣ, Бабета, ходившая за больнымъ Арно, въ слезахъ кланялась Габріэлю, что, требуя немедленной поѣздки Мартэна-Герра, онъ подвергаетъ этого несчастнаго опасности умереть отъ слабости на большой дорогѣ.

Это странное выздоровленіе, продолжаясь долѣе нежели сколько требовала болѣзнь, благодаря заботливости врача, нѣкоторые скажутъ, можетъ-быть, заботливости Бабеты, дало слабому Арно возможность, откладывая день-за-день, выиграть цѣлыя двѣ недѣли, такъ, что прошло около мѣсяца со времени пріѣзда Габріэля въ Калэ.

Впрочемъ, такіа отсрочки не могли тянуться долѣе. Габріэль, наконецъ, потерялъ терпѣніе, и самъ Арно дю-Тилль, до-сихъ-поръ находившій самыя ловкія отговорки, когда только ему была въ нихъ надобность, Арно теперь, съ самодовольнымъ и торжествующимъ видомъ объявилъ Бабетѣ, что онъ не можетъ же выгнать своего господина изъ терпѣнія, и что гораздо-лучше скорѣе ѣхать, чтобъ скорѣе возвратиться. Но покраснѣвшіе глаза и печальное личико Бабеты доказывали, что она не очень понимала эти убѣдительныя причины.

Наканунѣ того дня, въ который, по формальному объясненію, Арно дю-Тилль долженъ былъ, наконецъ, отправиться въ Парижъ, Габріэль ужиналъ у лорда Уэнтворта.

Губернаторъ, казалось, былъ въ этотъ вечеръ гораздо-скупчѣе

обыкновеннаго, потому-что старался заглушить свою задумчивость принужденною веселостью.

Когда онъ простился съ Габріэлемъ и проводилъ его до площадки, слабо-освѣщенной лампою, молодой человекъ, наклонивъ на себя планку, увидѣлъ, что одна изъ дверей, выходившихъ на площадку, отворилась. Женщина, которую Габріэль принялъ за служанку, потихоньку подошла къ нему, приложивъ палецъ лѣвой руки къ губамъ, а въ правой держа записку.

— Это для французскаго дворянина, который часто приходитъ къ лорду Уэнтворту, сказала она шопотомъ, подавая ему сложенный лоскутокъ бумаги.

Прежде, чѣмъ Габріэль успѣлъ опомниться отъ удивленія и спросить незнакомку, она уже скрылась.

Молодой человекъ, нѣсколько любопытный и не совсѣмъ благо-разумный, думалъ, что идти по темному корридолу до комнаты, въ которой онъ могъ свободно прочитать записку, слишкомъ долго, по-крайней-мѣрѣ четверть часа, и онъ вздумалъ поскорѣе разгадать загадку, подстрекавшую его любопытство. Итакъ, посмотрѣвъ вокругъ себя и видя, что на площадкѣ нѣтъ никого, Габріэль подошелъ къ смрадной лампѣ, развернулъ записку, и съ какимъ-то смущеніемъ прочиталъ слѣдующее:

«Милостивый государь,

«Я не знаю васъ ни въ лицо, ни по имени; но женщина, которая мнѣ прислуживаетъ, сказала, что вы Французъ, соотечественникъ мой, и подобно мнѣ находитесь въ плѣну. Это подаетъ мнѣ смѣлость обратиться къ вамъ въ несчастіи. Васъ, безъ сомнѣнія, будутъ держать только до выкупа. Вѣроятно, вы скоро возвратитесь въ Парижъ. Тамъ вы увидите моихъ родныхъ, которые не впадутъ, что со мною сдѣлалось. Вамъ будетъ возможность уведомить насъ обо мнѣ, сказать, что лордъ Уэнтвортъ держитъ меня взаперти, запрещаетъ мнѣ встрѣчаться съ живою душою, не хочетъ дать выкупа за мою свободу, и, употребляя во зло ужасное право, которое даетъ ему мое положеніе, онъ еще осмѣливается всякій день говорить мнѣ о своей любви, отвергаемой мною съ уласомъ. Но это самое презрѣніе и увѣренность, что постыжки его, какъ губернатора, безнаказанны, могутъ кончиться преступленіемъ. Французскій дворянинъ, и, главное, соотечественникъ, обязанъ сказать мнѣ помощь въ этой ужасной крайности. Мнѣ слѣдуетъ еще сказать вамъ, кто я, для того, чтобъ долгъ...»

На этомъ остановилось письмо; оно было безъ подписи. Вѣроятно, его прервало какое-нибудь неожиданное препятствіе, какой-нибудь мгновенный случай, и между-тѣмъ, письмо это, даже недоконченное, должно было передать, не теряя драгоценнаго случая, тѣмъ болѣе, что изъ этихъ неполныхъ строчекъ можно было узнать все, кромѣ имени женщины, съ которою такъ низко поступали.

Габриэль не зная этого имени, онъ не могъ узнать этого быстрого и дрожащаго почерка, и, однакожь, какое-то странное смущеніе, какое-то непонятное предчувствіе закралось въ его сердце. Поблѣднѣвъ отъ волненія, онъ приблизился къ лампѣ, желая еще разъ лучше прочесть записку. Но въ это время отворилась другая дверь, и лордъ Уэнтвортъ, слѣдуя за маленькимъ пажемъ, вышелъ на площадку, черезъ которую ему надобно проходить въ свою комнату.

Губернаторъ, увидѣвъ Габриэля, котораго онъ проводилъ назадъ тому пять минутъ, остановился съ замѣтнымъ удивленіемъ.

— Вы еще здѣсь, другъ мой? сказалъ лордъ, подходя къ нему съ обыкновенною любезностію, — Что могло задержать васъ? Надеюсь, по-крайней-мѣрѣ, что не какой-нибудь несчастный случай?

Честный молодой человекъ, не отвѣчая ни слова лорду Уэнтвортъ, подалъ ему письмо, которое только-что получалъ. Англичанинъ бросилъ на письмо быстрый взглядъ и поблѣднѣлъ еще болѣе, нежели Габриэль, но умѣлъ показаться хладнокровнымъ, и приговарясь, будто читаетъ записку, самъ между-тѣмъ обдумывалъ отвѣтъ.

— Помѣшанная! сказалъ онъ, взявъ записку и бросивъ ее съ пренебреженіемъ, сыграннымъ очень-драматически.

Нельзя было скорѣе и лучше разочаровать Габриэля, который за минуту терялся въ самыхъ тревожныхъ мысляхъ, и теперь вдругъ охладѣлъ къ незнакомкѣ. Однакожь, онъ еще не вполне отказался отъ своего чувства, и сказалъ съ нѣкоторою недовѣрчивостію:

— Впрочемъ, милордъ, вы еще не сказали мнѣ, кто эта женщина, которую вы, противъ ея желанія, держите въ темницѣ?

— Противъ ея желанія, сказалъ Уэнтвортъ равнодушно:— я то же думаю. Это родственница моей жены, безумная, какой не найдти въ цѣломъ свѣтѣ. Родные хотѣли удалить ее изъ Англии, и очень-некстати поручили мнѣ беречь въ этомъ городѣ, гдѣ такъ же легко смотрѣть за безумными, какъ за плѣнниками. Впрочемъ, ужъ если вы проникли въ семейную тайну, любезный другъ, я лучше тотчасъ расскажу вамъ исторію этой женщины. Леди Гоу начиталась рыцарскихъ романовъ; она прожила пятьдесятъ лѣтъ, нажила сѣдые волосы, но до-сихъ-поръ считаетъ себя героиней, которую преслѣдуютъ и притѣсняють, и разными разсказами, болѣе или менѣе удачно выдуманнми, желаетъ найти себѣ защитника въ каждомъ молодомъ и любезномъ кавалерѣ, какой прійдется ей по плечу. Сказки моей старой тѣтушки, Габриэль, кажется, порядочно тронули васъ. А? признайтесь, что ея посланіе немножко разстроило васъ, мой бѣдный другъ!

— Исторія довольно-странная, отвѣчалъ холодно Габриэль:— вы сами согласитесь въ этомъ, милордъ. Однакожь, вы ни разу не говорили мнѣ о своей родственницѣ.

— Въ-самомъ-дѣлѣ, ни разу, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:— да и къ чему посвящать чужихъ въ семейныя дѣла.

— Но отъ-чего же ваша родственница называетъ себя Французкой? спросилъ Габріэль.

— Вѣроятно для того, чтобъ васъ еще болѣе заинтересовать, сказалъ лордъ Уэнтвортъ съ замѣтно-притворною улыбкой.

— А насильственная любовь, которой отъ нея требуютъ, милордъ?

— Старуха бредить; она принимаетъ воспоминанія за надежды, отвѣчалъ Уэнтвортъ, обнаруживая нетерпѣніе.

— Можетъ-быть, милордъ, вы скрываете ее отъ взоровъ, чтобъ избавиться отъ насмѣшекъ?

— Вотъ еще какіе вопросы! сказалъ лордъ Уэнтвортъ, нахмуривъ брови, но стараясь удержать свой гнѣвъ.— Не зналъ я, что вы такъ любопытны, Габріэль. Впрочемъ, теперь уже три четверти девятаго, и я совѣтую вамъ отправиться домой, покажѣсть колоколъ не возвѣстилъ, что время тушить огонь, потому-что свобода, которою вы пользуетесь, какъ плѣнникъ, не должна нарушать правилъ, постановленныхъ для безопасности Калѣ. Если васъ очень занимаетъ леди Гоу, то мы можемъ завтра возобновить разговоръ объ этомъ интересномъ предметѣ. А между-тѣмъ, я прошу васъ не разглашать этихъ нѣжныхъ семейныхъ обстоятельствъ. Спокойной ночи, господинъ виконтъ.

Губернаторъ поклонился Габріэлю и ушелъ, опасаясь потерять хладнокровіе, если продолжится разговоръ.

Послѣ минутной нерѣшительности, Габріэль вышелъ изъ отеля губернатора и отправился къ дому оружейника. Но лордъ Уэнтвортъ не умѣлъ овладѣть собою такъ, чтобъ уничтожить всякое подозрѣніе въ сердцѣ Габріэля, и сомнѣніе, подкрѣпляемое какимъ-то непонятнымъ инстинктомъ, снова овладѣло молодымъ человекомъ, пока онъ шелъ къ дому оружейника.

Габріэль, не надѣясь узнать истину отъ лорда Уэнтворта, рассудилъ лучше не заводить съ нимъ разговора, но самому наблюдать, спрашивать постороннихъ и удостовѣриться, дѣйствительно ли незнакомая дама его соотечественница и взята въ плѣнъ Англичанами.

— Но, Боже мой, еслибъ даже я убѣдился въ истинѣ ея словъ, сказалъ про-себя Габріэль:—что могу я для нея сдѣлать? Развѣ я не плѣнникъ? Развѣ у меня не связаны руки? Развѣ лордъ Уэнтвортъ не можетъ отобрать у меня эту шпагу, которую я ношу по его позволенію?.. Пора, наконецъ, мнѣ выйдти изъ этого двусмысленнаго положенія. Мартэнъ-Герръ долженъ ѣхать завтра непременно, безъ всякой отсрочки. Я нынче же вечеромъ скажу ему объ отъѣздѣ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, Габріэль, которому ученикъ Петра Пекуа отворилъ дверь, пошелъ во второй этажъ, вмѣсто того, чтобъ остаться въ первомъ, у себя въ комнатѣ. Въ домѣ всѣ спали и Мартэнъ-Герръ, безъ сомнѣнія, слѣдовалъ примѣру прочихъ. Однакожъ, Габріэль хотѣлъ разбудить его, чтобъ передать ему свое рѣшитель-

ное приказаніе, и безъ всякаго шума, не желая никого разбудить, добрался до комнаты своего конюшаго.

Въ первой двери оставался ключъ, и Габріэль осторожно ее отворилъ; но вторая была заперта и Габріэль могъ только слышать, черезъ перегородку, залпы смѣха и звонъ стакановъ. Тогда онъ началъ стучаться сильнѣе, и повелительнымъ голосомъ назвалъ себя по имени. Тотчасъ все затихло, и Арно дю-Тилль послушно отворилъ дверь своему господину. Но онъ слишкомъ поторопился, и не далъ времени женщинѣ пробѣжать въ другія двери, такъ-что Габріэль могъ замѣтить край ея платья.

Молодой человекъ подумалъ, что это интрижка съ служанкой, и какъ онъ не отличался притворною скромностью, то не могъ не улыбнуться, смотря на своего конюшаго.

— А, Мартэнъ, сказалъ Габріэль: — ты, кажется мнѣ, не такъ опасно боленъ, какъ думаешь... Столъ накрытъ, три бутылки, два прибора! Кажется, я спугнулъ съ мѣста твоего другаго пріятеля. Но что за дѣло; я видѣлъ довольно-убѣдительныя доказательства твоей болѣзни, и, безъ всякихъ отговорокъ, могу приказывать тебѣ ѣхать завтра утромъ.

— Это, какъ вамъ извѣстно, сударь, и мое желаніе, отвѣчалъ Арно дю-Тилль нѣсколько-пристыженный: — и я хотѣлъ проститься...

— Съ другомъ? это знакъ добраго сердца, сказалъ Габріэль: — но дружба не должна мѣшать исполненію обязанностей, и я требую, чтобъ завтра, прежде, чѣмъ я проснусь, ты уже былъ на Парижской дорогѣ. У тебя есть паспортъ отъ губернатора, экипажъ твой готовъ, лошадь отдохнула, кошелекъ твой полонъ, благодаря добрѣю нашего прекраснаго хозяина, который объ одномъ жалуетъ, что не могъ достать всей суммы, необходимой для моего выкупа. У тебя все есть, что нужно, Мартэнъ, и если ты отправишься въ дорогу завтра на разсвѣтъ, то черезъ три дня можешь быть въ Парижѣ. Ты помнишь, что тебѣ слѣдуетъ тамъ дѣлать?

— Да; сударь, я немедленно отправлюсь въ отель Улицы-Жарденъ-Сен-Поль; успокою вашу кормилицу на-счетъ вашего положенія; спрошу у ней десять тысячъ экю для вашего выкупа, еще три тысячи на ваши издержки и для уплаты вашихъ долговъ, и въ подтвержденіе истины своихъ словъ покажу ей ваше кольцо.

— Безполезныя предосторожности, Мартэнъ; моя добрая кормилица хорошо знаетъ тебя, моего вѣрнаго слугу, и если я далъ тебѣ кольцо, то единственно уступая твоимъ просьбамъ. Похлопочи, чтобъ деньги были собраны поскорѣе, понимаешь?

— Будьте спокойны, сударь. Доставь деньги и вручивъ письмо адмиралу, я ворочусь еще скорѣе, нежели поѣду отсюда.

— Только, главное, не начинай на дорогѣ никакихъ исторій.

— Объ этомъ, сударь, не беспокойтесь.

— Прощай, Мартэнъ, желаю успѣха.

— Черезъ десять дней, сударь, мы опять увидимъ алмазъ при восходѣ солнца, я уже буду далеко отъ Кааб.

На этотъ разъ, Арно дю-Тилль сдержалъ свое обещаніе. Утромъ онъ позволилъ Бабетъ проводить себя только до городскаго воротъ, поцаловавъ ее въ послѣдній разъ, пообѣщавъ и ей обещавъ скоро возвратиться, пришипорилъ лошадей, и вскоре исчезъ на поворотѣ дороги.

Бѣдная дѣвушка торопилась воротиться домой, пока мѣсть еще не проснулся ея грозный братъ, Петръ Пекуа, но она сказала ему, чтобъ на свободѣ заплакаться одной въ своей комнатѣ.

Трудно сказать, кто съ этихъ поръ не переплачивалъ за сворачиванія конюшаго, Габриэль или Бабетъ.

Долго суждено было ждать имъ обоемъ.

VI.

Какъ Арно дю-Тилль велѣлъ повѣсить Арно дю-Тилль въ Нойонъ.

Въ первый день, Арно дю-Тилль не встрѣчалъ на дорогѣ никакихъ особенныхъ препятствій. Правда, отъ-времени-до-времени, ему попадались на встрѣчу группы неприятелей, блуждавшій на дорогѣ, нѣмецкіе дезертиры, уволенные отъ службы Англическою, и голые Испанцы, — потому что въ бѣдной Франціи было тогда больше иностранцевъ, нежели Французовъ, — но въ отвѣтъ на просьбу этихъ добровольныхъ смотрителей большой дороги, Арно дю-Тилль показывалъ паспортъ лорда Уэнтворта, и все, хотя на бѣдѣ ропота и сожалѣнія, пропускали Арно изъ уваженія къ нойонскому королевскаго губернатора.

Однакожь, на второй день, въ окрестностяхъ Сен-Кентена, отрядъ Испанцевъ началъ было дѣлать ему разнаго препятствія, и хотѣлъ конфисковать у него лошадей, потому что о ней не упоминалось въ паспортѣ, но мнимый Мартонъ-Горрь, обнаруживъ, при этомъ случаѣ, большую твердость, требовалъ, чтобъ ему дали начальнику отряда, и выручилъ своего коня.

Это приключеніе послужило для Арно полезнымъ урокомъ, такъ что онъ поставилъ себя за правило на будущее время избѣгать, сколько возможно, встрѣчь съ неприятельскими отрядами. Странное дѣло; неприятель, не одержавъ, со времени взятія Сен-Кентена, рѣшительной побѣды, занималъ, однакожь, всю страну. Ему принадлежали Катле, Гамъ, Нойонъ, Шони, и Арно, прибывшій на другой день вечеромъ къ Нойону, долженъ былъ, для предупрежденія разныхъ препятствій, удалиться отъ города и переночевать въ сосѣдней деревнѣ.

Но, чтобъ дойти до нея, слѣдовало свернуть съ большой дороги. Арно, не зная хорошенько мѣстности, заблудился, и, съ

искивалъ дорогу, печально одутился на навидистой тропинкѣ, посреди группы верягательскихъ рейтаровъ, которые, казалось, тоже лебо-то шлокали.

Арно бѣжалъ чрезвычайно удивленъ, когда одинъ изъ рейтаровъ, зайдя къ нему, закричалъ:

— Эге! не ятесть ли, молодецъ Арно дю-Тилль?

— Развѣ Арно дю-Тилль ѣздитъ верхомъ? отвѣчалъ другой рейтаръ.

— Боже мой! поблѣднѣе проговорилъ конюшій: — кажется, меня здѣсь знаютъ, и если знаютъ, я пропалъ.

Арно думалъ было ускорить назадъ, но поздно: рейтары окружили его со всѣхъ сторонъ. Къ счастью, ночь была довольно темная.

— Кто вы и куда ѣдете? спросилъ одинъ рейтаръ.

— Меня зовутъ Мартэнъ-Герръ, отвѣчалъ Арно, дрожа отъ страха: — я конюшій виконта д'Эксмэ, который находится теперь плѣнникомъ въ Калé и послалъ меня въ Парижъ, достать денегъ для своего выкупа. Вотъ паспортъ отъ калéскаго губернатора, лорда Уэнтворта.

Начальникъ отряда кликнулъ одного изъ своихъ людей, и при свѣтѣ свѣчки началъ съ важностью повѣрять паспортъ Арно дю-Тилля.

— Печать подлинная и паспортъ законный: вы сказали правду, и можете продолжать свой путь.

— Благодарю покорно, сказалъ Арно, вздохнувъ свободнѣе.

— Впрочемъ, еще два слова, приятель. Не встрѣчался ли вамъ на дорогѣ бѣглецъ, негодяй, жоняшикъ, Арно дю-Тилль?

— Я не знаю никакого Арно дю-Тилля, восклицалъ Арно дю-Тилль.

— Хотя вы не знаете его, приятель, но вы могли встрѣтить его где-нибудь на этихъ тропинкахъ. Онъ почти одного съ вами роста, и, пожалуй, я могу судить въ этой темнотѣ, даже нѣсколько положь на языкъ талией, только одѣтъ не по-вашему. Онъ носитъ коричневато-рѣдята плащъ съ капюшономъ, круглую шляпу и сѣрые чулки. Разбойникъ этотъ скрывается въ той странѣ, откуда вы ѣдете. О, пускай только попадетъ намъ подъ руку этотъ проклятый Арно!

— Чѣмъ же онъ сдѣлалъ? спросилъ Арно съ робостью.

— Чѣмъ онъ сдѣлалъ? Вотъ ужъ третій разъ, какъ онъ скрывается въ бѣгакъ. Онъ думаетъ, что съ нимъ обходится слишкомъ жестоко. Да може ли поступать иначе! Въ первый разъ, онъ увелъ любовницу своего господина. Мы кажется, такой поступокъ заслуживаетъ наказания. Притомъ же, ему нечѣмъ заплатить за свой выкупъ. Негодяя покунали, перепродавали; онъ переходилъ изъ рукъ въ руки. Если мы не можемъ извлечь изъ него пользы, такъ пускай онъ, во-крайней-мѣрѣ, забавляетъ насъ. Но вѣтъ, онъ гордъ, онъ не хочетъ этого, онъ бѣгаетъ; вотъ ужъ три раза:

какъ онъ бѣгаетъ... За то ужь, если намъ попадется въ руки разбойникъ...

— Такъ что съ нимъ сдѣлаете? спросилъ Арно.

— Въ первый разъ, его поколотили; во второй, чуть не убили; а въ третій, повѣсимъ.

— Повѣсите? повторилъ испуганный Арно.

— Немедленно, пріятель, и безъ всякихъ околичностей: это доставитъ намъ развлеченіе, а ему послужитъ урокомъ. Посмотрѣка, пріятель, направо. Видишь ли вонъ эту висѣлицу?.. На этой-то самой висѣлицѣ мы и заставимъ болтаться Арно дю-Тилля, какъ-только намъ удастся поймать его, мерзавца!

— О, полноте! сказалъ Арно съ принужденнымъ смѣхомъ.

— Могу тебя увѣрить, пріятель! И если тебѣ встрѣтится этотъ негодяй, хватай его и тащи сюда. Мы не останемся у тебя въ долгу за услугу. За тѣмъ, пріятель, счастливый путь!

Рейтары удалились. Арно, немного опомнившись, закричалъ:

— Извините, господа: услуга за услугу. Я заблудился, какъ видите, и не знаю, въ какую сторону ѣхать. Наведите меня на дорогу.

— Это не мудрено, любезнѣйшій, сказалъ рейтаръ. — Можетъ-быть, ты въ состояніи различать въ темнотѣ стѣну и ворота для вылазокъ: это Нойонъ. Да ты смотришь слишкомъ въ правую сторону! Смотри лѣвѣе, туда, гдѣ висѣлица... Видишь, тамъ блестятъ пики нашихъ товарищей; тамъ, въ нынѣшнюю ночь, стоитъ на часахъ нашъ отрядъ, охраняя ворота. Теперь повернись; передъ тобой проходить по лѣсу парижская дорога. Въ двадцати шагахъ отсюда, она раздѣляется на двѣ вѣтви. Можешь идти, куда тебѣ заблагоразсудится, направо или налѣво: обѣ дороги равной длины, и въ четверти мили отсюда соединяются у паромъ Оазы. Переправясь на паромѣ, иди все прямо. Первая деревня будетъ Оврѣ; она отстоитъ на одну милю отъ берега. Теперь ты не хуже насъ знаешь дорогу. Прощай, пріятель!

— Благодарю. Спокойной ночи! сказалъ Арно и поѣхалъ крупной рысью.

Указанія, которыя онъ получилъ, были вѣрны. Въ двадцати шагахъ, Арно увидѣлъ площадку, и пустилъ свою лошадь по лѣвой дорожкѣ.

Ночь была темная; деревья сплетались непроницаемою тканью. Однакожь, черезъ десять минутъ, Арно дю-Тилль нашелъ въ лѣсу лужайку, и мѣсяцъ, прорѣзавъ перламутровыя облака, разлилъ слабый свѣтъ на дорогу.

Въ эту минуту, конюшій думалъ о своемъ испугѣ и странномъ приключеніи, взволновавшемъ его хладнокровіе.

Успокоенный на-счетъ прошлаго, Арно безъ грусти смотрѣлъ въ будущее.

— Можетъ-быть, думалъ онъ:—подъ моимъ именемъ скрывается настоящій Мартэнъ-Герръ. Но онъ убѣжалъ, бѣдѣльникъ! Я

въ одно время съ нимъ буду въ Парижѣ, и изъ этого можетъ произойти странное недоразумѣніе. Правда, я могу безстыдно спасти себя, но также безстыдно я могу и погубить себя. Какая необходимость была этому негодю скрываться въ бѣгахъ! Положеніе, въ-самомъ-дѣлѣ, затруднительное. Непріятели поступили бы очень-хорошо, повѣсивъ для меня этого бездѣльника. Онъ рѣшительно мой злобный геній.

Пока продолжался этотъ назидательный монологъ, Арно, владѣвшій взоромъ опытнымъ и проникательнымъ, примѣтилъ, или, казалось ему, будто примѣчалъ, на разстояніи сотни шаговъ, человѣка или, вѣрнѣе, призракъ, который, при его приближеніи, быстро исчезъ въ глубинѣ рва.

— Эге, еще неприятная встрѣча, еще новая засада, подумалъ благоразумный Арно, и пытался вѣхъ въ лѣсъ; но ровъ былъ непроходимъ ни для всадника, ни для лошади. Арно дождалъ нѣсколько минутъ и потомъ осмѣлился взглянуть. Призракъ неподвижно и снова быстро кинулся въ ровъ.

— Не боится ли онъ меня такъ же, какъ я боюсь его? подумалъ Арно.—Можетъ-быть, мы оба стараемся скрыться одинъ отъ другаго. Но надобно же на что-нибудь рѣшиться, потому-что этотъ проклятый кустарникъ мѣшаетъ мнѣ выбраться въ лѣсу на другую дорогу. Не благоразумнѣе ли будетъ вернуться назадъ? Или лучше пустить лошадь во весь галопъ и пролетѣть, какъ молнія, мимо этого человѣка? Дѣло было бы гораздо-короче. Онъ стоитъ на ногахъ, и если выстрѣлъ изъ ружья... Но что за пустяки! Я не дамъ ему времени.

Вздувано, сдѣлано. Арно пролетѣлъ, какъ стрѣла, мимо человѣка, лежавшаго въ засадѣ. Онъ не трогался. Это придало смѣлости Арно; онъ удержалъ лошадь и даже сдѣлалъ нѣсколько шаговъ назадъ, озаренный молніей внезапной мысли.

Незнакомецъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Это возвратило всю бодрость Арно и, почти увѣренный въ своемъ успѣхѣ, онъ подвѣхалъ прямо ко рву.

Но въ эту минуту, человѣкъ однимъ прыжкомъ очутился на краю рва, вырвалъ изъ стремени правую ногу Арно, поднялъ ее съ невѣроятною силою, сбросилъ всадника съ лошади, упалъ вмѣстѣ съ нимъ на землю, схватилъ его рукою за горло и колѣномъ уперся ему въ грудь.

Все это не продолжалось двадцати секундъ.

— Кто ты? чего тебѣ надо отъ меня? спросилъ побѣдитель у своего поверженнаго врага.

— Оставь меня, умоляю! сказалъ Арно задыхающимся голосомъ.—Я Французъ, но у меня есть паспортъ отъ лорда Уэнтворта, губернатора Калѣ.

— Если ты Французъ, сказалъ незнакомецъ—и, въ-самомъ-дѣлѣ, у тебя выговоръ не такой, какъ у всѣхъ этихъ проклятыхъ иностранцевъ—мнѣ не надо твоего паспорта. Но зачѣмъ ты при-

ближался ко мнѣ съ такимъ любодѣтствомъ?

— Мнѣ показалось, будто во рву шевелится человекъ, продолжалъ Арно, чувствуя меньшее давленіе:—и я приблизился, желая узнать, не равешный ли это и нечая ли подать ему помощи.

— Намѣреніе было доброе, сказалъ незнакомецъ, сплывая руку и колыно съ Арно.—Теперь встань, товарищъ, прибавилъ онъ, подавая руку дю-Тиллю, который поспѣшно стааъ на ноги.—Я обошелся съ тобою, можешь быть, немножко жестко, въ чемъ и прошу извиненія. Дѣло въ томъ, что я не терплю, чтобъ товарищъ иностранцы вмѣшивались въ мои дѣла. Но ты—мой соотечественникъ, это совершенно другая статья, и ты будешь мнѣ служить, а не вредить. Мы сейчасъ объяснимся. Меня зовутъ Мартанъ-Герръ, а тебя?

— Меня? меня?.. зовутъ... Бертранъ, сказалъ Арно, дрожа всѣмъ тѣломъ:—потому-что, ночью, въ этомъ густомъ лѣсу, человекъ, падъ которымъ онъ, обыкновенно, одерживалъ верхъ коварствомъ и хитростью, преобладалъ надъ нимъ, въ свою очередь, силою и мужествомъ.

Къ-счастью, темная ночь давала Арно возможность быть неузнаваемымъ, и онъ употреблялъ всѣ усилія говорить не о своемъ голосомъ.

— Итакъ, пріятель Бертранъ, продолжалъ Мартанъ-Герръ:—знай, что я бѣглый плѣдникъ; сегодня утромъ, я во второй разъ, а нѣкоторые говорятъ, въ третій, убѣжалъ изъ рукъ Иованнеъ, Англичаецъ, Нѣмецъ, Фламаецъ, отъ этой толпы враговъ, которая палѣла на нашу бѣдную страну, какъ туча саранчи. Въ настоящую минуту, Франція похожа на лавдонскую баню. Въ продолженіе мѣсяца, я принадлежалъ двадцати различнымъ партидамъ и слушалъ двадцать маршѣвъ, одно другаго грубѣе. Мнѣ изскужило таскаться изъ города въ городъ, тѣмъ болѣе, что, казалось мнѣ, эти варвары смѣлись надо мной и находили для себя забаву въ моихъ мукахъ. Они безпрестанно попрекали меня рднее хорошецкой чертовкой, Гудудой, которая, если не ошибаюсь, была меня до того, что готова была бѣжать со мною.

— Эге! замѣтилъ Арно.

— Я только повторяю, что мнѣ говорили. Итакъ, насмѣдки дошли до того, что въ одно прекрасное утро—это было въ Шонъ—я убѣжалъ снова, но убѣжалъ одинъ. Къ-несчастью, меня схватили, истерзали побоями. Но къ-чему поведетъ это? Они угрожали повѣсить меня, и этимъ самымъ еще болѣе подстрекали меня приняться за прежнее, и вотъ, нынче утромъ, когда меня везли въ Нойонъ, я воспользовался благопріятнымъ случаемъ и ускользнулъ отъ своихъ мучителей. Одному Богу извѣстно, какъ они старались меня повѣсить!.. Но мнѣ, какъ видите, не слишкомъ хотѣлось болтаться на висѣлицѣ; я вскарабкался въ лѣсу на огромное дерево, чтобъ тамъ дожидаться ночи, и не могъ удержаться отъ смѣха, вида, какъ они, проклиная меня, ходили подъ деревомъ. Вечеромъ, я одевалъ

вою обсерваторію. Но, въ-первыхъ, я заблудился въ этомъ не-
накомомъ лѣсу, и; во-вторыхъ, умираю съ голода, потому-что въ-
продолженіе двадцати-четырехъ часовъ мои зубы не грызли ни-
его, крошкѣ листьевъ да кореньевъ. Плохой завтракъ! Вотъ доче-
ту и падаю отъ усталости, какъ ты легко могъ самъ замѣтить.

— Признаться, я не могъ тотчасъ этого замѣтить, сказалъ Арно:
— мнѣ казалось, напротивъ, что у васъ довольно силы.

— Отъ-того развѣ, продолжалъ Мартэнъ:— что я немножко васъ
боялся: мнѣ въ это время дѣйствительно поддерживала голодная
пикорадка. Но теперь вы будете мнѣ провидѣнцемъ; вы мой со-
отечественникъ и не дадите мнѣ снова попастьъ въ руки непріятель-
ской. Не правда ли?

— Разумѣется, если только я могу для васъ что-нибудь сдѣ-
лать, отвѣчалъ Арно дю-Тилль, обдумывая слова Мартэна.

Арно начиналъ чувствовать свои силы, сдавленные на минуту
железною рукою его Созія.

— Вы можете много сдѣлать для меня, простодушно продол-
жалъ Мартэнъ-Герръ.— Прежде всего, знаете ли вы сколько-нибудь
деревня окрестности?

— Я нѣтъ Оврѣ; деревня эта отстоитъ отсюда на четверть мили,
сказалъ Арно.

— Вы туда ѣдете? спросилъ Мартэнъ.

— Нѣтъ, я возвращаюсь отсюда, отвѣчалъ хитрецъ, послѣ ми-
нутаго вѣщательства.

— Значитъ, Оврѣ лежитъ тамъ? сказалъ Мартэнъ, показывая въ
ту сторону, гдѣ находился Нойонъ.

— Именно такъ, возразилъ Арно:— это первая деревня за Ной-
ономъ; она лежитъ на парижской дорогѣ.

— На парижской дорогѣ! вскричалъ Мартэнъ.— Видите ли, какъ
легко заблудиться въ лѣсу. Я думалъ, что стою спиною къ Ной-
ону, а между-тѣмъ онъ у меня передъ глазами. Я думалъ, что
иду къ Парижу, а между-тѣмъ отъ него удаляюсь. Ваша прокля-
тая сторона мнѣ вовсе неизвѣстна! Значитъ, мнѣ надобно идти въ
ту сторону, откуда вы возвращаетесь, чтобъ не попастьъ въ волчью
пасть?

— Совершенно такъ. Я иду въ Нойонъ, не хотите ли ли пройти
со мною нѣсколько шаговъ? Недалеко отсюда, не доходя до па-
рома Оазы, мы найдемъ другую дорогу, которая проведетъ насъ
въ Оврѣ.

— Чувствительно благодарю, любезный Бертранъ, сказалъ Мар-
тэнъ.— Мнѣ надо беречь свои ноги; я очень усталъ и ослабъ, по-
тому-что, какъ вы уже знаете, я выдержалъ сегодня самый стро-
гий постъ, какой только можно себѣ вообразить. Кстати, любез-
ный Бертранъ, нѣтъ ли у васъ съ собою чего-нибудь питательна-
го? Вы спасли бы меня этимъ вдвойнѣ: и отъ Англичанъ, и отъ
голода, не менѣе ужаснаго, какъ и Англичане.

— Увы, отвѣчалъ Арно:— у меня нѣтъ ни крошки въ котомкѣ.

Но если вы хотите выпить кружку, моя полная тыква готова къ вашимъ услугамъ.

Въ-самомъ-дѣлѣ, заботливая Бабета наполнила легкимъ краснымъ виномъ сдѣланную изъ тыквы баклажку своего невѣрнаго любовника, и Арно очень-благоразумно не прикасался къ бутылкѣ, чтобъ сохранить свой немногочисленный-хрупкій разумокъ посреди опасностейъ дороги.

— Я думаю, что у меня пересохло въ горлѣ! вскричалъ съ восторгомъ Мартэнъ-Герръ.—Кружка вина нѣсколько оживитъ мои силы.

— Берите же и пейте, почтенивѣйшій, сказалъ Арно, подавая ему баклажку.

— Благодарю; Господь заплатитъ вамъ за это, замѣтилъ Мартэнъ, и началъ съ довѣрчивостію глотать вино, коварное, какъ тотъ, кто предлагалъ ему этотъ напитокъ, и которое почти тотчасъ своими парами ошляпило слабую голову.

— Э, сказалъ весело Мартэнъ; — да вашъ клергъ горячигъ порядочно.

— Помните; это вино самое невинное, отвѣчалъ Арно: — а нѣю по двѣ бутылки за обѣдомъ... Да что тутъ толковать. Посмотрите, какой прекрасный вечеръ; знаете, любезнѣйшій: разложимся на травѣ; вы будете отдыхать и пить, сколько душѣ угодно. У меня еще много времени впереди; мнѣ надобно дрифтовать въ Нойонъ къ десяти часамъ, когда будутъ заперты ворота. Значитъ, еще уснѣю. Вамъ тоже торопиться не зачѣмъ. Правда, Оврѣ еще держится Франція, однакожъ въ теперешнюю пору на большой дорогѣ вы еще можете встрѣтить неприятныя патрули; если же сойдете съ большой дороги, то, пожалуй, снова заблудитесь. Гераздо вѣрнѣе для насъ посидѣть здѣсь нѣсколько минутъ и потолковать по-приятельски. Гдѣ попались вы въ плѣнъ?

— Право, не знаю, сказалъ Мартэнъ-Герръ:—это вещь не рѣшенная, какъ почти все мое бѣдное существованіе; тутъ находятся два противоположныя мнѣнія: мое собственное, и то, которое говорятъ мнѣ другіе. Увѣряютъ меня, будто я попался въ плѣнъ въ сраженіи при Сен-Лоранѣ, но мнѣ кажется, что я даже не участвовалъ въ этомъ дѣлѣ, а нѣсколько послѣ одинъ попалъ въ руки неприятеля.

— Какъ понимать это? спросилъ Арно дю-Тилль, прикидываясь удивленнымъ: — Значитъ, у васъ двѣ исторіи? Похожденія ваши должны быть очень занимательны и, по-крайней-мѣрѣ, поучительны. Признаюсь, я страстный охотникъ до рассказовъ. Выпейте-ко пять или шесть глотковъ; вино придастъ вамъ побольше памяти, а потомъ расскажите мнѣ какой-нибудь отрывокъ изъ вашей жизни. Такъ ли? Вы не изъ Пикардій?

— Нѣтъ, продолжалъ Мартэнъ послѣ паузы, въ-продолженіе которой онъ опорожнилъ три четверти баклажки:—нѣтъ, я родился на югѣ, въ Артуагѣ.

— Говорятъ, это прекрасная страна. Что, у васъ такъ осталось семейство?

— Семейство и жена, любезный другъ, отвѣчалъ Мартэнъ-Герръ, который, благодаря вину, сдѣлался очень-откровеннымъ и доверчивымъ.

И, возбужденный, частью разпросами Арно, частью безпрестанными возліаніями, онъ принялся быстро рассказывать свою исторію, со всѣми подробностями: свою молодость, любовь, женитьбу. Жена его была прелестна, но имѣла одинъ маленькій недостатокъ: менно, рука у ней была очень-рѣзвая и въ то же время тяжелая. Конечно, одна оплеуха, полученная отъ женской руки, еще не дѣлаетъ безчестія мужчинѣ, но, часто повторяясь, такая свобода тановится, наконецъ, нестерпимею. Вотъ почему Мартэнъ-Герръ откинулъ свою жену, слишкомъ-выразительную. Затѣмъ слѣдова-ло въ скобкахъ изложеніе причинъ, обстоятельствъ и послѣдствій того разрыва. Впрочемъ, Мартэнъ все еще страстно любилъ милою Берtrandу; онъ еще носилъ на пальцѣ желѣзное вѣнчалное кольцо, и на груди берегъ два или три письма, которыя прислала къ нему Берtrandа послѣ первой разлуки. Рассказывая это, добрый Мартэнъ-Герръ не могъ удержаться отъ слезъ: вино, какъ вино, было очень-нежное. Потомъ, онъ хотѣлъ рассказывать, что случилось съ нимъ съ-тѣхъ-поръ, какъ онъ вступилъ въ услуженіе къ виконту д'Эксмэ, какъ преслѣдовалъ его какой-то демонъ, и какими судьбами онъ, Мартэнъ-Герръ, явился въ двухъ лицахъ и не могъ узнавать себя въ двухъ существахъ. Но эта часть исторіи, казалось, менѣе интересовала Арно дю-Тилля, который потопанно заставлялъ рассказчика возвращаться къ своему дѣтству, родительскому дому, друзьямъ, роднымъ, жившимъ въ Артигѣ, и къ прелестиямъ и недостаткамъ Берtrandы. Менѣе, нежели въ два часа, вкрадчивый Арно дю-Тилль узналъ искусными разпросами все, что ему надобно было узнать о жизни и самыхъ тайныхъ дѣйствіяхъ бѣднаго Мартэна-Герра.

Голова Мартэна горѣла, какъ въ огнѣ: черезъ два часа, онъ сталъ или, лучше, хотѣлъ встать, потому-что, при этомъ движеніи, онъ закачался, и въ тяжеломъ паденіи сѣлъ на траву.

— Это что значитъ? сказалъ онъ съ громкимъ смѣхомъ, кото-рый долго потомъ дрожалъ въ воздухѣ, пока совершенно не затихъ.

— Это легочное вино, чортъ меня возьми, кажется, начинаетъ опаливать. Дай-ко мнѣ руку, товарищъ; хочу постоять прямо.

Арно мужественно поднималъ его и усилъ поставить на ноги, только не въ классическомъ равновѣсіи.

— Эге, сколько фонариковъ-то! закричалъ Мартэнъ.—Впрочемъ, какой же я дуракъ! принялъ звѣзды за фонари.

И потомъ принялся пѣть невѣрнымъ голосомъ:

Говорятъ, вино — отрада;
А не худо на-примѣръ

Мнѣ прислать вино изъ вѣн,

Плутъ старшій, Лодисаръ.

Замолчите ли вы, закричалъ Арио. — Если какой-нибудь неприятельскій отрядъ, проходя по окрестностямъ, услышитъ насъ, то тогда?

— Ба! я лично на всѣхъ, сказалъ Мартэнъ. — ну, что они будутъ сдѣлать со мною? повѣсятъ?.. А должно быть очень-привѣсивъ!.. Однакожь, пріятель, ты подползъ меня притѣснѣлъ, обыкновенно трезвый, какъ ягненокъ, не умѣю бороться опьяненіемъ; притомъ же, я пилъ на тощій желудокъ, я бѣжалъ додень, а теперь я жажду.

Говорять, вино — отрада...

— Тише! сказалъ Арио. — Попробуйте-же пройтись. Вырешотдумали переночевать въ Оврѣ?

— Да, да! переночую, сказалъ Мартэнъ. — только не въ Оврѣ, а тамъ, на травкѣ, при свѣтѣ божіихъ обшарковъ.

— Хорошо, отвѣчалъ Арио: — а завтра утромъ посланскій трутъ найдетъ васъ и отправитъ спать къ двявоу.

— Къ старому Люциферу? сказалъ Мартэнъ. — Нѣтъ, въ такомъ случаѣ, ужъ лучше дотащиться какъ-нибудь въ Оврѣ. Идетъ ли же идти?.. въ которую сторону?

— Не смотря на всѣ свои усилія поддерживать равновѣсіе, Мартэнъ выдѣлывалъ такіе отчаянные зигзаги, что Арио, увидѣвъ ихъ, обходившимъ немного помочь ему; иначе, Мартэнъ еще рано и паль бы, то-есть на разъ спасся бы отъ побѣды, а это вовсе согласовалось съ желаніемъ низкаго Лю-Тизли.

— У меня душа добрая, сказалъ онъ Мартэну: — и притомъ не такъ далеко. Я провожу васъ туда. Дайте мнѣ только вязать лошадь; я поведу ее подъ-уздцы, а вы дадите мнѣ руку.

— Съ удовольствіемъ, отвѣчалъ Мартэнъ. — Я человекъ чистый и дѣльный, и между нами признаюсь, я немножко пью. Выше и реть порядочно горячить. Я очень счастливъ, не выпью пьить.

— Итакъ, пойдете; ужъ поздно, сказалъ Арио. — Вы взявъ своего Созія подъ-руку, и продолжая идти по дорожкѣ, которая вела прямо въ Нойонъ. — Впрочемъ, замѣтилъ Арио: — расскажете ли мнѣ еще какую-нибудь исторію объ Арлеахъ; говорю, знаете, сокращаетъ дорогу.

— Не хотите ли, чтобъ я рассказалъ вамъ исторію про Натю? спросилъ Мартэнъ. — Ахъ, бѣднѣшка Панотта!

Эпопея Панотты очень-часто прерывалась, и мнѣ не слѣдуетъ рассказывать. Исторія эта была почти окончена, когда два тела кое-какъ пришли къ нойонскимъ воротамъ.

— Пришли! сказалъ Арио: — мнѣ не захотѣло идти дальше. Вы эти ворота? Они ведутъ въ Оврѣ. Ступайте; сторожка тамъ с

рните; назовите себя моимъ именемъ, Бертрамомъ, и онъ покажетъ вамъ, въ двухъ шагахъ отсюда, мой домъ, гдѣ братъ мой приметъ васъ радушно, и вы найдете добрый ужинъ и хорошую постель. Затѣмъ прощайте, другъ. Да, въ послѣдній разъ дайте мнѣ руку, и прощайте.

— Прощайте; я дамъ оцень, оцень-благодаренъ, отвѣчалъ Мартэнъ. — Я бѣднякъ и не въ состояніи отплатить вамъ за услугу. Но будьте спокойны: Богъ правосуденъ и заплатитъ вамъ. Прощайте, другъ.

Странное дѣло! Это предсказаніе пьянаго заставило затрепетать Арно. Хотя онъ не былъ суевѣренъ, однакожь хотѣлъ отозвать Мартэна. Но этотъ ужъ стучалъ богатырскою рукою въ ворота.

— Неосторожный, онъ стучится въ могилу, подумалъ Арно... — Впрочемъ, все это ребячество.

Между тѣмъ, Мартэнъ, не подозревая, что его спутникъ замѣчаетъ за нимъ, надалъ, кричалъ во все горло:

— Эй, сторожа! Эй, черберъ! когда же ты отворишь, мужикъ! Меня прислалъ Бертрамъ, слышишь, великій Бертрамъ!

— Кто тамъ, спросилъ часовой, стоявшій за воротами. — Теперь не отворишь. Кто вы, что поднимаете такую тревогу?

— Кто я? Болванъ? Я — Мартэнъ-Герръ, или Арно дю-Тилль, или, если хочешь, другъ Бертрама. Во мнѣ много лицъ, но имѣю особенно, когда я выпью. Настъ двадцать момодновъ, и мы порадодемъ вывѣчемъ тебя, если тотчасъ не отворишь.

— Арно дю-Тилль! вы Арно дю-Тилль, спросилъ часовой.

— Да, Арно дю-Тилль, двадцать тысячъ воевъ чертей! сказалъ Мартэнъ-Герръ, случа въ ворота ногами и кулаками.

За воротами послышался говоръ солдатъ, призванныхъ часовымъ. Потому, тогда съ фонаремъ отворила ворота, и Арно дю-Тилль, скрывавшійся за деревьями, въ небольшомъ разстояніи отъ воротъ, услышалъ, какъ многіе голоса закричали съ выраженіемъ изумленія:

— Это онъ! Это действительно онъ!

Мартэнъ-Герръ, узнавъ своихъ тирановъ, испустилъ крикъ отчаянія, который какъ проклятiе поразилъ Арно въ его логовищѣ. Потому, судя по крикамъ и топоту, Арно подумалъ, что смѣлый Мартэнъ, видя все потеряннымъ, началъ невозможную борьбу, безсмысленную потому-что онъ долженъ былъ защищаться двумя кулаками противъ двадцати шпагъ. Шумъ уменьшился, потому-что былъ едва слышенъ въ отдаленіи, и наконецъ совершенно затихъ. Солдаты увели Мартэна, засыпавшаго ихъ проклятiями.

— Не думаетъ ли онъ бранью и ударами поправить свои дѣла? сказалъ про себя Арно, потирая руки.

Когда вдали ничего не было слышно, онъ погрузился на четверть часа въ раздумье, потому-что Арно дю-Тилль былъ глубокой неразвѣжъ. Въ-слѣдствіе этихъ размышленій, онъ углубился ша-

говъ на триста или четыреста въ чашу лѣса, привязалъ свою лошадь къ дереву, разложилъ на поблекшихъ листьяхъ сѣдло и лошадиный коверъ, закутался въ плащъ, и, черезъ нѣсколько минутъ, погрузился въ глубокой сонъ, который природа посылаетъ закоренѣлому злодѣю еще болѣе, нежели робкой невинности.

Онъ спалъ два часа сряду, и когда проснулся, еще была ночь но положеніе звѣздъ показывало, что было около четырехъ часовъ утра. Арно всталъ, отвязалъ лошадь и осторожно поѣхалъ къ болшой дорогѣ.

На висѣлицѣ, которую показали ему наканунѣ, тихо качалось тѣло бѣднаго Мартѣна-Герра.

Злобная улыбка мелькнула на губахъ Арно.

Онъ безъ трепета приблизился къ трупу, но не могъ достать его, потому что тѣло висѣло очень-высоко. Тогда Арно, со шпагою въ рукѣ, вскарабкался на висѣлицу, и достигнувъ до известной высоты, разрубилъ веревку шпагою.

Тѣло упало на землю.

Арно сошелъ, снялъ съ пальца мертвеца желѣзное кольцо, которое вовсе не стоило, чтобъ его снимали, обшарилъ грудь покойнаго и, найдя на ней бумаги, тщательно спряталъ ихъ, наделъ на себя плащъ и тихо удалился, не бросивъ даже взгляда на несчастнаго, котораго онъ безпокоилъ въ теченіи всей его жизни и обокралъ послѣ смерти.

Арно отыскалъ свою лошадь между деревьями, осѣдлалъ большиимъ галопомъ отправился въ Оне. Негодяй былъ чрезвычайно-доволенъ: Мартѣнъ не навелъ на него страха.

Черезъ полчаса послѣ того, когда слабый блескъ показался въ востокѣ, дровосѣкъ, проходившій случайно по дорогѣ, увидѣлъ, что веревка висѣлицы обрѣзана и повѣшенный лежитъ на землѣ. Въ страхъ и съ любопытствомъ, крестьянинъ приблизился къ мертвецу; платье его было въ безпорядкѣ и веревка довольно слабо обвязана вокругъ шеи. Дровосѣкъ не зналъ, тѣло ли своею тяжестью оборвало веревку, или какой услужливый другъ разрубилъ ее; впрочемъ, очень-поздно — и даже осмѣлился прикоснуться къ несчастному, желая удостовѣриться, дѣйствительно ли онъ умеръ.

Но вдругъ, къ великому его ужасу, повѣшенный поднялъ голову и руки и сталъ на колѣни. Дровосѣкъ въ испугъ побѣжалъ въ лѣсъ, крестясь и призывая себѣ на помощь Бога со всеми святыми.

IX.

Буколическія грезы Арно дю-Тилла.

Коннетабль Монморанси, заплативъ за себя королевскій выкупъ на другой день по пріѣздѣ своемъ въ Парижъ представлялся въ Лувръ, думая этимъ средствомъ немедленно пріобрѣсть благосклон-

ть короля. Но Генрихъ II встрѣтилъ его съ строгою холодно-
стью и началъ выхвалять управление герцога Гиза, который, по
вамъ короля, умѣлъ вести дѣла такъ, что уменьшилъ, если не
совершенно уничтожилъ бѣдствія королевства.

Коннетабль, поблѣднѣвъ отъ гнѣва и зависти, надѣялся, по-
мощней-мѣрѣ, найти себѣ какое-нибудь утѣшеніе у Дианы Пу-
а. Но фаворитка приняла его такъ же холодно, и когда Монмо-
ранси жаловался на такой равнодушный пріемъ и, казалось, она-
ся подумать, что, въ его отсутствіе, другой, болѣе счастливый,
пелъ въ милость у герцогини, госпожа Пуатъё сказала довольно
того:

— Вѣрно вы не знаете новой поговорки парижскаго народа?

— Я только-что пріѣхалъ, и не знаю... проговорилъ коннетабль.

— Этотъ злой народъ говоритъ: «C'est aujourd'hui la Saint-Lau-
t; qui quitte sa place la rend».

Коннетабль поблѣднѣвъ, поклонился герцогинѣ и разстроенный
шелъ изъ Лувра.

Возвратясь домой, онъ въ бѣшенствѣ бросилъ свою шляпу на
полъ.

— О, женщины! вскричалъ онъ: — неблагоприятное племя! Оно
бьетъ только торжествующихъ.

— Съ вами желаетъ говорить какой-то господинъ, сказалъ кам-
раньеръ.

— Пускай онъ убирается къ чорту! закричалъ коннетабль. — Я
принимаю никого! Пошли его къ г. Гизу.

— Человѣкъ этотъ просилъ меня сказать вамъ, сударь, что его
звать Арно дю-Тилль.

— Арно дю-Тилль! повторилъ удивленный коннетабль: это дру-
е дѣло; попроси войти.

Слуга поклонился и ушелъ.

— Арно, думалъ коннетабль: — человѣкъ ловкій, хитрый и жад-
н, и кромѣ того рѣшительный и безсовѣстный. О, еслибъ онъ
могъ мнѣ отгнать всѣмъ этимъ людямъ!.. Но, впрочемъ, что жъ
могу выиграть мщеніемъ? Гораздо-лучше, еслибъ онъ помогъ
мнѣ снова войти въ милость. Онъ знаетъ многое. Я уже думалъ
использоваться тайною Монгомери, но лучше, когда бы Арно могъ
сказать мнѣ отъ необходимости прибѣгать къ этой тайнѣ.

Въ это время вошелъ Арно дю-Тилль. На лицѣ плута сіяла ка-
ка-то безстыдная радость. Онъ поклонился коннетаблю почти до
полу.

— Я думалъ, что ты въ плѣну, сказалъ ему Монморанси.

— И я действительно былъ плѣнникомъ, такъ же, какъ и вы,
свѣчалъ Арно.

— Но теперь, какъ кажется, ты освободился изъ неволи? про-
скалъ Монморанси.

— Да, сударь, только я купилъ свободу своею собственною

моной — хитростью. Вы употребили деньги, и употребите и мы оба свободны.

— Ты, кажется, говоришь дерзости, погодя! отвѣчалъ мой тебѣ.

— Нисколько, отвѣчалъ Арно: — я хотѣлъ только сказать, у меня нѣтъ денегъ — вотъ и все.

— Гм! замѣтилъ Монморанси: — чего же тебѣ нужно бѣже?

— Денегъ, потому что у меня ихъ нѣтъ, сударь.

— Зачѣмъ же я стану давать тебѣ деньги? спросилъ Монморанси.

— Нгобы расплатиться, отвѣчалъ шпіонъ.

— За что, на примѣръ?

— За новости, которыя вымѣрять я сообщать вамъ.

— Поездиограти, какія у тебя новости?

— Увидимъ, какія у васъ деньги.

— Мерзавецъ! а что, если я прикажу тебя повѣсить?

— Вы выберете самое дурное средство развязать мнѣ руки, не вѣдаете, чтобъ я высунулъ его, отвѣчалъ Арно.

— Онъ очень дерзокъ, подумалъ Монморанси. — Одинокимъ сперва узнаю все нужное.

— Впрочемъ, сказалъ онъ громко: — я согласенъ еще мнѣ женскую уступлю.

— Коннетабль очень благосклоненъ, продолжалъ Арно, — и можетъ свое великодушіе, заплативъ мнѣ старые долги.

— Какіе? спросилъ Монморанси.

— Представляю вамъ счетъ, сказалъ Арно, подавая ему списокъ, который, какъ мы видѣли, замѣтно увеличивался.

Монморанси взглянулъ на бумагу.

— Да, сказалъ онъ: — возлѣ пустыхъ и ложныхъ услугъ есть и такія, которыя могли бы послужить мнѣ въ пользу въ время, когда ты оказывалъ ихъ; но теперь онъ заставляетъ только сожалѣть о прошломъ.

— Вы преувеличиваете невыгоды своего положенія, Арно.

— Что? замѣтилъ коннетабль. — По этому, ты знаешь, что я впаду въ немилость?

— Сомнѣваются въ этомъ, сударь, и я тоже сомнѣваюсь.

— Итакъ, Арно, продолжалъ горестно Монморанси: — должно сомнѣваться въ томъ, что удаленіе Ляны де-Виконта д'Экенѣ изъ Сен-Кентена мнѣ не послужитъ потому что, по всей вѣроятности, король не захочетъ, чтобъ дочь отдала руку моему сыну.

— Боясь мой, сударь, отвѣчалъ Арно: — а я думаю, что король охотно согласился бы уступить вамъ свою дочь, вы могли возвратитъ ее его величеству.

— Что это значить?

— Я говорю, сударь, что нашъ государь, Генрихъ II, тоскуетъ, не только о потерѣ Сен-Кентена и проигранной

и при Сэн-Лорансѣ, но такъ же и дочеръ своей любимой дочери, яны де-Кастро, которая послѣ осады Сэн-Кентена исчезла, такъ-что, теперь никто не знаетъ, что съ нею случилось. Объ этой потерѣ носятъ самые противоположные слухи. Я самъ узналъ эту новость только сегодня утромъ; вы, сударь, воротились вчера, не можете знать, что здѣсь дѣлается.

— Въ самомъ дѣлѣ, у меня и безъ того много заботъ, отвѣчалъ коннетабль. — Мнѣ скорѣе слѣдовало думать о своей настоящей нещастѣ, нежели о прошломъ успѣхѣ.

— Совершенная правда, сказалъ Арно. — Но, позвольте мнѣ сказать, вы не можете ли возвратиться, если вы скажете ему, на-примѣръ: Государь, вы оплакиваете свою дочь, вы знаете ее вѣздѣ, вы спрашиваете о ней у каждаго. Однѣхъ я знаю, государь, гдѣ находится аша дочь».

— Развѣ ты знаешь, Арно? живо спросилъ Монморанси.

— Знать мое ремесло, отвѣчалъ шпионъ. — Не сказалъ ли я вамъ, что продаю новость. Товаръ у меня, какъ видите, не гнилой. Подумайте, сударь, подумайте.

— Я думаю, сказалъ коннетабль:—если я отдамъ Генриху II его дочь, онъ будетъ въ восторгѣ, и въ первыя минуты увлеченія готовъ будетъ отдать все золото, всѣ почести за услугу. Но потомъ, она начнетъ плакать, станетъ говорить, что она лучшей готова умереть, нежели отдать свою руку кому другому, а не виконту д'Экме, и король, тронутый слезами дочери, побужденный словами моихъ враговъ, вспомнитъ только проигранную мною битву и забудетъ, что я возвратилъ ему дочь. Значитъ, всѣ мои усилія кончатся тѣмъ, что я доставлю счастье виконту д'Экме.

— Слѣдовательно, продолжалъ Арно съ злобною улыбкой — надо, чтобъ въ одно время явилась госпожа де-Кастро и исчезъ виконтъ д'Экме. Это было бы хорошо сыграно, какъ вы думаете?

— Да, но я не хотѣлъ бы прибѣгать къ такимъ средствамъ, сказалъ коннетабль. — Я знаю, что у тебя рука вѣрная и языкъ не болтливый, однакожь...

— А, коннетабль очень ошибается въ моихъ намереніяхъ, закричалъ Арно, притворяясь оскорбленнымъ:—коннетабль хочетъ оклеветать меня; онъ думалъ, что я хочу освободить его отъ этого молодого человека ужаснымъ средствомъ (Арно выразительно махнулъ рукою). Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ. У меня есть лучшія средства!

— Какія? живо спросилъ коннетабль.

— Но сперва, сударь, заключимъ наши условія, сказалъ Арно. — Я только указалъ вамъ мѣсто, гдѣ скрывается заблудшая лань. Я могу поручиться по-крайней-мѣрѣ въ томъ, что герцогъ Францискъ вступитъ въ бракъ до возвращенія своего опаснаго соперника. Кажется, сударь, это двѣ блистательныя заслуги. Теперь посмотримъ, чѣмъ вы отплатите мнѣ за это?

— Чего ты просишь? сказала Монморанси.

— Вы человекъ разсудительный, и я тоже, отвѣчалъ Арно.— Во-первыхъ, вы не торгуйтесь заплатить мнѣ старый долгъ по счету, который сію минуту я имѣлъ честь вамъ представить...

— Хорошо, отвѣчалъ коннетабль.

— Я зналъ, что у насъ не будетъ спора объ этой новой статьѣ въ итогѣ — сущая бездѣлица; денегъ этихъ едва-ли достанетъ и на путевыя издержки и покупку кой-какихъ подарковъ, которыми мнѣ надо запасть въ Парижѣ. Но—деньги еще не все въ мірѣ!

— Какъ! сказалъ коннетабль, изумленный и почти испуганный:— не-уже-ли мнѣ говорить Арно дю-Тилль, что деньги еще не во всемъ мірѣ?

— Точно такъ, сударь, Арно дю-Тилль, но не прежній Арно дю-Тилль, не бѣднякъ и жадный, нѣтъ, другой Арно дю-Тилль довольный маленькимъ состояніемъ, которое онъ умѣлъ приобрести и желающій только одного — провести мирно ѣстатокъ своей жизни на родинѣ, подъ родною кровлей, въ кругу друзей своего дѣтства, въ объятіяхъ семейства. Это была моя всегдашняя мечта, сударь, это была тихая и прекрасная цѣль моего бурнаго существованія.

— Правда, сказалъ Монморанси: — если надо испытать бурю, чтобъ наслаждаться тишиною, ты будешь счастливъ, Арно. Ты, какъ слышу, разбогатѣлъ?

— Довольно для меня, сударь, довольно. Десять тысячъ экю для бѣдняка, подобнаго мнѣ—значительное состояніе, особенно въ деревнѣ, въ объятіяхъ моего скромнаго семейства.

— У тебя есть деревня, семейство? спросилъ коннетабль.— Мнѣ всегда казалось, что у тебя нѣтъ ни дома, ни семейства, что ты живешь подъ именемъ контрабандиста.

— Меня зовутъ Арно дю-Тилль такъ, по обстоятельствамъ; мое настоящее имя — Мартэнъ-Гэрръ; я родился въ деревнѣ Армиль близъ Рьё; тамъ остались мои жена и дѣти.

— Жена, дѣти! повторилъ Монморанси, удивляясь все болѣе болѣе.

— Да, сударь, отвѣчалъ Арно съ выраженіемъ самой искренней нежности: — и я долженъ предупредить васъ, что вы не можете болѣе рассчитывать на мою помощь, и что двѣ услуги, которыя вызвался я оказать вамъ теперь, будутъ, безъ сомнѣнія, послѣдними. Я не хочу болѣе вмѣшиваться ни въ какія дѣла, и дамъ рень, съ-этихъ-поръ, жить честно, наслаждаясь любовью своихъ родныхъ и уваженіемъ соотечественниковъ.

— Давно бы такъ, сказалъ коннетабль.— Но если ты и сдѣлалъ такимъ скромнымъ пастушкомъ, что не хочешь говорить о дѣлахъ, что жь просишь ты въ награду за тайны, которыя выкладываются у тебя въ рукахъ?

— Я прошу вещь, которая и больше и меньше денегъ, отвѣчалъ Арно обыкновеннымъ голосомъ: — я прошу чести, въ про-

стей, это само-собою рѣшится, но только немного чести, въ которой, должно признаться, я крайне нуждаюсь.

— Объяснись, Арно, сказалъ Монморанси:—потому-что, въ-самомъ-дѣлѣ; ты говоришь загадками.

— Извольте, сударь; я приготовилъ бумагу, что я, Мартенъ-Гэрри, служилъ вамъ въ-продолженіе столькихъ-то лѣтъ, въ званіи конюшаго, что во все время службы я велъ себя честно, былъ вамъ вполнѣ преданъ, и что, сударь, въ награду за эту преданность, вы подарили мнѣ значительную сумму, желая, чтобъ я провелъ безъ нужды остатокъ своей жизни. Подпишите подъ этимъ аттестатомъ, приложите къ нему свою печать — и мы будемъ квиты.

— Нѣтъ, это невозможно, отвѣчалъ коннетабль. — Подписывая подобную ложь, я дѣлаюсь обманщикомъ, то-есть, заслуживаю намянѣ...

— Но вѣдь это не ложь, прервалъ Арно:—потому-что я всегда вамъ служилъ вѣрно... но мѣръ моихъ средствъ, и объявляю вамъ, по селѣ, я сберегъ все деньги, полученные мною отъ васъ до-нихъ-поръ; они дали бы въ суммѣ болѣе десяти тысячъ эку. Знать, вы не подвергаете себя никакому объясненію, и притомъ, насте лѣ; какъ жертвовалъ я собою, чтобъ дойти до счастливаго результата, послѣ котораго останетея вамъ только собирать плоды?

— Негодяй! такое сравненіе...

— Совершенно справедливо, сударь, отвѣчалъ Арно. — Мы ну-даемся одинъ въ другомъ. Шпіонъ вамъ возвращаетъ вашъ кредитъ, вы отдаете шпіону кредитъ его собственный. Рѣшайте, сударь: насъ никто не слышитъ; къ-чему этотъ ложный стыдъ? Кончимъ продажу: она хороша для меня, но еще выгоднѣе для васъ. Подпишите, сударь.

— Нѣтъ, послѣ, отвѣчалъ Монморанси.—Я хочу сперва узнать средства, которыми ты надѣешься достигнуть двухъ обещанныхъ результатовъ. Я хочу знать, что сдѣлалось съ Діаной и что сдѣлается съ вникотомъ д'Эксмѣ?

— Извольте, сударь. Умалчивая о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ своихъ причинахъ, я отвѣчу вамъ удовлетворительно на оба проса, и вы должны будете согласиться, что я и случай вѣрнѣе тронли все совершенно для вашихъ выгодъ.

— Говори, сказалъ коннетабль.

— Во-первыхъ, что касается госпожи де-Кастро, началъ Арно Тилль:—она не убита, не похищена, но только взята въ плѣнъ въ Сен-Кентенѣ, вмѣстѣ съ пятьюдесятью другими знаменитыми людьми, которые могли получить свободу выкупомъ. Но теперь, вмѣстѣ тотъ, въ чьи руки попала госпожа де-Кастро, не объяснитъ, что она взята въ плѣнъ? Отъ-чего она сама не извѣстала своемъ положеніи? этого я рѣшительно не знаю. Признаться, я думаю, что она уже освобождена, и надѣялся по-привѣду-емъ въ Парижъ встрѣтить ее здѣсь, но только нынѣ угрозы

я слышалъ въ народѣ, что дворъ не знаетъ о судьбѣ дола короля, и что Генрихъ II не мало озабоченъ своею потерей. Вы-можетъ, въ эти смутныя времена, письма Дианы или дохора не по назначенію, или пропадали, быть-можетъ, также, что изъ этой медленностію скрывается какая-нибудь тайна. Но я могу расказать всѣ сомнѣнія объ этомъ предметѣ и сказать положительно, гдѣ въ чьихъ рукахъ теперь находится госпожа де-Кастръ.

— Извѣстіе, въ самомъ дѣлѣ, драгоцѣнное, сказалъ коннетабль. — Гдѣ же это мѣсто и кто этотъ человекъ?

— Подождите, сударь, отвѣчалъ Арно: — не угодно ли вамъ также узнать о виконтѣ д'Эксмѣ, потому что, если хорошо знать, гдѣ находятся наши друзья, то еще полезнѣе знать, гдѣ наши враги!

— Пожалуйста, безъ сентенцій, сказалъ Монморанси. — Гдѣ теперь д'Эксмѣ?

— Онъ также въ плѣну, отвѣчалъ Арно. — Кто, въ послѣднее время, не сидѣлъ въ тюрьмѣ? Это нынче въ большій модѣ, и виконтъ д'Эксмѣ, не отстающій отъ моды, попался въ плѣнъ.

— Но виконтъ можетъ уведомить о себѣ, прервалъ коннетабль. — У него есть друзья, деньги; онъ имѣетъ средства заплатить за себя выкупъ, и какъ-разъ упадетъ къ намъ на плечо.

— Правда ваша, сударь. Да, у виконта д'Эксмѣ есть деньги, онъ съ нетерпѣніемъ хочетъ вырваться на свободу, и ждетъ къ-можно-скорѣе дать за себя выкупъ. Виконтъ даже проситъ въ Парижъ кого-то, привезти ему немедленно плѣну его свободу.

— Что жъ тутъ остается дѣлать? сказалъ Монморанси.

— Но, къ-счастію для насъ и къ-несчастію для него, продолжалъ Арно: — этотъ нарочный, посланный въ Парижъ, я и служилъ виконту д'Эксмѣ подъ своимъ настоящимъ именемъ Мартэна-Герра въ качествѣ конюшаго. Теперь вы видите, кто я могу быть конюшимъ по всей справедливости.

— И ты, негодяй, не исполнялъ волею господина, не себя поручивъ? сказалъ коннетабль. — Ты не досталъ денегъ для освобожденія своего господина?

— Напротивъ, сударь, я собралъ всю сумму: деньги не деньги, вѣдь это по сути. Притомъ, сами знаете, не брали деньги денегъ значило, безъ возбуждѣнія подозрѣнія. Я собралъ аккурратно сумму, необходимую для успѣха предпріятія. Но, будучи одиоко-ны: я долго не доставляю денегъ виконту. Эти саміи деньги вы-есть это и даютъ мнѣ возможность провести остатокъ своей жизни благочестиво и честно, и я разсудилъ удержаться нахъ, т. е. себя, защищая свои права бумагою, которую, сударь, вы поджигаете.

— Я не подвину, бездѣльникъ! вскричалъ Монморанси. — Я сдѣлаюсь соучастникомъ вашего зловѣстна.

— О, сударь, зачѣмъ называть такія грубыя имена, не-обходимость, которой я покоряюсь, желая оказать вамъ услугу? Изъ преданности къ вамъ, я заставляю молчать свою совесть, и вы такъ-то награждаете меня!.. Хорошо! Отощаюте эти деньги ви-

конту д'Эксме, и она дается здѣсь въ одно время съ Діаною, если не прерветъ между-тѣмъ, какъ, если виконтъ не получитъ этой суммы.

— Если не получить, прервалъ коннетабль.

— Мы выиграемъ время, Господинъ д'Эксме, надо вамъ сказать, съ нетерпѣніемъ ждуть меня двѣ недѣли. Но вѣдь нельзя же собрать къ назначенному сроку всѣ десять тысячъ эю, и дѣйствительно, я получаю ихъ только сегодня утромъ отъ кассиеры виконта.

— И тебѣ она повѣрила, бѣдная женщина!

— Мнѣ, кольцу и запискѣ виконта, сударь. Потомъ, вѣдь она знаетъ меня въ лицо. И такъ, виконтъ ждалъ двѣ недѣли съ нетерпѣніемъ, третью будетъ ждать съ безпокойствомъ, и четвертую безъ всякой надежды. Значитъ, черезъ мѣсяцъ или полтора, виконтъ д'Эксме отправитъ другаго посланнаго для отысканія перлага, котораго, я увѣренъ, трудно будетъ найти. Но если столько труда стоило собрать десять тысячъ эю, то другія десять тысячъ достать почти невозможно. А вы, между-тѣмъ, можете въ это время двадцать разъ женить своего сына, потому что виконтъ д'Эксме исчезнетъ, умретъ на два мѣсяца, и возвратится только въ слѣдующемъ году.

Но все-таки возвратится, сказалъ Монморанси: — и развѣ тогда онъ не задумаетъ узнать, что случилось съ его вѣрнымъ коношникомъ Мартеномъ Герромъ?

— Ему скажутъ, отвѣчалъ жалобно Арно: — что вѣрный Мартенъ Герръ, возвращаясь съ выкупомъ къ своему господину, къ несчастію, попалъ въ руки Испанцевъ, которые, по всей вѣроятности, ограбили его, и, чтобъ заставить его молчать, повѣсили его у дорогъ Нойона.

— Какъ, тебя повѣсятъ, Арно?

— И ужасно быль невѣщенъ, сударь. Видите, до чего дошло мое усердіе! Правда, то время, когда меня повѣсина, будутъ нѣсколько противоположные толки, но развѣ нельзя подумать, что разбойники-рейтеры старались скрыть истину? Не задумывайтесь, сударь, все-таки скажу безстыднымъ Арно: — подумайте только, что я искусно притворился предосторожности, и что съ такимъ очевиднымъ коношникомъ, какъ я, нашему сіязельству не надо ждать никакой опасности. Если благороднѣе было бы изгнать на землѣ, оно нашло бы съ собою приютъ въ сврдцѣ невѣщонваре. При томъ, еще разъ повторю, вы подтверждаете чистую конину: я давно служу вамъ, слуги ваши могутъ это подтвердить, и вы передавали мнѣ болѣе десяти тысячъ эю. Наконецъ, торжественно сказалъ влуть: хотите ли, чтобъ я далъ вамъ респектъ?..

Коннетабль не могъ не улыбнуться.

— Да; но если, негодяй, въ-послѣдствіи...

— Что за пустяки, прервалъ его Арно дю-Тильдъ: — вы не ра-

шаются только для формы, а что такое форма для высших умов?.. Подпишите, безъ отговорокъ.

Арно положилъ на столъ передъ глазами Монморанси бумагу, ожидавшую только подписи.

— Но сперва назови мнѣ городъ и человека, которые доставятъ пѣвицей Діану де-Кастро.

— Имя за имя, сударь; подпишите свое имя внизу бумаги, и вы узнаете другія.

— Хорошо, сказалъ Монморанси, и подписалъ свое имя на бумагѣ.

— А печать, сударь?

— Вотъ и печать. Доволенъ ли ты?

— Такъ доволенъ, какъ-будто вы подарили мнѣ десять тысячъ слъзъ въю.

— Гдѣ же Діана?

— Въ рукахъ лорда Уэнтворта, въ Калѣ, сказалъ Арно, стараясь взять бумагу, которую коннетабль все еще не выпускалъ изъ рукъ.

— Еще одно слово, сказалъ онъ:—а виконтъ д'Эксмэ?

— Въ Калѣ, въ рукахъ лорда Уэнтворта.

— Значитъ, виконтъ и Діана видятъ другъ друга?

— Никогда, оударь; онъ живетъ у городского оружейника Пьера Пекуа, а г-жа де-Кастро въ домѣ губернатора. Виконтъ д'Эксмэ не знаетъ, что онъ живетъ такъ близко отъ своей красавицы. Въ этомъ я готовъ дать клятву.

— Я съѣду въ Лувръ, сказалъ коннетабль, отдавая бумагу.

— А я въ Артигъ, вскричалъ торжествующій Арно. — Желаете успѣха, сударь! Постарайтесь быть коннетаблемъ не въ Жуанну.

— Желаю успѣха, подлець! постарайся, чтобъ тебѣ въ замкѣ дѣлѣ не попасть на висѣлицу.

Они разошлись, каждый въ свою сторону.

X.

Оружіе Пьера Пекуа, веревки Жана Пекуа и слезы Беты Пекуа.

Положеніе лицъ, которыхъ мы оставили въ Калѣ, въ продолженіе мѣсяца нисколько не перемѣнилось, къ крайнему ихъ сожалѣнію. Пьеръ Пекуа по-прежнему приготовлялъ оружіе; Жанъ Пекуа принялся ткать, и, въ свободное время, вялъ веревки для ны невроятной; Бабета Пекуа плакала.

Съ Габріелемъ сбилось, что предсказалъ Арно дю-Тилье; въ первые пятнадцать дней онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ, но потомъ началъ беспокоиться.

Къ лорду Уэнтворту онъ ходилъ очень-рѣдко и оставался у него на самое короткое время. Они замѣтно охладѣли одинъ къ другому съ того дня, какъ Габріэль вмѣшался будто-бы въ семейныя дѣла губернатора.

Лордъ Уэнтвортъ съ каждымъ днемъ дѣлался печальнѣе. Впрочемъ, его беспокоили не три письма, посланные, одно за другимъ, отъ короля французскаго, со времени отъѣзда Арио изъ Калѣ. Всѣ три письма, одно чрезвычайно-учтивое, другое довольно-кожкое, третье наполненное угрозами, имѣли одну цѣль—возвратить свободу г-жѣ де-Кастрѣ посредствомъ выкупа, который предоставлено было назначить самому губернатору города Калѣ. Но на всѣ три письма губернаторъ отвѣчалъ одно: что онъ намѣренъ держать г-жу де-Кастрѣ, какъ заложницу, чтобъ, въ случаѣ необходимости, промѣнять ее на какого-нибудь важнаго плѣнника, или возвратить ее королю безъ всякаго выкупа по заключеніи мира. Губернаторъ былъ правъ, и, за своими крѣпкими стѣнами, пренебрегалъ гнѣвомъ Генриха II.

Но не этотъ гнѣвъ тревожилъ губернатора, хотя онъ и спрашивалъ у себя, какимъ образомъ король узналъ о судьбѣ Діаны; и въ, его беспокоило возраставшее равнодушіе его прекрасной плыщи. Ни покорность, ни услужливость не могли смягчить гордаго и презрительнаго вида г-жи де-Кастрѣ. Она по-прежнему была печальна, сохраняла свое спокойствіе и достоинство предъ страстнымъ губернаторомъ, и когда этотъ случайно начиналъ говорить ей о своей любви, Діана, уважая въ немъ права дворянина, бросала на него взглядъ печальный и въ то же время гордый, который разбивалъ сердце и оскорблялъ гордость бѣднаго лорда Уэнтворта. Губернаторъ до такой степени боялся услышать прощескій упрекъ изъ этихъ устъ прекрасныхъ и жестокихъ, что не осмѣливался говорить Діанѣ ни объ ея письмѣ къ Габріэлю, ни о попыткахъ короля возвратить свободу своей дочери.

Но Діана, не видя служанки, которая осмѣлилась передать ей письмо, поняла, что ей не удалась и эта отчаянная попытка. Однакожь, чистая и благородная дѣвушка не теряла мужества: она ждала и молилась, вѣряла себя Богу и готовилась умереть, въ случаѣ необходимости.

Габріэль, назначивъ себѣ ждать Мартѣна-Герра не далѣе послѣдняго числа октября, рѣшился идти къ лорду Уэнтворту, и пройтись у него, какъ величайшей услуги, позволенія отправить въ Парижъ другаго гонца.

Около двухъ часовъ, Габріэль вышелъ изъ дома Пекуа, гдѣ вѣрь шлифовалъ шпагу, Жанъ крутилъ огромныя веревки, и гдѣ, уже нѣсколько дней, Бабета, съ покраснѣвшими отъ слезъ глазами, ходила около него, не будучи въ состояніи выговорить ни слова, и отправился прямо къ дому губернатора.

Лордъ Уэнтвортъ долженъ былъ удалиться на нѣсколько минутъ

не к какому-то делу, и спросил Габриэля: «поджидаетъ ли васъ, — сейчасъ явится къ его услугамъ.»

Зала, въ которой были Габриэль, выходила окнами на дворъ. Габриэль подошелъ къ окну, взглянулъ, что дѣлается на дворѣ, машинально началъ барабанить пальцами по стеклу. Вдругъ онъ почувствовалъ у себя подъ пальцами черты, вырѣзанныя на стеклѣ аммиачнымъ колывкомъ. Черты эти обратили на себя вниманіе Габриэля; онъ приблизился къ окну, рассмотрѣлъ ихъ, и взглянулъ на стеклѣ очень ивѣстному написаннымъ словамъ: *Дѣла — Дѣла Касторъ.*

Этой подписи не доставало на таинственной запискѣ, которую онъ получилъ въ прошлый мѣсяцъ.

У Габриэля потемнѣло въ глазахъ, и онъ принужденъ былъ, чтобъ не упасть, прислониться къ стѣнѣ. Предчувствіе не обмануло его! Діана, да, это была Діана, его невѣста или сестра, которую развратный лордъ Уэнтвортъ держалъ теперь въ своей власти, и этому чистому и нѣжному созданію онъ осмѣливался говорить о своей любви!..

Габриэль деловитымъ движеніемъ положилъ руку на перила въ которой, на этотъ разъ, не было шпаци.

Въ эту минуту вошелъ лордъ Уэнтвортъ.

Габриэль, не произнося ни слова, подвелъ его къ окну, и показалъ обвинительныя буквы.

Уэнтвортъ сначала поблѣднѣлъ, но тотчасъ оправился, и всталъ собою въ высшей степени.

— Ну, что же? спросилъ онъ.

— Кажется, это имя вашей помѣщанной родственницы, которую вы принуждены беречь здѣсь, милордъ, сказалъ Габриэль.

— Можетъ-быть; продолжайте, гордо отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ.

— Если это такъ, милордъ, я знаю вашу родственницу... вероятно, очень дальнюю. Я видалъ ее въ Луврѣ и преданъ ей, какъ всякій французскій дворянинъ долженъ быть преданъ принцу французскаго королевскаго дома.

— Почему? спросилъ лордъ Уэнтвортъ.

— Потому, милордъ, я попрошу васъ дать мнѣ отчетъ въ имени обрѣденій съ такою высокою планшетою!

— Но если я откажу вамъ въ этомъ отчетѣ, милостивый государь, такъ же, какъ я уже отказалъ французскому королю?

— Французскому королю! повторилъ изумленный Габриэль.

— Точно такъ, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ своимъ невозмутимымъ хладнокровіемъ. — Англичанинъ, кажется мнѣ, не обзавѣдывается отчета въ своихъ дѣйствіяхъ иностранному государю, въ особенности, когда этотъ государь находится въ непріязненныхъ отношеніяхъ съ его страной. И такъ, г. д'Окемѣ, если бы я отказалъ вамъ, какъ вы хотите?

— Я вопрошаю: как васъ, милордъ, можно объяснить, вскричалъ Габріэль.

— И вы, быть сомнѣнія, надѣетесь, милостивый государь, продолжать губернаторъ:— убить меня, нищего, которую носите благодаря, моему позволенію, и которую я имѣю право хотѣть отобрать отъ васъ?

— Милордъ, вскричалъ Габріэль, въ бланкетъ:— милордъ, вы заплатите мнѣ за это.

— Хорошо, милостивый государь, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:— и я не откажусь отъ своего долга, если вы заплатите мнѣ свой.

— Быть безсильнымъ въ ту минуту, когда я хотѣлъ бы имѣть силу десяти тысячъ человекъ! вскричалъ Габріэль, ломая себѣ руки.— О, это ужасно!

— Въ самомъ дѣлѣ, я очень сожалею, сказалъ лордъ Уэнтвортъ:— что приличіе и право связываютъ вамъ руки; но согласитесь, что военному пѣльнику и должнику было бы очень-легко уплатить долгъ и получить свободу, перерѣзавъ горло своему кредитору или неприятелю.

— Милордъ, сказалъ Габріэль, стараясь казаться спокойнымъ:— вамъ извѣстно, что, назадъ тому мѣсяць, я отправилъ въ Парижъ коюшаго за деньгами, которая васъ такъ сильно беспокоитъ. Я не знаю, убить ли Мартэнъ-Герръ на дорогѣ, несмотря на вашу поборужную, или его обокрали, только дѣло въ томъ, что онъ не возвращается, и я хотѣлъ сію минуту просить у васъ позволенія— отправить кого-нибудь въ Парижъ, если вы не вѣрите честному слову дворянина и если бы не предлагали мнѣ отправиться самому за выкупомъ. Теперь, милордъ, я прошу у васъ этого позволенія, и вы не имѣете права отказать мнѣ, или, если угодно, я имѣю право сказать теперь, что бонтесь моей свободы и не смѣете отдать мнѣ моей шпаги.

— А, кому бы сказали вы это, милостивый государь, въ англійскомъ городѣ, находящемся подъ моимъ непосредственнымъ управленіемъ, и гдѣ на васъ должно смотрѣть какъ на пѣльника и врага, спросилъ лордъ Уэнтвортъ?

— Я сказалъ бы это, милордъ, каждому человеку, кто только чувствуетъ и мыслитъ, каждому благородному сердцемъ: или имеемъ, вашимъ офицеромъ, знающимъ дѣла чести, или вашимъ работникомъ, понимающимъ свое достоинство, и все согласился бы со мною, милордъ, что, отнимая у меня свободу выйти отсюда, вы не заслуживаете чести—быть начальникомъ храбраго вѣйска.

— Но вы не думаете, милостивый государь, холодно отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ:— что прежде, нежели вы успѣете бросить свои непочтвенія въ умъ моихъ солдатъ; я могу однимъ словомъ, однимъ движеніемъ руки бросить васъ въ тюрьму, гдѣ вы будете обижать меня предъ четырьмя стѣнами.

— Правда! проговорилъ Габріэль сквозь зубы и сжимая булки.

Человѣкъ, полный жизни и чувства, не могъ устоять передъ безстрашіемъ своего желѣзнаго соперника.

Одно слово измѣнило весь ходъ сцены и вдругъ возстановило равенство между Уэнтвортомъ и Габріелемъ.

— Любезная Діана! любезная Діана! повторялъ молодой человекъ съ отчаяніемъ: — и я ничѣмъ не могу помочь тебѣ въ опасности...

— Что я слышу? спросилъ лордъ Уэнтвортъ, едва держась на ногахъ. — Кажется, вы онавади: «любезная Діана». Иди мнѣ только послышалось?. Не-уже-ли и вы также любите г-жу де-Кастро.

— Да, я люблю ее! вскричалъ Габріэль. — Вы очень ее любите, но моя любовь столько же чиста и безкорытна, сколько ваша недостойна и ужасна. Да, клянусь передъ Богомъ и ангелами, я обожаю Діану.

— Что же вы толковали мнѣ сію минуту о довери... короля французскаго и покровительствѣ, которое долженъ оказывать ей всякій дворянинъ? сказалъ лордъ Уэнтвортъ, видя себя съ удивленія. — А, вы любите ее! и, безъ-сомнѣнія, вы тотъ, кого она любитъ, о комъ она вспоминаетъ, когда хочетъ меня терзать! Любя васъ, она меня презираетъ. Безъ васъ, она, быть-можетъ, любила бы меня! А, значитъ, васъ она любитъ?

Лордъ Уэнтвортъ, за минуту говорившій съ насмѣшкою и пренебреженіемъ, смотрѣлъ теперь въ какомъ-то почтительномъ ужасѣ на того, кого любила Діана, и Габріэль, въ свою очередь оживленный словами своего соперника, мало-по-малу поднималъ голову; въ лицѣ его выражались радость и торжество.

— А, такъ она любитъ меня! вскричалъ онъ: — Діана еще думаетъ обо мнѣ! она, говорите, зоветъ меня! О, если такъ, если она зоветъ меня, я пойду, я подамъ ей помощь, я спасу Діану. Милордъ, берите мою шпагу, свяжите меня, бросьте въ темницу. Не смотря на васъ, на весь міръ, я найду средства ей помочь, потому-что она все еще меня любитъ, моя Діана! Она любитъ меня, и я васъ презираю; вы вооружены, у меня нѣтъ оружія, но я увѣренъ, что останусь вашимъ побѣдителемъ: для меня будетъ божественнымъ щитомъ любовь Діаны.

— Правда, я вамъ вѣрю, прошепталъ въ свою очередь лордъ Уэнтвортъ, совершенно уничтоженный.

— Не будетъ ли съ вашей стороны слишкомъ великодушно, если я теперь васъ вызову на дуэль? продолжалъ Габріэль. — Позовите стражу и прикажите запереть меня въ темницу. Быть въ темницѣ возлѣ Діаны и притомъ въ одно съ нею время — и это для меня счастье.

Послѣдовало продолжительное молчаніе.

— Милостивый государь, сказалъ наконецъ лордъ Уэнтвортъ послѣ минутнаго раздумья: — кажется, вы просили, чтобъ я отправилъ въ Парижъ втораго генда за вашимъ выкупомъ?

— Я за рѣшъ и пришелъ къ вамъ, милордъ, сказалъ Габріэль.

— И, наконец, вы упрекали меня, къ своему разговорѣ, продолжалъ губернаторъ: — что я не вѣрилъ вашему честному слову и не позволялъ вамъ ѣхать за полученіемъ денегъ для выкупа?

— Точно такъ, милордъ.

— Съ нынѣшняго дня вы можете ѣхать, продолжалъ лордъ Уэнтвортъ: — я исполняю вашу просьбу; ворота Калѣ для васъ открыты.

— Понимаю, сказалъ Габріэль съ ироніей: — вы хотите удалить меня отъ Давыда. Но если я не соглашусь оставить Калѣ?

— Здѣсь господствую я, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ: — и вы не можете ни отказывать моему требованію, ни соглашаться на него, но должны только повиноваться.

— Хорошо, сказалъ Габріэль: — я побѣду, милордъ; но, предупреждаю васъ, я не вполне доволенъ вашимъ великодушіемъ.

— Впрочемъ, я и не нуждаюсь въ вашей благодарности.

— Я побѣду, продолжалъ Габріэль: — но знайте, я, не долго останусь вашимъ должникомъ и скоро вернусь, милордъ, чтобы разозлѣться съ вами за все долги. И такъ — какъ въ то время я не буду вашимъ плѣнникомъ и вы не будете болѣе моимъ кредиторомъ — надѣюсь, что тогда ничто не помѣшаетъ моей цѣлѣ встрѣтиться съ вами.

— Я могъ бы отказаться отъ этой битвы, отвѣчалъ лордъ Уэнтвортъ съ выраженіемъ какой-то грусти: — я могъ бы отказаться, потому что выгоды наши неравны: если я васъ убью, она еще болѣе будетъ меня ненавидѣть; если вы меня убьете, она еще болѣе будетъ васъ любить. Не что за дѣло! Я принимаю предложеніе. Но, прибавилъ лордъ съ мрачнымъ видомъ: — вы не боитесь довести меня до какой-нибудь крайности? Когда все выгоды на вашей сторонѣ, скажите, не могу ли я употребить во все правы, которыя у меня еще остались?

— Богъ на небесахъ, а на землѣ дворянство всѣхъ странъ осудятъ васъ, милордъ, сказалъ задрожавъ Габріэль: — если вы отомстите подлостью тому, который не можетъ защищаться, и которого вы не можете побѣдить силою.

— Что бы ни было, милостивый государь, отвѣчалъ Уэнтвортъ: — но я не считаю васъ въ числѣ моихъ судей.

Послѣ минутной паузы, онъ прибавилъ:

— Теперь четвертый часъ, милостивый государь; въ семь часовъ запираютъ главные ворота; извольте приготовить къ этому времени все нужное для вашего отъѣзда изъ города. Я прикажу, чтобы васъ пропустили.

— Въ семь часовъ, милордъ, меня не будетъ въ Калѣ, сказалъ Габріэль.

— И замѣтите, произнесъ Уэнтвортъ: — вы никогда сюда не возвратитесь; даже, если вы убьете меня на дуэли за стѣнами этого города, и тогда страшитесь моей ревности! — и тогда вы не увидите г-на де-Кастро, потому что я новому заранѣе всѣ предосторожности.

Габриэль подошла бы к двери, но вдруг остановилась. Вы общаете невозможное, милордъ, сказала она. — Дайте мне увидеть Дину Доловед и тогда — пожалуй, я иду. — Кляпсы ваши, что этого не будет, если вода губернатора и послѣднее значащее умирающаго имюти, еще сколько-нибудь значенія.

— Не знаю, милордъ, какими средствами я достигну своей цѣли, но только убѣжденъ: что достигну, сказала Габриэль.

— Въ такомъ случаѣ, милостивый государь, зайдите, Уайтфордъ съ прерываемою улыбки: — возьмите Кале, преступное... Средства должны быть припасены впередъ, до того, какъ вы...

Габриэль сажу малюсенькихъ шапугу. — Что вы скажете, милордъ? — Дайте мнѣ Кале, преступное, сказала она, рѣшилась она до-досомъ. — До свиданія, милордъ!

Виконтъ поклонился и вышелъ, милордъ Уайтфордъ, стоялъ какъ окаменѣлый, не зная, болѣе ли ему слѣдъ дохнуть, или убраться.

Габриэль немедленно возвратился въ домъ братьевъ Дену.

— Пьеръ! Неку! шлепсала еланокъ мизанъ, Жашу, дайте мнѣ веревкѣ, Бабета вздыхала.

Всклазивъ друзьямъ разговоръ свой въ губернаторскій кабинетъ, Габриэль уведомилъ ихъ о своемъ немедленномъ отъѣздѣ, и до сиречь до-досомъ ничего, даже не сиречь, нѣсколько безразуденно, и не-перерия, притянетъ ешь, уходя, отъ лорда Уайтфорда.

— Теперь я пойду къ себѣ въ комнату, сказала Габриэль — приготовить все нужное къ отъѣзду, и, оставая вась, Дену и Динку, вать мизанъ, Жана крутить веревки, а Бабету — поддѣлать.

Габриэль, дѣйствительно, пошелъ въ свою комнату, чтобы приготовить все вещи для отъѣзда. Теперь, получивъ свободу отъ важнаго молодой человекъ свѣдѣлъ отпродаться въ Парижъ, для осмотра своего отца, и потомъ возвратиться въ Кале, для спасенія Дины.

Черезъ полчаса, выходя изъ своей комнаты, Габриэль встрѣтился на площадкѣ съ хозяйкою Бабету Дену.

— Вы идете, господинъ виконтъ? сказала она, не сиречь, не сиречь мизанъ?

— Идти, господинъ, потому что, надѣюсь, въ короткое время, вы будете, когда прѣдете.

— И потому надѣюсь, отвѣчала Бабета. — Зная, что, смотря на упрямъ губернатора, вы думаете, вернулись, на правду ли?

— И съ тобою, Габриэль, Бабета!

— И, надѣюсь, вы прѣдете со своимъ компаньонъ, Мартемю Герроу?

— Конечно, милордъ, сказала она, не сиречь, не сиречь мизанъ!

— Значитъ, господинъ, а Элизе, продолжала дѣвушка, — вы увидите, что встрѣтите Мартема Герроу въ Парижѣ? Онъ, на, бѣгущий, мизанъ, не правда ли? Онъ не уираетъ денегъ, значитъ, мизанъ для нашего мизанъ? Онъ не мизанъ, мизанъ?

— Идти, сказала Габриэль, удивленной, дѣлать, мизанъ.

Правда? Мартынь — существо инстинктивное, особенно, съ историческаго времени; ты немъ какъ будио живуть два человека, одинъ — тихий и простодушный, другой — хитрый и беспокойный! Но въ сторону это непостоянство характера — Мартынь — слуга честный и добрый.

— И ты думаешь, спросила Бабета, что она сколько же способна обмануть женщину, какъ и своего господина?

— Вотъ на это, признаюсь, отвѣчать трудно, сказала Габриэль.

— Еще одна прелесть, сударь, продолжала, улыбаясь, блѣдая Бабета: — не будете ли вы такъ добры, ни согласитесь передать ему это кольцо? Онъ узнаетъ, отъ кого это кольцо (понте оно, значитъ).

— Я отдамъ это кольцо, Бабета, сказалъ удивленный Габриэль, вспомнивъ вечеръ наканунѣ отъезда, когда она, отдавъ кольцо, пошла, которая посылаетъ его, знаешь ли? (кто? Мартынь — Герръ женатъ?)

— Женатъ! воскричала Бабета: — О, въ такомъ случаѣ, сударь, оставьте у себя это кольцо, бросьте его, но, пожалуйста, ему.

— Но, Бабета...

— Благодарю васъ, сударь... прощайте, проговорила блѣдая дѣвушка.

Она побѣжала во второй этажъ, и едва вошла въ свою комнату, какъ безъ чувствъ упала на стулъ.

Подобравше и беспокойство въ первый разъ мелькнуло въ душѣ Габриэля; она задумчиво сѣла на деревянной лѣстницѣ стараго дома братьевъ Пенуа, и встрѣила на посадочной ступени Жана, который подошелъ къ нему съ таинственнымъ видомъ.

— Господинъ виконтъ, тихо сказалъ ему горожанинъ: — вы всегда спрашивали у меня, зачѣмъ я свиваю такіе длинныя веревки, въ я не путаю васъ ухачъ отсюда, особенно послѣ вашего дружескаго разставанья съ бардомъ Уэллвортомъ, пока вы не увидите марши: свивая маленькими поперечными веревками двѣ дамскія и двѣ мужскія веревки, какія скручивалъ я, господинъ виконтъ можетъ получить огромную лѣстницу. Когда часовыи на городской стѣнѣ будетъ Пьеръ, исправляющій эту должность, въ продолженіе двадцати лѣтъ, или вашъ покорный Жанъ, лѣстницу можно будетъ перенести въ два раза на восьмьютольную башню, въ будку платформы, а потомъ, въ пасмурное декабрьское или январское утро, можно, стоя на часахъ, прибить, для работы, — два конца лѣстницы къ желѣзнымъ зубцамъ стѣны, а два другіе опустить на триста футовъ въ море, гдѣ случайно можетъ стоять тогда какой-нибудь смѣлый челнокъ.

— Но послушай, мужественный Жанъ... прервалъ Габриэль.

— Довольно толковать объ этомъ, господинъ виконтъ, отвѣчалъ такъ. — Извините, что, разставаясь съ вами, я хотѣлъ оставить въ васъ воспоминаніе о преданномъ вамъ слугѣ, Жанѣ Пенуа. Возьмите еще вотъ этотъ рисунокъ, какой онъ ни есть: адиса вы увидите планъ стѣны и укрѣпленій Кале. Я составилъ этотъ рисунокъ послѣ своихъ безконечныхъ прогулокъ, повторилъ никогда васъ

очень удивляли. Спрячьте его подъ камзолѣмъ, и прошу васъ, ради нашей дружбы, посматривайте иногда на этотъ рисунокъ, когда будете въ Парижѣ.

Габріэль хотѣлъ еще разъ прервать слова Жана, но тотъ не далъ ему времени говорить, и, сжимая руку, которую подалъ ему молодой человѣкъ, удалился, сказавъ:

— До свиданія, г-нъ д'Эксмэ; у воротъ ожидаетъ васъ Пьеръ; онъ хочетъ съ вами проститься и доложить то, чего я не могъ досказать.

Пьеръ стоялъ передъ домомъ, держа за поводья лошадь Габріэля.

— Благодарю васъ за радушный пріемъ, сказалъ ему виконтъ д'Эксмэ. — Въ непродолжительномъ времени я пришлю вамъ, если не принесу, деньги, которыя вы мнѣ одолжили. Вы прибавите къ нимъ порядочное награжденіе вашимъ работникамъ, а пока потрудитесь передать отъ меня вашей любезной сестрѣ этотъ алмазный перстень.

— Беру для нея, г-нъ виконтъ, отвѣчала оружейникъ: — но съ условіемъ, чтобъ и вы приняли отъ меня рожокъ, который я привѣсилъ къ вашему сѣдлу. Я самъ сдѣлалъ этотъ рожокъ, и узнаю звукъ его даже при стонѣ бурнаго моря, какъ это случалось не рѣдко, въ пятое число каждаго мѣсяца, когда я, отъ четырехъ до шести часовъ утра, стоялъ на караулѣ на восьми-угольной башнѣ, построенной при морѣ.

— Благодарю, сказалъ Габріэль, сжимая руку Пьера, съ выраженіемъ, которое доказывало оружейнику, что его поняли.

— Что касается до оружія, удивляющаго васъ своимъ множествомъ, продолжалъ Пьеръ: — признаюсь, я и самъ начинаю раскисать, что оставилъ у себя такую пропасть этого товара, потому что, если Калé будетъ когда-нибудь осажденъ, партія, вѣрная Франціи, завладѣетъ этимъ оружіемъ, и въ самомъ городѣ можетъ произвести опасныя опустошенія.

— Правда, сказалъ Габріэль, еще крѣпче сжимая руку достойнаго гражданина.

— Затѣмъ, г-нъ д'Эксмэ, желаю вамъ счастливаго пути и успѣха, произнесъ Пьеръ. — Прощайте, до скорого свиданія.

— До свиданія! сказалъ Габріэль.

Онъ обернулся, и въ послѣдній разъ сдѣлалъ рукою прощальный знакъ Пьеру, стоявшему на порогѣ, Жану, наклонившему голову къ окну перваго этажа, и даже Бабетѣ, которая смотрѣла на отъѣзжающаго изъ-за шторы втораго этажа.

Потомъ Габріэль далъ лошади шпоры, и она поскакала галопомъ.

Лордъ Уэнвортъ уже успѣлъ отдать приказаніе у воротъ Калé; плѣнника пропустили безъ всякихъ затрудненій, и онъ скоро выѣхалъ на парижскую дорогу, одинъ, съ тоскою и надеждами.

Удастся ли ему освободить своего отца, по прибытіи въ Парижъ? Освободитъ ли онъ Діану, возвратясь въ Калé?

II.

НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

СЪВЕРО-АМЕРИКАНСКІЕ СОЕДИНЕННЫЕ-ШТАТЫ.

Статья первая.

Географическое обозрѣніе Соединенныхъ-Штатовъ. — Богатство произведеній. — Основаніе колоній. — Отношенія ихъ къ Англіи. — Война съ Франціею. — Ограниченіе торговли. — Штатный уставъ. — Первое собраніе штатовъ. — Распри въ парламентѣ. — Постановленіе о торговлѣ чаемъ. — Возмущеніе въ Бостонѣ. — Положеніе конгресса 1774 года. — Начало войны за независимость. — Вашингтонъ, предводитель республиканской арміи; образъ его дѣйствій. — Отношенія Франціи къ Англіи и къ Соединеннымъ-Штатамъ. — Успѣхи Американцевъ. — Миръ съ Англіею 1782 года. — Дѣйствія Вашингтона, избраннаго президентомъ. — Конституція Соединенныхъ-Штатовъ. — Вторичное избраніе Вашингтона. — Джонъ Адамсъ. — Томасъ Джефферсонъ. — Заслуги его и характеръ. — Партія федералистовъ и республиканцевъ. — Приобрѣтеніе Луизианы. — Слава Джефферсона и послѣдніе дни его.

Нать страны на земномъ шарѣ, которая возбуждала бы столько противоположныхъ мнѣній, столько разнообразныхъ толковъ, какъ Северо-Американскіе Соединенные-Штаты. Одни представляютъ эту страну какимъ-то обываннымъ краемъ, поприщемъ не стѣсненнаго посторонними условіями развитія человеческого общества; другіе же, напротивъ, описываютъ ее самыми черными красками, порицають все, начиная съ климата, поражающаго различныя болѣзни, и оканчивая демократическимъ правленіемъ, происшедшимъ будто-бы отъ безначалія; они видятъ тамъ только борьбу партій, раздробленіе сектъ, равнодушіе къ искусствамъ и наукамъ, безцѣльную страсть къ богатству, всегда

тревожное, корыстное стремление къ матеріальнымъ благамъ, исключющее всякую духовную дѣятельность, отсутствіе истины и восприимчивости высшаго образованія, недостатокъ исторіи и всѣхъ великихъ поэтическихъ воспоминаній и пр., и пр., и пр. Все это вмѣстѣ произвело самое сбивчивое, превратное понятіе о Соединенныхъ-Штатахъ. Но такъ-какъ дѣятельность этого государства имѣетъ огромное вліяніе на современное человечество, то мы рѣшились представить въ нашемъ журналѣ безпристрастный очеркъ этой любопытной страны, который бы далъ читателямъ нашимъ болѣе точное о ней понятіе. Главнымъ источникомъ статьи нашей служила книга Раумера: *Die Vereinigten Staaten von Nordamerica* (Два части. Лейпцигъ. 1845). Въ вѣрности описанія ругается имя автора, знаменитаго своими историческими трудами и соединяющаго съ глубокимъ взглядомъ историка тонкую наблюдательность внимательнаго путешественника. Сверхъ-того, мы заимствовали въкоторыя подробности изъ слѣдующихъ книгъ: 1) «*Beiträge zur Charakteristik der Vereinigten Staaten von Nord-Amerika*». Von Dr Wilhelm von Grieson. Hamburg. 1844. 2) «*Travels in North-America*». By Charles Lyell. Два тома. Лондонъ. 1845. 3) «*Narrative of the United States Exploring Expedition during the years 1838—1842*». By Charles Wilkes. Пять томовъ. 1845.

Географическое состояніе и историческое развитіе Соединенныхъ-Штатовъ будутъ предметомъ нашей первой статьи.

Вся земли Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ отъ южной оконечности Флориды до сѣверной оконечности Мены лежатъ на протяженіи 24 градусовъ широты, т. е. 360 географическихъ миль, что равняется разстоянію отъ Неаполя до Дронтейма (въ Норвегіи) или, принимая мѣста, лежащія подъ соответствующими градусами широты, разстоянію отъ Берна до Фивъ (въ Верхнемъ-Египтѣ). Самое большое протяженіе ихъ отъ востока къ западу заключается между восточною границею штата Мены, подъ 45° сѣверной широты, до устья рѣки Колумбіи въ Тихомъ-Морѣ, т. е. болѣе 50 градусовъ долготы. Самое большое протяженіе отъ востока къ западу равняется разстоянію, заключающемуся между восточною границею Европейской Россіи и западнымъ берегомъ Ирландіи. По причинѣ обширнаго пространства, занимаемаго Соединенными-Штатами, и малознаваемости некоторыхъ земель, поверхность ихъ у разныхъ писателей полагается различная; принимая среднее число этихъ различныхъ вычисленій, можно положить ее въ 112,000 географическихъ квадратныхъ миль (*), то-есть, пространству въ десять или одиннадцать разъ болѣе Франціи.

(*) Дарби въ своемъ «*View of the United States*» полагаетъ поверхность въ 2,287,000 квадратныхъ англійскихъ миль или $\frac{1}{10}$ всей земной поверхности; Тукеръ въ 2,369,000. Не возможно опредѣлить, которое исчисленіе вѣрнѣе, до-тѣхъ-поръ, пока границы Ореговской-Области не будутъ точно опредѣлены.

Разсматривая морскіе берега Соединенныхъ-Штатовъ, мы видимъ, что западный берегъ не имѣетъ никакого значенія, потому-что по немъ стелется Орегонская-Область, которая, по всемъ вѣроятностямъ, долго еще не будетъ заселена. Тамъ важнѣе берега Атлантическаго-Моря: они определяются четырьмя вдающимися въ твердую землю заливами различной величины. Первый простирается отъ рѣки Сабины (на границѣ съ Техасомъ) до южной оконечности Флориды; второй отсюда до мыса Гаттераса въ Сѣверной-Каролинѣ; третій, до мыса Кода, въ Массачусеттѣ; четвертый, до губы Пассамакводи, на границѣ Мены и Новаго-Брауншвейга. Сѣверные заливы, по своимъ гаванямъ, удобнѣе южныхъ, и это имѣло существенное вліяніе на развитіе Соединенныхъ-Штатовъ. Только Новый-Орлеанъ, при устьѣ Миссисиппи, имѣетъ величайшую важность въ торговомъ отношеніи и Мобиль при устьѣ Алабамы также имѣетъ большое значеніе. Можно упомянуть также Сент-Огюстанъ въ Флоридѣ, Саванну въ Джоржій, Чарлстоунъ въ Южной-Королинѣ; но всѣ они далеко не имѣютъ важности Балтимора, Филадельфіи и Нью-Йорка. Бостонъ до-сихъ-поръ составляетъ главную гавань Сѣвернаго-Залива. Морской берегъ отъ Флориды до Нью-Джерзи представляетъ неизменную, большую частію болотистую и песчаную страну, которая при обработываніи требуетъ постояннаго вниманія и неутомимой дѣятельности; къ западу отъ этихъ береговъ возвышаются горы Аллегани, дробящіяся на различныя цѣпи, пересѣченныя потоками и отдѣляющія восточный берегъ отъ обширной рѣчной долины—Миссисиппи. Далеко, по ту сторону этой рѣки, воздымаются высокія, остроконечныя вершины Скалистыхъ-Горъ и за ними къ Верхнему-Миссури тянется пространная, покрытая солончаками степь, напоминающая пустыни африканскія. Высочайшія вершины Аллегани находятся въ Нью-Гемпширѣ и измѣняются между 3, 4 и 7 тысячъ футовъ; но высочайшія горы Сѣверной-Америки находятся при истокахъ Колумбіи и имѣютъ до 16 тысячъ футовъ; огнедышащихъ горъ нѣтъ между ними, но въ самомъ наружномъ видѣ ихъ нерѣдко видны слѣды вулканическихъ переворотовъ. Горы Сѣверной-Америки далеко уступаютъ горамъ Южной; но за то озера Сѣверной не имѣютъ подобныхъ себѣ на земномъ шарѣ. Мы назовемъ пять величайшихъ: *Онтарио* имѣетъ поверхности 582 мили, *Эриэ* 397, *Гуриново* 760, *Мичиганъ* 744, *Верхнее* 1800. Глубина ихъ большую частію весьма-значительна, такъ-что во многихъ мѣстахъ на 1800 футовъ не доставали дна; въ-слѣдствіе этого они, вмѣстѣ съ ихъ стокомъ (Рѣкою-Св.-Лаврентія), по приблизительному вычисленію содержатъ въ себѣ половину всей прѣсной воды на землѣ. Они окружены со всѣхъ сторонъ холмами и песчаными берегами. Дво озеръ Мичигана и Гуринова на триста футовъ ниже уровня моря, а водная поверхность на 618 футовъ выше его. Стокъ этихъ колоссальныхъ водныхъ бассейновъ составляетъ текущая съ запада къ востоку Рѣка-Св.-Лаврентія. Верховье ея находится такъ близко къ верховью Миссисиппи, и они отдѣлены горами на такое малое пространство, что при высокой водѣ суда въ 70, 80 тоннъ приходятъ чрезъ Иллинойсъ въ Миссисиппи. Прямивъ на колоссальномъ потокѣ св. Лаврентія идетъ вверхъ до 400

английскихъ миль, такъ-что корабли въ 600 тоннъ достигаютъ Монреа и льнейные Квебека.

Не смотря на то, что бассейнъ Рѣки-Св.-Лаврентія превосходитъ бассейны всѣхъ европейскихъ рѣкъ, онъ уступаетъ бассейну Миссисипи и еще болѣе Миссури. Первая беретъ начало почти подъ 48° северной широты, 95° западной долготы отъ Ферро, вторая подъ 43° северной широты и 110° западной долготы. Несправедливо терять свое Миссури при стеченіи своемъ съ Миссисипи, потому-что она, соединенія ихъ, протекаетъ въ пространство, равное всему потоку последней (*). Еслибъ она сохранила свое имя, то она цѣлою четвертою превзошла бы Amazonскую-Рѣку и была бы величайшею рѣкою на всемъ шарѣ. До соединенія съ Миссисипи, она протекаетъ пространство въ семьсотъ тридцать миль; следовательно, на этомъ пункта она уже въ 6 разъ болѣе Роны. Соединясь съ Миссисипи, она течетъ отъ сѣвера югу такими извилинами, что трудно вычислить ея настоящую длину (она принимаютъ до двухъ сотъ рѣкъ, и гидрографическая область неограничена). Еслибъ изъ Сосновыхъ-Горъ вытекалъ потокъ и впадалъ въ море въ африканскомъ королевствѣ Фецданъ, то и тогда бы длина была менѣе Миссури и едва-бы только равнялся Миссисипи.

Между всеми притоками Миссисипи самый значительный *Ouisconsin*, и бивающій путь свой межъ горами; со всѣмъ тѣмъ скатъ его на просторѣнн тысячу английскихъ миль понижается едва-ли на четыре фута, такъ-что неудобства плаванія при низкой водѣ легко могутъ быть устранены искусственными средствами.

Если всѣ эти и другіе испанскіе потоки Сѣверной-Америки, протекая по обширнымъ, однообразнымъ равнинамъ, представляютъ живописныхъ видовъ, за то они даютъ вѣрные средства для соединенія обширныхъ земель и служатъ превосходными путями для ежедневно-возрастающихъ торговыхъ оборотовъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ Сѣверной-Америкѣ, подъ одними градусами широты съ Европою, лѣто гораздо теплѣе, зима холоднѣе. Къ этому общему замѣчанію, весьма-важному для жизни, торговли и мореплаванія, мы присовокупимъ нѣсколько подробностей, преимущественно о климатѣ Соединенныхъ-Штатовъ.

Гудсоновъ-Заливъ, находящійся подъ одною широтою съ Балтійскимъ Моремъ, покрытъ льдомъ даже въ продолженіе лѣта; въ Нью-Йоркѣ (подъ одною широтою съ Мадритомъ и Неаполемъ) зима и лѣто должны длиться въ общей сложности 164 дня; а Делаваръ замораживаетъ пять или на шесть недель въ году. Въ Нью-Йоркѣ господствуютъ зима Рима и зима Копенгагена, въ Квебекѣ лѣто Парижа и зима Петербурга.

(*) *Nort Amer. Review* 1823, Стр. 60.

(**) См. *Encyclop. Americana*, статья *Missouri*, гдѣ длина этой рѣки до устья Мексиканскомъ-Заливѣ исчислена въ 4400 английскихъ миль. Дюроа и Кларкъ полагаютъ выше Сен-Луи теченіе ея въ 3096 миль.

Въ сѣверныхъ частяхъ Соединенныхъ-Штатовъ (*), средняя температура вѣсенью около 45° по Фаренгейту, въ южныхъ—68°. Въ южныхъ, различіе температуры лѣтомъ и зимою весьма-малое, въ сѣверныхъ огромное; такъ, на-примѣръ, въ Южной-Флоридѣ она состоитъ изъ 11°, въ сѣверномъ форѣ Снеллингъ изъ 56°. На Key-West, южной оконечности Флориды, средняя температура зимою вѣсенью 70°, лѣтомъ 81° по Фаренгейту. Въ Снеллингъ зимою 16°, лѣтомъ 72°. Въ-продолженіе іюля, жара сильнѣе въ Снеллингъ почти пятью градусами. Въ Квебекѣ, термометръ зимою показываетъ 30° ниже нуля, лѣтомъ 95° выше его. Въ высшей части Орегонской-Области, термометръ при восхожденіи солнца стоитъ иногда на 18°, въ полдень на 92°; самое обыкновенное различіе температуры 40°; въ Алабамѣ различіе это бываетъ въ одинъ день до 50° (**).

Не смотря на столь огромную разницу въ температурѣ, климатъ (за исключеніемъ нѣсколькихъ странъ по берегу моря и болотъ) не вреденъ для здоровья, или вредное вліяніе его уменьшается съ развитіемъ земледѣлія и съ принятіемъ мѣръ предосторожности. Это доказываются таблицою смертности, обнародованною въ 1835 г. Соединенными-Штатами (**).

Тамъ было отъ 80 до 90 лѣтъ 33,517 человекъ.

90 — 100	—	4,477	—
100 и болѣе	—	508	—

Если, относительно добыванія благородныхъ металловъ, Сѣверная-Америка стоитъ ниже Южной, за то она изобилуетъ всеми полезными и вообще употребительными произведеніями минеральнаго царства. Такихъ образцовъ въ ней:

Платины — вовсе нѣтъ.

Серебра — очень-мало.

Золота — нѣсколько болѣе, особенно въ Георгіи и Южной-Каролинѣ (****) къ востоку отъ горъ.

Мѣдь въ изобиліи на Верхнемъ-Озерѣ и во многихъ мѣстахъ долины Миссисиппи.

Свинца, въ огромномъ количествѣ по близости озеръ и въ областяхъ Миссури и Арканзаса.

Железо, въ изобиліи въ Новой-Англіи, въ Нью-Йоркѣ, Огіо, Пенсильваніи, Виргиніи, Теннесси.

Соль, во множествѣ въ Иллиноисѣ, Нью-Йоркѣ, Массачусетсѣ, Виргиніи, Кентукки, въ Миссури и другихъ мѣстахъ; сверхъ-того, еще значительное количество привозится изъ чужихъ краевъ.

Каменный уголь во многихъ мѣстахъ и въ огромномъ количествѣ, на-примѣръ, въ Пенсильваніи, Виргиніи, Иллиноисѣ, Миссури, Индіанѣ и т. д. Уже рудники его въ Питтсбургѣ, кажется, неисчерпаемы.

(*) Long. Seconde expedition II. 446. Poussin, Puissance Americaine II, 200.

(**) Derby, View of the United States 389. Buckingham, South States I, 243.

(***) Americ. Alm. 1835. Стр. 91.

(****) Transactions of the Geologicals Society of Philadelphia, I, 16.

Царство растений господствовало и господствует въ Америкѣ въ двухъ огромныхъ формахъ, *лесахъ* и *лугахъ*. *Леса* простираются отъ Рѣки-Св.-Лаврентія до Мексиканскаго-Залива чрезъ равнины, скаты и горы. Въ Европѣ невозможно составить себѣ понятія о величинѣ и красотѣ американскихъ лесовъ; во Франціи насчитываютъ тридцать-семь родовъ деревьевъ, которыя достигаютъ ста-тридцати футовъ; въ Америкѣ же находится сто-тридцать родовъ выше этой мѣры: они производятъ въ изумленіе путешественника разнообразіемъ своего роста и вѣтвей; особенно же прекрасны и великолѣпны причудливыя краски осеннихъ листьевъ. Истребленіе лесовъ, которымъ ознаменовались первыя поселенія, съ каждымъ днемъ становится рѣже съ-тѣхъ-поръ, какъ удобство сообщеній возвысило цѣнность леса.

Лука (prairies), эти безконечныя моря зелени (къ юго-западу отъ большихъ озеръ и по берегамъ Миссисиппи, Миссури, Иллиноиса и др. почти совершенно безлесны, въ-слѣдствіе великихъ естественныхъ или насильственныхъ измѣненій. Некоторые предполагаютъ (*), что леса, находившіеся на лугахъ, выгорѣли: но противъ этого мнѣнія говоритъ совершенное отсутствіе всякаго слѣда пожаровъ; почти несомнѣнно, что луга по берегамъ Иллиноиса и около Чикаго произошли отъ обмеленія воды и составляютъ ложа высохшихъ озеръ: лѣтомъ 1844, при разлитіи Миссисиппи, водамъ этой рѣки не доставало нѣсколькихъ футовъ высоты, чтобъ преобразить ихъ въ озера. Поверхность луговъ совершенно-ровная или волнообразная, отъ-чего они похожи на гладкую или изволнованную поверхность зеленого моря. Къ этому цвѣту присоединяется необыкновенная прелесть самыхъ разнообразныхъ и блестящихъ цвѣтовъ, гдѣ весною господствуетъ красный, лѣтомъ снѣгій, осенью желтый. На болотистыхъ полосахъ водится множество морскихъ птицъ; по сухимъ пасутся безчисленныя стада буйволовъ, и вездѣ, неглубоко подъ землею, находится вода, удобная для питья. Гораздо-легче воздѣлывать эти луговые пространства, окруженныя по сторонамъ кустарниками, чѣмъ срубать исполинскія деревья лѣственныхъ лесовъ; сверхъ того, луга представляютъ всѣ удобства для устройства дорогъ, каналовъ и желѣзныхъ шинъ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ болотистыхъ и бесплодныхъ мѣстъ по берегу Атлантическаго-Океана и обширныхъ степей, лежащихъ по ту сторону Утесистыхъ-Горъ, вся почва Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ удобна для воздѣлыванія и отличается необыкновеннымъ плодородіемъ. Удаленіе дикихъ звѣрей и размноженіе домашнихъ животныхъ, неразлучныхъ спутниковъ человека, есть уже огромное приобрѣтеніе; а уменьшеніе растений не большая потеря, потому-что за необходимое при первыхъ поселеніяхъ истребленіе лесовъ, вознаграждаютъ богатые рудники желѣза и каменнаго угля. Даже въ самомъ сѣверномъ штатѣ Менъ, возрастаетъ все необходимое для жизни, и на всемъ пространствѣ Флориды и Луизианы почва производитъ столько разнообразныхъ

(*). См. Lewis and Clarke travels. III.

предметовъ, что Соединенные-Штаты могутъ существовать собственными силами и довольствоваться одною внутреннею торговлею; но Северо-Американцы не усвоили себѣ этой не-философской и непрактической идеи отъ-того, естественно, заняли второе мѣсто между всемірно-торговыми государствами.

Цѣль нашей статьи представить читателямъ все отличительныя черты современнаго быта северо-американской республики; но для этого необходимо бросить взглядъ на исторію ея, безъ которой невозможно оставить себѣ точнаго понятія, какимъ образомъ достигла она той степени могущества и благосостоянія, на которой находится въ наше время.

Ева Колумбъ, своимъ великимъ открытіемъ, расширилъ кругъ дѣятельности человечества, все народы, занимавшіеся мореплаваніемъ, старались участвовать въ пріобрѣтеніи новыхъ земель. Испанецъ Понсе де-Леонъ (*) присталъ къ Флоридѣ въ 1512 году. Сото проникъ въ 1541 до Миссисиппи; въ 1565 Испанцы основали Сант-Огюстенъ во Флоридѣ, самый старыи городъ Соединенныхъ-Штатовъ; но при этомъ случаѣ изъ религіозной ненависти истребили колонію французскихъ туземцевъ.

Въ 1524 году, Вераццани первый предпринялъ путешествія изъ Франціи къ берегамъ северо-американскихъ независимыхъ земель. Картье былъ въ 1535 на Рѣкѣ-Св.-Лаврентія, а Шампленъ въ 1605 проникъ еще далѣе.

Предпріятія Англичанъ были обширнѣе и значительнѣе. Джонъ Каботъ, венеціанскій купецъ, проживавшій въ Бристолѣ, получилъ (5-го марта 1495 г.) отъ Генриха VII привилегію на открытіе и занятіе земель. 24 июня 1497 г. достигъ онъ твердой земли (Колумбъ достигъ ее въ 1498, Америкъ въ 1499) подъ 56 градусомъ северной широты и объѣхалъ берегъ до 38 градуса. Въ 1517 г., сынъ Кабота, Себастьянъ, искалъ северо-западнаго проѣзда, и при этомъ случаѣ проникъ до Гусонова-Залива. Путешествія и опустошительныя походы Дрека (1577—1580) не имѣли большаго успѣха, и какъ ни велики были смѣлость и мужество, которыя обнаружилъ Ралегъ (въ 1584) при основаніи колоніи, названной Виргиніею въ честь королевы Елизаветы, 20 лѣтъ прошло еще прежде, чѣмъ возникъ Джамсбургъ, старѣйшій изъ городовъ англо-американскихъ. Но въ это время вообще неудачны были попытки иностранцевъ: между ними было гораздо-болѣе искателей золота, джентльменовъ или празднолюбцевъ, чѣмъ земледѣльцевъ и ремесленниковъ. Большая часть ихъ искала не труда, а легкаго и скорого пріобрѣтенія. О перевозѣ работниковъ въ Виргинію много заботился Джонъ Смитъ, которому такъ много обязана колонизація Виргиніи: онъ первый понялъ, что трудъ — единственный путевоодитель къ благосостоянію новыхъ колоній, и постоянно требовалъ изъ Англіи земле-

(*) См. «Отеч. Записки» 1845, томъ XXXVIII, «Герм. Лит.».

дальцевъ и ремесленниковъ. Читатели нашего журнала, вѣроятно, помнятъ интересную биографію этого замѣчательнаго человека (*).

Въ первыхъ двухъ привилегіяхъ, данныхъ обществу колонистовъ, обозначены были только обоюдныя права ихъ и короля. Прежде всѣхъ въ 1619 г. штатгалтеръ Ирлей (Yeardley) смѣло созвалъ представительное собраніе, а въ 1621 году упомянутое общество утвердило въ Лондонѣ государственное постановленіе, сходное съ англійскимъ. Общество назначало штатгалтера и членовъ совета (Council); законодательная власть перешла въ руки собранія, въ которомъ заседали назначенные обществомъ совѣтники и по два уполномоченныхъ изъ каждой колоніи. Штатгалтеру принадлежала власть отрицательная, въ родѣ *veto* римскихъ трибуновъ. Право и судъ присяжныхъ были заимствованы изъ Англіи.

Въ 1623 г., король Іаковъ прекратилъ привилегію общества, но права Виргиніи не были уничтожены; впрочемъ, попытки Іакова и Карла I совсѣмъ уничтожить собраніе не удалось, и послѣднему также мало удалось намѣреніе его присвоить себѣ монополію табачной торговли. Когда, въ 1642 г., Англія потребовала общей торговой монополіи, Виргинія отвѣчала ей: «свобода торговли есть жизнь и кровь государства». И въ-послѣдствіи въ этой области никогда не могли ввести во всей строгости англійскій актъ мореплаванія.

Кромель относительно колоній дѣйствовалъ съ благоразуміемъ и умеренностію; но, по возстановленіи Карла II, скоро обнаружилась церковныя и политическія притязанія, которыя повели къ частымъ мятежамъ. При такихъ обстоятельствахъ, штатгалтеръ Беркелл прибѣгалъ къ жестокимъ наказаніямъ, за что Карлъ II на словахъ верещалъ его, но на дѣлѣ нисколько не думалъ возобновить привилегію колоній. Съ переменною правленіемъ въ Англіи, при Вильгельмѣ III, измѣнилось многое и въ Виргиніи.

Изгнанные католики основали Мэрилэндъ (Maryland) подъ руководствомъ Георга Кальверта и сына его Сесіля Кальверта, лорда Балтимора; новая колонія была почти независима отъ Англіи и образовала представительное правленіе; въ то же время, эти переселившіеся католики подали первый примѣръ общей религіозной терпимости. Въ 1650 году, лордъ Балтиморъ созвалъ 12 человекъ для образованія верхней палаты и изъ каждаго графства по четыре человека для нижней палаты. Въ 1660 году, Мэрилэндъ вступилъ во все права политической самостоятельности, основанной на практическомъ примѣненіи ученія о господствѣ народа, а въ 1692 г. вліяніе лорда Балтимора было почти уничтожено.

Подобно тому, какъ Мэрилэндъ возникновеніемъ своимъ обязанъ былъ нетерпимости противъ католиковъ, такъ и колоніи въ Новой-Англіи обязаны бытіемъ своимъ преслѣдованіямъ протестантскихъ диссентеровъ и пуританъ. Само собою разумѣется, что изгнанники почитали свои идеи вѣрными и старались оградить себя строгими законами.

(*) Все это заимствовано нами изъ исторіи Бэнкрофта.

Карль I, стараясь избавиться отъ безпокойныхъ пуританъ, покровительствовалъ здѣшнихъ переселенцевъ больше, чѣмъ виргинскихъ; крайней-мѣрѣ, въ-слѣдствіе привилегій, данной массачусетской торговой компаніи, съ 1629 года развилась мало-по-малу конституція съ представительнымъ формами, основанными на демократіи.

Въ смыслѣ этой политической свободы, Роджеръ Уильямсъ, потребовавъ и религіозной терпимости, сказалъ: «никакое исповѣданіе, никакое иваніе не должны терпѣть преслѣдованія. Ересь должна оставаться безъ утѣсненія со стороны закона, а православію не должны покровительствовать наказанія». Пуритане на это отвѣчали: «Государство должно искоренять всякое заблужденіе». Уильямсъ, человекъ истинно-благочестивый, благородный и чуждый эгоизма, поторпѣлъ за свои идеи преслѣдованіе, изгнаніе и бѣдствія всякаго рода; но послѣ (1638) сдѣлался основателемъ и законодателемъ Родѣйланда, гдѣ съ демократическими постановленіями соединена была совершенная религіозная свобода.

Въ Бостонѣ, главномъ городѣ Массачусетса (основанномъ въ 1630 г.), продолжались религіозныя распри и повели къ изгнанію католиковъ, иезуитовъ и квакеровъ.

Въ 1629 году возникъ Нью-Гемпшаръ, въ 1636 году Коннектикутъ; въ обоихъ развилась республиканскія учрежденія. Карль I и его министры (Страффордъ и Лодъ), не смотря на всѣ старанія, не могли привести въ исполненіе своихъ государственныхъ и церковныхъ постановленій въ Новой-Англіи. Въ одномъ прошеніи этой колоніи сказано было: «намъ позволено жить въ пустыняхъ, и мы надеемся, что король и его совѣтники будутъ къ намъ такъ милостивы, что предоставятъ насъ волѣ Божіей». Съ-тѣхъ-поръ, Новая-Англія, оставленная въ покоѣ королемъ, отстояла свою независимость отъ притязаній «долгаго-парламента» и продолжала свободно развиваться при управленіи Кромвеля. Но и по ту сторону Атлантическаго-Моря церковныя волненія метрополіи нашли отголосокъ. «Вѣра» повторили многіе: «не должна равнодушно терпѣть заблужденій. Много-богослуженіе (polyriety) есть величайшее безбожіе (impiety), и только грубое невежество можетъ «требовать свободы совѣсти».

Въ 1662 году, Коннектикутъ и Родѣйландъ получили новыя привилегіи, которыми упрочена была независимость городовъ, дозволено избраніе всѣхъ чиновниковъ, расширенъ кругъ религіозной терпимости и весьма ограничено вліяніе короля и метрополіи.

Многіе предметы, о которыхъ едва-ли думали въ другихъ мѣстахъ: состояніе нищихъ, устройство дорогъ, статистическія свѣдѣнія о рождевіи и смертности, и тому подобныя (*), были разсматриваемы и обсуживаемы въ Сѣверной-Америкѣ въ то время, когда возстановленные Стюарты отнимали или измѣняли всѣ городскія привилегіи; американскимъ колоніямъ грозила такая же опасность. Но онѣ выступали (Мас-

(*) Tocqueville 1, 46.

сачусетцы во главѣ всѣхъ) твердо, съ рѣшимостью отстаивать права свои и представителя ихъ говорили: «Никакое принужденіе не заставитъ Америку следовать за Англіею. Союзъ нашъ съ этимъ государствомъ добровольный, и оно тѣмъ менѣе имѣетъ права стѣснять насъ или дарить наши земли, что мы все приобрѣли собственными силами и средствами».

Область Каролина, или земля, лежащая между 31 и 36° сѣверной широты отъ Атлантическаго-Океана до Южнаго-Моря (равная по пространству нѣсколькимъ королевствамъ), была въ 1663 году подарена Карломъ II англійскимъ вельможамъ. Шефтсбѣри и преимущественно Локкъ начертали постановленіе для будущаго, готоваго образоваться государства, постановленіе, оказавшееся нелѣпнымъ и неудобноисполнимымъ. Наслѣдственная аристократія Англій, и безъ того запутанная въ правахъ своихъ, должна была перенестись въ дѣйственные лѣса Америки съ разными прибавленіями; положено было основаніе двухъ парламентовъ, господство одной англиканской церкви; начиная отъ самыхъ важныхъ предметовъ, акты парламента доходили до установленія церемоній, родословныхъ, даже модъ и общественныхъ удовольствій.

Противодѣйствіе такому неудобноисполнимому постановленію обнаружилось съ такою силою, что въ 1693 году оно было уничтожено, и демократическое начало одержало верхъ; въ 1719—21 году, область раздѣлилась на два штата—Сѣверную и Южную-Каролину.

Нью-Йоркъ, куда прежде всѣхъ прибыли Голландцы и гдѣ также поселились Шведы, перешелъ въ 1667. къ Англіи, а въ 1683 по собственному произволу учредилъ у себя постановленіе съ общими правилами для выбора уполномоченныхъ; суды присяжныхъ были утверждены, религіозная терпимость объявлена. Когда Іаковъ II отказался утвердить это новое постановленіе, то въ Нью-Йоркѣ возникли безпокойства, которыя окончились уже въ началѣ XVIII вѣка.

Изъ исторіи Нью-Джерси должно замѣтить, что онъ изъ рукъ Голландцевъ перешелъ къ Англичанамъ, и тамъ поселились квакеры. Къ особенностямъ этой области принадлежитъ учрежденіе, по которому каждый изъ избранныхъ депутатовъ получалъ содержаніе отъ общества, для напоминанія ему, что онъ служителю народа. Пеннъ, другъ Стюартовъ, получилъ въ 1681 году отъ Карла II въ даръ клочокъ земли, который показался ему недостаточнымъ и который онъ увеличилъ добровольнымъ договоромъ съ Индійцами. Въ 1683 году была основана Филадельфія, столица Пенсильваніи.

Между Локкомъ, законодателемъ Каролины, и Пенномъ видно существенное различіе. Философъ доверился только чувственному опыту, квакеръ своему внутреннему убѣжденію; первый соображался съ наукою и совѣстью, второй съ божественными авторитетами; первый говорилъ о правахъ народныхъ и основалъ наследственную аристократію, второй о божественномъ правѣ, о страдальческомъ послушаніи—и основалъ демократію. Между демократическою партіею и ленными владѣтелями часто происходили несогласія, отъ-чего форма и содержаніе постановленій были нѣсколько разъ измѣняемы.

Первая голландская колонія въ Делаваръ разрушена была Индійцами; вторая, основаніе которой большею частию принадлежатъ Шведамъ, перешла во власть Голландцевъ и потомъ Англичанъ, въ 1664 году. Въ 1682 году область эта предоставлена была Пенну, а въ 1702 образовала независимую колонію.

Георгія основана въ 1733 году для огражденія англійскихъ колоній со стороны Флориды и отъ притязанія французскихъ колоній на Миссисиппи. Первою привилегією поземельныя владѣнія предоставлялись въ видѣ лена наследникамъ мужескаго пола; по уничтоженіи же ея въ 1742 году, область эта пришла въ болѣе-опредѣленную зависимость отъ короны.

Вся эти данныя, краткія и сухія, представлены нами не съ тою цѣлю, чтобъ составить исторію сѣверо-американскихъ поселеній, но они необходимы были для болѣе-яснаго пониманія позднѣйшихъ событій и для общихъ выводовъ о современномъ состояніи Соединенныхъ-Штатовъ.

Ни одна колонія (за исключеніемъ Георгіи) не основалась подъ непосредственнымъ руководствомъ или распоряженіемъ англійскаго правительства; напротивъ, большая часть ихъ возникла въ-слѣдствіе нетерпимости и утѣсненій метрополіи; отъ-того ни королевская власть, ни наследственная аристократія, ни постановленія церковныя Англій, не могли утвердиться въ Сѣверной-Америкѣ, такъ же какъ не могло утвердиться въ городахъ ея гражданство съ гильдіями, преимуществами и такъ далѣе. Англійская революція 1688 года въ разлчпыхъ колоніяхъ произвела различное дѣйствіе, но не повела за собой доволства, потому-что вся власти метрополіи старались объ ограниченіи американскихъ привилегій. До половины XVIII столѣтія, безпрерывныя сопротивленія колоній уничтожали вся эти попытки, и мало-по-малу возникла и утвердилась мысль, что свободная торговля Америки болѣе принесетъ Англій пользы, чѣмъ вся торговля монополіи (*).

Привилегіи вновь-возникшихъ штатовъ были различны и не могли предельно отвѣчать на вся будущія, еще неизвѣстныя потребности. Даже тамъ, гдѣ власть короля была сильнѣе всего, она не превышала власти его въ Англій и областныя собранія Америки можно было сравнить съ англійскимъ парламентомъ. Не смотря на внутреннія распри и сшибки съ Индійцами, эти колоніи начали продвѣтывать быстрѣе португальскихъ и испанскихъ, ограниченныя метрополією; въ большинствѣ свободныхъ земледѣльцевъ, дѣятельно-принявшихъ участіе въ собраніи, образовалась демократическая власть, на которую невозможно было съ успѣхомъ дѣйствовать изъ Англій. Такимъ-образомъ, вся зависимость Американцевъ состояла въ томъ, что они не имѣли законовъ, болѣе-противорѣчающихъ законамъ метрополіи, что свои постановленія они представляли на утвержденіе королю и не противорѣчили общимъ ограниченіямъ, которымъ парламентъ подчинялъ торговлю. Частыя,

(*) *Grahame*, III, 307.

безпрерывно повторявшаяся стычки съ Индійцами содѣйствовали развѣтлю осторожности и храбрости въ Северо-Американцахъ, но гораздо важнѣе были войны ихъ съ Французами. Последніе съ рѣдкою терпѣливостью и благодушіемъ основали по берегамъ Огіо в Миссисиппи до Новаго-Орлеана цѣпь колоній и крѣпостей, которая кругомъ замыкала англійскія колоніи, и не только препятствовала распространенію ихъ во внутренности земли, но грозили оттянуть ихъ владѣнія къ Атлантическому-Морю или ограничить ихъ узкою береговою полосою. Въ продолженіе войны за австрійское наслѣдство, Англичане мало думали объ устраниеніи этой опасности, потому-что въ заблужденіи своемъ не видали еще ничего слишкомъ-важнаго въ своихъ американскихъ владѣніяхъ; въ 1741 году, когда Америкапцы составили союзъ всехъ колоній, возникло обоюдное подозрѣніе,—съ одной стороны, чтобъ Англія не задумала сосредоточивать своего могущества, съ другой, чтобъ усиленіе Америки не внушило ей желанія совершенно отложиться.

По заключеніи мира въ Ахенъ (1748 г.), первые годы съ пользою были употреблены обѣими сторонами. Въ то время, какъ Америкапцы шагъ-за-шагомъ отступали во внутренность земли, Французы старались объ укрѣпленіи упомянутой нами цѣпи колоній, обнимавшей обширное пространство. Первые думали только о распространеніи земледѣлія, вторые же стремились къ добычѣ, грабежу, смѣлымъ предпріятіямъ, славы и завоеваніямъ. Франція не завидовала своимъ американскимъ колоніямъ, какъ завидовала имъ Англія: мысль общаго союза, казавшаяся слишкомъ-республиканскою въ Англіи, перешла въ Америку изъ Франціи.

Собраніе правителей колоній и членовъ областныхъ совѣтовъ слыла предложено составить общій совѣтъ для всехъ штатовъ, съ тѣмъ, чтобъ во главѣ его находился королевскій намѣстникъ; въ рукахъ совѣта должно было сосредоточиться право издавать законы и налагать подати. На это англійское министерство предложило, чтобъ правители областей раздѣляли власть свою съ однимъ или двумя изъ совѣтниковъ, преимущественно назначаемыхъ отъ короны, чтобъ они вмѣстѣ занимались главнѣйшими обязанностями государственнаго устройства и доставляли въ королевскую казну извѣстную сумму денегъ, которая въ послѣдствіи должна будетъ, по распоряженію парламента, поступить къ виду податей, взимаемыхъ съ колоній. Первый планъ не понравился въ Англіи, второй еще менѣе заслужилъ одобренія въ Америкѣ, ибо, на основаніи его, вся власть переходила въ руки, независавшія отъ народа, и вопросъ о налогахъ рѣшался ко вреду Америки; ревностные патриоты говорили уже, что «Америка не болѣе Ганновера зависитъ отъ Англіи».

Когда въ слѣдствіе европейскихъ событій и американскихъ споровъ за границы, въ маѣ 1756 года дѣло дошло до войны Англіи съ Франціей, эти обоюдныя неудовольствія были пагубны для колоній, и первые походы ознаменовались неудачами по неискусству вождей и недостатку энергіи; только въ 1758 году, когда Четэмъ (Chatam) сталъ во главѣ правленія, англо-американскія отношенія возбудили интересъ и участіе. 13-го сентября 1750 г., при Сент-Абрагамѣ, близъ Квебека, про-

изошла рѣшительная и, по послѣдствіямъ своимъ, безконечно-важная битва. Монткальмъ, предводитель Французовъ, и Вольфонъ, вождь Англо-Американцевъ, дрались съ геройскою храбростію и оба легли на полѣ сраженія. По миру парижскому (10-го февраля 1763 года), Французы потеряли весь свои владѣнія, вся земля на востокъ отъ Миссисиппи, которая (со включеніемъ отпавшей отъ Испаніи Флориды) перешли къ Англіи.

Какъ ни любопытна европейская семилѣтняя война по личному характеру Фридриха II и храбрости, съ которою Пруссія отстаивала свои притязанія, и потомъ самое бытіе, отъ многочисленныхъ враговъ, тѣсвившихъ ее отсюда, какъ ни многозначительно въ исторіи міра привыкающее къ этой войнѣ господство Англичанъ въ Остиндіи, но едва-ли не важнѣе для человѣчества ослабленіе господства романскихъ народовъ въ другихъ частяхъ свѣта, и усиленіе германскаго элемента (особенно въ Америкѣ), начавшееся съ этого времени. Тогда немногіе предвидѣли будущее, даже и въ настоящее время многіе опускаютъ изъ вида безконечную важность этого всемірно-историческаго событія, и замѣчательно, что Верженнъ, французскій министръ иностранныхъ дѣлъ, уже въ 1775 году предвидѣлъ будущую независимость всѣхъ европейскихъ колоній и предсказалъ вліяніе Германцевъ даже на Южную-Америку (*).

Въ продолженіе семилѣтней войны, Англія сдѣлала много издержекъ, налагала подати, входила въ долги; по окончаніи войны, первую заботу ея было приведеніе въ порядокъ финансовъ, погашеніе долговъ и возстановленіе торговыхъ законовъ. Содѣйствовать этому преимущественно должна была Америка, ибо она, чрезъ пріобрѣтеніе обширныхъ областей, одна воспользовалась всеми выгодами войны; при извѣстіи объ этомъ, велика была радость въ Америкѣ и признательность къ Англіи естественна и справедлива. Выстъ съ тѣмъ, Американцы выказали сознаніе величія своей силы и могущества своей дѣятельности; къ этому присоединилась мысль, что, по уничтоженіи могущества Франціи, въ будущемъ не нужна уже самая помощь Англіи.

При укорененіи такого естественнаго мнѣнія, при безпрерывно-возрастающей важности и значительности колоній, метрополія должна была бы дѣйствовать кротко и умеренно. Напротивъ, все усилія ея клонились къ строгому примѣненію въ Америкѣ англійскихъ навигаціонныхъ и таможенныхъ законовъ, что безъ всякой осторожности приводилось въ исполненіе чиновниками; такимъ образомъ, производство многихъ предметовъ совершенно запрещено было въ Америкѣ для того, чтобъ упрочить ихъ монополію въ Англіи.

Еще прежде войны, и потомъ, послѣ ея, сѣверныя колоніи вели значительную торговлю съ испанскою Америкою, и, продавая издѣлія англійскихъ мануфактуръ, вывозили золото и серебро. Это было противно буквальному смыслу англійскаго навигаціоннаго акта, но не противно

(*) Раумера Beiträge V. 216.

общему духу его, потому-что и тогда уже въ немъ обнаружилось много несообразностей. Несправедливо было одно теоретическое изслѣдованіе вопроса объ отношеніи означенной торговли къ старымъ законамъ, при которомъ не принимали въ соображеніе продолжительныхъ привычекъ, потребностей, склонностей, средствъ исполненія и т. д. Въ слѣдствіе усиленныхъ жалобъ со стороны Американцевъ, запрещеніе этой торговли было отменено, но ее обложили такими высокими пошлинами, что въ действительности она стала невозможна. Новыя жалобы на подобныя распоряженія, на возрастающій произволъ чиновниковъ, на приваженія солдатъ и т. д., не только остались недействительными, но Англія еще наложила торговля пошлины на шелковые и бумажные товары, сахаръ, кофе, вино и т. д. Все это утверждали въ парламентѣ для покровительства Америкѣ, хотя въ то мгновеніе ей не угрожала никакая опасность. Каждый новый налогъ, появившійся въ Америкѣ, былъ вдвойнѣ обременителенъ по разнымъ стороннимъ обстоятельствамъ. Важнѣе всего было то, что платежи должны были дѣлаться чистыми деньгами съ устраненіемъ колоніальныхъ ассигнацій, а споры, сюда относящіеся, рѣшались не общимъ правомъ и не судомъ присяжныхъ, но судомъ адмиралтейства.

Прежде, всѣ законы объ исключительной торговлѣ и соединенныхъ съ нею поборахъ почитались общими, вынужденными необходимостію постановленіями, а вовсе не относились до определенныхъ податей. Означенныя мѣры, равно какъ и другія, съ ними соединенныя, повели къ ближайшему разсмотрѣнію теоретическаго и практическаго вопроса о системѣ податей и тщательному изслѣдованію отношеній метрополія къ колоніямъ.

Въ іюнь 1764 года, Массачусетсъ, а вслѣдъ за нимъ и другіе штаты начали оспаривать право парламента относительно наложенія подати на Американцевъ; съ-тѣхъ-поръ, вопросъ объ этомъ правѣ сдѣлался средоточіемъ всѣхъ распрій. Обѣ стороны согласны были, что Америка должна отчасти содѣйствовать къ покрытію издержекъ, которыя понесла за собою послѣдняя разорительная война. Но когда Великобританія утверждала, что парламентъ имѣетъ неоспоримое и законное право налагать подати во всѣхъ частяхъ монархій, Американцы возражали, что Британская-Монархія распространилась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, интересы ея разнообразныхъ частей такъ не сходны между собою, что ихъ невозможно подчинить одинакому управленію, и американскіе представители должны дѣйствовать въ пользу Америки, великобританскіе въ пользу Великобританіи, ибо только жители какой-нибудь страны могутъ понимать и нужды ея.

Въ Англіи обнаружилось негодованіе, какъ осмѣлились колоніи не повиноваться Британцамъ, побѣдоноснымъ на всемъ земномъ шарѣ, какъ осмѣливались онѣ не признавать всемогущества парламента и измѣнять постановленія метрополія! Требованіе Американцевъ (продолжали недовольные) пользоваться правами Британцевъ—вовсе не противорѣчить праву британскаго парламента налагать подати. Этими податями подчиненъ каждый Британецъ, а американскія привилегіи осво-

бождаютъ ихъ только отъ налоговъ, назначаемыхъ королемъ. Съ американской точки зрѣнія, Ливерпуль, Манчестеръ и другіе англійскіе города, неприезжающіе депутатовъ въ парламентъ, не должны также платить податей; но они платятъ ихъ безъ возраженій, и этому должны следовать Американцы.

Недостаточность англійскаго государственнаго постановленія (возражали Американцы), не можетъ служить для насъ образцомъ; но должно забывать также, что интересы отдаленной существенно-различной части свѣта не допускаютъ тѣхъ условій, которыми руководствуется какой-нибудь близъ-лежащій англійскій городъ. Должно обращать вниманіе на вновь-возникающія случайныя и мѣстныя отношенія, и пріянія, данныя во время возстановленія колоній, не могутъ оставаться во всей силѣ, когда эти колоніи пережили много лѣтъ и сдѣлались могущественныя; но, какъ кажется, этого не хотятъ признать и дѣлаютъ непрерывныя ограниченія изъ пустаго опасенія, или корыстныхъ видовъ. Во всякомъ случаѣ и тогда уже здравый умъ, предусмотрительность и умеренность могли безъ насильственныхъ мѣръ найти настоящую средину; но этихъ качествъ не доставало главамъ англійскаго правительства: опасеніе, чтобъ Америка не разорвала наложенныхъ на нее цѣпей, повело къ губельнымъ опытамъ затянуть крѣпче эти цѣпи.

При такомъ положеніи, существовали только три пути примиренія: колоніи должны были сдѣлаться независимыя, или сохранить свои законодательныя собранія, или присылать депутатовъ въ британскій парламентъ. Четвертый случай — подчиненіе Америки податямъ безъ всякаго представительства и безъ участія въ законодательной власти, былъ совершенно несообразенъ съ духомъ британскаго государственнаго постановленія.

Мысль о совершенной независимости Америки отъ Англій могла представиться отдельнымъ лицамъ, но она не распространилась еще надъ множествомъ, и въ сущности отъ благоразумія послѣдующихъ мѣръ зависѣлъ вопросъ, возрастетъ ли она быстро или не распространится еще долгое время. Въ Англій, никто не хотѣлъ допустить идеи различнаго законодательнаго собранія; самое допущеніе въ парламентъ небольшого числа заморскихъ депутатовъ казалось Англичанамъ большимъ снисхожденіемъ; впрочемъ, и Американцы замѣтили, что положеніе ихъ будетъ незавидное, потому-что въ верхней палатѣ не будетъ американскихъ лордовъ, которые бы позаботились о благодѣтельности.

Въ такомъ положеніи были дѣла, когда, въ мартѣ 1765 года, лордъ Гренвилль предложилъ подчинить Америку штемпельному сбору. Всѣ восхваляли это предложеніе и старались уничтожить противорѣчія, которыя представляли этому закону малое народонаселеніе и разсѣяныя жилища Америки. Чарльсъ Тоуншендъ (Townshend), канцлеръ казначейства, сказалъ при этомъ случаѣ: «Американцы, взмѣляемые нашими попеченіями, достигшіе нашими стараніями силы и благосостоянія и охраняемые нашимъ оружіемъ, не будутъ роптать, если должны будутъ оказать небольшое пособіе для облегченія огромныхъ

расходовъ метрополіа». Напрасно замѣтили нѣкоторые, что штемпельная подать и потому бессмысленна для малонаселенной Америки, что побочныя издержки по сбору ея въ десять разъ должны превышать налогъ; напрасно американскіе уполномоченные представляли невозможность исполненія подобнаго закона, — никто не хотѣлъ ихъ слушать; предложено было постановить закономъ, чтобъ впредь колоніи безусловно уплачивали подати, которыя налагали на нихъ парламентскіе акты, и чтобъ впредь не принимать никакого прошенія относительно облегченія налоговъ.

Въ справедливомъ негодованіи противъ такого легкомысленнаго и односторонняго взгляда на торговля отношенія, полковникъ Барръ (возражавшій въ парламентъ Тоуншенду) воскликнулъ: «Не попеченія Англіи, но ея нетерпимость и тиранія были причинами основанія колоній; пренебреженіе къ нимъ развило ихъ силы, вмѣшательство ея только стѣснило путь колоній, а непріятелей всякаго рода они отражали собственными силами. Народъ преданъ королю; но онъ требуетъ своихъ правъ, — да остережется каждый паровать ихъ!»

Не смотря на это энергическое воззваніе, въ нижней палатѣ только 40 голосовъ было противъ штемпельнаго устава, въ верхней — ни одного. Большая часть смотрѣла на этотъ налогъ, какъ на весьма-естественный и нисколько не противозаконный; 22 марта 1765 г., онъ получилъ королевское утвержденіе, и сдѣлалъ кто сомнѣвался въ Англіи, чтобъ онъ могъ встрѣтить сопротивленіе въ Америкѣ. Но такъ-какъ исполненіе новаго закона отложено было до 1 ноября, то американцы успѣли оправиться отъ перваго смущенія; составились политическіе союзы, и въ колоніяхъ появилось множество брошюръ, объяснявшихъ несправедливость штемпельнаго устава со всевозможныхъ точекъ зрѣнія. Въ мав 1765 года, собрался законодательный совѣтъ Виргініи и рѣшилъ, по предложенію Патрика Генри, не повиноваться. Совѣтъ объявлялъ каждого, кто согласится на исполненіе новаго закона, врагомъ отечества, и постановилъ, чтобъ подати налагались только областными собраніями. Между-тѣмъ, какъ нѣкоторые одобряли подобную смелость, а другіе осуждали ее, штатгалтеръ распустилъ собраніе, но не могъ остановить распространенія извѣстій о случившемся, не могъ остановить подражателей.

Во многихъ мѣстахъ (въ Бостонѣ, Нью-Портѣ, Нью-Йоркѣ, Портсмутѣ, Нью-Кестлѣ и др.) взволнованная толпа начинала производить насилие. Вездѣ уничтожали штемпельную бумагу, грабили дома сборщиковъ и заставляли ихъ подъ присягою отказаться отъ должностей.

Не смотря на то, что умѣренные граждане оуждали насильственные поступки, дѣйствія американцевъ становились все смѣлье и смѣлье; общественное мнѣніе рѣшительно возстало противъ Англіи; вездѣ раздавались жалобы на постановленія парламента, и чѣмъ болѣе находили въ нихъ несправедливости, тѣмъ опредѣленнѣе выражались областными совѣтами; всѣ члены ихъ говорили, что владычество Англичанъ губитъ Америку, что только распоряженія Англіи побуждаютъ Францію къ паденіямъ, и что торговля — жизнь колоній — падеть отъ тираніи пар-

ламенту. Вся эти жалобы и неудовольствія приобрѣли большее единство и удвоенную важность съ октября 1765 года, когда 28 уполномоченныхъ собрались изъ девяти провинцій (Массачусетсъ, Родѣйлэндъ, Коннектикутъ, Нью-Йоркъ, Нью-Джерси, Пенсильванія, Делаваръ и Мэрилендъ) и положили, чтобъ въ Америкѣ подати назначались только чрезъ ея уполномоченныхъ, а королю и парламенту представлены были вся отягощенія, которыми удручены колоніи. Нью-Гемпширъ обѣщалъ также участвовать въ дѣйствіяхъ союза; прочія области не прислали депутатовъ, потому-что встрѣтили сильное сопротивленіе въ своихъ штатгалтерахъ. Въ одно время съ принятіемъ этихъ государственныхъ мѣръ, образовались добровольные союзы, положившіе не покупать англійскихъ мануфактурныхъ издѣлій до уничтоженія штемпельнаго устава и общими силами противиться всякому насилію.

Такое общее, правильно-организованное сопротивленіе возбудило живое вниманіе въ Англии, и каждая партія объясняла по-своему событія, волновавшія колоніи. Г. Ноджентъ (Nugent), въ-последствіи лордъ Кларъ, замѣтилъ: «одно перечное зерно въ сознаніи права сильнѣе миллионъ, немнѣющихъ этого сознанія». Лордъ Гренвилъ доказывалъ, что непослушаніе Американцевъ безсмысленно, что право наложенія податей есть необходимость, существенная часть общей, сообразной съ законами власти парламента, что покровительство и послушаніе взаимно-необходимы, и что самонадѣянность Американцевъ происходитъ отъ духа партій и внутреннихъ несогласій, волнующихъ самый парламентъ. На это лордъ Чэтэмъ воскликнулъ съ свойственною ему смѣлостью: «Радуюсь, что Америка оказала сопротивленіе; ибо еслибъ три миллиона подданныхъ до такой степени потеряли всю силу, все благородство, чтобъ добровольно отречься отъ правъ своихъ, то они сдѣлались бы слѣпыми орудіями правительства для порабощенія другихъ. Приведите законы ваши въ исполненіе силою въ колоніяхъ, стѣсняйте ихъ торговлю, ихъ мануфактуры, но безъ согласія ихъ не берите у нихъ денегъ изъ ихъ же кармановъ. На это вы не имѣете никакого права, и только въ добромъ дѣлѣ, на здоровой почвѣ, Англія можетъ стереть въ атомы Американцевъ (crush to atoms). На это замѣтилъ г. Никольсенъ Кальвертъ: «Въ дѣлахъ такого рода мало принесетъ пользы разборъ того, правы ли Американцы или нѣтъ; они увѣрены, что правы (they think themselves so)».

Немногія высказанныя здѣсь мысли содержали въ себѣ матеріалъ для будущихъ безчисленныхъ споровъ и разбирательствъ; онѣ опредѣлили надолго теоретическое и практическое положеніе партій, и даже въ наше время съ небольшими перемѣнами сохранили великое вліяніе на общественное мнѣніе.

Въ то время, касательно отношеній метрополіи къ колоніямъ не было еще общей системы, опредѣленной наукою, не было также достаточнаго числа историческихъ примѣровъ, которые бы упрочили этимъ отношеніямъ твердость и результатамъ ихъ правильность. Это отсутствіе современной теоріи и практики было причиною произвольныхъ, ни на чемъ неоснованныхъ постановленій; а такъ-какъ ни одинъ государственный

ный человек не могъ провидѣть будущаго и не могъ руководить правителями колоній, то они жили со-дня-на-день и несправедливо обнаруживали изумленіе, когда предъ ними совершались событія новыя и неожиданныя, выходившія изъ порядка ежедневной жизни. Древніе имѣли лучшее понятіе объ этихъ отношеніяхъ; доказательствомъ служатъ слѣдующія слова Фукиада (*): «Каждая колонія почитаетъ метрополию, если видитъ отъ нея доброе, и чуждается ея, если терпитъ несправедливо; ибо переселенцы отправляются не для рабства, но для пользованія равными правами съ тѣми, которые остаются дома.»

Правители не хотѣли исполнить этого истиннаго и святаго правила древности, запутывали все дѣла и наносили вредъ собственнымъ своимъ планамъ. Маркизь Рокингемъ, человекъ благоразумный и благонравенный, вступилъ въ управленіе янвемъ 1765 г.; онъ нисколько не раздвигалъ намѣреній Гренвилля и съ большимъ вниманіемъ слушалъ тѣхъ, которые утверждали, что невозможно оставить безъ удовлетворенія жалобы какъ Американцевъ, такъ равно и англійскихъ купцовъ, пострадавшихъ отъ стѣснительныхъ мѣръ парламента, что невозможно ожидать слѣзгаго, безусловнаго повиновенія отъ людей, предки которыхъ такъ давно оставили отечество и вытерпѣли множество бѣдствій для упроченія своей независимости.

Послѣ продолжительныхъ парламентскихъ преній, штемпельный уставъ былъ наконецъ отмененъ (18 марта 1766 г.) въ нижней палатѣ большинствомъ 275 противъ 167, и въ верхней большинствомъ 105 противъ 75; въ то же время, особеннымъ актомъ подтверждена была неограниченная законодательная власть парламента и вмѣнено въ обязанность исполнителямъ ея дѣйствовать кротко и умеренно.

При вѣсти объ отъязнѣ штемпельнаго устава, общая радость обнаружилась въ Америкѣ, торговля оживла, множество благодарныхъ писемъ отправилось въ Англію и по-видимому все успокоилось. Относительно же удерживанія парламентомъ права налагать подати, большинство полныхъ радости и надежды Американцевъ держалось мнѣнія, что парламенту ничего не оставалось дѣлать для вѣшняго спасенія своего достоинства, но что буквальное значеніе этого права никогда не можетъ быть примѣнено къ Америкѣ. Время запрещенія, наложеннаго на торговлю, пробудило въ Америкѣ гордую увѣренность, что въ этомъ отношеніи все зависитъ отъ нея-самой, а не отъ Англій: изъ того, что Англія доставляетъ Американцамъ множество товаровъ, еще не слѣдуетъ, чтобъ маленький островъ могъ мечтать объ ограниченіи чужь-либо дѣйствій полу-міра. Таковы были мнѣнія и надежды Американцевъ.

Въ юль 1766 года, значительная перемена произошла въ англійскомъ министерствѣ; мѣсто Рокингема заступилъ тори, герцогъ Грэнтоу; Честеръ, по бездѣльному состоянію своему, мало влиять на дѣла, и управленіе финансами находилось въ рукахъ Чарльса Тоуингеда, человека съ блестящими дарованіями, но легкомысленнаго и престола-

(* См. Ист. Фукиада 1, 34.

наго. Онъ вообразилъ, что поступилъ чрезвычайно-дальновидно и глубоко, налагая подати на Америку не непосредственно, но прямо, но чрезъ ея торговлю, какъ уже часто удавалось ему прежде. Въ-слѣдствіе этого, когда онъ предложилъ, въ 1767 году, наложить пошлину на стекло, бумагу, краски и чай въ колоніяхъ, то предположеніе это почти безъ возраженій принято было парламентомъ.

Едва услышали о томъ Американцы, они объявили, что не хотятъ признавать никакого различія въ формѣ налоговъ; не было уже сомнѣнія, что Англія, добровольно отказываясь отъ прямыхъ налоговъ, постарается вознаградить себя налогами косвенными. Они справедливо замѣтили, что запрещеніе производить какіе-либо предметы торговли (какъ, на-прим., шляпы), съ принужденіемъ покупать только англійскіе, безъ сомнѣнія, заключаетъ въ себя налогъ, и новыя пошлины точно такъ же могутъ разорить Американцевъ, какъ и штемпельный поборъ. Тотчасъ же представители народа согласились не покупать англійскихъ товаровъ до уничтоженія упомянутыхъ пошлинъ; разумѣется, такое насильственное средство возбудило сильное негодованіе Англичанъ. Штатгальтерамъ казались еще опаснѣе энергическія объявленія законодательныхъ собраній противъ каждаго налога, объявляемаго британскимъ правительствомъ, и стараніе ихъ, при успешномъ сопротивленіи, приступить къ болѣе-тѣсному союзу. Когда штатгальтеры распустили эти собранія, то составилась частныя союзы недовольныхъ, которые вскорѣ приняла правильную форму и дружно пошла къ принятымъ цѣлямъ, болѣе всего поддерживая запрещеніе пріобрѣтать англійскіе товары. Занятіе Бостона и другихъ мѣстъ англійскими солдатами (въ сентяб. 1766), увеличало неудовольствіе, нисколько не возвысивъ силы правительства.

При такихъ обстоятельствахъ, англійское правительство измѣнило вторично принятыя имъ мѣры. Въ апрѣлѣ 1770 г., большинствомъ 350 голосовъ противъ 62, положена была отмена часть пошлинъ, наложенныхъ въ 1767 году. Пошлины на стекло, бумагу и краску должны были прекратиться, а на чай возвыситься тремя пенсами на фунтъ. Большая часть подтверждали, что такимъ образомъ тягость налога уничтожится, но принципъ права будетъ спасенъ; на это Гренвилль замѣтилъ, что строгость его будетъ лучшимъ средствомъ; что послѣ нея лучшимъ будетъ рокингѰмово безусловное уничтоженіе податей, но что эта средняя мѣра хуже всего. Другіе говорили, что трудно продолжать борьбу, когда нигдѣ не видать успѣха, а Боркъ воскликнулъ: «Не могу понять, что за достоинство поддерживать глупости!» Не заботясь объ этихъ и подобныхъ тому возраженіяхъ, лордъ Нортъ (заступившій, въ сентябрѣ 1770 г., мѣсто Тоуншенда) объявлялъ, что совершенное уничтоженіе пошлинъ тогда только можетъ быть приведено въ исполненіе, когда «Америка будетъ у ногъ Англіи». Хвастовство такого рода было, конечно, недостойно государственнаго человека и произвело самое несприятное впечатлѣніе въ Америкѣ. Со всѣмъ тѣмъ, союзы противъ покупокъ англійскихъ товаровъ окончились и сохранились только противъ пошлинъ на чай.

При новомъ распоряженіи, требованіе на чай въ колоніяхъ значительно уменьшилось, и отъ-того большіе запасы его накопились въ магазинахъ ост-индской компаніи; въ-слѣдствіе чего правительство дозволяло этой компаніи беспошлинный вывозъ его во всю землю. Преде-установленная пошлина равнялась шиллингу на фунтъ, а такъ-какъ американскій налогъ на чай состоялъ только изъ трехъ пенсовъ, то и при уплатѣ означенныхъ трехъ пенсовъ на фунтъ, чай сдѣлался шиллингомъ дешевле; тогда всѣ были увѣрены, что Американцы съ благодарностію примутъ доставленные имъ выгоды и съ охотою будутъ покупать чай. Въмѣсто того она сказали: «Не-уже-ли мы за ничтожное облегченіе податей продадимъ права свои? не-уже-ли мы покажемъ себя ниже и корыстолюбивѣе Англичанъ, которые явно уступаютъ намъ большія выгоды, чтобъ только поддержать притязанія свои на безусловное господство?» Рѣшено было не покупать чая и не допускать въ гавани кораблей, имъ нагруженныхъ. Не вездѣ удалось это предположеніе, но оно приведено было въ исполненіе въ Нью-Йоркѣ и Филадельфіи; въ Чарльстоунѣ на чай положено было запрещеніе лотъхъ-портъ, пока онъ не испортился, а въ Бостонѣ (18-го декабря 1773 года) семнадцать человекъ, переодѣтыхъ Индійцами, бросили въ море 342 ящика съ чаемъ. Тамъ не куплено было ни одного фунта изъ количества, привезеннаго въ Северную-Америку.

Едва парламентъ получивъ извѣстіе объ этихъ происшествіяхъ, большая часть членовъ его, не думая о будущемъ, предложила строго взъискать за насиліе, случившееся въ Бостонѣ. Въмѣсто того, чтобъ изслѣдовать причины такого поступка, разспекать зачинщиковъ и участниковъ, однимъ словомъ, избрать прямой, законный путь взъисканія, на весь городъ (въ мартѣ 1774 г.) наложили огромную денежную пеню и гавань его велѣли запретить. Напрасно Четэмъ, Роккингемъ и другіе подавали голосъ въ пользу болѣе-кроткихъ, примирительныхъ мѣръ; напрасно напоминалъ Боркъ, что сопротивленіе оказывается только противъ несправедливыхъ законовъ, и уже изъ этого одного слѣдуетъ, какъ несплю провозносить приговоръ, не выслушавъ обвиненныхъ, какъ безразсудно водворять государственныя правила съ помощію военной силы.

Въ этомъ же духѣ возразили и жители Бостона: они требовали правосудія и обѣщали взъискать съ виновныхъ вознагражденіе за потерю чая, повесенную ост-индскою компаніею. Но парламентъ, не обращая вниманія на представленія бостонскихъ жителей, измѣнилъ въ существенныхъ пунктахъ государственное постановленіе Массачусетса. Первая камера, избираемая изъ второй и облеченная законодательною властью, должна была на будущее время собираться по назначенію британскаго правительства. Замѣщеніе большей части общественныхъ должностей, увольненіе совѣтниковъ и судей предоставлялось на произволъ штатгальтера; собраніе областнаго совѣта приводилось въ совершенную зависимость отъ него, и никто не думалъ о старой, всему этому противорѣчившей привилегіи. Лордъ Нортъ сказалъ: «Если этотъ билль не основанъ на самой крайней политической необходимости, то

опъ ни на чемъ не основанъ». Дѣйствительно, онъ ни на чемъ не былъ основанъ; и не смотря на то, его утвердили большинствомъ 239 голосовъ противъ 64 въ нижней палатѣ и 92 противъ 20 въ верхней; итакъ, убѣжденіе, что «строгость все приводить въ порядокъ», одержало побѣду.

Еслибъ предположить даже, что постановленіе Массачусетса было недостаточно, то и тогда не время было взмѣнять его; безразсудно было бы уняточать права и льготы цѣлаго народа и такъ неумѣстно производить улучшенія. Не нужно было особенной дальновидности, чтобы предсказать, что въ этомъ случаѣ все могущество парламента будетъ еще менѣе признано, чѣмъ при наложеніи пошлипы на чай.

Третья ошибка англійскаго министерства заключалась въ заданномъ имъ законѣ, по которому каждый, обвиненный въ убійствѣ или въ политическомъ преступленіи, долженъ былъ подлежать суду Англии или другой колоніи.

Порипаніе подобныя мѣръ, раздавшееся даже въ самомъ британскомъ парламента, собраніи, переписка, брошюры разнаго рода возвели энтузіазмъ къ независимости Американцевъ на высшую степень. Стѣсненіе прежняго управленія и привилегій вызвало не только неслышанную до-тѣхъ-поръ авархію, но повело къ принятію мѣръ, далеко превосходящихъ смѣлостью тѣ, которыя уже были испытаны. Соединеніе новыхъ неудовольствій дало всѣмъ предпріятіямъ такое единство, быстроту и дѣятельность, которымъ не было еще примѣра и которыя въ-послѣдствіи повторились въ такомъ страшномъ видѣ въ клубъ якобинцевъ.

Бостонъ съ твердостью перенесъ неисчислимую потерю, нанесенную его торговлѣ закрытіемъ гавани, и возбудилъ къ себѣ всеобщее, живое участіе. Объявленіе генерала Гаго (Gage), англійскаго правителя въ Массачусетсѣ, «что всѣ союзы противъ англійской торговли почитаются непризнанными, вѣроломными», повело только къ горячей перепискѣ, а между-тѣмъ, всякій дѣлалъ, что хотѣлъ. Попытка учредить въ Массачусетсѣ новое управленіе не повела ни къ чему: большая часть чиновниковъ, определенныхъ королемъ, сложила съ себя должности, а другіе народъ не допустилъ къ принятію должностей. Такимъ образомъ, послѣдовало закрытіе всѣхъ прежнихъ судовъ безъ насилій, безъ волненій народа.

Спустя четыре мѣсяца до обнародованія акта, повелевавшаго запретить гавань бостонскую (5 сентября 1774 г.), уполномоченные двѣнадцати областей (Георгія приступила къ нимъ послѣ) соединились вмѣстѣ въ Филадельфіи, упрочили каждому штату голосъ и избрали президентомъ своимъ Пейтона-Рандольфа изъ Виргиніи. Въ нѣкоторыхъ областяхъ уполномоченные получили назначеніе отъ законныхъ собраній, въ другихъ, гдѣ они встрѣтили сопротивленіе со стороны штатгальтеровъ, избраны были произвольнымъ собраніемъ народа. Главнымъ условіемъ, положеннымъ на этихъ собраніяхъ, была вѣрность къ законному управленію метрополіи; они призывали верховное господство короля и отказывались отъ всякаго противъ него возмущенія. Съ дру-

гой стороны, они твердо отстаивали то мнѣніе, что должны пользоваться всеми правами природныхъ британскихъ подданныхъ, и что послѣднія постановленія, относящіяся до Массачусетса, противозаконны и утѣснительны. «Правда», говорили они: «британскій парламентъ имѣетъ право издавать постановленія, имѣющія цѣлю торговлю всей монархіи, но не можетъ безъ согласія Американцевъ налагать на нихъ однихъ подати, ибо имъ принадлежитъ право составлять проекты законовъ и представлять ихъ на утвержденіе королю.»

Далѣе, конгрессъ рѣшилъ: «Американскіе колонисты имѣютъ право составлять мирныя собранія, на которыхъ будутъ излагать свои жалобы и отсылать просьбы къ королю. Противозаконно безъ согласія собраній присылать гарнизоны въ Северную-Америку и законодательную власть исключительно подчинять чиновнику, опредѣленному отъ короны.»

Въ такомъ смыслѣ отправлено было глубоко-обдуманное, красноречивое воззваніе къ парламенту и представленіе къ королю; вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобъ придать большій вѣсъ требованіямъ, всякая торговля съ Великобританіею, до удовлетворенія жалобъ, была прекращена. Сверхъ того, повторялось увѣреніе: «новаго ничего не требуютъ, но стараются о возстановленіи и поддержаніи стараго, свободы, мира и безопасности.»

Окончивъ дѣло свое съ умѣренностью, справедливостью и благородіемъ, конгрессъ разошелся 26 октября, но положилъ собраться снова для рѣшенія важныхъ дѣлъ. Вездѣ безпрекословно повиновались его предписаніямъ, и отъ-того старыя формы правленія, оставаясь еще въ силѣ номинальной, потеряли всякое значеніе. Все предпріятіе какъ-будто-бы оживлено было однимъ духомъ, и энтузіазмъ къ общему дѣлу превзошелъ всѣ ожиданія. Купцы безъ возраженія подчинились тягостнымъ постановленіямъ, стѣснявшимъ ихъ торговлю, поселяне безъ ропота отказались отъ выгоднаго сбыта своихъ произведеній; всѣ частныя лица покорялись новымъ повинностямъ и лишеніямъ. Подъ всѣми страданіями видно было какое-то героическое спокойствіе: достигъ своей цѣли они считали выше всякой цѣны; отъ-того-то они и возвысились на такую степень самоотверженія и твердости, которая едва ли понятна будетъ для холоднаго благородія.

Какъ ни поучительны были подобныя событія для каждаго безпристрастнаго наблюдателя, новый парламентъ, собравшійся въ ноябрѣ 1774 года, издалъ рѣшеніе, согласное съ прежнимъ, и тѣмъ доказалъ, что народъ, столь ревностно хранящій собственную свободу, можетъ разрушить свободу другаго народа.

Правда, въкоторые изъ министровъ замѣтили, что ожиданія ихъ относительно возможности—легко подавить безпокойства, не сбылись, и что грозитъ опасность междоусобной войны; но большинство осталось на сторонѣ предлагавшихъ строгія мѣры, и между прочими лордъ Сандвичъ, глава адмиралтейства, говорилъ съ совершеннымъ презрѣніемъ о намѣреніяхъ и силахъ Американцевъ, увѣряя, что одностороннія нацѣренія конгресса не найдутъ опоры въ народѣ, или легко уничтоже-

ны будутъ превосходствомъ Англичанъ. Много содѣйствовало къ утверженію такого ложнаго мнѣнія то обстоятельство, что правительство получало извѣстія и уведоменія почти всегда чрезъ своихъ чиновниковъ, которые или односторонно смотрѣли на вещи, или, осыпая клеветами Американцевъ, старались выставять заслуги своей дѣятельности.

Сильнѣе всѣхъ порицалъ мѣры, принятыя министрами, лордъ Четэмъ и наконецъ 20 января 1775 г., внесъ въ парламентъ билль, долженствовавшій примирить колоніи. Въ немъ заключалось предложеніе, чтобъ подтверждено было право короля вводить небольшое войско въ колонию, но съ тѣмъ, однако, чтобъ никогда военная сила ничѣмъ не нарушала правъ народа, чтобъ судебное постановленіе и привилегіи должны были оставаться неприкосновенными, и чтобъ за все прошлое объявлена была амнистія; конгрессъ могъ собираться, но съ ограниченіемъ правъ его; назначеніе податей должно было принадлежать Американцамъ, въ-слѣдствіе того, что торговля постановленія въ столь обширномъ государствѣ, какъ британская монархія, должны быть различны въ столь разнообразныхъ частяхъ ея.

Но страсти были такъ сильно взволнованы, что даже убѣжденія величайшаго государственнаго человека Англіи не подѣйствовали: парламентъ запретилъ принимать прошенія Американцевъ и объявилъ дѣйствія ихъ мятежными. Въ-слѣдствіе такого расположенія умовъ, въ парламентѣ предписано было усиленіе военной силы въ Бостонѣ и наложено запрещеніе на всю американскую торговлю, со включеніемъ рыбной ловаи въ Нью-Фаундлендъ. На замѣчаніе нѣкоторыхъ, что ограниченіе рыбной ловаи послужитъ къ существенному вреду Великобританіи, что такимъ-образомъ можно поступать только противъ враговъ, что американскіе рыбаки должны умирать съ голода, большинство отвѣчало, что Американцы сами подали поводъ къ насильственнымъ мѣрамъ, начавъ враждебныя дѣйствія противъ англійской торговли, и что Англія должна показать мятежникамъ свое могущество.

Въ то время, какъ въ парламентѣ продолжались эти и подобныя имъ пренія, Нью-Йоркъ, котораго менѣе другихъ опасались, потребовалъ правъ своихъ наравнѣ съ прочими штатами; а жестокая нужда, возникавшая отъ стѣсненій рыбной ловаи, усиливала въ жителяхъ ненависть къ Англіи. Со всѣмъ тѣмъ, Американцы были такъ осторожны и предусмотрительны, что не начали междоусобія: они желали только возбудить сочувствіе къ правому дѣлу, а не уменьшать излишнею горячностью числа друзей своихъ. Когда же генераль Гаге вздумалъ овладѣть ихъ оружіемъ и военными запасами, то при Лексингтонѣ между королевскими солдатами и Американцами дошло до битвы; 19 апрѣля 1775 года пролита первая кровь гражданъ, и началась война за право назначенія податей,—война, непредвѣщавшая никакой выгоды Англіи.

Англичане полагались на могущество свое на морѣ и на сушѣ, на свои богатства, на свои запасы и на опытность своихъ солдатъ и генераловъ. Американцы же рѣшались на успѣхъ, разсчитывая на от-

даленность Англии, на свое знание местности и больше всего на справедливость своего дела. В сражении при Бонкергилла (Bunkerhill), близъ Бостона (17 июня 1775 г.), неопытные американские отряды потерпели поражение отъ Англичанъ, которые, однако, встретили такое упорное сопротивление и понесли такую значительную потерю, что и та, и другая сторона не могла действовать безъ плана, предварительнаго обдуманнаго.

Прежде еще (10 мая), конгрессъ собрался во второй разъ и отправилъ оправдательныя письма къ жителямъ Великобританіи, Ирландіи и Ямайки, а также и прошеніе къ королю. Последнее не удостоилось даже и отвѣта: въ Англии говорили, что мятежники только хотѣли выпрять время. Такой отвѣтъ возбудилъ негодованіе даже въ парти умиренныхъ, которая не думала еще совершенно отложиться отъ Великобританіи, но требовала только подтвержденія привилегій свободной торговли. Предложеніе герцога Ричмонда (10 ноября 1775 года) о принятіи представленія конгресса за основаніе переговоровъ о примиреніи, было отвергнуто еще разъ. Старые торы, подвизавшіеся за высшее духовенство, виги, безъ мѣры возвышавшіе всемогущество парламента, твердо отстаивали свои мнѣнія противъ небольшого числа тѣхъ, которыхъ величали названіемъ «американскихъ демократовъ» (*).

Пять мѣсяцевъ спустя (17 марта 1776 г.), Бостонъ былъ взятъ Американцами; прошло еще нѣсколько недель, и почти всѣ штатгалтеры удалились; въ—слѣдствіе того королевская власть ослабѣла до такой степени, что Генрихъ Ли (Lee), изъ Виргиніи, на конгрессъ 7 июня предложилъ объявить *независимость* Северо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ. Когда избранный для того комитетъ составилъ актъ *объявленія независимости*, одобренный Томасомъ Джефферсономъ и измененный въ некоторыхъ пунктахъ конгрессомъ, предложеніе Ли было принято единогласно 4 июля. Въ актѣ этомъ исчислены были всѣ бѣдствія, угнетенія и несправедливости, которыя Американцы потерпѣли отъ Англии и особенно отъ парламента; и изложены были вечныя, неизмѣнныя права, которыя Богъ далъ своимъ твореніямъ, т. е. жизнь, свобода, стремленіе къ благу. «Для упроченія правъ этихъ» (сказано было далѣе) «основаны правительства, получающія законную власть отъ тѣхъ, камъ онѣ управляютъ; но такъ-какъ ни жалобы наши, ни просьбы къ парламенту не имѣли никакого дѣйствія, то мы, уполномоченные Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ, призываемъ верховнаго Судію во свидѣтели чистоты нашихъ намѣреній и торжественно объявляемъ отъ имени добраго народа этихъ колоній, что отнынѣ онѣ составятъ свободныя, независимыя штаты и прекратятъ всякое сношеніе съ британскимъ правительствомъ. Въ неизмѣнности этого объявленія мы (въ полной надеждѣ на покровительство бже-

(*) Докторъ Джонсонъ сказалъ: «The Americans are a race of convicts, and ought to be thankful for any thing we allow them short of hanging. M'Gregor America. I, 30.

ственнаго Провидѣнія) ругаемся жизнію нашею, имуществомъ и честью.»

Много порицали и еще порицаютъ до-сихъ-поръ это объявленіе Американцевъ; мы не беремся рѣшать этотъ трудный вопросъ; припоминаемъ только всю несправедливость британскаго правительства, всю тиранию парламента, мечтавшаго только о своемъ всемогуществѣ, и намъ не трудно будетъ убѣдиться, что Американцы успѣли потому только, что начали войну въ сознаніи своего права. Проще, чѣмъ солдаты ихъ могли привыкнуть къ послушанію и порядку, они услышали, что сильный отрядъ англійскаго войска, подъ предводительствомъ лорда Гоу (Howe), высадился на берега ихъ. До пачатія военныхъ дѣйствій, англійскій генералъ приступилъ къ переговорамъ, требовалъ покорности, обещалъ помилованіе, но Американцы видѣли въ этомъ только желаніе произвести между ними несогласіе, и тогда же сами велѣли напечатать прокламаціи лорда Гоу и раздать ихъ народу, чтобъ народъ видѣлъ, что ему обещаютъ *милость*, тогда какъ должны бы были только признать его *права*. Американцы вездѣ отступали передъ опытнымъ, хорошо-организованнымъ англійскимъ войскомъ; они потеряли Нью-Йоркъ, Лонгѣйлэндъ, Нью-Джерзи, Родайлэндъ и всю землю до Делавара. При такихъ неудачахъ обнаружился безпорядокъ въ рядахъ американскаго войска; многіе солдаты, по истеченіи срока службы, возвратились домой, а жители цѣлыми толпами стекались къ королевскому войску, въ надеждѣ найти себѣ покровительство. Въ это бѣдственное время американской войны за независимость, одинъ только конгрессъ оставался твердъ и дѣятеленъ и съ благородною доверенностію вручилъ неограниченную власть генералу Вашингтону, который, по своему благоусмотрѣнію, могъ набирать и распускать солдатъ, наказывать ихъ, дѣлать запасы, воздвигать укрѣпленія. Велика была заслуга конгресса, что онъ умѣлъ найти и оцѣнить такого человека, каковъ былъ Вашингтонъ; безъ его дѣятельности, Американцы никогда бы не могли успѣть въ своемъ дѣлѣ: какова бы ни была идея, одушевляющая массы, ей всегда необходимъ умный и благородный руководитель.

Георгъ Вашингтонъ родился въ области Уэстморланда, въ Виргніи, 22 февраля 1732 г.; онъ отъ природы одаренъ былъ здоровымъ, сильнымъ тѣлосложеніемъ и необыкновенною дѣятельностію; опытъ жизни развилъ его необыкновенныя способности, и война 1756 и 1763 года доказала его военные дарованія. Онъ одаренъ былъ гевіемъ мощнымъ, хотя и неослѣпляющимъ, но этого довольно было для Соединенныхъ-Штатовъ, гдѣ и въ настоящее время невысоко цѣнятся одни блестящія качества, а выше всего ставятся справедливость, твердость характера, добродѣтель, и никогда не почитаются дарами второстепенными. Немногіе пѣз людей, снискавшихъ себѣ знаменитое имя въ исторіи человечества, отличались такою гармоніею, такимъ счастливымъ сочетаніемъ всѣхъ превосходныхъ качествъ, какъ Вашингтонъ: о немъ можно сказать, что достоинства его (подобно древнимъ памятникамъ искусства) выказываются яснѣе и опредѣленнѣе

по мѣрѣ ближайшаго разсмотрѣнія. Душа его была чужда всевозможныхъ партій; она была выше пристрастія, тщеславія и мелочныхъ страстей; онъ дѣйствовалъ по убѣжденію благороднаго сердца и здраваго разума, укрѣпленнаго свободнымъ наблюденіемъ. Разсматривая предметы спокойно со всѣми отношеніями ихъ, онъ пріобрѣталъ надъ ними господство и въ самыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ безъ ошибки выбиралъ самый лучший путь. Къ величайшей твердости онъ присоединялъ еще качества, необходимыя въ то время, — кротость и терпѣніе; рѣшимость и предусмотрительность согласовались съ его мужествомъ, и никогда не употреблялъ онъ во зло вѣренную ему власть, никогда не позволялъ себѣ ни малѣйшаго отступленія отъ закона. Ни одинъ Американецъ не въ состояніи былъ принести столько пользы родинѣ, сколько принесъ ее Вашингтонъ, и отъ-того его благородный, безукоризненный образъ останется для всѣхъ его согражданъ священнымъ примѣромъ. Какъ ничтожны являются многіе герои-разрушители въ сравненіи съ Вашингтономъ, какъ ничтоженъ лордъ Нортъ, который при внутренней нерѣшительности стремился къ призракѣ твердости, слабо преслѣдовалъ сильныя мѣры и возбуждалъ ненависть, не внушая страха!

Положеніе американской арміи было самое критическое, когда только Делаваръ оставался между Вашингтономъ, принявшимъ надъ нею начальство, и генераломъ Гоу. Въ письмахъ Вашингтона, сохранившихся отъ этого времени, видно, какъ тяжело ему было держаться противъ непріятеля (*); такъ 12 декабря 1776 года, онъ писалъ: «нѣтъ ни какаго сомнѣнія, что они (непріятели) поспѣшатъ перейти Делаваръ. Какъ бы счастливъ я былъ, если бъ могъ найти средства предупредить ихъ; въ настоящую минуту я не вижу никакого, признаюсь вамъ. Недѣлю спустя, отъ 20-го, онъ писалъ: «думаю, что генералъ Гоу намѣревается занять Филадельфію и я не знаю, какимъ образомъ остановить его: десять дней еще и армія паша не будетъ существовать». Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ, 25 декабря, Вашингтонъ рѣшился на отчаянный поступокъ — перебраться за рѣку Трентонъ съ горстью дурно-обученныхъ войскъ и напасть на армію, предъ которой уже три мѣсяца отступали Американцы. Въ приказахъ, отдаваемыхъ имъ офицерамъ, участвовавшимъ въ этомъ движеніи, онъ не скрывалъ опасности своего положенія: «только необходимость» говорилъ онъ, «крайняя необходимость оправдываетъ эту атаку». Здѣсь британскій генералъ выказалъ свои способности къ оборонительной войнѣ, какъ и прежде въ наступательной. Предпріятіе, по-видимому безнадежное, увѣнчалось успѣхомъ: паническій страхъ распространился въ рядахъ британскаго войска, которое отступило къ Брауншвейгу и Нью-Йорку, и Вашингтонъ укрѣпился въ Морристонѣ, въ тридцати миляхъ отъ ве-

(* Все это изложено въ «Sparks' Washington»; мы же заимствовали нѣкоторыя подробности изъ «Edinburgh Review» прошлаго года, гдѣ представлено весь ходъ этой войны. См. Edinburgh Review. 1846 г., кн. 1. Стр. 184.

пріятеля; впрочемъ, онъ не слишкомъ радовался побѣдѣ, которая доставила только ту выгоду, что вдохнула въ Американцевъ живое мужество и дала имъ силы къ перенесенію новыхъ опасностей.

Не смотря на превосходство британской арміи числомъ людей и опытностію офицеровъ, генералъ Гоу простоялъ до конца іюня безъ движенія и наконецъ отступилъ къ Айленду и Нью-Йорку,—это отступление Вашингтонъ называетъ «особенною милостію Провидѣнія». Наконецъ, 23 іюля онъ, какъ ожидалъ и боялся Вашингтонъ, съѣхъ на суда на рѣкъ Делаваръ съ тѣмъ, чтобъ соединиться съ генераломъ Боргойномъ, шедшимъ изъ Канады, и потомъ занять Филадельфію. Вашингтонъ пошелъ сухимъ путемъ, съ намѣреніемъ отрѣзать ему дорогу къ Филадельфіи, но 11 сентября 1777 года былъ разбитъ при рѣкѣ Брандайнъ, и 26-го побѣдители вступили въ Филадельфію; 14-го октября лордъ Боргойнъ, съ сильнымъ войскомъ шедшій изъ Канады, достигъ Саратоги. Великій и совершенно-приспособленный къ обстоятельствамъ планъ, соединить южное и сѣверное англійское войско, отрѣзать Новую-Англію и тогда овладѣть менѣе-сильными колоніями, казалось, приходилъ въ исполненіе, и едва-ли какой-нибудь Англичанинъ сомнѣвался уже тогда въ счастливомъ окончаніи войны.

Но по мѣрѣ опасности возрастала дѣятельность и осторожность Американцевъ, и въ то время, какъ Вашингтонъ слѣдилъ за движеніями южнаго отряда Англичанъ, все сильнѣе составлялось войско для прегражденія пути Боргойну. Онъ нигдѣ не видалъ пробитыхъ дорогъ, и въ то самое время, какъ находился въ тревожномъ ожиданіи прибытія своихъ соотечественниковъ съ юга, они медлили, занимаясь безполезными грабежами, а между-тѣмъ, Американцы все болѣе и болѣе стѣсняли войско Боргойна, отрѣзали подвозъ провіанта и наконецъ лишили его надежды дать битву противъ многочисленнаго непріятеля. Наконецъ Боргойнъ 16 октября 1777 г. долженъ былъ сдаться генералу Гэтсу (*) съ условіемъ, чтобъ все офицеры и солдаты могли свободно отправиться въ Англію, но обязывались уже не служить противъ Америки въ этой войнѣ. Американцы взяли 5790 пѣхотныхъ, 35 пушекъ, 4647 ружей и большое количество необходимыхъ для нихъ воинскихъ запасовъ. Это великое, неожиданное событіе рѣшило если не судьбу Америки, то по-крайней-мѣрѣ мнѣніе европейскихъ державъ и преимущественно Франціи относительно отпаденія колоній. Видны и намѣренія французскаго правительства, а равно дѣйствія Американцевъ и Англичанъ лучше всего видны изъ переписки американскаго посланника и изъ писемъ лорда Стормонта, бывшаго англійскимъ посломъ въ Парижъ. Последний сообщалъ своему правительству, что Французы вообще расположены къ Американцамъ, что они по сущности своей, по своему тщеславію, смотрятъ поверхностно на всѣ предметы, и не по-

(*) Гэтсъ былъ долгое время одною партіею противопоставляемъ Вашингтону. Но онъ былъ корыстолюбивъ, нерышительнъ, склоненъ къ интригамъ и вообще считался человекомъ ничтожнымъ. См. Hamilton Life 1. 124, 127.

нимаютъ настоящихъ обязанностей колоній къ метрополіи; что французскіе министры вообще говорятъ мало о возмущеніяхъ въ Америкѣ, и что рѣчи г. Верженна удостоверяютъ его, лорда Стормонта, что американскіе мятежники не получаютъ отъ Французовъ помощи съ согласія правительства. Это сообщалъ лордъ Стормонтъ еще до начала войны съ Америкой. Когда же война вспыхнула, то отношенія сдѣлались сложнѣе, и взаимная недовѣрчивость Англійи и Франціи усилась. Тогда лордъ Стормонтъ прислалъ отъ 13 октября 1775 года слѣдующее истинно-замѣчательное увѣдомленіе: «Г. Верженнъ сказалъ мнѣ: «мы желаемъ жить съ вами въ совершенномъ согласіи, и нисколько не думаемъ предпринять что-либо, что могло бы увеличить опасность настоящаго вашего положенія». Онъ выразился такимъ образомъ: «мы не хотимъ воспользоваться вашимъ замѣшательствомъ; напротивъ, мы смотримъ на него съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ (quelque peine). Что дѣлается противъ васъ въ Америкѣ, повѣрьте, никому не нравится (n'est de la convenance de personne). Кажется, я предвижу сладствія, если колоніи ваши приобретутъ независимость, къ которой стремятся. Онъ постарается тотчасъ же завести флоты; а такъ какъ у нихъ подъ руками всевозможныя средства для судостроенія, то онъ скоро будутъ въ состояніи выдержать соперничество со всею морскою силою Европы. Обладая такими преимуществами въ соединеніи съ выгодами положенія, онъ легко могутъ покорить какъ ваши, такъ и наши острова. Дѣ, я убѣжденъ, что они не остановятся и на этомъ, но въ-теченіе времени проникнуть и въ Южную-Америку, покорить или изгонять обитателей ея, и наконецъ ни одна европейская держава не будетъ владѣть ни шагою земли въ этой части свѣта. Разумается, всѣ предсказанія эти исполнятся не скоро,—ни вы, милордъ, ни я, не доживемъ до этого; но они тамъ не менѣе несомнѣнны, хотя и далеки отъ насъ. Только близорукіе государственные люди могутъ радоваться несчастію соперника и не видать далѣе настоящаго часа; но кто смотритъ вдаль и предугадываетъ сладствія, долженъ сопротивленіе, встречаемое вами въ Америкѣ, почитать зломъ, часть котораго каждый народъ, имѣющій тамъ владѣнія, повеселитъ на себя; и, я могу васъ увѣрить, въ этомъ только видѣ представлялось мнѣ всегда настоящее дѣло.» Морепѣ сказалъ мнѣ: «мы не такіе люди, чтобы во зло употребить обстоятельства, и ловить въ мутной водѣ рыбу. Наше желаніе и намереніе жить съ вами въ мирѣ и дружбѣ, и заниматься по мѣрѣ силъ устройствомъ нашего отечества.»

Когда провозглашена была независимость въ іюль 1776 года, Данъ явился въ Парижъ въ качествѣ тайнаго уполномоченнаго Соединенныхъ-Штатовъ и получилъ отъ Верженна такой отвѣтъ: «мы не можемъ открыто помогать Американцамъ, но не желаемъ препятствовать исполненію ихъ плановъ». Въ то же время лордъ Стормонтъ писалъ, что, дѣйствительно, при настоящемъ управленіи, приготовленія Франціи основаны на предусмотрительности и чувствѣ самозащиты, и что пока живъ Морепѣ, вражды опасаться нечего, но что во Франціи есть также значительные люди, которые разко говорятъ противъ Бри-

танія и не скрываютъ, что еслибъ они были членами министерства, то дѣйствовали бы иначе. «Но» прибавляетъ къ этому посланникъ: «ни одинъ изъ этихъ людей не пользуется расположеніемъ короля и не выйдетъ на поприще, пока Морепá сохраняетъ свое вліяніе». Нѣсколько-прежде этого (10 іюня 1776 г.) г. Верженъ писалъ министру Клювье, что, по его мнѣнію, каковы бы ни были результаты американской войны, политическія и торговыя выгоды Франціи требуютъ, чтобъ кораблямъ американскимъ оказывалось всевозможное покровительство.

Въ такомъ духѣ Франція продолжала дѣйствовать: правительство не хотало выказывать явнаго расположенія къ Американцамъ, но не препятствовало Французамъ толпами отправляться въ Америку. Энтузіазмъ къ Соединеннымъ-Штатамъ еще сильнѣе пробудился во Франціи, когда въ 1776 г. прибылъ туда Веніаминъ Франклинъ для того, чтобъ поддержать старанія Дэна: его простота, здравый умъ и обширныя свѣдѣнія упрочили успѣхъ его предпріятію. Такимъ-образомъ, прошель 1777 годъ въ переговорахъ и обоюдныхъ неудовольствіяхъ съ Англіею, которая испривзаченно смотрѣла на дѣйствія французскихъ министровъ, позволившихъ подъ рукою то, что запрещено было явно. Многія извѣстія лорда Стормонта поучительны въ высшей степени. Такъ 13 августа 1777 г. писалъ онъ: «Г. де-Верженъ сказалъ мнѣ: «Пристрастіе Франціи къ Американцамъ — истинное несчастіе. Не-уже-ли вы думаете, что оно происходитъ отъ любви къ Америкѣ или отъ ненависти къ Англіи? Корень его лежитъ гораздо-глубже и можетъ ускользнуть только отъ поверхностнаго наблюденія; но онъ обращаетъ на себя наше постоянное и серьезное вниманіе.» Хотя г. де-Верженъ не выразился опредѣленнѣе, но не трудно было замѣтить, что онъ намекнулъ на духъ безначалія (licentious spirit), господствующій пылъ во Франціи и служащій главною причиною безумнаго энтузіазма къ Америкѣ.»

Отъ 19 ноября онъ писалъ слѣдующее: «Дѣйствія французскихъ министровъ такъ постоянно одинаковы, что, вѣроятно, у нихъ приняты твердый, незамѣнный планъ, т. е. они рѣшились вредить намъ тайнѣю сколько можно, и злыя намѣренія свои прикрывать самыми сильными увѣреніями въ дружбу и наружнымъ участіемъ къ нашимъ неудовольствіямъ.»

Правда, Морепá повторялъ нѣсколько разъ: «Мы не имѣемъ никакого повода къ ссорѣ, никакой выгоды поддерживать войну, и Франція, по-вѣрьте, не начнетъ враждовать первая.»

Но едва дошла во Францію вѣсть о разбитіи и плененіи генерала Боргойна, лордъ Стормонтъ сообщалъ слѣдующее (28 декабря 1777 г.): «Общес стремленіе народа къ войнѣ выражается гораздо-яснѣе, чѣмъ когда-либо, и г. Морепá долженъ уступить общему потоку, подобно столь многимъ предшествовавшимъ ему слабымъ министрамъ, которые принимали жестокія мѣры единственно по нерѣшительности. Однимъ словомъ, я почитаю весь французскій кабинетъ враждебно-расположеннымъ, хотя въ различной степени силы и дѣятельности, по мѣрѣ личныхъ свойствъ, характеровъ и намѣреній.»

Лордъ Стормонтъ не ошибся; 6 февраля 1778 г. между Франціею и Америкою заключенъ былъ торговый договоръ, а въ тотъ же день подписанъ дружественный и оборонительный союзъ, съ обещаніемъ assisting отстаивать независимость Соединенныхъ-Штатовъ противъ притязаній Англіи. Въ тотъ день (13 марта 1778 г.), какъ Ноайль представилъ этотъ договоръ въ Лондонъ, къ лорду Стормонту отправлено было повелѣніе оставить Парижъ. Война была рѣшена.

Послѣ битвы при Саратогѣ, оппозиція въ Англіи все сильнѣе и сильнѣе возставала противъ правительства; но и она раздѣлилась на двѣ партіи: одна,—партія Четэмъ,—считала необходимымъ дать Американцамъ одинакія права съ Англичанами, но не признавать ихъ независимости; другая,—партія Рокингэма,—требовала, чтобъ парламентъ призналъ независимость Соединенныхъ-Штатовъ и заключалъ съ ними выгодный торговый договоръ. Совершенное покореніе ея все уже почтали невозможнымъ.

Планъ примиренія, изготовленный министрами, разрушился по заключеніи договора Америки съ Франціею. Когда въ засѣданіи 7 апреля 1778 г. герцогъ Ричмондъ съ живостію подалъ голосъ въ пользу признанія независимости Соединенныхъ-Штатовъ, лордъ Четэмъ, которому болѣзнь долгое время препятствовала являться въ парламентъ, рѣшился поддержать сохраненіе части свѣта, пріобретенной въ семилѣтнюю войну силою его ума и воли. Онъ явился въ черномъ бархатномъ платьѣ, поддерживаемый сыномъ своимъ Уильямомъ и зятемъ Мэгономъ. Всѣ лорды съ уваженіемъ встали передъ нимъ и привѣтствовали его, какъ перваго и благороднѣйшаго изъ англійскихъ государственныхъ людей. Съ величайшею энергіею и красноречіемъ развилъ онъ передъ слушателями свои планы и убѣжденія. Тогда оставилъ его силы и голосъ: онъ занемогъ и умеръ 11 мая, на 70-мъ году отъ рожденія. Участіе къ нему было общее и соединялось съ горькимъ чувствомъ при сравненіи блеска и величія Великобританіи при его управленіи съ настоящимъ венадежнымъ ея состояніемъ.

Между-тѣмъ, въ Америкѣ продолжалась война не только противъ Англичанъ, но и противъ Индійцевъ, которые большею частію были въ союзѣ съ ними; Англичане перенесли войну въ южныя области, заняли Георгію и Каролину, и подъ предводительствомъ лорда Корнуаллиса разбили при Кемденѣ (16 августа 1780 г.) американское войско, предводимое Гэтсомъ. Тогда въ британскомъ министерствѣ снова воскресла обманчивая надежда на скорое возвращеніе колоній, и руководимый тою же надеждою, лордъ Корнуаллисъ принялъ такія жестокія мѣры для наказанія жителей, что возбуждалъ еще сильнѣе прежняго энтузіазмъ къ свободѣ, который воодушевлялъ даже женщинъ до такой степени, что онѣ побуждали мужчинъ къ сопротивленію, и сами въ свою очередь подвергались величайшимъ опасностямъ.

Когда, послѣ долгихъ и напряженныхъ усилій, Американцамъ удалось остановить успѣхи Англичанъ, нѣтъ стало угрожать новое бѣдствіе. При началѣ возстанія, главы Американцевъ, предвидя расхлебъ и не имѣя въ виду наличныхъ денегъ, рѣшились прибѣгнуть къ выпуску ас-

сигнаціи, которыя, при общемъ одушевленіи, были единогласно одобрены. Когда же война продолжалась долѣе, чѣмъ ожидали, а расходы не уменьшались, то стали выпускать бумажныя деньги въ такомъ количествѣ, что онѣ мало-по-малу потеряли цѣнность; наконецъ, незнаніе дѣла до того понизило курсъ ассигнаціи, что за одинъ серебряный талеръ платили сначала 40, потомъ 85 и наконецъ 115 бумажныхъ талеровъ. Вся предложенія къ приведенію ассигнаціи въ звонкую монету и къ погашенію ихъ, оставались неисполненными по недостатку средствъ. Вездѣ раздавались жалобы на упадокъ цѣнъ и кредита, на потерю имущества и на безконечныя споры должниковъ и заимодавцевъ. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи конгрессъ прибегнулъ къ ошибочнымъ, неисполнимымъ мѣрамъ: положено было закономъ назначить цѣну дневной работы, провозведеній и товаровъ, но съ тѣмъ, чтобъ всякій принималъ платы не бумажными деньгами, а одною звонкою монетою; также мало помогла продажа земель, потому-что уплата за нихъ отсрочивалась на неопредѣленное время. Слѣдствія этой ложной системы повели къ потерѣ кредита, къ обманамъ, совершавшимся почти въ границахъ закона, и оставили такіе слѣды, которыхъ, по словамъ самихъ Американцевъ, долгое время послѣ того невозможно было взглянуть.

Эти обстоятельства болѣе всего непріятны были для Вашингтона. Бумажными деньгами невозможно было выдавать жалованье, еще менѣе можно было купить на нихъ что-нибудь, потому-что дурныя жатвы и упадокъ земледѣлія повели за собою недостатокъ въ жизненныхъ припасахъ, и даже тѣ, которые можно еще было добыть, не смотря на всѣ запрещенія, продавались охотнѣе Англичанамъ, платившимъ звонкою монетою. Вашингтонъ старался твердостью, терпѣніемъ и кротостью уменьшить по-возможности великость бѣдствія, и когда комитетъ конгресса, посѣтившій лагерь, по возвращеніи подтверждалъ жалобы военачальниковъ и представлялъ нужду и бѣдствія войска, то соединились многіе граждане (особенно городъ Филадельфія) для доставленія запасовъ, для снабженія войскъ и пополненія милиціи.

Мужество Американцевъ оживилось, когда 6,000 Французовъ 10 іюля 1780 г. подъ предводительствомъ Рошамбо прибыли къ Родэйленду, и вмѣстѣ съ ними французское правительство прислало денежное пособіе; но надежда совершить что-нибудь рѣшительное скоро исчезла, потому-что Англичане окружили островъ и принудили адмирала де-Гиза возвратиться во Францію.

Другаго великаго бѣдствія избѣгли Американцы случайно. Генералъ Арнольдъ, до-сихъ-поръ ревностно подвизавшійся въ пользу ихъ, замыслилъ отдать Англичанамъ измѣною Уэстпойнтъ (Westpoint, на Гудсонѣ), столько же важный, какъ въ Европѣ Гибралтаръ, и отдать со всѣми его запасами и орудіями; говорятъ, что роскошная жизнь, неоплаченные долги и тому подобное довели его до такого отчаяннаго поступка; но солдаты, не смотря на на какия убѣжденія, не послѣдовали его призыву. Англійскій майоръ Андре, благороднѣйшій, даровитый и умный человекъ, производившій переговоры съ Арнольдомъ, подалъ съ бумагами своими въ руки Американцевъ; Арнольдъ бѣжалъ, вѣзья была

открыта, а Андре, не смотря на все просьбы Англичанъ, былъ повѣшеъ какъ шпионъ. Одни осуждали, другіе хвалили такую жестоку ю мѣру, но все вообще жалѣли о гибели челоуѣка, полного прекрасныхъ надеждъ.

Здѣсь не мѣсто подробно излагать переменное счастье и неудачи американской войны. 19 октября лордъ Корнуаллисъ съ 7,000 челоуѣкъ долженъ былъ сдаться Вашингтону и Рошамбд. Эта важная побѣда, наполнившая радостію всехъ гражданъ Сѣверной-Америки, окопчила южные походы и почти всю войну. Взятіе въ плѣнъ лорда Корнуаллиса, совершенное разбитіе французскаго флота при Гваделупѣ (12 апреля 1782 г.) и неудачная попытка Испанцевъ относительно Гибралтара возбуждали во всехъ враждующихъ партіяхъ расположеніе къ миру. Уже 27 февраля 1782 г. предложеніе лорда Коуэя (Cowan, — того самаго, который, 16 лѣтъ назадъ, предложилъ уничтоженіе штемпельнаго устава) о прекращеніи американской войны было принято въ парламентѣ большинствомъ 19 голосовъ; 19 марта того же года подали въ отставку министры, и на ихъ мѣста вступили Рокингэмъ, Кэвендишъ, Шельборнъ, Кэмденъ, Фоксъ и другіе.

Предварительными статьями мира, подписанными (безъ участія Франціи) 30 ноября 1782 года, признана независимость Соединенныхъ-Штатовъ, и такимъ-образомъ главнѣйшій пунктъ былъ определенъ. Общій миръ (между Англіею, Америкою, Франціею, Испаніею и Нидерландами) состоялся 3 октября 1783 и 20 мая 1784 года; по этому миру, Франція получила Тобаго и Сенегаль за Гамбію и фортъ Джемсъ; ей обезпечено было участіе въ рыбныхъ ловляхъ Нью-Фаундленда и отданы близълежащіе острова св. Петра и Мигелонъ. Испанія удержала Минорку, часть Флориды и непринадлежащія Американцамъ земли въ долине Миссиссиппи. Голландія отказалась отъ Негепатнама и предоставила Англичанамъ свободное плаваніе по всемъ индійскимъ морямъ.

Никто не сомнѣвался въ то время, что Англія съ утратою американскихъ колоній понесла великую потерю и утратила свое могущество. Только два челоуѣка опровергали это мрачное предчувствіе: Адамъ Смитъ, котораго въ то время понимали очень-немногіе, и Тукеръ, почитавшійся мечтателемъ.

Не смотря на дѣятельность и энтузіазмъ, съ которыми Сѣверная-Америка отстояла свою независимость; въ ней находились такъ-называемые лойялисты, оставшіеся вѣрными британскому правительству; претерпѣвъ въ отечествѣ разнаго рода неудовольствія, они переселились въ британскія владѣнія, въ Канаду, Новую-Шотландію, Багамскіе-Острова и т. д. и получили отъ метрополиса вознагражденіе и покровительство.

На самихъ побѣдителей война эта имѣла огромное вліяніе. Они начали случаи привести въ дѣйствіе великія намѣренія, выказать доблести своихъ согражданъ, общими дѣломъ уничтожить соревнованіе отдельныхъ штатовъ и подавить религіозныя распри. Они ближе изучили свое отечество, занялись науками, необходимыми для войны и приобрѣли болѣе-вѣрное понятіе о политическихъ отношеніяхъ. Къ этому

присоединилась и необходимая бѣдственныя слѣдствія войны.

Одну изъ величайшихъ заботъ правительству доставляло войско: оно не въ состоянн было дать ему какое-нибудь вознагражденіе, даже выплатить заслуженное имъ жалованье. Въ рядахъ его возникли неудовольствія, и самыя сильныя предлагали силою принудить конгрессъ, собравшійся въ Филадельфн, уплатить требуемое ими жалованье; но и здѣсь мудрость и предусмотрительность Вашингтона пашли средство отъ-вратить грозившую опасность. Живою, убѣдительною рѣчью онъ уговорилъ предводителей обратиться къ исполненію ихъ долга, и съ твердостью отвергъ мысль, чтобъ онъ, освободитель отечества, могъ сдѣлаться его повелителемъ. Прощаніе его съ войскомъ (4 декабря 1783 года) въ высшей степени было трогательно. Онъ выпилъ за здоровье всѣхъ товарищей своихъ въ послѣдній разъ, и пожелалъ, чтобъ послѣдніе дни ихъ были такъ же счастливы, какъ первые были славны и достойны уваженія. Вслѣдъ за тѣмъ, Вашингтонъ съѣзъ въ шлюбку, качавшуюся на волнахъ Рю-дель-Нарте, махнулъ еще разъ шляпою въ знакъ прощанія, и исчезъ въ туманной дали...

Тогда большая часть войска возвратилась къ своимъ обычнымъ занятіямъ; офицеры пожелали остаться въ одной общинѣ и основали такъ-называемое Общество-Данцината, которому положено было упрочить продолжительность и достоинство принятіемъ въ среду его согражданъ и иностранцевъ. Но это учрежденіе, какъ новый орденъ и по сущности своей сходный съ аристократическими учрежденіями, встрѣтилъ сильное сопротивленіе; даже самъ Вашингтонъ содѣйствовалъ его уничтоженію. Вашингтонъ писалъ къ правителямъ отдельныхъ штатовъ и со всею силою краснорѣчія и истины доказывалъ необходимость еднородія, справедливости, послушанія и дѣятельности, чего требовало ихъ новое положеніе. Конгрессу онъ представлялъ отчетъ объ употребленіи общественныхъ суммъ и 23 декабря 1783 года въ тайномъ собраніи сложилъ съ себя вѣренную ему власть. Рѣчи его отвѣчалъ президентъ другою рѣчью, исполненною уваженія, достоинства и признательности. Тогда Вашингтонъ, основатель могущественной американской республики, радостно удался въ свое помѣстье Моунтъ-Вернонъ, занимался земледѣліемъ, улучшеніемъ окрестностей, проводилъ свободное время въ обществѣ друзей, и доказалъ своимъ великимъ, трогательнымъ примѣромъ, что слава, пріобретенная мечомъ, чуждая преступленія и честолюбія, уживается и въ частной жизни, не нуждаясь во власти или наружномъ блескѣ: ни одна черная тѣнь не помрачала воспоминаній яснаго мира души и свѣтлыхъ дней благороднаго Вашингтона. Между-тѣмъ, конгрессу предстояло еще много трудныхъ и важныхъ дѣлъ, такъ, на-прим.; установленіе отношеній къ иностраннымъ государствамъ, устроеніе прерванной и частію съ большимъ убыткомъ производившейся торговли и, болѣе всего, организованіе системы финансовъ и погашенія государственнаго долга. Не только союзъ, но каждый отдельный штатъ вошелъ въ большіе долги, для погашенія которыхъ не предвидѣлось достаточныхъ средствъ, а подати были слишкомъ-обременительны для народа, который, видя, что война не кончила его бѣдъ

ствій, обнаружилъ безпокойства, и въ некоторыхъ мѣстахъ дошло даже до открытаго возмущенія (на-прим., въ Массачусетса и Нью-Гемпширѣ). Вся благоразумные и предусмотрительные люди мало-по-малу убедились, что главное основаніе всѣхъ безпорядковъ заключается въ не-становленіи союза, въ конфедераціонномъ актѣ 9 іюля 1778 года.

Правительство каждаго штата принадлежало штатгальтеру и двумъ законодательнымъ камерамъ, которыя нерѣдко думали только о себѣ и о своихъ ближайшихъ сосѣдяхъ и почитали за чистую потерю то, что каждый отдѣльный штатъ посвящалъ всей республикѣ. Оттого между штатами не было ни порядка, ни согласія, ни связи; и каждымъ была своя финансовая система, своя политика, и такое разногласіе препятствовало общему дѣйствію. Недостаточность государственнаго постановленія грозила междуусобіемъ, и опасности мира сдѣлали едва ли не сильнѣе опасностей войны: правителямъ республики, кромѣ храбрости, необходимы были теперь справедливость и умѣренность.

Союзная конституція 1778 года остается непоколебимою: всѣ штаты основываютъ союзную республику; каждый отдѣльный штатъ сохраняетъ прежнія права, законы, суды, учрежденія и т. д., если она только не изменены конгрессомъ всѣхъ штатовъ. Всѣ штаты должны соединенными силами защищаться противъ насилія и содѣйствовать свободѣ торговли и колонизаціи. Каждый штатъ отправляетъ на конгрессъ отъ 2 до 7 уполномоченныхъ, которые имѣютъ одинъ только голосъ; такъ или иначе, 13 штатовъ составляютъ 13 голосовъ, каково бы ни было число уполномоченныхъ. По закону, большинство голосовъ рѣшаетъ дело; но большинство 9-ти голосовъ необходимо для войны, мира, ссудовъ, образованія морской и сухопутной силы, сбора податей и т. д. Споры между штатами долженъ рѣшать конгрессъ; если же онъ не собрался, то дѣлами будетъ завѣдывать избранный комитетъ изъ 13 членовъ.

Таковы главные пункты этого законоположенія; оно предоставляетъ малымъ штатамъ одинакія права съ большими и не заключаетъ въ себя постановленій, которыя бы, противодѣйствуя одностороннимъ правленіямъ, могли поддержать принятія мѣры. Достойные люди (Дж. Мильтонъ, Мадисонъ и Джэ), много содѣйствовавшіе къ начертанію и принатію новаго государственнаго постановленія, такъ говорили объ обстоятельствахъ того времени: «По справедливости можно сказать, что Соединенные-Штаты дошли до послѣдней степени политическаго униженія. Мы испытали все, что оскорбляетъ гордость народа, что умаляетъ его характеръ. Обязанности, къ исполненію которыхъ побуждастъ долгъ почитаемый у всѣхъ священнымъ, находятся у насъ въ совершенномъ пренебреженіи. Мы вошли въ долги у иностранцевъ и туземцевъ и упороченія своей политической самобытности, и не сдѣлали еще ни одного шага, чтобъ уплатить ихъ. Чуждая держава (т. е. Англія) вѣдетъ въ нашемъ отечествѣ крѣпостями и значительными помѣстями дѣла, смѣясь надъ нашими правами и договорами; а мы находимся

такомъ положеніи, что не смѣемъ высказать, что чувствуемъ эти оскорбленія, не имѣемъ силъ отъ нихъ освободиться, потому-что у насъ нѣтъ ни денегъ, ни войска, ни правительства!» Почти тѣми же словами изображаетъ президентъ Адамсъ положеніе государства въ первой рѣчи своей, гдѣ онъ говоритъ, что никто не хочетъ повиноваться повелѣніямъ конгресса, и отъ-того происходитъ упадокъ торговли, кредита, мануфактуръ, обнаруживаются страшные беспорядки, грозящіе ниспроверженіемъ самому союзу (*).

Великость бѣдствій и невозможность оставаться при прежнемъ порядкѣ далѣ побудили Американцевъ обратиться къ тѣмъ благороднымъ дѣятелямъ, которые оказали уже великія услуги отечеству и въ настоящее время желали дать ему прочное постановленіе. Во главѣ ихъ стоялъ снова Вашингтонъ, и подвиги его на этомъ поприщѣ нисколько не уступаютъ военнымъ его подвигамъ. Безсмертный памятникъ воздвигли себя государственные люди Америки составленіемъ конституціи въ мартѣ 1787 г.,—конституціи, которая поддержала новое государство посреди страшныхъ бурь и опасностей; возможная только въ такомъ государствѣ, какъ Соединенные-Штаты, она возвысила ихъ и упрочила имъ быстрое и блестящее развитіе.

Вашингтонъ былъ единогласно избранъ президентомъ новой, или, правильнѣе, возобновленной республики. Путешествіе его изъ Вернона въ Филадельфію было непрерывнымъ триумфальнымъ шествіемъ, которое приготовлено было не тщеславіемъ, принужденіемъ или страхомъ, но справедливою признательностью, высокимъ уваженіемъ и сердечною любовью народа. Это второе основаніе государства, это призваніе быть главою великаго народа, и скромная, чуждая всякихъ притязаній жизнь Вашингтона, его пламенная ревность къ поддержанію государственнаго постановленія представляютъ одинъ изъ прекраснѣйшихъ моментовъ новейшей исторіи. «Ни одинъ народъ», сказалъ Вашингтонъ въ своей вступительной рѣчи, «не можетъ полагаться на милость Бога, если онъ не соблюдаетъ вѣчныхъ заповѣдей порядка и справедливости, данныхъ самимъ Богомъ».

Конституція Северо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ 1787 г. довольно извѣстна, и потому ограничиваемся однимъ только ея очеркомъ.

Законодательная власть принадлежитъ двумъ камерамъ, сенату и камерѣ депутатовъ или представителей.

Депутаты, отправляемые на конгрессъ, избираются въ штатахъ каждаго два года. Избиратели должны имѣть тѣ же свойства, которыя даютъ имъ право на избраніе штатгальтеровъ отдѣльныхъ штатовъ. Депутатъ долженъ имѣть не менѣе 25 лѣтъ отъ роду, съ тѣмъ одна-

(*) Messages of the Presidents. 66. Тѣ же жалобы Рандольфа въ Madison papers II, 130.

кожъ, чтобъ семь лѣтъ онъ былъ уже гражданиномъ Соединенныхъ Штатовъ; впрочемъ, ничего болѣе отъ него не требуется.

Депутаты избираются округами, смотря по числу жителей, определенному закономъ; для того каждые десять лѣтъ повторяется пародная перепись и определяется число депутатовъ. Каждый штатъ присылаетъ депутата на конгрессъ. Камера депутатовъ избираетъ своего оратора (speaker) и другихъ члѣновъ, и одна только имѣетъ право общественныхъ аппелляцій (impeachments).

Каждый штатъ избираетъ двухъ сенаторовъ на шесть лѣтъ. Каждый два года выбываетъ треть сенаторовъ; каждый изъ нихъ имѣетъ голосъ. Сенаторъ долженъ быть не моложе тридцати лѣтъ и прожить не менѣе девяти лѣтъ въ штатѣ, его избравшемъ; впрочемъ, избраніе его ничѣмъ не стѣсняется, какъ и избраніе депутата. Каждый депутатъ и сенаторъ получаютъ ежедневнаго содержанія восемь долларовъ, ораторъ же и президентъ сената вдвое. Вице-президентъ Соединенныхъ Штатовъ есть также и президентъ сената, но голосъ свой онъ можетъ давать только въ томъ случаѣ, когда прочіе голоса раздѣлятся на двѣ равныя половины. Сенатъ рѣшаетъ всѣ общественныя жалобы, но для приговора его необходимы двѣ трети всѣхъ голосовъ. Законодательная власть или правительство каждаго отдѣльнаго штата определяетъ время, мѣсто и образъ избранія депутатовъ и сенаторовъ. Конгрессъ собирается по-крайней-мѣрѣ однажды въ годъ и обыкновенно въ первомъ понедѣльникѣ декабря мѣсяца. Никто, занимая какую-либо должность, не можетъ быть ни депутатомъ, ни сенаторомъ; ни одинъ изъ нихъ не подлежитъ ответственности за рѣчи, говоренныя имъ въ камеру, и одинъ за свои проступки (кроме измѣны, или нарушенія мира) не подлежитъ тюремному заключенію. Всѣ законы, имѣющіе предметомъ своимъ денежныя дѣла, возникаютъ въ камерѣ представителей; но сенатъ можетъ предлагать измѣненія и въ этомъ случаѣ дѣйствовать такъ же какъ и при рѣшеніи другихъ биллей. Каждый проектъ закона, трикратно прочитанный и прошедшій чрезъ обѣ камеры, представляется на утвержденіе президента; если президентъ не утверждаетъ его, то обязанъ съ своими замѣчаніями возвратить его обратно въ камеру, изъ которой онъ вышелъ, и тогда билль разсматривается снова. То же самое повторяется и въ другой камерѣ. Если же двѣ трети обѣихъ камеръ одобряютъ его снова, то онъ и безъ согласія президента получаетъ силу закона; если же президентъ не возвратитъ билля въ-теченіе десяти дней, билль также считается утвержденнымъ.

Конгрессу предоставлены самыя большія права; главнѣйшія изъ нихъ состоятъ въ правѣ наложенія податей, имѣющихъ цѣлю общую защиту республики, погашеніе долга или общественныя улучшенія; ему предоставлено также определеніе торговыхъ отношеній между отдѣльными штатами и всей республики съ союзными державами, постановленія о принятіи въ число гражданъ, о банкротствахъ, монетѣ, разореніи и мѣрахъ; онъ же занимается устройствомъ почты, выдачею привилегій

гій на изобрѣтенія, учреждаетъ суды, наказываетъ морскіе разбои и прочія преступленія противъ народнаго права. Сверхъ- того, ему принадлежитъ объявленіе войны, снаряженіе войскъ и флотовъ, наборъ милиціи, укрощенію мятежей и вообще наблюденіе за исполненіемъ всѣхъ законовъ Союза; онъ же имѣетъ надзоръ за крѣпостями, вер-
фами и цейхгаузами Союза и издаетъ вся постановленія, относящіяся до исчисленныхъ нами предметовъ.

Исполнительная власть находится въ рукахъ президента Соединенныхъ-Штатовъ. Онъ избирается на четыре года (*), и по истеченіи срока можетъ быть избираемъ снова. Онъ долженъ быть или урожденцемъ Соединенныхъ-Штатовъ, или прожить въ нихъ не менѣе четырнадцати лѣтъ и имѣть по-крайней-мѣрѣ 35 лѣтъ отъ роду. День избранія президента определяется конгрессомъ. Каждый отдѣльный штатъ назначаетъ (по формамъ, предписаннымъ имъ законами) столько избирателей, сколько онъ посылаетъ сенаторовъ и депутатовъ на конгрессъ. Это избраніе совершается въ-теченіе 34 дней, предшествующихъ первой средѣ декабря мѣсяца (**), въ большей части штатовъ и всеми избирателями, имѣющими право голоса (by a general ticket), въ некоторыхъ правительствахъ, въ двухъ по округамъ. Ни одинъ изъ чиновниковъ Соединенныхъ-Штатовъ, ни одинъ членъ конгресса не можетъ быть избирателемъ. Избиратели каждого штата назначаютъ (въ первую среду декабря), посредствомъ баллотировки или тайнаго совѣщанія, двухъ кандидатовъ на званіе президента, изъ которыхъ по-крайней-мѣрѣ одинъ не принадлежитъ къ избираемому штату. Имена избранныхъ отправляются къ президенту сената, который запечатанные пакеты вскрываетъ въ присутствіи обѣихъ камеръ и считаетъ голоса. На чьей сторонѣ большинство голосовъ, тотъ и становится президентомъ; если же никто не получалъ такого большинства, то камера депутатовъ избираетъ президента изъ трехъ лицъ, получившихъ большее число голосовъ. Въ этомъ случаѣ всѣ депутаты каждого штата имѣютъ только одинъ голосъ, и большинство штатовъ необходимо для избранія.

При избраніи вице-президента соблюдается тотъ же порядокъ; только въ послѣднемъ сомнительномъ случаѣ сенатъ рѣшаетъ избраніе изъ двухъ, получившихъ болѣе голосовъ. Въ случаѣ отсутствія президента, мѣсто его заступаетъ вице-президентъ и послѣ него ораторъ камеры депутатовъ. Президентъ получаетъ 25 тысячъ долларовъ, вице-президентъ 5 тысячъ ежегоднаго содержанія, что едва достаетъ на покрытіе самыхъ необходимыхъ издержекъ. Президентъ пользуется слѣдующими правами: онъ распоряжается морскою, сухопутною силою и даже милиціею, если она дѣйствуетъ для общихъ дѣлъ республики. Въ необыкновенныхъ случаяхъ ему предоставлено право созывать конгрессъ;

(*) Изъ первыхъ восьми президентовъ пять были избраны во второй разъ, и ни одинъ не пожелалъ третьяго избранія.

(**) По новому постановленію, въ тотъ же день.

онъ требуетъ и получаетъ отчеты отъ всѣхъ судовъ, назначаетъ большую часть чиновниковъ республики и заключаетъ договоръ съ согласія сената (который можетъ отвергнуть предложеніе, но самъ чиновниковъ не назначаетъ), принимаетъ иностранныхъ пословъ и министровъ, представляетъ конгрессу обзоръ всѣхъ свѣдѣній Соединенныхъ - Штатовъ и предлагаетъ мѣры улучшенія, которыя почитаетъ необходимыми. Онъ терлетъ свое мѣсто (подобно прочимъ чиновникамъ республики), если уличенъ будетъ въ измѣну, лихоимствѣ или другихъ тяжкихъ преступленіяхъ.

Судебная власть находится въ рукахъ одного *сисидо судилца* для всей республики и такихъ подчиненныхъ судовъ, которые время-от-времени назначаются конгрессомъ; членовъ такого суда определяетъ президентъ съ согласія сената; они сохраняютъ мѣста свои до-тѣхъ-поръ, пока исполняютъ должности удовлетворительно, и получаютъ содержаніе во все время своей службы.

Вся уголовныя и гражданскія дѣла, вѣкъ которыхъ превышаетъ цѣнность 20 долларовъ, рѣшаются судомъ присяжныхъ. Конгрессъ можетъ принимать въ союзъ республики новые штаты; но, безъ согласія самихъ штатовъ, новые не могутъ слѣваться въ одно съ старыми, не могутъ входить въ составъ ихъ. Союзъ покровительствуетъ республиканскому правленію каждаго штата и защищаетъ его отъ внешнихъ и внутреннихъ враговъ. Для занятія какой бы то ни было должности, во-все не требуется присяги, а вообще конгрессъ не можетъ запрещать или разрѣшать введеніе какого бы то ни было религіознаго исповѣданія.

Когда два трети обѣихъ камеръ или два трети штатовъ предложатъ переизмену въ управленіи, тогда созывается собраніе (*convention*), и что одобрятъ три четверти его или три четверти законодателей въ отдельныхъ штатахъ, то дѣлается существенною частію государственнаго постановленія.

Когда новая конституція союза была утверждена, многіе должны были отказаться отъ надежды исполнить задуманные ими планы; многіе боялись также слишкомъ-большой власти конгресса. «Президентъ» завѣчалъ послѣдніе: «скоро преобразится въ неограниченнаго монарха, сенатъ присвоитъ себѣ аристократическія права, камера депутатовъ будетъ покровительствовать безпорядкамъ демократіи».

До-тѣхъ-поръ, пока подобныя сомнѣнія и переговоры возрастали на американской почвѣ и вытекали изъ самаго состоянія Америки, они были скорѣе полезны, чѣмъ опасны; когда же разразилась французская революція, она повлекла за собою такіа идеи и намѣренія, которыя, безъ соображенія мѣста, времени и особенностей народа, принимались за безусловные образцы. Сѣверо-Американцы, выхваляя подвиги Французовъ, называя ихъ величайшимъ народомъ на земномъ шарѣ, стали порицать свои собственныя постановленія и требовать въ нихъ переизмены. Когда гражданинъ Женё явился въ Чарльтоунъ (въ апрѣлѣ 1793 г.), ему сдѣлали блистательный пріемъ и съ торжествомъ встречали

его во всехъ областяхъ, по которымъ превозжалъ онъ; по французско-му обычаю, многіе начали составлять клубы и заниматься политическими дѣлами. Въ-слѣдствіе этого, тщеславіе, гордость и самонадьянность посла возрасли до такой степени (*), что онъ побуждалъ народъ къ сварженію флота для войны съ Англіею, къ походу въ Луизиану, оскорбительно обходился съ Вашингтономъ и сылалъ въ народъ сѣмена непослушанія. Вашингтонъ, не желая разорвать согласія съ Франціею и надѣясь возвратить заблудшихъ на путь истины, сначала обращался съ Женé весьма-осторожно и умеренно; но когда онъ увидѣлъ, что такой образъ дѣйствія ведетъ къ новымъ злоупотребленіямъ и притязаніямъ съ его стороны, то вышелъ съ твердостью впередъ, заставилъ отозвать Женé, и въ третій разъ сдѣлался спасителемъ своего отечества. Злобныя клеветы давно уже замолкли, — и побѣта американскаго постановленія, независимость Соединенныхъ — Штатовъ были явнымъ доказательствомъ достоинства его и силы. Справедливость была на сторонѣ Вашингтона, когда онъ отказался отъ всякаго участія въ бѣдственныхъ событіяхъ, потрясавшихъ тогда Европу, и 27 октября 1795 г. заключилъ торговый договоръ съ Англіею.

Когда, при этомъ случаѣ, камера депутатовъ вздумала преступить кругъ своихъ правъ и вмѣшаться въ обязанность президента относительно внѣшнихъ сношеній, Вашингтонъ объявилъ кротко, но съ твердостью, что, по закону, договоръ прочтенъ безъ участія депутатовъ, и что долгъ запрещаетъ ему уступить ихъ требованію.

При окончаніи своего перваго четырех-лѣтняго президентства, Вашингтонъ счелъ обязанностью передать это высокое званіе другому лицу; но достойные друзья его и даже умные противники убѣждали его пожертвовать личными наклонностями своими благу отчизны. Томасъ Джефферсонъ писалъ ему: «Довѣріе всего народа обращено къ вамъ. Когда корымо правленія находится въ вашихъ рукахъ, одно это уже служитъ достаточнымъ противодействіемъ всѣмъ попыткамъ возбудить народъ къ возмущенію или насилію. Сѣверъ и югъ будутъ согласны, если станутъ твердо держаться васъ; и когда первыя средства къ улучшенію, предложенныя депутатами, окажутся недостаточными, то уже ваше присутствіе дастъ намъ возможность изыскать новыя средства, согласныя съ единодушіемъ и спокойствіемъ штатовъ. Я хорошо понимаю, какъ сильно гнететъ душу вашу обязанность управленія, и какъ горячо стремитесь вы къ тихому спокойствію домашней жизни. Но иногда на землѣ появляются умы столь свѣтлые, что человечество считаетъ себя въ правѣ располагать ими, противиться склонности ихъ къ тихому счастью и поставлать ихъ на такое мѣсто, на которомъ они могутъ изливать блага въ настоящемъ и будущемъ. Это ваше призваніе, обязанность, возложенная на васъ Провидѣніемъ, которое не даромъ такъ щедро

(*) Женé былъ «hot heated, all imagination, no judgment, passionate, disrespectful, indecent towards the president» etc. Слова Джефферсона въ Tuckers Life 1, 444.

вась одарило и вызвало событія, на которыя вамъ определено действовать».

Вашингтонъ былъ избранъ президентомъ во второй разъ 132 голосами изъ 135, и до марта 1797 г. употреблялъ все усилія для упроченіи мира и возвышенія своего отечества. Письмо, въ которомъ Вашингтонъ по сложивши съ себя президентскаго званія, прощается съ американскимъ народомъ, служитъ отпечаткомъ его благородной натуры. Онъ напоминая все счастье, все выгоды, которыя Богъ ниспослалъ на эту страну въ щезаетъ самымъ достойнымъ и убѣдительнымъ образомъ сохранить порядокъ, и единодушіе и доказываетъ, что нравственность, добродѣтели и истинная религія необходимы, какъ отдельнымъ лицамъ, такъ и цѣлымъ государствамъ. Это благородное, многознаменательное, богатое слѣдствіями завѣщаніе великаго человека можетъ всегда служить для Американцевъ примѣромъ и руководствомъ; слѣдуя ему, они никогда не придутъ въ уныніе во время несчастія, не поклонятся предъ высокомеріемъ или тщеславіемъ. Онъ заключалъ это замѣчательное посланіе слѣдующими словами:

«Перебирая въ памяти все происшедшее въ годы моего управленія чувствую, совѣсть не упрекаетъ меня, чтобъ я когда-либо погрѣшилъ намѣреніемъ; но я такъ убѣжденъ въ своихъ недостаткахъ, что не могу не чувствовать многихъ сдѣланныхъ мною ошибокъ, во имя горячія молебны къ Всемогущему, да отвратитъ Онъ бѣдственныя слѣдствія, могущія произойти отъ нихъ. Разстаюсь съ вами въ надеждѣ, что отечество мое снисходительно извинитъ мои недостатки въ виду пламенной ревности, съ которою я въ продолженіе 45 лѣтъ посвятилъ себя ему на служеніе, чтобъ я самъ могъ отойти въ жилище невозмущаемаго мира. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другомъ, доверяю любви моей родичи, и съ радостнымъ предчувствіемъ возвращаюсь къ тихой домашней жизни, которою надѣюсь насладиться вполне, и въ то же время радуюсь, вмѣстѣ съ моими согражданами, что добрыя законы при свободной конституціи кротко управляютъ нами, что мы достигли блестящей цѣли и получили прекрасную награду, заслуженную нашими общими трудами, страданіями и опасностями.»

Последнія надежды благороднаго человека исполнились. Только на короткое время оставилъ онъ еще разъ свое сельское уединеніе, для того чтобъ спасти отечество свое отъ притязаній Франціи. Онъ умеръ въ годъ (14 декабря 1799) спокойною, ясною смертію. Конгрессъ решилъ почтить кончину его торжественною процессією, наложеніемъ траура на мѣсяць, и воздвигнуть ему мраморный памятникъ. Участіе къ Вашингтону обнаружилъ вся образованная народы, и немногіе люди, изъ которыхъ увѣковѣчена мраморомъ и мѣдью, представляютъ готовое такое благословенное, ничѣмъ незащитанное величіе.

На мѣсто Вашингтона президентомъ избранъ былъ Джонъ Аддисъ (1797 г.) большинствомъ 71 голоса, и Томасъ Джеферсонъ вице-президентомъ большинствомъ 68. Первый родился въ 1735 году въ штатѣ

Массачусетс, былъ членомъ перваго конгресса, участникомъ въ провозглашеніи независимости, посланникомъ во Францію и составителемъ новой конституціи въ Массачусетс.

Хотя Адамсъ былъ человекъ справедливый, ученый, опытный въ дѣлахъ, но избраніе его возбудило опасенія, что правленіе его приметъ односторонній, англо-американскій характеръ. Первая рѣчь, произнесенная имъ въ конгрессѣ, успокоила многихъ. Исчисливъ недостатки стараго постановленія, онъ съ большою похвалою отозвался о новомъ, и увѣрялъ, что все усилія свои употребитъ къ поддержанію послѣдняго, къ соблюденію правъ отдѣльныхъ штатовъ, сохраненію мира, правосудія и устраненію притязаній чуждаго народа. Последнее было сказано на счетъ Франціи, о чемъ, при открытіи втораго конгресса, еще яснѣе выразился Д. Адамсъ, говоря, что Америка желаетъ поддержать общій миръ, но что есть граница, за которою свободный народъ не долженъ терпѣть оскорбленій и обязанъ защищать свое достоинство. Конгрессъ во всемъ согласился съ своимъ президентомъ, и Франція не удалось произвести раздоровъ.

Французская директорія, недовольная рѣчью президента, впрочемъ, весьма-умѣренной, объявила такіа требованія, что раздражила большую часть Американцевъ; въ 1798 году, дошло до войны съ Франціею, и только по паденіи директоріи былъ восстановленъ миръ въ сентябрѣ 1800 года.

Во время несогласій съ Франціею и безпокойства, обнаружившагося въ Америкѣ, изданы были два закона: о чужихъ поселенцахъ и о возмущеніи (alienbill, seditionbill). Первый давалъ президенту право удалять подозрительныхъ иностранцевъ и постановлялъ, что полученіе правъ гражданства возможно только послѣ четырнадцати-лѣтняго пребыванія въ Соединенныхъ-Штатахъ. Законъ о возмущеніи направленъ былъ противъ тайныхъ союзовъ, матежныхъ писемъ, клеветъ на правительство и т. п., и доводилъ наказаніе до двухъ тысячъ долларовъ, или двухъ лѣтъ тюремнаго заключенія. Нѣкоторые одобряли эти мѣры, какъ сообразныя съ настоящимъ порядкомъ вещей, другіе называли ихъ тиранническими, и разсѣянію двухъ партій—федералистовъ и республиканцевъ—обнаруживалось все яснѣе и определеннѣе.

Адамсъ стоялъ во главѣ первой партіи, Томасъ Джеферсонъ во главѣ второй. Но и послѣдній говоритъ о своемъ соперникѣ: «Адамсъ былъ главною опорою объявленія независимости на конгрессѣ и самымъ твердымъ защитникомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Общественныя рѣчи его не были умекательны и витіеваты, даже не всегда плавы, но онъ съ такою силою соединялъ вмѣстѣ и идею и ея выраженіе, что трогалъ всѣхъ насъ. Человекъ, болѣе честный во всѣхъ отношеніяхъ, не выходилъ изъ рукъ природы.»

Вотъ оцѣнка втораго президента американской республики, сдѣланная величайшимъ изъ его противниковъ!

Томасъ Джеферсонъ, старшій изъ восьми братьевъ и сестеръ, составившихъ его семейство, родился въ Шадуэллѣ (въ графствѣ Альбер-

маль, въ Виргиніи) (*). Отецъ его получилъ довольно-плохое воспитаніе, но одаренный отъ природы здравымъ умомъ, онъ тщательнымъ прилежаніемъ приобрѣлъ много познаній уже въ-последствіи; ранняя смерть не допустила его имѣть вліяніе на образованіе сына, но за то онъ оставалъ ему средства упредить себя независимое состояніе. Подобно Вашингтону и Адаму, Томасъ Джеферсонъ не обладалъ тѣми качествами, которыя придають личности человека поверхностный блескъ, за то былъ въ высшей степени трудолюбивъ, дѣлатель, обнаруживалъ во всѣхъ дѣлахъ своихъ необыкновенно-твердую волю. Живое участіе къ философіи, искусству, классической древности образовали умъ его для многосторонней дѣятельности; онъ говорилъ и писалъ превосходно и прославился какъ адвокатъ, хотя тѣлесныя силы его съ трудомъ переносили утомленіе продолжительныхъ речей. Дикція Джеферсона была плавная, увлекательная, а пріятностью своего обхожденія онъ умѣлъ обворожить каждаго. Впрочемъ, эта ловкость въ обществѣ несколько не вредила его твердости и рѣшимости — двумъ качествамъ, одинаково необходимымъ въ отношеніяхъ Соединенныхъ-Штатовъ къ Англіи. Съ самаго начала онъ высказалъ твердое убѣжденіе, что примиреніе съ метрополіею возможно только на прочныхъ основаніяхъ, на условіяхъ, наиболее-выгодныхъ для республики. «Я правлю корабль мой съ надеждою», говорилъ онъ самъ: «и страхъ оставляю за кормою» (**). Бурное море республиканскихъ идей было стихіею, по которой онъ смѣло направлялъ бѣгъ свой и путеводительницею имѣлъ всегда пользу своего отечества; «*ab eo libertas, a quo spiritus*» было девизомъ его печати.

Джеферсонъ былъ главнымъ основателемъ союза, составившагося для поддержанія правъ Сѣверной-Америки, которыя такъ убѣдительно изображалъ въ небольшой брошюрѣ, что Боркъ перепечаталъ ее въ Англіи и дополнилъ своими примѣчаніями. Необходимость совершенной независимости Америки онъ представилъ такъ ясно, что конгрессъ избралъ его, Адамса, Франклина, Шермана и Левингстона для составленія комитета по этому дѣлу. По распределеніи занятій между членами комитета, Джеферсону досталось на часть составленіе прокламаціи о независимости Соединенныхъ-Штатовъ, обезсмертившей его имя.

Что не слѣпой случай доставилъ ему это безсмертіе, доказываютъ высказанныя имъ идеи и планы, которыя онъ представилъ въ бытность свою членомъ законодательнаго собранія (1769) и штатгалтеромъ Виргиніи (1779).

По объявленіи независимости Америки, въ маѣ 1784 г., Джеферсонъ отправленъ былъ посломъ отъ Соединенныхъ-Штатовъ въ Парижъ и пробылъ тамъ до октября 1789 г. Его республиканскія мнѣнія заставили

(*) *Bayner и Tucker-Life of Jefferson. Encyclopedia Americana.* Болѣе же всего его собственныя, изданныя въ четырехъ томахъ мемуары и письма.

(**) *Jeffersons Memoirs. IV. 271.*

его принять участіе въ переворотъ, совершавшемся тогда во Франціи; они сблизили его съ Лафайетомъ и прочими друзьями улучшеній, которые спрашивали его совѣтовъ, но почти никогда не слѣдовали имъ. Все предложенія, составленныя имъ относительно управленія Франціи, отличались умеренностію и были одобрены самимъ королемъ; но него хотѣли неустовые революціонеры, и голосъ Джеферсона, столь loudly раздававшійся въ Америкѣ, заглушенъ былъ во Франціи кланьями буйныхъ демагоговъ.

По возвращеніи его въ отечество, Вашингтонъ назначилъ его статс-секретаремъ иностранныхъ дѣлъ. И тогда уже обнаружилось различіе ихъ мнзій; но Вашингтонъ умѣлъ выслушивать спокойно и отвѣчать твердо и рѣшительно. Когда Женé вздумалъ оскорбительно выразиться о Вашингтонѣ и правительствѣ (*), Джеферсонъ посылалъ ему ноты, показавшія его твердость и безпристрастіе.

Въ 1793—1797 Джеферсонъ не участвовалъ въ управленіи; въ 1797 онъ, какъ мы уже сказали, избранъ былъ вице-президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ. Въ 1801 г., при избраніи въ президенты, онъ получилъ 73 голоса, полковникъ Борръ (Burr) также 73, Адамсъ 65. Когда рѣшеніе перешло въ камеру депутатовъ, десять штатовъ объявили себя въ пользу Джеферсона, четверо въ пользу Борра. Уже эти избранія показываютъ, съ какою силою враждовала партія; но еще сильнѣйшимъ показательствомъ служатъ недостойныя клеветы, которыми осыпали Джеферсона газетныя листки, пользовавшіеся неограниченною, безпрезвальною свободою книгопечатанія. Онъ не былъ нечувствителенъ къ такимъ нападеніямъ, но никогда не позволялъ себѣ ни возраженій, ни постыдной перебранки, будучи вполне убѣжденъ, что сила истинны и плоды его общественной дѣятельности поставятъ его наконецъ въ настоящій свѣтъ; это болѣе всего видно изъ письма его къ другу его Наруаллю (**). Безпристрастіе его доказывается слѣдующимъ случаемъ: когда на конгрессѣ предложено было ограниченіе свободы книгопечатанія, онъ, такъ глубоко оскорбленный этою свободою, сталъ выше личныхъ интересовъ и поддерживалъ ее, какъ и прежде. Въ первой рѣчи своей къ конгрессу, Джеферсонъ сказалъ: «Да проникнетъ въ сердца всѣхъ святое правило, что если на сторонѣ большинства находится равнѣе дѣла, то и мѣньшее число людей противнаго мнзнія должно пользоваться одинакимъ покровительствомъ законовъ. Соединимся же, граждане, соединимся однимъ сердцемъ и одною волею. Да возстановятся въ обществѣ нашемъ любовь и гармонія, безъ которой не только самобытность, но и самая жизнь — жалки. Вспомнимъ, что мы изгнали изъ земли своей религіозную нетерпимость, за которую столько ссорились люди, столько пролили крови, и что мы мало приобратимъ, если допустимъ политическую нетерпимость, которая поведеть къ жестокимъ и кровавымъ преслѣдованіямъ.»

(*) См. выше.

(**) См. Memoirs, IV, 80.

Чтобъ убедиться, сколько нелѣпыхъ обвиненій введено было на Джеферсона, необходимо прочесть въ его мемуарахъ тѣ мѣста, гдѣ онъ высказываетъ мнѣнія, болѣе всего порицаемыя его клевветниками, т. е. мысли его о религiи, философіи и государственномъ управленіи; можно рѣшительно сказать, что, не смотря на ошибки Джеферсона, ни одна идея его не проистекла изъ какого-нибудь нечистаго или своекорыстнаго источника. Менѣе всего правилась ему философія Платона; онъ прочелъ его «Республику», и очень-понятно, почему практической государственной человѣкъ, воззвавшій полміра къ новой жизни, по справедливости находилъ ученіе Платона о поступленіи въ общее владѣніе имущества и женъ, объ огромныхъ казармахъ для воспитанія, о малыхъ республикахъ и тому подобномъ, — ученіемъ нелѣпымъ и совершенно-невозможнымъ въ практическомъ примѣненіи. Уже Аристотель высказалъ подобное убѣжденіе, а идеалы, которые стремился осуществить Джеферсонъ (и которые осуществлялись, не смотря на все противорѣчія), не были ничею походяго на мечты Платона и приближались къ послѣдовательному рациональному ученію Аристотеля.

Мнѣніе, столько разъ высказанное, что сила одной мысли a priori находятъ самыя лучшія законы и вездѣ можетъ быть примѣнена съ успѣхомъ, противорѣчию всѣмъ убѣжденіямъ Джеферсона. Онъ часто говорилъ, что «въ такой смѣшанной наукѣ, какъ наука о государствѣ и объ общественныхъ отношеніяхъ, одно положеніе не можетъ быть основаніемъ всѣхъ вѣковъ и обстоятельствъ». Въ этомъ пунктѣ согласны были съ Джеферсономъ всѣ его противники; главный же предметъ несогласія состоялъ въ томъ, какія постановленія возможны въ Америкѣ при настоящихъ обстоятельствахъ. Мы упомянули выше объ образованіи двухъ партій, и Джеферсонъ сдѣлался дѣятельнымъ главою той, которая называлась «республиканскою»; онъ горько жаловался на это раздѣвленіе, разрушавшее много надеждъ въ будущемъ, и уничтожавшее связи дружества. «Люди (говорилъ онъ), которые всю жизнь провели въѣздѣ, на улицѣ убѣгаютъ другъ друга, отворачиваютъ голову въ сторону, чтобъ не снять шляпы». «Джеферсонъ самъ (говорили его противники) главная причина этого печальнаго состоянія»; но такое обвиненіе ровно ни на чемъ не основано. Бѣрба была неизбежна, ибо предметомъ ея были важнѣйшіе интересы націи, вся будущность цѣлой части свѣта.

Положеніе Джеферсона было самое затруднительное, потому-что всѣ герои войны за независимость (Вашингтонъ, Гамильтонъ, Адамсъ, Маршаллъ и многіе другіе) стояли на сторонѣ федералистовъ и требовали стараго порядка, умѣренности, строгаго права и сильнаго союзнаго правленія. Если не съ благоговѣніемъ, то съ великимъ уваженіемъ смотрѣли они на постановленія, которыя въ Европѣ, или точнѣе въ Англіи, были плодами вѣковой дѣятельности и зрѣлаго опыта. Многіе почитали государственное устройство Англіи за non plus ultra совершенства и сожалѣли, что въ Америку нельзя перевести всего изъ Англіи, а должно довольствоваться худшимъ. Гамильтонъ предложилъ из-

вратъ президента и сенаторовъ на всю жизнь, и, говоря съ презрѣніемъ о демократическомъ постановленіи (*but pork still, With a little change of sauce*), старался сблизить американскую конституцію съ англійской. Это мнѣніе болѣе или менѣе раздѣляли всѣ государственныя люди Америки; вотъ причина, по которой англійскіе путешественники того времени представляютъ Соединенные-Штаты чѣмъ-то нестройнымъ, естественнымъ; имъ казалось странно, что у Американцевъ не было лордовъ, верхней палаты, права первородства и даже судейскихъ мѣстовъ. Джеферсонъ, одинъ сопротивлявшійся всѣмъ, являлся въ глазахъ ихъ безразсуднымъ мечтателемъ, желавшимъ невозможнаго и уже далеко оставившимъ за собою всѣ неисполнимыя мечты Платона. То, чему не было примѣра въ исторіи, невозможность чего доказали многіе несчастные опыты, было цѣлью дѣятельности всей его жизни. Тринадцать (теперь двадцать-шесть) демократій должны были управлять сами собою и въ свою очередь составить огромную республику, съ тѣмъ условіемъ, чтобъ изгнаны были всѣ насильственныя средства управленія.

Съ тѣмъ же энтузіазмомъ, который одушевлялъ его въ борьбѣ за демократію, онъ всегда и вездѣ вооружался противъ торговли невольниками; но его мало слушали, и интересъ заглушалъ въ согражданахъ его чувство любви къ человечеству. Не смотря на всѣ по-видимому мечтательныя идеи свои, онъ, какъ практическій, государственный человекъ никогда не опускалъ изъ вида возможнаго и исполнимаго и твердо убежденъ былъ, что бѣлые и Индійцы никогда не могутъ пользоваться одинакими правами, оставаясь вмѣстѣ въ одномъ государствѣ, по различію, которое провели между ними природа, привычка и общественное мнѣніе. Вотъ, что писалъ онъ къ Джегедію Морзу 6 марта 1822 года:

«Я получилъ письмо ваше отъ 6 марта и благодарю васъ за почетное мѣсто, которое вы предлагаете мнѣ и друзьямъ моимъ въ обществѣ для образованія и улучшенія Индійцевъ. Предметъ этотъ всегда близокъ былъ моему сердцу, и я не пропускалъ (когда только могъ дѣйствовать) ни одного случая, чтобъ споспѣшествовать его выполнению. Даже и теперь, когда старость и уединеніе отдѣляютъ меня отъ политическихъ дѣлъ, ничто не можетъ въ такой степени пробудить мое участіе, какъ планъ вырвать этотъ добрый и злополучный народъ изъ того состоянія физическаго и нравственнаго униженія, въ которое онъ низвергнутъ обстоятельствами, вовсе отъ него независимыми. Впрочемъ, какъ ни велика любовь, съ которою я смотрю на это дѣло, по зрѣломъ размышленіи я долженъ искренно сказать вамъ, что предложенный планъ, по моему мнѣнію, не заслуживаетъ полнаго одобренія. Не беру на себя проводить линію разграниченія между частными союзами, заключенными съ похвальною цѣлью числомъ людей, неопаснымъ ни для кого, и между тѣми, которые по многочисленности своей могутъ вступить въ битву съ правильнымъ правительствомъ и разстроить его направленіе. Но линія эта въ дѣйствительности суще-

стуютъ. Я видѣлъ времена (передъ началомъ нашей революціи), когда необходимо было это крайнее и опасное средство; но то были времена, повторенія которыхъ не могу желать. Тогда правильныя постановленія правительства соединились между собою противъ нравъ народа, и послѣднему не оставалось ничего болѣе, какъ только основать боковую (collateral) власть, которая бы упрочила и спасла гибнущія права. Но такое положеніе дѣлъ не идетъ въ сравненіе съ настоящимъ ходомъ нашего управленія. Мы не должны отвѣиваться на устройство власти, которая, потерявъ свою первоначальную цель, легко можетъ потрясти основаніе общества и привести въ опасность спокойствіе нашей родины.

«Какъ ни глубоко убежденъ я (заключаетъ онъ свое посланіе) въ чистоту намѣреній предполагаемаго союза, какъ ни искренно уважаю людей, принявшихъ на себя званіе его членовъ, но совѣсть и долгъ гражданина препятствуютъ мнѣ принять въ немъ участіе.»

Все сказанное нами о Джеферсонѣ служитъ доказательствомъ, какъ преувеличены были опасенія его противниковъ, обнаружившіяся въ то время, когда его избрали въ первый разъ въ званіе президента. Невозмущаемый этими враждебными клякками, онъ съ твердостью направилъ путь къ своей цели, вездѣ заботился о сбереженіи общественныхъ суммъ, объ уменьшеніи долговъ, объ ограниченіи числа постояннаго войска, объ устройствѣ милиціи, и все это въ чисто-республиканскомъ духѣ. Въ-слѣдствіе экономическихъ распоряженій и строгаго надзора за управленіемъ финансовъ, одніи таможенныя пошлины покрывали надержки союза, а внутренніе налоги были отменены. Джеферсонъ не безпокоился о томъ, что уничтоженіе многихъ должностей уменьшило его собственные доходы: онъ жилъ всегда просто, избегалъ всякой пышности, не являлся въ торжественныхъ случаяхъ предъ народомъ, даже не произносилъ рѣчей на конгрессѣ, а довольствовался письменными посланіями.

Въ-продолженіе своей четырехлѣтней служебной дѣятельности, Джеферсонъ обнаружилъ такъ мало притязаній на господство, а твердостью и кротостью приобрѣлъ столько довѣренности у своихъ согражданъ, что они превознесли похвалами дѣйствія его во благо республики, а, при вторичномъ избраніи его въ президенты въ 1805 г., сто-шестьдесятъ-два голоса объявили себя въ пользу этого избранія и только четырнадцать противъ него.

Мы говорили уже о множествѣ противниковъ Джеферсона, о клеветкахъ, которыми встрѣтили его журнальные столбцы; борьба эта легко бы могла утопить всякаго другаго, кромѣ Джеферсона: онъ смотрѣлъ на необходимое развитіе, на самую будущность своего отечества глазами правдѣ и рѣшился содѣйствовать этому развитію всеми силами, какія только были у него въ рукахъ. Все подати, собираемыя внутри государства, были отменены (въ 1802 г.), военныя надержки значительно уменьшены, несправедливые законы противъ иностранцевъ и возмущеній уничтожены; сверхъ-того, улачено было тридцать-три съ поло-

июною милліона долуга; всѣ расходы ограничены полтора милліонами; оставленъ былъ запасный капиталъ въ четырнадцать милліоновъ. Стоитъ припомнить, что происходило въ то время въ Европѣ, чтобъ могла оцѣнить заслуги Джеферсона и понять, какъ онъ искусно умѣлъ воспользоваться тогдашними обстоятельствами. Въ 1783 г., Соединенные-Штаты были совершенно устранены отъ владѣній по берегамъ Миссиссиппи и Мексиканскаго-Залива, и нѣкоторые Американцы радовались такимъ естественнымъ и прочнымъ границамъ; но не таково было мнѣніе Джеферсона и жителей юго-восточныхъ штатовъ, становившихся все дѣятельнѣе и могущественнѣе. Имъ само-собою представлялся вопросъ: «если Испанія и Франція займутъ Миссиссиппи, Англія Кубу-св.-Лаврентія, гдѣ же будетъ путь сообщенія для внутреннихъ штатовъ, куда перейдетъ сбытъ ихъ произведеній, размножающихся съ каждымъ днемъ?» Ясно, что Сѣверная-Америка должна будетъ, во что бы то ни стало, приобрести водные пути, хотя бы въ случаѣ необходимости должно было даже начать войну съ этою цѣлью.

Луизиана или страна, простирающаяся отъ Новаго-Орлеана до Сан-Луя, отъ Миссиссиппи до Тихаго-Моря, равная по пространству всѣмъ Соединеннымъ-Штатамъ вмѣстѣ, должна была сдѣлаться (какъ твердо и убедительно доказывалъ Джеферсонъ) достояніемъ Сѣверо-Американской-Республики, чтобъ оградить ее для вѣчнаго мира, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить гражданамъ самое обширное и выгодное поприще для многосторонней дѣятельности. Федералисты, противники Джеферсона, называли подобное намѣреніе безуміемъ, исполненіе его невозможностью, напоминали объ умѣренности, предсказывали рядъ разорительныхъ и бѣдственныхъ войнъ и т. д.

Эти злые и близорукіе толки нисколько не совратили Джеферсона съ принятаго имъ пути; напротивъ, онъ тщательно наблюдалъ за ходомъ современныхъ событій и смѣло воспользовался представившимся ему случаемъ. Луизиана, бывшая въ началѣ французскою колоніею, перешла въ 1763 г. къ Англіи, въ 1783 къ Испаніи, въ 1800 году подпала подъ власть Наполеона. Джеферсонъ объявилъ, что на это нельзя смотрѣть равнодушно, и что необходимо занять Миссиссиппи, ибо близкое соседство поведетъ къ войнѣ съ Французами, слѣдственно, къ гасному союзу съ Великобританіею. Вотъ, что писалъ Джеферсонъ къ Монро, американскому посланнику въ Парижѣ. «Отъ исхода вашихъ переговоровъ зависитъ будущность нашего отечества (*). Если мы не достигнемъ этого приобращенія путемъ мира, то должны приготовиться къ войнѣ; оставаться долге въ настоящемъ положеніи намъ невозможно». Наполеонъ видѣлъ, что по отдаленности Луизианы подать ей помощь у него не доставитъ средствъ; сверхъ-того, онъ въ то время нуждался въ деньгахъ и увѣренъ былъ, что уступкою этой земли вовлечетъ Американцевъ въ непрерывныя ссоры съ Англичанами. Такимъ образомъ за 60 милліоновъ франковъ Американцы приобрѣли (въ

(* Barbé-Marbois Louisiana 251. Laws of the united states 1, 140. Memoire IV. 7.

1603 г.) другую половину Северной-Америки. Никогда еще необходимость войны не была устранена более-благоприятнымъ образомъ, и когда еще такія огромныя выгоды не приобретались за такую ничтожную сумму. Путешествія по вновь приобретенной, частью совсѣмъ-неизвѣстной странѣ запада были организованы Джеферсономъ (*) и урядили намереніямъ его желанною будущность.

Между-тѣмъ, морская война между Англіею и Франціею наносила жестокий вредъ Американцамъ. «Мы почитаемъ», говоритъ Джеферсонъ (**) «превосходство Франціи на сушѣ и Англіи на морѣ губительнымъ для мира и благоденствія государствъ. Не вѣримъ, чтобъ Бонапартъ сражался за свободу морей, Англія за свободу народовъ; оба они хотятъ присвоить себѣ могущество, счастье и силы другихъ народовъ».

Объ враждующія державы истребили невѣроятное множество американскихъ кораблей (Барбе-Марбуа насчитываетъ ихъ въ 8 лѣтъ 2500); Англичане вербовали американскихъ матросовъ и силою заставляли ихъ служить у себя на корабляхъ. Вся ходатайства о нихъ въ Лондонѣ и Парижѣ (***) оставались безъ дѣйствія; вести войну съ двумя державами въ одно время было бы безразсудно, оставаться въ бездѣйствіи невозможно; наконецъ, конгрессъ 22 декабря 1807 г. рѣшилъ значительнымъ большинствомъ голосовъ наложить запрещеніе (амбарго) на все корабли; такимъ-образомъ почти прекратилась вся торговля. Разумѣется, подобная мѣра нанесла значительный вредъ враждующимъ державамъ, но нисколько не прекратила ихъ дѣйствій. Въ самой Америкѣ она скоро возбудила столько неуловольствій и жалобъ, что президентъ Джеферсона, Мадисонъ, долженъ былъ совершенно изменить ея.

Съ тою же ясностью души и веселостью, которая сопровождала удаленіи Вашингтона, удалился и Джеферсонъ отъ дѣлъ, когда начался срокъ его второму президентству, и успокоилъ опасавшихся его честолюбія; но и въ удаленіи онъ слѣдилъ за общественными событіями, принималъ ревностное участіе въ основаніи университета въ Шарлотвиллѣ.

Различіе политическихъ убѣжденій, долгое время разлучавшее его отъ Адамса, съ лѣтами потеряло свою нетерпимость; прежняя дружба возвратилась, и переписка этихъ двухъ благородныхъ, престарѣлыхъ друзей въ высшей степени поучительна и трогательна. Такимъ образомъ исчезло опасеніе Джеферсона о пристрастіи Вашингтона къ гліи; недоступный суетному тщеславію и всегда готовый отбросить даже врагу, вотъ что говорилъ онъ о Вашингтонѣ «честность его была такъ чиста, справедливость до того неколебима, что не было человека, равнаго ему въ этомъ отношеніи. Присущее

(*) Lewis travels. North Amer. Review LI. 96. Murray I. Crp. 487.

(**) Memoirs IV. 173.

(***) France declared that we suffered the robberies of England with more pain than her own and England that she alone had a right to plunder us. Brackenridge's story of the late war XIX.

выгодъ, родства, дружбы или пристрастія не имѣли никогда въ глазахъ его ни малѣйшей цѣны. Онъ былъ дѣйствительно, въ полномъ смыслѣ слова, мудрый, добрый и великій человекъ».

Къ этимъ тремъ человекѣмъ присоединился еще пятидесяти-лѣтній, верный другъ Джеферсона, умный Мадисонъ, четвертый президентъ молодой, цвѣтущей республики. Они доверчиво подали другъ другу руки, и самое различіе ихъ мнѣній подѣйствовало спасительно на многостороннее развитіе ихъ отечества и его жителей.

Съ друзьями своими и родственниками Джеферсонъ жилъ въ тихомъ согласіи въ помѣсть своемъ Монтиселло (Monticello). Одному изъ нихъ, онъ полшуткой, полсерьезно сообщилъ слѣдующія правила практической жизни:

- 1) Никогда не откладывай до завтра того, что можешь сдѣлать сегодня.
- 2) Никогда не проси другихъ о томъ, что самъ можешь сдѣлать.
- 3) Никогда не издерживай денегъ прежде, чѣмъ не получишь ихъ въ свои руки.
- 4) Никогда не покупай ненужнаго потому только, что оно дешево.
- 5) Гордость стоитъ намъ дороже голода, жажды и холода.
- 6) Мы никогда не рассказываемъ въ томъ, что мало зли.
- 7) Никогда не утомляетъ насъ то, что мы дѣлаемъ съ охотою.
- 8) Сколько горя доставила намъ тѣ несчастія, которыя никогда не случались!
- 9) Смотри на вещи всегда съ умѣренной ихъ стороны.
- 10) Если ты взволнованъ, сосчитай 10 прежде, чѣмъ заговоришь; если ты разсерженъ, сосчитай 100.

До 83-хъ-лѣтняго возраста Джеферсонъ пользовался рѣдкою силою духа и тѣла; съ того времени начало здоровье его ослабѣвать, и врачи предсказали ему близкую кончину. Когда онъ выразилъ желаніе дожить до 4 іюля 1826 года, то они объявили ему, что это невозможно. Но таково было желаніе его и сила воли, что какою-то чудесною силою поддержалась жизнь его до назначеннаго имъ срока, и онъ умеръ 4 іюля 1826 года въ часъ по полудни, въ тотъ самый день и часъ, когда, за 50 лѣтъ прежде, подписано было на конгрессъ предложенное имъ объявленіе о независимости Соединенныхъ-Штатовъ. Въ тотъ же день, чрезъ несколько часовъ, умеръ 90 лѣтъ отъ роду товарищъ его по трудамъ, достоинствамъ и возрасту, Джонъ Адамсъ. Въ тотъ же день, въ 1830 году, умеръ третій президентъ Соединенныхъ Штатовъ (пятый по избранію) Джеймсъ Монро.

Джеферсонъ умеръ въ бѣдности. Нѣкоторыя неудачи, отъ него независяшія, и радушное гостепримство, съ которымъ онъ принималъ всякаго, разстроили его состояніе. Въ этомъ отношеніи, онъ стоялъ выше римскихъ консуловъ, которые презирали богатство только до тѣхъ-поръ, пока республика находилась въ бѣдности; онъ стоялъ во

(*) Spark; Washington 1. 545.
Т. III. — Отд. II

главъ могущественной республики (употребимъ выраженіе Фукидида о Периклѣ) сильнѣе всякъхъ благъ, выше всякаго богатства. Правительство Луизианы, которую онъ возвелъ на такую цвѣтущую степень, узнавъ о всякъхъ обстоятельствахъ смерти Джеферсона, сдѣлало слѣдующее распоряженіе: «Томасъ Джеферсонъ окончилъ жизнь свою, посвященную имъ на благо родины и всего человѣчества, и оставилъ въ наслѣдіе дѣтямъ только добродѣтель свою и благодарность народа, независимость котораго онъ возвѣстилъ міру. Его мудростью и стараніемъ Луизиана включена въ число Соединенныхъ-Штатовъ и ему обязана своею политическою и гражданскою самобытностью. Нынѣ, чтобъ почтить глубоко-уважаемую память своего славнаго благодѣтеля, законодательное правленіе Луизианы положило отправить 15 тысячъ талеровъ къ Томасу Джеферсону Рандольфу, чтобъ дочь его пользовалась доходами съ этой суммы и передала ихъ своимъ наслѣдникамъ». Точно-такое же распоряженіе сдѣлано было и въ Южной-Королинѣ.

ОТКРЫТІЯ ГЕНКЕ И ЛЕВЕРРЬЕ.

Прибавленіе къ «Физико - Астрономическому Обзорнію Солнечной Системы» (*).

=

Въ началѣ «Обозрѣнія» объясненъ законъ разстояній планетъ отъ Солнца, и замѣчено, что если существуютъ неизвѣстныя намъ планеты, то ихъ надобно искать или въ группѣ четырехъ маленькихъ планетъ, въ группѣ «астероидовъ», или за Ураномъ, въ такомъ разстояніи отъ Солнца, которое было бы по-крайней-мѣрѣ въ тридцать разъ болѣе разстоянія Земли отъ того же центрального светила. Это замѣчаніе сдѣлано было на томъ основаніи, что Ольберсъ открылъ Палладу и Весту не случайно, но въ-слѣдствіе своей остроумной гипотезы, которая вызъ съ открытіемъ Астреи и съ раздвоеніемъ кометы Бэлы предъ глазами астрономовъ должна обратить на себя серьезное ихъ вниманіе. Въ-самомъ-дѣлѣ, Астрея, усмотрѣнная г. Генке въ началѣ декабря мѣсяца 1845 г., принадлежитъ къ упомянутой группѣ четырехъ астероидовъ, съ чѣмъ увѣряемся ея *элементами*, или тѣми постоянными количествами, которыми опредѣляется ея положеніе въ пространствѣ солнечной системы.

Безсмертный Кеплеръ доказалъ, что планеты, принадлежащія къ солнечной системѣ, обращаются по эллипсисамъ, т. е. по кривымъ линіямъ, отличающимся отъ круга тѣмъ, что ихъ точки находятся въ различныхъ разстояніяхъ отъ ихъ центровъ; притомъ, разстоянія эти подлежатъ вѣкоторымъ условіямъ: 1) если возьмемъ на эллипсисѣ двѣ точки въ наибольшомъ и наименьшемъ разстояніяхъ отъ его центра и проведемъ чрезъ нихъ и чрезъ центръ двѣ прямыя линіи, то онѣ взаимно пересѣкутся подъ прямымъ угломъ, или будутъ одна къ другой *перпендикулярны*: большая изъ этихъ линій называется *большою осью*, меньшая же *меньшею осью* эллипсиса; 2) если отъ квадрата большой оси отнять квадратъ меньшей, изъ найденной разности извлечемъ квадратный корень, то получимъ величину линіи, называемой *эксцентриситетомъ*, которая, будучи отложена по большой оси, по обѣимъ сторонамъ центра эллипсиса, опредѣляетъ положеніе двухъ его *фокусовъ*: въ одномъ изъ этихъ фокусовъ каждаго эллипсиса, описываемаго планетой, находится Солнце. Итакъ, каждая планета, обращаясь по своему эллипсис-

*) Напечатанному въ прошломъ мѣсяцѣ (Отеч. Зап. 1847 г., апрѣль, т. LI).

су, бываетъ отъ Солнца въ различныхъ разстояніяхъ: когда планета придетъ въ наименьшее разстояніе отъ Солнца, тогда говорятъ, что она находится въ *перигелии*; когда же планета придетъ въ наибольшее разстояніе отъ Солнца, тогда она занимаетъ *афелий*. Перигелий и афелий суть два точки противоположныя, и взаимное ихъ разстояніе измѣряется на небѣ 180° . Наша Земля обращается около Солнца также по эллипсису, котораго большая полуось принимается за единицу, или за общую мѣру разстояній всѣхъ планетъ отъ ихъ центрального свѣтла. Если, на-прим., въ «Таблицѣ системы міра», помещаемой нынѣче въ «Маслословъ», показано, что среднее разстояніе Юпитера есть 5,2, то это значитъ, что большая полуось эллипсиса, описываемаго Юпитеромъ, съ небольшимъ въ пять разъ болѣе большой полуоси земнаго пути, или, какъ говорятъ астрономы, земной орбиты.

Вычисливъ большую полуось и эксцентриситетъ эллиптического пути или орбиты какой-нибудь планеты, получимъ понятіе объ ея фигурѣ; а какъ по одному изъ законовъ Кеплера «квадраты временъ обращеній пропорціональны кубамъ большихъ полуосей», то не трудно определить и время обращенія планеты около Солнца, сравнительно съ временемъ обращенія Земли или со *звѣздными годами*. Но фигурою планетной орбиты и временемъ обращенія планеты мѣсто ея къ солнечной системѣ еще не определяется; надобно еще знать: 1) положеніе большей оси эллипсиса, по которому обращается планета, или положеніе перигелия; 2) уголъ или *наклоненіе* плоскости этого эллипсиса къ эклиптикѣ, и наконецъ, 3) мѣста двухъ точекъ, въ которыхъ та же плоскость пересѣкаетъ эклиптику: эти два точки называются *узлами* планетной орбиты; они другъ другу претвоположны, или взаимное ихъ разстояніе измѣряется на небѣ 180° .

Итакъ, чтобъ вычислять положеніе планеты, должно определять следующие *элементы* ея движенія:

- 1) одинъ изъ узловъ,
- 2) наклоненіе,
- 3) большую полуось,
- 4) эксцентриситетъ,
- 5) перигелий,
- 6) время обращенія планеты,
- 7) среднее суточное движеніе.

Вотъ въ чемъ состоитъ задача при открытіи всякой новой планеты: какия же средства для ея рѣшенія? На этотъ вопросъ будемъ отвѣчать новыми объясненіями другихъ астрономическихъ словъ. Неземное пространство вселенной, въ которомъ для нашей солнечной системы назначено не очень-обширное мѣсто, представляется шаромъ, который по-звѣдному, обращается на оси или на двухъ неподвижныхъ точкахъ на двухъ *полюсахъ*; между ними воображается упомянутая *ось міра*; среднюю ея согласилась называть *центромъ міра*. Вообразимъ чрезъ центръ міра плоскость, перпендикулярную къ оси міра; эта плоскость раздѣлитъ небесный шарообразный сводъ на два половинны, почему и назвали ея *экваторомъ*. Каждый изъ полюсовъ міра отстоитъ отъ экватора на 90°

Плоскость, по которой обращается Земля около Солнца, или эклиптика, составляет съ экваторомъ уголъ почти въ $23^{\circ} 27' 40''$; двѣ точки на небѣ, удаленныя отъ эклиптики на 90° , суть ея полюсы. Положеніе всѣхъ свѣтилъ и вообще всякой точки на небѣ опредѣляется относительно или экватора, или эклиптики: разстояніе свѣтила отъ эклиптики есть его *широта*, измѣряемая дугою окружности, воображаемой чрезъ это свѣтило и чрезъ полюсы эклиптики. Широта можетъ быть сѣверная или южная, смотря по тому, на какой сторонѣ эклиптики находится свѣтило, на сѣверной, или на южной. Разстояніе того же самаго свѣтила отъ одной изъ точекъ пересѣченія экватора съ эклиптикою, именно отъ весенней точки равноденствія, есть его *долгота*, которая берется на самой эклиптикѣ и считается непрерывно по направленію отъ запада къ востоку отъ 0° до 360° . Понятно, что широта и долгота одного и того же свѣтила, или вообще всякой точки на небѣ имѣютъ различныя величины для наблюдателей на Землѣ и для наблюдателей на Солнцѣ: по этой причинѣ называютъ ихъ или *средоземными* или *средосолнечными*. Когда наблюденія съ Земли опредѣляются *три* средоземныя широты и долготы новой планеты, соответствующія тремъ временамъ наблюденій, тогда всѣ вышеупомянутыя элементы планетнаго движенія вычисляются уже теоретически по двумъ способамъ, изъ которыхъ одинъ предложенъ былъ сперва Лапласомъ, а потомъ другой Гаусомъ.

По способу Лапласа, три наблюденія употребляются для опредѣленія приблизительныхъ элементовъ планеты, которые потомъ исправляются посылка тремя наблюденіями. Избравъ шесть наблюденій, произведенныхъ въ Берлинѣ 1845 г. декабря 17 д. въ 9 ч. 58 м. 12 с., декабря 27 д. въ 11 ч. 29 м. 14с., 6, 1846 г. января 6 д. въ 6 ч. 31 м. 24с., 9, 1846 г. марта 12 д. въ 9 ч. 43 м. 18 с., апрѣля 8 д. въ 8 ч. 27 м. 5 с. и мая 22 д. въ 9 ч. 48 м. 8 с., сочинитель этой статьи нашолъ слѣдующіе элементы Астрей:

- 1) Большая полуось $= 2,575314$.
- 2) Эксцентриситетъ $= 0,187669$.
- 3) Время обращенія планеты $= 1509^{\text{д}} 54$.
- 4) Среднее суточное движеніе $= 858'' 55$.
- 5) Долгота перигелия $= 135^{\circ} 19' 41''$.
- 6) Долгота узла $= 141^{\circ} 23' 11''$.
- 7) Наклоненіе $= 5^{\circ} 19' 35''$.

Въ «Мѣсяцословъ» на текущій 1847 годъ приняты слѣдующіе элементы той же планеты:

- 1) Большая полуось $= 2,57525$.
- 2) Эксцентриситетъ $= 0,187670$.
- 3) Время обращенія планеты $= 1509^{\text{д}} 48$.
- 4) Среднее суточное движеніе $= 858'' 6$.
- 5) Долгота перигелия $= 135^{\circ} 30' 23''$, 2.
- 6) Долгота узла $= 141^{\circ} 26' 40''$, 9.
- 7) Наклоненіе $= 5^{\circ} 19' 18''$.

Для любителей астрономіи предлагаемъ здѣсь еще выводы, полученные г. Швейцеромъ, наблюдателемъ московской обсерваторіи, по способу Гауса:

- 1) Большая полуось=2,58562.
- 2) Долгота узла=141° 20' 30'', 26.
- 3) Долгота перигелия=135° 18' 41'', 93.
- 4) Наклонение=5° 19' 41'', 75.
- 5) Среднее сут. движение=853'',35.

Хотя все предложенные выводы не представляют значительных разностей, однако нельзя еще думать, чтобы положение Астрыеи определено было съ желаемою точностью: его должно еще исправлять новѣйшими наблюденіями, и, безъ сомнѣнія, астрономы будутъ удовлетворены совершенно, когда планета окончитъ полное свое обращеніе, т. е. чрезъ четыре года, считая отъ времени ея открытія. Впрочемъ, не смотря на эту несовершенную точность элементовъ, они ясно показываютъ, что Астрыя принадлежитъ къ группѣ четырехъ астероидовъ, обращается около Солнца между Вестой и Юноною, и почти въ два раза съ половиною далѣе, нежели Земля, отъ Солнца.

Случайное открытіе г. Генке прибавило къ нашей солнечной системѣ новое тѣло и можетъ служить опорой для космографическихъ вѣдѣній Ольберса объ астероидахъ и Араго о падающихъ звѣздахъ; но теперь должно обратиться къ открытію Леверрье (Le Verrier), изумившему ученыхъ и просвѣщенныхъ любителей науки, и въ полномъ блескѣ показавшему великое достоинство теоріи, которую какъ-бы начали закрывать обширные труды нѣкоторыхъ практическихъ астрономовъ: въ молодыхъ ихъ послѣдователяхъ, обобщенныхъ блестящими успѣхами, зародилась ложное мнѣніе, что практическая астрономія не зависитъ отъ теоретической; и что полезныя наблюденія можно производить безъ руководства этой послѣдней. Нынѣ не должно забывать, что вѣковые труды Клеро, Даламбера, Эйлера, Лагранжа, Лапласа и Пуассона возвели астрономію на такую степень совершенства, что въ ней не можетъ быть терпимъ эмпиризмъ. Въ ихъ-то великихъ твореніяхъ надобно искать указаній для практическихъ занятій, которыхъ главная цель должна состоять въ точномъ опредѣленіи данныхъ, необходимыхъ для теоріи. Къ сожалѣнію, практическая астрономія не можетъ похвалиться, чтобы вся ея выводы могли быть употребляемы теоретиками съ совершенной увѣренностью, которая уменьшается еще отъ разногласія этихъ выводовъ. Напримѣръ, вотъ постоянныя числа aberrации: 20'',253 Даламбера, 20'',68 Бесселя, 20'',37 Бринклея, 20'',445 Струве, 20'',446 Ричардсона; въ постоянныхъ же числахъ колебанія земной оси находимъ еще важнѣйшія разности: Брадлей нашелъ 9'', Майеръ—9'',65, Маскелинъ - 6'',55, Ливденау—8'',997, Бринклей—9'',25, и проч. (*), а между-тѣмъ, незначительная перемѣна въ десятыхъ доляхъ секунды этихъ чиселъ производитъ чрезвычайно большую перемѣну въ величинѣ массы Луны. Сколько было употреблено стараній для опредѣленія положенія фундаментальныхъ звѣздъ, и все еще не достигли до желаемой точности: въ каталогахъ звѣздъ знаменитѣйшихъ наблюдателей разности между ихъ склоненіями простираются до 3''. Пока не уничтожится такое разно-

(*) Авторъ этой статьи увѣренъ, что постоянное колебаніе есть 9'',2289.

гласіе, до-тѣхъ-порѣ нельзя и думать о рѣшеніи великаго вопроса о движеніи въ пространствѣ солнечной системы; того же требуетъ и самое усовершенствованіе таблицъ Луны и планетъ, потому-что положенія ихъ сравниваются съ положеніями неподвижныхъ звѣздъ. Съ другой стороны, нельзя не посягать и на ложное направленіе теоретическихкихъ занятій некоторыхъ геометровъ, обладающихъ, впрочемъ, великими способностями. Изучивъ безсмертныя творенія Лагранжа и Лапласа, надлежало бы продолжать ихъ по указанному пути, а не ласкать свое самолюбіе мнимымъ усовершенствованіемъ ихъ методы и изображеніемъ новыхъ способовъ для рѣшенія окончательныхъ ими вопросовъ. Большая часть этихъ новыхъ способовъ, предлагаемыхъ съ торжественной самоуверенностью, оказываются совершенно бесполезными, потому-что они, не открывая ничего новаго, только затрудняютъ прежнія рѣшенія. Въ настоящемъ состояніи теоретической астрономіи, только тѣ способы заслуживаютъ вниманія и серьезнаго изученія, которые или сообщаютъ большую точность въ практическомъ употребленіи известныхъ уже методовъ, или по простотѣ своей облегчаютъ труды при обширнѣйшихъ вычисленіяхъ и даютъ средства для легчайшаго приобрѣтенія теоретическихкихъ знаній. Но какая польза въ тѣхъ новыхъ способахъ, которые не удовлетворяютъ этимъ требованіямъ и весьма-часто, приводя въ отчаяніе неопытныхъ, удаляютъ ихъ отъ науки, которой они могли бы со-временемъ оказать немаловажныя услуги? Кроме такого вреднаго, или, по-крайней-мѣрѣ, бесполезнаго стремленія къ новизнѣ, некоторые геометры впадаютъ еще въ легытность особеннаго рода: чтобъ казаться глубокомысленными, они скрываютъ свои изслѣдованія и довольствуются однимъ только изложеніемъ окончательныхъ выводовъ, остающихся для многихъ загадками. Въ твореніяхъ Эйлера, Лагранжа и Лапласа нѣтъ такихъ загадокъ; а между-тѣмъ, кто можетъ не признать ихъ гениальности? Эти великіе люди, посвятивъ всю свою жизнь наукъ, трудились для потомства, а не для скоропроходящаго удивленія современниковъ. Вотъ почему они навсегда останутся образцами и наставниками; а многіе изъ новѣйшихъ геометровъ, неразличающихъ глубокомыслія отъ темноты, будутъ забыты навсегда...

Замечанія эти мы считали необходимыми для того, чтобъ представить въ надлежащемъ свѣтѣ ученые труды Леверрье, явившагося достойнымъ продолжателемъ глубокихъ изслѣдованій Лапласа, послѣ котораго теоретическая астрономія почти двадцать лѣтъ оставалась въ траурѣ. Леверрье, не измѣняя ни теоретическихкихъ формулъ Лапласа, ни его способовъ для достиженія этихъ формулъ, пересмотрѣлъ только числовыя величины, помѣщенныя въ III томѣ «Небесной Механики» и, открывъ ихъ погрѣшности, приступилъ къ новымъ вычисленіямъ *случайныхъ возмущеній* семи главныхъ планетъ, Меркурія, Венеры, Земли, Марса, Юпитера, Сатурна и Урана. Этотъ важный трудъ, продолжавшійся несколько лѣтъ, явился въ свѣтъ въ «*Connaissance des tems*» на 1843 и 1844 г. Положивъ такимъ-образомъ твердыя основанія практической части теоріи планетъ, Леверрье имѣлъ намѣреніе окончить ее

точнѣйшимъ вычисленіемъ періодическихъ возмущеній и чрезъ то довести таблицы всѣхъ планетъ до возможнаго совершенства. Часть этого намѣренія исполнилъ онъ наданіемъ «Теоріи Меркурія», напечатанной также въ «*Connaissance des tems*» на 1848 г. После этого Леверрье началъ заниматься изъясненіями касательно теоріи кометъ; но, по приглашенію Араго въ 1845 г., онъ на время оставилъ эти занятія для открытія причинъ, отъ которыхъ таблицы Урана, наданныя Буваромъ въ 1821 г., годъ-отъ-года становились неудовлетворительныя. Тутъ сами собою представились слѣдующіе вопросы: неточность буваровыхъ таблицъ не происходитъ ли отъ несовершенства теоріи? Если же теорія удовлетворительна, то нѣтъ ли ошибокъ въ сравненіи ея выводовъ съ наблюденіями? Наконецъ, если и здѣсь нѣтъ погрешностей, то движеніе Урана не подлежитъ ли дѣйствию неизвѣстной причины? Можно ли открыть ее внимательнымъ изученіемъ непредвидѣнныхъ неравенствъ въ движеніи этой планеты? Можно ли указать на небо мѣсто, гдѣ практическіе астрономы должны искать неизвѣстное тѣло, производящее упомянутыя неравенства?

Для рѣшенія этихъ вопросовъ, Леверрье раздѣлилъ огромный свой трудъ на двѣ части. Первая, состоящая изъ ясныхъ вычисленій, подраздѣлена была на три отдѣла: *во-первыхъ*, надобно было вновь вычислить въковыя и періодическія возмущенія, производимыя Юпитеромъ и Сатурномъ въ обращеніи Урана; возмущенія эти вычисляются съ извѣстною степенью приближенія: Леверрье принялъ въ расчетъ квадраты планетныхъ массъ и ихъ произведенія; *во-вторыхъ*, сравнить многочисленныя наблюденія (около *трехъ-сотъ*) съ выводами теоріи; *въ-третьихъ*, доказать этимъ сравненіемъ, что разногласіе теоріи и наблюденій не могутъ быть отнесены ни къ ошибкамъ вычисленій теоретическихъ, ни къ ошибкамъ наблюденій. Такимъ-образомъ, Леверрье достигъ до несомнѣннаго заключенія, что существуетъ особенная причина, отъ которой въ обращеніи Урана происходятъ неравенства, необъяснимыя изъ предположенія, что эта планета подлежитъ только дѣйствию тяготѣнія Солнца, Юпитера и Сатурна. Такое заключеніе никакъ не было доведено до очевидности, хотя астрономы, и первый изъ нихъ Буваръ, имѣли о немъ неясное понятіе и пытались объяснить его различными предположеніями: одни приписывали упомянутыя неравенства сопротивленію воздуха, распространенному во вселенной; другіе—весьма-большому спутнику Урана; третьи допускали, что комета, упавшая на Урана, вдругъ измѣнила его обращеніе; четвертые думали даже, что законъ, по которому дѣйствуетъ солнечное тяготѣніе, можетъ измѣняться на такихъ огромныхъ разстояніяхъ, каково разстояніе Урана отъ Солнца; наконецъ, основательнѣйшее мнѣніе принадлежало тѣмъ астрономамъ, которые предположили существованіе неизвѣстной планеты. Вся эти мнѣнія, даже послѣднее, оставались безплодными гипотезами, потому-что ни одинъ изъ астрономовъ не бралъ на себя труда доказать ихъ строжайшимъ послѣдованіемъ движенія Урана, безъ котораго неравенства его не могли быть открыты и опредѣлены съ надлежащею точностью. Когда Ле-

веррье разрешилъ этотъ трудный вопросъ въ первой части своихъ вычисленій, тогда онъ могъ уже приступить ко второй ихъ части, содержащей въ себѣ *обратныя* вычисленія, которыхъ цѣль состояла въ томъ, чтобъ отъ дѣйствія дойти до его причины. Онъ основательно отвергъ предположенія о сопротивленіи воздуха, о существованіи большого спутника при Уранѣ, о паденіи кометы и объ измѣненіи закона тяготѣнія, и остановился на неизвѣстной планетѣ, которую, сверхъ-того, нельзя было полагать ни между Сатурномъ и Юпитеромъ, ни между Ураномъ и Сатурномъ, а надлежало отнести за Урана, и именно на двойное разстояніе этой планеты отъ Солнца. При самомъ началѣ вычисленій, Леверрье нашелъ, что такимъ предположеніемъ и только имъ однимъ можно объяснить неравенство въ движеніяхъ Урана. После столь счастливаго результата, Леверрье не могъ уже не надѣяться точнѣйшими вычисленіями опредѣлить мѣсто планеты, ея массу и ея видимую величину. Такимъ-образомъ побѣдилъ онъ всѣ безчисленныя затрудненія и нашелъ, что для 1 января 1847 г., элементы неизвѣстной планеты должны быть слѣдующіе:

1. Большая полуось орбиты=36,154.
2. Время обращенія=217 лѣтъ.
3. Эксцентриситетъ=0,10761.
4. Долгота перигелія=284° 45′.
5. Масса= $\frac{1}{3000}$.

Эти элементы показываютъ, что планета Леверрье въ 36 разъ далѣе отъ Солнца, нежели Земля, и что ея масса въ 9300 разъ менѣе массы Солнца. Относительно же ея видимой величины, Леверрье вычислилъ, что планета должна казаться небольшимъ кругомъ, котораго поперечникъ равняется почти 3″.

На основаніи опредѣленныхъ элементовъ новой планеты, не трудно уже вычислять ея положеніе для всякаго времени: произведши такое вычисленіе, Леверрье просилъ астрономовъ берлинскихъ и пулковскихъ найти планету по его указаніямъ, и Галле, астрономъ берлинскій, по полученіи требованія парижскаго геометра, немедленно подтвердилъ точность вычисленій, найдши планету за одинъ пріемъ наблюденій 23 (н. с.) сентября. Эти наблюденія показали, что мѣсто планеты по долготѣ отличалось отъ вычисленнаго только 52′. Вскорѣ потомъ на Обсерваторіи Пулковской опредѣленъ былъ видимый ея поперечникъ въ 2″, 8, т. е. тотъ самый, который назначилъ Леверрье. Изъ этого выходитъ, что дѣйствительный поперечникъ новой планеты въ 5,28 разъ болѣе поперечника земнаго экватора, или содержитъ въ себѣ 9071 географическихъ миль; объемъ ея въ 147% разъ болѣе объема Земли; масса ея въ 38,7 болѣе массы Земли, и наконецъ, плотность ея почти одной четвертью болѣе плотности Земли, или почти въ полтора раза болѣе плотности воды.

Когда торжество теоріи въ рукахъ такого великаго геометра, какъ Леверрье, сдѣлалось гласнымъ, тогда англійскіе астрономы Гершель, Эйри и Чаллисъ (Challis), побуждаемые уваженіемъ національнымъ

самолюбіємъ, попытались уменьшить славу парижскаго ученаго, отделивъ часть ея своему соотечественнику, Адамсу, и покойному Бесселю. Въ англійскомъ журналѣ «the Athenaeum» они напечатали четыре письма, изъ которыхъ одно принадлежитъ Гершелю, а три — Чаллису. Гершель уверяетъ, что Бессель, бывъ въ Англіи лѣтомъ 1842 года, говорилъ утвердительно, что возмущенія Урана необходимо происходить отъ существованія неизвѣстной планеты, и потому Гершель думаетъ, что въ бумагахъ Бесселя безъ всякаго сомнѣнія найдутся изслѣдованія объ этомъ предметѣ. Однакожь это уврѣненіе не подтверждено и досихъ-поръ. Въ томъ же письмѣ, Гершель, призывая во свидѣтельство королевскаго астронома (Эйри), объявляетъ, что въ одно время съ Леверрье и надъ тою же задачею трудился молодой кембриджскій ученый Адамсъ и достигъ до результатовъ, почти сходныхъ съ рѣшеніемъ Леверрье. Письма Чаллиса служатъ только подтвержденіемъ и распространіемъ показаній Гершеля относительно трудовъ Адамса. Вида съ тѣмъ, изъ нихъ видно, что Эйри и Чаллисъ тогда только повѣрили вычисленіямъ Адамса, когда сдѣлались извѣстными вычисленія Леверрье, и послѣ того Чаллисъ, по настоянію Эйри, праступилъ къ наблюденіямъ для отысканія планеты, — но трудъ его не былъ увѣчанъ несомнѣннымъ успѣхомъ: онъ только предполагаетъ, что видѣлъ планету 29 сентября, и въ слѣдующую ночь ему не удалось разрешить своего сомнѣнія. Наконецъ, въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ ученаго французскаго журнала «l'Institut», помѣщенъ рапортъ Чаллиса особой комиссіи, свидѣтельствовавшей Кембрижскую Обсерваторію, въ которомъ онъ уже рѣшительно сознается въ своемъ недоуверіи къ вычисленіямъ Адамса. Итакъ, еслибъ Эйри и Чаллисъ имѣли побольше вѣры въ возможность теоретическаго открытія планеты, то слава открытія, можетъ-быть, досталась бы молодому Адамсу, и народная гордость Англичанъ не была бы поражена торжествомъ Француза.

Кромѣ этого спора, который никакъ уже не можетъ унизить славы Леверрье, сдѣлавшаго въ наукѣ величайшее открытіе и доказавшаго тѣмъ вполне превосходство теоріи предъ практикой, неруководимой теоретическими указаніями, начались состязанія о названіи новой планеты. Араго предложилъ ее назвать именемъ Леверрье и придать ей знакъ (♃), составленный изъ вензеля этого великаго геометра; но другіе астрономы требуютъ, чтобъ ее называли Нептуномъ и изображали трезубцемъ. Мы думаемъ, что тутъ нѣ о чемъ спорить: какъ ни назовите новую планету, — на ней всегда будетъ сіять имя Леверрье.

Д. ПЕРЕВОЩИКОВЪ.

КОНСУЛЬСТВО И ИМПЕРІЯ.

Соч. ТЫЕРА.

Статья одиннадцатая (*).

УЛЬМЪ И ТРАФАЛГАРЪ.—Славы присоединенія Генуи къ имперіи. — Обширная коардее, открытые доображеніямъ Наполеона. — Четыре нападенія, направленные противъ Франціи. — Наполеонъ занимается однимъ изъ нихъ, и способомъ отпора его располагаются уничтожить три другія. — Изложене плана его. — Движеніе шести корпусовъ отъ береговъ Фландръ къ потокамъ Дуная. — Наполеонъ сохраняетъ въ глубокой тайнѣ свои распоряженія и сообщатъ ихъ только баварскому курфюрсту, желая предъзвать его къ себѣ увѣреннымъ въ его безопасности. — Мѣры, принятыя имъ для сохраненія флотилии. — Возвращеніе его въ Парижъ. — Общественное мнѣніе о немъ. — Упреки, обращаемыя противъ него. — Состояніе финансовъ. — Недостатокъ въ деньгахъ. — Компанія соединенныхъ *Националистовъ*. — Увѣръ. — Повелительныя распоряженія Наполеона. — Судамъ, вытребованнымъ имъ въ Страсбургѣ и Италию чистыми деньгами. — Наборъ конскриптовъ по декрету сената. — Образованіе резервовъ. — Национальная гвардія. — Холодность народа къ Наполеону. — Онъ оскорбляется тѣмъ, но идетъ въ армию, увѣренный, что вскоре превратитъ холодность въ восторгъ. — Распоряженія союзныхъ державъ. — Походъ двухъ русскихъ армій, одной въ Галліцію, на помощь къ Австрійцамъ, другой въ Польшу, для угрозы Пруссіи. — Императоръ Александръ въ Пудавѣ. — Переговоры его съ берлинскимъ дворомъ. — Походъ Австрійцевъ въ Ломбардію и Баварію. — Переходъ генерала Макка черезъ Нинъ. — Курфюрстъ баварскій, послѣ многихъ недоумѣній, предлагаетъ Франціи и удаляется съ дворомъ и съ арміею въ Бюрнебургъ. — Генералъ Маккъ занимаетъ позицію въ Ульмѣ. — Поступки неаполитанскаго двора. — Начало военныхъ дѣйствій со стороны Французовъ. — Составъ великой арміи. — Переходъ черезъ Рейнъ. — Походъ Наполеона съ шестью корпусами вдоль швабскихъ Альповъ, для обхода генерала Макка. — 6 въ 7 октября Наполеонъ приходитъ къ Дунаю близъ Донауберга, и прежде, нежели генералъ Маккъ подозреваетъ близость Французовъ. — 7-й переходъ черезъ Дунай. — Генералъ Маккъ окруженъ. — Сраженіе у Вертенгена и Гюмцебурга. — Наполеонъ въ Аугсбургѣ дѣлаетъ распоряженія съ двойною цѣлью: окружить Ульмъ и занять Мюнхенъ, желая отзвать Русскихъ отъ Австрійцевъ. — Ошибка Мюрата. — Опасность для

(*). Первые десять статей напечатаны были въ «Отеч. Запискахъ» 1845 года (томы XI, XII и XIII), и 1846 года (томы XLIV и XLVI). — Предлагаемая нынѣ статья составляетъ шестой, недавно-вышедшій томъ «Histoire du Consulat et de l'Empire», Тыера.

дивизии Дюпона.—Гаслахское сражение.—Наполеонъ съезжаетъ къ Ульму и поправляетъ все ошивки. — Эльхингенское сражение 14 октября. — Обложение Ульма.—Отчаяніе генерала Макка и отступление эрцгерцога Фердинанда. — Австрійская армія принуждена сдатьсь. — Неслыханное торжество Наполеона.—Въ двадцать дней онъ уничтожилъ восьмидесяти-тысячную армію безъ битвы. — Морскія дѣйствія со времени возвращенія адмирала Вилльнева въ Кадиксъ.—Строгость Наполеона къ нему — Отправленіе адмирала Розиле на мѣсто его, съ приказаніемъ флоту выступить изъ Кадикса и идти въ Средиземное-Море. — Прискорбныя распоряженія адмирала Вилльнева и рѣшимость дать отчаянную битву. — Состыченіе флота франко-испанскаго и флота англійскаго. — Инструкція Нельсону своимъ капитанамъ.—Послѣдній выходъ адмирала Вилльнева въ море.—Встрѣча оныхъ флотовъ у трафалгарскаго мыса. — Нападеніе Англичанъ двумя колоннами.—Разрывъ французскаго флота.—Отчаянный бѣгъ некоторыхъ французскихъ кораблей.—Смерть Нельсона. — Плотъ Вилльнева. — Разсѣяннй французскаго флота. — Страшная буря послѣ битвы. — Кораблекрушенія. — Поступки французскаго правительства съ его флотомъ.—Молчаніе его о послѣднихъ событіяхъ.—Ульмъ заставляетъ быть Трафалгаръ.

Велика была ошибка Наполеона, когда, передъ самою экспедиціею въ Англію, онъ присоединилъ къ Франціи Геную и тѣмъ окончательно не заставилъ Австрію начать войну. Для свободныхъ дѣйствій противъ Англіи, ему всего нужнѣе было совершенное спокойствіе на твердой землѣ, а онъ вызывалъ противъ себя страшную коалицію. Правда, онъ не предвидѣлъ послѣдствій присоединенія Генуи: въ томъ была и ошибка, что онъ слишкомъ презиралъ Австрію и думалъ, что, при необходимости ея дѣйствовать, съ нею можно позволить себѣ все. Справедливо могли упрекать его за присоединеніе Генуи въ тогдашнихъ обстоятельствахъ; но въ существѣ оно было событіемъ счастливымъ. Конечно, еслибъ адмиралъ Вилльневъ сумѣлъ отплыть въ Ламанскій-Проливъ и явился передъ Булонью, надобно было бы вѣчно сожалѣть о новой помѣхѣ въ исполненіи величайшаго предпріятія; но адмиралъ явился, и Наполеонъ, еще разъ принужденный бездѣйствовать, если только не рѣшился дерзко переправиться черезъ проливъ безъ повѣрительства флота—Наполеонъ увидѣлъ бы себя въ большомъ замѣшательствѣ. Экспедиція, такъ часто возвѣщаемая, три раза неудавшася наконецъ сдѣлала бы его смѣшнымъ и представила бы передъ Европою въ совершенномъ безсміи противъ Англіи. Коалиція твердой землѣ вдругъ представляла необходимое ему поле битвы, поправляла его ошибку своею ошибкою, и очень-кстати выводила его изъ положенія неопредѣленнаго и непріятнаго. Какъ удивительна иногда цепь, соединяющая событія міра! Самое умное соображеніе бываетъ неудачно, ошибка награждается успѣхомъ. Нельзя, однакожъ, объявлять тщетнымъ всякое благоразуміе и предпочитать ему въ управленіи царствъ прѣхоть. Нѣтъ, въ дѣлахъ, расчетъ всегда лучше увлеченій; но нельзя сознаться, что выше намѣреній человека есть еще намѣренія Провидѣнія, болѣе-вѣрныя и глубокія. Смиримся, но не будемъ отрекаться отъ мудрости человеческой.

Кто видѣлъ вблизи трудности правленія, кто испытывалъ, что въ

чить рѣшиться на великое предпріятіе, и сколько труда пріуготовить его, исполнить, двинуть людей и дѣла — тотъ одинъ оцѣнить рѣшимость Наполеона. Когда прошло его прискорбіе о неудачѣ булонской экспедиціи, онъ весь предался новому предпріятію войны на твердой землѣ. Никогда не располагалъ онъ такими огромными средствами, никогда не видѣлъ передъ собою такого обширнаго поприща дѣйствій. Начальствуя италійскою арміею, онъ былъ ограниченъ въ своихъ дѣйствіяхъ равниною Ломбардіи и Альпами, и если обращалъ взоръ далѣе, пугливая осторожность директора Карно останавливала его соображенія. Бывъ первымъ консуломъ и изобрѣтая планъ похода въ 1800 году, онъ былъ принужденъ соображаться съ своими помощниками, еще равными ему, и когда, на-примѣръ, составлялъ для Морѣ планъ, который могъ бы имѣть самыя счастливыя послѣдствія, его останавливалъ робкій умъ генерала; надобно было предоставить ему дѣйствовать по его соображенію, вѣрному, но ограниченному, а самому заключить-ся отдаленно въ Пьемонтъ. Правда, присутствіе его тамъ ознаменовалось дѣйствіемъ, которое останется чудомъ военнаго искусства; но все еще геній его встрѣчалъ препятствія, когда хотѣлъ развернуться. Въ первый разъ онъ былъ свободенъ, какъ Цезарь и Александръ. Сопольники, стѣснявшіе его своею завистью или своею извѣстностью, согнали сами себя съ поприща неосторожными и виновными поступками. Оставались помощники, покорные его волѣ и обладавшіе въ высшей степени всеми качествами, необходимыми для исполненія его намѣреній. Армія, утомленная продолжительнымъ бездѣйствіемъ, дышавшая только славою и битвами, образованная десятию годами войны и тремя годами лагерной жизни, была приготовлена къ самымъ труднымъ предпріятіямъ и самымъ дерзкимъ переходамъ. Вся Европа была открыта его соображеніямъ. Онъ былъ на западѣ, на берегахъ Сѣвернаго-Моря и Ламанскаго-Пролива, а на востокъ была Австрія, вспомошествоваемая силами русскими, шведскими, италійскими, англійскими, двигавшая на Францію громады, какъ-будто заговоромъ цѣлой Европы предоставленныя ея распоряженію. Положеніе, средства, все было велико. Но если никогда не бывало столько способностей противостать внезапнымъ и страшнымъ опасностямъ, никогда не бывало и такихъ затрудненій. Армія, можно сказать, безпримѣрно приготовленная, была на берегу Океана, далеко отъ Рейна, отъ Дуная, отъ Альповъ, почему державы твердой земли и допускали сборъ ея безъ возраженій. Надобно было вдругъ перенести ее въ средоточіе твердой земли: въ томъ состояла задача. Увидимъ, какъ Наполеонъ уничтожилъ пространство, отдѣлявшее его отъ непріятелей, и сталъ посреди ихъ на точкѣ, самой удобной для разсыланія грозной коалиціи.

Онъ упорствовалъ въ мнѣніи, что война не такъ близка, какъ была въ-самомъ-дѣлѣ, но ясно видѣлъ приготовленія къ ней и планъ ея. Швеція занималась вооруженіями въ Стральзундѣ, въ шведской Помераніи; Россія въ Ревель, въ Финскомъ-Заливѣ. Извѣщали о двухъ большахъ русскихъ арміяхъ: одна сосредоточивалась въ Польшѣ и должна была увлечь съ собою Пруссію, другая, въ Галиціи, готовилась

на помощь Австріи. Не представляли только, а знали наверное, что собираются двѣ австрійскія арміи: одна, восьмидесяти-тысячная, въ Баваріи, другая, сто-тысячная, въ Италіи, соединенныя корпусомъ въ двадцать-пять или тридцать тысячъ человекъ въ Тироля. Наконецъ, Русскіе, собравшіеся въ Корфу, Англичане въ Мальтѣ, и признаки волненія неаполитанскаго двора, несомнѣнно возващали о попыткѣ на югъ Италіи.

Итакъ, готовилось четыре нападенія: первое, съ сѣвера, черезъ Померанію, на Ганноверъ и Голландію, гдѣ должны были дѣйствовать Шведы, Русскіе и Англичане; второе, съ востока, черезъ долину Дуная, возлагалось на Русскихъ и Австрійцевъ; третье, въ Ломбардіи, предоставлялось однимъ Австрійцамъ; четвертое, на югъ Италіи, насколько-позднѣ располагались исполнить Русскіе, Англичане и Неаполитанцы вмѣстѣ.

Наполеонъ постигъ этотъ планъ, какъ-будто присутствовалъ въ Вьенѣ при военныхъ совѣщаніяхъ Винценгероде, о которыхъ говорили мы прежде. Одно обстоятельство было еще неизвѣстно ему и его непріятелямъ: увлекутъ ли они Пруссію? Наполеонъ не вѣрилъ тому. Соединенныя державы надѣялись успѣть, устрашивъ Фридриха-Вильгельма. Въ такомъ случаѣ, нападеніе съ сѣвера было бы уже не побочное покушеніе, стѣсненное нейтралитетомъ Пруссіи, но грозное предпріятіе противъ Франціи, отъ Кѣльна до устьевъ Рейна. Но все это было мало вѣроятно, и Наполеонъ почиталъ важными только два большія нападенія, черезъ Баварію и Ломбардію, полагая едва-достойными какихъ-нибудь предосторожностей тѣ, которыя готовились въ Помераніи и Неаполитанскомъ Королевствѣ.

Онъ рѣшился перенести главныя силы свои въ долину Дуная и уничтожить все второстепенныя нападенія способомъ отпора главному изъ нихъ. Глубокое соображеніе его основывалось на обстоятельстве очень-простомъ: на отдаленіи Русскихъ, отъ чего не могли они въ время прійти на помощь къ Австрійцамъ. Онъ рассуждалъ, что Австрійцы, желая воспользоваться въ Баварію, и, по своему обычаю, занять знаменитую ульмскую позицію, увеличатъ такимъ-образомъ пространство, естественно-отдѣляющее ихъ отъ Русскихъ, и тогда Русскіе поздно аступать въ линію, идя вверхъ по Дунаю съ главною своею арміею, соединенною съ австрійскими резервами. Наполеонъ располагалъ поразить Австрійцевъ прежде прибытія Русскихъ, и потомъ обратиться на нихъ, лишенныхъ пособія главной австрійской арміи. Онъ хотѣлъ употребить способъ, очень-легкій въ теоріи, очень-трудный въ исполненіи: разбить непріятелей одного за другимъ.

Для успѣха въ такомъ предначертаніи, необходимо было совершенно-особымъ способомъ перенестись на театръ войны, то-есть, въ долину Дуная. Еслибъ, по примѣру Морё, Наполеонъ пошелъ вверхъ по Рейну и переправился черезъ него изъ Страсбурга въ Шафгаузенъ, а потомъ, черезъ дефиле Шварцвальда, вышелъ между Альпами Швабіи и Констанцскимъ-Озеромъ, и такимъ-образомъ атаковалъ съ фронта Австрійцевъ, утвердившихся позади Иллера, Ульма и Мейнлингена, онъ

не достигъ бы вполне своей цѣли. Еслибъ даже онъ разбилъ Австрійцевъ, въ чемъ, съ такою арміею, какъ его булонская, онъ былъ увѣренъ больше, нежели когда-нибудь, то, гоня впередъ только ослабленныхъ, онъ воля ихъ къ соединенію съ сѣверными ихъ союзниками. Надобно было, какъ при Маренго, и еще больше, нежели при Маренго, обойти Австрійцевъ, и не только разбить, но окружить и всѣхъ отослать плѣнными во Францію. Тогда Наполеонъ могъ обратиться на Русскихъ, подкрѣпляемыхъ уже только резервами австрійскими.

Переходъ очень-простой представился уму его. Одинъ изъ французскихъ корпусовъ, Бернадотта, былъ въ Ганноверъ; другой, Мармона, въ Голландію; остальные въ Булонн. Онъ придумалъ провести первый черезъ Гессенъ во Франконію, на Вюрцбургъ и Дунай; двинуть второй вдоль Рейна, пользуясь пособіями рѣки, и черезъ Майнцъ и Вюрцбургъ соединить его съ корпусомъ ганноверскимъ. Покуда эти два огромныя части арміи спускались отъ сѣвера къ югу, Наполеонъ рѣшился движеніемъ отъ запада къ востоку, отъ Булонн къ Страсбургу, перевести другіе корпусы, бывшіе подлѣ Ламапшскаго-Пролива, и, показывая видъ пріятнаго нападенія ими черезъ дефиле Шварцвальда, въ-самомъ-дѣлѣ оставить Шварцвальдъ вправо, перейти на лѣво черезъ Виртембергъ, соединиться во Франконію съ корпусами Бернадотта и Мармона, переправиться черезъ Дунай ниже Ульма, около Донауверта, стать такимъ образомъ позади Австрійцевъ, окружить ихъ, забрать, и, отдалившись отъ нихъ, идти къ Вѣнѣ, на встрѣчу Русскимъ.

Положеніе маршала Бернадотта, идущаго изъ Ганновера, и генерала Мармона, идущаго изъ Голландіи, было выгодно, потому-что одинъ могъ въ семнадцать дней, а другой въ четырнадцать или пятнадцать перенестись въ Вюрцбургъ, во флангъ непріятельской арміи, стоявшей въ Ульмѣ. Движеніе войскъ отъ Булонн въ Страсбургъ требовало около двадцати-четырехъ дней, и оно-то должно было обратить вниманіе Австрійцевъ на обыкновенное мѣсто выхода войскъ черезъ Шварцвальдъ. Итакъ, въ двадцать-четыре дни, то-есть, около 25-го сентября, Наполеонъ могъ быть уже на рѣшительномъ пунктѣ. Принимая намѣреніе тотчасъ, и какъ-можно-дольше скрывая движенія войскъ присутствіемъ своимъ въ Булонн; разсылая ложные слухи и утаивая свои предначертанія съ тѣмъ искусствомъ вводить въ заблужденіе непріятеля, какииъ онъ обладалъ въ высшей степени, Наполеонъ могъ переправиться черезъ Дунай позади Австрійцевъ прежде, нежели они подозрѣвали бы его присутствіе тамъ. При успехахъ, онъ съ октября мѣсяца освобождался отъ передней непріятельской арміи, употреблялъ полбрь на походъ къ Вѣнѣ, и въ окрестностяхъ ея встрѣчался съ Русскими, которыхъ еще не видалъ никогда, и хотя зрѣлъ, что пѣхота ихъ мужественна, но не почиталъ ихъ непобѣдимыми, потому-что Морб и Массена разбивали ихъ (*), а онъ надѣялся разбить еще сильнѣе. Достигнувъ

(*) Массена—такъ, подлѣ Цюрихомъ; но когда Морб разбилъ Русскихъ?

Вьны, онъ далеко окрылялъ италійскую армію Австрійцевъ, отъ чего она непременно должна была ретироваться. Наполеонъ располагался ввернуть Массенъ, мужественнѣйшему изъ своихъ помощниковъ и лучшему другихъ знающему Италію, начальство надъ французскою арміею на Адиджъ. Въ ней было бы только 50,000 человекъ, но отборныхъ, совершившихъ всѣ походы за Альпами, начиная отъ Монтеотте до Маренго. Если Массена могъ остановить эрцгерцога Карла только на одинъ мѣсяцъ, что казалось несомнѣннымъ съ солдатами, привыкшими побѣждать Австрійцевъ, не смотря на ихъ многочисленность, и подъ начальствомъ генерала, никогда неотступавшаго, то Наполеонъ, занявъ Вьну, освобождалъ Ломбардію, какъ и Баварію. Наволя на себя эрцгерцога, онъ привлекалъ къ себѣ и Массену, а соединивъ съ своими 150,000 человекъ, пришедшими вдоль Дуная, 50,000, пришедшихъ съ береговъ Адиджа, онъ могъ быть въ Вьнѣ съ 200,000 побѣдоносныхъ Французовъ. Съ такою громадою войскъ, и когда были бы разстроены два главныя нападенія со стороны Баваріи и Ломбардіи, могли ли тревожить его два другія, приготовленныя на сѣверъ и югъ, въ Ганноверъ и со стороны Неаполя? Вся вооруженная Европа не была бы страшна для него.

Но онъ принялъ нѣкоторыя предосторожности со стороны Нижней-Италіи. Генералъ Сен-Сиръ занималъ Калабрию 20-ю тысячами человекъ. Наполеонъ поручилъ ему идти къ Неаполю и овладѣть имъ при первыхъ признакахъ непріязненности. Для предупрежденія атаки съ сѣвера, онъ только продолжалъ начатыя въ Берлинѣ переговоры о Ганноверѣ. Предлагая его Пруссіи за союзъ съ собою, но не надѣясь заключить открытый союзъ съ дворомъ робкинъ, онъ предлагалъ ему Ганноверъ въ видъ залога. Во всякомъ случаѣ, Пруссія должна была удалить войска воюющихъ державъ, и тѣмъ прикрывала сѣверъ Европы.

Никогда, ни одинъ полководецъ не изобрѣталъ и не приводилъ въ исполненіе такого обширнаго плана, потому-что никогда умъ болѣе могущественный, свободный въ намѣреніяхъ, располагавшій большими средствами, не имѣлъ случая дѣйствовать на такомъ пространствѣ земель (*). Что видимъ обыкновенно? Правительства нерѣшительныя,

(*) А планъ Императора Александра въ 1812 году—соединить дунайскую армію и нѣсколько боковыхъ корпусовъ въ тылу Наполеона и отрѣзать отступленіе ему, еще занимавшему столицу въ средоточіи государства, планъ, рассчитанный день въ день, приведенный въ исполненіе на тысячахъ верстъ—не-уже-ли онъ не обширнѣе, не дальновиднѣе обхода Австрійцевъ, которые сдавались почти безъ боя? А другой стратегическій планъ Александра въ 1813 году—выйти фланговымъ движеніемъ къ Лейпцигу съ главною арміею, оставляя Наполеона въ Дрезденѣ и во власти его вѣсколку первостепенныхъ крѣпостей на Эльбѣ—планъ, увѣнчанный трофеями лейпцигской битвы, плѣномъ сен-сырова корпуса, невольнымъ бездѣйствіемъ Даву? Можно указать еще на нѣсколько подобныхъ геніальныхъ соображеній побѣдителя Наполеона, которыя уже и возвеличиваютъ исторію. Русскіе слишкомъ-долго молчали о своихъ подвигахъ, между-тѣмъ, какъ хвастовство Французовъ безъ мѣры увеличивало славу Наполеона, конечно, основанную на великихъ подвигахъ, но и омерзительную ошибками, безпримѣрными въ исторіи. *Примѣч. переводчика.*

разсуждающія, когда надобно дѣйствовать; не предусмотрительныя, собирающія войска, когда имъ уже надобно быть на полѣ битвы, и подъ руководствомъ правительствъ видимъ генераловъ, едва имѣющихъ власть двигаться на указанномъ имъ пространствѣ. Здѣсь, напротивъ, гений, воля, предусмотрительность, совершенная свобода дѣйствовать, все способствовало одному человеку для одной цѣли. Рѣдко встрѣчаются такія обстоятельства; но когда они соединились — мѣръ имѣетъ властителя.

Въ послѣднихъ числахъ августа, Австрійцы были уже на берегахъ Нины и Адижа, Русскіе на границѣ Галиціи. Казалось, они застануть врасплохъ Наполеона: случилось иначе. Въ величайшей тайнѣ начались передвиженія войскъ и были начаты переговоры о союзѣ съ Баденомъ и Виртембергомъ, которымъ, однакожъ, не открывали близости предстоявшей войны. Одному курфирсту баварскому раскрыли всѣ обстоятельства. Несчастный государь Баварія колебался между Австріею непріязненною и Франціею дружественною; но одна была близко, другая далеко, и онъ помнилъ, что, въ предшествовавшія войны, его угнетала та и другая, а при мирѣ забывали объ. Франція могла вознаграждать его за союзъ увеличеніемъ земель; но еще не зная о движеніи войскъ изъ булонскаго лагеря, онъ видѣлъ только, что она занята борьбою съ Англіею, и что ее беспокоятъ германскіе союзники, а она не имѣетъ средствъ помочь имъ. Потому-то онъ безпрестанно говорилъ о союзѣ французскому посланнику Отто, и не смѣлъ заключить союза. Такое положеніе вдругъ перемѣнили письма Наполеона. Онъ прямо написалъ курфирсту и (объясняя, что ввѣряетъ чести его государственную тайну) объявилъ, что отменяетъ на время свои предпріятія противъ Англіи и немедленно идетъ съ 200,000 человекъ войска въ средину Германіи. «Къ вамъ во-время прійдетъ помощь» писалъ онъ ему: «и побѣжденная Австрія будетъ принуждена составить для васъ значительное государство изъ обломковъ своихъ владѣній». Наполеонъ дорожилъ союзомъ курфирста, у котораго было 25,000 хорошо-образованныхъ солдатъ и обильно-снабженные магазины въ Баваріи. Важная выгода была — вырвать у союзниковъ 25,000 хорошаго войска и увеличить имъ свое.

Передъ выходомъ изъ булонскаго лагеря, для охрѣненія флотилии и всѣхъ приготовленныхъ для нея запасовъ, были приняты самыя тщательныя предосторожности и оставлено около тридцати-пяти тысячъ войска, частію сформированнаго изъ матросовъ. Маршалъ Брюнъ назначенъ былъ главнымъ начальникомъ войска и всего берега. Боевые корпуса начали выступать въ походъ, и Наполеонъ самъ осматривалъ и провожалъ ихъ, одушевленныхъ мужествомъ и радостью при мысли о новыхъ битвахъ, отъ которыхъ ожидали они почестей, славы, богатства, и просили только скорѣе дать имъ случай перевѣдаться съ непріателемъ.

Наполеонъ смотрѣлъ выступленіе своей арміи въ походъ, и 2 сентября отправился изъ Булони. 3-го числа онъ былъ уже въ Мальмезонъ. Никто не зналъ его намѣреній, и все еще думали, что онъ занятъ своими предпріятіями противъ Англіи, беспокоились только о намѣре-

війхъ Австріи и объясняли себя перемещеніемъ войскъ, уже давношес известнымъ тѣмъ, что въ газетахъ писали объ отправленіи 30 тысячъ человекъ для наблюденія Австрійцевъ на Верхнемъ-Рейнѣ.

Публика, во зная въ точности событій, но подозревая, до какой степени глубокая антипійская интрига скрѣпила умы новой коалиціи, упрекала Наполеона, что онъ вырвалъ Австрію изъ терпѣнія тѣмъ, что возложилъ на себя корону Италіи, присоединилъ Геную къ имперіи и отдалъ Лукъ принцессѣ Элизѣ. Ему удивлялись; почитали большимъ счастьемъ имѣть надъ собою нравительство столько твердое и правосудное, какъ его, и упрекали его въ излишней любви къ тому, въ чемъ онъ былъ такъ великъ—въ любви къ войнѣ. Никто не могъ подумать, что война будетъ несчастна при такомъ полководцѣ, какъ онъ, но слышали, что Австрія, Россія, часть Германіи получаютъ субсидіи отъ Англіи; не знали, скоро ли кончатся эта новая борьба, и невольно вспоминали о бѣдствіяхъ первыхъ войнъ революціи. Доверенность господствовала надъ другими ощущеніями; но слышался и легкій ропотъ, слишкомъ-чувствительный для тонкаго слуха наполеонова.

Тягостныя ощущенія публики всего больше усиливались отъ чрезвычайнаго стѣсненія въ финансахъ. Тому была разныя причины. Наполеонъ упорствовалъ въ своемъ намѣреніи никогда не давать займовъ «Покуда живъ, но выпущу никакихъ бумагъ», писалъ онъ къ г-ну Мабюа отъ 18 мая изъ Милана. Въ-самомъ-дѣлѣ, упадокъ кредита, произведенный ассигнаціями и всеми родами бумагъ, еще продолжался, всемогущій, страшный тогда императоръ Французовъ не могъ бы и представить принять нидерландскій доходъ болѣе нежели на пятьдесятъ франковъ, то-есть, заемъ былъ бы по 10 процентовъ. Но такое положеніе представляло большія трудности, потому-что самое богатое государство не въ силахъ удовлетворить тягостей войны и всегда приходится отлагать часть ихъ на будущее.

Мы видѣли состояніе бюджетовъ. Годъ XIII (отъ сентября 1804 до сентября 1805), уже оканчивавшійся, представлялъ новыя недостатки. Въ XII году было ихъ 20 милліоновъ, въ XIII оказалось уже 40. Къ-тому же, при плохомъ порядкѣ въ отчетности, открыты, еще остаются неудовлетворенныя издержки и несостоявшіеся доходы прежніе годы, что составляло милліоновъ двадцать. Итого, 20 милліоновъ недочета за XII годъ, 40 за XIII и двадцать за прежніе годы—все это оказывалось до 80 милліоновъ недоплаты при возобновленіи войны. Для пополненія ихъ употребили разныя, болшою частію насильственныя средства, которыми могла располагать только всевластныя для Наполеона. Всего болѣе пострадала при томъ знаменитая компанія *Соединенныхъ Нейціантовъ*, которой душою былъ гениальный спекулянтъ Уварръ. Нѣсколько времени эта компанія была главнымъ средствомъ въ финансовыхъ оборотахъ Франціи и Испаніи; но послѣдствіемъ отъ вѣселия и дерзости ея оборотовъ требовали ограниченія, и тѣмъ былъ нанесенъ ей смертельный ударъ. Наполеонъ не вполне понималъ путаницу финансовыхъ оборотовъ, въ какіе пускался доверенный его, г. Мабюа, и приписывалъ общее стѣсненіе ложнымъ спекуляціямъ францу-

ской торговли, ростовщикамъ, и ждалося на дѣловыхъ людей почти такъ же, какъ ждалося онъ на идеологовъ, когда встрѣчалъ противоположныя ему идеи. Но онъ не хотѣлъ, чтобы такое положеніе дѣлъ препятствовало исполненію его повелѣній. Онъ требовалъ 12 милліонновъ звонкою монетою въ Страсбургъ, и требовалъ такъ положительно, что ихъ добыли самыми необыкновенными средствами. Онъ требовалъ еще 10 милліонновъ въ Италію, и компанія принуждена была купить ихъ въ Гамбургъ, а оттуда подотомъ и серебромъ перелезла въ Миланъ черезъ Реймъ и Альпы. Впрочемъ, Наполеонъ надѣялся черезъ пятнадцать или двадцать дней огрѣмитъ всѣхъ такими ударами, которые должны были уничтожить все замѣшательство. «Черезъ два недѣли» говорилъ онъ: «я поражу Австрійцевъ, Руссака и бѣрныхъ спекулянтовъ».

Имя денежныя средства, хорошо ли, худо ли добытыя, онъ занялся конскрипціею и устройствомъ своихъ резервовъ. Годовой наборъ людей раздѣлялся тогда на два половны, по 30 тысячъ человекъ каждая; первая поступала на службу, другая оставалась по домамъ, но могла быть призвана подъ знамена простымъ приказомъ правительства. Отъ годовъ IX, X, XI, XII и XIII оставалась еще большая часть людей, уже возмужалыхъ, которыми правительство могло располагать. Наполеонъ велѣлъ собрать ихъ всѣхъ, и кромѣ того рѣшился предупредить наборъ XIV года, къ которому принадлежали молодые люди, достигшіе узаконеннаго возраста съ 23 сентября 1805 по 23 сентября 1806 года; а какъ въскорѣ хотѣли возстановить грегорианскій календарь, то онъ велѣлъ прибавить къ набору и тѣхъ, которые достигали узаконеннаго возраста съ 23 сентября по 31 декабря 1806 года. Итакъ, въ оный наборъ входили всѣ подвергавшіеся конскрипціи по конецъ декабря 1806 года. Такая мѣра доставляла Наполеону 80 тысячъ человекъ, изъ которыхъ послѣднимъ не было еще и двадцати лѣтъ. Но онъ не хотѣлъ тотчасъ употребить ихъ на службу, а располагалъ приготовить къ дѣлу военному, помѣстивъ въ третьи батальоны, составившіе депо каждаго полка. Годъ или два они обучались бы, укреплялись въ силахъ, и черезъ пятнадцать или восемнадцать мѣсяцевъ сдѣлались бы превосходными солдатами, почти такъ же хорошо приготовленными, какъ солдаты буловскаго лагеря. Его предположеніе было равно выгодно и для здоровья людей, и для воинскаго ихъ образованія, потому что, если двадцатилѣтній конскриптъ тотчасъ идетъ въ походъ, то онъ скоро будетъ въ госпиталѣ. Но такое соображеніе было возможно только для того правительства, которое уже имѣло противъ непріятеля устроенную армию, и ежегодный наборъ былъ нуженъ ему для резерва.

Законодательный корпусъ былъ распущенъ, и собирать его повидно было много времени. Наполеонъ не соглашался на такую задержку и задумалъ обратиться къ сенату, основываясь на двухъ причинахъ: первая, что наборъ, обнимавшій болѣе двѣнадцати мѣсяцевъ, и въ который входили конскрипты, не достигшіе 20-ти лѣтъ, былъ самъ по себѣ неправиленъ; вторая, что обстоятельства не допускали немедленно

сти. Такое дѣйствіе нарушало законность: сенатъ не могъ определяти ни денежнаго налога, ни набора людей. Онъ имѣлъ другія обязанности какъ-то: не допускать законовъ, противныхъ конституціи, дополнять недостатки ея и наблюдать за дѣйствіями правительства, означенными произволомъ. Одинъ законодательный корпусъ могъ определять налоги и наборы людей. Нарушеніе конституціи, уже слишкомъ-глубокой было ошибкою: такъ легко не соблюдать формъ ея значило сдѣлать ее совсѣмъ мечтательною. Другая ошибка была не уважать назначеній сената, сдѣлать его обыкновеннымъ средствомъ въ затруднительныхъ случаяхъ, и слишкомъ-ясно показать, что отъ него ожидали гораздо больше послушности, нежели отъ законодательнаго корпуса. Архикапелеръ Камбасересъ не любилъ излишествъ власти, не совершенно необходимыхъ, и замѣтилъ это, утверждая, что надобно, по-крайней-мѣрѣ для соблюденія формъ, присвоить сенату, какъ государственную мѣру, опредѣленіе набора войскъ. Наполеонъ не отвергалъ осторожности, но откладывавалъ мѣры ея до другаго времени, какъ-скоро надобно было ему спѣшить, и не хотѣлъ ни установить общаго правила, ни медлить сборомъ конскриптовъ. Онъ велѣлъ заготовить сенатское опредѣленіе о наборѣ 1806 года, и основать его на двухъ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ: неправильности набора и важности обстоятельствъ.

Онъ рѣшился также примѣнить къ обстоятельствамъ національную гвардію, учрежденную законами 1790, 1791 и 1795 годовъ. Третья дивизія имѣла всѣ признаки двухъ первыхъ, и хотя времена перемѣнились, хотя Европа негодовала меньше противъ направленія Франціи и больше противъ ея величія, но Наполеонъ думалъ, что народъ обязанъ такъ же сильно и единодушно содѣйствовать своему правительству, какъ и прежде. Онъ не могъ ожидать того же порыва, потому-что революціонный энтузіазмъ не существовалъ болѣе, но могъ надѣяться на совершенную покорность закону со стороны гражданъ и на глубокое чувство чести тѣхъ изъ нихъ, которые были бы призваны закономъ. На такомъ основаніи велѣлъ онъ преобразовать національную гвардію, и хотѣлъ отъ нея болѣе подчиненности и воинственности, и потому распорядился приготовить сенатское опредѣленіе, которое уполномочивало бы его устроить ее силою императорскихъ декретовъ. Онъ рѣшился присвоить себѣ назначеніе офицеровъ и соединить въ роты егерей и гренадеровъ самую молодую и воинственную часть населенія. Онъ имѣлъ значающіе для защиты крѣпостей и для сбора на угрожаемыхъ пунктахъ, какъ-то въ Булони, Антверпенѣ, Вандеѣ.

Эти различныя силы были расположены такимъ-образомъ: болѣе 200 тысячъ солдатъ шли въ Германію; 70 тысячъ защищали Италію; двадцать одинъ батальонъ пѣхоты съ пятнадцатью морскими батальонами охраняли Булонь. Полки состояли изъ трехъ батальоновъ: двухъ действствующихъ и одного запаснаго, куда поступали солдаты болѣе и выздоравливавшіе, и гдѣ обучались конскрипты. Часть третьихъ батальоновъ уже находилась въ Булони; всѣ другіе были размѣщены отъ Майнца до Страсбурга. Къ этимъ тремъ пунктамъ отправляли людей собираемыхъ за IX, X, XI, XII и XIII-й годы, и 80 тысячъ конскриптовъ

въ 1806 года. Они поступили въ третью батальюны, для обученія и укрепления себя въ силахъ. Старшіе изъ нихъ лѣтами, обучившись, служили потомъ пяти маршевыми отрядами на пополненіе въ нихъ убыли отъ военныхъ дѣйствій. Такъ столятидесяти-тысячный резервъ охранялъ границы и обезпечивалъ пополненіе корпусовъ. Национальная гвардія подкрѣпляла резервъ и устроивалась изъ саварь и шпаль, для защиты береговъ и особливо Булоня или Антверпена, если бы Англичане стали пытаться съечь флотилію или истребить веревъ Шельдъ. Маршалъ Брюнъ уже былъ назначенъ командовать въ Булонь. Маршалъ Лесевръ назначался командовать въ Майнцъ, маршалъ Келлерманнъ въ Страсбургъ. Назначеніе ихъ показывало удивительную ревность Наполеона. Маршалъ Брюнъ пользовался извѣстностью, обратенною имъ въ 1799 году, при отраженіи десанта Русскихъ и Англичанъ. Маршалы Лесевръ и Келлерманнъ, старые солдаты, получившіе за свои заслуги мѣсто въ сенатъ и жезлъ почетныхъ маршаловъ, были способны блюсти за устройствомъ резервовъ, между-тѣмъ, какъ болѣе молодые сподвижники ихъ должны были действовать на мѣстѣ. Тутъ же былъ случай уклоненія отъ закона, который воспрещалъ сенаторамъ занимать общественныя должности. Сенату очень не нравился этотъ законъ, и отъ него уклонялись очень-легко, назначая членовъ его къ образованію народныхъ защитниковъ отечества.

Окончивъ распоряженія свои, Наполеонъ велѣлъ внести въ сенатъ въ численныя нами мѣры, и представилъ ихъ самъ, въ торжественномъ собраніи, 23 сентября, въ Люксембургъ. Онъ говорилъ ясно и твердо о войнѣ, внезапно для него явившейся на твердой землѣ, когда онъ занимался экспедиціею противъ Англіи; говорилъ о требуемыхъ въ Австріи объясненіяхъ, о двусмысленныхъ отвѣтахъ ея и явныхъ переложкахъ, потому-что армія ея перешла черезъ Иннъ 8-го сентября, въ то самое время, когда она особенно увѣряла въ наклонности своей къ сохраненію мира. Онъ обращался къ Франціи и обещалъ скоро уничтожить новую коалицію. Сенаторы изъявляли ему сильное чувство, хотя въ глубинѣ сердца приписывали новую континентальную войну присоединеніямъ къ Франціи итальянскихъ областей. Во время провоза императорскаго кортежа по улицамъ отъ Люксембурга до Салерья, народный энтузіазмъ, подавленный стѣсненіями всякаго рода, былъ не такъ выразителенъ, какъ обыкновенно. Наполеонъ замѣтивъ это, оскорбился, и съ досадою говорилъ о томъ архиканцлеру Камбасересу. Онъ называлъ Парижанъ несправедливыми къ себѣ, но вѣшался, надѣясь вскорѣ возбудить клики восторга, грома и пламеннаго больше тѣхъ, какіе столько разъ звучали въ ухахъ его, и, не имея времени занимать мысль свою ни однимъ предметомъ долго, переносилъ въ событіямъ, готовившимся на берегахъ Дуная. Поспѣвая отъѣзжать, онъ составилъ положеніе объ устройствѣ правительства на время своего отсутствія. Братъ его Юсефъ получилъ назначеніе председательствовать въ сенатъ; другой братъ, Лудовикъ, въ качествѣ конетабля, долженъ былъ заниматься наборомъ людей и образованіемъ національной гвардіи. Архиканцлеръ Камбасересъ былъ назначенъ председателемъ

ствовать въ государственномъ совѣтѣ. Вся дѣла должны были поступать на сужденіе совѣта, составленнаго изъ министровъ и высшихъ сановниковъ, подъ председательствомъ великаго-избирателя Иосифа. Наполеонъ приказывалъ, чтобъ черезъ курьеровъ, отправляемыхъ къ нему каждый день, доставлялись донесенія о всѣхъ дѣлахъ, съ личнымъ мнѣніемъ архикацлера о каждомъ. Камбасересъ опасался, что Иосифъ, председатель совѣта правительства, оскорбится ролею верховнаго императора, присвоенною одному изъ членовъ того же совѣта, и заметилъ Наполеону. Наполеонъ резко возразилъ, что изъ угожденія тщеславію не хочетъ лишиться самыхъ драгоценныхъ для него свидѣній. Иосифъ и остальное. Рѣшенія императора должны были приходиться къ Парламенту-създствію донесеній архикацлера. Только въ нетерпѣливыхъ отлучкахъ совѣтъ уполномочивался предупреждать волю императора и отдавать приказанія, исполняемыя каждымъ министромъ личною его отвѣтственностью. Такъ Наполеонъ предоставлялъ себя шенію всего, даже во время своего отсутствія, и архикацлеръ Камбасересъ дѣлался окомъ его правительства, покуда самъ онъ не уезжалъ далеко отъ средоточія Франціи.

Вся окружавшіе его съ печалью смотрѣли на его отъездъ. Не знали тайны его генія; не знали какъ онъ сократитъ войну; боялись, что она будетъ продолжительна, и были увѣрены, что она будетъ кровопролитна. Сирапшавали: какой жребій ожидаетъ Францію, если ея могучая голова будетъ такъ же поражена ядромъ, какъ грудь Тюренна пулею, какъ лобъ Карла XII-го? Сверхъ-того, приближенныя не смѣли не обождать его, не смотря на его вепыльчивый, повелительный тонъ. Вся разставались съ нимъ въ большомъ горѣ. Онъ согласился, что до Страсбурга сопровождала его императрица, еще болѣе привязанъ къ нему въ тѣ періоды, когда боялась, что союзъ ихъ не будетъ должителенъ. Онъ бралъ съ собою Бертье, а Талейрану оставилъ приказаніе слѣдовать за главною квартирою въ некоторомъ разстояніи съ нѣсколькими чиновниками. Наполеонъ выѣхалъ изъ Парижа 21-го числа и прибылъ въ Страсбургъ 26-го.

Къ величайшему удивленію Европы, армія, за двадцать дней бывшая на берегахъ Оксана, находилась уже въ центрѣ Германіи, на берегахъ Майна, Неккара и Рейна. Никогда и нигдѣ не видано было подобнаго больше тайнаго и быстраго. Головы келоннъ показывались всюду: Вюрцбургъ, въ Майнцѣ, въ Страсбургѣ. Солдаты радовались до слезъ, а люди Наполеона встречали его тысячекратно-повторяющимися криками: «Да здравствуетъ императоръ!» Эти безчисленныя войска, пѣхота, артиллерія, кавалерія, вдругъ собранныя; эти обозы съ артиллеріею, припасовъ и боевыхъ снарядовъ, такъ быстро явившіяся; дивныя рессницы лошадей, купленныхъ въ Швабіи и Швейцаріи; словомъ эти движенія арміи, за нѣсколько дней не ожиданной и вдругъ появившейся тутъ, представляли зрѣлище единственное, еще воцѣлѣвшее присутствіемъ военнаго двора, блестящаго, но строгаго, и безчисленнымъ множествомъ любопытныхъ, съившихъ видѣть императора Французовъ, влущаго на войну.

Коалиція торопилась съ своей стороны, но она не такъ хорошо при-
двигалась, какъ Наполеонъ, и особливо не была такъ дѣятельна, хотя
двигалась самыми пламенными страстями. Союзныя державы усло-
вились двинуть главныя силы свои къ Дунаю до наступленія зимы,
чтобы Наполеонъ не могъ, воспользовавшись трудностью сообщеній въ
урное время года, поразить Австрію отдаленно отъ ея союзниковъ. Вся
рѣказы о передвиженіяхъ были отданы такъ, чтобы въ концѣ августа
начала сентября приготовленія были кончены. Союзники думали сли-
шкомъ предупредить такимъ-образомъ Наполеона, и начать военныя
дѣйствія въ самое благопріятное для себя время. Они не ожидали такъ
рано встрѣтить Французовъ на театръ войны.

Русскія войска собирались въ Ревель и садившись на суда въ первыхъ
числахъ сентября, для отплытія въ Стральзундъ. Они состояли изъ 16
тысячъ человекъ, подъ командою генерала Толстаго. Дванадцать тысячъ
шведовъ уже прежде ихъ прибыли въ Стральзундъ. Они должны были
идти черезъ Мекленбургъ въ Ганноверъ и соединиться тамъ съ 15-ю
тысячами Англичацъ, высаженныхъ на Эльбѣ въ Куксгагенъ. Это со-
ставляло армію въ 43 тысячи человекъ, назначенную для нападенія
на сѣвера. Нападеніе ея могло быть главнымъ или побочнымъ, сооб-
ственно съ тѣмъ, присоединится или не присоединится къ нему Пруссія.

Приближались два большія русскія арміи, по 60 тысячъ человекъ каж-
дая: одна, подъ начальствомъ генерала Кутузова, шла черезъ Галлицію;
другая, подъ начальствомъ генерала Буксегвдена, черезъ Польшу. Рус-
ская гвардія, подъ командою Великаго Князя Константина, состояла
изъ 12-ти тысячъ человекъ отборныхъ людей и следовала за вторую
армію (*). Резервная армія генерала Михельсона устроивалась въ Виль-
гельмъ. Юный Императоръ Александръ, вовлеченный въ войну, былъ
только проныцателевъ, что видѣлъ свою ошибку, но не имѣлъ рѣ-
шимости признать ее, или поправить быстрымъ образомъ дѣйствій:
онъ сознавался самъ себя въ томъ, онъ былъ подъ властію тайнаго
страха, и слишкомъ-поздно рѣшился на окончательныя приготовле-
нія (**). Корпусъ генерала Кутузова, который изъ Галлиціи долженъ
былъ прійти на помощь къ Австрійцамъ, пришелъ на границу Австріи
еще раньше конца августа. Ему надлежало пройти Галлицію отъ Бродъ
до Ольмюца, Моравію отъ Ольмюца до Ваны, Австрію и Баварію отъ
Ваны до Ульма. Это было гораздо-дальше, нежели сколько Французамъ

(*). Въ арміи Кутузова было 46,405 человекъ, въ корпусѣ Буксегвдена 26,823, въ
ерлейскомъ отрядѣ 8,500 человекъ. Эти свѣдѣнія заимствованы изъ стрелковыхъ
портретовъ, и показываютъ достовѣрность французскаго историка, который, не осно-
ваясь на на чистъ, увеличилъ русскую армію пятьюдесятью тысячами человекъ!

Прим. персе.

(**) Какъ ложно представляеть г. Тьеръ характеръ и всѣ дѣйствія Императора
Александра I-го, можетъ видѣть всякій изъ насъ, сравнивъ съ выдумками француз-
скаго историка правдивое изложеніе событій въ «Описаніи Первой Войны Императора
Александра съ Наполеономъ», сот. генерал-лейтенанта Михайловскаго-Давилевскаго.
Въ такомъ обширномъ мѣстѣ отъ прелебренжеліемъ читать любимыя дѣятели г. Тьера.

Прим. персе.

надобно было пройти отъ Булоня до Ульма; а Русскіе не умали реноситься такъ быстро, какъ Французы. Европа видѣла, какъ хажали наши солдаты: она знаетъ, что быстрее ихъ не бывало никогда. И такъ, предвидѣніе Наполеона исполнилось: Русскіе уже опоздали.

Вторая русская армія, расположенная между Варшавою и Краковомъ въ окрестностяхъ Пулавы, и вмѣстѣ съ гвардіею состоявшая изъ 10 тысячъ человекъ (**), ожидала прибытія Императора Александра; правленіе ея зависало отъ отношеній къ Пруссіи. Юный Императоръ хотѣлъ выдти свои войска, отпльывавшія изъ Ревеля, и потому отъѣхалъ къ польской арміи (***) въ Пулаву, недалеко отъ Варшавы. Остановился въ Пулавѣ у своего молодого министра иностранныхъ дѣлъ князя Адама Чартерьскаго, желая быть ближе къ Берлину, для свиданій съ тамошнимъ дворомъ.

При Александрѣ находился князь Петръ Долгорукій, новичокъ въ военномъ дѣлѣ, надменный и честолюбивый, врагъ умныхъ молодыхъ людей, занимавшихся при Государѣ дѣлами правительства (****). Старался убедить Императора, что эти молодые люди неварны и и изменяютъ ей для выгодъ Польшы (*****). Мягкость Александра обратила успѣхи князю Долгорукому. Несправедливо было, что князь Чартерьскій могъ изменять Александру. Но онъ ненавидѣлъ прусскій дворъ и почиталъ двосудніемъ слабость его, и какъ истый Полякъ желалъ, чтобы намѣреніе действовать насильственно, если онъ не станетъ соображать съ видами коалиціи, было исполнено во всей строгости, то-есть, чтобы съ нами были разорваны сношенія, и чтобы, разсылавъ его войска, собранныя, отняли у него Варшаву, Познань и провозгласили Александра польскимъ королемъ (*****). Желаніе его было естественно для дѣла, но необдуманно для государственнаго мужа русскаго. Наполеонъ

(*) Едва ли! Русскія войска быстрее ихъ два раза приходили въ Парижъ и въ нѣсколькихъ тысячахъ верстъ, одержавъ на пути своемъ безпримѣрныя побѣды.

Прим. перс.

(**) Повторяемъ, что у Буксгевдена было 26,828 человекъ, гвардіи 8,500, сѣтъ только, меньше чѣмъ половина противъ указанія г. Тьера, хотя онъ уже убавилъ 2,000 человекъ противъ перваго своего указанія. Историческія числа и неважны и не по волю. Прим. перс.

(***) Корпусъ Буксгевдена некогда не назывался польскою арміею (l'armée de Pologne).

Прим. перс.

(****) Генералъ-адъютантъ Петръ Петровичъ Долгорукій былъ одинъ изъ обаяннѣйшихъ молодыхъ людей своего времени, удостоенный особеннаго вниманія Императора Александра I-го и подававшій большія надежды, которыя уничтожила смерть его на полѣ чести, во время войны въ Финляндіи въ 1808 году. Прим.

(*****) Откуда могъ почерпнуть свидѣнія г. Тьеръ о тайныхъ сошнаніяхъ у есаго Монарха съ дошбраннми его генералъ-адъютантомъ? Пусть, для пользы вѣдн, она укажетъ свои источники! Иначе, мы признаемъ показанія его чистомъ лжмъ.

Прим. перс.

(******) Кто сказалъ все это г. Тьеру? Все свидѣнія въ поврн должны быть изложены иосперными свидѣтелями, а особливо столь важнымъ свидѣніемъ, сообщать онъ здѣсь. Голословнымъ показаніемъ далеко не пойдешь. Прим.

одинъ могъ разбить коалицію: что жъ было бы, еслибъ ему придали насильственный союзъ Пруссіи?

Впрочемъ, такое требованіе было слишкомъ-сильно для неръшительнаго характера Александра. Онъ отправилъ въ Берлинъ своего посланника, г-на Алопеуса (*), и велѣлъ ему обратиться къ дружбѣ Фридриха-Вильгельма, требовать сначала свободнаго прохода для русской арміи черезъ Силезію и потомъ внушать, что союзники не сомнѣваются въ содѣйствіи Пруссіи благому преднамѣренію: освободить Европу. Посланникъ даже имѣлъ полномочіе объявить прусскому кабинету, что колебаться нельзя, что нейтралитетъ невозможенъ, и что если на проходъ войскъ не согласятся дружески, то онъ будетъ произведенъ силою. Алопеусу долженъ былъ способствовать князь Долгорукій, генерал-адъютантъ Императора Александра. Ему поручили ясно показать въ Берлинѣ намѣреніе увлечь Пруссію ласками или заставить рѣшиться силою. Въ Пулавѣ даже составили манифестъ, который долженъ былъ предшествовать неприязненнымъ дѣйствіямъ (**).

Между-тѣмъ, какъ Русскіе уполномоченные обращались съ пылкими своими требованіями къ прусскому двору, тамъ были и французскіе уполномоченные, Дюрокъ и Лафоре, черезъ которыхъ Наполеонъ предлагалъ Пруссіи Ганноверъ. Мы видѣли, что обер-гофмаршалъ Дюрокъ отправился изъ Булони въ Берлинъ съ этимъ предложеніемъ. Оно было обольстительно; но г. Гарденбергъ, котораго называли въ Европѣ министромъ благомыслящимъ, не зналъ, какъ на него согласиться. Два мѣсяца, июль и августъ, прошли въ переговорахъ и разныхъ предположеніяхъ. Наконецъ, юный король прусскій, видя оближеніе арміи русскіихъ, австрійскихъ и французскихъ, убѣдился, что война близка и неизбежна. Онъ оставался твердъ въ обыкновенной своей системѣ нейтралитета Сѣверной Германіи. Тогда Дюрокъ и Лафоре, по повелѣнію Наполеона, предложили ему то, чего столько разъ требовалъ самъ Берлинскій кабинетъ: отдачи Ганновера Пруссіи, въ видъ залога, съ тѣмъ, что она обезпечитъ Франціи обладаніе имъ. Фридрихъ-Вильгельмъ съ радостью увидѣлъ бы выступленіе Французовъ изъ Ганновера, и желалъ получить столь драгоценный залогъ; но зналъ, что за то онъ долженъ будетъ сопротивляться сѣверной экспедиціи, отказавшись отъ всего. Онъ поставилъ на видъ, что въ настоящемъ положеніи своемъ былъ беззащитенъ противъ Россіи со стороны Польши. Дюрокъ и Лафоре возражали предложеніемъ ему 80-ти тысячной арміи Французовъ, готовой соединиться съ Пруссаками. Но Фридрихъ-Вильгельмъ не хотѣлъ войны; онъ отвергнулъ ее и въ этомъ новомъ видѣ. Тогда-

(*) Императоръ Александръ I-й не могъ отправить Алопеуса изъ Пулavy, потому что Алопеусъ жилъ въ Берлинѣ и былъ прежде акредитованъ при тамошней дворѣ. *Прим. перс.*

(**) Само собою разумѣется, что манифесты составляются прежде, нежели раздадутся пушечные выстрѣлы, но бываютъ объявляемы только сообразно событіямъ. Обыкновенное зачитаніе г. Тьера показываетъ удивительную несмѣлость въ челоуцкѣ, манерѣ держанія министромъ. *Прим. перс.*

то прибывъ въ Берлинъ гг. Алопеусъ и князь Долгорукій (*), и требовали, чтобъ Пруссія объявила себя за коалицію. Почти то же отвѣчалъ король русскимъ посланникамъ, что отвѣчалъ посланнымъ Наполеонъ Пруссія первая подвергалась ударамъ Французовъ, какъ скоро присоединилась къ коалиціи. Русскіе посланники объявили, что собраніи между Варшавою и Краковомъ войска готовы подкравить его, и что 70 тысячъ Русскихъ пройдутъ черезъ Силезію и Саксонію на Рейнъ для того, чтобъ встрѣтить первый напоръ Французовъ. Такия убѣжденія не улекли Фридриха-Вильгельма. Тогда дали ему замѣтить, что уже поздно, и что въ притворствіи его къ общему дѣлу не сомнѣлись до такой степени, что отдали русскимъ войскамъ приказаніе не проходить черезъ Пруссію. Фридрихъ-Вильгельмъ твердо возсталъ противъ этого. Въ характеръ его влился. Онъ былъ нерышительнъ (**), отъ-того иногда казался слабымъ и двуличнымъ, но, выведенный на терзнія, дѣлался упрямъ. Онъ пришелъ въ гнѣвъ, собралъ совѣтъ, которому пригласилъ старшаго герцога брауншвейтскаго и фельдмаршала Моллендорфа, и, не смотря на свою бережливость, рѣшился поставить прусскую армію на военную ногу. Видя, что противъ него хотѣтъ действовать насильственно оба стороны, онъ рѣшился принять мѣры предосторожности и приказалъ собрать 80 тысячъ человекъ, для чего вѣдало употребить около 64 милліоновъ франковъ, частію изъ государственныхъ доходовъ, частію изъ казны Фридриха-Великаго; рѣшеніемъ въ предшествовавшее царствованіе, но пополненіемъ законодательнаго.

Г-нъ Алопеусъ ужаснулся такихъ распоряженій и посѣтилъ на сѣдѣ въ Пулау, умоляя своего Императора сохранить расположеніе прусскаго короля, если онъ не желаетъ имѣть противъ себя всѣхъ съ прусской монархіи.

Эти извѣстія поколебали рѣшимость Императора Александра. Князь Чарторыйскій убѣдительно упрашивалъ его, не допуская Пруссіи предпринять мѣры предосторожности, пройти просто черезъ ея владѣнія, а не принимать этого такъ долго. Если Пруссія вздумаетъ воевать, говоритъ Чарторыйскій; Александръ объявитъ себя польскимъ королемъ и уступитъ новое королевство, заслонившись русскими арміями. Если она не ступитъ къ союзу—предназначенный планъ исполнится и однимъ союзникомъ будетъ больше (**). Но Александръ уже получилъ свѣдѣнія отъ Алопеуса, отвергнувъ совѣты своего молодого министра, и своимъ слезамъ князя Долгорукаго въ Берлинъ (***), увѣрить царственного сво-

(*) Откуда же прибылъ Алопеусъ въ Берлинъ, когда онъ находился въ Берлинѣ?

Прим. вступ.

(**) Г. Тьеръ находитъ всѣхъ противниковъ Франціи нерышительными! Это съ математическою вѣрностью.

Прим. вступ.

(***) Откуда заимствованы такіа важныя указанія? Кто присутствовалъ при свиданіяхъ Императора Александра I-го съ его министромъ иностранныхъ дѣлъ? и могъ сообщать г. Тьеру содержаніе и даже слова ихъ совѣщаній? Это уже коммодио!

Прим. вступ.

(****) Князь Долгорукій одинъ только разъ вѣдалъ въ Берлинѣ.

Прим. вступ.

друга, что ояъ никогда не имѣлъ намѣренія стѣснять его волю, и, напротивъ, отдалъ приказъ русской арміи остановиться на границахъ Пруссіи; что ояъ желаетъ доказать своими дѣйствіями уваженіе къ нему, но что великихъ дѣлъ нельзя рѣшать черезъ посредниковъ, и по-тому ояъ проситъ назначить ему свиданіе. Оно и было назначено въ первыхъ числахъ октября. Между-тѣмъ, Лафоре и Дюрюкъ оставались въ Берлинѣ: ихъ удерживала въ твердомъ поддержаніи нейтралитета.

Такъ употребилъ Русскіе сентябрь мѣсяць, между-тѣмъ, какъ Австрійцы лучше воспользовались этимъ драгоценнымъ временемъ. Г. Коенцель не переставалъ повторять въ Парижѣ, что единственное желаніе Австріи—получить посредствомъ переговоровъ обезпеченіе въ будущемъ положеніи Италіи, и въ это же самое время Австрія пользовалась англійскими субсидіями съ величайшею дѣятельностью. Прежде всего, она обратила 100 тысячъ человекъ въ Италію, подъ начальствомъ эрцгерцога Ферда. Лучшіи генералы ея и самая сильная армія должны были возвратитъ ей самыя дорогія для нея области. Двадцать-пять тысячъ человекъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Іоанна, который командовалъ въ Гогенлиденѣ, охраняли Тироль; 80 или 90 тысячъ человекъ начались овладѣть Баварією, двинуться въ Швабію и занять знаменитую римскую позицію, гдѣ Край, въ 1800 году, такъ долго удерживалъ генерала Моро. 50 или 60 тысячъ Русскихъ Кутузова должны были при-соединиться къ австрійской арміи (*) и составить армію во 140 тысячъ человекъ, которою надѣялись достаточно занять Французовъ, покуда отойдутъ другія русскія арміи, эрцгерцогъ Карлъ завоюетъ Италію, войска, отправленныя въ Ганноверъ и Неаполь, произведутъ выгодную диверсію. Знаменитый генералъ Маккъ, составитель плановъ для нѣсколькихъ походовъ противъ Франціи, съ большою дѣятельностью и въ-короткѣмъ знаніемъ военныхъ подробностей сформировавшій австрійскую армію для новой войны, былъ самъ назначенъ командовать швабскою армією, вмѣстѣ съ эрцгерцогомъ Фердинандомъ (**).

Воспользовавшись городами, принадлежавшими Австріи въ тамошней краинѣ, устроили магазины между Констанцскимъ-Озеромъ и Верхнимъ-Ульмомъ. Однимъ изъ австрійскихъ городовъ былъ Меммингенъ, на лѣвѣмъ берегу, составляющій лѣвую сторону позиціи, которой правую сторону занимаетъ Ульмъ. Въ Меммингенѣ свезли неизмѣримыя запасы и устроили тамъ нѣсколько окоповъ, чего нельзя было сдѣлать въ Ульмѣ, принадлежавшемъ Баваріи.

Все это совершалось въ послѣднихъ числахъ августа. Но Австрія, въ излишней поспѣшности, вовсе необыкновенной для нея, сдѣлала ошибку. Нельзя было занять ульмской позиціи не перешедши

*) Можно ли такъ играть историческими указаніями! То было 60, то является 50 или 60 тысячъ у Кутузова, когда ихъ всего было 46,408 человекъ. Десятки тысячъ войскъ ни почему и г. Тьера! А еслибъ ояъ понималъ, что значатъ 10,000 человекъ на полѣ сраженія!..

Прим. перес.

**) Эрцгерцогъ Фердинандъ былъ главнокомандующимъ, а Маккъ генерал-квартирмейстеромъ арміи, но имѣлъ бланкеты своего императора.

Прим. перес.

черезъ баварскую границу. Сверхъ-того, Баварія имѣла 25-ти тысячную армію, огромныя магазны, владела ливіею Инна и, слѣдовательно, все заставляло прежде Французовъ захватить такую богатую добычу. Съ нею вздумали дѣйствовать какъ Россія съ Пруссіею, то-есть, увлечь ее внезапностію. Правда, оно было легче; но при неудачѣ могли выйти послѣдствія очень-непріятныя.

Когда генералъ Маккъ прибылъ на берега Инна, князь Шварценбергъ былъ посланъ въ Мюнхенъ къ курфирсту съ самыми убѣдительными требованіями германскаго императора. Курфирста просили объявить себя за коалицію, соединить свои войска съ австрійскими, позволить размѣстить ихъ въ австрійской арміи, по полку въ дивизію, предоставить въ распоряженіе союзниковъ свои земли и магазны, словомъ, присоединиться къ этому новому, крестовому походу противъ общаго врага Германіи и Европы. Князь Шварценбергъ былъ уполномоченъ предложить, еслибы то понадобилось, Баваріи лучшіе округи въ Зальцбургъ и даже въ Тироля, съ тѣмъ, чтобъ въ Италіи, вновь завоеванной общими оружіемъ, можно было опять водворить боковыя ливіи императорскаго дома, удаленныя отсюда.

Покуда князь Шварценбергъ ѣхалъ въ Мюнхенъ, курфирстъ находился почти въ такомъ же положеніи, какъ прусскій король. Г. Отто, который въ 1801 году велъ такъ искусно переговоры въ Лондонѣ, былъ французскимъ министромъ въ Мюнхенѣ. Показывая видъ, что дворъ тамошній не благоволяетъ къ нему, онъ, однакожь, имѣлъ тайныя свиданія съ курфирстомъ и старался убѣдить его, что Баварія существуетъ только покровительствомъ Наполеона. Достоверно, что въ настоящемъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, она могла спастись отъ Австріи только опираясь на Францію. Даже въ 1803-мъ году, она приобрѣла достаточныя вознагражденія въ Германіи единственно при посредничествѣ Франціи. Указывая на такія соображенія, г. Отто умѣлъ прекратить колебанія курфирста и довести его до того, что 24 августа онъ связалъ себя союзнымъ договоромъ. Глубочайшая тайна была обещана и соблюдена. Черезъ нѣсколько дней потомъ, 7 сентября, явился въ Мюнхенъ князь Шварценбергъ. Курфирстъ, слабый характеромъ, имѣлъ еще особенную причину оказывать слабость: супруга его, урожденная принцесса баденская, отличалась негодованіемъ противъ Франціи. Она тревожилась, плакала и показывала величайшую печаль, вида своего супруга прикованнымъ къ Наполеону, чѣмъ еще болѣе увеличивала его тревожное состояніе духа. Князь Шварценбергъ, за которымъ въ двухъ маршахъ была австрійская армія, успѣлъ при помощи слезъ курфирстины, поколебать курфирста и вырвать у него обещаніе предаться Австріи. Но, уstraшенный послѣдствіями такой внезапной переменны, государь баварскій, боясь Макка, бывшаго близко, боялся и Наполеона, еще отдаленнаго. Онъ, почелъ долгомъ предупредить г. Отто, извинить свой поступокъ несчастнымъ своимъ положеніемъ и просить снисхожденія Франціи. Получивъ извѣщеніе его, г. Отто бросился къ курфирсту, показавъ ему, опасность его отпаденія отъ Франціи и достоверность, что Наполеонъ скоро явится побѣд-

носнымъ въ Мюнхенъ, а для мира съ Австріею пожертвуетъ ей Баваріею. Другія обстоятельства помогли убъжденіямъ г. Отто. Требованіе размѣстить армію въ австрійскія дивизіи привело въ негодованіе баварскихъ генераловъ и офицеровъ. Въ то же время узнали, что Австрійцы, не ожидая согласія, испрашиваемаго въ Мюнхенъ, перешли черезъ Иннъ, и такое нарушеніе неприкосновенности границъ взволновало умы. Стали громко говорить, что Питтъ честолюбивъ не меньше Наполеона, что онъ купилъ вѣнскій кабинетъ, и что, по милости англійскаго золота, Германія опять будетъ потоптана ногами солдатъ цѣлой Европы. Кроме этого, г-ну Отто поблагопріятствовало еще одно обстоятельство: при курфирствѣ былъ искусный министръ, г. Монжела, снѣдемый честолюбивъ за свою страну: онъ мечталъ приобрѣсти для Баваріи въ девятнадцатомъ столѣтіи такія же увеличенія земель, какія въ восемнадцатомъ приобрѣла Пруссія, безпрестанно изыскивалъ, гдѣ, въ Вѣнѣ или Парижѣ, больше надежды на успѣхъ, и наконецъ убѣдился, что это вѣрнѣе съ государствомъ новымъ, т. е. съ Франціею. Потому-то онъ старался поддержать договоръ, подписанный съ г. Отто. На время, его поколебали-было предложенія князя Шварценберга, и честолюбіе готово было овладѣть имъ, какъ слабость его государемъ. Но онъ скоро возвратился къ прежнему, и убъжденія г. Отто, при помощи общественнаго мнѣнія, негодованіи баварской арміи, совѣтовъ г. Монжела, еще разъ одержали побѣду. Курфирствѣ снова предался Франція. Пользуясь тревожнымъ состояніемъ духа его, получали отъ него согласіе на все, чего хотѣли. Предложили удалиться въ Вюрцбургъ, бывшій епископскій городъ, отданный Баваріи въ 1803 году, и велѣть арміи слѣдовать туда же; онъ согласился. Желая выиграть время, онъ извѣстлялъ князя Шварценберга, что отправляетъ въ Вѣну баварскаго генерала г. Ногарола, извѣстнаго приверженца Австріи, уполномоченнаго вести переговоры съ нею. Потомъ курфирствѣ отправился, со всѣмъ дворомъ своимъ, ночью съ 8 на 9 сентября, сначала въ Ратисбоннъ, а изъ Ратисбонна въ Вюрцбургъ, куда и прибылъ 12 сентября. Баварскія войска, собранныя въ Амбергъ и Ульмъ, получили приказаніе сосредоточиться въ Вюрцбургъ. Выѣзжая изъ Мюнхена, курфирствѣ обнародовалъ манифестъ, гдѣ объявлялъ Баваріи и Германіи, что его хотѣли сдѣлать жертвою насилія.

Князь Шварценбергъ и генералъ Маккъ, перешедши черезъ Иннъ, увидѣли, что курфирствѣ, дворъ его и армія ускользнули отъ нихъ, и что на нихъ обрушилось столько же негодованія, сколько смѣшнаго. Австрійцы шли усиленными маршами, но не могли настигнуть Баварцевъ и вездѣ встрѣчали противъ себя общее мнѣніе жителей. Одно обстоятельство еще болѣе раздражило баварскій народъ. У Австрійцевъ было множество бумажныхъ денегъ, обращавшихся въ самой Вѣнѣ съ большими потерями. Они заставляли жителей брать вмѣсто серебра эту упадшую бумагу. Итакъ, значительный денежный убытокъ присоединился къ оскорбленнымъ народнымъ чувствамъ для возмущенія Баварцевъ противъ Австріи.

Послѣ этой печальной экспедиціи, генералъ Маккъ, виновный въ ней

меньше австрийского дипломата, обратился къ Верхнему Дунаю и занялъ давно-назначенную ему позицію, имѣя правый флангъ въ Ульмѣ, левый въ Меммингенѣ, а фронтъ прикрытый Иллеромъ, который проходить черезъ Меммингенъ и въ Ульмѣ впадаетъ въ Дунай. Офицеры австрийского главнаго штаба нѣсколько лѣтъ не переставали восхищаться эту позицію, какъ лучшую для сопротивленія Французамъ, выступающимъ изъ Шварцвальда. Однимъ крыломъ опирались тамъ на Тироль, другимъ на Дунай, и такимъ образомъ почитали себя безопасными съ обѣихъ сторонъ, не думая о тылу и не воображая, чтобъ Французы могли подойти какъ-нибудь иначе, нежели обыкновенною дорогою. Генералъ Маккъ притянулъ къ себѣ Теллахича съ его фюральбергскою дивизіею. Онъ имѣлъ въ ближайшемъ распоряженіи своемъ шестьдесятъ-пять тысячъ человекъ, а въ тылу своемъ, для связи съ Русскими, генерала Кинмайера съ двадцатью тысячами человекъ. Это составило восемьдесятъ-пять тысячъ человекъ подъ ружьемъ.

Итакъ, генералъ Маккъ былъ тамъ, гдѣ Наполеонъ предполагалъ и желалъ его, т. е. на Верхнемъ Дунаѣ, отдаленный отъ Русскихъ разстояніемъ Вены отъ Ульма. Курфирстъ баварскій былъ въ Вюрцбургѣ, съ плачущимъ дворомъ своимъ, съ арміею, негодующею на Австрийцевъ, и въ ожиданіи скораго прибытія Французовъ.

Для полнаго понятія о положеніи Европы во время этого великаго перелома, остается бросить взглядъ на событія въ Южной Италіи. Верховные совѣтники коалиціи не хотѣли, чтобъ неаполитанскій дворъ, наблюдаемый двадцатью тысячами Французовъ генерала Сен-Сира, слишкомъ-рано обнаружилъ себя, и совѣтовали ему чистую измѣну, впрочемъ, не тяжелую для двора ослѣпленнаго и униженнаго ненавистью. Ему внушили, что надобно подписать нейтральный договоръ съ Франціею, и тѣмъ удалить корпусъ, бывшій въ Тарентѣ. Когда этотъ корпусъ удалится, говорили ему, тогда неаполитанскій дворъ, не стѣсняемый наблюденіемъ, будетъ имѣть время объявлять свои намеренія и принять Русскихъ и Англичанъ. Русскій генералъ Ласси, человекъ осторожный и смѣшленный, находился въ Неаполѣ, съ порученіемъ приготовить все въ тайнѣ, и доставить союзныя войска по наступленіи благоприятной минуты. Русскихъ было двѣнадцать тысячъ въ Корфу, кромѣ резерва въ Одессѣ (*); Англичанъ шесть тысячъ въ Мальтѣ (**). Надѣялись еще на тридцать шесть тысячъ Неаполитанцевъ (***), устроенныхъ не такъ худо, какъ обыкновенно, и на общее вооруженіе калабрійскихъ разбойниковъ.

Договоръ съ Неаполемъ, предложенный Наполеону передъ сѣзью отъѣздомъ его изъ Парижа, показался ему удовлетворительнымъ, и онъ не думалъ, чтобъ дворъ столь слабый рѣшился съ нимъ подвергнуться

(*) Въ Одессѣ резервъ корпуса, бывшаго въ Корфу—просто нѣтъ.

Прим. перс.

(**) Англичанъ въ Мальтѣ было 6600 человекъ. Прим. перс.

(***) Неаполитанцевъ было всего 7500 человекъ, но офиціальнымъ доносамъ генерала Ласси. Прим. перс.

себя следствіямъ измѣны. Онъ полагалъ, что ужасный примѣръ, данный имъ въ Венеціи въ 1797 году, излечилъ итальянскія правитель-ства отъ склонности ихъ къ обманамъ. Въ нейтральномъ договорѣ, недопускавшемъ Русскихъ и Англичанъ въ Южную Италію, онъ находилъ ту выгоду, что могъ дать двадцать тысячъ человекъ лишнихъ Массенѣ, еслибъ пятьдесятъ тысячъ оказались недостаточными для защиты Аджы.

Итакъ, онъ принялъ предложеніе, и по договору, подписанному въ Парижѣ 21 сентября, согласился вывести свои войска изъ Тарента, полагаясь на обещаніе неаполитанскаго двора не допускать высадки Русскихъ и Англичанъ. На такомъ условіи, генералъ Сев-Сиръ получилъ приказаніе выступить въ Ломбардію, и королева Каролина, вмѣстѣ съ слабымъ своимъ супругомъ, могла на свобода приготовить внезапное возстаніе въ тылу Французовъ.

Вотъ положеніе союзныхъ державъ съ 20 по 25 сентября. Русскіе и Шведы, приняшіе на себя нападеніе съ сѣвера, собирались въ Стральзундѣ, соглашая свои дѣйствія съ высадкою Англичанъ въ устьяхъ Эльбы (*); русская армія устроивалась въ Вильнѣ подъ начальствомъ генерала Михальсона; Императоръ Александръ, съ корпусомъ своей гвардіи и съ арміею Буксегвена, былъ въ Пулавѣ (**), на Вислѣ, и стараясь о свиданіи съ прусскимъ королемъ; другая русская армія, подъ начальствомъ генерала Кутузова, проникла черезъ Галлицію въ Моравію, на соединеніе съ Австрійцами. Она была на одной высотѣ съ Вьнею и готовилась идти вверхъ по Дунаю. Генералъ Маккъ, впереди на сто льѣ, занялъ позицію въ Ульмѣ, имея у себя 85 тысячъ человекъ и ожидая выхода Французовъ изъ Шварцвальда. Эрцгерцогъ Карлъ былъ со 100 тысячами человекъ на Аджѣ. Неаполитанскій дворъ приготовлялъ внезапное нападеніе, при помощи Русскихъ изъ Корфу и Англичанъ изъ Мальты.

Наполеонъ, какъ мы видели, прибылъ въ Страсбургъ 26 сентября. Колонны его въ точности следовали его приказаніямъ и проходили по начертаннымъ имъ путямъ. Маршалъ Бернадоттъ оставилъ въ крепости Гамельнѣ достаточное количество снарядовъ, съѣстныхъ припасовъ, сильный гарнизонъ, людей, менѣе способныхъ къ походу, и выступилъ изъ Геттингена съ 17,000 солдатъ, приученныхъ къ самымъ тяжелымъ трудамъ. Онъ предуведомилъ курфюрста гессенскаго о своемъ проходе, употребивъ притомъ предписанныя Наполеономъ формы. Сначала ему объявили согласіе, потомъ отказъ, на который не обратилъ онъ вниманія и прошелъ черезъ Гессенъ безъ сопротивленія. Провіантскіе офицеры ѣхали впереди его корпуса, закупали съѣстные припасы на каждомъ растахъ и, платя за все наличными деньгами, всюду находили услужливыхъ спекулянтовъ, доставлявшихъ войскамъ все. Армія, у ко-

(*) Везера, а не Эльбы. *Прим. персе.*

(**) Гвардія вовсе не была въ Пулавѣ: она шла изъ Бреста на Краковъ и Ольконецъ, куда и пришла черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія туда Императора Александра. *Прим. персе.*

торой есть казна, можетъ жить безъ магазиновъ, безъ потери времени и безъ отягощенія страны, проходимою ею, если въ этой странѣ есть какое-нибудь обиліе въ припасахъ. Съ такимъ средствомъ, Бернадоттъ безъ затрудненія прошелъ оба Гессена, княжество Фульдское, владѣнія князя-архиканцлера и Баварію. Онъ шелъ перпендикулярно отъ сѣвера на югъ. 17 сентября былъ онъ у Касселя, 20-го въ Гиссенъ, 27-го въ Вюрцбургъ, къ величайшей радости курфюрста баварскаго, который изнемогалъ отъ страха посреди противорѣчивыхъ извѣстій объ Австрійцахъ и Французахъ. Къ нему прискакалъ министръ германскаго императора съ извиненіями о случившемся и съ намѣреніемъ опять привлечь его къ себѣ. Австрійскій министръ не зналъ о походѣ бернадоттова корпуса, покуда французская кавалерія не появилась на высотахъ Вюрцбурга. Онъ тотчасъ выѣхалъ и оставилъ намъ курфюрста навсегда, то есть, на все время нашего благоденствія.

Г. Монжела, желая прикрасить поступки своего повелителя, просилъ у насъ одной предосторожности, не слишкомъ-почетной для Баваріи, а именно перемѣнить число союзнаго договора, заключеннаго съ Франціею. Этотъ договоръ былъ подписанъ 24 августа, а г. Монжела хотѣлось, чтобъ на немъ было выставлено 23-е сентября. Желаніе его исполнили, и онъ могъ утверждать передъ своими ратисбонскими уполномоченными, что предался Франціи не прежде, какъ на другой день послѣ насилій Австрій.

Генералъ Мармонъ шелъ вверхъ по Рейну и, пользуясь имъ для перевозки своихъ тяжестей, слѣдовалъ по лѣвому берегу рѣки тою превосходною дорогою, которая остается однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ наполеонова царствованія. Онъ былъ 12 сентября въ Нимвегенъ, 18-го въ Кельнъ, 25-го въ Майнцъ, 26-го во Франкфуртъ, 29-го въ окрестностяхъ Вюрцбурга. Съ нимъ былъ корпусъ изъ 20-ти тысячъ человекъ и паркъ изъ 40 орудій, въ совершенной исправности и съ большимъ количествомъ снарядовъ. Въ числѣ 20 тысячъ находилась голландская дивизія, подъ начальствомъ генерала Дюмонсо. Кавалеры были 15 тысячъ Французовъ, составлявшихъ корпусъ Мармона, это показываетъ безпримѣрное въ военной исторіи событіе. Они прошли часть Франціи и Германіи, были двадцать дней въ походѣ безъ остановки, и по прибытіи въ Вюрцбургъ не доставало изъ нихъ только 9 человекъ. Каждый генералъ почелъ бы себя счастливымъ, если въ такомъ случаѣ не доставало у него двухъ-сотъ или трехъ-сотъ человекъ, потому-что при началѣ похода и отъ обыкновеннаго дѣйствія первыхъ переходовъ всегда оказываются и остаются назади люди всякаго сложенія (*).

Такимъ-образомъ, въ концѣ сентября, Наполеонъ, съ 17-ю тысячами

(*) 9 человекъ отсталыхъ и больныхъ изъ 20 тысячъ! Это лано баснословнѣе! Г. Тьеръ не знаетъ, что когда 20-ти-тысячный корпусъ идетъ безостановочно 20 дней, то начальникъ его почитаетъ себя счастливымъ, если у него останется 9 тысячъ человекъ, а остальные постепенно будутъ подходить въ продолженіи слѣдующихъ дней. Прим. перев.

Бернадотта и 20-ю тысячами Мармона, былъ посреди Франковин, въ шести дняхъ отъ Дуная и угрожалъ флангу Австрійцевъ. Кроме того, въ Вюрцбургъ было 25 тысячъ баварскихъ войскъ, одушевленныхъ истиннымъ энтузіазмомъ за Французовъ. Они рукоплескали при видѣ нашихъ полковъ.

Маршалъ Даву, съ корпусомъ, шедшимъ изъ Амблѣза, маршалъ Сультъ, съ корпусомъ изъ Булони, маршалъ Ней, съ корпусомъ изъ Монстрѣля, проходили черезъ Фландрію, Пикардію, Шампанію, Лотарингію, и съ 23 на 24 сентября были на Рейнѣ. Имъ предшествовала кавалерія, которую Наполеонъ привелъ въ движеніе за четыре дня прежде пѣхоты. Вся была одушевлена ревностью безпримѣрною. Дивизія Дюпона, проходя черезъ Энскій-Департаментъ, оставила позади себя человекъ пятьдесятъ, принадлежавшихъ къ тамошнимъ жителямъ. Они повидались съ своими семействами, и черезъ день вся присоединилась къ своимъ командамъ. Армія прошла 150 льѣ осенью, безъ отдыха даже на одинъ день, и въ ней не было ни отсталыхъ, ни больныхъ: примѣръ единственный, слѣдствіе духа войскъ и долгой лагерной жизни.

Маршалъ Ожеро формировалъ свои дивизіи въ Бретани. Отъ Бреста, черезъ Алансонъ, Санъ, Лагрь, Бефоръ, ему надобно было проходить Францію на величайшемъ ея протяженіи, и онъ могъ быть на Рейнѣ черезъ два недѣли послѣ другихъ корпусовъ, почему и долженъ былъ составить резервъ арміи.

Никогда не испытывали удивленія, равнаго тому, какое распространило въ Европѣ непредвиданное прибытіе этой арміи. Ее полагали на берегахъ Океана, и черезъ двадцать дней, — время, едва достаточное, чтобъ распространился слухъ о ея движеніи, — она явилась на Рейнѣ и разливалась по Германіи. Таково было дѣйствіе чрезвычайной быстроты въ рѣшимости и глубокаго искусства скрыть принятое рѣшеніе.

Извѣстіе о появленіи Французовъ распространилось мгновенно и породило въ немецкихъ генералахъ только ту мысль, что главнымъ театромъ войны будетъ не Италія, а Баварія, куда шель Наполеонъ съ океанійскою арміею. Слѣдствіемъ было только требованіе усилить австрійскія войска въ Швабин, и неприятное для эрцгерцога Карла приказаніе послать изъ Италіи отрядъ въ Тироль, на помощь къ генералу Макку, черезъ Форальбергъ. Но истинное намѣреніе Наполеона осталось глубоко скрытымъ. Полагали, что собранныя въ Вюрцбургъ войска назначаются единственно для соединенія Баварцевъ и для защиты курюрста. Главное сближеніе войскъ на Верхнемъ-Рейнѣ, при входѣ въ дефиле Шварцвальда, казалось назначеннымъ для открытія тамъ дѣйствій. Такъ генералъ Маккъ съ каждымъ днемъ утверждался въ своей идее — оставаться въ ульмской позиціи, назначенной ему.

Когда Наполеонъ соединилъ всю свою армію, онъ далъ ей устройство, оставшееся въ ней съ-тѣхъ-поръ, и названіе, которое навсегда сохранится въ исторіи — названіе великой-арміи.

Онъ раздѣлялъ ее на семь корпусовъ. Войска маршала Бернадотта, приведенныя изъ Ганновера, составили первый корпусъ, въ 17 тысячъ

человѣкъ. Маршалъ Мармонтъ, съ войсками, пришедшими изъ Голландіи, составлялъ второй корпусъ, гдѣ было 20 тысячъ солдатъ цѣль ружьемъ. Войска маршала Даву, занимавшія въ Амблѣтѣзѣ третью крепость вдоль береговъ Океана, получили названіе третьяго корпуса: въ было 26 тысячъ человѣкъ. Маршалъ Сультъ, начальникъ центра большой океанской арміи, бывшаго въ Булоннѣ, составлялъ, со своими 40 тысячами пѣхоты и артиллеріи, четвертый корпусъ. Отъ него вскоре должна была отдѣлаться дивизія Сюшэ къ пятому корпусу, куда принадлежали дивизія Газана и аррасскіе гренадеры, извѣстные въ послѣдствіи подъ названіемъ гренадеровъ Удино, по имени храбраго ихъ начальника. Кромѣ дивизіи Сюшэ, въ составъ пятаго корпуса входило 18 тысячъ человѣкъ. Онъ назначался герою и вѣрному другу Наполеона, маршалу Ланну, вызванному изъ Португаліи принять участіе въ опасной булонской экспедиціи, а теперь слѣдовавшему за императоромъ на берега Моравы, Вислы и Нѣмана. Неустрашимый Ней, начальникъ мотрѣльскаго лагеря, составилъ шестой корпусъ, гдѣ было 24 тысячи солдатъ. Ожеро, съ двумя дивизіями, гдѣ считалось не болѣе 14 тысячъ человѣкъ, бывшій послѣднимъ на береговой линіи (въ Брѣстѣ), составилъ седьмой корпусъ. Восьмымъ корпусомъ назвала въ послѣдствіи войска, которая пришла изъ Италіи и дѣйствовала въ Германіи. Это устройство было таково же, какъ въ рейнской арміи, но съ важными измѣненіями, пріемъ непными къ генію Наполеона и необходимымъ для исполненія великихъ дѣлъ, имъ преднамаренныхъ.

Въ рейнской арміи, каждый корпусъ, укомплектованный всаками войсками, составлялъ самъ-собою маленькую армію, снабженную всамъ а способную дать сраженіе. Отъ-того эти корпуса стремились къ обдѣльности, особливо подъ начальствомъ такого генерала, какъ Морѳ, который начальствовалъ сообразно своему уму и характеру. Наполеонъ устроилъ свою армію такъ, чтобъ она вся была въ рукѣ его. Каждый корпусъ былъ укомплектованъ только пѣхотою, имѣлъ артиллерію только необходимую, а кавалеріи именно столько, сколько нужно для оберегательства, то-есть, нѣсколько эскадроновъ гусаровъ или егерей. Наполеонъ предоставлялъ себѣ послѣ комплектовать корпуса артиллеріею и кавалеріею, при помощи резерва изъ этихъ войскъ, которымъ резервжалъ онъ одинъ. Сообразно мѣстности и требованію, онъ бралъ у одного и отдавалъ другому подкрѣпленіе орудіями для массы кирасировъ.

Особенно заботился онъ имѣть подъ командою одного начальника, и подъ непосредственною зависимостью своей воли, главную массу кавалеріи. Кавалерія служитъ для наблюденій за непріателемъ, безпрерывно рыская вокругъ него; она довершаетъ пораженіе, когда онъ поколебался, она преслѣдуетъ и окружаетъ его, когда онъ бѣжитъ, и потому Наполеонъ хотѣлъ исключительно себѣ предоставлять это средство пріготовлять, рѣшать побѣду и собирать ея плоды. Онъ составилъ одинъ корпусъ тяжелой кавалеріи изъ кирасировъ и карабинеровъ, подъ командою генераловъ Нансуты и Голу, и прибавилъ къ нимъ драгунскіе цѣпихъ и конныхъ, подъ начальствомъ генераловъ Клоппа, Вальтера,

Бомона, Бурсьё и Барак-д'Ильё, а все это поручил зятю своему Мюрату, самому пламенному кавалеристу того времени, который и был подъ его начальствомъ истиннымъ *magistro equitum* римскихъ армій. При кавалеріи были баттаренъ конной артиллеріи, такъ-что она обладала не однимъ могуществомъ сабли, но и силою огня. Въ этомъ резервѣ считалось 22 тысячи кавалеристовъ, изъ которыхъ было 6 тысячъ кирасировъ, 9 или 10 тысячъ конныхъ драгуновъ, 6 тысячъ пѣшихъ драгуновъ и тысяча конныхъ артиллеристовъ.

Наконцѣ, общимъ резервомъ великой-арміи была императорская гвардія, отборный корпусъ, превосходнѣйшій въ цѣломъ мірѣ, средство сурениванія и въмѣсть награды для отличившихся солдатъ, потому-что въ ряды гвардіи принимали не иначе, какъ по заслугамъ. Императорская гвардія состояла, такъ же, какъ и консульская гвардія, изъ гренадеровъ и егерей пѣшихъ и изъ гренадеровъ и егерей конныхъ, почти какъ полкъ, гдѣ оставили бы только одна отборныя роты. Къ ней причислялись превосходнѣйшій батальонъ итальянскій, представлявшій гвардію короля Италіи, великолѣпный эскадронъ мамелюковъ, послѣднее воспитаніе о Египтѣ, и два эскадрона отборныхъ жандармовъ, охранявшихъ благоустройство главной квартиры; всего было 7 тысячъ человекъ. Къ нимъ присоединилъ Наполеонъ въ большомъ размѣрѣ любимое свое оружіе, которое иногда замѣняло всю другія—артиллерію. Онъ составилъ паркъ, отлично и тщательно устроенный, изъ 24-хъ орудій, такъ-что на тысячу человекъ приходилось почти по четыре орудія.

Гвардія никогда не отлучалась отъ главной квартиры; она всегда шла помѣ императора, съ Лапномъ и гренадерами Удано.

Такова была великая-армія. Она представляла громаду во 186 тысячъ воиновъ, дѣйствительно бывшихъ налицо. Въ ней считалось 38 тысячъ кавалеристовъ и 340 орудій. Если прибавимъ къ тому 50 тысячъ человекъ Массены, 20 тысячъ генерала Сен-Сира, то найдемъ всего 256 тысячъ Французовъ, разсыянныхъ отъ Тарентскаго-Залива до устья Эльбы, съ резервомъ внутри государства почти изъ 150 тысячъ войсковыхъ солдатъ. Прибавляя къ тому еще 25 тысячъ Баварцевъ и 7 или 8 тысячъ солдатъ баденскихъ и виртембергскихъ, готовыхъ вступитъ въ ряды Наполеона, можно сказать, что онъ шелъ съ 250-ю тысячами Французовъ и съ 30-ю тысячами Нѣмцевъ сражаться противъ 500 тысячъ союзныхъ войскъ, въ томъ числѣ 250 тысячъ Австрійцевъ, 200 тысячъ Русскихъ, 50 тысячъ Англичанъ, Шведовъ, Неаполитанцевъ, также имѣвшихъ резервы внутри Австріи, Россіи и на английскихъ флотахъ. Коалиція надѣялась присоединитъ къ себѣ 200 тысячъ Пруссаковъ, что не было невозможно, если Наполеонъ не успѣшилъ бы побѣдить.

Онъ въ-самомъ-дѣлѣ спѣшилъ начать дѣйствія и назначилъ переходить черезъ Рейнъ 25 и 26 сентября, пожертвовавъ два или три дня для отдыха солдатъ, для исправленія разныхъ принадлежностей кавалеріи и артиллеріи, для перемены ушибенныхъ или изнуренныхъ лошадей сѣннами, во множествѣ собранными въ Эльзасъ; наконецъ, онъ работался приготовить большой артиллерійскій паркъ и значительное

количество сухарей. Вотъ какъ распорядился онъ обойти Шварцвальдъ, позади котораго ожидалъ Французовъ генералъ Мантъ, занимавшій Ульмъ.

Разсматривая карту театра войны, видимъ, что Рейнъ, выходя изъ Констанцкаго-Озера, течетъ до Базеля на западъ, и потомъ вдругъ неворачиваетъ почти прямо на сѣверъ. Дунай, напротивъ, выходя изъ слабыхъ истоковъ, вблизи той точки, гдѣ Рейнъ вытекаетъ изъ Констанцкаго-Озера, льется на востокъ, и такъ, съ небольшими уклонами, идетъ до Чернаго-Моря. Цѣпь небольшихъ горъ, не считая называемыхъ Швабскими-Альпами, разделяетъ оба эти рѣки, направляя Рейнъ къ морямъ сѣвера, а Дунай къ морямъ востока. Изъ Франціи видны вершины самыхъ крутыхъ изъ этихъ горъ, которыя, нечувствительно понижаясь, оканчиваются въ долинахъ Франконіи, между Нордлингеномъ и Донаувертомъ. Изъ полуоткрытыхъ ребръ ихъ, поросшихъ лѣсами, известныя подъ общимъ именемъ Шварцвальда (Чернаго Леса), вытекаютъ влѣво, то-есть, къ Рейну, Неккаръ и Майнъ, а вправо Дунай, который идетъ вдоль отлогостей ихъ, почти безъслѣдныхъ и образующихъ террасы. Въ горахъ есть тѣсныя дефилеа, которыя необходимо проходить идя отъ Рейна къ Дунаю, если только не ищутъ этихъ горъ, подымаясь по Рейну за Шафгаузенъ, или идя у подножій ихъ отъ Страсбурга до Нордлингена и равнинъ Франконіи, гдѣ онѣ исчезаютъ. Въ прежнія войны, Французы избирали обертывающую одну, то другую дорогу. Иногда, идя отъ Рейна между Страсбургомъ и Гювлингеномъ, они проходили дефилеа Шварцвальда; иногда, подымаясь вверхъ по Рейну до Шафгаузена, они переправлялись черезъ рѣку близъ Констанцкаго-Озера, и такимъ образомъ были у истока Дуная не проходя сквозь дефилеа.

Желая стать между Австрійцами, занимавшими Ульмъ, и Русскими, подходившими на помощь къ нимъ, Наполеонъ долженъ былъ избѣгать совсѣмъ другимъ путемъ. Сначала постаравшись обратитъ вниманіе Австрійцевъ на дефилеа Шварцвальда, куда, по-видимому, стравнились его колонны, онъ долженъ былъ потомъ не переходить, а обогнуть Швабскіе Альпы, и достигнувъ Нордлингена, обогнуть крайнюю низменность ихъ, а потомъ со всеми корпусами своими переправиться черезъ Дунай въ Донаувертъ. Такимъ движеніемъ онъ, иммохорошо присоединялъ къ себѣ корпуса Мармона и Бернадотта, уже присутствовавшіе въ Вюрцбургѣ, обходилъ ульмскую позицію, выступалъ въ тылъ лагеря Макка, и приводилъ въ исполненіе предначертанный имъ планъ отъ котораго ожидалъ онъ великихъ послѣдствій.

25 сентября, онъ предписалъ Мюрату и Ланну съ кавалерійскимъ резервомъ, гренадерами Удино и дивизією Газана переправиться черезъ Рейнъ въ Страсбургъ. Мюратъ долженъ былъ идти съ своими дивизіями изъ Оберкирха въ Фрейденштадтъ, изъ Оффенбурга въ Рейнхартсгаузенъ, изъ Фрейбурга въ Нейштадтъ, и явиться такимъ-образомъ передъ самыми дефилеами, дѣлая видъ, что вся армія слѣдуетъ на востокъ. Чтобъ довершить заблужденіе непріятеля, приказано было приготовить съставные припасы по всему этому направленію. Ланнъ доложилъ

дкрѣплять обозрѣнія Мюрата нѣсколькими батальйонами гренадеровъ, въ дѣйствительности ему приказано было, находясь съ главными силами своего корпуса передъ Страсбургомъ, по дорогѣ въ Штутгардъ, покрывать движеніе маршаловъ Нея, Сульта и Даву, назначенныхъ репрравиться черезъ Рейнъ гораздо-ниже. Начальникъ артиллеріи, генералъ Сонжи, навелъ два моста: первый между Лаутербургомъ и прсруэ, для корпуса маршала Нея, другой въ окрестностяхъ Шпейера, для корпуса маршала Сульта. Въ распоряженіи маршала Даву была крѣпость въ Мангеймѣ. Вся она должны были проходить поперегъ долинъ, вадущихъ отъ Швабскихъ-Альповъ, съ боку цѣпи горъ, и въ долины одинъ съ другимъ, чтобъ при внезапномъ появленіи непріятеля могли другъ другу. Имъ приказано было имѣть на четыре дни хлѣба въ рюкзакѣ солдатъ, и на четыре дни сухарей въ фуражѣхъ, что было необходимо на случай усиленныхъ маршей. Наполеонъ выѣхалъ изъ Страсбурга не прежде, какъ увидѣвъ отправление своихъ полковъ резервовъ къ арміи, подъ прикрытіемъ одной дивизіи пѣхоты. Онъ перешелъ черезъ Рейнъ 1-го октября, въ сопровожденіи своей гвардіи, и простился съ императрицею, которая осталась въ Страсбургѣ, въ императорскомъ дворѣ и канцелярію г. Талейрана.

На земляхъ Бадена встрѣтила Наполеона фамилія царствовавшего тамъ курфюрста, неспышавшая изъявить ему чувства свои. Старый курфюрстъ представлялся окруженный тремя поколѣніями принцевъ. Какъ вся германскіе государи втораго и третьаго разряда, онъ хотѣлъ воспользоваться благодѣяніями нейтралитета, истинной мечты въ подобныхъ обстоятельствахъ, потому-что если небольшія нѣмецкія государства не могли предупредить войны сопротивленіемъ большимъ державамъ, желавшимъ ея, они не могли надѣяться отклонить бѣдствія ея нейтралитетомъ, невозможнымъ для нихъ, когда они почти все находились на границѣ воевавшихъ арміи. Въмсто нейтралитета, Наполеонъ предлагалъ имъ свой союзъ, обещалъ окончить въ пользу ихъ вопросы о земляхъ владѣніи, раздѣлявшіе ихъ отъ Австріи со времени неоконченнаго въ 1803 году соглашенія. Великій герцогъ баденскій принялъ наконецъ союзъ его, и обещалъ 3,000 человекъ своихъ войскъ, кромѣ съѣстныхъ запасовъ и средствъ для перевозки, за которые надобно было платить имъ. Наполеонъ ночевалъ въ Этлингенѣ, и 2-го октября отправился въ Штутгардъ. Передъ пріездомъ его, едва не дошло до непріятельныхъ дѣйствій между курфюрстомъ вюртембергскимъ и маршаломъ Нея. Курфюрстъ, известный въ Европѣ необычайною своею жестокостью, спорилъ въ это время съ французскимъ министромъ объ условіяхъ союза, который не нравился ему. Но, до заключенія его, онъ не хотѣлъ допускать войскъ на въ Лудвигсбургъ, свой загородный дворецъ, ни въ Штутгардъ, свою столицу. Маршалъ Нея согласился не входить въ Лудвигсбургъ, но направилъ свою артиллерію на штутгардскія ворота и тамъ заставлялъ отнереть ихъ себя. Наполеонъ прибылъ въ Лудвигсбургъ, хотѣлъ утишить гнѣвъ курфюрста. Онъ былъ встрѣченъ имъ не только лично и условился съ нимъ въ союзъ, который возвелъ вюртембергскій домъ, какъ возвелъ онъ всѣхъ государей Южной-Гер-

манія. Договоръ былъ подписанъ 5 октября, и заключалъ къ себя съ стороны Франціи обязанность возвысить вюртембергскій домъ, а со стороны Вюртемберга выставить 10 тысячъ человекъ, кромѣ стѣстныхъ припасовъ, лошадей, подводъ, за что надлежало платить деньгами.

Наполеонъ пробылъ въ Лудвигсбургѣ три или четыре дня, давая время своимъ корпусамъ двѣяго фланга войти въ линію. Съ чрезвычайною осторожностью надобно было проходить, на протяженіи сорока миль, подлѣ 80 или 90 тысячъ непріятелей, не встревоживъ ихъ и не подвергшись нечаянному ихъ нападенію на одну изъ фланговъ. Наполеонъ исполнилъ это съ изумительнымъ искусствомъ и предусмотрительностью. Три дороги пересѣкали Вюртембергъ и оканчивались у низменныхъ окопечностей Швабскихъ-Альповъ, куда надобно было достигнуть для прибытія къ Дунаю, между Донаувертомъ и Ингольштадтомъ. Главная, черезъ Форцгеймъ, Штутгарть и Гейдсгеймъ, шла подлѣ самыхъ горъ и была въ сообщеніи съ австрійскою позиціею у Ульма посредствомъ множества дефилей. Ее-то надобно было проходить съ особенною осторожностью, по причинѣ близости непріятеля. Наполеонъ занималъ ее кавалеріею Мюрата, корпусомъ маршала Ланна, корпусомъ Нея и гвардіею. Вторая дорога, идущая отъ Шпейера, черезъ Гейльбруннъ, Галль, Эльвангенъ, и оканчивающаяся на равнинѣ Нордлингенской, была занята корпусомъ маршала Сульта. Третья, идущая отъ Мангейма черезъ Гейдельбергъ, Неккаръ-Эльцъ, Ингельнгенъ, оканчивается у Эттвигена. По ней проходилъ маршалъ Даву. Она сближалась съ направленіемъ пути корпусовъ Бернадотта и Мармона, шедшихъ отъ Вюрцбурга къ Дунаю. Наполеонъ расположилъ маршъ различныхъ колоннъ такъ, что онъ всѣ пришли 6-го и 7-го октября на равнину дунайскаго берега, между Нордлингеномъ, Донаувертомъ и Ингольштадтомъ. При такомъ движеніи, лѣвое крыло опиралось на сравненно-большую дугу, нежели правое, служившее ему опорною точкою. Потому Наполеонъ велѣлъ своему правому флангу замедлять маршъ, чтобы корпусамъ Мармона и Бернадотта, составившимъ крайній лѣвый флангъ, маршалу Даву, и маршалу Сульту, соединившему всѣхъ другихъ съ главною квартирою, дать время окончить сходящееся ихъ движеніе.

Наполеонъ выждалъ это, и 4-го октября двинулся со всѣмъ правымъ крыломъ. Мюратъ безпрерывно гадопировалъ впереди своей кавалеріи, выдвигая попеременно при входѣ во всѣ дефилеи, пересѣкающія горы, до показывался только и уводилъ назадъ свои эскадроны, какъ скорый паркъ и обозы проходили и были безопасны. Наполеонъ, съ корпусами Ланна, Нея и гвардіею, шелъ по штутгардской дорогѣ и былъ готовъ съ пятьюдесятью тысячами человекъ, ринуться на помощь Мюрату, еслибъ непріятель показался съ большими силами въ одной изъ дефилей. Корпуса Сульта, Даву, Мармона и Бернадотта составляли центръ и лѣвое крыло арміи, и опасность начиналась для нихъ только по окончаніи движенія, производимаго подлѣ Швабскихъ-Альповъ, то-есть, по выступленіи на равнину Нордлингена. Въ-самомъ-дѣлѣ, могло быть, что генералъ Маккъ, еще во-время извѣщеній, потянулся бы отъ

ыма къ Донауверту, переправился черезъ Дунай, и на равнинѣ Нордлингена далъ сраженіе, желая остановить Французовъ. Наполеонъ распорядился все такъ, чтобъ Мюратъ, Ней, Ланнъ, и съ ними по-крайней-мѣрѣ корпуса маршаловъ Сульта и Даву сошлись вмѣстѣ 6 октября между Гейденгеймомъ, Эттингеномъ и Нордлингеномъ, и могли бы грабить непріятеля большими силами. Но до-тѣхъ-поръ, онъ заботился обманывать генерала Макка какъ-можно-дальше и не давалъ ему возможности выйти изъ своей позиціи, пока французскія войска не достигли вѣны въ Донаувертъ. 4-го и 6-го октября все продолжалось какъ-не-завлаучше. Погода была прелестная; солдаты, въ исправной обуви и въ шинеляхъ, шли весело. Сто-восемьдесятъ тысячъ Французовъ двинулись впередъ на протяженіи двадцати-шести миль, правымъ крыломъ саясь горъ, лѣвымъ простираясь до Палатината, могли въ нѣсколько часовъ соединиться въ числѣ 90 или 100 тысячъ человекъ на одномъ или другомъ изъ своихъ фланговъ, и—что гораздо-удивительнѣе— Австрійцы даже не имѣли подозрѣнія о такомъ обширномъ дѣйствіи.

«Австрійцы стоятъ у выходовъ изъ Шварцвальда», писалъ Наполеонъ къ Талейрану и Ожеро. «Дай Богъ, чтобъ и оставались тамъ! Я только тогда и боюсь, что мы слишкомъ испугаемъ ихъ... Если дадутъ они мнѣ выиграть нѣсколько переходовъ, я надѣюсь обойти ихъ и стану со всею моею арміею между Лехомъ и Изаромъ.» Къ министру вѣдѣній онъ писалъ: «Запретите рейнскимъ газетамъ говорить объ арміи: она какъ-бы не существуетъ для нихъ.»

Корпуса Бернадотта и Мармона, на пути къ назначенному имъ пункту, должны были проходить черезъ одну изъ прусскихъ областей во Франконіи, черезъ Аншпахъ. Посдвинувъ ихъ къ корпусу маршала Даву, Наполеонъ могъ бы притянуть ихъ къ себѣ не коснувшись прусскихъ владѣній. Но дороги уже были загромождены, и столиценіе тамъ новыхъ войскъ помѣшало бы правильности движеній и продовольствію. Сверхъ того, суживая кругъ, описываемый арміею, уменьшали возможность окружить непріятеля. Наполеонъ хотѣлъ своимъ движеніемъ обхватить вѣны Дуная до Ингольштадта, чтобъ выйти какъ-можно-дальше въ тылъ Австрійцевъ, и имѣть возможность остановить ихъ, еслибъ они отступили отъ Иллера до Леха. Онъ былъ въ такихъ отношеніяхъ къ Пруссіи, что не могъ предполагать излишнихъ затрудненій съ ея стороны, рассчитывалъ на обычай прежнихъ войнъ, когда проходили черезъ прусскія области Франконія, бывшія вне черты нейтралитета, и не получалъ никакого извѣщенія, что надобно иначе поступить въ настоящемъ случаѣ; потому, ни мало не раздумывая, онъ велѣлъ корпусамъ Мармона и Бернадотта идти черезъ земли Аншпахъ. Прускія владѣнія явились на границѣ, и отъ имени своего государя протестовали противъ дѣлаемаго имъ насилія. Имъ отвѣчали, указывая на приказанія Наполеона, и шли далѣе, платя за все деньги и соблюдая строжайшую дисциплину. Прускіе подданные, получая платежъ за хлѣбъ и овцаду, доставленные нашимъ солдатамъ, не казались оскорбленными за мнимое насиліе ихъ земель.

6 октября, шесть корпусовъ французской арміи благополучно прибы-

ли за Швабскіе Альпы: маршалъ Ней въ Гейденгеймъ, маршалъ Ланъ въ Нересгеймъ, маршалъ Сультъ въ Нордлингенъ, маршалъ Даву Эттингенъ, генералъ Мармонъ и маршалъ Бернадоттъ на зѣхштетскій дорогу, и всѣ были въ виду Дуная, гораздо-далеке ульмской звѣи.

Что дѣлали между-тѣмъ генералъ Маккъ, эрцгерцога Фердинанда всѣ офицеры австрійскаго главнаго штаба? По особенному счастью, мѣрение Наполеона не раскрылось передъ ними. Сорокъ тысячъ чеховъ, переправившихся черезъ Рейнъ въ Страсбургъ и тотчасъ бѣснующихся къ дефилеямъ Шварцвальда, утвердили ихъ въ той мысли, что Французы идутъ обыкновенною дорогою. Еще больше убѣдили ихъ въ такомъ мнѣніи ложныя донесенія лазутчиковъ, искусно переданные имъ Наполеономъ. Правда, они слышали, что въ Виртембергѣ появились французскія войска, но полагали, что они идутъ занять небольшія германскія государства, или, можетъ-быть, помочь Баварцамъ. Сверхъ того, нѣтъ ничего безтолковѣе, разнорачивѣе безчисленныхъ донесеній лазутчиковъ и офицеровъ, посылаемыхъ для развѣдываній. Одни призываютъ корпуса тамъ, гдѣ встрѣтили они только отряды; другіе призываютъ отряды тамъ, гдѣ находятся цѣлые корпуса. Часто они и не знали даже своими глазами того, о чемъ доносятъ, а только собрали розсказы другихъ, испуганныхъ, уstraшенныхъ, или изумленныхъ. Въ такихъ донесеніяхъ, умъ высокій открываетъ истину, умъ мелкій терпитъ. Особливо, если существуетъ предварительное убѣжденіе, если гдѣ вы вѣрите, что непріятель прійдетъ черезъ такой-то пунктъ, а не черезъ другой, тогда всѣ собранныя свѣдѣнія изъясняются въ одномъ смыслѣ, какъ ни худо примѣнялись бы они къ нему. Но такъ-то ставляются великія ошибки, иногда гибельныя для арій и государствъ.

Въ такомъ состояніи былъ умъ генерала Макка. Австрійскіе офицеры издавна превозносили позицію, которая, опираясь вправо на Ульмъ и влево на Меммингенъ, была фронтомъ къ Французамъ, выходящая изъ Шварцвальда. Вѣря мнѣнію, тогда общему, и сверхъ того получивъ положительныя инструкціи, генералъ Маккъ утвердился въ этой позиціи. У него были тамъ припасы, сварады, и онъ не могъ представить себѣ, что положеніе его нехорошо. Единственная предосторожность, какую принялъ онъ касательно своего тыла, состояла въ томъ, что онъ послалъ генерала Кинмайера, съ нѣсколькими тысячами чеховъ, въ Ингольштадтъ, наблюдать Баварцевъ, удалившихся въ Вѣрний Палатинатъ, и войти въ связь съ Русскими, которыхъ онъ ожидалъ по большой дорогѣ изъ Мюнхена.

Между-тѣмъ, какъ генералъ Маккъ оставался неподвижно въ Ульмѣ, шесть корпусовъ французской арміи выходили на долину Нордлингена. 6 октября, вечеромъ, дивизія Вандама, отъ корпуса Сульта, опередивъ всѣ другія, подошла къ Дунаю и захватила мостъ въ Мюнстерѣ, да и Донауверта въ одномъ мѣстѣ. На другой день, корпусъ Сульта овладѣлъ самимъ Донаувертскимъ мостомъ, котораго не могъ защитить одинъ батальонъ Австрійцевъ Коллоредо, и тщетно пытался вступить въ

Войска Сульта тотчасъ исправили мостъ и поспѣшно перешли черезъ него. Мюрать, съ своими драгунскими дивизіями, опережая правое крыло, понесся къ мюнстерскому мосту, уже захваченному Вандамомъ, перескакалъ черезъ него съ одною дивизіею драгуновъ и бросился овладѣть важнымъ равнинскимъ мостомъ на Лехъ. Лехъ течетъ позади Иллера, почти параллельно съ нимъ, и соединяется съ Дунаемъ близъ Донауверта, образуя позицію за Ульмомъ, такъ-что, занявъ равнинскій мостъ, обходили въ одно время Иллеръ и Лехъ и не оставляли генералу Макку возможности отступить удобно. Мюрату стоило только подскочить для овладѣнія Ринномъ и мостомъ на Лехъ. Двѣсти всадниковъ его опрокинули всѣ патрули Кинмайера, между-тѣмъ, какъ Сультъ утверждался въ Донаувертѣ, а Даву подходилъ на видъ къ нейбургскому мосту.

Наполеонъ въ тотъ же день прибылъ въ Донаувертъ. Надежда его осуществилась; но онъ не почиталъ успѣха обеспеченнымъ, покуда не достигъ всѣхъ послѣдствій своего превосходнаго маневра. Уже нѣсколько сотъ человекъ было взято въ плѣнъ, и показанія ихъ были единогласны. Генералъ Маккъ остается въ Ульмѣ, на Иллерѣ; только аррьергардъ его, командуемый Кинмайеромъ, и назначенный для соединенія Макка съ Русскими, встрѣченъ и отброшенъ Французами за Дунай. Наполеонъ тотчасъ рѣшился занять позицію между Австрійцами и Русскими, чтобъ помѣшать ихъ соединенію. Еслибъ Маккъ умѣлъ принять намѣреніе во время, то первымъ движеніемъ его было бы оставить берега Иллера, отойти къ Леху, и черезъ Аугсбургъ присоединиться къ Кинмайеру на мюнхенской дорогѣ. Наполеонъ, не теряя ни минуты, предписалъ новыя передвиженія. Маршалъ Ней, съ 20 тысячами человекъ, остался на лѣвомъ берегу Дуная, для охраненія его; Мюрать и Ланнъ, съ 40 тысячами, помѣстившись на правомъ берегу Дуная, между Ульмомъ и Аугсбургомъ, для воспрятствованія Макку уйти по большой дорогѣ въ Мюнхенъ; Сультъ, съ 30 тысячами, былъ на Лехѣ и распространялся къ Аугсбургу. Такъ всѣ пути для Макка были заслонены громадами войскъ.

Отъ однихъ заботъ переходя къ другимъ, Наполеонъ немедленно приказалъ маршалу Даву поспѣшить черезъ Дунай къ Нейбургу, и очистить пунктъ ингольштадтскій, гдѣ должны были выйти Мармонъ и Бернадоттъ. Дорога ихъ была длиннѣе, и они отстали на два перехода. Затѣмъ Даву долженъ былъ двинуться на мюнхенскую дорогу, противъ Кинмайера, и составить аррьергардъ громадъ, скоплавшихся вокругъ Ульма. Корпуса Мармона и Бернадотта имѣли повелѣніе поспѣшить перейти Дунай въ Ингольштадтъ и двинуться къ Мюнхену, для возстановленія курфюрста въ его столицѣ, только за мѣсяць оставленной имъ. Сопутнику Баварцевъ въ это время, Бернадотту, предоставлялъ Наполеонъ честь снова утвердить ихъ въ отечествѣ. Такимъ распоряженіемъ онъ ставилъ противъ Русскихъ, шедшихъ отъ Мюнхена, Бернадотта и Баварцевъ, а въ случаѣ нужды Мармона и Даву, назначенныхъ, смотря по обстоятельствамъ, идти къ Мюнхену или къ Ульму.

8 октября, маршалъ Сультъ шелъ вверхъ по Леху, къ Аугсбургу, и не встречалъ непріятелей. Мюрать и Ланнъ должны были занять про-

странство между Лехомъ и Иллеромъ, и шла отъ Донаудорфа къ Бургау, по странѣ холмистой, кой-гдѣ покрытой рощами, или пересѣкаемой рѣчками, впадающими въ Дунай. Драгуны были впередъ, когда встрѣтили они непріятельскій корпусъ, стоявшій передъ мѣстечкомъ Вертингенемъ и вокругъ него. Непріятельскій корпусъ былъ многочисленнѣе всѣхъ, вѣстреченныхъ до-сихъ-порѣ, и состоялъ изъ шести батальйоновъ гренадеровъ, подъ командою барона Ауфенберга, двухъ эскадроновъ кирасировъ герцога Альберта, и двухъ эскадроновъ легкоконныхъ Латура. Ихъ послалъ генералъ Маккъ съдѣлать обзорніе, когда до него дошелъ темный слухъ о передвиженіи Французовъ на берегахъ Дуная. Онъ все еще полагалъ, что эти Французы принадлежали къ корпусу Бернадотта, бывшему, какъ говорили, въ Вюрцбургѣ, для вспоможенія Баварцамъ. Австрійскіе офицеры сидѣли за столомъ, когда ихъ извѣстили, что показываются Французы. Чрезвычайно изумленные, сначала они не хотѣли вѣрить, но вскорѣ не могли сомнѣваться въ томъ, испешно съѣли на коней и выѣхали передъ свои войска. Впередѣ Вертингена была деревенька Гогенрейхепфъ, охраняемая нѣсколькими сотнями австрійской пѣхоты и кавалеріи. Изъ-за домовъ деревни они производили невыгодную для Французовъ стрѣльбу, такъ-что удерживали драгунскій полкъ, первый пришедшій на мѣсто. Эскадронный командиръ Эксельманъ, въ-послѣдствіи ознаменовавшій свое имя множественноу блестятельныхъ подвиговъ, а тогда простой адъютантъ Мюрата, прискакалъ, услышавъ ружейныя выстрѣлы. Онъ спешилъ 200 драгуновъ, вызвавшихся въ охотники: они бросались въ деревню и штыками выгнали оттуда непріятелей. Между-тѣмъ, подошли новыя отряды драгуновъ, и Австрійцы были сбиты, прогнаны за Вертингенъ; но позади его, на небольшомъ возвышеніи, девять батальйоновъ ихъ построились въ одно каре, небольшое, но сжатое и крѣпкое, съ пушками и кавалеріею по флапгамъ. Храбрый Эксельманъ тотчасъ атаковалъ каре съ удивительною смѣлостью: подъ нимъ была убита лошадь. Подъ него велъ полковникъ Моптя, пораженный штыкомъ. Но стремительность атаки не могла поколебать этой твердой громады. Такъ прошло нѣсколько времени; французскіе драгуны бросались въ рубку на австрійскихъ гренадеровъ, но тѣ отбивали ихъ штыками и ружейными выстрѣлами. Наконецъ показался Мюратъ, съ главными силами своей кавалеріи, и Ланцъ съ гренадерами Удинъ, живо привлеченные пушечною пальбою. Мюратъ немедленно атаковалъ каре своими эскадронами; Ланцъ спешилъ направить гренадеровъ къ опушкѣ лѣса, замѣченнаго въ отдаленіи, и тѣмъ хотѣлъ отразить отступленіе Австрійцамъ. Атакованные съ фронта, угрожаемые съ тыла, они отступали сначала стройно, но вскорѣ безпорядочно. Еслибъ гренадеры Удинъ могли прійти нѣсколькими минутами раньше, то девять австрійскихъ батальйоновъ были бы взяты въ. Однакожъ у нихъ взяла два тысячи человекъ въ плѣнъ, и отбила нѣсколько пушекъ и знаменъ.

Ланцъ и Мюратъ видали Эксельмана передъ штыками непріятеля, и хотѣли, чтобъ онъ привезъ Наполеону извѣстіе о первомъ успѣхѣ и непріятельскія знамена. Наполеонъ принялъ молодого, блестящаго офи-

пера въ Донаувертѣ, наградивъ его степенью почетнаго легіона и вручилъ ему знаки ордена въ присутствіи своего штаба, желая придать больше блеска первымъ наградамъ, заслуженнымъ въ новую войну.

Въ тотъ же день, 8 октября, Сульцъ вступилъ въ Аугсбургъ безъ выстрѣла. Маршалъ Даву перешелъ черезъ Дунай въ Нейбургъ и двинулся къ Айхаху, занять назначенную ему позицію между французскими корпусами, шедшими обложить Ульмъ и посланными къ Мюнхену протавъ Русскихъ. Бернадоттъ и Мармонъ приготавливались переходить черезъ Дунай около Ингольштадта, съ цѣлю идти въ Мюнхенъ.

Наполеонъ приказалъ стѣнать ульмскую позицію. Онъ велѣлъ Неювати вверхъ по лѣвому берегу Дуная и овладѣть всеми мостами на немъ, чтобъ свободнѣе дѣйствовать на обонхъ берегахъ. Мюрату и Ланну предписано было идти вверхъ по правому берегу, и вмѣстѣ съ Немъ стѣнать Австрійцевъ. На другой день, 9 числа, Ней, быстрый въ исполненіи, особливо когда ему приказывали подходить къ неприятелю, достигъ береговъ Дуная и шелъ по нимъ до высоты Ульма. Первые вѣсты встрѣтились ему въ Гюндбургъ. Онъ приказалъ дивизіи Малера занять ихъ.

Мостовъ было три: главный передъ городкомъ Гюндбургомъ, второй выше его, передъ деревнею Лейпгеймъ, третій ниже, передъ селеніемъ Рейзенбургъ. Генералъ Малеръ велѣлъ подступить ко всемъ тремъ вдругъ. Онъ поручилъ офицеру генеральнаго штаба Лесолю атаковать лейпгеймскій отрядомъ войскъ, генералу Лабассе атаковать рейзенбургскій 9 линейнымъ полкомъ, а себя предоставилъ атаку главнаго, гюндбургскаго моста, съ бригадою Марконьё. Русло Дуная неправильно обложено въ этомъ мѣстѣ, и потому надобно было переходить множество небольшихъ рукавовъ и острововъ, усаженныхъ ивами и тополями. Передовыя войска бросились туда съ рашимостью, перешли вбродъ вышавшіе имъ заливы, и захватили двѣсти или триста Тирольцевъ, съ начальникомъ ихъ, генерал-майоромъ барономъ Аспромъ. Вскорѣ войска эти подошли къ главному рукаву, гдѣ былъ построенъ гюндбургскій мостъ. Австрійцы, отступая, истребили одну часть его. Генералъ Малеръ хотѣлъ поправить ее, но на другомъ берегу стояли австрійскіе полки, многочисленная артиллерія, и самъ эрцгерцогъ Фердинандъ послалъ туда съ значительными подкрѣпленіями. Австрійцы начали принимать всю важность дѣйствій, открытыхъ въ тылу ихъ, и хотѣли чрезвычайнымъ усиліемъ спасти по-крайней-мѣрѣ ближайшіе къ Ульму мосты. Они направили на Французовъ убійственный огонь изъ ружей и пушекъ, и тѣ, не закрытые больше деревьями островковъ, остались съ выстрѣлами на отсѣлахъ рѣки, но выдерживали огонь съ удивительною твердостью. Пройти вбродъ было невозможно. Они бросились къ столбамъ моста, надѣясь снова покрыть его досками. Но работавшіе не могли успѣть въ томъ, одинъ за другимъ поражаемые неприятельскими пулями, и ряды Французовъ, подвергшіеся въ это время выстрѣламъ Австрійцевъ, понесли жестокія потери. Генералъ Малеръ

что, занявъ въподлинное место между Аугсбургомъ и Мюнхеномъ, онъ могъ въ три или четыре часа переместиться къ Мюнхену, и съ Берне-лоттомъ, и Баварцами противопоставить Русскимъ 60-ть тысячъ армію, или снова двинуться къ Аугсбургу, на помощь Наполеону, противъ Макка. Обладая свой тѣло, Наполеонъ принадлежалъ Судьбѣ, вождя и связи съ корпусами, шедшими къ Иллеру, и послалъ свою гвардію и Вейссенгорнъ куда-нибудь и самъ, надѣясь таинкомъ образомъ, собрать это тысячъ человекъ, на десяти лѣхъ, отъ Мамингсена до Ульма. Судьба готовила ему горькое инаго рода, болѣе новое и не медленнѣе обширными поддѣлками.

Наполеонъ выдѣлалъ изъ Аугсбурга къ Вейссенгорнъ, 12-го числа, 11-ть часовъ вечеромъ. Дорогою онъ встрѣтилъ войска маршала Клебера, оставленнаго изъ Французовъ и Голландцевъ, въ изумительной усталости, отбрасывающаго свой оружіемъ и провизією, выдѣлалъ имъ на несколько дней. Погода, прелестная покуда на переходѣхъ черезъ Дунай, вдругъ сдѣлалась ужасною. Густой, мокрый снегъ растопилъ грязь, и дороги стали непроходимы. Вся рѣчка, впадающая въ Дунай, вышла изъ береговъ. Солдаты, шедъ какъ въ бѣгъ, а не въ атаку, артиллерійскіе парки останавливали ихъ. Но они не роптали. Наполеонъ остановился поговорить съ ними, велѣлъ имъ стать въ ряды, съ объясненіемъ положеніе непріятеля, маневръ, которымъ окружатъ его, обѣщавъ такое же прекрасное торжество, какъ полъ Маренго. Солдаты восхитились его словами, съ гордостью слушали, какъ величайшій изъ вождей века объяснялъ имъ свои планы, и въ восторгѣ слушавшіе отбѣждали ему одностепенными восклицаніями: *Да здравствуетъ императоръ!* Они снова пошли въ путь, съ нетерпѣніемъ ожидая дѣло битвы. Слышавшіе слова императора приторкали ихъ тѣмъ, котораго не слышали, и въ кричали въ радости, что Австріяцы пропадутъ будутъ забраны до послѣдняго.

Пора была Наполеону возвратиться на Дунай, потому-что его занятія, худо понятыя Мюратомъ, могли привести къ бѣдствіямъ, если Австріяцы были предприимчивые.

Покуда Ланнъ и Мюратъ окружали Ульмъ на правомъ берегу Дуная, Ней оставался на обѣихъ берегахъ его, имея две дивизіи на правомъ одну, дивизію Дюдона, на лѣвомъ берегу. Сблизившись къ Ульму, Ней увидѣлъ опасность такого положенія. Онъ судилъ, основываясь на очевидности, на счастливомъ военномъ вѣстникѣ, и на совѣтахъ коноводца Жюмина, офицера генеральнаго штаба, необыкновеннаго талантами. Опасность оставить одну дивизію на лѣвомъ берегу рѣки была явна для Ней. — Почему, говорилъ онъ, Австріяцы не воспользуются случаемъ уйти по лѣвому берегу, стацтавъ наши обозы и парки, торые не окажутъ имъ сильнаго сопротивленія? — Мюратъ не соглашался съ нимъ, основываясь на худо-истолкованныхъ письмахъ императора, который ожидалъ значительнаго сраженія на Иллерѣ и призывалъ сосредоточить тамъ весь войска. Мюратъ думалъ, что одна дивизіи Дюдона слишкомъ много на лѣвомъ берегу, почему она не будетъ въ чертѣ сраженія въ назначенный для него день. И

номыслие привело сильный раздоръ между Неемъ и Мюратомъ. Ней оскорбляла подчиненность начальнику, котораго почиталъ онъ ниже себя дарованіемъ, хотя и былъ онъ выше родителемъ съ императоромъ. Мюрать, гордясь Новымъ своимъ званіемъ, а еще больше довѣренностью Наполеона, давалъ чувствовать Нею официальное свое превосходство, и наконецъ отдалъ ему безусловное приказаніе. Еслибъ не вступались тутъ обиде ихъ друзья, то военачальники императора кончили бы споръ свою непримливо высокому ихъ положенію. Слѣдствіемъ раздора были разнорѣчивыя приказанія дивизіи Дюпона и очень опасное для нея положеніе. Къ-счастью, покуда спорили о лучшемъ для нея мѣстѣ, достопамятное сраженіе освободило ее отъ опасности, приготовленной ей ошибкой Мюрата.

Генераль Маккъ уже не сомнѣвался въ своемъ бѣдствіи и сдѣлалъ перемѣну фронта. Въ Ульмѣ было уже не правое крыло его, а лѣвое, и въ Меммингенѣ не лѣвое, а правое. По прежнему опирался на Иллера, онъ стоялъ тыломъ въ Франціи, какъ-будто пришелъ изъ нея, а Наполеонъ былъ тыломъ къ Австріи, какъ-будто пришелъ оттуда. Это было естественное положеніе двухъ военачальниковъ, изъ которыхъ одинъ обидѣлъ другаго. Маккъ стянулъ къ себѣ войска, разсыпанные въ Швабїи и воротившіяся разбитыми изъ Вертингена и Вюрдбурга, и оставилъ только отряды на Иллера отъ Меммингена до Ульма, а главную часть силъ своихъ соединилъ въ самомъ Ульмѣ, въ укрѣпленномъ лагерѣ, повелевавшемъ городомъ.

Около Ульма, лѣвый берегъ Дуная гораздо-выше праваго. Правый берегъ представляетъ болотистую равнину, слегка наклоненную къ рѣкѣ, а лѣвый рядъ холмовъ, въ видѣ террасы, омываемыхъ Дунаемъ. Михельсбергъ—главная изъ тамошнихъ высотъ. Австрійцы занимали укрѣпленный лагерь въ числѣ 60-ти тысячъ человекъ, имѣя вѣзду передъ собою городъ Ульмъ.

Генераль Дюпонтъ, оставленный одинъ на лѣвомъ берегу, долженъ былъ, по приказанію Ней, приближаться къ Ульму утромъ 11 октября, и подошелъ къ нему по альбекской дорогѣ. Въ это самое время Ней и Мюрать спорили въ Гюнцбургѣ, а Наполеонъ въ Аугсбургѣ занимался общими распоряженіями. Генераль Дюпонтъ прибылъ въ деревню Гаслахъ, откуда видать весь Михельсбергъ, и усмотрѣлъ тамъ до 60 тысячъ Австрійцевъ въ грозномъ положеніи. Последніе переходы, въ дурную погоду и чрезвычайно-быстро совершенные, уменьшили его дивизію до 6 тысячъ человекъ. У него, правда, оставили еще пятихъ драгунъ Баракъ-д'Илье, присоединенныхъ во время перехода отъ Рейна до Дуная не къ Мюрату, а къ Нею. Она съ большою пользою усилла бы его 5-ю тысячами человекъ, еслибъ не была въ Дангенау, въ трехъ льбъ взадѣ.

Генераль Дюпонтъ, пришедши къ Михельсбергу, увидѣлъ себя, съ тремя полками пѣхоты, двумя кавалеріи и нѣсколькими пушками, передъ 60-ти-тысячною арміею. Столь несчастливый въ-послѣдствіи, онъ, въ эту минуту, принялъ рѣшеніе, которое сдѣлало бы честь величайшему полководцу. Справедливо рассудилъ онъ, что, отступая, понаметъ

только свою слабость и вскорѣ будетъ обхваченъ 10-ю тысячами конницы, которую вышлютъ преслѣдовать его; напротивъ, действуя дерзко, онъ обманетъ Австрійцевъ, заставитъ почестъ отрядъ свой только авангардомъ французской арміи, побудитъ наблюдать осторожность, и такимъ образомъ успеетъ выйти изъ дурнаго положенія, въ какое поставилъ его. Тотчасъ приготовился онъ къ сраженію. На лѣвомъ флангѣ его была деревня Гаслахъ, окруженная небольшою рощею. Тамъ, поставилъ онъ 32-й полкъ, прославившійся въ Италіи, 1-й гусарскій полкъ и часть своей артиллеріи. На правомъ флангѣ своемъ, гдѣ также была роща, онъ поставилъ 96-й линейный полкъ, 9-й легкій и 17-й драгунскій. Нѣсколько впереди праваго крыла его была деревня Юнгингенъ, также окруженная рощицами, и онъ занялъ ее отрядомъ.

Въ такой позиціи генералъ Дюпонъ встрѣтилъ Австрійцевъ, отряженныхъ въ числѣ 25 тысячъ, подъ начальствомъ эрцгерцога Фердинанда, сбить 6-ти-тысячную дивизію Французовъ. И тутъ, вдохновенный светлою мыслию, Дюпонъ тотчасъ увидѣлъ, что дивизія его будетъ истреблена однимъ ружейнымъ огнемъ, если онъ допуститъ Австрійцевъ развернуть свою линію и распространить стрельбу. Соединивъ съ дерзостью великой рѣшимости дерзость твердаго исполненія своей мысли, онъ велѣлъ полкамъ своего праваго фланга ударить въ штыки. Храбрые полки смело пошли на первую линію Австрійцевъ, сбили ее, привели въ безпорядокъ, и взяли 1500 человекъ въ плѣнъ, послѣ чего Дюпонъ возвратился на позицію съ двумя своими полками, и неподвижно ждалъ окончанія этого страннаго боя. Но Австрійцы не могли почитать себя побѣжденными и возвратились съ связками войсками. Французы въ другой разъ встрѣтили ихъ штыками, прогнали и снова взяли многихъ въ плѣнъ. Безполезныя атаки съ фронта утомили Австрійцевъ: они обратили свои усилія на фланги непріятеля, и подошли къ деревнѣ Гаслаху, прикрывавшей лѣвое крыло дивизіи Дюпона; въ деревнѣ находились и взятые въ плѣнъ Австрійцы. Тамъ встрѣтилъ ихъ жестокимъ отпоромъ 32-й полкъ: онъ прогналъ Австрійцевъ, а 1-й гусарскій полкъ, соревнуя пѣхотѣ, произвелъ нѣсколько сильныхъ атакъ. Не ограничиваясь нападеніями на Гаслахъ, Австрійцы сдѣлали покушеніе и противъ праваго фланга, стараясь занять деревню Юнгингенъ. Многочисленность дала имъ средство утвердиться тамъ на минуту. Генералъ Дюпонъ, оцѣнивая опасность, велѣлъ 96-му полку снова атаковать Юнгингенъ и успѣлъ отбить его. Такъ переходила эта деревня изъ рукъ въ руки пять разъ, и въ смятеніи повторительныхъ нападеній Французы всякій разъ брали плѣнныхъ. Но куда Австрійцы истощались въ безполезныхъ усиліяхъ противъ горсти солдатъ, ихъ многочисленная кавалерія распространилась по всѣмъ направленіямъ, кинулась на 17-й драгунскій полкъ, сдѣлала нѣсколько атакъ противъ него, гдѣ убитъ храбрый его полковникъ, Сенъ Дизьё, и заставила драгунувъ укрыться въ рощу. Туча австрійскихъ всадниковъ разлилась по всей окружности, до деревни Альбека, откуда пришла дивизія Дюпона, захватила обозъ его, оставленный подъ защитою драгунувъ Баракъ-д'Ильё, и доставила себя такимъ образомъ нѣсколько по-

шлыхъ трофеевъ (quelques vulgaires trophées), неутишительныхъ послѣ пораженія, претерпѣннаго 25-ю тысячами человекъ отъ 6-ти тысячъ (*).

Необходимо было положить конецъ опасному сраженію. Дюпонъ утомлялъ Австрійцевъ пять часовъ отчаяннымъ боемъ, и успѣшилъ воспользоваться ночью для отступленія къ Альбеку. Онъ пришелъ туда въ порядкѣ и привелъ съ собой 4000 пленныхъ.

Еслибъ генералъ Дюпонъ не остановилъ Австрійцевъ этою необыкновенною битвою, они ушли бы въ Богемію, и одно изъ превосходнѣйшихъ соображеній Наполеона уничтожилось бы совершенно. Вотъ доказательство, что великимъ генераламъ надобны и солдаты великіе: самымъ знаменитымъ полководцамъ часто бываетъ необходимо, чтобъ войска ихъ своимъ геройствомъ вознаграждали случайности войны, или ошибки, неизбежныя и для самаго генія.

Встрѣча съ небольшою частью Французской арміи была поводомъ къ бурнымъ совѣщаніямъ въ австрійской главной квартирѣ. Тамъ знали, что Сульцъ находится въ Ландсбергѣ, не думали, что въ Альбекѣ одинъ Дюпонъ, и начали почитать себя окруженными отсюда. Послѣ Австрійцы хотѣли сложить весь стыдъ своего пораженія на генерала Макка; а онъ былъ въ смущеніи, которое легко вообразить. Что ни говорили бы судьи, умствующіе послѣ событія, а онъ могъ спастись не иначе, какъ еслибъ небесное вдохновеніе вдругъ открыло ему слабость корпуса, бывшаго передъ нимъ, и возможность раздавить его и отступить въ Богемію. Несчастный не зналъ, что Французы были малочисленны на лѣвомъ берегу Дуная, и сталъ совѣщаться съ августѣйшимъ товарищемъ своего печальнаго жребія, эрцгерцогомъ Фердинандомъ. Въ смутныхъ соображеніяхъ проходило драгоценное время, и онъ не умѣлъ рѣшиться ни уйдти въ Богемію, поразивъ Дюпона, ни отступить къ Тиролю, пробившись черезъ Меммингенъ. Всего вѣрнѣе казалось ему еще крѣпче утвердиться въ Ульмѣ, сосредоточить тамъ свою армію, и ожидать, съ большими силами, которыя трудно сбить, прибытія Русскихъ черезъ Мюнхенъ и эрцгерцога Карла черезъ Тироль. Онъ увѣрялъ себя, что генералъ Кинмайеръ съ 20-ю тысячами Австрійцевъ, и генералъ Кутузовъ съ 60-ю тысячами Русскихъ вскорѣ явятся на мюнхенской дорогѣ; что эрцгерцогъ Иоаннъ съ тирольскимъ корпусомъ и даже эрцгерцогъ Карлъ съ италійскою арміею поспѣшатъ на помощь къ нему черезъ Кемптенъ, и тогда самъ Наполеонъ вдругъ найдется въ опасности, потому-что его стѣснятъ 80 тысячъ австро-русской арміи, пришедшей изъ Австріи, 25 тысячъ Австрійцевъ изъ Тироля, 70 тысячъ баварскаго лагеря, а всего 175 тысячъ человекъ. Но эти различныя предвѣщенія могли бы совершиться, еслибъ въ срединѣ не стоялъ Наполеонъ, съ 160-ю тысячами Французовъ, привыкшихъ побѣждать. Въ несчастіи утѣшаются малѣйшею надеждою, и Маккъ вѣрилъ даже доне-

(* Любопытно, какъ г. Тьеръ умѣетъ закрашивать пораженія своихъ земляковъ, и свистать неудачи ихъ противниковъ! Прим. переводч.

сенямъ лазутчиковъ, подосланныхъ Наполеономъ. Они говорили: что о высадкѣ Англичанъ въ Булонь, востающей Французскѣ, не вратиться къ Рейну, то о подвѣснѣ Русскихъ и эригерцога Карла в мюнхенской доросѣ.

Въ затруднительныхъ положеніяхъ подчиненные дѣлаются смѣлы и говоравы, порицаютъ начальниковъ и начинаютъ свои мнѣнія. У Маккъ были подчиненными многіе знатные, которые не боялись возмѣнить голосъ. Одни хотѣли отступать въ Тироль, другіе въ Виртембергъ, и которые въ Богемію. Последніе случайно разсуждали справедливо, и ссылаясь на Гаслахское сраженіе, утверждали, что дорога въ Богемію открыта. Противорѣчія обыкновенно еще больше ослабляютъ смущенный умъ, и приводятъ его къ полумѣрамъ, которые губительны для военнаго. Генераль Маккъ хотѣлъ уступить немного мнѣніямъ, оспориваемымъ имъ, и принять два рѣшенія, странныя со стороны человека, который твердо оставался въ Ульмѣ. Онъ послалъ дивизію Еллахаха къ Мюнхену, усилить тамошній востъ, охраняемый генераломъ Швабеномъ съ 5-ю тысячами человекъ, желя такимъ образомъ поддерживать сообщенія съ Тиролемъ. Онъ послалъ генерала Риска, съ своею дивизією, овладѣть высотами Эльхингена, чтобъ протянуться по лѣвому берегу и сдѣлать сильное обозрѣніе на сообщеніяхъ Французскѣ.

Генераль Рискъ занялъ эльхингенскій монастырь, на дысоткахъ лѣваго берега, подлѣ самаго Гаслаха, гдѣ сражались 11 числа. Ущербны монастыря былъ мѣсть, истребленный Австрійцами и полкомъ Французами. Итакъ, армія французская имѣла сообщенія съ лѣвымъ берегомъ только черезъ мосты въ Гюнцбургъ, гораздо-ниже Эльхингена. Дивизія Дюпона отошла къ Лангенау. Къ-счастью, Австрійцамъ не знали, что путь отступленія былъ для нихъ открытъ!

Въ такихъ-то обстоятельствахъ Наполеонъ, выхаживая изъ Дунсбурга 12 числа вечеромъ, прибылъ въ Ульмъ 13 числа. Точнось, не смотря на ужасную погоду, онъ объѣхалъ верхомъ все позиціи, заняты военачальниками его. Они спорились другъ съ другомъ и были совершенно различны въ мнѣніяхъ. Лантъ, одаренный вѣрными вѣдѣніями, взглядомъ, думалъ, какъ и Ней, что Австрійцы хотѣли не сражаться на Иллерѣ, а уйти въ Богемію, лѣвымъ берегомъ, порешая пересечь дивизію Дюпона. Наполеонъ могъ сомнѣваться, бывши въ отдаленіи; на мѣстѣ онъ тотчасъ увидалъ все. Впрочемъ, приказывая наблюдать лѣвый берегъ и поставить тамъ дивизію Дюпона, онъ не думалъ овладѣть ею безъ опоры, и особливо не обезпечивать средствъ переклада одного берега на другой, чтобы подать ей помощь въ случаѣ нападенія. Распоряженія Наполеона были поняты такъ же худо, какъ и истиность, почему онъ вполнѣ согласился съ Неемъ и Ланномъ противъ мнѣнія Мюрата, и тотчасъ приказалъ поправить важныя ошибки, сдѣланныя въ предшествовавшіе дни. Онъ рѣшился возстановить сообщеніе праваго берега съ лѣвымъ по ближайшему къ Ульму эльхингенскому мосту. Можно было бы идти до Гюнцбурга, перейти тамъ черезъ Дунай, и съ усиленною дивизією Дюпона возвратиться къ Ульму. Но такое отдаленное движеніе давало Австрійцамъ время удалитъ

Гораздо лучше было, на развѣтъ 14-го числа, восстановить съ бою альхвингенскій мостъ, бывший передъ глазами, и переместить на лѣвый берегъ въ достающаго силъ, — между тѣмъ какъ Дюпона, по новому приказанію, воротился бы отъ Лангонау черезъ Альбекъ къ Ульму.

Наполеонъ отдалъ, въ слѣдствіе того, приказанія на слѣдующій день. Маршалъ Сульцъ былъ подвинутъ на ономочность дивізіи Иллера, къ Меммингену. Мармонъ составлялъ связь на Иллеръ. Ланкъ, Ней, Мюрать, соединенные подъ Ульмомъ, геттовились стать на обоихъ берегахъ Дуная и протянуть руку къ дивізіи Дюдина, остававшейся на лѣвомъ берегу. Но для этого надобно было восстановить альхвингенскій мостъ, и Ней предоставилъ честь совершить утромъ 14-го числа мужественный подвигъ и вновь упрочить намъ обладаніе обоими берегами рѣки.

Неустранный маршалъ еще не могъ забыть непріятныхъ словъ, сказанныхъ ему Мюратомъ во время недавняго ихъ опора. Какъ-будто соскучившись отъ разсужденій слишкомъ длинныхъ, Мюрать сказалъ: «что нисколько не понимаятъ плавать, разъярившихъ ему, и что онъ вѣрнѣе оставлялъ свои планы въ виду непріятеля». Такой высокомерный отвѣтъ могъ произнести опытный действительный пустому разсужденію. Утромъ 14-го числа, Ней, верхомъ, въ полной формѣ, въ орденскѣ, схватилъ руку Мюрата, сильно тряхнулъ ее передъ всѣми штабомъ, передъ самимъ императоромъ, и гордо сказалъ: «Ну, ваше высочество, поведете со мной составлять ваши планы въ виду непріятеля!» Тутъ онъ носкавалъ къ Дунаю, вѣшалъ въ него по брюхо своей лошади, и, подъ градомъ пуль и картечи, началъ распорядиться опаснѣйшимъ дѣйствіемъ, ему поручившимъ. Надобно было поправить мостъ, отъ котораго оставались только столбы безъ настилки, перейти черезъ него, пройти лугъ между Дунаемъ и подошвою высоты и овладѣть деревней и монастыремъ альхвингенскимъ, которые возвышались ампентстромъ и были защищаемы 20-ю тысячами человекъ и гренадою артиллеріею.

Маршалъ Ней, на устрашаясь столькожъ препятствій, приказалъ адъютанту генерала Луазона и одному саперу взять доску и помочь ее на столбы моста подъ огнемъ Австрійцевъ. Картечь раздробила ногу храброму саперу, но его тотчасъ замѣнили. Сначала была брошена одна доска, потомъ другая, третья, въ родъ настилки. Такъ настилка одну часть моста, потомъ другую, и наконецъ покрыла восьмью перемычками, подъ убійственнымъ ружейнымъ огнемъ искусныхъ стрѣлковъ съ другого берега рѣки. Волтимеры 6-го легкаго полка, гренадеры 39-го и рота карабинеровъ, не дожидаясь совершенной поправки моста, перешли на другой берегъ Дуная, разсылали оборонявшихъ его Австрійцевъ, и заняли столько мѣста, что дивізія Луазона могла прийти къ нимъ на помощь.

Тогда Ней велѣлъ 39-му и 6-му легкому полку перейти на другой берегъ. Онъ приказалъ генералу Виллатту вести 39-й полкъ прямо по луку и очистить его отъ Австрійцевъ, а самъ, съ 6-мъ легкимъ полкомъ, хотѣлъ овладѣть монастыремъ. 39-й полкъ, на переходѣ черезъ

мость, былъ остановленъ французскою кавалеріею, пылко бросившееся туда, и не успѣлъ весь пройти его. Только первый батальионъ полка могъ исполнить приказаніе своего начальника. Онъ выдерживалъ атаки австрійской кавалеріи и трехъ непріятельскихъ батальионовъ, и, послѣ упорнаго сопротивленія, былъ даже отъсненъ къ выходу съ моста. Но вскорѣ къ нему подошли на помощь второй батальионъ, 69-й и 76-й линейные полки, и онъ снова занялъ потерянное пространство, овладевъ всѣмъ лугомъ направо и заставилъ Австрійцевъ удалиться на высоты. Между-тѣмъ, Ней велъ 6-й легкой полкъ, взбрался по вѣвильстымъ улицамъ деревни Эльхингенъ, подъ огнемъ изъ домовъ, занятыхъ пѣхотою, выбилъ Австрійцевъ изъ деревни и занялъ монастырь на вершинѣ возвышенія. Тамъ увидѣлъ онъ передъ собою холмистое пространство, усыянное рощами, гдѣ 11 числа сражалась дивизія Дюпона. Эти холмы простираются до Михельсберга, надъ самымъ городомъ Ульмомъ. Ней хотѣлъ утвердиться тамъ, чтобъ при наступательномъ движеніи непріятеля не быть отброшеннымъ къ Дунаю. Онъ рѣшился опереть свое лѣвое крыло въ густомъ перелѣскѣ, вадущемъ до самаго монастыря и деревни Эльхингенъ, и потомъ двинуться правымъ крыломъ впередъ. Во время отчаяннаго боя въ той сторонѣ, остальнымъ войска австрійскаго корпуса составили нѣсколько кареевъ, по два и по три тысячи каждый. Ней атаковалъ ихъ драгунами, за которыми шла пѣхота колонною. 18-й драгунскій полкъ произвелъ такую стремительную атаку на одно каре, что смялъ его и заставилъ положить ружье. Остальные кареи начали поспѣшно отступать, сперва къ Гаслаху, а наконецъ къ Михельсбергу.

Между-тѣмъ, генералъ Дюпонъ, возвратившись отъ Лангенау къ Альбеку, встрѣтилъ корпусъ Вернека, наканунѣ вышедшій изъ Ульма произвести обзорніе на лѣвомъ берегу Дуная и отыскать средства для отступленія австрійской арміи. Генералъ Вернекъ, услышавъ позади себя пушечные выстрѣлы, возвратился къ Михельсбергу, по дорогѣ отъ Альбека въ Ульмъ. Онъ подходилъ туда въ то самое время, когда приближалась туда же дивизія Дюпона съ своей стороны, и маршалъ Ней занималъ высоты Эльхингена. Завязалось новое сраженіе на этомъ пунктѣ, между Вернекомъ, шедшимъ въ Ульмъ, и Дюпономъ, не допускаящимъ его туда. 32-й и 9-й легкой полки бросились сомкнутою колонною на австрійскую пѣхоту и отодвинули ее назадъ, между-тѣмъ какъ 96-й полкъ, въ каре, выдерживалъ атаки австрійской кавалеріи. Въ такой борьбѣ окончился день. Ней со славою завоевалъ лѣвый берегъ, а Дюпонъ отрезалъ корпусу Вернека путь къ Ульму. Захвачено было три тысячи человекъ въ плѣнъ и отбито много пушекъ. Но гораздо-важнѣе было то, что Австрійцы окончательно были заперты въ Ульмѣ, и уже безъ всякой надежды къ спасенію, какое счастливое вдохновеніе ни пришло бы къ нимъ въ настоящую минуту.

Покуда совершались эти событія на лѣвомъ берегу, Ланнъ приближался къ Ульму правымъ берегомъ, Мармонъ выдвинулся къ Иллеру, а Сультъ, обойдя крайнюю точку позиціи Австрійцевъ, овладевъ Меммингеномъ. Онъ прибылъ туда, когда еще дѣлали палиссыды около города.

Быстро окруживъ его, Сульть принудилъ генерала Шпангена положить оружіе съ пятью тысячами человекъ, всю артиллерію и множество лошадей. Генералъ Еллахичъ слишкомъ-поздно пришелъ съ своею дивизіею помочь Меммингену, и видя передъ собою тридцати-тысячный корпусъ, отступилъ, не къ Ульму, изъ опасенія не обратиться къ нему, а къ Кемптону и Тиролю. Маршалъ Сульть тотчасъ потянулся къ Оксенгаузену, довершая тѣмъ во всѣхъ направленіяхъ обложеніе укрѣпленнаго лагеря и города Ульма.

Въ такомъ положеніи былъ дѣла къ концу дня 14 октября. Послѣ отступленія Еллахича и разныхъ сраженій, у Макка оставалось пятьдесятъ тысячъ человекъ. Еще надобно выключить изъ нихъ корпусъ Вернека, отрѣзанный дивизіею Дюпона. Несчастный Маккъ видѣлъ себя въ положеніи отчаянномъ. Выбрать рѣшеніе было не изъ чего. Единственнымъ средствомъ оставалось броситься, съ оружіемъ въ рукахъ, на какую-нибудь точку стальнаго круга, замкнувшаго его со всѣхъ сторонъ, и открыть себѣ путь или умереть. Не такъ быдственно было бы устремиться противъ Нея и Дюпона. Конечно, къ нимъ поспѣвши бы на помощь Ланнъ и Мюрать до эльхингенскому мосту, а для побѣды надъ упавшими духомъ солдатами и не нужно было такого соединенія войскъ. Маккъ былъ бы разбитъ, но могъ спасти честь оружія, а это всего драгоценнѣе, когда нельзя побѣдить. Но Маккъ упорствовалъ въ своемъ рѣшеніи сосредоточиться въ Ульмѣ и ожидать помощи Русскихъ. На него жестоко нападали князь Шварценбергъ и эрцгерцогъ Фердинандъ. Послѣдній хотѣлъ, во что бы то ни стало, избѣгнуть несчастія понасть въ плѣнъ. Генералъ Маккъ предъ-авилъ уполномоченіе отъ императора, которымъ, въ случаѣ развогла-дія, присвоивалась ему верховная власть. Но черезъ то онъ дѣлался отвѣтственнымъ, а не могъ заставить повиноваться себя. Эрцгерцогъ Фердинандъ, благодаря своему положенію, менѣе зависящему, рѣшился склониться отъ приказаній главнокомандующаго. При наступленіи ночи, онъ выбралъ тѣ изъ ульмскихъ воротъ, гдѣ меньше подвергался встрѣтить Французовъ, и вышелъ изъ города съ шестью или семью тысячами кавалеріи и корпусомъ пѣхоты, надѣясь присоединить къ себѣ генерала Вернека и уйти черезъ Верхній Палатинатъ къ Богеміи. Присоединя къ своему отряду корпусъ Вернека, эрцгерцогъ отнималъ у генерала Макка двадцать тысячъ человекъ, оставляя его въ Ульмѣ только съ тридцатью тысячами, блокированнаго отсюда и доведеннаго до крайняго бѣдствія — положить оружіе самымъ постыднымъ образомъ.

Ложно говорили, будто отбытіе эрцгерцога доказывало возможность выйти изъ Ульма. Во-первыхъ, невѣроятно, чтобъ цѣлая армія, съ артиллеріею и тяжестями, могла ускользнуть какъ отрядъ, составленный болѣею частію изъ конныхъ войскъ. Но что случилось черезъ несколько дней съ самимъ эрцгерцогомъ, показываетъ, что и армія погибла бы въ такомъ бѣгствѣ. Главною ошибкою было раздѣленіе плѣнъ. Надобно было или оставаться, или выйти всемъ вмѣстѣ; остаться для отчаянной битвы, имѣя семьдесятъ тысячъ человекъ; выйти

ти для удара съ тѣми же семьюдесятью тысячами на одинъ изъ пунктовъ блокады, и пасть тамъ смерть, или успѣхъ, иногда парализующій отчаяніе. Но раздѣлиться и однимъ бѣжать съ Еллингемъ къ Тиролю, другимъ сопровождать эригерного въ Богемію, третьимъ подписывать ульмскую капитуляцію—вотъ что было хуже всего. Впрочемъ, опыты показывають, что въ такихъ положеніяхъ угнетенная душа человѣческая, начиная нисходить, наконецъ нисходитъ такъ, что обыкновенно рѣшается на самое худшее. Справедливость требуетъ прибавить, что въ послѣдствіи генералъ Маккъ всегда утверждалъ, что онъ не хотѣлъ раздѣлять силъ арміи и отступать отдаленно.

Наполеонъ провелъ ночь съ 14 на 15 число въ эльхингенскомъ монастырѣ. Утромъ 15 числа, онъ рѣшился кончить дѣло и приказалъ Нею взять михельсбергскія высоты. Ланнъ перешелъ со своимъ корпусомъ черезъ эльхингенскій мостъ, способствуя атакъ Нею съ фронта. Ему поручено было взять Фрауэнбергъ, высоту близъ Михельсберга. Наполеонъ находился на мѣстѣ, подлѣ Ланна, съ одной стороны наблюдая позиціи, къ которымъ Нею готовился подступать, съ другой обращая взгляды на Ульмъ, бывшій въ глубинѣ. И вдругъ дивизионная австрійская батарея прыснула картечью въ группу артиллеристовъ. Ланнъ тотчасъ схватилъ поводья лошади наполеоновой, стараясь удалить его отъ убійственнаго огня. Наполеонъ не искалъ убѣжища и не уклонялся отъ него, приближаясь къ нему сколько надобно было для сужденія о дѣлѣ по собственному взгляду; онъ сталъ на такомъ мѣстѣ, откуда дѣйствіе было видно съ меньшею опасностью. Нею двинулъ свои колонны, взбираясь на окопы, сдѣланные на Михельсбергѣ, и вадъ ихъ штыками. Наполеонъ, опасаясь излишней быстроты въ атакъ къ Нею, хотѣлъ замедлить ее и дать время Ланну подойти къ Фрауэнбергу, чтобъ тѣмъ развлечь вниманіе непріятеля. «Славы не раздѣляютъ», отвѣчалъ Нею генералу Дюма, привезшему ему предвѣстіе ожидать помощи Ланна, и продолжалъ наступать, преодолевая вся препятствія. Онъ достигъ съ своимъ корпусомъ до отлогости высотъ, лежащихъ выше города Ульма. Ланнъ съ своей стороны взялъ Фрауэнбергъ, и соединившись они вмѣстѣ стали приближаться къ стѣнамъ города. Въ пылу, увлекавшемъ боевыя колонны, 17-й легкой полкъ взялъ приступомъ бастионъ, ближайшій къ рѣкѣ, и утвердился въ немъ. Но Австрійцы видѣли слишкомъ-отважное положеніе этого полка, вытѣснили его изъ бастиона, и взяли у него нѣсколько пленныхъ.

Наполеонъ призналъ нужнымъ прекратить сраженіе, и отложить до слѣдующаго дня предложеніе о сдачѣ крепости, а въ случаѣ отказа приступить къ ней. Въ-продолженіе дня, Дюпонъ, оставившись противъ корпуса Вернека, опять сражался съ нимъ, стараясь не допустить его къ Ульму. Наполеонъ послалъ Мюрата узнать, что тамъ дѣлается, потому-что трудно ему было объяснить себѣ это, не зная о выступленіи изъ города части австрійской арміи. Вскорѣ онъ убѣдился, что нѣсколькими отрядами Австрійцевъ удалось выйти одними изъ ульмскихъ воротъ, меньше другихъ видными Французамъ. Немедленно поручивъ Мюрату съ резервною кавалерією, дивизією Дюпона и гренадерами

ми Ульма преследовать до крайней возможности часть неприятельской армии, вышедшую из города!

На другой день, 16 числа, Наполеон велел бросить несколько гранат въ Ульмъ, и вечеромъ приказалъ одному изъ офицеровъ своего штаба, Сегюру, явиться къ генералу Макку и требовать, чтобъ онъ положилъ оружіе. Сегюръ съ величайшимъ трудомъ проникъ въ крѣпость, почью, въ ужасную погоду. Его привели съ завязанными глазами къ генералу Макку, и тотъ старался скрыть свою глубокую скорбь, но не могъ во выразить изумленія и горести, когда узналъ всю обширность своего бѣдствія. Онъ не зналъ его вполне, не зналъ, что былъ окруженъ болѣе, нежели ста тысячами Французовъ, что другія шестьдесятъ тысячъ занимали дѣлю Инна, что Русскіе были очень далеко, а эрцгерцогъ Карлъ, удержанный Массеною на Аджа, не могъ прійти. Каждое изъ этихъ извѣстій раздирало его душу; сначала онъ не хотѣлъ вѣрить имъ, но вскоре былъ убѣжденъ повторительными и справедливыми увѣреніями Сегюра. Онъ раскричался противъ предложенія сдать, но, наконецъ, сталъ переносить мысль о капитуляціи, съ условіемъ ждать нѣсколько дней помощи Русскихъ. «Я готовъ сдать черезъ восемь дней», сказалъ онъ, «если Русскіе не явятся передъ Ульмомъ». Сегюръ видѣлъ приказаніе согласиться на пять, и въ крайности на шесть дней ожиданія. Въ случаѣ отказа, онъ долженъ былъ угрожать присутіемъ и самымъ жестокимъ жребіемъ для войскъ, бывшихъ подъ начальствомъ Макка.

Этотъ несчастный генералъ предлагалъ свою честь, уже потерянную, въ полученіи отсрочки на восемь, а не на шесть дней. Сегюръ отправился съ отъѣтомъ его къ императору. Переговоры продолжались, и наконецъ Бертье, допущенный самъ въ крѣпость, согласился съ Маккомъ въ слѣдующихъ условіяхъ. Если 25 октября прежде полуночи не явится австро-русскій корпусъ, способный освободить Ульмъ отъ блокады, то австрійская армія должна положить оружіе, признать себя военноплянкою, и быть отведена во Францію. Австрійскіе офицеры могутъ возвратиться въ Австрію, съ условіемъ не служить болѣе противъ Франціи. Лошади, оружіе, снаряды, знамена, все должно принадлежать Французской арміи.

Договаривались 19 октября, но конвенцію рѣшились подписать 17-мъ числомъ, что давало видъ, будто Маккъ отстаивалъ требуемыя имъ восемь дней. Этотъ несчастный пріѣзжалъ въ главную квартиру императора, и встрѣченный со вниманіемъ, должнымъ несчастію, утверждалъ положительно, что онъ не виновенъ въ бѣдствіяхъ своей армии, что въ Ульмѣ укрѣпились по приказанію придворнаго военнаго совета, и что когда были тамъ окружены, то раздѣлились совершенно противъ его воли.

Конвенція ульмская была то же, что александрійская, только ей не предшествовало страшное кровопролитіе маронгское.

Между-тѣмъ, Мюрать, съ дивизією Дюпона, гренадерами Ульма и резервомъ кавалеріи, выкупалъ свою недавнюю ошибку, преслѣдуя Австрійцевъ съ быстротою истинно-чудесною. Онъ отчаянно преслѣдо-

стопаматный, Наполеонъ стоялъ у подошвы Михельсберга, супротивъ Ульма, и смотралъ на проходившую мимо его австрійскую армію. Онъ занималъ возвышенный склонъ; позади его была построена высокая полукружіемъ на поквасты высота, а напротивъ артиллерія, разбросанная фронтонъ. Австрійцы проходили между двумя горами и выдвигали свое оружіе при вступленіи на этотъ родъ шпестра. Наполеонъ присутствовалъ тутъ, стоя подлѣ большого близкаго огня, шаромъ разложеннаго. Генералъ Маркъ явился первый, и отдавъ ему свое рапортъ, горестно выговорилъ: «Вотъ несчастный Маркъ». Наполеонъ встрѣтилъ его и офицера его съ совершенною вежливостію, и вѣстивалъ ихъ подлѣ себя. Австрійскіе солдаты, не доходя до него, бросали свое оружіе съ отчаяніемъ, и давали честь ихъ чувству, которое имѣло какою въ нихъ только чувствомъ любопытства при видѣ Наполеона. Вся подырака глазами этого страшнаго завоевателя, который уже десять лѣтъ, нанеслъ такіа жестокія оскорбленія ихъ отечеству: . . .

Разговаривая съ австрійскими офицерами, Наполеонъ сказалъ довольно громко, такъ, чтобъ могли слышать все: «Я не знаю, за чѣмъ идемъ войну. Я не хотѣлъ ее, думалъ воевать только съ Англичанами, когда вашъ государь вынулъ меня на бой. Вы видите мое войско въ Германіи у меня 200,000 человекъ, а ваши планшеты показываютъ еще 200,000, которые идутъ черезъ Францію изъ немощи отъ насъ. Вы знаете, что намъ и не нужно столько для победы. Государь нашъ долженъ получить миръ, потому что иначе можетъ случиться паденіе лотарингскаго дома. Я не желаю новыхъ царствъ на твердой землѣ, новыхъ кораблей, колоній, торговли; а вѣкъ честолюбивъ никогда столько же для насъ, какъ и для меня.» Слово его, произнесенное довольно надменно, имѣло отвѣтъ со стороны австрійскихъ офицеровъ только молчаніе, и сожаленіе, что они заслуживали ихъ. Потомъ Наполеонъ разговаривалъ съ известнымъ имъ австрійскимъ генераломъ, который чествовалъ присутствовалъ при этомъ необыкновенномъ свиданіи. Двадцать тысячъ человекъ прошли передъ нимъ. Въ арміи оставалось три или четыре тысячи раненныхъ.

По своему обычаю, Наполеонъ объявилъ на другой день своимъ войскамъ о своемъ селеніи. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ была она имъ сказана:

«Императорская главная квартира въ Эльзасѣ, 21 октября 1805 года (21 октября 1805.)»

«Солдаты великой-арміи!»

«Въ пятнадцать дней мы окончили походъ: поспѣваемъ, что армія наша легла. Мы изгнали войска австрійскаго дома изъ Баваріи, и изгнали изъ власть нашего союзника въ его областяхъ. Армія, съ надменностію, равною ей неосторожности, пришедшая на наши границы, у насъ чтожена. Но какое дало Англіи? цѣль ее достигнута: мы не въ Булонѣ»

«Изъ ста тысячъ австрійской арміи, шестидесять тысячъ нашихъ солдатъ: они занимаютъ нашихъ конскриптовъ въ полевыхъ работникахъ. Изъ всей этой арміи ушло едва ли 15,000 человекъ; все остальное съ»

«200 пушекъ и 90 знаменъ достались намъ. Солдаты! я возвыщалъ вамъ «веддую бѣгу; но, благодаря плохимъ соображеніямъ непріятеля, я «пріобрѣлъ тѣ же успѣхи, не подвергавшись неудачѣ, и, что безпримѣрно «въ исторіи народовъ, такіа великія послѣдствія ослабили насъ не бо- «лае какъ 1500 человекъ, выбывшихъ изъ строя.»

«Солдаты! этотъ успѣхъ есть слѣдствіе вашей безграничной довѣрен- «ности къ вашему императору, вашего терпѣнія въ трудахъ и лице- «спіяхъ всякаго рода, вашей рѣдкой неустрашимости.»

«Но мы не остановимся на томъ: вы потерпѣлиже желаете начать «второй походъ. Мы войдемъ противъ русской арміи, перенесенной зо- «лотомъ Англіи отъ окончностей вселенной, и заставимъ ее испытать «такой же жребій.»

«Съ этою новою борьбою особенно соединена честь пѣхоты. Тамъ «вращается во второй разъ вопросъ, уже рѣшенный въ Швейцаріи и «Голландіи, вторая ли или первая въ Европѣ французская пѣхота (*)? «Тамъ, нѣтъ генераловъ, съ которыми въ борьбѣ я могъ бы пріобрѣсти «славу: мое попеченіе будетъ—одержать побѣду какъ-можно-меньше «спровождая вашей крови. Мои солдаты—дѣти мои.»

На другой день послѣ сдѣла Ульма, Наполеонъ отправился въ Аугс- «бургъ, намереваясь прибыть къ Инну прежде Русскихъ, нѣти на Вѣ- «ну, и, слѣдуя принятому рѣшенію, разстроить четыре нападенія, на- «правленныя противъ имперіи, однимъ походомъ великой арміи на ав- «стрійскую столицу.»

Зачѣмъ, послѣ счастливаго новѣствованія нашего, мы должны тот- «часъ замѣтять другое, прискорбное? Въ тѣ же самые дни октября, на- «всегда славные для Франціи, Провидѣніе жестоко вознаградило побѣды «нашихъ армій гибелью нашихъ флотовъ.»

Несчастный Вилльнѣвъ, вышелъ изъ Ферроля, желалъ, соображаясь «съ видами Наполеона, направиться къ Ламаншскому-Проливу, но неот- «разимое чувство возвратило его къ Кадиксу. Онъ былъ пораженъ ка- «кимъ-то ужасомъ при извѣстіи о соединеніи Нельсона съ адмиралами «Калдеремъ и Корнуалсомъ. Но Нельсонъ отплылъ въ Портсмуть, Кал- «деръ въ Ферроль, куда прибылъ послѣ Вилльнѣва, и одинъ Корнуалсъ «оставался передъ Брестомъ. Такъ Вилльнѣвъ потерялъ великій случай «для себя и для Франціи, хотя нельзя сказать, что вышло бы изъ не- «обычайной экспедиціи Наполеона, когда онъ былъ бы у воротъ Лондона, «а австрійскія арміи на рейнскихъ границахъ. Быстрота ударовъ его, «подобныхъ молніи, рѣшила бы, могъ ли онъ въ сорокъ дней, съ 20 «августа до 30 сентября, покорить Англію и дать Франціи два соединен- «ные скинтра надъ землею и морями?»

На пути изъ Ферроля въ Кадиксъ, Вилльнѣвъ, побуждаемый настоя-

(*) Этотъ вопросъ окончательно рѣшенъ на безчисленныхъ поляхъ сраженій, въ «Италіи при Треббю и Нови, и потомъ въ Россіи: подъ Смоленскомъ, при Лубиной, «подъ Бородинымъ, въ Малоярославцѣ, подъ Краснымъ,—нужно ли исчислять болѣе «и доказывать, чья пѣхота первая въ мірѣ? Это знаетъ вся Европа. Прим. порес.

ніями и убяженіями генерала Лористона, хотыль даже воротиться и Ламаншь, но противный втеръ заставилъ его окончательно идти в Кадиксъ. Въ виду его, 20 августа, онъ увидяль англійскихъ крейсеровъ, принялъ ихъ за соединенный флотъ непріятеля, и далъ имъ возможность уйти отъ него, не воспользовавшись даже случаемъ взять въ плънь два или три англійскіе корабли цылымъ своимъ флотомъ.

Онъ справедливо ожидалъ гнѣва наполеона, и былъ отъ-того в новомъ отчаяніи. Наполеонъ, получивъ подробное донесеніе отъ своего адъютанта Лористона, въ-самомъ-дѣлѣ, не зная мѣры своему гнѣву, говоря съ морскимъ министромъ, ругалъ Вилльнёва самыми оскорбительными словами, называя даже трусомъ и измѣнникомъ. Несчастный Вилльнёвъ не былъ ни трусъ, ни измѣнникъ. Онъ былъ добрый солдатъ и хорошій человекъ, но упавшій духомъ отъ неопытности французскихъ моряковъ и несовершенства флота ихъ, напуганный совершеннымъ разстройствомъ испанскаго флота; онъ видяль вѣрное поруженіе въ каждой встрѣчѣ съ непріятелемъ, не понимая, что Наполеонъ требовалъ отъ него не победы, а пожертвованія собою, для того, чтобы имѣть возможность пройти самому черезъ Проливъ.

Въ бурѣ событій, Наполеонъ почти забылъ о Вилльнёвѣ; но отпривляясь на берега Дуная, сдѣлалъ новыя распоряженія о флотѣ, приказывая раздѣлить брестскую эскадру на нѣсколько отдѣленій для крейсера, а флоту Вилльнёва идти изъ Кадикса въ Средиземное - Моръ. Онъ рассчитывалъ, что флотъ изъ сорока и даже сорока-шести кораблей, по соединеніи съ картагенскою дивизіею, можетъ нѣсколько времени господствовать въ Средиземномъ-Морѣ, захватить англійскіе крейсера, стоявшихъ передъ Неаполемъ, и доставить Сен-Спиру иезную помощь четырьмя тысячами солдатъ, которые были на корабляхъ. Онъ предписывалъ выйти изъ Кадикса, даже въ виду соединеннаго англійскаго флота, и лучше быть разбитымъ, нежели безчестить себя малодушіемъ.

Эти невѣрныя распоряженія, данныя въ гнѣвѣ на робость Вилльнёва не оспоренныя министромъ Декре, несмѣвшимъ повторять уже сказаннаго много разъ, были немедленно переланы въ Кадиксъ. Декре не считалъ оскорбительныя выраженія Наполеона, но упоминалъ о гнѣвѣ и упрекахъ его Вилльнёву. Извѣщая его о новомъ назначеніи, онъ приказывалъ ему зайти въ Картагену, Неаполь и Тарентъ, для исполненія означенныхъ нами инструкцій. Такъ, вполонину скрывая истину, онъ только приводилъ Вилльнёва въ недоумѣніе и отчаяніе.

Передъ самымъ отъездомъ въ Страсбургъ, Наполеонъ отдалъ послѣднее приказаніе морскому министру. «Вашъ другъ Вилльнёвъ вѣрно стривитъ выйти изъ Кадикса», сказалъ онъ ему. «Отправьте адмирала Розили принять начальство надъ эскадрою, если она еще не отправилась, прикажите Вилльнёву пріѣхать въ Парижъ, дать мнѣ отчетъ въ своихъ поступкахъ». Декре не имѣлъ духа объявить Вилльнёву это новое несчастіе, лишавшее его всякаго средства возстановить себя въ жизни, и только написалъ ему объ отъездѣ Розили, не упоминая для чего онъ не давалъ совѣта отплыть прежде прибытія Розили въ Кадиксѣ.

но надеялся, что такъ случается, и въ замѣшательствѣ, между несчастнымъ другомъ, точно виноватымъ, и императоромъ, котораго распоряженія почиталъ неосторожными, Декре впалъ въ обыкновенную погрѣшность, предоставляя событія имъ самимъ, и не принимая на себя ответственности дать имъ направленіе.

Вильнёвъ угадалъ изъ писемъ Декре все, чего не договаривали ему, и въ прискорбіи, особливо отъ незаслуженнаго упрека въ трусости, который чувствовалъ онъ въ самыхъ умолчаніяхъ министра, своего покровителя и друга, отвѣчалъ ему: «Подло и глупо будетъ, если моряки бросятъ въ меня камень. Они сами приготовить себя осужденіе. Пусть придутъ на корабли и посмотрятъ съ какими средствами надобно выходить на битву. Впрочемъ, если французскому флоту не доставало только смѣлости, какъ устроятъ, то императоръ скорѣе будетъ доволенъ и можетъ ожидать самыхъ блистательныхъ успѣховъ.»

Эти прискорбныя слова заключали въ себя предвѣщаніе событій очень-близкихъ. Вильнёвъ началъ дѣятельно готовиться къ выходу, хотя вполне видѣлъ и чувствовалъ всю недостаточность способовъ къ тому. Възвѣстъ съ нимъ приготовлялся и флотъ испанскій, еще больше неисправный и бѣдный въ средствахъ. Кромѣ плохаго состоянія кораблей, экипажи его были неопытны и не могли думать о соперничествѣ съ Англичанами, особливо при новой ихъ морской тактикѣ. Англичане оставили старинную методу идти линіею, корабль противъ корабля, и смѣло шли впередъ, не соблюдая никакого порядка, кромѣ относительной ходкости кораблей, устремлялись на непріятельскій флотъ, разрывали его, отдавали часть и ставили между двухъ огней, не боясь свадки и своихъ перекрестныхъ выстрѣловъ другъ въ друга. Опытность, искусство, увѣренность экипажей давали имъ преимущество въ этихъ отважныхъ предпріятіяхъ. Англичане произвели въ морской войнѣ почти такой же переворотъ, какой Наполеонъ произвелъ въ войнѣ сухопутной. Нельсонъ былъ вовсе не Наполеонъ, но гений въ своемъ родѣ, и въ высокой степени обладалъ качествами для наступательной войны: дѣятельностью, дерзостью, взглядомъ.

Всего больше тревожило Вильнёва состояніе испанскаго флота. Онъ состоялъ изъ красивыхъ, огромныхъ кораблей, и одинъ изъ нихъ, le Santissima Trinidad, 140-пушечный, былъ самый большой въ Европѣ. Но эти огромныя военныя машины, напомилавшія блескъ испанской монархіи Карла III, походили на турецкіе корабли, великолѣпныя по наружности, бесполезныя въ опасности. Бѣдность испанскихъ арсеналовъ не позволяла исправить ихъ, а плохое состояніе экипажей приводило въ отчаяніе. Матросы были неопытные мужики, недавно набранные въ приморскихъ городахъ, а офицеры, большею частію, стѣли своихъ матросовъ. Немногіе изъ офицеровъ, какъ то адмиралъ Гравина, вице-адмиралъ Алава, капитаны Вальдесъ, Чуррука и Галіано, могли напоминать славныя времена испанскаго флота.

Вильнёвъ, рѣшившись доказать, что онъ не трусъ, употребилъ съ сентябрь и начало октября на установленіе какого-нибудь порядка и на выборъ лучшаго въ этой амальгамѣ двухъ флотовъ. Онъ соста-

вилъ двѣ эскадры, одну боевую, другую резервную. Онъ самъ принялъ начальство надъ первою, состоявшею изъ 21 корабля, и раздѣлялъ ее на три дивизіи, изъ 7 кораблей каждая. Подъ непосредственнымъ начальствомъ его была дивизія центра; адмиралъ Джюануаръ начальствовалъ дивизіею аррьергарда, вице-адмиралъ Алава дивизіею авангарда. Резервная эскадра состояла изъ 12 кораблей и раздѣлялась на двѣ дивизіи, по 6 кораблей каждая. Адмиралъ Гравина былъ начальникомъ ея, имѣя подъ командою контр-адмирала Магона, начальника второй дивизіи.

Вся соединенная эскадра состояла изъ 33 кораблей, 5 фрегатовъ и 2 бригавъ. Вилльнёвъ хотѣлъ воспользоваться благоприятнымъ вѣтромъ 8-го октября и выйти изъ Кадикса; но три испанскихъ корабля оказались неспособными для военныхъ дѣйствій. Сами испанскіе офицеры замѣтили это. Вилльнёвъ, не желая принять ответственности въ томъ на себя, собралъ военный совѣтъ. Храбрѣйшіе офицеры обѣихъ флотовъ объявляли, что готовы всюду на исполненіе воли императора Наполеона, но что немедленно идти противъ непріятеля съ такими кораблями, какъ большая часть ихъ, есть опасная неосторожность; что при первой встрѣчѣ съ англійскимъ флотомъ, соединенный флотъ непременно будетъ истребленъ, и что лучше подождать благоприятныхъ обстоятельствъ.

Вилльнёвъ отослалъ протоколъ этого совѣщанія въ Парижъ, съ своимъ мнѣніемъ, гдѣ никакъ не одобрялъ онъ большой битвы при настоящемъ состояніи обѣихъ флотовъ. Посылая эти бесполезные документы, чтобъ лучше показать свою спокойную преданность, онъ прибавилъ, что рѣшился сняться съ якорей при первомъ восточномъ вѣтрѣ, способномъ для вывода кораблей въ море.

Нетерпѣливо ждалъ онъ минуты оставить Кадиксъ во что бы то ни стало. Наконецъ онъ видѣлъ передъ собою этого ужаснаго Нельсона, котораго образъ преслѣдовалъ его на всѣхъ моряхъ и заставлялъ не исполнить великаго порученія изъ страха встрѣтиться съ нимъ. Теперь онъ не боялся встрѣчи съ нимъ, хотя она была страшнее нежели когда-нибудь: душа, возмущенная отчаяніемъ, желала опасности, даже пораженія, какъ доказательства, что онъ имѣлъ причину избѣгать встрѣчи съ англійскими кораблями.

Нельсонъ уже приближался къ Кадиксу съ флотомъ, бывшимъ въ Лаганшскомъ-Проливѣ. У него было также 33 или 34 корабля, но испытанные продолжительными плаваніями. Онъ зналъ, черезъ испанскихъ шпионовъ, о всѣхъ приготовленіяхъ Вилльнёва, и тщательно наблюдалъ за нимъ. Инструкція, данная имъ англійскимъ офицерамъ для предстоявшаго сраженія, почитается образцовою между моряками. Зная истинное состояніе силъ Вилльнёва, онъ не побоялся оставить 4 корабля въ Гибралтарѣ, дать одинъ адмиралу Калдеру, отованному въ Англию, и отослать еще одинъ въ Гибралтарѣ, для навѣвки воды.

Въ это время получены были въ Кадиксъ послѣднія вѣсти изъ Парижа, извѣщавшія объ отъѣздѣ адмирала Розилл. Вилльнёвъ не оскорбился тѣмъ. Мысль служить съ честью подъ начальствомъ старшаго по

ину и по лѣтамъ, и подь команду его показать свою храбрость, обещала душу, угнетенную тяжестью слишкомъ-большой ответственности. Но Розли былъ уже въ Мадридѣ, а министръ ничего не объявлялъ Вильгельму о будущемъ назначеніи его при новомъ адмиралѣ. Вильгельмъ началъ думать, что его просто отряхаютъ отъ командованія, что онъ не будетъ имѣть утѣшенія сражаться съ честію даже въ качестве подчиненнаго. Чтобъ избавиться отъ такого безчестія, онъ воспользовался своими инструкціями, и тотчасъ далъ сигналъ сниматься въ акорей. 19 и 20 чиселъ весь флотъ вышелъ въ море. На видъ онъ былъ прекрасенъ. Французскіе корабли маневрировали хорошо, но испанскіе, по крайней мѣрѣ большая часть, худо.

Вскорѣ появились передовые англійскіе корабли, показывавшіе приближеніе главной ихъ эскадры. Всю ночь видны были сигналы ихъ, звывавшіе о направленіи французскаго флота. На разсвѣтъ увидѣли приближеніе англійскаго флота, раздѣленнаго на двѣ группы: первая, состоявшая изъ 12 кораблей, была подь начальствомъ самого Нельсона, другая, изъ 15 кораблей, имѣла начальникомъ адмирала Коллингууда. Вильгельмъ ясно видѣлъ намѣреніе ихъ разрѣзать флотъ его на два части, но остался почти въ прежнемъ порядкѣ: корабли соединеннаго флота были выстроены въ одну линію, неровную отъ-того, что они мало повиновались усиліямъ своихъ экипажей; резервная дивизія, по сремьному приказанію Вильгельма, также вошла въ линію и увеличилась, хотя Гравина не одобрялъ такого маневра, а контр-адмиралъ Гагонъ громко сказалъ, что это погрѣшность. Къ этому присоединилось несчастное направленіе вѣтра, которое мѣшало движеніямъ французскаго флота и способствовало нападенію Англичанъ. Въ 11 часовъ громъ началась ужасная трафалгарская битва, и къ пяти часамъ была окончена почти совершеннымъ разстройствомъ и истребленіемъ большей части испанскихъ и французскихъ кораблей. Вотъ главнѣйшія подробности ея.

Обѣ колонны англійскаго флота шли смѣло, прямо противъ огромной линіи непріятельской. Южная колонна, подь начальствомъ Коллингууда, опередила нѣсколько съверную и первая начала бой противъ средней французской линіи. Черезъ полчаса приблизилась и колонна Нельсона. На сторонѣ Англичанъ было искусство, превосходное устройство кораблей, и рѣшительность во всѣхъ маневрахъ. Отъ-того, ни одинъ изъ французскихъ кораблей не могъ имъ сопротивляться, и постепенно встрѣливаемые, громимые ядрами и картечью, они дѣлались неспособны къ сопротивленію и сдавались. Линія соединеннаго флота была взорвана сначала на двое, потомъ на нѣсколько частей, отъ-чего англійскіе корабли проходили въ промежутки, оставшіеся между кораблями, и съ двухъ, даже съ трехъ сторонъ обстрѣливали непріятелей. Вытянутые въ линію, многіе французскіе корабли были только свидѣтелями пораженія своихъ товарищей; но нѣкоторые оказали самое мужественное сопротивленіе и нанесли Англичанамъ много вреда. Корабль *трамникъ*, между огнемъ двухъ англійскихъ кораблей: *Побѣда* и *Дерби*, сражался геройски. Но былъ наконецъ такъ близко *Побѣды*, гдѣ

находился самъ Нельсонъ, что уже не могъ страдать изъ души, а храбрый капитанъ его, Люка, послалъ стрѣлковъ на марсы и отстрѣливался одной стороною отъ *Держаго*. Нельсонъ, въ старомъ фракѣ, который носилъ онъ въ дни сраженій, подвергался вмѣстѣ съ бывшимъ подлѣ него капитаномъ корабля, Гарди, огню Французовъ, но не хотѣлъ остерегаться отъ опасности. Подлѣ него былъ убитъ секретарь его, и люди падали безпрестанно. Великій морской предводитель, предметъ удивленія и ненависти Французовъ, безстрастно наблюдалъ ужасную сцену смерти и разрушенія, когда пушечная съ марсовъ *Страшного* пуля попала въ ~~спину~~ плечо его и остановилась въ ребрахъ. Копья его подогнулись, и онъ упалъ на палубу, но старался удержаться, опершись на одну руку. «Гарди», сказалъ онъ своему капитану: «Французы покончили со мною». — «Нѣтъ, нѣтъ еще», отвѣчалъ Гарди. — «Да, я скоро умру», прибавилъ Нельсонъ. Его перенесли на мѣсто перевязки, но онъ былъ почти безъ памяти и прожилъ немного часовъ. По временамъ приходя въ себя, онъ повторялъ нѣсколько разъ советъ, показывавшій глубокую его предусмотрительность: «Поставьте эскадру на якоря въ концѣ дня, поставьте на якоря».

Смерть Нельсона была величайшею потерей для англійскаго флота. Какъ-бы въ вознагражденіе за то, на *Страшномъ* было убито и ранено 522 человека изъ 640! Самъ главнокомандующій французскаго флота Вильнёвъ, бывший на кораблѣ *Буцентаръ*, совершенно изстрѣленномъ во время боя, былъ взятъ въ плѣнъ. Вообще, семнадцать кораблей французскихъ и испанскихъ было взято Англичанами; одинъ взлетѣлъ на воздухъ. Соединенная эскадра потеряла шесть или семь тысячъ человекъ убитыми, ранеными, утонувшими и взятыми въ плѣнъ. Никогда волны моря не видали такой ужасной сцены!.. Адмиралъ Гравина, оставшись послѣ Вильнёва старшимъ, далъ сначала къ отступленію и ушелъ съ одиннадцатымъ кораблемъ, кромѣ четырехъ кораблей контр-адмирала Дюмануара, отступившихъ отдаленно. Ушло также нѣсколько фрегатовъ.

Англичане одержали победу совершенную, но кровавую, дорого купленную. Двадцать-семь кораблей ихъ почти все потеряли мачты; нѣкоторые сдѣлались неспособны къ дѣйствию навсегда или до значительной починки. Потеря въ людяхъ простиралась у нихъ до 3000 матросовъ, кромѣ множества офицеровъ; но всего прискорбнѣе была смерть Нельсона, который одинъ стоялъ цѣлаго флота. Англичане вели за собою на буксирѣ семнадцать плѣнныхъ кораблей, едва державшихся на водѣ; они заслужили славу искусствомъ и неоспоримою храбростью въ дѣйствіи. Французы оказали геройство въ самомъ пораженіи своемъ.

Гравина отошелъ къ Кадиксу. Дюмануаръ, боясь встрѣчи съ неприятелемъ, направился къ проливу.

Адмиралъ Коллингвудъ недалъ трауръ по своему знаменитомъ начальнику, но не почелъ обязанностью послѣдовать его предсмертному совету, и вмѣсто того, чтобъ поставить эскадру на якоря, остался на ночь подъ парусами. Подымался опасный вѣтеръ; ночь была темная, и корабли англійскіе маневрировали съ трудомъ отъ полученныхъ ими

приказовъ, и еще должны были буксировать или охранять семнадцать вѣнскихъ кораблей. Вскора вѣтеръ усилился, и за ужасами кровавой глы послѣдовали ужасы страшной бури, какъ-будто небо хотѣло нагнать два образованнѣйшіе въ мірѣ народа, достойные съ пользою познать миротъ въ союза между собою, за нештества, какимъ предались они нѣсколько часовъ назадъ. Адмиралъ Гравина имѣлъ близкое надежное убѣжище въ Кадиксѣ; но адмиралъ Коллингвудъ, удаленный отъ Гибралтара, только на волнахъ могъ отдохнуть отъ трудовъ страданій победы. Ночью, побѣдители и побѣжденные смѣшались, и глупчано принуждены были оставить буксируемые корабли или откаться отъ надзора за другими. На *Буценштеръ*, англійскій караулъ представлялъ остальному экипажу избавиться отъ опасности, и Французы радостію поставили запасныя мачты и направились къ Кадиксу, куда залъ ихъ ураганъ. *Альжескрасъ*, гдѣ былъ трушъ несчастнаго адмирала Магона, почти насильно овладѣлъ англійскій караулъ и также плыль въ Кадиксу, куда и прибылъ послѣ безчисленныхъ трудовъ и опасностей. *Буценштеръ* разбился на тамошнемъ рейдѣ, толкнувшись о скалу. Тамъ же погибъ стоявшій на якорѣ *Неукротимый*. Изъ числа тававшихся у Англичанъ вѣнскихъ кораблей, *Страшный*, такъ храбро ержавшійся съ *Побѣдою* и нанесшій смерть Нельсону, потонулъ, гдѣ у него вдругъ оторвалась корма, изстреленная во время битвы. За испанскіе корабли погибли у береговъ Испаніи.

Англійскій флотъ, удерживаемый противными вѣтрами, оставался въ виду Кадикса, когда оттуда вышелъ неустрашимый капитанъ Космао съ пятью кораблями и пятью фрегатами, и направился прямо противъ англійской эскадры. Коллингвудъ выставилъ противъ него десять меньше поврежденныхъ кораблей своихъ, но при этомъ движени по необходимости отдался отъ плѣнныхъ кораблей, при чемъ французскіе фрегаты захватили два изъ нихъ и взяли ихъ на буксиръ. Словальный усмѣхомъ, Космао возвратился съ двумя отбитыми кораблями въ Кадиксѣ. Но Коллингвудъ, видя, что ему трудно сохранить свою бычу, потопилъ или сжегъ четыре другіе корабля, въ томъ числѣ и командный *Le Santissima Trinidad*.

Наконецъ, англійскій адмиралъ возвратился въ Гибралтаръ, и привелъ съ собою только четыре изъ семнадцати взятыхъ кораблей: и изъ нихъ еще надобно было потопить одинъ.

Что представляетъ намъ габралгарская битва, наименованная такъ во имя мыса, близъ котораго она происходила? Неопытныхъ моряковъ союзниковъ ихъ еще больше неопытныхъ, дѣстиванну слабую, малочисленную часть въ небреженіи, вездѣ поспѣшность, со всеми ея по-

дѣйствіями. Начальникъ, живое чувствительное существо, предвидѣть страшныя неудачи и въ то время произведеніемъ маневровъ своихъ предпріятіямъ своего командира; раздѣляемый съ нимъ всеобщее не привыкая въ соображеніи, матеріальнаго урона не считая, хотѣлъ продолжать на сухомъ пути; покажи намъ моря, совершить эту работу своихъ упрямствъ адмирала, большаго достоинства командира; ждали порицанія; адмиралъ отказывается отъ отчаянія; и истощая и несчастная фортуна лишилась еще даже ишюды ветра; половина флота безъ извѣстности отъ своего начальника или отъ приближеній отплылъ, другая бѣжитъ отчаянно съ одной стороны разсѣиваясь; оставшія храбрыя, съ другой чероюская неопытность, жестокая гибель, страшное производящее, абсолютное истребленіе; послѣ неостовствъ людей несчастнаго бунта, свободны поглотить трюмы побѣдителя; торжествующій предводитель губить побѣжденный думаетъ о самоубійствѣ — таково была доковая трагическая битва съ ея приключениями, послѣдствіями и трагическими подробностями.

Можно было наречь дѣло этого великаго бѣдствія пожеланіемъ счастья для нашего флота. Надобно было бы разсказать какъ это происходило. Сраженіе некоторыхъ кораблей могло быть съ гордою описано рядомъ съ удѣскими торжествами. Мужество несчастнаго достоянія удивленія не меньше мужества счастливаго; оно трогательнѣе. Счастью того, фортуна такъ осмысляетъ насъ своими благосклонностями, что можно было объявить и о некоторыхъ ея жестокостяхъ. Потому, надобно было награждать людей, благородно исполнившихъ свой долгъ, и предать военному суду устрашенныхъ ужасомъ зрѣлища и удаленныхъ отъ битвы. Хотя бы дѣйствія ихъ, въ другихъ случаяхъ были хороши, но должно было пожертвовать этими людьми, для установленія дисциплины ужаснымъ примѣромъ. Всего больше правительству надобно было надѣяться, урокъ, самому-себѣ въ кровавомъ дерзновеніи трагическомъ, сознаться, что нельзя ничего дѣлать насъпахъ, и особенно когда дѣло идетъ о флотѣ, нельзя доводить въ дѣшевую битву эскадры, неопытные въ морѣ, и надобно сначала образовать ихъ частыми и отдаленными крайсерствами.

(*) Риторическія фразы г-на Тьера нисколько не посвящаютъ трагическую битву. Она была проиграна Французами и Испанцами не отъ того, чтобъ у нихъ было меньше искусства и даже храбрости, нежели у Англичанъ; у нихъ не было мало души, рѣшимости, и мужества. Событія были неслучайны и устремлены въ свои слѣдствія. Тѣ же Французы оказывали чудеса храбрости и искусства подъ знаменемъ Наполеона до 1812 года, а въ 1813 году терпѣли пораженіе почти при всякомъ встрѣчѣ; только дѣшными изъ союзныхъ генераловъ не было слышно дѣшными маршаловъ. Прим. перса.

Добрый и великий король не успевая въ такіе разсудки, награждать также по справедливости и труду, и ждала только выгнать светъ съ лица земли, и приобрести для отчужденных и докторскихъ: — слабость, и отстать отъ насъ, и уступить намъ, и не думать надъ добромъ. Наши морскія корабельныя команды, въ составъ стрелачій, и даже смешавшо съ испанскими морскими въ Кадысь, и даже увидя, что испанскій король награждать чинами и званіемъ Испанскія, и Французскія стрелаческой битвы, а не особымъ награждать въ отдаленіи Испанскія, и Французскія, что какъ награждать, когда Французскія не награждать ничемъ, и говорили намъ, что верятъ, что какъ получить награды за свое мужество. Ничего не бывало: храбро, и трусы, между Французами равно были награждаемы въ битвахъ.

Адмиралъ Декре испыталъ глубокую горестъ, когда получилъ извѣстіе о пораженіи подъ Трафалгаромъ. Онъ, съ своимъ умомъ, съ отличнымъ знаніемъ морскаго дѣла, всегда извѣщалъ своего государя о пораженіяхъ и бѣдствіяхъ, когда во всемъ другомъ тотъ выдавалъ только успахи. Онъ сообщалъ ему и теперь печальныя подробности о битвѣ, когда Наполеонъ, въ ораніонѣ полетъ своимъ, уже приближался къ Битвѣ. Хотя извѣстіе несчастливое съ трудомъ могло проникнуть въ душу, и побужденію торжествами, однако трафалгарская новость опечалила и даже глубоко оскорбила Наполеона. Но онъ былъ теперь меньше нежели обыкновенно строгъ къ Вильяему, потому что несчастный сражался храбро, хотя и очень неосторожно. Наполеонъ поступилъ въ этомъ случаѣ, какъ часто поступаютъ люди сильные и слабые: онъ старался забыть печаль свою, и хотѣлъ, чтобъ другіе постарались забыть ея. Онъ желалъ, чтобъ во французскихъ журналахъ немного говорили о Трафалгарѣ, и упоминали о немъ, какъ о неосторожномъ сраженіи, гдѣ мы больше потерпѣли отъ бури, нежели отъ непріятеля. Онъ не хотѣлъ также ни награждать, ни наказывать, что было жестокою несправедливостію, недостойною его и духа его правительства. Въ душѣ его рождалось тогда особенное чувство, которое внушало ему такой ничтожный образъ дѣйствій: онъ начиналъ отъиваться во французскомъ флотѣ. Онъ открывалъ больше варный, больше неопытный способъ поразить Англію — поразить ее въ союзникахъ, получившихъ отъ нея деньги, отнять у нея твердую землю и совершенно загнать оттуда ея торговлю и вліяніе. Онъ естественно могъ предпочитать способъ, который дѣйствовалъ превосходно, и съ осторожностію могъ бы мѣтвое достигнуть имъ своей цѣли. Съ этого времени, Наполеонъ меньше думалъ о морской силѣ и хотѣлъ, чтобъ всѣ меньше думали о ней.

Сама Европа, какъ-бы соглашалась съ его желаніемъ, охотно готова была молчать о трафалгарской битвѣ. Звукъ шаговъ его на твердой

земля могла слышать громъ трафальгарскихъ пушекъ. Державы, у которыхъ противъ груди была шпига нецелесоюза, не выигрывали ничего отъ морской победы, полезной одной Англии, имавшей послѣдствіемъ только новое распространеніе торговаго ея владычества, котораго она не любила и терзала его только изъ зависти къ Франціи. Смерхъ того, слава Британіи не утѣшала ихъ въ собственномъ униженіи. Трафалгаръ не затмилъ блеска Ульма и, какъ увидимъ вскоре, не уменьшилъ никакого изъ его послѣдствій.

III.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА РОССИИ.

ВОЗРЪНІЕ СОВРЕМЕННАГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА МАРТЬ 1847 ГОДА.

I. Государственные учреждения. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

Къ штату Экспедиціи Московской Судной Казны прибавленъ еще одинъ помощникъ бухгалтера и одинъ писецъ высшаго оклада, съ тѣмъ одержаніемъ и выгодами, какіе предоставлены по мѣсту лицамъ, занимающимъ нынѣ подобныя должности.

— Высочайше утверждены правила разробительной продажи ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ, съ такимъ въ нихъ дополненіемъ: во-первыхъ, чтобъ въ каждомъ свидѣтельствѣ, на покупку этихъ веществъ выдаваемомъ, было всегда означено количество поменованныхъ въ немъ матеріаловъ, и во-вторыхъ, чтобъ употребленіе во зло купленныхъ ядовитыхъ веществъ оставалось на ответственности покупателя въ такомъ лишь случаѣ, когда не будутъ приняты имъ достаточныя мѣры къ охраненію правильнаго употребленія сихъ веществъ. Представляемъ извлеченіе изъ этихъ правилъ:

Вещества ядовитыя и сильнодѣйствующія раздѣляются на три разряда, смотря по большей или меньшей ихъ опасности для здоровья или жизни людей и необходимости для технического, или исключительно для фармацевтическаго употребленія оныхъ. Къ первому разряду принадлежатъ ядовитыя вещества, торговля которыми разрешается только известнымъ лицамъ. Ко второму ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, торговля которыми разрешается при известныхъ условіяхъ. Къ

третьему тѣ ядовитыя и сильнодѣйствующія вещества, которыя употребляются единственно для врачеванія. Торговля ядовитыми и сильнодѣйствующими веществами дозволяется не иначе, какъ на основаніи постановленныхъ ниже сего правилъ. Веществами перваго разряда дозволяется торговать: въ столицахъ и портовыхъ городахъ Рига, Одесса только купцамъ первой и второй гильдіи; въ губернскихъ уездныхъ городахъ одному купцу, безъ различія гильдіи, по выбору общества; если же купечества нѣтъ, или не будетъ изъ онаго желавшаго, право продажи предоставляется исключительно аптекарямъ. Вещества втораго разряда могутъ быть продаваемы во всѣхъ безъ изъятія городахъ купцами трехъ гильдій, а гдѣ не будетъ изъ нихъ желающихъ, продажа производится исключительно аптеками. Аптекари пользующіеся на семъ основаніи правомъ торговли ядами и проч., обязаны продавать оныя по вольнымъ цѣнамъ, но не выше цѣны аптекарской таксы. Вещества третьяго разряда дозволяется матеріалистамъ продавать только въ аптеки, и по каталогамъ и по требованіямъ врачей. Такъ-какъ вещества, перваго и втораго разрядовъ, необходимы не только для аптекарей, но и для многихъ художниковъ, фабриковъ и мастеровъ, какъ-то: для живописцевъ, маляровъ, золотыхъ, бронзовыхъ-дѣлъ-мастеровъ, ювелировъ, слесарей, и въ особенное на фабрикахъ: стеклянныхъ, фарфоровыхъ, бумажныхъ, зеркальных, красильныхъ, шляпныхъ, ситцевыхъ и многихъ другихъ, то пріобрѣтеніе этихъ матеріаловъ дозволяется снѣмъ лицамъ, но только дѣйствительно означенными мастерствами и работами занимающимся, и при продажѣ имъ этихъ веществъ наблюдаются слѣдующія предосторожности: всякій фабрикантъ, художникъ или ремесленникъ долженъ имѣть на это свидѣтельство отъ ремесленной управы; или отъ цеха, или отъ полиціи. Художники въдомства Академіи Художествъ и лица, служащіе при учебныхъ и другихъ казенныхъ заведеніяхъ, получаютъ свидѣтельства отъ своего начальства. Лицамъ прочихъ званій (кроме аптекарей и врачей) пріобрѣтеніе ядовитыхъ и сильнодѣйствующихъ веществъ вовсе запрещается. Заявляющіе вольными аптеками, и покупая ядовитыхъ веществъ перваго и втораго разрядовъ, имѣющіе свидѣтельство, предъявляютъ лишь удостовѣреніе мѣстнаго медицинскаго начальства въ томъ, что они дѣйствительно имѣютъ таковыя аптеки въ своемъ управленіи. Злоупотребленіе купленного яда, когда покупатель не приметъ достаточныхъ мѣръ къ охраненію правительственнаго употребленія онаго, остается на ответственности покупателя.

II. ГУБЕРНСКІЯ УЧРЕЖДЕНІЯ. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Иркутскимъ купцамъ, отправляющимся для торговли въ Камчатку дозволено выдавать свидѣтельства изъ Иркутскаго Окружнаго Командирства въ мѣзъ мѣсяца, на произведство тамъ торговли въ послѣдующемъ за тѣмъ году.

— Постановлено, чтобы дома Евреевъ въ Каменца-Подольска въ за-
мѣ по обязательствамъ съ казною вообще не принимать.

— Александринскому Банку въ городѣ Тулѣ дозволено, независимо
отъ залоговъ, разрѣшенныхъ къ приему подлѣ выдаваемыя изъ онаго
уды выданными для него положеніемъ, принимать сверхъ-того и
цѣты кредитныхъ установленій, на точномъ основаніи правилъ, въ
стѣяхъ 507 и 510 Учрежд. и Уст. о Общ. Прав. (Св. Зак. т. XIII)
установленныхъ.

— Между городами Островомъ и Новоржевомъ учреждены, вмѣсто
бухъ, три станціи въ деревняхъ: Погоралька, Шика и Пофужья.

— Перхушковская почтовая станція, Московской-Губерніи, переве-
дена въ село Юдино, отстоящее отъ Москвы на 28 верстѣ и отъ Под-
ольинской станціи на 27³/₄ версты.

— Для существующихъ въ городѣ Тираснолѣ, Херсонской-Губерніи,
рѣхъ семидневныхъ армарокъ: Вознесенской, Покровской и Средопо-
гонной, установлены восьмидневные сроки.

III. Законы относительно службы гражданской.

— Должность председательствующаго бывшей Таврической Межевой
комиссіи отнесена къ первой степени III-го разряда пенсіоннаго рос-
сана.

— По вопросу генералъ-губернатора Западной-Сибири на счетъ
предложенія въ службу молодыхъ людей, воспитывающихся въ сибир-
скихъ гимназіяхъ и въ-послѣдствіи исключенныхъ изъ университета
за неодобрительное поведеніе, — этимъ молодымъ людямъ дозволено, съ
разрѣшенія главнаго мѣстнаго начальства, вступать въ службу и сохра-
нить право на чинъ 14-го класса, съ утвержденіемъ въ немъ не пре-
же года, но съ старшинствомъ со времени определенія, показывая въ
послужныхъ спискахъ ихъ исключеніе изъ университета. (Ук. Прав.
26 февр.)

— Высочайше повелѣно: 1) Строжайше подтвердить всѣмъ подвѣдом-
ственнымъ мѣстамъ и лицамъ, чтобы при определеніи чиновниковъ на
должности, предоставленныя имъ распоряженію, перемѣщенія и уволь-
ненія ихъ, немедленно доносили чрезъ подлежаща начальства о всѣхъ
имѣющихъ происходить по замѣщенію должностей перемѣнахъ. 2) Въ
случаѣ неблагонадежности или злоупотребленій со стороны чиновни-
ковъ, отстранять таковыхъ отъ занимаемыхъ ими должностей и доно-
сить Его Императорскому Величеству, за что они отъ исправленія дол-
жностей удалены, для внесенія о томъ въ Высочайшій приказъ по гра-
жданскому ведомству. 3) Чиновниковъ изъ одного министерства въ дру-
гое и отъ одного рода службы къ другому не переводить безъ Высо-
чайшаго разрѣшенія. 4) Сибирскія губерніи и Закавказскій Край оста-
ются на томъ положеніи, которое имъ по особымъ уваженіямъ предо-
ставлено, съ тѣмъ, чтобы о всѣхъ перемѣнахъ извѣщаемъ былъ Ин-
спекторскій Департаментъ Гражданскаго Ведомства. (Ук. Прав. Сен.
28 февр.)

— Въ дополненіе къ вышеизложенному повеленію, Государь Императоръ повелѣть соизволять, чтобы о переходахъ изъ одного министерства въ другое представляемо было на Высочайшее Его Императорскаго Величества благоусмотрѣніе о всѣхъ вообще чиновникахъ, занимающихъ штатныя должности, за исключеніемъ поступающихъ въ число канцелярскихъ служителей; въ-отношеніи же перехода чиновниковъ на разнородныя должности изъ одного мѣста въ другое внутри каждаго вѣдомства, согласно потребности, руководствоваться въ точности Высочайше утвержденнымъ въ 5-й день сентября 1846 года положеніемъ объ Инспекторскомъ Департаментѣ Гражданскаго Вѣдомства. (Ук. Прав. Сен. 11 марта.)

— По вопросу о мѣрахъ взъисканія за нераданіе къ службѣ и дурное поведеніе, съ чиновъ корпуса гражданскихъ топографовъ, невыслужившихъ установленнаго срока въ вѣдомствѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ, Высочайше повелѣно: 1) Съ этими чинами, вместо увольненія ихъ отъ службы, поступать слѣдующимъ образомъ: а) *неклассныхъ межевыхъ чинать*: а) тѣхъ изъ нихъ, которые происходятъ изъ потомственныхъ дворянъ, передавать въ военное вѣдомство, для поступленія въ нижніе чины, съ правами, слѣдующими имъ по ихъ происхожденію, но безъ правъ на производство въ гражданскіе чины, которые слѣдовали бы имъ по воспитанію въ Лѣсномъ и Межевомъ Институтѣ; б) тѣхъ, которые происходятъ изъ обер-офицерскихъ дѣтей, назначать на два или на три года въ составъ лѣсной стражи *обязательными*, съ тѣмъ, однако, что если они въ-теченіе трехъ лѣтъ не исправятся и не окажутся достойными къ обратному переводу ихъ въ корпусъ гражданскихъ топографовъ, то передавать такихъ въ нижніе воинскіе чины, равнозарно съ правами по ихъ происхожденію, но безъ правъ по воспитанію. Причемъ годные могутъ поступать во фронтъ, а имѣющіе какіе-либо телесные недостатки, въ писаря; и наконецъ в) тѣхъ, которые происходятъ изъ *воспитанниковъ воспитательныхъ домовъ*, незвѣстнаго происхожденія, зачислять въ составъ лѣсной стражи *стрѣлками*, съ зачетомъ имъ въ службу стрѣлками времени служенія ихъ въ корпусѣ гражданскихъ топографовъ; и о *классныхъ межевыхъ чинать*: тѣхъ изъ нихъ, которые, за всеми принятыми начальствомъ ихъ мѣрами взъисканія, за нераданіе къ службѣ и дурное поведеніе, не исправляются, судить военнымъ судомъ при Лѣсномъ Аудиторіатѣ, согласно тому, какъ это установлено для чиновъ корпуса лѣсничихъ, съ тѣмъ, чтобы судъ, смотря по мѣрѣ вины подсудимаго, вместо исключенія изъ службы, опредѣлять въ наказаніе перемѣщеніе съ вышей должности на высшую, даже съ класснаго мѣста на мѣсто канцелярскаго служителя, или писца, или отсылку на службу въ отдаленныя губерніи, или, наконецъ, разжалованіе въ копѣисты, съ выслугою, или безъ оной, также, когда признается нужнымъ, съ отсылкою въ отдаленныя губерніи, и 2) Правила эти распространить и на чиновъ Межеваго Корпуса, съ тѣмъ только, чтобы въ преданіи суду чиновъ этого корпуса, какъ состоявшихъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ, соблюдался существующій нынѣ порядокъ.

IV. ЗАКОНЫ РЕКРУТСКИЕ.

— Въ дополненіе подлежащихъ статей Рекрутскаго Устава постановлено: по правилу, определенному въ 1-мъ пунктѣ 101-й ст. Рекрут. Уст., казенныя палаты или, по принадлежности, палаты государственныхъ имуществъ даютъ еврейскому семейству дозволеніе на раздѣлъ тогда только, когда члены его, желающіе отдѣлаться, представляютъ утвержденный думою, или ратушею, или магистратомъ, или же подлежащимъ сельскимъ старшиною и смотрителемъ поселенія Евреевъ приговоръ общества, что раздѣлъ происходитъ въ-слѣдствіе необходимости, и что на оный какъ общество, такъ и остающіеся въ семействѣ члены согласны. (Ук. Прав. Сен., 28-го февраля.)

— По вопросу объ отправленіи рекрутской повинности натурою на частныхъ горныхъ заводахъ, постановлено: владѣлецъ нѣсколькихъ по-сессионныхъ горныхъ заводовъ можетъ соединить ихъ въ одинъ, или сообразно ст. 41-й Рекрут. Уст. (Свода Зак., т. IV), въ два рекрутскіе участка. Если при такомъ соединеніи по доставляемымъ отъ Горнаго Правленія (на основаніи примѣчанія къ той же 41-й ст.) въ казенную палату ведомостямъ окажется, что общее на тѣхъ заводахъ число людей больше, нежели по штатамъ для заводскихъ дѣйствій положено, то въ такомъ случаѣ владѣльцамъ дозволяется за людей штатныхъ всѣхъ заводовъ отправлять рекрутскую повинность натурою, такъ, какъ-бы за людей штатныхъ одного завода, съ сохраненіемъ, однакожъ, въ своей силѣ прочихъ условій, въ ст. 10-й Рекрутскаго Устава определенныхъ. (Ук. Прав. Сен., 28-го февраля.)

V. ЗАКОНЫ УГОЛОВНЫЕ.

— Мастерамъ и фабрикантамъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій вма-нено въ обязанность всѣ ювелирныя вещи, какой бы онѣ формы и вѣса ни были, хотя бы и менѣе половины золотника, выдѣлывать не иначе, какъ установленныхъ пробъ; въ случаѣ же приготовленія означенныхъ издѣлій ниже пробъ, повелѣно виновныхъ въ томъ мастеровъ и фабрикантовъ подвергать, по судебному приговору, тому же взыска-нію, какое определено въ статьѣ 1842 г. Уложенія о Наказаніяхъ Уго-ловныхъ и Исправительныхъ за вещи, неимѣющія установленныхъ клеймъ, т. е. конфискаціи издѣлій и платежу пени втрое противъ стои-мости заключающагося въ тѣхъ издѣліяхъ металла. (Ук. Прав. Сен., 28 февраля.)

— По вопросу касательно порядка производства дѣлъ о людяхъ, ищущихъ вольности отъ разночинцевъ, постановлено: 1) По дѣламъ о ищущихъ вольности по прожитательству у разночинцевъ и другаго званія людей, неимѣющихъ права владѣть крестьянами, уголовныя палаты составляютъ первую степень суда, куда дѣла эти поступаютъ прямо по изслѣдованію и рѣшаются тамъ окончательно, если только объ стороны, по объявленіи имъ приговора Палаты, останутся оными довольны и отъявовъ не подадутъ; 2) окончательныя приговоры уголовныхъ па-латъ по означеннымъ дѣламъ объявляются публичнымъ участникамъ въ

дела въ самой палатѣ, а отсутствующимъ чрезъ городскія и земскія полиціи, или чрезъ губернскія ведомости; 3) отзывы на рѣшенія уголовныхъ палатъ представляются уголовнымъ департаментомъ Правительствующаго Сената въ сроки, опредѣленные въ ст. 1325 и 1328 Свода Зак., т. XV (изд. 1842 г.) съ соблюденіемъ и постановленій въ ст. 1329 и 1330 того же тома правилъ; 4) лица, отыскивающія свободы, изъемятся отъ великихъ судебныхъ надержекъ, и упомянуты выше (п. 3-й) отзывы подаютъ на простой бумага и безъ взноса апелляціонныхъ пошлинъ; 5) дела о ищущихъ вольности по прокурательству у разночинцевъ и другихъ лицъ, неимѣющихъ права имѣть крепостными людьми, поручаются особенному повеченію губерскихъ прокуроровъ, и въ случаѣ несогласія прокурора съ приговоромъ уголовной палаты, представляются въ подлежащіе уголовные департаменты Правительствующаго Сената, а 6) дела эти, какъ въ уголовныхъ палатахъ, такъ и въ Правительствующемъ Сенатѣ, входятъ въ очередь для слѣдственныхъ. (Высоч. утвержд. мн. Госуд. Сов., 20 января.)

— Въ Финляндіи возникло дело о жестокомъ обращеніи надворнаго советника Конопляна съ крепостною своею дѣвкою. Хотя законы Имперіи и Финляндіи согласны въ томъ, что уголовное преступленіе судится тамъ, гдѣ оно содѣяно; но какъ дела о жестокомъ обращеніи съ крепостными людьми, по величію въ Финляндіи законныхъ постановленій на счетъ крепостнаго права, имѣютъ особенное свойство, то Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: по деламъ, возникающимъ въ Финляндіи между помѣщиками и ихъ крепостными людьми, производить тамъ только формальное слѣдствіе, а потомъ слѣдствіе это препровождать чрезъ финляндскаго генерал-губернатора въ Министерство Юстиціи на дальнѣйшее производство.

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА МАРТЪ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе. При астраханскихъ двухъ мужскихъ и одномъ женскомъ приходскихъ училищахъ разрѣшено имѣть особыхъ почетныхъ блюстителей, по одному при каждомъ училищѣ, преимущественно изъ купеческаго сословія.

— Равнымъ образомъ и при учреждаемомъ въ Рязнѣ женскомъ начальномъ училищѣ дозволено имѣть на первый случай, впредь до открытія тамъ другаго подобнаго же заведенія, двухъ блюстителей, преимущественно изъ купеческаго сословія.

— Высочайше повелѣно: 1) для облегченія родителей въ пригото-

нѣмъ дѣтей для поступленія въ Императорское Училище Правовѣдѣнія, открыть при ономъ приготовительный классъ, на точныхъ основаніяхъ Высочайше утвержденного устава училища, безъ всякаго пособія казны, единственно платою, вносимою для пансіонеровъ и непревышающею 450 р. с. въ годъ за каждаго; 2) въ приготовительномъ классѣ преподавать слѣдующіе предметы: законъ Божій, языки русскій и славянскій, латинскій, французскій и нѣмецкій, ариметнику, всеобщую исторію и географію; сверхъ-того чистописаніе, рисованіе, танцованіе, музыку и гимнастику; 3) курсъ ученія долженъ продолжаться одинъ годъ. Для занятій уроками воспитанниковъ назначается пять или шесть часовъ ежедневно. Экзаменъ долженъ производиться подобно тому, какъ въ Училищѣ Правовѣдѣнія, въ присутствіи директора, инспектора классовъ и преподавателей, и 4) воспитанники должны быть помѣщены въ самомъ зданіи училища, или же въ особомъ домѣ близъ онаго. Въ свободное отъ ученія время, надзоръ за ними долженъ быть такой же, какъ и въ самомъ училищѣ, для чего определять въ этомъ классѣ трехъ воспитателей, съ жалованьемъ и всеми прочими правами воспитателей Императорскаго Училища Правовѣдѣнія. Число учащихся должно быть 40.

— Въ февралѣ прошлаго года собралось нѣсколько любителей археологій и нумизматики, для обсужденія плана и средствъ основанія ученаго общества, котораго совоуцные труды могли бы усилить изученіе и познаніе древностей въ нашемъ отечествѣ. Въ этомъ собраніи представленъ и обсужденъ былъ проектъ статутаовъ предполагаемаго общества, который и положено представлять на утвержденіе высшаго начальства.

Статуты представлены были господиномъ министромъ народнаго просвѣщенія Государю Императору, и Высочайше утверждены 15-го мая 1846 года, въ Варшавѣ.

Вотъ эти *статуты Археологическаго Нумизматическаго Общества въ Санктпетербургѣ.*

«§ 1. Цѣль общества будетъ состоять не только въ изученіи классической археологій въ собственномъ ея смыслѣ, но и въ особенности археологій и нумизматики новѣйшихъ временъ странъ западныхъ и восточныхъ. Оно будетъ имѣть въ виду ознакомленіе съ существованіемъ монетъ, медалей и изящныхъ произведеній древности, еще неизвѣстныхъ въ ученомъ свѣтѣ, которыя бы могли открыты быть въ Россіи.

«§ 2. Общество состоитъ изъ действительныхъ членовъ, почетныхъ членовъ, корреспондентовъ и членовъ-сотрудниковъ, какъ въ Россіи, такъ и за границею. Лица, подписавшія прошеніе объ утвержденіи общества, именуется членами-учредителями.

«§ 3. Общество имѣетъ президента, вице-президента, двухъ секретарей, изъ которыхъ одинъ для русскаго языка, казначея и бібліотекаря.

«§ 4. Число членовъ общества не ограничено. Действительные члены платятъ по двѣнадцати рублей серебромъ въ годъ, назначаемыхъ на

покрытие расходов общества; они одни имеют право подавать голоса при разрешеніи дѣлъ.

§ 5. Лицо, желающее получить званіе дѣйствительнаго члена, обязано изъяснить свое желаніе о томъ письменно президенту общества. Просьба его должна быть поддержана двумя дѣйствительными членами онаго.

§ 6. Дѣйствительный членъ имеетъ право предложить кого-либо къ избранію въ почетные члены, въ члены-корреспонденты или въ сотрудники общества.

§ 7. Принятіе въ дѣйствительные и другіе члены производится посредствомъ баллотировки. Предложенное лицо должно приобрести двѣ трети присутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ, которые во всякомъ случаѣ должны составлять, по-крайней-мѣрѣ, половинное число членовъ общества, въ Санктпетербургѣ на лицо находящихся. Тайная баллотировка можетъ допущена быть и по требованію одного члена. Избраніе членовъ имеетъ быть не болѣе трехъ разъ въ годъ, и должно быть предложено, по-крайней-мѣрѣ, за мѣсяць впередъ.

§ 8. Постороннее лицо можетъ допущено быть къ засѣданіямъ по представленію о томъ президента.

§ 9. Общество издастъ статьи о своихъ трудахъ, на русскомъ, французскомъ или нѣмецкомъ языкахъ. Оно обязано заботиться, чтобы тѣ изъ нихъ, которыя касаются собственно до Россіи, были всегда написаны или переводимы на природный языкъ.

«Труды Общества» выходятъ тетрадями, съ присовокупленіемъ гравюръ, если такія необходимы для поясненія текста.

§ 10 Дѣйствительный членъ получаетъ безденежно экземпляръ «Трудовъ Общества».

§ 11. Общество обыкновенно имеетъ одно засѣданіе въ мѣсяць, и, сверхъ-того, одно годовое экстраординарное, въ которомъ читается отчетъ о трудахъ общества въ-теченіе года».

Его Императорское Высочество герцогъ Максимилианъ Лейхтенбергскій изволилъ принять на себя званіе президента.

Въ вице-президенты избраны были дѣйствительные статскіе совѣтники Я. Я. Рейхель и Ф. А. Жиль; секретарями: для иностранной переписки, докторъ Кене (Köhne), для русской, капитанъ Бартоломей; казначеимъ, статскій совѣтникъ Демезонъ.

Кромъ этихъ пяти лицъ, званіе членовъ-учредителей носятъ еще шестнадцать лицъ, которыхъ фамиліи помѣщаемъ здѣсь въ алфавитномъ порядкѣ, князь М. П. Баратаевъ, князь Феофанъ Гагаринъ, князь С. В. Долгоруковъ, князь Р. Кантакузинъ, коллежскій ассесоръ Келеръ, адъютантъ Академіи Наукъ, Куницъ, докторъ Э. Муральтъ, Г. Прейсъ, І. Сабатье, Л. Сабатье, П. С. Савельевъ, Фр. Сегенъ, князь А. Сибирскій, Мирза Джафаръ Топчибаевъ, графъ А. С. Уваровъ, академикъ Х. Д. Френъ.

Въ-теченіе 1846 года избраны были въ дѣйствительные члены: г. Бычковъ, графъ Езерскій, князь Кочубей, живописецъ г. Пикаръ,

вѣтъ В. А. Соллогубъ, графъ А. Строгановъ, генералъ Фредервизъ, профессоръ архитектуры Штакеншнейдеръ и графъ П. Шуваловъ.

Въ почетные члены избранъ былъ единогласно господинъ министръ роднаго просвѣщенія графъ Сергій Семеновичъ Уваровъ.

Дипломы для гг. членовъ, пребывающихъ въ Россіи, напечатаны на русскомъ, а для иностранныхъ членовъ на латинскомъ языкѣ; они рашены изображеніемъ Петра—Великаго, перваго изъ монарховъ, ратившаго вниманіе на сохраненіе разваливъ знаменитыхъ городовъ Россіи и предписавшаго указомъ охранять ихъ.

Такимъ-образомъ составилось Археологическо-Нумизматическое Общество. Труды его будутъ издаваться книжками, и первая уже печатается. Въ подгода своего существованія, общество не могло произвести много. Но нѣтъ сомнѣнія, что, при дальнѣйшемъ своемъ развитіи, оно имѣетъ полезное вліяніе на распространеніе въ Россіи вкуса къ археологическимъ разысканіямъ и приведетъ въ извѣстность драгоценныя монеты, которыхъ такое обиліе скрывается въ нашихъ музеумахъ и частныхъ коллекціяхъ.

Археологическо-Нумизматическое Общество охотно принимаетъ на себя отвѣчать на разные вопросы касательно объясненія и оцѣнки вещей и древностей. Особы, желающія продать предметы этого рода, могутъ также обращаться къ обществу, которое имѣетъ въ числѣ своихъ членовъ обладателей богатыхъ и драгоценныхъ собраній. Вся подобныя вопросы могутъ быть обращены на имя одного изъ господъ кретарей.

Привилегіи. Александровскому 1 гильдіи купцу и почетному гражданину Ивану Баранову предоставлено право употреблять государственнѣй гербъ на вывѣскѣ и издѣліяхъ его фабрики для крашенія бумажной пражы и тканья разныхъ бумажныхъ матерій, по уваженію отличнаго качества и разнообразія издѣлій, обширнаго производства ихъ, употребленія отечественныхъ—красильныхъ матеріаловъ вмѣсто иностранныхъ, пониженія цѣнъ на бумажныя ткани, окрашенныя въ крапивою адрианопольскій цвѣтъ и значительнаго сбыта ихъ въ Среднююзію.

— Содержателю заведенія стальныхъ издѣлій, Нижегородской—Губерніи, Горбатовскаго Уѣзда, въ селѣ Павловѣ, вотчины графа Шереметева, крестьянину Ивану Калакину также дозволено употреблять государственнѣй гербъ на вывѣскѣ стального его заведенія и на издѣліяхъ, по тому уваженію, что Калакинъ, занимаясь 35 лѣтъ выдѣлкою стальныхъ ожей и бритвъ, довелъ доброту ихъ и чистоту отдѣлки собственнымъ волею трудомъ и опытомъ до высокой степени совершенства и обучилъ тому мастерству до 100 чел.

— Выданы привилегіи: 1) Бельгійскому подданному Г. Л. Фалиссе а изобрѣтенный имъ способъ отстраненія жара, происходящаго отъ ренія мельничныхъ жернововъ. Этотъ способъ, по объясненію изобрѣтателя, состоитъ въ томъ, а) что мука, смолотая на жерновахъ, выхотить въ большемъ количествѣ и лучшаго качества, такъ—какъ она бываетъ совершенно освобождена отъ развивающейся при обыкновенномъ

перемола теплоты, столь вредной для ея доброкачественности; б) жернова, вращаясь въ безвоздушномъ пространствѣ, требуютъ, для его содѣйствія, менше движущей силы, и в) что при перемола муки и надобности въ устройствѣ особыхъ вентилаторовъ, для уменьшенія роста воздуха, которые нынѣ употребляются во всѣхъ хорошо-устроенныхъ мельницахъ. 2) Архитекторомъ Руско и Квадри на изобрѣтеніи способъ уничтоженія сырости въ строеніяхъ. 3) Виртембергскъ подданному Эндрису на выдѣлку изобрѣтенной имъ кожаной бумага образковъ и стружекъ выдубленныхъ, и изъ выдѣланныхъ замшею кожъ. Эта бумага раздѣляется на три сорта, которые употребляютъ первый на козырьки къ фуражкамъ, для дамскихъ подошвъ, на карты и карды для суконныхъ и бумажныхъ фабрикъ и для покрытій крышъ на домахъ; второй и третій для футлярщиковъ, переплетчиковъ для приготовления комкетныхъ обоевъ разныхъ цвѣтовъ, на оберточныхъ вещей (для сохраненія ихъ отъ ржавчины), для письма, и вообще для многоразличныхъ другихъ употребленій. При этъ Эндрисъ объясняетъ, что польза отъ введенія кожаной бумаги весьма значительна: а) кожаные образки и стружки, большею частію не пропадаютъ, будутъ употреблены въ дѣло; б) кожаная бумага во многихъ надѣліяхъ можетъ замѣнить самую кожу, которой теперь истратится большое количество; в) по несравненной дешевизнѣ своей и мягкости кожъ; г) по добротѣ своей, такъ-какъ она не боится сырости и безопасна отъ огня и д) если будетъ введена въ употребленіе и писчая, то превзойдетъ оную много по крепости своей и непроницаемости. 4) Фридрихсгамскому купцу Баллеву на введеніе приобретенной имъ отъ инспектора шведскихъ винокуренныхъ заводовъ Ольсона селитра эмальерованія бочекъ и другой посуды и б) иностранцу Клауду на усовершенствованный ткацкій станокъ Поортера.

ОБЗОРЪНІЕ СОВРЕМЕННОГО ДВИЖЕНІЯ РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И РАСПОРЯЖЕНІЙ ПО ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНІЮ ЗА АПРѢЛЬ 1847 ГОДА.

I. Государственныя учрежденія. (Измѣненіе и дополненіе состава и правъ ихъ.)

— Высочайше повелѣно: июль и августъ мѣсяцы считать канцелярнымъ временемъ для Совѣта Главнаго Управленія Закавказскаго Края, съ тѣмъ, чтобы: 1) въ продолженіи сего времени, какъ члены Совѣта, такъ и канцеляріи онаго, были заняты исключительно обработкою проектныхъ дѣлъ, а канцеляріи, сверхъ-того, заниматься отпискою выслушанныхъ до іюля мѣсяца бумагъ; 2) на это канцелярное время не передавать въ Совѣтъ такихъ предметовъ, которые по срочности или экстренности своей требуютъ немедленнаго разрѣшенія, и вся прочія дѣла, согласно ст. 199—212 т. II. Св. Учр. для Управленія Закавказскимъ Краемъ изд. 1842 г. адресовать въ канцелярію Совѣта, для приготовительныхъ соображеній и приготовленія къ докладу съ начала сентября мѣсяца. Въмѣстѣ съ тѣмъ Государю Императору благоугодно было изъявить свою Высочайшую волю, дабы въ канцелярное время основныя вопросы по устройству Закавказскаго Края не разсматривались мимо Совѣта Главнаго Управленія, но вносились въ этотъ Совѣтъ общимъ порядкомъ. (Выс. пов. 13 марта.)

— Высочайше утверждены дополнительныя правила для успѣшнѣйшаго поселенія Евреевъ и обезпеченія благоустройства этихъ поселеній.

— Закрыта существовавшая при Управленіи Государственнаго Коннозаводства Центральная Коммиссія по испытанію лошадей въ Россіи, какъ вполне совершившая возложенную на нее обязанность. (Выс. пов. 11 марта.)

— По вопросу о дозволеніи выдавать въ ссуду хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ по городамъ Восточной-Сибіри постановлено: если хлѣбъ, по дороговизнѣ, нѣсколько лѣтъ будетъ оставаться непроданнымъ и продажа онаго низшими цѣнами будетъ представлять весьма-важный убытокъ для запаснаго капитала, то, по постановленію губернскаго совѣта, съ разрѣшенія генерал-губернатора, дозволяется вы-

давать хлебъ взаимнообразно въ тѣхъ же количествахъ, въ каждъ онъ выпускается въ продажу, съ возвратомъ натурою и съ надбавкою за ссуду, въ годъ, по три фунта на пудъ. Оборота этотъ продолжать, а того времени, пока пониженіемъ сложной цѣны капитальнаго, и вѣдѣнаго точнаго хлеба, представится возможность пустить оный въ продажу. (Выс. утв. ми. Гос. Сов. 10 марта.)

— Въ штатъ Московской Сохранной Казны по первому отдѣленію Экспедиціи по Вѣщамъ включена еще одна вакансія аксидитора съ женою и вѣщными вѣщодами, предоставляемыми лицамъ, занимающимъ подобныя должности въ Сохранной Казнѣ.

— Обнародовано Высочайше утвержденное въ 5-й день декабря 1846 года положеніе о сибирскомъ линейномъ войскѣ.

— Обнародовано Высочайше утвержденное заключеніе Государственнаго Совета о правахъ состоянія жителей Бессарабской Области, и съ тѣмъ вместе повелѣно: безривашей переименовать въ личные дворянскія и называть; равно какъ и рупташей, въ однодворцы.

— При рижскомъ порту установить впредь на четыре года, т. е. по 1851 годъ, особый сборъ по 15 к. с. съ каждаго коммерческаго лафта отходящихъ изъ Рига купеческихъ судовъ, съ назначеніемъ съ того сбора исключительно для улучшенія рижской гавани.

— Государственный Советъ, въ Департаментѣ Экономіи и въ Отдѣленіи Собраній, разсмотрѣвъ представленіе министра финансовъ, об отдѣленіи изъ размѣннаго капитала Экспедиціи Кредитныхъ Билетовъ до 30,000,000 р. сер. на покупку публичныхъ фондовъ, и признавъ съ своей стороны мѣру сію полезною, такъ-какъ она раскрываетъ удобное и надежное средство отъ размѣннаго, столь огромнаго капитала (слишкомъ 114,000,000 р. сер.), оставшагося доселѣ мертвымъ извлечь значительныя для государства выгоды, не встречаетъ никакого препятствія къ допущенію оной, съ тѣмъ только условіемъ, чтоб означенныя выгоды были обращены исключительно на погашеніе рѣшительныхъ государственныхъ долговъ. Въ семь видъ, мѣра сія предстанетъ слѣдующіе результаты: во-первыхъ, размѣнный капиталъ въ установленной количествѣ своемъ, нисколько не уменьшится, но только частъ звонкой оной монеты замѣнится столь же твердыми, равно дѣльными и сверхъ-того приносящими постоянный доходъ фондами, которые пользуются въ Европѣ всеобщимъ кредитомъ; во-вторыхъ, масса звонкихъ денегъ размѣннаго нашего капитала, и за отвлеченіемъ дрѣхъ предназначенной на покупку фондовъ части, столь она огромна, что суда по обыку и по примѣрамъ заграницныхъ банковъ, не могутъ обнадѣживать безостановочнаго размѣна кредитныхъ билетовъ, но если и возникла надобность въ умноженіи количества звонкой монеты размѣннаго капитала, то упомянутыя фонды представляютъ къ тому же удобство безостановочною продажей оныхъ за наличныя деньги; и въ-третьихъ, употребленіе могущихъ послужить отъ подобной операціи выгоды исключительно на погашеніе государственныхъ долговъ, общаетъ правительству новыя способы къ удовлетворенію другихъ лежащихъ на немъ обязательствъ, и, слѣдственно, соразмерное облегченіе

въ тѣлостяхъ народныхъ. По снѣгъ уваженіямъ Государственный Советъ иныишемъ положилъ: 1) Изъ утѣновленнаго VII и XVII статьяма Высочайшаго манифеста 1-го іюня 1843 года освобожденнаго для обмена кредитныхъ билетовъ на звонкія деньги, отдавать до тридцати миллионовъ рублей серебромъ на постепенное приобращеніе покупкою публичныхъ фондовъ, россійскихъ и иностранныхъ, здѣсь и за границею. 2) Фонды сіи, по истрѣ приобращенія ихъ, причислять къ означенному капиталу, въ суммѣ, на покупку ихъ употребленной, и хранить вмѣстѣ съ наличными деньгами. 3) Интересомъ или непрерывный доходъ (rente), приносимый этими фондами, а равно и вся вообще выгоды отъ сей операціи, обращены на погашеніе иностранныхъ и внутреннихъ государственныхъ долговъ; въ случаѣ же пониженія купонныхъ фондовъ до двухъ или трехъ процентовъ противъ цѣны, по которой оныя приобращены покупкою, часть упомянутого дохода причислять къ разнаиному капиталу, до уравненія съ покупною цѣлою, обращая за тѣмъ лишь остатокъ тѣхъ доходовъ на погашеніе государственныхъ долговъ. 4) Если для обмена кредитныхъ билетовъ будетъ предвидѣться необходимость въ увеличеніи количества звонкой монеты разнаиного капитала, то купленные фонды обращать немедленно въ наличныя деньги продажею ихъ на европейскихъ биржахъ. 5) Буде бы при продажѣ какой-либо части фондовъ или выкупѣ оныхъ не тиражу, выручено было менѣе той цѣны, въ которой они числились въ разнаиномъ капиталѣ, то недостающую сумму дополнять также изъ получившаго вообще съ нихъ непрерывнаго дохода, а въ случаѣ недостатка оного, изъ государственнаго казначейства.

Н. Губернскія учрежденія. (Измѣненія и дополненія состава и правъ ихъ.)

Для улучшенія быта казаковъ дунайскаго войска, предоставлено имъ, на основаніи 45 § положенія о семъ войскѣ, право свободной торговли, какъ въ самомъ войскѣ, такъ и внѣ оного, предметами, показанными въ 266 ст. XI т. Св. Зак. Гражд. изд. 1842 г. Уст. Торгов. безъ всякихъ денежныхъ взносовъ и безъ изытія отъ службы по очереди. Въ слѣдствіе сего постановлено: 1) внесенныя отъ казакорыдъ изъ казакоры, согласившихся поступить во временныя торговцы, деньги имъ возвратитъ и 2) казакоры, которые изъявятъ желаніе навсегда поступить въ торговое сословіе и представить удостовѣренія 349 ст. того же Торговнаго Устава свидѣтельство объ имѣніи у каждаго изъ нихъ наличнаго капитала въ деньгахъ и товарахъ на мѣнѣ 1500 руб. сер., допустить ихъ торговать для опыта на одинъ годъ, безъ всякихъ взносовъ въ войсковой доходъ, съ освобожденіемъ на все время отъ службы по очереди; для заноски же коммерческій ихъ оборотовъ, выдать имъ отъ войсковаго правленія безъ всякаго платежа инауровня книги, которыя по окончаніи сроковъ они представятъ въ правленіе. (Высоч. утв. полож. Восн. Сов. 18 апр.).

— Въ слѣдствіе разрѣшенія, что лица, продавшія зданія, за приобря-

тени или постройку которыхъ въ городахъ Бессарабской Области представляема была имъ льготна по торговлѣ, но могутъ уже имѣть право на эту льготу, дающую имъ на владѣніа такия завѣщанія, поспѣшавши: 1) купцами, продававшими дворянъ за владѣніа, которыми представляема была имъ льготна по торговлѣ, вмѣнить въ обязанности имъ вѣщанія нахъ льготныя по торговлѣ, свидѣательства представлять г. въ Каровую. На лето не позже, чѣмъ чрезъ шесть мѣсяцевъ совершенія акцепта предм. заданій; 2) гдѣмъ жителямъ, которые, продавъ вышесказанныя владѣнія, не желаютъ оныя продолжать торговать, обязавши брать не более пятидесяти свидѣтельствъ на одну ст. владѣніемъ установленныя; пошлутъ въ полномъ количествѣ, равно льготнымъ дворянъ, проданы въ первой половинѣ года, и въ второй половинѣ года (включая тѣмъ продажи въ втор. половинѣ года); 3) вышесказаннымъ (необязаннымъ) жителямъ, которые надаютъ льготныя одна годичныя покровенія 1594 ст. Улож. об. Невзл. (У. Прав. Свѣд. 17 марта); и оныя въ 1894 г. и въ 1895 г. и въ 1896 г. и въ 1897 г.

— Высочайше утверждено въ 27 день марта положеніе объ устройствѣ города Острова Псковской Губерніи. Представляемъ изъ этого положенія краткое извлеченіе. Для устройства города Острова учреждается особый комитетъ, состоящій подъ предсѣдательствомъ островскаго гуаверъ предводителя дворянства, изъ тамошнихъ городничихъ и гражданскихъ землевладѣльцевъ Корнуа Инженеръ Путой Сообщеній. Въ каждомъ кварталѣ города для устройства его назначается тридцать стѣнокъ рубль серебромъ, которые поступаютъ въ закладаніе Псковской Губернск. Строительной Комиссіи. Изъ этого капитала производятся областными землемѣрами выдачи, единственно для особія при поведеніи строеній. Землемѣрными выдачами дѣлаются по управленію 26-ти-летнего замѣщика оному ежегодно по 5 процентовъ. Выдаваемая сумма, смотря по количеству, обеспечивается особыми залогомъ движимаго и недвижимаго имѣнія, или поручительствомъ не менее трехъ обывателей, дама свои въ Островѣ живущихъ; но въ обихъ случаяхъ мѣстными обеспеченіемъ занятой суммы служить постройки, для которыхъ сумма заимствуется. Доколе долговая сумма сполна не будетъ выплачена, возстроенные дома остаются въ видѣ залога въ обеспеченіе оного и находитъ въ надзорѣ градской полиціи. Вносящія залога оныя и уклады землемѣрными выдачи деньги, присоединяются оныя къ общему строительному капиталу города Острова и назначаются на поведеніе обязательныхъ особій. На счетъ пополненія оного капитала и будутъ быть отнесены и некоторыя общественныя въ городѣ устройства для улучшенія города (необходимыя); но расходы оныхъ производятся иначе, какъ съ Высочайшаго Государя Императора разрѣшенія.

— Высочайше утверждено въ 25 день марта положеніе о обществ. банкѣ въ Ростовѣ Ярославской Губерніи. Банкъ этотъ учреждается съ цѣлію, производимомъ судомъ доставить имъ оныя гражданскія вспомошествованія въ торговыхъ и въ оборотныхъ. Основной капиталъ банка состоитъ изъ суммъ, составившихся изъ остатковъ и городскихъ доходовъ Ростова и обращающейся нынѣ изъ процентовъ въ Ярославскомъ Приказѣ Общественнаго Приказанія; Банку предостав-

включает: а) в залогу движимого и недвижимого имущества; б) производство суда под залог движимого и недвижимого имущества. Для сохранения всеобщего доверия к банку, капиталы, внесенные в банк, не приносятся в распоряжение руки выдающему или отпускаемому быть не должны, кроме передачи (билетов) банка на банковые обязательства, или предоставления факты залому в присутствии некто; но в семъ последнемъ случаемъ банкъ, въ разсужденіи выдачи капитала, обязать наблюдать сроки, въ условиі при залоге билета назначенный. Заложеныя въ банкъ движимыя и недвижимыя имѣнія не могутъ быть осланы поустыямъ или казеннымъ имъніямъ. Но въ случаемъ требованія суда насестительнаго продана такъ имущество для удовлетворенія другимъ (иногда однопустетая съ тѣмъ, чтобы банкъ получалъ следующую ему проценту (бумажу) съ процентами спелна. Вновь капиталѣтъ, для оброщенія въ продажю, дозволяется лицамъ всѣхъ сословій. На всѣ вообще вклады банкъ платитъ установленныя 4 процента по простѣмъ отсчетомъ на капиталѣ, пробывшіи въ банкѣ не менѣ одного года, проценты не платятся. Банкъ принимаетъ въ залогъ: а) каменные и деревянные дома, заводы, фабрики и лавки, застрахованные отъ огня, состоящія въ Ростовѣ, и принадлежнціе тамошнѣмъ купцамъ и мещанамъ; б) собственныя, тамошнѣмъ гражданамъ, земли, хотя бы оныя и были застроены, но, по неостности, представляли выгоды и приносили доходъ владельцу. Судья подъ залогъ движимаго имущества выданы предпочтительно рестоетамъ гражданамъ. Въ залогъ принимаются золотыя, серебряныя, платиновые и другія драгоценныя вещи, неподверженныя перлу. Пріемъ рестоетамъ и оловянныхъ вещей дозволяется только отъ беднѣйшихъ гражданъ, въ незначительномъ количествѣ; прочіе же металлы, а равно легкія руды, въ залогъ не допускаются.

III. Законы относительно по службы гражданскій

— Постановлено: 1) офицерамъ, поступившимъ въ гражданское званство изъ военной службы, съ отчисленіемъ по арміи, кавалеріи и по другому роду оружія, назначать при увольненіи изъ службы пенсію или изъ жалованья по чину, или изъ разряда, армейскаго званности по росписанію; смотря потому, что будетъ вышло; 2) офицерамъ, поступившимъ въ гражданское званство изъ отставки, назначаются пенсіи по арміи, кавалеріи и по другому роду оружія съ отчисленіемъ въ прежнѣмъ званствѣ, определять пенсіи при увольненіи изъ службы въ томъ же разрядѣ, какъ и офицерамъ, въ периодъ званствѣ назначеннымъ; 3) на сихъ основаніяхъ назначать пенсію и семействамъ тѣхъ и другихъ офицеровъ. (Ук. Прав. Сов. 21 марта.)

— Въ дополненіе и поясненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ постановлено: переходящимъ въ гражданское званство а) переименованнымъ въ провинціальнаго секретаря подпоручикемъ установленный срокъ для выслуги для получения чина губернскаго секретаря, считается со дня пожалованія въ первый обер-офицерскій чинъ; съ

тѣмъ вмѣстѣ прекращается съ чиномъ губернскаго секретаря дальнѣйшее старшинство ихъ по военной службѣ въ обер-офицерскомъ званіи, а для опредѣленія его принажается въ расчетъ одно лишь служеніе по гражданскому ведомству. Правила о производствѣ переходящихъ изъ военной въ гражданскую службу въ чины коллежскаго ассессора и штаб-штатскаго статскаго совѣтника, изображенныя въ статьяхъ 62 и 63 Уст. о Служ. по Опрѣд. въ Правит. (Св. Зак. т. III) остаются въ своей силѣ (Ук. Прав. Сен. 30 янв.).

СОБЫТІЯ ВЪ ОТЕЧЕСТВѢ ЗА АПРѢЛЬ 1847 ГОДА.

Народное просвѣщеніе.—Опекунскіе совѣты, признавъ необходимымъ, вмѣстѣ вышшняго порядка пріема дѣтей въ Сиротскіе Институты: дѣтскаго и Московскаго Воспитательныхъ Домовъ, Гатчинскій, Александринскій въ Москвѣ и Александринскій въ Санктпетербургѣ, по очереди въ кандидатскихъ свискахъ, ввести новый порядокъ посредствомъ баллотировки (по жеребью) составили слѣдующіе правила, удостоенныя Высочайшаго утвержденія: 1) Круглыхъ сиротъ, неимѣющихъ ни отца, ни матери, принимать на прежнемъ основаніи, по мѣрѣ открытія казенныхъ вакансій, какъ въ промежуткѣ времени между выпусками, такъ и послѣ нихъ, а потому сохранять для нихъ вѣдущіеся нынѣ очередные списки. 2) На остальныхъ за сими казенныхъ вакансій баллотировать всѣхъ прочіихъ сиротъ, имѣющихъ, по существующимъ постановленіямъ, право на поступленіе въ то заведеніе, въ которомъ производится баллотировка. 3) Сему же порядку пріема слѣдовать и для пансіонеровъ, т. е. круглыхъ сиротъ принимать преимущественно, по мѣрѣ открытія вакансій, а имѣющихъ отца или мать по баллотировкѣ. 4) Если число круглыхъ сиротъ будетъ превышать число открывающихся вакансій, въ такомъ случаѣ и ихъ подвергать баллотировкѣ; тѣхъ же, которыхъ жребій не поблагочинствуетъ, оставлять въ очередныхъ спискахъ. 5) Баллотированіе въ каждомъ заведеніи производить въ присутствіи членовъ Опекунскаго Совѣта, съ открытіемъ вакансій послѣ выпуска сиротъ, кон-

ившихъ курсъ ученія, слѣдуя порядку, прицтому въ Воспитательномъ Обществѣ Благородныхъ Дѣвицъ и Училищахъ Екатеринбургскихъ и Александровскихъ. 6) Прошенія о допущеніи сиротъ къ благотворенію подавать въ Опекунскій Совѣтъ не ранее, какъ за два мѣсяца, и не позже, какъ за две недели до дня, назначеннаго для благотворенія. 7)) времени благотворенія публиковать въ ведомствѣ за четыре мѣсяца до его наступленія. 8) Равно публиковать о выблаготворившихъ къ принятію, и сверхъ того уведомлять особо родителей или родственниковъ ихъ, дабы они приняли надлежащія мѣры для доставленія дѣтей къ заведенію къ определенному времени. 9) Такимъ же образомъ публиковать относительно тѣхъ сиротъ, которымъ жребій не былъ благоприятенъ, дабы представленные о нихъ документы были взяты обратно лицами, ихъ представившими.

— Государь Императоръ, начертавъ въ собственноручной запискѣ Высочайшую волю свою о преобразованіи мужскихъ сиротскихъ институтовъ, при Санктпетербургскомъ и Московскомъ Воспитательныхъ Домахъ учрежденныхъ, въ разсадниши для гражданской службы, такъ, чтобъ заведенія сія въ значеніи своемъ заняли среднюю между школами канцелярскихъ служителей и Училищемъ Правовѣдѣнія, Высочайше повелѣть соизволилъ, все это сообразить въ особомъ комитетѣ, который, подъ предсѣдательствомъ Его Императорскаго Высочества Принца Ольденбургскаго, составить изъ министровъ: государственныхъ имуществъ, народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, юстиціи, почетныхъ обер-гуповъ: графа Віельгорскаго, Ланскаго и статс-секретаря Гофмана, и заключеніе представить Его Величеству за общими подписаніемъ. Въ исполненіе сей Высочайшей воли, комитетъ, слѣдуя заключающимся въ собственноручной запискѣ Его Величества указаніямъ, возложилъ въ поднесенной на Высочайшее благоусмотрѣніе журналѣ мнѣніе свое, каковымъ предметамъ и въ какомъ объемѣ должно будетъ обучать воспитанниковъ означенныхъ институтовъ, согласно новому ихъ назначенію, съ наступленіемъ въ августъ сего года учебнаго года, и въ заключеніе изъяснить мнѣніе свое о степени, которую заведенія эти должны занимать въ числѣ прочихъ учебныхъ заведеній Имперіи, о способахъ преподаванія выпускаемыхъ воспитанниковъ по службѣ, равно о правахъ ихъ и обязанностяхъ. Государь Императоръ, удостоивъ сего журнала, во 2-й день минувшаго марта, Высочайшаго утвержденія, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Мужскимъ сиротскимъ институтамъ и общинамъ воспитательныхъ домовъ состоять во 2-мъ разрядѣ учебныхъ заведеній, и на этомъ основаніи выпускаемыхъ изъ нихъ, по окончаніи полного курса наукъ, воспитанниковъ считать въ отношеніи къ чиновничеству во 2-мъ разрядѣ гражданскихъ чиновниковъ; тѣхъ же воспитанниковъ, которые, не бывъ удостоены перевода на спеціальные курсы, будутъ выпущены на службу въ званіи канцелярскихъ служителей, считать въ 3-мъ разрядѣ. 2) Передъ окончаніемъ учебнаго года, заблаговременно уведомлять министровъ: юстиціи, внутреннихъ дѣлъ, государственныхъ имуществъ и народнаго просвѣщенія о назначаемомъ къ

выпуску числа воспитанниковъ и притомъ просить о присылкѣ экзаменаторовъ для ихъ испытанія. 3) Распределение на службу тѣхъ воспитанниковъ, которые по испытаніи окажутся къ тому достаточно пригодными, предоставить ближайшему усмотрѣнію министровъ. 4) На первое обзаведеніе каждаго воспитанника выдать изъ суммъ воспитательныхъ домовъ по 90 р. сер. для выходящихъ по окончаніи спеціальнаго курса, а по 60 р. для выходящихъ въ канцелярскіе служители. 5) Еслибъ выпущенные изъ спеціальнаго курса воспитанники не могли прямо поступать на штатныя вакансіи съ полученіемъ опредѣленнаго жалованья, въ такомъ случаѣ они должны получать, до поступленія въ штатныя должности, по примѣру воспитанниковъ Александровскаго Лицея и Училища Правовѣдѣнія, на содержаніе свое по 170 сер. въ годъ изъ остаточныхъ суммъ того министерства, въ которое они поступятъ, или, въ случаѣ неимѣнія остатковъ, изъ государственнаго казначейства съ Высочайшаго разрѣшенія. 6) Тѣ изъ выпускаемыхъ по окончаніи всего спеціальнаго курса воспитанниковъ, которые при постоянно-благонравномъ поведеніи въ продолженіе воспитанія, окажутъ отличные успѣхи въ наукахъ, получаютъ, по удостоенію начальства, право на чинъ 14 класса, въ которомъ утверждаются при поступленіи въ дѣйствительную службу. 7) Срокъ обязанности службы по назначенію начальства опредѣляется для воспитанниковъ, поступающихъ въ число канцелярскихъ служителей, 10, а для тѣхъ, которые будутъ выпускаемы по окончаніи полнаго курса, 8 лѣтъ. 8) О поведеніи сихъ молодыхъ людей во время срока обязанности службы ихъ, поставить въ обязанность гражданскимъ губернаторамъ, по истеченіи каждаго года, уведомлять Опекунскіе Совѣты по принадлежности. — Государь Императоръ, на всеподданнѣйшей запискѣ, при которой поднесенъ былъ журналъ комитета на благоусмотрѣніе Его Императорскаго Величества, собственноручно написать изволилъ: «Утвердивъ сіе положеніе, нужнымъ считаю еще прибавить, что по выпускѣ воспитанниковъ на службу, распределять ихъ по способностямъ въ министерства и за тѣмъ переходъ изъ одного въ другое запрещаю. Равномѣрно принять за правило, ежелибъ кто по выслугѣ положенныхъ лѣтъ вздумалъ проситься въ военную службу, не иначе ихъ принимать, какъ унтер-офицерами, съ обязанностию прослужить 4 мѣсяца за рядовыхъ.»

— Министръ народнаго просвѣщенія сдѣлалъ слѣдующее предложеніе директорамъ гимназій: въ числѣ преподаваемыхъ въ гимназіяхъ, по уставу 8-го декабря 1828 г., учебныхъ предметовъ, положена логика. Избраніе руководства по этой наукѣ представляло доселѣ неустрашимыя затрудненія, ибо вся существующія сочиненія мало приспособлены къ понятіямъ юности, обучающагося въ гимназіяхъ. Отъ-того преподаваніе логики въ сихъ заведеніяхъ почти не приноситъ пользы и только оставляетъ въ памяти учениковъ отвлеченныя, темныя положенія, которыя либо забываются ими, либо служатъ поводомъ къ ошибочнымъ примѣненіямъ. Какъ логика въ составѣ философскихъ наукъ читается

въ университетѣ слушателямъ, болѣе подготовленнымъ и по предварительному образованию и по возрасту, то министръ народнаго просвѣщенія, съ Высочайшаго соизволенія, предложитъ преподаваніе этой науки въ гимназіяхъ на время остановитъ, а часы, на то Положенные, по соизволенію, въ Почетительномъ Советѣ, употребитъ на усиленіе другихъ предметовъ.

— Высочайше повелѣно, пріемъ воспитанниковъ въ Училище Правовѣдѣнія ограничить дѣтьми дворянъ, записанныхъ въ 6-ю часть дворянской родословной книги, или первоначальными чинами статскихъ советниковъ и полковниковъ, съ тѣмъ, чтобы Всемилостивѣйше дарованное отлучившимъ воспитанникамъ Свѣтлопетербургскихъ Гимназій 1-й, 2-й и Ларинской и Московскаго Дворянскаго Института право на поступленіе въ Лицей оставлено было, на прежнемъ основаніи, безъ всякаго измѣненія.

— Высочайше утвержденъ Уставъ Московскаго Сиротскаго Дома. Этотъ сиротскій домъ, соединенный съ училищемъ дѣтей канцелярскихъ служителей, есть воспитательное и съ тѣмъ вмѣстѣ учебное заведеніе для сиротъ мужскаго пола, изъ которыхъ 70-ть воспитанниковъ принимаются изъ дѣтей потомственныхъ и личныхъ дворянъ, а 30-ть изъ дѣтей канцелярскихъ служителей. Въ заведеніе это поступаютъ круглые сироты и дѣти совершенно бывшихъ родителей. Московскій Сиротскій Домъ есть окончателное заведеніе для поступленія на службу по государственному размежеванію земель, и вмѣстѣ съ тѣмъ приготовительное для патерныхъ отлучныхъ воспитанниковъ къ поступленію въ гимназію; на основаніи устава училищъ дѣтей канцелярскихъ служителей 1828 года.

Промышленность. Высочайше утверждень уставъ Свѣтлопетербургской Коммерческой Компаніи Морскаго, Рѣчнаго и Сухопутнаго Страхуванія, подъ фирмою «Надежда». Капиталъ компаніи опредѣляется въ два милліона рублей серебромъ, раздѣляемый на двадцать тысячъ частей, по сто руб. сер. каждый. Правленіе компаніи будетъ состоять изъ шести директоровъ, избираемыхъ изъ учредителей и хозяевъ частей. Во всѣхъ случаяхъ морскаго страхуванія компанія руководствуется общими, изданными на этотъ предметъ законами. Предметомъ страхуванія рѣчнаго и сухопутнаго могутъ быть: а) всякаго рода суда: рѣчные и озерныя, порожнія и нагруженныя, оснащенные и неоснащенные; б) принадлежности судовъ, какъ-то: якоря, снасти и т. д.; в) фрахты; г) деньги, данныя поставщикамъ въ счетъ фрахта, или провоза и д) товаръ для груза. Въ застрахованіе принимаются имущества, отправляемыя по рѣкамъ, озерамъ, каваламъ и вообще по всякъ путамъ воднаго и сухопутнаго сообщенія.

— Выданы привилегіи: 1) штабс-ротмистру барону Фитингофу на изобретенный имъ особый устройствомъ коннорычажный прессъ, съ приращеннымъ къ нему привошникомъ, для выжиманія свекловичныя при свеклосахарномъ производствѣ, отжиманія стеарна и выжиманія расти-

тельныхъ маслъ, и 2) Учителю музыки Куммеру на изобретенный имъ
счетный снарядъ.

— Уничтожена выданная 28 февраля 1846 года иностранцамъ Бас-
сону и Праделю 10-ти лѣтняя привилегія на обдѣлку льна и поволоки
посредствомъ сѣрной или водохлорной кислоты.

IV.

ДОКОВОДСТВО, СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫШЛЕННОСТЬ ВООБЩЕ.

ПРИЧИНЫ КОЛЕБАНИЯ ЦѢНЪ НА ХЛѢБЪ ВЪ РОССИИ.

Статья первая.

==

ВВЕДЕНИЕ. — I. История движения цѣнъ. Хозяйственное положеніе Россіи до Петра I. Экономическія реформы Петра I. Измѣненія въ экономіи народной, произведенныя Екатериною II. Слѣдствія сихъ преобразованій. Состояніе цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи въ послѣдней половинѣ XVIII столѣтія. Жалобы на возвышеніе цѣнъ въ началѣ XIX вѣка; какъ понимали это явленіе въ то время. — II. Внѣшнія причины поднятія цѣнъ на хлѣбъ въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка. Ввозъ хлѣба въ Англію съ 1761 по 1843 годъ. Состояніе цѣнъ послѣ 1815 года. Возвышеніе среднихъ цѣнъ съ 1824 года. — III. Колебанія цѣнъ во Франціи и Пруссіи. — IV. Колебанія цѣнъ въ Россіи. Слѣдствія чрезвычайной колеблемости цѣнъ на хлѣбъ. — V. Мнѣнія русскихъ хозяевъ о колеблемости цѣнъ: мысли г. *Кикина* и отвѣты на нихъ *неизвѣстнаго*; мысли г. *Бумина*; мнѣніе г. *Норова*; мнѣніе г. *Титова*; предположенія гг. *Неролова*, *Луландина* и *Тимофеева*; возраженіе г. *Коллода*; проектъ г. *Мальцева*. — VI. Заключение объ изложенныхъ мнѣніяхъ и проектахъ. — VII. Исследование истинныхъ причинъ колеблемости цѣнъ. Закономъ мѣны. Внѣшнія условія, опредѣляющія величину торговыхъ цѣнъ. Какъ должно опредѣлять издержки производства. Что такое рента? Рента естественная и условная, или кортома. Естественныя законы возвышенія и пониженія ренты. Обязательная рента. Вліяніе обязательной ренты на экономическія отношенія земледѣльца и работника. Важность вопроса объ издержкахъ производства. Способы опредѣленія издержекъ въ земледѣліи, предложенныя нашими хозяевами: способъ г. *Перцова*; способъ г. *Талайчина*; способъ г. *Вилькинса*; способъ г. *Афросимова*; мнѣніе г. *Поздюкина*. — VIII. Невозможность опредѣлить стоимость издержекъ при обязательной рентѣ; слѣдствія такого положенія и вліяніе на цѣны. Въ Россіи, при невозможности опредѣлить издержки производства, цѣна хлѣба зависитъ только отъ предложенія и требованія.

==

ВВЕДЕНИЕ:

Въ послѣдніе годы замѣтно обнаружилось движеніе въ нашемъ сельскомъ хозяйствѣ и, какъ всякое движеніе впередъ, возбудило толкъ и за настоящее состояніе хозяйства и противъ

него. Явились люди, которые откровенно сознавали и сознают всенародно, что хозяйство наше въ неустроенномъ, хаотическомъ состояніи; что оно не только отстало отъ другихъ странъ Европы, но далеко не удовлетворяетъ потребностямъ собственнаго нашего быта, безъ всякаго отношенія къ сосѣдямъ; что источникъ такого положенія дѣлъ кроется въ отсутствіи техническихъ знаній, еще болѣе въ неестественномъ, анти-экономическомъ распредѣленіи производительныхъ силъ; что для поправленія экономическаго организма необходимо возбудить нравственныя силы производителей, дать иное направленіе вещественнымъ средствамъ. Подобныя мысли не вдругъ приняли систематическую форму, и пока онѣ являлись отдѣльно тамъ-и-сямъ, ихъ какъ-будто никто не замѣчалъ; но когда онѣ, приобретаая болѣе и болѣе поборниковъ, и размышлявшихъ и дѣйствовавшихъ, начали превращаться въ убѣжденіе, тогда поднялся голосъ другой стороны въ защиту существующаго вѣковаго порядка въ экономіи народной. Вооружившись всѣми аргументами опыта или только рутини, они доказывали, что источники благосостоянія земледѣльцевъ и теперь тѣ же, какіе были за 50 и за 100 лѣтъ; что если есть помѣха успѣхамъ хозяйства, то она заключается лишь въ совмѣстничествѣ южной полосы для сѣверной и средней; но что, не смотря на то, сметливость и опытность нашихъ помѣщиковъ и земледѣльцевъ приспособили искусно и неубыточно хозяйство къ такому ходу дѣлъ; что у насъ доходы отъ земледѣлія несравненно-выше, нежели въ западныхъ государствахъ (*); что и при настоящемъ положеніи люди сметливые покупаютъ имѣнія, наживаютъ состоянія; что ученіе нигдѣ не принесло сколько-нибудь значительной пользы сельскому хозяйству; что науки недавно славны, а люди давно живутъ; что стоить прожить на свѣтъ 50 лѣтъ, чтобъ дойти до убѣжденія, что ученіе въ дѣлѣ хозяйства для Россіи вещь рѣшительно бесполезная, если даже не вредная...

Столь противоположныя мнѣнія важны сами-по-себѣ, какъ явленіе нравственное; но они дѣлаются еще важнѣе, потому-что борьба ихъ неизбежно отразится, если уже не отражается, на движеніи всего нашего экономическаго быта. Кто правъ и кто неправъ, можно было бы рѣшить à priori, восходя къ основному началу всякаго человеческого усовершенствованія. Но эти доводы могутъ показаться для многихъ отвлеченными; а у насъ все отвлеченное привыкли считать прямо-противоположнымъ дѣйствительному. Вотъ почему лучше всего обратиться именно къ самой дѣйствительности и поискать такого факта, который бы самъ собою, своимъ существованіемъ доказывалъ удовлетворительность или неудовлетворительность состоянія нашего хозяйства. Въ народѣ, жизнь котораго про-

(*) Плохой у насъ крестьянинъ-земледѣлецъ, который не получитъ 30 проц.; между-тѣмъ, 50 и 100 проц. дивомъ не почитается. См. «Записки Печенскаго Земледѣльца», напечатанныя въ «Отч. Запискахъ» 1842 г.

ходить почти исключительно въ заботахъ о физическомъ существованіи, въ фактахъ подобнаго рода недостатка быть не можетъ; именно есть фактъ, который касается не личности многихъ, но кармана всѣхъ, — это движеніе цѣнъ на жизненныя потребности. Этотъ фактъ — въ-самомъ-дѣлѣ лучшій пробный камень въ дѣлѣ, которое насъ занимаетъ, ибо окончательный результатъ труда производителей есть выручка, а она, въ наше время, выражается деньгами, ходячею цѣною произведеній.

Будемъ говорить сначала о хлѣбѣ, какъ о главнѣйшемъ производеніи земледѣлія. Цѣны на хлѣбъ то упадаютъ, то возвышаются: это еще не бѣда; бѣда въ томъ, что эти измѣненія бывають такъ внезапны, что предъ ними рассыпаются въ прахъ всѣ хозяйственные расчеты. Но поднятіе цѣнъ, хотя и до страшной дороговизны, не бываетъ столь продолжительно, какъ ихъ упадокъ; отсюда чаще и постояннѣе слышатся неудовольствія на безцѣнокъ хлѣба; отсюда, наконецъ, убѣжденіе, что цѣны на хлѣбъ упадутъ постоянно, и отчаяніе хозяевъ увидѣть когда-либо предѣлъ этому уменьшенію. Должно, однако, замѣтить, что всѣ эти жалобы основаны на частныхъ событіяхъ. Конечно, въ частяхъ отражается общее; однако тѣ, которые видятъ единственное зло въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ, не потрудились сличить всѣхъ частныхъ явленій; между-тѣмъ, только этимъ способомъ можно достигнуть до результатовъ, на которыхъ уже можно было бы основать рѣшеніе вопроса общимъ образомъ.

Въ послѣднее время, статья г. Веселовскаго, помѣщенная въ 4 № «Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ» на 1845 годъ, подъ заглавіемъ: «О цѣнахъ на хлѣбъ въ Россіи», пролила ясный свѣтъ по-крайней-мѣрѣ на одну сторону вопроса. Не знаемъ, многіе ли замѣтили эту прекрасную статью, исполненную фактовъ и выводовъ глубоко-поучительныхъ. Г. Веселовскій доказалъ ясно, что сложно среднія цѣны (въ десяти-лѣтніе періоды времени) не только не упали, напротивъ возвысились, и что возвышеніе особенно замѣтно съ 1824 года. Этотъ выводъ замѣчается въ губерніяхъ: Тамбовской, Воронежской, Курской, Саратовской, Орловской, т. е. въ центрѣ хлѣбородной полосы, и именно той, гдѣ наиболѣе жалуются на упадокъ цѣнъ; то же явленіе замѣчается и въ портовыхъ городахъ при отпускѣ хлѣба за границу. Не послѣ такого вывода, г. Веселовскій справедливо указываетъ на другой фактъ, именно, на чрезвычайную колеблемость цѣнъ и на несоразмѣрность продажныхъ цѣнъ на земледѣльческія произведенія съ тою стоимостью, во что эти произведенія обошлись производителю.

На этомъ остановились изысканія г-на Веселовскаго; настоящій трудъ можетъ служить продолженіемъ ихъ.

Но мы рѣшаемся вопросъ о цѣнахъ на хлѣбъ рассмотреть со всѣхъ сторонъ, и потому должны будемъ обратиться не только къ настоящему, но и къ прошедшему, взойдти къ началамъ народной

экономіи, въ общемъ ея составъ, и показать участіе ихъ въ явленіяхъ, которыя служатъ въ настоящее время причиною жалобъ сельскихъ хозяевъ.

I.

До-тѣхъ-поръ, пока человѣкъ удовлетворяетъ себя *добытыми* произведеніемъ и потребляетъ на мѣстѣ, въ собственныхъ иѣдрахъ, плоды своей работы, для него законодательствуетъ мѣстность; онъ ограничивается географическими простыми указаціями ея, соразмѣряетъ производительность съ потребностями, лѣнливо принимается и дѣло, — и то не прежде, какъ когда принудить ужь къ этому неотвратимая нужда, нерадиво выполняетъ это дѣло и кидается въ продолжительный сонный отдыхъ при первой представляющейся возможности. Въ такомъ положеніи находятся весь рождающіеся общества; въ такомъ положеніи была Россія до Петра I-го.

Разъединенная отъ Европы географическимъ положеніемъ, отсутствіемъ морей, предрасудками, она жила жизнью изолированную. Потребности ея не были сложны, средства соответствовали имъ; обширныя земли, еще обширнѣйшіе лѣса удовлетворяли насущнымъ нуждамъ народонаселенія; рѣки лѣтомъ, зимою санный путь позволяли изрѣдка сообщаться неприхотливому народонаселенію.

«Вся Московія» говоритъ Олсарій (*) «естъ не что иное, какъ сплошной лѣсъ, за исключеніемъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ выжжены лѣса»... «Хотя Московія вся наполнена лѣсами и болотами, однако обрабатываемыя земли весьма-плодородны; онъ производятъ столько, что люди и скоть не потребляютъ всего въ-теченіе года»... «Такимъ-образомъ, въ Московіи не слышно дороговизны; въ провинціяхъ, удаленныхъ отъ рѣкъ, жители обрабатываютъ столько земли, сколько нужно для годового пропитанія, нимало не заботясь о будущемъ; по этому-то вездѣ видны прекрасныя, но необработанныя земли; онъ производятъ только траву, и той жители не косятъ.»

Говоря о обиліи и дешевизнѣ земныхъ произведеній въ Москвѣ, путешественникъ замѣчаетъ: «Нельзя ничего вообразить бѣднѣе одежды московскихъ крестьянъ. Бѣлье изъ толстой грубой холстины, и лыковые лапти, которые они, впрочемъ, выдѣлываютъ съ необыкновеннымъ искусствомъ. Почти нѣтъ ни одного Москвитянина, который не зналъ бы и не отправлялъ бы этого ремесла; можно сказать, что въ Московіи столько же сапожниковъ, сколько мужчинъ, или по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ семейства, въ которомъ не было бы своего сапожника» (стр. 202).

(*) См. французскій переводъ: Амстердамъ, 1737 г. Google

«Нѣтъ въ мірѣ страны, гдѣ пьянство было бы распространено до такой степени, какъ въ Московіи; люди всѣхъ состояній, половъ и возрастовъ пьютъ водку; простой народъ никогда не откажется отъ чарки подносимаго ему вина, — пьютъ до-тѣхъ-поръ, пока не упадетъ-замертво; онъ не выйдетъ изъ кабака до-тѣхъ-поръ, пока не пропьетъ не только послѣдней копейки, но даже и платья» (стр. 215 и 216).

«Жилища бѣднаго и богатаго мало чѣмъ отличаются: тѣ и другія деревянные, — только недавно нѣкоторые бояре и купцы начали строить дома каменные. Мебели нѣтъ, домашняя утварь состоитъ изъ трехъ или четырехъ горшковъ и столькихъ же глиняныхъ и деревянныхъ чашекъ.

«У нѣкоторыхъ есть оловянная посуда, но ея немного; за исключеніемъ нѣсколькихъ блюдовъ и кубковъ, серебра нѣтъ и у самыхъ богатыхъ. Москвитяне почти не знаютъ постелей, спятъ на соломѣ, или на своемъ платьѣ, которое лѣтомъ стелютъ на лавкахъ, а зимою на печи. Здѣсь спятъ вмѣстѣ хозяинъ и хозяйка, слуги и служанки; въ деревняхъ, я самъ видѣлъ, что домашняя птица и свиньи живутъ въ той же комнатѣ, гдѣ и самъ хозяинъ. Москвитяне не знаютъ нашихъ приправъ и не привыкли къ нашимъ нѣжнымъ мясамъ. Обыкновенную пищу ихъ составляютъ каша, рѣпа, капуста, огурцы свѣжіе и соленые. Главная роскошь въ столѣ — соленая рыба, которая, впрочемъ, столь вонюча, что заражаетъ воздухъ. У нихъ не можетъ быть недостатка ни въ говядинѣ, ни въ баранинѣ, потому-что Московія изобилуетъ хорошими пастбищами, а въ лѣсахъ кормится множество свиней: по этому мясо очень-дешево; но Русскіе боятся издерживать деньги, и притомъ, наблюдая посты, они весьма-мало употребляютъ говядины» (стр. 228).

«Вельможи обязаны показывать себя многочисленною свитою и издержками; по эти издержки не такъ огромны, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда, ибо, хотя за вельможею часто слѣдуетъ 50 или 60 холопей, на лошадахъ изъ его конюшенъ, — хотя бояре даютъ большіе объѣды, но не издерживаютъ на это почти ничего, кромѣ того, что получаютъ изъ своихъ помѣстій» (стр. 230 и 231).

Этими немногими, по рѣзкими чертами объясняется вполнѣ экономическое положеніе Россіи въ XVII вѣкѣ.

Петръ-Великій произвелъ коренной, неотразимый переворотъ во всей государственной жизни, посредственно или непосредственно коснувшись и экономическаго организма. Въ-отношеніи къ земледѣлію важнѣе всего было уничтоженіе помѣстной системы и расширеніе такимъ-образомъ наследственнаго права въ поземельной собственности, которое, впрочемъ, не могло еще быть полнымъ для всѣхъ и во всемъ. Гоненіе старымъ предрассудкамъ, связи съ Европою, море — открыли путь новымъ понятіямъ, вмѣстѣ съ которыми пробудились новыя нужды, до того неощущавшіяся наро-

домъ, обнаружилась и новыя средства, дотогѣ и нечаянныя. Уважая интересы частныя, Петръ-Первый не могъ, однако, не ставить выше всего интересы государственныя, — а они никогда не бываютъ настоятельнѣе, какъ въ то время, когда государство организуется. Это обстоятельство и меркантильныя идеи вѣка объясняютъ и извиняютъ духъ экономическихъ законовъ Петра. Но можно ли упрекать въ томъ Петра-Великаго, который не зналъ собственныхъ интересовъ, который себя, свое семейство подчинялъ будущему благу Россіи? Скорѣе упрекъ можетъ быть сдѣланъ послѣдующему времени, когда мѣры были уже менѣе нужны, а между-тѣмъ онѣ доведены были до крайней степени напряженности, когда нигдѣ не было снято преградъ свободному развитію труда, и все, что только могло давать доходы, дѣлалось принадлежностью монополіи.

Генію императрицы Екатерины II, ея гуманному чувству, которое столь доступно женскому сердцу, Провидѣніе предоставило славный удѣлъ произвести многія благотворныя измѣненія въ экономіи народной. Сколько глубокихъ истинъ объ экономіи народной высказано ею въ безсмертномъ ея «Наказѣ»! Вспомнимъ статьи 269, 270, 271, 274, 276, 277, 278, 294, 295, 296. Въ статьѣ 425-й, говоря о наследствѣ, императрица выражается такъ: «Я почитаю себя за долгъ желать, чтобы каждый довольную часть на свое пропитаніе имѣлъ. Сверхъ сего земледѣліе такимъ образомъ можетъ прійти въ лучшее состояніе, и государство чрезъ то получить большую пользу, имѣя нѣсколько тысячъ подданныхъ, наслаждающихся умѣреннымъ достаткомъ, нежели имѣя нѣсколько сотъ великихъ богачей».

Не все, конечно, что было задумано, могло быть исполнено: мысль человѣка не имѣетъ предѣловъ; осуществленіе ея стѣсняется дѣйствительностью. При всемъ томъ, сдѣлано было много: утвержденіе права поземельной собственности дворянства, внѣшнее огражденіе земельныхъ владѣній генеральнымъ межеваніемъ, облегченіе сбыта снятіемъ запрещенія съ отпуска за границу важнѣйшихъ произведеній земли, окончательное уничтоженіе внутреннихъ таможенъ, заселеніе плодородныхъ, но дотогѣ пустынныхъ южныхъ и юговосточныхъ равнинъ, открытіе портовъ на Черномъ-Морѣ и наконецъ учрежденіе болѣе 200 городовъ.

Правда, въ числѣ новыхъ, созданныхъ императрицею городовъ, большая часть была такихъ, которые устроены въ видахъ административныхъ; но при всемъ томъ, дарованіе правъ горожскому сословію развернуло силы и предприимчивость если не всѣхъ горожанъ, то по-крайней-мѣрѣ тѣхъ, которые имѣли всѣ нужные къ тому элементы, коснѣвшіе въ прежнее время подъ бременемъ неопредѣленности правъ, всепожирающихъ монополій и тяжкаго произвола мѣстныхъ правителей. Важнымъ обстоятельствомъ было и то, что многія селенія, наименованныя городами, выкуплены бы-

1 у частныхъ владѣльцевъ.

Все это не могло не придать новаго движенія производительнымъ силамъ, не могло не отразиться и на выгодахъ земледѣлія: съ послѣдней половины прошедшаго столѣтія, уже стали замѣчать возвышеніе цѣнъ на земледѣльческіе продукты.

Изъ слѣдующей таблицы можно получить довольно-ясное понятіе о состояніи цѣнъ въ Россіи на хлѣбъ и некоторые другіе предметы земледѣльческой промышленности въ началѣ послѣдней половины XVIII столѣтія:

	Пшеница.	Рожь.	Овесъ.	Ячмень.	Сѣно.	Домашн.	Корова.	Овца.	Цыпленка.	Дегтя.
	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.	Р. К.
Въ Каширскомъ-Уѣздѣ (1766 года) (1)	1 50	80	50	50	4 5	3	50	30	1 20	
	1 60	90	60	60	5 7	4	60	50	1 50	
— Москвѣ (1766 г.) (2)	1 80	1		80						
— Казани (1765 г.) (3)		1								
— Ингерманландіи (1765 г.) (4)	3	2		1 80						1 80
На островѣ Эзелѣ (1769 г.) (5)										2 40
Въ Вологдѣ (1773 г.) (6)	1 50	1	50	90						
				1 10						
— Каширскомъ-Уѣздѣ (1774 г.) (7)	2 40	1 60	60	1 10	5	3	40			
			70		15	5	80			
— Рыбинскѣ (1780 г.)	3 80	1	80							
	4	2 30	1 10							
— Владимирской-Губерніи (1769 г.) (8)	1 80	90	50	70						

Академикъ Шторхъ приводитъ слѣдующія данныя о цѣнахъ на санктпетербургской биржѣ:

	Пеньки.	Льна.	Сада.
	А с с ж г к а ц і л м н.	А с с ж г к а ц і л м н.	А с с ж г к а ц і л м н.
Въ 1767 г. стоилъ берков.	15 р. » к.	21 р. 50 к.	15 р. »
— 1783 — — — — —	15 » 84 »	25 » 24 »	20 » »
— 1803 — — — — —	34 » » »	50 » 40 »	40 » »

(1) См. Труды Имп. Вольн. Экон. Общ. Т. II (1766 г.).

(2) Тамъ же.

(3) Тамъ же. Т. VI. Стр. 62. Въ это время въ Казани былъ неурожай, и потому хлѣбъ былъ дорогъ; дѣтъ пать прежде, четверть ржи продавалась 25 и 30 к.

(4) Тамъ же. Т. I. Стр. 103.

(5) Тамъ же. Т. XIII. Стр. 67.

(6) Тамъ же. Т. XXIII. Стр. 229.

(7) Тамъ же. Т. XXVI.

(8) Тамъ же. Т. XII. Стр. 98.

Возвышеніе цѣнъ продолжалось до конца XVIII столѣтія и въ первые годы настоящаго было до того ошутительно, что сдѣлалось предметомъ жалобъ, подобно какъ въ нынѣшнее время упадокъ цѣнъ. Императорское Вольное Экономическое Общество въ 1803 году обнародовало для публичнаго конкурса слѣдующую за дачу:

«Открыть и ясными примѣрами утвердить причину возрастаю «шей время отъ времени въ городахъ и селеніяхъ дороговизны и «сѣдѣтные припасы, исключая чужестранныя произведенія, и изъ «искать ближайшее средство, отъ чего могутъ цѣны на тѣ же при «пасы постепенно уменьшаться».

Изъ полученныхъ отвѣтовъ, удостоено награды сочиненіе коллежскаго секретаря Михаила Швиткова (*).

Разбирая вопросъ и указывая на манифестъ 1775 года, мартъ 17-го и указъ 1783 года, января 2-го, о свободѣ промышленности и наконецъ, на Городовое Положеніе 1785 года, авторъ приходитъ къ такому заключенію:

«Причины тому никакой не можно съискать, кромѣ самой ест «ственной, что торговыхъ и промышленныхъ людей умножилось «столько, сколько не вмѣстимо нуждамъ всего общества, и что «многіе оставили для того свойственный имъ родъ жизни, въ ко «торомъ они обществу: вѣрно бѣ были полезны, а можетъ-быть «и самимъ-себѣ. Крестьянинъ, уволенный отъ сохи и по паспор «ту на сторонѣ промышленяющей себя содержаніе и помѣщичку см «ему или въ казну подать, дѣлаетъ сугубою обществу тягость: 1) «тѣмъ, что не дѣлаетъ самой природной своей повинности хлѣб «пашествомъ; 2) тѣмъ, что на сторонѣ встѣ хлѣбъ, въ которе «нужда не хлѣбопашцу. А таковыхъ промысловъ, несвой «ственныхъ природному состоянію промышленника, есть и много.

«При семъ случаѣ казна, по причинѣ чувствуемой ею само «дороговизны на все, дѣлала налоги на народъ, а народъ, под «предлогомъ замѣны оныхъ, дорожа своею собственностью, об «равно подали причину возвышенію цѣны на всѣ покупаемыя ве «щи не менѣе, какъ и чрезмѣрное уменьшеніе людей торговыхъ «и промышленныхъ; хотя напередъ не только сего не можно было «чаять, но надѣялись совсѣмъ тому противнаго (**).

«Обращаясь къ средствамъ прекращенія дороговизны на съест «ные припасы, авторъ полагаетъ необходимою торговыхъ лю «дей въ городахъ убавить» (***).

Разсужденіе это ниже всякой критики, и заслуживаетъ вниманія какъ историческій документъ, объясняющій состояніе у насъ эконо мическихъ понятій въ началѣ XIX вѣка.

(*) См. Труды Имп. Вольн. Экон. Общества. Часть XVII. Стр. 112.

(**) См. тамъ же, стр. 120—121.

(***) См. тамъ же, стр. 131.

Нынѣ всѣ убѣждены, что свобода промысла есть основной источникъ всякаго преуспѣванія, и потому не съ упрекомъ, а съ благодарностью къ мудрости монархини, мы вспоминаемъ и о манифестѣ 1775 года, и о указѣ 1783 года, и о Городовомъ Положеніи 1785 года. Эти постановленія, какъ замѣчено нами выше, придали новое движеніе промышленной дѣятельности, и, конечно, служили причиною къ поднятію цѣнъ на земледѣльческія произведенія, но не во вредъ, а въ пользу народа. Но, кромѣ внутреннихъ причинъ, возвышеніе цѣнъ на наши земледѣльческіе продукты зависѣло и отъ внѣшнихъ обстоятельствъ.

II.

Въ концѣ прошедшаго столѣтія совершился переворотъ въ Западной-Европѣ, потрясшій ея древнія экономическія формы. Переворотъ этотъ, начавшійся борьбою за независимость Сѣверо-Американскихъ-Штатовъ и кончившійся низверженіемъ Наполеона, сопровождался войною, въ которой принимали участіе всѣ европейскія государства: отсюда требованіе, постоянно возрастающее на произведенія земледѣлія.

Во Франціи, въ продолженіе десяти лѣтъ, съ 1791 до 1801 года, безпрестанно требовали хлѣба; въ началѣ революціи нѣсколько разъ былъ неурожай. Французскіе агенты въ Европѣ и Америкѣ скупали хлѣбъ и нанимали корабли для отправленія его во Францію, мало заботясь о цѣнѣ и о провозѣ. Голландія, въ которой производится хлѣба едва-достаточное количество для продовольствія, терпѣла въ немъ большой недостатокъ; въ Швеціи отъ неурожаевъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, недостатокъ хлѣба былъ столь великъ, что многіе изъ жителей принуждены были питаться древесною корою: королевство это дѣлалось такимъ рынкомъ, куда можно было привозить столько хлѣба, на сколько у жителей доставало денегъ. Наконецъ, порты Англіи съ 1791 года, въ продолженіе десяти лѣтъ, непрерывно открыты были для ввоза иностранной пшеницы; пошлины взымалось только по шести пенсовъ съ квартера (*), и при всемъ томъ, пшеница продавалась дороже восьмидесяти шиллинговъ, а въ 1801 году, возвысилась даже до 127 шиллинговъ.

Въ Англію ввозилось хлѣба ежегодно среднимъ числомъ:

1761—1770 . . .	272,858	квартер.
1771—1780 . . .	322,978	—
1781—1790 . . .	415,546	—
1791—1800 . . .	1,363,991	—
1801—1810 . . .	1,612,281	—

(*) Квартеръ=13,856 четвериковъ.

О влияніи, какое эти обстоятельства должны были имѣть на земледѣліе Восточной-Европы, можно судить потому, что изъ Данцига и Эльбинга вывозилось ржи и пшеницы среднимъ числомъ ежегодно (*):

Съ 1791 по 1795 годъ	422,841	квартеръ.
— 1796 — 1800 —	510,748	—
— 1801 — 1805 —	765,477	—

Изъ Россіи вывозилось среднимъ числомъ ежегодно:

	Пшеницы.	Ржи и другаго хлѣба.	Всего.
Въ 1800 году	345,270 чет.	54,842 чет.	400,212 чет.
Съ 1801 по 1805 г.	1,064,984	— 1,153,323	— 2,218,307 —

При огромномъ требованіи хлѣба въ Западную-Европу, естественно, цѣны должны были подниматься; но эти требованія не могли быть постоянны; завися отъ урожая, политическихъ и военныхъ обстоятельствъ, они должны были измѣняться. Дѣйствительно, ежегодный вывозъ хлѣба изъ Россіи представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Пшеницы.	Ржи и дру- гаго хлѣба.	Всего.
Ч е т в е р т е й:			
Съ 1806 по 1810 г.	176,819 . .	419,134 . .	595,953.
— 1811 — 1815 —	487,515 . .	462,105 . .	549,620.
— 1816 — 1820 —	1,746,240 . .	1,450,709 . .	3,197,949.
— 1824 — 1828 —	.	.	1,605,410.
— 1829 — 1833 —	.	.	3,001,513.
— 1834 — 1838 —	.	.	1,542,599.
— 1839 — 1843 —	.	.	2,784,983.

Изъ политическихъ событій, самое большое влияніе, въ этомъ отношеніи, имѣлъ всеобщій миръ въ Европѣ съ 1815 года, когда съ уменьшеніемъ внешнихъ требованій усилилась внутренняя производительность въ Западной-Европѣ, и, слѣдовательно, уменьшилась потребность въ хлѣбѣ Восточной. Возвышеніе цѣнъ должно было остановиться, и дѣйствительно, Данцигъ и Эльбингъ, отсутствовавшіе въ 1802 году 1,009,042 квартера пшеницы и ржи, въ 1822 году отпустили только 44,463 квартера и въ пятилѣтіе съ 1821 по 1825 годъ, среднимъ числомъ, отпускали ежегодно только 101,916 кварталеръ.

Цѣны въ Данцигѣ на пшеницу были:

Въ 1796 по 1799	41 ш.	9 п.	за кварталеръ.
— 1803 — 1806	57 —	3 —	—
— 1815 — 1818	60 —	3 —	—
— 1821 — 1824	26 —	10 —	—

(*). См. Донесеніе Вильяма Якоба англійскому парламенту о земледѣліи и торговлѣ хлѣбомъ въ Восточной Европѣ, напечатанное, въ переводѣ, въ Журналѣ Ман. и Ви. Торговли. 1826.

Вообще же, въ Пруссіи среднія цѣны на пшеницу отъ 58 гротъ. пфен. за шефель (*) (съ 1816—1829) понизились до 51 гр. 7 пф. (1822—1835); на рожь отъ 51 гр. 3 пф. до 37 гр. 4 пф. (**).

У насъ въ Россіи замѣчено то же явленіе. Г. Веселовскій, на основаніи данныхъ, сообщенныхъ г. Бунынымъ—для Тамбовской и Мальцовымъ—для Орловской-Губерніи, вывелъ, что среднія цѣны а рожь были:

Въ Тамбовской-Губерніи.
 Съ 1812 по 1824 5 р. 33 к. асс.
 — 1822 — 1831 4 — 45 — —

Въ Орловской-Губерніи.
 Съ 1812 по 1821 11 р. 25 к. асс.
 — 1822 — 1831 6 — 87 — —

Но и это пониженіе цѣнъ имѣло свой періодъ; съ 1824 года, считая по десятилѣтнимъ періодамъ, мы опять замѣчаемъ по-стоянное возвышеніе на цѣны, такъ-что по Тамбовской-Губерніи среднія цѣны въ періодъ 1828—1837 достигли 7 р. 30 к. асс. за четверть, а по Орловской-Губерніи, въ то же время, 9 р. 92 к. сс. а съ 1832 — 1841 — 12 р. 87 к. асс.

Во внешней торговлѣ цѣна нашего хлѣба, въ послѣднее двадцатилѣтіе, постоянно возвышалась:

съ 1824 по 1828 она была 3 р. 27 к. сер.
 — 1829 — 1833 — — 4 — 40 — —
 — 1834 — 1838 — — 4 — 80 — —
 — 1839 — 1843 — — 5 — 5 — —

III.

Колебанія цѣнъ на хлѣбъ вездѣ неизбежны.

Во Франціи средняя самая высокая цѣна была съ 1809 по 1836 годъ, за гектолитръ пшеницы 36 фр. (1817 г.), низшая — 14 фр. 3 сент. (1809 г.). Впрочемъ, въ 1836 году въ Сѣверномъ-Департаментѣ гектолитръ упалъ до 10 франковъ.

Въ февралѣ 1838 года средняя цѣна пшеницы для цѣлой Франціи была 17 фр. 75 сент., низшая цѣна 14 фр. 50 сент., высшая 5 фр. 89 сент.; разность 11 фр. 39 сент.

Это почиталось чрезвычайною разностию — заставившею кричать несовершенствъ путей сообщенія.

Въ Пруссіи, среднія цѣны были съ 1822 по 1835 годъ:

	Пшеницы.	Ржи.
Въ Прусской Провинціи	47,10.	30,5.
— Познани	48,9.	33,

(*) См. статью г. Гофмана, переведенную въ Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ. 836. Ч. XXII, стр. 560.

(**) Шефель = 2,0948 четверика.

— Бранденбургъ и Помераніи	50,9.	35,
— Силезіи	49,11.	37,
— Саксоніи	48,2.	37,1.
— Вестфалии	55,8.	42,9.
— Рейнской-Провинціи	59,9.	45,2.
Для всей монархіи	51,7.	37,4.

IV.

По эти колебанія ничто въ сравненіи съ тѣми, которыя мѣняются у насъ. По отчету Министерства Внутреннихъ Дѣлъ за 1804 годъ, нисшая цѣна на рожь была 1 р. 95 к., высшая 12 р. 50 к. асс.; слѣдовательно, въ 6½ разъ болѣе.

Возьмемъ ближайшее время—1843-году, непредставлявшій особыхъ крайностей въ-отношеніи къ урожаю. Средняя цѣна, вышедшая въ-теченіе года, была въ Санктпетербургской-Губерніи 6 руб. 40 коп. сер., средняя нисшая въ Курской-Губерніи 1 руб. 34¾ коп. т. е., въ первой губерніи хлѣбъ цѣнился въ-пятеро дороже, нежели въ послѣдней. Можно было бы приписывать такую неравнѣрность цѣнъ географическому положенію; но, сличая подробности, находимъ, что эта мысль не оправдывается. На сѣверѣ Архангельской-Губерніи, самой полуночной, хлѣбъ былъ дешевле (4 р. 70 к.), чѣмъ въ губерніяхъ: Псковской (5 р. 77 к.) и Новгородской (4 р. 91 к.), дешевле даже, чѣмъ въ Лифляндской (р. 54 к.). На югѣ губерніи новороссійскія, самыя полуденныя представляютъ цифры выше, чѣмъ губерніи менѣе южныя, да и вовсе сѣверныя: на-примѣръ, Таврическая (2 р. 71 к.), выше, чѣмъ Калужская (2 р. 61 к.). Еще разительнѣе эти несходства, если взять въ соображеніе губерніи сосѣднія. Такъ, на-примѣръ, въ Черниговской-Губерніи хлѣбъ стоилъ 1 р. 42½ к., въ Кіевской 1 р. 90 к., въ Минской 2 р. 46 к., въ Могилевской 2 р. 98 к., Смоленской 3 р. 4¼ к., а въ Витебской 4 р. 34 коп.

Измѣненіе цѣнъ помѣсячно еще своеобразнѣе. Такъ, въ Кіевской-Губерніи въ августѣ мѣсяцъ цѣна упала до 80 к. сер., а въ январѣ—тѣмъ, какъ въ Минской въ то же время цѣна была 1 р. 90 к. Въ Смоленской-Губерніи высшая цѣна въ мартѣ 3 р. 24¼ к., въ то же время въ Черниговской-Губерніи 1 р. 38¾ к.

Такихъ аномалій мы откроемъ тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе будемъ углубляться въ подробности:

Въ первой половинѣ января 1845 года, цѣна на кулъ ржаной муки (9 пуд.) была въ Псковѣ 7 р. 50 к. сер., въ Витебскѣ 6 р. 40 к., въ Петрозаводскѣ 5 р., въ Ковно 4 р. 90 к., и въ то самое время въ Симбирскѣ она была не выше 1 р. 35 к., въ Ронежѣ 1 р. 20 к., въ Пензѣ и Саратовѣ 1 р. 10 к., въ Курскѣ 1 р. 3 к., въ Тамбовѣ и Харьковѣ 1 рубля. Не менѣе разительны примѣры измѣняемости цѣнъ по времени. Въ Тамбовской-Губерніи въ-теченіе 1834 и 1835 годовъ, цѣны на ржаную муку пере-

отъ 2 р. до 24 р. асс., въ Кавказской же Области въ-теченіе 1833, 1834 и 1835 годовъ отъ 61 р. до 5 р. асс. Въ Москвѣ обыкновенною цѣною за пудъ ржаной муки считается 1 р. 10 к., а иногда платять и по 80 коп., но въ 1840 году платили въ январь 2 р. 50 к., въ мартъ 3 р., въ апрѣль 2 р. 10 к., въ маѣ и послѣдующихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 3 р. 88 к. Въ Туль куль ржаной муки продается иногда по 4 р. 50 к., а въ 1840 году продавался зимою по 23 р. 90 к. и по 24 р. 30 коп., въ апрѣль сперва по 19 р. 90 к., а потомъ по 31 р. 50 к., съ 8 по 15 мая по 42 р. 30 к., а съ 25 числа того же мѣсяца по 55 р. (*).

Въ Усманскомъ-Уѣздѣ Тамбовской-Губерніи, по показанію г. Бушпа, четверть ржи продавалась въ 1827, 1828 и 1829 годахъ по 3 р. асс., а въ 1831 г. по 10 р., въ 1833 г. по 20 р., въ 1834 г. по 11 р.

Въ Бѣлгородскомъ-Уѣздѣ Курской-Губерніи, рожь была въ 1829 году по 3 р., въ 1830 г. по 6 р., въ 1833 г. въ апрѣль по 12 р., въ октябрь по 23 р., и вдругъ въ 1836 и 1837 годахъ она упала до 4 р. асс. Такихъ примѣровъ можно было бы привести весьма-много; но кажется, что въ нихъ нѣтъ и надобности, потому-что этотъ фактъ слишкомъ всѣмъ извѣстенъ.

Чрезмѣрная колеблемость цѣнъ на хлѣбъ неизбежно имѣетъ вѣличайшее вліяніе на ходъ хлѣбной торговли, на положеніе земледѣльцевъ и на успѣхи земледѣлія. Если мы не скажемъ, что «непостоянство въ цѣнахъ на хлѣбъ есть одна изъ главныхъ причинъ упадка земледѣлія, частныхъ мѣстныхъ недостатковъ въ хлѣбъ и «стѣсненнаго состоянія внутренней торговли въ Россіи», потому-что еще можно спросить: «что чему служитъ причиною», то признаемъ, по-крайней-мѣрѣ, что эти чрезмѣрные колебанія, обнаруживающія неправильность въ ходѣ хлѣбной производительности, оказываютъ бѣдственное вліяніе на народное благосостояніе. Настаетъ дорогой годъ, хлѣбъ подымается въ цѣнѣ вчетверо и впятеро дороже того, по чемъ земледѣлецъ сбылъ свои излишки въ прошломъ году; не имѣя запасовъ, крестьянинъ не имѣетъ и средства купить себѣ хлѣба; бѣдствіе голода поражаетъ селенія и заставляетъ земледѣльца смотреть съ отчаяніемъ на свой промыселъ, который не доставляетъ ему насущнаго хлѣба. Онъ получаетъ пособіе хлѣбомъ на продовольствіе; но какъ уплатить онъ государственныя и другія повинности, откуда добудетъ денегъ на соль и на другія домашнія надобности? Непосредственно за такимъ годомъ наступаетъ годъ урожая, годъ дешеваго хлѣба. Хлѣба много, но онъ ни-по-чемъ, и часто продажа всего урожая недостаточна крестьянину для уплаты однихъ повинностей, тогда-какъ онъ обремененъ еще долгами и недоимками, накопившимися отъ неурожайныхъ годовъ. Такое положеніе дѣлъ заставляетъ да-

(* См. «Земледѣльческую Газету» и «Коммерческую Газету» 1840 г.

же некоторых считать урожайные годы такимъ же бѣдствиемъ какъ годы неурожая и голода. Не вдаваясь въ опроверженіе этого мнѣнія, неосновательность котораго была такъ-хорошо доказана Протопоповымъ (*), скажемъ однако, что хотя годы урожая и дешевизны далеко не такое бѣдствіе, какъ годы голода и отчаяннѣйшій тѣмъ не менѣе чрезмѣрная дешевизна хлѣба въ некоторые годы дѣйствуетъ весьма-невыгодно на земледѣліе и земледѣльца.

V.

Изъ хозяевъ пишущихъ, первый обратилъ вниманіе на этотъ предметъ покойный г. Кикинъ, въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» 1831 г., № 3-й, въ статьѣ: «Взглядъ на настоящее положеніе дворянскихъ достояній», онъ старался обратить вниманіе на безречность владѣльцевъ; доказать имъ необходимость расчетливости въ обширномъ смыслѣ (**). Въ отвѣтъ на его статью нѣкто, подписавшійся *Коннозаводчикъ Расчетливый*, соглашаясь о необходимости расчета, спрашиваетъ: «что опредѣляетъ цѣну произведеній сельскаго хозяйства? Точный ли расчетъ производителя: во что обошлись ему оныя? Нѣтъ, число требователей и количество произведеній, привезенныхъ на рынокъ, мѣняютъ цѣну безъ всякаго основанія» (см. «Земледѣльческій Журналъ» 1831 г., № 4-й, стр. 613). Замѣтка столь же вѣрная, сколь невѣрно обвиненіе купцовъ въ дешевизнѣ хлѣба.

Вслѣдъ за тѣмъ явилась статья тамбовскаго помѣщика, г. Буна (въ «Земледѣльческомъ Журналѣ» 1832 г., № № 3-й и 7-й) «Мысли о русскомъ хозяйствѣ и нѣкоторыхъ причинахъ дешевизны сельскихъ произведеній, бѣднаго состоянія хлѣбопашества и медленнаго усовершенствованія нашего земледѣлія». Онъ говоритъ слѣдующее (стр. 363 и 365): «У насъ нѣтъ постоянной средней цѣны на хлѣбъ: онъ или чрезвычайно дешевъ, или непомерно дорогъ (***). Не малое шество хлѣба, но простота и нерасчетливость нашихъ производителей сельской промышленности, причиною дешевизны хлѣба и затруднительнаго бѣднаго положенія крестьянъ. Хлѣбные торговцы, сіи немногія лица, обогащаются на счетъ земледѣльцевъ, слѣдственно орудій государственнаго благосостоянія».

Первая мысль въ нѣкоторомъ отношеніи справедлива; но авторъ не пояснилъ, какими средствами можно доставить крестьянина

(*) См. Журналъ Министерства Государственныхъ Имуществъ. 1844 г., XI, отд. II, стр. 189—196.

(**) Въ статьѣ г. Кикина есть много поверхностнаго, но много глубокихъ мыслей.

(***) Редакторъ Земледѣльческаго Журнала сдѣлалъ справедливое и вѣрное замѣчаніе, что общей средней цѣны на хлѣбъ не можетъ быть; она должна мѣняться сообразно съ мѣстными условіями, къ которымъ, при внимательномъ разсмотрѣніи, присоединяется весьма много другихъ обстоятельствъ.

состояніе рассчитывать, во что ему обходится хлѣбъ. А въ этомъ вся задача. Онъ предложилъ нѣкоторыя средства къ устраненію злоупотребленій въ торговлѣ,—средства весьма-частныя, и потому о нихъ мы не будемъ распространяться. Нападенія на хлѣбныхъ торговцовъ не имѣютъ основаній, что мы постараемся доказать ниже.

Въ 1834 году (см. «Земледѣльческій Журналъ» 1834 г., № 1-й) г. Бунинъ повторилъ тѣ же мысли и ничего новаго не прибавилъ.

Въ 1836 году, по случаю ввоза хлѣба въ балтійскіе порты, г. Бунинъ изъявилъ желаніе, чтобъ осуществилась мысль г. Попова: устроить въ Санктпетербургѣ складочныя магазины для закупки хлѣба въ дешевыя годы, чѣмъ отвратился бы необходимый ввозъ заграничнаго хлѣба въ балтійскіе порты, подрывающій наше земледѣліе. Съ-тѣхъ-поръ, онъ повторялъ неоднократно тѣ же самыя мысли.

На эти мысли г. Бунина сдѣлалъ замѣчаніе г. Норовъ («Земледѣльческій Журналъ» 1837 г., № 4-й, ст. 170); изъ нихъ приведемъ слѣдующія мысли: «Средство, предлагаемое г. Бунинымъ, для учрежденія постоянныхъ цѣнъ на хлѣбъ, чрезъ устроеніе казенныхъ магазиновъ, куда бы ссыпался хлѣбъ по опредѣленной цѣнѣ, вмѣсто того, чтобъ оживить хлѣбную торговлю, должно имѣть самое вредное на нее вліяніе: еслибъ для ссыпки хлѣба въ магазины цѣна была назначена выше той, по которой покупаютъ торговцы, то всѣ магазины съ перваго года наполнились бы хлѣбомъ, а хлѣбные торговцы должны были бы обратить капиталы свои на промыслы другаго рода; потомъ, если предположить три года сряду хорошей урожай, то какова должна быть огромность магазиновъ и денежныхъ суммъ, которыя бы казна должна была изстратить для своего предпріятія! Притомъ, надобно принять въ соображеніе, что хлѣбъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ въ магазинахъ сохраняемый, можетъ сдѣлаться негоднымъ къ употребленію; если же бы цѣна для ссыпки хлѣба назначена была ниже той, по которой покупали торговцы, то магазины остались бы пустыми, и деньги на постройку магазиновъ, на содержаніе чиновниковъ и на всѣ необходимыя для такого предпріятія расходы, были бы истратены напрасно.»

«Постоянныхъ цѣнъ», заключаетъ г. Норовъ: «быть не можетъ, «и потому не будемъ желать невозможнаго; а постараемся съ основательнымъ расчетомъ и постояннымъ трудомъ пользоваться тѣми средствами, которыя правительство открываетъ для нашей дѣятельности; такихъ средствъ много.»

Въ томъ же году г. Титовъ (см. З. Ж. 1837 г., № 4), по поводу рязанской выставки, сказалъ, между-прочимъ, слѣдующее:

«Въ настоящее время, мы, земледѣльцы, жалуемся на низкія цѣны всѣхъ естественныхъ произведеній сельскаго хозяйства. Я самъ предлагаю свои мысли объ этомъ; но, признаюсь: тѣмъ болѣе думаю о возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, тѣмъ менѣе вижу на это воз-

«возможности; такъ много обстоятельствъ, и обстоятельствъ сильныхъ, «противныхъ этому. А между-тѣмъ, наше земледѣліе въ угнетеніи, «доходы владельцевъ средняго состоянія не покрываютъ ихъ ближайшихъ нуждъ! Я думаю, что причина этого стѣснительнаго для «насъ положенія вещей заключается собственно не въ дешевизнѣ «хлѣба, а въ несоразмѣрности цѣнъ земледѣльческихъ произведеній «съ необходимѣйшими произведеніями мануфактурными, и слѣдо- «вательно въ несоразмѣрности процентовъ съ капиталовъ, употреб- «ляемыхъ на ту и другую промышленность. Я думаю, было бы «дѣломъ великой пользы и важности устройство особаго кредитнаго «заведенія для вспомошествованія улучшеніямъ въ сельскомъ хозяй- «ствѣ, улучшеніямъ, въ тѣсномъ смыслѣ относящимся къ земле- «дѣлію.»

Наконецъ, въ «Земледѣльческой Газетѣ», особенно въ послѣдніе годы, вопросъ о возвышеніи цѣнъ на хлѣбъ, былъ предметомъ размышленій многихъ хозяевъ. Такъ г. Нероновъ предлагалъ самому дворянству составить *хлѣбо-сплавное общество*. Г. Лупандиъ, говоря, что «причина дороговизны и средства къ предупрежденію «и помощи ея зависятъ отъ насъ, полагалъ, что единственное сред- «ство въ сильномъ урожаѣ и сильномъ неурожаѣ есть заведеніе «частныхъ запасныхъ магазиновъ, складочныхъ мѣстъ для хлѣба, «и составленіе хлѣбныхъ компаній, преимущественно изъ помѣщи- «ковъ и владельцевъ недвижимыхъ имѣній.»

Въ томъ же году, г. Тимашевъ, въ журналѣ «Библіотека для Чтенія»; напечаталъ статью «объ учрежденіи большой земледѣльческой компаніи на акціяхъ для торговли хлѣбомъ».

На это справедливо возражалъ ему г. Козловъ (Зем. Газ. 1845 г., № 52) и самъ предложилъ основать отдѣльные по областямъ земледѣльческіе банки съ ссудною казною для хлѣбопашцевъ-помѣщиковъ.

Наконецъ, въ началѣ 1845 года, явился «проектъ г. Мальцова о способъ удержанія среднихъ цѣнъ на хлѣбъ».

Вотъ основанія этого проекта:

1) Измѣчивость цѣнъ на хлѣбъ составляетъ главную причину стѣсненнаго состоянія всѣхъ сословій государства.

2) Хлѣбныя цѣны потому понижаются въ Россіи, что цѣлыя области могутъ добывать себѣ деньги продажей только хлѣба.

3) Цѣны, упадая, влекутъ за собою распродажу изъ селеній всего хлѣба, и отъ того при первомъ неурожаѣ является недоступное возвышеніе хлѣбныхъ цѣнъ и самый голодъ.

4) Чтобы удержать умѣренныя на хлѣбъ цѣны, надобно дать возможность хлѣбопашцу, при общемъ изобиліи, получить деньги, необходимые для уплаты податей, оставляя часть хлѣба въ селеніи до того времени, когда онъ потребуется въ другія мѣста и когда отдаленнымъ извозамъ будутъ благоприятствовать дороги и цѣнность хлѣба. Средство къ достиженію этого заключается въ слѣдующемъ:

а) Помѣщикамъ выдавать изъ приказовъ общественнаго призрѣнія, подѣ обмолоченую и высушенную рожь, ссыпаемую въ магазины, устроенные при селеніяхъ, по установленной для каждой мѣстности цѣнѣ, суммы, непревыщающія 8 р. с. на ревизскую душу, принимая въ расчетъ число душъ тѣхъ селеній, при которыхъ будутъ составляться запасы.

б) Выданныя ссуды обезпечивать всѣмъ имѣніемъ помѣщика, при которомъ составляется запасъ.

в) За выданныя ссуды въ пользу казны взимать 4%.

VI.

Вотъ сводъ всего, что было у насъ писано въ послѣдніе 15 лѣтъ о чрезмѣрномъ колебаніи цѣнъ на хлѣбъ. Одно въ нихъ общее: всѣ признали невыгодное дѣйствіе такого положенія на состояніе хозяйства, и почти всѣ предлагаютъ: или учрежденіе компаній для торговли и складки хлѣба, или ссуды денегъ подѣ залогъ хлѣба.

Г. Мальцевъ, котораго проектъ надѣлалъ болѣе всѣхъ шума, говоритъ, что надобно поставить земледѣльца въ возможность, при общемъ изобиліи, получать деньги, необходимыя для уплаты податей. Цѣль слишкомъ-ограниченная, а средства къ достиженію ея, выдача помѣщику ссуды по 8 р. с. на ревизскую душу, еще мельче. Дѣло въ томъ, что всѣ предлагали средства, и никто не вникъ въ причины бѣдствія.

Въ проектѣ г. Мальцева есть рубрика: «причина бѣдственнаго упадка цѣнъ на хлѣбъ въ Россіи» и противъ нея слѣдующее: «хлѣбныя цѣны потому понижаются въ Россіи, что цѣлыя области могутъ добывать себѣ деньги продажею только хлѣба». Фраза эта, въ которой заключается все объясненіе важнѣйшаго экономическаго вопроса, ровно ничего не объясняетъ.

Всѣ толки и проекты, доселѣ предложенные, служатъ только поясненіемъ тому, на какой степени развитія у насъ находятся экономическія знанія.

Мы подобны тѣмъ больнымъ, которые ищутъ средствъ къ исцѣленію, не сознавая, что средствамъ должно предшествовать изслѣдованіе причины болѣзни.

VII.

Да позволено намъ будетъ обратиться прежде всего къ причинамъ болѣзни; если намъ удастся объяснить ихъ, или по крайней мѣрѣ проложить путь къ объясненію, тогда откроются и средства врачеванія.

Во всякой куплѣ и продажѣ, предметы обмѣненные выражаютъ цѣну одинъ другому; обмѣняющіяся стороны, или проще, продающій и покупающій, соглашаются на мѣну только при условіи, что каждая сторона считаетъ свое произведеніе равносѣющимъ произведенію другой стороны. Въ этомъ заключается сущность мѣны, или купли и продажи.

Но есть внѣшнія условія, независимыя отъ воли лицъ, производящихъ мѣну, которыя заставляютъ уступать часть предполагаемыхъ въ произведеніи выгодъ, и опредѣляютъ такимъ-образомъ цѣну. Условія эти суть:

- 1) Цѣнность мѣняемыхъ произведеній.
- 2) Издержки производства.
- 3) Совмѣстничество предложенія и спроса.

Цѣнность предмета опредѣляется ощущаемою въ немъ потребностію. Потребность прежде всего опредѣляетъ высоту цѣны; чѣмъ сильнѣе потребность, тѣмъ сильнѣе расположеніе къ разнѣмъ жертвѣ. Это есть оживляющее начало мѣны; но оно бываетъ слабѣе или сильнѣе, и не заключаетъ въ себѣ ничего общаго и постояннаго. Тамъ, гдѣ это начало (т. е. потребность въ вещахъ низшаго рода) дѣйствуетъ *исключительно*, цѣны колеблются чрезвычайно. Вдали отъ общаго движенія, вещи продаются безъ всякаго отношенія съ прошедшимъ и будущимъ; тамъ скорѣе, нежели гдѣ-нибудь, въ продающемъ рождается желаніе продать дороже или, на-оборотъ, не ставить почти ни во что свои произведенія, такъ цѣны жизненныхъ потребностей, и преимущественно хлѣба, возвышаются неизвѣрно во время неурожая, или въ осажденномъ городѣ, и напротивъ — упадаютъ въ годы обильныя, въ странахъ гдѣ каждый удовлетворяетъ свои нужды самъ. Цѣны предметовъ способныхъ къ разнымъ употребленіямъ и которыхъ увеличеніе или уменьшеніе не зависитъ отъ воли человѣка, есть всегда почти выраженіе ихъ цѣнности; таковы, на-прим., земли, цѣны которыхъ не подвержены внезапнымъ измѣненіямъ.

Гдѣ мѣна, торговые обороты повторяются непрестанно, тамъ правильнѣе повышаются и понижаются цѣны; гдѣ живость промысла происходитъ изъ постоянно-дѣйствующихъ причинъ, тамъ цѣны дѣлаются почти математическою величиною, ибо потребности предупреждаются наличностію вещей (*). Слѣдовательно, второе условіе высоты цѣны заключается въ количествѣ наличныхъ произведеній, которое въ свою очередь зависитъ отъ величины издержекъ на производство.

(*). Примеромъ этому могутъ служить и цѣны на хлѣбъ. Франція, въ нѣкоторые годы, при маломъ урожаѣ, должна заимствовать хлѣбъ извнѣ; но смотря на то, цѣны не подвергаются значительнымъ измѣненіямъ. Вотъ тому доказательство:

	Ежегодный ввозъ пшеницы въ гектолитрахъ.	Средняя цѣна.
Съ 1815 по 1819 г.	1,096,000.	22 фр. 90 сент.
— 1820 — 1824 —	277,000.	18 — 30 —
— 1825 — 1829 —	560,000.	22 — 90 —
— 1830 — 1834 —	1,440,000.	21 — 90 —
— 1835 — 1839 —	391,000.	21 — 25 —
Среднее число въ двадцать-пять лѣтъ	733,000.	22 фр. 80 сент.
Съ 1840 по 1841 г.	1,133,000.	22 — 00 —

Если издержки или расходы вознаграждаются при продажѣ, то цѣна достаточна для того, чтобъ количество произведеній не оскудѣло въ оборотъ, ибо въ такомъ только случаѣ доходъ можетъ быть снова употребленъ на произведеніе новыхъ цѣнностей.

Издержки на производство составляютъ то, что экономисты называютъ *первоначальною*, или *естественною цѣною*. Это есть центръ тяжести, къ которому тяготеютъ всѣ цѣны, предѣлъ, за который онѣ не могутъ перешагнуть, по-крайней-мѣрѣ навсегда. Это условіе весьма-важно, и потому мы остановимся на немъ.

Чтобъ получить ясное понятіе о томъ, какъ должно опредѣлять издержки на производство, необходимо обратиться къ нормальному союзу производительныхъ въ земледѣліи услугъ.

Для земледѣлія необходимы: *земля, капиталъ, работа*. Всѣ эти средства могутъ принадлежать разнымъ лицамъ, но одно только совокупное ихъ дѣйствіе ведетъ къ настоящей цѣли производства. Отъ-того и въ земледѣліи, какъ и во всякой другой промышленности, необходимо соединеніе средствъ въ одной мысли, въ одномъ центрѣ; этотъ центръ будетъ лицо, которое имѣетъ охоту, возможность и способность заняться хозяйствомъ. Лицо это есть хозяинъ промысла, предприниматель (помѣщикъ или управляющій, фермеръ или откупщикъ, или, наконецъ, крестьянинъ, обрабатывающій землю для себя и на собственный счетъ), лицо, которое соединяетъ въ себѣ всѣ средства производства и направляетъ ихъ къ общей цѣли. Если всѣ эти средства принадлежатъ одному ему, то вся прибыль отъ содѣйствія ихъ принадлежитъ ему же.

Это случается лишь тогда, когда земля обрабатывается малыми участками, однимъ семействомъ. И тутъ, однако, встрѣчается необходимость нанимать работника; вообще тамъ, гдѣ распределеніе производительныхъ силъ достигло нормальнаго своего отношенія и гдѣ онѣ находятся въ естественномъ союзѣ, средства производства заимствуются отъ другихъ, которыя рѣшаются на уступку своихъ услугъ, имѣя въ виду прибыль, или вознагражденіе. Они желаютъ участвовать въ производствѣ цѣнности, которая будетъ плодомъ предпріятія; слѣдовательно, хозяинъ промысла долженъ распорядиться такъ, чтобъ доходъ землевладельца, или *рента*, могъ быть выдѣленъ изъ общаго дохода, равнымъ образомъ и доходъ капиталиста или *проценты*, и доходъ за труды, за усиліе со стороны работника — *заработокъ*. Собственное участіе хозяина-предпринимателя должно также найти *вознагражденіе*. Слѣдовательно, всѣ эти части должны войти въ расчетъ издержекъ производства.

Взаимное отношеніе этихъ издержекъ нельзя опредѣлять общимъ неизмѣннымъ правиломъ уже и потому, что каждая изъ нихъ имѣетъ свою ходячую цѣну, измѣняющуюся различно, отъ разныхъ обстоятельствъ. Легче всего, кажется, опредѣлять проценты съ *капитала*; по-крайней-мѣрѣ ихъ можно опредѣлить *напередъ*. Но слѣдуетъ замѣтить, что, независимо отъ большей или меньшей рѣвкости капиталовъ, большаго или меньшаго предложенія и тре-

бования ихъ, на величину процентовъ имѣеть вліяніе равное употребленію капиталовъ. Въ земледѣліи должно различать капиталъ по троякому назначенію: а) *капиталъ основной*, или *коренной*, т. е. тотъ, посредствомъ котораго хозяинъ получилъ въ свое владѣніе помѣстье или землю; сюда же относится капиталъ въ строеніяхъ и во всемъ, что прикрѣплено къ землѣ; б) *капиталъ орудій*, *инвентарь*, который состоитъ въ цѣности рабочаго скота, земледѣльческихъ орудій и машинъ; и в) *капиталъ наличный*, или *оборотный*, изъ коего производится платежъ служителямъ и ихъ содержаніе — заработокъ: изъ этого же капитала дѣлается вознагражденіе убыли инвентаря, расходы для увеличенія капитала основнаго, или для улучшенія имѣнія. Основной капиталъ подверженъ менѣе всего риску, а потому на него должно считать менѣе процентовъ, нежели на инвентарь, и еще менѣе, нежели на оборотный капиталъ. Проценты съ основнаго капитала могутъ иногда смѣшиваться съ рентою, или доходомъ землевладѣльца, но это ни мало не служитъ доказательствомъ ихъ тождества; рента или доходъ землевладѣльца происходитъ совершенно изъ другаго источника, чѣмъ будетъ сказано ниже. Уже одно то полагаетъ существенно различіе между *процентами съ капитала* и *рентою*, что *первыя съ увеличеніемъ капиталовъ уменьшаются, а послѣднія, напротивъ, все растутъ*.

Такъ-какъ содѣйствіе предпринимателя или хозяина необходимо всякомъ промышленномъ предпріятіи, то вознагражденіе, на которое онъ имѣеть право за свое содѣйствіе, составляетъ необходимую издержку производства. Вознагражденіе предпринимателя можетъ измѣняться въ разныхъ мѣстахъ отъ тѣхъ же самыхъ причинъ, которыя имѣютъ вліяніе и на прочія производительныя услуги.

Сверхъ-того, здѣсь еще входитъ новый элементъ — способность предпринимателя; если предприниматель не имѣеть знаній, если онъ нераспорядителенъ, руководствуется слѣпыми навыками, то большая часть его выигрыша будетъ поглощена дурными распоряженіями, дурнымъ раздѣленіемъ работъ, употребленіемъ неусовершенствованныхъ орудій, незнаніемъ правилъ, определяющихъ производство, покупку и продажу предметовъ, и проч. Экономисты и агрономы много разсуждали о томъ, на какой именно барышъ имѣеть право надѣяться предприниматель въ земледѣльческой промышленности или фермеръ? Но всѣ разсужденія приводятъ къ тому окончательному результату, что вознагражденіе фермера зависитъ отъ объема общественныхъ нуждъ, отъ способностей и денежныхъ средствъ предпринимателя и отъ соперничества.

Обратимся теперь къ положенію работника: онъ представляетъ собою младшаго члена союза, не смотря на то, что безъ расходовъ его стороны, состоящаго въ тратѣ физическихъ силъ, не произошло бы ничего. Величина заработка измѣняется отъ причинъ

весьма-разнородныхъ, и потому невозможно съ точностію опредѣлить его.

Въ практикѣ, соединяя факты извѣстнаго времени, на опредѣленномъ пространствѣ и при извѣстныхъ условіяхъ, означаютъ предѣлъ, ниже котораго не можетъ простираться заработокъ безъ опасности существованія рабочаго класса, и, слѣдственно, уничтоженія самой промышленности; предѣлъ этотъ, или *нормальная* величина заработка, есть та плата, которая доставляетъ возможность существовать работникамъ. Всѣ прочіе участники промысла, при уменьшеніи или даже уничтоженіи ихъ дохода, могутъ спуститься на низкую ступень, могутъ войти въ разрядъ простаго работника; но простому работнику и низойдти нѣкуда, если состояніе промышленности приводитъ его доходъ къ ничтожеству.

Ни возвышеніе, ни нормальная величина заработка не могутъ быть опредѣлены математически. Можно только показать условія, дѣйствующія въ каждой странѣ, — къ установленію цѣны заработка. Эти условія суть: качество труда и свойства самаго работника, и наконецъ соперничество.

Обработанная земля, если она плодородная, даетъ сумму произведеній, цѣнность которыхъ превосходитъ сумму издержекъ. Этотъ излишекъ есть даръ природы, которымъ она награждаетъ человека за трудъ. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ на землѣ простерлось право собственности, этотъ даръ природы принадлежитъ особому лицу, *собственнику*, составляетъ его вознагражденіе. Отсюда право пользоваться землею получило цѣну. Право это осуществляется съ той поры, когда произведенія земли поступаютъ въ торговлю, и за нихъ получается болѣе, нежели что стоютъ издержки на обработку; а это тогда, когда возрастаетъ народонаселеніе, когда установилось раздѣленіе труда, и земледѣіемъ занимается исключительно одинъ классъ. Часть дохода, причитающаяся землевладѣльцу единственно по праву собственника и независимо отъ другихъ дѣятелей производства, называется *рентою*. Этотъ доходъ взимается двоякимъ образомъ: 1) когда собственникъ обрабатываетъ самъ свою землю, или дѣлается самъ предпринимателемъ, тогда рента его входитъ въ чистый доходъ, остающійся отъ произведеній земли, за удовлетвореніемъ издержекъ производства. Такая рента можетъ быть названа *естественною*. 2) Когда землевладѣлецъ оставляетъ право пользоваться своею землею другому, за опредѣленную плату; эта плата называется наемною платою, или *рентою условною, кортоною, оброкомъ, чиншемъ*.

Естественный ходъ вещей требуетъ, чтобъ кортома была сообразна рентѣ естественной; однако многія причины отклоняютъ ренту отъ этого нормальнаго положенія. Это зависитъ отъ того, что обстоятельства, устанавлиющія цѣну вещей вообще, имѣютъ вліяніе на то, что кортома бываетъ выше или ниже естественной ренты. Притомъ, естественная рента можетъ измѣняться

изъ года въ годъ, смотря по урожаю и цѣнѣ произведеній; коротко ма, напротивъ, опредѣляется напередъ.

Вникая въ эти простыя истины, мы видимъ, что *величина короткома должна быть слѣдствіемъ, а не причиною цѣны на произведенія*. Результатъ этотъ весьма-важенъ.

Рента не должна быть смѣшиваема съ процентами съ капитала употребленнаго на покупку земли. Дѣйствительно, въ государствахъ, гдѣ всѣ земли составляютъ частную собственность, земля нельзя иначе приобрести, какъ покупкою; но цѣна, за которую покупаютъ землю, платитъ ренту, а не производитъ ее. *Цѣна земли есть слѣдствіе, а не причина ренты*. Если покупатель рѣшается дать эту цѣну, то именно потому, что земля приноситъ ренту; по этому рента предшествуетъ покупкѣ. Рента опредѣляетъ цѣну покупки, а не цѣна ренту; рента можетъ увеличиваться и уменьшаться, а земля остается у того же владѣльца, т. е. за ту же цѣну.

Возвышеніе или пониженіе ренты, въ странахъ, гдѣ землевладѣлецъ обрабатываетъ землю, не какъ въ первобытныя времена для собственнаго своего продовольствія, для удовлетворенія нуждъ насущныхъ,—зависитъ отъ его прихода и расхода, т. е. отъ разности между цѣною произведеній и издержками производства слѣдственно, здѣсь выгоды землевладѣльца или предпринимателя тѣсно, неизбежно связаны съ выгодами землевладѣльца; все, что способствуетъ возвышенію цѣны на произведенія, полученію большаго дохода отъ нихъ, — способствуетъ возвышенію ренты.

Всѣ эти явленія бываютъ только тамъ, гдѣ рента устанавливается естественнымъ образомъ, т. е. въ-слѣдствіе свободного соперничества между землевладѣльцемъ и предпринимателемъ земледѣльской промышленности или крестьяниномъ.

Бываютъ, однако, обстоятельства, когда употребленіе земли отступаетъ отъ этого порядка и принимаетъ формы обязательныя для той или другой стороны. Въ этомъ случаѣ, и самая рента дѣлается *обязательною*. Подобный порядокъ вещей бываетъ иногда случайностью скоропреходящею, иногда по своей обширности и продолжительности составляетъ одну изъ основныхъ формъ экономическихъ отношеній страны. Въ этомъ случаѣ, вліяніе обязательной ренты весьма-обширно, чувствуется вездѣ, въ каждомъ каналѣ народнаго богатства, и потому заслуживаетъ подробнаго изслѣдованія.

Обязательная рента, чѣмъ бы она ни выплачивалась, деньгами или произведеніями, или трудомъ, имѣетъ первымъ слѣдствіемъ то, что величина ея не соразмѣряется съ основными условіями производительности.

Такъ-какъ обязательная рента отрицаетъ, если не у обихъ, то по-крайней-мѣрѣ у одной стороны — условія договора, то очевидно, что здѣсь неизбежно одна сторона находится въ потерѣ, а чаще всего обѣ. Тотъ, для кого обязательная рента составляетъ пра-

во, естественно желаетъ пользоваться имъ и старается возвышать ренту выше ходячей цѣны. Въ такомъ случаѣ, лицо, обязанное платить ренту, уже не можетъ рассчитывать на законное вознагражденіе, слѣдующее ему, какъ предпринимателю, капиталисту или работнику; все здѣсь смѣшивается въ одну нестройную массу, исчезаетъ естественно соотношеніе между трудомъ и капиталомъ, и колеблется основаніе цѣнъ, ибо при такомъ положеніи не могутъ быть опредѣлены издержки производства. Если обязательная рента выплачивается деньгами, то она имѣетъ ту по-крайней-мѣрѣ выгоду, что можетъ быть соразмѣрена съ ходячею наемною цѣною земли, если только это можетъ существовать повсемѣстно при обязательной рентѣ. Мы говоримъ: *можетъ соразмѣряться*, — но въ большей части случаевъ она не соразмѣряется, иначе она утратила бы обязательную свою силу — въ экономическомъ отношеніи...

Еще болѣе представляетъ запутанности тотъ случай, когда обязательная рента уплачивается работою.

Работа имѣетъ свою ходячую мѣновую цѣну; слѣдственно, для справедливой соразмѣрности, она должна быть оцѣнена и соразмѣрена съ цѣною ренты. Но заработокъ зависитъ отъ многообразныхъ обстоятельствъ, измѣняющихъ его величину въ разное время и въ различныхъ мѣстахъ; всѣ эти обстоятельства должны были бы приниматься въ разсужденіе при опредѣленіи размѣра или рода работъ; но это значило бы измѣнять ренту безпрестанно, что опять измѣнило бы сущность обязательной ренты. Поэтому, размѣръ работъ, опредѣляющихъ обязательную ренту, остается неизмѣннымъ и опредѣляется лишь правомъ, а не экономическими словесами. Здѣсь, какъ и въ первомъ случаѣ, смѣшиваются всѣ элементы, и теряется всякая возможность опредѣлить итогъ издержекъ производства; обстоятельство это еще болѣе запутывается тѣмъ, что обыкновенно при обязательной работѣ требуются орудія работника; слѣдственно, входитъ новое неопредѣленное количество.

Въ этомъ случаѣ весь хозяйственный процессъ представляетъ массу, нераздѣленную на части и элементы, немнѣющую стройности; здѣсь нельзя различить ни частей дохода, ни источниковъ его, нельзя сказать, что принадлежитъ каждому участвующему: рента здѣсь не существуетъ, возрастаніе капитала мало или вовсе невозможно; заработокъ несвойственъ этому положенію вещей, — словомъ, весь промыселъ представляетъ несовершенное развитіе. Элементъ для опредѣленія цѣны не существуетъ, — онъ дѣлается случайностью.

Въ какихъ бы формахъ ни существовала экономія народная, вопросъ объ издержкахъ производства сохраняетъ свою важность. Даже и тѣ, которые не проникаютъ до экономическихъ основаній производительности народной, не могутъ не чувствовать высокаго значенія этого вопроса, — а потому и наши хозяева касались его.

Г-нъ Перцовъ, въ статьѣ своей *Оцѣнка земледѣльческихъ произведеній въ Казанской-Губерніи* (*), говоритъ: «Для полученія всякаго рода хлѣба необходимо нужно: 1) имѣть извѣстный участокъ «земли; 2) имѣть скотъ и земледѣльческія орудія, и 3) употребить «трудъ». Въ этомъ и состоитъ вся система его оцѣнки. Онъ старается опредѣлить, во что обходится хлѣбъ пахатному крестьянину, а не помѣщику, — и дѣлаетъ замѣчаніе, что цѣна земли должна быть принимаема въ расчетъ только при оцѣнкѣ помѣщичьяго хлѣба, а не крестьянскаго; потому что «крестьянинъ — казенный или «помѣщичій — все равно, пользуется землею не по праву собственности, но единственно по праву владѣнія. На такомъ основаніи, «при оцѣнкѣ помѣщичьяго хлѣба, справедливость требуетъ не забывать о процентахъ съ капитальной цѣны каждой десятины». Такъ думаютъ, конечно, многіе, да не такъ выходитъ. — Развѣ крестьянинъ пользуется землею даромъ? Развѣ онъ не платитъ помѣщику свою работою и деньгами? — а государственный крестьянинъ за землю развѣ не платитъ оброка? И если справедливость требуетъ не забывать о процентахъ съ капитальной цѣны каждой десятины, принадлежащей помѣщику, то также справедливость требуетъ, чтобъ не ставили ни во что пожертвованія, за которое крестьянинъ покупаетъ свое право владѣнія (**).

Г. Перцовъ принимаетъ только издержки на удобреніе; при этомъ случаѣ онъ оцѣниваетъ стоимость скота и его содержаніе, но не вводитъ въ расчетъ работы того же самаго скота, употребляемаго крестьяниномъ для отбиванія барщины. Такимъ же точно образомъ онъ не принимаетъ въ соображеніе употребленія земледѣльческихъ орудій при отбиваніи крестьяниномъ барщины.

Наконецъ, въ расчетъ г. Перцова нѣтъ ни слова о капиталѣ для уплаты рабочимъ, о доли, которая должна причитаться крестьянину-хозяину въ качествѣ предпринимателя.

Послѣ этого ясно, что выводы г. Перцова не имѣютъ никакого значенія для рѣшенія заданнаго имъ себѣ вопроса; но какъ бы то ни было, трудъ его заслуживаетъ признательность. Что касается до оцѣнки хлѣба помѣщичьяго, то вопросъ этотъ еще труд-

(*) См. Ж. М. В. Д. 1838.

(**) Мы считаемъ излишнимъ входить въ разборъ числовыхъ данныхъ, на которыхъ г. Перцовъ основываетъ свою оцѣнку; числа — дѣло условное, и они не составляютъ здѣсь важности; вся сила въ экономическихъ основаніяхъ оцѣнки. Замѣтимъ, однако, слѣдующее: г. Перцовъ полагаетъ, при оцѣнкѣ помѣщичьяго хлѣба, что съ цѣны земли должно считать не менѣе 8%, или столько, сколько всякое благоразумное коммерческое предпріятіе приноситъ прибыли. Такой расчетъ не согласенъ ни съ практикою, ни съ основаніями дѣла. Извѣстно, что капиталъ приноситъ тѣмъ болѣе процентовъ, чѣмъ съ употребленіемъ его сопряжено болѣе риска, и обратно. Землю же, если принимаютъ за капиталъ, то именно за такой, который отдавъ въ ссуду подъ самое вѣрное обезпеченіе; слѣдовательно, на такой капиталъ должно считать самыя меньшіе проценты. Въ практикѣ такъ это и дѣлается всездѣ.

нѣе; это чувствовалъ, кажется, и самъ г. Перцовъ, предоставивъ рѣшеніе задачи самимъ помѣщикамъ. Прѣмърь г. Перцова увлекъ и нѣкоторыхъ другихъ къ разрѣшенію этой задачи, между-прочимъ, г. Тагайчинъ въ «Земледѣльческой Газетѣ» 1839 г., № 69, предложилъ: «Оцѣнку земледѣльческихъ произведеній въ Орловской-Губерніи». Авторъ совершенно слѣдовалъ способу г-на Перцова; итакъ, о немъ намъ ничего не остается сказать.

Всѣхъ подробнѣе разсматривалъ этотъ предметъ г. Вилькинсъ; онъ принимался за него нѣсколько разъ (*), чувствуя всю его важность, называя его «камнемъ преткновенія нашей сельской промышленности, котораго до-сихъ-поръ никто еще не успѣлъ сдвинуть съ дороги». Въ сущности, система оцѣнки г. Вилькинса тождественна съ способомъ г. Перцова; разность состоитъ въ томъ, что г. Вилькинсъ для оцѣнки труда принимаетъ не наемную плату, а количество издержекъ, потребныхъ на содержаніе работника. По его мнѣнію, «вся ошибка тѣхъ, которые принимались рѣшать вопросъ о стоимости издержекъ въ земледѣліи, состоитъ въ томъ, что они смѣшивали цѣнность труда личнаго съ цѣнностью его произведеній» (**). Мы не знаемъ, кто смѣшивалъ эти два предмета разнородные? По мнѣнію г. Вилькинса, «трудъ есть существенное и необходимое условіе жизни, и потому мѣриломъ труда должно быть удовлетвореніе жизненныхъ потребностей» (***). Положимъ, что и такъ; но что же должно разумѣть подъ именемъ жизненныхъ потребностей? Если вы будете разумѣть чисто-физическія нужды человѣка, тогда какая же разность между человѣкомъ и домашнимъ животнымъ? А г. Вилькинсъ именно принимаетъ въ расчетъ только физическія потребности и ничего болѣе... Онъ даже прямо говоритъ: «оцѣнка работы животнаго должна основываться также на поддержаніи силъ его кормомъ» (****).

Не будемъ говорить, сколько такой взглядъ оскорбителенъ для нравственнаго достоинства человѣка, — достоинства, никогда неугасяющаго даже въ простомъ поленщикѣ: искра Божія свѣтится и въ немъ, и въ его темной долѣ не умолкаетъ голосъ высшей нужды, который требуетъ уваженія. Мы знаемъ, что у многихъ на подобныя возраженія давно готовъ отвѣтъ: «все это утопія, мечтаніе кабинетныхъ хозяевъ», и пр. и пр., а потому замѣтимъ, сколько такой взглядъ невѣренъ въ экономическомъ отношеніи. Цѣна всякой работы, или проще *заработокъ*, зависитъ отъ различныхъ обстоятельствъ, о которыхъ мы сказали въ своемъ мѣствѣ; въ числѣ этихъ обстоятельствъ, конечно, главное мѣсто занимаетъ содержаніе работника; но подъ словомъ «содержаніе» разумѣется, кромѣ

(*) См. Земл. Журн. 1832 и 1843 г.

(**) Объ Англійскомъ Сельскомъ Хозяйствѣ, соч. Ф. Векерліна, съ примѣчаніями для русскихъ хозяевъ, И. Я. Вилькинса. Москва 1844. Стр. 374.

(***) Тамъ же, стр. 376.

(****) Тамъ же, стр. 379.

удовлетворенія нуждъ чисто-физическихъ, и нужды, соответственныя положенію работника, какъ члена общества, хотя онъ занимаетъ высшую ступень его. Это совершенно согласно и съ понятіями Тэра, на котораго ссылается г. Вилькинсъ. Все эти обстоятельства выражаются окончательно въ заработкѣ, чѣмъ бы вы его ни измѣряли — хлѣбомъ, или деньгами.

«Въ иностранныхъ государствахъ обыкновенно входятъ въ соображеніе цѣны рабочаго для помѣщенія семьи работника, харчъ, одежда, обувь и проч. У насъ осѣдлый крестьянинъ пользуется «всѣмъ этимъ отъ владѣльца, вмѣстѣ съ предоставленною ему землею; слѣдственно, мы должны принимать въ расчетъ труда «собственно только потребность пищи» (*). Здѣсь явное противорѣчіе: если нашъ крестьянинъ снабжается всѣмъ, т. е. и пищею, отъ владѣльца, вмѣстѣ съ предоставленною ему землею, то отъ чего же въ расчетъ труда должно принимать только пищу? Надобно принимать или все, или ужь ничего. Послѣ этого понятно, что выводимые г. Вилькинсомъ результаты объ оцѣнкѣ стоимости произведеній не ведутъ ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Авторъ видѣлъ невозможность разложить на составныя части предметъ, въ которомъ все смѣшано.

«Главное и едва-ли не одно только, которое можно назвать существеннымъ, различіе между нашими и чужестранными хозяйствами состоитъ въ томъ, что у нихъ все земледѣльческія работы производятся наймомъ за деньги, а у насъ — по обязанности «за владѣніе землею. Нѣтъ нужды разсматривать здѣсь преимущества того или другаго способа: нашъ укорененъ и освященъ «вѣками; но въ-отношеніи къ хозяйственной отчетности можно «сказать вообще, что у иностранцевъ она и легче и проще. Наши «хозяйства затрудняются именно тѣмъ, что дѣйствуютъ не своими, «а чужимъ шептелемъ, и, стало-быть, успѣхъ и движеніе ихъ за- «виситъ большею частію не отъ самого владѣльца» (**).

(*) Тамъ же, стр. 379.

(**) Въ другомъ мѣстѣ, г. Вилькинсъ говоритъ слѣдующее: «Сельское хозяйство русскихъ помѣщиковъ отличается отъ иностраннаго тѣмъ, что въ чужихъ краяхъ главный элементъ этой промышленности составляетъ *малочисленный капиталъ*; а у насъ *неопредѣлительная работа издѣльныхъ крестьянъ*. Тѣ помѣщики, которые могутъ употреблять на улучшеніе хозяйства своего большія или меньше денегъ, приобретаемыхъ изъ другихъ источниковъ, получаютъ отъ ишійя гораздо *высшую*, по сравненію, чистую прибыль, нежели тѣ, которые лишены этой возможности. Но если всѣ обороты и хозяйственныя издержки владѣльца производятся изъ однихъ только доходовъ помѣстья безъ особаго денежнаго капитала, то *хозяйство его приходится въ полную и непосредственную зависимость отъ частныхъ хозяйствъ тѣхъ крестьянъ, которые обрабатываютъ его землю, стало бытъ, теряетъ свою самостоятельность*. Очевидно, что при этомъ всѣ расчеты помѣщика, его хозяйственные виды и соображенія подвергаются гораздо большей игрѣ случая, нежели когда бы онъ могъ располагать свободно чистыми деньгами; на хозяйствѣ его должны

Это такъ справедливо, что ничего нельзя сказать противъ. Г. Вилькинсъ, неоднократно принимавшійся разсчитывать стоимость издержекъ въ нашемъ хозяйствѣ, самъ сознается, что «хозяйственная отчетность у иностранцевъ проще и легче». Мы же думаемъ, что у насъ хозяйственная отчетность — просто невозможность, когда идетъ дѣло объ опредѣленіи издержекъ въ хозяйствѣ.

«Чтобъ опредѣлить, какой доходъ можетъ принести десятина земли помѣщику, надобно знать въ точности, что стоитъ работа крестьянъ его, употребленная на эту десятину при воздѣлываніи того или другаго растенія». Хотя одна стоимость работъ и не выражаетъ суммы издержекъ производства, но, — предположивъ даже, что это и такъ, посмотримъ, какъ выислаеть г. Вилькинсъ цѣну работъ крестьянина для помѣщика. Онъ принимаетъ тѣ же основанія, какъ и при разсмотрѣніи вопроса о собственномъ трудѣ, т. е., по его выраженію, мѣриломъ труда онъ принимаетъ «удовлетвореніе жизненныхъ потребностей». Это, можетъ-быть, справедливо гдѣ-нибудь на сахарныхъ плантаціяхъ, или и въ нѣкоторыхъ нашихъ хозяйствахъ, гдѣ работы производятся дворовыми людьми... Но обыкновенно, помѣщикъ за работу крестьянъ вознаграждаетъ ихъ извѣстною частью земли, отдаваемою имъ въ пользованіе. Следовательно, правильнѣе было бы сравнить цѣну земли и цѣну работъ.

Это пытался сдѣлать помѣщикъ Орловской-Губерніи, г. Афросимовъ. Его статья, помѣщенная въ 6 № «Земледѣльческаго Журнала» 1843 года, подъ заглавіемъ «Опытъ оцѣнки работъ въ дворянскихъ помѣстьяхъ по уздамъ», приводитъ къ тому результату, что при надѣлѣ крестьянина участкомъ земли, равнымъ тому, который онъ обязанъ обрабатывать на помѣщика, теряютъ оба, и помѣщикъ и крестьянинъ. Это подтверждается и другимъ: прочтите, на-прим., въ «Земледѣльческой Газетѣ» статью холмскаго предводителя дворянства Войнакуринскаго. Всего замѣчательнѣе въ этомъ отношеніи слова г. Поздюнина. «Въ послѣднее десятилѣтіе» говорить онъ (въ 1834 г.): «перечитывая книжки Земледѣльческаго Журнала, почти въ каждой видите неудовольствіе русскимъ хозяйствомъ; всякій ищетъ какого-то собственнаго и крестьянъ своихъ исправленія, составляетъ себѣ правила никакъ не принимаемыя и самъ ихъ измѣняетъ; наконецъ, рѣшается говорить, что для Россіи нѣтъ общихъ правилъ. Если въ Россіи не можетъ быть общихъ правилъ для сельско-хозяйственной промышленности, то нѣтъ для нея и науки, ибо одна наука предлагаетъ правила. Отъ-чего же мысли сіи такъ неправильны? Отъ-чего всякій чего-то домогается и ничего не находитъ? Отъ-того только, что хозяйство

отражаться, по необходимости, больше или меньше всѣ частныя недостатки хозяйства крестьянъ его, всѣ физическія и моральныя свойства каждаго изъ таковыхъ работниковъ». См. Ж. С. Х. и О. 1843. № 10, стр. 40. Въ этихъ словахъ много истины, особенно въ послѣднихъ.

«наше есть совокупность двухъ противоположныхъ видовъ, одногъ крестьянскаго, другаго помѣщичьяго; первое можетъ быть учтываемо и опредѣлено, а послѣднее никогда, и такъ сказать зависитъ отъ благопріятныхъ и неблагопріятныхъ обстоятельствъ». На-прим., какимъ образомъ помѣщикъ разсчитываетъ нужное количество крестьянамъ, при всѣхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ? Какъ онъ можетъ привести капиталъ орудій, въ крестьянскомъ распоряженіи находящійся, въ желаемое лучшее положеніе, и даже обезпечить его теперешнюю худую цѣнность? Не зависятъ ли все сіе отъ направленія крестьянъ къ добру, и наоборотъ? Кто для сего можетъ положить общія правила? Слѣдуютъ ли дѣйствительно пользу особенные старосты надъ крестьянскими работниками? И такъ, наше хозяйство требуетъ величайшаго соображенія и даже измѣненія, и потому-то Россія не есть законодательница для прочей Европы; какъ сказалъ г. Бунинъ... Все распоряженія, придуманныя помѣщиками для обезпеченія собственной быта крестьянъ, очень-слабы и неудовлетворительны. На-прим., составленіе мірскихъ запажекъ къ двумъ нашимъ хозяйствамъ, помѣщичьему и крестьянскому, прибавляетъ какое-то третье общественное, и, вмѣсто необходимаго приведенія нашей хлѣбной цѣны къ малосложному и вѣроуказному виду, мы однимъ симъ распоряженіемъ прибавляемъ къ ней столько хлопотъ, что со временемъ изъ запутаннаго нашего хозяйства составитъ такой хаосъ, отъ котораго навѣрно мы вовсе отступимся» (*).

Раздѣляя эти замѣчательныя мысли г. Поздюнина, мы несогласны съ нимъ только въ одномъ, что будто крестьянское хозяйство можетъ быть учтываемо и опредѣлено; оба эти хозяйства находятся въ такомъ между собою отношеніи, что ни то, ни другое не можетъ быть учтываемо.

VIII.

Изъ всего сказаннаго открывается ясно, что въ такомъ случаѣ, когда обязательная рента уплачивается работою, нѣтъ никакой возможности опредѣлить издержки, потребныя на производство, слѣдственно, не можетъ быть опредѣлена первоначальная цѣна на хлѣба, не можетъ быть разрѣшенъ вопросъ: во что обходится произведеніе самому производителю? А это ведетъ къ тому, что рыночная цѣна хлѣба зависитъ единственно отъ соперничества предложенія и требованія, что дѣйствительно повсемѣстно и повсѣчасно совершается у насъ въ Россіи (**).

(*) З. Ж. 1834 г. № 4. Стр. 629—630.

(**) Это подтверждаетъ, между прочимъ, даже и г. Сабуровъ, въ статьѣ своей *Записки Пензенскаго Земледѣльца*, напечатанной въ *Отеч. Запискахъ* 1841 г. Статья эта съ практической стороны была разобрана въ *Журн. Мин. Госуд. Имущ.* въ 1845 г.

Но на это намъ могутъ сказать: «Не всѣ земледѣльцы въ Россіи платятъ ренту обязательною работою; есть, и очень-много, крестьянъ оброчныхъ; есть, наконецъ, хозяева, которые обрабатываютъ землю единственно для себя, или собственными силами или наймомъ; эти могутъ учесть всѣ издержки, потребныя на воздѣлываніе».

Вся это справедливо. Но, во-первыхъ, въ такомъ случаѣ, когда рента выплачивается и деньгами, если количество ея определено *напередъ*, безъ соображенія всѣхъ тѣхъ обстоятельствъ, которыя служатъ основаніемъ естественной ренты, то этимъ самымъ разрушается экономическое отношеніе между трудомъ и капиталомъ, и рента можетъ быть уже не *слѣдствіемъ* цѣнъ на хлѣбъ, а лишь *причиной* ихъ. Слѣдственно, если рента обязательная выше естественной, определяемой свободнымъ совмѣстничествомъ собственника и наемщика земли, то цѣна на хлѣбъ должна быть выше естественной цѣны. И, дѣйствительно, хотя такое положеніе вещей искусственное, и, слѣдственно, непрочно, однако оно можетъ существовать. Мы это видимъ въ Англіи, гдѣ рента возвышена таможенными постановленіями, и служитъ главною причиною, поддерживающею высшія цѣны на хлѣбъ.

У насъ этого быть не можетъ. Положимъ, что хозяева, обрабатывающіе землю на собственный счетъ, могутъ опредѣлять первоначальную цѣну своего хлѣба, и на ней желаютъ основать расчеты рыночной цѣны. Но на рынкѣ они встрѣчаютъ совмѣстничество хлѣба, который полученъ въ видѣ обязательной ренты и слѣдственно первоначальная цѣна котораго не можетъ быть опредѣлена, и который надобно продать за что бы то ни было; торговая практика показываетъ, что пониженіе цѣны на незначительное количество какого-либо произведенія понижаетъ вдругъ цѣну и на все прочее количество однороднаго произведенія. У насъ подобное отношеніе существуетъ въ огромныхъ размѣрахъ. Такъ, на-прим., въ Харьковской-Губерніи изъ 2,224,236 четвертей ржи, производимой въ средній годъ, на счетъ крестьянъ приходится только 1,112,000; изъ этого числа весьма-незначительная часть, за собственнымъ потребленіемъ, можетъ поступить въ продажу; можетъ ли же какая-либо сотня тысячъ четвертей выдержать соперничество съ однимъ милліономъ четвертей?

Итакъ, вотъ гдѣ настоящая причина той страшной колеблемости цѣнъ, которыя замѣчаются у насъ, особенно въ губерніяхъ, лишенныхъ возможности внѣшняго сбыта. Все зависитъ отъ предложенія и требованія. Г. И. Сабуровъ (*), приводя статистическія данныя о Пензенской-Губерніи, говоритъ, что полчетверти съ десятины урожая болѣе, выше средняго урожая, дѣлаютъ избытокъ въ 300,000 четвертей; потребить его въ губерніи нѣкому, а повез-

(*) Въ статьѣ «Взглядъ на цѣны хлѣба». См. Моск. Набл. 1835 г. Июнь. Кн. 1. Стр. 421.

ти нѣ куда. Родись 300,000 четвертей менѣе: нельзя удовлетворити обыкновеннаго требованія. И вотъ отъ-чего цѣны на рожь въ Пензенской-Губерніи въ декабрѣ 1830 г. были 6 руб., въ февралѣ 1831 г. поднялись до 8 руб.; къ концу 1832 г. дошли до 14 руб., а чрезъ годъ возвысились до 28 рублей.

Г. Протопоповъ приводитъ примѣръ двухъ послѣдующихъ годовъ, въ которые разность привоза въ Моршанскъ хлѣба простиралась на 10 проц.; а разность цѣны на 59 проц. (*)

Неизвѣстный сочинитель статьи «О Харьковской и Полтавской Губерніяхъ» (помѣщенной въ Ж. М. В. Д. 1840 г. № 7, стр. 120 и слѣд.), говоритъ, что «губерніи эти, не смотря на славу ихъ плодородія, часто нуждаются въ хлѣбѣ; цѣна его въ неурожайныя годы не удваивается, а возвышается въ 15 разъ и болѣе; въ обыкновенные же годы хлѣбъ остается почти безъ всякой цѣнности; четверикъ овса, на-пр., продается по 8 коп. и часто отвозятъ его назадъ съ рынка». Выше-приведенныя числа о количествѣ производимаго этими губерніями хлѣба и о распредѣленіи его, совершенно объясняютъ такое явленіе.

(*) Ж. М. Г. И. 1842 г. Ч. 5. Стр. 123.

ПРИЧИНЫ КОЛЕБАНИЯ ЦѢНЪ НА ХЛѢБЪ ВЪ РОССИИ.

Статья вторая и последняя.

Отъ чего зависятъ болѣе постоянство цѣнъ на хлѣбъ въ губернскихъ промышленныхъ. Водяные пути сообщенія въ Россіи. Удобная перевозка. — II. Какъ великъ избытокъ производимаго въ Россіи хлѣба. Избытокъ урожая во Франціи. Россія производитъ хлѣба именно столько, сколько при ея хозяйственныхъ отношеніяхъ она должна производить: въ этомъ заключается главная причина чрезмѣрнаго колебанія цѣнъ. Когда можетъ установиться соразвѣрность между предложениемъ и спросомъ? — III. Мнѣніе Г. Савурова о причинѣ изюбности цѣнъ на хлѣбъ въ северныхъ губерніяхъ. — IV. Высшій сбытъ хлѣба имѣетъ второстепенное значеніе. — V. Въ какой зависимости находится дешизина хлѣба отъ обширности земель. — VI. Почему у насъ мало разнообразія въ производимыхъ земляхъ. — VII. Процвѣтаніе городовъ есть слѣдствіе процвѣтанія земледѣлія. — VIII. Неосновательность мнѣнія, рѣшительнаго изюбности цѣнъ хлѣбнымъ торговцамъ. — IX. Несоразвѣрность цѣнъ на мануфактурныя производенія съ цѣнами на хлѣбъ. — X. Состояніе нашего скотоводства и зависимость его отъ земледѣлія. — XI. Мнѣніе о несоразвѣрности доходовъ мѣштинъ и нуждахъ помещиковъ. — XII. Мнѣніе о недостаткѣ капиталовъ въ земледѣліи. — XIII. Нынѣшнее состояніе хозяйства сравнительно съ прежнимъ.

I.

При разсужденіи о цѣнахъ на хлѣбъ, у насъ часто указываютъ на большее ихъ постоянство въ такъ-называемыхъ промышленныхъ губерніяхъ, но никто не вникъ въ сущность этого явленія. Г. Вильшинъ старается доказать, что производство хлѣба въ северныхъ губерніяхъ дороже обходится, нежели въ южныхъ; хотя этого, по принятому имъ способу оцѣнки, и нельзя доказать, но еслибъ это было и такъ, то это только служило бы поводомъ къ тому, что цѣны въ северныхъ губерніяхъ должны быть постоянно выше, нежели въ южныхъ.

Между-тѣмъ, приведенныя нами въ началѣ статьи свѣдѣнія о цѣнахъ на хлѣбъ по разнымъ губерніямъ не подтверждаютъ и этого

заключенія: цѣны въ южныхъ губерніяхъ бываютъ выше, нежели въ сѣверныхъ. Уже одного этого факта достаточно для опроверженія мысли г. И. Сабурова «о необходимости, для поддержанія хозяйства сѣверныхъ и среднихъ губерній, наложить пошлину на хлѣбъ и скотъ и проч., доставляемые изъ южныхъ губерній». Не говоримъ уже о ложности подобной мысли въ практическомъ приложеніи, хотя она и предложена хозяиномъ-практикомъ.

Г. Протопоповъ, въ прекрасной статьѣ своей «о хлѣбной торговлѣ въ Россіи» (*), рассматривая колебаніе цѣнъ на основаніи вѣрныхъ статистическихъ данныхъ, и сравнивая среднія высшія цѣны съ средними низкими съ 1833 по 1841 г., нашелъ, что высшія цѣны къ высшимъ относятся:

Въ Москвѣ какъ	10: 42.
— Владиміръ	10: 38.
— Ярославль	10: 26.
— Костромъ	10: 25.
— Новгородъ	10: 25.
— Санктпетербургъ	10: 23.
— Петрозаводскъ	10: 22.

Всѣ эти губерніи для продовольствія своего покупаютъ значительную массу хлѣба, привозимаго изъ южныхъ губерній.

Между-тѣмъ, то же отношеніе было:

Въ Симбирскѣ	10: 48.
— Воронежъ	10: 50.
— Пенза	10: 57.
— Екатеринославль	10: 58.
— Рязань	10: 65.
— Тамбовъ	10: 67.
— Саратовъ	10: 67.
— Курскъ	10: 82.
— Туль	10: 100.
— Ставрополь	10: 111.

Г. Протопоповъ выводитъ изъ этой таблицы такое заключеніе «сбѣдѣвшія по хлѣбопашеству губерніи находятся въ выгоднѣйшемъ положеніи въ-отношеніи къ степени возвышенія цѣнъ въ неурожайное время, нежели губерніи плодородныя».

Въ-отношеніи къ факту, это заключеніе вполне справедливо. этимъ еще не объясняется причина явленія.

Несомнѣнно, что въ губерніяхъ первой категоріи, имѣющихъ большую потребность въ заимствованіи хлѣба извнѣ, значительная масса хлѣба находится всегда въ рукахъ оптовыхъ торговцовъ, и, следовательно, хлѣбъ этотъ уже имѣетъ всѣ свойства товара, стоимость котораго совершенно известна торговцу, ибо ему известно, во что обходится покупка на мѣстѣ, что стоитъ ему доставка, сохраненіе и про-

(*) См. Ж. М. Р. № 1842 г. № 3.

издержки, словомъ, ему известна первоначальная цѣна ея товара. Само собою разумѣется, что эта цѣна должна быть весьма-различна, смотря по различію цѣны, за которую приобрѣтенъ хлѣбъ изъ рукъ земледѣльца.

Но продажныя цѣны уравниваются взаимнымъ соперничествомъ торговцевъ, изъ которыхъ каждый знаетъ первоначальную цѣну своего товара. Итакъ, вотъ объясненіе приводимаго нами факта и доказательство, что когда къ одному условію—запросу и предложению, присоединяется другое—точное опредѣленіе стоимости издержекъ, колеблемость цѣны ослабѣваетъ, и онѣ дѣлаются равныя.

Скажутъ, что «въ губерніяхъ перваго разряда цѣны равныя, потому—что эти губерніи богаче путями сообщенія». Благодетельное вліяніе путей сообщенія на торговлю не подлежитъ никакому спору. Но въ настоящемъ случаѣ это вліяніе далеко не исключительное и не главное. Въ-самомъ-дѣлѣ, губернія Костромская, на-пр., находится на чуть не въ лучшемъ положеніи, нежели Симбирская и даже Саратовская; между-тѣмъ, колебаніе цѣны въ первой вдвое меньше, нежели во второй, и втрое меньше, нежели въ Саратовской. Тульская Губернія относительно путей сообщенія стоитъ несравненно-выше, нежели Воронежская или Пензенская. Между-тѣмъ, въ ней цѣны возвышались въ 10 разъ, тогда-какъ въ послѣднихъ только въ 5 или 6 разъ. Слѣдовательно, естественныя выгоды въ этомъ случаѣ играютъ роль подчиненную, а не главную. Таковъ общій неизмѣнный законъ промышленной дѣятельности челоука. Въ немъ самомъ заключается источникъ всякой дѣятельности. Посмотрите на Индію: нѣтъ въ мірѣ страны, надѣленной природою щедрѣе, и между-тѣмъ сердце содрогается при чтеніи разсказовъ путешественниковъ о страданіяхъ милліоновъ народа отъ нищеты: сотни тысячъ мрутъ голодною смертію. Посмотрите на Европейскую Турцію: есть ли гдѣ другая страна, такая богатая средствами къ сбыту своихъ произведеній, а между-тѣмъ промышленная дѣятельность ея находится въ самомъ жалкомъ положеніи. Посмотрите на наши западныя губерніи: водяными путями сообщеній онѣ гораздо-богаче многихъ нашихъ внутреннихъ губерній, и имѣютъ прекрасное шоссе на значительномъ протяженіи, —а между-тѣмъ, бѣдность земледѣльцевъ тамошняго края вошла въ пословицу. Напрасно жаждутся на бѣдность почвы, на климатъ; почва самой неплодородной губерніи, Витебской, не бѣднѣе почвы, на-прим., Калужской-Губерніи, климатъ же гораздо мягче; вспомогательныхъ силъ: воды, горючаго матеріала—изобиліе, и за всѣмъ тѣмъ калужскій крестьянинъ зажиточенъ, а Бѣлорусецъ бѣденъ.

Въ «Журналѣ Министерства Государственныхъ Имуществъ» 1843 г., ч. VII, отд. III, стр. 2), по поводу книги г. Штукенберга, помѣщенъ прекрасный взглядъ на естественные пути сообщенія въ Россіи. Тамъ исчислено, что при обзорѣи отдѣльныхъ бычыхъ бассейновъ, приходится по одной верстѣ судоходнаго протяженія рѣкъ:

Въ зан. двинскомъ бассейнѣ	1½	кв. геогр. мил.
— волжскомъ	2	— — —
— озерномъ	2	— — —
— днѣпровскомъ	2	— — —
— донскомъ	4½	— — —
— сѣв. двинскомъ	6	— — —

Слѣдовательно, въ сложности для цѣлой Россіи среднимъ числомъ приходится на одну кв. геогр. милю по ½ версты судоходнаго протяженія рѣкъ.

Разность въ надѣленіи водами южной полосы разительна. В огромномъ пространствѣ отъ рѣки Урала до Бессарабіи, между Каспійскимъ-Моремъ; Кавказскими-Горами, Чернымъ-Моремъ; Востокъ и прямою чертою, проведенною между Ямполомъ и Царскимъ, почти вовсе нѣтъ судоходныхъ рѣкъ (*); а это пространство заключаетъ въ себя до 15,000 кв. геогр. мил.

Впрочемъ, скудость водъ у насъ весьма-естественна. Можно считать четыре главные причины обилія водъ: большіе горные притоки, возвышенное вообще положеніе страны, сырой климатъ и т. п. Горь внутри Россіи нѣтъ; возвышенность ея надъ уровнемъ моря незначительна; климатъ болѣе сухой, нежели сырой. Обилія воды только сѣверная и сѣверозападная часть. Но какъ бы ни было, многія мѣстныя и частныя обстоятельства уменьшаютъ у насъ пользу отъ судоходныхъ рѣкъ. Въ Западной-Европѣ, особенно на югѣ, рѣки очень-рѣдко замерзаютъ, а если и замерзаютъ, то на нѣсколько дней; даже по каналамъ, которые чаще замерзаютъ, судоходство останавливается только на одинъ мѣсяцъ. У насъ рѣки оцѣлены льдами по-крайней-мѣрѣ четыре мѣсяца въ южной Россіи и до пяти съ половиной въ сѣверной. При огромности и тяжести всѣхъ водяныхъ путей и при медленности ихъ теченія разныхъ трудностяхъ плаванія, суда совершаютъ рейсы чрезвычайно-медленно, особенно же при несуществованіи у насъ вовсе пароводнаго по рѣкамъ судоходства и при тѣхъ судахъ, чѣмъ. Въ этомъ случаѣ, всякая живость въ торговыхъ оборотахъ невозможна. Суда изъ Астрахани къ Нижнему-Новгороду, въ 2128 верстѣ, идутъ иногда 100 дней, тогда-какъ пароходы, идущій сверху, въ одно лѣто не достигаетъ своего назначенія и муеъ на дорогѣ. Такія нечаянности и остановки не могутъ имѣть величайшаго вліянія на ходъ всей внутренней торговли на цѣны товаровъ.

Лѣтнія гужевыя перевозки, сами собою медленныя, занимаютъ у насъ до 800,000 человѣкъ, а зимою, въ-точнѣе пяти мѣсяцевъ

(*) Исключая, разумеется, прорѣзывающихъ эту полосу нижнійхъ частей Волги, Днѣпра и Дона, которыя въ этихъ частяхъ своихъ имѣютъ нѣкоторое значительнаго притока.

болѣе трехъ милліоновъ людей разсѣвается по Россіи въ разныхъ направлеиіяхъ для перевозки товаровъ. Эти три милліона работниковъ, отрывающихся отъ своихъ жилищъ, чтобъ везти на короткихъ сѣнкахъ по 25 пудовъ клади, которая достигаетъ въ назначенныя мѣста чрезъ 60 или 70 дней, совершаютъ трудъ поразительный. Сколько времени теряется на ночлеги и отдыхи, на запряганье и отпряганье одного и того же вола въ теченіе цѣлой зимы!

Если перевозка произведеній прибѣгаетъ къ подобнымъ средствамъ, значитъ, водяные пути недостаточны. Сухопутныя доставки въ Англіи, Германіи и Франціи въ томъ видѣ, какъ онѣ существуютъ у насъ, вовсе неизвѣстны, да едва-ли известна гдѣ-либо такъ-павываемая у насъ «тяга судовъ лямкою».

При такомъ состояніи путей, еще можно удивляться, какимъ образомъ возможно передвиженіе у насъ тяжести сухопутно, — а между-тѣмъ оно огромно. Это объясняется двумя обстоятельствами: а) обязательною перевозкою хлѣбныхъ запасовъ, принадлежащихъ помѣщикамъ. Этимъ способомъ доставляется большая часть хлѣба на рынки и пристани губерній средней полосы. При этомъ случаѣ, перевозка почти не ставится ни во что. б) Въ южныхъ губерніяхъ, сбывающихъ свой хлѣбъ къ портамъ Чернаго-Моря, перевозка совершается въ лѣтнее время на волахъ. Содержаніе этого скота, при обширности земель въ помѣщичьихъ имѣніяхъ, обходилось весьма-дешево. Мы сказали «обходилось», потому-что въ настоящее время обстоятельства начинаютъ измѣняться. Прежде, при мѣньшемъ народонаселеніи, содержаніе воловъ во время дорогахъ ничего не стоило: нынѣ вездѣ требуютъ платы и за подожный кормъ и за водоюй. Вотъ почему въ прошломъ году, по сужаніи многихъ помѣщиковъ, доставка пшеницы изъ Кіевской-Губерніи въ Одессу на собственныхъ волахъ едва окупалась продажною цѣною въ Одессѣ (*).

Въ Москву привозится ежегодно сухопутно болѣе 9 милліоновъ пудовъ разнаго хлѣба въ зернѣ, мукѣ, крупѣ и т. д. (**). Если на одну подводку положить 20 пудовъ, то выйдетъ, что для перевозки къ Москвѣ означеннаго количества хлѣба нужно болѣе 450,000 подводъ; возможность этого огромнаго движенія обозовъ объясняется тѣмъ, что большая часть хлѣба, сухопутно привозимаго въ Москву, доставляется помѣщиками; ихъ же обозы снабжаютъ хлѣбными запасами

(*) Провозная плата въ Таганрогъ весьма-неопредѣленна, ибо зависитъ отъ времени года, отъ урожая травъ. Изъ Харькова до Таганрога платится отъ 2 до 3 р. асс. съ четверти. Изъ Славяносербскаго-Уѣзда—до 2 р. 50 к. Въ Одессу плата за провозъ бываетъ различна; изъ Кременчуга—отъ 1 р. до 1 р. 20 к.; изъ Харькова—отъ 1 р. 60 к. до 2 р.; изъ Москвы—отъ 2 р. 50 к. до 3 р. Воловаа оура поднимаетъ отъ 4 до 6 четв., а конная отъ 3 до 4 четв.

(**) См. Журналъ М. В. Д., 1845 г. № 1.

и большую часть пристаней на волжской и других системах. Но какъ производится эта доставка? Въмѣсто отвѣта, приведемъ слова одного почтеннаго и мыслящаго человѣка, уезднаго судьи Саранскаго-Уѣзда Пензенской-Губерніи, г. Селиванова:

«По общепринятому здѣсь обыкновенію, тягло крестьянское на дѣляется 1 или $1\frac{1}{2}$ сороковой десятины земли въ полѣ, и то жъ «самое, или еще болѣе, обрабатываетъ оно на господина. Изъ этого слѣдуетъ, что господинъ имѣеть вдвое болѣе хлѣба, нежели всѣ его крестьяне вмѣстѣ. Не обладая никакими другими источниками дохода, помѣщикъ долженъ по необходимости продать хлѣбъ свой во что бы то ни стало, чтобъ имѣть деньги на необходимые свои расходы. И вотъ посылаетъ онъ обозъ на пристань, положимъ хоть въ Промзино, верстъ за 100, 112 или 150 или въ Лысково, верстъ за 180 и 200, чтобъ продать гдѣ бы то ни было хлѣбъ свой, потому-что большое количество его, хлѣба или вблизи, продать невозможно. Положа все въ цѣну, подвѣдывая за 100 верстъ станетъ 2 р. 50 к. ас. и болѣе, за 200 верстъ до 6 р. ас., помѣщикъ хлопочетъ, чтобъ скорѣе отправить другой третій и четвертый обозъ, и вотъ у крестьянина вонъ изъ кармана на 15—20 руб., т. е. цѣна 8 четвертей овса, урожай едва ли на цѣлой десятины. Положимъ, что овса на дорогу онъ не купитъ, но вѣдь онъ израсходовалъ его, вмѣсто того, чтобъ, стоя на дворѣ, лошадей питалась бы овсяною соломою. Да и сверхъ овса, надобно еще имѣть наличныя деньги на ѣду, обувь, одежду; какъ же онъ не продавать ему свой хлѣбъ какою бы то ни было цѣною? Продавъ такимъ образомъ весь хлѣбъ, помѣщикъ получаетъ только обыкновенный доходъ съ имѣнія; но этотъ доходъ сопряженъ съ ощутительнымъ расходомъ его крестьянъ» (*).

Итакъ, вотъ какова такъ-называемая «дешевизна» гужевой перевозки. При такой дешевой доставкѣ, помѣщики, имѣя вдвое болѣе хлѣба, чѣмъ крестьяне, выставляютъ свои хлѣба на базары, и въ разсчитывая, во что онъ имъ самимъ обошелся, продаютъ его за что бы то ни было. Какъ земледѣльцу, съ своимъ хлѣбомъ, выдержать такое соперничество? «Отъ соперничества на рынкахъ (продолжаемъ выписку изъ разсужденія г. Селиванова) хлѣбъ упадаетъ въ цѣнѣ до такой степени, что только одна необходимость земледѣльцевъ заставляетъ его сбывать по чѣмъ бы то ни было или для закупки необходимыхъ предметовъ въ деревенскомъ быту, или для уплаты податей и оброковъ. Промучившись 30—40 верстъ по ухабамъ въ человѣческой ростъ, запрягаясь почти на каждомъ изъ нихъ вмѣстѣ съ лошадью, кто жъ захочетъ везти возъ свой домой, еслибъ даже и не было нужды въ дешевой? Куда дѣваться съ этимъ возомъ, если не продать хоть по какой-нибудь цѣнѣ? а эта цѣна, что это такое? плата за трудъ цѣлѣт-

(*). См. Ж. М. Г. Им. 1841 г., ч. II, Сибѣ, стр. 234.

года, за ручьи пота на знойномъ солнцѣ лѣта, за лихорадочный ознобъ въ 30 градусные морозы зимы, и какая плата! Въ Петербургѣ едва можно нанять поденщика за ту плату, за какую можно купить здѣсь (въ Саранскѣ) на базарѣ четверть овса, добрую четверть въ 9 маръ, для которой надобно было вспахать, взборонить, посѣять, сжать, смолотить, привезти, и вспахать опять, провести цѣлое лѣто безъ сна, на зноѣ, съ кускомъ чернаго хлѣба... и это называется продажею! И вотъ какую продажею долженъ существовать крестьянинъ цѣлый годъ, тогда-какъ она составляетъ единственный источникъ его богатства. Хорошо еще, если онъ эту продажу дѣлаетъ не въ крайности, а отъ избытка, отъ прихоти, на кусокъ рыбки въ постъ, на четверть вина въ праздники; что же долженъ дѣлать тотъ, у кого дома нѣтъ соли, нѣтъ лаптей, чтобъ обути многочисленное семейство, малолѣтнихъ дѣтей; нѣтъ сукна, чтобъ прикрыти ихъ наготу; овчанъ, чтобъ согрѣти оледѣвшіе члены?»

Сколь ни важны пути сообщенія для движенія торговли, для успѣховъ просвѣщенія и гражданственности вообще, однако не должно забывать, что перевозная промышленность есть также промышленность, и следовательно подчинена неизбѣжно всѣмъ законамъ экономіи народной. Вся тѣ препятствія, которыя угнетаютъ земледѣліе и мануфактуры, неизбѣжно отражаются и на перевозной промышленности.

Пути сообщенія составляютъ одно изъ средствъ мѣны; но не единственное: если главное условіе мѣны, т. е., обиліе произведеній и потребность въ нихъ съ обѣихъ мѣняющихся сторонъ, не имѣетъ характера постоянства, а есть дѣло случая, то правильной живой мѣны быть не можетъ, и следовательно самое облегченіе путей сообщенія будетъ только средствомъ, хотя и важнымъ, но не главнымъ. Мы это видимъ у насъ: такъ-называемыя бѣлорусскія губерніи чувствуютъ всегда нужду въ хлѣбѣ (мы говоримъ о большинствѣ, о крестьянахъ, которые не знаютъ тамъ чистаго хлѣба), а между-тѣмъ Малороссія и губернія Орловская продаютъ хлѣбъ по дешевымъ цѣнамъ. Значитъ, есть потребители и есть нужда, но нѣтъ средствъ къ приобрѣтенію; а гдѣ нѣтъ послѣднихъ, тамъ нѣтъ ни потребленія, ни цѣнности, не можетъ быть и мѣны. Положимъ, что всѣ препятствія доставки уничтожены; но если вы не уничтожили главнаго недостатка—недостатка въ средствахъ приобрѣтенія, то правильное торговое движеніе не установится, ибо торговецъ повезетъ хлѣбъ туда, гдѣ онъ увѣренъ въ вѣрности сбыта. Каковы бы ни были у насъ теперь сухопутные пути сообщенія, но они вездѣ одинаковы, следовательно и вліяніе ихъ одинаково; отъ-чего же нѣтъ замѣтнаго торговаго движенія между Малороссією, и Бѣлоруссією?

Въ первой половинѣ января 1846 года, въ Псковѣ кулъ ржаной муки (9 пудъ) стоилъ 7 р. 50 к. с., а въ Тамбовѣ и Харьковѣ 1 р. с.; разниця въ 6 р. 50 к.; другими словами, четверть

рже продавался въ перемѣлу въ семь съ половиною саренъ, а теперь въ послѣднихъ двухъ городахъ. Конечно, Тамбовскіе откупаютъ отъ Пскова по-правной-мѣрѣ на 1000 верстъ. Посмотримъ, насколько до какой степени возмѣжна перевозка хлеба изъ Тамбова въ Псковъ. Для этого нужно знать цѣну за перевозку; ахъ, мы не основали расчета перевозочныя цѣны между Новгородомъ и Москвою; дешивѣйшая цѣна была бы 23 к. с. съ пуда, обыкновенная 25 коп.; возьмемъ эту послѣднюю. Провозъ пуда муки между столицами (на 674 версты) будетъ стоить 3 р. 15 к. сар., а на 1000 верстъ 4 р. 67 к. Но какъ расстояние между Тамбовомъ и Псковомъ довольно больше 1000 верстъ, то возмѣмъ другимъ числомъ; что перевозка будетъ стоить 5 р. с., и тогда пудъ муки, мукомольный въ Тамбовѣ за 1 р. с., доставляемый въ Псковъ, стоить бы тамъ 6 р. с.; во въ Псковѣ цѣна 7 р. 50 к. с., следовательно, на каждой дѣлѣ 1 р. 50 к. с. барыши, или 25%. Возьмемъ другой примѣръ, и расстоянія больше близкія. Новгородъ отстоитъ отъ Пскова: пути на 480 верстъ; следовательно, перевозка пуда муки, по вышеизложенному расчету, стоила бы 84 к. с.; въ Новгородѣ цѣна муки 6 р. 28 к.; следовательно, мукомольный тамъ пудъ, по доставкѣ, стоить бы 5 р. 12 к., но въ Псковѣ такой пудъ муки стоилъ бы по 7 р. 50 к. с.; следовательно, барыши въ полпути торговля была бы по 2 р. 38 к. на каждой кулѣ; барыши огромны! Неужели, торговцы пользуются ли этимъ? Намъ родъ можно сказать, что нѣтъ, потому-что, если бы многие изъ нихъ пользовались, то съ теченіемъ скоро уравнило бы эти крайности въ цѣнѣ. Торговля хлебомъ между отдаленными пунктами только тогда возмѣжна и выгодна, когда она производится бы значительными массами; но закупка несколькихъ тысячъ кулей и притомъ, разнѣ, — потому-что запросъ дѣлается неожиданно, — подняла бы цѣну на много дешаваго хлеба, и понизила бы ее тамъ, гдѣ онъ былъ дорогъ. Итакъ, если мы видимъ, что цѣны на хлебъ представляють такія крайности въ мѣстахъ одно отъ другаго поочти-далекихъ, то это вѣрный знакъ недостатка между этими мѣстами торгового движенія.

II.

Говорить съ Россіи произведенія хлеба гораздо больше, нежели сколько нужно на внутреннее потребленіе, и отъ суроваго климата понижаются цѣны. Посмотримъ, до какой степени справедливо это мнѣніе.

Г. Протопоповъ, нечеловѣками, основаннымъ на основательныхъ соображеніяхъ, пришелъ къ результату, что въ Россіи, за исключеніемъ Царства-Польскаго, Финляндіи и Закавказскаго-Края, на ежегодное продовольствіе народа, на прокормленіе жюна, на инвентуреніе и для вышнннго отпуску, требуется 177,500,000 четвертей разнаго хлеба; прибавивъ къ этому 60,000,000 четврт. на посылъ,

ежегодные потребности въ хлѣбѣ будутъ составлять 237,500,000 четвертей. Изъ него же, почитаемо, средний уромѣй составляетъ 250,000,000 четвертей; следовательно, за удовлетвореніемъ означенныхъ выше потребностей, остатокъ отъ средняго уромѣя долженъ составлять 12,500,000 пудовъ.

«Оставляя, однако, говорить тотъ же авторъ: «долженъ быть въ «счастливые годы гораздо-большо; но въ бѣдственные, когда опустошаются самыя благославленные страны, жатва далеко не покрываетъ и необходимыхъ внутреннихъ потребностей.»

Ибо будетъ принимать только средній уромѣй.

Остатокъ 12,500,000 четв. составляетъ только $\frac{1}{13}$ часть количества, нужнаго на годовое продовольствіе и на вынужденіе, т. е. меньше, чѣмъ сколько потребно для внутренняго потребления въ одинъ мѣсяцъ. Этотъ излишекъ самъ по-себѣ весьма незначителенъ для государства исключительно земледѣльческаго. Въ-самомъ-дѣлѣ, Франція, покупавшая у насъ хлѣбъ ежегодно, въ средніе годы, оставляетъ значителѣйшіе остатки; такъ, въ 1844 году, который не принадлежалъ къ уромѣйнымъ, по свѣдѣніямъ, обнаруженнымъ правительствомъ, остатокъ простирался до 15,000,000 гектолитровъ зерноваго хлѣба, которые представляютъ *двухмѣсячное продовольствіе страны* (*).

Этотъ остатокъ, однако, не произвелъ большаго колебанія въ цѣнахъ; напротивъ, цѣны оставались въ обыкновенномъ размѣрѣ.

Положимъ даже, что наши избытки могутъ простираться гораздо-выше приведеннаго; все же мы скажемъ, что *Россія производитъ меньше то количество хлѣба, которое должно производиться при наименьшихъ экономическихъ отклоненіяхъ*. Это объясняется тѣмъ, что мы сказали выше о обязательной рентѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, въ томъ случаѣ, когда рента уплачивается работою, то куда же иначе эта работа можетъ быть употреблена, какъ не на земледѣліе, следовательно, на производство хлѣба? Ибо опытъ показываетъ, что для земледѣльца такой способъ употребленія *обязательной работы* есть самый выгодный, каковы бы ни были цѣны на хлѣбъ (**). Этотъ хлѣбъ, составляющій произведеніе обязательной ренты, служитъ одною изъ начальныхъ причинъ страшнаго колебанія цѣнъ. Для соблюденія выгоды всякаго производства, необходимо соображать размѣръ его съ потребностями рынка; но при обязательной рентѣ это соображеніе не можетъ имѣть мѣста; ибо земледѣлецъ прежде всего долженъ имѣть въ виду употребить обязательную работу на что бы то ни было, а выгода не можетъ употребить ее иначе, какъ на землю. Примеры обращенія обязательныхъ работниковъ на фабрично-дѣло рѣдки, да и тѣ уда-

(*) См. Ж. М. Г. И. 1844 г. № 12. Отд. IV. Стр. 125.

(**) См. многочисленныя статьи въ «Земл. Журн.» и «Земл. Газ.», о барщинахъ и оброчѣ.

вадись только тамъ, гдѣ изъ такихъ работниковъ образовался особый классъ людей, отвыкшихъ отъ земледѣлія и поставленныхъ совершенно въ положеніе вольно-наемныхъ.

Правильная соразмѣрность между производствомъ и спросомъ хлѣба на рынкахъ можетъ установиться только тогда, когда рента пріиметъ естественный экономическій характеръ. Тогда землевладельцы не будутъ принуждены огромные запасы хлѣба, произведеніе обязательной ренты, вывозить на рынокъ, часто весьма-отдаленный, и продавать ихъ за предлагаемую цѣну въ падырь себѣ и другимъ; но за то каждое селеніе сдѣлается небольшимъ рынкомъ, ибо первымъ слѣдствіемъ такого порядка вещей будетъ раздѣленіе труда, а вслѣдъ за тѣмъ—появленіе востоянннго класса потребителей, нуждающихся въ покупномъ хлѣбѣ. Работникъ, трудясь изъ найма на подѣ или въ мастерской, станетъ получать заработную плату и издерживать ее на свои потребности; и весь мешаякашнй источникъ внутренняго обращенія капиталовъ, и появленія на сцену денегъ, недостатокъ которыхъ ничѣмъ другимъ не можетъ быть восполненъ, хотя бы вы свезли все богатство рудниковъ Сибири и Америки.

III.

Г. Сабуровъ ввозить цѣнъ и «невыгоды» отъ земледѣлія въ сѣверныхъ и среднихъ губерніяхъ приписываетъ соперничеству южныхъ и беспошлинному ввозу ихъ хлѣба и скота. Онъ прямо говоритъ: «южный скотъ имѣетъ тяжкое вліяніе на скотоводство «среднихъ и сѣверныхъ губерній... сбытъ главныхъ произведеній «юга—хлѣба и скота, не затруднителенъ, вѣренъ и всегда постояненъ и выгоденъ, съ тою только разницею, что одни мѣста собиы лишь для скотоводства, другія, напротивъ, для скотоводства и хлѣбопашества (*)».

Подобные аргументы мы считаемъ даже излишнимъ опровергать, потому-что они противорѣчатъ самой очевидной и всякому сколько-нибудь знакомому съ Россіею — извѣстной дѣйствительности.

IV.

Внѣшннй сбытъ произведеній земледѣлія, конечно, весьма-важно для успѣховъ сельскаго хозяйства, и потому все шире:къ общечтешю его спелтъ достойны вниманія правительства. Но ошибаются тѣ, которые думаютъ—весь вопросъ о развитіи земледѣлія разрѣшить заграничнымъ сбытомъ, отношеніе котораго къ внутреннему потребленію всегда будетъ весьма-незначительно. Притомъ же, самое увеличеніе сбыта не всегда служитъ вѣрнымъ признакомъ увеличенія благосостоянія земледѣльческаго класса.

(*) См. Записки Пензенск. Земледѣльца, стр. 92.

Въ то время, когда Ирландцы умираютъ съ голода, каждый годъ увеличивается вывозъ изъ Ирландіи хлѣба, солонины и масла. Но заключать о благосостояніи страны по вывозу, значить принимать ложный признакъ за существенный. Увеличеніе вывоза произведеній изъ Ирландіи объясняется тѣмъ, что каждый годъ дѣлается невозможнѣе Ирландцу ѣсть не только пшеничный хлѣбъ, но даже овсяный, произведенный его потомъ, масло и свинину, которую онъ произвелъ кускомъ хлѣба, отнятымъ у его семьи. Ирландія не можетъ сдѣлаться процвѣтающею до-тѣхъ-поръ, пока ея потребленіе не увеличится столько же, какъ и производимость, пока земледѣліе ея не будетъ питать ея дѣтей, пока она не будетъ одѣваться произведеніями своихъ мануфактуръ, а не ветошками Англичанъ.

Директоръ Прусскаго Статистическаго Бюро, г. Гофманъ, сравнивая цѣны на хлѣбъ въ разныхъ провинціяхъ монархіи, приходитъ къ слѣдующему заключенію:

«Внутренній сбытъ, обезпечиваемый многочисленнымъ и богатымъ населеніемъ, всего болѣе способствуетъ къ поддержанію выгодныхъ цѣнъ на хлѣбъ. Заграничный сбытъ, какъ занятіе побочное, можетъ сдѣлаться также выгоднымъ; но страна, которая основываетъ на немъ свое благосостояніе, угрожается двойкою опасностію. Съ одной стороны, благосостояніе это зависитъ отъ заграничныхъ торговыхъ постановленій и отъ посторонняго совмѣстительства: такимъ образомъ вывозу хлѣба изъ Германіи по Балтійскому-Морю въ Англію, препятствуютъ пошлины, а въ гавани Средиземнаго-Моря привозъ изъ Одессы. Съ другой стороны, самое благосостояніе, достигаемое этимъ средствомъ, только кажущееся: большая разница — вывозить то, чего не можетъ осилить внутреннее потребленіе, или то, чего не потребляютъ по различнымъ препятствіямъ. Когда большая масса народа живетъ въ нуждѣ, то для вывоза остаются многіе предметы, которые были бы потреблены, еслибъ народъ наслаждался большимъ довольствомъ. Въ странахъ, гдѣ крестьянинъ въ зимніе вечера работаетъ при свѣтѣ лучины, могутъ вывозить сало и масло, которое сгорало бы при употребленіи свѣчей и лампъ (*).

V.

Нѣкоторые говорятъ: «Дешевизнѣ произведеній способствуетъ у насъ обширность невоздѣланныхъ земель, которая съ тѣмъ вмѣстѣ служитъ причиною дороговизны рабочихъ рукъ тамъ, гдѣ приходится нанимать работниковъ».

Подобное явленіе дѣйствительно можетъ быть, но оно опять зависитъ отъ экономическаго устройства и никакъ не можетъ быть принимаемо за общее правило. Въ-самомъ-дѣлѣ, Сѣверная-Америка

(* См. Ж. М. В. Д. Ч. XXII (1836 г. стр. 572).

не бѣднѣ насъ обширностію земель, потому-что въ западныхъ штатахъ правительство ежегодно продаетъ пустопорожнія земли от 4 р. с. до 5 р. 50 к. сер. за десятину (*). Плодородіемъ Сѣверная-Америка превосходитъ Россію, такъ-что зерноваго хлѣба въ Сѣверо-западныхъ Штатахъ производится, сравнительно съ народонаселеніемъ, вдвое болѣе, нежели у насъ (**). И при всёмъ томъ цѣны на произведенія земледѣлія вовсе не низки по сравнению съ нашими, но даже и съ другими странами Европы, болѣе бѣдными землей. Въ самомъ дѣлѣ, въ августѣ 1844 года въ Каролинѣ и Виргиніи, четверть пшеницы стоила 6 р. 84 к. сер., а въ 1845 году, когда въ Среднеамериканскихъ Штатахъ былъ отличный урожай, цѣны были въ Нью-Йоркѣ (въ октябрѣ) 7 р. 18 к. сер., въ Филадельфіи (въ октябрѣ) 7 р. 40 к. сер. (***).

Между-тѣмъ, въ то же время у насъ, въ Одессѣ, четверть пшеницы стоила около 6 р. сер., и эту цѣну считали уже довольно рошею.

Картофель въ Среднеамериканскихъ Штатахъ производится огромное количество, именно 18,000,000 четвертей, и между-тѣмъ средняя цѣна на него 1 р. 75 к. сер. за четверть (****).

Средняя величина заработной платы въ промышленныхъ мѣстностяхъ въ день была до 2 р. сер., безъ хозяйской надбавки; обыкновенныя же работники на земледѣльческихъ фермахъ получаютъ отъ 1 до 17 р. 50 к. сер. въ мѣсяцъ, кромѣ помѣщенія и пищи, которыя даются отъ хозяина. Содержаніе пашкою стоить хозяину около 1 р. сер. въ мѣсяцъ на накладо работника. При наймѣ пашки, рабочій день стоить около 75 к. сер., а во время посѣва и жатки до 1 р. 12½ к. сер. (*****).

Итакъ, обиліе земель и огромное производство земледѣльческихъ произведеній не служатъ прямою причиною низости цѣнъ на хлѣбъ, все зависитъ отъ развитія и гармоническаго союза производительныхъ силъ. При соблюденіи этого условія, масса производителей, какъ бы она ни была огромна, не тяготитъ производителей, а рабочій классъ народа получаетъ столь значительную заработную плату, что предъ нимъ всегда открыта возможность улучшить свое положеніе.

(*) См. De la puissance Américaine, par Guillaume Tell Pousin. 2 ed. Paris. T. II. p. 499.

(**) Въ 1840 году народонаселеніе простиралось до 17,000,000 душъ, а производство зерноваго хлѣба до 1,000,000,000 четв.; сверхъ того, то есть 18,000,000 четв., т. е. болѣе 1 четверти на каждого человека. См. тамъ же, p. 291.

(***) См. Ж. М. Г. И. 1845 г. № 12. Отд. IV. стр. 127.

(****) См. De la puissance Américaine, par Guillaume Tell Pousin. 2 ed. Paris. 1843. T. II. p. 294.

(*****) См. тамъ же, стр. 405.

VI.

Нередко, при разсужденіяхъ о дешевой хлѣбѣ, можно слышать упреки возводимыя въ то, что они не разнообразяютъ произведеній и занимаютъ главнымъ образомъ производствомъ колосовыхъ хлѣбовъ. Мысль совершенно справедливая, когда ее разсматривать вообще; но въ приложеніи къ настоящимъ обстоятельствамъ Россіи, она встрѣчаетъ множество препятствій. Разнообразіе производствъ, въ общемъ смыслѣ, есть слѣдствіе разнообразія физической природы страны, разнообразія нуждъ и наконецъ раздѣленія труда.

Наблюдатель, среди лѣта проезжающій Среднюю Россію, съ сѣверо-запада на юго-востокъ, невольно поражается обильными полями, которыми засѣяны колосовыми хлѣбами; вѣдъ господствуютъ рожь и овесъ; только въ самой южной полосѣ рожь чередуется съ пшеницею. Въ средней же полосѣ пшеница образуетъ только рядъ низкихъ сѣнокосовъ.

Въ степныхъ губерніяхъ Новороссійскаго-Края, въ части Воронежской-Губерніи, въ Земля-Войска-Донскаго и въ саратовскомъ земщинѣ, вы уже встрѣчаете повсюду пшеничныя поля. Соображается ли здѣсь земледѣлецъ съ климатомъ или съ потребностію? Климатъ, конечно, играетъ здѣсь важную, но не главную роль. А главное — запросъ и возможность сбыта въ черноморскіе порты (кроме Саратовской-Губерніи, которая сбываетъ свою пшеницу къ сѣверу по Волгѣ). Мы знаемъ, что пшеницу можно производить не только Харьковская и Полтавская, но даже и Тульская-Губернія; отъ-чего же она предмѣтительно обзюетъ рожь? Потому же, почему жители новороссійскихъ степей, производя пшеницу для заграничнаго отпуска, производятъ для себя рожь и ею питаются преимущественно; потому-что внутреннее потребленіе пшеницы весьма-слабо, потому-что рожь обходится дешевле и для продовольствія, и для винокурения. Было время, когда въ Полтавской-Губерніи сбытъ пшеницу въ большомъ количествѣ: это было тогда, когда съ открытіемъ портовъ на Черномъ-Морѣ, Новороссійскій-Край, почти безлюдный, еще не могъ удовлетворять запросовъ заграничныхъ, когда высшія цѣны и дешовина перевозка давали возможность доставлять пшеницу въ порты. Но когда степи заселились и стали производить пшеницу, тогда Полтавская-Губернія не могла выдерживать соперничества, и принуждена была засѣять рожь, которая, кромѣ непосредственнаго потребленія въ пищу главною массою народонаселенія, могла перерабатываться въ вино. Нельзя, конечно, не замѣтить и того, что пшеница въ климатѣ Средней-Россіи требуетъ лучшей земли, слѣдовательно, лучшаго удобренія, нежели рожь, а потому и лучшаго вообще хозяйства; отъ этого производится пшеницы здѣсь остается принадлежностію изъ которыхъ помѣщичьихъ хозяйствъ, которыя и удовлетворяютъ потребность въ ней высшаго класса, единственнаго пока потребителя пше-

ницы. Притомъ, и высшій классъ потребляеть у насъ не исключи- тельно пшеничный хлѣбъ, а на половину, если не болѣе, питае- ся ржанымъ. Усиленіе посѣвовъ этого болѣе-цѣннаго хлѣба воз- можно только съ увеличеніемъ внутренняго его потребленія. насъ господствуетъ мнѣніе, что пшеничный хлѣбъ для русскаго чело- вѣка не пригоденъ, не питателенъ. Но для русскаго чело- вѣка законы физіологіи тѣ же, какъ и для всякаго другаго; а потомъ подобное мнѣніе мы не считаемъ даже нужнымъ опровергать. И- ключительное потребленіе ржаного хлѣба имѣеть причину не в физической натурѣ русскаго чело- вѣка, а въ его хозяйственныхъ отношеніяхъ.

Извѣстно, что Франція, Южная-Германія и Англія питаются пре- имущественно пшеницею, отчасти овсомъ, отчасти в нашенъ. До- жно ли изъ этого заключать, что у Нѣмца, Француза или Англи- чанина другая натура? Этотъ вопросъ лучше всего объяснитъ исторія.

Вотъ что говоритъ исторія Англии: въ началѣ XVII вѣка, бѣлы хлѣбъ составлялъ принадлежность одного высшаго дворянства; слу- ги самыхъ знаменитыхъ домовъ ѣли ржаной или овсяной хлѣбъ. Въ 1760 году, изъ 6,000,000 жителей Англии 880,000 употребля- ли ржаной хлѣбъ; нынѣ изъ 18,000,000 только не болѣе 50,000 ѣдятъ ржаной хлѣбъ. Въ концѣ американской войны пшени- ко до пшеничнаго хлѣба ни на фермахъ, ни въ селеніяхъ, ни да- же въ малыхъ городахъ Шотландіи. Денешки изъ овсяной и овся- нуки были во всеобщемъ употребленіи. Нынѣ совсѣмъ нѣтъ ни тамъ городовъ и селеній ѣдятъ только пшеничный хлѣбъ, и тамъ же хлѣбомъ питается большая часть работниковъ на фермахъ. В 1727 году, поле въ 8 десятинъ, засѣянное пшеницею, въ сиротина стяхъ Единбурга, казалось столь любознательнымъ явленіемъ, что при- влекло вниманіе всѣхъ сосѣднихъ жителей, и множество народа приходило издалека смотреть его (*). Хотите знать, отъ чего это произошло? «Въ то время, когда народъ не зналъ пшеничнаго хлѣ- ба, ниспалъ сословія вели жизнь самую бѣдную. Въ хатинатахъ не было ни постелей, ни утвари, включая ивѣсальники, корзинки для приготовленія пищи. Крестьяне спали на солодѣ, покладывая на полу, употребляя бревно вмѣсто головной подушки, и на- чинались въ стойлахъ съ своими быками. Хлѣбныя сосиски и мазанокъ безъ оконъ и трубъ» (**).

Во Франціи производство и потребленіе пшеницы выросло по слѣдующаго столѣтія утроилось: въ 1790 году всего ея производилось 20 милліоновъ гектаретровъ, нынѣ до 60 милліоновъ. Въ 1794 году приходилось на каждаго жителя 100 литровъ пшеницы, а

(*) См. Revue Britannique. 1836 г., а равно Ж. М. В. Д. 1836 г. Ч. IV. стр. 217.

(**) См. тамъ же, стр. 302.

1839 году—172. При расчетѣ полной годовой пропорціи пшеницы на одного человѣка, оказывается, что въ 1700 году на 100 человѣкъ приходилось 33 человѣка, которые круглый год ѣли пшеничный хлѣбъ, а въ 1839 году 60 человѣкъ. Это доказываетъ, что экономическое положеніе страны измѣнилось, и обнаружилось движеніе въ потребленіи: съ одной стороны увеличилось число людей, питающихся пшеницею, и возрасло отъ 9 до 20 милліоновъ, съ другой—уменьшилось число потребителей другихъ хлѣбовъ отъ 17 до 13 милліоновъ.

Нельзя также не обратить вниманія и на другой фактъ—на цѣну потребленной пшеницы. Стоимость потребленной пшеницы составляла:

Въ 1700 г. 200,000,000 фр. или 16 ф. на 1 человѣка.

— 1839 г. 1,267,662,000 — — 33 — — — —

Производительность и доходъ земли возрасли въ такой же пропорціи.

Съ одного гектара получалось пшеницы среднимъ числомъ:

Въ 1700 г. 6,68 гект. на 150 фр.

— 1839 г. 13,01 — — 290 — (*).

Эти цифры явнѣ всякихъ разсужденій доказываютъ, что *возрастаніе внутренняго потребленія и увеличеніе производительности земли суть факты одновременные и тождественные*. Нѣтъ одного—нѣтъ и другаго. Потребленіе пшеницы справедливо принимается нѣкоторыми писателями за признакъ богатства и успѣховъ гражданственности. Суровый Спартаецъ не зналъ другаго хлѣба, кромѣ ячменя, а утонченный Афинянинъ питался исключительно пшеницею. Римляне, въ первыя времена, на плодородныхъ поляхъ Кампаніи воздѣлывали только ячмень, но, сдѣлавшись повелителями міра, они не знали другаго хлѣба, кромѣ пшеничнаго.

Мы упомянули о вліяніи разнообразія нуждъ на разнообразіе произведеній. Здѣсь мы не будемъ входить въ разсмотрѣніе существа нуждъ человѣка и ихъ развитія; для нашей цѣли достаточно сказать, что система нуждъ и ихъ количество измѣняется, развиваясь изъ малаго и возрастая отъ вліянія умственныхъ способностей. Онѣ могутъ быть приведены къ кореннымъ нуждамъ, которыя необходимы; но дѣйствіями ума, требованіями способности чисто-духовной, онѣ получаютъ то безконечное разнообразіе, которое замѣчаемъ, и каждая изъ нихъ не имѣетъ предѣла въ своихъ измѣненіяхъ. Этими же умамъ открываются въ вещахъ множество сторонъ, которыя должны осуществиться для удовлетворенія той или другой потребности человѣка. Отрицая тѣ или другія нужды человѣка, мы дѣйствуемъ на нравственную сторону, уменьшая развитіе производительности. Отрицаніе нуждъ можетъ происходить или отъ воли человѣка, или отъ окружающихъ его об-

(*) См. Journal des Economistes. T. IV. 1833. Статя: Statistique des céréales de la France, par Moreau de Jonnés.

стоятельствъ. Первая причина служитъ только доказательствомъ силъ, заключающихся въ его нравственной природѣ, когда онъ замѣняетъ проходящія наслажденія чувствомъ внутренней силы; но эти дѣйствія разума бывають только въ отдѣльныхъ лицахъ или замѣчаются въ цѣломъ народѣ лишь въ чрезвычайныя эпохи возрожденія. Гораздо-общее отрицаніе нуждъ отъ второй причины: она зависитъ отъ общественныхъ отношеній. Мы не будемъ здѣсь указывать, какія именно изъ этихъ отношеній ограничивають развитіе потребностей. Она понятна тому, кто убѣжденъ въ томъ, что мы сказали выше о происхожденіи нуждъ. Здѣсь же замѣтить, что стройное развитіе потребностей во всѣхъ классахъ общества благотвельно и для отдѣльныхъ лицъ, и для цѣлаго общества: оно внушаетъ любовь человѣку ко всему его окружающему, открываетъ возможность улучшить и сообщить вещамъ новую форму, которую онъ замѣчаетъ у людей болѣе образованныхъ, и это заключаетъ въ себѣ залогъ добра и совершенствованія. Это стремленіе никогда не останавливается, если нѣтъ вредныхъ противодействій; оно особенно благотвельно, когда происходитъ свободно изъ внутренняго желанія удобства и совершенства, а не изънѣ.

Послѣ этого не считаемъ нужнымъ опровергать жалобы многихъ изъ нашихъ хозяевъ на замѣчаемую роскошь въ простомъ народѣ.

VII.

Говорятъ, что для умноженія потребителей произведеній сельскаго хозяйства, необходимо «усиленіе городовъ». Справедливо. Но тѣ, которые указываютъ на это средство, не всегда видяють въ исторію развитія городовъ.

Городъ, въ истинномъ значеніи, есть средоточіе механическихъ искусствъ, ремесленной и мануфактурной промышленности. Механическія искусства рождаются нечувствительно близъ земледѣльскихъ занятій; вскорѣ затѣмъ обнаруживается польза исключительнаго занятія тѣмъ или другимъ искусствомъ и потребность во взаимной помощи разныхъ ремеслъ. Такимъ образомъ механическія искусства, отдѣляясь отъ земледѣлія, совершенствуются, а сближаясь между собою въ одномъ мѣстѣ, получаютъ новую силу, обнаруживающуюся въ быстротѣ производства. Следовательно, рожденіе городовъ имѣетъ свое начало въ раздѣленіи труда. Чѣмъ естественнѣе совершается это раздѣленіе, тѣмъ быстрее развиваються ремесла, тѣмъ скорѣе они сближаются между собою и образуютъ городское населеніе въ истинномъ его значеніи. И обратно, городская жизнь не можетъ развиваться тамъ, гдѣ естественное раздѣленіе труда встрѣчаетъ препятствія. Въ такомъ положеніи вещей земледѣлецъ долженъ не только приготовить все для него нужное самъ, самъ строить свою жилищину, орудія, утварь, самъ точить и шить свое

лате и обувь; если же не сумѣеть сдѣлать, то обходится и безъ него. Притомъ, большая часть того, что онъ производитъ самъ, обходится ему дорого, хотя онъ и считаетъ дешевымъ, потому-что оно ему ничего не стоило; но въ-самомъ-дѣлѣ, чтобъ устроить свой годный скарбъ, онъ употребилъ въ десять разъ болѣе времени, трудовъ и матеріаловъ, нежели сколько потребовалось бы ихъ при производствѣ ремесленниками, не говоря уже о томъ, что въ помянутомъ случаѣ произведеніе выходитъ прочтѣе, красивѣе и удобнѣе. Отъ-того въ такомъ положеніи вещей, все, что окружаетъ земледѣльца, носитъ на себѣ печать нищеты, отсутствія изящества и понатія о удобствахъ жизни. Тѣ, которые направляютъ труды земледѣльца, обыкновенно не довольствуются грубыми произведеніями и устрояютъ свои мастерскіи. Но такъ-какъ въ подобныхъ заведеніяхъ работа обязательная, то она отвергаетъ возможность усовершенствованія промысла, и самыя произведенія выходятъ гораздо-дороже, нежели при трудѣ свободномъ (*).

Если существо городской жизни заключается въ ремесленной и мануфактурной промышленности, то развитіе ея поддерживается дѣятельностью мѣны. Количество обдѣланныхъ произведеній, которое городъ продаетъ, по необходимости опредѣляетъ собою количество матеріаловъ и жизненныхъ припасовъ, которые онъ покупаетъ. Такимъ образомъ и производительность и потребленіе городовъ умножается по мѣрѣ запроса деревень на мануфактурныя произведенія; слѣдовательно, по естественному закону, успѣхи населенія и богатства городовъ идутъ вслѣдъ и пропорціонально улучшенію положенія селеній.

. VIII.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о нападкахъ на купцовъ, которыхъ г. Бунинъ, и съ нимъ многіе другіе, упрекаютъ въ низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ.

Дѣйствительно, въ обыкновенное время, т. е. во время урожая, цѣны на хлѣбъ устанавливаются преимущественно *скупающими*, а не *продающими*. Причины тому мы объяснили выше, но онъ не задается отъ купцовъ; купцы пользуются только *обстоятельствами*, а не производятъ ихъ: иначе и быть не можетъ; и развѣ не всякій сдѣлалъ бы то же на ихъ мѣсть? Это, конечно, эгоизмъ. Но не имѣть самоотверженія въ цѣлыхъ классахъ есть ни болѣе, ни меньше, какъ юношеская мечта.

Полагая все зло въ хлѣбныхъ торговцахъ, нѣкоторые предлагаютъ, не шутя, учреждать самимъ помѣщикамъ *хлѣбосплавныя* и другія разныя общества для торговли хлѣбомъ. Положимъ, что и

(* См. статью г. Ханькова: «Описаніе горныхъ заводовъ въ Оренбургской губерніи», во 2 томѣ «Матеріаловъ для Статистики Россіи», изд. отъ Мин. Вн. Дѣлъ.

возможно составленіе такихъ обществъ изъ помѣщиковъ; но развѣ въ такомъ случаѣ измѣнилась бы сущность дѣла?

Впрочемъ, возстанія противъ хлѣбныхъ торговцевъ были не у однихъ насъ; но вездѣ здравый разумъ признавалъ подобныя мнѣнія заблужденіемъ, незнаніемъ даже самыхъ простыхъ началъ народнаго хозяйства. Еслибъ потребитель принужденъ былъ всякій разъ съ требованіями своими обращаться къ производителю, то при всякомъ неурожаѣ неминуемо слѣдовало бы голодъ. Возьмемъ въ примѣръ 1845 годъ: успѣло ли бы правительство пріобрѣсти огромные запасы хлѣба и доставить ихъ съ Волги въ западныя губерніи, еслибъ не было купцовъ, всегда сосредоточивающихъ запасы? Скажутъ: «хлѣбъ можно было бы взять у помѣщиковъ!» Мы не говоримъ о физической невозможности сосредоточить вдругъ запасы, разстѣянные въ тысячѣ мѣстахъ; но, устраняя и эту невозможность, развѣ мы не знаемъ примѣровъ 1840 г., когда нѣкоторые помѣщики, у которыхъ были огромные запасы хлѣба, удерживались продажей, ожидая еще большаго возвышенія цѣны? Кто вникнетъ въ дѣло безъ предразсудковъ, безъ эгоизма, тотъ напротивъ, согласится, что хлѣбные торговцы въ неурожайные годы оказываютъ величайшую услугу, не возвышая, а напротивъ умѣряя цѣны на хлѣбъ.

IX.

Мы выше привели замѣчаніе г. Титова о томъ, что цѣны на хлѣбъ у насъ несоразмѣрны съ цѣнами на мануфактурныя произведенія. Замѣчаніе справедливое; но въ этомъ опять исключительно нельзя винить фабрикантовъ.

Это явленіе объясняется слѣдующими обстоятельствами:

1) Большая часть матеріаловъ, потребныхъ для нашихъ фабрикъ, получается изъ-за границы. Доставка ихъ въ Россію и значительная пошлина при ввозѣ дѣлаютъ то, что для нашего фабриканта стоимость матеріаловъ обходится гораздо-дороже, нежели для иностранныхъ (*).

(*) Вотъ сравнительныя цѣны нѣкоторыхъ матеріаловъ въ Лондонѣ (10-го апрѣля 1847 г.) и въ Москвѣ (14-го апрѣля 1847 г.):

	въ Лондонѣ.	въ Москвѣ.
Хлопчатая бумага американская за пудъ. . .	5,34 к. сер.	6,50 к. сер.
	7,92 — —	9,10 — —
Индига бенгальскій	30,28 — —	55,60 — —
	81,18 — —	90,00 — —
Кошениль	70,26 — —	85,00 — —
	90,80 — —	100,00 — —
Шелкъ органикъ	249,48 — —	270,00 — —
	300,40 — —	330,00 — —
Шелкъ персидскій	96,00 — —	120,00 — —
	118,80 — —	140,00 — —

2) Издержки самаго производства у насъ обходятся гораздо-дороже, нежели за границею. Это происходитъ отъ слѣдующихъ причинъ: а) всякая фабрика требуетъ многообразныхъ механическихъ пособій; у заграничнаго фабриканта они находятся всегда подъ рукою въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ основалъ свое заведеніе; у насъ, за исключеніемъ столицъ, напротивъ, фабрикантъ долженъ содержать не только людей, непосредственно занимающихся выдѣлкою главнаго его произведенія, но и тѣхъ, которые необходимы для удобства или починки снарядовъ; б) наши работники довольствуются хотя и меньшимъ заработкомъ, но сравнительно съ иностранными выработываютъ несравненно-меньше; объ искусствѣ и говорить нечего. Это зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, о которыхъ мы говорили при раздѣленіи труда въ земледѣліи.

3) Известно, что цѣна мануфактурныхъ произведеній тѣмъ болѣе понижается, чѣмъ болѣе ихъ выдѣлывается; а количество выдѣлываемыхъ произведеній возрастаетъ вмѣстѣ съ числомъ потребителей. У насъ около $\frac{9}{10}$ народонаселенія почти незнакома съ отребленіемъ мануфактурныхъ издѣлій. Фабриканты, выдѣлывающіе сукно въ 5 и 6 руб. ас. за аршинъ, не находятъ ему сбыта, а в такихъ фабрикахъ у насъ немного.

4) Проценты на капиталъ у насъ вообще выше: это зависитъ, съ одной стороны, отъ недостатка капиталовъ, а съ другой отъ недостатка кредита. Нѣкоторые ставятъ въ вину нашимъ фабрикантамъ то, что они работаютъ на заемные капиталы. Это дѣлается вездѣ притомъ въ гораздо-большемъ размѣрѣ, нежели у насъ.

Несомнѣнно, что земледѣліе не можетъ существовать безъ скотоводства; объ этомъ никто не станетъ спорить. Но есть мнѣніе, и притомъ весьма-распространенное у насъ, что скотоводство есть неизбежное зло. Прежде всего замѣтимъ, что земледѣліе и скотоводство находятся въ такой тѣсной связи, что улучшение или упадокъ одного влечетъ за собою улучшение или упадокъ другаго. Мы не имѣемъ общихъ исчисленій скота въ цѣлой Россіи, но есть нѣкоторыя частныя данныя, которыя могутъ привести къ поучительнымъ результатамъ.

Г. Бунинъ, въ статистическомъ описаніи Усманскаго-Уезда (*), вводитъ слѣдующія числа:

Всей земли въ уездѣ 412,481 дес.; на этомъ пространствѣ въ 35 году было:

лошадей.	44,153 шт.
рогатаго скота.	24,523 —
овецъ.	134,150 —

Приведа десятины въ квадратныя версты, и приведа въ жителей обоего пола равнымъ 104,000 человекъ, окладываемъ на 1000 жит. на 4 кв. вер.

Лошадей	423	11 шт.
рогатаго скота	236	6 —
овець	1290	33 —

Въ Войскѣ Донскомъ на пространствѣ 14,202,204 кв. верствъ, къ 1 января 1842 г. считалось: 729,082 жителя.

Лошадей	371,035 штукъ
Рогатаго скота	1,168,782 —
Овецъ	2,401,857 —

Слѣдовательно, приходилось:

Лошадей	509 шт.
Рогатаго скота	1602 —
Овецъ	3288 —

Въ Оренбургской Губерніи на пространствѣ 227,466 кв. верствъ въ 1844 г. было (*):

Лошадей	1,398,476 штукъ
Рогатаго скота	1,315,578 —
Овецъ	2,246,499 —

Жителей, обоего пола 1,771,400; слѣдовательно, приходилось:

Лошадей	717
Рогатаго скота	675
Овецъ	1153

Изъ приведенныхъ нами мѣстностей, Уманскій-уездъ можетъ служить типомъ средней черноземной полосы. Результаты, достигнутые для этого уезда, могутъ быть применены, въ общій крайней-мѣрѣ, соображеній, ко всей средней полосѣ, которая составляетъ главную житницу Имперіи. Войско-Донское является хозяйствомъ, гдѣ, при обиліи земли, скотоводство является выгодами съ земледѣіемъ, если его не пренебрегаютъ. Но немъ можно судить о той части Россіи, которая является хозяйствомъ степное, переложное.

Теперь сравнимъ наше скотоводство съ другимъ Европейскимъ.

	Рогатаго скота.		Овецъ.	
	на 1 кв. в.	на 1000 ж.	на 1 кв. в.	на 1000 ж.
Въ Австріи	22	357	23	368
— Пруссіи	21	324	66	994
— Баваріи	34	553	22	349

(*) См. «Оренбургскія Губернскія Вѣдомости» и «Московскія Вѣдомости» 1845 г. № 435.

(**) Здѣсь принято 10 овецъ равными одной крупной овецѣ.

Въ Виртембергъ	47	490	89	417	51	534
— Бельгія	35	226	28	182	38	214
— Франція	22	292	70	949	29	386
— Усманскомъ-Уездѣ	6	236	33	1290	9	365
— Земля Войскъ-Донскихъ	8,5	1602	17,5	3,288	10	1930
— Оренбургскія Губерніи	4,0	675	6,0	1,153	46	790

Изъ этого открываётся:

а) Относительно числа жителей, степная часть Россіи превосходитъ богатствомъ скотоводства остальную Европу; но средняя отстаетъ отъ большей части государствъ.

б) Въ отношеніи къ пространству, у насъ, въ средней Россіи и въ землѣ Войскъ-Донскихъ, количество скота въ два съ половиною разъ а въ Оренбургской Губерніи, въ пять съ половиною разъ меньше противъ самыхъ богатѣйшихъ скотомъ государствъ Западной-Европы (§).

Но одно количество произведеній еще не все значитъ въ экономіи народной: всего важнѣе употребленіе.

Скоти доставляетъ доходъ рабочему силю, удобреніемъ и, наконецъ, продажей произведеній.

Но, видя связныя о количествѣ скота, употребляемаго въ работу, мы не можемъ входить въ подробныя сужденія по этому предмету.

Замѣтимъ, однако, что въ этомъ отношеніи сравненіе количества скота съ пространствомъ земли не можетъ служить указателемъ.

Масса получаемаго удобренія находится въ прямомъ отношеніи не съ числомъ скота, а съ его качествомъ, и качествомъ и количествомъ корма. У насъ, впрочемъ, рассчитываютъ удобреніе по количеству скота; а потому, если къ вышеприведеннымъ числамъ присоединить, что въ среднихъ собственно-земледѣльческихъ губерніяхъ чувствуется недостатокъ корма, то легко понять, что количество удобренія далеко не соответствуетъ пространству земель.

Наконецъ, остается сказать о доходѣ отъ скота: доходъ этотъ ближе всего опредѣляется количествомъ потребляемаго скота.

Потребленіе говядины у насъ преимущественно ограничивается столицами и приморскими городами. Въ уездныхъ городахъ потребленіе говядины, сравнительно съ народонаселеніемъ, весьма незначительно. Даже самые губернные города представляютъ въ этомъ отношеніи замѣчательные факты; такъ, на-прим.: въ Екатеринославѣ трудно найти хорошую говядину; въ Харьковѣ хорошая говядина также попадаетъ рѣдко; вкусная телятина еще

(*) О состояніи скотоводства въ Западной-Европѣ см. подробности въ Журн. Мин. Гос. Имущ. 1843. Ч. VII, отд. II, стр. 87 и 240.

рынке и продается весьма-дорого въ сравненіи съ московскими цѣнами (*). Въ городахъ, окруженныхъ стенами, съ безчисленными вѣхъ стадами, мало потребляется говядины. Въ Ахтыркѣ, при 14,000 жителей, убивается до 160 быковъ и коровъ и 30 телятъ, т. е. въ годъ 1 рогатая скотина на 90 человекъ жителей и 1 теленокъ на 370 человекъ; а въ Богодуховѣ, при 9,000 жителей, быковъ и коровъ убивается только 75 или 1 на 122 жителя.

Въ 1835 году, въ Рыбинскѣ потреблено 9242 пуда свѣжей говядины (**). Жителей постоянныхъ считалось 8809 человекъ; следовательно, на каждого приходилось по 42 фунта; но въ-теченіе года въ Рыбинскѣ было 128,000 судорабочихъ. Если допустить, что каждый изъ этихъ рабочихъ потребилъ хоть два фунта говядины, то на каждого изъ остальныхъ жителей придется не болѣе 13 фунт. свѣжей говядины.

Въ Пруссіи, по исчисленію Гофмана, на каждого жителя приходится въ годъ свѣжаго мяса:

говядины	23 ¹ / ₂ ф.
баранины	6 ¹ / ₂ —
свинины	8 ¹ / ₂ —
	38 ¹ / ₂ ф.

Въ Баденскомъ Герцогствѣ на каждого жителя одной говядины приходится 35 фунт.

Въ Баваріи 38 —

— Бельгіи 21¹/₂ —

Но всего важнѣе способы, какими народъ добываетъ себе мясную пищу: въ Бельгіи, число ежегодно убиваемаго скота составляетъ болѣе половины наличнаго числа, и не смотря на то, этотъ расходъ ни мало не уменьшаетъ капитала, какъ бы можно было полагать, и не препятствуетъ его возрастанію. Поэтому—относительно большее количество скота къ народонаселенію не можетъ дать настоящаго понятія о богатствѣ народа. Чѣмъ быстрѣе иняется поколѣніе скота, тѣмъ онъ болѣе доставляетъ дохода; притомъ всегда народонаселеніе возрастаетъ въ большей пропорціи, нежели число скота. Въ Виртембергѣ, на 1000 чел. жителей считалось въ 1834 году 503 головы рогатаго скота, а въ 1840 году 491, но эти 491 голова доставляютъ нынѣ гораздо-болѣе молока и мяса, нежели 503 въ 1834 г. Въ Каринтіи и Каріюліи считается 712 головъ скота на 1000 жителей, и не смотря на то, народъ ѣстъ мяса несравненно-менѣе, нежели въ Виртембергѣ. Вообще, въ Германіи, въ земледѣльческихъ работахъ, лошади быстро смѣняютъ быковъ, и отъ этого увеличивается число бойнаго скота.

(*) См. «Матеріалы для Статистики Россійской Имперіи», изданные Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ. 1839 г. Отд. III. Стр. 82. Статья о городахъ Харьковской-Губерніи, г. Пассака.

(**) См. «Описание Города Рыбинска», составленное попеченіемъ рыбинскаго градскаго главы Федора Тюменова. Спб. 1835 г.

Въ Бельгій подтелки одно и двухъ-лѣтнія весьма-часто встрѣчаются на бойняхъ, а быки 7 и 8 лѣтъ составляютъ рѣдкость. Въ Пруссіи малые хозяева воспитываютъ рогатый скотъ, а большіе откармливаютъ. Нерѣдко въ Рейнской-Провинціи есть хозяева, имѣющіе одну или двѣ десятны и содержащіе отъ 4-хъ до 5-ти быковъ.

Мы показали выше количество скота въ Войскѣ Донскомъ; въ этого огромнаго количества убито на продовольствіе жителей (въ 1842 г.) 16,270 головъ, т. е. $\frac{1}{73}$ часть; продано 66,844 гол., т. е. $\frac{1}{17}$ часть; если сложить эти числа—окажется, что число скота потребляемаго и продаваемаго составляетъ $\frac{1}{14}$ часть всего наличнаго количества. Слѣдовательно, поколѣніе мѣняется въ 14 лѣтъ. Теперь должно быть понятно, что огромность скотоводства не служитъ мѣриломъ извлекаемой изъ него государствомъ выгоды. Большое число содержаимаго скота относительно народонаселенія, если въ то же время оно не мѣняется быстро, служитъ доказательствомъ обилія земель и младенчества земледѣлія. Въ прошедшемъ столѣтіи, въ Буэнос-Айресѣ, по свидѣтельству Уллоа, быкъ на выборъ изъ огромнаго стада стоилъ 55 коп. сер.; въ 1772 году, по свидѣтельству Палласа, въ Красноярскъ быкъ продавался по 1 р. 50 к., корова стоила 1 р., лошадь отъ 2 до 3 р., баранъ отъ 30 до 40 к. Въ Южной-Россіи, въ концѣ прошедшаго столѣтія, быковъ были только для кожи, и нынѣ продолжаютъ это дѣлать съ баранами. Но подобная дешевизна скота продолжается только до-тѣхъ-поръ, пока обширность земель позволяетъ плодиться стадамъ почти въ дикомъ состояніи. Въ этомъ случаѣ уходъ за скотомъ не стоитъ ничего, а производство хлѣба требуетъ работы и, слѣдовательно, издержекъ. Вотъ почему на оренбургской-линіи за пудъ муки Киргизъ отдастъ 1 или 2 барановъ.

Съ развитіемъ народонаселенія, цѣна скота вообще увеличивается. Но здѣсь слѣдуетъ различать, отъ-чего зависитъ главнѣйше увеличеніе цѣны скота: отъ увеличенія ли цѣнъ на кожи и сало, или отъ увеличенія цѣнъ на мясо. Шерсть, сало и кожи потребителей находятъ и вдалекѣ, но мясо можетъ потребляться лишь на мѣстѣ, или вблизи. Поэтому, тогда лишь можно сказать, что хозяйство страны идетъ впередъ, когда главный доходъ отъ скота возвышается на-счетъ увеличенія цѣны мяса. Ибо только въ такомъ случаѣ дѣлается выгоднымъ воздѣлывать земли для корма скота; слѣдовательно, дѣлается возможнымъ улучшеніе луговъ и введеніе кормовыхъ и корнеплодныхъ растений; чѣмъ выше цѣна говядины въ сравненіи съ цѣною хлѣба, тѣмъ выгоднѣе скотоводство.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть много земли, способной только для пастбищъ, цѣна скота не можетъ быть столь высока, чтобъ выгодно было обрабатывать землю для корма скота; исключенія будутъ лишь въ томъ случаѣ, когда есть вблизи рынокъ, гдѣ съ выгодой можно сбывать произведенія скотоводства. Такъ въ Шот-

ланди цѣна на скотъ поднялась вдругъ; тогда, по соединеніи съ Англіею, открылся для нея сбытъ. То же самое случилось и въ Россіи, при открытіи южныхъ портовъ; но имъ въ законы служатъ эти видныя причины увеличенія цѣны на скотъ не могутъ являться, въ обширности и благотворности послѣдствій, съ возвышеніемъ цѣны на говядину въ слѣдствіе увеличенія мясного спроса; а оно увеличивается тогда, гдѣ развивается промышленность и вмѣстѣ съ нею общее благосостояніе народа. Въ Пруссіи, въ 1824 по 1840 годъ, цѣна на говядину возвысилась почти 50 процентами (*), и притомъ наиболее съ 1824 по 1830 годъ, въ эту эпоху наибольшаго процвѣтанія.

Въ прусскихъ провинціяхъ цѣна говядины въ 1832 году была выше среднихъ цѣнъ 1816—1829 г.г.:

Въ Бранденбургѣ и Помераніи	на 9,3 проц.
— Силезіи	— 16,9
— Саксоніи	— 19,4
— Вестфалии	— 14,2
— Рейнской Провинціи	— 15,0

Здесь, кромѣ общаго возвышенія цѣны во всей монархіи, весьма замѣчательно и относительно. Самое большее возвышеніе было въ Рейнской Провинціи, и именно той части государственныхъ земель, гдѣ наиболее развилось благосостояніе; за тѣмъ возвышеніе слѣдующее совершенно въ томъ порядкѣ, въ которомъ можно повѣствовать прусскія провинціи относительно ихъ общаго благосостоянія.

Иногда и внѣшнія обстоятельства имѣютъ участіе въ движеніи цѣны на говядину; но дѣйствіе ихъ всегда слабое и внутренняя причина. Такимъ образомъ, въ 1822 году, когда во Франціи объявлено возвышеніе пошлины на привозимый изъ Германіи скотъ, возвышеніе цѣны на говядину остановилось, особенно въ Базардѣ; но когда, напротивъ, образованіе Германскаго Таможеннаго Союза уничтожило многія препятствія, преграждавшія развитіе внутренней промышленности, тогда возвышеніе цѣны на говядину вновь началось.

У насъ благомыслящіе хозяева въ улучшеніи скотоводства видятъ необходимое условіе улучшенія земледѣлія; другіе, напротивъ, придаютъ скотоводству неизбѣжнымъ только зломъ. Желанія первыхъ весьма похвальны, но и убѣжденія послѣднихъ имѣютъ свои основанія. Для поясненія этого предмета необходимо войти въ нѣкоторыя подробности, касающіяся совокупнаго развитія земледѣлія и скотоводства.

На всѣхъ земляхъ, удаленныхъ отъ большихъ городовъ, удобреніе должно доставать на мѣста отъ самой земли; но удобреніе такого удобрения бываетъ пропорціонально количеству скота, содержащагося на землѣ, или, другими словами, пропорціонально

(*) Отъ 9 к. с. за фунтъ до 14½ к. с.

орнаментъ, доставляемый землю. Если цѣна на мясо недостаточна, о селитвѣ скоту и поддержкѣ производства, то земледѣльцы е войдуть въпользѣ пасты, скотъ на такой землѣ, съ главною цѣью, получаютъ отъ него удобреніе, и еще менѣе кормить его на гошлѣ. На стойлѣ можно кормить произведеніями съ земли, хорошо обработанной, потому что собираніе корма на земляхъ, не обработанныхъ, лишнее, потребовало бы огромнаго труда и поддержекъ. На стойлѣ можно кормить, скотъ въ такомъ случаѣ, когда дѣтеныя дасть 350 или 500 пудовъ отлучнаго сѣна, а не тогда, когда съ трудомъ можно собрать съ нея 50 пудовъ, да и то наобно возить за десять или пятнадцать верстъ.

Въ таковыя обстоятельства вынужденъ дѣлается невозможнымъ содержать въ выгоду скотъ, кроме того, который необходимъ для работъ. Это число никогда не можетъ дать такого количества навоза, которое было бы достаточно для поддержанія полей въ хорошемъ состояніи. А какъ количество навоза недостаточно для всѣхъ полей, то его по необходимости берегаютъ лишь для тѣхъ полей, оторыя лежать ближе. Прочія же поля остаются большею частью поля выгономъ, служатъ тошымъ пастбищамъ, на которыхъ родитъ скотъ же тошій скотъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ соберутъ въ нихъ одну или двѣ жатвы, и потомъ снова оставляютъ поля пустыми (*).

Таковыя виды хозяйства вездѣ, гдѣ цѣна скота не достигла той высоты, которая позволяетъ обрабатывать землю для корма скота: таковы оны были во многихъ странахъ Европы, таковы нынѣ въ большей части Россіи.

Не должно, однакожъ, думать, что высокая цѣна скота, даже, когда она сдѣлалась бы однообразною и постоянною, можетъ дѣлать нѣкую нашу систему хозяйства. Не говоря о необразованности народа и его привязанности къ старымъ привычкамъ, естественныя обстоятельства противопоставляютъ два препятствія быстрой и непосредственному введенію лучшей системы, именно: 1) бѣдность большей части владѣльцевъ и земледѣльцевъ, которая препятствуетъ скорому приобрѣтенію достаточнаго количества скота для совершенной обработки земель, потому что самое вѣдывшее цѣны на скотъ препятствуетъ приобрѣтенію его; 2) недоста-

(*) Распространеніе и улучшеніе скотоводства встрѣчаетъ у насъ препятствіе изъ чрезвычайно-сильныхъ падежахъ скота. Въ 1844 г., въ разныхъ губерніяхъ, преимущественно же южныхъ и восточныхъ, пало до 238,800 головъ, а въ 1845 году 726,298 головъ (См. Ж. М. В. Д. 1845 г. № 12, стр. 467 1846 г. № 12, стр. 431). Не входя здѣсь въ критическое оцѣноу этого событія, всегда въ Россіи бывшаго (см. Труды Импер. Вост. Эксп. Общ. 1768. Ч. III, стр. 38), имѣемъ здѣсь только одно, что падежи скота не могутъ быть отращены съ измѣненіемъ способа содержанія и ухода за скотомъ, что въ свою очередь возможно при нынѣшнемъ состояніи сельскаго хозяйства.

токъ удобренія, которое не позволить привести вдругъ землю къ такому положенію, чтобъ можно было на ней хорошо содержать большое количество скота.

Увеличеніе числа скота и улучшеніе земли могутъ идти только параллельно, и одно не можетъ перегонять другое. Нельзя улучшить земли, не увеличивъ числа скота; но нельзя увеличить скота, не улучшивъ земли, — иначе земля не будетъ въ состояніи его содержать. Эти препятствія могутъ быть побеждены только послѣдовательно, постоянствомъ мѣръ, стремящихся къ приведенію производительныхъ силъ человека и земли въ гармоническое состояніе.

Развитіе молочнаго хозяйства идетъ совершенно тѣмъ же путемъ. Должно притомъ замѣтить, что изъ всѣхъ произведеній скотоводства, молочные скопы — самые непрочныя. Молоко, въ теплое время, когда его наиболѣе получается, едва можетъ сохраниться сутки; свѣжее масло сохраняется едва одну недѣлю, солѣное можетъ сохраняться до года; большая часть сыровъ также. Часть молочныхъ скоповъ обыкновенно потребляется на мѣстѣ, другая можетъ поступать въ пролажу; но молоко можетъ быть сбываемо лишь въ соседствѣ большихъ городовъ, и то на весьма-небольшихъ разстояніяхъ; другія приготовленія могутъ выносить и болѣе-дальнюю перевозку; но если цѣны низки, то нѣтъ никакого побужденія заниматься приготовленіемъ молочныхъ скоповъ, хорошее качество которыхъ требуетъ много времени и труда. Тѣ же причины, отъ которыхъ возвышается цѣна на мясо, поднимаютъ цѣну и на молочные скопы: тогда молочное хозяйство заслуживаетъ полнаго вниманія хозяевъ; цѣны, наконецъ, поднимаются до того, что дѣлается выгоднымъ воздѣлывать земли единственно для содержанія молочнаго скота; въ такомъ положеніи находится многія страны Европы. Но въ большей части Россіи это еще долго будетъ невозможно.

Одно изъ произведеній скотоводства не слѣдовало изложенной постепенности въ-отношеніи къ восходящему движенію цѣнъ. Это шерсть. Движеніе цѣнъ на нее слѣдовало обратному ходу: въ началѣ развитія у насъ тонкоруннаго овцеводства, цѣны на шерсть были выше, но потомъ начали упадать. Это объясняется тѣмъ, что производство шерсти было основано на внѣшнемъ потребленіи, а главное тѣмъ, что оно было новою отраслью промышленности, водвореніе которой необходимо требуетъ высокихъ цѣнъ. Нисходящее движеніе цѣнъ показываетъ, что овцеводство начало приходить въ уровень съ прочими отраслями хозяйства. И потому, хозяева не должны питать себя тщетною надеждою, что овцеводство опять можетъ прійти въ такое положеніе, чтобъ оно могло приносить гораздо-большія выгоды, нежели всѣ другія отрасли хозяйства. То же самое, чтѣ совершается у насъ съ шерстью, было съ хлопчатую бумагою въ Америкѣ.

XI.

Одинъ хозяинъ, мнѣніе котораго мы привели выше, говоритъ: наше земледѣліе въ угнетеніи: доходы владѣльцевъ средняго состоянія не покрываютъ ихъ ближайшихъ нуждъ. Здѣсь можно было бы многое сказать о необходимости нуждъ. Но это завлекло насъ слишкомъ-далеко. Скажемъ однако, что мы не принадлежимъ къ тѣмъ такъ-называемымъ нравственнымъ людямъ, которые полагаютъ строгое различіе между нуждами *минимыми* и *негодимыми*. По нашему понятію, раздѣленіе это весьма-шатко: то, что для одного человека считается потребностію несущественною, для другого занимаетъ важное мѣсто въ глазахъ человека образованнаго; то, что считается нужнымъ для человека образованнаго, можетъ казаться для необразованнаго ненужнымъ. Понятіе о роскоши есть весьма-относительное и не заключаетъ въ себя ничего положительнаго; роскошничать можетъ каждый въ своемъ родѣ, и дикарь, точно такъ же, какъ и образованный человекъ. Въ-отношеніи къ своему народу, можно сказать только то, что онъ роскошничаетъ тогда, когда потребляетъ большую часть своего труда, своихъ произведеній непроизводительно; тогда роскошь дѣлается дѣйствительно зломъ, не только въ экономическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи, развращая волю, ослабляя твердость къ лишеніямъ, отводя умъ отъ упражненій возвышенныхъ, облагороженныхъ, и обращая къ наслажденіямъ матеріальнымъ, убивающимъ душу и тело. Причины подобнаго явленія заключаются въ отклоненіи отъ равныхъ началъ общежитія; оно не могло бы произойти, еслибы нужды развивались стройно и ценности производились правильно. Умноженіе нуждъ существуетъ при извѣстныхъ условіяхъ вездѣ, оно благотѣльно, когда происходитъ свободно, изъ внутренняго желанія удобства и совершенства, а не извнѣ, и притомъ постепенно, стройно. Нельзя назвать стройнымъ развитіемъ нуждъ, когда оно происходитъ чрезъ стеченіе случайныхъ обстоятельствъ: внезапный прливъ денегъ и сосредоточеніе ихъ въ рукахъ немногихъ, производятъ въ этихъ послѣднихъ зати. И такъ-какъ это произошло въ нихъ безъ стройнаго развитія, то они стремятся къ потребностямъ менѣе-существеннымъ, къ суетнымъ, тогда-какъ жвѣйшія нужды остаются у нихъ неудовлетворенными.

Прямими мѣрами дѣйствовать на роскошь, на мотовство — нельзя. Противно видѣть человека богатаго, употребляющаго свое богатство не для высокихъ цѣлей умственнаго образованія, а для прихотей мелочныхъ, ничтожныхъ; больно видѣть ремесленника или крестьянина грубаго, беспечнаго, проводящаго время въ инке вмѣсто того, чтобъ позаботиться о обезпеченіи своемъ и своего семейства. Но въ этихъ случаяхъ власть ничего не можетъ дѣлать; надо говорить уму, убѣдить сердце, надо приучить искать другихъ удовольствій,—принудить къ этому нельзя. Люди, переходя

Равнымъ образомъ, и то состояніе человека бѣдственно, гдѣ какое помпѣзство и будущаго улучшенія своего быта не ожидаетъ, ибо ограничивается только явными и общими дошестыми средствами такъ, ибо, не имѣя средствъ оберегать, конья дошесты, правднать непосредственное поврежденіе, алаго прибрѣтенія, кадего прежде на будущее.

Дѣйствіе капиталовъ свои же благотвительно на земледѣльчнхъ на всякую другую отрасль промышленности: трудъ усомнѣнной является посредствомъ капиталовъ легкимъ; съ приращеніемъ кадеговъ, въ селеніи являються многія цѣнности, коворы прежде и не могли существовать. Но здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что явны земледѣльчн, подобно тому, какъ я вообще въ государствѣ, приращеніе капиталовъ явны составляетъ источникъ изобрѣтеній. Это можно подтвердить многими примѣрами. Прочнее возрастаніе кадеговъ происходитъ тамъ, гдѣ они образуются внутренно, при созиданіи благопріятствующихъ причинъ. Эти причины заключаются въ томъ, что поощряется бережливость; охота же къ бережливости указываетъ на любовь къ порядку, жизни и благамъ ея. Тамъ, гдѣ жизнь — копейка, бережливости быть не можетъ. Величина дохода есть сильное побужденіе къ обращенію явннхъ въ доходъ; чѣмъ меньше остается у земледѣльчн, отъ-того-ли, что его приходы поглощаются рентою, или другими причинами, тѣмъ менше есть побужденія сберечь свой доходъ, и, следовательно, тѣмъ менше причинъ къ скопленію капиталовъ.

Этимъ объясняется, почему такъ мало замѣны у насъ въ прѣстѣяхъ признаковъ капитализаціи, и наоборотъ, явны тотчасъ же, малыми прибытками жертвовать на потребленіе непосредственное, самое непрочное, именно на вино.

Деньги, какъ мы сказали, суть представители цѣнностей; средство мѣны. Слѣдовательно, обиліе денегъ указываетъ съ одной стороны на изобиліе цѣнностей, а съ другой на быстроту мѣны (*). Обиліе денегъ можетъ происходить и случайно, отъ извннхъ прилива; но объ этомъ источникѣ должно сказать совершенно то же, что сказано вообще о приливѣ капиталовъ извнн. Источникъ этотъ вообще непрочень. Примѣръ Испаніи явны въ западныхъ губерніяхъ чувствуется недостатокъ денегъ болѣе, нежели въ другихъ мѣстахъ; а между-тѣмъ квартирующія тамъ въ большомъ количествѣ войска и работы, восточно производимыя правительствомъ, оставляють ежегодно огромную массу денегъ въ этомъ краѣ, — и все-таки въ немъ нѣтъ денегъ.

(*) При быстротѣ мѣны, государство не имѣетъ нужды въ огромной массѣ денегъ. Франція, при 35 милліонахъ жителей, имѣетъ 4 миллиарда звонкой монеты, тогда-какъ Англія, при 18 милліонахъ жителей, имѣетъ не болѣе 1,200 милліоновъ франковъ, и между-тѣмъ богаче ея, торговля и промышленныя обороты гораздо-значительнѣе. См. Cours d'Économie politique, par Michel Chevalier. Paris, 1842. T. I, p. 212.

Г. Мальцовъ въ своемъ проектѣ, о которомъ мы уже говорили, предлагаетъ пособить недостатку денегъ въ земледѣльческомъ классѣ ссудою помѣщикамъ по 8 р. сер. на реввскую душу. Надобно думать, что это число включаетъ въ себѣ нѣчто волшебное, кабалистическое; ибо спрашивается, почему 8 р. могутъ произвести столь благотворныя послѣдствія на земледѣліе, если 60, 70 и даже 80 р. сер., выдаваемые нынѣ помѣщикамъ въ ссуду, не произвели такъ дѣйствій? (*) Намъ скажутъ: «нынѣ выдаются деньги подъ залогъ недвижимаго имѣнія, а г-нъ Мальцовъ предлагаетъ выдавать подъ залогъ хлѣба». Но это значитъ только играть словами (**)...

XIII.

При жалобахъ на какое-либо невыгодное положеніе, обыкновенно указываютъ на прошедшее, какъ на лучшее, какъ на потерянное. Но справедливо ли это? Разберемъ дѣло ближе, безпристрастно; будемъ принимать въ основаніе факты, а не безотчетную, старческую грусть о прошедшемъ.

Къ-счастью, мы можемъ, благодаря перевѣшъ трудамъ Вольнаго Экономическаго Общества, на основаніи собранныхъ имъ и сохраненныхъ для потомства мѣстныхъ свѣдѣній, представить не только вѣрную, но подробную и въ высшей степени поучительную картину сельскаго хозяйства за 80 лѣтъ предъ симъ.

Начнемъ хоть съ центральныхъ хлѣбонаместенныхъ губерній, — съ Тульской. Во второмъ томѣ «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» помѣщена обширная статья А. Болотова, подъ заглавіемъ: *Описаніе свойства и доброты земель Каширскаго-Уезда и прочихъ до сего уезда касающихся обстоятельствъ*. Она начинается такъ: «Каширскій-Уездъ хлѣбородіемъ болѣе славенъ, нежели въ самомъ дѣлѣ хлѣбороденъ. Хорошій урожай въ немъ весьма рѣдокъ; напротивъ того, недороды очень часто случаются». Справедливѣе ничего нельзя сказать и въ нынѣшнее время.

«Въ обыкновенные годы» говоритъ авторъ (стр. 134): «приходятъ рожь на навозныхъ земляхъ сама 6, 7 и 8, а на не-навозныхъ — сама 2, 3 и 4. Чтò касается до овса, то съется онъ бо-

(*) Объясненіе причинъ этому явленію находится у Шторха.

(**) Въ замѣчаніяхъ, вложенныхъ разными лицами на проектъ г. Мальцова, находятся сужденія о займахъ. Сужденія эти касаются кредита вообще и земледѣльческаго въ-особенности. Къ-сожалѣнію, мы должны сожалѣть, что въ одномъ имѣніи не встрѣтили истинныхъ понятій о кредитѣ. Предметъ этотъ заслуживаетъ особаго вниманія, которое мы обещаемся представить въ послѣдствіи; здѣсь же замѣтимъ, что наша система залоговъ недвижимыхъ имѣній основана на законѣ начатѣ, котораго теперь только добиваются Франція; почему же эта система не принесла ожидаемой для земледѣлія пользы? Объ этомъ будемъ говорить въ особомъ трудѣ.

ле для содомы на простыхъ и лучшихъ и на ненавозныхъ земляхъ. Крестьянину достаетъ по большей части только до новаго лѣба, а многіе, за недостаткомъ, принуждены рожь покупать.

«Травы у живущихъ при берегахъ довольно, а въ прочихъ мѣстахъ по большей части недостаточно или съ нуждою достаетъ, особливо у помѣщиковъ, гдѣ особливыхъ помѣщичьихъ отхожихъ пустошей нѣтъ и дачи тѣсныя, для которой причины крестьянинъ не можетъ много и скота держать, а чрезъ то и только ужнаго навоза довольно количество не имѣетъ... Въ добрый годъ съ десятины получается сѣна не болѣе 50 пудовъ; въ погостенные родится по 30 и 40; въ мѣстахъ, лежащихъ при рѣкѣ, родится лучше и сѣна гораздо больше.»

Хотите знать тогдашнія земледѣльческія орудія, способъ работъ, опредѣленіе ихъ? Читайте подробное описаніе ихъ въ статьѣ г. Лотова, и вы убѣдитесь, что они совершенно тѣ же, какъ и нынѣ. Не жалобы на неустройство земельного владѣнія, на черезполицу. Но всего интереснѣе описаніе хозяйственнаго и правственнаго быта крестьянъ.

«Въ лошадяхъ по большей части недостатокъ, коровъ во многихъ дворахъ только по одной, отъ которой питается крестьянинъ молоко и творогомъ, а масло продаетъ фунтъ по 4 и 5 коп., а во многихъ дворахъ и ни одной коровы нѣтъ. Овецъ болѣе во дворахъ по 5 и по 10, отъ которыхъ излишняго барана оны продаютъ, а шерсть снимаетъ себѣ на платье, которой по большей части недостаточно, и крестьянинъ принужденъ сукна себѣ покупать. Свиной по 8 и меньше, отъ которыхъ оны продаютъ поросятъ и замою откормленные одну или двѣ туши; самъ же дооливается ветчиною и саломъ.

«Скотскіе надежи бывають часто, иногда года черезъ три и меньше, почему и довольноаго числа скота держать здѣсь невозможно. Надежи случаются болѣе на рогатый скотъ, не мрутъ также овцы и свиньи; что касается до коровъ, то приписываютъ здѣсь оны прогонной изъ Украйны скотинѣ, однако распространяется оны болѣе отъ неосторожности отъ завозимаго корма, отъ неглубокаго зарыванія въ землю, отъ снѣжанія кожь, отъ продажи наго и проч.—Крестьяне въ здѣшнемъ уздѣ по большей части весьма нужное пропитаніе имѣють и бѣдныхъ гораздо больше, ежели довольноныхъ, какъ изъ вышесказаннаго отчасти уже усмотрѣть можно. Такихъ, которые безъ отягощенія казенныя подати и господакіе поборы платитъ могутъ—едва ли половина сѣлицел, напротивъ того множество такихъ, которые живутъ въ самыхъ бѣднѣйшихъ хижинахъ, ѣдятъ почти большую часть года безъ оны; не имѣють скота, претерпѣвають во всемъ недостатокъ, которыхъ помѣщики всякой почти годъ своимъ хлѣбомъ кормить, землю ихъ осѣвать и за нихъ подушныя деньги платитъ принуждены. Причиною бѣдности ихъ болѣе слѣдующія обстоятельство:) Во многихъ мѣстахъ малоземеліе, чего многіе помѣщикамъ

она не выигрывает денег для покупки в других местах земли, особенно по дорогой опытых цѣнъ и отвратить невозможно. 2) Недоба земли, в пристражающее отъ того худое плодородіе одной частіе неурожаи, крестьянинъ не получаетъ довольно хлѣба, столько на продажу, но и для себя. Часто случается, что онъ и послѣдній хлѣбъ съ осени на нужду продаетъ, а потомъ весь годъ большой части нужду и голодъ претерпѣваетъ. А испрашивать землю свою сколько-нибудь силъ его недостаетъ. 3) Немнѣніе сѣмянъ, котораго за недостаткомъ довольноаго количества сѣмянъ и соевъ и для другихъ причинъ, крестьянинъ много держитъ въ запасѣ, къ тому жъ во многихъ мѣстахъ онъ и не ведется. Черезъ это не получаетъ онъ отъ него много прибыли, а и часть нужнаго судобренію земли навоза лишается. 4) Въ такихъ мѣстахъ, и земля не по мѣрѣ людей, а больше отягощается онъ излещи работою. Однако сіе не во многихъ мѣстахъ, а болѣе мѣнѣе, конь столько же десятинъ на помещика, сколько на себя. А болѣе всего утруждаютъ и приводятъ въ немощеніе мужика и скотъ и частыя походы въ дальнія стѣнные мѣста, куда онъ едетъ за господскимъ, а паче за своимъ хлѣбомъ вѣхать принужденъ отъ того великіе убытки претерпѣваетъ. 5) Покупка соли, которую мужикъ послѣднія деньги употребляетъ, и самой нужной, а не выигрываетъ чего продать, не покупаетъ ее вѣсть болѣе, жезъ такихъ и много. Сіи суть начальнѣйшія бѣдноты причинны. Впрочемъ, нельзя сказать, чтобъ не было и такихъ, которые отъ неурожая и бѣдноты, или паче сказать, отъ неурожая и бѣдноты находятся. — Иныя деревни почти все состоятъ изъ богатыхъ людей состоятъ, которые не только съчастіемъ отъ часу бѣднѣютъ, но и помещиковъ своихъ до бѣдноты до того довели, что они ихъ болѣе подкрѣплять не въ состояніи. — А есть и такіе, которые между мужиками богачами считаются могутъ, в богаче многихъ дворянъ, которые измелѣли уже собственныя сожалѣнія достойнаго дошли, и многіе за недостаткомъ земли и достатка, въ такой бѣдноты живутъ, что и доводство ихъ малымъ чѣмъ отъ мужичьихъ рѣшается.

«Здѣшніе жители по большей части имѣютъ нѣсколько крупнѣе справъ, а особенно въ большихъ волостяхъ и на волѣ жидкихъ деревняхъ, притомъ также они упрямы, своенравны, завидливы и суетливы. Живутъ между собою болѣе въ несогласіи, чѣмъ въ согласіи, и другъ-другу верьжко повредить стараются. Притомъ народъ такой, изъ котораго не столько ласкою, сколько принужденіемъ все сдѣлать можно. Къ послушанію они склонны, и притомъ любятъ грозу, при малой же волѣ поднимаютъ голову и на кого не смотря. При всемъ томъ болѣе къ трудолюбію склонны, къ лѣности и правдолюбію склонны.

«Нѣкоторые единичныя обыватели весьма худыя и бѣдныя. Живутъ они по большей части все въ одной и той же бѣднотѣ съ

менеть и овсомъ. Случается часто, что за неимѣніемъ другаго, хлѣбъ весь съмянной, овесъ и ячмень поѣдаютъ, и помещики принуждены болѣе ихъ кормить.

«Мяса мужики почти во весь годъ не видятъ, рѣдко мужикъ съѣсть въ годъ барана и свинью. Болѣе же питаются пустыми кашами, а иногда кашею, молокомъ и яйцами. — Пьютъ болѣе одну воду.

«Народъ расположенъ по большей части неровно, однако семейнистыхъ меньше, нежели малосемейныхъ. Нынѣ обыкновенно дѣлятся болѣе между собою, и тѣмъ въ вѣдущую бѣдность приходятъ».

Хотите знать состояніе хозяйства въ северныхъ губерніяхъ, — потрудитесь прочесть въ XXVI (1774 г.) томѣ «Трудовъ Вольнаго Экономич. Общества» описанія В. *Приказоваго*, *живописца до земледѣлія и слугреннаго даровскаго хозяйства по Иашинскому Уѣзду* (Тверской-Губерніи), и вы снова получите убѣжденію въ тождественности нынѣшняго положенія съ прежнимъ.

«Половина почти здѣшнихъ крестьянъ имѣетъ весьма бѣдное пропитаніе. Одѣжаніе ихъ состоитъ въ сѣромъ суконномъ кафтанѣ и въ шубѣ, въ онучахъ, лаптяхъ, шапкѣ и рукавицахъ; случается и то, что оно носится какъ въ будни, такъ и въ праздники одинако, ибо перемены ему другой нѣтъ. Пшеница соответствуетъ плохотью, пшеница пустая, притомъ не всегда и сметанною забѣлшная, молоко не всякой день, хлѣбъ не вѣной, лукъ, чеснокъ, рѣдкая свѣсь его столъ составляютъ; пьютъ воду или квасъ, не отстоявшійся отъ воды.

«Содержаніе скота при наступленіи весны умалѣетъ, и почти каждый годъ соломы, какъ ржаной, а болѣе яровой и сѣна недостаетъ. Отъ чего крестьяне великую нужду претерпѣваютъ, покупая возъ соломы яровой въ 50 или 60 к., или гоня слатину почти по снѣгу въ лѣса, гдѣ она листомъ поѣдается».

«Крестьянинъ здѣшній рѣдко имѣетъ сѣмена къ посѣву ржи, а иному въ іюль и августѣ нѣтъ ничего.

«Съ сѣнокосовъ снимаетъ въ хорошій годъ пудъ 60, 50 и 40 съ десятины.

«Жители здѣшніе по большей части лукавы, упрямы; въ старыхъ обычаяхъ закорысны, неблагодарны, не предприимчивы, о будущемъ своемъ состояніи безпечны, къ исправленію дурныхъ своихъ обстоятельствъ не старательны, какъ въ хорошемъ состояніи о подкрѣпленіи своего, а въ дурномъ о поправленіи не за-

«богачи: не глупы, но разумъ ихъ затмивъ прелестью «суеврій и закормленныхъ враждъ, трудолюбивы; но въ избраннхъ трудовъ не разсмотрительны; между собою живутъ въ мещизнѣ и очень часто дѣлятся; истительны, какъ до мнѣстеству земли, которую получа, бросаютъ пугу и ее не удобриваютъ; но хитятъ, чтобъ земля сама безъ всего имъ выгода приносила. Впрочемъ веселы, съ посторонними обходительны, на трубу ласка и собственная ихъ воля не столько ихъ къ послушанію приводитъ, какъ грѣхъ и страхъ.»

Уездъ Каширскій и тогда, какъ и нынѣ, былъ полу-промышленный.

«Половина почти уезда, особливо село Комра и Медвильниче-сапожники и башмачники; живутъ по большой воли въ Москвѣ по зимамъ а нынѣ и лѣтомъ; сей промыселъ хотя и даетъ имъ доставать деньги, но московская жизнь дѣлаетъ ихъ пьяными, мотами и наконецъ, ни къ паншѣ, ни къ сапожному рукоделью «неспособными» (стр. 70).

А мы еще недавно читали жалобы г. Вилковскаго на разбитыя крестьянъ Тверской-Губерніи, корень котораго авторъ приписываетъ, чему бы вы думали? 1812 году!!!. Вообще, вѣсть, которые жалуютъ о прежнихъ патриархальныхъ (?) семейныхъ отношеніяхъ крестьянъ съ помѣщиками, мы совѣтовали бы прочесть стр. 42, 43, 44 и 45 въ книгѣ: *Записки артиллеріи майора Мих. Вас. Данилова, написанныя имъ въ 1771 году. Издавъ: Павелъ Строевъ, Москва. 1842 г.*

Хотите знать состояніе хозяйства въ промышленныхъ губерніяхъ, прочтите въ XII части «Трудовъ Вольн. Экономич. Общества» (1769 г.) Отвѣты, о уездѣ города Володимера Все то же, что и нынѣ (*); большая разительность и трудолюбіе крестьянъ, въ сравненіи съ другими губерніями; тѣ же жалобы на малоземелье. (Стр. 112).

Хотите знать, какъ крестьяне рассуждали о барщинѣ въ прежнее время? прочтите въ «Трудахъ Вольн. Экономич. Общества», Т. XXIX (1775 г.), стр. 41. То же, что и нынѣ.

Теперь, съ сѣвера перенесемся на югъ, хоть въ Харьковскую-Губернію. Тамъ замѣчалось большее довольство; однакожъ, въ VIII части «Трудовъ Вольнаго Экономическаго Общества» (1768 г.)

(*). Замѣчательно, между прочимъ, что и тогда въ тѣхъ мѣстахъ крестьяне употребляли лучшія земледѣльческія орудія: косули и плуги. (Стр. 101).

питаемы между прочимъ слѣдующее: «Причины, для чего земледѣльцы не прилагаютъ къ размноженію равнаго рода хлѣба, никакой иной не предвидается, кромѣ того, что они не имѣютъ сносна, куда съѣсть съ прибылью отнѣскать, потому что въ близости «сихъ странъ никакого порта нѣтъ; и отъ сего то и происходитъ, что здѣшнее земледѣліе болѣе съ небреженіемъ и лѣнностію, нежели съ трудомъ и прилежаніемъ производится» (стр. 17).

И тогда, какъ и теперь, излишній хлѣбъ перекуривается на вино, и скотоводство составляло главный источникъ дохода для земледѣльцевъ; а тогда, какъ и теперь, падежъ болѣею частію случается на рогатый скотъ, и почти рѣдкій годъ во всей провинціи не бываетъ; только съ тою переменною, одно время въ томъ, а другое — въ другомъ мѣстѣ» (стр. 62).

Этихъ доводовъ кажется, достаточно для того, чтобы получить ясное понятіе о состояніи хозяйства за 80 лѣтъ. Мы разумѣемъ преимущественно хозяйство крестьянское; въ помѣщичьихъ имѣніяхъ безъ сомнѣнія, съ тѣхъ-поръ введены многія техническія улучшения, — но только техническія, и потому-то въ общемъ объемъ хозяйство не подвинулось впередъ, ибо все-таки существеннымъ останется хозяйство крестьянское. Но и въ отношеніи къ голосу помѣщичьимъ нельзя не замѣтить тѣхъ же жалобъ на устройство поземельнаго владѣнія, жалобъ весьма-основательныхъ, на тягость содержанія крестьянъ въ неурожайные годы, на измѣльченіе дворянскихъ достояній, на роскошь (*), и что всего замѣчательнѣе, на малоземелье! Въ чемъ думали найти якорь спасенія тогда, о томъ мы и теперь слышимъ безпрестанно (**). Даже о техническихъ

(*) Понятія наши о роскоши мы изложили выше; но и здѣсь не можемъ не привести слѣдующія строки, рисующія съ наивною простотою нравы и понятія среднимъ прошедшаго столѣтія: «Поправить крестьянъ и привести ихъ въ такое состояніе, чтобы они были полезны помѣщику и отечеству, необходимо надлежитъ оставить большую часть пировъ и другихъ развратительныхъ забавъ. Всегда въ удивленіе прихожу, смотря на неистовую пышность, что отъ 100 или 200 душъ, помѣщикъ, живучи въ деревнѣ и въ самую нужную работу, вѣзетъ пугонъ, съ двумя еще притомъ верховыми до дварахъ и банкетамъ. О вредная неутирѣнность! Ты истинно дочь безумія. • Труд. Воля. Эконом. Общества. Ч. VI (1767). Стр. 27.

(**) Въ VI томѣ Труд. Воля. Эконом. Общества, въ статьѣ: «Примѣчаніе о прежнему и нынѣшнему земледѣліи», изложены жалобы на то, что число крестьянъ-земледѣльцевъ уменьшается, что крестьяне стремятся въ города, «что такіе люди будучи изъ числа вѣкатныхъ крестьянъ, здоровые, молодые и почти молодые люди, не только для общества ничего не пашутъ, но и сами все покупнымъ хлѣбомъ отъ остающихся въ деревняхъ питаются, и къ видимому ущербу земледѣлія, съ года на годъ поднимаютъ хлѣбную дороговизну». Не то же ли мы слышимъ безпрестанно и нынѣ, — и не видимъ ли очень часто мѣры къ удержанію крестьянъ при землѣ, за сохою? Таковъ успѣхъ развитія у насъ экономическихъ понятій!

пріемахъ старики наши хлопотали такъ же, какъ мы, о хлѣбѣ въ
исландскаго мха и другихъ подобныхъ суррогатахъ, — о введеніи
картофеля, о уваживаніи полей, о травосѣяніи, о улучшеніи
льняной промышленности. Словомъ, хозяйство наше и тогда, какъ
и нынѣ, вращалось въ какомъ-то заколдованномъ кругу. Явленіе
это объясняется, и тогда, какъ и нынѣ, тѣмъ, что отношенія эко-
номическія остались тѣ же,—а въ нихъ-то и вся сила.

А. ЗАВЛОЦКІЙ.

Критика, съ своей стороны, обращала особенное вниманіе на Озерова. Нѣкоторые трагедіи его подробно разобраны Мерзляковымъ въ «Вѣстникѣ Европы». Г. Гречъ, въ «Обозрѣніи Русской Литтературы за 1815 и 1816 годы», написанномъ по порученію начальства Публичной Библиотеки, относится о трагедіяхъ Озерова слѣдующимъ-образомъ: «До Озерова Трагедіи наши были не иное что, какъ рабскія, одиночѣтныя копіи образцовъ иностранныхъ. Озеровъ далъ имъ краски. Онъ оживилъ ихъ истинною повѣю, которая, не довольствуясь вымысломъ и расположеніемъ прошествій и отдѣлкою слога, находитъ существо и превосходство свое въ красотахъ особеннаго рода (!?). Эдипъ, Фингалъ, Димитрій и Полуксена единственными въ своемъ родѣ, и донынѣ сочинителя ихъ не имѣетъ даже соперниковъ; сіи трагедіи останутся украшеніемъ русскаго театра. Умъ человѣческой усовершенствуется, познанія человѣчскія распространяются — возникаетъ, можетъ-быть, какъ у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ, собственная національная русская трагедія; но *тѣмъ*, водившій кистію Озерова, будетъ сіять въ потомствѣ, и поздніе питомцы трагическоіи музы съ восторгомъ и удивленіемъ будутъ взирать на великій образецъ свой». Предсказаніе, какъ всѣмъ извѣстно, не сбылось — потому, быть можетъ, что «нѣтъ пророковъ въ отечествѣ»; но сужденіе само-по-себѣ любопытно: оно есть образчикъ тогдашней критики, вужной для обозрѣній и состоявшей изъ общихъ мнѣній и предсказаній. Относительнолучшій разборъ Озерова написанъ кв. Вземскимъ: онъ прилагался къ прежнимъ изданіямъ его трагедій. Новый издатель поступилъ, по нашему мнѣнію, основательно, напечатавъ Озерова безъ приложевія критическихъ разборовъ, давно написанныхъ и хорошихъ только относительно. Право бесцѣннаго сопутствія тѣмъ или другимъ сочиненіямъ принадлежитъ критикѣ установившейся, снѣжден-

ной общими согласіемъ людей образованныхъ; но такіа критики являютъ въ эпоху всесторонняго изученія литтературы, котораго у насъ теперь нѣтъ.

Восторгъ современной публики, равно какъ и лестные отзывы литтераторовъ, очень-понятны. Трагедіи Озерова, сравнительно съ трагедіями ея предшественниковъ на сценѣ, безъ сомнѣнія, большой шагъ впередъ — по созданію характеровъ, и по сильному, звучному стилю. Онѣ увлекали зрителей чувствительностью, которая была отличительнымъ свойствомъ ихъ творчества и которую надѣлилъ онъ дѣйствующія лица своихъ драмъ. Невольный восторгъ, благодарный за доставленное наслажденіе, не расцетливъ въ своей благодарности: онъ безъ оковъ раздаетъ знаменитыя имена древнихъ и новыхъ временъ, мало думая о томъ, есть ли какое-нибудь сходство между Цицерономъ и Ломоносовымъ, Пиларомъ и Державинымъ, Гомеромъ и Херасковымъ, Эврипидомъ и Озеровымъ. Понятны также односторонніи критики, присоединившія свой голосъ къ общему отзыву публики: ихъ общій мнѣста, ихъ неумѣренное одобреніе произошло отъ-того, что прежняя критика разсматривала произведенія поэтическія отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ произведеній, иностранныхъ отечественныхъ. Каждый писатель заключался въ особенную, отъ литтературнаго міра огражденную сферу, которая какъ-будто не имѣла ничего общаго ни съ предъидущимъ, ни съ послѣдующимъ. Отъ этого, односторонней литтературной дѣятельности впадавъ въ забавныя *qui pro quo*. Красоты измышленныя, цѣлкомъ взятые тамъ-здѣсь, считались за оригинальныя; въ простомъ подражаніи видѣли прелесть; самоубытато таланта; чистый переводъ съ иностраннаго называли новостыи; первымъ явленіемъ чего-то великаго. Критикъ хвалилъ или осуждалъ одною, тогда-какъ слѣдовало бы хвалить или осудить другое, и имѣть въ виду и другое. Того, кто будитъ

Шекспирѣ по отдѣльнымъ мѣстамъ его пьесъ, Джонсонъ сравниваетъ съ схоластикомъ, который показывалъ одинъ камень, какъ образчикъ своего дома. Такъ и здѣсь, въ сужденіи о пьесахъ Озерова. Нельзя отдѣлять его отъ французскихъ трагиковъ, которыми онъ подражалъ; французскихъ трагиковъ нельзя отдѣлять отъ общаго, ложно-классическаго направленія французской трагедіи; а чтобъ опѣнить это направленіе, необходимо сравнить его съ древней драмой, съ трагедіями Эсхила, Софокла и Эврипида, отъ которыхъ оно беретъ свое начало. Тогда только будутъ вѣрны критическіе выводы, когда ясно обозначатся эти три отношенія, т. е. отношеніе русскаго трагика къ французскимъ, которымъ онъ подражалъ, отношеніе послѣднихъ ко всей системѣ французскихъ драмъ, и отношеніе французскихъ драмъ къ искусству древнему, въ трагедіи греческой.

Но послѣднее отношеніе уже опѣнено окончательно. Опѣнка показала высокое изящество греческихъ образцовъ и ложь подражанія французскаго. Говорить объ этомъ — значитъ повторять въ тысячный разъ всѣмъ-извѣстныя вещи объ истинномъ классицизмѣ и о псевдо-классицизмѣ. Поэтому, оставляя въ сторонѣ извѣстное, обозначить не столь еще ясное — рассмотримъ два первыхъ отношенія, необходимые для справедливаго сужденія объ Озеровѣ: отношеніе его къ образцамъ и отношеніе образцовъ къ той системѣ драматическаго искусства, въ которую они входятъ какъ въ свою родовую сферу.

Важнѣйшее произведеніе Озерова есть «Дни въ Аенхахъ»; но въ этомъ произведеніи онъ подражалъ французскому трагика Дюси, или, какъ называлъ его у насъ обыкновенно, Дюсису (Ducis). Покажемъ же отношеніе заимствованнаго къ оригиналу и отношеніе оригинала къ его общей сферѣ. Начнемъ со втораго.

Дюси хотя занимаетъ второстепенное мѣсто между французскими трагиками, но въ талантѣ его заключалось нѣчто оригинальное. Онъ умѣлъ поражать воображеніе и оставлялъ по себѣ долгое воспоминаніе. Одаренный сильною чувствительностью, онъ легко воспринималъ прекрасное. Короче: онъ былъ поэтъ. Отличительныя свойства его характера отразились, хотя не вполне, на его драматическихъ сочиненіяхъ. Онъ восхвалялъ удовольствія сельской жизни, живучи въ Версали, былъ религиозенъ въ эпоху общаго безвѣрія и не поддавался блистательнымъ предложеніямъ Наполеона — ясные признаки своенравной независимости, оригинальныхъ замашекъ посреди обычной жизни. Но такова сила укоренившихся идей, таково вліяніе издавна-принятыхъ формъ, что трудно отъ нихъ защититься человеку негениальному, — и Дюси, свободный въ жизни, покорился теоріи псевдоклассицизма, освященной временемъ. Вотъ что у него общаго со всѣми прочими французскими трагиками: онъ примыкаетъ къ нимъ родовыми чертами направленія. Но у него есть и свое, особенное, чѣмъ онъ отличается, какъ дѣлатель оригинальный, и что мы должны обозначить.

Сюжеты для своихъ трагедій Дюси заимствовалъ изъ Софокла и Шекспира; но эти трагедіи не воспроизводятъ ни плана, ни идеи образцовъ. Существенная ошибка его состоитъ въ томъ, что, вводя новое, онъ вводилъ его не вполне. Сохраняя нѣкоторыя мысли, нѣкоторыя черты лицъ, нѣкоторыя выраженія Софокла и Шекспира, онъ вставлялъ все это въ рамки французскаго воззрѣнія на драму. Произведеніе, съ одной стороны, отходило отъ чистыхъ образцовъ ложнаго классицизма, но, съ другой стороны, не давало ни Софокла, ни Шекспира. Странная смѣсь, насильственное сліяніе предметовъ, между которыми нѣтъ ничего общаго — ни въ происхожденіи, ни въ свойствахъ! Изъ разнородныхъ

красотъ не создается изящное цѣлое. Самое слово *передѣлка* противорѣчитъ мнимому понятію о художествѣ: художество требуетъ *созданій*, а не *передѣлокъ*, воспроизведенія образца, а не смѣси образцовъ разнокачественныхъ. Кромѣ этой капитальной погрѣшности, т. е. кромѣ системы ложнаго творчества, системы подражанія неполнаго, находятся у Дюси и другіе недостатки; не ищите въ его трагедіяхъ правительнаго хода, соразмѣрности частей, надлежащаго объема каждой части: и въ этомъ отношеніи не выдержатъ онѣ критики. Какъ Баратынскій, находившійся подъ всегдашнимъ вліяніемъ одной и той же мысли, вослихнулъ однажды:

Все мысль, да мысль! художникъ бѣдный слова!

и этимъ восклицаніемъ выразилъ чувство внутренней тяжести отъ умственнаго ига: такъ и Дюси, преслѣдуемый правилами творчества, навѣки сердился въ одномъ изъ своихъ посланій:

Все планъ, да планъ! неумолимое единство!
(Le plan, toujours le plan! l'inflexible unité!)

Онъ никогда не заботился о планѣ и никогда почти не хотѣлъ понять единства. Однакожъ, не смотря на плохую концепцію и плохую постройку, трагедіи его поражали публику красотой отдѣльныхъ частей: эффектами сценами, силою чувствительности, энергіей выраженія. Талантъ Дюси блистаетъ сквозь странный покровъ ложной системы творчества, неполнаго подражанія образцамъ. Видишь извращеніе Софокла и Шекспира, но видишь и красоты. Разрушая характеръ древнихъ, придавая ему черты несвойственные, Дюси въ то же время поражаетъ васъ драматическимъ эффектомъ. Вы говорите: «здѣсь нѣтъ Греціи, нѣтъ Шекспира»; но это негреческое и нешекспирское васъ тро-

гаетъ. Вы забываете вопросъ о современности искусства, увлеченные обаяніемъ поэзіи, которая выражаетъ мысль безъ примѣненія къ мѣсту и времени. Трагедіи Дюси можно сравнить съ проповѣдями какого-то французскаго духовнаго оратора, въ которыхъ было много ораторскаго движенія, но мало логики. Слушатели, проливая слезы, нерѣдко восклицали: «Богъ знаетъ, что онъ говоритъ!». Таковъ и Дюси: въ трагедіяхъ его нѣтъ большаго смысла, но есть патетическія мѣста—этимъ объясняется ихъ сильное вліяніе на публику. Что бралъ онъ у Шекспира и Софокла? Не пьесы, а образы отдѣльные, мысли, чувства, которыми вдохновлялся и которыми, вдохновенный, передавалъ искреннимъ языкомъ страсти. Душа нѣжная и благородная легко воспринимаетъ прекрасное: поэзія для нея то же, что свѣтъ органу зрѣнія. Страстное краснорѣчіе нѣкоторыхъ мѣстъ объясняетъ успѣхъ трагедій нѣжнаго и благороднаго Дюси: зрители, довольные частностями, не имѣли ни времени, ни охоты осуждать ложную постройку цѣлаго. Критика была снисходительна за поэтическіе проблески несовершеннаго творенія, — проблески, не всегда обыкновенные и въ твореніяхъ совершенныхъ. Вотъ въ чемъ особенность Дюси, его индивидуальное отличіе.

Объяснимъ сказанное примѣрами.

Въ пьесѣ: «Эдипъ у Агамета», Дюси соединилъ двѣ трагедіи, рѣшительно одна другой чуждыя. Легко понять, что вышло изъ подобной смѣси, какъ явнаго нарушенія основныхъ законовъ эстетикки: двойство дѣйствія, раздѣлъ интереса, безпорядокъ, отсутствіе связи въ сценахъ. Не много больше искусства и въ трагедіи «Эдипъ Коловскій», которая есть сокращеніе первой. Обѣ онѣ, изобилуя напыщенной декламацией, дѣтски рассчитывая на ввужденіе зрителямъ трагическаго ужаса, не представляютъ нисколько гевія греческихъ образцовъ, не передаютъ древняго духа, античной прелести. Но

въ этихъ же самыхъ трагедіяхъ, въ которыхъ строгая критика находить ошибку на ошибкахъ, благородно и трогательно изображены страданія Эдипа, раскаяніе Поллиника, преданность Антигоны. Последняя является у Дюси символомъ дѣтской любви. Она имѣла достаточно право сказать о ней устами Эдипа:

Oui, tu seras un jour, chez la race nouvelle,
De l'amour filial le plus parfait modèle;
Tant qu'il existera des pères malheureux,
Ton nom consolateur sera sacré pour eux,
Il peindra la vertu, la pitié douce et tendre;
Jamais sans tressaillir ils ne pourront t'entendre.

Прекрасные стихи, которые Озеровъ перевелъ сокращенно и слабо:

Любви къ родителю въ примѣръ потомству будь;
О имени твоёмъ повѣдаютъ народы,
И похвала твоя пройдетъ изъ рода въ роды.

Эдипъ у Дюси не сохраняетъ ненависти къ сыновьямъ, непреклонный, какъ судьба, надъ нимъ тяготящая: любовь къ сыну покоряетъ его сердце. Это движеніе чувства трогательно, хотя совершенно противно греческому образу; зато возвратъ къ нѣжности исполненъ поэзіи, хотя имъ разрушенъ смыслъ древняго преданія. Проклятіе высказано патетически:

Je rends grâce à ces mains, qui, dans mon désespoir,
M'ont d'avance affranchi de l'horreur de te voir.
Vers Thèbes, sur tes pas, ton camp se précipite:
J'attache à tes drapeaux l'éprouvante et la fuite.
Puissest tous ces sept chefs, qui t'ont juré leur foi,
Par un nouveau serment s'armer tous contre toi
Que la nature entière, à tes regards perfides,
S'éclaire, en palissant, du feu des Euménides!

Que ce sceptre sanglant, que ta main croit saisir,
Au moment de l'atteindre, échappe à ton désir!
Ton Étéocle et toi, privés de funérailles,
Puissez-vous tous les deux vous ouvrir les entrailles!
De tous les champs thébains, puisses-tu n'acquérir
Que l'espace, en tombant, que ton corps doit couvrir!
Et, pour comble d'horreur, couché sur la poussière,
Mourir, mais en sujet, et bravé par ton frère!

Замѣтимъ, что Озеровъ хорошо переложилъ эту тираду, не смотря на двусмыслие одного стиха:

Или, жестокий сынъ! усугубляй вины,
Будь истребителемъ отеческой страны,
Союзниковъ твоихъ веди противу брата,
Яви еще примѣръ неслыханна разврата.
Но тамъ, у Фивскихъ стѣнъ, не тронь тебѣ готовъ;

Доскица истышая тамъ ждетъ тебя боготъ.

Отъ Фивскихъ областей удѣлъ тебѣ сужденный,

Какъ безъ пристанища скитался въ жизни я,

По смерти будетъ такъ скитаться тѣнь твоя;

Безъ гроба будешь ты; тебя земля не приметъ,

Отъ нѣдръ отвергнетъ трупъ, и смрадъ его обмянетъ,

И призоветъ зѣрей, птицъ хищныхъ изъ лѣсовъ,

И подданныхъ твоихъ стрелюющихъ домы твои.

Иди, бѣги, спѣши на ново преступленье;

Всѣхъ васъ я чуждъ, мнѣ дочь семья и утѣшенье.

Потомъ, когда Поллиникъ удвоиваетъ раскаяніе, когда Антигона присоединяетъ свое моленіе къ моленіямъ брата — греческій фатализмъ уступаетъ мѣсто новымъ христіанскимъ понятіямъ, и слово прощенія исторгается у Эдипа:

Поллиникъ. Quoi! vous m'aimez encore!
Quoi déjà votre haine...

Эдипъ. Crois-tu qu' à pardonner un père ait tant de peine?...

Какъ жаль, что Оверовъ обошелъ этотъ поэтический стихъ, который приводилъ въ восторгъ французскую публику, исторгая у ней рукоплесканія и слезы. Конечно, въ этомъ прощениі мы не узнаемъ болѣе софоклова Эдипа; но стихи впечатлѣваются въ памяти.

Каковъ Дюси относительно Софокла, таковъ онъ относительно и Шекспира. Шекспира нѣтъ въ трагедіяхъ Дюси, но есть эффектные сцены, патетическія мѣста. Смѣшно сравнивать оригинальнаго Гамлета съ Гамлетомъ передѣланнымъ; однакожъ, мы помнимъ, какое впечатлѣніе производитъ, нѣкоторыми положеніями, отдѣльными стихами, этотъ поэтитель могилъ, у котораго яма отца начертана въ груди кровавыми буквами, и который въ мысли о смерти черпаетъ силу, нужную для борьбы съ жизнью. Мы помнимъ, когда онъ, возмущенный чувствами двойной любви, забываетъ на время данный обѣтъ ищениа, обнимаетъ мать и Оселію, говоря:

О мать! Оселія! меня вы побѣдили!
Хотя бы небеса огнемъ меня палили,
Я ищенья не свершу.

Въ это время является тѣнь отца. Волосы Гамлета становятся дыбомъ, руки простираются къ привидѣнію; мать, Оселія, мѣсто, гдѣ онъ заходитъ, чувство, которое онъ сію-минуту испытывалъ, мысль, передъ тѣмъ занимавшая умъ — все забыто: онъ говоритъ съ тѣнью, онъ клянется ей омытъ убійство въ крови убійцы. Когда же, съ отходомъ тѣни, отошло забытье и уяждошь волненіе, онъ, какъ-бы изумившись присутствію матери, спрашиваетъ ее грознымъ голосомъ: «Зачѣмъ ты здѣсь? — Кто видѣлъ Каратыгина въ этой сценѣ, тотъ ея не забудетъ».

Третій прихвѣръ беремъ изъ «Макбета». Дюси не понялъ величественнаго этой превосходной трагедіи. Онъ смягчилъ, облагородилъ, другимъ словами: — искавилъ суевѣріе тогдашняго времени, выбросилъ целую ориги-

нальной жизни и ужаса сцену вѣдьмъ, замѣнивъ ее разговоромъ свовиатѣиа. Кто узнаетъ здѣсь Шекспира? Но разговоръ хорошъ:

Existez-vous, leur dis-je,
Ou bien ne m'offrez-vous qu'un effrayant
prestige?
Par des mots inconnus ces êtres monstrueux
S'appelaient tour à tour, s'applaudissaient
entre eux,
S'approchaient, me montraient avec un
ris farouche,
Leur doigt mystérieux se posait sur leur
bouche, и проч.

Энергически переданъ ужасъ Макбета, которому видится тѣнь Дункана; много драматическаго въ сценѣ сонambulизма, блестящіе стихи разсыпаны тамъ и здѣсь; но цѣлое разрушено. Шекспиръ прошелъ черезъ мастерскую греческаго классицизма и французскаго псевдо-классицизма...

Обращаюся къ нашему трагiku. Авторъ статьи: «О жизни и сочиненіяхъ Оверова», говоритъ, что «Оверовъ, какъ благоразумный художникъ, воспиталъ свое дарованіе въ греческой школѣ, и что онъ въ составленіи своей трагедіи: Эдипъ въ Афинахъ, отступалъ и отъ Софокла и отъ подражателей его, иногда съ успѣхомъ, иногда и нѣтъ». Странно слышать такое мнѣніе отъ провнцательнаго и просвѣщеннаго критика, показавшаго въ разборѣ Фонъ-Визина образецъ вѣрнаго взгляда и отчетливости. Что Оверовъ воспиталъ свое дарованіе въ греческой школѣ — это дѣло возможное; но чтобы онъ, при такомъ воспитаніи, позволялъ себѣ отступать отъ Софокла и отступалъ иногда съ успѣхомъ — это рѣшительно невозможно. Мы знаемъ, что французскіе курсы литературы смотрѣли на трагедію греческую какъ на зачатки драматическаго искусства: они думали, что трагедія, постепенно совершенствуясь, достигла въ произведеніяхъ Корнеля, Расина и Вольтера своего *ac plus ultra*. Но это мнѣніе

теперь брошено, какъ ложное: въ немъ нѣтъ и капли здраваго понятія о древней поэзіи. Трагедія греческая есть особый, дѣльный художественный міръ. Эсхилъ, Софоклъ и Эврипидъ начали ее и кончили. Пьесы трехъ греческихъ трагиковъ представляютъ не первоначальные опыты, а вполне изысканныя произведенія. Передѣлывать ихъ, отступая отъ нихъ вѣльзья: ихъ надобно воспроизводить въ поэтическомъ переводѣ. Достойное имъ подражаніе будетъ новымъ твореніемъ въ греческомъ духѣ, и творецъ будетъ новымъ Эсхиломъ, новымъ Софокломъ, или новымъ Эврипидомъ. Поэтому, существенная ошибка трагедіи Дюси, равно какъ и Озерова, есть *сама трагедія*. Она искажила высочайшій греческій образецъ во всѣхъ отношеніяхъ—относительно идеи, относительно расположенія, относительно характеровъ. Исканіе въ поэзіи имѣетъ особенный смыслъ, болѣе-строгое значеніе: здѣсь вѣльзья оправдаться сохраненіемъ нѣкоторыхъ сценъ, монологовъ, словъ. Для изящнаго нужно цѣлое, и тамъ нѣтъ уже поэтической истины, гдѣ есть нагнѣнная ложь.

Начнемъ съ идеи, которая преимущественно выражается главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. На всей трагедіи Софокла лежитъ глубокая печать религиозныхъ вѣрованій. Основую служить предсказаніе оракула, возвысившаго близкую смерть Эдипа, мѣгилл котораго останется залогомъ побѣды для той страны, гдѣ она будетъ находиться. Долговременными, ужасными бѣдствіями старецъ искупилъ свои невольныя преступленія; разгнѣванные боги примирились съ нимъ и даруютъ ему мирную, славную смерть. Въ вѣстечій Колонѣ, посреди священнаго лѣса, гдѣ воздвигнутъ храмъ Эмевилъ, обрѣтеть онъ наконецъ вѣчное успокоеніе. Идея судьбы господствуетъ здѣсь, какъ и въ трагедіи «Царь Эдипъ», но уже очищенная вліаніемъ философскаго ученія. Эдипъ еще жертва, но онъ нравственно возвысился. Таинственное сѣвленіе вѣшнихъ

обстоятельствъ, неподчиняемыхъ людской воли, сдѣлало его преступникомъ противъ его желанія; отсутствіе внутренняго, свободнаго участія успокоило его совѣсть: онъ говоритъ о невольныхъ преступленіяхъ своихъ безъ смущенія; онъ знаетъ, что они дѣло боговъ. Нѣсколько разъ замѣчаетъ онъ, что вина человѣка — въ нагнѣреніи, что нѣтъ тамъ вины, гдѣ не было добровольнаго дѣйствія, а было только страдательное орудіе высшей власти. Такимъ-образомъ, греческій трагикъ различаетъ догматъ фатализма отъ догмата нравственности, проводитъ ясную черту между совѣстью, гдѣ царствуетъ свобода, и судьбой, которая состоитъ въ сѣвленіи вѣшнихъ событій, лежащихъ вѣ нашего дѣйствія и за предѣлами которыхъ свобода человѣческая можетъ оставаться неприкосновенною. Чтѣ сдѣлалъ Дюси и вгладъ за нимъ Озеровъ? Они созвлекли съ Эдипа таинственность, которая такъ идетъ къ нему, страдальцу, освященному грознымъ вниманіемъ боговъ. Преданіе о сверхъестественной его смерти измѣнили они по-свѣдому: у Дюси, Эдипъ умираетъ, пораженный громомъ, проговоривъ декламаторскимъ тономъ нѣсколько нравственныхъ сентенцій; у Озерова, онъ остается въ живыхъ, какъ-будто ему значить что-нибудь жизнь послѣ всего, извѣданнаго въ жизни. Примиреніе съ богами — вотъ что ему нужно. Озеровъ захотѣлъ наказать порокъ въ лицѣ Креона — и громъ поражаетъ у него порочнаго. Такимъ-образомъ, исчезло преданіе, эта пища народныхъ вѣрованій, и мы напрасно стали бы искать греческаго характера въ этихъ перемѣнахъ и отступленіяхъ, равнозначительныхъ искаженію.—Истужленіе Эдипа, когда онъ узнаетъ, что находится близъ храма Эмевилъ, неумѣстно, хотя и эффектно. Дюси ввелъ его, какъ общее мѣсто трагическаго ужаса, не принявъ въ соображеніе, что эта энергическая выходка портить сущность, характеръ трагедіи. Она неприятно прерываетъ раз-

и вънъ и външнихъ чувствъ между отцомъ и дочерью, къ которымъ призвано участие публики. Въ *Царь Эдипъ* она была бы очень-кстати, но въ *Эдипъ Колонскомъ* противорѣчитъ тому пьесы. Софоклъ понималъ, что, послѣ тягостныхъ страданій, Эдипъ утратилъ уже силу ложныхъ угрозеній, которыми терзали его въ первое время открывшихся невольныхъ преступленій. Въ успокоенной душѣ его сохранилось только чувство несчастія да сознание своей невинности — и это внутреннее состояніе Софоклъ изображалъ аллегорически, приводя царственного страдальца окончить послѣдніа минуты жизни въ святилищѣ фурій. Очень-хорошіе стихи въ сценѣ вступленія не извиняютъ вольности Дюси, ни подражанія, или, вѣрнѣе, перевода Озерова. Чтобъ смотрѣть снисходительно на подобныя вольности, чтобъ находить въ нихъ даже предметы для похвалъ, надобно совершенно отделиться отъ древней жизни и древняго искусства, надобно продать забвенію понятіе объ истинной красотѣ художественныхъ твореній — дѣло прежде легкое, теперь невозможное.

Расположеніе трагедіи, ходъ дѣйствія также измѣненъ. У Софокла, трогательныя, поэтическия сцены происходятъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, куда пришелъ Эдипъ и откуда онъ не хочетъ выйти. Эта неподвижность внѣшняго положенія сообщаетъ своего рода прелесть, особенную простоту величественной судьбѣ старца, твердаго въ несчастіи, ожесточеннаго въ гнѣвѣ и ненависти. Французскій трагикъ, опасаясь монотоніи, не сохранилъ строгаго единства мѣста: онъ мѣняетъ сцену дѣйствія, равно какъ и Озеровъ. Да и самое мѣсто обрисовано не такъ. Въ пьесѣ Софокла, оно, своею красотою, разительно противопоставляется неспѣшлимому страданію старца. Онъ слушаетъ рассказъ дочери о тѣхъ и прохладныхъ рощахъ, гдѣ раздаются мелодическое пѣніе птицъ, — и вдругъ узнаетъ, что они близъ храма, посвященнаго фуріямъ. Озеровъ, напро-

тивъ, на вопросъ Эдипа: «гдѣ вы?», заставляетъ говорить Антигону: «въ долигѣ мѣ. оврестъ аустылыми выдн», — заставляетъ потому — что у Дюси, во второмъ дѣйствіи его Эдипа, le théâtre représente un désert épouvantable, и Полиникъ восклицаетъ: «quel désert affreux! des antres, des rochers, des cyprès tenebreux!». Оба новые трагика, неавѣство почему (вѣроятно, для внушенія трагическаго ужаса), стали въ явное протворѣчіе съ блестятельнымъ хоромъ колонскихъ старцевъ, которые называютъ Колонъ *сладчайшимъ мѣстомъ* Аттики. — Софоклъ искусно и прямо входитъ въ избранный сюжетъ. Онъ безъ подготовленій, непосредственно знакомитъ зрителей съ дѣйствующими лицами и съ содержаніемъ трагедіи. Мѣсто дѣйствія, событія предшествующія, событія послѣдующія — все излагается само собою, безъ помощи автора: дѣйствіе завязано съ перваго явленія, интересъ возбужденъ немедленно. У Дюсиа и Озерова, Эдипъ является во второмъ дѣйствіи, съ котораго должно бы начать трагедію: первое посвящено такъ называемому *изложению*, въ которомъ зритель знакомится съ предшествующими обстоятельствами и дѣйствующими лицами не черезъ самыя обстоятельства и лица, а посредственно, помощію длинныхъ разсказовъ — знакомство эпическое, охлаждающее драму, которая представляетъ событіе въ дѣйствіи. Замѣтимъ, что хоры, введенные Озеровыми, вѣроятно, по прикѣру французской оперы «Эдипъ изъ Колонскомъ Предиѣстін», улачиво украшаютъ представленіе: судьба Эдипа, по-преимуществу трагическая, въ древнемъ смыслѣ этого слова, требуетъ непремѣнно условій древней драмы, а въ числѣ этихъ условій хоръ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Онъ особенно приличенъ тамъ, гдѣ Эдипъ отрывается жителемъ Колона. У Софокла, Эдипъ надлитъ провозвѣщеніемъ своего страшнаго имени, и кажмый его отвѣтъ, постепенно притетовляя къ тому слушателю, прерывается во-

сликцианемъ хора, котораго пѣснь влетѣтъ *crescendo*, и который приказываетъ опасному гостю удалиться. Тогда, посреди тревожной пѣсни утраченного хора, раздаются жалобный голосъ Антигоны, возбуждающій состраданіе. — У Дюси, между дѣйствующими лицами, нѣтъ Креона. Озеровъ ввелъ его и, въ этомъ отношеніи, ближе къ греческому образцу. А то поэтическое описаніе фурій, которое у Озерова произноситъ Креонъ, Дюси вложилъ въ уста Тезею. Стихи французскаго подлинника сильнѣе. Вотъ, для сличенія, тѣ и другіе:

Tisiphone, sortant de l'inferral séjour,
Vint répondre elle-même, et fit pâlir le jour.
A son aspect affreux les autels s'ébranlèrent,
D'une sueur de sang les marbres dégouttèrent.
Notre encens s'éteignit, on n'osa plus monter.
Une sourde fureur semblait la tourmenter,
Mais à peine au dehors elle le laisse se repandre,
Qu'on vit tous ses serpens se dresser pour l'entendre.

Съ явленіемъ ихъ во храмъ, возженный
огнь погасъ,
Средь дня настала ночь, разнесся запахъ
сѣрный,
И оживились богинь кумиры черны.
На нихъ власы изъ змѣй возстали и
взвилась,
Изъ факелъ ихъ огни къ намъ искрами
лглись,
Свѣтъ пламенниковъ тотъ боролся съ
мракомъ ночи;
Потомъ богиняйтъ вслѣдъ узрѣли наши
очи
Изъ адепихъ спутниковъ: и страхъ, и
мечь, и смерть,
Грозящую на насъ свою косу простерты!

У Софокла, Тезею выходитъ послѣ многой уже явленій, когда вступничество царя сдѣлалось необходимо. Дюси и Озеровъ вывели его съ самаго начала трагедіи для того только, чтобъ выслушать расказъ о завязкѣ

дѣйствія. Оба новые трагика создали первосвященника: нѣтъ хотѣлось позавать внутренность храма и поразить — одному Креона, другому Эдипа — передъ лицомъ богинь — истинельницъ. Но на тотъ, ни другой не позаботились сохранить Исмены, второй дочери Эдипа, которая нужна и для полноты вложенія, для передачи того, что происходитъ въ Фивахъ, и для свиданія съ отцомъ послѣ долгой разлуки — свиданія сладостнаго и виѣстѣ горестнаго. Французскіе трагики думали видѣть въ ней второй экземпляръ Антигоны. Мнѣніе несправедливое: у Софокла нѣтъ тождественныхъ лицъ; между сходными, по-видимому, характерами, онъ проводитъ ясныя черты отличія, нѣжные, но тѣмъ не менѣе замѣтные отгѣнки. Развѣ добродѣтель Антигоны унижается присутствіемъ сестры? Развѣ судьба Эдипа становится менѣе-жалкою? Не смотря на приращеніе утѣшенія, на соревнованіе вѣжности, на это составаніе дѣтской любви, Эдипъ все остается идеаломъ несчастія, Антигона — образцомъ самоотверженія. Озеровъ переимѣнилъ и названіе трагедіи. Изъ Колона привелъ онъ Эдипа, въ четвертомъ дѣйствіи, въ Афинны, чтобъ показать царскіе чертоги Тезея, которые у Дюси показываются въ первомъ. Полчища новыхъ трагиковъ, прощенный отцомъ, остаются до конца пьесы, у одного, какъ свидѣтель смерти отца, у другаго, какъ свидѣтель наказанія порочнаго Креона и торжества добродѣтельнаго Эдипа. Въ трагедіи Софокла онъ уходитъ, или, вѣрнѣе, увлекается судьбою на гибель: чувство мщевія, вражда съ братомъ побуждаетъ въ немъ всѣ прочія чувства. Послѣ таинственной смерти Эдипа, греческій трагикъ не вдругъ оканчиваетъ пьесу: онъ не вытѣлъ въ виду рѣзкихъ, эффектныхъ заключеній. Пьеса продолжается лирическимъ выраженіемъ горести, отчаянія Исмены и Антигоны. Когда же утѣшительный голосъ Тезея успокоилъ ихъ — они отправляются въ Фивы, гдѣ ожидаетъ ихъ новая обязанность — обязанность

примирить братьевъ или пострадать вмѣстѣ съ ними.

Остается рассмотреть характеры. Главный изъ нихъ — характеръ Эдипа — обозначенъ нами выше: мы показали, какъ невыгодно уклонились отъ него, какъ вскакили его Дюси и Озеровъ. Вотъ еще прицѣръ подобнаго уклоненія. У Софокла, Эдипъ непреклоненъ къ мольбамъ сына: напрасно Полиникъ проситъ его о прощеніи, напрасно Антигона подкрѣпляетъ брата своими просьбами: Эдипъ не хочетъ даже отвѣчать, ибо голосъ отца, какъ святыня, потерлъ бы свое высокое значеніе, вступивъ въ сообщеніе съ неблагодарнымъ сыномъ. Потому Эдипъ разрѣшаетъ свое молчаніе, но для того, чтобъ въречь проклятіе: непреклонность отцовскаго мщенія господствуетъ надъ всѣми предстоящими — надъ Тезеемъ, надъ Антигоной, надъ хоромъ. Никто не смѣетъ противорѣчить знаменитому страдалцу: въ его желѣзной волѣ олицетворяется сила судьбы, надъ нимъ тяготѣвшая. Новые трагикъ, подъ вліаніемъ христіанскихъ идей, намѣтили во многомъ чувства дѣйствующихъ лицъ, взятыхъ изъ греческой трагедіи. Прицѣры намѣненія видны у Расина («Июгенія въ Анжидѣ»), видны и у Дюси. Последний нарушилъ неумолимую твердость древняго царя. Его Эдипъ есть Эдипъ христіанскій, отецъ, какъ въ XVIII вѣкѣ любилъ выводить на сцену — чувствительный, готовый плакать и прощать. Въ трагедіи «Эдипъ у Адмета», разгнѣванный отецъ сдается на просьбы сына и произноситъ трогательные стихи:

Que le jour un moment rentre encor
dans mes yeux,
Pour embrasser mon fils à la clarté des
cieux!

Но эта прекрасная, въ христіанскомъ смыслѣ, черта находитъ себѣ противорѣчіе въ одной изъ слѣдующихъ сценъ. Эдипъ свидѣется съ Полиника

проклятіе, но боги не разрѣшаютъ его. Они отвѣчаютъ ему черезъ персонифицированную:

Ton père est aisé; les dieux ne le sont
pas.

Противорѣчіе необъяснимое, въ которомъ смѣшиваются двѣ разнородныя религіозныя системы! Если авторъ судитъ какъ христіанинъ, то онъ долженъ знать, что Богъ милосерденъ людямъ. Если жъ онъ становится на нравческую точку зрѣнія, то философы ему скажутъ, что небо всегда внимаеъ голосу отцовъ разгнѣванныхъ или прощающихъ, что высшее правосудіе утверждаетъ приговоръ родителя, какъ свой собственный приговоръ. Эдипъ Дюси не только чувствителенъ и манеръ XVIII-го вѣка: онъ еще вѣдущее на тотъ же манеръ. Проститъ Полиника, онъ декламируетъ ему нравственный урокъ; Озеровъ хорошо сдѣлалъ, опустивъ это наставленіе, но жаль, что онъ, вмѣстѣ съ нимъ, опустилъ и патетическій стихъ, который мы выписали выше:

Crois-tu, qu'à pardonner un père ait tant
de peine!...

Все же прочее въ сценѣ проклятія и прощенія есть чистый переводъ изъ Дюси. Древній Эдипъ не владетъ въ такіа отравляя противорѣчія: онъ вездѣ себѣ равенъ. Онъ не можетъ простить оскорбленіе, нанесенное ему сыномъ, потому что это оскорбленіе посягаетъ на неприкосновенность родительской власти. Здѣсь, для очищенія грѣха, нужна жертва, а не прощеніе. Въ христіанской религіи достаточно послѣднее, потому что оно, не наказанное въ земной жизни, пріиметъ достойное наказаніе въ будущей. Небесное правосудіе, въ своихъ неисчислимыхъ тайнахъ, медлитъ иногда расчесть, и если преступникъ ушелъ отъ гражданскаго закона, или развѣвалъ прощеніемъ обиженнаго, всѣирный порядокъ остается неизмѣннымъ: онъ

безпеченъ таинственнымъ обезпеченъ за предѣлами земнаго существованія. Но въ языческомъ мірѣ все должно совершаться на землѣ — казнь, и награда. Отсюда неотразимая мощь Немезиды, которая самовластно царствуетъ на землѣ, потому-что на только на землѣ и царствуетъ, потому-что право наказанія, предоставленное мечу ея, прекращается вмѣстѣ съ жизнью преступника.

• Антигона Озерова • говоритъ авторъ гатя о его жизни и сочиненіяхъ: « совершенная Антигона. Такова она у Софокла, такова и въ природѣ. » Мы однако не можемъ согласиться съ нимъ живнѣмъ. Еслибъ оно было и праведливо, то честь похвалы принадлежитъ не Озерову, а Дюси: первый только перевелъ изъ втораго всѣ сцены, въ которыхъ является дочь Лива; первое явленіе втораго акта — лучшее мѣсто нашей трагедіи, есть не то иное, какъ лучшее мѣсто французскаго образца, близкое и хорошее его предложеніе; да и слѣдующія за тѣмъ явленія, до конца пьесы, взяты у Дюси, съ тою разницею, что Озеровъ мертвилъ Креова и оставилъ въ живыхъ Эдипа. Поэтому слова критика должны относиться къ Дюси, который, однакожъ, не имѣетъ права приять ихъ на свой счетъ, потому что Антигона его хороша только въ такомъ случаѣ, когда мы забудемъ Антигону Озеровскую. Последняя начертана Софокломъ съ особеннымъ искусствомъ. Антигона—это дѣтская любовь, воплощенная въ прекрасномъ лицѣ юной дѣвы. Въ характерѣ ея чудное сочетаніе протости, простодушія и глубины: она говоритъ мало; одни слова притѣвля и самопожертвованія выхлѣбляются изъ устъ ея; зритель видитъ въ ея слабости женщины наряду съ познаниями мужества; въ ея преданности нѣтъ ничего восторженнаго, потому-что преданность ея долгъ; трагическая героиня, безъ украшеній и блеска, исполняющая великія роли, она продолжаетъ по сценѣ, ведя слѣзнаго отца и

показывая свое блѣдное, печальное лицо, на которомъ судьба положила рѣзкую печать. У Софокла, Антигона принимаетъ участіе въ драмѣ своею преданностью — глубокою, но скупую на слова. Она рассказываетъ отцу о мѣстѣ, куда онъ пришелъ по таинственному назначенію судьбы, о чужеземцахъ, которые проходятъ мимо нихъ или приходятъ къ нимъ, проситъ помилованія Полинику, успокаиваетъ нѣсколькими словами гнѣвъ старца и нетерпѣніе юноши, передъ смертію отца черпаетъ воду, чтобъ омыть его платье. Когда же Эдипъ исчезъ, зритель видитъ Антигону на колѣняхъ: склонивъ голову на грудь, она горестно оплакиваетъ того, кто вѣтъ богамъ вѣтъ міра. Послѣ этого, ей предстоитъ новыя, послѣднія обязанности — примиреніе братьевъ, и она идетъ въ Фивы, гдѣ ожидаютъ ее новыя бѣдствія. Только однажды это лицо, мало говорящее, но много дѣйствующее, возвышаетъ свой голосъ — когда Креонъ обвиняетъ ее въ нарушеніи своего повелѣнія, запрещавшаго погребать Полиника. Въ это время, она твердо вооружается противъ гражданскихъ постановленій, которыми нарушается вѣчный законъ любви, начертанный въ сердцахъ. Всего трогательнѣе, всего унизительнѣе въ Антигонѣ молчаніе, которое она хранитъ всякій разъ, какъ Эдипъ заводитъ рѣчь о своихъ несчастіяхъ. Антигона слушаетъ, но не отвѣчаетъ — и что сказать чистой, невинной дѣвѣ? Она — плодъ кровосмѣшенія; бѣдствія отца ея—рядъ нечестивыхъ дѣлъ; угѣшенія нельзя здѣсь отдѣлать отъ воспоминанія ужасной судьбы. И потому она молчитъ; но она дѣлаетъ больше словеснаго участія: она поддерживаетъ отца, окружаетъ его заботами любви, покровительствуетъ ему. У Озерова (т. е. у Дюси), Антигона, — если забыть греческій первообразъ, — хороша; но она уже сдѣлалась говорящею. Она разсуждаетъ о своемъ значеніи, какъ помощницы въ несчастіяхъ, указываетъ на свою необходимость для

отца (дѣйствіе 2, явл. 1). Конечно, это не самохвалство, но это и не молчаливое исполненіе добродѣтели, которое всегда такъ трогательно. Потому, она падаетъ въ сентенціи, подобныя слѣдующимъ:

Есть громы... но въ сей часъ на небѣ
тишина!
Есть боги... и земля злодѣямъ продана!
И стонутъ слабые у сильныхъ подъ
рукою.

(Дѣйст. 3, явл. 4.)

День радости есть мигъ, печали день
есть вѣкъ,
И умирающій, несчастный человекъ
Сей оставляетъ міръ, какъ путникъ
утомленный.

(Дѣйст. 4, явл. 1.)

Ужасна ты, о, смерти! коль узы разрываешь,
Когда чувствительность во хладность
премѣняешь,
И дружбу и любовь коль истребляешь
въ насъ.

(Ibid.)

О, добродѣтели! власть сильна и священна!
Гонима ль ты, въ самой себѣ ты утѣшенна,
И чистой совѣсти пріятный, тихій свѣтъ,
Черезъ беду горестей спокойно насъ
ведетъ...

(Дѣйст. 4, явл. 3.)

Монологъ, которымъ Антигона открываетъ четвертое дѣйствіе, довольно длиненъ, что вовсе не въ характерѣ греческой царевны. Эта страсть говорить есть слѣдствіе ложнаго направленія драмы, которая непремѣнно хотѣла ораторствовать. Описанія, разсужденія, нравственные сентенціи щедрою рукою разсыпаны у Сенеки, въ трагедіяхъ французскихъ, и во всѣхъ мнѣ подобныхъ.

Какъ Эсхилъ, въ Целзгѣ, представилъ героическій образъ Греціи, такъ Софоклъ въ Тезеѣ олицетворилъ Аенны. Эта роль особенно нравилась Аенлянамъ: они смотрѣли на нее, какъ на идеалъ великодушія, состраданія къ

несчастіямъ, презрѣнія опасностей соединеннаго съ какимъ-то самохвалствомъ. Не смотря на то, что Озеровъ заставляетъ аенскаго царя много разъ суждать, роль эта, по нашему мнѣнію ближе прочимъ къ греческому поллинику и лучше обдуманна, чѣмъ у Дюси который, гонимая за ужасныя заставилъ Тезея разсказывать Арасъ страшный сонъ, представлявшій его жизнь Эдипа.

По характеру Креона, котораго мы у Дюси, совершенно-искажемъ Озеровымъ. Креонъ—лицо оригинальное. Вѣрное орудіе постыднаго намеренія готовый употребить обманъ, насиліе, всѣ возможныя средства, чтобы достигнуть цѣли, высокоумный при слабыхъ, уклончивый, но не полый предъ сильнѣйшими, забывающій своего сана, умѣющій льстить и въ же время сохранять независимость, скрывающій свой страхъ подъ маскою угрозы, онъ обличаетъ большое мужество Софокла, который никогда не уклонялся отъ истины. Озеровъ далъ изъ него непонятнаго истиннаго Эдипу,—такого же врага ему, какъ былъ Поллиникъ въ-отношеніи къ ему. Онъ не только злодѣй, но и величающійся самимъ-собой. Это наше мнѣніе совпадаетъ съ мнѣніемъ автора статьи «о жизни и сочиненіи Озерова», и мы должны вынести отъзывъ о Креонѣ:

«Злодѣи, гордящіяся своими преступленіями и съ отвратительнымъ тщеславіемъ судящіе себя безпрестрашными, въ судіи посторонніе, не находятъ для прирощъ, ни въ произведеніяхъ художниковъ, ни въ произведеніяхъ поэтовъ, ей подражавшихъ; но раждающія въ насъ печности или безсилія трагиковъ, мы рые, не умія или не желая для труда живописать разительную и характерную кистію характеръ предполагаемый, представляютъ его называться истиннымъ искусствомъ требуетъ, чтобы онъ былъ зрительнымъ. Сей родъ искусства есть одинъ изъ главнѣйшихъ въ Русской Трагедіи и торжественней въ лирической Самозаманъ. До сей поры еще сохраняется въ нашемъ театру»

явленіи третьяго дѣйствія Эдипа, Греокъ съ излишнею искренностію сообщаетъ Нарцесу исповѣдь свою, хотя и съ сама постычскую, но приносящую бо-же чести стихотворцу, нежели трагику.

Остается характеръ Полиника, который, по словамъ той же статьи, «наертанъ мастерскою рукою». Изъ чего это видно? Изъ того, что въ самомъ раскаяніи прорываются движенія любви и ненависти къ брату, и крикъ въ Полиникѣ, «оплакивающемъ преступленія свои у ногъ отца и готовящаго жертвовать жизнью за него и сестру, угадываетъ еще мстительно и непримиримаго брата Этеоклова. Справедливо, но эту главную черту полиникова характера надлежало бы выдержать вполнѣ. У Софокла, Полиникъ неотразимо ступаетъ на путь, открываемый ему и проявляемъ отца и ненависти къ брату. Великій художникъ искусно сочеталъ въ немъ влеченіе судьбы съ собственной волей узлеаенаго. Полиникъ знаетъ, что его ждетъ въ Фивахъ, и однакожъ, спѣшитъ туда. Одна мысль уступить брату приводитъ его въ ужасъ. Онъ противится уговорамъ Антигоны, которая называетъ его не только своимъ братомъ, но и своимъ дитатемъ; не трогается вѣтхими ласками Исмены и уходитъ, благославляя сестеръ, унося съ собою проклятіе отцовское. Есть въ немъ какое-то чудное, нераздѣльное сіяніе несчастія и преступленія, яростной злобы и вѣжности, которыя особеннымъ образомъ волнуютъ сердце зрителя. Не знаешь, должно ли проклипать его съ Эдипомъ, жалѣть съ Тезеемъ, или любить съ Антигоной. У Дюси и Озерова, какъ мы видѣли, Полиникъ прощень Эдипомъ, вопреки древнему преданію и характеру главнаго дѣйствующаго лица. Онъ остается при отцѣ, чтобъ тамъ сожалѣть о его смерти, здѣсь радоваться сохраненію его жизни. Сверхъ-того, критикъ хвалитъ мастерство Озерова, тогда какъ это мастерство, еслибъ оно и было — принадлежить Дюси. Нашъ

трагикъ не создалъ, а перевелъ Полиника. Хорошій переводъ не есть еще творчество. Зачѣмъ же, въ похвалахъ своихъ, смѣшивать два разныхъ лица, ставить одного на мѣсто другаго? Пусть явится у насъ переводъ софоловыхъ трагедій: не-уже-ли переводчикъ раздѣлитъ съ авторомъ славу драматическаго писателя? Скорѣй онъ украситъ отъ присвоенія ему такой славы. Что касается до искусства, замѣшаннаго у Дюси... тутъ можно еще и не красить.

Разобравъ подробно Эдипа въ Афинахъ, сличивъ его съ французскимъ образцомъ, поставивъ то и другое передъ лицомъ греческаго подлинника, мы имѣемъ право сказать, что опредѣлили значеніе этой трагедіи. Озеровъ перевелъ Дюси; но мы показали родовое сходство и особенное (индивидуальное) отличіе послѣдняго: слѣдовательно, знаемъ и перваго. Отмѣны, которыя встрѣчаются у нашего трагика противъ французской пьесы, такъ незначительны, что нисколько не измѣняютъ общаго заключенія, кореннаго вывода. Что же собственно приваллежитъ Озерову? въ чемъ его личная заслуга? *Въ хорошихъ переводахъ трагедій Дюси.* Это значитъ и немного и много, — немного, если разумѣть подъ стихотворнымъ переводомъ устройство стиха; много, если смотрѣть на него, какъ на вѣрное выраженіе мыслей и чувствъ образца. Въ первомъ случаѣ, нужно быть только хорошимъ версификаторомъ; во второмъ, надобно стать наряду съ оригинальнымъ авторомъ, воспроизвести его, принявъ въ себя стихіи его таланта. Озеровъ исполнилъ оба дѣла. Онъ сдѣлалъ первое: стихи его сильны и звучны; что составляетъ важную заслугу. И теперь читая ихъ чувствуешь, какъ они были тогда прекрасны. Онъ сдѣлалъ и второе дѣло: воспроизвелъ Дюси. Французскій трагикъ, сказали мы выше, преимущественно поражалъ зрителей изображеніемъ черезъ ужасныхъ и чувствительныхъ. Озеровъ надѣленъ былъ

также сильною чувствительностью, и потому трогательныя изліянія любви, отцовской вѣрности, дѣтской преданности находили въ немъ не только глубокое сочувствіе, но и поэтическое выраженіе. Дюси и Озеровъ — таланты однокачественныя, хотя и не равныя: первый выше втораго. Но въ слѣдствіе этой однокачественности, переводъ вышелъ достоинъ подлинника.

Поликсена есть другая трагедія, взятая изъ греческаго міра. Авторъ статьи: «о сочиненіяхъ Озерова», находить ее «совершеннѣйшимъ произведеніемъ нашего трагика». По его мнѣнію, «Поликсена, не смотря на нѣкоторыя погрѣшности въ планѣ, полнѣе и совершеннѣе въ цѣломъ прежнихъ трагедій Озерова; характеры Пирра, Агамемнона, Гекубы, Поликсены выдержаны до конца». Съ одною частью этого мнѣнія можно согласиться, именно съ тою, что «Поликсена въ цѣломъ лучше прочихъ трагедій Озерова». Но, такъ-какъ здѣсь онъ уже не подражалъ Дюси, то и нѣтъ въ ней того, чѣмъ отличался Дюси, не смотря на второстепенный талантъ свой, — нѣтъ патетическихъ выходовъ, искусныхъ недостатки плана, отступленія отъ истины. «Поликсена» ровнѣе въ ходѣ, но за то и холоднѣе. Эдина въ Аеннахъ. Услѣхъ послѣдняго на театрѣ былъ несравненно-выше успѣха первой трагедіи. Что касается до характеровъ, то есть два рода ихъ выдержанности: одна — выдержанность долгаго представленія, другая — выдержанность представленія истиннаго. Я не могу восхищаться первою, когда нѣтъ передъ глазами вторую. Вѣрное изображеніе ложно-понятой, искаженной дѣйствительности мало утѣшаетъ меня. Какое мнѣ дѣло, если авторъ правъ передъ судомъ собственнаго возвращенія, если онъ до конца не извѣнилъ истиннѣе воображаемой? Понимаемые предметовъ, какъ они есть или были, такъ хорошо, что меня возмущаетъ преданность призраку, обаяніе джи.

Особенно жаль искажать изящнѣйшіе предметы древности — Поликсену и Кассандру.

Въ «Гекубѣ», трагедіи Эврипида, Поликсена есть по преимуществу тихое и скромное существо. Греки называли ее *рожденною для слезъ*. Она сохраняетъ свою стыдливость даже въ то время, когда стыдливость ни къ чему болѣе не служитъ. Падая полъ удромъ Пирра, она заботится о томъ, чтобъ упасть благопристойно, «скрыть отъ глазъ то, чего глаза не должны видѣть». Смерть дѣвы, по выраженію поэта, «заставила краснѣть боговъ и человѣковъ». Иогинія умоляетъ отца не приносить ее въ жертву, в это очень-естественно: ее жизнь исполнена радости въ настоящемъ, свѣтлыхъ надеждъ въ будущемъ. Поликсена принимаетъ смерть, потому-что смерть освобождаетъ ее отъ страданій, отъ рабства, можетъ-быть, отъ позора. Но въ самомъ ея мужествѣ передъ кончиною есть что-то нѣжно-дѣтственное; въ ея героизмѣ нераздѣльно соединены покорность, робость, стыдливость. — У Озерова, Поликсена «*въ отчаяніи застаетъ козъ, лежащихъ на жертвенникѣ*», восклицая: «Закланій вижу козъ». На вопросъ изумленнаго Пирра: «что дѣлаешь? она стончески отвѣчаетъ «*взирай какъ умирать умлю; сама ну на холмъ*», и потомъ, приближаясь къ холму, *приходитъ въ изступленіе!!!* Къ чему эта сцена наступленія, парадной смерти? Можетъ-быть, намъ трагикъ подражалъ Сенекѣ, у котораго Поликсена умираетъ не хуже Катона, бросаясь, какъ Фурія, на могильный холмъ Ахилла. — Сверхъ-того, въ греческой трагедіи, Поликсена занята только матерью и сестрою; нѣтъ ни малѣйшаго слова о любви другаго рода. Эта сосредоточенность чувства на одномъ предметѣ возвышаетъ чистоту скромной дѣвы. Поликсена Озерова, кромѣ ролевой преданности любви, питаетъ еще страсть къ умершему жениху своему, Ахиллу. Она вспоминаетъ тѣ дни, когда «любящая и страстно-любима, видѣла у сво-

къ ногъ необходимаго вождя. Та-
кимъ образомъ, древняя Гречанка пре-
образована въ чувствительную рома-
нтическую дѣвушку новыхъ временъ.
Только послѣдняя могла произнести
слѣдующіе стихи:

Кто болѣе меня любить его могла?
Кто болѣе меня поднесъ ему мила?

Даже, въ послѣднія минуты, при по-
ломъ собраніи Грековъ, она—чего бы
не позволила себѣ ни одна древняя
гречанка, тѣмъ болѣе скромная, стыд-
ливая Поликсена — подтверждаетъ
вою страсть:

О Греки! не стыжусь въ торжественный
сей часъ

О страсти сей вѣшать еще въ послѣдній
разъ:

Поднесъ дитя духъ, она дала мнѣ силы
Страхъ смерти побѣдить.

Подобные стихи тѣ же, что приосно-
бленіе неосторожныхъ рукъ къ прекра-
но-изваянной статуѣ: мраморъ теря-
тъ свою идеальную чистоту. Въ мирѣ
стетическомъ есть также поруганіе
евинности, своего рода растлѣніе...

Пирръ у нашего трагика одушевленъ
каждою мести, неустовой злобой. Въ
Поликсенѣ видитъ онъ личнаго врага.
Въ радостью изверга встрѣчаетъ онъ
жертву:

Дождался наконецъ твоей я казни дни!
Давно уже во мнѣ пылаетъ духъ же-
лаемъ

Насытитесь твоимъ предъ смертію стра-
даньемъ,

По хитрому челу простертый видѣть
хладъ,

И угасающимъ предельно-тѣмный тотъ
взглядъ,

Иль коего Ахиллъ любви испилъ отраву
И уловленный палъ къ убійцамъ въ
сѣть кроваву.

Въ этомъ смерти Поликсены утратила
она высоко-религіозный характеръ,
и гда-какъ Эврипидъ озаглавитъ темный

фонъ картины поэтическимъ свѣтомъ.
Дикое суевѣріе, принесеніе въ жертву
юной царевны смягчается у него гра-
ціозными картинками. Подлѣ благород-
наго мужества красоты стоитъ жалость
и смущеніе того, кто ее поражаетъ; съ
одной стороны, величественная скром-
ность падающей жертвы, съ другой,
уваженіе и восторгъ зрителей. Вокругъ
печальной сцены разлита какая-то яс-
ность. Это не убійство, не удовлетво-
реніе мщенія, а торжество скорби, празд-
никъ смерти. Поэтому Гекуба, выслу-
шавъ рассказъ Тальфибіа о жертво-
приношеніи, говорить: «О дочь моя! я
навсегда сохраню въ памяти и буду
оплакивать твой печальный жребій; но
твое благородное мужество смягчило
нѣсколько мое несчастье и горе». Ове-
ровъ, выведя Пирра и поставивъ его
въ раздоръ съ Агамемнономъ, подра-
жалъ Сенека или подражателямъ Сене-
ки, который заставилъ Пирра требо-
вать для отцовской могилы крови По-
ликсены, а царя Агамемнона проти-
виться принесенію такой варварской
жертвы. Контрастъ между пылкимъ
характеромъ юнаго ахиллова сына и
умѣренностью, хладнокровіемъ, свой-
ственнымъ предводителю царей, не
безъ достоинствъ. Расниъ замѣство-
валъ отсюда нѣчто для Ахилла и Ага-
мемнона («Феогенія въ Авлидѣ»), для
Ореста и Пирра («Андромаха»).

Улиссъ, какъ онъ изображается у
греческихъ трагиковъ, есть созданіе
оригинальное и трудное для воспріи-
мавленія. Въ немъ олицетворены гевій
политическій; преданность граждан-
ская. Онъ изобрѣтателенъ на пред-
пріятія, искусно заставляетъ другихъ
принять его мысль, неутомимъ въ
исполненіи мысли, терпѣливъ и ловокъ
въ достиженіи цѣли, готовъ, для об-
щественныхъ выгодъ, подвергаться
опасностямъ, сносить оскорбленія, не
вынимать крикамъ горести и отчаянія.
Онъ не чуждъ душевныхъ движеній,
но умѣетъ удерживать ихъ для обеспе-
ченія усльха своимъ намѣреніямъ. Онъ
на все можетъ рѣшиться, на все осмѣ-

даться... одного только онъ не смѣетъ: прервать прощаній Поликсены съ матерью. Лицо типическое, которое не возбуждаетъ особенной симпатіи нашей, но которое, однакожь, привлекаетъ къ себѣ вниманіе, какъ характеръ энергической, какъ умственная сила, поставленная въ отважную борьбу съ сильными препятствіями. У Озерова, Улиссъ сохранилъ только одно изъ второстепенныхъ, такъ-сказать, вѣтшихъ своихъ отличій: хитрое, плодовитое краснорѣчіе. Но плодовитость его рѣчей теряется въ монологахъ и разговорахъ другихъ дѣйствующихъ лицъ, которыя тоже не слыны на слова.

Роль Кассандры испорчена. Отъ подлинной Кассандры осталась только способность предвидѣть грядущія бѣды; но ея иступленное вдохновеніе, когда она, у Эврипида, выбѣгаетъ на сцену, держа въ рукахъ факелы и прославляя бракъ, соединяющій ее съ предводителемъ Грековъ, гибельный бракъ, отъ котораго возрадуются тѣны убитыхъ Троянъ,—или ея многозначительное молчаніе, съ которымъ она, у Эсхила, вступаетъ во дворецъ Агамемнона и вслѣдъ за молчаніемъ пророческое видѣніе прошлаго и будущаго, заключенное громовымъ предвѣстіемъ: «скоро вы увидите смерть царя!»... все это погубило. Всего хуже, что изъ вдохновенной пророчицы, которая внимала богамъ, ей подсказывающимъ, она перешла въ говорливую дѣву, которая хитро пользуется своимъ вліаніемъ на Агамемнона. Въ разговорѣ съ нимъ Пирра, послѣдній угрожаетъ отнять Кассандру:

Кассандру самую я изъ тебѣ объятій
Исхитилъ, извлеку на сей надгробный
холмъ,

а въ 3-мъ дѣйствіи Кассандра упрекаетъ Агамемнона:

Но вѣтъ, не любишь ты, и ясно вижу я,
Что ищешь обольстить лишь только ты
меня.

Но объятія Грека были именно то самое, что мы называемъ обольщеніемъ. Онъ не различалъ этихъ двухъ предметовъ. И въ словахъ Кассандры Озерова вѣтъ ни Греція вообще, ни Кассандры въ-особенности.

Можетъ-быть, замѣтятъ намъ, что мы судимъ строго, сличая Озерова съ первоначальными подлинниками. Но какъ же иначе? скажите. Если судить его относительно французскихъ образцовъ и предшествующихъ русскихъ трагиковъ, то и похвала должна бытъ относительная. При такомъ сужденіи нельзя же сказать, что Антигона Озерова есть совершенная Антигона, что характеръ Поликсены выдержанъ къ лицу, но позволено утверждать, что существуютъ равныя степени творчества, слѣдовательно, и равныя степени похвалы. На одной изъ нихъ, конечно, стоитъ и Озеровъ. О заслугахъ его относительно предвѣщающаго состоянія театра говорить нечего: онъ ясенъ. Удобная относительная критика, включающая автора въ тѣсный кругъ двухъ-трехъ писателей, мало служитъ раскрытію его значенія, къ общему трагедій. И Сумароковъ и Князевъ подражали; подражалъ и Озеровъ. Послѣдній много выше подражаній; но этихъ отзывомъ смыслъ качества подражанія не опредѣляется. Необходимо призвать на отвѣтъ ставку образцы: при такомъ толкованіи условіи возможно полное пониженіе литературной дѣятельности.

Трагедія «Фингалъ» представляетъ событіе изъ жизни народа, совершенно противоположнаго греческому. Здѣсь другія рѣчи, другіе нравы, другой эстетическій и нравственный міръ. Озеровъ, посвящая пьесу Оленину, говоритъ, что онъ нѣмъ въ ней описать Ахилла обѣранныхъ народовъ. И точно, богатыя краски представлялъ ему сумрачный северъ, воинственные сыны, которые бросаютъ въ костеръ столѣтніе дубы — тучи одѣваются варваромъ огнемъ.

Предметъ, по одной уже новости своей, долженъ былъ интересовать публику, приченную къ римскимъ и греческимъ героямъ. Содержаніе трагедіи было (съ измѣненіемъ, выгоднымъ для драмы) изъ третьей пѣсни поэмь «Фингалъ», написанной его сыномъ, Оссианомъ. Подлинное событіе исполнено суровой, величественной повѣи. Передадимъ его сокращенно.

Бардъ Карилъ славитъ храбрость и великодушіе Фингала, который, побѣдивъ Старна, царя долинскаго, не хотѣлъ удержать его плѣнникомъ, но даровалъ ему свободу:

«Сердце Старна исполнилось гордости и злобы; во глубинѣ души своей, онъ замыслилъ смерть юнаго побѣдителя: но никто, кромѣ Фингала, не могъ укротить могущественнаго Старна.

«Старно, воротясь въ лѣса долинскіе, вступилъ въ залу, назначенную для пиршества. Онъ призываетъ Сивана, бѣломаскаго старца. Старикъ! сказалъ ему Старно, иди на скалы арвенскія, окруженныя моремъ. Скажи Фингалу, царю пустыни, прекраснѣйшему изъ воиновъ, что я отдаю за него мою дочь, прекраснѣйшую изъ дѣвъ. Бѣлзна лица ея затмеваетъ блескъ снѣга; ея перси нѣжнѣе пѣны волтъ; ея душа чиста и благородна. Пускай, въ сопровожденіи знаменнѣйшихъ воеводъ, придетъ онъ соединиться съ моею дочерью, владѣянною въ рѣдкѣннѣйшихъ чертогахъ.

«Сиванъ достигъ горъ Альбіона. Фингалъ отправляется съ нимъ; его сердце, упоенное любовью, опережаетъ бѣгъ кораблей по сѣвернымъ волнамъ.

«Благословляю приходъ твой, сказала ему мрачный Старно: благословляю твой приходъ, владыка морвенскихъ скалъ; привѣтъ вамъ, герои-спутники его въ битвахъ! Чуда пустыннаго острова, три дня вы будете праздновать въ моемъ дворцѣ; три цѣлые дня вы будете охотиться за вепрями моихъ лѣсовъ, чтобы лова подвиговъ вашихъ проникла въ тайное убжище, гдѣ живетъ прекрасная Агандекка.

Т. II, — Отд. V.

«Царь снѣговъ замыслилъ смерть герою, предлагая имъ дружескій пиръ. Фингалъ, не дожидая мрачному лицу врага своего, явился на пиршество вооруженный. Устрашенные убійцы не могли вынести взглядовъ героя и бѣжали отъ лица его. Но вотъ раздался кликъ веселья; звучныя арфы дрожатъ подъ перстами бардовъ, которые восхваляютъ то славу битвъ, то красоту дѣвъ. Тамъ раздавался и голосъ Уландна, фингалова барда, мелодическаго пѣвца холмовъ Коны; онъ пѣлъ красоту дочери Старна и славу героевъ морвенскихъ. Прекрасная Агандекка услышала его пѣсни; она вышла изъ уединеннаго убжища, гдѣ тайно вздыхала, и явилась блестящая небесною красотою, какъ луна на краю восточнаго облака; шумъ ея легкихъ шаговъ услаждаетъ слухъ, какъ божественная гармонія. Она видитъ, она любитъ юнаго героя. Ея сердце трепещетъ желаніями, которыя побѣждаетъ стыдливость. Голубыя глаза ея ищутъ героя и вѣжно на немъ покоятся; душа ея творитъ пламенные молитвы о счастьи царя морвенскаго.

«Третій день проснулся ярко надъ лѣсами вепрей. Старно, скрывая вѣроломство, отправляется на охоту, и съ нимъ Фингалъ. Уже прошла половина дня, и копье Фингала покрыто кровью дикихъ обитателей гормальскаго лѣса. Тогда-то отыскала его дочь Старна. Ея прекрасные глаза наполнены слезами; съ отчаяньемъ любви она говоритъ ему:

«Фингалъ, отразь знаменитаго поколѣнія, не вѣрайся гордому сердцу Старна; въ этомъ лѣсу скрываются убійцы. Берегись мрачныхъ вертеповъ, гдѣ ждетъ тебя смерть; но скажись надо мной, юный чужеземецъ; скажись надъ Агандеккой. «Царь Морвена, спаси меня отъ ярости моего отца.»

«Юный герой, безъ страха и смущенія, спѣшитъ впередъ, сопровождаемый вѣрными друзьями. Презрѣнные убійцы падаютъ подъ ихъ ударами, и гормальскій лѣсъ вторитъ крикамъ мщенія.

Охотники собрались передъ дворцомъ Старна. Пылающіе глаза его дико вращаются подъ густымъ навѣсомъ бровей.— Приведите сюда, кричалъ онъ, приведите сюда мою дочь прекрасному царю Мор-

вена. Ея вѣжныя рѣчи были не напрасны: благодаря ей, рука Фингала оросилась кровью своихъ подданныхъ.

«Она пришла; ея глаза омочены слезами; черныя волосы рассыпались по плечамъ; обнаженная грудь, восхитительной бѣлизны, вздымалась отъ вздоховъ. Старикъ поражаетъ ее мечомъ, и она падаетъ, какъ чистый снѣгъ со скалы романской посреди тишины зимняго дня.

«Отчаянный Фингалъ сзываетъ своихъ воиновъ, и оружья зазвучали погребальнымъ звономъ. Началась ужасная битва. Локляницы поражены или обращаются въ бѣгство. Фингалъ уноситъ съ собою на корабль бездыханное тѣло прекрасной Агандекки. Ея могила возвышается на утесѣ арвенскомъ, и море вокругъ ся рочечеть.»

У Озерова другая причина нести. Фингалъ убилъ Тоскара, старнова сына, и огорченный отецъ хочетъ смертн убійцы успокоить тѣмъ убитаго. Моина, невѣста Фингала, узнавъ грозящую ему опасность, избавляетъ жениха своего отъ смерти. Старикъ убиваетъ ее, раздраженный неуспѣхомъ. Изъ этого видно, что положеніе Старна истинно-трагическое; онъ самое интересное лицо пьесы, по своей преданности одной мысли, одному желанію, которому онъ приноситъ въ жертву другое желаніе—видѣть дочь свою счастливой. Жалко, однакожь, что онъ утратилъ свою оригинальную суровость и неподатливость. Поема приписываетъ ему характеръ дикій и свирѣпый, отъ-чего онъ, при всемъ превосходствѣ врага, не хотѣлъ покориться, и если прибѣгалъ къ хитрости, то недолго могъ ее выдерживать: вѣрство брало перевѣсъ надъ скрытностью. У Озерова Старикъ сдѣлался хитрѣе, осторожнѣе въ своихъ планахъ; онъ далъ ему много скрытной злобы, а не той, которая съ большимъ трудомъ выдерживаетъ свои тайныя планы; однакожь, онъ все-таки наилучшее лицо. Фингалъ и Моина вовсе удалились отъ подлинника. Первый захватилъ

много вѣжливаго рыцарства, послѣдн много вѣжливой мечтательности, романическихъ чувствъ. Оба они дѣйствующія лица не третьяго вѣка, а современныя Озерову или, по-крайней-мѣрѣ, очень къ нему близкія. Ахиллъ съ верныхъ народовъ выражаетъ любовь свою, какъ Дмитрій Донской, или лучше сказать, какъ сталъ бы выражать ее самъ Озеровъ, подъ вліяніемъ христіанскихъ идей и романической настроенности. Моина, въ томъ же отношеніи, похожа на Поликсену и на Ксению: онѣ произведеніе одного и того же взгляда на любовь, на женщину—можетъ-быть, на ту женщину, которая была любима авторомъ.

Что касается до выраженія трагедій, то она, съ одной стороны, вышше всѣхъ прочихъ трагедій Озерова, а другой—представляетъ важный недостатокъ. Она выще потому, что стихъ ея чище, музыкальнѣе, отличнѣе другой: авторъ очень-удачно ввелъ пѣсни баяровъ, исполненныя столько же величественныхъ, сколько и мрачныхъ картинъ природы; разговоръ лицъ такъ расцвѣченъ красками оссіановой поэзіи. Для примѣра выпишемъ нѣсколько мѣстъ:

Встаетъ Морвена вождь, Фингалъ,
Оружье грозное приалъ;
Стрѣла въ колчанѣ роковая,
На груди дьяна сталъ видна,
Кошье, какъ сосна вѣковая,
И шить, какъ полная луна,
Возсѣвшая надъ океаномъ,
И вса подернута туманомъ.

Повѣрь, Моина здѣсь не мѣсто Финга.
Терзалась мыслию, разлукою страдала
Какъ часто съ береговъ мнѣ съ вѣдомъ
какъ горъ,
Я въ море синее мой простирала-алер
Тамъ, каждый валъ въ дали мнѣ и
мою своею
Казался парусомъ, надеждою моею!
Но тѣжко опустился къ глубокому небу
По сердцу разливалъ мнѣ пречудн
тоску.

Какъ часто въ темну ночь, печальна и
уныла,
Обмывавъ себя я къ морю приходила;
Внимая шуму волвъ, бьющихся о брега,
Мечтала слышать въ немъ твой быстрый
въ морѣ бѣгъ.

Что бы руки моея исчезла дивна сила,
Котора страхъ врагамъ въ сраженьяхъ
наносила,
И твердость, мужество Фингаловой души,
Какъ былѣе долить, во щептѣ засуши,
Чтобъ бесполезный царь, противъ любви
безчестенъ,
Влачилъ я иррачу жизнь, и умеръ безъ
извѣстенъ;
Чтобъ въ пѣсняхъ Бардога я въ потом-
ствѣ не гремѣлъ,
Въ дому моихъ отцовъ чтобъ щитъ мой
не висѣлъ,
И мечъ, мой тщетный мечъ, притуплен-
ный и ржавый,
Былъ въ добри выброшенъ, какъ мечъ
Царей безъ славы.

Мнѣ бракъ предложомъ былъ, но смерть
твоя желаньемъ;
Дарить тебя хотѣлъ не дочерью... стра-
даньемъ.
Не храмъ, готовилъ гробъ; не брачныхъ
свѣтъ огней,
Но блескъ, но грозный блескъ убійствен-
ныхъ мечей.
Хотѣлъ, чтобы погибъ ты смертію без-
честной,
И не моею рукою, рукою неизвѣстной;
Что бы къ страданію по смерти ты воз-
легъ
На тучи хладныя, носящи градъ и снѣгъ;
Хотѣлъ, чтобъ ты вкусилъ въ тѣ смерт-
ныя минуты,
Всѣ долговременны мои мученья люты.
Олень, Судьба и дочь, мнѣ извѣстны
все;
Не замѣнить тебѣ теперь отчаянье мое.

Недостатокъ же выраженія состоитъ
въ томъ, что, изъ подражанія класси-
камъ, дѣйствующія лица говорятъ
лишними тирадами, что совершенно-
противоположно рѣчамъ оссіановыхъ
пѣсней, которыхъ отличительныя свой-

ства — краткость, быстрота, сила, на-
образительность. Пята дань утвер-
жденнымъ обычаемъ, Озеровъ далъ
Монѣ наперсницу, какъ и Старну на-
персника. Зачѣмъ же одинъ Фингалъ
лишенъ подобной чести?

Огечественная исторія дала Озеро-
ву сюжеты для двухъ трагедій. Пер-
вая: *Ярополкъ и Олегъ*, въ пяти дѣй-
ствіяхъ, представлена въ первый разъ
въ 1798 году. Это — первое произве-
деніе нашего трагика, слабое во всѣхъ
отношеніяхъ, почему критика можетъ
пройти его молчаніемъ. Не знаемъ,
по какой причинѣ, въ новомъ изданіи,
назначено ей послѣднее мѣсто, тогда-
какъ, слѣдуя хронологическому поряд-
ку, единственно нужному при изданіи
авторовъ, она должна была бы пред-
шествовать всѣмъ прочимъ. Другая
трагедія: *Димитрій Донской*, въ пя-
ти дѣйствіяхъ, представленная въ 1807
году, имѣла огромный успѣхъ, какъ
при первомъ представленіи, такъ и въ
послѣдствіи. Успѣхъ этотъ объясняет-
ся многими причинами: тогдашними
политическими отношеніями Россіи
къ Наполеону, благороднымъ выраже-
ніемъ патріотическихъ чувствъ, пре-
краснымъ по тому времени стихомъ и,
наконецъ, прекрасной игрой Семено-
вой, которая, въ роли Ксеніи, дѣлила,
вмѣстѣ съ авторомъ, «невольную дань
народныхъ слезъ и рукоплесканій».
Если же разсматривать «Димитрія
Донскаго» съ эстетической точки зрѣ-
нія, забывъ прочія, лежація внѣ ис-
кусства, отношенія, то справедливость
требуетъ замѣтить, что эта пьеса при-
надлежитъ къ роду ложныхъ трагедій,
и что другія пьесы Озерова (за исклю-
ченіемъ «Ярополка и Олега») много
выше ея, хотя и онѣ также не воспро-
изводятъ взятыхъ ими предметовъ въ
надлежащей истинѣ. Мы не можемъ
согласиться съ тѣмъ мнѣніемъ, что
«трагикъ, представившій намъ тирана
благодѣтелемъ своихъ подданныхъ,
или друга свободы работъ пресмы-
кающимся, равно виновенъ передъ исто-
рією и передъ трагедією». Передъ исто-

ршей — такъ, а передъ трагедіей насколько, если онъ сохранилъ истинную поэтическую, т. е. если вымысль его не выходитъ изъ предѣловъ возможнаго и вездѣ себя равняетъ. Но дѣло въ томъ, что намъ, при настоящемъ взглядѣ на поэзію, можетъ нравиться только воспроизведеніе *дійствительной жизни*, которая до того хороша, что поэту, каковъ бы онъ ни былъ, нѣтъ средства выдумать лучшей. Для Озерова, воспитаннаго на другихъ поватилъ, «Димитрій Донской», безъ любви, такъ же казался сухимъ, какъ неприличнымъ казалось ему оставить Ксенію безъ наперсницы. Онъ имѣлъ право оправдаться въ нарушеніи исторической истины подобно Расину: а что скажетъ публика, если я не заставляю моего героя влюбиться? Слѣдовательно, бѣда не въ этомъ, — бѣда въ томъ, что историческія воспомнанія, мѣстныя подробности, которыми усѣяна трагедія «Димитрій Донской», стоятъ въ противорѣчій съ истинной поэтической, съ живіюю воображаемой, созданной трагикомъ, и наоборотъ: послѣдняя нарушается первыми, такъ что въ пьесѣ нѣтъ ни одного изъ двухъ родовъ истины, слѣдовательно, нѣтъ никакой. Такъ, на-прим., начало трагедіи составлено по «Танкреду», который открывается совѣтомъ рыцарей, и по «Бруту», который открывается засѣданіемъ римскихъ сенаторовъ — и наши князья, съ своими именами, мѣстными подробностями и разсказами историческими, слѣдальсь непохожими ни на римскихъ сенаторовъ, ни на крестовыхъ рыцарей, ни на самихъ себя... Считаемъ излишнимъ анализировать характеры, которые распадаются при первомъ прикосновеніи. И публика вообще, и занимающіеся литературою въ-особенности, такъ знакомы съ трагедіей, что мнѣвіе критики, по крайней-мѣрѣ нашей, не пойдетъ на перекоръ общему голосу. Князь Вяземскій, въ разборѣ своемъ, о которомъ мы нѣсколько разъ упоминали, слѣдалъ вѣрныя замѣчанія на-счетъ глав-

наго характера, невыгоднаго для трагического представленія.

Разобравъ драматическія произведенія Озерова, сведетъ мысли нашего разбора къ общимъ положеніямъ.

Всѣ трагедіи Озерова принадлежатъ къ *классическому* роду, въ которомъ литература наша является подражательною, слѣдующею по стопамъ французской. Озеровъ — классикъ не только въ сюжетахъ, взятыхъ изъ міра греческаго, на который псевдоклассицизмъ объявилъ своимъ неотъемлемымъ претензіи, но даже въ изображеніи событій отечественной и шотландской исторіи — тамъ, гдѣ писатель легко-бы могъ себя уволить отъ правилъ французской пѣттики. «Фингалъ» и «Димитрій Донской» — то же, что «Элизъ въ Аеннахъ» и «Поликсена»: одинаковость рода доказывается и построеніемъ пьесъ, и созданіемъ характеровъ, и выраженіемъ.

Однакомъ, въ этихъ классическихъ произведеніяхъ Озерова есть своя доля *романтизма*, такъ полно и прекрасно развитаго Жуковскимъ. Мечтательность и грусть Моины, вѣрность Поликсены къ умершему жениху, ея мысль, которую она хочетъ успокоить Гекубу:

Повѣрь, не стоить жизнь, чтобы о ней жалѣть,

стремленіе Ксеніи скрыться въ стѣнахъ монастыря, — всѣ эти скорбныя сожалѣнія о невѣрности земнаго счастья, смутныя предчувствія грудащихъ бѣдъ, неопредѣленныя надежды на замѣву сокрушеннаго блага, всѣ эти, тамъ и здѣсь разбросанныя мысли о благодати страданія, о таинствѣ сердечныхъ жертвъ, изъ которыхъ соткана жизнь наша — суть не что иное, какъ элементы романтической поэзіи — поэзіи Жуковскаго. Даже «Фингалъ» и «Димитрій Донской», полъ

вліяніемъ романтизма, нѣсколько утратили бодрой силы мужа и захватили большую или меньшую часть женственности. Пересмотрите явленія, гдѣ сходятся Димитрій и Ксенія, Фингалъ и Монна: вы видите примѣмы платонической любви, которая плохо различаетъ счастье желаемое отъ счастья вкушаемаго, жизнь мечтательную, которая оставалывается на мечтаніяхъ, хотя недовольна своимъ настоящимъ положеніемъ. Это присутствіе романтическаго элемента, который теперь вовсе не ставится въ заслугу, — большое достоинство Озерова. Оно врожденное качество его природы, знакъ особенно-чувствительной души, чѣмъ онъ отличался отъ своихъ предшественниковъ, что, при представленіи его пьесъ, исторгало у зрителей невольныя слезы, что, по выраженію Жуковскаго, «создало душу Монны». Способностью воспринимать чувство онъ сошелся съ Дюсѣ, тоже чувствительнымъ трагикомъ, почему и передалъ его «Эдипа» достойнымъ образомъ. Изъ того же самаго источника объясняется его преимущественная склонность къ созданію женскихъ характеровъ, которые вышли у него удачнѣе мужскихъ.

Но в классическое направленіе Озерова гораздо-выше классическаго направленія его предшественниковъ. Не говоря уже объ устройствѣ стиха и о лязкѣ, постройка пьесъ, завязка и развязка, характеры обдуманнѣе, стройнѣе, чѣмъ у Княжнина или тѣмъ паче у Сумарокова. Да в слѣдующіе за Озеровымъ трагики (исключаемъ «Бориса Годунова», какъ пьесу *à part*) что написали лучшаго? новѣйшіе современные намъ драматурги что произвели замѣчательнѣйшаго? Если сравненіе опредѣляетъ цѣну всего, то Озерова значаише уважать много больше, когда поставишь его рядомъ или съ предъидущими или съ послѣдующими сподвижниками литературы отечественной. Но какъ только раздвинешь

T. III. — Отд. V.

кругъ сравненія, то, разумѣется, предметъ сравненій долженъ утратить много цѣны своей, что, впрочемъ, очень-естественно и ни для кого не обидно.

Кромѣ пяти трагедій, въ новомъ изданіи помѣщенъ переводъ героиды Колярдъ: «Элоиза къ Абелиру», съ предисловіемъ переводчика, и другія стихотворенія, раздѣленныя какъ-то странно на «оды, басни и стихотворенія».

Къ сочиненіямъ Абелира и Элоизы, напечатаннымъ въ первый разъ въ началѣ XVII-го вѣка, приложено письмо Абелира къ одному изъ друзей его, гдѣ онъ рассказываетъ исторію своихъ несчастій. Письмо это, попавшее въ руки Элоизы, подало поводъ къ той трагической перепискѣ, которую Бюсси, Попе и Колярдъ исказили декламацией, неестественностью и дурнымъ вкусомъ. Во времена Озерова думали иначе. Тогда были въ большой модѣ героиды и литературная аффектація. Озеровъ называетъ произведеніе французскаго стихотворца - декламатора «лучшею героидой». По его собственному признанію, онъ былъ восхищенъ, читая Колярдо; ему открылся путь парнасскій, и онъ почувствовалъ вдохновеніе Аполлона, о которомъ прежде и мысли не имѣлъ.

Одъ, написанныхъ нашимъ трагикомъ, четыре: «На смерть Екатерины II», «На востшествіе Императора Александра I-го на престолъ», «Державину (на случай полученія имъ ордена св. Анны)» и «Подражаніе Леприву». — Басенъ тоже четыре: «Оселъ и Собачка», «Волки и Овцы», «Ораторъ и Болванъ», «Ворона-Просительница». — Въ отдѣлѣ стихотвореній помѣщены: «Гимнъ Богу любви» (почему бы не огнести его къ одамъ?), «Расчетливая Пастушка», «Отрывокъ изъ Эсвиря», «Расина», «Отрывокъ изъ Гоеолимъ, его же», «Графу Каменскому», «Храповицкому (о раз-

1/2

ности словъ *честь* и *честность*, въ отвѣтъ на посланіе Храповицкаго), «В. В. Капнисту» (въ отвѣтъ на стихи его)

Въ новомъ изданіи напечатаны слѣдующія пьесы, невошедшія въ прежнее: трагедія «Ярополкъ и Олегъ», героида: «Элонза къ Абельару», ода «По-

дражаніе Лебрюну», басни «Ораторъ и Болванъ», «Ворона - Просвѣтельница» и «Посланіе къ Храповицкому».

Заключаемъ статью нашу искреннею благодарностью издателю за удачное исполненіе чрезвычайно - полезнаго предпріятія.

ЕВРЕЙСКІЯ РЕЛИГИОЗНЫЯ СЕКТЫ ВЪ РОССІИ.

Составлено В. В. Григорьевымъ. Санктпетербургъ. 1847.

=

На долю Россіи, съ присоединеніемъ западныхъ губерній и Царства Польскаго, досталось около милліона Евреевъ. Эта толпа потомковъ Израиля живетъ въ губерніяхъ бѣлорусскихъ, литовскихъ, въ Волини, Подоліи, Малороссіи, Новороссійскомъ-Краю и Бессарабіи. Въ толпѣ движущагося населенія, вась неволью поразить особый типъ физіономій, окаймленныхъ классическими бородами, — типъ физіономіи съ постояннымъ выраженіемъ ума, лукавства, подобострастія и жадны стяжанія. Этотъ типъ безпримѣси окружающаго населенія неизмѣненъ всегда и повсюду. Смотря на изумительную дѣятельность, изворотливость, бѣготню и отсутствіе роскоши въ домашней жизни Евреевъ, можно бы, по-видимому, сказать, что такое населеніе должно обчистить край, который оно наполняетъ, что оно должно двигать огромныя капиталы, давать широкое развитіе промышленности, великимъ предпріятіямъ торговымъ, доставлять работу населенію христіанскому, менѣе суетливому, — однимъ словомъ, можно бы ожидать всѣхъ тѣхъ успѣховъ въ быту гражданскомъ, которые бываютъ слѣдствіемъ дѣятельности, трезвости и неоспоримаго природнаго ума жителей. Но, увы! историческіе результаты сильно опровергаютъ эту гипотезу; нигдѣ мы

не видимъ благоденствія народнаго, гдѣ массами осыло населеніе еврейское. Еврей все тотъ же, какииъ онъ, кажется, возвращался изъ плѣна вавилонскаго, или какииъ онъ былъ въ средніе вѣка, когда храбрые крестоносцы находили удобнымъ и болѣе-безопаснымъ обнажать противъ нихъ свои мечи, нежели противъ мухаммеданъ. Все тотъ же страннической костюмъ (*), тотъ же вѣчный посохъ въ рукахъ, тѣ же привычки грязной жизни, то же отвращеніе къ труду физическому, та же хитрость и увертливость. Всегда этотъ народъ имѣетъ видъ, какъ-будто бы онъ поселился на время въ какой-нибудь странѣ и собирается выйти въ землю обѣтованную, не зная гдѣ найти эту землю.

Такая неподвижность, при общиыхъ успѣхахъ образованія, такая неизмѣнность характера народнаго привела къ такому заключенію, что Еврей вѣчно на сторожѣ, вѣчно хитеръ, вѣчно скряга, ростовщикъ, потому-что имѣетъ дѣло съ христіанами, которые его ненавидятъ, которые отняли у него всѣ политическія и гражданскія права, что

(* Костюмъ этотъ, въ слѣдствіе новыхъ распоряженій правительства, вслѣдѣ замѣненъ мѣстнымъ народнымъ, чѣмъ и положено начало къ слиянію Евреевъ съ общимъ населеніемъ краевъ.

Еврею остается одно спасеніе—въ деньгахъ, которыми онъ можетъ окупаться отъ всевозможныхъ угѣсненій, и что, слѣдовательно, всевозможное мытарство и всякая подлость облагороживаются въ глазахъ Еврея потому, что служатъ къ спасенію его жизни и жизни семейства, потому-что могутъ зацѣпить свободу отправлять свое богослуженіе. И вотъ еще въ XVIII столѣтіи, всѣ правительства, проникнутыя этою мыслью, начали давать Евреямъ мало-по-малу разныя права гражданскія и политическія. Такимъ образомъ, Евреи получили право свободы вѣроисповѣданія, признаны гражданами; личность ихъ и имущество были ограждены наравнѣ съ личностью и имуществомъ другихъ подданныхъ; имъ предоставлены всѣ ремесла и торговля; наконецъ, имъ открытъ путь къ высшему образованію, т. е. имъ слѣдалася доступенъ входъ въ университетъ и академіи. Конечно, честь и слава въ этомъ отношеніи принадлежитъ европейскому образованію XVIII вѣка и правительствамъ того времени. Что Европѣ было дѣлать легче, то Россіи гораздо-труднѣе,—во-первыхъ, потому-что ни въ одномъ европейскомъ государствѣ нѣтъ такого сплошнаго и многолюднаго населенія еврейскаго, какъ въ Россіи, гдѣ оно занимаетъ почти цѣлыя губерніи; во-вторыхъ, потому-что Россія стояла далеко позади Европы на степеняхъ просвѣщенія. Но, къ-счастью, ходъ вещей и понятій у насъ быстро идетъ впередъ, и вотъ, на основаніи нашихъ законовъ, Евреи, состоящіе въ подданствѣ Россіи, пользуются общими покровительствомъ законовъ, имѣютъ свободу не только въ личномъ ихъ состояніи, но и въ законномъ приобрѣтеніи имущества, въ земледѣльческихъ занятіяхъ и въ производствѣ торговли и промышленности. Сверхъ-того, Евреи могутъ отправлять общественныя молитвы въ мѣстахъ общей ихъ собѣдлости, и никто не имѣетъ права пренятствовать имъ въ томъ ни словомъ, ни дѣломъ. Дѣти Евреевъ могутъ поступать, безъ всякаго различія

отъ другихъ дѣтей, въ учебныя и приходскія училища и гимназіи; тѣмъ изъ Евреевъ, которые, окончивъ гимназическій курсъ, получаютъ аттестаты и пожелають приобрести высшее образованіе, дозволяется вступать для продолженія наукъ въ университеты, академіи и другія высшія учебныя заведенія въ Имперіи. Забудьте при этомъ, что Евреи, вступившіе въ училища, не принуждаются къ перемѣнѣ ихъ вѣры и не обязаны слушать лекціи христіанскаго закона. Сверхъ дозволенія дѣтямъ Евреевъ посѣщать казенныя и частныя христіанскія училища, Евреи могутъ заводить собственныя свои частныя и общественныя училища. В-особенности правительство наше покровительствуетъ переходу Евреевъ въ земледѣльческое состояніе: кто изъ нихъ поступитъ въ это состояніе, тотъ приобретаетъ свободу отъ подушныя подати на 25 лѣтъ, свободу отъ рекрутской повинности на 50 и 25 лѣтъ, смотря по величинѣ переходящаго общества, свободу отъ денежныя земскихъ повинностей на 10 лѣтъ. Евреи-купцы, мѣщане и ремесленники пользуются всѣми правами другихъ русскихъ подданныхъ; наконецъ, Евреи составляютъ сельскія и городскія общества и участвуютъ въ выборѣ въ общественныя должности.

Можетъ-быть, наше правительство также усвоило себѣ мысль, что притѣсненіе Евреевъ, которое служитъ къ развѣдненію населенія, было причиною того, что они нисколько не подвигались впередъ въ дѣлѣ просвѣщенія, промышленности и нравственнаго образованія, слѣдовательно, не вызывали на уступки со стороны правительства; тогда оно само дало имъ тѣ права, которыя мы выше обозначили, и ожидаетъ отъ нихъ тѣхъ же самыхъ успѣховъ гражданскихъ, какъ и отъ другихъ подданныхъ. Правительство въ этомъ случаѣ поступило очень-слѣпководно; но оправдывается ли Евреи своимъ поведеніемъ въ случаѣ имъ-престрастную политику?

Прежде колонизаціоннаго общества на

прось, спросимъ у читателей: много ли Евреи подняли себя у насъ въ ссѣи, въ общественномъ мѣстѣ, въ тѣхъ-поръ, какъ само правитель-ство начало заботиться о нравахъ? Много ли у насъ можно насчитать изъ Евреевъ ученыхъ, врачей? же сѣбѣ можно спросить: много ли много учениковъ въ гимназіяхъ и центовъ въ университетахъ и академіяхъ изъ Евреевъ? Много ли изъ нихъ можно насчитать такихъ, которые бы дали толчокъ промышленности мануфактурной и заводской, требующей специальныхъ свѣдѣній? Заставили Евреи перенѣнить о себѣ то неподходящее мѣсто, которое имѣютъ отъ частныхъ лицъ и правительства, учающія съ ними въ дѣла? Спросимъ должностныхъ лицъ, много ли изменился казуистическій характеръ народа, который въ каждомъ мѣстѣ найдетъ исключеніе, въ каждомъ выраженіи двусмысленность? Сожалѣнію, на всѣ эти вопросы мы должны отвѣчать: нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ. Намъ очень-справедливо могутъ сказать, что нельзя же вдругъ поднять населеніе на степень достойныхъ жизнь, что для этого нужно время и средства. Совершенно справедливо; но намъ кажется необходимымъ прибавить въ поясненію характера народнаго что его отчасти образовала не одна собственная судьба Евреевъ, но и самая религія талмуда, религія софистическая и антисоціальная, — что эта религія придала умъ равнинный и ихъ послѣдователей на мелочи и забыла развить душу благородство и высшія потребности, — что она убила духъ религіи обрядами, сущность вѣщностью, матеріею. Какимъ образомъ инако объяснить, что одна еврейская секта пользовалась постояннымъ и повсемѣстнымъ покровительствомъ законодателя, другая, напротивъ, повсюду и тогда терпѣла ограниченія (мы говоримъ о караннахъ или карантахъ и въ горахъ или равнинахъ)? Первобытно различаются величайшимъ дружескимъ отношеніемъ между собою, искреннею об-

щительностью съ многотрацами, дѣятельностью, трудолюбіемъ, безукореннымъ поведеніемъ и честностью. Они пользовались особыми привилегіями въ Польшѣ; привилегіи эти дали имъ Сигизмундъ I и Стефанъ Баторій; они пользовались особеннымъ покровительствомъ крымскихъ Гиреевъ, и въ настоящее время пользуются особыми отъ прочихъ Евреевъ правами у русскаго и австрійскаго правительства; таковы-образомъ, у насъ они избавлены отъ рекрутства, позволено имъ имѣть мѣстопребываніе и владѣть недвижимою собственностью въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ это запрещено прочимъ Евреямъ; на основаніи нашихъ законовъ, иностранцы изъ Евреевъ не допускаются въ переселенію въ Россію или ко вступленію въ руссійское подданство; между-тѣмъ, караннахъ, приѣзжающихъ изъ-за границы, дозволяется вступать въ русскіе подданные на основаніи общихъ, по этому предмету, правилъ. Отъ - чего же двѣ секты одного и того же народа пользуются разными правами? отъ-чего же на одну секту смотрятъ съ довѣреніемъ, а на другую подозрительно? одна умѣла заслужить общее уваженіе, другая пала въ общемъ мѣстѣ? Причиной, по нашему мѣнью, сущность религіознаго ученія той и другой секты: для большей ясности сдѣлаемъ короткій обзоръ этого ученія.

Секта *талмудистовъ* или *раввинистовъ* есть продолженіе секты фарисеевъ, упоминаемой въ св. писаніи; она произошла слѣдующимъ образомъ: Моисей, возвѣщая законъ божій избранному народу, и желая утвердить въ немъ навсегда начало единобожія, установилъ много обрядовъ, которыми сопровождалось богослуженіе общественное и молитвы частныя Евреевъ. Эти обряды и религіозныя обычаи всегда рѣзко отдѣляли народъ еврейскій отъ окружающихъ его племенъ и спасали его самостоятельность. Но плѣвъ вавилонскій, ознакомившій Іудеевъ съ другими нравами, съ другими вѣрова-

мостоятельность и породилъ безпрепятственнаго отступленія отъ обрядовыхъ предозъ. Мансея. Съ этою цѣлю великая синагога расудила за благо *срѣзати* *дрозъ* народа во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ законъ давалъ ему престоеръ. Ограниченія эти придуманы для того, чтобъ они дѣйствительнымъ предписаніямъ закона служили защитительною оградою. Но чтобъ дать также силу закона тѣмъ ограниченіямъ, которыя вводили фарисеи, они объявляли и доказывали, что Богъ, кромѣ письменнаго закона, сообщилъ Моисею въ то же время устное объясненіе этого закона и многія изъ нему прибавленія, которыя столь же святы и обязательны, какъ и самый законъ письменный, и что объясненія и прибавленія эти, внушенныя отъ Моисея пророкамъ, сохраняясь преданіемъ, дошли въ цѣлости и до нашего времени. Это ученіе дало начало сентъ талмудистовъ и вызвало на сцену другое, противоположное ученіе — карантовъ (*), которыя держатся буквально однихъ священныя книгъ ветхаго завета, отвергаютъ сообщеніе Богомъ Моисею устныхъ объясненій и дополненій къ письменному закону, руководствуются при толкованіи его простымъ человѣческимъ разумомъ и, не видя въ установленіяхъ и дополненіяхъ, введенныхъ позднѣйшими законодателями, ничего божественнаго, смотря на нихъ, какъ на изобрѣтенія человѣчскія, вызванныя обстоятельствами и потребностями времени. Этимъ невѣрующимъ великая синагога должна была доказать, что она права, что среди ея дѣйствительно сохранилось устное преданіе, которое служитъ дополненіемъ къ закону, данному Богомъ чрезъ Моисея; тѣмъ болѣе нужно было доказать эту истину, что сама Великая-Синагога утратила свою политическую важность съ паденіемъ царства; ей оставалось обновляніе религиозное на народъ;

(*) Вѣроятно, книжники, упоминаемыхъ въ священномъ писаніи.

сдѣлательно, доказать, что устное преданіе, сообщенное Богомъ Моисею живеть въ средѣ ея, является донынѣ свое право на почетъ и уваженіе и лу единствѣнцами. Но какъ можно было доказать то, во что въ срѣзъ отказались вѣрить профанамъ Разумныхъ доказательствъ не было, равнымъ придумали нѣкоторыя фивны, въ родѣ слѣдующихъ:

1) Въ Пятикнижии сказано: *Въ дни седьмый да не сотвориши оладанъ въ онъ*, между-тѣмъ, въ другихъ стахъ Пятикнижія положительно образомъ воспрещено въ этотъ только: возжигать огонь, соби дрова и удалять отъ него сжигательства; почему и остается невѣстнымъ, что же еще воспрещено въ субботу *ведъ* *именно* *д*. Это, какъ думаютъ Талмудисты, *женъ* *былъ* *объяснить* *Господь* *сею* *устно*, и Онъ объявлялъ, что *ищеніе* *работать* *обнимаетъ* *трав* *девять* *главныхъ* *видовъ* *работъ* *кромѣ* *того*, *бесчисленное* *множество* *другихъ*, *имъ* *подчиненныхъ*. *Сеніе* *тому*, *что* *число* *воспрещенныхъ* *работъ* *не* *болѣе* *и* *не* *менше*, *тридцать-девять*, *заключается*, *сказано* *въ* *Талмудѣ*, *въ* *томъ*, *именно* *столько* *разъ* *встрѣчается* *Пятикнижии* *слово* *малала* — *д* *работа*.

2) Въ Пятикнижии сказано: *Да въ словеса сія, лже азъ заповѣдаю днесь, въ сердцѣ твоомъ и въ бунѣ твои... и навязеши я въ знаменіе между тебю и да будеть непоколебимъ (еврейскіи топаботъ) предъ очима ма.* Здѣсь не опредѣлено, въ какія именно слова должно *привести* *руки* *и* *предъ* *глаза*, *и* *тѣмъ* *образомъ* *ихъ* *навязать*; *уже* *преданіе* *объясняетъ*, *что* *выраженіемъ* *словеса* *должно* *имѣть* *слѣдующія* *четыре* *мѣста* *книжія*: *Иск. XIII, 1—14* *и* *II Числ. IV, 4—9, и IX 13—14.* *Сеніе*, *почему* *именно* *четыре* *раза* *не* *болѣе* *и* *не* *менше*, *—* *объясняетъ* *выраженіемъ* *топаботъ*: *и* *тѣмъ*

ить Талмудъ, значить въ при-каспій-ныхъ странахъ два, а пять значить уже самое въ Африкѣ; слѣдовательно, каждыя два составляютъ четыре.

Можно себѣ представить, какъ нечастные послѣдователи талмуда, которыхъ съ дѣтства начинаютъ учить мудрости, напрягаютъ свои умы, чтобы понять почему *шомафотъ* значить четыре, и какими образомъ сошлось такое странное слово, которое одна часть въ Азіи, другая въ Африкѣ, а значеніе то, что они должны назвать себѣ на руки четыре уста изъ Пятикнижія? — Но дальѣ видимъ еще болѣе.

Очень-естественно, что противъ такихъ устныхъ преданій должны были орудовать люди заравомыслящіе, и отъ караймы дѣлаютъ такіа возраженія:

Если бы эти законы и были сообщены Моисею, то не могли сохранятьъ преданіемъ. Могъ сообщить ихъ Моисей Иисусу-Навину, а тотъ — старѣйшинамъ; но отъ старѣйшинъ они не могли быть переданы пророкамъ, какъ говорятъ раввинисты, потому что отъ старѣйшинъ, которые пережили Иисуса, до Самуила, перваго изъ пророковъ, прошло четыреста лѣтъ.

Потомъ караймы указываютъ на то обстоятельство, что всѣ увѣщанія и нареки пророковъ имѣютъ предметомъ одни нравственныя проступки, никогда же не укоряютъ они за нарушение устно-сообщенныхъ Моисею образцовыхъ постановленій. Да и вообще ни въ Пятикнижій Моисей, ни въ пророкахъ нигдѣ нѣтъ и слѣда существованія этихъ устныхъ законовъ.

Не смотря на эти возраженія и другія болѣе-частныя, но не менѣе того основательныя доказательства, фарисеи упорно держались своего мнѣнія и продолжали начатыя ими дополненія къ закону данному чрезъ Моисея. Это стремленіе фарисеевъ должно было усилиться въ слѣдствіе того, что Евреи изъ-подъ владычества персидскаго перешли подъ власть греческую, а потомъ римскую. Чѣмъ тѣснѣе сближался и зна-

комился народъ съ своими властителями, тѣмъ, естественно, болѣе-и-болѣе зависовали отъ нихъ обычаи, нравовъ и идей, которые были несогласны ни съ духомъ, ни съ уставами религіи по книгамъ Моисея тѣмъ менѣе съ характеромъ строгихъ поздравительныхъ охранительныхъ дополненій. Защитниками новыхъ идей и чуждыхъ нравовъ явились саддукеи, выражавшіе въ себѣ начало движенія. Они были чистѣйшіе матеріалисты, отвергали бессмертіе души и воскресеніе мертвыхъ. Но въ какой мѣрѣ саддукеи удалялись отъ иудейскій національности, въ такой же, въ противодѣйствіе имъ, фарисеи, защитники начала неподвижности, стремились поддержать эту національность, неразрывно-связанную съ религіею. Для этого, по данному уже направленію, они безпрестанно болѣе-и-болѣе увеличивали число стѣснительныхъ ограниченій, въ которыхъ видѣли для послѣдователей закона моисеева оплотъ и залогъ его неварушимости; а чтобы этимъ охранительнымъ дополненіямъ придать законность и характеръ обязательности въ глазахъ народа, отыскивали имъ основаніе въ св. писаніи и дѣлали натяжки. Законъ устный передавался и распространялся въ Палестинѣ такимъ образомъ устно до начала III-го вѣка по Р. Хр., когда *Иуда Гекадошъ*, патриархъ всѣхъ Евреевъ въ Римской Имперіи, собралъ все, что было произведено его предшественниками, и передалъ писью, давъ своему собранію названіе «*Мишна*», «*второзаконіе или втореніе закона*».

Изданіе Мишны, однакожъ, не остановило развитія преданія, а дало ему новое движеніе. Въ школахъ съ жаромъ принялись за изученіе Мишны, и какъ прежде предметомъ толкованій, объясненій и дополненій было св. писаніе, такъ теперь начали объяснять Мишву. Съ теченіемъ времени, мнѣнія, споры и комментаріи, въ которыхъ подавала поводъ Мишна, накопились до того, что раввинъ *Иохананъ* счелъ нужнымъ собрать ихъ въ одно цѣлое,

и въ 358 году по Р. Хр. трудъ этотъ былъ приведенъ къ концу. Заключая къ себѣ Мишну и комментарий на нее, сборникъ получилъ названіе «Талмуда» — «Ученія или Курса Ученія». Въ талмудъ этотъ вошли толкованія школъ палестинскихъ, а потому онъ и назывался талмудомъ іерусалимскимъ; такой же талмудъ былъ изданъ и въ Персін около 500 годовъ по Р. Хр. и получилъ названіе талмуда вавилонскаго.

Въ чемъ же заключается содержаніе талмуда? какую мудрость раввины могли противопоставить естественному развитію идей у народа въ слѣдствіе новаго порядка вещей; какимъ образомъ они хотѣли спасти еврейскую національность, и какъ они могли достигнуть загрубѣлой неподвижности? Очевидно, что нельзя въ одно и то же время развиваться и сохранять всё мелочи прежняго быта, какъ нельзя въ одно и то же время физически двигаться впередъ и быть на одномъ и томъ же мѣстѣ. Въ этомъ случаѣ, народъ долженъ жертвовать чѣмъ-нибудь однимъ: или содержаніемъ въ пользу формы, внѣшности, или внѣшностью въ пользу содержанія, самой жизни. Раввины пожертвовали содержаніемъ, живнію народа, убили его духъ для того, чтобъ сохранить прежніе религиозные обряды и народныя обычаи. Но кора не можетъ спасти дерева отъ гніенія, когда у него испорчена сердцевина; такъ и соблюденіе однихъ религиозныхъ обрядовъ не могло дать Евреямъ силы религиознаго убѣжденія, прежней чистой вѣры, которая была источникомъ самостоятельности народа. Раввины боялись философіи Грековъ, потому-что она могла измѣнить обычаи народа; они боялись, чтобъ умъ народа не вдумалъ задавать себѣ и рѣшать тѣ же вопросы, которые занимали язычниковъ, — и вотъ они придали важность вопросамъ формальнымъ, раздвинули область этихъ вопросовъ, втянули въ нихъ умъ народный, оковали волю необходимостью исполненія приговоровъ раввинскихъ и

заниjali бѣгнѣ всю жизнь народа. Оградительныхъ установленій образованіе тысячи тысячъ; народъ изнемогалъ подл множествомъ мелочей; религиозное чувство охлаждалось, потому-что народъ забывалъ внутреннее значеніе обрядовъ; благоговѣніе зашѣнено чуждыми правилами; соблюдаемыхъ при обрядахъ, духъ угасалъ, потому-что прѣвыкалъ заниматься пустяками. Всѣ шаги, всякое движеніе были опредѣлены. Такъ, на-пр., въ книгахъ В. Завета запрещено варить козленка въ молокѣ матери. Какъ оградительныя установленія къ этому правилу талмудическіе учителя придумали запретить: 1) варить въ молокѣ какое бы то ни было мясо; 2) употребить сосудъ, въ которомъ готовится мясная пища, на изготовленіе въ немъ пици молочнаго. 3) ѣсть молочную пищу не раньше, какъ по истеченіи шести часовъ послѣ прѣнятія пици мясной, а мясную послѣ молочнаго — не раньше, какъ чрезъ часъ. Текстъ св. писанія предписываетъ имѣющему надобность въ очищеніи обмытъ *все тѣло*; — Талмудъ же налагаетъ такъ сильно на слово *все*, что объявляетъ незаконнымъ омовеніе женщины, которая въ продолженіи этого дѣйствія *держала съжатыми тѣбы или руки или которой попали въ время волосъ въ ротъ*; такимъ образомъ одна женщина должна была повторить омовеніе, потому-что у ней наши *засѣвшую между зубами маленькую точку* (*).

Толкуя въ свою пользу текстъ св. писанія, и заставляя народъ изучать эти софистическія толкованія, раввинисты пріучали своихъ послѣдователей къ тонкостямъ, натаживая, въ

(*) Число религиозныхъ правилъ и заповѣдей, которыя должны соблюдаться при обрядахъ, возрасло до 14,000. Такъ при утреннемъ омовеніи рукъ должно соблюдать 23 правила, при отправленіи домашнихъ работъ — 17, при молитвѣ — 57 въ субботу — 1279, при убіеніи скота — 177 во время траура — 342 и т. д.

протавности, лживости, обманамъ. въ самомъ талмудѣ открыто говоритъ, что въ члены Санхедрина мож-но было избирать только тѣхъ, кото-ры были въ сѣстолкѣ представить не-истое какъ чистое, не смотря на за-мѣ. Слѣдовательно, чтобъ быть чле-номъ этого высшаго и священнаго, о мнѣнію Евреевъ, собранія, надоб-но быть человекомъ, который можетъ все доказать и все опровергнуть, иотря пообстоятельствамъ и выгодамъ анагаги? Талмудъ, слѣдовательно от-вергалъ прядственность и увѣчивалъ имый тонкій эгоизмъ. Не нужно забы-ть, что раввины, которые проповѣды-ли эти правила, постановили: «Про-тиворѣчить своему раввину — то же, что противорѣчить самому Господу» (трак-тъ Санхедринъ). «Что поступаетъ про-тиву словъ ученыхъ израильскихъ, за-дуживаетъ смерти» (тракт. Ерувинъ). Слова ученыхъ израильскихъ гораздо важнѣе вниманія, чѣмъ слова зако-на по св. писанію. — Можно себя пред-ставить, какой ужасный авторитетъ должны были имѣть и имѣють такіа установленія талмуда, когда они, на-нованіи преданія, положеннаго во-лаву всего ученія, выдаются за за-конъ устный, сообщенный Богомъ Моисею, а отъ него перешедшій къ раввинамъ!

Фанатизмъ ихъ не имѣетъ предѣ-ловъ; неважность и жестокость къ лю-демъ, чуждымъ учености талмудиче-ской, дошла до того, что считается позволительнымъ «распластать неуча-на въ рыбу, съ тѣмъ только, чтобы опе-тѣла эта начата была со спины» (трак-тъ Перашимъ).

Каковы, наприимѣръ, слѣдующія пра-вила: «Сдери кожу съ трупа на площа-ди, да приобрѣти что-нибудь; не говори никогда: я первосвященникъ, я чело-вѣкъ значительный, это занятіе мнѣ неприлично» (тр. Песахимъ). «Без-законство — это царство, только безъ короны». — «Нагlostью можно дѣй-ствовать съ успѣхомъ даже противу самаго Бога» (тр. Санхедринъ). — Вся-кое добро, которое законъ моисеевъ

предписываетъ, и всякое зло, которое онъ воспрещаетъ дѣлать: «ближнему», «брату», «товарищу», должно (объяв-ляетъ талмудъ) повиноваться только въ от-ношеніи къ Иудеямъ; ибо не-Иудеи не суть ни ближніе, ни братья, ни товарищи» (тр. Бава-Мецил).

Съ перваго взгляда кажется даже нестраннымъ, какимъ образомъ мог-ли быть освящены именемъ закона та-кіа безвразственныя правила, и что побудило раввиновъ къ этому? — Но мы скажемъ выше, что утрата духа религознаго въ народѣ, подъ бременемъ вѣдшихъ мелочныхъ правилъ, вела Евреевъ къ ничтожности; эта ничтож-ность, соединенная съ фарисейскимъ презрѣніемъ всего иностраннаго, чуж-даго, — ничтожность, гордая своими пре-даніями и ожиданіемъ Мессіи, который возстановитъ царство израильское, за-ставляла ихъ крѣпко держаться стары-ны посреди иноплеменныхъ народовъ. Народы эти ни въ какомъ случаѣ не могли имъ оказывать того уваженія, которое заслуживалъ въ глазахъ побѣ-дителя побѣжденный, честный, тру-долюбивый, потому-что Евреи съ дав-няго времени не имѣли уже этихъ свойствъ. — Поватно, что всѣ народы, въ средѣ которыхъ они жили, платили имъ презрѣніемъ за ихъ ничтожество, и что раввины, злобные на всѣхъ и все, слагали безвразственныя правила и пропитывали ими народъ.

Но одно зло не прививается къ на-роду безъ цѣлой свиты другихъ золъ; это такой клубокъ, въ которомъ соеди-нено множество переплетающихся ни-тей, и всѣ эти нити развиваются по цѣлой жизни народа, въ ней снова переплетаются и составляютъ одну не-разрывную сѣть. Та же формальность и мелочность, которая убила духъ на-рода и сущность религіи, — привела за собою грубость и невѣжество. Она на-правила умъ народныхъ къ рѣшенію вопросовъ, неимѣющихъ въ себѣ живи-ни, и мелочныхъ случаевъ; подъ талму-дическими натажками, которые были употреблены при рѣшеніи этихъ во-просовъ, умъ задыхался и исчахъ;

гордытъ національная и религіознаа заставлялиа пренебрѣгать безразлично развивающіяся науки, потому что эти науки развивали христіане. — а между тѣмъ, одно убѣжище уму могло представить просвѣщеніе. И вотъ талмудъ началъ выполняться множествомъ *пальностей, предрасудковъ и суевѣрій*. — Книга, которая слыится священною у народа, содержитъ въ себѣ наставленія въ родѣ слѣдующихъ:

Женщина, которая во время беременности ѣсть горчицу — будетъ имѣть дитя прожорливое; если она употребляетъ въ это время ошляющіе нѣшники — дитя будетъ черного цвѣта; если же ѣсть рыбу, то дитя будетъ многолюднѣе.

Воскресеніе мертвыхъ можетъ имѣть мѣсто только въ Палестинѣ: поэтому Господь открываетъ подлѣ могилъ Евреевъ, умершихъ въ изгнѣніи, длинныя пещеры, чрезъ которыя трупы ихъ катятся, какъ бочки, во святую землю, чтобы воспринять здѣсь душу. (Талм. іерус. тракт. Каланъ).

Кто хочетъ узнать, были ли у него черти, пусть тотъ возьметъ желко-просѣянной зозы и посылетъ ее подъ провѣтывъ: утромъ оны увидитъ на ней какъ-бы слѣды пѣтушьихъ лапъ. А кто желаетъ увидѣть чертей, пусть добудетъ матку черной кошки, рожденной въ первыхъ родахъ черною же кошкою, тоже родившеюся отъ матери своей въ первые ея роды; пусть эту матку сожметъ въ порошокъ и этого порошока посылетъ себѣ въ глаза, — тотъ и увидитъ чертей. (Тр. Беракотъ).

Этотъ элементъ чертовщины въдрисля въ талмудъ въ-слѣдствіе вліянія кабалистическаго ученія, переродившагося въ-послѣдствіи въ магію, алхімію и астрологію. — Такимъ образомъ, все ученіе талмуда, пропитанное фанатизмомъ, началомъ непопидности, антисоціальной, суевѣрія и софистической изворотливости — оставило на народѣ рѣаніе слѣды своихъ началъ и послужило бѣдственнѣмъ

урокомъ и примѣромъ того, до чего можетъ дойти народъ, упрямый и своихъ обычаяхъ напериморъ: неопытному развитію, среди котораго живетъ оны.

Другая секта, которую мы приведемъ въ-связѣ съ развѣнчиваніемъ секты каритовъ, носить на себѣ другой отпечатокъ. Кариты въ самомъ началѣ отделились отъ талмудистовъ, отказавшись вѣрять во всѣ религіознаа обряды нововведенія талмуда; правда, они не ушли далеко на степеніи просвѣщенія, потому что у нихъ не было дальнѣйшаго духовнаго развитія, и потому они всегда сливались съ тѣми народами, среди которыхъ жили, но за то, по крайней-мѣрѣ, отказавшись отъ обрядовъ и мелочей, они не знали въ-тѣ грубомъ предубѣжденія и недостатка, которыми наполнена секта ривинистовъ; они спасли нравственность и умъ отъ застоя религіознаго развитія. Кариты охраняли во всей чистотѣ законъ Моисея; это доказываютъ слѣдующіе догматы: 1) всѣ небесныя и земныя тѣла, со всѣмъ, что въ нихъ заключаетея, суть существа сотворенныя; 2) Творецъ ихъ самъ не сотворилъ; 3) Оны сами и не имѣютъ себѣ подобнаго; 4) Оны послала служителя своего Моисея и чрезъ него воздѣйствовалъ совершеннѣйшій законъ; 5) должно знать языкъ и понимать смыслъ завова; 6) душой Божиимъ водимы была также и остальные пророки; 7) въ день судный Господь воскреситъ мертвыхъ и 9) воздастъ каждому по дѣланію его; 10) Господь наказалъ народъ своей нечестивостію, и отъ Него же должно ожидать спасенія; 11) ожидать избавленія чрезъ посредство мессіи, сына давида. — Благѣ того, что объявлено Моисею; они не признаютъ ничего, но, одинокіи, дозволяютъ каждому учителю, не стѣсняясь прежними толкованіями, объяснять смыслъ закона и его приложеніе къ жизни дѣйствительной. Понятіе ихъ о нравственномъ законѣ, довольно-ясно выражается въ слѣдующемъ ученіи о душѣ: Душа можетъ находиться въ четырехъ состояніяхъ или расположеніяхъ:

итъ. Она бываетъ нравственно жима, когда отвращается отъ зла и приближить къ добру. Она здорова, когда ищетъ проникнуть въ связь событій и природу вещей, доступныхъ разумѣнію, вѣдѣнію, чтобы научиться опредѣлительно отличать доброе отъ безразличнаго, а это отъ дурнаго, и видѣть притомъ волю доброе творить, а злое удалять. Она болна, когда не можетъ понимать истины и отличать худого отъ добраго. Она мертва, когда погружена въ грѣхъ до того, что терять возможность обращенія къ добру! — Основательные добрыхъ дѣлъ каранти говорять: если не можешь сдѣлать ихъ сполна желашь, — желай сдѣлать сколько можешь.

Изъ этого краткаго очерка читатели могутъ видѣть разницу между религіозными убѣжденіями двухъ сектъ. Религіозныя убѣжденія отразились въ жизни дѣйствительной и рѣзко обозначили двѣ части одного и того же народа. Слабѣ нравственная порча не лежала на основаніи ученія талмуда и не была принята и воссана съ молодости матери всѣми послѣдователями этого ученія, то отъ-чего бы произошло всеобщее недовѣріе и презрѣніе къ раввинистамъ и довѣренность къ каритамъ? Тѣ и другіе — Евреи, тѣ и другіе живутъ развѣльно между другими господствующими народами, еще больше между народами христіанскими: поэтому, если политическое состояніе Европы въ средніе вѣка и варварство племень, составлявшихъ эти государства, много способствовали къ утѣсненію и униженію нравственности племенъ паразитскаго, то тѣмъ не менѣе часть недостатковъ этого народа должна достаться и на долю самой религіи. Мы выше уже сказали это мнѣніе и возвратились къ нему послѣ краткаго обзора обѣихъ сектъ.

Послѣ этого спрашивается: какія же средства могутъ извлечь этотъ народъ изъ боже или менѣе бѣдственнаго положенія, въ которомъ онъ находится? Чтò можетъ подорвать слѣпое вѣрованіе въ талмудъ и непогрѣшительность

раввинистовъ? — Наши законы, допускающіе всеобщую вѣротерпимость, желаютъ только образованія Евреевъ. Этими средствами, кажется, можно достигнуть успѣха. Обратимся къ фактамъ.

Талмудизмъ преимущественно господствуетъ въ настоящее время въ нашихъ западныхъ и южныхъ губерніяхъ, гдѣ дозволяется жить Евреямъ. Въ началѣ прошедшаго столѣтія, онъ былъ силенъ въ Германіи, Франціи и Голландіи, но теперь оттуда мало-помалу вытѣсняется. Сила его ослабляется не прозелитизмомъ, не гоненіями, а медленными, но постоянными успѣхами просвѣщенія между Евреями. Талмудъ, какъ и вообще всѣ ложныя убѣжденія и предрассудки, ничего такъ не боится, какъ науки.

За границей вы найдете много, даже очень-много образованныхъ Евреевъ; многіе изъ нихъ слывуть отличными врачами, многіе занимаютъ профессорскія катедры; сколько negociantovъ-Евреевъ, знающихъ многіе европейскіе языки! они ведутъ уже торговлю не имѣя дѣлъ вдругъ обогатиться посредствомъ каюга-шибудъ плутовства, или составлять себѣ состояніе посредствомъ обмановъ, — контрабанды и т. п.; они ведутъ дѣла честно и аккуратно; они имѣютъ кредитъ и пользуются уваженіемъ; они сами заставляютъ уважать себя, еслибы законы страны и отказали имъ въ покровительствѣ и защитѣ. — Между-тѣмъ, и за границей эта реформа началась не далеко, какъ съ половины XVIII столѣтія. Духъ сомнѣнія и невѣрія, духъ критики, требовавшій все пересмотрѣть, все перевѣрить, религіозное равнодушіе и философская терпимость коснулись, въ положеніи прошедшаго столѣтія, и Евреевъ. Они узнали, что на свѣтѣ есть много интереснѣйшихъ вещей, кромѣ талмуда. Между Кароли явились поборники просвѣщенія, напримеръ, знаменитый Моисей Менделсзонъ, который во многіхъ своихъ сочиненіяхъ, какъ на еврейскомъ, такъ и на нѣмецкомъ языкѣ, требовалъ рефор-

мы въ воспитаніи, доказывалъ, что свобода мышленія есть религіозный принципъ жидовства, отрицающій всякое догматическое вѣрованіе, который своимъ переводомъ Платиниэя и отоліамъ на эту книгу заставилъ Евреевъ убѣдиться, что св. писаніе можетъ быть объяснено при помощи простаго здраваго смысла, безъ умничанья раввиновъ. — Упадокъ раввиновъ въ мѣтній народномъ повлекъ за собою и упадокъ школъ, въ которыхъ занимались однимъ объясненіемъ талмуда. Съ началомъ школъ не-раввиническихъ возникло новое поколѣніе Евреевъ, сочувствовавшее уже обще-еврейскому образованію.

У насъ, въ Россіи, образованіе носилось однихъ одесскихъ Евреевъ, и Евреи эти, можно навѣрно сказать, лучше всѣхъ своихъ собратьевъ, разсыпанныхъ по широкому юго-западному краю. Въ Одессѣ Евреи содержатъ два училища, одно для мальчиковъ, другое для дѣвчонокъ; училища эти устроены по образцу австрійскихъ и германскихъ. Здѣсь, кромѣ еврейскаго языка, преподаются русскій, нѣмецкій и французскій.

Все остальное еврейское населеніе Россіи, за исключеніемъ, можетъ-быть, Риги и Курляндіи, осталось упрямыхъ раввиническимъ. Здѣсь, слѣдовательно, въ настоящее время, главный пріютъ талмудизма; здѣсь приготовляются самые сильные въ талмудѣ раввины. Въ эти пункты въ Евреямъ не заходили лучи просвѣщенія, которое такъ сильно желаетъ распространить между ними наше правительство. Между-тѣмъ, отъ одного просвѣщенія можно ожидать какихъ-либо успѣховъ въ развитіи этого края. Слѣпное еврейское населеніе, пропитанное раввиническимъ фанатизмомъ и кабалистикой, — населеніе, питающееся невѣжествомъ высшаго класса христіанскаго населенія и поддерживающее это невѣжество посредствомъ безпрестанныхъ съ нимъ сношеній, — необходимо требуетъ нравственныхъ реформъ для блага края. Вся торговля

и вся промышленность, требующіе большаго физическаго труда, находятся въ рукахъ Евреевъ; въ то же время земледѣліе, развитіе котораго такъ необходимо для западнаго края, Еврейскіе талмудисты не обнаруживаютъ большой склонности, не смотря на всевозможныя поощренія правительства, приведенныя нами выше. — Можетъ-быть, это происходитъ отъ-того, что въ талмудѣ (гр. Килдушнъ) между прочимъ сказано: *установленія закона, относящіяся къ землѣ, не могутъ быть исполнены, кромѣ земли израильской*; но это можно объяснить и характеромъ народа, у котораго направлено въ однихъ изъ отраслей и стяжанію. Земледѣліе по ареставляетъ никакого развитія на томъ, ни другому. Земледѣліемъ нельзя вдругъ нажитья, и трудъ земледѣльчскій требуетъ постоянной, тяжелой работы, а не переговоровъ и сдѣлокъ, въ которыхъ Евреи большіе мастера. Оттого-то еврей-раввины такъ вообще не принимаются за обработку земли; между-тѣмъ, какъ каранты усѣбно занимаются земледѣліемъ. — Одно распространеніе новыхъ понятій въ массахъ еврейскаго населенія, возбудило направленіе ума этого народа, можетъ повести край къ благотѣльнымъ результатамъ. Одно образованіе возыснить Евреевъ въ нихъ собственныя качества, дать имъ почувствовать челоѣческое достоинство, возвыситъ ихъ въ глазахъ христіанскаго населенія.

Обратимся къ книгѣ г-на Григоріева. Она заключаетъ въ себѣ историческое развитіе и настоящее положеніе всѣхъ сектъ еврейскія въ Россіи. Книга эта есть извлеченіе изъ сочиненій Беэра, Кьярнини, Франка, Гюста, Кауфига, Дешпига, Майера и другихъ писателей. Въ ней содержатся описанія слѣдующихъ пяти сектъ: 1) каритовъ, 2) талмудистовъ или раввинистовъ, 3) каббалистовъ, 4) шаббатистовъ и 5) хассидимовъ или бешталъ.

О каритахъ и талмудистахъ читатели имѣютъ уже понятіе изъ того, что

нами выше сказано; остается сказать несколько словъ о прочихъ сектахъ.

Каббала.—Лучшія изслѣдованія объ этомъ интересномъ предметѣ сдѣланы А. Франкомъ въ его сочиненіи: «La Kabale ou la philosophie religieuse des Hebreux. Paris. 1843. — Результаты этихъ изслѣдованій слѣдующіе:

Разныя мѣста Мишны и Гемары и халдейскій переводъ Пятикнижія свѣдѣствуютъ, что около конца I-го вѣка по Р. Хр. между Иудеями существовало таинственное ученіе о сотвореніи міра и природѣ божества, — ученіе небезопасное для слабыхъ умовъ и до того страшное, что одно имя его внушало роль религіознаго ужаса. Ученіе это сообщалось съ величайшею скрытностью и осторожностью только людямъ, отличавшимся силами умственными и нравственными. Оно изложено въ двухъ книгахъ: *Сеферъ-Иецира* и *Зогаръ*.

Сеферъ-Иецира, произведеніе небольшого объема, написанное стѣсью еврейскаго языка съ халдейскими, содержитъ въ себѣ изложеніе тѣхъ причинъ, которыя заставили Авраама оставить поклоненіе звездамъ и замѣнить его служеніемъ единому Вѣчному; а потому представляется однимъ длиннымъ монологомъ этого патріарха. Открывается оно доказательствами единства и премудрости Творца, выведенными изъ созерцанія единства и порядка, царствующихъ въ твореніи. За тѣмъ опредѣляется аналогія, существующая между предметами и знаками мыслей, или средствами, чрезъ которыя премудрость раскрывается людямъ и сохраняется между ними. Средства эти слѣдующія: *двадцать-два буквы еврейской азбуки и первая десять чиселъ*; соотнесенные же въ одной общей точкѣ орбиты, эти два рода знаковъ называются «тридцатью-двумя таинственными путями премудрости». Далѣе слѣдуетъ трактатъ о десяти *сефиротъ* или отвлеченныхъ числахъ, подъ которыми разумѣются самыя общія и необходимыя формы всего существующаго, такъ-сказать, категорія вселен-

ной, и о томъ, каковыя-образы они произшли одна изъ другихъ, принимая, по мѣрѣ удаленія своего отъ изъ общаго начала, отъ первоначальной единицы, характеръ болѣе и болѣе матеріальный, — ученіе, известное подъ именемъ «эманатизма». Послѣ сефиротъ, или ученія о существѣ вселенной, излагается другое, о томъ, каковыя-образы посредствомъ двадцати-двухъ буквъ еврейской азбуки, единственно возможной и неизмѣнной формы духа, раскрывается этотъ духъ въ природѣ. Буквы при этомъ раздѣляются на различныя отдѣлы, называемыя «треми-шатерями», «семью-двойными», «дѣвятинадцатью-простыми»; послѣ чего, числа три, семь и двѣнадцать отыскиваются въ трехъ системахъ природы: въ общемъ составѣ міра, въ годовыхъ подраздѣленіяхъ времени и въ составѣ человѣка; здѣсь, хотя и неопредѣленно, развивается идея макрокосма и микрокосма, т. е., что человѣкъ есть не что иное, какъ сокращенный образъ вселенной. Надъ этими тремя системами, надъ человѣкомъ, временемъ и вселенной, надъ буквами и числами возвышается «Господь, истинный царь, владычествующій надъ всеми вещами». — За этими словами, составляющими заключеніе книги, слѣдуетъ, въ родѣ драматической развязки, что протѣцъ Авраамъ, уразумѣвъ все сказанное, обращается изъ идолопоклонничества къ служенію истинному Богу.

Основною ученію, содержащемуся въ *Зогарѣ*, служитъ конечное заключеніе *Сеферъ-Иецирь*: что Богъ есть въ высочайшемъ смыслѣ матерія и форма вселенной, что виѣго нѣтъ и не можетъ ничего быть, что субстанція его находится въ основѣ всѣхъ существъ, и всѣ они носятъ на себѣ отпечатокъ, или суть символы его разума. Въ *Зогарѣ* числа и буквы замѣнены идолами. Божественная субстанція не раскрывается уже исключительно въ природѣ, а проявляется преимущественно въ человѣкѣ и его разумѣніи, почему называется *Адамъ-Кадмонъ*, т. е. небесный человѣкъ, или человѣкъ-первообразъ;

напомнить, въ некоторыхъ отрывкахъ, въ всеобщую субстанцію принимается уже-свѣтлая мысль, и правильное развитіе этой силы выступаетъ мѣсто прежней, дошлѣе-грубой теоріи emanatизма, такъ-что г. Францъ находить въ Зогаръ почти-что гегелево ученіе объ абсолютной всежественности. Далѣе онъ приводитъ каббалистическое ученіе въ слѣдующемъ началамъ:

1) Выдвигая всѣ святыя и слова священнаго писанія за символы, оно учитъ человѣка имѣть довѣренность къ самому-себѣ, ставитъ рассудокъ на мѣсто авторитета, и въ самыхъ пѣдрахъ религіи даетъ существованіе философіи.

2) *Видованіе въ Бога, Творца вселенной, отдѣльнаго отъ творенія, замѣляетъ оно идеею вавилонской субстанции, существовавшей безконечною, вѣчно-дѣятельной, вѣчно-мыслящей, вѣчно-времѣющей причиною вселенной, по которую вселенная необъемлетъ, и для которой творить значить не что иное, какъ вылезти, существовать и развиваться изъ самой-себя.*

3) *Видѣно міра чисто-матеріальнаго, отвлеченнаго отъ Бога, возникшаго изъ ничтожества и предмѣстнаго возврата опять въ ничтожество же, оно признаетъ существованіе безчисленныхъ формъ, подъ которыми божественная субстанція развивается и раскрывается по неизмѣннымъ законамъ мысли; формы же эти, впрочемъ, чѣмъ осуществляются въ чемъ-либо ослѣпительномъ, существуютъ до-тѣхъ-поръ въ верховномъ разумѣ; отсюда происходятъ два міра: міръ разумный, или высшій, и міръ матеріальный, или низшій.*

4) *Изъ всѣхъ этихъ формъ, человекъ есть самая возвышенная, самая полная, единственная, полъ которой позволительно представлять Бога. Человѣкъ служитъ связью и переходнымъ звѣномъ между Богомъ и вселенною и отражаетъ ихъ обонхъ въ двойственной природѣ своей. Какъ все, что ограничено, онъ находится сначала заключеннымъ въ безусловной субстанціи,*

съ которою долженъ соединиться опять, когда будетъ приготовленъ къ тому послѣдовательными развитіями; во безусловную форму, всеобщую форму человѣка, должно отличать отъ отдѣльныхъ людей, которые болѣе или менѣе только слабыя ея воспроизведенія; первая, называемая въ каббалѣ небеснымъ человѣкомъ, неразлѣнна съ божественною субстанціею, и есть первое ея раскрытіе или проявленіе.

Это главные начала ученія. Облеченныя мистическимъ покровомъ и системою демонологіи, они давались во всѣмъ, хотя многіе бросались на ученіе этой таинственной философіи. Съ распространеніемъ ея между равнинами, каббала все болѣе и болѣе утрачивала свой философскій характеръ; игра цифрами и буквами, вмѣстѣ съ демонологіей, и преимущественно съ практическою ея частію, т. е. способами пріобрѣтенія покровительства добрыхъ духовъ и устраненія вреднаго вліанія злыхъ, составляетъ въ настоящее время почти единственную отрасль, которою занимаются и прѣмышляютъ равнины въ тѣхъ мѣстахъ Россіи, гдѣ не царствуетъ преимущественно равниническое упрямство. Каббалистическое ученіе, вмѣстѣ съ высокими истинами, которыя приедены выше, въ теченіе времени наполнилось множествомъ полѣностей всѣхъ мѣологическихъ системъ, полъ которыми сущность ученія почти уничтожается. Такъ, на-примѣръ, у каббалистовъ встрѣчаются такія мнѣнія о происхожденіи злыхъ духовъ: одни думаютъ, что Богъ создалъ ихъ съ пятницы на субботу въ послѣднія минуты семи дней творенія, и какъ суббота наступала уже, то онъ не успѣлъ ихъ досоздать, т. е. не далъ имъ совершенства чистыхъ духовъ, ни чистоты души и тѣла человѣческаго. Другіе думаютъ, что злые духи произведены на свѣтъ Каиномъ. Третьи думаютъ, что они потомки тѣхъ ангеловъ, которые прельстились дочерями человѣческими. Кромѣ духовъ мужескаго пола, есть еще духи женскіе

го пола; особенно замѣчательныя чер-
товки: Дилита, командующая 480 пол-
ками погибшихъ ангеловъ, Махлата
378 полками, Наама, которая заму-
жемъ за чортомъ Шемеровомъ, и дру-
гія. Вообще всѣ злые духи плодятся
и умираютъ такъ же, какъ и люди;
отъ-этого, не стѣсняемые тѣми усло-
віями, которымъ подверженъ бракъ че-
ловѣчскій, злые духи, по ученію кабба-
лы, развелись въ такомъ множествѣ, что
у каждаго человѣка находится ихъ ты-
сяча по правую руку и десять тысячь
по лѣвую. Такая демонологія господ-
ствуетъ у нашихъ Евреевъ преимуще-
ственно предъ прочими частями уче-
нія каббалы, въ губерніяхъ Вольской,
Подольской, Кіевской, Полтавской,
Херсонской и Екатеринославской. Въ
заключеніе каббалистическаго ученія
приведемъ картину всепрощенія:

• Нѣкогда будетъ возсѣдать Господь
въ саду-вдемскомъ, ииѣя по правую
руку небесный севать, по лѣвую —
солице, луну и звѣзды. Окруженный
душами опочившихъ праведниковъ,
будетъ Онъ вести рѣчь о новомъ уче-
ніи, которое дано будетъ чрезъ Мес-
сію. Затѣмъ, Зерубабель, сынъ Шаал-
фіала, прочтетъ молитву *Кадись*, ко-
торую весь міръ, даже находящіеся въ
аду грѣшники-Израилитяне и благоче-
стивые другихъ народовъ, заключать
такимъ громкимъ *аминь*, что его услы-
шитъ самъ Господь; ангелы же спро-
сятъ, что значить этотъ шумъ. И бу-
детъ донесено Господу, что это гром-
кій *аминь*, произнесенный находящи-
мися въ аду для заглаженія грѣховъ,
и Господь умилосердится надъ ними
и отдастъ хранящійся у него ключъ
отъ ада ангеламъ Михаилу и Гавріилу,
и повелитъ имъ растворить врата ад-
скія и выпустить осужденныхъ. Тогда
оба ангела растворятъ всѣ сорокъ ты-
сячь воротъ и выпустятъ осужден-
ныхъ, а тѣхъ изъ нихъ, которые си-
дять въ самой глубинѣ и не будутъ
имѣть силъ выйти безъ помощи, вы-
ведутъ подъ руки; потомъ вымоютъ
ихъ, унастятъ, исцѣлятъ полученныя
ими въ аду явы, облечутъ въ свѣтлыя

ризы и позовутъ предъ лицо Господа.
И Господь дозволитъ имъ предстать
предъ Себя и вѣсть величіе Его. И
предстанутъ они и падутъ ницъ; при-
зывая имя Господа и воздавая хвалу
Ему. Возрадуются тогда и блаженныя,
издана услаждающія въ рай имъ
вѣрніемъ Господа, и всѣ имѣтъ воз-
грать ему пѣснь хвалы и благодар-
ности....

Шаббатай - цевистокъ. Основаніемъ
ученію Шаббатай-Цеви; главы этой
секты, служивъ каббала; въ-послѣд-
ствіи же, главнымъ пунктомъ этого
ученія было признаніе сущности всѣхъ
трехъ религій, происшедшихъ изъ ес-
писанія ветхаго завіта, т. е. иудейской,
христіанской и мусульманской; отъ-
того послѣдователи этой секты на
Востокѣ принимали исламъ, а въ Ев-
ропѣ христіанство.

Секта хассидимовъ получила свое
начало въ половинѣ прошедшаго сто-
лѣтія, и хотя вѣтъ, въ которомъ она
образовалась, былъ философскій, секта
эта не имѣетъ, однакожъ, никакого
философскаго впаденія. Послѣдовате-
лямъ запрещается образованность и
чтеніе ученыхъ книгъ; за то позво-
ляется, для поддержанія веселаго рас-
положенія духа, пьянство и дѣвство.
Главное начало секты — безпрестанное
повиновеніе *цадикамъ* (главамъ
секты); хассидъ не долженъ имѣть ни
своей мысли, ни своей воли: онъ дол-
женъ только исполнять велѣнія *цади-
ка*, достигшаго своего званія святости-
ствомъ и безсовѣстностью. Секта эта,
не смотря на свою нечѣпость, имѣетъ
множество послѣдователей, потому что
ученіе хассидимовъ дозволяетъ укло-
ненія отъ исполненія обрядовыхъ
предписаній раввиновъ и избавляетъ
отъ сухости и безплодности раввин-
ческой науки. Бонаventura Майеръ,
большой защитникъ Евреевъ, вотъ что
говоритъ о хассидиммахъ:

• Жилища хассидимовъ большею ча-
стію крайне-нечисты. Мужчины обы-
кновенно ничѣмъ не занимаются и оста-
вляютъ заботы о своемъ пропитаніи
женамъ, которые и ведутъ всѣ дѣла и

работы. Жена сидитъ въ лавкѣ и торгуетъ, ходитъ на рынокъ, покупаетъ и продаетъ; мужъ же, какъ встаетъ, отправляется тотчасъ въ баню и проводитъ тамъ два-три часа, съ трубкою въ зубахъ и кальяка съ товарищами. Послѣ бани, около девятаго часа, каждый читаетъ молитву. Затѣмъ пьютъ обыкновенно водку, на осмнадцатомъ словѣ XIX псалма: *Работайте Господеви во веселии*, и расходятся по домамъ завтракать. Всѣ, которымъ нечего дѣлать, послѣ завтрака снова собираются въ своихъ клубахъ, разговариваютъ и опять пьютъ. Такъ проводятъ они каждый день; женятся обыкновенно въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ году, рѣдко позже.

Каждую субботу собираются вчеромъ прикомана изъ своего ладку, приносятъ съ собою пищу и питье и пируютъ hasta за-ночь. На этихъ сборищахъ созвѣзъ ибени каббалистическаго содержания на халдейскомъ языкѣ. Цѣлѣнъ и превидуетъ на разныя, заданнѣмъ присутствующимъ мѣстахъ. иносѣтѣ, стараетъ соединить ихъ въ одно цѣлое и выказать свое знаніе, остроуміе и даръ прозорливїа. Наконецъ, при помощи меда и водки, всѣ предаются восторженному состоянію. Хасидимъ, во время молитвы, подымаютъ страшный крикъ и гамъ, кричатъ, хлопаютъ въ ладоши, скачутъ и качаются во всѣ стороны.

Сухость раввинизма такъ надѣла Евреямъ, что секта хасидимовъ, съ половины прошедшаго столѣтіа, считаетъ около полумилліона послѣдователей; большая часть этой нечестивой и пьяной секты увеличиваетъ и безъ того уже большую массу неравованныхъ раввинистовъ.

Вотъ настоящее положеніе всѣхъ сектъ еврейскихъ въ Россіи; ни одна изъ нихъ не показываетъ умственнаго развитїа и нравственнаго усовершенствованїа народа; каббала, которая могла обѣщать въ началѣ много прекраснаго — переродилась въ демонологию, а остальные секты суть порожденіе нечестива. Евреи, живущіе въ нашихъ западныхъ и южныхъ провинціяхъ, распространяютъ свое нечестиво на сѣверо-западныхъ сѣверо-восточныхъ населенїа, и много-много предстоитъ еще трудовъ для того, чтобы поднять край изъ бѣдности, суевѣрїа и глубокаго нечестива.

Г. Григорьевъ недавнее изданїемъ своимъ сдѣлалъ прїятный подарокъ нашей публикѣ, которая, или уже встрѣчалась или можетъ встрѣтиться лицомъ къ лицу съ еврейскимъ населенїемъ. Повторимъ, что всѣ свѣдѣнія, собранныя авторомъ, заимствованы изъ лучшихъ писателей о судьбѣ еврейскаго народа.

VI.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ ХРОНИКА.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

А П Р Е Л ь .

164) **МОСКОВСКИЙ, ЛИТЕРАТУРНЫЙ УЧЕБНЫЙ СБОРНИКЪ НА 1847 ГОДЪ.** Москва. В 2 тт. Самка. 1847. В 8-ю л. 707, 146 и 32 стр.

Въ «Московский Сборникъ» нынѣшняго года приняли участіе почти все тѣ же литераторы, которыхъ ставили на волюнху «Московский Сборникъ» прошлаго года: гг. Аксаковъ, Погодинъ, кн. Вяземскій, Поговъ, Ригельманъ, Срезневскій, Чижевъ, Языковъ, Сергъ... г-жа Павлова. Такъ же, какъ за прошлый годъ, въ немъ есть стихи и проза. Пересмотримъ прежде

Всего любимаѣе здѣсь Вышеслава въ письме Карамзина къ брату его Василью Михайловичу Карамзину и Чепышевскія письма его же къ Александру Яковлеву Туркмену. Неизвестный редакторъ «Сборника» справедливо захъ-
Т. III. Стл. VI.

часть, что эти письма, представляя въ непрерывной связи черты цѣль жизни Карамзина съ 1796 по 1826 годъ, т. е. по самый годъ его кончины, должны особенно интересовать каждого читателя, и что тамъ, гдѣ выражаются частности жизни въ общеніи съ родными, часто высказываются живыи и характеръ челолика гораздо полнѣе, нежели въ его отношеніяхъ съ людьми, съ которыми онъ соприкасается только своимъ рассудкомъ. Но мы находимъ, что, кромѣ этого, письма историографа любопытны именно по соприкосновенію его рассудка съ разными людьми, т. е. по его образу мыслей о тѣхъ или другихъ предметахъ. Вышеслава абстрактноносность, Сергъ-алфачевскія въ этомъ отношеніи, не пропуская еликакъ и другихъ, наиболее любопытныхъ, относящихся собственно къ жизни нашего историографа.

люлю къ его источнику; все другое, лю-
бимый мой пріятель, есть шелуха, — не
сключаю и моихъ осьми или девяти то-
ровъ. Чѣмъ долѣе живемъ, тѣмъ болѣе
блещется для насъ цѣль жизни и со-
решенство ея. Страсти должны не сча-
сливать, а разрабатывать душу. Сухой,
младый, но умный Юмъ, въ минуту
свободнаго живаго чувства, написалъ:
«une paix de l'ame, résignée aux ordres
de la Providence! Даже Спиноза говоритъ
необходимости какой-то несласной любви
къ Вышнему для нашего благоденствія! —
Бладо разницы между мелочными и такъ
звываемыми еажными занятіями; одно
тутреннее побужденіе и чувство важно.
Знайте, что я какъ можете: только лю-
блю добро; а что есть добро — спраши-
вайте у себя. Быть статей-секретаремъ,
выстроитъ, или авторомъ, ученымъ: все
дно!

Обнимаю васъ въ заключеніе. Пока жи-
влю и движусь, присылайте мнѣ относе-
на, къ Русской Исторіи: Визавтіицевъ,
ерберга, Круга. Прошу васъ изъяснить
ую душевную признательность Аделун-
у: умно цѣнить достоинство труда его.
Когда Богъ дозволитъ мнѣ возвратиться
къ Москвѣ, посетую на кулешино Алек-
андръ М. Слово о Паулу Иностран-
о любопытный подлогъ. Простите. Еще
къ обнимаю васъ съ искренностію друж-
а. На вѣки преданный вамъ. Н. К.

Москва. 15 Апрѣля 1816 г. Любезный-
ій мой Александръ Ивановичъ! Друже-
ое письмо ваше, отъ 3 апрѣля, трону-
меня до глубины сердца. Знаю, что
меня любите; но когда это чувствую,
гда въ сердцахъ моихъ дѣлается какое-
особенное движеніе. Мы, два Симбирля-
а, платимъ и не даемъ въ займы другъ
угу; рассчитаемъ вѣрно въ день послѣд-
й земной разлуки. Однакоже могу по-
дѣлаться надъ вами: надъ вами въ не-
сперю! Она не обманетъ васъ только
одномъ смысломъ: вѣрты моей искрен-
сти и дружбѣ; остальное не важно. Я
мистикъ и адептъ; хочу быть самымъ
остылымъ человѣкомъ, хочу любить какъ
яко болѣе, не мечтаю даже и о возро-
деніи нравственномъ въ глѣбѣ. Вудемъ
середу, не много получивъ того, какъ
были во вторникъ, и довольно для
съ лѣнниками Жуковский есть неспавный
въ брата. Съ такими людьми херешо
въ и умереть! Да здравствуетъ Арза.

мась! — Я видѣлъ вашу матушку и поѣду
къ ней на сихъ дняхъ, чтобы поговорить
объ васъ. Очень желаю свидѣть что-ни-
будь навѣрное о Царскомъ Селѣ: мнѣ хо-
тѣлось бы ѣхать отсюда прямо туда, а не
къ Петербургу, гдѣ у меня нѣтъ приста-
нища. Вамъ все поручаю; можете напоми-
нить и доброму, обязательному Князю.
Жаль будетъ мнѣ оставить Москву: это
мирная гавань! Не говорю о людяхъ: го-
ворю только о своемъ спокойствіи. Да бу-
детъ, что угодно Всевышнему! — Прости-
те. Обнимаю васъ крѣпко. Навѣки пре-
данный вамъ

Н. К.

«Ц. С. 6. Сент. 1826 года. Любезный
другъ! Сердечно благодаримъ васъ за три
истинно дружескія письма, скоро одно
за другимъ полученные: изъ Берлина,
Дрездена и Карлсбада. Вы объ васъ ду-
маете, а мы объ васъ, съ жаднѣйшимъ уча-
стіемъ, радуясь всѣмъ пріятностямъ ва-
шего путешествія, которое должно освѣ-
жить васъ для будущей постоянной, буд-
нишней жизни въ отечествѣ: вотъ польза,
душа пріятностей! Все чужое есть для
насъ только зрѣлище: смотри, а дѣла не
забывай. Вы еще въ долгу у Россіи. То
есть, уже напоминаю вамъ о возвращеніи,
и даю срокъ не весьма дальній: годъ,
полтора, не болѣе; или надобно идти въ
отставку: чего крайне ни для государ-
ства, ни для васъ не желаю. «Въ дому
отца моего многи обители суть». Не тутъ,
такъ въ другомъ мѣстѣ найдетъ для
васъ дѣятельность полезная; чѣмъ менѣе
другіе требуютъ ее отъ васъ, тѣмъ болѣе
мы должны требовать ее отъ себя, какъ
существа нравственныя. Для насъ, Рус-
скихъ съ душою, одна Россія самостоятна,
одна Россія истинно существуетъ; все
иное есть только отношеніе къ ней, мысль,
привидѣніе. Мыслить, мечтать, можемъ
въ Германіи, Франціи, Италиі, а дѣло дѣ-
лать, единственно въ Россіи; или нѣтъ
гражданина, нѣтъ человѣка; есть только
двуножное животное, съ брюхомъ. Такъ
мы съ вами давно разсуждали: значить,
что я не перемѣнилъ понятій въ ваше
отсутствіе; съ ними, вѣроятно, и закрыю
глаза, для здѣшняго свѣта, tout voir plus
clair. Буайте вы здоровы и любите насъ,
какъ мы васъ любимъ. Богъ съ вами и
съ нами! Вашъ Н. Карамзинъ.»

Изъ ученыхъ статей первое (и, мо-
жно сказать, единственное) мнѣсто на-
димаеть рассужденіе г. Соловьева о

Мѣстничество. Въ исторіи вопроса о мѣстничествѣ, авторъ различаетъ три періода. Въ первый періодъ, оно являлось какимъ-то безсвязнымъ, отрѣшеннымъ явленіемъ въ нашей исторіи: происхождение его приписывали произволу Іоанна III, учредившаго разряды. Второй періодъ знаменуется попыткой г-на Погодина связать мѣстничество съ другими явленіями древней русской жизни: по мнѣнію г. Погодина, мѣстничество есть удѣльная система, приложенная, вмѣсто городовъ, къ службѣ. Г. Соловьевъ опровергаетъ это мнѣніе словами самого Погодина: «оно (мѣстничество) искони велось между знатнѣйшими родами въ продолженіе удѣльнаго періода, точно какъ и между княжескими». Если такъ, то оно не могло быть продолженіемъ удѣльной системы: ибо велось искони въ продолженіи удѣльной системы. Третій періодъ состоитъ въ отчетливомъ разсмотрѣніи всѣхъ извѣстныхъ случаевъ мѣстничества: тогда только можно произнести приговоръ о природѣ этого явленія. Такой трудъ совершилъ г. Валуевымъ въ «Сибирскомъ Сборникѣ»: онъ написалъ подробный комментарий на разрядную и исчислилъ источники для мѣстничества. Смерть помѣшала ему исполнить послѣднее: объяснить общее значеніе мѣстничества и его развитіе. Этотъ неоконченный трудъ восполнилъ теперь г. Соловьевъ.

Г. Соловьевъ связываетъ вопросъ о мѣстничествѣ съ вопросомъ о характерѣ нашей древней исторіи, съ исторіею отношеній между русскими князьями, которую онъ такъ отчетливо раскрылъ въ своей диссертациі: «Исторія отношеній между русскими князьями рюрикова дома» (мы отдадимъ отчетъ о ней въ слѣдующей выжкѣ). Представляетъ краткое изложеніе его взгляда на происхожденіе мѣстничества.

Всѣ европейскія государства обязаны началомъ своимъ великому движенію дружинъ. На Западѣ, дружины встрѣтили Римскую Имперію: въ борьбѣ началъ дружинныхъ съ нача-

лами государственныхъ развились исторія западныхъ европейскіхъ народовъ. На Востокѣ, дружина наша имперію, но многочисленныя племена жившія подъ формою родового быта слѣдовательно, здѣсь начало дружное вступило въ борьбу не съ государственнымъ началомъ, но съ родовымъ. Одно изъ явленій, происшедшихъ отъ этого столкновенія, — мѣстничество. Вождь дружины, или князь скоро подчинялся влиянію родового быта племенъ, которыя признавали своимъ главою; скоро, вмѣсто одного властителя, является цѣлый владѣтельный родъ, который считаетъ своею добытою посредствомъ дѣловыхъ оружія, своею неравнѣльною ответственностью; между князьями господствуютъ чисто-родовыя отношенія: если вождь дружины подчинялся родовому быту, то и товарищи его, дружинники, заразились родовыми понятіями. Такъ было вездѣ, тамъ была у насъ, потому-что и у насъ была дружина, и эта дружина, или дворянскія дружины, наполнилась пришельцами изъ всѣхъ странъ и народовъ съ востока запада, которымъ князья вѣдали мѣсто, смотря по ихъ происхожденію по мѣсту, которое они занимали, прежнемъ отечествѣ и по личнымъ доблестямъ. Если же отъ князя было назначеніе мѣста для пріемца, то ясно, что онъ могъ по своему волю назначать мѣста военнымъ и гражданскія своимъ старымъ дружинкамъ и вступающимъ въ дружины сыновьямъ и родичамъ. Этотъ князь, которымъ онъ командовалъ дружинѣ, встрѣтило при этомъ родовое бытѣ и неопытность своего мѣна, которого онъ былъ обязанъ не уступить свое мѣсто ни при какомъ случаѣ, зная, что онъ не можетъ перемѣнить отношеній, легко это сдѣлать при господствѣ родовыхъ понятій, ибо родъ — это одно цѣлое, и когда одинъ изъ членовъ термилъ честное мѣсто, то весь родъ ралъ цѣлый родъ, понимая мѣсто родомъ того, которому оно было

лено. Это-то господствовавшее въ князей Руси понятіе о нераздѣльности рода стало въ противоположность дружиннымъ правамъ князя назначать мѣста для своихъ дружинниковъ легло въ основаніе мѣстничеству. Възвѣвъ, подчинившійся родовому быту, не могъ не признать мѣстничества. Называя его, онъ не могъ однако отказать отъ права наполнять свою дружину какъ можно большимъ числомъ храбрыхъ людей, потому-что дружина давала ему значеніе и силу: отсюда необходимость принимать людей, извѣстныхъ своею доблестью. Но ги люди соглашались вступить въ службу князя только при условіи мѣста, соответствующаго ихъ достоинству, и потому они должны были непременно отгѣснять старыхъ дружинниковъ, старыхъ бояръ отъ первыхъ мѣстъ, *завязжали* ихъ, по мѣстническому выраженію. Вотъ почему дружина, послѣ дворъ князей нашихъ, такъ легко наполнялась пришельцами изъ чужихъ народовъ. Но если пришелецъ былъ изъ русскаго же княжества, если степень его въ дружинѣ прежняго князя была извѣстна, — тогда уже нельзя было избѣжать мѣстническихъ столкновеній. Кромя заводовъ, частый случай въ мѣстническихъ столкновеніяхъ подавалъ безпрестанный перекладъ князей изъ одной волости въ другую, при чемъ они приводили изъ стараго княжества въ новое своихъ собственныхъ дружинниковъ, къ которымъ, разумѣется, питали большую любовь и довѣренность, въ-слѣдствіе чего давали имъ высшія мѣста передъ дружинниками, которыхъ находили въ новомъ княжествѣ. Отсюда ненависть старыхъ дружинниковъ къ пришельцамъ, стараніе первыхъ сбить, во что бы то ни стало, послѣднихъ, а для этого единственнымъ средствомъ было завести крамолу противъ князя и призвать на его мѣсто другаго. Единственнымъ средствомъ для старыхъ дружинниковъ, *завязанныхъ* пришельцами, оставалось отгѣснять въ другія княжества: вотъ почему право отгѣ-

сать было самымъ драгоценнымъ правомъ для бояръ нашихъ; вотъ почему они такъ горячо за него стояли, и упорствомъ своимъ въ его сохраненіи вызвали такіа страшныя мѣры со стороны московскихъ государей. Но когда московскіе князья, собравъ Сѣверо-восточную Русь въ одно государство, положили конецъ отгѣдамъ изъ одного княжества въ другое, а отгѣды къ великому князю литовско-русскому получили значеніе измѣны въ-слѣдствіе преобладанія государственныхъ понятій и различія въ-восповѣданій, тогда мѣстническіе споры усилились при московскомъ дворѣ до чрезвычайности. Не смотря на стремленіе московскихъ государей противоборствовать мѣстничеству, оно было еще такъ сильно, что государи должны были терпѣть его, даже уступать ему. Когда князю нужно было принять въ свою дружину знаменитаго пришельца и дать ему высшее мѣсто предъ старыми боярами, то для восстановленія мѣстническихъ отношеній, нарушенныхъ пріѣздомъ новаго дружинника, необходимо было сдѣлать новый рядъ, что означалось словомъ *мѣнять*, т. е. переимѣнять мѣстническія отношенія. Какъ было сильно мѣстничество въ началѣ московскаго единодержавія, показываетъ неумѣстательное правительствва касательно распредѣленія мѣстъ въ войскѣ. Нерѣдко мѣстничество прямо оспаривало письменные акты и царскія грамоты потому только, что они противорѣчили ему. Мѣстническіе счеты происходили не въ однихъ полкахъ, а также и при дворѣ, гдѣ упорство мѣстниковъ имѣло слѣдствія больше смѣшныя, чѣмъ вредныя. Объяснивъ происхожденіе мѣстничества, авторъ показываетъ судьбу его въ различныя эпохи русской исторіи, потомъ обобщаетъ его основныя начала, и наконецъ, исчисленіемъ случаевъ, въ которыхъ оно допускалось, заключаетъ свое прекрасное изложеніе.

Г. Коссовичу принадлежить переводъ съ санскритскаго драмы въ 6 дѣ-

ствіяхъ: *Торжество Свѣтлой Мысли*. Она написана за 200 или не позже, какъ за 150 лѣтъ до Р. Х., когда готовъ былъ совершиться переломъ въ борьбѣ древняго брахманизма съ новыми системами, но когда древнее брахманское ученіе, въ лицѣ вишнуитовъ, еще торжествовало надъ сиваномъ, начинавшимъ уже пускать глубокіе корни. Поэтъ (Кришна-Мисра) свилъ и предоставитъ паденіе вишнуизма и представляетъ новое ученіе въ картинахъ самыхъ мрачныхъ и отвратительныхъ, а поклоненіе Вишну, въ противоположность поклоненію Сивѣ, изображаетъ свѣтлыми красками. Содержаніе драмы слѣдующее: раздѣленіе Разума съ царицею Упанишадю (которая, въ нарицательномъ смыслѣ, есть часть книги Ведъ догматическаго философскаго содержанія) было причиною того, что страсти и эгоизмъ подчинили духъ условіямъ матеріи и заключили его въ предѣлы индивидуальности. Чтобы освободить Праотца, Разумъ опять старается примириться съ этою священной для Индусовъ книгою, представленною въ аллегорической драмѣ въ образѣ женщины. Для этого онъ, предварительно отказавшись отъ новой своей спутницы, Разсужденія, совершаетъ обѣтъ, возложенный на него религиозными чувствами. Ухищренія царя Лжи (переводчикъ называлъ его Мѳрокомъ) препятствуютъ всѣмъ мѣрамъ воссоединенію Разума съ Упанишадю. Главными союзниками въ этомъ дѣлѣ у Мѳрока представлены Сиванты. Но Кротость, Смирненіе чувствъ, Терпѣніе и главный дѣятель этого воссоединенія Разума съ Ведами, Поклоненіе Вишну, помогаютъ Разуму восторжествовать надъ всѣми его врагами. Разбивъ Мѳрока, онъ посылаетъ къ Упанишадѣ посла-дѣву Покой-души. Мѳрокъ, побѣжденный на полѣ брани, прибѣгаетъ къ коларсгву: для того, чтобы удержать Духъ въ сферахъ вещественности, онъ скупилъ представить ему всю роскошь увеселеній, доступныхъ для него въ этомъ быту. Духъ уже колебался; но просвѣтлен-

ный Разумъ восторжествовалъ: вещь-ственность отвергнута, и Духъ возведенъ на престолъ всеобъемлемости. Отъ сближенія Разума съ Упанишадю родился сынъ, Свѣтлая-мысль, и грозная дѣва — Наука. Свѣтлая-мысль дѣлается постояннымъ хранителемъ Духа; дѣва же Наука, убивъ слѣбое Чувство и царя Мѳрока, сама исчезаетъ.

Отсюда видно, что содержаніе драмы, въ которой дѣйствуютъ олицетворенныя абстракты и философы, не представляетъ интереса, составившаго принадлежность собственно-драматической поэзіи. Хотя эти абстракты и разсуждаютъ каждый свойственнымъ ему языкомъ, но невозможно было поэту заставить ихъ въ драмѣ двигаться такъ, какъ движутся выходящими на сцену дѣйствительныя лица. Несмотря на свѣтлыя стороны ведантизма, выставляемаго въ драмѣ, во глубинѣ этого ученія лежатъ понятія, ужасющія своею, непонятною для нашего времени, суровостью ко всѣмъ благороднѣйшимъ чувствамъ человѣка. Такъ-какъ это произведеніе заключаетъ собою эпоху, то апатію ученія можно объяснить только тѣмъ, что въ немъ высказывается старость человѣческой мысли.

Г. Коссовичъ, приложившій къ своему переводу предисловіе, изъ котораго мы заимствовали извѣстіе о драмѣ, представляетъ двѣ побудительныя причины своего труда. Первая — та, что драма завершаетъ собою кругъ многовѣковой древне-индійской цивилизаціи, отличающейся отъ всѣхъ другихъ цивилизацій преимущественно тѣмъ, что она источникъ въ продолженіе тысячелѣтней своей дѣятельности всѣ, такъ-сказать, способы мыслительности человѣка. Дѣйствіа противъ сивантовъ, поэтъ затронулъ почти всѣ философскія системы, стоящія въ противоположности къ вишнуизму. Такимъ образомъ драма есть какъ-бы зеркало, въ которомъ отразилась, хотя и въ уменьшенной видѣ, вся отжившая цивилизація одной изъ плодотвѣннѣйшихъ эпохъ человѣческаго

ишленія. Другая причина заклю-
 ется въ томъ, что, по мнѣнію пере-
 водчика, санскритская драма на рус-
 скомъ языкѣ можетъ имѣть слѣдующій
 временный интересъ: индійскіе му-
 щы, выведенные на сцену поэтомъ,
 представляютъ образцы разнородныхъ
 философскихъ системъ индійскаго вре-
 ни. Поэтъ срываетъ съ нихъ личину,
 и съ они до одного оказываются яв-
 ны *материалистами*. Этотъ фактъ
 казался г. Коссовичу заниматель-
 нымъ, потому что онъ наводитъ на
 сравненіе различныхъ индійскихъ си-
 стематикъ съ различными современ-
 ны западными систематиками, ис-
 ходивши изъ общаго источника систе-
 матическую *развитію*, и слѣдовательно
 водитъ на мысль: «если, по примѣру
 индійскаго поэта, сорвать личину и съ
 временныхъ намъ неогегелстиче-
 скихъ мудрователей — не окажутся ли
 они такъ же материалистами, какъ
 оказались древніе ихъ предшественни-
 ки? Не будетъ ли, по крайней мѣрѣ,
 подобнаго этому вѣнецкій или
 шарский материализмъ, усовер-
 шствованный и систематически раз-
 витый на основаніи систематическихъ
 софизмовъ *эволюціоно развитаго*? —
 Последняя будничная причина кажется намъ
 лишнею. Хотя всѣ философскія си-
 стемы вѣютъ между собою сवारъ, и
 мнѣніе послѣдующихъ можетъ объ-
 являться предвидущими, однакожъ,
 мы видѣть материализмъ или не-
 материализмъ неогегелизма, вѣтъ надоб-
 сти прибѣгать къ индійскому поэту:
 можно обойтись и безъ него. Сверхъ-
 того, понятія о материализмѣ измѣни-
 тельно много съ-тѣхъ-поръ, какъ показа-
 ны гибельныя слѣдствія спиритуализ-
 ма. Матерія воввысилась значительно
 глазахъ многихъ философовъ, кото-
 рымъ существенность предпочитаютъ
 образамъ. Самъ переводчикъ гово-
 ритъ, что индійскій поэтъ, срывающій
 личину съ материализма, развиваетъ
 понятія, ужасающія своею суровостью
 всѣхъ благороднѣйшихъ человѣче-
 скихъ чувствъ, что возвышенное
 мнѣніе его апатично, — а что хуже апатично?

тинъ? Миръ, создаваемый подобно фи-
 лософіею, есть миръ абстрактный, въ
 которомъ человеку, одному плотію,
 жить невозможно, и гдѣ, можетъ ста-
 ться, находитъ причину себѣ мѣсто,
 только тѣмъ умершихъ.

Переходя къ статьямъ чисто-славян-
 скимъ, мы не можемъ не повторить
 очень-умныхъ сужденій нашего учёна-
 го, напечатанныхъ въ предъидущей
 книжкѣ «Отеч. Зап.»: «Новая (исключи-
 тельно-славянская) наука остается
 при начаткахъ. Общанія ея мы слы-
 шали такъ давно, что они перестали
 для насъ быть надеждами и превра-
 тились въ воспоминанія? Гдѣ же ис-
 полненія? Гдѣ великіе, на почвѣ ис-
 ключительной національности совер-
 шенные труды, предъ которыми мог-
 ли бы сознать свое заблужденіе лю-
 ди, также глубоко любящіе Россію и,
 слѣдовательно, дорожащіе самостоя-
 тельностью русской мысли, но не ста-
 вившіе ее во враждебную противопо-
 ложность съ общечеловѣческой и не-
 приписывающіе ей особенныхъ зако-
 новъ развитія? Изъ всѣхъ свойствъ
 молодости, новая наука обнаружила
 одну только самонаблѣнность. Во
 всѣхъ остальныхъ она дѣйствуетъ
 осторожно, довольствуется общими
 формулами, неохотно влѣзаетъ въ она-
 сность частныхъ разисканій и рѣ-
 шеній, выходятъ на открытое поле исто-
 рическихъ фактовъ, на которыхъ до-
 сихъ поръ — употребимъ выраженіе
 Петра Великаго — она въ авантажъ не
 обрѣталась. Эти слова — лучшая оцѣн-
 ка чисто-славянскихъ статей «Сбор-
 ника», которыя потому только не вѣ-
 ли этихъ словъ въ эпиграфъ, что они
 явились въ печати послѣ статей.

Первая, исключительно славянская
 статья — *Продолженіе Писемъ изъ Виль-
 г. Ригельмана*. Начало «Писемъ» (въ
 прошлогоднемъ «Сборникѣ») дадо объ-
 щаніе показать значеніе, сущность,
 духъ, силу Славянъ. Продолженіе ис-
 полнило обѣщаніе оригинальнымъ об-
 разомъ доказательства, или какъ вы-
 ражался вѣкогда Мавръ, *показа-
 тельства* автора состоитъ изъ общихъ

риторических мѣстъ, которыя легко прилагать ко всему; но изъ которыхъ рѣшительно ничего не выходитъ. При самомъ вступленіи въ показаніе, читаемъ удивительный «пассажъ», необъяснимый всѣми источниками заблужденій, несчисленными въ логикѣ Кизеветтера: «Такое долгое существованіе (Славяне), записанное въ исторіи, въ продолженіи болѣе ста пятидесяти «эпохъ...» (стр. 196). Остановившись и размысливъ... «О семъ помыслить должно», сказалъ бы Гамлетъ. Ошибиться не бѣда: ошибка въ фальшь не ставится. Изумляетъ насъ здѣсь не ошибка, а причина ошибки, процессъ, который она совершилась. Въ-самомъ-дѣлѣ, какъ объяснить ее? *Болше ста пятидесяти эпохъ!* Вѣдь это значитъ болѣе *пятнадцати* тысячъ... страшно выговорить, а выговорить надобно: *болше пятнадцати тысячъ летъ!!!* Цифра не важная по китайскому или индійскому лѣтосчисленію, и, конечно, при томъ сродствѣ, которое открывається между Индѣйцами и Славянами, вѣроятно мнѣть однимъ доказательствомъ болше. Можетъ-быть, почтенный авторъ и шѣлъ это въ виду, хотя есть другое предположеніе, объясняющее его ошибку. Не хотѣлъ ли онъ написать *болше пятнадцати* и написалъ *болше ста пятидесяти*? Описка возможная, когда бы сумма была выражена цифрами, и трудная, когда она выражена словами: 150 и 15 еще похожи, но *пятнадцать* и *сто пятнадцать*, — право, не похожи. Притомъ же, какая чисто-славянская статья позволить отнять у славянской древности цѣлые десять вѣковъ? Нѣтъ, этого быть не можетъ, и предположеніе наше само собою разрушается. Третье мнѣніе полагаетъ, что *болше ста пятидесяти эпохъ*, въ настоящемъ случаѣ, значить *болше двадцати-пяти* эпохъ. Но поставить *сто пятидесяти* вмѣсто *двадцати-пяти* такъ же трудно, какъ *двадцать-пять* поставить вмѣсто *ста пятидесяти*. Здѣсь и цифрное, и буквенное письмо различно. Четвертое, самое близкое къ истинѣ объясненіе заключается въ томъ, что въ дѣто-

счисленіи автора опущена частица «Пятидесяти»: «болше ста пятидесяти вѣковъ», а читай: «не болше ста пятидесяти вѣковъ». Это — отрицательный способъ лѣтосчисления, весьма-примѣнный всѣмъ сомнительнымъ древностямъ и крайне-выгодный въ томъ пошевіи, что, выражаясь подобнымъ образомъ, никакъ нельзя солгать, какомъ народѣ, о какомъ человекѣ, и же вчера только родившемся, не вволю сказать: «ему не болше ста пятидесяти эпохъ?»

Утверждать древность Славянъ, авторъ доказываетъ присутствіе въ ихъ духовнаго организма. «Если бы», говоритъ онъ: «Провидѣніе не волю особеннаго духовнаго организма славянскаго племени, оно бы давно съ-лось съ лица земли». Не знаемъ, и другіе покажутся доказательствомъ основанныя на предположеніяхъ; для насъ всѣ эти предположенія, служащая опорой историческому воззрѣнію, чрезвычайно-слабыми и рѣшительно бесполезны. Немножко вполнаютъ они поговорку: еслибъ, узнало бы, то передала бы всѣхъ передалокъ. Что значить въ исторіи частица, которая и въ преобращеніи не сътается? Позволено прибѣгать къ ней наукахъ точныхъ, гдѣ разуму наше опредѣлительно извѣстно, каковы результаты выйдутъ при извѣстныхъ условіяхъ; но какъ можно выводить результаты изъ предположеній, говоря о развитіи народной жизни, гдѣ важно лишь слѣдующее, гдѣ наука задается только изъ разсмотрѣнія этого прошедшаго? Да притомъ, если предположеніе автора было въ вѣрнѣ, какая въ немъ польза для Славянъ для науки? Вѣдь не въ томъ дѣло, для въ народѣ духовный организмъ; кой же народъ не мнѣть его, и народъ созданъ для того только, что показать бесполезность созданнаго. Дѣло даже не въ томъ, что таковъ народъ слѣдуетъ, потому-что наука стоитъ не изъ пророчествъ: дѣло въ томъ, что этотъ народъ слѣдуетъ дѣлать. Наконецъ, мы не видимъ,

кому обращается авторъ съ своимъ предположительнымъ убѣжденіемъ, отъ чьихъ нападковъ защищаетъ онъ Славянъ. Развѣ есть люди, сомнѣвающіеся въ томъ, что каждый народъ надѣленъ отъ Господа духовнымъ организмомъ? Право, исключительно славянская наука, за невѣдѣніемъ существеннаго содержанія, создаетъ сама себѣ призракъ, мечтательныя затрудненія, съ которыми сражается общими формулами, риторическими мѣстами: ибо предположеніе автора, его слова о присутствіи духовнаго организма въ Славянахъ есть чисто-на-чисто *locus topica*.

• Не будемъ покамѣсть разсуждать», продолжаетъ г. Ригельманъ: «какіе именно это зародыши (*данные народу славянскому*), въ чемъ ихъ преимущество надъ другими народами: *довольно тою, что они есть.*» — Нѣтъ, недовольно! Мы узнаемъ идею, когда она раскрывается, переходитъ въ явленіе, обозначается событіями. До тѣхъ же поръ, всѣ наши толки о присутствіи идеи, о существованіи зародышей будутъ слова, слова, слова... Изъ риторическаго набора словъ читатель никогда не увидитъ, какіе это зародыши, въ чемъ эта идея. И что за странная отсрочка разсужденій? • Не будемъ покамѣсть разсуждать... Почему жъ не будемъ? Что мѣшаетъ? Тутъ-то бы и доказать себя исключительно-славянскою наукою. Пора ей перейти изъ общихъ мѣстъ въ частныя указанія, отъ толкованія объ идеѣ вообще къ названію идеи именно. До-сихъ-поръ, эта наука существовала въ идеѣ, въ возможности, въ головѣ очень-немногихъ приверженцевъ, исключительныхъ наукъ: когда же она станетъ явленіемъ, будетъ существовать на дѣлѣ? Въ первыхъ своихъ письмахъ, авторъ отложилъ рѣшеніе вопроса до слѣдующихъ писемъ; теперь слѣдующія письма откладываютъ рѣшеніе сонниковаго загадки до неопредѣленнаго времени... Какая странная судьба нѣкоторыхъ идей и писемъ! О нихъ можно сказать то же, что Талей-

ранъ говорилъ о нѣкоторыхъ людяхъ: они *всегда* будутъ подавать надежды.

Другія мысли автора принадлежатъ также къ *новымъ истинамъ*. Изъ нихъ мы узнаемъ, напримеръ, что • Богъ не даромъ создаетъ народы », что • всякій народъ, исполнивъ свое назначеніе, сходитъ съ поприща, умираетъ, завѣщая прибрѣтенное имъ достоинствіе своимъ преемникамъ », что • вѣчно живетъ человечество и человѣкъ », что • время, когда народы сольются въ одно семейство, въ одинъ языкъ, скрыто отъ насъ въ вѣчности », и другія, тому подобныя, вѣковыя нареченія — потому вѣковыя, что • не болѣе ста пятидесяти столѣтій • люди читали ихъ чуть-чуть не въ азбукахъ. Стоило ли ѣздить въ Вѣну, чтобъ открыть такіа новости? Но не одиѣ *новости* въ письмѣ г. Ригельмана: есть воображаемыя мнѣнія, которыя онъ изобрѣтаетъ на досугѣ, передаетъ другимъ и опровергаетъ собственные призраки. • Мечты тѣхъ », говоритъ онъ: • которые думаютъ расширить единство образованія простыми заимствованіемъ отъ народовъ, предшествовавшихъ намъ на пути образованія, суть жалкое заблужденіе. • Кто же такъ думаетъ? кому приходило въ голову мечтать, что народу надобно только узнать то, что знали его предшественники, и потомъ заснуть на лаврахъ? Известно всѣмъ и каждому, что, усвоивъ прибрѣтенное вѣками, онъ не только запечатлѣваетъ его самодѣтельностью, въ слѣдствіе особенныхъ свойствъ, данныхъ ему природою, но и прикладываетъ къ нему нѣчто новое, приращаетъ капиталъ. Иначе не могло бы двигаться человечество. Единство образованія, однакожъ, есть и должно быть: это единство въ образованіи общечеловѣческомъ, которое выше національнаго. Народы сольются въ одно семейство въ то время, когда всѣ національности исчезнутъ въ общечеловѣческомъ...

Если нѣкоторые скажутъ, что вопросы, нерѣшенные еще Западомъ и показывающіе несовершенство его образованія, онъ рѣшитъ самъ, собствен-

ными силами, то авторъ съ ними не согласится. Почему жь? Потому-что есть вопросы, которые неразрѣшимы по его (Запада) началамъ, хотя онъ (Западъ) болѣзненно чувствуетъ потребность рѣшить ихъ; есть другіе, о которыхъ онъ даже не знаетъ: такъ далеки они отъ его пониманія. Какіе же это вопросы? спрашиваете вы. Авторъ молчитъ, потому-что здѣсь дѣло идетъ уже о чемъ-то *именно*, объ указаніи предмета, о частностяхъ, гдѣ нельзя отдѣлаться общемою мыслью... Гдѣ же хранятся начала, неизвѣстныя Западу, нужныя для рѣшенія вопросовъ? Въ славянскомъ мѣрѣ, утверждаетъ авторъ, не считая нужнымъ сказать, на чемъ основано его утверженіе. Что же новаго и совершеннѣйшаго можетъ внести славянской мѣрѣ въ общее образованіе? Вопросъ этотъ, отвѣчаетъ г. Ригельманъ, хотя естественно представляющійся каждому, слишкомъ преждевременно... Великое слово загадки не дается. Любопытство, возбужденное общими мѣстами, должно немножко потерпѣть. *Довольно* того, что въ славянскомъ начинающемся образованіи мы замѣчаемъ много христіанской любви, много самопожертвованія, отсутствіе эгоизма. Гдѣ все это замѣчено—вы тоже не упустите, хоть прочтите все писанное. Если мы породнимся съ славянскимъ міромъ, то увидимъ, что достоинство человѣка стоитъ выше всякихъ круговъ общества, что оно должно быть первымъ условіемъ въ опредѣленіи его значенія. Бѣдный Западъ! Бѣдные люди, непознакомившіеся съ славянскимъ міромъ! Вы не знаете до-сихъ-поръ этой великой, этой новой истины, что «достоинство человѣка выше всякихъ круговъ общества!» До-сихъ-поръ, т. е. до повѣдки г. Ригельмана въ Вѣну и до повѣденія его писемъ въ печати, вы, конечно, думали, что принадлежать къ известному кругу общества, на-примѣръ, къ высшему, несравненно-выше, чѣмъ быть достойнымъ человѣкомъ.

Кромѣ усвоенія великихъ истинъ,

связь съ западными и южными Славянами необходима въ жизни нашего искусства. Хотя въ необходимости, и тѣмъ болѣе въ пользу этой связи никто изъ насъ не сомнѣвался, во автору, видно, нужны сомнѣнія изобрѣтенныя, фантастическія. Доказательства необходимости взяты довольно-странно отъ плохихъ произведеній литературы, въ которыхъ мы подражали литературѣ иностранной. Что жь изъ этого слѣдуетъ? Развѣ литературное произведеніе не можетъ быть плохимъ отъ десяти разныхъ причинъ? Развѣ отсутствіе національности есть единственная причина литературной пошлости? Развѣ нѣтъ у насъ драмъ, романовъ, повѣстей съ покушеніями на національность и, между-тѣмъ, нестерпимо-скучныхъ? Другія доказательства берегъ авторъ отъ примѣровъ тѣхъ великихъ явленій въ мѣрѣ искусства, которыя національны въ тѣсномъ смыслѣ слова: онъ указываетъ на Гомера, Софокла, Шекспира, Шиллера... Прекрасныя указанія! Да вѣдь то Гомеръ, Софоклъ, Шекспиръ, Шиллеръ... шутка сказать! Въ этомъ-то и разгадка величайшихъ произведеній. Жуковский, въ романтической поэзіи, гдѣ нѣтъ національности, поэтъ знаменитый, а исключительно-славянскія поэзія до-сихъ-поръ не произвела еще ничего замѣчательнаго.

Слѣдующія письма автора любопытны, потому-что онъ описываетъ въ нихъ действительную свою *поѣздку* по славянскимъ землямъ Венгріи; и *то* выражаетъ въ общихъ мѣстахъ грядущія судьбы народовъ. Только *напрасно* авторъ силится доказать, что *поѣздка* въ Венгрію плодотворитъ и интереснѣе, нежели путешествіе на берега Тибра, Сены или Темзы. *Добродѣ* его никого не убѣдятъ и подѣйствуютъ развѣ только на людей слишкомъ-патріархальныхъ, которые обширному развитію общественной жизни предпочитаютъ первобытные нравы народа еще мало-общественнаго. *И найду* тамъ людей, которые сами *пойдутъ* мнѣ на встрѣчу и откроютъ свою *ду-*

денною жизнь. Намъ не въ диковинку внутренняя жизнь патриархальной! Грубымъ идиотамъ легко встрѣтишь, вытѣжая изъ предѣловъ многихъ зловъ. И не такъ еще надоѣли намъ воды европейской цивилизации, чтобы должны были бѣжать отъ нихъ въ мѣста, гдѣ нѣтъ порядочныхъ голяницъ, или даже нѣтъ никакихъ. Вогнани изъ плодовъ европейскаго освѣщенія мы еще не пользовались; мы узнаемъ ихъ только побывавъ въ Ирландіи, Франціи и Англіи: откуда и явилось у насъ такое пресыщеніе, что путешественники считаютъ необходимымъ разсѣять его въ terra incognita et inculta, т. е. въ Венгріи? не туда ли, что у всякаго свой вкусъ?... вкусу нѣтъ правиль; слѣдовательно, нѣтъ надобно только выражать свои личные желанія, а не пускаться въ указательства. Мы не будемъ спорить съ авторомъ, когда онъ говоритъ своихъ чувствахъ при слушаніи ими:

Внтра, мила Внтра, ты висока Внтра!
Кде-же су тѣ часи, въ kterыхъ ты си
кантила?

гла онъ увѣряетъ, что еще не слышалъ вапѣва, выражающаго такую зотрадую грусть: у всякаго свой вкусъ и свои ощущенія. Но не хорошо, если субъективныя ощущенія, индивидуальныя вкусы, личные стремленія силятся взойти на степень всеобщаго чувства, общечеловѣческаго вкуса, стремленія всѣхъ и каждаго. За включеніемъ этихъ посягательствъ, въ непужныхъ разсужденій, прочее, т. е. описательная часть, содержитъ въ себѣ любопытныя извѣстія о славакскихъ земляхъ. Виѣсто же общихъ разсужденій, ничего недоказывающихъ, чаще было бы автору начать свое изсѣдѣніе словами Коллара, въ его поэмѣ (очъ Славы): «Конечно, другіе (нашъ) идутъ путемъ удобнѣйшимъ; мы (авансе) подвигаемся съ большимъ трудомъ и позади отъ нихъ, но за то и моложе. Намъ извѣстно, что совершили другіе, а отъ нихъ сокрыты

стравицы, гдѣ написано наше будущее. Это правда, въ которой нѣтъ ничего заносчиваго.

Вторая исключительно - славянская статья принадлежитъ О. Чижову и называется: *Прощаніе съ Франціею и Женевою*. Авторъ крѣпко недоволенъ Франціею вообще и Парижемъ въ-особенности. Онъ недоволенъ даже сильнѣйшимъ развитіемъ просвѣщенія, владычествомъ чтенія и ума. Отъ Русскаго, который, безъ сомнѣнія, самъ читалъ много, но который пока не видитъ того же въ своемъ отечествѣ, странно какъ-то слышать жалобы на обиліе ума, на излишество чтенія. Откуда такое неудовольствіе на умственное пресыщеніе? Гораздо бы лучше было вооружиться противъ неохоты къ чтенію. Иереміады по случаю литературной бѣдности имѣли бы, по-крайней-мѣрѣ, сиравелливое основаніе, если не пользу. Оуждая Французовъ за легкость и поверхностность сужденій, авторъ находитъ причину этого въ чтеніи, которое не оставляетъ ни минуты для спокойнаго обдумыванія прочтеннаго и еще менѣе для близкаго принятія чего-либо къ сердцу. Но кто же оставляетъ въ непрерывную обязанность читать безпрерывно? При избыткѣ книгъ есть возможность отказаться отъ чтенія: лишешекъ чего-нибудь не бѣда. Вотъ бѣда, когда читать нечего, ибо когда нечего читать, то читать невозможно!—Авторъ увѣряетъ, что «во весь день не найдешь (въ Парижѣ) минуты подумать тихо и спокойно, не найдешь уголка, чтобы укрыться отъ исключительно виѣшней парижской жизни». Однакожъ, въ Парижѣ думаютъ: доказательствомъ этому служатъ и умные люди, тамъ живущіе, и умныя сочиненія, тамъ вышедшія въ свѣтъ. Это возможно, отгѣчаетъ г. Чижовъ: «но тогда надобно совершенно выйдти изъ среды парижскаго житія». Мы не знаемъ, какъ надобно поступить для приобрѣтенія подобной возможности: знаемъ только, что въ Парижѣ, гдѣ нельзя порядочно подумать, есть люди очень-поrado

думающѣ, и сочиненій, показывающихъ въ авторѣ умѣнье думать, выйдутъ гораздо больше, нежели въ провинціальхъ францужскихъ и русскихъ, гдѣ больше приволья. Сверхъ-того, авторъ, принадлежа къ истиннымъ Славянамъ (а всякій истинный Славянинъ, по его собственнымъ словамъ, рождень любящимъ), оказывается, въ своихъ путевыхъ письмахъ, не совсѣмъ любящимъ. Вооружаясь противъ личности, т. е. противъ эгоистическихъ помышлений только о самомъ себѣ, авторъ самъ много заботится о личности, выпуская мѣзъ вѣла пользу общую. Книга — вѣдь это раздѣлъ того, что мною приобретено, съ моими ближними, раздѣлъ не съ одними задушевыми пріятелями или съ семейнымъ кругомъ, а со всѣмъ грамотнымъ миромъ; книга — вѣдь это трудъ человѣка для человѣковъ, а не сокровище сокровищъ для себя только! Конечно, легко думать на привольѣ, еще легче ничего не думать, да что жь отъ этого другинь-то? Стыдно имѣть въ виду только личное приволье и раздумье, освобождать себя отъ тягостей на пользу обществу. Г. Чижевъ составилъ такіа страннаго понятія о книгахъ и чтеніи, что и то и другое представляется ему въ видѣ кошмара. Излишество чтенія неважно имѣ уже потому, что оно все относитъ уму, все отдастъ одному мышленію: тутъ уже не до сердца. Это отъ-чего? Есть чтеніе, которое все относитъ уму, хотя оно и немалышнее; есть чтеніе, которое все относитъ чувствамъ, хотя оно и малышнее. Что будете читать, и что будете разумѣть подъ сердцемъ? Если разумѣть подъ нимъ ощущенія непосредственныя, которыми наслаждаешься безъ помощи мысли, — разумѣется, такихъ ощущеній нельзя требовать отъ книгъ умныхъ. Если же разумѣть подъ нимъ чувства посредственныя, которыя признаются умомъ и становятся черезъ умъ еще болѣе доступными, то чтеніе книгъ нисколько не въ разладѣ съ сердцемъ. Въ той же самой французской литературѣ

найдете вы цѣлый рядъ твореній, которые дадутъ богатую пищу даже безотчетному вѣрованію. Странная притомъ мысль! Бесѣда съ умнымъ прителемъ или даже съ умнымъ незнакомцемъ радеетъ насъ; мы включаемъ ее въ наслажденія житейскія; а та же самая бесѣда, напечатанная, уже выключитъ мѣзъ жизни и относить все уму! Конечно, пріятнѣе слушать самого человѣка; но что жь дѣлать, когда невозможно исполнить это благородное желаніе? Остается слушать его заочно. Не даромъ называютъ книги *дружинами*.

Послѣдняя славянская статья расуждаетъ *О возможности русской гуманистической школы*. Въ предъидущей книжкѣ нашего журнала, г. Гравоскій показалъ достовѣрность тѣхъ историческихъ фактовъ, на которыхъ г. Хомяковъ, авторъ статьи, строитъ свои общія воззрѣнія. Намъ остается прибавить здѣсь не много, и мы прибавимъ только сожалѣніе о томъ, что такой умный и начитанный человѣкъ посвятилъ и умъ и начитанность свою на пресѣдованіе призванъ, на разлагательныя варіаціи на выдуманную тему. Разрывъ между жизнью и знаніемъ, разлада самобытнаго начала и чужеземнаго наплыва, раздвоеніе общества, утрата народной личности въ наукѣ, жизни и искусствѣ, — вотъ та тема, которую мы слышимъ не въ первый и, увы, вѣроятно, не въ послѣдній разъ! Впрочемъ, эта тема принадлежитъ не г. Хомякову: она пущена въ ходъ тремя нумерами *Москвитянина* вѣ, два или три года тому назадъ: г. Хомяковъ прилагиваетъ только къ ней варіаціи. А призракъ, преслѣдуемый авторомъ варіаціи, есть не больше, ни меньше, какъ возвратъ къ утраченной, т. е. прошедшей, жизни.

Исчислимъ прочія статьи Сборника *Шлецеръ*, очень хорошее расужденіе о русской исторіографіи, А. Поповъ *Прага*, отрывокъ изъ заграничныхъ писемъ М. Погодина, много выигравшіи тѣмъ, что онъ не похожъ, по своему тону, на прежнія заграничныя письма въ которыхъ рельефно выражался самъ авторъ; *Сербскія народныя пѣсни*, пер-

водъ Н. Берга, съ предисловіемъ неизвѣстнаго редактора «Сборника» о сербской народной поэзіи; *Взглядъ на современное состояніе литературы у западныхъ Славянъ*, Н. Н. Срезневскаго; *Отрывокъ изъ романа: Двойная Жизнь*, сочиненіе К. К. Павловой, съ извѣщеніемъ о самомъ романѣ отъ того же редактора. Ничего не можемъ заключить о романѣ по отрывку, равнымъ образомъ и объ отрывкѣ по содержанію романа, вложенному редакторомъ. Положимъ, и тогда увидимъ. Въ отдѣлѣ критики помѣщены *Три критическія статьи*, г-на Вирека (о литературномъ сборникѣ графа Соллогуба: «Вчера и Сегодня», объ «Опытѣ Исторіи Русской Литературы», А. Никитенко, и о Петербургскомъ Сборникѣ — статьи, по назначенію редактора, назначенныя для перваго тома «Московского Сборника»); *Критика г. См. на сочиненіе архимандрита Аполлоса «Начертаніе житія и дѣланій Никова»*; двѣ критическія статьи Ф. Чижова: «О Римскихъ Письмахъ А. Муравьева и «О Памятникахъ Московской Древности». Въ особомъ приложеніи находятся: *Земля дорожа* (Littérature poétique), драматическія сцены въ стихахъ и прозѣ, И. Аксакова, о которыхъ мы уже говорили, какъ объ отдѣльной брошюрѣ еще до выхода «Сборника» (О. З. т. I); и *Что мой свѣтъ*, луна, дуть, слова князя Вяземскаго, музыка А. Даргомыжскаго. Въ четырнадцать стихотвореній, принадлежащихъ Жуковскому, И. Аксакову, Половскому, князю Вяземскому, Жадовской, К. Павловой, Н. Языкову, лучшее, по нашему мнѣнію, есть слѣдующее, написанное господиномъ Иваномъ Аксаковымъ:

Смотри! толпа людей нахмурилась
стоитъ:
Какой печальный взоръ! Какой зловѣ-
дый видъ!
Какимъ страданіемъ томлѣн неизвѣ-
стнымъ,
Они рѣчь умную, но правду ведутъ;
О жизни мудреуютъ, но жизнью не
живутъ,

И тратить свой досугъ лѣнливо и без-
плодно,
Всему сочувствовать умѣя благородно!
Уже-ли племя нѣхъ добра не принесетъ?
Досада тайная подъ часъ меня беретъ,
И хочется мнѣ нѣхъ, въ заимѣхъ до-
сугой скуки,
Дать заступъ и соху, томоръ желанный
въ руки,
И толки прекратя объ участи людской,
Работимковъ изъ нихъ составитъ полкъ
лихой!..

165) *Очеркъ Исторіи Русской Церкви въ Періодъ до-Татарскій* — Соч. архимандрита Макарія. Санктпетербургъ. Въ тѣхъ Жернакова. 1847. Въ 8-ю д. л. 194 стр.

Послѣ принятія христіанства великимъ княземъ Владиміромъ, жизнь русская въ религіозномъ отношеніи представляеть двѣ стороны: *жизнь народа* и *жизнь духовенства*. Народъ, извлеченный только-что изъ язычества, народъ, преданный жизни матеріальной, ея благамъ и страстямъ, народъ, живущій подъ закономъ кровной мести, занутианный въ безвыходныя родовыя распри великихъ князей, и греческое духовенство, приходившее въ землю русскую.

Это духовенство, твердое въ началахъ греческой вѣры, призванное для нравственнаго образованія народа, вскорѣ послѣ своего прибытія начало вводить монастыри и содѣйствовало князьямъ основывать церкви во славу единого Бога. Духовная зависимость отъ константинопольскаго патріарха поддерживала связь съ Греціею и передавала нашему народу тогдашнюю греческую образованность. Изъ 22 митрополитовъ, бывшихъ на Руси до татарскаго періода, только двое были родомъ Русскіе — всѣ остальные были Греки! Фактъ чрезвычайно-важный, если возьмемъ въ соображеніе и то, что эти митрополиты привозили съ собою много епископовъ и нисшаго духовенства также изъ Греціи. Поэтому, умственная дѣятельность русскаго народа необходимо должна была подчиниться вліянію греческому,

и литература византийская должна была у нас господствовать. Дѣятельно, первые учителя наши въ православіи — Греки, начали развѣрбровать въ вѣру въ своихъ посланіяхъ и сочиненіяхъ. Хотя намъ извѣстно и немного такихъ сочиненій, однакожь, они доказываютъ, что наша церковь не уклонялась отъ догматовъ вѣры греческой, и пастыри ея старались внушить эти правила клиру и народу. Такъ уже митрополиту Леонтію приписывается сочиненіе *Объ отресокахъ*, хранящееся въ Московской Синодальной Библіотекѣ, митрополиту Нинифору принадлежатъ два посланія: одно — *Латинякъ*, како отвержени быше отъ восточныя церкви, а другое — *О поствѣ и воздержаніи чувствъ*. Иоанну, архіепископу новгородскому, принадлежатъ два церковныя правила: первое *О забвеніи священникомъ елтія ема ея потире*, и второе — *Объ изгледеніи мышью анца*. Св. Кирилль, епископъ туровскій, въ Россіи наче есмьхъ возсіяшій и преслытными ученіемъ своимъ концъ російскія просвѣтитій, оставилъ намъ; кромѣ краснорѣчивыхъ словъ, еще три статьи: а) *Сказаніе о черноризцествѣ чмлу*; б) *повѣсть съ притчею О блоризца челоупца*, и в) *Притчу о челоупческой души и о тѣлеси*. Многіе другіе святители не уступали приведеннымъ намъ ни въ краснорѣчіи изложенія, ни въ важности содержанія своихъ сочиненій, и богословіе догматическое и каноническое господствовало между нашимъ духовенствомъ безъ всякихъ примѣсей вѣры латинской, въ той же чистотѣ, какъ и въ Константинополѣ.

Съ другой стороны, духовенство въ частіи жизни проявляло всѣ добродѣтели христіанскія; особенно этимъ отличались монашествующіе: ихъ самоотверженіе, достойное назначенія, къ которому они призваны были, да служило удивленіе преданныхъ блдгамъ земнымъ современниковъ. Даже самъ преподобный нашъ лѣтописецъ, повѣствуя объ этихъ подвигахъ, почти не находить словъ для выраженія своего изумленія: «Бѣ же и се дивно чудо

видѣти, братіе», восклицаетъ онъ: «со-вокупи Богъ таки черноризцы въ обители Матери своей иже аки свѣтла въ русской земли сіяху; овин бо блзу поствнию, овин же на бдннѣ, ивнн же на колынопоклоленіе, овин же на пощение чрезъ день или черезъ два дни; ивнн же лдуще хлѣбъ съ водою, ивнн же землѣ гарено, друзи же сыро; въ любви пребывающе, меньшии покоряющеса старѣйшимъ, не смѣяще предъ ними млати, но все съ покореніемъ и послушаніемъ великии... За христіанскіе подвиги церковь наша причислила многихъ къ лику святыхъ: килезей, архипастырей и наконецъ иѣоторыхъ подвижниковъ, занимавшихъ высше степени духовной іерархіи. Таковы всѣмъ извѣстные: равноапостольный князь Владиміръ, страстотерпцы Борисъ и Глѣбъ...; изъ пастырей, св. Михаилъ, Іоакимъ... преподобный Антоній, Θεодосій. Многіе изъ подвижниковъ извѣстны своими страданіями, добровольными или понесенными отъ другихъ, но употребленными ими къ своей нравственной пользѣ. Таковы: *Іоаннъ многострадальный*, въ продолженіи тридцати лѣтъ удерживавшій плоть свою *отъ шестидесяти лѣтъ*. «то таковыми веригами, то заковываеъ себя въ землю по рамена; *Моисей Урликъ* многострадальный, потерпѣвшій многія мученія и пытки отъ оной Ляхни, бывшей его госпожею и понуждавшей своего невольника ииѣнить дѣвству; *Никонъ Сузій*, которому, когда онъ былъ извътъ въ плѣтъ Половцами, хозяинъ подрѣзалъ волосы на жилы, чтобъ расрешаствовати его побѣгу, и который, послѣ чудеснаго своего избавленія отъ плѣна, къ прежнимъ своимъ страданіямъ присоединилъ новыя добровольныя для извуренія своей плоти.» Многіе извѣстны какъ затворники, а иѣоторые показали особое усердіе къ служенію церкви.

Умственные и нравственные подвиги нашего духовенства доказываютъ, что они не уступали въ святости жизни подвижникамъ патріархата кон-

стантиннопольскаго. Но таковъ ли былъ въ это время вновь-обращенный народъ, видѣвшій предъ собою чудеса подвижниковъ и несвыкшійся съ жизнью соверзательною? Такъ ли усердно онъ исполнялъ догматы вѣры, какъ требовало православіе, и съ какимъ чувствомъ смотрѣлъ онъ на прежніе свои языческіе обряды?

На это архимандритъ Макарій отвѣчаетъ (стр. 134 и слѣд.):

«Съ усердіемъ принявъ предки наши христіанство, еще съ большимъ усердіемъ они содержали его и слѣдовали его внушеніямъ. Лѣтописцы хвалятъ ихъ вѣру, говоря, что она «преспѣваше вездѣ и убѣщаше и сіяше, яко солнце»; хвалятъ также ихъ благочестіе, замѣчая, что повсюду въ Руси множахуся люди христіанствію зело, создающеся и ходяше во страстѣ Божіи. Святитель Іларіонъ, Митрополитъ Кіевскій, спустя нѣсколько лѣтъ по смерти равноапостольнаго Просвѣтителя Россіи, уже высылалъ къ нему: вставъ отъ гроба твоего, честная глаголю, и посмотри на сына твоего Георгія (Ярослава)...; посмотри и на благовѣрную сноху твою Ирину; посмотри и на внуковъ и на правнуковъ твоихъ, какъ они живутъ, какъ Господь хранитъ ихъ, какъ содержать они благовѣріе, тобою преданное, какъ часто посѣщаютъ св. храмы, какъ славятъ Христа, какъ поклоняются Его имени; посмотри и на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви, посмотри на возрастающее христіанство; посмотри на городъ, освѣщаемый и блистающій иконами святыхъ, благоухающій енисимомъ и оглашаемый хвалами святыми и божественными пѣснопѣніями, — и видѣвъ все сіе, возрадуйся, возвеселись и похваляй благаго Бога, тако строящаго».

Далѣе, на стр. 136:

«Такой духъ всеобщей набожности и благочестія, господствовавшій тогда между нашими предками, отчасти объясняется самими обстоятельствами. То было время введенія къ намъ Христіанства и первыхъ дѣйствій его на народъ Русскій; а въ вѣра Христова, сильно дѣйствующая и умъ и сердце человеческое всегда и вездѣ, особенно сильно дѣйствуетъ на людей; какъ показываетъ исторія (?), при первомъ вѣдѣнн водворенн въ какой-либо странн, тогда новообращенные, вмѣсто прежнихъ

пустыхъ и ничтожныхъ понятій своихъ языческихъ въ первый разъ слышатъ высокія и отраднѣвшія истины Евангелія, возбуждаются его небесными обѣтованіями истинной добродѣтели и поражаются страшными угрозами его за нечестіе и пороки. Возмемъ также во вниманіе свойство нашего народа. Русскій человекъ болѣею частью былъ еще тогда грубъ и необразованъ, но за то онъ имѣлъ умъ яростой, неиспорченный вольнодумными теоріями и взглядами, и, значитъ, самый способный къ принятію въ себя истинъ вѣры Христіанской; имѣлъ сердце незакоренное въ порокахъ и мѣлкое, и слѣд. самое покорное всѣмъ наставленіямъ пастырей и учителей Церкви: какихъ-либо сомнѣній въ вѣрѣ или учернаго протнвленія духу благочестія не знаютъ подобные люди».

Съ этимъ мнѣніемъ почтеннаго автора мы не можемъ вполнѣ согласиться по двумъ причинамъ: во-первыхъ, потому что не знаемъ, дѣйствительно ли исторія показываетъ, чтобъ вѣра христіанская, при первомъ водворенн у народа грубаго и необразованнаго, вездѣ сильно дѣйствовала на людей, и во-вторыхъ, потому что, по нашимъ понятіямъ, человекъ грубый не можетъ стоить принять и усвоить себѣ истинъ вѣры христіанской.

При введенн христіанства въ нашу-либо страну, дѣйствительно, строгость жизни подвижниковъ вѣры; мучениковъ, вмѣстѣ съ торжественностію обрядовъ христіанской церкви, поражаютъ несвольнымъ изумленіемъ грубыхъ язычниковъ; великолѣпіе храмовъ и таинственность священнодѣйствій останавливаетъ на себѣ ихъ похвалное воображеніе; но мы думаемъ, что для истиннаго христіанства всего этого еще мало. Чтобъ жить въ смиренн, кротости и любви христіанской, чтобъ смотрѣть на ближняго какъ на брата, а не на хищника чужаго имущества и даже жизни; чтобъ отказаться отъ правъ личной свободы, въ-особенности отъ обычаевъ старины, — для этого нужно измѣнить всѣ понятія народа, отдалать такой крутой переломъ въ жизни, который можетъ быть только въ-слѣдствіе полнаго убѣжденія въ истинѣ ис

вой проповѣди и несообразности прежнихъ обычаевъ и понятій. Но всегда ли это можетъ быть совѣстимо въ природѣ *человѣка грубаго и необразованнаго*? Если его понятія и были во многихъ случаяхъ очень *просты*, зато они шли за собою авторитетъ и силу *примочки, обычая, права*, которые въ первоначальномъ состояніи общества сильнѣе всѣхъ доказательствъ и убѣжденій. На проповѣдь учителей христіанскихъ не могли сдѣлать возраженій народы языческіе, потому что язычество въ своихъ началахъ и убѣжденіяхъ было недостаточно и не могло бороться съ чистотою нравствъ христіанскихъ; но за то и язычники, никогда не возмозившіеся мыслию за предѣлы міра физическаго, къ понятію существа единаго, премудраго, всеправящаго и между-тѣмъ нигдѣ невидимаго, — не могли вдругъ утѣрять въ него, вполне вѣрныи ему судьбу свою и въ души поклаивались, если не торжественно, то тайкомъ, прежнему богу, котораго призывали къ покровительству нхъ на войнѣ, къ благословенію ихъ стада, который позволялъ имъ тучныя нры и треньы. А въ этомъ и состоятъ жизнь народовъ варварскихъ. Посмотрите на исторію всѣхъ европейскихъ царствъ, къ которымъ вводили новую религію христіанскіе миссіонеры: посмотрите, съ какими трудомъ эти народы отказываются отъ старыхъ вѣрованій, которыя были приспособлены къ тогдашнему быту общества. Новая религія вводитъ ихъ въ лучший міръ, это правда; но они этого міра еще не знаютъ, они не испытывали его прелестей; они знаютъ только своихъ прежнихъ боговъ, съ которыми такъ согласны жили.

Такъ было на Русн при введеніи христіанства; князья и болре принашли новую религію, строили храмы, монастыри; а народъ?... Многие смотрѣли на все это не безъ сожалѣнія о прошломъ. Духовенство, подвиги котораго ны выше привели, ревностно преданное распространенію христіанства, съ помощію святыхъ угодниковъ,

творившихъ чудеса, съ помощію князей, воздвигавшихъ храмы и монастыри и приносившихъ имъ богатые вклады, — проповѣдовало новую вѣру народу, погруженному въ междоусобія князей, въ войны съ Печенѣгами, Половцами, Литовцами. Духовенство безпрестанно напоминало гласъ Божій, возущій къ покаянію и исправленію князи. Гласъ этотъ слышали во многихъ необычайныхъ явленіяхъ природы какъ, напр., въ 1064 г., въ неоднократномъ восхожденіи солнца безъ яркихъ лучей, а только въ видѣ мѣсяца; въ явленіи кровавой вѣтвы на западѣ въ продолженіе цѣлой недѣли и въ обратномъ теченіи Волхова, продолжавшемся пять дней; духовенство указывало на землетрясенія, на затмѣнія солнца на засухи, бури, на кометы, на голодъ и морь, и требовало покаянія...

Все это должно было дѣйствовать и воображеніе народа; но самъ не знающій мажандритъ Макарій, на стр. 162-й, говорить:

«Главнѣйшій по отношенію къ вѣрѣ недостатокъ состоялъ въ томъ, что люди принадлежали къ церкви Христовой, но хотѣли отстать и отъ своихъ предковъ языческихъ суевѣрій. Св. Владиславъ церковнымъ уставъ своимъ уже беремъ противъ людей, которые несли поды оминали и съ роуцъ или у себя и забывали древнихъ петворовъ, чародѣевъ и волхвованій. Митрополитъ Іоаннъ также упоминаетъ о Христіанахъ: *ниже зурь бѣсомъ и болотомъ и коледельскъ*; св. Несторъ горько упрекалъ своихъ современниковъ за то, что они *иоріиномъ Христіане, а помиски эсметуръ* встали лась пристрастными ко многимъ древнимъ обычаямъ; въ вопросѣ Кира встрѣчается извѣстіе о жонкахъ, которыя носили любящихъ дѣтей своихъ въ нату, не къ священнику христіанскому, къ волхвамъ. И вообще извѣстія объ этихъ волхвахъ, которые неоднократно являлись въ разныхъ мѣстахъ Россіи, и въ есиоду удержали за собою малые нры показывають, какъ слаба еще была тогда эта сторона въ нашихъ соотечественникахъ. Не меньшіе недостатки ихъ были и по отношенію къ *блугу*...

Были люди, которые «безъ страха и безъ гнѣва» иѣли по дѣе жены, держась древняго Славянскаго обычая многоженства; были и такіе между простымъ народомъ, которые вступали въ бракъ безъ церковнаго благословенія и тайнодѣйствія, считая это *церемонію, уставовленную только для князей и бояръ и довольствуясь однимъ какимъ-то языческимъ обрядомъ месканія*; иѣкоторые въ продолженіе цѣлаго года не приобщались св. Тѣлцъ; всѣмъ много любилъ только общественная играша и *трубы, гусли, скоморехи, позоры въ лаще отъ бѣса замышленная дѣла*, а храмовъ Божіихъ почти не посѣщали....

«Для объясненія всего этого... нужно вспомнить тогдашнія обстоятельства. *Нелѣпно было вѣрнуть и всѣмъ первымъ Христіанамъ нашимъ совершенно забыть язычскія свои свѣрованія, которыя вебезала они со млекоу материнимъ, кончи съ самаю младенчествомъ были проникнуты ихъ умъ и сердце, и которыя отзывались въ ихъ живыхъ преданіяхъ и пѣсняхъ, соединены были со всѣми ихъ забавами, играми и празднествами: для искорененія сего необходимо требовалось весьма много времени и усилій, тѣмъ болѣе, что народъ нашъ находился въ крайнемъ неспѣшествѣ и грубости, по которой многе никакъ не могли понять надлежащимъ образомъ высокой проповѣди Евангельской, при всей заботливости о томъ проповѣдниковъ»...*

Припомнимъ: авторъ прежде сказалъ, что «вѣра Христова, сильно дѣйствующая на умъ и сердце человѣческое всегда и веадѣ, особенно сильно дѣйствуетъ на людей при первомъ водвореніи въ какой-либо странѣ». Почему же простой умъ необразованнаго и грубаго челоука, неиспорченнаго вольнодумными теоріями и взглядами, есть умъ *самый способный къ принятію истинъ вѣры* (стр. 156), тогда-какъ на стр. 165-й тотъ же авторъ говоритъ, что, по крайнемъ неспѣшеству и грубости, многе никакъ не могли понять *высокой проповѣди евангельской*? Здѣсь, кажется, нѣтъ послѣдовательности въ выводахъ. Если умъ нашихъ предковъ былъ способенъ приять истинны евангельскія, то могъ ихъ понять; если же не былъ способенъ понять, то не могъ и приять ихъ.

Мы выше сказали, какимъ образомъ христіанство дѣйствуетъ на народомъ грубымъ; но наши лѣтописцы, проникнутые чиномъ христіанскимъ и видя распространеніе обителей, сливали въ своихъ понятіяхъ два класса народа, движимые разными началами, и то, что должно приписать подвижничеству духовенства, усердію князей и бояръ, относилъ и къ народу. Такимъ образомъ строились монастыри, церкви, размножалось духовенство, но народъ долго былъ въ борьбѣ между старыми и новыми вѣрованіями. Отъ этого въ понятіяхъ народа имена прежнихъ боговъ перешли на иѣкоторые имена святыхъ христіанскихъ... Такимъ-образомъ иѣсколько названій святыхъ заимствовано отъ стихій, климата, временъ года, отъ предметовъ домашняго быта и сельскихъ занятій; на-примѣръ, Илія-пророкъ, въ понятіяхъ простолюдиновъ, до настоящаго времени — *представитель грома, вступившій иѣсто Перуна*; св. Іеремія — *запрималникъ*; св. Θεодосія — *колосница*; св. Агриппина — *кумалница*; Богданъ заиѣнилъ *даждь-бога*; св. Іоаннъ-Креститель — *Кумалу*, и т. п. Сильное средство со стороны духовенства и князей было также — переводъ книгъ священнаго писанія и составленіе книгъ для наставленія народа въ новой вѣрѣ. Этому дѣлу много содѣйствовало общество переводчиковъ, собранное при софійскомъ соборѣ великимъ княземъ Ярославомъ, и общество переводчиковъ же, которое содержалъ при себѣ ростовскій князь Константинъ Всеволодовичъ. Сверхъ того, на этомъ же поприщѣ работали многе изъ духовныхъ отдѣльно отъ общества.

Но въ то время, когда духовенство употребляло усилія для искорененія язычества, въ народѣ въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время нечаянно появились *волхвы*, окруженные толпами послѣдователей, проповѣдывали угасавшую вѣру, грабили и убивали христіанъ. Очень-жаль, что наши лѣтописцы-монахи не удостоились подроб-

нѣйшаго описанія ученія волхвовъ: древнее язычество наше не осталось бы такою загадкою и первыя времена христіанства были бы для насъ яснѣе. Въ Суздаль, въ Ростовъ, въ Кіевъ и Новгородъ сматенія, произведенныя волхвами, были велики и укрощались только вооруженною силою. Въ Новгородѣ волхвы домогались смерти епископа, и ихъ сторону держалъ народъ, кроме князя и бояре.

Архимандритъ Макарій, въ своемъ новомъ сочиненіи «Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій», которое можно назвать продолженіемъ его «Исторіи Христіанства въ Россіи до великаго князя Владимира», слѣдитъ безпрерывное развитіе церкви, по принятому имъ распредѣленію въ трехъ отношеніяхъ: 1) по внѣшнему составу, 2) по внутреннему устройству и 3) по состоянію вѣры и нравственности. Новая книга его, какъ и прежнее сочиненіе, показываетъ большую начитанность и добросовѣстность, хотя и заключена въ тѣсною объемъ и хотя авторъ ее слегка коснулся рѣшенія нѣкоторыхъ спорныхъ пунктовъ, какъ, на-примѣръ, церковныхъ уставовъ Владимира и Ярослава.

166) Читая въ Императорскомъ Обществе Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ. № 7. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 42, 21, 108, 20, 48, 16 и 32 стр.

Въ отдѣлѣ «Исслѣзованій» помѣщена важная статья Филарета, епископа рижскаго: *Божеслуженіе Русской Церкви до монгольскаго времени*. Въ этой статьѣ авторъ рассматриваетъ различные предметы, относящіеся къ богослуженію: храмы, богослужебныя книги и пѣніе, совершеніе таинствъ, знаменаніе крестнымъ знаменіемъ, праздники, споры о постѣ въ среду и пятки. Исторія древней церкви таинимъ образомъ болѣе и болѣе разъясняется. Мы имѣемъ уже по этому предмету два ученыхъ сочиненія архимандрита Макарія, и о

последнемъ изъ нихъ, по предмету, ему сходномъ съ статьею преемника Филарета, говорили выше.

Изъ двухъ статей, содержащихъ себѣ «Матеріалы Отечественныя», чрезвычайно-важна первая: *Преніе Дамитрополита московскаго и еса Росо инокомъ Максимомъ Святоторцомъ*. Въ этомъ преніи собраны церковныя, государственныя, политическія, верныя и чисто-ученыя обвиненія протъ Максима. Г. Бодянской, написавши предисловіе, говоритъ, что истинно-памятника не подлежитъ сомнѣнію, что въ пользу этого говоритъ даже обстоятельство, что онъ одинъ только есть, находящійся у г. Попова. Причины единственнаго экземпляра Бодянской объясняетъ самымъ своимъ памятникомъ, который не можетъ быть доступенъ всѣмъ и каждому, какъ государственный актъ, — дѣло уголовныхъ лицъ, занимавшихъ тогда важныя государственныя должности; а эти лица не могли не знать послѣдствій отъ обнаруженія пренія. Названіе «Саяско съ Суздальскаго Списка», показываетъ, что онъ былъ слѣланъ вспорѣ послѣ самаго пренія кѣмъ-нибудь изъ самыхъ близкихъ къ тому лицу, особливо къ митрополитскому приказу. Вышеизъ обвинительные пункты. На первомъ соборѣ, на которомъ присутствовалъ самъ великій князь Василій Ивановичъ, митрополитъ спросилъ Максима: для чего онъ говорилъ и училъ многихъ и писалъ о Христѣ, яко сѣденіе Христово олесную Отца, мношешнее и ивиушее. Гдѣ было въ здѣшнихъ книгахъ написано: Христовость възде на небеса и сѣде олесную Отца, а иидѣ: сѣдай олесную Отца, и онъ то зачеркнулъ, а иное выскребъ, а вмѣсто того написалъ: сѣдѣлъ олесную Отца, а иидѣ: сѣдѣшаго олесную Отца, а въ иномъ мѣстѣ: сидѣлъ олесную Отца. Максимъ отвѣчалъ: «въ томъ развѣствѣ ии котораго мѣста, а то мношешнее Аланово селеніе въ рив. и сѣденіе прямо рив. иишешнее есть, тако же Христово сѣденіе олесную Отца иишешнее есть». Тогда Дамитро

велѣлъ ему прочесть свидѣтельство отъ божественныхъ писаній, отъ Евангелія, отъ Апостолъ и отъ прочихъ. — На второмъ соборѣ (7039 г.) Максима обвиняли въ слѣдующемъ: 1) онъ умышлялъ злое великому князю, посылая грамоты къ турскимъ пашамъ и къ самому турецкому царю, подымая его на князя; 2) говорилъ многимъ людямъ, что быть на землѣ русской салтану турецкому, зане салтанъ не любитъ родниковъ цареградскихъ царей, а князь великій Василій, внукъ Фомы Амарейскаго; 3) называлъ великаго князя мучителемъ и гонителемъ; 4) говорилъ, что великій князь выдалъ землю крынскому царю, а самъ отъ робости побѣжалъ отъ турецкаго; 5) говорилъ: великому князю и митрополиту кличуть многолѣтіе и еретиковъ прокливаютъ, зане же творить не по писанію, ни по правиламъ, а митрополитъ поставляется своими епископы на Москвѣ, а не въ Цареградѣ отъ патриарха; 6) волшебными хитростями единственными писалъ еси водками на дланихъ своихъ, и распростирая длани свои, противъ великаго князя, также и противъ иныхъ многихъ поставлялъ, волхвуя; 7) укорялъ и хулилъ соборную и апостольскую церковь, что они стяжаніе, и люди, и доходы, и села имѣютъ, и 8) укорялъ и хулилъ святыхъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іону, говоря, что они держали города, и волости, и села, и люди, и судили, и пошлины, и оброки, и дани брали, и многое богатство имѣли... Обвинителемъ былъ преимущественно Михаилъ Медоварцовъ. На всѣ обвиненія Максимъ Грекъ отвѣчалъ отрицательно, укоряя доносчика словами: «Душа, брате, твоя подыметъ», или оправдываясь клятвой: «Аще ли такъ писалъ, или велѣлъ писати, или шульствовалъ, да буду проклятъ». Этотъ любопытный актъ показываетъ, что всѣ обвиненія были приготовлены и подведены, какъ слѣдуетъ, врагами Максима. — Вторая статья въ «Материалахъ Отечественныхъ» есть четвертая книга второй части дѣтскаго повѣ-

ствованія о Малой-Россіи, А. Ригельмана.

Въ «Материалахъ Иностранныхъ» помѣщенъ переводъ сочиненія Шафарика: объ имени и положеніи города Винеты, иначе Юнина, Юлина, Юнсбурга.

Въ «Смѣси» напечатаны слѣдующія статьи: 1) Повѣсть о приходеніи литовскаго короля Степана на великій и славный градъ Псковъ, сочиненная, по мнѣнію митрополита Евгенія, монахомъ Серапіоновъ. Карамзинъ весь свой рассказъ объ осадѣ Пскова Ваторіемъ основалъ почти исключительно на этой повѣсти; 2) Преподобнаго Іосифа волоколамскаго отвѣщаніе любовазорнымъ и сказаніе вкратцѣ о святыхъ отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рускѣй землѣ сущихъ. Это есть выписка изъ духовной грамоты Іосифа, гдѣ находится любопытное свѣдѣніе о внутренней жизни въ некоторыхъ обителяхъ и которой десятая глава содержитъ въ себѣ описаніе, какъ древніе иноки русскіе хранили уставъ монастырей. Свѣдѣнія собраны Іосифомъ болѣею частію на мѣстѣ: онъ обозрѣвалъ русскіе монастыри; 3) Опись книгъ Іосифо-Волоколамскаго Монастыря 1573 года; 4) Письмо покойнаго преосвященнаго Иннокентія, епископа пензенскаго (1812, декабря 2-го), по случаю смерти Платона; 5) Опытъ русскаго простонароднаго словоупотребленія (буква В); 6) Двѣ грамоты царя Алексія Михайловича о малороссійскихъ казакахъ къ воеводамъ, и 7) Письмо чернигорскаго владыки въ Императорское Общество Исторіи и Древностей Россійскихъ, которое мы здѣсь представляемъ читателямъ:

«Многоуважаемые господа члены славнаго общества! Съ святымъ торжествомъ души я имѣлъ честь прошлаго года получить дипломъ, облакающій меня въ лестное званіе Почетнаго Члена Императорскаго Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ.

Благодарю Москву за вниманіе, за то,

что она вспомнила о своемъ искреннемъ поклонникѣ, обитающемъ на краю Славянскаго міра,—за то, что она не забыла атома, но атома, который ей принадлежить по всему, — атома, который ураганами времени занесенъ на страданіе въ среду чуждыхъ! О сколь Москва восхищаетъ меня! Москва — священная скинія великаго народа, въ которой воспитывается завѣтъ нашего величія! Москва — колыбель Довскаго, Іоанна Великаго, Пожарскаго и Романовыхъ! Москва мать Царей, — начало величія Славянскаго! Москва, столица Знати и Святой алтарь Православія и Славянства! Москва, которая великодушнымъ всеسوуженіемъ своимъ показала свѣту имя Славянское, — непоколебимая скала, о которую величіе Запада Европы сокрушилось! Какъ усладительно вниманіе Москвы для души, пылающей пламенемъ величія и гордости Славянской! Я ея преданный сынъ; я ея поклонникъ, я вѣрный поклонникъ блистательной славы роднаго племени! Москва, душа души моей и сладостное свидѣніе, исполненное святыми, великими надеждами!—Судьба моя не согласна съ моимъ намѣреніемъ: я Москву не видалъ и, можетъ быть, не увижу; но она у меня всегда передъ глазами: то вижу ее палающею жертвой на алтарѣ великаго народа; то вижу ее возрождающуюся изъ пепла, подобно фениксу; то вижу священный Кремль — святую обитель Царей, сіяющую золотыми главами храмовъ, какъ державный вѣнецъ царицы Славянскаго міра; то вижу ея вельможъ — непоколебимыхъ столбовъ Трона и Славянства. Вотъ единственный кругъ въ мірѣ, гдѣ душа Черногорца можетъ торжествовать и открывать свое прямое чистосердечіе по чувству одноплеменности!

Вниманіе Москвы—неоцѣненно для начальника горсти народа, обреченнаго рокомъ на испытаніе, на жертву за Православіе и за честь имени, — народа, въ продолженіе четырехъ вѣковъ тѣснимаго и истребляемаго государствами иноплеменными, сохранившаго бытіе свое только вѣрою и честію имени, и дожившаго до блаженной эпохи, когда Царь и Матерь величія Славянскаго вспомнили объ немъ, — народа, надъ которымъ домались грома всѣхъ ужасовъ тиранства, народа, противу котораго злобный голосъ невѣрныхъ и иноплеменныхъ всегда гремѣлъ и гремѣть хуленіемъ. Для Владыки, гордо страждущаго за честь

племени, вниманіе Москвы спасительно, какъ для сироты утѣшеніе родныхъ. Москва—единственная моя святыня, которой я жадно и усердно поклоняюсь, какъ величій сынъ природы поворожденному солнцу, послѣ почти, возмущаемой аскими сповидѣніями!

О если бы я могъ все мои чувстванія къ Москвѣ передать бумагѣ! Тогда бы успокоилась моя душа, упоенная единствомъ одноплеменности, тогда бы исповѣдалась она въ своей искренней простотѣ предъ своимъ завѣтнымъ алтаремъ!

Прощайте, Вельможы и прочіе Господа Члены сего Общества, любезные единоплеменники мои, и не оставайте Вашего вниманіемъ вѣчно Вамъ предавшаго душею (На полл. подписано:) Владыку Черногорскаго, П. П. Чагоша.

«Вѣна. 1847 года, Генваря $\frac{1}{11}$ дня.»

Но вы, можетъ-быть, не знаете, что такое Черногорія, которой владѣно писалъ прочтенное вами краснорѣчивое посланіе? Вотъ книга, которая берется познакомить васъ съ этой страной:

167) Путешествіе въ Черногорію. Сочиненіе Александра Попова. Санктпетербургъ. 1847. Въ 4-хъ тѣхъ. 3 Праца. Въ 8-ю д. л. XV III и 366 стр.

По примѣру г. Попова, который написалъ сочиненіе, сдѣлалъ къ нему предисловіе, мы осмѣливаемся принять ту же форму, и къ нашему разбору присоединить маленькое предисловіе. В предисловіи своемъ, авторъ Путешествія въ Черногорію, говоритъ о вѣченіи славянскаго вопроса во всеобщей исторіи, и въ самомъ же сочиненіи Черногорцахъ, а мы скажемъ въ предисловіи нѣсколько словъ о Черногоріи въ разборѣ же рассмотримъ, какъ выходитъ этотъ предметъ изъ трудовъ г. Попова. Итакъ—предисловіе!

Читатели наши, вѣроятно, помнятъ книгу, вышедшую въ 1841 году по названіемъ «Четыре мѣсяца въ Черногоріи», г. Ковалевскаго—книгу, въ нѣкій разъ довольно-удовлетворительно ознакомившую Русскихъ съ Черногорцами, съ которыми мы имеемъ

ство имѣло сношенія уже со временемъ Петра-Великаго. Изъ этого сочиненія любознательные люди узнали, что Черногорія есть страна, окруженная съ трехъ сторонъ турецкими владѣнiями: Герпеговиной, частью Боснiи, Зетой и Албанiей, а съ четвертой—австрiйскою провинциею Боко-ди-Катаро. Такимъ-образомъ, загражденная съ моря отъ всякаго свободнаго истока изъ горъ своихъ, Черногорія находится въ совершенномъ отчужденiи отъ Европы, заключена сама въ себя и существуетъ своими ограниченными произведенiями, безъ торговли. Мы сказали выше, что Черногорія есть страна, но это не совсѣмъ - правильно: гораздо лучше назвать Черногорiю совокупностью горъ, расположенныхъ въ разныхъ направленихъ и образующихъ только одну долину—Цѣтину. Народныя пѣсни говорятъ, что Богъ, проходя землю и разсѣвая на ней горы, уронилъ въ Черногорiю мѣшокъ, въ которомъ были заключены большой запасъ скалъ; камни, хранившiеся въ этомъ мѣшкѣ, разсыпались и покрыли всю страну. Это преданiе лучше всякаго географическаго описанiя, представляеть воображенiю читателя, что такое Черногорiя. На горахъ этихъ живетъ около 140,000 жителей. Вся Черногорiя раздѣляется на два округа—собственную Черногорiю и Берду; каждый изъ округовъ состоитъ изъ четырехъ нахiй или уѣздовъ, каждый уѣздъ изъ нѣсколькихъ племенъ, каждое племя изъ нѣсколькихъ селъ; городовъ нѣтъ, и цѣлыя селенiя состоятъ иногда изъ одного рода.

Черногорiею управляетъ владыка, который есть вмѣстѣ митрополитъ, военачальникъ и судья. Власть его, слѣдовательно, ограничена одними обычаями предковъ; а между - тѣмъ нигдѣ нельзя найти большей свободы, какъ между Черногорцами. До настоящаго времени, они не знали податей, и когда нынѣшнiй владыка, Петръ II, приступилъ къ народу съ этимъ требованiемъ, то народъ очень-наивно отвѣчалъ, что въ такомъ случаѣ не зачѣмъ было

даться съ Турками, которымъ они не хотѣли платить податей и которые отъ нихъ требовали эту дань: какая же свобода, спрашивали они, когда нужно платить подати? Они помнили свой отвѣтъ боснiйскому визирю, который требовалъ дани съ Черногорiи и между прочимъ 12 молодыхъ дѣвицъ отъ 12 до 16 лѣтъ, а особенно ставишну Бѣлу. Владыка отвѣчалъ визирю: Пошлю тебѣ, вмѣсто молодыхъ дѣвицъ, 12 свиныхъ хвостовъ, а вмѣсто Бѣлы, 12 бараньихъ роговъ: носи ихъ на своей чалмѣ; да сверхъ того, 12 камней въ вмѣсто подати, чтобъ ты зналъ какова Черная-Гора. Черногорцамъ чрезвычайно-страннымъ кажется требованiе подати со стороны владыки...

Сенатъ — высшее мѣсто въ управленiи, послѣ владыки. Сенатъ этотъ состоитъ изъ начальниковъ всѣхъ округовъ и изъ старшинъ знатнѣйшихъ фамилiй. Все внутреннее управленiе Черногорiи, верховный судъ и власть распорядительная, соединены въ сенатѣ. За сенатомъ, въ управленiи и въ судѣ непосредственно слѣдуетъ *гардiа* или *малый судъ*; эта гардiа состоитъ изъ 150 человекъ, избираемыхъ народомъ и утверждаемыхъ владыкою, который и утверждаетъ и сенаторовъ; гардiа находится въ каждомъ селѣ и племени. Впрочемъ, никто не приказываетъ идти непремѣнно въ назначенный судъ, или даже начинать тяжбу съ первой инстанци: всякiй воленъ обратиться къ любому старшинѣ или воеводѣ и вообще къ тому, въ комъ надѣется найти болѣе справедливости. Такимъ-образомъ, множество народа обращается на судъ прямо къ владыкѣ, не смотря на то, что устроены сулы. Патриархальное правленiе Черногорiи составляетъ ея жизнь. Какъ отецъ есть господиномъ дома, такъ сердарь управляетъ нахiей, а владыка всей Черногорiей. Всѣ они живутъ и правятъ подъ всемогущею силою обычая, и каждый изъ нихъ есть владыка своихъ подчиненныхъ. Вотъ очеркъ управленiя Черногорiи, для пополненiя котораго нужно прибавить *общiя народныя собранiя*, ве-

ча, въ важныхъ случаяхъ, какъ-то: при избраніи владыки, при объявленіи войны,—и частныя собранія, которыя могутъ образовать каждое село и племя, и въ этихъ собраніяхъ выбирать чиновниковъ.

Черногорецъ дѣлаетъ, когда идетъ рѣчь о войнѣ съ Турками, которая носитъ отпечатокъ мести племенъ, и потому, даже при настоящемъ владыкѣ, когда запрещены нападенія безъ всякой причины на турецкія владѣнія, дозволяется каждому племени отдѣльно начинать войну, если въ ссору замѣшалась месть. Та же месть, до настоящаго времени, замѣняетъ наказаніе во внутреннемъ быту. Черногорецъ, не смотря на строгое запрещеніе ея въ предѣлахъ Черногоріи и не смотря на устройство судовъ. Черногорецъ не можетъ свыкнуться съ такимъ положеніемъ, въ которомъ нѣтъ права мести, а существуетъ обязанность платить подать на содержаніе судовъ.

Черногорія бѣдна; она не ведетъ торговли, и въ ней нѣтъ промышленности въ собственномъ смыслѣ. Ея произведенія ограничиваются незначительнымъ количествомъ хлѣба, кукурузы, винограда, изъ котораго выдѣлывается для собственнаго употребленія вино, и рыбнымъ промысломъ въ озерѣ Скутари. Скотоводство составляетъ главнѣйшее занятіе жителей и даетъ возможность на излишекъ добывать соль въ Катарѣ.

Въ Черногоріи съ 1835 года выходитъ календарь *Горлица* (до настоящаго времени вышло пять частей), издано Милутиновичемъ собраніе пѣсенъ черногорскихъ и въ недавнее время напечатана Милуковичемъ сербская грамматика.

Вотъ та страна, которую посѣтилъ г. Поповъ и о которой онъ написалъ сочиненіе, подъ названіемъ: «Путешествіе въ Черногорію». Теперь мы должны обратиться къ этому сочиненію и посмотреть, что сказано въ немъ новаго о воманшвенно-патріархальномъ бытѣ Черногорцевъ, и какъ его понимаетъ г. Поповъ.

Когда г. Ковалевскій, нападъ тогда шесть лѣтъ, надалъ своимъ «Четыремъ Мѣсяца въ Черногорію», онъ считалъ нужнымъ сказать въ предисловіи, что страна эта известна Русскимъ и всей остальной Европѣ менѣе, нежели въ третнюю Америку, но что ему удалось проникнуть въ Цѣтину, узнать невѣдомый народъ, и потому онъ считалъ долгомъ познакомиться съ нимъ Русскихъ. Г. Ковалевскій поступилъ прямо, и книга его достигла своей цѣли. Сиріевъ Робертъ, описывавшій славянскія племена Балканскаго Полуострова, какъ Французъ, не могъ удержаться отъ политическаго взгляда на Черногорію; онъ говорилъ, что уже Наполеонъ остановилъ свои взоры на этой странѣ, потому-что она могла быть очень полезна для Франціи; далѣе, что и теперь дружественныя сношенія съ Черногоріей могутъ послужить въ пользу Франціи и вредитъ Англии и Австріи, и что, владѣя Катарскими-Заливомъ, Черногорія можетъ дать средства Франціи имѣть вліяніе на Востокъ посредствомъ Сербіи, на которую влиять нельзя дѣйствовать съ запада, какъ изъ Цѣтины, подобно тому, какъ овра Русскихъ находится въ Бѣлградѣ.

Что же имѣлъ въ виду г. Поповъ, когда онъ писалъ свое сочиненіе — болѣе ли подробное изслѣдованіе страны, или цѣль политическую? Нѣтъ, г. Поповъ не для этого посѣтилъ утесистую Черногорію и не для этого надалъ свою книгу. Г. Поповъ написалъ «Путешествіе въ Черногорію», для того, чтобы ознакомить насъ съ современнымъ бытомъ Славянъ и съ прошлою (?) ихъ исторіею. Съ этою цѣлію составлено предлагаемое сочиненіе — изъ тѣхъ свѣдѣній, которыя удалось автору собрать во время путешествія въ Черногорію въ 1842 году.

Мы очень рады каждому пріятному знакомству, а тѣмъ больше знакомству съ родственными Славянами—если они только пріятны, и съ ихъ исторіею, если она будетъ только дѣйствительною прошлая, а не будущая... Но какъ кажется, что г. Поповъ желаетъ зна-

нить публику съ Славянами не потому только, что эта публика въ новѣйшее время любознательна, что ее интересуютъ Славяне, какъ и многіе другіе племена и народы, какъ и многіе другіе вопросы, — нѣтъ, г. Поповъ желаетъ ее знакомить съ Славянами, потому-что... Но мы признаемся откровенно, не можемъ такъ хорошо выказать, почему г. Поповъ желаетъ знакомиить публику съ Славянами, какъ высказалъ онъ самъ; мы даже не умѣемъ такъ знакомить... Намъ, вѣроятно, простятъ читатели, что мы сдѣлаемъ довольно-большія выписки, — простятъ потому-что мы для публики сохранимъ невредимымъ и взглядъ сочинителя и его слога.

Итакъ, авторъ говоритъ въ предисловіи:

«Съ недавняго времени пробудился вопросъ о Славянахъ и занимаетъ всю западную Европу... Еще недавно занималъ Европу вопросъ о Востока. Толпы путешественниковъ по всѣмъ концамъ объѣзжали Восточную Азію и каждый привозилъ новыя свѣденія, новыя данныя для науки. Съ ревностію устремлялось на нихъ ученое изслѣдованіе, трудолюбиво и прилежно разрабатывали факты; развилась (?) и прославилась Исторія Востока, стали извѣстны памятники его искусства и науки, на широкихъ, новыхъ и болѣе прочныхъ развѣркахъ создавалась наука филологія. Потомъ уже задумали ученые изречь свой приговоръ Востоку, *поладать (?)* объ его значеніи во всемірной исторіи.

«Не такъ занимаетъ Европу вопросъ о Славянахъ... Западные писатели только судятъ (?) о Славянахъ; безъ труда и часто безъ замятій (?) дѣла, они нарѣкаютъ имъ историческій приговоръ (?), прежде нежели нарѣкла его сама Исторія...

«Славяне еще не отжили, какъ Востокъ, но живутъ и будутъ жить. Они, старожилы(?) Европы, широко раздвинувъ свои обшину по большей части Европейскаго материка, въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческимъ, менѣе всего были слышны въ шумномъ говорѣ европейской исторіи. Они безмалозвонно долю и вся ихъ дѣятельность въ отношеніи къ другой части Европы была чисто отрицательная; изрядка они отъсѣдали на ссоры, не ими

предложенныя исторіи. Какая же тому причина? Каждый народъ въ той мѣрѣ отвѣчаетъ на общіе, человѣческіе вопросы, въ какой онъ самъ по себѣ, своимъ существованіемъ, уже служитъ отвѣтомъ на такой вопросъ. Точно такъ, какъ въ ходѣ мысли есть свое неизвѣстное преемство и одна мысль необходимо условливается въ слѣдъ за собою появленіе другой; такъ есть оно (?) и въ общемъ ходѣ человѣческаго просвѣщенія, въ общей жизни народовъ. Каждый народъ, предназначенный дѣйствовать исторически, выступаетъ на поприще только тогда, когда настанетъ время высказаться, развиться и овладѣть *человѣческими (?)* сознаниемъ той мысли(и), которую онъ не сознательно хранить въ своемъ непосредственномъ бытіи. До тѣхъ поръ онъ участвуетъ въ исторической жизни только отрицательно...

«Стр. XII. Въ общественное устройство Германіи они (Славяне) забросили случайныя(?) отрывки понятія *объ общинѣ, о земельныхъ отношеніяхъ, судѣ присяжныхъ (?)* и т. п., въ лицѣ Гуса подняли знамя освобожденія отъ Римской власти, въ лицѣ Якова Бема, Лейбница (?) и др. вводили общія начала познанія въ исторію развитія личнаго разума. Но феодальное устройство разрушило зачатки славянской общественности. Гусъ былъ сожженъ и Лютеръ омерзжалъ побѣду; отрицательное, логическое познаніе поглотило всю область науки.

«Стр. XIV. Въ концѣ прошедшаго столѣтія Европа уже начинала забывать о существованіи Славянъ, какъ въ племенахъ славянскихъ вдругъ пробудилось сознание своей народности, стремленіе къ сохраненію и развитію еще уцѣлѣвшихъ остатковъ и возращенію потеряннаго. И это случилось въ то время, какъ (?) европейское просвѣщеніе, умственное и общественное (?), коснулось *плѣть вопросовъ, которыми не находило разрѣшенія въ области пройденной имъ жизни и когда сильно распространилась потребность новизны* началъ. Конечно въ такое время появленіе новой народности, заключающей въ себѣ новыя начала умственной и общественной жизни, не могло не привлечь къ себѣ вниманія. Но тотъ рядъ отношеній, въ которыхъ славянскіе(?) племена въ продолженіе столѣтій находились къ племенамъ германскимъ еще не заключался; еще также дѣйствуютъ, хотя частнымъ образомъ и реали-

грозная пропаганда западной Церкви, также как и прежде Турок и Маджарь, по праву победителя не признают личности ее победителем Славянину (?): но вместе съ тѣмъ развилось уже и народное самознание. Такое положеніе указываетъ на то, что исторія только что выстроила славянскій вопросъ, но еще не разрѣшила. Потому всякое частное разрѣшеніе вопроса, еще не разрѣшеннаго исторіею, представляется болѣе или менѣе спорными или неспорными мнѣніемъ частнаго лица (?). Не будемъ входить въ подробное изложеніе такихъ мнѣній, всѣ они могутъ быть подведены къ двумъ выраженіямъ (?) Они говорятъ: племена славянскія должны наследовать германскимъ, такъ какъ они въ свой чередъ наследовали римскому міру и что теперь настало время славянской народности выступить на поприще исторіи; другіе и болѣею частью иностранцы, отказываютъ даже въ возможности Славянамъ имѣть историческое значеніе и поютъ погребальную пѣсню, возражающей народности. Обыкновенно оба эти мнѣнія рассматриваютъ какъ противоположности, между тѣмъ, какъ они совершенно независимы другъ отъ друга (?). Какое-то страшное чувство страха и мнительнаго самохраненія произвело мнѣніе втораго рода. Думаютъ, что историческое преемство племень совершается не иначе, какъ мечемъ и разрушеніемъ и племя новое, только вѣншаею силою, входитъ въ права историческаго дѣятеля и завоевываетъ то мѣсто, которое занимало прежде племя ему предшествовавшее. Очевидно подобное предположеніе не только не заключается въ первомъ мнѣніи, но совершенно ему не соответствуетъ; потому оно не могло быть вызвано имъ какъ противоположность, а условлено дѣйствительнымъ отношеніемъ племень германскихъ къ Славянамъ...

Довольно! и то ужъ мы сдѣлали нашу выписку длиннѣе, нежели хотѣли.

Какъ вы думаете, почтенный читатель, объ этомъ предисловіи? Намъ кажется, будто-бы взясь не все правда, и многое изъ сказаннаго, можетъ-быть, и хорошо, да исповятно Постараемся разобрать.

Прежде всего намъ представляется вопросъ: зачѣмъ бы, кажется, писать такое громкое предисловіе, издавая

«Путешествіе въ Черногорію»? Говоримъ: «громкое», потому-что мы привели только частину предисловія, а въздъ въ полномъ предисловіи говорится и о судьбѣ Рима, и о судьбѣ Германцевъ и о судьбѣ католицизма и лютеранства. Зачѣмъ? Довольно бы, кажется, сказать, что авторъ желаетъ привлечь публику съ Славянами, и вотъ, на первый случай представляетъ Черногорцевъ; но тутъ же и Римъ, и Германцы, и Славяне, и католицизмъ... Положимъ, однакожъ, что каждый воленъ писать и печатать все, что ему угодно: въ такомъ случаѣ обязанность наша—разбирать все, что будетъ написано.

Итакъ, авторъ говоритъ, что съ издаваніемъ времени пробудился вопросъ о Славянахъ и занимаетъ всю Западную Европу. Что касается до пераго, г. е., что вопросъ этотъ пробудился недавно, то мы съ этимъ совершенно согласны. Еще очень-недавно г. Погочинъ ѣзжалъ въ Парижъ и объяснялся съ Гизо о томъ, что онъ (г. е. Гизо) пропустилъ, въ своей «Исторіи Цивилизаціи Европы», цѣлую колосную Европу, населенную Славянами. Гизо, помнится, былъ немножко озадаченъ такимъ неожиданнымъ требованіемъ, и изъ вѣжливости не зналъ что сказать. Г. Погочинъ обѣщала познать его съ этою внимательною исторіею и прислать матеріаловъ для исправленія пропуска... Но Гизо до-сихъ-поръ, сколько намъ извѣстно, не доделываетъ пропуска: должно быть очень-важно съ нимъ министерствомъ.

Относительно же того, что вопросъ славянскій занимаетъ всю Западную Европу, — мы никакъ не можемъ согласиться. Какъ-то сейчасъ чувствуешь, какой вопросъ занимаетъ Европу: обыкновенно, такой вопросъ быстро пробѣгаетъ по всѣмъ государствамъ, занимаетъ и правительство и народъ, составляетъ жизнь, и всѣ имъ интересуются. За притрами ходить не далеко. Возьмите реформу Пана: посмотрите, сколько о ней говорятъ, и говорятъ. И недаромъ: она предвѣща-

еть много преобразований. Хотите дальше: возьмите 1789 — 1793 годы, еще дальше — реформацію... Это вопросы, которые действительно занимали всю Европу, потому что были занимательны. Но вопрос славянский? У кого бы спросить о занимательности его? Не у Англии ли, которая занята Ирландіей и политико-экономическими реформами? не у Франціи ли, которая почививаетъ свою на-скоро-сшитую конституцію? не у Пруссіи ли, которая говоритъ о вновь собранномъ сеймѣ?.. У кого же?..

Далѣе. Вопросъ о Славянахъ занимаетъ совсѣмъ не такъ Европу, какъ занималъ вопросъ о Востока. Съ Востока привозили новыя свѣдѣнія, памятники искусства и науки. Когда привезли все, что было нужно, ученые задумали изречь свой приговоръ Востоку, *погудать* о его значеніи. Действительно, вопросъ о Славянахъ не можетъ такъ занимать Европу, какъ занималъ Востокъ. На Востокъ была колыбель древняго и новаго образованія; съ Востока пришла образованность греческая, съ Востока пришло и христіанство: слѣдовательно, Востокъ двойнѣй дорогъ каждому образованному человѣку. А у Славянъ какая была колыбель? Мы не знаемъ; можетъ-быть, г. Поповъ знаетъ, — въ такомъ случаѣ пусть скажетъ. Странно только, что онъ приводитъ авторитетъ западныхъ ученыхъ, которые, удовольствовавшись первыми открытіями, задумали изречь приговоръ Востоку и «погудать о его значеніи во всемірной исторіи». Въ слѣдствіе этого и г. Поповъ хочетъ погадать о исторіи Славянъ, и на страннѣйшій 163 прямо говорить, что племенамъ славянскимъ суджено, и, можетъ-быть, скоро, выйдти изъ поприще дѣлъ историческихъ... Есть ничего одностороннѣе и поверхностнѣе преждевременныхъ приговоровъ. Известно, что эти ученые приговорили на смерть Востокъ: онъ, дескать, старикъ, онъ отжилъ свой вѣкъ. Между-тѣмъ, Востокъ начинаетъ новую жизнь; негры эти ученые, при-

числивъ къ обезьянамъ, лишимъ всякой способности къ образованію, а между-тѣмъ, негры дѣлаютъ успѣхи въ образованіи; въ слѣдствіе этого, тѣ же ученые должны составлять новые приговоры. Отъ этихъ приговоровъ обыкновенно въ вышнихъ исторіяхъ встрѣчаются такіа фразы: Греція было суждено развить идею прекраснаго, Риму — идею права, германскимъ племенамъ разные идеи, на-примѣръ, Англіи — практическую сторону жизни, Германіи — духовную, отвлеченную, Франціи — соединить ту и другую. Послеъ этого, нашихъ ученыхъ, естественно, пришло въ голову: какую же идею должны развить племена славянскія? Въ настоящее время, при этомъ вопросѣ рѣшительно нужно *погудать*, какъ выражается г. Поповъ, тѣмъ больше, что западные славянскія племена пока ничего еще не развили. Не-уже-ли нужно гадать?... Но мы въ гаданіи ничего не смыслимъ. Нужно прежде сдѣлать что-нибудь на пользу человѣчества: тогда и исторія, самый справедливый судья, не откажетъ такому народу въ почетномъ мѣстѣ... Самъ же г. Поповъ утверждаетъ западныхъ писателей въ томъ, что они *только судятъ* (т. е. гадаютъ) о Славянахъ и провозносятъ нѣтъ историческій приговоръ прежде, нежели изречла его исторія, за чѣмъ же и намъ пускаться въ тотъ же путь (NB. приговоръ названъ историческимъ такъ же невѣрно, какъ эпитетъ историческаго человѣка, данный Ноадрему).

Далѣе: Славяне долго безмолствовали въ шумномъ говорѣ европейской исторіи; нарѣдка они отвѣчали на вопросы не ими предложенные исторіи... Это очень-справедливо; если перевести эту фразу на языкъ обыкновенный, то выйдетъ, что Славяне долго молчали отъ того, что не умѣли говорить, какъ слѣдуетъ. Это было и не съ однимъ Славянами, это бываетъ и теперь съ людьми, при которыхъ говорятъ о вещахъ, нѣтъ недоступныхъ: они сидятъ цѣлый вечеръ и молчатъ... Но авторъ говоритъ, что

Славяне нарѣдка отъѣчали... Посмотримъ, кто жъ изъ нихъ заговорилъ? Эти смѣльчаки были Гусь, Яковъ Бемъ и Лейбницъ. Положимъ, Гусь былъ смѣлый и умный Славянинъ, который заговорилъ такъ громко, что его услышали собесѣдники; но отъ-чего жъ Яковъ Бемъ и Лейбницъ Славяне? Послѣ этого всѣ вѣмецкіе философы Славяне! Какое Лейбницъ, однако... какъ ему не стыдно! до такой степени замаскировать себя, говорить чужимъ, непонятнымъ для Славянъ языкомъ, говорить о вещахъ, непонятныхъ для Славянъ того времени... Вѣдь такимъ образомъ, онъ рѣшительно могъ бы пропасть изъ среды Славянъ, быть исключеннымъ изъ списка Славянъ, которые были слышны въ шумномъ говорѣ европейской исторіи, еслибъ, въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческихъ, его не отыскала наша славянская школа.

Но судьбы историческія неисповѣдимы; отыскавъ бѣжавшій Лейбницъ по той самой причинѣ, по которой, *въ слѣдствіе особыхъ судебъ историческихъ, каждый народъ предназначенный дѣйствовать исторически, выступать только тогда, когда наступитъ время высказаться, развиться и овладѣть человѣческимъ сознаниемъ.* Точно то же сдѣлалось и съ Лейбницемъ: судьба рѣшила, что онъ долженъ быть отысканъ, потому-что онъ можетъ въ настоящее время овладѣть человѣческимъ сознаниемъ Славянъ, — и его поймали Славяне.

Далѣе: «Въ концѣ прошедшаго столѣтія, Европа уже начинала забывать о существованіи Славянъ, какъ въ племенахъ славянскихъ пробудилось сознание своей народности». Намъ кажется, напротивъ, въ концѣ прошедшаго столѣтія Европа узнала о Славянахъ, потому-что выступила на сцену Россія съ своею сильною политикой. Вспомните, что говорила Европа во время нашихъ войнъ съ Турціею, во время раздѣленія Польши... До революціи уже Россію очень хорошо знала Европа, знала также, что Россія

славянское государство. Следовательно, въ концѣ прошедшаго столѣтія начали не забывать, но уважать Славянъ.

Далѣе: «Пробужденіе народности у Славянъ случилось въ то время, когда европейское просвѣщеніе умственное и общественное (?) коснулось тѣхъ вопросовъ, которыми не находило разрѣшенія въ области пройденной жизни и когда сильно распространилась потребность новыхъ началъ». Въ концѣ прошедшаго столѣтія революція французская требовала преобразованій, устройства государственнаго на новыхъ началахъ; но за началами оти, какъ извѣстно, обратилась не къ Славянамъ, хотя у нихъ и пробудилась народность, а къ Англіи в ея устройству государственному. Оттуда принесены были новыя начала жизни общественной и распространены на материкъ; отсюда, между прочимъ, перешелъ и судъ присяжныхъ, о которомъ авторъ говорить, ято судъ этотъ перешелъ въ Европу отъ Славянъ. Откуда это онъ узналъ? По нашему мнѣнію, судъ присяжныхъ есть самое народное произведеніе Англичанъ, такъ же, какъ и ихъ конституція. Наврасно авторъ говорить, что появленіе воли народности, заключавшей въ себѣ волю начала умственной и общественной жизни, не могло не привлечь къ себѣ вниманія; появленіе этой народности рѣшительно не привлекало къ себѣ вниманія; не болѣе ли привлекало на себя вниманіе русское войско?..

Но какія же это новыя начала умственной и общественной жизни, о которыхъ говорить г. Поповъ? Отъ-чего жъ ихъ не высказать, если они существуютъ? На это, кажется, авторъ отъѣчаетъ такъ: «настоящее положеніе Славянъ указываетъ на то, что исторія только-что выстроила славянскій вопросъ, но еще не разрѣшила, и потому всякое частное разрѣшеніе вопроса, еще неразрѣшеннаго исторіею, представляется болѣе или менѣе произвольнымъ мнѣніемъ частнаго лица».

то это значит? Какъ бы намъ то же слово да не такъ молвить? Кажется, мысль та, что Славяне написали всю будущую исторію, хотя и объявились писать одну прошлую исторію, что они говорятъ о новыхъ началахъ общественной и умственной исторію должны развить Славяне, между тѣмъ, какъ Славяне еще не развили этихъ началъ; однимъ словомъ, мы выстроили домъ, въ которомъ нѣкому жить, выстроили вопросъ, который нѣ кому рѣшить, говорятъ о томъ, что нѣтъ, но что можетъ быть. Это намъ напоминаетъ слѣдующую быль. Бито сон-Шаденъ, Нѣмецъ, увлеченный абстрактами логики гегелевой, вложилъ свою собственную логику подъ глазомъ: «System der positiven Logik». Въ этой положительной логикѣ онъ нашелъ четыре разряда ничто (nichts), и въ томъ числѣ четвертое независимое ничто: онъ назвалъ его *hungernde Nichts, голодающее ничто*. Начало и расположение этого голодающего ничто — хотѣть быть; но оно трудно на то, что ему никогда не можно и невозможно быть. Мы боимся за нашихъ славянофиловъ, что если имъ будутъ много говорить о будущей судьбѣ началъ жизни общественной и умственной у Славянъ, пока эти начала не принесутъ пользы роду человѣческому, и, слѣдовательно, не получатъ места въ исторіи, то люди практическіе, нелюбящіе правдоподобія, скажутъ, что они доказываютъ голодающее ничто. Конечно, это скажутъ только люди очень строгіе, которые обратятъ въ будущее Славянъ; мы этого не говоримъ, потому что Славяне начинаютъ развиваться и, конечно, ошибутся да сблудятъ. Тогда мы съ овольствиемъ будемъ говорить обоимъ томъ, что они сблудятъ. Но побѣдъ того, или другаго, мы будемъ ждать.

Что касается до окончанія приведеннаго нами предисловія, то, признаюсь откровенно, мы его не понимаемъ; оно какъ-то мудро написано. Намъ говорится о двухъ мѣстахъ о

Славянахъ, которые обыкновенно разсматриваются какъ противоположности, между тѣмъ, какъ они соются независимо другъ отъ друга... Какъ эти мѣста не противоположны, но независимы другъ отъ друга, —мы этого не можемъ объяснить... И вообще г. Поповъ пишетъ языкомъ не всегда понятнымъ, особенно, когда онъ высказываетъ общія мѣста; этой непонятности много помогаетъ неумѣстное употребленіе словъ... Мѣста эти приводить было бы долго и излишне; выписывая текстъ предисловія, мы ихъ обозначили курсивомъ или ставили передъ ними вопросительные знаки.

Какой же результатъ нашего разбора? Мы возвращаемся къ тому же вопросу, который задали себѣ, приступая къ предисловію: зачѣмъ бы, кажется, писать это предисловіе?

Но оставимъ предисловіе и обратимся къ самому сочиненію; это и важнѣе и занимательнѣе.

Въ первыхъ четырехъ главахъ авторъ описываетъ свой приездъ въ Рагузу, знакомство съ владыкою, путешествіе съ нимъ изъ Рагузы въ Цѣтину, народные пѣсни Черногоріи и исторію ея со времени отдѣленія отъ Сербіи до владыки Петра I. — Въ этихъ четырехъ главахъ два предмета могутъ остановить вниманіе: пѣсни и исторія Черногоріи, или, лучше сказать, одинъ предметъ, т. е. пѣсни, потому что исторія Черногоріи есть тѣ же пѣсни, только передѣланныя въ прозаическій рассказъ. Постоянные войны Черногорцевъ съ Турками, частныя возстанія отдѣльныхъ племенъ и подвиги отдѣльныхъ лицъ входятъ въ пѣсни; слѣдовательно, составляютъ исторію Черногоріи. Сиріанъ Робертъ объ этихъ пѣсняхъ говоритъ слѣдующее: «Исторія Черногоріи образуетъ одну длинную эпопею, начатую три столѣтія назадъ; каждая новая война составляетъ новую блестящую страницу. Эта эпопея, еще необработанная, есть рядъ народныхъ пѣсенъ Черногоріи. Пѣсни ея, подобныя рассказамъ древнихъ и сложеныя часто самими

героями, которыхъ онъ прославляетъ, не составляютъ между собою одного цѣлаго. Это не повѣя въ томъ смыслѣ, какъ мы ее понимаемъ: это памятникъ историческій, — вѣрная таблица общественнаго быта, о которомъ ни одна страна Европы не можетъ дать понятія, и уже по одному этому поводу грубыя пѣсни Черногорцевъ заслуживаютъ глубокаго изученія. — Вѣсна-справедливо; если разобратъ пѣсни Черногорцевъ, какъ выраженіе общественнаго состоянія Черногоріи, то онѣ будутъ интересны. Но мы ихъ шло знаемъ съ этой стороны; намъ приводятъ обыкновенно отрывки этихъ расцодовъ; мы ищемъ въ нихъ того, что привыкли искать въ своихъ пѣсняхъ и романсахъ, и потому не мудрено, что ничего не находимъ. Вамъ говорятъ: вотъ ѣдетъ Черногорецъ драться съ Турками, прячется въ ущелья, выжидаетъ врага, подкарауливаетъ и убиваетъ его, — или на оборотъ, Турокъ продѣлываетъ ту же исторію съ Черногорцемъ; въ другой пѣснѣ Черногорецъ беретъ Турка въ плѣнъ, въ третьей Турокъ беретъ Черногорца въ плѣнъ, въ четвертой уже не одинъ Черногорецъ, а цѣлое племя восстаетъ на соотчужную область турецкую, грабятъ ее и возвращаются домой; въ пятой виваръ идетъ на племя черногорское, и т. д., все одно и то же... Наконецъ, вы думаете, пора бы и къ концу; если эти походы интересуютъ того, кто ихъ дѣлалъ, то каково же вирному и кроткому читателю, который никогда не проливалъ крови человѣческой? — А между-тѣмъ, нельзя отнять достоинства у этихъ пѣсней: въ нихъ съ головы до пятокъ выразился весь Черногорецъ, съ его обычаями, понятіями, религиозными и рыцарскими убѣжденіями, — Черногорецъ, который не промѣняетъ своей свободы и своихъ сѣрыхъ горъ на деньги Турокъ, своей независимости на униженіе. — Какимъ же образомъ помочь этому недостатку пѣсней? — одною ученою ихъ обработкою, какой до настоящаго времени нѣтъ. Г-нъ Поповъ приводитъ только одну дрян-

ную пѣсню о Маркѣ Краевичѣ и его подвигахъ.

Въ пятой главѣ авторъ говоритъ юридическомъ бытѣ Черногоріи, о гражданскомъ и семейномъ правѣ. Это сама интересная, важная, а вмѣстѣ съ тѣмъ и менѣе всего известная глава. Приступая къ ней, мы просимъ читателя припомнить тотъ коротенькій очеркъ Черногоріи, который мы сдѣлали въ нашешъ предисловіи къ разбору: онъ будетъ необходимъ для общаго взгляда г. Попова.

Мы видали выше, что Черногорію управляетъ лицо духовное, а не свѣтское, — интрополитъ. Первый вопросъ который рѣшаетъ г. Поповъ, состоитъ въ слѣдующемъ: почему Черногорію управляетъ владыка, а не князь? Отъ чего, въ-самомъ-дѣлѣ, нацією восточною управляетъ лицо духовное. А вотъ почему, отвѣчаетъ г. Поповъ (стр. 124):

«Положеніе Черногоріи, оторванной отъ Сербіи, неприставшей ни къ какому другому государству, требовало развитія ея три ея понятія государственности. И она развилась и вошла въ общее сознание съ смысломъ государственнаго значенія (12) клядаго Черногорца, мысль, — которая въ слѣдствіи перешла въ понятіе о равенствѣ въ братствѣ всѣхъ Черногорцевъ (12). Это если можно такъ выразиться, только личное сознание государственности понятія (12) войдя въ семейное устройство Черногорцевъ, общее имъ со всѣми Славянами произвело понятіе о родѣ — родовомъ устройствѣ. Каждый родъ получилъ значеніе Государства. Въ чемъ же могло заключаться общее средоточіе Черногоріи, что соединяло эти роды, эти многочисленныя Государства въ одно цѣлое?..... Не сознательно вѣра, исповѣданіе, но ея значеніе въ общественной жизни, ея мѣсто съ вѣтъ государственная сторона, власть церковная — вотъ что могло сосредоточить разрозненные члены Черногоріи. Присвоеніе Княжеской власти въ Черногоріи представляетъ любопытное историческое явленіе. Послѣдній Черногорецъ началъ сознавать, что власть Бана своею не имѣетъ государственнаго значенія (12) Черногоріи и бытъ средоточіемъ обществен-

и жизни—добровольно отказывается от власти и удаляется въ Венецію. Вместе съ тѣмъ, тоже какъ бы *подожженный тайнымъ сознаниемъ* что единственно Церковная власть можетъ быть средоточіемъ ермогоріи, ставить на свое мѣсто, по шему согласію народа, Митрополита. Какъ начинается духовная власть въ Черногоріи, власть владыкъ.»

Если можно такъ сказать, то какъ намъ кажется это объясненіе? т. е. мы этимъ спросить: вы поняли его, или нѣтъ? Что касается до насъ, мы развѣ есть прочли это мѣсто, и все что-то гранное остается въ головѣ: пустота и пустота, мысль не мысль, а какія-то юза, которыя память по произволу заставляеть какъ ей угодно, и какъ на въхъ ни равставитъ, все выхолитъ дво и то же. Припомнимъ: *государственные понятія вошли въ смыслъ государственнаго значенія каждою Черногоріа... нѣтъ, не правда; государственное значеніе вошло въ смыслъ государственныхъ понятій... нѣтъ, и это не такъ, ажется; если можно такъ сказать, то государственныя понятія перешли въ мысль, которая опять перешла въ понятие о равенствѣ Черногорцевъ, которые, в свою очередь, перешли въ семейное устройство и произвели понятіе о родѣ...* Но что жъ это такое, если можно такъ выразиться? Просто бѣда для рецензента: онъ, несчастный, по обязанности долженъ объяснять лучшія мѣста сочиненія г. Попова, а тутъ самаго лучшаго мѣста нельзя понять... Ахъ, вотъ частливая мысль: *можетъ-быть, это загадка,—можетъ-быть, нужно читать наоборотъ; вѣдь самъ же г. Поповъ говоритъ, что въ исторіи нужно погадать, а потомъ наречь приговоръ. И такъ, погадаемъ и, въ угожденіе читателей, прочтемъ фразу наоборотъ: Черногорцевъ съяхъ въ братствѣ и равенствѣ... (слава Богу, кажется, идетъ) въ понятіи перешли о равенствѣ... ну, опять въ прежнемъ!.. Охъ, житье, житье рецензентское! А публика говорить, что зачатые прилика самое завидное: онъ правляетъ литературою, онъ произносить судъ... Назовъте прошепсая тутъ*

судъ, когда не можешь понять въ чемъ дѣло!

Какъ же намъ быть, какъ объяснить, почему Черногоріей управляетъ владыка, а не князь? Будемъ читать дальше, — можетъ-быть, что-нибудь поймемъ.

«Стр. 123. Съ того времени какъ Митрополитъ сдѣлался владыкою Черногоріи, общимъ средоточіемъ ея общественной жизни и потому получилъ нѣкоторыми образомъ государственное значеніе—эту власть стала въ противоположность съ *государственною(?) властію рода. Такая противоположность имѣть сосредоточенія разрознила общественный бытъ и породила борьбу, которая должна была кончиться или побѣдою рода или власти Митрополита....»*

Бѣда! кажется, опять начинается то же, что и прежде...

«Ни то ни другое послѣдствіе не было въ духѣ Славянскаго племени.»

Ну, слава Богу, кажется, выбрались на чистую дорогу; если можно такъ выразиться, то нѣкоторыми образомъ становится ясно.

«Побѣди родъ, то въ первое время мысль о средоточіи уничтожилась бы совершенно, ибо родъ никогда не существуетъ какъ нѣчто общее и единое, напротивъ всегда предполагаетъ многіе роды и съ разными правами. Разумѣется мысль о *средоточіи (?) жизни* не могла бы исчезнуть, а потому въ первое время возникшая вражда была бы первымъ слѣдствіемъ преобладанія мысли о родѣ въ обществѣ устройствѣ общественнаго быта. Усиленіе нѣкоторыхъ родовъ на счетъ другихъ, болѣе или менѣе тѣсный ихъ союзъ между собою, аристократія была бы дальнѣйшимъ слѣдствіемъ—явленіе противное Славянству.»

«Побѣди власть Митрополита значеніе родовъ,—вса власть государственная соединилась бы съ духовною, произошло бы явленіе похожее на власть папъ на Западѣ—явленіе противное Христіанству.»

«И такъ противоположность между родомъ и властію Митрополита должна была разрешиться и примириться въ новомъ *среднемъ понятіи, и такъимъ подлѣтѣмъ было законъ.*»

Опять начиналось... но, къ-счастію, здѣсь можно окончить выписку.

Чтобъ удовлетворить любопытству читателей, которыхъ заинтересовала вопросъ, почему Черногоріей управляетъ владыка, а не князь, мы въ разсужденію г. Попова находимъ нужнымъ прибавить слѣдующее:

Первоначально Черногорія составляла часть Сербскаго-Княжества. По завоеваніи этого княжества Турками, независимая Черногорія отдѣлилась и избрала для себя особаго князя, подъ предводительствомъ которыхъ и продолжала воевать съ Турками. Но безпрестанная борьба съ Турками, управленіе племенемъ, непризнававшимъ никакой власти, бѣдственное положеніе страны, вѣскольکو разъ опустошенной, не доставляли много удовольствія князьямъ Черногоріи, познакомившимся съ покойною, роскошною и образованною жизнію Венеціи. Уже Иванъ Черноевичъ, предпоследній князь Черногоріи и защитникъ ея противъ Турковъ, часто навѣщалъ Венецію, и въ 1676 году, какъ говоритъ Смиріанъ Робертъ, былъ уже записанъ въ золотую книгу св. Марка, наряду съ прочими грандами Венеціи. Нѣскольکو лѣтъ спустя, въ эту самую книгу былъ вписанъ бракъ послѣдняго князя черногорскаго съ дочерью знаменитаго Мочениго, въ-послѣдствіи дожа венеціанскаго. Можно себѣ представить, какъ Венеціанки было весело въ Черногоріи! Она угворила, и, вѣроятно, безъ большаго труда, Георгія возвратиться въ Венецію, и онъ тамъ въ роскоши кончилъ жизнь свою. Между-тѣмъ, Черногорія осталась безъ князя, безъ внутренняго управленія, посреди раздоровъ племенъ и опустошеній турецкихъ. Изъ оставшихся, выше всѣхъ стоялъ митрополитъ, потому-что братъ князя, Стефанъ или Стениша, перешелъ на сторону Турковъ и принялъ мухамеданство. И вотъ владыка, который былъ вѣстѣ и предводитель войска, звалъ Черногорцевъ на войну съ Турками, владыка заключалъ миръ, владыка судилъ Черногорцевъ... и влады-

ка изъ простаго митрополита сдѣлалъ гѣмъ, чѣмъ онъ теперь, приобрѣлъ власть, о которой мы сказали въ началѣ. Вотъ и все; по-крайней-мѣрѣ, исторія больше ничего не говоритъ.

Владыкамъ предстояли два трудныя дѣла: отбиваться отъ Турковъ и предотвратить разединеніе самихъ Черногорцевъ, погруженныхъ въ племенную месть. Первое дѣло они исполнили съ большимъ успѣхомъ, нежели послѣднее. Трудно отнять у полудиканаго человека право мстить самому за обиду нанесенную ему лично, его семейству и его родственникамъ. Эта мсть поддерживала безпрестанныя войны съ Турками, которыми Черногорцы страдали за разоренія; эта же мсть была причиною того, что одинъ родъ вставалъ на другой и между ними были частыя усобицы, продолжавшіяся и до настоящаго времени. Владыка, желая ограничить эти междоусобія, собралъ вече и предложилъ ему уничтоженіе мести; вече согласилось и постановило 16 статей противъ кровной мести, но мсть продолжается, не смотря на существованіе судовъ. Черногорцы безпрестанно присылали депутата къ теперешнему владыкѣ съ просьбами, чтобъ онъ не вводилъ законовъ противъ мести, и когда изъ просьбы не помогали, они присылали своихъ детей съ грудными младенцами просить о томъ же.

Что значатъ слова г. Попова: «власть митрополита стала въ противоположность съ государственною властію рода; побѣди родъ—вышло бы явленіе противное славянству, побѣди власть митрополита, вышло бы явленіе противное христіанству; итакъ, противоположность между родомъ и властію митрополита должна была разрѣшиться и примириться въ какомъ-нибудь понятіи, и таинствъ политическѣмъ былъ выковъ?» Мы сказали уже прежде, что не знаемъ будущей исторіи, а потому не можемъ сказать, что было бы, еслибъ митрополитъ побѣдилъ родъ или родъ побѣдилъ митрополита: въ этомъ случаѣ нужно погодить, а ге-

дать им не уиѣмъ. У насъ, впрочемъ, много людей, которые задаютъ сами себѣ подобныя вопросы и упражняютъ свое воображеніе надъ рѣшеніемъ ихъ. Такъ намъ удавалось слышать такіе вопросы: что еслибъ Наполеонъ пошелъ не на Москву, а на Петербургъ, чѣмъ бы кончилась война 1812 года? или что еслибъ Суворовъ встрѣтился въ Италіи съ Наполеономъ: кто бы кого побѣдилъ, Суворовъ Наполеона, или Наполеонъ Суворова? или, что еслибъ Петръ Великій жилъ во времена Іоанна-Грознаго, какъ бы онъ дѣйствовалъ?... Конечно, тамъ, гдѣ вечеръ проводится за прешерасомъ, можно рѣшать и такіе вопросы, — одно другого стодитъ, или еслибъ эти вопросы задавалъ себѣ Маниловъ и рѣшалъ ихъ зажуривъ глаза и дѣлая шейбъ, — это было бы простительно; но въ исторіи, въ наукѣ, которая ея офіціо занята тѣмъ, что было, а не тѣмъ, что будетъ, или что было бы, такихъ вопросовъ, если можно такъ выразиться, рѣшать нельзя...

Какихъ же образомъ авторъ находитъ приниреніе власти интрополига и власти родовъ въ среднемъ понятіи, въ законѣ? Что хочетъ этимъ сказать г. Поновъ? То, что вече постановило законы? Можетъ-быть; но мысль эта такъ вычурно высказана, что мы не осмѣливаемся произнести своего суда надъ нею.

Въ слѣдствіе того, что власть владыки не побѣдила власти родовъ, авторъ, на стр. 139, такъ опредѣляетъ власть первого: «въ лицѣ владыки сосредоточивается вся нравственно-религіозная власть; а вѣсколько струекъ ниже говорить: «онъ присутствуетъ въ сенатѣ и утверждаетъ рѣшенія, какъ главное лицо во всей Черногоріи... Онъ главный представитель Черногоріи въ отпешіи къ другимъ землямъ—ведетъ переговоры, заключаетъ трактаты... При владыкѣ состоитъ свита (родъ гвардіи) черенки, которые приводятъ въ исполненіе приговоръ суда... Развѣ то нравственно-религіозная власть? За что вы принимаете насъ, г. авторъ? Ироническіе обетоятельность, упушчен-

ное вами изъ виду въ вашемъ сочиненіи, — именно, что послѣ уничтоженія власти губернатора, который былъ соперникомъ владыки, еще болѣе увеличилась власть послѣдняго; что въ буртахъ 1833, 1835 и 1841 годовъ, въ которыхъ пролито было много крови, возмущавшіеся требовали восстановленія власти губернатора и ограниченія власти владыки...

Оставимъ владыку и перейдемъ къ другому важному и интересному пункту, къ народному собранію, вечу. Мы знаемъ изъ лѣтописей, что у насъ бывали народныя собранія, — знаемъ, что на этихъ вѣчахъ разсуждалъ, говорить, весь народъ о своихъ дѣлахъ, — знаемъ, что веча эти, будто-бы, постановляли законы. Но намъ интересно бы прислушаться къ савичъ разсужденіямъ веча, къ разговору, рѣчамъ простаго народа, подмѣтити ихъ страсти и желанія. А все это можно сдѣлать въ Черногоріи: эти веча тамъ еще живутъ, слѣдовательно, это живая исторія. Г. Поновъ былъ въ Черногоріи, слѣдовательно, могъ видѣть, подслушать то, о чемъ мы должны составлять себѣ понятіе по нашимъ немногорѣчивымъ лѣтописцамъ. Послушаемъ же г. Понова:

«Стр. 129. Народное собраніе становится (со времени владыки Данила) въ противоположность съ родовымъ устройствомъ; Но тѣ же представители и члены родовъ составляютъ и народное собраніе. На этомъ основывается, съ одной стороны, необходимое движеніе впередъ общественной жизни, съ другой медленность этого движенія. Народное собраніе противоположено и мало-численному, государственному значенію рода. Народное же собраніе было простое совокупностью трехъ же родовъ. И такъ борьба введена внутри самаго рода, онъ самъ возстаетъ на себя. Въ слѣдствіе этого родовое устройство обезсилало и дало возможность развитію новыхъ началъ...»

Не останется ли и этого вопроса? кажется, мы опять попали въ тѣсь безвыходный? Нѣтъ, укрѣпился и дочитались:

«Съ другой стороны, члены родовъ его-
да въ составъ народнаго собранія внесли
въ него убъжденіе (я) о государственномъ
значеніи рода. Столкновеніе этихъ убъж-
деній только обозначивало одно другое; но
немогло произвести новыхъ убъженій.
Они должны были призойти (?) извнѣ.
Нравственное вліяніе владыкъ, стремленіе
ихъ разпространить образованіе и тѣмъ
измѣнить народныя убъженія, медлен-
но начинаютъ вводить новый порядокъ
вещей.»

Итакъ, намъ, кажется, здѣсь объ-
яснять нечего; вы понимаете, что на-
родное собраніе, или вече, есть движе-
ніе впередъ и движеніе назадъ, что въ
этомъ собраніи государственное значе-
ніе рода есть движеніе впередъ, а на-
родное собраніе есть государственное
значеніе рода, следовательно, вече
есть вѣстѣ и движеніе только вне-
редъ, но не назадъ. Понятно? — Мы
очень рады, что можемъ уйти отъ
этого труднаго мѣста.

Впрочемъ, намъ предстоить еще мно-
го вопросовъ, которые должно бы раз-
смотрѣть и показать, какъ рѣшилъ ихъ
г. Поповъ. Но что, если мы опять попа-
демъ на такое же трудное мѣсто? По-
пытаемся. Посмотримъ хоть, почему
Черногорцы считаютъ себя равными
другъ другу и братьями:

«Стр. 155. Каждый Черногорецъ сво-
боденъ и не подчиняется никакой власти
кромѣ власти государственной въ лицѣ за-
кона, нѣтъ же самихъ постановленнаго и
власти духовной владыки, въ дѣлахъ цер-
ковныхъ. Эта мысль о свободѣ Черногор-
цевъ нескончима была путеводителемъ ихъ
общественной жизни. Она родилась въ слѣд-
ствие завоеванія Турками соплеменниковъ
Черногоріи, въ противоположность къ ко-
торымъ они считали себя свободными. По
эта мысль о свободѣ не имѣла государ-
ственнаго значенія. Потому внутри Черно-
горіи въ отношеніи къ каждому изъ ея
членовъ порознь, она не имѣла прила-
дана; родовыя отношенія, сила и значеніе
нѣкоторыхъ отдѣльныхъ родовъ, стѣс-
няли гражданскую свободу лица. Съ на-
дѣленіемъ рода мысль о свободѣ государ-
ственной перешла въ мысль о независи-

сти, а свобода получила гражданское на-
значеніе.»

Нѣтъ, полно! Больше мы не судимъ
взглядовъ г. Попова! Отказываемся
отъ своего рецензентскаго права и не
будемъ разбирать ни одного мнѣнія,
принадлежащаго автору. Пусть мы
будемъ виноваты передъ нашими че-
тателами, которые не узнаютъ воли
взглядовъ г. Попова на бытъ Черно-
горцевъ государственный, граждан-
скій и семейный, но мы можемъ за те-
снѣло сказать, что публика не больша-
ихъ узнаетъ, когда авторъ таинств.
образомъ опишетъ и другихъ Славы.
Лучшія мѣста книги—это подлинныя
статьи, приведенныя изъ судебника
черногорскаго; онѣ больше живопису-
ютъ нравы и жизнь Черногорцевъ, ве-
желмъ взгляды г. Попова; на-примѣръ:
кто убьетъ человѣка защищающагося отъ
нападенія, тотъ наказывается тѣмъ
же, какъ неумышленный преступникъ;
кто убьетъ вора или разитъ во время
кражи, тотъ вовсе не наказывается, и
это не считается преступленіемъ—отъ
того, что сами родители учатъ сво-
ихъ дѣтей красть и грабить; ворон-
ство же вовсе не считается преступле-
ніемъ. Далѣе. Высочайшею обидою въ
Черногоріи почитается ударъ ногою
или чубукомъ. Если обиженный не
вынесетъ обиды и убьетъ обидчика
го, то онъ не считается преступни-
комъ, какъ тотъ, кто убилъ вора въ
кражѣ. За покражу коня и вола волю-
жено такое же наказаніе, какъ и въ
злумышленное убійство. Мы знаемъ,
что у Черногорцевъ устроены су-
ды, но они судовъ не любятъ и боль-
шею частью судятся судомъ третей-
скимъ.

Жаль, что весь судебникъ черногор-
скій состоитъ изъ 33 статей, и что
слѣдственно, занимательныхъ мѣстъ
въ книгѣ г. Попова такъ немного.

168) Цвѣты изъ Сада Святаго
Ефрема Сирина. Москва. Въ Импер-
скаго университета тѣл. 1847. Въ 12-мъ д. 1
91 стр.

Собрание вѣсколькихъ отрывковъ съ сочиненій Ефрема Сирина, которыя не всякому доступны даже и по языку. Въ этомъ извлеченіи говорится покаяніи, о слезѣ слезъ, о молитвѣ, оствѣ, воздержаніи отъ вина и проч.

169) Творенія Святыхъ Отцевъ русскаго перевода, съ прибавленіями ихъ истиннаго содержанія, издаваемыя при Московскои Духовнои Академіи. Годъ II. Книжка 1. Москва. Въ тип. А. Сенина. 1847. Въ 8-ю д. л. 208 и 158 стр.

Здѣсь начинается пятая часть твореній Василія-Великаго, заключающая въ себѣ «Слова о подвижничествѣ и разила, пространно изложенныя въ вопросахъ и отвѣтахъ». Первые два слова: «О судѣ Божиимъ» и «О Вѣрѣ» оставляютъ введеніе въ «Правственныя Писанія», напечатанныя уже въ 4 части «Твореній Св. Василія-Великаго».

Въ «Прибавленіяхъ» напечатаны: молитва прелѣ окончаніемъ молебнаго Бѣна въ новый 1847 годъ и въ воспоминаніе семисотлѣтія царствующаго царя Москвы; два слова московскаго итриполита Филарета: одно, произнесенное 20 ноября 1846 г., въ день востества Государя Императора на претолѣ; другое, произнесенное 12 февраля 1847 г., въ память святителя Алексія. Высокіи достоинства извѣщающаго вложенія, которые составляютъ принадлежность нашего духовнаго оратора, отличаютъ и эти новыя его произведенія. Для примѣра выпишемъ нѣсколько словъ изъ втораго:

«Радуясь о читателяхъ Поста, могу ли печально смотрѣть на тѣхъ, которые не только не довольно чтутъ его, но какъ бы угаются надъ нимъ своими поступками? Но что была эта неумѣстная общественная веселость не въ праздникъ? А въ праздникъ, затѣмъ похищено время улагоушанія, и рачетно на суету? На го эта невоздержность, это преобладаніе веселеній въ преддверіи поста? Тысячи христіанскаго народа бѣгутъ по слѣдамъ змыскаго легкомыслія и находятя люди, которые о дѣлахъ легкомыслія, какъ о до-

стопамятностяхъ, повѣствуютъ съ торжествомъ и похвалами. Для чего это многолюдство не напоминаетъ себѣ, что постомъ нѣскольکو сотъ тысячъ Ниневитянь спаслся отъ близкаи погибели; а весь первый міръ, ладшій и піющій, роскошествовавшій и веселящійся, поглотенъ потопомъ? Для чего и въ постъ нѣкоторые не довольствуются, или совсѣмъ не пользуются, умилительнымъ сладкопѣніемъ церковнымъ, но илутъ слушать зрѣлища пѣвца и сладострастные звуки, или смотрѣть зрѣлища, не говорящія, правда, безстыдныхъ рѣчей слуху, но и не говорящія ничего назидательнаго глазу? Нѣкоторые скорбящіе о семъ, подобно мнѣ, говорятъ: для чего много спускаетъ се му Начальство? Мнѣ кажется, я имѣю на сія удовлетворительный отвѣтъ. Начальство, какъ дѣтямъ, спускаетельно позволяетъ вамъ открытыя забавы, чтобы склонныи къ забавамъ, не имѣя открытыхъ, не предались тайнымъ, болѣе безпорядочнымъ и вреднымъ. Но вы для чего всегда хотите оставаться дѣтьми, въ вашей склонности къ забавамъ? Не ходите слушать страстнаго пѣвца, или смотрѣть обаятели; дайте себѣ лучшія упражненія: неблаговременныя и недостойныя христіанской мудрости зрѣлища закроютя сами собою; обаятели разочаруются; некущееся о благочестіи и благоправіи народа Начальство будетъ довольно; и христіанское общество явится въ образѣ строгаго благоправія, достойномъ времени Апостольскихъ. Доколѣ же сего итъ: не станемъ, по крайней мѣрѣ, лстять себѣ; не ставемъ хвалить легкомысліе, какъ мудрость; признаемъ наше несовершенство; осудимъ пашу суетность; возскорбимъ и восплачемъ надъ нашимъ неочищеннымъ отъ грѣха веселіемъ.»

Весьма - любопытенъ литературный памятникъ XIV вѣка, найденный въ сборникѣ изъ библіотеки Московскаго Главнаго Архива Иностранныхъ Дѣлъ, XVI вѣка, и въ сборникѣ, принадлежащемъ г. Царскому. XV вѣка. Это — «Поученіе Алексія Митрополита, отъ апостольскихъ дѣлнѣи къ христіанамъ». Статья: «Сношенія армянской церкви съ восточною православною о соединеніи въ авнадцатомъ вѣкѣ», представляетъ прекрасный образецъ ученаго историческаго

изложенія. Кромѣ этого, помѣщены въ «Прибавленіяхъ»: «Продолженіе бесѣды о спасительныхъ таинствахъ» (бесѣды 22, 23 и 24) и «Выписка изъ письма Иннокентія, епископа камчатскаго».

170) Памятники, издаваемые временною комиссіею для разбора древнихъ актовъ, Высочайше учрежденною при кievскомъ военномъ, подольскомъ и волыньскомъ генерал-губернаторѣ. Томъ второй. Киевъ. Въ лито-типографическомъ заведеніи Г. К. Вальера. 1846. Въ 8-ю д. л. 2, VIII, 371, 233 и 162,—всего 776 стр.

Этотъ томъ прекраснаго кievскаго изданія включаетъ въ себя три отдѣла: 1) Памятники Кievскаго Богоявленнаго Братства; 2) Уставъ о волокахъ, данный королемъ Сигизмундомъ-Августомъ въ 1557 году, и 3) Продолженіе матеріаловъ для исторіи Малороссіи, напечатанныхъ въ первомъ томѣ издаваемыхъ комиссіею «Памятниковъ».

Въ первомъ отдѣлѣ этого сборника мы можемъ слѣдить за постепеннымъ развитіемъ кievскаго братства и находившагося въ монастырѣ его училища, какъ для духовнаго, такъ и для свѣтскаго юношества,—братства, основаннаго знаменитымъ въ исторіи нашей церкви митрополитомъ Петромъ-Могилою и принесшаго неограниченную пользу малороссійскому краю и греческому православію. Пожертвовавъ значительные капиталы на основаніе этого училища при жизни своей и по смерти, въ своемъ духовномъ завѣщаніи, Петръ-Могила, тогда еще архимандритъ кievо-печерскій, принялъ главное надъ нимъ завѣдываніе, какъ въ учебномъ отношеніи, такъ и по внутреннему управленію, согласно общему желанію иноковъ этой обители и по утвержденіи гетмана войска запорожскаго и короля польскаго. Запечатлительно, что званіе это присвоено ему было не по сану его, а по извѣстнымъ личнымъ достоинствамъ, и въ послѣдствіи присвоено было, по общему соглашенію, какъ лицамъ ду-

ховнаго званія, такъ и свѣтскимъ. Главными предметами преподаванія были языки славянскій, греческій и латинскій. Излишне, думать, доказывать всю важность учрежденія подобнаго заведенія, и именно на тѣхъ самыхъ началахъ, которыя положены были ему въ основу. Самая цѣль его — распространеніе просвѣщенія во времена полу-варварскія, въ странѣ, гдѣ издавна тѣснились развродные, боровшіеся другъ съ другомъ элементы, достаточно удостовѣряетъ въ пользу учрежденія, клонившагося къ общественному образованію, и смыслъ православнаго религіознаго ученія, которое стояло тогда во главѣ всякаго другаго. Я видѣлъ и говорилъ Петръ-Могила: «что унадохъ святаго богослуженія происходитъ въ рускомъ народѣ не отъ чего иного, какъ отъ совершеннаго недостатка образованія и наукъ». Вотъ какъ выражался о необходимости этого училища іерусалимскій патриархъ Пансіи: «Обученіе юности богоугодно и полезно, а въ сей странѣ (Малой Россіи) оно весьма необходимо, такъ какъ алчущія и отступники не только простыхъ, но и рѣдко и разумныхъ прельщаютъ своимъ новарнымъ извращеніемъ, обольщаютъ своимъ душепагубнымъ обольщеніемъ, умоляютъ и стараются отвести отъ истинной вѣры». Дѣйствительно, если короли польскіе и охраняли своими грамотами православное братство, если они и не запрещали обученія воспитывавшимся въ славянскихъ и греческомъ языкахъ, то дѣйствительно такъ по одной необходимости утвердить прочтѣе свою власть въ глазахъ чуждыхъ имъ по историческому развитію провинціяхъ. Но при первомъ удобномъ случаѣ, она открыто объявлялась въ предположеніи латинскаго языка и одному этому языку объявляли учить въ общественныхъ заведеніяхъ. Въ послѣдствіи, въ кievскомъ Богоявленнаго Монастырѣ преподавались, кромѣ языковъ и богословія, риторика, поэтика и философія.

дѣтельныхъ слѣдствіи учрежденія этого училища онавались въ весьма-скоромъ времени; самъ митрополитъ Петръ-Могилъ имѣлъ радость видѣть эти слѣдствія подъ конецъ дѣятельной, полезной жизни своей. «Господь Богъ», говоритъ онъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи: «по святой своей благодати, благословилъ такъ, что при жизни моей я видѣлъ отъ тѣхъ наукъ великую пользу для церкви Божіей въ значительномъ приумноженіи, на служеніе ея, ученыхъ и благочестивыхъ людей.» Кіевское духовное училище и по смерти Могилы осталось вѣрно данному имъ направленію и пользовалось великимъ, заслуженнымъ довѣреніемъ и уваженіемъ всего малороссійскаго края. Поэтому всѣ помѣщенныя во второмъ томѣ «Памятникомъ» грамматы, до него относящіяся, весьма любопытны и важны для исторіи нашей церкви и народнаго просвѣщенія.

Перечитывая эти грамматы, съ любопытствомъ остановились мы на нѣкоторыхъ частностяхъ, которыя могутъ служить со-временемъ немаловажными источниками для ученыхъ юристовъ. На-примѣръ, въ дарственной записи Анны Гулевичевны весьма-замѣчательно, по нашему мнѣнію, то право распоряженія ея иуществовать въ дальнѣйшемъ ея потомствѣ, которое она себя присвоиваетъ. Нельзя умолчать также о фактѣ довольно-интересномъ, находящемся въ этой же самой записи, именно о подписи мужа ея, стоящей выше другихъ, выше даже самой владѣлицы даримаго мнѣнія, потому только, что это мнѣніе когда-то принадлежало ея мужу и отдало имъ въ послѣдствіи женѣ. Здѣсь не мѣсто раздѣлывать подобные данныя, относящіяся прямо къ исторіи гражданскаго законодательства, но нельзя и не упомянуть о нихъ. Обратимъ также вниманіе на особое уваженіе, постоянно-оказываемое патриархами ерусалимскими св. апостолу Іакову, первосвященнику іерусалимскому, предъ

ми Спасителя, подобно папамъ римскимъ, чтившимъ всегда съ особеннымъ благоговѣніемъ память св. апостола Петра, отъ котораго, какъ думаютъ, получили они преемственно власть свою. Есть и многія подобнаго рода давныя, которыя могутъ быть съ пользою употреблены внимательнымъ изыскателемъ старины.

Несравненно-важнѣе, однако, разсмотрѣннаго нами перваго отдѣла, второй отдѣлъ, заключающій въ себѣ постановленія объ управленіи удѣльными королевскими мнѣніями. Этотъ уставъ имѣетъ для насъ двойной интересъ: по самому содержанію своему, раскрывая вполне административное устройство этого важнаго управленія, и по сравненію съ подобными единовременными установленіями нашего древняго отечества. Обложеніе крестьянъ податями по грунту и качеству земли, плата податей то деньгами, то произведеніями почвы, доходъ или коризъ управителей, сроки платежа на логовъ, причины, по которымъ поданные иногда освобождались отъ нихъ на извѣстное время (какъ-то: пожаръ, голодъ, градобитіе или поселеніе въ новыхъ мѣстахъ), отдача земель въ наемное содержаніе, устройство лѣсной повинности заселеніемъ ящичковъ особыми селами, мостовщина, постановленія о такъ-называемыхъ «проводникахъ», о торгахъ и мытахъ, даже самыя незначительныя административныя мѣры, какъ-то: запрещеніе варить пиво по селамъ, образъ измѣренія и наложенія разнаго рода хлѣба, платимаго въ подати, *безъ верху и утамтыванія*, вѣчная пошлина и т. п.,—до того тожественны со встрѣчаемыми въ нашихъ грамматахъ этого времени, что близорукій историкъ и заимствованій, забывъ главную, неоспоримую причину изумительнаго сходства—одинаковость степени государственнаго и народнаго развитія. Замѣчательно превосходство славянскихъ племенъ предъ всѣми прочими въ устройствѣ посемельныхъ податей,

основанных на обычной, но практически-вѣрной кадастраціи. Когда въ западныхъ европейскихъ государствахъ существовалъ почти-исключительно одинъ подушный сборъ, какъ народная система податей, въ Россіи и Польшѣ мы находимъ уже сошное дѣленіе и распредѣленіе земель по волокамъ, то-есть измѣреніе и оцѣнку земли по ея добротѣ. Такъ, по сигизмундову уставу о волокахъ, взимались подати: съ волоки лучшей земли 50 грошей, посредственной 40 грошей, худой 30 грошей, а съ совершенно-неудобной 12 грошей. Обложеніе сборомъ домовъ подчинено было также особой системѣ: самыя большія подати платили владѣльцы домовъ, находившихся на рынкѣ, то-есть въ центрѣ города, и почти-ничтожныя, сравнительно, повинности лежали на домахъ въ предмѣстьяхъ. Впрочемъ, вѣроятно, эта податная система имѣла значительныя видоизмѣненія, потому что изъ рассматриваемаго памятника видно, на примѣръ, что не всѣ еще земли были измѣрены и описаны, и что одновременно съ поземельною податью существовали другія, лежавшія на крестьянскомъ сословіи, отъ прежняго времени удержавшіяся, какъ-то: подъемное, или разложеніе сбора по домамъ и дымамъ и т. п. Но если вспомнимъ различіе мѣстности и самаго образованія странъ, входившихъ тогда въ составъ Польскаго Королевства, то такого рода противорѣчія не удивлять насъ.

Рассматривая уставъ Сигизмунда сравнительно съ нашимъ современнымъ законодательствомъ, несомненно сознаешься, что во второй половинѣ XVI столѣтія, когда этотъ уставъ былъ обнародованъ, мы не находимъ еще въ Россіи нѣкоторыхъ весьма-важныхъ постановленій, которыя имѣли уже тогда дѣйствіе въ Польшѣ. Такъ учрежденія о лѣсахъ, рыбной ловлѣ, и даже о гонцахъ, въ той подробности, которую находимъ въ уставѣ о волокахъ, являются гораздо-позже въ нашемъ отечествѣ. Притомъ, въ древней

исторической литературѣ нашей нѣтъ ни одного свода финансовыхъ постановленій по какой-либо части; всѣ они разбросаны по разнымъ трактатамъ, отъ-чего собраніе и уразумѣніе ихъ дѣлается чрезвычайно-сбивчивымъ и труднымъ. Учрежденіе о волокахъ написано такъ ясно, такъ отчетливо, что ученому розыскателю стоить только внимательно прочесть его, чтобы войти въ подробности эту важную отрасль финансового управленія въ Польшѣ въ такъ-называемые средніе вѣка. Всѣ обязанности управителей и крестьянъ, порядокъ земледѣльческихъ работъ, отчасти даже судопроизводство, — наконецъ, всѣ вообще повинности изложены со всевозможною точностью и вразумительностью.

Эти-то достоинства заставляютъ отдавать предпочтеніе второму отдѣлу сборника передъ другими, если вспомнимъ, что самый предметъ, въ немъ изложенный, не будучи еще довольно-хорошо понятъ и разработанъ, не смотря на всю свою важность, долженъ обратить на себя особенное вниманіе любознательныхъ изслѣдователей.

Документы, относящіеся до Малороссіи, помѣщенные въ третьемъ отдѣлѣ «Памятниковъ», состоятъ изъ переписки гетмана Богдана Хмельницкаго съ королемъ Сигизмундомъ и польскими вельможами, донесеній кіевскаго воеводы Адама Кисѣля, описанія похода Поляковъ противъ Запорожцевъ, распоряженій польскихъ королей и шляхетствъ кіевского и черниговскаго по случаю войнъ съ Запорожцами и предписаній гетмана. Изъ нихъ можно видѣть дипломатическія дѣйствія Хмельницкаго, хитро дѣйствовавшего королю и при нуждѣ даже самаго ему даже оружіе противъ самаго-себя, — ослабленіе въ запорожской землѣ польской власти, сдѣлавшейся только номинальною, невалявшейся болѣе на дѣлѣ, а довольствовавшейся однимъ обнаруживаніемъ въ пражескихъ предписаніяхъ, которыя почти не исполнялись, — вѣнчаніе крестьянъ въ пахаль ихъ и остраданіе владѣльцевъ

польских правителей въ враждебной имъ землѣ. Занимающемуся исключительно исторіею Польши или Малороссіи весьма-интересны будутъ многія частности, въ этихъ актахъ заключающіяся, которыя не могутъ быть довольно оцѣнены дилеттантами или только любозпытными.

Что касается до самаго изданія, то читатели, знакомыя съ первыми томами «Памятниковъ», отдадутъ полную справедливость и второму; напечатанному съ тою же тщательностью и, можно сказать, съ тою же роскошью, которая доселѣ были почти чуждыми произведеніямъ русскихъ типографій. Подъ текстомъ помѣщенъ переводъ его, сдѣланный съ искусствомъ и точностью, а въ концѣ сборника приложены свѣдѣнія съ рукописей, подписей синодальныхъ временъ императрицы Елизаветы Петровны и десяти гетмановъ, и изображеніями гетманскихъ печатей.

171) Священная Географія, называющаяся: происхожденіе народовъ, состояніе Палестины въ разныя времена, отъ Авраама до покоренія Римлянами, съ историческими и географическими замѣчаніями обо всѣхъ важныхъ мѣстахъ, приводимыхъ въ текстѣ и по возможности заять, съ полнымъ алфавитнымъ указателемъ, картами и планомъ Иерусалима. Составлена В. П. П. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1846. Въ 8-ю д. л. IV и 125 стр.

— Священно-Историческій и Географическій Атласъ, составленный В. П. П. Санктпетербургъ. 1847. Шестъ картъ.

Зглавіе книги достаточно объясняетъ цѣль и содержаніе ея. Предисловіе автора знакомитъ съ нею еще короче:

«Священная географія (говоритъ г. В. П. П.) облегчаетъ изученіе Священной Исторіи и чтеніе Священныхъ книгъ. Мы раздѣлили ее на двѣ главныя части. Первая показываетъ происхожденіе народовъ,

населявшихъ міръ и разныя раздѣленія Палестины въ разныя эпохи отъ Авраама до покоренія ея Римлянами. Вторая часть занимается подробнымъ описаніемъ Палестины съ историческими и географическими свѣдѣніями обо всѣхъ городахъ и замѣчательныхъ мѣстахъ.

«Составляя эту Географію мы постоянно имѣли передъ глазами Библію. Мы желали напомнить юношеству о самыхъ любозпытныхъ мѣстахъ и происшествіяхъ, встрѣчающихся при чтеніи Священныхъ книгъ, не отступая впрочемъ отъ тѣхъ свѣдѣній, которыя сообщали намъ писатели этихъ книгъ и часто даже употребляя ихъ собственныя выраженія. Не смотря на то, намъ необходимо было пользоваться трудами ученыхъ объ этомъ предметѣ, когда текста Библіи не было достаточно для познанія приводимыхъ въ ней мѣстъ. Къ мѣстамъ приводимымъ въ Священной исторіи мы прибавили не большое число Палестинскихъ городовъ, знаменитыхъ въ Гражданской исторіи, и имѣвшихъ большую важность въ первомъ вѣкѣ Христіанской эры. При описаніи этихъ городовъ мы соизволили преимущественно съ Историкомъ Іосифомъ Флавіемъ, такъ какъ его положеніе и роль, которую онъ игралъ въ войнѣ Іудеевъ съ Римлянами, поставили его въ состояніи узнать Исторію и Географію Іудеи, лучше нежели всякой другой свѣтскій писатель(?). Понятія о мѣрахъ и календарѣ Евреевъ извлечены нами изъ Метрологич. г. Сежея».

Изданіе «Атласа» приложеннаго къ книгѣ г. В. П. П., очень-изячно. Онъ состоитъ изъ шести картъ: 1-я карта — раздѣленія рода человѣческаго послѣ раздѣленія языковъ; 2-я, хаанаанская земля до пришествія Израильтянъ; 3-я, путь Израильтянъ въ пустынѣ и расположеніе израильскаго стана; 4-я, израильская земля, раздѣленная на двѣнадцать колѣнъ; 5-я, Палестина, раздѣленная на четыре провинціи, и планъ Иерусалима, и 6-я, карта путешествія св. апостола Павла. Къ первой картѣ приложенъ обстоятельный планъ земнаго рая, хотъ авторъ въ описаніи замѣчаетъ, что «относительно положенія земнаго рая толкователи не согласны» (стр. 2).

172) Популярная Физическая Астрономія. Сочиненіе Эйри, директора Королевской Обсерваторіи въ Гринвичѣ. Переводъ съ нѣмецкаго Федорова, одобренный академикомъ Остроградскимъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Экспедиціи Заготовл. Госуд. Бумагъ. 1847. VIII и 291 стр.

Г. Эйри (Airy)—знаменитый директоръ Гринвичской Обсерваторіи, котораго имя тѣсно связано со всякимъ важнымъ астрономическимъ открытіемъ въ послѣднее время. Исчислить заслуги его значитъ почти разсказать исторію астрономіи въ послѣднее двадцати-пятилѣтіе. Стоитъ только вспомнить ревностное участіе, которое онъ принималъ въ открытіи Леверрье. Въ 1834 году, вздумавъ г. Эйри составить курсъ физической астрономіи, назначенный, какъ онъ говоритъ, сперва— для такихъ читателей, которые имѣютъ уже нѣкоторыя свѣдѣнія въ астрономіи и столько ознакомились съ геометрией, что въ состояніи изъ чертежей выводить простыя заключенія и примѣнять нѣкоторыя алгебраическія выраженія къ числамъ.

«Но въ нихъ не предполагалось (говоритъ Эйри) тѣхъ особенныхъ познаній, которыя необходимы при собственныхъ изслѣдованіяхъ въ Астрономіи и безъ которыхъ едва-ли можно приступить къ объясненію относящихся къ ней предметовъ. Такъ, напримѣръ, я предположилъ себѣ объяснить возмущенія въ солнечной системѣ по возможности безъ алгебраическихъ знаковъ.

Отказавшись такимъ образомъ отъ smallestаго математическаго пособия, разубѣдѣвъ, я не смѣлъ надѣяться на полный успѣхъ. Впродолженіе моего труда я встрѣчалъ отъ недостатка въ этомъ пособіи большія затрудненія, будучи припужденъ изобрѣтать общія, совершенно удовлетворительныя объясненія почти для всѣхъ неравенствъ, которыя налагаются въ сочиненіяхъ о физической Астрономіи. Однакожь тутъ я убѣдился, что это сочиненіе, безъ малѣйшаго уклоненія отъ первоначальнаго своего плана, можетъ быть полезно даже и для тѣхъ учащихъся, которые обогащены уже достаточно

математическими познаніями и могутъ примѣнять ихъ къ объясненію труднѣйшихъ физическихъ задачъ. Съ этимъ-то особенно убѣжденіемъ, что трудъ мой можетъ быть полезенъ вдвойнѣ, я и рѣшился напечатать оный» (стр. 1—2).

Съ этимъ убѣжденіемъ авторъ издалъ книгу свою въ 1834 году. Говорить о достоинствѣ ея нечего: за это ручается имя г. Эйри. Сочиненіе его было переведено почти на всѣ европейскіе языки. Переводъ г. Федорова сдѣлавъ съ нѣмецкаго перевода «Популярной Физической Астрономіи». При изложеніи своемъ, г. Эйри держался строго-логическаго пути. Сначала выведенъ имъ законъ тяготѣнія съ тремя основными вѣтвями его. Отъ этого положенія онъ незамѣтно переходитъ къ дѣйствию притягательной силы на тѣло, находящееся въ движеніи. Прекрасно выражено понятіе о движеніи планетъ чрезъ сравненіе съ движеніемъ горизонтально-брошеннаго камня. За симъ развиваеетъ онъ теорію возмущеній въ солнечной системѣ. Опредѣленіе возмущеній и причины ихъ поразительно-вѣрно, при сомнительныхъ объясненіяхъ науки того времени. Нужно замѣтить, что между 1820 и 1834 годами возникли всѣ тѣ сомнѣнія на-счетъ вѣрности теоріи возмущеній, которыя такъ побѣдоносно уничтожены въ послѣднее время Леверрье. Въ 1820 году, Буваръ, въ таблицахъ положеній Урана, показывалъ уже несогласіе вычисленій съ наблюденіями, а въ 1828 году, самъ г. Эйри замѣчалъ въ кембриджскихъ наблюденіяхъ это, по-видимому, важное отступленіе отъ закона пертурбацій. Читая объясненіе теоріи возмущеній и принимая въ соображеніе выше выставленные факты, нельзя не предположить, что истина, раскрытая г. Леверрье, была уже предвидѣна знаменитымъ теперешнимъ директоромъ Гринвичской Обсерваторіи.

«До этого мы разсуждали (говоритъ г. Эйри) о движеніи двухъ тѣлъ, на-пр., Солида и какой-нибудь планеты, предпологая, что нѣтъ никакого иного притяги-

ющего тѣла. Но еще въ первомъ отдѣленіи было замѣчено, что каждая планета и спутникъ притягиваютъ Солнце равно, какъ и каждую другую планету и лунника. Такъ какъ каждая планета въ разные моменты времени весьма различно притягивается другою планетою, которой вложеніе безпрестанно переиъняется, то снѣ, что движеніе планеты не можетъ не быть разсматриваемо, какъ движеніе инаственно зависящее отъ Солнца. Итакъ, планеты движутся не совершенно по эллипсамъ, радіусъ-векторъ въ равныя времена описываетъ не совсѣмъ равныя площади и кубы среднихъ разстояній находится не въ совершенно точномъ отношеніи произведенія квадратовъ времени общенія на суммы массъ Солнца и планеты. Но возмущающія силы планеты въ сравненіи съ силою притяженія Солнца только малы, что предъидущіе законы почти совершенно вѣрны, и, за исключеніемъ Луны и другихъ спутниковъ, всѣ тѣла нашей планетной системы допускаютъ въ своихъ движеніяхъ дѣйствіе вышеупомянутыхъ возмущеній только при самыхъ очныхъ и многіе годы продолжаемыхъ наблюденіяхъ (стр. 47—48).

Это опредѣленіе, сдѣланное въ 1834 году, кажется намъ довольно-вѣрнымъ и теперь. А между-тѣмъ, подумайте, сколько съ-тѣхъ-поръ переиънъ: подорѣнія на-счетъ вѣрности ньютонова закона всеобщаго тяготѣнія разрушены побѣдоносно. Въ 1846 году, нашъ замѣчательный дерптскій астрономъ, Медлеръ, идя по слѣдамъ Аргеландера, доказалъ, что неподвижныя звѣзды имѣютъ также свое движеніе, и распространяетъ на нихъ силу закона аттракціи (*); а въ началѣ 1847 года знаменитый Леверрье, излагая теорію небесной механики, принявъ за основаніе ея — доказанную имъ всеобщность закона всеобщаго тяготѣнія и абстрактность трехъ кеплеровыхъ основныхъ законовъ, намѣняемыхъ всюду и всегда возмущеніями. Возмущенія эти происходятъ отъ взаимнаго тяготѣнія тѣлъ и отъ всеобщаго тяготѣнія въ природѣ...

«Исслѣдованіе дѣйствій возмущающихъ силъ состоитъ изъ двухъ частей (продолжаетъ г. Эйри): въ одной разсматриваются дѣйствія возмущающихъ силъ относительно движенія планеты вообще, въ другой исслѣдуется такого рода возмущающая сила, которая происходитъ отъ притягательной силы другой планеты.» (Стр. 48).

Согласно съ этой программой, авторъ разсматриваетъ сначала различныя вѣрныя возмущающей силы, дѣйствующей при движеніи планеты и измѣняющей это движеніе. Потомъ онъ переходитъ къ опредѣленію свойствъ возмущающей силы, которой подвергается планета или спутникъ чрезъ притяженіе, производимое на нихъ другими силами (стр. 85). При опредѣленіи величинъ возмущающихъ силъ, авторъ ограничивается только изложеніемъ семи важнѣйшихъ случаевъ, зависящихъ отъ взаимнаго положенія центрального и возмущаемаго тѣла въ отношеніи къ возмущаемой силѣ. Эти исслѣдованія въ совокупности даютъ слѣдующіе результаты:

«Если возмущающее тѣло находится внѣ орбиты обращающагося, то возмущающая сила лежитъ единственно въ направленіи радіуса-вектора и дѣйствуетъ прочь отъ центрального тѣла въ точкахъ, гдѣ обращающееся тѣло съ возмущаемымъ находится на той-же или на противоположныхъ сторонахъ центрального тѣла (возмущеніе въ первомъ случаѣ больше, нежели во второмъ); напротивъ, эта возмущающая сила дѣйствуетъ къ центральному тѣлу въ точкахъ, гдѣ возмущаемое и центральное тѣло равно отстоятъ отъ возмущающаго. Но возмущающая сила въ послѣднемъ случаѣ гораздо меньше, нежели въ первомъ. Между близлежащими парами этихъ четырехъ точекъ есть другія четыре точки, въ которыхъ не дѣйствуетъ никакая возмущающая сила въ направленіи радіуса-вектора. Однако въ то время какъ обращающееся тѣло движется отъ одной изъ точекъ, гдѣ оно съ возмущающимъ тѣломъ находится съ той же или съ противоположныхъ сторонъ центрального тѣла, къ одной изъ равноотстоящихъ точекъ, всегда дѣйствуетъ возмущающая сила перпендикулярно къ

(*) Mädlar, Die Centralsonne, Dorpat, 1846.

радіусу-вектору и замедляетъ движеніе. Напротивъ, когда обращающееся тѣло движется отъ одной изъ равноотстоящихъ точекъ къ одной изъ тѣхъ точекъ, которыя, какъ и возмущающее тѣло, лежатъ съ той-же или съ противоположныхъ сторонъ центрального тѣла, возмущающая сила, дѣйствующая перпендикулярно къ радіусу-вектору, ускоряетъ движеніе возмущаемаго тѣла». (Стр. 103—104).

Къ-несчастію, тяжеловѣсный языкъ перевода заставляетъ насъ отказаться дѣлать дальнѣйшія выписки. Читатели уже могли судить объ изыщности его... Какое неприятное чувство овладѣваетъ вами при чтеніи хорошаго произведенія въ дурномъ переводѣ!..

Отъ изслѣдованій возмущающей силы, г. Эйри естественно переходитъ къ теоріямъ Луны и спутниковъ Юпитера. Пертурбаціи Луны замѣчательны особенно потому, что онѣ, какъ извѣстно, послужили къ опредѣленію расстоянія Солнца отъ Земли. Выводъ теоріи спутниковъ Юпитера едва-ли не должно считать за одинъ изъ блистательнѣйшихъ подвиговъ астрономіи. Это отдѣленіе особенно замѣчательно ясностью изложенія. Г. Эйри блистательно побѣдилъ трудности изложенія безъ математическихъ формулъ.

Теорія планетъ является вслѣдъ за этимъ. Авторъ рассматриваетъ главнѣйшія пертурбаціи въ пути планетъ, зависящія отъ взаимнаго вліянія ихъ. Особенно распространяется онъ о пертурбаціяхъ, происходящихъ отъ взаимнаго вліянія другъ на друга Юпитера и Сатурна. При объясненіи ихъ, авторъ, говоря о пертурбаціяхъ планетъ, ничего не упоминаетъ о возмущеніяхъ Урана, которыя, однако, должны были быть ему очень извѣстны. Возмущенія эти были уже означены въ «Кембриджскихъ Наблюденіяхъ», изданныхъ въ 1828 году подъ надзоромъ г. Эйри, который былъ тогда директоромъ Кембриджской Обсерваторіи. Къ-тому же, самъ онъ рассказываетъ объ этомъ въ послѣдней статьѣ своей, читанной въ Королев-

скомъ Астрономическомъ Обществѣ (Account of some circumstances historically... etc.).

Два послѣднія отдѣленія «Популярной Физической Астрономіи» посвящены разсмотрѣнію «возмущенія и клоненія и положенія узла» и дѣйствія сжатія планетъ на движеніе ихъ спутниковъ..

Книга г. Эйри достаточно оцѣна учебнымъ міромъ, и потому нашъ отзывъ былъ бы совершенно излишнимъ. Переводъ г. Федорова тяжеловѣтъ. Быть-можетъ, это происходитъ отъ того, что переводчикъ ваялъ въ рукоиздѣннѣйшій переводъ труда г. Эйри — Паденіе опрѣтно. При книгѣ таблицъ чертежей. Но появленіе перевода «Популярной Физической Астрономіи» навело насъ на нѣсколько, не то, чтобы грустныхъ, не то, чтобы веселыхъ размышленій. У насъ, на русскомъ языкѣ, почти, кромѣ книгъ Д. М. Перещицкова, нѣтъ порядочныхъ астрономическихъ сочиненій... Два, три учебника; кое-какое популярное изложеніе — вотъ все богатство наше. А жду-тъ, вокругъ насъ кипитъ жизнь науки: у насъ же въ Россіи германскіе ученые доблестно подвизаются на ученомъ поприщѣ. Нашъ почтенный академикъ г. Струве извѣстенъ въ Европѣ трудами своими; небесныя карты вѣщаго астронома г. Кнорре печатаются самыми превосходнѣйшими по этому предмету; нашъ знаменитый дерптскій ученый, г. Медлеръ, сдѣлалъ великое открытіе, составляющее, можно сказать, эпоху въ наукѣ астрономіи. И эти плоды науки, недавно приватой за почтъъ нашей, еще не возбуждали въ насъ соревнованія. Разволнушіе наши въ этомъ отношеніи простерются до того, что мы не имѣемъ даже на русскомъ языкѣ перевода вышедшей въ 1841 году, превосходной «Популярной Астрономіи» (Populäre Astronomie) г. Медлера. Отъ-чего это? Юны ли мы еще для трудовъ науки, или наука не успѣла еще пустить корни свои въ почву нашей, — дакъ сказать?..

173) Народная Хирургія, или описание средствъ для скорѣйшаго вспоможенія при ранахъ, порывахъ, порубахъ, сильномъ кровотеченіи, переломахъ костей и пр., съ описаніемъ приготовленія и наложенія самыхъ простыхъ и удобныхъ повязокъ до прибытія хирурга. Составлено докторомъ Матіагомъ Майоромъ, главнымъ хирургомъ въ голландскомъ госпиталѣ. Съ нѣмецкаго перевода доктора Густава Линке, уролога и судебнаго врача въ Лейпцигѣ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12 ю д. л. VI и 75 стр.

Книжка эта составляетъ часть большаго сочиненія «Упрощенная Хирургія», въ составленіе которой Парижская Академія Наукъ выдала монтионовскую награду, и есть плодъ многихъ опытовъ и наблюденій почти въ продолженіе тридцатилѣтней практики искуснаго хирурга. Народная или домашняя хирургія необходима: знаніе простыхъ, легкихъ и вѣрныхъ средствъ, въ отсутствіи или въ ожиданіи врача, очень нужно для подавія временнаго пособія больнымъ, безъ котораго они могутъ сдѣлаться жертвою смерти. А пособіе, сдѣланное безъ знанія, доводитъ иногда больнаго до важныхъ операцій или оставляетъ важныя поврежденія; сверхъ того, при неумѣи подавать помощь, онъ претерпѣваетъ жестокия боли. Въ шести небольшихъ главахъ, авторъ показалъ средства останавливать кровь, объяснилъ первыя пособія при тяжкихъ поврежденіяхъ, ранахъ, переломахъ, предохранительные способы при переносѣ больныхъ, особенно раненныхъ, и средства для извлеченія постороннихъ тѣлъ. Сочиненіе Майора полезно многимъ классамъ людей: управляющимъ фабриками и заводами, путешествующимъ вельскимъ жителямъ, часто подвергающимся такого рода поврежденіямъ, при которыхъ знаніе хирургіи необходимо.

174) Письмо къ доктору Элоу въ Варшавѣ отъ *** о леченіи болѣзней кровоочищеніемъ и возстановленіемъ пищева-

рительныхъ органовъ по новому способу Югана Шрота. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Кройля. 1847. Въ 8-ю д. л. 24 стр.

Недавно начали такъ же громко поговаривать о новой методѣ леченія Шрота, какъ прежде говорили о гемопатіи, или о леченіи водою по системѣ Приснитца. Юганъ Шротъ (Johann Schroth) — подобно Приснитцу, не медикъ, не ученый, а простой поселенный австрійской Силезіи, житель деревни Линдевице, въ окрестностяхъ небольшого городка Фрейвальдау, лежащаго по сосѣдству съ знаменитымъ водолечебнымъ заведеніемъ въ Грешенбергѣ. Вотъ какъ господинъ *** объясняетъ систему Шрота (стр. 4—9):

«Всѣ хроническія болѣзни какого бы онѣ ни были свойства и названія, говоритъ Шротъ, имѣютъ одно начало: онѣ происходятъ отъ зловредныхъ соковъ. Эти соки обнаруживаются въ тѣлѣ человѣка по индивидуальному его расположенію и въ многоразличныхъ видахъ.

«Соки, ли что иное какъ произведеніе пищеваренія, конкъ образованіе происходитъ въ желудкѣ и въ животѣ, то по словамъ Шрота въ этихъ двухъ частяхъ должно искать первоначальную причину происхожденія всѣхъ болѣзней.

«И такъ Шротъ, приступая къ пользованію больныхъ, мало заботится о родѣ ихъ болѣзни, онъ беретъ за ея корень, и какъ скоро удостовѣрится, что она непосредственно или непосредственно скрывается въ пищеварительныхъ органахъ, то никогда не отчаивается въ полномъ успѣхѣ своего врачеванія. Тогда основаніе его леченія однообразно; но примѣненіе средствъ врачеванія весьма различно, смотря по темпераменту больнаго, по роду и степени болѣзни и по множеству другихъ обстоятельствъ, которыя опытный глазъ Шрота умѣетъ опредѣлять съ удивительною точностію. Такимъ-то образомъ онъ однимъ и тѣми же средствами и съ одинаковымъ успѣхомъ, излечиваетъ болѣзни, не имѣющія между собою ни какого сходства, какъ наприкладъ: сальпюту (если только органы артеріи не совершенно разрушены), водяную болѣзнь, ракъ, рамы, лишай, вередъ, болѣзнь вѣщеческую и проч. Леченіе Шрота имѣетъ тройную цѣль: 1) очищеніе крови,

2) разложение слизистых завалов, образующихся в кишках, причиняющих запоры, засорение и в послѣдствіи неправильное обращеніе крови и бездѣйствіе кожи; 3) совершенное восстановленіе пищеварительныхъ органовъ.

«Этихъ различныхъ условий къ восстановленію здоровья, Шротъ достигаетъ не употребляя ни внутреннихъ, ни наружныхъ лекарствъ. Теплота и влага, по словамъ его, суть два главныхъ начала оживляющія природу; совокупное гармоническое ихъ дѣйствіе оживляетъ почву и производитъ плодородіе, отъ отсутствія же сихъ началъ происходитъ безплодіе. Прежде заѣва полей должно очистить ихъ отъ вредныхъ растений; за сѣвъ для удовлетворительнаго произведенія необходимы теплота и влага. Точно такъ же необходимо сначала очистить тѣло больного, и потомъ дать ему надлежащую степень внутренней теплоты и влаги. Впрочемъ сама природа не указываетъ ли намъ, что теплота есть необходимѣйшій элементъ нашего организма? Сколько она способствуетъ выполненію жизненныхъ отяженій, столько отсутствіе ея замедляетъ и уничтожаетъ ихъ. Пищеварительные органы, болѣе чѣмъ какая-либо другая часть тѣла, нуждаются въ теплотѣ, для исполненія назначенныхъ имъ дѣйствій; но большей части худое пищевареніе есть ни что иное, какъ недостатокъ теплоты, нужной для сваренія пищи и питья. Таковы начала, на коихъ основывается леченіе Шрота.

«Теперь приступаю къ изложенію средствъ, посредствомъ коихъ онъ достигаетъ тройкой цѣли врачеванія.

«Средства эти также просты, какъ и малочисленны—ихъ только два: первое, холодные компрессы; второе, діета.

«Холодные компрессы Шрота имѣютъ большую разницу отъ тѣхъ, какіе употребляютъ по методѣ Приснипа. Сіа послѣдніе назначаемые для укрѣпленія тѣла и усиленія дѣйствія въ органахъ кожи, состоятъ изъ одной намоченной простыни, которую закутываютъ больного и перемѣняютъ ее, когда она нагрѣется.

«Въ леченіи Шрота цѣль компрессовъ состоитъ въ томъ, чтобы образовать теплоту въ тѣлѣ больного, проникнуть его влагою, и извлечь изъ него вредныя мокроты, распространившіяся подъ кожу. Леченіе посредствомъ теплоты и влаги, Шротъ также заимствовалъ изъ

явленій органической природы. Законъ, управляющій отношеніями земли, съ сими двумя важными двигателями прозябанія, есть противудѣйствіе или реакція. Когда земля согрѣтая дневною теплотою, подвергается вечерней сѣжесте, тогда содѣржащаяся въ землѣ влага, притягивается къ ея поверхности; напротивъ того утромъ, охлажденная ночью земля, производитъ притяженіе теплорода, образовавшагося въ атмосферѣ отъ дѣйствія солнечныхъ лучей. Точно тоже происходитъ и въ человѣческомъ тѣлѣ. Какъ земля, оно заключаетъ въ себѣ теплоту, которая притягивается къ его поверхности противудѣйствіемъ холодныхъ компрессовъ; она въ свою очередь нагрѣваясь, передаетъ тѣлу свои теплыя влажныя испаренія. Для совершенія процесса дѣйствія и противудѣйствія теплоты, по наблюденіямъ Шрота, нужно восемь часовъ времени. Употребляемые для сего компрессы, состоятъ изъ трехъ намоченныхъ холодною водою и выжатыхъ простыней; ими укутываютъ больного, потомъ покрываютъ его четвертою сухою простыней и накладываютъ еще шерстяныя одеяла. Въ продолженіи первыхъ четырехъ часовъ, теплота развивается, даетъ компрессамъ силу притяженія; далѣе въ остальные четыре часа, теплота сообщается тѣлу, которое всасываетъ влагу компрессовъ. Въ вѣрности этой операціи легко можно убѣдиться опытомъ.

«Если послѣ первыхъ четырехъ часовъ посмотрите компрессы, то увидите ихъ горячими, и испитанными слезками и другими веществами, извлеченными ими изъ тѣла; въ періодъ послѣднихъ четырехъ часовъ увидите, что тѣло всосало влагу компрессовъ. Соединенное дѣйствіе теплоты и влаги не менѣе ощутительно внутри тѣла, какъ и на его поверхности; дѣйствіе это служитъ самымъ естественнымъ, дѣятельнымъ, слѣдственно и вѣрнѣйшимъ разлагателемъ. Всѣ старыя осадки, всѣ слизи, забороенія и завалы, образовавшіяся внутри нашего тѣла, все это скоро растворяется, и извергается естественными проходами. Но для успѣха этой операціи, діета, по убѣжденію Шрота, есть необходимое условіе. Вообще всѣ методы леченія, кромѣ водолюбиваго, предписываютъ діету, какъ необходимое условіе для успѣшнѣйшаго восстановленія здоровья. Но во всѣхъ сихъ различныхъ способахъ леченія, діета предписывается

пищѣ, рѣдко въ питьѣ, а особенно да оно оскѣпляющее. Напротивъ по Бнью Шрота, ничто не разваривается желудкѣ съ такимъ трудомъ, какъ кислотѣ, и то не иначе какъ при содѣйствіи необходимаго количества тепла, который долженъ быть въ желудкѣ въ кишкахъ въ нормальномъ состояніи. Каждое охлажденіе пищеварительныхъ органовъ, затрудняетъ правильное пищевареніе. Перехода въ состояніе кислоты броженія, несваренныя жидкости производятъ вѣтры, осадки и слизи; снѣгъ поднія, присоединяясь къ внутреннимъ перегородкамъ кишекъ, бываютъ причиною безчисленныхъ болѣзней, извѣстныхъ въ общемъ названіемъ кишечныхъ.

Питье, какъ трудно свариваемая вещь, въ нагрѣтомъ состояніи, уменьшаетъ морозъ въ желудкѣ, и ослабляетъ его уютость.

Главнѣйшая цѣль леченія Шрота состоитъ въ нагрѣваніи пищеварительныхъ органовъ, чего достигается онъ воздержаніемъ отъ питья и компрессами. Дѣйствительность сихъ средствъ будетъ очевидна, когда большой подвергнетъ себя въ продолженіи нѣсколькихъ дней этому леченію, онъ увидитъ, что слизи начнутъ рапоряться, и перейдутъ въ жидкость, соединятся съ мочой. Здѣсь вниманіе больного невольно останавливается на томъ, какъ изъ него выходитъ несравненно больше жидкаго вещества, чѣмъ онъ имѣетъ. Осадки въ уринѣ ясно показываютъ нецѣлы части растворенныя леченіемъ. Держаніе отъ питья, по системѣ Шротовой еще другое преимущество—очищаетъ кровь.

Для совершенія пищеваренія, желудокъ требуетъ извѣстнаго количества жидкости; получаетъ онъ въ питьѣ.

Но когда мы отказываемъ себя въ питьѣ, тогда желудокъ по природному свойству своему, вытягиваетъ изъ кровеносныхъ сосудовъ съ ней мокроты, которыя, въ хроническихъ болѣзняхъ, естественно вредны. Отъ сего происходитъ, что извлеченныя изъ крови и вошедшія въ желудокъ мокроты, извергаются естественными путями; кровь, будучи очищена, пополняется послѣ восстановленнаго пищеваренія, здоровыми питательными силами. Но какъ безъ питья не возможно существовать, то Шротъ, не запрещая питья, требуетъ, чтобъ оно употреблялось съ возможною умеренностью, и чтобъ это

питье было сколько возможно менѣе охлаждающаго свойства; это преимущество Шротъ нашелъ въ нагрѣтомъ виноградномъ винѣ, которое сверхъ-того много способствуетъ къ растворенію мокроты.

«Мы привыкли думать, что употребленіе вина, по его горячительному свойству въ нѣкоторыхъ болѣзняхъ бываетъ полезнымъ; однакоже при леченіи Шрота, это опасеніе не подтверждается. Влажные испаринны, проникая посредствомъ компрессовъ въ тѣло, не только не раздражаютъ вина, но нѣкоторымъ образомъ замѣняютъ питье; вотъ этому доказательство: когда жажда становится нестерпимой для больного, то стоитъ только завернуть его въ мокрую простыню, чтобы утолить эту жажду. Диета не менѣе должна быть строга въ отношеніи къ пищѣ. Шротъ советуетъ преимущественно употреблять бѣлый хлѣбъ, который притомъ долженъ быть черствый.

«Во время леченія онъ предписываетъ бѣлый хлѣбъ главнѣйшею пищею, потому вонервыхъ, что онъ и питателенъ, вонторыхъ, что мягкій хлѣбъ, по свойству своему какъ клейкое тѣсто, обременяетъ желудокъ, и въ третьихъ, что черствый бѣлый хлѣбъ удобнѣе сваривается и имѣетъ свойство, подобное губкѣ, всасывать въ себя мокроты и кислоты желудка, очищая его безъ обремененія.»

За симъ слѣдуетъ въ брошюрѣ разсказъ о порядкѣ леченія по системѣ Шрота и о разныхъ случаяхъ, гдѣ эта система оказалась весьма-полезною.

Что же сказать объ этомъ новомъ леченіи, встрѣтившемъ, подобно всякой яркой новости, множество приверженцевъ и жаркихъ порицателей, даже гонителей? Мы убѣждены, что медицина, не смотря на тысячелѣтнее свое существованіе,—еще въ младенчествѣ, и безпрестанно нуждается въ опытахъ. Въмѣсто гоненій на новую методу, или восторженныхъ похвалъ ей, мы советовали бы врачамъ помнить мудрое наръченіе св. апостола Павла: «вся искушающе, добрая держите»,—все испытывайте и удерживайте только то, что окажется полезнымъ.

175) О Дрѣвнихъ Коровахъ, новое открытіе или способъ по одному взгляду

узнавать количество ежедневнаго удоа, качество молока и время доенія каждой коровы въ продолженіи стельности. Франца Генона. *Переводъ со втораго изданія. Съ 72 литографированными рисунками коровъ. Москва. Въ тип. С. Селивановскаго. 1846. Въ 8-ю д. л. 95 стр.*

Многообѣщающее заглавіе всегда почти заставляеть смотрѣть на книгу подозрительно; но злѣе оно не противорѣчитъ содержанию, не обманываетъ читателя. Важное открытіе Генона (простаго французскаго земледѣльца) было изложено въ донесеніи въ Земледѣльческій Комитетъ въ Бордо. Комитетъ, выслушавъ донесеніе комиссіи, опредѣлилъ Генона членомъ, наградиъ золотую медалью и, напечатавъ донесеніе комиссіи въ тысячахъ экземпляровъ, разослалъ по разнымъ департаментамъ Франціи. Орляньскій Земледѣльческій Комитетъ тоже назначилъ ему равныя лаграды.

176) Важное и Необходимое Предостереженіе слѣдователей, обвиняемыхъ и обвинителей, по уголовнымъ слѣдствіямъ. Изданіе Федора Наливнина. Москва. Въ тип. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 96 стр.

Цѣль этой книги—предостеречь слѣдователей отъ тѣхъ ошибокъ, которыми они могли бы сдѣлать, подчиняясь руководству, предлагаемому авторомъ недавно-изданнаго сочиненія: «Основныя формы уголовныхъ слѣдствій», исполненнаго ошибокъ,—и вѣстѣ съ тѣмъ означить источники, изъ которыхъ слѣдователи могутъ почерпнуть свѣдѣнія болѣе-вѣрныя и принимать въ руководство безошибочныя указанія. Предостереженіе не можетъ быть лишнимъ какъ для обвиняемыхъ, такъ и для обвинителей: для тѣхъ и другихъ опасны превратныя понятія о порядкѣ и сущности производства уголовныхъ слѣдствій.

177) Руководство къ Познанію Кавказа. Соч. М. С. Санктпетербургъ. Въ тип. Морскаго Кадетскаго Корпуса.

1847. Книга первая. Въ 8 ю д. л. 1 стр.

Руководство къ познанію древней или новой исторіи, руководство къ познанію русскаго языка, руководство къ познанію теоріи сельскаго хозяйства, и проч.—все это вещи очень-нужныя. Но, еслибъ взявъ встрѣтилъ книга, подъ заглавіемъ руководства къ познанію, на-примѣръ, Россіи, вы невольно, еще не разсержавшись, стали бы добиваться, не острота это? не скрывается ли какая-нибудь особенная хитрая мысль въ этомъ званіи? Познаніе Россіи—что жъ такое? Россія въ историческомъ, статистическомъ, стратегическомъ, математическомъ, литературномъ и въ тысячъ другихъ отношеніяхъ,—книга, которой развѣщаются всѣ ваши сомнѣнія, недоумѣнія, всѣ неясныя понятія о Россіи въ какомъ-нибудь отношеніи,—книга, въ которой найдете разрѣшеніе вопросовъ... въ родѣ тѣхъ, которые предлагаются въ одной старинной пѣснѣ, известной подъ именемъ *Голубиной Пѣсни*:

- «Который царь надъ царями царь?
- «Который городъ всѣмъ городамъ отецъ?
- «Которая церковь всѣмъ церквямъ мать?
- «Которая рѣка всѣмъ рѣкамъ мати?»

Тутъ узнаете, что бѣлый царь надъ царями царь, что Иерусалимъ всѣмъ городамъ отецъ, Иорданъ всѣмъ рѣкамъ мати. Такъ точно, встрѣтивъ книгу, глаголемую руководствомъ къ познанію, на-примѣръ, Россіи, задаетъ себѣ вопросы:

- «Который былъ первый русскій князь?»
- «Который городъ всѣмъ русскимъ городамъ мати?»

или, желая знать современное состояніе Россіи, спросите книгу: а который нынче первый статистикъ въ Россіи? а который нынче первый архитекторъ въ Россіи? А который нынче первый натуралистъ въ Россіи? а который нынче первый остроумный человекъ въ Россіи? И если книга не

сть разрѣшеніе этихъ вопросовъ, то довольны руководствомъ, и рекомендуемъ его своимъ знакомымъ, и они узнали то, чего еще, мотъ-быть, не знаютъ...

Авторъ «Руководства къ Познанію Кавказа» взялся написать книгу, въ которой постарался изобразить Кавказъ — равнѣмъ, во всёхъ отношеніяхъ, и въ историческомъ, и въ географическомъ, и въ топографическомъ, и въ военномъ, и въ промышленномъ, и пр. и пр... Пяче, онъ сказалъ бы въ какомъ отношеніи... Онъ опытъ дошелъ до необходимости имѣть такое руководство, однажды по въ въ дѣлъ. Вотъ что онъ говоритъ:

«.....Руководство, основанное на Христіанскомъ благочестіи, можетъ быть полезно молодому поколѣнію, въ которомъ душевныя силы развертываются и нуждаются въ прогрессіи, получаетъ развитие ума и силъ физическихъ на истощеніе къ Кавказу: такое стремленіе души есть уже отблескъ подвига, который одвигъ?), не имѣя истиннаго руководителя, можетъ расшійтисъ въ прахъ о глупости горы, заложить (подвигъ?) въ дѣлахъ его (?) и одржлать или умнѣ (все подвигъ-то?) отъ климата, не принесъ ни малѣйшей пользы для человечества и знанія. Такое положеніе мы испытали на себѣ, будучи удалены отъ общества въ дѣль, умалля (?) въ необходимости, дать руководителю.» (Введ. стр. 1).

Почувствовавъ необходимость въ руководствѣ, г. М. С. рѣшился самъ, свою книгу. Быть руководителемъ всѣмъ имъ, съ которыми случится такое же счастье, какъ съ нимъ, т. е., если кто попадетъ въ дѣль. Въ этомъ смыслѣ онъ говоритъ:

«Вотъ ровно 10 лѣтъ, какъ удалены кто? это ничего; читайте далѣе; авторъ часто обходится безъ подлежащаго въ своей фразѣ) — минути жизни на описаніе Кавказа, — и онъ великое произведеніе Всемогущей Природы, предъ которымъ человекъ познаетъ свое безсиліе, ничтожность, по нашему мнѣнію, отъ лица пера окаянаго и жершев

• болѣе чистыхъ, одушевленныхъ искрою «Божію» (Введ. стр. 1)...

...чѣмъ что? Нужды нѣтъ; читайте далѣе; можетъ — быть, пораженный великимъ произведеніемъ Всемогущей Природы, человекъ познаетъ, между прочимъ, ничтожность грамматики и логики, брешность подлежащихъ, сказуемыхъ и винительныхъ падежей.

«Много людей писало, пишутъ и будутъ писать о Кавказѣ: намъ извѣстно до 70 древнихъ и новѣйшихъ писателей, изъ которыхъ получили (подлежаще презрѣно въ виду Кавказа) наши свѣдѣнія, но много еще скрывается въ Армянскихъ, Грузинскихъ, Иверетинскихъ лѣтописяхъ и въ политическихъ дѣлахъ Рима, Византии, Трапозонда, Истамбула и Россіи. Словомъ сказать, съ того времени, какъ человекъ сталъ обдумывать и писать, изумительный природою Кавказъ, имѣлъ своихъ современныхъ писателей, которые оставили намъ много истинныхъ сказаній, перемѣшанныхъ со сказками, заблужденіями и предразсудками страны: что необходимо очистить крайне — зоркой критикой; тогда, сборъ фактовъ (?), представить картину рѣзкую, оживленную величіемъ природы Кавказа. Здѣшнія племена и исторія доказываютъ, что сюда въ горы, съ отдаленнѣйшихъ вѣковъ скрывались остатки разбитыхъ племенъ, которые языкъ не существуетъ въ новомъ мѣрѣ, и корень его, не могутъ отыскать этимологию. Такія племена горятся размножась, освоивъ съ страной, за каждый шагъ земли, похвѣе и любовь женщины для крошъ цѣлыми поколѣніями, передавалъ свою враждебность къ потомкамъ.»

Потомъ авторъ вкратцѣ говоритъ, что «главное чувство Кавказцевъ стремилось всегда къ Провидѣнію, и оттого проявленіе ея (вѣроятно, отпечатка — не его ли? но тогда опять невѣдѣнство, относится ли это къ чувству или къ Провидѣнію) — могучи, сильны до фанатизма и суевѣрія, пока не упрочатся. Онъ рассказываетъ, что въ древности Кавказцы были язычники и страдали до истребленія отъ огнепоклонниковъ и язычества; потомъ, хотя и пострадали до истребленія, приняли христіанство и мухаммадаство,

которое «ворвались силою и коварствомъ изъ горцанъ, шло съ неуѣрствомъ, распространяясь чрезъ страданія, выказывая частыми примѣрами *фаластическую* любовь къ Боже-ству до восторга, но *чрезъ неточныя* понятія о добродѣтели, *слабо* въ при-вычкахъ сладострастїи, *провожающе* сти и народной войнѣ». Это авторъ называетъ исторической нравственно-стью Кавказцевъ, что обѣщаетъ далѣе «выказать исторически, представляя древнїя племена, религію ихъ и сближеніе съ древне-образованными народами, также помощь Провидѣнія». Онъ заключаетъ такъ:

«Мы увѣрены, что всякій благоразумный читатель и житель Кавказа, прочитавъ описаніе запада Кавказа, можетъ примѣнить (?) и къ другимъ частямъ его; кромѣ того, *ни въ какой мѣстности при себѣ (?)*, въ грустно-одинокой жизни, найдетъ *средство для совершенія душевныхъ и телесныхъ силъ, съ умственными направленїемъ для его собственныхъ наблюденїй.*»

«Руководство къ Познанію Кавказа» должно состоять изъ трехъ книгъ; теперь вышла только первая. Судя по этой первой книгѣ, трудно что-нибудь сказать о содержанїи и системѣ цѣлаго творенїа. Хотя въ предисловіи и говорить авторъ, что «Кавказъ имѣлъ своихъ современныхъ писателей съ того времени, какъ человекъ сталъ об-суживать и писать», однако въ первой части его мы находимъ только три главы: 1) извлеченіе изъ «Путешествїа Патріарха Доскеея», который еще въ санѣ іеродіакона сопутствовалъ іерусалимскому патріарху Пасію въ его путешествїи по берегамъ Пропонтиды и Понта Эскимпскаго, и по странамъ прилегающимъ къ нимъ; а потомъ, будучи уже патріархомъ, рѣшился самъ предпринять путешествїе по разнымъ христіанскимъ странамъ для собранїа милостыни на исправленїе дѣлъ іерусалимской церкви. Онъ, между прочимъ, посѣтилъ берега Чернаго-Моря, Понта и Иверїю и оставилъ по-слѣ себя огромное сочиненїе на грече-

скомъ языкѣ—подъ заглавіемъ «Исторїа Іерусалимскихъ Патріарховъ», которое и издано было послѣ его смерти въ 1715 году. Сочиненїе это имѣетъ чѣ-рѣдко и заключаетъ въ себѣ множество чрезвычайно-интересныхъ историче-скихъ данныхъ, этнографическихъ замѣтокъ и разсказовъ, характернующихъ быть народовъ, видѣнныхъ патріархомъ. Авторъ «Руководства» выписалъ изъ его сочиненїа многое, что относится къ исторїи Грузїи, и выписки эти дополнилъ собственными замѣчанїями. Но въ этихъ выпискахъ нѣтъ никакой по-слѣдовательности; вы читаете, во пер-выхъ, исчисленїе епархїй иверїйскаго края, неизвѣстно въ какую эпоху, а потомъ переходите вдругъ къ Флорентійскому-Собору, почему—неизвѣстно. Потомъ слѣдуетъ поименованїе разныхъ казыхъ народовъ, генеалогїа ихъ царей, описанїе нѣкоторыхъ городовъ, которые посѣтилъ патріархъ, и исчисленїе ихъ достопримѣчательностей; потомъ о долгахъ грузинскихъ монастырей, — и все это представлено безъ связи, безъ послѣдовательности. Къ чему же все это?..

Изъ первой главы, мы еще ров-но ничего не узнали о Кавказѣ и въ какомъ отношенїи, хотя и думали бы-ло, что авторъ воспользовался 70-ю извѣстными ему древними и новѣйшими писателями, и если не напишетъ ниче-го самъ, то по крайней мѣрѣ сконпи-лируетъ все, что можно найтн по это-му предмету, и воспользуется *сказанїемъ* писателей *современныхъ* Кавказу, а порыться есть въ чемъ—слава Богу!

Во второй главѣ, авторъ совсѣмъ по-кидаетъ Кавказъ и обращается къ По-ту... Вотъ здѣсь-то онъ выказалъ въ своемъ познанїи о древнѣйшихъ време-нахъ Понтійскаго Государства и Западно-Кавказскаго-Края: и расселенїа из-родовъ, и греческія колонїи, и Митри-датъ, и преланїе объ аргонавтахъ... По-слушаемъ его-самого.

«До Рождества Христова, состояніе лю-дей этого края (.) какъ и состояніе лю-дей всего тогдашняго міра, было самое

личное: не имѣя истиннаго богопозна-
 я,—*льчичество (?)* достигло крайней сте-
 ени *правосеианнаго уничтоженія, слышомы*
разраженія естье силы и способности
 уми: *развращенный умъ язычниковъ,*
 стину считалъ за ложь, а ложь припи-
 салъ какъ истину, и по ней располагалъ
 сю жизнь свою и дѣла; развращенное
 ердпе ихъ любило все, кромѣ истиннаго
 юга, и *кресмыкаель въ растлѣннѣ, пре-*
стало послѣднїею года безтрезвенно оскор-
лла Бога Создателя невыразимыми без-
аконїями; воля ихъ, залушмшала въ себѣ
ослѣднюю способность различать добро и
ло, любила и творила только зло (?) предъ
 югомъ и ближнимъ. Населеніе этого при-
 орскаго края, страшная смѣсь Анкаго
 змчества туземцевъ, *разраженно-уточен-*
аю льчичество Грековъ и разраженно-гру-
аю льчичество Римлянъ, загнанныхъ ту-
 а смыкою или торговою корыстью, хо-
 л и озаряло тусклыми и слабыми лу-
 ами истиннаго Богопознаія, сохраня-
 пагоса у сыновъ царства Израильскаго,
 оторые и тамъ разсѣялись; но вотъ свѣтъ
 ѣльгъ лишь безотвѣтнымъ нераскаж-
 ое ожесточеніе язычниковъ, а соблазн-
 ельный *примѣръ* ихъ грѣховной жизни
пашала и послѣднїе лучи свѣта, убивалъ
 послѣднїя силы нравственности Евре-
 въ.—Состояніе этого края, какъ и всего
 олдшаго человечества было гибельное—
 смла *кресмыкальмшала мерзостей человеке-*
 чства, и падшая природа человека по-
 ризла въ злѣ; всѣ человѣческія ищры—
 справить ее, казались недѣйствительны-
 ми, законъ лишь обличалъ грѣхъ; оста-
 лось ожидать, чтобы самъ Всемогущій
 озсоздалъ ее въ новую жизнь силы, свѣ-
 а и святости. »

Вотъ картина древняго міра, начер-
 анная мастерскою кистью! Любой гдѣ-
 описецъ среднихъ вѣковъ повзавидо-
 валъ бы ей и охотно подписалъ бы
 годъ нею свое имя...

Послѣ этого блистательнаго введе-
 нїа, авторъ, къ великому удовольствію
 читателей, давно освободившихся отъ
 редне-ѣковаго возрѣвія на вещи, раз-
 азсказываетъ довольно-просто и безъ
 большихъ риторическихъ прикрасъ
 исторію разнесенія проповѣди Христо-
 ой по Малой-Азїи и по странамъ,
 прилегающимъ восточной и сѣверной
 асти Чернаго-Моря. Подвиги святыхъ

апостоловъ и мучениковъ, легенды, со-
 ставившіяся объ этой эпохѣ, въ кото-
 рую проявились великія нравственныя
 доблести человѣческія, описаны до-
 вольно-послѣдовательно. Заимствуемъ
 изъ этой главы легенду о введеніи но-
 ваго ученїа въ Грузїю.

« Во время Константина Великаго на сце-
 ну Кавказа яляется Просвѣтительница
 Иверїи Св. Нина. Будучи родственница
 Св. Георгїю—она родомъ изъ Каппадокіи,
 принадлежала къ числу тѣхъ дѣвствен-
 ницъ, посвященныхъ Богу, которыя въ
 дни гоненїа Дюклитіана, спасая жизнь
 свою, вѣру и дѣвство удалились изъ
 предѣловъ Римской Имперїи въ Арме-
 нїю, изъ которыхъ 37 были тамъ заму-
 чены Тирьдатомъ, и Нина спасаясь опять
 съ одною изъ спутницъ скрылась въ Гру-
 зїю. Тамъ постыничествомъ, непрестанными
 молитвами о сохраненїи дѣвственной чи-
 стоты—прїобрѣла общее уваженіе . . .
 По царь Мирїамъ — языкъ-
 никъ отвергалъ увѣщанїе, святые подвиги
 Нины: надобно было сдѣлаться чуду,
 чтобы обратить его на путь истинны. Такъ
 и совершилось. Царь охотѣ въ горахъ,
 вдругъ окруженъ былъ туманомъ; чув-
 ство страха совершило исцѣленіе языч-
 ка; боясь упасть въ бездну, или заблу-
 диться онъ вспомнилъ Св. Нину и кляд-
 ся принять христіанство, если прибудетъ
 домою. Туманъ разсѣялся и Мирїамъ воз-
 вратясь исполнивъ слово: идолю были
 брошены и народъ слѣдуя ему крестился,
 Чудеса Нины сопровождали эти дѣйствїа;
 за тѣмъ она употребила все силы для
 узнанїа, гдѣ скрывается риза Спасителя.
 Царь приступилъ къ розыску, святые
 не должна была скрываться въ землѣ. Нѣкто
 Авиаторъ изъ Іудеевъ, жившихъ въ Мцхе-
 тѣ, происходившій чрезъ длинный рядъ
 поколѣнїа изъ рода сказаннаго воина,
 бывшаго при распятїи Спасителя, съ не-
 видимю его помощію указалъ мѣсто ри-
 зы полъ кедромъ. Кедръ срубленъ и по
 многоцѣлебности розданъ на кресты и не-
 мощнымъ для исцѣленїа: риза найдена,
 она закрывала прахъ дѣвнцы Сидонїи. На
 этомъ мѣстѣ, царь, при помощи Боговдох-
 новенной Нины и чудесъ, расчистивъ
 виноградный садъ, построилъ храмъ во
 имя 12-ти Апостоловъ и Нина сконча-
 лась. » (Гл. II. стр. 103, 106, 107. То же
 слово-въ-слово рассказано авторомъ и на
 стр. 28).

Третья и последняя статья «Руководства къ Повнанию Кавказа» названа «Перепискою Грузино-Кавказинска Царей съ Россією». Подъ этимъ заглавіемъ помѣщенъ авторомъ весьма любопытный и сбивчивый очеркъ сношеній Россіи съ Грузією; потомъ приводятся нѣсколько документовъ, изъ которыхъ нѣкоторые известны, другіе еще не были изданы. Изъ нихъ замѣчательно одно письмо, хранящееся въ грузинскихъ архивахъ, № 5; это посланіе грузинскаго царя Теймураза, писанное въ 1639 г. къ царю Михаилу Теодоровичу; оно заключаетъ въ себѣ много любопытныхъ частности о происшествіяхъ того времени, о лицахъ, а также и о дорогѣ, по которой слѣдовали послы обѣихъ державъ.

Изъ царскаго отвѣта на это письмо въ 1641 г. видно, что до того времени было два посольства отъ Теймураза, одно въ 1619 г., къ царю, а другое въ 1624 г., къ патриарху Филарету Никитичу. Слѣдствіемъ перваго посольства было то, что Шерія была принята подъ покровительство Россіи; въ слѣдствіе втораго было написано къ Шахъ-Абасу письмо въ защиту грузинскаго царя. Наконецъ, въ 1637 г., совершилъ третье путешествіе въ Москву митрополитъ Никифоръ — лицо, которое стоитъ того, чтобы на него обратить вниманіе.

«Этотъ Никифоръ (говоритъ авторъ) былъ іерусалимскій монахъ, котораго царь Теймуразъ за четыре года предъ симъ (въ 1635 г.), выпросилъ у патриарха Кирилла, не бывши доволнитъ своими предыдущими посланн, и объявляя, что между его подданными никто не можетъ замѣнить Никифора: ни одинъ грузинскій Архіерей не умѣлъ читать.» (Стр. 147).

Никифоръ много странствовалъ, исполняя разныя дипломатическія порученія Теймураза, и между прочимъ былъ въ Россіи.

«Когда смерть похитила у Теймураза Католикоса Захарія и Архіепископа Іоанна, двухъ добрыхъ и ученыхъ мужей, которыхъ услуги по видимому были для

него когда-то полезны, то этотъ царь не зналъ къ кому больше обратиться. Въ его владѣніяхъ не находилось другаго селашейника или дворянина, который бы могъ ему быть помощникомъ и посредникомъ между царемъ. Никифоръ шесть мѣсяцевъ противился настоянныиъ просьбамъ...»]

Нѣтъ возможности слѣдовать за разсказомъ автора, потому что его повѣствованіе крайне сбивчиво; дѣло въ томъ, кажется, что Никифоръ не сходился съ Теймуразомъ въ планахъ, какъ помочь Грузіи въ ея стѣсненномъ положеніи. Наконецъ, дѣло о посольствѣ его въ Москву было рѣшено.

«Прежде нежели онъ рѣшился отпраться обратно (?) потребовалъ (онъ), чтобы царь грузинскій и его дворецъ формально обязались исполнить обѣщанія, которыя онъ доставитъ, и чтобы ему дали письмо содержавшее изъясненіе покорности Грузіи Царю Русскому; и наконецъ, чтобы ему позволили обратить вниманіе этого монарха на золотыя и серебряныя руды Тумета, и выпросить у него работниковъ для разработки. Только послѣдній пунктъ былъ оспариваемъ, «потому что, говоритъ царь (грузинскій), было бы грѣшно открывать рудокопни, которыхъ никогда еще не трогали.» Но Никифоръ настоялъ и Грузинскій царь обязался раздѣлить съ Россією прибытокъ отъ рудоконей, если ему только доставятъ людей способныхъ къ такой работѣ.»

Другой любопытный документъ, приводимый авторомъ «Руководства», есть списокъ, приложенный въ изъ оригиналъ и въ переводѣ, съ гранматы царя Михаила Теодоровича, въ которой описаны тѣ же происшествія и въ предъидущія сношенія наши съ Теймуразомъ; въ заключеніе, царь изъяснилъ свое согласіе на принатіе подданства царя грузинскаго, и въ концѣ съ тѣмъ говорится слѣдующее: «Мы послали также... нашего боярина и князя Теодора Теодоровича Волконскаго, и нашего дѣяка Артемія Хизова, повелѣвая имъ: осмотрѣть его (Теймуразову) госуларства, страну и мѣстности, разсмотрѣть православную христіанскую вѣру, святыхъ цер-

ни и чудотворныя, святые мощи, и съ послани нашими отправилъ людей духовнаго чина. •

Приводимъ эти факты — участіе митрополита Никифора въ сношеніяхъ з Россією и отправленіе нашихъ духовныхъ для устройенія грузинской церкви — какъ любопытныя данныя для будущихъ разработывателей этого историческаго событія, которое тягуче еще не только не объяснено, но даже и не изложено порядочно авторомъ «Руководства къ Познанію Кавказа»...

Но... познали ли мы Кавказъ, представлявъ эту книгу?.. До-сихъ-поръ еще нѣтъ; будемъ ждать слѣдующихъ двухъ книгъ: до-сихъ-поръ, г. М. С. продолжилъ только около своего предмета. Во всякомъ случаѣ, судя по первой части, мы очень сомнѣваемся, чтобы имѣя постоянно при себѣ это руководство, какъ выразился авторъ въ предисловіи, кто-нибудь, «въ грустномъ инокской жизни», могъ извлечь изъ него какую нибудь пользу; даже самая мысль автора намъ непонятна, потому что онъ рекомендуетъ всякому свою книгу, какъ «средство для сохраненія душевныхъ и тѣлесныхъ силъ, съ умственнымъ направленіемъ для его собственныхъ наблюденій»...

178) Новая Библиотека для Воспитанія, издаваемая Петромъ Рѣдкимъ. Книжка IV. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 16-ю д. л. 193 стр.

Лучшая статья этой книжки есть продолженіе «Русской лѣтописи для первоначальнаго чтенія», прекрасный рассказъ г. Соловьева, который въ короткое время написалъ уже много замѣчательнаго по исторіи отечественной. Слѣдующая статья — окончаніе описанія Атлантическаго-Океана; третья — окончаніе сокращеннаго изложенія Одиссея; четвертая — Соловей, сказка Андерсена. Такимъ-образомъ, въ каждомъ номерѣ полезнаго изданія г. Рѣдкина находимъ и статьи для вуче-

нія дѣтямъ, и статьи для чтенія, имъ приличнаго.

179) Есть ли гдѣ Конецъ Свѣту? сочиненіе И. Данилевскаго и А. Оссовскаго. (Первая часть перваго курса чтеній изъ географіи). Санктпетербургъ. 1847. Въ 6-ю д. л. 159 стр.

На популярное изложеніе смотреть двояко. Одни полагаютъ популярное изложеніе въ ясномъ рассказѣ, очищенномъ отъ техническихъ выраженій, прилагаютъ иногда своему сочиненію форму разговора, бестѣды, въ совершенной увѣренности, что если изложеніе не сухо, если оно у нихъ выливается не въ формѣ педагогическаго учебника или руководства, такъ вотъ оно и популярное изложеніе. Другіе полагаютъ, что сочиненіе тогда популярно, когда изложенныя въ немъ истины оставлены безъ доказательствъ, т. е. безъ полнаго развитія.

Всѣ эти упростили никакъ не хотятъ поставить себя въ уровень съ читателемъ и съ какой-то обидной высоты бросаютъ ему крошки и объѣлки своей немарѣчной премудрости: довольно-молъ съ тебя и этого; ты еще велемъ, поживи съ нами, узнаешь и остальное. Существенный признакъ истинно-популярнаго изложенія науки заключается, напротивъ, въ умѣнь автора *войдти въ положеніе* любознательнаго ученика, заинтересоваться его невѣдѣніемъ, его сомнѣніями, его неразвитіемъ. Такое изложеніе больше всего походитъ на откровенную исповѣдь въ томъ, какъ самъ авторъ дошелъ до уразумѣнія излагаемыхъ имъ истинъ, какія трудности преодолѣлъ онъ самъ при этомъ процессѣ, что его затрудняло, обольщало, пугало и наконецъ — развязывало. По этой-то системѣ написана книжка «Есть ли гдѣ Конецъ Свѣту?». Припомните, какъ въ дѣтствѣ, обучаясь математической географіи, воображали вы земную ось, восходъ и закатъ солнца, — припомните, какъ безпокоили васъ наши антагоды, стоящія вѣкъ головою, да еще и непривычныя ничѣмъ къ земной поверхности, —

припомните всё эти недоумѣнія и согласитесь, какъ кстати было бы вамъ тогда вотъ такое вложене дѣла:

«Куда бы ни поѣхалъ человекъ, хоть и за тысячу верстъ, вездѣ Свѣтъ такой же, какъ и у насъ: земля всюду кажется широкимъ полемъ, а небо какъ хрустальный сводъ, стоитъ, кажется, на краяхъ земля, такъ-что нныя облака, подумаешь, можно бы доставать рукою. Есть и сказка въ простомъ народѣ, будто бы на концѣ Свѣта, когда моютъ бѣлье, то, для просушки, развѣшиваютъ его на облакахъ.

«Людемъ всегда до крайности хотѣлось побывать на самыхъ краяхъ Свѣта, чтобы посмотреть оттуда, каково тамъ дальшета ли тамъ какая, туманъ ли, вода или просто бездна, пропасть, въ которую поглядѣть—такъ волосы дыбомъ стануть... Но тутаться въ такой путь никто не рѣшался, и не скоро нашлись смѣльчаки, которые отважились на это великое дѣло. Помолясь Богу, простились съ родной, многие и отправились—было въ этотъ неизвестный путь; но, перейдя разныя страны и земли, не только не добрались до конца Свѣта, но не могли съѣхать и съ середины земнаго круга. И за десять тысячъ верстъ, среди незнакомыхъ земель и народовъ, все также кругомъ сияютъ края неба и земли, все также стоитъ, кажется, въ самой серединѣ земли, подъ самой вершиной лазурнаго свода небесъ.

«Послѣ подобныхъ путешествій, людемъ въ особенности непонятнымъ казалось то, что до облаковъ, лежащихъ на краяхъ земли, представляется болѣе 20 или 30 верстъ, а между тѣмъ, пройдя и 500 верстъ, все ихъ видишь впереди... Если бы до облаковъ было дальше тридцати верстъ, напримѣръ 500 или 1000, то развѣ можно было бы, думая себѣ, видѣть ихъ въ такой дали? Если бы въ такой дали можно было видѣть облако, то ужъ конечно видѣтъ былъ бы и городъ такой же далекой, и гора, и лѣсъ; а между тѣмъ, ни городовъ, ни лѣсовъ такихъ далекихъ мы не видимъ... При томъ же, отчего на краю земли видѣется, напримѣръ, село какое нибудь или церковь, а тамъ уже и небо стоитъ, кажется на землѣ и облако лежитъ на самой церкви,—добрѣшь только до этого мѣста, то и церковь не на краю Свѣта, и облако вовсе не на церкви; напротивъ, церковь, какъ будто чудомъ какою, очутится тогда въ

самой серединѣ круга земнаго, а края неба и земли подвинутся впередъ... (Стр. 1,2,3).

Вотъ съ чего начали гг. Давиденскій и Оссовскій — *ad ovo*; съ первой страницы уже заинтересовали они своего читателя. Такой способъ вложенія выдержанъ во всей книгѣ. Не сказавъ еще, что земля круглая, они постепенно готовятъ къ этому: представляютъ мнѣнне, господство вавшее въ древности, отъ нѣлпаго предположенія переходятъ къ болѣе вѣроятному, потомъ показываютъ, что болѣе - вѣроятное предположенне все таки предположенне нѣлпное и наконецъ, послѣ многихъ переходовъ, обезопасившись со стороны *сомнѣній*, объявляютъ, что земля круглая. Стремясь постоянно къ цѣли, посмотрите, какъ разнообразятъ они свой рассказъ:

«Не отыскавши такимъ образомъ — ни конца Свѣта, ни оконъ для восхода и заката, люди съ горы стали смотрѣть на свое солнце и задумались для разлеченія о другомъ; отчего солнце такъ тихо, кажется, идетъ по небу, а между-тѣмъ, летитъ за нимъ хоть на курьерскихъ, то не догонитъ... Смотришь — стоитъ, кажется, и не идетъ, а попытайся идти къ сторонѣ заката, бѣжать, летѣть хоть пѣлымъ днем, оно все обгонитъ и закатится далеко впереди... значитъ — оно, хоть вдалеку идетъ все неспрѣмѣтно, тамъ летитъ, можетъ быть, какъ пушечное ядро (стр. 3).

«Такимъ образомъ и долго люди рассуждали; но наконецъ, тѣмъ, которымъ нѣтъ ума не выходило—отчего края земли кажутся всегда не далѣе тридцати верстъ, а между-тѣмъ до нихъ никакъ не добѣлтъ, и края эти какъ будто идутъ за человекомъ, — пришла мысль, что если бы человекъ былъ комаръ, а земля ужасной величины шаръ, то точь-къ-точь это самое выходило бы, то есть, края Свѣта назывались бы близкими, все ходилъ бы за человекомъ, а между-тѣмъ нигдѣ не нашолъ бы онъ конца Свѣту. Малому животному, посажанному на большомъ шарѣ, былъ бы видѣтъ не весь шаръ, а небольшой кружокъ только, и какъ скоро животное пошло бы по этому шару,

и кружокъ этотъ — какъ будто ходилъ и за нимъ, не выпуская его изъ своей руки. Съ облаками даже было бы то самое... Если бы облака были поодаль вокругъ такого шара, то комару, во-первыхъ, видны были бы тѣ только облака, вторыхъ не закрывали бы берега кружка, видимаго ему на шарѣ; во-вторыхъ, третья облака представлялись бы лежащими на шарѣ; въ-третьихъ, края кружка и облаковъ, какъ будто бы ходили за нимъ. Словомъ, если бы для комара вѣшать изъ земли шаръ величяною сферою, и окружить этотъ шаръ поодаль облаками, то и комаръ, расхаживая по такому Свѣту, также достигнуть не могъ бы отчего за нимъ гоняются края неба и земли, не выпуская его изъ своей середины, и почему никакъ нельзя добраться до конца Свѣта» (стр. 6 и 7).

Но тутъ еще не все: еще читатель гонитъ на половинѣ дороги къ истинѣ. Вторые еще расскажутъ ему, что *многие до того понравились умничанья и вымысли, что и разсуждать было перестали*, и что Грени, за 1000 лѣтъ до Р. Х., придумали для солнца лодку, въ которую оно садилось, обливъ иурпутомъ и ватопивъ бездною золота весь горизонтъ, и около сѣверныхъ береговъ свѣта каталось поспиней рѣкъ Океану, и на утро опять несло въ обратную сторону. Они объясняютъ ему и происхожденія *шартара*: есть-де, молъ, сволъ одезный, говорилъ въ старину, но на водахъ этомъ не мерцаютъ звѣзды, не горитъ солнце, а холодно тамъ и темно, какъ въ могилѣ; упомянуть и о семи столбахъ и о китѣ, не оставать въ окошкѣ и Индѣйцевъ, — осрамить, просто осрамить, рассказавъ, что Индѣйцы полагаютъ, будто земля лежитъ на слонѣ, а слонъ стоитъ на черепахахъ, а черепаха на чемъ стоитъ, богобоязненный Индѣецъ и подумать не смѣетъ. Наконецъ, было дошло до Магеллана. Рассказъ о его путешествіи рѣшительно верхъ совершенства:

«Правду сказать, если бы не Португальцы и Магелланъ, то къ разнымъ сказкамъ о землѣ и солнцѣ навѣрное еще десятка три прибавилось бы. Къ счастью, въ 1492 году послѣ Р. Х., то есть, тому уже

болѣе 300 лѣтъ, вдругъ прошла по свѣту вѣсть, что какой-то мореходецъ все узналъ — и гдѣ конецъ Свѣту, и какъ солнце всходитъ и заходитъ, и что такое на другой сторонѣ земли? Сперва, разумеется, никто и не думалъ этому слуху поверить, — вѣдь тысячи людей и нѣскольکو тысячъ лѣтъ добывались, и ничего не могли узнать, а тутъ вдругъ одинъ человекъ все будто узналъ и развѣдалъ, — но потомъ, какъ разобрали дѣло хорошенько, и оказалось — что точно одно морское путешествие Магеллана заключало въ себѣ болѣе и ума и правды, нежели всѣ гаданія и вымыслы столькожъ вѣковъ и годовъ.» (Стр. 10.)

Вотъ, дѣло дошло до развѣвки; но гг. Данилевскому и Оссовскому мало того, что они довели до этого пункта читателя, ни мало не утомили его. Они и развѣвку-то обстановили полною занимательностью: тутъ есть своего рода драматизмъ. А припомните-ка, какъ во многихъ книжкахъ объясняется, что земля кругла? (далеко и ходить не надо). — Земля кругла, говорятъ эти книжники: доказательствомъ служитъ то, что на морѣ появляется прежде верхняя часть мачты, потомъ верхніе паруса, далье нижніе, а наконецъ уже и весь корабль; за этимъ доказательствомъ слѣдуютъ еще два-три и дѣло съ концомъ. Учитель велитъ ребенку это заучить — и все тутъ. Въ книгѣ же гг. Данилевскаго и Оссовскаго, ребенку, по прочтеніи этихъ страницъ, учить нечего! У него съ раза все останется въ памяти.

«Дѣло вотъ въ чемъ (продолжаютъ авторы): далеко на моряхъ, за двѣнадцать тысячъ верстъ отъ нашихъ сторонъ (а въ объѣздъ будетъ и двадцать тысячъ верстъ), есть острова, на которыхъ растутъ множество дорогихъ душистыхъ растений (корица, гвоздика, нибаръ, мускатное дерево и прочее), отчего и острова названы *Молукскими*, то есть, пряными, душистыми. Острова Молукскіе принадлежали Португальцамъ; ѣздить къ этимъ островамъ отъ португальской земли надобно на Востокъ, отсюда всякій день восходитъ солнце. Португалецъ же Магелланъ отправился въ море совсѣмъ въ другую сторону, на

Западъ, гдѣ солнце заходитъ. Казалось бы, совсѣмъ невозможное дѣло дойти этимъ путемъ до острововъ Молуккскихъ. Вотъ ѣдетъ Магелланъ мѣсяць, два, три, ѣдетъ годъ, ѣдетъ и больше, все болѣе и болѣе удаляясь, какъ отъ своей земли, такъ и отъ Молуккскихъ острововъ, лежащихъ на Востокѣ. Наконецъ открывається неизвѣстный островъ, открывається и другой, и третій, и десятый. Вотъ мореплавателямъ впередъ уже представляется, что тутъ встрѣтятъ они какихъ-нибудь особенныхъ людей, невиданныхъ птицъ и звѣрей, чудныя деревья и травы, и нардоваться не могутъ, что не даромъ же столько странствовали по неизвѣстнымъ водамъ. Только что жь? Побывавши на нѣкоторыхъ островахъ и найдя тамъ въ-самомъ-дѣлѣ много рѣдкостей, подѣзжаютъ они еще къ одному и, къ удивленію, встрѣчаютъ тутъ земляковъ своихъ! Какимъ же это чудомъ, спрашиваютъ мореходцы земляковъ, какъ вы сюда попали?.. А жители острова имъ отвѣчаютъ, что тутъ они давно живутъ, что это ихъ же Молуккскіе (пріные) острова, къ которымъ ѣздитъ отъ Португальской земли на востокъ... Какъ-такъ? еще съ болышимъ удивленіемъ спросили путешественники: можетъ ли это быть? Изъ дому мы отправились на западъ, какъ же могли мы пріѣхать на Молуккскіе острова: ѣдъ къ Молуккскимъ островамъ надо ѣхать не на западъ, а на востокъ?.. Вотъ мореходцы идутъ въ городъ на островѣ.. И что жь? Узнаютъ, что точно это и городъ ихъ... Такого чуда понять не могли ни мореходцы, ни жители острововъ: толкамъ и сужденіямъ вѣка не было. Когда потомъ стали собираться отплыть въ море, то путешественники долго не могли придумать, какой стороной имъ ѣхать домой — назадъ или впередъ? Назадъ ѣхать тѣмъ путемъ, которымъ сюда пріѣхали, ужъ конечно возвратиться бы домой; но и впередъ отправиться, хотя и совсѣмъ противнымъ путемъ, все будешь дома, потому, что земляки ихъ всегда ѣздили на эти острова — этимъ самымъ путемъ... Выходятъ, что пойдешь на западъ, пріѣдешь домой, пойдешь и на востокъ — все пріѣдешь домой. Дѣло непостижимое!.. Однако путешественники рѣшили ѣхать далѣе, впередъ, то есть, тѣмъ самымъ путемъ, которымъ всегда корабли изъ ихъ странъ ходятъ на эти острова, и, послѣ трехлѣтняго странствованія, ярибыли на

конецъ на родину. Дома они рассказали чудное свое приключеніе, но имъ и недавно гнрить не хотѣли, полагая, что они навѣрное заблудились, сбились съ пути, и, вѣсто того, чтобы впередъ ѣхать, ѣхали назадъ. Однако, какъ слухъ объ этомъ разошелся по свѣту, а путешественники стояли на одномъ, что яколько не сбился они съ пути, доказывая это тѣмъ, что они ѣхали мимо острововъ и земель, которые совсѣмъ не по пути къ Молуккскимъ островамъ, то многіе отравились на корабляхъ нарочно, чтобы узнать — можно ли въ-самомъ-дѣлѣ пріѣхать къ Молуккскимъ островамъ западной стороной, то есть, плыва отъ нихъ прочь. И что жь? Къ болышему еще удивленію — и вышло такъ... А! Вотъ тогда ужъ всѣ стали догадываться — какаа тутъ должна быть причина. Согласиться только, что земля не поле широкое, не плоскій кругъ, а родъ огромнаго ядра, шара, то и вса загадка разгадана: по шару и на западъ пойдешь, приплывешь къ островамъ, которые на другой сторонѣ этого шара, — а на Востокъ пойдешь, все будешь тамъ...

Такъ вотъ и конецъ свѣта, получили люди... Какой же конецъ въ шарѣ? (Стр. 10, 11, 12 и 13).

Далѣе объясняется, почему люди и падаютъ, хотя казалось бы, что стоять въ другомъ полушаріи головами внизъ. *Когда, послѣ предположенія въ земляхъ силы въ родѣ магнитной, люди перестали беззаботиться о томъ, какъ жь жить подъ Шаромъ Землимъ вверхъ ногами, а равно и о томъ, какъ тамъ дому стоять: крышею внизъ (стр. 22), и когда г. Данилевскій и Оссовскій устроили такъ, что и читателя ихъ подобная мысль смущать не будетъ, они перешли къ тому, какъ стали вычислять землю, и вычисляя землю не забыли и о солнцѣ*

«Перебирая въ умѣ и слуху солнечныя лучи, отъ которыхъ все на свѣтѣ живетъ и нвѣтаетъ, и непримѣнный ходъ солнца вокругъ свѣта, а равно и то, что оно не по свѣтѣтѣ всѣмъ царствамъ и народамъ, — рѣшились, наконецъ, повѣрить своимъ расчетамъ и согласиться, что Шаръ Земной, или нашъ свѣтъ, противъ Солнцекылдника». (Стр. 25).

Потомъ авторы перешли къ звѣздамъ и привели, говоря, что *кстати прочитайте стихи славнаго русскаго сочинителя Державина* (стр. 27), оду — «Богъ». Потомъ опять приступили къ дѣлу и объяснили, что не солнце вокругъ земли, а земля вокругъ солнца вертится, рассказали о Галилеѣ и о томъ, какъ его посадили въ тюрьму.

Особенно Папа Римскій на него (Галилея) рассердился, какъ онъ смѣлъ, думать, выдумать, будто бы не Солнце ходитъ около Земли, а самъ Шаръ Земной, съ морями, горами, лѣсами, съ царствами и городами — оборачивается, какъ колесо на оси!» (Стр. 33).

Посмотрите, какое наглядное понятіе представляютъ авторы молодому уму, изображая на то, что мы сами не замечаемъ, чтобъ земля вертѣлась вокругъ.

... Только всего възрѣе въ этомъ мы достовѣрились бы, если бъ пробыли ночь на большой баркѣ, когда она сама собою плыветъ по теченію рѣки. Видя, что на толкѣ каюты спокойно горитъ свѣча, а скамейкѣ беззаботно сидитъ котъ и все вокругъ насъ спокойно стоитъ на своемъ мѣстѣ, насколько не двигался и не качался, мы и не знали бы, что ѣдемъ. Выглянувъ же послѣ этого днемъ въ кошко—и видя, что, вмѣстѣ съ берегомъ рѣки, лѣсъ, горы и деревни остаются все позади насъ, мы и вѣрять не хотѣли бы, что они стоятъ на одномъ мѣстѣ, и что напротивъ мы, со всей своей компаніей, несемся впередъ. Увѣрить насъ тогда въ томъ могло бы только размышленіе, что образъ сходящаго баркѣ съ каюты, нежели берегамъ рѣки съ окрестною землею движутся впередъ.» (Стр. 33).

Наконецъ, рассказавъ о солнцѣ, звѣздахъ и лунѣ, авторы спускаются на землю, которая *всегда остается главною почкою, идѣ мысли наши и начинаются и оканчиваются* (стр. 41 и 42).

Объяснить мальчику или дѣвочкѣ какія вещи, какъ солнце или луна, напримеръ, которая смотритъ на насъ съ небосклона и представляется взору не оутѣ крушней рѣки, и землю, необо-

зримою равниною развертывающуюся передъ нами, окаймленную по горизонту лилово синеватыми горами, перерѣзанную громадными рѣками, зелѣнѣющую рощами и цвѣтущими обширными лугами, а иногда сіяющую серебряными свѣгомъ и льдомъ, — объяснить намъ, что громада эта лишь въ 50 разъ больше луны—рѣвы, что теплящаяся звѣздочка не въ примѣръ больше гигантской земли, и что для составленія солнечной массы нужно почти полтора миліона земныхъ шаровъ, — передать это такъ наглядно, ясно, послѣдовательно, переходя отъ одного предположенія къ другому, изображая процессъ, который въ разработку извѣстная идея, и все разнообразно до нельзя — право, это трудъ, заслуживающій полнаго вниманія и благодарности...

«Вслѣдъ за опредѣленіемъ вида и величины земли, послѣ взгляда на небо съ его чудесами, все вниманіе свое человекъ обращалъ на внутреннюю жизнь Земнаго Шара, на дѣйствія и расположенія на немъ теплоты и свѣта солнечныхъ лучей.» (Стр. 42.)

За этимъ слѣдуетъ прекрасное описаніе компаса и, какъ слѣдствіе открытія этой магнитной стрѣлки, — открытіе Америки. Но особеннаго вниманія заслуживаютъ статейки: *Откуда рѣки берутъ воду и куда ее дѣютъ? Что такое облака?* и др. Выпишемъ нѣсколько строкъ: выписки будутъ лучшею, самую краснорѣчивую похвалю. «Вѣдъ вода въ рѣкахъ течетъ отъ творенія міра и течетъ день и ночь...» Какъ мастерски постановленъ вопросъ! По прочтеніи этихъ строкъ, въ читателѣ тотчасъ рождается мысль: въ-самомъ-дѣлѣ, откуда же это берутъ онѣ столько воды?—и вотъ онъ жадно спѣшитъ прочесть объясненіе:

«Шаръ Земной не такъ ровенъ и гладокъ, какъ какой нибудь каменный или стеклянный шаръ. На немъ есть въ нѣкихъ мѣстахъ долинки, которыя для насъ, незамѣтныхъ пылинокъ, и большія долины; въ нѣкихъ мѣстахъ бугорки, по нашему—холмы и горы; а какъ внизу всегда теп-

дѣе, нежели сверху, и на высокихъ мѣстахъ и дѣтомъ холодно почти также, какъ зимой или подъ полюсами, то этого и довольно для того, чтобы происходило вѣчное теченіе водъ на землѣ. Отъ солнца, которое безпрестанно грѣетъ воды океана, особенно въ жаркой полосѣ, идущей по самой серединѣ Великаго и Атлантическаго океана, а также черезъ Африку и Америку, — съ морей и океановъ, а также изъ болотъ и озерь безпрестанно подымается сырость. Вѣтеръ эту сырость разноситъ вездѣ: высокія и холодныя мѣста отъ этого сырѣютъ, подобно холоднымъ странамъ у полюсовъ, — и эта самая сырость стекаетъ по землѣ, сперва непримѣтно, тоненькими жилками, потомъ ключами, ручейками, и наконецъ, когда ключи и ручейки соединяются въ рѣчки, а многія рѣчки сольются въ большія русла, всѣ эти воды отходятъ большими рѣками обратно въ моря и океаны. Сколько отъ жару воды испарится въ океанѣ, столько опять рѣками и стечетъ въ него. Вотъ оттого-то, хоть въ моря и океаны вода льется многими рѣками донь и ночь отъ самаго сотворенія міра, между-тѣмъ, ни моря ни океаны никогда не выходятъ изъ береговъ... (Стр. 64 и 65).

Объяснивъ такимъ-образомъ, откуда рѣки берутъ воду и куда ее дѣлаютъ, гг. Данилевскій и Оссовскій представляютъ читателямъ прежде-господствовавшее мнѣніе объ этомъ предметѣ, именно, что вода изъ моря просачивается въ высокія мѣста и съ нихъ опять течетъ въ море. Они приводятъ и прихвѣры, вводившіе въ это заблужденіе, — кусокъ сахара на мокромъ блюдѣ и теченіе воды изъ стакана съ водою по тесемкѣ, вывѣшенной однимъ концомъ черезъ край: тутъ очевидно вода просачивается черезъ тесемку *сверху* и по ней же стекаетъ *внизъ*. Молодой умъ готовъ уже, кажется, и уступить этому доказательству, столь для него наглядному, тѣмъ болѣе, что авторы сказали: *толкованіе это еще болѣе покажется ложнымъ на дѣло...* и пр. (стр. 66), а молодость всегда находится подъ влияніемъ чего бы то ни было. Но не бойтесь! Сочинители дѣлаютъ *coup de maître* и говорятъ: *«Но при этомъ довольно замѣтить одно только, что когда другой*

конецъ тесемки вывѣшенъ не ниже воды, въ которую омываютъ верхній конецъ, то вода и не будетъ вытекать, — какъ же послѣ этого вода могла бы течь въ рѣку, когда конецъ рѣки, или устья, не ниже водъ моря, въ которомъ будто бы и подземное ея начало?» — Вездѣ неговорящая доказательность, умѣные статьи на одну доску съ читателемъ, идти съ нимъ рука-объ-руку и, до поры до времени, какъ-бы раздѣлять его всеобщими заблужденіями! Одинъ есть только недостатокъ въ этомъ сочиненіи: жаль, что авторы такъ долго остаются вливаются на нечѣпкихъ мнѣніяхъ, а главное, еще долѣе объясняютъ ихъ, посвящая празднему разсказу двѣ-три страницы. Такъ, на-примѣръ, пресличайтесь, что говорятъ они о громе.

«Огромъ выдумали-было въ старину. что это особый богъ — *Перунъ*, который бѣгая по облакамъ, стрѣляетъ изъ тѣхъ, на кого онъ разсердился. Да и теперь даже въ простомъ народѣ многіе говорятъ, будто Илья Пророкъ со стучкомъ вѣдаль и облакомъ, гоняется за злыми духомъ въ огненной колесницѣ и бросаетъ въ него раскаленные стрѣлы!.. А всѣ эти чудеса отчего родились? Отъ дѣлности — подумайте да поразудите!... (Стр. 74).

И прекрасно! и приступить бы къ естественному объясненію грома. Но они продолжаютъ:

«Богу если бы угодно было убить злаго духа, то Ему стоило бы сказать — *«всѣмъ гибни!»* и дьявола какъ не бывало... Вѣдь кажется гораздо болѣе надобно силы и могущества, чтобы сотворить Звѣзду, Землю или Солнце, а Богъ, создавъ Міръ, сказалъ только — *«да будетъ!»* и столько звѣздъ зажглось, и такое дивное Солнце засіяло, и столько планетъ двинулось кружить около него!.. А дьяволъ — что такое Ангелъ Божій, убитый за ослушаніе и непокорность Всевышнему Творцу а Богъ Священное писаніе говоритъ, что когда нѣкоторые Ангелы, возгордись своимъ разумомъ и силою, выдумали-было пойти противъ воли Всевышняго, то, по однослову Его, какъ градъ посыпался съ неба въ адъ. Также развѣ жъ теперь Божье слово не имѣло бы пасть на нихъ, убитыми

же, столько же силы, что надо будто за
гнать посылать Святых Угодников?...
[а притомъ же, такіе толкователи чудесъ
ожихъ подумали бы—отчего Ильѣ Про-
обу всегда случается лѣтомъ гоняться за
нимъ духомъ, а не зимою?.. Да и лѣ-
томъ громъ случается не иначе, какъ по-
тѣ большахъ жаровъ... Вѣдь тутъ поду-
ать только, почему жъ злому духу лѣ-
томъ лучше гулять, нежели зимою?.. На-
противъ, кажется, если бы злому духу
озволено было прогуливаться, то ему во-
оу разъ сходить было бы гулять по мо-
розу, чтобы сколько-нибудь прохладатъ-
ся жаркаго и душнаго воздуха въ аду...
пр. и пр.

Рѣшительно дико! Съ грустью про-
ли мы эти страницы, тѣмъ болѣе, что
въ одномъ мѣстѣ разбираемой нами
ниги, гг. Данилевскій и Оссовскій, по-
лѣ прекраснаго объясненія, что такое
блака, снѣгъ, градъ и прочее, гово-
ятъ: «Такъ вотъ, какъ все это дѣлается;
а кто этого не знаетъ, тотъ и вѣрять
всякимъ толкамъ». Если же они раз-
казали, что такое громъ, если читате-
ли ихъ знаютъ уже, что это за явленіе,
о неужели повѣрятъ они какимъ-ни-
будь нелѣпымъ рассказамъ старухъ...
Вѣдь все дѣло въ томъ, чтобы напра-
вить начинающаго мыслить къ исти-
нѣ, — а этого гг. Данилевскій и Оссов-
скій достигаютъ мастерски! Приводитъ
нѣвыя прежде-господствовавшія—это
вопросъ совершенно-другой; тутъ имѣ-
іе цѣлыхъ вѣковъ, страны, народовъ
— патриція и плебея, матроны и посе-
лянки, рыцаря и раба; но приводить
опатія простаго народа въ учебникѣ
ажется намъ совершенно- излиш-
нимъ.

За громомъ слѣдуетъ электричество,
ромовые отводы, потомъ о водѣ соле-
ной, прѣсной, теплой и минеральной,
по поводу теплыхъ ключей, о го-
рахъ, дышущихъ огнемъ. Какъ образецъ
рассказа, приводимъ нѣсколько словъ
изъ послѣдняго пункта:

«Въ той сторонѣ, гдѣ городъ Римъ,
у низа города Неаполя, одна огнедыш-
щая гора, по имени *Везувій*, есть и те-
перь. Давно, болѣе, чѣмъ за полторы ты-

сячи лѣтъ назадъ, эта гора разыгралась—
было до того, что золою и камнями за-
сыпала цѣлыя (е) города и деревни, такъ,
что весь и народъ тамъ остался. Хотя эти
города и не близко были къ горѣ, да
разыгралась она не впопадъ, когда на
эти мѣста шла туча съ сильными вѣтромахъ,
который весь дымъ, золу и камни нова-
лилъ на этотъ околотокъ... Лѣса, дома и
разныя аданія завалило совершенно, и
долго послѣ не могли узнать, гдѣ они и
находились... На-силу нынче, когда уже
пахали землю на этихъ мѣстахъ, напали
на крыши домовъ... По книгамъ и разо-
брали, что это долженъ быть городъ *Пом-
пел*, который погибъ отъ горы *Везувія*.
Стали раскапывать землю и нашли всѣ
примѣты, что это точно тотъ городъ и есть.
Въ домахъ нашли кости людей и собакъ.
Какъ гдѣ кто забился въ уголъ, такъ и
лежитъ... Иное семейство все въ одной
кучѣ, сѣднвшисъ руками, лежитъ на по-
лу!.. Ужась!.. Теперь откопали нѣсколько
улицъ этого города, и любопытные при-
ѣзжаютъ туда со всѣхъ сторонъ посмо-
трѣть, и покупаютъ разную камешную по-
суду, которая съ тѣхъ поръ уцѣлѣла. На-
шли даже нѣсколько гороху, который, къ
удивленію, и выросъ, какъ посѣяли...»
(Стр. 85 и 86).

Далѣе уже слѣдуетъ рассказъ о томъ,
что въ запрошломъ (1845) году Госу-
дарь Императоръ, бывъ въ Римѣ,
удостоилъ посѣщеніемъ эти мѣста и
изволилъ принять древніе вѣсы, въ
присутствіи Его Величества найден-
ные тамъ подъ землею,—и о картинѣ
Брюлова «Послѣдній день Помпеи»,
стоющей по крайней-мѣрѣ пятьдесятъ
тысячъ рублей серебромъ (стр. 86).

Чрезвычайно поврвилось намъ мѣ-
сто, гдѣ авторы встаютъ противъ
зловреднаго *авось*, приписаннаго толь-
ко Русскимъ, а, между-тѣмъ, свой-
ственнаго рѣшительно всѣмъ людямъ,
поставленнымъ въ состояніе необеспе-
ченности:

«Не удивительно ли послѣ этого, что
люди рѣшаются жить близъ такихъ стра-
шныхъ горъ! А живут! За то вотъ и по-
гибаютъ, какъ мухи!.. Это все *авось* ихъ
убиваетъ: *авось* не засыплетъ, *авось* не
достанетъ здѣсь золою. Да если не до-

станеть золою, так может сжечь и затопить лавою, огненной рѣкою изъ камней, песку и желѣза... Когда гора награлась, тогда обыкновенно эта страшная рѣка выливается изъ ямы, бросается внизъ на поля, все жжетъ и потопляетъ... Огненный составъ лавы черезъ годъ или черезъ два застываетъ, и — посмотришь — лѣтъ черезъ нѣсколько уже люди на немъ и домъ построили, и сады развели!.. Да, людей, кажется, ни чѣмъ на свѣтъ не отлучишь отъ ихъ любимаго и удобнаго аеосъ... У насъ — нѣтъ огневдышущихъ горъ и лавы, такъ мы ходимъ и ѣдимъ по льду, когда онъ готовъ проламываться подъ нашими ногами; ходимъ съ огнемъ, гдѣ какъ-разъ можно сдѣлать пожаръ: и все это аеосъ насъ водитъ. У насъ аеосъ — настоящій компасъ, или магнитная стрѣлка. Только съ настоящимъ компасомъ открыли Америку и пятую часть Свѣта — Океанію, а съ стрѣлкою аеосъ всегда почти находимъ пренорядочныя бѣды, а иногда и могилу...» (Стр. 86 и 87).

Но посидѣвшимъ обратиться къ той части книги, гдѣ авторы, сказавъ, что *Богъ, созидая шаръ земной, для помѣщенія на немъ человека, устроивалъ всю такъ, чтобы тутъ было все, и пища, и услуга, и разныя удовольствія* (!..), объяснивъ вліяніе воды, горъ и двухъ необходимыхъ условій жизни всѣхъ существъ — влажности и свѣта, и упомянувъ о полосахъ земнаго шара и распредѣленіи въ нихъ животныхъ и растений, представляютъ читателямъ замѣчательнѣйшія изъ растений, животныхъ (даже упомянувъ и о допотопныхъ), и отчасти ископаемыхъ.

При описаніи растений, животныхъ, и проч., авторы строго держались своего принципа: заинтересовать молодой умъ, если есть какое преданіе о какомъ-нибудь звѣрѣ или растеніи — рассказать и преданіе, описывая растеніе — показать его употребленіе. Авторы не могли держаться при описаніи никакой системы. Такъ, на-примѣръ, на стр. 96.

«Адаксонія, или Баобаба. Это дерево растетъ въ Африкѣ, въ жаркой полосѣ у Атлантическаго Океана. Это просто гора золота: не такъ высока, какъ широко и

толсто, пррзвместо. Пень его въ обхвѣтъ — иногда болѣе 9 сажень, а въ толщину болѣе 4 сажень. Такое дерево едва ли 15 человекъ обхватить могутъ. Оно нѣтъ какъ травяное растеніе, а живетъ много тысячъ лѣтъ. Подъ тѣнью такого дерева помѣститься можетъ до 300 человекъ во ницы. Можно сказать, что Адаксонія и жаду растеніяи то же, что слонъ и китъ между животными. Африканскіе черныя люди, Негры и Арабы, цѣлыми семействами живутъ въ дуплахъ этихъ деревьевъ какъ наша мелкія птицы въ дуплахъ злѣйшихъ деревьевъ. Въ цѣльномъ деревѣ Негры выдѣлываютъ мѣсто и на крикъ заколачиваютъ тамъ тѣла своихъ музкантовъ и сказочниковъ, считая ихъ колдунами и опасаясь, чтобы они по смерти не ѣли ихъ живыхъ. Тѣло умершаго и сто лѣтъ не испортится въ такой могилѣ. Цвѣты этого дерева бѣлые, величавые, подсолнечникъ, а плодъ не болѣе апельсина. Вкусомъ онъ похожъ на миндаль, растетъ огромными зернами въ коробкѣ въ поларшина длиною, на подобіе длинной ямки, съ кислотою, мучнистою на котью. Плодъ Адаксонія называютъ *длинными обезьянъ*: однако имъ питаются Негры, черные жители Африки, и притомъ — изъ кислотою мякоти его — дѣлаютъ здоровое прохладительное питье.»

Ясно, что это не крошки и не облатки, а настоящая — пріятная и здоровая пища для любознательности. Притомъ изложеніе согласно даже съ послѣдними успѣхами науки. Гг. Далековскій и Оссовскій не забыли упомянуть даже и о новомъ морскомъ чудовищѣ — *кракенѣ*, животномъ въ родѣ морскаго жука, только, говорятъ они, *величина этого жука такая, что до сих поръ не хотѣли еще вѣрнми, чтобы великанъ могъ быть на землѣ*, хотя въ Европу привезена была лапа этого гиганта, отрубленная матросами на одномъ кораблѣ, шедшемъ во Атлантическому-Океану: лапница эта, появившись изъ моря, обхватила горстью на вершинѣ корабельной мачты двухъ матросовъ и одного изъ нихъ раздавила. Въ Индіи, у мучныхъ магазиновъ стоялъ часовой. «Въ одну ночь часовой этотъ слышитъ, что за заборономъ въ морѣ, у берега, вдругъ отъ чего-то

• зволнивалась вода, но землѣ засту-
• чало что-то, и вслѣдъ за тѣмъ подни-
• ся черезъ заборъ колѣчатый брусъ,
• напоподобіе страшной лапы, захватилъ
• нѣсколько кулей муки — и ушелъ...»
(стр. 140). Кроме того, приведено еще
нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ
существованіе *кракена*.

Конечно, при описаніи царствъ при-
роды, сочинители не держались ника-
кой системы, и вообще не входили ни
въ какія подробности, но заслуга ихъ
отъ этого не уменьшилась, потому, во-
первыхъ, что они, вѣроятно, зародятъ
въ читателѣ охоту самому узнать, отъ-
чего у птицы жаркаго климата такъ
блестятъ и горятъ перья ея крылы-
шекъ, а у обитательницъ сѣвера цвѣта
оги просты, неблестящи и однообразны;
отъ-чего на площадяхъ жаркой
Африки мы встрѣчаемъ животныхъ
большихъ и сильныхъ; отъ-чего у *жи-
рафы* — животного травояднаго, огром-
ная шея, хотя, кажется, жирафа щип-
летъ траву; отъ-чего на нашемъ сѣве-
рѣ нѣтъ огромныхъ растеній и проч., —
и во-вторыхъ, потому-что объ
естественной исторіи они говорятъ ми-
ноходомъ, ибо, какъ видно даже изъ
заглавія первой части, предметъ ихъ —
географія.

Скажемъ въ заключеніе: книга эта
написана такъ, что сама собою напра-
шивается въ число книгъ классиче-
скихъ.

180) Морозъ Иванъ вичъ, *дѣтская
сказка дѣдушки Ириня*, изданная кн.
В. Θ. Одоевскимъ. Санктпетербургъ.
1847. Въ тит. Крайя. Въ 64-ю д. л. 58
стр.

181) Городецъ въ Табакеркѣ,
дѣтская сказка дѣдушки Ириня, издан-
ная кн. В. Θ. Одоевскимъ. Изданіи
второк. Санктпетербургъ. 1847. Въ
тит. Крайя. Въ 64 ю д. л. 56 стр.

182) Сборникъ Дѣтскихъ Пѣ-
скнь, *дѣдушки Ириня*, изданный кн.
В. Θ. Одоевскимъ. Тетрадь I. Санкт-
петербургъ. 1847.

Первыя двѣ книжки заключаютъ въ
себѣ двѣ дѣтскія сказки и замѣчатель-
ны особенною прелестью языка. Вооб-
ще намъ уже не разъ случалось замѣ-
чать, что кн. В. Θ. Одоевскій облада-
етъ удивительною сноровкою при-
нять рѣчь свою къ понятіямъ и степе-
ни образованности того, съ кѣмъ онъ
нацѣренъ говорить. Стоитъ вспомнить
его статьи въ «Сельскомъ Читеніи», въ
которыхъ онъ рассказываетъ престя-
намъ языкомъ, совершенно для нихъ
понятнымъ, о такихъ вещахъ, о кото-
рыхъ мы съ вами говорить не можемъ,
не обойдась безъ какихъ-нибудь ино-
странныхъ терминовъ, для насъ понят-
ныхъ, но чуждыхъ разумнѣю просто-
людина. Языкъ для дѣтей — тоже со-
всѣмъ особенный языкъ; писать имъ
умѣютъ у насъ весьма немногіе, и по-
учиться ему надобно у автора книжекъ,
которыхъ заглавія выписаны выше.

«Сборникъ Пѣсень», съ приложеніемъ
нотъ, назначенъ для занятія дѣтей пѣ-
ніемъ въ Пріютахъ, для того, чтобы
замѣнить ненужную и часто вредную
для нихъ болтовню. Наирасно напада-
ютъ на эти пѣсни: назначеніе ихъ
чисто-спеціальное, и, появъ ихъ
цѣль, критика не должна ихъ относить
къ числу явлений чисто-нравственной авте-
ратуры и судить о нихъ, какъ о про-
изведеніяхъ таланта.

Вся выручка отъ продажи этихъ
книгъ назначена авторомъ въ пользу
Общества Посѣщенія Бѣдныхъ; цѣна
каждой книжки 10 коп. сер., а «Сбор-
нику Пѣсень», съ нотами, 30 коп. сер.
Продаются эти книжки въ книжныхъ
лавкахъ и въ Конторѣ Общества Посѣ-
щенія Бѣдныхъ, въ Демидовскомъ-Пе-
реулкѣ, противъ пользада Англійскаго
Клуба, въ домѣ Линке. — Всякая плата
свыше этой цѣны сочтется за благодѣ-
тельную жертву въ пользу бѣдныхъ,
приврѣваемыхъ Обществомъ. Вѣроятно,
съ этою цѣлю, авторъ, отказавшій-
ся отъ всякой прибыли отъ продажи
взданныхъ имъ книжекъ, назначилъ
имъ сначала весьма-высокую цѣну, ко-
торую долженъ былъ теперь понизить,
можетъ-быть, убѣдившись, что эта пѣ-

ра будетъ полезнѣе, и предоставивъ каждому покупателю — жертвовать въ пользу бѣдныхъ, сколько укажутъ ему его средства и добрая воля.

183) Практическія Замѣтки для начинающихъ рисовать пейзажи акварелью. Издавъ докторъ философіи Егоръ Класенъ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 47 стр.

Изложеніе главнѣйшихъ правилъ, относящихся къ искусству собственно, т. е. къ акварельной живописи и къ опредѣленію качествъ требуемаго матеріала. Цѣль этого изложенія — облегчить трудъ начинающихъ заниматься акварельною живописью, которая въ новѣйшія времена возвысилась до того, что въ Англіи дѣлаютъ выставки, состоящія изъ однѣхъ только акварельныхъ работъ, и Турнеръ, одинъ изъ основателей новѣйшей акварельной живописи, причисляется къ великимъ художникамъ Англіи.

184) Дѣтство Знаменитыхъ Людей. Съ картинками. Москва. Въ тип. А. Семена. 1847. Въ 12-ю д. л. 156 стр.

Сокращенный переводъ съ французскаго, — трудъ челоѣка, какъ видно, знающаго литературное дѣло, изданный не только опротно, но даже красиво. Дѣти съ удовольствіемъ возьмутъ въ руки и прочтутъ подобную книгу. Да и родителямъ ихъ не стыдно будетъ принести ее въ подарокъ сыну или дочерѣ.

185) Курсъ Скорописанія. Виктора Половцова. Второе изданіе. Санктпетербургъ. Въ тип. военно-учебныхъ заведеній. 1847. Въ 8 ю д. л. 22 стр. Съ четырьмя прописями.

Въ предисловіи къ этому изданію (стр. 4) авторъ говоритъ:

«Требованіе значительнаго числа экземпляровъ этого Курса скорописанія въ сельскія приходскія училища — для дополненія прежней потребности (?) — побуждаетъ меня перепечатать его (кого?) безъ всякихъ перемѣнъ. Къ третьему же изданію думаю я присовокупить какъ пре-

дварительныя упражненія въ скорописи, дающія рукѣ свободу и ловкость, такъ и правила практическаго правописанія, которыя могли бы служить переходомъ къ изученію грамматики.»

Что метода скорописанія полезна и съ выгодою можетъ замѣнить постоянные каллиграфическіе уроки и рабочіе разрисовыванье буквъ съ прописей, объ этомъ было уже говорено въ нашемъ журналѣ. Скажемъ только, что сочиненіе г. Половцова, не смотря на благую цѣль его и счастливое примѣненіе къ сельскимъ школамъ, во многомъ уступаетъ подобному же сочиненію г. Ходоровскаго, какъ въ ясности изложенія, такъ и красотѣ и изяществѣ почерковъ на прописяхъ. Пользоваться его руководствомъ можетъ только преподаватель, уже знакомый съ дѣломъ. Но врядъ ли и учителя въ сельскихъ школахъ возьмутся за такую книжку, наметавшись одинъ разъ навсегда чертить на доскѣ аршинныя буквы самымъ безукоризненнымъ почеркомъ, командовать разъ, два, — разъ, два, три! своимъ маленькимъ школьникамъ, которые проворно въ тактъ выводятъ продолговатые звы, вѣдн, рцы, и т. д. Для этихъ людей нуженъ ключъ попроще и пояснѣе; не думаетъ, чтобъ благоварный наставникъ приходскаго коллегіума воспользовался подобнымъ наставленіемъ:

«... Надобно показать ученику на классной доскѣ въ большомъ видѣ, что по командѣ: разъ! дѣлается первая черта буквы ж, и что точное соединеніе ея со второю, среднею, чертою проходитъ около середины толстой черты.»

Между преподавателями грамоты русскому юношеству въ градехъ и веселыхъ, есть люди сметливые, толковые: тѣ, можетъ-быть, и умѣютъ учить скорописи по командѣ и темпамъ, но, еще разъ, врядъ-ли воспользуются они наставленіями г. Половцова, предложенными въ томъ видѣ, какъ прочли мы ихъ во второмъ изданіи его «Курса». Къ чему, на-примѣръ, послужитъ слѣ-

дующій параграфъ, написанный скоропѣ для французскаго дофина счастливыхъ временъ Людовика XIV, нежели для посѣтителей русской сельской школы:

«Ни многого но хорошо (?!).

«Привычка хорошо сидѣть, держать исправно тетрадь или доску, свободно дѣйствовать рукою, и хорошо держать перо или грифель, требуетъ времени; и потому торопливость въ началѣ ученія неумѣстна. Надобно, чтобъ ученикъ зналъ, что и какъ сидѣть, и чтобъ онъ умѣлъ приступить это (что?) въ исполненіе. (Стр. 7.)

Авторъ между прочимъ совѣтуетъ учить писать на грифельныхъ доскахъ, и хотя раздѣляетъ мнѣніе, что писанье на доскахъ *привучаетъ руку къ тяжелому почерку* (стр. 5), но придерживается грифеля на основаніи *дешевизмы*. Вопросъ этотъ удобнѣе рѣшить хозяйственными комитетами училищъ; но если цѣль «Курса» — выучить дѣтей писать скоро и красиво, то странно, кажется, указывать на способъ, сопряженный съ порчею почерка.

Впрочемъ, если этотъ параграфъ не отличается основательностью, за то нѣсколько-ниже мы прочли наставленіе, преисполненное дальновидныхъ соображеній. Можетъ, видите, случиться, что субъектъ лишится правой руки или, просто, очень устанетъ писать: «по этому, полезно» говоритъ авторъ «упражнять въ скорописаніи и лѣвую руку».

Но всего интереснѣе показалось намъ помѣщенное въ концѣ книжки правило *правописанія*. Известно, что изъ всѣхъ знаковь препинанія всего труднѣе объяснить дѣтямъ употребленіе запятой. Г. Половцовъ достигаетъ этого съ невѣроятною легкостью. Теорія запятой начинается прямо примѣрами:

«Послѣ Екатерины Великой царствовалъ Павелъ I, потомъ Александръ I, освоболившій Европу, и наконецъ Николай I.

«Тутъ предложеніе — освоболившій Европу относится къ предыдущему, поставлено между запятыми». (Стр. 21.)

А что такое предложеніе? что такое придаточное предложеніе? Этого школьникъ не знаетъ и не можетъ узнать изъ «Курса Скорописанія». Если же авторъ подразумеваетъ, что учитель долженъ предварительно объяснить ученику правила слятакисся, то намъ остается замѣтить автору, что и до выхода въ свѣтъ «Курса Скорописанія» люди, знавшіе грамматику, знали употребленіе знаковь препинанія.

Примѣры употребленія запятой особенно замѣчательны:

«Дѣтя рождаются, крестятся, образуются, страдаютъ, *покорствуютъ*, иногда свирѣтѣть и умнѣть.»

«Юноша укрѣпляется, обогащается познаніями, вступаетъ въ общество, иногда *геройствуетъ* и покрываетъ себя *немерцающей* (?) славою. Таковъ удѣлъ Россіи» (?). (Стр. 21.)

Остается пожелать скорѣйшаго появленія въ свѣтъ третьяго изданія «Курса», къ которому авторъ обѣщаетъ присовокупить *правила практическаго правописанія, которыя могли бы служить переходомъ* (?) къ изученію грамматики.

186) **СОВРАНИИ ПРИМЪРОВЪ НА ПРАВИЛА ЛАТИНСКАЮ СИНТАКСИСА ДЛЯ ПЕРЕВОДА СЪ РУССКАЮ ЯЗЫКА НА ЛАТИНСКІЙ, СЪ ПРИСОВЕДИНЕНІЕМЪ КРАТКАЮ ИЗЛОЖЕНІА САМЫХЪ ПРАВИЛЪ. Составилъ старшій учитель Второй Московской Гимназіи Александръ Робертъ. Москва. Въ тип. Августа Семенова. 1846. II и 225 стр.**

Въ предисловіи, г. Робертъ говоритъ, что онъ составилъ это новое руководство къ переводамъ съ русскаго языка на латинскій потому-что употребившіяся до-сихъ-поръ тамы Дронке (переведенныи Кубаревымъ), въ-слѣдствіе долгаго ихъ употребленія, переведены письменно на русскій языкъ; многіе ученики въ общественныхъ заведеніяхъ успѣли достать переводъ всѣхъ этихъ тамъ на латинскій языкъ, и, вмѣсто того, чтобъ самимъ трудиться надъ переводомъ и разборомъ за-

даннаго урока, они списываютъ съ тетрадей, имъ доставшихся. Составилъ же г. Робертъ свое руководство по тому же плану, которымъ руководствовался и Дронко.

Разсмотрѣвъ книгу г. Робера, мы увидѣли, что она съ пользою можетъ замѣнить тѣмъ Дронке. Жаль только, что русскій языкъ тамъ г. Робера не много, незначительно лучше тѣмъ Дронке, переведенныхъ г. Кубаревымъ крайне-плохо. На 150 страницъ книги г. Робера встрѣчается такой примѣръ:

«Мы, которыхъ нельзя ни въ чемъ упрекать, развѣ только въ томъ, что мы слѣдали, что изъ Кавискаго битвы остались какіе нибудь Римскіе солдаты (въродино: нѣсколько Римскихъ солдатъ) теперь изгнаны далеко не только отъ отечества, отъ Италіи, но даже отъ неприятели, чтобы мы состарѣлись здѣсь въ ссылкѣ, что бы (чтобы?) не было у насъ какой нибудь надежды изгладить безчестіе.»

На 152 страницѣ :

«Кто есть хорошо воспитанный изъ насъ, которому не представляются въ умѣ съ пріятнымъ воспоминаніемъ воспитатели его, учителя, самое то пѣное мѣсто, гдѣ онъ былъ воспитанъ и наученъ?—Мудрость есть одна, которая изгоняетъ печаль изъ души, и не позволяетъ ужасаться отъ страха; съ этою наставницею можно жить въ тишинѣ, угасивъ жеръ страстей.»

Такихъ выраженій ничѣмъ нельзя извинить. Если г. Робертъ хотѣлъ сблизить русскую фразу съ латинскою, то 1) такое сближеніе не принесетъ большой пользы ученикамъ; они не узнаютъ, какъ выразить по-латини особенныя, русскому только языку свойственныя, обороты; 2) вредно для русскаго языка; 3) какъ ни приближалъ г. Робертъ русскую фразу къ латинской, все-таки осталось въ его книгѣ много оборотовъ русскихъ, выражаемыхъ совершенно-иначе по-латини. Обращу вниманіе еще на одинъ недостатокъ не одной книги г. Робера, но асьхъ подобныхъ книгъ. Ученику, на-примѣръ, на 151 страницѣ встрѣчается выраженіе: «жизнью жертвовать за

отечество». Ученикъ не знаетъ, какъ по-латини: «жертвовать жизнью». Справляется внизу, и находитъ слово: profundere (съ вин.). Потомъ встрѣчается ему другое мѣсто: «пожертвовать статуя», и онъ, помня, что однажды переводилъ *жертвую* черезъ profundo,—скажетъ: profudit statum; выраженіе не только не латинское, но даже смѣшное. Конечно, хорошій учитель покажетъ причину, почему въ первомъ случаѣ profundere vitam можно сказать, а во второмъ—profundere statum нельзя; но дѣло въ томъ, что у насъ еще немного такихъ учителей.

Да и изъ знающихъ не у всякаго станетъ охоты пускаться въ такія тонкости... Потому мы думаемъ, что составители книжекъ, подобныхъ книгѣ г. Робера, хорошо бы дѣлали, еслибъ показывали не только то, что въ такомъ русскомъ выраженіи нужно употребить такіа-то латинскія слова, но и истъ и первоначальное, настоящее значеніе латинскаго слова. Вѣдь очень часто случается, что какое-нибудь слово имѣетъ извѣстное значеніе только въ одномъ мѣстѣ, и притомъ не само по-себѣ, но въ слѣдствіе *связи* изъ него другихъ словъ предложенія.

Сверхъ-того, г. Робертъ изложилъ въ своей книгѣ вкратцѣ синтаксическія правила латинскаго языка въ такомъ же порядкѣ и видѣ, въ какомъ изложены эти правила въ грамматикѣ Цумпта, введенной, какъ учебная книга, во всѣ заведенія Министерства Народнаго Просвѣщенія. Намъ очень понравились сжатость и ясность изложенія г. Робера. Его книжка будетъ теперь ключемъ къ русскому переводу грамматикѣ Цумпта. Извѣстно всякому, кому случилось имѣть дѣло съ этимъ переводомъ, что его не только ученикъ, но даже знающій латинскій языкъ не вездѣ пойметъ безъ иностраннаго подлинника. Поэтому рекомендуемъ книгу г. Робера особенно тѣмъ изъ занимающихся латинскимъ языкомъ, кто не знаетъ иностраннаго языка, и принужденъ удовлетворяться грамматикой Цумпта (переведенной г. По-

повысить и сокращенно г. Кубаревымъ), лучшей латинской грамматикой на русскомъ языкѣ.

Напрасно только г. Робертъ такъ строго придерживался грамматики Цумтовой. Въ послѣднее время вышло въ Германіи много латинскихъ грамматикъ, двинувшихъ гораздо-далѣе изученіе латинскаго синтаксиса. Г. Робертъ могъ бы, даже придерживаясь порядка и системы Цумтовой, наложить отдѣльныя правила лучше, чѣмъ они изложены у Цумты.

На-примѣръ, въ отдѣлѣ объ употребленіи падежей, г. Робертъ только и говоритъ, что о предметныхъ словахъ (объектахъ, дополненіяхъ) *лица* и *вещи*. Отъ-того на каждомъ шагу много неточностей. На стр. 16-й: глаголы, означающіе: называю, почитаю... требуютъ двухъ винительныхъ, одного лица, другаго вещи. Возьмемъ примѣръ: *Samillum cives terdictatorem dixerunt*. Здѣсь два винительные, и оба — лица. На стр. 7-й: при безличныхъ глаголахъ: *riget, pudet, poenitet, taedet, miseret*, ставится винительный лица и родительный вещи. А на-примѣръ, въ предложеніи: *me pudet illius*, мнѣ стыдно за него, — опять только два лица.

Впрочемъ, не только въ русскихъ, но даже въ иностранныхъ грамматикахъ еще слишкомъ-неточно опредѣлена классификація объектовъ. Такъ во всѣхъ грамматикахъ говорится, что послѣ глаголовъ: *appello, pomino, existimo* и т. д. ставятся *два винительные*. Но отличаются ли эти два винительные одинъ отъ другаго, и если отличаются, то чѣмъ именно, — объ этомъ обыкновенно не говорится. Что они различаются, это видно уже изъ того, что вторымъ винительнымъ обыкновенно *опредѣляется* первый винительный, т. е. непосредственное предметное слово. Притомъ, по-русски второй переводится всегда *теорителнымъ*, и никогда не переводится винительнымъ. Потому точнѣе выразить правило такъ: послѣ глаголовъ *appello, pomino* и т. д., ставится винительный *опредѣ-*

лительный при винительномъ *предметномъ*. Случай употребленія винительнаго предметнаго и винительнаго опредѣлительнаго должны быть рассматриваемы отдѣльно. Это двѣ цѣпи, которыхъ кольца не соприкасаются одинъ съ другимъ. Впрочемъ, обѣ цѣпи прикрѣплены къ *одному главному кольцу*. Подробное изложеніе нашей мысли не можетъ войти въ эту статью, и потому удовольствуемся намекомъ. Сказанное вами о двухъ винительныхъ латинскаго языка вполне примѣняется къ греческому языку, — къ греческому даже болѣе, чѣмъ къ латинскому. Къ винительному опредѣлительному относимъ мы такъ-называемый *Accusativus Graecus*.

187) Краткая Геометрія для Дѣтей, изложенная, по вопросамъ и отвѣтамъ, въ 22 урокахъ. Сочиненіе Ламе-Флери. Переводъ съ Французскаго. Съ 52 чертежами въ текстъ. Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Крайя. Въ 18-ю д. л. 70 стр.

Ламе-Флери издавна извѣстенъ публикѣ какъ авторъ дѣтскихъ книгъ. Онъ издалъ нѣсколько исторій, и французскую, и римскую, и англійскую. Его исторіи раздѣляются на безчисленное множество *исторіекъ*: и о Розамундѣ, и о волчицѣ знаменитой, и о проч. Но это старыя грѣхи. Гораздо-полезнѣе его *Геометрія для Дѣтей*. Въ этой книжечкѣ, раздѣленной на 22 урока, онъ даетъ ребенку весьма-ясное понятіе о тѣлахъ, поверхностяхъ, линіяхъ и точкѣ, углахъ, — предлагаетъ нѣкоторыя задачи, какъ, на-прим., раздѣлить прямую линію и проч.; далѣе, о треугольникахъ, фигурахъ четырехстороннихъ, многоугольникахъ, о кругѣ и окружности, діаметрѣ, радіусѣ, о плоскостяхъ, призмѣ, пирамидѣ, о шарѣ, конусѣ и цилиндрѣ; сверхъ того, все это перемѣшано упражненіями. Тутъ дѣтскій умъ не испугается, книжечка эта ему не станетъ казаться какой-нибудь *букой*, не оттолкнетъ отъ себя; онъ увидитъ, что многоугольникъ, на-прим., дѣйствительно фигура сложная

но сложность его не испугает. Вообще изложение книжечки ясное; конечно, какой-нибудь мальчишк-вольнодумец, съ высматривающими все глазами и съ легкой тѣною морщинки между бровей — признакомъ присутствія мысли, скажетъ папенькѣ: «Да ты мнѣ, папа, скажи, отъ-чего же это такъ? почему? Папа посмотритъ при этомъ на маму, по его физиономіи разольется слово: «а? каковъ!» Потомъ онъ обратится къ вольнодумцу и отвѣтитъ, глядя на него съ неистощимою любовью: «выростешь, такъ и это узнаешь; тогда я тебѣ скажу, и что, и какъ, и зачѣмъ».

Есть такіа дѣти, за то сколько и такихъ, которые не спросятъ: «почему?» Для такихъ-то «Краткая Геометрія для Дѣтей» книжка полезная.

Переводъ удовлетворителенъ; издавіе очень-хорошо.

188) *Рассказы Старого Воина о Суворовѣ. Въ трехъ книгахъ. Изданіе Москвитянина. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 393 стр.*

Большая часть этихъ рассказовъ помѣщена была въ журналѣ «Москвитянинъ». Они любопытны, какъ матеріалы для полной характеристики нашего полководца. Рассказъ автора запечатлѣнъ особенною оригинальностью. Изданіе Москвитянина, какъ часто съ нимъ случается, не совсемъ-исправно. Такъ, на-примѣръ, двѣ статьи, принадлежащія къ первой книгѣ, по ошибкѣ помѣщены въ третью. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ напечатано Михайло Александровичъ Милорадовичъ, вмѣсто Михайло Андреевичъ; вмѣсто Михайло Васильевичъ Ребиндеръ — Максимъ Владиміровичъ Ребиндеръ. А на стр. 397, вмѣсто: «пожалуй» очень-приятное слово «поцалуй»... Нѣтъ, виноваты, вмѣсто «поцалуй» неприятое слово «пожалуй».

189) *Твардовскій. Поэты, взятая изъ польскихъ народныхъ преданій. Юсифа Игнатія Крашевскаго. Перевелъ съ польскаго Сергій Побѣдоносцевъ. Санкт-*

петербургъ. 1847. Дѣль части. Въ 8-ю д. л. 102 и 74 стр.

Крашевскій, въ небольшомъ числѣ современныхъ польскихъ писателей, составляетъ одно изъ самыхъ яркихъ свѣтилъ, одну изъ самыхъ огуравныхъ надеждъ упадающей литературы. Ни его глубоко уважается въ Польшѣ и ставится наряду съ именами Жесу-скаго, Грабовскаго и другихъ знаменитостей вышнней польской литературы. Дѣйствительно, писатель съ несомнѣннымъ талантомъ, прекрасно образованный, начитанный, Крашевскій испробовалъ почти всѣ роды литературы. Дѣятельность его научительна. Его повѣсти, драмы, сочиненія ученныя, мелкія политическія и историческія статьи, бѣглыя критическія замѣтки въ періодическихъ издавіяхъ составлять, можетъ-быть, болѣе пятидесяти томовъ.

Въ Россіи, впрочемъ, почти вовсе неизвѣстны его сочиненія, конечно, потому-что вообще мы мало знакомы съ литературой нашихъ сосѣдей. Кромѣ Мицкевича, едва-ли найдутся еще два три польскіе писателя, извѣстные хотя по слуху нашимъ читателямъ. Кто къ виноватъ въ этомъ? Виноваты господа-переводчики романовъ. Не руководствуясь строгимъ эстетическимъ вкусомъ, не соображаясь съ требованіями современнаго духа, они передаютъ намъ что попало, да притомъ еще въ переводахъ, болшею частью искажающихъ подлинникъ. Возьмите любую литературу, съ которой они брались насъ знакомить: съ-какими прозвѣненіями они насъ ознакомили? Какой-нибудь — *Мертвый Осель* и *Облавленная женщина*, созданіе правднаго воображенія; какой-нибудь *Господи: Трупъ и его дочь* или *Бельвильская красавица*, романы простодушнаго Польде-Кока, — романы непереводаемые на какой языкъ въ свѣтѣ, романы, исключительно принадлежащія парижскому обществу средняго класса и даже болѣе: романы дня, минувшаго, — в все это переведенное на скорую руку, дубовымъ, безграмотнымъ языкомъ, изда-

ное сѣро, неопратно, съ тысячами грамматическихъ ошибокъ, неизбежныхъ представителей изданій такъ - называемой сѣробумажной литературы — вотъ образчики дѣятельности нашихъ неутомимыхъ переводчиковъ.

Не будь у насъ періодическихъ изданій, мы едва-ли бы имѣли какое-нибудь понятіе о литературахъ Французовъ, Нѣмцевъ, Англичанъ. Кто по-знакомилъ насъ съ Жоржемъ Зандомъ, Диккенсомъ, Сю, Сульё, Бальзакомъ? Все наши журналы.

Но, спрашивается, зачѣмъ же г. Побѣдоносцевъ перевелъ «Твардовскаго», а не другое какое-нибудь произведеніе Крашевскаго? Что такое Твардовскій? Сказка, осмысленная изображеніями отжившихъ предразумовъ и обветшалыхъ преданій. Негого искать адсь картины, недостатковъ или добрыхъ свойствъ современнаго общества, его мелкихъ, поминутныхъ потребностей, его маленькихъ неудачъ, или подъ часъ высокаго, горлаго стремленія къ совершенству. Какой же интересъ можетъ имѣть подобная сказка въ настоящее время? Будъ то просто историческій сборникъ народныхъ преданій, составленный безъ претензій на художественное созданіе, мы прочли бы эту книжку, можетъ-быть, съ жадностію археолога, или по-райней-мѣрѣ съ тѣмъ же любопытствомъ, съ какимъ слушали вѣкогда, въ темные вечера, сказки объ Ильѣ Буромцѣ или Бабѣ-Ягѣ, рассказанныя озорливою няней. Но каково вамъ, при настоящемъ нашемъ совершенствѣ, слушать то же самое, рассказанное съ претензіей на списканіе вашего чувства?

Твардовскій — лицо невымышленное. о времена Сигизмунда II, Твардовскій былъ профессоромъ въ Краковскомъ университетѣ. Это былъ человекъ глубоко-ученый, и, какъ многіе ученые то-го времени, занимавшійся всѣми извѣстными въ ту эпоху науками. Онъ былъ въ одно время математикъ и философъ, медикъ и физикъ, теологъ и историкъ. Таинственные атрибуты,

которыми тогдашніе ученые любили окружать себя, придавали Твардовскому тотъ мистическій характеръ, изъ котораго народная фантазія создала наконецъ таинственное лицо, нѣчто въ родѣ того, что сдѣлали Нѣмцы изъ Фауста. И дѣйствительно, Твардовскій тотъ же Фаустъ, съ тѣмъ же могучимъ стремленіемъ разгадать тайны мірозданія, съ тѣмъ же энергическимъ духомъ, томившимся въ своей тѣлесной оболочкѣ, наконецъ такой же гуляка, какъ Фаустъ. На однихъ и тѣхъ же условіяхъ съ Фаустомъ, онъ продалъ свою душу чорту.

Что сдѣлалъ изъ этого лица г. Крашевскій? Въ первой половинѣ своей повѣсти, онъ довольно-удачно развилъ въ Твардовскомъ эту невосытимуемую жажду знаній, которая такъ томилъ и гётеза Фауста и байронова Манфреда. Но далѣе, Твардовскій дѣлается какимъ-то чернокожнимъ шуткомъ, гаеромъ, чѣмъ-то въ родѣ сказочнаго Черномора. Его Ангелика — ничтожное, безхарактерное лицо, безъ жизни, безъ фивіономіи. Естественно, что ничего не могло выйдти поэтическаго изъ столкновенія подобнаго Фаусту человека съ такимъ пустымъ созданіемъ, какова Ангелика. Дьявола Крашевскаго нѣчего и сравнивать съ Мефистофельмъ Гёте: это самый простой, самый вульгарный чортъ народныхъ сказокъ.

Вотъ основные элементы повѣсти. Ясно, что изъ нихъ не могло выйдти художественнаго цѣлаго, и если «Твардовскій» и имѣетъ какое-нибудь достоинство, то разитъ только какъ собраніе старинныхъ народныхъ преданій Польши.

Переводъ г. Побѣдоносцева со стороны языка составляетъ пріятное исключеніе изъ обыкновеннаго порядка вещей въ мирѣ русскихъ переводовъ. Пожелаемъ, чтобъ на будущее время самый выборъ его былъ удачливѣе.

190) Опыты Натуральной Магін и Экспериментальной Физики, составленные Г. И. Андерсономъ, великимъ свѣтлымъ волюнтерикомъ. Great

Wizard of the North. Переводъ съ англійскаго. Санктпетербургъ. 1847. Въ 42-ю д. л. 36 стр.

Съ помощью этихъ сравнень, можно, какъ сказано на заглавномъ листѣ, научиться дѣлать удивительныя фокусы, показываемыя г-мъ Андерсономъ въ его Магическомъ-Театрѣ, что на Фонтанкѣ, въ домѣ г. Татищева. Такъ, например., вы можете научиться, какъ кушать оныя, сдѣлать ударъ волшебника (coup de...). Вотъ въ чемъ состоитъ ударъ:

«Возьмите шарикъ или мячикъ въ каждую руку, и держите руки какъ можно дальше одна отъ другой, потомъ скажите присутствующимъ (,) что оба мячика будутъ въ одной которой нибудь рукѣ; если въ этомъ кто нибудь усумнится, то положите одинъ мячикъ на столъ (,) повернитесь спиной къ столу и возьмите мячикъ той рукой, въ которой уже есть мячикъ; такимъ образомъ оба мячика будутъ въ одной рукѣ безъ употребленія обѣихъ рукъ.»

Такимъ образомъ самъ г. сѣверный волшебникъ сдергиваетъ завѣсу со всѣхъ мистерій своего Магическаго Театра.

191) Фиолетовыя Книжки. Разныя статьи въ прозѣ и стихахъ. С. Ахлупкова. Книжка вторая. 1847. Въ 8-ю д. л. 80 стр.

Г. Сергѣй Ахлупковъ дебютируетъ во второй книжкѣ своего «фиолетоваго» изданія отвѣтомъ на рецензію первой «Фиолетовой Книжки», помѣщенную въ «Отечеств. Запискахъ» (октябрь 1846 года). Въ этомъ отвѣтѣ авторъ предположилъ доказать читающему міру нѣкоторыя мысли, неоспорно ему принадлежащія, и которыя очевидно-статъ было напечатать, потому-что иначе трудно допустить, чтобъ кто-нибудь дошелъ до подобныхъ заключеній путемъ спокойнаго, здраваго размышленія.

Вотъ онѣ, эти великія мысли:

1) У насъ не существуетъ ни критики, ни вообще литературы.

2) Мнѣніе, что разговорный языкъ долженъ быть непрѣменно и языкомъ письменнымъ, есть мнѣніе негнѣное, достойное дикарей; его-то придерживается «новая школа».

3) Люди, печатающіе книжки, пишущіе несчастіе обращаются съ литераторами «нынѣшней школы», уворно держатся мнѣнія, что для «дарованія нѣтъ правилъ» (стр. 35).

4) Произведенія современной литературы вредны, пагубны: писатели льстятъ толпѣ, предосудительными дѣйствіями страстей изображаютъ въ картинахъ плѣнительныхъ, однимъ словомъ *заслѣваютъ вѣтры, чтобъ промрастали бури* (ventum seminaverunt, turbine metent) (стр. 36—37).

5) Вышеизложенныя мысли рецензентъ «Отеч. Записокъ» нѣбѣтъ приписать за нѣкоторое общее разсужденіе и вѣроятно

6) отступитъ отъ мнѣнія своего, что, во-первыхъ, г. Сергѣй Ахлупковъ не знаетъ русской грамматики; во-вторыхъ, пишетъ стихи и всякія статьи, которыя, дѣйствительно, ниже всякой критики (стр. 33); въ-третьихъ, нѣбѣтъ пристрастіе къ иностраннымъ цитатамъ, а языка французскаго не знаетъ, какъ бы слѣдовало, и переводить приводимыхъ цитатъ не умѣетъ; въ-четвертыхъ, придерживается не совсемъ похвальныхъ привычекъ... на-прим., приписывать людямъ мнѣнія, которыя они никогда не высказывали, и такимъ образомъ разсвѣтъ не вѣтры, не что-то другое, и проворачивать не бури, но заблужденіе въ кругу людей и слово вѣтряныхъ всякой печатанъ, сдѣловательно и «фиолетовой» книжкѣ.

Опровергать свѣтлыя мысли г. Ахлупкова мы не станемъ: онѣ сами за себя говорятъ. Притомъ же, кому нужно въ наше время объяснять, что такое языкъ письменный и языкъ разговорный? Вѣдь г. Сергѣй Ахлупковъ не склонится ни на какое доказательство! Наконецъ, развѣ нужны ему доказательства? Онъ поэтъ по преимуществу, онъ

...всую силу призналъ надъ собой —
Минута ему повелитель.

оэтому ограничимся указаніемъ на
ѣста его антикритикъ и разныхъ
вѣствъ, въ которыхъ здравая логика и на-
вѣрна долу и положительное знаніе
вернуто, мѣста, написанныя види-
мо подлѣ влияніемъ какого-то особенна-
го вдохновенія... Такъ, на-пр., г. Сергѣй
Ахлюковъ жалуется, что стихотворе-
ніе его «на смерть Пушкина» было раз-
казано прозой, и чрезъ то утратило
свою прелесть свою для читателей. Это
еще ничего: всякому мило свое. Но
тогда наказатъ рѣзвато рецензента, по-
томъ, препосланный нечомъ критики,
возно выводитъ его на чистую воду,
еще разъ смѣется надъ рецензен-
томъ, что тотъ не замѣтилъ въ его
разсужденіи *особенности*... какъ бы
мы думали, какой? — что въ немъ со-
дѣланы *роды стихотвореній лирическа-*
го и элегическаго!!!

Дѣйствительно, такого замѣчанія
дѣлать рецензентъ не могъ и впредь
не можетъ. Давно ли, по чьей систе-
мѣ, легія перестала быть лирическимъ
разсужденіемъ? Гдѣ это узналъ г. Сер-
гѣй Ахлюковъ? Нѣтъ, онъ не узнавалъ
того: онъ самъ одиноко дошелъ до та-
кого убѣжденія.

Не менѣе недоволенъ авторъ за-
мѣчаніемъ объ его статьѣ «Одинъ ве-
теръ умираетъ Ферлюви». Мы замѣтили,
что въ этомъ разсказѣ роль автора пред-
ставляетъ несравненно-болѣе комиче-
скихъ сторонъ, нежели роль Персіани-
на, у котораго, сколько помнится, ав-
торъ кушалъ какой-тосупъ съ вьюмомъ
игралъ въ шахматы. Г. Ахлюковъ
выше торжественно объявляетъ, что
Ферлюви—лицо вымышленное, что въ
дѣйствительности онъ, г. Ахлюковъ,
всегда не шутилъ надъ Персіаниномъ
сдѣловательно, не декламировалъ ему
стиховъ Дмитріева и Батюшкова, а чи-
талъ ихъ, вѣроятно, какому-нибудь
русскому человѣку...

Далѣе, во второй «Фюлетовою Кни-
жкѣ», встрѣчаются слѣдующія фразы:

I. — Отд. VI.

Стр. 35. «*Въ послѣднее время, Ф(ю)ран-
цузская Л(и)тература заимствовала свои
вдохновенія въ превратностяхъ своего об-
щественнаго положенія (?)*».

Стр. 39. «...вѣ(е)чтал(ѣ)нія, оставлен-
ныя *чувству чтеніемъ нѣкоторыхъ сти-
хотвореній Батюшкова*».

Стр. 36. «..... писатель, — или изъ по-
бужденія корысти или легкомысленна-
го извѣстности, — обращается къ стра-
стямъ толпы неразумительной и проч.»

Сверхъ-того, г. Сергѣй Ахлюковъ,
желая подтвердить свѣтлую мысль
свою о языкѣ разговорномъ и письмен-
номъ, приводитъ слова Вольтера изъ
«Mélanges de Philosophie»:

«Ce qui nuit le plus à la noblesse de la
langue, — ce ne sont pas les solécismes de
la bonne compagnie dans lesquels les bons
auteurs ne tombent point; c'est l'affectation
des auteurs médiocres de parler des choses
sérieuses dans le style de la conversation».

Не говоря уже о томъ, что этой вы-
пиской авторъ нисколько не подтвер-
дилъ своего недоказательнаго мнѣнія, —
что онъ превратно понялъ справедли-
вое, впрочемъ, замѣчаніе Вольтера,
обратимъ вниманіе на самый переводъ
цитаты:

«Не погрѣшенія свѣтскаго общества про-
тивъ правилъ языка, вредятъ его достоин-
ству (чьему?), — хорошие писатели не упа-
даютъ въ эту погрѣшность, — во вредитъ
ему (кому?) *направленіе послѣдственныхъ
писателей, разсуждать разговорнымъ сло-
гомъ о предметахъ серьезныхъ*» (стр. 35).

Во-первыхъ, слово solécisme имѣетъ
значеніе болѣе-мѣстное и значитъ:
ошибка противъ правилъ синтаксиса,
ошибка въ родѣ той, которую два раза
встрѣчаемъ въ переведенной г. Ахлю-
ковымъ фразѣ, но вовсе не означаетъ
всякаго вообще погрѣшенія противу
правилъ языка.

Во вторыхъ, чему должно приписать
переводъ слова affectation словомъ
направленіе? И по-русски ли это на-
ковецъ: *направленіе писателей разсу-
ждать разговорнымъ слоюзомъ, и проч.!!*

Также блистательно доказалъ г-нъ Сергій Ахлюковъ всему читающему міру повнанія свои въ языкѣ греческомъ, по поводу словъ «перифразъ», «перифразировать», которыя мы употребили, говоря о его *литературномъ капризѣ*, *идѣ переданы впечатлѣнія, оставленныя чувству чтеніемъ стихотвореній Батюшкова.*

Г. Ахлюковъ утверждаетъ, что слово *перифразъ* употреблено нами ошибочно, что слѣдовало сказать *парафразъ*, что *парафразировать* значитъ пространно изъяснять текстъ, а слово *перифраза* означаетъ одну изъ нетропныхъ фигуръ риторическихъ и т. д. (стр. 39). Не входя въ разбирательство подобнаго лингвистическаго вызова, приведемъ вышиски въ двухъ лексиконныхъ, филологическаго достоинства, которыхъ признано и въ школахъ и въ школь.

«*Περίφρασις*, ἢ (*Περίφράξις*) das Umreden, d. i. das durch einen Umschweif Ausdrücken, dah. Umschreibung.

(Handwörterbuch der Griechischen Sprache von Franz Passow. II Bd.)

«*Périphrase*. s. f. *Circonlocution*, tour dont on se sert pour exprimer ce qu'on ne veut pas dire en termes propres».

(Institut de France. Dictionnaire de l'Académie. éd. 1835).

Послѣ этого, стоить ли говорить о томъ, кто въ насъ по-французски и по-гречески не знаетъ?

Также отозвался авторъ о баснѣ «Порокъ, Совѣсть и Судьба», помѣщенной въ первой «Фиолетовой Книжкѣ» (стр. 40). Это стихотворное произведение мимоходомъ названо *безтолковымъ*. Можетъ-быть. Теперь мы перечли его и прибавимъ: оно написано языкомъ неслыханнымъ, а господствующая въ немъ мысль, хотя и заимствована отъ одного классическаго автора, а сама отъ одного латинскаго писателя, какъ мнѣто замѣчательное «*аз родъ аллегорическомъ*», но все-таки толковѣ не сдѣлалась.

Въ заключеніе авторъ жалуется, что *второй половины (?)* его книжки рецензентъ «Отеч. Записокъ» не захотѣлъ разбирать. На это остается отъчитать словами г. Ахлюкова о статьѣ «Мирза Ферлюви», что для разбора *второй половины Фиолетовой Книжки не годится печатная бумага* (стр. 38).

Опровергнувъ такимъ блистательнымъ образомъ рецензента «Отеч. Записокъ», г. Сергій Ахлюковъ зачиталъ данъ повѣсти, ударивъ по струнамъ своей лиры, которую промѣнялъ-было на влое перо полемикъ. Слушайте:

«Отечественное объявленіе

О стотысячной невѣстѣ.»

Дѣло вотъ въ чемъ. Нѣжный отецъ рекомендуетъ или публикуетъ, на что угодно, что за дочерью его Лизанькой сто тысячь придаваго. Въ подтвержденіе своего показанія, онъ ставитъ на видъ претендентамъ, что она

Темноволосая, лазурн очи сонна (т. е. цѣта).

Уста пунцовые, стройна и безъ корсетъ. И можна съ камельку. Все въ Лизѣ красота

Природы радостной... и т. д.

... какъ ландышекъ въясни,
Какъ стебелекъ прѣма, и какъ монья

Не двадцать тысячь-ли, на всякій первый разъ?

Не двадцать тысячь-ли на второй разъ въглядъ? (стр. 42).

Послѣ такого соображенія почтеннаго родителя, что красота его дочери стоить двадцать тысячь, шестъ продолжаетъ:

Случалось наиримѣръ мнѣ съ Лизанькой мѣт.—

Я нѣсколько позади, она напередъ...

Не напоминаютъ ли эти стихи ирившій Василія Кирилловича Трельниковаго

Благопристойно замъ, царица, стать
здесь выше,

У трону стала я, однако довольно ниже?
Исчисляя качества милой дочки, за ко-
рой онъ имѣетъ трогательную при-
ячку ходитъ повади, нѣжный отецъ
валится тѣмъ, что онъ умѣетъ отбо-
ривать уличныхъ франтовъ и дѣлать
какой видъ, что они тотчасъ ретиру-
ются и даже съ нею раскланиваются!!!
Слѣдуетъ réfrain:

Не двадцать тысячъ-ли, скажите это
мнѣ,
Не двадцать тысячъ ли, коль вы ее се-
смъ умъ?

Мало того. Дѣвочка не любитъ рядить-
ся и вѣдять по баламъ. *Плсать захо-
чется, такъ плшшетъ знай одна.* Таковую
скромность и отеуствіе прихотей ро-
дитель цѣнить въ тридцать тысячь;
столько же накидываетъ за ея набож-
ность; потомъ складываетъ $20+20+30$
 $+ 30 = 100$. Слѣдовательно, за нѣве-
стою придаваго сто тысячь.

Наконецъ, мы остановимся на повѣ-
сти г. Сергѣя Ахлопкава: *Два школь-
ныхъ(е) прятала.* Это новое произведе-
ніе пера уже славнаго на поприщѣ
юмористическихъ разсказовъ, полеми-
ческихъ статей и стихотвореній, со-
единяющихъ въ себѣ роды элегическій
и лирическій, лучше всего доказыва-
етъ, что человекъ съ твердою, неуклон-
ною волею можетъ далеко уйти по на-
бранному имъ пути. Такъ г. Ахлоп-
ковъ, взывавшій къ Карамзину и Дми-
тріеву еще укладкѣ нашей литературы,
о забвеніи вывѣшными писателями
всѣхъ указанныхъ классиками формъ
языка, и т. д. (стр. 74), въ послѣдніе
полгода, много успѣлъ въ извѣстствѣ и
силѣ разсказа... Окончимъ же разборъ
небольшими выписками, по которымъ
читатели сами могутъ заключить, что
литература русская еще держится, что
бодрствуютъ на стражѣ чистоты рус-
скаго слова надежные дѣтели.

Вотъ эти перлы современной рус-
ской прозы:

«Домъ одноэтажный, небольшой, но
онъ принадлежитъ мнѣ, онъ мое насле-
діе послѣ моей доброй матушки. Когда
скончался мой отецъ, мнѣ было не болѣе
11-ти лѣтъ. Отецъ мой служилъ въ Мо-
сквѣ и жилъ въ домѣ, гдѣ я живу теперь;
у него была еще въ одной губерніи де-
релья, въ которую онъ ѣзжалъ лѣтомъ
виѣстѣ съ матушкою и со мною; и это
время было для меня истиннымъ насла-
жденіемъ. Мнѣ еще въ ребячествѣ такъ
нравились деревенская жизнь».

Стр. 47. «Не знаю почему я не полу-
чаю писемъ отъ Виктора. Я нѣсколько
разъ писалъ къ нему. Можетъ быть онъ
пренебрегаетъ мною.

«Сегодня я былъ у Г(г)-жи Г. Я ви-
дѣлъ у нея дѣвицу Марію Ветливскую.
Сколько я узналъ, она здѣсь временно съ
своею матушкою. Какъ мила дѣвица Вет-
ливская! Если-бы я смѣлъ, я не свелъ
бы съ нею глазъ.

«Я танцовалъ съ Маріею! Какъ она ми-
ла! Я говорилъ съ нею, какъ она скром-
на! Какое прелестное созданіе Марія!

«Прекрасный образъ ея не оставляетъ
меня; засну ли я, и я вижу ее въ сно-
видѣніи, — проснусь ли я, и языкъ мой
уже невольно произноситъ ея имя. Возь-
му ли я книгу для развлеченія, и я не
понимаю, что читаю, — одна она въ моихъ
помышленіяхъ.

«Сегодня я опять видѣлъ Марію. И такъ
въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, я
прожилъ цѣлую жизнь. Я люблю Марію
и если-бы я открылся ей въ моихъ чув-
ствахъ, меня перестали бы принимать. Я
бѣднѣю, — она должна быть съ состояні-
емъ(,) сколько я вижу, — и я лишился бы
наслажденія видѣть Марію. Я не могъ на
это рѣшиться.

«Марія прекрасно играетъ на форте-
пьяно. Стоя за ея креслами, я всегда
внимательно прислушиваюсь къ ея игрѣ;
и мнѣ кажется, что каждый клавишъ без-

жизненного инструмента одушевляется подъ ея розовыми пальчиками.

Стр. 49. «Я прохожу по дѣскольکو разъ передъ окнами (т. е. мимо оконъ) гдѣ живеть временно Марія. Иногда я ее вижу у окна. Чувствую, что я ее *обезпокоиваю*, — но могу-ли я, не желать ее видѣть? Вчера я взялъ съ собою одну книжку, вложилъ въ нее записку къ Маріи, и пошелъ къ ней (къ кому? къ книжкѣ, къ запискѣ, къ Маріи?!), Я отдалъ книжку человѣку и сказалъ ему, что за отвѣтомъ пришлютъ. Я написалъ въ моей запискѣ: *Простите мнѣ, что я васъ обезпокоиваю, — желаю знать щ(сч)астливый-ль вы. Я не зналъ (,) что болѣе (т. е. что еще) написать Маріи.*

«Вчера я прошелъ мимо ея дома: она стояла у окна; я замѣтилъ, что въ глазахъ ея выражалось только одно состраданіе ко мнѣ. И за то благодарю тебя Марія.

«Я взмогъ по лѣстницѣ, — человѣкъ подалъ мнѣ записку: Марія написала мнѣ: «Судьба моя рѣшена.»

«Ты пишешь мнѣ Марія, что твоя судьба рѣшена! И моя судьба рѣшена! Встрѣтимся ли мы? Я понимаю тебя (,) Марія! Твое желаніе для меня твоя воля! Твоя воля для меня законъ! Развѣ я не люблю тебя (,) Марія?

Стр. 50. «О философія! о философія! Сколько разности, между теоріею и практикою жизни!

«Нѣмецкій фигурантъ... обяскалъ... со-держаніе представляемыхъ имъ леленій.

«Конечно я былъ съ однимъ изъ тѣхъ чаро-совъ, когда я бываю равнодушенъ ко всему.

«...люди живутъ для него, чтобы об-лачить ему прожитіе по кумуль экки!

Стр. 51. «Слишкомъ самоувѣренный, о-въ полагалъ услышь въ свѣтѣ собственными способами, — и оставленный самому се-бе, оны всоду встрѣтилъ только одѣт прел-ствія.

Стр. 52. «И я иду среди дорожки —
Напечатлѣнная робкой ва-
ка, —

Гдѣ ея слѣдъ?

Стр. 57. «...Марія признательная бла-годарная КЪ брату, хотѣла по большаю-му его положенію быть ближе къ нему.

Стр. 61. «...Я. . . окружу мою Марію всѣми моими попеченіями. Такъ я думалъ въ моей самоувѣренности и проч.

Кажется, довольно!

192) Полярскъ Прекрасному По-лу. Стихотвореніа Анастасія Сави-скаго. Москва. Въ университетской тѣи 1846. Въ 8-ю д. л. 167 стр.

Не дивитесь цѣлой книгѣ стихотво-реній, посвященныхъ прекрасному по-лу. У автора есть на это не только свои причины; но и правила. Трудно вѣи противъ правилъ. Послушайте:

Когдаже страшнымъ преступленьемъ
Любовь къ прекрасному назвать,
Мнѣ равнаго души вознекъемъ,
Нигдѣ подъ солнцемъ не сыскать!
Отъ пламенныхъ и таю взоромъ,
Отъ вдохновенныхъ разговоръ,
Отъ упоенія любви

Я небо чувствую въ крови (Мои Присл. стр. 1).

Слышите ли? у него правило: чувст-вовать небо въ крови! Какъ же вы хоте-те, чтобъ авторъ не говорилъ о небѣ, когда у него играетъ кровь? Вѣдъ и этой-крови небо!

КНИГИ, ИЗДАНЫЯ ВЪ РОССІИ НА ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКАХЪ

14) *Outlines of english literature: for the use of the Imperial Alexander Lyceum, by Thomas B. Shaw* (Очерки Английской Литературы, для руководства въ Императорскомъ Александровскомъ Лицее, соч. Т. Б. Шоу). Санкт-петербургъ, Гауеръ и К°. Куртонтъ. 1847. Въ 8-ю д. л.

Для русскаго образовывающагося юношества довольно-давно уже настояла крайняя необходимость въ руководствѣ къ изученію английской литературы. Английскій языкъ сталъ преподаваться въ нашихъ учебныхъ заведенияхъ не болѣе 30 или 35 лѣтъ; но и въ столь короткій періодъ этотъ языкъ вошелъ у насъ въ такое употребленіе, что теперь мало уже только знать его, теперь уже можно и должно приниматься за знакомство съ цѣлою литературою английскою; а между-тѣмъ, съ-тѣхъ-поръ, какъ оказалась потребность въ подобномъ знакомствѣ, ни одинъ изъ преподавателей - иностранцевъ не позаботился составить учебникъ, сообразный съ потребностями нашего юношества. Нельзя же пустить въ употребленіе иностранныхъ исторіи литературы: онѣ слишкомъ обширны и превышаютъ объемъ назначаемыхъ курсовъ, такъ-что преподаватели держатся обыкновенно чего-то средняго, дѣлаютъ свои выборы изъ сочиненій обширныхъ, одно пропускаютъ, другое укорачиваютъ, третье оставляютъ въ первоначальномъ объемѣ, и такимъ образомъ всякій по-своему составляетъ руководство. Изъ этого выходитъ, что само юношество, иногда, порядочно научившись ино-

странному языку, все-таки не приобрѣтаетъ никакого даже посредственнаго понятія о литературѣ наученнаго имъ языка, между-тѣмъ, какъ можно было бы надѣяться, что судьба познаній этого самого юношества была бы иная, еслибъ каждый изъ преподавателей читалъ свой предметъ не иначе, какъ по печатному курсу, своему или чужому. При этомъ случаѣ получалась бы та выгода, что составитель курса, принужденный повѣстись печатно въ свѣтъ, старался бы вложить свою книгу, если даже не совсѣмъ-хорошо, то по-крайней-мѣрѣ въ возможной полнотѣ, не дозволяя себѣ отрывочности и произвольныхъ сокращеній, или произвольныхъ длиннотъ. Притомъ же, цѣлый курсъ, являющійся передъ молодыми людьми въ видѣ одной книги, даетъ имъ возможность и самимъ судить, самимъ догадываться о качествахъ книги.

Г. Шоу, вѣроятно, чувствовавшій недостатокъ въ руководствѣ при преподаваніи англійскаго языка, рѣшился, подобно многимъ другимъ молодымъ преподавателямъ, напечатать свой собственный курсъ — и тѣмъ принесть истинную пользу всему сословію учащихся. Объ англійской литературѣ обыкновенно знаютъ очень-мало: кое-что о Шекспирѣ, кое-что о В. Скоттѣ, и больше ничего. Теперь же будетъ возможность молодымъ людямъ узнать что-нибудь по-больше, прежде, чѣмъ они будутъ покидать школу. Книга г. Шоу старалась вывести на сцену всѣхъ авторовъ англійскихъ, предославъ каждому краткую біографію, и большую частью сопровождава произведеніями

автора выписками изъ болѣе или менѣе знаменитыхъ критикъ. Кромѣ чужихъ критикъ, г. Шо счелъ за приличное не оставить книги и безъ своихъ критическихъ замѣчаній; но эти замѣчанія въ сложности представляютъ вѣ что въ родѣ подобія Януса: двѣ половины лица, глядяща въ разные стороны и никогда несоединяющіяся въ изображеніе одного лица. Такимъ образомъ какой-нибудь писатель названъ великимъ гениемъ или великимъ талантомъ, и вслѣдъ за тѣмъ разсматриваются составныя качества этого таланта, производительныя его способности, все доказывающія, что писатель этотъ никакъ не имѣетъ права быть называемъ не только великимъ, но даже и просто талантомъ. Прииѣровъ мы не приведемъ, ихъ слишкомъ много; такъ много, что судя по назначеніямъ г. Шо, вся книга его составлена изъ описанія дѣятельности *есликихъ людей*. Можно подумать, что подобная странность происходитъ отъ старанія помирить принятыя съ молодости, всосавшыя съ молокомъ понятія о великихъ людяхъ своего отечества съ понятіями, полученными въ самомъ себѣ, какъ слѣдствіе образованія. Къ числу подобныхъ же англійскихъ, всосавшихъ съ дѣтства понятій, нельзя не отнести мыслъ г. Шо, много разъ выговариваемую, что англійскій народъ, англійская литература лучше всѣхъ народовъ, лучше всѣхъ литературъ.

Стр. 592: «Наша литература — по преимуществу литература человеческой нации, богата самыми превосходными и несравненными образцами всякаго рода и вида превосходства, — во всякомъ смыслѣ достойна самаго великаго, самаго свободнаго и самаго мыслящаго народа, какой только когда-либо былъ на свѣтѣ. Такое славное прошедшее можетъ обѣщать только столь же знаменитое будущее; тѣ же силы и вліянія, которыя давали Англій средства производить вещи и вліянія болѣе великія, чѣмъ какими можетъ гордиться какоебы то ни было общество, дѣйствуютъ и до сихъ поръ, и дадутъ ей средства произвести дру-

гя, можетъ-быть, другія по роду, но столько же долговѣчныя, великія и высокія. — Стр. 555. «Политическія пренія Англій столько же отличаются отъ политическихъ преній другихъ странъ, сколько политическій и національный характеръ Великобританіи различается отъ характера всякаго образованнаго государства древней или новой исторіи. Нѣмецъ мечтаетъ обо всемъ; Французъ говоритъ обо всемъ; Англичанинъ *размышляетъ* обо всемъ. Французъ часто дѣйствуетъ не подумавъ, Нѣмецъ столько знаетъ своими теоріями, что ему некогда имъ размышлять, на дѣйствовать, Англичанинъ *размышляетъ* снѣдо и дѣйствуетъ рѣшительно». — Стр. 379: «Характеръ англійскаго народа обозначенъ странными несовершенствоми: нѣтъ ни одного народа, который бы имѣлъ столько антипатіи отъ того, чтобъ преслѣдовать до крайнихъ выводовъ слѣдствія какой-нибудь новой системы или цѣны умозаключеній. Нигдѣ не разсуждаютъ о новой теоріи въ законность или въ наукахъ съ болѣею свободою, болѣею простотою, нигдѣ не отдѣляютъ истиннаго отъ ложнаго съ болѣе рачительною дѣятельностью, нигдѣ нова истина не встрѣчается болѣе просвѣщеннаго и готоваго пріема; за то нѣтъ нигдѣ большаго страха передъ нововведеніемъ, и т. д.»

Нельзя не уважать во всякомъ члвкѣ любовь къ своему отечеству, во всему есть мѣра; для того, чтобъ любить Англію, нѣтъ никакой надобности доказывать свою любовь уврѣненіемъ себя и другихъ, будто англійскій народъ самый великій въ мірѣ, а его произведенія самая великія произведенія. Но если подобныя мысли довольно обыкновенны въ массѣ всѣхъ появившихся литературныхъ произведеній, то онѣ не должны быть допущены во всякаго рода учебники. Во-первыхъ, вообще говоря, учебникъ, какъ и всякое сочиненіе, имѣетъ цѣлю не развитіе своихъ особенныхъ мнѣній, а раскрытіе истины; во-вторыхъ же, ложные взгляды учебниковъ могутъ оставить по себѣ неизгладимые слѣды. Есть очень-много юношей, которые, разъ кончивъ курсъ въ школѣ, больше никогда не заглядываютъ въ другія книги.

кроме вздорныхъ романовъ, и старыми, кое-гдѣ набранными мнѣніями продолжаютъ существовать много десятковъ лѣтъ; такіе люди всего скорѣе могутъ познакомиться ложными мнѣніями изъ книги г. Шю, не воспользовавшись хорошими ея сторонами; потому-то было бы очень-желательно видѣть свѣдѣніями въ этомъ руководствѣ не только лирическія мѣста, изъ которыхъ одни ложны, а другія если не ложны, то совершенно ненужны. Столько же не нужны очень-многочисленные вытаты въ стихахъ изъ разныхъ непонятныхъ авторовъ, употребленные для «красоты речи», а также для подтвержденія своихъ словъ, какъ иногда въ разговорѣ употребляются поговорки. И лирическія мѣста и цитаты въ стихахъ совершенно не идутъ въ учебникъ и только безъ нужды загромождаютъ текстъ, давая всей книгѣ вершигелльный, странный видъ: критика это не критика, а иногда и учебникъ не учебникъ.

Къ числу недостатковъ книги г. Шю принадлежитъ и странное распределеніе по главамъ: ужь не говоря о томъ, что Ричардсонъ, Фильдингъ и Смоллетъ заключены въ главу, посвященную заглавію: *великіе романисты*, и о многихъ другихъ примѣрахъ въ подобномъ же родѣ,—стоитъ только указать на погрѣшеніе В. Скотта въ отдѣльной главѣ, съ тѣмъ же? съ бездарнымъ, ничтожнымъ Соутемъ, безъ всякой причины, даже безъ указанія хоть бы на современность. Точно такъ Байронъ, безъ всякой рациональной причины, перенесъ въ одну главу съ Муромъ, Шеллеемъ, между-тѣмъ, какъ, разумеется, нужно было бы даже и по раздѣленію на главы сдѣлать различіе, тѣмъ болѣе, что ни по какому отгѣнку направленія вѣтъ никакого сходства у В. Скотта съ Соутемъ, а у Байрона съ Муромъ и Шеллеемъ. Впрочемъ, авторъ книги и не сравниваетъ ихъ: они оставлены такимъ-образомъ совершенно-случайно, по нечаянности. Куперъ совершенно продуцентъ: вѣроятно, г. Шю считаетъ его принадлежа-

щимъ не къ англійской литературѣ, а къ американской. Но американская литература до-сихъ-поръ нисколько не отделилась (кроме литературы политическихъ журналовъ) отъ англійской; все немногія произведенія ея принадлежатъ по всей справедливости къ англійской. Еще не успѣло образоваться изъ нея никакого отдѣльнаго отряда, такъ-что если слѣдовать мнѣнію г. Шю, Куперу пришлось бы имѣть не считаться, быть совершеннымъ *outlaw* (*вне закона, vogelfrei*). Г. Шю счелъ за необходимое внести въ курсъ литературы имена различныхъ богослововъ, также Локка, Бэкона, и т. д. Въ обширномъ смыслѣ, оно, пожалуй, возможно, потому-что въ исторіи литературы народа принадлежитъ все, что у этого народа ни написано,—но это въ обширномъ смыслѣ; кругъ литературы въ тѣсномъ или настоящемъ смыслѣ гораздо-ограниченнѣе, и ужь, конечно, въ очерки англійской литературы не должны входить подробные разборы системъ Бэкона, Локка, Юма и т. д. Дѣло другое, на-примѣръ, во французской литературѣ Паскаль, или въ германской Лютеръ: ни тотъ, ни другой не были литераторами, не оставили послѣ себя литературныхъ произведеній, но имѣли самое рѣшительное вліяніе на преобразованіе языка своего народа и, слѣдовательно, должны занимать важное мѣсто въ исторіи литературы. Съ другой стороны, г. Шю упоминаетъ о этихъ философахъ не съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы указать на интеллектуальный переворотъ, совершенный каждымъ изъ нихъ въ своемъ обществѣ. Слѣдовательно, гораздо-правильнѣе было бы со стороны г. Шю сдѣлать объ каждомъ изъ нихъ только самыя краткія упоминанія подвергнуть внимательнѣйшему разбору произведенія В. Скотта, Байрона и т. д., гдѣ именно этой подробности и недостаетъ. Также поверхностно сказано объ англійскомъ журнализмѣ вообще, и въ особенности о направленіяхъ (въ критическомъ отношеніи) двухъ такихъ журналовъ, какъ *Edinburgh Re-*

view и Quarterly Review, между тѣмъ, какъ статья о нынѣшнихъ журналахъ и объ англійской критикѣ должна была бы занять несравненно-большее мѣсто, чѣмъ эстетико-лирическое повѣствованіе о великости Мильтона, Гомера новѣйшаго времени, занимающаго четвертое мѣсто въ ряду великихъ, доселѣ бывшихъ эпиковъ (!): Гомеръ, Виргилій, Данте, Мильтонъ... Но подобныхъ англійскихъ сужденій въ книгѣ много; ихъ всѣхъ нельзя исчислить; мы старались указать только на самые главные.

Не смотря на такіе недостатки (которые очень исправимы), книга г. Шю остается прекраснѣйшею, и притомъ единственнымъ у насъ учебникомъ исторіи англійской литературы: авторъ употребилъ много дѣльнаго труда на то, чтобы представить отчетливыя біографіи каждаго изъ упомянутыхъ въ книгѣ писателей и на полное исчисленіе ихъ произведеній, со многими весьма-интересными подробностями, касающимися и до тѣхъ, и до другихъ. Однимъ-словомъ, еслибъ только была возможность откинуть упомянутые нами недостатки, книга г. Шю могла бы служить очень-хорошимъ руководствомъ, указывающимъ на всѣ произведенія англійской литературы.

15) GRAMMAIRE THÉORIQUE ET PRATIQUE de la langue française. Seconde partie. Par P. Nouqué. (Теоретическая и Практическая Грамматика французскаго языка. Часть вторая. Сочиненіе П. Нукэ.) Санктпетербургъ. 1847. Во французской типографіи. Въ 12-ю д. л. 276 стр.

При видѣ французской грамматики, написанной не Нюлемъ и Шапселемъ, непременно вспоминаемъ мы о грамматикѣ написанной Нюлемъ и Шапселемъ. Такъ, въ эту минуту, смотря на вѣщное изданіе французской грамматики г. Нукэ, мы вспомнили вѣщное изданіе грамматики Нюля и Шапсала; читая умное и совершенно-

понятное по изложенію произведеніе того же г. Нукэ, невольно сравниваемъ его съ не совсѣмъ-яснымъ для молодыхъ умовъ произведеніемъ тѣхъ же гг. Нюля и Шапсала. Но воздержимся отъ сравненія. Грамматика Нюля и Шапсала (все-таки одна изъ лучшихъ французскихъ грамматикъ) совершила свое обращеніе около юныхъ умовъ нѣсколькихъ поколѣній съ честью. Явилось новое сочиненіе, удовлетворяющее большей части требованій, явилась новая французская грамматика, — вустъ же юновшество отправагуеть тризну стараго ментора и оустать его на нижнюю полку бібліотеки, на ту завѣтную полку, гдѣ хранятся старыя тетради. Вторая часть сочиненія г. Нукэ чуть ли не лучше первой, хотя она и требовала большей обработки, болѣе-яснаго изложенія.

Метода изложенія, принятая г. Нукэ выражается двумя словами: *теорія и практика* (théorie et pratique). Вездѣ встрѣчаете вы упражненія, на которыя опирается теорія и которыя составляютъ ея необходимое поволеніе.

«Quant aux exemples et aux exercices», говоритъ г. Нукэ въ своемъ введеніи, на стр. X: «qui accompagnent la théorie, ils sont extraits de ce que la littérature offre de mieux pensé et de plus purement écrit. Indépendamment de leur application immédiate à la règle, la plupart révèlent une pensée morale, ou un fait historique, littéraire, scientifique ou critique. L'enseignement et l'éducation sont inséparables, et développer l'esprit n'est pas plus nécessaire que de fortifier l'âme et le coeur.»

Чтобъ показать взглядъ г. Нукэ на грамматику и методу нѣхъ привагую, представляемъ въ переводѣ отрывокъ изъ его предисловія.

«Неоспорно, что всѣ главныя правила грамматики изложены ясно и даже весьма-методически въ различныхъ трактатахъ, изданныхъ до настоящаго времени, и что трудности синтаксиса часто разрѣшаются въ нихъ очень-ясно; но ни въ одному изъ нихъ не должно исключитель-но привязываться. Одинъ, простирая умъ

слишкомъ далеко грамматическую терпимость, стараются оправдать важными ошибками мелочествомъ анализа и какъ-будто провозглашаютъ, что все позволительно. Другіе, и это большая часть, воспитанные на идеяхъ своихъ предшественниковъ, и проникнутые, подобно имъ, педантическими тщеславіемъ, устанавливаютъ правила несогласными, варварскими; считая себя верховными судіями языка, они гремятъ сплосмой противъ всякаго, кто не склоняется предъ ихъ неуклончивою системою.

«Въ этихъ двухъ крайностяхъ не можетъ быть истины; потому-что, съ одной стороны, дать словамъ необузданную ничѣмъ свободу, позволить писателю предаваться всѣмъ прихотямъ формы, значило бы отнять у языка его характеръ, уничтожить духъ его; съ другой стороны, желать ввести языкъ въ форму неизмѣнимую, значить остановить его развитіе, погнать его. Языки, какъ общества и цивилизація, стремятся безпрестанно къ расширенію, перемѣнамъ, модификаціямъ всевозможныхъ родовъ; они поддерживаются лишь движеніемъ — вотъ жизненное ихъ начало; и день, въ который писатели, очертивъ себя обозначеннымъ предшественниками кругомъ, упростають переступить его границы и съ трудомъ вычлѣются въ рабскомъ подражаніи, день этотъ начало агоніи языка. Положимъ, что нѣкоторые возвели языкъ какой-нибудь страны на высоту, до нихъ неизвѣстную, воздвигли ему вѣчные памятники; но развѣ это значить, что они развили весь его геній, исчерпали всѣ источники? умелъ ли кто провозгласить его неизмѣнимымъ? Проходить рѣкъ — и новый порядокъ идей и вещей управляетъ обществомъ, являются новые возвышенные умы, и подъ перомъ ихъ созрѣваетъ жатва словъ и выраженій доселѣ неупотребительныхъ, но столько же выразительныхъ, сколько богатыхъ, болѣе смѣлыхъ, чѣмъ рѣчь предшественниковъ; и потому только, что у насъ были Буало и Расинъ, должны ли мы не признавать Виктора Гюго и Шатобриана?...

Грамматики не слишкомъ примѣнялись къ этому правилу, и вотъ одна изъ причинъ ихъ заблужденій. И хотя бы онѣ свой неумолимый кодексъ основывали на произведеніи тѣхъ избранныхъ писателей, языкъ которыхъ вѣрно служилъ генію, которыхъ механизмъ рѣчи всегда подла-

вался требованіямъ мысли — ни чуть не бывало! часто они ни во что не ставятъ фактовъ и часто на одномъ капризѣ, на ложной тонкости создали они свои системы. Къ чему же это повело? литературныя знаменитости на каждой страницѣ обличали ихъ странныя и произвольныя правила, которые должно пошнрять ипогла; чтобы хорошо писать. Не будемъ же называть варваризмомъ то или другое выраженіе отъ-того только, что господамъ Бюзе, Дюмарсе, д'Оливье и вслѣдъ за ними Шансаю угодно было осудить употребленіе того-то слова и такой-то конструкціи, не смотря на то, что часто они составляютъ собою истинную красоту и встрѣчаются въ тысячѣ мѣстъ. Грамматикъ подчиняется закону, объясняетъ его, но никогда не постановляетъ. Истинный кодексъ языка заключается въ произведеніи хорошихъ писателей, у которыхъ и должно искать его и съ ними согласоваться. Всякій волею составляетъ себѣ правила и слѣдуетъ имъ; но не должно съ деспотизмомъ навязывать ихъ другимъ.»

И дѣйствительно, г. Нукэ въ своей грамматикѣ не кадитъ безусловно еміама никакому авторитету, не навязываетъ непрелѣннаго правила (конечно, это не относится къ основнымъ правиламъ языка): онъ основываетъ свои совѣты на большинствѣ писателей и вслѣдъ за тѣмъ, въ примѣчаніи или, лучше сказать, въ пополненіи, говоритъ, что можно употреблять и вотъ такое-то выраженіе, такую-то конструкцію, для большей ли выразительности, для краткости ли, или при другихъ требованіяхъ.

Вторая часть заключаетъ въ себѣ, во-первыхъ, полную теорію синтаксиса; во-вторыхъ, значительное число упражненій, извлеченныхъ изъ лучшихъ писателей и классифицированныхъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ слѣдуютъ правила; наконецъ, въ-третьихъ, собраніе отрывковъ въ прозѣ и стихахъ, могущихъ служить образцами.

16) PETIT LIVRE DE CONVERSATION FRANÇAIS, RUSSE ET ALLEMAND, à l'usage de la jeunesse. (Дѣтскіе разсво-

ры, (1) на французскомъ, русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ, составленные Яковомъ Лангеномъ.) Санктпетербургъ. 1847 Въ тип. К. Жернакова. Въ 8-ю д. л. 102 стр.

Книжка эта составлена была еще профессоромъ Эмилемъ Отто и названа имъ: «Petit livre de conversation français-allemand, à l'usage de la jeunesse. Strasbourg, 1845», какъ пособие при первоначальномъ обученіи фран-

цузскому языку. Г. Лангенъ распро-
странилъ ее, присовокупивъ русскій
текстъ, и такимъ-образомъ вышла пре-
полезная книга, заключающая въ себѣ:
1) фразы для упражненія, 2) избранныя
выраженія, 3) иллицизмы и германиз-
мы, 4) краткіе разговоры почти о все-
возможныхъ предметахъ, 5) пословицы
и поговорки.

Все это написано очень-умно и, гла-
вное, не сухо и не скучно.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

М А И.

193) *Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрика и Дома. Сочиненіе Сергія Соловьева. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. X и 700 стр.*

Съ волеизъявленіемъ въ свѣтъ этой такъ исторически-ожидаемой книги, русская исторія обогатилась, — мы имѣемъ слаженъ — образцовый, классическій сочиненіемъ. Съ какой стороны его ни взять, оно удовлетворяетъ самымъ строгимъ, взыскательнымъ требованіямъ. Длинный періодъ времени отъ извѣстнаго въ Россію первыхъ зачатковъ государственности Варягами, до окончательнаго утвержденія московскаго самодержавія, обследованъ здѣсь съ одной изъ самыхъ живыхъ, любознательныхъ его сторонъ, ибо исторія рюрика и княжескаго рода въ это время, безспорно, есть бѣлая и важнѣйшая часть государственной и политической исторіи Россіи. Самое изслѣдованіе прелезительно. Въ немъ все ново. То, что другіи писатели не замѣтили, или замѣтили такъ, мимоходомъ, но осталось неразрѣшеннымъ, слѣдовательно, потерянными для исторіи, г. Соловьевъ выдвинулъ на первый планъ, поставилъ какъ главное, движущее начало, и тѣмъ придавъ живанъ и смыслъ до-моловской Руси, которой тайна до-сихъ-поръ была закрыта. И до г. Соловьева.

Т. ІІІ. — Отд. VI.

она пытались поставить вѣрхъ дномъ прежній взглядъ на древнѣйшую Русь, ибо уже давно многіе чувствовали его неестественность, покрывавшую непрозрачною завѣсой дѣйствительное содержаніе нашей исторіи; но никто еще не приступалъ къ дѣлу съ такою начитанностью въ нашихъ летописяхъ, съ такимъ богатствомъ запасомъ фактическихъ знаній, какъ г. Соловьевъ, и потому никто такъ прямо и вѣрно не достигалъ этой цѣли, какъ онъ. Чтобы убѣдиться, стоить взглянуть на книгу: каждое слово подтверждено ссылками, бѣльшую частію выписками изъ источниковъ; по нимъ каждый можетъ при самомъ чтеніи повѣрять автора, и рѣдко гдѣ эта повѣрка выпадаетъ не въ пользу г. Соловьева. Наконецъ, изложеніе изящно, мѣстами увлекательно, какъ рѣдко пишется у насъ и не ученымъ сочиненіемъ.

Дурно поймутъ насъ тѣ, которые въ этихъ словахъ, высказанныхъ отъ важнаго убѣжденія, увидятъ наивысшихъ сочиненію, или сочтутъ насъ за безусловныхъ поклонниковъ взгляда г. Соловьева, до того ослѣпленныхъ пристрастіемъ, что справедливыи судъ и оценка для насъ невозможны. Недостатки въ сочиненіи и взглядахъ г. Соловьева есть; вѣноторые изъ нихъ мы видимъ; другіе, можетъ-быть, увидятъ

ихъ и больше. Но не забудемъ, что достоинства и недостатки всякаго новаго сочиненія определяются не общими канонами-нубудъ мѣриломъ, а состояніемъ и средствами той литературы, въ которой оно является. Еслибъ вышло теперь сочиненіе по римскому праву, съ какой-нибудь, впрочемъ, незначительной ошибкой, эта ошибка покажется чрезвычайно-важною и уронитъ книгу, по обработанности предмета. Съ другой стороны, мы знаемъ, что у Огюстена Тьерри есть недосмотры, есть какаія-то легкости въ обращеніи съ источниками, а между-тѣмъ, кто жь не назоветъ его великимъ, гениальнымъ историкомъ? Въ этомъ смыслѣ мы отозвались и о книгѣ г. Соловьева. Мысли, которыя въ ней встрѣчаемъ, теперь въ болѣе широкомъ ходу, это правда. Но кто думаетъ, что мы преувеличиваемъ похвалы, тотъ пусть взглянетъ на то, что было писано объ этомъ же предметѣ до-сихъ-поръ: сравненіе заставитъ оценить книгу, можетъ-быть, еще выше, чѣмъ мы цѣнили, и во всякомъ случаѣ оставить за г. Соловьевымъ честь полнаго, совершеннаго переворота въ нашихъ теперешнихъ понятіяхъ о жизни древнѣйшей Россіи. А эта заслуга такъ велика, что мы имѣемъ полное право, оставаясь совершенно-безпристрастными, назвать книгу г. Соловьева превосходной, классической, не смотря на недостатки и ошибки, въ добавокъ, неизбежныя въ столько юной исторической литературѣ, какова наша.

Изложимъ возможно - коротко содержаніе разсужденія и его главную, основную мысль.

Съ самаго начала, во *вступленіи*, которое какъ-бы служитъ программой для цѣлаго сочиненія, г. Соловьевъ высказываетъ совершенно-новый, въ высокой степени оригинальный и вѣрный взглядъ на политическую исторію Россіи. До-сихъ-поръ мы думали, что удѣлы появились у насъ со смерти Ярослава, если не раньше, и всю длинную эпоху русской исторіи до утвержденія московскаго государства назы-

вали вообще *периодомъ удѣловъ*! г. Соловьевъ доказываетъ, что это несправедливо, что удѣлы никогда не играли у насъ первой, главной роли, ибо сначала ихъ не было, а потомъ они явились какъ подраздѣленіе княжества, какъ понятіе подчиненное. Московскому игу мы приписывали до-сихъ-поръ главнѣйшую, почти исключительную роль въ развитіи нашего государственнаго быта: г. Соловьевъ опровергаетъ это и вычеркиваетъ *византійскій монгольскій периоды* изъ русской исторіи. На мѣсто этихъ представлений объ удѣлахъ и татарскомъ владычествѣ, которыми, будучи результатомъ одного поверхностнаго, дакъ-сказать, внѣшняго изученія русской исторіи, заслоняли отъ насъ органическое, постепенное развитіе древней Руси, онъ ставитъ начало, которое довело всю нашу тогдашнюю частную и общественную жизнь, наполнило ее своимъ развитіемъ и различными своими фазами определяло различіе между эпохами и вѣками древней русской исторіи. Мы разумѣемъ *родовое* начало. Авторъ даетъ ему перваго издателя роль въ отношеніяхъ между нами до XIII вѣка, и даже въ послѣдующей до-московской русской исторіи видитъ лишь постепенную замѣну этого начала государственнымъ; слѣдовательно, онъ опредѣляетъ ее отчасти тѣмъ же родовымъ началомъ, но только отрицательно. Такимъ образомъ названіе *патриархальная Русь*, которое мы давно уже давали себѣ, руководимые какими-то вѣрными чувствами, — теперь оправдано наукой.

Не станемъ владаться въ разсужденія о томъ, что это новое замѣненіе чрезвычайно-важно, и что въ немъ лежитъ уже зародышъ наступающаго кореннаго переворота въ теперешнихъ взглядахъ на до-петровскую Русь: вредныя рецензіи наизъ этого не дозволятъ. Поизапомнимъ лучше читателей съ аргументами автора. Это тѣмъ болѣе необходимо, что безъ того мысли его многими покажутся слишкомъ смѣлыми; притомъ же онъ ихъ разп-

еть по-своему, может быть, нѣ-
олько различно отъ тѣхъ, которые
гласны съ нимъ въ главныхъ нача-
хъ.

«Мы привыкли (говоритъ г. Соловьевъ)
выраженіямъ: раздѣленіе Россіи на
ѣлы, удѣльные князья, удѣльные пе-
ды, удѣльная система, исчезновеніе
ловъ при Іоаннѣ III, при смѣнѣ его
силы, при Іоаннѣ IV. Употребляя эти
раженія, мы необходимо должны знать,
о Россіи, начиная отъ смерти Ярослава
до конца XVI-го вѣка, была раздѣ-
на, ставимъ удѣлъ на первомъ планѣ,
смѣ ему главную роль; за удѣлъ идутъ
и борьбы, около удѣла вращается вся
сторія, если періодъ называется удѣль-
нымъ, если господствуетъ удѣльная си-
ема. Но разсмотримъ лѣтописи отъ вре-
ни Ярослава-Мудраго XIII-го вѣка: идетъ
къ намъ рѣчь объ удѣлахъ? встрѣ-
ютъ ли выраженія: удѣльный князь и
удѣль? продолжаютъ ли борьба за удѣлъ,
распространеніе, усиленіе одного удѣла
счетъ другого, раздѣлена ли наконецъ
оссія? Нѣсколько: всѣ князья суть чле-
ны одного рода, вся Русь составляетъ
раздѣльную родовую собственность;
идетъ рѣчь о томъ, кто изъ князей стар-
ше, кто моложе въ родѣ; за это всѣ
торы, всѣ междоусобія. Владѣніе, города,
власть имѣютъ значеніе второстепенное,
имѣютъ значеніе только въ той степени,
въ какой соотнобствуютъ старшинству
князей, имѣютъ притязанія на старшинство,
потому князья безпрестанно имѣняютъ
къ. Князь, у котораго во владѣніи об-
рванная область на сѣверѣ, оставляетъ ее
бываетъ изъ всѣхъ силъ за одинъ го-
лъ на югѣ, потому что этотъ городъ
рближаетъ его къ старшинству: однимъ
словомъ, интересъ собственника вполнѣ
очащенъ интересу родича. Вѣсто раздѣ-
ленія, которое необходимо связано съ
овіемъ объ удѣлѣ, мы видимъ един-
тво княжескаго рода: развѣ борьба Свя-
славичей съ Мономаховичами есть борь-
а удѣловъ, борьба Чернигова съ Кіевомъ,
чолпескомъ, Суздальемъ? это борьба за
лнство Ярославаго рода, за общность,
раздѣльность владѣнія: «мы внуки одно-
го дѣла», говорятъ Святославичи, и по-
ому домогаются Кіева. Начинается это-
за борьба, въ семьѣ Мономака, между
Святославичами и Юріемъ Долгорукимъ,
идетъ не за удѣлы, но за старшинство.

Накопелъ третья усобица между Ростн-
славичами и Юрьевичами идетъ также не
за удѣлы, но за родовыя отношенія: Рос-
тиславичи требуютъ, чтобъ старшій князь
поступалъ съ младшими, какъ съ братья-
ми, а не какъ съ подручниками. Гдѣ
же удѣлы? въ лѣтописи вы не находите
отношеній В. Князя къ удѣльнымъ, вы
находите только отношенія отца къ сы-
новьямъ, старшаго брата къ младшимъ,
дяди къ племянникамъ; даже самое сло-
во: удѣлы, мы не встрѣчаемъ въ лѣтопи-
си; если не было понятія о раздѣлѣ, о
выдѣлѣ, объ отдѣльной собственности, то
не могло быть и слова для его выраже-
нія; когда же на сѣверѣ явилось понятіе
объ отдѣльной собственности, то явился
и удѣлъ; до этого же времени мы встрѣ-
чаемъ только слова: волость и столъ.
Такимъ образомъ выраженіе: удѣльный
періодъ, удѣльная система, приводитъ къ
совершенно ложному, обратному пред-
ставленію, выставляя господство удѣла, вла-
дѣнія, отдѣльной собственности въ то вре-
мя, когда господствовали родовыя отно-
шенія при раздѣльной родовой собствен-
ности.» (Стр. I—III.)

«Скоро мы видимъ, что единство Яро-
славова рода рушится, и Русь дѣлится,
впервые, на нѣсколько княжествъ, каж-
дое съ своимъ В. Княземъ, потому что
В. Князь означаетъ только старшаго въ
княжескомъ родѣ, и если родъ Ярослава
раздробился на нѣсколько особыхъ ро-
довъ, то каждый родъ долженъ былъ имѣть
особаго старшаго: явилось нѣсколько Ве-
ликихъ Князей. Начинается борьба между
отдѣльными княжествами; цѣль этой борь-
бы—приобрѣтеніе собственности, усиленію
одного княжества во счетъ другихъ, под-
чиненіе всѣхъ княжествъ одному силь-
нѣйшему: борьба оканчивается усиленіемъ
княжества Московскаго, подчиненіемъ ему
всѣхъ остальныхъ. Но во время этой
борьбы между отдѣльными В. Князьями,
или старшинами родовъ, внутри каждаго
княжества, въ каждомъ родѣ идетъ борьба
между старшимъ княземъ и младшимъ,
теперь уже удѣльными князьями, борьба
также за собственность и за государ-
ственный отношенія противъ родовыхъ:
каждый В. Князь хочетъ уплотнить удѣ-
лы, привести удѣльныхъ князей въ под-
данническое къ себѣ отношеніе; послѣдніе
ратуютъ во имя старыхъ родовыхъ отно-
шеній, старыхъ правъ. Эта внутренняя
борьба въ другихъ княжествахъ оканчи-

счета посылать. Жалобъ помочь. Мо-
гъ воспользоваться: являя Тварь, по
идъ Положи не деламъ побладе являемъ
шмъ? И такъ, являя, Монгольского
рода дождя. Быть: искартено маъ, Ру-
мъ исторія, потому, что, маъ по, доможъ
инсать. Монгольскъ, самого, сильного
анія, на, промладеніе, хадъ, явленіи, ко-
нии отдѣляется, даже исторія, начиная
XIII. лѣтъ; новый, прудокъ, вестей, ма-
иса герарде, прежде Монгольскъ, и, раз-
иса естественна, въ, слабствіе, прудкъ
тренихъ, дри, являемъ, являемъ, ма-
изъ, обставленіе, даже, ма-иса, жезоры
ла, и Монгольскія, отношенія, до, ма-
ль, ма-иса, ма-иса, ма-иса, ма-иса, ма-
р. VI—IX.)

Положивъ новое начало въ основа-
е своихъ исследованийъ объ отноше-
ихъ князей въ древней Руси, г. Со-
ловьевъ, долженъ былъ создать и новое
здѣленіе этихъ отношеній, но ар-
ни, на періоды или эпохи. Такъ онъ
сдѣлалъ. Въ между-княжескихъ от-
шеніяхъ, пока не исчезли въ Россіи
явительныя князья, онъ различаетъ
а главнѣе періода: до и послѣ Андрея
Юрьевича. Въ первомъ господству-
тъ одни родовыя отношенія; во вто-
момъ они, мало-по-малу сдѣляются го-
сударственными. Этотъ послѣдній пе-
риодъ раздѣляетъ авторомъ на три от-
дѣла: отъ Боголюбскаго до Ивана Ка-
ты, отъ Калиты до Ивана III, и отъ
того до прекращенияъ Юрьевича дина-
міи. Сначала родъ раздробляется, обу-
зуются отдѣльныя княжества, кото-
ра стараются усилиться одно на
еть другихъ, первенство остается за
осковъ; потомъ въ Москвѣ родовыя
востановлены. Болѣе и болѣе уступаютъ
сударственнымъ; наконецъ первыя
вершено исчезаютъ въ кровавой
рѣбѣ Ивана IV съ московскими вель-
жествами.

Историческому изложенію родо-
ихъ между княжескихъ отношеній,
первый періодъ, предшествуетъ
общій обзоръ. Читателю уже от-
вети аналогичны съ этой превосходной
своей работы сочиненія г. Соловьева,
но она была въ видѣ отдѣльной ста-
ни, напечатана въ первомъ томѣ Мо-

сковскаго Сборника и тобдаже разоб-
ранъ нами по поводу въ М. LVI. томѣ
«Отечественныхъ Вѣстникъ» (1846) въ
Библиографической Хроникѣ (Стр. 272-
31). По этому мы не станемъ являя ей
останавливаться, хотя она и является
теперь въ новомъ видѣ, съ значительны-
ми дополненіями и измѣненіями. Ска-
жемъ только, что добросовѣстный ав-
торъ, по видимому, воспользовался въ
которыхъ нѣтъ замѣчаній, которыя бы-
ли ему сдѣланы, что, какъ мы дума-
емъ, увеличило и безъ того несомнѣн-
ное достоинство этой главы.

Самое изложеніе отношеній между
князьями авторъ начинаетъ съ Юри-
ка. По малочисленности ли князей,
или по особенному ихъ характеру, въ
слабствіе, котораго она постоянно ис-
требляла другъ друга, и власть почти
всегда находилась въ рукахъ одного,
но мы видимъ, что до самаго Ярослава
родовыя отношенія не высказывают-
ся; нѣ на чемъ было. Едва ли даже
правъ авторъ, что ввелъ этотъ періодъ
времени въ свое разсужденіе; по пред-
мету онъ къ нему почти не относится,
тѣмъ менѣе по характеру, о которомъ
споръ не кончается, пока не рѣшится
са вопросъ о происхожденіи нашихъ
Варяговъ. До сихъ поръ такъ назы-
ваемый норманскій періодъ русской
исторіи до того тѣменъ и мало похожъ
на послѣдующіе, что о немъ нельзя
говорить безъ оговорки. Г. Соловьевъ
не сдѣлалъ этого и сдѣлалъ его съ яро-
славовымъ княженіемъ и дальнѣйши-
ми происшествіями. Но смотря на то,
глава, посвященная этому періоду, за-
ключаетъ въ себя много новаго и лю-
бопытнаго. Особенной благодарности
заслуживаетъ авторъ за то, что вос-
пользовался извѣстіями такъ называе-
мой юакимовой лѣтописи, которая по-
слѣ Гатишова, по вину Карамзина, бы-
ла почти совсѣмъ забыта. Своими пре-
красными изслѣдованіями г. Соловьевъ
доказалъ, что извѣстія этой лѣтописи
очень правдоподобны и, не противорѣ-
чя прочимъ источникамъ, дополни-
ють и поясняютъ ихъ весьма важными
данными. Такое восстановленіе досто-

инства памятника, легкомысленно объявленнаго подложнымъ,— большая заслуга. Обратимъ также вниманіе читателей на изслѣдованіе о сыновьяхъ Владиміра, которое, по тщательности и остроумію, мало найдеть себѣ равныхъ въ нашей исторической литературѣ.

Рассказавъ, въ III главѣ, какъ дѣти Ярославы подѣлили между собою отеческія владѣнія, авторъ переходитъ наконецъ къ главной темѣ разсужденія и исторически, подробно излагаетъ отношенія между князьями. Какъ ни коротокъ періодъ времени отъ смерти Ярослава до вятія Кіева Андреемъ Боголюбскимъ (1054—1169), но характеръ этихъ отношеній успѣлъ значительно намѣниться. Авторъ, внимательно слѣдя за малѣйшими ихъ подробностями, не терается въ нихъ и рѣзкими чертами характеризуетъ отгѣнки, которые преимущественно принимали эти отношенія.

«Всѣ борьбы, всѣ усобицы (говоритъ г. Соловьевъ), имѣвшія мѣсто отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава I-го, происходятъ отъ исключенія племянниковъ изъ соваслѣдія съ дядями; борьба идетъ въ трехъ областяхъ: Подоцкой, Черниговской, Владиміро-Волынской. Первая оканчивается при Мстиславѣ I-мъ изгнаніемъ потомковъ Изяслава Владиміровича въ Грецію; вторая при Святполкѣ Изяславичѣ, на Любечскомъ съѣздѣ, возвращеніемъ несправедливо исключенныхъ Святославичамъ отцовской области; третья борьба оканчивается также при Святполкѣ, на Витичевскомъ съѣздѣ, исключеніемъ Давида Игоревича и раздѣленіемъ области между двумя остальными соперничающими линиями — Изяслава и Владиміра Ярославичей; но это самое раздѣленіе спорной области вело къ новой враждѣ между линиями, подѣлившими ее, между Ярославомъ Святполчичемъ и Ростиславичами; сюда присоединилась вражда Ярослава къ Мономаху, и дѣло кончилось тѣмъ, что участокъ Изяславичей перешелъ къ Всеволодовичамъ. При этомъ не должно думать однако, что междоусобія идутъ за области — Черниговскую или Владиміро-Волынскую; эти области служатъ только средствомъ для исключенныхъ

князей снова войти въ родъ и во владѣніе родового собственностию; для этого нужны, какія бы волею или не волею, только бы ввели ихъ въ родъ; но такъ какъ отцы ихъ княжили въ означенныхъ областяхъ, то они домогаются по крайнѣйшѣ, получить ихъ, хотя въ отдѣльную собственность, подобно князьямъ Полоцкаго, чего и достигли Ростиславичи въ Галиціи; но Святославичи, получивъ отъ отцовскую Черниговскую область, не хотѣтъ ограничиться ею и выдѣляются изъ рода Ярославова.» (Стр. 134—135).

«Борьба между князьями, начавшаяся по смерти Мстислава, носитъ совершенно другой характеръ: теперь уже князья бьются не для того, чтобъ свои получить участки изъ родового собственности, они бьются за старшинство. Внуки и правнуки Святослава враждуютъ теперь со внуками и правнуками Всеволода уже не за область Черниговскую, не за старшинство, за Кіевъ; теперь уже Мономаховичи не домогаются Святославичей изъ Чернигова, не хотѣтъ только исключитъ ихъ изъ владѣній Кіевомъ, уверяютъ ихъ, оставаясь за Днѣпромъ какъ распроданнымъ прадѣдъ нашъ Ярославъ Великій Ольговичи отвѣчаютъ: «Мы не Венгры, мы не Лахи, но потомки одного прадѣда» и отказаться отъ Кіева не могутъ, слѣдуютъ являются защитниками нераздѣльнаго общаго владѣнія; не они знаютъ, что право старшинства развѣ нарушено и не становится его трудно въ сабствѣ стемъ отношенія противоположныхъ правъ и интересовъ: Мономаховичи считаютъ полное право на своей сторонѣ, ибо Святославичи не противились троекратно нарушенію своего права и такимъ образомъ добровольно отказались отъ него. Вотъ почему когда Святославичамъ удастся перейти на западную сторону Днѣпра, оладѣвъ Кіевомъ, то они хотѣтъ перебраться въ другую завѣтную сторону, оставить ее за восточнымъ, въ свою очередь исключитъ Мономаховичей, отбросить ихъ на Востокъ, какал же цѣль этого стремленія? желаніе прервать единство рода, раздѣлитъ и прогнать изъ ли тутъ начало воюго вѣрллка вещей, новыхъ отношеній? вѣрно подобно: имъ хочется только удержать постоянно старшинство за собою, въ томъ самомъ значеніи, въ какомъ его тогда понимали, оставляя въ силѣ всѣ прежніе отношенія старшаго къ младшимъ членамъ рода, — однимъ словомъ, Святослави

отять Киева не для Киева, но для старшинства.

«Но борьба за старшинство идет не между великими Святославичами и Всеволодовичами; три княжескія линии, игравшія прежде важную роль — линия Изяслава Владимировича Полоцкаго, Изяслава и Игоря Ярославичей вышли теперь из борьбы (хотя Полоцкіе князья возвращаются къ Греціи, но уже не имѣютъ никакого діянія на отношеніи между Ярославичами), но за то встала страшная котора въ аномъ родѣ Мономаховомъ. Здѣсь, по видимому, повторяется прежняя борьба, борьба дядей съ племянниками; но ея нѣтъ же съ другими замеченіями: дядья не сключаютъ племянниковъ изъ владѣнія одовою собственностию, но враждуютъ съ ими за старшинство, не хотятъ допустить, чтобы дѣти старшаго брата отняли старшинство и столъ Киевскій у младшихъ дядей своихъ, въ слѣдствіе этого представшаго, что старшій сынъ таршаго брата есть старшій братъ дядиныхъ своихъ.» (Стр. 137—139).

При Андрѣе Боголюбскомъ, первомъ князѣ въ новомъ смыслѣ слова, воплотившемъ собою типъ единовластителя, собственника и самодержца, характеръ между-княжескихъ отношеній снова измѣнился. Борьба, начавшаяся при Андрѣе между юго-западными и сѣверо-восточными русскими князьями, выражаетъ уже глубокое различіе, существовавшее между древней отживавшей и новой, едва лишь возникавшей Русью.

«Здѣсь (говоритъ г. Соловьевъ) борются не за волости отцовскія и не за старшинство, но князья южныя, или Ростиславичи борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовой бытъ, который хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой великой и многозначительной борьбѣ обѣ враждебныя линии княжескія шли, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи выставляютъ двоихъ Мстиславовъ—отца и сына, являющихъ правую Мономаха, представляющихъ образецъ князей стараго времени, героев въ битвахъ, щедрыхъ къ дружинѣ и народолюбивыхъ; новая сѣверная Русь имѣетъ представителями двоихъ братьевъ

Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III; оба князя стремятся къ уничтоженію прежнихъ родовыхъ отношеній.» (Стр. 228—224).

Въ другомъ мѣстѣ читаемъ:

«Новое стремленіе, начатое Боголюбскимъ, стремленіе утвердиться на сѣверѣ, приобрести силу и посредствомъ ея измѣнить родовыя отношенія въ государственными, неуклонно преслѣдуется братомъ его Всеволодомъ, что видно изъ поведенія его касательно Пювгорода, Рязани, князей южныхъ, съ которыми онъ избѣгаетъ столкновенія въ чистомъ полѣ, зная ихъ неодолиму храбрость и слабость въ битвахъ сѣвернаго народонаселенія, не окрѣпшаго въ усобицахъ, и однако умѣетъ заставить южныхъ князей признать, что они не могутъ обойтись безъ него. Представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками, по видимому, торжествуетъ, ибо старшинство держитъ самый младшій сынъ четвертаго изъ Мономаховичей; но этотъ старшій живетъ на сѣверѣ, гдѣ господство понятія о собственности вѣдетъ неминуемо къ торжеству представленія о старшинствѣ старшаго племянника надъ всѣми дядьями, что показалъ разительно поступокъ Всеволода, который какъ собственникъ и самовластель, отнимаетъ старшинство у старшаго сына и отдаетъ его младшему; этотъ младшій съ другими младшими братьями идетъ противъ правъ старшихъ, основываясь на своей силѣ; распоряженіе отца-собственника, имѣвшего слѣд. право располагать своею своею собственностію, и сила—вотъ право младшихъ Всеволодичей: иеремоги насъ, говорятъ они старшему брату, и тебѣ вся земля!» И такъ теперь, въ слѣдствіе понятія объ отдаленной собственности, является понятіе о правѣ силы безъ уваженія къ старымъ родовымъ обычаямъ. Отсюда уже тотчасъ же является недобѣрчивость младшихъ къ старшимъ, ибо они знаютъ, что старшій сильнѣе ихъ, знаютъ притомъ, что сила богатаго собственника заставляетъ его увѣдывать эту собственность на счетъ слабѣйшихъ, и потому младшіе, при первомъ подозрительномъ движеніи старшаго, дооружаются, заключаютъ союзъ, чтобы отразить силу силою.» (Стр. 259—260).

Таково значеніе и всѣхъ между-княжескихъ отношеній послѣ Всеволода,

в князьях, князьях, а не в Европе, князьях
 орда, дедов, именно въ сдѣствіе прѣ-
 азій о собственности, а въ сдѣствіе того,
 то всѣ сѣверные князья были собственни-
 ами: отсюда этотъ хозяйственный харак-
 теръ, господствующая мысль о прибрѣ-
 ній и сберѣженіи, избѣжаніе рѣшитель-
 ныхъ вѣръ, которыя означаютъ боль-
 шинство сѣверныхъ князей, и правну-
 кствои князей Московскихъ, отъ Де-
 шана до Ивана. И въ послѣднемъ князѣ
 олимпіа и дедова Государя, Разумется,
 по такой хозяйственный характеръ сѣ-
 верныхъ князей, иишь той прелести,
 ого блеска и благородства, которыми от-
 ичался характеръ князей южныхъ, те-
 лебъ, предвѣтитель дружинъ, которые
 ле собрала соборъ въ обочю; ииъ беребра,
 го все разданыи дружинъ и расклин-
 ии Русскихъ обочю; Топле; ииши древне
 князья; соборъ отъищае дредо безвонкой
 юю дѣлать дредо, рредолиа Русскую
 землю, раздѣляя границы ея Европейской
 государственной области, неумоимо про-
 бѣгая ея пустынные пространства, строя
 города, прокладывая пути чрезъ лѣса и
 болота, насылая степи, соединяя расто-
 ченное ииродовселеніе; но здѣсь и оконча-
 чившеиъ ииъ благодѣтелиа дѣятель-
 ность; ииъ яркости, крѣпости всему
 ииъищае дредо не могли по своему ха-
 рактеру; для этого необходимо былъ хо-
 зяйственный характеръ сѣверныхъ кня-
 зей — собственниковъ. Южные князья до
 конца удержали прежній характеръ, и
 южная Русь въ кама бѣдствій должна бы-
 ла поплачѣться за это, и спаслась един-
 ственно съ помощью сѣверной Руси, со-
 бранной въ сѣверной умнннъ хозяй-
 ственннъ князей чинннъ.» (Стр. 333—334).

Въ концѣ, разсказавъ подробно исто-
 рію послѣднихъ княжескихъ междосо-
 бій въ княженіе Василья-Темнаго, г. Со-
 ловьевъ переходитъ въ четвертому и по-
 слѣднему отдѣлу своей книги — къ опи-
 санию между-княжескихъ отношеній
 отъ Ивана III до смерти Грознаго. Это
 не повѣсть объ отношеніяхъ равныхъ
 князей между собою, а картина окон-
 чательнаго уничтоженія тѣхъ вѣхъ
 княжескихъ правъ, которыя удержива-
 вали еще за собою удѣльные князья,
 уже прежде низведеніе въ разрядъ
 царскихъ колоній. Иванъ III прини-
 малъ титулъ царя, съ которыми

вѣсть, повѣсть, соединялось понятие о
 власти самодержавной.

«Главною заботою Московскихъ князей
 (теворигъ г. Содривея), было собираніе
 Русской земли, приняиомъ, приняиомъ; надъ
 князей, важнѣе дружинъ, сѣверныхъ князей,
 преимущественно Московскіе, стали князья-
 ми — собственниками, хозяевами; но эти
 князья, которые князьясь въ Ордѣ не
 только Хану, но и вельможамъ его, отъ
 которыхъ ролннъ еще требовала родствен-
 наго, равнаго обхожденія, эти князья
 не были еще окружены тѣмъ величіемъ,
 которыхъ были окружены другія монархи
 Европы, какъ цесемчики цезарей, какъ
 помазанниче самше. У насъ, не смотря
 на стремленіе духовенства, В. Князю трудно
 было получить царственнае значеніе
 ииешно въ сдѣствіа родового быта, такъ
 долго господствовавшего и затруднявшаго
 развитіе идей государственныхъ. Чтобы
 церкви уацѣтъ въ своемъ стремленіи со-
 общить В. Князю царственное величіе,
 нужна была помощь ииъиъ, и какъ на
 западѣ на помощь церкви, преданія пре-
 даиія ииъири, такъ точно и у насъ, на
 Руси эти преданія ииъири, принисены къ
 Московскому двору Софійа Надсодѣягъ, Ма-
 слѣдуйте дннжннн, парокіи, дннжннн
 ииъсто при Иванѣ III, и вы увидите, что
 все движется, ииъишнннъ сѣверннъ днн
 приніаіа какнзъ то модннъ, дннжнннннннн
 идей. Византійская царева хочеть бытъ
 царицею: для этого ей нуженъ дворъ по
 образу Византійскаго, и этотъ дворъ
 является при Иванѣ III; но прежде всего
 царевнѣ нужно гдѣ жить, и вотъ въ этой
 бѣдной Москвѣ, наголинойи лачужкамъ,
 являются дворни; соборы; чиннннъ шала-
 ты, для построенія конферете ииъишнннн
 ииностраннае яднннннн, а для этого за-
 водятся связи съ иностранными государ-
 ствами; наша посолъ отираваются къ за-
 паднымъ дворамъ, просятъ прислать худо-
 жниковъ своему государю; Императоръ и
 короли хотая воспользоваться этимъ слу-
 чаемъ для достиженія своихъ цѣлей, пред-
 лагаютъ союзы, крестовые походы, браки;
 Московскій князь не вѣреть ииъ отъ чего,
 но хотнннъ ииъишннннннннннннн
 во всемъ ближайшему ииъиъ, не заходить
 далеко, не обязываютъ ииъишннннннн
 обнъишнннннннннннннннннннннннннннннн
 Ордъ, Литвъ и Польщнн, для чего
 пересылается съ Императоромъ, и ииъ-
 стѣ ииъиъ дружинъ Султана. Вотъ сдѣ-
 ствіа поволенія Греческой царевны въ

Москвѣ для распространенія царицы; иностранныхъ свещей; но гораздо важнѣе были перомыны внутреннія, полъ ея вмѣшатъ произведениы. Никто лучше смѣтываго Ивана III не могъ воспринять тѣхъ идей, которыя принесла Софя: вотъ почему онъ такъ легко яляется Грознымъ государемъ на Московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго, потому что первый явился для двора и народа Монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія, и строго карающимъ за ослушаніе, первый возмыслился до царственной, недостижимой высоты, перадъ которою боярство, князь, потомокъ Рюрика и Геліица должны были благоговѣнно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ. Такая перемѣна въ характерѣ В. Князя не могла не возбудить сильнаго негодованія въ толпѣ князей и бояръ: Иванъ III послыгулъ на важнѣйшее ихъ право, право отъѣзда, и, по первому мановенію грознаго Самодержца, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ; отсюда та страшная ненависть князей и бояръ къ новому порядку вещей, начавшемуся съ Ивана III (Стр. 329—331).

Рассказъ о роли Софьи въ царствованіе Ивана, объ отношеніяхъ его ко внуку Дмитрію, сыну Василью и къ Лить, можетъ быть названъ образцовымъ; остроумныя предположенія, въ объясненіи взаимныхъ отношеній разныхъ партій при Иванѣ III и его преемникахъ, очень-правдоподобны и вызываютъ на свѣтъ не одну еще-неподмѣченную характеристическую черту древней Руси.

Послѣдняя глава посвящена Ивану IV. Възявъ извѣстно, что, за исключеніемъ автора статьи, помѣщенной въ «Вѣстникѣ Европы» въ 1821 году (кажется, Арцыбашева) и г. Погодина, которые, впрочемъ, съ разныхъ точекъ зрѣнія старались объяснить это замѣчательное историческое лицо—въ прочіе повторали, безъ размышленія, историческій приговоръ Карамзина. Въ послѣднее время въ разговорахъ слышались уже сильныя и основательныя возраженія противъ карамзинскаго взгляда на Грознаго, и въ слѣдствіе этого началъ мало-по-малу возникать и сла-

гатада новаа оцѣнка этого историческаго дѣятеля. Правда, до сихъ поръ, еще еще не изолѣ сложились. Г. Соловьевъ, въ новомъ своемъ сочиненіи, первый печатно высказываетъ новый взглядъ на Ивана, существенно различный отъ прежнихъ. Въ его характеристикѣ мы находимъ важныя матеріалы для будущаго, правильнаго его обсужденія, какъ человѣка и царя, и потому позволимъ себѣ прибавить къ прежнимъ выпискамъ еще нѣкоторыя.

Приступая къ описанію дѣйствій Грознаго, особенно въ отношеніи къ тогдашнимъ князьямъ и боярству, г. Соловьевъ начинаетъ взглядомъ на эпоху, въ которую явился этотъ преобразователь.

«Мы достигли въ нашей исторіи (рассказать г. Соловьевъ) того времени, когда оба порядка вещей, родового и государственнаго, дали другъ другу послѣднюю отчаянную битву, которую знаменуетъ царствованіе Грознаго. Господство родовыхъ отношеній между князьями дѣло, какъ необходимо слѣдуетъ ожидать, погустественное вліяніе на весь общественный составъ Руси, нѣмало могущественное вліяніе на бытъ городовъ, на цолованія дружины, когда, слѣдовательно, родовые отношенія между князьями начали сдѣлаться государственными, то эта сѣбна должна была отозваться во всемъ общественномъ организмѣ, должна была неслѣдственно и въ бытъ городовъ, и въ цолованія дружины, двора. Отсюда ясно, что В. Князья, въ своихъ государственныхъ стремленіяхъ должны были встрѣтить сопротивление не со стороны однихъ князей родичей, но со стороны всего того, что получило свое бытіе или, по крайней мѣрѣ, поддерживалось родовыми княжескими отношеніями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ возможность вольнаго, безнаказаннаго перехода отъ одного князя къ другому, существовавшая для городовъ, для членовъ дружины, для людей изъ оставшаго даже народонаселенія при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній и прѣтѣщавшаяся при сѣбненіи ихъ государственнымъ. Эту-то возможность перемѣн, являвшуюся для нѣкоторыхъ въ видѣ права (напримѣръ, для дружинниковъ и вообще слугъ вольныхъ), для другихъ въ видѣ священнаго обычая, старинъ (напримѣръ,

для старыхъ городовъ), старое общество поддерживало всѣми силами противъ государственнѣхъ стремленій Московскихъ В. Князей, которые справедливо видѣли въ ней несообразность, беззаконіе, измѣну. Вотъ смыслъ борьбы, начинавшейся давно въ Сѣверной Руси, но обнаружившейся съ большою силою при Иванѣ III и дошедшей до крайности при внука его Иванѣ IV. Если справедливо, что, какъ говорятъ, Иванъ IV былъ помышанъ на измѣнѣ, то вмѣстѣ съ этимъ должно допустить, что старое общество было помышано на переходѣ, или отъѣздѣ. Изъ вышесказаннаго ясно, какъ несправедливо видѣть въ строгихъ мѣрахъ Грознаго исключительное противоборство какимъ-то аристократическимъ, боярскимъ стремленіемъ; факты противорѣчатъ этому: Иванъ IV вооружался не противъ однихъ бояръ, ибо не одни бояре были заражены законрѣлою болѣзнію стараго Русскаго общества, — страстію къ переходу или отъѣзду.

Иванъ III и сынъ его Василій имѣли одинакій характеръ, отличавшій болѣе или менѣе всѣхъ князей Московскихъ, нѣкъ предшественниковъ: главные черты этого характера — разсудительность, расчетливость, преобладаніе головы надъ сердцемъ; прямые наследники Калиты, Иванъ III и сынъ его Василій, не увлекались никогда чувствомъ. Совершенно иная была природа Ивана IV: это былъ безспорно самый даровитый государь, какого только намъ представляетъ Русская исторія до Петра Великаго, самая блестящая личность изъ всѣхъ Рюриковичей; но съ необыкновенною ясностію взгляда, доконстію въ рѣчахъ и поступкахъ, качествами, полученными въ наслѣдство отъ предковъ, въ Иванѣ было развито въ высшей степени другое противоположное начало, женственное, чувство: сколько Иванъ былъ уменъ и проницателенъ, столько же былъ страстенъ, воспримчивъ, раздражителенъ, способенъ увлекаться, доходить до крайности. Можно легко угадать, какой характеръ долженствовала принять борьба такого Государя съ неспѣлимымъ зломъ старинныхъ притязаній. Притомъ Иванъ III и сынъ его Василій не были еще такъ далеки отъ стараго порядка вещей, смотрѣли на него еще исторически, и потому въ борьбѣ своей съ нимъ были необходимо хладнокровіе и умѣреніе; но Иванъ IV былъ уже третій государь на престолѣ Московскомъ, въ этомъ смыслѣ

первородный, рожденный и воспитанный уже монархомъ. Напитанный въ дѣтствѣ высокими понатіями о власти государя, онъ еще болѣе укрѣпилъ эти понатія своею обширою начтательностію, изученіемъ церковной, Римской Исторіи; онъ хотѣлъ быть тѣмъ же на Московскомъ престолѣ, чѣмъ Давыдъ и Соломонъ были на Иерусалимскомъ, Августъ, Константинъ и Θεодосій на Римскомъ; Иванъ IV сталъ первымъ царемъ не потому только, что первый принялъ царскій титулъ, но потому, что первый создалъ вполнѣ все значеніе царской власти, первый составилъ себѣ ея теорію, тогда какъ отецъ и дѣдъ его усиливали свою власть только практически. И вотъ Иванъ IV, который хотѣлъ вести свое происхожденіе отъ Августа Кесаря (а точно ведетъ его, только духовно, а не естественно). Иванъ IV съ глубокимъ убѣжденіемъ о святости, неприкосновенности своихъ правъ окруженъ толпою князей и дружинниковъ, которые толкуютъ о происхожденіи своемъ отъ князей Ярославскихъ, Суздальскихъ, Смоленскихъ, о томъ, что Государь не долженъ ничего дѣлать безъ совѣта со старшими членами дружины, какъ водилось прежде, о правѣ безнаказаннаго отъѣзда. Но этого мало: оскорбленный такими противогосударственными притязаніями, какъ Государь, Иванъ IV былъ глубоко оскорбленъ лично, какъ человѣкъ, недостойными поступками окружающихъ его во время дѣтства и потомъ трижды еще оскорбленъ въ своей довѣренности и въ своемъ чувствѣхъ, какъ отецъ и какъ мужъ. Вотъ почему въ борьбѣ своей со старыми притязаніями, Иванъ IV, не только преслѣдуетъ противогосударственные стремленія, какъ государь, но вмѣстѣ преслѣдуетъ враговъ своихъ, какъ человѣкъ лично оскорбленный. Наконецъ для такого Государя, какъ Иванъ IV, съ природою въ высшей степени воспримчивою и страстно, нужно было самое осторожное, глубоко обдуманное воспитаніе, надобно было допускать до него только одна благія впечатлѣнія и вмѣсто того отъ равнаго дѣтства его окружали только самыми недостойными сценами и какъ бы нарочно раздразняли самыми безумными образомъ. Что же были за причины подобнаго воспитанія? Мы знаемъ, что Димитрій Донской, сынъ его и внукъ вступали на великокняжескій престолъ въ ранней молодости, когда еще

не могли управлять сами, и между тѣмъ въ началѣ ихъ княженій мы всею не видимъ тѣхъ оскорбительныхъ явленій, которые были имѣли во время малолѣтства Ивана IV; напротивъ, мы видимъ необыкновенно умное, дружное и дѣлательное управление бояръ для блага князя и княжества; откуда же происходитъ такая разница? При Донскомъ, сынъ и внукъ его интересы князя и бояръ были тѣсно соединены; ни князь, ни бояре не обиживали еще противоположныхъ стремленій; бояре Московскіе дружне отстаивали права своего князя и княжества противъ притязаній другихъ князей, потому что этого требовали ихъ собственныя выгоды. Но со времени Ивана III интересы В. Князя и бояръ разрознились: князь началъ руководствоваться идеями государственными, бояре выставили свои, несовмѣстимыя съ этими идеями притязанія. По смерти Василия Ивановича опекуншею малолѣтняго сына его Ивана осталась жена его Елена, уже ненавидимая боярами: она не отступала отъ приваженій своего мужа, слѣдовательно, не уменьшила этой ненависти. Не могли управлять она, Елена въѣрнулась извѣстному лицу изъ бояръ же, и такимъ образомъ внесла этимъ предпочтеніемъ раздѣленіе между послѣдними; отсюда ненависть къ любимцу, стараніе свергнуть его какими бы то ни было средствами, партія между боярами, борьба между партіями. Наконецъ еще одно важное различіе: при Донскомъ и его преемникахъ между Московскими боярами не было князей, ни Юрьюка, ни Гедиминова рода; во время малолѣтства Ивана IV они наполняли дворъ, куда привели свои притязанія и свою ненависть къ Московскимъ Государямъ, лишавшимъ ихъ удѣловъ, сведшимъ ихъ со степени независимыхъ владѣльцевъ на степень слугъ своихъ» (Стр. 596 — 601.)

Затѣмъ, подробно рассмотрѣно регимство Елены Глинской, которая является совершенно въ другомъ свѣтѣ, нежели у Караньева, оскорбленнаго ея дѣйствительною или вымышленною связью съ Телупневичъ-Оболонскими: борьба придворныхъ боярскихъ партій послѣ смерти Елены, которыхъ взаимная вражда выходила не изъ начала, или мнѣній, а за власть, за то, что «великій государь извѣст-

«носъ дядю державалъ и беретъ». Она фдочивается, какъ дядю было-сказано, тѣмъ, нте. въ 1544 году. Грозный извѣдывъ смерть Андреевъ-Ивановскихъ и чотъ тѣмъ нте-сказано: Борецъ въ то-сударя страхъ и вѣсти и послуживаніе. Особенно интересны и нте-сказано автора на отношеніи къ Ивану Сильвестра, и на причины, притогорившія его паденіе. У Караньева и др. другое какъ-то сдержаннѣе, и неслучайно чудеснаго, а востановилъ привнесла въ жертву истинности, и неслучайно смысле превращенія событій. Г. Соловьевъ излагаетъ говорить акты, историческіе документы, и востановилъ авторъ изъ выводовъ и нте-сказано собыдиль споры и вѣсти о востановленіи, то другіе заставляютъ вѣсти и вѣсти привадуматься безусловныхъ притязателей Грознаго.

«Не одного Алексея востановилъ царь ради помощи думѣ сподобилъ востановилъ этой растерзанной, ослабленной думѣ оказавъ въ началѣ Сильвестра, сподобилъ Благовощенскаго дворцовою Соборомъ, родомъ Новгородцемъ. Но своему землемѣстнику дворцовой мерканти, Сильвестру безпрестанно былъ на глазахъ у Ивана, а замѣчательная личность, рѣшавшаяся изъ толпы людей, занятыхъ чуждыми мелкими интересами и крамолами, не могла не обратить на него вниманія Государя. Что мнѣніе Сильвестра, и востановилъ, доказательствомъ служить востановилъ, что по мысли его князь освободился изъ темницы семейство князя Андрея Старикаго, а это освобожденіе имѣло мнѣніе въ 1541 году. Чѣмъ болѣе возрасталъ Иванъ и приходилъ въ сознательное положеніе, тѣмъ болѣе предвѣдалъ къ Сильвестру и усиливало вѣстие, мнѣніе на дѣла. Странно было бы предвѣстие себя Сильвестра какому-то землемѣстнику, сподобилъ существованію, мнѣніе въ первомъ разѣ предвѣдалъ востановилъ большаго Московскаго бояра, а такъ востановилъ востановилъ мнѣніе, что тотъ совершенно подчинился мнѣнію. Не надобно также упустилъ въ виду разстояніе времени, притогоривъ въ одного событій, до другого; такъ, востановилъ мнѣніе востановилъ востановилъ и повелѣніемъ Сильвестра востановилъ востановилъ мнѣніе на дѣла, мнѣніе на дѣла мнѣніе мнѣніе»

(тогда как и до него был в 1547 году, а особенно в 1550 году) иван отдалъ обращение къ христіанскому вѣдѣнію, и постепенно развитіи умственному и нравственному имѣлъ царя; того царя не могъ создать идеальнѣе и совершить въ 17 лѣтъ, то онъ создалъ и совершаетъ въ 19; это дело! Но при этомъ ясно также, что поступки Ивана были собственно его естественнаго, самостоятельнаго развитія, а не совершались подъ исключительнѣе чуждымъ вліяніемъ Сильвестра и Акинсина. Были Ивану въ дѣлахъ царя немалыя большіе вліянія на дѣлахъ, покуда еще царь еще не началъ его; въ послѣдствіи же Иванъ возрасъ, и началъ думать о людяхъ, которыхъ онъ искалъ на помощь души своей, по его собственному выраженію. Прямое вліяніе обоихъ, и Сильвестра и Акинсина, на царя, нравственнаго поощрять отъ нихъ души его безспорно; сильная религіозность Ивана дала особенно Сильвестру большую власть надъ нимъ, и на самомъ саму его: въ дѣлахъ, касавшихся религіи и нравственности Ивана, и на дѣлахъ Сильвестра, какъ добрый христіанинъ, слушается духовнаго отца, достойнаго служителя алтара. Привыкнувъ совѣтоваться и слушаться Сильвестра въ дѣлахъ религіозныхъ и нравственныхъ, привыкъ къ нему до вѣрности неограниченную; царь не могъ не совѣтоваться съ нимъ и въ дѣлахъ политическихъ: но здѣсь-то и началось борьбу между царемъ и Сильвестромъ. Сильвестръ, относительно личности политическаго взгляда, былъ несравненно ниже Ивана; но, привычки требованія исполненія своихъ религіозныхъ и нравственныхъ обязанностей отъ него, какъ отъ чуждаго человека, Сильвестръ требовалъ и исполненія и своихъ политическихъ обязанностей; тогда какъ царь не могъ своихъ собственнѣе государственныхъ мыслей принести въ жертву уваженію своему къ Сильвестру: всегда чуждость, которую началъ чувствовать государя отъ несправедливости притязаній Сильвестра, на пр. Иванъ первый началъ въ себѣ великую мысль, что Россія можетъ утвердить свое могущество и не бояться Востока только тогда, когда увезетъ себѣ плоды европейской цивилизаціи, для чего необходимо непосредственное сношеніе съ Европою, которому необходимаю программу поставилъ Акинсинъ, предлагая, не чуждавший въ Россію ученыхъ и художниковъ изъ сѣвернаго

ливого опасенія ея могущества; отсюда твердое намѣреніе царя покорить Литву. Противъ этого намѣренія возсталъ вся дума и особенно Сильвестръ; они свѣтовали царю завоевать Крымъ, что необходимо должно было повлечь къ борьбѣ съ Турціею, которой третейша еще вся Европа и противъ которой у тогдашняго Московскаго государства, разумѣется, не было никакихъ средствъ къ сопротивленію. Иванъ понималъ всю безразсудность этого совѣта и отвергъ его преслѣдуя войну Литовскую. Какъ же поступилъ Сильвестръ въ этомъ случаѣ? Онъ не постыжился говорить царю, что боленъ его, его жены и дѣтей есть Божіе наказаніе за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. Такъ употребилъ во зло Сильвестръ до вѣрности Ивана. Мало того, онъ употребилъ во зло глубокое религиозное чувство царя, позволялъ себѣ обмануть его какими то ложными видѣніями. Кто изучалъ сколько цѣлуду душу человеческую, тотъ знаетъ, что всѣ возможныя оскорбленія прощаются гораздо легче, чѣмъ обманъ, потому что при посѣднемъ оскорбитель разсчитывается на слабоуміе оскорбляемаго, а такой расчетъ простить трудно! вотъ почему и частные люди, и цари, и цѣлыя народы такъ жестоко, кроваво мстятъ за обманъ. Наконецъ небагоразуміе Сильвестра и его стороны нанесло самый тяжкій ударъ сердцу царя. Въ 1553 году Иванъ опасно заболѣлъ: ему предложили сдѣлать духовную и взять клятву въ вѣрности сыну своему, младенцу Дмитрію, съ кн. Владиміра Андреевича Старикаго и бояръ. Но тутъ-то обнаружился съ одной стороны притязанія родичей, князей удѣльных, съ другой притязанія бояръ; двоюродный братъ царскій, Владиміръ Андреевичъ не замедлилъ выставить свои права на престолъ по смерти Ивана, мимо племянника Дмитрія, вопреки новому обычаю престолонаслѣдія, за который такъ стояли всѣ Московскіе князья. Что удѣльный князь выставилъ устарѣлое право, тутъ нѣтъ еще ничего удивительнаго: есть преданіе, есть пошени, отъ которыхъ вольно освободится, и которая рождала съ нами и умираетъ съ нами вмѣстѣ: такъ удѣльные, продавая вымарки только съ послѣднимъ удѣльнымъ княземъ; но удивительно то, что Сильвестръ сталъ на сторонѣ старыхъ притязаній, на сторонѣ удѣльнаго князя, руководствуясь мелкимъ духомъ партій. (Стр. 387—388.)

да живить, драматически развѣзывать болерой смуты у смертной постели цари, объясненія довелъ невѣроятныя отношенія царя и болеръ къ Володимиру Моноастырю и важнаго значенія свиданія Ивана съ Василіемъ Топорковымъ, подробно разобрававшая переписка Андрея Курбскаго съ Грознымъ. Вотъ, что говоритъ объ ней г. Соловьевъ:

«Въ письмахъ своихъ къ Ивану, равно какъ въ исторіи его царствованія Курбскій вполне обнаруживаетъ старинныя притязанія друживниковъ, и преимущественно потомковъ князей-родичей; съ своей стороны, въ отвѣтныхъ письмахъ царь высказываетъ свои понятія о царской власти, свою теорію объ ней. Въ этой драгоцѣнной перепискѣ перелъ намъ говорятъ старая и новая Русь, Русь съ родовымъ бытомъ и Русь съ бытомъ государственнымъ говорятъ въ лицѣ своихъ представителей—Курбскаго, отъѣзжага боярина, потомка Ярославскихъ князей, и Ивана, В. К. Московскаго, перваго царя. Такими образомъ вмѣсто сухой, мертвой лѣтописи, гдѣ лѣтописецъ очень часто опускаетъ самое важное для насъ, въ сочиненіяхъ Курбскаго и особенно въ его перепискѣ съ царемъ мы имѣемъ живую, страстную рѣчь двоихъ борцовъ, двоихъ представителей протавоположныхъ стремленій; вмѣсто лѣтописца, который такъ часто скрываетъ причины дѣленій, Курбскій и царь высказываютъ намъ свои задушевные мысли, свои чувства, руководившія ихъ поступками, раскрываютъ тайныя пружины борьбы. Разумѣется безпристрастія въ исторіи Курбскаго и въ перепискѣ его съ царемъ искать нельзя: оба—и царь и Курбскій суть не иное что, какъ адвокаты своего дѣла; рѣчь ихъ страстна, они щедры на сильныя эпитеты, щедры на леумѣренную брань чужимъ, на леумѣренную похвалу своимъ». (Стр. 635—636).

«Я долженъ обратить вниманіе на тѣ мѣста въ письмахъ царя, гдѣ онъ, по видимому, самъ признается, что при Сильвестрѣ онъ не имѣлъ никакой власти, что все дѣлалъ Сильвестръ съ своими сторонниками, и слѣд. можно заключить, что первая блестящая половина его царствованія принадлежитъ не ему, а Сильвестру. Не я уже забывалъ разъ, что оба — и Курбскій и царь пишутъ подъ палачіемъ

страсти, въ слабствѣ: чего не слѣдуетъ, въ противрѣчія; если основная мысль Курбскаго состоитъ въ томъ, что царь долженъ слушаться совѣтниковъ, то основная мысль Ивана, что подданные должны повиноваться царю, а не стремиться къ подчиненію Царской воли волѣ собственной, такое стремленіе есть величайшее изъ преступленій, и всею тяжестью его Иванъ хочетъ обременить Сильвестра и его сторонниковъ, итѣ позволю онъ приписывать итѣ самое преступное злоупотребленіе его довѣренности, самоуправство, самоуправство, говорить, что вмѣсто его, онъ владалъ царствомъ, тогда какъ онъ самъ облекъ ихъ не ограниченной своею довѣренностью». (Стр. 672—673.)

Въ заключеніе, г. Соловьевъ разсматриваетъ завѣщаніе Грознаго, написанное имъ въ 1572 году, слѣдовательно, за 12 лѣтъ до смерти и въ самый разгаръ борьбы съ всемогуществомъ и Староу-Русью. Намъ помнится, что кто-то удивлялся бѣдности содержанія этого завѣщанія. Но опытный и зоркій взглядъ знатока отырылъ въ немъ не одинъ перечень владѣній, оставленныхъ лѣтямъ, не одни общепринятые и освященные обычаемъ назидательныя увѣщанія, а прочелъ душевную мысль Ивана,—мысль, которая гораала его въ то время и дала новое объясненіе его дѣйствіямъ. Царь, по словамъ г. Соловьева, «былъ вполне увѣжденъ, что онъ и семейство его непрочны на московскомъ престолѣ, считалъ себя изгнанникомъ, а государство въ военномъ положеніи дѣтѣхъ—портъ, пока онъ съ своею опрѣчиною не истребитъ враждебныя началъ, и не утвердится снова на престолѣ; при этомъ онъ не предвидѣлъ еще близкаго конца борьбѣ, а въ духовной дѣлаетъ наставленія своимъ вѣкамъ, какъ они должны жить итѣ окончавія». Приложенныя выписки вполне подтверждаютъ этотъ выводъ, и оставляютъ на душѣ какое-то тѣплое, страшное впечатленіе. Ужасно становится, когда подумаешь, что стоила намъ о-сю-пору наша небольшая жизнь, и что за-предала, ожесточен-

ия Горбаго совершалась въ древней
росси!

Предѣлы рецензій не позволяютъ
намъ входить въ подробный разборъ
мѣчательной книги г. Соловьева. Мы
къ сдѣлали много выписокъ; но еслибъ
сталавливаться на все, что въ ней
ваго, върно-подмѣченного, или удач-
но-поправленнаго въ прежнихъ насѣ-
дствіяхъ, — пришлось бы написать
блгое сочиненіе. Не имѣя ни возмож-
ности, ни времени это сдѣлать, мы по-
олимъ себѣ, въ заключеніе, отъ ду-
и поблагодарить автора за его добро-
вѣстный, умный, прекрасный трудъ
вѣстѣ съ читателями порадоваться,
то въ наше время молодые исследо-
тели русскои старины начинаютъ
ое поприще такими блистательными
ными подвигами.

194) Древнiе и нынѣшнiе Слo-
вeнe, въ политическомъ, народописномъ,
сторическомъ и религіозномъ ихъ отно-
сeнiи къ Россiи намъ. Историко-крити-
скiя изысканiя Юрiя Вевелина. Томъ
I. Москва. Въ университетской тип.
341. Въ 8-ю д. л. LXXIX и 326 стр.

Хотя на заглавномъ листѣ книги вы-
авленъ 1841 годъ, но печатаніе 2-го
ма, начатое еще въ 1834 г. самымъ
торомъ, остановилось, по случаю его
ерти, на 16-мъ листѣ. Окончаніе
искиано въ бумагахъ покойнаго ро-
вевникаго его, г-нъ Молваромъ, и
исоединено, въ 1846 году, къ предъ-
дущему. Въ этомъ окончаніи заклю-
ются слѣдующія главы: Образъ про-
вѣдованiа евангелiа въ-продолженіе
рвухъ четырехъ вѣковъ, О состоя-
и нынѣшняго шрифта у славянскихъ
ишенихъ, Словене слышатъ старожилы
и Панионъ, О географіи Словенiи, О
ипетарахъ и Скиперiн, Третій перi-
дъ Словенiи: Владычество Аттвалы,
ишествіе жителей Руси, Заключение.
гличительныя свойства автора, — какъ
о несомнѣныя достоинства, такъ и
кіе недостатки, — столько же очевид-
ны въ этомъ томѣ, сколько и въ про-
ахъ его сочиненiяхъ: рядомъ съ эру-
дированіемъ, остроумными догадками и со-

ображеніями — вдругъ ужасно, дикая
выходитъ, страдная мысль, или крутой
поворотъ въ сторону, ни къ чему не
ведущій. Издатель приложилъ списокъ
главнѣйшихъ рукописныхъ сочиненій ва-
шего ученаго (нѣкоторые изъ нихъ
уже напечатаны въ «Чтенiяхъ Мос-
ковскаго Общества Исторiи: мы смѣ-
жемъ о нихъ при критическомъ разбо-
рѣ «Чтенiй»), также планъ исслѣдова-
нiй, который онъ себѣ составилъ, нѣ-
которыя черты изъ частной и ученой
жизни сочинителя, равно начатая и въ
и оконченная издателемъ карта Слове-
нiи.

195) Чтенiя о Церковной Слo-
вeности или Гомилетика. Сочиненіе
Кіевской Духовной Академіи ординар-
наго профессора Якова Амфитеатрова.
Два части. Кіевъ. 1846. Въ тип. I.
Вальнера. Въ 8-ю д. л. Въ I-й части
276, XLVIII, во II-й — 302 и XXXVI
стр.

Давно не видали мы такой умной и
дѣльной книги изъ разряда книгъ
классныхъ. Есть учебныя руководства,
въ которыхъ нисколько не видно или
видно очень мало учености. «Гомиле-
тика» г. Амфитеатрова — вѣстѣ и
учебное руководство и ученое сочине-
ніе.

Главное достоинство систематиче-
скаго сочиненiа заключается въ томъ,
чтобъ провести одну и ту же идею по
всѣмъ частямъ системы, чтобъ ни ра-
зу, ни въ одномъ параграфѣ не укло-
нитъ отъ основнаго, однажды-при-
нятаго направленiа. Если искусно вы-
полнено такое требованіе науки, то мы
можемъ не соглашаться съ авторомъ
ни въ истинѣ развиваемой имъ идеи,
ни въ пользѣ вѣятаго имъ направленiа,
но должны будемъ признать въ немъ
искуснаго систематика и назвать его
сочиненіе — умной книгой.

Но этого еще недостаточно. Кромѣ
строгаго научнаго построенiа матері-
аловъ, нужно богатство матеріаловъ.
Сфера, въ которой вращается систе-
матикъ, можетъ быть очень бѣдною,
огражденною отъ ученiй прогнвнопо-

ложных, несъдающему полнѣйшихъ послѣдованій, современныхъ приобретений, и потому спокойною. Въ книгѣ г. Амонтастрова, мы видимъ противное: она показываетъ въ авторѣ, крокъ изученія собственнаго предмета, незнакомство съ другими свѣдѣніями, многосторонность ученаго. Конечно, при этомъ усматривается и трудность автора: ему придется или уничтожить другія ученія, какъ противоположныя его идеѣ, какъ ложныя въ своихъ основаніяхъ, или, по-крайней-мѣрѣ, пришить съ своей идеей, какъ одностороннія, не вполне-истинныя, — трудность тѣмъ болѣе очевидная, чѣмъ ученіе автора исключительнѣе въ своихъ положеніяхъ, строже по своему характеру, который есть характеръ нетерпимости. Дѣй въ крайности грозятъ въ такомъ случаѣ автору: или онъ безъ суда подчинитъ своимъ положеніямъ все съ нимъ несогласное, или, менѣе-строгий, внесетъ нѣчто изъ противоположныхъ элементовъ въ свою книгу и тѣмъ нѣсколько потрясетъ исключительность строгаго ученія. Актъ прищипки, обнаруживъ, съ одной стороны, ложность систематика, обнаружитъ съ другой его свисходительность къ другимъ направленіямъ, его уступчивость какъ ученаго, ибо неуступчиво только то ученіе, которое все состоитъ изъ положеній, изъ котораго выгнавъ вскаій прогрессъ и въ которомъ, слѣдовательно, нѣтъ собственно-такъ-называемой учености, допускающей намѣненія въ-слѣдствіе новыхъ успѣховъ ума.

Представимъ содержаніе книги г-на Амонтастрова, любопытной и потому уже, что она содержитъ въ себѣ полную теорію духовнаго краснорѣчія, о которомъ до-сихъ-поръ во всѣхъ курсахъ такъ-называемой риторики, во всѣхъ теоріяхъ краснорѣчія говорили только общія мѣста. Еслибъ каждый родъ краснорѣчія разсмотрѣнъ былъ съ такою подробностью и въ такой системѣ, какъ церковное слово разсмотрѣно въ «Гомилетикѣ», то мы

имѣли бы основательный курсъ теоріи краснорѣчія.

«Введеніе» излагаетъ три предмета предварительныя понятія о церковномъ соборѣдованіи вообще, о гомилетикѣ, и краткую исторію русской гомилетикѣ. Авторъ выбираетъ основное слово «Бесѣдованіе» для заглавья другія: «Бесѣда», «Проводъ», и проч. и для означенія общепринятыхъ уроковъ объ истинахъ вѣры христіанской, предлагаемыхъ народу. Такъ какъ церковно-библейское воззрѣніе на человѣчество двойко: печальное — на человѣчество падшее, и отрадное — на человѣчество возрожденное, то проповѣдь имѣетъ двѣ главныя цѣли: отрицательную и положительную. Отрицательная цѣль — излагать характеръ падшаго человѣка; положительная — ученіе о возрожденіи, воспитаніе и усовершеніе человѣчества по духу религіи христіанской. Но паденіе человѣка обнаружилось въ умѣ, воли и чувствахъ; слѣдовательно, главная положительная цѣль церковныя вѣщанія — образованіе ума, направленіе воли, развитіе религіознаго чувства или вкуса. Эти особенныя цѣли, сообразно церковно-библейскому взгляду на возрожденіе, опредѣляются точнѣе слѣдующимъ образомъ: образованіе ума — значитъ произвести въ слушателя живую вѣру и убѣжденіе въ истинѣ Евангелія; направить волю — значитъ возбудить въ ней дѣятельную христіанскую любовь, которая стремится къ точному исполненію евангельскаго закона; развитіе религіознаго вкуса — значитъ изображеніемъ плодовъ вѣры и любви христіанской прояснить между благъ вѣчныхъ.

По нашему убѣжденію, ученіе отрицательной и положительной цѣляхъ церковнаго соборѣдованія, искусство развитое авторомъ, не развиты отъ ученія объ элементахъ ораторской рѣчи вообще. Забывъ различіе словъ, открыемъ одинаковую сущность. Въ каждой ораторской рѣчи два элемента: общій и частный. Общій элементъ

есть какое-нибудь начало, частный — какое-нибудь явление. Ораторъ занимаетъ содержаніе своего слова изъ дѣйствительнаго міра; въ ряду живыхъ явленій онъ беретъ готовый фактъ, но не ограничивается признаніемъ этого факта: частное онъ стремится пересоздать согласно съ общимъ — съ идею. Поэтому ораторъ, съ одной стороны, полагаетъ общее явленіе; съ другой, выводитъ частное явленіе, въ которомъ заключается противорѣчіе съ общимъ и своею рѣчью старается положить конецъ этому противорѣчію, общее примирить съ частнымъ. То, что авторъ Гомилетики называетъ отрицательною цѣлью собесѣдованія — есть именно указаніе частнаго явленія, въ которомъ, по ученію богословскому, сказалось человѣчество падшее; а то, что называется онъ цѣлью положительною, есть указаніе элемента общаго, — или, выражаясь языкомъ теологическимъ, указаніе духа христіанскаго возрожденія. Разнымъ образомъ, особенныя три цѣли проповѣдника соответствуютъ (мы не говоримъ тождественны) и тремъ требованіямъ древнихъ риторовъ и тремъ идеямъ философіи, которую авторъ отличаетъ именемъ свѣтскаго любомудрія. И ученіе древнихъ риторовъ объ ораторскомъ краснорѣчій сводилось къ тремъ пунктамъ: убѣжденію ума, возбужденію чувства, преклоненію воли. И философія завѣщиваетъ духовной природѣ человѣческой три главныя идеи: идею истинны для ума, идею добра для воли, идею красоты для чувства. Ученіе Гомилетики не отходить въ этомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, по соответствію элементовъ и цѣлей собесѣдованія, отъ свѣтскаго любомудрія.

Какия же средства для достиженія цѣли или цѣлей проповѣдника? Ему надобно, узнать сущность, свойство и способъ своихъ наставленій. Отсюда ясны опредѣленіе и раздѣленіе гомилетики. Предметъ ея раскрытъ: въ чемъ должно состоять церковное собесѣдованіе (вопросъ о сущности, или

матеріи)? какия свойства должно имѣть церковное собесѣдованіе (вопросъ о характерѣ)? какими способами оно можетъ проявляться (методологія гомилетическая)? Весь составъ гомилетики разлагается такимъ образомъ на три части 1) о матеріи церковнаго собесѣдованія; 2) о характерѣ его; 3) о родахъ и видахъ поученій, въ которыхъ оно проявляется. Авторъ изложилъ первыя двѣ части. Для послѣдней назначаетъ онъ, безъ сомнѣній, третій томъ, еще невышедшій.

Первая часть гомилетики: о матеріи церковнаго собесѣдованія, подраздѣляется на три отдѣла, по числу трехъ родовъ матеріи: на догматику, практику и церковно-богослужебное ученіе. Ученіе догматическое имѣетъ цѣлію образованіе ума, ученіе дѣятельное — образованіе воли, ученіе церковно-богослужебное — образованіе христіанскаго чувства. Къ ученію догматическому авторъ относитъ, какъ предметы вспомогательныя, ученіе естественное, ибо Слово Божіе указываетъ на природу, какъ на вторую книгу откровенія, и ученіе историческое, ибо религія, кромѣ божественнаго, имѣетъ происхожденіе историческое.

Въ отдѣлѣ объ ученіи догматическомъ разсматривается общее ученіе догматическое, отличія догматическаго ученія нашей православной церкви и общенародный планъ догматики, т. е. основанный не на формальномъ началѣ и системѣ богословской, а на потребностяхъ самой церкви.

Ученіе дѣятельное разсматривается въ трехъ видахъ: христіанское нравственное вообще, нравственное ученіе объ отношеніи человѣка къ обществу и нравственное ученіе объ отношеніи человѣка къ церкви.

Церковный уставъ, въ смыслѣ гомилетическомъ, есть практическая наука церковнаго собесѣдованія, содержащая въ себѣ не правила и теорію житія, а показывающая, что когда читать изъ писанія и безъ отеческихъ. Такъ какъ онъ начертываетъ образъ служебъ, означаетъ книги, по

которых: практика службы, и книги, из которых берется чтение, то третий отдел (учение богослужбное) состоит из трех частей: в первой рассматривается суточное богослужение, во второй—библиотека книг богослужбных, в третьей—библиотека книг церковно-педагогических.

Этим оканчивается первый том, в котором объяснено, что должно проповедывать. Вторая часть излагает, как проповедывать,—иначе: рассуждает о характере духовного витийства. Общий вопрос о характере содержит в себе три части: какое должно быть церковное собеседование по внутренним качествам или по духу? как должно выражаться в словах? как должно быть сообщено народу? Отсюда разделение второй части томикетни на три отъеза: о внутреннем характере церковного собеседования, о внешнем его характере и о его сообщении.

Проповедь может быть два направления совершенно-противоположных: чистое, или истинное и подлинное, и нечистое, или ложное и поддельное. Исследование истинного направления составляет первый член первого отъеза; исследование ложного направления—второй член.

Неизбывное начало для определения внутреннего характера есть дух Библии, дух церкви и отношение этого духа к характеру народа: следовательно, подлинный внутренний характер есть точное выражение духа церковно-библейского приспосабливаемо к духу народа поучаемаго. Признаки чистаго направления: назидательность для ума, убеждение для воли, покаяние для сердца. Главныя свойства назидательности: религиозность или дух библейский в бесѣдѣ, православие или дух церковный, народность или приложение этого духа к духу и характеру поучаемаго народа. Свойство и сила истинно-христианскаго убеждения немного зависят отъ искусства и науки. Оно не состоит ни в возбужденіи страстей, ни в изоб-

ривеніи: доводовъ хитрости и осуждающихъ своимъ баснословіемъ печальностию, ни въ доклованіи раздѣльнѣе, а именно патетическихъ: оно въ административной силѣ, т. е. на волю дѣйствуетъ только воля; духовная сила воли, которую обладаетъ дѣйствующій, прелепляетъ и мечетъ въ своей дѣлѣ волю тѣхъ, на кого устремлено дѣйствіе; убѣждаетъ тотъ, кто самъ убѣжденъ. Разсужденіе чрезвычайно-хитрое, съ которыми нельзя не согласиться: но оно совмѣстятъ съ неучаеимъ сѣбялюбивымъ любознудіемъ, которое уже оставило схоластическія уроки. Фактъ называемой патетической части въ ораторской рѣчи. И сѣбялюбивое любознудіе знаетъ, что ученіе древнихъ риторовъ о возбужденіи страстей неправомерно по своему основанію, цѣли и содержанию. Невозможно научить погрѣшителей правилъ тому, что можетъ исполнить только природный талантъ. Сила истиннаго вдохновенія мѣшаетъ и соединеннаго съ нимъ краснорѣчія тѣло, что оно невольно увлекаетъ мысль и чувство, и возбуждаетъ жаръ его представленія въ истинныя живомъ видѣ. Покаяніе для сердца, въ приложеніи къ церковному собесѣдованію, означаетъ, что это собесѣдованіе воспитано духомъ христианскимъ.

Ложный характеръ проповѣди дѣлеть три направленія: теоретическое, практическое и эстетическое.

Въ теоретическомъ, касательно ума, должно различать, во-первыхъ, примѣсь еретическаго ученія, состоящаго либо въ кривомъ толкованіи слова Божія, либо въ искаженіи постановленій церкви, либо въ распространеніи древнихъ политическихъ мнѣній; во-вторыхъ, въ уклоненіи отъ простоты евангельской къ философическимъ рассужденіямъ о религіи и предметѣ ея; въ-третьихъ, въ нечестивомъ извращеніи духа религиознаго. Къ послѣднему относятся: энтузіазмъ, или личное вдохновеніе, словесность осуждать все на внутреннемъ, ложномъ убѣжденіи; мистическимъ—склонность находить таинственный и глубокий смыслъ

ездѣ, гдѣ выражается истинна, самая простая и выражается буквально, — тремление всѣ вещи и дѣла библейскія превращать въ образы предельно высшихъ и духовнѣйшихъ; система приспособленія и иконоизма, когда въ действительныхъ прообразахъ видятъ только намень, въ подлинныхъ оводахъ одно сходство, и все историческое въ описаніи представляють архаичною; фанатизмъ — слѣпая ревность о вѣрѣ, безотчетная приверженность о вѣрности въ религіи, худшее изъ удыхъ направленій собесѣдованія; индифферентизмъ — холодность и равнодушіе къ религіи.

Въ ложномъ направленіи практическомъ, касательно воли, должно различать три предмета: ригоризмъ, либерализмъ и шаткость между тѣмъ и другимъ. Ригоризмъ есть непоколебимое проповѣданіе о строгости правилъ христіанства, представленіе ихъ суровыми, превышающими силы человѣчскія: сюда относятъ авторъ проповѣди древнихъ фарисеевъ, неопытныхъ проповѣдниковъ легкаго ига Христова, и раннехристіанскихъ проповѣдниковъ (Масильбона, Бурдалу и другихъ), которые изображаютъ иногда высоту вѣоторыхъ добродѣтелей и тяжесть поюковъ, такъ — что, читая ихъ, замѣаешь въ себѣ чувство, похожее на езидежность. Либерализмъ (соотвѣтствующій индифферентизму) есть сланный духъ христіанскій въ проповѣднкѣ. Шаткость между ригоризмомъ и либерализмомъ (ипокризмъ, проповѣдническое лицемеріе) состоитъ въ примѣси либерализма къ ригоризму, и наоборотъ, также въ строгости для дннихъ, въ уступчивости для другихъ.

Ложное направленіе эстетическое, касательно чувства или вкуса, происходитъ тогда, когда проповѣдникъ искусство словесное ставитъ вмѣсто ны и назиданія, блескъ вмѣсто истины, украшеніе вмѣсто простоты. Приманіи испорченнаго вкуса у старинныхъ проповѣдниковъ заключались въ простонародныхъ анекдотахъ и пословицахъ, въ примѣси языческой исто-

ри и мнелогіи, въ брагичныхъ и грубыхъ выраженіяхъ, въ саркастическихъ воззрѣніяхъ. Порча вкуса у современныхъ молодыхъ проповѣдниковъ обнаруживается отсутствіемъ маардавіа, подчиненностью духу оцѣтскому.

Второй отдѣлъ второй части трактуетъ о вѣннемъ характерѣ церковнаго собесѣдованія. Какъ внутренній характеръ церковнаго собесѣдованія долженъ возникать изъ духа Библіи и церкви и изъ отношенія этого духа къ духу народа, такъ и вѣнній характеръ тогда только можетъ имѣть свою особую, собственно-проповѣдническую физиономію, когда въ немъ языкъ отечественный, народный, на которомъ бесѣдуетъ проповѣдникъ, растворяется языкомъ библейскимъ и церковнымъ. Слѣдственно, всѣ свойства слога собесѣдовательнаго, и общія и частныя, должны развиваться изъ живаго, органическаго сліанія трехъ стихій: языка библейскаго, церковнаго, народнаго, или отечественнаго. Поэтому авторъ подраздѣляетъ второй отдѣлъ на три члена: въ первомъ разсматриваетъ употребленіе языка библейскаго въ церковномъ собесѣдованіи, во второмъ употребленіе языка церковнаго, въ третьемъ употребленіе языка народнаго.

Языкъ библейскій имѣетъ свой особый идиомъ нравственный и свой особый идиомъ буквальный. Употребленіе его можно согласить съ духомъ и чистотой языка отечественнаго, современнаго, по двумъ причинамъ: вообще, гениі оригинальныхъ языковъ писанія такъ естественъ, обширенъ и глубокъ, что удобно можетъ примѣняться ко всякому языку, не нарушая ни своей, ни чужой природы; особенно, онъ не противорѣчитъ ни аналогическимъ, ни идиоматическимъ свойствамъ нашего отечественнаго языка, потому-что взаимный союзъ родства между ними заключенъ еще въ древнѣи времена и укрѣпленъ вѣками. По имѣя родственное отношеніе къ языку отечественному вообще, языкъ библейскій еще ближе и многостороннѣе

относится къ языку проповѣдническому въ частности. Сюда входятъ еще, какъ основаніе слога въ видѣ отдѣльныхъ словъ, какъ *спогобы развитія* въ видѣ излотивмовъ грамматическихъ, логическихъ, риторическихъ, какъ особый родъ *силы и достоинства рѣчи* въ видѣ полныхъ текстовъ и приведенія цѣлыхъ отрывковъ изъ Библии.

Церковный языкъ имѣетъ двойное значеніе: историческое и современное. Въ историческомъ значеніи, онъ есть языкъ церкви въ нашей литературѣ; въ современномъ, онъ есть языкъ, получившій особую важность у народа, по употребленію при священнодѣствіяхъ. Главное отношеніе его къ современному языку то же, что отношеніе библейскаго; а частное состоитъ въ томъ, что, не смотря на притязательность пуристовъ, славянизмъ вторгается въ книги писателей, при извѣстныхъ предметахъ и при извѣстныхъ тонахъ. Точно также, главное отношеніе церковнаго языка къ проповѣдническому не разнится отъ отношенія библейскаго языка къ проповѣдническому. Но какъ литература церковная обширнѣе библейской, то отношеніе частное многостороннѣе. Здѣсь авторъ всю церковную литературу дѣлитъ на три порядка: литературу богослужебную, церковно-собесѣдовательную, богословскую, или учебную систематическую. Церковная бесѣда сама есть часть богослуженія, слѣдовательно, направленіе языка ея тоже: или молитвенное, или пѣсенное, или то и другое вмѣстѣ. По различнымъ формамъ возгнѣвъ и пѣснопѣнія, проповѣдь тоже получаетъ различныя формы. Въ церковно-собесѣдовательной литературѣ должно различать два вида: переводную, содержащую въ себѣ бесѣды отцовъ церкви, и оригинальную, принадлежащую нашимъ отечественнымъ писателямъ. Въ литературѣ переводной два періода: переводы старинные и переводы новые, или поновленные славянскіе. Такое различеніе необходимо для того, что два вида переводовъ указываютъ на два способа

пользоваться въ проповѣдяхъ языкомъ церковно-собесѣдовательнымъ. Оригинальной славянской литературѣ особенную важность для проповѣди имѣютъ творенія св. Димитрія Ростовскаго. Языкъ богословскій, иначе называемый систематическимъ, учебнымъ или школьнымъ, образуется изъ трехъ ступеней: языка библейскаго, языка церковнаго и языка схоластическаго. Все, что система заимла отъ языка Библии и церкви, можетъ входить въ бесѣду на тѣхъ же основаніяхъ, какія положены для употребленія языка библейскаго и церковнаго. Касательно же языка схоластическаго, надобно быть осторожнѣе; авторъ указываетъ нѣкоторые правила, которыми должно руководствоваться при его употребленіи.

Языкъ народный или отечественный имѣетъ два вида: разговорный и письменный. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ бываетъ либо простонародный, либо образованный. Церковная бесѣда не можетъ отдѣлиться отъ языка общаго, ибо она есть отрасль всеобщей словесности: слѣдовательно, качества слога образованнаго суть и качества слога проповѣдническаго. Общихъ же свойствъ образованнаго слога три: согласіе языка съ самимъ собою—свойства грамматическія, согласіе съ мыслью—свойства логическія, согласіе со вкусомъ—свойства эстетическія. Разборомъ каждаго рода свойствъ заключаетъ авторъ второе отдѣленіе второй части.

Сообщеніе бесѣды слушателямъ, и не читателямъ, есть вторая видная форма церковнаго собесѣдованія. Это собесѣдованіе въ собственномъ смыслѣ—живое, непосредственное. Оно занимаетъ третье отдѣленіе второй части, раздѣленное на три члена, ибо здѣсь надобно опредѣлить общій нравственный характеръ проповѣдническаго дѣйствозанія, потомъ рассмотреть частное дѣйствіе голоса и выговора, наконецъ, состояніе тѣла вообще и различныя частныя его.

Церковный ораторъ долженъ распе-

матери свое дѣйствозаніе такъ, чтобы оно удовлетворяло требованіямъ эстетическаго вкуса. Благопріимчивіи первенца, и избѣгало непріимчивіи тому и другому. Отсюда, въ первомъ члѣнѣ, опредѣляются: эстетическія качества проповѣдическаго дѣйствозанія (естественность, пріятность, живость, свобода, разнообразіе), релігіозныя или церковныя качества (благоговѣніе, важность и достоинство, степеньность, трогательность, скромность и простота), и пороки дѣйствозанія, противныя вкусу и благопріимчивости церковной (звѣздчатость и принужденность, небрежность и грубость, своеволие, робость и смелость, и проч.).

Въ дѣйствозаніи о сказываніи поученій (во второмъ члѣнѣ) разсматриваются: приготовленіе къ сказыванію бесѣды, дѣйствіе голоса или декламация, дѣйствіе словеснаго органа или проповѣденіе, совокупное дѣйствіе голоса и языка, или выборъ господствующаго тона и погрѣшности сказыванія.

Наконецъ, въ послѣднемъ члѣнѣ тридцати отдѣленія, авторъ опредѣляетъ состояніе и общее дѣйствіе нѣмныхъ органовъ тѣлесныхъ, дѣйствозаніе, порока приснособительно къ словеснымъ формамъ бесѣды и неблагопріимчивыя положенія, которыхъ дурной ораторъ обязанъ избѣгать.

196) Бесѣды о мнѣніи Старообрядцевъ въ Поповщинѣ. *Санктпетербургъ. Въ тип. Депар. Внѣш. Торговлѣ. 1847. Въ 8-ю д. л. 238 стр.*

Двадцать бесѣдъ, заключающихся въ этой книгѣ, замѣчательны гениальностью въ нихъ христіанско-протестантскую, которую проникнуто ученіе православной церкви. Недостатки поповщины и уклоненіе ея отъ истинной вѣрныя изобличаются на основаніи словъ св. писанія и разумнаго воззрѣнія ихъ. Нейтральніи приносятся повѣсть вѣрныи смыслъ этихъ словъ и показаны.

Неизвѣстный авторъ Бесѣдъ о мнѣніи старообрядцевъ принадлежитъ,

какъ видно, къ лучшимъ проповѣдникамъ нашей церкви.

197) Еврейскія Релігіозныя Свѣдѣнія въ Россіи. *Составлено В. В. Григорьевымъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Министерств. Внутрен. Дѣлъ. 1847. Въ 8-ю д. л. 219 стр.*

Книжка г. Григорьевымъ разсмотрѣна выше, въ отдѣлѣ Критики.

198) Благоговѣйныя Христіанскія Размышленія г-жи Пороховой. *Санктпетербургъ. 1847. Въ тип. Жермакова. 230 стр.*

Въ предисловіи къ этой книгѣ, которое обращается къ христіанамъ чинамъ, изложена цѣль ея составительницы такимъ образомъ:

«Собирая изъ разныхъ иностранныхъ авторовъ Благоговѣйныя Христіанскія размышленія и переводя ихъ на Р(у)сскаій языкъ, я не имѣла другой цѣли, какъ возбудить души братій моихъ во Христвѣ отъ усыпленія на пути Господнемъ, и внушить имъ релігію къ продолженію начатаго пути ко спасенію. О, сколь много погибаетъ духовныхъ сыновъ новаго Израиля—Са. Церкви въ пустыни міра сего отъ утомленія и безпечности (.) не достигнувъ земля обѣтованной, то есть Царства небеснаго!—Почему сіе второе изданіе, умноженное и дополненное, предпринято для васъ, Христіанскіе читатели, что бы вы пріобрѣли отъ чтенія сей книги существенную душевную пользу. Обо мнѣ, трудившейся въ семь дѣлъ, помолитесь Всевышнему.»

Нельзя не похвалить цѣли г-жи составительницы въ этомъ второмъ изданіи ея книги; мы только осмѣливаемся замѣтить, что прекрасная цѣль ея несколько бы не потеряла своей важности, еслибы переводъ былъ сдѣланъ языкомъ болѣе легкимъ и правильнымъ и еслибы не встрѣчалось въ немъ такихъ оборотовъ въ родѣ слѣдующихъ: «*Черезъ это для человека часто имѣетъ значеніе столь чуждаго, какъ онъ самъ для себя... Кажется, что могло бы насъ болѣе интересовать, какъ*

знать, каково наше нравственное положение, хорошо или худо (стр. 97), и проч.

199) **Гражданское Право Царства Польскаго. Сочинение члена Комиссии Составленія Законовъ для Царства Польскаго, ординарнаго профессора Санктпетербургскаго Университета, действительнаго статскаго советника Заборовскаго. Выпускъ первый. Санктпетербургъ. Въ тип. Второю Отдѣленія Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи. 1847. Въ 8-ю д. л. 289 стр.**

Предметъ книги и способъ ея изложенія выражаются слѣдующими словами автора (стр. 11):

«Наука гражданского права не должна удалаться отъ дѣйствительности, отъ жизни; весь составъ ея долженъ быть разсмотрѣнъ съ трехъ сторонъ:

«1, со стороны теоретической, философской. Здѣсь надобно объяснять общія начала, которыя служатъ основаніемъ гражданскихъ законовъ всѣхъ народовъ, — общія задачи, къ разрѣшенію которыхъ должно стремиться всякое законодательство. На общихъ началахъ должно быть основано и раздѣленіе гражданского права и означка положительныхъ законовъ всѣхъ народовъ.

«2, со стороны исторической. При изложеніи общихъ началъ гражданского права, должно быть раскрыто и постепенное развитіе ихъ, какъ въ положительныхъ законахъ, такъ и въ наукѣ, въ трудахъ ученыхъ различныхъ временъ. Для доставленія этой цѣли, конечно, нельзя ограничиться однимъ указаніемъ на факты. Надобно раскрыть внутреннюю исторію гражданского права, сущности фактовъ и связь ихъ съ жизнью народа.

«3, со стороны практической. Наконецъ обращаясь къ дѣйствующему доказательству, надобно взять во вниманіе преимущественно примѣненіе законовъ къ частнымъ случаямъ. Здѣсь мы должны указать точный смыслъ cadaго постановленія и цѣль, какую имѣлъ въ виду законодатель, а вмѣстѣ съ тѣмъ представить и всѣ возможные случаи встрѣчающіеся въ жизни, и начала, на которыхъ основывается примѣненіе закона къ этимъ случаямъ.

«Кто хотя нѣсколько занимался судебными дѣлами, тотъ очень хорошо знаетъ, какъ важно подробное практическое примѣненіе законовъ. Законодатель иногда не можетъ опредѣлять всѣхъ частныхъ, всѣхъ подробностей; такъ, чтобы оставить судья одно простое механическое примѣненіе закона. Потому очень рѣдко встрѣчаются такіе случаи, которые прямо могли бы быть подведены подъ букву закона. Напротивъ, большая часть судебныхъ дѣлъ требуетъ соображенія многихъ постановленій, разнѣанныхъ по различнымъ частямъ кодекса. Конечно, посредствомъ практическихъ занятій всего лучше можно приобрести навыкъ къ быстротѣ и вѣрности соображеній въ дѣлахъ судебныхныхъ. Но и наука съ своей стороны чрезвычайно много содѣйствуетъ къ образованію чиновниковъ, которымъ вѣрлется дѣло правосудія. Она доставляетъ такія свѣдѣнія, которыя проливаютъ ясный свѣтъ на всѣ законодательства и на каждое постановленіе отдѣльно взятое. Обладая запасомъ этихъ свѣдѣній, каждый уже легко можетъ притопнуть къ исполненію своихъ обязанностей.» (Стр. 11—12).

Далѣе (стр. 15):

«Но положительные законы съ практической стороны могутъ быть изложены двоякимъ образомъ, — или въ видѣ объясненія каждой отдѣльной статьи, или въ строгомъ систематическомъ порядкѣ. Первый способъ кажется мнѣ болѣе удобнымъ и сообразнымъ съ назначеніемъ юридическаго образованія. Онъ болѣе способствуетъ къ удержанію въ памяти точнаго смысла cadaго постановленія и такимъ образомъ облегчаетъ самое примѣненіе законовъ къ частнымъ случаямъ. Кромѣ того, онъ способствуетъ еще тому, чтобы повѣрять подлиннымъ текстъ закона съ объясненіями его въ наукѣ. Но прежде всего необходимо привести въ систематическій порядокъ тѣ предметы законодательства, которые разсѣяны по различнымъ статьямъ.

«Практическая сторона гражданского права, дѣйствующаго въ Царствѣ Польскомъ, будетъ главнымъ предметомъ предлагаемаго сочиненія. Но чтобы удовлетворить современнымъ требованіямъ науки, въ каждой части гражданского права предварительно должны будутъ об-

ція основанія ея и краткое историческое развитіе.

«Дѣйствующіе нынѣ гражданскіе законы Царства Польскаго имѣютъ быть измѣнены, сообразно съ началами русскаго законодательства. Но и послѣ того они останутся важнымъ историческимъ памятникомъ, а вмѣстѣ и источникомъ новаго уложенія. Обшира же начала и исторія гражданскаго права, равно какъ и большая часть практическихъ случаевъ, никогда не лишаются своей важности. Наконецъ издобоно еще замѣтить, что до сихъ поръ, не смотря на всю важность практическаго изложенія права, мы не имѣемъ еще ни одного опыта въ этомъ родѣ, ни на русскомъ, ни на польскомъ языкѣ. Вотъ причины, которыя побудили меня къ изданію науки польскаго гражданскаго права. Я почту себя очень счастливымъ, если попытка моя побудитъ нашихъ юристовъ къ раскрытію практической стороны русскаго права.»

Дай Богъ, чтобъ наши юристы знали хотя вашими словамъ г. авторъ! До настоящаго времени они и не знаютъ и не внимаютъ, не смотря на разныя побужденія, а между прочимъ, на одно самое настоятельное, именно: недостатокъ учебниковъ для университетскихъ слушателей, которые принуждены на лекціяхъ записывать слова преподавателя на-легу, часто ошибочно—отъ невозможности записать вѣскою лекцію. Отъ-этого нередко записываются одиѣ частности, а главныя положенія пропускаются, и слушатель, по окончаніи лекціи, не знаетъ, какъ ее пополнить и сохранить безъ погрѣшностей, согласно съ чтеніемъ профессора. — Но вы желаете, г. авторъ, чтобъ вашъ примѣръ побудилъ русскіхъ юристовъ къ раскрытію только практической стороны русскаго права, а вы, сверхъ-того, желаете, чтобъ онъ побудилъ ихъ къ изданію учебниковъ и по другимъ частямъ права, и если уже не съ практическимъ приключеніемъ, что для теоретиковъ довольно-трудно, то по-крайней-мѣрѣ съ историческимъ развитіемъ. У насъ, напротивъ, до настоящаго времени для изученія древняго законодательства—

одно руководство г. Рейца, требующее уже поновленія во многихъ мѣстахъ; у насъ нѣтъ руководства для государственнаго права! Руководства для уголовного права не заслуживаютъ этого названія, потому-что они сборъ нѣмецкихъ теорій: руководства для гражданскаго права — большою частью систематическія изложенія Х Тома Законавъ Гражданскихъ. — А мы поминимъ, какъ много возгласовъ дѣлали наши юристы, когда вышло «Полное Собраніе Законавъ» и над нимъ «Сводъ!» «Теперь», говорили они: «возможна наука права, теперь будетъ возможна исторія права» — а въ результатъ выходитъ, какъ-будто-бы теперь и не было ни «Полнаго Собранія Законавъ», ни «Свода».

Г-нъ Заборовскій рѣшился издать «Гражданское Право Царства Польскаго», и ему будутъ благодарны не одни университетскіе слушатели. Изъ выписки читатели видѣли, что авторъ не беретъ на себя ни теоретическаго, ни историческаго изложенія права, а беретъ только одно практическое; поэтому сочиненіе г. Заборовскаго есть толкованіе части кодекса Наполеона, введеннаго съ 1-го мая 1808 года. Часть этого кодекса и до настоящаго времени имѣетъ силу въ царствѣ, другая часть потеряла свою обязательную силу со времени присоединенія Герцогства Варшавскаго къ Россіи въ 1815 году. Императоръ Александръ постановилъ уже отмѣнить революціонныя начала, подъ влияніемъ вторыхъ начертанья были постановленія о семейномъ союзѣ. Труды надъ преобразованиемъ гражданскихъ законовъ производились сперва въ Комиссіи Юстиціи, а потомъ въ особыхъ комиссіяхъ. Но труды эти, по сопротивленію сеймовъ, не могли увеличаться полнымъ успѣхомъ. Олакоже въ 1818 году принятъ былъ сеймомъ и одобренъ государемъ проектъ законовъ о крѣпостныхъ (гипотечныхъ) книгахъ и о закладномъ правѣ. Этими замѣненъ 18-й раздѣлъ III книги французскаго кодекса Въ 1825 году такимъ же образомъ утверждены были

проектъ первой книги гражданского уложения. Но сеймъ принялъ его только съ оставленіемъ многихъ началъ французскаго кодекса. Въ 1830 году разсмотрѣны сеймомъ и Высочайше утверждены законы о частныхъ повинностяхъ, которые служатъ поподненіемъ второй книги наполеонова кодекса. Наконецъ въ 1836 г. составлена, учрежденною въ Санктпетербургѣ комиссією и Высочайше утверждена проектъ законовъ о брачномъ союзѣ. Такимъ образомъ, въ отношеніи гражданскихъ законовъ, имѣютъ нынѣ обязательную силу въ Царствѣ Польскомъ:

- 1) Книга II и III французскаго кодекса, за исключеніемъ 5 го и 18-го раздѣла книги III (съ 1808 и 1810-гола).
- 2) Законы о гипотекахъ съ 1818 года.
- 3) Книга I-я гражданского уложения 1825 года, за исключеніемъ раздѣла о брачномъ союзѣ.
- 4) Законы о частныхъ повинностяхъ — о правѣ вѣзда въ дѣсь и о пастбищахъ, 1830 года,
- и 5) Законы о брачномъ союзѣ 1836 года.

Такъ какъ въ основаніи польскихъ законовъ, не смотря на измѣненія, остался кодексъ наполеоновъ, то г. Заборовскій оставилъ и въ своемъ сочиненіи систему этого кодекса, хотя оцъ и несогласенъ въ принятомъ раздѣленіи гражданскихъ законовъ на три книги: I) о лицахъ, II) объ имуществвахъ и о равныхъ измѣненіяхъ права собственности, и III) о разныхъ способахъ пріобрѣтенія права собственности. — и въ первомъ выпускѣ, вышедшемъ въ настоящее время, заключается только право лицъ.

Введеніе, которое присоединено къ сочиненію г. Заборовскаго, заключается въ себѣ изложеніе сущности гражданскаго права вообще и историческій обзоръ гражданскаго права въ Царствѣ Польскомъ. Вторая часть лучше первой. Въ первой части отъ скатости, отъ необходимости объяснить въ короткихъ словахъ главныя поватія о правѣ, могутъ произойти недоумѣнія, и нѣкото-

рые, можетъ быть, впадутъ на соизумѣніе слѣдующихъ словъ автора (стр. 5):

«Всѣ народы и законодатели всегда чувствовали важность семейственныхъ учрежденій и потому старались огранить ихъ твердыми законами. Эти законы всегда носятъ на себѣ отпечатокъ народныхъ нравовъ и обычаевъ: Вотъ причина, почему право собственности у каждого народа имѣетъ свои особенныя, свой отличительный характеръ.»

Далѣе (стр. 6):

«Право вещное, особенно въ отношеніи къ недвижимому имѣнію, всегда основано на народныхъ поватіяхъ и обычаяхъ. Но обезпеченіе его требуетъ особенныхъ мѣръ, которыя въ настоящее время уже довольно раскрыты наукою. Вотъ почему право собственности у разныхъ народовъ имѣетъ болѣе сходства, нежели право семейное.»

Мысль въ основаніи справедлива: но кто ея не знаетъ, тому, очевидно, представится такіа соображенія: если право семейное и права вещнаго оба основаны на народныхъ нравахъ и обычаяхъ, почему же одно изъ нихъ имѣетъ у каждаго народа свои особенности, свой отличительный характеръ, а другое имѣетъ болѣе сходства уаскъ народовъ? Если отъ-того, что мѣры обезпеченія правъ вещныхъ въ настоящее время болѣе раскрыты наукою, то на это неубѣдливѣе изреченія словъ автора можетъ возражать, что и въ настоящее время раскрыты наукою также и мѣры обезпеченія правъ семейныхъ. — Но это пропущено, мы говоримъ, отъ скатаго изложенія сущности гражданскаго права, потому что во всемъ остальномъ, книга г. Заборовскаго отличается ясностью и отчетливостью чловѣка, вполнѣ внимающаго свой предметъ, и глубокаго тончайшими абстрактными вѣщной философіи права. Въ книгѣ г. Заборовскаго не говорится безразлично объ идеѣ правды и справедливости, которую, по философскому своему направленію, вѣмецкое ученіе старается вести даже туда, гдѣ обрѣчается она

правды и несправедливости, и бичицею отъ этого не имѣть тошноты, морая встрѣчается у другихъ юристовъ.

Въ раздѣлѣ пятомъ, авторъ, говоря брачномъ союзѣ, подводитъ всѣ существующіе нынѣ браки подъ три категоріи: 1) браки строгіе или чисто-религіозныя; 2) браки свободныя или гражданскія, и 3) браки произвольныя и естественныя.

Браками строгими онъ называетъ тѣ, торые заключаются на всю жизнь и торыхъ расторженіе допускается евъ-рѣдко, только какъ изъятіе изъ щаго правила. Таковы браки, совершаемые по правиламъ восточно-каеолческаго и римско-каеолческаго вѣ-исповѣданія. Браки свободныя или гражданскія, напротивъ того, могутъ ить расторгаемы, въ извѣстныхъ случаяхъ, по взаимному согласію обоихъ супруговъ, или по требованію одного изъ нихъ; въ случаѣ нарушенія важныхъ супружескихъ обязанностей. Таковы браки, заключаемые по правиламъ протестантскаго вѣроисповѣданія и также на основаніи наполеоновскаго. *Браки произвольныя или естественныя будутъ тѣ, торыхъ существованіе зависитъ отъ одного мужичина.* Таковы браки у мухаммеданъ и у другихъ азіатскихъ народовъ. Бракъ чисто-религіозный есть установленное Богомъ таинство; бракъ гражданскій считается учрежденіемъ общественнымъ. *Наполеонъ бракъ, который мы назвали естественнымъ, говоритъ авторъ, обеспечиваетъ преимущественно власть мужа надъ женою; — такой бракъ заключается, продолжается и прекращается по воли мужичина.*

Но мы можемъ спросить у автора, почему онъ считаетъ юридическою формою одно изъ изложеній отъ права, ино изъ естественныхъ правилъ жизни, почему онъ называетъ бракомъ произволъ мужичины и отсутствіе воли женщины, и даже называетъ этотъ бракъ произвольнымъ или естественнымъ? Что въ этомъ сожити чрезвычайно-изяго произвола — это справед-

ливо, но что въ немъ есть хотя капля естественности — это неправда. Въ извиненіе Автора можно сказать то, что онъ приводитъ такой бракъ какъ *фактъ*, существующій на Востоку; какъ фактъ — это справедливо, но тогда его нельзя ставить въ параллель съ браками чисто-религіозными и нравственными, какъ формами жизни, основанными на правѣ. Такъ иъкогда Монте-скіе разсматривая формы правленія, раздѣлилъ ихъ на республиканское, монархическое и *деспотическое*, существующее въ Азіи. Деспотическое правленіе существуетъ какъ фактъ, но въ наукѣ отнюдь не можетъ быть принято какъ форма правленія; точно то же можно сказать и о бракѣ мухаммеданскомъ.

200) Опыты Нравственной Статистики Россіи, соч. К. С. Веселовскаго. Санктпетербургъ. Въ тип. Мин. Внутрен. Дѣлъ. 1847. Въ 8-ю д. 64 стр.

Брошюра г. Веселовскаго посвящена развѣскиманіямъ «О самоубійствѣ»; это отдѣльная глава изъ предпринимаго изъ большаго и сложнаго труда «Нравственной Статистики Россіи», помѣщенная изъ въ «Журналѣ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ» и отпечатанная въ нѣсколькихъ экземплярахъ отдѣльно. Авторъ не пускается въ разрѣшеніе любовытпаго вопроса, торымъ занимались ученые всѣхъ вѣковъ, съ точки зрѣнія нравственности и права; не приступаетъ къ нему радикально, какъ въ древніе вѣка стояли и другія философскія школы, или въ повѣдніи врежени равныя ученые, изъ торыхъ одни, какъ Даунъ, Блоунтъ, и др., защищали право человека на жизнь свою, а другіе его отрицали. Онъ беретъ статистическія цифры, сравниваетъ ихъ и выводитъ результаты, торые могутъ возникнуть изъ этого сравненія. Въ наше время это и лучше. Мы охладѣли къ философскому рѣшенію разныхъ задачъ, или занимаемся имъ только въ юности, переходимъ отъ одного рѣшенія къ другому, обыкновенно ни на чемъ не останавливаемся, и подъ-

конѣцъ говорить: объ этомъ думали во всѣ времена, и всякій рѣшалъ дѣло по-своему. Утѣшаясь этимъ, мы уже ничего не рѣшимъ и пребываемъ въ скептицизмѣ, который такъ обижаетъ квошу, и который такъ не любитъ люди, принявшіе самое спокойное рѣшеніе. т. е. рѣшеніе большинства, ни на чемъ неоснованное, развѣ только на правѣ давности. Они-то съ прервѣніемъ смотрятъ на статистическія цифры, въ которыхъ скептики съ своей стороны ищутъ отнюдь не фило-софскаго и радикальнаго рѣшенія вопроса, а только какой-нибудь точки опоры, выводомъ не философскихъ, а, на-примѣръ, относительно состоянія общества, развитія его подъ влияніемъ разныхъ историческихъ причинъ и т. п. Статистика чрезвычайно-хорошо пришла къ скептицизму, то-есть, скептицизму въ философскомъ рѣшеніи вопросовъ. Въ этомъ есть своя дурная и хорошая сторона; съ одной стороны, нерадикальное разсмотрѣніе вопроса задерживаетъ его рѣшеніе, и отъ-того могущія производиться выгоды; лишаетъ личной энергіи и погружаетъ въ апатію ожиданія, пока соберутся статистическія цифры во всемъ мірѣ: съ другой стороны, ведетъ къ изученію общества, и, можетъ-быть, изъ данныхъ, собираемыхъ статистиками, возникнутъ когда-нибудь такіе вопросы, какихъ мы и не подозреваемъ теперь. Не разъ случалось, что труды, предпринятые съ одной цѣлью, приводили къ великимъ открытіямъ совершенно-неожиданнаго свойства.

Въ-самомъ-дѣлѣ, возьмемъ хоть вопросъ о самоубійствѣ. Задача статистики здѣсь будетъ разсмотрѣть «самоубійство въ его числительномъ проявленіи», изслѣдовать «причины, его производящія, не полагаясь на научныя, разсуждающихъ а priori, не по началамъ аналогій, а по итогамъ численныя, по сложности дѣйствительныхъ событий». На основаніи этихъ данныхъ, дѣлайте какія угодно соображенія.

Авторъ прежде всего рассматриваетъ

источники, которыми онъ руководствовался, и показываетъ ихъ несовершенство, происходящее большею частію отъ-того, что трудно бываетъ рѣшить если найдено тѣло, какъ произошла смерть: самовольно, нечаянно, или отъ руки убійцы. Во всякомъ случаѣ, онъ утверждаетъ, что число самоубійствъ должно быть гораздо-больше, нежели сколько извѣстно, тѣмъ болѣе, что въ некоторыхъ случаяхъ даже совсѣмъ невозможно опредѣлить, самовольно или постороннимъ образомъ человекъ лишился жизни, на прим., въ случаѣ утопленія, — а потому всѣ данныя, относящіяся къ этому предмету, должны быть принимаемы какъ приближенныя.

Мы не можемъ слѣдовать за авторомъ въ цѣломъ лабиринтѣ его разисканій, которыя крайне-интересны, и ограничимся только его выводами.

1) По мѣрѣ размноженія народонаселенія, число самоубійствъ увеличивается.

На основаніи офенціальныхъ свѣдѣній, число всѣхъ самоубійствъ въ Россіи, если выразить ихъ средними числами, было:

«Въ 6 лѣтъ, съ 1826—1831 годъ, число всѣхъ самоубійствъ было 6,318; среднее въ годъ 1,153. Въ тотъ же періодъ умерло 8,837,869, среднее въ годъ 1,473,148. Значитъ—1 самоубійца на 1,271 умершихъ.»

Въ 9 лѣтъ, съ 1833—1841 годъ, число всѣхъ самоубійствъ — 13,363, среднее въ годъ 1,484; въ тотъ же періодъ времени умерло 15,538,208. Среднее, за годъ 1,726,467; значитъ—1 самоубійца на 1,151 умершихъ. Цифры эти служатъ доказательствомъ того же факта; то-есть: увеличенія относительнаго числа самоубійствъ въ сравненіи съ прежнимъ временемъ. (Стр. 16—17.)

То же самое замѣчается почти во всѣхъ государствахъ Европы. Во Франціи съ 1827—1833 г. приходится одинъ самоубійца на 17,365 жителей, и одинъ самоубійца на 438 умершихъ; съ 1834—1839 г. приходится одинъ самоубійца на 13,928 жителей и на 345 умершихъ.

«Эти цифры, дѣлаясь до некоторой степени возможными сравненіе съ Россію, доказываютъ, что во Франціи число самоубійствъ по отношенію къ народонаселенію и числу смертныхъ случаевъ болѣе — чѣмъ въ Россіи, и при томъ въ составѣ этого числа сильнѣе чѣмъ въ ея.» (Стр. 18).

То же выходитъ и въ Пруссіи и въстріи.

2) Въ государствѣ столь обширномъ, какъ Россія, недовольно знать при статистическихъ разсужденіяхъ, общіе итоги для всего государства; разсмотрѣніе одного и того же явленія въ разныхъ губерніяхъ областяхъ, подлѣ вліяніемъ различныхъ мѣстностей и быта прусскаго, можно составлять для насъ главную задачу. (Стр. 19.)

За сими авторъ приводитъ таблицы, въ которыхъ показано число самоубійствъ въ каждой губерніи (въ 1838 году). Изъ этихъ таблицъ выходитъ, что наиболѣе совершается самоубійствъ въ губерніяхъ Санктпетербургской, Псковской, Остзейскихъ, въ Южнискій, Подольскій, Кіевскій, Минскій, Гродненскій, въ бывшей области Могилевской, Виленской, Витебской, Могилевской; въ этой группѣ губерній число самоубійствъ далеко превозходитъ пропорцію, которая приходится на долю остальныхъ: «изъ всего числа совершающихся въ Россіи самоубійствъ почти половина принадлежитъ 14 губерніямъ этой группы: среднее число самоубійствъ въ 8 лѣтъ, съ 1834 — 1841 г. 644,97), а общій итогъ за всю Россію 1309,38.

«Вообще, продолжаетъ авторъ: во Франціи и Пруссіи было замѣчено, что число самоубійствъ увеличивается по мѣрѣ приближенія къ столицамъ; у насъ же это увеличеніе замѣчается по мѣрѣ приближенія къ западной границѣ. Нельзя еще не замѣтить, что западная группа (губерніи наименованныя нами выше), густота народонаселенія которой изображается пропорцію 1.0:3 жит. на квадратную милю, представляетъ, по относительному числу самоубійствъ (1. на 19,301 жит.),

наиболѣе сильнѣйшую пропорцію, нежели группа средняя (губерніи отъ Черниговской до Московской и отъ Московской до Воронежской включительно), въ которой, однако же, густота народонаселенія гораздо значительнѣе, а именно 1,314 жит. на кв. милю. Слѣдовательно, не густота народонаселенія является здѣсь, какъ замѣчаютъ въ другихъ странахъ, дѣйствующею и вліятельною причиною. Самая бѣдная населенностью группа, сѣверная (471 жит. на кв. милю), представляетъ пропорцію самоубійствъ болѣе значительную (1 на 61,916 жит.), чѣмъ группа восточная (губерніи Казанская, Вятская, Пензенская, Пермская, Нижегородская, Сибирская, Оренбургская и Саратовская), гдѣ, при населенности 472 жит. на квадратную милю, приходится 1 самоубійца на 82,634 жит. Опять подтвержденіе того же отрицательнаго факта. Паконецъ, южная группа, менѣе населенная, чѣмъ восточная, представляетъ пропорцію самоубійствъ почти вдвое болшую, чѣмъ восточная. Слѣдовательно, мы въ правѣ заключить, что возрастаніе числа самоубійствъ у насъ не зависитъ отъ возрастанія населенности.»

Для объясненія этого страннаго факта, авторъ принимаетъ въ соображеніе, что въ губерніи, въ которыхъ число самоубійствъ такъ велико, принадлежатъ къ числу такъ-называемыхъ привилегированныхъ, т. е. имѣютъ вольное винокуреніе и дешелую горѣлку. Знаемъ, сверхъ-того, что у насъ большая часть самоубійствъ совершается въ средѣ самаго простаго народа, къ несчастію столь склоннаго къ пьянству, авторъ полагаетъ: «не есть ли вино, если не единственная причина, то по крайней мѣрѣ одна изъ главныхъ, по которымъ западныя и малороссійскія губерніи такъ перевѣшиваютъ прочія числомъ самоубійствъ?»

3) Ежегодное число самоубійствъ въ Россіи бываетъ почти равно числу убійствъ. Именю:

Съ 1825—1831 годъ	1.140	1.187.
— 1833—1841 —	1.484	1.121.

Въ другихъ государствахъ, иное отношеніе: въ Пруссіи съ 1833—1841 приходится среднимъ числомъ въ годъ убійствъ 250, а самоубійствъ 1 487,

т. е. самоубійствъ почти въ шесть разъ болѣе, чѣмъ убійствъ Во Франціи, по сложности четырехъ лѣтъ (съ 1827—1830) самоубійствъ приходится 1,800, а убійствъ 700 на годъ.

4) Весьма любопытно было бы вывести сравнительное число самоубійствъ по состояніямъ и сословіямъ: но, къ сожалѣнію, за недостаткомъ точныхъ свѣдѣній, г. Веселовскій не могъ дать намъ таблицы по этому предмету. Изъ наблюдений академика Германа, сдѣланныхъ за 1821 и 1822 г., и то относительно восьми губерній средней полосы, видно, что число самоубійствъ было: между крестьянами 478, купцами, ремесленниками и вообще средняго сословія зломъ 96; между нижними воинскими чинами 66; между дворянами 18; между духовенствомъ 4.

5) Самоубійство между мужчигами гораздо чаще, нежели между женщинами: у насъ на 100 мужскихъ самоубійствъ приходится 23 женскія; но въ то же время замѣчательно, что число неудавшихся покушеній на жизнь свою представляетъ совсѣмъ другой видъ: именно, на 100 мужчинъ приходится 48 женщинъ.

6) Самоубійствъ всего болѣе совершается въ возрастѣ отъ 21 до 40 лѣтъ; тутъ опять представляется замѣчательная разница относительно пола: въ мужскомъ полѣ особенно велико число самоубійствъ между 28 и 35 годами; въ женскомъ между 21 и 28.

7) Любопытны выводы относительно выбора средствъ къ лишенію себя жизни. Изъ прилагаемыхъ таблицъ къ Журналу Мин. Внутр. Дѣлъ, авторъ выводитъ, что въ два года (съ половины 1844 до половины 1846) въ Россіи:

	Среднее въ годъ:	
Повѣшенось	2702.	1351.
Застрѣлилось	255.	127,5
Зарѣзано	228.	114.
Утоплено	108.	54.
Отравлено	15.	7,5.

Прошло съ высоты	10.	5.
Задушилось угаромъ	4.	0,5
	3319.	1659,5.

«...Эти свѣденія показываютъ, что у насъ болѣею частью самоубійство совершается въ лѣтъ, и что дворянъ, представляемыхъ нынѣ родани самоубійствъ, сравнительно не много. Вообще замѣчено, что въ юности чаще всего избираютъ веревку, которая въ послѣдствіи замѣняется ножемъ или огнестрѣльнымъ оружіемъ; но мѣръ уменьшенія силъ, опять прибѣгаютъ къ первымъ средствамъ; старики же самоубійцы почти всегда выбираютъ повѣшеніе.
 . . . Веревка, вода, холодный морозъ, суть обыкновенныя средства оружія въ рукахъ нашего простаго народа. Напротивъ, ядъ совершенно не въ народныхъ обычаяхъ, и число отравившихся совершенно ничтожно; тутъ также имѣютъ свою долю и мѣры осторожности, принятыя у насъ Правительствомъ относительно продажи ядовитыхъ веществъ. Число зарѣзавшихся почти равно числу застрѣлившихся. . . . (Стр. 54).

«Что избраніе орудіи самоубійства много зависитъ отъ обычаевъ народитъ, это видно изъ примѣра другихъ странъ. Во Франціи, по 5 лѣтней сложности (1833—1839) приходилось въ годъ:

Утопившихся	822.
Удавившихся и повѣсившихся	743.
Застрѣлившихся	414.
Задушившихся угаромъ	178.
Бросившихся съ высоты	109.
Зарѣзавшихся	99.
Отравившихся	61.
Убившихся другими средствами	17.

2,484.

«Выходитъ, число выбравшихъ тутъ даже нѣсколько превосходить число удавивавшихся, которое у насъ гораздо больше числа топящихся.» (Стр. 56 и слѣд.).

8) Число самоубійствъ женатыхъ и замужнихъ у насъ болѣе, нежели число холостыхъ и незамужнихъ; это видно изъ отчетовъ Министерства Юстиціи.

«Въ четыре года (1841—1844) изъ 688 признанныхъ виновными въ преступленіи самоубійства было:

Женских и замужних. . . 444.

Холодных и дѣлать. . . 226.

Стр. 597.

И Франціи представляется противоположным результатом; тамъ между лучшими наиболее склонны къ самоубійству холостые; между женщинами замужніи.

Наконецъ, весьма было бы любопытно исследовать вопросъ о самоубійствѣ относительно степени образованности покусившихся на жизнь, причѣмъ къ тому ихъ побуждавшихъ. Первое рѣшить трудно, руководствуясь одними судебными исками; изъ отчетовъ Министрства Юстиціи можно вывести только, что изъ 1394, признанныхъ виновными въ преступленіи самоубійства (съ 1837—1844 г.) было: рамотныхъ мужскаго пола 143, женскаго пола 10; неграмотныхъ мужскаго пола 794, женскаго пола 447.

Что касается до втораго вопроса, т. е. причинъ самоубійства—исследование его находится совершенно въ рукахъ статистиковъ, хотя ихъ рѣшѣнію и повело бы, можетъ-быть, къ открытію не только замѣчательныхъ историческихкихъ драмъ, но и освѣтѣно бы много вопросовъ, на которые мы бы смотрѣли слишкомъ легко и безъ надлежащаго вниманія, или которыхъ вовсе не подозреваемъ. Чрезвычайно поучительно было бы сдѣлать сравненіе причинъ, побуждавшихъ въ разные времена покушаться на жизнь свою, не упустивъ изъ вида и прѣдѣловъ древней исторіи. Во времена римской имперіи самоубійство непространялось поразительными объемами, вошло даже въ моду, оправдывалось философскими доводами, и самоубійствъ, многихъ — даже изъ стоицическихъ людей при жизни, содѣлывало героизмъ при послѣднемъ издыханіи. Читая дѣтопись Тацита, вы на каждомъ шагу поражены прѣдѣлами энергии, проявляющейся у послѣднихъ Римлянъ въ минуту смерти, къ которой они издались какъ къ единственному средству прожить древнюю доблесть и спасти душу отъ обольщеній

разврата посреди всеобщаго паденія нравовъ и чувства собственнаго достоинства... Тацитъ, наконецъ, удивляется самъ, читая свою дѣтопись, чему приходится говорить все о самоубійствахъ, и, строгій Римлянинъ, почти принимается рассказывать о нихъ съ гордостью и даже съ любовью... Любопытно бы сдѣлать параллель между этими явленіями древняго человечества, когда къ самоубійству прибѣгали лица извѣстныя или въ гражданско-й исторіи или философы, и когда самоубійство было актомъ сознанія, — съ нынѣшними самоубійствами. Параллель эта—если приять въ соображеніе приведенное выше сравнительное число самоубійцъ грамотныхъ и неграмотныхъ, — конечно, не будетъ много говорить въ пользу нашего времени. Немного найдется такихъ, которыхъ бы можно было поставить наряду съ Петомъ Трагеземъ, который, разрывая себѣ жилы, и вѣдя, какъ брызнула кровь его, воскликнулъ: «Свершиши это возліаніе Юпитеру-Либератору! Смотри, молодой человекъ, прибавилъ онъ: да не будетъ это для тебя худымъ пророчествомъ, но мы живемъ въ такія времена, когда не имѣетъ покрѣплить душу свою прѣдѣлами доблести. Да, едва ли найдутся фавориты въ исторіи нашихъ *bons-vivans*, которые бы выдержали параллель со смертью эпикурейца Петронія: «дѣнь онъ посвящалъ сну, пишетъ Тацитъ: «ночь обществу и удовольствіямъ. Онъ прославился своею дѣтностью, какъ другіе трудомъ. Оглядываясь однако отъ другихъ тунеладцевъ, которые пробрѣтаютъ себѣ извѣстность только развратомъ и сластолюбіемъ, Петроній болѣе былъ извѣстенъ своимъ умѣениемъ наслаждаться *sed eruditio luxu*.. Онъ всѣмъ правился своимъ простолюдиемъ. Впрочемъ, когда онъ былъ проконсуломъ въ Виеннѣ, онъ оказывалъ много твердости и способности къ дѣламъ... Онъ не хотѣлъ разорить лишній себя жизни. Онъ рѣзалъ себѣ жилы, закрывалъ и отирывалъ ихъ, когда хотѣлъ; бесѣдовала съ

• друзьями не о бессмертіи души, не о мѣтѣныхъ философскъ; не хотѣлъ слышать ни о чемъ серьезномъ, ни о чемъ что бы обнаружило въ немъ притязаніе похвалиться мужествомъ; но, напротивъ, слушалъ веселыя пѣсни, читалъ легкіе стихи, награждалъ въ-которыхъ рабовъ, другихъ выскѣтъ, прогуливалъ, спалъ, для того, чтобы насильственная смерть его походила на естественную, и въ завѣщаніи своемъ не написалъ никакой лести ни Перону, ни Тигеллину, ни другимъ могущественнымъ лицамъ того времени... (Тас. Ann. L. XVI. 19).

201) Письма о Химіи и ея приложенія къ промышленности, физиологій и земледѣлію. Соч. Юстуса Либиха. Переводъ Г. Дымчевича, члена Императорскаго Общества Сельскаго Хозяйства Южной Россіи и другихъ обществъ. Съ примѣчаніями переводчика. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Жернакова. 1847. Въ 12 ю д. л. 7, 4 и 328 стр.

Это уже второе изданіе у насъ сочиненіе Либиха; первое, «Органическая Химія», было издано, кажется, въ 1841 году редакторомъ Журнала Министерства Государственныхъ Имуществъ, г-мъ Заблоцкимъ. Либихъ въ настоящее время — одно изъ примѣчательнѣйшихъ свѣтилъ не только германской, но и вообще европейской учености. Слава его основывается не на отдѣльныхъ какою-либо открытіи, но на томъ, что онъ первый смѣло перешагнулъ за душные стѣны химической лабораторіи и вперилъ испытующій, исполненный силы мысли взглядъ въ великую лабораторію природы и человеческой дѣятельности. Эта дерзость и служитъ причиною, съ одной стороны, восторженныхъ похвалъ, рассыпавшихъ великому учителю, а съ другой — ожесточенныхъ нападокъ на пововодителя. Таково неизбежное условіе всякой гениальной мысли, — неизбежное столько же, какъ и то обстоятельство, что первый, кому удастся разорвать узы, сковывающія мысль, стремится на крыльяхъ ея въ без-

конечность, увлекается за предѣлы дѣйствительнаго. Такъ случилось и съ Либихомъ: ожививъ мертвыя формулы своей науки, онъ уже видѣлъ въ ней необходимое условіе всякаго аванта и развитія жизни человѣка во всякія возможныя направленія.

«Если человѣкъ государственной (государственной) не знаетъ химіи, то дѣйствительная жизнь государства, ея ограниченное развитіе и усовершенствованіе останутся для него чуждыми. Безъ сего познанія, взгляды его будутъ ограничены, и разумъ будетъ погруженъ въ усыпленіе касательно всего того, что приноситъ вредъ или существующую пользу государству и человечеству.»

Это уже слишкомъ много приписывать значенію химіи! Впрочемъ, такая мысль Либиха означаетъ, что въ наше время спеціальность являясь теряетъ свою цѣну, если она не прилагается къ общественнымъ вопросамъ, и что знаменитое положеніе итальской философіи: «цѣль науки — сама наука», замѣняется другимъ: «цѣль науки какою бы то ни было — развитіе и усовершенствованіе человѣка». Въ этомъ смыслѣ мы совершенно согласны съ слѣдующими словами Либиха:

«Главнѣйшія вѣщественныя выгоды, изобильное произведеніе, при болѣе благоприятныхъ условіяхъ, всего что служитъ въ пищу человѣку и животнымъ, соображеніе и содержаніе общественнаго здоровья — все это глѣбнѣйшимъ образомъ зависитъ отъ успѣховъ естествознанія, и въ особенности химіи. Если человѣкъ не имѣетъ понятія о явленіяхъ и законахъ природы, то онъ не можетъ понимать милосердія и мудрости Творца вселенной. Потребность нашего вѣка выразилась яснѣйшимъ образомъ въ томъ, что естественныя науки заняли одно изъ первыхъ мѣстъ въ общественныхъ училищахъ. Возникнуть новое поколѣніе болѣе могущественное, разсудокъ и умъ укрѣпятся и сдѣлаются способными къ произведенію всего, что только истинно, велико и полезно. Тогда государственныя силы получатъ новое развитіе, увеличится ихъ могущество и съ тѣмъ мѣстѣ общественное богатство, и человѣкъ, освобожденный отъ тяжкихъ эмпирическихъ

кдъ, не будетъ томиться подъ тягостію рудней, сопряженныхъ съ вѣчными болями о физическомъ существованіи. Да только всѣ способности его полуть настоящее направление, и умъ его, шепчущій и свѣтлый, станетъ устремленъ на предметы болѣе возвышенные.»

Въ настоящемъ сочиненіи, Либихъ даетъ представить мыѣшное состояніе химіи и ея вѣнчаніе въ общественной жизни человека — и исполнилъ это превосходно. Если вы знакомы хотя сколько съ химическимъ языкомъ, вы знаете, что такое простыя тѣла, вы знали, что такое сродство, читайте *«Письма»* Либиха. Всѣ эти верныя химическія тѣла, бездушныя атомы оживутъ предъ вами, олушевятся чуждо-дѣятельною силой природы... Читайте, мы сказали, *«Письма»* Либиха: но на какомъ языкѣ будете вы читать ихъ? Кромѣ нѣмецкаго, они были даны на англійскомъ и итальянскомъ. Если для васъ доступны эти языки — въ добрый часъ читайте. Но русскому, въ переводѣ г. Дымчвинымъ боимся совѣтовать вамъ читать *«Письма»* Либиха, — боимся назъ уваженія къ Либиху. Одобривъ прекрасное мѣреніе переводчика передать общественныя вѣдъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ современныхъ произведеній европейской ученой литературы, мы имѣемъ право желать, чтобы оно было передано на языкѣ правильномъ, соблюденіемъ принятой уже у насъ научическойomenclatury. Къ сожалѣнію, ни тому, ни другому условію не удовлетворяетъ переводъ г. Дымчвина. Будемъ по-крайней-мѣрѣ надѣяться, что переводчикъ поторопится сдѣлать новое изданіе, исправленное, или хотя передѣланное.

202) *Анатомія и Физиологія Человека и Животныхъ. Соч. И. Жемчужина. Съ атласомъ рисунковъ. Санкт-Петербургъ. 1846. Въ 4-ю д. л. 272 стр.*

Лучшія сочиненія по части анатоміи и физиологіи часто содержатъ въ себѣ такую массу свѣдѣній, что изученіе

ихъ дѣлается если не невозможнымъ, то по-крайней-мѣрѣ весьма затруднительнымъ для большей части людей, непосвятившихъ себя исключительно медицинѣ или натуральной исторіи. Даже анатомикамъ, при началѣ ихъ поприща, часто наскучаютъ подробныя описанія и безцисленныя раздѣленія предметовъ анатоміи и физиологіи. Тѣ же самыя науки, при помощи хорошаго краткаго руководства, становятся уже съ самаго начала весьма легкими, а потомъ замѣчательными и полезными. Замѣчанія эти въ-особенности могутъ быть приложимы къ нашей медицинской и естественно-исторической литературѣ. При теперешнемъ стремленіи къ пріобрѣтенію свѣдѣній по части естествознанія, намъ давно нужна была книга, гдѣ и врачъ и не-врачъ могли бы найти свѣдѣнія объ устройствѣ человека и животныхъ, къ нему близкихъ. Книга г. Жемчужина можетъ, по нашему мнѣнію, удовлетворить этой потребности. Г. Жемчужинъ, при составленіи своей книги, имѣлъ въ виду представить начинающимъ заниматься анатоміею и физиологіею краткую и ясную картину организаціи человека и животныхъ и отправленій ихъ различныхъ органовъ, чтобы въ-послѣдствіи каждому съ большею пользою для себя можно было воспользоваться занятіями на трупѣ, и такимъ-образомъ пополнить свои свѣдѣнія.

Мы исполнѣ раздѣляемъ планъ автора: соединить вмѣстѣ анатомію и физиологію: описавъ устройство какой-нибудь системы или органа и помнявъ рисунками, онъ тотчасъ же описываетъ ихъ назначеніе и отправления. Изученіе устройства нашего тѣла черезъ это не разведируется, а скорѣе усвоится и становится отчетливѣе и гораздо-интереснѣе. Представимъ нѣкоторыя подробности, чтобы лучше оцѣнить пользу этого плана и результаты, до которыхъ достигъ авторъ.

Въ введеніи представлены краткія понятія о природѣ вообще, объ органическихъ и неорганическихъ тѣлахъ,

о происхождении, существовании, формѣ и объемѣ ихъ.

Послѣ этихъ предварительныхъ понятій, авторъ изучаетъ отдѣльно органы жизни растительной и животной. Въ описаніи органовъ жизни растительной излагаются понятія объ устройствѣ всѣхъ органовъ, назначенныхъ природою для этой цѣли, описываются матеріалы для питанія и процессы при ихъ подготовкѣ къ разложенію, выборѣ матеріаловъ для пищи и питья, сравненіе питательныхъ веществъ между собою, и слѣдствія недостатка питательныхъ веществъ въ животномъ организмѣ. За симъ описывается процессъ усвожденія пищи; пути ея всасыванія, процессы: кровотожденія, кровообращенія и дыханія, и наконецъ процессы изверженія остатковъ пищи и питья. Эта часть сочиненія оканчивается представленіемъ свода процессовъ растительной жизни въ одно цѣлое. Описанію всѣхъ этихъ предметовъ закончено авторомъ нѣзъ лучшихъ мѣстечкахъ меточниковъ.

Въ описаніи органовъ жизни животной начинается сперва описаніе мозга и нервовъ, какъ отличительной черты животнаго организма; устройство нервной системы животной жизни, устройство нервной системы растительной жизни, отправление головного мозга; потомъ устройство и отправление органовъ чувствъ и движения, и наконецъ органовъ голоса и слова.

Представляя такимъ образомъ описаніе всѣхъ частей организма чело-вѣка и животныхъ, авторъ рассматриваетъ каждую систему и каждый органъ отдѣльно, обращая вниманіе на ихъ устройство и форму, и входя при каждомъ изъ нихъ въ необходимыя подробности для объясненія механизма ихъ отправления, — такъ - что, вслѣдъ за описаніемъ формы и устройства различныхъ частей животнаго тела, читатель переходитъ последовательно къ изученію отправления его организма.

Но здѣсь представляется трудность. Изученіе отправления органовъ и раз-

личіе мнѣній объ этомъ предметѣ, жегъ нѣрѣдко оставать въ затрудненіе лучшаго писателя: чему, какъ вѣрнѣе? Г. Жемчужинъ умѣлъ до-вѣсть, для объясненія отправления органовъ, выбрать мнѣнія наиболѣе принятыя и наиболѣе-оправданныя наблюденіями и опытами. Въ книгѣ, назначенной для настольнаго руко-ства, это уже большое достоинство.

Книга г. Жемчужина написана языкомъ яснымъ и весьма грамотно. Атласъ поимѣнено 18 рисунковъ, за-ставленныхъ у извѣстныхъ натура-стовъ: де-Конта, Вагнера и Герена.

Однимъ словомъ, книга г. Жемчужина у насъ, въ области естественныхъ наукъ, есть явленіе весьма-оригинальное; авторъ выполнилъ свой планъ хорошо и книга его займетъ съ пользою и удовольствіемъ не только важнѣйшаго натуральную исторію врача, но и какаго образованнаго чело-вѣка.

203) О Гальвано-Магнитномъ Леченіи посредствомъ индукторнаго тока, читанномъ въ Императорскомъ Московскомъ Университетѣ и за-лажь засѣданія Физико-Медицинскаго Общества, действительнаго члена оная Фр. Белавскаго. Въ 1845 и 1846 годахъ. Москва. Въ тип. Н. Сивилова 1847 Въ 8-ю д. л. 258 и РВ стр.

Недавно извѣстна была читателямъ разсужденія г. Белавскаго о Гальвано-магнитномъ леченіи. Это разсужденіе служило какъ-бы предисловіемъ къ знакомству публики съ болѣею сочиненіемъ того же автора, которое теперь вышло и которое имѣетъ главною цѣлію сдѣлать доступною для пріятельныхъ читателей пріятельную часть гальвано-магнитнаго леченія, описать всѣ необходимыя для него орудія и способы пріятельнаго гальвано-магнитнаго леченія къ болѣзнямъ различнаго рода, такъ, чтобы каждая изъ нихъ можно увидѣть и познать, какъ и какъ-то болѣе слѣдуетъ ему лечь и какъ не слѣдуетъ. Сочиненіе дѣлится на отдѣлы. Въ первомъ (общемъ) описаны: виды силы природы: электрической, магнитной, химической и гальванической.

второй (частной), сперва изложил силы гальванических томовъ и дѣйствіе ихъ на человѣческое тѣло, а потомъ исчислены опыты, указывающіе природы болѣзней, виды и случаи, въ которыхъ должно искать пособія отъ гальвано-магнитнаго леченія.

204) О Вліяніи Умственной Образованія и умственной раздраженія на здоровье. Сочиненіе Амаріа Брайема, доктора медицины, съ примѣчаніями Роберта Мекнишъ, автора «Анатоміи Челюстей» и «Философіи Сна», члена акультета медиковъ и хирурговъ въ Лансу. Переведъ съ англійскаго А. Сергеевъ. Москва. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 89 стр.

Мы прочли эту книгу съ истиннымъ интересомъ и советуемъ поступить также каждому, кто принимаетъ участіе въ своемъ собственномъ здоровьѣ и здоровьѣ ближнихъ. Особенно родкамъ поступать хорошо, внимавъ въ положенія и опыты автора. Сочиненіе англійскаго медика любопытно въ нѣкихъ отношеніяхъ: по той практической пользѣ, которую оно можетъ принести въ жизни, по тому основанію, изъ котораго выводятся указанія автора, и по здравымъ частнымъ замѣчаніямъ равныхъ злоупотребленій нашихъ, странныхъ уклоновъ отъ путей природы.

Авторъ принадлежитъ къ послѣдователямъ той философіи, которая нѣкогда и писателями названа *положительною*, для яснаго отличія ея отъ ученія фантастическаго, — точно такъ же, какъ новая эстетическая школа, изображающая дѣйствительную жизнь, отличена именемъ *натуральной*, въ противоположность противопоставленной, которая представляла или представляла жизнь небывалую, вымышленную, идеальную (принимая последнее слово въ значеніи несуществовавшего, несуществующаго и не могущаго существовать). Положительная философія открываетъ третій кругъ въ стремленіи человѣческаго ума, который прожилъ періодъ докт.

Т. III. — Отд. VI.

тринныи идеологической и увидѣлъ химеру доктрины метафизической. Послѣднія созданы исключительно воображеніемъ, первая обязана своимъ началомъ истинному уму, который, созная наконецъ свои права, творитъ науку и расцвѣтаетъ первобытные призраки, служившіе содержаніемъ идеологій и метафизикъ (*). Положительная философія объявляетъ войну всѣмъ идолозамъ, всѣмъ химерамъ. Она заключаетъ каждую науку въ точные предѣлы ея изслѣдованія, занимается тѣмъ, что есть, а не тѣмъ, чего нѣтъ, и на знамени своемъ можетъ надписать слѣдующіе стихи Шиллера, переведенные Жуковскимъ:

Чтобъ изъ низости душою
Могъ подняться человекъ,
Съ древней матерью землею
Опъ вступи въ союзъ на-вѣкъ.

Книжка г. Брайема пропитана убѣжденіями «положительной философіи». Основная мысль ея — возращеніе нравъ земли, защита материн, уваженіе тѣла, котораго здоровье есть главное условіе здоровой мысли. Авторъ возвышаетъ то, что такъ долго находилось въ пренебреженіи, заиѣченномъ еще Плугархомъ. «Еслибъ тѣло стало судиться съ умомъ за всѣ блѣдствія, которыя оно претерпѣваетъ», сказалъ знаменитый мужъ древности, «то вѣрно бы умъ остался виноватымъ противъ своего хозяина». Этого мало: авторъ не только выводитъ хозяина изъ пренебреженія, но и ставитъ его на почетное мѣсто, избравъ эпиграфомъ къ своему разсужденію положеніе Декарта: «совершенствованіе рода человѣческаго зависитъ отъ способствъ медицинскихъ». Се-время немы найдутся, конечно, средствъ, г. е. медикаменты излечивать страсти здороваго человѣка, такъ же, какъ теперь болѣзней, извѣстныхъ подъ ложнымъ именемъ *психическихъ*, лечатся не пси-

(*). Въ журналѣ нашемъ помѣстится подробное изложеніе такъ-называемой *положительной философіи*.

хическими, а материальными средствами. Физиология, быть-может (говорить здесь не шутя), откроет секрет уничтожить тоску отверженной любви, наравнѣ съ пошлительствомъ сумасшедшаго, вообразившаго себя испанскимъ королемъ. Утѣштесь, больные душою: искусный докторъ, дѣйствуя на ваше тѣло, нечувствительно для васъ-самихъ излечитъ вашу душу.

Положеніе, изъ котораго авторъ выводитъ всѣ свои заключенія, состоитъ въ томъ, что мозгъ есть матеріальный органъ, посредствомъ котораго обнаруживаются умственные способности: следовательно, образованъ умъ значить привести въ правильное дѣйствіе извѣстныя части мозга и приучить обнаруживать умственные способности легко и свободно. Этимъ положеніемъ совершенно переставляются предметы: что двигалось, то обречается спокойствію, и наоборотъ. Другими словами, оно въ медицинскомъ воярѣніи провозводитъ то же, что положеніе Коперника провозвело въ воярѣніи астрономическомъ: земля пришла въ движеніе. Бодѣнное состояніе умственныхъ способностей подходитъ подъ ту же теорію: всѣ эпитеты, ему придаваемые (сумасшествіе, умственное разстройство, безуміе) выражаютъ очень-неправильное понятіе о сущности болѣзни, потому-что они представляютъ не больше, какъ только систему болѣзни мозга, а вовсе не самобытную болѣзнь. Между припадками болѣзненнаго состоянія умственныхъ способностей и органическими поврежденіями существуетъ тѣсное отношеніе, и названія *monomania*, *mania* и проч., должны быть употреблены только для означенія хода и степени воспаленія мозга. Знаю силу тѣла, понимая вполне его значеніе, авторъ преслѣдуетъ преждевременное развитіе ума. По его убѣжденію, лишняя работа объ умственномъ трудѣ въ дѣтствѣ гораздо-вреднѣе, чѣмъ самая небрежность въ упражненіи физическихъ силъ въ повзрѣвшемъ возрастѣ. Онъ хорошо объяснилъ причины неосторожности родителей относительно

вреда, который они причиняютъ своимъ дѣтямъ слишкомъ-раннимъ развитіемъ ума. Этихъ причинъ двѣ: нистипизмъ (что мы назвали идеологіей) и философія, которые облагаютъ познанія о душѣ во что-то таинственное, и понимая истинныхъ отношеній между тѣломъ и душою и представляя послѣднюю въ видѣ отдѣльнаго существа, неимѣющаго никакого сообщенія съ матеріею, которая съ своей стороны не производитъ на душу никакого вліянія (стр. 27). Успѣхи эволюціи изгоняютъ болѣе и болѣе эту ложную безразсудную идею. Итакъ, да вразстуетъ Галль! Безъ его науки не было бы рациональнаго воспитанія. Она многомъ измѣнитъ мнѣніе общества, которое почитаетъ его память великимъ монументомъ.

И посмотрите, въ какія странности впадаютъ родители, не зная, что такое умъ и душа! Заботливые о здоровьи дѣтей во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, они забываютъ только о мозгѣ. Они понимаютъ, на-примѣръ, какъ опасно сильное, раннее развитіе прочитываніе тѣла, въ выборѣ жизни соблюдаютъ возможную осторожность, не дозволяютъ дѣтямъ раздражительной діеты. Вѣрно всякій отецъ привадушается, когда сынъ его начнетъ ѣсть столько же, сколько взрослый (что очень-легко можетъ случиться, если желудокъ начнутъ упражнять такъ же, какъ память и рассудокъ), и между-тѣмъ не думаетъ, какъ сынъ его учится столько же, сколько и взрослый. Не развитіе ума еще опаснѣе, потому-что мозгъ гораздо-живѣе желудка и другихъ органовъ.

Разсужденіе англійскаго доктора раздѣлено на восемь отдѣловъ; въ нихъ доказывается, что мозгъ есть матеріальный органъ, посредствомъ котораго проявляются умственные способности; что раннее ихъ развитіе всегда бываетъ болѣзненнымъ явленіемъ, а раннее развитіе не можетъ служить къ образованію высокихъ талантовъ; что, напротивъ, умственное образованіе въ свое время не только не вредитъ,

но, но еще полезно для здоровья; нечтятся гибельныя слѣдствія, происходящія отъ невниманія къ отношеніямъ, существующимъ между тѣломъ и душой: происхождение сумасшествія, нервныхъ припадковъ, болей сердца, разстроенаго пищева-ренія и проч.

Нѣкоторые замѣчанія и совѣты такъ разительныя своею вѣрностью, что мы, зная ихъ, жалѣли вчуждъ объ *английскихъ* малюткахъ. Безъ сомнѣнія, покажутъ и читатели нашего журнала, для которыхъ мы выписываемъ нѣсколько параграфовъ. Вотъ что говоритъ авторъ о дѣтскихъ книжкахъ и читанцахъ:

«Кромѣ *драды*, дѣтской, производятъ книжки (дѣтямъ), слишкомъ равнымъ разраженіемъ ума и чувствованія въ дѣтяхъ, многія изъ нихъ содержатъ нелишныя выкладки, ложныя и вовсе ненужныя понятія. Такъ вы встрѣтите въ нѣкоторыхъ изъ изданныхъ для двухлѣтнихъ и трехлѣтнихъ дѣтей, что, «Англичане любятъ есть бѣсъ и плоть-пуддингъ, Голландцы любятъ сыръ и салди, Французы—суть и салатъ, Нѣмцы—ветчину и ислую капусту, и проч.

«Ужъ конечно лучше бы дѣтямъ не читать этихъ важныхъ истинъ. Другія книжки, «уроки», «руководства и повѣсти для дѣтей и для дѣтскихъ школъ», содержатъ больше нежели сколько нужно, знать, и наполнены такими истинами, которыя превосходятъ ихъ понятія. Въ нихъ изъ нихъ содержатся избранныя вѣста изъ Священнаго писанія о соотноеніи человека, о его паденіи и другихъ елиозныхъ истинахъ, которыхъ ни одинъ ребенокъ не можетъ постигнуть, или воспользоваться ими, и по моему гораздо лучше бы помѣщать рассказы изъ Библии. Въ другихъ книжкахъ вы находите уроки Геометріи, Ботаники, Астрономіи, проч. и проч.

«Способъ ученія дѣтей не во всѣхъ школахъ одинаковъ, но всадѣ считаютъ лучшимъ тотъ, который скорѣе развиваетъ ихъ. Въ однихъ стараются больше издрать память и дѣтямъ даютъ затвердить множество фактовъ. Тутъ памъ за дню казываютъ дѣтей, которые едва умѣютъ говорить, хвалить, превозносить ихъ, увѣ-ряютъ, что съ временемъ они обѣщаютъ во-

лкія дарованія, и все это изъ того только, что ребенокъ скажетъ вамъ, что дол-женъ жить, и дружики полюбилъ; по-лезныя и важныя знанія. Спрашивайте ихъ даже объ Астрономіи, Геометріи, Хи-мичи и пр., она на все будутъ отвѣчать вамъ заученными истины, но въ самомъ дѣлѣ много ли знаютъ эти бѣдныя малютки? Столько же, сколько попугай съ плохимъ выговоромъ. Въ другихъ училищахъ наставники поступають иначе; они хотять, чтобы ребенокъ зналъ только то, что понимаетъ: и потому учать его, что Маеусамъ жилъ 869 лѣтъ, во выскѣ съ тѣмъ прибавляютъ, что онъ былъ сынъ Ноа и дѣдушка Ной и что въ году считается 365 дней, а въ днѣ 24 часа. Другіе наставники говорятъ, что слишкомъ жестоко заставлять ребенка учиться—и дѣйстви-тельно жестоко; и что ученіе для дѣтян должно быть игроушкой: но если они не берутся *страхомъ* заставлять ребенка учиться—за то возбуждаютъ въ немъ еще сильнѣйшую страсть системою *соревнованія* и *наградъ*. Если теперь подобно было бы отдать преимущество-какому нибудь изъ этихъ методовъ, по всей справедливости оно принадлежить первому, потому что здѣсь менѣ предметныя, менѣ притлазанія на преждевременное развитіе ума и страстей. Но всѣ они слишкомъ грубы и неблагоприятны, потому что стараются вызвать дѣйствія органа, еще только отчасти сформировавшагося, не согласуясь съ законами природы.

«Я совѣтую родителямъ обдумать хоро-шененько свои намѣренія прежде, нежели они приступятъ къ образованію дѣтей своихъ, чтобы сдѣлать изъ нихъ малютокъ всѣмъ надиво, если они не хотятъ навѣки из-питься малыши для себя существъ такимъ не благотворнымъ воспитаніемъ, или на всегда положить въ нихъ зародышъ страданій. Преждевременное возбужденіе ума можетъ порадовать красивенькими цвѣточками, но не надолго—ихъ жизнь пролетитъ, проблеститъ и исчезнетъ, не оставивъ плода.

«Не горюйте родители, что ваши дѣти въ младенчествѣ не обнаруживаютъ блестящихъ способностей ума или не знаютъ того, что другія дѣти. Для васъ будетъ за то утѣшительно, когда они, достигнувъ шести, семи лѣтъ, будутъ здоровы, хорошо сложены, безъ порочныхъ наклонностей даже при незнаніи ихъ ни одной буквы въ азбукѣ. Съ такими качествами и при

ожде, динуть изъ всѣхъ, ободысчитавъ
мидъ надеждъ на славу и почету, предъ
поши въ будущае иждъ дѣлать. При-
еть, и, дма, когда, на дмца, про-уми-
и приобрѣти богатство, м: снадъ, ове, ба-
и всегда, дажже, молужу, ц. Благородны,
ка, здерв. А попросиже, маврв, отажъ
одей, пр. добродѣтели, добродѣтели,
сажале, мдъ, что, это, дарны, важнѣйшій
агъ въ воспитаніи, нравственнаго, суще-
ства, вѣрнѣшаго иждъ докрителдству, и
убоитадъ, самца, Создателя, что, это, та-
перачи, дма, р, состоитъ въ удавленіи са-
мизъ себя, отъ, дѣлу, держатъ, въ, сна-
исии, сподв, добродѣтели, сядана, и, сна-
иш, додлѣтъ, въ, вѣн, Благород-
ны, чувства, базъ, чю, дѣ, ждѣхъ, ум-
твей, дѣ, бздѣтъ, маврв, истинникомъ
на, онд, посмотрѣтъ, да, дѣ, съ, удивле-
нѣмъ, (стр. 58).

Да, чю, мдъ, о, м, б, законно, вое-
нъ, съ, ошею, Необ, исправить, ошиб-
у, надобно, считунтъ, въ, вѣчный, союзъ,
въ, ошею. При, такомъ, союзѣ, вѣко-
привычнунъ, потрѣлютъ, свое, прежнее,
дѣлнѣ. Психологія, уступать, свое, мѣ-
то, психологіи, какъ, мечтаніе, дѣйстви-
ельному, дѣлу. Предметъ, ея, абстракт-
ое, д, всмѣлющее, связи, съ, природою,
аю, себя, содарицающее, отдѣленное,
гъ, тѣло, отъ, общности, отъ, жизни, дѣй-
ствительной, безъ, страстей, безъ, мы-
ли, безъ, нравственной, цѣли, не, мо-
жетъ, дать, никакого, научнаго, содержа-
ія, и, воображенія, наука, коснѣтъ,
въ, неподвижности, завлеченная, отвлѣ-
спностиаи, которыя, принимались, за,
ущества, — мечтаніями, которыя, при-
имались, за, дѣйствительность. Чтубъ,
аблюдать, жизнь, надобно, жить; чтубъ,
интъ, надобно, дѣйствовать; чтубъ, дѣй-
твовать, надобно, имѣть, тѣло, жизнь,
ощества. Педдагогія, есть, основана,
сва, ошею, управленія, въ, цер-
тѣ, наука; чю, ерв, при, управленіи,
элементарномъ, она, можетъ, суще-
ствовать; какъ, подчиненная, отрасль,
изики: она — физика, мозга, точно, такъ,
е, какъ, исторія, рода, человеческого,
и, етъ, своимъ, основаніемъ, физиологію,
физику: она — физика, общества.

дѣлнѣ. Дмца, въ, Москва, Дмца, с-
симитской, мдъ, 1843, въ, 16, то, мдъ, 189
стор.

Каждая новая книжка Библютеки
боже и боже показывается поблагодѣ-
дѣльное направление этого изданія.
Всѣ статьи съ такого рода, что или
приобрѣтенъ изъ нихъ, съдѣлать, маврв,
если это неистинно, прочтенъ иждъ
удовольствіемъ, ублаживши, что, м, по-
вѣсти, дѣ, дѣтей; повеселенно, умнѣши
литераторами, маврв, боннѣ, интере-
сны. Въ, такнхъ, разказахъ, принадле-
жить, повѣщенна, въ, этой, книжкѣ,
сказка Андерсена: Гадній Утѣнокъ.
Она, въ, томъ, же, родѣ, въ, какомъ, напи-
саны: Осламый Кисель, Гебеля, пре-
красно, переданный Жуковскимъ, и
Чернышевъ, и, Одесская. Въ, раз-
сказѣ, вымысливаго, дѣтства, между
животными, лежить, съ, значитель-
ная, мысль. Другая, статья: Походъ
Аргонатовъ, знакомитъ юныхъ чита-
телей съ, преданіями, классическаго, ва-
рода. — Г. Содоверъ, дѣлъ, третью, ста-
тью, прекраснаго, сторго, маврв, дѣ-
Русской, дѣтвнцы, для, первоначаль-
наго, чтенія. По, примѣру, е, г. Ал.
Ивановъ, рѣшился, перолатъ, тольмъ, чи-
тателямъ, лучшае, памятники, древней,
нашей, литературы, и, на, первый, разъ,
разсказалъ, Пѣснь, о, Походѣ, Игоря,
Святославича, которая, составляетъ,
четвертую, статью, 5-й, книжки. Въ,
примѣчаніи, г. Ивановъ, говоритъ: «Отд-
ожимъ, оскорбительную, для, нашихъ, мысль,
что, у, нихъ, (у, дѣтей), не, достаетъ, имъ,
охоты, и, довольно, разувайнъ, про-
честь, наши, древне, памятники; бу-
демъ, увѣрены, что, они, станутъ, со-
чувствовать, прерываю, и, злодо-
чю, рнѣ, не, снѣтлостн, на, рѣшнѣ, Жю-
рошнѣ, фразы, но, жаль, что, они, и, оста-
ются, только, фразами. Какъ, ни, вну-
шайте, другимъ, быть, увѣренными,
никто, изъ, разувающихся, дѣло, не, по-
слушается, нашего, внушенія, даже, изъ,
сѣтской, вѣдлвности. У, насъ, какъ, и
ведлѣ, разувайтса, самца, справедлива,
гъ, способъ, роженомъ, мысль, ешею, Бл-
городное, въ, своей, ошности, направле-
ніе, непремѣнно, привелуть, въ, крайню-

стать довольно-забавнымъ, въ которыхъ сохранится, можетъ-быть, благородство намѣренія, но не сохранится справедливость, истина. Какимъ образомъ дѣти, для которыхъ назначается «Библиотека для Воспитанія», станутъ сочувствовать прекрасному, когда и для насъ, взрослыхъ, это прекрасное только относительно-хорошо, или, пожалуй, прекрасно, когда и мы, взрослые, сочувствуемъ этому прекрасному *посредственно*, т. е. посредствомъ изучения памятника, утвердивъ его подлинность, сравнивъ его съ другими однородными памятниками, связавъ его части, между которыми, по-видимому, нѣтъ никакой связи, давъ смыслъ и значение кажущейся, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, бессмыслицѣ? Известно, что дѣтямъ изъ всѣхъ родовъ поэзіи преимущественно вращается эпическій, рассказъ событія, сказка, а въ «Словѣ о Пльку Игоревомъ» эпическій элементъ крайне блѣденъ. Что жъ найдутъ въ немъ дѣти? — лирическія выходы, поэтическія выраженія старины, которыя г. Ивановъ отмѣтилъ курсивомъ? Другое дѣло, еслибъ г. Ивановъ просто сказалъ: «надобно дѣтей заранѣе знакомить съ памятниками древней литературы нашей. Пусть это знакомство будетъ для нихъ своего рода урокомъ, классическимъ занятіемъ, большею частью скучнымъ, но полезнымъ». Многие согласились бы съ г. Ивановымъ, многие стали бы противорѣчить ему; тѣмъ бы дѣло и кончилось. Но увѣрять, что дѣти станутъ сочувствовать древнимъ нашимъ памятникамъ, воля ваша, такое увѣреніе объясняется только личнымъ воззрѣніемъ говорящаго, который себя ставитъ на мѣсто дѣтей, или, что еще хуже, дѣтей ставитъ на свое мѣсто. Чтобы убѣдиться въ несправедливости мнѣнія г. Иванова, стоитъ спросить двухъ-трехъ дѣтей, прочитавшихъ его передачу «Слова», понравилась ли имъ оно? чему они въ немъ сочувствуютъ? Дѣти тѣмъ-то и прекрасны, что никогда не предпосылаютъ своихъ воззрѣній, что они искренны, что они не выучились еще

увѣрять другихъ въ томъ, чему сами не вѣрятъ.

206) Учебная Книга Всеобщей Географіи. Составилъ А. Ободовскій. Третье изданіе, исправленное и дополненное. Санктпетербургъ. 1847. Тип. Императорской Академіи Наукъ. Въ 8-ю д. л. 416 и XXIV стр.

Третье изданіе учебной книги: вотъ привлекательныя слова, которыя поставили насъ обратить особенное вниманіе на эту «Географію», съ желаніемъ отыскать ея достоинства, или, увѣ! указать на ея недостатки. Прежде, нежели дадимъ отчетъ въ нашихъ изысканіяхъ, почитаемъ необходимымъ сказать нѣсколько вступительныхъ словъ. Пѣмцы великіе охотники расплывать, дѣлать и объединять науки. Посмотрите даже на современныя намъ программы нѣмецкихъ университетовъ: сколько тамъ наукъ, въ которыхыхъ иная составляетъ частичку какого-нибудь рода свѣдѣній! Но въ старыя времена, когда схоластика и педантизмъ тиранствовали не встрѣчая борьбы въ здравой философій, страсть къ изобрѣтенію наукъ господствовала несравненно-сильнѣе. Тогда то была изобрѣтена географія, которая никогда и ни въ какомъ случаѣ не могла составить науки, и почиталась наукою только во времена безотчетности. Въ-послѣдствіи, самъ Пѣмцы отдѣлили отъ нея статистику и составили изъ того еще одну лишнюю науку. Успѣхи другихъ знаній отслаивали отъ географіи—космографію, геологію, геогнозію, орографію, этнографію, зоологію, дендрологію, и множество другихъ *логій и графій*, такъ-что, бывшая географія удержалась и держится еще кой-какъ за землю, называя ее своимъ предметомъ въ трехъ главныхъ отношеніяхъ: какъ планету, какъ естественное тѣло, и какъ жилище людей. Иногда, мимоходомъ, еще указываетъ она на историческія преданія. Но съ такимъ взглядомъ на науку, такъ захватывая владѣнія другихъ, дѣлать можно свѣдѣть предметомъ науки

чень-многое. Одинъ мой пріятель, грастный охотникъ до лошадей, рѣшительно убѣжденъ, что для коннозаводства существуетъ весь міръ, и что въ кругъ цюваній коннозаводчика входятъ всѣ науки: лошадь, какъ предметъ естествознанія, какъ предметъ исторіи, какъ предметъ медицинны, какъ предметъ политической экономіи, такъ даѣе и даѣе, захватывая для изученія лошади частичку каждого рода свѣдѣній, образуетъ онъ, мой пріятель, цѣлую, огромную науку, для которой еще не придумалъ онъ названія, но, вѣроятно, назоветъ ее *иппологию* или *иппографію*. Если невѣрны снованія моего пріятеля, то невѣрны снованія и тѣхъ, кто почитаетъ географію наукой и присоединяетъ къ ей чуждые, непринадлежащія ей предметы. У Французовъ почти нѣтъ учебныхъ книгъ географіи, кромѣ известной книжонки Мейсса и Мишлѣ, принятой только въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, потому что въ среднихъ у нихъ географія уже не преподается, а распространяется по различнымъ предметамъ. Старинныя географіи у нихъобыты; огромныя сочиненія Мальгерена и Балдби писаны не для школъ, а для справокъ и для людей взрослыхъ уже способныхъ пользоваться ими. Даже Нѣмцы истинно-ученые, какъ Риттеръ, смотрятъ на изученіе земнаго шара не какъ на науку, удобную для преподаванія въ школахъ, а какъ на отдѣльный предметъ ученыхъ исследованийъ, и потому-то *необластныя* нескончаемые томы риттеровой *Die Erdkunde* едва-ли будутъ имѣть вниманіе и едва-ли будутъ прочтены нѣтъ-нибудь, кромѣ записныхъ и страныхъ любителей *землепознанія*. Всѣмъ предметъ можетъ быть изучаемъ въ безчисленныхъ сторонахъ, и въ такомъ смыслѣ изученіе его всегда будетъ безконечно. Есть ученые, которые посвятили всю жизнь свою изученію *грибовъ*, другіе изученію *науковокъ*, и назвали въ этомъ великія услуги просвѣщенію; но кто скажетъ, что грибки и науки могутъ быть предмета-

ми двухъ различныхъ наукъ? Развѣ мой пріятель коннозаводчикъ. Но не такъ рассуждаютъ Нѣмцы-рутинисты: они безпрестанно издають учебныя географіи, которыя все повторяютъ одно и то же, съ небольшими измѣненіями въ распределеніи предметовъ. Многія географіи мучатъ у нихъ уже не одно поколѣніе несчастныхъ учениковъ, и номенклатура Штейна издана недавно, кажется, тридцать-патымъ изданіемъ!.. Сердцу больно, когда подумаешь, сколько безтолковыхъ мученій выдержано бѣдными малютками изъ-за этой ничтожной книжонки!

У насъ, благодаря просвѣщенному училищному начальству, учителя географіи не отъснены въ способахъ преподаванія своего предмета, конечно, необходимаго въ высшихъ и среднихъ классахъ учебныхъ заведеній. Многіе смотрятъ на этотъ предметъ просвѣщенными глазами, не придерживаясь рутинны, и слѣдствіемъ ихъ вниманія къ сущности самого предмета было изобрѣтеніе методъ, болѣе прежняго сообразныхъ съ его назначеніемъ. Такъ, на-примѣръ, въ нѣкоторыхъ изъ казенныхъ учебныхъ заведеній, черченіе картъ служитъ основаніемъ изученія географіи, гдѣ ученикъ практически изучаетъ фигуру и всѣ подробности земнаго шара, горы, рѣки, острова, наконецъ, государства, области, города, и карта его, сначала представляющая только очеркъ земли или какой-нибудь части ея, постепенно наполняется разными подробностями, безъ названій, которыя онъ узнаетъ изъ объясненій учителя и изъ книги, особо приспособленной къ изученію карты: онъ обязанъ знать, начертить, указать и назвать каждую подробность, означенную на лучшихъ ландкартахъ. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такого изученія географіи, онъ дѣйствительно *знаетъ* ее, хотя ему и не набивали головы непонятными для него подробностями и не заставляли помнить, въ какомъ городѣ торгуютъ мясомъ, и въ какомъ рыбой. Намъ извѣ-

слова: «правильная для руководства» в этом отношении географическая книга г. Разумова. Опыт Землеописания, составленный для средних училищ... Но овалы и кривые, безъ черчения, пригодны для земныхъ учениковъ, географическая Разумова не можетъ служить руководствомъ, и это обыкновенныя рутинныя истины, до которыхъ еще унази практиковъ, самый способъ обученія по ней, который, почитающъ ны лучшиимъ изъ всѣхъ книгъ и учебниковъ. Отъ лучшей тому-то при немъ научаются изъ географіи только то, что можно и рукою и умомъ изъ нея, и приобретаемая такими, способамъ, свѣдѣнія, остаются важными пособіемъ для будущаго дѣла въ науцѣ, для полезныхъ приобретеній, даже для того, чье ученіе ограничивается курсомъ въ высшемъ училищѣ.

Но, съжедая, ради Бога, можно ли изучать такъ называемую *Астрономическую или Математическую Географію* и безъ основанія и безъ нѣкоторыхъ терминовъ? Надобно, говоритъ г. Оболенскій, предпринимать имѣть такое понятие о томъ, что значить: плоскость, *штрихъ, диаметръ, радиусъ, диаметръ*, или *периметръ, параллельныя линіи, шаръ, диаметръ, ось, диаметръ и поверхность шара, большіе и малые круги*, также *раздѣленіе, каждый круга на 360°, параллель, что значить перпендикулярная линія, горизонтальная линія, прямой уголъ, квадратная мѣра* — т. е. надобно внести въ географію еще другую, огромную науку!.. Ну, а если кто не знаетъ геометріи и тригонометріи плоской, и сферической, не знаетъ основаній астрономіи — какъ же тогда будетъ уметь по вашей книгѣ? Что понимать оныхъ назъ всѣхъ поверхностейныхъ, начатыхъ для него в частодоходо-областныхъ терминовъ астрономической географіи?

На большае понятіе будетъ для ученика и такъ называемая «финансовая географія», т. е. выборъ нѣсколькихъ терминовъ, изъ разныхъ наукъ и значеній, или, лучше сказать, изъ одной вещи, давая о природѣ. На нѣсколь-

кихъ страничкахъ, рабочему, десяти-сорокѣ, пожелавъ и объ атмосферѣ, о водахъ, о лѣсахъ, о хлѣбныхъ, о тѣнностяхъ земнаго шара, и о бѣгахъ животныхъ, растеній, и множествѣ другихъ предметовъ, этого для науки, годны... Иностранная географія, должа, пособитъ этому, вмененіемъ, особымъ словаремъ въ географію, гдѣ объясняются сочиненіемъ, кой-какъ, поперекрестно, какъ будто такъ, припоминаніемъ, для чего, недостатку, самой, методы географіи, или, въ помощь, дѣлѣ, дѣлать по какому-то, чужому, вѣду, и неуча, что ли, не сообразно, и съ истиннымъ просвѣщеніемъ, отъсидѣть, кругъ, свѣдѣній и умовъ, основательно, и много, и много, необходимо? Въ географіи, на-примѣръ, не довозитъ в области *надежды*, не углубилъ, внутрь земли, и не думая изучать природу назъ нѣкоторыхъ, поверхность, разныхъ странностей, не лучше, да, уметь, видъ, земнаго шара, и, важнѣйшіе, предметы на его поверхности, произведенные природою или произведенные людьми? Живя въ домѣ, необходимо, знать его расположеніе, но углубилъ въ подробности архитектуръ, или, него или плотничаго мастерства, и во всѣ подробности устройства дома.

Учебная Книга Всеобщей Географіи, составленная А. Оболенскимъ, придерживается строгимъ, и отличаетъ отъ географіи Гейна, Каммерлингга Арсеньева и другихъ только нѣкими ошибками въ частностяхъ; вообще же, метода, расположенію, совершенно, то же. Точно также впередъ, вѣдѣть, истинная географія, за нею, истинная, объ, на нѣсколькихъ страничкахъ, и нещепныхъ терминамъ, для, результатовъ, которыхъ, надобно, научитъ, другая, отрасль науки. За тѣмъ, ослѣдуетъ, географія, политическая, и, является, ся, узоры, и, истинны... Но, если, тѣ, сочинитель, въ, убѣжденъ, въ, основательности, пользы, старинной, методы, наученія, географіи, (т. е. каждой-то, географической, отрасли, отъ, истинности, истинности)

то и в крайней мере должно было ему подвигнуться о точности выражений, которая в первый раз должны представлять нам образ и буди понятие и слов и без великой дусебности / 48 " этого свойства не нашли мы в его географии. Почти на каждой странице встречаются чуждые изъясн. что их не только и врозь и; но в новово ребенку, припущенному учиться таким изъясн. стиям?

Въ подтвержденіе нашихъ словъ укажемъ на некоторыя мѣста. Касанійское море принадлежить (изъ) Европѣ только чуждому; поверхность его ниже морской поверхности (стр. 66). Какимъ образомъ поверхность моря можетъ быть ниже морской? и каково море? Этого, конечно, не разъясняетъ ни одна изъ ученикъ и будутъ въ величайшемъ затрудненіи, если на экзаменѣ попросятъ его объяснить такую затверженную изъразу.

Въ казюбовнѣ прирѣчаніе къ этому мѣсту, гдѣ сказано: Между тѣмъ какъ другія части свѣта окружены обширными океанами, отчуждающими береговыхъ жителей отъ мореплаванія, Европа прилежитъ (изъ) морямъ, которыя довольно пространны для того, чтобъ подстрекнуть отвагу (?) къ мореплаванію и подольше отъ обширныя чтобъ остановить предприимчивость (!). Вотъ отъ чего развилось въ ней искусство мореплаванія усилитѣ, нежели въ другихъ частяхъ свѣта (стр. 56). Этотъ изъясн. на исторію вовсе тутъ не кстати; но каковы будутъ конціа учениковъ, если они возвратятъ, что въ самомъ дѣлѣ удаленіе отъ океана, а не приближеніе, не другія многія историческія причины способствовали развитію мореплаванія? Мысль г. сочинителя происорѣчить и событіямъ исторіи, и даже очевидности; потому что именно у народовъ, ближайшихъ къ океану, — у Португальцевъ, Испанцевъ, Голландцевъ, вавонцевъ, Англичанъ и Севера Американцевъ, — мореплаваніе развилось и продолжается съ своимъ успѣхъ. У народовъ, подолжавшихся только въ

Черномъ-Морѣ (въ водахъ Крима и Галатіи) въ Средиземномъ-Морѣ въ Ахтѣ и Ионіи, мореплаваніе оставалось почти чуждымъ.

Итакъ, вотъ, какъ объясняетъ и объяснитель географическія чертаны; отъяснитѣсь къ морямъ и водамъ? Человѣкъ сооружаетъ плотина чуждъ; гдѣ море производитъ изъясненія (стр. 22). А для чего же сооружаютъ башни, если онѣ не удерживаютъ изъясненія? Для того, что плохонномъ изъясненіи искусства и изъясн. сирѣкъ и вала деревнями, для заурженія небольшихъ рѣкъ и даже ручьевъ, а не для удержанія воды океана, который только въ вѣспотнхъ и приморскихъ странахъ удерживаютъ дюлами. Вода при поверхности океана непрерывно претвращается въ пары, подымается въ атмосферу, носится въ ней въ видѣ облаковъ, и наконецъ падаетъ на землю въ видѣ тумана, дождя или свѣга. Эдѣсь собираются она въ озера, либо составляетъ источники, ручьи и рѣки. Такъ обыкновенно происходятъ воды на сунѣ (стр. 23). Рѣки и вообще воды происходятъ отъ тумана и дождя. Кажется, тутъ не нужно ничего прибавлять, тѣмъ больше, что в. сочинитель даже самъ опровергаетъ себя: Многія рѣки составляютъ непосредственно изъ источниковъ, другія вытекаютъ изъ болотъ, озеръ и изъ тающихъ на горныхъ высотахъ снѣговъ и льдовъ. Но отъ чего же рѣки постоянно имѣютъ одно теченіе? Видно, есть еще какія-нибудь другія причины...

Мѣстами, изложеніе г. сочинителя переходитъ въ какой-то подлическій тонъ. На-примѣръ: Вообще можно сказать, что въ восточной половинѣ Европы климатъ совершенно континентальный, а въ западной онъ походить больше на морской (стр. 64). Говорить и климатъ жаркій; у дресный, холодный; вдовольный; нездоровый, тропическій, потому что все это представляеть идея опредѣленныя; но что значитъ климатъ континентальный или морской? Какого это континента или

ири, потому что возмещать и въ Америкѣ и въ Якутской Области?.. Море Чирное или Красное, и море Бѣлое или Охотское также предполагаютъ разни-

цу. Вотъ другая географическая черта, очень-примечательная въ краткой географіи Франціи: дѣлилась своихъ дѣсь въ время революціи (повѣя!). У насъ, не смотря на всѣ заботы и хлопоты, все равно, что работамъ заботы, для парламентальныхъ пожеланій. Правительство, дѣла также истребляются съ неразумнымъ чрезъ расчисленіе, безрочную порубку, пожары, пастьбы скота въ лѣсу, (чего и гдѣ быть не можетъ), пощаніе дорогъ (?). Сколько барановъ истребляется въ Трапезныхъ долахъ... Какіе-то гибельныя посяденія въ лѣсахъ истребленія дѣсовъ должны ожидать наши потомки! (стр. 65). Да, по пути сначала родителю, ови, а потомъ и ждуть своей гибели отъ истребленія дѣсовъ. Впрочемъ, углубимся словами самого г. учителя, который на двѣ страницы говоритъ: «Мона Бароны, по свѣдѣнію римскихъ писателей, на двѣ тысячи лѣтъ была бесплодна, покрывающая и болотами. Съ развитіемъ образованности и умноженіемъ населенія, лѣса были истреблены, болота высушены, и почва до того улучшилась, что нынѣ можно назвать ее вообще плодородною, и сказать, что это качество сообщено ей трудолюбіемъ человека» (стр. 63). Такъ станемъ лучше истреблять и остатные дѣса, да развивать при томъ образованность, если одно необходимо при другомъ! Черезъ двѣ тысячи лѣтъ и намъ сэжухъ похромки наши спасибо.

Кромѣ надобныхъ недоразумѣній, противорѣчій и странностей всякаго рода, встрѣчающихся почти на каждой страницѣ Учебной Книжки Географіи, въ ней есть и лавыя ошибки. На-примѣръ, говоря о раздѣленіи племенъ, обитающихъ въ Россіи, «Учебная Книга Географіи» вотъ какъ объясняетъ, что такое кавказское племя:

«Бавлавы, въ которыхъ отнесены ед. Армяне (?). (до 30,000) въ Кавказской Губерніи, въ Кавказской Области, въ Таврической Губерніи, въ Бессарабіи и большихъ горныхъ Гruzини, Осетини, Черкеси, Кабардини, Абаздзи въ южной части въ Кавказской Области» (стр. 120). Да эти строки можно дадцать пѣть разъ опровергнуть, потому-что г. сочинитель пережмалъ тутъ все! Какіе Кавказцы живутъ въ Бессарабіи? Неужели всѣ племена, живущія около Кавказа — Кавказцы? Какъ можно сказать, что Осетинцы, Черкесы, Кабардинцы, Абаздзиды и другихъ горскихъ народцевъ малое число? Да съ кѣмъ же воюютъ дѣлые корпусы превосходныхъ, образованныхъ русскихъ войскъ?..

207) Всеобщая Географія, приспособленная къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Выпускъ 5. Москва. Въ университетской типографіи. 1847. Въ 8-ю д. л. 561—760, стр.

Этимъ выпускомъ заключаются два изданія Географіи, приспособленной къ преподаванію въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, и мы должемъ случаемъ, чтобъ сказать въ скобкахъ слово объ этой полезной книгѣ. Мирно раздѣвались жалобы, данныхъ педагоговъ, — жалобы, которыя теперь повторяются: у насъ нѣтъ хорошихъ учебниковъ, мы по необходимости довольствуемся «Географіею г. Арсеньева», «Сокращеніемъ Географіи г. Гейма», и странно! эти два учебника, не смотря на то, что представляютъ не географію собственно, а лишь остатокъ географическихъ данныхъ, досихъ-поръ, вѣсть съ исторіею г. Абдулова, господствовали у насъ. Мало по-малу распространилась мысль, что исчисленіе границъ, горъ, рекъ и т. п. редовъ, безъ всякой системы соединенныхъ другъ подлѣ друга, не представляетъ науки, и это простое заучиваніе всего этого только, обременяетъ память дѣтей, а не приноситъ дѣлу существованію никакой пользы, ставя рож-

то дѣтямъ нужно показывать землю со
 съими характеристическими чертами
 и физическаго положенія, и всѣ отно-
 шенія ея къ разнымъ существамъ, есна-
 еляющимъ; глобусъ исчисленіе данныхъ
 казалось недостаточнымъ: между нами
 гали искать живой связи и обра-
 зились, само-собою разувается, къ
 чебликамъ иностранныхъ. Здѣсь
 предстояло только затрудненіе въ вы-
 орѣ, потому что въ Германіи появи-
 ось много книгъ о географіи, учебни-
 овъ и т. п., и оно устранило было до-
 ольно счастливо. Въ послѣдніе годы
 у насъ появилось нѣсколько геогра-
 ическихъ учебничковъ; гораздо бо-
 бе удовлетворительныхъ; таковы,
 а-прихѣръ, кромѣ упомянутой вы-
 де книги г-на Разумова, «Геогра-
 ія» Соколовскаго (принятая руко-
 одство въ военно-учебныхъ заве-
 еніяхъ), облекшаяся во второмъ изда-
 ии въ новыя, прекрасныя формы; да-
 ле «Географія» г. Э. Соколова, которая
 obviously есть переводъ книги Брюк-
 ера «Handbuch der Neuesten Erdbe-
 hreibung» съ сокращеніемъ Россіи
 въ перваго изданія «Географія» Соко-
 овскаго; третья географія есть пере-
 одъ Штейна; къ этому можно приба-
 ать и «Географію» г. Шульгина, ко-
 арая заключаетъ въ себѣ первую
 асть хорошаго учебника Альбрехта
 она. Мы прежде высказали свое
 нвіе о «Географіи» Соколовскаго;
 послѣдніе же три переводные учебни-
 а, верѣяко погрѣшающіе противъ
 ыка, сдѣлали большой шагъ въ пре-
 одаваніи географіи. Новые учебники
 ошли безконечно-выше тѣхъ, кото-
 ыи привыкли пробавляться наши
 арыя педагоги, но они еще не могли
 оветворить новымъ потребностямъ
 ащихся, потому что сухость дан-
 ыхъ замѣняли сухостью систематиче-
 аго изложенія; все это особенно ва-
 удило преподаваніе географіи дѣ-
 амамъ, и вотъ наконецъ появилась
 Географія для женскихъ учебныхъ
 веденій; авторъ ея добросовѣстно
 оложилъ начатый нить трудъ и впло-
 ь достигъ своей цѣли: книга его раз-

добравна, замѣчательна, написана
 хорошимъ языкомъ, и, что всего замѣ-
 рше, представляетъ живую связь ме-
 ду землею и государствами, на ней об-
 разовавшимися, безъ утомительной су-
 хости. Главнымъ руководствомъ автору
 при составленіи его географіи служила
 (какъ самъ онъ говоритъ въ предис-
 словіи) книга Фридриха Нессельмута:
 «Handbuch der Geographie für Töch-
 terschulen», о которой, при первомъ
 появлении ея, напечаталъ ученый пе-
 дагогъ Дистерверъ въ своемъ «Wegwei-
 ser für deutsche Lehrer» (1838) слѣду-
 ющее мнѣніе другаго педагога Борман-
 на: «Отличительное свойство этого ру-
 ководства заключается въ томъ, что
 оно представляетъ вѣрныя изображе-
 нія всего замѣчательнаго въ природѣ
 и жизни человеческой: изображенія
 эти присоединены къ именамъ ос-
 дѣльныхъ горныхъ хребтовъ, рѣкъ,
 городовъ и проч. Книга Нессельмута бу-
 деть полезна не одному только учите-
 лю въ женскихъ школахъ, но каждо-
 му преподавателю, который чувствуетъ
 необходимость оживить предметъ
 своей картинами и описаніями. Все
 сказанное о книгѣ Нессельмута можно
 отнести и къ «Географіи» для женскихъ
 учебныхъ заведеній, но послѣдняя
 имѣетъ то преимущество, что авторъ
 ея не ограничился одними руковод-
 ствомъ, но пользовался трудами Милт-
 брѣна, Бальби, Брюкнера и Роова;
 книга его не только оправдала надеж-
 ды, которые мы года два назадъ вы-
 сказали при появленіи перваго ея вы-
 пуска, но совершеннѣе оправдала съ ка-
 ждымъ выпускомъ, и послѣдній (пятый)
 едва ли не лучшая часть учебника;
 особенно хорошо описаніе Америки,
 которое, если мы не ошибаемся, ав-
 торъ заимствовалъ изъ превосходнаго
 труда Берггауза: «Allgemeine Länder
 und Völkerkunde».

«Географія для женскихъ учебныхъ
 заведеній» въ первомъ выпускѣ содер-
 жать обзоръ солнечной системы и
 общія предварительныя понятія о ге-
 ографіи; глава эта оказалась намъ
 слишкомъ-сжатою, и особенно о солнеч-

агнитографическая система; правда, она изложена ясно и правильно, но лишена многих интересных подробностей: для пополнения ее советствуем автору при втором издании (которое вероятно не замедлит своим появлением) принять в руководство прекрасную статью Д. М. Поребоникова, помещенную в 4 и 5 книжках нашего журнала в нынешнем году. За утомительное обозрѣние всѣхъ частей свѣта, которое отличается и необыкновенною простотою изложения и даетъ вѣрное понятіе о поверхности земли, какого характера бы стали искать въ запутанныхъ данныхъ прежнихъ географій, таково, на другомъ описаніи поверхности Европы:

«Вся сѣверная Европа составляетъ обширную равнину, которая только Уральскія горы Хребтомъ отдѣляется отъ степей Азии. Она простирается отъ Шибунгаго-Мора до Атлантики и Чернаго, и оттуда до Сѣверо-Западнаго Швецкаго, и занимаетъ два трети этого европейскаго материка; прорѣзаетъ дунію отъ устья Рейна до Таврическаго Полуострова и вы получите ее южную границу. Возвышенность средней Европы можно обозначить слѣдующимъ треугольникомъ: — правднго угла отъ Таврическаго Полуострова до устья Рейна (сѣверо-восточной стороны треугольника) и оттуда до истоковъ Гаронама (сѣверо-западной стороны) и отъ юга до устья Дуная (южная сторона), и вы увидите всю горную систему европейскаго материка.»

Или описаніе поверхности Африки:

«Вся южная часть Африки почти до 10° сѣверной широты представляетъ возвышенность, называемую Высокою-Африкою, дунію которой совершенно намъ неизвестна. Къ С.В. и С.З. Высокая-Африка простирается до 10°. Сѣверо-восточная часть ея называется Возвышенностью Хабыла или Абиссиніи, и состоитъ изъ многихъ горныхъ цѣпей и нѣскихъ возвышенностей. Сѣверо-западная часть Высокой Африки именуется Высокою-Сулаймомъ; южная часть, которая носитъ названіе Лунны или Гербъ, или Эль-Комеры, оканчивается въ западъ высокою Сьерра-Лева. Высочайшійъ хребтъ есть Конгъ. По южному берегу отъ сѣвернаго Загве-

онѣбени отъ устья онаго дунію Хабыла простирается дунію Хабыла до Сѣвернаго пересѣченнаго рѣкою Загоде, простирается до Столовой-Горы, и оканчивается высокою Доброю-Надеждою. Къ сѣверу отъ Высокой-Африки лежитъ возвышенность Макомосе въ горѣ сѣверной Африки, тамъ же находится сѣверная Серапа, сѣверо-восточная Высокая-Сулаймъ и сѣверо-западная Высокая-Сулаймъ. Абиссиній, дунію Хабыла, Сьерра-Лева, Этопа, Ласкій-Сулаймъ, состоятъ изъ одной чрезвычайно плодотворной земли, и рѣсѣченной рѣками холмовъ, и служатъ какъ бы перегородкою къ углубленію Сьерра, возвышенной на западной дунію, сѣверо-восточной Высокой-Сулаймъ, Макомосе и прорѣзываютъ дунію и...

Къ недостаткамъ этой части краснаго журнала Г. М. Поребоникова раздѣленіе жителей Европы: каждая изъ нихъ имѣетъ на характернѣйшей особенностяхъ, гребтъ, господствующихъ племенъ, естественнаго, германскаго, романскаго, ендъ, испанскаго, итальянскаго, азиатскаго, дунію Хабыла, но и обременительна для читателя, темъ болѣе, что особеннѣе излагаетъ да показаны имъ пріодисаніи главныхъ государствъ; владѣнія другихъ частей свѣта изложены коротко, и сколько не худо, чѣмъ въ Европѣ, и подчинены главнымъ вѣтвямъ раздѣламъ.

Описаніе отдѣльныхъ государствъ Европы, заключающееся до 4-хъ и 5-хъ выпускахъ, писано довольно рительно. Представляя въ краткомъ столбце каждой страны, авторъ указываетъ на силы государствъ, политическія особенності, вѣдѣнія, политическія, степень образованности, образъ правленія и чинъ дунію Хабыла, вѣдѣние немкаго, на, на дружинахъ, одного на четыре дунію Хабыла, вѣдѣние весьма - сѣверо-восточная особое вѣдѣніе, какъ бы, вѣдѣние всего выражается, жинъ дунію Хабыла, вѣдѣние конгъ, вѣдѣние дунію Хабыла, вѣдѣние описаніе Лондона, (стр. 100), Парижа (стр. 201), Рима, (стр. 300), Мадрида (стр. 387), и дунію Хабыла, темъ себя хотя иривѣдѣніе, вѣдѣніе, вѣдѣніе о значеніи одного государства.

амтнмъ только автору, что напрасно въ при описанн Францн сохранилъ гарое раздѣленіе на провинціи: правд, каждая изъ нихъ отличается даро: рсудическою особенностію, и могеа да не удерживается въ памяти. Въ раздѣленіи, но разсужденіи о деартантъ, троччани и нечислито и въ ачагъ, какъ это сдѣлано въ разраемой нши книгѣ, а послѣ описаня горъ и рѣкъ, отъ которыхъ они починили свое названіе, и сдѣлаи не луче уедицы, ващи, удержатъ ихъ въ амяти. Земли и государска прочахъ астей свѣта (самыя вошшіе, половину то выпуска и весь 5-й), представляли се иструдленн, и не въ дѣвѣ трулы, переути чились полныя, усннкозъ, кланте, въ снѣ книгу, и въ согласнѣ съ нами, что такой трудъ достаетъ по даромъ, что авторы много читагъ, и не только воспольваляи авторы сами, находившіяся у егъ шодрукою, но обогатилъ книгу это прѣбчавше, въ которыхъ соприимотъ много свѣднн, какъ истощескихъ, такъ и по части естественнхъ наукъ; правда, они не новы для олей историче и образованныхъ, но въ шши ечении полезны для дѣтвой наемому, можеть для нихъ понавн.

Вообще, съ удовольствіемъ поздравитъ на нтъ молодцы соотечественницъ съ репрасаннѣ географическимъ учебникомъ; и въ сего того, чтобъ скучать, и твердая утомительный рядъ собственнхъ шдннъ и число, онъ будутъ интересное путешествіе, и географическія данныя сами собой остави въ ихъ памяти. Желаетъ этой оленной книгѣ полнаго успеха, въ копронн и не сомнѣвается, тнъ болѣе, то тнъ книги сама умрѣнная: въ твъ выдусовъ, включающіе въ себя 65 стр. или болѣе 48 печатныхъ лнговъ, стоить і р. 75 и. Помулатію 0 экземпляровъ платитъ і руб. 80 и. О сертъ-того, авторъ, втроитно, съдѣаетъ виднательную услугу въ пользу

учебныхъ заведеній, выписывающихъ книги въ большомъ количествѣ. (208) Библейская Священнн. Истортя *Ветхаго и Новаго Завета, или правдннно-буковно историческо чтеднн. Съ картинкою и иллістратіями въ двухъ частяхъ. Изданіе В. П. Кирплова Москва. Въ тип. скоронечатннхъ В. Кирплова. 1847. Въ 8-мъ д. А. Вѣ 4-й числн 341, VI, во 2-й—189, V стр.*

Въ послѣднее время, нѣкоторые изданія московскихъ книгъ, даже дѣтскей назначаемыхъ, порадовали насъ своею — не только чистотою и образнностью, но даже роскошью. Такъ г. Названнн напечаталъ нѣсколько дѣтскихъ книгъ, которыхъ съ удовольствіемъ можно подаритъ самому развочному, разъ умныхъ дѣтей; а тецерь г. Кирпловъ издаде Свещенную Исторію, которая прннчавше въ членнлмъ прекраснма по шрнну, и по бумагѣ и по украшеніямъ. Иravo, это радусть насъ — не столько за себя, сколько за дѣтей, которымъ какъ-то приходилось читать болѣею частію грязныя книжонки съ безндою ороеграфическнхъ ошибокъ. Рекомендуютъ эту Исторію, родителнмъ и дѣтсто. Ста-четырехъ Священнхъ Исторій, Гиблера, издававшихся какъ-то шре и неуклюже, и на шбело, разошшыя изданія Священнон Исторн, прнлающнхся очень дорого. Цѣна книжки, издавнон г. Кирпловымъ, умрѣнная, если прннать въ соображеніе качество изданія.

(209) Класъ Рисованія, сочиненный А. Саможиковымъ (Олончнн). Санктпетербургъ. Въ тип. Э. Праца. 1847. Въ 4 д. л. 56 стр.

Вышедшая тецерь послѣднн тетрадь Курса Рисованія г. Саможикова заклучаетъ въ себѣ главу О разндряхъ человѣческаго тѣла (сл. XX); Одъ основнхъ токъхъ надобноскаго тѣла, которыми опредѣлется маанннъ его движенн (сл. XXI); О разнннннн челоѣческаго снла (сл. XXII) и наконецъ О рисованнн челоѣче-

определенная структура. Затѣмъ, пред-
лагается некоторымъ правиламъ перенесен-
нымъ, необходимымъ при составленіи
картинъ, и наконецъ собственно о со-
зданіи картинъ.

Эта прекрасная часть «Курса Рисова-
нія» начинается достоинствами, общи-
ми всемъ трудящимъ и издающимъ г. Са-
новникова — близкий законствомъ
съ предметомъ, въ особенности когда
дѣло идетъ объ анатомическомъ изуче-
ніи члвчвческаго тѣла, легкимъ и по-
мощнымъ изложеніемъ, чуждымъ всяка-
го поделителства, большою опытностью,
замечая условіи искусства и вѣрностью
въ сужденіяхъ объ искусствѣ. Худо-
жники, только что начинающіе подни-
заться на своемъ поприщѣ, найдутъ въ
себѣ много, провъ полезныхъ уроковъ,
советовъ до рисунка относящихся,
еще много указавші, которыя заставляютъ
ихъ бороться того, что называется дур-
нымъ искусствомъ, и могутъ съ ее помощью
исправить ошибки, происходящихъ
чаще отъ неопытности и исчезаю-
щихъ только болѣе долгой практикой и
многимъ трудомъ.

Во многихъ случаяхъ, чтеніе книги г. Са-
новникова можетъ имъ некоторымъ
образомъ замѣнить опытъ, и несколь-
кими выгодами у нихъ будетъ мень-
ше.

Прокате, известныя публикѣ труды
автора «Курса Рисованія» ругаются
за то, что часть этого курса, посвящен-
ная чисто черченію и изученію частей
и положеній тѣла — безукоризненны.
Мы однако не можемъ не остановиться
на последней главѣ «Курса Рисова-
нія» — о созданіи картинъ. Тутъ уже
не анатомія: тутъ уже мы переходимъ
въ область эстетики; дѣло идетъ о твор-
чествѣ; авторъ (на стр. 42) самъ гово-
ритъ: «разстояніе между писцомъ, пе-
речисляющимъ рукопись, и писате-
лемъ творческимъ (т. е. излагающимъ
свои идеи вымысла ильными) точно
тоже, какъ и между рисовальщикомъ,
копирующимъ члвчвческую фигуру, и
художникомъ, производящимъ карти-
ну»; следовательно, дѣло идетъ не
болѣе, ни менѣе, какъ о томъ, чтобы

дать правду, какъ производимъ карти-
ну! Но кто беретъ на чернилъ правду,
какъ сочинять картину, и какъ
дастъ ли тогда въ ту же минуту, то-
гда господствовала во время ея и
платить словесности; подъ именемъ
риторики и поэтики эти науки члвчв-
какъ сочинять исторію; романы, драмы
и проч. Теперь судя о томъ, какъ
известна, мы ограничимся тѣмъ, что
поставили вместе ихъ болѣе пра-
вильно; уразумѣніе котораго и дѣлаетъ
правленіе творческой члвчвческой
Теперь остается стараться какъ не-
сколько чрезвычайно общими
новое, предоставляя выслушивать
самой, по законамъ гармоніи, ей соб-
ственной, ибо иначе она не есть эс-
стетическая выказъ; и отсутствіе
новинъ въ созданіи, въ члвчвческой
стихъ, показывать отсутствіе таланта
въ писателѣ. Не только въ то же время
быть и во всехъ другихъ искусствахъ,
которыя всѣ служатъ одному
Эстетика, постановивъ общія
цинь, старается только бороться
кусъ, следовательно, въ творче-
стихъ можетъ и должна ограничиться
одними отрицательными соображеніями;
положительныхъ правилъ она
навсегда отказаться; она должна
вать, на-прим., относительно
дожественнаго произведенія, что
форма должна соответствовать содер-
жанію, но и это будетъ лишнее; ибо
есть хорошее содержаніе, и форма
дѣлать хороша. Точно такъ, какъ
ничего ни въ природѣ, ни въ
искусства, гдѣ бы вы сказали
форма, но безъ содержанія. художе-
ственная мысль не можетъ
че, какъ въ формѣ: художественная
мысль есть Минерва, рожденная
головы Юпитера въ болѣе
женіи. Разлагать на части
изящныхъ произведеній
формъ можетъ быть болѣе,
мыслей; каждая мысль иль
форму... Впрочемъ, теперь
еще известны; доказывать
го, и воспользованіе о пово-
торки и шитки и проч.

лько при чтеніи въ которыхъ страницъ «Курса Рисованія», гдѣ авторъ, говоря о сочиненіи картины, трагуетъ точно какъ будто бы дѣло шло о приемахъ несвободнаго искусства. Не отбѣлось бы намъ дотрѣпать у него роли въ такомъ родѣ: «прежде, нежели художникъ будетъ рисовать эскизъ своей картинцы, онъ мысленно долженъ расположить въ ней фигуры, т. е. назначить сообразно сюжету фигуры отдѣльными, въ связи или въ большихъ группахъ, а не искать ихъ карандашемъ въ рукахъ, не обдумавъ предварительно». Это такъ; художникъ принимается за дѣло только тогда, когда въ головѣ его есть мысль, съ чѣмъ картина изъ краскахъ, съ вѣтлами и дамскими платками и счастливо передо мной складной, съ темной или свѣтлой фигурой, и пр. Если въ беретъ карандашъ, то старается только изобразить въ эскизѣ уже полную, готовую въ его воображеніи картину, какъ писатель, принимающійся и перо съ мыслью въ головѣ, а не про то отъ-того, что захотѣлось написать стихи, все равно какіе, только бы писаны стихомъ. Но зачѣмъ же поэтъ, послѣ строкъ, приведенныхъ выше, мы встрѣчаемъ слѣдующія мѣста: художникъ остановившійся на очерканіи своей картинцы, можетъ на несколько эскизахъ услышать различное освѣщеніе и избрать то, которое выгоднѣе?..» (стр. 52). Или зачѣмъ же: «полезно даже въ сколько своихъ эскизовъ раскрасить и избрать изъ нихъ наиболѣе-удовлетворительный?.. Что жъ изъ этого должно вывести?.. выводъ хуже тѣхъ выводовъ, которые доставляла риторика... А именно: художникъ прежде всего долженъ вообразить картинку, во съ голыми фигурами, и начертить ихъ; потомъ одѣть; потомъ попробовать освѣтить, да въ сколько приемовъ, какъ выйдетъ лучше; потомъ раскрасить, одѣть сперва въ одинъ цвѣтъ; потомъ посмотреть, лучше ли другой, вѣсто голубаго расный, потомъ желтый и такъ-далѣе, и такъ лучше... Риторика, совершенная

риторика!!... Мы смѣло соглашались на всѣхъ нашихъ талантливыхъ живописцевъ—представляются ли имъ ихъ картины въ такой последовательности? Неужели «Послѣдній День Поминанья», вообразилъ Брюлову однимъ очеркомъ, безъ красной лавы волкана, безъ блѣдно-желтой молнии, безъ разбиваемыхъ мотромятъ тканей голубыкъ, желтыкъ безъ этихъ темныхъ фигуръ, безъ другихъ облитыхъ вепишкою молний?.. Мы не говоримъ, чтобы вся картина, какъ она есть теперь, такъ и была въ перьяхъ начертаній, но утверждаемъ, что всѣ элементы ея въ немъ были, а относительное положеніе фигуръ, разумѣется, измѣнилось въ каждомъ новомъ эскизѣ, и драма развѣтривалась болѣе и болѣе... Наме замѣчаніе намъ кажется очень важно: пора истребить всѣ слѣды схоластики въ свободныхъ искусствахъ, которыя отъ-роду, дѣло, болыня искусства, что вѣковы имъ скрываются въ глубинахъ нашего духа, — слѣдовательно и въ видѣхъ самихъ, а не въ кодексахъ вѣщныхъ дирекцій. Они допускаютъ только волеизъявленій принципъ, а не регулы риторики. Не въ господствѣ ли, наконецъ, этой риторики скрывается причина, отъ-чего въ ученическихъ картинкахъ видныя намъ встрѣчатъ натурщика, драпировку съ обычными складками, — жемру тропику, засохшую на манчжѣ, холодное, жалкое освѣщеніе и отсутствіе всего того, что часто выкупаютъ и контрастность рисунка и другія промахи. — въ отсутствіе мысли, тѣлоду, чувства, и вообще этой кажущейся случайности въ положеніяхъ, выраженіяхъ лицъ, въ складкахъ, въ одолчностяхъ, что характеризуетъ свободное, созданіе фантазіи, не подавленной хамономъ риторическимъ правилами?

Намъ кажется даже, что авторъ «Курса Рисованія», какъ человекъ съ тонкимъ вкусомъ, самъ чувствуетъ, что, составляя главу о сочиненіи картинъ, онъ послѣдовалъ ругни, и отъ-того часто находится въ затрудненіи, особенно когда ничтъ снать что-нибудь положительное. И что же, въ-снмъ-

дѣтъ, скаданъ имъ въ старойкахъ о томъ, какъ художникъ долженъ обдумать сюжетъ (риторическое изобрѣтеніе) и выполнить его (въ риторическомъ расположеніи)?— Что надобно знать по дробности заданнаго сюжета; избрать выгодную минуту дѣйствія; опредѣлить число необходимыхъ дѣйствующихъ лицъ; избрать мѣсто дѣйствія согласно сюжету; мысленно расположить фигуры и группы... одѣтъ въ причинный костюмъ, освѣтить... сохранить общность въ картинѣ, и наконецъ собственно исполнить, т. е. написать картину. Все это очень хорошо, но все сказанное подъ приведенными рубриками, едва ли что-нибудь значитъ. Для примѣра возьмемъ хоть бы *выборъ мѣстности для сюжета:*

«Выборъ мѣстности для сюжета основывается или на историческомъ указаніи, или на воображаемыхъ обстоятельствахъ, гдѣ случилось изображаемое событіе. Въ этомъ отношеніи предпочтительнѣе на городскъ, ландшафтныя, скальные, мѣстныя горахъ, на морскомъ берегу или въ деревнѣ, примѣчательныя мѣста. Все это художникъ долженъ имѣть въ виду, чтобы не отстунить отъ истины, и самую мѣстность припорочить выгодно въ фигурамъ.» (Стр. 45.)

Въ 416 можно оказать въ статьѣ о выразительнѣмъ движеніи фигуръ? Только если художникъ долженъ дать фигурамъ сообразное ихъ характеру выраженіе... О костюмѣ: что одежда должна быть сообразна съ народностью, возрастомъ; потомъ, возрастомъ и проч., т. е., Турки писать въ турецкой одеждѣ, а не въ испанской или китайской, а не въ фракѣ и не въ пальто; и проч. Но ученое толкованіе обстоитъ въ серьезной книгѣ такъ же вѣрно; какъ ипотія права попойной риторики касательно, ва-прим., высоко и похвалы сѣбѣ...

Авторъ, предложивъ уже множество подобныхъ правилъ, говоритъ:

«Между се самимъ образованнаго зрителя, если онъ несмотрѣтъ на картину и не знаетъ въ ней ничего, кромѣ хорошаго матеріальнаго исполненія, остается хо-

лодными? Можетъ ли всякій опитать правильность рисунка и мускулатуры, чистоту колорита и стилистическое разнѣшеніе фигуръ?— А между тѣмъ ему, какъ человеку, неважно было бы испытать чувства, которыми онъ въ изобразительнѣмъ видѣтъ и понимаетъ, только бы онъ не имѣлъ, какъ на предѣлѣ имѣтъ имѣть и не имѣлъ бы другія. Картина можетъ только воздѣйствовать эстетическимъ, твердымъ произведеніемъ, тогда она, кромѣ хорошаго матеріальнаго исполненія, имѣетъ одну основную, общую идею, когда каждая фигура удовлетворяетъ въ картинѣ въ изобразительнѣмъ чувствахъ соответствующія сюжету.» (Стр. 46.)

Какъ стонъ, если бы только авторъ призналъ приговоръ своимъ правиламъ, какъ только, что онъ не имѣетъ чувства и художественнаго таланта, а только видѣтъ въ изображеніи, какъ бы не внушилъ ему что-нибудь, какъ бы только бы привнесло въ картину какое-нибудь курьезъ для изученія такъ, какъ бы и ограничиться самыми простыми и приличными, т. е., с тѣмъ, что должно быть, отнесены къ своимъ своимъ положительнымъ правиламъ, какъ бы отъ попытки безуспѣшной, а что было только и извѣстной.

210) Опытъ восстановления развитія главнѣйшихъ дѣйствій, послѣдствій, какъ руководство для образовательнаго преподаванія лекцій, т. е., профессора Рихельсона *Людвигъ Иваница*. Одесса, 1847. В 8-ой отдѣлѣ. Въ 12 д. л. 116 стр.

Новое въ ономъ «Опытѣ» — рѣшительно ничего; но стариннаго много очень старательно. Всего перепутано въ книгѣ г. Иваница — прилагательныя опредѣленія, что, впрочемъ, не имѣетъ важности. Вотъ опредѣленіе имени:

«Имя — это рѣшеніе души отъ предмета къ предмету.» (Стр. 3.)

Если дѣло опредѣленія есть рѣшеніе неизвѣстнаго, то неужели можно уяснить способность и...

ессоръ скажетъ вамъ, что оно умственное поступаніе души отъ днѣта къ предмету? Не думайте, бы за такими опредѣленіемъ слышало другое, болѣе ясное: Вотъ что дуетъ за мысленной орадой: Изъ этого понятія о умственномъ слѣдствіи, что нельзя мыслить вѣрнѣе обога, и проч. (Стр. 6.)

такими опредѣленіями усилитъ Огъ г. Михневича. Но, повторяемъ, ово свойство всѣхъ школьныхъ руководствъ къ логикѣ.

11) ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЧТЕНІЕ. *Книжка* *Петербургъ. Въ книж. совѣно-учебн. заведеніи 1847. Въ 8-мъ д. л. 160 в.*

Взглянувъ на эту книгу ясное говорить о назначеніи: дать маленькимъ дѣтямъ чтеніе, первое, въ которомъ будутъ и упражненія. Конечно, можно сделать еще такую угоду книгу: и будутъ читать ее, и, можетъ быть, изъ не мало поймутъ, какъ и всякую угоду. Но если дѣтя сматало и вполнѣтливо, то несообразная съ пониманіемъ ея книга можетъ только сбить о съ толка, или поселить въ немъ жвыя понятія, что едва ли не хуже. олая не только предупредить такіа слѣдствія, но и сдѣлать самое первое чтеніе средствомъ умственного развитія ребенка, просвѣщенные педагогаданна заботятся составить книжсобственно для первоначальнаго чтенія дѣтей, гдѣ все было бы для ихъ понятію, передавалось яснымъ, простымъ языкомъ, съ соблюденіемъ необходимой постепенности въ описаніи. Каждый предметъ долженъ быть вѣтъ упоминаемъ съ объясненіемъ, в только объясненные предметы могутъ быть упомянуты дальше безъ объясненій, но съ соблюденіемъ еще необходимаго правила — переходить къ простымъ предметамъ и понятіямъ къ сложнымъ.

На русскомъ языкѣ было уже довольно попытокъ составить такую книгу; но, видно, это не такъ легко, потому что до сихъ поръ мало книгъ для

Т. III. — Отд. VI.

первоначальнаго чтенія удачно составленныхъ. Изданная нынѣ принадлежитъ также къ попыткамъ не совсѣмъ-удачнымъ. Съ самой первой страницы начинается описаніе предметовъ, вовсе непонятныхъ дѣтямъ, принимающимся за первую для нихъ книгу. Тутъ говорится о *сочиненіи*, о *типографіи*, о *печатаніи* книгъ, и очень можетъ быть, что иное дѣтя, видѣвшее, какъ замечатьваютъ явственно, подумаетъ, что и книги *печатаютъ* такъ же: терминъ не объясненъ ему, да и невозможно объяснить его ребенку. Далѣе идетъ какая-то сказочка, гдѣ читаемъ: «Машенька была дочь богатыхъ родителей, и *отъ того могла пользоваться такими удовольствіями, которыхъ не имѣли другія дѣтя.*» А отъ-чего же она могла? спроситъ дѣтя. Да отъ-того, что родители ея были богаты. А дѣтя устанетъ на дѣсять страницъ, потому-что слово: *богатые* превышаетъ его понятію. Если же она не имѣетъ понятія о *такихъ удовольствіяхъ* для дѣтей: *предметы, въ которыхъ жечка будетъ ему скучна.* Изъ-того же, въ распредѣленіи предметовъ не имѣтъ никакой постепенности. Встрѣчаются также свѣдѣнія довольно-забавныя, на примѣръ: «*Вообще нѣтъ градъ, сѣку: стариковъ, равно какъ и нѣтъ овецъ: мыкъ ялодокъ, варятъ съ сахаромъ или съ медомъ прекрасная еррелла.*» (стр. 32).

На нѣмецкомъ языкѣ есть одна, хороше составленная книга для первоначальнаго чтенія, на примѣръ, книжки, издаваемая Вурстомъ, могутъ называться истинною дѣтскою, еднородною, гдѣ почти всѣ предметы, объясняемою видными дѣтями, описаны съ удивительною ясностію и последовательностію. Почему не попытаться перевести книжки Вурста на русскій, разумеется, примѣнить его описанія къ нашему быту?

212) Начальное Руководство къ Изученію Французскаго Языка. Соч. Зейденштюбера, издѣланное на курсъ курса. *Двадцать въ ползу (?) Рус.*

окая множества, обучающаяся Французскому языку. Части I и II. Санкт-петербург. В тип. Карла Крайла. 1847. В большую 12-ю д. л. IV, 84 и 112 стр. Съ эпиграфомъ: *Il est de l'intérêt des sciences, de rendre le chemin qui y conduit, le plus doux qu'il est possible.* VOLTAIRE.

Можно учиться иностраннымъ языкамъ по разнымъ методамъ, какъ можно лечиться по разнымъ, совершенно-противоположнымъ системамъ. И, видно, выучиваются и вылечиваются самыми удивительными способами! Мы несколько не оспариваемъ ни того, ни другого; но, читая иногда важныя и даже запальчивыя защищенія той или другой методы, невольно вспоминаемъ римскихъ авгуровъ, которые, встрѣчаясь, не могли удерживаться отъ смѣха.

Почему не учиться, или, по-правдѣннѣе, не упражняться въ изученіи французскаго языка по методѣ Зейденшюера; за которую до-сихъ-поръ крѣпко держатся Нѣмцы? Но для такого знанія французскаго языка, какое требуется у насъ въ Россіи, нельзя обойтись безъ живого въ немъ практик. Для вступительнаго экзамена въ какое-нибудь училище—иное дѣло.

Почитаемъ нужнымъ прибавить только, что изданныя вышѣ двѣ части Начальнаго Руководства къ Изученію Французскаго Языка не составляютъ еще полнаго курса: будетъ третья часть, и тогда онъ сдѣлается полнымъ. Русскій переводъ его напоминаетъ языкъ первыхъ годовъ настоящаго столѣтія. На заглавной страницѣ напечатано: Продается у издателя, Санкт-петербургскаго книгопродавца Василья Полякова, въ гостиномъ дворѣ, по суконной линіи, подъ № 17. У него жъ, Полякова, продаются какъ вновь вышедшія, такъ и прежде изданныя книги по всѣмъ отраслямъ наукъ. Для учебныхъ заведеній и въ частности (?) дѣлается уступка. Avis au lecteur!

218) Новый и самый легкій способъ въ короткое время научиться чи-

тать по-русски, въ 24 урокахъ. Второе изданіе, безъ переменъ. Москва. В. университетской тип. 1847. Въ 12-ю д. л. 72 стр.

При первомъ изданіи этого «Способа», мы отдали ему справедливость, сказавъ, что книжка г. Д. Д. вовсе не спекуляція, и что она представляетъ умное исключеніе изъ новыхъ и новейшихъ, легкихъ и легчайшихъ азбукъ. Мнѣнію наше остается и теперь то же: мы должны прибавить къ нему слѣдующее.

Извѣстны два способа обучать чтенію, двѣ методы выучиванія: буквенная и звуковая. Первая, бывшая во всеобщемъ употребленіи и теперь еще преимущественно употребляемая, именуются, однакожь, благородными учителями изъ хорошо-организованныхъ школъ, уступая свое мѣсто второй, звуковой. «Способъ» г. Д. Д. принадлежитъ ко второй методѣ, хотя не вполне: это — полушѣра въ преобразованіи и, какъ полушѣра, представляетъ съ одной стороны счастливое улучшеніе, съ другой—недостатки неполнаго нововведенія. Въ настоящее время, когда она тоже находится, но уже не имѣетъ такого значенія, какое имѣла при первомъ изданіи, послѣ котораго напечатаны, статья Дистервега: О звуковой азбукѣ въ «Библиотекѣ для Воспитанія» и «Основаніи звуковой азбуки» для уѣздныхъ училищъ. Педагогъ, конечно, обратится въ послѣднихъ сочиненіяхъ, хотя приметъ къ свѣдѣнію и своего рода употребленію «Новый Способъ» г. Д. Д.

214) Генераль Томъ Пусъ и знаменитые карлы и карлицы. Изданіе Федора Наливкина. Москва. В. тип. Стенена. 1847. Въ 12-ю д. л. 48 стр.

Сокращенный переводъ французской дѣтской книжки: Le général Tom Pouce et les pains célèbres. Русская книжка отъ такого сокращенія выиграла, потому что въ оригиналѣ въ небольшому дѣлу приставлено много болтовни, отъ которой и дѣлать дѣтямъ. Картички

едурны. Издавіе красиво, даже рокошно. Дѣти получаютъ наконецъ не брѹю, оберточную бумагу, а прекрасную велевеную и прекрасный четкій шрифтъ.

215) Петербургскій Сборникъ для Дѣтей, изданъ В. Петровымъ и М. I. Санктпетербурги. В 3-хъ т. Минист. Ис. Им. 4847. В 16-ю д. л. 282 стр.

Отличительный характеръ Петербургскаго Сборника для Дѣтей, тотъ, что онъ только-что изданъ и вовсе не оставленъ, не редуцированъ, не приеденъ къ единству цѣли и исполненія. Похоже на то, какъ-будто бы издатели ридаютъ особенный смѣслъ словамъ для дѣтей, . омыслъ такого рода: какъ-накъ дѣти народъ неразумный и слѣдъ, ~~иногда~~ и много думать о томъ, то имъ дается; что найдется, тѣмъ и идутъ статьи. Иначе трудно объяснить себѣ разительное несовершенство статей, помѣщенныхъ въ Сборникъ, не только въ духѣ, въ цѣли, въ образѣ и даже въ грамматическихъ правилахъ. Колибъ Сборникъ этотъ дѣйствительно подвергнуто былъ чьей-нибудь редакціи, могли ли бы войти въ него, на-примѣръ, первыя двѣ статьи: Олеги Вѣщій и Бѣлая Мышка? Но надо вамъ сказать, что такое Олеги Вѣщій и Бѣлая Мышка.

Олеги Вѣщій — это все то же превъище, изъ котораго слѣдуетъ — для детей — что надо вѣрить колдунамъ. роки этого, право, нечего имъ заключать изъ сказанія русскаго гѣтониса, какъ назвалъ свое произведеніе г. п. Григорьевъ, развѣ еще то, что стихи называются вотъ какія строчки:

И велика земля наша, да нѣтъ...
 и:
 Не страшна могучій имъ воды, ни огни;
 Не страшна меча и коня,
 А страшна своего ретиваго коня,
 и:

Любимаго коня оставляю...
 Бѣлая Мышка, рассказъ Гежеви-
 Морю, еще хуже: тутъ исторія
 Бѣлана съ волшебной сказкой, и дѣ-
 нь, по прочтеніи статейки, остается
 лочить, что въ исторіи дѣйствуютъ

не одни обыкновенные люди, но и волшебники. Замѣчательно, что со стороны автора этой исторіи употреблены всѣ средства увѣрить ребятъ въ дѣйствительномъ существованіи сказочныхъ лицъ. Похвальное стремленіе!

За Бѣлой Мышкой слѣдуетъ повѣсть Сирота: она написана просто съ хорошею мыслію. Нельзя не похвалить также содержанія статей: Семейство Ссыльнаго и Явленія природы на островѣ Тиморѣ. Тутъ нѣтъ ни волшебства, ни морали, ни семинарскаго краснорѣчія, а есть очень-любопытныя описанія острововъ новаго свѣта. Жаль только, что свѣдѣнія, здѣсь сообщаемыя, очень-отрывочны. Гораздо-полезнѣе помѣщать въ дѣтскихъ книгахъ такія статьи, какъ Пчелы (стр. 231 — 264), живое и полное описаніе цѣлаго класса животныхъ. Вообще, это лучшая статья Сборника и по мысли и по исполненію.

Въ заключеніе, слѣдуетъ упомянуть о статьѣ Михайло Васильевичъ Ломоносовъ. Еслибъ Сборникъ былъ сплошь набитъ такими статьями, можно было бы подумать, что онъ изданъ не для дѣтей, а для семинаристовъ: въ Ломоносовѣ встрѣчаются вотъ какія вещи:

«Всѣ мы, въ молодости, увлеченные какою нибудь страстью или силою чувствъ нашихъ, съ презрѣніемъ смотримъ на ежедневную жизнь, называемъ ее прозой, и думаемъ только о поэзи, но когда горячка молодости утихаетъ, всѣ мы раскаиваемся, что не умѣли и не старались мирить поэзи съ дѣйствительностью: Такъ уже устроено наше общество, что поэзи и дѣйствительность въ немъ не уживаются, и намъ остается, либо согласоваться съ привычками общества и жить, если не счастливо, то по крайней мѣрѣ покойно, либо воевать съ этими привычками, и жить въ вѣчномъ волненіи, хотя и встрѣчаться иногда съ счастьемъ.» (стр. 178).

Конечно, это писано по-дѣтски, да все-таки не для дѣтей.

216) Начатки Словесности или начертаніе первыиъ самоучильницъ, правилъ грамматики, риторики и лог-

Библиографическая Хроника.

126
... для начинающихся учиться сими науками. Одесса, 1847. В 1 городской тип. В 8-10 д. л. 120 стр.

Къ Одессе рачительно можно отвѣстать, если Суворокова...
... между нами, какъ и Петербургъ...
... совершенно прогна...

Подъ словесными науками мы въ особенности разумемъ риторикъ. Въ особенности болѣе, въ тѣхъ нашихъ книгахъ, будто бы сѣбѣ нечего эти науки, се безаказъ провѣнны, окула перлати, какъ дворянъ, вышедшій при Елигаровѣ въ отставку сорванокъ и провѣнны безаказъ сорокъ, какъ въ деревнѣ, какъ она въ Петербургъ...
... Петербургской провинци. Но...
... въ послѣднѣе годы ничего (уже вой риторикъ, которая...
... На-очелтѣхъ Словосодѣствъ. Въъ намъ об-разътѣхъ этого прошедренія.

Въ то если потребуется одну и ту же...
... различныя означенія для выраженія: то...
... различныя означенія?

Въ то. Тогда различность (?) дѣ-лается, другъ перемену частей речи, на-дежды, доброй, какъ жемчугъ, времени, лицъ.
Въ. Какъ именно черезъ перемену ча-стей речи?

О. Презъ перемену именъ на глаголы, глаголовъ на имена, прилагательныхъ именъ на нарѣчя, нарѣчій на имена при-лагательныхъ.

Въ. Пашарильскъ.
О. Пашарильскъ. Какъ рѣчишниковъ про-щанъ. Завѣдъ, рѣчишниковъ есть имя суще-ствительное, а пропадетъ — слово. Но на-диднемъ: дѣмъ, которые хотя зрѣшанъ, но каются, Богъ, отецъ небесный, даруетъ прощане. Мысль одна и та же, но выра-женіе другое, потому что имя нерельтимо здѣсь на слово, а слово на имя. По-добнымъ образомъ и въ другихъ случаяхъ поступать должно, какъ требуется рѣчей различность. (Стр. 64—65.)

(С) Самъ авторъ напечаталъ это слово...
... знаменательности.

Видите, какъ глосногъ...
... красномъ...
... 300...
... любительница...
... самонужнѣшнихъ...
... (стр. 125)

Д. А. что такое риторика?
О. Прежде опредѣленія я не могу сказать (?) въ этомъ.

В. И такъ колѣкко риторикъ...
О. Тройкѣ...
В. И что такое риторика...
О. Риторика речъ...
... (стр. 126)

В. Что риторика?
О. То, когда ты...
... что чувствуешь. Или, если ты...
... согласіе сердца съ...
... съ устами.

Довольно, когда...
... изъ всего этого...
... по условию...
... на этотъ разъ...
... съ языкомъ, и...

217) Исторія Сима Милославскаго или воспитанія Димитріа, оруженнаго императора. Съ 15-ю...
... Милославскаго...
... 8-ю д. л. 110 стр.

Переводчикъ, г. Давидъ Сарра-новъ, справедливо замѣчаетъ въ пре-дсловіи, что Исторія Сима Мило-славскаго можетъ служить образцомъ стариннаго армянскаго романа. Мы пре-бавимъ, что она можетъ служить...
... только любителямъ застоялой словес-ности: всадъ убійства, развратъ, мѣръ на женъ, сладострастіе. Впрочемъ, ро-манъ дѣйствительно искусно составленъ изъ 15 повѣстей. Сама повѣсть вър-надлежать царницѣ, жемчужинъ...
... кавны Діокантіана; самъ...
... мью муарецани, воспитаніи Діокантіана, которые небадннъ...
... разъ оноею воспитаніи...
... одна рассказана...
... Если читателю...
... до повѣстей, какъ...
... играющей въ книгѣ...

намену; 5) способных отправлять за границу; 6) заключать съ мастерами контракты, въ которыхъ строго обобначались бы обязанности хозяина въ отношеніи къ ученику. — Къ сожалѣнію, г. Резановъ вовсе не коснулся практической возможности исполненія всѣхъ этихъ совѣтовъ.

Къ брошюрѣ приложены *Чертежи экономической кройки мундировъ, куртокъ и брюкъ для османлианниковъ*.

О словѣ г. Резанова мы не говоримъ ничего: онъ самъ проситъ не смотрѣть на него съ этой стороны.

220) *Руководство къ познанію Лошади по наружному ея омотру, составленное по лучшимъ источникамъ артиллерійскимъ офицеромъ. Съ приложеніемъ 149 полезительныхъ полихроматическихъ рисунковъ. Санктпетербургъ. Въ тип. К. Крайя. 1847. Въ 8-ю д. л. 200 стр.*

Нельзя не уважать людей, искренно преданныхъ одному какому-нибудь полезному занятію: ихъ любовь къ нему, иногда переходящая въ страсть — залогъ успѣховъ въ этомъ занятіи: Мы не беремся судить о достоинствахъ «Руководства къ познанію Лошади», но не можемъ не удивляться множеству собранныхъ въ ней свѣдѣній, которыя составляютъ цѣлый курсъ — чего бы вы думали? только ухвѣныя *осматривать лошадей*. Кажется, тутъ ничего нельзя было бы прибавить; но любознательный авторъ еще не доволенъ собою и говоритъ:

«По врожденной мнѣ страсти къ лошадямъ, началъ я рано изучать ихъ, и въ дѣтствѣ не зналъ лучшаго удовольствія, какъ видѣть лошадей и слышать замѣчательныя знатоковъ, и съ того времени многое осталось въ памяти, что впоследствии очень пригодилось. Вступивши въ военную службу, я въ продолженіи 15-ти лѣтъ имѣлъ случай приобрѣтать свѣдѣнія теоретическія и особенно практическія о лошадяхъ, и пользовался этимъ случаемъ съ постояннымъ рвеніемъ и, кажется, не тщетно... Вскорѣ однако я убѣдился, что для полноты такого оочненія силъ моихъ недостаетъ; но заманія меня привле-

кали, и чтобъ была въ состояніи охватить свой пріятный трудъ, я обратилъ къ издѣстѣющимъ сочиненіямъ, по этой части, и при помощи ихъ кончалъ трудъ.»

Автору помогли сочиненіями старини и Окенъ, и Баумейстеръ, и Эршъ, и Груберъ съ своею ученою «Энциклопедіею». Самый эпиграфъ для своей книги взялъ онъ изъ Окена, который восклицаетъ: «Что былъ бы человекъ безъ лошадей!» Совершенно справедливо.

221) *Опытный Бухгалтеръ, или лучшій способъ научиться бухгалтеріи въ короткое время, безъ помощи бухгалтера (?). Съ приложеніемъ образцовыхъ книгъ и словаря употребительнѣйшихъ словъ. Составилъ бухгалтеръ Боккъ. Санктпетербургъ. Въ тип. Крайя. 1847. Въ 16-ю д. л. 98 стр.*

Общій недостатокъ всѣхъ подобныхъ *Бухгалтеровъ*, такъ же какъ всѣхъ *Поварихъ* и *Странухъ*, что, въ нихъ можно получить только знанія, которыя повятія объ описываемыхъ предметахъ, но безъ практики нельзя научиться ни бухгалтеріи, ни поваренному мастерству. Впрочемъ, не велика бѣда, если блинъ или пирогъ выйдетъ комомъ; но очень-важное дѣло, если кто, не имѣя свѣдѣній въ бухгалтеріи, прочтаетъ какую-нибудь книжку объ этомъ предметѣ и вообразитъ себя бухгалтеромъ: онъ можетъ быть причиною несчастія для себя и для другихъ. Вотъ въ какомъ отношеніи мы не согласны съ заглавіемъ книги г. Бокка, который, однакожъ, наложилъ своей предметъ довольно-ясно, хотя и очень кратко.

222) *Старинная Пословица или опытная основанія самобытнаго русскаго народнаго мудрословія. Въ двухъ частяхъ. Художковъ. Въ университетской тип. 1847. Въ 8-ю д. л. 68 стр.*

При чтеніи этого «мудрословія», прежде всего поражаетъ то, что авторъ его самъ написалъ рецензію своему сочиненію и насчиталъ ее за

главнѣе: «Продолженіе». Вотъ эта цѣнность отъ слова до слова:

«Старинная пословица со стѣки не слѣпится, какъ *отличительное слово самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, есть образъ Русскихъ пословицъ, поговорокъ, реченій, изреченій, прибаутокъ, пріемовъ ума, самыхъ мотивовъ мысли и багатурства, расположенное въ видѣ подлаго изложенія одной великой мысли (духа Народнаго, такъ что представляетъ олицевки Самобытнаго Философіи Русскаго Народнаго. — Часть I, *Быль не быль*, какъ не сказка, а сущая правда, или *мелочка на мамки дѣлалась о самобытномъ развитіи Русскаго Духа*, представляетъ исторію этого развитія вмѣстѣ съ ходомъ государственныхъ провѣщаній. Часть II, *Никоманья осемичужины*, или *Золотой Самородокъ Самобытнаго Русскаго Народнаго Мудрословія*, представляетъ самую Науку Философіи Русскаго Народнаго.

«Во всемъ изложеніи нѣтъ ничего истиннаго, кромѣ олицетворенія, въ первой части, Духа Націи, Россіи, Закона нарицательнаго имени Царя, — все прочее, въ обихъ частяхъ, содержаніе и выраженіе, отъ перваго до послѣдняго слова, зато непосредственно изъ оригинальнаго русскаго толка — даннаго всему смысловому народомъ. Это совершенно особенный родъ Словесности, — сочиненіе не истиннаго человека, а цѣлой націи, на языкѣ пословичномъ, — это не проза, и не стихи; но если угодно, это сборникъ для ученаго, поэзія для народа, — исторія русскаго Духа, — Наука нравственности и праваго смысла, шутка въ литературѣ; все это весьма далеко отъ совершенства по исполненію, и не болѣе, какъ попытка: *по попытка не пытка, спросъ не быда.*»

Въ первой части, называющейся *Быль не быль*, выведенъ на сцену *Духъ Россіи*, рассказывающій ея исторію не то прозой, не то стихами. Вотъ обращеніе этого разсказа:

«Но какъ у голубушки моей, у Россіи Государевны Православной, урожденной Самобольной, ворота не на запорѣ и двѣри всѣ настежь для званныхъ и незванныхъ, своихъ и иностранныхъ; кто хочетъ съ намъ познакомиться, изволь на хлѣбъ на хлѣбъ, какъ на разговорѣ; а я все такъ предпримавалъ: то и подѣлала съ намъ приказъ всѣмъ, прикатили незваные

гости, и умъ, и Номади, и Швады и Самозванцы; а не въ время гостя хуже лихаго Татарина. Что дѣлать? Гдѣ умъ не хватить, спроси разума. Не дава мнѣ сволочь выпастыся, не дава же и я ей пображничать, въ чужихъ дѣлахъ умничать, въ чужомъ огородѣ капусту сидеть. Я *ѣду—ѣду*, не свящю, а умъ *нѣду—не спущу*, знай нашихъ!

«Мы не дѣлаемъ зачину, и гостей принимаемъ по чьему; разбираемъ всаду причину; гдѣ темно, зажигаемъ лучину. Намъ всегда досужно: берите, ребята, дружно! Угощать гостей, чѣмъ Богъ послалъ, баню имъ пожарче истопать, да спать уложить! — Богъ далъ, справились. По милости боярской, самъ по себѣ Пожарской пугуль Нольскаго предводителя Струса, такъ что всѣ Поляки струсли и трусу правяновали: крика рать водводу. Самозванецъ попался какъ куръ во ши, А Марина его? — танпуй, душа, безъ кунтуша, ищи пана безъ жунана!» (Стр. 25 — 26.)

Для кого это писано — трудно рѣшить. Чтобъ понимать аллегоріи автора, надо знать главные событія русской исторіи: слѣдовательно, онъ писалъ не для круглыхъ невѣждъ. Въ такомъ случаѣ, не придумаешь, кому же изъ образованныхъ людей охота читать такія вещи?

Вторая часть гораздо интереснѣе: это сборъ русскихъ пословицъ, классифицированныхъ по содержанію на слѣдующіе отдѣлы: 1) *Слово*, 2) *Миръ-Природа* — *Святъ Божій*, 3) *Богъ*, 4) *Человѣкъ*, 5) *Чувство*, 6) *Умъ*, 7) *Совѣтъ*, 8) *Льгота*, 9) *Истина*, 10) *Благо*, 11) *Искусство*, 12) *Наука*, и 13) *Жизнь*.

Между пословицами, собранными въ этой части, много такихъ, которыя слишкомъ-мало говорятъ въ пользу самобытнаго русской философіи, какъ, напр., слѣдующія: «*Аптека убавитъ ежа*» (стр. 64); «*Если есть алба край, такъ и подѣ елю рай; а пока до аманаса, довольны будьте кошамъ квоаса*» (65); «*Что грозно, то и честно*» (48); «*Кому Богъ дастъ сыновей, не льются учи ихъ и кѣй*» (61), и т. д. Впрочемъ, мы не имѣемъ никакого права предполагать, чтобъ авторъ приписывалъ прибран-

Въ лѣтѣ россійскій, гдѣмъ подалоу...
 Мъ въ лѣтѣхъ предидиши...
 Бакъ, съ А. Грандатовъ...
 Придиди: Мадрада, ратъ...
 II въ чести пардъ садей ямадъ...
 Въ живомъ порывѣ шпеня...
 Въ предѣлы Франціи вошлн...
 Съ мечемъ опустошени...
 Хвалнскъ Атрамантъ, что онъ...
 Возставъ на Карлмантъ

Омстятъ на гдѣ Тракия
 Вотъ ужъ второй переводъ у насъ
 (онъ Жуковъ въ минувшемъ году, да,
 видно, долбо ждалъ еще перевода хо-
 шаго).

224) ПОХОЖДЕНІИ МАРСЕЛЬСКАГО
 ОХОТНИКА. *Повесть* Александра Дю-
 ма, и *Лѣтъ Ревности* Жюльена Альта-
 стера. *Переводы* В. М. Строева. *Санкт-*
петербургъ. Вр. тип. А. А. Плюшара.
 847. *Два часты*. Въ 16-ю д. л. 184 и
 47 стр.

225) КОРЕМАНСКОЕ СЕМЕЙСТВО.
Роман Александра Дюма, и *Елена*.
Исторія оперной лодки. *Повесть* барона
 Базиллуръ. *Переводы* В. М. Строева.
Санктпетербургъ. Вр. тип. А. А. Плю-
 шара. 1847. *Два часты*. Въ 16-ю д. л.
 44 и 433 стр.

Эти четыре маленькія обрѣтныя кни-
 точки не что иное, какъ продолженіе
 известной Карманной Библіотеки. Из-
 вѣтели ея видимо стараются исполнять
 свое предпріятіе добросовѣстно. Пере-
 оды повѣстей и романовъ, помѣщае-
 ны въ Карманной Библіотекѣ, ста-
 ются почти всѣ хороши. Жаль, что
 ты не можешь похвалить выбора.
 Правда, всѣ эти романы и повѣсти
 юлье или менѣе произведенія совре-
 менной литературы, — произведенія, о
 которыхъ много говорится врѣихъ по-
 пвлениі, но видѣ ея то про нихъ скоро
 забываютъ. Такова участь всѣхъ об-
 ъектовъ излони въ бѣллетристи-
 ческомъ мірѣ. Это метеоры, не пора-
 жющіе насъ глубоко, но вашишіе на
 минуту правдую теплу, которая такъ
 престоудно вѣрнть въ достоинство
 всего печатаго.

Въ великомъ случаѣ, и вѣдѣтѣмъ. Кар-
 манной Библіотекѣ, которую, кажется,
 ся, отыскать что-нибудь получше той
 пустой болтовни, которою въ нынѣшны
 четыре книжечки, помѣщены...
 Содержаніе двухъ романовъ Дюма не
 принесло бы чести вымыслу даже и
 новичка на литературномъ поприщѣ.
 «Лѣтъ Ревности» г. Альстарова и Еле-
 на» барона Базиллуръ тоже принадле-
 жатъ къ числу повѣстей, которыя едва-
 ли стоить быть переведенными. Да и
 зачѣмъ, притомъ, переводить то, что
 уже извѣстно читающему міру? Не пе-
 реводами въ періодическіхъ издаві-
 яхъ? Такъ, напримѣръ, «Кореманское
 Семейство» уже было напечатано въ
 «Москвитинѣхъ», «Елена», или исторія
 оперной лодки» тоже помѣщена была
 въ одномъ изъ журналовъ, и въ «При-
 ключеніи Марсельскаго Охотника», та-
 жетоя, уже явля знакомы. На чѣмъ же
 было снова подымать все это на ноги?

226) ГЛАВНЫЕ КОРОЛЕВСКИЕ АНГЛО-
 ВАТЫ. *Прокисветствѣ врѣмени* Людовика
 Пятнадцатаго. *Санктпетербургъ*. Вр.
 тип. К. Край. 1847. Въ 8-ю д. л. 477
 стр.

Это — отдѣльный выпускъ «пер-
 вода, напечатаннаго недавно въ одномъ
 изъ петербургскихъ журналовъ». Вотъ
 содержаніе «Корольскихъ» «Англо-
 товъ». Москѣ Дюмонъ, прекрасный
 молодой человекъ, со всѣми превос-
 ходными качествами, кини предпочесть
 имѣть герою повѣсти, влюбленъ въ
 одну не менѣе его прекрасную жидки-
 ну, маркизу Фланкуръ. Этотъ моло-
 дой человекъ — королевскій англова,
 по-просту каначный пласуэтъ. Канач-
 ный пласуэтъ — и маркиза! Съ великимъ
 изглада, подумавъ, что несчастный
 умретъ съ тоски отъ нераздѣленной
 любви, или поступить еще глубже —
 просто валожить на себя руку. Но за-
 торъ не такъ проста: онъ мастеръ свое-
 го дѣла. Онъ сдѣлалъ то, что маркиза
 снисходила до бѣднато англова, съ ко-
 торымъ даже простой солдатъ счита-
 етъ за божество драгнса. Маркиза ну-
 жень искатель: Мужъ ея, гдѣ въ «Лѣтъ

сти-лицу, купчую да Крестовосемь.
 То же самое случилось и съ авторомъ
 Бродячихъ Тайнъ.
 Успѣвъ «Наринскихъ Тайнъ» гласъ
 породилъ множество подражаній.
 Известно, что европейскія сношенія
 изучаютъ тайны, что и въ нихъ скрыто
 много много,

что и не сподось нашимъ мудрецамъ.
 отъ Лондона, Берлина, Вѣны, Сток-
 голма, Брюсселя и множество дру-
 гихъ столицъ и городовъ разнаго раз-
 браннаго и различнаго характера пред-
 ставилъ одинъ за другимъ свои тайны,
 былъ съими теневыхъ закоулкахъ,
 оныхъ гримасахъ, сморытъ похваловъ,
 притягательныхъ миллицъ бѣдлившей
 отъ своего населенія.

Чьесть? вы думаете, что въ этихъ
 книгахъ вы увидите характеръ, отли-
 чительныя стороны каждой страны,
 которой представителемъ избрана ея
 столица? Вы думаете, что познакомит-
 ся съ особенностями націй? Воссе-
 бытъ. Кромѣ разнообразія въ названіи
 нтъ, переулковъ, площадей и церк-
 вей, которые служатъ истиннымъ дейст-
 вительнымъ, разсыгрывающимъ какую-
 нибудь правую, грязную драму, въ
 этихъ книгахъ изъ этихъ романовъ
 соборы, все лица на однихъ покрояхъ,
 рисуютъ, или, лучше, нарисованы по
 одному герцогу и. Сиб. Сейчасъ видно,
 что ириспанскія ребята придержива-
 ютъ текста «Наринскихъ Тайнъ».
 послѣдствія не отечамъ-отъ прочихъ.
 ириспанскія не похрустали даже воло-
 ситыи ниды, содержаніемъ. Со-
 держаніе «Брюссельскихъ Тайнъ» не
 бытъ, не было бытъ рассказано. Объ
 этихъ Тайнахъ можно сказать, какъ
 бытъ въ насмертахъ дзеровыхъ
 ниды, что оубо все въ по-вогъ ходя-
 чихъ, что оубо все въ по-вогъ ходя-
 чихъ, что оубо все въ по-вогъ ходя-
 чихъ. Даже переводъ плохъ, по
 истинности;

Кремль, Край. 1867. Въ 16 томахъ, 12
 томъ.

У Владимира Петровича Живички-
 есть дядюшка Артамонъ Матфеючукъ,
 Бандушикъ, который любить и любитъ
 отечъ родной, поѣхъ-у-племаншка Вла-
 димиръ Петровичъ очень-хорошо зна-
 етъ это, и потому учить не въ своемъ
 голову, нагласъ на туго-небятый по-
 шелекъ дяди. Поѣхъ даме, садумала,
 жениться на ириспанской Надеждѣ Василь-
 савн Зоринной.

Племанничекъ, надѣлать денегъ, не
 можетъ дожидаться денегъ, отъ дяди.
 Ему приходится плохо, потому-что
 портной Шишиморинъ, да не(з)мичура
 Гринъ (такъ называется его Владимиръ
 Петровичъ) не даютъ покоя бѣдному
 Живичку. Но какъ оубо Живичкъ, что
 можно заключить и изъ самаго его
 проващія, то, въ ожиданіи денегъ, оубо
 расписываетъ слѣдующіе куплеты:

Деньги важную играютъ
 Роль на септѣ межъ людей:
 Изъ за денегъ все страдаютъ,
 Исключая богатей.

Будь богатъ—ведь нечтенно
 Тебѣ есликъ увидели
 И поздравить въ дашъ рожденья
 Всякъ за счастье почета.

Бѣдныя жъ ведь ругаютъ,
 Говорятъ съ ними какъ-какъ
 И съ презрѣніемъ толкаютъ,
 Говорятъ: «еубо оубо дураки!»

Не правда ли, какъ это остроумно!
 Впрочемъ, Живичку иначе и не подоба-
 етъ пѣть: ведь оубо бѣдныкъ, а бѣдныкъ
 что такое? — Вспомните-на послѣдній
 стихъ куплетовъ...

Пока Владимиръ Петровичъ такъ рас-
 писываетъ, кредиторы садуются къ нему
 и дугаютъ молодца полиціей.

Матъ знакомъ здѣсь надиратель.
 Васъ заставятъ заплатитъ.

поетъ Шишиморинъ;
 Мой поидеть за шасовой!

поетъ Гринъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, оба
 кредитора отираются лиза слѣду-
 ютъ. Скоро Гринъ возвращаетъ себѣ

28) Дядюшка еликъ мало, или
 еликъ ели-елюпотанъ. Парс-еде-
 лъ ели-елюпотанъ. Сочин. П. Та-
 рновскій. Санктпетербургъ. Въ тип.

депутатов. Наставил критическая ми- нута. Увидевши служителя правосудия вносить его благородие помянуть въ волю: (Стр. 26)

Но тут судьба свалилась на Жаботинского? Желанный давший яв- ляется и увличивает долги дашинни- ка. Дашинни- так, добры, что даже хо- четъ женить своего плутова (стр. 31).

Послѣдники говорятъ, что они уже влюблены.

Какъ мыслятъ свѣтъ перепитавши, въ прѣдѣлѣхъ... (Стр. 31)

КНИГИ, ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ НА ИНОСТРАННЫЯ ЯЗЫКИ

17) ВЕСKADIGUNG UND ABBILDUNG VON SCHEIDBILDERN INSEKTEN UND INFUSORIEN. Nach Beobachtungen im Hydro-Oxygen-Flas-Mikroskop, von Dr. Wilh. Bartelsch. *Очищаніе и изображе- ніе разныя на стекломикрѣ и инфу- зоріи.* Изд. издѣлденіемъ въ одородо- хисторическомъ издѣлѣ микроскопа. Ара- Вильг. Бартелиса. Санктпетербургъ. 1877. Вѣстникъ: Journal de St.-Peters- bourg. Вѣ 2-ю д. л. 24 стр.

Предпринимая издать листки эти (го- воритъ авторъ въ Введеніи) «я вовсе не имѣю въ виду обогатить науку, а просто желаю обратить вниманіе публики на та- кую часть естественной исторіи, которая, не смотря на всю важность и обширность свою, еще очень мало обработана. Эта тетрадка не имѣетъ пріглазанія на другое какое-либо изданіе, хотя въ предлагае- мыхъ наблюденіяхъ и можно найти кое- что новое и интересное само-по-себѣ для ученой публики. Много сдѣлаю въ об- ласти этой науки, имѣя поддержку пре- жившихъ Еврею съ уваженіемъ. Люди эти вселились обилиемъ наблюденій оренъ, остроумныхъ логикѣ, и глубокомыслен- ныхъ теорій въ дѣлѣхъ соуденіяхъ, въ исторіяхъ раздѣленій, можно больше узнать, нежели въ этой дѣлѣ. Однакожъ, изд. издѣлденіемъ по плану своему, по чи-

сто ученому содержанию, въ отноше- ній высокой цѣнѣ своей, не достучи- тельной большей части публики. Но эти- мъ я не имѣю въ виду обогатить науку, а просто желаю обратить вниманіе публики на та- кую часть естественной исторіи, которая, не смотря на всю важность и обширность свою, еще очень мало обработана. Эта тетрадка не имѣетъ пріглазанія на другое какое-либо изданіе, хотя въ предлагае- мыхъ наблюденіяхъ и можно найти кое- что новое и интересное само-по-себѣ для ученой публики. Много сдѣлаю въ об- ласти этой науки, имѣя поддержку пре- жившихъ Еврею съ уваженіемъ. Люди эти вселились обилиемъ наблюденій оренъ, остроумныхъ логикѣ, и глубокомыслен- ныхъ теорій въ дѣлѣхъ соуденіяхъ, въ исторіяхъ раздѣленій, можно больше узнать, нежели въ этой дѣлѣ. Однакожъ, изд. издѣлденіемъ по плану своему, по чи-

Далѣе г. Бартелисъ объясняетъ что наблюденія въ наученіи прѣдъ доставляютъ сердцу и что-то въ сдѣлденіи, а уму постоянство и ограничиваетъ желаніемъ и ширею его возбужденіемъ въ естествознаніи. Да что прѣ красно и дѣлѣхъ естествознаніи Бартелису по мысли, прѣ естествознаніи сдѣлаетъ непремѣнно сдѣлденіе сужденіе: г. Бартелисъ, сдѣлденіе бувають въ публикѣ и сдѣлденіе любовь въ естествознаніи, да въ 24 страницкахъ описаніе прѣ сдѣлденіи и микротомъ и рисунки. Бартелисъ, сдѣлденіе рисунки и сдѣлденіи въ сдѣлденіи сдѣлденіи. На 7-й страницѣ сдѣлденіи его «въ сдѣлденіи» сдѣлденіи сдѣлденіи и краткое описаніе сдѣлденіи женныхъ на нихъ прѣдметовъ. Если вышедшая книга сдѣлденіи сдѣлденіи началомъ дѣлѣхъ прѣдметовъ

модернъ, до самаго остается только годарши. Г. Бартольдсонъ; если же поедши, вымучитъ ось, корыдъ и поедши, то спитъ утритъ почтенна-автора, что книжка стала дѣлаться похвалъ: обрѣзана: створеній; по обрѣзу: съезу; по чисте: ученому одор: змию и; вырѣзаетъ; по высоко: дѣлѣи всей мелочу: выхъ: для: бойшой: лати и: публики. И: каковыя: чужды: Рисуяки; долги: бы: обрѣзаны: дурно: кланы; по: чисте: вырѣзана: для: шко-лны. Вотъ образецъ текста (въ пе-водѣ):

«Фиг. 1, 2, 3 — насѣкомыя, живущія въ водѣ, величиною не больше линія. можно замѣтить сложные питательные и кровоносные органы маленькихъ необыкновенно-хитрыхъ животныхъ этихъ, такъ какъ въ каждой каплѣ воды, такъ много ихъ. Насѣкомыя эти очень многочисленны; въ каждой каплѣ воды можно насчитать ихъ великое множество. наблюдать до двѣнадцати родовъ такъ дѣлается.» (Стр. 13.)

«Табл. II, фиг. 1. Блоха. Это животное очень быстро и замѣчательно по необыкновенной силѣ мускуловъ. Ноги его, членимыя, расположены на передней части тѣла — расщеплены и покрыты волосками. Странное устройство головы, особенный покровъ тѣла, внутренности; яйца, расположенныя въ тѣлѣ — преобладаю щими сквозь микроскопъ. Блоха кладетъ яйца, изъ которыхъ образуются личинки фиг. 2. Эти личинки вылупляются уже самое первое время продолженія этой мета-морфозы; и въ продолженіе: оно зависитъ отъ величины или меньшей теплоты време-ни; тогда и т. д.; обыкновенно прина-длежитъ четырнадцать дней.

Нѣсколько времени тому назадъ, положили въ воду микроскопъ блоху, которая, по причинѣ жара, сильно близка. По истеченіи въ которомъ времени, изъ задняго прохода вышло червь; который пред-ставился мнѣ величинаю отъ 2 до 3-хъ линій, былъ покрытъ маленькими ярко-красными пятнами и жаль не болѣе часа. Странное явленіе это наблюдать, я уже не разъ.» (Стр. 8—9).

18) Тадамъ-Вильгельмъ (?) — для Пунк-тиски (?) *nebst sechs interessanten Gedichten. Zur angenehmen Unterhaltung,*

herausgegeben von Heinrich Eduard Hei- nitz (Книга толкованія словъ, въ средствомъ бросаю (?) и кудлатро- мля (?), издавая для приамой (?) бы Генрихомъ Эдуардомъ Гейнцомъ.) Салтисенбургъ. 1847. Въ томъ: Гейнцъ.

«Die Sprache lehret dich selbst die Kunst zu sein» (Эта книга можетъ тебѣ сама дѣлать тебѣ искусство) и которая «Fortuna hat zweifeln gelehrt, dass man nicht sein kann, was man will, und die Bescheidenheit ist die Kunst, sich nicht zu zeigen.» (Es wird gewiss klüger sein (?), wenn du sagst, dass Manches wohl nicht Wahrheit sei (?), Doch Nichts macht mehr Vergnügen, Als wie gedruckte Lügen!!!)

H. E. HEINITZ.

(Фортуна права: нужно научиться на естественнѣ, и эта книга поможетъ — она вѣрно будетъ имѣть успѣхъ (sic).) Одна-кожа, я скажу по правдѣ, что въ книгѣ этой много неправда (?), но согласитесь, что ничто не доставляетъ такъ много удовольствія, какъ *schmecken* ложь.

Послѣ этихъ словъ Гейнца, ре-комендуемъ не остаться ничего, сказать. Книга его, въ томъ, не отличается отъ знаменитыхъ истинно научныхъ твореній, изданныхъ предмкомъ толкованія словъ. Изъ этой книги, какъ и изъ «Сонниа, сладчайшаго матеру-прав-ду», узнаемъ въ, что если данъ при-снится, что вы, превратившись, по воли Зевса или, скорее, по воли Мор-сея, въ курицу, — можете даже, те это значитъ, что васъ на нѣтъ ждали ожидать богатства (стр. 9), а что, если вы удостоитесь неслепоты: во снѣ съ его святѣйшествомъ: напою; то это превращаетъ добрую вѣсть (стр. 21) и т. д. Наконецъ, тутъ также най-дете вы сивиллу, которая будетъ вамъ давать отвѣты на вопросы, во съ слѣ-дующими условіями:

- 1) Вопросующій долженъ предла-гать не болѣе одного вопроса въ день;
- 2) Никогда не бешконовъ сивиллу двумя одинаковыми вопросами;
- и 3) Выкинуть изъ уа: какое при-страстіе (стр. 60), и въ заключеніе прочтите, для приам-

ной *Бюбды*, нѣсть много стикто-
ропій, изъ которыхъ два очень-важ-
ныя по сюжету: это «Курение
табака» и «Неквела пикагельному та-
бану». Но, вѣроятно, читателямъ бу-
детъ интересно ознакомиться перече-
съ самимъ г. Гейнлицемъ. Постараемся
уловить верное любопытство это нѣко-
торыми фактами, разбросанными въ
самой книгѣ и на оберткѣ ея.

Во-первыхъ, изъ книги узнаете вы,
что г. Гейнлицъ вѣрнѣ въ принци-
пальнѣйшій смыслъ словъ. Да и какъ не
вѣрнѣ! Въ бытность его въ Гейдель-
бергѣ, явилась ему во снѣ старуха и
объявила, чтобъ онъ шелъ въ развали-
ны Гейдельбергскаго-Занка: тамъ де
лежитъ чернѣйшій камень, а подлѣ тѣмъ
чернѣея каменѣй чокнется 100 рейхс-
талеровъ; г. Гейнлицъ послушался ста-
рухи: пошелъ и нашелъ, действитель-
но, 100 рейхсталеровъ. Вотъ всѣ свѣдѣ-
нiя о г. Гейнлицѣ, которыя доставляетъ
намъ книга его. Обертка, въ этомъ
отношенiи, гораздо-точнѣе. Изъ нея
узнаете вы:

Во-первыхъ, что г. Гейнлицъ уже по-
дарилъ публикѣ съдѣланныя книжки
на нѣмецкомъ языкѣ:

• *Вопросы и Ответы. Разношерстая
книга изъ 86 картъ на нѣмецкомъ, рус-
скомъ и французскомъ языкахъ*;

• *Всѣ книги Цвѣты. Собрание инте-
рессныхъ рассказовъ, стихотворенiй, алек-
сандриадъ, сентенцiй и шарадъ* и проч.

Во-вторыхъ, что г. Гейнлицъ со-
рассея падаетъ въ снѣтъ много прои-
зведенiй, изъ которыхъ особенно при-
мѣчательны — *Полурн*; объ этомъ при-
изведенiи авторъ отзывается такъ:

«Полурн — содержание горшка, выво-
деннаго съблудующими носами, не счита-
емого»;

«Стихотворенiя — собранiе гордытъ по-
совъ!»

«Новеллы — обыкновенныя повести!»

«Нисыма — повеселыя повести!» и т. д.

Даной, право, балагуръ этотъ г.
Гейнлицъ! Но мы еще не кончили: гдѣ-
обертка мистическаго произведенiя г.
Гейнца даетъ такое полное повѣ-
ствiе авторѣ, что мы принуждены вы-
писать ее вполнѣ для любознательныхъ
читателей:

«Генрихъ Эдуардъ Гейнлицъ, жившiй
жизельство на Вознесенскомъ-Проектѣ,
въ домѣ г-жи Штульманъ, протавъ пер-
кви, № 28, на квартирѣ сидѣльщика
Карстена, праготовляетъ стихотворенiя
на разные случаи: къ днѣмъ рожденiя и
именинъ, къ свадьбамъ и печальнымъ
событiямъ, речитативъ, продраленiя къ Ра-
десту и Новому-Году, также и разные
письма. Владѣть его можно каждыи днѣмъ
утромъ до 9 часовъ и вечеромъ съ шести
часовъ.»

Итакъ, вотъ кто г. Гейнлицъ! Россiя
и не знала до-сихъ-поръ, что въ столицѣ
ея живетъ такой многообразнѣйшiй
человѣкъ: нусть же узнаете теперь!

VII.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Тансвев, *or the new Crusade*, by
Disraeli (Тацквездъ, или новіи кре-
стоуи походъ, соч. Б. Дизраэли).

Французскіе романы, повѣсти, дра-
мы, комедіи и водевили наши себѣ
ниче въ Европѣ самое огромное по-
блженіе, расходятся, читаются, смо-
тятся вездѣ въ самомъ огромномъ
мнѣствѣ; кромѣ нихъ, нигдѣ не слы-
тъ ни про какіе другіе романы, по-
сти, драмы и такъ дажь. Не-уже-
же это просто мода, или доказатель-
но того, что въ сердцахъ современ-
ныхъ Европейцевъ погасло всякое чув-
ство любви къ своему, отечественному?
— уже-ли же это только слѣдствіе то-
го, что французскій языкъ нынче ве-
ст. LII. — Огл. VII.

здѣ самый общепотребительный, са-
мый національный, больше всякаго оте-
чественнаго (на что такъ давно жалуют-
ся по всѣмъ угламъ Европы), такъ-что
явился только насмѣну другая мода, слѣ-
дательнѣ другой языкъ моднымъ, стали
бы вездѣ читаться романы и повѣсти
иныхъ литературъ, а на театрахъ точ-
но также появились бы актѣры и пье-
сы, принадлежащіе другимъ наро-
дамъ, кромѣ Французовъ? Не-уже-ли
же тотъ, кто нынче знаетъ языки ан-
глійскій, нѣмецкій, испанскій, итал-
янскій и т. д. столько же хорошо,
какъ и французскій, въ-самомъ-дѣлѣ
можетъ приниматься за беллетристиче-
скія современныя произведенія этихъ
языковъ и не возмущаться общаго мо-
1

ды? — Не у однихъ у насъ печатають о томъ, какія слѣдуетъ употребить средства для немедленнаго произведенія самобытныхъ талантовъ, а если неталантовъ, то способностей, и увѣряють, что стѣбитъ только захотѣть... Такимъ образомъ, одни говорятъ, что все журналы виноваты; другіе, что капризъ публики виноватъ; третьи совѣтують немедленно устраивать конкурсы и призы, точно такіе, какіе существуютъ для скаковыхъ лошадей; четвертые умоляютъ публику о снисхожденіи; пятые увѣрены, что для возвышенія національнаго театра довольно было бы милостиваго вниманія королевской или герцогской фамиліи и высшей аристократіи (въ подтвержденіе чего тотчасъ же является примѣръ; Людовикъ XIV, которому захотѣлось, чтобъ у него, вмѣстѣ съ фабриками, войскомъ, каналами и всѣмъ прочимъ, была и литература на славу; захотѣлъ онъ — и откуда что взялось! воля его произвела классическую литературу и всѣмъ послѣ того спокойно, пріятно и удобно); шестые представляютъ еще сильнѣйшія мысли, желанія, примѣры, и проч., и проч. Такія размышленія, къ несчастію, не вездѣ казались больше, чѣмъ странными; въ иныхъ мѣстахъ забыли тѣ лекціи профессоровъ, гдѣ какъ нельзя лучше изъяснены періоды новой исторіи, состоящіе изъ преобладаній — не того или другаго направленія челоуѣческаго духа — а того или другаго народа, и преобладанія эти, какъ слѣдствіе какой-нибудь счастливо-военной войны или счастливо-вакюченнаго мира; такой взглядъ на новую исторію, разумѣется, поселаетъ въ головѣ мысль о случайности, нечаянности, зависимости направленія хода исторіи отъ воли какихъ-нибудь ловкихъ и умныхъ лицъ, такъ что если цѣлое собраніе подобныхъ судей возьметъ на себя сначала проповѣдывать и потомъ дѣйствовать въ родѣ того, какъ дѣйствовали отдѣльные эти лица, они точно также проведутъ задуманную новую эпоху, выворотятъ все по-своему... Итакъ, въ

иныхъ мѣстахъ успѣли уже забыть эти мысли и лекціи; въ другихъ же не только не забыли, но еще принялись приводить ихъ въ дѣйствіе: одни рациональнымъ образомъ растолковываютъ во всеуслышаніе, какъ и что можно пережѣнить, другіе умоляютъ третьи произвести по подпискамъ огромныя коллекты и пустить въ ходъ поощренія. Къ числу послѣднихъ спесивцевъ принадлежитъ тотъ любопытный примѣръ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ представила Англія, обѣщавъ огромную премію за лучшую комедію изъ современныхъ англійскихъ нравовъ. Написали комедій нѣсколько сотенъ, выбрали одну, какъ самую отличную, деньги заплатили; всѣ остались довольны, а все-таки толку не вышло никакого...

Если въ наше время и существуетъ беллетристика у одного только народа, у Французскія; если читаются (притомъ съ какимъ жаромъ, съ какою жадностью!) однѣ только французскія беллетристическія книги, а на всѣхъ театрахъ смотрятся однѣ только французскія пьесы и французскіе актѣры, то, видно, приходится искать эту причину не въ модѣ, не въ капризѣ, будто-бы пришедшемъ на всѣхъ капризѣ, а въ чемъ-нибудь поглубже, въ самыхъ основаніяхъ существующаго. Видно французская беллетристика лучше беллетристики прочихъ временныхъ націй; видно она болѣе соответствуетъ надобностямъ всѣхъ (и это уже всегда много значить); умѣла приобрести умъ, ловкость и гибкость странствующаго торговца, умѣла найти у себя въ коробѣ чеканъ для каждаго, успѣла дойти до той многосторонности и образованности, которая готовитъ пищу еще и столько развившимся; наконецъ, видно, она одна завладѣла тайною, кака степень искусства и художественности приходится въ уровенъ съ надобностями и потребностями всѣхъ насъ. Слѣдовательно, одна держась на уровенѣ современности, она одна и въ состоя-

и исполнять службу бельетристики — приводить новыя, заготовленные разнообразных мастерских нити плетущуюся общую ткань жизни; следовательно, она одна может пить и направлять; следовательно, про я бельетристияни (гдѣ только онѣ шествуютъ), отставшія и слишкомъ сильные, никакъ не въ состояніи вѣстать на точку всеобщаго интереса, очевидно остаются за флагомъ, и никто не замѣчаетъ, даже никто не знаетъ какъ обогнанные бѣгуны и скаканы эти шажкомъ удаляются съ арена. Послѣ этого не остается никакой надежды воображать, что еслибъ больше теперешняго было распространено обществѣ нашемъ знаніе и употребленіе иностранныхъ языковъ, кромя французскаго, была бы возможность только же заниматься и прочими бельетристическими произведеніями, сколько нынѣе постоянно всѣ запы французами. Ничуть нѣтъ! ношенія оставались бы тѣ же самыя, съ тою только разницею, что всѣ патери съ горестью доходили бы садо того сознанія, до котораго нынѣе доходятъ не слишкомъ-многіе.

Въ английскихъ книгахъ нѣтъ недостатка, какъ и во всѣхъ другихъ; всякій мѣсяць видите вы появленіе многихъ романовъ, все большею частию де въ двухъ и трехъ томахъ (на бѣду той разъ и больше); по школамъ шествуютъ многочисленныя раздѣляющія романовъ и повѣстей на роды и виды: въ каждомъ отдѣленіи сидятъ по несколько дѣлателей и, однакомъ — нѣтъ ничего хотъ сколько-нибудь порядочнаго. Одно время русская литература сильно жаловалась на бельетристическую свою бѣдность, и въ это время выходило въ свѣтъ множество романовъ, почти столько же, сколько нынѣшнихъ выходятъ въ Англию; нынѣшней жалобы не слышать, хотя хорошаго появляется на свѣтъ не больше сжигая — все хорошее и рѣдко и неограниченно, — но здѣсь все дѣло въ томъ, что наконецъ успѣлъ получить-

ся важный результатъ: является на свѣтъ меньше дряни. До такого счастливаго результата английская бельетристика не дожила еще. Больше или меньше хорошо разбираютъ отдѣльныя произведенія, показывая слабости, недостатки и негодность (къ несчастью, отыскивая *превосходныя* бельетристическія стороны произведенія, которыхъ для насъ, на континентѣ, не видать), но никто однимъ разомъ, при взглядѣ на легионъ, дѣйствующій подъ знаменемъ бездарности, не жаловался тамъ такъ громко и съ такою силою, какъ у насъ, на бѣдность національной своей бельетристики, и отъ этого, можетъ-быть, всякій мѣсяць нарождаются новыя чудища. Впрочемъ, кажется, это сознаніе начинаетъ пробуждаться: въ одномъ английскомъ критическомъ журналѣ, въ числѣ прочихъ многочисленныхъ отдѣловъ (въ каждомъ английскомъ журналѣ, надобно замѣтить, царствуетъ необыкновенное богатство и щедрость на отдѣлы), есть нынѣе критическій отдѣлъ подъ названіемъ: *Поэзія мильтона!* Не указываетъ ли это одно юмористическое названіе на что-то въ родѣ длинныхъ и широкихъ общественныхъ ямъ, въ которыя, въ несчастныя времена холеры, безразлично сваливали безчисленное множество тѣлъ, которыхъ не поспѣвали даже пристойно похоронить? Каждому извѣстно, что открытіе болѣзни есть уже шагъ къ исцѣленію. Чтѣ, если, можетъ-быть, для всей английской бельетристики заведутъ что-нибудь въ родѣ того критическаго отдѣла, который существуетъ для одной поэзіи? Постоянно-направленный на *все цѣлое* взглядъ ни чему не могъ бы помѣшать и обѣщаль бы только самыя пріятныя послѣдствія: быть-можетъ, английская публика мало-по-малу отстала бы отъ патріотически — похвальнаго усиленнаго чтенія многихъ доморощенныхъ произведеній своихъ, а между-тѣмъ извѣстна басня Крылова «о вороватой собакѣ»: она не тогда перестала красть, когда хозяинъ ее много

графовъ и посланниковъ (здѣсь не худо замѣтить, что нынче у романистовъ новая мода: прежде, въ примѣръ знатности и богатства, ставили въ романахъ англійскихъ милордовъ и миледи; нынче это ужъ устарѣло и для того же самого примѣра употребляютъ русскихъ князей и княгинь, графовъ и посланниковъ, очень-часто употребляя выраженія: *московитскій бояринъ, весь напичканный золотомъ и алмазами*). Этотъ идеалъ англійскаго юношества встрѣчается подъ другимъ именемъ, подъ именемъ Эгремонта и, наконецъ, въ послѣднемъ романѣ, подъ видомъ самого Танкреда. Но этотъ прекрасный юноша, въ каждомъ изъ романовъ являлся для собственного дѣла: въ первомъ для того, чтобъ размышлять объ исторіи англійской политики и отказаться отъ засѣданія въ англійскомъ парламентѣ, потому-что онъ не согласенъ съ тѣмъ политическимъ мнѣніемъ, которое ему навязываетъ его дѣдъ-тори, и для того, чтобъ не ораторствовать въ парламентѣ противъ вигъ, отца своей возлюбленной. Дѣдъ - аристократъ приходитъ въ ярость, лишаетъ его наслѣдства и — умираетъ, такъ-что привыкшіи къ роскошной жизни Квингсби принужденъ доставать себѣ хлѣбъ въ потѣ лица своего и, наконецъ, всяческая добродѣтель его вознаграждается тѣмъ, что дочь богатаго вигъ, старинная его страсть, выдана, наконецъ, за него замужъ!

Во второмъ романѣ, англійскій благообразный юноша долженъ проявить, что англійскій народъ состоитъ изъ двухъ націй, точно изъ двухъ никакъ-неприходящихся одна къ другой половинокъ, которыя ни за что въ свѣтѣ не могутъ сойтись: это аристократія и плебсъ; что въ Англии между людьми провозводящими и людьми потребляющими существуетъ рѣшительная разланица; что первые находятъ въ самомъ рѣшительномъ утѣсненіи отъ послѣднихъ, и что слѣдствіе этого — неизбежность самыхъ

жосткихъ столкновеній, въ примѣръ чего съ довольною подробностью приведенъ рассказъ о цѣломъ мануфактурномъ околоткѣ, сплотившемся въ одну массу, для того, чтобъ улучшить свое положеніе. Все это обходится не безъ сильнѣйшихъ суматохъ, повторовъ, народныхъ тревогъ и горя, причемъ лордъ Эгремонтъ не разъ свисаетъ свою возлюбленную, плебейку Сивиллу, отъ всякой злой напасти и, наконецъ, соединяется съ нею англійскимъ законнымъ бракомъ, чему, конечно, не мало способствуетъ и то, что Сивилла оказывается по происхожденію своему не хуже самого лорда Эгремонта: одинъ, злобный лордъ многого дѣлать позволялся, а насѣдственными достоинствами, а что, и того хуже, почетными ея титулами; но судьба, являющаяся, все пришло въ порядокъ, и опять-таки у романа дѣтъ выкакой результата.

Въ третьемъ романѣ, благообразный англійскій юноша пускается на совѣтъ — особенныя дѣла: званнѣйшій лордъ, отецъ его, видя его порядочнымъ подросточкомъ, хочетъ въ обыкновенному порядку вещей, послать его въ парламентъ, хочет его женить — словомъ, сдѣлать для него все, что дѣлаютъ для порядочнаго человека. Куда! Сынъ, въ родѣ Матроушки (только и уметь, и красавецъ, и богатъ, и проч.), какъ замотаетъ руками и ногами, никуда, онъ не пойдетъ, ни въ парламентъ, ни на свадьбу. Но отецъ (впрочемъ, и мать тоже) начинаютъ къ нему порядкомъ приставать, хотая узнать, какъ онъ и что, — что такое дѣлаетъ, у него въ головѣ, чего ему хочется. Добрыи порядкомъ берутъ себѣ на помощь и одного знакомаго, лорда-епископа, чтобъ онъ тоже придвинулся за сына и обработалъ все, какъ слѣдуетъ. Тутъ, наконецъ, открывается, въ чемъ вся диллуда: юный Танкредъ въ длинномъ хронѣ и отцѣ, и мати и епископа заткнулъ за поясъ, тол-

аль имъ яснѣе самаго яснаго дня, что теперь въ Англіи плохія дѣла, что теперь надобно не въ парламентъ садиться, не съ женой жить, а искать спасенія всей страны. Посмотрите, оворить, что такое наша церковь, что такое наше право, что такое наша политика? И пошелъ, и пошелъ, и пошелъ! Отщелкалъ даже одно совѣтъ-осторожнее вѣдомство, въ родѣ того, какъ однажды отщелкалъ кого слѣдуетъ капитанъ Кофейкинъ. Отецъ и мать и рты разинули. Что жъ такое нужно теперь дѣлать? за что приниматься? спрашиваютъ его. Онъ отвѣчаетъ: «нужно совершить путешествіе на Востокъ, въ Палестину, подобно тому, какъ наши дѣды совершали подобное же путешествіе въ редиѣ вѣка, когда имъ приходилось дохо, такъ-что ни взадъ ни вперед, они не знали за что приниматься. Коробку Господню я совершу теперь новый крестовый походъ, тамъ преклоню колѣна, выепопрошу Всевышняго о томъ, чтобъ намъ всѣмъ дѣлать, изъ самаго источника зачерпну себѣ и Англіи на спасеніе пригоршню живой воды,—и тогда все оживетъ, пойдетъ къ счастью истиннѣе. А вѣдь что жъ!» подумалъ герцогъ съ герцогиней, его родители: «могутъ-быть и внаправду оно такъ. Ну, въ Богомъ, поѣжай.» Онъ и поѣхалъ съ живой водой. Во второмъ и третьемъ томѣ романа, Танкредъ все ѣздитъ по источникамъ и, забывъ объ англійскихъ несносныхъ лѣди, ведетъ платоническую любовь съ восточными жемами. Впрочемъ, дальнѣйшихъ послѣдствій у странствованій нѣтъ; чѣмъ все кончится — неизвѣстно. Послѣ платонической любви и многихъ разглагольствованій, дѣло оканчивается тѣмъ, что другъ, ни съ того ни съ сего, въ Палестину приѣзжаютъ родители, и на этомъ романъ перерывается. Вѣроятно, прощенье и разъясненіе будетъ еще въ другомъ романѣ.

Изъ этого бѣлаго обзора содержания трехъ романовъ можно уже отгадываться, что они всѣ три пре-

исполнены совершенства, блещутъ истинной и непреодолимою занимательностью со стороны художественной и со стороны социальной; мы упоминаемъ объ этихъ двухъ сторонахъ потому, что онѣ, какъ лучшіе друзья, желающіе какъ-можно-дольше остаться въ дружбѣ, никогда не сходятся вмѣстѣ (во избѣжаніе опасности), и появляются на сцену дѣйствованія каждая порознь, слѣдовательно, тотчасъ же бросаются въ глаза. Въ намѣреніяхъ автора нельзя никогда ошибиться: онъ презираетъ старинную манеру озолотить пилюли и дать проглотить горькое лекарство подъ згидую сахара,—нѣтъ, онъ называетъ вещи прямо по имени, и, подобно тому, какъ на древнихъ средневѣковыхъ картинахъ изъ устъ отшельника выходитъ ленточка, которая объясняетъ въ чемъ все дѣло, или подобно тому, какъ китайскій актёръ прежде игры своей объявитъ напередъ, кто онъ такой, кто у него были отецъ и мать, какія лица они представляютъ и какіе у нихъ были родственники, — подобно всему этому и Дизраэли, подъ особенными вывѣсками главъ, давъ въ своихъ романахъ мѣсто то тому, то другому своему направленію, съ такими яснымъ и строгимъ распределеніемъ, что никакъ ужъ не ошибешься, чего въ каждой главѣ искать должно. Если дѣло пошло о политикѣ и социальными интересахъ, то ужъ въ этой главѣ только и спрашивай до самой послѣдней строчки политики и социальныхъ интересовъ; напротивъ, если ужъ пошло на то, что нашъ авторъ пустился на *художественность* (!), то ужъ читатель долженъ беречься,—онъ будетъ оглушенъ, ослѣпленъ художественностью, задавленъ подъ бременемъ огромныхъ отпускаемыхъ ему порцій, которыхъ не сварить никакому обыкновенному желудку. Англійскіе читатели благоговѣютъ и передъ тою, и передъ другою стороною таланта г. Дизраэли. Но есть въ этомъ авторѣ еще одна сторона, особенно любезная тѣмъ же читателямъ и признаваемая критиками едва-

ли не за высшее его качество: это саркастичность, которую въ немъ ставятъ еще выше, чѣмъ великій и благородный энтузиазмъ, чѣмъ рыцарственныя благородствя его направленія. Саркастичность проявляется у него постоянно въ обѣихъ сторонахъ таланта и доказывается въ немъ особенное удовольствіе.

Что жъ! въдѣ сколько-нибудь да есть истинны въ этихъ романахъ; какъ имъ сильно затѣшеваны страницы то художественностью, то социальностью, все таки на читателя подѣ-конечъ находитъ мысль, какъ результатъ многихъ томовъ, что въ каждомъ юношестве есть много хорошихъ стремленій къ истинѣ, что отъ него всегда перваго слышится осужденіе состарѣвшемуся и болѣе негодующему порядку вещей. Да въдѣ подобныя размышленія очень стары, очень сильно обветшали и притомъ выражены такъ слабо, такъ слабо, что совершенныя теряются въ софистическихъ и художественныхъ подробностяхъ; сверхъ того, вмѣстѣ съ желаніемъ реформы, у благороднаго юноши появляются такія намеренія, выборныя уже черезъ чуръ превозносныя. Вотъ небольшой примѣръ размышленій, явившихся англійской публикѣ по своей эстетической и исторической правдѣ, по силѣ таланта и опыта: Великіе люди не нуждаются въ опытѣ. Опытъ—лучшая вещь на землѣ для обыкновенныхъ людей, но для творческаго духа онъ меньше, чѣмъ ничто. Гений, когда онъ молодъ еще, божественъ. Отъ чего же величійше полководцы древнихъ и новыхъ временъ оба покорили Италию въ двадцать пять лѣтъ? Юноша, чрезвычайный юноша, опрокинулъ Персидскую Монархію (слѣдуютъ примѣры римскихъ великихъ полководцевъ). Но взглянемъ на высшіе примѣры совершенства гражданской мудрости. Императоръ III величайшій изъ папъ, былъ десктономъ надъ христіанствомъ въ тридцать семь лѣтъ, Иоаннъ Медичисъ былъ кардиналомъ въ тридцать

лѣтъ, папой, полъ княземъ Ланка. X. въ тридцать семь лѣтъ. Докторъ, отъ нилъ у него самыя дуншія его страши, будучи тридцати пяти лѣтъ. Возьмите Игнатія Лойолу и Іоанна Веспера, они работали юными умани. Игнатію было всего тридцать лѣтъ. Когда онъ совершилъ свое духовное-ство и написалъ свои духовныя упражненія, Величайшій изъ Французовъ Паскаль написалъ одно великое сочиненіе шестнадцати лѣтъ и умеръ тридцати-семи лѣтъ. Ахъ, эти тридцать семь лѣтъ! Они, напоминая мнѣ Байрона, который еще выше какъ человекъ, нежели какъ писатель. Развѣ опыты руководитъ кнзюль Рафаэля, когда онъ расписывалъ дворны римскіе? И онъ тоже умеръ тридцати-семи лѣтъ (слѣдуютъ еще многочеленные примѣры). Но да для чего умножать доказательства? Исторія героевъ есть исторія юностиа. Вѣра въ геройство дѣлаетъ героями.

Мы полагаемъ, что нѣтъ особенной надобности цускаться къ разсмотрѣнію всѣхъ ложныхъ положеній, заключенныхъ въ такомъ небольшомъ объемѣ. Вѣроятно, если не всѣ, то большая часть всѣхъ давно знаютъ, что первая и послѣднимъ въ цѣлой націи, кто рече столько же смѣшно, сколько надидать и одинъ народъ первый, другой послѣднимъ. Вѣроятно, многие давно знаютъ, выше ли Байронъ какъ человекъ, чѣмъ какъ писатель, Вѣроятно, всякій больше или меньше убѣжденъ, что опытъ, наоборотъ, вовсе всего больше нуженъ доктору гадать и гению, потому что онъ даетъ цѣлосту и крѣпость, развитію силъ, хотя это слишкомъ-извѣстно, мы все-таки приведемъ себѣ привести здѣсь знаменитыя слова Гегеля: Безъ общаго-нія, раздѣленія, различія, художникъ не можетъ овладѣть никакимъ содержаниемъ, которое онъ долженъ выдѣлывать; ему столько же необходимо сосредоточеніе духа... Поэтому, художникъ долженъ не только провести

этом времени в томъ, чтобы остано-
виться въ сѣбѣ и ознакомиться съ
его внѣшними и внутренними про-
явленіями, но ему еще нужно, чтобы
отъ просека въ своей собственной
грудь много и много великаго, нуж-
но, чтобы сердце его было глубоко
захвачено и подвинуто; нужно,
чтобы онъ много дѣлалъ и много
жилъ прежде, чѣмъ онъ будетъ въ
состояніи выиснить конкретными яв-
леніями истинный глубины жизни.
Отъ этого-то, хотя еще въ юноше-
ствѣ, начинается влеченіе реинъ (какъ
это и было съ Гете и Шлегелемъ); но
только тогда зрѣлости и старости
впервые могутъ довести до настоя-
щей зрѣлости совершенство произве-
денія. И это относится не къ однимъ
художникамъ, а къ всемъ отраслямъ
человѣческой дѣятельности, гдѣ тре-
буется совершенство; показателемъ
чему могутъ служить не примѣры, а
вся исторія.

По важности своей примѣчательны
въ романахъ Дизраэли слѣдующія два
мѣста: «Большой городъ, представле-
ніе о которомъ живетъ въ памяти
людей, есть типъ какой-нибудь вели-
кой идеи. Римъ изображаетъ побѣду;
Еврей покоится на башняхъ Иеруса-
лима. Аѳинны воплощаютъ самое пер-
вое качество хреніяго міра — искус-
ство. Въ пѣвья времена, торговля
создала Лондонъ; между-тѣмъ, какъ
моды, въ самомъ обширномъ смыслѣ,
долго находили въ себѣ первую столицу
въ воздушной и широко-разверзав-
шей сѣпскою городъ; хорошо по-
нимаемый Манчестеръ такое же
великое произведеніе, какъ и Аѳин-
ны. Только философъ можетъ по-
пытаться все величіе Манчестера и
огромность его будущаго. Много
есть истинъ, которыя нужно было
бы выговорить, еслибъ только у-
мъ было довольно храбрости вы-
сказать ихъ, или терпимости, чтобы
принять ихъ. Въсто этихъ раз-
вѣсней городовъ точно по рецеп-
тамъ, съ чѣмъ наврядъ ли кто согла-

сится (гдѣ же виданы такіе специа-
льные города, въ которыхъ бы не осу-
ществлялись и не приводились въ
дѣйствіе всѣ стороны человѣческаго
духа — исключеніе, остается за дѣста-
ма, немногими странностями, односто-
ронностями; сочинять и выдумывать
особенныя рамки любятъ многие, но
при этомъ всегда страдает истина),
а также вмѣсто того, что одни фи-
лософы могутъ доминировать надъ настоящимъ
и будущимъ Манчестера и наконецъ,
что хоть-что, бы сказать, да нельзя;
вмѣсто всего этого гораздо вѣрнѣе
было бы сказать, что всадки простой
человѣкъ, очень — хорошо, понимаетъ
величіе Манчестера и его будущность,
потому что каждому понятно, какъ
вмѣстѣ съ расширеніемъ и усовершен-
ствованіемъ челоѣческой производ-
тельности посредствомъ машинъ, бы-
стро растетъ и возможность образова-
нія, что именно теперь настала воз-
можность и есть къ тому все способ-
но не только про Манчестеръ, но и про
всѣ предметы на свѣтѣ говорить, *quia
quia истины*, и что до верою, можно
имѣть всю дѣшность и храбрость
выговаривать ихъ, ибо всадки есть
готовность принимать ихъ; съ хра-
бостью. Въ древнія времена, если
какому-нибудь слѣпому, мыслителю
нужно было внести новыя идеи на
свѣтъ, онъ могъ совершить это только
съ величайшимъ усиліемъ и очень
часто съ самымъ болдымъ неуспѣ-
хомъ; теперь же этого всего болдыне
нѣтъ; едва-ли не пододана предвѣстная
совершенство устранена, и у всякаго но-
ваго ученія, только-что оно ужасно
выговорится, radoкъ повлечется мно-
гочисленные приверженцы, что, ка-
несчастію, часто испытываютъ и лож-
ныя ученія; но во всякомъ случаѣ, оно
доказываетъ легкость и упрощен-
ность путей сообщенія, по которымъ
шлагбаумовъ и всадки, заставъ бо-
льше нѣтъ; каждый воленъ имѣть шина:
какъ же послѣ этого, на современную
образованность вводить такую пор-
кую клевету? Еще и того лучше имѣ-
ніе о европейской образованности,

внаторенное въ другомъ романѣ Дидраэли; «Сивилла встала, и положи хотѣла опустить книгу на столъ, приидя. Эгремонтъ съ спокойствіемъ и чуждою границею. *Образованность въ дѣлѣхъ насъ, не такъ хороша, потому что она, давая намъ извѣстное познание, спасеніе въ претензіяхъ; а въ затрудненіяхъ, едемъ, мы приближаемъ къ аффектаціи.* Бедуины и краснокожіи Индіецъ никогда не теряютъ присутствія духа; и жена мужика, когда вы войдете въ ея домъ, часто присутствуетъ въ васъ съ тѣмъ выраженіемъ, которое самымъ пріятнымъ образомъ непохоже на пріездъ какой-нибудь знатной дамы въ какомъ-нибудь большомъ собраніи, когда она встрѣчаетъ своихъ гостей попеременно то съ карриатурою на учтивость, то съ преувеличенною высокоумностію, этикета.»

Какъ же это? тутъ выходитъ что-то странное, конечно, — проистекающее не изъ чего другаго, какъ изъ самаго удивительнаго понятія объ образованности. Сколько извѣстно, у образованности между прочими задачами есть одна изъ главнѣйшихъ — дать истинность, стройность и красоту всѣмъ отношеніямъ людскимъ; уничтожить въ нихъ не только все дикое и шаршавое, но и все недокрое, затрудняющее, — словомъ, сдѣлать ихъ какъ-можно-проще, но вмѣстѣ съ тѣмъ сердечнѣе, и съ внутренней и съ наружной стороны изящнѣе. То обращеніе людей, въ которомъ не достаетъ этихъ качествъ, которое несвободно, не дѣйствуетъ съ полною непринужденностію, которое находитъ себѣ на каждомъ шагѣ помѣхи и затрудненія, не только не есть слѣдствіе образованности, но оно самымъ грубымъ образомъ противрѣчитъ ей, — да, кажется, никогда и не называли нигдѣ человека аффектированнаго и несвободнаго въ своемъ внѣшнемъ быту — человекомъ образованнымъ. Для такихъ людей, есть, вѣроятно, другія многочи-

сленныя имена. Не-уже-ли же и въ самомъ дѣлѣ г. Дидраэли видаеть только такихъ людей, которые, въ слѣдствіе своей образованности, полны претензій и аффектацій; а больше никого и нѣтъ? Еслибы это было правда, образованные Англичане представляли бы какой-то необыкновенный примѣръ въ исторіи, потому что привыкли считать слѣдствіемъ цивилизаціи совсѣмъ иное, чѣмъ знаменитый саркастичъ г. Дидраэли. Въ подтвержденіе нашихъ словъ стоить только заглянуть въ рассказы объ образованномъ обществѣ одного русскаго писателя, который никогда не пропускаетъ случая между прочими качествами образованнаго и утонченнаго въ обращеніи героя своего непременно упомянуть, что онъ носилъ очень-хорошее бѣлье (удивительно, какъ ни разу не высказано той же самой замѣчательной привычки объ образованныхъ героиняхъ); авторъ этотъ никогда не рѣшился бы наречь подобную клевету на образованность; напротивъ, изъ повѣствованій его всегда очень-ясно видно, что образованность дѣлаетъ всѣхъ ловкими, развязными, свободными, никогда несмущающимися (подобно Бедуинамъ, краснымъ Индіцамъ и мужичьимъ женамъ), а главное, что она научаетъ вести экспромтомъ самыя замысловатыя разговоры.

Впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго, что г. Дидраэли жалуется на образованность и ея неприятыя слѣдствія; онъ имѣетъ полное на то право, если образованность заставляетъ мужчину съ дамою большаго свѣта, въ Лондонѣ, вести разговоръ, подобный тому, какой у него ведутъ начинающіе знакомство два аристократа: «Вы страстно любите музыку, говорилъ мнѣ лордъ Исдэль?» спросила принцесса Лукреція. — Когда она превосходна, отвѣчалъ Сидонія. — Не это рѣдкость, сказала принцесса. — И такая же драгоценность, какъ Рай. Шлахъ же музыка Чистиллице; если же она просто дура, то я на свою долю

чувствую себя... — «Гдѣ?» спросилъ ордь Исдэль. — Въ послѣднемъ кругу Ада, сказала Сидонія. — «Куда же вы помѣщаете насъ всѣхъ?» спросила принцесса у Сидоніи. — Въ томъ кругу, который слишкомъ наложенъ для дантова стиха, отвѣчалъ ея собесѣдникъ. — Вы хотите сказать слишкомъ есносенъ, сказала принцесса. — Мнѣ бы хотѣлось, чтобъ жизнь была не-можно больше, чѣмъ-то дантовскимъ. — Отъ-того не меньше сокровищъ на вѣгъ, что мы употребляемъ ассигнаціи», отвѣчалъ Сидонія: «и теперь не еньше страсти, чѣмъ прежде отъ-того, то принадлежитъ къ хорошему тону бытѣ спокойнымъ.» — Вы такъ думаете? спросила принцесса, поглядывая обругъ по комнатѣ. — Не-уже-ли есть уша у всѣхъ этихъ автоматовъ? — У некоторыхъ изъ нихъ», отвѣчалъ Сидонія. «У столькихъ же, у сколькихъ была душа въ XIV-мъ столѣтіи.» — Я думаю, онѣ каждый день перевертыаются, сказала принцесса. — Нѣкоторые дѣйствуютъ по собственному побужденію», сказалъ Сидонія. — И вы можете сказать съ перваго взгляда? спросила принцесса. — Вы одинъ изъ всѣхъ, которые читаютъ въ человѣческой природѣ? — «Это открытая для всѣхъ книга.» — А если кто не можетъ читать? — Тогда это ваши автоматы.» — Лордъ Монмуотъ говорилъ мнѣ, что вы много путешествовали. — Я не открывалъ новаго міра.» — Но вы были въ немъ? — Онъ старѣется.» — Я бы хотѣла лучше вызвать древній міръ открывать новый, сказала принцесса. — Я не люблю міра пользы. — Вы предпочитаете славу комфорту», сказалъ Сидонія. — Мнѣ кажется, что брѣ чашнетъ подь рутинною. — «Это неизбежная судьба человѣчества» отвѣчалъ Сидонія. «Человѣкъ всегда долженъ быть рабомъ рутины; но въ прежнія времена это была рутина великихъ мыслей, а нынѣче рутина идеекъ.»

Такихъ разговоровъ можно найти довольно у Дизраэли, и не знаешь, чему больше дивиться: его ли особенно-

му таланту, или вкусу английской публики. Про нашу же публику можно навѣрное сказать, что ей въ высшей степени были бы непріятны такіе разговоры и довольно-вѣроятно, что новый появившійся романъ г. Дизраэли не потребовалъ бы въ-теченіе трехъ мѣсяцевъ двухъ изданій.

Наравнѣ съ этимъ разговоромъ очень-замѣчательны разныя другія черты изъ жизни большого свѣта: поварская часть; на-примѣръ, первые два романа занимались только длиннымъ разбирательствомъ причинъ, почему английскій столъ лучше французскаго — и подь конецъ объявили, что тому причинной манера у Англичанъ подавать кушанье въ нагрѣтыхъ блюдахъ, между-тѣмъ, какъ во Франціи это невозможно, ибо французская каменная посуда не въ состояніи противиться огню... и разныя другія замѣчанія. Но въ «Танкредѣ» поварское искусство находить себѣ полную апопеезу: даже самый романъ открывается высокопримѣчательнымъ и весьма-искусно изображеннымъ совѣтомъ поваровъ, толкующихъ о достойномъ изготовленіи праздника по случаю совершенности юнаго Танкреда.

Но кто такой Сидонія, ведущій такіе умные свѣтскіе разговоры, кладущій на все свои рѣшенія, всегда излагаемыя вкратцѣ и поясняющіеся постоянно тамъ, гдѣ нужно сказать высочайшую и глубочайшую правду? Мало сказать, что онъ олицетвореніе автора и лучшихъ его произведеній, что онъ премудръ и краснорѣчивъ, какъ Стародумъ въ «Недорослѣ» Фон-Визина: онъ является еще вступникомъ еврейскаго народа. Самъ Дизраэли еврейскаго происхожденія, и потому во всѣхъ своихъ романахъ является истолкователемъ еврейскаго народа и прорикателемъ будущихъ судьбъ его. Подобно тому, какъ современные намъ славянофилы не видятъ или не хотятъ видѣть ничего другаго

тию, для которой настоящего имени еще не придумано.

Гораздо-лучше всего этого размышления факты, представленные г-мъ Диараэли изъ дѣйствительной жизни Англій. Въ нихъ, по-крайней-мѣрѣ, нѣтъ фантастическаго и мистическаго, нѣтъ гаданій о судьбахъ народовъ, а есть простое представление существующаго.

Конечно, у Диараэли приняты иной разъ странныя мѣры для того, чтобъ выказать этотъ народъ: такъ, на-примѣръ, онъ въ своемъ романѣ «Смвилла» выставилъ злодѣя-лорда, страшнѣйшаго притѣснителя въ мелодраматическомъ родѣ, для того только, чтобъ дать народу случай прійти въ броженіе, бушевать, показаться со всѣхъ сторонъ, и этотъ злодѣй-лордъ — лицо весьма-старое во всѣхъ романахъ; но тѣмъ не менѣе картины, гдѣ у Диараэли дѣйствуетъ народъ, лучшее, что только у него есть: гораздо-лучше всѣхъ политическихъ, социальныхъ и религіозныхъ подробностей, и, наконецъ, даже тамъ, гдѣ уже народъ не дѣйствуетъ, гдѣ только рассказывается про нынѣшнее состояніе его въ Англій, эти страницы, по-крайней-мѣрѣ, интересны какъ факты, какъ доносы на нынѣшнее положеніе Англій, между-тѣмъ, какъ во всѣхъ мѣстахъ, кроме этихъ эпизодовъ, гдѣ Диараэли считаетъ, что идетъ *настоящій романъ*, вы найдете ничего столько интереснаго. Не любопытно ли встрѣтите слѣдующіе статистическіе факты, взятые съ натуры: «Въ субботу, въ Уодгэтѣ (выдуманное имя для далекаго мануфактурнаго англійскаго города), всѣ мастера начинаютъ пить, въ понедѣльникъ и во вторникъ все народонаселеніе Уодгэта, всѣхъ классовъ, лѣтъ и половъ пьяно, даже маленькія дѣтицаны. Въ этомъ ихъ отдыхѣ, возобновленіе силъ; и если съ этимъ вмѣстѣ мы встрѣчаемъ меньше порочности, чѣмъ бы сначала можно было ожидать, то надобно вспомнить, что

«всякимъ излишествомъ предстаетъ
«обезсиленіе крови и постоянное истощеніе. Скучная пища и суровая работа, сами-по-себѣ уже если не героическіе моралисты, то, по-крайней-мѣрѣ, порядочныя предупредительныя мѣры. Въ Уодгэтѣ никого нѣтъ, кто бы могъ уговаривать или удерживать, — не отъ-того, чтобъ народъ былъ безнравственъ, ибо безнравственность предполагается, нѣкоторое мышленіе, — не отъ-того, чтобъ онъ былъ нечестивъ, потому-что, нечестиво относительно; но люди отъ — просто животныя, безсознательныя, ихъ душа гладкая доска, и самыя дурныя ихъ поступки только слѣдствіе грубаго или дикаго инстинкта. Въ городѣ многіе не знаютъ даже своего имени; очень-немногіе могутъ читать по складамъ. Вы рѣшительно бы знали, сколько ему лѣтъ; еще рѣже встрѣтите мальчика, который бы видалъ книгу, или дѣвочку, которая бы видала цвѣтокъ. Спросите ихъ, какъ зовутъ ихъ государя, — они бессмысленно выпучатъ на васъ глаза; спросите кака у нихъ вѣра, — они засмѣются. для нихъ все равно тайна и кто править ими на землѣ, и кто можетъ спасти ихъ на небѣ.»

Или вотъ еще статистическіе факты: благообразный англійскій юноша, защитникъ правъ народныхъ, пришелъ на мануфактуру и спрашиваетъ хозяина; такимъ образомъ завязался объ немъ разговоръ между юношей и мастерскимъ мальчикомъ: «Посмотрите сюда, говоритъ мальчикъ, указывая на глубокой шрамъ, пересѣкавшій его лобъ: «вотъ что онъ мнѣ сдѣлалъ.» — Но не чайности? — Какъ бы не такъ! Такая нечаянность часто бываетъ; когда тѣмъ бы я, чтобъ мнѣ давали покрутить всякій разъ, когда онъ мнѣ раскрывать голову. Разъ онъ мнѣ раскрывалъ голову ключомъ и два раза замкомъ; онъ два раза пустил мнѣ въ голову краемъ замка, разъ болтомъ и, еще разъ крышкою; разъ ударилъ до-мѣ-

въ молоткомъ. Вотъ хватилъ-то! такъ и повалился. Когда мнѣ полегло, мастеръ останавливалъ кровь бѣгомъ со своей шапки. Мнѣ тотчасъ и нужно было опять браться за свою работу; онъ сказалъ, что мое дѣло за этотъ день будетъ кончено, если я поработаю до 12 часовъ ночи. А сколько палокъ онъ объ меня обломалъ! иной разъ рубцы оставались по неделямъ; разъ онъ ударилъ меня по глазу рѣховой палкой, кровь стала идти и плась на провѣлку, которую я работаю. Иной разъ онъ такъ драгъ меня а уши, что, я думалъ, уши останутся у него въ рукахъ! Все это ничего по-твоему? Вотъ этого!.. говорили, что за это го можно бы потануть подъ слѣдствіе. Да что станеть? И вы еще спрашиваете, знаю ли я его?.. Все-таки онъ орошій человекъ; дайте ему только дѣлать работу или тамъ что-нибудь другое; онъ тоже очень не скупъ на дѣло. Все время, что я у него въ учени, онъ ни разу не давалъ лошадиного мяса; никогда не бываетъ говядины отъ больной коровы, развѣ когда ужъ мясо очень-дорого. Онъ никогда не хочетъ брать тѣхъ телятъ, что рождаются мертвые, и завсегда говоритъ, что у него мальчики должны ѣсть мясо отъ коровы, которая была живая и которая убита. Ну, потому онъ даетъ намъ иной разъ и рыбу, когда она побывала въ городѣ на четыре или пять и ее не продаютъ. Нѣтъ, ужъ надо правду сказать. На него нельзя пожаловать и на счетъ корма, развѣ что нѣтъ времени на ѣду.

У Дизраэли есть многія сцены, нѣсколько напоминающія мастерскія изображенія народа въ романахъ Диккенса; но у Дизраэли это эпизодично, происходитъ мгновенно, тотчасъ видите, что онъ нисколько не считаетъ этихъ сценъ своимъ главнымъ дѣломъ, воображаетъ себя писателемъ, въ руцѣ котораго жестокий бичъ сатиры и сарказма, и который одаренъ оригинальнѣе для провидѣнія тор-

жественнаго будущаго Англій. Отъ этого романы его и не имѣютъ притязанія быть чѣмъ-нибудь художественнымъ по содержанию и формѣ: это для нихъ больше ничего, какъ ничтожная скорлупа, необходимая по нынѣшнимъ условіямъ свѣта; настоящее же дѣло Дизраэли было бы взойти на какую-нибудь высочайшую кафедру и оттуда проливать на цѣлый народъ бичующія рѣчи и излагать проорѣваніе будущаго; съ этой высочайшей кафедры хотѣлось бы ему сказать и рѣчи умирения всѣхъ: о, мои добрые сограждане, провозносилъ бы онъ (какъ въ романѣ), вѣдь вы всѣ слѣпы; знайте, что и аристократія дѣло, и народъ дѣло; только тогда можетъ быть толкъ, когда вы всѣ обнимѣтесь, поцалуетесь; не воображайте себѣ, что теперь народъ узналъ свою силу и что теперь быть пережѣвъ; нѣтъ, народъ не крѣпокъ, никогда народъ не можетъ быть крѣпокъ; пусть народъ познаетъ своихъ вождей, пусть онъ живетъ съ ними въ дружбѣ, и тогда все будетъ хорошо, и т. д., и т. д. Таки обращенія нѣсколько странны; конечно, оно какъ-то удивительно представить себѣ народъ въ видѣ маленькой горсточкѣ людей, къ которымъ можно обращаться съ своими рѣчами и рубить съ плеча все, что есть въ головѣ правды и неправды,—а добрые сограждане и возьмутся за умъ. Многіе полагаютъ, что политическіе романы нисколько не дѣйствуютъ на читателей, а имѣютъ вліяніе только тѣмъ хорошимъ, что можетъ лежать во всякомъ художественно-вѣрномъ изображеніи. Такъ, на-примѣръ, безспорно, нынче лучший изъ такихъ романистовъ Сю; едва-ли не двѣ трети какихъ-нибудь «Парижскихъ Тайнъ» и «Вѣчнаго Жюда» состоятъ въ размышленіяхъ, но именно они-то и не оставляютъ по себѣ никакого вліянія; такъ, на-примѣръ, что можетъ быть доброжелательнѣе намѣреній, дитювавшихъ описаніе учрежденій филантропо-мануфактуриста Гарди? Изображеніе и его, и благодѣтельнаго отца, и

многочисленных работников, добродетельных дяточек его, тоже очень благонамеренно. И, однакожь, не принимаются въ сердца публики «либеральническія» заги. Сю скорѣе можно сказать, будто всѣхъ этихъ подробностей въ романѣ никто не прочиталъ, — не хотятъ знать всего этого, да и только! Какъ дуть, быть? Видно дѣло не придается въ лады съ назначеніемъ и способами романа; видно тутъ звучать фальшивыя ноты. Напротивъ, всякій разъ, какъ авторъ (у котораго никакъ нельзя отнять художественныхъ инстинктовъ и способностей) забудетъ на время свои социальныя задачи, встанетъ въ великихъ подробностяхъ, погружается въ нихъ, — онъ притягиваетъ къ себѣ многочисленныхъ толпы. Вотъ подобными-то подробностями могли бы блистать романы Дизраэли: у него есть нѣсколько книгъ, — Дэвидъ Микъ, Чортова-Пыль, ихъ любовницы Джулія, Гарриетта, которые бы, можетъ быть, не уступили тремъ лицамъ, какъ Нини-Мельница или Маргвара-Рова и т. д. у Сю. Какъ ни коротки отрывки у Дизраэли, гдѣ видяцца на нѣсколько мгновений эти лица, они указываютъ, однакожь, на способность дѣйствительную. Но, кажется, невозможно ожидать хоть когда-нибудь, чтобъ Дизраэли принялся за ту сторону романовъ, гдѣ бы онъ могъ быть хорошъ: онъ постоянно занятъ все такими мысленими интересами, что куда ему спуститься въ нисшія, можетъ быть, презрѣнныя сферы романиста-рассказчика! А между-тѣмъ, это жалко! иной разъ, въ представленіи простаго класса, въ мастерскомъ веденіи этого разговора, онъ напоминаетъ какія-нибудь сцены Дикенса. Да притомъ же, англійская публика привыкла видѣть въ немъ политическаго писателя, ораторствующаго о высокнхъ интересахъ, привыкла ожидать отъ него именно только известнаго рода вещей, портретъ его уже нарисованъ во всякомъ умѣ... Такъ иная публика до такой степени привыкла къ ко-

мму того, или другаго класса, что онъ только увидитъ самымъ простымъ и невиннымъ образомъ на сцену ужасы, засмѣются; вдругъ этому комичу нужно играть такую сцену, гдѣ онъ долженъ быть патетиченъ, и онъ исполнить это всѣми своими средствами, но привычки публики ничего не видятъ, ничего не слышатъ и тронуться, шелохнуться, поображать себя, что это только чужое средство, возбужденіи смѣха. Дизраэли самъ же въ состояніи попасть на свою настоящую дорогу и, напротивъ, постоянно дѣлаетъ себя пріятною мыслию, что онъ человекъ, перетоваривающій съ своимъ народомъ важнѣйшихъ дѣлать его; читающая публика тоже увѣрена, что это была первая величина.

Но еслибы это все было такъ, отчего же у этого самого автора не было бы точно такой же славы вездѣ, отчего только въ одной Англійи и прѣстень этотъ человекъ? На англійскую публику сильно дѣйствуетъ не содержаніе его сочиненій, а направленіе ихъ. Дизраэли взялъ себѣ на долю роль напугателя, громовержца, — это самая важная роль, какую только можетъ изъ себя взять человекъ, которому конвоясь бы не остаться въ толѣ. Нельзя ожидать, чтобъ пришла когда-нибудь такая пора, когда бы не на что было больше нападать; между требованиями нашего духа и дѣйствительностью всегда будетъ какой-нибудь разладъ: следовательно, навсегда открыто широкое поле для дѣйствія, и следовательно, никогда не истощится ни сила и та примечательность, которую имѣютъ выговариваемыя порицанія. Въ каждомъ порицаніи будетъ всегда хоть какая-нибудь частица правды, но вѣдь не въ томъ дѣло, чтобъ сказать правду: дѣло въ томъ, чтобъ обвинять, за какую именно правду приниматься, за такую ли, которая въ самомъ дѣлѣ обратится въ сокъ и яровъ, принесетъ плоды и послѣдствія, потому-что прямо попадаетъ въ самое сердце дѣлу; или та-

кую, которая только что предлежит нам, то приятным. Что, напротив, только что истинная вообще, с которыми Дизраэли нападаетъ въ своемъ ораторствованіи на англійскій народъ? оно все такъ, да только нѣтъ тогда въ томъ, что она приняла за нѣтъ; одни самыя конкретныя, самыя идеологическія, самыя такъ сказать, термины истинны; прямо идущія къ частному случаю, могутъ имѣть силу, а главное—послѣдствіе и плодъ. Очень часто Дизраэли тамъ гдѣ представляетъ народъ, сходится въ томъ съ Сю, но между ними видна вся разница таланта талантливаго и не-талантливаго; между тѣмъ, какъ одинъ ищетъ все воплотить, всему дать тѣло, другой, кажется, на каждомъ шагѣ избегаетъ случая говорить картиной, драмой, и поминутно возвращается къ своей роли въщателя. Англійская публика привыкла къ этимъ его качествамъ, находитъ величіе и глубину во всѣхъ думахъ этого автора, и потому новый романъ его, противный привычкамъ прочей европейской публики, имѣетъ огромный успѣхъ; есть самая блестящая книга англійскаго сезона. Но такъ-какъ наиздическая прелесть этого автора потеряна для континента, а между тѣмъ настоящаго содержанія у Дизраэли никогда нѣтъ—его исторіи не похожи на дѣйствительность, то нѣтъ ничего удивительнаго, что нигдѣ за пределами Англіи и не подозреваютъ существованія этого писателя. Хотя и сальныя, но часто внимательныя и всегда живые рассказы Сю и другихъ современныхъ героевъ, въ сравненіи съ романами Дизраэли и другихъ еще слабѣйшихъ англійскихъ писателей,—то же, что Плибурно передъ Пюскою Возвѣщенностью. Въ ихъ внутреннемъ

достоинствѣ, и не въ вѣнчикѣмъ причинахъ заключается причина того (повторяемъ) что объ англійскихъ романахъ ни слуху, ни духу.

По-крайней-мѣрѣ, у Дизраэли нѣтъ цѣли, у другихъ и того нѣтъ? въ Англійскіе романы графини Вессингтонъ, какіхъ у насъ съ некоторыхъ поръ даже не пишутъ; тамъ есть историческіе романы на манеръ Валтера Скотта, именно романы Джамса, появившіяся, едва ли не наканунѣ мѣсяцъ, подобныя отъ русскихъ историческимъ романамъ, которые у насъ никогда не разбираются, а перечисляются въ библиографической хроникѣ за одинъ разъ съ народными пѣсенниками, азбуками и пронижъ; тамъ же эти самые романы читаются, и журналисты дѣлаютъ имъ всякій разъ пространный разборъ, точно рѣчь ямъ въ Европѣ Нашего Времени или въ Гардѣ Бульбѣ. Прибавьте къ этому нравственные романы, появляющіеся тоже въ достаточномъ количествѣ, служащіе для воспитанія дѣтей и, вѣроятно, достигающіе своей цѣли, — а также немногочисленный отрядъ морскихъ романовъ, изъ которыхъ все-таки хоть нарочна появится въ мѣсяцъ — и вы будете тогда знать, что англійскія беллетристика, наслаждаемая наружно процвѣтаніемъ, находится дѣйствительно въ самомъ незавидномъ положеніи. Съ этою цѣлью мы принимались за обзоръ самаго блестящаго произведенія. Что же должны быть проія?

Объ этомъ мы поговоримъ въ слѣдующемъ мѣсяцѣ. Прибавимъ здѣсь только, что еще прошлаго мѣсяца на-

часть повести и лирическими поэмами и переводили ихъ. Теперь получена и переводная у насъ почти половина этого романа, — и мы немедленно приступимъ къ печатанию его въ Отеч. чинахъ лирическихъ по вѣрѣ ихъ выхода, Занискахъ.

VIII.

С И В С Ъ.

БИОГРАФИИ.

ЛАВУАЗЬЕ.

въ исторіи каждой науки, какъ и исторіи всякой другой человѣческой дѣятельности, необходимо повторятся тѣ же три главныя періода, которымъ идетъ развитіе каждаго ювѣка. Чтѣ для каждаго изъ насъ качество, юность и зрѣлый возрастъ, для науки — мистическое, метафизическое и положительное воззрѣнія предметъ ея. Таковъ ужъ закъ человѣческаго мышленія, коее начинается необходимо съ мистцизма и переходитъ отъ него въ эру положительнаго только съ поцію метафизики. Дѣйствительно, какъ знала мы ихъ взаимной связи, на юшеніи къ другимъ явленіямъ, чѣткъ, по своему врожденному безпоістау, старается открыть эти связи тношенія, разгадать причину, коая произвела такіа явленія. Но, какъ разгадать причину факта, надо ть прежде самый фактъ, а онъ ваюень еще въ первый разъ... Какъ быть, какъ выйти изъ этого задованнаго круга? Прямаго, логиче-

скаго выхода нѣтъ; а между-тѣмъ, умъ не хочетъ, не можетъ держать въ себѣ новаго представленія, ничѣмъ не связаннаго съ другими его представленіями... Тутъ-то услужливая чувственность является на помощь къ своему господину. Положимъ, что новое явленіе сильно поразило ухо, или ослѣпило своимъ блескомъ глаза непривычнаго наблюдателя. И къ этому болѣзанному ощущенію необходимо привязывается нравственная идея и ею съ-плеча объясняется все неизвѣстное — объясняется, конечно, мистически. Принявъ ложное начало, человѣкъ часто долженъ прибѣгать къ натяжкамъ, толковать явленіе не такъ, какъ онъ его видитъ въ дѣйствительности, а такъ, чтобъ можно было подвести его подъ то начало, или, если явленіе слишкомъ очевидно, то придѣлать къ самому началу что-нибудь объясняющее. Такъ, въ подобныхъ натяжкахъ, проходитъ долгій мистическій періодъ, пока, наконецъ, всеобъемлющее начало, чрезъ различныя придѣлки и дополненія, не искавится до того, что человѣкъ заснѣтся надъ призракомъ, который самъ же себѣ создалъ.

Между-тѣмъ, онъ уже успѣлъ разсмотрѣть факты вблизи, познакомился съ ними, знаетъ многія ихъ свойства.

Казалось бы, стоило просто продолжать знакомиться съ ними, изучать взаимныя ихъ отношенія и удовлетворяться тѣмъ, что можно знать. Но у кого не было періода юности, кто не предавался мечтамъ, кто не жилъ по идеальной теоріи, не хотѣлъ жить такъ, какъ бы могли жить люди, *еслибы вся жюли разумно и любили другъ друга?*.. Поэтому-то, отказавшись отъ мистическаго начала, человѣкъ замѣняетъ его всеобъемлющими идеями природы, абсолюта, жизни, флогистона и тому подобныхъ энтитетовъ, которые отличаются отъ перваго только тѣмъ, что не заключаютъ въ себѣ ничего обязательнаго для человѣка и, призывая его къ одной опредѣленной точкѣ зрѣнія на всѣ явленія, мѣшаютъ разсматривать ихъ съ разныхъ сторонъ. Для метафизика главное дѣло не фактъ, а то, какъ проявляется въ немъ та идея или тотъ энтитетъ, который, по его мнѣнію, долженъ проявляться во всемъ мірѣ. Такое предпочтеніе, разумеется, можетъ существовать только до тѣхъ-поръ, пока наука не принесетъ другаго *положительнаго* плода ученому, кромѣ восторженнаго соверченія замысловато-созданной имъ всеобъемлющей системы. Но лишь-только доведется ему, съ существовнвою пользою для себя, повторить знакомый фактъ въ дѣйствительной жизни— тогда прощай система! Онъ всей душой прильнетъ къ положительности и будетъ изучать не свою идею въ фактахъ, а самые факты, и, изучая ихъ, будетъ стараться только открыть законы, по которымъ они происходятъ, чтобъ, зная эти законы, можно было изъ самыхъ явленій извлекать пользу для дѣйствительной жизни.

Конечно, эти три періода развитія мысли не отдѣляются другъ отъ друга рѣзкими чертами; давно замѣчено, что природа не любитъ скачковъ; но почти всегда подобный переходъ дастъ знать о себѣ или сильнымъ переворотомъ, или явленіемъ гениальнаго человѣка. Къ числу такихъ людей, безъ сомнѣнія, принадлежитъ Лавуазье, кото-

рымъ ознаменовался въ исторіи химіи переходный ея фазисъ — отъ метафизическаго къ положительному направленію.

До конца семнадцатаго столѣтія, химія состояла почти исключительно изъ одной алхиміи. Этотъ закоренѣлый предрассудокъ ясно высказывается въ всѣхъ писателяхъ младенчествовавшей науки, и большая часть несчастныхъ открытій совершалась подъ его вліяніемъ. Только нѣрѣдка гениальные люди, какъ Лавуазье, Лемери, Бонль, Палиси, возвышали отдѣльные голоса противъ всеобщаго ослѣпленія. Но эти свѣтлые метеоры быстро гасли во тьмѣ невѣжества. Наконецъ, въ началѣ слѣдующаго столѣтія, около 1716 года знаменитый Эрнестъ Сталь первый и влекъ химію изъ мелочнаго мистицизма и создалъ для нея систему. Онъ собралъ несвязные, случайно доставшіеся факты въ одно гармоническое цѣлое, такъ-что ихъ можно было обхватить однимъ взглядомъ, и наконецъ—основное начало своей системы изложилъ такъ ясно, что борьба его съ противоположнымъ, положительнымъ началомъ не могла быть продолжительною. Отъ-того и метафизическій періодъ химіи продолжался не болѣе столѣтія между-тѣмъ, какъ для другихъ наукъ онъ длился иногда три и четыре столѣтія. Однимъ словомъ, какъ Декартъ былъ предвѣстникомъ Ньютона, такъ Сталь былъ предвѣстникомъ Лавуазье.

Сталь признаетъ три начала: воздухъ, землю и огонь. Сущность воздуха онъ флогистонъ, который состоитъ изъ всѣхъ горючихъ веществъ. Въ нормальномъ, обыкновенномъ состояніи, флогистонъ соединяется въ немъ никакимъ образомъ, но если горючее вещество горитъ сильно, — флогистонъ отдѣляется отъ него и обнаруживается въ видѣ газа, или плотой. Изъ всѣхъ горючихъ веществъ, болѣе всего соединяется флогистона въ сѣрѣ, вслѣдствіе чего сѣра рѣ.

Посредствомъ этой системы, Сталь разсматривалъ все, что происходило въ природѣ, и въ искусствѣ.

ническіе вопросы. Горѣніе, химическое замѣненіе металловъ и различныя сплавокъ объяснялись самымъ частливымъ образомъ.

Что происходитъ при горѣніи органическихъ веществъ, на-примѣръ, дерева? Нагрѣтое до известной степени, горючее вещество отдѣляетъ теплоту и свѣтъ и производитъ новыя вещества. По гипотезѣ Сталя, эти явленія объясняются тѣмъ, что при нагрѣваніи освобождается изъ тѣла заключающійся въ немъ флогистонъ, который при освобожденіи всегда даетъ свѣтъ и теплоту; а новое вещество есть не что иное, какъ то же тѣло, лишенное флогистона.

Если какой-нибудь металлъ довести до краснаго каленія, то онъ обыкновенно измѣняется и въ составѣ и въ наружномъ видѣ. Изъ желѣза образуется вещество, известное подъ названіемъ окисла желѣза (rouille); изъ тѣла — порошокъ чернаго цѣнта. Какъ объясняется это явленіе по теоріи Сталя? Металлы, говоритъ онъ, состоятъ изъ соединенія флогистона съ землянистымъ веществомъ, которое называется металлическою известью или землей. Желѣзо, на-примѣръ, состоитъ изъ флогистона и окисла, или желѣзной земли. Если нагрѣвать его въ соприкосновеніи съ воздухомъ, то флогистонъ отдѣляется, а окиселъ остается.

Металлическія земли, или что мы называемъ металлическими окислами, при нагрѣваніи съ углемъ, снова даютъ металлъ. По теоріи Сталя, и это очень-просто: уголь, нагрѣваясь, отдѣляетъ флогистонъ, который соединяется съ нимъ металлическою известью и такимъ-образомъ снова образуетъ металлъ.

Очевидно, что объясненія современной теоріи прямо противоположны объясненіямъ Сталя. Прежде, горѣніе рассматривалось какъ освобожденіе посторонняго начала, а для насъ это есть фактъ соединенія горючаго вещества съ другимъ тѣломъ. Названіе металловъ считалось процессомъ ала-

митическимъ, а для насъ это синтезъ. Металлы считались тогда тѣлами сложными, а теперь — они простыя.

Связанная флогистономъ въ одно стройное цѣлое, химія пошла впередъ гигантскими шагами. Открытіе газовъ повело къ безчисленнымъ опытамъ, которые сильно раздвинули ея тѣсныя предѣлы. Фан-Гельмонтъ, Галь и Велль въ разныя времена замѣтили, что при химическихъ процессахъ отдѣляется упругая жидкость; но они считали ее воздухомъ. Въ 1755 г., Блэкъ подмѣтилъ въ ней особыя свойства и началъ отличать отъ воздуха. Слѣдующіе поръ ревность химиковъ уже не выала предѣловъ, и въ исторіи наукъ рѣшительно нѣтъ другаго періода, въ которомъ бы ученые дѣйствовали съ такимъ пламеннымъ увлеченіемъ, какъ въ это время. Во Франціи, Руэль исследовалъ соли, въ Англии — Кевендишъ и Пристли неутомимо работали надъ газами, между-тѣмъ, какъ Бергманъ въ Германіи и Шееле въ Швеціи каждый день дѣлали для химіи новыя пріобрѣтенія. Открытія такъ быстро снѣжались одно другимъ, что періодическія изданія не успѣвали печатать химическихъ новостей.

Система Сталя не успѣвала отвѣчать на безчисленные запросы, и часто, особенно предъ газами, становилась вѣтупникъ. Флогистонъ объяснял новыя явленія сбивчиво и темно. Бюффонъ, Боні, Маккеръ придавали ему каждый свое значеніе, и великая идея Сталя уже исчезала во множествѣ толкованій; съ каждымъ днемъ остывало всеобщее уваженіе къ флогистону... Анархія снова грозила наукамъ.

Наконецъ, является Лавуазье — и препятствія, заслонявшія дорогу его современникамъ, исчезли; самыя задушевныя тайны природы сдѣлались достояніемъ науки, которой онъ посвятилъ свой гений.

И какъ просто все это сдѣлалось!

Лавуазье началъ съ того, что передѣлалъ надъ газами всѣ опыты своихъ предшественниковъ, начиная отъ перваго открытія Блэка, и агнии опытами

удостоверился, что *въсь* некоторыхъ металъ при горѣннѣ увеличивается, и что металлическія земли, при накаливаннѣ съ углемъ, отдѣляютъ эластическую жидкость.

Лавуазье тотчасъ понялъ, что первый изъ этихъ фактовъ совершенно опровергаетъ систему Сталя, по которой металлъ, теряя при нагрѣваннѣ содержащійся въ ней флогистонъ, долженъ уменьшаться, а не увеличиваться въ *въсь*. Но онъ понялъ и то, что вести открытую войну съ мнѣніями, утвердившимися въ теченіе шестидесятилѣтняго владычества ихъ, бесполезно, и что гораздо - благоразумнѣе незамѣтнымъ образомъ, не отвергая старо-го, ввести новое, которое бы вполне его замѣнило. Вотъ какъ приступилъ онъ къ своему дѣлу: 1-го ноября 1772 года, онъ представилъ академіи наукъ слѣдующій мемуаръ:

«Съ медью навадъ, я открылъ, что фосфоръ и сѣра, сгарая въ воздухѣ, даютъ кислоты, увеличиваясь въ *въсь*. Это увеличеніе происходитъ отъ притока къ нимъ воздуха. Если *въсь* металловъ при накаливаннѣ также увеличивается, то и это равнымъ образомъ происходитъ отъ притока воздуха, что я могу доказать на опы-тѣ. Въ-самомъ-дѣлѣ, если взять металлическую известь и накалывать ее съ углемъ, то при переходѣ извести въ состояніе металла, на-примѣръ, когда глетъ (litharge) превращается въ свинецъ, отдѣляется воздухъ, соединившійся съ нимъ прежде при томъ накаливаннѣ, когда свинецъ пре-вращался въ глетъ.

«Это открытіе кажется мнѣ однимъ изъ самыхъ интересныхъ, какое только было сдѣлано послѣ Сталя; сообщая о немъ академіи, я желаю оставить его тайнѣ до-тѣхъ-поръ, пока не объявлю о своихъ опытахъ.»

Съ-тѣхъ-поръ Лавуазье почти не упоминалъ о флогистонѣ. Только въ 1776 году, въ одномъ изъ своихъ мемуаровъ, говоритъ какъ-бы мимоходомъ, что при химическихъ объясне-

ннхъ можно обойтись и безъ этого начала.

Наконецъ, уже послѣ десятилѣтнихъ изслѣдованій, когда собственныя его мысли совърѣли и превратились въ твердыя убѣжденія, онъ написалъ свои знаменитыя размышленія о флогистонѣ, въ которыхъ излагаетъ собственные опыты, нападаетъ открыто на ученіе Сталя и безпощадной логикой отвергаетъ его навсегда.

Впрочемъ, какъ ни важно уничтоженіе флогистической теоріи, но, чтобы понять значеніе Лавуазье въ исторіи химіи, необходимо узнать то, чѣмъ замѣнилъ онъ эту теорію и какинъ путемъ дошелъ до того взгляда, который сохранился до-сихъ-поръ почти неизмѣненнымъ... Слѣдя за его изслѣдованіями, мы видимъ, что введенное имъ знаніе безспорно принадлежитъ къ числу тѣхъ, которыя создаются только гениями.

Первый камень, разрушившій теорію Сталя, легъ въ основаніе новаго зданія. Въ 1772 году, Лавуазье, какъ мы сказали, открылъ, что *въсь* тѣлъ при горѣннѣ увеличивается. Въ 1774 году онъ удостоверился, что при всякомъ горѣннѣ, съ горючимъ тѣломъ соединяется изъ воздуха эластическая жидкость, которую онъ называлъ *жизненнымъ воздухомъ*, потому что она одна способна поддерживать дыханіе животныхъ. Почти въ то же время, въ Лондонѣ, Пристли открылъ кислородъ, и въ этомъ отношеніи ему обыкновенно отдается первенство; но каждому-тѣмъ, какъ для англійскаго химика это изобрѣтеніе не привело почти никакого результата, Лавуазье съ помощію его обогатилъ науку огромнымъ рядомъ самыхъ блистательныхъ открытій. Онъ нашелъ, что этотъ жизненный воздухъ, заключающійся въ атмосферѣ, не только возбуждаетъ и поддерживаетъ всѣ отправления органическихъ существъ, но еще играетъ почти такую же важную роль въ тѣлахъ не-органическихъ и въ прострѣнности человѣческихъ обществъ. Кислородъ сталъ на первомъ мѣстѣ

всей системы Лавуазье, такъ-что современники подозревали, не преувеличиваетъ ли онъ его важность, и шутя говорили другъ другу:

«Любите вы кислородъ? онъ идетъ во все.»

Но Лавуазье не ошибался, и скоро, исследовавъ кислородъ въ безчисленныхъ его соединеніяхъ, объяснивъ главные признаки его дѣйствія и самыя неумовимыя проявленія, доказавъ справедливость своихъ предположеній.

Въ 1776 г., онъ замѣтилъ, что фосфоръ и сѣра горятъ въ воздухѣ именно потому, что соединяются съ кислородомъ, и что образующіяся при этомъ кислоты происходятъ отъ непосредственнаго соединенія кислорода съ сгорѣвшимъ тѣломъ. Изучая составъ селитры, онъ нашелъ, что заключающаяся въ этой соли кислота происходитъ также отъ кислорода.

Скоро потомъ, основываясь на этихъ открытіяхъ, Лавуазье произвелъ тотъ гениальный анализъ атмосфернаго воздуха, который до-сихъ-поръ остается образцовымъ. Извѣстно, что воздухъ состоитъ (за исключеніемъ весьма-малаго количества углекислоты) изъ двухъ газовъ: кислорода и азота. Нагрѣвая въ-теченіе восьми дней ртуть въ извѣстномъ объемѣ воздуха, онъ успѣлъ извлечь изъ него весь кислородъ, и такимъ-образомъ въ остаткѣ получилъ извѣстное количество азота. Но Лавуазье не удовлетворился этимъ опытомъ. Сильно нагрѣвая полученный отъ соединенія ртути и кислорода красный порошокъ, онъ снова освободилъ весь поглощенный кислородъ и, соединивъ его съ изолированнымъ азотомъ, получилъ прежнее количество воздуха со всѣми его атмосферными свойствами. Очевидная несомнѣнность и простота этого опыта сдѣлали его предметомъ общихъ толковъ и заставили всѣхъ обратить вниманіе на Лавуазье, о которомъ до-тѣхъ-поръ едва знали въ академіи наукъ.

Исследовавъ составъ воздуха, Лавуазье обратился къ явленіямъ физиологическимъ. Конечно, нужна боль-

шая снѣлость ума, чтобы при младенческомъ состояніи науки приступить къ такому сложному вопросу. Но гениальный человекъ и здѣсь дошелъ до результата, который до-сихъ-поръ остается неприкосновеннымъ. — Замѣтивъ, что въ процессѣ дыханія поглощается кислородъ и образуется углекислота, онъ призналъ, что процессъ этотъ — не что иное, какъ настоящее горѣніе, т. е. превращеніе кровяныхъ матеріаловъ въ углекислоту; а какъ при каждомъ горѣніи отдѣляется теплота, то, разрѣшивъ первый вопросъ, Лавуазье объяснилъ и причину животной теплоты. Конечно, мы уже не такъ просто понимаемъ этотъ фактъ, но в самъ Лавуазье видѣлъ недостаточность своего объясненія и, за нѣсколько времени до своей смерти, намѣревался исправить свою теорію, не смотря на то, что современная химія вѣрила ей слѣпо и вѣрила съ увлеченіемъ, котораго не возбуждали ни предшествовавшія, ни послѣдующія теоріи.

Возвратившись въ не-органической химіи, Лавуазье исследовалъ во всѣхъ подробностяхъ явленія горѣнія, объяснилъ разложеніе металловъ въ кислотахъ, раскрылъ причину внезапныхъ взрывовъ въ желѣзныхъ рудникахъ, далъ правильное значеніе въ своей теоріи всѣмъ случайнымъ открытіямъ алхимиковъ и замѣчавіямъ послѣдователей флогистической теоріи. Очевидно, рѣдко проникательность Лавуазье бывала обманута; онъ, безъ сомнѣнія, одинъ изъ тѣхъ основателей ученыхъ доктринъ, которые всего больше берегутся заблужденій въ подробностяхъ—этого почти-невольнаго увлеченія при систематическомъ развитіи идеи. Чтобы сквозь всю путаницу случайныхъ явленій, сопровождающихъ химическій процессъ, высмотрѣть его основной фактъ, — на это у Лавуазье была такая вѣрность, такая тонкость взгляда, которой невольно изумляешься, читая труды его. Въ этомъ чудномъ инстинктѣ, которымъ бываютъ одарены великіе химики, въ этомъ не-

ностимионъ тактѣ, который съ разу даетъ угадывать чувствительную и доступную сторону задачи, нѣкоторые изъ позднѣйшихъ ученыхъ сравнили съ Лавуазье, но ни одинъ не превзошелъ его. Не разъ случалось, что всѣ самые искусные, самые проныцательные современники, измучившись надъ какииъ-нибудь колючимъ вопросомъ, отступятся отъ него, — какъ вдругъ Лавуазье, какъ-бы шута, подниметъ его снова и броситъ рѣшенье свѣтлое и неожиданное. Исторія его опытовъ надъ природою алмаза представляетъ такой рѣдкій примѣръ тонкаго анализа, такъ рѣзко обнаруживаетъ его огромное преимущество надъ всѣми современниками, что невозможно не привести здѣсь нѣкоторыхъ существенныхъ обстоятельствъ этой исторіи.

Искони вѣковъ мысль о совершенствѣ льнетъ къ тому, что рѣдко и дорого, и алмазъ постоянно пользовался особенною знаменитостью, какъ единственный капиталъ, который можетъ сохраняться, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ. Когда поискъ за философскимъ камнемъ и самодѣльнымъ золотомъ потеряли прежнюю привлекательность, алмазъ своими особенностями привлекъ къ себѣ вниманіе ученыхъ. Но то, что называется обыкновенно *обстоятельствами и средствами*, а переводится деньгами, представляло важныя затрудненія для *дрюционнаго* опыта, и въ началѣ ими занимались только владѣтельные особы. Первый, кому мы обязаны химическими изслѣдованіями алмаза, былъ великій герцогъ тосканскій Козма III Медичи. По его повелѣнію, въ 1695 году, члены древней академіи *del cimento*, Аверьяни и Тарджіани, подвергали алмазъ и другіе драгоценныя камни дѣйствию солнечныхъ лучей посредствомъ сильныхъ зажигательныхъ стеколъ. При этихъ опытахъ оказалось, что алмазъ въ теченіе получаса исчезалъ совершенно, не оставляя даже слѣдовъ, между-тѣмъ, какъ другіе камни оставались цѣлы и

только дѣлались вѣскольно-мягче и измѣняли цвѣтъ.

Такимъ-образомъ оправдалось предсказаніе Ньютона, который, единственно по сильной преломляемости лучей въ алмазѣ, считалъ его тѣломъ горючимъ.

Послѣ того, алмазы исчезали въ лабораторіяхъ въ безчисленномъ множествѣ. Иногда обрекали ихъ на вѣрную гибель вдругъ по двадцати, и послѣ опыта не оказывалось даже и слѣдовъ ихъ. Но, не смотря на эти роскошные аргументы, фактъ стареюности алмазовъ такъ противорѣчилъ свойствамъ прочихъ драгоценныхъ камней, что ему вѣрили только тѣ, которые удавалось быть очевидцами разрушительнаго опыта—и то не всегда. Ученымъ умбались манѣи принцевъ и перестали считать это открытіе предвзвѣдкомъ только тогда, когда услышали подтвержденіе его отъ своихъ знаменитыхъ собратьевъ, Дарсе и графа Лорангэ. Въ 1771 году, одинъ любитель привезъ Макеру, прекрасный, рѣдкой грани и чистоты брильянтъ и просилъ его подвергнуть эту драгоценность спорному опыту. Макеръ принялъ предложеніе съ радостью и пригласилъ на этотъ химическій праздникъ друзей своихъ и знакомыхъ обоого пола. Произвели опытъ, но окончаніи котораго Макеръ, даже съ помощію микроскопа, не открылъ и слѣдовъ блестящаго камня. Италъ, ученые убѣдились Оставалось убѣдять брильянтчиковъ и золотыхъ-дѣла-мастеровъ, которые, въ свою очередь, утверждали, что они сами перѣло кладутъ алмазы въ сильный жаръ, и никогда не терѣли отъ того убытка: камень, напротивъ, всегда дѣлался чище и лучше. Перваго удачнаго опыта, произведеннаго Макеромъ по просьбѣ такого ремесленника, было недостачно. Явился другой брильянтчикъ, Мальяръ. Положивъ три алмаза въ курительную глиняную трубку, наполненную угольнымъ порошкомъ, Мальяръ передалъ трубку Макеру, который съ усмѣшкой положилъ ее въ горнъ и когда, по окончаніи опыта,

звизнитъ драгоценностей началъ искать ихъ въ развалинахъ трубки, учелъ съ самодовольнымъ видомъ предлагая ему искать лучше въ трубѣ — сажѣ, а не въ пеплѣ. Но, увы! мужество химии было непродолжительно. Черезъ полчаса, когда все гладилось, изъ уплывшей головки трубки — выкатились три по прежнему блестяшіе алмаза... Тотъ же день, повторенный Мальеромъ въ другой разъ, имѣлъ тотъ же результатъ. Въ свою очередь смутились и чины. Вопросъ дѣлался сложнымъ требовалъ принципиальности. Тутъ — кристалъ къ дѣлу Лавуазье. Онъ началъ съ первыхъ опытовъ посредствомъ важитательныхъ стеколъ и убѣдился, что алмазъ не улетучивается, и горитъ только въ воздухѣ, а въ газѣ, способномъ поддерживать горѣнія, остается невреднымъ. Наконецъ, онъ доказалъ, что алмазъ, старая, ставшая по себѣ газъ и именно газъ углеродный началомъ; а отсюда вывелъ заключеніе, что алмазъ имѣетъольшую акалонию съ углемъ. Конечно, въ противность нашему убѣжденію о совершенномъ сходствѣ этихъ двухъ веществъ, онъ прибавлялъ, что аналогію между ними не надо распространять слишкомъ далеко; но это только оказывало его осторожность въ выводахъ и еще болѣе убѣждаетъ въ томъ, что этотъ человекъ далеко превосходитъ своихъ современниковъ, изъ которыхъ никто почти не соглашался признать вѣтой аналогіи.

Но возвратимся къ открытіямъ Лавуазье.

Наслѣдовавъ составъ кислотъ и опредѣливъ, что всѣ онѣ происходятъ отъ кислорода, Лавуазье занялся разложеніемъ воды, повторилъ опыты Кавендиша и нашелъ, что въ этой жидкости двѣнадцать частей (по объему) кислорода соединяются съ двадцатью частями водорода. Точнѣйшаго опредѣленія въ то время, когда едва только перестала считать воду простымъ тѣломъ, нельзя было сдѣлать. Наконецъ, кто бы могъ думать, что ме-

тодъ нынѣшняго органическаго анализа есть методъ Лавуазье! что вопросъ о броженіи остается до-сихъ-поръ почти въ томъ же положеніи, въ какомъ оставилъ его Лавуазье!

И послѣ всего этого — рѣдкое явленіе въ ученomъ мѣрѣ — великій человекъ не презиралъ своихъ предшественниковъ! Вотъ какъ отзывался онъ о системѣ Стала въ своихъ «Размышленіяхъ о флогистонѣ»:

«Но если все объясняется въ химіи удовлетворительно безъ помощи флогистона, то весьма-вѣроятно, что это начало не существуетъ, что это вещество вымышленное — простое предположеніе: потому-что здравая логика не требуетъ того, что ни для чего не нужно. Можетъ-быть, я могъ бы удовлетвориться этими отрицательными доводами, доказать только, что химическія явленія понятнѣе безъ флогистона, нежели съ флогистономъ; но пора уже объясниться опредѣлительнѣе и точнѣе о заблужденіи, которое опасно для химіи и сильно останавливаетъ ея успѣхи».

Потомъ слѣдуетъ исчисленіе открытій Стала и всего, что получила наука отъ патриарха химіи.

Но Лавуазье имѣлъ дѣло не съ одними идеями Стала: онъ разбираетъ предположенія всѣхъ его послѣдователей и отвергаетъ флогистонъ во всѣхъ видахъ и значеніяхъ съ такою неотражимомъ меткостью и логической строгостью доводовъ, которой трудно найдти прѣдшры въ исторіи ученыхъ раздоровъ.

Такъ писалъ Лавуазье въ 1783 году, и черезъ нѣсколько лѣтъ потомъ исчезли послѣдніе слѣды флогистики, и на развалинахъ ея явилась во всемъ блескѣ система французскаго реформатора, названная пневматическою, потому-что основывалась на изслѣдованіяхъ газовъ. И этой скорой побѣдой обязанъ Лавуазье не слабости сопротивленія, а силѣ собственнаго оружія. Противниковъ у него было много, и защищались они упорно, потому-что флогистическая теорія, по своей простотѣ и на-

глядности доводовъ, въ-теченіе шестнадцати лѣтъ успѣла пустить глубокіе корни въ самыхъ замѣчательныхъ умахъ того времени. Сначала почти не хотѣли и слушать Лавуазьѣ. Въ Англіи и Германіи слушали его какъ-бы изъ милости; во Франціи соглашались съ нимъ одинъ Лапласъ. И вотъ какъ писалъ о немъ Маперъ въ 1778 году:

«Г. Лавуазьѣ давно уже пугаетъ насъ какимъ-то великимъ открытіемъ, которое держитъ *in petto*, и которое должно, по его словамъ, ни болѣе, ни менѣе, какъ опрокинуть всю флогистическую теорію. Слушая, съ какою увѣренностью онъ говоритъ это, я умиралъ отъ страха. И куда бы дѣвались мы съ нашей старой химіей, если бы пришлось строить зданіе снова? Что касается до меня, я отказываюсь. Къ счастью, въ послѣднее публичное заведеніе академіи, г. Лавуазьѣ объяснилъ намъ свое открытіе, и съ-тѣхъ-поръ у меня на желудкѣ стало гораздо-легче.

«По его мнѣнію, въ горючихъ тѣлахъ нѣтъ собственнаго огненного вещества, а при всякомъ горѣніи только разлагается воздухъ. Судите, было ли отъ-чего такъ пугаться!»

Но многочисленность открытій Лавуазьѣ, ясность его опытовъ, точность исследованийъ, мало-по-малу открыли глаза химикамъ. Съ нимъ начали заводить рѣчь безъ презрительной улыбки, а прислушавшись, увлекались невольно. Бертоле, самый отчаянный защитникъ флогистона, который болѣе десяти лѣтъ боролся съ новыми теоріями, въ 1785 г., первый, торжественно, при полномъ собраніи академіи, отрекся отъ ученія Сталя и перешелъ на сторону Лавуазьѣ. Его примѣру послѣдовали Лапласъ, Монжъ, Ковдорсѣ, Куломбъ и Діонисъ. Фуркруа, ограничившійся при первомъ изданіи своей «Химіи историческимъ изложеніемъ обѣихъ противныхъ теорій, чрезъ нѣсколько времени и въ книгѣ своей и на лекціяхъ началъ распространять идеи Лавуазьѣ. Вліаніе его слова сильно ускорило популярность новой системы. Въ 1789 году, пневматическая

теорія сдѣлалась всеобщей въ ученномъ мірѣ — примѣръ единственный, можетъ-быть, въ лѣтоисчислѣхъ преобразованій: Лавуазьѣ не только создалъ новую науку, но видѣлъ и торжестви своего созданія...

Итакъ, флогистона нѣтъ; всѣ мнѣнія въ тѣлахъ происходить единственно отъ комбинаціи ихъ состава, но законамъ химическаго сродства; и нѣтъ матеріи никогда не комбинируется, потому-что она по природѣ своей тѣна, и, имѣя форму и мѣсто, и уменьшиться ни увеличиться не можетъ. Всѣ тѣла состоятъ изъ простыхъ элементовъ, которые не подлежатъ анализу. Элементы греческии философовъ, какъ и элементы Сталя, не суть начала простые. Существенныя части воздуха — кислородъ и азотъ; вода образуется изъ водорода и кислорода; составъ земли еще сложенъ; огонь — только особое состояніе матеріи. Металлы, водородъ, азотъ, кислородъ — тѣла простые. Самую важную роль въ природѣ играетъ кислородъ — основная причина всякаго горѣнія и окисленія. Онъ соединяется съ раскаленными металлами и увеличиваетъ ихъ вѣсъ; онъ образуетъ существенную часть земной оболочки, воздуха, воды, животныхъ и растений... Химическое явленіе дыханія состоитъ въ простомъ горѣніи крови посредствомъ содержащагося въ воздухѣ кислорода; животная теплота — слѣствіе этого горѣнія. Металлическія земли — не что иное, какъ окисленные металлы. При каждомъ соединеніи, количество соединяющихся веществъ неизмѣнно. Но эти соединенія, по различію составныхъ частей, разнообразны до безконечности.

Въ такомъ состояніи вышла химія изъ рукъ Лавуазьѣ. Все лишнее, связанное на нее за недостаткомъ положительныхъ фактовъ, для припрятанія необъяснимаго, котораго таятъ не терпятъ человѣческой глазъ, — все это исчезло какъ-бы по магованію великаго челоука. Ни одна мистическая идея ни одинъ метафизическій узелъ не нѣ-

шли ей идти тѣмъ правильнымъ путемъ, по которому она идетъ теперь, безъ гениальныхъ двигателей, вслѣдъ за старшими сестрами своими, математикой, астрономіей и физикой.

Но мы исчислили еще не всѣ заслуги Лавуазье, и не упомянули подвига важнаго, именно: химія была заграждена смѣшными, таинственно-сбивчивыми терминами алхимиковъ, и эти ключіе шипы, если и не препятствовали развитію истинъ, то тѣмъ не менѣе задерживали, замедляли это развитіе. Слѣдовало создать новую химическую номенклатуру, и Лавуазье, съ помощію Фуриура, Гитона де-Морво и Бертолле, создалъ ее, и до-сихъ-поръ мы пользуемся въ ней немногимъ.

Что жь это за человекъ? откуда онъ? какъ образовалась такая личность и какъ именно проявлялась она въ тѣсныхъ предѣлахъ науки?.. Вотъ, что мы знаемъ о Лавуазье, кромѣ его многочисленныхъ академическихъ медалей.

Онъ родился въ Парижѣ, въ 1743 году, при весьма-счастливой обстановкѣ. Отецъ его, человекъ здравомыслящій и просвѣщенный, скоро замѣтилъ въ сынѣ блестящія способности и употребилъ всѣ средства, чтобъ содѣйствовать ихъ развитію. По выходѣ изъ Мазаринской Коллеги, гдѣ онъ оказалъ замѣчательные успѣхи, молодой Лавуазье принялся вдругъ за всѣ точныя науки. Бернаръ-Жюссѣ былъ его наставникомъ въ ботаникѣ, аббатъ Ланаль—въ математикѣ и астрономіи. Извѣстный ревнитель науки, Геттаръ, составившій первую геологическую карту Франціи, поселилъ въ немъ страсть къ географическимъ путешествіямъ. Лавуазье со всѣмъ жаромъ молодости предался геологіи, которая, по своей новосте, представлялась ему необоримой ареной для ученыхъ изслѣдованій. Наконецъ, въ лабораторіи Руэля онъ сдѣлалъ первые химическіе опыты.

Отецъ Лавуазье, составившій себѣ значительное состояніе торговлею, предоставилъ сыну полную свободу въ

избраніи рода занятій и, не ограничивая его дѣятельности определенною карьерой, не иѣшалъ ему употреблять время на ученые занятія, которыми Лавуазье не замедлилъ посвятить себя всего съ рѣдкою въ его лѣта исключительностью. Положеніе его семейства въ обществѣ обявляло его поддерживать отношенія, которыя отнимали у него время, и онъ совершенно отказался отъ этихъ отношеній. Усиленные занятія начали вредно дѣйствовать на его здоровье и онъ пріучилъ себя питаться только молочною пищею, а занятій своихъ не сократилъ.

Но, предавшись наукѣ со всѣмъ жаромъ юшескаго возраста, Лавуазье еще не избралъ определеннаго направленія, и такъ-какъ успѣвалъ почти во всемъ, то этотъ выборъ для него былъ крайне-труденъ. Такъ съ Геттаромъ онъ сдѣлалъ нѣсколько минералогическихъ путешествій, которыя возбуждали въ немъ новыя мысли насчетъ строенія земнаго шара; а между-тѣмъ, написалъ о нивомъ превращеніи воды въ землю и о составѣ известковаго камня, и въ то же время занимался предложеннымъ академіею наукъ вопросомъ о новомъ способѣ общественнаго освѣщенія.

Лавуазье было тогда двадцать-одинъ годъ. Начавъ свои изслѣдованія надъ освѣщеніемъ, онъ замѣтилъ, что зрѣніе его не довольно чувствительно, не довольно изощрено для сравненія различнаго напряженія пламени. Не задумываясь, онъ велѣлъ выкрасить стѣны своей комнаты черной краской и просидѣлъ въ ней, въ совершенномъ мракѣ, полтора мѣсяца. Такое самоотверженіе не осталось безплоднымъ, и чрезъ шесть недѣль онъ уже могъ различать самыя неуловимыя для простаго глаза степени освѣщенія. Академія присудила ему награду, но раздѣлила ее двумъ его конкурентамъ, которые потратились на опыты выше своихъ средствъ.

Наконецъ, Лавуазье замѣтилъ въ себѣ особенное пристрастіе къ химическимъ изслѣдованіямъ, и съ-тѣхъ-поръ главный вопросъ его жизни былъ рѣ-

шенъ навсегда: онъ принадлежалъ химіи. Успѣхъ первыхъ занятій его на этомъ поприщѣ уничтожилъ послѣднія сомнѣнія. Совѣты наставника его, Руэля, конечно, нѣсли въ этомъ случаѣ свою цѣну: его преподаваніе и увлекательное краснорѣчіе его публичныхъ лекцій должны были сильно дѣйствовать на умъ Лавуазьѣ.

Какъ бы то ни было, но Лавуазьѣ предлежало химическимъ изслѣдованіямъ, и послѣдствіемъ оправдали его выборъ.

Мы уже видѣли, какъ Лавуазьѣ, почти въ самомъ началѣ своего поприща, попалъ на основной фактъ, который долженъ былъ разрушить флогистическую теорію, и какъ онъ однимъ взглядомъ обвѣялъ то поприще, на которое вытупилъ его гений. Можно сказать, что въ эту минуту вся его будущность раскрылась у него передъ глазами, — будущность, полная борьбы, пожертвованій и испытаній всякаго рода, но блестящая надеждой и вѣчной славой.

Понимая, что состоянія его будутъ недостаточны для предстоявшихъ многочисленныхъ изслѣдованій, онъ началъ искать службы и получилъ мѣсто *генеральнаго фермера* (*fermier général*), потомъ женился на дочери генеральнаго фермера и такимъ образомъ составилъ себѣ состояніе въ 80,000 ливровъ годового дохода.

У него собирались, по воскресеньямъ, всѣ парижскія знаменитости ученаго міра. Кондорсѣ, Лагранжъ, Мовжъ, Бальмъ, Бертоле, Мёнвѣ, Лапласъ, Ласепедъ, Фуриера и всѣ иностранные ученые, пріѣзжавшіе въ Парижъ, участвовали въ этихъ знаменитыхъ собраніяхъ, гдѣ обсуживались всѣ новыя открытія и тутъ же повторялись на опытъ въ лабораторіи. Лавуазьѣ председательствовалъ въ этихъ любопытныхъ собраніяхъ и часто рѣшалъ какой-нибудь споръ глубоко-обдуманымъ мнѣніемъ, которое увлекало за собой всѣ противныя стороны. Послѣ каждаго засѣданія академіи, онъ нѣмѣлъ обыкновеніе также спорить о предметахъ, обсуживавшихся въ этомъ засѣданіи съ первыми

того времени математиками и химиками. Такъ шелъ онъ, съ глубокой предусмотрительностью, не пренебрегая никакимъ средствомъ, могущимъ скорѣе подвинуть его къ видной цѣли, обнявшей всю его жизнь.

Съ этого времени начинается тотъ изумительный періодъ, который хотя продолжался не болѣе пятнадцати лѣтъ, но въ который Лавуазьѣ успѣлъ доказать рѣшительно безприщирную плодovitость ума и ревность къ наукѣ. Онъ написалъ до шестидесяти химическихъ и физическихъ мемуаровъ, такъ что въ 1782 г. въ академіи весьма основательно говорили: «въ этотъ годъ г. Лавуазьѣ написалъ столько мемуаровъ, что нѣтъ возможности напечатать ихъ всѣ».

Мы уже знаемъ, что приобрѣла наука отъ его пятнадцатилѣтнихъ занятій.

Если вспомнить длинный рядъ его открытій, то трудно представить себѣ, какъ успѣвалъ Лавуазьѣ рядомъ съ учеными выводами вести огромное счетоводство по званію генеральнаго фермера. Но онъ такъ располагалъ свое время, что служебныя занятія его никогда не страдали отъ химическихъ опытовъ и процессовъ. Каждое утро и вечеръ онъ работалъ по нѣскольکو часовъ въ лабораторіи; а прочее время оставалось для службы.

Въ первое время поступленія его въ генеральные фермеры, на него смотрѣли съ явнымъ неудовольствіемъ. Лавуазьѣ былъ такъ ученъ, что не могъ не показаться школьникомъ въ кругу чиновниковъ. Но пора первой недовѣрчивости скоро миновала: онъ сдѣлался самымъ дѣятельнымъ членомъ комитетовъ и самымъ труднымъ порученіемъ постоянно возлагались на него.

Въ лѣтахъ административныхъ, или Лавуазьѣ осталось на все, что сдѣлано великаго и полезнаго въ эту эпоху; въ рядкомъ изъ важныхъ преобразованій относительно общественного порядка не участвовалъ онъ своими познаніями или совѣтами.

Онъ не могъ удовлетвориться тѣмъ взглядомъ обыкновенныхъ генеральныхъ фермеровъ: онъ зналъ, какъ асто казенныя операціи вредятъ одному богатству и потому, одинъ изъ первыхъ, требовалъ уменьшенія одапей. Не разъ содѣйствовалъ онъ уничтоженію налоговъ, тягостныхъ для народа и неприносившихъ значительной выгоды государству.

Въ 1776 году, министръ Тюрго, желая поощрить производство пороха и обыкновеня селитры, учредилъ комиссію о порохѣ и селитрѣ, и управленіе о поручилъ Лавуазьё. Его химическія изслѣдованія и на этомъ пути приели къ самымъ благодѣтельнымъ результатамъ.

Извѣстно, что на влажныхъ стѣнахъ огребовъ и подваловъ, съ теченіемъ времени, образуется довольно-толстый слой селитрянистаго вещества. Тогда ще не знали другихъ источниковъ обыкновеня селитры, и для этой цѣли въ погребяхъ частныхъ лицъ правильное производило періодическіе выски. Лавуазьё положилъ конецъ этимъ неприятнымъ для владѣльцевъ омовъ посѣщеніямъ, доказавъ, что селитра образуется также въ большомъ оличествѣ на разныхъ смазкахъ, на стѣнахъ старыхъ здавій и во всѣхъ аазалинахъ. Съ-тѣхъ-поръ, этотъ новый источникъ удовлетворялъ всѣмъ требованіямъ, и наставленіе, которое оставилъ Лавуазьё для добыванія селитры, служить руководствомъ на колезскихъ селитряныхъ заводахъ. Онъ также ввелъ счастливыя измѣненія въ фабрикаціи самаго пороха, и пуи. говорить, летаютъ съ-тѣхъ-поръ альше на четверть прежняго расстоянія.

Въ-послѣдствіи, когда возрасла потребность на порохъ и пропорціонально съ нею увеличилось потребленіе селитры по способу Лавуазьё, каждый могъ добывать эту соль у себя дома. Въ извѣстный день домовладѣльцы съ оржествомъ приносили на алтарь отечества соль мицкиа, соль освобожденія...

Лавуазьё былъ членомъ орлеанскаго провинціального собранія, служилъ при парижской счетной кассѣ и наконецъ, какъ экстраординарный депутатъ Конституціоннаго Собранія, участвовалъ въ комиссіи народной кассы.

Въ званіи члена этой комиссіи, онъ написалъ малоизвѣстное теперь сочиненіе, которое оварило финансовое состояніе Франціи ярнимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ. Это сочиненіе называется «Rapport sur l'état des finances au 1 janvier 1792, par un député suppléant de l'assemblée constituante».

Въ 1791 г., онъ обнаружилъ въ-которые изъ своихъ взглядовъ на политическую экономію, явлавъ расужденіе о территоріальномъ богатствѣ Франціи: это расужденіе, которое Конституціонное Собраніе положило напечатать на общественный счетъ. Этотъ небольшой очеркъ истинный образецъ той ясности и точности, какія нужны при изслѣдованіи общественнаго хозяйства. Между-тѣмъ, это былъ только эскизъ огромнаго сочиненія, для котораго планъ уже былъ готовъ, матеріалы расоложены, и которое онъ предполагалъ выдать въ-послѣдствіи.

Въ 1792 г., Академія Наукъ назначила его однимъ изъ членовъ комиссіи, занимавшейся установленіемъ постоянной системы вѣсовъ и мѣръ. Онъ принялъ сильное участіе въ начальныхъ изысканіяхъ этой знаменитой комиссіи, потому-что нашелъ тутъ прекрасный случай приложить свой огромный талантъ въ физическихъ опытахъ и еще разъ подвергнуть испытанію точность и вѣрность своего сужденія. Нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ Лавуазьё дожилъ до конца этого прекраснаго ученаго предпріятія, — не допустилъ бы онъ изыскивать легкія средства для распространенія въ народѣ новой системы, совѣтъ-несогласной съ народными привычками, и не допустилъ бы глушить эту систему обезобразившими ее недостатками въ подробностяхъ.

Но не суждено было Лавуазьё долѣе посвящать свою жизнь на пользу отечества.

чества. Событія, долженствовавшія положить такой горькій предѣлъ этой жизни, созрѣли въ то самое время, когда онъ занятъ былъ издавіемъ полнаго собранія своихъ мемуаровъ. Въ-самомъ-дѣлѣ, ученый міръ уже начиналъ повсюду терять воспоминаніе о его ученыхъ твореніяхъ, и его доктрина, извѣстная тогда подъ названіемъ *ученія французскихъ химиковъ* (*doctrine des chimistes français*), казалась смѣшавъ имя изобрѣтателя съ именами послѣдователей его школы, отняла у него личную долю въ собственномъ его твореніи. Несправедливость была велика, и онъ ее чувствовалъ. «Это ученіе», писалъ онъ въ 1793 году: «не есть, какъ поносятъ про него слухи, ученіе французскихъ химиковъ: оно — *мое*; это — единственная собственность, которой я требую отъ современниковъ и потомства». Тогда-то рѣшился онъ, для окончательнаго приведенія въ извѣстность своихъ правъ, издать собраніе трудовъ, которыми такъ терпѣливо создалъ вѣчный памятникъ своему гению. Сочиненіе должно было составить восемь томовъ; но заключеніе его въ тюрьму остановило начатое уже печатаніе, и въ-послѣдствіи былъ отысканъ только второй томъ полный, почти весь первый и четыре листа третьяго. Не знаю, что можетъ быть грустнѣе и трогательнѣе этой прерванной книги, гдѣ мысль остановилась на половинѣ, гдѣ быстро-оторванная фраза замерла въ могильномъ молчаніи. Невозможно раскрыть этихъ торжественныхъ страницъ безъ того, чтобъ не разрывалось сердце отъ скорби. Это завѣщаніе гени; это законное доказательство для Судущихъ поколѣвій, — доказательство благотворнаго существованія, такъ рано похищеннаго у дѣвятилѣтнихъ успѣховъ науки.

Какъ пробѣжишь мысленно простые періоды этой жизни, такой непорочной и плодотворной, и вдругъ очутишься передъ страшной развязкой, готовой совершиться (потому-что какъ ни отступай, какъ ни медли, — а все придетъ къ ней), — остановишься, объятый

непреодолимою грустью. Еслибъ можно было остановиться, совсѣмъ остался тутъ, подъ живыми впечатлѣніемъ богатой картины его славы, и закрылъ глаза при приближеніи печальнаго зрѣлища! Потому-что въ этомъ возмутительномъ концѣ есть еще что-то, кромѣ сожалѣнія, естественнаго при воспоминаніи о такой смерти такого человека: есть тутъ горькая, нестерпимая мысль, которой нельзя коснуться безъ тревоги, безъ внутренняго возмущенія. Слишкомъ-хорошо понимаешь огромность потери, такъ-что не можешь встрѣтить безъ ропота такое жестокое оскорбленіе, нанесенное будущности человечества. Но когда придется къ говорить упрекъ — ужаснешься и отступитъ: по склоню этого труднаго пути мысль летитъ быстро и... какъ-разъ можетъ оказаться дерзкою или неблагодарною. Смерть Лавуазьѣ для цѣлой толпы писателей послужила предлогомъ къ безконечнымъ нападкамъ на основныя начала и самыя событія до-стопамятной катастрофы (*); но стороны вынѣшняго человека, раздѣлять безсознательно эти нападки — было бы знакомъ неблагодарности. Превидѣ печальныхъ проявленій общественной разладицы, нечего болѣе дѣлать, какъ только склонить голову и молча скорбѣть о несовершенствѣ средствъ, доставшихся на долю человечеству, которыя не позволяютъ ему подняться для глубокаго преобразования, не подвергнувшись на пути припадку какой-то неизбѣжной судороги. Если ужъ такова судьба человечества, — покорнися непреодолимоу закону...

(*) Вотъ, на-примѣръ, какъ г. Сегюръ оканчиваетъ свой *диокрамбъ*: «Sa mort, comme sa vie éclairait l'univers, déchira le voile funeste que les passions étendaient sur les esprits aveuglés, et souleva toute l'Europe savante indignée contre les Vandales qui voulaient le noyer dans le sang de tous les hommes vertueux et la replonger dans la barbarie.»

Но какъ же все это сдѣлалось? Увы! самымъ простымъ образомъ, какъ продолжаютъ всѣ современные драмы.

Въ сдѣлствіе постановленія 27 сентября 1793 года объ наслѣдованіи злоупотребленій по финансовому управленію, 2 мая 1794 года депутатъ Антуанъ Дюпенъ представилъ въ Конвентъ внесеніе на генеральныхъ фермеровъ оныя были воспитанъ изъ состраданія въ домѣ генеральнаго фермера льца, тестя Лавуазье, и потомъ записанъ на службу въ конторѣ главнаго купца. Введенный народною любовью въ Конвентъ, онъ оклеветалъ своихъ агонистовъ (*). Предлагаемъ извлеченіе изъ обвинительнаго акта:

«Обличенные въ составленіи заговора или въ участіи въ заговорѣ противъ французскаго народа, съ цѣлью содѣйствовать успѣху враговъ Франціи, именно производа всякаго рода ликонистства и притѣсненія французскому народу, поддѣшная въ табакъ воду и снадобья, вредныя для здоровья употребившихъ его гражданъ; взимаемая 6 и 10 процентовъ вмѣсто опредѣленныхъ закономъ 4-хъ; удерживаемая въ своихъ рукахъ вырученные чрезъ продажу фонды, которые слѣдовало обращать въ казну, грабя наюль и народную казну, чтобъ лишить отечество огромныхъ суммъ, необходимыхъ для его войнъ противъ враговъ и снабдить ими сихъ послѣднихъ...»

Конечно, генеральные фермеры могли пользоваться безпорядками тогдашней финансовой администраціи; но, конечно, они не обязаны были отче-

томъ новому управленію въ этихъ безпорядкахъ. Что касается до поддѣшиванія въ табакъ воды съ цѣлью увеличить въсь его, то упрекъ этотъ былъ основателенъ, и Лавуазье не разъ обращался съ нимъ къ своимъ корыстолюбивымъ сослуживцамъ и даже доносилъ объ этомъ злоупотребленіи министру финансовъ.

По прочтеніи рапорта Дюпена, противу генеральныхъ фермеровъ загремѣлъ Колло д'Эрбуа, и, безъ дальнихъ сирасокъ, доносъ былъ превращенъ въ обвинительный актъ, а двадцать-восемь откущниковъ отданы на судъ Революціоннаго Трибунала. Имена Польца и Лавуазье стояли во главѣ списка.

Лавуазье шелъ на службу, когда испуганные друзья его объявили ему о предстоявшей опасности. Чтoby избѣгнуть ареста, ему совѣтовали не возвращаться домой, и онъ долго, не рѣшаясь просить опасной услуги, ходилъ одинъ по улицамъ; наконецъ, вечеромъ, случайно встрѣтился съ швейцаромъ академіи наукъ, который провезъ его въ Лувръ, гдѣ тогда были зазданія академіи, и скрылъ въ отдаленной комнатѣ. Лавуазье пробылъ въ этомъ убѣжищѣ двое сутокъ; но, узнавъ, что всѣ товарищи его взяты подъ стражу, не хотѣлъ оставлять ихъ въ опасности и, вырвавшись изъ объятій своихъ друзей, самъ отдался некавказшимъ его.

Въ темницѣ, Лавуазье не упалъ духомъ: онъ взялъ на себя ходатайство по общему дѣлу и занялся составленіемъ оправдательнаго рапорта. Надежда не оставала его, потому-что его заранѣе предубѣждали опредѣленной опасности; но онъ пренебрегъ всѣми совѣтами и продолжалъ говорить Кювье: «приготавливать свои сочиненія въ печати, съ спокойствіемъ и невозмутимостію, достойными героев древности». Впрочемъ онъ не преувеличивалъ этой надежды и думалъ, что лишится только всего состоянія, которое рассчитывалъ поправить, открывъ аптеку. И какъ было, въ-самомъ-дѣлѣ, содѣлаться ему, что слава его имени

(*) Обвинивъ генеральныхъ фермеровъ, Дюпенъ готовилъ доносъ на нихъ сослуживцамъ, но реакція 9 термидора остановила его. Въ-послѣдствіи, онъ самъ былъ близокъ въ утайкѣ части имущества генеральныхъ фермеровъ и въ несправедливости сдѣланнаго на нихъ донесенія и заключенъ въ тюрьму, изъ которой выпущенъ только по брюмерской амнистіи (IV года). Его прозвали слугою Амара, и онъ перъ въ жалкодѣ забвенія.

не спасет его от опасности? У него не было серьезных врагов и Конвент, видявший только в нем генерального фермера, не мог забыть заслуг его предъ государствомъ...

6-го мая Революционный Трибуналъ, подъ председательствомъ д'Обсена, занялся дѣломъ генеральныхъ фермеровъ. Процессъ былъ не долгъ. Лавуазье всталъ защищать своихъ товарищей и о себѣ не сказалъ ни слова. Двадцать-восемь обвиненныхъ были осуждены.

Иные успѣли, подъ разными предлогами, исключить свои имена изъ роковаго списка; но въ пользу Лавуазье осмѣлился возвысить голосъ только одинъ докторъ Галлѣ. Онъ вкратчѣ написалъ рапортъ, въ которомъ напоминалъ объ открытіяхъ Лавуазье. Въ Конвентѣ прочли этотъ рапортъ, но ничто не маѣнилось отъ-того въ развязкѣ этой страшной драмы.

Робкія попытки друзей сдѣлались безплодными. Лавуазье рѣшился самъ просить трибуналъ объ отсрочкѣ, для того, чтобъ окончить тѣ изслѣдованія надъ дыханіемъ и животной теплотой, за которыми застало его обвиненіе. Тогда говорилъ онъ: «я не буду жалѣть о жизни и охотно пожертвую ею моему отечеству...»

Какое отечество могло требовать въ жертву подобной жизни?.. Но трибуналъ отказалъ въ отсрочкѣ, за неостаткомъ, конечно, ходатайства людей смачительныхъ. Черезъ два мѣсяца послѣ этого, реакція 9 термидора положила конецъ неустойчивымъ казнямъ и открыла темницы.

Просьбу объотсрочкѣ всталъ передать трибуналу докторъ Лавуазье, и смуте президентъ Диди далъ хоть всѣмъ завѣстнымъ, къ несчастію, отвѣтъ, который негладится изъ памяти людей развѣ потому только, что рѣдко кто рѣшится повторить его. То была грустная, жестокая неправда.

Говорятъ, будто 7 мая, наканунѣ смерти Лавуазье, къ нему явилось въ тюрму посольство отъ Лицея Искусствъ и вразумило ему вѣрность. Мы

не вѣримъ этой печальной пародіи на послѣднія минуты Сократа. Правительство не допустило бы такой страшной церемоніи, и дѣйствующія лица этой сцены могли бы гораздо-лучше употребить свою смѣлость на убѣжденіи въ защиту обвиненнаго.

Такъ погибъ челоѣкъ, которому современники его должны бы были поставить статую! Лавуазье умеръ на пятидесятомъ году, во всей силѣ таланта, въ то время, когда челоѣчеству могло еще ждть отъ него многого. Этотъ челоѣкъ, съ тонкими, всегда одушевленными, живыми чертами лица, изящными приемами, съ характеромъ мягкимъ и пріятнымъ—возвзоавался своимъ ученымъ персонствомъ удивительно-благородно. Его любовь къ челоѣчеству не знала границъ, не колебалась ни передъ какими жертвами.

Теперь исторію этого знаменитаго челоѣка знаютъ только ученые и нѣкоторые друзья челоѣчества; но тѣмъ нимого, кто бы сохранилъ его великое имя. Два года назадъ, въ больницѣ умеръ одинъ рабочій. По смерти его оказалось, чтооамилія его Лавуазье. Начали разыскивать и узнали, что это былъ родной племянникъ великаго челоѣка. Такъ Лавуазье, генеральный фермеръ, Лавуазье — основатель прекрасной современной науки, погибъ на эшафетѣ, а послѣдній членъ его рода умеръ на больничной постели...

За этимъ печальнымъ эпитаеиоетъ кроется горькая мысль, неосознательная, можетъ-быть, но съ которой невозможно вжеться болѣе-важное чувство. Когда Лавуазье погибъ, его ученая система была окончена, философія удовлетворилась. Не следало вопросовъ еще осталось негрозутыми или неразрѣшенными! А кто скажетъ, что готовилъ намъ его гевімъ?.. Въ 1793 году, говоря о явленіяхъ органической жизни, онъ сказалъ:

«Я возвращаюсь въ-послѣдствіи къ этимъ вопросамъ».

Конечно, безразсудно разивать дальше эту мысль, и въ рѣшительности ее

полезной грусти, оскорблять продолжателем Лавуазье, между которыми много людей достойных; но этот человек столько чудесъ, что трудно положить границы погуществу его гения.

Математикъ Лагранжъ, на другой день, узнавъ о смерти Лавуазье, въ порывъ негодованія и горести сказалъ: «Низъ довольно было одной минуты, чтобъ отрубить эту голову, а во сто... во сто лѣтъ не увидать ни подобной головы».

Прошло полѣтка съ-тѣхъ-поръ, а кто скажетъ, что Лагранжъ ошибался?..

✱

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗО ПИНТО,

описанна имъ-самимъ.

(Peregrinacões de Fernão-Mendez Pinto).

(Переводъ съ стариннаго португальскаго языка.)

(Продолженіе.)

I.

Распространившись такимъ-образомъ съ королемъ, я отправился изъ Аару около солнечнаго заката и шелъ на греблѣ внизъ по теченію, до деревни, находящейся у самаго входа въ рѣку. Деревня эта состояла изъ пятнадцати или двадцати крытыхъ соломою дачугъ, населенныхъ людьми очень-бѣдными; главный промыселъ ихъ состоитъ въ ловлѣ ящерицъ, изъ печени которыхъ они добываютъ ядъ и вантываютъ имъ конья и стрѣлы, отсылаемые для продажи въ Аару. Ядъ этотъ такъ силенъ, что если остріемъ изъ, вантываемъ, сдѣ-

лать хоть парашну, то смерть неминуема.

На слѣдующее утро, мы вошли дальше и держались вдоль берега до вечера, когда обогнули острова Анчешивангъ, у которыхъ получали юговосточный вѣтерокъ, противный, чтобъ направить путь въ открытое море, а потому мы все-таки должны были придерживаться береговъ. Такимъ-образомъ, мы плыли остатокъ дня и часть ночи. Часу въ первомъ во полуночи, на насъ налетѣлъ съ сильнѣйшею грозою одинъ изъ тѣхъ ужасныхъ порывовъ отъ сѣверо-запада, которые въ здѣшнемъ морѣ часто дуютъ съ острова Суматры (*) въ это время года. Въ одинъ мигъ всѣ паруса вырвало, мачта слетѣла, въ трехъ мѣстахъ открылась течь, и насъ залило совершенно, такъ-что ланчара пошла изъ-подъ насъ ко дну; изъ двадцати-восьми человекъ только пятерыхъ, по милосердію Господа, выбросило волнами, израненныхъ, избитыхъ, на мысокъ, который мы незадолго передъ тѣмъ обогнули.

Мы провели остатокъ ночи на камняхъ, горько оплакивая наше несчастное крушеніе. Когда разсвѣло, мы назвали на что рѣшиться, въ которую сторону направиться, ибо земля была вся болотистая и покрыта такимъ непроходимымъ лѣсомъ, что въ него не было возможности проникнуть отъ множества колючекъ и терновника, которыми пространства между деревьями были наполнены. Трое сутокъ промучились мы скорчившись на камняхъ, не зная, что съ нами будетъ и пытаясь только морскими травами, выбрасываемыми къ намъ волнами вѣсть съ пѣною. Наконецъ, мы рѣшились идти:

(*) Порывы эти называются «суматраны» и весьма-опасны. Они спускаются съ высокихъ горъ острова въ Малакскій-Проливъ, сопровождаются великобѣрно-сильными грозами и длятся часовъ по пяти, шести и даже восьми съ ужасною жестокостію.
Дрим. переводъ.

вдоль берега Суматры, почти до пояса въ тинѣ, и къ солнечному закату очутились у небольшой рѣчки, которая была не шире разстоянія полета стрѣлы, но такъ глубока, что мы, усталые и измученные, не рѣшились черезъ нее переправиться. Тутъ мы провели ночь, по горло въ водѣ и терзаемые безпощадно мускитами и слѣпнями, которые налетѣли на насъ изъ лѣса и изъязвили до того, что мы другъ друга узнавать не могли.

Когда разсвѣло, я обратился къ четырѣмъ товарищамъ моего бѣдствія съ вопросомъ, не знаетъ ли кто-нибудь изъ нихъ, чтó это за земля и нѣтъ ли по близости какого-нибудь селенія. Одинъ изъ нихъ, мавръ уже пожилой, женатый въ Малайяѣ, отвѣчалъ мнѣ на это со слезами: «Ближайшее убѣжище, сеньйоръ, которое предстоитъ мнѣ и тебѣ, если Богъ не спасетъ насъ какими-нибудь чудомъ — это горькая смерть. Она у насъ передъ глазами, и намъ остается мало времени, чтобъ приготовить къ ней, а потому надобно торопиться; мы должны призвать съ терпѣнiемъ то, чтó Богъ намъ теперь послалъ, иначе намъ будетъ еще хуже послѣ». Потомъ, объявъ меня съ большимъ чувствомъ, онъ сталъ умолять, чтобъ я сдѣлалъ его христіаниномъ — онъ не надѣялся на то, что Мухаммедъ доставитъ ему послѣ смерти вѣчное блаженство. Произнесъ эту просьбу, онъ испустилъ духъ. Бѣдный старикъ былъ слабѣе всѣхъ насъ, ибо голова его была въ нѣсколькихъ мѣстахъ пробита до мозга и раны гнили отъ недостатка врачебной помощи; да, кромѣ того, ихъ развѣдала соленая вода и въвила мускиты и слѣпни. Мое состояніе было немногимъ лучше: я жестоко страдалъ отъ ушибовъ и ранъ и такъ разслабъ отъ большой потери крови, что со мною дѣлалось безпреставно головокруженіе, и я безпреставно падалъ въ воду.

Мы похоронили бѣднаго старика, какъ могли, въ вязкомъ болотѣ, а сами рѣшились переправиться на другой берегъ рѣчки, чтобъ провести ночь на

высокихъ деревьяхъ; мы надѣялись найти на нихъ убѣжище отъ тигровъ и леопардовъ, которыми весьма эта населена въ большомъ изобиліи, такъ же какъ звѣзми съ кашюшонами и другими змѣями, пестрыми, зелеными и черными, столь ядовитыми, что одно дыханіе ихъ смертоносно. Я былъ такъ слабъ, что не могъ стоять на ногахъ, а потому одинъ изъ моихъ товарищей, негръ, поддерживалъ меня; двое остальныхъ бросились въ рѣку и поплыли, крича намъ, чтобъ мы не боимся и слѣдовали за ними. Не успѣли они доплыть до середины, какъ вдругъ показались двѣ большущія ищерицы (*), которыя схватили ихъ, перекусили въ одинъ мигъ на нѣсколько частей и потащили за собою на дно, а вода сдѣлалась совершенно-красною отъ крови. Зрѣлище это совершенно сразило меня; я не могъ ни закричать, ни пошевелиться, и не помню, чтó со мною сталося.

Въ такомъ положеніи пробылъ я часа три, по словамъ негра, который меня не оставлялъ. Когда я нѣсколько пришелъ въ себя, мы увидѣли, что большая лодка ищетъ входа въ рѣку, а потому мы выбрались изъ воды на камни, стали на колѣни и со слезами и поднятыми къверху руками кричали бывшимъ на ней людямъ, чтобъ они насъ взяли. Тѣ увидѣли насъ и приостановились въ недоумѣніи; потомъ, потолковавъ немного между собой, они какъ-будто успокоились, приблизились нѣсколько къ намъ и спросили, чтó мы за люди. Мы отвѣчали, что мы христіане изъ Малакки, и что, шедши домой изъ Аару, потерпѣли крушеніе и лишились всего, а потому умоляли ихъ ради имени самого Бога взять насъ и увести туда, куда они сами ѣдутъ. Тогда одинъ изъ нихъ, вѣзущійся начальникомъ лодки, сказалъ: «Глядя на васъ, я вижу, что вы не можете заработать того, чтó у насъ съѣдите; а потому, чтобъ вамъ было хо-

(*) Вѣроятно крокодилы.

рошо, отдайте намъ деньги, которыя мы истрѣно гдѣ-нибудь спрятали, и тогда вы сжалитесь надъ вашими слезами; иначе, мы съ вами возиться не имѣемъ. После этого онъ отвернулся, и люди его снова взылись за весла. Мы закричали ему со слезами, чтобъ онъ велъ насъ хоть въ свои невольники и потомъ продалъ кому хочеть; что и Португалецъ и ближайшій родственникъ малаккского губернатора, который заплатитъ за меня выкупъ, какого они потребуютъ. «Хорошо», сказали они, подумавъ немного: «на этомъ условіи мы васъ беремъ; но помните, что если это неправда, то мы забьемъ васъ до смерти и выбросимъ въ море».

Тогда четверо изъ нихъ выскочили на берегъ и втащили насъ въ лодку, ибо сами мы были такъ слабы, что не имѣли силы шевелиться. Лодка отвалила, и бывшіе въ ней надумались, что, можетъ статься, вырвутъ у насъ признаніе, куда мы спрятали свои деньги, ибо они не хотѣли вѣрить, чтобъ мы не имѣли скрытыхъ сокровищъ; а потому насъ обонхъ привязали къ мачтѣ и привалили хлестать немилосердно веревками. Я опустился въмертво, а бѣдному товарищу моему они дали выпить какую-то гадость, состоявшую изъ известія, разведенной въ уринѣ, отъ которой съ нимъ сдѣлалась такая рвота, что онъ вскорѣ испустилъ духъ. Видя, что его рветъ не золотомъ, какъ они, вѣроятно, ожидали, они выбросили его трупъ въ море; меня не заставляли пить этой поганой отравы, а только натерли ею мое тѣло, истерзанное ударами, отъ-чего боль была такъ велика, что я не понимаю, какъ я остался живъ.

Вышедъ изъ этой рѣки, мы пришли подлѣ -вечеръ къ большому селенію, называвшемуся Сіакъ, которое находится въ государствѣ Ямбѣ. Тамъ, въ продолженіе двадцати-семи дней, Господу угодно было излечить меня отъ всѣхъ ранъ и язвъ. Тѣ, которымъ я принадлежалъ, видя, что я не въ силѣ помогать имъ въ работахъ (они вылавливали каждый день для рыбной

лови въ море) выводили меня нѣсколько разъ на рынокъ для продажи, но никто не хотѣлъ меня купить. Тогда, чтобъ не тратиться даромъ на кормъ, меня выгнали изъ дома на улицу, и я скитался тридцать-шесть дней по селенію, почти-вагой, прося милостыни, которую имѣ очень-рѣдко давали, и почувъ на улицѣ подлѣ открытымъ небомъ:—словомъ, меня пустили бродить, какъ ни къ чему негодную влячу, которой предоставляется жить гдѣ она хочеть и кормиться, чѣмъ знаетъ.

Случилось, что однажды, когда я валился на взморьѣ, плача о своей горькой участи, по неизреченному милосердію Господа прошелъ мимо меня одинъ мавръ, уроженецъ острова Палембанга, который бывалъ въ Малаккѣ и имѣлъ дѣла съ Португальцами. Видя меня въ такомъ горестивомъ положеніи, онъ остановился и спросилъ, не Португалецъ ли я. Я отвѣчалъ, что Португалецъ, и что родственникъ малаккского губернатора и сынъ богатыхъ родителей, которые заплатятъ ему много денегъ, если онъ доставитъ меня въ Малакку. «Если такъ» сказалъ онъ: «то за какіе грѣхи ты здѣсь и въ такомъ положеніи? Я рассказывалъ ему въ подробности всѣ свои бѣдствія, что его сильно тронуло. Потомъ, подумавъ немного, онъ сказалъ: «Ты долженъ знать, что я купецъ бѣдный. Я слышалъ, что въ Малаккѣ можно добыть себѣ хорошій барышъ, если только губернаторъ и его таможенные не вздумаютъ воспользоваться случаемъ притѣснить и прибрать въ свои руки выгоды, которыя слѣдовало бы получить намъ; а на это жалуются многіе наши купцы, побывавшіе въ Малаккѣ. Если ты убѣжденъ, что за твое спасеніе я избавлюсь этихъ притѣсненій, то я готовъ выкупить тебя у рыбаковъ и возьму съ собою».

Я возразилъ ему со слезами, что, видя меня въ такомъ жалкомъ положеніи, онъ, конечно, можетъ усомниться въ истинѣ моихъ словъ и приписать ихъ желанію избавиться отъ рукъ моихъ

бесчеловѣчныхъ хозяевъ, ибо я не могу ничѣмъ подтвердить ихъ; но если онъ повѣритъ моей клятвѣ—другаго залога у меня нѣтъ, то клянусь и даю письменное обѣщаніе, что губернаторъ Малакки будетъ ему за меня очень-благодаренъ и не только не возьметъ съ его товаровъ никакой пошлины, но вознаградитъ его щедро за благодѣаніе, оказанное бѣдствующему Португальцу. Мавръ отвѣчалъ: «Я тебѣ вѣрю и выкуплю тебя. Но смотри: не говори никому ни слова о нашей встрѣчѣ; иначе, за тебя могутъ потребовать такого выкупа, какого я не въ состояніи дать. Я поклялся ему еще разъ, что свято исполню его волю, и мы разстались».

Прошло четверо сутокъ послѣ уговора моего съ мавромъ, который поручилъ одному изъ живущихъ здѣсь земляковъ сторговаться на счетъ цѣны моей съ рыбаками. Тѣ, видя, что я имъ совершенно-безполезенъ и наскучивъ властвѣ бессильнымъ и большимъ невольникомъ, сбыви меня очень-охотно за три съ половиною крузада, которые мнѣ заплатили на мѣстѣ, и мавръ взялъ меня въ свой домъ. Я прожилъ у него пять дней и значительно поправился отъ хорошей пищи, заботливости и ласковаго обхожденія моего новаго господина. Послѣ этого мы зашли на его ланчаръ въ Сурабайю, гдѣ онъ взялъ грузъ, и черезъ трое сутокъ прибыли благополучно въ Малакку.

Мавръ тотчасъ же пошелъ со мною къ губернатору, которому рассказалъ въ подробности, въ какомъ положеніи нашелъ меня и какъ меня выручилъ. Перо де-Фарія, глядя на мое обезображенное отъ ушибовъ и исхудалое лицо, онѣмѣлъ отъ изумленія; онъ сказалъ мнѣ со слезами на глазахъ, чтобъ я говорилъ громко, чтобъ удостовериться дѣйствительно ли это я, ибо наружность моя до того измѣнилась, что меня не узнала бы даже родная мать. Такъ-какъ прошло три мѣсяца съ-тѣхъ-поръ, что обо мнѣ не было ни слуху, ни духу, то всѣ считали меня погибшимъ, и теперь, узнавъ о мо-

емъ возвращеніи, всѣ меня знавшіе събѣжались смотрѣть на меня и расспрашивали съ самымъ трогательнымъ участіемъ о моихъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ. Я рассказалъ мнѣ все, что мною было, и они не могли надивиться, какъ я остался живъ послѣ всего, чтѣ пришлось мнѣ пережить. Потому всѣ наперерывъ преложили мнѣ свои услуги и посѣбя и снабдили меня такъ щедро, что я сталъ богаче, чѣмъ былъ передъ своей несчастною экспедиціею.

Мавру, который меня выручилъ, Перо де-Фарія подарилъ семьдесятъ крузадовъ и два куска богатаго китайскаго атласа; кромѣ того онъ приказалъ именовъ королю, чтобъ съ товаровъ его таможня не взяла никакой пошлины, и чтобъ никто, подлѣ снисеніемъ строжайшаго наказанія, не смѣлъ дѣлать ему ни малѣйшаго вредѣненія.

Такимъ-образомъ, обѣщанія мои мавру были исполнены выше его ожиданій, и онъ остался весьма-довольнымъ, что имѣлъ случай оказать мнѣ благодѣаніе. Меня же самого Перо де-Фарія приказалъ помѣстить въ загородный домъ одного изъ своихъ секретарей, который пекся обо мнѣ, какъ о родномъ сынѣ. Тамъ я пролежалъ въ постели болѣе мѣсяца, по прошествіи котораго Господу угодно было возвратитъ мнѣ прежнее мое здоровье.

II.

Когда я совершенно выздоровѣлъ отъ своей болѣзни, Перо де-Фарія потребовалъ меня въ крѣпость и принялъ въ подробности расспрашивать обо всемъ, что я выдѣлъ въ Аару, о комскихъ приготовленіяхъ государя этой страны противъ ачемскаго султана, и наконецъ заставилъ меня рассказать еще разъ о моихъ крушеніяхъ, мѣстѣ и спасеніи. Все это заинтересовало и изумило его до крайности.

Прежде, однако, чѣмъ буду продолжать повѣствованіе о своихъ собственныхъ похожденіяхъ, считаю нужнымъ рассказать конецъ моей войны съ маврубулатомъ Ачема и королемъ Аару, и-

нимъ несчастнымъ союзникомъ, котораго для безопасности Малакки намъ никакъ не слѣдовало пожимать.

Приближенные ачемскаго тирана присовѣтовали ему, что если онъ хочетъ овладѣть Малаккой и выгнать изъ нея Португальцевъ, то ему не должно нападать прямо на наши владѣнія, а завоевать напередъ Аару, которое государство, какъ извѣстно, находится а восточной сторонѣ острова Суматты, почти прямо противъ Малакки. Тогда ему можно будетъ запереть безъ труда Сивганурскій Пролитъ и заставить всѣ суда, ходящія съ товарами и привоствами въ Малакку изъ Китая, Зондскаго и Бандаскаго Пролитовъ, и вообще съ острововъ Восточнаго-Архипелага. Совѣтъ этотъ до того понравился султану Ачема, что онъ немедленно приказалъ снарядить флотъ изъ ста-шестидесяти судовъ, изъ которыхъ пятнадцать были большого анга, а остальные — ланчары и гребные гальиоты, въ томъ числѣ нѣсколько яванскихъ калалузовъ (*). На флотъ посадили пятнадцать тысячъ человекъ съ полнымъ запасомъ провизіи, оружія и снарядовъ; двѣнадцать тысячъ изъ нихъ были собственныя воины, а остальные взяты для управленія судами и для гребли. Изъ индусовъ четыре тысячи были индусы: Турки, мавры, Абиссинцы, алабарцы, Гузаратцы и Лувонги съ острова Борнео. Главнокомандующимъ флота и войска султанъ назначилъ своего Гередина-Мухаммеда, женатого на его родной сестрѣ и губернатора одной изъ областей Ачемскаго-Государства.

Флотъ этотъ прибылъ благополучно въ рѣку Пунетикангъ, на берегу котораго король Аару воздвигалъ при мнѣхъ батареи для защиты своего главнаго города; у него было подъ оружіемъ не больше шести тысячъ своихъ

воиновъ, безъ всякой помощи иностранныхъ союзниковъ, ибо самъ онъ былъ такъ бѣденъ, что не могъ платить имъ, да кромѣ того земля его не представляла достаточныхъ способовъ къ прокормленію большаго числа войскъ.

Вошедъ въ рѣку, Ачемцы тотчасъ же отырыли изъ всей своей артиллеріи сильный огонь по городу и защищавшимъ его батареямъ, который не умолкалъ цѣлыя шесть дней; но осажденные оборонялись храбро, такъ-что дѣло не обошлось безъ значительнаго кровопролитія. Видя это, Герединъ-Мухаммедъ высадилъ на берегъ все свое войско и двѣнадцать большихъ осадныхъ орудій, которыми вскорѣ почти срылъ одинъ изъ бастіоновъ, прикрывающихъ входъ въ рѣку. Сдѣлавъ это, онъ отрядилъ человекъ шестьсотъ Турковъ, сорокъ ланчаръ и нѣсколько малабарскихъ мавровъ, передалъ ихъ подъ начальство одного Абиссинца, по имени Мамедекана, и велѣлъ ему взять полуразрушенный бастіонъ приступомъ. Отрядъ этотъ двинулся, неся передъ собою толки хлопчатой бумаги, для защиты отъ выстрѣловъ осажденныхъ, и въ нѣсколько минутъ, послѣ жаркой сѣчи, водрузилъ на укрѣпленіи свои знамена. Но аарускій король, одушевивъ своихъ прихѣтомъ, словами и обѣщаніями, сдѣлалъ вылазку, устремился на непріятеля, опрокинулъ его съ оружіемъ и убилъ самого предводителя Абиссинца. Потомъ, чтобъ воспользоваться удачею, онъ собралъ сколько можно было своихъ, бросился изъ укрѣпленія на Ачемцевъ, положилъ на мѣстѣ множество убитыхъ и раненыхъ, и отбилъ у непріятеля восемь орудій изъ двѣнадцати осадныхъ, которыми они выдвинули противъ его окоповъ; послѣ чего, чтобъ не завлечься слишкомъ-опрометчиво впередъ, онъ воротился въ укрѣпленіе, поправилъ его сколько было возможно и втащилъ на валъ отнятыя у врага пушки.

Видя дурной успѣхъ того дня и сожалѣя о смерти своего военачальника-Абиссинца, такъ же какъ о потерян-

(*). Большія гребные суда, плавающія между островами Восточнаго-Архипелага.

ныхъ восьми орудіяхъ, Гередишъ-Мухаммедъ, по совѣту своихъ приближенныхъ, приказалъ продолжать осаду города и овладѣть во что бы ни стало укрѣпленіемъ, которое такъ недавно было уже въ его рукахъ. Они бились надъ этимъ цѣлые семнадцать дней, въ продолженіе которыхъ сдѣлали девять неудачныхъ попытокъ взять укрѣпленіе приступомъ. Наконецъ, стрѣляя безпрестанно изъ пушекъ и бросая въ укрѣпленіе равные разрывающіеся снаряды и гранаты, они срыли до земли значительную часть окоповъ. Но, не взирая на то, осажденные защищались съ непоколебимымъ мужествомъ, такъ - что Ачемцы потеряли около двухъ - тысячъ пятисотъ человѣкъ убитыми, кромѣ раненныхъ и обожженныхъ, которыхъ было еще больше, и изъ которыхъ очень-многіе вскорѣ умерли. Со стороны защитниковъ потеря не превосходила четырехъ-сотъ человѣкъ. Но какъ защитниковъ было мало, а непріятелей много, да къ-тому же непріятели были лучше вооружены, то отстоять укрѣпленіе не было возможности, тѣмъ болѣе, что на помощь осаждающимъ подошла измѣна одного изъ приближенныхъ аарускаго государя.

Онъ, по совѣту одного изъ своихъ кази, на котораго совершенно полагался, но который далъ этотъ совѣтъ потому, что Ачемцы подкупили его за боченокъ золота, стѣнвшій сорокъ тысячъ крузодовъ, сдѣлалъ вылазку съ большей частію своихъ и завязалъ съ непріятелемъ жаркую битву. Полная собака кази, оставшись въ укрѣпленіи начальникомъ, притворился, будто бы намѣренъ ему содѣлствовать, а самъ, съ пятью стами бывшими при немъ воинами, выступилъ изъ окопа съ другой стороны; видя это, одинъ изъ ачемскихъ военачальниковъ, малабарскій мавръ, у котораго было человѣкъ семьсотъ Малабарцевъ и Гузаратцевъ, овладѣлъ воротами, которыя подкупленный кази оставилъ нарочно безъ всякой защиты, овладѣлъ безъ малѣйшаго труда укрѣпленіемъ и умертвилъ

всѣхъ остававшихся тамъ большихъ и равныхъ, не пощада ни одного человѣка, - а этихъ бѣдняковъ было тамъ до полуторы тысячи. Несчастный аарускій король, видя укрѣпленіе въ рукахъ непріятеля и не подосрѣвъ нисколько измѣны мезавца кази, рѣшился отступить, чтобъ поспѣвать къ нему на выручку. Подходя къ ближайшей бреші въ валу укрѣпленія и безпрестанно отбиваясь отъ тѣснившихъ его непріятелей, онъ былъ убитъ однимъ Туркомъ, который пробилъ ему грудь на вылетъ выстрѣломъ изъ пистолета. Смерть храбраго государя лишила осажденныхъ послѣдней бодрости: они побѣжали въ величайшемъ безпорядкѣ, и несчетное множество ихъ было положено на мѣстѣ.

Ачемцы подвигли трупъ аарускаго государя, вынули изъ него внутренности, послали его, закупоривъ въ ящикъ и отослали къ своему султану. Тотъ приказалъ открыть ящикъ всенародно, съ большою церемоніею, распилить трупа на части, сварить его въ смолѣ и маслѣ, и потомъ разослалъ во своему государству слѣдующее грозное объявленіе: «Вотъ примѣръ страшнаго правосудія, исполненнаго во великую султана Аларадина, повелителя земли и обонхъ морей, благоузачія златыхъ лампъ храма великаго пророка! Онъ желаетъ и надѣется, что душа гнуснаго мавра, измѣнника казанамъ Корана, будетъ на томъ сѣкѣ также распилена на части и сварена въ смолѣ и маслѣ за то, что онъ, въ перекоръ долгу, предписанному малому доброму мусульманину въ святой книгѣ цѣтовъ, связался съ нечестивыми христіанскими собаками, прошедшими съ края свѣта и владѣвшими Малаккою за тяжкіе грѣхи наши». Услышавъ этотъ манифестъ, провозглашенный торжественно на главной площади города, весь народъ взвѣчалъ единогласно, что за такое преступленіе наказаніе сланикомъ-укрѣпленіемъ. Такимъ-образомъ, со смертію нашего несчастнаго союзника, котораго мы бы могли и должны были поддержать,

погибло государство Аару. Не имѣть удить, кто въ этомъ виноватъ — пусть умятъ тѣ, кому Богъ далъ на то право.

Когда король аарускій былъ убитъ, какъ я выше разсказалъ, и войско его разстроилось, Гередианъ-Мухаммедъ владѣлъ безъ всякаго сопротивленія городомъ, исправилъ всѣ поврежденія крѣпленій, снабдилъ его всѣми нужными припасами и снарядами, и оставилъ тамъ восемьсотъ человекъ отборныхъ людей, подъ начальствомъ Авра Сачету-Раджи; потомъ, приведя все въ порядокъ, онъ ушелъ со всѣмъ войскомъ въ Ачешъ, гдѣ былъ отлично принятъ и награжденъ султаномъ.

Королева ааруская, которая во все время войны скрывалась въ лѣсу, лигахъ въ семи отъ города, узнавъ о горестной смерти своего супруга и обо всемъ происшедшемъ, хотѣла тотчасъ же сжечь себя заживо, въ чемъ она поклялась королю еще при его жизни; но приближенные съ величайшимъ трудомъ успѣли отклонить ее отъ такого намѣренія. Соглашаясь на ихъ убѣдительныя мольбы, она сказала имъ: «Клянусь вамъ закономъ святой истины, что на убѣжденія ваши, въ доказательство вашей благородной преданности, не могли бы заставить меня отказаться отъ исполненія моего святого обѣта: Богъ внушилъ душѣ моей надежду, что жизнь моя можетъ послужить на отищеніе ачешскому злодѣю за жестокою смертью моего супруга. Клянусь вамъ его драгоценною кровью, что пока я жива, всѣ усилія мои будутъ имѣть одну эту цѣль. Я пойду къ Португальцамъ и готова двадцать разъ сдѣлать въ христіанство, если только этой цѣною приобрѣту ихъ содѣйствіе моему справедливому ищенію».

Сказавъ эти слова, она сѣла на слона и, не теряя времени, окруженная четырьмястами человекъ оставшихся при ней тѣлохранителей, выступила изъ лѣса и направилась прямо къ городу. По дорогѣ къ ней пристали еще свѣжія толпы, такъ-что всѣхъ людей набралось около нея человекъ до семи-

сотъ. Въ городѣ она застала около четырехъ-сотъ Ачешцевъ, которые разсыпались для грабежа и забирали жалкую добычу, попадавшуюся въ бѣдныхъ домахъ, оставленныхъ жителями. Королева разгорячила ярость и ненависть своихъ людей, напоминая имъ всѣ ихъ бѣдствія, такъ-что они съ неистовымъ бѣшенствомъ бросились на раздѣленные толпы Ачешцевъ и не оставили въ живыхъ ни одного человека. Потомъ, видя, что она слишкомъ слаба для болѣе-важнаго предпріятія, она рѣшилась возвратиться въ лѣсъ, въ свое прежнее убѣжище. Въ продолженіе двадцати дней вела она неправильную войну съ завоевателями, не удавая ни одного удобнаго случая навѣстимъ какой-нибудь вредъ: то ночью зажигала городъ съ разныхъ сторонъ, то истребляла малые отряды Ачешцевъ, посылаемыхъ изъ города за водою или за дровами, то отбивала подвозъ съѣстныхъ припасовъ — словомъ, не давала завоевателямъ покоя и напугала ихъ до того, что они не осмѣливались сдѣлать шага изъ крѣпости, ни запастись самыми необходимыми вещами. Еслибъ она была въ силахъ продлить войну такого рода еще дней на двадцать, Ачешцы увидѣли бы себя вынужденными покорить свои завоеванія. Къ несчастію мужественной государыни, настала дождливая погода — земля въ лѣсу превратилась въ болото; плоды, служившіе ей дневною пищею, сгнили до того, что ихъ не было возможности ѣсть, и большая часть ея приверженцевъ захворала. Тогда она оставила лѣсъ, переправилась черезъ рѣчку, находившуюся лигахъ въ пяти отъ ея убѣжища, и, взявъ всѣ рыбацкія и другія лодки, какія ей попались и которыхъ набралось до семнадцати, она переехалась благополучно черезъ проливъ и прибыла въ Малакку, рассчитывая, что личное присутствіе ея у насъ будетъ дѣйствительнѣе, чѣмъ посылка пословъ.

III.

Перо-де-Фариа принялъ вдову аарүскаго государя со всѣми почестями, при громѣ пушекъ, колокольномъ звонѣ и многочисленномъ стеченіи народа. Ей показали арсеналь, магазины, таможеню, пороховые погреба, факторію, флотъ,—словомъ, все, что должно было внушить ей выгодное понятіе о нашемъ могуществѣ и богатствѣ. Ее угощали какъ-нибудь лучше, но на всѣ просьбы о содѣйствіи главной цѣли ея пріѣзда она получала уклончивые отвѣты, обнадѣживанія и обѣщанія, которыхъ исполненіе отлагалось на неопредѣленное время. Все это довело ее до того, что она, пробывъ въ Малаккѣ около четырехъ или пяти мѣсяцевъ и видя всѣ свои старанія безплодными, потеряла всякую вѣру въ слова Перо-де-Фариа. Въ одно воскресенье, когда онъ только-что вышелъ изъ церкви и на площади было множество народа, она оставила его и стала укорять въ томъ, что мужъ ея лишился жизни и царства за приверженность свою къ Португальцамъ и за ненарушимый союзъ съ ними, тогда-какъ теперь, когда его уже нѣтъ на свѣтѣ, Португальцы не хотятъ ступить шага, чтобъ отомстить за смерть вѣрнаго союзника, котораго гибель они сами главною причиною. Слова ея были краснорѣчивы, а главное—исполнены истины. Перо-де-Фариа, не ожидавшій такого прямого нападенія, смутился и не зналъ, что отвѣчать, а она, не давъ ему опомниться, повернулась къ нему спиною и ушла въ отведенный для нея домъ. На другое же утро она со всѣми своими приближенными отправилась на своихъ судахъ на островъ Бинтангъ, гдѣ въ то время былъ султанъ государства Жантаны, находящагося на Суматрѣ, южнѣе Аарү, и состоящаго изъ многихъ сосѣднихъ острововъ.

Государь этотъ, какъ въ послѣдствіи говорили въ Малаккѣ, принялъ ее съ большими почестями, и она разсказала ему въ подробности о пребываніи своемъ у насъ и о томъ, какъ ее мучили пу-

стыми обѣщаніями, которыхъ никто никогда не думалъ выволнить. Онъ отвѣчалъ ей, что она сдѣлала большую ошибку, понадевшись на помощь лживыхъ христіанъ, и въ подтвержденіе разсказалъ ей много случаевъ, конечно не относившихся къ нашей чести, которыхъ дурную сторону онъ преувеличивалъ до того, что они казались гораздо худшими, чѣмъ были на самомъ дѣлѣ, ибо онъ не повсвѣдывалъ, какія причины заставляли насъ поступать такъ, а не иначе, и не приводилъ обстоятельствъ, которыхъ могли бы служить хотя отчасти къ нашему оправданію. Въ заключеніе онъ обѣщавалъ возвратитъ ей все, чего она лишилась, такъ-что она не потеряетъ ни одной пядени своихъ прежнихъ владѣній. А чтобъ ему имѣть основательный предлогъ вступить за нее и разорвать дружество съ ачешскимъ султаномъ, онъ предложилъ ей сдѣлаться его женою. Она отвѣчала, что повиноваться, какую честь онъ ей дѣлаетъ такимъ предложеніемъ, но соглашается на него не иначе, какъ если онъ дастъ клятву, что отомститъ за смерть государя, ея мужа, ибо безъ этого она отказалась бы отъ владычества надъ цѣлымъ свѣтомъ. Жантанскій король далъ ей торжественную клятву исполнить это условіе, въ подтвержденіе чего приложилъ себѣ ко лбу одну изъ священныхъ книгъ своей нечестивой вѣры.

Давъ эту клятву въ присутствіи своего главнаго кази. Раджи-Муламы, въ праздникъ Рамазанъ, король отправился на островъ Кампаръ, гдѣ, послѣ празднованія свадьбы, собралъ совѣтъ, чтобъ рѣшить, какъ приступить къ исполненію даннаго имъ обѣта. Всѣ подошли единогласно, что прежде начала непріязненныхъ дѣйствій, король отправитъ въ Ачешъ посла для объявленія султану правъ своихъ на Аарү, въ слѣдствіе брака съ вдовствующею королевою этого государства, а потомъ поступитъ смотря по тому, каковъ будетъ отвѣтъ Ачеша.

Совѣтъ этотъ показался жантанскому королю самымъ благоразумнымъ.

а потому онъ немедленно приказалъ сварадить посла съ богатыми подарками: а письмомъ слѣдующаго содержания: Сириби Яйи, наследственный и законный государь Малакки, отнятой у него воинскою силою нечестивыхъ христіанъ, царь Жантаны и Бантага, повелитель подвластныхъ мѣстъ раджей Индрагиры и Лингана, тебѣ, Сирн-султану Аларадиву, королю Ачема и земли обонихъ морей, моему истинному брату по древней дружбѣ нашихъ предковъ, ошастливленному золотомъ печатью святаго храма Мекки. Я, союзникъ твой по тѣлу и крови, извѣщаю тебя черезъ этого посла, что въ прошедшіе дни седьмой луны нынѣшняго года пришла ко мнѣ въ великой горести благородная вдова Анчезини, королева зарукая. Съ лицомъ печальнымъ и заплаканными глазами, простершись на землѣ, она сказала мнѣ, что твои полководцы отняли у нея царство, съ убиваніи рѣшави Жава и Панстикангоны; убили мужа ея Алибомкара и больше пяти тысячъ амбораджей и оуборалловгоновъ, и взяли въ плѣнъ около трехъ тысячъ невинныхъ дѣтей, которыхъ связали и били безжалостно, какъ-будто они родились отъ матерей нечѣрныхъ. Тронутый ея несчастіемъ и слѣдуя святымъ уставамъ нашего алкорана, я принялъ ее подъ защиту своего гостепріимства, и, заставивъ ее покаяться въ истинѣ ея словъ, сдѣлалъ ее своею женою. Почему прошу и убѣждаю тебя, какъ великий братъ твой, чтобъ ты, какъ слѣдуетъ доброму мусульманину, велѣлъ возвратити ей все отнятое, ибо ты обязанъ сдѣлать это законами нашей истинной вѣры. Я же прошу тебя объ этомъ потому, что, женившись на королевѣ зарукой, даждь торжественную клятву поддержать права ея всѣми силами.

Когда посолъ прибылъ въ Ачемъ, султанъ приказалъ сдѣлать ему личныи пріемъ и взялъ отъ него письмо его государя. Но прочитавъ содержание письма, онъ разгнѣвался до то-

го; что убилъ бы посла на мѣстѣ, еслибъ его не удержали приближенные, которые съ трудомъ довазали ему, какими безчестіемъ онъ себя покроетъ, сдѣлавъ подобный поступокъ. Ачемскій султанъ выслажалъ отъ себя посланника жантанскаго, не взявъ даже, въ знакъ презрѣнія, подарковъ его государя, и отвѣчалъ слѣдующими словами: Я, султанъ Аларадивъ, король Ачема, Бааррбса, Педира, Пасема, владѣній дайлакскихъ и батаскихъ, государь земли обонихъ морей, рудикиковъ Менангабу и новаго государя Аару, взятаго по справедливости оружіемъ, — тебѣ, королю, правящему сомнительное наследство. Видѣлъ я письмо твое, написанное въ свадебный мѣсяцъ, а по неразумнымъ словамъ его догадался, что всѣ совѣтники твои должны быть шьяны. Я бы не удостоилъ отвѣтомъ твоего письма, еслибъ меня не упростили мои совѣтники. Знаи, что я все не гоняюсь за твоими похвалами; а что до королевства Аару, то не соизвѣтую тебѣ говорить о немъ, если ты желаешь жить на свѣтѣ — довольно, что я приказалъ взять его, и оно мое: то же можетъ случитися и съ твоимъ теверешнимъ государствомъ. Если же ты воображаешь, что, женившись на Анчезини, имѣешь права на государство, которое ей уже не принадлежитъ, то можешь успокоиться; а съ нею ты имѣешь полное право дѣлать то же самое, что дѣлаютъ со своими женами другіе, которые добываютъ себѣ пропитаніе трудами рукъ своихъ. Возьми напередъ Малакку, которая прежде принадлежала тебѣ, а потомъ уже думай о томъ, что никогда тебѣ не принадлежало. Относительно же моего содѣйствія, — я буду къ тебѣ милостивъ, какъ къ васаллу, а вовсе не какъ къ брату, хотя ты и дерзнулъ назваться моимъ братомъ. Написано въ моемъ большомъ дворцѣ, въ богатомъ городѣ Ачемѣ, въ день прибытія твоего посла, котораго я отиравилъ отъ себя тотчасъ же, не желая ни видѣть, ни слушать его больше

«что онъ самъ тебѣ можетъ разска-
зать.»

Отвѣтъ, привезенный посланникомъ жантайскаго короля, оскорбилъ до крайности этого государя. Говорили даже, что онъ заперся въ своемъ домѣ и потихоньку плакалъ отъ обиднаго презрѣнія, которое ачемскій султанъ такъ явно къ нему обнаружилъ, не принимая подарки и отославъ посла въ тотъ же день, въ который онъ прибылъ, не говоря уже о дерзкомъ письмѣ его. Жантаискій король снова собралъ своихъ совѣтниковъ, и они рѣшили единогласно, что война съ Ачемцами неизбежна и что должно немедленно направить всѣ усилія на государство Аару и крѣпость Пунстикангъ, прежде чѣмъ непріятель успеетъ приготовиться къ защитѣ и дожидаться подкрѣпленій.

Чтобъ выполнить такой планъ, жантаискій король тотчасъ же, съ величайшею поспѣшностью, принялся собирать флотъ и войско. Когда все было готово, онъ поручилъ начальство надъ тѣмъ и другимъ извѣстному тогда во всей Индіи воину, Лакэ-Шемена. Флотъ состоялъ судовъ изъ двухъ-сотъ, въ числѣ которыхъ было пятнадцать большихъ джонокъ, а остальные все ланчары, каладузы, проа, и т. п.; онъ былъ снабженъ провизіей и всѣми нужными воинскими припасами и снарядами, и на него помѣстили десять тысячъ войска и четыре тысячи человѣкъ для управленія судами — тѣ и другіе были люди опытные въ своемъ ремеслѣ.

Главнокомандующій снялся съ якоря, и, вошедъ въ рѣку Пунетикангъ, гдѣ была непріятельская крѣпость, прямо высадилъ людей своихъ на берегъ; они приставили къ стѣнамъ триста лѣстницъ и ползли на приступъ. Не могши, однако, овладѣть крѣпостью такимъ образомъ, Лакэ-Шемена принялся стрѣлять въ нее изъ сорока орудій своей осадной артиллеріи, которыхъ огонь не умолкалъ ни днемъ, ни ночью, и бросать въ нее огненные снаряды, такъ-что черезъ семь дней боль-

шая часть укрѣпленій была скрыта до земли. Потомъ онъ повелъ войско на приступъ; и оно храбро ворвалось въ крѣпость, положивъ на мѣстѣ около полуготы тысячи Ачемцевъ, прибывшихъ въ Пунетикангъ наканунѣ прихода жантайскаго флота; ими предводительствовалъ турецкій военачальникъ, племянникъ канрсакаго паши, который также былъ убитъ вмѣстѣ съ двумя стами Турками, приведенными имъ на помощь Ачемцамъ. Лакэ-Шемена не позволялъ давать пощадныя ни одному непріятелю.

Взявъ крѣпость, онъ съ величайшею дѣятельностью занялся исправленіемъ поврежденій, только-что имъ самимъ сдѣланныхъ, такъ-что черезъ двадцать дней она пришла не только въ прежнее свое положеніе, но стала еще сильнѣе, ибо онъ воздвигъ два новые бастиона.

Ачемскій султанъ, узнавъ о дѣланіяхъ полководца, своего противника, побоялся нешута, что ему придется лишиться своихъ завоеваній, а потому немедленно послалъ къ Аару флотъ изъ ста-восемидесяти судовъ, состоявшій изъ фустъ, ланчаръ, гальйотовъ и пятнадцати галеръ съ двадцатью-пятью банками. Онъ послалъ на него пятнадцать тысячъ войска, въ числѣ которыхъ было около трехъ тысячъ гребцовъ; и назначилъ главнокомандующимъ того же самого Гередиана-Мухаммеда, который, какъ я выше рассказывалъ, завоевалъ это государство ачемскому султану. Пришелъ съ флотомъ своимъ къ одной деревнѣ, находящейся лигахъ въ четырехъ отъ Пунетиканга, онъ узналъ отъ рыбаковъ обо всемъ, что въ крѣпости произошло и какъ въ ней укрѣпился Лакэ-Шемена, приготовившійся встрѣтить непріятеля на водѣ и на сушѣ. Вѣсти эти не мало смугили Гередиану-Мухаммеда, который никакъ не ожидалъ, чтобъ непріятель могъ сдѣлать такъ много въ такое короткое время.

Подчиненные ему военачальники говорили единогласно, что такъ-какъ крѣпость уже взята, непріятель въ ней

утвердился и не осталось в живых ни одного из бывших там Ачемцев, то благоразумиѣ всего уйти, ибо вѣче больше дѣлать. Но Гередица - Мухаммедъ былъ противнаго мнѣнія. Онъ говорилъ, что скорѣе умереть, какъ слѣдуетъ мужу, чѣмъ остаться жить вѣ безчестіи; что если султанъ оказалъ ему довѣренность, то онъ долженъ оправдать ее во что бы ни стало, если не хотеть лишиться мнѣнія, которое все о немъ мнѣютъ. А потому онъ помалюса костями пророка Мухаммеда и всѣми ланпадами некскаго храма, что велитъ казнить, какъ мнѣншиа, всякаго, кто только заговоритъ объ отступленіи, и что такихъ смерти заживо вѣ котлѣ съ смолою, какъ сверилъ бы самого Лакѣ-Шемону, еслибъ онъ вопаля вѣ его руки.

Потомъ онъ приказалъ сняться съ яоря, и флотъ его вошелъ вѣ рѣку подѣ всѣми нарусани, при громкихъ крикахъ и страшномъ шумѣ барабановъ, музыкальныхъ инструментовъ и пушечныхъ выстрѣловъ. Флотъ Лакѣ-Шемоны, подирѣленный множествомъ людей изъ Церака, Бинтанга, Сіаа и другихъ сосѣднихъ мѣстъ, ждалъ непріятеля вѣ добромъ порядкѣ на срединѣ рѣки. Враги встрѣтились, и, послѣ нѣсколькихъ залповъ артиллеріи, свазались между собою на абордажъ съ такимъ ожесточеніемъ, что побѣда оставалась нерѣшеною вѣ продолженіе болѣе полутора часа. Наконецъ, одна огненная бомба поразила Гередица-Мухаммеда прямо вѣ грудь и разорвала его пополамъ; смерть его совершенно разстроила Ачемцевъ, которые смѣшались и оробѣли. Желая скрыться за однимъ мысомъ, они повернули свои суда назадъ, но теченіе разстроило ихъ совершенно, и они были разбиты и взяты по частямъ.

Такимъ-образомъ весь флотъ ачемскаго султана достался вѣ руки Лакѣ-Шемоны, кромя четырнадцати судовъ, которые успѣли убѣжать, а сто-шесть-десять-шесть были взяты и всѣ бывшіе на нихъ люди преданы смерти. Когда спасшіся четырнадцать судовъ

прибыли вѣ Ачемъ и доносили султану обо всѣмъ происшедшемъ, онъ впадъ вѣ такую горестъ, что заперся вѣ своемъ дворцѣ и цѣлые двадцать дней не хотѣлъ никого видѣть. Потомъ онъ приказалъ отрубить головы всѣмъ капитанамъ этихъ четырнадцати судовъ, а остальнымъ, которые на нихъ пришли, велѣлъ выбрить бороды, и, подѣ опасеніемъ казни быть заживо распяленными, носить женское платье, обѣиваться опухаломъ и играть на цитрѣ. Воины эти, которыхъ все преступленіе состояло вѣ несчастіи, не могли перенести такого унижительнаго и несправедливаго наказанія: почти всѣ они сами лишили себя жизни — одни отравились ядомъ, другіе повѣсались, третьи завололись книжалани.

Вотъ какъ королевство Аару освободилось изъ-подъ ига ачемскаго тирана и досталось во власть жантанскаго короля, который владѣлъ имъ до 1564 года, когда тотъ же ачемскій тиранъ, притворившись, будто хочетъ идти войною на Патани, вмѣсто того, слѣлалъ ночью нападеніе на Жантану, гдѣ вѣ то время былъ король этого государства. Ачемскій султанъ захватилъ его вѣ плѣнъ вмѣстѣ со всѣми его женами и дѣтьми, отвезъ ихъ вѣ свою столицу и тамъ подвергъ неслыханно-жестокимъ мученіямъ, не щадя даже самыхъ малолѣтнихъ дѣтей; королевство же Аару снова перешло къ нему, и онъ посадилъ туда на царство своего старшаго сына, того самого, который вѣ-послѣдствіи былъ убитъ подѣ стѣнами Малакки. Онъ осадилъ ее тогда съ большими силами; но губернаторъ нашъ, донъ Ліонисъ-Перейра, сынъ графа де-Фейры, защищалъ нашу крѣпость съ такимъ геройскимъ мужествомъ, что спасъ ее какъ-будто чудомъ, ибо непріятелей было чуть-ли не вдесятеро больше, чѣмъ христіанъ.

IV.

Теперь, рассказавъ о современныхъ происшествіяхъ съ нашими сосѣдами, по правдѣ, какъ все тамъ было, обра-

здусь снова изъ коннѣ собственнымъ приключеніямъ.

Выздоровѣвъ, какъ я выше говорилъ, отъ болѣзней, привезенныхъ мною изъ плѣна въ Сиамъ, я былъ однажды позванъ къ губернатору Перо-де-Фарин. Онъ сказалъ мнѣ, что, желая отырыть для меня какую-нибудь дорогу, по которой я бы могъ обезпечить хоть нѣсколько свою будущность, поручаетъ мнѣ доставить на лангарѣ товаровъ на десять тысячъ крузадовъ въ Пагангъ (*), къ живущему тамъ повѣренному его Томѣ Лобо; оттуда я долженъ былъ идти въ Сата-ни, лигъ на сто далѣе по берегу Китайскаго-Моря, къ сѣверу, съ подарками къ тамошнему королю, для переговоровъ о выкупѣ пяти Португальцевъ, находившихся въ плѣну въ Сиамъ, у его вѣтя.

Я вышелъ изъ Малакки съ попутнымъ вѣтромъ, обогнулъ южную оконечность этого полуострова и на седьмой день пути, ночью, находился на высотѣ острова Пуло-Тимоанга, мы все были поражены раздававшимся на водѣ, недалеко отъ насъ, двумя громкими криками отчаянія. Не видя ничего изъ совершенной темнотѣ, мы поворотили паруса и направились въ сторону звука на удачу, разглядывая во все глаза воду, не удастся ли что-нибудь рассмотреть. Такимъ образомъ, подвигаясь ощупью около часа, мы замѣтили довольно-далеко впередъ что-то черное и массивное. Не могши разобратъ, чтѣ это такое, мы приостановились и стали между собою держать совѣтъ. Насъ Португальцевъ было на лангарѣ четверо, и мнѣнія были различны: — одни говорили, что должно идти впередъ и удостовѣриться, нельзя ли подать помощь бѣдствующимъ; другіе утверждали, что намъ нечего терять время для дѣлъ, которыя насъ вовсе не касаются, и что

лучше всего идти своимъ путемъ къ Пагангъ и сдать тамъ товары Перо-де-Фарин, ибо всякая задержка можетъ быть сопряжена съ опасностью и придется отгѣчать въ случаѣ какого-нибудь несчастія.

Я объявилъ имъ на это, что непременно, во что бы ни стало, рѣшился узнать причину крика, который все мы слышали; а если я ошибаюсь, то буду отгѣчать одному Перо де-Фарин, которому принадлежатъ и ланчары и товары, но никакъ не имъ, ибо они не рискуютъ тутъ ничѣмъ, кромѣ своихъ особъ, которыхъ такъ же мало цѣнятъ, какъ и моя собственная. Пока слыры эти длились, время подошло къ рассвѣту, и мы ясно могли рассмотреть нѣсколько человѣкъ, плававшихъ на волнахъ и державшихся за облаки. Мы тотчасъ же поставили все паруса и привалились грестмъ чтѣ было силъ; наконецъ, когда мы приблизились къ нимъ на столько, что они могли разглядѣть насъ, они прокричали громко разъ шесть или семь: «Господи, помилуй насъ!» Слова этихъ несчастливцевъ поразили насъ несказанно; подошедъ къ нимъ вплотъ, мы тотчасъ же убрали паруса, спустили на воду шлюпку и перетасили къ себѣ двѣнадцать-три человѣка, изъ которыхъ четырнадцать были Португальцы, а остальные невольники. Искривленныя лица ихъ приводили насъ въ ужасъ; все они были такъ слабы, что не могли сначала произнести ни одного слова.

Мы оказали имъ все попеченіе, и кія только на ланчарѣ были возможности, и когда привели ихъ нѣсколько въ себя, стали расспрашивать о томъ, какимъ образомъ они очутились въ такомъ ужасномъ положеніи. Одинъ изъ нихъ, человѣкъ пожилой, отгѣчалъ на это съ горькимъ плачемъ: «Милые сеньоры, Фернанъ Жиль Порсалло; а кривой глазъ мой вышибленъ Аченны, когда они осаждали Малакку во второй разъ, во время губернаторства дона Диегана де-Гамы. Онъ, желая спасти мнѣ добро и вида мою бѣдность,

(*) Маленькое государство это находится на восточномъ берегу полуострова Малакки. *Прим. персе.*

позволилъ мнѣ ѣхать на Молуккскіе острова, чтобъ дать мнѣ возможность влать кой-какіе торговые обороты. Еслибъ Господь помиловалъ меня и внушалъ желаніа быть въ тѣхъ мѣстахъ! Я пожилъ на многихъ изъ этихъ троповъ и, наконецъ, пошелъ изъ Фрита, гдѣ наша крѣпость, въ Масску, на джонкѣ, нагруженной тысячею багаровъ гвоздики, цѣною больше чѣмъ на сто тысячъ крузадовъ. Мы были двадцать-три дня съ благополучными вѣтрами, но вдругъ, за грѣбъ наши, когда мы находились къ веро-занаду отъ Сурабайи, что на тропѣ Явѣ, случилась жестокая буря, которая вскорѣ развела огромныя волны; въ носовой части нашей конки открылась такая течь, что мы были вынуждены облегчить ее и побросать за бортъ значительную часть груза. Такимъ-образомъ носило насъ цѣлую ночь безъ марусовъ, ибо страшныя порывы не позволяли нести ни дѣйствительнаго куска парусины, и наконецъ, на другой день, судно не выдержало и пошло ко дну; изъ ста-сорока-семи человѣкъ спаслось только двадцать-три на разныя обломки и лавкахъ. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней, плыли мы по морю въ такомъ положеніи, въ какомъ вы видите здѣсь; мучившій насъ голодъ мы утоляли мясомъ одного невольника-Кафа, который захлебнулся и умеръ. Въ эту ночь умерло изъ нашего числа еще двое Португальцевъ, но мы не хотѣли вѣстѣ ихъ, ибо твердо были увѣрены, что не доживемъ до утра.

Мы съ ужасомъ слушали рассказъ бѣдныхъ страдальцевъ и благодарили Господа за то, что онъ насъ не подвергъ такой тяжелой участи. Потомъ, гдѣ-то ихъ по-христіански, сколько могли, мы подѣлялись съ ними одеждою, уступили имъ свои постели, словомъ, сдѣлали для нихъ снокоіствія все, что позволяли наши бѣдные способности. Потомъ, мы снова направили путь къ Пагангу, но входу въ который была въ самую полночь и бросали

якорь перады небольшимъ селеніемъ Кампаларау.

На разсвѣтѣ мы снялись и подошли на грѣбѣ къ самому городу, гдѣ вскорѣ отыскался Томѣ-Добо, агента Перо де-Фарин, которому я тотчасъ же и сдалъ привезенные мною товары. Въ этотъ же день умерло трое изъ четырехъ-надцати спасенныхъ нами Португальцевъ, въ числѣ которыхъ былъ и Фернандъ Жиль Порсальйо, и пять христіанскихъ мальчиковъ дѣтскаго племени. Мы спустили ихъ всѣхъ ночью въ море, привязавъ каждому по камню на шею и на ноги, чтобъ погрузить ихъ на дно; ибо на берегу намъ ни за что не позволили хоронить нашихъ покойниковъ, хотя Томѣ-Добо и предлагалъ за это сорокъ крузадовъ: жители говорили, что земля ихъ останется проклятою и не будетъ производить ничего, потому-что покойники не очищены отъ множества свинины, которую они при жизни съѣли, что у нихъ считается самымъ тяжкимъ оскверненіемъ. Оставшихся въ живыхъ изъ спасенныхъ нами людей, Томѣ-Добо помѣстилъ въ свой домъ и снабжалъ въ изобиліи всѣми нужнымъ, пока они не выздоровѣли совершенно; тогда онъ отправилъ ихъ въ Малакку.

Кончивъ дѣла свои въ Пагангѣ, я хотѣлъ идти въ Патани, чтобъ исполнить другое порученіе Перо де-Фарин; но Томѣ-Добо усиленно упрашивалъ меня остаться, утѣряя, что пребываніе его въ Пагангѣ сопряжено съ опасностью, ибо одинъ изъ дѣйствующихъ вельможъ, по имени Туангъ-Шеррафангъ, поклялся сместь его домъ вмѣстѣ съ нимъ-самимъ и всѣми его товарами. Дѣло въ томъ, что въ Малаккѣ одинъ изъ агентовъ губернатора взялъ у него на пять тысячъ крузадовъ ладава, шелка и алоа за гораздо-меньшую цѣну, чѣмъ все это стоило, а самъ прислалъ ему гнилыхъ и испорченныхъ товаровъ, которые онъ послѣ съ трудомъ сбывъ за семьсотъ крузадовъ, вмѣсто хорошихъ, могшихъ доставить выгодный барышъ. Томѣ-Добо говорилъ, что уже два раза у его дома ва-

рочно поднимали шумъ, чтобъ выманить его-самого за ворота и убить въ драгѣ, а потому онъ считалъ необходимымъ, чтобъ я остался съ нимъ для защиты въ случаѣ нужды его-самого и товаровъ, которые хранились въ его домѣ. Я возражалъ ему на это разными доводами, которыхъ онъ не хотѣлъ слушать, и, наконецъ, сказалъ, что если они хотятъ его убить и ограбить, то какимъ же образомъ я самъ избѣгу той же участи? А притомъ, если онъ ожидаетъ неминуемаго нападена, то зачѣмъ отпустилъ въ Малакку тѣхъ одиннадцать Португальцевъ, которыхъ я спасъ въ морѣ?—Онъ клался мнѣ, что сожалѣть до крайности объ отравленіи этихъ людей, но просить и требуетъ именемъ малаккискаго губернатора, которому сейчасъ же напишетъ обо всемъ, чтобъ я остался, ибо отъ этого зависитъ участь товаровъ Перо де-Фарин, которыхъ у него тысячи на тридцать круадовъ, не считая своихъ собственныхъ, которыхъ почти на столько же.

Положеніе мое было довольно-затруднительно: оставаться опасно, а уйти и покинуть на произволъ судьбы Томѣ-Лобо съ имуществомъ Перо де-Фарин, я также считалъ невозможнымъ. Какъ тутъ поступить? Я предложилъ Томѣ-Лобо уговоръ, чтобъ онъ въ продолженіе пятнадцати дней превратилъ всѣ свои товары въ золото и драгоценныя камни, которыми та страна изобилуетъ, и былъ готовъ идти съ нами на моей ланчарѣ въ Патани; по прошествіи же этого срока, я уйду, и онъ можетъ дѣлаться, какъ знаетъ. Онъ согласился, и такимъ-образомъ я успокоился.

Томѣ-Лобо, боясь бѣды, принялся продавать свои товары такъ усердно и такъ дешево, что черезъ восемь дней въ амбарахъ его ничего не осталось. Онъ не бралъ ни гвоздики, ни перца, ни другихъ приностей, которые могли бы загрузить мою ланчару, а принималъ только золото, привозимое сюда изъ Менавгабу, алмазы, доставляемые нажу рунангахъ изъ Лаоса и Та-

жангпура, и жемчугъ изъ Борнео и Сolora.

Когда все было устроено, и намъ только осталось, перебравшись на другой день на ланчару отправиться въ путь, демону пришло въ голову испортить все дѣло. Пѣнто Ходжа-Джамаль, посланникъ борнеоскаго султана, жившій года три или четыре при дворѣ пагангскаго короля, человекъ очень-богатый, убилъ его за то, что засталъ съ своею женою; происшествіе это подняло въ городѣ такую тревогу и до того взволновало народъ, что, мажалося, будто весь адъ сорвался съ мѣши. Множество праздныхъ и буйныхъ людей, готовыхъ всегда наважность, чего они не смѣли дѣлать, боясь своего государя, собрались въ числѣ шести или семисотъ человекъ и ворвались тремя толпами въ домъ, гдѣ жилъ Томѣ-Лобо. Мы отбѣгались, какъ могла, но наконецъ, когда съ нашей стороны легло одиннадцать человекъ, въ томъ числѣ трое прибывшихъ со мною изъ Малакки Португальцевъ, и самъ Томѣ-Лобо получилъ шесть ранъ, изъ которыхъ одна сабельный ударъ расцѣпилъ ему правую щеку до шен, мы увидѣли себя въ необходимости отступить на ланчару. Господь помогъ намъ спастись вмѣстѣ съ патью Португальцами восемью матросами, но товары пропали всѣ, а въ кладовой Томѣ-Лобо было одного золота и драгоценныхъ камней въ тысячѣ на пятьдесятъ круадовъ.

Мы отделились отъ берега и продолжали до рассвѣта въ безпрестанной тревогѣ. Видя, что съ каждымъ часомъ дѣла идутъ хуже и хуже и что возмущеніе въ городѣ разгарается сильнѣе, мы рѣшились уйти въ Патани, не желая подвергнуться опасности быть убитыми. Намъ нослѣ оказалось, что, во время этого бунта, въ Пагангѣ около четырехъ тысячъ человекъ лишилось жизни.

Снявшись съ якоря, мы черезъ шесть дней пришли въ Патани, гдѣ были очень-хорошо приняты жителями тамъ Португальцами и рассказали имъ въ подробности обо всемъ, проис-

ведшемъ въ Пагангъ и о skutномъ по-
юженіи города, что поразило ихъ
илью, и они, движимые усердіемъ
юбрыхъ христіанъ, пошли въ домъ ко-
роля; объяснивъ ему, какой убытокъ
потерялъ его союзникъ, малакскій
губернаторъ, они просили позволенія
возвратить какъ-нибудь товары, кото-
рыхъ онъ совершенно безвнимо лишил-
ся. Король, выслушавъ ихъ благосклон-
но, сказалъ: «Справедливость требу-
етъ, чтобъ вы грабили тѣхъ, кто гра-
билъ вашихъ, а въ особенности тѣхъ,
кто ограбилъ малакского губернатора,
которому всѣ вы столько обязаны». Португалцы поблагодарили его за та-
кую шлюсть, и возвратясь домой, рѣ-
шили захватывать все, что только по-
падется имъ въ руки изъ принадлежа-
щаго жителямъ Паганга, пока не воз-
наградится весь убытокъ, понесенный
такъ нашими земляками во время по-
слѣднихъ смуть.

Двѣ черезъ девять провѣдали они,
что въ рѣкѣ Калавангъ, находящей-
ся лигахъ въ восемнадцати отъ Пата-
ни, стоятъ три китайскія джонки,
весьма-богато нагруженныя, которыя
принадлежатъ мавританскимъ куп-
цамъ изъ Паганга и зашли въ эту рѣку
по причинѣ противныхъ вѣтровъ. Изъ
трехъ-сотъ Португалцевъ, жившихъ
въ Патами, восемьдесятъ человѣкъ тог-
часъ же, не теряя времени, чтобъ не
дать зашедшимъ маврамъ успѣть пред-
упредить о себѣ, отправились въ
испещенію на двухъ фустахъ и од-
номъ большомъ суднѣ. Начальство
принялъ на себя Жоао-Фернандезъ-
Дабреу, уроженецъ острова Мадеры,
сынъ учителя короля дома Іоанна; онъ
взялъ съ собою на большомъ суднѣ
сорокъ солдатъ, а двумя фустами ко-
мандовали Лоренсо де-Гоевъ и Васко
Серменто, люди весьма-храбрые и
опытные въ военномъ и морскомъ дѣ-
лѣ.

Экспедиція прибыла на другой день
въ рѣку Калавангъ, и, увидѣвъ на яко-
рѣ джонки, о которыхъ они были увѣ-
домлены, наши напали на нихъ съ та-
кою стремительностію, что, не вырва-

на мужественную защиту мавровъ, онѣ
меньше чѣмъ черезъ часъ нашлись
вынужденными сдаться, лишившись
семидесяти-четырехъ человѣкъ уби-
тыми; изъ нашихъ было убитыхъ толь-
ко трое, но за то много раненыхъ.

Овладевъ джонками и пересадивъ на
нихъ часть своихъ людей для управле-
нія, Португалцы наши слова поста-
вили мавруа, и, вмѣстѣ съ джонками,
поспѣшили выйдти изъ рѣки; оста-
ваться долѣе было опасно, потому-что
все народонаселеніе окрестныхъ дере-
вень поднялось уже на ноги. Вышедъ
такимъ-образомъ изъ рѣки, они че-
резъ сутки прибыли въ Патами, при
громѣ артиллеріи и звукѣ трубъ и ба-
рабановъ, къ большому неудовольствію
мавровъ, которыми такое торжество
было очень-непріятно.

Мавры эти, не смотря на то, что по
наружности казались нашими друзьями,
употребляли всѣ усилія и всячески
старались подстрекать короля черезъ
его приближенныхъ, чтобъ онъ поссо-
рился съ нами и выгнать насъ изъ сво-
ихъ владѣній; но онъ оставался непре-
клоненъ и говорилъ, что ни за что не
наиѣренъ разорвать дружбу, которую
предшественники его заключили съ
Португальцами. Желая, однако, быть
посредникомъ между нами и козака-
ми джонковъ, онъ попросилъ насъ,
чтобъ мы взяли изъ грузовъ ихъ столь-
ко товаровъ, на сколько губернаторъ
Малакки потерялъ убытка, а суда от-
пустили домой, вознаградивъ и себя
нѣсколько за труды. Жоао-Фернан-
дезъ-Дабреу и большая часть Порту-
галцевъ, видя, какъ сильно король же-
лаетъ этого, согласились на его прось-
бу, за что онъ остался имъ весьма-до-
воленъ и пренного благодарилъ ихъ.

Вотъ какимъ-образомъ были возвра-
щены пятьдесятъ-тысячъ круадоновъ,
которыхъ Перо де-Фаріа и Томе-Добо
лишили въ Пагангъ, а Португалцы
остались въ той землѣ съ честнымъ
именемъ и заставили мавровъ бояться
и уважать себя. Говорили, что на взя-
тыхъ джонкахъ было одного серебра
тысячъ на триста круадоновъ, не счи-

тая другихъ товаровъ, которыми онѣ были богато нагружены.

V.

На двадцать-шестой день пребывания моего въ Патани, когда я уже былъ почти готовъ отправиться въ Малакку, прибыла оттуда Фуста, подъ начальствомъ капитана Антонио де-Фариа де-Сузы. Перо де-Фариа приехалъ его къ вѣдшему королю съ подарками и съ изъявленіемъ благодарности за хорошіе поступки его съ Португальцами, а также для нѣкоторыхъ переговоровъ, касающихся торговли нашей съ вѣдшимъ краемъ.

Антонио де-Фариа привѣзъ тысячи на двѣнадцать круизовъ индійскихъ товаровъ, которые ввезъ въ Малаккѣ въ долгъ, но которые вѣсь были въ такомъ дурномъ ходу, что никто не хотѣлъ покупать ихъ. Не зная что съ ними дѣлать, онъ рѣшился-было переименовать въ Патани, чтобъ выждать случая сбыть ихъ какъ-нибудь; однако, нѣкоторые изъ вѣдшихъ опытныхъ купцовъ посоветовали ему идти въ Лугоръ или Лигоръ, городъ въ Сіамскомъ Королевствѣ, лгъ на сто къ сѣверу отъ Патани, очень-богатый и обширный множествомъ джонговъ и проа изъ Лаоса, Таижагпура, Пасариванга, Солора, Борнео и другихъ мѣстъ, откуда привозятъ золото и дорогие камни для промѣна на разные товары.

Антонио де-Фариа рѣшился послужать этого совета и нанялъ себѣ въ Патани судно, ибо Фуста его была слѣшкомъ плоха; онъ поручилъ продажу своихъ товаровъ нѣкому Кристова Ворралью, челоѣку весьма опытному въ торговыхъ дѣлахъ, а съ нимъ должны были отправиться челоѣки семнадцать разночинцевъ и солдатъ, изъ которыхъ у каждаго было по немногу своего добра, и каждый надѣлся сдѣлать въ Лугорѣ такой оборотъ, чтобъ изъ одного круиза вышло кое-и даже больше. Въ числѣ этихъ расчетливыхъ былъ и я грѣшныи.

Мы снарядъ съ якоря въ суббе-

ту утромъ и, держась все вдоль берега, при попутныхъ вѣтрахъ пришли въ четвергъ слѣдующей недѣли къ входу въ Лугоръ. Бросивъ якорь въ устьѣ рѣки, мы простояли тутъ весь день, собирая по возможности подробнѣйшія свѣдѣнія обо всемъ, что могло касаться нашей торговли и нашей личной безопасности.

Свѣдѣнія эти были до того благоприятны, что мы надѣялись ушестерить свои капиталы, такъ - какъ сентябрь мѣсяцъ, по законамъ сіамскаго императора, былъ мѣсяцемъ *королевскихъ сумбай* или поклоновъ. Чтобъ познать значеніе этого выраженія, надобно знать, что вдоль всего восточнаго валайскаго берега и на нѣкоторое пространство во внутрь царствуетъ одинъ могущественный государь, который называется Пречау Салеу, императоръ всего Сорнау; царство его состоитъ изъ четырнадцати мелкихъ королевствъ, которыя извѣстны подъ общими именемъ Сіама. Всѣ эти четырнадцать королей, по древнему обычаю, были обязаны являться лично, разъ въ каждый годъ, въ городъ Оді, столицу Сорнау; туда они приносили дань, которую каждый долженъ былъ платить своему верховному повелителю, и дѣлали *сумбайю*, то-есть поклонъ въ знакъ покорности саблю, заткнутую за поясомъ императора.

Но такъ - какъ столица находится лгъ на пятьдесятъ во внутрь земли и теченіе рѣки очень-быстро, отъ чего королямъ часто приходилось долго проживать тамъ съ большими издержками и убытками, то императоръ, свяскола на нихъ общее промѣане, смягчилъ требованіе этого знака покорности, назначивъ въ городъ Лугоръ намѣстника, который на ихъ мѣстѣ называется *полю*: къ нему они должны представляться лично черезъ каждые три года, въ сентябрѣ, съ изъявленіемъ своей покорности и съ данью, которую каждый обязанъ нести въ продолженіе этихъ трехъ лѣтъ. Въ этотъ мѣсяцъ счисается пошлага въ томъ съ товаромъ, приносимымъ эти-

и ладниками — королями, но и со всёхъ, которые привозятъ купцы, какого бы арода они ни были.

Время нашего прибытія случилось какъ-разъ въ этотъ мѣсяцъ, и въ здѣшній городъ стеклось столько купцовъ, равныхъ сторовъ съ богатыми товарами, что по рассказамъ тамъ перобыло болѣе полуторы тысячи судовъ.

Все это мы узнали пока стояли на корѣ въ устьѣ рѣки, выжидая перемены вѣтра, чтобъ войти въ нее. Но вѣтръ наши Господу не угодно было допустить осуществленія нашихъ желаний надеждъ: часовъ около десяти, когда мы только-что приготовились обѣдать, ииѣя якорь на панель, чтобъ сняться тотчасъ же послѣды, мы увидѣли идущую изъ рѣки большую джонку, шедшую подъ однимъ фокломъ. Она бросила якорь прямо впереди насъ; потомъ, рассмотрѣвъ, то мы Португальцы и что насъ очень мало, да и судно у насъ маленькое, она выпустила канатъ и подрейсовала на насъ. Поравнявшись съ нашимъ носомъ, съ джонки закинули къ намъ на бортъ желѣзные крючья и притянули наше судно къ себѣ; потомъ появились вдругъ человекъ семьдесятъ или восемьдесятъ мавровъ съ примѣсю несколькихъ Туркоковъ, притаявшихся одѣль борта. Они испустили страшный крикъ и осыпали насъ такимъ радомъ камней, стрѣлъ и дротиковъ, то, меньше чѣмъ въ одинъ credo, изъ двенадцати Португальцевъ легло на бортъ двѣнадцать, и кромѣ того тридцать-шесть матросовъ и невольниковъ. Бы четверо, удѣлѣвшіе, бросились въ море, и одинъ утонулъ не доплывъ до берега, а остальные добрались туда кое-какъ, измученные и израненные; мы съ трудомъ пошли по болотистому взморью, увязая въ тинѣ чуть не до осяса, и поспѣвши скрыться какъ можно-скорѣе въ лѣсу.

Мавры съ джонки взобрали на наше судно, и первымъ дѣломъ ихъ было доить лежавшихъ на палубѣ человекъ шесть или семь раненныхъ; потомъ, перетащавъ на джонку все, что соч-

ли достойнаго изъ груза и вещей, они прорубили судно и пустили ко дну, а сами немедленно подняли якорь, поставили паруса и пошли въ море.

Мы трое, спасшіеся отъ общей участи, израненные и безпомощные, принесли плакать и бить себя въ грудь кулаками, въ отчаяніи отъ всего, что видѣли за полчаса предъ тѣмъ, и такимъ-образомъ провели остатокъ этого горестнаго дня. Видя, что земля здѣсь болотиста и населена множествомъ змѣй и ящерицъ, мы рѣшились провести ночь на взморѣ, въ тинѣ. На другой день, когда разсвѣло, мы потянулись вдоль берега рѣки вверхъ, до небольшого рукава ея, черезъ который не рѣшились переправиться, какъ по глубинѣ его, такъ и потому-что видѣли въ немъ много большыхъ ящерицъ (*). Мы провели тутъ тяжкую ночь и пять слѣдующихъ дней, ибо намъ нельзя было идти ни впередъ, ни назадъ: вся земля была болотистая, поросшая высокою травой.

Въ продолженіе этого времени умеръ одинъ изъ насъ, по имени Бастіанъ Авринецъ, человекъ весьма — почтенный и богатый, у котораго на лавгарѣ пропало тысячъ восемь крузаловъ; остальные двое, Кристовао Борралейо и я, принуждены оплакивать худощавого покойника и сами были такъ слабы, что едва могли говорить: мы предчувствовали, что и намъ прійдется прожить недолго и были готовы умереть.

На другой день, около солнечнаго восхода, увидѣли мы сверху, по теченію рѣки, большую лодку, нагруженную солью; когда она поравнялась съ нами, мы встали на колѣни и умоляли гребцовъ взять насъ. Они приостановились, посмотрѣли на насъ пристально и показали намъ, будто хотятъ продолжать путь свой ииѣе по рѣкѣ; тогда мы закричали имъ, сколько у насъ было силъ, чтобъ они сжалились

(*) Впрочемъ, крокодилы.

надъ нами и не оставили умереть въ такомъ положеніи. При звукѣ нашего голоса поднялась въ кормѣ лодки пожилая женщина, вида важнаго и величаваго; увидя насъ въ такомъ жалкомъ состояніи и раны, которыя мы ей показали, она прикавала людямъ своимъ грести къ берегу; должно быть, люди сначала противились, потому что она взяла палку и надѣлила многихъ изъ нихъ добрыми ударами. Когда лодка пристала къ берегу, шестеро изъ гребцовъ выскочили и втащили насъ къ себѣ.

Почтенная женщина, видя насъ израненными, а локотья одежды нашей въ грязи и крови, велѣла вылить на насъ нѣсколько ушатовъ воды и дала обоямъ по куску бумажной матеріи для прикрытія наготы. Потомъ она посадила насъ подлѣ себя, дала намъ ѣсть изъ своихъ рукъ и сказала: — Подкрѣпляйте свои силы, бѣдные чужеземцы: и не унывайте. Вгляните на меня, я женщина еще не очень старая, а между-тѣмъ, шесть лѣтъ тому назадъ, была въ плѣну и ограблена больше чѣмъ на сто тысячъ крузадовъ имущества, лишилась трехъ сыновей и мужа, котораго любила больше глазъ своихъ, двухъ братьевъ и зятя— все они были растерзаны при мнѣ хоботами слоновъ сіамскаго государя; я видѣла, какъ три дочери, отецъ и мать были брошены въ раскаленную печь и умерли въ ужасныхъ мукахъ, испуская крики и стоны, отъ которыхъ небо должно бы развалиться. Я перенесла все это и влечу жизнь горестную, но не ропщу на Бога, ибо онъ знаетъ что дѣлаетъ.»

Мы отвѣчали ей, что Господу угодно было за грѣхи наши посѣтить и насъ бѣдствіемъ неожиданнымъ, послѣ котораго она видѣла насъ въ такомъ положеніи. Она возразила со слезами на глазахъ: «Хорошо вы дѣлаете, чужеземцы, что въ несчастіяхъ своихъ принимаете съ покорностью волю Божию». Потомъ она принялась расспрашивать насъ о причинѣ нашего бѣдствія, и мы рассказали, какъ все

произошло, присовокупивъ, что не знаемъ, кто были эти разбойники и за что они сдѣлали намъ столько зла. Люди ея заключили изъ нашихъ словъ, что навалившаяся на насъ большая джонка—та самая, на которой разбойничаетъ гузаратскій мавръ Ходжа-Асемъ, вышедшій въ тотъ день изъ рѣки и отправившійся съ грузомъ на островъ Гаи-Навъ.

Почтенная женщина, ударя себя въ грудь, воскликнула: «Пусть меня убьютъ, если это не онъ! Мавръ этотъ хвасталъ нѣсколько разъ въ присутствіи всѣхъ, кто его слушалъ, что онъ истребилъ многихъ изъ чужеземцевъ, владычущихъ Малаккой, и что покаялся своему пророку Мухаммеду убивать всѣхъ Португальцевъ, какіе только ему попадутся. — Мы, испуганные этимъ извѣстіемъ, спросили ее, что за человекъ этотъ мавръ и по какой причинѣ онъ питаетъ къ намъ такую кровожадную вражду. Она отвѣчала, что навѣрное не знаетъ, но что слыхала, будто одинъ изъ нашихъ главныхъ военачальниковъ, по имени Эйгорда-Сильвейра, убилъ его отца и двухъ братьевъ въ Мексикомъ-Провансѣ, на суднѣ, шедшемъ оттуда въ Дабулъ. Послѣ того она рассказала намъ еще много другихъ подробностей объ ожесточенной ненависти этого мавра къ Португальцамъ и обо всемъ, что онъ говоритъ и дѣлаетъ къ нашему вреду.

Отваливъ отъ мѣста, гдѣ насъ ждала эта почтенная женщина, мы пошли вверхъ по рѣкѣ подъ парусами и на веслахъ. Проѣхавъ около двухъ миль, мы остановились у небольшой деревни, въ которой переночевали, а на разсвѣтъ слѣдующаго дня пошли къ городу Лугору, находящемуся отсюда миль на пять, куда прибыли около полудня.

Покровительница наша взяла насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ мы прожили двадцать-три дня въ полномъ изобиліи, окруженные всѣми удобствами, которыя доставляла намъ ее заботливая почительность, такъ-что се-

ершено выдворили и поправились.

Женщина эта была вдова знатнаго юла. Мы въ-послѣдствіи узнали, что она была прежде женою Шабандара Іреведина, котораго Лаванарá, король Івайжоанга, что на островѣ Явѣ, бѣжалъ въ городѣ Банчá. Когда она насъ встрѣтила, она ѣхала съ своей большой джонки, нагруженной солью, которая садѣла въ водѣ слишкомъ-глубоко, чтобъ войти въ рѣку, а потому съ нею перевозили грузъ мало-по-малу на той самой лодкѣ, которая спасла насъ.

Когда Господу угодно было возвратити намъ здоровье, она слезла насъ одному кунду, своему родственнику, отправлявшемуся въ Патаии. Онъ взялъ насъ на греблюю калалузу, на которой собрался ѣхать, и мы черезъ семь дней прибыли благополучно въ Патаии.

Антонио де-Фаріа, ожидавшій насъ съ нетерпѣніемъ и рассчитывавшій на большіе барыши, остолбенѣлъ, когда мы рассказали о горестной участи нашей ланчары. Большая часть бывшихъ адѣсь Португальцевъ были огорчены не менѣе его, ибо и они лишались всего своего имущества.

Антонио де-Фаріа, видя себя въ боепомощномъ состояніи и зная, что въ Малаккѣ отъ него потребуютъ взятыхъ долгъ двѣнадцать тысячъ крузаловъ, собралъ нашихъ земляковъ и объявилъ имъ, что не смѣетъ показаться на глаза своимъ кредиторамъ, а потому, по его мнѣнію, всѣмъ намъ остается одно средство: отыскать тѣхъ, кто насъ ограбилъ и возвратитъ себѣ силою наше потерянное добро. Потомъ онъ взялъ святое евангеліе и повлился надъ нимъ громогласно, что пойдетъ хоть на край свѣта искать нечестиваго навра и заставить его заплатить съ лихвою за все сдѣланное имъ зло, ибо смерть шестнадцати Португальцевъ и тридцати-шести христіанскихъ моряковъ не должна пройти разбойнику даромъ; иначе подобныя

Т. III. — Отд. VIII.

дѣла повторятся въ другой, въ десятый и въ сотый разъ.

Всѣ присутствовавшіе похвалили рѣшимость Антонио де-Фаріа и предложили себя и все, что у нихъ осталось денегъ, для исполненія его предпріятія. Онъ поблагодарилъ своихъ друзей за ихъ готовность и немедленно, съ величайшею дѣятельностью приступилъ къ нужнымъ приготовленіямъ, такъ что черезъ восемнадцать дней судно было готово къ отплытію съ пятьюдесятью-пятью солдатами и нужнымъ числомъ матросовъ и вольничковъ.

Необходимость заставила и меня идти въ эту экспедицію, ибо я остался безъ единого винтика, не имѣлъ никого, кто бы мнѣ помогъ въ крайности и, кромѣ того, долженъ былъ въ Малаккѣ болѣе пятисотъ крузаловъ, которыми друзья меня тамъ ссудили. А по милости этой собаки-навра у меня не осталось ровню ничего, кромѣ моего грѣшдаго, неравеннаго тѣла. Товарищъ мой Кристовао Борральйо былъ еще въ худшемъ положеніи: у него было еще больше разъ взаимну двухъ тысячъ пятьсотъ крузаловъ, на которые его ограбили вмѣстѣ съ прочими.

(Продолженіе впереди.)

ПИСЬМА ИЗЪ ПАРИЖА.

І У В Р Ъ .

Письмо второе.

Сдѣла отиравить къ тебѣ первое письмо, я забылъ сдѣлать необходимое пост-скриптумъ, необходимую огорку. Изъ моей торопливой рѣчи не выведи заключенія, что я вздумалъ Богъ-знаетъ съ чего приписывать боргескаго «Гладиатора» прямо римскому искусству. Анахронизмъ былъ бы слишкомъ-грубъ, когда объ этой

статуѣ есть не только весьма-определенное мнѣніе знатоковъ, но на ней же самой читается имя художника: «Агасіасъ изъ Эфеса». Это еще искусство греческое, но не то свободное, вдохновенное искусство, которое изъ вѣковѣчныхъ идей творило неумиряющіе образы, а то, которое, наследуя отъ него все совершенство техники, всѣ утонченности моделировки, не наследовало лишь тайны внутренней жизни въ его созданіяхъ, или, если угодно, теряло ее болѣе-и-болѣе и извращало методу, начиная со вѣшняго, часто съ подражанія, и думая потомъ извнѣ прицѣпить къ своему произведенію жизненный духъ,—словомъ, искусство, уже подающее руку римскому, уже обозначающее ему путь и образъ дѣйствованія. Эпоха его начинается отъ смерти Александра Великаго и продолжается за полстолѣтіе по Р. Хр., когда Римъ сталъ уже средоточіемъ искусства, когда, источникъ свою политическую производительность, онъ хотѣлъ еще быть всемірнымъ законодателемъ въ дѣлѣ искусства. И когда подумаешь, что къ той же самой эпохѣ принадлежатъ группа Лаокоона, Венера Медичейская, то нельзя не сознаться, что и у ней были свѣтлыя свои мгновенія, и къ ней прилеталъ гоній жизни въ извѣстныхъ минутахъ, и многое еще творилось на зависть будущимъ вѣкамъ, — хотя общее тяготѣніе было уже не къ цвѣту, который въ искусствѣ, какъ и въ природѣ, бываетъ только однажды, но къ упадку, къ потемнѣнію жизни, къ нравственному безсилію... Какъ-будто Римъ, истощенный семивѣковою жизнію, неспособенъ былъ воспринять въ свои нѣдра искусство, какъ только на этой его точкѣ! И надобно отдать ему справедливость: рабски копируя образцы всѣхъ стилей и всѣхъ извѣстныхъ, т. е. подвластныхъ ему народовъ, въ своей собственной производительности онъ всегда вѣрно соотножился съ своимъ вкусомъ, съ своими потребностями, и никогда не напрягался свыше силъ своихъ. Когда нуж-

но было копировать, онъ такъ же мало задумывался надъ граціозною Аяною Фидіаса, какъ и надъ тощею Пандою съ береговъ Нила; но когда Римъ начиналъ производить самъ, изъ своей собственной головы,—подъ руками его, вмѣсто боговъ, плодились почти только головы имъ же каждодневно творимыхъ и обоготворяемыхъ императоровъ, — образы, которые, конечно, ни въ какой вѣкъ и ни при какомъ освѣщеніи не могли бы послужить идеалами красоты, но которыми, однако, по всей вѣроятности, воображеніе Римлянъ той эпохи занято было не менѣе, чѣмъ фантазія древнихъ Грековъ — ихъ Зевсами, Аферодитами, Аполлонами... Но если когда и Риму удавалось привязать вѣрную мысль или чувство къ одному изъ своихъ произведеній, онъ любилъ потомъ повторять это произведеніе нѣсколько разъ съ малыми видоизмѣненіями: такъ любилъ онъ нѣжный бюстъ и прекрасную голову Антинаго съ легкимъ отблескомъ задумчивости... И вслѣдъ Римъ былъ правъ: онъ любилъ то, что ему было по силамъ и что въ его много-пережившей душѣ дѣйствительно оставалось живаго: это минутное чувство невольной грусти, которое, какъ легкое облако, набѣгало на него въ часы шремыщенія и отъ котораго задумчиво склонялась голова его юношей, рано, слишкомъ-рано заблудившихся въ наслажденіяхъ и потерявшихъ цѣль жизни, даже самый видъ на нѣсколько-отдаленную будущность...

Но чтобы намъ не остаться при одной оговоркѣ, ты позволишь мнѣ еще на минуту возвратиться въ Грецію, — потому-что невозможно, посвятивъ, примѣрно, часъ Венерѣ Мидосской, не отдать хотя нѣсколькихъ минутъ Боргезской Вазѣ. Нельзя: оставаясь передъ нею разъ, навѣрное придешь къ ней и другой, и это будетъ еще не послѣдній... Въ чемъ тайна прелесть, которая растетъ по-мѣрѣ-того, какъ въ нее всматриваешься, и наконецъ навить къ себѣ глазъ уже неладишь? Напрасно хотѣлъ бы я посоветовать

съ каталогомъ: былъ когда-то составленъ добрый каталогъ для кабинета древностей, но весь вышелъ, да и много потомъ намѣнилось въ порядкѣ, даже въ самомъ количествѣ; новаго же каталога еще и не обѣщаютъ: маленькая странность, о которой нельзя сказать довольно. По-счастью, можно нанести справку хоть въ нѣмецкой книгѣ: я прибѣгаю къ Вагену и вижу, къ удовольствію, что рельефы Боргезской Вазы отвесены у него въ разрядъ тѣхъ древностей въ луврскомъ собраніи, которыя по всѣмъ признакамъ должны принадлежать школѣ Скопаса... Теперь понятно, почему, переходя къ вазѣ прямо отъ Венеры Милосской, чувствуешь себя какъ-бы въ той же самой сферѣ, остаешься при одномъ созерцаніи, какова бы ни была разность въ мысли духъ произведеній. По времени исполненія, впрочемъ, рельефы Боргезской Вазы никакъ не могутъ быть равнѣ времени Адриана. Таково мнѣніе моего авторитета: я не знаю причинъ такой строгости, потому-что онѣ не высказаны, но вѣрно, что онѣ должны быть очень-сильны. Что касается до меня, невооруженнаго эрудиціей, то—очарованіе ли прелестнаго рисунка отвело мнѣ глаза, или потому-что работа сдѣлана съ необыкновенною любовью, не смотря на то, что была только подражаніемъ, —только я просмотрѣлъ слѣды римскаго рѣза, т. е. рѣза вренскаго римскаго искусства, и готовъ былъ видѣть въ копіи самый оригиналъ. Вотъ что значить быть непосвященнымъ!

Начавъ обходить эту прекрасную вазу, поставленную на пьедесталѣ, не скоро остановишься... Не то, чтобы ужъ она была такъ огромна, разумѣется, а что, не имѣя возможности охватить всю картину разомъ и принужденный постепенно переходить отъ одной фигуры къ другой, не хочешь ни на одной изъ нихъ остановиться какъ на послѣдней и такимъ-образомъ какъ-будто терлешь конецъ. Всего десятъ фигуръ, мужскихъ и женскихъ, расположенныхъ на нѣсколько отдѣль-

ныхъ груннъ и изображающихъ вѣсть процессію вакхическаго характера. Мы, новые, знающіе о бытѣ древнихъ Грековъ едва-ли еще не больше по памятникамъ, чѣмъ по историческимъ даннымъ, ны бы иногда въ состояніи задать себѣ вопросъ: не есть ли ужъ это обманъ искусства, что даже вакхическое уносеніе Грековъ представляется въ такихъ изящныхъ формахъ? Въ-самомъ-дѣлѣ, возьмите какую угодно изъ этихъ десяти фигуръ, всѣ онѣ исполнены — не скажу только живши, чѣмъ проникнуты всѣ памятники чисто-греческаго искусства, еще самой обворожительной граціи, съ которою глазъ не разстается охотно. Дикующая ли вакханка, восторженно закинувшая назадъ свою прекрасную голову и радостно несущаяся впередъ съ поднятымъ тирсомъ, другая ли, увлеченная тѣмъ же порывомъ, но наклонившая корпусъ впередъ, между тѣмъ, какъ ноги, кажется, меньше повинуются тому же движенію, или та, которая съ улыбкой самодовольствія стала среди процессіи и такъ свободно развернула красоту своего стана, прикрытаго легкой греческой туникой, наконецъ — не касаясь уже прочтѣ—самъ ли благовидный, но и болѣе другихъ уносеній Бахусъ, какъ-бы роняющій свое тѣло вслѣдъ за руками, которыя тянутся за упавшею чашею, но еще подержанный дружественною рукою, — все это обито граціею, все полно несказаннаго изящества, въ каждой изъ этихъ изящныхъ линий столько же вѣги, сколько и благородства! Не-уже-ли хариты, очевидно присутствовавшія при рожденіи этихъ художественныхъ линий, также вѣрно служили Грекамъ и въ самой ихъ дѣйствительной жизни, также неразлучны были съ ними и въ самыхъ крайностяхъ вакхическихъ пировъ, — и не ухилили онѣ, не бѣжали, закрывая лицо, отъ буйнаго разгула оргій? А въ наше время иногда не встрѣчаешь ихъ даже и тамъ, гдѣ бы, казалось, безъ харитъ даже и дѣлать нечего, — даже иногда въ мастерской художника! Я

уж не смѣю говорить о нашихъ оргіахъ, которыхъ, сколько знаю, не бра-лась еще изображать рука художника.

Но, когда смотришь на эти образы, созданныя когда-то живыми искусствомъ, когда потомъ, возвращаясь къ нимъ въскольکو разъ, душевно по-любашь ихъ благородство въ самомъ страстномъ увлеченіи, ихъ граціоз-ность даже среди нескромнаго вакхи-ческаго упоенія, тогда — склоняешься и къ вѣрѣ, что была когда-то жизнь, что жилъ когда-то народъ, которому не чужды были ни эта мощная грація, ни эта благородная красота, хотя бы то въ минуты буйнаго вакхическаго равагула, — потому что, думаю я, на-ковы бы ни были высшія навтія искус-ства, вырастаетъ оно всегда на дѣй-ствительной почвѣ, и идеальности аб-солютно невозможныя, тѣ, которыхъ не могла бы вмѣстѣ природа чело-вѣческая ни настоящаго времени, ни вѣковъ прошедшихъ, — такія идеаль-ности, еслибъ и остановили наше внима-ніе на минуту, никогда не могли бы привлечь нашей любви къ себѣ. Есть въ нашемъ чувствѣ это вѣрное чутье жизни, котораго обмануть нельзя: по-зволя себѣ временемъ завлекаться въ фантастическій міръ искусства, оно, впрочемъ, никогда не входитъ въ него, какъ въ міръ лишь только мечтатель-ный, но всегда почти умѣетъ отличить въ немъ истинный пульсъ жизни отъ ея призрака. Не даромъ глаза мой прививаются всякій разъ болѣе и болѣе, на-прим., хоть бы къ фигурамъ «Борговской Вазы», не даромъ вообра-женіе любитъ возвращаться къ нимъ и послѣ, когда ихъ нѣтъ болѣе передъ глазами, и восстанавливаетъ въ себѣ ихъ легкіе очерки: есть въ этомъ очарова-ніи и своя доля истины — не ежеднев-ной, даже не современной, если хо-чешь, но которая, однако, не при-зракъ и не обманъ. Кстати мнѣ при-ходитъ на мысль примѣръ гораздо бо-лѣе близкій: вспомни разность, на-примѣръ, между Жанной и Fleur-de- Marie, какъ между двумя идеаль-ностями совершенно-различнаго рода,

изъ которыхъ о второй почти не стоить и говорить... Но мы и такъ не будемъ больше говорить на этотъ разъ, потому что зашли слишкомъ далеко.

Письмо третье.

Войдемъ сегодня въ картинную га-лерею. Одна лѣстница, и ты сдѣлаешь переходъ отъ древняго искусства къ искусству новому. Тѣмъ, которые за-дѣли даже послѣдній закатъ древняго міра, мало было бы жизни въсколь-кихъ столѣтій, чтобъ сдѣлать такой шагъ, чтобъ видѣть не то, что цѣль новаго искусства, а хотя бы первые его зачатки: тебѣ же это ничего не стоить, потому только, что ты — самый юнѣйшаго поколѣнія, за которымъ ле-жатъ два отжившіе міра, зашедшіе намъ лишь свое безсмертіе. Это твоя выгода: оборотившись назадъ, ты можешь видѣть тамъ не только ве-ликія тѣни, отъ которыхъ одинъ Дантъ могъ доспрашиваться отвѣтовъ, но два безконечныя ряда неумиравущихъ обра-зовъ, которые ни на минуту не да-дутъ тебѣ задуматься о смерти, а раз-вѣ наперерывъ будутъ динить тебя своею жизненностью. Два безконечныя ряда: тамъ оконченный міръ иску-ства древняго, здѣсь — безпрестанно возрождающійся міръ новаго, котора-го цѣль, впрочемъ, отдѣлена отъ насъ цѣлыми тремя столѣтіями. Только въ громадной фантазіи Наполеона могла зародиться фантастическая мысль — себратъ всѣ богатства этихъ двухъ мі-ровъ въ одномъ центрѣ, то-есть въ Па-рижѣ. Предположивъ даже возмож-ность осуществленія на дѣлѣ такой фантазіи — какое изображеніе не по-терпелось бы среди этого необъятнаго соединенія творчества всѣхъ вѣковъ, какой острый умъ не отупѣлъ бы въ усиліяхъ охватить однимъ разомъ все безконечное разнообразіе жизни, ко-торое гений отжившаго челоуѣчества оставилъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ!

За то, какъ-бы переполненная образомъ прошедшаго, фантазія современная тѣмъ менѣе плодотворна, чѣмъ дается впередъ... Или, можетъ-быть, я пристрастно ошибаюсь, но напрасно иду въ прозведеніяхъ новѣйшаго искусства того духа жизни, которыми ѣдетъ на меня отъ греческихъ мраморовъ, котораго присутствіе ощущается ивъ часто даже въ картинахъ второстепенныхъ старыхъ мастеровъ; напрасно спрашиваю я, гдѣ тѣ великіе образы, которые создала новѣйшая фантазія и которые бы такъ же наполнили наше воображеніе, какъ воображеніе древнихъ было полно этими вѣчными типами Зевсовъ, Аферодитъ, Аполлоновъ, Аѳинъ, Гермесовъ, или какъ сіяющій божественною кротостію образъ Мадонны и свѣтлый ликъ ея спутниковъ были неразлучны почти съ каждою мыслию среднихъ вѣковъ? Или уже мы, а въ насъ—человѣчество, назвали такъ много, что истощилась производительная сила фантазіи, что ушла она въ нѣмыя направленія жизни? Или, проинкалувшись благоговѣніемъ передъ великими образцами прошедшаго, художникъ новаго времени тѣмъ самымъ связываетъ крылья своей фантазіи, задерживаетъ свободный полетъ ея?—Но, когда я перешошу мысль мою въ область новаго искусства, въ область новизны, тамъ не вижу я, чтобъ авторитетъ прежнихъ образцовъ такъ смертоносно дѣйствовалъ на новый самородный талантъ; тамъ нахожу я, наоборотъ, что изъ великаго источника новый поэтъ вычерпываетъ мысль и вдохновеніе для созданія новаго, независимаго, оригинальнаго. Ты знаешь, какъ-примѣръ, что безъ Пенгении древней не могло быть и новой; но ты знаешь также, что послѣдняя дышитъ своею собственною, незамысловатою жизнью. А если хочешь, я еще припомню тебѣ, что, читая Гомера, Гёте отнѣтъ самымъ чтеніемъ вдохновлялся—къ чему ты думаешь?—къ тому, чтобъ пошрѣтать съ нимъ силъ въ прозведеніи, которое бы, такъ-сказать, составило продолженіе Илиады.

То правда, впрочемъ, что первыми идеями тѣхъ образовъ, которыми занято было воображеніе древнихъ, или въ которыхъ и на зарѣ дней и на закатѣ жизни любили возвращаться люди среднихъ вѣковъ, не были впервые созданы искусствомъ: оно нашло уже ихъ совершенно-готовыми; оставалось только найти для нихъ пластическое выраженіе, возлѣпить ихъ въ художественно-изящный образъ,—и потому другому искусству послѣ долгихъ и трудныхъ усилій наконецъ удалось довершить это дѣло. Съ того времени эти идеи въ свѣтлыхъ образахъ, которые созданы для нихъ искусствомъ, остались вѣчными типами. Художникъ нашего времени пойдетъ ли искать своего вдохновенія въ той же сферѣ, откуда почерпнули его Рафаэли, Винчи, Корреджіо—не говоря уже о Сконасахъ, Праксителяхъ? Но эта пропасть, которая легла между нимъ и тѣмъ временемъ и которая называется вообще XVIII вѣкомъ—онъ въ состояніи ли обойти ее?.. Повытки, усилія сдѣлать этотъ страшный обходъ и привязать свои мысли къ традиціямъ тѣхъ отдаленныхъ, давно минувшихъ временъ, я вижу на каждомъ шагу, и въ Луврѣ, можетъ-быть, болѣе, чѣмъ гдѣ-нибудь. Но... не знаю какъ бы проще сказать мнѣ свою мысль—я вѣрю, что на простую, но вѣраую копію съ картины одного изъ большихъ старыхъ мастеровъ я бы смотрѣлъ съ вѣкотораго рода наслаженіемъ въ сравненіи съ тѣмъ чувствомъ, отъ котораго нельзя освободиться, когда смотришь на эти усилія создать изъ тѣхъ же идей нѣчто самостоятельное. Въ-самомъ-дѣлѣ, эту болѣзненную аффектацію прозвезсти нѣчто равное великому, я замѣчаю слишкомъ-ясно, даже противъ моего желанія, но только одну аффектацію, и ничего далѣе ея: какъ-будто вся цѣль художника состояла только въ томъ, чтобъ какъ-можно-ярче выказать свое напряженіе! Особенно прозведенія художниковъ предпоследней французской школы: они оставляютъ такое же впечатлѣніе, какъ если бы

вы смотрѣли на мальчика, который, чтобъ показаться большаго, вытягивался бы сверхъ своей мѣры, надувалъ себя скулы и таращилъ глаза... Есть, конечно, весьма-почетвыя исключенія; но, во-первыхъ, исключенія лишь тѣмъ рѣзче обозначаютъ общее правило, а потомъ — какая связь между одними исключеніями? Они не приыкаютъ ни къ какой школѣ въ-особенности, никогда не составляютъ собою дѣлаго рада, и всегда останутся чистыми случайностями. XVIII вѣкъ, во-крайней-мѣрѣ, не заботился о великомъ, и производилъ — хоть мелкое, да свое.

По-неводѣ повторить вопросъ: куда же, къ какому же роду идей должна примкнуть фантазія художника нашего времени, чтобъ дать плодъ, достойный искусства? Но бессиліе теорій отвѣчать положительно на этотъ вопросъ доказано ужъ столькими опытами, что надовецъ не стоитъ труда придумывать новый. Даже стараясь уловить направленіе современнаго пластическаго искусства какъ оно есть — теряется больше въ словахъ, чѣмъ въ мысляхъ... То хотѣтъ обратитъ искусство къ современному сознанію, въ немъ заставляютъ художника искать своего вдохновенія. Есть, правда, безконечное множество идей, которыми каждый Божій день движется и волнуется общество XIX вѣка: въ какой уголъ старой Евropy ни заглянете, вездѣ услышите этотъ кличъ, призывающій къ дѣйствію во имя идей. Но эти идеи, которые вы такъ хорошо знали сегодня — вы почти не узнаете ихъ проснувшись на другой день: такъ часто мѣняются онѣ въ наше время свой образъ! На нашихъ глазахъ были даже случаи, что художникъ, остановившись съ любовью на одномъ изъ этихъ явленій — и почти готовъ бы сказать на одной изъ новыхъ системъ, — отдавался ему всею душою, то-есть, въ отвлеченную идею переносилъ весь жаръ своего чувства и пытался много разъ — то, что называется въ искусствѣ — творить изъ этого матеріала: и всѣ,

которые на ту пору обдержалъ тотъ же самый демонъ, были въ восторгѣ... Прошло нѣсколько времени нервы, жаръ къ извѣстнаго рода идеямъ охладился, и то самое, что недавно еще доставило художнику столько новыхъ симпатій, стали обращать почти въ упрекъ ему. И не совѣтъ Совѣтъ основанія: потому-что, наконецъ, талантъ, самъ того не замѣчая, ударился въ систему и закрылъ такъ-называемыми идеями самую личность, изъ которыхъ необходимо должно было слѣдствовать дѣйствіе его драмы. Читатель (я долженъ признаться, что примѣръ мой не принадлежитъ къ области собственно-пластическаго искусства) съ грустными чувствами начиналъ сантиментальничать, какъ все болѣе-и-болѣе злоупотребляютъ его вниманіемъ и, вѣсто живыхъ людей, показывають ему иногда условныя понятія, только что конструированныя по-человѣчески. Къ счастью, талантъ, о которомъ идетъ рѣчь, скоро самъ почувствовалъ естественность своего направленія... Какъ я уже сказалъ, этотъ случай не принадлежитъ собственно къ исторіи пластики; но я воображаю, что было бы, еслибъ онъ повторился въ области пластическомъ искусствѣ!

Отсылаютъ потомъ художника къ жизни дѣйствительной, какъ она есть. Надобно отдать справедливость такому требованію: если въ немъ нѣтъ большой претензіи, зато много истины, то-есть, вѣрности взгляда. Изъ одного этого начала вышла почти вся фламандская школа, и гениальная осязанія самого Рубенса, хотя и не укладывается вся въ эту рамку, впрочемъ, какъ часто должна была чувствовать себя въ ней совершенно на мѣстѣ! Чтобъ не оставить моей мысли безъ подтвержденія — въ Луврѣ же есть его картина, съ которой Тельеръ какъ-бы снималъ только копію, лишь не заботясь о яркомъ колоритѣ оригинала. Правда, остается при однихъ картинахъ и сценахъ жизни, какъ она есть передъ нашими глазами, надо для искусства: высшими дѣтми искусства всегда

станется идеалъ, и въ этомъ отноше-
 ии фламиндская школа всегда будетъ
 для позая итальянской. Но по-край-
 ей-мѣрѣ можно надѣяться, что върное
 акому началу искусство не упадетъ
 въ аффектацію, въ принужденность,
 атянутость, и при условіи истиннаго
 планта произведетъ многого, надъ чѣмъ
 въ удовольствіемъ остановится и взоръ
 удущаго поколѣнія. Изъ новыхъ ху-
 жниковъ, г. Вернѣ едва-ли не лучше
 стѣхъ поинлъ это начало и, служа ему
 врно передъ прочими своими собра-
 іями, заваялъ едва-ли не самое почет-
 ое мѣсто между знаменитостями со-
 ременнаго искусства. Я не говорю рѣ-
 ительно, но вижу причины настаивать
 на своемъ мнѣніи. Въ послѣднее
 ремя онъ преимущественно обратился
 въ кипучей военной жизни, — и чтобы
 акъ-можно-ближе быть къ дѣйстви-
 ьности, пишетъ почти исключи-
 ьно сцены изъ войны Французовъ
 Арабами въ Алжирѣ. Известно, ка-
 ое огромное наследство произведеній
 ивописи готовить нашъ вѣкъ своему
 ремнику; но—сколько можно угады-
 ать вкусъ и требованія будущихъ по-
 олнѣй — въ этомъ множествѣ я не
 влю, что оцнвится болѣе и искрен-
 ье, на-прим., • Приступа къ Констан-
 ьнѣ и • Взятіи Смалы (Prise de Sma-
), составляющими теперь лучшее
 крашеніе Версаля. Какая, въ-самомъ-
 ьдѣ, истинная, неподдѣльная жизнь!
 акая прѣстота и естественность не
 олько лицъ, движеній, фзіономій —
 аже самаго колорита, свѣтлаго, про-
 рачнаго, впрочемъ, безъ яркости, бро-
 ающейсѣ въ глаза, но и безъ немощ-
 ой бѣдности, такъ отвывающейсѣ
 анерностию! Что такое • Приступъ къ
 онстантию? Группа французскихъ
 одатъ, въ перистышку съ офицерами
 абирающихся на стѣну по грудамъ
 амней. На всѣхъ пунктахъ почти
 олько и виднѣтъ, что простой фран-
 узской мундиръ. Казалось бы, какъ
 двообразно, монотонно: а между-тѣмъ,
 колько тутъ разбросано жизни, и какъ
 то похоже на жизнь, — то-есть, на
 живъ съ яснымъ лицомъ, съ отвагой

и бодростію бѣгущую на встрѣчу са-
 мой смерти. А • Взятіе Смалы? Длин-
 ный, развернутый свитокъ, гдѣ напра-
 сно ищешь главнаго пункта, съ кото-
 раго бы можно было обозрѣть всю кар-
 тину однимъ взглядомъ. Но зрителю
 стѣитъ только поумѣрить свою възиска-
 тельность относительно этого пункта,
 и передъ нимъ развернется, одна за
 другою, рядъ прерасходныхъ группъ,
 гдѣ много всего — натуры, изученія,
 жизни, драмы, не говоря уже о высо-
 комъ мастерствѣ техническомъ и жи-
 вости колорита. Станъ арабскаго пле-
 мени захваченъ въ-распдохъ отрядомъ
 французскаго войска: старый шейхъ
 не успѣлъ окончить подъ навѣсомъ по-
 леваго шатра своей молитвы, какъ на-
 летѣла гроза и въ одно мгновение раз-
 несла тревогу, страхъ и самую гибель
 по всему безпечному становищу. Еще
 одни только хватаются за оружіе, а
 другіе ужъ гибнутъ подъ убійствен-
 нымъ огнемъ Европейцевъ. Пока на-
 чальникъ трибы въ центрѣ стана огля-
 дываетъ быстрымъ взглядомъ неудер-
 жимый беспорядокъ вокругъ себя,
 чтобы нѣсколько собрать свои мысли и
 отдать первыя нужнѣйшія приказанія,
 тамъ, подлѣ перваго стана, наиболѣе-
 подверженнаго нападенію, молодой
 Арабъ, центръ своего племени, рanen-
 ный пулею въ грудь, уже гнетъ колѣ-
 но къ землѣ; но съ нимъ молодая по-
 друга его жизни, вольная дочь степей,
 которой смуглую красоту также при-
 крываетъ лишь одно бѣлое покрывало;
 взглядъ ея, полный ненависти и мще-
 нія, устремленъ на враговъ, а рука под-
 держиваетъ раненаго и, кажется, са-
 мую бодрость, въ немъ погасающую:
 вы еще замѣчаете у него усиліе под-
 нять руку, вооруженную пистолетомъ,
 и глаза, готовые закрытыся, кажутся,
 еще ищутъ врага... А подлѣ нихъ —
 картина янаго рода: красивые степ-
 ные быки, какихъ умѣетъ писать толь-
 ко кисть Вернѣ, загнанные тою же
 бурею, примчались съ буйной тревоги
 въ середину стана и почти смали подъ
 собою женщину съ ребенкомъ: опроки-
 нутая, она въ полубезпамятствѣ какъ

къ людямъ простираетъ къ нимъ руки, и въ движеніи головы одного изъ этихъ животныхъ есть что-то выражающее какъ-бы усиліе удержаться, что-то похожее на желаніе остановиться передъ крикомъ безпомощнаго человечества. На одинъ только шагъ отъ нихъ утѣкаетъ впередъ Жидъ и несетъ на своемъ лицѣ весь страхъ свой... Дальше—верблюды съ драгоценнымъ вьюкомъ: тамъ, подъ завѣсою плотной ткани, укрываетъ ролливый начальникъ трибы лучшія жемчужины своего гарема; но передъ гробомъ не удержались и самые покровы ревности: тревога добралась и сюда, одинъ верблюдъ ужъ сгибаетъ переднія колѣни, вѣстѣ съ нимъ вьюкъ наклоняется на сторону, полотно раздернулось, и двѣ жемчужины ужъ выпадаютъ изъ своего гнѣзда, между-тѣмъ, какъ другая, вызванная, можетъ-быть, столько же любовитствомъ, сколько и страхомъ, оснѣбилась сама раздвинуть полотно своего вьючнаго шатра и выглядываетъ изъ другаго гнѣзда. Здѣсь оканчивается суматоха, но не оканчивается ни тревога, ни безпокойство: еще можно отличить высокую фигуру и повелительный жестъ начальника трибы, но все, что вокругъ него, мужщины, женщины — страхъ, недоумѣніе, или само отчаяніе. Впрочемъ, художникъ владѣетъ превосходнымъ тактомъ: не смотря на весь соблазнъ набранныго имъ сюжета, онъ нигдѣ не въ эффектѣ, нигдѣ не позволилъ себѣ ни малѣйшаго преувеличенія, и вездѣ умѣлъ быть вѣрнымъ красотѣ и благородству; особенно нельзя не замѣтить прекрасной фигуры арабской женщины, упавшей на колѣни неподалеку отъ начальника трибы и съ воплемъ отчаянія подвинувшей руки передъ головою; въ этой фигурѣ есть много мужественной красоты и благородства. А вотъ, вѣсколько-ниже, глупая негрятенка, представленная, кажется, стеречъ богатый запасъ плодовъ, которыми глава племени, вѣроятно, готовился въ мирѣ полакомить вкусъ свой: ее одну только глупо радуетъ печальность этой тревоги; на-

нее теперь никто не обращаетъ вниманія, и она можетъ овладѣть лучшими кускомъ, на который давно завистливо смотрѣли глаза ея...

Но довольно. Я не предполагалъ говорить объ этой картинѣ, — въ этомъ письмѣ по-крайней-мѣрѣ, — и лишь вспомнилъ о ней къ случаю, не удержался. Даже видѣвъ ее только разъ, нельзя не унести о ней воспоминаванія самаго свѣжаго, самаго живаго. А я съ своей стороны особенно не могу довольно налюбоваться въ ней прелестью простоты вѣстѣ съ естественностью, какъ въ рисункѣ, такъ и въ колоритѣ, именно тѣмъ, чего такъ напрасно досрашивается вы у большей части новыхъ художниковъ: что имъ говори, а любить они мудрить!

Но я еще не кончилъ рѣчи о томъ, чего хочетъ теорія отъ современнаго искусства — живописи въ-особенности. Въ своей безпокойной абсолютности отыскать для новаго искусства твердую почву, она еще обращаетъ его къ исторіи: тамъ, говоритъ она, твоя золотая руда, тамъ вѣрный источникъ твоего обогащенія. По-моему, это значить только взять шире вопросъ о приложеніи жизни дѣйствительной къ искусству: что жъ такое исторія, какъ не прошлая жизнь человечества? И въ такомъ случаѣ, конечно, къ чему бы художникъ долженъ былъ ограничиваться лишь тою жизнью, которая у него передъ глазами? Развѣ потому только, что передъ нею всякая намъ жизнь казалась-бы ему слишкомъ мала?.. Итакъ, требованіе теоріи совершенно-законно. Но это требованіе, чѣмъ же оно ново? Что же сказалъ оно искусству такого, чего бы искусство не знало давнымъ-давно? Такъ было и-конни: всегда искусство жило въ тѣсной дружбѣ съ исторіею, изъ него порождено было лучшія свои созданія; тамъ, гдѣ еще не было вавата исторіи точной, несомнѣтельной, оно обращалось къ мифологіи: но вѣдь мифологія есть только первая глава исторіи; конецъ одной и начале другой срослись такъ органически, что разведывать ихъ означало

тельно не въ состояніи никакая критика. А сколько жизни вынесло искусство изъ мифологій, а не нѣтъ нужды здѣсь припоминать. Въ живописи особенно, историческій родъ существовалъ даже гораздо-прежде, чѣмъ всѣйшей другой. Почти можно бы сказать, что только упадокъ его повелъ къ совершенствованію другихъ родовъ. Достаточно указать на исторію фламандской школы. Нѣтъ, это отнюдь не новый фактъ, что искусство обращается къ исторіи. Другое дѣло сказать, что искусство возвращается на старыя, или когда-то прославленные пути. Но здѣсь-то и начинается самый важный вопросъ: если оно, въ-самомъ-дѣлѣ, хочетъ идти прежнимъ путемъ, путемъ счастлаго искусства итальянскаго, съ какими силами отважится оно на этотъ подвигъ? Вѣдь и Давидъ разрабатывалъ большею частію сюжеты историческіе; но когда бы всѣ, по его примѣру, стали вносить въ эническое дѣйствіе суровыхъ старыхъ временъ подражательную жизнь своего вѣка, тогда трудно сказать, что стало бы съ искусствомъ...

Впрочемъ, нельзя не замѣтить къ слову, что историческое направленіе живописи въ наше время имѣетъ на своей сторонѣ по-крайней-мѣрѣ такой прекрасный талантъ, какъ Деларошъ. По расчету ли, или просто по наклонности болѣе или менѣе индивидуальной, онъ ограничился въ самомъ избранномъ имъ ходѣ особенною серіею, которая, по сущности своей, надобно привѣтаться, очень-мало доступна для идеальнаго и гораздо-болѣе располагаетъ къ эффектаціи: это—исторіи тѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ страданій, которыми такъ часто поначался блескъ вѣнца, и которыя иногда еще тяжелѣ падали на головы людей, виновныхъ лишь тѣмъ, что права крови открывали имъ слишкомъ широкіе пути. Теорія едва-ли бы не отказалась заранее отъ такого направленія. И въ-самомъ-дѣлѣ, въ немъ очень-много опасностей для художественнаго такта: такъ легко попасть въ мелодрама-

тическую дорогу, изображая страданія мало-обыкновенныя, нѣкоторымъ образомъ изъятые изъ обыкновеннаго порядка. Но иногда талантъ дѣлаетъ больше, чѣмъ сколько предчувствуетъ теорія, и я съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю о картинѣ Делароша «Смерть Жанны Грей», которую мнѣ случилось видѣть на послѣдней выставкѣ въ пользу бѣдныхъ художниковъ. Картина написана давно и принадлежитъ одному частному лицу. Выборъ предмета таковъ, что нѣсколько разъ можно бы не согласиться съ художникомъ прежде, чѣмъ планъ былъ бы приведенъ въ исполненіе. Но въ искусствѣ доброе выполненіе иногда въ состояніи переименить самую точку возрѣнія на предметъ. Я долженъ привѣтаться: когда я шелъ смотрѣть «Смерть Жанны Грей», у меня было предубѣжденіе больше противъ нея, нежели въ ея пользу; но первый же взглядъ на картину далъ мнѣ почувствовать, что въ ней есть своя собственная основа, и что приговора не должно приносить назвѣ... Молодая дѣвушка, только-что расцвѣтшая для жизни, съ кроткимъ сердцемъ, едва-ли доступнымъ даже для тщеславія, но только для честолюбія, но обреченная на позорную казнь отъ руки палача— не за вину, которой нѣтъ за ней, и не за страсть, которой она еще не испытала, а чтобъ однимъ страхомъ было меньше для временщиковъ, державшихъ въ своихъ рукахъ всю власть и, однако, немогшихъ спокойно спать ночей, думая, что съ именемъ одной дѣвушки соединены нѣкоторыя права на престолъ: вотъ сюжетъ картины, сюжетъ, какъ видите, представляющій столько же трудностей, сколько и опасныхъ искушеній. Вглянемъ теперь на самую картину. На ней только нѣтъ фигуръ (дѣйствіе происходитъ на эшафотѣ, подъ сводами Товера). Посерединѣ сама Жанна, передъ плахой, лишь за минуту до исполненія казни; рядомъ съ нею... не знаю, пасторъ, или судья, котораго обязанность приготовить ее къ смерти; направо—па-

лать, придерживающійся за свой топоръ, и наконецъ, еще двѣ фигуры на дѣво, мужчина и женщина, въ шѣмъ ужасѣ отъ дѣла преступнаго, безчестно-кроваваго, которое готово совершиться. Какая простая, умная обстановка! Но, разъ остановившись на фигурѣ самой Жанны, вы не можете потомъ свести глазъ, и тайнымъ ужасомъ волнуется сердце, и смотритъ на бѣдную жертву, приносимую влоду властолюбія... Надобно замѣтить, что художникъ не придавъ своей Жаннѣ ни особенно-значительной наружности, ни даже красоты привлекательной: онъ оставилъ ей только ея молодость и дѣвическую неопытность; еще больше: по расчету весьма-умному, желая дѣйствовать, такъ-сказать, самому истинно, безъ этихъ вспомогательныхъ средствъ, въ которыхъ прибѣгаютъ ищущіе прежде всего эффекта на видѣнное чувство, онъ не хотѣлъ поражать зрителя даже этимъ ужасомъ предсмертнаго отчаянія, который наиболѣе долженъ былъ выразиться во взглядѣ Жанны, обращенномъ на влаху, и представлялъ ее съ поважкою на глазахъ. Между-тѣмъ, — и это уже доказательство высокаго мастерства — въ одной attitude Жанны онъ далъ читать почти всю исторію ея безславнопечальной судьбы. Она уже стоитъ на колѣняхъ не для того, чтобъ молиться, ибо эта прекрасная минута для нея уже прошла и не возвратится, а чтобъ тотчасъ же склонить голову на плаху, которая стоитъ тутъ же передъ нею въ ожиданіи жертвы; во въ эту послѣднюю минуту жизни еще упорствуетъ, и судорожно простирающіеся впередъ руки, какъ-бы ища оттолкнуть этотъ страшный отрубокъ дерева, котораго только-что не видятъ глаза, говорятъ лучше всѣхъ эффектовъ о томъ, чтó происходитъ въ этомъ бѣдномъ сердцѣ. Но приговоръ неизбеженъ, и тотъ, на кого вложена тяжелая обязанность быть послѣднимъ почителемъ этой умерщвленной жизни, хотя крѣтко, безъ наскія, однако старается овладѣть трепещущими ру-

ками жертвы и, можетъ-быть, съ пощю успокоительныхъ словъ — прекратить этотъ послѣдній влечежный порывъ упорствующаго духа жизни... Тутъ какъ-будто читается, что вотъ, въ одной злополучѣйшей часъ, безчеловѣчный приговоръ застигъ это юное сердце, еще едва-ли довольно расширившееся для всѣхъ радостей жизни, не только-что неспособное вынести мысли о смерти; что съ помощію сильныхъ религіозныхъ внушеній, для которыхъ никогда не закрыто поле открытаго сердца дѣвущий, его убѣдили покориться, то-есть покорить самую волю неизбежному приговору; что, можетъ-быть, была и такая минута, когда отчаяніе, безнадежность всякаго спасенія сжали его, оледенили въ немъ кровь и сдѣлали энергію чувства; что въ состояніи нравственной оцѣненности пришла она на ибсто казни и на данному знаку силою покорныхъ колѣнъ; но что проснулся наконецъ духъ жизни, предчувствуя свое уничтоженіе, страшнымъ рывкомъ заволаше сердце, вся кровь возмущилась, тут близко орудіе казни незаслуженно, необмыслимой, и трепетно простерлась впередъ руки — немощныя руки, которыя не могли бы возвратить даже прикосновенія другой болѣе сильной руки, не только оттолкнуть отъ себя орудіе казни! Напрасно, все напрасно: не поможетъ никакой воля, не защититъ никакая невнимательность; еще минута — эта прекрасная молодая жизнь будетъ убита, зарѣзана: таковъ приговоръ суда, т. е. человѣческой справедливости!...

Но не увлекся ли я?.. Иду еще разъ повторить свои впечатлѣнія.

СЛУХИТЬ—КАЛѢ.

(Из путевых записок.)

Наступил август мѣсяцъ. Мы едва равнились послѣ утренней грозы, вырѣднили стеньги (*), поставили верх паруса. Большая зыбь толчеѣй хогла еще по морю: бѣдный бригъ шь, при каждомъ ударѣ неправильн волны, со стеномъ поднимался и тускелся то бокомъ, то кормой, силь хлесталъ обезвѣтренными парусам, сгибая въ дугу брам-стенги и озя оборвать такелажъ. День влолся къ вечеру; мннуть чрезъ вать, сѣбъ того, какъ солнце сѣло за тунный горизонтъ, смерклось. Но, на падѣ опять уже занншалас молнн, зываемая во внутренней Россн зарнцн; только зарница эта, обѣщающая хорощнй урожай, не предвѣщала сѣбъ ничего добраго, потому-что звѣы съ той стороны, гдѣ блестѣла она, начали меркнуть. Скоро, точно по отожению, молнн стала свернать въ противоположной сторонѣ неба, потомъ не въ третьемъ мѣстѣ, дагѣ — въ четвертомъ, въ пятомъ, и наконецъ дуано было рѣшнть, въ какой точкѣ неба не было ея: нногда во всѣхъ мѣлахъ она всыхивала въ одно время, пожала на всемъ небѣ и всадѣ погла: то опять она горѣла въ одной оронѣ—въ другой, и дрожащнй свѣтъ переходнлъ отъ одного края горизонта въ другому... Вѣтеръ свѣжѣлъ — мы бирали паруса однмъ за другимъ. Сначала закрѣпнли бом-брамсели и брамнли (**); потомъ взяли рнфы у марсе-

лей и бизани (*), спустили брам-стенги—надобно было ожидать большой грозы: черныя тучн застилали всѣ звѣзды, и по-временамъ, то дѣлалось такъ темно, что на разстояннн двухъ шаговъ нельзя было различнть бѣлаго цвѣта; то одннй край горизонта всыхивала, и всѣ небо взгоралось яркнмъ, дрожащнмъ свѣтомъ: тогда можно было видѣть темный кавказскнй берегъ, закрытый густыми облаками, нѣсколько одинокихъ парусовъ, мелькавшихъ между волнами, до послѣдней снасти все вооруженне брига, загорѣлымъ лица матросовъ, прижавшихся лучками по угламъ; потомъ опять все гасло и только горѣли тусклыми фосфорнымъ свѣтомъ верхушкн волнъ, скрывававшихся вдалькъ на черннхъ горизонтѣ. Каждая волна набѣгала на бригъ съ-навѣтра, бросала его бокомъ въ сторону, потомъ, подвнвъ на хребтѣ, съ какнмъ-то всемъ раскатывалась съ подвѣтренной стороны, покрывшнсь блестящей пѣной, и въ ту же мннуту бригъ, снрнл, бокомъ вскакивалъ на другую волну. Все на этой мрачной картинѣ было какъ-будто въ заговорѣ; послышалас глухой раскатъ грома, и во всѣхъ концахъ горизонта совершенно въ тѣхъ жезвукахъ повторнлись отголоскн его. Мы закрѣпнли марсели. Я всегда этнмъ бываю доволенъ: если марсели стоятъ еще, должно еще дѣйствовать рулемъ, думать, что налетнтъ шквалъ и опасно будетъ посылать команду убнрать паруса; но если лисели (***) въ рострахъ, брам-стенги спущены, марсели закрѣплены, люнкн законопачены, остается уцѣпнтися за первую надежную снасть и быть спокойнымъ зрителемъ

(*) Каждая мачта на кораблѣ состоитъ въ трехъ частей: нижняя, и самая толдая, называется мачтою, вторая—стенгю, третья — брам-стенгюю. Во время льзгаго вѣтра спускаютъ брам-стенгн; а потомъ, если слншкомъ гнется стеньга, то и нхъ спускаютъ.

(**) Главныхъ парусовъ на каждой мачтѣ по четыре: верхннй, и самый малый въ ннхъ, называется бом-брамсель, вто-рой—брамсель, третнй—марсель.

(*) Взять рнфы у паруса значнтъ подвнзывать, уменьшать его. Бизань—крайннй кормовой парусъ.

(**) Лисели—добавочные паруса, подннимаемые по сторонамъ главныхъ. Въ штормъ она убнраются на средину верхней мачу-бы, называемой рострама.

всего, что природа изобрѣтетъ новаго. Природа въ такихъ обстоятельствахъ никогда не медлитъ: она или унимаетъ грозу, и звѣзды начинаютъ мелькать между тучами, или посылаетъ жестокіе шквалы, которые свистать въ свастахъ, рвутъ оставшіеся паруса, бросая небольшое судно какъ легкій чепухъ и срывая все, что не приковано къ нему. Лучше же, если она въ этомъ случаѣ разразится грозой; такъ было и съ нами: раскаты грома дѣлались оглушительны, небо зашумало и горѣло чаще. Какая-то страшная огненная полоса поднималась и шла растянутая по всему небосводу; она приближалась... сильнымъ ударомъ волны вырвало рымъ (*) у бокового орудія: при свѣтѣ молній можно тотчасъ было видѣть это. «Пошелъ, баковые, закрѣпить орудіе!» прокричалъ я, подходя къ бану. Человѣкъ десять матросовъ вскочили и, толкаясь въ обѣ стороны отъ качки, бросились къ орудію; огненная полоса была надъ нами, сильный ударъ грома разразился въ нѣсколькихъ саженяхъ: фонтаномъ брызнула вода и нѣсколько нескрѣ вспыхнуло на смоленыхъ свастахъ, — матросы бежали, у меня въ ушахъ звенѣло. Волды за тѣмъ хлынулъ дождь; бригъ повалился на бокъ и шкивалъ застоналъ въ свастахъ; ударъ грома съ подвѣтра, но глуше прежняго. После этихъ страшныхъ ударовъ, гроза начала успокоиваться: небо, заглавное крупицы дождемъ, еще горѣло; но уже бригъ поднялся и опять перекемилъ съ одной волны на другую. Огненная туча разстроила эту мрачную гармонию неба; она прошла — и звѣзды опять показались на небѣ, и опять все пришло въ прежній порядокъ; кавказскій берегъ, освѣщенный молніями, снова тянулся на востокъ, и мачты какого-то корабля мелькали между волнами.

Прошла гроза. Стало рассвѣтанье, осмотрѣвъ свой бригъ, наши, чѣфокарей (*) далъ трещину; съ правой стороны перелопались на вантахъ и лезвия бензелей (**), отъ-чего мачта осталась въ ненадежномъ положеніи. Все это невозможно было исправить и морѣ въ большое волненье, и мы рѣшились спуститься въ Сухумъ-Калѣ Свѣжій W вогналъ насъ въ эту бухту и оставилъ при входѣ на волю зѣбу. Приблизясь къ берегу, мы бросили якорь и завезли гусекъ (***).

Не смотря на то, что на многихъ ограниченческихъ вантахъ восточный берегъ Чернаго-Моря нарисованъ очень нелучисто, онъ, въ природѣ, идетъ отъ сѣверо-востока на юго-западъ почти по прямой линіи съ весьма-легкими изгибами и небольшою переломкою при одномъ Сухумъ-Калѣ. Къ югу отъ Ампы, валились въ него двѣ бухты, Суджукъ-Калѣ и Гелешджикъ; но бухты эти не лежали главного напрavenія берега: онѣ вдалились въ него по луоверамъ, соединясь съ моремъ одними проливами. Такихъ-образомъ на всемъ восточномъ берегу აღбтрив нѣста представляются хорошіе якорныя стоянки: Суджукъ-Калѣ, Ге

(*) Паруса привязываются къ горизонтальнымъ деревьямъ, называемымъ рымми. Нижний парусъ, фокъ, привязывается къ фока-рею, и такъ-какъ на него, сверсткого, растягивается марсель, то это дерево одно изъ важнѣйшихъ на кораблѣ.

(**) Бензель — тонкія веревки, служащія связями толстыхъ, которыми крѣпко завязывать невозможно. Если на однихъ державшихъ мачту, ложили бензель, то чтобъ завязать ихъ снова, должно идти на ванты, что въ большое волненье трудно сдѣлать.

(***) Гусекъ — два небольшие якоря, связанные по длинѣ, въ нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другаго, толстой веревкой. Ихъ кладутъ въ водѣ поочередно, чтобъ сначала узлы въ два одинъ, потомъ вытянуть соединяющую ихъ веревку, а другой; а отъ послѣдняго уже идетъ тянуть къ кораблю. Золотыя рымъ — такъ называются моряки.

(*) Рымы — желѣзное кольцо, за которое что-нибудь привѣшиваютъ.

джикъ и Сухумь-Калé. Иногда бухты служили главными пунктами сношеній Турковъ съ горцами; послѣдствіемъ, по положенію своему, ижны онѣ сдѣлались важными для съ портами въ военномъ и торговомъ пошепѣхъ; въ настоящее же время въ только служить убѣжищемъ отъ вѣрныхъ буръ и жестокаго волненія шмизъ крейсерамъ и транспортамъ купеческимъ судамъ, приходящимъ да для небольшой торговли, или ущимъ въ Азовское-Море и занесеніемъ противными вѣтрами къ этому берегу. Первые двѣ изъ этихъ бухтъ, Джукъ-Калé и Геленджикъ, страдаютъ отъ боры (*); входы ихъ тѣсны, а тому, не смотря на ихъ прекрасную рпу, не такъ надежны: ободраннѣй, кой-то обгорѣльшій видъ окрестностей вевольно поражаетъ насъ съ перого взгляда, и моринки не охотно заходятъ въ нихъ. Послѣдняя же — Сухумь-лэ, болѣе спокойная, можетъ считаться лучшею изъ нихъ, какъ временное убѣжище. Она лежитъ въ широтѣ северной 42°, 59', въ долготѣ отъ гриничскаго меридіана 41°. Хребетъ Кавкаскихъ-Горъ, начинаясь холмами юга отъ самой Тамани, идетъ главными высотами своими вдоль этого берега, раскидываясь вѣтвями направо и лѣво; приближаясь къ Сухумь-Калé, въ все дѣлается выше и выше. Здѣсь же вершины его почти до осени бываютъ покрыты снѣгомъ. У самаго залива онъ всею массою своею упирается въ море, довольно круто поворачиваясь на востокъ, дѣлается еще выше и уходитъ къ Каспійскому-Морю. Икъ, незначительный заливъ Сухумь-алé очень замѣчательнъ своей ситуа-

цией: онъ удался миль на двѣ полукружіемъ въ берегъ, шириной, отъ с. в. на ю. в. около 4-хъ англійскихъ миль. Сѣверо-западная оконечность его — довольно низкій мысъ, покрытый кустарникомъ и рѣдкимъ лѣсомъ; на немъ находятся развалины древней крѣпости Сухума, вѣроятно, основанной Греками до христіанской эры. Верстахъ въ двухъ отъ этихъ развалинъ находится крѣпость Новый-Сухумъ, основателями которой должно считать Генуэзцевъ. Послѣдняя не представляетъ ничего замѣчательнаго и весьма похожа на обыкновенный городской острогъ. На совершенно плоскомъ мѣстѣ выстроено каменное квадратное зданіе, саженъ три вышиною, не обнесенное ни ровомъ, ни валомъ; нѣкто изъ основателей его не позаботился даже поднять внутренній грунтъ этой крѣпости, чтобы уменьшить душнвость внутренняго воздуха и облегчить защитѣ ея. Два старые полуразрушенные блокауза и нѣсколько новыхъ домовъ стиснуты, въ настоящее время, въ этихъ стѣнахъ, на небольшомъ пространствѣ. Единственные ворота крѣпости выводятъ на улицу селенія, состоящаго изъ небольшихъ домиковъ и сараевъ, и растянувшагося вдоль берега къ горамъ. Жители селенія болѣею частью каранмы и солдаты гарнизона. Каранмы ведутъ мелочную торговлю табакомъ, привозимымъ изъ Турціи, виномъ, колоніальными товарами и фруктами; сарай служитъ имъ складочнымъ мѣстомъ и жилищемъ. Между селеніемъ и горами лежитъ болото, вредное своимъ испареніями, производящими извѣстныя здѣсь сухумскія лихорадки. Начиная отъ болота далѣе къ югу, все низкое побережье залива покрыто кустарникомъ, вплоть къ которому принаесть густой лѣсъ чинаровъ, дикихъ пальмъ, лавровъ и шелковичныхъ деревьевъ, веревитыхъ виноградными лозами и кустами ежевики. Огромныя, развѣсистыя чинары, въ это время года, очень-часто бываютъ сверху до низу увѣшаны виноградными кистями, потому-что вино-

(* Бора, бора на итальянскомъ языкѣ, въ переводѣ — сѣверо-восточный вѣтръ стихически еще называется такъ жестокой вѣтръ, дующій въ Тривестъ, и весьма а него похожій своимъ особенностямъ уходящій въ Суджукъ-Калé и Геленджикъ: точно такъ же, какъ *strosso*, юго-восточный, извѣстенъ больше подъ техническимъ своимъ названіемъ.

градъ, какъ плещъ, вьется по большимъ деревьямъ до самой вершины и на ихъ толстыхъ вѣтвяхъ находитъ опоры гибкимъ вѣткамъ своимъ, отагощеннымъ большими кистями. За дѣсомъ, внутрь земли, круто, какъ стѣна, поднимаются прибрежныя Кавкаскія Горы и заслоняютъ сухумскій портъ отъ сѣверо-востока и востока. На берегу, противъ горъ, находится полуразрушенная часовня, той же постройки, что и новая крѣпость. Далѣе, къ юго-восточной оконечности залива, впадаетъ въ него быстрая, небольшая рѣка *Келассуры*, ограничивающая на юго-востокъ внутренней дѣсь. Около рѣчки, на большое протяженіе къ горамъ, плутъ развалины стѣны, выстроенной, судя по ея древности въ одно время съ Старымъ - Сухумомъ; должно думать, что эта стѣна построена древними колонистами отъ набѣговъ аборигеновъ — жителей горъ. За рѣчкой, незначительное абазинское селеніе *Келассуры*, резиденція мѣстнаго владѣтеля. Далѣе — берегъ небольшими холмами ссырывается изъ вида, поворачивая на юго-востокъ.

Берега здѣсь покрыты глубоко мелкимъ камнемъ, который истертъ въ овальную форму восточными прибоемъ, плущимъ съ моря.

Дво залива образовалось довольно крутымъ склономъ къ морю; у самаго берега еще довольно мелко, но меньше, чемъ въ полумили отъ него, глубина уже 14 и 17 сажень; немногодальше 37 и 40, а на выходѣ въ море она дѣлается незначительна, такъ же какъ и во всемъ Черномъ-Морѣ. Грунтъ — густой илъ, часть съ пескомъ. Корабли, входя въ бухту, бросаютъ якорь на глубинѣ 17 сажень, ближе къ Новому-Сухуму, и завозятъ къ берегу гусекъ, который держитъ корабль отъ легкихъ береговыхъ вѣтровъ почти такъ же, какъ якорь, но имѣетъ ту выгоду, что его можно вынуть на обыкновенной шлюпкѣ.

Изъ всѣхъ вѣтровъ, дуящихъ въ заливъ, опасенъ для кораблей одинъ только сѣверо-западный, налетающій

порывами съ большой силой чрезъ низкую сѣверо-западную оконечность рейда. Случалось прежде, что онъ бросалъ на мель суда, становившіяся на якорь въ южной части рейда, около *Келассуры*, въ предупрежденіе чего и бросаютъ нынче якорь ближе къ Новому-Сухуму, т. е. сѣвернѣе. Береговой вѣтръ бываетъ слабъ; съ южной стороны бухта закрыта холмами; прочіе же вѣтры не доходятъ сюда, отраженные горами, и только небольшія зыби приходятъ въ заливъ во время штормовъ, волнующихъ открытое море. Надобно замѣтить, что въ Черномъ-Морѣ господствуютъ вѣтры — сѣверо-восточный, юго-западный и западный, изъ которыхъ особенно два послѣдніе часто обращаются въ штормъ. Послѣдній разводитъ на всемъ морѣ большое волненіе, которое всей массой своей бьетъ бурунами въ восточный берегъ, сворачиваетъ огромные камни и вырываетъ съ необыкновенной силой все прибрежье; множество судовъ выбрасываетъ сюда вѣтръ этотъ, и очень часто находятъ ихъ совершенно погребенными въ камняхъ. Можно легко себѣ представить, съ какою удовольствиемъ съдѣлавшіе видать сухумскій портъ, почти единственное мѣсто на кавказскомъ берегу, гдѣ можно укрыться отъ жестокаго SW. Корабль, застигнутый въ портъ этимъ вѣтромъ, убираетъ сначала верхніе паруса, спускаетъ потомъ реи и стеньги, борется съ неправильнымъ черноморскимъ волненіемъ и, выбившись изъ силъ, иногда съ обломаннымъ рангоутомъ и изорванными парусами спускается въ сухумскій портъ; прибывъ же, онъ видитъ суда въ полномъ вооруженіи и съ выправленнымъ рангоутомъ, спокойно и плавно качающіеся по широкой зыби, которая гуляетъ прибоемъ въ кремнистыхъ берегахъ. При самомъ входѣ его останавливаетъ штиль; потомъ встрѣчаетъ легкий береговой вѣтерокъ, и онъ, распускавъ паруса, тихо зашваруетъ въ якорной стоянкѣ. Корабликъ, стоящій здѣсь во время шторма отъ SW, также при-

тавляется странная противоположность настоящей тишины въ залвѣ въ эти сумрачныя небомъ, покрытыя бурными облаками, быстро-несущимися отъ юго-запада, — ихъ полнаго, равильнаго вооруженія съ бѣдственными положеніемъ плывущихъ въ вилу орта; и только ночью ревъ прибора и лачъ шакаловъ заводятъ какое-то ныніе. Въ ясную же и хорошую погоду, зеленый, цвѣтушій видъ окрестностей, густой, роскошный лѣсъ, таинственно уходящій по ущельямъ, разнообразныя сѣтвыя вершины горъ, бѣлая рѣчность, спрятанная до половины въ кустарникъ, широкое море, которое своей страшной, неизмѣримой глубиной ждастъ какую-то идею о безграничности, и эти тусклые облака, появляющіяся на югѣ въ одномъ и томъ же видѣ напоминающія отдаленный берегъ, составляютъ вмѣстѣ дикую, но прелезную картину. Глубина и безирерывная приборъ не позволяютъ здѣсь стромтъ адмиралтейство, а также лѣютъ этотъ портъ неудобнымъ, какъ млдочное мѣсто, для торговли; но, какъ надежное убѣжище отъ бурь, онъ егда останется приманкой для плывущихъ въ этой странѣ. Здѣсь, до-хъ-портъ, нѣтъ ни одной пристани, не смотря на то, никто не жалуется на неудобство выходить на берегъ: възжающіе съ кораблей держатъ пры въ берегу; волна выноситъ ихъ лючку на гладкіе камни, и люди, скакивая на берегъ, легко и безъ заудненія оттаскиваютъ ее на столько берегъ, чтобъ волны достать не могли. Въ портѣ находятся запасные на-зныи съ провіантомъ и необходимыми инструментами для починокъ ко-блей, а роскошный край и чудес-ный лѣсъ доставляютъ прочія необхо-мыя вещи для проходящихъ сюда.

В. Г.

ОПЫТЪ ПРОДОЛЖЕНІЯ РОМАНА ВАЛЬТЕРА СКОТТА: «АЙВИГО».

Второе письмо благороднѣйшему
Александрѣ Дюма, маркизу Дави
де-ла-Пелльетри.

Любезный маркизъ! При этомъ вто-ричномъ письмѣ, мнѣ показалось, что я уже приобрѣлъ право обращаться къ вамъ съ совершенной фамильярностью. Вотъ, мы завели съ вами развитыя идеи, вступили въ періодическое, дружное сотрудничество: съ вами я чувствую въ себѣ и довольство и гордость, ибо спискалъ у васъ такое довѣріе, что предлагаю вамъ превосходную мысль, — мысль, какой еще ни разу ни одинъ изъ вашихъ сотрудниковъ не сообщилъ вамъ; нѣтъ и въ голову не приходи-тъ сомнѣваться въ вашей лестной признательности, и, въ то же время, благосклонности англійской публики доказываетъ мнѣ, что я одинъ былъ бы въ состояніи выполнить вашъ ро-манъ. Сказать ли вамъ?.. Въ прошломъ мѣсяцѣ, нѣсколько разъ забиралась ко мнѣ эгоистическая мысль, внушающая сожалѣніе, зачѣмъ не умѣлъ я сберечь для себя всей славы и всѣхъ суще-ственныхъ выгодъ плана, который подъ вашимъ плодотворнымъ перомъ мо-жегъ породить такое количество то-моръ, какого не периодили ни во Фран-ціи — вашъ знаменитый предшествен-никъ Скюдери, ни въ Англии — авторъ *Клариссы Гарлд*, этотъ добрякъ Ри-чардсонъ, отъ англійскихъ дляннотъ котораго такъ остроумно спасъ васъ г. Жюль Жаневъ. Но нѣтъ! заколотъ я свою курицу, несущую золотыя яйца! скушайте же ее вмѣстѣ, отъ добраго сердца и съ добрымъ аппетитомъ. Раз-вѣ честь имѣть такого собрата по ору-жію... я хотѣлъ сказать по перу, тако-го собрата, какъ вы, не стоить всѣхъ сокровищъ Монте-Кристо?.. Итакъ, я буду продолжать, счастливымъ тою мы-слию, что и я приношу отъ себя камень на вашъ памятникъ, или, по крайней-

нѣрь, на тотъ великолѣпный сен-жерменскій замокъ, который, говорятъ, вы сооружаете на какомъ-то островѣ, созданномъ вами на горѣ, и думаю самъ про себя —

Любезный маркизъ! преданный вамъ
М. А. Титмаршъ.

А Й В Е Н Г О.

Часть II.

Продолженіе первой тома.

Я только предварительно набрелась всю ту часть, которую мы могли бы извлечь изъ исторіи юнаго принца Артура, изъ его первыхъ приключеній и любовныхъ похожденій, изъ его первыхъ битвъ и первыхъ опасностей. Сколько главъ могло бы составиться изъ узловъ такого драматическаго сюжета, совершенно-вѣрно очеркнутаго нашими Шекспиромъ, который не умѣлъ приличнымъ образомъ *раскустить* эпивода! Раскройте историка Юма: его холодный гѣсимѣ есть уже превосходный текстъ:

«Молодой герцогъ бретанскій, теперь уже достигшій юношескаго возраста, свежа сомкнулъ французскія войска, начинавшія непріязненные дѣйствія противъ англійскаго короля. Филиппъ принялъ его съ отличною благосклонностію, повелъ его въ званіе рыцаря, далъ ему въ замужество дочь свою Марію и извеституру не только на Бретанское-Герцогство, но еще на графства Анжуйское и Майнское, которыя онъ тутъ же предоставилъ дядѣ. Всѣ предпріятія союзниковъ удалась. Тилльеръ и Бутаванъ были взяты Филиппомъ послѣ слабаго сопротивленія. Монтемаръ и Лионъ сдались почти безъ одного удара. Принцъ осадилъ потомъ Гурвѣ и успѣлъ овладѣть этимъ важнымъ укрѣпленіемъ. Успѣхи принца шли быстро; но случилось событіе, которое повернуло дѣло въ пользу Іоанна и дало ему рѣшительный перевѣсъ надъ непріятелемъ.

«.... Юный Артуръ, жаждавшій военной славы, проникъ съ незначительнымъ отрядомъ въ Пуату. Проходи близъ Мирабо, онъ узналъ, что бабка его, королева Элеонора, всегда противодѣйствоваша ея выгодами, находится въ этомъ мѣстѣ подъ прикрытіемъ только слабаго гарнизона и разрушеннаго укрѣпленія. Онъ тутъ же рѣшился обложить укрѣпленіе и заставить королеву. Но Іоаннъ, выведенный изъ бездѣйствія такою близкою опасностію, собираетъ англійскую и брабансонскую армію, слѣхитъ за ночью Элеоноръ, нападаетъ на лагерь Артура прежде, нежели тотъ успѣлъ узнать объ угрожающей опасности, разбиваетъ его отрядъ, беретъ въ плѣнъ его-самого вмѣстѣ со многими несорочными баронами и съ торжествомъ возвращается въ Нормандію. Большую часть плѣнниковъ онъ отослалъ туда же, но Артура велѣлъ заключить въ Фалесскій-Замокъ...

«.... Тогда король имѣлъ свиданіе съ пленниками, представилъ ему неспособность его замысловъ и потребовалъ, чтобъ онъ отказался отъ французскаго союза. Отважный, но безразсудный юноша, въ которомъ неудача усилила гордость, упорствуетъ въ правотѣ своего дѣла; онъ объявляетъ свои права не только на французскія провинціи, но и на корону Англій и, въ свою очередь, требуетъ, чтобъ король велъ сына своего старшаго брата во владѣніе его наследствомъ. Но этия притязанія нравственной энергіи, Іоаннъ увидѣлъ, что юный принцъ, его настоящій плѣнникъ, можетъ хотѣть сдѣлаться опаснымъ врагомъ; онъ рѣшился предупредить всякую опасность, избавивъ себя отъ пленника, и — стало больше слуховъ объ Артурѣ.

«.... Говорятъ, король тогда же предлагалъ Вильгельму Брейскому, одному изъ своихъ близкихъ подданныхъ, убить принца; но Вильгельмъ отвѣчалъ, что онъ дворянинъ, а не палачъ. Іоаннъ вскорѣ началъ другіе легчайшее орудіе убійства, и сдѣлалъ необходимымъ предосторожности

слалъ его въ Фелезъ; но Губеръ дерсъ, камергеръ короля и губернаръ замка, подъ тѣмъ предлогомъ, о хочетъ самъ исполнить волю Иоаннъ, отослалъ назадъ убійцу, распулъ слухъ о смерти принца и велѣлъ ржественно совершить обрядъ побегенія. Потомъ, когда узналъ, что метонцы поклялись отмстить за убие Артура; и что мятежные бароны порстауютъ въ своемъ возстаніи, онъ велъ нужнымъ открыть тайну и обвинить всенародно, что герцогъ бретаній живъ. Это открытіе было гибелью для юнаго принца. Иоаннъ велѣлъ арестовать его въ Руавскій-Замокъ, гдѣ илъ самъ, предаваясь, съ своей молодой супругой, лѣни и наслажденіямъ. очью онъ прибылъ въ замокъ и велѣлъ привести къ себѣ Артура. Принцъ оналъ, какая опасность ему угрожаетъ; притомъ, продолжительное бдѣніе и близость смерти укротили въ немъ гордость: онъ бросился на колѣни и предъ людьми и молилъ о пощадѣ. Но жестокий тиранъ, не отвѣчая ни слова, разрывъ его изъ собственныхъ рукъ выжаломъ и, привязавъ къ трупу казнь, бросилъ его въ Сену (*).

Надѣюсь, любезный маркизъ, что, выписавъ эту историческую страничку, открылъ золотой рудникъ. Посмотрите, какія описанія, какія отступленія пропустилъ Юмъ! Мы можемъ возразить знамя бунта и усмиренія: вотъ вы, всѣ наши войска, предводимыя хъ различными вождями; съ громомъ ружія сливаются пѣсни послѣднихъ оиственныихъ бардовъ... Откуда эти еседыя звуки? Рѣчь идетъ о первомъ изданіи юнаго Артура съ французской принцессой Маріей. Сцены политическія, сцены любовныя... Айвенгò, постоянно incognito, присутствуетъ ездѣ, и, мы доходимъ до конца пераго тома.

Томъ II.

Глава I-я и II-я. Мы не должны забывать вступленія юнаго Артура въ рыцари. У насъ будетъ въ виду канунъ торжества и посвященіе въ капеллѣ. Вскорѣ Артуръ пріобрѣтаетъ шпоры при Бутаванѣ и Тилльерѣ. Безразсудный! куда влечетъ его юношеская горячность! Хорошо, что есть кому сберечь его отъ плѣна или смерти: при немъ Айвенгò, Гуртъ и Уамба! Слава тебѣ Господи! Вся роскошь войны, всѣ прелести мира являются ииѣ въ такихъ видимыхъ, осязательныхъ формахъ, что я съ восторженными жаромъ, увлекающимъ меня въ первый разъ въ жизни, бросаюсь въ мелодраму и помыкаю цѣлыми сотнями закованныхъ въ желѣзо рыцарей и разряженныхъ пажей.

Глава III-я.—До Артура доходятъ слухи, что бабка его (окаянная колдунья) въ Мирабо. Ни что, ни какіе доводы не воспрепятствуютъ ему броситься со всѣхъ ногъ наказатъ гнусную старуху. Тщетно Айвенгò пытается представить ему нѣкоторыя соображенія: «размыслите, государь, что она—ваша бабка; вспомните заповѣдь: чти отца твоего и мать твою... а также дѣдушку и бабушку». Но упрямый юноша-принцъ помнилъ только, что во время его младенчества бабушка не жалѣла для него плетки и очень-хорошо прилагала ее къ нему. Увы! теперь онъ напрашивался на наказаніе болѣе-трагическое.

Мнѣ кажется, любезнѣйшій маркизъ, не въ обиду, будь сказано вашимъ превосходнымъ желаніямъ, что не совсѣмъ-удобно будетъ черезъ-чуръ чернить эту королеву Элеопору. При случаѣ, конечно, исторія должна намъ позволить это; притомъ же не правдивѣ ли мы самой исторіи, т. е. мы, историческіе романисты? Итакъ, сдѣлаемъ изъ старухи Элеопоры пугало, нѣчто въ родѣ старой вѣдьмы, которая сама преувеличиваетъ свою ярость, даже почти до свѣшняго. Почему бы, вапримѣръ, осаждающимъ и осажден-

(*) Юмъ: стереотипное, компактное изданіе, томъ I, глава X, стр. 181. Лондонъ, 1811.

нымъ не мѣняться черезъ стѣны крепости задирающими вызовами, на манеръ того, какъ дѣлали герои Гомера; ни въ гарнизонѣ, ни въ осаждавшей арміи, вѣроятно, не было недостатка въ Территахъ. Почему бы старой фурин, стоя на западной башнѣ, не осыпала, съ помощію доброй говорной трубы, своего внука дѣвими сарказмами? Я всегда какъ-то любилъ фарсы въ трагедіяхъ. Самъ Вильямъ Шекспиръ, отъ котораго происходитъ по литературѣ вамъ будетъ такъ же лестно, какъ имѣть аристократическими предками Дави де-ла-Пеллетри, — нашъ Вильямъ, какъ называетъ его за просто вашъ Жюль Жаненъ, сдѣлавъ изъ короля Іоанна пьесу презабавную, и самый этотъ государь, не смотря на преступленія, запятнавшія его гербъ, играетъ тутъ роль превосходнаго человѣка и современнаго *джектльмена*... Между — тѣмъ, какъ принцъ Артуръ и него бабка *парламентируются* такимъ образомъ — если только позволено будетъ употребить это слово, говоря о не совсѣмъ парламентёрской перекличкѣ, — вдругъ откуда ни возьмись король Іоаннъ, налетаетъ съ своей арміей и беретъ въ плѣнъ бѣднаго Артура.

За этии эффектнымъ мѣстомъ слѣдуетъ капитальная сцена между королемъ Іоанномъ, юнымъ принцемъ и старой мегерой, исчисляющей различные роды мученій, которыми король медлитъ предать Артура, хотя онъ — плоть отъ плоти или кость отъ костей ея. Но мужество и гордость Артура закалились въ несчастьи; онъ приказываетъ мачихѣ поклонить колѣни предъ пасынкомъ, какъ васалкѣ предъ законнымъ королемъ. Элеонора отвѣчаетъ ему плотной оплеухой, которая, конечно, должна ослѣпить на минуту принца и заставить чихать самого Іоанна, потому что королева только-что передъ тѣмъ погружала свои костлявые пальцы въ табакерку. Такая площадная выходка разрушаетъ все впечатлѣніе, какое жаркая импровизація Артура произвела-было на даму.

Но свита и царственный плѣнникъ отправляются въ Руанъ, гдѣ находится дворъ короля и молодой королевы. Въ первомъ ряду почетныхъ дамъ рисуется леди Роуэна. Такъ-какъ повѣкъ потянется небольшими переѣздами, то и романъ можетъ также путешествовать. Тутъ легко будетъ вставить въ малое количество главъ изъ *Путешествія Впечатлѣній*.

Глава VI. *Описание увеселій короля, брадничковъ; баловъ, маскарадовъ, разнаго рода безчестствъ, въ которыхъ еаллаксруанскій поросенокъ...* Странное выраженіе, любезнѣйшій маркизъ. И такъ, король Іоаннъ пировалъ, и описаніе придворныхъ пировъ можетъ составить новый, богатѣйшій контрастъ съ нравой участію, ожидавшею царственнаго плѣнника. Въ верхнихъ палатахъ — музыка, танцы, вино и красавицы; внизу, подъ сводами — тюрьма, цѣпи, пытки, отсырѣвшія стѣны, жабы, всползающія нагрудь плѣнника, отвратительный кошмаръ просыпающагося человѣка. Но къ-чему нѣтъ указывать вамъ на контрасты, какъ, мастеру изъ мастеровъ въ употребленіи свѣто-тѣни?

Ну, вотъ мы и въ Руанѣ. Не враски ли бы тутъ на сцену бабушку Жюль д'Аркъ? Посудите сами, какой эффект! Эта вдохновенная пророчица, что Франція скоробудетъ освобождена отъ владычества Англичанъ; что родится дѣвственница, призванная Богомъ и то, чтобъ вести войско битъ Англичанъ, битъ ихъ до самого моря, гдѣ имъ не останется ничего болѣе дѣлать, какъ только гурьбой погрузиться въ воду, какъ баранамъ Навукадонозъ, по-крайней-мѣрѣ, если корабли не приготовятся принять ихъ на свои борты.

Что вы скажете объ этихъ импровизаціяхъ, сдѣланныхъ, для болѣе впечатлительности и достоинства, спустя семь или восемь лѣтъ послѣ событія?

Котати о руанскомъ поросенкѣ, въ забытъ бы намъ Гуртъ, чашка, пояса, тина простомоднаго, своей смѣлой и вѣдливой...

анихъ между ними слишкомъ-мало, не
ать ли, шаркать? Не забыть бы также
амбы, этого дурака, который поучить
азуму многихъ умныхъ людей. Гуртъ
Уамба помогаютъ Айвенгô въ его
вечисленныхъ попыткахъ освободить
рища. Они попытаются, пускаются во
возможныя переодѣванья и кажутся
идѣ-сущими.

Глава VII. *Смерть Артура.* — Если
къ тутъ нѣтъ превосходнаго текста,
послѣ этого я признаю историческій
омакъ невозможнымъ. Губеръ де-
уртъ тронуть; Артуръ оживаетъ на-
ждой; Айвенгô и его друзья тутъ, на
товѣ содѣйствовать бѣгству. Минута
ржественная и страшная! Колокола
а соборѣ св. Овена прозвонили пол-
очь, — драматическій часъ! Кафѣ и те-
гры уже давно были закрыты по при-
азу полиціи. Горожане спали на оба-
ка, сладострастно утонувъ въ пуху и
ерьяхъ. Городъ погруженъ въ мол-
авье и тьму, въ эту торжественную
ету, какъ называютъ ихъ Юнгъ. Въ
гу-то минуту Айвенгô, отчаявъ въ
дѣлѣ, которая была у него привязана
ь ступенямъ гостинницы, стоявшей
здѣ самой Сены, поплылъ тихонько
зѣмку. Черныя, исполненія башни
рѣчности рисовались на небѣ угрюмы-
и массами. Задумчивые всплески Се-
ы замирали у подножія укрѣпленій,
сверкающія звѣзды, по своей допо-
лной привычкѣ, мигали. Знамя Ан-
тин и Нормандіи лѣнливо волновалось
авершинахъ башенъ; за исключеніемъ
асоваго, котораго вооруженіе время
гъ-времени отражало блѣдный, упав-
ній на него лучъ звѣзды, да однооб-
азные шаги будили дремлющее поч-
ое эхо; все спало... нѣтъ, все не спа-
ло: красноватый свѣтъ проходилъ
возвѣ рѣшетку изъ комнаты, находив-
ейся въ одной изъ башенъ; Айвенгô
залъ эту комнату: въ ней содержался
вый принцъ, безъ сомнѣнія, ожидав-
ній себя вѣчнаго подвѣннаго заточе-
я.

Красноватый свѣтъ отражался въ
ерной поверхности Сены и выѣ рѣки

заставляла это отраженіе колебаться и
сверкать, въ родѣ блудящаго огонька.

Айвенгô, лишенный наслѣдства ры-
царь, который изъ предосторожности
положилъ на свои весла сурдины, въ
тихомолку приблизился къ самой крѣ-
пости и ждалъ условнаго знака и появ-
ленія веревочной лѣстницы, которую
Гуртъ, переодѣтый картевіанскимъ мо-
нахомъ, отдалъ наканунѣ царственно-
му узнику. Все было приготовлено:
Рауль де-Фронтиньякъ подкупилъ ка-
раульню парижскихъ воротъ; Бертрану
де-Кло-Вужо поручено было перепо-
нить стражу; добрые и ловкіе рыцари
Альфредъ д'Ориоль и Филиберъ Фран-
конскій ждали за воротами съ оспѣд-
ланными лошадьми и пол-сотней доб-
рыхъ коней. Жизнь, свобода, любовь,
корона Англии, — все было вънизу вер-
вочной лѣстницы, или по-крайней-мѣ-
рѣ за нѣсколько сотъ шаговъ, и, гово-
ря собственно о коронѣ, никогда не
украшила бы она другой, болѣе-благе-
родной головы.

Урочный часъ пробилъ, но знака
никакого не было подано. Лишенный
наслѣдства рыцарь впалъ въ самое
сильное безпокойство. Тѣни проходили
передъ красными свѣтомъ, тѣни быст-
рыя, фантастическія: ему казалось, что
онъ видѣлъ борьбу и слышалъ крикъ.
«Это должно быть тюремщика рѣжутъ»,
подумалъ онъ: «хоть онъ и тюремщикъ,
а все человѣкъ; мнѣ жаль бѣдняка, но
что дѣлать? такъ надо было. — Пробыло
полтора часа за полночь. Кто-то подо-
шелъ къ рѣшеткѣ. «Слава святому Валь-
тѣфу!» пробормоталъ шопотомъ ры-
царь, и, уцѣпившись за случившуюся
въ стѣнѣ впадину, поднялъ глаза
вверхъ, чтобъ видѣть, какъ будетъ спу-
скается желанная лѣстница.

— Клянусь мощами святаго Петра!..
произнесъ голосъ изъ-за рѣшетки: —
дѣло сдѣлано во-время! Молодецъ пе-
репилъ прутья у своей кѣтки!

Въ ту же минуту одинъ изъ этихъ
прутьевъ, сильно тряхнутый и бро-
шенный въ рѣку, пролетѣлъ на расто-
яніи нѣсколькихъ линій отъ головы Ай-
венгô и исчезъ въ черной пучинѣ Се-

ны, раскинувъ вокругъ пѣнистыя брызги.

Айвенгò слишкомъ-хорошо зналъ этотъ звѣрскій, дикій голосъ: то былъ голосъ Иоанна-Плантагенета; замыселъ былъ открытъ. Скоро другая желѣзная полоса послѣдовала за первой; потомъ въ окнѣ показалась черная масса, что-то тяжелое въ иѣшкѣ.

• Старая допремійская колдунья, которую мы вчера сожгли, пророчила, что онъ вырвется чрезъ это окно, прокричалъ тотъ же голосъ съ адскимъ хохотомъ, отъ котораго застыла кровь въ жилахъ Айвенгò. • Колдунья всегда говоритъ правду: въ-самомъ-дѣлѣ, именно чрезъ это окно мой любимый племянничекъ отправляется въ Сену. Опускай иѣшокъ, мой милый де-Бургъ. Давай дорогу королевскому правосудію.

То былъ трупъ юнаго Артура Плантагенета. Доблестный рыцарь набожно перевезъ его на другой берегъ.

Теперь ужъ, конечно, немножко повидно, любезнѣйшій маркизъ, спрашивать самого-себя о томъ, что было дѣлать Артуру Плантагенету въ исторіи Айвенгò, Рсекии и Роуэны. Но можно разомъ объяснить дѣло; чрезвычайно-легко доказать, что этотъ эпизодъ не только занимателенъ, но даже рѣшительно необходимъ для нашего историческаго романа.

Въ числѣ почетныхъ дамъ молодой королевы, супруги Иоанна, мы уже упомянули о несравненной леди Роуэнѣ, хранительницѣ гардероба: должность важная, если принять въ соображеніе, что такая дѣятельная королева и девица, какъ Елизавета, имѣла не менѣе трехъ тысячъ платьевъ.

Сэръ Уильфриду Айвенгò было въ это время много другихъ хлопотъ: онъ перевезъ трупъ Артура ко двору Филиппа-Августа, провозгласилъ англійскаго короля Иоанна измѣнникомъ и убійцей; короче сказать—если онъ не бросилъ перчатки на вызовъ бойцамъ, которые осмѣлятся поднять ее, за то, оставая Руанъ подъ защитою темной ночи, приблизъ означенную пер-

чатку къ самой двери дворца. Новое убійство Артура пробудило въ Европѣ бурю негодованія, которая заставила царственнаго убійцу дрожать и отъ ярости и отъ страха; всѣ христіанскіе иеросы признали его измѣнникомъ и вѣроломцемъ; всѣ истинные рыцари оставили его службу; даже придворные, отыскавъ въ себѣ остатки стыда, бѣжали отъ двора его.

Отважусь я, любезнѣйшій маркизъ, на небольшое замѣчаніе: роль, которую играетъ въ нашемъ романѣ Губеръ де-Бургъ, не совсѣмъ согласна съ исторіей; у насъ эта роль даже невозможно выхулась. Губеръ де-Бургъ, котораго мы вставили держать иѣшокъ, въ первый разъ спасъ принца. Ну, если, заче чашня, родъ его еще не прекратился,—вѣдь насъ съ вами какъ разъ вступитъ въ процессъ! Но нашъ сулътанъ порѣшенъ, скажете вы? Быть такъ! Возвратитесь къ королю Иоанну.

Извѣстно, какъ дѣйствовалъ тутъ этотъ дикій звѣръ. Но предполагается, что читатель историческаго романа ничего не знаетъ: кто намъ иѣшетъ раскрыть картину безпутствъ и жестокостей Иоанна-Безземельнаго? Вѣнценный ненавистью и презрѣніемъ своихъ подданныхъ, онъ беретъ знанатовъ вездѣ, гдѣ только можетъ; требуетъ, чтобъ старшіе сыновья знатнѣйшихъ дворянъ явились ко двору; но многія благородныя дамы отказались выдать своихъ дѣтей этому гнусному и свирѣпому живодѣру.

• Мнѣ отдать моего сына, моего Серрика, говорила одна изъ нихъ: «чтобы онъ убилъ его, какъ убилъ своего племянника Артура?»

Нужно ли прибавлять, что эта благородная дама была леди Роуэнъ? и съ вашею провинцальностію, которая васъ отличаетъ отъ всѣхъ, любезнѣйшій маркизъ, вы понимаете теперь, почему въ IX главѣ Роуэна снова является на сцену, которую скоро должна оставить навсегда. *Всемірная Біографія*, нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что леди Роуэна—именно эта дама, изображается такъ: «Жена одного Серрика, изъ вол-

рой обратились съ такимъ требованіемъ, отвѣчала: « Не думаетъ ли король, что я вѣрю моего сына человѣку, собственной рукой зарѣзавшему племянника? » Иоаннъ велѣлъ взять и мать и ребенка, и умерить ихъ голодомъ въ тюрьмѣ .

Умереть съ голоду!.. У меня сердце обливается кровью при мысли о подобномъ покушеніи на добродѣтельную леди. Ея рѣшимость, ея невинная энергія, ея хладнокровіе, подвергаются суровому испытанію и готовы просіять новымъ блескомъ въ-продолженіе X-й главы, въ которой описываются страданія несчастной. Въ первый разъ я чувствую себя примиреннымъ съ нею, — потому-что изъ всѣхъ героинь Вальтера-Скотта, она, признаюсь, едва-ли не меньше всѣхъ внушила мнѣ сочувствія. Между-тѣмъ, какъ Роуэна томится въ башнѣ замка, громъ загрохоталъ подъ стѣнами Руана: то Филиппъ-Августъ идетъ мстить за Артура. Уильфридъ Айвенго ставитъ первую лѣстницу и первый взлѣзаетъ на стѣну; замокъ взятъ; Иоаннъ — какъ всегда, малолушный трусъ, — послѣ сомнительнаго сопротивленія бѣжитъ. Пока Айвенго и его храбрые товарищи кричатъ нечестивому, чтобы онъ по-крайней-мѣрѣ осмѣлился глядѣть имъ прямо въ лицо и защищаться по-человѣчески, — онъ уже далеко. Онъ оставилъ прекрасное герцогство Нормандію, гдѣ родъ его царствовалъ въ-продолженіе трехъ вѣковъ... трусъ презрѣнный! Въ башнѣ, въ той самой комнатѣ, гдѣ бѣдный Артуръ палъ подъ княжаломъ дяди, — какое зрѣлище поражаетъ взоры Айвенго! Леди Роуэна, доведенная до послѣдней степени изнеможенія, — леди Роуэна, лежа на соломѣ, держитъ на рукахъ ребенка, которому она спасла жизнь, въ ущербъ собственной своей жизни, отдавъ ему кусокъ хлѣба, брошенный ей сострадательнымъ тюремщикомъ.

Вотъ это, надѣюсь — сцена! Вамъ, любезный маркизъ, слѣдуетъ выводить узоры по этой канвѣ; извлечь всѣ возможные выгоды изъ факта, описать

волненіе Айвенго, слабый румянецъ, на минуту вспыхнувшій на исхудавшихъ щекахъ той, которая была его половиной, трогательное движеніе, съ которымъ она вручаетъ ему маленькаго Седрика.

— Уильфридъ, первая любовь моя! говоритъ она умирающимъ голосомъ, откинувъ съ покрытыхъ преждевременными морщинами висковъ посѣдѣвшіе отъ печали волосы, чтобы лучше видѣть ребенка, сидѣвшаго на колѣняхъ у рыцаря: — клянись мнѣ святымъ Вальтѣфомъ Темпльстонскимъ, клянись... исполнить мою послѣднюю волю.

— Клянусь, отвѣчаетъ Айвенго, и крѣпче сжимаетъ въ своихъ объятіяхъ невиннаго малютку, думая, что клятва должна относиться именно къ нему.

— Святымъ Вальтѣфомъ?

— Святымъ Вальтѣфомъ!

— Клянись, что никогда не женишься на Жидовѣ!

— Клянусь святымъ Вальтѣфомъ! вскричалъ Айвенго: — черезъ-чуръ многого просишь, Роуэна!

Но онъ чувствуетъ, что рука, сжимавшая его руку, вдругъ ослабла; блѣдныя губы Роуэны перестали дрожать. Она умерла!

Спрашиваю у каждаго читателя, у каждаго романиста — пусть скажутъ по чистой совѣсти: еще ли это не полная картина, на которой именно можно опустить завѣсъ, съ тѣмъ, чтобы вскорѣ опять поднять его, для нашего третьяго тома!

Томъ III.

Держу данное слово и поднимаю нить нашей исторіи. Сэръ Уильфридъ Айвенго передалъ маленькаго Седрика отцу его, Ательстану, который продолжалъ топить свои заботы въ домашнихъ горшкахъ. Исполнивъ эту обязанность, Айвенго не видѣлъ ничего, что могло бы удерживать его въ веселой Англіи, гдѣ между прочими, несовсѣмъ-пріятными перспективами, ему представлялась еще возможность быть по-

вѣшеннымъ и въ-сѣдствие того умереть, если только король Іоаннъ вздумаетъ опасаться такого вѣрнаго слуги короля Ричарда и принца Артура.

Но въ ту пору, такому храброму и благочестивому рыцарю не сидѣть-было сложа руки. Онъ, такъ-сказать, унесъ свою родину на сѣдельной лукѣ. Съ добрымъ конемъ да надежнымъ кошемъ легко было тогда проложить себѣ дорогу въ рай, сквозь легіоны чалмоносныхъ бѣсовъ, именуемыхъ маврами. Уильфридъ Айвенгò былъ убѣжденъ, что его съ радостью примутъ вездѣ, гдѣ только былъ случай задать нѣсколько колотковъ нечестивымъ башкамъ и получить столько же обратно за правую вѣру. Даже угрюмые тампьеры, не смотря на то, что онъ, Богу помогающу, дважды побѣдилъ славнѣйшаго изъ ихъ орденѣ рыцаря, — принимали его съ почтеніемъ, хотя не съ удовольствіемъ; но Айвенго предъ орденомъ, соперничествовавшимъ съ рыцарями Іоанна, всегда благоговѣлъ: онъ любилъ его, ласкался къ нему. Полный преданности къ этому ордену, который не разъ предлагалъ ему начальство и великое магистерство, онъ въ его рядахъ совершилъ всѣ роды своихъ богатырскихъ подвиговъ. Многія тысячи язычниковъ побилъ онъ собственной рукой въ Пруссіи, Польшѣ и дикихъ странахъ сѣвера, во славу Бога и святаго Вальтѣфа. Былъ только одинъ упрекъ, который славный и доблестный, но строгій и непреклонный великій магистръ ордена св. Іоанна, Фалько Гейденбратенъ, считалъ себя въ правѣ сдѣлать задумчивому рыцарю, именно то, что онъ не преслѣдовалъ Жидовъ съ тѣмъ жаромъ, который по природѣ свойственъ благочестивому воину креста. Дѣло въ томъ, что Айвенгò пустилъ на волю многихъ плѣнныхъ имъ сыновъ Израиля и дошелъ до того, что не рѣдко забавлялъ ихъ отъ мукъ, такъ, напримеръ, онъ далъ выкупъ за два послѣдніе коренные зуба одного раввина, стараго, какъ Маусанъ, бѣднаго, такъ Іовъ, за тѣ два зуба, которые Ро-

бертъ Картрэйтъ, свирѣпый Англичанинъ, рыцарь того же ордена, готовился вырвать изъ челюстей несчастнаго, чтобъ выпытать отъ него мѣсто, гдѣ спряталъ онъ свои предполагаемыя сокровища. Этотъ выкупъ стоилъ добродушному рыцарю ста червонцевъ да рыцарскаго перстня, — вотъ все, что было у него за душой. Каждый разъ, оказывая подобную услугу Жиду, онъ прибавлялъ къ ней, смотря по состоянію своихъ финансовъ, или подарокъ, или доброе слово. «Помни» говаривалъ онъ бѣдняку, еще продолжавшему дрожать въ своей кожѣ: помни, что Уильфридъ-лишенный-наслѣдства сдѣлалъ это въ память тѣхъ услугъ, которыя нѣкогда оказала ему Ревекка, дочь Исаака Йоркскаго. И вотъ имя Уильфрида-лишеннаго-наслѣдства раздалось во всѣхъ синагогахъ, и народъ израильскій, въ своемъ вѣчномъ странничествѣ, зацѣлъ хвалы ему.

Между-тѣмъ, какъ Айвенгò берегъ Жидовъ, нанося непощадную войну язычникамъ сѣвера, страшная катастрофа поразила югъ.

Вторникъ, девятый день мѣсяца шабана, 605 года гнджры — слишкомъ-вѣстенъ на западѣ, какъ Амювъ-аль-Аркъ, годъ аларкосской битвы, которую выиграла у христіанъ андалускiе мусульманы. Въ этотъ день христіанство понесло такой страшный уронъ, что въ первую минуту считали весь полуостровъ подпавшимъ подъ иго луны. Христіане потеряли сто пятьдесятъ тысячъ челоуѣкъ убитыми и пятьдесятъ тысячъ плѣнными. Послѣ этой битвы, невольникъ продавался за диргемъ, оселъ за ту же цѣну, мечъ за полдиргема, лошадь за пять диргемовъ. Сотни тысячъ разнаго рода вещей достались въ добычу торжествующимъ воинамъ Якуба-аль-Мавсура, — да будетъ онъ проклятъ! Это было тоже не плохой воинъ: христіане, казались, забыли передъ нимъ, что они потомки Сиды *Канбитура*, — такъ эти сабаки-мавры называли на своей варварской болтовнѣ знаменитаго Канпеадора.

При этомъ извѣстїи, вся Европа схватилась за оружіе. Вездѣ проповѣдовали крестовой походъ на невѣрныхъ, и, по гласу краснорѣчивыхъ предсказателей, тысячи могучихъ рыцарей, сопровождаемыхъ мириадами оруженосцевъ и пажей, васалловъ и благомыслящихъ крестьянъ, потянулись къ Испанїи. Пролївъ Джибельаль-Тарї, гдѣ приплывшїи изъ Варварїи мавръ въ-первые развилъ свое роковое знамя на христіанской землѣ, былъ покрытъ галерами съ тампльерани и рыцарями св. Іоанна; всѣ стеклись на помощь полуострову. Съ другихъ галеръ, отплывшихъ съ острововъ и изъ крѣпостей, занятыхъ двумя орденами, также забѣгли на Средиземномъ-Морѣ паруса и замелькали флаги Родоса, Византїи, Яффы, Аскалона, — они пришли на то же общее свиданїе. Пиренейскїя вершины покрылись развѣвающимися хоругвями, заблестали бронями благочестивыхъ, шедшихъ изъ Франціи въ Испанїю. Но... ясно, что если мы здѣсь приостановимся по образцу Гомера или Тасса, да прїйдемся считать объ арміи; если ослабимъ возжи описательному эпигрифу, парящему высоко надъ землею, прилѣчающему своими рысьими глазами малѣйшее въ травѣ насѣкомое, — то ни одинъ ежемѣсячный, ни даже трехмѣсячный журналъ не найдетъ въ себѣ столько растяженности, чтобъ вмѣстить насъ. Я увѣренъ, что вы уже видите разсвѣтъ завязки. Айвенгô садится въ Германїи на корабль и достигаетъ полуострова, гдѣ каждый взмахъ его копья опрокидываетъ цѣлые ряды мавровъ, какъ карточныхъ кауцуиновъ.

Христіане взяли Хихону приступомъ и истребили весь маврскїй гарнизонъ. Но добрый рыцаръ не хотѣлъ принимать участїя въ жестокостяхъ. Среди этихъ кровавыхъ волковъ — самый свирѣпый, менѣе другихъ разборчивый, былъ знаменитый гвдальго, рыцаръ св. Іоанна, донъ-Бельтранъ де-Кухилья-и-Трабуко-и-Эспадо-и-Эсена-

воль; онъ бѣгалъ по городу и рѣзалъ все, что ни попадалось ему навстрѣчу, не разбирая ни пола, ни возраста, принимая на выкупъ только сокровища и красоту. Кровапролитїе прекратилось, когда уже не осталось ни одной жертвы. Тогда донъ-Бельтранъ основалъ главную квартиру свою въ Альбейценѣ, гдѣ жилъ Альфаки, какимъ-то чудомъ спасшїйся отъ копья Айвенгô. Всѣ сокровища, всѣ невольницы и семейство бѣжавшаго начальника достались въ руки завоевателя Хихоны. Среди этихъ сокровищъ донъ-Бельтранъ съ дикою радостїю узвалъ латы не одного изъ храбрыхъ, но несчастныхъ товарищей, павшихъ въ роковой битвѣ при Аларкосѣ. При видѣ этихъ окровавленныхъ остатковъ, свирѣпость его увлонлась. Сердце его сдѣлалось такъ же недоступно для жалости, какъ стальная броня его — для оружія.

На третїй день послѣ опустошенїя города, донъ-Бельтранъ, въ пышной одеждѣ, лежалъ, раскинувшись на роскошномъ диванѣ, на парадномъ дворѣ замка гордаго Альфаки; въ центрѣ двора былъ высокій фонтанъ; маврскїя невольницы ловили взгляды свирѣпаго побѣдителя и старались предупредить его прихоти. Однѣ махали надъ нимъ огромными опахалами изъ павлиньихъ перьевъ; другїя танцовали; третїи подъ жалобные звуки гуслей пѣли маврскїе романсы. Одна, совсѣмъ-молодая, свѣжая, какъ розовая распушка, Зетюльбе, единственное дитя преклонныхъ дней Альфаки, плакала, стоя въ углу позолоченной рѣшетки: она плакала объ убитыхъ братьяхъ, о славѣ мусульманскихъ рыцарей, головы которыхъ чернѣли отъ жгучихъ лучей солнца на воротахъ дворца; она оплакивала оставшаго ее отца и развалины своего жилища.

Между-тѣмъ, донъ-Бельтранъ и гость его, англїйскїй рыцаръ, сэръ Уильфридъ Айвенгô, играли въ шахматы, любимую игру рыцарей той эпохи, какъ ланскнѣ — любимая игра нашего времени. Доложили, что изъ Валенціи

выкупъ оставшихся членовъ семейства Альфаки. Лазительная улыбка пробѣжала по наморщенному лицу дона-Бельтрана, когда онъ приказывалъ привести посла. Легко было узнать въ прѣхавшемъ Жида — по костюму. Жида были непрѣвными посредниками между двумя племенами, враждовавшими тогда въ Испаніи.

— Повелитель мой Альфаки, сказалъ старый Жидъ голосомъ, отъ котораго Айенгъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ: — прислалъ меня къ благородному сеньйору, непобѣдному Бельтрану де-Кухилья, для переговоровъ о выкупѣ единственной дочери мавра, дитяти его старости, жемчужины его нѣжной любви!

— Жидъ! насмѣшливо отвѣчалъ ему донъ-Бельтранъ: — ты знаешь, что женчугъ стѣнитъ дорого. Сколько даетъ за него эта маврская собака?

— Альфаки предлагаетъ тебѣ сто тысячъ динаровъ, двадцать-четыре лошади съ сбруей, двадцать-четыре золоченыхъ вооруженія и брильянтовъ съ рубинами болѣе, чѣмъ на сто тысячъ динарій.

— Невольницы! вскричалъ донъ-Бельтранъ: — покажите этому Жида мои желѣзные сундуки. Покажите ему, что въ нихъ не кремни, какъ у Сьда, а сокровища, которымъ позавидовалъ бы и самъ Саломонъ.

Невольницы поспѣшно повиновались. Привесли десять огромныхъ сундуковъ, и казначеи отсчитали тысячу мѣшковъ, по тысячѣ дьргемовъ въ каждомъ. Потомъ, онъ открылъ множество дарцевъ, наполненныхъ такой грудой рубиновъ, изумрудовъ, аметистовъ, что у Жида расширились зрачки, и въ нихъ загорѣлся огонь корысти.

— А сколько лошадей въ моихъ конюшняхъ? прибавилъ донъ-Бельтранъ.

Мюбри, главный конюхъ, тотчасъ пересчиталъ триста лошадей съ сбруей; и столько же было вооруженій, назначенныхъ въ награду рыцарямъ, шедшимъ подъ знаменами грознаго предводителя.

— Не нужно мнѣ ни денегъ, ни каменье, ни лошадей, ни брони, вскричалъ донъ-Бельтранъ. — Жидъ, отвѣсилъ отвѣтъ Альфаки. Дочь его останется у меня готовить мѣсиво моихъ собакамъ и мыть посуду для моихъ поваровъ.

Тутъ добрый рыцарь счелъ долгомъ вмѣшаться въ переговоры:

— Отважный донъ-Бельтранъ! сказалъ онъ: — будьте такъ же великодушны, какъ вы храбры. Не отнимайте у старика его единственного дѣтша. Подумайте о нѣжной юности Зетюльбе.

— Развѣ она не плѣнница моя, сэръ рыцарь? отвѣчалъ свирѣпый донъ-Бельтранъ: — я намѣренъ располагать своими имуществомъ, какъ мнѣ угодно.

— Пріймите двѣсти тысячъ динарій! вскричалъ Жидъ. — Требуйте всего, что хотите: Альфаки отдастъ жизнь за дѣтя свое!

— Полойди во мнѣ, Зетюльбе! полойди, маврская жемчужина! завывъ свирѣпый вонюкъ! полойди же ближе. черноглазая гурія! Слышала ты когда-нибудь о Бельтранѣ де-Эспалдо-и-Трабуко?

— Три брата этого ижеви были полустѣвами Аларкоса, и мои братья убили этихъ собакъ! вскричала гордая дѣвушка, устремивъ большіе черные глаза на дона-Бельтрана, у котораго бала плѣна отъ бѣшенства.

— Мавры зарѣзали мою мать и малолѣтнихъ дѣтей ея, когда, навязъ ночью, овладѣли нашимъ замкомъ въ Мурціи, продолжалъ донъ-Бельтранъ.

— Твой отецъ бѣжалъ какъ трусъ, и ты бѣжалъ за нимъ, донъ-Бельтранъ, вскричалъ неустрашимый ребенокъ.

— Клянусь святымъ Іаковомъ, это уже слишкомъ! Съ быстротою мысли, донъ-Бельтранъ вонзилъ кинжалъ въ сердце маврской дѣвы.

— Лучше смерть, нежели позоръ вскричала Зетюльбе и упала на ираморныя плиты, облитая ея кровью. — Я плюю тебѣ въ лицо, христіанская собака!

Это были послѣднія ея слова: она умерла, но выраженіе торжества и презрѣнія осталось запечатлѣннымъ на лицѣ ея

— Отдай отчетъ Альфонси объ успѣхѣхъ твоего посольства, заревѣлъ док-Бельтранъ и оттолкнулъ ногою прелестный трупъ своей жертвы.— Я бы не жалъ за нее всего золота Варваріи!

Испуганный Еврей посиѣшшо удалился; Айвенго послѣдовалъ за нимъ. Когда они вышли на вѣтшій дворъ, лишенный наслѣдства рыцарь поджалъ забрало своего шлема и сказалъ Жиду:

— Исаакъ Йоркскій, узнаешь ли ты меня?

Старый Жидъ растарачилъ глаза, сдѣлалъ шагъ впередъ, какъ-бы для того, чтобъ пожать руку Айвенго: но вдругъ судорожно затряса всѣмъ тѣломъ и, закрывъ лицо руками, вскричалъ болѣзненно-прерывающимъ голосомъ:

— Сэръ Уильермъ Айвенго, вѣтъ, вѣтъ! Я не знаю тебя!

— Святая мать Божія! чтѣ сталося? сказала Айвенго, поблѣднѣвъ въ свою очередь, какъ смерть:— гдѣ дочь твоя? гдѣ Ревекка?

— Погибла для меня! сказала старымъ Жидъ, шатаясь:—погибла навсегда! Ревекка... умерла!

Услышавъ эту роковую вѣсть, рыцарь - лишенный - наслѣдства безъ чувствъ упалъ на землю и потомъ нѣсколько дней ходилъ какъ полоумный отъ горя, не ѣлъ ничего и не говорилъ ни слова: а когда прервалъ это печальное молчаніе, когда, казалось, способности его возвратились, онъ велѣлъ бить тревогу, сѣлъ на коня и съ тѣхъ-поръ каждый день ѣздилъ бить маршювъ. Онъ не бралъ добычи, какъ его товарищи, и оставлялъ ее своимъ солдатамъ; онъ не кричалъ побѣдныхъ словъ по обычаю тогдашняго рыцарства и не щадилъ никого, такъ-что нечеловѣчный рыцарь сдѣлался скоро уласовъ гренадскихъ и адалузскихъ маршювъ...

Т. III. — Ота. VIII.

Невая черемѣна декораций. Мы въ Валенціи, отнятой мавраи у потомковъ Сида. Такъ-какъ для третьяго тома намъ остается нѣсколько страницъ, то мы, кажется, можемъ обойтись безъ археологическихъ подробностей. Впрочемъ, если угодно, вы можете здѣсь перевезть на нѣмѣшній французскій языкъ Романсеро, какъ прежде перевели нѣсколько главъ Фруассара. Но не подумайте, что Ревекка умерла въ самоубійствѣ! Она жива, какъ вы и я; она прекраснѣе, нежели когда-нибудь и задумчивѣе прежняго. Милый ангелъ! на ея долю выпала въ жизни печаль; но тѣмъ не менѣе — мы весело встрѣтимъ ее въ добромъ здоровѣи и снова увидѣтъ это кроткое, благородное личико.

Но съ какой цѣлью старый Исаакъ (Жидъ не ступитъ шагу, не скажетъ слова безъ положительной выгоды) разсказалъ намъ эту исторію? Дѣло въ томъ, что Ревекка сдѣлалась христіанкой; Жидовка, оставившая свою вѣру, и теперь еще почитается умершею въ нѣкоторыхъ рассѣянныхъ племенахъ Израиля и Іуды. Еврей строятъ имъ даже памятники на своихъ кладбищахъ. Дѣ, Ревекка сдѣлалась христіанкой. Возвратившись изъ своихъ, послѣ совершеннаго надъ нею таинства, когда уже нельзя было приписать ея рѣшенія каиниѣ-либо земнымъ побужденіямъ, она громко начала проповѣдывать свою новую вѣру. Можетъ-быть, тайная надежда встрѣтитъ Айвенго въ лучшемъ мѣрѣ заставила ее принять его вѣру.

Мы хотѣлось-было воспользоваться этимъ обращеніемъ, потому-что тутъ представилось бы намъ очень-много спецъ. Многіе изъ еврейскихъ франтовъ искали руки Ревекки; но она презрѣла Бен-Мозеса, отказала Бен-Гундсичу, отвернулась отъ Бен-Минора, и — тутъ, чтобъ разомъ навсегда избавиться отъ всѣхъ этихъ обрѣзанныхъ искателей; она объявила себя убѣжденною въ божественности Іисуса Назаряя расятаго. Смущались, край-

не смутились чувственные Жиды. Исаак проклялъ тотъ день, когда скакали ему: у тебя родилась дочь; равнины разравнились плачемъ, и обременили бѣдную дѣвушку страшными заклинаніями. Старыя Жидовки раскричались, какъ перепуганные гуси. Вы думаете, что Ревекка струсила хоть на минуту? Думаете, что это гоненіе встрѣтило въ ней слабую, колеблющуюся женщину? Это значило бы — сомнѣваться въ ея сердцахъ, въркомъ иѣжному воспоминанію. Впрочемъ, она получала много вѣстей отъ Айвенгô чрезъ посредство Жидовъ, которые были одолжены ему ушами, послѣдними зубами и сохраненіемъ другихъ болѣе-драгоцѣнныхъ достоинствъ; она всюду слышала рассказы о подвигахъ и добродѣтеляхъ добраго рыцаря. Наконецъ, прусскій Еврей Бевисъ Маркъ привнесъ ей самое прямое доказательство памяти Айвенгô: то былъ перстень, драгоцѣнный камень котораго, можетъ-быть, дорогою подиженный върнымъ посломъ, оказался не больше, какъ кусочкомъ стекла; но для Ревекки онъ былъ дороже всѣхъ брилліантовъ отца ея!

Бѣдная Ревекка! этотъ перстень былъ ея единственнымъ утѣшеніемъ въ темной, уединенной камерѣ, куда посадили ее на хлѣбъ да на воду. Вотъ чѣмъ объясняется ненависть стараго Исаака Йорискаго къ Айвенгô и распущенный слухъ о смерти дочери.

Суда помоей походкѣ, любезный маркизъ, не подумали бы что я вду верхоиъ на джерилѣ, несравненноиъ бѣгуиѣ доктора Бальвамо? Если дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ растаунуть страницу, воспольнитъ количество строкъ, — въ такомъ случаѣ, что можетъ быть удобнѣе, какъ вставить больше эпизодовъ? Хоть сколько-нибудь плодотворный романистъ всегда имѣетъ ихъ въ запасѣ, какъ паукъ новыя нити для удлинненія тканн. Абу-Абдулла-Мухаммедъ, наслѣдовавшій своему мужественному отцу Якубу-аль-Мансуру, судя потому, какъ описываетъ его арабская исторія

аль-Макарá, могъ бы какъ-нибудь лучше влюбиться въ прекрасную Жидовку и бросить ей платокъ, не подвергая никакой опасности ея чести, потому что воспоминаніе объ Айвенгô было ангеломъ-хранителемъ христіанской дѣвы.

Событія идутъ иѣрными шагами: развязка виситъ у насъ на кончикѣ пера. Тотъ же арабскій историкъ рассказываетъ, что въ сраженіи Аль-Азба, наванномъ Испанцами *las Navas*, христіане отогнали за аларкское поражение, побивъ пятьсотъ тысячъ мусульманъ — ни больше, ни меньше. Понятно, сколькоиъ мечествоиъ должно было протенуть коише Айвенгô. Это славное дѣло разсѣяло его черную хандру, а вскорѣ послѣ того король доиъ-Джейиъ осадилъ Валенцію.

Кто этотъ рыцарь, что первый бросился на приступъ и опрокинулъ зеленое знамя пророка? Кто этотъ рыцарь, чей толедскій мечъ одиинъ ударомъ снялъ голову съ плечъ эмира Абу-тикого-то? Кто этотъ рыцарь, привлеченный въ Жидовскій-Кварталъ криками избиваемаго Нарала, который съ такой быстротой перепрыгнулъ чрезъ порогъ дома Исаака Йорискаго, и, поправъ ногой трупъ несчастнаго Еврея, пробирается въ заднюю камеру, гдѣ томится заточенная Ревекка? Кому же другому быть, какъ не рыцарю-лишенному-наслѣдства, сэру Уалфриду Айвенгô! Еще одна изъ тѣхъ чувствительныхъ сценъ, пирамидальный эффектъ которыхъ для театра то же, что и для романа. Бѣдные любовники! имѣ хочется плакать вѣстн съ ними, плакать слезами радости, любезный маркизъ. Ужъ двалпять-пять лѣтъ, какъ далъ я обѣтъ въ пользу этого союза... да! съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ началъ я читать романы и мечтать надъ ними, то-есть, со вреиъ школьной скамьи, — съ той поры, когда бывало, въ дни отпуска, дѣивно раскинувшись подъ тѣнью развѣсистаго бука на зеленомъ коврѣ дуга, видать, какъ носятся передъ глазами роскош-

ные привражи — могучіе рыцари, чуд-
 выя красавицы, и полюбилъ я тогда
 чистою любовью очаровательное личи-
 ко Ревекки, дочери Исаака-Йориска-
 го. Какъ же мнѣ было не поспѣшить
 вовдаться ей должное!

Они сочетались законнымъ бракомъ
 — это ужъ само-собою разумѣется, по-
 тому-что общаніе, выравненное въ рас-
 шлохъ у Айвенго, состояло въ томъ,
 чтобъ не жениться на Жидовѣ, а
 Ревекка — христіанка; но было ли у
 нихъ много дѣтей, или, говоря библей-
 скимъ слогомъ, была ли Ревекка мно-
 топлодна, какъ Лія, — это рѣшится во
 второмъ продолженіи, образуемомъ
 такое количество томовъ, котораго до-
 таточно будетъ на то, чтобъ вы сами
 выкупили замокъ Монтъ Кристо... ес-
 ли великодушіе вашихъ друзей-прия-
 тель не выкупитъ его для васъ... по-
 тому-что стыдно было бы вашему оте-
 цеству, еслибъ вы, постигнутый та-
 кимъ же несчастіемъ, какъ Вальтеръ
 Моттъ, принуждены были, подоб-
 но аббатсфордскому владѣльцу, рабо-
 тать на своихъ кредиторъ!

Что же касается до меня. — я, любез-
 ный маркизъ, либуко честь быть однимъ
 изъ вашихъ предавѣйшихъ почита-
 телей,

М. А. Титмаршъ.

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Начинаемъ съ весьма-пріятной ново-
 ю, которую представило намъ въ
 юномъ мѣсяцѣ Русское Географиче-
 ское Общество: тамъ учреждены
 дель и премія въ награду трудовъ
 части географіи и статистики.
 Медаль, съ портретомъ Его Высочес-
 на Великаго Князя Константина Ни-
 колевича, и называющаяся *Констан-
 тинскою*, учреждена Географиче-

скимъ Обществомъ для ежегодныхъ
 раждачь за важнѣйшій и полезнѣйшій
 географическій подвигъ: путешествіе,
 сочиненіе или изслѣдованіе. Что ка-
 сается до преміи, то коммерціи совѣт-
 никъ Жуковъ обвѣзлся вносить въ Ге-
 ографическое Общество, въ-теченіи де-
 сяти лѣтъ, начиная съ нынѣшняго го-
 да, по *пятисотъ рубл. сер.* ежегодно,
 для раздачь авторамъ лучшихъ статъ-
 стическихъ сочиненій, писанныхъ по-
 русски и заключающихъ въ себѣ ста-
 тистическія данныя о нашемъ отече-
 ствѣ, очищенные критически и пред-
 ставленные въ обработанномъ видѣ,
 сообразно современнымъ требованіямъ
 науки, но не ограничивающіяся, впро-
 чемъ, одною только теоріею статисти-
 ки.

Мы узнали также, что снаряжен-
 ная Географическимъ Обществомъ
 уральская экспедиція отправилась въ
 Пермь въ половинѣ марта, и что ей
 предстоить въ-теченіе двухъ лѣтъ со-
 бирать матеріалы для составленія по
возможности вѣрной карты и подроб-
 наго описанія въ физическомъ и есте-
 ствомыслительномъ отношеніи Урала
 и обонхъ его склоновъ, въ слѣдующихъ
 предѣлахъ: къ югу — 60 гр. шир.; къ
 сѣверу — Ледовитое-Море; къ востоку —
 черта отъ Богословска къ Березову и
 оттуда — теченіе Оби; къ западу — рѣки
 Колва, Вынерка, Печора до впаденія
 въ нее Усы, Уса и Коротасека.

Замѣчательно также сдѣланное чле-
 номъ Общества, барономъ А. К. Мей-
 ендорфомъ, предложеніе: назначить
 комиссію изъ спеціальныхъ людей по
 предмету геологій, гидрографіи, топо-
 графій, земледѣлія и лѣсоводства, для
 изслѣдованія центральной полосы чер-
 новена, идущей отъ южныхъ уѣздовъ
 Певненской-Губерніи къ югу Кіевской,
 и окаймленной отчасти цѣпью возвы-
 шенностей, идущихъ отъ Смоленска къ
 югу Курской-Губерніи, оттуда къ Ель-
 цу, на югъ Тамбова, къ Пензѣ и Сми-
 бирску.

Полоса эта, какъ главный источникъ
 нашего земледѣльческаго богатства,
 конечно, не такъ важна въ географіи

ческомъ отношеніи, какъ въ отношеніи къ сельскому хозяйству. Въ Россіи много угловъ и закоулковъ, малозвѣстность которыхъ обратитъ на себя большее вниманіе Географическаго Общества, нежели черноземъ; но если наши общества сельскаго хозяйства до сихъ - поръ не сдѣлали для этого предмета экспедицій, подобной уральской, то можно ручаться, что Географическое Общество дастъ полное развитіе прекрасной мысли барона Менендорфа.

— Въ обществахъ у насъ, слава Богу, недостатка нѣтъ: у насъ много обществъ. Между прочимъ, Комитетъ Общества Поощренія Художниковъ напечаталъ отчетъ о дѣйствіяхъ своихъ въ истекшемъ 1845—1846 году. Изъ этого отчета мы узнали, что у Общества есть, какъ и прежде были, пансіонеры, которые учатся въ Академіи Художествъ, и учатся хорошо, прилежно и успѣшно; что изъ этихъ пансіонеровъ въ прошломъ году трое выбыло, а на мѣсто ихъ трое вновь поступило. Въ числѣ выбывшихъ значится г. *Канковъ*, замѣчательный талантъ, получившій первую золотую медаль и отирающійся на казенный счетъ за границу. Наконецъ, узнаемъ, что Общество помогало художникамъ, поощряло ихъ, доставляло имъ работу и заказы. Мы желали бы знать и еще больше, т. е. подробности, кого и какъ поощрило Общество; слѣдя за бытомъ нашихъ молодыхъ художниковъ, что видѣно оно въ этомъ бытѣ требующаго его заботливаго вниманія, что сдѣлало на благо этихъ молодыхъ людей, которые у насъ бываютъ иногда болѣе нежели кто другой предоставлены самимъ себѣ...

— Еще отчетъ — *Общины Сестеръ Милосердія* (за 1846 годъ). Изъ этого отчета мы узнали, что всѣ отдѣленія Общины, именно: отдѣленіе сестеръ милосердія, больница, богадельня, отдѣленіе Магдалинъ, пансіонъ, пріютъ и дѣтское исправительное отдѣленіе, —

всѣ они, продолжая дѣйствовать по начертаннымъ для нихъ правиламъ, не подвергались существеннымъ измѣненіямъ. Капиталъ Общины въ 1846 году составлялъ 63,400 р. 44 к. с. Расходы простирались на 20,097 руб. 62½ коп., причѣмъ, сверхъ дохода, взято изъ капитальной суммы 4,370 р. Замѣчательны и утѣшительны свѣдѣнія по больницѣ: изъ 257 человекъ больныхъ, бывшихъ въ теченіе 1846 года, выздоровѣло 216, умерло 23, выбыло въ другія больницы и въ богадельню 6, и осталось къ 1 января 1847 года 12. Прекраснымъ показалось намъ дѣйствіе общества: снабженіе врачевскими пособіями по домамъ бѣдныхъ больныхъ, которыхъ въ 1846 г. благоудѣльствовано такимъ образомъ 649 человекъ. Наконецъ, Община объявляетъ благодарность лицамъ, оказавшимъ разные содѣйствія въ ея трудахъ, между прочимъ служащему въ Военномъ Министерствѣ г. Холостову за то, что онъ занимался арифметикой и частописаніемъ.

— Много странъ, гдѣ земля воздѣлывается лучше, нежели у насъ, овцы даютъ шерсть и магне въ большемъ количествѣ, лошади возятъ сворты, а вѣщи наши — креслы прелъ заграничными; но за то ни гдѣ не говорятъ больше нашего о четырехъ связанныхъ предметахъ. О сельскомъ хозяйствѣ и скотоводствѣ передаются мысли большею частію изустно, въ торжественныхъ собраніяхъ, и то сѣмья остроумныя догадки и предположенія сообщаются лишь соседямъ, какъ-бы мимоходомъ, вполголоса. Но скачки, но благотворительность!.. Новости этого рода, кажется, скоро вытѣснятъ изъ нашихъ газетъ даже самыя заслуженныя абонентовъ: сверху — произведенныхъ и исключенныхъ, а снизу — пріѣхавшихъ и выѣхавшихъ... Носятъ слухи, будто учреждается общество дѣвицъ, съ цѣлю распространенія у насъ рысистой породы лошадей. Объ обществахъ сельскаго хозяйства и благотворительности и гово-

ить нечего: они иножатся все болѣе болѣе... Но въ приролѣ каждое явленіе обуславливается временемъ и пространствомъ; а эти общества, въ вѣтательности своей, часто принимаютъ въ расчетъ только время. За нѣтъ, при учрежденіи своихъ, причное помѣщеніе въ пространство, и начинаютъ совѣщанія: общества льскаго ховайства, смотря по времени ма, о пашнѣ, о поствѣ, объ уборкѣ тѣба, или о сбытѣ его; а благотвори- льныя общества — о болшемъ или ѣвшемъ вопросѣ на добрыя дѣла въ раздвнку рождества Христова или къ асхѣ. И изъ этихъ порожденныхъ од- нимъ временемъ сужденій выходятъ результаты чисто-временныя, — вре- енныя не только потому, что мѣна- тся съ временами года или съ правд- никами, но еще и потому, что большою астію повторяются съ незапамятною оры въ однихъ и тѣхъ же неизмѣн- ыхъ формахъ, какъ повторяется все- а съ зеленымъ, святки съ ѣлками, пас- а съ красными яйцами. И потому рудно судить объ этихъ проявленіяхъ о тѣмъ же законамъ критики, по ко- орымъ мы привыкли судить о явлені- хъ, совершающихся во времени и пространствѣ...

Такъ думали и говорили мы въ по- дѣней книжкѣ «От. Зап.», сказавъ, го нелавно-возникшее въ Петербургѣ общество Посѣщенія Бѣдныхъ дѣй- твуетъ иначе; такъ думаемъ и гово- нимъ мы теперь опять по поводу того те Общества.

Фактъ, сколько утѣшительный, голько же и достойный глубокаго вѣ- лдованія. Научивъ его, мы авось до- еремся до причинъ, различающихъ го дѣйствія отъ тѣхъ проявленій, о ко- орыхъ мы сейчасъ упоминали. Съ этою ѣлю — вѣтъ, сказать правду — безъ ской цѣли, а по одному глубокому, рѣйне-пріятному сочувствію къ Обще- ству Посѣщенія Бѣдныхъ, мы будемъ ообщать читателямъ все, что только знаемъ о немъ, и на этотъ разъ ишѣемъ прекрасную новость.

22 марта Общество открыло первое свое учрежденіе: *Общую квартиру для бѣдныхъ одинокихъ асницки, и при ней рукодильную для носильной работы.*

Конечно, у насъ есть уже много домовъ приарѣнія и рукодѣля: но благотворительныя общества, учре- дившія ихъ, не имѣли средствъ ру- ководствоваться въ своихъ дѣлахъ чѣмъ-либо, кромѣ прирожденнаго чело- вѣку состраданія и невольнаго желнія помочь страждущему чѣмъ бы то ни было. Общество Посѣщенія Бѣдныхъ, напротивъ, уаостовѣрясь лично въ нуж- дахъ просителей, вхола подробно въ положеніе каждаго, изучаетъ именно петербургскую бѣдность, т. е. прии- маетъ въ соображеніе, кромѣ времени, и пространство, въ которомъ оно дѣй- ствуетъ, и потому его *петербургское* доброе дѣло отличается отъ чисто-*ере- мелинскихъ* благотвореній.

Вотъ что говоритъ само Общество о своихъ учрежденіи:

«Вообще всѣ лица, порученныя до- ными Обществу, составляютъ, такъ ска- зать, аристократію Петербургскихъ бѣ- ныхъ. Нельзя сказать, чтобы они не заслуживали состраданія и не терпѣ- ли недостатка; но этотъ недостатокъ, большою частію, относительный и заклю- чается въ томъ, что требованія ихъ пре- вышаютъ ихъ средства. Къ тому же лег- кое добываніе милостыни по домашъ и на улупѣ, укореняя между ними тунеядство и вредные предразсудки, внушило имъ то опасное убѣжденіе, что личный трудъ для нихъ униженъ, а что постоянное и ни- чѣмъ не вознаграждаемое пособіе отъ жи- телей столицы составляютъ ихъ неотъемле- мое право.

«При такихъ понятіяхъ, слѣшая благо- творительность (т. е. произвольная разда- ча денегъ безъ разбора, въ видѣ едино- временныхъ пособій) не только не мо- жетъ принести пользы, но очевидно ста- новится вредною въ отношеніяхъ прав- ственномъ и полицейскомъ... Но это без- страдное заключеніе не можетъ и не дол- жно оставаться подвигомъ челоувѣколю- бія. Оно вызываетъ только на обсужденіе труднаго вопроса, какъ дѣлать добро, не причиняя зла, какъ свести бѣднаго, не увеличивая бѣдности.

«Всякое благотворительное предприятие, не имѣющее въ виду разрѣшенія этой трудной задачи, породитъ несомнѣнно вредныя послѣдствія при самыхъ похвальныхъ чувствахъ; и пока блага намѣренія нашей благотворительности не будутъ приведены въ общую систему по строгимъ логическимъ правиламъ, не войдутъ въ тѣсное и постоянное сношеніе съ существующими уже благотворительными учрежденіями, едва ли можно надѣяться достигнуть какого нибудь угѣшительнаго результата.

«До сего времени учрежденіе у насъ рабочихъ домовъ имѣло характеръ или исправительный или фабричный. Первый выходитъ изъ предѣловъ частной благотворительности и обращается въ иѣру полицейскую. — второй слишкомъ сжатъ въ своихъ дѣйствіяхъ и приноситъ выгоду только тѣмъ лицамъ, которымъ и безъ того могли бы содержать себя отъ части въ промышленности.

«Въ обомъ случаяхъ малосидящие, стыдящіеся, бѣдные не по своей винѣ, или получаютъ тяжкое пособіе наравнѣ съ бродягами, или лишаются его вовсе, и по неволѣ приучаются просить милостыню.»

Въ извѣжаніе этихъ крайностей, Общество Посѣщенія Бѣдныхъ учредило *первую руководящую* для женщинъ, въ которой пособіе выдается бѣдному въ видѣ *задѣльной платы*, но такъ, что *эта плата увеличивается въ обратной прогрессіи по мѣрѣ уменьшенія силъ работающихъ*. Принимаемыя въ заведеніе раздѣляются на три категоріи, смотря по силамъ и здоровью бѣднаго, и для каждой категоріи назначается соразмѣрная задѣльная плата. Здоровыя бѣвсемейныя, имѣющія пенсіи, получаютъ меньшую задѣльную плату, которая увеличивается для обремененныхъ семействомъ, не получающихъ пенсіи, страждущихъ хроническими болѣзнями, и для тѣхъ, которые, привыкнувъ къ жизни роскошной, ввергнуты въ нищету силою обстоятельствъ.

Такимъ-образомъ устранивается произвольный порядокъ въ выдачѣ пособій, и водворяется нравственно-последовательный, вознаграждающій не только трудъ, но даже усміе трудить-

ся. Помощь дѣлается *своевременно*, потому-что зависитъ не отъ произвола *благотворителя*, а отъ *самого нуждающагося*. И, что всего важнѣе, бѣдный избавляется отъ того болѣзненнаго упрека, самому-себѣ и со стороны, который неразлученъ съ каждымъ *деревымъ* пособіемъ. Деньги, получаемыя имъ за посидѣвый трудъ, доставятъ ему, кромѣ матеріальнаго обезпеченія, еще то нравственное самодовольство, которое такъ сильно помогаетъ человеку переносить неразлучныя со всякимъ бытомъ горести и лишения.

Что касается до устроенной Обществомъ общей квартиры для бѣдныхъ одинокихъ женщинъ, то это не *благотворительна* ни по своему назначенію, ни по устройству. *Общая квартира*, говоритъ Общество, *есть та же квартира бѣднаго, съ тою только разницею, что въ ней не сыро, не темно, не холодно и не голодно.*

Никогда никому не желая ни успѣховъ съ большею искренностью, какъ желаемъ ихъ тому роду благотворительности, который создало у насъ Общество Посѣщенія Бѣдныхъ. Дай Богъ, чтобы блага намѣренія нашей благотворительности пришли въ общую систему по строгимъ логическимъ правиламъ, какъ говоритъ Общество и какъ говорили мы въ послѣдней книжкѣ «Отеч. Записокъ».

Что же касается до конскихъ ристалищъ, то достаточно указать на ту степень ихъ развитія у насъ, съ которой еще шагъ — и рысестыя лошади сдѣлаются лучшими украшеніемъ *дѣлскихъ* будучаровъ... Мы не *прибавляемъ*; а дѣло вотъ въ чемъ (говоритъ номеръ 83 «Московского Городскаго Листка»): *московскія дамы* еще однажды оправдываютъ справедливость *сказаннаго нами* объ усиливающемся *ихъ* вліяніи, *ихъ* добромъ во всякое *дѣло* вмѣшательства. На этотъ разъ *онѣ* хотѣли содѣйствовать *вѣдямъ* «Московского Скаковаго Общества». *онѣ* назначаютъ для скачекъ особый *отъ* себя призъ — коверъ, шитый *ихъ* собственными ручками.

Дистанція на этотъ лестный и для амаго благороднаго арабскаго коня ризъ назначена полторы версты; въсь — 3 пуда 14 фунтовъ безъ разягива лѣтъ; кобылы и иеринны несутъ 4 мѣнѣ.

• Кто знаетъ, можетъ-быть • (продолжаетъ Листокъ): «какая-нибудь прекрасная охотница и сама рѣшится съѣсть въ легкія санки...»

Но нѣтъ, этого не будетъ! Листокъ бѣжится и тогда написать статейку... уаетъ. да что-нибудь другое, и мы знаемъ, что именно: Гверра, любезный ашъ Гверра, отправляется въ Москву, хотя Санктпетербургскія Вѣдомости твердятъ, что онъ, какъ и другой, уже очень-длиннй иностранецъ, г. Сюзоръ, отправляется туда... но мы уже уверили, что г. Сюзоръ знаетъ психологию, а г. Гверра, вѣрно, знаетъ погоду — гдѣ раки вьмутъ; втакъ, судя о бывшимъ примѣрамъ, заключаемъ, то насія къ коневодству развннѣ фуроромъ къ циркѣ Гверры, и Листокъ развѣ о немъ напишетъ гатейку, а не о дамахъ.

Жаль, право, что обстоятельства бы не такъ благопріятны для г. Сюзора, а въ для г. Гверры. Никто не подгоавилъ къ его пріѣзду въ Москву подобнаго фурора.

Впрочемъ, страсть къ рысистымъ шаламъ имѣетъ у насъ свое глубокое равственнo-историческо-географическое значеніе. Не можемъ не повторить истинно-прекрасныхъ словъ по тому предмету глубоко-ученой статьи, напечатанной въ одной изъ петербургскихъ газетъ и заимствованной изъ «Московскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». Вотъ эти строки:

«Страсть къ рысистымъ лошадямъ извѣсна была въ народѣ Русскомъ; огромные размѣры нашего Отечества заставляли искать средствъ сокращать время и пространство, которое летитъ и исчезаетъ въ погони быстрыхъ коней.

«Еще тогда, когда сношенія наши съ юземными странами не были довольно развиты и когда мало привозилось чужеземныхъ товаровъ, еще тогда охота къ

добрымъ и сильнымъ конямъ доставляла могушнѣ аргамаковъ нодъ сѣдло болгарское. Молодечество Русскаго человека любить удалую ѣзду; оно проявляетъ себя въ беззаботной отвагѣ, съ которою предлагается водѣ дикихъ коней.

«Москва, центръ Русской жизни, выражаетъ въ себѣ весь характеръ ея — и любимая охота Русская имѣетъ здѣсь полное развитіе.»

Развѣ не понятно послѣ этого слѣдующее историческое воспоминаніе о Похвальномъ и Убѣдимомъ?

«Два года эти два знаменитые коня восхищали собою Московскую публику; защитники рысистой породы гаждымъ состязаніемъ двухъ соперниковъ одерживали верхъ? — впрочѣмъ эта темнота единственная во всей статьѣ, и даже хороша для исторіи, которая любить «мраки неизвѣстности»). Наконецъ рѣшительная битва была 21 Іюня 1840 года. Оба рыска были достойны всеобщаго участія, которое выразила къ нимъ Москва, все лодынекое поле устало экипажами и пѣшеходами, сердца всѣхъ бились... Охотники сравнивали это составленіе выраженіемъ важнаго вопроса быть или не быть...»

Во всемъ этомъ, конечно, нѣтъ ничего дурнаго: почему же и не помолодечествовать, когда есть охота? почему не прокатиться на рысакѣ, заложивъ мурмолку на правое ухо и поставивъ руки, что называется, фертомъ? Пускай живетъ каждый, какъ ему нравится; чѣмъ больше разнообразія; тѣмъ веселѣе, тѣмъ лучше, тѣмъ живѣе. Ужъ если люди рождаются съ разными носами, съ разными ртами, ушами, руками и глазами, то нельзя и требовать, чтобъ всѣ видѣли, слышали, обоняли, вкушали и осязали одинаково. Одинъ любитъ развалывшейся хажиной, другой предпочитаетъ всѣмъ инструментамъ балалайку, третій безъ дальнихъ справокъ гушается чичиковскимъ Петрушкой, тотъ кушаетъ и похваливаетъ вѣрчево, прѣжено съ лукомъ, а иной молодецъ съ любовью натягиваетъ воежи и хлопаетъ вранникомъ. Все это хорошо, очень-понятно и, если угодно, натурально; не согласна

тось, что за жизнь, если посвятить ее всю созерцанию развалин, звукам балаалайки, цѣлый вѣкъ только гнущаться неоприятностью, не сдѣлавъ шага къ уничтоженію ея, перейти наждый день отъ вѣрчена къ кручечу и отъ кручечу къ вѣрчену или умереть съ возжами и араинникомъ въ рукахъ... однимъ словомъ, прожить вѣкъ, не сдѣлавъ ничего для тѣхъ, съ кѣмъ вамъ такъ весело жить? Сосрадите, что еслибъ человекъ жилъ одинъ, безъ людей, то ему пришлось бы съ утра до ночи рыть корни на обѣдъ, да драться съ сосѣдями-волнами и другими дикими вѣтрами, съ которыми совѣтъ не такъ пріятно вить тѣмбу... Конечно, мы такъ далеки отъ перваго періода человечества, что не думаемъ о немъ; но вѣдь свѣтъ до-сихъ-поръ стоитъ на томъ же, на чемъ стоялъ, когда не было ни развалинъ, ни балаалайки съ барабаномъ, ни Петрушки съ пряникомъ и когда некого было увинить молодечествомъ... А принести пользу людямъ не трудно, и если ввязаться за дѣло съ толкомъ, то можно окончить его съ истинной славой и даже съ огромной выгодой для себя. И такіе почтенные люди, которые умѣютъ даже въ своемъ частномъ, домашнемъ кружку дѣйствовать на пользу другихъ, есть всадъ, — и вотъ тому доказательство:

Извѣстные наши фабриканты, гг. Мальцовъ, Делешинъ, Барановъ, Гучиковы, Прохоровы, Четвериковъ, Усачевъ и другіе, составили товарищество для снабженія Закавказскаго-Края лучшими надѣлками русскихъ фабрикъ и на первый разъ нѣтрены учредить товарные склады въ Тифлисѣ, а потомъ, по нѣтрѣ надобности, и въ другихъ закавказскихъ торговыхъ городахъ. Первые транспорты должны прійти туда до отъѣзда тамошнихъ торговцовъ на нижегородскую ярмарку, и такимъ образомъ устраняется обыкновенныя издержки на поѣзду въ Нижній-Новгородъ и обратно. При томъ, товарищество желаетъ не только продавать надѣла русскои промышленности, но и прокѣивать на туземныя произведе-

нія или пріобрѣтать эти послѣднія въ купую.

Такому предпріятію нельзя не порадоваться, особенно, если сообразить, сколько выгоды можетъ принести оно русской и закавказской торговлѣ, сдѣлавшись постояннымъ органомъ ихъ взаимныхъ сношеній.

Для дальнѣйшихъ выводовъ о пользѣ товарищества предлагаемъ читателямъ извлеченіе изъ отчета за 1866 г. о мѣновой торговлѣ съ горскими народами на Кавказѣ, чрезъ посредствъ мѣновыхъ дворовъ.

Эта мѣновая торговля производится на 12 пунктахъ съ Кабардинцами, Таллинцами, Дигорцами, Кумыками, Карчаевцами, Хатникуайцами, Тешаргойцами и Абдзахами, которыми привезено разнаго рода горскихъ произведеній, по примѣрному исчисленію, на сумму 231,108 рублей серебромъ. Въ томъ числѣ:

Черкесскаго сукна, черкессога, чеченей, шароваровъ, башмаковъ, чепцовъ для ружей и проч. платья на 10,877 р. Бурокъ молодостей, горскихъ шапокъ, чевиковъ, пагавицъ и проч. болѣе нежели на 3,000 р. Кожа козловыхъ, выдѣланныхъ въ сафьянъ и не выдѣланныхъ на 18,400 р. Кожа сырыхъ, воловьихъ и буйволовыхъ на 10,800 р.

Каждая кожа пошла по цѣнѣ до 2½ болѣе рубл.

Овчинъ, болшею частію невыдѣланныхъ, на сумму до 12,000 р. Невыдѣланныхъ кожъ лисьихъ, куницъ, дикихъ кошекъ, порешивыхъ, бѣлыхъ, волчьихъ, медвѣжьихъ и вычкихъ на 7310 р.

Наиболѣе привезено куницъ, лисихъ, бѣлыхъ. Средняя цѣна за каждую по 2 р., а кошачьи, волчьи, медвѣжьи, — оцѣнены по 1 руб.

Разнаго рода азіатскаго оружія на 13,000 р.

Ружья продавались или выдѣлывались по цѣнамъ отъ 5 до 12 р.; пистолеты отъ 2 до 5; шашки отъ 2 до 7; кинжалы отъ 3 до 150 р.

Фруктовъ садовыхъ свѣжихъ и сушеныхъ: яблокъ, грушъ, айвы, орѣховъ грецкихъ (болѣе всего) и мелкихъ лѣсныхъ, лычи и проч., до 10,300.

Отородныхъ продуктовъ: лука, лобля, кураги, а также проса и сарачинскаго пшена на 4,000.

Воску и меду сыраго на 13,500.

Средняя цѣна меду—3, а воску 10 р. за пудъ.

Масла коровьяго и сала говяжьяго на 7,700 р.

Средняя цѣна масла—5 р., сала отъ 2 до 2 р. 50 к. за пудъ.

Нефти или горнаго масла на 10,500. Лошадей (каждаго по 35 р.) на 7,070. Барановъ на 900. Крушнаго рогатаго скота на 700. Красильныхъ травъ болѣе нежели на 7,000. Желтѣнника. листа кустарника для дубленія и козловыхъ кожъ на 800.

За тѣмъ важнѣйшею статью привоза былъ строевой и дровяной лѣсъ, доски и нѣкоторыя сельскія подѣлки: корыта, сундуки, кадки, бочки, ободья и проч.,—всего болѣе нежели на 83,000 р.

Прочіе привозимые для разнѣна предметы состояли: изъ кулей, циновокъ, ишмаковъ, шкры, балыка, веревочъ, глиняной и ивдой посуды и т. п.

В большая часть всѣхъ этихъ товаровъ была промѣнена на хлѣбъ, на товары и вещи, необходимыя въ домашнемъ быту горцевъ; отчасти продава за наличныя деньги, на которыя горцы преимущественно покупали соль.

— Стремленіе къ знакомству и сближенію съ горскими народами проявляется теперь въ различныхъ видахъ. Нѣкто г. Люлье, долго жившій въ одномъ изъ племей Адыге и выучившійся довольно-хорошо языку этого народа, предпринялъ огромный трудъ разрабтки этого языка: онъ создалъ для него алфавитъ и грамматику и составилъ Русско-Черкесскій или Адыгскій Словарь. Султанъ Адмал-Гирей обратилъ вниманіе на трудъ г. Люлье и съ край-

нимъ сожалѣніемъ говоритъ, что въ немъ есть важныя недостатки, происшедшіе преимущественно отъ неправильнаго произношенія адыгскихъ словъ. Онъ говоритъ, что г. Люлье составилъ свой алфавитъ изъ русскихъ буквъ, между-гѣмъ, какъ въ адыгскомъ языкѣ есть такіе звуки, каковыхъ нѣтъ ни въ одномъ изъ европейскихъ и восточныхъ языковъ: следовательно, адыгскій языкъ необходимо требуетъ изобрѣтенія новыхъ знаковъ. Притомъ уловить эти своеобразныя звуки очень-трудно, и приобрести правильное адыгское произношеніе можно не иначе, какъ изучая этотъ языкъ съ дѣтства. Не смотря на такіе недостатки, султанъ признаетъ пользу трудовъ г. Люлье, особенно въ будущемъ, и въ заключеніе совѣтуетъ ему, при исполненіи этихъ трудовъ, воспользоваться познаніями старца *Нотуко Эфенди*, величайшаго поэта Черкесіи, который нѣкогда составилъ-было алфавитъ и словарь адыгскаго языка, но по настоянію духовенства принужденъ былъ смечь ихъ.

— Мы заговорили о Кавказѣ и за справкой обратились къ тамошней политической и литературной газетѣ «Кавказъ», а обратившись однажды, замѣтили, что чрезъ нее можно познакомиться съ разными подробностями кавказскаго быта. Такъ, на-примѣръ, вы узнаете изъ нея, что 5-го марта 1847 г. въ Тифлисъ, въ залѣ собранія, г. Парисъ смѣло, привычною рукою ударилъ смычкомъ, и что сладко билось сердце и утопало въ восхитительныхъ звукахъ, то ивжныхъ, величественныхъ, то веселыхъ и меланхолическихъ. А 22 марта 1840 г., вотъ, что дѣлалось въ Михайловскомъ Укрѣпленіи:

Фатъма, во святомъ крещеніи *Нина*, сидѣла на бревнѣ, плела вѣнокъ, протягивала руки въ-даль и закрывала лицо руками, приговаривая, что у нея никого нѣтъ, только окровавленный трупъ отца передъ глазами и страшный день, день перваго ея плѣна. . и

т. д., какъ причитають русскія женщины каждую субботу, сидя на могилѣ—впрочемъ, иногда и на бревнѣ... но не въ томъ дѣло.

Варугъ поспѣшно входитъ Хассанъ и говоритъ ей: «посмотри на меня, я весь оборванъ, *въ крови я поляхъ* (замѣтьте, это характеристическая черта) чрезъ непроходимыя горы, пропасти—чтобъ скорѣе увидѣть, безопасна ли ты. Бѣги со мною немедленно!»

Нина не хочетъ бѣжать.

Хассанъ убѣждаетъ ее, напоминаетъ, что у нея есть отецъ (окровавленный трупъ, вѣрно, былъ обманъ разстроеннаго воображенія Нины), мать, ровные... ты, говоритъ, красавица, я осыплю тебя золотомъ, и знатнѣйшія княжны позавидуютъ моею Фатьмой!

Нина отвѣчаетъ презрительными намеками на корыстолюбіе Хассана, на то, что онъ выдавалъ своихъ и обманывалъ Русскихъ.

Хассанъ говоритъ, что если онъ рѣшился быть предателемъ своихъ и скрывать лицо предъ каждымъ встрѣчнымъ, ожидать каждую минуту, что его застрѣлятъ какъ измѣнника, то не изъ за горсти серебра,—а за взглядъ, за ласковое слово Фатьмы, чтобъ оберегать ее, доказать любовь и, наконецъ, вырвать изъ рукъ невѣрныхъ.

— Благодарю за преданность, отвѣчаетъ Нина: — но я не оставляю этихъ мѣстъ.

Хассанъ, видя, что личныя достоинства не производятъ желаннаго дѣйствія на его возлюбленную, снова заговорилъ о родинѣ, объ отцѣ, о матери, напомнилъ ей, какъ отецъ ея палъ подъ штыками на порогѣ сакли, когда ея взяли съ окровавленной груди матери...

Нина невольно взглядываетъ, куда указывалъ Хассанъ, отвертывается и въ залучивости махаетъ рукою; въ сильномъ волненіи закрываетъ лицо руками, стираетъ съ груди кажущуюся ей кровь матери; наконецъ, въ нерѣшимости хватаетъ Хассана за руку и говоритъ: Хассанъ, веди меня къ матери!

Они поспѣшно идутъ.

Варугъ входитъ (на бревно) Лико и Тимченко.

Лико говорить: «Кто это? стойте!»

Хассанъ и Нина возвращаются (на бревно?).

Оказывается, что Тимченко любитъ Нину, а Нина Тимченку.

Бѣдняжка снова въ трагической борьбѣ съ собою, которую, подражая Гамлету, могла бы выразить ночью его же словами:

«To go, or not to go?..»

Щади ваше сердце, читатель, сокращаемъ эту сцену.

Какъ бы то ни было, Нина одною рукою закрываетъ глаза, а другую подаетъ Тимченку, потомъ бросается ему въ объятія и говоритъ Хассану: «Скажи (отцу и матери), что въ мужѣ найдю все, что женщина теряетъ разставаясь съ родительскимъ домомъ и родиной!»

Хассанъ, въ бѣшенствѣ, хватается Нину за руку, предсказываетъ какое-то бѣдствіе, передаетъ Лико записку отъ какого-то пѣвнаго офицера и въ награду за эту услугу проситъ отдать ему Фатьму.

— Это зависитъ отъ ея согласія, отвѣчаетъ Лико.

Хассанъ подходитъ къ Нинѣ, говоритъ съ нею тихо, но съ жаромъ, а Лико, развернувъ записку, читаетъ громко:

«Лико, берегись, будь остороженъ, — Вельяминовскій фортъ взятъ и почти весь гарнизонъ погибъ.»

— Боже милосердый! Они погибли, а съ ними и мой братъ, бѣдный мой братъ! Тимченко. Съ истерическимъ. Читайте далѣе.

Лико (читаетъ). «На разсвѣтѣ 29-го февраля, тучи горцевъ залетѣли на батарею. Картечь орудій сразила ихъ нереальныя сотни, но остальныя тысячи ворвались въ фортъ. Капитанъ...»

Не пропустить ли описаніе-то, читатель?—Для нашей трагедіи нужно только слѣдующее окончаніе записки:

«Будь остороженъ, Лико — толпы горцевъ въ сборѣ и бѣгутъ на насъ,»

впадают на падающее и на ваше укрѣпленіе.

Увлеченный содержаніемъ записки, Лико переживаетъ прежніи образы мыслей о потерѣ брата, и воскликаетъ:

— Братъ мой, ты погибъ геройскою смертью! я не жалю, я завидую тебѣ! (внѣ себя) Велите на гауптвахтѣ бить оръ!

Скоро прибѣгаютъ солдаты и офицеры, и строятся. Слѣдуетъ сцена, въ которой уже нѣтъ ничего принадлежащаго исключительно Кавказу или какой трагедіи, а потому — пропустимъ и еѣ.

Солдаты уходятъ. Лико отдаетъ офицерамъ приказанія.

Хассанъ (къ Нинѣ). Напрасный трудъ, что не спасетъ горети этихъ храброевъ; они должны погибнуть, а съ ними и ты — уйдешь, Фатима!

Нина. И ты могъ подумать, что я, какъ женщина, побоюсь смерти?—Ты знаешь, что во мнѣ кровь Черкешенки!... Я отказалась отъ матери, отца, родины и мужью отказаться и отъ жизни! Для меня на свѣтѣ осталась только любовь, и скорѣе скороню ее въ могилѣ, чѣмъ раздѣлю съ тобою!

Хассанъ. А, такъ ты презираешь явою! Но будешь моею, я вырву тебя отсюда!

Нина. Вырвешь одинъ трупъ мой — изъ развалинъ этого укрѣпленія;—я предаюсь судьбу свою, но, да будетъ воля Божія!

Хассанъ. Такъ погибни же, презрѣнная отступница!...

У васъ сердце замерло, читатель! Вы, вчитавшись о запальчивости Черкесовъ, думаете, что Хассанъ выхватилъ кинжалъ да и закололъ Нину. — Нѣтъ, Черкесы дѣйствуютъ гораздо обдуманнѣе: Хассанъ знаетъ, что трагедія въ одномъ дѣйствіи не бываетъ, и потому продолжаетъ такъ:— Чрезъ три дни увидишь меня здѣсь, не умоляющаго, но страшнаго мстителя—твоего господина!! (уходить).

Но вотъ — сцена вторая. Ночь того же дня. Видъ той же мѣстности, что и

въ первой сценѣ. Хассанъ ведетъ Нину за руку.

Нина. Зачѣмъ ты вызвалъ меня изъ дома? чего ты хочешь?

Хассанъ. Тише... въ туманѣ и мракѣ какъ змѣя проползъ (опять ползая!) и мимо часовыхъ, чтобы умолить тебя бѣжать со мною...

Ну, и опять та же исторія: Хассанъ и такъ, и сякъ, и прерываетъ ее, и тащитъ за руку, и схватывается за руку, и умоляетъ, и говоритъ грозно, и опять тащитъ, и обнажаетъ кинжалъ, и бросаетъ кинжалъ на землю, и выпускаетъ руку Нины, наконецъ, стрѣляетъ изъ пистолета (только не въ Нину и не въ себя) и, сложивъ руки крестомъ на груди, говоритъ съ рѣшимостію прибѣжавшему на выстрѣлъ Лико:— О выстрѣлялъ! Одинадцать тысячъ шаikovъ возлѣ твоихъ окоповъ, — защищай ихъ если можешь!

Бьютъ тревогу, солдаты и офицеры сбѣгаются и становятся въ ряды...

Пропустимъ и эту сцену.

Часть солдатъ уходитъ; Тимченко, слѣдуя за ними, подходитъ къ Нинѣ и говоритъ ей: «Прости, милая невѣста! Если паду, не забудь меня... я буду ждать тебя тамъ!» (указывая на небо).

Нина (бросается въ его объятія). Я не переживу твоей смерти!

Хассанъ (до сдѣхъ поръ стоявшій въ отдаленіи, съ грозною рѣшимостію, съ сложенными руками на груди, быстро подходитъ къ нимъ и раздѣляетъ объятіихся). Прочь!—твое мѣсто не здѣсь, не возлѣ женщины, а тамъ, гдѣ умираютъ твои товарищи.

Тимченко (грозно). Дерзкій, ты дорого за это послѣ мнѣ заплатишь! (уходитъ.)

Слышны гикъ горцевъ и выстрѣлы.

Нина становится на колѣни и—не успѣла она сказать четырнадцати словъ, какъ видитъ, что солдаты ведутъ раненаго Тимченку. Она къ нему на встрѣчу и говоритъ: «ты раненъ!...»

Солдаты кладутъ Тимченку на землю, Нина склоняетъ его голову къ себѣ на колѣни, осматриваетъ его раны, сис

трить въ даль; а когда Тимченко умеръ, она въ сильной горести восклицаетъ: «умеръ!» прикладываетъ уста своихъ его губамъ и продолжаетъ: «Послѣдній вздохъ твой я приняла своими устами, — души наши соединились и не разстанутся въ вѣчности... Я медлю умереть — вѣдь у тебя нѣтъ никого на свѣтѣ, кромѣ меня, кому бы оплакать твою смерть!...» и т. д., пока израненный Хассанъ не вползъ (опять!) на сцену съ кинжаломъ въ рукѣ, и не сказалъ ей: «Фатма... умираю!... нѣтъ болѣе силъ приподнять (еще-таки!) въ тебѣ... подойди, я обниму тебя и, не доставая ни мнѣ... ни другому!... (поднимаетъ руку съ кинжаломъ).

Нина. Я умру, но не отъ твоей руки! дай прежде оплакать этотъ милый трупъ!

Хассанъ. Милый трупъ!.. а... плачь надъ нимъ... я отступилъ!.. мой кинжалъ пронзилъ его грудь и кровь твоего любовника обрызгала мнѣ лицо (опять замарался въ кровь!)... посмотри!..

Нина. Будь проклятъ подлый предатель!..

Хассанъ. Умираю... умри и ты (бросаетъ слабую рукой кинжалъ, но онъ падаетъ, не достигнувъ Нины. Хассанъ умираетъ).

Архипъ Осиповъ (вбѣгаетъ съ повязанною головою и съ зажженными фитилемъ). Все кончено!.. Нина, бѣги отсюда; я взорву погребъ и прахомъ этой земли засыплю не скороненные трупы товарищей-братій!

Нина. Взрывавай скорѣй! жизнь не нужна и мнѣ! Посмотри (показываетъ кинжалъ) — я приготовилась!

Она обнимаетъ трупъ Тимченки и кричитъ: «скорѣй, скорѣй... въ небо!...»

Горцы съ гикомъ и обивающимися шапками пробѣгаютъ сцену; зававѣтъ опускается, раздается взрывъ погреба, трескъ и грохотъ.

Что за эффектъ, что за находчивость! — зававѣтъ опустилась, а вы все еще не раздѣлались съ трагедіей!..

Тутъ опять скажемъ то же, что уже сказали мы по поводу рысистыхъ лошадей. Все это хорошо; почему и не написать такой драмы, когда хочется

написать драму? и каждый можетъ смотрѣть на черкесскіе нравы какъ ему угодно; но странно нѣхать въ свои личные вояжъ інія такіа дѣла, какъ дѣло 22 марта 1840 г.! Люди не закаленные въ бою крестятся съ благоговѣніемъ при одномъ воспоминаніи о подобныхъ дѣлахъ... Нина могла сидѣть на бревнѣ и плести вѣнокъ, не только въ Михайловскомъ-Укрѣпленіи, но вездѣ, гдѣ есть бревна и незабудки, что и... могла сидѣть и все прочее дѣлать, что дѣлала она въ трагедіи, не только 22 марта 1840 года, но даже и до Р. X. Вѣдь плела же вѣнки и Офелія; а дѣствовала въ трагедіи очень-порядочно...

— Но Богъ съ вами, съ этики извѣстныхъ драмамъ! Перейдемъ, по сохладству съ Кавказомъ, въ Новороссію; тамъ, и именно въ Одессѣ, появилась между прочимъ политико-экономическая статья нѣкоего г. Демоль въ № 1 «Записокъ Сельскаго Хозяйства Южной Россіи». Вотъ какъ рассуждаетъ г. Демоль:

«Мы вошли въ нѣкоторыя подробности, съ цѣлью опредѣлить, какъ можно лучше, положеніе нашего земледѣлія; какъ предостоятъ двойной выборъ:

1) Если весною въ наступившемъ году возникнуть опасенія на счетъ урожая, то бы сомнѣнія цѣны возвысятся и нельзя предвидѣть предѣловъ возмущенія.

2) Если же, напротивъ того, допустить болѣе строгіе (?) предположеніе хорошаго урожая, то цѣны упадутъ быстро; совсѣмъ неожиданно ляжетъ засуха; и шалбъ, котораго не доставитъ штуръ для обезпеченія народнаго продовольствія, откромется вездѣ съ избыткомъ.

Что касается до хозяйственной предусмотрительности скаваницыъ «Записокъ», то въ № 2, на 37 стр. читается слѣдующее:

«Въ то самое время, когда мы надеялись, что съ исчезающимъ на нашемъ рѣкѣ льдомъ, оставила насъ зима и начался наступленія теплой погоды, — съ вернымъ числомъ февраля подулъ сѣверный вѣтеръ, который скоро заставилъ термометръ опуститься слыхкомъ на 6° ниже точки замерзанія.»

Мы думали, что холодные вѣтры въ первыхъ числахъ февраля—явленіе мое обыкновенное въ одесской атмосферѣ, а не то, чтобъ *составляло-неожиданное*.

— Хотѣли-было мы припомнить, что же было, или по крайней-мѣрѣ забавно въ послѣднее время насъ, петербургскихъ жителей; но воспоминанія наши въ этомъ случаѣ оказались очень скудными. Мелькали еще въ это послѣднее время остатки отъ недавно-испавшихся на насъ музыкальных и иныхъ художественныхъ увеселеній; о все что-то мѣшало намъ вполне наслаждаться ими... Не даромъ въ прошломъ мѣсяцѣ заговаривали мы объ нынѣ, какое наводитъ на человека первый періодъ весны, и вазывали то уныніе предчувствіемъ: гриппы и всякіе недуги отравили наше веселье. Конечно, гриппъ—дѣло временное, переходящее, а все какъ-то не-пріятно и невесело; тутъ, какъ еще прійдетъ какаа-нибудь печальная вѣсть, то сдѣлается и очень грустно. А у насъ были такіа вѣсти. Прежде узнали мы о кончинѣ *Серіалъ Николаевича Глядки*, послѣдовавшей 5-го апрѣля въ 10 часу утра, и вздохнули въ глубинны души о преходимости всего земнаго и жизни человѣческой и того, чѣмъ бываетъ полна такая жизнь... Здѣсь, конечно, слѣдовало бы дать нѣсто историческимъ воспоминаніямъ и чувствамъ, ими вызываемымъ, изъ чего могъ бы составиться приличный некрологъ; но если читатели узнаютъ, что мы все еще находимся въ тѣхъ же отношеніяхъ къ некрологу вообще, какіа обнаружилъ недавно, говоря о кончинѣ *Д. М. Веласкаго*, то они и на этотъ разъ простятъ намъ великодушное отступленіе отъ принятаго обычая и позволятъ не пускаться въ историческіа воспоминанія, которыа всѣмъ извѣстны.

Почти вслѣдъ за первой печальной вѣстью, явилась другая: 11 апрѣля утромъ скончался *Эдуардъ Ивановичъ Губеръ*... Тутъ стало намъ горько-грустно—отъ-того ли, что Э. И. Гу-

беръ былъ ближе къ намъ, что рѣчь его еще слышалась чуть не во вчерашнемъ фѣльетонѣ; отъ-того ли, наконецъ, что ему было не 72, а только 32 года, и что онъ, какъ выразилась «Санктпетербургскія Вѣдомости», «могъ бы проивзвести еще много прекраснаго... Да, именно отъ-того; «Санктпетербургскимъ Вѣдомостямъ» это особенно извѣстно и ощутительно: онъ по этому случаю объявилъ, что всѣ ихъ фѣльетонныя статьи, подписанныя буквами Э. И., также буквами К. Д. С., принадлежали Губеру, и что фѣльетонны, подписанныя буквою С., принадлежать одному изъ знаменитѣйшихъ нашихъ писателей, слогъ котораго блещетъ остроуміемъ, исполненъ неподдѣльнаго юмора и запечатлѣнъ *ароматомъ сѣтскости*... Кто бы это такой былъ?...

Не довольствуясь знаменитѣйшимъ писателемъ, редація «Вѣдомостей» говорить, что, по случаю болѣзни и потомъ кончины Э. И. Губера, она должна была обратиться къ одному изъ молодыхъ литераторовъ, который дебютировалъ у ней прекраснымъ фѣльетономъ, заключивъ этотъ фѣльетонъ анекдотомъ, рассказаннымъ въ пользу г. Неваховича, по поводу филантропа, изображеннаго въ послѣдней тетраліи его *Ералаши*.

— Кстати о «Ералаши» г. Неваховича. Въ мартовской книжкѣ «Отч. Записокъ» мы слегка коснулись этого предмета и обѣщались воротиться къ нему, дождавшись новаго выпуска. Тогда, признаемся, закралось-было къ намъ грѣшное сомнѣніе насчетъ будущаго характера «Ералаши»; мы думали, что она, увлекшись удаляю, не будетъ разсуждать о томъ, что больше напрашивается на карриатуру согласно современнымъ взглядамъ и интересамъ, и потому иногда у нея будетъ упускаться изъ вида то, что очень бы стоило доброй карриатуры, а попадаться на зубокъ то, на что и такъ неурожай, что и безъ того туго разводится при всѣхъ ухадахъ и удоб-

речіяхъ. Оно, разумѣется, ничего: пускай попадалось бы на зубокъ все, — это существенно ничему повредить не можетъ; но мы боялись, что «Ералашь», сверхъ-того, будетъ иногда, вмѣсто смѣха, внушать отвращеніе, и при томъ къ предметамъ несколько не отвратительнымъ. Теперь же, послѣ недавняго вывагоса шестаго выпуска, нѣтъ возможности не помириться съ «Ералашью». Она такъ безопасно пользуется всякими *современностями*, такъ добродушно (правда, не вездѣ), такъ беззаботно шутить надо всѣмъ, о чемъ только-что шумѣли или шумятъ, чѣмъ увлекались или еще увлекаются, что нельзя не смѣяться отъ чистаго сердца. Пробѣжимъ на-скоро послѣдніе пять листовъ. Впрочемъ, содержаніе перваго въ нихъ мы не будемъ рассказывать, потому что одно въ немъ несовсѣмъ-ясно, а другое ужъ черезъ-чуръ ясно. Замѣтимъ только, что здѣсь художникъ, между-прочимъ, выполнилъ одну очень-трудную задачу: изобразилъ человѣка, только-что переставшаго дѣлать зло. Да еще прибавимъ, что на «Ералашь», по-крайней мѣрѣ на эти пять листовъ, не должно ни кому сердиться; не должно требовать, чтобы она помнила, какъ затверженный урокъ мѣру достоинства каждаго предмета, на который думаетъ намякнуть: она не оскорбляетъ, потому что шутитъ, а шутка оскорблять не можетъ. Слѣдующій листъ подъ № 7 имѣетъ заглавіемъ: *Въ публикѣ и дома*. Тутъ, во-первыхъ, — жена, вполне постигнувшая свою правую силу общественнаго мнѣнія и въ то же время сознающая права своей личной свободы, оправдывающія ея сердечныя привязанности, и увидѣвшая себя въ необходимости согласить противоположныя требованія свѣта и сердца, раздвинувъ свою жизнь на публичную и домашнюю — дѣло обыкновенное! Въ публикѣ — она девица, а дома... дома — то, что ей угодно. Потомъ, филантропъ, частію уже извѣстный вамъ по упомянутому анекдоту. Онъ въ публикѣ опускаетъ въ шапку нищаго грошъ, рас-

топыривъ пальцы такимъ образомъ, какъ-будто-бы пускалъ на морозъ поймавшаго у себя на ухѣ таракана, желая насладиться эффектомъ его паденія: а дома летитъ съ кулаками на какую-то жалкую пидютскую фигуру... Дѣловой человекъ, на улицѣ бѣгущій со всѣхъ ногъ съ портфелемъ, а дома пускающей мыльные пузыри — удивительно хорошъ. Это — типическая фигура; такіа вездѣ есть. Наконецъ, «голубки», т. е. нѣжные супруги. Осупругахъ что и говорить, — какіихъ нѣтъ между ними! Но эти, кажется, ужъ черезъ-чуръ нѣжны, особенно дома (говоря простымъ языкомъ — они таскаютъ другъ друга за волосы): такіихъ неистовыхъ ласкъ не встрѣчалось еще ни въ одной новѣйшей драмѣ; впрочемъ, можетъ-быть, подобнаго рода эффекты берегутся собственно только для семейнаго счастья. Листъ, подъ № 8, открывается *Карломъ Ивановичемъ*... Нельзя не замѣтить, что есть образы, которые какъ-будто постоянно преслѣдуютъ г. Незахочича и просятся въ альбомъ его. На-примѣръ, этотъ Карлъ Ивановичъ, преслѣщенной Нѣмецъ-николяръ, началъ свои похождения еще съ рождественной ёлки и постоянно обнаруживаетъ одну страсть — присвоивать себѣ права своихъ маленькихъ витюпцевъ. Посмотрите, съ какими наслажденіемъ катается онъ на деревянномъ конькѣ подъ качелями! Съ нѣкотораго времени появился другой такой же безотвѣтный образъ — *литераторъ литературальной школы*; но тутъ не разберешь, кто кого преслѣдуетъ: *литераторъ* ли г. Незахочича, или г. Незахочича *литератора*... Почти-точно приключеніе съ покойникомъ, давшее ему случай почувствовать всю нестерпимость мартовскаго распутия, по которому, какъ выразился самъ встряхнутый въ гробу покойникъ, «домой-то покойно не дойдешь». Остроумно, наконецъ, катанье подъ качелями, очень-остроумно... На листѣ подъ № 9, нельзя не обратить вниманія на удачно-начерченные фигуры *блестящихъ*, т. е. нищихъ, отгосподивъ

прочь швейцаромъ, стоящимъ при вхо-
дѣ въ спектакль въ пользу бѣдныхъ, и
потомъ—адитора и его пациента, кото-
раго наканувъ въ маскарадѣ маски
уфрала, что у него *роза*. Но всего
лучше листъ подъ № 10. На немъ пре-
жде всего бросается въ глаза *гениаль-
ный композиторъ, который на нераза-
данномъ досель инструментѣ изобража-
етъ прелести львовъ и роцъ на берегахъ
Эльбы*. Здѣсь человекъ въ самомъ дѣлѣ
можетъ оставаться гениальнымъ, а кар-
тинка все-таки не погрѣшаетъ ни про-
тивъ истины, ни противъ чего-либо.
Прекрасна голова *неразгаданнаго* ин-
струмента, которую композиторъ дер-
житъ за ухо; прекрасенъ и фантасти-
ческій фонъ, на которомъ рисуются
фигуры композитора и его инструмен-
та; но всего лучше публика, восхища-
ющаяся и недоумѣвающая... Что мо-
жетъ быть свѣжѣе этой шутки?...
Можно смѣло сказать, что если «Ера-
лашъ» всегда будетъ такъ ловко ловить
свѣжіе современные факты, — она по-
стоянно будетъ занимательнымъ и при-
ятнымъ явленіемъ.

— Всѣ петербургскія удовольствія,
испугавшись нашей страшной весны,
перенеслись въ болѣе-благорастворен-
ный край — въ Москву. «Московскій
Городской Листокъ» постоянно сооб-
щаетъ подобныя извѣстія; впрочемъ,
онъ ужъ давно, очень-давно началъ
восхищаться тѣмъ, что въ Москву при-
ѣдетъ г-жа Арну-Плесси, говорилъ объ
этомъ и до поста, и наконецъ по окон-
чаніи поста, на пасху. 27 марта въ по-
слѣдній разъ сообщилъ онъ, что фран-
цузскіе спектакли начнутся 28-го, а
также, что для большой московской
сцены ѣдетъ большой талантъ изъ Пе-
тербурга— г. Каратыгинъ, и что самъ
знаменитый маэстро. Гекторъ Бер-
лиозъ, уже въ Москвѣ, и вѣроятно не
замедлитъ восхитить ее своею фанта-
стической симфоніей, отъ которой всѣ
челоманы безъ ума въ Петербургѣ...
Ну, вѣтъ! еще, слава Богу, съ умомъ;
да не въ томъ дѣло. Отъ-чего съ

началомъ французскихъ спектаклей
возгласы о г-жѣ Плесси вдругъ замоли-
ли? А мы тутъ-то ихъ и ждали. Хотѣ-
лось бы знать первое впечатлѣніе, про-
изведенное нашей артисткой на мо-
сковскую публику... Вѣдь описываются
же прелести *диорамы* и игры виолон-
челиста Борера. Послѣдній даже чрезъ-
мѣрно понравился «Листку»; онъ гово-
ритъ, что Бореръ «показалъ всю гиб-
кость своего таланта, всю силу и пѣ-
вучесть своего дивнаго смычка; онъ
говоритъ такъ потрясаетъ душу, что
нельзя было оторваться отъ сладкихъ
впечатлѣній, чтобъ перейти къ тому
внимательному удивленію, къ которо-
му онъ вызывалъ мастерствомъ сво-
имъ въ побѣжденіи трудностей ин-
струмента» и проч. Мы хотѣли усом-
ниться въ этихъ достоинствахъ; но
вспомнили, что въ прошломъ же мѣся-
цѣ, по случаю концерта, давнаго г. Бо-
реромъ въ Петербургѣ, сказано было
...на этомъ артистѣ, какъ на градус-
никѣ, рѣзко обозначилась та пере-
мѣна, которая произошла съ Петербур-
гомъ въ немного дѣтъ. Мало ли кто не-
давно могъ нравиться и кто теперь уже
никакъ не понравится... Единствен-
ный концертъ Борера не возбудилъ
никакихъ другихъ чувствъ, кромѣ
многочисленныхъ и разнообразныхъ
чувствъ жалости: перелъ нами была
отжившая развалина, да еще такая,
которая громкимъ голосомъ выска-
зывала свою рѣшительную безра-
дость и проч. Послѣ этого спорить
или сомнѣваться показалось намъ уже
неловко... Мы лучше сдѣлаемъ дру-
гое замѣчаніе. Непонятно, зачѣмъ
«Листокъ» пускаетъ къ себѣ ветхую
реторику и даже позволяетъ ей зани-
мать у себя цѣлыя страницы. Напри-
мѣръ, вся первая страница нумера 72
смотреть такимъ образомъ, что не
только напоминаетъ главу, лишенную
волосъ. Она, реторика, можетъ быть,
и добрая, и чувствованія ея, можетъ
быть, похвальные; да что же изъ того,
если въ ней цѣтъ ни дѣла, ни мысли,
ни достаточнаго сознанія?..

— Но оставивъ реторику и обратимся къ тому, гдѣ ея совсѣмъ не нужно, т. е. къ дѣлу. Мы хотимъ сообщить нѣсколько пріятныхъ фактовъ, добрыхъ начинаній, мелькнувшихъ въ равныхъ точкахъ Россіи. Начнемъ съ Москвы же.

Въ Москвѣ существуетъ Училище Живописи. Совѣтъ Московскаго Художественнаго Общества открываетъ въ одной изъ залъ училищнаго дома особое отдѣленіе или публичную мастерскую исключительно для дамъ, гдѣ предложены будутъ всѣ необходимыя средства къ занятію рисованьемъ и живописью. Тамъ будутъ преподаваться: рисованье съ оригиналовъ во всѣхъ родахъ, съ гипсовыхъ головъ, драпированныхъ фигуръ, съ эстамповъ, историческихъ пейзажей, перспективы, цвѣтовъ и плодовъ, рисованье и живопись съ натуры, и наконецъ—копированіе съ картинъ. Правила, на которыхъ учреждается это отдѣленіе, нужно знать собственно только московскимъ жителямъ, а онѣ, если не прочли ихъ, то могутъ прочесть въ номерѣ 31-мъ «Московскихъ Вѣдомостей». Мы только замѣтимъ, что цѣна съ каждой ученицы подлагается 10 р. сер. въ мѣсяцъ... Не дорого ли немножко? На это намъ, можетъ-быть, скажутъ, что рисованье и живопись составляютъ роскошь въ воспитаніи, и потому предполагаются для тѣхъ, кто имѣетъ достаточныя средства? Роскошь составляютъ эти искусства тамъ, гдѣ дѣло идетъ о роскошномъ воспитаніи. Но тѣ лица, во-первыхъ, могутъ платить и не 10 руб., а, во-вторыхъ, и не слишкомъ вуждаются въ публичной мастерской. Будто такъ недоступно для имѣющихъ средства пріобрѣтеніе оригиналовъ и гипсовыхъ головокъ? Притомъ, это, выидетъ то же, что музыкальное воспитаніе: всѣ имѣющія средства будутъ учиться, не разбирая ни способностей, ни охоты, и кончится оно для большей половины — бездарнымъ малеваньемъ. Но если смотрѣть на преподаваніе живописи не какъ на роскошь или принадлежность воспитанія, а

какъ на удовлетвореніе могущей открыться склонности, страсти или даже призванія къ этому искусству,— тогда учрежденіе подобной публичной мастерской—прекрасное дѣло, особенно, если сдѣлать ее доступною для каждой дѣвочки, чувствующей въ себѣ страсть къ рисованію, и притомъ повести дѣло такъ, чтобъ обидчившія въ своемъ призваніи и оказавшіяся бездарными не мучили себя напраснымъ трудомъ и, не теряя попусту времени, обратились къ усовершенствованію себя въ иныхъ искусствахъ или знаніяхъ. А то въ напечатанной въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» статьѣ объ открытіи этой мастерской сказано, на-прим.: «Музыка и живопись составляютъ необходимую принадлежность лучшаго домашнего воспитанія, даже не слишкомъ богатаго средствами. Женскій полъ въ этомъ случаѣ беретъ первенство передъ мужскимъ, и кому же, если не ему, воздѣлывать прекрасное для семейной и общественной жизни, когда онъ назначенъ служить ей лучшимъ украшеніемъ?» Сказано очень красиво: и комплиментъ женскому полу, и все какъ слѣдуетъ: только выдвигать живопись за необходимость въ воспитаніи каждой женщины, для воздѣлыванія прекраснаго,— странно. Правда, женщины воздѣлываютъ прекрасное въ семейной и общественной жизни; но это у нихъ производится безъ помощи кистей и красокъ; тутъ даны и ноты не идутъ къ дѣлу. Это воздѣлываніе составляетъ особое изящное искусство, тайна котораго лежитъ въ ихъ натурѣ, — единственное искусство, несвязанное ни съ какаимъ матеріальнымъ трудомъ — ни съ хлопотаньемъ по клавишамъ, ни съ растраніемъ красокъ. Это искусство можетъ и должно бы быть принадлежностью воспитанія каждой женщины; всѣ же прочія, въ томъ числѣ и живопись, должны быть и всегда будутъ удѣломъ только немногихъ избранныхъ; а сдѣланнымъ необходимой принадлежностью каждому или каждой, непременно ведутъ до смѣха и гора.

— Въ Москвѣ образовалось еще другое отдѣленіе при другомъ обществѣ, именно: Статистическое Отдѣленіе при обществѣ Сельскаго Хозяйства, съ цѣлю составленія *подробнаго хозяйственнаго статистическаго описанія Московской-Губерніи*. Составился уже и капиталъ въ 1628 р. сер. на издержки для чено-хозяйственной поѣздки по губерніи и напечатаніе будущей статистики. Эти деньги назначены были С. Маслову на путевыя издержки въ Сибирь, куда онъ посылается депутатомъ въ собраніе германскихъ хозяевъ, пожертвованы имъ для означенной статистической цѣли... Тутъ нечего больше сказать, кромѣ того, что предпріятіе прекрасное и полезное; извѣстно, въ какой мѣрѣ полезно статистическое описаніе края, особенно такого края, какъ Московская-Губернія, и особенно, когда у насъ такъ мало подробныхъ и дѣльных мѣстныхъ статистическихъ описаній.

Мы, впрочемъ, имѣемъ причины надеяться, что недостатокъ подробныхъ мѣстныхъ статистическихъ свѣдѣній о разныхъ краяхъ Россіи скоро будетъ пополняться; примѣръ такихъ начинаній, какъ московское, долженъ увлечь и другихъ. Вѣдь для этого нужно только такъ-называемое просвѣщенное стремленіе, а въ немъ у насъ не можетъ быть недостатка. Въ этомъ отношеніи, на-примѣръ, Сибирскіе общества очень-многое: онѣ недавно обнаружилъ подобное стремленіе, основавъ у себя *Карамзинскую Общественную Библиотеку*. Въ Московскихъ Вѣдомостяхъ разсказывается о томъ, какъ переписка о публичной библиотекѣ въ Сибирскіи началась еще съ 1831 года и какъ одинъ чрезвычайный случай — именно, открытіе памятника Карамзину, — ускорилъ окончаніе этого дѣла. Вотъ, что сказано въ статьѣ о сибирской библиотекѣ:

Открытіе памятника Карамзину пробудило по крайней мѣрѣ въ Сибирскомъ Дворянствѣ чувство уваженія къ своей родинѣ, сознаніе занимаемаго ею мѣста въ образованіи всей земли, и этого было

достаточно, чтобъ тотчасъ породить готовность привести въ исполненіе давно существовавшую, но все еще не принявшуюся мысль объ учрежденіи библиотеки... И самую библиотеку пожелали назвать *Карамзинскою*, такъ чтобы и она оставалась вѣчнымъ ему памятникомъ. И наука дано право гражданства въ сибирскомъ обществѣ, и библиотеку признали полезною и нужною.

Составленъ уже проектъ устава этой библиотеки. Цѣль ея — сохраненіе древнихъ рукописей и доставленіе книгъ и журналовъ для чтенія, какъ на русскомъ, такъ и на иностранныхъ языкахъ. Пользоваться ими могутъ въ самой библиотекѣ (помѣщаемой въ особую комнату дома дворянскаго собранія) и также брать книги на домъ — *вся жители города безъ различія сословій*; платы за пользованіе никакой не полагается, только при отпускѣ книгъ на домъ берется залогъ... Сдѣланнаго пожертвованія, сказано въ той же статьѣ, положилъ твердое основаніе библиотекѣ, и ее уже можно считать существующею. Многие авторы, уроженцы Сибирской-Губерніи, прислали экземпляры своихъ сочиненій. Но самое значительное пожертвованіе, кажется, сдѣлано г. Языковыми: они отдадутъ въ учреждающуюся публичную библиотеку всѣ книги, оставшіяся послѣ брата ихъ, покойнаго Н. М. Языкова. Этихъ книгъ, говорятъ, до 5000 томовъ.

— Одесскія Губернскія Вѣдомости сообщаютъ очень-любопытный фактъ — прекрасный поступокъ г. Лубы, находящагося въ безсрочномъ отпуску офицера гродненскаго гусарскаго полка. Г. Луба совершилъ безпримѣрный подвигъ: употребилъ время своего отпуску какъ-нельзя-лучше — на общую пользу. Дѣло въ томъ, что по р. Днѣстру ходятъ такъ-называемыя галеры, почти четырехугольныя суда, очень-неудобныя для плаванія, которыми бываетъ опасно вѣзть грузъ. Галеры эти ходятъ до Бендеръ и до Маякъ, никогда не спускаясь ниже. Г. Луба,

ислѣдовавъ иѣстность Днѣстра, сначала устроилъ четыре дубовыя парусныя судна, которыя приходили съ верхняго Днѣстра въ Одессу съ грузомъ пшеницы. Потомъ, не довольствуясь этими судами, онъ заказалъ въ Англии желѣзныя пароходы, который уже привезенъ и складывается на берегу моря. Пароходъ этотъ, въ сорокъ лошадиныхъ силъ, длиною девяносто футовъ, шириною четырнадцать, входитъ въ воду на два фута; онъ будетъ буксировать суда по Днѣстру, Днѣпану и по морю, вплоть до Одессы. Пароходъ называется «Луба». Сверхъ-того, г-нъ Лубю заказаны четыре плоскодонныя лодки, изъ которыхъ каждая будетъ поднимать до 800 четвертей хлѣба. Пароходъ, четыре судна и четыре лодки въ состояніи перевезти въ развѣ до 12,000 четвертей пшеницы. Однимъ словомъ: г. Луба завелъ, вмѣсто неудобнаго и опаснаго, удобное и достаточное судоходство по Днѣстру. Исторія прибрежныхъ странъ Днѣстра должна внести этотъ подвигъ на свои страницы для вѣчнаго воспоминавія...

— Говоря объ отлѣненіи для дамъ при Московскомъ Учлищѣ Живописи, мы упомянули нелькомъ о музыкальномъ воспитаніи. Лежащее теперь передъ нами изданіе г. Бернарда Нувелюста побуждаетъ насъ высказать подробнѣе наше мнѣніе объ этомъ предметѣ.

Нельзя не согласиться, что у насъ въ обществѣ людей образованныхъ, или, по крайней мѣрѣ, обязанныхъ быть образованными, музыка составляетъ *conditio sine qua non* воспитанія. Обычай учить дѣтей музыкѣ или, лучше сказать, играть на фортепьяно, господствуетъ повсюду, и въ провинціи болѣе, нежели въ Петербургѣ. Не станемъ входить въ исслѣдованіе этого обычая, не станемъ рѣшать вопроса—раціоналенъ ли этотъ обычай, не значить ли терять попусту время, не сущая ли пытка учить музыкѣ девять-десятькъ молодыхъ

людей, вовсе немнѣющихъ къ тому способностей, но которые, какъ добрыя, послушныя дѣти, играютъ ex officio печальное рондо г-на Черныгина до-нельзя опостылѣвшія варьяціи на какую-нибудь тирольскую арию-варьяціи, которыя прямо доказываютъ, что помощію простыхъ комбинацій, перестановленія звуковъ, всякій можетъ вымучить какую-нибудь мелодію, — а какова будетъ мелодія, пропѣть дѣла. Еще разъ, этотъ вопросъ да идетъ мимо. Но съ какою цѣлю учить за-урядъ всѣхъ дѣтей музыкѣ, что иѣбютъ въ виду родители, при торговывавшей къ полержанному фортепьяно о 5¹/₂ октавахъ (за то все великаго мастера), нанявша и учителя знакомаго со всѣми музыкальными знаменитостями, и преимущественно со всѣми инструментальными мастерами и нотными магазинами? Къ-сому дѣлю, побудительная причина того по-большей-части бываетъ нелкое самолюбіе, безсознательное желаніе угнаться за другими, чтобъ сосѣди не слишкомъ зазавались, наконецъ, обычай изобрѣтать нравственныя качества людямъ тѣми прописанными въ разныхъ столбцахъ аттестата познаванія, которыя въ сущности ровно ничего не значатъ, если личность человека безцвѣтна. А въ сужденіяхъ многихъ добрыхъ людей о молодыхъ людяхъ или молодой особѣ, вездѣ какъ-то пріятно звучитъ: денегъ столько-то, на фортепьянахъ играетъ, и «славно ищетъ, переводитъ», рисуетъ карандашомъ, красками и на бархатѣ, мораль—въ высшей степени, поетъ по итальянской методѣ, пишетъ стихи по-французски. О, Боже мой! какъ ушлишься душой, когда подумаешь о домашнихъ сюрпризахъ, всякихъ чехольчикахъ и трафареткахъ, пріятствіяхъ въ стихахъ и прозѣ, домашнихъ танцахъ, чуть не балетахъ, домашнихъ концертахъ и тому подобнымъ наслажденіямъ, которыя ищутъ истинный фамилизмъ! Какъ много помню я тѣ милыя времена, когда и меня, дѣти вовсе-неодолженнаго и не

одиное, тоже подымали на сур-
изы,—какъ приготовленъ былъ qua-
ог Плейеля, какъ приглашенъ былъ
имъ учителемъ его знакомый для
исполненія партіи баса, какъ, за ве-
фнїемъ виолончели, почтенный ди-
тантъ выполнилъ свою партію на
готъ... Помню восторгъ и умиленіе
дственниковъ, помню, какъ, роди-
ль мой, подходя на цыпочкахъ то къ
вому, то къ другому изъ почетныхъ
ушателей, объяснялъ недоступную
презель музыки, помню, какъ,
дуря голову, сидѣлъ одинъ изъ го-
ей, человекъ вовсе непривѣтлив-
й, незнакомый съ патріархаль-
ими радостями... Бѣдный человекъ
гѣлъ несчастіе знать музыку...

Еще болѣе имѣетъ значенія форте-
лаю, когда дочка подростаетъ: тутъ
ль, не принимая въ соображеніе ни
особностей, ни охоты, приступаютъ
покупитъ паллисандроваго варшава-
аго Флигеля, и, сдѣлавъ такой рѣши-
тельный шагъ, успокоиваются на
ема, и мысль о женихахъ не такъ
ываетъ душу родителей. Инструментъ
женъ пронашествіи эфектъ.

Еще трогательнѣе мысль нѣкото-
ихъ педагоговъ, что учить музыкѣ
лезно для того, чтобъ отклонить мо-
дыхъ людей отъ празности и дур-
ихъ привычекъ. Пусть - де лучше
считать, какъ умѣетъ, пѣсенку, а не
таетъ романы и не болтаетъ съ при-
езами, которые добру не научатъ.

Противъ такой наивности и возвра-
тѣ нѣчего, а, право, много есть при-
рженцевъ и этого возвращенія на му-
ику, какъ на мѣру предупредитель-
ю.

Не менѣе любопытенъ и образъ пре-
даванія музыки. Въ Петербургѣ,
авада, есть много хорошихъ учите-
ей, но за то есть и нныя-всякіе, а о
овианціи и говорить нѣчего: тамъ су-
зствуетъ два рода преподаванія, и
кадый изъ нихъ не менѣе страненъ и
вно неблагоприятно отзывается на
евникахъ.

Много есть учителей, напоминаю-
ихъ учителя Маняловыхъ, который

былъ человекъ признательный и, чтобъ
заплатить ховлеванъ за хорошее обра-
щеніе, всякій разъ, когда замѣчалъ,
что они были готовы усмѣхнуться, въ
ту же минуту открывалъ ротъ и сиѣ-
ялся съ усердіемъ (М. Д. гл. II, стран.
54). Эти господа, чтобъ не оставлять
родителей въ долгомъ ожиданіи и какъ-
можно-скорѣе доставить имъ истинное
наслажденіе и случай пролить слезы
умиленія, очень-недолго учатъ дѣтей
механизму и теоріи музыки. Какъ-ско-
ро ученикъ начнетъ кое-какъ отхваты-
вать гаммы и первоначальные этюды,
уроки получаютъ характеръ фамиль-
ныхъ праздниковъ. Начинаютъ играть
національныя пѣсенки, тѣшашія дѣду-
шку, любимый маршъ родителя, соста-
вляютъ дуэты, тріо, готовы при-
икнуть туда же и дитя съ барабаномъ
или трианглемъ, которое расплакалось и
желаетъ принять участіе въ концертѣ.
Послѣдствія очевидны: ученики та-
кихъ господъ не только не выучатся
играть, но въ короткое время сдѣлают-
ся навсегда безнадежными, и переимѣ-
на учителя ни къ чему не поведетъ.
Отъ поведенія тѣшиться плясовой, бала-
ганной музыкой, для нихъ невыносимо
строгое изученіе какой бы то ни было
пьесы, и на первыхъ порахъ они по-
чувствуютъ такое отвращеніе къ уче-
нью, что охотнѣе готовы навсегда оста-
вить музыку, нежели покориться не-
обходимости и вѣзаться снова за суро-
выя гаммы и этюды. Притомъ такое
ученье портитъ окончательно вкусъ
ученика, развиваетъ въ немъ мелочъ-
ность и блажную привычку уклонять-
ся отъ всякой трудности. Ясно, что это
вовсе-неутѣшительный фактъ въ раз-
витіи молодаго человека.

Другіе учителя берутся за дѣло ина-
че. Ребенка мучатъ, иставляютъ, заста-
вляютъ съ утра до вечера переигры-
вать постылыя гаммы. Такъ тянется
годъ, два. Уже пріобрѣлъ ученикъ нѣ-
которую бѣглость въ пальцахъ, знаетъ
порядочно раздѣленіе такта, а учи-
тель все еще смотритъ, какъ на запрет-
ный кладъ, на какую-нибудь невинную
польку, а иногда доводитъ ригоризмъ

своей до того, что также преслѣдуетъ и сладенькій мотивъ изъ итальянской оперы. Я былъ свидѣтелемъ, какъ одинъ блюститель чистоты звуковъ пришелъ въ азартъ отъ-того, что въ дверяхъ, снимая калоши, слышалъ, какъ ученица его играла на память арію изъ «Черерентолы», которую слышала накануне въ театрѣ. Онъ тутъ же объявилъ ей, что всѣ его усилія, всѣ уроки теперь пропали даромъ. Еще разъ, это фактъ... Соната Стейбеля, вотъ все, что позволялъ онъ ученикамъ своимъ играть въ часы досуга. Понимай ее, какъ знаешь, эту сонату!.. Во время урока, такіе учителя считаютъ необходимымъ быть суровыми, сѣтовать и приходить въ отчаяніе при каждой ошибкѣ ученика, при каждомъ отступленіи отъ указаній постылаго метронема, который отцедливаетъ трехчетвертной тактъ адажію... А ученикъ все-таки ошибется; смущенный, усталый, онъ все-таки глотаетъ ноты и наслу удерживаетъ пробивающіяся слезы: сцена обыкновенная, особенно, если учащійся—дѣвица въ эпоху развитія всякой чувствительности...

Послѣ урока начинается объясненіе съ родителями: отзывъ о счастливыхъ способностяхъ (всегда счастливыхъ...), о необходимости заниматься этюдями; потому слѣдуетъ *sermon*, увѣщаніе въ-жизное или суровое, смотря по темпераменту родителей. А результатъ всего этого—возрастающее въ ученикѣ отвращеніе къ музыкѣ, желаніе (къ-несчастью, имѣющее основаніе) поскорѣй, во что бы то ни стало, освободиться отъ тягостной ферулы, фанатическая ненависть къ строгому, пристальному ученію... Тоже факты, необычайные много добраго.

Особенно болѣзненно отзывается обученіе музыкѣ на существахъ мыслящихъ, въ-жизныхъ, но въ то же время лишенныхъ музыкальной способности. Не разъ случалось мнѣ видѣть дѣвущку умную, которую тщеславная матушка заставляла сѣсть за фортепьяно, на-прич., послѣ игры талантливаго артиста. Мнѣ случалось прочесть на ли-

цѣ ея страданіе, которое неволью упоминало превосходную сцену въ «Грипетскихъ Ночахъ», когда «некрасивый дѣвущку» заставилъ написать по-итальянски таму для импровизатора. Воля ваша, а такое насильствованіе характера къ добру не поведетъ и неизменно ожесточаетъ молодую душу. И болѣе и досадно видѣть подобныя сцены!

Деспотизмъ учителя превращаетъ только въ-слѣдствіе неожиданной формы въ семействѣ: или выдалутъ бѣдную жертву замужъ, или по крайней-мѣрѣ вывезутъ въ губернской городъ, а чего добраго и въ столицу. рѣшать про себя родители, что воспитаніе дитяти—окончено. Да-съ, конечно разомъ, въ одно прекрасное утро такъ сильны бываютъ убѣжденія у некоторыхъ людей!!

Тутъ происходитъ переворотъ въ музыкальныхъ занятіяхъ. Изъ магазина набрана цѣлая груда нотъ самыхъ пестрыхъ и разнообразныхъ. То капризные произведенія новыхъ композиторовъ: въ нихъ нѣтъ и помину о добромъ старомъ времени, о классической школѣ Гюнтена... Диалеттанту радъ до-лье,—играетъ какъ попало. Учителю полно! Интродуцція трудна—мимо ее. Мотивъ развѣргаетъ кое-какъ: въ-ступленію краснорѣчивые знаки, *glacando, crescendo, ritardando, leggiero, con deliziosa cazzeta*... Опостылѣло намъ неугомонное ворчанье учителя. Вотъ переключить мотивъ въ другой тонъ: трудновато,—мимо и его; скучна пьеса—беремъ другую, и такъ далѣе, пока не оставимся на издорномъ произведеніи музыкальной промышленности, на какойнибудь *Zigzag Polca*, которую барабанимъ съ ожесточеніемъ, какъ-бы въ вымѣстку за старыя страданія.

А родители! Они съ тупымъ интересомъ слѣшаютъ эту путаницу, этой хаосъ звуковъ, и съ первобытною наивностью хвалятъ передъ озадаченными гостемъ: «она у васъ какія углы по ноты а *люръ уверъ-съ* играетъ!»

Дѣйствительно à *live ouvert*, толикая такая игра—наказаніе Божье для неузнакомаго съ музыкой, *à live ouvert*

т залогъ той суетности и умственной
ности, которая не замедлитъ огра-
нѣна, во всей печальной красѣ, въ
зна ихъ дѣлѣннаго дѣтяти.

При такомъ безнадѣжномъ положе-
ннѣ, особенно больно видѣть, что
въ выборѣ нотъ руководствуются
только тщеславіемъ. Одна моло-
дая особа, нынѣ благополучно въ бра-
чнѣ пребывающая, въ счастливые дѣ-
тскіе дни, оставя пансіонъ, находи-
особенное удовольствіе брать въ ма-
ннѣ самыя трудныя пьесы Листа и
льберга, играть ихъ по-верхамъ,
къ-что выходило Богъ-знаетъ что,
ловнѣе не музыка Листа и Тальбер-
га. Но это было здѣсь, въ столицѣ.

Мы брали и относили назадъ, стоило
о недорого. Представьте же, во что
и обошелся эксцентрическій вкусъ
шей дилеттантки, еслибъ, живя въ
берннѣ, вздумала она выписывать
ѣ эти ноты на кровные рубли! Изъ
ного сожалѣнія къ выручкѣ за пше-
ицу, овесъ и пеньку, какъ не поже-
ть, чтобъ ежегодный музыкальный
оджеть нашихъ дилеттантовъ опре-
дѣлялся сколько-нибудь разумной цѣ-
ной!

Чего же лучше? Журналъ г. Бернара,
увеличить, вполне можетъ помочь го-
о: за десять рублей серебромъ въ годъ
обителю получать двѣнадцать боль-
нихъ тетрадей, заключающихъ въ себѣ
нмнѣ разнообразный выборъ новыхъ
всѣхъ извѣстныхъ композиторовъ.
ритомъ, г. Бернаръ, какъ опытный
едакторъ, при помѣщеніи пьесъ при-
нмаетъ въ соображеніе и разнообраз-
на, какъ правые вкусы нашихъ любите-
ей, и ту печальную истину, которую
ы высказали о преподаваніи музыки
е въ Петербургѣ. По-этому, въ «Ну-
елистѣ» не помѣщаются пьесы слиш-
омъ-трудныя, и, что всего дороже для
аждающихъ новостей гг. иногород-
ыхъ, въ него входятъ только пьесы
временныя, отъ которыхъ такъ и вѣ-
тъ послѣднимъ бенефисомъ итальян-
ной оперы и концертомъ, о которомъ
думали въ-продолженіе всего поста-
аломъ, на которомъ въ первый разъ

прозвучала приводящая въ пьесѣ
polka-mazurka, — артистическимъ ве-
черомъ, на которомъ юноша съ длин-
ной листовкой прической и съ длин-
ными (effilés), прозрачными пальцами
пѣлъ полуразбитымъ теноромъ ро-
мансъ автора «Доменикино»... Бу-
дутъ ли эти пьесы разыгрывать
какъ слѣдуетъ или отхватывать а гвар-
уверъ, во всякомъ случаѣ приобрѣте-
ніе «Нувелиста» выгодно, какъ въ эконо-
мическомъ отношеніи, такъ и пото-
му, что давнишняя музыкальная дѣ-
тельность г. Бернара, какъ преподава-
теля музыки и какъ композитора, до-
статочно говорить въ пользу его на-
данія.

НОВОСТИ ЗАГРАНИЧНЫЯ.

Вѣроятно, многіе изъ нашихъ чита-
телей были въ Академіи Художествъ
на выставкѣ картинъ г. Айззовскаго,
восхищались и моремъ и небомъ, уно-
сился мысленно въ безконечно-снѣ-
ющую даль и, можетъ-быть, чув-
ствовали сильное желаніе покачаться
на этихъ манищихъ, величаво-колыха-
ющихся волнахъ. Да! понятно такое
желаніе: красивы морскія волны и
сильно манятъ онѣ издали; но вспоми-
те, что вы видѣли только *хорошую*
сторону моря; пріймите въ соображе-
ніе, что званіе Академіи стоитъ не-
выблемо; а еслибъ судьба перенесла
васъ на корабль или на пароходъ, въ
открытое море,—вамъ, можетъ-быть,
и въ голову не пришло бы не только
любоваться красивыми волнами, но да-
же и смотрѣть на нихъ. Открывается
навигація, и, можетъ-быть, многимъ
изъ васъ прійдется на дѣлѣ извѣдать
эту горькую истину; тогда вы узнаете,
что такое *морская бользнь*, или, какъ
моряки называютъ — *укачиваніе*. По-
этому, намъ кажется, мы поступимъ

кстати, если изложимъ теперь сущность морской болѣзни, по поводу междуна оъ этомъ предметѣ, недавно читаннаго въ Парижской Академiи Наукъ г-нъ Пелларенъ (Pellarin).

Морскую болѣзнь почти всѣ приписывали или приливу крови къ мозгу, или сотрясенiямъ, происходящимъ отъ движенiя судна и передающимся внутренностямъ; но ни то, ни другое изъ этихъ мнѣнiй, какъ полагаетъ г. Пелларенъ, при строгомъ наблюденiи, не можетъ быть вполне принято. В-самомъ-дѣлѣ, морская болѣзнь никогда не сопровождается обыкновенными признаками прилива крови, на прим., краснотою лица, напряженiемъ кровеносныхъ сосудовъ и проч. Напротивъ, она часто обозначается симптомами совершенно-противоположными, каковы: блѣдность лица к рукъ, слабость пульса и проч. Приливъ крови къ спинному мозгу также не можетъ быть принятъ за причину морской болѣзни; иначе, почему же страдающiе этою болѣзнию чувствуютъ себя гораздо-лучше, когда они лежатъ, нежели когда стоятъ, и вообще все то, что способствуетъ приливу крови къ мозгу, во время качки судна, облегчаетъ страданiе, подобно тому, какъ это бываетъ при обморокахъ.

Причина морской болѣзни — чисто-механическая; она состоитъ существенно въ качанiи судна. Человѣкъ, подверженный этой болѣзни, получаетъ дурное расположенiе духа, тоску, дѣлается молчаливъ, теряетъ аппетитъ, чувствуетъ головную боль, тошноту, и наконецъ, рвоту. Впрочемъ, у нѣкоторыхъ все ограничивается головною болью; замѣчено также, что нiе въ время качки прiобрѣтаютъ необыкновенный аппетитъ. Такъ-какъ морскую болѣзнию страдаютъ только во время качки судна, все равно, будетъ ли она боковая или килевая, то, кажется, эту болѣзнь скорѣе можно отнести къ возмущенiю циркуляции крови, передаваемому качанiями судна, нежели къ приливу крови къ мозгу, какъ то полагаетъ Воластонъ; на-

противъ, въ этомъ случаѣ можетъ лишаться своего стимула: ему недостаетъ необходимаго количества крови. То, что происходитъ изъ морской болѣзни, совершенно сходно съ тѣмъ, что довольно-часто испытываютъ субъекты при пусканiи крови. Г. Пелларенъ полагаетъ, что причина морской болѣзни состоитъ въ недостаточномъ возбужденiи мозга артеріальною кровью. В-самомъ-дѣлѣ, тѣ особы легче переносятъ качку судна, у которыхъ пере-быстрѣ циркулируетъ, или которыми во время качки бываютъ заняты работою, требующею дѣятельнаго участiя со стороны организма. Дѣти, у которыхъ объемъ сердца относительно болѣе, чѣмъ у стариковъ, совершенно нечувствительны къ морской болѣзни; подобнымъ образомъ животныя чувствуютъ ее менѣе, нежели человѣкъ, потому-что у нихъ мозгъ находится почти въ одной горизонтальной плоскости съ сердцемъ.

Все способствующее ускоренiю кровообращенiя уменьшаетъ или даже вовсе уничтожаетъ вредное дѣйствiе качки на организмъ. Г. Араго говоритъ, что можно предохранить себя на нѣкоторое время отъ качки скорыиъ и учащеннымиъ дыханiемъ. Тугое перетягиванiе также спасаетъ отъ этой непрiятности, — но вовсе не потому, чтобъ поелъ нѣшалъ движенiю внутренностей, а потому-что онъ способствуетъ притеченiю крови къ голови. Г. Пелларенъ говоритъ, что справедливость его теорiи легко можетъ быть повѣрена на опытѣ: еслибъ людямъ, подверженнымъ качиванiю, поставили къ ногамъ рожки, то они, скорѣе бы почувствовали признаки морской болѣзни, потому-что тогда двѣ причины (качка и рожки) будутъ лишать мозгъ нормальнаго прилива крови. Далѣе, авторъ находитъ сходство между причиною, производящею рвоту въ морской болѣзни, и тою, которая производитъ рвоту въ первые мѣсяцы беременности; въ послѣднемъ случаѣ матка, дѣлаясь центромъ, куда притекаетъ кровь, отдаленъ отъ моз-

часть крови, которая его, такъ-ска-
тъ, оживляла. Въ доказательство
наивности этого сближенія можно
известить то, что беременныя женщи-
ны рѣдко чувствуютъ дурноту, когда
лечь, и, напротивъ, часто, когда
лгутъ съ постели или когда нахо-
тся въ стоячемъ или сидячемъ по-
женіи.

Качанія судна, кареты и качелей
производятъ одинакія дѣйствія на ор-
ганизмъ, и нтъ сказаннаго нами легко
сдѣлать, что эти дѣйствія происходятъ
отъ движенія тѣла, дѣйствующаго
внутри естественнаго циркуляціи кро-
ви. При чемъ главнымъ образомъ
повышается восхожденіе возбуждаю-
щей жидкости въ аортѣ и другихъ ар-
терій, отъ чего мозгъ приходитъ въ
исключенію или *исключенію* въ состояніе *ис-*
ключеніе. Наконецъ, недостаточное
возбужденіе спиннаго мозга тотчасъ
предаются грудобрюшной преградѣ
(*Diaphragma*) и приводятъ ее въ сокра-
щеніе, въ слѣдствіе чего и происхо-
дитъ рвота.

Противъ морской болѣзни можно
предложить двухъ родовъ средства:
первое состоитъ въ устраненіи отъ се-
бя по возможности причины, т. е. ка-
чанія судна; для этого полезно лежать
въ подвѣшенной койкѣ, которая долж-
на свободно качаться, но не сильно
срещаться около точекъ привѣса. Вто-
рое средство состоитъ, такъ-сказать,
въ побужденіи дѣйствія причины,
производящей морскую болѣзнь; для
того необходимо стимулировать кро-
вообращеніе всѣми средствами, спо-
собными усилить энергію, напри-
мѣръ, тѣлесными упражненіями во
время плаванія. Если позволить со-
стояніе погоды, полезно быть на
верху, дѣлать глубокіе вздохи, хо-
дить до усталости, или, еще лучше,
участвовать въ матросскихъ работахъ,
плясать свисти, заниматься пальбой и
проч. Вообще занятія, требующія
большой дѣятельности организма, суть
лучшія средства для предохраненія
себя отъ качки. Кофе, чай, теплое ви-
но также предохраняютъ отъ ука-

чиванія и хорошо стимулируютъ кро-
вообращеніе. Между лекарствами,
предпочтительно предъ прочими, дол-
жно употреблять тѣ, которые оказы-
ваютъ на организмъ подобное дѣй-
ствіе. Употребленіе лимона часто такъ
же облегчаетъ укачиваніе.

— Если зайдетъ рѣчь о чемъ-
нибудь, касающемся облегченія че-
ловѣческихъ страданій, то уже не-
возможно не вспомнить современна-
го открытія, отъ котораго идетъ та-
кой неутомляющій говоръ по всѣмъ
больницамъ, клиникамъ, журналамъ и
газетамъ, т. е. о *открытіи паровъ сѣр-*
нистой воды. Современность и важность
этого открытія побуждаютъ насъ из-
ложить его въ томъ видѣ, до котораго
доведено оно послѣдними исслѣдова-
ніями.

Ничто не можетъ быть затрудни-
тельнѣе положенія, въ которое ста-
вить насъ начало отчета о дальнѣй-
шихъ открытіяхъ въ дѣйствіи *откры-*
тіи на животный организмъ. Въ предъ-
идущихъ книжкахъ мы сообщили о
первомъ шагѣ въ этомъ дѣлѣ, о про-
веденіи операций съ помощію *откры-*
тіи и въ некоторыхъ наблюденіяхъ, сдѣлан-
ныхъ съ перваго взгляда; но теперь
продолжать тотъ же порядокъ — значи-
ло бы запутать читателя во множествѣ
разнообразныхъ хирургическихъ опе-
рацій и во многихъ тысячахъ равно-
образныхъ проявленій дѣйствія *откры-*
тіи. Намъ представляется, во-первыхъ,
краткая исторія открытія и не очень
пространствыя объясненія о самомъ *откры-*
тіи; потомъ, на одной и той же степени,
три разные взгляда на все дѣло объ
открытіи, три взгляда совершенно-невоз-
можные къ соглашенію, — разумѣется,
въ настоящее только время, когда всѣ
идутъ еще, такъ-сказать, ощупью. Во-
первыхъ, взглядъ практикантовъ-хи-
рурговъ, которые въ дѣйствіи *откры-*
тіи не видятъ ничего болѣе, какъ сред-
ство дѣлать операции нечувствитель-
ными; во-вторыхъ, взглядъ физиологовъ,
ученыхъ академикомъ, которые, ко-
нечно, про себя какъ-нибудь да смо-

трать на это, но которые свиснутъ на слова, боясь уронить достоинство своего званія ошибочнымъ предположеніемъ, и только-что начинаютъ дѣлать разные физиологическіе опыты, отнюдь не выводя общихъ результатовъ, и идутъ осторожно, оглядываясь на каждомъ шагу; наконецъ—взглядъ ученыхъ бельетристовъ, журналистиковъ, которые и бранятъ и хвалятъ и тѣхъ и другихъ; то бранятъ хирурговъ за ихъ слѣпую практику, а академиковъ — за медленность, вялость, молчаніе, недостатокъ сочувствія къ интересамъ общественнымъ; то хвалятъ первыхъ за ихъ рѣшимость пускаться въ опыты надъ пациентами (разумеется, когда эти опыты кончаются счастливо), а академиковъ — за ихъ разумную осторожность, которая хоть мало подвигаетъ дѣло, но все-таки подвигаетъ. Который же изъ этихъ трехъ взглядовъ взять намъ въ основаніе при составленіи отчета? Разумеется, не первый: мы уже сказали, что въ этомъ случаѣ читатель запутается между тысячами фактовъ. Остаются два послѣдніе, и мы постараемся придерживаться академическаго, какъ вѣрнѣйшаго, не откаываясь, впрочемъ, при случаѣ приводить требованія ученыхъ бельетристовъ.—Изъ всѣхъ академій мы выбираемъ парижскую, какъ менѣе другихъ зараженную ученымъ подавизмомъ, какъ болѣе другихъ сочувствующую общественнымъ интересамъ. Но прежде объяснимъ, отъ-чего происходитъ несогласіе между учеными бельетристами и занятиями ученыхъ ex professo, академиками. Академія наукъ — собраніе собственно ученыхъ, собраніе служителей науки, и потому, естественно, члены ихъ держатся въ тѣсномъ научномъ кругу и въ засѣданіяхъ своихъ стараются говорить не собственными своими устами, а устами науки; если нѣтъ положительныхъ, доказанныхъ фактовъ, то они могутъ сказать только слова два объ интересѣ для науки такого-то извѣстія, замѣчанія или наблюденія, о которомъ ходятъ слухи и толки въ губ.

лицѣ, и о желаніи своемъ, чтобъ извѣстіе или замѣчаніе было подтвергнуто учеными исследованіемъ и оны тамъ, а результаты сообщены академіи. Правда, въ нашъ вѣкъ, въ самыхъ наукахъ такое стремленіе симпатизировать съ интересами общества, съ предложиностью научныхъ истинъ къ пользамъ общества, что можно было бы требовать отъ академій больше, нежели глубокомысленнаго молчанія. Но для этого надо или измѣнить основныя начала существованія академій, или оставить ихъ въ покоѣ, при однихъ догматическихъ занятіяхъ науками, основать другой разрядъ академій науки прикладныхъ, академій, обязанныхъ думать о прямыхъ пользахъ общества. Примѣровъ не симпатичности этого вездѣ: умеръ Гамбей, членъ Парижской Академіи по части механики, и на него сто его набранъ Комбъ; журналы осыпаютъ упреками академію, затѣмъ не Брегета (усовершенствователя электрическихъ телеграфовъ при желѣзныхъ дорогахъ), потому-что Комбъ собственно математикъ X, Y, Z, а Брегетъ занимается механикой и индустриальной; компанія желѣзной дороги составила капиталъ, смету въ сотню милліоновъ на лужу листовка въ ведла просьбу.—Французскій Совѣтъ Путей Сообщенія, составленный почти также, какъ Академія, обсуживаетъ каждую подпорку, каждый вагонъ, каждую копейку этой сметы и заставляетъ жадна Богъ-знаетъ сколько времени; журналы упрекаютъ совѣтъ въ ажиотажъ и пр. Все это при настоящемъ, преобразованномъ порядкѣ вещей естественно. Хирургическія омерзѣнія по-большой части очень-болѣзненные, хирурги - практиканты обрадовались извѣстію, что вдыханіе воздуха дѣлаетъ человека безчувственнымъ къ самымъ страшнымъ болѣзнямъ и притомъ безъ всякихъ вредныхъ послѣдствій; дѣло тотчасъ, неспросясь науки, ухватилось за новость, и вотъ — съ одной стороны голосъ академика Мажанди возсталъ съ какимъ-то гордымъ недоуваніемъ ученаго противъ ввѣрять

практикантовъ, а съ другой — журналы осыпали его насмѣшками и порицаніями.

Но — расскажем сначала краткую исторію эвэра. Что такое эвэръ? Винный спиртъ есть алкоголь, разбавленный водой; алкоголь — химическое соединеніе воды съ эвэромъ; такимъ образомъ, говоря на языкѣ наукъ, эвэръ есть самое тончайшее начало вина или спирта (въ научномъ смыслѣ это неправильно, потому что самый эвэръ состоитъ изъ химическаго соединенія кислорода съ эвэломъ, который еще ближе къ началу и есть уже химическое соединеніе водорода и углерода). Эвэръ, разведенный водой, но не соединенный съ нею химически, извѣстенъ подъ именемъ гофманскихъ капель. Наконецъ — еще должно сказать, что эвэръ, о которомъ идетъ рѣчь, есть одинъ изъ числа многихъ эвэровъ, признаваемыхъ химіею, которая называетъ эвэрами многія основныя начала органическихъ веществъ, способныя сильно улетучиваться. Занимающій насъ теперь эвэръ можно назвать *виннымъ эвэромъ, кислороднымъ эвэромъ или окисленнымъ эвэромъ*, потому что въ составъ его сѣра вовсе не входитъ; названіе же *сѣраго эвэра* онъ получилъ прежде отъ того, что получался помощію сѣристыхъ веществъ (но не изъ нихъ) и что встарину, когда химія была основана не на познаніи, изъ чего вещество состоитъ, а на рецептахъ, какъ его добывать, и на изученіи только дѣйствій его на другія вещества — названія давались по первому, то-есть, по добыванію. Мы сказали, что эвэръ этотъ, разведенный водой, извѣстенъ подъ названіемъ гофманскихъ капель; слѣдовательно, дѣйствіе эвэра было уже знакомо и прежде не только ученымъ, но даже и дамамъ. Даже собственно дѣйствіе вдыханія чистаго эвэра было извѣстно давно; еще съ 1812 в 1814 года извѣстныи химикъ баронъ Тенаръ, страдая нервической зубной болью, прижигалъ зубъ нѣсколькими каплями азотной дымящей-

ся кислоты (которая нынѣ послужила къ приготовленію хлопчатобумажнаго пороха) и потомъ, для смягченія происходящей отъ этого страшнаго боли, вдыхалъ въ себя эвэръ въ продолженіе двухъ или трехъ минутъ. Словомъ — безчувственность или ослѣпленіе отъ дѣйствія эвэра было извѣстно и въ наукѣ и на практикѣ; но тутъ мы не можемъ не упрекнуть также съ своей стороны патентованныхъ академіи ученыхъ: — если дѣйствіе это было извѣстно какъ свойство эвэра, почему же до сихъ поръ никто изъ нихъ не позаботился о извлеченіи пользы для общества изъ этого свойства? или нѣтъ ужъ рѣшительно нѣтъ никакого дѣла до общества? Не-уже-ли и на это возразить г. Мажанди? Итакъ, нынѣшнее открытіе состоитъ единственно въ удостовѣреніи, что дѣйствіе эвэра такъ сильно, что, во первыхъ, можетъ дѣлать страждущихъ безчувственными къ самымъ ужаснымъ болямъ, во вторыхъ, что это дѣйствіе безвредно, — словомъ, состоитъ въ благодѣтельномъ приложеніи его къ совершенію хирургическихъ операций. И этимъ столь важнымъ открытіемъ человечество обязано почти случаю.

Хотя извѣстія и слухи объ этомъ открытіи носились еще въ исходѣ прошедшаго года, но мы возьмемъ его съ той минуты, когда въ Парижской Академіи былъ вскрытъ запечатанный пакетъ съ двумя письмами американскаго ученаго, г. Джексона. Это было 18 января. Г. Джексоу писалъ отъ 13 ноября и 1 декабря 1846 года, что шесть лѣтъ тому назадъ онъ имѣлъ случай испытать на себѣ состояніе безчувственности первнои системы отъ вдыханія эвэра, прежде собственно для опыта, а потомъ во время сильнаго кашля, провведеннаго вдыханіемъ хлора; что недавно, въ октябрѣ, онъ повлекъ изъ этого указанія науки важную пользу, присовѣтовавъ зубному врачу, г. Мортону, прибѣгнуть къ вдыханію его пациентами эвэра при дерганіи зубовъ; что послѣ удачи при этой операци, онъ уговорилъ сдѣлать то же

въ нассачуетскомъ госпиталѣ при одной важной и очень-болѣзненной операціи; что за удачею и этой операціи слѣдовало много другихъ, и что, наконецъ, средство это распространилось повсемѣстно въ Соединенныхъ-Штатахъ и вездѣ болѣе или менѣе удачно прилагается. Въ заключеніе, онъ просилъ Парижскую Академію назначить комиссію для опытовъ надъ дѣйствіемъ вѣтра, которую въ-послѣдствіи Академія и учредила (*). Въ одномъ изъ предъидущихъ книжекъ мы сказали уже, что вѣтръ вдыхается не иначе, какъ съ воздухомъ; но самъ-посебѣ онъ долженъ быть самый чистый; мы описали также и приборъ для вдыханія; а послѣ этого слышали изъ провинцій жалобу на то, что прибора у насъ нигдѣ не было описано. Повторяемъ, вкратцѣ мы описали одинъ приборъ; подробное же описаніе всѣхъ приборовъ принадлежитъ изданіямъ спеціальнымъ; впрочемъ, прибавимъ, что, по новости дѣла, и извѣстные теперь приборы Люера и Шарьера вовсе не окончательно усовершенствованы; губеринскимъ же хирургамъ мы въ этомъ случаѣ совѣтовали бы не искать описаній, а просто выписать отъ лучшаго мастера изъ Петербурга или Москвы приборъ съ самыми послѣдними усовершенствованіями и положить въ этомъ случаѣ на совѣсть мастера.

Сначала думали, что вѣтръ дѣйствуетъ не на всѣхъ, что есть субъекты невоспримчивые къ нему; теперь удостовѣрились, что это можетъ происходить только или отъ нечистоты самаго вѣтра, или отъ несовершенства инструмента, или, наконецъ, отъ неумѣнья больныхъ вдыхать его широко, свобод-

(*). Докладъ этой комиссіи нельзя ожидать скоро; но, вѣроятно, предметъ этотъ будетъ въ немъ представленъ во всей его полнотѣ и ясности и съ полной отчетливостію; если по составу своему оно будетъ согласоваться съ духомъ нашего журнала, то читателямъ непремѣнно увидать его на страницахъ «Отеч. Записокъ».

но до легкихъ, и потому признаю необходимымъ предварительно нѣсколько разъ давать для вдыханія вѣтръ, чтобъ прежде приучить больныхъ. Остается еще необъясненнымъ, почему вдыханіе вѣтра дѣйствуетъ на всѣхъ, но не на всѣхъ одинаково: одни впадали въ совершенное ошѣбніе и сонъ, такъ-что по пробужденіи ничего не знали объ операціи и ничего не видѣли во снѣ; другіе грезили видѣніями фантастическими, заоблачными, дружескими, эротическими, пріятными, веселыми, шумными — спорами, дракой, но во всякомъ случаѣ съ ошѣбніемъ тѣла къ боли. У нѣкихъ грезы были такъ сильны, что, не смотря на безчувственность при операціи, они не слѣдъ неа вскакивали, кричали и даже производили въ больницахъ безморальки, о которыхъ, по пробужденіи въ постели, вовсе не имѣли понятія; другіе сильныя и ясныя грезы не имѣли даже слушаться и исполнять приказаній хирурга; третьи, потерявъ чувство боли, сохраняли сознание, что съ ними дѣлаютъ и память; наконецъ, четвертые, потерявъ произвольное движеніе, управленія совершенно всѣми частями тѣла, сохраняли чувствительность къ боли, все равно, какъ-бы операціи были имъ дѣланы и безъ вѣтра. Доктора-хирурги и вмѣстѣ съ тѣмъ члены Академіи Наукъ, Вельцъ и Рун-Серръ, при первомъ извѣстіи о дѣйствіи вѣтра, предлагали нѣтры осторожности; но скоро, увидѣвъ на дѣлѣ счастливые результаты и особенно безвредность, стали при всякомъ случаѣ прибѣгать къ вѣтру. Мажанді, какъ мы сказали, возсталъ, вѣроятно, зачѣмъ не спросили позволенія у Академіи Наукъ; но весь споръ его привелъ только къ тому, что онъ согласился съ этими хирургами и завелъ личную ссору съ Вельцъ, которая вышла уже изъ предѣловъ академическихъ засѣданій; онъ потребовалъ слѣдствія въ госпиталѣ, и проч. Оставимъ г-на Мажанді и перейдемъ постепенно къ анатомическимъ дѣйствіямъ вѣтра на верховую систему.

Г. Вельпо первый объявилъ о замѣченномъ имъ измѣненіи въ свойствахъ мускуловъ — сильно сжиматься и противиться дѣйствіямъ хирурга при обыкновенныхъ прежнихъ операціяхъ; теперь, при помощи вдыханія воздуха во время операціи, они, напротивъ, дѣлались вялыми и слабыми. Это обстоятельство привело его къ заключенію, что если оно подтвердится и будетъ дознано всѣми безъ исключенія, то вдыханіе воздуха будетъ благотворнымъ средствомъ при сращиваніи переломленныхъ костей, исправленіи вывиховъ, леченіи судорогъ, корчей и даже столбняка, котораго отличительный признакъ — постоянная и судорожная сжимаемость мускульной системы. Въ оправданіи, предположеніе г. Вельпо оправдалось: онъ самъ имѣлъ случай вправить одну переломленную кость и другую вывихнутую у одного и того же пациента, который ощущалъ такую сильную боль, что едва позволялъ подходить къ себѣ, — съ помощію же воздуха даже не чувствовалъ операціи. Это замѣчаніе г-на Вельпо нашло и противорѣчіе въ г. Лалльманнѣ, который прибавилъ, что если мускулы дѣлаются безчувственными и теряютъ свойство сжиматься, то при отнятій ноги, напр., это можетъ имѣть весьма-дурныя послѣдствія, а именно: такъ-какъ мускулы, находящіеся ближе къ наружности тѣла, сжимаются сильнѣе, нежели тѣ, которые лежатъ глубже, то при постепенномъ сѣченіи ихъ (при операціяхъ безъ воздуха) есть возможность пересѣкать выше глубже-лежащія и перепилить кость еще выше, чтобъ открыть вни оконечность отнятаго члена; если же, при помощи воздуха, мускулы не будутъ сжиматься и все сѣченіе мускуловъ будетъ произведено не съ постепенностью въ высотѣ по члену, тогда, по пробужденіи пациента, мускулы сожмутся, и вся оконечность отнятаго члена приметъ конечскую форму. Другое возраженіе, также подъ видомъ неудобства дѣйствія воздуха при операціяхъ, было сдѣлано

гг. Мажендѣ, Лалльманомъ и другими; оно состояло въ томъ, что если и самые нервы теряютъ чувствительность, то хирургу не мудрено будетъ перевязать или запутать такой нервъ, который весьма-важенъ въ организмѣ, — крикъ пациента не предупредитъ его, что онъ сдѣлалъ ошибку. На эти замѣчанія анатомики-хирурги отвѣчали не совсѣмъ - рѣшительно. На первое они сказали, что операція отнятія ногъ, которыхъ было сдѣлано довольно-много, показала, что мускулы не совсѣмъ теряютъ свойство сжиматься, что это свойство только слабѣетъ, что, наконецъ, сѣченіе мускуловъ постепенно выше и выше есть дѣло механическое и зависитъ отъ искусства хирурга. На второе они просто сказали, что наблюденіе, чтобъ не перевязать и не спутать нервъ, котораго не должно было трогать, относится также къ искусству хирурга; впрочемъ, еслибъ это случилось съ очень-тонкими и неприятными нервами, то кричи не кричи большой (то-есть, съ помощію или безъ помощи воздуха дѣлается операція), развязывать некогда, а лучше ту же секунду затянуть его совсѣмъ. Наконецъ, были еще возраженія противъ употребленія воздуха, оставшіеся безъ отвѣта: на-прим., что при носовыхъ операціяхъ бываютъ сильныя кровотеченія, которыми могутъ задушить больнаго, потому-что горло его, потерявъ чувство, не можетъ пренятствовать втеканію крови. На это можемъ сказать только, что носовыхъ операцій было произведено не мало, и всѣ кончились счастливо. Въ защиту воздуха было говорено (но ни разу, впрочемъ, не доказано на дѣлѣ), что онъ можетъ быть благотворенъ въ родахъ, въ судорогахъ матки, и проч. Дѣйствительно, надо предоставить хирургамъ объяснить и описать, какія измѣненія произведетъ средство вдыханія воздуха въ самыхъ процессахъ хирургическихъ операціи. Дѣйствіе воздуха такъ важно и въ хирургіи и въ наукѣ, что поведетъ за собою измѣненія и въ той и въ другой; дѣло людей спеціальныхъ — опредѣлить эти измѣне-

вн: хирурги века только оперируют, но говорить объ этихъ измѣненіяхъ пока еще не начинали; физиологи привнись за опыты ранице, и мы къ нимъ обращаемся.

Хотя эти подробности могутъ показаться многимъ любителямъ легкаго чтенія лишними, но мы поимѣстали ихъ для того, чтобъ такимъ-образомъ познакомить любознательнаго читателя именно съ тѣми частями оперируемаго тѣла, въ которыхъ производится операція и въ которыхъ эфиръ, вдуваемый чрезъ легкія, производитъ безчувственность. Итакъ, мы перешли отъ безчувственности большаго при операціи, т. е. отъ мысли, что больные не будутъ страдать при операціяхъ, о чемъ всѣ толкують и чему радуются хирурги,—къ безчувственности частей человѣческаго тѣла или къ онѣмѣнію нервной его системы, т. е. къ тому, что эфиръ, вдыхаемый чрезъ легкія, сплво дѣйствуетъ, и дѣйствуетъ онѣмѣнннмъ на всю нервную систему человѣка. А такъ-какъ отъ нервной системы зависитъ вся высшая жизнь человѣка, т. е. вся умственная дѣятельность, чувства, чувствительность къ боли, начало и произволъ движенія, — то опыты надъ дѣйствіемъ эфирна должны быть одна изъ самыхъ важныхъ въ физиологіи и самыхъ интересныхъ для любознательныхъ читателей.

Въ чемъ же могутъ состоять эти опыты? Надо сказать, что когда дѣло касается нервовъ, то настоящее состояніе науки отказывается давать положительныя и удовлетворительныя отвѣты, или случается такъ, что представить вдругъ нѣсколько разныхъ теорій, уничтожающихъ одна другую. Поэтому, чтобъ представить все дѣло ясно, слѣдовало бы перебрать эти теоріи и показать, какихъ опытовъ требуетъ каждая, а за тѣмъ—что сдѣлано и къ какимъ заключеніямъ привели опыты надъ дѣйствіемъ эфирна.

Но, во-первыхъ, все это ышло бы изъ предѣла статьи; во-вторыхъ, сдѣлано еще такъ мало, что трудно сказать, что сдѣлано. Вотъ, на-примѣръ,

г. Флуранъ дѣлалъ уже опыты. Но въ основаніе ихъ онъ положилъ свою теорію и не пришелъ почти ни къ какимъ результатамъ. Онъ говоритъ, что, по опытамъ его, существо, вдыхающее въ себя эфиръ, должно при онѣмѣніи терять свои жизненныя силы въ известномъ порядкѣ: сначала умственная способность, потомъ способность управлять движеніями членовъ, затѣмъ чувство боли и способность движенія, и наконецъ, при продолжительномъ вдыханіи эфирна, жизнь. Но такъ ли это? Отъ-чего же нѣкоторые субъекты теряли вовсе способность движенія и не теряли ни чувствительности къ боли, ни памяти, ни умственныхъ способностей? Опыты г. Флурана намъ кажутся крайне-подозрительными.

Г. Лонжѣ, членъ Медицинской Академіи, дѣлалъ тѣ же опыты и пришелъ къ тѣмъ же результатамъ.

Г. Серръ также дѣлалъ опыты. Онъ хотѣлъ воспользоваться эфиромъ для леченія нѣкоторыхъ нервныхъ болѣй не посредствомъ вдыханія паровъ его, но непосредственнымъ дѣйствіемъ эфирна, въ жидкомъ его состояніи, на болѣзненный нервъ. Для этого онъ вскрывалъ у живыхъ животныхъ мускулы и нервы, удостовѣрялся въ ихъ чувствительности, наливалъ на нихъ нѣсколько капель жидкаго эфирна, — и въ результатѣ получилъ совершенное онѣмѣніе этихъ нервовъ, до того, что животное не могло владѣть соответствующимъ членомъ даже и тогда, когда рана заживала. Это привело его къ заключенію, что эфиръ, въ состояніи жидкости, дѣйствуя на нервъ непосредственно, не временно лишаетъ его жизненныхъ силъ, но рѣшительно убиваетъ. Опять скажемъ: такъ ли это? не слишкомъ ли сильно было въ этомъ случаѣ дѣйствіе эфирна на нервъ? Можетъ-быть, при слабѣйшей дозѣ эфирна, онъ именно можетъ только временно онѣмѣнить его и разстроить болѣзненное его состояніе, а потомъ возвратитъ въ прежней его жизни уже не болѣзненнымъ. Посытса слухи, что въ Петербургѣ кто-то изъ врачей возвра-

тѣмъ къ жизни парализованный членъ одного больного именно помощію наружнаго дѣйствія вѣтра. Слѣдовательно, и опыты г. Серра не подвинули дѣла.

И вотъ къ чему мы пришли, — пришли къ тому, что и наука не можетъ еще сказать ничего положительнаго о нашемъ предметѣ. Будете ждать — во-первыхъ, обѣщанной г. Пироговымъ монографіи вѣтра: она, вѣроятно, покажетъ намъ ужь если не совершенный свѣтъ въ необъясненныхъ дѣйствіяхъ вѣтра, то по-крайней мѣрѣ вѣрныя наблюденія и опыты; во-вторыхъ, донесенія комиссіи Парижской Академіи Паукъ: этого донесенія прійдется ждать, можетъ-быть, долго, — но зато мы увѣрены, что оно прямо внесется въ лѣтописи науки, внесется по важности самаго дѣла... Мы упоминали о г. Пироговѣ; кстати примолвимъ, что мы ничего почти не можемъ сказать о дѣйствіяхъ русскихъ врачей и ученыхъ физиологовъ, по весьма-простой причинѣ, — потому-что въ печати, кромѣ извѣстій о нѣсколькихъ удачныхъ операціяхъ мы ничего не видали. Впрочемъ, нельзя не сказать о новомъ способѣ употребленія вѣтрныхъ паровъ, употребленіи г. Пироговымъ: онъ вводитъ вѣтръ въ организмъ больного чрезъ нижнюю оконечность кишечнаго канала (rectum) и практикуетъ этимъ способомъ очень-успѣшно. Это — замѣчательное улучшеніе. Г-нъ Пироговъ прибѣгалъ къ дѣйствію вѣтра для облегченія одной роженницы, и результатъ былъ счастливый: роженница не вѣрила, что она уже родила; къ-несчастью — болѣе этого о русскихъ операціяхъ сказать не можемъ, потому-что ничего не знаемъ.

— Два новѣйшія открытія всего сильнѣе привлекаютъ общее вниманіе: то, о которомъ мы сейчасъ разсказали, да еще — хлопчатобумажный порохъ; между-тѣмъ, къ этимъ двумъ открытіямъ 1846 года должно присоединить третье, представляющее, по-крайней-мѣрѣ одинаковую важность съ ви-

ми. Журналы до-сихъ-поръ не говорили о немъ, потому-что оно относится къ отдѣльной отрасли промышленности, которая въ частностяхъ знакома только людямъ спеціальнымъ. Въ Англіи дана привилегія на способъ выплавки мѣди изъ руды посредствомъ электричества. Ясно, что въ этомъ открытіи заключается часть, относящаяся къ наукѣ, и мы увѣрены, что послѣдняя воспользуется имъ и разработаетъ его. Теперь мы можемъ сообщить только нѣкоторыя статистическія числа, которыя покажутъ всю огромную важность подобнаго открытія. Новое производство плавки даетъ менѣе нежели въ два дѣя такое количество металла, какое старыми способами можно получить только въ три недѣли; экономія въ горючемъ матеріалѣ такъ велика, что владѣльцы заводовъ полагаютъ ее, только для количества мѣди, стекающагося въ Сванзеѣ (Swansea, портовой городъ южной части Валлиса въ графствѣ Глэморгенскомъ, въ Англіи, куда стекается желѣзо и мѣдь со всѣхъ заводовъ горнаго округа этого графства), ежегодно на сумму до 12 съ полов. милліон. франковъ! Поэтому, понятно, что цѣна мѣди значительно понизится, и металлъ этотъ будетъ употребляться съ выгодой и на такія предѣлія, которыя рѣшительно изъ него не дѣлались. Легкость и потребность малыхъ издержекъ при этомъ способѣ позволятъ дѣлать вышаму изъ руды на самомъ мѣстѣ добыванія. Владѣльцы корнваллесскихъ копей жмутъ съ нетерпѣніемъ минуты, когда мѣдь, бывшая накупитъ еще въ видѣ руды въ самой шахтѣ, можетъ быть продана на другой же день на сванзейскомъ рынкѣ, уже въ металлическомъ видѣ, потому-что все производство плавки будетъ слѣвано и скоро и легко возлѣ самаго колодезя шахты. Открытіе это принесетъ также несомнѣнную пользу Австраліи: въ прошедшемъ году привезено оттуда, для выплавки, въ Сванзеѣ 6000 тоннъ мѣдной руды (около 370,000 пуд.); по выплавкѣ получено 1600 тоннъ (около 100,000 пуд.) ме-

тада. Отнынѣ Австралія будетъ выплавлять мѣдь изъ руды способомъ, который требуетъ только 36 часовою работы, и на то же количество руды, которое она извлекала изъ земли до сихъ поръ, то есть, на 10,000 тоннъ, она сэкономитъ 400 тоннъ фрахтовых издержекъ на 8400 тоннъ товара; не говоря уже о выгодѣ отъ уменьшенія издержекъ на самое производство плавки. Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда число рабочихъ рукъ въ Австралію умножится, она будетъ высылать на европейскіе рынки мѣди болѣе, нежели сколько теперь производитъ весь земной шаръ. Англичане прибавляютъ, что это открытіе общааетъ значительное пониженіе цѣны мѣди, и что для сохраненія англійской мѣдной монеты достаточной цѣнности, нужно будетъ тогда дѣлать ее величиною съ тарелку. Такой результатъ, конечно, невѣроятенъ, но, какъ мы сказали, плавка посредствомъ электричества обогатитъ науку и, если понизитъ цѣну мѣди хотя на половину, то и это уже такіа два обстоятельства, которыя заставляютъ желать скорѣйшаго обнародованія всего способа.

Сообщивъ объ одномъ новомъ способѣ плавки мѣди, считаемъ нелишнимъ упомянуть и о другомъ, болѣе сиромнемъ, но о которомъ можемъ сказать утвердительно. Французскіе горные инженеры Риво и Филлисъ представили Парижской Академіи Наукъ записку объ открытомъ ими весьма легкомъ и простомъ способѣ металургическаго производства чистой мѣди изъ руды, посредствомъ осажденія ея желѣзомъ. Способъ этотъ предлагается болѣе къ рудамъ, содержащимъ сіюру. Производство начинается каленіемъ руды до состоянія плавки, для обращенія большей ея части въ окиселъ мѣди; потомъ ее расплавляютъ совершенно съ кремнистыми веществами, для полученія смѣси кремне-кислыхъ солей, и въ эту-то смѣсь, въ расплавленномъ ея состояніи, опускаютъ желѣзные полосы для произведенія осажденія мѣди въ чистомъ металличе-

скомъ видѣ. Все производство требуетъ 8 часовъ времени; потеря желѣза въ полосахъ незначительна; и наконецъ, все производство представляетъ значительныя выгоды въ издержкахъ. Изобрѣтатели этого способа, до представленія записки Академіи, перешли мѣди изъ 200 пудовъ руды при опытахъ въ большомъ видѣ.

— Въ дѣлѣ нынѣшнихъ паровыхъ машинъ всё усовершенствованіе можетъ состоять только въ экономіи горючаго матеріала и въ первоначальныхъ расходахъ на постройку машины. Но и такое усовершенствованіе весьма важно, потому что значительно сокращаетъ издержки. Такъ, напримеръ, за постройку постоянныхъ паровыхъ машинъ не очень еще давно платили около 1000 руб. ассигнаціями на одну силу и, для поддержанія всегда пара, при силѣ расширенія, равной давленію одной съ четвертью атмосферы, нужны были навістныя расходы на горючій матеріалъ; теперь разными усовершенствованіями достигли того, что въ той же машинѣ и съ тѣми же издержками на топливо сила расширенія пара въ котлѣ и паровомъ цилиндрѣ гораздо-выше; слѣдовательно, при потребности одинаковой силы пара теперь потребуется дѣлать машину и издерживать топлива меньше, нежели прежде. — Изъ этого видно, что главная задача, на которую обращено вниманіе всѣхъ механиковъ и машиноводовъ, состоитъ въ увеличеніи силы расширенія пара при тѣхъ же издержкахъ. И вотъ — мы сообщаемъ весьма важное усовершенствованіе, недавно сдѣланное по этому предмету Англичаниномъ Уилькинсономъ. Основаніе его изобрѣтенія состоитъ въ впусканіи въ самый паръ котла струи воздуха, нагрѣтаго до очень-высокой температуры отъ 315° — 430° стоградуснаго термометра. Не должно думать, что въ этомъ случаѣ горячій воздухъ будетъ дѣйствовать одинаково съ паромъ посредствомъ своего расширенія: не воздухъ, но возвышенная темпера-

тура его увеличивает силу расширения паровъ. Г. Уилькинсонъ помѣщаетъ въ пламени печки винтообразную трубку, одинъ конецъ которой входитъ въ котелъ выше горизонта въ немъ воды, а другой примыкаетъ къ воздушной вгнетательной помпѣ. Вѣстимость всей трубки гораздо-болѣе объема сжатого воздуха, даваемого каждымъ ударомъ помпы; помпа эта, разумеется, получаетъ силу отъ той же паровой машины, и расходуетъ ее не болѣе 5%. Опыты совершенно оправдали ожиданія изобрѣтателя, такъ-что, сдѣлавъ въ трубкѣ кранъ, то прерывающій струю воздуха, то сообщаящій ее котлу, можно было въ нѣсколько минутъ переходить отъ силы расширенія пара въ котлѣ въ одну атмосферу, до такой же въ двѣ, и обратно. Итакъ, съ устройствомъ притока горячаго воздуха въ котелъ, для сохраненія силы паровъ, равной одной атмосферѣ, нужно почти вдвое менѣе издержекъ на топливо.

Только-что успѣло распространиться между журналами это важное изобрѣтеніе, какъ явился уже и соперникъ г. Уилькинсону. Нѣкто, Французъ Готьѣ, вступился за честь перваго изобрѣтенія и доказываетъ это полученною имъ, годъ уже назадъ, привилегією на тотъ же самый предметъ. Не имѣя подъ рукою описанія его изобрѣтенія или привилегіи, мы не можемъ судить, въ какой степени правъ г. Готьѣ; скажемъ только то, что можно было извлечь изъ письма его, напечатаннаго въ *Moniteur Industriel*. У г. Готьѣ трубка устроена не въ пламени топки, но въ дымовой трубкѣ, и притомъ такъ, что воздухъ въ трубкѣ идетъ по направлению противоположному дыму трубы; поэтому увеличеніе силы расширенія паровъ онъ приписываетъ нагрѣванію воздуха трубки посредствомъ дымового жара, который пропадалъ даромъ; уменьшеніе же теплоты въ дымѣ, какъ вѣстно, имѣетъ весьма-слабое вліяніе, или почти не имѣетъ его на уменьшеніе вентиляціи воздуха и дыма въ

трубкѣ и въ печкѣ, и потому топка не могла ничего терять отъ этого.—Причину же увеличенія силы пара въ котлѣ отъ притока струи горячаго воздуха г. Готьѣ объясняетъ различно. По словамъ его, пары всегда увлекаютъ съ собою часть воды, что и производитъ уменьшеніе въ давленіи пара; отъ притока же воздуха съ весьма-высокой температурой эта часть воды испаряется и увеличиваетъ давленіе,—или это увеличеніе силы пара должно отнести къ особому свойству смѣси изъ пара и воздуха, способной къ сильнѣйшему расширенію, что было замѣчено знаменитымъ англійскимъ физикомъ Дальтономъ; Пулье замѣтилъ то же относительно углекислаго газа.

— Мы разъ уже говорили, что 1846 годъ былъ очень-богатъ важными научными открытіями; вотъ еще нѣсколько открытій, изъ которыхъ нѣкоторыя даже и очень-важны.

Въ одно время съ извѣстіями объ опытахъ надъ дѣйствіемъ эвэра при операціяхъ, журналы извѣщали также о важномъ шагѣ въ медицинѣ—о побѣдѣ надъ грудными болѣзнями и особенно надъ чахоткою въ легкихъ. Недавно вышло сочиненіе доктора Тира-де-Мальмора (*Tirat de Malemort*) подъ названіемъ: *Traité des Maladies de poitrine*; сочиненіе это вполнѣ знакомитъ съ новымъ взглядомъ на болѣзнь. Предоставляя опытнымъ врачамъ обсудить дѣло во всей подробности, мы не можемъ, однакожъ, не сообщить здѣсь главныхъ основаній мнѣнія г. Тира-де-Мальмора. Исходною точкою его взгляда служатъ наблюденія въ парижскихъ больницахъ; наблюденія эти показали ему, что чахотка происходитъ отъ вреднаго дѣйствія крови на легкія, что, слѣдовательно, причина болѣзни заключается въ особомъ ненормальномъ состояніи крови; отсюда понятно, почему чахотка бываетъ и заразительна и наследственна. Итакъ, для леченія чахотки, г. Тира совѣтуетъ дѣйствовать не прямо на легкія, но посредственно, то-есть, на кровь. Впрочемъ, самая важная часть

сочиненія его не та, которая трактуется о леченіи, но часть предупредительная или гигиеническая; скажемъ только, что противъ общепринятаго мнѣнія, по которому чахоточнымъ назначается діета не слишкомъ-питательная, а именно—растительная и молочная, г. Тиръ назначаетъ пищу вообще укрѣпляющую, питательную. Всѣ журналы отзываются о книгѣ г. Тиръ съ полнымъ одобреніемъ.

— Англійская газета *Nautical Standard* сообщаетъ извлеченіе изъ небольшой брошюры, въ которой лейтенантъ англійскаго флота, Джоржъ Уатеръ, изложилъ описаніе изобрѣтеннаго имъ способа предохраненія желѣзныхъ судовъ отъ гибели. Изобрѣтеніе это состоитъ въ покрытіи внутренней стороны корабельнаго корпуса особеннымъ составомъ изъ смѣси пробковаго дерева и резины или каучука. Составъ этотъ названъ изобрѣтателемъ *камту-ликономъ*.

— Нѣмецкія газеты увѣряютъ, что г. Шѣнбейнъ сдѣлалъ другое открытіе, а именно: нашелъ другое вещество, способное замятъ вѣзръ при хирургическихъ операціяхъ; другіе говорятъ, будто онъ нашелъ средство мгновенно заживлять раны послѣ операціи. Впрочемъ, онъ открылъ все это для себя, а не для публики,—съ публичной г. Шѣнбейнъ играетъ въ загадки.

— Въ Австріи, кому-то пришла счастливая мысль приложить гальваническій токъ къ сохраненію растений отъ постороннихъ насѣкомыхъ. Изобрѣтеніе это просто, и вотъ оно въ нѣсколькихъ словахъ. На дерево должно надѣть два кольца, положенныя другъ на друга,—одно мѣдное, другое цинковое. Если насѣкомое коснется мѣднаго кольца, то тотъ же часъ умираетъ или падаетъ. Приборъ этотъ дѣйствуетъ и въ сырую и сухую погоду.

— Г. Червеллери, хирургъ главнаго военнаго госпиталя въ Неаполѣ, сдѣ-

лалъ благотѣльное для страждущихъ каменною болѣзнію открытіе. Онъ достигъ средства совершенно распускать камни въ живыхъ пациентахъ посредствомъ электричества. Подробностей этого открытія еще нельзя сообщить, потому-что извѣстія слишкомъ-темы; впрочемъ, замѣтимъ, что ученая записка, въ которой объ этомъ говорится, была представлена Неаполитанской Академіи и потомъ превращена въ парижскую.

— Г. Мендль пишетъ Парижской Академіи Наукъ, что онъ удостоившись многими опытами, что обожженное кѣсто на тѣлѣ покрывается пузырями только у живыхъ людей, и потому считаетъ обжогъ самымъ вѣрнымъ средствомъ для распознаванія мертвыхъ тѣлъ отъ жившоумершихъ. Г. Мендль обѣщаетъ Академіи заняться этимъ предметомъ серьезно и составить особую записку.

— Сообщаемъ описаніе процесса, изобрѣтеннаго г. Бланкар - Эвраромъ (*Blanquart-Evrart, de Lille*) для полученія съѣдобныхъ рисунковъ на бумагу, и представленнаго имъ недавно Парижской Академіи Наукъ. Сообщаемъ это описаніе въ особенности потому-что изобрѣтатель составилъ его чрезвычайно-отчетливо, такъ-что, мы увѣрены, всякій, кто захочетъ воспользоваться имъ и дѣлать опыты, успеетъ непременно, если будетъ соблюдать все въ точности. Поэтому, постараемся сохранить все подробности описанія г. Бланкар-Эврара.

Къ общему восторгу, который возбуждало открытіе Дагерра, вскорѣ присоединилось общее желаніе: особенно артисты ожидали отъ науки указанія способа получать изображенія камероскуры не на серебряныхъ доскахъ, какъ Дагерръ, а на бумагѣ. Это желаніе не осталось безъ вниманія: многіе ученые занялись изслѣдованіемъ разныхъ свѣтописнообразовательныхъ химическихъ составовъ для бумаги; способъ явился много. Отъ

его же они остались без пользы? иноваты въ этомъ, конечно, не любимы, потому-что, кромѣ интереса познаны, эта отрасль свѣтописи важна и для искусства и для разныхъ полезныхъ приложений, и къ ней нельзя бы оставаться хладнокровнымъ. Если руды ихъ не приносили ожидаемой пользы, то это потому, что причина успѣха заключалась въ самомъ основаніи производства, или, другими словами: не доставало основнаго правила при изготовленіи бумаги.

Занимаясь опытами свѣтописи на бумагѣ, г. Бланкар-Эварь пришелъ къ заключенію, что если изображенія и выходили до-сихъ-поръ рѣдко одинаковыя, часто вовсе-дурныя, безжизненныя, грубыя, безъ постепенности въ свѣтлыхъ мѣстахъ и, такъ-сказать, безъ прозрачности въ полутѣни, то это отому, что приготовленіе бумаги было неполное только поверхностное. Въ маломъ дѣлѣ, поступая съ бумагой по малогіи съ серебряными досочками, граничивались прикрытіемъ одной оружной стороны ея свѣтописнообразовательнымъ слоемъ; бумага покрывалась неравномѣрно, а потому неравномѣрно и подвергалась дѣйствию свѣта въ камер-обскурѣ, а послѣдующія затѣи химическія дѣйствія только обнаруживали эту неравномѣрность. Притомъ, свѣтописнообразовательный слой былъ слишкомъ-тонокъ. Ясно, что можно всю бумагу слѣдуетъ свѣтописною, а не одну ея поверхность, что при производствѣ должно *напоминать* е. Въ этомъ все правило; химическія вещества берите какія угодно: возьмите ромштыя или хлористыя соединенія - получите соответствующіе результаты; нужно только соблюдать въ точности правила приготовленія бумаги.

Чтобъ получать изображенія скоро, надо употреблять бумагу мокрую: это словіе дѣлаетъ производство очень труднѣйшимъ. потому-что едва и вложите въ рамку бумагу, она тотчасъ же начнетъ коробиться. Для избежанія этого, предлагали употреблять мокрую аспидную доску; но она помо-

гала слишкомъ на короткое время, и если вамъ нужно было снять пейзажъ, то, пришедъ на мѣсто, вы принуждены были возобновлять все. Прискивая способъ помочь дѣлу, г. Бланкар-Эварь употреблялъ, между-прочимъ, зеркальное стекло, кладя на него бумагу и потомъ вмѣстѣ съ бумагой вставляя его въ рамку и въ камер-обскуру. Но разъ, по разсѣянности, онъ положилъ бумагу на оборотъ и въ рамку вставилъ зеркальнымъ стекломъ къ сторонѣ стекла камер-обскуры, такъ что изображеніе должно было бы напечататься на бумагѣ сквозь зеркальное стекло. Изображеніе вышло. Секретъ найденъ: стоитъ только бумагу сжать между двумя зеркальными стеклами и подложить ее нѣсколькими листами мокрой бумаги, и съ приготовленной такимъ-образомъ бумагой можно было идти далеко для снятія пейзажа, не боясь, что бумага высохнетъ или покоробится, и, по снятіи, опять воротиться дождой для окончательной отдѣлки изображенія.

Описанное ниже производство дѣлается холоднымъ путемъ, не потому-что это лучше, но потому-что сподручнѣе для всякаго самаго скромнаго любителя, которому достаточно на это одного темнаго, совершенно-защипаннаго отъ свѣта угла комнаты. Вся операція должно дѣлать при свѣтѣ одной восковой свѣчи, или одной обыкновенной лампы.

Вся операція раздѣляется на двѣ части: первая prepares бумагу для изображеній отрицательныхъ, то-есть, такихъ, въ которыхъ свѣтлыя мѣста выходятъ темными, и наоборотъ; затѣмъ слѣдуетъ самое снятіе съ природы отрицательнаго изображенія; вторая prepares бумагу для положительныхъ изображеній, или такихъ, въ которыхъ свѣтлыя мѣста выходятъ свѣтлыми, темныя—темными; за этимъ слѣдуетъ самое снятіе положительныхъ рисунковъ съ отрицательныхъ и окончательное приготовленіе первыхъ. Бумагу должно выбирать самую лучшую почтовую, гласированную, и при-

томъ сдѣланную изъ самой лучшей и однородной массы; г. Бланкаръ хвалитъ бумагу французскую М. Мариона, № 10, В.

I. Приготовление бумаги для отрицательно изображенія. Налить въ чашку растворъ одной части азотно-кислаго серебра (nitraté d'argent) (*) въ 30 частяхъ дистиллированной воды (**); на поверхность жидкости положить выбранный листъ бумаги, строго наблюдая, чтобъ между бумагой и поверхностью жидкости не оставалось воздушныхъ пузырьковъ (эту предосторожность наблюдать и при всѣхъ послѣдующихъ дѣйствіяхъ). Пролержавъ такимъ образомъ бумагу одну минуту, должно ее снять и, для того, чтобъ вся лишняя жидкость сошла, сперва подержать ее за одинъ уголь, а потомъ положить на какую-нибудь другую поверхность непромокаемую, на-прим., на полированную и покрытую лакомъ деревянную досочку, на гладкую восчаную клеенку и проч. Здѣсь бумага должна медленно высохнуть, съ условіемъ, чтобъ жидкость засыхала на ней равномернымъ слоемъ безъ мѣстныхъ скопленій, которыя на рисункѣ обозначатся пятнами.

Налить въ другую чашку растворъ 25 частей іодистаго потассія (iodure de potassium) и части бромистаго потассія (bromure de potassium) въ 560 частяхъ дистиллированной воды, должно совершенно *погрузить* ту высушенную бумагу въ этотъ новый растворъ на полторы минуты, или, если операція дѣлается на холоду, на двѣ минуты, держа ее азотно-кислой стороной *сверху*; потомъ вынуть бумагу оттула, взявъ за два угла листа и, не оставляя бумаги, тотчасъ перенести ее въ другую большую чашку съ дистиллированной водой, гдѣ и вымыть или выполо-

скать ее, чтобъ согнать всякую кристаллическую осадку, которая можетъ на ней остаться; наконецъ, развѣсить листъ на горизонтально-натянутой нити за нарочно оставленный при обработкѣ бумаги на одномъ углу ее язычокъ, и оставить такъ, для вторичной и совершенной просушки.

Приготовленную такимъ образомъ бумагу надо спрятать отъ дѣйствія свѣта въ картонный ящикъ, гдѣ она должна лежать непржатая и веселковъ нагруженная сверху другими листами. Такимъ образомъ она можетъ сохраниться нѣсколько мѣсяцевъ. Въ одинъ день можно наготовить бумаги на нѣсколько мѣсяцевъ путешествія. Остатки жидкостей можно собрать и употребить черной бумагой флакономъ и употреблять ихъ до совершеннаго употребленія.

Смѣта съ природы отрицательно изображенія. Когда нужно снимать съ природы свѣтописное изображеніе, должно налить на зеркальное стекло, стекло это должно лежать плотно и горизонтально на подставкѣ и краями своими выступать отъ подставки) нѣсколько капель раствора изъ 6 частей азотно-кислаго серебра (nitrate d'argent) 11 частей улобокристаллизующейся уксусной кислоты (acide acétique cristallisable) и 64 частей дистиллированной воды (*), и положить бумагу той стороной къ стеклу, которая подвергалась въ первомъ дѣйствіи насыщенію азотно-кислымъ серебромъ; при этомъ должно разгладить бумагу рукою какъ-возможно-ровнѣе, чтобъ, насыщенная равно-

(*) Всѣ приготовленные азотно-кислымъ вещества должно хранить въ стеклянныхъ флаконахъ и притомъ тщательно предохранять ихъ отъ дѣйствія свѣта.

(**) Всѣ части показаны вѣсомъ.

(*) Сперва должно растворить азотно-кислое серебро въ половинѣ количества воды, потомъ прилить уксусную кислоту, дать простоять жидкости часъ и наконецъ уже влить остальную половину воды. Жидкость эту должно сохранять въ емкостяхъ герметически-плотно закупоренныхъ. Если отъ покойнаго состоянія на поверхности начнется образоваться осадокъ или усталъ, то при каждомъ употребленіи въ дѣло надо процѣживать жидкость сдѣланную тонкую платиновую трамбю.

тѣрво всадѣ растворитъ, она прилегла клятво къ стеклу и не было бы ни сладокъ, ни водудущихъ пузырьковъ. Сверхъ этого листа бумаги наложить нѣсколько листовъ обыкновенной, совершенно чистой бумаги (достаточно было бы и одного листа, если бумага эта очень толста) вараѣе смоченой въ дистиллированной водѣ, и накопедъ, сверхъ этой мѣрой бумаги, опять вертикальное стекло, совершенно однихъ размѣровъ съ первымъ. Затѣмъ нагнетать послѣднее стекло очень - сильно, такъ, чтобъ всѣ эти вещества составили какъ-будто одно стекло; вставить все въ камер - обскурную ранку и поступать далѣе такъ же, какъ съ готовой лагерровой досечкой.

Очень покажетъ лагертовщикамъ, сколько времени нужно держать въ камер обскуръ эту бумагу; впрочемъ, можно сказать, что его нужно вчетверо мѣнѣе, нежели сколько употребляютъ при досечкахъ, обработанныхъ хлористымъ іодомъ (*chlorure d'iode*). Надобно при этомъ замѣтить, что температура дѣйствуетъ такъ же сильно, какъ и свѣтъ, на отпечатаніе изображеній. По вынутіи изъ камер - обскуры, свѣтописный листокъ должно положить на стеклянную или фарфоровую доску, не много смоченную, чтобъ листъ лучше къ ней присталъ: потомъ налить на послѣдній насыщенный растворъ дубильной кислоты (*solution saturée d'acide gallique*), и изображеніе тотчасъ обозначится. Кислота эта должна дѣйствовать нѣсколько времени, чтобъ химическое дѣйствіе глубже проникло въ бумагу и чтобъ всѣ поробности изображенія могли обозначиться въ полутьмѣхъ; но должно остановить наконецъ ея дѣйствіе, то-есть, слить кислоту водою прежде, нежели истъ свѣтлыя мѣста, которыя должны обратиться въ черныя на положительномъ изображеніи, начнутъ также изтъмляться отъ нея. Положивъ за тѣмъ отрицательный рисунокъ опять на подставку, должно налить на него оной раствора нѣкъ 1 части бромистаго potassium (*bromure de potassium*) въ 40

частяхъ дистиллированной воды, дать простоять этому слою нарисункѣ четверть часа и, выколославъ потомъ въ большемъ количествѣ воды, высушить его въ мягкой протекальной или прокладочной бумагѣ (*papier buvard*). Такимъ-образомъ отрицательное изображение будетъ совершенно готово и одно можетъ давать очень-большое число положительныхъ. Для послѣдняго дѣйствія только должно сдѣлать его прозрачнымъ, и потому надо усыпать его очень тонкимъ слоемъ натертаго въ порошокъ воска, покрыть нѣсколькими листками почтовой бумаги и растопить свцовъ бумагу воскъ горячимъ утюгомъ. Почтовую бумагу переменить нѣсколько разъ до того, чтобъ она всосала въ себя весь лишній воскъ съ поверхности.

II. Приготовленіе бумаги для положительныхъ изображеній. Бумага для этого должна быть сдѣланная изъ самой лучшей массы, глянцеванная и притомъ сколько можно толстая. Налить въ чашку растворъ 3 частей насыщенной морской солью воды въ 10 частяхъ дистиллированной воды, на поверхность жидкости положить одною стороною выбранный листъ бумаги и оставить его такъ до-тѣх-поръ, пока онъ не ляжетъ совершенно плоско и горизонтально (2 или 3 минуты); потомъ сушить этотъ листъ на протекальной бумагѣ (*papier buvard*), глада съ задней стороны бумаги по всѣмъ направленіямъ и нѣсколько разъ рукою и перевертывая послѣднюю до совершенной осушки листка. Затѣмъ перенести листокъ на поверхность другой жидкости, составленной изъ 1 части азотно-кислаго серебра и 5 частей дистиллированной воды, на которой и оставить его столько времени, сколько нужно будетъ для осушки втораго, замѣнившаго этотъ на поверхности соленаго раствора; наконецъ, слить первый листокъ и съ втораго раствора, дать жидкости стечь, перевертывая листокъ за одинъ уголъ и положить его на непромокаемую поверхность, какъ при первомъ дѣйствіи съ бумагой отрицательнаго изображенія.

Перехода такимъ образомъ отъ первоначальнаго лѣстка ко второму, препаратъ не будетъ терять ни одной минуты и можетъ въ вѣсколько часовъ обработать большое количество бумаги.

Совершенно высушенную послѣ этого бумагу должно спрятать въ ящикъ или картонъ, не слишкомъ нагружая сверху, гдѣ она и можетъ сохраниться отъ 8—15 дней; послѣ этого срока, бумага начинаетъ темнѣть и хотя все еще остается годною къ свѣтотисненію, но свѣтлыя мѣста рисунковъ выходятъ на ней уже тускло.

Слѣдіе положительнаго изображенія съ отрицательнаго. Чтобы получить теперь положительное изображеніе, надо положить отрицательную бумагу той стороной, на которой находится изображеніе рисунка, на обработанную сторону положительной бумаги, сжать крѣпко обѣ бумаги между двумя зеркальными стеклами и вставить все въ покрытую чернымъ сушомъ рамку (доску съ закраинами). Стекло, лежащее на отрицательной бумагѣ, должно быть достаточно тяжело, чтобы могло прижать ее плотно къ положительной. Наконецъ, выставить все это на сильный свѣтъ, особенно на солнце, такъ, чтобы лучи его падали на стекло перпендикулярно. Чтобы рисунокъ вышелъ хорошо, надо продолжать эту выставку по возможности дольше, но и прекратить слѣдуетъ вовремя, чтобы яркія мѣста рисунка не потускнѣли; достаточно одного опыта, чтобы опредѣлять время, нужное для этой выставки; для солнца оно будетъ среднимъ числомъ около 20 минутъ.

Для окончательнаго приготовления положительнаго рисунка, надо погрузить въ темнотѣ листокъ этотъ на четверть часа въ прѣсную воду; потомъ въ растворъ 1 части сѣрнистокислой воды (hyposulfite de soude) въ 8 частяхъ дистиллированной воды. Послѣ этого втораго погруженія, можно смотрѣть на рисунокъ уже на свѣту и слѣдить за дѣйствіемъ сѣрнистокислой соли; свѣтлыя мѣста рисунка будутъ ста-

новиться все ярче и ярче, получатся обозначаться болѣе и болѣе и цѣль всего рисунка изъ первоначальнаго дурнаго рудожелтаго или рыжаго (gold unifortne) будетъ переходить сначала въ бурый, темно-каштановый (brun) потомъ въ очень-темный (bistre), и наконецъ въ совершенно-черный, какъ въ гравюрахъ акватинта (aquatinta). Можно остановиться на всякомъ изъ этихъ цвѣтовъ по вкусу художника; рисунокъ выпечатается достаточно, и чтобы дѣйствіе сѣрнистокислой соли не продолжалось, надо выложить рисунокъ въ большомъ количествѣ воды и потомъ погрузить его въ чистую воду на долгое время (отъ 6 до 24 часовъ); чѣмъ дольше, тѣмъ лучше. Сушить послѣ этого такъ же, какъ и прежде, между вѣсколькими листами протекательной бумаги. Последнее погруженіе въ воду такъ же, какъ и погруженіе въ растворъ сѣрнистокислой воды, не требуетъ перемѣны жидкости для каждаго рисунка; напротивъ, можно погружать за разъ неопредѣленное ихъ число (*). Тѣ рисунки, которые не будутъ выдерживать дѣйствія сѣрнистокислой соли по-крайней мѣрѣ два часа, тое-сть, тѣ, на которыхъ яркія мѣста начнутъ ранѣе этого тускнѣть, не годятся; это покажетъ, что они маловажны и были выставлены на солнце, что изображенія будутъ непрочны.

Какъ ни многосложныя кажутся всѣ эти приемы и дѣйствія, на дѣлѣ

(*). Въ-последствіи г. Бланкэръ составилъ изъ недомакъ своей въ этомъ мѣстѣ. Погруженіе большого числа листковъ сразу даже и необходимо, потому-что въ растворѣ должны дѣйствовать не чистыя растворы сѣрнисто-кислой соли, но такой, въ которомъ уже распутналась часть азотно-кислой соли съ рисункомъ; если же, прибавляете онъ, вы должны погрузить одинъ рисунокъ или очень небольшое ихъ число, то въ растворѣ сѣрнисто-кислой соли надобно прибавить весьма небольшое количество того азотно-кислаго раствора, который былъ приготовленъ для приоткрытія бумаги положительной.

ни очень-легки, особливо въ сравненіи съ дагерровыми досечками.

Удобство приготовить заранѣе бумагу для отрицательныхъ изображеній какъ-нельзя-болѣе облегчаетъ свѣтописныя прогулки и путешествія, избавляя любителя огу лишняго багажа, всегда затрудняющаго въ дорогѣ, сокращая время, необходимое прежде на полировку досечекъ Дагерра, его нельзя было дѣлать заранѣе. Удобство переводить рисунки съ отрицательныхъ на положительныя уже по обращеніи изъ путешествія и при этомъ переводить въ какомъ угодно чистѣ, также должно сильно содѣйствовать къ развитію свѣтописнаго искусства. Къ-тому же, усовершенствованія Пляккар-Эвара состоятъ въ правдѣ не покрывать бумагу свѣтописнообразовательными веществами, но напиывать ее ими, во вставываніи отрицательной бумаги въ камер-обскуру между двумя зеркальными стеклами съ мокрой бумагой, въ сухіи приготовленныхъ бумагъ и изображеній, словомъ— въ способахъ производства, но не въ средствахъ, но въ выборѣ химическихъ веществъ и потому, давая наставленія къ легкости, вѣрности и производствѣ большаго числа снимковъ, онъ не связываетъ художниковъ, которые могутъ выбирать сами химическія вещества и производить рисунки въ какихъ они хотятъ цвѣтахъ. Все это, по нашему мнѣнію, должно сильно заинтересовать любителей.

— Между-тѣмъ, какъ мы восхищаемся смѣлыми, оригинальными композиціями Берліоза, вѣжкою, меланхолически-граціозною игрою Эрвста, Парижъ аплодируетъ артистамъ, которые также доставили намъ много часовъ высокаго наслажденія, которыхъ мы привыкли считать почти своими. Мы говоримъ о гг. Серве и Вьѣтанѣ. Г. Ваѣтана не слыхали въ Парижѣ съ 1841 года; но всѣ помнили, какой блестящій успѣхъ стяжало тогда его знаменитое *concerto en mi*, въ Консерваторіи и Итальянскомъ Театрѣ, и пріѣздъ

его не могъ не обрадовать всего музыкальнаго парижскаго міра: Но еще болѣе взволновала, какъ знатоковъ, такъ и дилеттантовъ, Серве. Концертъ, данный тамъ этимъ артистомъ, окончательно утвердилъ его репутацію, истинно-европейскую, начавшуюся въ Бельгіи, и потомъ санкціонированную Англіей, Голландіей, Германіей, Франціей и Россіей. Ни одинъ виолончелистъ не соединилъ никогда столько блеска и смѣлости съ такимъ выраженіемъ и чувствомъ. Надо было бы возвратиться къ золотымъ днямъ Ромберга — пишутъ Французы: «чтобъ имѣти ту силу и строгость, которую Серве умѣетъ смягчать неизъяснимой граціей. Онъ одолженъ своей избранной организаціи и долгимъ трудомъ этими счастливыми открытіями новыхъ эффектовъ, этимъ механизмомъ, принадлежащимъ только ему. Серве — это Паганини виолончели».

Такъ-какъ мы уже начали говорить о концертахъ, то упомянемъ и о прочихъ артистахъ, обратившихъ на себя особенное вниманіе парижской публики въ послѣдніе мѣсяцы. Та же бельгійская школа, которой она одолжена гениальнымъ Берліозомъ и Сервѣ, подарила ей недавно молодаго скрипача, признаннаго модой съ перваго его дебюта, и въ-самомъ-дѣлѣ обладающаго всеми качествами, нужными для того, чтобъ нравиться прекраснѣйшей половинѣ публики. Игра г. Леона Лесюэ (Lesieux) отличается необыкновеннымъ изяществомъ, вервическою вѣжностью, но почти-вовсе лишена силы и твердости.

Ребенокъ, носящій имя, дорогое для музыки, Теодоръ Пиксисъ (Pixis), десятилѣтній скрипачъ, увеличиваетъ собою списокъ этихъ маленькихъ феноменовъ, которымъ мы не можемъ удивляться безъ тайной, невольной грусти. Никто не спроситъ себя, какихъ трудовъ стоить эта скороспѣлость, этотъ ранній расцвѣтъ, такъ рѣдко приносящій плоды? Онъ игралъ очень-смѣло *Венеціанскій Карнавал* Эрвста, и фантазію своего сочиненія. Да по-

плеть ему судьба долгую будущность!

Дѣлеръ, который также знаменъ Петербургу, съ большимъ успѣхомъ участвовалъ въ концертахъ Консерваторіи. Особенный эффектъ произвелъ онъ мастерскимъ исполненіемъ знаменитаго *Concerto en mi bé mol*, Бетховена. Классическія произведенія итальянской музыки, сколько можно судить изъ газетъ и журналовъ, находятъ въ Парижѣ много слушателей. Маленькая инструментальная колонія, образовавшаяся въ самой Консерваторіи и исключительно посвященная трио, квартету и квинтету, словомъ, комнатной музыкѣ, — не совсѣмъ еще овладѣла вкусомъ публики. Когда-то явится у насъ реакція противъ наводненія сладенькихъ, салонныхъ мотивовъ; когда приучимся мы не зѣвая слушать не однѣ только арии Доппизетти, но и величественно-строга, дивныя созданія Бетховена, Моцарта, Гайдна, Глюка!..

Не довольно объ инструментальной части парижскихъ концертовъ; послушаемъ лучше, что пишетъ одинъ фаворитъ о пѣвицѣ-дебютанткѣ, которой имя также не слишкомъ чуждо звучитъ нашему уху. Оставляя фортепьяно, виолончель и скрипку, и привѣтствуемъ дебютъ, объявляющій намъ кантатрису. Дѣвица Антонія де-Молма де-Менди, по слухамъ Гарсиа, племянница г-жи Маллабранъ и г-жи Виардо, ученица этой послѣдней, съ большимъ успѣхомъ пѣла въ Консерваторіи свизійскую пѣсню Перголеза и арию *Орландо* Генделя. Голосъ ея *тешо зорпано*; но въ немъ уже слышится будущій контрабль. Не вдалѣи еще большою легкостью вокализаций, она уже приобрѣла гибкость и чистоту замѣчательную. Дѣвица Антонія имѣетъ истинное музыкальное чувство, прекрасный голосъ, превосходную методу; кромѣ того, у ней удивительные глаза; движенія, исполненныя граціи. Не больше ли это, чѣмъ нужно для успѣха? При двухъ условіяхъ, однакожь... Если дѣвица Антонія будетъ трудить-

ся и если будетъ какъ-можно-болѣе стоять снвною къ своему зеркалу. Если это та самая Молма, которая исполняла у насъ, въ блестящій сезонъ нашей Итальянской Оперы, камерскаго в томъ подобныя партіи, и если ея етъ не слишкомъ увлекся эстетическими качествами молодой дебютантки, то такой прогрессъ въ ея пѣвнн не только изумителенъ, но и ели вѣрогентъ!

Въ Королевской Академіи Музыки дебютировалъ, вѣсколько времени спустя, новый теноръ Поншаръ, приготовившійся къ театальной карьерѣ добросовѣстнымъ и разнообразнымъ изученіемъ. Онъ долго обманывался въ своемъ истинномъ призваніи и былъ актѣромъ въ *Théâtre Français*. Но правильная и умная дикція не составляетъ еще хорошаго актѣра, такъ же, какъ самой лучшей методѣ пѣвнн недостаточна для того, чтобъ быть драматическимъ пѣвцомъ. Публика не поощрала Поншара на этомъ поприщѣ, и если никогда слишкомъ рѣзко не высказывала своего приговора, то по крайней мѣрѣ давала молодому человѣку надежду, что комедія не есть его призваніе. Поншаръ имѣлъ похвальное благоразуміе не продолжать испытанія слишкомъ долго. Онъ мужественно протѣлся съ Мольеромъ и Мариво и принялся за вокализацию. Наконецъ, недавно, постучался онъ въ двери Королевской Академіи Музыки; публика приняла его благосклонно; но, увы! Поншаръ, вѣроятно, не на долго останется и въ Королевской Академіи Музыки. Онъ чувствуетъ самъ, что его голосъ такъ слабъ, что не можетъ бороться съ оркестромъ Большой-Оперы. Онъ исполнилъ теноровую партію, сольную Гардонн въ оперѣ *L'ame en peine*, весьма отчетливо; и обнаружилъ много вкуса и изящества въ пѣвнн но все эти партіи ниже силъ дебютанта, хотя она наивнѣе утомительная въ пѣломъ репертуарѣ. Если онъ останется въ Королевской Академіи Музыки долѣе, чѣмъ оставался въ *Théâtre Français*, то эта ошибка будетъ для него вредна

рвой, потому что она можетъ закрыть у въ одно время двери Большой Оперы и Комической, гдѣ, кажется, его гинное мѣсто.

Знаменитая Штольцъ покидаетъ оперу. Не входя въ разсужденія о причинахъ, побудившихъ ее къ этому, и отря съ точки зрѣнія чистаго искусства (говорить одна французская газета, нельзя не сожалѣть о потерѣ таковой артистки, которую замѣнить будетъ не легко. Если иногда энергія ея вредила чистотѣ ея пѣнія, то у ней по крайней мѣрѣ было лирическое чувство, страсть истинная и глупая, и наконецъ, сила, надъ которой пяти актеры оперы не скоро бы сторжествовали. Почти во всѣхъ роляхъ, созданныхъ ею, она оставила споминанія, съ которыми новой придоннѣ бороться будетъ довольноудно. Многие говорятъ, что съ удачею г-жи Штольцъ обѣщались репертуаръ, что «Карлъ VI», «Фаворитка», «Королева Кипрская», написаны и вѣд одной и съ нею должны поубавить. Но это преувеличенное мнѣніе можетъ быть разрушено простымъ обзоромъ этихъ партій. Заботливость нѣкоторыхъ лицъ объ интересѣ оперы заставляеть ихъ видѣть удаленіи г-жи Штольцъ какія-то квивелическія комбинаціи. Слушая ея, можно думать, что она уноситъ собой послѣдную надежду опернаго театра. Но, по всей вѣроятности, знаменитая пѣвица не заслуживаетъ cet excès d'honneur, ni cette indigité; она чувствуетъ, что бремя ей по силамъ, и хочетъ отъ него избавиться, — вотъ и все: она была, безъ сомнѣнія, въ своемъ правѣ. Теперь, съ явится талантливая артистка, съ широкимъ голосомъ, съ драматическимъ увлеченіемъ, и она не отступитъ редъ ролю Одетты, передъ ролю Фаворитки, передъ ролю Королевы Кипрской! Поговариваютъ о госпожѣ Виардо. Пора, наконецъ, и Парижу слышать ее. Нѣтъ сомнѣнія, что она кажется вполне достойною наслѣдья, которое призываютъ ее воспри-

нять. Въ остальной Европѣ слава г-жи Виардо растетъ съ каждымъ днемъ.

На театрѣ Комической Оперы дава была одно-актная оперетка: *Alix*, которой музыка принадлежитъ г. Дошъ, а либретто гг. Ню и Фоллѣ (Nus et Follet). Вотъ отзывъ о ней одной французской газеты: «Это маленькое произведеніе могло бы войти въ коллекцію салонныхъ оперъ, которыя возвыщаются въ эту минуту многими издателями и готовятся процвѣтать подъ тѣмъ лавровъ г. Флотова. Домашняя комедія увеличиваетъ свое владѣніе; она призываетъ къ себѣ на помощь музыкальную пословицу (proverbe). Да сохранитъ насъ Богъ отъ нарушенія этихъ невинныхъ, семейныхъ радостей! Критикъ вѣчего вѣщиваться къ эти домашнія фантазіи. Отъ-чего же нашимъ женамъ, сестрамъ и дочерямъ не доставитъ себѣ добродѣтельнаго наслажденія, пропѣвать тихоюшко, *tout doucement*, какъ говорилъ Раблѣ, нѣсколько не изданныхъ дуо или тріо, въ присутствіи своихъ супруговъ или родительницъ? Право, это развлеченіе стоить другаго! И мы бы нѣсколько не удивились, еслибъ оперетка *Alix*, исполненная передъ салонной публикой, съ присовокупленіемъ бала или ужина въ перспективѣ, возбудила энтузіазмъ; но какъ она попала въ репертуаръ Комической Оперы, — въ странѣ, гдѣ не существуетъ никакихъ привнуженій власти въ этомъ отношеніи, этого мы рѣшительно не можемъ понять. Два слова о либретто:

Алиса, гарлемская цвѣточница, думала, что она любитъ матроса Томаса; но пока этотъ несчастный матросъ ловилъ въ Черномъ Морѣ треску, дѣвочка замѣтила, что она его совсѣмъ не любитъ, и почла нужнымъ выбрать ему въ преемники мосьѣ Этьенна, ловкаго юношу, съ лицомъ не загрубѣлымъ отъ сѣверныхъ вѣтровъ, съ удрами, которыхъ она никогда не развѣвали. Вы видите, какъ нова эта концепція, съ какимъ вниманіемъ прочли гг. Ню и Фоллѣ *Мишеля и Кристины*,

Конечно, матрость возвращается въ самый день свадьбы Алисы, и послѣ разныхъ стоновъ, воплей и проклятій платитъ долги своего соперника, женить его на цѣточницѣ и возвращается въ Гренландію ловить треску.

Спрашивается, какой музыкальный жаръ, какое званіе оркестра можетъ превратить въ комическую оперу эту печальную, пастушескую идиллію, этотъ безжизненный сколокъ съ одной изъ лучшихъ пьесъ Скриба? Понятно, почему съ такимъ ядромъ, привязаннымъ къ ногѣ, композитору не удалось быть легкимъ и граціознымъ. А можетъ-быть, онъ и не довольно посовѣтовался съ своими силами прежде, чѣмъ взялся за оперу. Управлять маленькимъ оркестромъ, написать нѣсколько водеvilныхъ арій, потрудиться надъ гармоніей,—всего этого недостаточно для того даже, чтобъ набросать довольно-пріятную музыку самой скромной оперы; а когда вѣдемъ дѣло съ либретто, требующимъ ума за двухъ, и даже за трехъ, понятно, что трудъ покажется слишкомъ-неблагоприятнымъ, и что можно пасть подъ усиленіями.

Увертюра представляетъ рядъ мотивовъ, едва задуваемыхъ, ищущихъ и преслѣдующихъ другъ друга съ несчастнымъ упорствомъ. Это безплодное богатство приводитъ только къ безсвязности. Мы ждали по-крайней-мѣрѣ какого-нибудь летучаго *allegretto*, безъ большой оригинальности, но которое хоть было бы не лишено живописи. Но тщетно. Авторъ потерялся въ шумѣ и трескѣ оркестра, Богъ-знаетъ для чего приведенныхъ здѣсь. Гг. композиторы какъ и всѣ люди: они сердятся, когда имъ нечего говорить; не лучше ли было бы въ этомъ случаѣ молчать? Забудьте еще, что увертюра—самое лучшее въ оперѣ г. Доша; есть, правда, недурный кватуръ, но это опять-таки не болѣе, какъ эбозъ; то же самое можно сказать и о дуэтѣ Алисы съ рестоуакомъ, которому она продаетъ брильянты, купленные ея женихомъ, контрастъ

между радостью Жюда и отчаяніемъ Алисы мѣстами выражены довольно-удачно; но всѣ эти черты набросаны рукою слишкомъ-твердою, слишкомъ-мало опытною, такъ-что онѣ не могли получить рельефности и необходимого развитіе. Но ограничимъ этотъ разборъ нашъ, который уже довольно-длиненъ, и повторимъ, что истинное призваніе г. Доша—опера-сольная; пусть онъ посвятитъ себя ей: онъ замѣнитъ г. Флотова, похищеннаго навсегда успѣхомъ *L'ame en peine* у милаго театра его прежнихъ триумфовъ. Слѣзаться композиторомъ столичныхъ прелестныхъ женщинъ, развѣ это не дивно? И притомъ, развѣ всѣ роли не равно хороши, крошѣ... крошѣ того, который вы знаете. И этотъ послѣдній родъ не такъ легко поквувъ, когда кто имѣлъ несчастіе предаться ему развѣ или два...

Но насъ ждутъ еще другіе театры. Новыхъ пьесъ явилось въ послѣднее время много; но немногія изъ нихъ заслуживаютъ вниманія. Забѣлательные другіе: комедія Мери *Harquet* (le Raquetot), *Сотрудники* (les Collaborateurs), маленькая пьеска нѣкоего г. Жуссрандо, и переведенная г-нъ Ипполитомъ Люя эврипидова *Алещаста*. Всѣ три пьесы въ стихахъ; это обиліе стиховъ напоминаетъ однихъ забавный каламбуръ, сказанный старымъ директоромъ театра Водевиль: *J'ai laissé le Vaudeville bien bas, mais les vers ne s'y étaient pas encore mis...* Но еслибъ всѣ драматическіе авторы писали такими стихами, какъ Мери, то ни публика, ни антрепренёры театровъ не были бы въ нападѣ. Дивно ли даровитый поэтъ и романистъ подарилъ театру Одеона—ѣдкій, остроумный панфлетъ въ пяти дѣйствіяхъ, подъ названіемъ: *L'Univers et la Maison*, и вотъ опять является на томъ же театрѣ новая комедія его, неуступающая въ достоинствахъ первой. Чубъ хорошенько оцѣнить ее, чтобъ дать поминку о тонкихъ шуткахъ, разбросанныхъ въ ней щедрою рукою, должно было бы привести ее всю отъ всѣхъ

ваго стиха до послѣдняго. Здѣсь главное—разговоръ живой, легкій, разнообразный, остроумный. Г. Мери смѣется надъ всѣмъ, даже надъ Олеопомъ, гдѣ поставлена его пьеса. Вотъ въ нѣсколькихъ словахъ ея содержание: Дорренъ, опекунъ Эрминии, присматриваетъ за ней съ неусыпною заботою Бартоло, потому-что имѣетъ намереніе на ней жениться. Можете судить о его отчаяніи, когда онъ замѣтилъ, что какой-то молодой человекъ слѣдуетъ за нимъ всюду, въ оперу, въ церковь, на Вандомскую-Площадь, въ Одеонъ. Чтобы отдѣлаться отъ этого господина, Дорренъ садится на итальянскій пароходъ. Первое лицо, которое онъ встрѣчаетъ тамъ,—его преслѣдователь. Тогда пароходъ дѣлается театромъ множества забавныхъ сценъ, кончающихся бракомъ Эрминии съ ея любовникомъ; Дорренъ самъ благословляетъ этотъ бракъ, думая, что пароходъ долженъ погибнуть. Но, къ счастью, только глупая страсть старика терпитъ кораблекрушеніе, между тѣмъ, какъ пьеса благополучно достигаетъ берега посреди рукоплесканій и криковъ зрителей. Пьеса имѣла успѣхъ блестящій; авторъ былъ названъ. Въ этой комедіи, написанной Мери—однимъ, въдесятеро больше ума, чѣмъ въ тысячѣ прозведеніяхъ, фабрикуемыхъ компаніями.

Кстати о сотрудничествѣ. Пьеска г. Жуссрандо, которую мы назвали выше, прежде, чѣмъ была представлена, надѣлала много шума. Уже самое названіе ея возбудило толкъ. Говорили о разныхъ намекахъ, ожидали вѣдой сатиры на извѣстную фабрику романовъ подъ фирмою одного извѣстнаго писателя. Доброжелателя автора распускали слухъ, что актѣры дрожали на репетиціи, боясь, чтобы въ партерѣ не слѣзались драки въ первое представленіе. И чѣмъ же все это разрѣшилось? Пьесу разыграли тихо, скромно. Нѣкоторые счастливые стихи были замѣчены публикой; большая часть пропущена безъ вниманія, по причинѣ своей водяности и безцѣтности. Сю-

жетъ оказался самымъ невиннымъ. Нѣкто Флорансакъ, знаменитый поставщикъ фельетонныхъ, стяжалъ себѣ славу, подписывая свое имя подъ сочиненіями молодыхъ людей, слишкомъ-слабыхъ, немогущихъ летать на собственныхъ крыльяхъ. Между ними есть нѣкто Рожѣ, которому надоѣло подобное рабство. Къ-тому же, онъ влюбленъ въ молодую дѣвушку Елену, обѣщанную старой тѣткою, слишкомъ-чуждомъ времени имперіи, славному Флорансаку. Нужно помѣшати этой свадьбѣ. Рожѣ находить къ этому средство въ послѣднемъ романѣ, подписанномъ Флорансакомъ, и который есть не что иное, какъ повтореніе одного изъ произведеній синга-чулка. Мораль всего этого та, что должно избѣгать сотрудничества. Но не всякому данъ талантъ Мери, и, по нашему мнѣнію, возьми г. Жуссрандо сотрудника, тотъ бы, можетъ-быть, замѣтилъ ему, что нѣсколькихъ бойкихъ стиховъ недостаточнo для полнаго успѣха: для этого нужно еще кое-что,—нужно побольше дѣйствія, нужны характеры порельефнѣе, концепція пошире. . . Воля ваша; умъ хорошо, а два лучше,—вословица не лжетъ. Впрочемъ, пьеска не совсѣмъ упала.

Теперь объ *Альцестѣ*. Сюжетъ *Альцесты* принадлежитъ къ самымъ патетическимъ, какіе только представляеть наибъ древности. Вотъ что говоритъ о пьесѣ Эврипида одинъ изъ глубокихъ знатоковъ греческой литературы, г. Патэнъ, въ своихъ превосходныхъ очеркахъ греческихъ трагиковъ:

«Альцеста, эта женщина, умирающая вмѣсто Адмета, и по совершеніи жертвы освобожденная Геркулесомъ изъ ада и возвращенная супругу;— вотъ что нашелъ поэтъ въ религіозномъ преданіи; изображение семейныхъ привязанностей, самыхъ нѣжныхъ, самыхъ живыхъ, — вотъ что извлекаетъ онъ изъ этой баснословной канвы. Ничего нѣтъ страннѣе происшествія драмы, ничего естественнѣе чувствъ и языка. Дѣйствіе придаетъ правамъ достоинство и блескъ, и въ

• свой чередъ получаетъ отъ нихъ въ-
• роитіе; счастливое смѣшеніе, кото-
• рое, перенося воображеніе къ тѣмъ
• древнимъ временамъ, когда боги жи-
• ли съ людьми, приаяв ихъ образъ, —
• плѣняетъ сердце изображеніемъ все-
• да современной страсти.»

Это вѣрно и прочувствовано. Рома-
ническая прелесть съ одной стороны,
и патетизмъ положенія съ другой, да-
ютъ этому произведенію преимуще-
ство надъ многими пьесами греческа-
го театра. Простота дѣйствія поддер-
жана съ большимъ искусствомъ. Вы
видите сначала женщину изнемогаю-
щую, которая, принося себя въ жер-
тву за мужа, сожалеетъ о свѣтѣ дня.
Она со слезами покидаетъ жизнь, но
готова умереть, лишь бы тотъ, кого
она любитъ, могъ наслаждаться блага-
ми существованія: это зрѣлище трога-
тельное. Посреди сценъ отчаянія, яв-
ляется незнакомецъ, съ формами нѣ-
сколько-грубыми, съ тономъ нѣсколь-
ко-рѣзкимъ; нравы его имѣютъ что-то
сходное съ нравомъ Циклопа; но душа
его въ глубинѣ—душа сына боговъ.—
Геркулесъ представляется во дворецъ
Адмета, и царь ессалійскій, оказы-
вая гостепріимство съ необыкновен-
ной роскошью, скрываетъ отъ взоровъ
его трупъ Альцесты. Такое усиліе
надъ собою возбуждаетъ истинное
удивленіе. — Тягостное чувство ощу-
щаешь, видя Геркулеса, предающаго-
ся веселымъ пѣснямъ, упоенію оргіи
посреди погребальныхъ приготовле-
ній. Но вдругъ положеніе измѣняется:
одинъ изъ служителей Адмета, не мо-
гши скрывать долѣ тайны при видѣ
такой неумѣстной веселости, говоритъ
Геркулесу, что Адметъ отправился
проводить Альцесту до могилы. Про-
исходитъ совершенное превращеніе:
Геркулесъ дѣлается сильнѣйшимъ, ве-
личайшимъ и мужественнѣйшимъ изъ
смертныхъ. Онъ боролся со многими
чудовищами и укрощалъ ихъ. Но
есть одно, котораго мужество его еще
не встрѣчало: это геній Смерти, не
направляйся людямъ, какъ и богамъ.
Геркулесъ будетъ ждать его близъ мо-

гилы, и когда этотъ враждебный ге-
ній захочетъ схватить свою жертву,
чтобъ унести ее въ адъ, — Геркулесъ
вырветъ ее, возвратитъ къ жизни и
вручитъ Адмету. Геркулесъ въ са-
момъ дѣлѣ остается побѣдителемъ въ
этой нечеловѣческой борьбѣ и броса-
етъ Альцесту еще бездушную, но объ-
щанную жизни, въ объятія счастлива-
го супруга.

Трудно найти басню болѣе привле-
кательную, и потому многіе поэты
брали ее для своихъ произведеній.
Древніе обладали нѣсколькими Альце-
стами, но до насъ дошла только эври-
пидова. У Французовъ было также
нѣсколько попытокъ. При открытіи
французскаго театра (1806), Алек-
сандръ Арди написалъ трагедію «Аль-
цеста или Вѣрность», — странную, без-
связную, блѣдную, какъ большая часть
его пьесъ. Въ 1677 году, Киндъ сдѣ-
лалъ изъ Альцесты оперу для Люлли,
она имѣла успѣхъ, не смотря на то,
что лицо Геркулеса, нѣжно влюблен-
наго въ Альцесту, вышло крайне смѣ-
шно. Расинъ, въ предисловіи къ «Ипи-
геніи», защищаетъ «Альцесту» отъ
многихъ неумѣныхъ нападокъ, кото-
рымъ она подвергалась. Онъ живо со-
чувствовалъ трагедіи Эврипида, и сю-
жетъ ея такъ глубоко запалъ ему въ
сердце, что онъ думалъ перенести его
на французскую сцену, какъ сдѣ-
лалъ это съ Андромахой, Федрой и
Ипигеніей. Если вѣрить Лагранжъ-
Шансело, также написавшему «Аль-
цесту», то Расинъ даже началъ этотъ
трудъ; но незадолго до смерти, недо-
вольный имъ, бросилъ его въ огонь.
Чтеніе Эврипида, говоритъ Лагранжъ-
Шансель въ предисловіи къ своей
«Альцестѣ», въ соединеніи съ идеями
Расина, которыя имъ удалось собрать,
породили во мнѣ желаніе—обработать
этотъ сюжетъ. Но онъ мало воспользо-
вался идеями Расина, и его пьеса имѣ-
етъ тотъ же недостатокъ, что и опера
Киндъ. Любовь Геркулеса, совершенно
противная духу древности, уродуетъ
его произведеніе. Впрочемъ, есть
энергія въ этой трагедіи, прелесть

щей всё упомянуты выше. Мы не станем распространяться объ Альцестъ Вуассм, лишенной здраваго смысла. Древняго мифа тутъ вѣтъ и тѣни; все искажено, обезображено; это просто пародія на Эврипида. Сен-Фоя, для выздоровления дофны, написалъ маленькую аллегорическую пьеску: «Альцеста», и съ-тѣхъ-поръ до самаго Глюка объ этомъ сюжетѣ не было слышно. Кавалеръ Глюкъ вывелъ Альцесту на лирическую сцену съ поэмой Кальзабиджи, переведенной на французскій языкъ Ромсе. Эта поэма ничтожна. Наконецъ Дюси, въ пьесѣ подъ названіемъ *Эдипъ у Адмета*, хотѣлъ соединить Софокла съ Эврипидомъ. Слѣзіе, какъ можно было ожидать, вышло очень-плохо. Впрочемъ, Дюси въ этой трагедіи обнаружилъ больше, чѣмъ гдѣ-нибудь, сценической силы. Последняя сцена, происходящая въ храмѣ *Фурій*, не лишена величія.

Наконецъ, Итальянецъ Альфіери, научась греческому языку, въ возрастъ, когда ужъ больше забываешь, чѣмъ знаучаешься, написалъ также «Альцесту». Вотъ что онъ говоритъ въ своихъ мемуарахъ: «Дошедъ до Альцесты, в которой не имѣлъ никакого понятія, я былъ такъ пораженъ, такъ тронутъ, такъ воспламененъ глубокимъ драматизмомъ этого сюжета, что, окончивъ ее, написалъ на клочкѣ бумаги, который и теперь у меня, слѣдующія слова: «Флоренція, 18 января 1796. Еслибъ я не далъ себѣ клятву не писать больше никакой трагедіи, то послѣ чтенія эврипидовой Альцесты, такъ возмущавшей и увлекшей меня, я ту же минуту набросалъ бы планъ новой Альцесты; я перенесъ бы въ нее все, что мнѣ нравится въ греческой; прибавилъ бы своего, если бы могъ, и удалилъ бы все, что есть страннаго въ текстѣ; а это не бездѣлица.»

Альфіери написалъ свою «Альцесту» въ бреду и сдзахъ». Это его выраженіе. Въ ней есть достоинства; но и она совсѣмъ искавила древнее чувство, передѣлавъ характеръ отца Адмета, стараго Фереса, столь привязан-

наго къ жизни у Эврипида, и придавъ чувствамъ Альцесты болѣе утонченности, деликатности.

Новый переводъ «Альцесты», сдѣланный г. Ипполитомъ Люкѣ, имѣетъ то достоинство, что въ немъ сохранена древній характеръ; но и этотъ переводъ не вполнѣ точенъ, потому-что переводчикъ позволялъ себѣ, — вѣроятно, слѣдуя примѣру Альфіери, — удалитъ то, что казалось ему страннымъ въ текстѣ. — Безъ передѣлки Французы не могутъ обойтись!

Трагедія эта была выслушана отъ начала до конца со вниманіемъ. Смерть Альцесты, во второмъ актѣ, заставила многихъ плакать. Эврипидъ, между трагическими поэтами, поэтъ сердца. Когда Альцеста, умирая, говоритъ дѣтямъ:

On souffre à vous quitter encore plus qu'à mourir!

эта материнская мысль, которая есть какъ-бы послѣдняя черта трогательной картины, произвела сильное впечатлѣніе. Въ третьемъ актѣ, когда Геркулесъ отклоняетъ Адмета отъ навіренія заколотъ, говоря, что время излечитъ скорбь его, и Адметъ отвѣчаетъ ему: «я боюсь забыть ее!» — эта прероскодная мысль возбудила общій энтузіазмъ.

Вообще, приѣмъ, оказанный французской публикой переводу г-на Люкѣ, самый благосклонный. Роль Альцесты играла Араьди, роль Геркулеса — Даркуръ.

Отъ древней драмы не хотите ли перейти къ новой, т. е. къ бульварной мелодрамѣ, со всѣми возможными ужасами и эффектами? Довольно знать имя ея автора, чтобы представить себѣ, въ чемъ дѣло. Г. Бушардъ — глава школы, жертвующей качествомъ количеству и воображающей, что пьеса должна быть сбродомъ необыкновенныхъ приключеній, нечаянностей, мертвецовъ, которые воскресаютъ, говорящихъ — нѣмыхъ, выдающихъ — слѣпыхъ, и проч. Только была бы исторія на исторію, и если въ послѣднемъ актѣ увелъ такъ запутаешь, что его

нельзя развязать, г. Бушарди разсѣкаетъ его подобно Александру, и дѣлаетъ концомъ. Чтобъ дать подробный отчетъ о драмѣ г. Бушарди, нуженъ былъ бы, по-крайней-мѣрѣ, листъ блаженной памяти «Эпохи». Но если разсказывать только необходимое, то можно удовольствоваться и меньшимъ.

Примѣръ:

Женится ли Ричардъ на миссъ Арабеллѣ? Нѣтъ, потому-что онъ сынъ сына лондонскаго палача. — Да; потому-что лондонскій палачъ не отецъ своего сына.

Вотъ и вся пьеса. Что же касается до слога, это слога Бушарди, и этимъ все сказано. Мелодрамы прошлаго времени — передъ языкомъ г. Бушарди просто: du Racine. Актѣры, декорации—все, конечно, соответствуетъ достоинству пьесъ. Но особенно — любопытны бываютъ костюмы: они годились бы въ процессію масляничнаго быка. Впрочемъ, новая драма г. Бушарди *Bertram le matelot* (Матросъ Бертрамъ), данная на театрѣ Gaîté, имѣла успѣхъ необычайный. — Въ театрѣ Forte St. Martin привлекаетъ каждый вечеръ многочисленную толпу пародіана Монте-Кристо Александра Дюма, подъ названіемъ: *Monte-Fiasco*, и мелодрама *Maitre Palma*, одного покроя съ пьесами г. Бушарди. На Французскомъ Театрѣ торжественно пала новая пяти-актная комедія, автора, впрочемъ, весьма-даровитаго, г. Ледона Гозлана — *Notre fille est princesse*. Недостатокъ живости въ интригѣ и крайне-шбитое содержаніе были причиною этого паденія. — И умные люди падаютъ!

На сценѣ Пале-Ройяля имѣетъ огромный успѣхъ довольно-длинный, но, по-крайней-мѣрѣ, весьма-эксцентрическій фарсъ: *La Fièvre brulante*, принадлежащій перу г. Мельвиля. — Известные комики: Грано и Равель, смѣшать въ этой пьесѣ публику до упаду, въ особенности послѣдній... — Наконецъ, упоминаемъ о комедіи Баяра и Пола Вермона *L'enfant de l'amour* (Сынъ Любви), не безъ успѣха

данной на театрѣ Variétés. Концовка ея довольно-слаба, но множество мелкихъ подробностей, поливыхъ ума и вкуса, и наконецъ игра Дежазо — подержали пьесу.

Къ числу новостей драматической литературы можно, если угодно, отнести появленіе, особенной книжкой, драмы Понсара «*Agnes de Mégnie*», хотя о ней всѣ уже почти забыли. Но предисловіе, которымъ снабдилъ г. Понсаръ свое произведеніе, извлекло его еще на нѣкоторое время изъ всепоглощающихъ волнъ Леты. Въ этомъ предисловіи заключается отвѣтъ критикамъ поэта. Жюль Жаненъ, въ фельетонѣ «*Débats*», съ ужаснымъ ожесточеніемъ началъ на предисловіе г. Понсара, на его драму и на весь классическій родъ. Въ фельетонѣ Жанена много дѣльнаго, меткаго, остроумнаго, но также много и пристрастія къ нестерпимымъ драмамъ Гюго, котораго онъ ревностнѣйшимъ поклонникъ, — и ничего глубокаго. Какъ бы то ни было, нельзя не согласиться, что предисловіе Понсара написано благородно, съ достоинствомъ, что въ немъ попадаются мѣста, противъ которыхъ безсильна и желчь самого Жанена. Приведемъ отсюда одно мѣсто, гдѣ авторъ оправдывается отъ обвиненія *ex réaction*, выдвинутыхъ на него его судьями:

«Къ чему эти поднятые штаты? Или правила Аристотеля у воротъ нашихъ? Не угрожаютъ ли намъ вторженіемъ *проединства*, въ сопровожденіи наперсниковъ? Ничего не знаю; знаю только, что я, съ своей стороны, допускаю одно господство — здраваго смысла. Всякая идея, всяка доктрина должна послужить подспорьемъ разсмотрѣнію этого высшаго суда. Что же общаго въ этомъ убѣжденіи съ идеогіей и педантизмомъ? Правда, я не открылъ дѣйствій разговоромъ между вострянами и молодыми дворянами; обвиненіе не было выведено на сцену. Я не выставлялъ пустынныхъ улицъ и улицъ безъ гробовъ. Можно было бы выдвигать Агнесу на улицы, преслѣдуемую ругательствами народа; на что не мѣшало даже ввести ее въ домъ, изъ котораго бы она выгнана со стыдомъ. Наконецъ — все это

могло быть дополнено процессами, фонарными, шумомъ и нѣсколькими ударами шпаги. Я не говорю, чтобъ это не было лучше; но я хотѣлъ сдѣлать другое. Я думалъ, что страданіе и преданность женщины, невинной жертвы борьбы между двумя великими могуществами среднихъ вѣковъ — могли быть интересны въ своемъ развитіи, и я помѣстилъ всю драму въ сердцахъ Аннесы.

«Допускаю, сколько угодно, что я дурно исполнялъ свою мысль, но не допускаю, чтобъ я былъ недантъ и реакціонеръ потому что возмѣнилъ эту мысль. Какъ каждый воленъ запустать драму въ безчисленномъ множествѣ приключеній, наполнить ее сценическими эффектами, то не вижу, почему бы каждый, не былъ точно также воленъ ограничить драму четырьмя лицами, концентрировать ее въ развитіи страсти или чувства. Это, можетъ-быть, очень-скудно? — Согласенъ; но это не реакція, ничтожная и завистливая (*misérable et envieuse*).

«Да въ что такое реакція въ дѣлѣ искусства? Въ немъ есть только хорошее и дурное. Развѣ образъ возрѣнія потому только ложенъ, что онъ старъ? Развѣ, чтобы заслужить титулъ поборника новыхъ идей, должно принимать ихъ всѣ хороши онѣ или дурны, потому только, что онѣ новыя. Но это-то и есть фетишизмъ и рутиня, въ которой пасть объявляемъ. Поэтическое искусство замѣнено предисловіемъ къ *Кремлю*, — вотъ и все.

«Расширь въ предисловіи къ «*Беренсѣ*» говорить: «Нѣкоторые думаютъ, что эта простота — недостатокъ изобрѣтательности; они не понимаютъ, что, напротивъ, изобрѣтательность-то и состоитъ въ томъ, чтобы изъ ничего сдѣлать все, и что это множество приключеній всегда было убѣждаемъ для нечувствующихъ въ себѣ столько гевія, ни столько плодотворности, ни столько силы, чтобы въ продолженіе пяти актовъ поддерживать вниманіе публики дѣйствіемъ простымъ, развитіемъ чувствъ и страстей, и издѣлствомъ выраженія.

«Нисколько не думаю, что это все встрѣчается въ моемъ произведеніи; нельзя, однакожъ, запретить человѣку, какъ бы ни былъ онъ неспособенъ, приводить слова великаго поэта въ подтвержденіе, не говорю того, что онъ сдѣлалъ, но то, что хотѣлъ онъ сдѣлать.»

— Говоря о музыкальныхъ новостяхъ, слона-то мы и не замѣтили; а все отъ-того, что сосредоточили свое вниманіе на парижскихъ сценахъ. Дѣло въ томъ, что 14-го марта во Флоренціи давали первое представленіе «*Макбета*», новой оперы Верди. Успѣхъ превзошелъ всѣ ожиданія. Четыре нумера, по требованію публики, были повторены. Сцена сониабулима, пропѣтая актѣромъ Барбьери-Нини, особенно возбудила восторгъ; Верди былъ вызванъ 27 разъ. Во второе представленіе его вызвали 38 разъ. Не говоримъ о провожаніи молодого маэстро и шумныхъ крикахъ публики; но нельзя не упомянуть, что знатнѣйшія фамиліи Флоренціи и въ главнѣйшихъ, между прочимъ, князь Понятовскій, Демидовъ и графъ Корсини, рѣшились увѣнчать Верди золотымъ звѣнкомъ цѣною въ 5000 франковъ, что и было исполнено въ третье представленіе «*Макбета*».

А между-тѣмъ.. еще недомолвка: въ Парижѣ недавно были исполнены двѣ музыкальныя пьесы, заслуживающія полнаго вниманія: «*Манфредъ*», соч. Якомба и «*Stabat*» графа Теобальда Вальба; послѣднее, съ соломъ и хорами, составлено въ религиозномъ духѣ. Музыка величественна; образцомъ композитору служила, конечно, древняя церковная музыка и широкій, мужественный стиль Палестрины; но авторъ украсилъ его и всѣмъ тѣмъ, что только могла дать ему новѣйшая музыка.

— Изъ области чужеземной литературы дошли до насъ многія новости, о которыхъ считаемъ нужнымъ сказать нѣсколько словъ, не имѣя возможности, — по обилію матеріаловъ, приготовленныхъ къ этой книжкѣ, — помѣстить въ ней критической статьи въ отдѣлѣ Иностранной Литературы. — Вотъ эти новости:

Въ Парижѣ выходитъ новое иллюстрированное изданіе пѣсенъ Беранже. Издатель ничего не жалѣетъ для красоты книги, и публика въ восторгѣ. Первая часть или половина уже въ

продажѣ. Но, кромѣ красоты, изданіе это отличается отъ всѣхъ другихъ прибавленіемъ двухъ новыхъ пьесъ: *Notre Coq* и *Le Grillon* и письма Беранже къ издателю.

Французскіе журналы расхваливаютъ новый романъ *Belle Rose*, сочиненія г. Амеде Ашара. Это очень остроумный рассказъ, говорятъ они, о похожденияхъ одного счастливица, бывшаго офицеромъ при Людовикѣ XIV; въ немъ, въ этомъ рассказѣ, вы найдете полныя жизни и правды описанія, драматизмъ, сжатое, быстрое теченіе завязки и сюжета, и проч.

До сихъ поръ инженеры не имѣли спеціальнаго сочиненія по части сондирования или буренія земли. Не будемъ исчислять здѣсь всѣхъ полезныхъ приложений этого дѣла, какъ при составленіи инженерныхъ проектовъ, такъ и при самомъ производствѣ работъ, или наконецъ при буреніи артезианскихъ колодезей; польза сондирования или буренія не подлежитъ уже сомнѣнію, хотя нѣкоторые приверженцы старины и не признають этой пользы; скажемъ только, что во Франціи инженеръ Дегузэ издалъ: *Guide du Sondeur, ou Traité théorique et pratique des sondages*, — книгу, въ которой собрано все, что только было сказано и сдѣлано другими, и все, чѣмъ онъ самъ усовершенствовалъ сондировку.

Полное Собраніе Латинскихъ Авторъ (*Collection complète des auteurs latins*) съ переводомъ на французскій языкъ, издающееся подъ редакцію Нивара — есть, безъ сомнѣнія, одно изъ самыхъ огромныхъ предпріятій книгодѣлія. Оно приходитъ къ концу. Издатели посвятили ему десять лѣтъ трудовъ и большіе капиталы. Но важнѣе всего то, что, по прежнимъ изданіямъ, всѣ латинскіе классики выѣщались не менѣе какъ въ 200 томахъ, одинъ переплетъ которыхъ стоилъ почти то же, что все новое изданіе въ 27 томахъ съ текстомъ, переводомъ, прилѣжаніями, объясненіями и проч. Все изданіе будетъ состоять, какъ мы оказали, изъ 27 томовъ (вышло уже 24),

въ большую восьмую долю листа, и стоитъ 324 франка; но кто вынуживаетъ прямо всю сумму, тому дается уступка въ 15 процентовъ, то есть тотъ платитъ 276½ франковъ; а кто желаетъ приобрести въ долгъ, тотъ при полученіи вышедшихъ томовъ платитъ 74 франка и потомъ черезъ каждые полгода пять разъ выплачивается по 50 франковъ. За пересылку также не платятъся. Мы думаемъ, что и у насъ въ Россіи найдутся охотники приобрести это изданіе; не худо бы было бы, еслибъ наши петербургскіе и московскіе книгопродавцы объявили отъ себя подобныя же условія для приобретения этого изданія, — безъ того, оно, по нашему мнѣнію, немного найдетъ покупателей.

Не считаемъ нужнымъ распространяться о новомъ великоfolio-многострочномъ изданіи сочиненій Шатобриана и новомъ изданіи приведенныхъ въ систему романовъ Бальзака, подъ названіемъ *La Comédie Humaine*. Какъ видно, эти сочиненія, хоть и устарѣли, однако находятъ еще охотниковъ. Но нельзя не упомянуть объ успѣхѣ дамартиновой «Исторіи Жироидистовъ»: шесть тысячъ экземпляровъ ея были раскуплены въ два дня и издатель принялся печатать до 12 тысячъ экземпляровъ.

«Осы» Альфонса Карра выходятъ уже иллюстрированными, но за ту же цѣну. Публика расхвотала вышедшіе номера съ жадностію

Вышелъ пятый выпускъ *Dictionnaire des Sciences Philosophiques*. Изъ числа замѣчательныхъ статей въ этомъ выпускѣ находятся: *Habitude, Infini, Immortalité, Intuition, Induction* — Франка, директора словаря; *Philosophie indienne* — Бартелии Сент-Илера, *Hobbes* — Дамирона; *Ibn-Roschd Ibn-Bafja, Ibn-Lina (Averroës, Aven-race, Avicenne)* — Мунка; *Harris, grammaire générale* — Булье; *Imagination, Jamblique* — Вапрѣ; *Hemstershuys, d'Holbeck* — Арто; *Idealisme* — Вары; *Hegel, Herder, Hamann, Jacobi etc.* — Дамма и проч. — Книжный магазинъ Гашена,

который издаёт этот словарь, издаёт также недавно отдѣльное сочиненіе Дамирона, подъ названіемъ: *Essai sur l'histoire de la philosophie en France au XVII siècle*, въ которомъ съ чрезвычайною ясностью изложены системы Декарта, Картезіанцевъ, Спинозы, Мальбранша и проч.

Можетъ-быть, читателя еще не забыли книги, подъ названіемъ *Un Million de Faits*, которая хотя и была составлена въ духѣ старинныхъ краткихъ «Энциклопедій для Юношества», но, будучи редижирована съ знаніемъ дѣла и вровень съ настоящимъ ходомъ наукъ, была принята публикой съ полнымъ одобреніемъ. Теперь редакторы этой книги издали другую, подъ названіемъ *Patria*, которая можетъ служить хорошимъ руководствомъ для желающихъ познакомиться съ Франціей.

Мы сказали о выгодности условій, на которыхъ можно приобрести полное собраніе латинскихъ авторовъ; но условія, на которыхъ продается въ Парижѣ *Dictionnaire des sciences naturelles*, едва-ли еще не выгоднѣе, — вотъ они: словарь этотъ заключается въ 61 томѣ, въ 8-ю д. л., съ 1226 листами рисунковъ; онъ составленъ изъ трудовъ гг. Броньяра, Шеврѣля, Кювьѣ, Дюжериля, Дюжона, Жозефа Сент-Илера, Де-Жюссѣ, Мирбеля, Ласепада, и пр. Первоначальная цѣна этого словаря была 665 франковъ, — теперь остающіеся экземпляры распродаютъ по 100 франковъ и притомъ въ ту же цѣну включается особое изданіе: «Зоологическій Атласъ» изъ 140 листовъ, съ изображеніями 257 рѣдкихъ животныхъ. — Не знаемъ, что можетъ быть дешевле и доступнѣе этого!

Вышелъ первый томъ весьма любопытныхъ «Записокъ Маршала Витора, герцога Беллюнскаго», подъ редакціею старшаго сына его. Записки эти обнимаютъ время съ 1792 по 1830 годъ; одно это уже дѣлаетъ книгу интересною.

Теперь рѣшительно мода на исторіи французской революціи: кромѣ извѣ-

стныхъ уже Тьера, Ламартина, Мишлѣ и Луи Блана, кромѣ записокъ герцога Беллюнскаго, которыхъ также сюда относятся, явилась еще «Исторія Революціи и Имперіи» Амедѣ Габуря (*Amedée Gabourd*). Каждая изъ этихъ исторій, конечно, имѣетъ свой, можетъ-быть, односторонній взглядъ; но какъ же и добираются до истины, какъ не односторонними специальными разработками? Право, во многихъ одностороннихъ сочиненіяхъ найдете несравненно-болѣе правды, нежели въ такихъ, гдѣ авторъ поднимается на ходули безпристрастія; воля ваша, а безпристрастіе иногда — вещь подозрительная...

Еще дѣльное изданіе: *Dictionnaire National* или «Большой классическій и всеобщій Словарь французскаго языка», два большіе тома въ 4-ю д. л., въ 4 столбца и 3000 страницъ; онъ составленъ Бешрелемъ (*Bescherelles*), состоящимъ при Луврской Королевской Библіотекѣ. Книгопродавцы высчитываютъ, что словарь этотъ заключаетъ въ себѣ текстъ, равный 150 томамъ обыкновенной печати; стоитъ онъ 50 франковъ. Авторъ и издатель поднесли экземпляры этого словаря королю Людовику Филиппу, королевѣ англійской, королямъ голландскому, бельгійскому, прусскому, баварскому, датскому и инымъ.

Исторія временъ республики и имперіи имѣла до-сихъ-поръ одинъ пробѣлъ, нѣкимъ непополненный: мы говоримъ о морскихъ военныхъ дѣйствіяхъ. Г-нъ Жюррьенъ-де-ла-Гравьеръ, сынъ французскаго контр-адмирала и самъ командиръ корвета, слѣдовательно, человекъ и по воспоминаваніямъ дѣтства и по роду службъ вполне знакомый съ этими предметомъ, издаётъ недавно *Исторію морскихъ войнъ во времена Республики и Имперіи Французской*. Всѣ журналы отзываются объ этомъ сочиненіи, какъ о книгѣ чрезвычайно умной и дѣльной. Она входитъ въ составъ извѣстнаго изданія библіотеки Шарпантье.

Наконецъ, въ спискахъ вновь посту-

нишихъ въ продажу книгъ преимущественно обращаютъ на себя вниманіе слѣдующія:

Monument de Nénive (Ниневійскій Памятникъ), découvert et décrit par M. P. E. Botta; mesuré et dessiné par M. E. Flandin.

Essai sur le Symbolisme Antique de l'Orient, principalement sur le symbolisme égyptien (О древнемъ восточномъ символизмѣ, преимущественно египетскомъ), contenant la critique raisonnée de la traduction du passage du cinquième livre des *Stromates* de St. Clément d'Alexandrie etc., par M. Brière.

Etudes critiques sur le Rationalisme contemporain (Критическія изслѣдованія современнаго рационализма), par l'abbé H. de Valroger.

Histoire anecdotique et populaire de Napoléon (Анекдотическая и популярная исторія Наполеона), par un ancien général de l'empire, son condisciple à l'école de Brienne. Livraison 1 et 2.

Histoire de France (Исторія Франціи), par *Anquetil*. Новое изданіе, продолженное до 1830 года *Buretoms* и до нашихъ временъ — *Leffranca*. Томы III и IV.

Histoire de Napoléon (Исторія Наполеона), par *Elias Regnault*. Томъ III.

Histoire des souverains Pontifes romains (Исторія римскихъ первосвященниковъ), par M. le chevalier *Artaud de Montor*. Томъ I.

Les Diplomates et Hommes d'Etats européens (Европейскіе дипломаты и государственные люди), par M. *Carpefigue*. Томъ III.

Biographie universelle ancienne et moderne (Supplément), ou *Suite de l'histoire, par ordre alphabétique, de la vie publique et privée de tous les hommes qui se sont fait remarquer par leurs écrits, leurs actions, leurs talents, leurs vertus ou leurs crimes. Ouvrage entièrement neuf, rédigé par une société de gens de lettres* (Всеобщая древняя и новая біографія (Прибавленія), или продолженіе, въ алфавитномъ порядкѣ, исторіи общественной и частной жизни всѣхъ людей, замѣчательныхъ своими сочиненіями,

дѣяніями, талантами, добродѣтелями или преступленіями. Изданіе совсѣмъ новое, издаваемое компаніей литераторовъ). Томъ LXXX (*Rost-Sall*). Прибавленіи томъ XXVIII.

Cahiers d'histoire naturelle (Тетради естественной исторіи), par M. *Mila Edwards* et M. *Comte*. Новое изданіе. Тетрадь третья.

Les Chants d'un oiseau de passage (Пѣсни перелетной птицы), poésies, par *Alphonse Duchesne*.

Romans, Contes et Voyages (Романы, рассказы и путешествія), par *Arsine Houssaye*.

Annuaire de l'économie politique et de la statistique pour 1847 (Политико-экономическій и статистическій календарь на 1847 годъ), par M. M. *Joseph Garnier* et *Guillaumin*.

Hygiène physique et morale des prisons, ou de l'influence que les systèmes pénitentiaires exercent sur le physique et moral des prisonniers, et des modifications qu'il y aurait à apporter au système actuel de nos prisons. (Физическая и нравственная Гигіена тюремъ, или о вліянніи, которое системы наказанія производятъ на физическую и нравственную природу арестантовъ, и о перемѣнѣ, какая должна производиться съ этою отношеніемъ отъ настоящей системы нашихъ тюремъ), par *Aug. Bonnet*.

Les Armes et le Duel (Оружіе и дуэль), par A. *Grisier*, professeur etc. *Ouvrage agréé par S. M. l'Empereur de Russie*.

Historische Beitrage zur Philosophie (Историческое руководство къ философіи), соч. А. Тределенбургга.

Aelteste Nachrichten von den Mongolen und Tataren (Древнѣйшія извѣстія о Монголахъ и Татарлахъ), соч. В. Шотта.

Indische Sagen (Индійскія Сказанія), соч. А. Гётцванна.

Geschichte der Arzneikunde (Исторія Медицины), соч. Курта Шпренгеля.

History of Europe from the commencements of the french Revolution to the Restoration of the Bourbons (Исторія Европы отъ начала французской рево-

(им до восстановления Бурбоновъ),
Алисона.

Le-moires of general Pere (Записки
еряла Пера).

— Сообщають нѣсколько извѣстій,
ослѣдствіяхъ до желѣзныхъ дорогъ.

Самыя всего поражаютъ публичну въ
ѣ желѣзныхъ дорогъ опыты надъ
возможно-большою скоростью ѣз-
ды.

И дѣйствительно, опыты эти по-
казываютъ необыкновенныя усилія въ
вершенствованіи паровозовъ. До-
воль-поръ наибольшая скорость не до-
гала 100 верстъ въ часъ. Недавно
Грет-Уостерпеной Желѣзной Доро-
(Great Western) пушенъ былъ по-
ѣздъ съ необычайною скоростью семъ-
ти-двухъ миль (109 верстъ) въ
часъ. Еслибы можно было постоянно
имѣть этой скорости, то въ 24 ча-
ска можно было бы проѣхать 2,616
миль, или въ 14 $\frac{1}{2}$ дней вокругъ всего
нашаго шара.

Смотря паровозовъ и вообще уходъ
ими производится вездѣ очень
хорошо, такъ-что несчастные слу-
чаи отъ нестерпимости котла или ма-
шины довольно-рѣдки. Всѣ несчастія
бываютъ отъ дорогъ, по которымъ
ѣздятъ паровозы и отъ разныхъ усло-
вій самой ѣзды: поэтому, нельзя про-
пустить безъ вниманія извѣстія, что
Франціи, на булонской желѣзной
дорогѣ, разорвало котелъ паровоза,
двухъ-мѣсячнаго поѣзда изъ двѣнадцати ва-
гоновъ, нагруженныхъ разными мате-
риалами. Къ-счастью, при этомъ слу-
чѣ никто не былъ даже раненъ.

Не будешь распространяться о раз-
ныхъ несчастныхъ случаяхъ на желѣз-
ныхъ дорогахъ. Если на орлеанской
дорогѣ, во Франціи, паровозъ разва-
лился нестерпимаго машиниста, заня-
вавшегося чѣмъ-то на самомъ пути;
или на депешной дорогѣ, во время
паянія земли въ одной выемкѣ, боко-
вые откосы вдругъ двинулись и зава-
ли восемь рабочихъ, изъ которыхъ
которые погибли, — то это такія про-
шествія, которыя относятся или къ
участности, или къ недостатку вра-
чары въ подробностяхъ за производ-
Т. LII. — Стл. VIII.

ствовахъ работъ, и проч. Всѣ эти случаи
несколько не могутъ относиться къ об-
щему вопросу о желѣзныхъ дорогахъ.
Итакъ, изъ числа очень-многихъ слу-
чаевъ, мы наберемъ только тѣ, кото-
рые обращаютъ на себя особенное
вниманіе. Мы сказали о разрывѣ кот-
ла потому-что это случай довольно-
рѣдкій: приведемъ еще случаи, о кото-
рыхъ намъ въ первый разъ удалось чи-
тать въ иностранныхъ газетахъ. Силь-
ный вѣтрокъ или бурю савинулся съ
рельсовъ одинъ вагонъ во время ѣзды.
Это было на руанской дорогѣ, во Фран-
ціи; во весь путь паровозъ боролся съ
чрезвычайно-сильнымъ вѣтрокомъ, ко-
торый значительно задерживалъ ходъ
его; наконецъ, въ одинъ страшный
порывъ бури, сила вѣтра достигла та-
кой степени, что подняла одинъ вагонъ
и снесла его съ рельсовъ; поѣздъ былъ
очень-скоро остановленъ, и несчастія
не случилось; но много времени было
потеряно на встаскиваніе вагона опять
на рельсы и проч. Продолжая свой
ходъ, поѣздъ былъ опять остано-
вленъ близъ Сотвилля; тутъ встрѣтилось
другое препятствіе: одинъ изъ са-
мыхъ сильныхъ порывовъ бури опро-
кинулъ на самый путь два большія
вѣдья, стоявшія на обрѣдѣ дороги, —
одно давно уже построенное для хране-
нія вагоновъ, а другое—тогда еще стро-
ившееся для храненія же паровозовъ;
дорога такъ была завалена обломками
разрушившихся вѣдѣй, что, не смотря
на большое число рукъ, занятыхъ очист-
кою пути, поѣздъ не могъ пройти, и
парижскіе путники, свѣдившіе въ Ру-
анъ, должны были достигнуть цѣли —
кто вѣшкомъ, кто въ нос-каняхъ слу-
чавшихся тутъ экипажахъ. Кажется,
инженеры при составленіи проектовъ
еще не принимали во вниманіе возмож-
ности такой силы вѣтра.

Вотъ извѣстіе объ опытѣ перевозки
кавалеріи по желѣзнымъ дорогамъ. До-
сихъ-поръ этихъ опытовъ еще было
слишкомъ мало. Опытъ происходилъ
на сѣверной дорогѣ во Франціи; одинъ
эскадронъ 7 уларскаго полка отпра-
вленъ былъ въ 7 часовъ утра изъ Валан-

сьеза и прибылъ изъ парижской желѣзно-дорожной станціи въ 6¹/₂ часовъ вечера; эскадронъ этотъ, состоявшій изъ 4 оециперовъ, 130 человекъ вѣжнихъ чиновъ и 126 лошадей, былъ размѣщенъ въ 25 экипажахъ, оециперы въ каретѣ перваго класса, прочіе служащіе въ 4 вагонахъ третьяго класса, и лошади въ 20 закрытыхъ скотовозныхъ вагонахъ; кромѣ того, оециперскія лошади были помѣщены въ двухъ особыхъ походныхъ конюшняхъ; а обозъ со всѣмъ эскадроннымъ багажемъ въ особыхъ пяти товарныхъ вагонахъ; всего было употреблено тридцать два экипажа, везомыхъ двумя паровозами. Вся перевозка произведена въ совершенномъ порядкѣ и благополучно.

Мы сообщали извѣстіе, составленное завѣдывающими дорогою; не желали бы видѣть другое отъ французскаго военнаго министерства, въ которомъ, вѣроятно, будетъ подробно разотчено, сколько употреблено было времени на то, чтобы посадить эскадронъ въ экипажи (сдана ли это не главное), сколько на фура и проч.

Вотъ еще случай, который, конечно, по новизнѣ своей обратитъ вниманіе всѣхъ инженеровъ. На сотовальской станціи руанской желѣзной дороги, во время приготовленія паровоза въ путь, при выходѣ его съ поворотнаго круга, паровозъ пустился вдругъ самъ собой съ чрезвычайною скоростью по рельсамъ дороги но направленію къ Руану, такъ что не было возможности остановить его. Во время пути, онъ несся безъ всякихъ приключеній и только на самой руанской станціи налетѣлъ и разбилъ въдребезги нѣсколько вагоновъ, къ счастью, пустыхъ.

23 марта ливерпульскій путепроводъ (на желѣзной дорогѣ отъ Ливерпула къ Бѣру), состоявшій изъ 23 каменныхъ арокъ, обрушился весь. Постепенное паденіе всѣхъ столбовъ одного за другимъ подобно было паденію перегнутыхъ картъ, которыя дѣти разставляють на столѣ. Гроизъ слышенъ былъ на милью въ окружности; убытку на 6000 фунтовъ стерлинговъ; къ

счастью, изъ людей ничего не было бланко.

— Пѣкто обратился къ извѣстному Даннѣ съ вопросомъ о томъ, каково мнѣніе современныхъ общественныхъ доктринахъ. — Я смотрю на нихъ, — началъ почтенный пасторъ: — какъ симптомъ глубокой потребности общества въ справедливомъ вознагражденіи труда, въ улучшеніи плачевнаго вездю состояніи рабочихъ. И мнѣ попыткамъ къ достиженію этой цѣли конечно, велья не сочувствовать. Чѣмъ же касается до самыхъ доктринахъ, то сколько мнѣ извѣстно, онѣ признаютъ естественной причиною зла право частной собственности и хотятъ все сосредоточить въ рукахъ государства, которое сдѣлавшись единственнымъ обладателемъ всѣхъ капиталовъ, поставитъ каждому въ обязанность таковой трудъ, который признаетъ для него свойственнымъ, и будетъ вознаграждать этотъ трудъ по извѣстнымъ правиламъ, определеннымъ, впрочемъ, до-скакивать. Очевидно, что осуществленіе подобной системы повело бы человечество къ такому невольничеству, какому оно доселѣ не испытывало. Превратилъ бы человека въ совершенную машину, въ орудіе, поставило бы его ниже веретна, которымъ располагаетъ плантаторъ въ своемъ производу, — ниже животнаго.

— Вотъ нѣсколько некрологовъ: — Навонъ, во Франціи, умеръ послѣднимъ французской службы генералъ лейтенантъ и кавалеръ почетнаго легіона большаго креста, *Графъ Арно*. Онъ родился въ 1774 году; въ 1793, вошелъ въ артиллерійскаго училища, поступилъ на службу въ чинѣ поручика артиллеріи. Бонапарте отличилъ его еще во время египетской экспедиціи. Въ 1808, онъ былъ уже полковникомъ императорской гвардіи. Графъ Арно участвовалъ во всѣхъ войнахъ и сраженіяхъ времени имперіи. Будучи генерал-адъютантомъ Наполеона съ 1812 года, онъ отличился въ сраженіи артиллеріей въ люценскаемъ, Буэносайресъ, гаванскомъ сраженіи, и въ трудную дѣлю Бородинскую битву.

1814 года. Неизвѣстно, что онъ по-
ловалъ за Наполеономъ на островъ
Ю. Подъ Ватерлоо онъ дѣлалъ не-
гнѣрные усилія, чтобы оставить за
наполеономъ побѣду, но судьба импе-
ра была рѣшена, и графъ Друдъ
зужденъ былъ послѣзъ заботиться о
своихъ остаткахъ арміи подъ стѣна-
миона. Являсь предѣзъ военныиъ су-
дѣ, учрежденныиъ уже королевскииъ
мнѣніемъ, графъ Друдъ защищался
какъ благородствомъ и величі-
емъ, что четверо (изъ полнаго чис-
ла семи) судей рѣшили дѣло въ его
пользу, и съ-тѣхъ-поръ онъ жилъ
отставкѣ и постоянно въ Нан-

Наполеонъ уважалъ Друдъ, какъ
днѣнаго человѣка и какъ воина; онъ
сказалъ: «еслибъ я послушался му-
дрости совѣта Друдъ то не оставилъ бы
грова Эльбы». Друдъ (говорилъ въ
углу разъ Наполеонъ) такой чело-
вѣкъ, что одинаково довольствовался
и 40 су въ день и полныиъ коро-
вскииъ содержаніемъ. Его правн-
—принципа и престоупленіе, доста-
ли бы ему уваженіе даже во време-
на римскихъ Цинцинатовъ». Пода-
нные Наполеонъ Друдъ 100,000 фр.
стались изъ рукъ Друдъ бѣглыми. Го-
дъ Нанси коложилъ оставаться въ па-
лацѣ и честь графа Друдъ на площади
статуи; начало подонски, объявленнои
этому случаю, обѣщаетъ успѣхъ.
роль занимать уже статуи графа для
Россальскаго Музеума.

въ Нансолъ умеръ графъ Фердинандъ
ччески-Палли, принадлежавшій по
исхожденію къ знаменитому дому
инцевъ Кампо-Франко. Графъ Луч-
чипользовался особыми расположе-
ніемъ онъ былъ посланикомъ въ
Лондонъ и несползалъ рвеныиъ пору-
ченія короля по дѣламъ государства.
Между прочимъ, онъ занимался и нау-
ки, особенно финансовыми и поли-
тической экономіей; нѣсколько лѣтъ
онъ издавалъ нѣтъ было небольшое
чиненіе подъ названіемъ: «Principes
de droit public maritime».

Въ Парижѣ умеръ графъ Монгюионъ
(Montguyon), перъ Франціи. Во време-

на имперіи онъ былъ камергеромъ На-
полеона и президентомъ избиратель-
ной коллегіи Уваскаго Департамента;
потомъ до настоящаго времени посто-
янно былъ президентомъ главнаго со-
вѣта того же департамента. Въ 1830 г.
будучи членомъ палаты депутатов, онъ
въ числѣ 63 человекъ подписалъ 27 ию-
ля протестъ противъ повелѣній 25 че-
сла. Благородный, скромный и дѣя-
тельный, графъ Монгюионъ посвящалъ
все свое время на заботы и хлопоты
по предпріятіямъ общественной поль-
зы: Санлисскій Округъ открытъ теперь
дорогами, которыя графъ началъ дѣ-
лать на своей собственныиъ счетъ, и ко-
торыя послѣзъ уже вошли въ составъ до-
рогъ департаментскихъ. Гражданскія
заслуги человѣка предѣзъ обществомъ—
лучшій памятникъ, какой только мо-
жетъ онъ себѣ воздвигнуть.

— Вотъ одно изъ самыхъ страшныхъ
судебныхъ дѣлъ. Нѣкто Леонъ Ригă
обвиненъ въ требованіи значительной
суммы денегъ у извѣстнаго парижска-
го банкира, Ротшильда, и у главнаго
директора почтъ, г. Контъ, и въ угро-
зѣ—убійствомъ заплатить за откупъ.
Г. Ригă молодой человѣкъ 22 лѣтъ,
принадлежащій къ почтенои фамі-
ліи, получившій прекрасное воспитаніе,
съ пріятнымъ лицомъ, умнымъ
взглядомъ, благороднымъ пріемомъ.
Отецъ его бывшій типографчикъ
и основатель двухъ журналовъ (*Impar-
tial* и *Bonhomme Richard*) оставилъ
Парижъ, основалъ типографію въ Лит-
тихѣ и, потерявъ все свое состояніе въ
этомъ предпріятіи, умеръ. Жена его,
съ двумя оставшимися въ живыхъ (изъ
числа десяти) сыновьями, воротилась
въ Парижъ. На старшаго сына ея, Ле-
она, пала обязанность содержать и
мать и брата. У него были нѣкоторыя
частныя нѣтъ, но онъ потерялъ ихъ,
и все семейство впало въ крайнюю бѣд-
ность. Въ это-то время Леонъ Ригă напи-
салъ къ барону Ротшильду письмо, въ
которомъ просилъ, или лучше сказать,
требовалъ суммы въ 16,000 франковъ,
для уплаты долговъ и на перѣздъ въ
Америку, угрожая противнымъ слу-

чаѣ кинжаломъ или ядомъ. Мы не при-
волимъ письма: оно состоитъ изъ дѣт-
скихъ угрозъ и необдуманнаго забора
словъ: въ концѣ письма молодой чело-
вѣкъ называетъ мѣсто, куда Ротшильдъ
долженъ былъ положить мѣшокъ съ
кекселями на 13,000 фран. и съ 3,000
франковъ золотомъ монетою. — За вѣнчикъ
письмомъ слѣдовало другое, оставшее-
ся также, какъ и первое, безъ отвѣта.
Г. Леонъ Ригѣ обратился съ третьимъ
письмомъ къ г. Контю, главному дирек-
тору почты: въ этомъ письмѣ говорилось
и о спускѣ флага въ известный день
на домъ директора, въ знакъ его согла-
сін и о назначеніи свиданія гдѣ-то за
городомъ, и объ угрозахъ портить пись-
ма въ приемныхъ ящикахъ чернилами,
наксой, кунореснымъ масломъ и проч.
Словомъ — видно, что бѣдникъ поте-
рялъ голову. Онъ самъ, въ судѣ, созна-
вался во всемъ, со словами говорилъ,
что бѣдность такъ поразила его, что
онъ теперь не находитъ самъ никакого
смысла въ своихъ поступкахъ... Дѣло
его шло такимъ образомъ: секретари
Ротшильда и Контя продавали пись-
ма его въ судѣ (бѣдные Ротшильдъ и
Контъ, особливо первый! Почти по-
мѣшавшіеся отъ бѣдности, молодой че-
ловѣкъ чуть не разорилъ ихъ!); поли-
ція положила въ назначенномъ у Ригѣ
мѣстѣ какой-то мѣшочекъ съ мѣды-
ми су и равной бумагой, и молодой че-
ловѣкъ попался. — Генеральный адво-
катъ хотя и признавалъ необходимымъ
при рѣшеніи суда прибѣгнуть къ *обле-
чительнымъ обстоятельствамъ*, но при
всемъ томъ настаивалъ въ виновности
г. Ригѣ... Жена Ротшильда приняла уча-
стіе въ матери молодого человѣка, пош-
тила ее и помогла ей; во время самаго
ареста, Ригѣ получалъ мѣсто въ управле-
ніи какой-то желѣзной дороги.

— Кто читалъ хотя въ русскомъ пе-
реводѣ романы Сю и Дюма и полюбилъ
вообще подобныя произведенія, тотъ,
безъ сомнѣнія, знаетъ, что всѣ они въ
первообразѣ являются въ фельетонахъ
французскихъ газетъ, подъ чертою,
которая отдѣляетъ ихъ отъ всего того,

что до насъ не касается и къ поре-
ду на русскій языкъ не подлежитъ.
Рѣдкая услужливость со стороны Фри-
цузовъ, черта достойная современна-
го космополитизма! Но въ послѣдніи
временіа эта черта, слѣдалагъ... умъ
— предметомъ ожесточенныхъ на-
деній со стороны бюстителей ари-
стократскаго благоравія, приваившихъ и
приличнымъ для своего сана какъ и
выражаемыхъ — жить въ белѣ-этаж-
дома, въ подвалахъ котораго гдѣ
даются порокъ и преступленіе.

6-го апрѣля новый Демососенъ
депутатъ г. Шапри де-Монлавицъ
доказывалъ, что золото, собираемъ
г-ми Сю, Дюма и т. н., губельнѣ
для французскаго народа, нежел
золото Филиппа - Македонскаго -
для Грековъ, что романы ихъ, рази-
мая вышнее воображеніе легкомысли-
выхъ Галловъ, отвлекаютъ умъ досто-
яны отъ поминка политическаго,
для недостойныхъ дѣлаютъ дѣйстви-
тельную жизнь постылою. Словомъ, е-
ли не пресѣчь зла, распространенаго
авторами фельетонныхъ реченій, и
во Франціи скоро не кону будетъ и
производить, и потреблять, и и-
нтерблать. Если Французы теперь
легче пука, то подъ вліяніемъ фель-
етона они въ самое короткое время слѣ-
дуютъ легче облакомъ и за земли
будутъ спускаться только для того
чтобъ лежать на пуковинахъ и читать
романы.

Но какъ пресѣчь зло? — запретить
писать? — Ораторъ знаетъ, какъ глупо
къ въ его слушателяхъ убіединъ
*que la voix du peuple est la voix de
Dieu*, и что, во французской логикѣ,
самые фельетоны подвоятся солгъ въ
теорему... Но Демососенъ ли написать
мукъ, не аяя, куда пустить свою стрѣ-
лу?... Г-нъ де-Монлавицъ неметался и
штангель, который называется и
всѣ французскія газеты, и за который
платится весьма-дорого. Чтобъ воз-
рвать платителей наваломъ свои га-
ты *слово* новостани политическаго
остроумный обитатель белѣ-этажъ
предлагаетъ выловить отъ пошлнныи

штенцель тѣ наденія, въ которыхъ не будетъ зловреднаго фальстона ..

Боже мой!—что мы надѣлали?—у васъ слезы навернулись, читательницы!—Успокойтесь. Вы ничего, надежныхъ защитниковъ: французскій министръ финансовъ и почтенный Сен-Маръ-Жирарденъ уже отбѣчали новому Демосею, что его рѣчь хороша для Грековъ, а не для Французовъ, которые могутъ сами оцѣнить достоинства и недостатки всякаго литературнаго произведенія.

— Король Французовъ получилъ недавно интересный подарокъ. Нѣкто Джонъ Мёрре (John Murray), нью-Йоркскій negociantъ, прислалъ Лудовику-Филиппу бочку зернового хлѣба, изъ самыхъ собраннаго на своей землѣ въ окрестностяхъ Нью-Йорка, и пять дружки боченкозъ также съ зернами, которые были удостоены преміи на послѣдней сельскохозяйственной выставкѣ въ Нью-Йоркѣ. Впрочемъ, это — повтореніе подобнаго же подарка, присланнаго изъ Америки королеви Викторіи.

— Въ Австріи, въ самой Вѣнѣ, въ домахъ для сумасшедшихъ дѣлаютъ опыты леченія посредствомъ занятій музыкою, пѣніемъ и танцами. Врачи ожидаютъ отъ этихъ средствъ сдѣлавшихъ результатовъ. На верный рѣвъ, въ одномъ изъ такихъ домовъ недавно былъ устроенъ мажорандъ, и приготовляются нѣсколько концертовъ. Интересно бы подслушать, какъ интригуютъ и мистифируютъ другъ друга сумасшедшіе подлѣ масканы.

— Въ Азеньерѣ (Azénières), близъ Лавала, во Франціи, во время прѣзда по поству телеги, нагруженной известью и запряженной въ пять лошадей, цѣпи этого желѣзо-проволочнаго цѣпнаго моста лопнули, и весь мостъ обрушился въ рѣву. Поговища лошадей погибли, спаслись только двѣ лошади. Не даромъ считаютъ все французскія постройки красивыми, но черевъ-чуръ легкими и непрочными.

— Герцская желѣзная дорога открыта — объ этомъ провозглашали уже всѣ газеты; но при этомъ случаѣ нельзя не

поблагодарить дирекцію дороги за похвальныя и стоящія подражанія поступка. На все торжество и правдивость открытія дороги было назначено до 12 тысячъ франковъ, а управленіе дороги положило открыть ее безъ всякаго торжества, сумми же эту радость бѣднелизъ по всей нѣтности, чрезъ которую таетея желѣзный путь. Прекрасный прибръ для всякаго рода торжественныхъ открытій: чѣмъ устраивать церемоніалы и приличны угощать пирогами, закуской и постами за дорое приглашенныхъ гостей, — кажется, лучше накормить тѣхъ, которыми нечего жать.

— Большая бѣлая зала берлинскаго королевскаго дворца, назначенная для собраній новаго соединеннаго прусскаго сейма—одна изъ самыхъ великолѣпныхъ въ Европѣ. Она украшена статуями и рѣзною аллегорическою живописью; въ ней устроены трибуны: засѣданія сейма не будутъ открыты ни для публики, ни для журнальныхъ стенографовъ; для составленія же отчетовъ всѣхъ рѣчей и изустныхъ преній депутатовъ, правительство назначило своимъ стенографовъ труды которыхъ, по повѣртію предсѣдателями сейма, будутъ печататься въ «Reuasi-sche Allgemeine Zeitung».

— Страшная прихоть нѣкоторыхъ женщинъ быть мужчинами не переводится. Вотъ еще новый кавалеръ д'Эонъ, или новая кавалеристъ-и-чиновникъ-дѣвица. Въ мартѣ мѣсцѣ умеръ въ Брюсселѣ чиновникъ министерства финансовъ, по имени Крумаръ, 68 лѣтъ отъ роду. Чиновникъ этотъ по смерти оказался женщиной. Родственничкозъ у него не было. Чувствію только, что въ чинѣ поручика Крумаръ дѣлалъ кампанію 1812 года и былъ раненъ подлѣ Москвитъ, въ плечо и около рта. Отъ тавизъ военную службу, герония сдѣлалась гражданничкозъ. При голландскомъ правленіи, она занимала нѣкто таможеннаго старшаго досмотрщика, потомъ занималась бухгалтеріей въ нѣсколькихъ купеческихъ домахъ и съ 1834 года служила экспеди-

торопитъ въ одной изъ главныхъ канцелярій департамента финансовъ. Свободное отъ службы время она посвящала музыкѣ: послѣ нея остались стихи, доказывающіе присутствіе таланта: сверхъ-того она была музыкантомъ, — на виолончель играла такъ, что обращала на себя общее вниманіе и давала уроки музыки. Любовность съ домашня она употребила вѣроятно для того, чтобы лучше скрыть свой полъ; между-тѣмъ, эта любовность была причиною, изъ-за стію несостоявшагося, брака ея съ одною брюссельскою дѣвицею.

— Ничего не можетъ быть горестнѣе, какъ читать извѣстіе о насильственной смерти молодого ученаго путешественника, который изъ любви къ наукѣ оставилъ родныхъ, знакомыхъ, Европу, посвятилъ годы своей молодости на путешествія въ страны малоизвѣстныя и тамъ вслали отъ всего погибъ. Г. Кастельюдъ и при немъ молодой ученый Эмонъ д'Оврѣ путешествовали по Южной Америкѣ для ученыхъ открытій. Изъ Рио-Жанейро въ Лиму, съ береговъ Атлантическаго-Океана на берега Тихаго-Моря они перемѣнили вѣтвь; отсюда, намѣреваясь изслѣдовать Амизонскую-Рѣку, начиная съ самыхъ истоковъ ея, они предполагали отправиться — одинъ по старому Мараньйону или Укайяли, другой — по повону или Туугурагуа. Во время приготовленія къ дорогѣ, г. д'Оврѣ досталъ лодку для плаванія по Амизонской-Рѣкѣ и нанялъ четырехъ гребцовъ; эти-то гребцы, невѣстною по какой причинѣ, во время одной поѣздки, когда съ г. д'Оврѣ врозь ихъ никого не было — убили его. виновные схвачены, и дѣло жарко преслѣдуется, но это не возвратитъ наукѣ ея адепта!

— Правительство Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатовъ заключило условіе съ частной компаніей объ учрежденіи трехъ линій пароходнаго сообщенія. Первая будетъ содержаться посредствомъ пяти пароходовъ, не менѣе 2,000 тоннъ вѣстности, меж-

ду Нью-Йоркомъ и Ливерпульскъ; вторая также посредствомъ пяти судовъ въ 1,500 тоннъ, между Нью-Йоркомъ и Новымъ-Орлеаномъ, съ остановкой въ Гавани, на островѣ Кубѣ, и, наконецъ, третья съ западной стороны Америки, на Великомъ Сѣверномъ Океанѣ, между устьемъ рѣки Колумбіа или Орегона и панамскімъ портомъ на самомъ перешейкѣ. Такъ-какъ между названными портомъ, или, правильнѣе, между Чигромъ, находящимся въ о-строву перешейка на берегу Атлантическаго-Моря, и Гаваніею уже существуетъ пароходное сообщеніе, то провинція Орегона, т. е. самая западная владѣнія Соединенныхъ-Штатовъ, будутъ соединены пароходными сообщеніями съ резиденціей правительства и главными центромъ общественной дѣятельности штатовъ. Для насъ въ эти линіи также чрезвычайно-важны: отъ устья Колумбіа или Орегона до Ситки въ нашихъ американскихъ владѣніяхъ весьма-далеко. Не знаетъ ли кто-то да наша Американская Компанія на тѣхъ водахъ пароходы; но еслибъ установилось пароходное сообщеніе между Ситкой и устьемъ Колумбіа, то сообщенія между Петербургомъ и Ситкой были бы и скоры, и удобны, и безъ великихъ хлопотъ; а это могло бы быть весьма-важнымъ обстоятельствомъ для всѣхъ служащихъ въ компаніи и для самаго состава управленія, какъ заѣздъ въ Петербургъ, такъ и на мѣстѣ.

— Въ копенгагенскомъ театрѣ случилось ужасное несчастіе: во время представленія, 21 марта, упала люстра. По принятому правилу, для доставленія удобства видѣть сцену изъ всѣхъ ложъ безъ исключенія, люстра эта висѣла при началѣ каждого акта и опускалась по окончаніи его. Итакъ, по окончаніи перваго акта второй пьесы, — вѣроятно, по неосторожности рабочихъ, спускавшихъ ее, — люстра свистала вдругъ необыкновенно-быстро и, сорвавшись, упала въ партеръ. Десять человѣкъ вынесены были безъ

чувствъ. Чтобъ судить о величинѣ лю-
стры, довольно сказать, что она имѣла
140 насляныхъ лампъ.

— На Парижанъ все находитъ по-
лосами: давно ли была полоса на учре-
жденіе новыхъ компаній для изданія
газетъ? Явились *Еpoque*, *Semaine*, еще
какія-то, которыхъ мы не упоминали,
явилась и компанія подъ названіемъ
Парижскій Абониментъ, которая сначала
предполагала издавать свой новый
журналъ подъ названіемъ *Progrès*, а
потомъ принялась къ газетѣ *Com-
merce*. Но главною цѣлю компаніи
было учрежденіе многихъ кабинетовъ
для чтенія этой газеты и разныхъ дру-
гихъ способовъ для доставленія удоб-
наго и дешеваго чтенія газеты съ аб-
ониментомъ на годъ, на полгода, на три
мѣсяца, на одинъ мѣсяцъ, на недѣлю,
на день, на часъ и даже на минуту...
Но *Эпоха* имѣтъ, и *Парижскую Абони-
ментъ* имѣтъ, — и послѣднюю, такъ же
какъ первую, потянули къ суду; раз-
ница только та, что съ первую Эмиль
де-Жирардонъ поступилъ какъ Напо-
леонъ въ законодательномъ собраніи—
завладѣлъ ею; а *Абониментъ* самъ под-
писалъ себѣ фонтенблонское отрѣче-
ніе, — впрочемъ, и то не совсѣмъ-удачно,
потому-что теперь судится съ разными
ими своими конторщиками и содержате-
лями кабинетовъ для чтенія за не-
платежъ или жалованья. Газета *Com-
merce* осталась при прежнихъ сред-
ствахъ.

— Давно тянется дѣло объ устрой-
ствѣ, ириведеніи въ порядокъ и укра-
шеніи Карусельной-Площади, между
Тюльрійскихъ-Дворцовъ и Лувромъ
въ Парижѣ; но нынче, кажется, ва-
итрены серьёзно приняты за это дѣ-
ло; всѣ временные навѣсы, балаганы,
палатки, лавочки и лавки разныхъ
угнѣданныхъ тутъ пролазцовъ, въ-
роятно, теперь уже сняты; срокъ это
му былъ назначенъ 8 апрѣля.

— Египетское правительство, по сло-
вамъ журнала *Impartial de Smyrne*,

обнародовало повелѣніе объ уничто-
женіи невольничества и предоставле-
ніи владѣльцамъ невольниковъ пяти-
десятидневнаго срока для сбыта ихъ.
На невольничьемъ рынкѣ цѣны пони-
зились со 100 на 60 процентовъ; впро-
чемъ, покупокъ никто и не дѣлаетъ,
потому-что по прошествіи 50 дней всѣ
невольники—останутся ли они по соб-
ственному желанію у бывшихъ гос-
подъ своихъ, или отойдутъ отъ нихъ,
во всякомъ случаѣ дѣлаются свобод-
ными.

Рядомъ съ этимъ утѣшительнымъ
фактомъ поставимъ напечатанное въ
газетѣ *Times* письмо одного инглій-
скаго офицера съ западныхъ бере-
говъ Африки, по словамъ котораго
какой-то купецъ, видя себя въ невоз-
можности отпрать въ море скуплен-
ныхъ имъ негровъ въ числѣ 2000, рѣ-
шился перерѣзать шкъ *свѣтъ до одне-
ю!!!*

— Карлъ Фредерикъ Крагтъ (Kragt),
пасторъ въ Великому Герцогствѣ Ме-
кленбург - Стрелицкомъ, подавъ чрезъ
одного стоогольскаго банкира, оченъ-
любопытную просьбу шведскому пра-
вительству. Пасторъ Крагтъ происхо-
дитъ одного любскаго гражданина,
по имени Якова Криса (Krieses), ко-
торый въ 1636 году, по повелѣнію Густа-
ва-Адольфа подъ Люценомъ, далъ важ-
ныя правительствѣ Швеціи и опекунамъ
малолѣтней дочери Густава, Христины,
на воспитаніе этой послѣдней, сумму
въ 270,000 франковъ на мынѣшній
курсъ. Фивансы Швеціи тогда были
въ затруднительномъ положеніи. Век-
сель подписанъ 24 декабря 1636 года
(Христинѣ тогда было 10 лѣтъ); срокъ
платежу назначенъ двадцатилѣтній,
но притомъ сказано, что вексель и дѣ-
лѣ этого срока никогда не потеряетъ
своей силы и постоянно всегда до упла-
ты будетъ приносить восемь процен-
товъ дохода. Внизу, на этомъ векселѣ,
рукою Христины подписано по-фран-
цузски: *Approuvé. Compiègne. 1637.*
Christine R. Крагтъ нашелъ этотъ
вексель въ фамильныхъ бумагахъ и

просить уплаты и капитала и процен- товъ, всего до 4,866,000 франковъ.

— Удобство перевозки почты по желѣзнымъ дорогамъ ведетъ къ рѣши- тельной реформѣ въ ночтовыхъ сооб- щеніяхъ. Въ слѣдствіе разныхъ пред- ставленій Пруссіи другимъ государ- ствамъ Германіи, въ непродолжитель- номъ времени соберутся въ Дрезденѣ уполномоченные отъ всѣхъ герман- скихъ правительствъ для установленія общей и однообразной таксы за пись- ма, посылки и проч.

— Нью-Йоркскія газеты разсказы- ютъ о новомъ несчастіи съ однимъ изъ норскихъ пароходовъ. Англійской па- роходъ "Тивль" отправился съ пасса- жирами изъ Гаванны въ Вер-Крузъ и Тампико и въ 70 мильхъ отъ Юкатана разбился о камни. Изъ 185 человекъ погибло 73. Остальные 82 человека спаслись на камняхъ и въ продолже- ніе цѣлыхъ пяти сутокъ боролись съ голодомъ, жаждою, приливомъ и отли- вомъ, холодомъ и проч. На шестыхъ сутки ихъ принялъ на бортъ испанскій бригъ и доставилъ въ Гаванну.

— Великому свое; Парижане въ во- сторгѣ — а отъ чего? Цѣлая револю- ція совершится на дняхъ въ гиліонѣ парижской. такъ пишутъ газеты и по- тому приближаютъ: «Составляется осо- бая компания для доставленія поку- пателямъ настоящихъ, неподдѣльныхъ и неразвѣденныхъ сливокъ; отыскать вса- кій Парижанинъ можетъ жить все со

сменами. *prendre son café à la crème.* Занимствуемъ это извѣстіе отнюдь не изъ объявленій, печатаемыхъ въ конці газетъ, но изъ настоящей газетной ста- тьи.

— Съ мѣсяцъ назадъ, лондонскія полиція была въ страшныхъ хлопотахъ, отыскивая вдову мистриссъ Бойсѣ, похитившую изъ кармановъ ес- маліи золотого пятнадцатилѣтняго кошель. Безжалостная полиція най- мала и разлучила влюбленныхъ. Сво- росѣлымъ любовникъ воротился въ свое семейство; но въ одинъ прекрасный день онъ пропалъ снова. Новые хлопоты! Полиція опять на ноги, но на этотъ разъ полиціи ее были напрес- ны. Любовь восторжествовала: о лю- бовникахъ ни слуху, ни духу, — она улетѣла и блаженствуетъ на седьмомъ небѣ, какъ вдругъ является нежданно, что они существуютъ изъ земли въ Брай- тонѣ. Начальникъ полиціи получилъ письмо, въ которомъ объяснялось, что счастливицы, подъ именемъ г. и г-жи Риббсѣ, прибыли въ Брайтонъ, а отту- да канѣревались отправиться въ Гер- нею и въ Лондонъ. Полиція опять пустилась въ преслѣдованія и нашла на любовниковъ въ одномъ трактирѣ; вдову она взяла въ каретѣ у мѣ- фода, а любовника за расказомъ въ буфетѣ. Отчаяніе страстной вдовы не помогло: ее снова лишили свиданья съ слабымъ ея любовникомъ, который сто- рично возвращенъ семейству. — не долго ли? — неизвѣстно. Не-уже-ли мо- жа устунить?

а) *Дамскія.*

Не мы одни заблѣли въ апрѣлѣ мѣсяцѣ: въ Парижѣ, — по словамъ французскихъ газетъ, — на Елисейскихъ Поляхъ, 11 апрѣля дамы всѣ гуляли уже въ весеннихъ костюмахъ, а теперь, увы! онѣ закутаны въ теплыя манто и даже въ манто, обшитыя мѣхомъ! Впрочемъ, скоро, очень-скоро заговорятъ всѣ о весеннихъ костюмахъ, или лучше сказать о лѣтнихъ, если вездѣ начнутся вдругъ такіе же теплые дни, какъ у насъ настали въ концѣ апрѣля. Теперь иначе нельзя одѣться для гулянья, какъ въ самые легкіе костюмы, и вотъ на образецъ нѣсколько изъ нихъ.

Шляпки изъ пуде-суа, большую частію убранныя кружевами, или съ кружевными вуалемъ. Подъ полями — ленты, переищанныя съ тюлемъ, или цвѣты съ тюлемъ, а чаще одинъ тюль. Цвѣтъ матеріи для шляпокъ больше употребляютъ бѣлый и желтый: но розовый и голубой также не оставляютъ.

Фасонъ шляпокъ, кажется, немного перемѣнился: поля дѣлаются открытыя, но все-еще очень-прижатые къ щекамъ и много сфѣзанныя съ боковъ. Тулья наклонена назадъ болѣе, нежели прежде.

Соломенныхъ шляпокъ еще не начинали носить: онѣ обыкновенно появляются на гуляньяхъ послѣ перваго мая; но много уже есть шляпокъ дѣланыхъ и болѣею частію широкими вѣтчатыми лентами, изъ яркихъ цвѣтовъ. Перья теперь, хотя и гораздо-менѣе прежняго въ употребленіи, однако есть еще довольно шляпокъ, убранныхъ перьями. Вотъ хоть шляпка изъ итальянской соломы очень-красива и нарядна съ бѣлымъ страусовымъ перомъ, которое приколото съ одного бока тульи на другой. На одной сторонѣ, гдѣ начинается перо, пришивленъ бантъ изъ бѣлыхъ гроденашевскихъ лентъ;

Т. II. — Отд. VIII.

подъ полями такія же ленты съ тюлемъ. Еще очень-красива шляпка съ пучкомъ свѣтло-зеленыхъ перьевъ.

На окнахъ магазиновъ выставлено очень-много соломенныхъ шляпокъ ажуръ, и если дѣто будетъ жаркое, то можно надѣяться, что ихъ раскупятъ, потому-что онѣ очень-легки; въ противномъ же случаѣ, мы не думаемъ, чтобъ ихъ предпочли хорошей итальянской или французской гладкой соломенной шляпкѣ.

Неизвѣстно, будутъ ли въ нынѣшнемъ году носить круглыя шляпки, которыя такъ хорошо прошлаго года защищали отъ солнца; мы бы очень желали увидѣть ихъ снова, — разумеется, на молодыхъ женщинахъ; на не молодыхъ онѣ были бы безобразныя.

Матеріи для платьевъ преимущественно выбираютъ гроденапль (*glacés*) и пуде-суа двуличивый, на-примѣръ, лиловый съ зеленымъ, зеленый съ желтымъ, гороховый съ бѣлымъ и т. д., всѣ цвѣта не очень-яркіе. Для дѣтъ есть очень-легкая матерія, называемая фуляръ: особенно же она хороша для утреннихъ неглижѣ. Мы уже видѣли два пеньюара изъ такой матеріи, — одинъ голубой съ бѣлыми полосами, а другой синій съ желтыми разводами. Фасонъ этихъ двухъ пеньюаровъ былъ почти одинаковъ: первый, просто съ круглой пелеринкой, а другой, съ пелеринкой и съ отворотами, которые идуть отъ этой же пелеринки напередъ пеньюара до самаго ковца юбки; наверху маленькія воротничокъ; но надо замѣтить, что эти пеньюары дѣлаются съ клиньями на бокахъ; поэтому наверху нѣтъ многихъ сборокъ, — а это очень-важное улучшение, особенно для полныхъ дамъ. Таіюю обхватываетъ широкая лента, завязывающаяся напередѣ бантомъ и спускающаяся длинными концами. Мы увѣрены, что фасонъ этихъ пеньюаровъ очень-многимъ понравится, но дѣтокъ его оцѣнить

эполетъ, потому-что легче и граціознѣе для утренняго неглижé ничего нельзя придумать. Прибавьте еще къ этому широкіе рукава, немного подобранные на сгибу у локтя, и тонкіи какъ кружево аграмантъ, которыми обшиты рукава и пелеринка.

Плате нестрѣнно должно быть какъ-нибудь, или чѣмъ-нибудь да убрано; гладкаго платья безъ уборокъ нѣтъ. Бальныя же платья убираются чрезвычайно пышно; мало-того, что юбка выше колѣна покрыта тюлевыми буфами; сверхъ нихъ еще спускаются кружева уже отъ другой юбки, которая надѣвается сверху. Мы видѣли розовое газовое платье, убранное отъ самаго кушака до низу довольно-широкими фалбалами изъ того же газа, какъ платье; фалбалы эти вырѣзаны были зубцами. Кажется, пышите уборки нельзя придумать.

Бурнусы почти всѣ дѣлаются съ пелеринками, а многія ихъ дѣлаютъ и съ пелеринкой и съ отворотами; фасонъ ихъ совершенно - старыи. Для такихъ бурнусовъ большею частію выбираютъ гроденаплъ моаръ, или пу-де-суа. Уборки же преимущественно состоятъ изъ аграманта, который дѣлается съ величайшимъ искусствомъ изъ бахрмы, некрученнаго шелка и кружевовъ, пришитыхъ почти вгладь.

в) Дѣтскія.

Теперь настало самое лучшее время для дѣтскихъ модъ, и много появилось хорошихъ дѣтскихъ бурнусовъ, платьевъ и шляпокъ. Вотъ платье изъ тербѣ сѣраго цвѣта, убранный малиновынъ, въ палецъ ширины, бархатомъ, съ большой пелеринкой, которая тоже обшита бархатомъ; вотъ другое изъ

гороховаго тербѣ; лифъ сдѣланъ съ отворотами въ родѣ камазолъ; все платье вышито голубымъ шелкомъ. Также очень-много есть платьевъ изъ тафты, съ маленькими клѣтками. Лифы большею частію дѣлаются сборчатые напередѣ и сзади, съ маленькой бертю.

Бурнусы очень-красивы изъ бѣлаго тербѣ съ бѣлой бахромой; фасонъ этихъ бурнусовъ — гладкій безъ сборокъ наверху; полы круглыя; во всегъ лифѣ маленькіе эполеты на прорѣзахъ, вѣсто рукавовъ. Воротничокъ самый маленькій.

Шляпки à la jardinière самыя удобныя для дѣтей. Поля у нихъ небольшія и полуоткрытыя, тулья низенькая; во эти шляпки подъ полями необходимо убирать какъ-можно - пышите; иначе онѣ не будутъ красивы: поэтому поля подбиваютъ широкими лентами, которыя собираются. Вотъ, на-примѣръ, такая шляпка: тулью обхватываетъ зеленая бархатная лента и завязывается на боку бантомъ съ длинными концами; подъ полями вышита широкая розовая гроденаплевая лента, и, сверхъ этого, еще маленькіе бантики у щекъ; завязки тоже розовыя изъ самыхъ широкихъ лентъ. Для мальчиковъ дѣлаются шинельи съ воротничкомъ, убранныя аграмантомъ, и золотыя или серебряныя пуговицы; такія шинельи очень-красивы изъ клѣтчатой матеріи.

Курточки большею частію шьются открытыя напередѣ и безъ застежекъ; маленькимъ даже не надѣваютъ внизъ жилетокъ, но спускаютъ изъ-подъ кушака панталонъ немного рубашку; для дѣтей же старѣе восьми лѣтъ необходимо нужна жилетка и маленькій фуляръ на шеѣ.

Б И О Г Р А Ф И Я

ЛИВИНГСТОНЪ.

Эдвард Ливингстонъ (Edward Livingston) родился въ 1764 году, въ Нью-Йоркской колоніи. Его семейство принадлежало къ числу древнихъ и патріархальныхъ фамилій Шотландіи. Мать Ливингстоны составляли сильный племь или племя: ихъ родоначальникъ былъ однимъ изъ тѣхъ лордовъ, которымъ въдрено было попочителство надъ юною королевою Маріею Стюартъ; другой Ливингстонъ былъ расомъ нѣмбургскимъ.

Въ XVII столѣтіи, буре гоненій за еллігію заставила многихъ удалиться въ Британію на берега Сѣверной Америки, гдѣ судьба предназначала имъ положить основаніе великому народу. Въ числу эмигрантовъ принадлежали даже Ливингстоны: вмѣстѣ съ другими, они оставили шотландскія горы и перешли на гудзонскіе берега. Сохраняя память о старинномъ блескѣ своего рода, они стремились къ независимости, но не перестали чтить преданій о своихъ предкахъ и по имени ихъ дѣтокъ называли и некоторые изъ своихъ поселеній въ Америкѣ. Благородное семейство Ливингстоновъ, бѣжавшее отъ гоненій въ прежнее отечествѣ, приняло мужественное участіе въ зашитѣ новой своей родины, когда метрополія не захотѣла признать ея правъ и когда наступило время полнаго освобожденія американскихъ колоній отъ зависимости Англіи.

Въ началѣ этого огромнаго переворота, Эдвардъ Ливингстонъ, младшій изъ одиннадцати дѣтей своего отца, былъ еще весьма-молодъ. Первые годы жизни провелъ онъ въ Клермонѣ, богатомъ владѣніи, которое досталось его семейству на прекрасныхъ берегахъ Гудзонскаго-Залива. Тамъ выюсталъ онъ посреди патриархальныхъ правотъ и просвѣщенныхъ идей, въ довольствѣ и вразилахъ чести, перепедашей къ сыну какъ-бы по наследству. Т. ЛII. — Стл. VIII.

оту его родины, добрымъ образомъ, которое доставило ему столько и глубока дѣйствующаго на развивающую душу, какъ дѣйствующаго чистый и здоровый воздухъ на развивающееся тѣло — Ливингстонъ воспиталъ счастливыя наклонности, протость, благочестивыя чувства и возвышенныя побужденія. Но скоро онъ долженъ былъ невзлечь для себя образованіе болѣе-обширное и твердое изъ тѣхъ событій, которыя совершились въ его отечествѣ.

Мы хотимъ сказать о томъ времени, когда англо-американскія колоніи, терпѣвшія столько угнетеній, отделились отъ метрополіи и сдѣлались независимыми штатами. Въ ихъ освобожденіи семейство Ливингстона приняло дѣятельное участіе. Братъ Эдварда, Робертъ Ливингстонъ, былъ членомъ конгресса, который въ продолженіе семи лѣтъ, не смотря на всѣ превратности войны, не терялъ бодрости духа и ни на минуту не отчаивался въ судьбѣ Америки; этотъ конгрессъ избралъ Роберта Ливингстона, вмѣстѣ съ Джефферсономъ, Франклиномъ и Адамсомъ, для составленія и объявленія акта о независимости новой націи. Монгомери, женатый на сестрѣ Ливингстона не болѣе года, отправился въ экспедицію противъ Канады, и тамъ, послѣ взятія Монреала, погибъ отъ англійскихъ картечь при упорной осадѣ Квебека. Эдвардъ Ливингстонъ присутствовалъ при трогательномъ прощаньи своей сестры съ ея мужемъ и послѣ былъ ея утѣшителемъ. — Благодарное отечество публичнымъ декретомъ постановило воздвигнуть памятникъ юному герою; а вдова его, какъ Ринлана, нагѣда трауръ и не оставила его въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, предаваясь скорби о томъ, кого звала она своимъ сыномъ. На помощь колоніямъ безпрепятственно пріѣзжали въ Клермонъ благородные и неустрашимые сподвижники, которыхъ влекли къ Европѣ въ Америку стремленіе къ славѣ, духъ независимости и политическіе интe-

рессы. Въ числѣ прїѣхавшихъ былъ Лавассъ; онъ поселился въ домѣ Дивингтоновъ, и съ-тѣхъ-поръ явился защитникомъ общаго дѣла. Посреди упомянутыхъ нами событій и сценъ, къ кругу многихъ замѣчательныхъ людей, Эдвардъ Дивингстонъ провелъ свою молодость. Въ собственномъ семействѣ получилъ онъ и нравственное воспитаніе, которое сдѣлало его честнымъ и благороднымъ челоѣкомъ, и образованіе общественное, которое сдѣлало изъ него добраго гражданина.

Но если характеръ Эдварда Дивингстона и развился въ этой школѣ; если даже разумъ его созрѣлъ преждевременно, то, съ другой стороны, въ умственномъ воспитаніи онъ имѣлъ недостатокъ. Вообще, военное время не благоприятствуетъ умственнымъ занятіямъ, и мація, стремящаяся утвердить свое существованіе, мало заботится объ украшеніи ума своего различными свѣдѣніями. Впрочемъ, литература еще не вовсе исчезла въ колоніяхъ. Америка, отдѣлившись отъ Европы своими учрежденіями, сохранила съ нею связь своими идеями, и въ этомъ отношеніи все еще оставалась колонією стараго свѣта. Она не утратила благородныхъ наклонностей къ усиліямъ ума; въ то время въ ней еще не думали единственно о томъ, чтобъ дѣйствовать, и не подчинили возвышенныхъ способностей разума вседневнымъ потребностямъ жизни. Въ то время еще жили многіе замѣчательные люди, получавшіе воспитаніе въ Европѣ и украшавшіе собою свое новое отечество, которому они доставили независимость. Этихъ людей имѣлъ Эдвардъ Дивингстонъ своими образцами: онъ предавался изученію наукъ и нравъ съ тою энергією вели и съ тѣмъ настоятельнымъ вниманіемъ, которая потомъ проявлялась во всѣхъ его поступкахъ. Онъ занялся прилежнымъ изученіемъ англійскаго обычнаго права (*droit coutumier*), которое перенялъ изъ Америки въ ограниченномъ количествѣ сборниковъ, заключавшихъ въ себѣ судебныя рѣшенія по разнымъ предме-

тамъ. Эти сборники можно назвать темными лабиринтомъ: до того въ нихъ перемѣшаны и разбросаны были различныя постановленія; во всемъ видно было отсутствіе существенныхъ основаній великаго закона — откровенности, ясности и общности. Этотъ недостатокъ безпрестанно возстадалъ на умъ въ необходимость переработки законодателя. Изучивъ практическую англійскую юриспруденцію, Эдвардъ Дивингстонъ изучилъ также и самыя начала права; въ послѣднемъ случаѣ онъ пользовался Цандектами Пелье (*Pothier*). Съ помощію этого сочиненія, — гдѣ въ превосходномъ порядкѣ изложены прекрасныя начала, которые сѣпались наиздрѣвку правосудія и юридическаго искусства Римлянъ — Эдвардъ Дивингстонъ вымыслилъ до теоретическихъ началъ науки. Конечно, онъ не собралъ еще матеріаловъ для собственнаго кодекса — мысль о составленіи его пришла къ нему позже; но въ настоящихъ занятіяхъ онъ приобрѣлъ строгую и логическую школу для своихъ будущихъ трудовъ. . . .

Приготовившись такимъ образомъ, онъ принялъ на себя званіе адвоката въ Нью-Йоркѣ. На этомъ поприщѣ Дивингстонъ сдѣлалъ блестящія успѣхи и скоро приобрѣлъ известность искуснаго адвоката. Даліе послѣ эти въ странахъ демократическаго владычества не изъ должностныхъ законодателей. Дѣйствительно, не смотря на свою молодость, Эдвардъ Дивингстонъ былъ призванъ съ поприща адвоката къ дѣламъ общественнымъ, и въ этихъ случаяхъ обязанъ былъ не столько своему родству, сколько своей ранней извѣстности. Ему едва было тридцать лѣтъ въ то время, когда въ 1794 году Нью-Йоркомъ Штатъ избралъ его однимъ изъ своихъ представителей на конференцію. Чобъ оцѣнить положеніе Дивингстона въ этомъ собраніи и его политическія связи, а равно и ту роль, которую игралъ онъ наряду съ основателями американской независимости, бросимъ бѣглый взглядъ на основаніи новой республики, на вершинѣ, на вер-

дѣлшія, и на различныя направле- нія, какія хотѣлось партіямъ дать судьбѣ раждавшагося государства.

Вашингтонъ управлялъ въ то время республикою Соединенныхъ Штатовъ. Онъ два раза сряду избранъ былъ президентомъ и могъ бы остаться имъ до самой смерти, еслибъ желалъ того. Освобожденная нинѣ Америка съ до- вѣрчивостію поручала ему кормило правленія и читла въ немъ граждани- на, который никогда не употребилъ во зло ни диктатуры своей, ни побѣдъ; который умѣлъ править ею съ такимъ же искусствомъ, какъ и защитилъ ее; который показалъ столько доблестей, командуя войсками, столько политиче- ской мудрости въ устройствѣ госу- дарства, столько простоты въ величій и скромности въ славѣ. Республика любила этого великаго человѣка за его всесовершенную честность, за его вы- сокую твердость и ясную душу, за его прекрасный характеръ, не- имѣвшій недостатковъ, за его полный и могучій умъ, за его безукоризнен- ную жизнь, на которой не лежало ни одного пятна. Объ этомъ человѣкѣ, по справедливости, можно сказать, что онъ былъ первымъ на войнѣ, первымъ въ мірѣ и первымъ въ сердцахъ со- гражданъ.

Въ 1783 году, Американцы вышли со славою изъ семилѣтней борьбы съ метрополією, которая должна была на- конецъ признать ихъ самобытность; такимъ образомъ, они перенесли кри- визъ своего освобожденія. Въ 1789 го- ду, они перенесли другой кривизъ — внутренняго устройства, и, учредивъ федеративное правленіе, спасли себя отъ грозившаго имъ распаденія. Такъ они восторжествовали надъ опас- ностями внѣшними и внутренними. Желая исправить несовершенства и предупредить раздѣленія, которые вредили до того времени почти всѣмъ республикамъ и федерациямъ, Амери- канцы весьма-благоразумно утвердили у себя центральную власть, учредили одного главнаго начальника, а съ тѣмъ вмѣстѣ обществанныя собранія зако-

ны, суды, устроили войска, финансы, и этими мѣрами могли удержать въ составѣ одной націи столько жолоній разнороднаго происхожденія, раз- личнаго устройства, съ различными интересами и обычаями, гдѣ направ- леніе было столько равнообразно, какъ былъ различенъ климатъ зани- маемыхъ ими странъ. Но физическое положеніе націи и высшая воля сдѣ- лали для Американцевъ болѣе, нежели предумотрительность и учрежденія ихъ законодателей. На долю націи достался обширный материкъ, гдѣ не было страшныхъ сосѣдей и, слѣ- довательно, не было враговъ, гдѣ нельзя было страшиться войны ино- земной, а, слѣдовательно, не было и опасностей внутри государства. Для дѣятельности націи раскрыва- лась обширѣйшая перспектива: ей предстояло населить пустыни, выру- бить необъятные лѣса, воздѣлать сте- пи и болота, прорѣзать горы, измѣнить направленіе рѣкъ, однимъ словомъ — воззвать цѣлый міръ къ цивилизаціи. Поэтому избытокъ силъ, который въ государствахъ стараго свѣта, стѣснен- ныхъ въ своей дѣятельности и въ сво- ихъ земляхъ, обращается или про- тивъ другихъ или противъ самихъ себя, Американцы могли обратить только на природу. Долго общество не болало у нихъ человѣка, и чело- вѣкъ, пользуясь свободою на необъя- томъ пространствѣ, могъ, не вредя об- ществу, удовлетворять своимъ бур- нымъ и стяжательнымъ наклонно- стямъ, могъ пріобрѣтать не отнимая у другаго, могъ входить въ соперни- чество, не проливая крови, находить для себя столько труда, сколько имѣлъ потребностей, и пускаться во всѣ предпріятія, какія только представ- лись его желаніямъ.

При такомъ положеніи вещей, въ республикѣ составились двѣ партіи, изъ которыхъ одна, казалась, страши- лась развитія началъ демократиче- скихъ, другая, напротивъ того, опасалась возстановленія англійскихъ учре- жденій. Первая носила названіе нап-

тія федеральной, другая называлась республиканскою. Остатокъ привязанности къ прежней метрополи, съ которою Америка была въ родствѣ по крови, по нравамъ и языку, и потому въ которое отращеніе къ насильственной политикѣ французской революціи, были причиною, что федеральная партія желала сблизиться съ Англіею, во-первыхъ, введеніемъ подобныхъ англійскимъ законамъ, во-вторыхъ, трактатами. Съ другой стороны, ревность къ независимости и расчеты искусной, а съ тѣмъ же и въ благодарной политикѣ побуждали демократическую партію предпочесть того союзника, который помогъ американцамъ освободиться отъ враговъ, и эти чувства побуждали демократовъ остаться вѣрными связи съ Франціею. Одни съ безпокойствомъ помышляли о таинственной судьбѣ своего отечества, и съ благоразумнымъ опасеніемъ обращались къ прошедшему; другіе, исполненные довѣрчиваго инстинкта, отважно стремились къ неизвѣстной будущности. Превосходнѣйшіе умы и отличнѣйшіе изъ граждан раздѣлялись между собою. Вашингтонъ съ умѣренностью поддерживалъ федеральную партію; Джонъ Адамсъ одушевлялъ и волновалъ ее своею горячностью; Франклинъ на всю жизнь свою объявилъ себя на сторонѣ демократической партіи, главою которой былъ въ то время Томасъ Джефферсонъ.

Эдвардъ Ливингстонъ присталъ къ послѣдней партіи на конгрессѣ 1794 года. Хотя его дѣла и не позволяли ему дѣйствовать на первомъ планѣ, гдѣ почетнѣйшее мѣсто занимали основатели америкавской независимости, еще жившіе въ то время, однакожъ, онъ обратилъ на себя вниманіе своею пылкостью и дарованіями. Онъ опровергалъ трактатъ, заключенный въ 1794 году съ Англіею, по которому хотя и очищалась сѣверная граница Соединенныхъ - Штатовъ, гдѣ еще стояли британскія войска, но въ глазахъ французской партіи очищеніе это достигалось не съ полнымъ до-

стоинствомъ, потому что въ трактатѣ обнаружено было явное пристрастіе къ прежней метрополи, и извѣщалась величія и унижительная покорность ей морскому деспотизму и неустранимымъ требованіямъ въ отношеніи къ торговлѣ. Эдвардъ Ливингстонъ воспротивился равнымъ образомъ и введенію alien bill, по которому президентъ могъ высылать, въ извѣстныхъ случаяхъ, иностранцевъ изъ владѣній Соединенныхъ - Штатовъ. Подобная мѣра не сообразовалась съ цѣлями республики, для которой весьма-важно было открыть свободный прѣздъ всѣмъ эмигрантамъ и наполнять излишкомъ европейскаго народонаселенія свои западныя владѣнія, еще необитаемыя въ то время. Рѣчь, произнесенная по этому случаю Эдвардомъ Ливингстономъ, распространилась въ западныхъ провинціяхъ, куда безпрестанно стремились Американцы, и долго потомъ читали эту рѣчь въ тѣхъ формахъ, которыя были какъ-бы типическими республики и полагали собою зародышъ будущихъ сильныхъ штатовъ. Кентукки, наподнавшійся въ то время поселеніями, изъ признательности къ Ливингстону назвалъ его именемъ одинъ изъ своихъ округовъ. Тѣсныя политическія связи заключены были на конгрессѣ между Эдвардомъ Ливингстономъ и предводителемъ демократической партіи. Въ эту пору узнавалъ онъ также еще мало извѣстнаго депутата возникшаго штата Теннессе, Андрея Джамсона, который въ послѣдствіи сдѣлался столью извѣстнѣе, и съ которымъ подружился Эдвардъ Ливингстона сходство въ мнѣніяхъ и противоположность въ характерахъ.

Ливингстонъ остался на конгрессѣ и принадлежалъ къ оппозиціи до конца президентства Джона Адамса, мѣстѣ съ которымъ прекратилась и жизнь федеральной партіи. Въ 1801 году, партія демократическая восторжествовала, послѣ того, какъ президентомъ Соединенныхъ - Штатовъ былъ избранъ Томасъ Джефферсонъ. Други

его, по обыкновенному въ подобномъ образѣ правленію случаю, перешли изъ оппозиціи къ правительственнымъ званіямъ и заняли общественныя должности. Эдвардъ Ливингстонъ, содѣйствовавшій возвышенію главы своей партіи, былъ назначенъ генеральнымъ прокуроромъ въ Нью-Йоркскій Штатъ. Получивъ это мѣсто отъ правительства, онъ въ то же время облеченъ былъ довѣріемъ народнымъ званіемъ мэра города Нью-Йорка; а это званіе въ то время считалось вторымъ въ республикѣ.

Соединивъ въ себѣ представителя федеративныхъ законовъ съ званіемъ, которое возложено было на него многочислѣннѣйшими и богатѣйшими городами въ Америкѣ, Ливингстонъ показалъ много искусства и самоотверженія. Скоро представился ему несчастный случай выказать свои государственныя добродѣтели въ полной ихъ силѣ. Желчная горячка, эта чума Новаго-Саята, съ чрезвычайною жестокостію распространилась въ Нью-Йоркѣ. Ужасъ овладѣлъ жителями; всѣ богатые люди оставили городъ: тамъ, гдѣ кипѣла жизнь и раздавался неумолкаемый шумъ, воцарилось мертвенное и страшное безмолвіе. Улицы опустѣли, большая часть домовъ были заперты. Въ гавани стояли корабли, оставленные ихъ экипажами, и видѣлись цѣлыя лѣса неподвижныхъ мачтъ. Кто только могъ бѣжать, всѣ удалились изъ злополучнаго города и искали вдалекѣ воздуха, который не наносилъ бы смерти. Ливингстонъ остался съ тѣми, кто не могъ уѣхать. Этого требовалъ его долгъ; онъ понималъ его и исполнилъ съ непоколебимымъ мужествомъ. Неожиданное бѣдствіе почиталъ онъ, какъ самъ выражался на языкѣ юрическаго, невыгодную сторону того договора о неизвѣстномъ, могущемъ случиться (*contrat aléatoire*), который заключилъ онъ съ городомъ, принявъ отъ него первостепенную должность. Онъ убѣжденъ былъ въ томъ, что для спасенія себя оставалось одно средство — пренебречь опасностію и

стараться быть полезнымъ для другихъ, или, если ему суждено было погибнуть, то лучше погибнуть съ честію. По-этому онъ не только остался въ городѣ, но и предался чувству самоотверженія; ежедневно посѣщалъ больныхъ, оказывалъ имъ пособіе, раздавалъ деньги, помогалъ собственными руками. Многіе обязанности ему были своею жизнію. Энергическая воля и удовольствіе дѣлать добро, которыми онъ подкрѣплялъ себя, долгое время предохраняли его отъ заразы. Уже начинала ова проходить, какъ вдругъ Ливингстонъ заболѣлъ самъ. Въ свою очередь теперь онъ окруженъ былъ попеченіями и заботливостію благодарнаго народа. Граждане, встревоженные его болѣзнію, толпились въ улицѣ, гдѣ жилъ онъ, но на шумѣли; входили осторожно въ его домъ; каждый разъ сѣняли другъ друга у постели больного, и когда разнеслась счастливая вѣсть о томъ, что его крѣпкое сложеніе и присутствіе духа восторжествовали надъ опасностію, то въ городѣ распространилась такая же радость, какъ и послѣ прекращенія заразы, поражающей столько жертвъ. Ливингстонъ былъ награжденъ орденомъ: онъ не могъ не чувствовать, что дѣйствовалъ прекрасно, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣлъ наслажденіе видѣть, что граждане оцѣнили его великодушіе.

Скоро, однакожъ, онъ принужденъ былъ отказаться и отъ этихъ чувствъ и отъ своихъ обязанностей, и даже отъ пребыванія на родинѣ. Въ сорокъ лѣтъ пришлось ему начинать жизнь свою съизнова. Роскошныя привычки, издержки по отправленію должности, можетъ-быть, вѣскольکو неумѣренныхъ, щедрыхъ пособій больнымъ, наконецъ, больше всего, неблагоразуміе одного друга, которому онъ вѣрилъ значительныя суммы, принадлежавшія Соединеннымъ Штатамъ, и необходимости пополнить ихъ изъ собственныхъ средствъ, были причиною, что онъ разорился и долженъ былъ снова взаться за ремесло адвоката, чтобъ

поправить свое состояніе. Впрочемъ, то, что причиною ему столько несчастій, повело его къ славі: неблагопріятныя обстоятельства заставили его удалиться въ новую страну, гдѣ онъ сдѣлался законодательнъ.

По счастливому стеченію обстоятельствъ съ востоящимъ положеніемъ Ливингстона, обширная и богатая страна, орошаемая рѣкою Миссисиппи, открылась для промышленности Американцевъ и поступила въ ихъ владѣніе. Робертъ Ливингстонъ, братъ Эдварда, находясь повѣреннымъ въ дѣлахъ при французскомъ правительствѣ отъ Соединенныхъ-Штатовъ, устроилъ въ Парижѣ важное пріобрѣтеніе Луизианы. Колонія эта принадлежала сначала Французамъ, но въ слабое правленіе Людовика XV была уступлена Испаніи, по трактату 1763 года. Испанія, въ свою очередь, отдала ее обратно Франціи трактатомъ въ Сен-Ильдефонсъ въ 1800 году. По политическимъ расчетамъ перваго консула Бонапарте, этотъ трактатъ оставался въ тайнѣ во все время войны съ Англіею. Но, послѣ амьенскаго мира, когда Бонапарте съ такою славою успѣлъ прекратить непріязненные отношенія къ Франціи и обезпечилъ договорами результаты своихъ побѣдъ на твердой землѣ, онъ рѣшился возвратити Франціи ея прежнее величіе въ колоніяхъ. Съ такою цѣлію онъ возвратилъ себѣ, по договору, колоніи, отнятыя Англіею, пріобрѣлъ отъ Испаніи Луизиану и предпринялъ экспедицію въ Сен-Доминго. Но ни время, ни счастье не благопріятствовали его плану. Экспедиція въ Сен-Доминго не удалась, а между-тѣмъ грозила война съ Англіею. Не надѣясь удержать за собою Луизиану, и не желая, чтобы она досталась Англіи, Бонапарте отдалъ ее Американцамъ. Увеличивать Америку значило, въ его глазахъ, ослаблять Англію. Но, кромѣ политическихъ выгодъ, которыя пріобрѣталъ онъ отъ усиленія союзниковъ, непріязненныхъ врагу Франціи, онъ пріобрѣлъ этою уступкою восемьдесятъ милліоновъ фран-

ковъ, и сверхъ-того поставилъ въ числѣ условій, чтобы старинная французская колонія была присоединена къ федеративной республикѣ на правахъ свободнаго государства, со всѣми преимуществами, какими пользовались прочіе штаты союза, и со всѣми особенными привилегіями самостоятельнаго государства.

Эдвардъ Ливингстонъ отправился въ Новый-Орлеанъ и прибылъ туда въ концѣ 1803 года, почти въ одно время съ американскими комиссарями, которые поручено было принять эту провинцію. Положеніе страны было превосходно и свойства ея неотъемлемы. Находясь въ центрѣ Новаго-Свѣта, при очаровательномъ заливѣ, перерываемая величайшею въ мѣрѣ рѣкою, которая удобна для судоходства на пространствахъ тысячи двухсотъ миль и принимаетъ въ себя множество широкихъ рѣкъ, выходящихъ изъ Горъ Скалистыхъ (Rocheuses) и Аллеганскихъ (Alleghanys), Луизиана представляла собою обширную и прямую долину, къ которой примыкали другія неперечныя, равно изобильныя и удобовоспроизводящія могучимъ вѣтвямъ гигантскаго дерева. Пользуясь благословеннымъ климатомъ, будучи удаленна отъ суровой стужи и отъ палящаго зноя; обладая почвою, способною для всѣхъ родовъ земледѣлія и притокомъ изобильными незапамятными наводненіями рѣки къ безпредѣльному плодородію; покрытая вѣковыми лѣсами и залитаемая водою лугами, эта страна обманно сдѣлалась чѣмъ-то дивнымъ, какъ скоро человекъ покорилъ себѣ тамъ природу, царствовавшую во всей красотѣ своей, но съ тѣмъ вмѣстѣ во всемъ безпорядкѣ, и утвердилъ господство трудъ и разума.

И это началось въ Луизианѣ со времени прибытія туда Американцевъ. До-тѣхъ-поръ, она оставалась почти необитаемою и пустынною. Шестидесять пять тысячъ жителей, разсѣянныхъ на двухъ-стахъ тысячахъ квадратныхъ миляхъ, составляли все ея население. Отторгнутая отъ Франціи она въ то время

орокъ дѣтъ, не считая большого рас-
положенія къ Испаніи, которая ничего
изъ нея не сдѣлала, Луизиана, подобно
ускувеодушевленнаго вещества, кото-
рый испытываетъ притяженіе къ окру-
жающимъ его массамъ, чувствовала
оральное влеченіе къ новому народу,
который, едва-вышедши изъ револю-
ціи, уже покрывалъ своиѣ кораблями
кеанъ, наполнилъ восточные лѣса
воини піонерами, населялъ пустыни
ентукки отважнымъ племенемъ, и на-
онецъ достигъ до восточнаго берега
великой рѣки, которая одна могла от-
рыть его произведеніямъ и стремле-
нію выходъ на море. По-этому, Луи-
зіана съ восторгомъ приняла вѣстие
томъ, что, переставая быть колоніею,
на поступаетъ въ составъ цѣлующей и
огущественной націи. Пространство
рая было слишкомъ-велико для одно-
штата и потому его раздѣлили на
четыре части, которыя должвы были
оставить четыре отдѣльные штата и
получили названіе Луизианы, Арканза-
а, Иллинуа и Миссури.

Было двѣ степени политическаго при-
единенія странъ къ союзу. Одна со-
стояла въ учрежденіи временнаго управ-
ленія, которое называлось земскимъ
ли территориальнымъ (*gouvernement
territorial*): другая состояла въ окон-
чательномъ введеніи управленія, на-
зывавшагося государственнымъ (*gou-
vernement d'État*), или *управленіемъ
штата*. Первый образъ управленія
нѣлъ цѣлю. дать странѣ устройство
мало-по-малу довести ее до самосто-
тельнаго управленія; при чемъ имѣ-
ось въ виду, чтобъ страна была до-
статочно къ тому приготовлена. Второй
образъ управленія давалъ странѣ само-
ытное существованіе и предоставлялъ
ей управляться самой собою, соблюдая
аконы и учреждая у себя федеральныя
олжности. Пока существовалъ пер-
ый порядокъ, страна находилась нѣ-
оторымъ образомъ подъ опекою об-
даго правительства; оно давало ей, во-
ервыхъ, губернатора для администра-
ціи, во-вторыхъ, законодательный со-
ѣтъ, для приведенія ея въ устройство,

и, въ-третьихъ, высшее судилище для
судебныхъ дѣлъ. Съ водвореніемъ вто-
раго порядка, страна получала право
имѣть собственную палату представи-
телей, свой сенатъ и свое независимое
устройство. Луизиана равнымъ обра-
зомъ была подвергнута предваритель-
ной оцѣнѣ, прежде нежели получила
полную свободу. Вѣстѣ съ террито-
риальнымъ управленіемъ она ввела у
себя *habeas corpus* и учрежденіе при-
сяжныхъ (*jury*) — двѣ необходимыя
принадлежности Американца, съ ко-
торыми онъ не разстается, гдѣ бы
ни водворился, и которыя обезпе-
чиваютъ для него свободу и право-
судіе. Но первоначальныхъ правъ,
по которымъ рѣшенію присяжныхъ
подчинялись всѣ дѣла гражданскія и
уголовныя, касавшіяся собственности
и личности жителей, было еще недо-
статочно. Надлежало дать законы, ко-
торыя примѣняемы были бы къ этимъ
дѣламъ, и, во-вторыхъ, опредѣлить пра-
вила судопроизводства, по которымъ
разбирались бы возникающіе случаи.
При этомъ представился вопросъ: слѣ-
дуетъ ли сохранить въ Луизианѣ пре-
жнее ея законодательство, нестройную
смѣсь постановленій римскаго права,
обычаевъ французскихъ и предписа-
ній испанскаго правительства? или
лучше ввести законы англійскіе, съ
неопредѣленною такъ-называемыхъ
прежнихъ примѣровъ, съ утонченно-
стію ихъ юридическихъ фикцій и съ
плодovitостію ихъ формъ? Вопросъ
этотъ поступилъ на разсмотрѣніе выс-
шаго судилища. Американскіе юри-
консульты требовали исключительна-
го принятія англійскихъ законовъ,
какъ гражданскихъ, такъ и уголов-
ныхъ. Ливингстонъ напомнилъ но-
вымъ обладателямъ страны, что, по
условіямъ трактата, Луизиана должна
участвовать во всѣхъ выгодахъ аме-
риканскаго союзу, не теряя соб-
ственныхъ привилегій, и сообраз-
но съ его предложеніемъ, рѣшено
было, что страна сохранить свои граж-
данскіе законы, но примѣять уголов-
ные законы англійскіе, далеко превос-

ходившіе къ, которыми Лувизанъ судилась при испанскомъ правительствѣ. Такимъ образомъ, благодаря Ливингстону, Лувизана сохранила свои обычаи и расширила свои права — два обстоятельства, которыми народъ весьма дорожитъ и на которыхъ охотно соглашается. Услуга Ливингстона осталась навсегда въ памяти страны.

Но прежнія законы Лувизанцы гражданскіе процессы не считались рѣшенію присяжныхъ, а какъ это считалось необходимымъ по американскому праву, то и нужно было ввести новую форму судопроизводства. Ливингстону поручена была этотъ трудъ, къ которому онъ былъ способенъ по своему искусству и по опытности. Дѣйствительно, Ливингстонъ составилъ правила процесса, которые могли служить образцомъ простоты и здраваго ума. Начало процесса, веденіе его, сужденіе и рѣшеніе гражданскихъ дѣлъ были опредѣлены съ бодшимъ искусствомъ. Ливингстонъ обратилъ главное вниманіе на сущность самихъ актовъ и устранилъ сложныя формы. Послѣдній, составлялъ лишь первую степень правосудія, могутъ своею медленностію обеспечивать справедливость только въ эпоху провозвела и насилія; но когда царствуетъ въ государствѣ одинъ законъ, то слѣдуетъ идти къ сущности дѣла прямымъ путемъ справедливости, а не извилистыми стезями формальностей. Въ такую пору сокращеніе времени процесса необходимо и служить къ скорѣйшему достиженію правосудія, точно какъ въ верномъ случаѣ продолжительность времени составляетъ путь болѣе валежный. Эту истину хорошо понялъ вървый и мыслящій умъ Ливингстона, и готову въ краткихъ, но существенныхъ правилахъ составленнаго имъ процесса, Ливингстонъ уклонился и отъ нескончаемой процедуры французскихъ законовъ, и отъ старинныхъ ендій англійскаго законодательства. Поставляя достиженіе истины своею цѣлю и руководясь вслѣдствіемъ взглядовъ, онъ составилъ прави-

ла, которыми упрощена была вся процедура процесса. Успѣвъ этой работѣ отличить ему въ послѣдствіи составленіи другого, болѣе обширнаго законодательнаго труда.

Ливингстонъ былъ однимъ изъ упродителемъ временнаго управленія въ Луизианѣ. Онъ собственнъ лицъ имѣлъ большое положеніе, но требованіе импрериальнаго правительства. Историки упоминаютъ въ трудахъ французскихъ юристовъ о уѣздѣ Моръ-Лизъ (Morcelislet) и Дербиннъ (Derbigny), которые собрали въ одно старинные гражданскіе законы Луизианы. «Пять лѣтъ законодательства», которое лавило было существованіемъ вице-короля Фомы, страна развилась весьма быстро. Со всѣхъ сторонъ приехали сюда новые поселенцы; дѣла тамъ неслѣдственно пионеровъ; пустынные пространства, раздѣлявшіе одно поселеніе отъ другого, обратились въ владѣніи новыхъ; ново-орлеанская власть наполняется судами, и суда эти, взожда ввремя по рѣкамъ, оказали торговому развитію края, уже обогатившаго земледѣльцевъ. Цѣна собственности возмалала, дѣластеро, и Ливингстонъ, возмалавшій славу и приобрѣвшій извѣстность какъ искуснаго адвоката въ Луизианѣ, легко вознаградила себя мепарнеемъ богатство, которое было принадлежало удаленію отъ родины.

Но если богатство и слава ввсего въ виду, то ово не составляло предмета его занятій; для ума и души Ливингстона нужна была лишь болѣе высокая родная, и онъ измалъ ее. Пролетая заниматься адвокатствомъ, для предпринять составленія болѣе важнаго уголовного законодательства, и ввредовалъ составу стариннаго законодательства.

Чтобы приготовить себя къ этому обширному труду, Ливингстонъ измалъ немалымъ существованіемъ въ разныхъ временахъ у различныхъ народовъ, и близко ознакомился съ различными учениями науки права. Читая Монтескьё, онъ утвердился въ собственнахъ мнѣніяхъ; Вольтеръ развелъ въ немъ воз-

одушительный язык. Божество образовалось, немая его, чрезвычайную способность; совершеннейшю усердию строили она въ умѣнн, составлять законы; а внимательное изученіе французскихъ законовъ образовало его законодательный слогъ.

Но превращеныя предположенія Линнхтона была основана на добрыхъ, при которомъ онъ долженъ былъ оставить на время манти, и вѣдѣть за оружіе. Въ 1812 году, Соединенныя Штаты, долги сдержанные со стороны Англіи свинны утверждать для свободной націи преобладанія, наконецъ рѣшились, при умѣ рѣдше, соединиться съ Франціею, на веденію свободы морей и пріятъ имъ разнѣныхъ слоговъ. Мужествомъ имъ разнѣныхъ борьбу въ продолженіи двухъ лѣтъ; но когда палъ Неполонъ въ 1814 году, они остались одни въ этой распрѣ и подвергнувшись нападению всѣхъ англійскихъ силъ. Страшная экспедиція готовилась противъ Луизианы: пятнадцать тысячъ отборнаго стараго войска, сражавшагося въ Португаліи и Испаніи подъ предводительствомъ Воллингтона, было послано на корабли и отправлено въ море, которая присоединена была послѣ всѣхъ къ американской федерации, и которую по этому называли Луизианскою легче другихъ отторгнуть; по крайней мѣрѣ, такъ думали объ Луизианѣ.

Местныя Орляны, которому при этомъ случаѣ грозилъ на началъ опасность, не выжили средства къ защитѣ. Правда, выходилъ на лѣвомъ берегу Миссисипи, онъ; казался, довольно обезпеченъ былъ оверни, которая образовала рѣку, в присыпаннымъ болотами, лежащими у устья Миссисипи; но городъ не имѣлъ ни укрѣпленій, ни войскъ; одна олъ могъ всадушить тысячу двѣсти человекъ. Поэтому приближеніе опасности привело его въ умѣнн. Жители никогда не бывали въ сраженіяхъ. Два года насланидалась она полною независимостію, имѣли уже самостоятельность, но не получили еще окончательнаго устройства. Изъ принадлежа-

ли правъ, столько правившихся ихъ сараду, но они не имѣли управленія, которое слывало бы граждану въ одно цѣло. Въ этомъ заключается важное неудобство демократическихъ государствъ, хотя, съ другой стороны, въ нихъ родится много энергическихъ людей, которыхъ одна мысль становится средствомъ къ устройству, и эти люди въ одно мгновеніе, силою характера, устанавливаютъ единство во власти и побуждаютъ всѣхъ содѣйствовать общими усиліями. Такого человека нашла Луизиана въ генералѣ Андрѣй Джексонѣ (*).

Получивъ отъ президента Медисона порученіе принять на себя въ настоящемъ случаѣ защиту Луизианы, Джексонъ не оставался нисколько и принялъ на себя эту трудную обязанность. Въ обильной приключеніями жизни своей, онъ призналъ не считать ничего невозможнымъ. Родители назначили его въ духовное званіе; самъ онъ пожелалъ сдѣлаться адвокатомъ, но истиннымъ призваніемъ его была война. Потому, хотя онъ, по распоряженію Вашингтона, и получилъ мѣсто генеральнаго прокурора въ Тенесси, хотя и участвовалъ въ конгрессѣ въ качествѣ законодателя, и потомъ былъ въ числѣ судилищъ судьей, однако онъ отличился наиболѣе на поприщѣ военномъ. 14-ти лѣтъ онъ сражался волонтеромъ въ войну за независимость Америки и былъ раненъ. Въ послѣдствіи, улекаясь потребностію дѣйствовать, пылестію своего характера и страстію къ приключеніямъ, Джексонъ переселился въ западныя владѣнія штатовъ и тамъ сдѣлался однимъ изъ вѣстическихъ цѣнеровъ, основанныхъ Тенесси. Предводительствуя милліею штатовъ въ войну 1812 года, онъ побѣдилъ Криксовъ и

(*) Дальнѣйшія подробности о генералѣ Джексонѣ и его дѣйствіяхъ наложены въ письмахъ М. Шевалье о Сѣверо-Америкѣ (Lettres sur l'Amérique du Nord, par M. Chevalier). Въ «Отечественныхъ Запискахъ» за октябрь 1846 года помѣщена его биографія.

выгнать Англичанъ изъ Пенсильваніи. Неунывающее мужество помогало ему счастливо избѣгать большихъ личныхъ опасностей; съ помощію его онъ успѣшно выполнялъ отважнѣйшія предпріятія и внушилъ къ себѣ неограниченное довѣріе согражданамъ. Онъ вѣрилъ, что межъ людьми, точно такъ же какъ и между государствами, тотъ сильнѣе другихъ, въ комъ воля сильнѣе и ярче.

Съ таинни расположеніями прибылъ Джексонъ въ Новый-Орлеанъ. Пятнадцать лѣтъ не видѣлся онъ съ другомъ своимъ Линингтономъ. Теперь онъ назвалъ его во главѣ составленнаго имъ комитета защиты, исполненнымъ рвенія и мужества. Джексонъ сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ. По взаимному согласію, они принимали всѣ мѣры къ отраженію непріятеля. Не сомнѣваясь, что, въ минуты опасности, единство власти необходимо, и что спасеніе страны еще неустроенной зависитъ отъ твердой воли одного лица, Андрей Джексонъ, бывъ демократомъ, сдѣлался диктаторомъ. Онъ объявилъ страну въ военномъ положеніи, остановилъ на время дѣйствіе habeas corpus и, спустя пѣкоторое время, запретилъ даже собираться законодательному совѣту. Всѣхъ гражданъ онъ призвалъ къ оружію, принялъ помощь, предложенную пиратами острова Баратарія, и заставилъ милиціи Тенесси и Кентукки исполнить, сколько возможно, подъ Новый-Орлеанъ. Энергіею своихъ распоряженій и хладнокровнымъ мужествомъ онъ внушилъ всѣмъ довѣріе, которымъ и самъ одушевлялся.

Въ продолженіе этой достопамятной кампаніи, Линингтонъ былъ ревностнымъ сотрудникомъ генерала Джексона. Онъ принималъ участіе во всѣхъ мѣрахъ и во всѣхъ успѣхахъ: сопровождалъ Джексона въ страшную ночь 23 декабря, когда Джексонъ разогналъ предпріятіе англійскаго авангарда и привудилъ его остановиться; помогалъ Джексоу въ устройствѣ укрѣпленій, которыя и были воздвигнуты въ двухъ мѣсяхъ отъ Нового Ор-

леана, между Болотами и рѣкою, гдѣ Американцы съ твердостью ожидали враговъ; былъ свидѣтелемъ двукратнаго, безполезнаго нападенія англійской арміи на эти на-скоро устроенныя укрѣпленія, которыя защищались артиллеріею небольшого числа пиратовъ и храбростію пяти тысячъ человекъ милиціи. Наконецъ, Линингтонъ участвовалъ 8 января 1815 года, въ день навсегда памятный въ дѣтоислехъ Луизианы, въ сраженіи, которое должно было рѣшить ея участь. Онъ видѣлъ, какъ старыя англійскія войска, молча и въ превосходномъ порядкѣ, шли на послѣдній приступъ; видѣлъ, какъ они, не смотря на быстроту движеній и холодное мужество, не успѣли подойти ко раю; подавъ прѣзываемые ядрами и картечью, они пали въ ту минуту, когда приближились на выстрѣлъ карабиновъ этихъ неустрашимыхъ западныхъ стрѣлковъ, которыхъ рука тверда, глазъ яростъ и выстрѣлы метки. Въ теченіе нѣсколькихъ минутъ, командиръ отряда, генералъ сиръ Эдвардъ Пеккенгамъ (Pakenham) былъ убитъ, генералы Жиббсъ (Gibbs) и Кинъ (Keane), пришедшіе послѣ него команду, были смертельно ранены; большая часть офицеровъ погибли отъ пуль; дѣтъ тысячи солдатъ легли на мѣстѣ; армія остановилась, дала знакъ къ отступленію, и Луизиана была спасена.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ и опасностяхъ этой войны, Линингтонъ принималъ благородное участіе: помогалъ Джексоу своими совѣтами, своею храбростію, своимъ перемъ; писалъ отъ имени Джексона прокламаціи и декреты, развозилъ приказанія, наконецъ, послѣ сраженія, успѣшно велъ переговоры о разнѣхъ плѣнныхъ, такъ-что послѣдствіемъ, когда американскій конгрессъ, въ знакъ благодарности за нѣ, поднесъ Джексоу медаль, выдѣланную въ память его побѣдъ, Джексонъ, обратясь къ Линингтону, сказала ему: «Подойдите и взгляните, что я получаю благодаря вашимъ пособіямъ».

По освобожденіи Луизианы и по за-

неніи гандснаго мира, Ливинг-
 стонъ привалса снова за преміи ево-
 гія, и предався шизъ съ такимъ
 оумъ и постоянствомъ, что, по исте-
 ни шѣсколькихъ лѣтъ, планъ ре-
 ны уголовныхъ законовъ былъ имъ
 ченъ. Желая ввести ее въ Луизи-
 онъ сдѣлалъ членомъ законода-
 наго собранія въ этомъ штатѣ, съ
 , чтобы исследовать ближе зако-
 рая и имѣть на нихъ вліяніе сво-
 голосомъ. Потомъ предложилъ
 измѣнить недостаточные законы,
 ствовавшіе до-тѣхъ-поръ въ Луи-
 зю и оскорблявшіе и неравныи
 слъ своею безпорядочностію, и че-
 чество своимъ варіанствомъ, и
 иведливостъ бытииъ несовершен-
 мь. Онъ убѣждалъ страну ввести
 бя другія постановленія, болѣе со-
 изныя съ разумомъ и правами въ-
 и основанныя на истинныхъ нача-
 лъ уголовного права. Выслушавъ
 ложенія Ливингстона, сенатъ и
 ата представителей Луизианы, въ
 децѣ за сѣданіи 20-го февраля 1820
 , опредѣлили назначить искусна-
 орисконсульта и поручить ему со-
 сненіе новаго кодекса. Кодексъ
 ѣ долженъ былъ, во-первыхъ, при-
 даніи преступленій, имѣть един-
 чною цѣлю предупрежденіе ихъ;
 торыхъ, долженъ былъ обозначить
 варушенія, преслѣдуемыя зако-
 ѣ, и каждое изъ нихъ опредѣлить
 исныхъ выраженіяхъ; въ-вторыхъ,
 гановитъ наказанія за каждое пре-
 сненіе, и при этомъ соразмѣрять
 ени наказанія со степенями вины;
 четврыхъ, установить ясныя пра-
 а объ очевидныхъ доказатель-
 ахъ, которыя признавались бы къ
 нымъ случаямъ и своею опредѣ-
 нностію устраняли ошибки со сто-
 ы слѣдователя и судящаго; въ-пя-
 ѣ, опредѣлить форму процесса са-
 простую, которая не сопряжена
 а бы съ медленностію въ произ-
 ствѣ дѣлъ; наконецъ, въ-шестыхъ,
 сдѣлать съ точностію всѣ обяза-
 ни служащихъ по администра-
 ной и судебной части, и тѣмъ

предупредить со стороны ихъ пресе-
 шеніе дачной ево власти, или же рас-
 ширивъ ея предѣлы въ тѣхъ случаяхъ,
 гдѣ это найдено будетъ нужнымъ.
 13-го февраля 1821 года, чоимъ общес-
 собраніе признало Ливингстона юри-
 консултомъ, способнымъ исполнить
 этотъ великій трудъ, и избрало его
 своимъ законодателемъ. Наконецъ, 24
 марта 1822 года, послѣ того, какъ пре-
 чено было превосходное доносеніе
 Ливингстона, въ которомъ онъ напо-
 жилъ всю свою систему, и которое
 поразило собраніе возвышенностію
 взглядовъ, обширностію сѣдѣній,
 любовью къ истинѣ и краснорѣчіемъ
 слога — предложенный планъ былъ
 одобренъ и собраніе въ декретѣ сво-
 емъ настоятельно убѣждало Ливинг-
 стона продолжать свою работу. Ли-
 вингстонъ дѣйствительно продолжалъ
 ее и съ полнымъ самоотверженіемъ
 занимался ею два года. Онъ обраца-
 ся къ практическому пересмотру зако-
 новъ самыхъ просвѣщенныхъ странъ,
 и къ сочиненіямъ ученыхъ и писателей;
 вошелъ въ переписку съ извѣстнѣи-
 шими криминалистами въ Европѣ, и
 черезъ два года кончилъ намслѣдокъ
 одно изъ самыхъ обширныхъ, самыхъ
 полныхъ и наиболѣе стройныхъ зако-
 нодательныхъ твореній, какия только
 производимы были умомъ человека.

Спрашивается: какіе успѣхи ума и
 усовершенствованія законовъ по ча-
 сти уголовного права сдѣланы были
 до Ливингстона, и въ какую пору онъ
 вступилъ на поприще законодатель-
 льства, раскрытое удами послѣдпа-
 го вѣка и расширенное собственною
 дѣятельностію этого замѣчательнаго
 человека?

Долгое время общество, не имѣя си-
 лы обуздывать преступленія, вышпи-
 валось въ дѣла этого рода для того
 только, чтобъ приписать частныя
 лица, а не для того, чтобъ ихъ нака-
 зывать. Въ это время весь способъ об-
 узданія состоялъ въ простомъ посред-
 ничествѣ между обидѣвшимъ и оби-
 женнымъ, и общество принуждено бы-
 ло глядѣть на преступленіе какъ на

войну, которую вознуждывали. Оно доушло до такого состояния: каждая провинція, по некоторой одной отлучившись от другихъ за свое преступленіе и другой провинціи продала свою вѣсть. Но, каждашій мало-по-малу ипозволяя своимъ такъ что могло само почитать преступленіе, обществу стало пресѣдовать ихъ и судить оныхъ скоро и шибко и на свой счетъ. Будучи однако еще грубыми и насильственными въ своемъ правосудіи, оно оцѣнило только право частной мести правомъ мести общественной. Жестокость перешла изъ право въ законы, и наказанія, налагаемыя правосудіемъ, ни чѣмъ не отличались отъ возмездія, и внутреннею страстію. Въ сдѣланіе того, названы были жестокии судьи пошлосердыи; процессъ веденъ былъ тайнѣ и не было предать къ защитѣ; пытка слушая допытательную дѣйствію при слабости; привазию, историчное мученіемъ, почиталось неосмысленнымъ обязательствомъ; не было никакой справедливости между наказаніемъ и преступленіемъ; тюрьмы были грязны и заражены вонючіемъ; казни; безчеловѣчны; безчестіе простиралось на семейство и даже на цѣлыя деревни; родственниковъ казненного, и притѣвляли преступленію и славилымъ. Тамъ было почти во всякія государствованія до половины ХVIII столѣтія.

Въ это время Монтескью сдѣлался органомъ болю справедливыхъ и болю челоуколюбивыхъ идей въ области уголовного права. Этотъ великій мыслитель тщательно опредѣлилъ различіе между общественными властями, и съ точностію отдѣлялъ власть, издающую законы, отъ власти оудящей. Она боролась противъ ослабленія вряжкого процесса и чрезмѣрной строгости наказаній, существовавшихъ доодъ; а также онъ приговаривалъ царю къ справедливости, независимости отъ постороннихъ для нея обстоятельствъ, возлѣ умѣренность въ наказаніяхъ и оспаривалъ дѣлу цинду преобразовательной права. Къ его школь

принадлежали Беккариа, Филанкири, Берантъ и Лератіе Бессонъ. Въ он развивая идеи Монтескью, или имъ гался дѣлать, въ революціи оспаривали и того, уеуду уголовному праву: Беккариа—авоние лодичелуными чувствозаніемъ, которые, пришедъ изъ вону, не охъ провозгласилъ иеръ невозможность челоукоубійства Филанкиери—силою своихъ идей. Свѣтъ—свою омытностію; Беккариа оспаривалъ строгостію своего закона! этой школь принадлежали также государя, которые въ XVIII вѣтѣ; явились преобразованіемъ уголовного заковоу; лавоніемъ, дѣ шей припадкамъ и составленіемъ французскихъ декретъ, которую предвидумъ дѣлать и реворну и оведъ въ законы рѣши пришедшихъ, публикованъ судорою воство, защиту, предъ оудомъ, поспешности въ наказаніяхъ и оти въхъ мученій, безчеловѣчныхъ въ мнзаваніи.

Въ то же время, какъ совершилъ этотъ переворотъ въ теоріи и въ практикѣ уголовного правосудія, готомлась еще другая реоріа, которая должна была составить дополненіе къ первой. Люди съ высочайшъ умомъ, сострадательнымъ сердцемъ, трупамъ несчастнымъ и увидѣвшимъ дѣла чловѣка положеніемъ, въ которомъ былъ повергаемъ преступникъ подлѣ своего осужденія; въ сдѣланіе доодъ великодушная мысль, оспаривать и зло преобразованіемъ тюрьмъ. Виланъ Виланъ XIV (Vilain XIV) въ Илеръ завлакъ, добродѣтельный Говертъ въ Англійи и канеры въ Пруссіи явились святымъ этому сдѣланію дѣлу. И тѣхъ поръ осужденныхъ стали раздѣлять по ихъ возрастанъ въ родъ преступленій, и подвергать ихъ къ молчанію и работѣ, или же уединительному заключенію. Цѣль тюрьмы стала дѣлать некого исправленія и воспитанія, гдѣ подлѣ страдъ наказанія быдшего прежде единственною дѣло закона, давались средства къ расшвию въ простудѣ и средство къ тому, чтобъ не повторять его больше. дѣ

и нравств'ныя, во сѣхъ вѣдѣніяхъ и наукъ оныхъ, обратилась къ общественной системѣ, въ которой шло дѣло о исправительной реформѣ. Направлена была къ тому, чтобы дѣлать на преступленія, какъ на не- и на виновныхъ, какъ на большіе, въ которыхъ будущее можно у- ить единениемъ, если они были счены ко злу силою страстей, — по- ными привычки можно исправить редствомъ труда, если виновные ли въ нихъ не правдою, — и освѣтить умъ, учениемъ, если не- вство было источникомъ преступле- . Въ сдѣланіе подобнаго улучше- ія, законъ, сдѣланный сначала из- сительнаго справедливости, сдѣла- потому изъ справедливаго человѣ- побыль: онъ не только наказывал яніе, но исправлялъ душу преступ- ка и доблялъ такимъ — образамъ тнѣ наказывать искусствомъ исцѣ- гь.

Ланкастонъ, продолжая труды сво- е предшественниковъ, обнялъ въ оемъ умѣ и помѣстилъ въ своемъ тво- реніи всю систему уголовныхъ зако- въ. — Начиная отъ первыхъ распорѣ- жій, которыми законодательство можно охранять общество, до оконча- льныхъ результатовъ, которыхъ оно можно достигать, исправляя преступ- ыхъ. Онъ раздѣлялъ свое твореніе на чтыре кодекса: кодексъ преступле- ія и наказаній (*code des crimes et des* *peines*); кодексъ судопроизводства (*code de procédure*); кодексъ очевидныхъ показательствъ (*code d'évidence*), и ко- дексъ исправленія и содержанія винов- ыхъ въ тюрьмахъ (*code de réformation et de discipline pour les prisons*). Заглавіе гихъ кодексовъ, изъ которыхъ важ- ный составляетъ обширное твореніе и каждый имѣетъ большое вѣденіе, го- орить объ ихъ содержаніи и показы- аеть, съ какими логическими взгля- омъ Ланкастонъ раздѣлялъ свое о- чпленіе. Кодексъ преступленій и наказаній опредѣляетъ съ ясностью и очностью всѣ государственныя пре- ступленія: противъ государства, вер-

ковной власти и развращеннаго управле- ній, противъ общественнаго спокой- ствія, государственныхъ доходовъ, внутренней и внешней торговли, про- тивъ установленной правительствомъ монеты, противъ свободы печатанія, общественнаго здоровья, нравственности и общественной собственности, про- тивъ постановленій о большихъ доро- гахъ, противъ отравленія церковнаго богослуженія; — затѣмъ въ кодексѣ опредѣлены всѣ частныя преступле- нія противъ отдѣльныхъ лицъ: про- тивъ ихъ личности; добраго имени, ихъ правъ государственннхъ и граж- данскихъ, противъ ихъ заматій, ре- шенія и собственности. Въ гдѣхъ же пре- ступленіяхъ опредѣляются и наказа- нія въ каждый родъ преступленія, со- образно съ свойствомъ причиненнаго вреда или убытка и со степенью злого умысла. Въ этомъ двойномъ трудѣ Ланкастонъ показалъ себя тѣмъ же наблюдателемъ, ученикомъ и глубокимъ криминалистомъ. Слѣдуя великимъ идеямъ справедливости и человѣче- ства, которыя возникли въ послѣднее столѣтіе, Ланкастонъ смѣталъ: отъ тѣхъ имѣлъ въ виду высшія права и практической взглядъ, который ок- личаются французскіе кодексы, а раз- но и то личное обезличеніе, которое ан- глійскіе законы доставляютъ каждому отдѣльному лицу. Все это онъ прило- жилъ къ своему творенію, принявшись, безъ сомнѣнія, къ особенностямъ и по- требностямъ своей страны.

Но въ своемъ кодексѣ Ланка- стонъ не даетъ мѣста тѣмъ наказа- ніямъ, которыя обращены единственно на тѣло, и которыя поддерживаютъ и даже усиливаютъ въ душѣ ея нрав- ственный ужалокъ. Онъ не допускаетъ ни наказанія плетями, употребленна- го въ его странѣ во многихъ случа- яхъ, ни оковъ или напѣшиваемыхъ на преступника и деръ, которыя употреб- ляются, на-прим., во Франціи, на пуб- личныхъ выставленіяхъ преступника, ко- торыя могутъ только смѣстачать на- казываемаго и развращать зрителей. Ланкастонъ не допускаетъ также и

наложенія влѣить, которыя оставляютъ на виновномъ какъ-бы вѣчное безчестіе, даже послѣ того, какъ онъ искупилъ свое преступленіе и заслужилъ прощеніе, и которыя почти-не-вольно побуждаютъ его къ повторенію злодѣянія. Равнымъ образомъ Ливингстонъ былъ противникомъ и смертной казни... Впрочемъ, онъ не вовсе отказываетъ обществу въ правѣ отнимать жизнь у тѣхъ, которые открыто возстаютъ противъ общества; но оставляетъ это право единственно въ минуту нападенія. Какъ же скоро употреблена необходимая оборона и возмутитель арестованъ, то, по мнѣнію Ливингстона, общество не должно уже лишать его жизни, не имѣя въ томъ и нужды. Со смертною казнію неразлучно, во-первыхъ, несовершенство человѣческаго правосудія, и потому отвѣтственность за всякую невольную ошибку должна падать, по мнѣнію Ливингстона, не на судью, который обвиняетъ до наружныхъ обстоятельствамъ, но на законодателя, которому не безизвѣстно, что эти наружныя обстоятельства могутъ иногда вводить въ заблужденіе;—во-вторыхъ, примѣръ казни недействителенъ, и, по мнѣнію Ливингстона, всегда болѣе побуждаетъ къ преступленію зрѣлищемъ крови и увлеченіемъ къ подражанію, нежели отвращаетъ отъ преступленій внушаемымъ страхомъ;—въ-третьихъ, зрѣлище это ужасно: вѣсь приносится въ кровавую жертву существу, исполненное силъ, и при возможности сдѣлать ошибку, не справляясь, приготовлена ли отягченная и ожесточенная душа казнимого убійцы, захваченная во вѣль, приготовлена ли она къ великому переходу отъ жизни къ смерти. Все это вмѣстѣ внушало Ливингстону неодолимое отвращеніе къ смертной казни и потому онъ исключилъ ее изъ своего кодекса.

Въ чемъ же состоитъ наказаніе, предписываемыя его кодексомъ? Они подраздѣляются на многіе виды и всѣ обращены къ тому, чтобъ, наказывая преступника, исправить его; поэтому

они должны дѣйствовать на его душу болѣе, нежели на тѣло. Такимъ образомъ, заключеніе простое и соединенное съ работами, или же заключеніе уединенное назначаются за различныя виды проступковъ и преступленій, видоизмѣняются сообразно различнымъ степенямъ нравственнаго пороченія виновнаго лица. Назначенная система Ливингстона есть, следовательно, система исправительная (système pénitentiaire). Она занимаетъ средину между двумя наиболѣе известными системами тюремнаго заключенія, Аубурискою и Филадельфійскою, которыя сдѣлались предметомъ всеобщаго наученія и изъ которыхъ первая заключается на ночь заключенныхъ, днемъ, распредѣливъ ихъ на разряды, заставляетъ работать вмѣстѣ, но съ соблюденіемъ молчанія;— вторая система помѣщаетъ заключенныхъ днемъ и ночью въ уединеніе, разлучаетъ ихъ совершенно и заставляетъ трудиться въ одиночествѣ. Ливингстонъ избралъ смѣшанный способъ въ которомъ соединяются выгоды и стороны обѣихъ системъ и удаляются ихъ неудобства. Такимъ образомъ, онъ подвергаетъ преступника заключенію и заставляетъ его лишеніемъ свободы, которую преступникъ употребилъ во зло, искупить свою вину; съ этою цѣлію Ливингстонъ помѣщаетъ его въ уединеніе, желая довести его до размышленія; позволяетъ ему работать для того, чтобъ онъ имѣлъ какое-нибудь занятіе и предохранилъ себя на будущее время отъ празности и блѣдности, равне ведущихъ къ преступленію;—наконецъ, Ливингстонъ предоставляетъ преступнику средства къ умственному и нравственному образованію, которое должно дать ему самъ впередъ вести себя лучше. Воспитательно и съ большою точностью сдѣлываетъ Ливингстонъ одиночество трудомъ, наставленіе уединеніемъ съ получаемымъ всеобщемъ съ другимъ, и дѣлаетъ это не прибѣгая къ наказанію и не боясь развращенія. Систему Ливингстона можно назвать похвалою. Онъ

бнимаютъ арестантскіе дома для лицъ, захваченныхъ до совершения преступленія; во-вторыхъ — исправительные дома для осужденныхъ за какое-нибудь преступленіе, но недолгихъ возрастъ, и такіе же дома для лицъ, имѣющихъ большее число лѣтъ; наконецъ, омы приобщенія и трудолюбія для преступниковъ освобожденныхъ. Такимъ-образомъ, мы видимъ здѣсь охранительныя заведенія, въ которыхъ захваченное лицо находится подъ строгю во власти закона; во-вторыхъ, видимъ какъ-бы наказательныя госпитали, въ которыхъ, во имя закона, лежатъ правдивно-больные; затѣмъ ходимъ дома для выздоравливающихъ, въ которыхъ эти послѣдніе переходятъ отъ состоянія болѣзни къ нравственному здоровью — въ тюрьму въ общество.

Но все ли въ системѣ Ливингстона имѣетъ справедливость, кротость, благоволеніе, и все ли въ ней обѣщаетъ дѣйствительный успѣхъ? На то почти можно отвѣчать утвердительно. Но есть многія законоположенія, на которыя можно сдѣлать весьма важныя возраженія, и которыя можно было бы даже назвать слишкомъ-жестокими и жестокими, не смотря на благоразуміе и любовь къ человѣчеству, которыми Ливингстонъ руководился при ихъ составленіи. Не входя въ длинный и великій споръ о принятіи или уничтоженіи смертной казни, можно предложить вопросъ: не подвергаютъ ли самъ Ливингстонъ преступниковъ, осуждаемыхъ по многимъ законамъ на смертную казнь — казни болѣе жестокой? Не удаляется ли онъ въ отношеніи къ нимъ отъ собственной системы, говоря, на-прим., слѣдующее: «Исправленіе, преобразование этихъ преступниковъ входитъ въ ихъ моральное леченіе не болѣе, какъ только оно можетъ быть употреблено въ отношеніи къ каждому отдѣльному индивиду. Исгнавъ ихъ навсегда изъ гражданскаго общества, законъ не придаетъ возможнымъ употребить ихъ

съ-этихъ-поръ для какой-либо цѣли. Оставаясь равнодушнымъ къ образу ихъ жизни на будущее время, законъ, для собственной своей пользы, заботится единственно о томъ, чтобъ сдѣлать ихъ способными примириться съ небытѣ, потому-что, избѣгая смертной казни, онъ не желаетъ убивать ихъ душу». Въ-самомъ-дѣлѣ, подобныя преступники, будучи заключены на всю жизнь въ тѣсномъ и мрачномъ пространствѣ, умирая для свѣта, въ который не могутъ возвратиться, потому-что не въ правѣ ожидать прощенія; отчужденные отъ своихъ семействъ, которыя дѣлать межъ собою ихъ нищество; подвергаемые по-временамъ, въ-продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, совершенному одиночеству и неспособному бездѣйствію; лишенные возможности дышать чистымъ воздухомъ или видѣть солнечные лучи, погребенные живо въ своей келліи, какъ въ могилѣ, на которой уже можно прочесть ихъ эпитафію — такіе преступники не подвергаются ли болѣе жестокой казни, нежели тѣ, которымъ жизнь не оставляется на такихъ тяжелыхъ условіяхъ? Нѣтъ ли здѣсь основательныхъ причинъ опасаться, что ихъ разумъ изнеможетъ и душа ихъ, которую хотятъ спасти, впадетъ въ отчаяніе? Если не слѣдуетъ убивать тѣло, тѣмъ менѣе позволительно убивать духъ: лучше умереть, нежели потерять разумъ. Поэтому, подобныя наказанія также превышаютъ права общества и представляются намъ въ системѣ Ливингстона нѣкоторою неослѣдовательностію; онъ, желая преобразовать преступника и не допуская казней невозвратимыхъ, не долженъ былъ допускать и казней скончаемыхъ.

Признавая въ этомъ случаѣ, что наказанія, предлагаемыя Ливингстономъ, угрожаютъ разуму человека, мы можемъ сдѣлать еще одинъ вопросъ: руководствовался ли онъ въ другихъ случаяхъ благоразуміемъ, умѣренностію и вѣрною идеею справедливости? При этомъ не можемъ не замѣтить, что стремленіе къ опытамъ и открытіямъ

бранистою системою управленія. Ливингстонъ въ тотъ же день принялся нова за трудъ, а именно пошелъ въ два ола его поделокъ, совершенно-пероделавши, а именно въ томъ видѣ, какъ и въ его шпонахъ (*). При этомъ мы можемъ поумилиться неосторожью даже сизъ ма, съ помощью которой Ливингстонъ овершилъ новый трудъ, сколько сизъ ма, которую надо было имѣть, чтобы читать его слова.

Подвизаясь своей системою законовъ, Ливингстонъ убоиоутилъ свою славу въ отечествѣ и сдѣлался извѣстенъ въ глгозь шпрѣ. Врассиие права его колекъ въ основаніе своего законодательства. Республика Гвятинала приняла его законы. На четвертой землѣ стараго свѣта, гдѣ лучше могли судить о делугахъ ума и оцѣнѣ достоинства законовъ, Ливингстонъ былъ осмызавъ свободнымъ похвалами. Въ Европѣ его причислили къ законодателямъ-энкло-оламъ, а Парижская Академія, вскопѣ по восстановленіи своемъ, въ знакъ уваженія, избрала его въ число пяти иностранцевъ, которые могутъ быть и членами; такимъ-образомъ, Ливинг-тонъ, вмѣстѣ съ соотечественникомъ своимъ Томасомъ Джеферсономъ, раздѣлялъ честь принадлежать къ Парижскому Институту нравственныхъ и Политическихъ Наукъ.

Американскій конгрессъ, удивляясь юностиаиъ кодене, составленнаго имъ Ливингтономъ, поручилъ Ливингтону оставить специальный кодексъ для всѣхъ федеральныхъ судимницъ въ Соединенныхъ-Штатахъ. Суды эти имѣли цѣлю разбирать преступленія противъ правительства и правъ союза. Для нихъ-то Ливингтонъ, испольвалъ

требованіе отечества, составилъ; это обрису ибравго кодекса и по-тѣмъ же плану, только съ нѣкоторыми важными ипнии, обширную систему законовъ, ко нарушеніи правъ гражданско-общественныхъ собраний и выборовъ, о нарушении предѣловъ власти, о злоупотребленіи, злоупотребленіи, злоупотребленіи работъ, войнѣ и правѣ карежежъ. Онъ опредѣлилъ характеръ преступленій по каждому изъ этихъ предѣловъ, установилъ порядки процессуальныя, и назначилъ наказанія. Въ этомъ кодексѣ кодексѣ, на-ряду съ потребностями государственными, предоставляеюся намъ великодушныя чувствованія и любовь къ человечеству; на-ряду съ государственными правами, право широкое; здѣсь въ первый разъ мы видимъ, что въ законахъ одной нации введена часть ла общаго правосудія, который дасихъ-воръ оставилъ у шпривовъ только въ видѣ обычая; не-всегда же блюдавшихся;—все это имѣетъ цѣлю честь философскому уму Ливингтона. Система наказательныхъ законовъ, составленная имъ для Луизианы, и эта вторая система, называвшаяся Судимничныхъ-Штатовъ, вообще, даюти Ливингтону несопоримое право на признательность отечества и на похвалу шпривовъ.

Окончивъ эти обширные труды, Ливингтонъ посвятилъ остальные дни жизни политикѣ. Онъ былъ членомъ сената въ то время, когда другъ его генералъ Джексонъ, былъ избранъ президентомъ Соединенныхъ Штатовъ. Сначала Ливингтонъ отказывался отъ высшихъ должностей, которыя ему были предложены, но наконецъ кризисъ, угрожающій нации, онъ принялъ важную должность государственнаго секретаря. Въ это время сдѣверные и южные штаты всегдѣ-важно были въ раздѣленіи: первые почти исключительно занимались индустриями, вторые владѣли полями; имѣли различные интересы, они раздѣлялись и въ словѣхъ мѣстныхъ законодательствъ на иностранные товары. Джексонъ обещалъ сдѣлать

(*). Эта система законовъ о наказаніяхъ, состоящая изъ четырехъ кодексовъ, одной книги различныхъ опредѣленій и изъ введній къ каждому кодексу, писана на англійскомъ языкѣ и переведена на французскій Жюльемъ д'Авезаномъ (Jules d'Avellan), президентомъ ново-орлеанской коллегии.

ывались полубумажные, полшерстяныя матеріи, сукна, кожа, обувь, мѣбели, и т. д. Чтобы защитить эти мануфактуры отъ соперничества англійской торговли, а также и въ видахъ государственныхъ доходовъ, въ различное время, какъ, на-примѣръ, въ 1816, 1818, 1824 и 1828 годахъ, издаваемы были болѣе и болѣе стѣснительныя положенія относительно привозныхъ товаровъ. Въ 1832 году, по жалобамъ южныхъ штатовъ, таможенный тарифъ былъ пересмотрѣнъ; но сдѣланныя въ немъ перемѣны были такъ незначительны, что жалобы возобновились и стали сильнѣе прежнихъ. Въ октябрѣ 1832 года, законодательный совѣтъ Южной - Каролины созвалъ представителей своего штата рѣшить, какія мѣры принять относительно таможенныхъ постановленій конгресса, какіе законы издать, по этому предмету, на будущее время, и какъ поступить въ случаѣ несогласія федеральнаго правительства. Въ засѣданіи 19-го ноября собраніе составило актъ, который долженъ былъ получить обязательную сумму съ 1-го февраля 1833 года, если конгрессъ не понизитъ тарифа, и въ которомъ сказано было, что разнѣмныя постановленія конгресса относительно таможенъ, а именно, 10-го мая 1828 и 14-го іюля 1832 года, не могли быть изданы по смыслу условій федеральнаго союза, что они нарушаютъ эти условія и потому отменяются. Этою декларациею Южная-Каролина первая подала сигналъ къ возстанію, и затѣмъ вооружила свою милицію. Прочіе южные штаты, каковы, на-примѣръ, Виргинія и Георгія, принимая живое участіе въ этомъ дѣлѣ, оставались въ ожиданіи, какой ходъ получитъ возстаніе Каролины. Начинали говорить объ отдѣльномъ соединеніи всѣхъ южныхъ штатовъ. Союзу грозила опасность, страшная для всѣхъ федераліи, — онъ готовъ былъ распадаться и внимательно занялся настоящимъ положеніемъ дѣла. Впрочемъ, чтобы усилить объ противныя пар-

тін, нельзя было предпринять ничего рѣшительнаго до наступленія этого срока. 1-го февраля 1833 года. Между-тѣмъ, Южная-Каролина и ея герцогство ожидала этого срока и; сохраняя свое вооруженное положеніе, оставила дѣйствовать прежнія постановленія о таможеняхъ. Президентъ Джексонъ, съ своей стороны, сдѣлавъ всевозможное въ патриотичну южныхъ штатовъ, приказалъ сдѣлать военныя приготовленія, чтобы, въ случаѣ нужды, поддержать законъ оляко. Въ этомъ заступительномъ положеніи; Линн-стонъ склонилъ Джексона къ истребленію болѣе кроткимъ и помочь ему своимъ краснорѣчіемъ. Онъ содѣлалъ обѣимъ сторонамъ примириться; и заключилъ прекрасную, третейскую и исполненную патриотизма прокламацию, которая много содѣйствовала къ отбращенію разрыва между штатами американскаго союза. Между-тѣмъ, по предложенію Клея (Cley) составлены новыя таможенныя правила, которыми тарифъ былъ значительно пониженъ; но пониженіе это рѣшено было исполнено постепенно въ-теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Этою восстановлено было доброе согласіе между штатами, и дѣло рѣшено третейскимъ судомъ. ...

Но если въ этомъ происшествіи такъ видимъ, съ какими благоразуміемъ поступилъ Линн-стонъ, то нѣсколько позже онъ не обнаружилъ того же достоинства; мы хотимъ сказать о томъ случаѣ, когда онъ отправленъ былъ посланникомъ во Францію, съ порученіемъ настоять отъ имени штатовъ о взысканіи 25-ти милліоновъ, которые Франція по трактату должна была Соединеннымъ Штатамъ своимъ и въ тотъ же годъ не оказалъ уваженія къ той нелицеприятности, которая бываетъ иногда необходима, и въ качествѣ дипломата не имѣвалъ ни ловкости, ни миролюбія, которыми отличился въ государственномъ управленіи. Переписка Линн-стона по предмету его порученія, опубликованная въ Америкѣ, доказываетъ, что онъ самъ собою не имѣлъ на совѣсти, съ своимъ по-

ходнымъ утѣренность въ поступкахъ и терпѣніе, и, во-вторыхъ, что онъ не воспользовался старинною дружбою съ генераломъ Джасономъ, чтобъ удержать его отъ выражений и изыка, непримиримыхъ между двумя дружественными государствами, особливо, если вспомнить, что Франція имѣла право на признательность американскаго союза.

Исполнивъ свое порученіе, Ливингстонъ не прожилъ долго. Возвратясь въ Америку, онъ удалился въ свое имѣніе, въ Монтомери, на берега гудзонскіе. Тамъ нѣсколько мѣсяцевъ провелъ онъ въ мирныхъ удовольствіяхъ и занимался земледѣліемъ; но скоро заболѣлъ опасно. Въ послѣднія минуты жизни при немъ находились его жена и дочь, къ которымъ онъ питалъ самыя нѣжныя чувства. Смерть свою встрѣтилъ онъ спокойно и твердо; умеръ 25-го мая 1836 года, въ день и даже въ часъ своего рожденія.

Сограждане съ чувствомъ приняли вѣстіе о смерти Ливингстона, который украсилъ отечество своими трудами. Гватимала, принявшая его ко-ротекъ и по имени Ливингстона назвавшая свой городъ, назначила трехдневный общественный трауръ. Ливингстонъ заслужилъ это сожалѣніе и ту честь. Люди, подобные ему, вездѣ такіе; тѣмъ болѣе въ Америкѣ, въ той юной землѣ, болѣе благопріятной для развитія характеровъ, нежели для истиннаго образованія, въ странѣ, дающей сильныхъ мореходцевъ, предприимчивыхъ колонястовъ, неутомимыхъ изслѣдователей, но мало производящей тѣхъ дивныхъ людей, по-видимому, правдивыхъ, которые пре-аются наблюденіемъ надъ природою общества, подмѣчаютъ ихъ тайны и законы, и потомъ сообщаютъ ихъ всѣмъ тѣмъ изъ своихъ собратьевъ, кому заботы о жизненныхъ потребностяхъ не даютъ времени ихъ за-бывать.

Со смертію Ливингстона, Америка потеряла оди-нъ изъ могучихъ умовъ; приискада Академія лишилась въ

немъ одного изъ самыхъ блестящихъ сочленовъ, а человечество утратило одного изъ ревностнѣйшихъ своихъ благотворителей.

СТРАНСТВОВАНІЯ

ПОРТУГАЛЬЦА ФЕРНАНА-МЕНДЕЗО ПИНТО,

описанныя имъ-самимъ.

(Peregrinacões de Fernão-Mendez Pinto).

(Переводъ съ стариннаго португальскаго языка.)

(Продолженіе.)

I.

Приготовившись къ походу, Антонио де-Фарія вышелъ изъ Патани въ субботу 9 мая 1540 года и направилъ путь къ сѣверо-востоку. На другой день плаванія увидѣли мы островъ, называемый Пуло-Коядоръ, который находится на юго-востоку отъ мыса Камбоджи. Обойдя его кругомъ, мы нашли хорошее якорное мѣсто, гдѣ стояла джонка, отправлявшаяся въ Сіамъ съ посланникомъ Наутанима Лицау, короля острова Тоа (*). Увидя насъ, она тотчасъ вступила подъ паруса и Антонио де-Фарія отправилъ на нее своего китайца-лоцмана, съ привѣтствіями къ посланнику и утѣреніями въ желаніи ненарушимой дружбы между португальцами и его государемъ. Посланикъ велѣлъ лоцману выразить Антонио де-Фарію надежду свою, что со временемъ народъ его сойдется съ нами и оба будутъ жить въ святой дружбѣ, завѣщанной людямъ Богомъ, безкощечно - милосерднымъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ прислалъ въ подарокъ Фарію богатую саблю съ водотычи нож-

(* Тоа главный городъ на островѣ Сикокъ, одномъ изъ составляющихъ Японскую Имперію. Прим. перевод.

наше и восемь, и двадцать - шесть крупинка жемчужинъ въ золотой корбочкѣ, обдѣланной въ видѣ солонки.

Антонио де-Фариа былъ очень огорченъ тѣмъ, что не могъ отплатить посланнику подаркомъ за подарокъ и увидѣться съ нимъ лично, ибо джонка его была уже далеко, когда возвратилась наша Китаецъ-лоцманъ.

Мы съѣхали на этотъ островъ Пуло-Кондеръ и простояли у него трие сутокъ, наливаясь водою и закидывая неводъ, въ который попадалось каждый день множество рыбы. Мы сваряжались въ Патани съ большою торопливостью, и не успѣли запасись всѣмъ, что намъ было нужно для экспедиція, а потому Антонио де-Фариа рѣшился поподнить своимъ запасъ честнымъ грабежемъ, гдѣ будетъ возможно, и добыть себѣ такимъ образомомъ пороку, провизии и другихъ снарядовъ. Намѣреніе его было пройти вдоль берега королевства Чампоа, что подлѣ Камбоджи, осмотрѣть тамъ порты и якорныя мѣста, а также, если встрѣтитя случай, наложить руки на суда, съ которыхъ мы могли бы взять то, въ чемъ чувствовали недостатокъ.

По прошествіи трехъ сутокъ мы свлялись съ якоря и направились къ твердой землѣ, пріѣдя на видъ которой стали искать входа въ рѣку Пуло-Конбинъ, отдѣляющую владѣнія Камбоджи отъ королевства Чампоа. Мы прибыли туда въ воскресенье, въ послѣдній день мая, и лоцманъ поставилъ насъ на якорь луги на три внутри, противъ большаго селенія Катимпару.

Тамъ мы простояли дружелюбно и мирно двѣнадцать дней и запаслись всѣмъ, что намъ было нужно. Антонио де-Фариа, человекъ отъ природы весьма-любовательный, усердно разспрашивалъ жителей о томъ, какіе народы обитаютъ внутри этой земли и откуда вытекаетъ большая рѣка, въ которой мы стояли. Они отвѣчали, что рѣка выхдитъ изъ большаго озера, отстоящаго отъ моря лугъ на двѣсти-шесть-десять миль, и что она течетъ высокою

горами, у подошвы которыхъ, подъ воды, тридцать-восемь селеній, что одному изъ этихъ селеній, Шинкляе богатѣйшій золотой рудникъ, изъ котораго ежедневно добываютъ полтора багара золота, что на наши деньги составляетъ шильйоновъ на двѣдцать годъ. Мѣсто это принадлежитъ тѣмъ ремъ владѣльцамъ, которые надъ жале несли багренесанно возюмъ между собою. По расчету Фариа, еслибы тутъ послать человѣка триста Португальцевъ, съ сотнею пиддалемъ, то безъ излѣннаго сѣмѣнья можно было бы безъ труда овладѣть всѣмъ, что тамъ есть. А въ другомъ изъ этихъ селеній выхдитъ множество алмазовъ и другихъ драгоценныхъ камней, которыхъ стоимость выше добываемыхъ въ Ласъ и Танжанпурѣ.

Выйдя изъ рѣки Пуло-Камбинъ, мы шли вдоль берега королевства Чампоа до большаго залива, въ которомъ блико не нашли ничего, на что можно было бы наложить руку, а потому мы не остались тамъ, а отправились далѣе и на другое утро подошли къ рѣкѣ Тобасой. Антонио де-Фариа сталъ на якорь у входа въ нее, потому что лоцманъ не рѣшался вести насъ въ рѣку, увѣряя, что онъ никогда тамъ не бывалъ и не знаетъ, какъ она глубока.

Пока мы разсуждали между собою, мати ли въ рѣку или нѣтъ, повалилось большое судно, шедшее съ юга. Мы тотчасъ же приготовились, какъ слѣдуетъ, принять его, и когда оно прошло вдоль нашего борта, крики ствовали его по обычаю африканскихъ рей своимъ флагомъ; но тѣ, видѣвъ учтиваго отвѣта, разглядѣвъ, что это Португальцы, которыхъ они, вѣроятно, не любятъ, поставили на ютъ голуба Кафра, который обернулся къ намъ спиною и наклонился, а потомъ, съ величественными словами, крикомъ, свистомъ и хохотомъ, они принялись стучать и стучать въ барабаны и слово роды. Такая наглая дерзость сильно оскорбила Антонио де-Фарию и онъ велѣлъ выстрѣлить по нимъ изъ пушекъ, чтобъ научить ихъ учтивости.

Это, однако, не убило ихъ, потому-что они отвѣчали на нашъ выстрѣлъ за-помъ изъ пяти единороговъ и трехъ фалконетовъ, чѣмъ значительно насъ озадачили.

Антоніо де-Фаріа созвалъ на совѣтъ опытныхъ и смѣлѣйшихъ, что такъ-какъ уже сомнѣвъ, то лучше всего остаться на якорѣ на своемъ якорѣ, ибо опасно нападать на эту сомнительное судно; а за тѣмъ, когда мы рассмотрѣли, какъ непріятель силою и что это за люди, можно будетъ дѣйствовать сообразно съ обстоятельствами. Въ слѣдствіе этого, разставивъ часовыхъ и глядя вокругъ себя съ величайшею бдительностью, мы стали дожидаться разсвѣта.

Часа въ два послѣ полуночи, показались на горизонтѣ съ моря три черныя пятна, наравнѣ съ водою. Мы тотчасъ же показали ихъ капитану, который дремалъ на ютѣ, и онъ, всмотрѣвшись попристальнѣе, закричалъ: «Къ оружію!» Въ одинъ мигъ всѣ поднялись на ноги и приготовились къ бою. Вскорѣ обозначилось довольноясно, что эти предметы гребныя суда, которыя правятъ прямо на насъ. Антоніо де-Фаріа разставилъ всѣхъ по мѣстамъ, и сказалъ намъ: «Сеньоры и братья мои, разбойникъ этотъ намъ-речь напасть на насъ. Мнѣ кажется, что это вчерашніе неучи, потому-что съ берега, по-видимому, нѣкому прийдти. Они, вѣроятно, воображаютъ, что насъ здѣсь человекъ шесть или семь Португальцевъ, какъ обыкновенно бываегъ на купеческихъ судахъ. Намъ, при помощи Христа, предстоитъ дѣло, отъ котораго можно ожидать пользы. Слушайте же: пританьтесь всѣ, чтобъ они снаружи не видѣли ни одного человека — тогда мы узнаемъ чего они отъ насъ хотятъ; а между-тѣмъ, чтобъ огнестрѣльное и холодное оружіе было у насъ наготовѣ; но фитили скрыть хорошенько, иначе они увидятъ огонь — пусть они воображаютъ, что мы спимъ и не подозрѣваемъ ихъ намѣренія.»

Благоразумное приказаніе Антоніо де-Фаріа было исполнено въ точности. Три большія лодки приближились къ намъ на полетъ стрѣлы, обошли насъ кругомъ, потомъ, подержавшись на веслахъ и посоветовавшись тихонько между собою съ четверть часа, онѣ раздѣлились: двѣ, которыя были поменьше, направились къ нашей кортѣ, а большая, съ главною стюкою нападующихъ, пошла къ правому борту. Приставъ къ намъ, всѣ люди высочили на нашу палубу съ величайшею поспѣшностью, и меньше чѣмъ въ одинъ credo, ихъ набралось у насъ человекъ сорокъ. Тогда Антоніо де-Фаріа вышелъ изъ засады изъ-подъ юта съ сорока Португальцами: призывая на помощь св. Іакова, они ринулись на оторопѣвшихъ враговъ съ такою стремительностью, что въ нѣсколько мгновеній положили почти всѣхъ на мѣсть; потомъ, нѣсколько огневыхъ снарядовъ, брошенныхъ на ихъ лодки, произвели тамъ паническій страхъ, отъ котораго всѣ бывшіе на нихъ побросались въ море, стараясь добраться влѣвъ до берега, а наши, соскочивъ на своемъ шлюпки, вытащили изъ воды человекъ пять и привезли къ борту оставленныя непріятелемъ лодки. Такимъ-образомъ, по милосердію Господа, все кончилось для насъ совершенно-благополучно.

Въ числѣ вытщенныхъ изъ воды непріятелей былъ тотъ самый Кафръ, который показывалъ себя намъ съ такой неприличной стороны; остальные были Турокъ, два Ачемца и самъ капитанъ джонки, по имени Симилау, страшный разбойникъ и непримиримый врагъ Португальцевъ. Антоніо де-Фаріа велѣлъ тотчасъ же подвергнуть ихъ пыткамъ, чтобъ дознаться что это за люди, откуда они пришли и чего имъ отъ насъ было нужно.

Ачемцы и Турокъ давали самыя безтолковыя отвѣты; когда очередь пытки дошла до Кафра, онъ съ плачемъ и стономъ сталъ умолять, чтобъ его не мучили, что онъ такой же христіанинъ, какъ и мы, и что онъ ска-

жетъ всю правду безъ пытки. Антонию де-Фаріа тотчасъ же велѣлъ развязать его, отвелъ въ сторону и далъ съѣсть кусокъ сухара и выпить глотокъ вина; потомъ, успокоивъ бѣдняка ласковыми словами, совѣтовалъ разсказать всю истину, по долгу христіанина.

«Имя мое Бастіанъ», отвѣчалъ Кафрѣ: «я былъ невольникомъ Гаспара де-Мелло, котораго этотъ песнь, связанный здѣсь, убилъ два года тому назадъ въ Лямпу, вмѣстѣ съ бывшими съ нимъ на суднѣ двадцатью-шестью Португальцами». Антонию Фаріа вскрикнулъ отъ изумленія: — Та, та, та! Я больше и знать не хочу — такъ эта собака тотъ самый Симилау, который убилъ твоего господина? — Тотъ самый, сеньйоръ; онъ хотѣлъ теперь сдѣлать то же самое и съ вашею милостью, воображая, что васъ, Португальцевъ, всего человекъ шесть или семь. Для этого онъ такъ и поторопился; онъ говорилъ, что заберетъ всѣхъ васъ руками и вышибетъ вамъ изъ головы мозгъ вострымъ коломъ, какъ онъ сдѣлалъ съ моимъ несчастнымъ господиномъ». Сообразивъ это и сдѣлавъ Кафру еще нѣсколько вопросовъ, Антонию де-Фаріа, узнавъ, что на джонкѣ осталось только человекъ сорокъ китайскихъ матросовъ, ибо всѣхъ военныхъ людей Симилау забралъ съ собою на лодки для нападенія на насъ, рѣшился немедленно овладѣть ею.

Приказавъ напередъ предать Симилау и бывшихъ съ нимъ Ачемцевъ и Турка той самой смерти, какой они предали несчастнаго Гаспара де-Мелло (т. е. велѣвъ вышибить имъ изъ головы мозгъ острымъ коломъ) Антонию де-Фаріа собралъ на взятыхъ у неприятеля лодки человекъ тридцать солдатъ и, при помощи попутнаго вѣтра и теченія, менѣе чѣмъ въ часъ подѣхалъ къ разбойничьей джонкѣ, стоявшей на якорѣ въ рѣкѣ, на дѣгу разстоянія отъ насъ. Мы пристали къ корнѣ безъ всякаго шума и крика, взобрались на ютъ и бросили въ толпу струсившихъ Китайцевъ нѣсколько гранатъ, которыми убилъ человекъ десять или двѣ-

надцать, а остальные бросились въ воду; но какъ джонка была большая, а у насъ не достало бы людей для управленія ею, то Антонию де-Фаріа велѣлъ переловить ихъ. Такимъ образомъ, Господь, по неизрѣченному правосудію своему, обратилъ кичливость этой нечистой собаки Симилау въ орудіе кары за его злодѣянія, и Португальцы отмыслили ему за все зло, причиненное имъ ихъ соотечественникамъ.

Время подходило къ разсвѣту, когда мы, окончательно овладѣвъ джонкою, рассмотрѣли на-скоро свою добычу. Она состояла изъ тридцати-шести тысячъ таловъ японскаго серебра, что на нашу монету составляетъ пятьдесятъ-четыре-тысячи крузатовъ, кромѣ имущества другихъ дорожныхъ товаровъ; намъ нѣкогда было разбирать и описывать ихъ на мѣстѣ, ибо всѣ береговые жители уже подвинулись на ноги, вездѣ загорѣлись огни и сторожевые сигналы, и Антонию де-Фаріа считъ за лучшее немедленно вступить подъ паруса и убраться не теряя времени.

II.

Изъ рѣки Тообасой Антонию де-Фаріа вышелъ въ среду, наканунѣ трагическаго св. причастія, 1540 года. Мы избрали путь вдоль берега государства Чапчоа, и въ слѣдующую пятницу пришли къ рѣкѣ, которую туземцы называютъ Тинакореу, а Португальцы Верела (*). Антонию де-Фаріа рѣшился войти въ нее, чтобъ собрать свѣдѣнія касательно предстоющаго намъ дальнѣйшаго пути, такъ и насчетъ разбойничьихъ джонгъ-Асема, ибо всѣ сіамскія джонги и суда малайскаго берега, которыя ходятъ въ Китай, посѣщаютъ это мѣсто на перепутьи и выгодно сбываютъ свои товары въ обмѣнъ на золото, лучшее дерево и слоновую кость, чѣмъ всѣмъ дальнѣе государство владѣетъ.

(*) Рѣка эта впадаетъ въ Китайское-Море съ восточнаго берега Кохинхина.
Прим. пер.

Длишь-только мы бросили якорь въ рѣкѣ, противъ одного небольшого селенія, какъ насъ окружило множество проа или лодокъ, нагруженныхъ зеленью и разными свѣжими съѣстными припасами. Увидя людей невѣстнаго имъ племени, жители вѣшніе перепугались и говорили между собою: «Большую новость посылаетъ намъ Богъ: не тѣ ли это бородатые люди, которые являются въ чужихъ странахъ подъ видомъ купцовъ, а потомъ грабятъ ихъ, какъ разбойники; не лучше ли намъ спрятаться въ лѣсъ, пока они не расхватали нашего добра и не сожгли нашихъ домовъ?» — Нѣтъ, говорили другіе: — если они уже пришли сюда за грѣхи наши, такъ лучше не вооружать ихъ противъ себя, а распростимъ ихъ подасковѣе, чего имъ нужно и увѣдомимъ о нихъ Гойя-Пагира. Антонио де-Фарія, притворившись, что не понимаетъ ихъ словъ, хотя у насъ и было довольно переводчиковъ, принялъ этихъ лодочниковъ очень-ласково, купилъ ихъ припасы и велѣлъ имъ тотчасъ же заплатить все, чего они требовали и чѣмъ они остались очень довольны.

На вопросы ихъ Антонио Фарія откудъ онъ и зачѣмъ идетъ, онъ отвѣчалъ, что мы изъ сіамскаго города Та-насарина, изъ квартала чужеземцевъ, а идемъ съ товарами къ Лякейскимъ Островамъ; онъ прибавилъ, что зашелъ сюда единственно узнать гдѣ обитаетъ его пріятель, котораго зовутъ Ходжа - Асемомъ, и который пошелъ, какъ ему сказывали, въ ту же сторону. Потомъ онъ спросилъ: не заходилъ ли этотъ пріятель на перепутьи сюда, и сказалъ, что онъ скоро намѣренъ уйти, чтобъ не упустить попутнаго муссона и поскорѣе продать свои товары, ибо вѣсь ихъ, конечно, нѣ гдѣ сбыть. Доложивши отвѣчали, что не знаютъ его пріятеля Ходжу Асема и разсказали Антонио де-Фаріи множество такихъ подробностей о своемъ отечествѣ, что ясно было, какъ легко человѣкъ съ предприимчивымъ духомъ и достаточными силами могъ бы завоевать его, съ гораздо меньшимъ

трудомъ и меньшею потерей человеческой крови и капитала, чѣмъ намъ стоило завоеваніе нашихъ владѣній въ Индіи, тогда какъ выгоды были бы чуть ли не больше тѣхъ, которыя мы до-сихъ-поръ приобрѣли.

Въ слѣдующую среду, мы вышли изъ этой рѣки и направились къ одному необитаемому острову, Пуло-Чанпейлао, находящемуся недалеко отъ берега Кохинхины. Тамъ мы простояли трое сутокъ на хорошенькомъ якорномъ мѣстѣ, приводя себя въ боевой порядокъ и устранивая надлежащимъ образомъ свою артиллерію; потомъ мы снялись и пошли къ острову Ган-Нану, гдѣ, по мнѣнію Антонио де-Фарія, мы должны были найти Ходжу-Асема.

Прійдя на видъ утесовъ Пуло-Капаса, островка, находящагося подлѣ южной оконечности Ган-Нана, мы рѣшились въ этотъ день приблизиться не больше, какъ на столько, чтобъ рассмотреть рѣки и заливы берега и выбрать удобное мѣсто для входа. Наступила ночь; но какъ лорча (*), на которой мы отправились изъ Патани, имѣла порядочную течь, то намъ показалось благоразумнѣе перебраться съ главными силами на взятую у Синилау джонку, что и было немедленно сдѣлано.

Послѣ этого Антонио де-Фарія рѣшился бросить якорь въ разстояніи одной лиги отъ рѣки, видѣнной нами при солнечномъ закатѣ прямо на востокъ, потому-что джонка сидѣла глубоко въ водѣ и онъ опасался множества мелей, замѣченныхъ нами у входа. Сдѣлавъ это, онъ велѣлъ Кристовао-Борралью взять четырнадцать человѣкъ хорошо-вооруженныхъ солдатъ и войти на лорчѣ въ рѣку для осмотра огней, горѣвшихъ въ разныхъ мѣстахъ на берегу. Тотъ, приготовившись какъ должно, отправился не теряя времени, и, пройдя по самой рѣкѣ съ лигу, наткнулся на цѣлый флотъ большихъ джонковъ, которыхъ тутъ было штукъ око-

(*) *Lerolha*, небольшая суда, употреблявшаяся Португальцами XVI столѣтія.

де сорока. Опасаясь, что это едет шиповница, и которая де нас дойдет, еще приказал многогорые слуги, Кристово Борралью стасть на якорь под сажеными бревнами. Поверь, когда вода пошла, он прибыв, своего полуночи, они потихоньку подыла якорь и пошла из тому мботу, гдѣ мы видѣли огни, изъ которыхъ большая часть уже погасла, такъ что осталось не больше двухъ или трехъ, показавшихся отъ времени до времени и служившихъ ему путеводителями.

Продолжая такия образы подыгался впередъ, Кристово Борралью опять вскричалъ множествомъ судонъ, бывшихъ впереди, которыхъ, по соображенію многогорыхъ изъ его людей, было тамъ чь до двухъ. Чтобы проследовать между ними незаметно, на лорчѣ сиюгилла заруса и обернулъ разныма трицами вальми весель. Инокать суда, лорчѣ очутилась передъ городомъ, гдѣ должно было предположить тамъ около десяти жителей. Городъ былъ окруженъ каменною стѣною съ башнями, бастіонами, барбаканами, подобіе нашихъ вѣрностей, и обѣдены двойнымъ ракомъ, наполненнымъ вѣломъ.

Тутъ матере изъ четырнадцати бывшихъ на лорчѣ Португалцевъ вышелъ на берегъ, взявъ съ собою двухъ Кизайпанъ, которыхъ жены остались заземницами на якорѣ, и обошли кругомъ всего города, не встрѣтивъ ни одной живой души. На это они употребили часа три, а потомъ всё спеша собрались на лорчѣ и пустились въ обратный путь подъ зарусами и на волахъ, стараясь не дѣлать ни малѣйшаго шума, ибо они хорошо понимали, что, забывши противъ себя чье-нибудь подозрѣніе, они погибли бы всё до одного.

Выйдя благополучно изъ рѣки, они увидѣли на берѣ якорю, по-видимому только что связанную на якорь; поэтому, мордавшись изъ своихъ, Кристово Борралью, отдавала отчетъ въ своей ремогнацироу, сказала Антонио де Фарія, что, когда была, якорь

прибывшая якорю та самая, на которой разбойничать пролагали свои Ходжа-Ассонъ и которую насъ атаковали. Иначе не сто де того повелено Антонио де Фарію, что они, не дожидаясь ни минуты, выпустили якорь и вступили подъ заруса, говоря, что сорока уржадала его въ дѣйстви-тельной близости. Ходжа-Ассонъ, въ чемъ онъ думалъ, вполночь, и что онъ рѣшился умереть съ честью, воздалъ этому несчастному врагу законъ за зло и думалъ не сплосе в рѣчку повривать иоканъ тыслачѣ въ водахъ, которыхъ дѣлаи ума: забыла, только о четыринадцати Португалцахъ, убитыхъ этими псомъ от зло дѣлаи.

Приблизясь къ той якорѣ, Антонио де Фарія велѣлъ лорчѣ выйти по другую сторону, желая атаковать ее развѣ съ двухъ сторонъ; онъ приказалъ стрѣльцовъ отъ египетскихъ и армянскихъ, чтобъ не подѣлать тревоги и стоявшихъ въ рѣкѣ якоря, которыхъ, услышавъ шумочья якорны, не рѣшился затопить бы увидѣвъ насъ происходить. Дѣлаи тогда мы пристали къ неприятельской якорѣ, двадцать солдатъ вполночь якорю и овладѣли ея палубой безъ всякаго сопротивления, люди на ней, съ кровелью и не зная что дѣлать, бросились въ воду и поплыли къ берегу; некоторые изъ нихъ, кто хотѣлъ бѣжать, было дано имъ отпоръ отъ Антонио де Фарія, приказавъ имъ устроить на нихъ съ якоря якорни солдаты и вполночь якорѣ челоуки около тридцати. Потомъ велѣлъ лодкамъ лечь къ берегу, ибо иначе якорю бы управать вѣтвомъ дѣлаи.

Желаю зная кому она принадлежала, Антонио де Фарія велѣлъ имъ вернуть палубѣ челоуки якорныхъ изъ воды, якорныхъ были такъ упорны, что удерживать, не сказавъ ничего; тогда послать третьего, мальчишка, и велѣлъ имъ слышать его гдѣ же якорю, но тутъ связаннымъ старымъ якорю и якорю въ океанѣ.

принимая умалить ее словами, чтобы не учили его сына и обещалъ рассказать всю истину. Антонио-де-Фариа тотчасъ остановилъ палачей и сказалъ старику, чтобы онъ говорилъ правду, иначе сына его броситъ живаго въ море; если же онъ высказаетъ все, то и его и сына высадятъ безвредными на берегъ и отдадутъ имъ все, что они педь клатвеннымъ подтвержденіемъ признаютъ своею собственностью. Мавръ отъвѣчалъ на это: — Принимаю твое слово, старикоръ, хотя вѣчершнія дѣла твои и не сообразны съ христіанскимъ закономъ. Слова эти до того смутили Фариа, что онъ не нашелся какъ отвѣчать: онъ тотчасъ же велѣлъ развязать его, и пододвинувъ къ себѣ, принялся спрашивать протко и ласково, безъ великихъ упросъ.

Разсмѣривъ, что старикъ былъ такъ же Фигъ, какъ и мы, Антонио-де-Фариа спросилъ, не Турокъ или не Парси (*) ли онъ, на что тотъ отвѣчалъ, что онъ христіанинъ и уроженецъ Синайской Горы, гдѣ поименно тѣло блаженной св. Катарины. — А если такъ, — возражалъ Фариа: — то почему ты живешь не между христіанами, а съ этими вѣрными соблазнами? — Пльвиницъ отвѣчалъ, что онъ нувецъ и хорошаго происхождения; что имя его Томѣ-Мостанге и что онъ, стоя со свдмимъ судомъ на якорѣ въ портѣ Джидалѣ, въ Аравіи, въ 1536 году, былъ захваченъ съ семью другими судами Сулейманомъ-Машидю, наместникомъ Каира, для доставки провіанта и снарядовъ на флотъ турецкаго султана, состоявшимъ изъ семидесяти галеръ и посланнымъ для возвращенія престола султану Бавдурю Камбейскому, котораго извергъ волакій-моголь, и для изгнанія Португальцевъ изъ Индіи. Турки, обещавшіе за это нашему плѣннику плату и вознагражденіе, обманули его, захва-

тивъ у него жену и дочь, которыхъ обезчестили при немъ, а младшаго сына, младшаго и мечтавшагося при видѣ жестокостей ихъ съ его матерью и сестрою, бросили въ море съ камнемъ на шею; сажого же Томѣ-Мостанге заковали въ цѣпи, свила безощадно каждый день веревками, и отняли все его имущество, котораго было тысячь на шесть крузодовъ, говоря, что одни только благочестивые и святые мусульмане, какъ они, имѣютъ право пользоваться земными благами.

Такимъ-образомъ, находясь невольникомъ на томъ самомъ суднѣ, гдѣ онъ былъ прежде козникомъ, и лихась жены и дочери, увершихъ въ непродолжительномъ времени, бѣдный Томѣ пришелъ въ Діу. Тамъ, не вида конца своимъ несчастіямъ, онъ однажды ночью бросился въ воду вмѣстѣ съ оставшимся сыномъ, и оба доплыли до берега, откуда пробрались сухимъ путемъ въ Суратъ; отсюда она пошли въ Малакку, на флотъ, принадлежавшей Гарсиа де-Саа, а потомъ, по приказанію тогдашняго малаккискаго губернатора, донна Эстеваана де-Гамы, оба отправились въ Китай, съ однимъ Крестоаво Сардинью. У острова Сивгивура судно ихъ было ночью атаковано Квай-Танжангомъ, капитаномъ влзтой нами джонки, который убилъ при этомъ случаѣ двадцать-шесть Португальцевъ, а Томѣ Мостанге, знавшаго артиллерійское дѣло, онъ одѣлалъ своимъ коветастепель; сына его разбойники также пощадили.

Выслушавъ этотъ рассказъ, Антонио де-Фариа схватилъ себя обѣими руками за голову и громко вскрикнулъ: — Господи помилуй, Господи помилуй! не-уже-ли это не сонъ! Потомъ, обратясь къ намъ, онъ передалъ все, что ему рассказалъ Томѣ о разбойникѣ Квай-Танжангѣ; бывший коветастель его присовокупилъ, что онъ убилъ въ равное время больше ста Португальцевъ, которые выходили въ море съ малыми силами, и награбилъ равнаго имущества больше, чѣмъ на сто тысячь крузодовъ. Потомъ Армянскъ

(*) Парси или Гебры — огнепоклонники, которыхъ предки были первоначальными обитателями Ирана или Персіи, до завоеванія ея мухамеданами. Прим. Перс.

Томѣ Мостанге разсказалъ, какъ разбойникъ, убивъ нашего земляка Кристова Сардинью въ Сингапурѣ, велѣлъ изъ тщесавіа называть себя-самого не иначе, какъ капитаномъ Сардинией. На вопросъ Фаріи, куда дѣвался разбойникъ и не спасся ли онъ вплавь, Армянинъ отвѣчалъ, что онъ спрятался въ носовой части джонки, въ канатномъ ящикѣ, человѣками съ шестью или семью своихъ, и что онъ тяжело раненъ. Антонио де-Фаріа бросился съ нѣсколькими солдатами впередъ и открылъ люкъ канатнаго ящика, удовольствіи, тамъ ли эта собака; но тотъ, вмѣстѣ со своими шестью товарищами, вылезъ изъ другаго отверстія, которое было ниже люка, и всѣ они кинулись, какъ бѣшеные, съ дикимъ остервенѣніемъ, въ середину нашихъ, гдѣ, скорѣе чѣмъ въ три *credo* и прежде чѣмъ доканали ихъ самихъ, они успѣли убить двухъ солдатъ и семерыхъ матросовъ, да переранить чловѣкъ около двадцати. Самъ Антонио де-Фаріа получилъ двѣ раны въ голову и одну препорядочную въ руку.

Когда дѣло съ джонкою кончилось и раненымъ подали нужныя пособія, что было часовъ около десяти утра, мы свялись, опасаясь флота изъ сорока бывшихъ въ рѣкѣ джонокъ, и къ ночи бросили якорь у берега Кохинхины. Тамъ мы привели въ известность грузъ разбойничьей джонки и оказалось, что на ней было пятьдесятъ багаровъ перца (каждый багаръ по пятидесяти квинталовъ *), шестьдесятъ багаровъ сандала, сорокъ мушката и тасе, восемьдесятъ багаровъ олова, тридцать слоновой кости, двѣнадцать воска и пять лучшаго алая — словомъ, всѣхъ товаровъ было тысячь на шестьдесятъ крузадовъ, не считая пушки, четырехъ фалконетовъ и тринадцать пищалей. Большая часть этой артиллеріи была нашего издѣлія: она досталась разбойнику съ ограбленныхъ имъ португальскихъ судовъ. Кроме того, мы нашли три большіе об-

тые кожею ящички съ португальскими одеждами, серебряными кубками, солонками, ложками и рукомоийниками; шестьдесятъ карабиновъ, множество разнаго бѣлья, и девять маленькихъ дѣвочекъ, отъ шести до восьмилѣтняго возраста, нагихъ, съ кололками на рукахъ и на ногахъ, и до того отоцашшихъ, что жалъ было смотрѣть на нихъ — онѣ походили на обтлупые кожею остовы.

III.

Вечеромъ слѣдующаго дня, Антонио де-Фаріа велѣлъ свѣтаться съ якора и мы снова направились къ острову Гампану. Мы шли вдоль берега всю ночь, держась на глубинѣ отъ двадцати до тридцати сажень, а на разсвѣтѣ опустились въ обширномъ заливѣ, гдѣ ходило нѣсколько лодокъ, занимавшихся добываніемъ жемчуга. Нѣкоторые изъ нашихъ предложили-было Антонио де-Фаріи захватить эти лодки, но онъ не согласился, а велѣлъ держаться ближе къ берегу и поднять, по китайскому обычаю, купеческій флагъ. Тотчасъ же отвалили отъ берега двѣ *lamias*, въ родѣ нашихъ фустъ, съ разными стѣжкими припасами; сдѣлавъ обычныя привѣтствія, пріѣхавшіе на нихъ вошли на джонку Антонио де-Фаріи, но увидя людей совершенно неизвѣстнаго имъ народа, они пришли въ большой ужасъ и спросили насъ, кто мы, а чего намъ здѣсь нужно. Имъ отвѣчали, что мы купцы изъ Сіама и пришли торговать съ ними, если они позволятъ. На это одинъ старикъ, казавшійся между ними въ родѣ начальника, возразилъ, что здѣсь торговать не дозволяется, а нужно идти въ другой портъ, Гвамбой, гдѣ есть такой же домъ для торговли иностранцевъ, какіе устроены въ Кантовѣ, Чинчеу, Јамау, Сибборѣ, Ліампѣ и другихъ пригородныхъ городахъ; онъ совѣтовалъ Фаріи уйти отсюда немедленно, потому что дѣсто это предназначено исключительно для добыванія жемчуга изъ сокровищницы Сына Солнца, а потому державшій губернаторъ всей Кохинхины потребуетъ

(*) Въ квинталѣ 100 фунтовъ.

не пускать сюда никого и сжигать суда, которые осмѣлятся прійти сюда, вмѣстѣ со всѣми людьми. А какъ мы иностранцы и не знаемъ обычаевъ здѣшной страны, то старикъ совѣтовалъ намъ убраться заблаговременно, пока не припелъ сюда мандаринъ со своимъ флотомъ, потому-что онъ, пожалуй, задумаетъ исполнить надъ нами повелѣніе кохинхинскаго намѣстника.

Антоніо де-Фаріа поблагодарилъ его за добрый совѣтъ и спросилъ, много ли въ этомъ флотѣ судовъ и людей, и на какое время онъ сюда приходитъ. Старикъ отвѣчалъ, что флотъ состоитъ изъ сорока большихъ джонокъ и двадцати-пяти гребныхъ *ванконовъ*, и что людей тамъ тысячъ пять военныхъ и двѣ тысячи матросовъ, а что онъ приходитъ сюда на все время жемчужнаго промысла, продолжающагося шесть мѣсяцевъ, отъ начала марта до исхода августа. Антоніо де-Фаріа обходился со старикомъ какъ-нелзя-ласковѣе, и, желая вывѣдать отъ него больше подробностей, велѣлъ подарить ему два куска воска, мѣшокъ перца и слоновій клыкъ, чѣмъ онъ остался очень доволенъ.

Потомъ Фаріа спросилъ его, что это за островъ Гаи-Нанъ, о богатствахъ котораго рассказываютъ столько чудесъ? «Скажи ты намъ напередъ, кто ты самъ, куда и зачѣмъ идешь?» возразилъ ему старикъ: «и тогда мы дадимъ тебѣ отвѣтъ на твои вопросы. Увѣряемъ тебя по истинѣ, что мы никогда еще не видали на купеческихъ судахъ такого множества молодцовъ, какое видимъ у тебя, ни такихъ учтивыхъ и хорошо одѣтыхъ; можетъ-быть, въ твоей велѣ китайскія шелковыя матеріи такъ дешевы, что ничего не стоютъ; или онъ достался твоимъ товарищамъ очень-легко, потому-что мы видимъ, какъ они, бросая, для препровожденія времени, какія-то три косточки, швыряютъ пребезжалостно куски дорогой штофной матеріи, какъ люди, для которыхъ она не имѣетъ никакой цѣны.» Антоніо де-Фаріа сухо улыбулся, понявъ намекъ

на то, что они полагаютъ награбленными; онъ отвѣчалъ забавляясь какъ люди молодѣти богатыхъ купцевъ, которые принимаютъ настоящей цѣны. «Должно быть такъ», сказалъ скрывъ свои настоящіе мысли.

Антоніо де-Фаріа тотчасъ игрившимъ въ кости кончатся съ глазъ разбросанные по палубѣ матеріи, а потомъ, чтобы шенно развѣять всѣ подозрѣнія тайцевъ, онъ повезъ ихъ на принадлежавшую прежде ладью Сардиниѣ, открылъ на ней и показалъ своимъ гостямъ сверху мѣшки съ перцомъ. Они успокоились и говорили другъ другу, что теперь, убѣдившись, что ты, а не разбойники, имъ ничего таить и можно отъ нашихъ вопросы.

Старикъ обратился къ Антоніо де-Фаріа съ слѣдующими словами: «ты и увѣрившись, что твои не имѣютъ ничего злого, я готовъ рассказать все, халъ отъ стариковъ и что въ объ островѣ Гаи-Нанъ. Въ годы, островъ этотъ былъ ствомъ отдѣльнымъ, которыми могущественный государь. Но не осталось наследниковъ, отъ народа произошли такіа смуты и порядки, такіа кровопролитія, сударь кохинхинскій овладевъ всякаго труда, съ какою семью тысячами Монголовъ. Гаи-Нанъ, онъ оставилъ тамъ старика, который вскорѣ провзбунтовался и предложилъ подданство китайскому императору съ условіемъ платить ему еже-четыреста тысячъ таэловъ (чѣмъ составить 600,000 кр.) а тотъ, съ своей стороны, защищать его, въ случаѣ войны отъ всякихъ враговъ.

Уговоръ этотъ соблюдался нами тринадцать лѣтъ, и нѣкоторые кохинхинскій были побѣждены въ развѣ

са, завладевши въ своемъ вѣдѣніи (такъ-накъ у него не было сыновей), китайскаго императора милостивомъ словомъ своимъ владѣній. Вотъ почему островъ Ган-Нанъ уже двѣсти-тридцать-пять лѣтъ находится подъ владычествомъ китайскихъ императоровъ. А что касается до его доходовъ и богатствъ, а некоторыхъ ты любопытствуешь знать, то скажу, что ихъ набирается всего ма-мало, включая серебряныя рудники, жемчугъ и пошлину въ приморскихъ городахъ, до двухъ съ половиною милліоновъ талеровъ.

Видя, что Антонию де-Фариа и всѣ Португальцы заунылись, слышаеъ о такомъ богатствѣ, старикъ улыбнулся и продолжалъ: - Ты удивляешься этой бездѣлицѣ; что же бы ты сказалъ, еслибъ увидѣлъ городъ Пекинъ, въ которомъ постоянно живетъ Сынъ Солнца со своимъ дворомъ? Знаешь ли ты, что туда стекаются всѣ доходы съ тридцати-двухъ королевствъ, составляющихъ Китайскую Имперію, а въ нихъ одна только медь и серебро добывается изъ восьмидесяти шести рудниковъ?

Антонию де-Фариа поблагодарилъ его за всѣ сообщенныя имъ свѣдѣнія и просилъ присовокупить, въ какой портъ намъ идти, гдѣбъ удобнѣе и выгоднѣе сбыть свои товары. Старикъ отвѣчалъ: - Сокѣтую тебѣ, какъ другъ, не входить ни въ одинъ изъ портовъ нашего острова и не возвращаться никому изъ вѣдѣннхъ Китайцевъ, ибо утѣряю, что ни одинъ изъ нихъ не поступитъ съ тобою честно. Мнѣ ты можешь вѣрить — я слишкомъ богатъ и не имѣю нужды обманывать тебя. Лучшее всего прохода проливомъ, который отдѣляетъ Ган-Нанъ отъ того берега, не вѣдущая изъ рукъ лота, потому-что тамъ множество опасныхъ мелей; такнмъ-образомъ, ты скорѣ увидишь хорошую рѣку Танаукиръ, гдѣ найдешь безопасное якорное мѣсто, и забудешь въ два дня всѣ свои товары, сколько бы ихъ ни было. Но сокѣую не выгружать добра своего на берегъ: видя цѣнныя вещи часто

прожидаетъ жадность, а если отъ трудности чешутся руки у людей даже скромныхъ, то чего ждать отъ бѣсовольныхъ и дурныхъ, которые отъ природы скорѣ склонны прибрать себѣ чужое, чѣмъ изъ любви къ Богу дать нуждающимся изъ своего?

Послѣ этой рѣчи, старикъ и всѣ его товарищи распространились съ лантаномъ и Португальцами, разговоры другъ другу множество приятнѣй, на которыя люди вообще бывають рѣдко скуны. Старикъ на разставаніи подарилъ Антонию де-Фариа черептовый ащичекъ съ двѣнадцатю жемчужинами хорошей цѣны, прося извиненія, что не могъ позволить намъ продать здѣсь свои товары, потому-что онъ подвергся бы за то строгой отвѣтственности по законамъ своего отечества; въ заключеніе, онъ совѣтовалъ намъ уходить не теряя времени, чтобъ насъ не захватилъ якоринъ со своимъ золотомъ, потому-что тогда наши суда были бы совершенно сожжены.

Антонию де-Фариа рѣшился не приближаться совѣтомъ этого старика, понимая справедливость его словъ; онъ немедленно велѣлъ вступить подъ паруса и мы пошли вдоль южнаго берега пролива, промѣря безпрестанно глубину. Черезъ двое сутокъ, подымавъ западными вѣтрами, мы приблизились рѣкѣ Танаукиру, въ которой стали на якорь противъ небольшого острова, называвшагося Нейторъ.

Мы простояли въ устьѣ этой рѣки всю ночь, намѣреваясь идти съ свѣтомъ къ городу, отстоящему отсюда лигъ на пять, и помыслили сбыть тамъ свои товары, которыя суда были до того загружены, что сама ихъ подмачивала и не проходила безъ просушки тюковъ съ тѣми же другими вещами. Всю ночь мы работали, завозя вершны съ веревками, чтобъ на зарѣ начать плыть впередъ, потому-что теченіе было сильно, что подъ однимъ парусомъ при тихомъ вѣтрѣ, мы не могли плыть его. Только что плыли, какъ

ить, мы увидѣли, что изъ рѣки вытекаетъ прямо на насъ по теченію дѣла большія джонки, у которыхъ на всѣхъ мачтахъ развѣвались разноцвѣтные шелковые флаги и вымпела; онѣ сирѣнились между собою цѣпами, чтобъ дружнѣе и сильнѣе ударить на нашу джонку; а шли съ громкими криками и страшнымъ стукомъ въ барабаны, колокола и сковороды. Первымъ пріѣтствиемъ ихъ, когда они приблизились на достаточное разстояніе, былъ залпъ изъ двадцати пушекъ и фалконетовъ. У насъ палубы были до того завалены кабельтовами и канатами, что не было возможности свѣяться съ якоря какъ слѣдуетъ, а потому мы выпустили канатъ и также повесились по теченію въ море.

Судя по всѣмъ признакамъ, ясно было, что джонки эти съ малайскаго берега, что насъ очень озадачило. Антонио де-Фарія, человекъ находчивый въ затруднительныхъ случаяхъ, тотчасъ принялъ намѣреніе непріятеля и пріятельскаго будто бѣжать отъ него въ открытое море: во-первыхъ, онъ хотѣлъ выиграть время и приготовить къ дѣйствию нашу артиллерію, а во-вторыхъ, показать непріятелямъ, что мы не такой народъ, какъ они думали. Они, однако, были также не новички въ своемъ ремеслѣ: видя, что мы можемъ уйти, ибо движенія ихъ стѣснялись цѣпами, которыми они были связаны, они тотчасъ же раздѣлились и одна джонка направилась на насъ, а другая на Кристовао Борралью, который начальствовалъ другою изъ нашихъ джонокъ. Приблизясь къ намъ, непріятельская джонка тотчасъ же насъ абординовала и осыпала цѣлою тучей стрѣлъ и дротиковъ. Антонио де-Фарія, скрываясь подъ ютомъ съ двѣдцатью-пятью солдатами и двѣнадцатью матросами и невольниками, отстрѣливался изъ пищалей и карабиновъ въ-продолженіе болѣе получаса, а они все продолжали пускать стрѣлы и дротики съ такимъ усердіемъ, что вся наша палуба была для завалена; наконецъ, чело-

увивъ сторону изъ нихъ избрѣйшихъ удаждовъ рѣшилось нанести намъ окончательный ударъ: и съ крикомъ бросились на нашу джонку, въ намѣреніи овладѣть ея носовою частью. Тогда Антонио де-Фарія повела впередъ своихъ и завладела такою жаркою свалкою, что меньше чѣмъ въ три секунды сдѣлалъ уголовное нашему Господу Спасителю: — изъ сорока непріятелей, невоображавшихъ найдти такой отпоръ и вооруженныхъ гораздо хуже насъ, двадцать-шесть легло на мѣстѣ, а остальные бросились въ море. Наши, пользуясь дарованнымъ Господомъ успѣхомъ, немедленно перешли на непріятельскую джонку, гдѣ навстрѣтили большаго сопротивленія; они убивали всѣхъ, кто имъ попадался, шадя только матросовъ, ибо ихъ нужно было сберечь для управленія судами.

Кончивъ съ однимъ непріятелемъ, Антонио де-Фарія послѣдовалъ на вырубку Кристовао Борралью; сражавшагося съ другою джонкой. Побѣда была сомнительна, ибо множество нашихъ было переранено; но подкрѣпленіе наше подоспѣло кстати и помчило дѣло разомъ. Такимъ-образомъ, обѣ эти джонки, хотѣвшія овладѣть нами, очутились въ нашихъ рукахъ, а убѣдѣшіе изъ бывшихъ на нихъ людей плыли усиливаясь добраться до берега. Побѣда стоила намъ одного Португальца и пяти матросовъ, не считая множества раненыхъ, а у непріятеля было убито восемнадцать, да столько же поналось въ плѣнъ.

Подавъ нашимъ раненымъ всѣ возможные пособія, Антонио де-Фарія велѣлъ послать гребныя лодки, ловить спасавшихся вълазъ непріятелей, изъ которыхъ многіе уже веротонули. Тѣхъ, кого успѣли вытащить, онъ велѣлъ представить къ себѣ на большую джонку и тотчасъ же подвергнуть пыткѣ, чтобъ добиться, какія это были суда, какъ звали ихъ начальника и живъ ли онъ или убитъ. Никто изъ нихъ не хотѣлъ сказать — они умирали въ жалкихъ, упорно продолжая молчать. Пока отъ нихъ вока-

лись, Кристовао Борральйо закричалъ: Антонио де-Фарин:— Сеньйоръ, сеньйоръ, переѣжайте скорѣе сюда! намъ здѣсь предстоятъ такія заботы, какія мы и не ожидали».

Антонио де-Фариа тотчасъ же взялъ съ собою человекъ пятнадцать солдатъ, взомель съ ними на другую джонку и спросилъ въ чемъ дѣло. Ему отвѣчали, что въ носовой части слышали много голосовъ и что тамъ вѣрно скрывается куча людей. Приказавъ открыть люкъ, Антонио де-Фариа вдругъ услышалъ восклицаніе: «Господи, умилосердись надъ нами!» сопровожденное такими раздражающими стопами и воплями, что онъ невольно отшатнулся назадъ. Нѣкоторые изъ нашихъ подошли къ люку и увидѣли множество валавшихся въ грюмъ плѣнниковъ; она сказали объ этомъ капитану, который все еще не могъ совершенно опомниться отъ ужаса, и получили приказаніе вывести этихъ несчастныхъ на верхъ: ихъ было тамъ семнадцать христіанскихъ душъ, изъ которыхъ двое Португальцевъ, восемь молодыхъ метисовъ, двѣ дѣвушки и двое маленькихъ дѣтей.

Сердце разрывалось, глядя на нихъ. Разумѣется, что съ нихъ тотчасъ же сняли цѣпи, кандалы и колоды, подали имъ всѣ возможные пособія и снабдили всѣмъ нужнымъ, ибо только на немногихъ были кой-какія лохмотья одежды. Одинъ изъ Португальцевъ былъ какъ мертвый; у другаго спросили чьи это дѣти, какъ всѣ они попали въ руки разбойника и какъ звали этого изверга? Португалецъ отвѣчалъ, что у мучителя ихъ было два имени, одно языческое, Некода Шикаулёмъ, а другое христіанское, Франциско де-Саа, ибо онъ шесть лѣтъ тому назадъ привалъ христіанскую вѣру въ Малаккѣ, гдѣ былъ тогда губернаторомъ донъ Гарсія де-Саа, который далъ ему это имя, бывъ его крестнымъ отцомъ; а потомъ, чтобъ больше привязать его къ христіанамъ, донъ Гарсія женилъ его на хорошенькой метискѣ, дочери одного почтеннаго Португальца. Въ

1534 году, онъ отправился въ Китай на большой джонкѣ; съ нимъ была жена и человекъ двадцать богатыхъ и всѣми уважаемыхъ Португальцевъ, ѣхавшихъ туда по торговымъ дѣламъ. Онъ остановился по пути у острова Пуло-Катанга, ваяться водою и потому идти въ портъ Ченчеу; на другой день стоянки своей у этого острова, зная, что весь экипажъ джонки былъ ему преданъ, ибо состоялъ изъ Китайцевъ, земляковъ его, онъ безъ труда подговорить ихъ убить измѣннически всѣхъ Португальцевъ: они ночью потихоньку поднялись и дѣйствительно перерѣзали всѣхъ, кто только носилъ имя христіанское, не исключая и метисовъ-матросовъ. Потому онъ хотѣлъ принудить свою жену отказаться отъ истинной вѣры и слѣдателься язычницей, но та не соглашалась и злодѣй зарубилъ ей голову топоромъ.

Послѣ того онъ пошелъ въ портъ Лямпо, продалъ свои товары и вообще занимался торговлей, какъ въ томъ, такъ и въ слѣдующемъ году, въ Сіамѣ, Чинчеу и другихъ мѣстахъ, стараясь избѣгать портовъ, гдѣ бы могъ наткнуться на Португальцевъ, достаточно-сильныхъ съ нимъ сравиться. Наконецъ, онъ пришелъ въ Кохинхину, гдѣ торговалъ какъ купецъ, а при случаѣ грабилъ кого могъ какъ разбойникъ. Рѣку эту онъ избралъ своимъ главнымъ притономъ и ходитъ сюда уже года три, потому что Португальцы не имѣютъ обычая торговать въ здѣшнемъ проливѣ и на Гамбанѣ. Онъ въ разные времена выдалъ на небольшія португальскія суда, которыя попадались ему въ морѣ и убилъ сорокъ-шесть Португальцевъ, въ числѣ которыхъ были и отцы этихъ дѣтей. Года четыре тому назадъ, находясь у входа въ одну сіамскую рѣку, онъ напалъ на джонку Жоао де-Оливейры, на которой убилъ шестнадцать Португальцевъ, пощадивъ только обонхъ освобожденныхъ нами, потому что одинъ былъ плотникъ, а другой конодатчикъ. Онъ возилъ ихъ съ со-

бою, обходясь съ ними съ самую ужасною жестокостью. Когда онъ началъ на насъ, то не думалъ, что мы Португальцы, а считалъ насъ китайскими купцами, въ родѣ тѣхъ, которыхъ онъ часто грабилъ.

Антонио де-Фариа спросилъ тогда, узнаетъ ли онъ между убитыми этого гнуснаго разбойника; получивъ утвердительный отвѣтъ нашего несчастнаго земляка, онъ взялъ его за руку и заставилъ разсматривать лица всѣхъ труповъ, валявшихся на палубахъ обвѣшихъ джонковъ; но тотъ не призналъ ни одного изъ нихъ за трупъ, котораго искалъ. Тогда Антонио де-Фариа велѣлъ спустить шлюпку и поѣхалъ съ нимъ самъ; они разглядывали въкоторыя изъ плававшихъ тѣлъ и, наконецъ, Португалецъ узналъ своего прежняго мучителя въ одномъ, у котораго голова была разрублена сильнымъ сабельнымъ ударомъ; а грудь пронзена копьемъ. Тѣло это тотчасъ же вытащили на палубу нашей джонки, и Антонио де-Фариа увѣрилъ еще болѣе въ томъ, что не ошибся, разсмотрѣвъ толстую золотую цѣпь, которую оно было описано и на которой былъ привѣшенъ идолъ въ видѣ ящерицы съ двумя головами; хвостъ и лапы его были изъ черной и зеленой эмали, а тѣло золотое. Отрѣзавъ голову, трупъ разбойника разрубили на части и бросили въ море.

IV.

Подавъ возможную помощь раненымъ и распорядившись на-счетъ нашихъ плѣнныхъ, мы приступили къ осмотру добычи, доставшейся съ побѣжденныхъ двухъ джонковъ. Оказалось, что на нихъ было разнаго добра цѣною тысячь на сорокъ тазловъ, кромѣ самихъ судовъ, которыя были совершенно-новы и крѣпки. Антонио де-Фариа передалъ добычу въ завѣдываніе Антонио Боржеса, нашего призоваго агента, а одну изъ джонковъ мы сожгли по необходимости, ибо у насъ не было людей для управленія ею. Кромѣ разныхъ товаровъ, мы приобрѣли семнад-

цать жѣдныхъ орудій разнаго калибра; почти на всѣхъ нихъ были королевско-португальскіе гербы, ибо они достались этой собацѣ-ренегату съ взятыхъ имъ трехъ португальскихъ судовъ.

Антонио де-Фариа хотѣлъ-было войти на слѣдующее утро въ рѣку, но рыбаки, которыхъ мы спрашивали ночью, отсовѣтовали намъ приближаться къ городу, потому-что тамъ уже узнали, какъ мы раздѣлялись съ разбойникомъ. Самъ губернаторъ области покровительствовалъ этому вору, потому-что получалъ отъ него третью часть награбленной добычи, уже сдѣлалъ неприязненные распоряженія на нашъ счетъ, такъ намъ нечего было и думать продавать тамъ свои товары. Сообразивъ это, Антонио де-Фариа разсудилъ, что благоразумнѣе идти въ другой портъ, Мутипану, отстоявшій отъ насъ на сорокъ лигъ къ востоку; тамъ, по разсказамъ рыбаковъ, жили богатые купцы, туземные и чужие, которымъ можно было проиѣнять наши товары на серебро, привозимое туда въ большомъ количествѣ изъ равныхъ странъ.

Мы снялись съ якоря съ тремя джонками и лорчей, на которой вышли изъ Патани, и пошли вдоль берега къ востоку. Противные вѣтры и теченіе принудили насъ стать на якорь противъ одного холма, называемаго Тилаумера, гдѣ мы простояли тринадцать дней въ ожиданіи переменъ обстоятельствъ. Частые шквалы, налетавшіе на насъ съ носа, надѣли намъ значительно, да къ-тому же началъ обнаруживаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ. Полъ вечеръ тринадцатаго дня показалися, на наше счастье, четыре гребныя лавтѣи, что въ родѣ нашихъ дусть, на которыхъ везли молодую невесту въ одно селеніе, отстоявшее отъ насъ лигъ на девять; на всѣхъ этихъ судахъ раздавались веселые крики и оглушительный стукъ въ барабаны, сковороды и колокольчики.

Не понимая сначала что это значить, наши подумали, не ищутъ ли

это, посланные выслать нас из Тамакувира; а потому Антонио де-Фариа велѣлъ немедленно подтянуть канаты, приготовиться на всякій случай и между прочимъ, чтобъ не подать по добройнѣи, развѣтяться флагами и показывать такіе же знаки радости. Судя эти, шли насъ вмѣстѣ и такими веселыми, гребли къ намъ съ полною довѣренностью, воображая, вѣроятно, что у насъ женихъ, который выѣхалъ на встрѣчу къ своей возлюбленной; они прошли мимо нашихъ джонокъ, приветствуя насъ по своему обычаю, и стали на якорь подъ берегомъ.

Мы, все еще не понимая, въ чемъ тутъ заключилось дѣло, были твердо убѣждены, что это шпіоны, добравшіеся до насъ. Такимъ образомъ прошло нѣсколько часовъ и уже совершенно стемнѣло. Между тѣмъ, невѣста, удивляясь холодности своего жениха, котораго она воображала у насъ, и желая заставить его пріѣхать, послала къ нашей джонкѣ одну изъ своихъ лантѣй, съ письмомъ слѣдующаго содержания:

«Еслибъ слабость моей женской природы позволила мнѣ ѣхать, и увидѣть лицо твое, не навлекая стыда на мое имя, то тѣло мое повесилось бы для облобызаванія твоихъ медлящихъ ногъ. Я выѣхала изъ отцовскаго дома, надеясь жить съ тобою въ любви, пока солнце и луна не перестанутъ около насъ обращаться; умоляю, пріѣжай на по-славной лодкѣ на мою лантѣю, гдѣ я уже не существую, ибо жизнь моя заключается только въ томъ, чтобъ тебя видѣть. Если ты не поспѣешь иея въ темнотѣ этой ночи, то, можеть-быть, съ разсвѣтомъ бѣлаго дня уже не застанешь въ живыхъ. Дая мой Ликорпинау передасть тебѣ все, что тайся въ моемъ сердцѣ; онъ скажетъ, какъ душа моя сиротѣетъ безъ тебя и какъ жадно она проситъ твоей любви..»

Когда приставала лантѣа съ этимъ письмомъ, Антонио де-Фариа, чтобъ не подать повода къ подозрѣніямъ, велѣлъ сиротаться всѣмъ Португальцамъ, такъ-

что наверху остались только наши матросы Китайцы. Лантѣа, приставъ съ полною увѣренностью, и человекъ три, повидимому старшихъ между ними, взошли на нашу палубу съ вопросами о женихѣ; вмѣсто отвѣта ихъ схватили и въ одно мгновение спустили въ люкъ, что не стоило намъ никакого труда, ибо всѣ трое были довольно цѣльны. Оставшіеся въ лодкѣ не успѣли ни опомниться, ни отшатнуться, услышавъ шумъ, происходившій у насъ на палубѣ, ибо въ то же время наши закинули на нихъ мачту конца перекла и притянули ее къ себѣ; потомъ нѣсколькихъ брошенныхъ, отъ насъ гравать было достаточно, и оставивъ струсившихъ Китайцевъ броситься за бортъ и исказъ спасенія видѣвъ. Тогда же человекъ восемь нашихъ перескочили на прикинутую лодку и оладѣли ею; видя, что мачта изъ Китайцевъ, не умѣла плавать, толкутъ и умоляютъ, чтобъ ихъ спасти, наши отплыли и вытащили ихъ изъ воды.

Послѣ этого, Антонио де-Фариа тотчасъ же отправился къ оставшимъ лантѣанъ, и, по-первыи, абординировалъ ту, на которой былъ женихъ. Онъ не встрѣтилъ никакого сопротивленія, ибо тамъ не было ни одного вооруженнаго человека: всѣ экипажъ лантѣи состоялъ изъ матросовъ, вѣнчатыхъ какъ гребля, человекъ семи родственнаго свойства, по-видимому молодой боцманъ и значительныхъ двухъ братьевъ съ мальчиковъ бѣлешныхъ и жершенскихъ, да вѣнчанныиъ помочейтъ Испанцы, нанятыхъ шрѣтъ на ремонтъ инструментатъ, икъ въ подобныиъ случаяхъ водити въ Китай..»

Когда остальные двѣ лантѣи ушли, какой оборотъ привади дѣла, онъ выпустили канаты и лантѣа укатъ на веслахъ и подъ парусами съ такою поспѣшностью, какъ будто самъ дьяволъ ихъ погонялъ; одну изъ насъ намъ однако удалось настичъ и затъ. Кончить съ нею, Антонио де-Фариа тотчасъ же велѣлъ пересрѣзать все, что было въ лантѣахъ, на нашу джон-

а плѣнныхъ помѣстили подъ палу-
га, гдѣ ихъ продержали до разсвѣта.
Тогда, видя, что это народъ жалкій, и
что большая часть состояла изъ ста-
рыхъ, съ которыми намъ нечего было
дѣлать, Антонио де-Фариа съжался
надъ ними и высадилъ на берегъ всѣхъ,
ромъ невѣсты и ея двухъ братьевъ,
бо они, какъ я скривалъ, были маль-
чички бѣлые и хорошенкые; кромѣ
нихъ, мы оставили у себя еще двадцать
атросовъ, потому что нуждались въ
людяхъ для работъ на джонкахъ и вѣ-
лъхъ лавтѣяхъ.

Невѣста, какъ мы послѣ узнали, бы-
ла дочь одного китайскаго чиновника,
который у нихъ тоже, что у насъ кор-
регидоръ; она должна была выйти
замужъ за молодого человѣка, сына
Чиофу, губернатора Пандурѣ. Женихъ
писалъ къ ней, что встрѣтитъ ее въ
этомъ мѣстѣ съ тремя или четырьмя
джонками своего отца, также человѣ-
ка очень-богатаго, а вотъ что было
причиною несчастной ошибки невѣ-
сты, которой родственники приняли
наши джонки за суда ея возлюбленна-
го. Въ слѣдующій вечеръ, когда мы
спускались съ якора въ здѣшняго за-
лива, женихъ прошелъ мимо насъ съ
пятью судами, украшенными множе-
ствомъ разноцвѣтныхъ флаговъ; онъ
привѣтствовалъ насъ веселою музы-
кой, никакъ не воображая того, что
мы дѣлали съ его невѣстою, и сталъ
на якорь у мыса Тилаумера, ожидая
ея прибытія.

Мы, между-тѣмъ, пошли своимъ пу-
темъ къ порту Мутшиниу, гдѣ Антонио
де-Фариа предполагалъ распродать то-
вары, и черезъ три дня, по благости
Господа, прибыли туда благополучно.
Мы бросили якорь въ заливъ, образу-
емый углубленіемъ берега и неболь-
шимъ островкомъ, гдѣ рѣшились пре-
ждать ночь, чтобъ осмотрѣть входъ
въ рѣку и удостовѣриться, что намъ не
будетъ тамъ предстоять никакой опас-
ности.

Съ восходомъ луны, часовъ около
одиннадцати, Антонио де-Фариа по-
слалъ хорошо вооруженную лавтѣю,
т. III. — Стр. VIII.

подъ начальствомъ Валентина Марти-
са, человѣка дѣльнаго и надежнаго,
осмотрѣть входъ и промѣрять глубину.
Онъ промѣрялъ до самаго якорнаго
мѣста передъ городомъ и возвратился
къ намъ съ отвѣтомъ, что мелѣй дѣла-
кихъ нѣтъ, и что судовъ тамъ очень
не много, почему намъ можно идти
впередъ безъ малѣйшаго опасенія, и
тѣмъ болѣе, что въ случаѣ, еслибъ по-
чему-нибудь товары наши покупались
хуже, чѣмъ мы ожидали, никто не по-
мѣшаетъ намъ уйти. На обратномъ
пути, посланные наши захватили двухъ
рыбаковъ, спавшихъ въ своей лодкѣ;
однако ихъ не подвергали вытѣкѣ, какъ
мы обыкновенно дѣлавали въ подоб-
ныхъ случаяхъ, ибо всѣ единогласно
рѣшили, что въ этомъ нѣтъ никакой
надобности.

На разсвѣтѣ слѣдующаго утра всѣ
мы усердно помолились Богу, дали
обѣтъ украсить храмъ Пресвятой Дѣ-
вы въ Малаккѣ богатыми приноше-
ніями, и приготовились свѣтѣсь съ яко-
ря. Антонио де-Фариа подозвалъ къ се-
бѣ захваченныхъ наканунѣ рыбаковъ,
приласкалъ ихъ и принялся распра-
шивать обо всемъ, что ему нужно бы-
ло знать на-счетъ рѣки, города и его
жителей. Оба въ голосъ отвѣчали, что
плаваніе по рѣкѣ совершенно-безопа-
сно, ибо по ней ходятъ суда гораздо-
болѣе нашихъ джонковъ; что жители
города и береговъ люди кроткіе, ми-
ролюбивые и вовсе не воинственные; а
изъ иностранцевъ здѣсь только купцы,
недавно-прибывшіе съ серебромъ, золо-
томъ, шелкомъ, пахучими деревьями, во-
скомъ, ладаномъ, канфаромъ, лакомъ и
отчасти золотомъ. На вопросъ Антонио
де-Фаринъ: нѣтъ ли по сосѣдству воен-
наго флота, они отвѣчали, что нѣтъ,
ибо императоръ ихъ ведетъ войну
только на сухошъ пути. Тогда Фариа
спросилъ ихъ, какое понагіе они имѣ-
ютъ о днѣ и ночи, о небѣ и солнцѣ.
Они отвѣчали, что вѣрятъ въ существо-
ваніе единого всемогущаго Бога, кото-
рый все сотворилъ, все сохраняетъ;
но что если равнѣ нашъ запугиваетъ
отъ нашихъ дурныхъ помышлений,

бы собственныя выгоды государя, не забывая своихъ собственныхъ, чѣмъ купцы эти остались довольны.

Когда всѣ препятствія были устранены, мы приступили къ давно желанной продажѣ, которая при помощи Божией кончилась въ трое сутокъ и доставила намъ выручки сто-тридцать тысячъ талеровъ серебра. Не заирая, однако, на всю поспѣшность, съ которою Антонио де-Фариа старался вести эти дѣла, мы не успѣли кончить ихъ совершенно прежде, чѣмъ сюда дошли берегомъ извѣстїя о побѣдѣ нашей въ рѣкѣ Танауквирѣ: подвигъ этотъ вооружилъ противъ насъ здѣшнихъ жителей до такой степени, что всѣ стали насъ бояться и никто не хотѣлъ посѣщать нашихъ судовъ, какъ бывало прежде. Опасаясь дурныхъ послѣдствій, Антонио де-Фариа рѣшился уйти отсюда какъ-можно-скорѣе.

ВОСПОМИНАНІЯ КРЫМСКАГО ВЕТЕРАНА О СУВОРОВѢ И НѢКОТОРЫХЪ ОВСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ ТОГО ВРЕМЕНИ.

Много воспоминаній въ Крыму жить въ памяти народной, и въ особенности объ эпохѣ присоединенія этого полуострова къ нашей имперіи. Новое поколѣніе съ жадностію слушаетъ ихъ, и эти рассказы нерѣдко бываютъ такъ новы, такъ увлекательны и интересны, что хоть сейчасъ кледи ихъ на бумагу. Интересъ этотъ еще болѣе возвышается, когда повѣствователемъ бываетъ очевидецъ, современникъ великой эпохи. Но такихъ очевидцевъ тамъ уже немного осталось, и тѣмъ болѣе мы должны цѣнить ихъ рассказы.

Съ однимъ изъ такихъ старожилонъ я былъ знакомъ въ Крыму. Имя его Лукьянъ Михайловичъ Дуси. Нѣкогда онъ былъ въ составѣ того легіона греческаго, который, при императрицѣ Екатерицѣ, по взятіи Крыма, былъ вы-

званъ сюда изъ Греціи, и потомки котораго составляютъ нынѣ балаклавскій греческій батальионъ и населеніе заштатнаго городка Балаклавы. Въ легіонѣ этомъ онъ былъ однимъ изъ лучшихъ молодцовъ по удалству и расторопности, и потомъ, за подвиги свои, произведенъ въ офицеры. Къ Суворову, въ бытность его здѣсь, онъ былъ назначаемъ нерѣдко на ординарцы и большую часть разсказовъ своихъ передаетъ какъ очевидецъ.

Но прежде, чѣмъ передамъ я читателямъ мнѣ его рассказы, надѣюсь, что не надохъ, если брошу нѣсколько словъ о моемъ вполнѣ-интересномъ повѣствователѣ.

І. М. Дуси жилъ въ семи верстахъ отъ Симферополя на югъ, въ своемъ саду, который самъ взростилъ. Садъ этотъ примыкаетъ къ деревнѣ Усеннъ-Хаджи, верстахъ въ трехъ отъ почтовой дороги на южный берегъ. Лукьянъ Михайловичъ рѣдко оставлялъ садъ свой; а если выѣзжалъ, то не далѣе, какъ въ Симферополь.

Симферополь, главный, какъ всѣмъ извѣстно, городъ Таврическаго-Полуострова, вообще мало оживленъ. Здѣсь нѣтъ ни фабрикъ, ни заводовъ (кромѣ развѣ пивовареннаго), ни судоходной рѣки, ни порта для заграничныхъ судовъ. Все, чѣмъ онъ можетъ похвастать, такъ это — прелестью своихъ окрестностей, живописностію Салгирской - Долины, безконечными садами по этой долинѣ, своими достойно-прославленными фруктами, которые, впрочемъ, есть на цѣломъ полуостровѣ. Но этотъ довольно-скучный городъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла, оживляется каждую пятницу и представляетъ видъ самаго шумнаго азіатскаго рынка. Здѣсь общая встрѣча окрестныхъ жителей Симферополя, на нѣсколько десятковъ и даже за сотню верстъ вокругъ. Здѣсь вы увидите и Нѣмку-колонистку съ свѣжимъ масломъ, и за-перекопскаго Ногайца, привезшаго на огромной мажарѣ и парѣ верблюдовъ ишеницу-армаутку, и черчинскаго Грека съ уни-

колыскам, бабынкам, и ервастопод-
скую матроску съ радостью радостя-
ми, домашней работы, в Цыгана, гар-
цующего едла-ца не на краденой до-
щадя, и жителя горъ съ кувницами.
Если въ живали въ Симферополь, то,
бездомный, любилъ ходить по это-
му шумному рынку, или, вѣрнѣе, по яр-
маркѣ, по самой жизни и разнообразію,
и каждаго шоль имепомъ «большаго
базара». Вы, конечно, иногда встрѣча-
ли тамъ моего почтеннаго Лукьяна Ми-
хайловича, любившаго, по старой при-
вычкѣ, посѣщать эти базары, и своею
персоною также принадлежавшаго къ
общей массѣ тамошняго разнообразія.
Доживая девятый десятокъ лѣтъ и бу-
дучи былъ какъ луна, онъ сохранилъ
прекрасный станъ гѣла, красивыя чер-
ты лица, свѣжесть мыслей и оживлен-
ность разговора; правильный греческій
носъ, быстрый взглядъ и бѣлые воло-
сы до плечъ придавали еще болѣе ин-
тереса этому красному старцу. Какъ-
бы подражая своимъ прототипамъ Спар-
тацямъ, онъ одѣвался всегда весьма
просто; форменная съ краснымъ вы-
пускомъ куртка и шинель простаго
толстаго сукна какъ-бы говорили, что
хозяинъ ихъ есть особа суворовскихъ
временъ. Кто только зналъ этого стар-
ца, зналъ его за человека праводушнаго
и истинно-благороднаго. Много осо-
быхъ фактовъ въ жизни его вполне
подтверждаютъ это общее объ немъ
мнѣніе. Умеръ онъ съ твердостію истинно-
стоическою; чувствуя приближеніе
последней минуты, онъ гово-
рилъ какъ совершенно-здоровый, со
всѣмъ равнодушіемъ къ жизни, и былъ
покою какъ-бы отходя ко сну; а это
уже достаточно свидѣтельствуетъ, что
на совѣсти его не было никакого ука-
ра.

Старикъ, какъ и всѣ мы на сегоднѣ
дней нашихъ, любилъ иногда погово-
рить о дѣлахъ юности своей, и тѣмъ
болѣе, что съ этимъ соединялись вос-
поминанія о великой эпохи въ исторіи
нашего царства, эпохѣ присоединенія
Крыма къ Россіи. Нѣкоторые изъ его
сказановъ заронились въ моеи дам-

нѣ, другіе со словъ его были записаны
небрежно на бумагу — я любострастно
перечелъ нѣкоторые изъ нихъ и не могъ
читать имъ:

Русскія войска, послѣ побѣды сер-
копскихъ укрѣпленій, командующимъ
Крыма, увелъ сражаться съ Татарами,
были идя на джаджимъ, алапу, а въ по-
томъ же году вѣдали Арабаскую Крѣпость,
Корчю и Бичкара. Во время сраженія
нашаго адъютанта мѣра съ Турками, былъ
вызванъ графомъ Орловымъ изъ Пор-
ты Оттоманскій Грекъ, и послѣдовавъ
Бичкара, Пескоръ вѣдалъ озеро Тарри
возмущеніемъ прогнать его, а вѣдалъ
Крыма, Шагна, Гирова, Хана, котора-
го мы, подерживали. По первой слу-
чаю онъ старался въ Саккувер-
бургъ и воротился оттуда уже съ дру-
скими войсками, а вѣдалъ имъ, смуть, мо-
мощь, по повелѣнію императрицы Кате-
риины. Въ это время, до присоедине-
нію императрицы, дѣла делавши Та-
таръ были употреблены въ Крѣпости
которыхъ много употреблены были
ихъ три батальона, а вѣдалъ имъ
каждымъ командовалъ особымъ офицеромъ
и именно: первымъ — Георгіемъ Луки-
ядомъ нашего почтеннаго старца, а вто-
рымъ — Кандигомъ, третьимъ — Яковомъ
Татары, послѣ вѣдалъ ихъ, вѣдалъ
для нихъ стѣны, а вѣдалъ имъ
Качѣ (Феодосія) и вѣдалъ имъ
Крѣпостныя стѣны, а вѣдалъ имъ
русской груди; Гречия, также вѣдалъ
участвовали. При вѣдалъ вѣдалъ Та-
таръ много погубило, но вѣдалъ имъ
ихъ бѣжала въ горы и вѣдалъ имъ
преслѣдованія ихъ посланы вѣдалъ
ки, которые, руководясь вѣдалъ имъ
враждою своею прогнать вѣдалъ имъ,
какъ своихъ притѣснителей и вѣдалъ имъ
христіанства, при этомъ случившю
стигли себя вѣдалъ имъ жестокости, а
которыя до сихъ поръ живутъ въ Кры-
му въ памяти народной, а вѣдалъ имъ
долго были причиной вражды. Татаръ
ко всѣмъ Грекамъ, а вѣдалъ имъ
ившимся.

Почтенный мой старикъ не сра-
дываетъ своихъ соучастниковъ, а вѣдалъ имъ
бы желая сколько вѣдалъ имъ

какъ, говорятъ, что повсюду встрѣчаясь съ необыкновенное сопротивление со стороны Татаръ, побѣдившихъ и Грековъ не малое число. Греки, ожесточенные сопротивленіемъ; разсылались разными отрядами по дорогамъ и дѣсамъ; жгли деревни и хѣбы; убивали каждаго попадавшагося въ ихъ руки мусульманъ: не щади ни пола, ни возраста. С. Дуси представляетъ примѣры такого ожесточенія Грековъ, которыми и не повѣрилъ бы, еслибъ разсказчикомъ былъ человекъ противной стороны: или не вѣн добросовѣстный, или не говорилъ они не в своихъ товарищавъ и не какъ очевидецъ. Прозвоня украинныя жестокости, отъ которыхъ слово стѣннотелъ дѣломъ, Греки заставляли Татаръ быть ихъ свидѣтелями: потому некоторыхъ отпускали для разсказовъ въ народъ, подтверждая имъ передать своимъ соотчичамъ, что и всѣхъ та же участь ожидаетъ, если не поспѣшатъ покориться. Но, въсѣмъ покорности, Татары забирали свои пожитки, уходили изъ деревни въ деревню и скрывались по дѣсамъ; а если были настигаемы, защищались храбро, часто сами нападали на Грековъ, и духъ защиты до того былъ распространенъ между ними, что даже женщины съ оружіемъ въ рукахъ порядкомъ являлись между ними и также храбро нападали на враговъ своихъ. Въ одномъ мѣстѣ среди дѣса, замѣчаетъ Дуси, нашъ товарищъ Виценцо увидѣлъ стоящую шакару и бросился къ ней, надеясь чѣмъ-нибудь поживиться; но изъ-за пошевелы выскочилъ изъ нему на встрѣчу Татаринъ съ саблею въ рукахъ и тѣмъ-то началъ наступать на него, что Виценцо не могъ отпарировать ея ударомъ; долженъ былъ отступать — и не прежде освободился отъ ея преслѣдованія, какъ другой Грекъ подосѣлъ съ саблею въ рукахъ и застрѣлилъ Татарку. Вой Греки знали храбрость и ловкость виценцову и удивлялись этому случию. Въ другомъ мѣстѣ, другой Грекъ впадалъ на шакару съ Татаркою; Татарка выхватила у себя изъ-за поя-

са пистолетъ, и нечаянно убилъ нападавшаго. На выстрѣлъ подосѣлъ цѣлый отрядъ Грековъ, и одинъ изъ нихъ, Кавотули, застрѣлилъ Татарку.

Но объ этихъ жестокостяхъ скоро осѣдомилась императрица, и тотчасъ отослала въ Крымъ курьера съ приказаніемъ, чтобъ Греки возвратились убійства. Греки было усомнились въ справедливости этого приказанія и продолжали свои жестокости, не щадя, по-прежнему, ни дѣвъ, ни поля; но это не продолжилось: Татары наконецъ объявили начальнику войскъ, что желаютъ быть подданными Россіи. Тогда приостановлены были всѣ преслѣдованія; и Греки возвратились въ Еникаль; вѣтъ; впрочемъ, съ собою много плѣнныхъ дѣвицъ и мальчиковъ. Осѣдомившись и объ этомъ, государыня приказала отдать всѣхъ плѣнныхъ ихъ родственникамъ. По успокоеніи всего, Татары явились въ Еникаль и получали своихъ дѣтей; однакожъ, замѣчаетъ нашъ ветеранъ, одна дѣвушка не захотѣла идти къ отцу и, окрестившись, сдѣлалась женою прапорщика Гриньойти.

Въ особенности съ большимъ одушевленіемъ передавалъ почтенный старецъ воспоминанія свои о Суворовѣ. Изъ нихъ приведемъ мы здѣсь только тѣ его разсказы, которые болѣе интересны и о которыхъ еще не всѣ знаютъ. Извѣстно, что послѣ мира съ Турками Суворовъ былъ въ Крыму и осматривалъ расположенныя тамъ войска и обозрѣвалъ гражданскія присутственныя мѣста. Смотрѣ войскамъ въ Симеорополѣ дѣлалъ онъ въ вышней нагорной части города, которая въ то время не была заселена и представляла открытую равнину. — Суворовъ командовалъ чрезъ полковыхъ адъютантовъ. Одного изъ нихъ онъ послалъ съ приказаніемъ на другой флангъ; лошадь подъ адъютантомъ чего-то испугалась и понесла его прямо къ обрывамъ наменной горы, вислѣйшей саженей на двадцать и болѣе надъ Салгиромъ. Увидя передъ собою пропасть, лошадь бросилась въ сторону и сбила съдока;

сѣдокъ весьма ушибся и былъ безъ чувствъ. — Видя все это, Суворовъ, въ сопровожденіи всей свиты, прискакалъ къ нему, принималъ въ немъ самое горячее участіе, послалъ за лекарями и при себѣ велѣлъ пустить ему кровь изъ обѣихъ рукъ; а когда больноі пришесть въ чувство, то отправилъ его въ больницу, съ приказаніемъ имѣть о немъ особенное попеченіе.

При посѣщеніи присутственныхъ мѣстъ въ Симферополѣ, Суворовъ увидалъ на дверяхъ надпись: «Уголовный Судъ». — «Помилуй Богъ», воскликнулъ онъ: «я ни за что на свѣтъ сюда не пойду; да и не желаю никому туда входить».

Въ Бахчисараѣ получилъ онъ, между прочимъ, довесеніе, что одинъ Цыганъ содержится въ тюрьмѣ за дѣланіе фальшивой турецкой серебряной монеты. Онъ потребовалъ Цыгана къ себѣ, самъ допрашивалъ его и когда изъ словъ виновнаго и прочихъ обстоятельствъ дѣла узналъ, что у Цыгана штампелъ не было, а что онъ сдѣлалъ всего только два юзлука съ-руки, простыми ножемъ, и просидѣлъ надъ ними до двухъ недѣль, то велѣлъ его выпустить изъ жалости, какъ объявилъ Суворовъ — что онъ такъ медленно и такъ плохо зарабатываетъ хлѣбъ себѣ, а совѣтовалъ ему выбрать другое мастерство, повыгоднѣе и пополезнаѣе, и за дѣланіе денегъ не приниматься — а не то плохо будетъ.

Изъ Симферополя Суворовъ ѣздивъ на Чатыръ-дагъ. Было это зимою. — Возвращаясь оттуда, онъ заѣхалъ къ земщику мурзѣ Батырь-Агѣ Крымтаеву, бывшему приверженцу послѣдшаго крымскаго хана, Шагинъ-Гирея. — Батырь-Ага сдѣлалъ всѣ возможныя приготовления, чтобъ достойно принять высокаго гостя. Не смотря на всѣ приглашенія, Суворовъ отказался и отъ кушаньевъ, въ изобиліи и съ азіатскою роскошью для него приготовленныхъ, и отъ теплой комнаты; а просилъ отвести ему комнату холодную и принести соломы для постели. — Не смотря на то, что весьма-озлабъ,

онъ потребовалъ воды изъ рѣчки и окатился ею; потомъ легъ на приготовленную на полу постель изъ соломы, покрытую только простынею, и тепло укутался. Прележа въ полчася времени, онъ всталъ, хвалился, что хорошо согрѣлся; даже испотѣлъ, и потребовалъ простаго хлѣба, соли и рѣдьки: въ этомъ состоялъ весь его ужинъ; а у хозяина просилъ извиненія, что не могъ быть полезнымъ для приготовленнаго кушанья, веда всегда такую жизнь (*).

Подобный примѣръ случился и въ Симферополѣ, гдѣ приготовленъ былъ у кого-то богатый обѣдъ. Суворовъ отрѣзалъ ломоть чернаго хлѣба во всю краюху, намазалъ его масломъ и съѣлъ; въ этомъ состоялъ весь обѣдъ его, и онъ не дотронулся ни до одного блюда.

Суворовъ еще былъ въ Крыму, когда Турція объявила войну Россіи. Въ то же лѣто показался въ Черномъ-Морѣ турецкій флотъ. Десанта ожидали у Княбурна. Суворовъ не зашелъ туда прибыть съ двумя полками. Поставленные на сторожѣ доискѣзавки скоро дали знать Суворову, что Турки начали дѣлать высадку. Суворову принесли это извѣстіе въ то время, когда онъ былъ въ церкви за литургіею: онъ не вышелъ изъ церкви, не тронулся съ мѣста до окончанія службы, и потому приказалъ отслужить молебствъ на побѣду враговъ и одолѣніе. — Но выходя изъ церкви онъ приказалъ полковнику Ніету идти съ полкомъ своимъ на непріятеля. Ніета отъ этого отказывался, говоря, что сила его не въ-силѣхъ выдержать натиска непріятеля, несравненно-сильнѣшаго, и что послѣ того Княбурнъ будетъ неминуемо взятъ Турками; но если Сув-

(*). Этотъ разсказъ слыжалъ и у насъ и отъ сосѣда Батырь-Ага, Девлетъ-Мурта Вейратскаго. Много интереснаго можно слышать отъ него о происшествіяхъ того времени и, быть-можетъ, его воспоминанія будутъ сообщены въ другой разсказъ.

Суворовъ пойдетъ впередъ, то, въ случаѣ неудачи, его конный полкъ подастъ большую помощь. Ниоти дерзко упорствовалъ въ этомъ, надѣясь въ особенности на расположеніе и милость князя Потемкина. Видя такую ослупченность и боясь потерять время, Суворовъ пошелъ самъ съ пѣхотнымъ полкомъ, приказавъ впрочемъ Ниотію застѣсть въ камыши и ждать его команды. Десанта было 5,000; Турки стали напирать, Суворовъ подаваться назадъ. Ободренные отступленіемъ небольшого отряда, Турки съ воплями бросились преслѣдовать Суворова и зашли далеко отъ берега. Пропустивъ непріятеля, Ниоти, въ слѣдствіе новыхъ приказаній, вышелъ изъ засады и съ тылу ударилъ на него; между тѣмъ Суворовъ повернулъ назадъ и также ударилъ на Турковъ. Не ожидая ни того, ни другаго, Турки не зная, съ которой стороны защищаться, смѣшались, были разбиты Суворовымъ на голову и, отложивъ всякое сопротивление, стали спасаться бѣгствомъ къ морю; здѣсь, при невозможности всѣмъ разомъ перебраться на суда, много погибло ихъ на берегу и потонуло въ морѣ. Въ этомъ дѣлѣ Суворовъ былъ раненъ.

Боясь гнѣва Суворова, Ниоти поспѣшилъ послать къ князю Потемкину просьбу объ увольненіи въ отставку. Суворовъ же съ своей стороны, донося о военномъ дѣлѣ, не умолчалъ и объ ослупченности Ниоти. На послѣднее Потемкинъ отвѣчалъ, что за ослушаніе не можетъ слѣдовать съ Ниоти никакого звѣскавія, потому что онъ, по просьбѣ, выпущенъ въ отставку.

Отъ Кинбурна Турки на судахъ отправились къ Херсону. Здѣсь они застали три русскія судна и на нихъ напали. При этомъ старшій изъ офицеровъ на судахъ, панайотъ Алексіановъ, не взирая на значительное число непріятельскихъ судовъ, сдѣлалъ храбрый отпоръ, повредилъ большую часть ихъ, навелъ на Турковъ страхъ и принудилъ ихъ спасаться бѣгствомъ.

Почтенный разсказчикъ нашъ, **А. М. Дуси**, умеръ весною 1845 года. Въ дѣлѣ подъ Кинбурномъ онъ былъ въ полку Ниоти.

А. У—цъ.

✱

РАЗСКАЗЫ О СИБИРСКИХЪ ЗОЛОТЫХЪ ПРИСКАЖЪ.

Сидимъ перекл.

— Здорово, дружище! вскричалъ молодой человекъ съ китайскими глазами и въ модномъ шэшковатомъ фракѣ, бросаясь чуть-чуть на шею другому, тоже молодому человеку дѣтъ тридцати, расхаживавшему по комнатѣ и, для развлеченія, размахивавшему кистями своего халата. — Тебя рѣшительно нигдѣ не видно, прибавилъ поспѣватель, усаживаясь въ покойныя кресла и закуривая папироску.

— Все не здорвится, пріятель, отвѣчалъ хозяинъ... назовемъ его хоть Зорскимъ и прибавимъ ужъ за одно, что поспѣвателя его называютъ Веселковымъ.

— Что это съ тобой сдѣлалось? а погода такая безподобная: весна, настоящая весна! Снѣгъ таетъ, лужи на каждомъ шагу; черезъ Невскій-Проспектъ перейти нѣтъ никакой возможности; грязь весьма-много обещающая, — однимъ словомъ, прелесть! Петербургская весна въ полномъ развитіи. Да, кстати. Знаешь, Гизд и Норменби помирились?

— Очень-радъ!

— Дюма проигралъ процессъ!

— Подѣломъ ему: вялся за гужъ, не говори, что не дюжъ!

— Да онъ этого и не говорилъ, вѣдѣлъ Веселковъ обидѣвшись, и потомъ, выпустивъ красивую струйку дыма, прибавилъ: — а все надо ожидать въ Европѣ чего-нибудь необыкновен-

каго: чѣмъ-то кончится вопросъ объ испанскихъ бракосочетаніяхъ? Франція и Англія дуются другъ на друга то за Испанію, то за дона-Мигеля, то за Балеарскіе-Острова, то за владѣнія борнеосскаго султана; у Турціи опять съ тунисскимъ беємъ что-то не ладно; Греція вооружила противъ себя Турцію: король Оттонъ такъ угостилъ при всѣхъ Муссур, турецкаго посланника, что тотъ уѣхалъ въ Константинополь. Впрочемъ, не беспокояйся, мнѣ писалъ изъ Аенія одинъ мой хорошій знакомый, что эта исторія кончится благополучно! Ну, а скажи, пожалуйста, какого ты мнѣнїя насчетъ пинѣшнихъ парламентскихъ прейи касательно ирландскихъ вищихъ? А?

— Да такъ ровно ничего не думаю, потому что все это до меня ни на волю не касется, хладнокровно отвѣчалъ Зорскій.

— Ахъ, варваръ! протяжно сказалъ Веселковъ, всплеснувъ руками и качая головой: — да вѣдь Ирландцы мрутъ съ голода, какъ мухи! Не-уже-ли это тебя не трогаетъ?

— Очень трогаетъ; я сострадаю имъ, а все-таки мнѣ кажется, что наши бѣдныя боѣи заслуживаютъ нашего участія. Что такое для меня какой-нибудь Ирландецъ? ни свать, ни братъ.

— И это говоришь ты, человекъ половины XIX столѣтія? и тебя нисколько не мучитъ разрѣшеніе современныхъ вопросовъ?

— Нисколько не мучитъ! Все это я читаю въ газетахъ, и все мое участіе къ этимъ современнымъ вопросамъ ограничивается тѣмъ, что я выжидаю дальнѣйшихъ извѣстій о томъ, что придумаютъ люди, до которыхъ эти вопросы ближе касаются, чѣмъ до меня съ тобою, что придумаютъ они для своего блага, и чѣмъ удовлетворять мое любопытство, которое, разумѣется, должно быть заинтересовано.

— А я про что же и говорю! Впрочемъ, итъ, я вижу, ты не рожденъ быть политикомъ. Ну, оставимъ политику. Вотъ тебѣ наши новости: сегодня послѣдній концертъ Эрнста.

— Знаю.
— Берліозъ прїѣхалъ изъ Мадрида.
— Знаю.
— Виоль и Пачинико Аризондо перешли къ Дежару, который, между тѣмъ, разсордился съ Бюваномъ.

— Знаю.
— Да послушай же, дружище, никакъ ты сегодня не въ своей харелки?

— Съ чего ты это взялъ? Мнѣ дакъ только невозможно не задорамся!

— Ужъ не болитъ ли у тебя сердце?
— Богъ миловалъ.

— Не простудился ли ты?

— Да итъ — Боже мой!

— Ужъ не страдаешь ли ты зубами?

— Слѣдъ милости, не приставай ко мнѣ: право, мнѣ и безъ того тошно!

— Да что жь съ тобой, любезный? ты просто въ хандрѣ! Мнѣ только жаль, что я не въ-время, можетъ-быть, прїѣхалъ, поровнилъ прямо къ это несчастное сегодня...

— На этотъ счетъ будь спокоенъ; я вчера былъ въ хандрѣ, завтра буду въ хандрѣ, послѣ завтра буду въ хандрѣ, черезъ недѣлю тоже, черезъ мѣсяцъ тоже.

— Итъ, это ужъ не просто! Прїятель, другъ, товарищъ, откройся мнѣ, скажи, что у тебя на душѣ. Не-уже-ли ты не расскажешь про свое горе мнѣ, мнѣ — твоему другу?

— Дѣло очень-простое, отъчалъ Зорскій, крѣпко сжимая руку Веселкова: — я сижу рѣшительно безъ гроша!

— Ты безъ гроша? съ удивленіемъ спросилъ Веселковъ. Лицо его выгнулось, по-крайней-мѣрѣ, на четверть аршина, и самъ онъ несколько сдвинулъ два шага назадъ. Ужасная мысль блеснула въ его умѣ: — ну, если да онъ попроситъ у меня въ долгъ? И, хлопнувъ себя по лбу, Веселковъ продолжалъ:

— Безъ гроша? ты? золотопромысленикъ?.. Да итъ, ты шутишь! У тебя должны быть горы золота!

— Въ томъ-то и дѣло, что его нѣтъ.

— Ужъ ты меня изводи, а дѣло въ-вѣру, то-есть, я сообразить не могу, какъ человекъ золотопромысленикъ нищетъ гдѣ-то такъ, въ Сибиря, се

лотыя россыши... не то, что ищешь, а ужь они и есть у него... вели накопать, вотъ тебѣ и золото! Кажется, не мудреная штука?

— То-то и есть, что слишкомъ-мудреная, отъѣчалъ Зорскій прищелкнувъ языкомъ: — какъ накопать, чѣмъ накопать, чѣмъ накопать, я, наконецъ, что выкопаешь? Вѣдь, чтобъ выкопать то что-нибудь, надо прежде очень-много закопать!

Съ какими горькими вздохомъ сказавъ это Зорскій.

— Знаешь ны васъ, господа, я слышали не разъ отъ настоящихъ Сибиряковъ, которые пріѣзжали сюда устроить компаніи, что тамъ, на приискахъ, копнешь пятакомъ, а выкопаешь цѣлковый... знаешь ны?

— Цѣтъ, Веселковъ, не такъ это бываесть; я самъ такъ было-думалъ, самъ вѣдиль въ Сибирь, самъ былъ на приискахъ, а все-таки въ носѣ золото-то приискъ нѣтъ золота: оно, пожалуй, и есть, да чтобъ добыть его на сто рублей, приходится иногда лишиться тысячи, — вотъ тебѣ и золото! Въ Сибирь золото вездѣ есть, да сплошь не стоить работать; я извои какъ тебѣ угодно-сто золотымъ прискомъ—оно и будетъ золотымъ прискомъ, и навсегда останется золотымъ прискомъ, то-есть, вѣчно будетъ носить это название, но никогда не дастъ золота. Конечно, есть мѣста, совершенно и во всѣхъ отношеніяхъ золотыя: только нѣтъ не удалось нѣтъ присосѣдиться.

— Э, пріятель! да никакъ ты загорился? И еще съ аллегорическими намеками. Вѣрно золото-то у тебя хандру прогнало. Какъ не вѣрить теперь гомеопатіи, чѣмъ ушибся, тѣмъ и лечись? Такъ вотъ же я тебѣ что скажу. Ты нивкуда сегодня не выходишь?

— Никуда; вѣдь я ужь сказалъ, что мнѣ нездоровится.

— Хорошо! Мнѣ тоже нѣкуда спѣшить. Если дать мнѣ чего-нибудь позавтракать; я буду ѣсть, а ты, сдѣлай дружбу, расскажи, какъ ты попалъ въ эту громогласную компанію, какъ тебѣ вѣдиль въ Сибирь, много ли тысячь

верстѣ прокатился на собакахъ, что вѣдиль на приискахъ, каковъ этотъ народъ сибирскій, и, наконецъ, какъ это тамъ дѣлають золото?

— Да развѣ ты самъ не знаешь?

— Поватія, братецъ, не ишю!

— Пожалуй. Ну, такъ вотъ видишь ли...

Нѣсколько лѣтъ тому навалъ, впрочемъ, не очень-давно, пріѣхавъ сюда изъ Сибири купецъ Первостатейный, какой онъ тамъ былъ гильдіи-этого я тебѣ не могу навѣрно сказать; но ужь, разумѣется, не ниже второй: третьей гильдіи купцы не ишюютъ права заниматься золотопромышленностью. Вотъ, сударь ты мой, пріѣхавъ онъ сюда и поселился въ прегрязной гостинницѣ, въ предранномъ нумерикѣ. То время было самое бойкое: всѣ бредили россышами, горяченькихъ охотниковъ до золота было бевапа. Здѣсь были предупреждены всѣ, кому о томъ вѣдать принадлежитъ, что вѣдѣть, де-скать, та-кой-то; всѣ напередъ знали, что Сибирякъ пріѣдетъ продавать богатѣйшій приискъ, гдѣ просто руками надо брать золото. Пріѣхавъ сюда, Первостатейный сдѣлалъ, какъ водится, визиты всѣмъ здѣшнимъ золотымъ означенностямъ, и, чтобъ заинтересовать собою ихъ съ перваго раза, не побоявшись даже переѣхать своего костюма: развѣжалъ вездѣ въ сѣрпичеккомъ долгополонѣ сюртукѣ съ сборками около талии, въ косякѣ, извѣстномъ въ Сибирь подъ названіемъ *капотки*, или *сибирки* въ нашихъ краяхъ. Прежде чѣмъ пустилъ въ ходъ свой приискъ, Первостатейный сталъ продавать имъ и *лунтаи*, которыми повозка его была биткомъ набита.

— Позволь, позволь... что такое ишны, и что такое лунтаи? спросилъ Веселковъ.

— Это обувь, длинные сапоги изъ оленьей кожи, въ родѣ желтой *зашки*; шьются они кожей вверху, шерстью внутри; спереди вышиваются шалашикъ довольно-лурно; носятъ обыкновенно въ дорогѣ, а въ Сибирь крестьяде и ишчане разувивають въ нихъ и по го-

роду въ моровы; теплы они до чрезвычайности; нагѣйшая сырость вредна имъ.

— Довольно, продолжай, сказала Веселковъ.

— Димы эти и лунтанъ Первостатейный сталъ продавать знакомымъ и незнакомымъ в, какъ человекъ вполне-коммерческій, который знаетъ, что да моремъ телушка — полушка, да рубль червякау, Первостатейный, придѣлался къ обстоятельствамъ и къ личностямъ покупателейъ, бралъ съ нихъ за свои сапожки отъ 7-ми до 12-ти рублей серебромъ, вмѣсто какаго-нибудь цѣлковаго, чего они стѣютъ на мѣстѣ. Собравъ такимъ-образомъ, въ весьма-короткое время, до трехъ тысячъ рублей серебромъ, конечно, все мелочью да разноцѣтными бумажками, Первостатейный отнесъ ихъ однажды въ Банкъ, обмѣнялъ тамъ на новенькія сторублевая депозитки, положилъ въ свой засаленный бумажникъ и отдрямидся домой. На дорогѣ вдругъ поравила его мысль вотъ какая: «Вотъ, молъ, везъ я цѣлую повозку лунтаневъ... цѣлую повозку! Везъ ихъ я пять тысячъ верстъ... шутка сказать, пять тысячъ верстъ! Сподобилъ меня Господь продать ихъ ладно, выгодно... а что жъ у меня есть на всѣ мои хлопоты? тридцать листочковъ! Въ горсти сожмешь!.. Нѣтъ, тяжело!.. не могу! Пойду опять раздѣляю!» Совѣстно ли ему было воротиться въ Банкъ, или надѣялся онъ раздѣлать деньги въ другомъ мѣстѣ, или вспоминалъ про недуренькую жему свою Васильеву, или про востроглазую дочку, *дьявонку*, Маркутку, да про Стѣпку, сынишка своего, — только Первостатейный отправился прямо въ Гостиный-Дворъ, обошелъ въ раздѣлши Зеркальную, Суровскую и Перинную Диванъ и явилася въ Суконойной. «А чего такое у васъ есть?» спросилъ нашъ Сибирякъ.

— Шляпы, фуражки, перчатки есть разныя-ся... господишь, пожалуйста-ся! скрепозверкой прокрималъ мальчишка.

— Покажи мнѣ фуражку — картузь.

— Извольте, господишь, вотъ самая модная-ся.

— Что стоятъ?

— Дѣвнадцать рублей.

— Не этихъ!

— Извольте, господашь, что покажете-ся?

— Не этихъ! съ сердцемъ повторилъ Первостатейный, недовольный тѣмъ, что садлецъ не хочетъ покупать, что дѣвнадцати-рублевые картузы не по его карману.

Долго онъ выбиралъ, разсматривалъ, примѣрялъ, торговалъ и торговался, пять разъ уходилъ и пять разъ возвращался, наконецъ, послѣ описка въ шестой разъ: «господишь, пожалуйста-ся, позвольте-ся», Первостатейный въ шестой разъ возвратился въ лавку, вынулъ сторублевую депозитку, велѣлъ завернуть въ бумагу клеевчатую фуражку и взять уговоренную цѣну — тридцать-пять копеекъ серебромъ.

— Только похлопочи, парвишка, дай сладки помельче, прибавилъ покупатель.

Набравъ синевякихъ, зеленевякихъ и желтевякихъ депозитокъ и засунувъ ихъ въ карманъ своей долгополой шапки, Первостатейный зашелъ въ соседнюю лавку, купилъ на двугривенный обтяжныхъ пуговицъ, раздѣлалъ сторублевый билетъ на мелочь и отправился въ третью лавку. Тамъ купилъ онъ выростковые сапоги за цѣловый, опять выдалъ новый билетъ и опять, съ добычею мелкихъ бумажекъ, пустился дальше странствовать. Въ одной лавкѣ купилъ банку помады пятналтынный; въ другой два платка бумажные тоже по пятналтынову. въ третьей два съ половиною аршина огневныхъ лентъ въ одну цѣну съ помадой, — разумѣется, все это изъ выростъ жевъ... однимъ словомъ, обошелъ множество лавокъ, въ каждой раздѣлялъ по билету, наполнилъ всѣ карманы деньгами, увязалъ ихъ въ платокъ и думалъ-себѣ: «ну, то-ли дѣло теперь?.. знова сколько денегъ! Съ такою покупкою и разныя славки Первостатейному труденько было проба-

ратся домой въ шечкомъ—онъ развернулся и нанялъ пролетныя дрожки.

Между-тѣмъ, эта продажка не могла остаться незамѣченною; гостинодворцы передавали ее другъ другу; въсть о развѣнн новенькихъ билетовъ пошла дальше-дальше, и наконецъ поселила въ головахъ весьма-разсудительныхъ людей весьма-основательное подозрѣнне: не скрывается ли тутъ чего-нибудь особеннаго? не мѣняется ли этотъ господинъ фальшивыхъ билетовъ? Начались спросы, разспросы, записали номера билетовъ, родившихъ уже въ завкахъ, стали слѣдить за молодыми: изъ Сибири прѣѣхалъ... мертвыхъ приговоряется; узнали о продажѣ дунтаевъ и все-такъ никакъ не могли разрѣшить задачи: откуда же у него явились билеты самые новенькіе, живо, теперь только увидавшіе свѣтъ божій.

Первостатейный вставалъ всегда часовъ въ шесть. На другой день послѣ поупокъ, онъ только-что успѣлъ встать, какъ вдругъ дверь съ шумомъ отворилась, и два человека важной наружности явились передъ изумленные его взоры.

— Вы занимаете этотъ номеръ? спросилъ одинъ изъ пришедшихъ.

— Я, задыхаясь отъ страха отвѣчалъ Первостатейный.

— Вы прѣѣхали изъ Сибири?

— Я.

— Вы господинъ Первостатейный?

— Я.

— Извините, что мы обезпокоили васъ, не предуѣдомивъ о томъ заранѣе; но есть одно маленькое обстоятельство, по которому мнѣ нужно съ вами переговорить.

И съ этими словами неизвѣстный подошелъ къ двери, высунувъ голову, посмотрѣлъ направо и налѣво по корридорю, возвратился въ комнату и заперъ ее на ключъ.

Что у нихъ тамъ такое происходило, я ужъ не знаю, только не больше какъ черезъ четверть часа оба господина вышли оттуда, извиняясь передъ Первостатейнымъ въ самыхъ деликатныхъ выраженіяхъ, что его понапра-

су обезпокоили, представляли ему на видъ, что часто ничтожныя, по виду, обстоятельства обращаютъ на себя весьма-сильное вниманіе, и просили быть совершенно-спокойнымъ.

Этотъ случай какъ-нельзя больше послужилъ въ пользу Первостатейному. Въ Петербургѣ только и говорили, что о Сибирякѣ въ сѣройионской капоткѣ, да о богатѣйшемъ его приискѣ. Узнавъ, что онъ всякій день мѣшками возитъ деньги — даже почетныя особы стали къ нему внимательнѣе. А про продажу прииска все еще не было рѣчи. Сибирякъ ждалъ, чтобъ Петербуржцы предложили продажу, и надѣялся, что по этому самому онъ можетъ подороже съ нихъ взять; а Петербуржцы ждали, чтобъ онъ самъ объ этомъ рѣчь заведъ, и заранѣе хлопотала какъ бы ему поменьше дать. Въ ожиданіи этого-то вожделѣннаго разговора, наши почетныя особы и подмасливали дорогаго гостя то тѣмъ, то другимъ.

— Захаръ Ефимовичъ! поѣденте къ Сен-Жоржу, говорилъ Первостатейному одинъ новый знакомый.

— А что это за штука такая, ваше превосходительство?

— Мы у него отличво пообѣдаемъ.

— Вонъ, ваше превосходительство! деньги-то тратить понапрасну!

— Ужъ это не ваша забота, Захаръ Ефимовичъ; я васъ приглашаю.

— Да поѣдемъ, пожалуй; вѣдь я противъ генерала, ваше превосходительство, слова не смѣю выкинуть.

Дома Первостатейный обѣдывалъ въ часъ: такъ ужъ ты, Веселковъ, можешь себѣ представить каково у него за ушами хрустѣло въ пять-то часовъ. Удовлетворивъ свой истинно-сибирскій аппетитъ питіемъ и яствами и не пропустивъ ни одного блюда, котораго бы онъ не очистилъ въ совершенствѣ, Первостатейный послѣ стола обыкновенно говаривалъ:

— Вотъ вѣдь мошенники какіе, ваше превосходительство, повара-то эти, Французы! Десять цѣлковыхъ за обѣдъ безъ вина! Шутка ли это только вымолвить! Да я на десять-то цѣлковыхъ

итальянскую оперу, платитъ одному Русскому 60,000 миллионов. Хотите бы хоть въль-че по-христиански, а то мы изарваеъ во все горло или завооъ жамочка только губы пелесать, а ни чего не слышно. А публика-то нъ се-бя выводитъ, а журналы-то нъ нелхъ силъ лъвуть! Себя только дурачить!

Въ-судствіе ахъ-во-вылодохъ стали толковать, что Первостатейный — дуранъ, что онъ просто ханъ, ма-лакъ, что стоить бросить ему нль въ глаза десятковъ именъ громкихъ и сія-тельныхъ; наряду съ которыми бу-детъ стоять и его имя. дтъ нънхъ-ни-буль тьнхъ-пидесятъ, а потомъ за-ставить отступиться отъ дѣла и пере-дать его юншаньшнхъ. Время до-еихъ-норъ ушло:ло-дены-ва-дены: пора было приступить къ дѣлу. Стали заки-дывать отъ нъхъ громкихъ именъ и тысячныхъ обшнхъ.

Первостатейный въ свою очередь распу-ждалъ, что Петербургъ далеко не Сибирь; что если тамъ стоишь въ струнку передъ квартирою юншнссн-ей, тремещешь передъ городничимъ, въ пракъ обращаешься передъ совѣт-някомъ, да передъ председателемъ нрѣднхъ, какъ Богъ-знаетъ какой мило-сти, рукожатія секретаря или чи-новника во особымъ порученіи — такъ въ Петербургѣ разве знать никог-до не могу; не дѣлай только того, за что выношь громкія канзаваніеъ. Пер-востатейный конилъ, что въ своемъ за-хотуеъ онъ въ церкни не силъ ста-новиться на то мѣсто, гдѣ обыкновенно стоилъ—не говорю ужъ про губернато-ра или прокурора, а просто какой нибудь палатный совѣтникъ; а здѣсь, въ Петербургѣ, онъ за два рубля сере-брякомъ сидитъ въ первомъ ряду проселъ Александринскаго-Театра, по божанъ его сидеть вѣдаль, свали сидеть пре-еъ на шею, а онъ-себѣ и усомъ не ведеть: знать ничего не хочетъ, дажъ передъ генеральской вполетой не вста-неть, а сидеть-себѣ тоже, какъ и онъ, впереди всѣхъ. Первостатейный, на-слушавшася вольтерьянскихъ рассу-ждений, в снхъ, въ свою очередь, сдѣ-

лалася вольтерьяннелъ, и нхъла на отытъ, что онъ точно такой же че-ловъ, какъ и другіе, что бы онъ тамъ ни былъ, сіятельные или прелестно-тельные; что стоить только тряхнуть мощной, да показатъ, что бсть дельнй — всѣ ему будутъ друзья и пріятель; что онъ точно такъ же, какъ и другіе, можетъ быть дѣятельннхъ гражда-номъ, и что если одинъ трудится для отечества кто толгой, кто перогъ, то почему же и ему не быть полезнымъ тому же отечеству своимъ трудомъ на поприщѣ коммерціи и золоторошы-шености. Онъ ужъ и сдѣлалъ эту поль-зу косвеннымъ образомъ, увеличивъ капиталы вѣнхъхъ его нль Сибири ли-щникомъ тнхъ дельганахъ, которыхъ онъ получилъ съ него за провалъ. Если бы не онъ, кому бы другому пришла въ голову мысль познакомить Петербургъ съ произведеніями дальной Сибири — съ ннхми и лунтнхми! Отъ этой мысли Первостатейный перешелъ къ другой! Если онъ за лунтнхъ, онъ всѣмъ товаръ, выручилъ три тысячи рублей сере-брякомъ, такъ сколько же востъ этого ему прійдется взять за золото, которое всегда обшнется востомъ, и за кото-рое сырость не ннеть такого востнхъ, какъ на лунтнхъ. А охотнички есть! охотничковъ много! прибавилъ мыслен-но Первостатейный: тутъ монто, пока горячо; пора приступить къ дѣлу!

Ну, и приступилъ къ дѣлу.

Сперва шел переговоры грехъ, его сіятельство, который вралъ Первоста-тейнаго въ концертъ, потомъ мнхъ А ле-ксандры Семеновны (второй флороз-статейный) разказывалъ свои меча-тлннхъ), вачомъ этого рола дѣлхъ, бе-гатый и великъ-образованный, не ста-рыхъ лѣтъ, нуеетъ первой гнздіи, въ черномъ фракѣ и лакированныхъ са-погахъ. Потомъ толковалъ съ ннхъ его прелестнхъ-делетого генералъ, обдав-шій съ Первостатейннхъ у Сен-Жор-жа. Потомъ, часъ два бесѣдовалъ съ ннхъ баронъ-Карлъ Николовичъ. Съ все-каждый поочередно. Наконецъ, всѣ пріѣхали разомъ и услнхлать ознн-

чить день у графа, у его сіятельства, и окончателѣно перетолковать о дѣлѣ.

Въ назначенный день, всѣ пятеро сидѣли въ кабинетѣ графа. Сперва говорили о погодѣ, потомъ о трудности всегда имѣть наличныя деньги, о дальности пути въ Сибирь; остроумно замѣтили, кстати, что отъ Петербурга въ Иркутскъ недалеко прокатиться, что это составить ровно столько же, сколько отсюда до самаго центра земли — рукой подать; потомъ о томъ, что такое *тайнд*, деревня это или лѣсъ; наконецъ, весьма-много распространялись о томъ: будутъ ли еще барыши съ этого пріиска и хорошо ли тутъ золото.

— Да вотъ какъ, ваше сіятельство, графъ, началъ Первостатейный. — Имѣю я два золотосодержащіе пріиска — оба въ Восточной Сибири, въ Енисейской-Губерніи; одинъ въ Минусинскомъ — Округѣ, при ключикѣ, вливающемся съ правой стороны въ ключъ же Безымянный, текущій съ лѣвой стороны въ рѣчку Безымянку, впадающую съ правой стороны въ рѣчку же Малый-Тюхтетъ, который съ лѣвой стороны впадаетъ въ Большой-Тюхтетъ, а этотъ вливается въ рѣку Амыръ съ лѣвой стороны, а Амыръ впадаетъ въ Енисей. Другой мой пріискъ — въ Енисейскомъ-Округѣ, по сухому догу и мочажинамъ, залегающимъ по ключу неизвѣстнаго наименованія, впадающему съ правой стороны въ неизвѣстный же ключъ, впадающій съ правой стороны въ рѣчку Верхнюю-Подголетнюю, впадающую съ правой стороны въ рѣчку Большую-Мурожную, впадающую съ правой стороны въ рѣчку Большую-Тунгуску или Ангару, впадающую съ правой стороны въ рѣку Енисей. Вы, графъ, ваше сіятельство, я вы, ваше превосходительство, и вы, баронъ, ваше высококордіе, и вы, Лука Андреечъ, *ваше почтеніе*, продолжалъ Первостатейный, обращаясь послѣ всѣхъ и послѣ барона, коллежскаго секретаря, въ купцу первой гильдіи (а мало тебѣ, Веселковъ, сказать, что кудцы въ Сибири и всѣ почетные люди — не-чашовники — пользуют-

ся титуломъ его почтеніе). Я честный человекъ и чужаго себѣ не хочу... ужъ стойте, погодите, я вамъ скажу. Я не хочу чужаго и обманывать грѣхъ: я купецъ и говорю прямо. За пріискъ, что въ Минусѣ, не ручаюсь; можетъ-статься, графъ, ваше сіятельство, онъ и богатъ, а можетъ-быть, онъ и бѣденъ! Можетъ-быть, въ немъ и много золота, а можетъ-быть и мало! Можетъ-быть, онъ и приметъ барышъ, и большой барышъ, а можетъ-быть, барыша и не будетъ: стало, не будетъ и выгоды... Стойте, ужъ, графъ, ваше сіятельство: я говорю прямо, открыто, честно дѣло дѣлаю и не ручаюсь за Минусійскій-Пріискъ и не продаю его. А вотъ Енисейскій-Пріискъ, что я самъ открылъ въ день св. Ефимія — это другое дѣло. Пріискъ этого ужъ и утверждать за мною, и отведеиъ, и плацъ мнѣ выдашь. Вы, графъ, ваше сіятельство, и вы, ваше почтеніе Лука Андреечъ, знаете, что про пріискъ говорить, богать онъ или бѣденъ, по тому смогра, сколько добудется золота изъ ста пудовъ песку или земли, откуда хотѣтъ достать золото. А чтобъ повѣтъ-то вамъ, столичнымъ-то жителямъ, — невяжите, графъ, ваше сіятельство, — что такое значать эти сто пудовъ песку, то ужъ позвольте мнѣ маленько поразсказать дѣло. У насъ все мѣрится на аршинъ, да на сажень. Купеческая сажень, или, по-вашему, кубическая, вѣситъ 1,000 пудовъ: такъ, значитъ, сто пудовъ будетъ десятая часть кубической сажени. Ну, а кубическую-то сажень вы ужъ сами хорошо знаете. Обыкновенно во ста пудахъ, въ нашихъ системахъ по Мурожной, по Шааргану, по Удерёю, бываетъ круглымъ счетомъ 3, 4, 5, даже 6 золотниковъ, и это называется *содержаніе*. Вотъ по Камдѣ, Севягликону, да по Актедику, вотъ по этимъ рѣчкамъ золота бываетъ по двѣнадцать, по двадцати золотниковъ въ ста пудахъ; да насъ-то, по Мурожной Господь обошелъ этою благодатью. У меня, на Енисейскомъ, есть мѣста и въ шесть и въ восемь золотниковъ, да въ

плошь и сряду, а сплошь-то и сряду я даду у себя бѣдно-бѣдно по четыре золотника. Такъ вотъ, графъ, ваше сіятельство, извольте-ко вы взять бумагу да карандашикъ, да и смекните-ка въирью то, что я вамъ скажу. Миѣ свели подъ присекъ полную площадь. То-есть, дали столько мѣста, больше него по закону и нельзя дать: пять арствъ длиннику, да сто сажень поперечнику, или двѣсти-пятьдесятъ тысячъ квадратныхъ сажень. Если во стародаждь пудахъ будетъ четыре золотника, такъ въѣдъ, ваше сіятельство, въ тысячу-то пудахъ будетъ сорокъ золотниковъ, то-есть, сорокъ золотниковъ въ кубической сажени, или, пожалуй, въ квадратной сажени мѣста. Я ужъ кладу такъ, бѣдно, если въ глубь идти только на одну сажень; а вы сами, ваше сіятельство, графъ, знаете, что не только на одну сажень копать можно, сто сажень въ глубь копать — все до конца не докопаетесь. Я этого и не беру въ расчетъ: будете дальше идти — все ваше! Такъ вотъ въ квадратной сажени площади, поверхности-то земли, навѣрное ужъ сидитъ сорокъ золотниковъ; а у меня такихъ-то квадратныхъ сажень двѣсти-пятьдесятъ тысячъ! Помножьте-ко, графъ, ваше сіятельство, эти двѣсти-пятьдесятъ тысячъ квадратныхъ сажень на сорокъ золотниковъ — что выйдетъ? Десять миллионъ золотниковъ!.. Если, для руглаго счета, въ фунтъ положить по три золотниковъ, такъ въѣдъ тутъ сто тысячъ фунтовъ золота! Въ пудѣ сорокъ фунтовъ, а въ ста-то тысячахъ унтахъ будетъ двѣ тысячи пятьсотъ пудовъ. Пудикъ-то стоитъ пятьдесятъ тысячъ рублей, а всѣ-то двѣ тысячи пятьсотъ пудовъ будутъ стоить двѣста-пять миллионъ рублей.. Въ въ английскомъ банкѣ нѣтъ такой вличности! простоналъ Первостатейный и въ взнеможеніи упалъ на стулъ, вытирая бумажнымъ платкомъ струившійся по бѣдному лицу холодный потъ.

Выкладка была сдѣлана вѣрно и означена всѣхъ присутствующихъ. Раз-

счетъ прямой. Лука Андуренчъ первый прервалъ молчаніе, замѣтивъ, что сколько еще надо отдать казвѣ процентовъ, сколько заплатить жалованья управляющимъ и рабочимъ, и когда-то еще Богъ приведетъ получать барыши! Всѣ его поддержали и потребовали у Первостатейнаго совѣта. Первостатейный разрѣшилъ ихъ очень-просто.

— Десять миллионъ, сказалъ онъ: — вы заплатите процентовъ казвѣ, десять миллионъ употребите на жалованье и на содержаніе людей, пять миллионъ на непредвидимыя издержки, — вотъ двадцать-пять миллионъ только, а сто миллионъ пойдетъ въ дивидендъ. Барышъ будете получать не когда Богъ приведетъ, а когда вы захотите. А одинъ я и не въ силахъ ничего сдѣлать. Я, пожалуй, употреблю триста .. ну, четыреста тысячъ.. ну, пол-миллиона, — больше я не въ состоянн, и то не въ одинъ годъ, а въ два года, — ну, и получу какихъ-нибудь двадцать, двадцать-пять процентовъ — стоить изъ-за чего силы тратить, живнню, можно сказать, жертвовать! Употребите вы разомъ миллионъ, разомъ поставьте на работу двѣ тысячи человекъ, — а у насъ, пожалуй, что рабочій и обойдется въ пятьсотъ рублей, — они въ первый же годъ намоютъ вамъ сто пудовъ. А сто пудовъ, это значить пять миллионъ рублей! Значить, на первый годъ вы на свой миллионъ получите пятьсотъ процентовъ. Этими вы ужъ будете навсегда обезпечены. Пятнадцать процентовъ, то-есть, семьсотъ пятьдесятъ тысячъ, вы вносите въ казну; воротите свой миллионъ, который вы употребили на первый годъ; прибавьте еще къ нему миллионъ двѣсти-пятьдесятъ тысячъ, чтобъ увеличить размѣръ работъ, — это выйдетъ два миллиона двѣсти-пятьдесятъ тысячъ на одинъ работы; всего, значить, три миллиона; четвертый миллионъ употребите въ дивидендъ на первый же годъ, а послѣднимъ миллиономъ покроете расходъ на покупку у меня присека.

— Как?! вопричала графъ, баронъ, генералъ и купецъ, вскочивъ въ одно время съ своихъ мѣстъ и выпучивъ глаза на Первостатейнаго: — вы хотите да свой примскъ...

— Миллионъ рублей, спокойно отвѣчалъ Первостатейный.

— Поизлуйте! какъ миллионъ? да въ унѣ ли вы?

— Стойте умъ, стойте! отвѣчалъ Первостатейный: — оно, конечно, не сохвѣтъ-то умно за сто миллионъ брать одинъ миллионъ; да, ваше сіятельство, графъ, у меня тутъ свои расчеты: я не буду ни хлопотать, ни терять силъ, ни бросать послѣднія деньги, ни мучиться да ждать, когда-то да когда-то тѣ и тѣ будутъ. Я человекъ небольшой, я и пальцы буду доводить. Человекъ я, сами видите, несомнѣнный; насъ родители не почитывали, а вспарилитовали; намъ многого и не нужно: лишь бы сыты были!

— Да какъ же миллионъ-то вамъ дать, Захаръ Ефимовичъ? Побойтесь Бога! А мы лучше вотъ какъ слѣдуютъ, связавъ графъ: — мы васъ возьмемъ къ себѣ въ компанію; вотъ будемъ мы четверо, вы пятый; соберемъ еще компаньоновъ; будутъ князья, генералитетъ, все люди знатные, люди капитальные. Мы вамъ дадимъ... пожалуй, я готовъ дать пятьдесятъ тысячъ; будемъ сами на свой счетъ работать примскъ; пожалуй, дадимъ и вамъ какой-нибудь пай. Замѣйте себѣ, что вы будете въ кругу людей знатныхъ...

— Батюшка! ваше сіятельство, графъ! вѣдь это помню же добромъ да мнѣ же челоу! Что мнѣ-такое, что важные люди будутъ знать... Да вотъ какъ, я вамъ доложу, ваше сіятельство. Положимъ, мы съ вами товарищи. Понадобится мнѣ теперь, ради какихъ ни-есть причинъ, тамъ въ Сибири поважничать: такъ-молъ-де я хочу; а сейчасъ контрактъ вашъ, ваше сіятельство, и раскрываю и поизъяваю тому, чего мало мнѣ заставить дѣлать по-идему; има-то нашего сіятельства, извѣстно, громкое, — вотъ я и стрѣляю куда мнѣ надо, ко-

нечю, вотъ самаротомъ, тамъ такъ, чтобы мнѣ слава: моя выгода — вамъ выгода — одна выгода! Вы-то, ваше сіятельство, в должите, и рады едъ, что ваше дѣло крико ли, право и а идея хороша. А пошробуй ко тибудь другомъ-то имевши такъ в-перять, такъ насъ, маленькитъ то людей; въ бараний рогъ согнуть, въ паль обратять; а золотое дѣло, какъ и мое кое коммерческое, любить такъ-честенно споротить съ большой дороги, да пачи просодочивъ; да шведити-то сильнѣе беша играть и е подобаетъ, и не жалеть. Вы меня за пряду, вѣсти сіятельство, вѣстите и простате, и говорю и дѣлать и пользы. Это первое; а второе дѣло — вѣ къ вамъ въ компанію вѣти тоже в-приходится, у васъ новое сіятельство, вы будете платять двадцать процентовъ, а у меня оно старое — и дѣ только пятнадцать. Вотъ по угоду да будетъ вашему сіятельству показывать ко мнѣ въ компанію, такъ это дѣло другое! Только съ пятисотымъ тысячами мнѣ пѣсчо дѣлать. Вы мѣ покажете миллионъ; а я вамъ во сего тракту передамъ въ полную собственность оба моя примска, и мы больше знать другъ друга не будемъ. Подумайте, ваше сіятельство, и вы, ваше превосходительство, и вы, баронъ, ваше высокородіе, и вы, Лука Андреевъ, ваше почтеніе. Это мое послѣднее слово; больше одной вѣтъ я вѣсь въ Петербургѣ не проживу, и, если вамъ полюбится дѣло — пришлите черезъ три дня отвѣтъ. Ниѣмъ чести извѣстия... Не безпокойтесь, ваше сіятельство, прибавилъ Первостатейный, замѣтивъ, что графъ пошелъ-было провожать его.

Четверо капитальныхъ людей просто остоленѣли; они себѣ не вѣрили точно ли стоялъ передъ ними пріятный Сибирякъ? дѣйствительно ли это именно онъ возвысилъ своей вѣтливый голосъ? откуда у сибиряка такой камчатка прыть такая завласть? какъ онъ осмѣлился предлагать мнѣ свои условия? Они никакъ не могли согласить въ

и съ своимъ дѣломъ, видному, совершенному-противоположенымъ понятию: долгожданная Сибиря и мильионы! Промысленъ утишесть — и мильионы!.. Возвратный Сибирякъ, единичъ оловомъ, Затаръ Финляндичъ — и мильионы! Начали свою передѣлывать задачу... четыре золотника кругомъ, десять мильионовъ золотниковъ, двѣ тысячи пятьсотъ фунтовъ золота — сто двадцать-пять мильионовъ рублей... точно такъ! Разчета брешь. Если даже уменьшить содержание... страшно сказать на половину... положить содержание въ два золотника... даже въ одинъ золотникъ, что рѣшительно, какъ имъ известно было, въ Сибиря не-по-мень по системе рѣчки Мурашовой — даже въ такомъ случаѣ въ приискѣ въранныхъ шестьсотъ пудовъ золота — да тридцать мильионовъ рублей... Ну, а если содержание больше четырехъ золотниковъ? если помянуто будутъ встрѣчаться фунтовые самородки?.. если пластъ золота будетъ больше одной сажени?.. тутъ ужъ просто всякое воображеніе потерается въ громадѣ цѣрь...

Ведикое дѣло надежда!.. Капитальные люди начали приводить въ примѣръ одну компанію, другую, третью... нашли, что, если кто и погибъ въ золотопромышленныхъ операціяхъ, такъ это тѣ немногіе изъ искателей, которые только-что искали; да и искали-то съ небольшими капиталами, которые они, разумеется, скоро и проискали. Будь у нихъ еще немножко денежныхъ средствъ — они, можетъ-быть, на первомъ же бы шагѣ нашли росыши, которая сторницею, можетъ-быть, возвратила бы имъ всѣ ихъ потери. А много ли этихъ примѣровъ? Какихъ-нибудь пять, шесть, семь, не больше десяти. А цѣлыя сотни людей можно по пальцамъ пересчитать такихъ, которые обогатились именно черезъ золотыя росыши.

Положеніе капитальныхъ людей было самое неприятное: и хочется, и колется! И надо купить — и нельзя купить!.. Хотя бы этотъ Первоостатейный рѣшился разсчитать уплату миль-

иона дѣтъ на пять что ли: они бы уплатили ему его же золотомъ — ему бы все равно было: куда ему разонъ мильионъ двать?

Послали Парламентера; но Первоостатейный собѣ-на-умѣ: утромъ онъ дожд; послѣ полуночи странствуетъ во кандинтерскимъ, пьетъ шамолла и ѣсть конфекты, разумеется, самыя дешевыя; обѣдаетъ въ ресторациахъ гдѣ стоятъ органы. Гдѣ онъ бывалъ до семи часовъ, никто не могъ узнать; вѣроятно, онъ по-свѣдому пользовался свободою петербургской жизни; за то въ восемь часовъ вечера онъ непременно являлся въ Александринскомъ-Театрѣ или въ галерей, или въ вѣстахъ за преслави: въ кресла толкитъ онъ только по правлинкамъ. На бѣлиску; оставленію въ его номерѣ парламентеромъ, Первоостатейный отвѣчалъ лапачически: «или мильионъ, или прощайте!»

Что было дѣлать? Дѣло-то вървое! Упустить его грѣшно!

На пятый день послѣ консултациа въ графскомъ кабинетѣ; занялись составленіемъ контракта и проекта правилъ новой Акціонерной Золотопромышленной Компаниі

На другой день послѣ того, Первоостатейный привезъ къ графу связку бумага, разважалъ ее и, передавая графу, сказалъ:

— Вотъ, ваше сіятельство, вы честно дѣла дѣлаете и я честно дѣла дѣлаю. Вотъ это планъ моего прииска; вотъ на немъ, видите, подписи правительственныхъ лицъ. Вотъ точная копія съ этого плана: тутъ вотъ карандашникомъ отмѣчено мѣсто гдѣ у меня начаты работы; вотъ тутъ мѣста новаго наслѣдованія. Вотъ это журналъ моего прииска и реестры и записки о золотѣ, которое мы оттуда выламали. Вотъ извольте, ваше сіятельство, сосчитать этотъ реестрикъ... вотъ итогъ: всего промыто десять тысячъ пудовъ песку.. золота получено четыре фунта, шестьдесятъ золотниковъ, двадцать четыре дола... ровнѣшенько въ четыре золотника кругомъ.

Послѣ этого рѣшительно не въ чемъ было сомнѣваться. Компания, въ-тому же, даромъ приобрѣтала Минусинскій приискъ въ Минусинскомъ-Округѣ.

Дѣло теперь пошло быстро. Составлена была компания подъ громкимъ именемъ, которое я уже называлъ. Громкое названіе привлекло бездну желающихъ. Всѣхъ пазевъ назначено было тысяча. Сборъ на первый разъ назначенъ по четыреста рублей серебромъ, въ тѣхъ видахъ, чтобъ милліонъ рублей ассигнаціями отдать Первостатейному, а четыреста тысячъ ассигнаціями употребить на промыслѣ.

Первостатейный получилъ милліонъ рублей и на другой же день уѣхалъ.

Да! я забылъ тебѣ сказать, что онъ, въ порывѣ великодушія, вынулъ изъ кипы билетовъ бумажку въ двадцать пять рублей серебромъ и заказалъ тысячу порцій для бѣдныхъ.

— А такъ-пожертвовалъ? спросилъ Веселковъ.

— Пожертвовалъ, отвѣчалъ Зорскій: — восемьдесятъ-семь съ половиной—изъ милліона! Когда привелось приложить еще красненькую депозитку, Первостатейный казался, что на первыхъ порахъ погорячился; да купецкое слово—вексель!

✱

ВНУТРЕННІЯ ИЗВѢСТІЯ.

Кому удавалось хоть нѣсколько заглядывать въ фельетоны нашихъ газетъ, тотъ вѣрно, предполагаетъ, что у насъ въ литературномъ мірѣ есть разрядъ писателей, извѣстный подъ именемъ *натуральной школы*. Прозваніе *натуральной* дано ей въ видѣ насмѣшки, и потому бесполезно искать въ немъ объясненія характеристическаго направленія школы, тѣмъ болѣе, что такого

направленія нѣтъ, — точно такъ, какъ нѣтъ и самой школы. Того разряда писателей, о которыхъ мы говоримъ, нельзя назвать школой уже потому, что школа предположаетъ существованіе опредѣленнаго, вполне-образовавшагося теоретическаго ученія, которое держатся члены этой корпораціи; а писатели *натуральной школы* до-сихъ-поръ не имѣютъ такого положительно-высказаннаго ученія, которое бы связывало ихъ въ одно цѣлое, въ одну школу съ опредѣляемыми направленіями. Они, напротивъ, безпрестанно спорятъ между собою о самыхъ основныхъ принципахъ искусства. Они не слѣдуютъ какому-либо новому ученію, а стремятся переработать, исправить ученіе старое, не согласное ни съ духомъ времени, ни съ личными ихъ убѣжденіями. И если въ образѣ ихъ мыслей,—весьма-различныхъ, впрочемъ,—есть что-нибудь общее, то это именно — созвучіе современному и сознаніе недостаточности устарѣлаго. Такія школы являются съ каждымъ новымъ поколѣніемъ, и во всѣхъ для можно приложить названіе *натуральной школы*, какъ потому, что стремленіе къ усовершенствованію вообще весьма-натурально для человѣка, такъ и потому, что это усовершенствованіе всегда есть шагъ къ натуральному, т. е. къ истинѣ.

Зачѣмъ же дать схоластическое прозвище школы такому естественному, законному явленію, называть послѣдователями чего бы то ни было людей, которые, вѣруя въ прогрессъ языка, эстетики, философіи и всего человѣческаго, очевидно-способны пожертвовать личными убѣжденіемъ въ пользу какого бы то ни было авторитета, или обязать себя безусловною покорностію образцамъ какого бы то ни было гениальнаго писателя? Нѣтъ, такое прозвище извѣстнаго неумѣство, потому-что прямо противорѣчитьъ существеннымъ свойствамъ предмета, къ которому оно приложено. А если уже существуетъ у насъ въ литературѣ непріятная по-

ребность въ школѣ, то гораздо-при-
чине удовлетворить этой потреби-
ти, паввавъ писателей, неприимале-
кащихъ изъ школъ натуральной, шко-
юю *противоестественною*. Это изва-
де хотъ чѣтъ-нибудь можно обра-
ать. Дѣйствительно, въ писателяхъ
не-натуральной школы весьма-много
противоестественнаго. Такъ, она ос-
новывается своимъ литературнымъ претен-
дн на двухъ положеніяхъ: «мы» гово-
ятъ одинъ изъ нихъ: «давно пишемъ;
наши современники были великіе лю-
ди, а мы повторимъ ихъ слова; слѣ-
довательно, вполне заслуживаемъ та-
кого же уваженія отъ новаго поко-
лѣнія». — «А мы!» съ тордой-осанной
говорятъ другіе: «мы принадлежимъ
къ такому кружку, къ которому при-
надлежали великіе люди и въ которомъ,
кромя насъ, нѣтъ другихъ писателей.
Мы единственные въ своемъ родѣ; для
насъ однихъ доступно то широкое по-
прище, на которомъ столько простора
уму и таланту. Въ другихъ слояхъ об-
щества если и есть умы и таланты, то
они никогда не будутъ въ-состояніи
такъ развиться, какъ мы развиты; да
и вообще, что значать они въ дѣйстви-
тельной-то жизни?... Игакъ, слушайте
насъ, за нами можете далеко уйти!...»

Само-собою-разумѣется, что у этой
школы, такъ же, какъ и у «натураль-
ной», нѣтъ опредѣленнаго направле-
нія, которое бы связывало ея различа-
рательныя личности; но это не вваб-
ляетъ противоестественныхъ писателей
отъ прованія школы, потому-что для
нихъ вообще не существуетъ логиче-
скаго убѣжденія. Всѣ ихъ доводы, на-
примѣръ, противъ «натуральной» шко-
лы основываются на полномъ созна-
ніи своего личнаго достоинства, на
увѣренности, что никому не придетъ
въ голову усомниться въ справедливо-
сти словъ такого человѣка. для кото-
раго и современникъ его, истинно-во-
лннй человѣкъ, Пушкинъ, писалъ...
впиграмы, или который самъ, какъ
Чичиковъ, ѣздилъ по Россіи въ при-
личномъ экипажѣ, и побывалъ если не

на сѣверномъ полюсѣ, то на берегахъ
эвменитой Леты...

Но... вы, читатель, можете-быть
подозрѣваете насъ въ пристрастія къ
«натуральной» школѣ и не повѣрите
намъ на-слово, тѣмъ болѣе, что мы не
умѣемъ говорить тѣмъ внушающимъ
тономъ, въ которомъ такъ сильны пи-
сатели противоестественной школы?
Поэтому предлагаемъ вамъ факты:
изъ нихъ вы можете составить себѣ
довольно ясное понятіе о тѣхъ писа-
теляхъ, которыхъ нельзя назвать на-
туральными.

Вотъ, на-примѣръ, обращеніе къ
людямъ, которые сочувствуютъ ис-
кусству и умѣютъ цѣнить его, но вра-
щаются не въ томъ кружку, который
не сочувствуетъ искусству и не умѣетъ
оцѣнить великихъ художниковъ:

«Два музыкальных событія, два про-
щальные концерта Эрнста и Берлиоза не
разбудили Петербурга отъ общей вседнев-
дремоты. Не смотря на прекрасную цѣль
перваго концерта, не смотря на заманчи-
вый выборъ пьесъ втораго, театръ былъ
почти пустъ. Въ партерѣ можно было со-
считать слушателей. Въ первыхъ яру-
сахъ и считать было некого. Слѣдова-
тельно у насъ любятъ искусство по вре-
менамъ года, по принятому обыкновенію,
по условіямъ моды, любятъ не искусство
однимъ словомъ, а модное, нарляное пре-
провожденіе времени. Мы давно въ этомъ
подозрѣвали нашихъ согражданъ, но вотъ
тутъ и доказательство на лицо или пра-
вильные отъ недостатка лицъ. Гдѣ жъ
любятъ у насъ прекрасное, подумали мы
и тяжело вздохнули, и вздохнувъ подняли
глаза къ небу. Представьте наше удивле-
ніе..... Тамъ на верху, на высотахъ басно-
словныхъ, подъ самой крышей, нанизан-
мыя, наврожденныя, сладочныя въ тус-
тую массу киваютъ радостно шестныя
головы, рукоплещутъ бесчисленныя ру-
ки. И всегда во время, къ попадѣ, съ той
необъяснимою догадливостію, которая оду-
шевляетъ народную сборища. Такъ вать па
этотъ разъ наше высшее общество, и по
для простой игры словъ, а въ самомъ дѣ-
лѣ по даки почтенія къ великимъ талап-
тамъ, по внутреннему призыву. Не вы-
соекое эстетическое наслажденіе (?...).

«Смирнов» знаящая карать меня, и при
на этихъ дунахъ едн. Мы на днхъ
къ вамъ дожднаго уваженя. Мы думаемъ,
что вамъ дужимъ площаднымъ шутки, цен-
стоуе еондн, заерство въ видѣ искусства,
и что вѣтъ въ васъ сочувствя къ настоя-
щему искусству, которое всегда просто
какъ истина. Съ радостю признаемъ свою
ошибку. Съ гордостю благодаримъ (III)
васъ за то, что вы оцѣнили великихъ ку-
дешниковъ и проводили ихъ своимъ шум-
нымъ и дашм (?) сознательнымъ одобра-
женемъ.

«А теперь, ступайте на гулянья
перваго Мая, послушайте свои народные
пѣсни, полюбуйте на нарядные эки-
пажи и на сидящихъ въ нихъ, но не
забудьте чуждому богатству. Вы хо-
дите въ паркъ, а вы въ дорогую лодку, но
ваша впечатлѣнія неподдельны и неизор-
чены. Вы обладаете самъ богаче еднхъ (?),
такими сокровищами, какъ и на ка-
кія деньги купить нельзя. Ступайте, доб-
рые люди, къ своимъ невиннымъ удоволь-
ствиямъ, а мы пойдемъ вмѣсто васъ по-
смотреть въ Дворянскомъ Собранъ, какъ
большой септѣ торжественно прощается
съ зпной, мы подделушаемъ наскрадные
тайны, подкараулимъ свѣтскія тревоги, и
ничего вамъ о томъ не скажемъ, чтобъ не
вонючили вашихъ невинныхъ радостей и бла-
годелешнаго спокойствя.

«Прощайте же покуда. Живите сысоко
и едешнаго. Не забывайте васъ ляхомъ
какъ поминаютъ васъ наши собратья.
Спасибо вамъ, что во время нашей погони
за современностю...» и пр. (Санктп. Вѣдо-
мости № 98).

Такъ думаютъ писатели противо-
естественной школы о себѣ и о людяхъ
вообще. Что касается до частностей
или вѣстныхъ личностей, то, не по-
нимая современности, они, конечно,
не могутъ любить ее и завалать о
ней рѣчь неохотно, вскользь, въ фль-
етовахъ.

Что почувствовали бы вы, на-прим.,
еслибъ человекъ, говорящій съ прене-
бреженіемъ о чешскихъ удовольствіяхъ
и считающій себя выше многихъ Богъ-
знаетъ почему, сказалъ: «вѣтъ баро-
несса Дюлевана, не кто иной какъ—
съ возобленія сказать— Жоржъ-
Зандъ?»... (такъ же).

«Завѣтъ» позволено вамъ оставить на
минуту въ естественной школѣ, а за-
вѣтъ послѣдней еравой. Скажите,
читатели, неужели это, съ позволе-
ніемъ сказать— сказать въ самомъ дѣлѣ
съ вашего повеленія? Если вамъ слу-
чилось пробѣжать готъ газетный ле-
стокъ, вы, богорато, такой ервостно
выдвѣтаетъ эта фраза, то вы вѣрно не за-
были, что, днхала она это по поволу
вѣстнаго отомъ, что дочь баронессы
Дюлевана выхлдитъ замужъ за худо-
ника Клевизгера... Мы не будемъ по-
вторять словъ этого марафеса, потому
что... поминте, какъ и тоидѣ два было
рассказыводъ. Приведемъ достороній
примѣръ. У васъ, вѣрно, есть въ мірѣ
вѣстныхъ еверствъ, а въ проѣ днхъ ли-
тературы, небраниныя, заедедѣтныя
геніомъ для галлехомъ амеца, которые
вы глубоко уважаете... Пообратите же
теперь, что вы выбулдъ, выбулдъ бы
собрать еднхала о едешной жпани
отихъ набраниныхъ личностей, доволъ
стувель одной едешной молвой (а во-
кругъ кого вы живущихъ въ едешн
вѣтса молва!), не выикая въ днхъ
этой молвы, и потому— оставивъ ра-
комъ вашихъ идоловъ, небрежно, пре-
нялся бы порочить ихъ, сталъ бы гово-
рить въ роля того, что— возъ едешнхъ
стыдно дѣло вѣтъ, а съ едешнхъ— овно-
но, — что бы вы едешнхъ едешнхъ? Или
полагать, что ничего бы не едешнхъ, а
просто— повернулся бы днхъ днхъ...
Потомъ, съ какимъ бы духомъ днхъ
вы, на примѣръ, додешнхъ едешнхъ,
которыхъ такъ и едешнхъ, въ едешнхъ
души энергическая едешнхъ днхъ:

«Mes enfans me font encore beau-
coup de mal au milieu de tout le bon-
heur qu'ils me donnent: ce sont mes
maitres, les liens sacrés qui m'attachent
à la vie, à une vie odieuse!»

«... Si je pouvais faire d'eux (de ses
enfans) un homme et une femme selon
la pensée de Dieu!

«... La fraîcheur de Solange (nom de
sa fille) brave le hâle et le soleil. Sa
chemise entr'ouverte laisse à nu sa forte
poitrine, dont rien n'a peut ternir la

Ваншээръ **манасулс**. Sa longue che-
 -vure blonde flotte en boucles légères
 et qu'à ses reins vigoureux et souples
 ne s'en ne fatigue, ni le pas sec et fer-
 -é des mâles, ni la course au clocher sur
 es pentes rapides et glissantes, ni les
 radins de rochers qu'il faut escalader
 durant des heures entières. Toujours gra-
 -ve, intrépide, sa joue se colore d'orgueil
 et de dépit quand on cherche à aider sa
 marche. Robuste comme un cedre des
 montagnes et fraîche comme une fleur
 des vallées, elle semble deviner, quoiqu'elle
 ne sache pas encore le prix de l'intel-
 -ligence, que le doigt de Dieu l'a tou-
 -chée au front, et qu'elle est destinée à
 dominer un jour, par la force morale,
 ceux dont la force physique la protège
 maintenant...

(Lettres d'un voyageur, p. G. Sand).

Но дозволю! Теперь обратимся
 опять къ нашимъ школамъ.

О натуральной школѣ и говорить не-
 -чего. Болѣе всего достается отъ послѣ-
 -довательной противостественной школы
 обезоруженному послѣ выхода въ свѣтъ
 -Переписки съ Друзьями. Гоголю
 Какихъ противостественныхъ про-
 -вищъ не дали ему глашатаи?.. Еслибъ
 для какой-нибудь цѣли понадобилось
 собрать все, что писано было въ на-
 -шихъ газетахъ о послѣднемъ сочи-
 -неніи Гоголя, то эта переписка вы-
 -шла бы толще. Выбранныя Мѣсть
 изъ Переписки съ Друзьями. И что
 сказала? На различные тоны, съ раз-
 -личными мнѣніями добродушія, бла-
 -горазумія, умѣренности, желанія об-
 -щаго блага, — всѣ повторали одно и
 то же: «видите, видите, господа нату-
 -ралисты, самъ Гоголь отказывается
 отъ вѣсь, онъ самъ называетъ без-
 -полезнымъ то, что вы приняли за
 образецъ. Развѣ мы не то же гово-
 -рили? Честъ и признательность ав-
 -тору, который хотя и противъ воли
 далъ ложковъ и прискорбное направленіе,
 но за то нима первый подаетъ предо-
 -стережательный толкъ!» Но, воздавая
 честь и признательность, не могли пе-
 -ресилить побужденія — воспользоваться
 слабостію противника. И въ то время,

имѣя натуральная школа, выжила раз-
 -гладивъ ненормальнаго проявленія Гого-
 -ля, уклонилась отъ разбора. Переши-
 -ски съ Друзьями, противостествен-
 ная школа разобрали ихъ, что назы-
 -вается, по ноточкѣ и легко доказала,
 что они найдены противорѣчіями,
 что это сочиненіе не современное, от-
 -сталое. Такимъ-образомъ, оправдывая
 свои сужденія таими, по ихъ же при-
 -говору, несовременными мыслями Го-
 -голя, писатели эти, сами не замѣчая
 того, обращаютъ этотъ приговоръ на
 свои головы...

Такое заключеніе можно вывести
 изъ всего сказаннаго въ нѣкоторыхъ
 газетахъ о послѣднемъ сочиненіи Го-
 -голя. Но въ отдаленныхъ статьяхъ или
 обьетовахъ, написанныхъ по случаю
 этого событія, не удавалось намъ
 ни разу извлечь что-либо положитель-
 -ное. Для наличнаго доказательства
 возьмемъ самую послѣднюю, слѣдова-
 -тельно, болѣе другихъ обдуманную,
 самую обьективную статью, написан-
 -ную съ чувствомъ собственного досто-
 -инства, тономъ безуморизменности и
 съ очевиднымъ желаніемъ общаго бла-
 -га. Сначала объясняется, какимъ обра-
 -зомъ произошло въ Гоголѣ полезный
 переломъ. Или, нѣтъ, прежде всего пи-
 -сатели натуральной школы названы
 маркизами и мирно-флерами, и сравне-
 ны съ городничихой въ Ревнорѣ.

«Въ нѣкоторыхъ журналахъ имя Гого-
 -ля содѣлалось альфой и омегой всякаго
 литературнаго разсужденія. Въ душоной
 нашѣтѣ своей много непривычные писа-
 -тели кормились этимъ именемъ какъ еди-
 -нымъ засушинымъ хлѣбомъ. Я очень по-
 -нимаю, что наконецъ Гоголю должны бы-
 -ли спротѣвить и самое имя его и творе-
 -нія нѣтъ написанныя. Для умнаго чело-
 -вѣка, сознающаго свое достоинство, нѣтъ
 ничего томнѣе и оскорбительнѣе похвалы
 не въ ненадѣ и неуклюжей.»

«...Его хотѣли поставить главою какой-
 -то новой литературной школы, олицетво-
 -рять въ немъ како-то черное литерату-
 -рное знамя (?). Такимъ-образомъ съ боль-
 -шихъ гледей на здоровую, складывали
 всѣ несообразности, презрительными
 нѣкоторыми журналами. На по душу и

ответственность обращали есь грѣхи, коими ознаменовались послѣдніе года нашего литературнаго паденія. Какъ тутъ было не одуматься, не оглядѣться? Какъ писателю честному не осмѣять головы своей пещомъ и не отказаться съ досадою отъ торжества, устроеннаго непривычными и непризнанными руками? Всѣ эти докторы (новое прозвище) и глашатаи, которые шли около него и и за нимъ съ своими квалевными восклицаніями и праздничными факелами, шепно и озарили въ глазахъ его опасности и ложность избраннаго имъ пути.

Однимъ словомъ, еслибъ не согрѣшили глашатаи и докторы, то честный Гоголь не послышалъ бы себя главы пещомъ, не написалъ бы «Выбранныхъ Мѣстъ» и навѣрное погибъ бы за грѣхи натуральной школы на своемъ опасномъ и ложномъ пути.

И знаете, почему былъ опасенъ прежній путь Гоголя? По слѣдующей будто-бы его односторонности:

«Онъ преслѣдуетъ (въ Ревизорѣ и Мертвыхъ Душахъ), онъ за живое задираетъ не одиѣ наружныя и прививныя болячки: нѣтъ, онъ проникаетъ въ глубину, онъ выворачиваетъ всю природу, всю душу и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни бодрости, ни упованія. Нѣтъ, онъ приводитъ къ безнадежной скорби, къ страшному сознанію.»

Чѣмъ же лучше «Выбранныя Мѣста»?

«Строгое и стройное убранство ея (этой книги) успокоиваетъ зрѣніе и душу. Въ ней протрезвляются чувства и утихаютъ волненія, подъятыя тревожными и раздражительными впечатлѣніями, которыя отовсюду осаждаютъ насъ. Она призываетъ къ такому размышленію, вѣснляетъ насъ, сосредоточиваетъ въ самихъ себя. Нѣтъ нея выходяшь съ духомъ умилевнымъ, съ сознательностію и съ чувствомъ любви и благодарности къ ея строителю и хозяину.»

«Послѣ всего сказаннаго здѣсь (продолжаетъ авторъ), если спроситъ меня: хочу ли, чтобы Гоголь оставилъ навсегда прежніе пути свои и шелъ исключительно по новому, который онъ продолжилъ послѣднеею книгою своею? Скажу не задинавая...»

Отгадайте: да или нѣтъ? Что скажетъ авторъ, такъ опорочившій направление «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ» и полюбившій Гоголя за послѣднюю его книжку? Хороша эта книжка, или нѣтъ? — Слушайте же, авторъ говоритъ:

«Скажу не задинавая: нѣтъ!»

Какое же безъ заключенія выресса изъ такого сочетанія идей?.. Можно допустить только два предположенія: или похвалы «Выбраннымъ Мѣстамъ» сказаны въ ироническомъ смыслѣ, и, слѣдовательно, порицаніи натуральной школы несправедливы и неумѣстны, — или, наконецъ, авторъ статьи вышелъ изъ «Выбранныхъ Мѣстъ» съ чувствомъ любви потому что любитъ вообще то, что не заслуживаетъ похвалы, и, слѣдовательно, наоборотъ, не любить не только натуральную школу, но и вообще все, что не заслуживаетъ похвалы.

Впрочемъ, лучшае всего, кажется, оставить эту статью безъ заключенія: она сама такъ ясно и громко говоритъ противъ себя, что сказать что-либо ея пользу было бы трудно.

Важнѣе всего то, что натуральная школа, получивъ столько прозваній и нареканій, не вызвала у своихъ противниковъ ни одного основательнаго, положительнаго возраженія. Всѣ нападки на нее ограничиваются упреками на темныя или неясныя выраженія, которыя, конечно, могутъ относиться только къ извѣстнымъ ея писателямъ и никакъ не касаются направленія цѣлой школы. Въ приведенной выше статьѣ въ первый разъ выраженіе довольно-ясно, въ чемъ именно состоитъ, по мнѣнію противостественныхъ, опасность и ложность пути, избраннаго авторомъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ», именно: Гоголь въ этихъ сочиненіяхъ преслѣдуетъ, за живое задираетъ не одиѣ наружныя и прививныя болячки, но проникаетъ въ глубину, выворачиваетъ всю природу, всю душу, и не находитъ ни одного здороваго мѣста. Жестокій врачъ, онъ растравливаетъ раны, но не придаетъ больному ни

тщательности, ли упования, приводит къ безнадежной скорби, къ страшному сознанию.

Дѣйствительно, одностороннее направление! Ложное — потому что видятъ одно дурное; опасное — потому что ведутъ къ безнадежной скорби... Но полно таково ли направление натуральной школы? хорошо ли поняли «ненатуральные» критики внутренней и буквальныи смыслъ «Ревизора» и «Мертвыхъ Душъ»?

Какъ согласить этотъ упрекъ съ тѣмъ основнымъ, сколько мы замѣтили, положеніемъ натуральной школы, по которому она признаетъ изящнымъ только то, что возбуждаетъ симпатію, и по которому отказываетъ въ достоинствѣ писателю, если онъ берется за предметъ безъ живаго къ нему сочувствія? Намъ кажется, напротивъ: если дѣло станетъ за упрекомъ, то гораздо справедливѣе упрекнуть натуральную школу, или слабѣйшихъ ея учениковъ, въ изличіи, какъ-бы по заказу, стремленія найти прекрасное даже и тамъ, гдѣ его не можетъ быть. Такой упрекъ объясняетъ по-крайней-мѣрѣ, почему мелкія современныя личности, которыми не подъ-силу понять и сочувствовать прекрасному въ самой очищенной сферѣ, пускаются за нимъ по грязи и по болотамъ, и иногда дѣйствительно выходятъ не совсѣмъ чисты и не совсѣмъ сухи. Повторяемъ: такой упрекъ объясняетъ направление плохихъ писателей, немнѣющихся самыхъ основныхъ современныхъ понятій объ изящномъ, и, следовательно, никакъ не относится къ натуральной школѣ, которая если въ чемъ и ошибается, то не заслуживаетъ никакого упрека уже потому, что, какъ представительница современности, исполняетъ свое дѣло добросовѣстно: не отрицаетъ современности и, руководствуясь принципомъ сочувствія, объясняетъ преслѣдованіи противниковъ весьма-хладнокровно по законамъ человѣческой природы, которая всегда

неохотно разстается даже съ закоренѣлыми предвзвудками.

Но оставимъ натуральную школу. Защищать ее почти такъ же несправедливо, какъ и порицать, потому что она еще такъ мало сдѣлала, такъ неопредѣлена въ своихъ проявленіяхъ. Задача ея — идти впередъ и развиваться, не теряя времени, не поджидая отсталыхъ или слабыхъ погамъ.

Другое дѣло — Гоголь, остановившійся на своемъ пути по какой-нибудь, можетъ-быть, и уважительной причинѣ. За похвалу ему грозитъ развѣ прозвище *диктора*, или другое какое; а защищать его еще безопаснѣе и легче всего на свѣтѣ, особенно отъ такихъ литературныхъ нападокъ, каковыя подвергался онъ до-сихъ-поръ. Стоить повторить его же слова. И мы сдѣлаемъ это для опроверженія приведеннаго выше обвиненія въ *холодности* его анализа, который приводить будто-бы въ безнадежной скорби.

Читайте и судите, хорошо ли поняла его «ненатуральная» критика.

Вотъ что говорится, на-примѣръ, на 462 стр. (второго изданія) «Мертвыхъ Душъ»:

«... Но не то тяжело, что будутъ не довольны героемъ: тяжело то, что живеть въ душѣ неотразимая увѣренность, что тѣмъ же самымъ героемъ, тѣмъ же самымъ Чичиковымъ были бы довольны читатели. Не загляни авторъ поглубже ему въ душу, не повелѣли на днѣ ея того, что ускользаетъ и прячется отъ свѣта, не обнаружь сокровеннѣйшихъ мыслей, которыхъ никому другому не въбрѣтъ человѣкъ, а покажи его такймъ, каковыи онъ показался всему городу, Манилову и другимъ людямъ, и всѣ были бы редешеньки и приняли бы его за интереснаго человѣка. Нѣтъ нужды, что ни лицо, ни весь образъ его не метался бы какъ живой перелѣ глазами: за то, не окончавши чтенія, душа не встревожена ни чѣмъ, и можно обратиться снова къ картонному столу, тѣпашему всю Россію. Да, мои добрые читатели, вамъ бы не хотѣлось видѣть обнаруженную человѣческую бѣдность. За чѣмъ, говорите вы, къ чему это? Развѣ мы не знаемъ сами, что есть много презрѣннаго и глупаго въ жизни? И безъ

того случается намъ часто влѣтъ то, что вовсе неутрачено. Думаше же предъ вами, сталяйте намъ прекрасное, увлекательное. Пусть лучше позабудемъ мы! Эхъ, ты, братъ, говоришь мнѣ, что дѣла въ провинціи идутъ скверно? говорить помѣшникъ прикащику: «я, братъ, это знаю (оно) у тебя, да у тебя рѣчей развѣ итъ, другія? что же? Ты дай мнѣ по-забыть, что ты знаешь этого, и тогда скажи». И вотъ тѣ дѣлаги, которые бы поправили скверно побудь дѣла, идутъ на разные средства для приволенія себя въ забвѣніе. Спитъ, умъ, можетъ быть, обрѣтшій бы внезапный родникъ великихъ средствъ; а тамъ ильные бухъ съ аукціона и пошелъ помѣшникъ забываться по міру съ душою, отъ крайности готовою на илюсти, которые бы слѣзъ ужаснулся прежде.

И посмотрите, какъ буквально сбываются слова Гоголя, какъ вѣрно предсказалъ онъ судьбу писателя, державшаго вырвать наружу все, что еженощно предъ очами и чего не вѣрять развѣданнымъ очамъ, всю страшную, потрясающую, тину мелочей, опутавшихъ нашу жизнь, всю глубинную холодныхъ, раздробленныхъ, вседневныхъ характеровъ, которыми кишитъ наша жизнь, воля чести горькая и скучная дорога, и аршиною силою неутомимаго рѣзанья дерзавшаго выставить ихъ вышло и ярио на всенародныя очи.

... Ему не любилъ, наконецъ, отъ современнаго суда, амальгиро-бесчувственнаго современнаго суда, который надаетъ ничтожными и ироничными дѣйствіями создателя, отвѣтъ ему презрительный уголь въ ряду писателей, оскорбляющихъ человечество, придастъ ему качества иже изображеннаго героя, смѣшавъ отъ него и сердца, и душу, и божественное пламя таланта. Ибо не признаетъ современнаго суда, что равно чудны стекла, охватывающія солицы и перелазящія движенія лезвій ченныхъ напильниковъ; ибо не признаетъ современнаго суда, что много нужнее глубина думавшаго, дабы охватить картину, развѣ не прорѣ-

ной жизни и возможности ее въ творчествѣ.

И долго еще определено, продолжаетъ Гоголь: чудной и дѣлать и дати объ-руку съ мѣной странности героями, охватить всю громаду, которую жизнь, охватить ее, сдѣлать мнѣ миру смѣхъ и кривизна, сдѣлать мнѣ слезы!

И такое направленіе опорожняется!

Можетъ быть, мы навели на васъ читатели, грусть, разбуривъ эти толки, эту тину мелочей. Оставьте ее и перейдемъ къ другому, болѣе пріятному: у насъ есть новости по части нашего, и первая изъ этихъ новостей сильно касается Гоголя.

— Вышли въ свѣтъ еще три альбума рисунковъ изъ Мертвыхъ Душъ (XVI, XVII, XVIII) и вы не можете не воспользоваться случаемъ сказать нѣсколько словъ и о герояхъ романа Гоголя, и о томъ, какъ изобразилъ ихъ г. Агнъ. Что дѣлать, Мертвые Души — это ужъ такой чувствительный предметъ! О нихъ никогда не будетъ довольно сказано; всегда останется многому въ нихъ учиться. Прежде всѣхъ, по нашему мнѣнію, должно съ этимъ согласиться художникъ, который узналъ на опытъ, каково рисовать со словъ Гоголя. Сложность и глубина характера Чичикова, какъ не сразу доказывалось тѣмъ, что долго г. Агнъ не ладилъ съ фантономъ Пана Ивановича, долго чертилъ сцену изъ Чичикова, а нѣваго человека, тоже действительно существующаго, достойнаго изученія, но принявшаго къ другому типу, и только въ послѣднихъ выпускахъ схватилъ неуловимые черты человека, который, буди ли повороты былъ очень порядочный человекъ, изобразилъ намъ сколько нибудь удовлетворительно дорогого Пана Ивановича. Ясно, художникъ глубже позналъ, что такое Чичиковъ. После этого, нужно ли доказывать, что г. Агнъ не потеряло, и выиграло отъ-того, что фантомъ

жить Душманъ, а не о самыхъ рисункахъ? Потому что послѣднiе три выпуска такъ хороши, судя по нимъ можно ожидать такъ много от карандаша г. Агина, что какъ-то весело думать обо будущей художественной дѣятельности, какъ-то не хочется допустить въ немъ возможности легкомысленнаго уклоненiя отъ строгаго, полезнаго труда...

Перейдемъ же къ самымъ рисункамъ. Прежде всего возникаетъ вопросъ: какъ объяснить себѣ, что съ самаго начала изданiя и до сихъ поръ, встрѣчаешь на рисункахъ два образа Чичикова, совершенно различные, изъ которыхъ одинъ болѣе, чѣмъ удовлетворителенъ, а другой совсѣмъ не похожъ на Чичикова, во многомъ противорѣчитъ идѣе Гоголя? Въ первыхъ десяти выпускахъ сидитъ и рыщетъ, а потомъ чѣмъ далѣе, тѣмъ рѣже Чичиковъ изображенъ олуговатымъ толстякомъ, который такъ и лѣзетъ изъ фрака, неуклюжимъ и безобразнымъ... Начиная со сценъ у Собакевича, физиономiя его становится думаете въ благообразнѣе, формы всего тѣла обточены и сбалансированы, а на послѣднихъ рисункахъ вполне переданы слова Гоголя: «Уже начиналъ было онъ полнѣть и приходилъ въ тѣ круглыя и прiятныя формы, въ коихъ читатель засталъ его при заключенiи съ нимъ знакомства» (Мертвые Души стр. 447), а это было въ периодѣ подвиговъ Чичикова въ какой-то строительной коммиссiи и было ему тогда не болѣе, какъ лѣтъ подъ тридцать... Въ этихъ формахъ, плотныхъ, но не распылявшихся, предстаетъ Чичиковъ въ юности (хотя и постарѣе годами пятнадцатью), — такимъ почти изображалъ его г. Агинъ въ послѣднихъ выпускахъ... Но отъ чего, порою, опять прорывается безобразная, толстая фигура, совсѣмъ несогласная съ прiятнымъ характеромъ Чичикова? Отъ чего подчасъ придаетъ ему художникъ жесты человѣка раздраженнаго, приходящаго въ азартъ, — ему, Чичикову, про котораго и губернаторъ и всѣ чиновники города отозва-

лись, «что сверхъ наружности, которая сама по себѣ была благонамбрена, въ разговорахъ его ничего не было такого, что бы показывало чуждость съ буйными поступками» (стр. 380, также см. стр. 23 и 371). — Чичикову, который во всю жизнь свою только два раза забаловалъ разъ, когда послуживъ своего по тѣложитъ, какого то ослѣпшаго совѣтника, назвалъ «подозрительнымъ» (см. стр. 452), да и то, «можетъ быть, нѣсколько выпивши», а другой разъ, когда ошеломленный добывалъ чувствомъ любви, въ нѣмомъ восторгѣ, какъ кошка, вѣдь гусаръ, засмотрѣлся на губернаторскую дочку (стр. 316—322), в пазъ, совершающа пазъ подъ влиянiемъ этого нѣжнаго чувства... Какой дивный, глубокий, психологическiй фактъ!.. Не только задумасица...

Какъ же, въ самомъ дѣлѣ, объяснить подобный промахъ? Какъ простить такую ошибку художнику талантливому и изучившему Гоголя? А между тѣмъ, причина этой ошибки совершенно понятна. Художникъ, рисуя Чичикова, платилъ иногда дань лиризму, чертилъ фигуру согласно съ собственнымъ настроенiемъ духа, или, по крайней мѣрѣ, не принимая въ расчетъ безчисленныхъ условiй характера Чичикова. Характера сложнаго. Такъ, на ярмаркѣ, страхъ Чичикова, въ мавзуту, когда онъ готовился отвѣдать чертескаго чубука Новадрана (стр. 160), довольно вѣрно выражаетъ страхъ чужака совершенно ничтожнаго, можетъ быть и туповатаго, котораго страдания или собираются быть, — однако дѣтъхъ людей, которыхъ въ действительности быть... Такихъ, конечно, художнику чаще случалось видѣть... а поэтому и нарисовать ихъ было не трудно. Но Чичиковъ... это чужакъ иной натуры, и вся продолка съ Новадраномъ — внимательное исключенiе въ его жизни: кощину его положенiя въ трагическую минуту прiѣзда капитана испривава, требовалъ болѣе пристальнаго изученiя, долженъ былъ выразиться въ болѣе тонкихъ чертахъ... Положенiе унаго чужака, котораго вотъ «вотъ

невозможна и еще Богъ знаетъ кто, Ношпретъ, Пераррнн, Шамушка... Боже мой! Да это снова чрезвычайно-слезная! А на рисункѣ, въ лицѣ Чичикова, написано только выраженіе глупата неуга, какъ-будто находчивый, невозможный ужъ героя не работая въ минуту крикса, какъ-будто тревожный мысли не бѣжали по лицу его, и не оглядывался онъ, какъ смышленый вухной вѣтротъ, насчиткуый собегавы!..

Въ XVII выхусти (рис. № 87) встрѣчешъ новое доказательство въ подтвержденіе нашей истины. Рисунотъ изображаетъ Чичикова въ минуту олимпота рывытленія о еуетъ шира, о нежности базотъ и великитъ свѣдотъ, нарядотъ, щетотъ и танкетъ. Тамъ, въ этой комнатѣ, такъ давно знакомой читателю, съ дверью, заставленной комодотъ и выглядывавшимъ нготла нтъ угловъ тараканамъ, полеленіе мыслей и духа его было также неспокойно, какъ тѣ кресла, въ которуыъ онъ сидѣлъ. *Непріятно, смутно было у него на сердцѣ, какал-то тлѣотная пустота оставалась тамъ* (стр. 330).

И по этой превосходной програмитѣ, что сдѣлалъ художникъ? Изобразилъ какого-то ожесточеннаго «улана», въ минуту совершеннаго отчаянія, — челоука пронравшагося въ пухъ въ карты или притвореннаго къ наказанію, готоваго проинвестъ «чортъ возьми все!» пропадай душа» и тому подобныи, навѣстныи и употребительныи въ подобныи случаяхъ выраженія... Какія жестокия, грубыя черты! Какой нестойчивый всегда приличному и кудътошему соботъ Чичикову жестъ!.. Мы предѣказали художнику, что эта сцена не доступна политикоту (*), что нтъ возможности на рисунокѣ, вырванномъ на деревѣ, какъ бы ни былъ онъ чисто сдѣлатъ, изобразить Чичи-

кова въ ту минуту, когда внутренняя драма, пробужденная двусмысленной смехотъ на губернаторскомъ балѣ, отражалась на лицѣ его и только по-временамъ обнаруживалась въ безиркойныхъ, но все-таки сдержанныхъ движеніяхъ всего тѣла. Друготъ дѣло, еслибъ досада его на балы и шарды была искрелена: но, непріятно, смутно было у него на сердцѣ, какал-то тлѣотная пустота оставалась тамъ. А это происходило отъ чего? Отъ того, что «суда въ-шалагъ другия причина нагодованія. Главная досада была не на балѣ, а на то, что случилось ему оборотаться, что онъ вдругъ показался предъ всѣми Богъ-знаетъ въ какомъ видѣ, что сыгралъ какую-то странную роль, ду-смысленную роль... Это тѣмъ болел было ему досадо, что разобраши дѣло лело, онъ сидѣлъ, какъ причиной этого были отчисти сама» (стр. 332—3). Такое сложное чувство трудно передать и на полотнѣ... Притомъ возможно ли, чтобъ и всякій челоука, кто бы онъ ни былъ, если только у него смутно на сердцѣ, если онъ обрзался, остреллся при добрыхъ людяхъ, возможно ли, чтобъ онъ обнаружилъ свое чувство рѣвнымъ жестомъ, всплеснулъ руками или сдѣлалъ что нибудь подобное? Нѣтъ, это несогласно съ природою челоука: много, много, если въ подобную минуту стиснешъ зубы, закусишь нижнюю губу, но размахивать руками рѣшительно не станешь. Особенно несвойственно было сдѣлать это Чичикову, который лучше, чѣмъ кто-нибудь владелъ соботъ, и душа котораго въ эту минуту была переполнена самымъ тонительнымъ чувствомъ: «его огорчало сильно нерасположеніе тѣхъ самыхъ, которыхъ онъ не уважалъ и на счетъ которыхъ отзывался рѣвно...» (стр. 333). Этого разлаз челоука съ самимъ-соботъ не легко прочесть на лицѣ самаго выразительнаго; не праберешъ словъ, чтобъ его вырвать: какой же жестъ передать то, чего нѣтъ силъ выказывать! Конечно, есть люди, которые отъ всякой неудачи и остычки въ жизни не прочь рас-

(*) См. «Отеч. Зап.», томъ L, отд. VI «Библиографическая Хроника», стр. 76.

вещь-то и помиривалъ художникъ свое искусство отъ этого несовершенна. Интересно также объясненіе съ Маньякомъ (рис. 10 и 11), пробужденіе Чичикова въ день совершенія бурли (рис. 17), и, наконецъ, дружба. Отъ этого художника мы узнаемъ, почему выбравъ Чичикова для себя, Писанин совершилъ художника на достаточной уважалъ личность верою. Мысль Чичикова, и порою прикинула его во образъ великаго поэта и великаго поэта. Сама энергия и способность деятельности Чичикова не согласна съ эгоистическою и эгоистическою личностью, принадлежавшею ему на моментъ картинка. Такое смущеніе, могла бы имѣть безвѣдливость даромъ. Бременшанскія земли (М. Д., стр. 215)? а между всѣми этими людьми и Чичиковымъ есть огромная разница. Въ немъ те же въ собою, радъ изустоватъ и провалъ очень въ воду, но, не смотря на то, онъ дѣлаетъ различіе съ приобретателемъ картинныхъ картинъ. Тайна успѣховъ Чичикова заключается въ безукоризненности его живописи, въ какой-то чудной удобоволяемости его характера, въ его смѣлости, ненаброшеній на него того печальнаго волорита, который замѣчаютъ на большей части людей, совершившихъ трудовое поприще, — омытости, которая казбалло даромъ досталось ему, въ совершенствѣ, охоту рѣшительныхъ чертъ, объединяющихъ ту или другую слабую сторону человѣка, въ способности подстеречь, безъ устаны, быть приятнымъ каждому, никогда не позволить себѣ отдохнуть свободно, окарать два три слова безвѣдливо, пожать на распянку, а чертъ грѣшу, пожать такъ, какъ душа дрожитъ. А человекъ, неображенный въ рисунки № 67, видимо принадлежатъ къ категоріи людей, которые непримѣнно оборачутся въ минуту смерти, и тогда вся тѣла, всѣ черныя свойства души ихъ выступаютъ наружу. Это типическое лицо часто бросалось въ глаза художнику и мѣшало ему рисовать Чичикова какъ слѣдуетъ.

Не смотря на эту ошибку, нельзя не

согласиться съ тѣмъ, что Писанинъ на волю рѣшительныхъ и прерасомъ выражена въ немъ черта натуральной и чистоты, которую такъ забываютъ, прерасомъ Гоголемъ это непростительное второе качество: «молунышатаго и бабиката, и т. д. д. стей» (стр. 147). Забогосомъ (о) молу томкахъ, искренно любящаго своимъ дружествомъ, что-то способно рѣшительности порядочнаго человека нашего времени, — то, что хотѣлъ вырвать Гоголемъ, говоря объ удовольствіяхъ, съ которыми Чичикова затлгивали брѣжи, и дѣлалъ податкамъ, пресомъ свой, и LABOROMъ «себѣ бы пресомъ», «то-домъ, какъ-окъ «применяла» себя «накою», и дѣлъ «подлинную» брѣжу и дѣлѣ сдѣлалъ «посчитъ зыдекъ»... Особенно хорошо умѣетъ художникъ показать Чичикова въ малоброде на моментъ суда: при этой позѣ «асъ части грѣя» (стр. 161) выступаютъ какъ-то особенно рельефно: слезъ на выдохнѣ, глядя на эту плотскую, дѣлѣ дѣлѣ, живучую и въ то же время совершеннубезукоризненную фигуру.

Наконецъ, есть рисунокъ, на которомъ образъ Чичикова не только не утрированъ, но и вполне выражаетъ идею гоголевскаго Умисса. Вы видите предъ собою лицо, проминутое мыслью, мыслью тонкою, недостаткомъ окружающихъ его недостаткомъ, исправляемъ et cetera. Это лицо ясно выступаетъ изъ цѣлой группы фигуръ, также тщательно паразитныхъ, тоже во фракахъ и плоскихъ манжетахъ, но личностныхъ эмисией, и телѣ дигендѣ, которая такъ и простѣчается въ тѣлахъ, ослѣпленныхъ перлахъ отъ Чичикова.

Мало того: рисунокъ, смѣлое чувство можно прочесть лицомъ на лицѣ его. Какъ чертъ, на прилѣтѣ, рѣшительность № 63, неображенный реаломъ Чичикова съ губерлиерией и въ дѣлѣ. Вся фигура пера выражаетъ какое-то безпокойство; видно, что онъ находится въ состояніи невраженія, старается, выматъ изъ дѣлѣ мысль свѣтлою, приятную дѣлѣ, особѣ, приходящу дѣлѣ, остроумный

авендотецъ... хотѣ бы о философа Дюгеръ. А сидитъ-то, Воже мой, и какъ сидитъ-то оны! Сколько смущенія выражаетъ вся его поза! Какъ трудно ему завязать разговоръ и «получить форте!» (стр. 322). Художникъ, кажется, хотѣлъ придать еще болѣе чувства лицу Чичикова на рис. № 63, когда губернаторша подводитъ къ нему институтку: но... рѣзецъ ли имѣли гравёру, переносившему рисунокъ на дерево, или иначе какъ случилось, только лицо Чичикова получило какое то плаксивое выраженіе. Выпрямите на четверть линіи нпгабъ носа, смягчите выраженіе лица, — и рисунокъ былъ бы превосходенъ, тѣмъ болѣе, что поза Чичикова вполне выражаетъ смущеніе, въ которое привело его малое личико институтки.

Еще лучше вышелъ Чичиковъ на рисункахъ номеровъ 62 и 64, гдѣ оны изображены разговаривающими съ дамами. Умное, сметливое лицо его дышетъ особенныи довольтвомъ; въ немъ замѣтна даже маленькая претензія на ловкость и молодцовость: это тотъ самый Чичиковъ, который въ этотъ день чувствовалъ какую-то ловкость необыкновенную: раскланивался направо и налево, по обыкновению своему, вскользко на бокъ, но совершенно-свободно, такъ, что очаровала всѣхъ (стр. 309) ...непринужденно и ловко развѣтывался съ иждиторыни изъ данъ прѣтативни словами, пододвигъ къ той и другой дробини, мелкии шагомъ, или, какъ говорятъ, семеннл ножками, какъ обыкновенно дѣлаютъ маленькіе старички-щоголи на высочнхъ набукахъ, называемые мыпмынии жеребчниками, забѣгающіе вѣсьма проворно около дамъ. Посеменнл съ доволно-ловкии поворотами направо и налево, оны подшаркнул тутъ же ножкой въ видѣ коротенькаго хвостика, или на подобіе зайчонъ (стр. 314). На этихъ рисункахъ Чичикову придана та непринужденность въ движеніяхъ, которую оны дѣйствительно могъ себѣ позволить съ дамами города N., но которой никогда не обнаружилъ

бы оны передъ женщиной иной категории, женщиной въ полномъ смыслѣ слова. Непривычный къ обществу дамъ (что и согласно съ его трудной преисполненной преритностей жизнью), но жеманливый Чичиковъ инстинктивно понималъ безконечное разстояніе между художественной блондинкой и дамами, отъ которыхъ веселой и флѣлкии: посмотрите, въ какннхъ апломонъ, съ какннхъ чувствонъ собственнаго достоинства-стоитъ оны слегка склонивъ голову и наложивъ руку на лобъ, передъ дамой въ чудовищнхъ тоиъ (рис. 62); какъ хорошо повелъ художникъ выраженіе лица Чичикова: выраженіе, которое оны изучалъ передъ зеркаломъ: собираетъ на балъ выраженіе почтительное, но съ иждиторю улыбкою (стр. 308)! Въ другомъ мѣстѣ (рис. № 64), когда дамы пертригуютъ его и разсрививаютъ о томъ, кто погрузилъ его въ смѣлку долнну задумчивости, на лицѣ оны легко разглядѣть маленькое затрудненіе, какъ отвѣчать на эту глупость. Въ добавокъ, обличенную въ тнгуловостонную форму, и въ то же время, полное сознаніе своей самостоятельности и поношеній къ пріятному обществу. Замѣтно, что хотя Чичиковъ и не уронить себя въ обществѣ дамъ, но не такъ на языкъ своемъ болѣе впріобрѣтъ опытности и искусства въ обращеніи съ мужскими полтои, спорѣ наидетса въ разговорѣ о таможенннхъ достопрѣднкахъ, о выдѣлнхъ горячаго вина, и о добродѣтели (стр. 22 и 23). Нежели отвѣтитъ на запросъ объ тои, гдѣ порхаетъ высь его, и въ этотъ случаѣ способенъ сказать такое, что бы никакъ не сказаъ ни Гренинъ, ни Звонскій, ни Лидинъ, ни великіе ловкіе военныи люди (стр. 316). Художникъ счужилъ чрезвычайно удачно оны гласить прнродную своровку Чичикова съ отсутствіемъ настоящей свѣтлостн, салонной ловкости, которыхъ не могъ усвоить себѣ человекъ, съ молодомъ колѣннхъ въ черной кожѣ, участвннхъ въ уѣздномъ училищѣ, а потомъ долго служивашнхся до мѣста шовнчрѣка

«спавший на столах», дежуримый по почтамъ въ полатъ, «обладавший полчасъ съ сторожами» (стр. 336) и «кавъ на кривизнѣйшей духомъ, одлавожъ похульничій и даже повелевничій во время такия невогды» (стр. 447).

Такъ же хорошо передано на рисункѣ существію Чичикова при встрѣчѣ съ Подразинимъ на балѣ у губернатора (рис. №. 66). Сколько признаній, благообразія, мало того, сколько условнаго благородства въ этомъ оскандализованномъ лицѣ героя, «пострадавнаго много на службѣ» (стр. 14)! Какой контрастъ съ разгульной, пышной фигурой развѣтвлаго Подразина! Какъ удачно схвачена художникомъ первый моментъ замѣтательства Чичикова, когда, оплезающій привѣтствіемъ «херсонскій пофѣщикъ! много ли ваторговалъ мертвыхъ?», произнесеннымъ «во всю глотку», онъ остановился на полусловѣ... и не разрѣшилъ губернатору вопроса: «постоянна ли женская любовь?..» Какъ вытянулся Чичиковъ, какъ вытянулись штрипки его панталона!.. Застыгнутый въ располкъ, онъ кажется какъ-будто помоложе... особенно подлѣ пожилаго и до крайности добродушнаго лица губернатора, который ввѣлъ шепотку табана, да такъ и обсмѣивалъ въ этомъ положеніи, спонсумешный не менѣе любезнаго ему Павла Ивановича, отъ такого неожиданнаго пассажа... Куда дѣвалась самоуверенность Чичикова! какъ много выступило наружу человѣчнаго—у него, вѣчно-закрытаго и непонятнаго! Страхъ, огорченіе, наконецъ то чувство, которое Гоголь сравнилъ съ опущеніемъ, тогда «прекрасно вычищеннымъ самогемъ вступилъ вдругъ въ грязную лужу», — все это можно прочесть на лицѣ его.

Г. Агнѣвъ дошелъ до убѣжденія, что, рисуя Чичикова, онъ имѣетъ дѣло съ личностью вовсе-незабавною, но сложною... Теперь мы можемъ надѣяться, что художникъ вѣрно изобразитъ дѣтство Чичикова, его молодость и пере-

ходъ въ востужалости, предоганить намъ разъ поразговѣ, по которому легко будетъ понять, какъ милостивый, зануганный мальчикъ. Палауша сѣдлавался милостивымъ помычникомъ, какъ онъ похорошилъ и попомилъ, даужа въ какой-то строительной комиссіи, какъ опять полуривалъ и смалъ съ тѣян отъ разныахъ невзгодъ и переборонъ, и наконецъ стала благодравимымъ колдешскимъ совѣтникомъ и таможеннымъ чиновникомъ Павломъ Ивановичемъ Чичиковымъ.

Самъ Гоголь чувствовалъ, что разрѣшеніе вопроса о томъ, что такое Чичиковъ, требовало полной исторіи его развитія. Посмотрите, какъ заботливо начиняетъ онъ очерчивать его характеръ въ концѣ поэмы! Какъ домотамы становится читателю похожденію Чичикова, когда ознакомился онъ съ его дѣтствомъ, воспитаніемъ и первыми опытами на служебномъ періодѣ! Какъ слагается мало-по-малу въ воображеніи читателя образъ героя, замечательной мыслью, полновымъ и въ то же время наводящимъ тяжелое раздумье!

Мы ожидаемъ отъ художника портрета, который бы выполнялъ всѣ требованія отчетливой гравюры, на которомъ бы были строго (minutieusement) переданы тонкія черты лица Чичикова, всѣ мелочныя мысан, постоянно одушевлявшей его, наконецъ выраженіе мучеи, темной страсти, работавшей въ глубинѣ души его. Этотъ портретъ долженъ соотвѣтствовать тому мѣсту въ текстѣ «Мертвыхъ Душъ», гдѣ Гоголь, окончивъ біографію Чичикова, въ заключеніе говоритъ: «И такъ «отъ себя на лицо герой лани, какодъ «онъ семъ» (стр. 460). Безъ этого портрета мыло млюострывать «Мертвыа Душъ» останется невыполненнымъ, и тогда уже никакимъ образомъ нельзя будетъ объяснить, отъ-чего художники, приступая къ изданію «Ста Рисунковъ» избрали самую трудную задачу: представлять портреты главныхъ дѣствующихъ лицъ поэмы и всѣ сцены, сопро-

возвращшія популуу Чичиковыхъ душъ
• на оуъ міра сего • (стр. 94). (*)

Рисунки нумеровъ 45 и 25, изображающіе Пашкина и Нодрова, показываютъ, что художники были нечужды мысли—помѣстивъ въ своемъ изданіи въскрѣсно портретовъ, особенно тщательнѣ сдѣланныхъ, но, какъ ни хороши эти рисунки, а все-таки подобный портретъ Чичикова былъ бы неудовлетворителенъ. Для прибра мы уважемъ художникамъ на иллюстрированное изданіе *Mystères de Paris* (gr. in 8°). Тамъ помѣщено болѣе шестисотъ политипажныхъ рисунковъ на страницахъ текста, но кромѣ того приложены на отдѣльныхъ листахъ портреты главныхъ дѣйствующихъ лицъ *Fleur de Marie, Rigolette, Chourineur* и др. въ разныя эпохи разсказываемаго событія.

Всѣ рисунки, на которыхъ до сихъ поръ былъ изображенъ болѣе или мѣдѣе удачно Чичиковъ, только служатъ въ сравненіи съ тѣмъ, чего мы имѣемъ право ожидать отъ настоящаго его портрета. Не вѣтъ болшинство вудили быдуть судить о достоинствѣ всего изданія.

Подобный портретъ Чичикова опредѣлитъ воистинѣ характеръ изданія г. Бернерскаго (какъ галереи портретовъ изъ *Мертвыиъ Душамъ*), и въ такомъ случаѣ художники окажутъ прямую услугу читающимъ людямъ, не говоря уже о томъ, какъ порадуютъ они тѣхъ, въ развитіи которыхъ много значилъ *Мертвыиъ Душамъ*.

Въ изображеніи цѣлыхъ сплавъ замѣтеть тоже успѣхъ. Г. Агнъ очень удачно компоуетъ большія группы; польза академическаго курса видимо отозвалась въ этихъ рисункахъ: художники никогда не затруднятся разставить фигуры; нигдѣ не найдете вы у него ошибки противъ перспективны, или, что еще хуже, противъ анатоміи, кото-

рыя такъ часто можно найти въ университетскихъ рисовальникахъ. Смертнотого, снени, изображенныи въ послѣднихъ фигурахъ, пренебрежены нѣмнотѣ строгости и драматизма; нѣ фигуры, нѣмнотѣ, сейчасъ оскотитъ своимъ нѣсгъ и повесутся на проволку въ галондѣ, болѣе старинна иго или сдѣлать другъ друга въ нѣмнотѣ объятіяхъ. Для прибра правнотъ сцену *галонда*. Въ первой парѣ нѣмнотѣ, кажется, Французъ Кузу или, въ крайней-нѣрѣ, то лицо, о которомъ Чичиковъ оуывался такинъ образомъ: «взрослый, совершеннотѣтній адрутъ, выскочить весь въ черномъ, обнѣ-паный обтанутый, какъ чертикъ, и давай нѣснть ногамъ» (стр. 331); дамы во второй парѣ «съ такой товнотѣ опустила голову на болѣе», что дѣйствнотѣ слышнотѣ что то деселнотѣ (стр. 319); наконецъ самъ Чичиковъ котораго «по самому носу дернул цѣлый рядъ локтей, рукавозъ, воцеллентъ, душнотѣхъ шемнотѣтокъ» (стр. 311), поставленъ очень-хорошо: нѣмнотѣ что онъ немнотѣ можно попытаться изъ стѣны и только-что произнотѣсь въ моллотѣ *Вона! пошла писать губерналъ*. Вырженіе лица его «степеннотѣе» съ прнѣтнотѣсю едѣе-пронемалкунотѣвой прнѣтнотѣ...

Также хороши сцены: споръ въ грѣсно, рекомендація губернаторской дочкн, разговоръ Чичикова съ дамыи скандалѣнная встрѣча Нодрова съ Чичиковымъ на балѣ, разговоръ прокурора съ дамыи (рис. 74) и ннотѣ другія. Но едѣе ли не лучше всего изображенъ приездъ *Коробочки въ прѣстолнотѣ* (р. 68). Лицо прѣстолнотѣи рѣшнотѣтнотѣ классическое. Художникъ смелѣе снѣлнотѣ черты доброй старушкн, давая, воутомнотѣной въ носѣ съ дурннотѣи, нероснотѣтани и всѣмъ домашннотѣмъ кланнотѣ, въ свое время, какъ слѣдуетъ прикнѣнотѣ съ дюжннотѣ дѣтокъ, которнотѣ пошла кто въ палату писномъ, кто въ совѣнарнотѣ кто замужъ за молодого діаконъ, и основательно дожнѣнотѣющей долгнотѣ нѣмнотѣ съ своимъ Филемонотѣмъ... Тутъ *Коробочка*, «малый въ нѣструннотѣ», нѣмнотѣ нѣмнотѣ и нѣструннотѣ нѣмнотѣ съ вол-

(*) См. Огеч. Заннотѣ, томъ I, отд. VI, Библіогрѣе. Хрннотѣ, стр. 82 — 3. Также, томъ II, отд. VIII, стр. 87.

тридцати, пирога, кокурки, оваро-
дникъ и панички... танъ. Боражке,
национальный довленъ, египетская ок-
седидя, Москва и Вазарлоо, портретъ
младо, диктъ... Остальное дознаете
сами!

То же самое можно сказать и о
двухъ претопонни, которая босикомъ,
въ одной рубашкѣ, стоитъ съ огар-
комъ на лѣстницѣ. Фигура ея про-
воскозна. Видно, что дѣвушка не
изменилась; видно, какъ ей холо-
дно, напряженно смотритъ она на не-
жданую гостью, и грѣетъ ножку пож-
кою. Мало того: сколько шги выра-
жаетъ это здоровое, незнакомое съ
мыслью существо, какъ просвѣчива-
етъ сквозь холстъ крѣпкое тѣлосло-
женіе! Хотя объ ней не упоминает-
ся въ «Мертвыхъ Душахъ», но это
лицо прямо гоголевское. Наконецъ,
нельзя не упомянуть и о лицѣ ла-
кейскаго происхожденія, въ курткѣ
мат. домашней шеструшки, съ небри-
той бородою, *подернутой легкой про-
сидью*, лицѣ извѣстномъ «полъ име-
етъ малаю». Этотъ служитель Коро-
очки помѣщенъ на второмъ планѣ
прдны; но какъ ясно, что онъ дѣй-
ствительно былъ «стащенъ за ноги» съ
двухъ ногъ, «пбо спалъ мертвецки»!
лицъ живописно запустилъ онъ лѣвую
уку на правую, потягивается и зѣва-
етъ! Хорошъ также костюмъ Коро-
очки: съ капоръ, нахлобученный на
зада, капотъ, въ-крестъ опоясанный
латкомъ и необходимый шпечекъ
въ лезрушочанин рублями, а можетъ-
быть и двуля носовыми платками, оч-
ки, серебряной съ чернью табакер-
кѣ, гадальными картами, вязальными
игольщи и вежною дрявлюю.

Нѣ заключеніе скажемъ нѣсколько
словъ о цѣтѣ губернской аристокра-
и, о губернаторшѣ, ея дочкѣ и вооб-
се о дамахъ города П.

Губернаторшу встрѣчаемъ мы на
еихъ рисункахъ: во-первыхъ, когда
а подводитъ къ Чичикову дочку; по-
мѣтъ, когда Чичиковъ рассказываетъ
Ституткѣ «разныя исторіи» и на-
Г. III. — Од. VIII.

конецъ, когда она сервизируетъ бѣд-
ную блондинку за распущенную дама-
ми сметно объ интригѣ Чичикова...
Многіе находили, что лицо прешеско-
дительною манерою «слабонно»-мѣсто-
но; мы готовы согласиться съ этимъ
въ-отношеніи рисунка № 72. Тутъ
дѣйствительно придало ей выраженіе
мужскаго лица, но на рисункѣ № 63
какъ-недѣл-лучше выражены и мате-
рипская нѣжность и какой то отгѣ-
нокъ достоинства и приличія, прямое
сладствіе аристократическаго про-
исхожденія. Никто не поручится за
умъ этойъ губернаторши: въ лицѣ ея
легче разглядѣть ограниченность,—а
между-тѣмъ посмотрите, какое беско-
нечное разстояніе между ею и сувру-
гами губерпскихъ чиновниковъ!

Лицо губернаторской дочки, если
можно позволить это выраженіе, *рисова-
но по диктовкѣ*, со слова Гоголя, но въ
то же время въ рисункѣ явно от-
сутствіе творчества. Такъ, на-прим.,
живописецъ причесалъ смпреницу à
la chinoise... Оно бы такъ, пожалуй;
но не въ прическѣ дѣло, а вообще ли-
чико дѣвушкамъ, на всѣхъ трехъ картин-
кахъ, далеко не соответствовуетъ тому
гениальному портрету этого милаго
созавія, который представилъ Гоголь
въ своей поэмѣ (См. стр. 167, 316 и
321). Портретъ губернаторской дочки,
точно такъ же, какъ и портретъ героя
«Мертвыхъ Душъ», требуетъ граю-
ры болѣе-полной, болѣе-отчетливой:
эти художественныя черты трудно пе-
редать въ слегка набросанномъ очер-
кѣ. Подобный портретъ былъ бы ист-
тинною роскошью въ изданіи г. Бер-
нардакаго; онъ освѣжилъ бы эту кол-
лекцію лицъ «скупныхъ, противныхъ,
поражающихъ своею дѣйствитель-
ностью» (стр. 252), и, entre nous soit
dit, помѣстить его было бы выгодно и
въ коммерческомъ отношеніи...

Что касается до дамъ города N., то
какъ-ни утвриваемы нѣкоторыя квестю-
ны, такъ ни задорны члѣны египтопо-
мин, но когда вы глядите на рисунки,
вамъ становится, какъ и отъ чтеніи

Тоголя, не столько смѣшно, сколько досадно. Какая грубость кроется подъ этими нарядами! Какъ мечутся въ глаза эти самыя женщины во всей своей нравственной наготѣ: правдыя, задорныя, проводящія время въ сплетняхъ и въ вознѣ съ прислугою... Какъ просвѣчиваетъ въ нихъ неукротимая склонность къ тому, что въ городѣ N. называлось *друюв-третье*! Какъ видно, что всѣ мысли и движенія этихъ барынь устремлены къ *друюму-третьему*, что мужчины подлѣ нихъ преобразуютъ только необходимыхъ участниковъ и виновниковъ *друаю-третьяю*... И сколько мелкихъ ссоръ, крупныхъ слетень и нескончаемыхъ драговъ господствуетъ въ ихъ кружку на-за *друаю-третьяю*! Взгляните на эти свирѣпыя лица, отчаянные костюмы... и все это свирѣпствуетъ, клеветаетъ, рядится во имя *друаю-третьяю*... во имя древняго бога Приапа!..

Губернскія львицы: «дама пріятная во всѣхъ отношеніяхъ» и «просто-пріятная дама», изображены художникомъ съ особенной любовью. Онъ посвятилъ имъ три рисунка. Лучше другихъ вышелъ рисунокъ № 71, представляющій ихъ въ ту минуту, когда «дама, пріятная во всѣхъ отношеніяхъ», мучитъ свою пріятельницу, высказывая по-маленьку свои предположенія о мертвыхъ душахъ. Довольство и самоувѣренность написаны на лицѣ львицы: невольно вспомнишь, что она «была отчасти матеріалистка, склонная къ отрицанію и сомнѣнію, и отвергла весьма-многое въ жизни» (стр. 344). «Просто-пріятная дама, напротивъ, вся обратилась въ слухъ; уши ея вытянулись сами собою, она приподнялась, почти не сядя и не держась на диванѣ, и не смотря на то, что была отчасти тяжеловата, сдѣлалась вдругъ тонѣе, стала похожа на легкій пухъ» (стр. 351).

Все это очень-хорошо передано на рисунокѣ. На лицѣ этой милой особы какъ-разъ разглядишь ту непріятную раздражительность, нервность, готовность перетревожиться, всполошиться

и расплакаться отъ всякаго вѣдора и даже безъ всякой причины, — раздражительность, до которой она постаралась довести себя изъ желанія быть свѣтскою, чувствительною дамою...

Ноздревъ на балѣ изображенъ, если хотите, не дурно... но, право, г. Агитъ, одѣньте вы его получше, причешите ему немножко волосы, пожалуй и завейте, а потомъ растреплите ихъ немного; надѣньте ему панталоны со штрипками и развѣ-развѣ съ широкими раструбами или съ лампасами; придайте и выраженіе лица и жесты нечѣ-нѣе пьяные, и онъ все-таки остался бы Ноздревымъ... Въ этомъ рисунокѣ видно поползновеніе къ каррикатурѣ, и это заставляетъ насъ опасаться за нѣкоторые сцены, которыя предстоитъ изобразить художнику, ма-принцѣрѣ, когда Чичиковъ бранитъ Селифанъ за медленность, когда капитанъ Кошечкинъ шумитъ въ комиссіи, и нѣкоторыя другія.

Обстановка сценъ вездѣ прекрасна и строго облумана. Такъ, на-прим., на балѣ у губернатора свѣтло, богато и въ то же время не столично. Въ залѣ слишкомъ-много кенкетъ, деревьевъ, картинъ: все тутъ дышитъ смѣшеніемъ французскаго съ вижегородскимъ... Пышно, свѣтло, чопорно въ этомъ обществѣ и въ то же время въ залу пускаютъ Ноздрева и даму въ плюсовыхъ сапогахъ (стр. 369).

Въ заключеніе нельзя не отдать должной справедливости чистотѣ отдѣлки рисунковъ и рѣзбѣ г. Бернардскаго. Не говоря уже о лицахъ, которыя отгѣнены съ особеннымъ тщаніемъ, даже мелочныя условія рисунка (чего и нельзя требовать отъ политнцажа), выполнены съ особеннымъ искусствомъ. Какъ живо драпируются дамскія платья, какъ чисто выдѣланы кружева, какъ блестятъ отполированная мебель... Скажутъ: это мелочи; но надѣ этими мелочами много надо было трудиться художнику и исполненіе подобныхъ мелочей составляетъ истинную роскошь живописнаго изданія, которому подобнаго не было у насъ до

снхъ-портъ ни по важности содержанія, ни по строгости выполненія.

Остается пожелать, чтобъ г. Агнъ въ остальныхъ семи выпускахъ помирилъ насъ съ Маниловымъ, Петрушкою, Селифаномъ и лошадию Чичикова, отъ заѣдателя до подлца чубарого (стр. 460), которые до-сихъ-портъ были ивображены имъ не совсѣмъ удачно... Главное же — повторяемъ, поближе ознакомить насъ съ физиономіею самого героя «Мертвыхъ Душъ» — Павла Ивановича Чичикова.

— А между-тѣмъ, г. Бернадскій, слышно, замыслилъ другое предпріятіе, совсѣмъ въ другомъ родѣ: издать иллюстрированныя анекдоты Петра-Великаго. Прежде всего, мы рады тому, что новая мысль родилась у художника въ то время, когда предъидущая уже почти осуществилась, когда успѣшнѣйшій выходъ «Ста Рисунокъ» не подлежитъ сомнѣнію, ибо не далекъ отъ конца. Иначе мы могли бы припомнить пословицу о поговѣ за двумя зайцами, бѣгущими въ равныя стороны. Потомъ, о замомъ предпріятія. Имя и исторія Петра — Великаго такимъ свѣтлымъ кругомъ горятъ въ памяти каждаго русскаго человѣка, что все касающееся ихъ имѣетъ полное право на общее сочувствіе; следовательно, матеріальный успѣхъ предпріятія можетъ считаться вѣрнымъ. И если этотъ ожидаемый успѣхъ осуществится на самомъ дѣлѣ, о осуществится по-дѣломъ; исполненіе подобнаго замысла трудно, тѣмъ болѣе, что художники не могутъ надѣяться на опытность, которую приобрѣли они, труаясь надъ героями «Мертвыхъ Душъ»: новое предпріятіе ихъ представляетъ трудности совсѣмъ-другаго рода. Кромѣ того, что образъ Петра, съ его оригинальной обстановкой, является своеобразная картина его жизни и дѣлъ, требуетъ широкой и твердой кисти, — нельзя забыть, что тутъ еще ждемъ будетъ новый текстъ, и если изданіе его предвзвѣщается не для гонимыхъ, то сейчасъ же возникаетъ вопросъ объ анекдотической исторіи,

сообразной настоящему времени. А у насъ еще нѣтъ почти никакой исторіи Петра, или если и есть, то такія, которыя врядъ-ли вдохновятъ художника. Чѣмъ будутъ устранены предстоящія препятствія? Кто возьметъ на себя составленіе труднаго текста — не знаемъ навѣрное, но слышали, что на этотъ подвигъ вызвался литераторъ, соединяющій съ основательнымъ умомъ основательное знаніе исторіи и желающій составить изъ этого текста нѣчто поважнѣе обыкновенной анекдотической исторіи. Вообще, намъ остается благодарить г. Бернадскаго за его благую мысль. Съ нетерпѣніемъ желаемъ, однако, чтобъ издатели оставались современными во всѣхъ отношеніяхъ, а потомъ, чтобъ изданіе ихъ вышло достойнымъ своего великаго предмета.

— Перейдемъ къ другому міру искусствъ — музыкѣ. Мы такъ ренуемъ о нашей недавно-прославленной музыкальности, такъ желаемъ поддержать ее въ васъ, читатели, такъ боимся за ея проходимость, что вы вѣрно позволите намъ говорить о ней много и пространнымъ, съ цѣлю, держать вашъ слухъ въ музыкальной напряженности во все не-музыкальное лѣтнее время, до самой осени, когда опасность минуетъ сама собою и вы начнете повѣрять наши разсужденія.

Въ-теченіе мая мѣсяца, въ музыкальномъ магазинѣ, существующемъ подъ фирмою «Олеонъ», появилось переложеніе Гензельтомъ веберовой увертюры къ «Фрейшюцу». Изданіе это довольно-дешево (1 р. 50 к. с.), опротно, безъ ошибокъ, а самое переложеніе не представляетъ никакихъ особенныхъ трудностей, очень-удобосполично; увертюра же — одна изъ старѣйшихъ любимицъ всѣхъ вообще публики; следовательно, можно ожидать, что переложеніе это не залежится въ магазинѣ и пойдетъ себѣ большой сбывъ. Имя Гензельта такъ знаменито, что, разумѣется, никто не будетъ сомнѣваться въ истинномъ приобретеніи для фортепьянной игры всакий разъ, когда имя

сравнятся съ Листомъ въ подобномъ же знаменіи фортепьяно. Во-вторыхъ, послѣ безконечныхъ изученій, которыми нужны ему были для большаго и большаго развитія средствъ своего гениальнаго исполненія, Листъ дошелъ до такого новаго закона для фортепьяно (который, быть-можетъ, Берліозомъ внесенъ въ инструментальную музыку), что цѣлыя многосложныя фигуры, кажущіяся употребленными для мелодической цѣли, существуютъ только для гармонической общаго впечатлѣнія; жестоко бы ошибся тотъ оркестръ или тотъ фортепьянистъ, который бы вздумалъ ихъ исполнять мелодически, какъ настоящую часть того, что должно оставаться въ впечатлѣніи слушателя. Каждый оркестръ, веденный контрапунктически, содержитъ въ себѣ множество гѣвъ, изъ которыхъ каждая существуетъ самостоятельно (все равно какъ-будто въ фугѣ) и не должна загораться, заглушевываться прочими; у Листа же и Берліоза ихъ мелодическія фигуры именно на то существуютъ, чтобъ ихъ не было слышно, а чтобъ онѣ только помогали общему впечатлѣнію.

Мода на сочиненія Листа мало-помалу прошла, теперь они лежатъ въ магазинахъ нетронутыя; а прежде... Бывало, точно праздникъ всякій разъ, какъ появится что нибудь новое съ его именемъ. Последнее время онъ все больше-и-больше склонялся къ переложеніямъ и, кажется, теперь врядъ-ли можно много ожидать отъ него другихъ вещей, кромѣ переложеній. Ничего лучше и желать нельзя: сколько ничтожны сочиненія его самого, столько велики его переложенія. Они прямо указываютъ на будущность музыкальныхъ сочиненій, для которыхъ приготовлены границы раздвинуты теперь до невѣроятности. Кажется, нѣтъ больше ничего невозможнаго, нѣтъ такого, чего бы нельзя было выполнить на фортепьяно. Оркестровъ немного на свѣгѣ, но въ лицѣ фортепьяно они размножаются чуть не до безконечности, подобно тому, какъ посред-

ствомъ книгопечатанія до безконечности размножается рукопись сочинителя. Ясно, что теперь недостаетъ только сочищителя музыкальнаго, который былъ бы въ состояніи не останавливаться на однихъ передоженныхъ чужихъ произведеніяхъ, но могъ бы самъ производить.

Въ одномъ русскомъ журналѣ недавно было напечатано странное разсужденіе о томъ, что мужчинамъ не слѣдовало бы играть на фортепьяно, что это для нихъ слишкомъ-жалкая роль, что можно оставлять это дѣло однихъ женщинамъ, потому-что, мужчинамъ нужно заниматься чѣмъ-нибудь подлѣннѣе. Мы не знаемъ, многіе ли читатели были введены въ соблазнъ этими размышленіями (изложенными очень-пространно), но достоверно то, что они какъ разъ относятся къ тому времени, когда родъ человеческій дѣлится на существа дѣльныя и недѣльныя, т. е. мужчинъ и женщинъ и когда женщинамъ оставляли на долю однихъ только *суперфлюэ*; нынче заниматься должны дѣломъ женщины, все равно какъ и мужчины; за то, вмѣстѣ съ этимъ очищеніемъ понятій, очистились и понятія объ искусствахъ: изъ нихъ стараются изгнать все безвначительное, лишнее содержанія и удержать только то, что дѣйствительно въ состояніи имѣть содержаніе. Вотъ почему такъ крѣпко привилось направленіе, данное фортепьянной музыкѣ Листомъ.

Слѣдовательно, всѣ арражировки, которыя не успѣли попасть на мысль, зарожденную Листомъ, будутъ тотчасъ же бросаться въ глаза чѣмъ-то отсталымъ, безжизненнымъ, не годящимся для нынѣшняго времени. Надо признаться, что арражировка Гензельтомъ увертюры Фрейшюца должна быть отнесена именно къ тѣмъ предвѣденіямъ, которыя отстали отъ современнаго развитія, такъ-что sobald кто не знаетъ, когда она сочинена, могъ бы подумать, что она написана и видѣлась на свѣгѣ лѣтъ пятнадцать тому назадъ. А между-тѣмъ — во всѣхъ сочиненіяхъ Гензельта этого же

нѣтъ нельзя: такова разница между употребленіемъ фортепьяно для жиденькихъ фортепьянныхъ цѣлей и употребленіемъ его согласно настоящему его назначенію и полнымъ его средствамъ. Оркестръ не можетъ быть *весь* уложенъ въ пространство двухъ фортепьянныхъ строкъ; слѣдовательно, надо выпускать вонъ и перемѣнять; именно въ этомъ-то все и дѣло, чтобъ понимать художественнымъ инстинктомъ, что надо пропустить, что непремѣнно удержатъ, для того чтобъ передавалось настоящее впечатлѣніе; словомъ, должно обладать способностью подобно портретисту — схватить прежде всего существенныя черты лица, опредѣляющія всю фizioномію. Этого дара нѣтъности и вѣрнаго взгляда у Гензельта нѣтъ: въ его арранжировкѣ царствуютъ самая необъяснимая случайность; Богъ-знаетъ отъ-чего пропущено одно, отъ-чего и для чего прибавлено другое, а прибавленія, которыхъ нельзя ничѣмъ растолковать, разумѣтся, непростительны. Листъ на своемъ вѣку перекладывалъ чрезвычайно-много: большую часть пѣсней Шуберта, духовныя пѣсни Бетховена на слова Геллерта, бетховенову «Але-ланду», два сочиненія Берліоза (увертюру *Frances-juges* и фантастическую симфонію), всю знаменитую арію Пачини: *i tuoi frequenti palpiti* съ полнымъ вступленіемъ и речитативами, увертюру Вильгельма Телля и «Фрейшюца», V и VI симфоніи Бетховена; слѣдовательно, ему приходилось бороться съ самыми разнообразными и разнородными трудностями, и однакожь, вездѣ у него прежде всего бросается въ глаза удивительная вѣрность оригиналу, стремленіе выразить всѣ отбѣнки мысли автора. Что, казалось, могло быть труднѣе арранжировки для двухъ рукъ такого многосложнаго оркестрнаго сочетанія, какое зовется V и IV симфоніею Бетховена, а между-тѣмъ это вышло лучшимъ произведеніемъ Листа, до сихъ-поръ вѣнцомъ его арранжировки, парави съ двумя оперными темами, заключающимися въ двухъ различныхъ

фантазіяхъ: тема чудеснаго, страстнаго дуэтта съ хоромъ, аккомпанируемаго прерывающимися ударами литавръ изъ оперы «Норма», и захваточная пѣсня донъ-Жуана *finché dal vino*, изъ мощаровой оперы. Эти четыре вещи можно считать за лучшія переложенія изъ всѣхъ вообще превосходныхъ арранжировокъ Листа. И между-тѣмъ, какъ при этихъ переложеніяхъ, такихъ трудныхъ, не перестаешь дивиться, откуда Листъ находилъ средство такъ просто уложить чуть-чуть не въ-самомъ-дѣлѣ весь оркестръ подъ десятию клавишами, у Гензельта съ удивленіемъ спрашиваетъ себя, что за причина была дѣлать самыя непростительныя пропуски, и не какія-нибудь не тотчасъ замѣтные пропуски, а въ самыхъ крупныхъ, всѣмъ извѣстныхъ частяхъ, гдѣ, притомъ и не было никакой трудности, которая бы могла служить извиненіемъ. Такими-образомъ, общезвѣстная главная тема, сначала въ *es-dur*, потомъ въ *c*, вставая изъ аріи Агаты, имѣетъ постояннымъ аккомпаниментъ оркестра свинтонами вездѣ. У Гензельта это сникопированіе начисто пропущено; слѣдовательно, рѣшительно измѣненъ характеръ этого мѣста, которому сникопы придаютъ особенное движеніе радости и стремленія. Далѣе, когда совершился въ увертюрѣ переломъ, минорный томъ разомъ разрѣшился самымъ свѣтлымъ изъ мажѣрныхъ тоновъ, двѣ блестящія фанфары возвѣщаютъ торжество добраго начала надъ злымъ; между ними есть длинная пауза, и прежде чѣмъ начнется второй фанфаръ, первый и второй скрипки быстро понесутся вверхъ, и тогда ужъ, послѣ ихъ послѣдней ноты, снова грянетъ весь оркестръ своимъ торжественнымъ кликомъ; разумѣтся, что вся эта фигура скрипокъ несется по натуральнымъ интерваламъ тоника, терція и квинты, только одна посторонняя нота (увеличенная секунда *dis*) встрѣчается на первыхъ нижнихъ ступеняхъ этой фигуры. Гензельтъ составилъ всю фигуру изъ совершенно-другихъ интерваловъ, нагромоздилъ нѣ-

специально дрессировать и посторонних нот, и глицистоиды, чистую, святость, которая тут нужна, дабы не впасть в шумность. Но здесь же, вь-силье за эту ошуровку, вь-силье дошел вь послѣднѣе для разя, вь-силье, мелодия Агатиной арія, вь-силье, громкимъ радостнымъ хоромъ всего оркестра. Вотъ здѣсь нужна шумъ, здѣсь нужны аккомпанирующіе, сикопны еще больше, чѣмъ при первомъ появленіи этой мелодіи, когда она является далеко не вь такомъ торжественномъ видѣ, какъ здѣсь — и что жь? вся разница между положеніемъ на фортепиано этой мелодіи вь первой части увертюры и здѣсь — соотносить вь томъ, что тамъ она исполняется однимъ голосомъ, одною потою, а здѣсь октавою; какъ же это можно? гдѣ же выражень прибавившейся цѣлымъ шумадіи, громогласный оркестра? не-уже-ли такъ много составлять разницы октавы? чего же было легко, какъ усѣять цѣлыми аккордами каждую четверть, также и вь правой, и вь лѣвой дѣрой, рукъ? никакой особенной трудности здѣсь бы не представлялось, а вь всякомъ случаѣ, здѣсь не вь трудяхъ дѣло; довольно того, что паче всего хотѣть полныхъ силъ оркестру: ухватить, фортепиано должно здѣсь хватить все, что только возможно схватить для оркестра десятью пальцами, а вь фортепиано очень-многое. Отъ этого удруженія весь конецъ увертюры у Гензельта, выходитъ чрезвычайно-слабъ и противъ первой половины, гдѣ октавъ удруженіе ужь очень-много, такъ, что никакою разницы вь силахъ оркестра нельзя замѣтить, нѣтъ никакой достаточности, никакого нарастанія. Увертюра открывдется унисовомъ положеніи оркестра, на который такую же полуразвою отвѣчаютъ одна скрипки одною потою;— у Гензельта для этого отвѣта стоять уже октавы; даѣе, при первомъ тремоландо, сопровождаемомъ глухими ударами грома, поднимается вь мѣръ одинокихъ виолончелей робкіи, и трещущій голосъ Макса — одна октавы; къ чему онъ? Вь самой срединѣ фортепиано альтовья ноты

для этого речитатива (es, d, f) такъ полны и звучны, что нѣтъ никакой надобности усиливать ихъ вь-силье октавами; отъ этого выходитъ неравномерность, неравнотнность количества отношенія звуковъ эти части съ заключительною частью увертюры. Кроме этихъ двухъ, есть еще нѣсколько тактъ же прихитровъ не-удачности и случайности: такъ, во-силье немногихъ тактовъ аллегро; встречаются могучіе сикопны съ нарастающею силою; для этого crescendo и для силы сикопновъ и пужны были вь-силье аккорды; вь-силье вь-силье Веберомъ, — у Гензельта же все вь-силье основаніе басовъ отрублено; и остаются очень-сжатые октовы срединны фортепиано аккорды, которые вь-силье никакъ невозможны и совершенно-беспилны; къ-чему же было унизить цѣлую октаву баса? Напротивъ, вь нѣсколькихъ тактовъ до появленія Агатиной тѣмъ во второй разъ, вь-силье es дурны у Веберъ быстрая мелодія музыкальнѣе басоваго голоса вь тактѣ b-moll; вь-силье вь-силье мелодію весь скрипичный оркестръ спускается двухъ тактною гаммою отъ des до des; и эта гамма у Гензельта сдѣлана, не съ того на съ-силье, октавами на самыхъ низкихъ нотатахъ оркестра, такъ-что когда начинается b-moll вь-силье тѣмъ, чувствуешь перерывъ, толчокъ и все это безъ всякой видной причины, прямо противъ вь-силье вь-силье автора; притомъ — сопровождающаеся мужскую мелодію tremolando раздѣлено на двѣ отвѣчающія другъ другу части: вторыхъ скрипокъ съ-силье и первыхъ скрипокъ, такъ-что первые скрипки дѣлаютъ перехватъ и вь-силье извѣстнаго тона, — это отвѣтъ у Гензельта рѣшительно-проуцень. Носала вь-силье вь-силье была у Гензельта та, что онъ позволилъ себѣ (кроме уже нѣкоторыхъ переначелій аккордовъ) вь-силье вь-силье Агатиной мелодіи сдѣлать своевольное разрѣшеніе аккорда, весьма-неприятное, котораго у Вебера вовсе нѣтъ: вь 6-мъ тактѣ этой es-дурной мелодіи у Вебера два es-дурныхъ аккорда, а вь-силье

прежде такъ септица-аккордъ на доми-
нанти b: для перехода въ b-dur, въ 8-мъ
тактѣ; вместо этого, впрямую считал
этотъ переходъ не довольно-пригото-
вленнымъ, Гензельтъ въ 6-мъ тактѣ,
вместо седьмого аккорда, поставилъ
седьмой молчаливый, нѣмъ существенно из-
мѣнился и обособивается тепеніе
всего рѣчи; это своевольное раз-
рѣшеніе тѣмъ болѣе страшно, что при
сѣдующихъ повелѣніяхъ той же мело-
діи въ g и въ c, Гензельтъ не почелъ бо-
лѣе нужнымъ употребить подобное
разрѣшеніе. Или, вѣдь это считать за
ошибку печати? Для чести Гензельтъ,
считаю, что онъ всегда хотѣлъ сохра-
нить, неприкосновенными нашѣренія
автра, мы остановились на томъ, что
это не что другое, какъ типографская
(или очепь-странная) ошибка.

Результатомъ всего сказаннаго вы-
ходитъ, что арранжировка Гензеле-
вская удобна для игры, но затруд-
нительна, за то лишена всѣхъ не-
сравнимыхъ качествъ арранжировокъ,
къ которымъ привыкъ Листъ: у ней
нѣтъ мощноты, у ней нѣтъ совер-
шеннейшей звѣрности, у ней нѣтъ произ-
вольностей, обрабатываемыхъ нуждою
каждой каприз-нибудь нашѣреніемъ про-
изволенъ вѣрный оттѣнокъ; въ ней
нѣтъ пропусковъ такихъ голосовыхъ
частей, которыя самымъ легкимъ об-
разомъ могли бы уложиться. Словомъ,
лучше всѣхъ многихъ арранжировокъ
двуручныхъ и четверо-ручныхъ, ка-
кія дѣлались Черни и многими дру-
гими въ прежнія времена. Наконецъ,
въ ней нѣтъ доказательствъ такого по-
знанія фортепьяно, чтобы посредствомъ
особенныхъ, тайныхъ средствъ, лежа-
щихъ въ натурѣ самого этого инстру-
мента, былъ съ полнотою передаваемъ
органскій эффектъ оригинала. Тепе-
рь ужъ нельзя довольствоваться ар-
ранжировкою въ родѣ прежнихъ, когда
существовало мнѣніе о недостаточности
и бѣдности фортепьяно. Теперь
для фортепьяно возможно все. Гово-
рять, что теперь Листъ занимается пе-
реложеніемъ всѣхъ увертюръ Вебера
для фортепьяно: можно быть увѣрену,

что онъ будутъ превосходны; но если
Листъ рѣшился ограничиться на этомъ
настоящемъ своемъ назначеніи; тогда
взявшемъ переложеніе Листъ съ со-
удивительною игрою, и нѣтъ что станеть
желать, чтобъ онъ, по обиху чини, небес-
ныхъ увертюръ, перешелъ на форте-
пьяно, для всеобщаго каменья и неспер-
ства, еще много, много другихъ вели-
кихъ вещей изъ области музыки, не-
реложенныхъ столько же гениально,
какъ необыкновенныя V и VI симфоніи
Бетховена?

— Наступаетъ время, когда многіе
изъ нашихъ читателей переелются на
дачи подышать чистымъ воздухомъ;
иные отправятся за границу и, мож-
жетъ-быть, — чего, впрочемъ, вовсе со-
храни, — на пути испытуютъ средства
противу морской болѣзни, предложен-
ныя намъ въ прошлыя мѣсяцы. —
Притомъ большая часть жителей Пе-
тербурга въ продолженіе лѣтъ бываетъ
поражена асфикціей, впадетъ въ ва-
кую-то особенную бездѣятельность и
даже, говорятъ, старается вовсе не
мыслить... Мы зовемъ такую рѣчь по-
тому, что вдругъ пожелали минуть
въ настоящую минуту, востануть на-
стоящее расположеніе духа читателей
и .. угодить имъ чѣмъ нибудь. Вотъ у
насъ нѣчто... Но, обратимся къ лѣтней
недѣятельности. Могли бы мы нѣжа-
луй изложить и физиологическія при-
чины этой недѣятельности; но боимся
впасть въ излишнюю говорливость; и
потому оставимъ этотъ вопросъ нерѣ-
шеннымъ до болѣе-удобнаго случая,
когда въ организмъ возвратится икъ
прежняя энергія. Какая теперь физио-
логія? Досугъ ли думать о подобныя
вещахъ! Теперь, кажется намъ, не у-
лечешь никого и описавшемъ облегче-
ній страданій человѣчества искусною
рукою нашего знаменитаго Пирогова,
и новымъ, имъ предложеннымъ спосо-
бомъ производить опьянѣніе посред-
ствомъ вѣтра, безъ всякаго болѣзнен-
наго впечатлѣнія. Особливо дамы не
станутъ объ этомъ думать: онъ теперь
заисаются нарядами и всякаго рода

сварками для предстоящихъ перекочекъ. Конечно, онъ больше всего будетъ думать о предохраненіи лица отъ загаръ, отъ чего, какою цвѣтъ выбрать для шапки или для шляпки, чтобъ онъ не пострадалъ отъ солнца, и пр. Жаль, что мы даже не догадались сообщить читателямъ о прочности цвѣтовъ и невосприимчивости некоторыхъ изъ нихъ отъ дѣйствія солнечнаго свѣта. Впрочемъ, вѣроятно насъ извинятъ, во-первыхъ, потому-что онъ въ этомъ дѣлѣ, отъ долговременной практики, сами сильно свѣдущи; а во-вторыхъ, можно-быть, наши указанія, основанныя на законахъ природы, не вполне согласовались бы съ модою, — потому-что природа не во всемъ слѣдуетъ модѣ; мы бы, на-примѣръ, посвѣтовали носить лѣтомъ платья изъ легкой бѣлой матеріи, потому-что оно и хорошо, и легко, и не жарко, и не полиняетъ — никакъ не полиняетъ. Но, можетъ-быть, для многихъ такой цвѣтъ представить большія неудобства; намъ въ армякахъ бѣлое слишкомъ жарко, не ко всякому лицу идетъ, и т. п. Иной пожалуй посвѣтуетъ малиновый цвѣтъ... А! какіи ослѣдствіемъ цвѣтъ. Хотите видѣть превосходный малиновый цвѣтъ? Въ такомъ случаѣ, прежде переезженія на дачи, съѣздите въ Университетскую Лабораторію. Тамъ живетъ ученый лаборантъ А. П. Робинсонъ, который приготовляетъ *хромовую кислоту* — вещество высокаго малиноваго цвѣта, — не усовершенствованному имъ способу. Но, можетъ-быть, вы захотите знать, что такое хромовая кислота, какъ она прежде получалась и въ чемъ состоитъ существенное улучшение въ способѣ добыванія, придуманное г. Робинсономъ? — такъ слушайте! Хромовая кислота состоитъ изъ одного эквивалента металла хрома (Cr) и трехъ эквивалентовъ кислорода (O); въ химіи она изображается формулою CrO₃. Первый, получившій хромовую кислоту, былъ Фриче (Fritsche); онъ добывалъ ее такимъ образомъ: бралъ горячій, насыщенный растворъ хроміево-кислаго

калѣ KO, CrO₃ (*), состоящій изъ окиси металла-калія и двухъ эквивалентовъ хромовой кислоты; къ этому раствору приливалъ гидратъ сѣрной кислоты SO₃ + HO; тогда сѣрная кислота (SO₃) вступала въ соединеніе съ калѣ (KO); образовала соль — сѣрно-кислое калѣ, и вытѣснила два эквивалента хромовой кислоты; отъ чего жидкость вскорѣ окрашивалась молниевымъ цвѣтомъ. Фриче продолжалъ приливаніе сѣрной кислоты, — тогда получался кристаллическаго сложенія малиновый осадокъ хромовой кислоты. Послѣ чего Фриче собиралъ осадокъ на цѣдникѣ, которая въ этомъ случаѣ должна состоять изъ мелко-раздробленнаго стекла, потому-что хромовая кислота разъѣдаетъ бумагу, употребляемую обыкновенно для профильтровки, и наконецъ, осадокъ высушивалъ на горячемъ кирпичѣ. Но полученная такимъ образомъ хромовая кислота никогда не бываетъ химически-чиста; она содержитъ въ себѣ еще сѣрно-кислое калѣ, что вызываетъ и кристаллическаго сложенія хромовой кислоты, полученной по способу Фриче; полученіе же вещества въ чистомъ видѣ, безъ случайныхъ постороннихъ примѣсей, какъ извѣстно, составляетъ весьма-важную статью для химіи. Добываніе хромовой кислоты по способу г-на Робинсона и исключительно; но это, по-видимому, малое различіе, даетъ очень-важные результаты, какъ вы сейчасъ увидите. Г. Робинсонъ также беретъ насыщенный растворъ хроміево-кислаго калѣ и приливаетъ въ него гидратъ сѣрной кислоты до-тѣхъ-поръ, пока не замѣчается въ жидкости образованіе хромовой кислоты. Тогда онъ перестаетъ приливать сѣрную кислоту и даетъ время остыть раствору, при чемъ выкристаллизуется вся соль сѣрно-кислаго калѣ; потомъ съ кристалловъ этой соли сливаетъ жидкость и снова приливаетъ въ нее сѣрную кислоту; тогда уже получается хромовая кислота въ видѣ клочковатой

(*) К — знакъ металла калѣ.

го осадка высокаго малиноваго цвѣта. **Дальше**, жидкость вытѣсь съ осадкомъ **самъ** ваетъ онъ на цѣдилку, какъ выше было сказано, и на цѣдилкѣ получается хромовая кислота. — Дальнѣйшій способъ обработки ея у г. Робинсона во всемъ сходенъ со способомъ Фриче. Важное преимущество способа г. Робинсона предъ способомъ Фриче состоитъ въ томъ, что по способу перваго получается хромовая кислота химически чистая.

Хромовая кислота сильно притягиваетъ влагу; на воздухѣ она расплывается и весьма удобно растворяется въ водѣ, при чемъ вода окрашивается, даже отъ малой примѣси этой кислоты, золотистымъ цвѣтомъ. Послѣднее свойство хромовой кислоты дало натуралистамъ поводъ употреблять ее при микроскопическихъ изслѣдованіяхъ надъ расположеніемъ внутренностей у инфузوریи. Тѣло этихъ животныхъ обыкновенно прозрачно и, слѣдовательно, чрезъ него можно видѣть въ микроскопѣ расположеніе внутренностей, которые дѣлаются желтыми, когда попадетъ въ нихъ вода; съ растворенною въ ней хромовой кислотой, между тѣмъ, какъ прочія части тѣла остаются по-прежнему прозрачными. Употребленіе хромовой кислоты при этихъ наблюденіяхъ всего удобнѣе, потому что животные отъ малой примѣси ей, достаточной для окрашенія воды, не вдругъ умираютъ; притомъ — хромовая кислота раздробляется въ водѣ на весьма-мелкія части, неприимѣтныя даже подъ микроскопомъ, тогда-какъ употребленіе другихъ цвѣтныхъ веществъ всегда не выполняетъ одного изъ этихъ условій, а иногда и обоихъ.

Но, скажутъ наши читатели не-химики: какое намъ дѣло до хромовой кислоты и инфузوریи? на что они намъ годны?..

Увы! предчувствіе сбылось!..

Мы именно предчувствовали, что услышимъ отъ читателей не-химиковъ такое непривѣтливое слово, предчув-

ствовали и приготовили для нихъ кое-какое хоть слабенное оправданіе. Видѣ вы никогда не цѣдили хромовой кислоты? признайтесь — не видали? А еслибъ посмотрѣли, то не выговорили бы своего возраженія, но выговорили бы своего возраженія, но выговорили бы произнесли бы что-нибудь въ прославленіе мудрости природы, потому-что она дала хромовой кислотѣ такой цвѣтъ, какого не найдется ни у одного изъ существующихъ въ ея владѣніяхъ тѣлъ. Хромовой кислотой можно любоваться въ полной силѣ слова. Но, вторяемъ, это натянутое оправданіе собственно для не-химиковъ. Химики же... химикамъ мы скажемъ, съ поднятымъ челомъ, поднесимъ наше извѣстіе, довольные тѣмъ, что удалось намъ съ подобными новостями вырваться изъ-подъ рубрики «Заграничныхъ Повостей», — увѣренные, наконецъ, въ томъ, что найдутся люди, которые будутъ благодарны г-ну Робинсону и насъ не поминуть захотѣть.

— Ободренные послѣдней надеждой, спѣшивъ съ нетерпѣніемъ перейти къ другому извѣстію, не менѣе рѣшимо въ нашихъ «Внутреннихъ Новостяхъ», не менѣе дорогому для насъ, получившихъ его со всею свѣжестью новизны, не изъ печатнаго листа, а изъ живыхъ устъ.

Мы говоримъ о важномъ изобретеніи инструмента (вѣсь-компасѣ), помощію котораго можно скорѣе и точнѣе опредѣлить мѣсто корабля на морѣ, — изобретеніе нашего морскаго офицера, капитана-лейтенанта К. К. Сиденсера.

Не разбирая подробно всѣхъ составныхъ частей инструмента, поманемъ важныя преимущества его предъ старыми, сравнимъ прежніе, до-сихъ-поръ употреблявшіеся способы, съ тѣми, которые даетъ изобретеніе г. Сиденсера.

Въ морѣ, самая важная статья — завнѣе своего мѣста во всякое время. Плаваніе въ виду береговъ, положеніе мѣста на картѣ опредѣляютъ такимъ-образомъ: замѣчаютъ румбы, на которые

ландры, как и любую другую земную предмет, одинаковые на карте, и потом отъ земли, и отъ моря на карте проводить румбы, противно замеченнымъ; въ пересѣченій дѣлѣ будучи мѣсто корабля, румбъ или румбовъ или пеленги изобразятся не съ компасомъ, котораго составить дѣлѣ металлическаго котелка, въ центрѣ котораго утверждена вертикальная шпилька, и на шпильку насаживается картунка (бумажный кружокъ, раздѣленный на градусы). На верхнемъ краѣ котелка находится дѣлѣ вертикальнѣйшая диаметральная пластинка или шпилька, съ вертикальными же прорѣзами; въ одной мишенѣ прорѣзъ очень узенькій; къ нему прикладываютъ глаза, и потому мишень называется глазою; въ другой мишенѣ, называющейся предметною, отверстіе довольно широкое, и въ срединѣ его напаяна вертикальнѣйшая дѣлѣ линія соответствующая вертикальной чертѣ. Дѣлѣ же ведется беретя такъ: приложивъ глаза къ глазои мишенѣ, обнимаютъ котелокъ до тѣхъ поръ, пока наблюдая дѣлѣ предметъ будетъ по чертѣ или раздѣланъ мишенью предметной мишенѣ; смотрятъ румбъ соответствующій линіи или чертѣ, и потомъ находятъ другой предметъ.

Но вотъ главные недостатки этого инструмента: 1) очень рѣдко можно ясно видѣть отдаленный предметъ предметной глазою; тѣмъ-же иногда пеленги беретя почти наугадъ, и 2) задерживая одинъ предметъ, и переходя къ другому, мало оный обращать котелкомъ; итакъ съ котелкомъ вращивается шпилька, а отъ зрѣнія двигаются и картунка; следовательно, мало дожидаться нова она утонетъ; а между тѣмъ судно плыветъ впередъ; явля, что пеленги не будутъ одновременныи.

Моряки чувствовали необходимость отъратить эти важные недостатки, но до неимѣнія лучшихъ способовъ, довольствовались по необходимости тѣмъ, что есть.

Г. Сиденсверъ, замечая, въ 1750 году, что четырекратнаго вѣтра, сѣверо-восточнаго Балтійскаго Моря, и въ концѣ болѣе чѣмъ дурнаго, необходимо скорѣе и точнѣе брать мѣста, изобрѣлъ инструментъ, въ которомъ уничтожены оба главныхъ недостатка прежнихъ вѣтръ компасовъ. Глазою и предметною мишеню заменилъ онъ трубою, которая вѣдетъ горизонтальную ось вращенія на вертикальныя подставки, утвержденыя на окружности котелка. Труба устроена первыи недостаткомъ. Дѣлѣ устроения втораго подобно было движению котелка съ трубою самаго независимымъ отъ движения картунки. Г. Сиденсверъ самъ и это. Котелокъ съ трубою онъ помѣстилъ между двумя другими котелками, одностороннимъ съ прежнимъ и несамостоятельнымъ одинъ другой. Верхній край ихъ выходитъ въ одной горизонтальной плоскости. Такимъ образомъ, образовались три котелка: наружный, средний и внутренній; два наружныхъ и внутренняго котелковъ соединены между собою вертикальною коническою осью, такъ что могутъ двигаться только вмѣстѣ. На дѣлѣ внутренняго котелка устроено агатовое гнѣздо, въ которомъ обращается нижній конецъ ось картунки, а верхній дѣлѣтся вращивать, наложенномъ на внутренній не подвижный котелокъ. Картунка такою устройствомъ изобрѣтена Дентомъ; но можно употребить и обыкновенную картунку: тогда внутренній котелокъ не нуженъ. Средній же котелокъ съ трубою движется самъ по себѣ, независимо отъ двухъ прочихъ; следовательно, независимо отъ картунки.

Итакъ — морякамъ вѣдѣть: вѣдѣть г. Сиденсвера, вѣдѣть и точны и одновременны! Прежде было, два предмета; а теперь только одинъ облачко, подъ которымъ скрывается — ищи его! Теперь этого не будетъ. Задерживая одинъ предметъ и переходя къ другому, теперь не надо дожидаться, пока утонетъ картунка.

Приставив глазъ къ трубѣ, вы ясно увидите и дальній предметъ; а посредствующая призма, устроенной у самого начала до стекла, въ то же время замѣняетъ, на картушкѣ число градусоваго показывающаго индексу и шити въ трубу. Въ время наблюдений, средній индексъ съ трубою можетъ двигаться, а радиусности наружнаго и внутренняго котелковъ неподвижны. Сидя съ среднимъ, воспримавоженъ и этикетъ, при этомъ, къ верхнимъ краямъ наружнаго котелка кругъ, раздѣленный на 360° отъ 10' до 10', а на кругѣ съ трубою, какъ движущемся, устроили четыре радиуса, такъ что инструментъ представляется въ одно время и превосходитъ въ пять коммунъ, и теодолитъ въ горизонтальномъ положеніи; послѣдній, конечно, не можетъ быть употребленъ въ работу, но въ случаете, особеннаго, при однихъ беретовъ, необходимость представлять на берегу точки или дѣлать дополнительную триангуляцію; берете съ собою тотъ же инструментъ, внутреннимъ деленіями предметы; на берегу, онъ служитъ вамъ теодолитомъ, съ дѣлать тонкостями послѣдняго. Пользуясь котелкомъ есть четыре системы горизонтальныхъ круговъ, находящихся въ точное горизонтальное положение. Отсчеты могутъ быть произведены съ точностью до 10'. Чгобы удостоверить, не даль ли инструментъ какого-нибудь движенія въ продолженіе наблюдений, съ бока наружнаго котелка прилѣпано кольцо, въ которе вращивается повѣрительная труба, выходящая, какъ грубое, такъ и микрометрическое движеніе съ неподвижнымъ кругомъ дугъ, или лимбомъ, какъ и въ всѣхъ береговыхъ астрономическихъ инструментахъ. Весь инструментъ насаживается на трехножкѣ, и ставится и прививается къ нему наглухо. Мы выдѣли этотъ инструментъ, онъ сдѣланъ чрезвычайно аккуратно и въ механическомъ отноше-

нѣмъ бывало начинали — свѣдѣніями о дѣйствіяхъ обществъ.

7 го мая происходило собраніе Русскаго Географическаго Общества. Въ этомъ собраніи были три замѣчательныя чтенія. Во первыхъ, — дѣйствительный членъ В. П. Дала читалъ статью: «О русскихъ пословицахъ». Читатели Огск. Зап. имѣли бытъ, помянуть недавнее слово наше къ этимъ отъ имени В. П. Дала имѣло обѣ этомъ предметѣ, — слово, имѣвшее такой живой отголосокъ въ сердцахъ ихъ, — следовательно, для нихъ не будетъ новостью, что русскія пословицы и прѣрочія изустныя созданія русскаго народа составляютъ предметъ ливинтннхъ, постоянныхъ трудовъ В. П. Дала. Но не знаемъ, всѣ ли извѣстны, что его труды не похожи на простое собираише матеріаловъ, — совсѣмъ нѣтъ: пословицы, на-примѣръ, у него не рядъ срывочныхъ, несвязанныхъ между собою изреченій, а напористыя и цѣлыя. Каждый отдѣлъ пословицъ обрисовываетъ какую нибудь черту народнои жизни такъ ярко и живо, что бня вытъ въ глаза мечется; вы видите движущуюся лица, слышите ихъ сердечный говоръ — это драма, вѣрная, обаятельная. Теперь В. П. Дала обращается къ обществу съ тѣмъ, съ чѣмъ мы обращались отъ него къ вамъ, читатели. Онъ говоритъ, что продолженіе подобнаго труда необходимо требуетъ содѣйствія и соучастія многихъ, которое будетъ состоятъ въ доставленіи ему какъ поговорокъ и пословицъ, такъ и простонародныхъ и житейныхъ словъ, сказокъ, преданій и проч. съ указаніемъ, если возможно, гдѣ они собраны и объясненіемъ ихъ, гдѣ нѣтъ, которыя имѣютъ особое мѣстное значеніе... Какъ бы, кажется, не желать соучаствовать въ подобномъ дѣлѣ!

Дѣйствительный членъ В. С. Перовичъ читалъ статью: «О средствахъ къ опредѣленію климата». Упомянуть о сочденныхъ г-мъ Барановскимъ картахъ, на которыхъ разные климаты земнаго шара изображены различными красками, и одобрявъ счастливую

Заключимъ на этотъ разъ нашъ докладъ «Внутреннихъ Известій» тѣмъ,

мысль г. Барановскаго, В. С. Порошина объяснил потому необходимость подробных частных наблюдений для общих выводов о различных климатах. Онъ предлагалъ Обществу собрать свидѣнія о томъ, въ какихъ мѣстахъ какой хлебъ сѣется и родится; гдѣ и когда онъ цвѣтетъ, колосится, зрѣетъ и проч.; далеко ли на сѣверъ простирается шелководство, винограды и виноградные; а на югѣ — сѣверный обычай сушить хлебъ въ овинахъ. Все это, равно какъ и *простонародный календарь мѣсяцъ*, по которому располагаются всѣхъ сельскія и самый образъ жизни народа, повело бы, по мнѣнію г. Порошина, къ важнымъ выводамъ относительно опредѣленія климата... Все это совершенно такъ, и если до сихъ поръ нѣтъ у насъ въ подробности всѣхъ необходимыхъ данныхъ свидѣній, то это принимается развѣ только тѣмъ, что Россія обширна...

Наконецъ, дѣйствительный членъ Д. А. Милютинъ прочелъ извлеченіе изъ записки «Объ установленіи географической терминологіи», и мысль эта, послѣ столькихъ преній и вводимыхъ на редъ напридѣлнхъ, наконецъ остановилась на томъ, что «*съ разработкою терминологіи самая наука географіи непременно должна усовершенствоваться*», потому что приведеніе въ извѣстность и критическое истолкованіе общепотребительныхъ географическихъ выраженій поведетъ къ разъясненію самыхъ понятій; а слова и фразы обогатятъ науку и новыми понятіями. Г. Милютинъ предлагалъ Обществу принять участіе въ этомъ дѣлѣ и содѣйствовать ему.

Предложенія гг. Порошина и Милютина поступили на разсмотрѣніе Совѣта Географическаго Общества.

— Мы не разъ высказывали удивленіе къ особенной *своевременности* дѣйствій нашихъ обществъ сельскаго хозяйства; но тогда у насъ не доставало фактовъ для удостовѣренія въ справедливости такого удивленія. Слѣдующимъ вознаграждать этотъ недостатокъ, и

представляемъ читателямъ извлеченіе изъ отчета Вольваго Экономическаго Общества за 1846-й годъ, читаннаго въ годовомъ собраніи 29 марта 1847 года, и напечатаннаго въ послѣдней вышедшей (второй) книжкѣ «Трудовъ» Общества.

Будственная заботливость цѣль изъ хлеба въ Россіи не переставала занимать вниманіе Общества. Составленный въ немъ особый комитетъ продолжалъ разсматривать поступающія въ Общество объ этомъ важномъ предметѣ статьи и составилъ теперь сводъ въ сравненіе всѣхъ мнѣній.

Главное средство Общества для расширенія въ публикѣ полезныхъ и точныхъ свидѣній по сельскому хозяйству и промышленности — періодическія изданія Общества: «Труды» его и «Лѣсной Журналъ». Перваго издали 6 книжекъ, въ которыхъ напечатано 20 большихъ статей, 60 мелкихъ въ отдѣленіи «Смѣси» и 37 библиографическихъ разборовъ, и изданіе которыхъ, вмѣстѣ съ редакціею, съ вознагражденіемъ авторовъ, переводчиковъ и художника за чертежи и рисунки, обошлось Обществу въ 3,290 руб. сереб. Изъ 600 экземпляровъ разошло безденежно, раздѣлено и продано 400 экземпляровъ.

Сверхъ изданія «Трудовъ» на русскомъ языкѣ, они съ 1844 года издаются и на вѣнецкомъ языкѣ въ Двинѣ, по 3 книжки въ годъ.

«Лѣсной Журналъ», вмѣстѣ съ прибавленіемъ къ нему, выходилъ также аккуратно, кромѣ одной книжки, которая выдѣтъ на дѣлѣхъ.

Прошлаго 31-го октября наступилъ срокъ для присужденія награды по предложенной Обществу въ 1844 году задачѣ: *Объ изысканіи удобнаго и дешеваго средства сушить и сохранять хлебъ*. Общество въ теченіе 1846 года занималось тщательнымъ разсмотрѣніемъ и сравненіемъ 34 отафтовъ; 21 найдены неудовлетворительными и сожжены, 5 признаны удовлетворительными и разрѣшающими отдѣльные части задачі и, слѣдовательно, имѣющіи право на

горостепенныя награды, а 8 заслуживающих вниманія по заключающимся въ них полезнымъ свѣдѣнїямъ. По-тому присуждено: 2 золотыя медали въ 75 червонцевъ, — въ нихъ одна члену Общества доктору Я. П. *Юнсоу*, — большія серебряныя, 8 малыхъ серебряныхъ медалей и одна денежная премія, — всего на сумму 1,066 руб. 51 сер.

Въ то же время Общество постановило возобновить эту задачу, назначивъ новый срокъ для присылки отвѣтовъ до августа 1848 г. Для предупрежденія же могущихъ быть недоразумѣнїй предъвлено, чтобъ впредъ гг. члены, которые заимаются разсмотрѣнїемъ отвѣтныхъ сочиненїй на предлагаемыя Обществомъ задачи, не имѣли права сами получать предложенныхъ наградъ.

Бывшее въ селѣ Марьянѣ училище для образованія изъ молодыхъ дворянъ сельскихъ хозяевъ и управителей перешедено Обществомъ въ Петербургъ. За Большою-Охтою заведена усадьба, какъ образецъ опытнаго подгороднаго козьяства. Въ Новгородской-Губернїи гакже нанята усадьба.

Въ 1846 году Общество не только отводило свою залу съ приличнымъ освѣщенїемъ для публичныхъ чтенїй, но сверхъ-того, членамъ своимъ, гг. Усову, Витту и Максимовичу, выдало отъ 300 до 350 руб. сер. каждому; щедро платило за статьи, помещаемыя въ его журналахъ, и покупало полезныя книги для безденежной расылки; таковымъ образомъ, г-ну члену Усову, какъ редактору журнала «Посредникъ», выдано 200 р. сереб. и у него же куплено 25 экземпляровъ перевода его «Скотоводства Блѣна». Члену Юнсоу выдано 200 руб. сер. въ пособіе на напечатаніе сочиненія о «Тукахъ»; члену Вурнашеву прощенъ долгъ въ 900 рублей, которые онъ получилъ въ ссуду на изданіе «Терминологическаго Словаря» и т. д.

Вообще, равнымъ общепользыма зажитіа и труды гг. членовъ и постороннихъ лицъ не остались безъ поощренїа

и наградъ: большія золотыя медали въ 25 и 30 червонцевъ выданы г. члену доктору Грумму и непрѣлвнному секретарю Общества. Малыхъ золотыхъ медалей выданы членамъ Белору и Вахерахту; серебряныя медали выданы разнымъ лицамъ, отличившимся въ сельскомъ хозяйствѣ и скотоводствѣ. За осповрививаніе награждено медалями: золотыми — 7 лицъ, серебряными — 35. Разослано медалей безъ центъ, въ видѣ подарковъ: золотыхъ 9 и серебряныхъ 21.

Наконецъ, желая вообще доказать сочувствіе свое къ полезнымъ для Россїи трудамъ Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства, Вольнаго Экономическаго Общества, въ маѣ прошедшаго года, посылало отъ себя въ Москву представителей для присутствованія при празднованїи 23-ти-лѣтняго юбилея Московскимъ Обществомъ, и чтобъ поднести особый адресъ президенту этого Общества и большую золотую медаль г. Маслову, съ такимъ усердіемъ и пользою исправляющему должность непрѣлвннаго секретаря въ продолженїи 25 лѣтъ. — Не стану говорить непрѣлвннн секретаря Вольнаго Экономическаго Общества, читавшій отчетъ: повторять здѣсь, съ какимъ радушіемъ мы были приняты московскими собратїями нашими и какъ высоко это дѣйствіе наше оценено было въ Москвѣ.

Вновь набрано въ-теченіе 1846 года 23 члена и 44 корреспондента. Всего членовъ и корреспондентовъ къ 1 му января 1847 года состояло 446.

Что касается до матеріальныхъ средствъ Общества, то въ нихъ оно не терпѣло нужды.

Серебромъ.
Руб. Коп.

Къ 1846 году оставалось на лицо 308,283 8

Въ 1846 году поступило:

Изъ Главнаго Казначейства и Кабинета Его Императорскаго Величества 13,714 29
Отъ гг. членовъ 1528 69%

Из губернии на осво- риваиіе за 1846 годъ дѣловыхъ книгъ за пре- дѣлы губерніи	26,610	93%
Отъ волостныхъ членовъ на Труды и Лѣсной Журналъ	3396	33
Отъ арендатора Вар- да за бѣженскую землю	2997	11%
Процентомъ	27,736	10
Въ уплату второй тре- ти долга за проданный домъ	40,000	
Отъ конкурса по де- ламъ Бауста	1149	7 1/2
За пролажу книги, съ- менъ и по другимъ слу- чайамъ	1361	87%
Итого поступило	146,495	10%
Въ томъ числѣ:		
Посылки	15,242	98%
Служащихъ	74,678	21 1/2
Отъ раздѣльныхъ обо- родовъ	26,573	87 1/2
За аренду охотской земли	1156	83
За участки земли По- городской - Губернш въ селѣ Марининѣ	1352	98
За медали и премии за рѣшеніе задачи о хра- неніи и сушкѣ хлѣба	1066	51
Бывшему воспитан- нику, Общества Берд- ской на путешествіе въ острѣцкія губерніи для практическаго на- блюденія надъ земледѣ- ліемъ	150	
Въ ссуду бывшему воспитанику Общества Гроссману на устройст- во Маринской Фермы и члену Вавилову на пе- чатаніе его Бесѣдъ	5441	50
На изданіе Лѣснаго Журнала и другіе рас- ходы по лѣсной части	3117	40

На лависты, сдѣланы мши, печатаніе наста- вленій и заведеніе обще- привязательнъ	2478	95
На изданіе Трудовой Общества	4526	51
На содержаніе воспи- танниковъ въ земле- дѣльческой училищѣ Общества	7283	57
На покупку сѣмянъ	1000	24
На вспоможеніе со- чинителямъ, покупку книгъ и журналовъ, ве- чатаніе брошюръ, брош- юрокъ въ книгъ на хлѣбъ, каталоговъ и списковъ демологическія Кон- лекцій, покупку холъ для выставки и проч.	3230	57
На каменную по- стройку на флигелѣ до- ма Общества	2450	
На ремонтныя испра- вленія въ домѣ	769	97
На отопленіе, освѣ- щеніе и мелочные рас- ходы по дому	1087	75
На расходы въ собра- ніяхъ Общества, за ку- пленіемъ подсвѣчники, шкафы и проч.	312	9
На жалованье, канце- лярскіе припасы, награ- ды, иностранную кор- респонденцію, пере- скую почту и проч.	44,435	44
На чтеніе лекцій	702	18
Итого въ расходѣ	47,283	18
Въ томъ числѣ:		
На расходы по само- му Обществу	15,775	30
На расходы оборот- ные, принадлежатъ ходъ	49,075	78
На раздѣльныя по- жертванія	32,433	8
Въ остаткѣ къ 1-му ян- варя 1847 года	377,405	
Кромѣ того, процен- товъ на капиталы кредит-		

цѣль установленій при- читается	11,481	3%
Недоплатныхъ съ раз- ныхъ мѣстъ и лицъ.	69,291	66%
Итакъ, матеріальныхъ средства Общества въ текущемъ году проти- ваются на	458,267	70%

— И такъ — новостей у насъ недо-
го, и, признаемся, вѣтъ большой охоты
домскиваться, какъ бы слѣдовало,
причины такого противоестественнаго
весенняго заморозія. Да и какъ бу-
дешь ихъ домскиваться?.. Видите блѣд-
ную нашу природу? какъ же вникать
и безъ того блѣдую! Упрекать соотеч-
ественниковъ? какъ же упрекать ихъ,
когда они наши соотечественники? А
больше имъ вникать, имъ упрекать неко-
го. Положимъ даже, что домскались
причины, оказалось по справкѣ, что
виновата природа или соотечествен-
ники. Обвинивъ одну, сбываемъ стро-
гое замѣчаніе другимъ... Чтѣ же изъ
того? Нового все-таки ничего; а раз-
драженіа природа какъ-разъ, вмѣстѣ
съ раздраженными соотечественника-
ми, оставитъ намъ на видѣ слѣдую-
щее:

«Любознательному наблюдателю вся
видимая природа представляется огромной
книгой, на каждой страницѣ которой от-
крываются предметы для его размышле-
ній. Здѣсь привлекаетъ его вниманіе осо-
бенное обрабаваніе земной поверхности,
тамъ свойства почвы и водъ и цѣлаемая
ими растенія и животныя; далѣе: кли-
матическія отношенія атмосферы, электри-
ческія и магнитныя явленія и ихъ влія-
ніе на органическія существа, — водѣ
благое Провидѣніе предуготовило ему
нашу для ума и сердца.»

Такой взглядъ на природу брошенъ
только-что появившимся на свѣтъ на-
шимъ собратомъ, журналомъ — *Моско-
вскимъ Врачебнымъ*. Онъ будетъ выда-
ваться по четыре книжки въ годъ
приктымическими врачами... Видно, что
этотъ журналъ еще не привыкъ къ
усидчивымъ, доказательнымъ тру-
Т. LII. — Отд. VIII.

дамъ. На 80 страницѣхъ въ 8° дова-
но крупнаго шрифта, онъ перебралъ
восемь важныхъ вопросовъ, и ни по од-
ному ничего не доказавъ окончатель-
но. А вопросы, дѣйствительно, важные,
такіе важные, что некоторыми изъ
нихъ можно было бы съ большою поль-
зою ограничить всю программу жур-
нала. Таковы вопросы: «о климатѣ
Москвы и зависящихъ отъ него блѣд-
ностяхъ», «характеръ господствующа-
щихъ тамъ въ извѣстное время болѣз-
ней», «статистическій взглядъ на от-
носительную смертность въ Москвѣ и
ея причины».

Впрочемъ, мѣстной специальности
этого журнала, кажется, помѣша-
ло опасеніе въ недостаткѣ вѣстныхъ
статей: ибо издатели отрываютъ
свой журналъ «для всѣхъ тѣхъ про-
свѣдѣнныхъ (?) врачей, кои жела-
ютъ слѣдить извѣстными мѣъ уче-
ными наблюденія и изслѣдованія, ес-
ли они будутъ соотвѣтствовать уче-
но-практическому направленію жур-
нала». А такъ-какъ непростѣнныхъ
врачей у насъ вѣтъ, почему-то непростѣ-
нные въ академіи или университетѣ
не имѣютъ права даже называться
врачами, и ученые наблюденія или
изслѣдованія никакимъ образомъ не
могутъ не соотвѣтствовать учено-пра-
ктическому направленію изданія, и при-
томъ *научныхъ* медицинскихъ наблю-
деній или изслѣдованій тоже нельзя
предполагать, то и слѣдуетъ заклю-
чить, что приведеннымъ предудѣ-
мленіемъ издатели *Московскаго Вра-
чебнаго Журнала* приглашаютъ всѣхъ
вообще врачей слѣдить извѣстными
ихъ наблюденія и изслѣдованія.

Но... все это, разумеется, можетъ
со-временемъ устарѣваться, перерабо-
таться, опредѣлиться, однимъ словомъ,
созрѣть и принести весьма-приятный и
полезный плодъ, чего отъ души жела-
емъ господамъ практическимъ вра-
чамъ, нисколько не сомнѣваясь въ ихъ
решеніи «содѣйствовать къ преуспѣ-
нію вѣскаго искусства врачеванія въ
нашемъ отечествѣ». Не сомнѣваемся
также и въ томъ, что они скоро раз-

увѣряется въ теперешней своей увѣренности, будто сообщая свои труды русской медицинской публикѣ на отечественномъ языкѣ, исполняютъ тѣмъ долгъ, лежащій на каждомъ врачѣ. Воля ваша, а этого мало для исполненія долга! Видѣ въ Россіи медицинская публика не велика въ-отношеніи ко всей массѣ населенія, и потому у нея мало свободнаго времени; а если его мало, то она нѣмъ дорожитъ, слѣдовательно: въ медицинскій журналъ, какъ и во всякій другой, надлежитъ помѣщать статьи съ разборомъ, чтобъ не жаль было тратить на нихъ дорогаго времени.

— В. И. Даль просилъ насъ засвидѣтельствовать привѣтливость его слѣдующимъ лицамъ, удостоившимъ воззваніе наше («Отеч. Записки» 1847, кн. 3, мартъ) своего вниманія и приславшимъ ему собраныя ими русскія народныя сказки, пословицы и поговорки, слова мѣстныхъ нарѣчій и другія свѣдѣнія, относящіяся до русскаго быта и языка:

Въ С. Петербургѣ: Конст. Никол. Зацупкину, Евг. Павл. Гребенкѣ, В. С. Межевичу, Александру Гавр. Рами, Ф. І. Шимкевичу, Ег. Яков. Дернису, Вл. Петр. Гебауэру, П. А. Пожарскому, Ив. Ал. Бартоломею, удѣльному престѣянину Капулову.

Въ Москвѣ: г. Якушкину, Александру Никол. Аванасеву;

Въ Нижнемъ-Новгородѣ: Пав. Ив. Мельникову;

Въ Ярославлѣ: Г. П. Зацупкину;

Въ Твери: Ив. Ив. Лажечникову;

Въ Казани: Ник. Алекс. Ушакову;

Въ Кинешнѣ: Николаю Фед. Степанову;

Въ Новой-Ладогѣ: Алекс. Петр. Балеману;

Въ Шенкурскѣ: Алекс. Егор. Харитонову;

Въ Ярославлѣ: Любови Яковлевнѣ Зацупкиной.

Пользуясь этимъ случаемъ, Владиміръ Ивановичъ Даль повторяетъ по-чорнѣйшую просьбу свою, обращаясь

до всѣхъ любителей роднаго быта и языка, присылать замѣтки свои или въ редакцію «Отеч. Записокъ», или прямо на его имя, въ С. Петербургъ, въ домъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ НОВОСТИ.

Парижская Академія Наукъ, dnia 26 апрѣля публичное собраніе, для сужденія и раздачи наградъ и объявленія новыхъ задачъ. Долгобыла собранія должны бы происходить каждый годъ, но, къ несчастію, нѣкія обстоятельства мѣшаютъ этому, и рѣшче Академія присудила награды за 1844 — 1845 годъ. Что это за выдающіяся обстоятельства — мы не знаемъ; Академія не говоритъ о нихъ. Девять наградъ не астрономія: первая, установленная Лаландомъ, присуждена г. Генке, въ Пруссіи, за открытіе 8 декабря 1845 года новой планеты Астрея. По механикѣ присуждены двѣ награды: первая медаль въ 600 франковъ г. Пендру и въ 400 фр. г. Кордъ — второму за усовершенствованіе круговой паровой машины, за изобрѣтеніе механизма для дѣланія рыболовныхъ сѣтей, и проч.; второму — за разныя усовершенствованія паровыхъ и гидравлическихъ машинъ. По статистикѣ, награда (основанная Мюстисомъ такъ же, какъ и двѣ предыдущія) не была назначена никому; только послѣднее отъѣзъ заслужилъ г. Балдинъ за вылитъ статистики одного французскаго кантона. За рѣшеніе задачи, опредѣлитъ новыя и самыя выгодныя развѣскавіями и наученію аналитію въ пяти классахъ позвоночныхъ животныхъ между разными частями производительныхъ членовъ, обрѣкъ половъ, и представить сочиненіе въ до-

ими описаниями и рисунками этих «швов» и проч., удостоились награды в сочинении трех авторов: первое Шонгейма и Фохта, а второе Марти-Сент-Анжа; второй награды за эту задачу удостоился г. Лербуллэ. Награда за решение задачи относительно звонтия зародыша у птиц и пресмыкающихся (Batraciens) выдана гг. Бонимону и Мартину Сент-Анжу. Награда по части экспериментальной филогии присуждена г. Бернару. Заобртвенія, дѣлающія нѣкоторыя искусства в ремесла менѣе или вовсе бездѣльными, Академія, упоминая о нѣкоторыхъ изобрѣтеніяхъ, какъ приближающихся къ счастливымъ въ этомъ отношеніи результатамъ, присудила граду г-ну Ленелю за изобрѣтеніе риковъ для экипажей, употребляемыхъ на желѣзныхъ дорогахъ. По части медицины и хирургіи Академія не шла сочиненія, достойнаго полной медали, но выдала только поощрительную награду въ числѣ пяти. — Итакъ, юмѣ открытія планеты Астрей и изобрѣтенія тормоза, только одними сочиненіями по физиологій производимыхъ членовъ и развитія зародышей у нѣкоторыхъ животныхъ мы будемъ обязаны конкурсу Академіи, потому что только эти сочиненія — плоды и задачъ. Немного — но нельзя не благодарить и за то.

За тѣмъ Академія предложила вновь задачи:

Большая золотая медаль въ 3000 фр. назначается за ршеніе математической задачи къ конкурсу 1848 года: Найти интегралы уравненій равновѣсія внутренняго состава тѣла твердаго, пругаго и однороднаго, всѣ внутрѣнія котораго вполне опредѣлены, т. е. параллелипипеда или примаго цилиндра, предполагая известными всѣ равныя силы, которыя могутъ быть приложены къ поверхности тѣла. Сочиненія должны быть представлены до ноября 1847 года.

Шесть тысячъ франковъ давно уже назначены (съ 1836 года) и нынче начаются къ конкурсу 1 июля 1848 го-

да за лучшее сочиненіе. О самомъ выгодномъ употребленіи паровъ для судостроенія, о системѣ механизма, разнѣщеніи его и о нагрузкѣ и вооруженіи, которыя должно предпочесть для паровыхъ судовъ.

Къ сокращенію большой награды по части естественныхъ наукъ предлагается задача: «Опредѣлить вѣрныя основанія сравнительнаго наученія образованія зародыша въ трехъ главныхъ отдѣлахъ царства животныхъ: позвоночныхъ, слизняковъ и членистыхъ». Срокъ представленія задачи 1 января 1850 года.

Шесть тысячъ франковъ назначаются за ршеніе задачи (которое должно быть представлено къ 1 января 1849 года) по части физики и химіи, а именно: «Опредѣлить самыми точными опытами количество теплоты, освобождающейся при химическихъ соединеніяхъ».

По астрономіи: медаль Лаланда въ 635 франковъ за наблюденіе или сочиненіе, самое интересное и полезное для успѣховъ науки.

По механикѣ: золотая медаль Монтиона въ 500 фр. за изобрѣтеніе или усовершенствованіе инструмента, полезнаго для земледѣлія, искусствъ или наукъ.

По статистикѣ: золотая медаль Монтиона въ 530 фр. за лучшее сочиненіе по части статистики Франціи.

По опытной физиологій: золотая медаль Монтиона въ 895 фр. за лучшее сочиненіе печатное или рукописное.

Наконецъ, нѣсколько монтионовскихъ премій въ награду за открытія и изобрѣтенія въ медицинѣ и хирургіи, или въ искусствахъ и ремеслахъ, дѣлающія послѣднія менѣе вредными для здоровья рабочихъ.

13 мая, въ полномъ годовомъ собраніи всего Института (пяти академій), была присуждена золотая медаль г-на Вольтэ въ 1200 фр. по конкурсу сочиненій по части сравнительной филогіи. Изъ восьми представленныхъ сочиненій, комиссіа, разсматривавшая ихъ, нашла равно-достоинными награ-

два сочинения: Исторический и теоретический опыт астрологических действий Эрнста Рейха и Словарь греческих синонимов Цицциона Цердому присуждена медалью, но такъ какъ въ распоряженіи комиссіи оставалась еще половина годовъ, сумма въ 1200 фр., то и г. Цицциону присуждена награда, равная первой. До 1 марта 1848 года Академія будетъ принимать вновь сочиненія по части сравнительной филологіи, и въ будущемъ году, въ публичномъ собраніи своихъ, назначитъ также золотую медаль въ 1200 фр. за лучшее сочиненіе.

Сообщая объ ученыхъ наградахъ и задачахъ Академіи Паризъ и присужденіи вольщевой премии за сочиненіе по сравнительной филологіи, прибавимъ къ тому, еще короткое извѣстіе о годовомъ публичномъ засѣданіи Королевскаго Царсканого Общества Земледѣльц. Оно также, въ засѣданіи 11 апрѣля, присуждало медали, награды, и пр., но мы не приводимъ ихъ для многословности, а еще болѣе потому, что всѣ члены ихъ есть практическая мѣстная правда земледѣльц собственнаго во Франціи; упомянемъ, впрочемъ, о вновь-открытомъ конкурсѣ на соисканіе награды въ 3000 фр. за открытіе средства, освобождающаго картофель отъ болѣзни его 1815 и 1846 годовъ. На этотъ предметъ обращено теперь вниманіе всѣхъ французскихъ земледѣльцевъ.

— Мѣсяца два назадъ, мы сообщали читателямъ одну изъ публичныхъ лекцій, читаемыхъ г-мъ Араго. Домель до разбора зрительныхъ инструментовъ, овъ посвятилъ одну лекцію оптикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ объяснилъ устройство нашего глаза. Лекція эта была помѣщена отдѣльно въ газетѣ «L'Europe». Въ «Revue Scientifique et Industrielle» г. Муаньид (Moigno) напечаталъ полный курсъ лекцій Араго, и мы предлагаемъ читателямъ одну изъ статей, напечатанныхъ въ этихъ лекціяхъ, именно: туманная пятна.

Если довольно много увидите въ которыхъ изложена астрономія Пондлярно. Разверните любую изъ этихъ книгъ, и вы найдете хорошо; какъ только дошли до звѣздъ — начинаются сверхъестественныя фразы, — фразы, писавшія видныя безъ всякаго убѣжденія, потому что въ нихъ встрѣчается противорѣчіе тому, что ясно, математически доказано самимъ же авторомъ въ той же книгѣ. Популярное изложеніе вовсе не состоитъ въ томъ, чтобы объяснить какой-нибудь законъ, пересыпать его пустыми фразами, которыя поселяютъ въ слушателяхъ сбивчивыя понятія, и показываютъ недовѣріе самаго объясняющаго къ наукѣ. По оставшимъ фразамъ и обратимся къ дѣлу, т. е. къ лекціямъ г. Араго.

Рассмотрѣвъ устройство глаза и процессъ видѣнія, предположимъ, что глаза этого приставленъ къ окуляру зрительной трубы и видитъ на небѣ какия-то туманныя пятна. Что это такое? — Знаменитый Гершель задаетъ себѣ такой же вопросъ, и для рѣшенія его направилъ свой сорока-футовый телескопъ на небо, чтобъ ближе познакомиться съ пятнами; послѣ многихъ и долгихъ наблюденій, овъ рѣшилъ, что всѣ пятна не что иное, какъ кучи звѣздъ, удаленныхъ отъ насъ на большое разстояніе; что въ ближайшихъ изъ этихъ кучъ мы, съ помощію телескопа, можемъ отличить одну звѣзду отъ другой, тогда-какъ кучи болѣе отдаленныя представляются сплошною бѣловатою массою. Что нѣкоторыя пятна состоятъ изъ звѣздъ, это весьма понятно: вѣроятно, всѣмъ извѣстно созвѣздіе Плеяды, — это куча звѣздъ надыхъ величинъ, — созвѣздіе, называемое иначе Утиное-Гнѣздо. Предположимъ, что зритель близорукъ и смотритъ на небо простыми глазами; спросите у него, какъ ему кажутся Плеяды? Онъ вамъ отвѣтитъ, что видитъ какое-то бѣловатое пятно, а вы, имѣя хорошее зрѣніе, ясно различите каждую звѣзду и не скажете, что это туманное пятно. Но изъ того, что нѣкоторыя пятна состоятъ изъ звѣздъ, еще

е следуютъ, что и все оставшия пятна то же свойство.

Ла-Кай (La Caille), по возвращении своемъ съ Мыса Доброй Надежды, провергъ мнѣніе Гершеля въ жемуряхъ Парижской Академіи въ 1775 г. и говоритъ: «Не можетъ быть, чтобы все пятна, а также и млечный путь, были кучи звездъ, какъ вообще предполагаютъ; и съ большимъ вниманіемъ наблюдалъ ихъ въ хорошия телескопы и, не смотря на то, что образъ пятна хорошо очерченныя и лежащія на темномъ фонѣ, не могъ рассмотреть ни одной свѣтлой точки; это была сплошная блестящая масса».

Самыя точныя наблюденія если не овершено опровергли, то много изъяснили объясненіе Гершеля. Дѣйствительно, въ некоторыхъ изъ туманныхъ ятевъ, помощью хорошихъ телескоповъ, можно различить звѣзды; въ другихъ же не видно ничего, и потому ожно предположить, что онѣ составляютъ части космической матеріи, обшавшей прежде всю твердь. На небѣ цѣлы во многихъ мѣстахъ эти отрывки, занимающіе часть большія пространства; формы ихъ чрезвычайно неправильны; контуры состоятъ иногда изъ прямыхъ линий, иногда изъ рывчатыхъ и даже просто изъ изгибовъ. Съ одной стороны, края ихъ, такъ сказать, обрублены; съ другой, напротивъ, бѣловатость сливается съ цѣломъ самаго неба, — однимъ словомъ, въ формахъ этихъ пятенъ есть сходство съ формами облаковъ; часто между двумя пятнами, круглыми и хорошо-окраенными, помѣщается длинная, зкая полоса такой же матеріи. Вообще же, свѣтъ ихъ весьма-слабъ и не вездѣ ровенъ; послѣднее, конечно, зависитъ отъ большаго сгущенія матеріи въ одномъ мѣстѣ, нежели въ другомъ.

Изслѣдовать, отъ чего происходитъ это неравное сгущеніе, есть ли это явленіе всеобщаго тяготѣнія, по законамъ котораго движется вся солнечная система, и наконецъ, имѣетъ ли лѣніе на измѣненіе формъ этихъ пятенъ время, и каково это вліяніе—

отъ вопросовъ, занимающихъ новѣйшихъ астрономовъ. По теоріи равномернаго замаса, холъ разлитій этихъ пятенъ съводалъ такую порянку:

Первоначально, вся твердь была открыта космической матеріею; изъ равныхъ мѣстахъ начали издаваться оседорические вробленія; вся матерія стала разрываться на части въ еднородное движеніе около центровъ притяженія; эти части раздробились на нѣсколько отрывковъ; отрывки округлились; располагались симметрически около центровъ; изъ частей матеріи, помѣтавшихся ближе къ самымъ центрамъ, начали образовываться ядра довольно-большихъ разитровъ; изъ ядеръ формировались кучки звѣздъ, окруженные легкими туманными пятнами, и наконецъ, появилось столько звѣздъ, хорошо-видимыхъ, сколько было центровъ притяженія въ первоначальной массѣ. Въ продолженіе какого времени космическая матерія можетъ перейти въ эти степени непозвѣстно; и совершились ли уже эти переходы или совершаются и теперь? На это можно отвѣчать вѣроятностію: «Она совершалась, совершается и будетъ совершаться».

Время имѣетъ вліяніе на измѣненіе формъ пятенъ: Сравнивая наблюденія 1780 и 1783 годовъ съ наблюденіями 1811 года, Гершель не узналъ пятна Оріона, — такъ оно измѣнилось въ формѣ и пространствѣ. Многие астрономы еще прежде Гершеля замѣчали большія перемены въ пятнѣ Андромеды. Де-Вико (de Vico), директоръ главной обсерваторіи въ Римѣ, занимался изученіемъ свойствъ туманныхъ пятенъ и пришелъ къ заключенію, что все туманные пятна претерпѣваютъ перемены.

Гершель находилъ сходства между некоторыми пятнами и планетами нашей системы, и потому создалъ систему туманныхъ планетъ, или, какъ называютъ наши астрономы, планетныя туманности, имѣющія формы круглыя или нѣсколько эллипческія; некоторыя изъ нихъ окрашены весьма рѣзко,

другія кажутся окруженными атмосферой; эти планетныя туманности суть пятна съ свѣтлыми ядрами, но по отдаленности ихъ отъ земли, мы не отличаемъ самого ядра, не видя такой точки, изъ которой бы исходило болѣе свѣта.

Другой родъ туманныхъ пятенъ обыкновенно носятъ названія: туманныхъ звѣздъ, звѣздныхъ пятенъ или простыхъ туманныхъ пятенъ. Къ этому разряду принадлежатъ кучи звѣздъ, кажущіяся нашему глазу свѣтлыми пятнами. Первое такое пятно, обратившее на себя вниманіе прежнихъ астрономовъ, находилось въ созвѣдіи Андромеды; его наблюдалъ Маріусъ въ 1612 г. Спустя 30 лѣтъ, Гюгенсъ (Huygens) замѣтилъ большое пятно въ созвѣдіи Ориона. Въ 1716 г. Галлей насчитывалъ шесть большихъ пятенъ; въ каталогъ Мерсіе 1771 г. помѣщено 68, да прибавивъ къ нимъ еще 28 пятенъ, открытые Ла-Каземъ въ пребываніе его на Мысѣ-Доброй-Надежды, будетъ 96. Гершель въ 1802 г. наблюдалъ и оцѣнилъ 2500 пятенъ.

Звѣздныя пятна имѣтъ вообще сферическій видъ. Гершеля особенно занимало одно пятно, въ срединѣ котораго помѣстилось нѣсколько - эллиптическое кольцо изъ маленькихъ звѣздъ; въ центрѣ пятна видно темное отверстие или скважина, также не совершенно-круглая; оси ея относятся между собою, какъ 83:100. Скважина занимаетъ половину діаметра самого пятна.

Сколько же звѣздъ можетъ находиться въ простомъ туманномъ пятнѣ? Конечно, съ точностію опредѣлить этого нельзя, но приблизительно извѣстно, что въ пятнѣ, котораго діаметръ не болѣе 10', а пространство, имъ занимаемое, составляетъ почти $\frac{1}{10}$ часть диска луны, находится не менѣе 20,000 звѣздъ.

По законамъ механики, всѣ эти тѣла должны двигаться, повинувъ одному центральному тѣлу; иначе, дѣйствіемъ тяготѣнія, звѣзды упали бы на центральныя тѣла. Легко видѣть, какъ не-

дѣцы были живѣе древнихъ, будто бы наступитъ время, когда звѣзды спадутъ съ неба и упадутъ—куда же на землю. Они предполагали, что звѣзды—фонари, развѣшенные для освѣщенія во время ночей. Исторія астрономіи упоминаетъ о такомъ мнѣніи древнихъ, и говоритъ, что подобныя хрустальныхъ сферъ, на которыхъ были развѣшены фонари, или небеса, расположенныя concentрически около земли, считалось семь; именно: шесть, для числа планетъ бывшихъ тогда неизвѣстными и седьмое для солнца; вѣроятно, отсюда произошло выраженіе: на седьмомъ небѣ, означающее высшую степень удовольствія.

Нельзя сказать, чтобъ сферическія или звѣздныя туманныя пятна были расположены неправильно; самая большая гряда почти перпендикулярна къ млечному пути; на ней находится созвѣдія: Большая Медвѣдица, Кассіопея, Вереничныя власы, Дѣва, и др.

Пространства около простыхъ туманныхъ пятенъ вообще малочисленны; и чѣмъ больше и сильнѣе пятно, тѣмъ меньше звѣздъ находится въ его сосѣдствѣ. Около созвѣдія Скорпионъ лежитъ поясъ, шириною около 4°, въ которомъ не видно рѣшительно ни одной звѣзды; на западномъ край этого пояса находится пятно, которое Гершель рассматривалъ, какъ обыкновенно-большое собраніе звѣздъ.

Образованіе этихъ пятенъ многие астрономы объясняютъ такъ: наблюденія показываютъ, что нѣкоторыя звѣзды исчезаютъ, по этому можно предположить, что пятна сформировываются въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ изъ исчезающихъ звѣздъ, находившихся первоначально около тѣхъ мѣстъ, гдѣ образовалось пятно.

Итакъ, туманныя пятна могутъ быть раздѣлены на два класса: къ одному принадлежатъ собственно туманныя пятна, т. е. отрывки космической матеріи; къ другому—пятна, видимыя помощію хорошихъ инструментовъ, какъ собраніе множества звѣздъ.—Къ которому же изъ этихъ разрядовъ надо при-

числить млечный путь? Къ обонимъ.— Млечнымъ путемъ называютъ широкій обловатый поясъ, облегающій большую часть неба.— Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина его не болѣе 5°; въ другихъ же доходитъ до 22°.— Демокритъ предполагалъ, что обловатость млечнаго пути происходитъ отъ чрезвычайнаго множества звѣздъ сжатыхъ, сравнительно съ разстояніемъ ихъ отъ земли, и что свѣтъ, издаваемый одною звѣздою, сливается со свѣтомъ, исходящимъ отъ другой, и такимъ образомъ доходитъ до нашего глаза сплошнымъ.— Млечный путь не составляетъ сплошной полосы, но въ одномъ мѣстѣ раздѣляется на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна почти совпадаетъ съ обводою великаго круга; такая форма млечнаго пути должна имѣть какую-нибудь физическую причину, для изысканія которой надобно было бы сравнить число звѣздъ въ млечномъ пути и въ другихъ частяхъ неба.— Гершель, сделавъ приблизительно это сравненіе, пришелъ къ такимъ заключеніямъ, что если мы видимъ въ одной части неба гораздо больше звѣздъ, нежели въ другой, такъ что нѣкоторыя части кажутся какъ-бы опустошенными, а другія, такъ сказать, набиты звѣздами; эти набитыя части располагаются близко къ обводу великаго круга и вѣтвь млечнаго пути составляетъ съ главною дугою уголъ въ 120°, — то это происходитъ отъ-того, что мы рассматриваемъ массу, растянутую на необыкновенно-большое пространство въ длину, и сжатую въ толщину, такъ-что въ мѣстахъ, входящихъ прямо противъ нашихъ глазъ, мы видимъ звѣзды въ настоящемъ ихъ положеніи. Лучи, идущіе отъ дальнѣйшихъ мѣстъ, доходя до нашего глаза, сливаются, и такимъ-образомъ мы видимъ сплошную массу, расположенную по небу, въ центрѣ котораго, какъ намъ кажется, мы сами находимся; а что мы видимъ въ одно время двѣ вѣтви одинаковаго состава и такой же формы, то это потому, что наша солнечная система помѣщена въ пересѣченіи этихъ двухъ огромныхъ

туманностей.— Каковы же размѣры вѣтвей, ежели о цѣлой солнечной системѣ мы говоримъ, какъ-будто объ одной точкѣ?

Итакъ, изысканіями Гершеля найдено, что обловатость млечнаго пути зависитъ, по большой части, отъ накопленія чрезвычайно-малыхъ звѣздъ, которыхъ глазъ нашъ не въ-состояніи раздѣлять. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ помощію инструментовъ, это раздѣленіе возможно, довольно ясно видно, какъ звѣзды группируются около своихъ центровъ, такъ-что образуются отдѣльныя кучки.— Весьма вѣроятно, что и всѣ остальные звѣзды, составляющія млечный путь, претерпѣваютъ такіе же перемѣны, и что если онѣ и были расположены неправильно, то эта неправильность постепенно уничтожается и будетъ уничтожаться до безконечности. Мнѣніе Гершеля подтвердилось его же наблюденіями; онъ нашелъ на млечномъ пути 157 отдѣльныхъ группъ, которыя и помѣстилъ въ каталогъ туманныхъ пятенъ.

Посмотрите въ темную ночь на часть млечнаго пути между созвѣздіями: Стрѣльца и Персея; тутъ можно насчитать до 18 кучъ хорошо видимыхъ. На пространствѣ между β и γ созвѣздія Лебеда, занимающемъ около 5°, по вычисленіямъ Гершеля, можетъ находиться до 321,000 звѣздъ.

Выше мы сказали, что объясненіе Гершеля и его теорія туманныхъ пятенъ нашли многихъ противниковъ; очень можетъ быть, что тѣ мѣста млечнаго пути, въ которыхъ нельзя разсмотрѣть звѣздъ, составляютъ отрывки первоначальной космической матеріи, которые, впрочемъ, въ-послѣдствіи должны обратиться въ звѣзды.

Но вотъ вопросъ: какимъ-образомъ, отъ накопленія и сгущенія матеріи, образуются настоящія звѣзды?

Въ разныхъ мѣстахъ пятенъ, имѣющихъ вообще свѣтъ не равный, появлялись точки, гораздо-большаго блеска, нежели все остальное пространство пятна.— Такой перевѣсъ свѣта можетъ зависѣть отъ двухъ совершенно-

различныхъ породъ, или отъ различнаго количества матеріи въ некоторыхъ частяхъ, или отъ сущности матеріи, въ одной, другой, и т. д. Но какъ же изъ этихъ причинъ послуживаетъ большаго количества? Конечно дряля: — Плотность первой состоитъ въ томъ, что мы предполагаемъ, матерію уплотнившуюся въ некоторыхъ частяхъ; блещетъ въ этихъ точкахъ, конечно, уравнивается; но въ дальнѣйшій будущъ свѣтлая дряля; следовательно, чтобъ она могла казаться намъ точкою, необходимо, чтобъ сама свѣтлая дряля, соединяла съ дучею, артія; въ продолженіи, слушая она должна казаться дрялю; въ самомъ же дѣлѣ, не смотря на косвенное направление дучей, всегда видна свѣтлая точка. — Итакъ, можно съ точностію сказать, что это есть свѣтлостіе сущности матеріи въ одной точкѣ.

Предположимъ, что въ пятнѣ, или кускѣ космической матеріи, находится дряль, тонка наибольшей плотности; ясно, что эти точки будутъ центрами притяженія. Матеріа должна разойтись, одна часть ея должна стремиться къ одному центру, другая — къ другому, и окружить его со всѣхъ сторонъ, следовательно округлится. — Отъ сосредоточенія дряль матеріи, должно образоваться въ центрѣ свѣтлое ядро, весьма малыхъ размѣровъ. — Отъ большаго и большаго сгущенія, ядро образуетъ плотную массу, и наконецъ свѣдается звѣздой, окруженною легкимъ туманомъ; следовательно явится столько звѣздъ, сколько было центровъ притяженія въ первоначальной матеріи. — Полагая, что звѣзда свѣдитъ за постепеннымъ переходомъ матеріи въ звѣзды, потому что это происходитъ въ теченіи безчисленнаго множества лѣтъ; но видя матерію, преобразование которой уже совершилось, можно предсказывать будущность остальныхъ частей той же матеріи, находящихся еще въ первобытномъ состояніи.

Такъ можно объяснить образование звѣздъ отъ сгущенія матеріи.

Касательно образования планетъ существуетъ такая же теорія; именно:

предполагать, что свѣтлая масса тою же нежною атмосферою была окружена дряль матеріи; и ядро; или матеріею, которая свѣдается, изъ которой и образовались планеты; такъ же путемъ, какъ и звѣзды.

Разсматривая небо, съ помощью телескоповъ, ясно отграничить свѣтла, съ блещущими ядрами; весьма малыхъ размѣровъ, и окруженныя туманными пятнами. — Прежде думали, что эти туманные пятна не составляютъ существенной части самаго свѣтла, но помѣщаются впереди, или позади звѣзды, и хотя кажется, что онѣ неразрѣзаны, но въ самомъ дѣлѣ между ними заключаются огромные пространства. — Подобное ядрѣ совершенно неслучайно; во первыхъ, потому что дряль круглыхъ матеріи, безъ ядра, въ вторыхъ, при такомъ притяженіи необходимо центръ пятна долженъ совпадать съ центромъ звѣзды, что такъ же не вѣрно, потому что для предположеннаго совпаденія этихъ центровъ, дряль и звѣзда должны имѣть одинаковое собственное движеніе.

Иногда круглыя туманные пятна занимаютъ весьма большія пространства, такъ что радіусъ пятны, сравнимый съ земной, простирается до 1500. Чтобъ дать понятіе о такомъ величинѣмъ размѣрѣ пятны, скажемъ, что радіусъ земной орбиты равенъ 38 миліонамъ миль; если какую-нибудь звезду припятъ за вершину угла, и провести отъ нея линію; одну къ центру земной орбиты, а другую къ окружности, то этотъ уголъ выйдетъ не болѣе одной секунды. — Предположивъ, что пятно находится въ томъ же разстояніи отъ насъ, какъ и звѣзда, и выйдетъ сливъ какому радіусу пятны, соответствующій уголъ въ 150°, значитъ, что пространство, занимаемое пятномъ, въ восемь разъ больше орбиты Земли.

Какъ же определить, хотя приблизительно, время, въ продолженіи котораго совершаются переходы матеріи?

Вычисленіями найдено, что еслибы Солнце и Сатурнъ повиновались одной силѣ тяготѣнія, то сошли бы въ про-

востановленіи мѣльничнаго званія? Или этого можно судить, сколько времени можно было пройти, чтобы историческая исторія обратилась въ науку? И тѣмъ временемъ переобработались въ вѣды...

Итакъ, читатели, мы съ вами сдѣлали прогулку по небесамъ, подаліе которой, можетъ быть, не лишнимъ было бы изслѣдованіе отдаленнѣйшей. А именно; что дѣлать кейфе, какъ слѣдуетъ, во-восточному, думать — ничего не дѣлать и ни о чемъ не думать. И такъ почему, «спустившись на землю, мы увидѣли себя въ болѣе или менѣе трудной передъ нами лежать одно чрезвычайно интересное и даже важное рѣшеніе ученой задачи, но его слѣдовало бы украсить алгебраическими уривненіями и другими подобными фигурами, что, какъ извѣстно, вовсе не совмѣщается съ порядочнымъ кейфе». Итакъ, изъ уваженія къ вашему скромностию, постараемся изложить сущность дѣла какъ можно короче.

Французскій математикъ (XVII-го вѣка) Ферматъ оставилъ потомству списокъ разныхъ задачъ, свойствъ и пр., касающихся до чиселъ; были ли всѣ эти теоремы рѣшены или нѣтъ, неизвѣстно; но было ясно, что рѣшеніе ихъ весьма важно для науки, что въ возможности рѣшенія ихъ нѣтъ сомнѣній. А между тѣмъ рѣшеніе многихъ изъ нихъ требовало особенныхъ умовъ даже извѣстныхъ своей ученостью математиковъ. Кромѣ одной, всѣ теоремы Фермата были рѣшены Эйлеромъ, Ламбромъ, Коши и другими. Одна ускользала отъ всякихъ попытокъ и усилій. Слѣдовало, по вѣзволу Ферматъ, доказать, что всякая дѣлаго числа степень, выше второй, не можетъ быть разложена на сумму двухъ такихъ же степеней, иначе — что уравненіе $X^n + Y^n = Z^n$ невозможно въ цѣлыхъ числахъ, если $n > 2$. Не смотря на то, что рѣшеніе этой теоремы было помѣщено Парижскою Академіею Наукъ въ числѣ ея задачъ еще съ 1818 года — она оставалась недо-

ступимою ни одному изъ извѣстныхъ математиковъ. Впрочемъ, надо сказать, что она не была рѣшена только въ общемъ видѣ, въ частностяхъ же упомянутыхъ нами на блъ рѣшеніе этой теоремы для 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 114, 115, 116, 117, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 138, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169, 170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 188, 189, 190, 191, 192, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 210, 211, 212, 213, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 220, 221, 222, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262, 263, 264, 265, 266, 267, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 274, 275, 276, 277, 278, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 309, 310, 311, 312, 313, 314, 315, 316, 317, 318, 319, 320, 321, 322, 323, 324, 325, 326, 327, 328, 329, 330, 331, 332, 333, 334, 335, 336, 337, 338, 339, 340, 341, 342, 343, 344, 345, 346, 347, 348, 349, 350, 351, 352, 353, 354, 355, 356, 357, 358, 359, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 366, 367, 368, 369, 370, 371, 372, 373, 374, 375, 376, 377, 378, 379, 380, 381, 382, 383, 384, 385, 386, 387, 388, 389, 390, 391, 392, 393, 394, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 405, 406, 407, 408, 409, 410, 411, 412, 413, 414, 415, 416, 417, 418, 419, 420, 421, 422, 423, 424, 425, 426, 427, 428, 429, 430, 431, 432, 433, 434, 435, 436, 437, 438, 439, 440, 441, 442, 443, 444, 445, 446, 447, 448, 449, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 457, 458, 459, 460, 461, 462, 463, 464, 465, 466, 467, 468, 469, 470, 471, 472, 473, 474, 475, 476, 477, 478, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 486, 487, 488, 489, 490, 491, 492, 493, 494, 495, 496, 497, 498, 499, 500, 501, 502, 503, 504, 505, 506, 507, 508, 509, 510, 511, 512, 513, 514, 515, 516, 517, 518, 519, 520, 521, 522, 523, 524, 525, 526, 527, 528, 529, 530, 531, 532, 533, 534, 535, 536, 537, 538, 539, 540, 541, 542, 543, 544, 545, 546, 547, 548, 549, 550, 551, 552, 553, 554, 555, 556, 557, 558, 559, 560, 561, 562, 563, 564, 565, 566, 567, 568, 569, 570, 571, 572, 573, 574, 575, 576, 577, 578, 579, 580, 581, 582, 583, 584, 585, 586, 587, 588, 589, 590, 591, 592, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600, 601, 602, 603, 604, 605, 606, 607, 608, 609, 610, 611, 612, 613, 614, 615, 616, 617, 618, 619, 620, 621, 622, 623, 624, 625, 626, 627, 628, 629, 630, 631, 632, 633, 634, 635, 636, 637, 638, 639, 640, 641, 642, 643, 644, 645, 646, 647, 648, 649, 650, 651, 652, 653, 654, 655, 656, 657, 658, 659, 660, 661, 662, 663, 664, 665, 666, 667, 668, 669, 670, 671, 672, 673, 674, 675, 676, 677, 678, 679, 680, 681, 682, 683, 684, 685, 686, 687, 688, 689, 690, 691, 692, 693, 694, 695, 696, 697, 698, 699, 700, 701, 702, 703, 704, 705, 706, 707, 708, 709, 710, 711, 712, 713, 714, 715, 716, 717, 718, 719, 720, 721, 722, 723, 724, 725, 726, 727, 728, 729, 730, 731, 732, 733, 734, 735, 736, 737, 738, 739, 740, 741, 742, 743, 744, 745, 746, 747, 748, 749, 750, 751, 752, 753, 754, 755, 756, 757, 758, 759, 760, 761, 762, 763, 764, 765, 766, 767, 768, 769, 770, 771, 772, 773, 774, 775, 776, 777, 778, 779, 780, 781, 782, 783, 784, 785, 786, 787, 788, 789, 790, 791, 792, 793, 794, 795, 796, 797, 798, 799, 800, 801, 802, 803, 804, 805, 806, 807, 808, 809, 810, 811, 812, 813, 814, 815, 816, 817, 818, 819, 820, 821, 822, 823, 824, 825, 826, 827, 828, 829, 830, 831, 832, 833, 834, 835, 836, 837, 838, 839, 840, 841, 842, 843, 844, 845, 846, 847, 848, 849, 850, 851, 852, 853, 854, 855, 856, 857, 858, 859, 860, 861, 862, 863, 864, 865, 866, 867, 868, 869, 870, 871, 872, 873, 874, 875, 876, 877, 878, 879, 880, 881, 882, 883, 884, 885, 886, 887, 888, 889, 890, 891, 892, 893, 894, 895, 896, 897, 898, 899, 900, 901, 902, 903, 904, 905, 906, 907, 908, 909, 910, 911, 912, 913, 914, 915, 916, 917, 918, 919, 920, 921, 922, 923, 924, 925, 926, 927, 928, 929, 930, 931, 932, 933, 934, 935, 936, 937, 938, 939, 940, 941, 942, 943, 944, 945, 946, 947, 948, 949, 950, 951, 952, 953, 954, 955, 956, 957, 958, 959, 960, 961, 962, 963, 964, 965, 966, 967, 968, 969, 970, 971, 972, 973, 974, 975, 976, 977, 978, 979, 980, 981, 982, 983, 984, 985, 986, 987, 988, 989, 990, 991, 992, 993, 994, 995, 996, 997, 998, 999, 1000.

— Фабрикація флинт-гласса, чистѣйшихъ стеколъ для оптическихъ инструментовъ — одна изъ самыхъ труднѣйшихъ задачъ, какъ для фабрикан-

товъ; такъ и для оптиковъ. Стекла эти должны быть все безъ округъ и безъ пузырьковъ. Ньито г. Пеллотье предлагаетъ следующий имъ способъ съ полной утвѣренностью въ успѣхѣ дѣлать безъ какаго бы ни было способа.

Для изготовления линзъ-стекла или оптического стекла, надо взять: 240 частей бѣлаго-песчаного песка, 50 улекислого кали или улекислой извести, 30 азотно-кислого кали, 14 борнокислой соды и $\frac{1}{4}$ марганцу. Углекислое кали и углекислая известь въ этомъ случаѣ такія соли, въ составъ которыхъ входятъ кали 18 частями, а бѣлая или желтая известь 6 частями. Обыкновенно известь или плавленый средствомъ служить кали; но дѣйствіе этого плавленна такъ ли сильно, чтобъ могло пронаести самое совершенное смѣшеніе и соединеніе всѣхъ плавящихся веществъ? После многократныхъ опытовъ, в. самогъ глубоко-внимательнаго наблюденія, г. Пеллотье заключилъ, что дѣйствіе его для этого не довольно-сильно и предпочелъ этотъ плавленъ другой, а именно: углекислымъ кали и углекислымъ окисломъ кальція. Опыты показали, что этотъ новый плавленъ дѣйствуетъ гораздо-сильнѣе.

Смѣшавъ въ большомъ сосудѣ 9 килограммовъ растительнаго щелка (который долженъ быть въ самой совершенной степени испеченія), и 3 килограмма окисла кальція, поливаютъ на нихъ горячей воды и мѣшаютъ до совершенной однородности въ массѣ. Потомъ выливаютъ все это въ бочку, имѣющую отверстіе въ днѣ, покрытую гнетомъ и устланную соломой и сверху тонкимъ полотномъ, чтобъ щелочная вода не увлекала за собой твердыхъ частицъ тѣхъ веществъ. Подъ бочку ставятъ осудъ для принятія стекающей щелочной воды и переливаютъ послѣднюю снова черезъ бочку до тѣхъ поръ, пока щелочь не достигнетъ 17° по ареометру Боме. Тогда переливаютъ ее въ чугунный сосудъ и выпаряютъ на огнѣ до сухости. Эта сѣсь будетъ состоять изъ ульмическихъ

(siliciques) растительныхъ веществъ и извести. Сѣсь эту должно сильно налить въ отражательной печи, и тогда наконецъ, получится соль бѣлая, острого вкуса и очень-жгучая, удоботсырѣвающая, сильно распускающаяся въ водѣ, кристаллизующаяся въ ромбоидальныхъ тупоугольныхъ кристаллахъ, плавающая на красномъ огнѣ и возвращающая синій цвѣтъ лакмусовой (подсолнечника) настойки, обращенной въ красную какою-нибудь кислотой.

Эту соль смѣшиваютъ съ пескомъ, селитрой (азотно-кислымъ кали) и пр. и поступаютъ далѣе, какъ въ фабрикации стекла. Новый плавленъ дѣйствуетъ сильно. По расплавленіи стекла, даютъ ему остынуть; потомъ толкутъ стекло въ агатовой ступкѣ (никогда не надо употреблять металлической ступки, потому-что стекло можетъ окислиться и принимать вредныя отъ этого цвѣта) и превращаютъ такимъ образомъ въ мельчайшій порошокъ. Затемъ просѣиваютъ порошокъ чрезъ самое тонкое шелковое сито, наблюдая, чтобъ никакъ не пошло стекляннхъ крупинокъ, не прошедшихъ чрезъ это сито, и снова расплавляютъ просѣянный порошокъ. Когда стекло остынетъ, опять толкутъ, просѣиваютъ и т.д. Последняя плавка даетъ уже стекло совершенно-однороднаго состава и безъ струекъ. Остается уничтожить обрабающуюся пузырьки. Для этого на десять минутъ до снятія съ огня расплавленнаго стекла, бросаютъ въ него растолченную очень-мелко губчатую платину въ количествѣ $\frac{1}{100}$ грамма на каждый килограммъ стекла при расплавленіи его плавкѣ. Платина не плавится, увлекаетъ за собой пузырьки и осажденія, и полученное стекло будетъ самаго превосходнаго качества, требуемаго оптическими инструментами.

— Кстати приведемъ новый предложенный Парижской Академіи Наукъ способъ г. Сире для выпариванія чистки оптическихъ стеколъ при ихъ

употребленіи. Обыкновенно для чистки или мытья этихъ стеколъ употребляютъ алкоголь; но г. Сирэ удостовѣрился, что по вымытіи алкоголемъ, часть его остается на стеклѣ, привлекаетъ самую тонкую пыль, покрывается этою пылью и стекло дѣлается тусклымъ. Поэтому, передъ употребленіемъ стеколъ, ихъ надо каждый разъ вытирать. Точно ли тусклость происходитъ отъ алкоголя — рѣшить по доказательствамъ, приводимымъ г. Сирэ, трудно; но, по крайней мѣрѣ, онъ удостовѣрился, что самый чистый *спирный цветъ* съ совершенно-чистымъ же *животнымъ улемъ* гораздо-лучше очищаютъ оптическія стекла. *Спирнаго цвета* надо вдвое болѣе *уля* (по вѣсу), для составленія смѣси.

— Какіе-то гренобльскіе химики получили привилегію на особаго рода газъ для освѣщенія и на способы добычянія его. Въ числѣ разныхъ преимуществъ этого изобрѣтенія поставлены такія обстоятельства, которыя не могутъ не обратить на себя всеобщаго вниманія. Это открытіе, по словамъ газеты *Moniteur Industriel*, распространить газоосвѣщеніе во всѣхъ промышленныхъ и бѣдныхъ классахъ народа, во всѣхъ городскихъ и деревенскихъ мастерскихъ и рабочихъ заведеніяхъ. Вездѣ есть печи для стряпни и для нагреванія жилищъ, а ничего нѣтъ легче, какъ приспособить къ нимъ аппаратъ, котораго поверхность, впрочемъ, достаточно-понятное, описаніе слѣдуетъ ниже. Способъ этотъ найдетъ противодѣйствіе только въ отвращеніи, которое обыкновенно питаютъ къ веществу, до-сихъ-поръ поделанному въ однои земледѣліи... Вы угадали уже, что это за вещество: это человеческій пометъ. Опыты были какъ-нибудь болѣе удачны. Печь для этого дѣла — печь обыкновенная; въ ней только твердо укрѣпляется цилиндрическая реторта въ $\frac{1}{100}$ метра длины и $\frac{1}{100}$ метра въ діаметрѣ; въ нее кладутъ одинъ килограммъ (около $\frac{1}{2}$ фунт.) помета въ видѣ тѣста. Опе-

рація повторяется пять разъ въ день; газъ проходитъ чрезъ небольшой очиститель и собирается въ газометръ; стоящемъ на деревянной откритой бочкѣ, въ которой помѣщаются такой же формы, но вверхъ дномъ; цинковый цилиндръ. Сравнительные опыты показали, что одинъ килограммъ осадочнаго вещества даетъ 240 литровъ газа, тогда-какъ такое же количество каменнаго угля даетъ только 172 литра. Газъ этотъ горитъ очень-хорошо и освѣщаетъ нѣсколько — лучше газа, добытаемаго изъ каменнаго угля. Пометъ требуетъ приточенія самаго незначительнаго. Простымъ выжиманіемъ отдѣляютъ отъ него урану и пометъ, для придаванія ему вида густаго тѣста, прибавляютъ весьма-мало цинковыхъ веществъ. Въ этомъ-то видѣ, лица, получившія привилегію, и объявляютъ продавать его желающимъ, съ условіемъ, что онъ будетъ совершенно безъ запаха и стоитъ не болѣе одного франка за 100 килограммовъ. Кромѣ выгоды въ первомъ матеріалѣ, открытіе это представляетъ слѣдующую выгоду: 1) остатокъ послѣ изжиганія газа можетъ быть сильнѣе удобрительнымъ средствомъ для земледѣлія; 2) жидкій остатокъ заключаетъ въ себѣ большое количество углекислаго амміака, а отъ послѣдняго можно перейти къ стронціуму или къ хлористому-дородному амміаку — къ такимъ веществамъ, которыя въ большой цѣнѣ; 3) такъ-какъ новый газъ горитъ свѣтлѣе, то, ограничиваясь одинаковою степенью свѣта съ каменноугольнымъ газомъ, новый выгоднѣе; 4) такъ-какъ одной и той же величиной реторта даетъ въ продолженіи 24-хъ часовъ нѣтъ помета вдвое болѣе газа, нежели изъ угля, то для полученія одноваго и того же количества газа нужно несравненно-менше надержекъ на первоначальное устройство аппарата; 5) описанный выше приборъ очень-простъ, и для пометнаго газа онъ годится, а для каменноугольнаго нѣтъ; съ послѣднимъ надо бы было держать температуру слишкомъ-высокою, что невозможно

вно отъ этого въ гонимой въ дровахъ чистоты, потому, задача была, возможно только для такихъ веществъ, которые требуютъ температуры, не превышающей возможной для обыкновенныхъ металловъ при топлении, а не чрезвычайно высокой, др. которой достигаютъ только особыми средствами въ лабораторіяхъ; б) наде употребленіе помета дать возможность добывать газъ для освѣщенія совершенно десь, даже въ такихъ странахъ, гдѣ нѣтъ каменнаго угля; в) это должно послужить къ болѣе чистотѣ жилищъ, дворовъ и улицъ и избавить ихъ обитателей отъ вредныхъ испареній.

При дѣйствіи гипсомъ, отсысковъ съ аналитическими и препаративными способами, когда они сохранились до техъ въ дѣлѣмъ спиртъ, отгиски эти дѣлаются, не поддаются совершенно чистотѣ, потому, что часть гипса, прилегающая къ поверхности аналитическаго аппарата, остается въ порошокъ. Извѣщаясь дѣломъ напрасно дѣлать поръ, приспичали способы помянъ горю, Г. Сталь, состоящій при Марбургскомъ Муарумъ Естественныхъ Наукъ, съ успѣхомъ развѣшилъ эту задачу. Замѣтилъ, что сплате отгисковъ съ дѣлѣмъ спиртъ, которые сохранялись на чѣмъ въ спиртъ, а въ растворѣ хлористаго цинка (chlorure de zinc), было, какъ дѣлѣмъ болѣе успѣшно, онъ убѣдился, что успѣхъ въ этомъ случаѣ былъ, не случайный. Г. Сталь сталъ дѣлать опыты и совершенно удостовѣрился, что хлористый цинкъ есть вещество чрезвычайно полезное въ формоначіи для дѣлѣмъ, не только въ тѣхъ случаяхъ, когда отгиски должны быть чистые, но даже и тогда, когда съ дѣлѣмъ берутся уже выпуклые; а всѣмъ радижающіеся отгиски дѣломъ видѣть, что когда вторые отгиски берутся, нѣсколько времени спустя после черныхъ, то при второмъ дѣйствіи слѣдующихъ, часто портятся, всѣ формы и отгиски, какъ черные, такъ и посядвіе и всѣ труды уничтожаются.

Г. Мартенсъ сообщилъ Брюссельской Академіи Наукъ записку о химическомъ распознаваніи противозаболицыхъ подѣлокъ въ хлѣбной муке. Вотъ выдержка изъ этой записки. Съ шестидесяти лѣтъ, политизиравіе въ шестидесяти, между стало производиться уже въ болѣе видѣ, для этого употребляютъ картофельную отсадъ или такъ называемую картофельную муку, въ особенности же и чаще муку въ бѣлыхъ боборъ. Много приуменьшала способами отгисковъ присутствіе вохисей; но даже сильныя микроскопы, и безъ того неудобныя для общаго употребленія, дѣйствовали неудовлетворительно, особенно, когда картофельная отсадъ была смолота вмѣстѣ съ мукой. Наивѣстнѣе до сихъ поръ способы основывались на отсутствіи азота и клейковины въ картофельной отсадѣ, но способы эти не удовлетворяли требованія, потому, что самая мука не всегда одинаково богата азотомъ и клейковинной. Французское Общество Поощренія Национальной Промышленности напрасно до сихъ поръ обращалось къ ученому сословію о разрѣшеніи задачи.

Картофельная отсадъ или мука не растворяется въ холодной водѣ, зернышки ея не были растерты; но если ихъ сильно растереть въ хрустальной или ворбже очень чистой ступкѣ и потомъ прилить воды, то послѣдняя распуститъ немного отсѣваго вещества; дайте настояться водѣ, процѣдите ее, и вы получите жидкость совершенно-прозрачную, принимающую синій цвѣтъ отъ прибавленія йодовой воды или тинктуры. Это было извѣстно; но г. Мартенсъ убѣдился, что, поступивъ совершенно точно также съ мукой, нельзя йодовой водой окрасить жидкость въ синій цвѣтъ; и это вѣроятно, потому, что зернышки муки, будучи гораздо мельче и покрытыя упругой клейковинной, не расширяются въ ступкѣ такъ, чтобы обнаружилась способная къ растворенію въ водѣ внутренняя ихъ часть. После этого, г. Мартенсъ убѣдился, что

наль сѣсью пшеничной муки съ аргофеллоном отсѣдь, и уловостыри-
 лись, что когда количество погашен-
 о превышает даже пяти процентовъ,
 тогда растира сѣсь въ ступкѣ ма-
 лыми количествами, въ продолженіи
 пяти или десяти минутъ и потомъ про-
 живая настою сквозь пропускную
 бумагу, можно легко обнаружить дозую
 одной присутствіе подмѣсы.

Что касается до подмѣсы бобовой
 уки, то объ улучшеніи ея химиче-
 ски вовсе не заботились, а между тѣмъ,
 она сильно распространяется, особен-
 о въ большихъ городахъ. Микроско-
 помъ узнать о подмѣсѣ этой уже рѣ-
 шительно невозможно, потому что бо-
 овая мука очень мелка и однородна;
 о химія обнаруживаетъ ее очень лег-

ко. Стоитъ припомнить, что всѣ зерна
 бобовыхъ растений, а следовательно
 и бобы бобовъ, содержатъ въ се-
 бя вещество подобное по
 раппенію съ казеиномъ, растворяющее-
 е въ водѣ, свѣщающееся или свер-
 живающееся отъ уксусной кислоты и
 проч. Итакъ, чтобы обнаружить при-
 сутствіе легумина, надо развести за-
 одобрившую муку въ двойномъ про-
 цѣнтѣмъ количества воды и дать на-
 тоиться жидкости въ продолженіи
 много или двухъ часовъ при темпера-
 турѣ отъ 40° — 50° стоградуснаго тер-
 ометра, разлившая ее по време-
 амъ; потомъ пропустить все сквозь
 пропускную бумагу, вылить осадокъ
 а бумагѣ большими количествами во-
 ды, чтобы вымыть весь легуминъ, и
 самъ пропущенная жидкость, отъ при-
 лавки капля-по-каплѣ, уксусной кисло-
 ты, начинаетъ сильно мутиться и ста-
 ется молочною вида, то присутствіе
 легумина, а следовательно и подмѣсы
 уки въ бѣлыхъ бобовъ, обнаружены. Не
 надо прибавлять уксусной кислоты
 слишкомъ много, потому что тогда она
 нова растворитъ свѣдшійся легуминъ.
 Впрочемъ, можно обнаружить присут-
 ствие легумина въ пропущенной жид-
 кости и другими средствами, основ-

ываясь, на примѣръ, на томъ, что она
 всажается отъ трехкратной концен-
 тронной кислоты и проч. Обнаруженіи сво-
 собъ бѣлыхъ бобовъ и тѣмъ, она обнару-
 жаетъ муку бѣлыхъ бобовъ или даже
 вскую муку бобовъ дѣлать растенію
 азъ муку пшеничной, даже и тогда, ко-
 га подмѣсы будетъ сдѣлана въ четы-
 ро или пять процентовъ.

— Въ концѣ прошедшаго года, въ
 Австріи, изданы законы и литературный
 и художественной собственности. Вотъ
 главные вѣщанія его. Авторы и ар-
 тисты, произведші что-нибудь, мо-
 гутъ располагать своими произведеніи-
 ми какъ хотятъ, или дозволить дру-
 гимъ воспроизводить ихъ. Сравнены
 въ правахъ съ авторами также пред-
 прииматели или издатели чужихъ
 произведеній, издатели произведеній
 анонимныхъ или псевдонимныхъ, и та-
 кіе издатели, которые заказываютъ
 произведенія по данному предначертанію
 и на свой счетъ. Переводъ сочиненія
 съ иностраннаго языка считается
 собственностью переводчика, и не
 другой переводъ того же сочиненія,
 имѣющій только ничтожное различіе
 перемѣны противъ перваго, считается
 контрафакціей. Переводъ чуждаго
 сочиненія не считается контрафакціей,
 если только авторъ его не объявитъ на
 заглавномъ листѣ книги, что онъ самъ
 сдѣлалъ распоряженіе о переводѣ, въ
 послѣднемъ случаѣ всякій переводъ,
 изданный въ одинъ и тотъ же годъ въ
 издательствѣ подлинника и безъ позволе-
 нія автора, будетъ считаться контра-
 факціей. Воспроизведеніе предмѣтовъ
 искусства, какими бы ни были мехи-
 ническими средствами, тоже не дозво-
 ляется. Этими покровительствомъ воз-
 ваются не только первоначальныя ори-
 гинальныя произведенія, но и всякое
 воспроизведеніе, сдѣланное или са-
 мимъ артистомъ или его насѣдниками,
 или тѣмъ, кому передано это право.
 Воспроизведеніе, безъ позволенія авто-
 ра, публичнаго чтенія лекцій, состав-
 ленныхъ съ цѣлю учебною, или на-

владельческой, или для удовольствия, не предоставляется, даже и в том случае, когда бы желающий читать лекции был издателем сочинения и закончить приобретателем его. Географическая и топографическая карты, архитектурные чертежи, вообще рисунки, и музыкальные ноты, подлежащие тому же закону. Цитаты и выписки из контрафактных, но извлеченных и выписки из новейших писателей, помещаемые в учебных книгах, не должны превышать одного печатного листа и притом всегда с показаньем источника. Заимствованная из одного или более музыкальных сочинений для вариаций, фантазий, этюдов и попури не относятся к этому ограничению. Представление драматической пьесы и публичное разыгрывание музыкального произведения, есть неотъемлемая принадлежность автора; без позволения автора или до издания подобного сочинения в печать — и то в другом направлении. Закон предоставляет автору право собственности не только на все продолжение его жизни, но и на тридцать лет после его смерти. Пятидесятилетний срок после смерти автора предоставляется только сочинениям, изданным академиями, институтами и обществами ученых или артистическими, состоящим под особым покровительством правительства; сочинения же, изданные другими обществами, пользуются только тридцатилетним сроком. Этим же сроком пользуются и анонимные или псевдонимные произведения, так же, как и произведения, изданные правительством, если, впрочем, последнее не отдаст их само к распоряжению публики. Представление драматического сочинения или публичное разыгрывание музыкальной пьесы является достоянием публики через 10 лет по смерти автора. Контрафакция наказывается конфискацией всех сделанных экземпляров, извлечением форм, напечатавшихся, досок и проч. и штрафом от

25 до 1000 флоринов. Штраф в этом случае невозможности уплаты, устанавливается по тем же правилам: штраф от 25 до 100 флоринов включением от 8 дней до 1 месяца; штраф от 400 до 1000 флоринов включением от 3-х до 6-ти месяцев. При втором проступке издатель терять право торговли. Закон этот распространяется на все сочинения, хотя бы они были сочинены и впервые изданы в Австрии иностранцами подданными; распространяется также и на все издания, являющиеся во владении Германско-Соемъ; что же касается до изданий, печатаемых вне границ Германского Союза, то в Австрии покровительство им будет оказываться в следствие особых трактатов с иностранными государствами.

— В Китайской Империи 18 марта 1846 г. состоялось повеление в пользу христианской религии; в повелении этом сказано, что все старинные храмы, построенные в царствование императора Канг-Хи и до сих пор сохранившиеся, будут отданы в распоряжение христиан, живущих в окрестностях церкви. Сначала, разумеется, китайское начальство обратится на место в действительности существования церкви и проч. Все обращение не подлежит только тем церквям, которые обращены в негодные или частные дома. Вследствие этого главные лица, управляющие делами римской пропаганды, разослали циркуляры всем духовным особам, разославшим по Китаю и поручившим составить описания положений, в каком находятся старинные католические церкви. Недавно все описания уже доставлены в Пекин и все их сделаны общий свод, который и будет послан в Пекин на утверждение через вице-король китайского Ки-Нинга. Из этого свода видно, что 117 церквей, хорошо сохранившихся, могут, по смыслу повеления, 18 марта 1846 года, быть обращены для

христианства и богослуженія. Въ оныхъ построены были въ периодъ времени съ 22 марта 1692 года, когда состоялся подлѣу христианской религіи законъ императора Канг-Хи, до 1722 года, то есть до кончины этого императора. Большая часть этихъ церквей построена Іезуитами, и почти каждая изъ одной или двухъ башенокъ своихъ заключаетъ астрономическую обсерваторію; — Іезуиты тогда очень любили эту науку.

— Такъ какъ мы теперь понали въ Китай, то отсюда уже недалеко и до малайскихъ острововъ Суватры, Явы и Борнео. Въ промежъ, между этими тремя островами, ближе къ первому и къ послѣднему, находятся небольшіе островки Банки и Биллтона. Оба эти острова имѣютъ болѣе 60,000 жителей, почти все Китайцевъ. Голландцы давно имѣли небольшое вліяніе на эти острова, но на-самомъ дѣлѣ, султаны ихъ признавали себя независимыми въ дѣлахъ я вѣры и управленія; словомъ, права плохо смягчались и просвѣщеніе туда не заглядывало. Теперь пишутъ, что султанъ Банки переписывается съ духовенствомъ Сингапура (на Полуостровѣ-Малакка) о желаніи своемъ, со всѣмъ семействомъ, принять христианскую религію. Кто любитъ и читалъ путешествія по тѣмъ странамъ, тотъ знаетъ, что изъ всѣхъ дикихъ племенъ земнаго шара, Малайцы болѣе всѣхъ недоступны къ гражданственности, смягченію нравовъ, общежитію и проч., потому именно, что они не дикі, не страшны какъ львы, а хладнокровны и откровенно кровожадны, какъ кошки. Поэтому всякой шагъ ихъ къ общечеловѣческому уже важенъ. Надѣются, что примѣру султана острова Банки послѣдуетъ и султанъ Биллтона и всѣ жители обоихъ острововъ.

— Мы нашли во французской газетѣ *La Presse* (отъ 17 и 18 апрѣля) двѣ небольшія статьи, служащія матеріалами къ исторіи 1812 и 1813 годовъ. Переводимъ ихъ безъ дальнѣйшей пере-

мѣны: Г. Дюблеа, оветальной военной оеицерь, живущій въ Шармъ-вѣзъ (Вандонской-Улицѣ, въ домѣ № 4, пишетъ въ редакцію газеты *Proscrits* слѣдующее:

«Присланоушло мною въ доносительство изъ подтвержденіе отъ г-на редактора *La Presse* газетѣ *Le National*: Плату 6 фр., въ которыхъ была самъ участникомъ. Въ 1813 году, лейпцигъ былъ объявленъ раненымъ, ихъ было тамъ до 80 тысячъ. Нѣсколько времени спустя послѣ лейпцигскаго сраженія, когда въ лейпцигскихъ докахъ, обращенныхъ въ госпитали, велѣлось войскамой моралою, Императоръ Александръ послѣднихъ послѣдствъ почти всѣхъ мѣста, гдѣ находились раненыя французскіе оеицеры, и, найдя большую часть изъ насъ совершенно безъ одежды, приказалъ снабдить насъ деньгами и разными необходимыми предметами».

На другой день та же газета извѣстала другое писаніе, слѣдующаго содержания:

«Если въ Французскіе послѣдствы въ плѣнъ къ Русскимъ, во время отступленія 1812 года, послужили по примѣру г. Дюблеа, котораго писаніе вы напечатали, то столбцы нашей газеты не могли бы вмѣстѣ всѣхъ подобныхъ писемъ. Я повторѣнно прошу васъ, впрочемъ, напечатать мое, считая, что дѣлаю это такъ свободно».

«Нерегулярныя сраженія совершенно обобрали насъ, такъ что намъ остались только лохмотья, съ временемъ оставленныя нами на мертвыхъ тѣлахъ. Съ этихъ нищенскихъ тѣлъ на плечахъ, мы рѣшительно потеряли надежду перенести суровость наступающей зимы, — какъ неожиданно получили, каждый оеицерь, по 100 рублей ассигнаціями (100 франковъ); деньги эти были намъ доставлены отъ имени императрицы Маріи Александровны (очевидная ошибка въ имени) супруги императора Александра».

«По возвращеніи во Францію, въ 1814 году, очень многіе изъ насъ желали громко и публично изъявить благодарность за благоволеніе, слѣдующее

накъ, такъ въ арміи; но Руссія еще была на французской землѣ, и въ то же время, особею критическое положеніе оставило на додвонной арміи разсла-бо вѣтъ нашихъ товарищом по взрадоном на родину.

Эмиль Гийофкръ.

Французскія газеты извѣщаютъ, что главный государственный дворянъ Валахій, въ заведеніи отъ 28 февраля, утвердилъ законъ, по которому 14,000 цыганскихъ семействъ, составляющихъ болѣе 60,000 душъ и бывшихъ во владѣніи у государства, чернаго и бѣлаго духовенства и въ всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ, — объявляются свободными. Кто знаетъ, въ какомъ бѣдственномъ состояніи нищеты находились эти цыгане, тотъ вѣрно порадуется за эту человѣколюбивую итру господаря Нибеско; итронюлетъ таинственный, не смотря на итронюе сопротивление духовенства, одинъ изъ первыхъ далъ полное согласіе на этотъ законъ и потому подерживалъ его своимъ враспорѣченіемъ, побуждая болѣе воспользоваться привѣтру государства. Но въ послѣднемъ случаѣ, то есть, на счетъ владѣнія частными лодьями, дѣло это будетъ не такъ легко, потому что лишая болѣе 10,000 семействъ или 48,000 душъ. Всякій свободный Цыганъ будетъ обязанъ платить ежегодно по 33 ииастра (около 3 руб. серебромъ) поголовной подати, которая на первое время будетъ употребляться на выкупъ Цыганъ изъ частнаго владѣнія.

Цинуть, что въ Константинополѣ учреждается академія, подобная парижской и академіямъ другихъ государствъ. Это учебное собраніе будетъ состоять изъ 20 акадѣмиков и обязано заниматься всѣмъ, что имѣетъ хотя малѣйшую связь съ языкомъ и исторіей Турціи. Академія же будетъ поручена главнымъ надзоромъ за всѣми заведеніями публичнаго обученія. Прежде всего, въ читаніи новостей о заведеніи академіи

въ Константинополѣ для публичнаго художественнаго института.

— На луврскую выставку въ прошлаго года, по словамъ «Ельтона» (Journal des Débats), представлено 6,800 художественныхъ произведеній, а принято только 2,321 — жюрию полонныи. Присяжные при оцѣнкѣ были строги, но принимая во вниманіе, что и теперь пошло на выставку довольно посредственнаго, надо думать, что всѣ непринятые произведенія намѣднимъ бы выставку: истинно-художественныя произведенія утопимъ бы въ муть. Безпрестанное возрастаніе числа художниковъ, обещаетъ привести еще дѣло въ какаинибудь реформа. Частная, подъ различными предлогами устроенная, выставка скоро убоитъ луврскую, а она и безъ того уже болела. Но съ одной стороны нельзя не простить, итронюе стымъ уже художникамъ небольшой слабости — нежеланія смириваться съ толпою учениковъ и бездарностей, а съ другой и публика въ миссископъ. — она устала отыскивать, что нова произведенія на обильномъ луврскомъ базарѣ. И дѣйствительно, многие знаменитые члены-художники Института, обличенные званіемъ присяжныхъ, не заботятся исполнять въ точности свой трудъ, и даже, какъ слышно, напѣвны соединиться въ особое общество, для отдельной выставки своихъ произведеній.

При пышномъ порядкѣ вѣдана картинъ на выставку, часто случается и другаго рода, такъ сказать, безпорядка. Какъ иначе назвать поулостоеніе на выставку произведеній таланда художниковъ, труды которыхъ прежде уже бывали на выставкахъ, и которые извѣстны съ хорошей стороны не только Франціи, но даже и Европѣ, какъ, на примѣръ, Делакруа, Тома-Жоанно, Декана, Амори-Дювала, Барри, Мендрона, Коро, Дюпре, Каба, Марилла, Эте, Фландрепа, Руссо, Одь и Шассерью? Прежде, при маломъ числѣ художниковъ, можно было строго придерживаться школы и ру-

вы; но теперь, когда искусства развиваются так быстро по всем классам общества, они въ правѣ требовать бы уже организаціи въ званіяхъ художественныхъ. Если студенты университетовъ приобретаютъ экзаменами диссертациями права бакалавровъ, магистровъ, докторовъ, адвокатовъ, и проч., то почему бы свободнымъ художникамъ, положимъ, три раза доущеннымъ на выставку, не приобрести уже диплома или права неподсудности въ отношеніи выставки своихъ картинъ въ Луврѣ? Такъ или иначе, но настоящее положеніе дѣла требуетъ реформы и правильныхъ установленій. Разумѣется, присяжные останутся бы въ своей силѣ для новичковъ и для соблюденія пріличія въ выставленныхъ картинахъ; послѣднее необходимо для огражденія публики отъ извѣстнаго своеволія артистовъ.

Теперь... Но мы должны сказать нѣсколько словъ, которыми, по настоятельному, надо было начать нашу статью: мы омовдали повѣщеніемъ о луврской выставкѣ, и потому не имѣли бы мы уже вовсе говорить о ней; но одна картина обратила на себя такое вниманіе всей парижской публики; о ней пошло столько слуховъ, что мы рѣшились привести здѣсь отзывы объ этомъ замѣчательномъ произведеніи, и высказать нѣсколько мыслей по поводу выставки и вообще выставокъ. Но прежде прославленной картины, скажемъ и о другихъ, чтобъ послѣ уже не возвращаться къ нимъ. Гг. Вернѣ и Циглеръ выставили оба по картинѣ одного и того же сюжета: «Юдией послѣ отсѣченія головы Олоферну». Мы не последуемъ за французскимъ критикомъ въ приведеніи библейскаго сказанія, объясняющаго картину; скажемъ только, что оба живописца отступили отъ преданія исторіи на-счетъ характера Юдией; первый придалъ ей черты слишкомъ-строгаго и заискала на лицѣ ея каибѣ-то ужасное самодовольство, которое можетъ родиться только послѣ арѣшца наказаннаго преступленія... Второй, немного косвеннымъ располо-

женіемъ глазъ переисполнѣлъ «Юдией какою-то Татаркой», заискала въ ея лицѣ улыбку, вѣстнѣ и жестокую и своевольную; онъ, къ счастью, изобразилъ эту женщину довольно живописно, но не вѣрно... Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, объ Юдией — замѣчательная, по искусству художниковъ, картины.

Папа Сикстъ-Пятый, въ подножьи облаченій, стоя на камнѣ, благословляетъ Понтийскія Бодота, передъ начатіемъ работа для осущія вѣхъ; онъ окруженъ клиромъ и народомъ. Таковъ сюжетъ картины Родольфа Демаца. Все сочиненіе картины, правильность рисунка, общая мысль во всемъ и частныя мысли въ группахъ — выражены такъ, что заставляютъ невольно обратить вниманіе на молодого художника. Колоритъ немного желтъ — и это недостатокъ. Другія егю же небольшія картины правятся болѣе публикѣ; но Сикстъ-Пятый до важности сочлененія все-таки выше всѣхъ.

Робертъ Флэри выставилъ двѣ картины, имѣющіе между собою какое то историческое сближеніе. Первая представляетъ Галилея, когда онъ, послѣ отреченія отъ своихъ ученыхъ мнѣній, приподнималъ колѣно съ земли, повторять свое извѣстное мнѣніе: «а все-таки вертится». — На второй — Христофоръ Колумбъ, по возвращеніи изъ Америки въ Европу, предостерегаетъ колѣно передъ королею и королевой и представляетъ имъ привезенныхъ Индійцевъ. — Обѣ эти картины заслуживаютъ вниманія.

А. Гессъ выставилъ сцену изъ исторіи Венеціи. Народъ, освобожденъ полководца Пизани изъ тюрьмы, въ минуту грозившей государству опасности отъ непріятеля, ведетъ его съ триумфомъ. Народный восторгъ нѣсколько холоденъ на картинѣ; но за то рисунокъ всѣхъ лицъ и отдѣлка — вполне удовлетворительныя.

Скажемъ еще, что на этой выставкѣ не было произведеній такихъ художниковъ, на произведенія которыхъ публика всегда смотритъ съ удовольствіемъ; такъ на-примѣръ: Энгра, Деларо-

ша, Шеффера, Амори Дювала, Марешала и Декана. Избавимъ читателя отъ перечня всѣхъ болѣе или менѣе интересныхъ *tableaux de genre*, которыми изобилowała выставка, и перейдемъ къ картинѣ г. Кутюрэ: «Римляне во время упадка имперіи».

Г. Кутюрэ взялъ для своей картины и эпиграфъ изъ Ювенала: «Страшѣе войны, порокъ низпалъ на Римъ и мститъ за покоренный міръ». — На картинѣ изображено около 40 лицъ, изъ которыхъ находящіеся на переднемъ планѣ болѣе натуральной величины; всѣ они предаются шумной оргіи въ залѣ какого-то римскаго дворца. Тутъ, согласно тогдашнимъ обычаямъ, мужчины и женщины, и тѣ и другія въ легкихъ, очень-легкихъ одеждахъ, — кто возлежитъ, кто пьетъ, кто разговариваетъ на ложахъ, которыя, такъ-сказать, составляютъ одно общее и огромное ложе. По сторонамъ этой средней сцены пресыщенныхъ развратниковъ, на одномъ концѣ группа потерявшихъ человѣческое чувство, пьяныхъ, — на другомъ нѣсколько человѣкъ, сохранившихъ собственное достоинство, съ презрѣніемъ и грустью смотрятъ на всю оргію. На самомъ переднемъ планѣ картины, украшенныя цвѣтами разнообразныя вазы; на заднемъ планѣ, между колоннами коринтскаго ордена, которыя замыкаютъ сцену, второстепенныя лица, предающіяся такому же распутству какъ и главные.

Надо признаться, что достаточно вспомнить стихъ Ювенала:

..... Saevior armis
Luxuria incipit, victumque ulciscitur
orbem,

чтобъ увидѣть въ картинѣ ту нравственную мысль, которую выразилъ художникъ. Но можно къ этому даже прибавить, что если смотрѣть на картину только какъ на простое изображение оргіи, то расчетливое и нѣсколько театральное сочиненіе рисунка уже вредитъ идеѣ художника. Допустивъ тогдашніе, такъ-сказать, язы-

ческіе нравы, во всей группѣ Римлянъ вы увидите людей, конечно, довольно порядочныхъ, которые отыскиваютъ послѣ славной побѣды. Два серьезноего челоука на правой сторонѣ, на скрета на скрениое выраженіе нга лицъ; производятъ весьма-слабый эффектъ и даже жалки тутъ, какъ и всегда бываетъ съ Катонами, которые суютъ свои носы туда, гдѣ ихъ не спрашиваютъ. Очевидно, художникъ соблазнился самъ мыслію нарисовать сцену, которая ему давала возможность мастерски группировать нѣбущихъ молодостямъ и красотой полунагихъ, или совсѣтъ-принять мужчанъ и женщинъ, и потому — провинность — вить нмъ нѣсколько лицъ: мажннхъ; мужественныхъ; соблазнился — и жертвовалъ своею идеею картинѣ оргіи.

Общее сочиненіе всей картины, какъ въ-отгтошеніи собственно лицъ рисунка, такъ и отдѣльныхъ группъ свободно и легко; отъ этого картина совершенно удовлетворяетъ глазу зрителя, но за то дѣйствуетъ слабѣе на воображеніе и умъ. Передъ картиной не остается совершенно равнодушныи и надо быть посвященнымъ въ таинства самаго искусства, чтобъ отаранн и оцѣнить всѣ, правда, матеріальныя, но дѣйствительно замѣчательныя достоинства этой огромной картины. — Слѣдъ глазомъ артиста зинста въ классъ во всѣ подробности, вы оставите ивольны всѣмъ. Надо желать, чтобъ молодой художникъ одушевилъ болѣе ярлою мыслію свою иста, и тогда онъ можетъ стать выше во радужнѣ вѣстныхъ уже заслугами артиста.

Мы привели чужіе отзывы; ищрашаемся ни безусловно согласиться снми, ни возражать, потому что не дошедшимъ до насъ очеркамъ картины можно ошибиться. Подождемъ — вѣрно будетъ гравюра съ нея; тогда увидимъ.

— Директоры парижскихъ галерей, чувствуя, что съ приближеніемъ выставки публика обратится къ гравюрамъ; и

нѣтъ того, чтобъ нестою англо-драмъ, будетъ себѣ преспокойно играть въ концертъ абельно-устреенныхъ музыкальн.,—старается привлечь толку безпрестанною постановкою новыхъ пьесъ; отъ-того въ послѣдній мѣсяцъ на всѣхъ театрахъ безъ исключенія, появилось множество новыхъ драмъ, водевилей, комедій, и проч., и проч. Почти ни одна изъ нихъ не упала, хотя рѣшительно ни одна не стажала и блестящаго успѣха. Это большею частію все произведенія, которыми смотрятъ не безъ удовольствія, но на другой день совершенно забываются. Больше другихъ имѣютъ достоинства: комедія Вьенне *La Course à l'héritage*, драма Анжюа *Ceragli Une Loge de l'Opéra*, водевилъ Скриба *Une femme qui se jette par la fenêtre*, и водевилъ Боэра *Père et Portier*. Но такъ-какъ мажорке привыкли начинать театральное обозрѣніе съ музыки, то и на этотъ разъ, скажемъ сперва нѣсколько словъ о новой комической оперѣ г. Адрыена Боэльдѣ (сына знаменитаго Боэльдѣ) подъ названіемъ: *Le Bouquet de l'enfantin* (Букетъ Инфантинны). Вотъ ея содержаніе:

и Дочь браганцскій занимаетъ тронъ Португаліи, потерявъ Испанцы не потеряли надежду овладѣть. Маркизъ Фабіо де-Сильва, — разоренный политическимъ переворотомъ и подстрекаемый доминиканцами, своимъ воспитателемъ, составляетъ заговоръ противъ новатаго порядка вещей. Онъ рѣшается убить наслѣдника браганцскаго; но этотъ черныи замыселъ не имѣетъ ему быть исполненнымъ въ блондурную Джинетту, воспитанницу публичнаго дома Паскалеса. Принцъ часто гуляетъ одинъ по лиссабонскимъ улицамъ, и нравитъ его весьма-не трудно. Но слѣдующій случай разсраиваетъ дѣло. Нѣкто докъ-Луисъ де-Порто, который за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ спасъ жизнь Фабіо въ Кадисѣ, и который не кто иной, какъ самъ принцъ браганцскій, приходитъ къ Паскалесу, находитъ Джинетту

очень-хорошенькою, и поздравляетъ своего друга съ такой невѣстой. Онъ имѣетъ вѣсь при дворѣ и будетъ стараться, чтобъ Фабіо возвратили его богатство, чтобъ Джинетту взяли ко двору инфантинны, а Паскалеса въ публичнаго писца сдѣлали домашнимъ секретаремъ принца. Паскалесъ въ порывѣ восторга спѣшитъ показать дону-Луису де-Порто, образцы своей каллиграфіи, между которыми находится планъ заговора. Въ-слѣдствіе этого, Фабіо схватываютъ и осуждаютъ на смерть. Тогда только онъ узнаетъ великодушіе принца въ-отношеніи къ нему. Осужденный проситъ, какъ милости, позволенія жениться передъ смертію на Джинеттѣ, чтобъ она могла наследовать его имѣніе. Ему позволяютъ. Джинетта, ничего не подозревая, ждетъ своего жениха въ загородномъ домѣ, посреди веселья и пѣсенъ. По окончаніи церемоній, человекъ, закутанный плащомъ, мрачный, молчаливый, приближается къ Фабіо и предлагаетъ ему свободу, если онъ поклонится въ вѣчной ненависти къ браганцскому дому. Фабіо отказывается. Настаетъ часъ казни... Но между палачомъ и жертвою падаетъ съ балкона букетъ инфантинны. Это знакъ прощенія, и маркизъ Фабіо де-Сильва женится на Джинеттѣ.—Либретто этой оперы принадлежитъ гг. Лѣвѣ и Планару (Léves et Planard). Интрига ведена весьма-ловко и занимательно. Что же касается до самой музыки, то главныя достоинства ея составляютъ — обиліе мелодій, легкость и грація. Можно только обвинить композитора въ излишней наклонности къ романсамъ и куплетамъ. Опера эта имѣла большой успѣхъ; нѣкоторыя мѣста были повторены, какъ, на-примѣръ, болеро втораго акта и баркаролла, сифтая Ограномъ (Audran). Вотъ уже восемь лѣтъ прошло послѣ перваго произведенія г. Адрыена Боэльдѣ: «Маргерита», и онъ является теперь передъ парижскою публикой съ талантомъ зрѣлымъ и обработаннымъ. Примечъ, который она сдѣлала. Букету

Инфантины», предвѣщаетъ молодому композитору блестящее поприще.

На Театрѣ Большой Оперы г. Корали поставилъ новый балетъ: *Озидъ* (*Ozid*), съ музыкою г. Казимира Жидла (*Gide*). Поэздѣ и либретто и музыка — дѣло второстепенное; главное — обстановка, и потому мы не станемъ распространяться о содержаніи новаго балета, въ которомъ выведенъ на сцену знаменитый Бугенвальдъ, и который отличается пастушеской сантиментальностью, какъ и большая часть произведеній этого рода. Великолѣпныя декорации, костюмы, разнообразіе танцевъ, исполнили цѣлѣность либретто и публика осталась довольна. Теперь обратимся къ произведеніямъ драматическимъ.

Читали ли вы томикъ сатиры и пославіи, изданный недавно г. Вьеннѣ? — это лучшее изъ его произведеній. Въ предисловіи онъ доказываетъ, что большая часть поэтовъ, съ древности до нашихъ временъ, вдохновлялись обстоятельствами. Кавириръ Делавивъ и Беранже, въ наше время — одолжены своей репутаціей обстоятельствамъ. «И какой человекъ» восклицаетъ г. Вьеннѣ «можетъ назваться поэтомъ, если онъ оставался равнодушенъ ко всему, что происходило вѣкругъ него, если пренія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ, не овладѣвали его воображеніемъ, если событія исторіи настоящей не производили на нервы его, или на его гениіи впечатлѣвія живаго и глубокаго; если, возвратясь къ удивленію, онъ не ощущалъ потребности передать современникамъ волновавшія его чувства?» Такъ говорилъ онъ, такъ и поступалъ. Онъ началъ съ Наполеона, въ 1803 году. Сатира г. Вьеннѣ сильно запечатлѣна удивленіемъ къ герою, управлявшему тогда Франціей. Чувства, выражаемыя имъ, были чувствами страны; и при всемъ томъ, даже въ эту эпоху, сатира не теряла вполнѣ своихъ правъ; г. Вьеннѣ смѣлся надъ придворными, старавшимися создать генеалогію императора. Эпаминондъ называлъ Левктры и Мантинеею своихъ дочерями, г. Вьеннѣ на-

ходитъ, что победы въ Италиіи и Египтѣ были достойными предками Навасона.

Et je ris de ce fat ras son pere d'Albi,
Qui se veyt' s'ingl' q'ainstez' enstez' d'Albi
A die, en se pliant sous le joug d'Albi
Il était gariboldi...

Потомъ г. Вьеннѣ ратовалъ противъ Коцебу за его нападки на Францію, которыя онъ печаталъ въ берлинскихъ газетахъ, а также дошло до того, что успѣхъ *Невѣсты къ людямъ* и *раскалнн* и *Духъ братьевъ* — ускорила прогрессъ романтизма, который былъ всегда, какъ белое на глазу, у г. Вьеннѣ. Увоенный воспоминаніями о миеологій, онъ пѣлъ Марса и Венеру, какъ человекъ, рѣшившійся списать ихъ илюстри, и съ неудовольствіемъ видѣлъ паденіе Олимпа. Ангеломъ и музы защищаясь въ отечествѣ г. Вьеннѣ протязъ истины: выраженію, которой требовали новые нравы. Германская давность помогала этому преобразованію, и г. Вьеннѣ опустошалъ колчанъ свой въ честь Парнасса и Пинна. Пужно простить ему это заблужденіе, отъ котораго онъ не могъ никогда вполнѣ исправиться. Г. Вьеннѣ, хотя Парнассъ и Пинна были ему родственныя съ дѣтства, не былъ, однако, подобно Платону, вскормленъ ичелами. Не одиакъ медъ выходилъ изъ устъ его; будучи насѣвшимъ отъ вражды, онъ задалъ то того, то другого, и, казалось, всегда удивлялся, когда ему мстили. Послѣ романтизма, журналисты навлекли на себя гнѣвъ г. Вьеннѣ; но онъ достойно и отплатилъ ему: онъ получилъ желаемое удовлетвореніе; онъ могъ, по живости нападковъ, заключить, что у него есть враги; онъ могъ сказать себѣ: я человекъ значительный въ государствѣ. И дѣйствительно, благодаря литературной враждѣ, преслѣдовавшей г. Вьеннѣ, онъ сдѣлался академикомъ, перомъ, президентомъ въ обществѣ литераторовъ, словомъ — достигъ вслѣдствіи почестей.

щаюся изъ окна). Здѣсь все дѣло въ четѣ, которая была бы совершенно-счастлива, еслибы не вѣжательство тѣщи, вооружающей дочь свою противъ зятя. Мужъ, приведенный въ отчаяніе безпрестанными сценами, рѣшается показать свою власть; дочь корчить угнетенную жертву и грозить броситься въ окно; мужъ не противится этой фантазіи. Плутовка знаетъ, что подъ окномъ навалено сѣно, и что этажъ не высокъ. Она бросается. Мужъ не идетъ поднимать ее, и, насколько не заботясь о своей любовной половинѣ, начинаетъ вести веселую жизнь. Узнавъ это, жена воскресаетъ и проситъ позволенія возвратиться подъ супружескую кровлю. Мужъ отвѣчаетъ, что онъ не отпереть дверей и что она можетъ возвратиться такимъ же путемъ, какииъ вышла. Послушная жена приставляетъ къ стѣнѣ гѣстницу и влѣзаетъ на балконъ. Слѣдуетъ примиреніе и обращеніе тѣща, которая убѣждается, что метода ея плоха.

Водевиль Баара: *Père et Portier* (Отецъ и Дворникъ), не имѣлъ такого успѣха, какъ водевиль Скриба; журналы, почти единогласно разбранившіе его, видятъ въ немъ упадокъ остроумія г. Баара: впрочемъ, нельзя не согласиться, что мысль этой пьески весьма удачная. Дюмарто дворникъ, и кроиъ того портной. Какъ всѣ портные, онъ далъ сыну блестящее воспитаніе. Сынъ его *clef-d'huissier*. Это высокое социальное положеніе радуетъ и вѣстѣ съ тѣмъ огорчаетъ старика Дюмарто. Сынъ не хочетъ проводить вечера въ дворнической кавурѣ своего отца; онъ живетъ отдѣльно, и цѣлый день рыцать. Дюмарто начинаетъ подозрѣвать его въ любовныхъ шашняхъ и рѣшается напасть на него върасплохъ. Онъ идетъ на квартиру сына, но не застаетъ его дома, и находить—что бы вы думали? Синій фракъ, сшитый не отцовской рукой! Это повергаетъ старика въ совершенное отчаяніе. «Какъ!» восклицаетъ онъ: — «дерзкій, смѣетъ презирать отцовскую кройку. Я проучу его за это!» Дюмарто

долго стоялъ пораженный горестъ, и не прежде пришелъ въ себя, какъ ошаривъ всѣ карманы враждебнаго фрака и найдя въ нихъ пару бѣлыхъ перчатокъ и приглашительный билетъ на балъ къ г-жѣ Вандертромпъ. Онъ поѣдетъ на этотъ балъ, онъ обличитъ своего негодяя-сына, который выдаетъ его за барона Дюмарто, генерал-лейтенанта и обладателя многихъ винокъ. Надѣвъ голубой фракъ, собственной работы, и завитой парикъ, Дюмарто отправляется на балъ. Тутъ начинается рядъ забавныхъ сценъ съ старымъ дворникомъ, который навязывается пуншу и пускается въ любовныя объясненія съ хозяйкой дома. Подъ конецъ все устроивается какъ нельзя-лучше. Молодой Дюмарто женится на племянницѣ г-жи Вандертромпъ; а г-жа Вандертромпъ, которая оказывается бывшей кухаркой, вышедшей замужъ за продавца голландскаго сыра, соединяется бракомъ съ г-нъ Дюмарто-отцомъ.

Кромѣ этихъ пьесъ, давы были: *Леонаръ Парикмахеръ* (Leonard le perruquier), драма, имѣвшая посредственный успѣхъ; водевилъ: *Les Infortunés conjugales*, и *Claude le Riboteur*. Содержаніе всѣхъ этихъ пьесъ такъ ничтожно, что не стоить его рассказывать.

—Испанская труппа, пріѣхавшая въ Парижъ, для того, чтобъ ознакомить его съ испанскимъ репертуаромъ, продолжаетъ свои представленія. Она играетъ, кромѣ пьесъ Кальдерона и Лопе-де-Веги, также и новѣйшія произведенія испанскихъ авторовъ. Между этими послѣдними, самымъ плодотворнымъ и популярнымъ считается *Бретонъ де-лос-Герреросъ*; онъ родился съ елькомъ, говоритъ однимъ Мюссеъ его, и уже написалъ болѣе ста пьесъ для театра, которыя отличаются, если не сильной интригой, то поэтическими достоинствами. Бретонъ де-лос-Герреросъ, подобно Сервантесу и многимъ другимъ испанскимъ поэтамъ, былъ на войнѣ и съ оружіемъ въ рукахъ защищалъ независимость. Писавъ дра-

матическое произведение его относится къ 1824 году. Ему было тогда семнадцать лѣтъ; его комедія была принята съ вѣтвизазмомъ. Оригинальныя сочиненія, передѣлки изъ старинныхъ пьесъ, переводы съ итальянскаго и французскаго языковъ, — вотъ, что составляло занятія его съ этой эпохи. Изъ переводовъ его замѣчательнѣйшимъ считается переводъ трагедіи Делавини: «Сыновья Эдуарда II». Онъ издалъ также томъ легкихъ стихотвореній и сатиръ и множество литературныхъ статей. Въ комедіи Бретона де-лос-Геррероса, данная недавно испанскою труппою въ Парижѣ. Она называется *Mi Secretario y yo* (Мой Секретарь и я). Фабриціо, негодянтъ очень ловкій въ дѣлахъ и неловкій въ любви, влюбился молодой вдовой. Онъ бы хотѣлъ признаться ей въ своей страсти, но не смѣетъ, и прибѣгаетъ къ своему секретарю, который пишетъ за него любовное объясненіе. Секретарь не прочь бы написать и отъ себя; но онъ долженъ повиноваться своему патрону, и съ досады пишетъ совершенно-купеческое для него письмо и подписываетъ: «Фабриціо и компанія». Фабриціо бѣсится и заставляетъ секретаря написать другое. Наконецъ, онъ отсылаетъ письмо. Вдова принимаетъ его благосклонно. Фабриціо въ восхищеніи. Вдругъ онъ вспоминалъ, что вдова любитъ музыку, и заставляетъ пѣть своего секретаря. Сердце дамы слетается; но она узнаетъ обманъ, и забавляется въ свой чередъ. Если секретарь пишетъ и поетъ такъ хорошо, то она выйдетъ за него. Бѣднѣй Фабриціо пораженъ. Счастливое прощенье спасаетъ влюбленнаго отъ отчаянія; а секретарю предлагаютъ няньку, отъ которой онъ бѣжитъ съ ужасомъ. Главное достоинство этой комедіи состоитъ въ живости, въ прекрасныхъ поэтическихъ стихахъ, и въ благородствѣ тона.

Къ числу современныхъ писателей, которыми гордится Испанія, должны быть отнесены: герцогъ де-Ривасъ, авторъ *Дока-Альваро*, *Индійца*—эперииче-

ской драмы, переведенной на французскій языкъ дель-Пералемъ (I. del Peral), и, которая, по своимъ драматическимъ положеніямъ, могла бы съ успѣхомъ быть играна на парижскихъ бульварныхъ театрахъ; Жиль-и-Заратъ, котораго лучшею драмой почитается *Карлъ Заколдованный*; Мартинезъ де-ла-Роза, который своими пьесами *Эдипъ*, *Венеціанскій Заговоръ*, *Мать на балу*, *А домъ дома*, заслужилъ себѣ одно изъ первыхъ мѣстъ между испанскими драматургами; Квинтало, авторъ *Pelago* (Пелагій), трагедіи, имѣющей много достоинствъ; Зарильо, лирическій поэтъ и драматургъ; и Вентура де-ла-Вега, котораго послѣднее произведение: *Фернандо де-Антекверро*, имѣло недавно блестящій успѣхъ на сценѣ театра *Príncipe* и о которомъ всѣ испанскіе журналы отзываются съ большою похвалою. Прекрасную оцѣнку многихъ изъ этихъ авторовъ можно найти въ послѣднемъ сочиненіи Элгара Кине, «*Mes vacances en Espagne*»; въ особенности, даровитый профессоръ хорошо разбираетъ Зарилью

Труппа, находящаяся теперь въ Парижѣ, принадлежитъ къ театру de la Cruz, который хотя и не пользуется такой славой, какъ театръ d'el Príncipe, гдѣ блистаютъ Ромеа и Матильда Диезъ, но тѣмъ не менѣе весьма-замѣчательна, и содержитъ въ себѣ много даровитыхъ сюжетовъ. Одинъ изъ нихъ, Ломбیا, издалъ недавно въ Парижѣ книгу: «*el Teatro*», въ которой заключается исторія испанскаго театра и которая, вѣроятно, вскорѣ найдеть себѣ переволчика. Г. Ломбیا разсматриваетъ здѣсь происхождение театра и важность его вліянія на цивилизованное общество; потомъ разбираетъ знаменитѣйшихъ національных драматурговъ Испаніи и отыскиваетъ причину упадка современнаго испанскаго театра. По мнѣнію его, этотъ упадокъ происходитъ отъ двухъ обстоятельствъ. Во-первыхъ, отъ равнодушія правительства, неободряющаго драматическаго искусства, не покровительствующаго ему посреди безпре-

станныхъ смуть, и, во-вторыхъ, отъ безвѣстности самихъ авторовъ, которые не уѣхали подобно французскимъ драматургамъ, а вѣчно ухватились за свои права и защитить свое дѣло. Потому, онъ предлагаетъ основанія органическаго закона, побуждаго благопріятствовать развитію театра во всѣхъ его отрасляхъ, не обрекая общественной казны. — Вообще, книга г. Хуана де-Ломбюа — явленіе весьма пріятное, ибо она отличаетъ въ авторѣ челоуѣка страстно преданнаго своему искусству, и несомнѣнно весьма дѣльными мыслями и замѣчаніями.

— На дняхъ окончило свое существованіе одно изъ самыхъ популярныхъ парижскихъ зрѣлищъ. Национальный Театръ Олимпійскаго Цирка давалъ свое послѣднее представленіе. Парижанамъ не слышатъ болѣе шумки Маренго, не видятъ аустерлицкаго сѣнца! Тѣмъ Наполеона дожда! была зарепетата при этомъ вѣдѣствіи. Куда дѣнутся теперь эти Мюраты, Дорони... кто утѣшитъ ихъ въ смерти имперіи? Какая реставрація приметъ ихъ въ объятія? Будутъ ли они играть въ итцанскомъ водоемѣ? вступятъ ли на поприще гражданской комедіи? Этихъ театральныхъ рубиканъ нужно поле сраженія, вужай биваки. Отпихайте у нихъ военную драму — и они не будутъ больше актѣры! Парижскій театр, замѣняющій циркъ, откроется въ сентябрѣ нынѣшняго года.

Если блеснуло весеннее солнце, какъ открылся Диподронъ великолѣпнымъ представленіемъ, подъ названіемъ *Camp du drapeau d'or*. Ничто не можетъ сравниться съ богатствомъ костюмовъ, роскошью оружія, блескомъ и вѣрностью постановки, которыми отличается это зрѣлище. — Одинъ даровитый французскій сценописецъ издалъ программу *Camp de drapeau d'or*, въ которой описаны всѣ подробности свиданія Фридриха I-го и Генриха VIII. Зрители, въ часѣ коихъ находилось лучшее парижское общество, всѣ держали въ рукахъ эту книжечку, иллюстриван-

ную прекрасными рисунками, и во ней слѣдили за ходомъ дѣловой партіи: магори, представляющей, глумилихъ. — Это былъ настоящій праздникъ весны, Солнца, веселья, радости, тихихъ натуральныхъ декораций Диподрона.

Теперь скажемъ нѣсколько словъ о равныхъ театральныхъ сдѣлкахъ. — Одинъ изъ французскихъ драматурговъ, Роже де-Бохаръ, годоутокъ надлежитъ мемуаровъ о г. Ж. Марсѣ. Дружескія отношенія его съ покойной артисткой и источники, открытыя ему родственниками ея, могутъ ругаться за достоверность этихъ мемуаровъ. — Докторская ють также о мемуарѣ Жюльи Монтесъ, не думаетъ, чтобъ въ ней отличался такой же точностью. Если дѣлать б-ографу Жюльи, то причиной ея же несчастій были嫉妒ны. Она была находила ихъ на пути своемъ, и наконецъ, получила въ видѣ такоу отвращеніе, что хотѣла выгнать изъ себя хлыстикомъ пазъ Баваріи. — На театрѣ Ambigu разучиваютъ новую драму Азизе, которой, вѣроятно, сдѣлано будетъ искупить надежде драмъ г. Деннери - Герцогиня Марсаль, иранной недавно на томъ же театрѣ. — Г. Феликсъ Піа (Piat) написалъ драму *les Chiffonniers de Paris* для театра *Porte St-Martin*, въ которой главную роль занимаетъ Фредерикъ Леметръ. Объ этой драмѣ сдѣлано нѣсколько слѣдующій анекдотъ: увидѣвъ въ Лондонѣ, Фредерикъ Леметръ, нѣкая съ собой рукопись драмы Феликса Піа. Известно, что гениальный трагикъ произвелъ въ Лондонѣ ужасный фуроръ. Королева Викторія такъ была восхищена игрой его, что пригласила его къ себѣ однажды на вечеръ, гдѣ присутствовали только самые приближенные изъ придворныхъ; за эту честь Леметръ долженъ былъ прочесть у королевы рукопись упомянутой драмы, для него написанной. Когда чтеніе кончилось, королева подошла къ артисту, и послѣ самыхъ лестныхъ похвалъ его дикціи, спросила: — Но, скажите, не-уже-ли у васъ въ Парижѣ

естественныя науки. — Это парижскіе Придворныя, также величество, отъезжая Фредерикъ Леметръ.

Въ области заграничной литературы есть много новостей. Первѣйшимъ считается попрежнему здѣсь важнѣйшимъ, ограничиваясь, впрочемъ, выборомъ книгъ книгъ, которыя важнѣйшими или по участию, принимаемому въ нихъ публикою, или потому, что на сочиненія не новыя, но капитальныя для любителей, снабжены слишкомъ высочайшею преемлемостью, или по спеціальности важности для какой нибудь науки, и проч. — По первѣйш., окончено издаваніе "Les arts au moyen-âge par A. Du Sommerard." Оно состоитъ изъ гравированныхъ или гравированныхъ картинъ 310 рисунковъ, in-folio, и 5 частей текста in-8°. Сочиненіе это заключаетъ въ себя: 1) Знанія для религіозныхъ и гражданскихъ цѣлей: церкви, монастыри, замки; 2) утварь гражданская и церковная; 3) изобразительныя скульптурныхъ произведенія; 4) то же по части живописи; 5) живописныя картины на стеклѣ; 6) живописныя картины; 7) работы брильянщиковъ и ювелировъ — дѣла мастеровъ; 8) гербы; 9) сервизы и вообще каменная посуда; 10) ткани, обои, ковры; 11) украшенія; 12) мозаики и проч. Полное изданіе стоитъ 1,590 франковъ, но оно продается и по отдѣламъ, изъ которыхъ каждый состоитъ изъ 40 рисунковъ и стоитъ 120 франковъ.

Кстати упомянемъ о другомъ новомъ архитектурномъ изданіи, посвященномъ герцогу Монпансье: *Les monuments de Paris sous le regne de Louis-Philippe; Histoire d'architecture civile, politique et religieuse, par Felix Pigeory.* Это изданіе будетъ состоять изъ 30 выпусковъ съ 30-тью листами рисунковъ и стоитъ по 50 сантимовъ за выпускъ.

Превосходный Парижскій Кабинетъ Естественныхъ Наукъ г-на Делессера хотя и потерялъ своего хозяина, но перешелъ въ достойныя руки братьевъ покойнаго, и по-прежнему остается от-

крытымъ для публики. Но, кроме этого, докторъ Шедо, одинъ изъ ученыхъ хранителей кабинета, посвятилъ много лѣтъ на сятіе изобразеній со всѣхъ предметовъ зоологической его части, и теперь издалъ первый томъ своего сочиненія подъ названіемъ *Leçons élémentaires sur l'histoire naturelle des animaux*, приложить къ нему и богатый зоологическій атласъ делессерскаго кабинета. Все изданіе будетъ состоять изъ 4-хъ томовъ; въ самомъ текстѣ каждаго тома около 1200 гравированныхъ на деревѣ изображеній, и кромѣ того къ каждому тому приложится атласъ изъ 12-ти раскрашенныхъ рисунковъ. Всѣ четыре тома будутъ стоить 60 франковъ.

Не новос уже изданіе полного собранія сочиненій Бюффона, съ продолженіемъ А. Кювье, украшенное портретомъ Бюффона и 161 листомъ гравированныхъ изображеній болѣе нежели 800 животныхъ, — дѣлается болѣе доступнымъ къ приобретенію; она состоитъ изъ 6 томовъ, изданныхъ 1835 году и продается въ Парижѣ, видѣто 140 томовъ за 80 франковъ.

Вышелъ 5-й и послѣдній томъ сочиненія Альбера Монтемона, *Voyages par terre et par mer*; въ немъ собраны всѣ путешествія съ 1837-1847 года по всѣмъ пяти частямъ свѣта, каждый томъ стоитъ 2½ фран., послѣдній заключаетъ въ себя путешествія по Европѣ. — При этомъ нельзя не упомянуть объ ежегодникѣ путешествій и географіи на 1847 годъ, подъ названіемъ *Annuaire; sommaire* вѣнномъ Фредерикомъ Лануа; эта книга заключаетъ въ себѣ болѣе 300 страницъ въ 18 долей, и стоитъ 2 франка.

Повижера дѣла книги: *Dictionnaire des dates, des faits, des lieux et des hommes historiques*; она состоитъ изъ двухъ большихъ томовъ въ 1300 страницъ и историческаго атласа на 20-ти картахъ; она стоитъ, видѣто 40, только 30 франковъ.

Естественныя науки приобрѣли также весьма-полезную книгу: г. Исидоръ Жозефу Сент-Пьеръ привелъ въ логическій порядокъ всѣ сочиненія

своего отца по части зоологій, анатоміи и естественной философіи, и повесть, такъ сказать, итоги подъ всё его замѣчанія и выводы, словомъ, нѣтъ смѣси или хаоса оставшихся книгъ и рукописей составилъ одно полное и послѣдовательное во всѣхъ частяхъ зоологическое сочиненіе.

Мы упоминали уже въ прошломъ мѣсяцѣ о нѣсколькихъ исторіяхъ французской революціи; но сколько бы ни было историковъ этого времени, всё они будутъ почерпать факты изъ однихъ и тѣхъ же источниковъ; кромѣ частыхъ, не всегда достовѣрныхъ записокъ, источникъ одинъ: это издававшійся въ то время журналъ *Moniteur*. Онъ одинъ былъ безпристрастнымъ и хладнокровнымъ зрителемъ великой драмы, и полное собраніе стараго *Монитѣра* сдѣлалось уже совершенною рѣдкостью во Франціи. Теперь типографщики-издатели братья Плонъ перепечатали все изданіе *Монитѣра* съ 1789 — 1800 года въ 32 большихъ томахъ, и выпустили уже въ продажу на условіяхъ чрезвычайно-выгодныхъ. Все изданіе состоитъ изъ слѣдующихъ отдѣловъ: 1) Введеніе къ *Монитѣру*, заключающее въ себѣ сокращенное изложеніе вѣдѣній Генеральныхъ Штатовъ, Собраній Нотаблей и главныхъ происшествій, возбудившихъ революцію, — въ одномъ томѣ; 2) Конституціонное Собраніе съ 5 мая 1789 по 30 сентября 1791 года, въ 9 томахъ; 3) Законодательное Собраніе съ 1-го октября 1791 до 20 сентября 1792 года, въ 4 томахъ; 4) Национальный Конвентъ съ 21 сентября 1792 до 4 брюмера IV года (26 октября 1795), въ 12 томахъ; 5) Исполнительная Директорія съ 5 брюмера IV года (27 октября 1795) до 19 брюмера VIII года (9-го ноября 1799), въ 4 томахъ; и 6) Таблицы въ 2 томахъ. Покупатели получаютъ теперь же полное изданіе, но платятъ только 100 франковъ наличными, а на остальные 300 франковъ даютъ 10 векселей въ 30 франковъ каждый, которые и обвязываются уплатить въ продолженіе 10 лѣтъ по одному вексе-

лю каждый годъ. А что захочетъ заплатить все въ одинъ годъ, тотъ пользуется уступкой въ 80 франковъ. Именно: платить наличными 120 франковъ, черезъ первые полгода 100 и черезъ вторые полгода окончательно 100 франковъ.

Авторъ *Сына Таины (le Fils du Diable)*, г. Поль Феваль, издавъ новый романъ въ трехъ частяхъ: *Le Mendiant Noir*.

Много лѣтъ тому назадъ, во Франціи была учреждена коммиссія, однимъ изъ лучшихъ плодовъ которой было изданіе геологической карты всей Франціи; не очень-давно английское правительство учредило подобную коммиссію подъ названіемъ *Geological Survey*; еще прежде также въ Лондонѣ былъ учрежденъ горный институтъ и при немъ *Музеумъ Экономической Геологій* (въроизво, въ приложеніе ея къ горной промышленности, теперь подъ общей редакціей и коммисіи и музеума вышли въ свѣтъ записки, заключающія въ себѣ много ученыхъ статей, какъ по части геологическаго описанія Англіи, такъ и по геологій вообще, какъ науки, и, наконецъ — по части исторіи и нынѣшняго состоянія горнаго дѣла въ Англіи Франціи, Саксоніи и Венгріи.

Вотъ еще нѣсколько новыхъ ученыхъ специальныхъ сочиненій: 1) *La naissance des temps*, астрономическій и морской ежегодникъ на 1849 годъ, съ запискою г. Лезеррье объ Уранѣ, объясняющею основанія, послужившія къ открытію новой планеты. — 2) *Nautical Almanac for 1854*, подобный предъидущему ежегодникъ съ запискою г. Адамса, также о новой планетѣ, какъ доказательствомъ, что г. Адамсъ имѣлъ право спорить съ г. Лезеррье о первенствѣ открытія. — 3) *Rapport annuel sur les progrès de la chimie* за 1845 и годъ, соч. Берцелиуса. — 4) *Comptes rendus des travaux de chimie*, 1846 и годъ. Шарля Герара. — 5) *Annuaire de chimie* par Millon, Reiset et Hoefler en trois parties pour les ans 1845, 1846 et

47. Каждая заключаетъ въ себѣ отъ 0 до 900 страницъ и стоитъ отдѣльно 6 франковъ.—6) *Mémoire sur la teigne, la boulangerie et la conservation des ains et des farines* — самая полная пографія этого предмета, составленная Августиномъ Ролле; она издава по повелѣнію французскаго правительства, сопровождается огромнымъ числомъ таблицъ, чертежей, рисунковъ проч., и стоитъ 90 франковъ.—7) немецкій Англичанинъ Энгельманъ издалъ книгу: *Bibliotheca zoologica et pantologica*. Это самое полное сочиненіе, въ которомъ собрано все, что слѣдуетъ въ нынѣшнее столѣтіе по части зоологій и палеонтологій. Не смотря на латинское названіе, она написана англійскомъ языкѣ.—8) Въ 1846 году, въ Лейпцигѣ, въ память Лейбница, было правленство и открытіе Саксонской Королевской Академіи Наукъ; число членовъ новой академіи получила большая часть существовавшихъ прежде того, для раздачи ученыхъ наградъ за сочиненія, общества; члены новой академіи, желая наименовать первый день ея существованія, издали собраніе приготовленныхъ для этого обществомъ ученыхъ записокъ, подъ названіемъ: *Handlungen bey Begründung der Königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften am Tage der 200 jährlichen Geburtsfeier Leibnizens, herausgegeben von der fürstlich Jablonowskyschen Gesellschaft*. — Записки эти представляютъ много ученаго интереса и значащихъ будущихъ трудовъ академіи.—Химикъ Дюма издалъ недавно 8-ю и слѣдующую часть своего сочиненія: *Leçons de Chimie appliquée aux arts*. Въ восемь частей съ атласомъ рисунковъ на 148 листахъ стоитъ 96 франковъ.

При ученыхъ изданіяхъ, которыми мы обязаны французскому правительству, въ путешествія въ Абиссинію, къ Южному полюсу и въ индійскія и китайскія моря, идутъ какъ-нибудь бо-госудно. Первое путешествіе со-

вершено въ 1839, 1840, 1841, 1842 и 1843, ученой экспедиціей, состоявшей изъ Теодора Лессера, Пети, Картона Диллиона и Вивью; теперь выйдетъ второй отдѣлъ его описанія, заключающій въ себѣ путевой журналъ, географическія описанія и такой же словарь, оживу и метеорологію, статистику, этнографію, лингвистику и археологію. Отдѣлъ этотъ сопровождается рисунками, картами и планами. Второе издание въ 1837, 1838, 1839 и 1840 году командою Дюнон - д'Юрвилля на корабляхъ *Astrolabe* и *Zélée*; теперь вышла часть атласа натуральной исторіи, относящаяся къ минералогіи и геологій и составленная докторомъ Гранже. Третье путешествіе или изданіе заключаетъ въ себѣ описаніе морскихъ коннаний ерегата Фригомы на моряхъ Индіи и Китая, совершенныхъ въ 1841, 1842, 1843 и 1844 годахъ; этого изданія вышелъ только первый томъ, заключающій въ себѣ метеорологію.

Г. Моръ де-Жоннесь издалъ *Описание Статистики* съ краткой ея исторіей. Сочиненіе это заслужило похвалу и журнальной критики и академіи наукъ.

Въ Лондонѣ вышелъ послѣдній томъ второго изданія *Депешей Герцога Веллингтона*. Изданіе это дополнено противъ перваго важными документами, касающимися разныхъ политическихъ событій, и между прочимъ ватерлооскаго сраженія и вообще послѣднихъ событій войны съ Наполеономъ. Документы эти состоятъ изъ депешей самого Наполеона, его братьевъ и генераловъ.

Мы говорили уже, что *Исторію Жирондистовъ Ламартина* предположено было напечатать въ числѣ 6-ти тысячъ экземпляровъ; но такъ какъ до окончанія еще печатанія этого числа, типографія едва успѣвала удовлетворять всѣмъ требованіямъ, то издатели, не оставившись, продолжали печатать до 12-ти тысячъ. Теперь и 12-ть тысячъ разошлись; издатели принимаютъ уже за новое изданіе въ 15-ть тысячъ

австрийской съ 36-ю портретами, живописством и доцудатомъ юркой стороны. Житиемъ Департамента-Сарны и Дуары въ Франції собирають податику на обща, который хотать дать въ Марконтъ г. Дамартину да его. Исторію Жиродистовъ. Общъ будетъ чудовищный — на 4000 человекъ.

На *Dictionnaire de Conversation* въ 52-хъ частяхъ понижена въ Парижѣ цѣна: онъ продается, вмѣсто 208 фр., за 150.

Вышли 8-я и 4-я, то-есть двѣ последние части сочиненія *De Mennothe: Les Matières Historiques*. Въ 8-мъ томѣ заключаются означеніе: обзорніа литературы XVII-го вѣка; въ 4-мъ томѣ XVIII-й вѣкъ. Это самый полезный изъ всѣхъ курсовъ литературы; онъ объясняетъ новыя политическую, социальную, бреловскую и романскую, и литературы французскую, немецкую, итальянскую, английскую, испанскую и португальскую съ самыхъ древнихъ временъ до конца XVIII-го вѣка. Каждый томъ стоитъ 7½ франковъ.

"Вышла" также 4-я часть de l'Historie des deux Restaurations par de Vialabette.

Новая книга: *Campagnes d'Egypte et de Syrie en 1798—1799; memoires dictés par Napoléon et publiés par le général Bertrand* — обогащаетъ новыи подробностями и взглядами военную исторію; она состоитъ изъ 2 хъ частей съ 18-тью картами и стоитъ 36 франковъ.

Давно мы не читали ничего полезнаго о Греціи; со времени окончанія греческой войны, вниманіе Европы обратилось на другіе предмѣты; — между-тѣмъ, Греція подъ новыи правленіемъ приходитъ въ устройство и вотъ г. Кампьеръ Коутъ знакомитъ насъ съ новыи положеніемъ этого государства въ сочиненіи своемъ: *Etude économique de la Grèce, de sa position actuelle et son avenir, suivie de documents sur le commerce de l'Orient, sur l'Egypte* etc. Книга эта въ 500 стр. съ картою стоитъ 7½ франковъ.

Вотъ еще книга, интересная сво-

нимъ живымъ рассказомъ: *Voyage d'Aventures au Mexique* par G. Ferris она входитъ въ составъ издательства *Bibliothèque Charpentier*.

Lettres sur l'Angleterre et la France par M. Nougarede, en 4 volumes, также обращаютъ на себя вниманіе парижской публики.

Полное собраніе всѣхъ годовъ издаваемаго, модернахъ свѣдѣній весьма степенательно подорожая и, если не ошибаеся, любимая нашими читателями, притому, кажется, что такое собраніе *du Journal des connaissances utiles* 1832—1847 годовъ, выходящее всего въ 16-ти томахъ, продается въ Парижѣ, вмѣсто прежней цѣны 36 фр. за 30 франковъ; такъ-какъ нѣмцы и тербурицкіе, при отродахъ проливаютъ французскія книги считая рубль ассигнац. за 1 франкъ, то и думаютъ, что за 30 руб. ассиг. можно выписать этотъ журналъ.

— Хватятъ, какъ особенно замѣтнѣтельное, сочиненіе: *De la Politique des Français en 1846*, par le comte Jean de Harcourt.

Приведемъ еще заглавія нѣсколькихъ книгъ, вышедшихъ въ послѣднее время:

Les Papes peints par eux-mêmes par Napoléon Roussel.

Le Traité d'Utrecht, par M. Charis Giraud, in 8; 196 страницъ.

Dictionnaire géographique, historique et administratif, industriel et commercial de toutes les communes de la France et de plus de 10,000 hameaux en dépendant par Girault de Saint-Fargeau. Tome III.

Histoire des souverains pontifes romains, par M. le chevalier Artaud de Montor. Troisième volume.

Libres paroles, par L. Laurent Pichon (Poésie).

Galerie des poètes vivants, par Doyen et Desplages.

Théorie des sons musicaux, par M. Brossard.

Congrès scientifiques de France. Troisième session, tenue à Reims en septem. 1845.

Application à l'agriculture des éléments de physique, de chimie et de géologie, par *L. C. Caillet*.

Du libre échange, et des résultats de l'adoption de ce système à l'agriculture, le commerce et la marine de la France, par *M. Hatuto*.

Du progrès social au profit des classes populaires. Douzième édition, par *F. D. Lafarellé*.

De l'Italie dans ses rapports avec la vertu et la civilisation moderne, par *id. Z. Mazzini*.

Annehmen oder ablehnen (Принять и Отказать), соч. *Силова*.

Berlin in seiner höheren Entwicklung, соч. *Зюкк*.

Das junge Deutschland in Schweiz, ч. *Матта*.

I risultati del secolo XVIII e XIX di orsi e dialoghi, opera di monsignor *Justino Peruzzi*.

Во Франціи съ недавняго времени читають сильно интересоваться русскою литературою. Вотъ два новые перевода съ критическими замѣчаніями одного изъ основательныхъ французскихъ журналовъ:

МЕРТУВІА ДОУСИ. *Les ames mortes*. 2-е édition. Par *Nicolas Gogol*.

NB. Tableau satirique, pétillant de rve et d'ironie, de la bureaucratie sue. L'auteur y dépeint les défauts illants de sa nation, et saisissant toujours la nature sur le fait, il fait briller génie de la satire qu'on a pu admirer dans ses productions précédentes.

РАТКОУЛ. Tragedie, par *Koukolnik*.

NB. On connaît la terrible histoire du général suédois qui, au dix-huitième siècle, fut roué publiquement. L'auteur tourmenté vainement sa muse pour développer ce sanglant épisode sous une forme dramatique. Ni la conception, ni vers ne répondent à la hauteur du jet.

— На холмистой дорогѣ близъ Бернштейра произошло движениеноссеы горы Виргелеръ-Копфъ. Страшнй громъ отъ этого движениа раздавъ 5 часовъ утра, и движение про-

должалось до полудня. На самой горѣ все предметы остались въ нѣбности, но на пути ея все гнбло, какъ было замѣчено 1783 года въ Португаліи. Гора эта возвышалась на 300 футовъ надъ нѣбностью и дѣла въ Рейнѣ. Движеніе, вѣроятно, произошло отъ глубоко-проникающаго въ основаніе горы слоя глины, и отъ того, что нѣбность была закрыта базальтовыми каменоломнями.

— Жители Миндальталя и окрестныхъ долинъ были поражены страхомъ отъ паденія аэролита. Раскаты грома слышались далеко и продолжались минуты три. Только въ деревнѣ Шенбергъ жители замѣтили какой-то черненькій предметъ, спускавшійся съ необыкновенною скоростью. Аэролитъ упалъ въ садъ и вварылся на два фута въ замерзшую массу льда; форма его — усѣченная, исправная пирамида, съ одной очень широкой стороной и четырьмя узкими; основаніе совершенно гладкое, а прочія стороны — негладкія; онъ кажется обломкомъ отъ другой большой массы. Паденіе аэролита сопровождалось дивной, перемѣной въ состояніи атмосферы: прежде паденія, небо было закрыто тучами; казалось, тогдашъ пойдетъ снѣгъ (это было 25 декабря), термометръ стоялъ на нуль; послѣ же паденія, небо вдругъ прочистилось, и солнце дѣлало яркость. Жители деревни, нда въ это время упало много аэролитовъ, а по одной (вѣроятно, многіе обломки одной общей массы).

— Мы говорили (въ декабрѣ 1840 г.) о звукѣ проволоки электрическаго телеграфа, замѣченной на терзальской желѣзной дорогѣ г. Жаньяронъ. Теперь г. де-ла-Ривъ приводитъ подобный же фактъ: въ г. Маастъ, базальтскій типографическй, еще съ 1821 года имѣлъ случай наблюдать звукъ проволоки, ватутой въ его саду въ трехъ футахъ надъ землею; звукъ этотъ всегда слышался при переѣвѣ погоды, и, следовательно, происходилъ въ этомъ случаѣ отъ атмосфернаго электриче-

ства, а не отъ тока электрическаго телеграфа.

— Г. Эренбергъ продолжаетъ открывать разныя микроскопическія животныя и растенія въ вулканическихъ изверженіяхъ и другихъ космическихъ произведеніяхъ. Результаты этихъ изысканій привели его къ слѣдующему дѣйствию дѣйствующихъ и давно угасшихъ вулкановъ: 1) вулканы, извергающіе только смѣсь изъ организовъ, принадлежащихъ къ прѣснымъ водамъ, — въ Америкѣ: Хилъ, Квнто, Мехико; въ Аѳрикѣ: Иль-де-Франсъ, Островъ Вознесенія; въ Европѣ: Везувій, Эйфель, Каунвербюль; 2) вулканы, извергающіе только смѣсь изъ организовъ, принадлежащихъ морскимъ водамъ, — въ Америкѣ: Патагонія; въ Азій: Шедуба, и 3) вулканы, извергающіе только произведенія чисто-неорганическаго, — въ Аѳрикѣ: Канарскіе Острова; въ Европѣ: Острова Липари и Фердинанда. Изверженія другихъ вулкановъ не были подвержены изслѣдованіямъ.

— Врывы котловъ паровыхъ машинъ давно занимаютъ умы всѣхъ механиковъ: они стараются предупредить эти врывы, но тщетно. Объявленія о множествѣ самыхъ чудесныхъ изобрѣтеній такъ часто обманываютъ доверчивыхъ фабрикантовъ, что они наконецъ дѣлаются вовсе-недоверчивыми и, не смотря ни на какія печатныя доказательства, не усовершенствовываютъ машинъ, дѣйствующихъ на ихъ фабрикахъ: поэтому не удивительно, что докторъ Руттербрандтъ уже два года тому назадъ предложилъ вѣрное, какъ и тогда казалось, средство отъ врывовъ котловъ; между тѣмъ, теперь только начинаютъ появляться одобрительныя статьи о его изобрѣтеніи. Способъ его простъ и легокъ: на днѣ котловъ всегда образуются (рѣчная или морская вода въ нихъ употребляется, все равно) осадки кристалловъ углекислой извести; эти-то осадки докторъ приписалъ причину врывовъ и предложилъ предупредить эти осадки распусканіемъ въ водѣ котла хлористо-водородно-ки-

слоро амміака; при этомъ, вмѣсто углекислой извести и хлористо-водороднокислого амміака, образуются, во-первыхъ, вещества улетающія съ парами, во-вторыхъ, остающіяся всегда растворенными въ водѣ; съ которою они и выливаются изъ котла, тогда-какъ прежде очистка котла отъ кристаллическихъ осадковъ требовала большой остановки въ дѣйствіи машины и стоила даже многихъ трудовъ. При употребленіи въ котлахъ морской воды, осадки состояли также изъ углекислой извести, а не соли, потому что послѣдняя для своей осадки требуетъ болѣе густоты или насыщенія воды.

— Вѣжному хозяину извѣстно, что молоко свертывается во время грозы отъ дѣйствія атмосфернаго электричества. Газета «Le Moniteur Industriel» предлагаетъ испытать слѣдующій противъ этого способъ: или наливать молоко въ стеклянные сосуды съ стеклянными крышками, подъ которыми, для того, чтобы крышки прихвачены въ замраннохъ изотѣе, покрывать сосуды шелковыми лоскутками; или ставить обыкновенные горшки съ выемкомъ въ лѣдникахъ, густо-покрытыхъ снаружн смолою или обожженными и обугленными внутри и снаружн; онъ основывается на томъ, что стекло, смѣлы, шельгъ и уголь дурные проводники электричества, предохранять молоко отъ его дѣйствія употребленіемъ скажанныхъ веществъ. Испытать это легко; какъ употребитъ эти дурные проводники — придумаешь всякій хозяинъ.

— Какой-то Французъ, г. Ротурне, производилъ опыты въ небольшомъ видѣ, и предлагалъ — дѣлать крышки домовъ изъ квадратовъ оконныхъ стеколъ отъ 4 — 6 вершковъ въ длину и ширину, кладя ихъ на замазкѣ или особой мастикѣ въ закрой краями одного стекла на другое. Отскакивая, что такая крышка холя, можетъ быть, бѣднѣе и легче, но на то дѣланіе и не такъ прочны; со всѣхъ тѣхъ, въ небольшомъ видѣ въ садовыхъ бесѣдахъ или вообще для украшенія — такая крышка можетъ

быть приняты. Впрочемъ, мы думаемъ, что мысль эта можетъ повести къ дѣйствительнѣйшимъ и полезнѣйшимъ приложеніямъ; на-примѣръ — если бы рѣшились дѣлать крыши не совершенно стеклянными, но изъ веществъ легкиихъ, весьма мало подверженныхъ измѣненіямъ отъ перемѣнъ температуры, и вѣствъ съ тѣмъ покрытыхъ глазурию, муравлевыхъ; какъ, на-примѣръ, дѣлаются кафельные изразцы, муравленые горшки, и проч.

— Докторъ Монгомери прислалъ изъ Сингапура Лондонскому Обществу Поощренія Промышленности образцы новаго рода каучука, добываемаго изъ одного дерева, растущаго на островѣ Юрнео и другихъ островахъ близъ залива Малакки. Туземцы называютъ это вещество гутта-перка. Въ обыкновенномъ состояніи это вещество становится каучуку въ упругости; но зато, если опустить его въ горячую воду, оно дѣлается мягкимъ и, принимая всѣ формы, какія только нужно, сохраняетъ ихъ и по охлажденіи; оно же крѣпнеть въ этихъ формахъ такъ, что въ Сингапурѣ его предпочитаютъ для ножовыхъ рукоятокъ. Профессоръ Соли подвергалъ разнымъ опытамъ новое вещество, и нашелъ, что когда оно въ горячемъ состояніи, можно вытиснять на немъ превосходныя печати, совершенно-сохраняющія всѣ черты по охлажденіи и окрѣпленіи.

— При обжиганіи фарфоровой посуды, по самому свойству ея, требуется необычайно-сильное пламя, охватывающее всю печь, чтобъ не могло сдѣяться нигдѣ ни малѣйшей осадки дыма; поэтому, до-сихъ-поръ, вездѣ въ падныхъ государствахъ, несмотря на провозку дровъ, никто никакъ не могъ замѣнить послѣднія каменными угольми, между-тѣмъ, какъ это могло вести къ значительному сбереженію денегъ и, слѣдовательно, пониженію цѣнъ на издѣлія. Вопросъ этотъ алось нынче рѣшить г. Виталю Ру, ректору нуарланскаго фарфорового завода во Франціи и его помощнику, г. Аркенсу. Почти не замѣнивъ печей,

они теперь постоянно и съ полнымъ успѣхомъ обжигаютъ фарфоръ каменными углемъ.

— Въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ-Штатахъ, въ Гаррисбургѣ, при проведеніи желѣзной дороги чрезъ рѣку Сускеганну построены гигантскій мостъ: длина его 571 сажень; онъ имѣетъ 23 пролета между быками, по 24½ саж. каждый пролетъ, и два провода на сводахъ, одинъ въ 7½, а другой въ 12 саж. длины. Мостъ этотъ стоилъ 100 тысячъ долларовъ (около 130 тысячъ руб. серебромъ).

— Недавно еще явились парходы съ архимедовымъ винтомъ, — теперь появляется изобрѣтеніе, обещающее; по словамъ г. Фолькона, большія выгоды. Изобрѣтеніе это состоитъ въ подводныхъ горизонтальныхъ колесахъ вмѣсто обыкновенныхъ вертикальныхъ. Г. Фольконъ дѣлалъ опыты съ маленькимъ парходомъ въ 6 лошадиныхъ силъ и достигъ счастливыхъ результатовъ. Мы сказали: *покажется изобрѣтеніе*, но должны объяснить, что первоначально оно появилось еще въ 1841 году, а нынче изобрѣтатель его, съ чрезвычайною увѣренностью въ выгодѣ, настаиваетъ, чтобъ палаты ассигновали ему на постройку небольшого пархода въ восемь силъ тридцать тысячъ франковъ, чтобъ этотъ парходъ отдалъ былъ ему въ собственность, если опыты оправдаютъ дѣло, что за это онъ не возьметъ никакой привилегіи, а что для обезпеченія казны онъ положитъ въ банкъ тоже тридцать тысячъ франковъ, которыхъ и лишится такъ же, какъ и пархода, если опыты будутъ неудачны.

— Электрическіе телеграфы быстро совершенствуются: въ-отношеніи пользы ихъ для желѣзныхъ дорогъ сдѣлано прекрасное улучшеніе, состоящее въ томъ, что повѣдь, проѣзжая мимо каждаго верстоваго столба, посредствомъ особаго механизма, самъ невольно сообщаетъ чрезъ телеграфъ извѣстіе на станцію о мимовозаніи таковаго-то нумера столба; въ-отношеніи се-

общенія извѣстій не при желѣнныхъ дорогахъ, придуманъ способъ, чтобы телеграфы не только сообщали эти извѣстія, но прямо и печатали ихъ.

— Вѣроятно, часто господа гастрономы, уничтожая любимые ими трюфли, посѣтуются надъ учеными, неопредѣлившими до сихъ поръ, что это за произведеніе природы, и, главное — при какихъ условіяхъ оно родится. Желая сколько-нибудь удовлетворить въ этомъ случаѣ любопытство читателей, мы сообщаемъ, хотя и не положительнѣе вѣрное, извѣстіе о трюфляхъ, но при всемъ томъ разъясняющее нѣсколько этотъ вопросъ. Вотъ извлеченіе изъ читанной въ Парижской Академіи Наукъ записки г. Робера объ этомъ предметѣ. Во Франціи трюфли рождаются въ изобиліи въ самой южной части Департамента Нижнихъ Альпъ, гдѣ находятся рощи дубоваго лѣса, перемежающагося особымъ родомъ можжевеловаго кустарника. Около этихъ-то дубовъ и кустарника находятся въ землѣ трюфли. Истребляется дерево, исчезаютъ и трюфли; появляются новыя деревца, появляются и трюфли около корней его, такъ-что нельзя не замѣтить явнаго соотношенія между тѣми и другими. Г. Робертъ, основываясь на тѣсной связи между размноженіемъ вѣтвей дерева сверхъ поверхности земли и увеличеніемъ въ то же время числа корней его, между листовитостью и волокнами или мочками корней, — предполагаетъ, что и трюфли, находясь при тонкихъ, часто неприхѣтныхъ волокнахъ корней, могутъ соответствовать тѣмъ твердымъ вѣростамъ, которые образуются на листьяхъ отъ порчи наскочными или отъ другой какой-нибудь причины; впрочемъ, обыкновенно кажется, что трюфли не питаются корнями и вообще никакой связи ни съ землей, ни съ корнями дерева. Трюфли рождаются въ этомъ департаментѣ въ изобиліи въ тѣ годы, когда весна и послѣдняя половина августа бываютъ дождливыми, т. е. именно въ тѣ годы, когда дождей бываютъ въ-время и для роста деревьевъ. Жи-

тели тѣхъ мѣстъ различаютъ два рода трюфлей: трюфли, выкапываемые летомъ и осенью, которые питаются вѣтренностью бѣлую и безъ запаха; и трюфли, находимые въ концѣ осени и зимой до самой весны, у которыхъ вѣтренность черная и сильный запахъ. Нѣкоторые думаютъ, что эти два вида трюфлей происходятъ собственно отъ времени года, другіе же предполагаютъ два совершенно-особые вида этого растенія, основываясь на томъ, что тѣ деревья, около которыхъ пахотятся бѣлые трюфли, не даютъ черныхъ, и наоборотъ. Прибавимъ къ этому, что у насъ въ Россіи также есть вѣтвистость, гдѣ трюфли находятся въ большомъ изобиліи. О нашемъ отечествѣ такъ мало встрѣчается извѣстій, что мы не удивимъ читателей, если не будемъ въ состояніи положительно сказать, гдѣ эта вѣтвистость — въ Бѣлостокской ли Области, въ Цинскомъ ли Уѣздѣ Минской Губерніи, — впрочемъ, знаемъ, что около тѣхъ мѣстъ. Неужели не найдется тамъ ни одного человѣка, который бы описалъ вѣтвистость нашихъ трюфлей, условія ихъ произрастанія, качества, употребленіе ихъ въ пищу и средства сбыта?

— Г. Ламберъ-Лельеръ, парижскій учитель чистописанія, подвергалъ свой способъ учить писать вѣтвистостіямъ Академіи Наукъ, и оказалось, что ученики его выучивались хорошо писать въ нѣсколько недель, даже въ нѣсколько дней. Кромѣ малолѣтнихъ учениковъ, между прочимъ, достигли цѣли при его урокахъ солдатъ и шестидесятилѣтній старикъ. Метода его проста: онъ обхватываетъ руку ученика своей правой рукой, и постоянно держитъ ее въ продолженіе урока (около часа каждый день), приучаетъ къ вѣтвистостямъ движеніямъ; иначе, онъ пишетъ рукою ученика, но при этомъ старается, чтобы въ пальцахъ осталась вѣтвистость, какъ надо управлять перомъ. Выгода на сторонѣ длинныхъ пальцевъ; короткіе плохо выучиваются. Имѣть хорошую руку въ писаніи, безъ сомнѣнія, и пріятно и полезно, но какъ ка-

вется это искусство очень труднымъ, ю-крайней-мѣрѣ, мы на себя видимъ шное опроверженіе всѣхъ каллиграфическихъ способовъ. Пальцы у насъ ни длинны, ни коротки — средіе; когда надо писать каллиграфически, крупно въ прописи, мы можемъ написать очень-порадочно; держимъ перо въ рукѣ правильно и красиво — и при семъ томъ, если нужно писать скоро, насъ выходитъ что-то очень-нехорошее. Тому ли насъ учать профессоры каллиграфіи, чему нужно?

— Г. Комбъ, для дебюта своего въ Парижской Академіи Наукъ (онъ избравъ недавно по части механики на мѣсто умершаго академика Гамбеа), представилъ ей записку объ усовершенствованіи одной части паровыхъ машинъ, именно, пароваго цилиндра. Мы не будемъ входить въ подробности этого усовершенствованія, потому-что оно слишкомъ-спеціально, но въ короткихъ словахъ объяснимъ, въ чемъ дѣло. Поршень пароваго цилиндра, двигаясь взадъ и впередъ, не достигаетъ дна цилиндра, а оставляетъ пространство, въ которое потомъ стремится паръ для новаго дѣйствія на поршень, и которое дѣйствительно имѣетъ вредное вліяніе на силу машины. Итакъ, г. Комбъ старается уничтожить именно это вредное вліяніе.

— Ничто не ново подъ луною: хирургическія операціи дѣлались нечувствительно для пациента еще въ XVI вѣкѣ! Бевансонскій журналъ *Impartial* приводитъ слѣдующій отрывокъ изъ шестаго дѣя *Недмля*, поэтическаго произведенія, сочиненнаго въ XVI вѣкѣ забытымъ уже поэтомъ, Дюбарта:

Comme le médecin qui désire trancher
Quelque membra incurable, avant que
d'approcher

Les glaives impiteux de la part offensée,
Endort le patient d'une boisson glacée;
Puis sans nulle douleur, guidé d'usage et
d'art,

Pour sauver l'homme entier, il en coupe
une part... etc.

т. е.: Какъ медикъ, когда онъ хочетъ отнять какой-нибудь неизлечимый
T. III. — Отд. VIII.

членъ, прежде нежели приближать безжалостное левіе къ пораженной части, усыпляетъ пациента замороженными (или очень-холодными) пиявками, а потомъ уже безъ малѣйшей боли, съ привычнымъ искусствомъ отрѣзываетъ часть, чтобъ спасти всего человѣка... и проч. Эта цитата чрезвычайно-любопытна; интересно было бы разяснить, что это за *boisson glacée* (замороженное питье), посредствомъ котораго хирурги XVI вѣка усыпляли больныхъ до возможности производить надъ ними операціи безъ малѣйшей боли, какъ говоритъ поэтъ.

— Александръ Ваттмаръ продолжаетъ свои путешествія для развѣна ученыхъ сочиненій. Недавно, въ началѣ мая, онъ снова отправился въ Американскіе Соединенные-Штаты съ богатымъ запасомъ книгъ, картъ и пр. Нынѣшняя его поѣздка продлится два съ половиною года; онъ объѣдетъ всѣ штаты. Все количество книгъ, картъ и гравюръ, которыя онъ везетъ, простирается до 11,000 килб. Промышленіе руанской и гаврской дорогъ перевезли все это даромъ отъ Парижа до моря. Это-собраніе, богатое вилами короля Лудовика-Филиппа, министровъ и разныхъ ученыхъ обществъ. Между-прочимъ, король далъ два экземпляра извѣстнаго огромнаго и великолѣпнаго описанія Египта, министръ внутреннихъ дѣлъ пять экземпляровъ *Voyage en Perse*, г. Сальванди далъ всего 4000 экземпляровъ разныхъ сочиненій; морской министръ подарилъ богатое собраніе картъ; министръ публичныхъ работъ геологическую карту Франціи. Даже частные люди, на-примѣръ, олимпійскій переплетчикъ, привезъ книгу духовнаго и религіознаго содержанія въ необыкновенно-богатомъ переплетѣ.

— Фамилія Бонапарте исчезаетъ мало-по-малу. Недавно скончался во Флоренціи 83-хъ лѣтъ отъ-роду принцъ Іеронимъ Бонапарте, старшій сынъ младшаго и послѣдняго брата Наполеона, также Іеронима, бывшаго короля вестфальскаго. Молодой принцъ имѣлъ продолжительную хроническую бо-

лѣзны въ спинной кости и никогда не подавал надежды на долголѣтіе. Въ другой части свѣта, въ Америкѣ, во Флоридѣ, скончался принцъ Лудовикъ-Наполеонъ-Ахиллъ Мюратъ, сынъ Юахима Мюрата (бывшаго неаполитанскаго короля) и сестры Наполеона, Каролины. Ему было 46 лѣтъ; онъ умеръ 18 апрѣля. Еще до 1821 года, принцъ отправился въ Американскіе Соединенные-Штаты и жилъ тамъ скромно, во всеобщемъ уваженіи.

— Въ Альбѣтѣ, ночью съ 28 на 29-е марта, въ гостиницѣ *Кабана*, произошелъ пожаръ отъ такой необыкновенной причины, что, не смотря на отсутствіе интереса для читателей въ самомъ пожарѣ, мы не можемъ не сказать о немъ. Въ конюшнѣ висѣлъ на стѣнѣ или столѣ на полу фонарь съ зажженной салфной свѣчой и открытыи дверцами: голодная крыса вытащила свѣчу изъ фонаря и, видно, забывъ погасить ее, съ огнемъ принесла на сѣвникъ, гдѣ сѣно и солома тотчасъ вспыхнули.

— Нѣсколько жителей мѣстечка Го (Департамента-Нижнихъ-Ширинеевъ во Франціи) были раздавлены обвалившеюся галереєю церкви во время воскресной службы.

— На площади мѣстечка *Прессака* поставлена 5 апрѣля статуя маршала *Бессьера*, герцога истрійскаго.

— Султанъ Абдулъ-Меджидъ пристрастился къ музыкѣ. Одна изъ одаликъ его играетъ на фортепьяно, а онъ и спитъ, и встаетъ съ постели, и обѣдаетъ, и дѣлаетъ койфъ, и ничего не дѣлаетъ — все подь музыку. Пишутъ, что теперь у него въ сералѣ только и есть, что пляска да музыка.

— Всѣ слышали, что такое *хашимъ* или *хачи*, этотъ чудный экстрактъ изъ *Cannabis Indica*, который познакомилъ нашу положительную Европу съ фантастическими грѣзами Востока и который подчивалъ графа Монте-Кристо одного изъ дѣйствующихъ лицъ своего романа; можетъ-быть, и многимъ хотѣлось бы также слетать на нѣсколько часовъ въ мухамедовъ рай,

во отвратительный запахъ пшеницы, которыми останавливался почти всѣхъ. Эдмундбургскіе ученые, гг. Т. и В. Смиты, помогаютъ горю, и теперь можно *нахачиваться* или *хачиться* безъ какой-либо гримасы. Гг. Смиты извлекли изъ *хачи* какое-то смолистое вещество, совершенно-бѣлое, чистое и пріятнаго запаха, которое имѣетъ свойство въ высшей степени погружать въ тотъ восточный пьяный сонъ; поэтому, вѣжестся, это бѣлое смолистое вещество въ отношеніи къ хачи — то же, что опиумъ къ опиуму, т. е. его дѣйствующее начало.

— Венеція до-сихъ-поръ снабжалась прѣсною водою посредствомъ привозки и развозки ея на лодкахъ. Нынче устроены артезіанскіе колодези на о-лщадахъ *Santa-Maria* и *San-Paolo*, и чистая, хорошая вода бьетъ изъ этихъ колодезей на нѣсколько метровъ высоты. Но при этомъ открылся особый феноменъ: нечаянно подняли огонь котверстію, и около его вспыхнулъ и продолжалъ горѣть выходящій вѣстѣ съ водою газъ. Ширина и высота пламени въ $\frac{1}{2}$ метра, и газъ горитъ такъ ярко, что теперь пользуются этимъ случаемъ для освѣщенія мѣста.

— Мы уже сообщали объ учрежденіи разныхъ линій постоянного пароходнаго сообщенія между Европой и Америкой. Теперь во французскихъ палатахъ приступаютъ къ обсужденію проекта, по которому представляются на утвержденіе три главныя и четыре второстепенныя линіи сообщенія. Главныя: 1) Отъ Нанга (устье Агары) до Рио-Жанейро, съ остановкою въ Чернямбуко и Базиі. 2) Отъ Бордо (устье Гаронны) до Гаваины и Нового-Орлеана, съ перемѣною парохода въ Гаваинѣ. 3) Отъ Марсели до Мартиники или Гваделупы. Второстепенныя: 1) Отъ Рио-Жанейро до Монте-Видео и Буэнос-Айреса. 2) Отъ Мартиники или Гваделупы на островъ Порто-Рико. Гаити и до порта Сент-Домингъ на островъ Кубѣ. 3) Отъ Англии къ не-Острову въ Французской Гвианѣ, и 4) отъ Гаваины до Таширо и Вера-Круза.

Кромѣ этого, еще предлагаютъ линію отъ французскихъ владѣній на западномъ берегу Африки, т. е. отъ Горен до острова Мадеры, съ тѣмъ, чтобъ пароходы, идущіе отъ Нанта въ Рио-Жанейро и отъ Марсели до Антильскихъ-Острововъ, заходили на Мадеру.

— Прямое по мужской линіи потомство Вальтера Скотта угасло со смертію послѣдняго сына знаменитаго романиста. Умершій нынѣ сэръ Вальтеръ Скоттъ родился въ 1801 году и служилъ въ чинѣ подполковника въ 15-мъ гусарскомъ полку. Онъ возвращался изъ Мадраса въ Англію и, вышедъ на берегъ на Мысъ-Доброй-Надежды, за-

немогъ и умеръ. Итакъ, баронетство исчезло. Что касается до абботсфордскаго имѣнія, то оно переходитъ къ молодому Вальтеру Скотту-Докгарту, подпоручику 16-го уланскаго полка, единственному сыну владѣтеля «Quarterly-Review» и внуку автора «Уверлея».

— Въ Туринѣ умеръ 18 апрѣля извѣстный итальянскій писатель Альбертъ Нота на 72 году отъ-роду. Король сардинскій приказалъ устроить ему великолѣпныя похороны, какъ чедовѣку, прославившемуся своими сочиненіями и прославившему ими свою родину.

М О Д Ы.

а) Дамскія.

Лѣтніе костюмы уже начали появляться не смотря на довольно-прохладную погоду. Вотъ нѣсколько платьевъ для гулянья, которыя мы видѣли въ Лѣтнемъ-Саду.

Платье изъ клетчатого фуляра съ двумя воланами, которыя въ два ряда обшиты бахромой. Лицѣ напередѣ открытѣй, рукава гладкіе съ двумя воланами, обшитыми бахромой. Другое платье изъ полосатаго батиста, съ широкимъ рубцомъ. Лицѣ сборчатѣй съ кушакомъ; рукава у кисти тоже немногособранные. Но вотъ очень-красивое платье изъ двуличеваго пулесауа лиловаго цвѣта съ бѣлымъ, украшеное въ нѣсколько рядовъ рюшемъ изъ лентъ; лицѣ гладкѣй, а также и рукава. Особенной перемены въ платьяхъ не видно: всѣ они дѣлаются очень-широкія, но немного-короче прежнихъ; ипрочемъ, эта перемена происходитъ ипрно отъ-того, что лѣтомъ длинныя платья очень-скоро пылятся.

Кисейныя, тюлевыя и газовыя платья очень-часто дѣлаются съ фалбалами или съ тюникомъ.

Мантильи шьются разными фасонами и изъ всякихъ матерій; даже мы видѣли мантилью изъ крепа и изъ газа, и смѣло можно надѣяться, что лѣтомъ эти мантильи будутъ приняты съ восторгомъ. Фасонъ креповой мантильи почти какъ шарфъ; но свади нашиты три фалбалы на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи и совсѣмъ почти вгладь; концы ея скругленные и тоже обшиты фалбалой. Газовая же мантилья походила на большую косынку, свади немного-скругленную; но спереди концы вострые; на рукавахъ сдѣлано нѣсколько складокъ, прикрѣпленныхъ бантами изъ газа же. Фасонъ этой мантильи чрезвычайнопоразителенъ, и сама мантилья такъ легка и прозрачна, что кажется, будто тонкое облако упало на плечи дамы, на которой оно надѣто. Къ этому надо прибавить, что вся эта мантилья была обшита свади въ нѣсколько рядовъ кружевами, а спереди только въ одинъ рядъ.

Фасонъ шляпокъ все тотъ же, какъ мы уже говорили въ прошломъ мѣсяцѣ; но теперь начали показываться креповыя и кружевыя шляпки, кото-

рыя удивительно-хорошо убираются тюлемъ; на-примѣръ, розовая креповая шляпка на кулисахъ убирается подъ полями бубнами изъ самаго прозрачнаго бѣлаго тюля. Бѣлый большой цвѣтокъ приколотъ на тульѣ не очень низко, и нѣсколько бѣзъ наложено сверху кофточки виѣсто бантика. Очень-красива также шляпка изъ дымчататаго крепа съ розаномъ, но самымъ большимъ и самаго яркаго цвѣта. Соломенные шляпки очень часто подбираются розовымъ, голубымъ и пунсовымъ крепомъ, чего прежде никакъ не позволяли, но теперь это не кажется странно; даже многія находятъ, что это очень-хорошо. Ленты для соломенныхъ шляпокъ, какъ мы уже сказали, употребляются клетчатая самая яркая; но нельзя не упомянуть, что являются также и гладкія и полосатая ленты, хотя гораздо-рѣже. Цвѣты наказываются самые большіе, и зелень выбирается большею частію съ длинными листьями. Кружевные вуали считаются почти принадлежностью всякой шляпки, хоть соломенной, хоть креповой, — всегда онѣ встали.

Чепчики теперь начали носить совѣтъ-круглые, какъ показано на картинкѣ, приложенной въ выѣшней книжкѣ нашего журнала; разумѣется, этотъ чепчикъ для утренняго неглижѣ; но для выѣводовъ чепчики убираются

цвѣтами и очень-часто крепомъ или газомъ.

Но вотъ самый новый фасонъ манишки, которую вы увидите передъ собой на картинкѣ, приложенной къ этой книжкѣ «Отеч. Записокъ»: какъ она проста и красива! Говорать, въ Парижѣ модистки не успеваютъ шить такія манишки, — до того онѣ расходятся; но у насъ ихъ еще не видно.

б) Мужскія.

Начнемъ хоть съ шляпы: давно ли начали носить шляпы съ самыми маленькими полями? теперь же поля шляпъ снова расширяются, и значительно.

Панталоны дѣлаются довольно-широкіе, особенно изъ лѣтнихъ матерій, которыя выбираются большею частію цвѣтвыя; но узкіе и со штрипками панталоны рѣдко встрѣчаются на людяхъ, занимающихся своимъ туалетомъ.

Пальто легкія дѣлаются съ немногоруно-длинной таліей; обшлага и воротники должны быть изъ муаре, но ни подъ какими видами изъ бархата.

Жилеты очень-открытые, иногда же съ маленькими отворотами или небольшою шалью на самомъ верху.

Бѣлье и фуляры должны быть вышиты.

